

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ СХХV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХV.

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ГИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1911

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ЮЛЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1911 г.

	СТРАП.
I. Копычевская вотчина. Романъ. (Продолженіе). Часть вторая. XII—XX. М. Г. Веселковой-Гильштетъ	5
II. Встрѣчи и знакомства. (Продолженіе). А. И. Соколовой	50
III. Папка. (Быль). К. Н. Шульгина	64
IV. Безъ театра. (Отголосокъ сибирскихъ нравовъ). Е. В. Корша	77
V. Давніе эпизоды. VII. Екатерининскій полковникъ. Н. А. Энгельгардта	99
VI. Мое знакомство съ А. Н. Островскимъ. (Изъ воспоминаній) В. З. Головиной (Ворониной)	125
VII. Къ воспоминаніямъ о П. С. Ванновскомъ А. П. Александра	131
VIII. Памяти Н. И. Костомарова. М. Н. Писарева	134
иллюстрація: Н. И. Костомаровъ.	
IX. Изъ воспоминаній судебного слѣдователя. Л. П. Лебедзѣвскаго	153
X. Уральцы и уралки. (Очеркъ). П. П. Жакмона	163
XI. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). III. Крушеніе идеи о созывѣ земскаго собора. Б. Б. Глинскаго	175
иллюстраціи: 1) Иванъ Сергѣевичъ Авсаковъ. — 2) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. — 3) Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.	
XII. Нащокинскій домикъ. Александры Шипиловой	213
XIII. О новомъ портретѣ А. С. Пушкина работы И. Е. Рѣпина. В.	216
XIV. Торжества въ Смоленскѣ. Е. Н. Клетновой	219
XV. Изъ воспоминаній о В. О. Ключевскомъ. Князя Б. А. Щетинина	223
XVI. Двѣ смерти. (Памяти Н. Л. Щеглова-Леонтьева и М. Н. Альбова). Г. Л. И.	227
иллюстраціи: 1) Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ-Леонтьевъ. — 2) Михаилъ Нидовичъ Альбовъ.	
XVII. Въ гостяхъ у Пеликана. М. Г. Веселковой-Гильштетъ	251
иллюстраціи: 1) Пріемъ дѣтей въ экспедиціи. — 2) Палата для недоношенныхъ дѣтей. — 3) Вторая палата III отдѣленія. — 4) Баракъ № 1. — 5) Крестильная зала.	
XVIII. Сергіевскія минеральныя воды. А. К. Яхонтова	269
иллюстраціи: 1) Сергіевскія минеральныя воды. — 2) Спускъ въ ванное зданіе. — 3) Сѣрный источникъ. — 4) Развалины близь сѣрнаго источника. — 5) Стрпное озеро. — 6) Ванное зданіе. — 7) Церковь въ Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ.	

(См. слѣд. стѣан.)

XIX. Критика и библиография. . . . .

- 1) Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великаго. Томъ II. 1717—1719 года. **Ан. Титова.**—2) Труды подтавской ученой архивной комисси. Выпускъ седьмой. Подтава. 1910. **В. Р—ва.**—3) Jelin. In Russland 1892. Aus dem Tagebuch des württembergischen Offiziers. Verlag Otto Gmelin. München. — Thirionde Metz. Воспоминаніе офицера Французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812 г. перев. **Б. М. Колубакіна.** Спб. **С. Аваліани.**—4) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 г. Книга четвертая. Двѣсти тридцать пятая. Москва. 1910. **В. Р—ва.**—5) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1911 г. Составлена подъ редакціей **Д. Г. Тюменева.** Воронежъ. 1911. **Дм. Зеленина.**—6) Военная энциклопедія. Т. III. Москва. 1911. **Я. Н.**—7) Кастанье, **И. А.** Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края. (Труды оренбургской ученой архивной комисси. Вып. XXII). Оренбургъ. 1910. **Я. Бирюкова.**—8) Линниченко, **Н. А.**, проф. — **Н. И. Костомаровъ** (къ 25-лѣтію со дня его кончины). Одесса. 1910.—**Графиня П. С. Уварова** (къ 25-лѣтнему юбилею). Одесса. 1910.—Младшій изъ старшихъ славянофиловъ. Памяти **А. С. Аксакова.** Одесса. 1911. **С. Аваліани.**—9) Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von **T. Schieman, O. Hützs, L. Goetz, H. Uebersberger.** Berlin. 1910. Вып. I. **М. И—ва.**—10) **Козьминъ, Н. Н.** Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910. **Я. Бирюкова.**—11) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга шестнадцатая. Москва. 1910. **В. Р—ва.**—12) Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ **Е. Киричнскій.** Харьковъ. 1911. **П. Б.**—13) Проф. **Сумцовъ.** Маллюки з житія українскаго народнаго слова. (XIX т. Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества въ память проф. **Е. К. Рѣдина.**) X. 1910. **В. Данилова.**—14) Русскій библиофилъ. Le Bibliophile Russe. Спб. 1911. **В. Руданова.**—15) Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ кн. Безбородка въ Нѣжинѣ. Т. VII. Нѣжинъ. 1911. **А. М—на.**—16) Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 годы (I томъ). Подъ редакціей и съ примѣчаніями **Е. П. Тарасова.** Спб. 1911. **В. Троцкаго.**—17) **В. Ф. Воиновскій.** Богоискатели. Спб. **А. Фаресова.**—18) Открытыя письма и другія художественныя изданія общины святой Евгеніи Краснаго Креста (Справочный указатель). Спб. 1911. **М—о.**—19) Замятательныя сооруженія: храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и С.-Петербурѣ. Составилъ **О. А. Тарапугинъ.** Спб. 1911. **В. Р—ва.**—20) **Ф. Куччинскій.** Новая Японія. Спб. 1911. **А. Б.**

XX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 315

- 1) Труды по исторіи и археологіи. — 2) **Рахиль Фарнгагенъ.**—3) Мусульманская пророкица. — 4) Представители русской культуры за границей.—5) Отовсюду.

XXI. Смѣсь. 333

- 1) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ.—2) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи.—3) Съѣздъ по библиотечному дѣлу.—4) Юбилей морского медицинскаго журнала. — 5) О выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время». — 6) Открытіе памятника «Стерегущему».—7) Заблудка памятника **М. Д. Скобелеву.**—8) Архивъ **М. М. Стасюлевича.**—9) Статистика Петербурга.

XXII. Некрологи. 344

- 1) Великая княгиня **Александра Іосифовна.**—2) **Бартеневъ, В. М.**—3) **Исаевъ, В. И.**—4) **Клюверъ, В. В.**—5) **Кучеровъ, М. Г.**—6) **Мансуровъ, Н. П.**—7) **Мицкова, М. А.**—8) **Свѣдоскій, А. А.**—9) **Фирсовъ, М. М.**—10) **Чепелевская, В. И.**

XXIII. Замятки и поправки. 350

- 1) Къ статьѣ «Неудачный портретъ». **В. Переголчина.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Николая Петровича Брока.—2) Флорентинка. Историческій романъ **Максима Формона.** Переводъ съ французскаго **А. Б. Михайлова.** (Окончаніе).

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ БРОКЪ
(Почетный опекунъ Воспитательнаго Дома).

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА ¹⁾.

ХІІ.

Яркимъ полднемъ позолочень,
Старый домъ въ саду стоить.
Онъ покинуть, заколочень,
Онъ безмолвень, точно спить.

(Изъ «Пѣснь забытой усадьбы». М. К.)

ОЛОЖЕНІЕ Ивана Николаевича все еще не было выяснено. Доктора посылали его одинъ къ другому. Его раздѣвали, слушали, выстукивали, мяли, давили. Каждый нащупывалъ опухоль. Давно подтвердился діагнозъ Игнатія Львовича, что это гидронефрозъ, но чѣмъ его лечить и нужна ли операція, — никто не зналъ. Почка вздута, наполнена жидкостью, больной чувствуетъ ее, но ѣсть и пьеть, выѣзжаетъ въ каретѣ, играетъ въ карты, а эскулапы ничего не понимаютъ.

Однажды явился къ обѣду Гришенька Карауловъ. Камеръ-юнкеръ возмужалъ и полусѣлъ. Его мундиръ уже пришлось разставить по швамъ, но онъ по-старому порхалъ около министровъ и дѣлалъ блестящую карьеру.

Увидавъ Зою, онъ такъ и возгорѣлся. Если въ девятнадцать лѣтъ въ ней таилась опытная кокетка, то теперь она и безъ примѣненія своего искусства была прямо соблазнительна. Материнство округлило ея фигуру; она выросла и была стройна попрежнему, но движенія и поступь приобрѣли ту особую женственность, которую такъ цѣнятъ всѣ мужчины.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХХІV, стр. 737.

Появленіе Гришеньки въ массивной столовой сразу сбавило казеннаго духа и чопорности. Зося оживилась. Гришенька болталъ, по обыкновенію, какъ сорока. Подскакивая слегка и вертясь на тропоподобномъ стулѣ, рассказывалъ онъ о случаѣ съ Литейнымъ мостомъ, который не успѣли развести во время, рассчитывая, что Нева тронется 8-го апрѣля, а ледоходъ неожиданно начался 4-го.

— Представьте себѣ, полицеймейстеръ скачетъ вдоль Дворцовой набережной, а пристава по правому берегу; за ними околоточные, за околоточными городовые, за городовыми будочники съ алебардами, а за будочниками даже будки пытаются сорваться съ мѣсть на помощь,—а мостъ уплываетъ. Ему кричатъ съ берега: Стой, стой! на кого ты насъ, голубчикъ, покидаешь! А онъ лѣзетъ на быки Николаевского моста и трещить.—Зачѣмъ я не каменный?.. не хотѣли развести меня во время,—такъ вотъ же вамъ! Тр... тр... тр...—и плашкоуты одинъ за другимъ разбиваются и уплываютъ подъ арки въ Финскій заливъ на поученіе шведамъ о нашемъ инженерномъ искусствѣ.

— Помилуйте!—возмутился Сотовъ.—Это дѣйствительно позоръ для столицы имѣть черезъ такую царственную рѣку деревянные мосты. Я помню отлично, что еще недавно какой-то англичанинъ предлагалъ нашимъ отцамъ города пять трубчатыхъ построить. Но имъ, видите ли, выгоднѣе за эти деньги одинъ каменный возвести.

— А слышали вы, какія трогательныя письма получаетъ государь отъ крестьянъ со всѣхъ концовъ Россіи? Я даже списалъ одно.—Вынувъ изъ кармана бумажку, Гришенька читаетъ:

«Повели, государь, и мы всѣ поголовно, не щадя живота, крѣпкой стѣною двинемся навстрѣчу врагу...»

— Знаю, знаю!—перебываетъ Сотовъ.

Всѣ сконфужены. Гришенька недоумѣло обводитъ глазами столъ и, взглянувъ на прищурившуюся и покраснѣвшую Зосю, прячетъ бумажку и переводитъ разговоръ на бракосочетаніе принца Уэльскаго.

— Слышали, какъ привѣтствуютъ въ Лондонѣ принцессу?—и онъ трещить уже о томъ, какъ парфюмеръ Риммель выпустилъ навстрѣчу новобрачнымъ цѣлый фонтанъ душистаго пара, который даже заглушилъ при ихъ проѣздѣ ароматы Темзы и ея стоковъ. Наконецъ, утомившись отъ собственной болтовни, Гришенька припалъ за ѣду и тутъ вдругъ замѣтилъ усталый видъ Ивана Николаевича.

— Батенька, что это съ вами?

— Гидронефрозъ.

— Это еще что за штука?

— А такая штука, что и доктора раскусить не въ силахъ!

— Да вы, вѣрно, все у нѣмцевъ консультировали. Пойдите къ русскому, я знаю одного, совсѣмъ юнца! Но это гений... Боткинъ. Обратитесь къ нему, я пришлю его къ вамъ.

Когда послѣ обѣда перешли въ гостиную, камеръ-юнкеръ собрался поухаживать за Зосей по старой памяти, но молодая женщина ушла въ дѣтскую. Сашенька сдѣлала ему выговоръ.

Какъ можно было поминать объ этихъ письмахъ? Вы забыли развѣ, что она полька?

— Помилуйте, ваше превосходительство, — оправдывался онъ: — Софья Романовна за эти годы совсѣмъ обрусѣла, и я увѣренъ, что она покраснѣла только для большей еще красоты...

Но вернувшаяся Зося приняла его ухаживанья такъ холодно, что онъ вздохнулъ и усѣлся въ преферансъ съ ея мужемъ и Сотовымъ. Она была снова обижена не на шутку...

...Иногда и болтуны говорятъ дѣло. Сергѣй Петровичъ Боткинъ пріѣхалъ на другой же день. Осмотрѣвъ Ивана Николаевича, онъ сказалъ:

— Никакой вамъ операціи не нужно, — поѣзжайте въ Виши, а пока попейте его здѣсь.

Советъ врача принесъ несомнѣнную пользу. Уже къ концу недѣли Иванъ Николаевичъ почувствовалъ облегченіе и повеселѣлъ.

Но расположеніе духа Зоси было угнетенное. Гришенька со свойственнымъ ему апломбомъ появлялся чуть не каждый день, и хотя она и кокетничала съ нимъ снова, но его болтовня скоро надѣдала ей, и она охотно уступала его карточному столу.

Сотовы, со своей стороны, дѣлали все, чтобы развлекать невѣстку. Курьеръ привозилъ билеты въ театры и концерты. Зося каталась на островахъ, уже одѣвавшихся первымъ пушкомъ, сидѣла на Минеральныхъ водахъ у Излера, закупала въ англійскомъ магазинѣ духи и матеріи. Новая камеристка Жюли оказалась волшебницей и шила не хуже самого Ворта, — и все-таки Зосѣ было не по себѣ. Она чувствовала себя крайне неуютно въ домѣ, гдѣ хозяева соблюдали величайшую осторожность, чтобы не задѣть ея самолюбія, но гдѣ каждое извѣстіе о понесенномъ повстанцами пораженіи вызывало невольную, хотя и тщательно скрываемую радость.

Дни становились все ярче и длиннѣе. Было уже начало мая. Боткинъ освидѣтельствовалъ снова Ивана Николаевича и нашель, что недѣльки черезъ двѣ-три можно будетъ тронуться и въ путь.

Между тѣмъ отъ пана Романа пришло весьма тревожное письмо. Крестьяне, почувствовавъ себя наконецъ дѣйствительно вольными, закусилъ удила. Какъ ни нужны имъ были деньги, они ни за что не хотѣли идти въ батраки къ поляку. Тотъ обратился сперва къ отцу Никитѣ. Напрасно усовѣщевалъ ихъ пастырь, объясняя, что они будутъ работать на Колычева, а не на пана Романа, что тотъ является только управляющимъ, но мужики стояли на своемъ.

— Весь свой вѣкъ подъ польскимъ кулакомъ сидѣли, да еще и вольными ему служи? Они на нашего царя войной пошли, смутьяны.

Чего онъ среди русскихъ затесался? Пусть къ своимъ идетъ! А тебѣ, пошъ, не дѣло враговъ православнаго царя защищать.

Пришлось нанимать людей изъ дальнихъ деревень, но крестьяне, подстрекаемые опять Агаономъ, пообѣщали переломать плуги и бороны, если они осмѣлятся стать за работу. Съ утра они вышли толпою за околицы, и стояли, угрожая каждому, кто высовывался за ворота усадьбы. Романъ, не видя исхода, отправился съ жалобой къ Супруненку. Становой сѣлъ въ его одноколку и покатилъ вмѣстѣ съ нимъ въ мятежное село. Но едва его исполинская фигура вынырнула изъ-за косогора, Агаонъ первый далъ тягу и забился въ кусты.

— Бунтовщики! мерзавцы! всѣхъ заперю! А! вы думаете, вольные, такъ на васъ и управы нѣтъ? Самихъ лѣнь одолѣла, такъ и другихъ отъ работы отбиваете? Маршъ по домамъ, а если кто изъ васъ ворохнется,—солдатъ пригоню. Не слышали, какъ вашего брата за бунтъ въ Тамбовской губерніи по головкѣ погладили? А?.. Какъ въ Казанской Петрова зачинщика разстрѣляли? А?.. Кто у васъ тутъ главный бунтарь? Подать его сюда?..

Но Агаона и слѣдъ простыль.

Послѣ этого разноса, въ присутствіи начальства батраки вышли на работу и по тѣмъ полосамъ, гдѣ дѣлые вѣка ступали колычевскіе лапти, зашагали чужіе, пришлые люди.

Занашку пришлось сократить почти на половину; безъ помощи крестьянъ, соглашавшихся раньше работать исполу, нечего было и думать сохранить ее въ прежнемъ размѣрѣ. Это грозило тысячными убытками, вслѣдствіе нарушенія давнишнихъ обословленныхъ неустойками контрактовъ съ городскими купцами. Кромѣ того, въ Горкахъ сгорѣла лѣсопилка и весь заготовленный къ продажѣ матерьяль. Для мельницы были заказаны дорогія машины и часть ихъ уже была въ дорогѣ. Нужно было немедленно уплатить за нихъ въ таможи. Денегъ же свободныхъ почти не было, и Александра Николаевна уже вторую треть года не получала своихъ процентовъ.

Панъ Романъ убѣждалъ Ивана Николаевича раздѣлиться съ сестрою. Нужно было заложить, а еще лучше продать Горки и выплатить ей ея часть, остальные затратить частью на Колычево, остатки же внести на текущій счетъ въ банкъ, чтобы имѣть запасный капиталъ подъ рукою,—потому что,—кончалось письмо,—все равно, не преждее рассчитывать нечего: доходы неминуемо должны сократиться, и, пока мы не обзаведемся всѣми усовершенствованными машинами, способными замѣнить крѣпостныя утраченныя нынѣ руки, иначе вывернуться возможности нѣтъ.

Колычевъ показалъ письмо Сашенькѣ и зятю. Сашенька пришла въ ужасъ.

— Единственное средство —отказаться мнѣ отъ поѣздки. Денегъ тогда на первое время хватить, а тамъ я переговорю съ крестьянами и уломаю ихъ,—сказалъ Иванъ Николаевичъ.

— Мой другъ,—возразилъ Сотовъ:—это сразу баловать ихъ и доказать, что безъ нихъ помѣщикамъ веревка на шею надѣта...

— Но что же тутъ дѣлать?

— Что?—перебила Сашенька,—по-моему, сдѣлать то, что совѣтуетъ панъ Романъ. Надо порѣшнить съ Горками.

— Къ чему же такія крутыя мѣры?—остановилъ Сотовъ.

— Нѣтъ, Simon, ты не понимаешь. Ты деревенской жизни не знаешь и хозяйства никогда не вель. Тутъ долго размышлять нечего... Она взглянула на сразу осунувшееся и вновь поблѣднѣвшее лицо брата и вздохнула.—Съ Горками пора разстаться. Все равно, я уже отвыкла отъ нихъ, и разъ домъ и усадьба необитаемы, къ чему они? Если бы нашелся выгодный покупатель, то и Богъ съ нимъ, съ этимъ опустѣвшимъ гнѣздомъ. Колычево же надо сохранить во что бы то ни стало. Вѣдь теперь мы все равно никуда не поѣдемъ. Вы поѣзжайте за границу, а осень мы снова проведемъ вмѣстѣ въ этой милой бѣлой дядиной виллѣ. Согласны?

— Спасибо тебѣ, мои милыя валерьяновыя капли!—пошутилъ почти сквозь слезы Иванъ Николаевичъ.

И Горки были снова заложены въ опекунскій совѣтъ, а пану Роману было предоставлено право подыскать на нихъ покупателя...

XIII.

Въ часъ, когда покой чудесный
Надъ природой всей царить
И одинъ лишь сводъ небесный
Ярко звѣздами горить,—
Слышишь гулъ ты отдаленный,
Непонятный, странный шумъ,
Словно ропотъ возмущенный
Тайныхъ и тревожныхъ думъ?

(«Звѣзды». М. К.).

...Стоялъ тихій майскій вечеръ, когда зеленоватые тоны особенно долго держатся на погасшемъ небѣ. Было тепло, и въ растворенное окно отведенной Колычевымъ спальни, выходящей во внутренній дворъ съ садомъ, вмѣстѣ съ ароматомъ почекъ тополей и березы врвался заглушенный шумъ улицы, стукъ экипажей и звонъ копытъ по деревянной мостовой.

Зося сидѣла у этого окна. Колычевъ игралъ въ карты въ кабинетѣ, а Сашенька хлопотала у чайнаго стола, занимая двухъ старыхъ генеральшъ.

Утромъ Зося случайно прочла въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ газеты о бѣгствѣ диктатора Лангевича и объ арестѣ его адъютанта, оказавшагося дѣвицей Анной Генрикой Пустовойтовой, которую она видѣла еще институткой варшавскаго Александринскаго

института у общей знакомой пани Плющинской. Даже в этом сухом официальном донесении читалось между строк восхищение неустрашимостью молодой двадцатилетней дѣвушки, повсюду сопровождавшей своего начальника и исполнявшей самые трудные поручения. И Зося съ горечью и презрѣніемъ вспомнила жестокия и обидныя слова Сотова: «Неблагодарная, пошлая и эгоистическая нація!»

Развѣ это правда? Развѣ это эгоизмъ отказаться отъ всякаго комфорта и удобствъ жизни и послѣдовать за любимымъ человекомъ буквально въ огонь и въ воду? Пошлость—во имя идеи забыть свой полъ и переносить всѣ трудности войны, рискуя каждую секунду головой и жизнью?.. О, если бы сейчасъ, сію минуту предсталъ бы передъ нею Стась и сказалъ: послѣдуй за мною!—не бросила ли бы она съ радостью все, не вышла ли бы изъ этого холоднаго, давящаго душу дома и не пошла ли бы за нимъ на край свѣта? Зузю она завернула бы въ одѣяльце и взяла съ собою, но больше ничего, ничего... Она доказала бы имъ всѣмъ, что она не пошлая, не неблагодарная, не эгоистка, а, напротивъ, способная на самоотверженіе и подвигъ...

И она хрустнула пальцами и подняла взглядъ на вечернее, не желавшее темнѣть небо, гдѣ не могли загорѣться звѣзды въ лучахъ полудночной зари... Быть можетъ, онъ тоже смотритъ на небо въ эту минуту и вспоминаетъ ее?...

Да, онъ смотрѣлъ, и для него свѣтили звѣзды; невидимыя весною на блѣдномъ сѣверѣ. Онъ только что очнулся отъ боли далеко, далеко въ домѣ стариннаго друга своей семьи Адама Сапѣги въ Львовѣ, въ Галиціи.

Уже недѣлю лежитъ онъ съ перевязанной грудью. Образъ Ченстоховской Божьей Матери вдавился глубоко въ его бѣлое тѣло, и когда его вытащили изъ раны, онъ весь былъ покрытъ гноемъ и сукровицею. Цѣлую недѣлю слышитъ онъ ихъ острый запахъ черезъ бинты и корпю.

И больно двигаться, больно дышать. Сознаніе то просыпается, то снова исчезаетъ, и онъ проваливается куда-то въ бездну, а надъ нимъ скачутъ лошади... И онъ видитъ, какъ мелькаютъ ихъ копыта съ блестящими подковами, и все боится и ждетъ, которая задѣнетъ, наступитъ, раздавитъ его... но онѣ все скачутъ, скачутъ безъ счета, безъ конца...

Нѣтъ, конецъ есть! Этотъ конецъ—то острое чувство въ груди, отъ котораго больно дышать и хочется плакать, хочется, чтобы кто-нибудь подошелъ сейчасъ, нагнулся, шепнулъ: «Бѣдный Стась! за что?..»

Да, за что?.. За родину? за ея освобожденіе?.. Освобожденіе отъ чего? отъ той мирной жизни, которой они жили столько лѣтъ съ матерью въ Запольѣ?.. Нѣтъ, отъ этого кошмара послѣднихъ мѣсяцевъ, отъ голода, холода, рысканья впотѣмахъ по болотамъ и лѣсамъ, безъ толку, безъ опредѣленнаго плана и цѣли, съ толпой

такихъ же голодныхъ и холодныхъ людей, доходившихъ и доводившихъ его и другихъ своихъ начальниковъ до отчаянія отсутствіемъ дисциплины и сознанія взятаго на себя долга...

— Уцекинеры!—звали ихъ воевода Падлевскій, и они стоили этой клички. Они буквально утекали, какъ по каплямъ утекаетъ вода изъ плохо спаяннаго сосуда, потому что не было между ними никакой нравственной спайки. Одни шли подъ давленіемъ террора, прослышавъ, а иногда убѣдившись и собственными глазами, какъ расправляются вербовщики, даже ксендзы, съ непокорными и измѣнившими данному ранѣ слову. Другіе надѣялись на добычу, третьи рассчитывали на власть, и почти ни одинъ не зналъ, чего онъ станеть требовать, если свергнетъ ярмо захвата, какихъ правъ для себя и какихъ преимуществъ для родины? Идея освобожденія ойчизны, сіявшая въ теченіе столькихъ лѣтъ золотыми буквами на синемъ небѣ, осѣненномъ бѣлоснѣжными крыльями могучаго орла, вдругъ стерлась. Это было сусальное золото, которымъ красятъ дешевыя дѣтскія побрякушки. И когда онъ съ тѣми восемью, которые остались ему послушными, бросилъ нерѣшительнаго Падлевскаго, получившаго приказаніе въ Плоцкѣ итти за какими-то декретами за границу, и свернулъ на югъ, онъ самъ не зналъ, куда идетъ и что изъ этого выйдетъ.

Судьба натолкнула его на банду Езеранскаго, и онъ присталъ къ нему. Здѣсь держалось хоть какое-нибудь подобіе дисциплины, и онъ, привыкнувшій къ ней въ своемъ уланскомъ полку, вздохнулъ облегченно. Здѣсь вѣрили еще въ счастливый исходъ возстанія, и слово «отчизна» играло священную роль.

Они перешли границу и остановились близъ Тепиль, гдѣ квартовали австрійскіе офицеры, встрѣтившіе ихъ банду веселымъ сочувственнымъ «ура!» На нѣсколько дней опять позолотились буквы, и орелъ гордо расправилъ опущенныя было крылья.

По настоянію Стася за Ординатскимъ лѣсомъ на Юбылянкѣ банда окопалась тройными рвами. За плетнями послѣдняго построили годные для жилья и засады прочныя шалаши. Недѣли двѣ сидѣли въ ожиданіи врага. Дружба съ австрійками продолжалась. Пили венгржино и распѣвали: «Полякъ, венгеръ два братанки», произносили огненныя рѣчи и провозглашали громкіе тосты за восстановленіе отъ моря и до моря Рѣчи Посполитой...

Когда 23 апрѣля напали русскіе, Стась командовалъ конницей и лихо отбилъ атаку. Повстанцы сохранили свои укрѣпленія. Но черезъ день изъ видной вдали на пригоркѣ деревни Боровыя Млыны двинулся вдвое сильнѣйшій отрядъ враговъ. Полковникъ Мѣдниковъ,—Стась встрѣчался съ нимъ въ Люблинѣ и узналъ издали,—самъ велъ войска на приступъ.

Бой съ пѣхотой шель почти въ рукопашную, Каждый шагъ стоилъ жертвъ обѣимъ сторонамъ, и изъ своей засады Стась ясно

видѣлъ, какъ падали одинъ за другимъ ихъ офицеры. Первымъ упалъ графъ Валигурскій, тотъ самый, подъ именемъ котораго была арестована Пустовойтова. За нимъ свалился навзничъ поручикъ Тышкевичъ, совсѣмъ еще юноша, и было странно видѣть, какъ блѣднѣло его обращенное къ небу лицо. Самъ онъ выжидалъ за послѣднимъ плетнемъ и вдругъ, давъ сигналъ, поскакалъ вдоль рва. Выскочивъ изъ засады, его отрядъ атаковалъ правый флангъ русскихъ. Люди шарахнулись подъ первымъ натискомъ конницы, но Мѣдниковъ имъ что-то крикнулъ, за топотомъ было не разобрать—что. Грянулъ залпъ. Онъ зашатался... впрочемъ, не онъ, а его красавица, рыжая Слетна. Съ перебитыми передними ногами упала она сперва головою впередъ, а потомъ на бокъ, но онъ успѣлъ высвободить ногу изъ стремени, и вдругъ толчокъ сзади, и онъ уже лежитъ въ грязи, и черезъ него несется конница.

Надъ головой замелькали подковы. Рядомъ билась, истекая кровью, Слетна и дергала задними ногами, и жалобно ржала, и вертѣла ощеренной мордой... Почему вдругъ стало больно въ груди, куда глубоко подъ самый вздохъ вдавилась золотая иконка, повѣшенная на прощанье матерью?... Слетна или другая лошадь ударила его и наступила на грудь острою подковой?... Можетъ быть, не одна. А сколько?... Сознаніе исчезло.

Онъ упалъ на австрійской границѣ, и его подобрала свои и перенесли въ Тепилы. Тамъ онъ пролежалъ три дня, но его повезли дальше. Трясаясь по дорогамъ, шель фургонъ, и каждый шагъ былъ мученіемъ для больной, растоптанной груди, но Левчукъ все-таки везъ его въ древній Львовъ. Левчукъ плакалъ, горько плакалъ, что то хорошее, святое дѣло, на которое онъ умолилъ-таки графа взять его съ собою, стоило жизни его пану.

— Тамъ вылечатъ, тамъ помогутъ!—твердилъ себѣ въ утѣшеніе вѣрный хлопъ, слушая на ухабахъ стоны раненаго, и везъ его въ замокъ Сапѣги, гдѣ они въ прошломъ году останавливались съ паномъ графомъ и куда съѣзжалось столько другихъ знатныхъ пановъ на совѣты и громко спорили и кричали, и пили меды и венгржино, и пѣли славныя польскія пѣсни. Онъ понималъ, что для его графа нужна, нужнѣе всего на свѣтѣ теперь мать, но какъ извѣстить и вызвать старую пани—не зналъ. Самъ онъ былъ неграмотенъ. А тамъ дадутъ знать, и панъ Бугъ устроитъ такъ, что графъ Стасъ выздоровѣетъ и пойдетъ кончать святое дѣло, и побѣдитъ москалей, потому что за это время отчизна соберетъ настоящіе полки, какъ у самихъ враговъ, съ пушками и ружьями, а тѣхъ, что даже косы въ рукахъ держать не умѣли, какъ у пана воеводы Падлевскаго, прогнать.

Онъ и это скажетъ Сапѣгѣ, и магнаты поймутъ его. Они сами не видали, какъ сражаются тамъ за доброе дѣло, а онъ расскажетъ, не тая, все, все, что видѣлъ за эти три мѣсяца, скитаясь съ графомъ

по лѣсамъ и болотамъ,—какъ голодали они и прятались днемъ, а ночью стучались въ окошки къ добрымъ людямъ на фольваркахъ, въ деревняхъ и селахъ, и тѣ когда помогали и выносили кусокъ сала и край хлѣба, а когда грозили выдать или донести по начальству. А на привалахъ онъ руками разрывалъ снѣгъ, чтобы Слетна могла пощипать хоть сухой прошлогодней травы; онъ воровалъ ей изъ стоговъ и сѣноваловъ сѣно и дѣлился съ нею своей порціей хлѣба, если не удавалось купить за большія деньги овса...

И Левчукъ, утирая полою слезы, брелъ рядомъ съ трясимымъ фургономъ и молился Ченстоховской Божьей Матери, чтобы за нанесенную ей образомъ рану она послала его пану не только полное исцѣленіе, но и много, много счастья и славы...

XIV.

Толпою алчной и безпокойной
 Насторожились тутъ злые сны,
 И мягкій отсвѣтъ, и воздухъ знойный
 Дыханьемъ страсти напоены.

(«Эдемъ». М. К.).

Затаенная обида въ сердцѣ Зоси съ выѣзда за границу находила все большее удовлетвореніе. Въ отеляхъ, гдѣ останавливались Колычевы, за табльдотомъ разговоръ непремѣнно вертѣлся около двухъ темъ: войны федералистовъ съ сепаратистами въ Америкѣ и польскаго возстанія. Симпатіи были, конечно, на сторонѣ повстанцевъ. Ихъ величали героями и мучениками, а русскихъ—варварами и дикарями.

Зося ликовала. Если сановникъ, принадлежавшій къ верхамъ общества, могъ проявить столько не деликатности, чтобы въ первыя же минуты по ея приѣздѣ въ его домъ нарушить всѣ правила и законы гостепрѣимства и оскорбить національныя чувства гостеродственницы, то не являлся ли онъ яркимъ доказательствомъ варварства, деспотизма и грубости москалей?.. И она сіяла улыбкой при похвалахъ маленькой угнетенной Польшѣ, которая со смѣлостью льва кинулась на неповоротливаго, державшаго ее подъ тяжелой пятою деспота. Европа аплодировала, по предсказанію Нивисскаго, каждой схваткѣ въ польскихъ и литовскихъ лѣсахъ. Услужливые корреспонденты «съ театра войны», какъ выражалась завербованная поляками «Силезская Газета», трубили о побѣдахъ и подвигахъ и безъ церемоніи обращались съ цифрами, уменьшая въ 10 разъ свои потери и прибавляя лишній ноль къ нашимъ. Зося читала перепечатки въ нѣмецкихъ цейтунгахъ и французскихъ монитѣрахъ и заходила въ мѣстахъ остановокъ во всѣ като-

лическіе соборы и церкви, горячо моля пана Бога о нашихъ пораженіяхъ и объ увѣнчаніи лаврами бѣлаго орла...

Послѣ курса водъ въ Виши доктора направили Колычева для какихъ-то имъ однимъ понятныхъ лечебныхъ комбинацій въ другой модный курортъ, гдѣ круглый годъ жизнь бьетъ ключомъ и больные теряются среди массы людей здоровыхъ, поглощенныхъ вихремъ удовольствій.

Иванъ Николаевичъ поправился вполне и снова чувствуетъ себя мужчиной въ соку, хотя сѣдина и продолжаетъ свои завоеванія въ бородѣ и на вискахъ.

Пора бы возвратиться домой, но ни его, ни Зося не тянетъ въ Россію. Зося окружена съ утра до вечера. Ее называютъ *la blonde Paloise*. Ей присылаютъ приглашенія на всѣ пикники, *bals champêtres* и концерты, потому что дамы хотя и зеленѣютъ отъ зависти при видѣ ея туалетовъ, но сознаютъ, что безъ нея нечего рассчитывать ни на одного изъ интересныхъ кавалеровъ шумнаго международнаго общества. Въ апартаментѣхъ бельэтажа, гдѣ остановились Колычевы, даются реваншемъ изысканные *lunch* и обѣды, а потому хозяевамъ нѣтъ ни времени, ни возможности думать о деревенской глуши.

Но дочки Зося не забросила. Каждое утро, какъ бы поздно ни возвратилась она наканунѣ, она нарочно встаетъ пораньше, чтобы погулять и посидѣть на музыкѣ съ нею. Марши и вальсы, которые играютъ для развлеченія пьющихъ воду, доставляютъ дѣвочкѣ громадное удовольствіе, и она въ тактъ подпрыгиваетъ на рукахъ матери и Прасковьи.

Съ мужемъ Зося видится мало. Онъ спитъ до 11 ч. утра, а потомъ сразу послѣ завтрака идетъ вонъ въ то зданіе направо, гдѣ въ высокой прохладной залѣ стоятъ два огромныхъ стола съ поднятыми сѣдалищами, откуда раздаются автоматическіе возгласы безукоризненно одѣтыхъ крупье:

— *Messieurs, faites votre jeu!*—и публика протягиваетъ золотыя монеты и шуршація банковыя бумажки.

— *Le jeu est fait!*—Шипя и колотясь о высокіе борта деревянной тарелки, скачетъ бѣлый шарикъ...

— *Rien ne va plus.*

— *Trente deux, rouge, pair et passe!*—произноситъ автоматъ.

Выигравшіе тянутся къ ставкамъ, а остальное мягко загребаешь длинная грабелька и сваливаетъ въ ящикъ сидящаго на тронѣ главнаго крупье.

И снова звучитъ голосъ:

— *Messieurs, faites votre jeu...*

Толпятся американцы, нѣмцы, французы, англичане, но больше всего русскихъ. Нарядныя барыни протискиваются сквозь толпу. Имъ даютъ дорогу, оглядываютъ ихъ тысячные туалеты, но

пошады имъ нѣтъ. Поставь, а возьмишь, или проиграешь—твое дѣло, расплачивайся сама. И никто не жалѣетъ проигравшей. Кому какое дѣло, чѣмъ пополнится проигрышъ: сержками ли, подаренными къ свадьбѣ, или добрымъ именемъ мужа? Здѣсь въ этой залѣ теряется самое представленіе о томъ, что хорошо, что грѣшно, и царить одна безраздѣльная жажда, одна мечта—выиграть поскорѣе и побольше.

Зосѣ противна эта толпа. Она попробовала играть, но ей не повезло и, проигравъ деньги, данныя ей мужемъ на бурнусъ, она закаялась ходить въ казино. Бурнусъ былъ тогда все-таки куплень, но теперь Ивъ становился съ каждымъ днемъ раздражительнѣе и скупѣе, и ей приходится все чаще отказываться отъ многихъ желаній, а Жюли изощряется въ искусствѣ передѣлокъ старыхъ фасоновъ на новые...

... Июльское утро. На широкой эспланадѣ играетъ оркестръ. Капельмейстеръ усердно машетъ бѣлой палочкой въ обтянутой бѣлой перчаткой рукѣ, и въ тактъ качается на стулѣ кормилица въ русскомъ кокошникѣ и опушенномъ лебяжьимъ пухомъ шугаѣ. Толстая дѣвочка на рукахъ у нея слѣдитъ внимательно за движеніями музыкантовъ. Публика съ улыбкой оглядывается на диковинный нарядъ кормилицы и на красавицу-мать, сидящую рядомъ. Музыка кончилась. Мамка и Зося выходятъ изъ рядовъ.

— Oh! this dear little baby! — восклицаютъ зубастыя длинныя англичанки въ вѣчныхъ ватерпруфахъ...

Пора бы домой, но въ паркѣ такъ хорошо, такъ душисто и прохладно, что Зося говоритъ Прасковѣ: «Пойдемъ, еще погуляемъ», и онѣ идутъ въ глубь, подальше отъ эспланады.

Кругомъ ни души. Цвѣтутъ липы. Жужжать пчелы...

Солнце бросаетъ золотыя круглыя пятна на песокъ дорожки, и Зосѣ кажется, она снова идетъ въ Колычевѣ съ письмомъ отъ Олеси въ рукахъ, мечтаетъ на любимой скамьѣ о сказочно прекрасной виллѣ и о любви Стася...

Слѣва въ аллею свернуло столь обычное въ курортѣ кресло съ большимъ. Фигура въ длинномъ черномъ сюртукѣ, катящая его, показалась Зосѣ странно знакомой, и она шла на нѣкоторомъ разстояніи сзади, ломая себѣ голову, кто бы это могъ быть. Слуга наконецъ обернулся... Это Левчукъ, дядька Стася... Зося помнила его еще съ Заполья съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ.

— Иди теперь домой!—говоритъ она Прасковѣ, а сама прибавляетъ шагу и догоняетъ скорбный экипажъ. Сомнѣній нѣтъ. Это Левчукъ, а этотъ блѣдный человекъ въ креслѣ... «Стасъ!»—вырывается у нея... вырывается страстно, неудержимо, и Левчукъ останавливается.

Въ зеленой аллеѣ нарядная женщина стоитъ на колѣняхъ и, припавъ къ блѣднымъ, слабымъ рукамъ, лежащимъ безпомощно на

одѣялѣ, цѣлуетъ ихъ, какъ безумная... Все, все забыто, — и мужъ, и дочь, и угрозы отца. Существуетъ одинъ человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ — герой ея дѣвичьихъ грезъ, герой-защитникъ дорогой отчизны, потому что другой причины его болѣзни быть не можетъ: онъ жертва звѣрей, зовомыхъ москалями. И Зося лобызаетъ эти блѣдныя руки, какъ руки святого мученика. Оба года со времени ихъ разлуки уже стерлись въ ея памяти. Они уже кажутся въ ея фантазіи годами неволи и заточенія въ ненавистномъ москальскомъ гнѣздѣ, а она себѣ тоже мученицей, жертвой чужого деспотизма и своей неопытности, изъ-за которыхъ она сторяча сгубила лучшую пору жизни. Передъ отчизной она чиста. Она знаетъ, — отецъ не скупится на пожертвованія. Онъ самъ еще недавно писалъ ей сюда, чтобы она не посѣтовала впоследствии на его настоящую щедрость въ святомъ дѣлѣ. Вотъ почему, вѣроятно, и мужъ такъ скупится... Пускай! За эти матерьяльныя лишенія судьба посылаетъ ей награду. Она привела ее невѣдомыми путями именно сюда и угодовала такую встрѣчу съ возлюбленнымъ, чтобы разсѣять послѣднія колебанія и укору совѣсти...

Все это вихремъ крутится въ золотистой головкѣ нарядной куколки, пока Стась, приподнявъ слабой рукою ея подбородокъ, заглядываетъ въ налитые слезами синіе глаза. Левчукъ благоговѣйно сложилъ руки и твердитъ: «Панна Зося! Панна Зося!»

— Зося, — повторяетъ Стась, — какими судьбами?...

— Да, да! Это самъ панъ Бугъ привелъ меня сюда... Его Матерь направила сюда стопы мои, чтобы мы встрѣтились! О, если бы зналъ ты, какъ я тосковала по тебѣ, какъ молилась денно и почно о твоёмъ спасеніи! Меня заставляли забывать тебя, и я старалась побороть мое чувство и была примѣрной женою и матерью, но въ душѣ, о! какъ страдала и мучилась я по тебѣ! И Богъ видѣлъ и вознаградилъ меня!..

— А я здѣсь съ мамой, — отвѣчаетъ Стась. — Мнѣ теперь совсѣмъ хорошо, но вотъ онъ увѣряетъ, что я чуть не умеръ?

— Гдѣ же ты былъ раненъ? Когда?.. куда?..

Левчукъ поправилъ одѣяло и отвѣтилъ: «Подъ Тепиловымъ на Кобылянкѣ. Или панна Зося» (онъ не можетъ себя заставить назвать ее пани) «не читала объ этомъ?—Изъ кармана преданный слуга достаетъ помятый газетный листокъ.—Пусть панна возьметъ съ собою и прочитаетъ на досугѣ... А вотъ и пани графиня».

Старуха Запольская шла навстрѣчу. Ея глаза не могутъ еще различить чертъ женщины около кресла ея сына. Почему-то ей кажется, что это Олеса, которую она ждетъ съ часу на часъ изъ Варшавы. Узнавъ Зося, старуха сильно обрадовалась и первымъ дѣломъ спросила:

— Кто же боленъ у тебя? Ради кого ты тутъ?

— Ради мужа...

И странным вдругъ показалось Зосѣ это слово, и ея губы, произнося его, дрожали отъ негодованія...

...Иванъ Николаевичъ принялъ извѣстіе о встрѣчѣ съ Запольскими довольно равнодушно. Хотя по наружности его отношенія къ женѣ и были весьма равныя, но въ душѣ у него царилъ сильная тревога. Изъ Колычева получались плохія вѣсти. Хозяйство шло весьма неважно, и надежды, возлагавшіяся Романомъ на паровую молотилку и мельницу, не оправдались. Въ чертежахъ вышла ошибка, и присланныя части механизма не подходили другъ къ другу. На исправленіе этого недоразумѣнія требовался по крайней мѣрѣ трехмѣсячный срокъ, считая съ пересылкой и доставкой, и потому Романъ опасался, что придется нанимать еще рабочихъ, а ихъ доставать было крайне затруднительно, да и денегъ требовалось не мало.

Этотъ недостатокъ въ деньгахъ испытывалъ и самъ Колычевъ теперь за границей. А начался онъ съ того утра, какъ онъ случайно зашелъ въ игорную залу. Не для игры, а просто посмотреть.

Играть онъ давно закалялся, памятуя, какъ проигралъ однажды здѣсь же въ рулетку много лѣтъ назадъ послѣднія двадцать тысячъ изъ приданого покойной жены.

Шарикъ прыгалъ въ вертящейся тарелкѣ. «Тринадцать!» подумалъ Колычевъ.

И крупье ужъ провозглашалъ: «Treize, rouge, impair!»

Снова завертѣлась тарелка. «Vingt sept!» прошепталъ Иванъ Николаевичъ. Дама въ черномъ покосилась на него и передвинула свой золотой съ сосѣдняго нумера на клѣтку 27-го. «Vingt sept, noir, impair!» раздалось съ сѣдалища.

Иванъ Николаевичъ поставилъ самъ пять талеровъ еще разъ на тотъ же нумеръ, и нумеръ снова вышелъ. Дама въ черномъ подвинулась и дала Колычеву мѣсто. Онъ пробормоталъ «merci bien!» и сталъ играть. Его сосѣдка педантично слѣдовала его примѣру и повторяла его ставки. Когда передъ нимъ очутилась уже не только кучка золота, но зашуршали и банковыя бумажки, онъ всталъ и пересчиталъ деньги. Было — 13,825 талеровъ. Онъ спряталъ ихъ въ боковой карманъ, вышелъ и закурилъ папиросу.

По дорогѣ попалась дѣвочка съ букетами алыхъ розъ. Иванъ Николаевичъ сунулъ ей не глядя монету и взялъ букетъ. Обернувъ ножку однимъ изъ выигранныхъ билетовъ, онъ вручилъ его дома женѣ.

— Вотъ тебѣ.

Зося милостиво приняла цвѣты, развернула стебли и, не разглядѣвъ бумаги, служившей имъ портбукетомъ, собиралась выкинуть ее въ окно.

— Стой! стой!.. Развѣ можно такъ швырять деньгами?

«истор. вѣстн.», июль, 1911 г., т. сxxv.

2

Зося вспыхнула. Деньги бывали ей вѣчно нужны, а Иванъ Николаевичъ все чаще просилъ ее быть поэкономнѣе. Въ данную минуту онъ рѣшительно не понимала, за что упрекаетъ ее мужъ, и, сморщивъ по осиному носикъ и приподнявъ брови, презрительно спросила:

— Тебѣ, кажется, cadaго клочка грязной бумаги становится жаль... Ты дѣлалась настоящимъ Гарпагономъ со мною.

Но онъ расправилъ смятую ассигнацію и поднесъ къ ея глазамъ...

— Тысяча талеровъ!.. Ахъ, какъ кстати!—И она крѣпко поцѣловала мужа.—Вотъ мегсі! Сейчасъ обрадую Жюли и пойду купить ту мантилью, которая меня давно соблазняетъ...

Она одѣлась и упорхнула, и вечеромъ щеголяла уже въ обновкѣ на эспланадѣ... Но это было давно, еще двѣ недѣли назадъ, а теперь...

Онъ вернулся къ игорному столу въ тотъ же день, и черная дама опять ставила свой золотой, куда двигалъ свою ставку Колычевъ. И ему везло вначалѣ. Нужно было тогда же остановиться, но онъ не могъ и проигрывалъ теперь систематично... его сосѣдка исчезла. Но онъ продолжалъ играть, и крупье знали его и берегли ему мѣсто, потому что рулетка высасывала изъ него уже вторую сотню тысячъ русскихъ рублей...

XV.

Подъ сѣдой раkitой,
Въ темный иль зарытый,
Черный и разбитый,
Дремлетъ старый челнъ,
А давно ль съ тобою
Ночью голубою
Тѣшились борьбою
Мы съ рядами волнъ?

(Изъ «Пѣснь забытой усадьбы». М. К.).

... Послѣ встрѣчи со Стасемъ и графиней Зося забросила все свои знакомства. Напрасно присылали ей приглашенія, напрасно модныя курортныя львицы заѣзжали съ визитами къ ней въ отель,—ея никогда не было дома. Она все время проводила у Запольскихъ. Уже на эспланадѣ и въ кафе начинали ходить легендарныя слетни насчетъ ея отношеній къ красавцу раненному графу, но ихъ ушей онъ достигъ не могли. Польскій кружокъ держался особнякомъ.

Стась быстро поправлялся, хотя состояніе его духа, какъ и всехъ его близкихъ, было крайне подавленное. Олеся наконецъ пріѣхала, но безъ мужа. Онъ остался въ Филиппишкахъ утѣшать своихъ стариковъ родителей, потерявшихъ голову со времени бѣгства Элизы. Олеся была въ глубокомъ траурѣ. И трауръ царилъ

и въ ея душѣ. Наступало разочарованіе: Слагалось убѣжденіе, что дѣло снова проиграно, что не ихъ слабыя силы вернуть униженной родинѣ бывшее славное мѣсто въ ряду самоуправляющихся державъ...

... Не взвился бѣлый орелъ надъ Варшавой, не парилъ побѣдносно на синемъ небѣ надъ родной равниной и не загоралась за верхушками зубчатыхъ лѣсовъ багряная царственная заря свободы... Аисты на крышахъ не щелкали красными клювами веселыхъ рѣчей своимъ птенцамъ о свергнутомъ Польшею ненавистномъ ярмѣ... Со дна болотъ, со дна застоявшихся водъ поднималась тина и мутила свѣтлую пелену, и вредныя испаренія спущались въ черныя тучи. Бѣду несли онѣ съ собою, и бѣлый орелъ печально прятался за ними, аисты, грустно стоя на гнѣздахъ, глядѣли съ высоты на метущихся безъ толку, не понимающихъ другъ друга людей одного языка и одной вѣры, въ средѣ которыхъ началась междоусобная распря, полная ужаса и грязи, за власть, за торжество личнаго самолюбія и мелкихъ интересовъ, до наживы включительно. И въ этой борьбѣ ничтожество, облакавшихся въ тоги диктаторовъ и воеводъ, тонули благородные порывы, и великое патріотическое дѣло становилось глупымъ дѣтскимъ бунтомъ изъ-за отнятой блестящей побрякушки. Въ разгоравшейся сварѣ будничные люди воровали другъ у друга печати народнаго представительства, фабрикованныя такимъ же бунтаремъ-рѣзчикомъ, и прикладывали ихъ къ ложнымъ документамъ, которымъ никто не вѣрилъ, и къ фальшивымъ циркулярамъ, которыхъ никто не читалъ. Дозорцы караулили намѣченные жертвы, и штилетники, вооруженные отравленными кинжалами, бросались изъ-за угла на враговъ и своихъ, заклеименныхъ подозрѣніями въ излишнемъ честолюбіи, а между тѣми, кто призывалъ на поле брани, не было согласія. Какъ мелкія банды, которыя врасплохъ бросились на русскихъ въ ночь съ 10 на 11-е января и потомъ блуждали въ лѣсахъ, не зная ни пути, ни цѣли, такъ и весь польскій народъ бродилъ и метался, не сознавая ясно, зачѣмъ и для чего.

Въ иностранной прессѣ вмѣсто восхваленій маленькой странѣ, смѣло кинувшейся якобы спасать свою самостоятельность, начали появляться порицанія. Терроръ, который все чаще и чаще проявлялся въ рядахъ повстанцевъ, возбуждалъ тревогу и негодованіе. Герои стали именоваться мятежниками и мученики—бунтовщиками. И тѣ же три державы, которыя въ апрѣлѣ прислали намъ вызывающую ноту съ шестью знаменитыми пунктами, въ августѣ уже забили отбой и стали отдавать должное долготерпимости Россіи...

... Старуха Запольская, склоняясь сѣдою головой на свой бархатный молитвенникъ, молила Бога просвѣтить заблудшихъ людей на родной Вислѣ.

— Я это знала,—говорила она своимъ дѣтямъ,—и я васъ остерегала.

Стасъ горько улыбался и отвѣчалъ:

— Да! не стоило... Эта сволочь недостойна имени поляковъ.

Ему было особенно тяжело на душѣ. Онъ зналъ,—возврата въ родное Заполье быть не могло. Его имѣннѣ будетъ секвестровано правительствомъ, и онъ ликвидировалъ свои дѣла, пока еще было возможно.

Какъ офицеру, измѣнившему присягѣ, ему въ Россіи угрожало разстрѣляніе, и онъ былъ обреченъ на вѣчное изгнаніе. Но не это одно мучило его. Главное—мысль, что и мать свою онъ лишилъ крова и тѣхъ удобствъ роскоши, въ которыхъ она жила всю жизнь, грызла его, и въ тысячный разъ спрашивалъ онъ себя: за что и ради чего?..

А мать повторяла:

— Я знала, что ничего не выйдетъ. Неужели могъ ты думать, я изъ эгоизма удерживала Олесю и тебя? Если бы я смѣла надѣяться на успѣхъ, развѣ я не послала бы тебя сама? развѣ не сказала бы: сынъ мой! надѣнь старые доспѣхи прадѣда твоего, идя и одолѣй врага!.. Верни отчизнѣ ея славу, ея исконныя права и земли!.. Развѣ я не принесла бы ради счастья родины въ жертву своей материнской скорби, своей любви, только бы знать Польшу свободной и славной?..

— Мамо, мамо! не терзай меня!

— Нѣтъ, слушай! дай высказаться мнѣ. Ты ушелъ и не скажешь—куда. Я думала, тебя призываютъ въ полкъ, чтобы усмирять мятежниковъ, а ты шелъ въ ихъ ряды. Зачѣмъ же не былъ ты откровененъ со мною?

— Я не смѣлъ. Мы всѣ давали клятву держать въ тайнѣ и не говорить ни женѣ, ни матери, куда идемъ. О, мамо! неужели ты не понимаешь, какъ самъ я клянусь себя при мысли, что разорилъ тебя!

— Дѣло не въ разореніи, не въ потерѣ имущества; пойми и ты меня, что не корысть говорить во мнѣ. Но мысль, что наше старое Заполье перейдетъ въ новымъ и чуждымъ людямъ, что въ родовомъ гнѣздѣ поселятся пришлецы, что у нашей древней каплицы зарастутъ травой старыя плиты надъ могилами столькихъ поколѣній, и святотатныя руки растащутъ ихъ на фундаменты хлѣвовъ и амбаровъ, а вмѣсто бѣлой статуи Мадонны, которую разобьютъ на куски, повѣсятъ свои византійскіе образа,—вотъ отчего обливается кровью душа и хочется плакать и пасть на колѣни; моля: пощадите! пощадите!.. О, молодежь любимая и жестокая! Сколько горя, сколько бѣды кругомъ. Несчастлива я, но ты вернулся живымъ, ты мнѣ остался... А тѣ, другія матери, матери убитыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, ссылаемыхъ на вѣчную ка-

торгу и казненных!.. За что? за что?.. Несчастливая Ванда Свентицкая, дочь которой сбѣжала!.. Ради чего такой позоръ?.. Пусть бѣснуется уличная лобузерія! Пусть потѣшается чернь и кричить и превозносить геройство Пустовойтовой, она на то и шла, она того и стоит, ея родня потворствовала ей, но Элиза? что случилось съ нею?.. Развѣ и безъ того мало было намъ горя, что вы, наши дѣти, усугубили его и еще разъ выставили напоказъ и обнажили на поруганіе всѣмъ народамъ тѣ язвы польскія, которыя привели насъ къ Тарговицѣ, которыя вычеркнули насъ изъ королевствъ Европы?.. Нѣтъ, пока не образумятся люди, пока не поймутъ, что не въ одномъ оружій сила, а въ духѣ единенія и покорности избранной власти,—не возстановится Рѣчь Посполитая. Мы, сынку, это поняли... мы жили тихо и каждый работалъ за дѣломъ своимъ, а вамъ не терпѣлось, хотѣлось поскорѣе возстановить то, что утрачено. Но вѣдь не годы нужны для этого, не десятки лѣтъ, а вѣка. Пойми меня!..

— Я понимаю, мамо!—отвѣчала сынъ:—и слушай, что скажу тебѣ: если Польшѣ нужны были жертвы, чтобы образумить ее, чтобы указать ей путь къ преуспѣянію, къ возстановленію былой славы и значенія,—я не жалѣю о томъ, что грозитъ мнѣ. Отсюда, изъ вѣчнаго изгнанія я буду слѣдить за ея успокоеніемъ. Она пойметъ, что не нашими ребячливыми начинаніями можно было добиться всего, о чемъ такъ горячо мечтали мы эти годы. На нашемъ пораженіи, на нашихъ тяжелыхъ примѣрахъ другіе, оставшіеся тамъ на родинѣ, научатся терпѣнію и станутъ стремиться исправить въ себѣ то, что теперь губить ихъ и чему мы, поляки, никакъ научиться не хотимъ. Мы всѣ фантазеры и эгоисты, мы не можемъ забыть свое маленькое я, даже тогда, когда дѣло идетъ о великомъ...

Кружокъ Запольскихъ, какъ и два года назадъ въ Веве, понемногу расширялся. Но въ немъ не было веселья, не царили шутки, не возвышались голоса. Къ нему примыкали тѣ польскіе эмигранты, которые, подобно хозяевамъ, обманулись въ ожиданіяхъ. Здѣсь обсуждались всѣ новости, приходившія изъ Варшавы, но даже побѣды въ стычкахъ съ правительственными войсками не вносили надежды. Тамъ понимали, что не хватало главнаго—вождей наверху, дисциплины внизу. А диктатуры Берга въ Варшавѣ и Муравьева въ Вильнѣ сопровождались такими сжимающими душу подробностями, что охота смѣяться и шутить, казалось, пропала навѣки.

Нивисскій отсутствовалъ. Онъ съ бандой Мѣрославскаго вошелъ въ предѣлы Россіи и жилъ подъ вымышленнымъ именемъ въ Варшавѣ въ домѣ графа Замойскаго, но ржондъ отвергъ его услуги, и онъ ругалъ въ письмахъ весь этотъ концертъ надъ концертами и пропадалъ со скуки, не осмѣливаясь задирать публично москалей.

Изъ всѣхъ, кто стоялъ близко къ Запольскимъ, оптимистически была настроена одна Зося да старый Левчукъ.

Въ газетѣ съ отчетомъ о дѣлѣ подъ Тепилами эта стычка на Кобылянкѣ была расписана чуть ли не блестяще Мараѳонской битвы и приводились слова Мѣдника, выразившагося въ своемъ официальном отчетѣ, что «русскіе въ Ординатскомъ и Глуховскомъ лѣсу встрѣтили врага достойнаго и способнаго на чудеса храбрости». Зося знала эту статью наизусть, и Стась въ ея глазахъ выросъ во всесвѣтно прославленнаго героя, въ польскаго Гарибальди, а Левчукъ мечталъ по выздоровленіи папа графа о должности фельдмаршала для него.

Первые шаги Стася съ помощью одной лишь палки повергли обоихъ въ молитвенный восторгъ. Зося не могла оторвать глазъ отъ его фигуры, отъ его красиваго лица. Его черты одухотворились. Физическія невзгоды разбудили дремавшій духъ, и молчаливый, сдержанный, еще недавно столь безсодержательный человекъ высказывалъ теперь твердое мнѣніе и говорилъ краснорѣчивыми оборотами. Какъ часто бываетъ, онъ словно хотѣлъ нагнать упущенные годы, и рѣчь его порой лилась неудержимо.

Зося заслушивалась его и думала: «Тихая вода зачала рвать берега... Что будетъ, когда онъ окончателно окрѣпнетъ?»

XVI.

И грѣхъ крадется, ползеть лѣной.
Гдѣ ложь? гдѣ правда? Зажглась мечта.
Лобзанья чьи-то съ отравой пьяной
Впиваютъ жадно мои уста...

(«Эдемъ». М. К.).

Быль снова конецъ августа. Снова срѣзали золотыя грозди въ виноградникахъ, и Стась началъ свой траубенкуръ.

Съ утра, забравъ корзиночку съ назначенной докторомъ порціей тонкокожаго и душистаго винограда, онъ уходилъ на прогулку. Левчукъ былъ отставленъ отъ должности катальщика. Молодой человекъ радовался восстановленію самостоятельности въ своихъ передвиженіяхъ. Зося выходила ему навстрѣчу съ Прасковьей и дѣвочкой. Завидѣвъ издали его знакомый и дорогой обликъ въ концѣ желтѣющей уже слегка аллеи, она прибавляла шагу, и они гуляли вмѣстѣ. Лизочка очень полюбила Стася, который оказывался прекрасной няней. Онъ самъ ласкалъ и бралъ ее на руки. То высоко подбрасывая ее кверху, то спуская почти къ землѣ, онъ весело напѣвалъ:

Тоси, Тоси! видвидлони!
Росту ябки на яблони.

Ябки вельки, ябки малы,
А въ Кіевѣ хлопцы стары.
А мы таки младюсеньки,
Якъ яблоньки сладюсеньки...

И Лизочка хохотала и била въ ладошки и просила:

— Ябки, ябки! дядя, ябки!..

Рѣдкіе незнакомые прохожіе любовались ихъ группой и принимали за счастливыхъ родителей. А Иванъ Николаевичъ тѣмъ временемъ отсыпался тяжелымъ сномъ послѣ бессонно проведенной ночи и возбужденія въ игорномъ залѣ.

Женщина въ черномъ снова появилась. Онъ не зналъ ни ея имени, ни національности, но если она отсутствовала, ему было не по себѣ. Между ними существовалъ безмолвный контактъ, и они вели общую игру. Но она вдругъ безпричинно, казалось, исчезала, и начинался новый кругъ проигрышей.

Дурное расположеіе духа, вслѣдствіе недовольства собою, все увеличивалось, и онъ часто, сердясь на себя, рѣзко говорилъ съ женою, особенно когда она заводила рѣчь о деньгахъ.

Зося отвѣчала кротко. Ей нравилось считать себя его жертвой и имѣть право жаловаться на него Стасю и Олесѣ, и она плакала охотно даже тогда, когда дѣло вовсе того не стоило.

А отъ пана Романа все чаще получались обезкураживающія письма. Выяснилось окончателно, что не было уже никакой возможности выполнить контракты съ купцами на поставку не только муки, но и зерна, и приходилось платить многотысячную неустойку. Тонъ послѣдняго письма былъ крайне удрученный, но Колычеву казалось, что между строкъ таится еще какая-то другая, не высказанная тревога и дѣло не только въ этой досадной необходимости платить непривычный штрафъ. Онъ не ошибался. Причина скрытой тревоги была та вторая партія оружія, заказаннаго Валекомъ, которая уже третью недѣлю лежала сложенная въ бѣлой залѣ съ каріатидами. Сарай около новой мельницы оказался не подходящимъ мѣстомъ для патроновъ и пороха. Рабочіе то и дѣло крутили цыгарки изъ газетъ, а нѣмецъ Карновичъ, перекочевавшій съ лѣсопилки, не выпускалъ изо рта своей носогрѣйки. Огонь могли заронить ежесекундно, и всѣмъ грозило взлетѣть на воздухъ. Поэтому временно панъ Романъ разрѣшилъ сложить ящики въ виллѣ.

Когда подкатила къ крыльцу тяжелая подвода съ уложенными въ длинныя ящики ружьями, а въ короткіе—патронами и порохомъ. Романъ хвастливо цокнулъ:

— Цо-то! новая посуда и статуи изъ-за границы! Все моей цуркѣ подарки отъ мужа! Осторожнѣе, медвѣди! не разбейте!..

— Вишь ты! что за тяжесть!—ворчали мужики и пыхтѣли, стуча подкованными сапогами по штучному паркету.

Бѣлыя каріатиды съ удивленіемъ глядѣли на пыльные укладки, скрывшія отъ нихъ знакомый узоръ лощенаго пола, а онъ по ночамъ зловѣще шелкалъ, точно негодуя на ихъ неряшливый видъ.

Но наединѣ съ Валекомъ панъ Романъ не покалъ хвастливо.

— Чортъ бы побралъ вашу затѣю!—говорилъ онъ Домбровскому. — И откуда вы умудрились раздобыть опять эту уйму фузей? Все равно для славы ойчизны это капля въ морѣ! Довольно было и перваго транспорта!..

Валекъ въ отвѣтъ крутилъ усы.

— Отъ воеводы Жвирдовскаго за тотъ я благодарность получилъ. Ржондъ нашу заслугу отмѣтилъ. Мнѣ пишетъ Яновскій, что мы первые откликнулись на воззваніе Владислава Замойскаго. Вѣдь Цвѣрчакевичъ сидитъ въ Парижѣ и дѣйствуетъ, какъ улитка. Когда еще придутъ его запасы!

— Хорошъ толкъ въ нашихъ, которые валяются въ Колычевѣ! Нѣтъ, какъ панъ хочетъ, а пусть уберетъ свои укладки поскорѣе.

— По совѣсти самъ радъ буду, когда сбуду ихъ съ рукъ, но какъ? Цѣпь моя разорвалася. Панъ самъ знаетъ, сколько теперь трусовъ развелось, какъ до дѣла дошло. На словахъ всѣ храбрые были, а теперь одинъ за другимъ отказываются. Я голову себѣ сломалъ, черезъ кого доставить ихъ хоть бы до Могилева. Эхъ жаль, что здѣсь пантофлевой почты нѣтъ,—жиды бы мигомъ дѣло сварганили!

Панъ Романъ задумался. Пантофлева почта? Ему вспомнился жидъ Брендель. Но какъ раздобыть его? Онъ написалъ Элизѣ и пани Килинской, рассчитывая, что если не до одной, то до другой его письмо дойдетъ.

Время шло. Брендель не являлся...

Для безопасности Юшкевичъ выселилъ людей изъ подвального этажа виллы и перевелъ въ людскія на старый дворъ. Домъ былъ запертъ; наглухо заколочены всѣ окна, даже въ подвалахъ, и ключъ лежалъ въ ящикѣ въ конторѣ. Но внутренняя тревога не давала старому поляку покоя. Среди ночи поднимался онъ и шелъ смотрѣть, не загорѣлось ли гдѣ. Его бѣлый холщевый балахонъ мелькалъ сквозь чащу кустовъ и шпалеръ во французскомъ саду. Ночныя парочки батраковъ съ молочными дѣвками, прятавшіяся тамъ отъ зоркихъ очей Прохора и Фроськи, обмирали со страха, видя бѣлую фигуру, но никто не догадывался, кто это, и въ усадьбѣ стали ходить слухи, что Арсеній Михайловичъ встаетъ изъ могилы и караулитъ свои сокровища. Полякъ, молъ, запретилъ Евграфу убирать покой, и вотъ старый баринъ самъ снимаетъ паутину и мететъ полы... Вспомнили кстати и исчезнувшій портретъ, и бѣлая виλλα приобрѣла снова такую славу, что и днемъ къ ней подходили, лишь творя крестное знаменіе. Двое смѣльчаковъ запрятались, было, для провѣрки слуховъ въ кусты, но едва увидѣли балахонъ Романа,

бросились со всѣхъ ногъ на старый дворъ и до утра выстукивали зубами: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его...»

Эта постоянная тревога заставляла Романа дѣлать и не такія глупости. Тайкомъ отъ зятя, пользуясь его довѣренностью, онъ перезаложилъ Горки подъ вторую закладную и даже заложилъ въ тѣ же частныя руки часть Колычева. Полученныя деньги пошли на уплату процентовъ Александрѣ Николаевичу, на мелкіе долги и расчеты за лѣтніе мѣсяцы съ батраками. А между тѣмъ Иванъ Николаевичъ тоже требовалъ поминутно, то пять, то двѣнадцать, то четыре тысячи и въ послѣднемъ письмѣ снова каялся, что проигралъ всѣ посланныя недѣлю назадъ восемь тысячъ, которыми Романъ рассчитывалъ удовлетворить его хоть на одинъ мѣсяць.

О возвращеніи въ Колычево не было и рѣчи.

Стась выздоравливалъ. Молодой организмъ бралъ свое, и жизненные соки бродили съ новой силой. Присутствіе Зоси, полной обаятельной женственности, зажигало кровь, и взоры молодого человѣка загорались все ярче. Нужна была громадная сила воли, чтобы сдерживать эти порывы, но катастрофа была неминуема, и ежечасное общеніе молодыхъ людей могло привести только къ одному естественному концу—къ паденію женщины, до сихъ поръ считавшей себя непорочной и непоколебимой въ супружеской вѣрности... Неизбѣжное совершилось...

Проснувшись въ супружеской спальнѣ на другое утро послѣ первой своей измѣны, молодая женщина съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ разглядывала лежавшаго около нея мужа. Иванъ Николаевичъ спалъ свинцовымъ сномъ. Его вѣки было плотно опущены, и черныя, густыя брови надъ ними срастались на переносицѣ. Онъ былъ теперь, какъ двѣ капли воды, похожъ на Арсенія Михайловича въ гробу.

Зося смотрѣла на это знакомое лицо и спрашивала себя:

Какъ могла она принадлежать ему? Какъ будетъ это продолжаться? Хватитъ ли у нея духу глядѣть ему въ глаза послѣ совершившагося и неизгладимаго? Вѣдь то, что случилось вчера,—позоръ для женщины. Вѣдь за это отецъ обѣщалъ убить ее, какъ собаку, даже если мужъ пощадитъ. Но почему же она на себѣ позора не чувствуетъ? И кто это выдумалъ такое слово: позоръ... Позоръ—ея счастье, тѣ сладкія мгновенія?.. А вся ея трехлѣтняя жизнь бокъ о бокъ съ этимъ чужимъ по вѣрѣ, по духу мужчиной не позоръ, не худшее прелюбодѣянiе, чѣмъ ласки дѣйствительно любимаго человѣка, ея единоплеменника и единовѣрца?.. Почему?..

Это все лишь бабьи толки, отжившіе предрасудки. Законъ нравственности и критерій добра и зла заложенъ природою въ

сердцѣ каждаго. Богомъ дана человѣку совѣсть, и если она молчитъ и оправдываетъ, значить, и поступокъ въ себѣ ничего дурного не заключаетъ.

... Три года она была вѣрна мужу. Она сумѣла убѣдить себя, что онъ дѣйствительно ей близокъ. Она ходила за нимъ во время его болѣзни, она ѣхала туда, куда онъ везъ ее. Она наконецъ была матерью его дочери... Если бы то случилось не вчера, а раньше въ Веве, Зузя могла бы быть дочерью Стася... Она вздохнула. Если женщина можетъ любить такъ дитя не любимаго, а только уважаемаго человѣка, то до какой же теплоты должно дойти материнское чувство, когда отцомъ ребенка является тотъ, о которомъ мечтаешь, какъ о божествѣ?.

И, облокотившись на обнаженную бѣлую руку, Зося старалась замѣнить въ своемъ воображеніи это усталое, почти старое лицо, лежавшее на подушкѣ рядомъ, другими юными и безконечно милыми чертами.

Отъ ея пристальнаго взгляда Иванъ Николаевичъ проснулся.

— Что съ тобой? Почему тебѣ не спится?—спросилъ онъ, взглянувъ на часы.

И Зося очень спокойно и естественно отвѣтила:

— Сама не знаю. Вѣрно, съ вечера выпалась.

И, поцѣловавъ мужа въ щеку, прибавила:

— Ты спи, а я встану.

Иванъ Николаевичъ повернулся на другой бокъ и сразу захрапѣлъ, а она такъ же спокойно, какъ всегда, встала, накинула халатъ, потомъ позвонила камеристку и прошла въ уборную совершать свой утренній туалетъ. А тамъ принесли къ ней Лизочку, и она, тоже какъ всегда, поиграла съ дочкой, и день пошелъ своимъ чередомъ, словно ничего вчера не случилось. Но когда черезъ три часа она встрѣтилась въ паркѣ со Стасемъ, ея сердце билось безудержно бурно и радостно, ея глаза сверкали золотыми огоньками, и все существо трепетало отъ внутренняго страстнаго восторга.

Стась сообщилъ ей, что для свиданій онъ только что нанялъ комнату на краю города, въ тихой, безлюдной улицѣ, сплошь застроенной маленькими чистенькими домиками, отдѣленными другъ отъ друга большими тѣнистыми садами. Зося выразила желаніе немедленно осмотрѣть свое новое жилище, гдѣ ждалъ ее земной рай въ объятіяхъ ея возлюбленнаго.

Никогда у красавца графа Станислава Запольскаго не бывало столь пылкой и угодливой коханки...

XVII.

Я не знаю, кто такая
 И откуда ты,
 Но я мну, тебя лаская,
 Бѣлые цвѣты.
 Сладко ихъ благоуханье,
 Сладокъ ропоть струй,
 Что я пью въ твоемъ дыханьи—
 Смерть ли? поцѣлуй?..

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Письмо Романа не достигло Элизы.

Огромный вѣковой паркъ въ древнихъ Филиппишкахъ спускался террасами къ Нѣману.

Тамъ, гдѣ рѣка круто заворачиваетъ на сѣверъ, на обрывистомъ берегу въ бельведерѣ надъ самой водой сидѣла ежедневно пара стариковъ, сгорбленныхъ и жалкихъ. Это были такъ еще недавно моложавая и цвѣтущая графиня Ванда и жизнерадостный графъ Францишекъ Свентицкіе.

Казимиръ стоялъ, прислонясь къ столбу, испещренному надписями тысячъ посѣтителей, за цѣлый рядъ вѣковъ перебивавшихъ въ этой старой каменной бесѣдкѣ, въ этомъ любимомъ уголкѣ Элизы, куда она, бывало, часами уединялась съ панной Анелей. Братъ смотрѣлъ въ даль, словно вопрошая сизую дымку: гдѣ сестра?..

Никакіе розыски не приводили ни къ какому результату—дѣвушка пропала безслѣдно. Указанія Стася о встрѣчѣ съ ней въ еврейскомъ мѣстечкѣ не подтверждались...

Старая дѣва, пропагандистка ученій Конарскаго и Завиши, жила въ Вильгѣ и въ Филиппишки не являлась. Напрасно вызывали ее родители исчезнувшей дѣвушки. Она отмалчивалась, да и что могла бы она отвѣтить?

«Не знаешь ли ты,—спрашивала въ письмахъ дрожащимъ почеркомъ мать,—чего-нибудь? Не говорила ли тебѣ Элиза, куда она собралась, кто увезъ ее, кто былъ ея соблазнителемъ? Скажи ей, что мы съ отцомъ готовы простить ее, готовы безропотно нести позоръ, павшій на наши сѣдые головы, только бы знать, что она жива. Мы не откажемъ ей въ своемъ согласіи ни на какой бракъ, даже если избранникъ ея окажется простолюдиномъ—хлопомъ, только бы она дала вѣсточку о себѣ... Посылаемъ пришедшее на твое имя письмо и умоляемъ: сжалась, отвѣть! укажи намъ, гдѣ искать наше несчастное, заблудшее дитя»...

Но панна Килинская молчала. Какъ могла она отвѣтить и указать, гдѣ искать Элизу? и былъ ли на свѣтѣ хоть кто-нибудь вообще, кто могъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ?

Одинъ Нѣманъ зналъ. Одинъ, принимавшій въ свое голубое лоно десятки рѣкъ и тысячи ручейковъ, онъ могъ отвѣтить сѣдовласой родительской скорбной четѣ:

«Не сидите и не ждите ея! Она не вернется. Ни вы оба, ни братья ея съ женою, ея подругою, ни этотъ древній замокъ и паркъ не увидятъ ея!..

«Далеко, далеко отсюда принимаю я въ свои воды мелкій безыменный ручеекъ. Онъ беретъ свое начало на зеленой полянѣ съ зыбкою почвой, со свѣтлыми глубокими оконцами; въ которыя глядится высокое небо.

«Въ третьемъ изъ нихъ, считая съ востока отъ опушки зубчатого лѣса, на илистомъ днѣ лежитъ тѣло женщины въ сѣрой чамаркѣ, опушенной черными смушками.

«Она летѣла стрѣлою на своемъ гнѣдомъ скакунѣ къ пану Ойржановскому со срочнымъ приказомъ. Но тучи заволкли небо, скрыли ясный мѣсяць, и звѣзды померкли,—и скакунъ сбросилъ лихую наѣздницу, запнувшись о корень.

«И лежала она до утра безъ памяти, а на утро нашли ее недобрые люди...

«Шли пьяные хлопцы съ косами на плечахъ, со хмелемъ въ буйныхъ головахъ, нашли въ кустахъ блѣдную дѣвицу—нашли, и обезчестили, и сгубили.

«Пришла въ себя, очнулась дѣвица и не перенесла позора... Недаромъ была вашей дочерью...

«Не стерпѣло гордое сердце обиды отъ братьевъ, за которыхъ билось съ такою любовью, не стерпѣло и сокрушилось, и застыло на днѣ черного омута, гдѣ подземныя воды баюкаютъ его:

«Спи, непокорное! Спи, скорбное! Не узнаетъ никто, какъ рушились твои надежды, какъ погасли пламенныя яркія мечты о равенствѣ и братствѣ»...

Журчить старый Нѣманъ... Поютъ свѣтлыя струйки, и слушаютъ говоръ ихъ два сѣдыхъ человѣка и одинъ молодой, слушаютъ и не понимаютъ и глядятъ въ туманную даль и спрашиваютъ ее глазами: гдѣ дочь? гдѣ сестра? гдѣ румяная, веселая забавница Элиза?...

Панна Анеля тоже не разумѣла языка струекъ и не могла дать отвѣта пани Вандѣ, но пану Роману она отвѣтила и Бренделя разыскала..

Узнавъ, куда его посылаетъ ясновельможная панна Килинская, жидъ воздѣлъ руки къ небу и потомъ, присѣвъ на корточки, возопилъ:

— И если бы панна насыпала мнѣ такую кучу червонцевъ, что я могъ бы захлебнуться ими по самое горло, —я не пойду! Ой вай! У меня и посейчасъ болить шея, когда я только въ мысляхъ помяну имя Юшкевича...

Но панна Анеля недаромъ носила имя Килинской и дружила съ Конарскимъ. Она обладала настоящимъ ораторскимъ талантомъ.

Ея пропаганда совращала самую умѣренную молодежь въ ряды повстанцевъ. Она знала отъ достовѣрныхъ людей, что нужда въ оружіи была въ этихъ рядахъ вопіющая, и каждое лишнее ружье, каждая щепотка пороха были цѣннымъ приношеніемъ на дорогой ся пылкому сердцу алтарь ойчизны. И она заговорила...

Рѣчь ея лилась 10 минутъ,—но Брендель упорно твердилъ:

— Ой вай миръ! я не пойду, ясновельможная панна!

Она говорила 15 минутъ,—онъ качалъ рыжей головой на тонкой костлявой шеѣ и отвѣчалъ:

— Я не пойду!..

Она говорила полчаса,—и онъ думалъ:

«Слава Богу! она наконецъ кончила, и я могу теперь уйти»...

Но панна Килинская, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, подошла къ старинному комоду, щелкнула ключомъ и расправила на покрывавшей его вязанной бѣлой салфеткѣ передъ самыми глазами Бренделя радужную бумажку съ портретомъ великой русской государыни, которую уважаетъ пуще изображенія родной матери всякій честный еврей.

Она, мало того, пообѣщала, что отъ каждаго изъ пановъ, къ которымъ пойдетъ Брендель, онъ получитъ по такому же портрету, и прибавила:

— Вотъ те свентый кшижь. Не стану же я по пустякамъ креститься передъ жидомъ?..

И онъ повѣрилъ и бережно у самаго сердца спряталъ царицынъ портретъ.

Черезъ десять дней Шлемъ Брендель уже шагаль, какъ журавль, на своихъ худыхъ, но мускулистыхъ гачахъ, съ коробомъ черезъ плечо по направленію той губерніи, гдѣ спало теперь тревожнымъ, полнымъ злыхъ предчувствій сномъ старое Колычево, чуя его приближеніе.

XVIII.

Слезы осенія, позднія слезы
 Падаютъ въ землю тяжелѣй свинца.
 Съ черныхъ вѣтвей оголенной березы
 Капля за каплей бѣжитъ безъ конца...
 Свѣтлою радугою въ нихъ не играетъ
 Теплый привѣтливый солнечный лучъ...
 Темное небо онѣ отражаютъ
 Небо холодное, полное тучъ.

(«Слезы». М. К.).

М-ше Супруненко соскучилась. Бабье лѣто захватило большую часть сентября, но теперь оно уже прошло окончательно, и природа плакала, какъ неутѣшно плачутъ не желающія стариться женщины по своей безвозвратно отлетѣвшей молодости.

Въ Алексѣевкѣ, откуда уѣздный Голяевъ правилъ своими филистимлянами, сирѣчь смиренными обитателями перваго стана обширнаго уѣзда, было скучно и непривѣтно. Да и по пани Юзефѣ—Супруненко не называла ее Юзыней, какъ дворня, она знала немного по-польски и понимала разницу между сокращеннымъ, годнымъ только для дѣвушки, и полнымъ, приличествующимъ женщинѣ именемъ,—она сильно соскучилась. А за время, прошедшее съ ихъ послѣдняго свиданія, накопился такой грузъ новостей, что тарантасъ былъ поданъ къ крыльцу и колокольчикъ становой дуги запѣлъ по дорогѣ къ березовой просѣлкѣ знакомую, тревожную для мужицкихъ сердець пѣсню. Но зеленой эту просѣлку въ тотъ поздній сентябрьскій полдень назвать было нельзя. Деревья стояли мрачными стѣнами, изрѣдка махая мокрыми сучьями, а подъ ногами гнѣдого иноходца и подъ колесами тарантаса шуршали печально лежавшіе ковромъ желтые и бурые листья.

На козлахъ сидѣлъ дежурный десятскій Маркеловъ, а рядомъ съ супругой бочкомъ, чтобы не раздавить дражайшей половины, самъ. У самого въ боковомъ карманѣ лежало только что полученное секретное предписаніе вновь назначеннаго непосредственнаго начальства, уѣзднаго исправника Василия Ермолаевича Гречковскаго.

Супруненко бѣгло проглядѣлъ документъ, въ которомъ ему предлагалось новымъ начальникомъ усилить надзоръ за проживающими въ станѣ лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія, «потому что до слуха моего,—гласила бумага,—дошли свѣдѣнія о сношеніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ подозрительными лицами въ мятежномъ краѣ».

Никакихъ слуховъ до желавшихъ быть чуткими ушей новаго исправника не доходило, но по свойству, обычному каждой новой метлѣ, отставной гвардіи поручикъ Гречковскій пылалъ рвеніемъ и усердіемъ къ службѣ и находилъ необходимымъ доказать особенную ретивость передъ губернаторомъ, который имѣлъ на занятую имъ вакансію своего кандидата и былъ крайне разочарованъ назначеніемъ его, Гречковскаго, по личному желанію самого министра Зеленаго. Написалъ онъ свое секретное предписаніе на уру, думая, авось оно окажется не лишнимъ и подтвердитъ его администраторскіе скрытые таланты.

Супруненко знали въ своемъ станѣ не только cadaго жителя, но «каждую блоху на каждой собакѣ», какъ выражался Чупровъ въ моменты размолвокъ ихъ супруговъ. Лицъ католической вѣры въ станѣ было всего трое: Юшкевичъ съ женою да Валець. Ни на одно изъ нихъ никакихъ поминаемыхъ въ секретномъ предписаніи подозрѣній падать не могло, и Супруненко нашелъ эту официальную бумагу вздоромъ.

— Ахъ, какая вы любезная, какая вы милая, добрая моя пани Супруненко!—встрѣтила пріятельницу пани Юзыня.—Мы такъ

за вами соскучились, такъ давно до васъ съ Романомъ собираемся и все попасть не можемъ!...

И началась бесѣда въ гостиной, потомъ перешла въ столовую съ низкимъ кресломъ у окна и высокимъ самоваромъ на столѣ, и подъ шипѣніе и клокотаніе старой мѣдной посуды зажурчала ручьемъ о всякихъ самоновѣйшихъ уѣздныхъ новостяхъ.

Когда дамы уже перемыли и отскоблили косточки трехъ сосѣдокъ и перешли на четвертую, вошелъ Романъ.

— Что, пане, чего вы тучи мрачнѣе?—вопросилъ Супруненко.— Плохо пишутъ изъ деревни?

— Не изъ деревни, а изъ-за границы!—возразилъ Романъ.

Черезъ окно мелькнула фигура Бренделя.

— Это еще что у васъ за физіогномія? Ни дать, ни взять жидъ Янкель изъ «Тараса Бульбы»,—пробасилъ Голяеъ, питавшій большую слабость къ Гоголю за его похвальное знаніе русской провинціи.

— А такъ, факторъ. Образцы предлагалъ.

И рѣчь перешла на другое, на житье-бытье въ деревнѣ, на пребываніе Колычевымъ за границей и т. д.

Супруненко только вчера прочелъ старый номеръ «Голоса», въ который ему случайно обернули въ лавкѣ колбасу и свѣчи, и, рѣшивъ быть по службѣ исполнительнымъ до точности, рассказалъ кстати,—разъ рѣчь зашла о Европѣ,—для провѣрки политическаго барометра Юшкевичей, напечатанный въ фельтонѣ анекдотъ, какъ въ Вѣнѣ русская барышня заспорила съ полякомъ о вѣрѣ пѣвицы Пати. Барышня стояла за ея принадлежность къ іудейскому закону, полякъ увѣрялъ, что она христіанка. Проигравъ пари, барышня заплатила его лотерейнымъ билетомъ, стоившимъ 40 гульденовъ, а полякъ выигралъ на него 40 тысячъ и пожертвовалъ диктатору Лангевичу на ржондъ...

— Сорокъ тысячъ, сорокъ тысячъ!—разохалась пани Юзыня.— Сколько денегъ! Я думаю, они тамъ съ ума сошли отъ радости.

— Удивительная штука!—проворчалъ презрительно панъ Романъ.—Этимъ прорвамъ хоть сорокъ милліоновъ дай, они проглотятъ и не почувствуютъ. Туда же бунтовать полѣзли! Считали бы лучше, сколько куфелей пива въ день каждый изъ нихъ выпиваетъ, а то диктаторами величаются... Эхъ, молодецъ Дибича нѣтъ! Онъ имъ ужъ прописалъ бы диктаторство...

Панъ Романъ былъ золъ на ржондъ и ругался отъ души.

Супруненко удовлетворился вполне: люди такъ разсуждающіе не могутъ быть опасными.

Гости напились чаю. Пани Юзыня снабдила пріятельницу двумя банками варенья и горшечкомъ маринованныхъ рыжиковъ, а Романъ сунулъ въ тарантасъ бутылку любимой становымъ старой вудки своего приготовленія, и колокольчикъ снова запѣлъ пере-

ливчатую пѣсню. Супруненко велѣлъ ѣхать не просѣкой, а въ объѣздъ черезъ село, чтобы лишній разъ напомнить мужикамъ о своей властной длани.

Дороей выскочилъ навстрѣчу начальству, а Агаеонъ спрятался подалеже въ клѣтъ, но начальство милостиво кивнуло старостѣ, и тарантасъ скрылся за косогоромъ.

Версты двѣ отъ Колычева на дорогѣ попался Брендель.

— А чи до Новаго далеко? — спросилъ онъ у Маркелова.

Становой велѣлъ остановиться.

— А чи до кого идешь? — спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— До пана Домбровскаго.

— А чи какое у тебя до пана дѣло?

Шлемка усмѣхнулся.

— Мало ли какія дѣла у честнаго еврея бываютъ, — отвѣчалъ онъ.

— Что?! — заревѣлъ Голяеъ. — Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать мнѣ? Ты знаешь, кто я?

— Пане пулковникъ... пане исправникъ... — схитрилъ жидъ.

— Я тебя научу, какой я исправникъ! Отвѣчай, откуда явился.

— Далибугъ, отъ пана Юшкевича.

— Это я и безъ тебя знаю, я тебя въ окно видѣлъ. Говори, откуда ты въ Колычево попалъ?

— Такъ зашелъ, просто зашелъ, съ товаромъ... У меня всякій товаръ есть: ленты, тесемки, пуговицы, вѣера, булавки, чулки, зонтики, перчатки, духи, мыло... ахъ, какое мыло! Купите, пане пулковникъ! такого мыла вы никогда еще не нюхали... Розанъ, чистый настоящій розанъ на чистомъ розовомъ экстрактѣ...

Если бы Романъ не упомянулъ про образцы, — «эхъ, жаль, я не спросилъ какіе!» упрекнулъ себя Супруненко, — если бы жидъ шелъ не отъ него и не къ Валеку, если бы въ правомъ карманѣ не лежало секретное предписаніе о наблюденіи за сношеніями лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, становой велѣлъ бы показать себѣ это мыло, и оно, купленное или уступленное за лестное для жида знакомство съ особой становой, очутилось бы въ мыльницѣ съ отбитымъ краемъ на умывальникѣ ш-те Супруненко. Но хотя въ тарантасѣ и лежали гостинцы изъ Колычева, они доказательствами подкупности служить не могли, и становой сухо отвѣтилъ:

— Полѣзай на козла. Дома досмотрю, какое это такое розовое мыло, которымъ ты людей морочишь.

Жидъ взмолился.

— Ай вай! и куда же я съ паномъ пулковникомъ поѣду? И мнѣ вовсе не по дорогѣ! И я общалъ быть у пана Домбровскаго!

— Успѣешь! — холодно отвѣчалъ пулковникъ и грозно прибавилъ: — аль оглохъ? Полѣзай на козла!

Жидъ присѣлъ на корточки и собирался закричать: гевалтъ! но властная длань схватила его за шиворотъ и водворила въ таран-

тась вмѣстѣ съ коробомъ. Маркеловъ стегнулъ иноходца, и жидъ, придерживаемый могучей рукою, затрясся ни живъ, ни мертвъ по дорогѣ въ Алексѣевку.

Пріѣхавъ домой, Супруненко велѣлъ Маркелову обыскать Шлемку въ своемъ присутствіи. Открыли коробъ, перерыли и перевернули вверхъ дномъ весь товаръ—ничего подозрительнаго не оказалось. Супруненко самъ вскрывалъ каждый запечатанный кусокъ мыла. Оно пахло, хотя розаномъ ли, разобрать было трудно, но выгля-дѣло невинно, какъ всякое мыло...

— Раздѣвайся!—приказалъ Голяѳъ:—а ты смотри въ оба,— велѣлъ онъ десятскому.

Шлемка медленно снялъ свои доспѣхи и, вытрясая самъ каждую составную часть своего облаченія, почтительно твердилъ:

— А видите, пане пулковникъ, ничего нѣту...

Онъ быстро стащилъ чулки и вывернулъ ихъ на лѣвую сторону.

— Вотъ, пане пулковникъ, пусто!..—и поднесъ ихъ начальству къ самому носу. Супруненко даже пошатился отъ кислаго запаха.

— Ладно, вижу... Маркеловъ, осмотри одежду... карманы...

Десятскій осмотрѣлъ.

— Все въ порядкѣ, ваше благородіе.

— И въ подкладкѣ ничего нѣтъ?

Десятскій подпоролъ ножичкомъ подкладку и засунулъ туда волосатую руку.

— Ничего, вашего благородіе.

Жидъ стоялъ, какъ цапля, на одной ногѣ, поджимая другую отъ холода. «Ишь ты, весь въ веснушкахъ, точно крупной обсыпанъ», подумалъ становой и скомандовалъ:

— Одѣвайся, а товаръ еще разъ мнѣ покажи, можетъ быть, моя Дарья Петровна что и отбереть...

Шлемка сталъ радостно облачаться, приговаривая: «Ничего у меня, пане пулковникъ, нѣту. Я честный еврей... я не контрабандистъ...»—но въ эту минуту изъ подошвы его стоптаннаго башмака выставился уголокъ письма.

Зоркіе глаза десятскаго, быстрѣе рысыхъ, усмотрѣли бѣлый лоскутокъ и, выхвативъ изъ рукъ Шлемки башмакъ, Маркеловъ вытащилъ сложенный вчетверо узкій конвертъ.

— Вотъ, ваше благородіе!

Жидъ затрясся...

— Ваше добродіе, это не мое... Я не знаю, откуда оно... Это мнѣ подсунули... Господинъ пулковникъ, не читайте... ей-ей! не стоитъ! Это пустяки... Это мнѣ одна паненка молитву написала... на счастье.. ваше добродіе.

Но Супруненко уже читалъ письмо.

Это было посланіе панны Анели къ Валеку, благословлявшей его за труды на содѣйствіе народному ржонду. Помнился Юшке-

вичь, говорилось о фузеяхъ и порохѣ... Супруненко, якшаясь съ Романомъ и Валекомъ, мараковалъ по-польски, да и латинскій алфавитъ былъ ему памятенъ еще со школьной скамьи...

— Въ холодную!—скомандовалъ о нъ.

Маркеловъ далъ жиду напялить лапсердакъ и брюки и потащилъ за шиворотъ. Напрасно упирался Брендель и хватался за притолку... Черезъ пять минутъ онъ уже сидѣлъ въ темной, сырой клѣтѣ и, согнувъ колѣни, каталъ по нимъ рыжую голову, тихо всхлипывая, какъ наказанный ребенокъ.

Становой кликнулъ Маркелова и распоролъ туфли. Тамъ была запрятана цѣлая корреспонденція и двѣ сторублевки. Супруненко сѣлъ за изученіе письма къ Валеку, и зрачки его раскрывались все шире и шире. Гвардіи поручикъ Гречковскій выросталъ въ его глазахъ, а съ нимъ выростала и его собственная карьера: въ туфляхъ Брендель несъ въ мирную русскую губернію цѣлый клубокъ польскаго заговора, но онъ сразу ухватилъ конецъ нити и оказался въ состояніи распутать сложную интригу, по первому намеку начальства.

.....

Когда Супруненко свернулъ въ село, въ концѣ колычевской просѣки показался Валекъ на Зефирѣ. Узнавъ отъ Романа о прибытіи фактора, онъ посидѣвши домой по старой дорогѣ и сталъ поджидать Бренделя. Но тщетно ждалъ онъ его до вечера,—жидъ не являлся..

Подали ужинъ. Валекъ столовался у своего патрона. Данила Данилычъ не могъ куска проглотить въ одиночествѣ и любилъ застольную компанію. Сегодня они сидѣли вдвоемъ съ управляющимъ въ старой столовой. Данила Данилычъ былъ въ духѣ. Затянувшіеся было выборы приближались-таки, и званіе предводителя только офиціально не считалось пока за нимъ. Онъ весело болталъ о предполагаемыхъ празднествахъ, о новыхъ охотахъ, о только что купленной охотничьей лошади, которую сейчасъ лишь испытывалъ.

— Да, кстати! представьте себѣ, кого я только что обогналъ? Ёдетъ нашъ Голіаѳъ и за шиворотъ рыжаго жиды держитъ. Оглянулся... ба-ба-ба... старый знакомый. Тотъ самый жидъ-венгерець, котораго мы прошлой осенью въ Кожинѣ обрѣли, не онъ, такъ родной братъ его. И коробъ тотъ же... Впрочемъ, вѣдь васъ тогда съ нами не было... Интересно, въ чемъ онъ попался. Я хотѣлъ было спросить, да эта чортова кукла такъ неслась, что я ее едва осадить черезъ три версты успѣлъ. А тѣ съ дороги уже куда-то свернули...

Валекъ поблѣднѣлъ... Сомнѣній быть не могло.. Этотъ рыжій жидъ былъ Брендель и былъ теперь въ рукахъ у становаго, который навѣрное его обыщетъ... Романъ успѣлъ сообщить ему, что жидъ говорилъ ему о письмахъ къ Валеку и къ другимъ знакомымъ

Килинской лицам по сосѣдней губерніи, черезъ которыхъ она считала возможнымъ возстановить цѣпь отправителей.

Выйдя изъ-за стола, онъ снова велѣлъ осѣдлатъ Зефира и во весь духъ поскакалъ въ Колычево. Тучи заволакивали небо, но за ними свѣтила луна, да и Зефиръ давно изучилъ дорогу и летѣлъ, какъ стрѣла изъ лука.

На топотъ самъ Романъ вышелъ за ворота.

— Шкода!—прошепталъ Валекъ.

Они вошли въ контору.

— Брендель... я такъ и зналъ, не стоило связываться съ жидомъ,—вымолвилъ Романъ.—Въ чемъ онъ намъ нашкодиль?

— Супруненку попался,—и Валекъ передалъ сообщеніе Софронова.

Романъ насупился.

— Цо-то! А вѣдь панъ становой разнюхаетъ...

— Не разнюхаетъ, а уже разнюхаль... Надо спастись... И чего эта старая дура Килинская расписывалась? На словахъ бы сказала... А можетъ быть, она только вамъ написала?.. Гдѣ ей письмо?

Увы, въ письмѣ къ Роману, начинавшемся благословеніями и патриотическими любовными изліяніями, стояло: «То же самое пишу я и уважаемому пану Домбровскому. Радуюсь, что его уже въ 1846 году прославленное имя будетъ стоять и на новыхъ скрижаляхъ отечества, какъ человѣка, подобно его соименнику прославившаго дорогую ойчизну. Съ Бренделемъ посылаю я списокъ лицъ въ М—ской губ., а также и письма къ нимъ, на которыхъ возлагаю самыя твердыя упованія...»

Сомнѣнія оставаться не могло. И списокъ, и письма съ адресованнымъ къ Валеку включительно были теперь въ рукахъ Голаеда, и онъ съ понятиями могъ нагрязнуть ежесекундно и открыть складъ оружія. О подводѣ съ заграничными подарками знало все Колычево, и запертая ни съ того, ни съ сего вилла не могла не возбудить подозрѣній.

Романъ уже затопилъ печку и быстро сжигалъ содержимое высокой конторки.

— То же надо сдѣлать съ оружіемъ!—вымолвилъ Валекъ.

Юшкевичъ усмѣхнулся.

— Въ печку и въ каминъ не влѣзутъ укладки, какъ же сжечь ихъ?

— Виллу поджечь, пань! Виллу!..

— Да панъ, далибугъ, съ ума сошелъ! Я ночи не сплю... Огня боюсь, а онъ говоритъ: жечь!.. Въ воду, въ прудъ ваши проклятыя ящики бросить надо... И чѣмъ скорѣй—тѣмъ лучше! Времени терять нельзя!..

Поляки бросились въ садъ. Сквозь облетѣвшія черныя вѣтви свѣтила луна и бросала странную свѣтъ тѣней на усталую послѣд-

ними листьями вѣковую аллею. Въ тишинѣ ранней осенней ночи гулко падали отдѣльныя капли переставшаго дождя и шуршали на сѣдой травѣ. Издали слышалось грохотанье телѣги...

— Понятые!—мелькнуло въ умѣ обоихъ, но стукъ колесъ уже затихалъ за косогоромъ.

— Скорѣе... Скорѣе!—торопилъ Валекъ, опережая Романа на своихъ длинныхъ ногахъ.

Старикъ пыхтѣлъ и едва поспѣвалъ за товарищемъ. Долго возился онъ съ ключомъ у подъѣзда. Наконецъ распахнулась дверь, и за ней другая въ залу. Залитыя сквозъ верхнія окна яркимъ мѣсяцемъ бѣлыя каріатиды свысока смотрѣли на двухъ трясущихся людей, которые съ трудомъ толкали дрожавшими руками деревянные тяжелые ящики къ мраморной террасѣ... Увы!.. она была задраена досками на зиму и попасть на нее изъ комнатъ не было возможности...

Съ трудомъ, почти надрываясь, потащили оба одинъ ящикъ кругомъ дома и сбросили въ прудъ. Вода всплеснула и разошлась кругами. Лебеди взметнулись и закричали... Волны дошли до кулиги Арсенія Михайловича и вернулись обратно... За первымъ ящикомъ вынесли второй, потомъ третій... Высокіе голые клены съ удивленіемъ смотрѣли на темныя фигуры, на узкіе, какъ гробы, ящики и всплески принимавшаго ихъ въ свое лоно покрытаго серебристою рябью пруда...

Романъ выбился изъ силъ...

— Я не могу, панъ! обождемъ!

— Чего тутъ ждать? За Супруненкомъ панъ нешто стасковался... Ну, идемъ... времени терять нельзя... Намъ ихъ еще 12 остается...

Романъ попробовалъ ветать, но ноги его не слушались. Вдали снова гремѣли колеса, или это только такъ показалось?

— А ну васъ къ самому пану дьяволу!—ругнулся Валекъ и побѣжалъ въ домъ.

— Куда панъ!.. куда...—пролепеталъ Романъ и заковылялъ къ виллѣ.

Валекъ былъ уже въ кабинетѣ. Сорвавъ со стѣны первый попавшійся портретъ, онъ угломъ рамы разбилъ стекло въ книжномъ шкапу и выхватилъ какую-то книгу. Вырвавъ нѣсколько листовъ, онъ поджегъ ихъ спичкой и поднесъ близко къ обоямъ. Обои зажглись и потухли. Онъ сорвалъ второй портретъ, разломалъ рамы и, сложивъ въ маленькій костеръ, подложилъ еще зажженной бумаги. Холстъ загорѣлся... полетѣли съ гвоздя третья и четвертая рама и упали въ костеръ, который все потрескивалъ веселѣе.

Съ книгой въ рукахъ перебѣжалъ полякъ въ противоположный уголъ дома и вырвалъ нѣсколько новыхъ листовъ, поджигая ихъ спичкой. Его фигура на мигъ отразилась въ проснувшемся вдругъ зеркальномъ потолкѣ гобеленовой гостиной, въ каминѣ, уста-

вленномъ севрскими статуэтками, угольной, и огненные змѣйки поползли по кружевнымъ гардинамъ, недавно лишь повѣшеннымъ Евграфомъ въ ожиданіи господъ.

Какъ безумный, выскочилъ Валець въ садъ...

Романъ сидѣлъ на травѣ. Голова его отказывалась работать. Сквозь щели ставней мелькалъ свѣтъ... Онъ понималъ, что Валець недаромъ говорилъ о поджогѣ, но ему теперь было все равно... Спасенья не было... Вообще не было... Колычево было заложено... Горки все равно что проданы... Нити заговора были въ рукахъ станового. Онъ сжегъ далеко не всѣ бумаги, которыя могли явиться обвиненіемъ противъ него, а въ душѣ царилъ апатія. Даже и поджогъ виллы не могъ спасти теперь... Онъ сжалъ голову руками...

— Скорѣе, пань! скорѣе!—прошипѣлъ надъ нимъ сквозь зубы Валець:—сейчасъ загорится порохъ...

Онъ схватилъ Романа подъ мышки, поставилъ на ноги и потащилъ за собою.

Юшкевича вдругъ охватилъ безумный страхъ.

— Скорѣе! бѣжимъ, пань! скорѣе!—взмолился онъ самъ и побѣжалъ впередъ по цвѣтнику.

А пламя изъ кабинета уже перекинуло въ переднюю и въ парадную и обюсовую столовую... Уже замелькали огоньки на зеленомъ переплетѣ трельяжей въ боскетной и озарили зловѣщимъ отблескомъ словно заплывшій яркимъ румянцемъ ликъ вѣчно юной Милосской богини красоты.

Поляки были на террасѣ съ печально облетѣвшимъ хмелемъ, когда надъ старыми липами взвился къ небу огненный столбъ и съ оглушительнымъ трескомъ разсыпался миллионами искръ и раскаленныхъ галокъ.

На колычевской колокольнѣ ударили въ набатъ, и перепуганные крестьяне и дворовые подъ вой собакъ и причитанія бабъ сбѣгались на пожарище, а въ конторѣ пань Романъ Юшкевичъ, зажмуривъ глаза и заткнувъ уши, лежалъ на прорванномъ диванѣ лицомъ къ стѣнѣ...

Валець мчался бѣшеной скачкой на своемъ Зефирѣ до почтовой станціи. Тамъ онъ получилъ лошадей и поскакалъ дальше за предѣлы губерніи, предоставивъ Романа его судьбѣ.

Но недаромъ говорить пословица, что какъ русскій человекъ прытокъ заднимъ умомъ, такъ и «полякъ мондръ по шкодѣ»...

Натворивъ непоправимую бѣду, Домбровскій теперь понималъ, что въ сущности поджогъ виллы былъ лишнимъ. Если письма Клипской были въ рукахъ русской власти,—заговоръ былъ открытъ. Да и Брендель врядъ ли станетъ молчать. Спасая свою шкуру, ради смягченія участи, онъ выдастъ и его, и Романа. А потому ги-

белъ дивпаго произведенія архитектуры и цѣлаго музея рѣдкостей являлась доказательствомъ лишь его величайшей растерянности... И вдругъ онъ ахнулъ! Его рука, такъ варварски поступившая, мстила за сердце... То волшебное жилище, ради котораго Зося измѣнила ему (онъ былъ такъ увѣренъ въ ея любви!), религіи своей и родинѣ, было стерто теперь съ лица земли, и златокудрая царевна его молодыхъ грезъ обречена опять за свое вѣроломство на бѣдность. Отъ Романа онъ слышалъ о запутанности и проигрышахъ Колычева и понималъ, что безъ Юшкевича избалованному москалю не выпутаться изъ бѣды и не спасти имѣнія, заложеннаго подъ большіе срочные проценты въ цѣпкія ростовщичьи лапы купца Сердюкова.

ХІХ.

Довольно! прочь мечты больныя!
Скорѣй на волю, на просторъ,
Туда—въ поля мои родныя,
Въ завѣтный садъ и тихій боръ...
Туда, гдѣ жизнь не манитъ ложью,
Гдѣ сердце съ ней въ борьбѣ живетъ
И гдѣ теперь надъ сжатой рожью
Вечерній благовѣсть плыветъ...

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Отведенный въ отелѣ подѣ дѣтскую нумеръ отдѣлялся отъ спальни проходной шкапной, гдѣ ютилась съ работою французенка камеристка, слѣбно перешивавшая нарядный лифѣ. Несмотря на полное незнаніе языка, между ней и мамкою существовали самыя дружелюбныя отношенія, и обѣ женщины умѣли отлично понимать другъ друга.

Когда Прасковья, вернувшись съ прогулки, уложила Лизочку въ кроватку и вошла къ Жюли, та выразительно кивнула ей въ сторону спальни и махнула рукой, а потомъ подняла два пальца. Мамка только покачала головою и на цыпочкахъ черезъ спальню подошла къ запертой двери въ салонъ. Сквозь опущенную портьеру слышался смягченный польскій разговоръ. Зося что-то щебетала, но ее прерывалъ мужской голосъ и умоляюще настаивалъ: «Прѣшу... прѣшу!»

— Ахъ, ты! дьяволь усатый опять ужъ съ нею! И чего баринъ смотреть? Отвернуться не успѣть, этотъ тутъ какъ тутъ. Шагу барынѣ ступить не даетъ!

Вообще съ нѣкоторыхъ поръ Прасковья все было не по душѣ. Ужъ больно зажились они за границей. Сердце ея стосковалось по мужу да по молочному братцу Лизочки, по курносому Митяйкѣ.

— И что-то онъ, мой касатикъ, тамъ дѣлаетъ? Небойсь меня и совѣмъ позабылъ!

И, болтая съ своей питомицей, она рассказывала ей о Колычевѣ, о своей избѣ, о сынѣ, а дѣвочка слушала голосъ кормилки и словно сочувственно хлопала большими глазами. Теперь стало еще скучнѣе. Барыню онѣ почти не видятъ. Поминутно въ ихъ помѣщеніе шмыгають поляки. Приходить чуть ли не каждый день черный аббатъ въ широкополой шляпѣ, съ бѣлой плѣшинкой подѣ нею, является траурная маменька съ худосочной дочкой, которой барыня тайкомъ отдаетъ свои ношенные наряды и шляпки, вертятся, щелкая каблуками, паны съ длинными усами и цокають, словно колычевскій управляющій, а главное вотъ ужъ больше мѣсяца повадился этотъ графъ, котораго еще такъ недавно каталь въ креслѣ слезливый лакей по дорожкамъ парка.

Изъ разговоровъ съ Зосею Прасковья узнала, что они давно, чуть не съ дѣтства знакомы, но тѣмъ не менѣе не по нутру было простой безхитростной женщиноу его обращеніе съ ея госпожою. Да та и сама словно перерождалась въ его присутствіи. Все: пане, да пане!.. вертится, смѣется, а на дѣвочку и не взглянетъ...

Съ аббатомъ у нея тоже какіе-то длинные разговоры. Въ церковь свою на конецъ города куда-то стала чуть не каждое утро бѣгать, а оттуда, она сама видѣла, уже который разъ графъ ее домой провожалъ. Глаза у нея не то заплаканы, не то горять, а онъ только усы свои тараканьи крутитъ.

Барину ни до чего дѣла нѣтъ. Онъ второй мѣсяць почти дома не бываетъ. Василій говоритъ, играетъ и будто ужъ чуть ли не все Колычево въ ралетку проигралъ... Легко сказать! такое имѣніе. Земли-то сколько!

Въ номеръ осторожно постучались. Маленькій *chasseur*, казачекъ по-нашему, въ такой же, какъ у Федыки, курткѣ съ пуговками подалъ письмо.

— А *monsieur*.

Это Прасковья поняла. Самому, значить. Почеркъ деревенскій и марки русскія. Что-то пишутъ? Каково-то тамъ на родинѣ? Хороши ли озими взошли?

Прасковья глубоко вздохнула, повертѣла русское письмо въ рукахъ и пошла ѣскать Василю. Но его на мѣстѣ не оказалось. Онъ тоже съ нѣкотораго времени пропадать сталъ.

Въ эту минуту впрхнула Зося. Она была очень оживлена. Жюли подошла къ ней съ просьбой примѣрить лифъ. Зося согласилась съ нетерпѣливой гримаской.

— Ахъ, только поскорѣе, пожалуйста, я тороплюсь.

Прасковья подала ей письмо.

— Ахъ, это не мнѣ, это барину. Они еще не возвращались?

— Нѣтъ!

— Положи къ нимъ на столъ. А что, Зузя спитъ?

— Да, слава Богу.

— Ну, и отлично. Ты покорми ее кашкой потомъ. Мнѣ некогда. Я сейчасъ ѣхать должна... Жюли, да не мучьте меня. Дайте мнѣ мантилью и шляпу. Я вернусь къ шести часамъ.

Она исчезла.

Въ пять часовъ появился Иванъ Николаевичъ.

— Барыня дома?

— Онѣ уѣхали на прогулку, — отвѣтила Жюли.

Колычевъ прошелъ въ свой номеръ. Въ глазахъ его мелькала тревога. Онъ досталъ изъ кармана бумажникъ и съ усмѣшкою осмотрѣлъ пустые кармашки.

— А sec! — прошепталъ онъ и подошелъ къ столу. — Экая линія подошла какая... Надо опять писать Роману. Чортъ знаетъ... въ банкѣ уже не осталось рубля... На третью сотню тысячъ пошло. Гм... этакъ и Колычево спустить недолго. — Его взглядъ упалъ на письмо. — Отъ кого это?

Быстро разорвавъ конвертъ, Иванъ Николаевичъ началъ читать кривыя и безграмотныя строки и вдругъ побагровѣлъ. Письмо было изъ Колычева отъ Евграфа.

Въ краткихъ, но тѣмъ болѣе ужасныхъ выраженіяхъ сообщалъ барину вѣрный Личарда, что «во вчерашнюю ночь сгорѣла-вилла, пожаръ приключился около разсвѣта, загорѣлось со всѣхъ концовъ сразу и спасти ничего не пришлось. Не иначе, какъ поджогомъ загорѣлось. А кто поджегъ, тому Богъ судья, потому его, то ись пана Романа, вашей милости тестя, на утро съ драгунами куда-то увезли, а со старою паней ударъ былъ, языка съ горя лишилася, и вся правая сторона безъ движенія. Дохтуръ былъ и говорить, надежды нѣту. За послѣдніе два мѣсяца панъ много ящиковъ съ оружіями для своихъ поляковъ, сказываютъ, въ домъ свезли. Мы всѣ думали, то ваша милость изъ-за границы новыя небели и статуи присылаете. А какъ загорѣлось, порохъ, знать, рвало, потому какъ ракета, али пушка выпалила... Никого теперь въ усадьбѣ толкомъ не осталось, всѣ разбрелися. Домъ пановъ запечатали, и становой ключи увезъ. А какъ со скотомъ управимся, не знаю, дѣвки со страху разбѣжались. Я съ внучкой да съ парнишкой въ людскую перешель, туда же и старую паню перенесли. Пріѣзжайте, ваша милость, потому какъ безъ вашего наказа быть и ума не приложу. Видно, Бога прогнѣвали, что постигло насъ такое горе. Земно кланяется вашей милости покорный до гроба слуга Евграфъ Птичкинъ».

...Иванъ Николаевичъ три, четыре раза перечелъ письмо, и все еще не могъ прійти въ себя. Волненія въ Польшѣ казались такъ далеки отъ Колычева, что вообразить себѣ пана Романа причастнымъ къ нимъ и въ голову не приходило. Тесть тоже никогда ни словомъ не упоминалъ о польскихъ дѣлахъ. Онъ велъ свое дѣло въ глубочайшей тайнѣ, и даже жена его ничего до послѣдней минуты не подозрѣвала.

Первая мысль Колычева была—Зося. Какъ передать ей ужасное извѣстіе? Какъ сообщить ей этотъ тройной ударъ? Что Роману грозитъ въ лучшемъ случаѣ безсрочная каторга—онъ былъ увѣренъ... Въ казино и въ курортѣ все больше попадалось поляковъ, все чаще раздавались рѣзкія сужденія о Россіи, но, поглощенный игрою, онъ ихъ не слушалъ и съ Зосею, согласно уговору, о политикѣ не заикался. На ея отношенія къ Запольскимъ онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, зная, что его вторженіе въ эту область вызоветъ новую ссору. Знали ли тамъ о Романѣ?..

— Нѣтъ, я ничего не скажу ей!—рѣшилъ Колычевъ. —Надо прежде всего получить болѣе точныя свѣдѣнія, и онъ послалъ длинную депешу Игнатію Львовичу, прося сообщить всѣ подробности, а слѣдомъ отправилъ и полную нотаріальную довѣренность съ просьбой немедленно заложить Колычево и выслать ему хоть сколько-нибудь денегъ. Сестрѣ писать онъ не хотѣлъ. Ему было слишкомъ тяжело сознаваться передъ зятемъ въ своемъ легкомысліи.

А денегъ между тѣмъ въ домѣ не было почти ни талера. Онъ, путаясь и краснѣя, взялъ у Василія золотой и поставилъ на красное. Когда оно выпшло, онъ поставилъ выигрышъ на первую дюжину и взялъ еще два золотыхъ. Съ большимъ усиліемъ надъ собою заставилъ онъ себя отойти отъ игорнаго стола. Черная дама посмотрѣла на него съ удивленіемъ и тоже прекратила игру. А онъ почти бѣгомъ бѣжалъ домой, чтобы расплатиться съ камердинеромъ.

Такъ шель день за днемъ. Онъ выигрывалъ по мелочамъ и уходилъ. Крупше ухмылялись. Они знали по многолѣтнему опыту, что онъ излеченъ на время, что, проигравъ до 200 тысячъ, онъ радуется даже этимъ жалкимъ подачкамъ рулетки, но что когда снова получить деньги изъ Москвы, этотъ русскій бояринъ спуститъ имъ съ тѣмъ же легкимъ сердцемъ и остатокъ своего состоянія.

. . . . .
 За тысячи верстъ, среди старыхъ опаленныхъ кленовъ лежала зловѣщая груда обуглившихся стропилъ, балокъ, кирпича и мусора и странно отражалась въ зеркалѣ пруда. Бѣлокаменные ступени кое-гдѣ проглядывали сквозь черныя доски и только еще больше подчеркивали мрачность развалинъ. Свѣтловолосый мальчуганъ, оставшійся безъ призора, потому что ни дѣду, ни матери не до него, бродитъ одинъ около пожарища и, пачкая свой армячишка въ сажѣ, карабкается, чтобы разглядѣть, не сохранилось ли среди обугливагося мусора хоть что-нибудь изъ столь знакомыхъ ему сокровищъ? Последнее время панъ не пускалъ никого въ виллу. Дѣдъ ругалъ поляка и просилъ, чтобы его впустили, потому что эти дорогіе покои требовали ухода, но панъ не слушалъ, топалъ и кричалъ на дѣда. Зачѣмъ дѣдъ не написалъ и не пожаловался, какъ общалъ, барину? Будь Михалка грамотень, онъ бы самъ написалъ. И онъ ходилъ съ желѣзнымъ прутомъ и разрывалъ мусоръ.

Въ кустахъ французскаго сада онъ нашель вчера голову статуи съ отбитымъ узломъ прически, но съ совершенно цѣльнымъ лицомъ. И онъ отнесъ ее въ избу къ Евграфу и положилъ рядомъ со склеенной вазой. Онъ слышалъ о томъ, что серебро и золото должны были расплавиться въ слитки, и искалъ ихъ на мѣстѣ бывшей столовой, вороша палкой пепель и доступные его дѣтскимъ силамъ обгорѣлые куски строительнаго матеріала.

За этими занятіями застали его Игнатій Львовичъ съ Софроновымъ. Получивъ депешу, мрачный докторъ обратился за совѣтомъ и помощью къ Данилѣ Данилычу. Бѣгство Валека огорошило жуира. Онъ считалъ себя словно виноватымъ передъ Колычевымъ, что не досмотрѣлъ за своимъ управляющимъ, который, заматая слѣды, по всему вѣроятію, помогъ Роману поджечь виллу, и по первому зову явился на пожарище.

— Эй ты, что ты тутъ дѣлаешь?—окликнулъ Михалку докторъ.

— Мародеръ!—отозвался Софронъ.

Евграфъ, притаившійся слѣдомъ за господами, дернулъ внука за ухо.

— Пошелъ домой! Чего тутъ копаешь.

Видъ этихъ развалинъ надрывалъ душу старика.

— Батюшка баринъ, батюшка баринъ! И чего ты связался съ поляками!—шептали его ввалившіяся, добрыя губы, и онъ отеръ рукавомъ глаза.

— Ужасно! ужасно, точно могила.—Софронъ снялъ картузь и перекрестился.—Сколько хорошихъ минутъ, сколько человѣческаго труда и художественнаго боговдохновеннаго творчества тутъ похоронено.

— Да, не мало,—подтвердилъ Игнатій Львовичъ и сталъ излагать полученную отъ Колычева просьбу.

По конторскимъ свѣдѣніямъ оказалось, что денегъ не было ни гроша. Имѣніе уже было заложено, и что дѣлать—Игнатій Львовичъ не зналъ. Софронъ принялъ горячее участіе и тотчасъ выдалъ доктору три тысячи на проѣздъ Ивана Николаевича.

— Вызовите его во что бы то ни стало. Только личнымъ присутствіемъ онъ можетъ еще хоть что-нибудь спасти.

Когда пришло это второе письмо и выяснилась вся запутанность въ дѣлахъ, Иванъ Николаевичъ рѣшилъ объясниться съ Зосей на чистоту. Только о послѣдствіяхъ ареста Романа онъ положилъ умолчать. Относительно болѣзни пани Юзыни онъ ни минуты не сомнѣвался, вспоминая ея уходъ за собою, что Зося послѣдуетъ влеченію своего добраго сердца и возьметъ на себя обязанности сидѣлки при безнадежно-больной матери. Но едва онъ заикнулся о возвращеніи въ Колычево, жена его отвѣтила:

— Что мнѣ тамъ дѣлать? Ты самъ говоришь, за мамой хорошій ухоть. Вилла сгорѣла,—гдѣ же мы помѣстимся?

— Какъ гдѣ? въ вашемъ домѣ,—отвѣчалъ пораженный неожиданнымъ протестомъ мужъ.

— Да тамъ для насъ и мѣста не будетъ. Я сама заболѣю и Зузя тоже. Вѣдь ты не знаешь, какъ въ этой старой чубаркѣ бываетъ зимою холодно. Отецъ насыпаетъ опавшій листь вокругъ фундамента и на чердакъ, чтобы предохранить его хоть нѣсколько отъ мороза. Онъ не избалованъ, а мы все простудимся на смерть. Я остаюсь тутъ съ дѣвочкой, а ты поѣзжай.

— Но, душа моя, пойми же,—мы не можемъ продолжать вести эту жизнь. Я скрывалъ отъ тебя, но отецъ твой давно жаловался на плохія дѣла, и жить на два дома мы совершенно не имѣемъ возможности. Я понимаю, ты такъ любила эту виллу, что тебѣ тяжело будетъ смотрѣть на пожарище,—но что же дѣлать, что дѣлать! Мы разорены.

— Разорены!? Это неправда... Отецъ былъ дѣйствительно, можетъ быть, излишне щедръ и давалъ негодьямъ изъ ржонда слишкомъ большія суммы изъ доходовъ съ имѣнія, но я никогда не повѣрю, чтобы его щедрость могла довести насъ до разоренія.

Колычевъ обомлѣлъ.

— Какія суммы? Какому ржонду?

— Какому ржонду?.. Да что ты съ неба, что ли, упалъ?.. Нашему народному ржонду въ Варшавѣ.

— Какъ?

Онъ сжалъ кулаки. Онъ думалъ, что Романъ уступилъ чимъ-нибудь настояніямъ и отдалъ виллу подъ складъ оружія, но мысль, чтобы его деньги, русскія дворянскія деньги шли на поддержку мятежа въ Польшѣ,—никогда ему не приходила въ голову. Такъ, значить, Зося знала о сношеніяхъ отца съ бунтовщиками! Знала и молчала.

— Какъ же смѣлъ твой отецъ брать эти деньги и давать мерзавцамъ на ихъ подлое дѣло?

Зося вспыхнула.

— Смѣлъ, потому что я ему позволила, и давалъ не на подлое, а на святое дѣло. Онъ не виноватъ, что эти люди оказались мерзавцами. Онъ самъ былъ повстанцемъ въ 31-мъ году и относился всю жизнь честно къ родинѣ. Всѣ деньги, которыя шли черезъ его руки, онъ давалъ на ойчизну и не хотѣлъ наживаться у твоего дяди, какъ ему совѣтовали многіе.

Колычевъ багровѣлъ все сильнѣе и сильнѣе.

— И это ты, ты говоришь такъ спокойно, такъ смѣло глядя мнѣ въ глаза!? Значить, и все эти годы ты знала, что меня обворовываютъ, и молчала... Боже мой, Боже мой!.. Уходи... Дай мнѣ успокоиться... Я долженъ обдумать, что мнѣ теперь дѣлать...

— Играль бы поменьше, такъ о разореніи бы и разговора не было,—бросила Зося и позвонила Жюли.

— Дайте мнѣ плащъ и шляпу.

Она вышла. Она торопилась на свиданіе со Стасемъ.

Мысль, что ей грозитъ разлука съ ея коханымъ, казалась ей настолько недопустимой и невѣроятной, что она отгоняла ее и рѣшила пока вовсе не передавать этого разговора возлюбленному.

XX.

И жизнь и смерть—и все такъ просто...
 О, смѣйся, смѣйся же задорно...
 Когда-нибудь въ землѣ погоста
 Мы будемъ все молчать упорно.
 И воскъ, что пчелы собирали
 Въ счастливый полдень съ липокъ стройныхъ
 Растопится слезой печали
 Подъ хоръ молитвъ заупокойныхъ.

(Изъ «Пѣсень вабытой усадьбы». М. К.).

А Иванъ Николаевичъ, хрустя пальцами, ходилъ и ходилъ изъ угла въ уголь.

Если бы не Лизочка, онъ зналъ бы, что сдѣлать. Его дядя подалъ ему примѣръ. Но жить нужно, нужно для нея.

Сознаніе, что эта женщина, бывшая его женою, боготворимую имъ не менѣе, если не болѣе первой, той, которой онъ клялся у гроба не искать замѣны,—женщина, казавшаяся ему ангеломъ, такъ самоотверженно ходившая за нимъ во время его болѣзни, все время, всѣ эти три слишкомъ года лгала и притворялась,—это сознаніе било какъ молотомъ по его мозгу, по сердцу и сжимало душу холодно-безпощадными тисками. Значить, уже тогда, когда онъ вѣнчался съ нею, она это знала. И знала, на что идетъ. Вѣдь она сама говорила, что Романъ обѣщаль убить ее за бракъ съ нимъ, русскимъ. И она шла за москаля не по любви,—онъ усмѣхнулся,—нѣтъ, чтобы легче было пользоваться русскими деньгами для своихъ польскихъ цѣлей.

Все было комедіей, заранѣе искусно подстроенной. И ея слезы па могилѣ дяди, и это тайное вѣнчаніе,—вѣдь это она же сама тогда въ аллеѣ навела его на мысль принудительно повлѣять на отца Никиту, чтобы онъ не медля повѣнчалъ ихъ, не давъ опомниться ему... Комедіей было и ихъ возвращеніе въ родительскій домъ, и слезы ея и родителей. А онъ, какъ слѣпой дуракъ, шелъ въ эти сѣты и запутывался все больше и больше въ дѣлахъ, потому что, при его состояніи, даже проигранныя 200 тысячъ разореніемъ не угрожали. Нѣтъ, его разорили именно эти тайныя суммы, которыя утекали неслышно и незамѣтно, заставляя его неволью слу-

жить вражьей интригѣ, становиться невольнымъ измѣнникомъ царю и родинѣ. Онъ, Иванъ Колычевъ, предатель Россіи?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

Послѣ этого открытія они вмѣстѣ жить не могутъ. Онъ возьметъ дочь и увезетъ ее въ Россію къ сестрѣ своей. Сашенька не откажетъ. Она всю жизнь желала имѣть дѣтей, и онъ отдастъ ей свою русскую, да, да! русскую дѣвочку и скажетъ:

— Возьми и воспитай мою дочь! Искорени ты своею русскою добротою и великодушіемъ всю фальшь, влитую польской матерью въ ея жилы!

Онъ прошелъ въ дѣтскую. Лизочка только что отѣла кашку и стучала ложкой по столу. Отецъ взялъ ее на руки и страстно прижался губами къ ея бѣлой, нѣжной, сладко пахнущей шейкѣ.

— Радость моя!

Дѣвочка заболтала ножками и закричала:

— Ябки, папа! Ябки! ябки!

— Что она такое говорить?

Прасковья сердито отвѣтила:

— Это все тотъ, усатый, поетъ.—И, принявъ дѣвочку и подбрасывая, запѣла: «Тоси, тоси, видвидлони!»

Лизочка хохотала и била въ ладоши.

Колычевъ горько усмѣхнулся.

— Уже!.. дѣвочку нянчать по-польски, она научится польской рѣчи, польскимъ ухваткамъ и стихамъ, а тамъ и польскимъ взглядамъ? Нѣтъ, довольно. Скорѣе, скорѣе отсюда...

— Собирайся, мы завтра уѣзжаемъ.

Прасковья даже ротъ разинула.

— Слава тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Пресвятая Богородица...

Колычевъ позвонилъ и потребовалъ счетъ. Прикинувъ въ умѣ свои приблизительные расходы, онъ увидѣлъ, что присланныхъ денегъ далеко не хватить. Онъ запечаталъ въ конвертъ полторы тысячи для Зоси, заперъ тысячу двѣсти въ столяръ, а триста положилъ въ бумажникъ и вошелъ въ игорный залъ. Дама въ черномъ была тутъ. Колычевъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Значить, онъ выиграетъ. Черезъ полчаса передъ нимъ уже лежало 18 тысячъ талеровъ, онъ всталъ. Денегъ было довольно. Хватить на всѣ расплаты и останется достаточно на дорогу.

Мысль работала спокойно. Что бы ни случилось,—хуже быть не могло. Они разойдутся, разойдутся полюбовно. Онъ вернетъ ей ея свободу и будетъ выплачивать 10,000 въ годъ. На это денегъ хватить, Во всякомъ случаѣ онъ будетъ трудиться, работать, станетъ батракомъ, если нужно, но деньги эта женщина имѣть будетъ. Что она съ ними дѣлать станетъ,—отнынѣ его не касается. Это ея личное дѣло...

Позвонили къ табльдоту. Зося не возвращалась. Онъ велѣлъ подать обѣдъ въ салонъ. Кельнеръ принесъ счетъ. Не было плачено три недѣли. Онъ расплатился и велѣлъ Василию укладывать вещи.

Узнавъ о сборахъ, Жюли постучалась и спросила, когда они ѣдутъ.

— Madame va rentrer. Elle vous donnera ses ordres, — отвѣтилъ Колычевъ.

Но французенка рѣшила не терять времени и принялось тоже разбирать шкапы и комоды и вытащила сундуки.

Зося вернулась. Увидавъ укладку уже въ полномъ ходу, она вся затряслась. Вотъ какъ! онъ не на шутку хочетъ увезти ее въ Россію? Ну, такъ она ему покажетъ. Пусть онъ себѣ уѣзжаетъ, скатертью дорога! она останется съ Зузей, и никакая сила не заставитъ ее покинуть Стася. Она скинула плащъ и сорвала съ рукъ намокшія перчатки. Въ эту минуту явился Василій съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ къ барину.

Зося влетѣла, какъ разъяренная оса.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она, не садясь.

— Присядь, пожалуйста! дѣло не такъ просто. Вотъ,—подавай онъ ей конвертъ,—тутъ полторы тысячи рублей. Больше дать тебѣ я въ эту минуту не могу. Счеты въ гостиницѣ и въ магазинахъ уплачены, и если ты будешь благоразумна, денегъ тебѣ на полтора мѣсяца хватитъ. Ты выразила желаніе оставаться за границей,—я тебѣ не препятствую. Оставайся, но я завтра уѣзжаю съ Лизочкой въ Россію. Женщина, которая лгала и притворялась такъ хладнокровно три года, не можетъ быть воспитательницей моей дочери, и я ее увожу отъ тебя.

Зося окаменѣла. Никогда не приходила ей въ голову мысль, чтобы онъ осмѣлился такъ поступить съ нею. Она видѣла по его тону, что его рѣшеніе непоколебимо... Плакать, увѣрять въ любви его? Она только что вырвалась изъ объятій Стася и говорить о любви къ мужу сразу послѣ пламенныхъ ласкъ возлюбленнаго было физически противно. Пусть его уѣзжаетъ,—Богъ съ нимъ! Но дочери онъ не получить. Развѣ Зузя не больше ея дочь, чѣмъ его? Развѣ не она ждала и носила ее девять мѣсяцевъ? Не она родила ее въ этихъ адскихъ мукахъ, съ раздирающими душу криками и стонами? Не она съ минуты ея появленія на свѣтъ нянчила и холила, и воспитывала ее? А онъ! при чемъ онъ тутъ? За данное ею же ему физическое и нравственное счастье онъ отберетъ отъ нея ея дочь?.. Никогда!

И со злорадной насмѣшкой она отвѣтила:

— Твоей дочери я и не собиралась воспитывать. Зузя вовсе не твоя дочь.

Колычевъ не понялъ.

— Какъ не моя? Она твоя, я это знаю, Но вѣдь столько же и моя, и я моихъ правъ тебѣ на нее не уступлю. Она русская и вернется со мною въ Россію.

Но Зося уже закусила удила, и ничто остановить ее не было въ силахъ.

— Она не твоя дочь, повторяю тебѣ!—она громко и задорно за-смѣялась.

Онъ вскочилъ и схватилъ ее за обѣ руки.

— Такъ чья же, говори, негодная полька!

— Она такая же негодная полька, какъ я... Она дочь графа Станислава Запольскаго. Я его любовница и была ею съ давнихъ поръ, еще до знакомства съ тобою...

— Ты лжешь... Бога ради, скажи, что ты солгала!—молилъ онъ и почти раздавилъ ей руки, глядя на нее жалобными, замученными глазами.

— Я повторяю тебѣ: Зузя, слышишь? Зузя, а не Лиза,—дочь графа Запольскаго, и въ ея жилахъ нѣтъ капли москальской ненавистной крови.

— Клянись!

— Клянусь!—и она глядѣла ему прямо въ глаза съ ненавистью. Она также не опустила своихъ, какъ тогда на допросѣ у отца.

Колычевъ разжалъ руки.

— Пе-ре-кре-стись!—едва выговорили блѣдныя, сухія губы.

Зося перекрестилась

Онъ не упалъ въ обморокъ, не сошелъ съ ума. Онъ спокойно сказалъ:

— Уходи...

Она вышла...

Прошелъ часъ.

Люди ходили по коридору, устланному наряднымъ ковромъ. Гдѣ-то далеко въ концѣ трещалъ электрическій звонокъ. Сновали кельнеры съ подносами. Мелькали горничныя въ бѣлыхъ наколкахъ съ пышной пloidкой. За закрытыми дверями Василій, Прасковья и Жюли укладывали сундуки и чемоданы. Иванъ Николаевичъ сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ.

Это было письмо къ сестрѣ.

«Мой другъ, единственный и дорогой, моя славная сестренка Санюшка!

«Не сѣтуй на меня, когда это посланіе, дойдя до тебя, окажется замогильною просьбой твоего несчастнаго и безпутнаго брата. Я много проигралъ въ рулетку, не въ ней дѣло....

«Только что узналъ я отъ той женщины, которую три года считалъ своею женою, что все время она обманывала меня, разоряя сперва съ отцомъ своимъ въ денежныхъ дѣлахъ, а потомъ съ любовникомъ,— прости за это ужасное, циничное для тебя слово, но другое мой умъ

подобрать отказывается. Все же я перенесъ бы этотъ ударъ, какъ перенесъ и извѣстіе о пожарѣ колычевской виллы, подожженной моимъ полякомъ-тестемъ, дабы скрыть слѣды въ немъ сложеннаго для польскихъ мятежниковъ оружія, какъ перенесъ и свое разореніе. Я остался бы жить для дочери. Я хотѣлъ отвезти ее къ тебѣ и просить взять на себя ея воспитаніе; я зналъ, — ты бы съ радостью взялась за него, а я работалъ бы до изнуренія ради ребенка, котораго считалъ своимъ. Но дѣвочка, получившая при крещеніи имя Елизаветы Ивановны Колычевой, священное для насъ съ тобою имя нашей матери, оказалась дочерью любовника моей жены—Запольскаго. Ея мать сама мнѣ въ этомъ только что созналась. Я не вызвалъ его... не стоить... Пусть ихъ живутъ!. Но ты поймешь, что у меня послѣ этого охота жить прошла...

«Мнѣ больно, что, разоряя меня, отецъ моей жены подорвалъ и твое благосостояніе, и я не въ силахъ выплатить тебѣ твоей части по дядиному наслѣдству, какъ мнѣ того хотѣлось и какъ я обѣщаль тебѣ. Напрасно Simon не далъ намъ раздѣлиться, пока еще я былъ богатъ. Теперь я умираю нищимъ. Если бы та дѣвочка была моею,—это было бы ужасно, теперь это мнѣ, конечно, безразлично.

«Прощай же еще разъ. Прощай и прости. И если у тебя повернется языкъ и поднимется рука, помолись ты, добрая и чистая, за грѣшную душу твоего брата

Ивана Колычева».

Онъ запечаталъ письмо, написалъ адресъ, наклеилъ на конвертъ марку и спряталъ его въ карманъ. Потомъ позвонилъ Василия и Прасковью.

— Вотъ вамъ за это время,—и онъ далъ имъ по 200 рублей,— а это,—онъ подаль камердинеру запечатанный конвертъ,— про всякій случай. Мало ли что случиться можетъ.

Не слушая благодарностей взволнованной прислуги, Колычевъ вышелъ.

У освѣщеннаго подъѣзда толпились кельнеры и портье. Изъ залы ресторана слышались веселыя рѣчи разодрѣтыхъ, декольтированныхъ женщинъ, хлопанье пробокъ и звонъ посуды. Широкими пятнами падалъ свѣтъ газовыхъ рожковъ на плиты тротуара. Иванъ Николаевичъ остановился на минутку и опустилъ письмо въ кружку.

— Оно пойдетъ черезъ четверть часа. Теперь три четверти десятаго. Письма берутъ въ десять,—любезно предупредилъ швейцарь.

Колычевъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

Онъ шелъ по многлюднымъ, ярко освѣщеннымъ улицамъ. Въ раскрытыя двери кафе неслась музыка.

«Darum fälltes auch so schwer
Auseinander zu gehen,
Wenn die Hoffnung nicht wär
Auf ein Wieder—Wiedersehen!...»

Выводилъ голосъ плясавшей на эстрадѣ тироляки, и хоръ подхватывалъ:

Lebe wohl! Lebe wohl!
Lebe wohl... Auf Wiedersehen!

Дѣвочка съ розами попалась навстрѣчу.
— Es sind meine allerletzten Rosen!—предложила она.

Онъ сунулъ ей монету и взялъ цвѣты.

Остановились два знакомыхъ господина, сосѣди по табльдоту; онъ любезно улыбнулся и раскланялся.

— Вы въ казино?

— Нѣтъ, просто провѣтриться!

— Да, чудная погода... А мы играть. До свиданья!

Они прошли мимо. Онъ вошелъ въ паркъ.

Тамъ, гдѣ кончалась послѣдняя расчищенная дорожка и начинались первыя оголенные теперь деревья чернаго лѣса, онъ остановился, перекрестился, вынулъ револьверъ и, приложивъ его къ виску, спустилъ курокъ.

. . . . .

На темно, темно-синемъ высокомъ небѣ водили хороводы золотыя звѣзды. Кроткими, но зоркими очами пронизывали онѣ сѣти безлистныхъ вѣтвей и свѣтили на скрытую подъ ними безмолвную землю. Печально мерцали ихъ длинные лучи надъ чернымъ пожарищемъ и свѣтлымъ, отражавшимъ его прудомъ, и надъ обращеннымъ къ нимъ за тысячи верствъ блѣднымъ, оттѣненнымъ сросшимися бровями ликомъ того, чье счастье было погребено тутъ подъ обугленными развалинами, кто лежалъ, одинокій и обманутый, подъ сѣнью трепетавшихъ отъ страха и ужаса незнакомыхъ липъ и дубовъ на далекой, чужой сторонѣ.

. . . . .

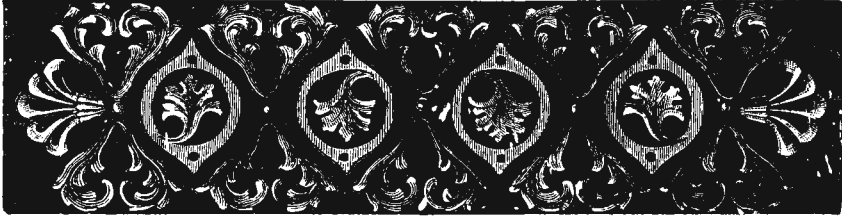
Когда Колычево шло съ торговъ, конкуррентами явились двое покупателей: потомственный почетный гражданинъ и 2-ой гильдіи купецъ Матвѣй Максимовичъ Сердюковъ и жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Николаевна Сотова.

Вотчина господъ Колычевыхъ осталась за послѣднею.

М. Г. Веселкова-Нильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

Н С. Скворцовъ.—К. А. Тарновскій.—Урокъ, данный Тарновскому Скворцовымъ.—«Дневникъ приключеній».—Редакція «Будильника».—Суховъ, Вороновъ, Левитовъ, Бабиновъ.—Литературная богема.—Смерть Воронова.—Таинственные голоса.—Даргомыжскій.—Его нервность.—Встрѣча моя съ нимъ въ домѣ Бѣгичевыхъ.—Процессъ старика Вердеревскаго.—Бездушная шутка его внука В. Шиловскаго.—Арестъ Вердеревскаго.—Публичная казнь.—Фотографическій снимокъ у позорнаго столба.—Отношеніе М. В. Бѣгичевой къ отцу.—Смерть жены Бѣгичева.—Осаротѣвшія дѣти.—Вторая женитьба Бѣгичева на девятый день послѣ смерти жены.

ОДНИМЪ изъ дѣятельныхъ и особенно суетливыхъ и безпокойныхъ членовъ нашей редакціи былъ нѣкто Тарновскій, бурная житейская карьера котораго толкала его въ самыя крайнія профессіи. Ловкій и пронырливый, какъ всѣ поляки, и къ тому же какъ-то особенно рѣшительный и смѣлый, Тарновскій, сынъ московскаго брендъ-майора, поочередно былъ и великосвѣтскимъ дэнди, и чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и бойкимъ драматургомъ, и одно время, послѣ удачной и выгодной женитьбы своей на богатой молодой красавицѣ Нащокиной даже инспекторомъ репертуара московскихъ императорскихъ театровъ.

Въ эпоху, о которой я веду рѣчь, Тарновскій былъ уже пожилой человѣкъ, обладавшій какою-то исключительной, ему одному свойственной, почти наглою смѣлостью, создавшей ему массу враговъ.

Въ нашей редакціи онъ не нравился никому, и былъ исключительно друженъ только съ самимъ Скворцовымъ, котораго называлъ «патрошка» и съ которымъ обходился съ присущей ему смѣлою безцеремонностью.

Меня лично Тарновскій очень любилъ въ память моей театраль-ной дѣятельности въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», пользовавшихся въ то время громаднымъ вліяніемъ въ артистическомъ мірѣ, и свою симпатію ко мнѣ онъ какъ-то обидно подчеркивалъ по отноше-нію къ остальнымъ сотрудникамъ, передъ которыми почему-то тозировалъ, въ крайнемъ обскурантизмѣ своемъ глубоко убѣж-денный, что свѣтскій лоскъ и близкое знакомство съ иностран-ными діалектами являются крайнимъ пунктомъ человѣческаго развитія.

Скворцовъ, по непростительной слабости, позволялъ иногда Тарновскому вмѣшиваться въ составленіе газетнаго нумера, и тогда все, за исключеніемъ театра и свѣтскихъ сплетенъ, отходило на второй планъ, и газета принимала какой-то исключительно игривый тонъ.

Неудобство такого вторженія «легкаго жанра» въ серьезное дѣло вполнѣ сознавалось самимъ Скворцовымъ, и онъ вмѣстѣ съ нами не всегда съ радостью встрѣчалъ появленіе въ стѣнахъ редакціи шумнаго и развязнаго Тарновскаго.

Однажды онъ влетѣлъ къ намъ какъ-то особенно стремительно и, несмотря на просьбы и увѣщанія Скворцова, не соглашался уйти и серьезно мѣшалъ намъ заниматься, чѣмъ окончательно возмутилъ противъ себя всѣхъ. Мы заявили громкій и дружный протестъ противъ его шумнаго вторженія, и онъ, громко крикнувъ: «Ну, и аде, коли такъ!...» тяжелымъ галопомъ пролетѣлъ по громадной редакціонной залѣ, на лету схватилъ съ окна первую попавшуюся ему подъ руку мѣховую шапку и вылетѣлъ изъ редакціи, скользя по паркету съ легкостью и ловкостью молодого, плохо дрессированнаго слона.

Надо сказать, что Тарновскій былъ огромнаго роста и обладалъ такой массивной корпуленціей, что съ своей громадной, изсѣда-плѣшивой головой былъ извѣстенъ всей Москвѣ подъ характернымъ прозвищемъ «бѣлаго слона».

Выведенный изъ терпѣнія неутомнымъ шумомъ «бѣлаго слона», Скворцовъ порѣшилъ на этотъ разъ проучить его и вмѣстѣ со всѣми нами придумалъ слѣдующій замысловатый фортель.

Онъ въ отдѣлѣ «московской хроники» помѣстилъ бойкую замѣтку о томъ, что наканунѣ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» бурей влетѣлъ громаднаго роста незнакомецъ, видимо, ненормальный, принялся сначала шумѣть и кричать, и затѣмъ, усиленно выпрова-живаемый, темпомъ мазурки пронесся кругомъ редакціоннаго стола и бурей вылетѣлъ изъ залы, захвативъ на ходу чужую шапку. Послѣднее было совершенно вѣрно, и шапку онъ дѣйствительно надѣлъ чужую. Далѣе въ замѣткѣ говорилось, что по тщательномъ дознаніи незнакомый психически-больной оказался дворяниномъ Тарновскимъ, проживающимъ дома, подъ наблюденіемъ родныхъ,

и изрѣдка вырывающимся на свободу, при чемъ каждый изъ его побѣговъ ознаменовывается какимъ-нибудь скандаломъ.

Замѣтка эта, само собою разумѣется, была помѣщена только въ ограниченномъ количествѣ нумеровъ, которые и были розданы съ особымъ расчетомъ разносчикамъ, только по выбору конторы, такъ какъ розничная продажа въ то время производилась только отъ собственной артели «Русскихъ Вѣдомостей».

Тарновскій жилъ въ это время на Большой Ордынкѣ за Москвой-рѣчкой, занимая большой купеческій особнякъ, расположенный на широкую ногу. «Мажордомомъ» у него состоялъ личный его камердинеръ, носившій прозваніе «Перцова» за его всегдашнюю готовность вернуть въ разговорѣ съ бариномъ какую-нибудь шпильку и сообщить какую-нибудь непріятную новость.

Само собою разумѣется, что тому разносчику, который долженъ былъ подать номеръ въ квартиру Тарновскаго, данъ былъ номеръ, снабженный замѣткой объ немъ, и понятно, съ какой поспѣшностью бросился въ спальню барина Перцовъ, всегда успѣвавшій пробѣжать номеръ газеты до пробужденія Тарновскаго.

— Извольте-ка встать, Константинъ Августинычъ!..—прогремѣлъ Перцовъ, буквально врываясь въ спальню барина.—Извольте-ка пробудиться!.. Есть отъ чего прямо-таки горошкомъ, съ позволенія сказать, вскочить!..

Перцовъ, вообще довольно смѣлый и фамиліярный, въ моменты особаго оживленія прямо-таки «съ цѣпи срывался», по выраженію Тарновскаго, и ни съ чѣмъ уже ровно не считался.

— Что такое?.. Что съ тобой?! — удивился Тарновскій. — Съ ума ты, что ли, сошелъ, Перцовъ?

— Сошелъ, это точно, да не я, а пріятель вашъ Скворцовъ, Николай Семеновичъ! Докладывалъ я вамъ вчера, что не въ своей шапкѣ домой вернулись!.. Вотъ и въ газетѣ про это самое сегодня написано, да вѣдь такими словами изображено, что прямо читать зазорно!!.

И онъ протянулъ ему номеръ «Русскихъ Вѣдомостей».

— Что такое?.. Я ровно ничего не понимаю изъ всего того, что ты тутъ наболталъ!..—нетерпѣливо крикнулъ Тарновскій, вырывая изъ его рукъ номеръ газеты. — Про какую шапку ты толкуешь?.. И при чемъ тутъ «Русскія Вѣдомости»?..

— А объ этомъ вы ужъ господина Скворцова спросите!—продолжалъ ворчать Перцовъ, приготавливая все къ барскому вставанію.

Тарновскій тѣмъ временемъ пробѣгалъ поданный ему газетный листъ и, дойдя до отдѣла «московскихъ извѣстій», какъ безумный вскочилъ съ постели.

— Откуда ты взялъ эту газету?..—крикнулъ онъ.—Кто тебѣ ее далъ?

— Кто?.. Конечно разносчикъ!

— Какой разносчикъ? Тотъ, который всегда подаетъ газету?
 — Извѣстно, тотъ! Кому же другому?..
 — Ты въ этомъ увѣренъ?
 — Слава тебѣ Господи!.. Не знаю я своего разносчика?! Не первый день его вижу!

— Бѣги на уголь,—засуетился Тарновскій, суя въ руки Перцова первую попавшуюся ему ассигнацію.—Скупи всѣ нумера, и всѣ ихъ мнѣ сюда принеси! Слышишь?..

— Извѣстно, слышу!.. непочтительно отвѣтилъ Перцовъ и, самъ глубоко заинтересованный необычайнымъ событіемъ, поспѣшилъ къ ближайшему разносчику.

Но маневръ этотъ былъ предвидѣнъ Скворцовымъ, и стоявшій на Большой Ордынкѣ разносчикъ, хорошо знавшій въ лицо и самого Тарновскаго, и его камердинера, былъ снабженъ особой пачкой газетъ, которую былъ уполномоченъ продать только этимъ именно покупателямъ.

Перцовъ, на ходу просмотрѣвшій пріобрѣтенные нумера, вернулся къ барину торжествующій.

— Чему ты радъ, дуракъ несчастный?..—крикнулъ на него Тарновскій и, одѣвшись съ лихорадочной поспѣшностью, бросился къ Москворѣцкому мосту.

Весь маршрутъ его былъ предвидѣнъ съ предательской аккуратностью, и Василій Кирилловичъ Хлѣбниковъ, состоявшій въ то время управляющимъ конторой «Русскихъ Вѣдомостей», всюду по пути его принималъ свои мѣры.

У Москворѣцкаго моста Тарновскаго ждала тоже специально для него приготовленная пачка газетъ, и тогда уже онъ, окончательно потерявъ голову, бросился въ городъ и по пути принялся скучать всѣ наличные нумера, не заглядывая въ нихъ и не знакомясь съ ихъ содержаніемъ. Такъ доѣхалъ онъ до Арбата, въ одномъ изъ переулковъ котораго помѣщалась редакція «Русскихъ Вѣдомостей». Это было уже около двухъ часовъ, и въ предвидѣніи его визита Скворцовъ, жившій черезъ два переулка отъ редакціи, въ этотъ день пришелъ въ редакцію раньше обыкновеннаго.

Тарновскій влетѣлъ къ намъ, какъ буря.

— Патрошка!.. Что жъ это такое?! Ты съ ума сошелъ?!—накинулся онъ на Скворцова, встрѣтившаго его взрывомъ неудержимаго смѣха.—Что ты тамъ наплелъ въ своей дурацкой газетѣ?!

— Да ужъ тамъ дурацкая она, или нѣтъ, а нумеръ нарасхватъ прошелъ!..—продолжалъ смѣяться Скворцовъ.—Всѣ разносчики вернулись съ новыми требованіями нумеровъ. Я ужъ распорядился печатать второй комплектъ, а то на почту отправлять нечего будетъ! Сегодня и то задержали съ отправкой. На одну Москву нумеровъ не хватило?

— Господи!..—схватился за голову Тарновскій.—Такъ ты намѣ- рень еще печатать добавочные нумера?

— Конечно, разъ на нихъ такой большой спросъ!

— И ты думаешь, что я тебѣ это позволю?

— Вотъ дуракъ!.. Да я и позволенія твоего спрашивать не стану!

— Да пойми же ты наконецъ, что весь мнимый спросъ на газету я тебѣ устроилъ, и что твой номеръ дурацкій не только не разо- шелся усиленно среди публики, а вовсе до нея не дошелъ!

— Какъ такъ?..—лукаво улыбнулся Скворцовъ.

— А очень просто! Я всё почти нумера скушилъ. Вонъ тамъ у подъезда, въ саняхъ у меня груды газеты твоей сложены.

— Неужели?.. Вотъ спасибо!.. Только ты ужъ больше-то не скупай, потому что какъ никакъ, а публикѣ тоже надо что-нибудь оставить.

Мы всё, едва удерживаясь отъ смѣха, слушали этотъ оживлен- ный разговоръ.

Тарновскій подозрительно осмотрѣлся по сторонамъ.

— Я вижу, что вы тутъ въ заговорѣ!.. Ужасно это все глупо, и ежели ты, патрошка сейчасъ же не отмѣнишь своего распоряженія вновь печатать номера, такъ я прямо отсюда къ инспектору отпра- влюсь... Я въ главное управленіе телеграфирую!..

— Да что съ тобой?.. Какая тебя муха укусила?...—продол- жалъ смѣяться редакторъ.—Чѣмъ тебѣ сегодняшній номеръ по- мѣшалъ?..

— Какъ чѣмъ помѣшалъ?! Да вѣдь ты тамъ обо мнѣ чортъ знаетъ какія глупости написалъ!

— Объ тебѣ?.. И не думалъ!!.. Что за интересъ объ тебѣ писать? Некрологъ еще рано, а живой вовсе не занимателенъ!

Выведенный изъ терпѣнія, Тарновскій схватилъ со стола га- зету и пробѣжалъ ее... Въ самомъ дѣлѣ, объ немъ нѣтъ ровно ничего! Онъ за другой номеръ схватился—и тамъ ни слова...

— Что за нелѣпость!.. Да вѣдь я же самъ читалъ?

— То, что ты читалъ, для тебя и напечатано, чтобы пугнуть тебя и отучить по редакціямъ шумѣть и безобразить! А за усердное распространеніе моего изданія тебѣ все-таки большое спасибо. Печатать второй заводъ все-таки придется, благо ты одинъ чуть не весь первый комплектъ скупилъ!

Дѣло объяснилось. Мы всё отъ души хохотали, Тарновскій кричалъ и бранился, но въ душѣ все-таки остался очень доволенъ, что не попалъ дѣйствительно въ печать, и позаботился только изъять изъ обращенія тѣ нѣсколько нумеровъ, которые были напе- чатаны для его устрашенія.

— И все-таки все это уж-а-асно глупо!..—протянулъ онъ, ис- чезая изъ редакціи.

Комичный эпизодъ этотъ, къ полному его исправленію, однакоже, не послужилъ, и онъ до конца продолжалъ быть тѣмъ же ни надъ чѣмъ не задумывающимся смѣлымъ нахаломъ. Къ составу редакціи онъ, собственно говоря, не принадлежалъ, и многіе изъ крупныхъ и наиболѣе серьезныхъ сотрудниковъ его прямо-таки чуждались.

Временными сотрудниками редакціи состояли также пользовавшіеся въ то время большимъ успѣхомъ Вороновъ и Левитовъ, но какъ тотъ, такъ и другой, при всемъ несомнѣнномъ талантѣ своемъ, имѣли несчастіе такъ сильно и такъ часто выпивать, что на ихъ серьезное участіе никто никогда рассчитывать не могъ. Оба они состояли въ особыхъ условіяхъ съ Благосвѣтловымъ, который, купивъ все ими написанное, обязанъ былъ и все ими вновь пишущееся оплачивать, гдѣ бы это ни печаталось, приобрѣтая и это въ полную собственность, на право отдѣльнаго изданія.

Левитова я знала сравнительно мало, да съ нимъ не только познакомиться, но и видѣть его, строго говоря, было трудно. Онъ все свое время проводилъ въ ресторанахъ такого низкаго пошиба, въ которые не всякій мужчина согласился бы заглянуть. Что же касается Воронова, то онъ часто заходилъ къ намъ въ редакцію, гдѣ былъ на «ты» со всѣми, не исключая и меня.

Меня онъ любилъ исключительно, и когда приходилъ въ редакцію очень ужъ навеселѣ, то никто не могъ его такъ легко и свободно уговорить уйти или уняться, какъ я.

Въ послѣднее время своей жизни онъ пребывалъ большею частью въ редакціи «Будильника», переведеннаго незадолго предъ тѣмъ изъ Петербурга въ Москву и приобрѣтеннаго А. М. Суховымъ, подъ редакціей того же Степанова, который издавалъ «Будильникъ» въ Петербургѣ во времена Курочкина и который вмѣстѣ съ изданіемъ переселился въ Москву.

Степановъ былъ въ то время уже очень старый и усталый отъ дѣла человекъ, но прежній талантъ все еще жилъ въ немъ, и сотрудниковъ онъ принималъ со строгимъ выборомъ. Суховъ, напротивъ, приглашалъ всѣхъ сряду и, благодаря своей безхарактерности и своей русской распушенности, устроилъ въ помѣщеніи своей редакціи какой-то даровой литературный ресторанъ. Тамъ съ утра до ночи не сходили со стола вино и закуска, пиво туда приносилось дюжинами, и обѣдъ готовился на всѣхъ желающихъ и голодающихъ, а такихъ и въ то время среди литературной братіи было не мало, съ тою разницей отъ настоящей эпохи, что тогда среди литературной богемы были Вороновы, Левитовы, Успенскіе, Бабиковы, оставившіе послѣ себя талантливый слѣдъ въ исторіи современной имъ литературы, а настоящую современную намъ богему переполняютъ такіе псевдо-литераторы, имена которыхъ, Господи, Ты вѣси, и о которыхъ и при жизни ихъ знаютъ очень мало, а послѣ смерти никто навѣрное не вспомнить.

Редакція «Будильника» помѣщалась въ то время на Мясницкой, противъ церкви Флора и Лавра, и Вороновъ, какъ-то, уходя по настоянію Скворцова изъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», махнувъ рукой, крикнулъ:

— Ну, ладно, просплюсь, тогда опять приду, а теперь пока была у Флора поврала, теперь пойду въ Лавру повру.

Съ тѣхъ поръ мы всё, собираясь въ «Будильникъ», иначе не говорили, какъ: «Господа, кто идетъ къ Флору и Лавру?..»

Бывали тамъ мы всё поголовно, безтолково и безалаберно тамъ было ужасно, не всёхъ туда тянуло, потому что, при всемъ царившемъ тамъ пьянствѣ, все было строго прилично, и бесѣда лилась тамъ живая и остроумная, какъ нигдѣ.

Всѣ участники этого литературнаго табора въ общемъ работали не мало, но ни у кого никогда не было ни гроша, и всего чаще въ минуты карманной невзгоды за всёхъ отвѣчалъ и расплачивался частный приставъ Арбатской части Берновъ, который былъ женатъ на родной сестрѣ Воронова, обожавшей брата и всегда готовой помочь ему. Онъ, съ своей стороны, отвѣчая ей такую же горячей любовью, ненавидѣлъ полицейскій мундиръ и всегда находился въ оппозиціи съ ея мужемъ, что не мѣшало ему широко пользоваться его средствами.

Туалетъ богемы былъ болѣе нежели скромный, и тѣмъ сильнѣ удивились мы всё, когда Вороновъ явился однажды къ намъ въ редакцію одѣтый щеголемъ, въ модной синенькой визиткѣ англійскаго покроя и въ какихъ-то изумительныхъ, свѣтло-сѣрыхъ брюкахъ.

— Нѣтъ, да вы вникните, посмотрите, олухи вы Царя Небеснаго,—кричалъ онъ, поворачиваясь передъ нами на всё стороны, какъ заводной манекенъ.—Поймите вы, что за фасонъ?.. Притроньтесь, что за матеріалъ?.. Вѣдь это все чистѣйшей Англійей отзывается!

— А ты все-таки уйди, Христа ради...—молилъ его Скворцовъ:—потому что ты со своими модами заниматься мѣшаешь!

— Вамъ всё умные люди мѣшаютъ!..—тономъ шутливаго пренебреженія кивнулъ онъ головой и сталъ усердно уговаривать меня уѣхать съ нимъ «къ Флору и Лавру».

— Тамъ у насъ сегодня Оедосья кулебяку пекла!—соблазнялъ онъ меня.—Мой полиціантъ раскошелился и прислалъ мнѣ нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, да отъ Сухова я, кромѣ того, нѣсколько пиастровъ получилъ!.. Значить, кутимъ. Ты вѣдь свой урокъ отбыла, ну, и поѣдемъ. Что тебѣ Лукина компанія, интереснѣе кулебяки, что ли?.. Неужто ужъ въ тебѣ такъ мало вкусъ природный развитъ?...

Когда Вороновъ бывалъ пьянъ,—а это съ нимъ случалось все чаще и чаще,—то онъ особенно сильно и усердно нападалъ на Лукина, котораго онъ называлъ прямымъ антагонистомъ Бертольда

Шварца, выдумавшаго порошокъ. Лукинъ скорѣе конфузился, нежели сердился за такія нападки, и всегда кротко отмалчивался.

Скворцовъ, видя, что отъ Воронова скоро не отдѣлаешься, принялся также упрашивать меня увести моего расходившагося кавалера «къ Флору и Лавру», и мы отправились, при чемъ Вороновъ, любезно согнувъ руку кренделемъ, увѣщевалъ меня, говоря:

— Ты пойми только, съ кѣмъ ты ѣдешь?.. Вѣдь англичанинъ чистѣйшей крови.... Что фасонъ, что матерія, одинъ восторгъ! Оедосья и та даже прониклась ко мнѣ несказаннымъ уваженіемъ, когда сегодня утромъ портной привезъ мнѣ эту великобританскую пару! Въ честь моего костюма она даже сама по себѣ мнѣ рюмочку поднесла. «Ты, говорить, Михайла Митричъ, въ этомъ купстюмѣ на нѣмца похожъ, али бы на палихмахтера французскаго?» Понимаешь!? А Оедосья у насъ толкъ знаетъ! И все это мой полиціантъ отличился! Во-первыхъ, сестрѣ угодить захотѣлъ, а, во-вторыхъ, портной какой-то въ Арбатской части проштрафился, вотъ онъ его и расказнилъ, заставилъ братца своего обмундировать! Поняла?!

Оедосья, о которой шла рѣчь, была кухарка, состоявшая при редакціи и при богемѣ въ качествѣ повара и дворецкаго и хозяйки, а при случаѣ и сестры милосердія. Она съ утра до ночи воевала со своими «забудыгами», урезонивала ихъ, вытрезвляла, ежедневно требовала себѣ «расчета», клятвенно обязуясь никогда на порогъ этой «распостылой конторы» не ступать, но не ушла бы оттуда ни подъ какимъ видомъ и «забудыгъ» своихъ не промѣняла бы на самыхъ щедрыхъ и обстоятельныхъ господъ.

Этотъ визитъ, сколько мнѣ помнится, былъ послѣднимъ визитомъ Воронова въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», и знаменитую «великобританскую пару» я съ слезой искренняго сочувствія узнала на Вороновѣ, когда вскорѣ послѣ этого поѣхала на первую отслуженную у гроба его панихиду. Лежалъ онъ съ полнымъ почетомъ въ залѣ большой казенной квартиры, занимаемой его зятемъ приставомъ Берновымъ въ зданіи Арбатскаго частнаго дома, но умеръ онъ, какъ тогда говорили, въ дешевой больницѣ, доставленный туда уже почти въ агоніи, отъ «Флора и Лавра», гдѣ пролежалъ, опекаемый Оедосьей, до послѣдняго пароксизма болѣзни.

Тамъ же и при такихъ же условіяхъ дожилъ свой вѣкъ незадолго передъ тѣмъ и талантливый Бабиновъ, и Оедосья увѣряла, что ихъ «голубчиковъ» передъ кончиной начиналъ кто-то вызывать на лѣстницу, что эти вызовы были предвѣстниками скорой смерти.

Насколько это была правда, я сказать не берусь, но отъ людей въ то время посѣщавшихъ обитель у «Флора и Лавра», я слышала что при нихъ уже сильно разнемогавшійся Вороновъ внезапно вскакивалъ и, кликнувъ Оедосью, посылалъ ее взглянуть, —кто это зоветъ и ждать его на лѣстницѣ?

Бабикова тоже свезли въ больницу отъ «Флора и Лавра» дня за два или за три до смерти, и въ могилу и его, и Воронова провожала вся наличная литературная богема.

Степановъ, о которомъ я упоминала выше, былъ женатъ на родной сестрѣ знаменитаго опернаго композитора Даргомыжскаго, и я имѣла случай видѣть Александра Сергѣевича два раза у Степановыхъ и два или три раза у Бѣгичевыхъ.

Это былъ человѣкъ нервный до болѣзненности, вздрагивавшій при малѣйшемъ стукѣ и до ужаса боявшійся собакъ. Старшій сынъ М. В. Шиловской, Константинъ Степановичъ, удивительно хорошо умѣлъ подражать лаю и ворчанью большой собаки и приставалъ съ этимъ къ Даргомыжскому, который и при его лаѣ не только вздрагивалъ, но обнаруживалъ прямо боязнь, несмотря на то, что ясно видѣлъ, что собаки въ комнатѣ нѣтъ никакой, и что лаетъ и ворчитъ Костенька Шиловскій.

Я лично была свидѣтельницей, какъ Константинъ Степановичъ, усѣвшись за обѣдомъ рядомъ съ Даргомыжскимъ, сталъ сначала ворчать и огрызаться, возбуждая этимъ робкія движенія Даргомыжскаго, съ улыбкой старавшагося какъ можно отодвинуться отъ него. Затѣмъ Шиловскій полѣзъ подъ столъ и тамъ съ усиленнымъ ворчаніемъ сталъ хватать Даргомыжскаго за ноги, и, несмотря на то, что гениальный композиторъ отлично зналъ, что подъ столомъ дурачится Шиловскій, онъ подбиралъ ноги и, причмокивая губами, протягивалъ подъ столъ мнимой собакѣ косточку жаркого.

Даргомыжскій такъ же, какъ и Сѣровъ, безъ малѣйшаго поощренія отнесся къ первой оперѣ Чайковскаго «Воевода» и ни однимъ словомъ не намекнулъ на то, что въ немъ таился будущій великій музыкальный талантъ. Какъ отнеслись къ нему крупные композиторы позднѣе, я сказать не могу, но мнѣ не однажды приходилось слышать, что самыми даровитыми и глубокими его вещами признавались тѣ, которыя были написаны во время его кратковременной, но, несомнѣнно, психической болѣзни.

Что Чайковскій былъ большимъ музыкантомъ въ душѣ и что въ любимое искусство онъ вложилъ жизнь и всю душу свою,—противъ этого никто спорить не станетъ, но въ талантѣ его было что-то неровное, что-то болѣзненное, порывистое, что изобличало въ немъ не совсѣмъ нормальное настроеніе духа.

Брата Чайковскаго, Анатолія Ильича, я видала у Бѣгичевыхъ еще въ правовѣдскомъ мундирѣ, но только видала и, сколько мнѣ помнится даже, ни разу не разговаривала съ нимъ. Онъ остался въ моей памяти элегантнымъ, нѣсколько чопорно подтянутымъ правовѣдомъ, съ корректными манерами и холоднымъ свѣтскимъ тономъ. Одѣтый очень аккуратно, причесанный волосокъ къ волоску, въ прекрасно сшитомъ мундирѣ съ блестящими пуговицами, онъ былъ

діаметральной противоположностью своему брату, всегда отличавшемуся нѣсколько небрежнымъ туалетомъ, на который онъ, видимо, не обращалъ никакого вниманія.

Марья Васильевна съ своимъ безцеремоннымъ тономъ называла его за это «растрепой», но онъ, съ обычной своей спокойной, нѣсколько лѣнливой усмѣшкой встрѣчая такой эпитетъ, отъ своего полного равнодушія къ туалету не исправлялся, и въ этомъ отношеніи служилъ полнымъ контрастомъ Н. Г. Рубинштейну, любившему и прифрантиться, и на модную картинку слегка смахнуть.

Но небрежное отношеніе къ туалету Чайковскаго было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ относился къ тому же предмету Сѣровъ, одѣвавшійся съ такимъ возмутительнымъ неряшествомъ, что воротнички на его крахмальной сорочкѣ почти не отличались цвѣтомъ отъ чернаго борта его потертаго фрака.

Какъ теперь вижу я его въ вечеръ перваго представленія его чудной оперы «Рогнѣда», на которую онъ возлагалъ крупныя надежды, вполне оправдавшіяся на дѣлѣ. Успѣхъ оперы былъ громадный, и князь Одоевскій, бывшій въ этотъ вечеръ въ нашей ложѣ, съ восторгомъ говорилъ, что онъ такъ благодаренъ Сѣрову за доставленное ему въ этотъ вечеръ наслажденіе, что готовъ даже въ голову его поцѣловать, несмотря на то, что по этой вдохновенной головѣ даже наполняющія ее насѣкомыя, навѣрное, ходятъ не иначе, какъ въ калошахъ.

Чайковскій, присутствовавшій въ этотъ вечеръ въ театрѣ, сидѣлъ, какъ загнипнотизированный, и, пройдя въ антрактѣ за кулисы, бросился на шею къ тенору Орлову со словами:

— Какой вы счастливецъ, что могли воплотить въ живыхъ звукахъ такую дивную музыкальную мечту!

Все описываемое относится къ эпохѣ моего близкаго и короткаго знакомства съ домомъ Бѣгичевыхъ, и къ той же эпохѣ относится и трагическій эпизодъ въ семьѣ самой Марьи Васильевны, а именно судъ надъ ея отцомъ Василиемъ Евграфовичемъ Вердеревскимъ, вызванный громкимъ и до сихъ поръ все́мъ хорошо памятнымъ дѣломъ о крупныхъ злоупотребленіяхъ по казенной поставкѣ соли.

Въ чемъ именно заключался процессъ, я не вникала, и теперь подробно передать не могу, знаю только, что Вердеревскій обвинялся въ громадныхъ злоупотребленіяхъ, принесшихъ казнѣ чуть не миллионныя убытки.

Отданный подъ судъ, Вердеревскій долго отбивался, и Марья Васильевна, бывшая далеко не въ особенно близкихъ и родственныхъ отношеніяхъ съ отцомъ, не очень сильно заботилась о послѣдствіяхъ суда, но когда процессъ принялъ угрожающіе размѣры, то и она, при все́мъ своемъ равнодушіи, слегка призадумалась, и даже въ Нижній-Новгородъ къ отцу поѣхала, такъ какъ и служба

Вердеревского сосредоточена была тамъ, и подь судъ онъ былъ отданъ въ Нижнемъ.

У отца Марья Васильевна не остановилась, избѣгая возможности быть припутанной къ серьезному и крупному скандалу, и заняла номеръ въ гостиницѣ черезъ площадь и прямо изъ оконъ въ окна съ квартирой отца. Ее въ этой поѣздкѣ сопровождалъ ея меньшей сынъ, Владимиръ Степановичъ Шиловскій, который, несмотря на свой юный, чуть не младенческій, возрастъ (ему въ это время было 15 или 16 лѣтъ), блеснулъ при этомъ замѣчательнымъ, почти невѣроятнымъ безсердечіемъ.

Изъ оконъ номера, занимаемаго Бѣгичевой и ея сыномъ, виденъ бывъ подьѣздъ дома Вердеревского, и на другой или на третій день послѣ пріѣзда въ Нижній Володя Шиловскій рано утромъ подошелъ къ окну и увидаль, что къ дому его дѣда одинъ за другимъ подьѣзжаютъ какіе-то экипажи. Одновременно съ этимъ передъ домомъ выстроился и усиленный нарядъ полиціи.

Онъ позвалъ мать, указаль на съѣздъ и полицію и, узнавъ отъ встревоженной Марьи Васильевны, что дѣло окончится арестомъ старика, милый мальчикъ игриво заплъ музыкальную фразу изъ «Жизни за Царя»:

Налетѣли злые коршуны,
Набѣжали поляки,
Взяли въ плѣнъ они родимаго,
Сотворять бѣду надъ нимъ!..

У Марьи Васильевны, до безумія любившей и баловавшей сына, недостало даже находчивости остановить и пристыдить его за глупую и безсердечную выходку.

Вердеревскій дѣйствительно былъ въ тотъ же день арестованъ и препровожденъ въ мѣстный острогъ, гдѣ и пробылъ до дня суда и ссылки. Приговоренный судомъ къ лишенію всѣхъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь, Вердеревскій совершенно упаль духомъ, и въ конецъ разоренный тѣми тратами, какія вызваны были его долгимъ и сложнымъ процессомъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи и поддержкѣ дочери. Помощь эта, сколько мнѣ извѣстно, не блеснула особой широтой и щедростью, и старый преданный слуга старика, присланный имъ въ Москву къ Бѣгичевой, вернулся назадъ къ своему убитому горемъ барину съ самымъ плачевнымъ результатомъ порученной ему командировки.

Одинъ разъ только М. В. Бѣгичева заботливо отнеслась къ дѣлу отца, но и тутъ въ игрѣ было скорѣй чувство личнаго самолюбія, нежели любви къ отцу. Дѣло въ томъ, что осужденіе Вердеревского совпало съ тѣмъ временемъ, когда еще не отмѣнена была публичная казнь, состоявшая въ томъ, что осужденному, вывезенному при барабанномъ боѣ на городскую площадь, пуб-

лично прочитывался поразившій его приговоръ, и затѣмъ онъ на 15 минутъ выставлялся на высокомъ помостѣ, у позорнаго столба, съ руками, продернутыми въ веревочныя петли, и съ корпусомъ, чуть ли не цѣпью прикрѣпленнымъ къ позорному столбу. Такъ какъ Вердеревскій долгіе годы былъ однимъ изъ главныхъ административныхъ лицъ города и всегда гордо премиривалъ надъ всѣми, то взглянуть на его позоръ сошло и съѣхалось масса публики, и вотъ одинъ изъ мѣстныхъ фотографовъ, въ жаждѣ легкой и вѣрной наживы, придумалъ, примостившись тутъ же на площади со своимъ аппаратомъ, снять несчастнаго осужденнаго въ минуту нахождения его у позорнаго столба и затѣмъ распродавать эти жестокія «картинки» по выгодной цѣнѣ.

Марья Васильевна, бывшая въ то время въ Москвѣ и узнавшая о недостойной продѣлкѣ жида-фотографа, немедленно обратилась съ прошеніемъ на высочайшее имя, ходатайствуя о запрещеніи продажи этихъ «портретовъ», мотивируя просьбу свою тѣмъ, что законъ въ строгой карѣ своей увѣковѣченія позорной казни не предвидѣлъ и казни цѣлой семьи въ виду не имѣлъ. Просьба была немедленно доложена императору Александру II, и онъ приказалъ не только немедленно прекратить распространеніе и продажу карточекъ, но и тѣ, которыя были пущены въ оборотъ, по возможности конфисковать, возложивъ на неосторожнаго и жестокаго фотографа всѣ могущіе произойти отъ этого убытки.

Братья Вердеревскіе были какъ-то фаталистически связаны съ продовольственными злоупотребленіями, и вслѣдъ за Василиемъ Евграфовичемъ, сосланнымъ въ Сибирь за злоупотребленія по солянному дѣлу, подъ судъ отданъ былъ его родной братъ Алексѣй Евграфовичъ, обвинявшійся въ крупныхъ злоупотребленіяхъ по мучному дѣлу.

Отецъ М. В. Бѣгичевой былъ въ послѣдствіи прощень, но, сколько мнѣ извѣстно, дожилъ свой вѣкъ среди нужды и горя. Гибели его поспособствовала вражда къ нему мѣстнаго губернатора, съ которымъ онъ прежде былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и съ которымъ встрѣтился на романической почвѣ. Старикъ Вердеревскій, несмотря на довольно преклонный возрастъ, былъ не чуждъ романическихъ увлеченій, пользовался извѣстнымъ успѣхомъ у женщинъ.

Лучше и сердечнѣе всѣхъ отнесся къ старику В. П. Бѣгичевъ, но онъ самъ многого сдѣлать не могъ, такъ какъ наличныхъ денегъ жена ему не давала вовсе и даже на дѣтей его отъ перваго брака почти ничего ему не отпускала. Вообще сердечностью и корректностью семейныхъ отношеній семья Бѣгичевыхъ не отличалась, и, выйдя замужъ за Бѣгичева по страстной любви, Марья Васильевна маленькаго сына его Колю, воспитывавшагося въ то время въ кадетскомъ корпусѣ, къ себѣ домой на праздники не брала

и меньшую дочь его, отданную въ институтъ, никогда не навѣщала. При ней жила только старшая дочь Бѣгичева, Марья Владимировна, идеально кроткая и симпатичная молодая дѣвушка, присутствіемъ и выѣздами въ свѣтъ которой Марья Васильевна очень тяготилась и, вывозя съ собой, не называла иначе, какъ «привѣсокъ». Отъ Машеньки Бѣгичевой я лично слышала горькую исторію ея матери, которой приходилось переносить подчасъ самую страшную нужду въ то время, какъ мужъ ея пользовался въ домѣ Бѣгичевой всѣми благами самой широкой роскоши. О дѣтяхъ онъ не думалъ и не заботился никогда и, случайно вспомнивъ объ нихъ, посылалъ имъ, голоднымъ и холоднымъ, то бѣлыя кружевные платица, когда у нихъ башмаковъ и чулокъ не было, то громадные и очень дорогія бонбоньерки, когда имъ не на что было купить бѣлаго хлѣба къ чаю. Все это дѣлалось отнюдь не отъ недостатка природной доброты,—добръ былъ Бѣгичевъ несомнѣнно,—а единственно отъ крайней беззаботности и отъ той безавѣтной пустоты, которой онъ отличался во всѣ эпохи своей тревожной и полной переворотовъ жизни.

Первая жена Бѣгичева, урожденная Новикова, была очень милая и образованная женщина, обожавшая своего вѣтренаго мужа и до послѣдняго издыханія оставшаяся вѣрной этому обожанію.

Послѣ ея кончины меньшія дѣти вмѣстѣ съ вѣрной Марьей Константиновной оставлены были въ квартирѣ, а старшая, Машенька, въ тотъ же вечеръ была увезена въ домъ Марьи Васильевны Шиловской, гдѣ у отца ея была уже роскошно обставленная половина.

Машенька неутѣшно плакала о матери, и все, чего она могла добиться, это позволенія присутствовать на всѣхъ панихидахъ и провести ночь, предшествовавшую погребенію, у сиротливаго гроба.

Вмѣстѣ съ осиротѣвшими дѣтьми почти всю ночь эту провелъ у гроба и Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, сердечно любившій и мучительно жалѣвшій покойницу.

Первые дни послѣ погребенія Машенька выпросила у отца разрѣшенія не выходить къ шумному столу Шиловской, а на девятый день собралась рано утромъ отправиться на кладбище, на могилу матери, когда, проснувшись, къ крайнему недоумѣнію и искреннему горю своему, не нашла у своей кровати снятаго съ вечера траурнаго платья. Оно замѣнено было цвѣтнымъ, убранымъ кружевами и лентами.

Въ глубокомъ недоумѣніи она обратилась за разьясненіемъ къ приставленной къ ней горничной, и та, не глядя на нее, сообщила ей, что отецъ ея вмѣстѣ съ Маріей Васильевной уѣхали въ приходскую церковь Благовѣщенія, гдѣ послѣ ранней обѣдни назначенъ обрядъ вѣчанія.

Понятно то мучительное горе, которое охватило душу бѣдной сироты, благоговѣйно относившейся къ дорогой памяти матери. Не выждать даже шести недѣль!.. Не отстоять и не дать ей отстоять заупокойной обѣдни въ девятый день, и въ этотъ именно священный для нея «девятый день» стать подъ вѣнец!.. Такого легкомысля она даже отъ своего всегда легкомысленнаго отца не ожидала!

Но пришлось покориться и выйти къ чаю въ цвѣтномъ платьѣ, со смертью въ душѣ и съ поздравленіемъ на устахъ.

А. И. Соколова.

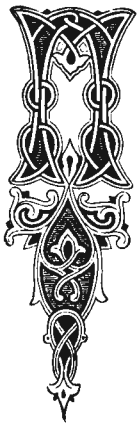

ПАПКА.

(Быль).

I.

РОШЛО три-четыре года прежде, чѣмъ великая реформа, положившая конецъ рабству нашего крестьянина, вошла въ жизнь, а взбаламученная помѣстная дворянская среда направилась по новой колеѣ. Въ Г-скомъ уѣздѣ «освобожденіе» не вездѣ обошлось безъ вмѣшательства полиціи; въ двухъ-трехъ случаяхъ призвана была даже воинская сила. И много лѣтъ спустя послѣ объявленія манифеста въ нѣкоторыхъ деревняхъ этого уѣзда встрѣчались искалѣченные мужики, на собственной шкурѣ испытавшіе всю превратность «воли» и «усердіе» нѣкоторыхъ администраторовъ, насаждавшихъ ее.

Долго еще «дворянскія гнѣзда» переживали кризисъ, не примѣняясь къ условіямъ новаго хозяйства при посредствѣ наемныхъ рабочихъ. Здѣсь, конечно, не все обходилось безъ недоразумѣній: ни прежніе рабовладѣльцы, ни освобожденные рабы никакъ не могли сразу установить новыя взаимоотношенія и мирно «призвать», по слову Царя-Освободителя, «Божіе благословеніе на свободный трудъ». Особенно круто приходилось «барамъ на всю губу»: поддерживать великолѣпные дворцы, богатыя оранжереи, конскіе заводы, роскошные парки и другія затѣи крѣпостной эпохи, при отсутствіи даровыхъ рукъ, являлось дѣломъ невозможнымъ, а измѣнить своимъ широкимъ привычкамъ, поступиться чѣмъ-либо, съезжиться и сократиться для нихъ было

равносильно смерти. Немудрено, если нѣкоторые помѣщики бросили свои насиженные гнѣзда и выѣхали за границу, предпочитая скорѣе въ корнѣ измѣнить условія своего существованія на чужой сторонѣ, чѣмъ испытывать дома неповиновеніе своихъ Машекъ и Ванекъ, возведенныхъ крестьянской реформой въ положеніе «людей».

Къ числу эмигрировавшихъ изъ нашихъ мѣстъ раньше другихъ принадлежала одна изъ вѣтвей стариннаго княжескаго рода Валицыныхъ¹⁾, считавшая своимъ предкомъ Рюрика и владѣвшая большой, въ нѣсколько тысячъ десятинъ, земельной площадью въ трехъ верстахъ отъ маленькаго уѣзднаго городка Г.

Въ родовомъ имѣніи этихъ князей, въ селѣ Лобовѣ, была построена каменная церковь однимъ изъ предковъ княжескаго рода, а передъ ней нѣсколько построекъ для причта, такъ называемая «попова слободка». Крестьянскихъ избъ князья не хотѣли видѣть вблизи своего палаццо, и ближайшая деревня Аржавицы, числившаяся въ лобовскомъ приходѣ, отстояла отъ церкви на разстояніе двухъ верстъ, какъ водилось въ «доброе, старое время». Обширный господскій домъ съ традиціонными колоннами по фронтону, съ вышками, мезонинами занималъ самую возвышенную часть имѣнія. Къ нему примыкали по обѣимъ сторонамъ два каменныхъ флигеля, а за домомъ тянулся тѣнистый паркъ, съ клумбами цвѣтовъ, съ расчищенными липовыми и ольховыми аллеями, съ живописными мостиками; въ концѣ парка разбитъ былъ фруктовый садъ со всякаго рода фруктами и ягодами, коимъ полагается произрастать въ сѣверныхъ широтахъ. На площадкахъ парка стояли статуи Венеры, Марса, Геркулеса; встрѣчались и аллегорическія изображенія, исполненныя, видимо, по заказу какого-либо владѣльца, мнящаго себя художникомъ и попытавшася отмѣтить плодомъ собственной фантазіи достопримѣчательное событіе своей жизни.

Слѣва отъ господскаго дома, за небольшой березовой рощицей стояло деревянное двухъэтажное зданіе, съ затѣйливыми украшениями въ видѣ конскихъ головъ, съ башнями и обширнымъ дворомъ. Въ нижнемъ этажѣ находились княжескія конюшни, въ верхнемъ— помѣщенія для кучеровъ, конюховъ, наѣздниковъ и другихъ дворовыхъ, имѣющихъ отношеніе къ конскому заводу. Князья Валицыны искони были извѣстны за знатоковъ и любителей лошадей, и въ ихъ Лобовѣ не переводились чистокровные англійскіе скакуны, бравшіе призы на скачкахъ. Для выѣздки лошадей и приготовленія призовыхъ коней къ скачкамъ за служебными постройками разбитъ былъ трехверстный скаковой кругъ. Въ одну линію съ конюшней тянулись каретные сараи, амбары для хлѣба и другія хозяйственныя службы. Нѣсколько поодаль отъ нихъ былъ расположенъ скотный

¹⁾ Имена въ рассказѣ вымышлены.
истор. вѣстн., июль 1911 г., т. сxxv.

дворъ, построенный такъ же красиво и основательно, какъ и конскій заводъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ дома, утопая въ зелени, возвышалась церковь со своей поповой слободкой. Кругомъ Лобова на много верстъ шли лѣса и сосновые боры. Во время Отечественной войны въ нихъ устраивались крестьянами охоты на французскихъ солдатъ, оставшихъ отъ великой арміи, при ея отступленіи изъ Москвы: Лобово со всѣми своими угодьями лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой смоленской дороги.

Послѣ реформы послѣдній владѣлецъ Лобова, князь Иванъ Ивановичъ Валицынъ, торопясь ликвидировать свои дѣла и выѣхать за границу, распродалъ конскій заводъ, а рогатый скотъ, въ количествѣ трехъ-четырехъ сотенъ коровъ, рѣшилъ оставить, благо имѣніе окружали поемные луга по рѣчкѣ Ольшанкѣ, и, стало быть, недостатка въ кормѣ не предвидѣлось. А тутъ, какъ разъ кстати, подвернулся ловкій швейцарецъ, который и предложилъ князю устроить сыроваренный заводъ. Этимъ заводомъ и было положено начало новой эрѣ въ лѣтописяхъ села Лобова, ставшаго, послѣ крестьянской реформы, на пути къ развитію бойкой промышленности. Пока же появленіе швейцарца на лобовскомъ горизонтѣ только увеличило число построекъ, способствовавшихъ оживленію общей картины. Что особенно привлекательно было въ этой усадьбѣ, это три большихъ пруда, расположенныхъ въ рядъ и соединенныхъ плотинами. Всѣ они изобиловали рыбой: одинъ — карасями, другой — громадными карпами, третій — плотвой, окунями, ершами и разной мелкой рыбешкой. И какія тони закидывались въ этихъ прудахъ... Хлѣбосольный князь Иванъ, угощая пріѣзжихъ изъ Петербурга аристократовъ, особенно подчеркивалъ, что рыба, подаваемая къ столу, поймана въ его прудахъ. Не забывалъ онъ и городского чиновничества: если къ княжескимъ обѣдамъ не получали приглашенія исправникъ, городничій, стряпчій и др., то эти нужные князю люди все-таки время отъ времени пользовались соответствующими приношеніями: цѣлыя возы рыбы, масла, дичи тянулись по улицамъ города Г. къ квартирамъ уѣздныхъ властей.

Княжескій домъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, по числу трехъ братьевъ, выстроившихъ его и когда-то вмѣстѣ здѣсь обитавшихъ. Общими покоями считались обширныя залы, разныя угловыя, диванныя, столовыя и библіотека, уставленная шкапами краснаго дерева, вся сплошь состоявшая изъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ XVII и XVIII столѣтій, въ кожаныхъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ (русская литература, какъ извѣстно, игнорировалась въ такихъ библіотекахъ).

Какъ отдѣлка жилихъ и парадныхъ комнатъ — искусно расписанные потолки, заграничныя дорогіе обои, — такъ и бронза, посуда, мебель — все говорило объ изящномъ вкусѣ родовитыхъ князей. Одно недоставало въ хоромахъ — картинъ. Послѣднія, пожалуй,

и имѣлись, но могли удовлетворить развѣ только вкусъ спортсмена, заядлаго любителя лошадей: стѣны почти всѣхъ комнатъ обвѣшивались въ Лобовѣ исключительно портретами лошадей, въ дорогихъ рамахъ, исполненныхъ кнзтью недюжиннаго художника, по всѣму вѣроятію, какого-нибудь двороваго человѣка, отданнаго въ свое время въ выучку.

Само собою разумѣется, что домъ этотъ, начиная отъ антресолей, отводимыхъ, по обычаю нашей прихотливой старины, гувернерамъ и гувернанткамъ, обслуживавъ цѣлый штатъ прислуги: дворецкихъ, лакеевъ, камердинеровъ, камеристокъ, буфетчиковъ, съ сонмомъ ихъ помощниковъ и казачковъ. Привольно, весело и беззаботно жилось всей этой челяди, пухнувшей отъ бездѣлья. Родъ князей Валицыныхъ, отличавшихся русскимъ добродушіемъ, воспитывался, въ послѣднихъ своихъ представителяхъ, на идеяхъ французскихъ энциклопедистовъ, и хотя князья, начиная съ конца XVIII вѣка, странствуя постоянно за границей, забывали свой родной языкъ и никогда не научились правильно говорить по-русски, но гуманность свою распространяли и на крестьянъ и на дворовыхъ людей. Къ чести ихъ нужно отмѣтить, что въ Лобовѣ вовсе не практиковалось обычнаго у другихъ помѣщиковъ тѣлеснаго наказанія. Не сдерживаемая страхомъ передъ безчисленнымъ издѣвательствомъ, челядь проживала вольготно, и въ своихъ чувствахъ питала даже искреннее расположеніе къ своимъ князьямъ. Среди дворни вырабатывались свои особія этическія понятія, кодексъ нравственныхъ правилъ, въ силу котораго не считалось преступленіемъ солгать, обмануть, даже обворовать, если имѣешь дѣло съ чужимъ человѣкомъ; но по отношенію къ своимъ природнымъ «господамъ», князьямъ Валицынымъ, полагалось являть только рабскую преданность и неподкупную вѣрность. Нечего и говорить, что лобовская прислуга была выдрессирована вѣковѣчнымъ рабствомъ, приучена ходить по стрункѣ, умѣла подать и услужить. Облекало ее однообразное платье: красные жилеты съ металлическими пуговицами, украшенными княжескими гербами, короткія панталоны, бѣлые чулки, туфли съ пряжками, бѣлые галстуки, особаго покроя коричневые, синіе или сѣрые кафтаны, сообразно времени — въ большія торжества надѣвались кафтаны синяго цвѣта, въ будни—сѣраго. И свою «униформу» лобовская дворня очень цѣнила и съ горделивымъ видомъ посматривала на лакеевъ другихъ господъ, не имѣвшихъ девяти шишечекъ на коронѣ своего герба.

И вотъ прошумѣла крестьянская реформа и смела лобовскій укладъ жизни. Послѣдній владѣлецъ, князь Иванъ, во время подготовительныхъ работъ къ реформамъ императора Александра II стоялъ въ рядахъ оппозиціи, а когда совершился актъ 19 февраля, онъ отдалъ Лобово по ничтожной цѣнѣ въ аренду (въ отставку онъ вышелъ значительно раньше, вскорѣ послѣ своей женитьбы), распу-

стиль штатъ дворовой прислуги, обратившейся въ безземельныхъ пролетаріевъ, взялъ съ собою двухъ камердинеровъ, двухъ камеристокъ, гувернера и гувернантку и со своей княгиней Софьей Павловной, съ двумя сыновьями и дочерью перекочевалъ навсегда въ Парижъ, гдѣ и увеличилъ кадръ такихъ же будирующихъ и недовольныхъ новыми порядками на Руси дворянъ. Народная молва гласить, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ перешелъ со всей семьей въ католичество и совершенно порвалъ навсегда съ родиной.

II.

Въ покинутой усадьбѣ остался только одинъ бывший дворовый, помощникъ старшаго камердинера князя. Его звали «Папка». Настоящее имя его не было извѣстно никому изъ мѣстныхъ обывателей: самъ престарѣлый священникъ, отецъ Николай, сорокъ лѣтъ назадъ крестившій Папку и давшій ему при крещеніи православное имя, иначе не обращался къ нему, какъ съ этимъ, неизвѣстно кѣмъ даннымъ, прозвищемъ.

Тяжелая жизнь началась для этого обломка разбитой временемъ крѣпостной ладби. Надо сказать, что природный недостатокъ— неясная, торопливая рѣчь, шепелявость, произношеніе с вмѣсто ш, ц вмѣсто ч— помѣшали Папкѣ, несмотря на исполнительность, честность и трезвость, подняться по лакейской іерархической лѣстницѣ и выйти изъ положенія помощника камердинера и—кто знаетъ?—быть можетъ, отправиться вмѣстѣ съ княжеской семьей за границу. Но князь Иванъ не выносилъ косноязычія даже въ прислугѣ: возмущалось его эстетическое чувство. Теперь оставленный на произволъ судьбы, прежній княжескій слуга жилъ въ Лобовѣ безъ дѣла, въ полномъ одиночествѣ, не ведя ни съ кѣмъ знакомства и коротая свои безконечные досуги лѣтомъ—уженіемъ, зимой—вязаніемъ чулокъ. Этому искусству онъ обучился еще съ дѣтства, въ должности казачка, при полномъ бездѣйствіи просиживая цѣлые дни въ лакейской. Оба эти занятія давали ему небольшой заработокъ, который оказывался достаточнымъ при мѣсячинѣ, отпускаемой ему арендаторомъ, добрымъ, вообще, человѣкомъ, для того, чтобы не умереть съ голода.

Папка всей своей фигурой и обращеніемъ съ окружающими представлялъ заправскаго лакея фешенебельнаго дома. Бритое лицо, черная вьющаяся копна волосъ на головѣ, стройный корпусъ, всегда прямо державшійся, съ опущенными по швамъ руками, живые, каріе, «преданные» глаза, «щепетливая», мелкими шажками, походка, быстрота движеній—вотъ «примѣты» Папки, которыя занесли бы непременно въ его паспортъ, если бы таковой пришлось когда-либо ему выдавать. Какъ рѣзко отличалась отъ окружающихъ крестьянъ и прислуги арендатора его наружность, такъ еще страннѣе

былъ его костюмъ. Отъ прежняго лакейскаго величія остался красный жилетъ, и съ нимъ Папка никогда не разставался. Эта часть костюма, украшенная блестящими пуговицами съ красивыми гербами, сдѣлалась предметомъ зависти всѣхъ молодыхъ парней, попадавшихъ на дворъ имѣнія. Въмѣсто кафтана съ такими же пуговицами, давно уже утратившаго способность исполнять свое назначеніе и обратившагося въ ветошку неопредѣленной формы, на немъ былъ надѣтъ съ чужого плеча нанковый сюртукъ сѣраго цвѣта, болтавшійся мѣшкомъ на худощавой фигурѣ эксъ-камердинера. Носилъ ли онъ когда-нибудь шапку, никто не видалъ: густая шелюра вполне защищала его голову отъ лѣтняго зноя, а зимой, и то лишь въ трескучіе морозы, онъ надѣвалъ на голову ситцевый платокъ, завязывая его по-бабьи. Досужіе языки болтали, что Папка не желаетъ носить никакого другого головного убора послѣ того картуза, который украшалъ его курчавую голову во время службы у князя. По описаніямъ видѣвшихъ этотъ картузь, онъ дѣйствительно заслуживалъ вниманія: это было гѣчто въ родѣ жокейской шапочки алаго цвѣта, съ обшитой позументомъ тульей, напоминавшей до извѣстной степени кепи, которыя носили генералы въ царствованіе императора Александра II. Картузь пришелъ въ негодное состояніе, и Папка принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Судя же по тому, что арендаторъ подарилъ ему совершенно новый синій картузь, купленный на ярмаркѣ въ городѣ Г., молва о нежеланіи Папки украсить имъ свою голову, надо думать, имѣла нѣкоторое основаніе. Галантно разсыпавшись въ благодарностяхъ передъ арендаторомъ за вниманіе, онъ бережно завернулъ новый картузь въ бумагу, повѣсилъ на стѣну своей каморки и... продолжалъ ходить съ непокрытой головой, либо повязывался платкомъ.

III.

Послѣ перехода Лобова въ руки арендатора порядки въ немъ пошли совсѣмъ иные. Старыя постройки, потерявшія всякій смыслъ для своего существованія,—обширныя конюшни, людскія, оранжереи—были разобраны и проданы на сломъ. Паркъ заросъ; статуи сначала почернѣли, потомъ попадали со своихъ пьедесталовъ и были сложены въ амбарѣ; скаковой кругъ, занимавшій нѣсколько десятковъ десятинъ цѣлины, распахали и засѣяли рожью, давшей въ первый же годъ прекрасный урожай; фруктовый садъ отданъ былъ въ аренду г—скому мѣщанину, который, наставивъ караульных шалашей, никого не сталъ пускать въ паркъ. Всѣ эти караулки, анисовки, антоновки давали ему большой доходъ, а потому и потребовался бдительный надзоръ. Пруды, на которыхъ такъ недавно плавала цѣлая флотилія раскрашенныхъ лодокъ съ оркестрами музыки, гдѣ устраивались для пріѣзжихъ гостей всякія раз-

влеченія—гонки, рыбныя ловли,—теперь обращены были въ источникъ дохода, и даже удить рыбу въ нихъ дозволялось невозбранно и безошплинно только одному Папкѣ. Окружающіе Лобово лѣса и рощи, изобилующіе боровиками, березовиками, подосиновиками и просто сыроѣжками, не избѣжали общей участи, и ихъ дары—охота, ягоды, грибы и даже валежникъ—стали предметами коммерціи. Въ нихъ не дозволялось ступить ни одному крестьянскому ребенку, ни одной дѣвкѣ, изъ опасенія, что они попользуются ягодой или грибомъ. О крестьянахъ нечего ужъ и говорить: имъ приходилось дѣлать крюкъ и за нѣсколько верстъ объѣзжать прежніе княжескіе лѣса, дабы шныряющіе по всеѣмъ тропамъ объѣздки не заподозрѣли въ порубкѣ и вмѣстѣ съ лошадыю и телѣгой не сволокли въ контору или въ волость.

Съ болью сердечной смотрѣлъ Папка на новые порядки и не узнавалъ княжескаго гнѣзда, въ которомъ протекла вся его жизнь. Неизвѣданныя до сихъ поръ впечатлѣнія были такъ скудны, такъ неинтересны, что поневолѣ приходилось отъ нихъ замыкаться, ихъ забывать и, покуривая трубку Жукова (на табакъ только онъ и расходовалъ свой скудный заработокъ), вспоминать прежнее вольготное и веселое житье. Но и воспоминанія его вращались въ сферѣ интересовъ лакейской, кухни, бывлой дворни. На другія стороны жизни въ княжеской усадьбѣ, по ограниченности своего міропониманія, Папка не реагировалъ. Зато въ этой сферѣ онъ весь ушелъ въ прошлое.

— Вотъ у насего князиньки (такъ онъ всегда называлъ князя И. Валицына) былъ поваръ, такъ поваръ,—присюсюкивалъ Папка, изрѣдка появляясь у воротъ усадьбы, въ кругу прислуги арендатора.—Разъ пріѣхалъ къ намъ городничій, г. Татаровъ. Хорошій такой господинъ, никого не боялся и спорилъ даже съ нашимъ князинькой. Какъ пріѣхалъ, извѣстно, подошелъ къ ручкѣ княгини, отдалъ респектъ князинькѣ. А я въ ту пору заходилъ въ апартаменты подать трубку гостю: казачокъ захворалъ, ну, меня и послали дворецкій Иванъ Антипычъ прислуживать замѣсто его. Вотъ я и услышалъ весь разговоръ ихній. Городничій сталъ хвалить повара господина Воейкова, Ивана Николаевича. Онъ-де такъ изготовить кушанье, что ни за что не узнаешь, изъ чего оно сдѣлано. А князинька, такой были шутникъ, посмотрите, что задумали сичасъ про своего повара. Звали его Онуфріемъ. Они купили его у господина Непилова за большія деньги и отдали въ Москву учиться у француза, въ аглицкомъ клубѣ. Ну, и поваръ вышелъ, скажу вамъ, отмѣнный. Князинька и говорятъ господину Татарову: «И нашъ, говорятъ, Онуфрій, какъ изготовить, такъ и не угадаете, что это». Городничій опять спорить. «Да мой поваръ,—сказали князинька,—подастъ вамъ ваши перчатки, а вы скушаете и не узнаете». Ну, поспорили, а потомъ пошли на французскомъ діалектѣ изъ-

ясняться. Я ужъ не все понималъ. Слышалъ, говорили «уй», «нонъ», это я понимаю—значить, по-нашему, «да», «нѣтъ». А что еще говорили,—я не уразумѣлъ. Такъ поговорили они, выкурили еще по трубкѣ, да и пошли въ паркъ, на проминадъ. А какъ его сіятельство изволили выйти съ городничимъ, и княгиня тутъ были, такъ поотстали, съ гостемъ пошла княгиня, да и поманили меня. «Ты,—говорять, знаешь, Папка, гдѣ городничевы перчатки?»—Знаю, говорю, ваше сіятельство. А я видѣлъ, что городничій, какъ вошелъ въ залу, положилъ фуражку на окно, а въ нее перчатки, замшевыя, бѣлыя. Господинъ Татаровъ были отставной уланъ, носили, значить, военную форму, ну, и бѣлыя перчатки при ей. «Укради,—говорять князинька,—эти перчатки и снеси повару, пусть положитъ ихъ въ соусъ». Я такъ и сдѣлалъ, отнесъ Онуфрію и сказалъ, что приказали его сіятельство. Онъ посмотрѣлъ на перчатки, повертѣлъ и говорить: «будетъ сдѣлано». Смѣхъ насъ тутъ всѣхъ разобралъ: какъ, думаемъ, можетъ Онуфрій подать кушанье изъ перчатокъ? А онъ сейчасъ взялъ, ошпарилъ водой, положилъ на доскѣ и давай рубить поварскимъ ножомъ. Рубилъ, рубилъ, пока стали перчатки въ родѣ, какъ «пире». Потомъ положилъ ихъ въ кастрюлю, значить, варить. Ну, ладно. Пришли всѣ съ прогулки. Въ столовой стали готовить столъ на шесть персонъ, какъ всегда. Дежурными офицьянтами были въ тотъ день я да Митрій. Накрываемъ мы такъ-то на столъ, а въ столовую входятъ дворецкій Иванъ Антипычъ. Они всегда смотрѣли, какъ сервированъ столъ, чтобы какой, значить, фальши не вышло,—съ нихъ вѣдь спросится. Антипычъ увидѣли, что для городничаго мы не поставили куверта, приказали подать: можетъ, будетъ прошенъ къ столу. Мы и поставили лишній приборъ. Слышимъ, въ гостиной городничій встали, хотять приказать въ лакейской, чтобы подавали ихъ лошадь: они все больше изъ города къ намъ верхомъ ѣздили: близко—всего три версты, да и привыкъ онъ въ уланахъ ѣздить верхомъ. Только ихъ сіятельства не отпусаютъ, просятъ остаться откушать съ ними. А мнѣ смѣхъ, какъ вспомню про городничевы перчатки. Изъ другихъ людей въ столовой никто не зналъ, что изволили приказать ихъ сіятельство повару. Антипычъ замѣтили, что я все смѣюсь, а дѣломъ не занятъ, ну, дали мнѣ подзатыльникъ, я и пересталъ.

Сервировали столъ. Митрій пошелъ на кухню за бульономъ съ суповой чашкой, а пирожки къ супу и другія кушанья поднимали на полкѣ изъ кухни прямо въ окно, что устроено въ столовой около двери; такая полка поднималась и опускалась. А кухня была не тамъ, гдѣ теперь, а подъ столовой, гдѣ теперь у арендателя сдѣлана кладовая. Такую ловкую механику для кушаньевъ придумалъ еще покойный папенька нашего князиньки, князь Иванъ Андреевичъ. Ну, когда Митрій принесъ консоме, Антипычъ взяли салфетку, мы надѣли свѣжія перчатки—ихъ мѣняли два раза: передъ обѣдомъ, когда

накрывали на столъ, и когда разносили блюда за обѣдомъ. Для прислуги, камардиновъ, помощниковъ были и особыя прачки. Онѣ и мыли намъ перчатки, чулки, галстуки, манишки. Для господскаго бѣлья были свои прачки, да и то князинькины сорочки и лѣтніе бѣлые костюмы онѣ не мыли. Два раза въ годъ мыть ихъ отправляли въ Парижъ, по зимамъ да по веснамъ. Такія особыя важи для нихъ были приготовлены, въ нихъ же присылали ихъ и назадъ.

Ну, ладно. Антипычъ распахнули двери столовой, стали на порогѣ въ залу, гдѣ были князинька съ гостемъ, и сказали, какъ полагается: «ле дине е серви». Такъ приказано было дворецкому докладывать объ обѣдѣ на французскомъ діалектѣ. Ну, городничій сичасъ ручку калачикомъ подаль княгинѣ, князинька пошли одни, а за ними княжна, а княжата съ губернаторомъ и губирнанка пришли изъ дверей, что вели въ паркъ. Вошли въ столовую, сѣли за свои куверты. Я сталъ разносить въ тарелкахъ бульонъ, Антипычъ наливалъ его за другимъ столомъ, а Митрій подавалъ пирожки. А закусокъ, какъ у другихъ, у насъ не подавали на простыхъ обѣдахъ, а когда бывало много гостей, такъ накрывали въ столовой для закусокъ и водокъ особый столъ. Въ этотъ день подали на второе «лигумъ»—значить зелень: спаржу тамъ, цвѣтную капусту, либо артишоки; третье, какъ теперь помню, былъ коропъ подь соусомъ. А что подано дальше,—запамятовалъ. Смотрю я, да и не знаю, гдѣ же городничевы перчатки. Ну, думаю, забылъ ихъ подать Онуфрій, а то, пожалуй, и похвасталъ только. Кончили обѣдать, велѣли подать кофій въ диванную, гдѣ его сіятельство съ городничимъ изволили курить трубки, а я подаль имъ огня. Посидѣли такъ, примѣрно, съ полчаса, городничій и сталъ прощаться; собрался, значить, восвояси. Хватъ-похватъ своихъ перчатокъ, анъ ихъ и слѣдъ простылъ. Князинька и глазкомъ не моргнуть, будто ничего и не вѣдаютъ. А когда ужъ очень г. Татаровъ старались разыскать ихъ, его сіятельство и скажи: «вы-де скушали ихъ за обѣдомъ подь соусомъ съ коропомъ». Что тутъ смѣху было... Одначе городничій инда позеленѣлъ отъ злости, да сдѣлать ничего не могъ, такъ и поѣхалъ домой безъ перчатокъ. Съ той поры и ѣздить къ намъ—полно. А тамъ въ скорости ужъ онъ и померъ. Такихъ-то поваровъ теперь нигдѣ не отыщешь. Да и что теперь есть путнаго?.. Эхъ-эхъ-эхъ...» заканчивалъ обыкновенно свои рассказы о быломъ житіѣ въ княжескомъ Лобовѣ Папка.

IV.

Стоялъ чудный іюньскій вечеръ. Солнце готово было опуститься за горизонтъ. Въ косыхъ лучахъ его столбами толклись мошки, предвѣщавшія долгое ведро. На лобовскихъ прудахъ въ это время днѣ бывало особенно хорошо. Да и то сказать: какъ бы ни былъ

зноенъ день, на ихъ берегахъ, заросшихъ густыми раkitами, всегда была тѣнь, прохлада. Наиболѣе привлекательныя мѣста попадались все-таки на берегу верхняго пруда. Здѣсь и вода была чище, и зелень тѣнистѣе, и глазъ могъ отдохнуть на красивомъ пейзажѣ. По срединѣ его возвышался насыпанный руками крѣпостныхъ совершенно правильной круглой формы островъ. Онъ также заросъ березовой рощей, по краямъ его насажены были кусты жасмина, сирени, жимолости, а сквозь листву, на голубомъ безоблачномъ небѣ, вырисовывался куполь сельской церкви, съ сіяющимъ на солнцѣ крестомъ. Это было любимое мѣсто послѣдней семьи князей Валицыныхъ. Сколько тутъ завязывалось романовъ, сколько тайнъ хранили сосѣднія липы и сосны, а глубокій прудъ, какъ гласила передаваемая изъ устъ въ уста молва, принялъ въ свои холодныя объятія не одно разбитое сердце! Во время безконечныхъ праздниковъ въ усадьбѣ здѣсь же, бывало, устраивались иллюминаціи, зажигались фейерверки, бенгальскіе огни, смоляныя бочки. Любители рыбной ловли предпочитали этотъ прудъ другимъ, такъ какъ на зарѣ въ укромныхъ уголкахъ его отлично шла на удочку плотва.

Папка любилъ просиживать здѣсь съ удочкой цѣлые вечера. Вотъ и теперь онъ выбралъ мѣстечко, закрытое со всѣхъ сторонъ деревьями, забросилъ удочку и погрузился въ созерцательное настроеніе. Одиночество, постоянная отчужденность, какъ сознаніе своего превосходства надъ окружающими, этими стряпухами, дойками, приказчиками, рабочими въ экономіи, въ послѣдніе годы послѣ воли наложили на него печать угрюмости, которая и отпугивала отъ него многихъ. Папку никто не любилъ, рѣдко кто съ нимъ говорилъ. Онъ всегда бывалъ одинъ со своими мыслями и переживаниями. И теперь, сидя у пруда, отъ поплавка мыслями перенесся онъ въ прошлое. Опять вспомнилась жизнь въ княжеской усадьбѣ: роскошные пиры, домъ, полный гостей, смазливая камеристка княжны, хохотушка и болтушка Луша, которую господа, любившіе переименовывать имена прислуги, звали какъ-то чудно «Лисеръ». Она пользовалась большой привязанностью Папки. Онъ уже готовъ былъ упасть въ ноги князю и испросить у него позволенія жениться на любимой дѣвушкѣ. И Луша была не прочь выйти замужъ за тихаго, трезваго и покорнаго Папку. Но судьба судила иное. Пріѣхалъ въ усадьбу молодой, красивый французъ, гувернеръ, выписанный для маленькихъ князей. Приглянулась ему Луша, и онъ увлекъ доврчивую дѣвушку. Когда скрывать близкое материнство оказалось невозможнымъ, Луша въ затрапезныхъ отрепьяхъ была послана въ одну изъ глухихъ рязанскихъ деревень князя и разжалована въ птичницы; гувернеръ со скандаломъ выгнанъ, а Папка на всю жизнь остался бобылемъ.

Припомнилась ему живо и картина отъѣзда навсегда княжеской семьи изъ родового гнѣзда. Воля пришла въ Лобово какъ-то невзна-

чай. Никто въ лакейской и въ домѣ о ней не говорилъ. Однажды, въ праздничный день, Антипычъ, возвратившійся отъ обѣдни, разсказалъ Папкѣ и другимъ дворовымъ, сидѣвшимъ на скамеечкѣ у «служилаго» флигеля, что священникъ прочиталъ въ церкви царскій манифестъ, которымъ всему крѣпостному люду дается воля; господа не могутъ ужъ ни продать, ни наказать своего слугу, не могутъ пользоваться и его даровымъ трудомъ. Эта вѣсть прошла какъ-то совершенно мимо сознанія Папки. Онъ даже, какъ будто, подумалъ въ то время, что воля вовсе не касается лично его, что она сама по себѣ, а онъ, Папка, самъ по себѣ. На первыхъ порахъ и все шло по старому, будто ничего не произошло, ничего не измѣнилось, и Папка началъ ужъ забывать о манифестѣ. Какъ вдругъ, въ одно дождливое весеннее утро князь позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ, куда вхожъ былъ только одинъ старшій камердинеръ. Это обстоятельство смутило Папку, и онъ почувалъ что-то недоброе. Князь сказалъ, что онъ распускаетъ всю дворню, а самъ съ семьей навсегда уѣзжаетъ изъ Лобова. «Гдѣ же ты хочешь жить?» спросилъ въ заключеніе князь. Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Папка не нашелся, что на него отвѣтить. Князь снова повторилъ вопросъ. Хорошенько не понимая, чего отъ него хотятъ, Папка отвѣтилъ, что онъ желаетъ остаться въ Лобовѣ. Князь не сталъ больше разговаривать. И Папка, такимъ образомъ, обрекъ самъ себя на вѣчное одиночество въ покинутой усадьбѣ.

Начались сборы княжеской семьи, поднялась суматоха. Не отдавая себѣ отчета въ происходящемъ, Папка принималъ энергичное участіе въ этихъ сборахъ, какъ будто и самъ куда-то уѣзжалъ. Онъ даже, на всякій случай, уложилъ свой скарбъ въ сундучокъ и снесъ его на подводу, припасенную для вещей прислуги. Въ назначенный для отъѣзда день подали къ крыльцу дорожный дормезъ, запряженный шестеркой лошадей, дорожную четырехмѣстную карету также шестеркой, троечный тарантасъ. Вся дворня собралась передъ крыльцомъ. Послышались рыданія, всхлипыванія, сталъ кто-то изъ бабъ голосить. Папкѣ это все показалось забавнымъ. Вышли господа. У княгини и княжны глаза были заплаканы; княжата весело поглядывали на поданныхъ лошадей. Возлѣ князя стоялъ батюшка, отецъ Николай; рядомъ съ княгиней—другой священникъ, отецъ Семень и дьяконъ. Чувствовалась нѣкоторая неловкость; всѣ чего-то ожидали. «Соблаговолите, ваше сіятельство,—обратился къ князю отецъ Николай:—сказать на прощаніе своимъ вѣрнымъ рабамъ слово утѣшенія».—«А, да, да, какъ же,—отвѣчалъ тотъ.—Мы вотъ,—началъ князь свою рѣчь дворнѣ,—принуждены, т. е. не принуждены, а хотимъ... да... именно... хотимъ... оставлять (князь никакъ не могъ справиться съ видами и залогами русскихъ глаголь...), вѣроятно, на все время нашей жизни, т.-е. всегда... никогда не будемъ здѣсь... въ нашемъ имѣніи... да... вотъ въ этомъ Лобовѣ.

А вы, наши друзья, т.-е. наши слуги, т.-е. которые были слуги, будете остаться здѣсь. Мы... вотъ, т.-е. я и ваша княгиня, моя Софи, да... мы очень довольные вашимъ трудомъ, когда вы служили крѣпостными, и мы васъ очень благодаримъ. А теперь прощайте и не помните, какъ у васъ говорить, лихомъ». Всѣ стали подходить къ ручкамъ господъ. Рыданія и причитанія слышались громче. Батюшка благословилъ княжескую семью, и отбѣжавшіе размѣстились по экипажамъ; фореиторы гикнули, взмахнули кнутами, и экипажи тронулись. Тогда только Папка понялъ, что его оставили въ Лобовѣ. Побѣжалъ онъ за своимъ сундучкомъ, взялъ свое добро, догнавъ подводу, и понуро побрелъ во флигель, куда потянулись и всѣ оставшіеся временно въ усадьбѣ. Во флигелѣ отвели Папкѣ крохотную каморку.

V.

Встаютъ въ памяти Папки хмурые дни. Безъ дѣла, съ тощимъ желудкомъ, безъ призрака какой-либо надежды на улучшеніе своего существованія въ будущемъ, бродилъ онъ по цѣлымъ днямъ въ покинутой усадьбѣ. Вся его жизнь вполнѣ опредѣлялась выраженіемъ поэта: «неуѣжно да улежно». Единственнымъ утѣшеніемъ и компаньономъ его стала княжеская лягавая собака Маска, коричневая, съ бѣлыми подпалинами, очень умная, но за старостью давно уже отставленная отъ охоты. Съ первыхъ же дней по отбѣздѣ князя Маска стала сопровождать повсюду Папку. Она будто своимъ собачьимъ умомъ поняла, что съ Папкой роднятъ ее оброшенность, отчужденность, ненужность ихъ общаго существованія. Довольствуясь тѣмъ кускомъ, который удѣлялъ ей Папка отъ скромнаго своего обѣда, она считала своей обязанностью за это охранять его. И теперь, когда Папка, отвернувшись отъ пруда и смотря на ярко блестящій крестъ колокольни, такъ ясно и больно переживалъ прошлое, умное животное легло у его ногъ и, не сводя глазъ, какъ будто раздѣляло его переживанія.

— Сто, Маска,—обратился онъ къ собакѣ:—хорошо намъ было при насихъ князьяхъ? А теперь кому мы нужны?—И мысли Папки обратились къ настоящему. Вотъ остался одинъ жилеть, въ которомъ ходилъ онъ во время службы у князя. Скоро и его придется бросить за негодностью. Вся одежка такъ, что и въ люди показаться нельзя. Да и можно ли служить нынѣшнимъ господамъ? Раздѣ они понимаютъ такое обращеніе, къ которому онъ привыкъ у князей? Останься у него прежнее платье, да надѣнь онъ его, пойдѣ, скажемъ, прислуживать за столомъ на званомъ обѣдѣ у какого-нибудь нынѣшняго помѣщика—вѣдь на смѣхъ поднимуть, скажутъ: какое-то чучело пришло съ того свѣта... Да и какъ тутъ служить, когда во всемъ пошла экономія—и въ посудѣ, и въ кушаньяхъ, и

въ винахъ? Бывало, подашь если не серебряный сервизъ, то фарфоровый, заграничный, по особому заказу сдѣланный, съ красивыми княжескими гербами... А у нынѣшнихъ тарелку стыдно взять въ руки. Срамъ. Въмѣсто разныхъ заграничныхъ винъ, что хранились въ княжескихъ погребахъ, теперь подаютъ какой-нибудь хересь, купленный за 1 руб. 20 коп. бутылка въ лавкѣ г-скаго купца Почечуева. Развѣ это господа пошли теперь? И служить-то у нихъ одно горе: не доѣшь, не доспишь; сапоги купи, платье купи, а жалованья тебѣ дадутъ три рубля въ мѣсяць. Что это за житье? Нѣтъ, лучше не жить, чѣмъ служить у нынѣшнихъ.

Давно наступила уже темнота, а Папка продолжалъ сидѣть надъ прудомъ и предаваться своимъ горькимъ размышленіямъ. Наконецъ онъ вздрогнулъ и очнулся. Свернувъ лесу, онъ быстро пошелъ въ свою каморку. Маска послѣдовала за нимъ.

VI.

Глубокою ночью приказчикъ, управляющій имѣніемъ, проснулся, услышавъ собачій вой, и вышелъ посмотрѣть, на мѣстѣ ли почной сторожъ. Возлѣ каморки Папки сидѣла Маска и выла. Она увидѣла приказчика и подошла, какъ будто хотѣла что-то сообщить важное, но онъ грубо оттолкнулъ ее пинкомъ. Едва только забрезжило, онъ опять проходилъ возлѣ каморки Папки. На этотъ разъ ему бросилась въ глаза красная жилетка съ гербовыми пуговицами, необычно какъ-то висѣвшая на стѣнѣ. Маски на крыльцѣ не было. Едва приказчикъ, отворивъ дверь каморки, ступилъ на порогъ, какъ отшатнулся и съ крикомъ выскочилъ назадъ: на стѣнѣ висѣлъ Папка, успѣвшій уже окоченѣть.

Собрался народъ, послали за становымъ, а пока разсматривали мѣсто происшествія. Папка повѣсился въ одной жилеткѣ и нанковыхъ брюкахъ, предварительно снявъ съ гвоздя картузь, завернутый въ бумагу, и бережно перенеся его на кровать, сколоченную изъ неструганныхъ досокъ, съ соломеннымъ матрасомъ и такой же подушкой. Въ комнатѣ еще слышался запахъ табаку Жукова.

К. Шульгинъ.

БЕЗЪ ТЕАТРА.

(Отголосокъ сибирскихъ нравовъ).

I.

ВЪ ДАЛЕКОМЪ отъ обѣихъ столицъ сибирскомъ губернскомъ городѣ много лѣтъ стоялъ небольшой деревянный театръ, принадлежавшій городскому обществу собранію (клубу). Клубъ построилъ незатѣйливое театральное зданіе на отведенномъ для сего городомъ мѣстѣ, обязавшись очистить послѣднее, буде оно понадобится городу для иной общепользительной цѣли.

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ никакой такой цѣли не оказывалось, и клубъ безпрепятственно сдавалъ свой неказистый театрикъ въ аренду заѣзжимъ труппамъ актеровъ, случайно попадавшимъ въ городъ пѣвцамъ, пѣвицамъ, музыкантамъ, фокусникамъ. Неизбалованные разнообразіемъ публичныхъ зрѣлищъ, городскіе обыватели любили свой маленькій театръ и охотно наполняли его въ длинные зимніе вечера, усердно поощряя своихъ случайныхъ увеселителей дружными рукоплесканіями и щедрыми подношеніями.

Къ сожалѣнію, ничто не вѣчно подъ луной. Попечительное начальство рѣшило открыть въ нашемъ городѣ университетъ. Надо было построить для высшаго храма науки достойное его зданіе. По предложенію городского головы, пожертвовавшаго лично на это благое дѣло значительный капиталъ, городская дума, испол-

ненная просвѣщенныхъ чувствъ, подарила будущему университету огромный городской пустырь, кусокъ котораго, ближайшій къ городской площади съ не достроеннымъ соборомъ, былъ занятъ театромъ общественнаго собранія. Теперь этотъ кусокъ переходилъ въ собственность университета, и театральное зданіе было обречено на сносъ съ чужой земли. Къ тому же оно пришло въ такую ветхость, что мѣстные правительственные архитекторы дружно порѣшили, что, въ видахъ общественной безопасности, театръ слѣдуетъ немедленно закрыть. И клубъ продалъ свое зданіе на сломъ.

Городъ остался безъ театрального зданія. Случилось это въ концѣ лѣта, передъ началомъ зимняго сезона. Призадумались городскіе обыватели, призадумался только что прибывшій изъ Москвы новый губернаторъ, большой театраль, личный другъ всѣхъ московскихъ театральныхъ знаменитостей, о чемъ наглядно свидѣтельствовали развѣшенные по стѣнамъ губернаторской пріемной большія прекрасныя фотографіи съ собственноручными посвященіями знаменитыхъ оригиналовъ обоого пола. Повѣсили носъ на квинту и остатки прошлогодней драматической труппы, застрявшіе въ далекомъ городѣ и мечтавшіе, купно съ мѣстными актерскими силами изъ ссыльныхъ и любителей, открыть новый сезонъ.

Всѣхъ больше волновался суетливый по природѣ старичокъ-губернаторъ. Полицеймейстеру приказано было разыскать въ городѣ такой залъ, который бы можно было тотчасъ же административнымъ порядкомъ превратить въ театръ. Взоры начальника полиціи обратились на существовавшій въ городѣ манежъ, принадлежавшій мѣстному батальону. Манежъ этотъ, построенный для обученія солдатъ, военное начальство нѣсколько разъ въ годъ предоставляло городскимъ благотворительнымъ обществамъ для устройства «вольныхъ», т. е. общедоступныхъ, маскарадовъ.

Измученный тщетными поисками подходящаго зала, полицеймейстеръ схватился за военный манежъ, какъ за якорь спасенія.

— Эврика,—сказалъ полицеймейстеръ актерамъ и полетѣлъ съ докладомъ къ губернатору.

— Ну, что, будетъ у насъ театръ?—встрѣтилъ его своимъ ежедневнымъ вопросомъ начальникъ губерніи.

— Будетъ, ваше превосходительство, если губернское военное начальство поможетъ намъ его устроить.

И полицеймейстеръ доложилъ свои виды на манежъ.

Губернаторъ, внимательно выслушавъ интересный докладъ, позвонилъ, появившійся немедленно дежурный курьеръ получилъ приказаніе передать кучеру, чтобъ онъ тотчасъ же подавалъ лошадей.

— Ну, въ городѣ все благополучно? Спѣшнаго у васъ ничего къ докладу нѣтъ?

— Ничего, ваше превосходительство. Все обстоитъ вполне благополучно.

— Очень радъ. Скажите актерамъ, что я самъ поѣхалъ къ Марскому (такъ звали военнаго генерала) и все улажу. Что же это за городъ безъ театра?

Полицеймейстеръ откланялся, а вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ кабинета начальникъ губерніи. Въ приемной, черезъ которую лежалъ путь въ прихожую, ждали выхода его превосходительства вызванные имъ чиновники и просители.

— Извините, господа, у меня спѣшное, неотложное дѣло. Я приѣду черезъ часъ, прошу подождать.

— Лошади поданы, — доложилъ курьеръ.

И его превосходительство, кивнувъ головой стоявшимъ въ приемной и приказавъ дежурному чиновнику опросить просителей уѣхалъ.

II.

Военный генералъ также славился любовью къ искусствамъ. Еще будучи командиромъ мѣстнаго батальона и полковникомъ, онъ составилъ порядочный струнный оркестръ изъ вольныхъ музыкантовъ, нашелъ въ ихъ средѣ скрипача-дирижера, поручилъ ему «артистическое» завѣдываніе оркестромъ, возложивъ хозяйственную часть на адъютанта батальона. Этотъ единственный въ городѣ струнный оркестръ игралъ въ городскомъ клубѣ, въ театрѣ, на всѣхъ большихъ городскихъ свадьбахъ съ генералами и музыкой. Получаемая за все это плата была единственнымъ источникомъ содержанія оркестра. Поэтому военный генералъ не менѣе, если не болѣе генерала гражданскаго, былъ заинтересованъ въ театральныя представленія. Онъ уже нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ адъютанта и дирижера, составлялъ вмѣстѣ съ ними смѣту доходовъ и расходоу по содержанію оркестра безъ театра и никакъ не могъ свести ее безъ крупнаго дефицита. Оркестровая озабоченность генерала отражалась даже на его военныхъ обязанностяхъ: ротные командиры съ изумленіемъ замѣчали, что генералъ сталъ придирчивѣе, назойливѣе, началъ нетерпѣливѣе относиться къ обычнымъ недостаткамъ мѣстнаго войска, назначеніе котораго никому опредѣленно не было извѣстно.

Когда генералу доложили о приѣздѣ начальника губерніи, онъ нервно всталъ съ кресла и съ молчаливымъ вопросомъ на лицѣ: зачѣмъ еще? — направился навстрѣчу входившему уже губернатору.

— Чѣмъ обязанъ нежданномъ и тѣмъ болѣе пріятнымъ посѣщеніемъ вашего превосходительства? — пожимая руку гражданскаго генерала, спросилъ военный.

— По дѣлу, ваше превосходительство, по общему дѣлу...

— Радъ служить, приказывайте.

— Отъ васъ, Федоръ Александровичъ, зависитъ, чтобъ у насъ зимою былъ театръ, а у вашего оркестра значительный заработокъ. Безъ театра мы, горожане, умремъ зимой со скуки, а вамъ, ваше превосходительство, будетъ трудно содержать оркестръ.

Военный генераль открылъ свои маленькіе сѣрые глаза и вопросительно смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Да,—продолжалъ губернаторъ,—въ вашихъ рукахъ есть средство избавить городъ отъ зимней скуки, а себя отъ музыкальнаго дефицита. У васъ есть манежъ, который легко приспособить для театральныхъ представлений, у меня есть актеры, готовые платить вамъ за манежъ и за оркестръ. Отдайте намъ манежъ, и мы черезъ двѣ недѣли откроемъ спектакли. Согласны?

Какъ только губернаторъ произнесъ слово «манежъ», военный генераль сейчасъ же сообразилъ, что у него не только дефицита нѣтъ, но есть, пожалуй, и лишняя скрипка, и вторая виолончель.

— Я, ваше превосходительство, согласенъ, конечно, согласенъ,—заговорилъ военный генераль:—но что скажетъ командующій войсками? Вѣдь манежъ назначенъ для обученія батальонныхъ солдатъ, а не для театральныхъ представлений. Надо испросить разрѣшеніе, а чѣмъ его мотивировать?

— Предоставьте это мнѣ, я телеграфирую командующему войсками, что я,—поймите, я, а не вы,—прошу его распоряженія, а не разрѣшенія, о предоставленіи мнѣ манежа на нѣсколько спектаклей, въ виду неимѣнія въ городѣ театра. Въ отвѣтъ вы не замедлите получить или запросъ о томъ, не имѣется ли съ вашей стороны препятствій къ исполненію просьбы губернатора, или распоряженіе объ исполненіи послѣдней, если къ тому не имѣется препятствій въ виду мѣстнаго военного начальства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ театръ намъ обезпеченъ: «нѣсколько» спектаклей—вѣдь это только больше двухъ, а дальше—сколько угодно.

И начальникъ губерніи громко расхохотался, довольный своей находчивостью. Военный генераль, мечтавшій уже о двухъ лишнихъ скрипкахъ и о третьей виолончели, понялъ, что онъ въ губернаторской затѣѣ остается въ сторонѣ, просіялъ и, крѣпко пожимая руку начальника губерніи, съ улыбкой отвѣтилъ:

— Ваше дѣло, ваше превосходительство, мѣшать не могу, да и не хочу. Батальонное ученье до наступленія морозовъ можно производить на дворѣ, а зимой—въ свободное отъ спектаклей и репетицій время.

— Итакъ, по рукамъ?—спросилъ губернаторъ.

— По рукамъ,—отвѣтилъ воинскій начальникъ.

Начальникъ губерніи уѣхалъ къ ожидавшимъ его возвращенія чиновникамъ и просителямъ, вполнѣ довольный своей бесѣдой съ военнымъ генераломъ.

III.

Наскоро принявъ ожидавшихъ его чиновниковъ и просителей, губернаторъ послалъ за распорядителемъ «драматическаго товарищества», актеромъ Кукушкинымъ, который не замедлилъ явиться.

— Ну, благодарите, кланяйтесь низко,—встрѣтилъ его губернаторъ:—театръ есть, и 8 сентября должно итти «Горе отъ ума». Слышите?

— Слышу, ваше превосходительство, низко поклониться и горячо поблагодарить васъ отъ души согласенъ,—отвѣчалъ Кукушкинъ:—но «Горе отъ ума», простите, играть нельзя: Чацкаго у насъ нѣтъ.

— Чацкаго я вамъ дамъ. Мой чиновникъ особыхъ порученій сыграетъ вамъ Чацкаго. Онъ у самого Боборыкина въ школѣ былъ и только случайно попалъ вмѣсто актеровъ въ чиновники. Я сегодня же пришлю его къ вамъ.

— Я самъ поѣду къ нему, ваше превосходительство, и отъ вашего имени отвезу ему роль.

— Вотъ и отлично. Сейчасъ же поѣзжайте въ манежъ, осмотрите его внимательно и толково, а завтра начинайте устраивать ложи, кресла, скамейки. Моя ложа должна быть слѣва, я пришлю въ нее мою собственную мебель.

— Слушаюсь-съ, ваше превосходительство. Сейчасъ же все осмотру, распоряжусь и утромъ приѣду доложить.

Кукушкинъ вышелъ, а губернаторъ сѣлъ писать письмо въ Москву Г. Н. Оедотовой о трудностяхъ, съ которыми сопряжено поощреніе драматическаго искусства въ далекомъ и дикомъ краѣ.

IV.

Къ вечеру весь городъ зналъ о предстоящемъ превращеніи военнаго манежа въ городской театръ. Въ самомъ манежѣ на другой день съ ранняго утра стучали топоры и молотки плотниковъ, сколачивавшихъ перегородки для ложъ и сѣмный полъ.

Больше недѣли кипѣла работа. Губернаторъ и военный генералъ ежедневно заѣзжали въ манежъ, дабы собственными глазами удостовѣриться въ томъ, что къ 8 сентября театръ будетъ готовъ. Кукушкинъ цѣлый день бѣгалъ по городу, предвѣщая всѣмъ блестящій сезонъ. Дня за три до назначеннаго губернаторомъ дня по всѣмъ стѣнамъ были расклеены громадныя афиши, возвѣщавшія открытіе сезона, составъ труппы и первый спектакль съ безсмертною комедіей Грибоѣдова и съ участіемъ любителя, всему городу извѣстнаго И. О. Лосева въ роли Чацкаго.

«истор. вѣстн.», июль 1911 г., т. сxxv.

6

Плотники, обойщики и маляры кончили свою работу вечеромъ 6 сентября. Начальникъ губерніи, освидѣтельствовавъ все, что было сдѣлано, распорядился на другой день, наканунѣ открытія спектаклей, отслужить молебенъ, на которомъ присутствовали: весь генералитетъ, вся труппа, Чацкій и приглашенные губернаторомъ и Кукушкинымъ видные обыватели города. Усерднѣ всѣхъ, почти все время на колѣняхъ, молился Кукушкинъ, затратившій на превращеніе манежа въ театръ всѣ свои небольшія сбереженія.

Послѣ молебна арендаторъ буфета въ новомъ театрѣ подаль гостямъ чай, потомъ явилось шампанское, привезенное губернаторомъ; Кукушкинъ сказалъ благодарственный монологъ въ отвѣтъ на разрѣшительную телеграмму командующаго войсками, громко прочитанную начальникомъ губерніи. Оркестръ, уже усиленный одною новою скрипкою, сыгралъ персидскій маршъ (лучшую вещь своего репертуара), и торжество освященія новаго театра закончилось.

V.

На слѣдующій день, къ началу спектакля, манежъ наполнился самою разнообразною публикою. Ложы были заняты семействами представителей мѣстной администраціи и богатымъ семейнымъ купечествомъ. Въ партерѣ, въ первыхъ рядахъ; сидѣли: полиціймейстеръ, жандармскій полковникъ, его адъютантъ, извѣстные въ городѣ врачи, офицеры батальона, рецензентъ мѣстной газеты,—словомъ, вся городская наличная интеллигенція. Послѣдніе ряды стульевъ и скамейки занимали: мелкое купечество, приказчики, гимназисты, гимназистки и тотъ средній людъ, который уже спустился съ галерки, но до первыхъ рядовъ стульевъ еще не дошелъ. Галерка, вновь устроенная на хорахъ манежа, наполнилась «народомъ».

Едва дирижеръ оркестра поднялъ палочку, какъ въ губернаторскую ложу, обставленную собственной мебелью его превосходительства, вошелъ начальникъ губерніи, въ сопровожденіи военнаго генерала, оба довольные, сіяющіе. Ближайшія ложы поклонились губернатору, который отвѣтилъ поклономъ, обращеннымъ ко всей залѣ.

Оркестръ сыгралъ какую-то немудрую музыку. За сценой кто-то позвонилъ, и занавѣсъ со скрипомъ поднялся вверхъ. Первая сцена Лизы съ Фамусовымъ прошла хорошо. Появленіе импровизированнаго губернаторомъ Чацкаго многими ожидалось съ нѣкоторой тревогою: опасались, что молодой человекъ, хотя и былъ въ школѣ у Боборыкина, но все-таки публично, да еще съ профессиональными актерами, не игралъ ни разу, сконфузится, оробѣетъ, и, вмѣсто Чацкаго, передъ нами предстанетъ милый Илья Федоровичъ, вѣчно ропчущій на недостаточность содержанія. Сцену онъ любилъ

всей душой и дѣйствительно одно время мечталъ попасть въ московскую труппу Станиславскаго, для чего и учился у Боборыкина. Но намѣреніе это почему-то не осуществилось, и судьба бросила злополучнаго любителя сцены въ чиновники особыхъ порученій отдаленнаго губернатора, который на первыхъ же порахъ его службы далъ ему «порученіе»—сыграть публично, съ актерами,—легко сказать—самого Чацкаго. У Лосева, къ сожалѣнію, не хватило догадки отказать отъ публичнаго позора, и онъ храбро вынесъ этотъ позоръ. Послѣ знаменитаго фамусовскаго бала Лосевъ былъ призванъ въ губернаторскую ложу, гдѣ, въ углу, за драпировкой, выслушалъ неудовольствіе начальства по случаю неудачнаго исполненія на сценѣ «особаго порученія» губернатора. Нотація, прочитанная Лосеву въ ложѣ, была настолько энергична, что несчастный Илья Ѳедоровичъ провелъ послѣдній актъ съ лихорадочной горячностью, а слова: «карету мнѣ, карету», произнесъ съ искренней ноткой желанія поскорѣе выбраться изъ... манежа.

Спектаклемъ остался доволенъ вполнѣ одинъ Кукушкинъ: сборъ достигъ 700 рублей, и ему ничего больше было не надо. Провожая смущеннаго губернатора, онъ еще разъ разсыпался въ благодарностяхъ за участіе и содѣйствіе.

— Да, нечего сказать, одолжилъ!—бормоталъ начальникъ губерніи:—а тоже хвастался, что у самого Боборыкина въ наукѣ былъ!

— Не извольте беспокоиться,—успокаивалъ генерала Кукушкинъ.—Къ новому году у меня разучить Чацкаго Софроновъ, онъ у меня на всѣ руки.

Губернаторъ расхохотался. Софроновъ только что послѣ «Горе отъ ума» очень забавно пѣлъ въ дивертисементѣ куплеты изъ «Чайнаго Цвѣтка», въ костюмѣ китайца.

VI.

Кукушкинъ радовался преждевременно. Манежъ все-таки остался манежемъ, и публика, послѣ первыхъ спектаклей, снабдившихъ зрителей, сверхъ программы, бесплатными, но непріятными насморками, кашлемъ, а иныхъ даже воспаленіемъ легкихъ, перестала посѣщать театръ. Къ Рождеству труппа оказалась въ такомъ печальномъ положеніи, что актеры буквально голодали, ибо сборы не покрывали даже вечеровыхъ расходовъ. Кукушкинъ надумалъ передвинуться всею труппою въ сосѣдній, когда-то богатый и привольный городъ, нынѣ повергнутый въ уныніе новыми порядками и новыми людьми.

Тамъ имѣлось порядочное театральное зданіе, нѣсколько лѣтъ не было никакой труппы, можно было рассчитывать, что мѣстная публика достаточно наголодалась и поддержитъ сносную труппу

3—4 мѣсяца. Списавшись предварительно съ распорядителями театра, Кукушкинъ собралъ остатки «товарищества» и двинулся въ путь. Четыре-пять почтовыхъ троекъ быстро пронеслись по главной улицѣ, увозя изъ города все мѣстное драматическое искусство.

Манежь опустѣлъ. Оба генерала занялись предстоявшей встрѣчей командующаго войсками. Началось усиленное обученіе солдатъ мѣстнаго батальона тамъ, гдѣ еще на дняхъ раздавались звуки веселой кадрили и разыгрывались драмы, комедіи и водевили.

Адъютантъ военнаго генерала, замѣчательный тѣмъ, что былъ единственнымъ въ русской арміи евреемъ, носившимъ аксельбанты, уныло подсчитывалъ оркестровые доходы полусезона и томился мыслью, что до Пасхи оркестра, безъ театра, не продержатъ ни въ какомъ случаѣ. А оркестръ для него былъ источникомъ благоволенія генерала, источникомъ аксельбантовъ, которыми такъ гордилась вся мѣстная еврейская колонія. Генералъ и слышать не хотѣлъ о распущеніи оркестра; намекнуть ему на недостатокъ средствъ на эту излюбленную имъ затѣю значило потерять его благоволеніе и отказаться отъ видовъ на будущія служебныя блага. «Оркестръ необходимо спасти во что бы то ни стало,—думалъ адъютантъ:—иначе меня загрызутъ единовѣрцы. Но какъ спасти, какъ изъ одного рубля сдѣлать полтора?»

Въ тяжеломъ раздумьи надъ этимъ роковымъ вопросомъ адъютантъ послалъ за дирижеромъ и объявилъ ему, что за прекращеніемъ театральныхъ представленій необходимо сократить число скрипокъ и уменьшить содержаніе всѣмъ музыкантамъ.

— Что же, ваша воля!—скромно замѣтилъ дирижеръ.—Только обидно будетъ музыкантамъ; вѣдь на весь сезонъ, до Пасхи, наняли.

— Понимаешь, денегъ нѣтъ! Нанимали съ театромъ, а театръ гдѣ?—сердито оборвалъ его адъютантъ.

— Я скажу, мнѣ что, а какъ бы не пошли къ генералу жаловаться...

Адъютантъ задумался, онъ зналъ, что музыканты привыкли считать генерала своимъ неизмѣннымъ защитникомъ, и боялся жалобъ музыкантовъ больше жалобъ солдатъ. Дирижеръ терпѣливо топтался въ дверяхъ.

— Погоди, не говори ничего; можетъ быть, уладимъ еще это дѣло,—съ веселой улыбкой, вдругъ озарившей озабоченное и сердитое лицо адъютанта, сказалъ онъ дирижеру.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ тотъ.

Дирижеръ вышелъ, а адъютантъ подселъ къ своему письменному столу и вновь принялся за счеты и выкладки. До поздней ночи не вставалъ съ мѣста умный и хитрый еврей; когда, близко къ разсвѣту, онъ взялъ свѣчу и пошелъ въ спальную, участь оркестра и благоволеніе генерала были спасены.

VII.

На утро адъютантъ отправился къ генералу съ обычнымъ ежедневнымъ докладомъ. Посреди другихъ хозяйственныхъ дѣлъ рѣчь зашла и объ оркестрѣ. Генераль спросилъ:

— А какъ мы, Герасимъ Яковлевичъ, справимся съ оркестромъ, безъ театра? Подвель-таки насъ губернаторъ. А?

— Трудненько будетъ выдержать, ваше превосходительство, но какъ-нибудь авось справимся, — озабоченно отвѣтилъ адъютантъ.

— Пожалуйста, голубчикъ, а то мнѣ, право, совѣстно передъ нашими бѣдняками-музыкантами. Да и въ округъ, пожалуй, жалобы посыплются, а вы знаете, чѣмъ эти жалобы пахнутъ.

— Знаю, ваше превосходительство, и принялъ мѣры: клубу безъ музыки жить нельзя, вотъ я сегодня утромъ и послалъ старшинамъ увѣдомленіе объ увеличеніи вечеровой платы оркестру, если они хотятъ имѣть музыку.

— И то правда. Вѣдь клубъ платитъ намъ гроши, не грѣхъ и прижать его въ трудную минуту, не даромъ мы съ вами монополисты по музыкальной части. Спасибо вамъ, дорогой Герасимъ Яковлевичъ. Вижу, что вы человѣкъ преданный мнѣ и не забуду этого.

— Радъ стараться, ваше превосходительство; я всегда помню, что всемъ обязанъ вашему вниманію и довѣрію.

Дальнѣйшій докладъ прошелъ скоро и гладко. Все хозяйственныя мѣропріятія адъютанта получили безпрекословное одобреніе и утвержденіе генерала, довольнаго тѣмъ, что его оркестръ останется цѣль и невредимъ. Когда адъютантъ вышелъ изъ кабинета, генераль подумалъ: «Вотъ вамъ и жидъ, а лучше, надежнѣе всякаго христіанина!»

VIII

Слухъ о пріѣздѣ командующаго войсками не оправдался. Старецъ-генераль, убоившись зимней дороги и холодовъ, телеграфировалъ, что онъ откладываетъ свой пріѣздъ до лѣта. Оба наши генерала заскучали, тѣмъ болѣе, что начался Великій постъ.

Къ Пасхѣ въ губернской городъ возвратились актеры ждать открытія навигаціи, чтобы окончательно покинуть далекій городъ безъ театра.

Въ Свѣтлое воскресенье знакомый намъ распорядитель товарищества актеровъ, А. П. Кукушкинъ дѣлалъ визиты именитому купечеству, съ вѣрнымъ расчетомъ хорошо выпить и закусить. Нашъ рассказъ застаётъ Кукушкина у богатаго купца Николая Ивановича Сильныхъ ¹⁾, извѣстнаго, между прочимъ, тѣмъ, что онъ въ былое

¹⁾ Сибирское окончаніе фамиліи. Въ Сибири есть купцы: Тѣльныхъ, Малыхъ, Спзыхъ, Толстыхъ. Другихъ и т. п.

время спивалъ весь мѣстный батальонъ въ казармахъ. И теперь, значительно остепенившись, Николай Ивановичъ не прочь и самъ выпить, и другихъ угостить. Въ дни ангела его и его супруги, — кстати сказать, молодой, красивой женщины, воспитанницы казанскаго института для благородныхъ дѣвицъ, пользовавшейся расположеніемъ всего города, — на Рождествѣ, въ Новый годъ и на Пасхѣ весь городъ перебивается у Николая Ивановича, и онъ рѣдко кого выпустить отъ себя съ свѣжей головой. Кукушкинъ все это зналъ, но онъ помнилъ, что супруга Николая Ивановича, милѣйшая и добрѣйшая Александра Дмитриевна, большая любительница театра и не пропустила ни одного «бенефиса».

— Что же? ѣдете, покидаете насъ? — грустно спросила Кукушкина любезная хозяйка.

— Театра у васъ нѣтъ, милая барынька, да и публика холодна, убѣгать надоть! — въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Кукушкинъ.

— А ты бы еще публику-то въ ночлежный сарай, около арестантскихъ ротъ, согналъ, да тамъ комедію ломать началъ, — дружески, пьянымъ голосомъ замѣтилъ Николай Ивановичъ. — Ты театръ построй, да и играй въ немъ. Въ старый балаганъ, поди, ходили и мы и деньги вашему брату платили, а тутъ, извольте видѣть, иди къ нему въ сарай за кашлемъ, насморкомъ, а то и за воспаленіемъ легкихъ! Нѣтъ, другъ любезный, покорно благодаримъ, намъ жизнь еще не надоѣла, къ чертямъ успѣемъ, подождать!..

— Барынька добрая ѣздилъ и жива-здоровъ, слава Богу, осталась, — отвѣтилъ Кукушкинъ, глазами указывая на хозяйку.

— Одну Богъ уберегъ, а десятокъ на погостъ свезли изъ-за твоего театра. Не знаешь, поди, что ли? — не унимался Николай Ивановичъ.

У Кукушкина въ глазахъ блеснулъ огонь. Выпивъ рюмку водки, налитую ему любезнымъ хозяиномъ, Кукушкинъ сталъ въ рѣшительную позу и внушительно произнесъ:

— Ты думаешь, Николай Ивановичъ, я театра вамъ, если захочу, не выстрою? Выстрою, и будете вы помнить актера Кукушкина! Да.

— Выстроишь?.. На что ты это выстроишь, когда тебѣ до Москвы-то, поди, доѣхать не съ чѣмъ? Туда же театръ строить вздумалъ! Не чуди, вышей лучше!.. — И Николай Ивановичъ налилъ своему гостю новую рюмку водки.

— Не на свои строить буду, — выпивъ и эту рюмку, продолжалъ Кукушкинъ, не покидая своей внушительной позы: — даетъ мнѣ одинъ денежный человѣкъ на постройку театра 15,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы заарендовать его на первыя пять лѣтъ по 3,000 рублей въ годъ, а затѣмъ театръ его, и онъ можетъ другому сдать въ аренду за какую желаетъ плату.

— Какой такой театръ за 15,000 возможно построить?—остановилъ Кукушкина Сильныхъ.—Опять на манеръ манежа...

— Нѣтъ, театръ настоящій, маленькій только; архитекторъ Барановичъ и планъ, и смѣту составилъ, и за постройкою наблюдать общалъ; говорить, къ осени обязательно театръ готовъ будетъ,—убѣдительно лгалъ Кукушкинъ.

— Такъ ты что же ко мнѣ не пришелъ, коли такъ? Вѣдь и у меня, поди, 15,000 найдутся, и я ихъ могу тебѣ дать за 3,000 въ годъ?—неожиданно выпалилъ Николай Ивановичъ.

— Можешь, такъ давай. Я съ «тѣмъ» еще не кончилъ. По рукамъ, что ли? Коли по рукамъ, такъ я поѣду къ «тому» и скажу, что безъ него обойдусь,—протягивая руку, насѣдалъ Кукушкинъ на охмѣлѣвшаго хозяина.

— Ладно. Только, смотри, помни, 3,000 въ годъ и на пять лѣтъ контрактъ. Слышишь?—совсѣмъ уже пьянымъ голосомъ отвѣтилъ Сильныхъ, сжимая руку Кукушкина.

«Ключуло!—подумалъ Кукушкинъ. Быстро простившись съ хозяйкой и расцѣловавшись съ хозяиномъ, онъ прямо отъ Сильныхъ поспекалъ къ губернатору.—Надо ковать желѣзо, пока горячо!—думалъ онъ.—Проспится—откажется, а ужъ коли губернаторъ возьмется за него—шалишь, не отвертится жадный толстосумъ!»

Съ этими думами Кукушкинъ позвонилъ у губернаторскаго подъѣзда.

IX.

Начальникъ губерніи полчаса назадъ возвратился съ визитовъ. Снявъ съ себя тяжелый камергерскій мундиръ, генераль облачился въ теплый, домашній пиджакъ, съ выпущенной мягкой сорочкой, и отдыхалъ на турецкомъ диванѣ своего кабинета. Мысли генерала были далеко: онъ мечталъ о переводѣ въ Москву, гдѣ такъ хороши театры и гдѣ такъ мало серьезнаго дѣла губернатору.

— Актеръ Кукушкинъ, по слѣшному дѣлу!—доложилъ вошедшій курьеръ.

— Зови сюда,—отвѣтилъ губернаторъ, подумавъ:—И что ему нужно отъ меня въ первый день Пасхи?

Курьеръ распахнулъ дверь кабинета и впустилъ Кукушкина, краснаго, взволнованнаго.

— Что, батюшка, нахристосовались?—спросилъ его губернаторъ.—Откуда и зачѣмъ?

— Ваше превосходительство, помогите. Сильныхъ даетъ 15,000 на постройку театра и сдаетъ мнѣ его въ аренду на пять лѣтъ. Къ осени можно построить...

Генераль вскочилъ съ дивана, внимательно посмотрѣлъ на Кукушкина, какъ бы желая опредѣлить, можно ли вѣрить его словамъ и не бредить ли онъ послѣ пасхальныхъ визитовъ.

— Не врете?

— Смѣю ли я врать вашему превосходительству? Сейчасъ отъ него и, если вы поддержите меня, то осенью «Горе отъ ума» сыграемъ не такъ, какъ въ манежѣ. Андреева-Бурлака выпишу!

Генераль задумался. «Сильныхъ—человѣкъ богатый, построить театръ можетъ. Медаль, крестъ ему за это обѣщать, такъ и не 15,000, а больше выложить», думалъ генераль, продолжая молча смотрѣть на Кукушкина.

— Надо Барановича за бока,—вслухъ закончилъ свою думу генераль.—Сейчасъ же поѣзжайте къ нему и привезите его ко мнѣ. Я буду ждать.

Кукушкинъ, какъ бомба, вылетѣлъ изъ кабинета.

Оставшись одинъ, губернаторъ началъ обдумывать планъ дѣйствій. Барановича можно заставить сдѣлать планъ и смѣту дуромъ. Наблюденіе за постройкой я поручу ему же, формальнымъ предложеніемъ, ибо театръ—зданіе общественное. Это, конечно, сократитъ расходы, но все-таки 15,000—деньги небольшія, трудно будетъ съ ними выйти. Впрочемъ, лишь бы подогнать смѣту да начать постройку, а тамъ купчина раскошелится и на другія пятнадцать тысячъ. Барановича украсу слѣдующимъ орденомъ, а купчинѣ повѣшу медаль за усердіе; оба благодарить еще будутъ.

Убаюканный такими грезами, генераль заснулъ. Курьеръ, вошедшій доложилъ о пріѣздѣ архитектора Барановича и актера Кукушкина, не осмѣлился разбудить его превосходительство.

— Спать,—объявилъ онъ пріѣхавшимъ.

Послѣдніе переглянулись. Кукушкинъ рѣшилъ, что по такому важному и спѣшному дѣлу, какъ постройка театра, генеральскій сонъ не во-время можно и потревожить.

— Буди, въ мою голову,—рѣшительно приказалъ онъ курьеру.—«Самъ» звалъ, не разбудишь,—уѣдемъ, тебѣ же будетъ гонка, какъ проснется.

Курьеръ, старый отставной солдатъ, увѣшанный крестами и медалями, не рѣшался; однако, исполнить приказаніе Кукушкина.

«Для всякаго комедіанта буду я будить губернатора. Какъ же! Что я не понимаю, что ли!» мысленно говорилъ самъ себѣ старый воинъ и, обращаясь къ стоявшимъ передъ нимъ Барановичу и Кукушкину, спокойно, съ достоинствомъ, отвѣтилъ:

— Я будить генерала не могу, безъ приказанія. Вамъ они приказывали, вы и будите.

— И разбужу, потому что дѣло неотложное,—уже на ходу къ кабинету громко заявилъ Кукушкинъ скромному Барановичу и упрямому курьеру.

Шумъ въ пріемной разбудилъ губернатора раньше, чѣмъ Кукушкинъ успѣлъ отворить дверь кабинета. Войдя, онъ увидѣлъ генерала лежащимъ уже съ открытыми глазами.

— Отдыхать изволили, ваше превосходительство?

— Да, усталъ съ этими несносными визитами. Ну что, Барановича нашли?

— Здѣсь, ваше превосходительство, ожидаетъ въ пріемной. Курьеръ не хотѣлъ пускать, такъ я самъ, на свой рискъ и страхъ, рѣшился нарушить вашъ покой. Дѣло такое—откладывать нельзя...

— Да, да, зовите Барановича.

Барановичъ во фракѣ,—очевидно, пойманный гдѣ-то Кукушкинымъ на улицѣ, между двумя визитами, имѣлъ смущенный и оторопѣлый видъ. Кукушкинъ сказалъ ему только, что его немедленно, сейчасъ же, требуетъ къ себѣ губернаторъ по неотложному дѣлу, а какому—не сказалъ. Губернаторъ встрѣтилъ его вопросомъ:

— Что, устали? Я самъ усталъ такъ, что среди дня заснулъ. Дѣло къ вамъ у меня, дорогой мой, важное, неотложное: къ сентябрю необходимо построить театръ. Планъ, смѣта,—все это должно быть готово и представлено въ строительное отдѣленіе губернскаго правленія на Оминой недѣлѣ, а какъ только снѣгъ сойдетъ—сейчасъ и за работу. Я вамъ Станислава на шею повѣшу, если въ сентябрѣ театръ будетъ готовъ, — не прерывая духа, сыпалъ генераль, бѣгая по кабинету.

Барановичъ ничего не понималъ. Кукушкинъ весело молчалъ, а губернаторъ не унимался:

— Сильныхъ, вы его знаете, даетъ 15,000 рублей на постройку театра, дума, конечно, бесплатно отведетъ мѣсто, а вы его постройте, также бесплатно, какъ общественное зданіе. Приглашаю васъ въ мою ложу на первое представленіе!—любезно закончилъ начальникъ губерніи.

Барановичъ смотрѣлъ то на губернатора, то на Кукушкина, и упорно молчалъ, ошеломленный неожиданностью всего того, что онъ выслушалъ.

— Что же вы молчите?—уже съ раздраженіемъ началъ опять губернаторъ. Денегъ мало, скажете?

— На пятнадцать тысячъ никакого театра выстроить невозможно, ваше превосходительство,—рѣшился открыть ротъ архитекторъ.

— Я самъ знаю, что невозможно. Я прошу васъ только смѣту,—понимаете, только смѣту,—составить на эту сумму. Это-то ужъ, падѣюсь, вполнѣ возможно,—еще болѣе раздраженнымъ голосомъ пояснилъ генераль.

— Трудную задачу задали вы мнѣ, ваше превосходительство,—робко отвѣтилъ Барановичъ,—попробую, посмотрю...

— А я подумаю, какъ найти еще денегъ,—смятчившись, проговорилъ губернаторъ.—Надо будетъ пощупать другихъ здѣшнихъ толстосумовъ.

— Позвольте откланяться?—спросилъ Барановичъ.

— Ступайтесь и садитесь завтра же за работу; въ субботу на Ооминой жду васъ утромъ съ планомъ и смѣтою.

Барановичъ вышелъ. Кукушкинъ стоялъ, очарованный энергіею начальника губерніи.

— Прощайте, голубчикъ,—сказалъ ему губернаторъ.—Я ѣду обѣдать къ Лампочкѣ (такъ звалъ онъ супругу одного городского дѣятеля), а завтра заѣду къ Сильныхъ и укрѣплю нашъ союзъ. Довольны?

— Не я, а весь городъ долженъ благодарить ваше превосходительство. Театръ долго будетъ памятникомъ вашего управления здѣшней губерніею.

«Союзники» разстались.

Х.

Утромъ, за чаемъ, супруга Николая Ивановича спросила мужа:

— Ты помнишь, что обѣщаль вчера Кукушкину 15,000 на постройку театра?

— Помню.

— И дашь?

— Вотъ еще вздоръ какой! Стану я связываться съ актерами. И безъ театра проживемъ. Да и какой такой театръ за пятнадцать тысячъ возможно построить? Пьяный разговоръ—больше ничего. Поди, и Кукушкинъ забылъ о немъ—не одну вѣдь рюмку выпилъ. А если помнить, то я, увижу его, скажу, что никакого театра строить не желаю.

Барыня-театралка была очень опечалена отвѣтомъ мужа. Она уже мысленно сидѣла въ «своей собственной» ложѣ, «такой же, какъ губернаторская», она уже мечтала о томъ, что постройка театра выдвинетъ ея мужа, а, слѣдовательно, и ее, въ первый рядъ губернскихъ людей; она уже видѣла въ своей гостиной женскую половину губернской администраціи просящую у ней, Александры Дмитріевны Сильныхъ, театра для благотворительныхъ цѣлей. «Вотъ когда за мной начнутъ ухаживать всѣ власти, всѣ общества, и я тогда легко проведу моего медвѣдя въ городскіе головы», сообщала про себя красивая и честолюбивая супруга Николая Ивановича. И вдругъ, всѣ эти мечты напрасны: никакого театра Николай Ивановичъ строить не желаетъ. Совѣтовать что-либо своему мужу она не рѣшалась, зная его нравъ и упрямство.

Молча разошлись супруги изъ столовой, гдѣ, въ ожиданіи новыхъ визитеровъ, прислуга начала выставлять на столъ убранныя на ночь пасхальныя яства и питія.

Ровно въ полдень у дверей дома Сильныхъ раздался громкій и сильный звонокъ, а черезъ пять минутъ въ гостиную, гдѣ уже сидѣла хозяйка, вошелъ веселый, сіяющій губернаторъ въ расшитомъ со всѣхъ сторонъ золотомъ камергерскомъ мундирѣ.

— Христось Воскресе, милѣйшая изъ нашихъ дамъ,—привѣтствовалъ губернаторъ хозяйку, поднимая ея ручку для поцѣлуя.— Со мной, старикомъ, и похристосоваться было бы не грѣшно. Можно?

Покраснѣвшая хозяйка молча поцѣловалась три раза съ своимъ чиновнымъ гостемъ.

— Ну, вотъ это по-христіански,—по нашему, по-московски,—говорилъ губернаторъ, садясь на указанное ему хозяйкою кресло.— А Николай Ивановичъ дома?—спросилъ онъ.

— Дома, сейчасъ выйдетъ. Весело проводите праздникъ, ваше превосходительство? —спросила, чтобы что-нибудь сказать, Александра Дмитриевна.

— Какое здѣсь веселье? Вотъ въ Москвѣ — другое дѣло. Здѣсь, вы знаете, вся «бесѣда» заключается въ томъ: выпилъ, закусилъ и вонъ пошелъ.

Генераль грустно улыбнулся.

— А вотъ и Николай Ивановичъ,—продолжалъ губернаторъ, завидѣвъ выходящаго изъ сосѣдней комнаты хозяина, одѣтаго въ длинный черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы.—Я и забылъ вамъ, строгая супруга, пожаловаться на вашего благовѣрнаго: начальства не почитаетъ, не былъ у меня вчера, знать не хочетъ, вотъ онъ у васъ какой,—шутилъ губернаторъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Простите великодушно, ваше превосходительство. Видитъ Богъ, ни у кого не былъ, весь день просидѣлъ дома съ гостями,—оправдывался смущенный Николай Ивановичъ:—сегодня сочту долгомъ...

— Не надо, не надо; я пошутилъ. Похристосуемся у васъ, а китайскія церемоніи отложимъ до Новаго года,—благосклонно отвѣтилъ губернаторъ, подставляя свои губы Николаю Ивановичу.

— Чѣмъ угощать прикажете?—приступилъ прямо къ дѣлу Сильныхъ.

— Ничѣмъ, кромѣ пріятной бесѣды,—отвѣчалъ генераль.— Водка и закуска вездѣ есть, а такой барыньки, какая есть у васъ, ни у кого нѣтъ.

— Перестаньте меня конфузить, Иванъ Ивановичъ; вы сдѣлаете, что я уйду и не выйду даже васъ проводить,—остановила хозяйка любезнаго генерала.

— Ну, вотъ и правды сказать нельзя. Ну, хорошо, не буду, не буду, сидите...

— Можетъ быть, красненькаго выкушаете, ваше превосходительство?—гнулъ свою линію Николай Ивановичъ.—Хорошенькое есть, на ярмаркѣ въ Нижнемъ куплено.

— Вѣрю, но теперь пить не буду. Вотъ мы выпьемъ съ вами, Николай Ивановичъ, и не красненькаго, а шампанскаго отъ Леве,

когда театръ освящать будемъ,—добрался, наконецъ, губернаторъ до цѣли своего пріѣзда.

Хозяинъ и хозяйка молча переглянулись. У послѣдней радостно екнуло сердце, а первый не на шутку смутился.

— Вчера ко мнѣ, прямо отъ васъ, заѣзжалъ Кукушкинъ и сообщил о вашемъ прекрасномъ намѣреніи построить намъ театръ. Только скупы вы, Николай Ивановичъ, охъ, какъ скупы!.. Но и на томъ спасибо. Я приказалъ уже архитектору Барановичу въ субботу на Оминой привезти мнѣ планъ и смѣту. Увидимъ, что можно сдѣлать на обѣщанныя вами Кукушкину деньги. Вчера вечеромъ, въ клубѣ, когда я рассказалъ о вашемъ намѣреніи, многіе предлагали послать къ вамъ депутацію—благодарить, да я остановилъ, хотѣлъ прежде всѣхъ поблагодарить васъ. Вотъ и барынька, я вижу, согласна, что ея муженекъ хорошее дѣло задумалъ.

— Я тутъ ни при чемъ,—послѣшила заявить хозяйка:—Николай Ивановичъ самъ знаетъ, что ему надо дѣлать. Я, конечно, буду очень рада, если въ городѣ будетъ зимою театръ, но кто его построить—мнѣ все равно.

Николай Ивановичъ сидѣлъ и молча пыхтѣлъ. Онъ понялъ, что его словили на пьяномъ словѣ, и не зналъ, какъ ему выпутаться изъ бѣды. Мрачно посмотрѣвъ на жену, онъ терпѣливо ждалъ конца губернаторскаго посѣщенія. Губернаторъ же, подумавъ, что Сильныхъ молчитъ потому, что ждетъ указанія, какую награду дадутъ ему за постройку театра, поторопился поставить его объ этомъ въ точную извѣстность:

— Медаль вамъ повѣсимъ на шею за это дѣло, а городская дума въ головы выберетъ, почетнаго гражданина поднесетъ,—пѣлъ губернаторъ, наблюдая, какъ дѣйствуютъ на Сильныхъ его соблазнительныя обѣщанія.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство,—рѣшился наконецъ нарушить свое молчаніе Николай Ивановичъ.—Боюсь только, что не слажу одинъ; вотъ бы компанію составить,—ухватился онъ за внезапно возникшую въ его головѣ мысль,—міромъ такое дѣло легче поднять, да и денегъ будетъ больше, ваше превосходительство. Какая ужъ это собственность театръ; все равно городу отдать придется.

Говоря это, Сильныхъ думалъ, что при компаніи онъ отдѣляется значительно меньшею суммою, которую, можетъ быть, и бросить не жалко.

— Я самъ думалъ привлечь къ вашему намѣренію другихъ нашихъ богачей, да безъ вашего разрѣшенія не хотѣлъ говорить съ ними.

И губернаторъ назвалъ нѣсколько крупныхъ мѣстныхъ купцовъ, на участіе которыхъ въ постройкѣ театра можно было рассчитывать.

Сильныхъ оживился. Мысль начальника губерніи ему приплась по душѣ. Онъ сказалъ:

— Будьте милостивы, ваше превосходительство, уговорите ихъ: коли насъ соберется пятеро, и каждый дастъ по 5000 р., то будетъ не пятнадцать, а всѣ двадцать пять тысячъ. Это уже на дѣло похоже.

«И у меня десять тысячъ, а то и больше, въ карманѣ останется», подумаль, но не сказалъ Николай Ивановичъ.

Губернаторъ поднялся, обѣщавъ сегодня же повидаться съ названными имъ богачами.

Проводивъ его превосходительство, Сильныхъ возвратился къ жепѣ и промычалъ:

— Вотъ оно—пьяное-то слово до какихъ дѣловъ доводитъ.. Въ жизни никогда не думаль, что буду строить театръ.

— Мало ли ты чего не думаль,—глубокомысленно замѣтила довольная въ душѣ Александра Дмитріевна.

XI.

Губернаторъ быстро объѣхаль всѣхъ мѣстныхъ тузовъ и вечеромъ въ клубѣ весело рассказываль о полной удачѣ своей мисси. У всѣхъ крупныхъ купцовъ были казенные подряды, каждый изъ нихъ былъ заинтересованъ въ благосклонности начальника губерніи. Всѣ они знали, что большей и сравнительно недорогой услуги оказать губернатору не могли, и охотно воспользовались случаемъ пріобрѣсти въ начальникѣ губерніи обязаннаго имъ человѣка. Довольный успѣхомъ, Иванъ Ивановичъ послѣшилъ позвать Барановича и обрадовать его извѣстіемъ, что смѣту можно довести до 25,000 рублей. Повторивъ ему, что планъ и смѣта должны быть обязательно готовы къ субботѣ, губернаторъ отпустилъ архитектора, позвалъ правителя канцеляріи и приказаль ему пригласить къ нему въ воскресенье вечеромъ всѣхъ строителей театра, вице-губернатора и другихъ городскихъ генераловъ, редактора мѣстной газеты, городского голову, Барановича, Кукушкина и двухъ-трехъ наиболѣе приличныхъ актеровъ. Въ назначенный часъ всѣ приглашенные собрались, и губернаторъ открылъ совѣщаніе подобающей рѣчью. Иванъ Ивановичъ былъ въ ударѣ и пѣлъ настоящимъ соловьемъ.

— Городъ нашъ,—говорилъ онъ,—скоро сдѣлается центромъ высшей науки для всего громаднаго края. И у насъ нѣтъ не только порядочнаго, нѣтъ никакого театральнаго зданія. Мы съ уважаемымъ генераломъ Марскимъ пытались воспользоваться для театральнаго представленія единственнымъ большимъ зданіемъ въ городѣ—манежемъ, но попытка эта оказалась неудачной. Оно и понятно: манежъ построенъ не для спектаклей, а для маршировки солдатъ, которые сами догрѣваютъ себя и не боятся сквозняка; мы же тамъ мерзли и простужались. Теперь къ осени у насъ будетъ новый настоящій театръ. Этимъ мы обязаны присутствующимъ здѣсь доста-

точнымъ гражданамъ города, согласившимся дать средства на постройку театра. Я приказалъ,—виновать, просилъ архитектора Барановича составить планъ театра и смѣту въ предѣлахъ обѣщанной намъ суммы. И то, и другое готово и лежитъ здѣсь на столѣ. Я прошу строителей театра ознакомиться съ этими первыми шагами къ осуществленію предполагаемой постройки. Городская дума, я увѣренъ, не откажется бесплатно отвести намъ мѣсто подъ театръ, тѣмъ болѣе, что его и искать не нужно: оно указано на городскомъ планѣ, утвержденномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Городской голова, надѣюсь, не замедлитъ внести въ думу надлежащее предложеніе, а мы пока займемся подсчетами и расчетами. Смѣту я передаю Андрею Ивановичу, онъ—строитель по призванію и ему я совѣтовалъ бы поручить всю постройку, подъ техническимъ наблюденіемъ архитектора Барановича.

Андрей Ивановичъ Коровинъ, разбогатѣвшій возчикъ товаровъ (самъ когда-то былъ ямщикомъ), пользовался репутаціей искуснаго и экономнаго строителя. Онъ принялъ смѣту изъ рукъ губернатора и, мигнувъ другимъ строителямъ, ушелъ съ ними въ гостиную. Оставшіеся въ залѣ спѣшили поздравить губернатора съ началомъ пріятнаго ему дѣла. Городской голова выразилъ сомнѣніе: хватить ли 25,000 рублей?

— Лихо дѣло—начать,—весело отвѣтилъ ему губернаторъ:—а тамъ и пятьдесятъ дадутъ, не бросятъ же постройку на половинѣ.

— И то правда,—согласился голова.

Скоро строители возвратились въ залу и объявили, что они поручаютъ всю постройку Коровину, которому передадутъ и деньги, какъ только дума отведетъ мѣсто.

— Ну, Андрей Ивановичъ,—обратился губернаторъ къ Коровину:—къ сентябрю театръ долженъ быть непременно готовъ, отсрочекъ никакихъ не дамъ.

— Постараюсь, ваше превосходительство.

Полчаса спустя, губернаторская зала опустѣла, и Иванъ Ивановичъ отправился въ кабинетъ читать и подписывать бумаги.

ХІІ.

Прошло нѣсколько дней. Вѣсть о постройкѣ новаго театра облетѣла весь городъ прежде, чѣмъ мѣстная газета, по условіямъ своего выхода, могла сообщить эту интересную для города новость. Узналъ ее и забытый почему-то губернаторомъ мѣстный «милліонщикъ», сухой и необщительный Евграфъ Ивановичъ Барышниковъ, узналъ и обидѣлся, подумавъ, что его обошли нарочно. Последнее стало для него несомнѣннымъ, когда ему сказали, что вся постройка поручена Коровину, его заклятому врагу. «Не бывать этому, я имъ

себя покажу!» подумаль онъ и, нарядившись въ тюремный мундиръ, съ Владимиромъ на шеѣ, поѣхаль къ губернатору.

Чась былъ пріемный. Губернаторъ принималь въ залѣ просителей. Увидѣвъ входящаго Барышникова, онъ протянулъ ему руку и попросилъ пройти въ кабинетъ.

— Что скажете, почтеннѣйшій Евграфъ Ивановичъ?—бросая на столъ кину пріяныхъ прошеній, спросилъ Иванъ Ивановичъ привставшаго при его входѣ гостя.

— Пріѣхаль спросить: чѣмъ прогнѣвилъ ваше превосходительство? За что обходить изволите?

— Что вы, Господь съ вами, Евграфъ Ивановичъ, кто на васъ гнѣвается, кто обходить?—удивился губернаторъ.

— Городской театръ безъ меня ладите, ваше превосходительство, не знаю, что за обижаете старика.

— Батюшка, Евграфъ Ивановичъ, вѣдь не я строю театръ. Задумаль его Сильныхъ съ компаніей, и я не знаю—отчего они обошли васъ.

— Не ихъ ума это дѣло, безъ васъ имъ не надумать его. Мельница, винный заводъ, кабаки, ямщина—вотъ ихъ дѣла, а то... театръ! Нѣтъ, ваше превосходительство, не ихъ это затѣя. Это либо Кукушкинъ ихъ подвелъ, либо наши газетчики подбили, либо, простите, вы соблазнъ въ ходъ пустили, а они на медали польстились. Да и какой театръ на 25.000 можно выстроить? Опять бревенчатый балаганъ будетъ, снаружи кривой, а внутри пустой.

— Я самъ думаю, что двадцати пяти тысячъ мало, ну, а тридцать, пожалуй, довольно; хорошее деревянное зданіе, иной разъ, прочнѣе каменнаго: его ни года, ни огонь не берутъ. Вы, чѣмъ сердиться, лучше прибавьте имъ свои пять тысячъ,—вотъ и будетъ хорошо,—обрадовался губернаторъ легкой возможности погасить неприятное недоразумѣніе.

— Прибавить, отчего не прибавить; я согласенъ прибавить, только кланяться имъ я, ваше превосходительство, не могу и не хочу. Прикажете имъ поклониться мнѣ, и я прибавлю, больше пяти тысячъ прибавлю.

— Приказать не могу,—отвѣтилъ губернаторъ:—а посовѣтовать посовѣтую, сегодня же пошлю за Коровинымъ и постараюсь помирить васъ.

Барышниковъ вышелъ, а Иванъ Ивановичъ послаль за Коровинымъ. Тотъ не замедлил явиться.

— Батюшка, Андрей Ивановичъ, что мы съ вами надѣлали: Барышникова забыли. Старикъ обидѣлся, сейчасъ приходилъ ко мнѣ жаловаться. Ужъ вы уладьте это дѣло, возьмите его въ долю,—просилъ Коровина губернаторъ.

— Ну его, безъ него обойдемся, ваше превосходительство, съ нимъ каши не сварить—не такой человѣкъ!

— Для меня сдѣлайте, мнѣ, поймите, неловко, что я обидѣлъ его: совсѣмъ забылъ о нашемъ владимирскомъ кавалерѣ. Да будемъ говорить прямо: 25 тысячъ намъ навѣрное не хватитъ, вотъ и возьмите еще пять тысячъ у Барышникова: и старика успокоите, и дѣло обезпечите,—соткровенничалъ губернаторъ.

Слушая убѣжденія губернатора, Коровинъ тутъ же сообразилъ, что, пригласивъ Барышникова, строители легко могутъ избавиться отъ постройки совсѣмъ. Евграфъ Ивановичъ не такой человѣкъ, чтобъ онъ далъ кому-нибудь другому распоряжаться своими деньгами. «Передамъ ему постройку,—думалъ Коровинъ:—и посмотрю—гдѣ онъ лѣсу готоваго возьметъ въ эту пору. У меня одного есть готовый лѣсъ на мельницѣ, а у него, я знаю, нѣтъ ни бревна. Пусть строятъ!»

— Слушаюсь, ваше превосходительство, пошлю къ Барышникову просить его принять долю въ театрѣ. Для васъ даже готовъ отдать ему подъ надзоръ всю постройку,—пусть распоряжается, онъ—мужикъ оборотливый, еще дешевле моего выстроить.

— Вотъ и отлично. Спасибо вамъ, голубчикъ Андрей Ивановичъ; вы согласились,—другіе и подавно согласятся,—пожимая руку Коровина и вѣжливо подводя его къ двери, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

На другой же день постройка театра была передана въ распоряженіе Барышникова.

ХІІІ.

Барышниковъ, принявъ на себя постройку театра, не подумалъ о лѣсѣ. Снѣгъ уже сходилъ, началась распутица, рубка и вывозка лѣса прекратились, въ городѣ лѣсныхъ складовъ не было, и купить лѣсу было негдѣ. Барышниковъ поневолѣ задумался. Дума отвела мѣсто, губернаторъ торопилъ съ закладкой театра, а у него нѣтъ ни бревна. Онъ зналъ, что лѣсъ есть у одного Коровина, заготовленъ для построекъ на мельницѣ. Уступить ли онъ? «Если не мнѣ, то губернатору, надо полагать, уступить, не посмѣетъ не уступить»,—утѣшалъ себя озабоченный Евграфъ Ивановичъ, но почему-то медлилъ засылать къ Коровину.

Коровинъ же, потирая руки, предвкушалъ наслажденіе отказать Барышникову, если тотъ вздумаетъ просить у него лѣсу.

По утрамъ Коровинъ долго и усердно молился. Супруга его, Ѳекла Семеновна, готовила въ это время чай. Принесшій самоваръ малецъ объявилъ, что внизу дожидается приказчикъ отъ Барышникова.

«Развѣ помирились?» сама себя спросила удивленная Ѳекла Семеновна и пошла сказать мужу.

— Зови сюда,—распорядился Андрей Ивановичъ, направляясь къ чайному столу.

— Что надо?—спросилъ онъ вошедшаго приказчика.

— Евграфъ Ивановичъ приказали кланяться и просили отпустить лѣсу подь театръ,—отвѣтилъ посланный.

— Кланяйся Евграфу Ивановичу и скажи, что у меня продажнаго лѣсу нѣтъ. Былъ на примѣтъ въ одномъ мѣстѣ добрый лѣсъ, да вчера, кажись, продали. Да что это, своего-то лѣсу у васъ развѣ не стало?—ехидно спросилъ Коровинъ.

— Весь извели еще лѣтось, ни бревна нѣтъ.

— Ну, братъ, пособить этому горю я не могу, такъ и скажи. Приказчикъ Барышникова ушелъ.

«Освобонились отъ театра», подумалъ хитрый Андрей Ивановичъ и послалъ звать къ себѣ своихъ театральныхъ компаньоновъ, кромѣ, разумѣется, Барышникова, желая поскорѣе повѣдать имъ пріятный оборотъ дѣла.

XIV.

Компаньоны, всѣ въ сборѣ, сидѣли у Коровина за столомъ, уставленнымъ бутылками и закусками. Всѣ были веселы и довольны, что такъ скоро и легко отдѣлались отъ театра. Они и не подозрѣвали, что Барышниковъ, выслушавъ своего приказчика, сейчасъ же поѣхалъ къ губернатору и рассказалъ ему, что Коровинъ лѣса на театръ не даетъ, а больше взять лѣсу до зимы негдѣ. Иванъ Ивановичъ, глубоко возмущенный, немедленно послалъ за Коровинымъ.

— Сейчасъ приду,—сказалъ Андрей Ивановичъ губернаторскому гонцу, а когда послѣдній вышелъ, прибавилъ:—Знаю, зачѣмъ я понадобился. Сидите и ждите. Это Евграфъ успѣлъ уже пожаловаться, но я, видите Создатель, не сдамся. Не на такого напали. Ошиблись, ваше превосходительство, для Евграфки я не слуга.

Войдя въ губернаторскій кабинетъ и увидѣвъ сидѣвшаго тамъ Барышникова, Андрей Ивановичъ внутренно улыбнулся и ждалъ, что будетъ.

— Звать изволили, ваше превосходительство?—кланяясь губернатору и протягивая руку Барышникову, началъ онъ.

— Андрей Ивановичъ, побойтесь Бога. Я не хочу вѣрить, что вы отказали въ лѣсѣ для нашего театра, —отвѣтилъ губернаторъ.

— Нѣтъ бревна лишняго, ваше превосходительство. Евграфъ Ивановичъ прекрасно знаетъ, что лѣсъ, который есть у меня на мельницѣ, еще въ прошломъ году купленъ мною для возобновленія сторѣвшихъ частей. У меня былъ въ виду для театра другой лѣсъ, хорошій, но не успѣлъ, а Евграфъ Ивановичъ проморгалъ; я и не думалъ, что у него своего лѣсу нѣтъ, всегда полонъ дворъ лежалъ. Теперь ужъ лѣсу купить негдѣ, надо до сплава дожидаться.

Барышниковъ молчалъ, губернаторъ уговаривалъ Коровина отложить до сплава постройки на мельницѣ, но Андрей Ивановичъ стоялъ на своемъ, какъ камень, и ушелъ съ тѣмъ, что «радъ бы душой услужить его превосходительству, да разоряться неохота».

XV.

Губернаторъ и Барышниковъ молча смотрѣли другъ на друга. Оба были озабочены серьезностью положенія, хотя и по совершенно различнымъ мотивамъ. Губернаторъ скорбѣлъ, что опять остался безъ театра, а Барышниковъ не могъ помириться съ ударомъ, нанесеннымъ его самолюбію.

— Вотъ что, ваше превосходительство; коли они такъ, такъ я одинъ, на свой собственный счетъ, кирпичный театръ буду ладить. Вѣчное зданіе, по крайности, будетъ и съ настоящимъ, виднымъ хозяиномъ. Думскаго мѣста я не возьму, а куплю свое, чтобы театръ былъ вполнѣ мой, и я во всякое время, никого не спрашиваясь, могъ замки на него повѣсить и чай въ немъ сложить. Своимъ и распоряжаться буду по-своему, — разрѣшилъ затрудненіе Евграфъ Ивановичъ.

— Дѣлайте, какъ знаете, — упавшимъ голосомъ отвѣтилъ губернаторъ, для котораго каменный театръ черезъ два года, когда его уже, вѣроятно, и въ городѣ не будетъ, не представлялъ прежняго интереса.

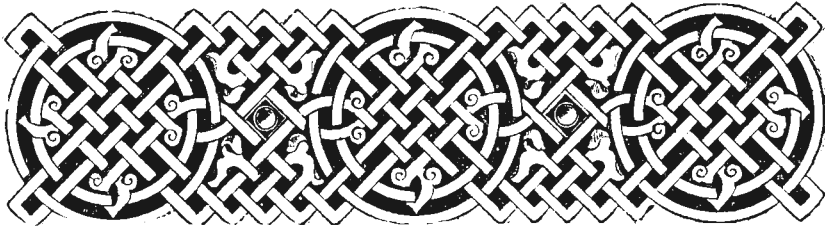
XVI.

Прошло два года. Городъ украсился порядочнымъ каменнымъ театральнымъ зданіемъ, но театралу-администратору не пришлось праздновать его открытіе: Иванъ Ивановичъ внезапно скончался отъ апоплектического удара за годъ до открытія новаго театра.

Е. В. Коршъ.

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ.

VII. Екатерининскій полковникъ.

I.

ВЕРГЪИ Тимоѣевичъ Аксаковъ въ своей эпической повѣсти «Дѣтскіе годы Вагрова внука», описывая жизнь въ Уфѣ 1795 года, рассказываетъ:

«Изъ военныхъ гостей я больше всѣхъ любилъ сначала Льва Николаевича Энгельгардта; по своему росту и породству онъ казался богатыремъ между другими, и къ тому же былъ хорошъ собою. Онъ очень любилъ меня, и я часто сиживалъ у него на колѣняхъ, съ любопытствомъ слушая его громозвучные военные рассказы и съ благоговѣніемъ посматривая на два креста, висѣвшіе у него на груди, особенно на золотой крестикъ съ округленными концами и съ надписью: «Очаковъ взятъ 1788 года 6-го декабря». Я сказалъ, что любилъ его сначала; это потому, что впоследствии я его боялся, онъ напугалъ меня, сказавъ однажды:

«— Хочешь, Сережа, въ военную службу?»

«Я отвѣчалъ:

«— Не хочу!»

«— Какъ тебѣ не стыдно,—продолжалъ онъ:—ты дворянинъ и непременно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ. Хочешь въ гренадеры? Я привезу тебѣ шапку и тесакъ...»

Я перепугался и убѣжалъ отъ него.

Это дѣтское воспоминаніе Аксакова, какъ всё подобнаго рода воспоминанія, пронесенное въ складкахъ памяти въ теченіе десяти-лѣтъ, уже при самомъ зарожденіи своемъ прошедшее черезъ аберацію впечатлительной, нервной и нѣжной, почти истеричной натуры, которою въ дѣтствѣ отличался Аксаковъ, должно принять съ большими оговорками.

Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ разказѣ явное противорѣчіе начала съ концомъ. Сначала является трогательная картина гениальнаго ребенка, сидящаго на колѣняхъ у богатыря и красавца, екатерининскаго полковника, и внимающаго его разказамъ о подвигахъ русскихъ чудо-богатырей, подъ начальствомъ Румянцова и Суворова. Но вдругъ все мѣняется. Предъ нами какой-то Скалозубъ, который не можетъ понять, что перо весьма часто дружить со шпагой, пристающій къ нервному мальчику такъ грубо, безтактно, обидно и, наконецъ, внушающій къ себѣ въ немъ непреодолимый страхъ. Таковъ ли былъ, однако, Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ? Замѣчательныя, оставленные имъ записки доказываютъ противное. Конечно, нервный мальчикъ не понялъ его словъ. Видимо, рѣчь шла о чиновничьемъ перѣ, а не перѣ вообще, въ смыслѣ символа умственнаго труда и творческой мысли. «Громозвучные военные разказы» въ запискахъ екатерининскаго полковника поражаютъ эпической простотой и спокойствіемъ, тлубокою правдивостью, искренностью.

Левъ Николаевичъ явно умѣлъ самъ сочетать перо со шпагой и, какъ увидимъ далѣе, былъ человѣкъ начитанный и озаботившійся о своемъ самообразованіи.

«Энгельгардтъ вздумалъ продолжать шутку,—разказываетъ далѣе С. Т. Аксаковъ,—и на другой день, видя, что я не подхожу къ нему, сказалъ мнѣ:

«— А, трусишка! Ты боишься военной службы, такъ вотъ я тебя насильно возьму».

Послѣдствіемъ этой шутки было то, то будущій авторъ «Семейной хроникѣ» съ тѣхъ поръ уже не подходилъ къ полковнику безъ особаго приказанія матери, и то со слезами.

Выше С. Т. Аксаковъ перечисляетъ тогдашнихъ знакомыхъ своихъ родителей въ Уфѣ. Это были—старушка Мертваго и двое ея сыновей, Дм. Бор. и Ст. Бор. Мертваго, Чичаговы, Княжевичи, Воецкая и сестрица ея, дѣвушка Пекарская, изъ военныхъ генералъ Мансуровъ съ женою и двумя дочерьми, генералъ графъ Ланжеронъ и полковникъ Л. Н. Энгельгардтъ, полковой адъютантъ Волковъ и офицеръ Христофовичъ, наконецъ, докторъ Авенаріусъ. Вотъ уфимскій кружокъ Аксаковыхъ въ 1795 году, въ которомъ маленькій Сережа, будущій знаменитый

писатель, пѣвалъ трогательную пѣсенку «добродѣтельнаго крестьянскаго мальчика»:

Не въ нѣгѣ я родился,
 Не въ роскоши я жилъ;
 Работалъ и трудился
 И хладъ и зпой сносилъ.
 Терпя различны муки,
 Боролся я съ судьбой;
 Мои суровы руки
 Не знали, что покой...

II.

Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (родился 10-го февраля 1766 г., умеръ 4-го ноября 1833 г. (1836?) женатъ былъ на Екатеринѣ Петровнѣ Татищевой (умершей 13-го ноября 1821 г.). Отецъ его, Николай Богдановичъ Энгельгардтъ, родился въ 1737 году, былъ мѣгилевскимъ губернаторомъ (съ 1782 года), генераль-майоръ (1794 г.), помѣщикъ Духовщинскаго уѣзда Смоленской губерніи, женатъ былъ на Надеждѣ Петровнѣ Бутурлиной (умершей до 1794 г.). Дяди Льва Николаевича—Андрей, Иванъ и Ѳедоръ Богдановичи,— всѣ трое были духовщинскими предводителями дворянства: Ѳедоръ Богдановичъ Энгельгардтъ былъ духовщинскимъ предводителемъ въ 1782 году, Иванъ Богдановичъ въ 1795—1796 гг., Андрей Богдановичъ въ 1803—1804 гг. Надо замѣтить, что въ этомъ уѣздѣ, кажется званіе предводителя дворянства всегда носили Энгельгардты, со времени учрежденія этой должности все XVIII и XIX столѣтіяхъ и въ XX все же здѣсь предводителемъ Вадимъ Платоновичъ Энгельгардтъ, членъ государственнаго совѣта по выборамъ. Двоюродный братъ Льва Николаевича Николай Ѳедоровичъ Энгельгардтъ отецъ автора «Писемъ изъ деревни» профессора А. Н. Энгельгардта, а Ѳедоръ Богдановичъ—родной его дѣдъ.

«Отецъ мой,—говоритъ въ запискахъ своихъ Левъ Николаевичъ,— былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ святаго Владимира второй степени, Николай Богдановичъ; мать моя была изъ рода Бутурлиныхъ, Надежда Петровна; замѣчательно, что изъ смоленскихъ дворянъ былъ онъ изъ числа первыхъ, женившихся на великороссіянкѣ, ибо со временъ завоеванія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Смоленска (взять 20-го сѣнтября 1654 года., остался за Россіей по Андрусовскому миру 30-го января 1667 года) они, по привязанности къ Польшѣ (будто бы? Не къ полякамъ ли? Авторъ.) брачались вначалѣ съ поляками, но какъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны были запрещены всякія связи и сношенія съ поляками, даже ежели у кого находили польскія книги, того ссылали въ Сибирь (?), то сперва по ненависти къ русскимъ

а потомъ уже по обычаю, всѣ смоляне женились на смолянкахъ; поэтому, можно сказать, всѣ смоленскіе дворяне между собой въ родствѣ. Первый женился на русской Яковъ Степановичъ Аршеневскій, второй—отецъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, на Скуратовой».

Левъ Николаевичъ сообщаетъ любопытныя черты правовъ «шляхетства» смоленскаго и дорогобужскаго, нѣсколько обидныя для патріотическаго чувства современнаго смоленскаго дворянства, если только оно у нихъ имѣется, но зато объясняющія извѣстное присловье: «Смолянинъ—польская кость русскимъ мясомъ обросла». Впрочемъ, брать жену въ Польшѣ было въ обычаѣ по всей Смоленщинѣ, Могилевщинѣ, Витебщинѣ, Бѣлоруссіи и Литвѣ. Однако это едва ли въ самомъ дѣлѣ можно объяснять политическими пристрастіями къ коронѣ польской.

Причина тутъ просто въ привлекательности польскихъ женщинъ, хорошо выраженной въ извѣстныхъ стихахъ:

Нѣтъ на свѣтѣ царицы
Краще польской дѣвицы—
Весела, что котенокъ у печки,
И какъ роза румяна,
И бѣла, какъ сметана.
Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки...

Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ родился въ 1766 году февраля 10-го числа въ Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда (тогда еще Касплинскаго) въ деревнѣ Зайцовѣ, родовомъ имѣніи отца его, которое было дано королемъ польскимъ Сигизмундомъ III (1587—1632), по взятіи имъ Смоленска, пращурѣ всѣхъ смоленскихъ Энгельгардтовъ Вернеру-Каспару (въ православіи Еремѣй), какъ сказано въ привилеѣ: «*Za krwawe saslugi przcsiw Moskwy (увы!)*» Но тутъ необходимо отступленіе, чтобы выяснить, кто былъ сей Вернеръ и какъ попалъ въ Смоленскъ, и откуда и какъ вообще появились Энгельгардты въ Россіи. Это очень давній эпизодъ.

III.

Причиной появленія Энгельгардтовъ въ предѣлахъ современной Россіи была великая битва при Грюнвальдѣ 1410 года, когда соединенныя силы поляковъ, литовцевъ и русскихъ на голову разбили рыцарей Тевтонскаго ордена, при чѣмъ битва, какъ извѣстно, была рѣшена тремя смоленскими полками русскихъ дружинъ.

Гибель Тевтонскаго ордена тяжело отозвалась на служившихъ въ немъ Энгельгардтахъ; они принуждены были продать свои замки и земли въ Силезіи и переселиться въ Ливонію, гдѣ и вступили въ рыцарскій орденъ меченосцевъ.

Но какъ они попали въ Силезію? Изъ Швейцаріи. Это еще болѣе «давній эпизодъ». Пшущій эти строки имѣеть фотографическій снимокъ съ древняго пергамента родословнаго древа и поколѣнной росписи германскихъ Энгельгардтовъ, доведенной до 1380 года. Подлинный пергаментъ находится въ Германіи у одного изъ немногихъ послѣднихъ отпрысковъ этой, давно истощенной вѣтви старой фамиліи.

Извѣстно, что всѣ германскіе Энгельгардты происходятъ отъ Ганса Энгельгардта по прованію «*der Langen*», который именпо въ 1380 году переселился изъ Швейцаріи въ Силезію, гдѣ затѣмъ Энгельгардты писались по своимъ замкамъ: Шналленштейнъ и Вюншельбургъ, одни: *von Engelhardt und Schnallenstein* (императорскіе дипломы 1558, 1573, 1597 гг.), а другіе—*von Engelhardt und Wunschelburg*. Тѣ изъ потомковъ германскихъ Энгельгардтовъ, которые писались Шналленштейнами, имѣли высокое въ Германіи и принадлежавшее только дворянамъ, бывшимъ таковыми еще до династіи Гогенцоллерновъ, званіе фрейгерровъ. А одинъ изъ сихъ фрейгерровъ *Vincenz von Engelhardt und Schnallenstein*, имперскій полковникъ, въ 1772 году возведенъ въ баронское достоинство.

Послѣ злосчастной битвы при Грюнвальдѣ, въ 1414 году Валентинъ фонъ-Энгельгардтъ продалъ замокъ Шналленштейнъ, грандіозныя развалины котораго въ ужасающихъ горахъ, среди ущелій и пропастей можно видѣть и теперь, и переселился въ Ливонію. Отъ него-то и происходятъ всѣ остзейскіе, лифляндскіе и курляндскіе дворяне и бароны Энгельгардты, получившіе, однако, баронство лишь въ XVII—XVIII столѣтіяхъ отъ шведскихъ королей и служившіе при польскомъ дворѣ.

Однако была и еще отрасль бургундскихъ Энгельгардтовъ, отъ которыхъ, повидимому, произошли современные французскіе представители этой фамиліи. Такъ, въ сочиненіи Іоганна Фохта «*Geschichte des Deutschen Ritter-Ordens*» въ списокъ рыцарей Тевтонскаго ордена, комтуровъ и ландскомтуровъ, находимъ:

Engelhard, Landskomthur, Elsass und Burgund. An. 1296.

Engelhard, Komthur, Horneck. An. 1297. Horneck замокъ и городокъ въ Штиріи, откуда родомъ знаменитый лѣтописецъ и миннезингеръ Оттокаръ фонъ-Горнекъ.

На происхожденіе фамиліи Энгельгардтовъ изъ коренной Франціи, именно изъ Бургундіи, указываетъ и огромная (6504 стиха) поэма знаменитаго миннезингера XIII вѣка, Конрада изъ Вюрцбурга, подъ заглавіемъ: «*Ein schone Historia von Engelhart auss Burgunt, Herzog Dietherich von Brabant, seinem Gesellen, unnd Engeldrut, dess Konigs Tochter auss Dennmarck*». Поэма описываетъ необыкновенныя приключенія и подвиги рыцаря Энгельгардта изъ Бургундіи, конечно совершенно фантастическіе, однако ученый издатель поэмы въ предисловіи весьма убѣдительно доказываетъ, что миннезингеръ, кромѣ

поэтического своего воображенія и старыхъ повѣстей и сагъ, пользовался и анналами нантскихъ турнировъ. Фантастическая эта поэма, однако, была составлена для какого-нибудь тщеславнаго и богатаго представителя тевтонскихъ Энгельгардтовъ, ибо иначе кто же заплатилъ Конраду гонорарій за 6504 стиха? Между тѣмъ о родителѣ героя поэмы прямо въ ней говорится:

do lebte in Burguntriche
vil getriuwecliche
ein herre von gebürte fri.

То есть: въ Бургундіи проживалъ въ высокой степени добросовѣстно нѣкоторый свободнорожденный господинъ...

Изъ Швейцаріи только или изъ Бургундіи также переселились въ XIII и XIV столѣтіи въ Германію и въ Силезію Энгельгардты, но какъ же попали они въ Москву и Смоленскъ? Черезъ Ливонію.

Это давній, очень давній эпизодъ изъ жизни странствующихъ рыцарей...

IV.

Какъ сказано, разгромъ Тевтонскаго ордена при Грюнвальдѣ заставилъ Валентина фонъ-Энгельгардта въ 1414 году продать силезскій замокъ и переселиться въ Ливонію. Затѣмъ въ 1496 году, здѣсь въ Эстляндіи Гансъ Энгельгардтъ построилъ замокъ Энгельгардтсгофъ, сгорѣвшій въ ливонскую войну, вновь потомъ отстроенный и, кажется, сожженный уже теперь, во время всероссійскаго «освободительнаго движенія».

Если переселиться изъ Силезіи въ Ливонію Энгельгардтовъ побудилъ разгромъ Тевтонскаго ордена, то изъ Ливоніи въ Москву и, наконецъ, въ Смоленскъ ихъ привелъ разгромъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ ордена ливонскихъ меченосцевъ.

Лѣтописецъ ливонскій приводитъ письмо московскаго государя Іоанна IV къ правительству ордена, 1554 года: «Необузданные ливонцы, противящіеся Богу и законному правительству, вы перемѣнили вѣру, свергнули иго императора и папы римскаго; если они могутъ сносить отъ васъ презрѣніе и спокойно видѣть храмы свои разграбленными, то я не могу и не хочу сносить обиду, нанесенную мнѣ и моему Богу. Богъ посылаетъ во мнѣ вамъ мстителя, долженствующаго привести васъ въ послушаніе».

Курбскій, находившійся среди воеводъ въ войну 1557—1558 гг., говорить:

«Земля была богатая, а жители въ ней гордые: отступили они отъ вѣры христіанской, отъ обычаевъ и дѣль добрыхъ протеческихъ, рипулись все на широкій и пространнѣйшій путь, на пьянство,

певоздержаніе, на долгое спанье, лѣнь, на неправды и кровопролитіе междуусобное».

По словамъ ливонскихъ лѣтописцевъ, развратъ въ ихъ странѣ въ это время дошелъ до такой степени, что его не стыдились, но гордились имъ; правители подавали примѣръ подчиненнымъ.

Когда въ началѣ 1576 года шестьдесятъ тысячъ русскихъ вторично вторглись въ Эстонию, то Леаль, Лоде, Фикель, Гапсаль сдались имъ безъ выстрѣла; жители Гапсаля вечеромъ послѣ сдачи затѣяли пиры, танцы. Русскіе удивлялись этому и говорили: «Что за странный народъ нѣмцы! Если бы мы, русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы поднять глазъ на честнаго человѣка, а царь не зналъ бы, какою казнью насъ казнить».

Въ первую войну взять въ плѣнъ и увезенъ въ Россію въ 1558 году Робертъ фонъ-Энгельгардтъ, владѣлецъ Энгельгардтсгофа, со своими сыновьями Каспаромъ, Михаиломъ и Оомой. Жена его была урожденная Анна фонъ-Зессвегенъ.

Въ числѣ немногихъ воинскихъ подвиговъ, ознаменовавшихъ со стороны изнѣженныхъ ливонскихъ рыцарей ордена меченосцевъ походъ царя Ивана Васильевича Грознаго на Ливонию въ 1577 году, нѣмецкіе, какъ и русскіе источники отмѣчаютъ особую геройскую защиту Зессвегена, замка, принадлежавшаго барону Иоганну Таубе—извѣстному любимцу и совѣтнику царя Ивана IV (которому онъ измѣнилъ въ 1571 году). Подъ начальствомъ брата Иоганна Таубе, горсть нѣмецкихъ дворянъ съ небольшимъ отрядомъ «засѣли на смерть» въ замокъ, который продержался три дня противъ всей русской арміи съ самимъ царемъ во главѣ. То были послѣдніе ливонцы, еще сохранившіе въ груди древнюю рыцарскую вѣрность и честь.

Замокъ палъ 21-го августа, и почти всѣ его защитники были казнены, замучены или уведены въ плѣнъ въ Россію. Среди нихъ, какъ это видно изъ одного позднѣйшаго документа 1583 года, находился такъ же и Рейнгольдъ фонъ-Энгельгардтъ (Reinhold von Engelhard), у котораго, какъ оказывается, во время осады замка погибли всѣ грамоты, касавшіяся имѣнія Engelhartshof. Изъ другихъ документовъ видно, что онъ былъ еще живъ и показанъ помѣщикомъ близъ замка Зессвегенъ около 1600 года.

Очевидно, это братъ или вообще родственникъ Роберта Энгельгардта, взятаго въ плѣнъ въ первую ливонскую войну. Сыновья послѣдняго—Каспаръ, Михаилъ и Оома—были долго въ плѣну въ Россіи и служили царю Ивану Васильевичу. Оома вернулся въ Лифляндію и умеръ холостымъ. Михаилъ, послѣ плѣна, служилъ потомъ въ Венгріи и Швеціи и, будучи шведской службы обрись-вахтмейстеромъ (1646 г.), получилъ отъ короля Густава-Адольфа помѣстье Пиргель въ Эстляндіи. Что касается Каспара, то онъ былъ дважды женатъ: въ первый разъ на Варварѣ фонъ-Фульдертъ,

а во второй на Маргаритѣ фонъ-Бистромъ. Была еще у нихъ сестра Анна, съ 1590 года состоявшая въ замужествѣ съ Генрихомъ фонъ-Будденброкомъ.

Итакъ, терпѣливый читатель уже знаетъ, какъ попали въ XVI столѣтіи Энгельгардты въ Москву. Но какъ они оказались затѣмъ и въ Смоленскѣ?

Это тоже старый эпизодъ изъ приключеній странствующихъ рыцарей...

V.

Внуки взятаго въ плѣнъ въ 1558 году въ первую ливонскую войну Роберта Энгельгардта изъ Энгельгардтсгофа и умершаго въ Москвѣ въ 1560 году, служили въ нѣмецкой гвардіи царя Ивана Васильевича Грознаго. Затѣмъ изъ нихъ Михайль (ум. 1675 г.) и Каспаръ (ум. 1671 г.) служили въ шведской службѣ, Фабіанъ убитъ въ 1630 году на дуэли Кортомъ Лоде, Дитрихъ (род. 5-го января 1640 года, а ум. 9-го декабря 1687 г.) поселился въ Курляндіи, а Вернеръ Энгельгардтъ, прослуживъ въ Москвѣ все царствованіе царя Θεодора Иоанновича, въ смутное время въ 1611 году сопровождалъ въ числѣ другихъ служивыхъ нѣмцевъ московское посольство, выѣхавшее въ Смоленскъ, просить у короля Сигизмунда III сына его Владислава на престолъ московскій. Въ Смоленскѣ Вернеръ Энгельгардтъ вступилъ въ польскую службу, а въ 1633, 1639 и 1640 гг. пожалованъ королемъ помѣстьями близъ Смоленска. Онъ участвовалъ въ защитѣ Смоленска и показанъ въ спискѣ осажденныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Смоленскѣ 9-го іюня 1654 года: «I. p. Werner Engillart z Kokołowicz, z Androszowa, Wnukowa saw swa osobą przy nim Marcin Stanisławowicz, Mikołaj Obuszek samotrzec. № 3». Фамилія искажена, но что это Вернеръ Энгельгардтъ, прашуръ всѣхъ смоленскихъ Энгельгардтовъ, не можетъ быть сомнѣнія, ибо указаны его имѣнія. По взятіи Смоленска, Вернеръ Энгельгардтъ поцѣловалъ крестъ царю Алексѣю Михайловичу и принялъ православіе, а при учиненномъ послѣ присоединенія къ Московскому государству Смоленска разборѣ земель смоленской и дорогобужской шляхты оставлены ему имѣнія, пожалованныя отъ короны польской, какъ это видно изъ дѣла смоленскаго депутатскаго собранія по алфавиту №№ 40 + 38 + 70, изъ документа отъ декабря 8-го дня 1793 года, листъ 11-й: «А въ королевскихъ привилеяхъ 141, 145 и 148-го годовъ (1633, 1637, 1640) написано — дано Вальнеру Ингиляртъ (то есть Вернеру Энгельгардту) въ Богородскомъ стану Колковичи, въ Молоховскомъ стану село Юрково, Внуково, Судомино, и сколько въ нихъ волокъ того въ привиліяхъ не написано. По тѣмъ же привиліямъ взято, а ему вмѣсто того дано въ Богородицкомъ стану Колковичи. А въ королевскомъ привиліи по купчей Войтеха Важинскаго

153-го году написано: повелено ему въ Бережнѣнскомъ стану въ деревняхъ въ Голубцовѣ, въ Андроновѣ, Осташовѣ, Яцковѣ, Су-саевѣ, Залѣсовѣ надъ рѣкою Хлюстью, сто волокъ уступить Вальнеру Ингилятру. А въ послушной памяти за приписью дьяка Максима Лихачова 163-го году написано: дана послушная память ему Ингилятру въ Молоховской станъ въ село Юрково зъ деревни».

Вернеръ Энгельгардтъ умеръ до 1672 года. Сыновья его: Сигизмундъ, въ православіи Степанъ Еремѣвичъ, въ русской службѣ съ 1661 года, капитаномъ въ полку Юрія Фаресбаха (1670), дворяниномъ московскій въ 1670, стольникъ въ 1684 году по 1707 годъ, умеръ до 1755 года; Юрій Еремѣвичъ, въ службѣ съ 1658 года, дворянинъ московскій въ 1670 году, а стольникъ въ 1684, умеръ въ 1691 году; жена его—Устинія Владимировна Повало-Швейковская; наконецъ Иванъ Еремѣвичъ, стольникъ въ 1684 году. Итакъ, три брата были одновременно пожалованы въ стольники. Отъ нихъ произошли всѣ смоленскіе Энгельгардты.

Удивительная судьба! Въ 1410 году смоленскіе полки рѣшаютъ битву при Грюнвальдѣ. Тевтонскій орденъ разгромленъ. И, благодаря этому, то есть именно благодаря доблестнымъ смолянамъ, Энгельгардты переселяются въ предѣлы современной Россіи.

Проходитъ четыреста лѣтъ.

И во главѣ земскаго войска Смоленской губерніи оказывается генераль-аншефъ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ.

Еще проходитъ сто лѣтъ.

И вотъ членъ государственнаго совѣта по выборамъ, предводитель духовщинскаго дворянства В. П. Энгельгардтъ, владѣлецъ тѣхъ самыхъ имѣній, которыя получилъ по «привилеямъ» старый Вернеръ, напрасно хлопочетъ, чтобы пятисотлѣтній юбилей битвы при Грюнвальдѣ былъ отпразднованъ смолянами—потомками тѣхъ храбрецовъ, которые рѣшили эту битву! Напрасно при помощи статей въ печати о томъ же хлопочетъ и ломаетъ копыя пишущій эти строки! Смоляне юбилея такъ и не праздновали, потому что это было неприятно... нѣмецкому, еврейскому и польскому обществу города Смоленска.

Это новѣйшій эпизодъ изъ исторіи странствующихъ рыцарей!..

VI.

Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, представитель пятаго поколѣнія смоленской отрасли фамиліи отъ Вернера, воспитывался сперва у бабки въ Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда въ с. Кирманы.

Воспитаніе это было весьма своеобразное. Зимой выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворѣ рѣзвиться съ ребятишками.

Еженедѣльно его мыли и парили въ банѣ въ самомъ жаркомъ пару и оттуда въ открытыхъ саняхъ возили домой съ версту.

Кормился онъ самую грубою пищею и отъ такого спартапскаго воспитанія сдѣлался самаго крѣпкаго сложенія, перенося, безъ вреда здоровью, и жаръ, и холодъ, и всякую пищу.

Бабка умерла въ 1774 году, а отецъ Энгельгардта, Николай Богдановичъ, отставной полковникъ, назначенъ былъ воеводою въ повоприсоединенный отъ Польши край, Бѣлоруссію, въ Витебскъ. Тамъ сталъ Льва Николаевича учить грамотѣ униатскій дьячокъ; съ 1776 года къ нему былъ приставленъ учителемъ отставной поручикъ, Петръ Михайловъ Брауншвейгъ, учить за 60 рублей въ годъ русскому письму, по-нѣмецки и первымъ правиламъ ариѳметики. Учиться по-французски ходилъ онъ въ іезуитскій монастырь къ іезуиту Вольферту. Но, какъ самъ говоритъ, «мало показывалъ успѣха по тупоумію и лѣности». Къ старшей сестрѣ его, Варварѣ Николаевнѣ (вторая, Александра, отдана была въ Смольный монастырь), выписана была въ 1777 году изъ Вильны *madame Leneveu* за 500 рублей; у ней научился Левъ Николаевичъ говорить по-французски «изрядно». Тогда же по-нѣмецки училъ его іезуитъ Кацаврикъ, который исправно каждую недѣлю наказывалъ его «дисциплиною», отчего онъ получилъ къ нѣмецкому языку «омерзѣніе» и никогда его не зналъ, какъ слѣдуетъ.

«Я былъ самыхъ дурныхъ наклонностей,—пишетъ Левъ Николаевичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—ничего не могъ сказать, чтобы не солгать; какъ скоро изъ-за стола вставали, тотчасъ обѣгаль столъ и все, что оставалось въ рюмкахъ, выпивалъ съ жадностію, крадя всякія лакомства... Нерѣдко приводили меня съ поличнымъ къ матери моей, которая со слезами говорила: «Одинъ у меня сынъ, но какого ожидать отъ него утѣшенія при таковыхъ порочныхъ склонностяхъ!..» Ни наказанія, ни увѣщанія, ничто меня не исправляло; сверхъ того я былъ неловокъ, неопрятенъ, и станъ мой былъ кривъ и сутуловатъ... Такимъ я былъ до 1778 года.

«Тогда открылись намѣстничества, и отецъ мой помѣщенъ былъ въ Полоцкъ предсѣдателемъ гражданской палаты, а меня отвезли въ Смоленскъ, въ пансіонъ къ содержателю Эллерту, гдѣ пробылъ я годъ. Правду сказать, хотя онъ касательно наукъ былъ мало-свѣдущъ, и вся ученая дѣятельность его состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, то есть катехизиса, грамматики, исторіи, географіи, мѳологіи, безъ малѣйшаго толкованія, и въ принужденіи учениковъ затверживать наизусть французскія фразы, но зато строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ: билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферилами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сбѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ. Но, кажется, для

меня таковой и былъ пужень, чтобы перемѣнить злую мою нравственность. Изъ учениковъ отъ такового славнаго воспитанія много было изуродовано, однакожь пансіонъ былъ всегда полонъ.

«За такое воспитаніе платили сто рублей въ годъ, на всемъ содержаніи Эллерта, кромѣ платья; танць-бодень былъ два раза въ недѣлю; много было дѣвиць, которыя пріѣзжали учиться танцовать и за вычку платили по тридцати рублей, даже и взрослые; однакожь п имъ не было спуску. Но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцевъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно.

«Черезъ годъ взяли меня изъ пансіона и привезли въ Полодць. Въ какомъ восхищеніи были мои родители, увидя меня выправленнаго, исправившагося отъ пороковъ, танцующаго на балахъ, говорящаго изрядно по-французски и о всѣхъ наукахъ, хотя я говорилъ, какъ попугай, ничего не понимая, и потому вскорѣ все забылъ!»

Еще въ 1777 г. Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ былъ записанъ въ гарнизонъ сержантомъ и опредѣленъ въ гусарскій вербованный Бѣлорусскій полкъ кадетомъ. Тринадцати лѣтъ былъ онъ представленъ аудиторомъ, но какъ полкъ принялъ его внучатный дядя Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, племянникъ Потемкина, то перевелъ Льва въ гвардію, въ Преображенскій полкъ сержантомъ, и въ число служащихъ, а не недорослей. Еще годъ учился онъ въ Шкловѣ, въ корпусѣ Зорича, потомъ въ Оршѣ обучался практической геометріи и геодезіи у оберъ-квартирмейстера, Матвѣя Михайловича Щелина.

VII.

Въ 1779 г. отецъ Льва Николаевича призванъ былъ вообще со всѣми вице-губернаторами къ императрицѣ Екатеринѣ Великой.

Въ первомъ часу былъ онъ позванъ въ кабинетъ государыни.

Императрица, пожаловавъ ему поцѣловать ручку, спрашивала объ его службѣ, и когда онъ сказалъ, что былъ капитаномъ въ полку Мельгунова Алексѣя Петровича, состоявшаго адъютантомъ Петра III, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ, то она сказала:

— Такъ мы съ вами знакомы. Вы были караульнымъ капитаномъ въ Петергофѣ, когда я вступала на престолъ. Я васъ помню.

«Дѣйствительно, это было такъ, — поясняетъ Левъ Николаевичъ, — по отецъ мой, хотя былъ въ короткомъ знакомствѣ съ Орловыми, особенно съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ, съ которымъ былъ въ одно время адъютантомъ у графа Петра Ивановича Шувалова, но по его твердымъ правиламъ ему не открывали заговора».

Потомъ государыня распространилась о доходахъ Могилевской губерніи.

Николай Богдановичъ на многія подробности государыни до-несъ, что не имѣетъ вѣрной памяти, и, чтобы не сказать ложно, то просить позволенія справиться съ своею памятною книжкою. ко-

торая для сего нарочно была заготовлена, и которую вынувъ изъ кармана, тотчасъ далъ отчеты на вопросы государыни со всѣми подробностями.

Императрица сказала:

— Позвольте взглянуть на вашу память, которая гораздо лучше, нежели бы вы мнѣ отвѣчали словами.

Екатерина долго разсматривала книжку, въ которой были помѣнены всѣ вѣдомости и отчеты, со всѣми обстоятельствами и съ замѣчаниями.

Потомъ сказала:

— Можете ли вы меня ею подарить? Я каждому вице-губернатору прикажу имѣть таковую.

Въ 1781 г. наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ съ великою княгинею Маріею Ѳеодоровной проѣзжалъ черезъ Могилевъ въ чужіе края.

Николай Богдановичъ Энгельгардтъ провожалъ его черезъ всю губернію.

Въ іюлѣ 1783 г. матушка Льва Николаевича по болѣзни отправилась въ Нарву пользоваться тамъ отъ главнаго доктора г. Сандерса; гдѣ пробывъ до сентября и не получа облегченія въ своей болѣзни, отправилась въ С.-Петербургъ съ сыномъ. По прибытіи сюда молодой Левъ явился на службу въ Преображенскій полкъ; майоромъ тогда былъ генераль-майоръ Николай Алексѣевичъ Татищевъ, пріятель его отца. Отыскалъ, что Левъ написанъ въ спискѣ служащихъ и, полка въ глаза не видавъ, по вольности дворянской по семнадцатому году уже состоитъ въ третьей сотнѣ и числится въ первой мушкатерской ротѣ.

«Служба моя въ гвардіи, — рассказываетъ Левъ Николаевичъ, — ничтожна и кратковременна; нѣкоторое время я былъ въ ротѣ и два раза дежурилъ; потомъ записанъ былъ въ уборные».

«Уборными» назывались сержанты, обязательно огромнаго роста, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы стоять по два на часахъ передъ кавалергардской залой.

По пріѣздѣ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина изъ Херсонской губерніи, Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ былъ опредѣленъ къ нему съ четырьмя другими сержантами на ординарцы.

«Симъ заключилась служба моя въ гвардіи, — рассказываетъ Левъ Николаевичъ: — а 1783 года въ декабрѣ его свѣтлость взялъ меня къ себѣ въ адъютанты».

О службѣ при особѣ свѣтлѣйшаго Льва Николаевича сообщаетъ весьма интересныя подробности.

«Князь жилъ во дворцѣ; хотя особый былъ корпусъ, но на аркахъ была сдѣлана галерея для проходу во дворецъ черезъ церковь, мимо самыхъ покоевъ императрицы.

«Лишь только я вступилъ въ свое лестное, по тогдашнему времени, званіе, какъ по разнымъ причинамъ государыня оказала князю немилость, и уже онъ собирався путешествовать въ чужіе края, и экипажи уже приготовлялись. Князь пересталъ ходить къ императрицѣ и не показывался во дворцѣ; почему какъ изъ придворныхъ, такъ и прочихъ знатныхъ людей никто у него не бывалъ; а сему слѣдуя, и другіе всякаго званія люди его оставили: близъ его дома ни одной кареты не бывало, а до того вся Милліонная была заперта экипажами, такъ что трудно было и проѣзжать. Однако скоро императрица черезъ особыхъ, вѣрныхъ ей людей узнала тайно, что непріатели ложно обнесли уважаемаго ею свѣтлѣйшаго князя.

«Свѣтлѣйшій князь, въ одинъ день проснувшись, на столѣ близъ кровати видитъ пакетъ, положенный его камердинеромъ, изъ грековъ, Захаромъ Константиновымъ, и который присланъ былъ отъ императрицы, съ тѣмъ, чтобы для сего князя не будить. Онъ, проснувшись и прочитавъ оный, закричалъ:

«Попова!» (такъ звали правителя его канцеляріи).

«Я,—говоритъ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ,—бывши тогда дежурнымъ, позвалъ его; князь подаль ему бумагу и сказалъ:

«Читай». То былъ указъ о пожалованіи князя президентомъ военной коллегіи, то есть фельдмаршаломъ. Василій Степановичъ Поповъ, тогда бывший подполковникомъ, выбѣжалъ въ комнату передъ спальнею и съ восторгомъ сказалъ: «Идите поздравлять князя фельдмаршаломъ». Я на тотъ разъ одинъ только и былъ; вошелъ въ спальню, поздравилъ его свѣтлость. Онъ всталъ съ постели, надѣлъ мундирную шинель, повязалъ на шею шелковый розовый платокъ и пошелъ къ императрицѣ (какъ онъ хаживалъ къ ней по утрамъ). Не прошло еще двухъ часовъ, какъ уже всѣ комнаты его были наполнены, и Милліонная снова заперлась экипажами; тѣ самые, которые болѣе ему оказывали холодности, тѣ самые болѣе передъ нимъ пресмыкались».

VIII.

Въ исходѣ 1785 года мать Льва Николаевича скончалась, а сестра его Александра была выпущена изъ Смольнаго монастыря; ему поручено было ее принять и привезть къ отцу въ Могилевъ, для чего князь отпустилъ его безсрочно въ отпускъ. Тогда же пожалованъ онъ секундъ-майоромъ къ иррегулярнымъ войскамъ и послѣ уже по должности въ Петербургѣ не бывалъ.

Въ 1787 г. Екатерина предприняла путешествіе въ Новороссію, черезъ Смоленскъ, Могилевъ и Кіевъ.

«Я былъ наряженъ,—разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ,—отвести роту въ Кричевъ (принадлежавшій князю Потемкину) для караула ея величества; какъ скоро государыня изволила прибыть,

я явился къ генераль-адъютанту, генераль-поручику графу Ангальту. Нельзя умолчать о семъ оригиналѣ. Думая по моему прозванію, что я пѣмецъ, сталъ онъ было говорить со мною по-нѣмецки, но, узнавъ, что я не говорю, то спросилъ по-французски, гдѣ караульная, и приказалъ, чтобы я его въ оную проводилъ. Пришедъ туда, началъ онъ съ каждымъ гренадеромъ здороваться; самымъ смѣшнымъ пѣмецкимъ выговоромъ затвердилъ онъ нанзустъ нѣсколько вопросовъ по порядку, какъ-то: «Здорово, мои други, какъ вы называетесь? Кой городъ? Женаты ли вы? Имѣете ли дѣтей? Много ли сыновей? Много ли дочерей?» И, несмотря на отвѣтъ, что холостъ, все продолжалъ отъ начала до конца свои разспросы; потомъ бралъ каждаго руку; одинъ гренадеръ, думая, что хочетъ пробовать его силу, такъ ему сжалъ его руку, что бѣдный графъ почти со слезами съ трудомъ отнялъ отъ его».

Великій чудакъ, графъ Ангальтъ былъ превосходнѣйшей души человѣкъ, что доказалъ, управляя сухонутнымъ шляхетнымъ корпусомъ.

Андрей Николаевичъ Соковнинъ (въ воспоминаніяхъ В. Селинова, «Русскій Архивъ», 1869 г. № 1), сообщая интересныя подробности о корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, замѣчаетъ:

«Когда отвозилъ моихъ дѣтей въ корпусъ (уже въ царствованіе Александра I), я ужаснулся той перемѣнѣ, которую я нашель теперь. Куда дѣвались вѣжливость, благородное обращеніе! У насъ наказаніе розгами было вещью рѣдкою, а тутъ каждый офицеръ дереть, когда ему вздумается».

При графѣ Ангальтѣ маленькіе кадеты были на попеченіи у нянюшекъ; одѣты были въ курточки кофейнаго цвѣта и, переходя отъ возраста къ возрасту, постепенно мѣняли и платья, и образъ занятій. Кромѣ фехтованія, верховой ѣзды и другихъ гимнастическихкихъ упражненій, было въ корпусѣ особое зданіе для jeu de raquette, и для этой игры кадеты одѣвались въ особую легкую одежду. Вся каменная оштукатуренная стѣна кругомъ сада была расписана разными предметами изъ натуральной исторіи, геометріи, алгебры и ариѳметики, задачами, шарадами и т. д. Стѣна эта называлась *muraille parlante*.

На этой же стѣнѣ, по приказанію графа Ангальта, парисованы были его похороны: кадеты несутъ гробъ, а могилу ему роютъ карлики.

Графъ Ангальтъ, съ одной рукой искусственной (надо думать, лѣвой, потому что правая его рука почувствовала богатырское рукопожатіе гренадера, какъ свидѣтельствуеть это Л. Ц. Энгельгардтъ), одѣвался всегда въ прусскій мундиръ и имѣлъ длинную косу. Одна ботфорта была со шпорой, другая безъ шпоры. Когда Фридрихъ Великій потерялъ сраженіе при Коллинѣ, то, повстрѣ-

чавъ при отступленіи графа Ангальта, который командовалъ какой-то частью его войска, сказалъ: «*Sie haben ein Spor verloren!*»

Графъ Ангальтъ, въ память этихъ словъ, скинулъ одну шпору и уже не надѣвалъ ея...

IX.

Объявлена была война Турціи. Составлены двѣ арміи: украинская, подъ командою Румянцова; правый флангъ—подъ командою графа Салтыкова, лѣвый—Каменскаго; вторая армія—екатеринославская, подъ командою Потемкина, шла на Очаковъ; Суворовъ командовалъ въ Кинбурнѣ. Въ украинской арміи командовалъ кавалеріею генералъ-майоръ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ.

«Когда мой полкъ получилъ повелѣніе итти въ походъ,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—почтенный мой отецъ, благословляя меня, сказалъ: «Увѣренъ, что не обезчестишь родъ нашъ своимъ недостойнымъ поступкомъ, и лучше я хочу услышать, чтобы ты былъ убитъ, нежели бы себя осрамилъ, а притомъ приказываю тебѣ: ни на что не напрашиваться, а что требовать будетъ долгъ службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро».

«Тутъ мы оба прослезились; поцѣловавъ его руку, съ восхищеніемъ сѣлъ я на коня и съ полкомъ выступилъ, дѣлая планы отличиться геройски, и строилъ воздушные замки».

Однимъ словомъ, тутъ повторилась та самая сцена, которая изображена еще въ поэмѣ миннезингера XIII столѣтія Конрада изъ Вюрцбурга: когда рыцарь Энгельгардтъ прощается со своимъ родителемъ, «въ высшей степени добросовѣтнымъ свободнорожденнымъ господиномъ изъ Бургундіи», отецъ благословляетъ его на ратные подвиги и даетъ ему наставленіе о правилахъ рыцарской чести... на древне-германскомъ языкѣ, но по существу мало разнящееся отъ русскаго, въ XVIII столѣтіи преподаваемаго молодому Льву его почтеннымъ родителемъ, могилевскимъ губернаторомъ.

Шесть вѣковъ минуло для фамиліи, какъ шесть дней. Длинная цѣпь сраженій, осадъ, штурмовъ, всевозможныхъ приключеній, ведшихъ фамилію странствующихъ рыцарей христіанскаго международнаго воинства изъ страны въ страну, изъ Бургундіи и Швейцаріи въ Силезію и Венгрію; оттуда въ Ливонію, въ Москву, въ Смоленскъ; оттуда на штурмъ турецкой крѣпости Измаила и польской Праги. Дѣло всегда находилось, и состояло оно въ одномъ и томъ же искусствѣ подъ всякими знаменами—колоть, рубить, палить, вести людей въ огонь и смотрѣть въ глаза смерти прямо, не мигая.

Счастье поворачивало спиной. Въ опустошенной и завоеванной странѣ невозможно было оставаться. Развалины сожженнаго замка продавались, и странствующій рыцарь ѣхалъ искать фортуны къ другому королю, къ шведскому, къ польскому. Иногда нѣсколько

братьевъ, какъ это было съ дѣтьми и внуками московскаго плѣнника Роберта фонъ-Энгельгардта, разъѣзжались въ разные концы Европы, одинъ въ Польшу, другой въ Венгрію, третій въ Швецію, четвертый оставался въ Россіи, и во враждующихъ арміяхъ вели подъ разными знаменами воинскія, имъ ввѣренныя части другъ противъ друга. Имѣя общихъ пращуровъ, отдѣльныя отрасли фамиліи быстро развивались въ разныхъ странахъ, и, конечно, случалось, что въ атакахъ Энгельгардтъ разрубалъ бѣшеной саблей черепъ Энгельгардту, или на штурмѣ Энгельгардтъ, стоящій на стѣнѣ крѣпости, угощала хорошей порціей картечи Энгельгардта, лѣзущаго на стѣну...

Вотъ разительный примѣръ. При Петрѣ Великомъ, во время Сѣверной войны и борьбы со шведскимъ королемъ Карломъ XII, конечно, въ рядахъ дѣйствующей арміи находились капитаны рейтарскихъ полковъ смоленскихъ и дорогобужскихъ, сыновья стараго Вернера Энгельгардта, въ православіи Еремѣя, братья Степанъ и Иванъ Еремѣевичи, дворяне московскіе съ 1670 года и стольники съ 1684 г., но въ то время, какъ они сражались подъ знаменами Петра I, подъ знаменами Карла XII сражались цѣлыхъ семь братьевъ Энгельгардтовъ—капитанъ шведской службы Михаилъ-Вильгельмъ, корнетъ Каспаръ и Вольдемаръ-Рейнгольдъ, капитаны Берендъ-Густавъ и Юргенъ-Генрихъ, корнетъ Карлъ-Фридрихъ и ротмистръ Антонъ-Іоаннъ. Всѣ они подъ Полтавой въ 1709 году были взяты въ плѣнъ, и хотя разсказывается у Пушкина, какъ

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его;
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ,

однако семерыхъ братьевъ Энгельгардтовъ великій царь попросту отправилъ... въ Сибирь, гдѣ они и пребывали до 1722 г., когда были наконецъ отпущены въ Швецію.

Кто же эти шведской службы братья?

Они сыновья Іоанна Энгельгардта, римско-имперской службы корнета, только тѣмъ замѣчательнаго, что его разстрѣляли собственные крѣпостные въ вотчинномъ его имѣніи Гензельгофъ въ Лифляндіи, — сыновья отъ первой жены его Анны-Мargarиты фонъ-Бокъ. А сей Іоаннъ есть сынъ Михаила Энгельгардта, шведской кавалеріи полковника, родного брата Вернера-Еремѣя.

Итакъ, семь братьевъ Энгельгардтовъ, Михаилъ, Каспаръ, Вольдемаръ, Берендъ, Юргенъ, Карлъ и Антонъ, были родными племянниками Степана и Ивана Еремѣевичей, московскихъ дворянъ и

стольниковъ и капитановъ смоленскихъ и дорогобужскихъ рейтарскихъ полковъ. Именно, видя, что послѣ выиграннаго сраженія царь Петръ Алексѣевичъ «плѣнниковъ ласкаетъ», смоленскіе братья Энгельгардты не скрыли родства своего съ шведскими братьями Энгельгардтами и на кровавомъ полѣ дяди обняли своихъ племянниковъ, а племянники поцѣловались со своими дядюшками! Анъ вышло худо!

Петръ былъ уже представителемъ новаго періода регулярныхъ армій, не признавалъ и не понималъ своеобразныхъ обычаевъ странствующаго рыцарства, не признавалъ «права отъѣзда», не вѣрилъ, что родные племянники могли совершенно спокойно пасть въ родныхъ дядей, а дяди рубить, какъ капусту, племянниковъ и, сражаясь подъ враждебными знаменами, отчетливо и непоколебимо исполнять свой долгъ. Царь рѣшилъ, что или племянники кривили Карлу, или дяди—ему, Петру, или и дяди и племянники кривили и Петру и Карлу, щадя другъ друга. А посему, перецѣловавъ всѣхъ семерыхъ племянниковъ Энгельгардтовъ и подивившись ихъ гигантскому росту, онъ отправилъ ихъ... въ Сибирь, а дядямъ велѣлъ выѣхать въ смоленскія свои вотчины и пребывать тамъ безвыѣздно, занимаясь благороднымъ искусствомъ травли русаковъ и лисъ въ своихъ «заказахъ» и «моложахъ», «а смоленскому воеводѣ наикрѣпче смотрѣть, чтобы тѣ дяди Ингилярды не своровали и къ шведу или коронѣ польской не побѣжали».

И потомъ шли годы за годами, но всякій разъ, какъ пріятели пробовали хлопотать о смягченіи участи дядей или племянниковъ, представляя, что они въ сущности ни въ чемъ не виноваты и воровства въ нихъ никакого не найдено, преобразователь топорщилъ котовскіе свои усы и неизмѣнно сурово отвѣчалъ:

— Не время!

Х.

Итакъ, Левъ Энгельгардтъ, получивъ наставленіе и благословеніе родительское, сѣлъ на коня, какъ добрый рыцарь, и поѣхалъ изъ Смоленщины въ Туретчину, воевать.

Благословенныя времена, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ и поэзія еще не погибла, еще витязь уѣзжалъ на войну на своемъ конѣ, какъ и должно витязю! Тогда еще не исчезли рыцарскіе нравы и чувства. Все это истреблено вагонами, на которыхъ написано: «40 человекъ и 8 лошадей»...

Въ украинской арміи ждали прибытія фельдмаршала Румянцева.

По прибытіи фельдмаршалъ приказалъ войскамъ быть во фронтѣ безъ ружья, и самъ со всѣми генералами прибылъ къ корпусу; всѣ были при появленіи его въ восхищеніи; ни одного не оставилъ

онъ штабъ-офицера, которому бы не сказалъ что-нибудь приятное.

Какъ скоро сказалъ солдатамъ:

— Здравствуйте, ребята!

Всѣ почти въ голосъ закричали:

— Здравствуй, нашъ батюшка графъ Петръ Александровичъ!

Старые солдаты говорили:

— Наслѣдъ мы тебя, нашего отца, увидѣли!

Посѣдѣлый унтеръ-офицеръ, обвѣщенный медалями, сказалъ фельдмаршалу:

— Вотъ уже, батюшка, въ третью войну иду съ тобою!

— Ну, другъ мой, — отвѣчалъ графъ: — въ четвертый разъ мы вмѣстѣ съ тобою уже воевать не будемъ.

Слеза сверкнула на суровомъ лицѣ великаго фельдмаршала. И слова его были пророчествомъ.

«На другой день выступилъ корпусъ въ походъ, — рассказываетъ Левъ Николаевичъ: — передъ выступленіемъ, когда лагерь былъ снятъ, полки выстроились, знамена развернуты, фельдмаршалъ проѣзжалъ мимо фланговъ командуемыхъ мною батальоновъ; я сдѣлалъ ему на караулъ и поскакалъ къ нему навстрѣчу. Но представьте мой ужасъ! Фельдмаршалъ на меня кричалъ самымъ страшнымъ голосомъ, видъ его представлялъ, чего выразить невозможно; ноздри раздувались, глаза яростно сверкали. Какъ скоро я услышалъ этотъ голосъ и увидѣлъ страшный его видъ, то такъ оробѣлъ, что не слышалъ ни одного его слова.

«Дежурный генералъ, подскакавъ ко мнѣ, приказалъ командовать: на плечо! Я едва могъ выговорить. Послѣ чего опять подѣхалъ онъ ко мнѣ и спрашивалъ отъ имени фельдмаршала: «Какъ я осмѣлился отдать ему честь!» Я отвѣчалъ, что считалъ то долгомъ. Но онъ мнѣ сказалъ:

«Вчера былъ отданъ приказъ, что когда фельдмаршалъ будетъ проѣзжать мимо полковъ или карауловъ, никогда бы не отдавали ему чести». Я отвѣчалъ, что приказа сего не слышалъ.

«Когда дежурный генералъ донесъ о сказанномъ мною, фельдмаршалъ поѣхалъ къ первой линіи, гдѣ мой полковникъ тоже сдѣлалъ ему на караулъ. Фельдмаршалъ сдѣлалъ такое же взысканіе; но какъ полковникъ отвѣчалъ, что приказа того не слышалъ, то фельдмаршалъ, обратясь къ князю Волконскому, сказалъ:

«Князь Григорій Семеновичъ, я вамъ приказалъ?» На что тотъ отвѣчалъ, что и онъ приказалъ.

«Но полковникъ утвердительно донесъ графу, что въ Сибирскомъ полку сей приказъ не объявленъ.

«Фельдмаршалъ приказалъ дежурному генералу объѣхать всѣ полки и спросить, въ которыхъ полкахъ объявлено сіе приказаніе? Между тѣмъ весь корпусъ стоялъ въ ружьѣ.

«Дежурный генераль, справясь, донесъ, что ни въ одномъ полку не было того объявлено.

«Тогда фельдмаршалъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ Волконскому:

«Господинъ генераль! ежели вы впередъ забудете исполнить мое приказаніе, я васъ поставлю передъ взводъ гренадеръ съ заряженными ружьями, а теперь поѣзжайте къ господину майору Энгельгардту и скажите ему, что онъ исполнилъ свою должность, что я его благодарю, и что выговоръ, сдѣланный ему, къ вамъ относится».

«Хотя,—разсказываетъ Левъ Николаевичъ,—его сіятельство и подъѣзжалъ ко мнѣ, но приказанное фельдмаршаломъ мнѣ сказать не объявилъ, однакожъ мое удовлетвореніе всѣмъ стало извѣстно, ибо главнокомандующій былъ окруженъ всѣми генералами и всѣмъ штабомъ, къ главной квартирѣ принадлежащимъ».

XI.

По долгомъ пребываніи въ лагеряхъ въ Плокахъ Левъ Николаевичъ отправился къ Хотину на короткое время посмотрѣть осаду и видѣться съ своимъ зятемъ С. К. Вязмитиновымъ, тогда бывшимъ въ томъ корпусѣ.

Онъ съ позволенія графа Салтыкова далъ Льву Николаевичу своего адъютанта, чтобы осмотрѣть батареи и траншеи.

«Долженъ я еще признаться въ моей храбрости,—пишетъ Энгельгардтъ:—съ польской стороны по правой сторонѣ Днѣстра заложена была сею же ночью батарея, которую я желалъ видѣть; турки для воспрепятствованія работы стрѣляли ядрами; первое, которое я услышалъ, заставило меня съ такою торопливостью нагнуться, что обѣ шлифныя пряжки у меня лопнули».

Однако, когда войска вошли въ зимовыя квартиры, Левъ Николаевичъ получилъ отъ фельдмаршала отпускъ на 29 дней и письмо къ его отцу.

Письмо было такого содержанія:

«Милостивый Государь мой

«Николай Богдановичъ!

«Податель сего будетъ вамъ лучшимъ свидѣтелемъ моего вамъ усердія, но я не могу, однакожъ, отказать себѣ того удовольствія, чтобы не представить его тоже съ моей стороны, свидѣтельствовать о его лучшемъ поведеніи и прилежности къ службѣ и вамъ не пожелать всякаго самомысленнѣйшаго добра, и что я въ особенное себѣ удовольствіе вмѣняю всякій случай, который мнѣ подаетъ способы

вамъ и вашему достойному сыну мои услуги оказать. И съ сими чувствами и искреннѣйшимъ почтеніемъ что я имѣю честь быть
«Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій и всегдашнѣйшій
слуга

«Графъ Румянцовъ-Задунайскій».

Яссы 26 поября
1788 года.

«Лестное сіе письмо, — прибавляетъ Левъ Николаевичъ, — я почитаю лучшимъ себѣ аттестатомъ въ мою службу».

Кромѣ турецкой войны подъ начальствомъ графа Румянцова и взятія Очакова, онъ участвовалъ въ польской войнѣ и въ штурмѣ Праги 24 октября 1794 г. подъ начальствомъ великаго Суворова.

«Чтобы выразить картину ужаса штурма по окончаніи онаго, надобно быть очевиднымъ свидѣтелемъ, — говоритъ онъ. — До самой Вислы на всякомъ шагу видны были всякаго званія умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тѣлъ убитыхъ и умирающихъ: воиновъ, жителей, жидовъ, монаховъ, женщинъ и ребятъ. При видѣ всего того сердце человѣка замираетъ, а взоры мерзятся таковымъ позорищемъ. Во время сраженія человѣкъ не только не приходитъ въ сожалѣніе, но остервеняется; а послѣ убійство дѣлается отвратительно».

Такія чувства Льва Энгельгардта показываютъ, что въ его лицѣ является послѣдній представитель длиннаго рода странствующихъ рыцарей. «Штатскія» мысли и чувства показываютъ, что смягчающее дѣйствіе культуры обращаетъ уже фамилію къ мирной работѣ на гражданскомъ поприщѣ.

Раненый генераль Костюшко, сдаваясь, передалъ свою саблю Энгельгардту.

Объ этомъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ извѣстный польскій патріотъ и повстанецъ Килинскій.

XII.

Императрица Екатерина, по долгому и блестящемъ царствованіи, скончалась, и на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ.

Извѣстна мгновенная переменна, воспослѣдовавшая тогда какъ какъ по гражданскому, такъ особенно по военному вѣдомству.

Изданъ былъ новый «гатчинскій» военный уставъ, и съ нимъ поскакали новоучрежденные инспектора въ разныя части арміи. Началось переучиваніе солдатъ «по-гатчински».

Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ сообщаетъ весьма интересныя подробности императорскаго смотра войскъ подъ Казанью.

«На другой день прибытія моего мой батальонъ наряженъ былъ въ караулъ, и при вахтпарадѣ смѣшное случилось происшествіе.

«Командовалъ вахтпарадомъ майоръ Зенкевичъ, хорошо знающій фронтъ прежней и новой службы.

«Игельстромъ приказалъ формировать изъ середины полудивизионную колонну, чего въ Павловскомъ уставѣ не было, почему офицеры и забыли. Майоръ спросилъ: «Какъ прикажете? По старому?»—«Какъ по старому? Велите формировать колонну». Майоръ опять спросилъ: «Какъ прикажете?» Тутъ Игельстромъ вышелъ изъ себя, сталъ самъ командовать старымъ и охрипшимъ голосомъ; никто его не понималъ; онъ выводилъ взводы и, наконецъ, привелъ все въ безпорядокъ, кричалъ: «Я несчастный! Государь исключить меня изъ службы, и этимъ буду я обязанъ этому полку».

«Подходилъ къ Ланжерону и сказывалъ, какъ было въ саксонской службѣ, гдѣ онъ былъ капитаномъ до вступленія его въ російскую службу, а тотъ отвѣчалъ, какъ было во французской службѣ. Кончилось на мнѣ, что всему я виноватъ».

Изъ этого разсказа видно, какъ трудно далась старымъ воинамъ молніеносная реформа, совершенная императоромъ Павломъ Петровичемъ.

Государь прибылъ въ Казань съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами 3 іюня и протнѣвался на Игельстрома, что войска до прибытія его еще не вступили.

Въ восемь часовъ долженъ былъ войти Уфимскій полкъ.

«Всѣ шли съ трепетомъ,—пишетъ Левъ Николаевичъ:—я больше ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги.

«Государь былъ у самой заставы. Передо мною шелъ батальонъ шефскій, который перемѣнилъ ногу; я тотчасъ перемѣнилъ также свою, чтобы маршировать согласно съ предыдущимъ батальономъ. За мною шелъ сверхкомплектный подполковникъ кн. Ураковъ, который пооробѣлъ и, не замѣтивъ, что я перемѣнилъ ногу, шелъ попрежнему, какою ногой шелъ весь мой батальонъ.

«Государь сказалъ: «Господа штабъ-офицеры, не въ ногу идете». Я, видя, что иду въ ногу шефскаго батальона вѣрно, тѣмъ же шагомъ продолжалъ. Тогда государь гнѣвно закричалъ:

«Полковникъ Энгельгардтъ не въ ногу идетъ». Увидѣвши ошибку моего подполковника, оправдываться было не время.

«Когда весь полкъ прошелъ, ударили подъ знамена; я скомадовалъ: съ поля. Надо объяснить, что дѣлалось это на маршѣ по тремъ флигельманамъ въ четырнадцать приемовъ и оканчивалось тѣмъ, что ружья обертывались внизъ дуломъ, а прикладомъ вверхъ, что было чрезвычайно трудно.

«Императоръ увидѣлъ, что батальонъ исправно сіе сдѣлалъ.

«6-го числа было ученье, гдѣ мы стрѣляли, на мѣстѣ и маршируя плутонгами, полудивизионами и дивизионами. Когда стали стрѣлять батальонами, какъ въ первой линіи было пять батальоновъ и мой батальонъ былъ на лѣвомъ флангѣ, то мнѣ должно было, изготовясь,

не прежде выстрѣлить, какъ когда 2-й батальонъ Рыльскаго полка, выстрѣливъ, возьметъ ружья на плечо, а какъ сей батальонъ очень мѣшкалъ, то великій князь Александръ Павловичъ, подъѣхавъ ко мнѣ, сказалъ: «Стрѣляй!» Но я доложилъ ему, что батальонъ, послѣ котораго мнѣ должно стрѣлять, еще не зарядилъ ружья; хотя онъ мнѣ повторилъ сіе приказаніе раза четыре, но я не спѣшилъ, выждалъ и выстрѣлилъ въ свое время, когда было должно; залпъ былъ удачный; государь замѣтилъ, что я не торопился исполнить приказаніе его высочества наслѣдника, ибо онъ былъ почти у моего батальона на флангѣ, и остался доволенъ моею исправностью».

ХІІІ.

«По окончаніи ученья въ комнатѣ государя и при немъ военный губернаторъ Лассій отдавалъ пароль и приказъ; я тотъ день былъ дежурнымъ и былъ въ кругу съ прочими, принимавшими приказаніе.

«Государь подошелъ ко мнѣ сзади, положилъ руку на мое плечо и, пожимая, спросилъ:

«— Скажи, гдѣ ты выпекся? Только ты мастеръ своего дѣла.

«Я руку его, лежавшую у меня на плечѣ, цѣловалъ, какъ у любовницы, ибо въ первые два дня я потерялъ бодрость и ожидалъ уже не того, чтобы обратить на себя его вниманіе, а быть исключеннымъ изъ службы.

«Тотъ день приказано было мнѣ быть къ столу.

«Какъ скоро государь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, то прямо подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

«— Изъ какихъ ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?

«— Смоленскихъ, ваше величество!

«— Знаю ли кого изъ твоихъ родныхъ?

«— Когда ваше величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ.

«— А, помню; у тебя, кажется, была сестра Варвара? Гдѣ она теперь?

«— Она замужемъ за Наврозовымъ.

«— Давно ли она вышла замужъ?

«— Въ нынѣшнемъ году (тогда ей было тридцать три года).

«— Не молодою же она вышла отроковицею. А гдѣ ты началъ служить?

«— Въ гвардіи.

«— То-есть по обыкновенію всѣхъ васъ, тупеядцевъ-дворянъ; а тамъ какъ?

«Я было хотѣлъ пропустить, что былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, и сказалъ:

«— А потомъ въ арміи.

«— Да какъ?

«— Взять былъ въ адъютанты къ князю Потемкину.

«— Тѣфу, въ какіе ты попалъ знатные люди! Да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно, много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугой.

«Вскорѣ послѣ того пошли за столъ.

«Седьмого были маневры; государь разгнѣвался на Рыльскій полкъ за худую стрѣльбу, а Уфимскимъ былъ доволенъ, особливо моимъ батальономъ. Когда я прошелъ мимо его церемоніальнымъ маршемъ и, отсалютовавъ, взялъ эспантонъ въ правую руку и подошелъ къ нему, императоръ сказалъ мнѣ:

«— Становись на колѣни—видишь, какъ ты выросъ великъ; иначе не могу тебя обнять.

«Когда я сталъ на колѣни, онъ поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

«Я отпросился въ отпускъ и въ наступившемъ 1799 году Богъ благословилъ меня супружествомъ, блаженство коего продолжалось 22 года и 6 мѣсяцевъ. Въ семь же году пожалованъ я генераль-майоромъ и шефомъ Уфимскаго полка. Въ маѣ государь пожаловалъ мнѣ командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, съ тысячею рублей годового дохода.

«Служка въ турецкую войну и противъ поляковъ усердно и ревностно, былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, лица отъ непріятеля не отворачивалъ и почти ничего не получилъ.

«А за маршированіе на Арскомъ полѣ и удачные батальонные выстрѣлы получилъ два ордена.

«Сего же года, въ исходѣ полбра, по просьбѣ моей я отставленъ съ мундиромъ, что при государѣ императорѣ Павлѣ считалось большою милостью».

XIV.

У Льва Николаевича Энгельгардта отъ брака, «блаженство коего продолжалось двадцать два года», съ Екатериной Петровной Татищевой, родилось трое дѣтей: сынъ, Петръ Львовичъ, родился въ 1800 г. и умеръ холостымъ, и двѣ дочери. Одна, Анастасія Львовна, родилась 26 октября 1804 г., а умерла 13 марта 1860 и была замужемъ за поэтомъ Баратынскимъ; другая, Софія Львовна, родилась въ 1807 г., замужемъ была за тайнымъ совѣтникомъ Николаемъ Васильевичемъ Путятою.

Поэтъ Евгенийъ Абрамовичъ Баратынскій, изъ Пушкинской плеяды, женился на Настасьѣ Львовнѣ Энгельгардтѣ 9 іюня 1826 г.

Старшая дочь Льва Николаевича, она была одарена утонченнымъ вкусомъ въ литературныхъ произведеніяхъ; поэтъ часто удивлялся ея тонкимъ замѣчаніямъ и справедливымъ возраженіямъ, вѣрности ея критическаго взгляда.

Онъ находилъ въ ней ободряющее сочувствіе его вдохновеніямъ и читалъ ей первой все, что ни выходило изъ-подъ пера его.

Въ бумагахъ Настасынъ Львовны нашелся отрывокъ, писанный ея рукою.

Это характеристика поэта, доказывающая, какъ глубоко сочувствовала она своему даровитому мужу:

«Сколько ни замѣчательно поэтическое достоинство его произведеній, однако они еще не вполне выказываютъ тотъ міръ изящнаго, который носилъ въ глубинѣ души своей.

«Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, онъ охотно и глубоко высказывался въ дружескихъ бесѣдахъ и тѣмъ заглушалъ въ себѣ тогда потребность выразиться для публики. Изливъ свою задумчивую мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣтною шуткою, онъ почиталъ сіе достаточнымъ».

До достиженія совершенныхъ лѣтъ для вступленія въ службу Евгенийъ Абрамовичъ жилъ частью у своей матери въ Тамбовской губерніи, частью у дяди, брата отца, адмирала Богдана Андреевича Баратынскаго, Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда въ сельцѣ Подвойскомъ, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Льва Николаевича Энгельгардта, дочерей котораго, Настю и Софи, конечно, видалъ не разъ. Въ 1819 г. Баратынскій въ Петербургѣ и поступаетъ въ Егерскій полкъ. Тутъ онъ познакомился съ барономъ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ. Тогда же стали появляться его первыя стихотворенія. Перейдя служить въ Финляндію, онъ здѣсь въ 1824 г познакомился съ Н. В. Путятой, весною 1825 г. произведенъ былъ въ офицеры, а затѣмъ пріятели женились на сестрахъ Энгельгардтъ.

Однако поэтъ писалъ стихи и въ честь Софіи Львовны. Таковы слѣдующіе:

Нежданное родство съ тобой даруя,
О какъ судьба ко мнѣ была добра!
Какой сестрѣ тебя уподоблю я,
Ея рукою мнѣ данная сестра!
Казалось, любовь въ своемъ пристрастии
Мнѣ счастье дала до полноты;
Умножила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.

Софіи Львовнѣ посвящено еще стихотвореніе «Кольцо» (1833 г.).

Иди жъ съ надеждой веселой!
Творецъ тебя благослови
На подвигъ долгій и тяжелый
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора
 Въ твои ненастливые дни,
 Когда нужна тебѣ опора,
 Мигъ, другъ мой, руку протяни.

Накопецъ къ Софѣ Львовнѣ относится посвященіе при посылкѣ «Бала», романтической поэмы:

Тебѣ ль, невинной и спокойной,
 Я приношу въ нескромный даръ
 Разсказъ, гдѣ страсти недостойной
 Изображень преступный жаръ?
 И безобразной, и мятежной,
 Онъ не плѣнитъ твоей мечты;
 Но что? На память дружбы нѣжной
 Его, быть можетъ, примешь ты.
 Жилецъ семейственнаго круга,
 Такъ въ даръ пріемлетъ домосѣдъ
 Отъ путешественника -друга
 Пустыни дальней дикій цвѣтъ.

О характерѣ семейной жизни Е. А. Баратынскаго съ Анастасіей Львовной даетъ понятіе письмо поэта, написанное осенью 1826 года (онъ женился въ іюнѣ этого года) Н. В. Путятѣ:

«Я живу потихоньку, какъ слѣдуетъ жеватому человѣку; но очень радъ, что промѣнялъ безпокойные сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ моемъ углу, иногда посматриваю, какова погода въ свѣтѣ. Прощай, мой милый! Люби меня, если не хочешь быть у меня въ долгу, и вѣрь, что у меня въ сердцѣ всегда готово участіе для радостей твоихъ и печалей».

Къ Настасѣ Львовнѣ относится слѣдующее трогательное стихотвореніе, написанное въ 1835 г., то-есть послѣ почти десяти лѣтъ брачной жизни:

О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ.
 Скажу ль? мнѣ иногда докучно вдохновеенье:
 Мѣшаетъ мнѣ его волнеенье
 Дышать любовью въ тишинѣ!
 Я сердце предаю сердечному союзу:
 Приди, мечты мои разсѣй;
 Ласкай, ласкай меня, о другъ души моеи!
 И покори себѣ бунтующую Музу.

Къ тому же году относится другое посланіе Анастасіи Львовнѣ, исполненное глубиною философскаго паоса и граціей чувства:

Своенравное прозванье
 Далъ я милой въ ласку ей:
 Безотчетное созданье
 Дѣтской нѣжности моеи;

Чуждо явнаго значеня,
 Для меня оно символъ
 Чувствъ, которыхъ выражене
 Въ языкахъ я не начелъ.
 Вспыхнувъ полною любовью
 И любви посвящено,
 Не хочу, чтобъ суесловью
 Было вѣдомо оно:
 Что въ немъ свѣту? Но сомнѣнъ
 Если духъ ей возмутитъ,
 О, его въ одно мгновенъе
 Это имя побѣдитъ;
 Но въ томъ мѣрѣ, за могилой,
 Гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ
 Для узнанья, другъ мой милой,
 Здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ,
 Имъ безсмертье я привѣчу,
 Къ безднамъ имъ воскликну я,
 Да душѣ моей навстрѣчу
 Полетитъ душа твоя.

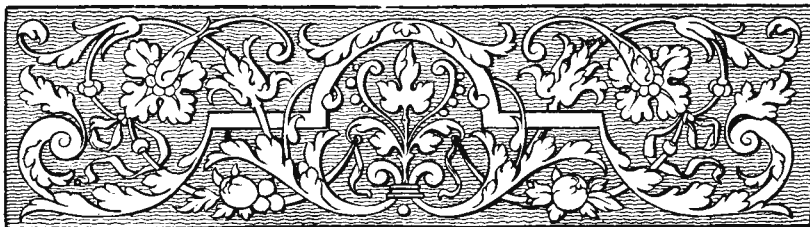
Чрезвычайное, умиротворяющее значеніе, которое имѣла въ жизни поэта Анастасія Львовна, выяснилъ онъ еще черезъ десять лѣтъ, въ 1844 г., въ посвященной ей слѣдующей строфѣ:

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
 Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя,
 Рѣшилась ты дѣлать его волненья,
 Въ немъ таинство печали полюбя.
 Ты, смѣлая и кроткая, со мною
 Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою:
 Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
 О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
 Я приникалъ главою моею мятежной,
 Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

Такую возвышенную роль въ жизни поэта играла дочь екатерининскаго полковника, взоры котораго «мерзились» кровавымъ зрѣлищемъ человѣкоубиенія послѣ суворовскаго штурма польской Праги!

Ник. А. Энгельгардтъ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ А. Н. ОСТРОВСКИМЪ.

(Изъ воспоминаній В. З. Головиной (Ворониной).)

ОЗНАКОМИЛАСЬ я съ Александромъ Николаевичемъ въ Самарѣ въ зиму 1847 или 1848 года, не помню хорошенько.

Помню только, что Александръ Николаевичъ гдѣ-то служилъ и пріѣхалъ въ Самару съ Евгеніемъ Николаевичемъ Эдельсономъ въ качествѣ «дѣльца», надъ чѣмъ они оба очень смѣялись. Пріѣхали они по порученію одной дамы, которая жила тогда въ Москвѣ и имѣла въ Самарѣ какія-то недоразумѣнія съ своими родственниками. Эта дама была пріятельницей одной изъ моихъ сестеръ и еще задолго до ихъ пріѣзда письменно рекомендовала моей матери этихъ молодыхъ людей.

Объ Эдельсонѣ я уже много прежде слышала отъ моихъ сестеръ, которыя видали его въ Москвѣ. Онъ тогда увлекался Лессингомъ, переводилъ его «Лаокоона», и сестры мои находили его очень умнымъ и интереснымъ. Одна изъ нихъ даже описала въ очень поэтичномъ четверостишіи рыжую голову Эдельсона:

Богъ великихъ думъ хранилищемъ
Вашу голову избралъ,
Потому, какъ надъ святилищемъ
Золотой покровъ ей далъ.

Про Островскаго говорили, что онъ тоже «попнмастъ», и потому ихъ пріѣздъ очень интересовалъ меня. Наконецъ они пріѣхали,

и какъ только я услыхала, что они у насъ, вышла въ гостиную и тотчасъ же узнала, по разсказамъ, бѣлаго, розоваго, съ красивыми чертами лица, рыжаго и кудряваго Эдельсона, и догадалась, что блѣдный, высокій, тонкій, съ большимъ лбомъ и совсѣмъ прямыми, бѣлокурыми волосами, молодой человѣкъ долженъ быть Островскій. Эдельсонъ уже говорилъ что-то горячо и интересно, вовлекая всѣхъ въ разговоръ; бѣлокурый молодой человѣкъ больше молчалъ и казался очень застѣпчивымъ и незапимательнымъ, хотя смотрѣлъ на насъ какъ-то не совсѣмъ просто, что меня противъ него сразу вооружило. Въ провинціи въ то время гостепрѣимство было самое радушное, и эти молодые люди остались у насъ обѣдать, а впослѣдствіи все время, свободное отъ занимавшаго ихъ дѣла, проводили у насъ или вмѣстѣ съ нами у нашихъ знакомыхъ.

На другой же день Эдельсонъ сообщилъ намъ, что Островскій написалъ комедію изъ купеческаго быта, что рукопись съ нимъ въ Самарѣ и что если его хорошенько попросить, то онъ, пожалуй, прочитаетъ ее намъ, потому что, вообще, перечитывать свою комедію ему полезно. Всѣ тотчасъ же стали просить Островскаго, онъ очень мило и просто согласился и самъ пошелъ на свою квартиру за рукописью. Въ его отсутствіе Эдельсонъ началъ внимательно готовить все для чтенія на кругломъ столѣ нашей гостиной: поставилъ свѣчи, потребовалъ графинъ съ водой и стаканъ и подошелъ ко мнѣ съ просьбой принести карандашъ, который надобно положить подъ руку Александра Николаевича, потому что онъ обыкновенно много поправляетъ въ своей рукописи во время чтенія. Я принесла карандашъ, но мнѣ казалось, что Эдельсонъ слишкомъ носится со своимъ «сочинителемъ», и что рѣшительно ничего нельзя ожидать хорошаго отъ этого неразговорчиваго молодого человѣка, который ни разу еще не сказалъ ничего остроумнаго, ничего особенно выдающагося. Въ знакъ безмолвнаго протеста я сѣла въ уголь съ большимъ моимъ пріателемъ, мальчикомъ моихъ лѣтъ, Сашенькой П., который отлично умѣлъ всѣхъ представлять, и уже съ перваго свиданія съ Островскимъ точь-въ-точь изображалъ его, съ манеры говорить нѣсколько въ носъ до привычки держать большой палецъ въ верхней бутоньеркѣ фрака. Сашенька тоже увѣрялъ меня, что, кромѣ смѣха надъ самимъ авторомъ, изъ пьесы бѣлокураго господина ничего не выйдетъ. Онъ кстати напомнилъ мнѣ, какъ я недавно прорвалась смѣхомъ прямо въ лицо одного нашего мѣстнаго поэта въ то время, какъ онъ читалъ самое патетическое мѣсто своего произведенія, и какой строгій выговоръ я тогда получила отъ моей матери. Но нужно сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ самарскомъ обществѣ, чтобы показать среду, въ которую попалъ Александръ Николаевичъ.

Самара тогда была еще уѣзднымъ городомъ, но уже наканунѣ переименованія въ губернскій. Верхній слой общества составляли

помѣщики. Многіе изъ нихъ были очень богаты, имѣли дома въ Самарѣ, жили тамъ зиму, держали собственныхъ музыкантовъ и веселили общество. Были нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо образованы, другіе—похуже, но со свѣтскимъ лоскомъ; были и безъ образованія и безъ лоска. Жены ихъ и дочери были тоже очень разнообразно воспитаны и образованы: были смолянки, патриотички, институтки; были изъ самарскаго пансіона madame Magnet; были тоже и совсѣмъ полуграмотныя, но иногда гораздо интереснѣе зажившихся въ деревнѣ институтокъ. Второй слой общества составляли чиновники пообразованнѣе. Они тоже были всегда въ кругу помѣщиковъ, но сами они должны были принимать и своихъ сослуживцевъ, мелкихъ чиновниковъ. Купцы, между которыми было много милліонеровъ, такъ называемыхъ «пшеничниковъ», съ которыми помѣщики имѣли дѣла, къ дамамъ въ гостиную никогда не допускались; но ихъ иногда приглашали на большіе вечера, гдѣ они всегда держались на мужской половинѣ или стояли въ дверяхъ бальной залы, чтобы посмотрѣть на танцующихъ. Но мать моя была знакома съ нѣкоторыми купчихами, а я даже была очень дружна съ дочерью одной изъ нихъ, и потому мы хорошо знали купеческій бытъ. Сестры мои были хорошо образованы, братъ даровитый, остроумный, живой человѣкъ; мать моя одинаково радушно принимала всѣхъ своихъ разнообразныхъ знакомыхъ, и потому насъ усердно посѣщали. Были между нашими знакомыми и поэты, болѣе или менѣе неудачные, и всѣмъ этимъ авторамъ хотѣлось непременно прочесть свое произведеніе моею старшей сестрѣ, одобреніе которой очень цѣнилось; потому эти чтенія происходили обыкновенно у насъ, въ гостиной, а не въ кабинетѣ брата, гдѣ обыкновенно толпилась молодежь. Но, къ сожалѣнію, кромѣ одного даровитаго господина, богача-помѣщика, который тратилъ свой крупный талантъ, описывая въ стихахъ скандалы на выборахъ или въ семьяхъ обывателей, прочіе писаки были очень плохи. Выговоръ, который я получила отъ моей матери, былъ именно за такого сочинителя.

Итакъ, въ качествѣ смѣшливой барышни, я сѣла въ уголь. Какъ теперь вижу, какъ все это происходило. Всѣ сѣли вокругъ стола. Эдельсонъ поставилъ мнѣ стулъ подлѣ себя и пригласилъ сѣсть поближе. Я отказалась тѣмъ, что съ моего мѣста очень хорошо слышно. Островскій развернулъ рукопись, пригладилъ ее рукой, поправилъ правые уголки листиковъ, чтобы легче было перевертывать, прочиталъ дѣйствующія лица, съ небольшими комментаріями и началъ читать своего «Банкрота» (какъ онъ прежде называлъ—«Свои люди—сочтемся»). Читалъ онъ, какъ и говорилъ, нѣсколько въ носъ, но это сейчасъ забывалось, потому что читалъ онъ превосходно. Во время первыхъ двухъ сценъ Сашенька П. поглядывалъ на меня вопросительно и даже попробовалъ дѣлать

комичныя мины, но я ушла отъ него къ столу, сѣла противъ Островскаго и уже не спускала съ него глазъ. Окончивъ первый актъ, онъ медленно поднялъ глаза, слегка взглянулъ на всѣхъ, и даже безъ словесныхъ похвалъ, которыя поднялись около него, увидалъ, что совершенно покорились своихъ слушателей. Когда впоследствии онъ нѣсколько разъ читалъ у насъ «Банкрота» при самой разнообразной публикѣ, такова была сила его таланта, а также и мастерского чтенія, что онъ всѣхъ, безъ исключенія, захватывалъ и поработалъ. Кто не помнитъ, какъ впоследствии въ театрѣ всѣ, отъ первыхъ рядовъ креселъ до райка, съ одинаковымъ увлеченіемъ ему аплодировали и его вызывали.

Послѣ такого авторскаго успѣха Александръ Николаевичъ сдѣлался нашимъ общимъ любимцемъ. Евгенийъ Николаевичъ Эдельсонъ комично жаловался, что Александръ Николаевичъ отбилъ у него всѣхъ собесѣдниковъ, что около него нѣтъ совсѣмъ репликъ, и онъ долженъ удовлетворяться одними монологами. Самъ Островскій сдѣлался сообщительнѣе, разговорчивѣе. Съ моими сестрами велись у нихъ оживленные споры и серьезные разговоры, въ которыхъ мнѣ рѣдко приходилось участвовать, потому что у меня былъ свой молодой кружокъ. Эдельсона мы всегда вербовали для разныхъ jeux d'esprit, которыя онъ чрезвычайно оживлялъ. Александръ Николаевичъ тоже часто къ намъ присоединялся и иногда утѣшалъ насъ тѣми смѣшными купеческими словечками, на которыя онъ былъ такой мастеръ. Многія изъ этихъ словечекъ попадались намъ потомъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Тогда былъ зимній сезонъ, я уже выѣзжала, и мнѣ захотѣлось воспользоваться нашими новыми знакомыми, какъ «кавалерами». Они оба очень мило покорились. Эдельсонъ усердно танцевалъ на нашихъ балахъ, и его очень полюбили всѣ мои подруги. Островскій тоже снисходительно соглашался на одну или двѣ кадрили и всегда бралъ себѣ визави моего пріятеля, который такъ любилъ его, что сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ его пажка. Впрочемъ, и самъ Островскій имъ заинтересовался. Этотъ юноша, какъ я уже говорила, умѣлъ отлично всѣхъ представлять. Я иногда сидѣла за работой, а онъ мнѣ изображалъ цѣлыя семьи нашихъ знакомыхъ во время какой-нибудь домашней сцены. Онъ не только говорилъ ихъ голосами, дѣлалъ изъ своего лица ихъ лица, изъ своихъ послушныхъ волосъ ихъ прически, но и говорилъ именно то, что они по своему характеру могли сказать, такъ что могъ бы поспорить съ Горбуновымъ. Кромѣ этихъ сценъ, у насъ былъ еще «выпускъ персонажей», какъ мы называли. Эти персонажи, въ которыхъ онъ былъ неподражаемъ, входили въ одну дверь, раскланивались и скрывались въ другую, изъ которой быстро долженъ былъ выходить слѣдующій, какъ можно болѣе противоположный; и чѣмъ больше они мѣнялись, тѣмъ было интереснѣе. Были тутъ, по боль-

шей части, наши знакомые оригиналы изъ самарскихъ обывателей, но были и имъ придуманные типы. Для представленія всей этой серіи ему нужна была только мокрая щетка, когда требовалась гладкая прическа для какой-нибудь фізіономіи. Вотъ разъ, когда Эдельсонъ спорилъ съ моими сестрами о Жоржъ-Зандѣ (которой я еще не читала), и Островскій осторожно его поддерживалъ, мой пріятель вызвалъ меня въ другую комнату и сообщилъ мнѣ, что еще нашель двухъ персонажей. Мы очень занялись нашими персонажами и не замѣтили, что Эдельсонъ стоитъ въ дверяхъ. Онъ, видимо, забавлялся нашимъ представленіемъ, хотя упрекалъ меня за нашу необузданную самарскую пасмѣшливость, которая никого не щадить.

— Посмотрите, Александръ Николаевичъ, чѣмъ они тутъ занимаются!—пожаловался онъ на насъ Островскому.—Но Александръ Николаевичъ удивилъ меня тѣмъ, что отнесся очень серьезно къ нашему представленію. Онъ пожелалъ пересмотрѣть всю нашу коллекцію, просилъ нѣсколько разъ повторять одинъ и тотъ же персонажъ, пожелалъ прослушать семейныя сцены, и все это совершенно серьезно и внимательно, между тѣмъ какъ Эдельсонъ очень потѣшался, да и Сашенька въ этотъ разъ себя превзошеть. Когда представленіе кончилось, Эдельсонъ сказалъ Александру Николаевичу:

— Какъ жаль, что это сынокъ богатаго барина и рвется въ гусары! Какой бы изъ него вышелъ превосходный комическій актеръ!

— Не думаю,—какъ всегда сдержанно, отвѣчалъ Островскій:—мнѣ сначала тоже это показалось, но у него только талантъ перенимать, и талантъ замѣчательный. Ну, а роли, пожалуй, онъ никакой хорошо не сыграетъ.

Я тогда очень обидѣлась этимъ приговоромъ надъ моимъ другомъ, но впослѣдствіи въ нашихъ домашнихъ спектакляхъ убѣдилась въ его бездарности, какъ актера, и съ уваженіемъ вспомнила, какъ серьезно Островскій искалъ въ немъ таланта и какъ вѣрно осудилъ его. И въ этомъ мой пріятель Сашенька папомипалъ Горбунова.

Александръ Николаевичъ очень недурно пѣлъ; я умѣла аккомпанировать; у насъ нашлись знакомые ему романсы, и онъ никогда не отказывался пѣть, когда его просили. Мнѣ никогда впослѣдствіи не приходило въ голову спросить у кого-нибудь изъ людей, близкихъ Островскому, что сдѣлалось съ его голосомъ и его пѣніемъ, но тогда мы имъ очень любовались. Мнѣ даже тогда казалось, что ему больше нравятся его успѣхи, какъ исполнителя нѣкоторыхъ тогдашнихъ романсовъ, чѣмъ какъ автора.

Но вотъ пришелъ и день отъѣзда нашихъ новыхъ знакомыхъ, и мы простились съ ними съ большимъ сожалѣніемъ. Вѣрный пажъ

Островскаго и мой братъ поѣхали ихъ провожать до первой станціи, за Волгу, какъ тогда часто дѣлалось для добрыхъ знакомыхъ. Потомъ мы стали ждать писемъ отъ нихъ, какъ они намъ обѣщали. Тогда путешествіе въ Москву продолжалось цѣлую недѣлю; почта ходила немного скорѣе; письма ихъ пришли не скоро, и письмо Александра Николаевича совсѣмъ насъ не удовлетворило. Это было очень просто написанное, коротенькое письмо къ моему брату съ просьбой поблагодарить мою мать и всю нашу семью за гостепріимство. А мы отъ автора «Банкрота» ожидали чего-нибудь выдающагося въ литературномъ отношеніи. Послѣ этого письма мы долго не имѣли никакого извѣстія отъ Островскаго, а въ это время о немъ уже заговорили въ журналахъ. Впослѣдствіи, когда была напечатана «Бѣдная Невѣста», Островскій прислалъ моей сестрѣ экземпляръ съ надписью:

«Надеждѣ Захаровнѣ Ворониной отъ виновнаго, но способнаго къ исправленію автора».

Но способный къ исправленію авторъ не исправился и совсѣмъ забылъ своихъ старыхъ знакомыхъ.

Долго послѣ всего этого, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, я была въ Москвѣ и попала на французское представленіе «Belle Hélène» въ артистическомъ клубѣ. Послѣ представленія меня провели по заламъ и показали полнаго съ красноватымъ лицомъ и окладистою бородой господина, ужинавшаго за однимъ изъ столовъ, и сказали мнѣ, что это Островскій. Вглядѣвшись хорошенько, я его узнала: тотъ же лобъ, тотъ же взглядъ. Тогда онъ былъ въ самомъ апогеѣ своей славы, — но я не нашла удобнымъ возобновлять тутъ наше знакомство. Послѣ я съ нимъ нигдѣ не встрѣчалась.

В. З. Головина (Воронина).

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О П. С. ВАННОВСКОМЪ.

О ОКОНЧАНІИ курса въ учительской семинаріи въ 1885 году, судьба бросила меня изъ родной Ярославской губерніи верстъ за 500, въ другую, чуждую мнѣ губернію, на скромное мѣсто сельскаго учителя. На новомъ мѣстѣ, среди людей другого уклада, мнѣ, 19-лѣтнему юношѣ, пришлось начать трудную и скудную жизнь. Багажъ моей телѣжки состоялъ изъ футляра со скрипкой и одной смѣны бѣлья. И заскрипѣла она, жизнь... не скажу, что тихо и мирно. Со смѣной начальства приходилось и мнѣ укладывать свой немудрый багажъ въ одномъ селѣ и распаковывать въ другомъ. Какъ водится, женился. Пошли дѣти, а съ ними радости и влѣдѣ за послѣдними незамѣтно подкралось горе! Тотъ пойметъ, что это за горе, у кого есть 5—6 тѣхъ двуногихъ звѣрковъ, которыхъ зовутъ «наслѣдниками» и молодымъ поколѣніемъ. Время насъ не дожидается и идетъ своимъ чередомъ, ровно отсчитывая свое равномѣрное тикъ-такъ; старшій сынъ ужъ подростъ и учится, конечно, въ своей же школѣ; третье отдѣленіе успѣшно кончается и подаетъ надежды... Надо подумать о дальнѣйшей его учебѣ. И каждый день, бывало, ковыряешь это больное мѣсто и думаешь. А дума известная: надо учить, надо держать экзамень въ «мигназію», какъ говорила 5-лѣтняя дочь, и тамъ учить, учить... Легко это сказать, да трудно выполнить мнѣ это было: на ученье нужны деньги, а ихъ-то и не заваживалось. И путнаго я ничего не могъ придумать. Жалованья 27 руб. 50 коп. въ мѣсяць... Жена... пятеро ребятъ... что придумаешь!? На самое необходимое не хватаетъ, несмотря на то, что и каникулы сидѣлъ за работой: то на урокахъ, то у земства статистикомъ, разъ даже

пристроился на всероссійской выставкѣ. А возу все нѣтъ ходу! Пробоваль проситься въ переводъ въ губернской городъ, чтобы въ немъ выучить сына, а кстати и прочихъ остальныхъ, но это оказалось нелегкимъ дѣломъ. Здѣсь устроиться, мнѣ сказали, нужны знакомства. Охъ, эти знакомства! Гдѣ ихъ въ селѣ-то отыщешь?! Сильно я просился въ городъ; кажется, даже надоѣлъ и было время, когда я думаль, что ключъ отъ города у меня въ карманѣ, но все окончилось благополучно по-старому. А время ужъ и не ждать. Сынъ ужъ окончилъ школу и надо что-нибудь съ нимъ дѣлать. И опять пошли думы. Думай не думай, а учить надо. А денегъ нѣтъ. А безъ денегъ... И выходитъ сказка «про бѣлаго бычка—не сказать ли сказочку опять съ конца». И началъ я думать сказочку съ конца, съ начала и безъ конца... Думаль-думаль, и отъ думъ мой умъ сталъ помрачаться. «Господи!—ропталъ я:—вѣдь я добросовѣстно работаю! поддержи меня, не дай погибнуть моимъ дѣтямъ!» Но выхода, какъ мнѣ казалось, я не находилъ, да и гдѣ и какъ его было найти! Не учить сына—эта мысль мнѣ казалась нелѣпостью; выплывали возраженія: «Какъ? мнѣ, учителю, и не учить сына? да что же это такое?»... И тяжело мнѣ стало, горько и обидно. Настали каникулы. Надо бы пристроиться хоть на урочишко какой-нибудь и лишній грошъ заработать, а я думаю да ищу начала въ концѣ и наоборотъ. Весь за лѣто издумался и хоть къ самому министру посылай, а придумать ничего не могъ.

А что, если и въ самомъ дѣлѣ къ министру? А?—подумаль я однажды.—Вѣдь, сколько ни думай, все равно одинъ толкъ! Вѣдь бываетъ, говорятъ... Возьму да вотъ и напишу ему свое положеніе! Что тогда? И мысль эта стала у меня повторяться. «Пиши къ министру! Онъ, только одинъ онъ тебѣ и поможетъ!—убѣждалъ меня второй мой экземпляръ:—Богъ не безъ милости!»...—«Да нѣтъ, нельзя, не по инстанціи! За это выговоръ только получишь—и больше ничего!» говорила мнѣ служебная дисциплина. «Да вѣдь это нѣчто единственное: написавши министру, ты все исполнишь, что могъ исполнить».

Министерскій постъ тогда занималь нынѣ покойный Петръ Семеновичъ Ванновскій.

Струны самоученія были натянуты туго и должны были оборваться. И въ одно лѣтнее утро я сѣлъ за перо и писалъ господину министру Петру Семеновичу не прошеніе, а письмо. Письмо лучше. За прошеніе можно, и въ самомъ дѣлѣ, выговоръ получить, а письмо ничего.

Такая ужъ у меня была тогда логика. Написаль я письмо и въ немъ изложилъ то, что думаль и чувствовалъ. Послаль и дѣйствительно успокоился, какъ будто сына пристроилъ. Оставалось ждать. Проходить августъ, мѣсяць пріемныхъ экзаменовъ, проходить сентябрь, а я жду и на что-то надѣюсь. И въ октябрѣ полу-

чаю отъ директора одной московской гимназіи предписаніе немедленно представить сына на экзаменъ и въ случаѣ, если онъ его выдержитъ, для зачисленія въ число казеннокоштныхъ пансіонеровъ гимназіи. Недолго мы собирались. Черезъ сутки были въ Москвѣ и стучались въ двери гимназіи. Сынъ былъ принятъ въ высокія, чистыя и свѣтлыя, но холодныя стѣны гимназіи. «Не принять намъ вашего сына нельзя!»—сказалъ директоръ и прибавилъ:—«Какое онъ?»—«Способности есть,—доложилъ я:—но боюсь, какъ бы онъ не научился шалить».—«Мы ему не дадимъ шалить!» сказалъ директоръ. И я, успокоенный, радостный, поѣхалъ домой. Какъ велика была моя тогдашняя радость—я не могу и сказать. На дорогу я сыну сказалъ: «Ну, прощай, сынъ! учись, будь вѣренъ тому, кто тебя училъ! Да будетъ Божья воля!» А про себя подумалъ: «Прощай, сынъ»!..

.....

Съ тѣхъ поръ немного лѣтъ прошло, но много воды утекло. Сынъ изъ гимназіи выбылъ безъ правъ, безъ подготовки къ жизни... А я считаю незабвеннаго для меня Петра Семеновича Ванновскаго свѣтлымъ праздничнымъ лучомъ на жизни моей, покрытой сѣрыми тучами.

Когда мнѣ бываетъ не по себѣ, я смотрю на портретъ великаго въ моихъ мысляхъ министра—и мнѣ становится легче, обликъ его утѣшаетъ меня, примиряетъ и ободряетъ уставшія силы. Миръ праху твоему. Прими отъ меня пожеланіе, чтобъ земля надъ тобой лежала легчѣ: пуха.

А. П. Александровъ.

ПАМЯТИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Ъ 27 МАРТА по 3-е апрѣля въ Воронежѣ происходило торжественное чествованіе памяти мѣстнаго уроженца и одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ людей, историка Николая Ивановича Костомарова. 7-го апрѣля 1910 года исполнилось 25-лѣтіе со дня его смерти, и воронежская ученая архивная комиссія рѣшила справить историческія поминки по Костомаровѣ, устроивъ выставку въ память покойнаго. Нельзя обойти молчаніемъ то отрадное явленіе, что мѣстная архивная комиссія за послѣдніе три года проявляетъ вообще большую энергію въ дѣлѣ удовлетворенія культурныхъ потребностей воронежскаго общества. Такъ, ею были очень удачно устроены выставки въ память 200-лѣтія Полтавской побѣды и Кольцовская, а въ нынѣшнемъ году Костомаровская. Составляютъ комиссію, по преимуществу, лица педагогическаго персонала разнаго рода учебныхъ заведеній Воронежа, а предсѣдателемъ ея состоитъ вице-губернаторъ, графъ Петръ Николаевичъ Апраксинъ, человѣкъ, живо интересующійся исторіей и памятниками родной старины. Костомаровская выставка ясно показала, чего можно достигнуть при любви къ дѣлу. Несмотря на то, что члены комиссіи люди по горло занятые своими специальными занятіями и на культурныя начинанія могутъ удѣлить лишь свой небольшой досугъ, выставка была такъ умѣло устроена, что всколыхнула Воронежъ и дала очень большіе результаты. Вотъ какъ характеризовалъ выставку и ея матеріалы

извѣстный ученый и специалистъ, профессоръ Д. И. Багалъй, подробно ознакомившійся съ нею:

«Выставка устроена съ знаніемъ дѣла и съ любовью къ нему. Здѣсь собрано то, что въ меморіальной формѣ можетъ дать понятіе о духовномъ обликѣ Николая Ивановича Костомарова, объ его умственныхъ интересахъ, выразившихся въ его ученыхъ трудахъ, объ его личной жизни и обстановкѣ, объ его нравственныхъ интересахъ, объ его родственникахъ и друзьяхъ, о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ проживалъ и съ которыми сроднился. Весь матеріаль разбитъ на соответственные отдѣлы, систематизированъ и отличается богатствомъ своего состава. Цѣнность собраннаго я бы иллюстрировалъ, сказавъ, что, не выходя изъ этой выставочной залы, можно было бы составить обстоятельную біографію Николая Ивановича. А отдѣлъ рукописей и писемъ, съ которыми я ознакомился, дастъ, несомнѣнно, многія новыя данныя для этой біографіи. Но особенно важно и цѣнно то, что и съ закрытіемъ выставки, благодаря Василию Григорьевичу Котельникову (мужъ падчерицы Костомарова), жертвующему свои коллекціи музею, большая часть собраннаго матеріала останется на мѣстѣ. Зная составъ комиссіи, ея энергичныхъ руководителей и преданныхъ дѣлу работниковъ, я не боюсь за судьбу богатыхъ меморіальныхъ коллекцій имени Н. И. Костомарова».

Приведа слова компетентнаго судьи, какимъ является Дмитрій Ивановичъ Багалъй, мы нѣсколько подробнѣй остановимся на томъ, что же именно дала выставка. Всѣ имѣвшіеся на ней матеріалы можно разбить на двѣ группы: къ первой относятся матеріалы, касающіеся личной жизни покойнаго историка, это матеріалы біографическіе, ко второй—его ученые труды, рукописи какъ вышедшихъ въ печать его сочиненій, такъ и ненапечатанныхъ еще до сихъ поръ.

Матеріалы первой группы отличаются особеннымъ богатствомъ и цѣнностью.

Расположены они въ такой системѣ, что легко шагъ за шагомъ прослѣдить всю біографію покойнаго. Тутъ имѣется метрическое свидѣтельство Николая, незаконнорожденнаго сына дворовой дѣвки Татьяны Мыльниковой, а рядомъ размѣщены портреты его отца, богатаго помѣщика и большого барина Ивана Петровича Костомарова, его матери Татьяны Петровны, впоследствии повѣнчанной съ своимъ баринкомъ. Далѣе идутъ фотографіи мѣстности, гдѣ историкъ родился и провелъ свое тяжелое дѣтство. Это виды слободы Юрасовки, Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи: помѣщичій домъ, усадьба, садъ и самая слобода. Тутъ же лежитъ автобіографіа историка и цѣлый рядъ документовъ, рисующихъ трагическое положеніе въ этой барской усадьбѣ барчука крѣпостнаго крестьянина и его матери.

Какъ извѣстно, отецъ Костомарова былъ убитъ своими дворовыми людьми, когда будущему историку было всего 11 лѣтъ

и когда Иванъ Петровичъ только собирался хлопотать объ усыновленіи своего незаконнорожденного сына Николая. Выставочный матеріалъ молчаливо, но документально и подробно рассказываетъ о томъ, какъ ближайшіе родственники и законные наслѣдники Ивана Петровича, Ровневы, обездоливаютъ сироту, доставшагося имъ по закону въ собственность, и обращаютъ его въ «казачка». Осматривающій выставку невольно переживаетъ въ своей душѣ ту тяжелую драму, которую пришлось когда-то переживать по природѣ даровитому, самолюбивому и гордому ребенку. Документально освѣщается затѣмъ борьба матери за человѣческія права своего горячо любимого сына. Изъ архива воронежскаго окружнаго суда добыты подлинныя и полныя захватывающаго интереса прошенія матери его Татьяны Петровны объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и объ усыновленіи сына Николая. На обложкѣ перваго, между прочимъ, имѣется интересная помѣтка канцеляриста: «Дѣло, по которому мнѣ досталось сто рублей», характеризующая нравы и обычаи дореформеннаго суда. Дѣло доходило до того, что Ровневы въ официальныхъ бумагахъ отрицали даже фактъ вѣнчанія Татьяны Петровны съ Иваномъ Петровичемъ Костомаровымъ. Благодаря подкупамъ и царившей въ судахъ неправдѣ, на долю Татьяны Петровны и ея сына Николая изъ всего огромнаго состоянія Ивана Петровича досталось всего 50.000 рублей ассигнаціями. Но дороже всего Татьянѣ Петровнѣ было то, что Ровневы согласились, наконецъ, отпустить на волю Николая. И съ этихъ поръ она всю себя посвящаетъ его воспитанію. Прежде всего она приписала его къ купеческому сословію, и «сынъ купца» Николай Ивановичъ Костомаровъ въ концѣ 1830 года былъ отданъ въ пансіонъ Ѳедорова въ Воронежѣ для подготовки къ поступленію въ гимназію, куда и былъ принятъ въ августѣ 1831 года, прямо въ 3-й классъ. По отзыву самого Николая Ивановича, «ученье въ гимназій шло тогда изъ рукъ вонъ плохо». Самъ Николай Ивановичъ былъ живой, шаловливый и лѣнивый мальчикъ, и его собирались даже исключить, но два пуда сахару, подаренные директору, поправили дѣло и Николай Ивановичъ удержался въ гимназій. По сохранившимся гимназическимъ спискамъ 3-го класса, по всѣмъ предметамъ, кромѣ словесности, Николай Ивановичъ стоитъ на послѣднемъ, двадцать вторымъ мѣстѣ.

По поводу хорошихъ балловъ по латинскому языку замѣтимъ что у преподавателя его Андрея Ивановича Билинскаго Николай Ивановичъ стоялъ на квартирѣ. Однако блестящія способности Николая Ивановича обнаруживаются тѣмъ, что уже въ «шаровомъ» спискѣ, составленномъ послѣ переходныхъ экзаменовъ въ 4-й классъ, онъ перешелъ съ 22-го мѣста на 5-е и даже получилъ похвальный листъ. Въ такомъ же родѣ иллюстрируется выставочнымъ матеріаломъ и дальнѣйшее пребываніе Костомарова въ гимназій.

Небезынтересны отмѣтки Николая Ивановича:

Предметы:	Способность.	Прилежаніе.	Успѣхи.	Поведеніе.	Не былъ въ классѣ.	Не былъ въ церкви.
Законъ Божій	4	2	3	3	1	—
Греческій языкъ , ...	3	2	2	2	—	—
Математическія науки . .	—	—	—	—	—	—
Латинскій языкъ	4	4	4	4	—	—
Естественная исторія . . .	3	2	2	4	8	1
Французскій языкъ	4	1	1	1	48	1
Нѣмецкій языкъ	4	2	2	2	—	—
Россійская словесность, .	4	4	4	4	1	—
Историческія, географическія и статистическія науки .	4	3	3	4	—	—
Рисовальное искусство . .	3	2	2	4	4	—

Въ особой витринѣ на выставкѣ помѣщены снимки видовъ мѣстности слободы Юрасовки, гдѣ, послѣ выдѣла изъ наслѣдства, Татьяна Петровна Костомарова купила себѣ у Н. А. Михайловской маленькое помѣстье съ 24-мя душами крестьянъ и гдѣ, окруженный нѣжными заботами своей матери, Николай Ивановичъ провелъ свое отрочество и раннюю юность. Тутъ же помѣщены виды Воронежа, Харькова, гдѣ онъ прошелъ университетскій курсъ, Острогожска, въ архивахъ котораго онъ впервые обнаружилъ свою страсть къ собиранію и разработкѣ историческихъ памятниковъ, виды городовъ Ровна, Кіева, Саратова, Царицына, Москвы и Петербурга, куда судьба забрасывала покойнаго историка, то въ качествѣ офицера и чиновника, то въ качествѣ учителя, профессора и ученаго.

Рядомъ съ фотографіями выставлены и подлинныя официальные документы, которые сопровождали покойнаго въ ссылкѣ и заточеніи, на скромной учительской должности и профессорской кафедрѣ. Таковы полицейскія дознанія, всякаго рода препроводительныя, арестныя, проживательскія и другія свидѣтельства, дипломы, постановленія ученыхъ и литературныхъ обществъ, университетскихъ совѣтовъ и т. д.

Собрана масса фотографическихъ снимковъ, характеризующихъ кругъ родныхъ, знакомыхъ и друзей Николая Ивановича, преимущественно ученыхъ и литераторовъ, портреты важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, надъ изученіемъ которыхъ особенно много поработалъ покойный.

На выставкѣ представлена и та убогая на современную мѣрку обстановка, при которой работалъ и писалъ свои безсмертныя сочиненія Костомаровъ. Простотой и бѣдностью вѣтъ отъ его рабочаго кабинета, разставленнаго въ залѣ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ при жизни историка. Простой письменный столъ, шкапъ и этажерка съ книгами, столъ съ рукописями, грубой кустарной работы диванъ, стулъ, нѣсколько мелкихъ предметовъ на письменномъ столѣ бюстъ его друга, пѣвца Украины Т. Г. Шевченка и нѣсколько портретовъ друзей и знакомыхъ—вотъ и все. Поневолѣ чувствуется какое-то величіе въ этой простотѣ, чувствуется гармонія простой обстановки съ такой же простой душой великаго историка-художника. Что касается выставочныхъ матеріаловъ, характеризующихъ ученую историческую дѣятельность Костомарова, то тутъ, кромѣ всѣхъ имѣющихся печатныхъ изданій его сочиненій, кромѣ большого количества журналовъ и газетъ, гдѣ они впервые помѣщались, собрана цѣлая масса рукописей покойнаго. Между послѣдними особенное вниманіе обращаетъ на себя еще неизданная до сихъ поръ исторія царствованія Екатерины II, которая относится къ его знаменитой «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». Право изданія всѣхъ сочиненій Костомарова принадлежитъ «литературному фонду» и нужно пожелать, чтобы это его посмертное сочиненіе поскорѣй увидѣло свѣтъ, такъ какъ оно содержитъ въ себѣ массу новаго и очень интереснаго матеріала. Много имѣется болѣе мелкихъ, но интересныхъ его рукописей, до сихъ поръ еще не напечатанныхъ нигдѣ. Большое количество такого рода рукописей и матеріаловъ доставлено и передано въ собственность воронежскаго музея мужемъ падчерицы Костомарова В. Г. Котельниковымъ, который въ настоящее время состоитъ на государственной службѣ, въ должности члена совѣта министра финансовъ. Онъ самъ присутствовалъ на выставкѣ и своимъ личнымъ участіемъ въ ней, какъ человекъ, близко знавшій покойнаго, на много облегчилъ устроителямъ работу въ дѣлѣ распредѣленія имѣющагося богатаго матеріала.

Научный матеріалъ, какъ нельзя болѣе кстати, былъ иллюстрированъ на выставкѣ цѣлымъ рядомъ этюдовъ и картинъ мѣстной художницы Н. П. Юргенсонъ. Эти этюды и картины этнографическаго, древне-бытоваго и миеологическаго содержанія гармонировали съ общимъ духомъ всѣхъ сочиненій Костомарова, проникнутыхъ такой любовью къ народу, его нравамъ, обычаямъ, вѣрованіямъ и сказаніямъ. Они необыкновенно удачно сообщали собой

надлежащій тонъ всей выставкѣ. Большіе наброски-картины «Кудесникъ и Кудеяръ», «Иванъ Царевичъ на коврѣ самолетѣ», «Пробужденіе Леля» и друг. сразу же переносили посѣтителя выставки въ міръ древнихъ русскихъ сказаній и событій, въ тотъ специально костомаровскій міръ, въ которомъ жилъ и дышалъ покойный историкъ.

Вполнѣ умѣстно было устроено на выставкѣ и особое археологическое отдѣленіе, гдѣ сгруппированы были древности, добытыя въ Воронежскомъ краѣ, предметы домашней утвари и вооруженіе, а также и рисунки древнихъ русскихъ костюмовъ.

Юбилейныя торжества происходили въ томъ же выставочномъ залѣ. 27-го марта состоялось официальное открытіе выставки, 28-го вечеромъ рѣдкій по своей оригинальности, захватывающему интересу и соответствію съ моментомъ этнографическій концертъ въ память Костомарова. Чѣмъ же, какъ не народной пѣсней и музыкой, можно было болѣе всего воскресить память о великомъ собирателѣ и знатокѣ народной поэзіи.

Въ концертѣ принимали участіе три знаменитѣйшихъ артиста своего дѣла, являющіеся первыми пионерами въ дѣлѣ воскрешенія и разработки народной музыки и пѣсни, это М. Е. Пятницкій, В. Шевченко, родственникъ поэта, и П. М. Меншиковъ. Всѣ они состоятъ членами музыкально-этнографической комиссіи при этнографическомъ отдѣлѣ императорскаго общества любителей естествознанія при московскомъ университетѣ и пріѣхали изъ Москвы на юбилейныя костомаровскія торжества. Эти скромные дѣятели на нивѣ собиранія и разработки музыкально-этнографическаго матеріала, являясь естественными продолжателями дѣла изученія народной души, дѣла, начатаго Костомаровымъ, въ своемъ исполненіи народныхъ пѣсень, былинъ и сказаній заставили присутствовавшую публику въ теченіе нѣсколькихъ часовъ испытать на себѣ всю силу могучаго очарованія произведеній народнаго творчества и оторваться отъ тяжелой современности. Народныя пѣсни, сказанія и быliny, артистически исполняемыя подъ аккомпаниментъ лиры и бандуры, производили неотразимое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Отъ нихъ вѣяло простотой, искренностью, задушевностью и вмѣстѣ съ тѣмъ величьемъ и той могучей силой, которая способна слабаго ребенка, хоть на одно мгновеніе, превратить въ богатыря.

Красота и мощь народной музыки и поэзіи для большинства присутствовавшихъ была такимъ же неожиданнымъ откровеніемъ, какимъ явились въ свое время лекціи и сочиненія Костомарова, представлявшія собой дивныя образцы живой, художественной обработки сырого историческаго матеріала. Мы не можемъ не привести здѣсь программы этого въ высшей степени интереснаго концерта. Онъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: 1-е отдѣленіе — былинныя пѣсньи, 2-е — великорусскія пѣсни и 3-е — пѣсни малорусскія.

Былины: «Про князя Владимира», запись Тертія Ивановича Филиппова, «Про Добрыню Никитича», записано на Бѣломъ морѣ А. В. Марковымъ, «Кастрюкъ» и «Гришка Отрепьевъ», историческія пѣсни, запись Дютша и др.

Большая часть великорусскихъ пѣсенъ наши воронежскія и записаны самимъ исполнителемъ М. Е. Пятницкимъ въ Бобровскомъ уѣздѣ, таковы: «Ночки темныя», «Вѣтры-вѣтерочки», «Отчаво-та этотъ вотъ камень зарождается», «Ужъ ты волюшка» и много другихъ.

Малорусскія пѣсни исполнялъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ и бандурѣ, В. К. Шевченко. Изъ нихъ лучшія: «Дума Морозенко», записанная въ Волинской губерніи Н. И. Костомаровымъ, «Про трехъ братьевъ Азовскихъ» и друг. Очаровательно была исполнена на бандурѣ музыкальная картина безъ словъ «Похідъ запорожцівъ».

29-го марта въ томъ же выставочномъ помѣщеніи состоялось торжественное засѣданіе архивной комиссіи въ присутствіи многолюднаго собранія слушателей изъ культурныхъ слоевъ мѣстнаго общества. Въ числѣ массы привѣтствій и телеграммъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, была произнесена привѣтственная рѣчь ректоромъ харьковскаго университета, профессоромъ Д. И. Багалѣемъ.

Послѣ привѣтствій дѣйствительными членами архивной комиссіи были сдѣланы доклады: Д. И. Щемелиновымъ—«Николай Ивановичъ Костомаровъ, біографическій очеркъ» и М. Н. Писаревымъ—«Костомаровъ, какъ историкъ». Послѣдній докладъ, мною прочитанный въ видѣ лекціи, я и привожу здѣсь дословно.

Мнѣ предстоитъ напомнить богатые заслуги покойнаго Н. И. Костомарова передъ русской исторической наукой, отмѣтить характерныя особенности его научнаго творчества и указать мѣсто, какое онъ занимаетъ въ русской исторіографіи. Напередъ долженъ сказать, что задача эта нелегкая, а въ рамкахъ юбилейной рѣчи едва ли достижимая. Одинъ голый перечень трудовъ покойнаго ученаго, съ самыми коротенькими комментаріями, занялъ бы больше времени, чѣмъ то, какимъ я располагаю. Талантъ Костомарова такъ многосторонень, вопросы, которыхъ онъ касался въ своихъ ученыхъ работахъ, такъ разнообразны, что болѣе или менѣе обстоятельная критическая оцѣнка его ученыхъ трудовъ здѣсь невозможна. Какъ всякая крупная сила, какъ всякій выдающійся талантъ, Костомаровъ имѣлъ и имѣеть не только друзей, но и враговъ. При оцѣнкѣ ученыхъ заслугъ Костомарова одни поклоняются ему, какъ творцу и новатору въ русской исторической наукѣ, другіе, наоборотъ, называютъ его несерьезнымъ историкомъ-романтикомъ и низводятъ до минимума значеніе его въ русской исторіографіи. Самую характерною и главнѣйшею чертой всѣхъ историческихъ

трудоу Костомарова является его стихийное стремление къ изображенію народнаго элемента въ исторіи, къ опредѣленію народнаго историческаго права. Племенные факторы исторіи, живой народъ, какъ основа историческаго движенія, думы и характеръ народныхъ массъ—вотъ что приковывало къ себѣ его вниманіе.

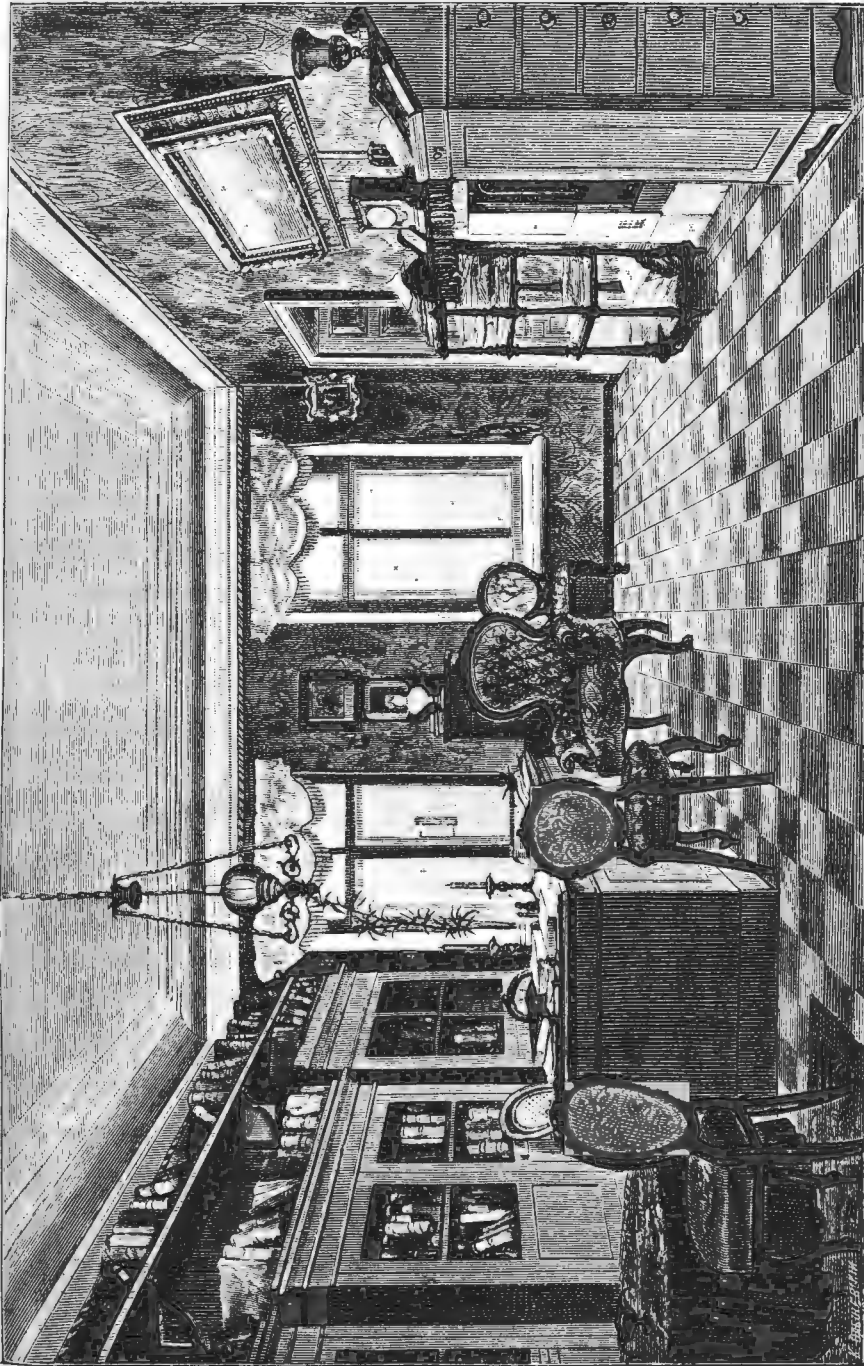

Н. И. Костомаровъ.

Запимался оу исключительно исторіей Россіи, исторіей своего народа, но на народъ онъ смотрѣлъ, какъ на живой организмъ, и изучалъ его со всеми его стремленіями, страстями и племенными особенностями. Костомаровъ не былъ историкомъ учреждений, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, или мистическимъ теоретикомъ народности,

какъ Аксаковъ; живой народъ стоялъ у него всегда на первомъ планѣ. Историческія данныя, опредѣляющія жизнь и судьбу народа, онъ бралъ изъ архивныхъ документовъ или изъ старинныхъ лѣтописей. Съ неистощимой энергіей Костомаровъ занимался собираніемъ и разработкой сырого историческаго матеріала. Работы въ архивахъ и всевозможныхъ другихъ древлехранилищахъ были его любимыми. Куда судьба ни забрасывала покойнаго, вездѣ онъ находилъ еще никѣмъ до него не тронутые историческіе документы. Особенно много было собрано и издано имъ матеріаловъ по областной исторіи, а серьезная, документальная разработка исторіи Малороссіи была впервые сдѣлана имъ. Имъ было издано 11 томовъ «Актвъ, относящихся къ исторіи южной и западной Руси». Огромное количество новаго матеріала было имъ приведено и разработано впервые въ его «Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ». Начиная съ юношескихъ работъ своихъ въ мѣстномъ острогожскомъ архивѣ, Николай Ивановичъ обнаружилъ необыкновенное искусство въ дѣлѣ собиранія историческихъ памятниковъ. Будучи въ ссылкѣ, онъ разработалъ мѣстные архивы въ Саратовѣ и Царицынѣ и написалъ исторію этого края.

Въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, за лѣтописями и мемуарами въ рукописномъ отдѣлѣ императорской Публичной библіотеки проводилъ онъ цѣлые дни и недѣли, извлекая оттуда богатые данныя, съ удивительною опытностью и умѣніемъ, а потомъ весь этотъ матеріалъ въ цѣломъ рядѣ вѣскихъ томовъ выпускался императорскою археографическою комиссіею. Въ своемъ курсѣ лекцій, читанныхъ имъ въ 1860 году въ петербургскомъ университетѣ, покойный историкъ далъ первый въ русской исторіографіи недосыгаемый образецъ научной систематизаціи критическаго разбора состава, происхожденія и источниковъ древнихъ русскихъ лѣтописей. Для всѣхъ своихъ работъ онъ всегда бралъ матеріалъ изъ первоисточниковъ. Онъ никогда не брался за темы разработанныя и не пользовался чужими трудами, и поэтому всѣ его труды носятъ отпечатокъ яркой оригинальности. Его познанія письменныхъ историческихъ памятниковъ были изумительны. По свидѣтельству его университетскихъ слушателей, онъ поражалъ обиліемъ приводимыхъ на память цитатъ изъ подлинниковъ, а нѣкоторыя его лекціи почти цѣликомъ состояли изъ искусно скомбинированныхъ лѣтописныхъ и архивныхъ выдержекъ. Костомарова, какъ я уже сказалъ, привлекалъ къ себѣ болѣе всего живой народъ, исторія быта, нравовъ, обычаевъ и всего внутренняго уклада народной жизни. Но тутъ онъ, какъ ученый историкъ, становился въ трудное положеніе: письменные историческіе документы могли дать ему только отдѣльныя черты, совершенно недостаточныя для созданія цѣльной картины, для понятія исторической эпохи.

Кабинетъ Н. И. Костомарова.

Чтобы восполнить этотъ существенный недостатокъ историческаго матеріала, покойный историкъ обращался къ мемуарамъ, запискамъ современниковъ, а также и къ самому живому источнику—народу, у котораго онъ подслушивалъ пѣсню и историческое преданіе. Работы чисто этнографическія у него всегда шли рядомъ съ историческими. Онъ первый изъ русскихъ историковъ созналъ всю необходимость изученія этнографіи, какъ важной вспомогательной исторической науки, составляющей существеннѣйшій источникъ историческаго познанія. Это было высказано имъ впервые и вполне ясно и опредѣленно. «Для узнанія народнаго характера,—говорить онъ,—надобно поступать такъ, какъ съ человѣкомъ, котораго желаютъ изучать: надобно искать такихъ источниковъ, въ которыхъ бы народъ высказывалъ себя безсознательно». Къ такимъ источникамъ принадлежитъ литература и поэзія. Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; минуты поэзіи—минуты творчества. Народъ испытываетъ ихъ и оставляетъ памятниками,—онъ поетъ; его пѣсни, произведенія, его чувства не лгутъ; онѣ рождаются и образуются тогда, когда народъ не носитъ маски. Онъ и самъ сознаетъ это: пѣсня—быль, скажетъ русскій. Народная пѣсня имѣетъ преимущество передъ всѣми сочиненіями: пѣсня выражаетъ чувства невыученныя, движенія души не притворныя, понятія не занятыя, народъ въ ней является такимъ, каковъ есть; пѣсня—истина. Есть и другое весьма важное достоинство народной пѣсни: ея всеобщность. Никто не скажетъ, когда и кто сочинялъ такую-то пѣсню: она вышла цѣлою массою; всякій, кто ее поетъ, какъ будто считаетъ за собственное произведеніе; нигдѣ не является народъ такимъ единымъ лицомъ, какъ въ этихъ звукахъ души своей, слѣдовательно, ни въ чемъ такъ не высказываетъ своего характера.

Историкъ, по мнѣнію Костомарова, долженъ быть этнографомъ и знаткомъ народной жизни. Это-то положеніе, теперь общепризнанное и ставшее азбучнымъ, до Костомарова не сознавалось нашими историками. Исторіки наши до Костомарова имѣли въ виду государство и его развитіе, а не народъ: послѣдній оставался въ глазахъ ихъ какъ бы бездушною массою, матеріаломъ для государства, которое одно представлялось съ жизнью и движеніемъ. Для полноты же исторической науки необходимо, чтобы и другая сторона народной жизни, равнымъ образомъ, была представлена въ народной ясности, тѣмъ болѣе, что народъ вовсе не есть механическая сила государства, а истинно живая стихія, а государство, наоборотъ, есть только форма, сама по себѣ, мертвый механизмъ, оживляемый только народными побужденіями, такъ что, самодѣятеленъ ли народъ, бездѣйственъ ли онъ,—во всякомъ случаѣ, государственность не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ условій, заключающихся въ народѣ; и даже тамъ, гдѣ народъ погруженъ въ мелкіе, единичные интересы, представляетъ собой

недвижимую, немыслящую, покорную массу, и тамъ формы государственныхъ со всѣми своими развѣтвленіями и со всѣми уклоненіями отъ потребностей, лежащихъ въ народѣ, все-таки получаютъ корень въ народѣ,—если не въ сознаниіи и дѣятельности, то въ отсутствіи мысли и въ безсиліи его. Главная цѣль исторіи заключается, по мнѣнію Костомарова, не въ изображеніи внѣшней жизни, а въ уразумѣніи психологіи прошедшаго. Тутъ Костомаровъ явился крупнымъ новаторомъ и сдѣлалъ большой вкладъ въ русскую исторіографію. Онъ самъ собиралъ пѣсни, пословицы, легенды, преданія, изучалъ имѣвшіеся въ его время сборники по этнографіи, народной литературѣ, поэзіи и мѣологии. Тутъ, въ живыхъ образцахъ народнаго творчества, въ намекахъ и указаніяхъ онъ старался уловить фізіономію эпохи и дополнить тѣ нѣжныя и неуловимыя черты, которыя вывѣтривались и засохли въ строго-историческихъ памятникахъ. Съ этой цѣлью онъ старался войти въ ближайшее соприкосновеніе съ народной массой, странствовалъ по слободамъ и шинкамъ, записывалъ все, что заслуживало вниманія, стараясь проникнуть въ духъ народа, понять его душу.

Эта кропотливая черная работа по собиранію сырого этнографическаго матеріала была тогда дѣломъ настолько необычнымъ для историка, что степенные ученые люди того времени прозвали Костомарова блаженненькимъ. А между тѣмъ эта его работа по изученію народа особенно была цѣнна для историка. Свѣдѣнія Костомарова по этнографіи были обширны, а знаніе бытовой стороны народной жизни изумительно. Въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ онъ поражалъ всѣхъ массою мелкихъ, но характерныхъ бытовыхъ подробностей. Какъ знатокъ этнографіи и исторической географіи, онъ, въ качествѣ дѣйствительнаго члена русскаго географическаго общества, редактировалъ три тома «Трудовъ этнографической экспедиціи въ Западно-Русскій край». Лично Костомаровымъ было собрано огромное количество памятниковъ народной литературы. Онъ не только самъ издавалъ и редактировалъ ихъ собранія, но отдавалъ собранный имъ матеріалъ и другимъ. Нѣтъ сборника пѣсенъ или сказокъ, куда бы не вошли полученные отъ него. Эти двѣ данныя, богатая эрудиція въ дѣлѣ познанія письменныхъ историческихъ памятниковъ и основательное знакомство съ живымъ народомъ, съ живой душой его, почерпнутое изъ тщательнаго ближайшаго изученія народа, выясняютъ намъ и третью основную черту его научно-историческаго творчества—его высокую художественность. Только при самомъ близкомъ знакомствѣ съ лѣтописью и архивомъ и только сроднившись съ народной массой, можно было подняться на такую высоту художественности изображенія исторической картины, на какую поднимался Костомаровъ. Когда онъ углублялся въ изученіе какой-нибудь эпохи, то онъ всецѣло переносился въ нее и жилъ въ ней, а историческіе дѣятели этой эпохи становились самыми

близкими его людьми. Напримѣръ, по свидѣтельству лица, близко знавшаго его, когда онъ работалъ надъ исторіей смутнаго времени, то въ буквальный смыслъ слова жилъ съ Разстригою, Сапѣгою, тушинцами, Шуйскими, Болотниковыми и московскими перелетами. Ни о комъ, кромѣ нихъ, не хотѣлось ему ни думать, ни говорить. Онъ сочинялъ между ними цѣлые діалоги, преображаясь то въ воеводу «большого полку», то въ бѣглаго холопа. Богатѣйшія познанія изъ области этнографіи позволяли ему вѣрно понять духъ народа и эпохи и возсоздать ихъ въ яркихъ художественныхъ образахъ. Сырой и мертвый историческій матеріалъ выходилъ изъ рукъ Костомарова обработаннымъ и одухотвореннымъ. Дѣйствующія лица, событія, цѣлыя эпохи одушевлялись въ богатомъ творческомъ воображеніи автора, и, стяхнувъ съ себя гробовую плѣсень, оживали въ устахъ и подъ перомъ покойнаго историка и являлись передъ его слушателями и читателями въ видѣ исполненныхъ жизни картинъ и образовъ. Костомаровъ, какъ историкъ-художникъ, явился первымъ не только по времени въ нашей исторіографіи, но и до сихъ поръ не знаетъ себѣ равнаго. Когда послѣ сухого и скучнаго изложенія Устрялова, послѣ точнаго и сжатаго разсказа Соловьева появились на сцену созданныя Костомаровымъ яркія и жизненныя картины историческаго прошлаго, то всѣ пришли въ восторгъ, увидѣвъ, естественно, въ этомъ цѣлое откровеніе. И дѣйствительно, впервые передъ русскими читателями развернулись живыя страницы русскихъ лѣтописей, и на нихъ живые люди стали говорить и дѣйствовать среди живо возсозданной и ярко обрисованной историкомъ-художникомъ эпохи. Какъ изъ забытыхъ могилъ, воскресли передъ русскими читателями роскошныя картины изъ эпохи казацкихъ войнъ и страшной Стенькиной смуты. Всѣ восхищались умѣньемъ Костомарова рисовать историческія лица, изумлялись множеству вносимыхъ имъ бытовыхъ подробностей, всѣ любовались мастерскимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, лицъ и характеровъ съ поэтическимъ вымысломъ; выразившимся въ произведеніяхъ народной поэзіи. По свидѣтельству современниковъ, сочиненія Костомарова читали съ увлеченіемъ даже и тѣ, кто никогда на своемъ вѣку не развернулъ ни одной книги по русской исторіи.

Неотразимой силой своего художественно-историческаго таланта онъ сумѣлъ на много поднять интересъ къ русской исторіи въ современномъ ему обществѣ. Какъ лекторъ, Костомаровъ въ своемъ родѣ единственный, и до сихъ поръ, кажется, нельзя указать ему равнаго. Когда онъ въ 1859 году появился на кафедрѣ русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ, то всѣ бросились слушать его лекціи, и онъ быстро сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ столицѣ. По свидѣтельству современниковъ, его лекціи были настоящимъ шедевромъ художественнаго творчества и производили

неотразимое, чарующее впечатлѣніе на слушателей, огромную массу которыхъ не могли вмѣстить университетскія аудиторіи. Цѣнная для историка способность воображенія и стремленіе возсоздать прошедшее въ его живыхъ чертахъ соединялись въ Костомаровѣ съ поразительнымъ знаніемъ историческихъ памятниковъ и феноменальной памятью. Благодаря этому и благодаря громадному запасу фактовъ въ головѣ, рассказъ его отличался непостижимой художественностью и правдой.

Его устами какъ будто говорилъ самъ старый лѣтописецъ, знавшій о событіяхъ отъ самыхъ близкихъ свидѣтелей. Его лекціи были замѣчательны по искусной реставраціи древняго быта и міровоззрѣнія.

По словамъ Скабичевского, «только тѣ, кто слушалъ его, могъ вполне оцѣнить его художественный талантъ, ту тайну обаятельнаго и могучаго очарованія, которое онъ производилъ на слушателей, тайну, унесенную имъ съ собою въ могилу. Какъ назвать этотъ талантъ и въ чемъ онъ заключался, указать невозможно. Ораторъ увлекаетъ слушателей тѣмъ жаромъ, которымъ самъ увлекается, и красотой построения рѣчей, свободно и неудержимо льющихся изъ его устъ; декламаторъ увлекаетъ разнообразіемъ и гибкостью своей дикціи, актеръ своей мимикой, у Костомарова ничего этого не было.

«На кафедрѣ стоялъ человѣкъ съ неподвижными, словно застывшими, чертами лица и смотрѣлъ своими задумчивыми глазами не на слушателей, а куда-то въ невѣдомую даль, словно въ глубь древнихъ вѣковъ; тихимъ, монотоннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, но безъ малѣйшихъ повышеній и пониженій голоса, невозмутимо спокойнымъ тономъ онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ заставлялъ присутствующихъ забывать все, что ихъ окружало, и всецѣло переноситься въ ту эпоху, среду, о которыхъ шла рѣчь съ кафедры. Порою вся лекція его заключалась въ однѣхъ выдержкахъ изъ различныхъ лѣтописей, но это-то чтеніе лѣтописей и было главнымъ достоинствомъ его таланта. Тяжелая, неудоборазбираемая, повидимому, такая наивно-нескладная рѣчь лѣтописи вдругъ получала въ его устахъ характеръ чисто-народнаго говора, понятнаго для каждой институтки, никогда въ глаза не видѣвшей лѣтописныхъ текстовъ, сухое и сжатое изложеніе дѣлалось полно сочныхъ и яркихъ красокъ и стародавняя старина ожидала передъ слушателями во всей своей архаической прелести». По художественности изложенія современники сравнивали покойнаго историка съ Августиномъ Тъери. Та же эрудиція и умѣнье добывать матеріалъ изъ сырья, та же научная критика и художественность воспроизведенія историческихъ лицъ, эпизодовъ и эпохъ. Мы теперь могли бы сравнить художественный талантъ Костомарова съ талантомъ только что почившаго величайшаго художника земли рус-

ской и всемірнаго гения Льва Николаевича Толстого. Секретъ художественности разсказа Костомарова тотъ же, что и у Толстого: правда, искренность, безыскусственность, полное отсутствіе сочинительства, необыкновенное знаніе людей и народа, непостижимая способность проникновенія въ характеръ и духъ времени, изумительное умѣнье уловить самыя типичныя черты эпохи, понять ея психологическіе моменты. Какъ у Толстого, такъ у Костомарова, самъ по себѣ, языкъ не отличается ни изяществомъ, ни внѣшней отдѣлкой. Оба они говорятъ просто, не заботясь о внѣшности, но подъ этой-то внѣшней простотой у нихъ и скрываются непостижимыя чары ихъ художественнаго таланта. Въ нашей исторіографіи Костомаровъ, какъ историкъ-художникъ, представляетъ собой новое и крупное явленіе. Онъ оживилъ науку и вложилъ въ нее душу. Художественный талантъ вообще рѣдкое, необычное явленіе въ ученомъ мірѣ, и педантичность, къ сожалѣнію, болѣе присуща серьезнымъ ученымъ. Но художественность имѣетъ очень важное значеніе и въ наукѣ. И говорить нечего, что усвоеніе науки учащимися дѣлается на много легче, самое же главное, въ художественной обработкѣ наука легче проникаетъ въ глубину народной массы, широко разливается по ней. Костомаровъ былъ великимъ ученымъ-популяризаторомъ и своей дѣятельностью поднялъ въ русскомъ обществѣ интересъ къ изученію русской исторіи, и въ этомъ его великая заслуга. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ русской исторіографіи онъ далъ первый блестящій образецъ живой художественной обработки историческаго матеріала.

Что касается политическихъ взглядовъ Костомарова, то охарактеризовать ихъ трудно. Время, когда жилъ и дѣйствовалъ Костомаровъ, было не такое, чтобы можно было опредѣленно высказывать и ясно обнаруживать свою политическую фізіономію. Это самому Костомарову пришлось понять и принять къ руководству съ первыхъ же шаговъ своей ученой дѣятельности. Первый же его ученый трудъ, его диссертация, былъ приговоренъ къ уничтоженію за неблагонадежность. А въ скорости и самъ историкъ, за свои политическія убѣжденія и какъ организаторъ Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, былъ сосланъ въ Саратовъ съ крупными ограниченіями его правъ на ученую историческую работу. Въ самомъ началѣ его ученой исторической дѣятельности его захватила было волна общественно-литературнаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, такъ называемаго панславизма. Это теченіе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его народолюбію, его историческимъ идеямъ, этнографическимъ влеченіямъ, и у Костомарова оно имѣло крупный фундаментъ въ обширныхъ историческихъ познаніяхъ. Но въ пониманіи панславизма Костомаровъ былъ оригиналенъ и представлялъ его себѣ въ особенномъ видѣ. Для него панславизмъ вовсе не означалъ, какъ у другихъ, безусловную гегемонію одного сильнаго племени

надъ всѣми остальными, гегемонію, которая не останавливается передъ насиліемъ и принужденіемъ; конечною цѣлью костомаровскаго панславизма былъ, наоборотъ, братскій союзъ всѣхъ славянскихъ племенъ, основанный на полномъ равенствѣ и свободѣ индивидуальнаго развитія и самоопредѣленія каждаго племени. Впрочемъ, считаясь съ законами ассимиляціи, Костомаровъ допускалъ возможность племеннаго поглощенія мелкихъ племенъ крупнымъ, но у него это поглощеніе должно было произойти безъ всякой тѣни насилія, только путемъ естественнаго историческаго движенія. Такъ, въ 1846 году въ Кіевѣ, во главѣ съ Костомаровымъ, образовался политическій кружокъ. Идеи этого кружка заключались въ слѣдующемъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ, 2) образованіе изъ нихъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ и соединеніе всѣхъ ихъ въ одну могучую веславянскую федерацію; 3) уничтоженіе въ славянскихъ обществахъ всякаго рабства, подъ какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) полное уничтоженіе сословныхъ привилегій, всегда лежащихъ тяжелымъ бременемъ на тѣхъ, кто ими не пользуется, 5) полная религіозная свобода, съ единственнымъ обязательствомъ при публичныхъ богослуженіяхъ употреблять всѣмъ единый славянскій языкъ, 6) свобода мысли, слова, печати и научнаго воспитанія и 7) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и литературъ во всѣхъ славянскихъ учебныхъ заведеніяхъ. На общемъ знамени, подъ которымъ кружокъ долженъ былъ разрастись и послужить для осуществленія этихъ идей, стояли имена великихъ просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія и кружокъ былъ названъ Кирилло-Меѳодіевскимъ. Изъ перечисленныхъ основныхъ идей кружка ясно, что съ первыхъ же шаговъ Костомаровъ сталъ противникомъ славянофиловъ. Въ то время, какъ у Костомарова единеніе славянъ основывалось на племенной автономіи, вѣротерпимости, свободѣ мысли, упраздненіи всякихъ привилегій сильнаго и на полной свободѣ культурнаго развитія, у славянофиловъ это единеніе достигалось путемъ исключительной гегемоніи сильнаго, крайней религіозной нетерпимости и крупныхъ ограниченій слабого. Намъ не приходится выяснять того, насколько панславизмъ Костомарова былъ раціональнѣй, шире и глубже панславизма славянофиловъ.

На практикѣ идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, основаннаго Костомаровымъ, привели его къ исключительному вниманію, которое онъ оказывалъ малорусскому народу, къ изученію его исторіи, культуры и самобытности. Къ тому же пришелъ онъ и путемъ обширныхъ этнографическихъ познаній, получивъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что здѣсь въ Малороссіи больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, сохранились основныя славянскія черты, что тутъ онъ менѣе всего испорченъ посторонними примѣсями. Все это да плюсъ еще то, что Костомаровъ съ молокомъ матери всосалъ въ себя

любовь къ малорусскому народу и среди него провелъ самые лучшіе годы своей юности, вполне объясняютъ намъ его украинофильство, за которое его не разъ упрекали, обвиняя въ политическомъ сепаратизмѣ и даже нелюбви къ великорусскому народу. Странными должны казаться эти обвиненія тому, кто знакомъ съ его трудами. Если онъ сохранилъ въ себѣ свои національныя симпатіи и стремленія, то онѣ нисколько не мѣшали ему быть вполне объективнымъ въ области исторической науки. Въ этомъ только выражалась еще болѣе его крупная индивидуальность, которая, ни при какихъ условіяхъ не мѣняя свой фizioноміи, остается тѣмъ, чѣмъ она есть. При иныхъ условіяхъ Костомаровъ не былъ бы такимъ художникомъ. Подъ конецъ своей дѣятельности, угнетаемый тяжкимъ недугомъ, болѣзью глазъ, онъ началъ думать, что историкъ не имѣетъ права выходить за точныя предѣлы своего матеріала и давать волю той силѣ историко-поэтическаго воспроизведенія и субъективнаго отраженія, которая вообще была существеннѣйшею и самою цѣнною стороною его трудовъ. Поэтому его послѣднія работы были сухи, сравнительно съ прежними, безжизненны. И понятно, въ нихъ Костомаровъ пересталъ быть Костомаровымъ, а сталъ зауряднымъ мастеромъ своего дѣла. Ученыхъ трудовъ Костомарова очень много. Всю свою жизнь онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, трудамъ по русской исторіи, которые въ общей сложности охватываютъ весь ходъ ея, почти до современной намъ эпохи. Кажется, нѣтъ ни одного значительнаго историческаго момента, надъ которымъ онъ не поработалъ бы, но, по преимуществу, его вниманіе приковывали такіе, въ которыхъ народный духъ проявлялся во всей полнотѣ своего развитія, это моменты, исполненные высокаго драматизма, богатые яркими красками, живыми героическими образами. Какъ художникъ, съ особенной любовью онъ останавливался на личностяхъ, біографіи которыхъ были настолько типичны и исполнены рельефныхъ, характерныхъ чертъ, что историкъ могъ ихъ воспроизвести во всей ихъ жизненной полнотѣ. Лучшія его произведенія и касались такого рода моментовъ и личностей. Таковы его труды:

1) «Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка» и еще цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ по исторіи смуты; 2) «Богданъ Хмельницкій» и много другихъ сочиненій по исторіи Малороссіи и казацкихъ войнъ; 3) «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго» и рядъ блестящихъ характеристикъ дѣятелей смутнаго времени. Изъ остальныхъ трудовъ Костомарова важнѣйшіе слѣдующіе. Во-первыхъ, въ XVI томахъ вышли его знаменитыя «Историческія монографіи и изслѣдованія», касающіяся многихъ важныхъ моментовъ и вопросовъ изъ исторіи Россіи. Сюда вошли его выдающіяся работы по критикѣ и разбору русскихъ лѣтописей, по исторіи крѣпостного права, по религиознымъ вопросамъ, сочиненія культурно-бытового характера и капитальный трудъ по исторіи Пскова, Новгорода и

Вятки. Во-вторыхъ, въ 6-ти выпускахъ вышла его «Русская исторія», въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, которая охватываетъ собою исторію Россіи съ древнихъ временъ до Екатерины II. Масса мелкихъ сочиненій Костомарова разбросано по разнымъ журналамъ и выпущено въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Цѣнный вкладъ сдѣланъ имъ и въ нашу бѣдную, особенно въ его время, историческую беллетристику, таковы его «Кудояръ», «Сынъ», «Холопъ» и др.

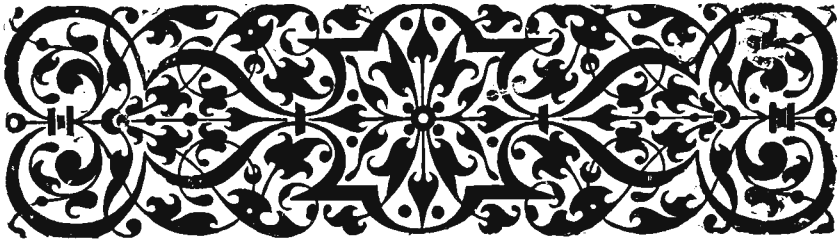
Въ своихъ ученыхъ трудахъ по русской исторіи Костомаровъ во многомъ ошибался. Да и могъ ли не ошибаться человѣкъ, неустанно проработавшій сорокъ лѣтъ. Не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. А Костомаровъ работалъ въ области науки русской исторіи, которая въ его время была еще въ младенческомъ состояніи и едва начала выходить изъ стадіи простого собиранія сырого историческаго матеріала. Мы отмѣтимъ главнѣйшія ошибки въ трудахъ Костомарова, ошибки, которыя, въ большинствѣ случаевъ, могли быть документально обнаружены лишь въ позднѣйшее время. 1) Сурова и невѣрна его характеристика Иоанна Грознаго, но это мы съ достовѣрностью можемъ сказать только теперь, когда у насъ въ рукахъ имѣются позднѣйшія ученія изслѣдованія. 2) Въ трудѣ своемъ «Сѣверно-русскія народоправства» Костомаровъ повторилъ ошибку всѣхъ историковъ своего времени: онъ считалъ, что въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ вся полнота верховной власти принадлежала народу и что Новгородъ палъ отъ излишка народной свободы. Опять только теперь мы получили возможность обоснованно сказать, что власть въ Новгородѣ фактически была въ рукахъ денежной аристокраціи и палъ Новгородъ не отъ излишка народной свободы, а скорѣй отъ ея недостатка. 3) Явно ошибался Костомаровъ и въ до сихъ поръ еще не рѣшенномъ вопросѣ о призваніи князей, считая ихъ жмудинами. 4) Цѣлый рядъ ошибокъ Костомарова, главнымъ образомъ, въ характеристикѣ историческихъ дѣятелей, обусловливается его основнымъ взглядомъ на общій ходъ исторической жизни народа. По мнѣнію Костомарова, исторію творить, главнымъ образомъ, народная масса, отдѣльныя же личности играютъ очень малую роль. Отсюда проистекало его постоянное стремленіе умалить роли отдѣльныхъ историческихъ лицъ, попытки развѣнчать тѣхъ изъ нихъ, дѣятельности и роли которыхъ всѣ придавали слишкомъ большое, исключительное значеніе. Въ такомъ родѣ мы имѣемъ его характеристики Дмитрія Донскаго, Минина, Пожарскаго и друг. Еще не лишнимъ будетъ упомянуть объ одной манерѣ Костомарова писать ученія сочиненія, манерѣ, которая вызывала и вызываетъ немало понятныхъ и справедливыхъ упрековъ по его адресу. Костомаровъ въ текстѣ своихъ сочиненій никогда почти не указывалъ источниковъ, а ограничивался тѣмъ, что въ началѣ книги перечислялъ всѣ ихъ подъ рядъ. При этомъ покойный историкъ часто слишкомъ довѣрялъ своей феноменальной памяти, приводя

не только цитаты, но и цѣлыя большія выдержки на память. Это было причиною тому, что въ его сочиненіяхъ встрѣчается много мелкихъ хронологическихъ и другихъ неточностей. За это, главнымъ образомъ, многіе даже называли его несерьезнымъ историкомъ, поверхностнымъ ученымъ. Правда, упрекъ по существу справедливъ. Но не нужно забывать всего характера покойнаго историка-труженика. Николай Ивановичъ Костомаровъ относится къ разряду такихъ людей, которымъ всю жизнь суждено лихорадочно спѣшить работать, спѣшить осуществить тѣ задачи, которыя они поставили себѣ въ жизни. Покойный историкъ обладалъ ничѣмъ незаглушимой жаждой передать другимъ добытыя имъ научныя богатства, результатъ долгой и кропотливой работы, и передать, по возможности, въ живомъ яркомъ видѣ. При этомъ естественно забота объ удобствахъ читателя и о мелочной точности у него отходила на второй планъ. Всѣ эти вольныя и невольныя ошибки и недочеты Костомарова, какъ историка, почти совсѣмъ незамѣтны среди большихъ его достоинствъ и крупныхъ заслугъ передъ русской исторической наукой, въ исторіи которой онъ сыгралъ видную роль. Во-первыхъ, покойный историкъ, какъ мы видѣли, потрудился много въ дѣлѣ собиранія, систематизаціи и обработки историческихъ памятниковъ, сырого историческаго матеріала; онъ обогатилъ русскую историческую науку множествомъ новыхъ данныхъ, особенно по областной исторіи. Во-вторыхъ, Костомаровъ единственный изъ историковъ новѣйшаго времени, котораго можно назвать историкомъ-художникомъ, вложившимъ въ науку живую душу. Въ-третьихъ, въ русской исторіографіи за Костомаровымъ навсегда останется та великая заслуга, что онъ является первымъ въ Россіи историкомъ, внесшимъ этнографическій элементъ въ исторію, понявшимъ исторію, какъ народную психологію. Въ настоящее время такое пониманіе исторіи господствуетъ, и потому-то Костомаровъ и его труды такъ дороги русскимъ образованнымъ людямъ.

Послѣ лекціи правитель дѣлъ архивной коммисіи отецъ Стефанъ Звѣревъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ исторіей устройства костомаровской выставки, послѣ чего засѣданіе было закрыто. Сама выставка закрылась 3-го апрѣля. Весь богатый матеріалъ, собранный на выставкѣ, въ настоящее время хранится въ воронежскомъ музеѣ.

М. Писаревъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ.

М ДЕТЬ уже второй годъ со времени открытія новыхъ судебныхъ установленій въ П—ской губерніи; съ этого же почти времени я исправляю въ этой губерніи должность судебного слѣдователя 2-го участка К—скаго уѣзда.

Вечеръ. Начало декабря.

На моемъ письменномъ столѣ разложено огромное настольный реестръ—толще любого грессъбуха,—унаслѣдованный мною послѣ моего предшественника, мишіатюрнаго человѣчка, любившаго, однако, все большое, тяжелое, громоздкое.

Я высчитываю по этому реестру, сколько останется къ новому году неоконченныхъ дѣлъ.

Увы! если въ продолженіе декабря буду работать, не покладая рукъ, то и въ такомъ случаѣ въ рубрикѣ неоконченныхъ дѣлъ окажется ихъ около сотни. Участокъ можетъ быть признанъ запущеннымъ. Плохо, очень плохо!

Меня удручаетъ мысль о послѣдствіяхъ такой запущенности. Пожалуй, возбуждать дисциплинарку, а то и хуже...

Вѣдь я не настоящій судебный слѣдователь, а только состоящій при департаментѣ юстиціи и командированный къ исправленію должности судебного слѣдователя. Достаточно соотвѣтствующаго представленія прокурора судебной палаты, чтобы въ одинъ прескверный день прочесть въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», что такой-то «состоящій» отзывается отъ исправленія должности судебного слѣдователя.

Въ этомъ случаѣ нельзя упрекнуть министерство въ нарушеніи служебныхъ правъ «состоящаго». Вопросъ этотъ разрѣшался очень просто. Министерство нашло, что командировка состоящаго при департаментѣ кончена, а потому на исполнѣ законномъ основаніи такой «состоящій» отзывался изъ этой командировки и причислялся къ департаменту.

Такой «причисленный» уподоблялся, въ этомъ случаѣ, карасю, выброшенному на берегъ изъ своей родной стихіи.

По этому поводу мнѣ вспоминается такой случай: прослуживши около десяти лѣтъ, сначала исправляющимъ, а затѣмъ настоящимъ, то есть утвержденнымъ судебнымъ слѣдователемъ, я назначенъ былъ товарищемъ прокурора въ другой округъ. Вступивши въ исполненіе своихъ обязанностей, я сталъ знакомиться съ дѣлопроизводствомъ слѣдователей моего участка. На первыхъ же порахъ, просматривая дѣла одного изъ этихъ слѣдователей, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ тяжелой сцены: во время моей бесѣды съ слѣдователемъ по поводу разсматриваемыхъ дѣлъ принесена была почта; слѣдователь, заглянувши въ «Правительственный Вѣстникъ», крайне смутился, на его глазахъ выступили слезы... На мой вопросъ, что съ нимъ случилось, послѣдовалъ печальный отвѣтъ:

— Я уже не слѣдователь—я отозванъ...

Этотъ слѣдователь, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, кончилъ затѣмъ свою карьеру судебнымъ приставомъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что министерство только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ пользовалось своимъ правомъ отозванія, но это право, какъ Дамокловъ мечъ, всегда висѣло надъ головой каждаго исправляющаго должность судебного слѣдователя. Итакъ, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, необходимо усилить свою дѣятельность и въ декабрѣ направить возможно большее количество дѣлъ, для чего не медля слѣдуетъ выѣхать въ участокъ.

Неудобство моего участка, въ смыслѣ служебныхъ поѣздокъ, заключалось въ томъ, что ближайшій пунктъ этого участка отстоялъ верстъ на 25 отъ уѣзднаго города, въ которомъ находилась моя камера. Чтобы какъ можно рѣже проѣзжать лишнія 50 верстъ, я, обыкновенно, выѣзжалъ въ участокъ на цѣлую недѣлю, а то и болѣе. Конечно, по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, приходилось выѣзжать немедленно. Сообщенія о такихъ дѣлахъ, въ конвертахъ съ припечатанными къ нимъ гусиными перьями, обыкновенно, настигали меня въ любомъ пунктѣ участка.

Предполагая на другой день выѣхать въ участокъ, я составилъ маршрутъ поѣздки и яснымъ, морознымъ утромъ выѣхалъ въ участокъ.

Вотъ первый пунктъ моей поѣздки—село Татаровка.

Вхожу въ волостное правленіе и, не раздѣваясь, сейчасъ же предъявляю волостному писарю мое требованіе о вызовѣ людей,

подлежащихъ допросу, и покорнѣйше упрашиваю его позаботиться поскорѣе исполнить это требованіе; затѣмъ вхожу въ присутственную комнату и, въ ожиданіи вызванныхъ людей, просматриваю полицейскія дознанія.

Прошло около часа; начинаю замѣчать какую-то подозрительную тишину; мнѣ кажется, что моя просьба о вызовѣ людей не только «поскорѣе», но и вовсе не исполняется.

Подхожу къ писарю и спрашиваю, исполнено ли мое требованіе.

Не прерывая своего писанія, писарь какъ-то нехотя отвѣчаетъ:

— Не знаю, кажется, десятскіе одѣваются.

Я сейчасъ же перемѣняю тонъ и спокойно, но твердо и категорически отчеканиваю:

— Прежде всего прошу встать!

Писарь какъ-то нерѣшительно поднимается. Я продолжаю:

— Вы обязаны знать, что законныя требованія судебного слѣдователя должны быть немедленно исполняемы; если вы сейчасъ же не исполните моего требованія, то знаете, что я съ вами сдѣлаю?.. Я васъ подложу подъ прокурорскій надзоръ!

Не успѣлъ я кончить свою нотацию, какъ писарь куда-то исчезъ, а черезъ нѣсколько минутъ послышалась суетливая бѣготня, въ то же время я увидѣлъ черезъ окно бѣжавшихъ въ разныя стороны мужичковъ съ бляхами на груди. Скоро затѣмъ стали появляться вызванные люди.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе этого инцидента.

Съ дореформенными судебными слѣдователями сельскія власти не церемонились, считая ихъ чѣмъ-то въ родѣ помощниковъ становыхъ. Обычныя угрозы этихъ слѣдователей—отдать ослушниковъ подъ судъ—не производили никакого впечатлѣнія, такъ какъ сельскія власти окончательно убѣдились, что эта фраза не имѣетъ никакого реальнаго значенія.

Въ этомъ также давно убѣдился и мой товарищъ—старенькій слѣдователь Онищенко, типичнѣйшій малороссъ, дослужившійся изъ канцелярскихъ служителей мѣстнаго уѣзднаго суда до судебного слѣдователя.

Вотъ этотъ-то слѣдователь, послѣ введенія новыхъ судовъ, фразу: «отдать подъ судъ», замѣнилъ изобрѣтенной имъ угрозой—«подложить подъ прокурорскій надзоръ». Результатъ такой замѣны, по словамъ моего товарища, оказался вполнѣ удовлетворительный, поэтому-то я послѣдовалъ его примѣру.

Страхъ, при одномъ намекѣ на прокурорскій надзоръ, объясняется тѣмъ, что этотъ надзоръ, на первыхъ порахъ послѣ введенія судебной реформы, рисовался въ воображеніи обывателя чѣмъ-то

въ родѣ когтистой лапы, схватывавшей и водворявшей въ надлежашее мѣсто всякаго нарушителя закона.

Возвращаюсь къ своей поѣздкѣ.

Покончивши на другой день дѣла въ Татаровкѣ, подь вечерь направилъ я свой путь въ хуторъ небольшого панка Борисенка. Съ Борисенками я былъ уже знакомъ. Озябшій и голодный, я мечтаю дорогой о теплыхъ, уютныхъ комнатахъ и о предстоящемъ ужинѣ въ обществѣ гостепріимнаго семейства Борисенковъ. Уже давно стемнѣло, когда я подѣхалъ къ дому Борисенковъ. Въ передней, вмѣсто миловидной горничной, встрѣтила меня грязная баба и сообщила, что господа уѣхали на зиму въ Таганрогъ, а въ домѣ живетъ теперь управляющій. Раздѣвшись, я почувствовалъ нестерпимый холодъ.

Оказалось, что отапливалась одна только комната, въ которой лежалъ больной управляющій. Войдя въ эту комнату, я увидѣлъ лежавшаго въ постели крайне истощеннаго молодого человѣка съ лицомъ шафраннаго цвѣта.

Отрекомендовавшись, я заявляю, что прибылъ для производства слѣдствія о кражѣ ржи изъ амбара Борисенка.

Желтый человѣкъ безнадежно ноющимъ голосомъ промолвилъ:

— Извините, что я не могу встать; въ конецъ измучила меня проклятая желтуха; не знаю, какъ вы тутъ переночуете, — кромѣ этой комнаты, остальные не топлени.

«Вотъ тебѣ вкусный ужинъ, пріятное общество и теплая постель!» подумалъ я.

При свѣтѣ огарка вынулъ я изъ чемодана дознаніе о кражѣ ржи, сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ на завтра людей и, долго не думая, улегся въ холодной залѣ, на твердомъ, узенькомъ диванчикѣ, покрываясь своей шубой.

Конечно, не особенно пріятно спалось мнѣ на такомъ спарташскомъ ложѣ при температурѣ замерзанія воды.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я сейчасъ же приступилъ къ слѣдствію.

Кража ржи произведена была изъ амбара посредствомъ просверленія отверстия въ полу закрома. Началъ я съ осмотра этого отверстия.

Такой осмотръ производилъ я обыкновенно такимъ образомъ: снявши шубу, я ложился на спину и въ такомъ положеніи подползалъ на рукахъ подь полъ амбара, сопровождаемый двумя понятими; нащупавши отверстие и измѣривши его діаметръ, я пятился назадъ и, такимъ образомъ, вылѣзалъ на Божій свѣтъ.

Нужно замѣтить, что въ то время всѣ кражи изъ необитаемыхъ помѣщеній, невзирая на цѣну украденнаго, подлежали разсмотрѣнію окружнаго суда, и наказаніе за эти кражи сопровождалось лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію или званію присвоенныхъ.

Теперь эти кражи подсудны мировымъ судьямъ и уѣзднымъ членамъ, и наказаніе за эти кражи не сопровождается лишеніемъ правъ.

Съ лишеннымъ правъ за кражу борисенковской ржи—нѣкімъ Григоріемъ Пацюкомъ—я встрѣтился, спустя года два-три, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: для производства слѣдствія о какомъ-то убійствѣ пріѣхалъ я съ уѣзднымъ врачомъ на кладбище, близъ хутора Борисенка. Возлѣ трупа, вынутаго въ нашемъ присутствіи изъ прикрытой досками могилы, толпились сторожа и любопытствующіе мужички, тутъ же находился и сельскій староста. Во время приготовленій къ вскрытію трупа одинъ изъ сторожей, переминаясь съ ноги на ногу и лукаво улыбаясь, обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Позвольте, ваше благородіе, запытать васъ, по какому такому праву староста поставилъ меня сторожемъ при мертвомъ тѣлѣ?

На мой вопросъ: «почему же староста не имѣетъ такого права?»— послѣдовалъ отвѣтъ:

— Да хйба жъ вы, ваше благородіе, меня не спознали,—я той Грицько Пацюкъ, что отсидѣлъ за борисенковское жито; окружные члены, дай имъ Богъ здоровье, написали, что Грицько Пацюкъ слободенъ отъ всякихъ мужицкихъ повинностей. Теперь уже не гоняютъ меня ни въ соцкіе, ни въ десятицкіе, ни въ сборщики, ни въ старосты. Сказано: не смѣй трогать казеннаго человѣка! А по чему же староста свелѣлъ мнѣ сторожить мертвое тѣло?

Мое разъясненіе не удовлетворило Пацюка, и онъ порѣшилъ жаловаться на старосту за нарушеніе его привилегій.

Окончивши слѣдствіе о кражѣ ржи, я отправляюсь въ село Хибаловку.

Здѣсь кражи совершены были изъ вѣтряныхъ мельницъ посредствомъ взлома крышъ. При осмотрѣ одной изъ этихъ крышъ, я подвергся серьезной опасности. Поддерживаемый понатыми, я кое-какъ поднялся до взломанной крыши; въ это время вѣтеръ распахнулъ мою шубу, и я свалился внизъ. Благодаря только тому что упалъ я въ образовавшійся возлѣ мельницы сугробъ снѣга, я избѣжалъ болѣе или менѣе плачевныхъ послѣдствій.

Въ двухъ верстахъ отъ Хибаловки проживалъ въ своей Любомудровкѣ отставной полковникъ Воронченко—старый, одинокій холостякъ. Тяготясь своимъ одиночествомъ, онъ радъ былъ всякому гостю.

Въ эту-то Любомудровку я отправился переночевать.

Подѣзжая къ дому Воронченка, я увидѣлъ возлѣ конюшни кучера, запрягавшаго въ коляску лошадей.

На мой вопросъ, куда это баринъ ѣдетъ, получилъ я отвѣтъ:

— Они уже николи не будутъ ѣздить; они тильки що кончились; це я ѣду въ городъ за барыновымъ братомъ.

Этого только не доставало!

Конечно, въ Любомудровкѣ немислимо было ночевать.

Слѣдующимъ пунктомъ по моему маршруту значился хуторъ Кинь-Горе капитанши Барсовой. До этого хутора считалось версть двадцать.

Меня смущало позднее время, но подъ вліяніемъ заманчиваго названія хутора я рѣшился ѣхать туда немедленно.

Капитаншу Барсову и дочь ея Ольгу Дмитріевну—извѣстную въ городѣ подъ именемъ пушкинской Ольги—я видѣлъ раза два на вечерахъ въ городскомъ клубѣ, но, благодаря своей разсѣянности, я не могъ уяснить, былъ ли я имъ представленъ, то есть былъ ли я съ ними знакомъ, или же нѣтъ. Въ качествѣ же назнакомаго неудобно было являться въ домъ въ такое время, когда въ деревнѣ обыкновенно ложатся уже спать.

Начинаетъ темнѣть; освѣщавшая сначала путь луна скоро куда-то скрылась.

Стало темно. Съ неба посыпались какія-то ягольчатая крупинки, больно жалившія лицо. Мнѣ начинаетъ казаться, что мы ѣдемъ безконечно долго.

— Далеко ли еще до хутора?—спрашиваю я своего возницу.

— Не знаю—я въ первый разъ тутъ ѣду. Какъ бы намъ, баринъ, не заблудиться—такая темь, что ничего не видно.

Я начинаю терять надежду не только доѣхать до хутора Кинь-Горе, но вообще добраться до какого бы то ни было жилья.

Меня одолѣваетъ сонъ.

Ахъ, скорѣе бы, скорѣе доѣхать и почувствовать уютную ласку тепла!

Наконецъ гдѣ-то вдали замелькали свѣтящіяся точки. Лошади оживились. Пошли быстрѣе. Послышалось тявканье собакъ. Затѣмъ, какъ-то сразу, вырисовывается на фонѣ ночной темноты большой домъ съ ярко освѣщенными окнами.

Подѣхали къ крыльцу.

Изъ передней выбѣжала служанка и отогнала назойливыхъ собакъ. Войдя въ комнату, я взглянулъ на часы—было уже около двѣнадцати. Не успѣлъ я оглянуться, какъ въ комнату вошла или, лучше сказать, впрорхнула молодая Барсова; въ это время она дѣйствительно показала мнѣ настоящей пушкинской Ольгой:

Глаза, какъ небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенія, голосъ, легкій станъ...

Дружески, тепло и радушно поздоровалась она со мною. Мы садимся. Она участливо спрашиваетъ меня о моей злополучной поѣздкѣ, замѣчаетъ, что я, вѣроятно, озябъ и проголодался и, очень

кстати, напоминаетъ, что сейчасъ будетъ поданъ ужинъ. Я не могу опомниться отъ такого милаго и совершенно неожиданнаго пріема. Начинаю подозрѣвать, что меня, повидимому, принимаютъ за другого.

Свое подозрѣніе я основываю на слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ нашемъ городѣ пользовался большой популярностью молодой докторъ, извѣстный просто подъ именемъ Аполлинарія; всѣ его любили, какъ безкорытнаго и знающаго свое дѣло доктора, но преимущественно онъ пользовался особенными симпатіями прекраснаго пола. Наружность доктора была довольно заурядная, но его жгучіе, загадочные глаза производили на его кліентокъ неотразимое впечатлѣніе.

Многіе находили нѣкоторое сходство моею наружности съ наружностью доктора. Къ моему прискорбію, слѣдуетъ замѣтить, что неотразимые глаза доктора не имѣли ничего общаго съ моими—самыми обыкновенными глазами; однако это сходство часто бывало причиной забавныхъ *qui pro quo*.

Поэтому-то, разговаривая съ молодой Барсовой, мнѣ казалось, что она принимаетъ меня за доктора Аполлинарія.

Присмотрѣвшись, она обнаружитъ свою ошибку и не скроетъ своей досады, а я съ кисло-сладкой улыбкой вынужденъ буду *faire bonne mine au mauvais jeu*.

Къ моему благополучію, ничего подобнаго не случилось. Скоро вошла сама хозяйка и, поздоровавшись со мной, сейчасъ же пригласила меня ужинать, назвавши меня по имени и отчеству. Войдя въ столовую, я былъ изумленъ обиліемъ блюдъ и всевозможныхъ напитковъ. За ужиномъ выяснилось, что въ клубѣ, дѣйствительно, я былъ представленъ обѣимъ хозяйкамъ, а затѣмъ уже онѣ получили подробныя о моей личности свѣдѣнія отъ общихъ знакомыхъ. Тутъ же я узналъ, что къ вечеру ожидали жениха Ольги Дмитріевны и его родныхъ. Мнѣ стало ясно, почему освѣщенъ былъ весь домъ, почему Ольга Дмитріевна была нарядно одѣта и почему поданъ былъ обильный ужинъ.

Покончивши съ ужиномъ, я сейчасъ же отправился въ указанную мнѣ комнату, съ величайшимъ удовольствіемъ легъ въ удобную постель и моментально заснулъ.

Проснувшись, я зажегъ спичку и взглянулъ на часы. Къ моему удивленію, часы показывали двѣнадцать. На мой звонокъ явилась горничная и объяснила, что барыня приказала не открывать ставней, пока я не проснусь.

Мнѣ, конечно, оставалось только поблагодарить гостепріимную хозяйку за ея заботливость о моемъ отдыхѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что во время моихъ служебныхъ поѣздокъ я всегда приказывалъ будить себя въ назначенный часъ, но будить меня никогда не приходилось, такъ какъ я самъ своевре-

менно просыпался. На этотъ разъ, благодаря сильной усталости, я измѣнилъ своей привычкѣ.

Въ тотъ же день я кончилъ слѣдствіе о поджогѣ экономическаго сарая, а на другой день собрался ѣхать въ село Зарѣзовку. Въ это время поднялась метель. Мои хозяйки совѣтуютъ мнѣ не ѣхать въ такую погоду, угрожая всякими бѣдствіями. Предстояло прѣхать не болѣе пяти верстъ. Мнѣ казалось невозможнымъ заблудиться днемъ на такомъ незначительномъ разстояніи.

Я настаиваю на своемъ и отправляюсь въ Зарѣзовку.

Выѣхавши за хуторъ, я готовъ былъ вернуться, но, увы! уже было поздно.

Нельзя было разобрать, что творилось. Небо и земля слились въ одно снѣжное море. Снѣгъ слипаетъ глаза. Лошади тяжело ступаютъ по глубокому снѣгу. Ямщикъ, защищаясь отъ вѣтра, садится бокомъ, предоставивъ лошадямъ полную свободу.

Теряется всякое представленіе о времени и пространствѣ. Вдругъ тройка куда-то проваливается; на поверхности виднѣются только дуга съ колокольчикомъ да уши барахтающихся въ снѣгу лошадей.

— Что намъ дѣлать?—спрашиваю ямщика.

— О цетреба намъ поигбать,—безнадежно отвѣчаетъ мой возница.

На мое предложеніе отпрячь лошадей и дальше ѣхать верхомъ получаю ворчливый отвѣтъ, что провалившихся лошадей отпрячь нельзя, а перерѣзать постромки нечѣмъ.

Въ ожиданіи грядущихъ бѣдствій поудобнѣе усаживаюсь и браню себя за свое упрямство. Послушай совѣта Барсовыхъ, благодушествовалъ бы я въ пріятномъ обществѣ златокудрой Ольги, а теперь сиди и ожидай предрѣшенной ямщикомъ гибели.

Въ моемъ воображеніи рисуется такой конецъ этой скверной исторіи: ночью морозъ усилится, я засну, какъ это обыкновенно бываетъ передъ замерзаніемъ, затѣмъ замерзну, и такимъ образомъ мой временный сонъ перейдетъ незамѣтно въ сонъ вѣчный, безпробудный.

Пожалуй, это еще не особенно плохо.

Я начинаю успокаиваться.

Вдругъ мнѣ кажется, что кто-то шепнулъ:

«А волки? объ нихъ-то, голубчикъ, ты забылъ».

Меня сразу бросаетъ въ жаръ.

Боже мой, Боже!—про самую-то ужасную опасность, дѣйствительно, я забылъ.

Вѣдь теперь вездѣ рыщутъ голодные волки, разыскивая свою кровавую добычу. Мнѣ вспоминается недавно прочитанное въ газетахъ извѣстіе о съѣденномъ волками злополучномъ судебномъ приставѣ; отъ него ничего не осталось,—только впослѣдствіи нашли должностную его цѣпь въ желудкѣ убитаго волка. Конечно, эти

людоѣды и меня такимъ же манеромъ сожрутъ цѣликомъ, безъ остатка.

Безнадежно озираюсь по сторонамъ; мнѣ кажется, что вдали обозначилось что-то темное, не то дерево, не то строеніе; обращаю па это вниманіе ямщика.

— А кто его знае, що воно таке!—отвѣтилъ мой товарищъ по несчастію.

Посовѣтовавшись со мною, ямщикъ вылѣзаетъ изъ саней и уходитъ по направленію замѣченнаго предмета.

Я остаюсь одинъ-одинешенекъ!..

Вдругъ мнѣ кажется, что кто-то тянетъ сзади мою шубу.

«Начинается!...» подумалъ я въ смертельномъ страхѣ.

Моментально вскакиваю и оглядываюсь позади себя. Къ счастью, ничего подозрительнаго не замѣчаю.

Не дожидаясь визита волковъ, я сейчасъ же направляюсь по слѣдамъ ямщика. Съ трудомъ передвигая ноги въ глубокомъ снѣгу, подхожу къ какому-то сараю.

Не успѣваю осмотрѣться, какъ на меня набрасывается стая свирѣпыхъ собакъ.

Я близокъ къ потерѣ сознанія.

Въ этотъ роковой для меня моментъ появляются люди съ лопатами въ рукахъ и отгоняютъ собакъ. Эти люди оказываются мѣстными хуторянами, приглашенными ямщикомъ выручать меня и провалившихся лошадей. Узнаю, что я очутился въ маленькомъ хуторѣ Ерковщинѣ, отстоящемъ въ двухъ верстахъ отъ Зарѣзовки. Тутъ же мнѣ сообщаютъ, что по случаю свадьбы все населеніе хутора собралось въ одной хатѣ, оставивши остальные хаты нетопленными.

Войдя въ наполненную людьми хату, я сразу попадаю въ развеселую и пьяненькую компанію. Всѣ пѣли, плясали и попивали горилочку. Меня усаживаютъ за столъ. Молодая въ яркомъ красно-зеленомъ вѣнкѣ, вся въ лентахъ, бусахъ и номистахъ, стыдливо поклонившись, подноситъ мнѣ чарку водки и кусокъ коровай; выпивши и закусивши, я кладу на столъ нѣсколько серебряныхъ монеть.

Въ это время молодежь поетъ:

Ѣшьте, бояре, бураки,
Чтобы изъ васъ булы казаки,
А вы, дружечки, ѣшьте калачи,
Чтобы васъ любили паньчи,
Чтобы васъ паньчи любили,—
На иномъ селѣ хвалили...

Меня начинаетъ тяготить моя черезчуръ буйная компанія.

Скоро пріѣзжаетъ ямщикъ, и мнѣ предстоитъ рѣшить вопросъ: что дальше дѣлать?..

Оставаться на ночь въ хатѣ, переполненной пьяной публикой, казалось невозможнымъ, но и ѣхать въ Зарѣзовку было крайне опасно.

Выслушавъ совѣты за и противъ, рѣшаюсь ѣхать дальше. Беру съ собою въ качествѣ провожатыхъ двухъ трезвыхъ парней, утверждавшихъ, что между Ерковщиной и Зарѣзовкой они знаютъ каждый кустикъ, каждую былинку.

Усѣвшись между провожатыми, отправляюсь въ злополучную Зарѣзовку.

Провожатые, каждый съ своей стороны, зорко слѣдятъ за дорогой, они постоянно покрикиваютъ: «правѣе, лѣвѣе, не туда поѣхаль!..»

Уже вечерѣло, когда мы подъѣхали, наконецъ, къ зарѣзовскому волостному правленію.

Квартиру отвели мнѣ въ домѣ заштатнаго священника; квартира эта состояла изъ одной комнаты и крохотной каморки.

Въ этой каморкѣ мнѣ пришлось прожить десять дней.

Не только нельзя было выѣхать изъ Зарѣзовки, но и въ самой Зарѣзовкѣ невозможно было производить слѣдствіе.

Метель бушевала непрерывно.

Дома засыпало снѣгомъ чуть не до самыхъ крышъ; сосѣди общались между собою посредствомъ прокопанныхъ въ снѣгу тропинокъ.

На первыхъ порахъ я развлекаюсь бесѣдой съ моимъ хозяиномъ — почтеннымъ старикомъ аскетическаго вида; скоро, однако, матерьялъ для бесѣдъ исчерпывается, и наши бесѣды прекращаются. Я прочитываю всѣ имѣвшіяся у священника книги, а затѣмъ мнѣ ничего не оставалось, какъ только прислушиваться къ свисту и завыванію бушующей вьюги.

Только на десятый день природа успокоилась.

Яркое солнце озарило тихо лежавшій пушистый снѣгъ. Все оживилось, повеселѣло.

На другой день я оставляю погибельную Зарѣзовку и отправляюсь въ обратный путь.

Въ городѣ я узнаю, что застрявшій на станціи пассажирскій поѣздъ простоялъ десять дней; пассажиры страшно бѣдствовали, а многіе изъ нихъ тяжело заболѣли.

Л. П. Лебедзѣвскій.

УРАЛЬЦЫ И УРАЛКИ.

(Очеркъ).

ВРОЖИВАЯ болѣе десяти лѣтъ среди уральскихъ казаковъ въ гор. Уральскѣ и въ поселкахъ области того же названія, я ознакомился до нѣкоторой степени съ характеромъ, взглядами, образомъ мыслей, обычаями, привычками, занятіями, религіозными воззрѣніями, хозяйствомъ, рыболовствомъ, промыслами, общественной и семейною жизнью уральцевъ и уралокъ. Не задаваясь широкой задачей писать историческій очеркъ Уральскаго казачьяго войска, я передаю здѣсь мои личные впечатлѣнія, вынесенныя изъ ближайшаго знакомства съ казаками, предоставивъ ученыя и болѣе подробныя изслѣдованія бытовыхъ условій этого войска природнымъ казакамъ, на долю которыхъ выпалъ этотъ серьезный и богатый матеріаломъ трудъ. Къ сожалѣнію, не стало генераль-майора Ивана Павловича Хорошхина, которому поручено было написать исторію Уральскаго казачьяго войска. Достоважаемый этотъ человѣкъ измѣнически убитъ не казакомъ, а какимъ-то инороднымъ, не имѣвшимъ въ нему никакого отношенія колониальнымъ торговцемъ Лапинымъ 4-го іюня минувшаго 1909 года. Судь, признавъ Лапина виновнымъ въ преднамѣренномъ убійствѣ, приговорилъ его къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, и приговоръ этотъ былъ исполненъ, но преступленіе это въ глазахъ общества осталось неразгаданнымъ и покрытымъ чернымъ непроницаемымъ облакомъ. И. П. Хорошхинъ былъ человѣкъ свѣтлаго ума и прекраснаго сердца, онъ былъ горячо любимъ уральскими казаками, и за гробомъ его вплоть до могилы, отъ города до Никольскаго монастыря, на про-

тяженіи двѣнадцати верстѣ шли тысячи казаковъ и большая половина жителей Уральска. Теперь что-то даже и не слышать, кто трудится надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи Уральского казачьяго войска, и неизвѣстно даже, когда можно ожидать, что трудъ этотъ будетъ доведенъ до конца и явится, наконецъ, въ печати, или заглохнуть и будетъ преданъ забвенію.

Бросимъ прежде всего взглядъ на хозяйство уральскихъ казаковъ. Въ послѣднее пятилѣтіе упадокъ финансовъ въ войскѣ, составляющій неизбѣжное послѣдствіе войны и охранной службы, вызвалъ необходимость сокращеній расходовъ по всеѣмъ отраслямъ войскового хозяйства, а также и по народному образованію. Нѣсколько десятковъ приговоровъ объ открытіи въ станицахъ и въ поселкахъ войсковыхъ школъ оставлены безъ исполненія за неимѣніемъ на этотъ предметъ свободныхъ суммъ въ войскѣ. Самою доходною статьею считалось до сихъ поръ въ Уральскомъ войскѣ рыболовство, но оно изъ года въ годъ приходитъ прогрессивно въ упадокъ, вслѣдствіе обмелѣнія русла Урала, хищническаго лова рыбы въ запретныхъ водахъ и засоренія переносными песками устьевъ этой рѣки. Еще недавно во время багренья вылавливалось отъ трехъ до пяти тысячъ осетровъ и бѣлугъ, изъ которыхъ большая часть были икрыны, а теперь считаютъ удачнымъ уловъ, коли удастся поймать нѣсколько сотенъ осетровъ и бѣлугъ, а вѣдь на багренье съѣзжается въ Уральскъ до 8 тысячъ казаковъ и болѣе, и каждому казаку нужно истратитъ рублей 25, чтобы собраться на багренье или на плавню.

Хлѣбопашество также не процвѣтаетъ у уральцевъ. За послѣднее пятилѣтіе урожай хлѣбовъ были очень слабые, да къ тому еще сусликъ истреблялъ то немногое, что родилось въ эти неурожайные годы. У кого на десятинѣ оставалось пудовъ 20 хлѣба, тотъ считалъ себя счастливецомъ. Только въ прошлое лѣто при благоприятныхъ весеннихъ дождяхъ совершился, по мнѣнію стариковъ, уже 25 лѣтъ небывалый по своему обилію урожай хлѣбовъ. На десятинѣ собрано отъ 200 до 300 пудовъ пшеницы, и цѣна на нее держалась на рынкѣ не дороже 80 коп. за пудъ. Урожай травъ былъ тоже превосходный, и травы выросли въ ростъ челоуѣка. Но это, повторяю, исключительный годъ. Обыкновенно хлѣбные урожаи въ Уральской области даютъ среднимъ числомъ отъ 45 до 80 пудовъ на десятину. Теперь, вѣроятно, произойдетъ благоприятный переворотъ въ способѣ культивированія земель, такъ какъ въ Уральской области на киргизскихъ земляхъ водворилось весной минувшаго года до двѣнадцати тысячъ семей переселенцевъ, преимущественно хохловъ изъ губерній Таврической и Херсонской, откуда выгнало ихъ стѣсненіе въ земельныхъ участкахъ вслѣдствіе густоты населенія. Хохлы—эти трудолюбивые поселенцы—успѣли прошедшей весной произвести хлѣбные посѣвы и завести огороды, выкопать землянки и остались зимовать въ Уральскѣ, задумавъ будущимъ лѣтомъ по-

строить себѣ избы. Они уже успѣли обратиться къ начальству съ приговорами объ открытіи школъ во вновь образованныхъ ими поселкахъ и собрали нужныя на этотъ предметъ деньги. Расширяя постепенно свое хозяйство, они намѣревались заняться и садоводствомъ. Далеко не такими трудолюбивыми являются казаки. Они занимаются только хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но вообще пренебрегаютъ огородничествомъ, такъ какъ зелени въ пищу не употребляютъ, а предпочитаютъ питаться исключительно рыбой и мясомъ. Изъ зелени они разводятъ на своихъ бахчахъ только арбузы, дыни, огурцы и любимое ихъ лакомство—подсолнухи. Низовые казаки, живущіе по близости отъ устьевъ Урала, мало сѣютъ хлѣбъ и занимаются по преимуществу рыболовствомъ и скотоводствомъ. Они, какъ зовутъ ихъ, — баранщики. Накупивъ тысячи головъ барановъ, они подобно киргизамъ кочуютъ со своими стадами по степямъ, отыскивая хорошихъ кормовъ, или, какъ говорятъ, нажиряютъ барановъ, а осенью гонятъ ихъ на продажу. Торгуютъ они также быками и верблюдами. Послѣдніе представляютъ очень выгодный товаръ, такъ какъ питаются безъ разбора самой плохой травой, а цѣна на нихъ доходитъ до ста и ста двадцати рублей за верблюда, причемъ они пригодны къ полевымъ работамъ при употребленіи механическихъ земледѣльческихъ орудій и предпочитаютъ лошадямъ при уборкѣ хлѣба машинами.

Въ отношеніи религіозныхъ вѣрованій казаки дѣлятся на единовѣрцевъ, раскольниковъ австрійской секты и безпоповцевъ, или никудышныхъ. Православіе исповѣдуетъ только молодежь во время нахождения на государственной службѣ; но, достигши зрѣлаго возраста, казаки, даже образованные, нерѣдко или присоединяются къ австрійской церкви, или чаще всего къ сектѣ безпоповцевъ, такъ какъ эта послѣдняя секта не требуетъ исполненія какихъ-нибудь церковныхъ требъ и за взносъ ежегодно нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованій молится за живыхъ и за мертвыхъ. Моленщицами у казаковъ являются старицы. Онѣ живутъ въ обителяхъ близъ гор. Уральска, и, какъ сами онѣ выражаются, ихъ кормить и поить Христось, т. е. онѣ, не выпрашивая милостыни, живутъ подаяніемъ, получаемымъ отъ богатыхъ казаковъ - раскольниковъ, которые наканунѣ постовъ и передъ наступленіемъ двенадцатыхъ праздниковъ и воскресныхъ дней шлютъ въ обители цѣлые возы хлѣба, муки, масла, яицъ, рыбы и икры свѣжей и соленой, всякихъ овощей и фруктовъ, а также и денежныхъ пожертвованія, поручая себя молитвамъ старицъ, причемъ жена одного почтеннаго педагога носитъ званіе архіерея въ никудышной сектѣ. Секта эта, отвергая православное духовенство, не признаетъ также таинства брака. Браки совершаются среди безпоповцевъ только по согласію брачующихся. Казакъ, достигшій восемнадцати лѣтъ, т. е. записанный въ малолѣтки, въ ожиданіи призыва, зная, что по достиженіи совершеннолѣтія, когда ему нужно всту-

пить въ полкъ на службу, не имѣть права жениться, спѣшить вступить въ бракъ по согласію, будучи еще малолѣткомъ. Онъ выбираетъ себѣ дѣвушку по мыслямъ и заявляетъ объ этомъ родителямъ и родственникамъ, а она дѣлаетъ то же со своей стороны. Послѣ того, чтобы видѣли люди, среди бѣлаго дня провозятъ по главной улицѣ города или поселка имущество, предназначенное невѣстѣ въ приданое и въ томъ числѣ мебель, посуду и праздничный убранный дорогими камнями сарафанъ. Положивъ денежную кладку отъ пятидесяти рублей до нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ, женихъ беретъ невѣсту въ свой домъ. Браки эти бывають иногда очень счастливые, когда брачующіеся равны между собою по общественному положенію, происхожденію и денежнымъ средствамъ, но бывають въ нихъ и злоупотребленія со стороны нелегальности такихъ браковъ, нигдѣ не значащихся въ церковныхъ книгахъ. Вступивъ въ бракъ по согласію безпоповской секты, молодые казаки, проживъ три-четыре года съ женою и отправляясь на пятый годъ на вторительную службу въ полки, расположенные въ Кіевѣ, Варшавѣ и Самаркандѣ, оставляя на родинѣ женъ, становятся соломенными вдовцами и въ четырехлѣтній срокъ службы забываютъ семью и считаютъ себя холостыми. Они заводятъ новыя отношенія съ новыми для нихъ женщинами среди новыхъ условій жизни. Нерѣдко, облюбовавъ себѣ новую невѣсту, они вступаютъ съ нею въ законный бракъ по православному обычаю, вѣнчаясь въ церкви. Этимъ бракомъ расторгается первый бракъ, совершенный по согласію, и на родинѣ остается брошенная жена и брошенный ребенокъ, нерѣдко безъ всякихъ средствъ къ жизни. Такихъ брошенныхъ съ дѣтьми женъ множество въ раскольниковыхъ обителяхъ. Онѣ живутъ у старицъ Христовымъ именемъ. Хорошо, ежели онѣ имѣють у себя хозяйство: коровъ, куръ, свиней, но все-таки онѣ должны продавать за безцѣнокъ свои покосные паи и не могутъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, пока не подрастутъ у нихъ дѣти.

Въ отношеніи народнаго образованія у казаковъ замѣтимъ, что оно находится только въ первой фазѣ своего развитія. Причиною этому прежде всего недостаточность денежныхъ средствъ въ войскѣ. Какъ я уже упомянулъ, множество станицъ и поселковъ, представляя приговоры объ открытіи въ нихъ войсковыхъ школъ, остаются не удовлетворенными за неимѣніемъ денегъ на этоѣ предметъ. Изъ отчетовъ самого инспектора этихъ школъ усматривается, что существующія уже въ войскѣ школы не удовлетворяють потребностямъ нормальныхъ школъ—по причинамъ, не зависящимъ отъ учительскаго персонала. По большей части школы эти двухклассныя, и каждый классъ подраздѣляется на два отдѣленія, такъ что для того, чтобы окончить ее, нужно проучиться четыре года, въ которые ученикъ достигаетъ уже двѣнадцатилѣтняго возраста и умѣетъ только малограмотно читать и писать по-русски и знаетъ четыре правила ариѳметики. Конечно, съ этими познаніями

онъ не можетъ продолжать своего образованія, такъ какъ не годится для поступленія въ гимназію или реальное училище. При этомъ льготные дни, какъ-то: праздники, полевые работы, багренье, плавня и рожденственскія, пасхальныя и лѣтнія каникулы отнимаютъ много времени отъ ученья и даютъ въ результатѣ вмѣсто цѣлаго учебнаго года только шесть мѣсяцевъ ученья, не упоминая о томъ, что ежели отцу нуженъ мальчикъ для домашнихъ работъ, то онъ удерживаетъ его по нѣсколько дней дома, заставляя его пропускать уроки. Въ матеріальномъ отношеніи школы эти страдаютъ также большими недостатками. Немногія изъ нихъ имѣютъ свои школьные дома, но большая часть изъ нихъ помѣщается на наемныхъ квартирахъ въ холодныхъ и сырыхъ домахъ, причемъ попечители школъ—богатые казаки—очень скупы на дрова, и учащіеся дрожатъ отъ холода въ зимнее время, ну, и понятно, что озлѣбшему ученику очень трудно усвоить преподаваемое и онъ только о томъ и думаетъ, чтобы ему поскорѣе убѣжать домой и тамъ поѣсть горячей пищи и согрѣться въ теплой избѣ. Обученіе въ этихъ школахъ идетъ тоже крайне туго. На сто учениковъ одинъ учитель или одна учительница. Такъ какъ классъ раздѣленъ въ силу необходимости на два отдѣленія, то пока учащіеся въ одномъ отдѣленіи заняты письмомъ или письменными задачками, учитель занимается съ другимъ отдѣленіемъ или грамматикой, или объяснительнымъ чтеніемъ, или священной исторіей. И за такой каторжный трудъ учитель получаетъ въ мѣсяць отъ пятнадцати до двадцати пяти рублей. Учительскій персоналъ состоитъ по большей части изъ бывшихъ учениковъ третьяго и четвертаго класса реального училища, не окончившихъ курса или за неуспѣшностью, или за великовозрастностью и выдержавшихъ установленное на сельскаго учителя испытаніе. Рѣдко-рѣдко мелькнетъ семинаристъ, да и то всегда изъ недоучекъ. Учительницы тоже бывшія гимназистки, оставившія гимназію послѣ IV или V класса.

Плохо поставлено преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ. Окончившіе въ нихъ курсъ читаютъ сносно по-славянски, а по-русски очень плохо и пишутъ, дѣлая самыя грубыя орфографическія ошибки. Въ учителя къ нимъ идутъ тоже недоучки реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. Вознагражденіе за уроки скудное, да еще вдобавокъ выдача жалованія задерживается по нѣсколько мѣсяцевъ, и учителямъ и учительницамъ приходится иногда, не дождавшись этихъ крохъ, ѣхать за ними изъ поселка за нѣсколько десятковъ верстъ въ городъ.

Положеніе средней школы въ Уральскѣ не блестящее. Въ городѣ этомъ только два учебныхъ заведенія этого типа—войсковое реальное училище и войсковая женская гимназія, и оба переполнены до невозможности учащимися. Четыре основныхъ класса реального училища имѣютъ параллельныя отдѣленія, а въ женской гимназій семь основныхъ классовъ и семь параллельныхъ отдѣленій. Отъ

такого скопленія учащихся не хватаетъ въ классахъ помѣщеній, и ежегодно въ реальномъ училищѣ принуждены отказывать 30—40 учащимся, выдержавшимъ вступительные экзамены, за неимѣніемъ свободныхъ помѣщеній. То же самое повторяется изъ года въ годъ въ женской гимназіи, гдѣ остаются не принятыми множество дѣвочекъ, родители которыхъ, ежели желаютъ дать имъ образованіе, должны везти ихъ въ другой городъ, что сопряжено съ большими расходами, такъ какъ, не упоминая о томъ, что приходится отсылать дѣтей на чужую сторону, — сверхъ платы за право ученія и учебныя пособія, за расходы по обмундированію, прибавляется еще расходъ за пансіонерное содержаніе дѣтей въ чужихъ семействахъ до 300 рублей въ годъ на каждого учащагося или учащуюся. Открытое три года тому назадъ въ Уральскѣ городское училище съ программами реальныхъ училищъ, дающее учащимся возможность поступать изъ этого училища прямо безъ экзамена въ V классъ реального училища, тоже не вполне соответствуетъ своему назначенію, такъ какъ въ немъ вмѣсто двухъ иностранныхъ языковъ преподается только одинъ нѣмецкій языкъ, да и тотъ за особую плату по 5 рублей съ каждого ученика. Въ настоящее время открылось въ Уральскѣ общество покровительства среднему образованію, задавшееся цѣлью открыть въ Уральскѣ частную классическую гимназію съ правами государственнаго средняго учебнаго заведенія, но, къ несчастію, денежныя его средства, составленныя изъ членскихъ взносовъ, очень незначительны, и оно рѣшило открыть въ минувшемъ учебномъ году только одинъ классъ, который въ будущемъ войдетъ въ составъ вновь открываемой классической гимназіи. Но и въ этомъ полезномъ дѣлѣ встрѣтилось опять неожиданное препятствіе. За неимѣніемъ свободнаго класснаго помѣщенія рѣшено было удѣлить мѣсто этому классу въ зданіи пансіона реального училища, но, заслышавъ объ этомъ, уральскіе казаки-станичники возстали противъ такого распоряженія и заявили о томъ директору реального училища, крича:

— Не желаемъ допустить въ свое помѣщеніе ни одного класса классической гимназіи, да и вообще мы хотимъ, чтобы войсковое реальное училище было только для казаковъ, а своихъ иногородныхъ убирайте куда хотите. Мы уже давно подали объ этомъ прошеніе войсковому атаману.

— Но какъ же вы можете насъ тѣснить въ нашемъ собственномъ зданіи общежитія.

— Какое ваше зданіе? Это войсковое зданіе.

— Неправда, оно куплено на министерскую сумму, отпущенную въ количествѣ 14 тысячи рублей, а войско ваше дало только 2 тысячи рублей, и мы можемъ вамъ ихъ выплатить во всякое время.

— А коли такъ, то мы васъ выживемъ. Не дадимъ вамъ дровъ на отопленіе этого зданія, и вамъ поневолѣ придется изъ него уйти.

Вотъ какъ относятся въ Уральскѣ къ нуждамъ образованія.

Въ отношеніи культурности уральскаго общества слѣдуетъ сказать, что оно стоитъ еще на весьма низкой ступени развитія. Искусства и науки здѣсь не процвѣтають. Казаки стремятся къ наживѣ и погружены или въ дѣланіе служебной карьеры, или въ свое хуторское хозяйство. Высшихъ духовныхъ потребностей здѣсь не существуетъ. Казачки молодыя любятъ только ридиться и проводятъ время въ чтеніи романовъ, погрызывая и сплевывая подсолнухи, а старыя только сплетничаютъ и предають анаемѣ всякій прогрессъ и новизну. Въ Уральскѣ не существуетъ никакихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, никакихъ музыкальныхъ или артистическихъ кружковъ. Жизнь здѣсь протекаетъ среди насыщенія утробы пирогами съ вороняшкой и каймакомъ (особое приготовленіе жирныхъ сливокъ), ко всему остальному отпосаются равнодушно. Среди иногородныхъ есть музыканты, живописцы и даже литераторы, но ихъ можно перечесть по пальцамъ. При казачьей сотнѣ есть войсковою музыкантскій хоръ, состоящій изъ двухъ оркестровъ: струннаго и духового, и при немъ музыкантская школа, но въ виду упраздненія казачьей сотни, квартирующей въ городѣ, поговаривають, что и музыкантскій хоръ будетъ упраздненъ, за неимѣніемъ средствъ на его содержаніе. Библіотеки находятся тоже въ жалкомъ положеніи. Выборъ книгъ въ нихъ очень небольшой и очень плохой. Выписывается только нѣсколько журналовъ и газетъ. Правда, есть народная читальня и библіотека—Пушкинская, въ которой вы можете найти лучшія произведенія новѣйшей литературы, но и эта библіотека приходитъ въ упадокъ, такъ какъ деньги, предназначенныя ею на выписку въ 1910 году новыхъ книгъ, растрачены и попали въ число пяти тысячъ рублей, позайствованныхъ чиновниками, не пополнившими этого дефицита. Въ городѣ есть одна мѣстная газетка «Уральскій Листокъ», понадерганная изъ отрывковъ столичныхъ газетъ, но мѣстный отдѣлъ пустуетъ и въ немъ нѣтъ никакихъ корреспонденцій изъ Уральской области. Въ городѣ есть три клуба: военный, коммерческій и приказчичій, но въ нихъ идетъ только усиленная игра въ карты и въ лото, а молодежь пляшетъ до утра. Есть въ Уральскѣ и городской театръ и, несмотря на отсутствіе въ немъ талантливыхъ артистовъ, по праздникамъ и по воскресеньямъ онъ бываетъ биткомъ набитъ и даетъ очень хорошіе сборы, что доказываетъ, что среди мѣстной публики есть насущная потребность въ зрѣлищахъ. Къ сожалѣнію, гастролеры столичныхъ театровъ ограничивають свои экскурсіи Поволжьемъ и, будучи въ Саратовѣ, въ двухъ шагахъ отъ Уральска, не рѣшаются въ него заглянуть.

Но обратимся теперь къ домашней жизни уральцевъ и уралокъ. Уральскіе казаки съ виду мужественные и красивые, хотя среди нихъ есть типы, у которыхъ выдающіяся скулы и маленькіе

узкіе глаза служатъ доказательствомъ помѣси русскихъ съ калмыками и киргизами. Брюнеты преобладаютъ надъ блондинами. Крупного тѣлосложенія и мускулистые, казаки по большей части высокаго роста, черноглазые и смуглые, такъ какъ по свойству климата цвѣтъ ихъ кожи принимаетъ темные оттѣнки—въ лѣтнее время отъ палящаго зноя, а зимою отъ постоянно дующаго въ степи сѣверо-восточнаго вѣтра. Голоса у нихъ грубые, рѣчь неправильная. Особенно замѣтно искаженіе буквъ у низовыхъ уральскихъ казаковъ. Букву *з* они выговариваютъ, какъ *ж*, и произносятъ: «я уральскій кажакъ». Также вмѣсто *а* употребляютъ букву *и*, отъ этого получается *итаманъ* вмѣсто атаманъ, *игурецъ* вмѣсто огурецъ, также вмѣсто *е* ставятъ *и* и говорятъ *фирма* вмѣсто ферма, не подозревая, что отъ этой перемѣны слово получаетъ иное значеніе. Въ домашнемъ быту казаки суровы, но съ чужими общительны и разговорчивы. Хорошіе наѣздники, отличные пловцы, изощряющіеся на этомъ поприщѣ на плаваніи и на морскомъ аханномъ рыболовствѣ, они беззаветно храбры, и въ послѣднюю японскую войну они вели себя героями, такъ какъ на долю ихъ выпала борьба съ кровожадными хунхузами. Они бились съ ними не на животъ, а на смерть, и много можно встрѣтить среди казаковъ и урядниковъ молодцовъ, украшенныхъ георгиевскими крестами за участіе въ дѣлахъ противъ хунхузовъ. Подруга казака—казачка—роста по большей части средняго, свѣтлорусая или темнорусая, бѣлотѣлая, пышная, хорошо сложена, съ голубыми или сѣрыми глазами, маленькимъ ртомъ и роскошнымъ бюстомъ. Она весела, задорна, способна любить мужчинъ болѣе страстно, чѣмъ нѣжно, игрива, насмѣшлива и метительна. Уралка чистоплотна. Дѣвушка и молодая женщина ходитъ въ баню каждую недѣлю, холить и нѣжить свое тѣло и любить украшать его тонкими и дорогими тканями. Уралка лучше согласится просидѣть безъ обѣда, нежели выйти на улицу въ поношенномъ или не сшитомъ по модѣ платьи. Въ послѣднее время много уралокъ, окончившихъ курсъ въ гимназій, повыходили замужъ за простыхъ казаковъ низовыхъ (живущихъ на нижнемъ теченіи Урала), сыновей богатыхъ баранщиковъ и скотоводовъ. Гурьевская уралка представляетъ собою типъ южной женщины. Она высока ростомъ и худа—чистѣйшая брюнетка, черноволосая, черноглазая и очень смуглая. Сангвиническаго темперамента, живая и подвижная, она отличается всѣми свойствами южной женщины. Своевольная, капризная, похотливая, она превосходитъ въ умственномъ развитіи свою сѣверную соплеменницу. На вечерахъ казаки сближаются съ казачками, устраивая различныя игры. Гитара, гармоника съ ладами и балалайка излюбленные инструменты казаковъ. Дѣвушки и казаки мастерски пляшутъ національный танецъ казачокъ. Особенно отличаются въ немъ дѣвушки и молодухи. Распустивъ длинныя свои косы, въ богатомъ шелковомъ или атласномъ сарафанѣ, обшитомъ

золотымъ или серебрянымъ галуномъ и украшенномъ драгоценными камнями, уралка полна величія и очарованія. Она пойдетъ плясать—неволью ею залюбуешься. Идетъ иная красавица плавно, какъ будто едва касаясь земли, и вдругъ подь учащенный тактъ музыки ея маленькія ножки, какъ бы переплетаясь, выдѣлываютъ такія хитрыя па, которыхъ уловить глазомъ невозможно, но всѣ эти движенія полны чарующей граціи и нельзя смотрѣть на нихъ безъ восхищенія, они васъ гипнотизируютъ.

Для полноты моего очерка постараюсь познакомить читателя съ типомъ старѣйшаго уральскаго казака. Уряднику Севрюгину перевалило уже за 90 лѣтъ, но онъ бодръ, здоровъ, читаетъ безъ очковъ, ѣздитъ верхомъ, возитъ сѣно и прошедшимъ лѣтомъ самъ своими руками построилъ въ своемъ саду сарай и конюшню для лошадей. Топоръ и пила не валяются у него изъ рукъ. Онъ живетъ лѣто и зиму въ Садовскомъ поселкѣ, въ своемъ саду въ 90 верстахъ отъ города Уральска. Службу онъ началъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія и принималъ участіе въ первой хивинской экспедиціи графа Василія Алексѣевича Перовскаго въ 1839 году. Впослѣдствіи онъ прослужилъ въ Петербургѣ въ гвардейскомъ дивизионѣ болѣе 10 лѣтъ. Высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, онъ немного сторбился, но ходитъ проворно и ведетъ очень дѣятельную жизнь, вставая съ восходомъ солнца и лежа съ полуднемъ въ 10 часовъ вечера. Онъ воспиталъ внука своего въ уральскомъ реальномъ училищѣ, по окончаніи котораго этотъ молодой человѣкъ былъ два года учителемъ въ войсковой школѣ, а теперь, скопивъ деньжонокъ, поступилъ въ петербургскій университетъ. При старикѣ живетъ другой внукъ, котораго онъ собирается также помѣстить въ реальное училище и дать ему на свой счетъ образованіе. Но не подумайте, что старшій образованный внукъ бѣлоручка. Нѣтъ, онъ каждое лѣто проводитъ въ саду у дѣдушки и помогаетъ ему въ хозяйствѣ при уборкѣ сѣна. Религіозныя воззрѣнія Севрюгина можно отнести къ вѣроученіямъ беспоповской секты, но онъ никогда не ходитъ въ молельню къ беспоповцамъ, молится дома и, читая евангеліе, разумѣетъ его толково.

«Не люблю я всѣхъ этихъ фарисеевъ, которые хвалятся только своимъ благочестіемъ и то и дѣло поминаютъ: Господи, Господи! Нѣтъ, ты мнѣ своими дѣлами докажи, что любишь Господа и ближняго своего, какъ самого себя, и тогда я тебѣ повѣрю, что ты истинный христіанинъ. Такъ ли я говорю?» спрашиваетъ онъ. Севрюгинъ большой любитель чтенія, получаетъ газеты и вообще слѣдитъ за политикой. Но изъ повѣйшихъ авторовъ предпочитаетъ графа Льва Николаевича Толстого. Онъ прочелъ многія его произведенія, но особенно нравится ему изъ сочиненій графа «Война и миръ». И онъ читаетъ и перечитываетъ эту поэму, повторяя: «Все правдиво, никакой тутъ лжи и фальши нѣтъ. Побольше бы намъ такихъ людей

и писателей и тогда бы намъ лучше жилось на Руси, а то только глаза закрываютъ нашему царю, да обманываютъ, да грабятъ Россію». Подъ веселій часъ любить Севрюгинъ потолковать и объ уральскихъ казакахъ.

— Да,—говоритъ онъ.—Народъ сталъ ученый и образованный, ужъ куда лучше прежняго, а живетъ ему плохо. А все отчего? Признаться, у казаковъ слишкомъ много начальства. Ну, есть одинъ наказный атаманъ въ войскѣ, и довольно. Онъ, значить, надъ всѣми старшій и долженъ за всѣми порядками наблюдать и не допускать ни до какого воровства и расхищенія казеннаго интереса. А то понадѣлали въ войскѣ такую уйму чиновниковъ, что на ихъ содержаніе уходятъ всѣ войсковыя деньги и войско приходитъ черезъ это въ упадокъ. Ну, скажемъ къ примѣру, для чего въ войскѣ у насъ, кромѣ войскового атамана, есть еще три атамана отдѣла и всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ и на содержаніе каждаго идетъ въ годъ по 25 тысячъ рублей съ канцелярскими и разъѣздными, а всего на троихъ 75 тысячъ рублей? А дѣла всѣ дѣлаютъ не они, а войсковое хозяйственное правленіе и войсковою штабъ. А какъ бы годились эти тысячи бѣднымъ казакамъ, которые могли бы на нихъ поддерживать свое хозяйство. Правду говорить, что у семи нянекъ дитя безъ глаза. Какое у насъ хозяйство въ войскѣ?—самое плохое. Вотъ недавно общество Рязанско-Уральской желѣзной дороги просило уступить ему берегъ Урала, чтобы вывозить гальку и песокъ для баласта, и предложило по 20 коп. за кубическую сажень баласта. Казаки заупрямились.

«—Нѣтъ, ты купи у насъ берегъ за наличныя денежки и выложи ихъ сейчасъ на столъ.

«—Сколько же вы хотите получить?—спросило общество.

«—Да давай намъ 20 тысячъ серебромъ, да вывози песку и гальки сколько хочешь на сто лѣтъ.

«Общество дороги согласилось и выплатило казакамъ 20 тысячъ рублей. Что же бы вы думали: оно въ первый же годъ аренды вывезло на всю линію до Москвы баласту на 2 тысячи рублей, такъ что въ десять лѣтъ оно окупитъ всѣ свои издержки и остальные 90 лѣтъ будетъ получать баластъ даромъ.

«—Эхъ, ребята!—тужать казаки:—проворонили мы свои пески. Отдали ихъ задаромъ». Близокъ локоть, да не укусишь. Посылаетъ наше войско своего депутата, чтобы онъ вѣдалъ въ государственной думѣ всѣ дѣла русской земли, а въ особенности печаловался объ уральскомъ казачествѣ. А на повѣрку выходитъ, что собралась уже третья дума, а о казакахъ уральскихъ и рѣчи нѣтъ. Спасибо только Царю, что онъ не забываетъ насъ и не оставляетъ нашего войска своими милостями».

Такъ разсуждаетъ этотъ умный старикъ, горячо любящій свое уральское казачество.

Теперь передамъ вкратцѣ трагическую повѣсть, героиней которой является молодая уральская казачка, воплощающая собою типъ новѣйшихъ уралокъ. Клеопатра—такъ звали ее—была дочь природнаго казака и, лишившись рано отца и матери, осталась на попеченіи родственниковъ, которые также вскорѣ умерли, оставивъ ее на чужихъ рукахъ. Воспитаніе и образованіе она получила въ уральской войсковой женской гимназіи. Природа наградила ее, кромѣ ума, чрезвычайно красивой наружностью, и когда ей минуло 17 лѣтъ, на нее заглядывались молодые и старики, такъ она была мила и привлекательна. Высокаго роста, хорошо сложенная, она имѣла греческій профиль, а взглядъ ея черныхъ глазъ дышалъ восточной нѣгой. Темнорусые ея волосы доходили чуть не до пятокъ, и вся фигура ея дышала неизъяснимой прелестью, короче сказать, это была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова и она была окружена толпою поклонниковъ. Всѣми любимая, причѣмъ поклоненіе ея красотѣ доходило до обожанія, она имѣла полную возможность выбрать себѣ въ спутники жизни человѣка достойнаго, котораго она могла бы полюбить и уважать, но она не дала себѣ этого труда и, желая скорѣе вырваться на свободу, вышла замужъ за перваго казачьяго офицера, который вздумалъ ей сдѣлать предложеніе. Выборъ ея былъ неудаченъ. Мужъ оказался добрымъ человѣкомъ, вполне честнымъ, но прозаикомъ, который не умѣлъ понимать, хранить и привязать къ себѣ эту пылкую натуру, головка которой была переполнена самыми прихотливыми фантазіями и особеннымъ пристрастіемъ къ сценическому искусству. Супруги не сошлись характерами, и вскорѣ Клеопатра бросила мужа и, начавъ самостоятельную жизнь, задумала сдѣлаться актрисой, но на сцену она не пошла; она увлеклась сначала какимъ-то провинціальнымъ актеромъ, а потомъ богатымъ казакомъ-хуторяниномъ, и съ актеромъ прижила дочку, къ которой, казалось, она привязалась всѣми силами души. Но вотъ пріѣзжаетъ въ Уральскъ купеческій сынъ Недопекинъ. Отецъ его открываетъ въ Уральскѣ магазинъ съ краснымъ товаромъ, а онъ, какъ юристъ, окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ, вступаетъ въ Уральскъ на поприще адвоката. При первой встрѣчѣ съ красавицей Клеопатрой Недопекинъ воспламенился, какъ порохъ, и, можно сказать, страстно въ нее влюбился. Она тоже увлеклась имъ, но такъ какъ Недопекинъ только что бросилъ жену, а Клеопатра бросила мужа, то они вступаютъ въ нелегальную открытую связь и поселяются на одной квартирѣ. Между тѣмъ Клеопатра любитъ жить широко, да и Недопекинъ мастеръ прожигать жизнь, а денежныхъ средствъ имъ недостаетъ. Тогда купеческій сынъ прибѣгаетъ къ шантажу. Онъ начинаетъ писать анонимныя письма казаку-хуторянину и, считая его отцомъ родившейся у Клеопатры дочки, угрожаетъ хуторянину разоблаченіемъ этой тайны передъ его женой и требуетъ за соблюденіе тайны

пять тысячъ рублей, мотивируя это требованіе тѣмъ, что деньги эти пойдутъ на воспитаніе ребенка. Вскорѣ судьба улыбнулась Недопекину, и онъ сыгралъ видную роль, занявъ въ Петербургѣ должность въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учреждений. Ему удалось ввести Клеопатру въ кругъ семействъ своихъ сослуживцевъ въ Петербургѣ, и здѣсь онъ началъ снова эксплуатировать эту молодую женщину при помощи ея чарующей красоты. Наконецъ Клеопатрѣ надоѣло быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ чело-вѣка, къ которому она стала охлаждѣвать, и она ушла отъ Недопекина и вернулась въ Уральскъ. Но Недопекинъ продолжалъ преслѣдовать ее своими ухаживаніями и искалъ случая снова сойтись съ нею. Наступило лѣто, и Клеопатра поѣхала съ дочерью на Кавказскія минеральныя воды, на одинъ изъ модныхъ курортовъ, гдѣ и разыгрался послѣдній актъ трагической жизни этой молодой женщины. На водахъ она увлеклась студентомъ, который сталъ ея cavalier servant. Однажды утромъ, получивъ записку отъ Недопекина, который умолялъ ее прійти въ условленный часъ, чтобы дать ему возможность увидать ея дочь, которую онъ полюбилъ, какъ родную, Клеопатра рѣшилась итти въ городской садъ вмѣстѣ съ дочерью, въ сопровожденіи студента. Недопекинъ ожидалъ уже ее на скамейкѣ сада. Она сѣла съ дочкой и со студентомъ напротивъ него, и въ оживленной бесѣдѣ Клеопатра и ея кавалеръ насмѣшливо глядѣли на Недопекина и все время хохотали. Тогда, не помня себя отъ ревности, Недопекинъ подошелъ къ Клеопатрѣ и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, выхватилъ изъ кармана заряженный револьверъ и сдѣлалъ въ нее изъ него въ упоръ выстрѣлъ и, несмотря на то, что Клеопатра тотчасъ же упала въ предсмертныхъ судорогахъ, Недопекинъ сдѣлалъ по ней еще нѣсколько выстрѣловъ. При видѣ такой жестокости толпа гуляющихъ, во главѣ со студентомъ, сопровождавшимъ молодую женщину, пришла въ страшное негодованіе, и Недопекину были нанесены толпою сильныя побои, отъ которыхъ спасла его полиція, такъ какъ безъ ея заступничества Недопекина, вѣроятно, избили бы на смерть. Судь надъ Недопекинымъ, несмотря на очевидность преступленія, совершеннаго съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, не присудилъ его къ соответственному наказанію, а призналъ его душевно-больнымъ и помѣстилъ на излеченіе въ психіатрическую лечебницу. Такъ окончился романъ одной изъ самыхъ типичныхъ и красивѣйшихъ уралокъ.

П. П. Жакмонъ.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ.

(Историческіе очерки).

III. Крушеніе идеи о созывѣ земскаго собора.

I.

ИКВИДАЦІЯ дѣла 1 марта была закончена къ началу мая, а въ теченіе этого мѣсяца новый императоръ распросился уже съ своимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Лорисомъ-Меликовымъ, и съ его отставкой конституціоннымъ чаяніямъ либеральной интеллигенціи былъ положенъ основательный предѣлъ. Самый проектъ графа потерпѣлъ фіаско на историческомъ засѣданіи 8-го марта 1881 г., и съ этого момента мы наблюдаемъ въ правительственномъ курсѣ если не прямой поворотъ къ старому полицейско-бюрократическому порядку вещей, то нѣкоторую нерѣшительность и заминку, обнаруживавшія, что пока у правящихъ сферъ еще отсутствуетъ опредѣленная программа дѣйствій въ принципахъ политики управленія странюю. Правда, неблагопріятные симптомы для свободолюбивыхъ вѣяній начали обнаруживаться очень скоро, и въ теченіе всего 1881 г. мы наблюдаемъ, какъ постепенно и шагъ за шагомъ правительство старательно проводить въ общественное сознаніе, что съ тенденціями «диктатуры сердца» кончено разъ навсегда и что никакимъ общественнымъ выступленіямъ не будетъ дано мѣста и возможности, если только эти выступленія хоть съ какой-нибудь стороны окажутся въ свойствѣ какъ съ конституціон-

ными вѣяніями, такъ и съ радикально-революціонными тенденціями. Помимо отставки графа Лориса-Меликова и ухода вмѣстѣ съ нимъ министровъ, сочувствовавшихъ его преобразовательнымъ начинаніямъ, Абазы, Милютина, отпоръ конституціоналистамъ выразился въ репрессіяхъ, которымъ подверглась та пресса, гдѣ, хотя бы и въ довольно умѣренной формѣ, высказывались идеи о необходимости реформъ въ духѣ ограниченія существующаго полицейско-бюрократическаго строя, а также испытали на себѣ гоненія тѣ представители земскаго либерализма, которые на земскихъ собраніяхъ въ ту пору рѣшились выступить съ рѣчами въ томъ же освободительномъ духѣ. Такъ, еще при Лорисѣ-Меликовѣ вслѣдъ за приведенными нами «конституціонными статьями», напечатанными въ газетахъ вслѣдъ за событіемъ 1-го марта, на эти газеты обрушились кары. На первыхъ порахъ этимъ карамъ подверглись «Голосъ» и «Страна» при чемъ мотивъ этихъ репрессій въ № 49 «Правительственнаго Вѣстника» изложенъ былъ въ слѣдующей редакціи: «Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газета «Страна», ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ «изъ намѣченныхъ граней», а газета «Голосъ» во второй передовой статьѣ № 63, приводя и развивая высказанныя газетою «Страна» мысли, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе, министръ внутреннихъ дѣлъ на основаніи статьи 50 и проч. и проч. опредѣлилъ: объявить газетѣ «Страна» второе, а газетѣ «Голосъ» первое предостереженіе въ лицѣ издателей ихъ статскихъ совѣтниковъ Леонида Полонскаго и Андрея Краевскаго». Въ дальнѣйшемъ такого же рода кары, вплоть до запрещенія розничной продажи, печатанія объявленій и выхода въ свѣтъ на срокъ до трехъ мѣсяцевъ, выпали на долю «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Молвы», «Порядока», «Минуты» и др. изданій. Въ особенности пострадалъ «Порядокъ» М. М. Стасюлевича, который, испытавъ нѣсколько каръ, былъ въ началѣ 1882 г. совершенно закрытъ издателемъ по доброй волѣ, когда онъ убѣдился, что при существующимъ курсѣ внутренней политики ему совершенно не представляется возможности проводить въ общество идеи «правового порядка» и работать на пользу гласности и общественнаго контроля. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Θεоктистовъ сталъ сильно «подтягивать» печать, забрасывая ее запретительными циркулярами, и поставилъ предѣлъ разрѣшенію новыхъ органовъ, исходя изъ соображеній, что и наличныхъ достаточно, съ вреднымъ оппозиціоннымъ направленіемъ которыхъ ему и безъ того трудно справляться.

Совершенно безъ вниманія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отрицательно, отнеслось новое правительство и къ голосамъ земскихъ людей, которые въ своихъ рѣчахъ допускали намеки на «конституцію». Такъ, г. Винбергъ, заявившій въ таврическомъ земскомъ собраніи, что «только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ предста

вителей, въ состояніи указать средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ», былъ за свою рѣчь высланъ изъ предѣловъ родной ему губерніи. Говорившій въ томъ же духѣ городской голова Кронштадта Н. Н. Волковъ лишился званія головы и т. д. Такимъ образомъ, всѣмъ попыткамъ самодѣятельности былъ положенъ предѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не указано положительное, созидательное направленіе новаго курса. Рѣзко ликвидировалось лишь недавнее старое, но что-нибудь новое и опредѣленное не устанавливалось. Характеризуя этотъ переходный періодъ нашей жизни, извѣстный публицистъ К. Головинъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ пишетъ: «Нельзя сказать, чтобы первые шаги новаго правительства были особенно увѣренными. Назначеніе такого политическаго шарлатана, какъ генераль Барановъ, петербургскимъ градоначальникомъ, неожиданное введеніе всеобщей подачи голосовъ въ столицѣ, даже съ участіемъ женщинъ, и рядомъ съ этимъ манифестъ 29 апрѣля, говорившій такимъ твердымъ, недвусмысленнымъ языкомъ, — все это, вмѣстѣ взятое, несомнѣнно, указывало на нѣкоторое колебаніе, на отсутствіе опредѣленной программы. И въ этомъ колебаніи уже былъ зародышъ тѣхъ двухъ теченій, которыя на время слились, несмотря на свое внутреннее несходство, и придали всему царствованію его основной колоритъ.

«Снизу поднималась волна бывшаго народничества, какъ бы отрезвленная первымъ марта и готовая принять наслѣдство прежнихъ славянофиловъ. Сверху все явственнѣе проявлялось сознаніе необходимости твердой правительственной власти, которая за главную задачу признала бы строго-національную политику и внѣ Россіи и внутри ея. Было время, когда даже рѣзкая фигура Константина Петровича Побѣдоносцева стала почти популярной. Онъ не былъ простымъ носителемъ самодержавія, какъ такового, самодержавія временъ Николая I; онъ признавалъ, что верховная власть обязана являться повсюду защитницей двухъ основныхъ народныхъ устоевъ — одного въ области религіи, другого въ области гражданской жизни, — православія и народности. Въ послѣдніе годы предыдущаго царствованія нарастала многочисленная партія, обвинявшая тогдашнее правительство въ космополитизмъ и видѣвшая въ наслѣдникѣ престола твердаго хранителя чисто-національныхъ интересовъ. Въ этомъ теченіи и тогда уже слабо проявлялся какой-то бессознательный демократизмъ. А съ той минуты, когда густая толпа народничества пристали къ правительству, этотъ демократизмъ сдѣлался даже очень замѣтенъ. Появился особый сортъ людей, готовыхъ одновременно произносить такія неоднородныя слова, какъ «сильная власть» и «права народнаго большинства». Эти господа не только признавали за кореннымъ великорусскимъ

¹⁾ К. Головинъ. «Мои воспоминанія», т. II.
«Истор. вѣстн.», июль 1911 г., т. сxxv.

племенем законныя полномочія на господство, но ставили ему въ прямую обязанность давить инородцевъ и механически ихъ передѣлать въ чистокровныхъ русскихъ. Основнымъ догматомъ этой религiи особаго сорта было самодержавіе не царя только, но и того чисто русскаго большинства, которое будто бы ошибаться не можетъ никогда. Упускалось изъ виду, что подъ этимъ на первый взглядъ вполне благонадежнымъ теченіемъ скрывалось иное—преклоненіе передъ густыми народными массами, передъ всѣми ихъ вѣрованіями, привычками, суевѣріями. Въ зародышѣ здѣсь уже заключалась пресловутая «четырёхвостка», т. е. не болѣе, не менѣе, какъ самодержавіе толпы—«*souverainité du peuple*» Увы, всякое появленіе народа, въ тѣсномъ смыслѣ слова, на исторической авансценѣ, всякое его прямое участіе въ комедіи или, пожалуй, въ драмѣ всемірной исторіи носить почти однѣ и тѣ же черты. Во имя ли престола выступаетъ толпа, во имя ли революціи, она, какъ смерчъ, недаромъ проносится надъ поверхностью общества. Ея слѣдъ всегда тотъ же самый—разрушеніе и насиліе. На первыхъ порахъ эти неизбежныя послѣдствія громкаго проявленія народныхъ инстинктовъ не сказываются ясно... Наиболѣе распространеннымъ идеаломъ тогдашняго общества было единство въ самой грубой внѣшней его формѣ. Тѣ же учрежденія и, при возможности, тотъ же языкъ и та же религiя отъ Вѣлаго моря до Чернаго, отъ петербургскихъ болотъ до побережья Тихаго океана,—стало общимъ лозунгомъ русскихъ націоналистовъ. Нужно ли говорить, что признаннымъ главою этого направленія, болѣе яркимъ его носителемъ, словомъ, фактическимъ первымъ министромъ императора Александра былъ К. П. Побѣдоносцевъ. Усомниться въ его огромныхъ способностяхъ нельзя. Нельзя оспаривать и мягкости его натуры, и глубокаго его образованія, и его несомнѣнной работоспособности... Его задачей было утвердить самодержавіе на двухъ объединительныхъ началахъ—религіозномъ и гражданскимъ, т. е. на православіи и народности. Во имя единого Бога и русскаго политическаго единства православіе должно было безусловно господствовать, и рядомъ съ нимъ, рука объ руку, должна была всюду преобладать русская школа. Ежегодно въ своихъ отчетахъ оберъ-прокуроръ св. синода всеподданнѣйше ликовалъ по случаю обращенія въ православіе нѣсколькихъ сотъ, а то и тысячъ иновѣрцевъ. Вполнѣ подчиненное ему фактически министерство народнаго просвѣщенія столь же усердно водружало повсюду и русскія школы. Что распространеніе народной религiи и народнаго языка служить лучшимъ проводникомъ для политическаго единства, это несомнѣнно. Но подъ однимъ условіемъ, чтобы пропаганда велась самимъ обществомъ въ сознаніи своего превосходства надъ сосѣдней культурой, а не чиновниками; то и дѣло прибѣгающими къ помощи жандарма. Патентованная школа и патентованная церковь, съ государственною печатью на

обѣихъ, не удавалась никогда. Религія можетъ быть только цѣлью; обращенная въ средство, она немедленно мертвѣетъ. Константинъ Петровичъ чистосердечно воображалъ, будто его православіе—чистѣйшій снимокъ съ евангельскаго ученія. Между тѣмъ, желая быть послѣдователемъ Христа, онъ являлся безсознательнымъ ученикомъ еврейскихъ законниковъ, строго державшихся буквы вмѣсто духа и въ концѣ концовъ продавшихъ въ руки язычниковъ Спасителя. Одно и то же недоразумѣніе затемняло души и фарисеевъ, этихъ еврейскихъ славянофиловъ, и тонкое пониманіе К. П. Побѣдоносцева. Ученіе Христа было не отъ міра сего и сулило небесное благо тѣмъ, кто равнодушенъ къ земнымъ. А его близорукіе истолкователи требовали отъ христіанства какъ разъ этихъ земныхъ благъ, и пріобрѣсть ихъ готовы были путемъ насилія. Роковое недоразумѣніе между проповѣдью Спасителя и чисто мірскими стремленіями Его слушателей—это недоразумѣніе легло и въ основу такъ называемой руссификаціи. Съ одной стороны, обязательныя правила, запрещавшія воспитанникамъ школъ говорить на иномъ языкѣ, какъ на русскомъ, заставлявшія ихъ присутствовать при чтеніи православныхъ молитвъ, замѣнявшія недостатокъ культуры разными посулами въ пользу новообращенныхъ въ православіе; съ другой—готовность открывать свои школы на средства частныхъ лицъ, лишь бы только это дозволило правительство—эта печальная дилемма не могла не привести къ развязкѣ еще болѣе печальной: подавлять у инородцевъ ихъ національныя особенности—плохое средство къ нимъ привить русскій патріотизмъ. Языкъ, на которомъ не дозволяютъ говорить, религія, которую стѣняютъ въ ея проявленіяхъ, становятся вдвойнѣ дорогими даже людямъ равнодушнымъ по природѣ къ своему вѣроисповѣданію и къ своей національности. Они сливаются съ историческими преданіями и становятся поперекъ какъ разъ тому, чего домогается власть,—объединенію съ великимъ отечествомъ».

По мнѣнію г. Головина, фальшь въ постановкѣ вопросовъ о проведеніи въ русскую жизнь началъ православія и народности привела къ совершенно обратнымъ желательности результатамъ. Казенные штемпеля на этихъ началахъ ихъ убили, и въ русскую жизнь въ обиліи влились потоки невѣрія и сепаратизма. Формально какъ будто все обстояло благополучно, но за этимъ формальнымъ благополучіемъ видѣлось и чувствовалось государственное разложеніе. При этомъ авторъ совершенно справедливо выражаетъ удивленіе тому, что видимое «торжество официальной народности и формальнаго православія» происходило какъ разъ при государѣ, до такой степени чуждомъ всякаго формализма, какъ императоръ Александръ III. «Позволительно думать,—говоритъ г. Головинъ далѣе:—что благородная, рыцарская натура Александра III чужда была нащептанныхъ извѣтъ мелочныхъ, недостойныхъ мѣръ. Онъ желалъ,

конечно, органическаго слиянія всѣхъ обитателей Россіи въ одинъ народъ. Но исполнители на мѣстѣ, привыкшіе къ приѣмамъ русскаго чиновничества, органически превращали въ формальное, мертвенное».

II.

Однородныя сѣтованія и характеристику переживаемаго историческаго момента, относящагося къ тому же началу восьмидесятихъ годовъ, приводитъ одно компетентное лицо изъ западнаго либеральнаго лагеря въ письмѣ, предназначенномъ, повидимому, для напечатанія за границею и опубликованномъ Г. К. Градовскимъ въ его книгѣ «Итоги» ¹⁾. Если въ воспоминаніяхъ г. Головина все неблагополучное во внутреннихъ тогдашнихъ дѣлахъ Россіи приписывается К. П. Побѣдоносцеву, то въ настоящемъ письмѣ на авансцену выдвинутъ Н. П. Игнатьевъ, смѣнившій на посту министра внутреннихъ дѣлъ графа Лориса-Меликова. «Вотъ уже скоро годъ, какъ продолжается правленіе графа Игнатьева,—пишетъ это лицо.—Въ охранительной части печати встрѣтили это правленіе въ видѣ какого-то торжества. Говорили, что Россія обрѣла самое себя, вступила на свой старый царскій путь. Рядомъ съ лицемѣрнымъ негодованіемъ по поводу событія 1-го марта печать эта явно бросала камнями въ прошлое царствованіе. Г. Аксаковъ и г. Катковъ нарочно пріѣзжали въ Петербургъ, чтобы молить о подъемѣ авторитета самодержавія, которой будто бы былъ униженъ Александромъ II. Такимъ образомъ, если нигилисты убили царя-Освободителя, то охранители умыслили убить самое дѣло его. Преобразованія прошлаго царствованія, довершавшія во многомъ реформу Петра Великаго, сблизили Россію съ общечеловѣческой цивилизаціей. Наши же охранители стали приглашать Россію вернуться въ затхлую старину московскаго періода. Это называется у нихъ народною политикою, поднятіемъ народнаго знамени.

«Теперь мы имѣемъ уже первые результаты этой будто бы народной политики... Внутри государства правительственный авторитетъ стоитъ очень низко. Можно сказать, никогда и нигдѣ не существовало такого явнаго недовѣрія къ правительству, какое проявляется теперь въ русскомъ обществѣ. Это понятно. Правительства, въ сущности, давно уже не существуетъ въ Россіи. Подъ покровомъ самодержавія совершается хаотическое самоуправство чиновничества, господствуетъ придворная или закулисная интрига. Министры думаютъ не столько о задачахъ государственнаго управленія, сколько о томъ, чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ. Самъ графъ Игнатьевъ, которому, по виду и по занимаемому имъ мѣсту начальника государственной полиціи, принадлежитъ руководящее значе-

¹⁾ Г. К. Градовскій. «Итоги» (1862—1907), ст. «Роковое пятнадцатіе».

ніе во внутренней политикѣ, представляется въ сущности громаднымъ нулемъ. Если бѣ онъ обладалъ хотя малѣйшимъ самолюбіемъ, если бѣ убѣжденія были сколько-нибудь для него обязательны, то онъ давнымъ-давно уже вышелъ бы въ отставку. Ему никто не вѣритъ и его никто не уважаетъ. Онъ терпится, какъ игрушка партій и интригъ, какъ податливое орудіе для служенія и нашимъ и вашимъ. Теперь всѣ поняли, что торжественно возвѣщенная въ прошломъ году правительственная программа не болѣе, какъ самообманъ, какъ блестящая декорація, назначенная для того, чтобы умѣрить ожиданія однихъ и сдѣлать терпѣливѣе другихъ. Всѣ увѣрились теперь въ безсиліи графа Игнатьева сдѣлать что-нибудь положительное. Тѣмъ не менѣе и этотъ податливый министръ раза три уже рисковалъ быть удаленнымъ. Послѣдній разъ это случилось послѣ убійства генерала Стрѣльникова въ Одессѣ. И онъ давко уже полетѣлъ бы и извѣдалъ бы на себѣ всю прочность поддерживаемаго имъ «существующаго порядка», если бѣ было кѣмъ замѣнить его. Дѣло въ томъ, что честныхъ, убѣжденныхъ, образованныхъ государственныхъ людей не можетъ терпѣть это разлагающееся правительство. Тѣ изъ нихъ, которые рисковали служить ему, скоро сознавали свое безсиліе. Въ охранительномъ же лагерѣ существуютъ только изувѣры, ханжи, прославившіеся хищники или отчаянные сумасброды. У Игнатьева всего этого есть понемножку, поэтому онъ и остается.

«Чтобъ характеризовать въ немногихъ словахъ то паденіе правительственнаго авторитета, которое всѣми теперь ощущается въ Россіи, достаточно привести слѣдующую ходячую здѣсь остроту, вызванную толками о переѣздѣ правительства въ Москву. «До сихъ поръ, говорятъ, Москва славилась царь-колоколомъ, который не звонитъ, и царь-пушкой, которая не стрѣляетъ; теперь она хочетъ приобрѣсти еще третью достопримѣчательность: правительство, которое не управляетъ».

«Въ настоящее время всѣ помыслы правительства направлены къ благополучному устройству коронаціи. Трудно повѣрить, сколько страха и произвола сказывается во всѣхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, возникающихъ по этому поводу... Уже одни серьезные толки объ этихъ мѣрахъ и слѣпая вѣра въ возможность ихъ осуществленія сами по себѣ очень поучительны для желающихъ ознакомиться съ нынѣшнимъ государственнымъ строемъ Россіи и съ тѣмъ уваженіемъ, которое внушаютъ къ себѣ нынѣшніе ея правители. У насъ до такой степени привыкли нарушать частные и общественные интересы и настолько не гнушаются самообмана, что ради коронаціи могутъ затѣять всю эту тягостную для верховной власти и стѣснительную для гражданъ исторію. Умственно и нравственно подорванное правительство, опирающееся только на невѣжество, лицемѣріе, насилие и полицейскія мѣры, повсюду видитъ однихъ

враговъ, не подозрѣвая, что самымъ злѣйшимъ врагомъ оно само для себя... Кровью обливается сердце при видѣ, что дѣлается теперь въ Россіи. Дѣлается это, конечно, подъ благовиднымъ предлогомъ успокоенія и поддержанія государственнаго порядка; но на дѣлѣ получаются совершенно обратные результаты. Насиліе надъ мыслью возмущаетъ общество и снимаетъ узду съ фантазій, которая создаетъ самые тревожные и чудовищные слухи, переходящіе изъ устъ въ уста. Но администраціи нѣтъ дѣла до государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Пропитанная произволомъ и въ то же время трусливая, лишенная всякаго нравственнаго и гражданскаго стимула въ своихъ дѣйствіяхъ, она хлопочетъ лишь о временныхъ и ближайшихъ цѣляхъ. Лишь бы на ея срокъ хватило, а тамъ хоть потопись... Имъ вѣдомо также, что значеніе ихъ зависитъ отъ уснѣха закулисныхъ интригъ. Они дѣйствуютъ поэтому навѣрняка, окружая высшую власть густой сѣтью искусственно сплетенныхъ свѣдѣній и докладовъ. Главнѣйшею частью этой сѣти служитъ официальная печать. Всякое же независимое слово или убѣжденіе способно произвести болѣе или менѣе разрушительные прорывы въ этой паутиной мести и обмана».

Не входя въ разбирательство тона этихъ двухъ приведенныхъ характеристикъ начала восьмидесятихъ годовъ и анализа красокъ, коими обрисованы эпоха и ея виднѣйшіе представители административной власти, не можемъ не отмѣтить, что въ обоихъ случаяхъ вытекаетъ единый общій выводъ: новое правительство не установило въ тотъ періодъ принциповъ управленія и являлось въ своихъ отрицательныхъ дѣйствіяхъ въ глазахъ современниковъ антитезою предыдущаго царствованія. Въ наличности была только борьба съ теченіями, созданными диктатурой сердца, и подавленіе такихъ общественныхъ явленій, которыя соприкасались съ этими теченіями. вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось и сознавалось, что страна нуждается въ реформахъ и такихъ начинаніяхъ, которыя вывели бы ее изъ состоянія экономическаго, административнаго и политическаго непорядка. Это прекрасно понималъ графъ Н. П. Игнатьевъ и для удовлетворенія ея ближайшихъ потребностей имъ вводились мѣропріятія частичнаго порядка, гдѣ главнымъ образомъ обращено было вниманіе на подъемъ экономическихъ силъ сельскаго люда и установленіе правильнаго контроля въ государственномъ хозяйствѣ. Панегиристъ графа Н. П. Игнатьева, нѣкто Г. Б. въ очень интересной статьѣ «Несостоявшійся земскій соборъ», напечатанной въ специальномъ журналѣ «Море» ¹⁾, вотъ что повѣствуетъ относительно административно-преобразовательныхъ плановъ графа, когда онъ еще былъ нижегородскимъ губернаторомъ и имѣлъ возможность, благодаря своей близости къ мѣстнымъ горожанамъ, дворянамъ и

¹⁾ «Море» 1906 г., № 21 и 22.

земцамъ, ознакомиться съ существенными и неотложными надобностями страны. Онъ предполагалъ, что наилучшій способъ проведенія въ жизнь намѣчаемой имъ программы—возстановленіе тѣхъ губернскихъ комитетовъ, работа которыхъ оказалась столь продуктивною при проведеніи реформы освобожденія крестьянъ. Эти вновь созданные комитеты должны были обсудить и разработать слѣдующую скалу вопросовъ, въ благополучномъ разрѣшеніи коихъ Игнатьевъ видѣлъ средство къ упорядоченію условій отечественной жизни:

1) устройство волостного, уѣзднаго и губернскаго управленія, при расширеніи круга земскихъ дѣятелей и созданіи мелкой земской единицы въ видѣ прихода.

2) Податная реформа.

3) Устройство учрежденій мелкаго кредита для крестьянскихъ потребностей.

4) Поддержка и насажденіе промысловъ.

5) Устройство питейнаго дѣла, въ смыслѣ противодѣйствія пьянству, при сохраненіи существующаго дохода съ питей.

6) Устройство переселенческаго дѣла.

7) Упорядоченіе отношеній между хозяевами и рабочими.

8) Обсужденіе мѣръ для поднятія земледѣлія и промышленности и для охраненія отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ отъ разоренія.

9) Устройство мѣстныхъ путей сообщенія на счетъ земскихъ средствъ.

Труды комитетовъ, съ мнѣніями большинства и меньшинства, должны были восходить на утвержденіе Верховной власти, и такимъ образомъ къ дѣлу устроенія государства предполагалось призвать здоровыя силы провинціи, чѣмъ до извѣстной степени достигалась излюбленная славянофилами государственная формула—единеніе царя съ народомъ. Если ознакомиться съ содержаніемъ славянофильскаго тогдашняго органа печати «Русь» И. С. Аксакова за тотъ же періодъ времени, то мы увидимъ, что рядъ вопросовъ и въ той ихъ постановкѣ, какъ то дѣлалъ графъ Игнатьевъ, находилъ себѣ разработку именно въ этомъ органѣ печати Аксакова, въ свою очередь, почерпавшаго историческое освѣщеніе этихъ вопросовъ изъ общаго кодекса славянофильскаго ученія. Такимъ образомъ, связь графа Игнатьева, какъ администратора, съ главарями славянофильства устанавливалась самымъ органическимъ и реальнымъ путемъ, и Аксаковъ въ лицѣ вновь назначеннаго министра внутреннихъ дѣлъ получалъ, наконецъ, возможность проведенія въ русскую жизнь и ея государственный обиходъ тѣхъ историческихъ началъ, которыя и онъ и его предшественники, старшее поколѣніе славянофиловъ, видѣли глубоко заложенными въ нѣдрахъ нашей исторіи и въ источникахъ духа народнаго. Русское общество по-

этому по всей справедливости видѣло въ лицѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ ставленника славянофильской партіи, ея адепта и выполнителя ея государственно-исторической программы строительства русской земли. Самъ императоръ Александръ III, въ бытность свою наслѣдникомъ престола, состоялъ съ Аксаковымъ въ близкихъ сношеніяхъ, и московскій публицистъ имѣлъ доступъ въ Аничковскій дворецъ и корреспондировалъ его высокому обитателю. Отсюда и получалась та связь явленій жизни, которая сближала славянофильскій лагерь черезъ посредство новаго министра съ главою верховнаго управления, что, въ свою очередь, и создавало въ русской жизни ту народническо-демократическую атмосферу въ нашемъ историческомъ бытіи начала восьмидесятыхъ годовъ, о коей упоминаетъ К. Головинъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Аксаковъ несъ изъ Москвы историческій романтизмъ, который охотно воспринимался министромъ внутреннихъ дѣлъ и передавался на вершины государственности. Политика ближайшаго совѣтника государя, К. П. Побѣноспева, съ нѣкоторыхъ виѣшнихъ сторонъ ея проявленія въ жизни не шла въ первое время въ разрѣзъ съ этими вѣяніями романтизма, и такимъ образомъ русскому обществу, томившемуся въ ожиданіи, что «день грядущій готовить», оставалось только прислушиваться, какой тонъ будетъ поданъ изъ тѣхъ органовъ печати, которые стояли по своему общественному положенію и историко-литературному значенію въ наиболѣе близкой связи съ вѣяніями, долженствовавшими реализоваться какими-нибудь фактическими начинаніями реформаторскаго порядка. Та программа будущихъ дѣйствій, которую, какъ программу внутренней политики, мы привели выше, еще не достаточно обнаруживалась и, во всякомъ случаѣ, какъ средство успокоенія взмысленныхъ графомъ Лорисомъ-Меликсынымъ надеждъ, была далеко недостаточною. Кахановская коммиссія съ ея приглашенными изъ провинціи свѣдущими людьми, куда поступили данныя сенаторскихъ ревизій и накопившіяся въ министерствахъ матеріалъ, была, конечно, тѣмъ реальнымъ фактомъ, который обнаруживалъ, что новое правительство готово вступить на путь извѣстныхъ частичныхъ, будничныхъ преобразованій; однако самое понятіе «коммисіи» не давало выхода наростимъ за послѣдній періодъ время ожиданіямъ какого-нибудь крупнаго общегосударственнаго преобразованія, которое бы создало новый обликъ государственной Россіи вмѣсто столь одряхлѣвшаго и всѣми признаннаго негоднымъ полицейско-бюрократическаго. Съ уходомъ графа Лориса-Меликова, съ репрессіями по отношенію конституціоналистовъ, какъ въ печати, такъ и въ земствѣ, всѣми ясно понималось, что съ мечтами о представительномъ строѣ въ духѣ западно-европейскихъ учрежденій даже въ минимальныхъ его размѣрахъ необходимо распрощаться; тѣмъ не менѣе надежды на что-то оставались въ наличности, онѣ какъ-то смутно бродили въ общественномъ сознаніи, а

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

потому всё начали чутко прислушиваться къ намекамъ, отъ времени до времени появлявшимся на столбцахъ «Руси» и «Новаго Времени»; которыя довольно согласно между собою начали говорить о древне-русскихъ земскихъ соборахъ и въ которыхъ общество готово было видѣть своего рода неофициальную программу начинаній кабинета графа Игнатьева.

III.

Графъ Н. П. Игнатьевъ, уже давно состоявшій, какъ мы то отмѣтили, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ славянофильскому лагерю, по назначеніи своемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ поспѣшилъ и окружить себя людьми единомышленными въ вопросахъ государственнаго управленія, а также сдѣлать свою канцелярію доступною, по утвержденію К. Головина, всякимъ составителямъ проектовъ, въ томъ числѣ и прожектерамъ. «Воздушные замки» вообще были въ почетѣ у тогдашняго вершителя судебъ нашей внутренней политики, а детальная, аргументированная и обстоятельная разработка наиболѣе сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этою политикою, какъ-то ускользала отъ его вниманія. Все намѣчалось какъ-то очень скоро, лишь въ принципѣ, въ общихъ контурахъ, при чемъ немаловажную долю играли внѣшность и декорумъ, сопутствовавшіе формулировкѣ отвѣтовъ на поставленные вопросы. Его правитель канцеляріи Д. И. Воейковъ былъ того же типа дѣятель, и при такомъ составѣ вѣдомства можно было заранѣе предвидѣть, что вѣкъ его не будетъ дологъ. И дѣйствительно, въ годъ времени вся подсказанная славянофильскою Москвою графу Игнатьеву политика успѣла провалиться, не оставивъ по себѣ значительнаго слѣда въ русской жизни и только успѣвъ скомпрометировать то движеніе, на защиту котораго она стала.

Тѣ начинанія въ области управленія, которыя были предприняты при Игнатьевѣ и о которыхъ въ ихъ програмномъ изложеніи мы выше говорили, еще не исчерпывали завершительнаго слова славянофильскаго ученія. Оставалось то главное, что московская школа постоянно выдвигала, какъ вершеніе русскаго государственнаго зданія и какъ отличительную особенность всего уклада нашей исторической жизни. И вотъ къ этому-то главному графъ Игнатьевъ безъ достаточной къ тому подготовки и поспѣшилъ приблизиться. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ идею земскаго собора, ту законосовѣщательную форму правленія, которую славянофилы съ К. Аксаковымъ во главѣ такъ ярко подчеркивали въ нашей исторіи. Эту-то форму правленія новый министръ внутреннихъ дѣлъ и рѣшилъ поставить на очередь утвержденія государемъ императоромъ, усматривая въ ней, съ одной стороны, панацею отъ всѣхъ тогдашнихъ исшихъ политическихъ болѣстей и, съ другой, противодѣйствіе констатационнымъ вѣяніямъ графа Лориса-Меликова и его единомышленниковъ. По слухамъ, графъ Игнатьевъ имѣлъ случай изложить покойному императору Александру II въ Ливадіи свои мысли о своевременности возобновленія древняго обычая русскихъ царей—искать опоры въ мнѣніи народа въ лицѣ земскихъ соборовъ и, будто, на соображенія графа государь отвѣтилъ словами: «Ты,

можетъ быть, правъ; но не мнѣ это предпринять. Пусть другой на это рѣшится, если желаетъ прибѣгнуть къ героическому средству».

Авторъ статьи «Несостоявшійся земскій соборъ»¹⁾, въ связи съ этими мечтаніями графа Игнатъева о земскомъ соборѣ, говоритъ: «Многіе, вѣроятно, и теперь помнятъ, какія свѣтлыя надежды возлагались на императора Александра III еще въ бытность его наслѣдникомъ; много говорили объ его приверженности къ русской соборной старинѣ, объ его умѣннн окружать себя мудрыми совѣтниками, объ его прямотѣ и силѣ характера, которыя позволяютъ ему стать живымъ олицетвореніемъ народнаго идеала русскаго царя. Весною 1882 года неизвѣстно откуда пошла молва, что графъ Игнатъевъ выписалъ изъ Москвы Голохвастова, занимавшагося изученіемъ земскихъ соборовъ, для справокъ, такъ какъ государь желаетъ возстановить древній обычай общенія царя съ землею черезъ выборныхъ земскихъ людей; что Голохвастову поручено составленіе книги для возстановленія въ обществѣ утраченнаго сознанія о значеніи земскихъ соборовъ (онъ этой книги такъ никогда и не составилъ, благодаря тому, что послѣ отставки графа Игнатъева былъ лишень мѣста и содержанія); что дѣло это хранится въ глубочайшей тайнѣ — впредь до обнародованія; и къ тайнѣ этой относились инстинктивно любовно; самое молчаніе печати объяснялось запретомъ, наложеннымъ въ интересахъ дѣла — дабы его не скомпрометировать. Съ безпокойствомъ передавали другъ другу, что «враги реформы, сторонники стараго строя», которыхъ называли по именамъ, провѣдали о готовящемся дѣлѣ и интригуютъ; сплѣтничали, что Голохвастовъ былъ у Побѣдоносцева, и этому придавали зловѣщее значеніе; что Толстой черезъ Побѣдоносцева же подаль государю записку, въ которой будто бы утверждалъ, что «Россія объѣлась реформами, худо переваренными, и что, какъ всякаго больного желудкомъ, ее надо посадить на діету и ничего не предпринимать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы все успокоилось и пришло въ порядокъ». Однако послѣднему слуху придавали мало значенія, ибо знали, что государь не цѣнилъ и не любилъ Толстого и даже полтора года назадъ ранѣ ревностно содѣйствовалъ его удаленію. Большое значеніе, напротивъ, придавали какой-то запискѣ молодого прокурора Н. В. Муравьева, который, будто бы, со своей точки зрѣнія высказывался за земскій соборъ.

«Господствовало мнѣніе, что трагическая кончина императора Александра II воочію доказала несостоятельность полицейско-бюрократическаго строя, отжившаго свой вѣкъ; что порядокъ, неспособный оградить главу государства отъ злодѣйскаго покушенія, не можетъ быть терпимъ долѣе; что измѣна проникла въ бюрократическую среду въ то время, какъ народное сознаніе, глубоко потря-

¹⁾ «Море» 1906 г., № 21 и 22.

сенное кровавымъ злодѣяніемъ 1-го марта 1881 года, является гораздо болѣе надежною опорою престола и государства, чѣмъ отравленная европейскимъ либерализмомъ, подкупная, насквозь прогнившая бюрократическая среда. Упорно держалось мнѣніе, что наступила одновременно и необходимость, и самый благопріятный моментъ «прибѣгнуть къ героическому средству», отвергнутому покойнымъ императоромъ. Вѣрили, что императоръ Александръ III ясно созналъ это и собирается сдѣлать рѣшительный шагъ къ сближенію царя съ землею: «никакія интриги его не останавливаютъ: это—государь съ прямымъ, непреклоннымъ характеромъ. Онъ недоступенъ малодушнымъ, мелочнымъ опасеніямъ, которыми могла бы воспользоваться интрига. Его довѣріе прочно, и рѣшенія тверды». Такова была молва. Къ государю неслась неудержимая волна народной любви. Ему вѣрили, отъ него ждали великаго.

«Вѣрили и графу Игнатьеву; не потому, чтобы считали его либеральнымъ или сантиментальнымъ министромъ; напротивъ, его рука давала себя тяжело чувствовать вездѣ, гдѣ требовала того польза государства; но общество вѣрило въ его умъ, который не могъ не понять, что своевременно было опереться на народъ, во избѣжаніе уступокъ отвоєванныхъ, которыя могли стать роковыми. Кромѣ того, многимъ было извѣстно отрицательное отношеніе Н. П. къ европейскому парламентаризму, съ грязною изнанкою и съ вредными плодами котораго онъ успѣлъ познакомиться во время своей заграничной службы. Молодой императоръ, будучи еще наследникомъ престола, неоднократно высказывалъ подобные же взгляды. Поэтому понятна была общая надежда, почти увѣренность, что государь навсегда прекратитъ стремленіе либеральничавшихъ круговъ къ подражанію чуждымъ русскому народу западнымъ формамъ правленія, направить твердою рукою государственный корабль на исконный историческій путь государственнаго строительства въ единеніи русскихъ царей съ выборными отъ земли, недостижимомъ для европейскихъ «конституцій».

«Вообще весна 1882 года была весною свѣтлыхъ надеждъ, все болѣе принимавшихъ опредѣленную форму земскаго собора, при чемъ молва доходила до мелочныхъ подробностей, утверждая, напримеръ, что выборные явятся на земскій соборъ въ старинныхъ боярскихъ кафтанахъ,—очевидно, смѣшивая соборъ съ коронаціонною дворянскою кавалькадою, которая поглощала весь государственный умъ и воображеніе графа Воронцова».

Таково описаніе настроенія круговъ, окружавшихъ графа Игнатьева и его единомышленниковъ, сдѣланное авторомъ того же склада политическихъ убѣжденій, а потому перенесшимъ то, что относилось къ однимъ кругамъ, на настроеніе всего русскаго общества,—настроенія, представленнаго нами съ голосовъ другихъ современниковъ въ нѣсколько иномъ освѣщеніи. Если принять эту поправку

къ словамъ автора и сдѣлать къ нимъ нѣкоторыя коррективы (напримѣръ, Толстой тогда не подавалъ еще записки), то то, что онъ приписываетъ только молвѣ, было на самомъ дѣлѣ фактами. Дѣйствительно, графъ Игнатьевъ готовилъ проектъ созыва земскаго собора и московскому ученому публицисту Д. Голохвастову было поручено какъ самое изготовленіе этого проекта, такъ и исторической къ нему необходимой справки, какъ равно и составленіе вчернѣ манифеста, въ коемъ созывъ земскаго собора былъ бы объявленъ.

Когда въ 1886 году авторъ настоящихъ очерковъ былъ вмѣстѣ съ профессоромъ Орестомъ Федоровичемъ Миллеромъ въ Москвѣ на похоронахъ И. С. Аксакова, то они вмѣстѣ посѣтили находившагося тогда въ опалѣ Д. Голохвастова, и онъ читалъ имъ нѣкоторыя отрывки изъ своихъ работъ по предмету задуманнаго Игнатьевымъ, по вдохновительству редактора «Руси», земскаго собора. Въ числѣ этихъ отрывковъ имѣлась и та справка, которая нынѣ опубликована въ журналѣ и которая именно была составлена въ видѣ исторической канвы, на коей въ 1882 году министръ внутреннихъ дѣлъ рисовалъ свой узоръ созыва представителей людей отъ земли для совѣщанія и единенія съ царемъ. Вотъ эта справка ¹⁾, которую мы здѣсь помѣщаемъ, какъ любопытный историческій документъ.

Справка о земскихъ соборахъ, составленная въ 1881 году.

Кто участвовалъ въ соборахъ:

Патріархъ, митрополиты, архіереи—лично; остальное духовенство—черезъ выборныхъ; члены государевой думы—поголовно; остальные члены—черезъ выборныхъ.

Тяглые люди—черезъ выборныхъ.

Число посылаемыхъ (пословъ—отсюда: посольскій приказъ) не опредѣлялось точно. Каждый чинъ выбирался по полученіи царской грамоты на имя воеводы. Грамота прочитывалась въ церкви передъ собраннымъ народомъ.

Были города и поселки, которые не посылали никого; были присылки большаго, противъ назначеннаго, числа членовъ. Этому не придавалось значенія. Иногда вовсе не назначалось числа выборныхъ, а говорилось: *«прислать, сколько пригоже»*.

Качества, требуемая отъ выборныхъ, опредѣлялись такъ: «добрые и разумные люди, съ которыми можно бы говорить», или «добрые и смиленные, которымъ государевы и земскія дѣла за обычай». Они должны умѣть: «разсказать обиды, насильство и разореніе, и чѣмъ Московскому государству полниться и разныхъ людей жаловать, и умѣли бы устроить Московское государство, чтобы пришли въ достоинство».

О состоявшихся выборахъ составлялся особый списокъ, который подписывался всѣми избирателями и посылался въ посольскій приказъ, куда

¹⁾ Журналъ «Море» 1906 г., №№ 23 и 24, ст. «Дополненія о несостоявшемся земскомъ соборѣ».

отправлялся и самъ избранный. Избранный долженъ былъ брать съ собою запасы, но на чей счетъ—неизвѣстно.

Число выборныхъ на соборѣ различно; самый многолюдный соборъ 1649 года: дворянъ 143 отъ 73 уѣздовъ, посадскихъ 83 отъ 77 посадовъ, московскихъ торговыхъ людей 15. Но и на этотъ соборъ Кострома и Серпуховъ не прислали дворянъ, Нижній-Новгородъ и Рязань не прислали посадскихъ; Псковъ, Владимиръ и Нижній прислали по одному дворянину, когда имѣли право прислать по 2. Многіе города прислали больше, чѣмъ требовалось.

Срокъ созыва: Определенныхъ нѣтъ; зависятъ отъ усмотрѣнія государя; чаще въ минуты кризисовъ, когда обыкновенныя средства управленія недостаточны; въ царствованіе Іоанна Грознаго 2 собора, Шуйскаго—1, Михаила Ѳедоровича—9, Алексѣя Михайловича—4, Ѳедора Алексѣевича—2.

Определеніе поводовъ, предметовъ совѣщанія тоже зависитъ отъ государя.

Порядокъ засѣданія. Соборъ открывается рѣчью государя, сказанной или читанной въ его присутствіи назначеннымъ для того лицомъ всему собору (исключеніе только 1649 и 1682 годы, когда рѣчь была выслушана чинами порознь, только высшими чинами въ присутствіи государя).

Всѣ сословія могли вмѣстѣ отвѣчать на рѣчь государя; но вырабатывался отвѣтъ по сословіямъ, и затѣмъ уже чины уговаривались между собою объ общемъ отвѣтѣ. Когда вопросъ касался одного сословія, отвѣтъ имъ однимъ и давался.

Иногда соборы дѣлятся на два засѣданія. Такъ, въ 1649 г. засѣданія продолжались почти 4 мѣсяца и происходили въ двухъ разныхъ палатахъ: въ одной—государь, духовныя власти, бояре, окольничьи и думные люди; въ другой отвѣтной палатѣ сидѣли всѣ выборные, какъ дворяне, такъ и посадскіе. Но эти выборные не составляли одного цѣлага: челобитныя, которыя они писали, составлялись особо отъ дворянъ и особо отъ посадскихъ.

Для вопросовъ, касавшихся исключительно одного сословія, оно одно и созывалось: такъ отвѣтъ Джону Мерину, англійскому послу, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, данъ по совѣщаніи съ торговыми людьми.

Для рѣшенія вопросовъ уравнинія службъ и податей тяглыхъ людей созывались одни посадскіе; для лучшаго устройства военной службы—представители служилыхъ дворянъ, стольниковъ и проч.

Мѣстничество. Таковъ соборъ былъ 1682 года. Онъ тоже состоялся въ видѣ двухъ палатъ, изъ которыхъ одна собралась 24-го ноября изъ выборныхъ отъ служилыхъ людей; совѣщаніями выборныхъ руководили бояре, которые объявили выборнымъ и поводъ ихъ созыва; другую палату составляли духовенство и бояре, окольничьи и думные люди; засѣданіе ихъ открылось 12-го января, въ присутствіи государя, тогда, когда выборные уже пришли къ рѣшенію предложеннаго имъ вопроса.

Кромѣ этихъ соборовъ, дающихъ намъ указаніе на соборные порядки, сохранились свѣдѣнія и о такихъ, гдѣ не отвѣчали по сословнымъ группамъ, а каждый порознь—въ видѣ прямого предписанія власти; таковы соборы 1566, 1642 и 1653 годовъ, гдѣ обсуждались сложные вопросы внѣшней политики: Ливонская война, Азовъ и подданство Хмѣльницкаго.

Рѣшенія (приговоры) соборовъ. Несомнѣнно, были; объ этомъ свидѣтельствуютъ грамоты:

1615 года: «по нашему указу и всея земли приговору» велѣно со всѣхъ городовъ собирать деньги;

1616 года: «а съ вась.... Строгановыхъ, власти и вьсехъ городосъ выборныи люди приговорили взять сорокъ тысячъ рублевъ»;

1634 года: «и въ прошломъ году, по государеву указу и съ соборнаго уложения сбирано на жалованье разныхъ людей»;

1637 года: «и мы, великій государь, приговорили на соборъ: и стояти со всеми ратными людьми». Если отвѣтъ—челобитье на царскую рѣчь принималось государемъ, то слѣдовать соборный приговоръ, соборное уложение, или приговоръ государя на соборѣ.

Подробности производства дѣлъ всего полнѣе сохранились о соборѣ 1682 года—о лучшемъ устройствѣ военной службы. Выборные, по обсужденіи дѣла, бьютъ челомъ, чтобы служба была безъ мѣстъ. Государь передалъ челобитье духовнымъ властямъ и членамъ своей думы. По принятіи его тѣми и другими, послѣдовала отмѣна мѣстничества—съ общаго совѣта.

Для исполненія приговора писались царскія грамоты со ссылкой на соборное опредѣленіе. Любопытны грамоты 1619 года, указывающія на широкую дѣятельность соборовъ, направленную къ устройству земли.

Срокъ избирательныхъ полномочій. Неопредѣленъ, но во всякомъ случаѣ болѣе длинный, чѣмъ одинъ годъ, или одинъ соборъ; есть основаніе предполагать, что тѣ же выборные сохраняли свои полномочія болѣе, чѣмъ на одинъ соборъ, и не менѣе двухъ лѣтъ (царствованіе Михаила Ѳеодоровича).

Значеніе соборовъ. Они никогда, ни въ чемъ не ограничивали самодержавную власть. Созывъ и роспускъ ихъ, исполненіе или отказъ ихъ челобитныхъ вполнѣ зависѣли отъ государя; но извѣстныя историческія свидѣтельства мѣшаютъ признать ихъ чисто совѣщательными, даже нравственно не обязательными учрежденіями.

Царь Иванъ повѣствуетъ въ своей рѣчи собору о вѣсѣхъ неправдахъ бояръ во время его молодости, пустоты и безпомощства, и обѣщаетъ отнынѣ быть судьею и обороною своему народу.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обращается къ собору съ просьбою дать денегъ и затѣмъ собираетъ опредѣленное соборомъ вспоможеніе, ссылаясь на соборный приговоръ.

Важнѣйшій законодательный актъ царствованія Алексѣя Михайловича облеченъ въ форму соборнаго уложения. Къ нему выборные приложили руки.

Также совершена и отмѣна мѣстничества общимъ совѣтомъ вѣсѣхъ.

Московскіе государи признавали за собою право дѣйствовать и безъ соборовъ, но въ нихъ они находили *источникъ нравственной силы*.

Всего чаще собирались соборы въ критическія минуты; они никогда не затрудняли, но весьма часто облегчали дѣйствія власти; выборные люди XVII столѣтія стояли въ уровень со своимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени; безъ всякой розни они собирались у престола и не жалѣли жизни и имущества для спасенія отечества. Патріотическая дѣятельность соборовъ заставляетъ Россію вспомнить о нихъ съ благодарностью.

И въ обыкновенное время царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обращался къ соборамъ и получалъ отъ нихъ полезный совѣтъ.

Составленіе уложения, опредѣленнаго и яснаго закона, было весьма важно для огражденія слабыхъ людей и интересовъ казны отъ произвола сильныхъ. Мысль о его составленіи возникла у выборныхъ людей, и вотъ уложение составлено; въ него цѣликомъ вошли многія челобитныя, а самое уложение скрѣплено рукоприкладствомъ собора.

Значеніе и серьезное отношеніе къ дѣлу соборовъ достаточно доказывается соборомъ 1642 года по вопросу о сохраненіи Азова, который

обыкновенно приводятъ противъ соборовъ: большинство мѣнѣй, отбивавшихся порознь, весьма разумно и патріотично: изъ 181 голоса 138 высказались за войну; остальные отказались подать голосъ, ссылаясь на то, что это дѣло имъ не въ обычай; еще большее большинство по отдѣльнымъ вопросамъ.

Отчего соборы стали собираться рѣдко, а потомъ совсѣмъ отстали.

Выборные люди не обнаруживали ни малѣйшаго стремленія выйти изъ границъ, указанныхъ государемъ; жалобы приносили въ самой почтительной формѣ; наконецъ, они никогда не были враждебны реформамъ, направленнымъ ко благу государства; соборы стояли на сторонѣ закона и безопасности государства.

Кто повліялъ на то, что Алексѣй Михайловичъ 23 года не созывалъ соборовъ? Кому дѣятельность ихъ была неприятна?—Духовнымъ властямъ, боярамъ, окольниковымъ и приказнымъ. Выборные люди указываютъ на незаконіе, жалуются на московскую волокиту, на незаконное пріобрѣтеніе имѣній монастырями въ противность предписанному ими соборному опредѣленію 1580 года. Для борьбы съ боярами созванъ первый земскій соборъ; на злоупотребленія бояръ они и продолжали указывать при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но борьба велась не одинаковымъ оружіемъ, не при одинаковыхъ условіяхъ. Бояре были ближе къ царю и успѣли, наконецъ, удалить отъ лица его представителей земли.

IV.

Пока графъ Игнатъевъ, въ сообществѣ Воейкова, Голохвастова и др. и при поддержкѣ «Руси» Аксакова и «Новаго Времени» А. С. Суворина, готовился выступить съ проектомъ созыва земскаго собора, противъ него въ Петербургѣ составила оппозиція во главѣ съ оберъ-прокуроромъ синода К. П. Побѣдоносцевымъ и министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Островскимъ, которые усмотрѣли въ замыслѣ министра внутреннихъ дѣлъ нѣчто достаточно легкомысленное, непродуманное и такое, что могло грозить Россіи серьезными государственными и политическими осложненіями. Въ дѣлѣ этой энергичной и рѣзко поведенной оппозиціи, быть можетъ, сыграли нѣкоторую роль соображенія борьбы за вліяніе, такъ какъ графъ Игнатъевъ повелъ свое дѣло, минуя названныхъ двухъ сановниковъ и въ особенности К. П. Побѣдоносцева. Но, по видимому, рѣшено было нанести проекту ударъ не непосредственно, а черезъ содѣйствіе того публициста, къ которому часто тѣ или иные представители административной власти обращались въ случаѣхъ, когда нужно было наверху провести опредѣленную идею охранительнаго порядка и произвести извѣстное впечатлѣніе въ интересахъ или государственнаго status quo, или регрессивнаго движенія. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ М. Н. Каткова, къ которому экстренно 10-го мая и былъ командированъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Е. М. Феоктистовъ съ цѣлью уговорить редактора «Московскихъ Вѣдомостей» взять на себя починъ борьбы съ графомъ Игнатъевымъ и тѣмъ «открыть глаза государю на опасность и разоблачить пагубныя послѣдствія затѣи Игнатъева».

Катковъ не заставилъ себя долго упрашивать и тѣмъ болѣе, что юдофобская политика министра внутреннихъ дѣлъ ему, стороннику тишины и порядка, начинала сильно претить, и онъ совершенно расхотѣлся съ нимъ во взглядѣ на еврейскій вопросъ, стоявшій тогда очень остро въ виду протекавшихъ въ тѣ дни на югѣ извѣстныхъ еврейскихъ погромовъ, явившихся въ русской жизни новою стра-

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

ницею, послѣднія строки которой не дописаны и доннынѣ. Помимо своихъ идейныхъ взглядовъ по сему предмету, знаменитый публицистъ Страстного бульвара былъ связанъ съ нѣкоторыми видными представителями еврейской плутократіи личными узами, гдѣ соображенія финансоваго свойства играли не послѣднюю роль. «Временныя правила» объ евреяхъ, введенныя графомъ Игнатъевымъ, не пользовались сочувствіемъ Каткова, какъ и вообще вся нѣсколько

«истор. вѣстн.», июль 1911 г., т. сxxv.

13

шаткая, съ элементами нѣкотораго политическаго романтизма на ней программа реформъ министра внутреннихъ дѣлъ.

И вотъ въ № 130 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 12-го мая является передовая статья Каткова, написанная съ обычнымъ мастерствомъ, гдѣ разбросаны опасные для графа Игнатьева намеки и гдѣ вопросъ о земскомъ соборѣ былъ поставленъ рѣзко и опасно для его инициатора. Катковъ писалъ¹⁾:

«Наши воздушныя партіи, либералы и консерваторы, консерваторы и либералы, хлопочутъ о «правовомъ порядкѣ», какъ они выражаются на своемъ жаргонѣ, и желаютъ надѣлать насъ, русскихъ подданныхъ, политическими правами. Не напрасна ли ихъ забота? Мы, русскіе подданные, уже обладаемъ тѣмъ, что они обѣщаютъ даровать намъ; у насъ есть даже нѣчто большее. Они хотятъ даровать намъ политическія права, но у насъ есть политическія обязанности, а это больше. Въ обязанностяхъ уже заключаются права, обязанности неотлучно сопровождаются правами. Что намъ въ обязанность поставлено, на то намъ, конечно, и право дано. Но если за обязанностью само собою слѣдуетъ право, то не всегда обязанность поспѣваетъ за правомъ, когда оно выдвигается впередъ. Право, не прикрытое обязанностью, уносится налегкѣ далеко впередъ, оставляя позади себя багажъ обязанностей. Напрасно намъ сулить конституцію; мы уже имѣемъ ее въ нашей государственной присягѣ, которая обязываетъ всякаго русскаго подданнаго радѣть о пользахъ государя и государства. Мы обязаны свято заботиться объ этихъ пользахъ и въ предѣлахъ возможности предотвращать всякій вредъ, который можетъ угрожать имъ. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ въ силу нашего «правового порядка» будетъ измѣнникомъ и преступникомъ. А если каждый изъ насъ обязанъ служить такимъ образомъ престолу и отечеству, то каждый, конечно, имѣетъ и право исполнять эту обязанность.

«Если караульный заснулъ, мы въ правѣ разбудить его; если онъ самъ воруетъ то, что обязанъ стеречь, мы въ правѣ закричать и позвать кого слѣдуетъ. Мы въ правѣ это сдѣлать потому, что обязаны.

«Мы обязаны чтить власть. Власть отъ Бога, учить насъ церковь. Мы обязаны чтить власть не только за страхъ, но и за совѣсть. Насъ, православныхъ людей, обязываетъ къ тому не только гражданская, но и религиозная совѣсть. Но чѣмъ священнѣе для насъ это начало, тѣмъ должно быть намъ чувствительнѣе всякое небреженіе о немъ, и еще болѣе измѣна ему со стороны лицъ, призванныхъ охранять его, блюсти его честь и пользу, исполнять его службу. У насъ есть общественное слово, есть печать, которой дозволено касаться предметовъ государственнаго интереса. Странно было бы, если бъ эта сфера оставалась внѣ дѣйствія той конституціи, которую мы, русскіе подданные, имѣемъ въ нашей государственной присягѣ. Люди, имѣющіе право общественнаго слова, обязаны не менѣе другихъ радѣть о пользѣ государя и государства и предупреждать всякій ущербъ и вредъ имъ; только эта обязанность и даетъ смыслъ дарованному печати праву касаться политическихъ предметовъ. Не считать же, въ самомъ дѣлѣ, печать «священнымъ убѣжищемъ» для политическихъ негодяевъ!

«Но служить въ печати государству—дѣло нелегкое. Какъ разъ столкнешься съ интересами, которые пользуются привилегіями власти, но не всегда правдиво и честно къ ней относятся, не всегда служить ей долж-

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 1882 г., № 130.

нымъ образомъ, не всегда бываютъ способны понимать и исполнять ея требованія, и перѣдко вредятъ ея дѣлу вмѣсто того, чтобы служить ему. Если общественное слово видитъ это, то оно обязано сказать; оно измѣнить своему долгу, оно поступить нечестно, оно поступить подло, если не скажетъ.

«Мы говоримъ вообще, ни на кого, ни на что не указывая, мы хотимъ пояснить принципъ, о которомъ зашла рѣчь. Только при помощи яснаго понятія можно правильно судить о томъ или другомъ случаѣ, вызывающемъ нашу оцѣнку. Мы хотимъ только пояснить, что гражданское и патриотическое чувство, полная преданность государю и государству, полная готовность сослужить правительству въ его службѣ—могутъ сталкиваться съ дѣйствіями и направленіями лицъ, которыя приходятъ и уходятъ, смѣняясь на чредѣ власти, и могутъ своими ошибками, своею неспособностью и недобросовѣстностью оставлять за собою пагубныя послѣдствія.

«Развѣ мы могли бы дожить до ужасной катастрофы прошлаго года, развѣ могли бы мы очутиться въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи, если бы не цѣлый рядъ правительственныхъ ошибокъ, которыхъ нельзя не видѣть теперь, когда онѣ совершились, но которыхъ послѣдствія можно было предвидѣть. Общественное слово въ свое время и предсказывало ихъ, раскрывая ошибки и обличая обманы. Оно по возможности исполняло свой долгъ, но ему нелегко обходилось это. Говоря и дѣйствуя въ интересахъ правительства, мы тутъ-то именно и сталкивались съ лицами, которыя по долгу безпристрастія старались соблюдать нейтралитетъ между правдой и ложью и по добротѣ сердца не только служили государю и государству, но и тщились снискать любовь въ непріятельскомъ лагерѣ. Шагъ за шагомъ русская политика переходила на тотъ путь, куда влекла ее таинственная крамола. Вмѣсто того, чтобы подавить ее въ началѣ, устранивъ причины, которыя дали ей ходъ и ей способствуютъ, принятая система дѣйствій, напротивъ, создавала условія, все болѣе и болѣе благоприятныя для ея развитія, и подъ предлогомъ умиротворенія враговъ сдавала имъ лучшія позиціи и усиливала ихъ ожесточеніе. Изъ ничтожныхъ элементовъ выросъ призракъ могущества, не имѣющій никакой реальности и обязанный своимъ развитіемъ только сближенію съ властями или сближенію съ нимъ властей. Могъ ли этотъ призракъ не приобрести обаятельную силу, когда его замыслы переходили въ правительственную программу?

«Скажемъ въ видѣ предположенія, предположенія нелѣпаго, не пригоднаго въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ своею несообразностью оно рѣзче выставитъ вопросъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Вообразимъ себѣ, что въ настоящую минуту, при теперешнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, кто-либо изъ вліятельныхъ лицъ возымѣлъ бы мысль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, созвать то, что эфемистически называется «земскимъ соборомъ»; яко бы для поддержанія власти въ ея борьбѣ съ крамолой,—не была ли бы такая мысль, даже негласно въ сферахъ власти сказанная, торжествомъ крамолы? Что могло бы сдѣлать сборище людей, деморализованныхъ и смущенныхъ, собранныхъ вокругъ правительства, которое будто бы само держаться не можетъ, какъ лживо увѣряютъ его противники, и малодушно повторяютъ за ними ихъ потворщики и пособники? Какую помощь могъ бы оказать этотъ сбродъ людей правительству, пока оно не станетъ твердо на свои здоровыя ноги, не разсѣетъ призракъ крамолы и не освободится отъ фальшиваго мнѣнія о своемъ безсиліи?

«Когда извѣстнаго преступника Нечаева, по произнесеніи надъ нимъ приговора выводили жандармы изъ залы судебного засѣданія, онъ кри-

чаль неистово: «земскій соборъ, земскій соборъ!» Того же требоваль и Желябовъ. Спрашивается, кто въ своемъ смыслѣ оказался бы вѣрнѣе своему дѣлу, Нечаевы и Желябовы, или тѣ фантастическіе, предполагаемые нами блюстители государственныхъ интересовъ, которые тоже крикнули бы: «земскій соборъ!»

«Если наше правительство кому-либо кажется слабымъ, неспособнымъ дѣйствовать, нуждающимся въ сборѣ людей, которые сами не знали бы, зачѣмъ они призваны, то не слѣдуетъ ли искать причины этой слабости не въ дѣйствительныхъ условіяхъ правительственной власти, которыя остаются невредимы и цѣлы, а развѣ въ неспособности ея случайныхъ органовъ?»

Эта ловко написанная статья попадала прямо въ цѣль, терроризируя верховное правительство призракомъ крамолы, какъ бы вступающей въ идейно-родственную связь съ начинаніями по земскому собору. Аксаковъ, графъ Игнатъевъ, Нечаевъ, Желябовъ—всѣ сбивались въ одну кучу и объединялись однимъ началомъ посягательства на права самодержца. Катковъ зналъ, какъ воздѣйствовать на государственные верхи, и въ періодъ, когда впечатлѣніе отъ драмы 1-го марта еще не изгладилось, въ качествѣ тяжелаго орудія противъ земско-соборовцевъ выдвинулъ на сцену тѣни Нечаева и Желябова и намекнулъ на неспособность вліятельныхъ органовъ власти оставаться на высотѣ своего положенія.

Переполюхъ отъ передовицы «Московскихъ Вѣдомостей» пропозелъ немалый. Бывшій въ тѣ дни у Аксакова издатель «Новаго Времени» А. С. Суворинъ поспѣшилъ телеграфировать въ редакцію своей газеты ¹⁾: «Статьѣ Каткова необходимо отвѣчать сегодня. Два года твердить о необходимости твердой власти, не указывая мѣръ. Развѣ славянофилы, стоящіе за соборъ, преступники? Развѣ прикосновеніе нечистыхъ рукъ къ хорошей идеѣ уничтожаетъ идею? Развѣ послѣ Пугачева нельзя было освобождать крестьянъ? Нигилисты часто брались за хорошую, умѣренную идею, чтобы дискредитировать ее въ глазахъ власти. Желябовъ о соборѣ не говорилъ вопреки утвержденіямъ Каткова. Суворинъ».

Повидимому, для помѣщенія въ газетѣ была спроектирована статья, основныя положенія которой сводились къ слѣдующему: «Люди, озабоченные благомъ отечества, съ негодующимъ нетерпѣніемъ ждали разрѣшенія широкой свободы слова тѣмъ, къ сожалѣнію, немногимъ органамъ печати, которые знаютъ, что такое русское самодержавіе и земскій соборъ: пусть они выяснятъ отечеству такіе, напримѣръ, факты: какъ царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ соборъ судить Псковъ за неповиновеніе самодержцу всея Руси, или какъ царь Михаилъ Ѳедоровичъ не согласился царствовать, «нежели соборъ, избравшій его, останется при немъ, помощь ему

¹⁾ «Морс» 1906 г., № 21 и 22.

власть самодержавную укрѣпить и землю умиротворить и въ достоинство привести»; или какъ царь Иванъ Васильевичъ, какъ бы ища защиты въ соборѣ, повѣствуетъ въ своей рѣчи выборнымъ о всѣхъ «неправдахъ бояръ во время его молодости, пустоты и беспомощества», и въ мнѣніи земли находитъ нравственную силу для борьбы съ боярскими кознями. Вотъ что были земскіе соборы самодержавію; вотъ какъ истинный земскій соборъ похожъ на Нечаевскій или Катковскій. Пусть же Катковъ съ Кочетовымъ да и другіе узнаютъ это и постыдятся мутить, прикидываясь вѣрными слугами государевыми, ополчившимися противъ его измѣнниковъ».

Ни телеграмма А. С. Суворина, ни проектированная имъ статья не были пропущены въ печать и попали въ перлюстраціонное отдѣленіе при графѣ Игнатьевѣ, которымъ въ тѣ дни завѣдывалъ недавно столь трагически погибшій при взрывѣ дачи П. А. Столыпина на Каменномъ островѣ князь Шаховской, занимавшій при министрѣ Сипягинѣ постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

V

По поводу статьи Каткова Д. И. Воейковъ, находившійся въ то время въ Москвѣ въ отпуску, писалъ въ Петербургъ: «Объясненіе всѣмъ неумѣстнымъ выходкамъ Каткова въ печати слѣдуетъ, по мнѣнію знающихъ людей, искать въ слѣдующемъ: онъ всегда былъ способенъ на безтактность; но прежде около него находились люди, которые едва ли не силою его удерживали,—таковы были Леонтьевъ и Воскобойниковъ; теперь этихъ людей нѣтъ, и всѣ его дикія фантазіи находятъ мѣсто на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ Петербургѣ съ опасеніемъ ожидали выхода очередного номера «Руси» и боялись, что пламенный московскій публицистъ И. С. Аксаковъ разразится громовою репликою по адресу Каткова и его вдохновителей, слишкомъ подчеркнетъ настоятельность созыва собора и тѣмъ какъ бы покажетъ, что идея собора не есть самостоятельно принятое верховною властью рѣшеніе, а нѣчто подсказанное и навязанное ей извнѣ, чѣмъ до нѣкоторой степени будетъ подорвана агитація въ пользу собора. По этому предмету одно расположенное къ Аксакову лицо писало ему:.. «Въ высшихъ сферахъ волновались, боясь, что вы 15-го отвѣтите Каткову на его статью о слухѣ касательно собора. Теперь же рѣшили ни за земскій соборъ, ни противъ не допускать ничего въ печати, подавно же ничего вашего, т. е. крупнаго. Прикосновеніемъ дурачки-злодѣйской лапы Каткова вопросъ мгновенно задушенъ, но милостивъ Богъ—авось не совсѣмъ! Сразу взяла верхъ партія Побѣдоносцева, Островскаго и К^о, людей, не знающихъ и знать не хотящихъ, что такое соборъ, смѣшивающихъ, подобно Нечаеву, земскій соборъ съ конституціею, болтающихъ фразы, что правительство должно какимъ-то чудомъ окрѣпнуть,—

словомъ, партія, пугающая государя и готовящая ему и самодержавію гибель, а Россіи несказанныя бѣды. Изъ всѣхъ этихъ злодѣевъ Катковъ самый проклятый, ибо онъ не только парализуетъ доброе, но дискредитируетъ, цыганить, шельмуетъ власть хуи е всѣхъ нигилистовъ, когда бы слѣдовало поддержать, ободрить эту честную власть, подавленную невыносимою тягостью времени. Островскій оказывается тугонекъ, подловать, притворяется всезнающимъ и—охъ, какъ мало знаетъ по части земскихъ соборовъ, къ которымъ относится отрицательно».

Несмотря на запрещеніе что-либо писать за и противъ земскихъ соборовъ, Аксаковъ тѣмъ не менѣе въ № 21 «Руси», не въ видѣ отвѣта Каткову, а по поводу текущихъ вопросовъ политики все же сдѣлалъ попытку реабилитировать соборы, отдѣлать ихъ отъ политическихъ идеаловъ Нечаева, съ одной стороны, и западниковъ-конституціоналистовъ—съ другой. И онъ, и его единомышленники все же надѣялись, что дѣло обойдется, по поговоркѣ, что хотя «и страшень сонъ, да милостивъ Богъ». Уже то, что его статья о земскихъ соборахъ появилась въ печати, и безъ всякихъ вредныхъ для него послѣдствій, показываетъ, что у славянофиловъ не всѣ надежды пропали и они не считали всего поля битвы совершенно потеряннымъ. Авторъ статьи «Несостоявшійся земскій соборъ», суммируя теченія, образовавшіяся съ того момента около вопроса о созывѣ земскаго собора, говоритъ: «Нѣкоторые опасались навѣтовъ Червина, навязаннаго въ товарищи Игнатьеву, который отъ такого товарища съ трудомъ избавился; но другіе полагали, что вліяніе Червина, политическая дѣятельность котораго, какъ и его «Священной дружины», ограничивалась, по слухамъ, безпросыпнымъ пьянствомъ, — не можетъ быть ни серьезно, ни опасно».

«Пессимисты утверждали, будто государь на какой-то запискѣ (кажется, Н. В. Муравьева) въ защиту собора, который вырветъ почву изъ-подъ крамолы, сдѣлалъ собственноручную помѣтку: «жалкая иллюзія». Но этому никто не хотѣлъ вѣрить: слишкомъ велика была увѣренность въ прямомъ характерѣ императора Александра III, въ искренности его довѣрія въ графу Игнатьеву и къ неуклонной вѣрности разъ принятому рѣшенію.

«Понятное упорство въ свѣтлой надеждѣ создавало въ обществѣ такое настроеніе, что даже самое запрещеніе возражать Каткову объяснялось рѣшеніемъ государя, что инициатива созванія собора должна принадлежать всецѣло царю, дабы никто не могъ толковать, будто это какая-либо уступка требованіямъ печати; что государь поѣдетъ въ Москву и тамъ, въ священномъ Кремлѣ, съ Краснаго крыльца, лично объявитъ народу о своемъ рѣшеніи созваніемъ великаго земскаго собора возстановить древній обычай своихъ предковъ; до тѣхъ же поръ графъ Игнатьевъ самъ будто бы умолялъ государя воспретить газетамъ что-либо печатать».

тать о соборахъ, дабы положить конецъ попыткамъ извратить смыслъ соборовъ газетною полемикою, которая можетъ только сбить съ толку и загрязнить святое дѣло.

«Сообщались даже подробности, касавшіяся предстоящаго собора, неизвѣстно откуда добытыя, за достовѣрность которыхъ трудно ручаться. Судя по этимъ толкамъ, выборные должны были быть посланы на соборъ уѣздами въ разномъ количествѣ, смотря по численности населенія. Крестьянъ-соборянъ отъ уѣздовъ до 1800, дворянъ-землевладѣльцевъ около 900, губернскіе предводители дворянства, городскіе головы отъ губернскихъ и другихъ крупныхъ городовъ, высшіе сановники церкви и правительства, которыхъ государю угодно будетъ призвать,—всего болѣе 3000 соборянъ. Земскій соборъ долженъ былъ открыть самъ государь въ зданіи храма Спасителя, освященіе котораго предполагалось отсрочить до разъѣзда собора. Тамъ же долженъ былъ и засѣдать земскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго государемъ. Для удобства занятій столь многочисленнаго собранія предполагалось распредѣленіе членовъ по столамъ такъ, чтобы депутатовъ польскихъ, остзейскихъ и финляндскихъ посадить съ русскими ближайшихъ мѣстностей, съ такимъ расчетомъ, чтобы голосъ инородцевъ, не заглушая русскихъ интересовъ, не могъ бы, однако, совершенно затеряться. Сводка всѣхъ мнѣній предполагалась за главнымъ столомъ, за которымъ должны были засѣдать предсѣдатели всѣхъ малыхъ столовъ, министры, нѣсколько іерарховъ, членовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ. О возможности какого-либо конфликта между земскимъ соборомъ и властью никто серьезно не думалъ, полагая, вполне основательно, что при обнаруженной правительствомъ кипучей и плодотворной дѣятельности на пользу народную всякая попытка со стороны выборныхъ вызвать конфликтъ была бы истолкована населеніемъ, какъ покушеніе затормозить благотворныя для народнаго хозяйства начинанія власти, какъ строптивость, враждебная царю и народу,—а потому не могла бы имѣть никакого успѣха».

Таковы были проекты, планы и надежды славянофильской и славянофильствующей группы, имѣвшіе подъ собою нѣкоторую реальную фактическую подкладку въ видѣ работы Голохвостова и его переговоровъ съ Аксаковымъ и Игнатьевымъ. Статья Каткова была для всѣхъ причастныхъ къ этимъ планамъ первымъ и серьезнымъ предостереженіемъ, но никакъ еще не рѣшительнымъ словомъ. Опасность не рисовалась еще близкою, такъ что былъ даже заготовленъ черновикъ—проектъ манифеста о созваніи земскаго собора, нынѣ опубликованный все тѣмъ же журналомъ «Море» ¹⁾. Вотъ онъ:

---

¹⁾ «Море» 1906 г., № 23 и 24.

«Божьею милостью, Мы, Александръ III, и проч. объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

«Моля Бога, да укажетъ Намъ стези правды, и помянувъ дни древніе, и научась примѣрами великихъ Предковъ нашихъ, первоначальныхъ царей, всея Руси Самодержцевъ, заблагоразсудили Мы:

«Предстоящее торжество священнаго вѣнчанія и миропомазанія Нашего на Царство совершить предъ соборомъ высшихъ іерарховъ церкви православной, высшихъ членовъ правительства, высшихъ избранниковъ дворянства и городовъ и нарочито выборныхъ отъ земли.

«Посему повелѣваемъ:

«Ко дню... будущаго 1883 года собраться къ священному вѣнчанію и Миропомазанію Нашему въ Нашемъ первопрестольномъ городѣ Москвѣ:

«По именному призыву Нашему: св. правительствующему синоду и епископамъ православной церкви российской;

«Государственному, правительствующему сенату, министрамъ и главноуправляющимъ Нашимъ;

«Губернскимъ предводителямъ дворянства, городскимъ головамъ обоихъ столичныхъ, всѣхъ губернскихъ городовъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ, по усмотрѣнію Нашему.

И нарочито въ сей соборъ выборнымъ:

1) отъ купцовъ каждаго губернскаго города, купно съ уѣздными городами той губерніи, по одному купцу, избранному общимъ губернскимъ купеческимъ съѣздомъ,

2) отъ обѣихъ столицъ по трое горожанъ, избранныхъ столичными городскими думами;

3) всѣхъ уѣздовъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи и Новороссіи отъ личныхъ землевладѣльцевъ: по два землевладѣльца, избранныхъ общимъ, безъ различія крупно и мелко-помѣстныхъ, уѣздно-землевладѣльческимъ съѣздомъ; отъ крестьянъ, смотря по обширности и населенности уѣзда, не менѣе двоихъ и до семерыхъ крестьянъ домохозяевъ, избранныхъ отъ соответствующаго числа округовъ окружно-крестьянскими съѣздами;

4) отъ земли же казачьихъ войскъ: Донскаго, Уральскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго, Кубанскаго и Терскаго, отъ губерній и областей Сибирскихъ, Туркестанскихъ, Кавказскихъ, Польскихъ и Прибалтійскихъ и отъ Великаго Княжества Финляндскаго: по особымъ указаніямъ, которыя Нами даны будутъ:

«И какъ въ старину земскіе соборы созывались Государями не только къ священному вѣнчанію Царскому, но иногда и для возвышенія воли Государевой Самимъ Государемъ всей землѣ, въ лицѣ ея лучшихъ людей, или для выслушанія Государемъ прямо отъ выборныхъ о мѣстныхъ нуждахъ и вообще для совѣщанія Государева съ самой Землей, такъ и отнынѣ да будетъ.

«Не сомнѣваемся, что, какъ въ старину, во времена и мирной дѣятельности, и бранной тягости, и смутной шатости, Земля, избирая на соборы, никогда ни въ одномъ выборномъ сама не ошиблась и царя не обманула, — такъ и нынѣ не ошибется и не обманетъ, и пошлетъ такихъ же, какъ въ тогдашнихъ грамотахъ писано: людей добрыхъ, разумныхъ, крѣпкихъ, съ которыми Государю можно говорить и промышленяты о всѣхъ людяхъ ко всему добру.

«Да обновится же, съ благословенія Господня, великое единеніе земли и Царя: единеніе въ любви уже не томко властной и покорной, но и совѣтной.

«Да возсозидется нашъ древне-русскій соборъ, неприкосновенно въ исконныхъ основахъ своихъ: совѣтъ Земскій, рѣшеніе Царское, по правдѣ Божеской.

«Данъ въ Петергофѣ... въ лѣто отъ Рождества Христова... Царствования же Нашего во второе».

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

И въ то время, какъ сторонники земско-соборной реформы продолжали уповать на желательное будущее, скептикамъ рисовались всё ихъ начинанія въ этомъ направленіи въ нѣсколько комической окраскѣ, и они говорили¹⁾: «Славянофилы издавна привыкли видѣть въ соборѣ какую-то панацею отъ всѣхъ золъ. Имъ онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ финала «Жизни за царя», гдѣ спереди нѣ-

¹⁾ К. Головинъ. «Мои воспоминанія», т. II.

сколько солнстовъ въ національныхъ костюмахъ поютъ «Слався», за ними хоръ обывателей ихъ дружно поддерживаетъ; а совсѣмъ на заднемъ планѣ безъ умолку гудятъ и переливаются московскіе колокола. Это нѣсколько оперное представленіе о «соборѣ» особенной примѣнностью, конечно, не отличается, такъ какъ перенести въ современность учрежденіе средневѣковое не значитъ перенести туда и средневѣковый духъ. Соборъ легко можетъ превратиться въ учредительное собраніе, если только правительство не займетъ по отношенію къ нему твердаго, опредѣленнаго положенія. Примѣръ у всѣхъ на памяти—національное собраніе, открывшееся въ Версалѣ 5-го мая 1789 года. Впрочемъ, къ чему вспоминать Версаль, когда самая Москва съ XVII вѣка видѣла достаточное число кровавыхъ бунтовъ?»

Если одни предавались только скепсису и юмористическимъ бесѣдамъ, то другіе задумывались о положеніи дѣлъ болѣе серьезно и уже начинали поговаривать о необходимости обратиться къ дѣятелямъ съ твердой и неуклонной волей, которые сумѣли бы внести въ наше государственное дѣло начало серьезности и практичности и дали бы отпоръ легкомыслію и фантазіямъ. Въ номерѣ «Гражданина» отъ 18-го мая кн. В. П. Мещерскій, отражая въ одной изъ своихъ статей настроенія свѣтскихъ гостиныхъ, впервые указываетъ на бывшаго и тогда опальнаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, какъ на такого рода государственнаго дѣятеля, которому новый государь могъ бы довѣрить дѣло успокоенія страны. Имя было названо, и изъ дали Рязанской губерніи, гдѣ графъ жилъ на покой, на экранѣ петербургской жизни обрисовался неожиданно для всѣхъ образъ человѣка, котораго такъ еще недавно всѣ проводили съ ликованьемъ по случаю его отставки и которому теперь черезъ нѣсколько дней всего суждено было приковать къ себѣ взоры всей Россіи и въ дальнѣйшемъ сыграть въ ея судьбѣ очень крупную роль. Такимъ образомъ, графъ Толстой своей карьерой министра внутреннихъ дѣлъ обязанъ князю Мещерскому и, какъ автору настоящей статьи самъ издатель «Гражданина» говорилъ, именно онъ послѣ того, какъ графъ Игнатьевъ вынужденъ былъ подать въ отставку, указавъ, гуляя въ Лѣтнемъ саду съ К. П. Побѣдоносцевымъ, послѣднему на бывшаго министра народнаго просвѣщенія, какъ на желательнаго преемника графу Игнатьеву, который по свойствамъ своего ума и характера, по всей своей предшествующей дѣятельности именно способенъ и въ состояніи будетъ успокоить общество, подтянуть его и дать курсу нашей внутренней политики соотвѣтствующее направленіе. К. П. Побѣдоносцевъ согласился съ княземъ Мещерскимъ и подсказалъ государю императору новое назначеніе замѣсто М. Н. Островскаго, кандидатура котораго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣла также своихъ сторонниковъ. Вопросъ о назначеніи новаго министра сталъ на очередь рѣшенія лишь въ послѣдніе дни мая, а до того

всѣ освѣдомленные люди съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ кончится специальное засѣданіе, на которомъ долженъ былъ быть обсужденъ проектъ созыва земскаго собора.

VII.

Какъ описываетъ авторъ статьи «Несостоявшійся земскій соборъ», это засѣданіе 27 мая протекло при слѣдующихъ условіяхъ и въ слѣдующемъ порядкѣ:

27-го мая 1882 года по вызову императора въ 11^{1/2} часовъ утра собрались министры: К. П. Побѣдоносцевъ, И. Д. Деляновъ, М. Н. Островскій, предѣдатель комитета министровъ Рейтернъ и Н. П. Игнатьевъ. Оказалось, что это формальное совѣщаніе о соборномъ проектѣ нѣсколькихъ министровъ, созданныхъ, какъ утверждали, безъ вѣдома Н. П., самимъ государемъ, не посовѣтовавшимся даже съ графомъ о составѣ совѣщанія. Это было первое формальное совѣщаніе о земскомъ соборѣ». «Благодаря участію большого количества лицъ, столкновенію мнѣній и вызваннымъ этимъ столкновеніемъ послѣдующимъ бесѣдамъ, ходъ этого совѣщанія удалось возстановить, хотя по передачѣ изъ третьихъ и болѣе рукъ, а слѣдовательно съ большою вѣроятностью значительныхъ неточностей, гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ предшествовавшіе ему отрывочные толки о соборѣ»,—оговаривается въ своемъ разсказѣ автора.

Государь открылъ совѣщаніе прямымъ заявленіемъ, что нѣсколько времени тому назадъ министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ ему созвать въ Москвѣ, во время коронаціи, соборъ, возобновляя древній обычай, и представилъ даже проектъ манифеста съ объяснительнымъ рескриптомъ. Государь не рѣшился принять это предложеніе, опасаясь возникновенія новыхъ осложненій для правительства, и высказалъ это сомнѣніе графу Игнатьеву. Первоначально Александръ III хотѣлъ было устроить совѣщаніе изъ нѣкоторыхъ министровъ, нынѣ призванныхъ; но графъ Игнатьевъ, предвидя отрицательное рѣшеніе, отговаривалъ отъ совѣщанія, а потому государь думалъ такъ и поступить. Но въ послѣднее время мысль о соборѣ проскользнула въ газеты, которыя разгласили о существованіи такого предположенія въ правительственныхъ сферахъ, а, съ другой стороны,—до государя дошли свѣдѣнія, что агитация въ пользу собора идетъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Затѣмъ онъ всталъ, взялъ изъ своего стола представленныя ему проекты и предъявилъ ихъ присутствующимъ для ознакомленія.

Н. П. попросилъ позволенія у государя, во-первыхъ, объяснить совѣщанію обстоятельства дѣла и его возникновенія, и, во-вторыхъ, прочесть самые документы, замѣтивъ, однако: «Остаюсь при высказанномъ уже Его Величеству мнѣніи о бесполезности какого бы то

ни было совѣщанія въ виду объявленной воли государя не созывать собора.» Затѣмъ объяснили вкратцѣ, почему явилась мысль— возвращеніе въ древнимъ соборнымъ преданіямъ нашимъ пріурочить къ предстоящей коронаціи.

Государь предложилъ Игнатъеву прочесть проектъ манифеста.

Когда чтеніе было окончено, первымъ заговорилъ Рейтернъ. Предсѣдатель комитета министровъ, отвергая безусловно проектъ, былъ, однако, самымъ осторожнымъ его порицателемъ. Онъ высказалъ, между прочимъ, мысль, что значеніе предлагаемой мѣры гораздо обширнѣе и послѣдствія могутъ быть гораздо опаснѣе, чѣмъ простого коронаціоннаго собора, о которомъ, какъ онъ думалъ ранѣе, идетъ рѣчь. Если о церемоніальномъ соборѣ еще можно было бы разсуждать, то обѣщаніе возобновленія законовѣдательныхъ соборовъ заведетъ насъ гораздо далѣе, чѣмъ мы можемъ себѣ представить. Поэтому онъ безусловно отвергаетъ мысль о созывѣ собора.

Графъ Игнатъевъ, хотя, видимо, считалъ дѣло собора уже проиграннымъ, возражалъ, обращаясь къ Рейтерну, резюмируя свои разновременныя поданныя государю записки. Содержаніе его рѣчи сводилось приблизительно къ слѣдующему:

«Россія стоитъ на распутьи: дальнѣйшее движеніе ея государственной жизни должно опредѣлиться однимъ изъ слѣдующихъ трехъ путей:

«Первый путь: можно, держась въ общемъ прежняго способа дѣйствій, усилить, по возможности, внутреннюю дисциплину самой администраціи и установивъ программу правительства, твердо и неуклонно ее осуществлять. Примѣры недавняго прошлаго достаточно указываютъ, къ чему приводитъ правительство система, основанная на одномъ полицейскомъ воздѣйствіи на общество. Болѣе сильное проявленіе административныхъ мѣръ, большее стѣсненіе печати и развитіе полицейскихъ пріемовъ заставитъ только недовольство уйти глубже. Всѣ, даже самые консервативные по существу, слои общества оттолкнутся отъ правительства, и неловкость исполнителей ежедневно станеть увеличивать число враговъ правительства. Въ дѣлѣ борьбы съ крамолою, нѣтъ сомнѣнія; подобный способъ дѣйствій можетъ привести къ самымъ опаснымъ послѣдствіямъ. При безысходности положенія, при затруднительности безконечно нагромождать строгія мѣры одна на другую и при невозможности достигнуть правильнаго исполненія подобныхъ мѣръ, при крайнемъ неурядивѣ органовъ власти—такой способъ дѣйствія неминуемо поведетъ къ крупной перемѣнѣ, къ необходимости, въ видѣ уступки общественнымъ требованіямъ, измѣнить образъ дѣйствій.

«Второй возможный путь: придется понемногу передавать мѣстнымъ учрежденіямъ вѣдѣніе отдѣльныхъ вопросовъ; затѣмъ, въ

виду финансовых затрудненій и ослабляющаго значенія правительства, отнюдь нельзя ручаться, чтобы не настало время, когда, для выхода изъ увеличивающихся затрудненій, явится необходимость, въ той или въ другой формѣ, пригласить къ участию общество и въ немъ искать опоры. Провозглашеніе какой-либо широкой программы тоже никого успокоить не можетъ, ибо самый способъ бюрократическаго осуществленія заявленныхъ мѣръ уже доказалъ свою несостоятельность и внушаетъ всеобщее недовѣріе. Путь же уступокъ, какимъ бы образомъ онѣ ни были обставлены, коль скоро онѣ вынуждаются общественными требованіями или финансовыми затрудненіями, будетъ всегда роковымъ. Въ какой бы формѣ уступки ни были сдѣланы, нѣтъ сомнѣнія, что каждый новый шагъ, ослабляя правительство, будетъ самою силою вещей вынуждать новыя уступки. Путь этотъ уже извѣданъ, и легко опредѣлить его послѣдствія; независимо отъ того, будетъ ли удовлетвореніе желаній общества начато сверху или снизу,—это неминуемо поведетъ къ тому же нежелательному концу. Можно вполнѣ вѣрить, что лица, предлагающія широкое развитіе мѣстныхъ выборныхъ учреждений, такъ же, какъ и тѣ, которые полагали оживить и успокоить страну, начавъ съ редакціонныхъ комиссій или усиленія наличныхъ силъ государственнаго совѣта выборными членами, одинаково воодушевлены патріотическими намѣреніями, но, принявъ въ соображеніе существующія условія русской жизни, нельзя не видѣть вѣроятныхъ исходовъ. При слабо развитомъ чувствѣ долга, при неумѣннн отстаивать свои права и склонности жертвовать ими въ угоду модныхъ стремленій или ходячихъ мнѣній, которыя особенно возбуждаются воздѣйствіемъ печати съ преобладающими въ ней социалистически-либеральными воззрѣніями, мы неминуемо въ участіи выборныхъ изъ интеллигенціи получили бы, подъ названіемъ мнѣнія страны, любимыя измышленія нѣкоторыхъ редакцій газетъ. Эта опасность будетъ тѣмъ большая, чѣмъ значительнѣе будетъ участіе интеллигенціи въ государственныхъ дѣлахъ; очевидно, однако, что именно въ мѣстномъ самоуправленіи, какъ и въ комиссіяхъ и въ государственномъ совѣтѣ, всего труднѣе будетъ уберечься ея участія. Русская интеллигенція вмѣщаетъ въ себѣ болѣе всего опасныхъ, неустойчивыхъ элементовъ, а потому представляется несомнѣннымъ, что ея участіе въ дѣлахъ всего скорѣе поведетъ къ ограниченію самодержавія, что для Россіи, несомнѣнно, станетъ источникомъ вѣчной смуты и безпорядковъ.

«Можно допустить, что первые шаги правительства по пути уступокъ будутъ сопровождаться кажущимся успокоеніемъ, быть можетъ, продолжительнымъ перерывомъ въ рядѣ преступныхъ посягательствъ крамолы. Сравнительно большая свобода печати, сходокъ и пропаганды дать такія серьезныя выгоды крамолѣ, что ей будетъ болѣе удобно незамѣтно продолжать свою работу, воздер-

живаясь отъ всякихъ внѣшнихъ проявленій своей дѣятельности, которыя могли бы лишить ее столькихъ условій успѣха. Но не нужно забывать, что съ каждымъ шагомъ по пути ограниченія самодержавія вырастаетъ другая сила, болѣе грозная, чѣмъ наша крамола со всѣми ея преступными посягательствами. Самодержавіе вошло въ плоть и кровь русскаго человѣка; народъ не хочетъ присягнувенной господчины, какъ онъ называетъ ограниченіе царской власти. Едва только проникнетъ въ сознаніе народное, что поползновенія интеллигенціи въ этомъ отношеніи, хотя отчасти, достигли цѣли, какъ возстаніе народа за своего царя станетъ не удержимымъ. По мѣрѣ того, какъ въ сознаніи интеллигенціи будутъ укрѣпляться западно-европейскіе идеалы и къ ней будетъ переходить сила, положеніе власти на Руси будетъ все болѣе зыбкимъ и непрочнымъ. Россія станетъ тогда постояннымъ поприщемъ смѣны властей, изъ которыхъ ни одна не могла бы установиться прочно, такъ какъ съ каждымъ днемъ становилось бы труднѣе примирить противоположныя стремленія правящихъ классовъ, усвоившихъ себѣ западно-европейскія понятія, съ массою народа, оставшагося вѣрнымъ историческому самодержавію

«Такимъ образомъ, изберетъ ли власть тотъ путь, по которому она шла до сихъ поръ, или же обратится къ обществу для того, чтобы подѣлиться съ нимъ непосильнымъ для нея бременемъ,— въ обоихъ случаяхъ Россію ожидаетъ почти одинаковый неутѣшительный исходъ. Конечно, никто не можетъ предсказать времени его съ какою-нибудь точностью. Случайныя обстоятельства, отъ человѣческой воли не зависящія, могутъ повліять на ходъ государственной жизни на нѣкоторое время, и на нѣкоторое время отсрочить неминуемый исходъ; но онъ неизбѣжно настанетъ, если правительство во время не вернется на единственный спасительный путь, завѣщанный намъ исторіею.

«Наконецъ, третій путь: онъ состоитъ въ возвратѣ къ исторической формѣ общенія самодержавія съ землею—къ земскимъ соборамъ.

«Признавая, что самодержавіе есть единственная свойственная Россіи форма правленія, нельзя, однако, закрывать глаза на несовершенство того его вида, который довель насъ до настоящаго положенія. При неограниченномъ управленіи чиновниковъ неразрѣшмы почти всѣ задачи, которыя намъ предстоитъ разрѣшить. Прежде всего, нельзя знать правды, и въ этомъ отношеніи самодержецъ такъ же стѣсненъ, какъ и его министры. Дѣйствительная сила переходитъ въ руки низшихъ агентовъ, которые злоупотребляютъ ею въ ущербъ престолу и народу. Мощное самодержавіе найдетъ новый источникъ благоденствія страны только въ извѣстномъ опредѣленіи: власть царю, совѣтъ землѣ.

«Нынѣ, послѣ двухсотъ лѣтъ, истекшихъ со времени закрытія послѣдняго земскаго собора, пора вернуться къ тому способу обще-

нія царя съ землею, на которомъ создалося величіе Россіи и который столь быстро залечилъ язвы смутнаго времени.

«Не уступая ничего изъ своей власти, самодержецъ, созывая соборъ, найдетъ вѣрное средство узнать истинныя нужды страны и дѣйствія своихъ собственныхъ слугъ. Утверждая или издавая законы, онъ съ болѣе спокойною совѣстью рѣшится на всякую мѣру, когда постановить свое рѣшеніе послѣ выслушанія тѣхъ, кому придется жить подъ этими законами.

«Земскій соборъ помирить всѣ противорѣчія, давъ неоспоримыя указанія на мнѣнія и желанія страны, и тѣмъ откроетъ путь къ плодотворной законодательной дѣятельности. Власть, опирающаяся на мнѣніе страны, не будетъ знать того ложнаго стыда, тѣхъ ненужныхъ опасеній, которыя нерѣдко сковываютъ нынѣ лучшія начинанія.

«Одно объявленіе о созывѣ собора въ будущемъ придастъ такую бодрость государственному и общественному организму, что немедленно явятся дѣятельными борцами за порядокъ тѣ люди, которые нынѣ растрачиваютъ свои силы на безплодное осужденіе и пересуды.

«Ожиданіе собора, необходимость достойно предстать передъ нимъ, будутъ способны оживить даже департаменты и канцеляріи. Готовясь къ приему царскихъ гостей, подготоятъ все, что требуетъ разрѣшенія, постараются устранить все, что можетъ подать справедливый поводъ къ жалобамъ передъ лицомъ самого государя.

«Когда, съ Божьею помощію, откроется соборъ, долженъ настать конецъ смутѣ. Когда царь и земля войдутъ въ непосредственное общеніе, отпадутъ всѣ недоразумѣнія и опасенія. Царь услышитъ мольбу о порядкѣ и твердой власти. Земскіе люди, даже до низшихъ слоевъ населенія, отъ самого царя узнаютъ, что нечего ожидать дароваго обогащенія и что увеличеніе средствъ жизни каждаго зависитъ исключительно отъ собственныхъ усилій и труда.

«Наконецъ, надо дѣйствительно привести всю страну въ единомысліе, успокоить и поднять духъ народа, нынѣ смущаемаго множествомъ смѣняющихся другъ друга слуховъ, толковъ и газетныхъ извѣстій, тѣмъ или другимъ путемъ доходящихъ до народа и повергающихъ его въ недоумѣніе. По возвращеніи съ собора земскіе люди повѣдаютъ правду о волѣ государевой и разсѣютъ туманъ невѣдѣнія и неопредѣленности, смущающій нынѣ Россію.

«Но, конечно, далеко не безразлично, по какому именно поводу власть впервые возвратится къ обычному въ старину созыву земскаго собора. Если признано будетъ возможнымъ просто вспомнить добрый и искони плодотворный обычай царей русскихъ—вѣнчаться на царство на соборѣ всей земли, и если представить на обсужденіе земскаго собора лишь дѣло настоящее, близко знакомое самой здоровой части населенія, то его значеніе будетъ самое благотворное для укрѣпленія порядка и спокойствія.

«Совершенно иное значеніе могло бы быть придано созыву перваго, необычайнаго собора по какому-либо другому поводу, нежели коронація,—съ цѣлью исключительно дѣловою, преобразовательною: отъ такого собора, вызваннаго какъ бы заботами и соображеніями особаго свойства, можно скорѣе ожидать неудобныхъ проявленій и послѣдствій, нежели отъ коронаціоннаго собора и послѣдующихъ созывовъ, истекающихъ естественнымъ образомъ, по волѣ царской, изъ-за возобновленія государемъ древняго обычая предковъ.

«Нынѣ время особенно благопріятное для созыва земли. Приглашеніе на соборъ является дѣломъ личнаго произволенія государя, не вызваннаго какими-либо внѣшними побужденіями, и потому никѣмъ не можетъ быть объяснено, какъ уступка. Безпочвенная интеллигенція желаетъ совершенно иного: она стремится осчастливить страну конституціонными учрежденіями, съ ихъ неизмѣнными признаками: большинствомъ и меньшинствомъ, широкою гласностью, публичностью засѣданій, партіями,—словомъ, всѣми особенностями, которыя ей лично дали бы въ руки власть и вліяніе. Созывъ собора, по старинному, явно покажетъ населенію высокое къ нему довѣріе монарха и твердую рѣшимость государя итти по русскому царственному пути.

«Въ этомъ глубокой исторической смыслъ собора, его высокое патріотическое значеніе».

VIII.

На рѣчь графа Игнатьева отвѣчалъ обстоятельно, съ цитатами изъ Чичерина и Соловьева Михаилъ Николаевичъ Островскій. Онъ началъ свою рѣчь заявленіемъ, что ему прискорбно находится въ прямомъ противорѣчій съ графомъ Игнатьевымъ, съ которымъ онъ обыкновенно сходилъ въ мнѣніяхъ и котораго желалъ бы всегда поддерживать; но въ настоящемъ случаѣ онъ не можетъ ни одобрить самаго проекта, который представляется ему пагубнымъ и крайне вреднымъ, ни вообще согласиться съ возрѣніями на характеръ и значеніе русскихъ соборовъ, въ особенности на примѣнимость этого начала къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ и нынѣшнему строю Россіи. Выводами изъ подобранныхъ цифръ и фактовъ Островскій доказывалъ, что соборы были лишь приемомъ для отвода царями глазъ Россіи посредствомъ произвольнаго участія въ соборѣ людей московскихъ и ближайшихъ мѣстностей; что значеніе ихъ всероссійское было раздуть славянофилами; что, если бы осуществился проектъ графа Игнатьева, то это было бы нѣчто новое, чрезвычайно сложное, опасное и неизвѣстное по своимъ послѣдствіямъ, но никакъ не то, чѣмъ были соборы, призывавшіеся въ помощь древними царями при особенныхъ обстоятельствахъ, не имѣющихъ ничего

общаго съ нынѣшними. «Въ концѣ Островскій принялъ весьма возбужденный видъ и, прибѣгая къ ораторскимъ приемамъ, выразилъ очень рѣзко и язвительно свое порицаніе какому-либо соборному созыву мѣстныхъ людей, утверждая, что самодержавіе стоитъ такъ твердо на Руси, авторитетъ правительства такъ безспоренъ, что оно вовсе не нуждается въ какой-либо внѣшней опорѣ и призывѣ общества. Искать правительству какой-то помощи и наставленія у общества—значить вызвать дальнѣйшія притязанія своихъ противниковъ видомъ своего мнимаго безсилія. Стоитъ составить правительству твердую программу, а государю—приказать своимъ министрамъ итти по ней неуклонно,—и призраки, вызванные бесплодною агитаціею, исчезнутъ».

Графъ Игнатъевъ обратился къ государю съ заявленіемъ, что могъ бы опровергнуть многое изъ фактовъ и выводовъ Островскаго, но что все, сказанное противниками, нисколько его не убѣждаетъ; онъ остается при извѣстномъ Его Величеству мнѣніи и вообще не видитъ пользы, ни цѣли совѣщанія, ни обсуждения. Онъ потому и просилъ государя не дѣлать совѣщанія, что предвидѣлъ ходъ и результаты его. «Но въ самомъ созывѣ совѣщанія, въ прискорбныхъ для графа Игнатъева словахъ Его Величества и во всемъ, здѣсь происшедшемъ, графъ видѣлъ явное доказательство недовѣрія къ себѣ. А государю, съ перваго дня поступленія Игнатъева на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстно, и графъ Игнатъевъ имѣлъ не разъ случай докладывать объ этомъ Его Величеству,—что онъ можетъ оставаться на столь отвѣтственномъ и тягостномъ посту лишь при полномъ и неограниченномъ довѣріи. Слѣдовательно, ему теперь оставаться министромъ будетъ невозможно».

Государь, какъ утверждали, въ раздраженномъ тонѣ перебилъ Игнатъева и сказалъ, что довѣріе его было полное и неограниченное, но надо положить конецъ газетной и общественной агитаціи въ пользу созыва собора, идущей отъ лицъ, близкихъ къ Игнатъеву: что достаточно составить опредѣленную и ясную для всѣхъ министровъ программу и итти по ней неуклонно; что, кто изъ министровъ не согласенъ съ нею, тотъ долженъ, очевидно, оставить свой постъ. Государь упрекнулъ Н. П. въ томъ, что, несмотря на неоднократные его разговоры съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о такой программѣ, она до сихъ поръ ему не была представлена, и что въ послѣдній разъ Н. П. отвѣтилъ государю, что лучшею правительственною программой былъ бы созывъ земскаго собора. Государь закончилъ выраженіемъ своей воли, чтобы министры стоворились относительно программы и затѣмъ, чтобы впредь, прежде внесенія какого-либо вопроса въ государственный совѣтъ или комитетъ министровъ кѣмъ-либо изъ нихъ, оный подвергался бы предварительному обсужденію между министрами, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ, въ совѣтѣ, мнѣнія ихъ не дробились, и чтобы въ самыхъ важныхъ случаяхъ

вопросы обсуждались въ совѣщаніи министровъ въ присутствіи государя.

«Такимъ образомъ, — говоритъ авторъ статьи «Несостоявшійся земскій соборъ», — государь какъ бы самъ повелѣлъ укрѣпить вокругъ себя бюрократическую стѣну такъ, чтобы черезъ нее не было бы ни выхода, ни просвѣта. Всѣ присутствующіе выразили свое полное сочувствіе повелѣнію государя, а графъ Игнатъевъ добавилъ, что считаетъ долгомъ возстановить въ памяти Его Величества неоднократныя представленія свои о необходимости согласованной программы; государь нѣсколько разъ изволилъ одобрять представляемыя Игнатъевымъ записки, и на одной изъ нихъ даже изволилъ собственноручно начертать: «это ли не программа?» Объ этой помяткѣ государя много говорили въ обществѣ, видя въ ней отвѣтъ на инсинуаціи, будто «у Игнатъева нѣтъ программы». Такъ же Его Величеству, еще какъ наслѣднику престола, задолго до назначенія графа Игнатъева министромъ внутреннихъ дѣлъ, извѣстно было, что онъ лелѣетъ мысль о соборѣ; но что съ апрѣля мѣсяца Игнатъевъ хотѣлъ, съ одобренія государя, оградить это дѣло отъ всякаго посторонняго взгляда до появленія на свѣтъ Божій изъ царскихъ рукъ. Слѣдовательно, недобросовѣстно поступаютъ тѣ лица, которыя преждевременно, въ самой неприличной и враждебной формѣ, пустили эту вѣсть въ публику черезъ «Московскія Вѣдомости», сваливая передъ Его Величествомъ съ больной головы на здоровую, чтобы скрыть истину. «Пусть же вся отвѣтственность падетъ на тѣхъ, кто, по личнымъ соображеніямъ, проводитъ всю эту интригу». Самъ же графъ Игнатъевъ тутъ же просилъ у государя объ увольненіи отъ должности».

Деляновъ, въ лично благосклонныхъ къ Н. П. выраженіяхъ, высказалъ всякія опасенія.

К. П. Побѣдоносцевъ видѣлъ въ начинаніи Н. П. преимущественно отрицательную сторону. Онъ искренно выразилъ свою радость и благодарность государю за то, что онъ не поддался предложенію Игнатъева и не принялъ проекта самаго опаснаго свойства. Послѣ сказаннаго Островскимъ о соборахъ онъ не считаетъ нужнымъ распространяться. Такой проектъ не удивилъ бы его, если бы былъ составленъ такимъ увлекающимся человѣкомъ, какъ Аксаковъ; но онъ не понимаетъ, какъ такой практической государственной человѣкъ, какъ Н. П., могъ поддаться на такія возрѣнія и ходатайствовать передъ государемъ объ ихъ осуществленіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, обратившись непосредственно къ Н. П., онъ упрекнулъ его въ томъ, что представилъ такой проектъ государю, не посоветовавшись съ нимъ и другими министрами.

Графъ Игнатъевъ отвѣчалъ, что онъ не замышлялъ государственнаго переворота безъ вѣдома государя, по стовору, тайкомъ отъ него, съ правительственными лицами, но, напротивъ, желалъ скрыть

отъ всѣхъ свое личное участіе въ этомъ дѣлѣ, предоставляя одному государю всю инициативу, всю честь и славу почина.

«Не его вина, что это не удалось. Впрочемъ, при несогласіи государя, дѣло рѣшено, и пренія излишни» — таково было его послѣднее слово.

По окончаніи засѣданія графъ Игнатъевъ былъ еще удержанъ государемъ для текущаго очереднаго доклада, а отставка его была принята лишь 29-го мая послѣ того, какъ надлежащія сношенія съ графомъ Толстымъ были сдѣланы и получено его согласіе на принятіе портфеля министра внутреннихъ дѣлъ. По словамъ Г. Б., «разсказывали, будто государь 29-го мая собственноручною запискою увѣдомилъ графа Игнатъева, что вслѣдствіе «легкомысленно» имъ возбужденнаго вопроса о соборѣ довѣріе къ нему умалется и что государь убѣдился въ невозможности для него оставаться при такихъ обстоятельствахъ на столь трудномъ и отвѣтственномъ посту».

Нельзя не отмѣтить, что государь во все время засѣданія 27-го мая относился къ своему министру внутреннихъ дѣлъ нѣсколько иронически, поглядывалъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, а графъ Игнатъевъ, въ свою очередь, казался очень растерявшимся и въ своихъ отвѣтахъ оппонентамъ часто сбивался и не умѣлъ давать на поставленные вопросы удовлетворительныхъ разъясненій, обнаруживая этимъ, что и для него въ техникѣ созыва собора и въ самомъ теченіи его занятій не все ясно.

Послѣ того, какъ отставка графа Игнатъева была принята, онъ, по слухамъ, написалъ государю письмо, гдѣ говорилъ ¹⁾: «Дай Богъ, чтобы не скоро пришлось раскаяться въ своемъ легкомысліи тѣмъ, которые пренебрегли единственною историческою минутою, когда самодержавіе, не поступаясь своими правами, во всемъ блескѣ и славѣ своего народнаго развитія, могло выйти добровольно на историческій путь, утвердивъ свое обаяніе на широкомъ, незыблемомъ основаніи». Прощаясь съ графомъ Игнатъевымъ, государь отнесся къ нему очень милостиво, нѣсколько разъ его поцѣловалъ и называлъ «неугомоннымъ патріотомъ». «Государю, — говоритъ г. Г. Б., — самому было жаль разрушеннаго великаго замысла, и онъ лишь съ горечью уступилъ дружному натиску министровъ».

Такъ совершилось паденіе графа Н. П. Игнатъева и крушеніе идеи созыва земскаго собора. Въ теченіе года времени сошли со сцены два министра внутреннихъ дѣлъ, и съ уходомъ обоихъ обществу пришлось распроститься съ иллюзіями. «Конституція» графа Лориса-Меликова, «земскій соборъ» графа Игнатъева стали историческими страницами жизни изъ области неосуществившагося

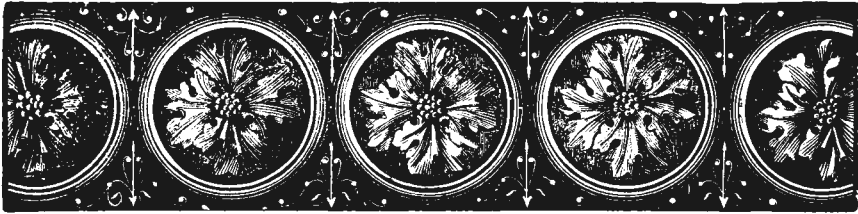
¹⁾ «Море» 1906 г., № 21 и 22.

былого. Наступилъ новый періодъ времени—періодъ сильной власти, гдѣ вершителями судебъ Россіи стали графъ Д. А. Толстой, К. П. Побѣдоносцевъ и М. Н. Катковъ, въ роли истолкователя дѣйствій послѣднихъ двухъ, въ роли ихъ совѣтника и единомышленника, имѣющаго возможность печатнымъ словомъ воздѣйствовать на широкіе круги русской интеллигенціи. Привѣтствуя наступленіе этого періода, публицистъ Страстного бульвара радостно воскликнулъ, обращаясь къ обществу и своимъ читателямъ: «Встаньте, правительство идетъ!»

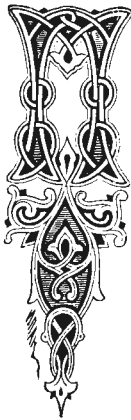
Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЩОКИНСКІЙ ДОМИКЪ.

ОСЛѢДНЕЕ время въ Москвѣ показывался такъ называемый «нащокинскій домикъ». Московскія газеты говорили, что это копія того дома, гдѣ въ концѣ 20-хъ, началѣ 30-хъ годовъ ХІХ столѣтія жилъ Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, принималъ своихъ пріятелей, между которыми былъ и Пушкинъ, и гдѣ одной изъ комнатъ прямо присвоено имя Пушкинской. Публика этому вѣрять и повѣрять, а между тѣмъ это легенда, не знаю, ни кѣмъ, ни когда созданная, ни на чемъ основанная.

О домикѣ Павла Воиновича Нащокина я слышала съ ранняго дѣтства отъ жены его Вѣры Александровны и бабушки родной племянницы Павла Воиновича по матери ¹⁾. Домикъ Нащокина не копія дома, или, вѣрнѣе, квартиры Павла Воиновича,—своего собственнаго дома у Павла Воиновича въ Москвѣ никогда не было,—а просто прихоть, капризъ избалованнаго барина, у котораго во дни удачи ²⁾ не хватало въ домѣ только птичьяго молока. Явился домикъ исподволь: заказывалась одна вещь, потомъ другая; когда ихъ накопилось довольно, былъ заказанъ самый домикъ, постоянно пополнявшійся, что можно прослѣдить по письмамъ Пушкина. Домикъ былъ изъ краснаго полированнаго дерева, и по четыремъ угламъ его были колонны изъ краснаго же дерева съ рѣзьбой; внутри въ немъ были только двѣ комнаты: одна внизу, гдѣ стоялъ накрытый обѣденный

¹⁾ Анастасія Воиновна Нащокина, въ замужествѣ Окулова.

²⁾ Какъ извѣстно, П. В. былъ страстный игрокъ, и бывали дни, когда не только были проиграны деньги, но увозились экипажи, лошади, обстановка.

столь, бильярдъ, а на полу лежали кегли (теперь я ихъ не видала), сѣдло и многія другія вещи; наверху вторая, жилая комната. Крыши не было, полы были паркетные, на окнахъ были рамы съ мѣдными приборами. Куколъ никакихъ не было. Бабушка помнить этотъ домикъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка въ квартирѣ своего дяди, когда онъ жилъ у Старога Пимена, въ домѣ Гоголь; домикъ стоялъ у него въ залѣ ¹⁾).

Вотъ что я слышала съ дѣтства, но, по рассказамъ видѣвшихъ домикъ раньше моего, по открытымъ письмамъ я знала, что увижу не то, и все же, когда я вошла въ залъ, гдѣ онъ стоялъ, я была поражена. Въмѣсто игрушки, служившей украшеніемъ комнаты большого барина, передо мной стоялъ грубый, плотничьей работы домикъ, окрашенный въ сѣрую краску, подъ желѣзной, окрашенной въ пашку крышей; не было и намека не только на мѣдные шпингалеты, но и на самыя рамы. Передъ входной дверью двѣ неуклюжія ступеньки, которыхъ никогда не было. Внутри каждый этажъ раздѣленъ на четыре части, грубыми, плохо пригнанными перегородками, замаскировать топорность которыхъ не могутъ матеріи, замѣняющія въ нѣкоторыхъ комнатахъ обои; о паркетѣ нѣтъ и помину, его замѣняетъ крашеный, облупившійся кой-гдѣ полъ, потолки тоже убогіе. Переходя къ обстановкѣ, рѣзко бросается въ глаза несоотвѣтствіе столоваго бѣлья съ изяществомъ сервировки. Въмѣсто скатерти лежитъ подрубленный кусокъ рѣднушки, которую легко найти въ любой, торгующей полотномъ лавкѣ; вмѣсто салфетокъ такіе же отрѣзки, слишкомъ большіе, даже принимая во вниманіе величину салфетокъ того времени, для миниатюрнаго стола. Про поддѣлку куколъ говорить не стоитъ, до того она очевидна уже по одному тому, что кукла, изображающая цыганку Ольгу, одѣта въ модное платье того времени и съ модной же причѣской, когда не только въ 30-хъ годахъ, но и позже цыганки не ходили иначе, какъ повязанныя платочкомъ.

Кромѣ того, домикъ кончался, уже когда Павелъ Воиновичъ былъ женатъ, а онъ никогда не позволилъ бы себѣ при женѣ изобразить Ольгу, съ которой онъ растался, чтобы жениться на Вѣрѣ Александровнѣ. Даже не слыхавшему о «домикѣ» отъ очевидца должно казаться невѣроятнымъ, чтобы истратившій не одну тысячу на внутреннее убранство, поражающее изяществомъ (напримѣръ, бронзовые канделябры, серебряная сахарница, банкетки въ кабинетѣ, винтовой стулъ передъ фортепiano, беру наудачу, первое, что вспомнилось, такъ какъ все, что сохранилось, прелестно), Павелъ

---

¹⁾ Въ газетахъ было напечатано, что уже въ 1834 г. Нащокинъ проигралъ домикъ. Это явная ошибка. Бабушка родилась въ 1833 г. и не могла бы его помнить въ 1834 г., да и въ письмахъ Пушкина отъ 1836 г. стоитъ: «Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства, не хватаетъ только живыхъ человѣчковъ».

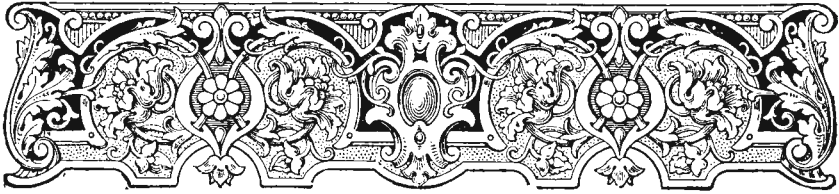
Воиновичъ могъ допустить такое поражающее безобразіе и топорность внѣшняго, перваго бросающагося въ глаза. Еще одна поразившая меня вещь. Домикъ квадратный и съ трехъ видимыхъ сторонъ окна, но съ одной стороны они заклеены синей оберточной бумагой, ясно видной сквозь стекла, внутри же стѣны затянуты матеріей, такъ что зеркало, которое всегда и всюду висѣло въ простѣнкѣ между оконъ, виситъ теперь по глухой темной стѣнѣ. Во времена Павла Воиновича окна были со всѣхъ трехъ, можетъ быть, даже и четырехъ сторонъ, и домикъ былъ виденъ насквозь. Для меня нѣтъ сомнѣній, что если обстановка сохранилась нащокинская (многое утеряно, какъ-то: столовое бѣлье, заказанное чуть ли не въ Голландіи, многое изъ серебра: не сохранилось ни одного ножа, ни одной чайной ложки, нѣтъ щипцовъ для снятія нагара со свѣчей, стоитъ лишь подносики и др. мелочи), то внѣшняя оболочка грубая поддѣлка.

Въ этомъ меня убѣждаетъ еще и то, что въ бабушкиной подмосковной сохранилась игрушка, сдѣланная для нея своими людьми въ 30-хъ годахъ. Эта игрушка, сдѣланная для ребенка, о которой никто не говорилъ и которая была, вѣроятно, обычнымъ явленіемъ того времени, представляетъ двѣ смежныя комнаты приблизительно въ размѣрѣ кубическаго аршина каждая, и въ этихъ комнатахъ и то полъ затянутъ клеенкой подъ паркетъ, потолоки расписаны, каминъ окрашенъ подъ мраморъ, дверь (сохранилась одна створка) дубовая съ мѣдной ручкой. Что же долженъ былъ быть нащокинскій домикъ, о которомъ говорила вся Москва въ свое время, для котораго многіе предметы заказывались за границей и который стоилъ, по преданію, около 10,000 рублей серебромъ.

Впослѣдствіи, когда онъ былъ уже у антикварія Волкова на Волхонкѣ, говорили, что онъ предлагалъ государю купить домикъ за эту сумму, какъ изящную игрушку для его дѣтей, но государь отказался, сказавъ, что онъ не такъ богатъ, чтобы платить за ненужныя дѣтямъ игрушки по 10,000

Александра Шипилова.

О НОВОМЪ ПОРТРЕТѢ А. С. ПУШКИНА РАБОТЫ И. Е. РѢПИНА.

ЗОБРАЖЕНІЯ въ живописи такого лица, какъ Пушкинъ, всегда возбуждаютъ въ обществѣ цѣлую сенсацию. Картинъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является великій поэтъ, немного: Ге—«Пушкинъ въ Михайловскомъ», барона М. П. Клодта—«Гоголь и Пушкинъ», Мясоѣдова—«Пушкинъ въ салонѣ княгини Волконской», Наумова—«Дуэль Пушкина» да извѣстная старая картина Чернецова—вотъ и все значительное.

Тѣмъ интереснѣе появленіе новаго большого произведенія Рѣпина на передвижной выставкѣ 1911 года—«Пушкинъ на берегу Невы».

Говорить о самомъ писемѣ и о техникѣ Рѣпина было бы странно, и мы подходимъ къ нему только съ исторической стороны. Мы не будемъ говорить ни о самой концепціи картины, ни о позѣ поэта, ни о движеніи правой руки, въ которой находится шляпа: такъ задумаль, такъ хотѣлъ написать художникъ. Мы скажемъ только два слова о самой маскѣ и о характерныхъ рукахъ Пушкина.

Изъ портретовъ поэта, по отзывамъ современниковъ, лучший портретъ—Кипренскаго. Онъ въ смыслѣ сходства выше работы Тропинина, гдѣ почти утерянъ африканскій характеръ носа, губъ и глазъ, такъ ярко выступающій въ портретѣ Кипренскаго. Если послѣдній художникъ нѣсколько польстилъ поэту, отдавая должную дань времени, желая нѣсколько польстить оригиналу, то Рѣпинъ, кажется, еще болѣе видоизмѣнилъ черты Пушкина, въ угоду своему желанію.

Первое, что бросается въ глаза въ новомъ портретѣ, это брови поэта, слишкомъ опредѣленные и темныя, какими не обладалъ онъ. Потомъ губы—это не тѣ рѣзкія, толстыя негритянскія губы, которыя такъ характерны у Кипренскаго, особенно благодаря гладко выбритымъ усамъ и подбородку. Недостаточно характеренъ въ новомъ портретѣ и костякъ, т. е. черепныя кости. Бугроватый лобъ поэта какъ-то совсѣмъ сошелъ на нѣтъ, и въ сѣро-голубыхъ глазахъ не чувствуется того, что есть не только у Кипренскаго и Тропинина, но даже у Чернецова. У Рѣпина замѣтно пренебреженіе къ тѣмъ авто-портретамъ Пушкина, которые въ большомъ количествѣ разбросаны по его черновымъ тетрадамъ и неоднократно появлялись въ печати; между тѣмъ съ ними необходимо считаться.

Въ Петербургѣ проживаетъ до сихъ поръ родная внучка А. С. Пушкина, Н. М. Кондырева, еще далеко не старая женщина, въ чертахъ лица которой есть много общаго въ дѣдомъ. Ея лицо надлежало бы изучить художнику прежде, чѣмъ работать надъ портретомъ поэта.

Замѣчаніе критики, что Пушкинъ былъ не рыжеватаго цвѣта—ошибочно: волосы его только при вечернемъ освѣщеніи казались темно-каштановыми, даже черными. На солнцѣ ихъ рыжеватый оттѣнокъ былъ особенно замѣтенъ. Неправъ художникъ, мало обративъ вниманія и на форму кистей рукъ.

Я передаю фактъ, слышанный мною отъ одного свитскаго генерала. Много лѣтъ послѣ смерти поэта на одномъ балу американскій посланникъ просилъ одного гвардейца представить его дочери Пушкина, бывшей тутъ же въ залѣ. Онъ говорилъ, что хорошо знакомъ съ произведеніями великаго поэта, цѣнить его очень высоко и считаетъ для себя особенной честью и счастьемъ познакомиться съ его дочерью. Его желаніе было исполнено. Но, спустя нѣсколько минутъ, онъ, отойдя отъ нея, крайне взволнованно спросилъ:

— Кому вы меня представили? Вы увѣрены, что это дочь Пушкина? Вѣдь это, судя по рукамъ,—метиска.

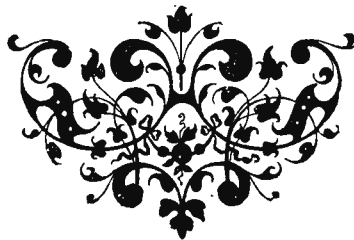
У американцевъ враждебное презрѣніе къ африканскому племени и даже къ помѣси его съ бѣлыми. Это чисто историческая черта потомковъ испанцевъ. Они до того не переносили темнаго тона кожи мавровъ, что запрещали испанкамъ выходить на солнце, чтобы загаръ не наложилъ своего золотого налета на лица. По той же причинѣ испанская аристократія носила исключительно платья интенсивно-чернаго цвѣта, который давалъ еще большій оттѣнокъ блѣдности лицу. Негритянскій складъ пальцевъ и ногтей Пушкина особенно замѣтенъ у Кипренскаго.

Наконецъ, послѣднее. Портретисты рѣдко схватываютъ ростъ оригинала. Ни на одномъ портретѣ Тургенева не чувствуется его ростъ и его вся гигантская фигура. Гончаровъ не кажется тѣмъ

маленькимъ, миниатюрнымъ человѣчкомъ, какимъ былъ. Толстой тоже не даетъ впечатлѣнія небольшого старика,—и только на послѣднемъ портретѣ Рѣпина, гдѣ онъ изображенъ со слезящимися глазами и головой, прислоненной къ большому креслу, чувствуется небольшой масштабъ фигуры.

На послѣднемъ портретѣ Пушкина ростъ его является неопредѣленнымъ и мало походитъ и на чернецовскій портретъ и на описаніе А. О. Смирновой. Быстрый, юркій «сверчокъ», вѣчно прыгающій съ мѣста на мѣсто, быть можетъ, нѣсколько кривоногій, но всехъ воспламеняющій своей горячей рѣчью, отсутствуетъ у Рѣпина. Онъ слишкомъ уравновѣшенъ, слишкомъ флегматиченъ для Пушкина. Такой, какъ этотъ человѣкъ, не станетъ полной кошницей сыпать перлы своихъ знаній и остротъ каждый вечеръ въ дружескомъ кружкѣ, не станетъ тотчасъ зажигаться и сгорать весь до остатка,—какъ сгорѣла его вся недолгая жизнь. Въ Рѣпинскомъ Пушкинѣ нѣтъ одного:—великаго поэта, а просто франтъ тридцатыхъ годовъ, и при томъ дурного тона.

R.

ТОРЖЕСТВА ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

АЯ тридцатаго въ залѣ смоленскаго дворянскаго собранія, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ властей и представителей различныхъ вѣдомствъ, при огромномъ стеченіи публики состоялся торжественный годичный актъ смоленскаго отдѣленія московскаго археологическаго института.

Актъ открытъ соборнымъ служеніемъ епископа Θεодосія. На торжественномъ молебствіи было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынямъ, Наслѣднику и всему царствующему дому, затѣмъ почетному попечителю археологическаго института великому князю Александру Михайловичу, приславшему крайне сердечную телеграмму, доложенную здѣсь же присутствовавшимъ попечителемъ и учредителемъ института, генераломъ В. Г. Глазовымъ.

Наконецъ многолѣтіе было провозглашено княгинямъ Маріи Клавдіевнѣ Тенишевой и Екатеринѣ Константиновнѣ Святополкъ-Четвертинской, которыя принесли многоцѣнный даръ московскому археологическому институту: первая—собранный ею великолѣпный музей «Русская Старина» вмѣстѣ съ роскошнымъ каменнымъ зданіемъ, вторая—участокъ земли, на которомъ построенъ музей за Молохвинскими воротами.

Согласно Высочайшаго соизволенія, музей навсегда долженъ оставаться въ городѣ Смоленскѣ и носить наименованіе: «Смоленскій музей русской старины московскаго археологическаго института, собранный княгиней Тенишевой».

Этот даръ, можно сказать, своего рода «unicum» въ Россіи, достаточно извѣстный за границей, куда не разъ покушались его пріобрѣсти, отнынѣ оставаясь навсегда украшеньемъ древняго Смоленска, онъ даетъ ему теперь полное основаніе выдвинуть свою кандидатуру, какъ научно-просвѣтительнаго провинціального центра, которому въ будущемъ приличествуетъ стать Гетингеномъ Русской земли.

Передъ молебствіемъ епископъ Оеодосій обратился къ присутствовавшимъ съ прочувствованнымъ словомъ, ярко обрисовавъ труды, а рядомъ съ ними и непріятности, которые понесла собирательница музея, княгиня Тенишева.

Послѣ молебствія привѣтственное слово говорилъ генераль В. Г. Глазовъ, указавъ на громадное значеніе, какое имѣетъ для московскаго археологическаго института даръ кн. Тенишевой и кн. Святополкъ-Четвертинской. Совѣтъ института, какъ слабую благодарность, постановилъ выбить золотую медаль съ портретами княгинь въ память этого событія, а также повѣстить ихъ портреты въ институтѣ во всѣхъ его отдѣленіяхъ.

Засимъ послѣдовали рѣчи: губернскаго предводителя дворянства кн. В. М. Урусова, директора института А. И. Успенскаго, попечителя учебнаго округа А. А. Тихомирова, проф. института И. Ф. Колесникова, проф. томскаго университета Новомбергскаго, художника Рериха и другихъ.

Актовую рѣчь о значеніи археологіи для исторіи произнесъ преподаватель института Н. Н. Ардашевъ.

Затѣмъ выступили депутаціи, всего около 10-ти, между прочимъ: отъ калужскаго отдѣленія московскаго археологическаго института, отъ калужскаго церковно-историческаго комитета, отъ комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины въ Москвѣ, вяземскаго комитета по чествованію памяти Отечественной войны, отъ 1-го выпуска института, отъ слушателей-смолянъ и т. д.

Привѣтственныхъ телеграммъ было прислано и прочитано огромное количество: отъ предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, отъ министра народнаго просвѣщенія Кассо, члена государственнаго совѣта Извольскаго, отъ императорской археологической комиссіи, отъ императорской академіи художествъ, отъ многихъ архивныхъ комиссій, археологическихъ и художественныхъ обществъ, университетовъ, различныхъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, наконецъ отъ частныхъ лицъ.

Къ вечеру того же дня были получены высочайшія телеграммы: одна на имя директора института, другая на имя княгини Тенишевой.

Послѣ акта приглашенные княгиней гости направились въ музей, въ каковомъ произошелъ весьма красивый актъ передачи ключей музея.

Княгиня Тенишева самолично поднесла ихъ директору института А. И. Успенскому въ сопровожденіи роскошно вышитаго полотенца на великолѣпномъ блюдѣ, украшенномъ эмалью собственной ея работы.

На блюдѣ художественно изображенъ гербъ города Смоленска и славянскими буквами слѣдующая надпись:

«Московскому археологическому институту. Прійдите, владѣйте, мудрые. Влагаю даръ мой въ руки ваша. Блюдите скрину сію и да будутъ во вѣки сокровища ея во градѣ Смоленскѣ на служеніе народу русскому. Блюдо сіе построила трудами своими княгиня Марія Тенишева въ лѣто 1911».

Затѣмъ у княгини былъ сервированъ обѣдъ, гдѣ присутствовало все избранное мѣстное общество. Было говорено много задушевныхъ рѣчей и провозглашено тостовъ.

На слѣдующій день городской думой было создано экстренное собраніе, на которомъ постановлено;

- 1) Поднести княгинѣ М. К. Тенишевой званіе почетной гражданки города Смоленска, о чемъ и сдѣлать надлежащее представленіе.
- 2) Помѣстить ея портретъ въ залѣ городской думы.
- 3) Наименовать «Тенишевской» улицу, идущую мимо музея (нынѣ «Рославское шоссе»).

3-го іюня въ Смоленскѣ опять состоялось торжество—трехсотлѣтіе двадцатимѣсячной геройской защиты Смоленска отъ поляковъ 1611 года.

Это торжество, поднявшее на ноги весь Смоленскъ, включая даже бѣднѣйшее его населеніе, началось еще наканунѣ—богослуженіемъ въ церквахъ, гдѣ совершено «послѣдованіе парастаса», и въ общемъ носило характеръ преимущественно церковнаго торжества, надо отдать справедливость, прекрасно разработаннаго и весьма торжественно обставленнаго смоленскимъ духовенствомъ во главѣ съ епископомъ Θεодосіемъ.

3-го іюня ранняя обѣдня была отслужена въ Аврааміевомъ монастырѣ, откуда и двинулся крестный ходъ вокругъ смоленскихъ стѣнъ, останавливаясь для служенія литіи въ мѣстахъ, отмѣченныхъ геройской обороной смолянъ въ 1611 году.

Къ началу поздней обѣдни крестный ходъ прибылъ въ соборъ, гдѣ собрались представители всего смоленскаго общества и правленіе архивной комиссіи, при многочисленномъ стеченіи молящихся.

По окончаніи заупокойной литургіи и возглашеніи «вѣчной памяти» папшимъ во время осады, крестный ходъ, неся во главѣ высокочтимую смолянами такъ называемую «надворотную» икону Божьей Матери Одигитріи, совершившей съ русскими войсками походъ 1812 года, вышла изъ собора.

Въ крестномъ ходѣ участвовалъ самъ владыка, имѣя въ рукахъ святой крестъ, похищенный поляками въ 1611 году, впоследствии отысканный и возвращенный начальникомъ Западнаго края М. Н. Муравьевымъ.

По выходѣ изъ собора, была освящена помѣщенная на западномъ его пилонѣ и сооруженная радѣніемъ смоленской ученой архивной комиссіи коммеморативная доска, на коей начертано нижеслѣдующее:

«Епископу Сергію, князю Петру Горчакову, воеводѣ Михаилу Борисовичу Шейну, гражданамъ мученикамъ, погибшимъ съ семействами подъ развалинами взорваннаго Мономахова собора 3-го юня 1611 года

«Вѣчная память!»

«У насъ у всякаго инока, и у служилыхъ и у ратныхъ людей данъ обѣтъ въ храмѣ Пречистыя Богородицы, чтобы всемъ намъ потерпѣть за истинную православную вѣру и за святыхъ Божиихъ церкви и за тебя, Государя, Царя и великаго князя и за твое крестное цѣлованіе» ¹⁾).

«20-тимѣсячнымъ упорнымъ сопротивленіемъ Смоленскъ задержалъ поляковъ, далъ возможность собраться остальной земской Руси и тѣмъ спасъ Москву и все государство!»

Въ сопровожденіи войскъ, исполнявшихъ гимнъ «Коль славень», двинулся крестный ходъ опять вдоль смоленскихъ стѣнъ къ такъ называемому Шейнову пролomu, гдѣ была утверждена и освящена 2-ая коммеморативная доска.

Оттуда, Лопатинскимъ садомъ, мимо «Королевскаго бастіона» и остальной части стѣнъ, дошелъ крестный ходъ до Молохвинскихъ воротъ, откуда участвовавшіе и разошлись по домамъ.

Несмотря на ненастную погоду и проливной дождь, все празднованіе было совершено чрезвычайно торжественно.

Вечеромъ того же дня, въ шесть часовъ, состоялось въ большой залѣ дворянскаго собранія торжественное соединенное засѣданіе смоленской ученой архивной комиссіи и церковно-археологическаго комитета.

Весьма обстоятельный докладъ о смоленской оборонѣ былъ сдѣланъ Н. Н. Рѣдковымъ.

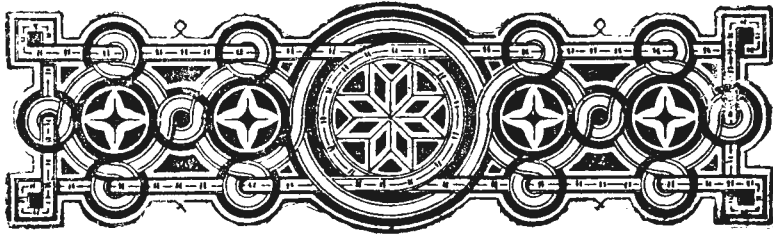
Затѣмъ были произнесены рѣчи.

Собраніе закончилось докладомъ Е. Н. Клетновой—«Смоленскъ, какъ свѣточъ просвѣщенія».

На торжествѣ присутствовалъ прямой потомокъ Шейна, нарочно пріѣхавшій изъ Петербурга.

Е. Клетнова.

¹⁾ Изъ челобитной смолянъ царю Василию Шуйскому.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О В. О. КЛЮЧЕВСКОМЪ.

В. О. КЛЮЧЕВСКИМЪ я встрѣчался много разъ и при томъ въ разные періоды своей жизни, но я хочу рассказать лишь о самой ранней встрѣчѣ съ нимъ, когда я былъ еще юношей-гимназистомъ. Это произошло весной 1885 года. Въ нашей «богоспасаемой» гимназіи, скромно ютившейся въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Замоскворѣчья, приближались выпускные экзамены, и мы, восьмиклассники, ожидали ихъ съ нѣкоторымъ трепетомъ, въ особенности, когда насъ предупредили, что мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть у себя на экзаменѣ, въ качествѣ ассистентовъ, двухъ московскихъ профессоровъ.

— Господа! Знаете ли, кто пріѣдетъ къ намъ на экзаменъ исторіи?—торжественно объявилъ намъ однажды «историкъ» М. И. Хитровъ и даже внушительно поднялъ указательный палецъ кверху.

— Герье, Герье!—раздались почему-то голоса.

— Нѣтъ-съ, господа, подымайте выше...

— Виноградовъ!—попробовалъ еще кто-то догадаться и тутъ же авторитетно добавилъ:—больше некому...

— А вотъ и нѣтъ, не угадали,—сказалъ Хитровъ:—ни Герье, ни Виноградовъ, а... а самъ Василій Осиповичъ Ключевскій!—вдругъ выпалилъ онъ какимъ-то взволнованнымъ голосомъ и медленно обвелъ глазами весь классъ, словно любясь произведеннымъ эффектомъ.

А эффектъ дѣйствительно получился огромный. Упомянутое имени Ключевского, пользовавшагося уже въ то время большой славой, заставило насъ встрепенуться, вывело изъ спячки, наэлектризовало, тѣмъ болѣе, что для насъ, гимназистовъ, это имя далеко не было пустымъ звукомъ: почти всѣ мы уже неоднократно имѣли въ рукахъ литографированныя лекціи популярнаго профессора, восхищались его мѣткими, остроумными и ядовитыми характеристиками, изъ коихъ нѣкоторыя, въ родѣ, на примѣръ, характеристики Петра III или императрицы Елизаветы, всякій разъ приводили насъ, юныхъ читателей, въ неописуемый восторгъ. Помнится, мы даже заучивали наизусть и безпрестанно повторяли въ разговорѣ между собой такія, на примѣръ, замѣчанія Ключевского объ Елизаветѣ:

«Она была веселая и набожная царица: отъ вечера ѣздила на балъ, а съ бала къ заутренѣ. Вѣчно вздыхая по иноческой жизни, она оставила послѣ себя гардеробъ въ нѣсколько тысячъ платьевъ. Она имѣла огромное вліяніе на судьбу Западной Европы и умерла съ убѣжденіемъ, что въ Америку можно попасть сухимъ путемъ. Даже невѣжественныхъ современниковъ своихъ она поражала недостаточностью своего образованія и основала первый въ Россіи университетъ. Она била по щекамъ своихъ фрейлинъ и во все царствованіе не отрубила голову ни одному преступнику», и т. д.

Еще задолго до экзамена М. И. Хитровъ принялся «натаскивать» насъ по русской исторіи. Бывало, принесетъ съ собой курсъ лекцій Ключевского и читаетъ намъ отдѣльныя мѣста изъ нихъ, а мы прилежно записываемъ въ тетради.

— Вотъ эту характеристику постарайтесь выучить наизусть, — обращается онъ къ намъ съ просьбой и медленно начинаетъ диктовать, какое было лицо, голосъ, походка у «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича.

Будучи самъ ученикомъ Ключевского, Хитровъ благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ и задался цѣлью сдѣлать ему «пріятное». А ужъ, конечно, по его мнѣнію, ничего не могло быть пріятнѣе Ключевскому, какъ услышать изъ устъ гимназистовъ свои собственные слова. Однако, какъ увидимъ ниже, Хитрову пришлось сильно въ этомъ разочароваться.

Помнится, экзаменъ по исторіи, какъ послѣдній, пришелся на самый конецъ мая. И вотъ мы въ послѣдній разъ собрались въ актовомъ залѣ передъ экзаменаціоннымъ «ареопагомъ». Преподаватели во главѣ съ директоромъ были уже на своихъ мѣстахъ, но Ключевскій еще не появлялся. Кто-то пустилъ слухъ, что онъ заболѣлъ и совсѣмъ не пріѣдетъ. Настроеніе чувствуется у всѣхъ приподнятое, на лицахъ написано ожиданіе и какое-то безпокойство. Нашъ «историкъ» волнуется и тревожно посматриваетъ на часы. Директоръ Рязанцевъ (давно уже умершій) не рѣшается

пачинать экзамена. Засунувъ въ ротъ кончикъ рыжей бороды, онъ сквозь золотыя очки устремилъ куда-то въ пространство разсѣянный взглядъ, какъ будто ничего не видя и не слыша, скорчивъ при этомъ невозможнѣйшую гримасу. Вдругъ подходитъ къ нему курьеръ и что-то докладываетъ. Рязанцевъ тотчасъ же устремляется къ дверямъ зала, гдѣ уже показалась въ это время сухопарая, сутуловатая фигура невзрачнаго господина, одѣтаго въ застегнутый на всѣ пуговицы черный сюртукъ. Это и былъ Ключевскій. Странное впечатлѣнiе производилъ знаменитый профессоръ. Съ перваго взгляда—что-то удивительно мало замѣтное, почти ничтожное: не то сельскій дьячокъ, не то консисторскій писецъ, получающій 15 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Но это до тѣхъ поръ, пока вы не увидали его глазъ, черныхъ, живыхъ, пронизательныхъ, съ какимъ-то особеннымъ, лихорадочнымъ блескомъ. Вотъ онъ обжегъ васъ взглядомъ сквозь очки—и сейчасъ же весь, съ головы до ногъ, представился вамъ другимъ, точно перемѣнилъ свой обликъ, преобразился, и вы видите, что даже невзрачное лицо его стало красиво-одухотвореннымъ.

Извиняясь, что немного запоздалъ, Ключевскій торопливо пожалъ всѣмъ руки и поспѣшилъ сѣсть гдѣ-то съ боку стола, несмотря на то, что Рязанцевъ указалъ ему мѣсто рядомъ съ собой,—сѣлъ и вдругъ какъ-то весь съежился, сдѣлавшись совсѣмъ маленькимъ-маленькимъ: быть центромъ всеобщаго вниманiя ему, очевидно, было непрiятно. Онъ уткнулся лицомъ въ программу и долго не поднималъ головы. Экзаменъ, между тѣмъ, начался. Для перваго дебюта нарочно были вызваны лучшiе ученики, которые должны были во всемъ блескѣ развернуть свои познанiя по исторiи. И они развертывали: немедленно принимались трещать о какихъ-нибудь Каролингахъ, о гуннахъ, объ Атилѣ и, вдохновленные краснорѣчiемъ учебника Иловайскаго, готовы были болтать безъ удержу, сколько угодно, но Хитровъ уже спѣшилъ ихъ останавливать почти на полусловѣ:

— А ну-ка, расскажите мнѣ про «тишайшаго царя»!

И опять начиналась прежняя трескотня, но на этотъ разъ уже... изъ Ключевскогога, лицо котораго, какъ я замѣтилъ, то принимало ироническое выраженiе, то хмурилось. Вотъ онъ слышитъ свои собственные слова, произнесенныя имъ въ университетской аудиторiи, и по лицу его пробѣгаетъ тѣнь. Онъ морщится, и взглядъ его, брошенный сквозь очки, острой стрѣлою вонзается въ экзаменующагося.

— Это вы откуда говорите,—строго перебиваетъ онъ ученика:—изъ какого учебника?

— Изъ вашего, Василiй Осиповичъ,—ничуть не смущаясь, отвѣчаетъ тотъ и торжествующе смотритъ на Хитрова, который весьма самодовольно улыбается.

— Неправда, у меня никакого учебника нѣтъ,—явственно отчеканиваетъ каждое слово Ключевскій.—Но вы читали литографированный курсъ моихъ прошлогоднихъ лекцій, гдѣ на каждомъ шагѣ попадаются грубыя ошибки: къ сожалѣнію, вы очень добросовѣстно заучили эти ошибки наизусть...

Ученикъ смущенно молчалъ и на этотъ разъ растерянно смотрѣлъ на густо покраснѣвшаго Хитрова. Потомъ вдругъ произнесъ:

— Михайль Ивановичъ, какъ же такъ? Вѣдь это же вы намъ диктовали, а я записалъ слово въ слово?!

Бѣдный Хитровъ готовъ былъ провалиться сквозь землю и, не зная, что отвѣтить, еще болѣе покраснѣлъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась неловкая сцена, если бъ ее не прекратилъ самъ Ключевскій. Онъ обратился къ сконфуженному ученику и предложилъ ему какой-то вопросъ изъ исторіи Новаго Свѣта. Тотъ отвѣтилъ.

Замѣчательно, что Ключевскій никого изъ насъ не спрашивалъ по русской исторіи, точно опасался, что ему отвѣтить что-нибудь «изъ Ключевского»; а все предлагалъ вопросы или по новой, или чаще всего по древней, преимущественно римской исторіи. Память у него была феноменальная, и мнѣ рассказывалъ потомъ одинъ изъ нашихъ экзаминаторовъ, что когда по окончаніи экзамена Ключевскій былъ приглашенъ въ учительскую, чтобы сообща съ преподавателями выставить ученикамъ отмѣтки, онъ всѣхъ поразилъ своими отзывами о каждомъ изъ насъ. «До того мѣтки были его сужденія,—говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ,—такъ проникновенно сумѣлъ онъ угадать особенности ума и характера каждаго изъ экзаменовавшихся,—которыхъ, кстати сказать, было равно четырнадцать человекъ,—точно это были его собственные ученики, которыхъ онъ зналъ давнымъ-давно, съ самаго дѣтства наблюдая за ихъ развитіемъ».

Князь Б. А. Щетининъ.

ДВѢ СМЕРТИ.

(Памяти И. Л. Щеглова-Леонтьева и М. Н. Альбова).

А ПРОТЯЖЕНІИ послѣдняго годового срока наша литературная армія понесла рядъ тяжкихъ утратъ, придающихъ въ глазахъ насъ, пишущихъ, этому сроку какой-то мрачный отпечатокъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что такого обилія смертей среди отечественныхъ писателей давно не наблюдалось. Начиная съ лѣта минувшаго 1910 г. скончались: В. В. Туношенскій, Юл. Безродная, М. В. Крестовская, гр. Л. Н. Толстой, С. Н. Южаковъ, А. М. Скабичевскій, С. Н. Филипповъ, В. С. Лихачевъ, Д. А. Дриль, А. Н. Черманъ, Н. И. Позняковъ, М. М. Стасюлевичъ, К. М. Фофановъ, П. Ф. Якубовичъ, И. Л. Леонтьевъ-Щегловъ, М. Н. Альбовъ.

Нельзя не признать, что для какого-нибудь годового срока такой литературный синодикъ слишкомъ обширенъ и наша журнальная нива подъ ударами смертоносной косы дѣйствительно жестоко пострадала. Въ приведенномъ списокѣ дѣятели, конечно, далеко не всѣ одинаковаго калибра и историческаго значенія: одно имя Льва Николаевича Толстого чего стоитъ! но и другіе всѣ имѣютъ за собою не мало заслугъ передъ родиной и своимъ дарованіемъ немало потрудились для ея славы и просвѣщенія. Къ числу таковыхъ, несомнѣнно, должны быть отнесены и писатели, имена которыхъ еще на дняхъ напомнили о себѣ русскому обществу, будучи помѣщенными натомъ мѣстѣгазетъ, гдѣ значатся отошедшіе въ вѣчность. На короткомъ промежуткѣ времени мы были оповѣщены о двухъ кончинахъ представителей нашей беллетристики, И. Л. Леонтьева (Щеглова) († 2 іюня) и М. Н. Альбова († 12 іюня), которые оба имѣли за собою довольно длинный путь

писательства, заставляли насъ своими произведеніями волноваться, радоваться и печаловаться, о тяжкомъ состояніи здоровья которыхъ мы уже давно были освѣдомлены и кончину ихъ съ грустью и тревогою ожидали со дня на день. Оба они болѣе или менѣе одновременно выступили на путь литературнаго творчества, талантъ ихъ расцвѣлъ и сталъ общепризнанъ въ періодъ восьмидесятихъ годовъ, въ каково и періодъ и наша критика отвела имъ надлежащее мѣсто въ исторіи литературы, справедливо поставивъ въ отношеніи силы таланта и общественнаго значенія Альбова на болѣе видное мѣсто. Дѣйствительно, дарованія этихъ двухъ нынѣ сошедшихъ съ жизненнаго поприща дѣятелей литературы были не равныя и по характеру ихъ личнаго и ихъ писательства: они были дѣятелями литературы довольно другъ другу противоположными. Поскольку Альбовъ былъ человекомъ глубоко упедшимъ въ самого себя, типомъ скорѣе мрачнымъ, трагическимъ, настолько Щегловъ-Леонтьевъ представлялъ собою, особенно въ начальный періодъ своей литературной карьеры, человека жизнерадостнаго смѣха, общительнаго, скользящаго по поверхности жизни и подбирающаго съ этой поверхности все то смѣхотворное, что бросалось ему въ глаза. Альбовъ—пѣвецъ тоски, сѣрыхъ сумрачныхъ дней и подвальныхъ помѣщеній съ ихъ горемъ, нуждою, забитостью и тщетными порывами выйти изъ мрака къ свѣту и вѣчно бунтующихъ противъ тѣхъ социальныхъ и экономическихъ условий, въ которыя ихъ поставила суровая жизнь, не могущихъ свергнуть съ себя этихъ оковъ и погибающихъ въ круговоротѣ своихъ порывовъ, своего маленькаго бунта. Въ иную позицію сталъ Щегловъ: онъ со смѣхомъ направлялъ на окружающую его обстановку небольшое зеркальцо, которое постоянно держалъ въ рукѣ; «свѣтлый зайчикъ» прыгалъ по предмету, весело освѣщалъ его своимъ блестящимъ отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ, и вамъ, глядя на эту картинку, становилось какъ-то легко, весело на душѣ, и вы готовы были расцѣловать и держащаго въ рукѣ предательское зеркальцо писателя и посмѣяться надъ прыгающимъ веселымъ солнечнымъ зайчикомъ и даже полюбить то лицо, которое весело хмурится изъ-за наведеннаго солнечнаго пятна. «Дачный мужъ», «теща», «старый гигиенистъ», ковыляющій по Литейному проспекту, курортная публика— все это образы и типы, зарегистрированные нашимъ писателемъ и остающіеся навсегда въ памяти лица, который ихъ позналъ по указанію милѣйшаго и симпатичнаго юмориста, друга и, пожалуй, ученика Чехова-Чехонте. Да, оба они, и мрачный Альбовъ, и юмористъ Леонтьевъ-Щегловъ, дали намъ подъ сродственнымъ ихъ натурѣ угломъ зрѣнія, въ познаніи окружающей русской дѣйствительности много разнообразія и надолго останутся для насъ тѣми представителями отечественной литературы, съ которыми у насъ сохраняются связующія нити, добрыя воспоминанія о хорошихъ часахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ ними.

Въ обстоятельномъ некрологѣ Леонтьева (Щегловъ—его псевдонимъ), составленномъ извѣстнымъ библиографомъ Д. Языковымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 128), мы имѣемъ слѣдующія данныя о жизни и литературной дѣятельности скончавшагося писателя.

Покойный родился 6 января 1856 года въ Петербургѣ и по бѣдѣности родителей воспитывался у своего дѣда, барона В. К. Клодта, до поступления во второй кадетскій корпусъ, изъ котораго перешель въ Павловское военное училище. Произведенный въ офицеры (1874 г.), онъ началъ свою службу въ 13-й артиллерійской бригадѣ, стоявшей то въ Севастополѣ, то въ Бендерской крѣпости, то на Кавказѣ, гдѣ ему пришлось участвовать въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг.

Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ-Леонтьевъ.

Среди служебной дѣятельности И. Л. началъ съ лѣта 1875 г. писать корреспонденціи въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», а затѣмъ рассказы, изъ которыхъ одинъ, подъ названіемъ «Первое сраженіе», напечатанный въ «Новомъ Обзорѣніи» (1881 г.), второй—«Поручикъ Попѣловъ» въ «Вѣстникѣ Европы» (1881 г., кн. 4) и третій—«Неудачный герой»—въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1881 г., кн. 9), имѣвшіе успѣхъ среди читателей, рѣшили его литературную судьбу: онъ вышелъ въ отставку (1883 г.) и въ теченіе тридцати лѣтъ работалъ надъ беллетристическими произведеніями и театральными пьесами.

Къ болѣе крупнымъ сочиненіямъ покойнаго относятся: романъ «Гордіевъ узелъ» («Новь», 1886 г.), повѣсти: «Корделія» («Артистъ», 1889 г.), «Около истины» («Русскій Вѣстникъ», 1892 г.), «Убыль

души» и неоконченный большой романъ «Милліонъ терзаній» («Русское Обозрѣніе», 1895—1896 гг.). Мелкія же произведенія, сначала напечатанныя въ журналахъ и газетахъ, составили особые сборники подъ разными названіями, какъ, напримѣръ: «Дачный мужъ, его похождения, наблюденія и разочарованія» (Спб. 1888 и 1896, два изданія), приче́мъ заглавіе утвердило въ обиходѣ извѣстный терминъ «дачный мужъ»,—«Добродушные рассказы» (1901 г.), «Юмористическіе очерки» (1902 г.), «Жизнь вверхъ ногами» (1910 г.), «Смѣхъ жизни» (1911 г.); также и драматическія произведенія, а именно: «Мышеловка» (1889 г.), «Въ горахъ Кавказа» (1884 г.), «Мамаево нашествіе» (1890 г.), «Чудакъ» (1891 г.), «Двѣ семьи» (1892 г.), «Затерянный мудрецъ» и др. вышли отдѣльными собраніями подъ заголовками: «Веселый театръ» (Спб. 1897 г.) и «Новыя пьесы» (Спб. 1900 г.).

Интересуясь вообще театромъ и въ частности—народными представленіями, И. Л. не разъ выступалъ со своими горячими статьями о лучшей организаціи увеселеній и зрѣлищъ для простого народа. Эти «практическіе совѣты» онъ собралъ въ отдѣльныя изданія—«О народномъ театрѣ» (М. 1895 г.), «Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ» (Спб. 1898 г.) и «Въ защиту народнаго театра. Заѣтки и впечатлѣнія» (Спб. 1903 г.).

Наконецъ нельзя не отмѣтить рядъ трудовъ И. Л., которые были посвящены «воспоминаніямъ» и «ислѣдованіямъ» о замѣчательныхъ русскихъ дѣятеляхъ. Въ 1891 г. онъ посѣтилъ Оптину пустынь и затѣмъ напечаталъ брошюру «Оптинскій старецъ о. Амвросій» (М. 1892). Черезъ два года долгое пребываніе въ Кронштадтѣ и бесѣды съ о. Іоанномъ Сергіевымъ вызвали изъ-подъ его пера извѣстную книгу: «У отца Іоанна Кронштадскаго», рассказъ очевидца (М. 1894 г.) и статью «Въ защиту о. Іоанна» («Русское Обозрѣніе», 1894 г., кн. 6), а недавно праздновавшіеся Пушкинскій и Гоголевскій юбилеи побудили покойнаго собрать «Новое о Пушкинѣ» (Спб. 1902 г.) и прежде неизвѣстные матеріалы о Гоголѣ, подъ названіемъ «Подвижникъ слова» (Спб. 1909 г.).

Минуя рядъ воспоминаній о покойномъ, остановимся здѣсь на двухъ его характеристикахъ, прекрасно сдѣланныхъ двумя писателями, его близко знавшими, любившими, цѣнившими и въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ повѣдавшими намъ характерныя черты его личности и писательской фізіономіи. Нарисованные его портреты принадлежатъ перу І. І. Ясинскаго («Биржевыя Вѣдом.», 1911 г., № 11357) и А. А. Измайлова («Биржевыя Вѣдом.», 1911 г., № 12335). І. Ясинскій, вспоминая первые шаги на литературскомъ поприщѣ Щеглова въ «Словѣ», гдѣ были приняты къ печатанію первыя его повѣсти, говоритъ:

«Трудно описать радость Леонтьева, съ какою онъ встрѣтилъ извѣстіе о пріемѣ его повѣсти въ журналъ, считавшійся въ то время

вторымъ послѣ «Отечественныхъ Записокъ». Онъ какъ-то странно смѣялся тоненькимъ истерическимъ смѣхомъ, и вечеръ, который мы провели вмѣстѣ, сблизилъ насъ надолго—на всю жизнь.

«Леонтьевъ-Щегловъ вскорѣ былъ принятъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ» и сразу составилъ себѣ имя. Надо замѣтить, что первыя повѣсти его значительно отличались отъ послѣдующихъ его произведеній: въ нихъ не было юмора или, вѣрнѣе, комизма, къ которому такъ тяготѣлъ покойный писатель. Прорывались искры этого комизма, но и въ «Словѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» искры эти были вытравлены въ корректурѣ, такъ какъ онѣ портили превосходное художественное впечатлѣніе, которое производили на читателя эти рассказы. Впослѣдствіи Щегловъ-Леонтьевъ все больше и больше сталъ склоняться въ сторону комизма и, повидимому, смѣшивалъ комизмъ и юморъ. Не даромъ любимымъ его писателемъ былъ Джеромъ-Джеромъ, тоже впадающій въ юморъ для юмора.

«Сдѣлавшись частымъ гостемъ нашей редакціи, Щегловъ постоянно бывалъ и въ журналѣ «Новое Обозрѣніе», который въ 1881 г. былъ основанъ, по инициативѣ князя А. И. Урусова, богачомъ Базилевскимъ и который редактировала группа лицъ, частныхъ къ литературѣ,—Коропчевскій, Жуковскій, М. Я. Антоновичъ и я.

«По вечерамъ жизнерадостный и истерически-веселый Щегловъ приходилъ въ редакцію, которая помѣщалась въ деревянномъ домикѣ въ Эртелевомъ переулкѣ, и старался разсмѣшить угрюмаго и больного Коропчевскаго. Анекдоты, которые онъ рассказывалъ, были, большею частью, военные, юнкерскіе; онъ первый смѣялся надъ ними. Коропчевскій страдалъ отъ тяжелой внутренней болѣзни, хмурился и принимался убѣждать юнаго гвардейца обратить серьезное вниманіе на свой талантъ и не разбиваться на мелочи.

«— Что же мнѣ надо дѣлать, чтобы не потерять своей беллетристической дѣвственности?—спросилъ какъ-то разъ Щегловъ.

«— А вотъ возьмите,—невозмутимо отвѣчалъ Коропчевскій,— и прочитайте оба тома «Первобытной культуры» Тэйлора да проштудируйте хорошенько «Антропологию» Топинара, а потомъ, можетъ быть, уже и къ Бастиану перейдете и, наконецъ, закончите Эмилемъ Зола.

«Оторопѣлъ гвардейскій офицеръ. Но когда мы вышли изъ редакціи и, пройдя Невскій, завернули въ ресторанъ «Медвѣдь», Щегловъ сталъ такъ долго и странно хохотать, держась за животъ, что я испугался сначала.

«Такъ онъ, однако, ни Тэйлора, ни Дарвина не прочиталъ и до Бастиана не дошелъ, а Зола никогда не могъ переварить и справедливо предсказывалъ, что уже недалеко время, когда этого писателя объявятъ устарѣлымъ».

Относительно послѣдняго періода жизни своего товарища по труду г. Ясинскій рассказываетъ слѣдующее:

«Хирѣль Иванъ Леонтьевичъ. Иногда онъ дѣлалъ у себя литературные завтраки, на которыхъ подавалось что-нибудь изъ гоголевскихъ блюдъ (макароны по-гоголевски), и наиболѣе почетныхъ гостей, когда уже всѣ расходились, Иванъ Леонтьевичъ угощалъ особо виномъ изъ пушкинской рюмки. Онъ жилъ еще окруженный литературными призраками. Но съ каждымъ днемъ силы его убывали. «Убыль души» — статья, написанная имъ когда-то, была на самомъ дѣлѣ его жалобой, признаніемъ, что духовныя силы покидаютъ его, какъ покидали его и тѣлесныя силы; онъ волновался при встрѣчѣ съ пріятелями, повторялъ одну и ту же фразу, двадцать разъ возвращался къ одной и той же темѣ, утомляя себя и собесѣдника.

«Физически сталъ онъ недомогать еще со временъ «перваго сраженія»; онъ надорвался, убѣгая на великолѣпномъ арабскомъ конѣ отъ турокъ, которые схватили было его; когда лошадь вмѣстѣ съ нимъ перескочила страшный ровъ, передъ которымъ остановились втупикъ турецкіе наѣзники, что-то оборвалось внутри его, и этотъ надрывъ вѣчно беспокоилъ его.

«Незадолго до его отъѣзда въ Кисловодскъ я посѣтилъ его; меня изумила переменѣна, происшедшая въ немъ. Онъ буквально сталъ скелетомъ, обтянутымъ кожей. Въ жарко натопленной комнатѣ сидѣлъ онъ; и когда въ сумракѣ вечера я бесѣдовалъ съ нимъ и вглядывался въ него, онъ мнѣ вдругъ показался совсѣмъ молодымъ, какимъ былъ тридцать лѣтъ назадъ. Только очень тихо говорилъ. Онъ сталъ вспоминать о нашей далекой юности, о покойномъ Коропчевскомъ и залился своимъ тоненькимъ, истерическимъ смѣхомъ.

«— Что такое?—спросилъ я.

«— А помните Тэйлора, что совѣтовалъ мнѣ прочесть Коропчевскій, и еще кого-то?

«— Топинара и Бастіана,—подсказалъ я.

«— Топинарь,—я знаю,—антропологъ; а Бастіанъ, хоть убейте, кто онъ? Должно быть, тоже какой-нибудь этнографъ. Я такъ и не узналъ! И какъ мы тогда смѣялись, помните? А, можетъ быть, и не надо было смѣяться?—сказалъ онъ.

«Онъ закашлялся.

«Страшно присутствовать при угасаніи друзей давнымъ-давно, увы! угасшей молодости. Бѣдный, милый Иванъ Леонтьевичъ!»

Съ грустью вспоминаетъ послѣдній періодъ жизни Щеглова и А. А. Измайловъ, въ связи съ общими воспоминаніями о немъ.

«Послѣдній годъ существованіе старѣющаго беллетриста-драматурга было ни жизнью, ни смертью. Можетъ быть, это было нѣчто худшее смерти.

«Отъ прежняго Ивана Леонтьевича, статнаго, стройнаго, живого и остроумнаго человѣка, въ прошломъ красавца-офицера, оставалась только печальная тѣнь. Осунувшесся, страшно исхудавшее лицо стало безкровно-восковымъ задолго до смерти. Тонкую шею, казалось, едва обтягивала кожа. Тусклыми стали когда-то прекрасные глаза. Сахарная болѣзнь истощала его. Онъ выполнялъ невѣроятную діету, воздерживался почти отъ всего. Туберкулезный процессъ, обычно завершающій сахарную болѣзнь, развивался на этой подготовленной почвѣ съ трагическою быстротою.

«Подъ гнетомъ болѣзни психика Щеглова подверглась разрушенію, едва ли не меньшему, чѣмъ его физическая организація. Неврастенія давно дѣлала надъ нимъ страшное завоеваніе. Писательская работоспособность его замирала. Огромныхъ усилій воли стоило ему уже написаніе небольшого фельетона. Мнительность и пугливость развивалась до смѣшного и страшнаго.

«Съ появленіемъ въ столицѣ трамваевъ онъ рѣшительно отказался и отъ нихъ, и отъ извозчиковъ, изъ боязни катастрофы, хотя, слабый и больной, ходившій уже съ помощью палки, онъ рисковалъ, пѣшій, гораздо больше. Появленіе въ его квартирѣ новаго человѣка, хотя бы хорошо знакомаго, способно было повергнуть его въ обморокъ. Боязнь сквозняковъ, толпы, давки, парходовъ, новыхъ людей—была въ немъ болѣзненно непреодолима.

«Какъ грустно было думать, что это не кто иной, какъ онъ, чеховскій «милый Жанъ», его «милый герцогъ Альба», цѣлые десятки прелестныхъ писемъ къ которому мы читали въ печати и который, очевидно, когда-то носилъ въ своей душѣ такое же жизненное начало шутокъ и смѣха, какое жило въ душѣ молодого «Антоши Чехонте!». Это тотъ самый человѣкъ, что молоденькимъ офицеромъ дружилъ съ Надсономъ, жилъ вмѣстѣ съ нимъ, носился съ его талантомъ?

«Отъ прошлаго осталась только ласковая, привязчивая душа да смертная, всепокрывающая и все остальное устраняющая любовь къ литературѣ.

«Ее Щегловъ любилъ свято до гроба. Не забылъ ее и въ своей послѣдней волѣ. Пишущему эти строки извѣстно, что всѣ свои литературныя реликвіи онъ завѣщалъ въ извѣстныя литературныя учрежденія, между прочимъ въ Надсоновскій музей при какомъ-то корпусѣ или юнкерскомъ училищѣ.

«Литературныя реликвіи были его святыней. Надо было видѣть, какъ благоговѣнно показывалъ онъ перо Пушкина,—перо, сохранившее еще слѣды его зубовъ! Чеховскія письма были переплетены въ большой изящный томъ, и онъ не хотѣлъ при жизни разстаться съ нимъ ни за какія блага.

«Чеховъ былъ его страстью, любовью, молитвой. Онъ вспоминалъ его черезъ десять словъ, цитировалъ его, приводилъ его уст-

ные афоризмы. Онъ говорилъ, что со смертью Чехова для него самого въ жизни умерло нѣчто, и нѣчто огромное, свѣтлое и осмысливающее жизнь,—и этому нельзя было не вѣрить.

«Щегловъ былъ старый литературскій типъ,—типъ писателя прирожденнаго, страстнаго влеченія, чуждаго всякаго духа корысти, практичности, рекламы,—всего того суетнаго духа, какой сейчасъ отличаетъ большинство пишущихъ.

«Никогда онъ не умѣлъ себѣ ничего устроить. Простого, какъ ребенка, въ дѣловыхъ отношеніяхъ его могъ провести всякій, кто хотѣлъ. Взрослый ребенокъ, онъ виталъ въ какихъ-то красивыхъ отвлеченностяхъ, влюблялся въ Пушкина и писалъ книжку о Пушкинѣ, влюблялся въ Гоголя и писалъ книжку о Гоголѣ, ѣздилъ въ Святые горы, подъ Полтаву, выискивалъ на Морскихъ и Мѣщанскихъ уголкахъ, гдѣ жилъ Гоголь, и открытіе какого-нибудь «дома каретника Юхима», какой значится на гоголевскихъ письмахъ,—давало ему такой восторгъ, который испытываетъ ученый, открывая радій или коховскую палочку.

«Идеалистъ!»—сказали бы въ старину. «Чудакъ!»—скажутъ теперь.

«О своемъ литературномъ трудѣ Щегловъ мыслилъ чрезвычайно скромно. Доброму слову радовался такъ искренно, что было совершенно ясно,—въ душѣ онъ считалъ все это не заслуживающимъ добраго слова.

«Отдавшійся юмору, онъ высоко цѣнилъ Чехова, до высоты котораго не мечталъ подняться, и ему доставляло гордую радость знакомство съ Джеромъ-Джеромомъ, который съ нимъ переписывался и интересовался имъ.

«Въ послѣдней половинѣ своей жизни Щегловъ не повторилъ блестящихъ успѣховъ своей ранней молодости. Салтыковъ имѣлъ всѣ права пригрѣть его въ своихъ «Отечественныхъ Запискахъ», потому что его «Гордіевъ узелъ», «Милліонъ терзаній» и позднѣйшая «Идилія» «Вѣст. Европы»—выдавали вѣянія самаго безспорнаго беллетристическаго дарованія.

«Блестящей полосой его жизни было время его участія въ молодомъ «Новомъ Времени». Въ успѣхѣхъ этой газеты была доля литературнаго участія Щеглова. Помѣщаемый здѣсь памфлетъ его «Миръ праху» произвелъ положительно шумъ.

«Все, что писалъ Щегловъ потомъ, безспорно, было блѣднѣе и слабѣе. Его пьески беззаботно-веселы, въ нихъ много бытовой наблюдательности комика, но всѣ онѣ не идутъ выше облагороженнаго водевиля.

«Чеховъ пѣлъ въ оба его уха, что писатель долженъ писать водевили, водевили, водевили. Нѣтъ ничего лучше водевиля. Щегловъ повѣрилъ ему и ушелъ въ водевилъ, иногда трехактный.

Его попытки серьезныхъ пьесъ, напримѣръ, «Затерянный мудрецъ»—уже не имѣли успѣха».

Да, невеселы были послѣдніе годы жизни нашего беллетриста, несшаго съ собою еще не такъ давно и въ литературу, и въ нашу писательскую среду столько жизнерадостности, столько тепла и любви. Хорошія полосы жизни связывались для насъ съ его типичною изящною фігурою, и рядъ всѣмъ намъ дорогихъ пменъ являлъ онъ собою живымъ и свѣтлымъ напоминаніемъ: Надсонъ, старикъ Плещеевъ, Антоша Чехонте и Антонъ Павловичъ Чеховъ—вотъ тѣ имена новѣйшей русской литературы, которыя на фонѣ недавней жизни были непосредственно связаны съ именемъ Ивана Леонтьевича. А тамъ, въ болѣе дальней литературной перспективѣ вырисовывались образы Пушкина и Гоголя, передъ которыми въ молитвенномъ восторгѣ стоялъ угасающій писатель, приглашая къ участію въ своей молитвѣ и насъ, его читателей друзей и знакомыхъ.

Тихо, трагически и неуклонно угасали на нашихъ глазахъ дни Щеглова, дни, отмѣченные, помимо болѣзни, вдобавокъ и матеріальною скудостью. Да, литература не явилась на склонѣ его дней его доброй кормилицей, отъ прежнихъ заработковъ не оставалось сбереженій, а для новаго труда не хватало уже силъ и приходилось должаться у редакцій. Въ такомъ положеніи должника и безпомощнаго для новаго труда онъ писалъ въ началѣ текущаго года редактору «Историческаго Вѣстника»:

«1) Глубокоочтимый и многодобрѣйшій Сергѣй Николаевичъ!

«Простите!

«Простите!!

«И еще разъ простите!!!

Отлично помаяю и ваше всегдашнее ко мнѣ душевное вниманіе, и полученный авансъ, и собственное обѣщаніе дать для «Историческаго Вѣстника» что-либо подходящее и интересное.

«2) Но что подѣлалась!—жизнь за послѣдніе три года такъ меня «скрутила», что рѣшительно не выпадало періода душевнаго спокойствія, необходимаго для неторопливо-вдумчиваго написанія «мемуаровъ». Если я вамъ скажу, что эти три года я просидѣлъ зиму и лѣто въ Артиллерійскомъ переулкѣ, быть можетъ, вы войдете въ мое невеселое положеніе?

«3) Вдобавокъ, еще лѣтомъ привязалась ко мнѣ сахарная болѣзнь съ разными осложненіями, и это во многомъ стѣсняетъ меня...

«Въ морозы—совсѣмъ не выхожу на улицу!!.

«4) Когда немного потеплѣетъ и буду чувствовать лучше, повольте навѣстить васъ и лично объяснить: какой именно матеріаль заготовленъ мной для «Историческаго Вѣстника». (Думаю систематизировать его въ Великому посту).

«5) Будьте добры... единой строкой оповѣстить, въ какіе часы вы нынѣ принимаете??. (Прошло, вѣдь, 3 года!).

«6) Храни васъ Господь!!!

«Сердечно преданный И. Щегловъ».

Но наступило тепло, а надеждамъ Ивана Леонтьевича не суждено было сбыться. Весеннее солнце не принесло ему радости и облегченія, процессъ болѣзни пошелъ бурно впередъ, къ развязкѣ. Пользовавшій его профессоръ Романовскій еще зимою рекомендовалъ ему поѣздку на Кавказъ, полагая, что жизнь въ Кисловодскѣ послужитъ ему на пользу. Для этой поѣздки съ трудомъ были собраны средства, больной тщательно былъ перевезенъ къ мѣсту врачебнаго назначенія, но быстро по прибытіи туда навѣки опочилъ, вдали отъ насъ, среди роскошной природы юга, которая во всей своей лѣтней красѣ раскинула надъ нимъ свой богатый похоронный шатеръ.

Въ статьѣ «Умирайте дома» (Биржев. Вѣд., 1911 г., № 12379) все тотъ же А. Измайловъ, со словъ присутствовавшаго при послѣднихъ часахъ Ивана Леонтьевича лица, рассказываетъ намъ о немъ слѣдующее:

«Щегловъ умиралъ. Ему оставалось жить всего двѣ недѣли. Земля уже пала на него, глаза стали стеклянно-мутными, худѣть далѣе было нельзя. Нервность умирающаго была по истинѣ ужасна. Въ послѣдніе дни онъ боялся всего: редакторовъ, критиковъ, постороннихъ и знакомыхъ, трамваевъ, извозчиковъ, сквозняковъ, зеркалъ въ домѣ, мышей и пауковъ. Щегловъ умиралъ, но, какъ объ измѣнѣ женщины послѣднимъ узнаетъ тотъ, кого это больше всего касается, такъ больной часто надѣется жить, когда близкіе заказываютъ ему саванъ. Щегловъ думалъ, что ему нужно только увидѣть Кисловодскъ, чтобы воскреснуть. Въ послѣдній мѣсяцъ, конечно, никто изъ врачей уже не совѣтовалъ ему ѣхать. Но Иванъ Леонтьевичъ помнилъ, что ему говорили раньше. И рвался туда, не слушая уже никакихъ резонновъ.

«На посылкахъ его вынесли изъ дому, на посылкахъ внесли въ вагонъ. Двѣ простыя женщины-служанки провозжали его. Онъ зналъ, на что ѣдутъ, везя съ собою почти трупъ, но онъ поѣхалъ. По этому случаю литературному читателю можно вспомнить извѣстный Лѣсковскій рассказъ о дамѣ и фефѣлѣ. Какъ ѣхали и что это были за мытарства для человѣка, который уже и дома не сходилъ съ постели,—этого перомъ не описать. Извелись не только самъ больной, конечно, не спавшій, не ѣвшій во все время пересѣканія Россіи поперекъ, но и провожавшія его. Щегловъ ронялъ слова, и всѣ они были объ одномъ: близокъ покой и спасеніе! Съ владѣльцемъ одной дачи въ Кисловодскѣ было соглашеніе,—квартира ждала больного.

«Вотъ и Кисловодскъ, вокзалъ, городъ, дача... Щеглова внесли во дворъ. Одна изъ его спутницъ пошла къ хозяйкѣ.

«— Такого больного!—ужаснулась та.—Нѣтъ, я не могу принять умирающаго... Вѣдь это значить и дезинфекція послѣ него, и всякія хлопоты...

«Дама нашлась и прибавила:

«— Да и комната уже сдана! комнаты нѣтъ! Ничего ужъ не подѣлать. Поѣзжайте въ другое мѣсто,—гдѣ-нибудь вы, конечно, найдете пріютъ.

«Щеглова волновало, если муха садилась на его тѣло. Этотъ отказъ долженъ былъ убить его. Сколько возможно, отъ него скрывали горькую истину, но наконецъ пришлось сказать ее. Больной пришелъ въ ужасъ, истерика не случилась съ нимъ только потому, что онъ былъ въ состояніи какъ бы постоянной истерики. Шель дождь,—небо и земля были противъ него.

«— Можетъ быть, вы хоть временно, хоть на нѣсколько часовъ дадите намъ пріютъ?»

«Надъ несчастными смилостивились и на нѣсколько часовъ пустили. Щегловъ очутился въ какой-то убогой комнатѣ, немытой и неприспособленной для жилья интеллигентнаго человѣка... Но ужъ и это было «почти счастье».

«Щегловъ жилъ здѣсь двое сутокъ. На него, на его спутницъ смотрѣли, какъ на личныхъ враговъ. Дѣвушкамъ едва отвѣчали на ихъ вопросы. «Приѣхали съ покойникомъ въ чужой домъ, какъ это благородно!..»

«Кто знаетъ лечебные курорты, тотъ знаетъ, что слово смерть, слово покойникъ не произносятся тамъ, гдѣ хотять лечить. Нельзя опорочить санаторію, отель, меблированныя комнаты больше, чѣмъ покойникомъ.

«Въ судьбу И. Л. вмѣшался профессоръ Д. Л. Романовскій, лечившій его еще въ Петербургѣ.

«Благодаря ему, Щеглова приняли въ гостиницу «Красные Камни». Онъ же далъ ему фельшера. Но Щегловъ умиралъ, ничто уже не могло его спасти.

«Онъ забывался и бредилъ. Типично-литературный бредъ. Безпокоила его какая-то статья. Онъ хотѣлъ ее выправить. Надо было ее задержать...

«Въ одну изъ минутъ просвѣтлѣнія онъ сказалъ, что, если умереть,—его надо похоронить здѣсь же, въ Кисловодскѣ.

«Въ канунъ смерти проф. Романовскій предупредилъ прислугу, что въ эти сутки И. Л. умереть.

«Ночей Щегловъ не спалъ, иногда дремалъ днемъ. Огонь горѣлъ всю ночь у его постели. Ничего онъ не ѣлъ, только пилъ воду, но все еще не чувствовалъ приближенія смерти.

«Въ самый день развязки онъ еще надѣялся, Разсчитывалъ, что его сегодня вынесутъ на креслѣ, и на воздухѣ ему будетъ легче дышать. Въ комнатѣ онъ задышался.

«Часа за три передъ смертью онъ пересталъ говорить и давать знаки существованія. Умеръ онъ, какъ заснулъ».

Вѣсть о его кончинѣ дошла до насъ въ тѣ самые дни, когда мы, пребывающіе лѣтомъ въ Петербургѣ писатели, съ тревогой и грустью прислушивались къ печальнымъ вѣстямъ, которыя приходили къ намъ изъ Старожилки (близъ Парголова) о состояніи здоровья Михаила Ниловича Альбова, тоже обреченнаго тяжкимъ недугомъ на скорый конецъ и тоже при невеселой, матеріально стѣсненной жизненной обстановкѣ совершавшаго свой послѣдній жизненный путь.

Для критико-біографическаго словаря С. А. Венгерова (т. 1) Михаилъ Ниловичъ далъ слѣдующія о себѣ автобіографическія свѣдѣнія:

«Родился я въ Петербургѣ 8 ноября 1851 года, въ день архангела Михаила, въ честь котораго и пошу свое имя. Отецъ мой былъ діаконъ церкви почтоваго департамента, мать—полудворянскаго рода, по бабушкѣ, происходившей изъ Ярославской губерніи. Отецъ—новгородецъ, сынъ сельскаго причетника. О «предкахъ» моихъ знаю очень мало, слыхалъ только отъ отца, что весь его родъ искони новгородцы.

«Научили меня грамотѣ довольно рано, и этимъ я обязанъ теткѣ—Т.М.Башмаковой. Первымъ дѣломъ я обнаружилъ страстную охоту къ чтенію. Первая книга моя была «Робинзонъ». Помню отлично, что я былъ влюбленъ въ него безъ памяти, буквально имъ бредилъ. Затѣмъ его мѣсто занялъ «Давидъ Копперфильдъ». У насъ въ числѣ книгъ были «Отечественныя Записки» пятидесятаго года, въ которомъ онъ былъ напечатанъ, и я перечитывалъ его безконечное число разъ. Полагаю, излишне прибавлять, что оба эти лица были для меня отнюдь не созданіями фантазіи, но взаправду живыми людьми. Затѣмъ попался мнѣ Гоголь, именно «Мертвыя Души». Чичиковъ имѣлъ для меня обаяніе со стороны своего кочеванія, и я, помню, мечталъ, какъ хорошо имѣтъ его пресловутую «бричку», чтобы разѣзжать куда вздумается. Вперемежку я читалъ все, что попадалось подъ руку, но изъ всего мною прочитаннаго самыми дорогими и, такъ сказать, близкими были для меня эти три книги.

«Я жилъ постоянно въ мірѣ, наполненномъ лицами прочитанныхъ книгъ, и всякое живое лицо отождествлялось мною съ тѣмъ или другимъ фантастическимъ образомъ. Вообще я былъ ужасный мечтатель. Конечно, это нужно приписать моему одиночеству, въ которомъ я росъ (до моего рожденія у отца были двѣ дѣвочки, которыя умерли—одна двухъ лѣтъ, другая нѣсколькихъ мѣсяцевъ),

сзертниковъ у меня не было, играть съ другими дѣтьми на улицѣ мнѣ не позволялось: берегли меня, какъ зѣницу ока, а вѣдь мало ли что можетъ статься отъ уличныхъ мальчишекъ: поколотить могутъ, обидѣть!.. Но я полагаю, что извѣстную долю въ образованіи моего характера—угрюмо-мечтательнаго, нужно приписывать дѣйствию закона наслѣдственности. Матери я совершенно не помню (она умерла, когда мнѣ было полтора года), но составилъ о ней представленіе на основаніи разсказовъ. И если отъ отца я заимствовалъ извѣстныя стороны своего личнаго характера, то

Михаиль Ниловичъ Альбовъ.

авторскій зудъ перешель ко мнѣ всецѣло отъ матери. Она писала стихи, хорошо рисовала.

«На 11 году меня отдали во 2-ю петербургскую гимназію. Марать бумагу я началъ со втораго класса. Первая попытка моя была начало «юмористической» повѣсти «Растрепалкинъ»—навѣянной похождениями Чичикова; даже была тамъ и знаменитая «бричка». За нею послѣдовало множество повѣстей, гдѣ фигурировали испанцы и итальянцы. Такъ, былъ у меня, между прочимъ, романъ «Англійскій матросъ»—сколокъ съ «Монте-Кристо» и «Лондонскихъ тайнъ»,—въ которомъ дѣйствіе происходило одновременно въ Англии, Испаніи, Америкѣ и изображена была даже испанская инквизиція. Снѣдало меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстное желаніе «печататься». И вотъ накропалъ я (было мнѣ тогда 18 лѣтъ) разсказецъ въ формѣ дневника, подъ заглавіемъ «Записки подвального жильца»,—и, замирая отъ сознанія своей безпримѣрнѣйшей дер-

зости, послалъ ее по почтѣ въ «Петербургскій Листокъ» Ильи Арсеньева. Радость, съ которою увидѣлъ я «Записки» дня черезъ два напечатанными въ нижнемъ этажѣ этой газетки, напечатанными полностью, со всѣми словечками, запятыми и точками,—въ данный моментъ я ни съ чѣмъ сравнить не умѣю. Помню, что я цѣлый тотъ день ходилъ какъ въ чаду.

«Какъ бы то ни было, это событіе кончилось тѣмъ, что я совсѣмъ бросилъ заниматься ученіемъ. Карманы мои постоянно были наполнены листками бумаги, изображавшими начало разныхъ романовъ и повѣстей. Произошло то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Я получалъ единицы и двойки, застревалъ въ каждомъ классѣ по два года, и въ четвертомъ остался даже на третій, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить гимназію. Первое время я весь былъ подавленъ своею бѣдою, сознаниемъ своей негодности. Мало-по-малу я опять вошелъ въ норму и снова усердно принялся за истребленіе чернилъ и бумаги. Тогда же (1866) я опять написалъ большую часть своей первой «большой повѣсти» «На новую дорогу», напечатанной гораздо позднѣе у того же Ильи Арсеньева. Въ то же самое время я писалъ и другое, кое-что опять напечаталъ. Авторскій зудъ мой тогда былъ въ полномъ своемъ напряженіи. Никогда не забыть мнѣ бѣлыя петербургскія ночи, открытое окно моей комнаты, золотистые края разсвѣта и тихій восторгъ моего тогдашняго «творчества»...

Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Венгеровъ прибавляетъ: «Въ 1867 г. М. Н. поступилъ по экзамену въ четвертый классъ пятой петербургской гимназіи, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1873 г. Съ 1873 г. по 1879 г. онъ находился на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Пребываніе М. Н. въ университетѣ затянулось вслѣдствіе того, что съ лѣта 1877 г. по весну 1878 г. онъ, по собственному желанію, находился въ Дунайской арміи въ качествѣ брата милосердія. Необходимыя для этого фельдшерскія познанія М. Н. приобрѣлъ на читавшихся весной 1877 г. курсахъ первой помощи раненымъ. Университетскимъ дипломомъ своимъ М. Н. не воспользовался для практическихъ цѣлей. Онъ всего одинъ годъ только (съ 1886—87) состоялъ на службѣ (при эстляндскомъ акцизномъ управленіи), а въ присяжные повѣренные не пошелъ».

Изъ этихъ біографическихъ данныхъ мы видимъ, что жизнь Альбова не отличалась разнообразіемъ фактовъ, интересными событіями и оригинальными положеніями. Весь интересъ ея, этой жизни, заключается въ развитіи и проявленіи его скорбнаго духа, его внутренней тоски, постоянно его снѣдавшей, снѣдавшей и въ расцвѣтѣ и въ замираніи его беллетристическаго творчества, съ его глубокимъ анализомъ человѣческой души. Слѣдя за развитіемъ этого таланта по хронологической канвѣ, установленной А. А. Измайловымъ во 2 полутомѣ 1-го выпуска «Новаго энциклопедическаго словаря» Ефрона и

Брокгауза, мы усматриваемъ въ немъ слѣдующіе главнѣйшіе моменты. Минувя его совсѣмъ юношескія произведенія, о коихъ упомянуто въ автобіографіи, мы видимъ, что первая его серьезная вещь романъ «Пшеницыны» помѣщена была въ «Дѣлѣ» (1873); но настоящій литературный успѣхъ имѣла его повѣсть «День итога» («Слово», 1879). За этимъ послѣдовали повѣсти «До пристани» 1) «Воспитаніе Лельки» и 2) «Сутки на лонѣ природы» («Слово», 1879 и 1880) и имѣвшія яркій успѣхъ повѣсти «Невѣдомая улица» («Дѣло», 1882) и «Конецъ Невѣдомой улицы» («Дѣло», 1882). Извѣстность Альбова возросла по напечатанію его романа «Ряса» («Дѣло», 1883). Выходъ въ свѣтъ первой книжки его «повѣстей и рассказовъ» были привѣтствованы въ 1884 г. статьей Михайловскаго, разсматривавшаго рассказы Альбова параллельно съ вещами Баранцевича. Оба писателя, въ значительной степени родственные духовно и сближенные жизненными условіями, стали своего рода литературными близнецами и не для одной критики. Какъ бы въ ознаменованіе этой близости, ими вдвоемъ написанъ юмористическій романъ «Вавилонская башня» съ продолженіемъ «Таинственный незнакомецъ» («Новости», 1886). Въ этомъ романѣ обрисованъ бывшій Пушкинскій кружокъ, съ юмористически, портретнымъ изображеніемъ его участниковъ, въ томъ числѣ многихъ изъ сдѣлавшихъ себѣ въ послѣдствіи имя сверстниковъ Альбова и Баранцевича. Вслѣдъ за лирическимъ рассказомъ «Рыбьи стоны» («Осколки», 1885) Альбовъ сталъ печатать и въ «Русской Мысли» («Какъ горѣли дрова», 1887). Тамъ же позднѣе прошла большая повѣсть его «Юбилей» (1895). Альбовъ печатался еще въ «Вѣстникѣ Европы» («Филиппъ Филипповичъ», 1885), «Сѣверномъ Вѣстникѣ» («Сороковой бѣсъ», «Въ такихъ видахъ», «Тоска»), «Мірѣ Божьемъ» («Сирота», «Глафирина тайна»). Три послѣднія повѣсти, связанныя общностью героевъ, фона и настроенія и образующія какъ бы трилогію, объединены авторомъ въ полномъ собраніи его сочиненій въ одну большую хронику, подъ общимъ заглавіемъ «День да ночь—эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы». Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» помѣщенъ романъ Альбова «Тайна Мамаева» («Хитрый планъ Мамаева»). Въ 1907 — 8 гг. фирмою товарищества Маркса издано полное собраніе сочиненій Альбова, въ восьми томахъ, въ составъ котораго, кромѣ раннихъ произведеній Альбова, вошли недоконченныя вещи: «Изъ старыхъ папокъ»—«Городское проишествіе», «Осеннимъ вечеромъ», позднѣйшіе рассказы и наброски—«Послѣдній день Іуды», историческій рассказъ «Великій царь Петръ и Лизавета», главы недописанной повѣсти «Въ полдень», эскизъ «Диссонапсъ», «Начало и конецъ неудачнаго романа», вольное подражаніе Марку Твэну—«Знакъ отличія мистера Свифта». Положивши перо по написанію очерка «Бубенецъ» («Биржев. Вѣдом.»), Альбовъ въ послѣднее время нарушилъ молчаніе лишь опубликованіемъ отрывка изъ неоконченной повѣсти

«Разгадка впереди», написанной еще въ 1898 г. («Юбилейный сборникъ литературнаго фонда» 1910) и незаконченными драматическими сценами («Пробужденіе» 1910).

Къ этому послужному литературному списку Михаила Ниловича надлежитъ прибавить, что съ 1891 по 1894 гг. онъ состоялъ официальнымъ редакторомъ «Сѣвернаго Вѣстника» издательства Л. Я. Гуревичъ, а также въ послѣднее десятилѣтіе XIX ст. редактировалъ короткое время «Приднѣпровскій Край» въ Екатеринославѣ.

Характеризуя Альбова, какъ писателя, близко знавшій его А. А. Измаиловъ посвятилъ ему слѣдующія строки въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1911 г., № 12389), гдѣ очень вѣрно и мастерски нарисовалъ образъ своего почившаго товарища по перу. Талантливый критикъ говорить:

«Альбовъ и при жизни своей, говоря словами Лѣскова о короткомъ героѣ его эпопеи, Захаріи Бенефактовѣ, — «былъ, какъ бы его не было». Жилъ онъ невидный и неслышный до такой степени, что его совершенно забыли.

«Самъ онъ лѣтъ 15 какъ уже ничего не писалъ. Все, что иногда печаталось, были отрывки, осколки, перепечатки, начала безъ конца и главы безъ продолженій изъ старыхъ тетрадей или старыхъ изданій. Его просили объ этомъ, и онъ именно «сдавался», въ душѣ не придавая ничему изъ этого никакого значенія. Это былъ въ полномъ смыслѣ писатель «на покой». Въ жизни моей я не видѣлъ болѣе трагической и плачевной картины умиранія въ человѣкѣ писателя, совершеннаго изсякновенія въ немъ священнаго дара творчества. Это не была смерть таланта въ обычномъ смыслѣ, когда писатель еще пишетъ обѣими руками, но все это такое, что лучше бы онъ не писалъ. Въ Альбовѣ умерла, атрофировалась самая способность писанія. Умерла фантазія, умерли темы, образы, самый стиль. Онъ писалъ строку своимъ мелкимъ бисеромъ буквъ безъ всякаго наклона и надъ нею строилъ три и четыре этажа поправокъ. Онъ не писалъ, а критиковалъ себя, и каждое свое слово ненавидѣлъ, какъ банальное, тусклое, безсильное. Попытки приводили его въ отчаяніе, и можно думать, что первыя его удостовѣренія въ творческомъ безсиліи, въ этой «первой смерти», были для него пыткой. Потомъ онъ привыкъ къ своему горю и признавался въ немъ безъ видимой горечи. Это писательское «разореніе» было въ немъ такое полное и безызытное, что даже письма, простыя записки онъ писалъ съ трудомъ. И едва ли у кого изъ друзей окажутся интересныя и интимныя письма этого бобыля, который вовсе одиноко и безконечно грустно принималъ и несъ свою холодную жизнь.

«Альбовъ былъ по существу бобыль, одиночка, сирота. Природная склонность выступила въ немъ болѣзненно ко второй половинѣ жизни. Съ любимой женой онъ прожилъ не болѣе года, — она умерла. Съ этого дня онъ сталъ уходить въ свою раковинку, и ушелъ

въ нее съ головой. И о «сиротахъ» и «бобыляхъ», о Глазковыхъ («День итога»), о горькихъ вдовцахъ-попахъ («Ряса»), о старыхъ тоскующихъ дѣвахъ («Тоска», «Сирота», «Глафирина тайна») онъ писалъ—и писалъ съ такимъ хорошимъ постиженіемъ ихъ,—потому, что самъ былъ въ каждомъ доймѣ своемъ сирота и бобыль.

«Психологію одинокихъ, втосковавшихся, готовыхъ бунтовать отъ тоски, хотя бы простымъ запоемъ, Альбовъ постигалъ органически и еще юнымъ. Влюбленный въ Достоевскаго, подъ сильнымъ вліяніемъ его, онъ написалъ свой «День итога», положившій начало его извѣстности. Впаденіе молодого беллетриста въ стиль и манеру Достоевскаго тогда произвело большое впечатлѣніе.

«Тоже покойный теперь, А. Н. Салыниковъ рассказывалъ мнѣ, что одинъ изъ литераторовъ, слышавшій черезъ стѣнку чтеніе велухъ «Дня итога» еще по корректурѣ, приближалъ къ нему съ вопросомъ:

«— Достоевскій написалъ новую вещь?»

«Альбова долго корили подражательностью Достоевскому, и онъ долго отдѣлывался отъ его могучаго вліянія. Отъ чуждой манеры онъ освободился, но тяготѣніе къ психологич., «копанье въ душѣ», самый фонъ романа Достоевскаго остались при немъ навсегда.

«Петербургскія бѣлыя ночи, разливаюція «этотъ странный полусвѣтъ, что не похожъ ни на ночь, ни на день»; туманные осенніе дни съ замирающей гдѣ-то шарманкой, съ унылыми свѣтками далекаго парохода; каменные стѣны домовъ, «блѣдныхъ, словно въ чахоткѣ», пыльные меблировки, черныя лѣстницы съ кошками, цикорнымъ дымомъ и дѣтскимъ плачемъ; далеко за полночь стучація швейныя машины, надъ которыми сидятъ, согнувъ впалыя груди, чахоточныя женщины; блѣдные и мрачные люди, которые ни къ кому не ходятъ, и къ которымъ никто не ходитъ, уныло злобствующие на бездвѣтную мѣщанскую обстановку своей неудавшейся жизни, дьявольски самолюбивые, безнадежно одинокіе и цѣликомъ ушедшіе въ свою думу, — таковъ излюбленный фонъ и любимые образы автора «Дней итога», какъ и творца «Бѣдныхъ людей».

«Огромный каменный городъ далъ однородныя впечатлѣнія и колоссу Достоевскому, и входящему въ его огромный, какъ бы магическій кругъ Альбову. Альбовъ не подражалъ, не поддѣлывалъ, онъ былъ некрепень и выявлялъ свою сущность. Но онъ былъ весь школы Достоевскаго и, благоговѣя передъ нимъ стариннымъ, уже умирающимъ нынѣ благоговѣніемъ, въ первыхъ своихъ вещахъ невольно впадалъ въ подчиненіе ему, въ его манеру, въ стиль, въ языкъ. И отъ первой до послѣдней своей вещи Альбовъ остался пѣвцомъ гнетущаго и убивающаго интеллигентскаго бобыльства, духовнаго и внѣшняго одиночества, сиротства, океанной тоски лю-

дей большого, холодного, каменного города, оторванныхъ отъ живого общественнаго дѣла и таящихъ въ себѣ начало бессознательнаго бунта.

«Философія Альбова была близка чеховской, только Чеховъ взялъ типъ во всей широтѣ и его провинціальной колоритности. Дитя Петербурга, Альбовъ отдалъ всего себя этому каменному Вавилону. Ничего иного онъ не наблюдалъ, не зналъ и не хотѣлъ наблюдать и знать. Помню, какъ одинъ изъ его сверстниковъ и собратій съ великимъ удивленіемъ и недоумѣніемъ говорилъ мнѣ:

«— Представьте, Михаилъ Нилычъ прожилъ цѣлое лѣто въ деревнѣ. Противъ дома, гдѣ онъ жилъ, былъ волостной сходъ, разыгрывались что ни день сцены мужицкаго парламента, мужицкаго суда, загула, дѣвки водили хороводы, парни пѣли пѣсни... Представьте, онъ ни разу не вышелъ сюда, не посмотрѣлъ,—сидѣлъ дома, читая Диккенса, и его силой надо было тащить на прогулку!

«И это было не въ послѣдніе годы, не тогда, когда отъ стараго Альбова оставалась почти одна тѣнь и онъ уже бросилъ свои традиціонныя каждодневныя прогулки отъ Знаменья до Адмиралтейства, а, вставъ утромъ и вымывшись, падалъ на диванъ въ совершенномъ уже изнеможеніи, задыхаясь, какъ раненая рыба на песокъ. Онъ тогда былъ относительно здоровъ, интересовался литературой, читалъ газеты, нѣтъ-нѣтъ и присаживался къ столу, чтобы что-то написать.

«Внѣшняя наблюдательность не интересовала Альбова, не была въ немъ и развита. Это былъ талантъ, какъ бы полярно-противоположный тѣмъ наблюдательнымъ талантамъ вродѣ Успенскихъ, Мамина, которые хватаютъ все кругомъ, какъ на фотографическую пластинку, и этимъ сильны, и кончаются тогда, когда все расскажутъ, что успѣли въ жизни увидѣть, или когда поле ихъ зрѣнія ограничить жизнь.

«Альбовъ былъ психологиченъ по существу, по субстанціи своей. Душа какого-нибудь интеллигентнаго сироты, вродѣ его самого, была для него интереснѣй всего на свѣтѣ, выше престоловъ и царствъ, значительнѣе политики, любопытнѣе всей иной жизни, пѣнящейся, бьющей ключомъ, смѣшной или страшной.

«Михаилу Нилычу шель 60-й годъ. Здоровье его было разрушено настолько, что врачи удивлялись, какъ онъ могъ существовать съ какимъ-то остаткомъ одного легкаго.

«До послѣдняго года, съ точностью не до часовъ, а до минутъ, можно было встрѣтить этого стройнаго, худого человѣка на его регулярной прогулкѣ черезъ весь Невскій. Такъ ему было предписано врачомъ, и онъ блюлъ предписаніе, ибо здоровье было для него уже единственнымъ и тоже ускользящимъ благомъ жизни.

«Послѣдній годъ заключилъ его въ квартирѣ, какъ въ тюрьмѣ. Онъ сталъ уже такъ слабъ, что не могъ самъ налить гостю стаканъ

чая. Но совсѣмъ близкаго конца своего онъ все-таки не видѣлъ и не вѣрилъ въ него. Уѣзжая въ Старожилровку, онъ захватилъ съ собой свою давнымъ-давно начатую работу. Онъ тѣшилъ себя мечтой, какъ тѣшить себя бездѣтная старая женщина,—можетъ быть, еще и совершится чудо!..»

«Въ самый день смерти своей, по разказу извѣстнаго писателя Ф. Ф. Фидлера, которому довелось принять и послѣдній вздохъ стараго друга вмѣстѣ съ другимъ другомъ его, докторомъ Е. В. Святловскимъ,—Альбовъ еще читалъ Вильки Коллинза. Онъ любилъ такое «певолнующее» чтеніе,—Теккерея, Гончарова, Диккенса... Но уже не могъ черезъ часъ развернуть газеты. Онъ откинулся въ креслѣ и тихо заснулъ въ немъ навсегда въ два часа сорокъ минутъ дня».

Г. Измайловъ умѣло обрисовалъ характеръ, жизнь Альбова, его тяготѣніе къ опредѣленнымъ литературнымъ изображеніямъ, психологическому анализу выведенныхъ имъ типовъ, короче, прекрасно очертилъ намъ покойнаго писателя, «Нилыча», какъ сокращенно мы его звали. Онъ самъ отмѣтилъ въ своей автобіографіи, что уже съ юныхъ лѣтъ онъ отличался угрюмой мечтательностью, и это свойство его характера осталось при немъ до послѣдняго часа. Онъ всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ оставался молчаливымъ, неразговорчивымъ, ушедшимъ глубоко въ самого себя. Повидимому, въ его организмѣ было что-то надтреснутое и какой-то недугъ подточилъ его. Сколько я его ни зналъ (а наше знакомство обнимало собою періодъ свыше 20 лѣтъ), я всегда видѣлъ его какъ будто хворымъ, страдающимъ, а потому вѣчно лечащимся. Кашель и слабость груди, конечно, не были свидѣтельствами крѣпости организма, но отъ этихъ проявленій нездоровья было не такъ ужъ трудно излечиться, стоило лишь перемѣнить обстановку жизни и режимъ, но Альбовъ твердо держался своихъ привычекъ и, хотя пользовался указаніями врачей, тѣмъ не менѣе созданъ я имъ себѣ обстановка, несомнѣнно, удручающе дѣйствовала и на его физическій организмъ, и на состояніе духа. Послѣднее какъ-то всегда было подавлено, и именно въ такомъ состояніи его подавленности я съ нимъ ближе и сошелся лѣтомъ 1890 года, когда приглашалъ для «Сѣвернаго Вѣстника» составъ сотрудниковъ.

Былъ жаркій іюльскій день, когда я посѣтилъ Альбова по мѣсту его жительства на Пескахъ, въ домѣ № 4 по 3-ей Рождественской улицѣ. Онъ сидѣлъ въ душной, одиночной комнатѣ, страшно накуренной и съ неразлучнымъ самоваромъ. На мое приглашеніе стать сотрудникомъ организуемаго журнала онъ согласился, но заявилъ, что сейчасъ у него ничего готоваго нѣтъ. На этомъ мы и разстались, но уже черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца онъ принесъ мнѣ исписанныя тетради почтовой бумаги, заключавшія въ себѣ его повѣсть «Тоска» съ ея героиней Глафирой. Нечего и говорить, какъ я порадовался этому

пріобрѣтенію, и съ того времени Михаилъ Ниловичъ сталъ своимъ человѣкомъ въ нашей молодой литературной семьѣ, а съ поздней осени вошелъ въ составъ редакціи, взявъ на себя, между прочимъ, просмотръ и нѣкоторую техническую отдѣлку романа А. А. Винницкой «Подѣнова и Ярославцева», долженствовавшего появиться въ первыхъ книжкахъ новаго года. Во весь періодъ до весны этого года наши съ нимъ отношенія были самыми близкими, товарищескими, и я крѣпко полюбилъ этого тихаго, молчаливаго человѣка съ грустнымъ взоромъ и не по годамъ постарѣвшимъ лицомъ, избороденнымъ морщинами и отливавшимъ сѣро-желтой краской.

Въ маѣ 1891 года моя издательская антреприза лопнула, я изъ роли перваго лица въ журналѣ переходилъ на второе мѣсто и вынужденъ былъ перемѣниться съ г. Волынскимъ-Флексеромъ ролями.

При издательствѣ г-жи Л. Я. Гуревичъ первымъ лицомъ становился именно онъ, и, конечно, при его болѣзненномъ самомиѣніи и недостаточномъ тактѣ въ обращеніи съ людьми мое положеніе, какъ номинальнаго редактора, могло обратиться въ нѣчто для меня очень обидное и тяжкое. Убѣгая зла, я рѣзко порвалъ съ журналомъ и отказался отъ редакторства. Смущенные такимъ рѣшеніемъ, мои преемники, понимая, что имъ безъ правительствомъ утвержденнаго редактора не обойтись (а утвержденіе въ этомъ званіи въ тѣ годы было дѣломъ нелегкимъ), съ тревогою обратились ко мнѣ же съ вопросомъ: кого я могу имъ указать и рекомендовать на роль редактора? Послѣ недолгаго раздумья я назвалъ Альбова, и мое указаніе было ими встрѣчено до нельзя радостно. Они получали для обложки журнала крупное литературное имя, долженствовавшее быть примакою для подписчиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ его же лицѣ они пріобрѣтали, какъ имъ казалось, податливаго человѣка, который не будетъ соваться въ другіе отдѣлы, кромѣ беллетристики, и позволить имъ обратить журналъ въ арену тѣхъ полемикъ и общественныхъ тенденцій, которыя и составили ему въ нашей журналистикѣ девяностыхъ годовъ совсѣмъ особое положеніе ¹⁾). Рекомендуя, съ своей стороны, Михаила Ниловича, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, его матеріальное обезпеченіе, зная, насколько онъ, при скудости своего писанія, нуждался въ средствахъ жизни; но, указывая на него, я вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не былъ увѣренъ въ его согласіи и, пригласивъ его къ себѣ, изложилъ ему мои соображенія про и contra принятія дѣлаемаго ему предложенія.

— За,—объяснялъ я ему,—говорить необходимость матеріально обезпечиться и оправиться, въ чемъ вы нуждаетесь. Противъ—и это имѣйте въ виду—то, что вамъ придется играть въ рукахъ Волынскаго роль пѣшки, поступаться своими реалистическими литературными тенденціями и вести полемическую борьбу съ тѣми, кого вы

¹⁾ «Болѣзнь или реклама». «Истор. Вѣсти.» 1896 г. Моя объ этомъ статья.

считаете, какъ семидесятникъ, одного съ вами литературнаго прихода. Если вы можете выкинуть изъ жизни опредѣленные душевные и уметвенныя тяготѣнія—идите съ нимъ объ руку, иначе вы со временемъ пожалѣете о данномъ согласіи. Вы сейчасъ нужны, какъ ширма, и вами будутъ поворачивать, какъ угодно.

Альбовъ, пощипывая бороду и пыхтя своей вѣчной панпроской, мрачно слушалъ, что-то робко отвѣчалъ и въ концѣ концовъ какъ-то нерѣшительно отвѣтилъ, что онъ уже далъ свое согласіе на редакторство и полагаетъ, что я преувеличиваю грозящую ему опасность. Мы разстались, но, если не ошибаюсь, его ближайшіе друзья К. Баранцевичъ и Н. Соловьевъ-Несмѣловъ тоже не слушали ему ничего добраго отъ принятой имъ на себя обязанности.

Прошло пять лѣтъ; я рѣдко встрѣчался съ Михайломъ Ниловичемъ и совершенно не зналъ, какъ онъ чувствуетъ себя въ новомъ положеніи. Мы встрѣтились лишь въ 1896 году въ Москвѣ у Д. И. Тихомирова, издавашаго тогда отдѣльною брошюрою мою біографію Н. М. Ядринцева и въ журналѣ котораго «Дѣтское Чтеніе» я готовился помѣстить рядъ историческихъ очерковъ для юношества. Оказалось, что весною того года Альбовъ проживалъ въ квартирѣ Тихомировыхъ, не состоя уже редакторомъ «Сѣвернаго Вѣстника». Я обрадовался встрѣтивъ стараго знакомаго, котораго когда-то такъ полюбилъ и къ которому чувствовалъ всегда и какъ къ писателю, и какъ къ человѣку большое тяготѣніе. Встрѣча наша вышла на первыхъ порахъ нѣсколько холодною и натянутою, и мы точно чувствовали, что между нами имѣется что-то недоговоренное, что-то оборванное въ отношеніяхъ, но что нужно, во что бы то ни стало нужно, возстановить.

Я вечеромъ поздно уходилъ отъ редактора «Дѣтскаго Чтенія», Альбовъ вышелъ меня проводить, и по дорогѣ какъ-то невольно оба сразу выразили желаніе поговорить съ глазу на глазъ въ какомъ-нибудь нейтральномъ помѣщеніи.

— Зайдемте въ «Эрмитажъ» или «Большой Московскій»,—предложилъ я.

— Туда ни за что! Въ такія аристократическія заведенія я не захожу, а вотъ пойдемте въ трактиръ «Саратовъ»—тамъ чувствуешь себя по душѣ, по-простецки, да и типы тамъ интереснѣе.

Тутъ сказался весь Альбовъ съ его природнымъ демократизмомъ и тяготѣніемъ къ сѣрому люду, который онъ на протяженіи своей литературной дѣятельности такъ глубоко изучилъ и любилъ обрисовывать. И, дѣйствительно, мы очутились вскорѣ въ какомъ-то третье-разрядномъ ресторанѣ съ его шипящимъ и гудящимъ органомъ, съ его сомнительной чистоты половыми въ рубахахъ и въ окруженіи именно той публики мужского и женскаго пола, среди которой мой собесѣдникъ чувствовалъ себя дѣйствительно въ своей тарелкѣ.

За стаканомъ вина всѣ болыные вопросы, все недавнее прошлое всплыло паружу, и на мой вопросъ, какъ чувствовалъ онъ себя безъ меня въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», почему онъ оттуда ушелъ, Михайлъ Ниловичъ своею обычно заикающеюся рѣчью, съ вѣчнымъ вскидываніемъ пенсы и первымъ поднятіемъ головы началъ говорить. Оказалось, что онъ на меня въ претензіи и считаетъ, что я сыгралъ дурную роль въ его жизни.

— Вы меня толкнули на такую дорогу, о которой вспоминаю съ ужасомъ и болью. Я изстрадался тамъ и вынужденъ былъ поступаться моими завѣтными симпатіями и убѣжденіями. Я ставилъ свое имя на оберткѣ журнала, гдѣ поливалось грязью все то, что мнѣ было всегда дорого и съ чѣмъ я считалъ себя тѣсно связаннымъ...

— Но, вѣдь, я васъ въ свое время предупреждалъ, что такъ будетъ. Къ чему же вы согласились стать моимъ замѣстителемъ?

— Вотъ тутъ-то вы и виноваты: вы задѣли мое самолюбіе, сказавъ, что я буду, какъ руководитель журнала, нулемъ, что мною будетъ помыкать Волынской и что тѣ люди, которые меня зовутъ стать во главѣ изданія, меня, какъ общественную величину, какъ писателя извѣстнаго знамени, считаютъ ни во что, величиною ограниченною.

— Въ чемъ же тутъ моя вина и при чемъ тутъ самолюбіе?

— Я хотѣлъ вамъ доказать противное, я хотѣлъ съ ними бороться и побороть...

— И...?

— И въ концѣ концовъ покинулъ журналъ съ чувствомъ безсилія и съ сознаніемъ, что сдѣлалъ ошибку, принявъ редакторство. Это была моя громадная ошибка, которой себѣ простить не могу и въ которой считаю и посейчасъ васъ козвенно виновнымъ.

Дальнѣйшая бесѣда протекла не такъ остро. Мои побужденія, добрыя по отношенію его, обрисовались ему не въ столь мрачномъ свѣтѣ; наше пребываніе въ «Саратовѣ» заключено было даже дружескимъ брудершафтомъ и дальнѣйшими странствованіями по гуляющей Москвѣ, до которыхъ милѣйшій Михайлъ Ниловичъ, въ роли наблюдателя нравовъ, былъ всегда такой охотникъ. Наши добрыя отношенія съ того времени прочно установились и о прошломъ не рождалось уже помину. Теперь, когда Михаила Ниловича уже нѣтъ на свѣтѣ, я, вспоминая нашъ московскій разговоръ, остаиваюсь на его признаніи о самолюбіи, которымъ онъ руководился въ 1891 г., дѣлая шагъ не по душѣ. Это признаніе чрезвычайно характерно для Альбова и отчасти освѣщаетъ вопросъ, который часто и при жизни его и послѣ его похоронъ рождался среди близкихъ ему: не было ли самолюбіе тою причиною, которая побуждала его быть такимъ ушедшимъ въ себя, такимъ угрюмымъ и подчасъ раздражительнымъ. Не чувствовалъ ли онъ въ своей жизни недостаточную удовлетворенность этому самолюбію и былъ ли доволенъ тою ролью.

тѣмъ положеніемъ въ нашей литературѣ, которыя ему отвела жизнь и критика. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ его друзей считаютъ именно самолюбіе причиною его обособленности и наша приведенная выше бесѣда даетъ основаніе полагать, что въ ихъ утвержденіи имѣется доля истины. Отчасти подтвержденіе этому усматривается и изъ его раздраженія, которое онъ порою испытывалъ при лицезрѣннн шумнаго уснѣха нынѣшнихъ модныхъ беллетристовъ съ ихъ баснословными гонорарами, которыхъ ни онъ, ни его поколѣніе писателей никогда и во снѣ не видѣли. Его, вѣчно нуждавшагося и жившаго, что называется, съ хлѣба на квась, эти гонорары какъ-то раздражали и сердили.

Мои встрѣчи и бесѣды съ Альбовымъ за послѣднее время происходили преимущественно на Невскомъ, во время его обычныхъ прогулокъ по предписанію доктора отъ Знаменія къ Адмиралтейству для моціона. Помимо этой необходимости прогулки эти хоть нѣсколько разнообразили его одинокую жизнь, отвлекали его отъ себя и питали его сторонними и новыми впечатлѣніями. Сопутствуя ему иногда въ этихъ прогулкахъ и заходя съ нимъ по дорогѣ въ посѣщаемыя имъ кофейныя Филиппова, Исакова, Андреева, расположенныя по Невскому, я явственно видѣлъ, что Альбовъ гадеть, слабѣть и понималъ, что его смертная бѣда не за горами. Самъ онъ, хотя и не любилъ говорить о грозящей ему опасности и, по словамъ его друзей, даже чувствовалъ паническій страхъ передъ призракомъ смерти, все продолжалъ жаловаться на удручающіе его недуги. Не забуду, какъ однажды осенью при встрѣчѣ онъ радостно заявилъ мнѣ, что освободился отъ своего вѣчнаго кашля.

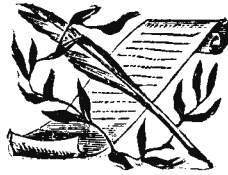
— Я былъ въ Крыму, и Елпатьевскій (докторъ и небезызвѣстный писатель) настоялъ, чтобы я бросилъ курить. Весь мой кашель въ горлѣ, и папироска мой ядъ. Но представь себѣ, что случилось. Съ послѣдней брошенной папироской я потерялъ совершенно способность къ писанію. Точно меня отшибло, а безъ писанія, безъ пробъ пера я скучаю.

Прошло нѣкоторое время, Альбовъ крѣпился, не курилъ, но зато и не писалъ и, какъ мнѣ казалось, чувствовалъ себя еще болѣе удрученнымъ, чѣмъ обычно. Но вотъ я встрѣчаю Михаила Ниловича снова на улицѣ; онъ кашляетъ и отказывается говорить на воздухѣ. Оказалось, старая привычка взяла верхъ надъ усиліями воли,—онъ закурилъ, и его снова потянуло къ черниламъ, къ бумагѣ, къ вымыслу. Правда, за эти годы печатно съ новымъ произведеніемъ онъ нигдѣ не появлялся, но, какъ передавалъ на его похоронахъ извѣстный критикъ К. И. Чуковскій, Альбовымъ написана большая повѣсть «Ночная жуть», гдѣ авторъ передаетъ впечатлѣнія своего героя, переживаемыя имъ въ бессонную ночь, его воспоминанія о прожитой жизни въ ассоціаціи живыхъ образовъ и предметовъ. Эту свою новую вещь, почти оконченную, онъ читалъ на дачѣ

молодому критику еще прошлым лѣтомъ и, по его словамъ, тутъ имѣются страницы въ полномъ смыслѣ великолѣпныя, въ Альбовскомъ духѣ, съ замѣчательною реалистическою отдѣлкой деталей, которыя, какъ живыя и наглядныя, выступаютъ съ парисованнаго полотна. Будемъ надѣяться, что это посмертное произведение нашего выдающагося писателя школы Достоевскаго не замедлитъ увидѣть свѣтъ и напомнить читателямъ о человѣкѣ, который столько лѣтъ являлся несомнѣннымъ украшеніемъ нашей литературы и съ именемъ котораго связала цѣлая полоса семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ, изъ коихъ онъ цѣлкомъ и вышелъ.

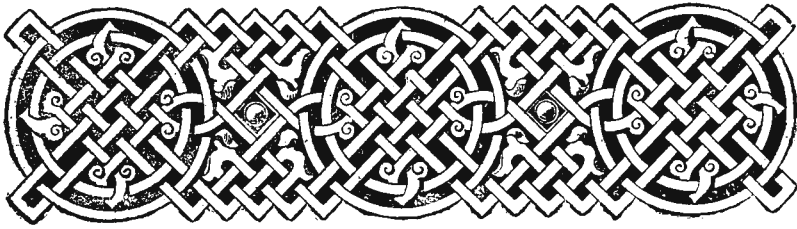
Скромно, болѣе чѣмъ скромно протекли похороны Миханла Пиловича на Волковомъ кладбищѣ. Петербургъ, въ затишьѣ лѣтней жизни, слабо отозвался на эту смерть, и пѣвецъ нашей сѣверной столицы и ея талантливый художникъ-портретистъ былъ скромно безъ рѣчей и вѣнков¹⁾, опуцень въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, какъ тихо и скромно протекла и его жизнь. Спроу была она для него, такимъ же спрымъ былъ и послѣдній его похоронный часъ...

Г. Л. И.

¹⁾ Вѣнокъ былъ возложенъ только фирмою Маркса «Низа».

ВЪ ГОСТЯХЪ У ПЕЛИКАНА

Сотни бѣленькихъ вратокъ,
Ярко солнцемъ залитыхъ;
Сотни маленькихъ ребяткѣ;
Сотни глазокъ голубыхъ,
Глазокъ сѣрыхъ, глазокъ черныхъ,
Гдѣ блеститъ одинъ вопросъ:
Кто насъ, слабыхъ и покорныхъ,
Въ этотъ домъ большой принесъ?..
Мать сама ль, вздыхая тивко,
Или чуждая рука?

На груди у нихъ востяшка
Съ четкимъ знакомъ номерка:
Никогда отецъ любимый
Не надрѣжетъ тотъ шнурокъ,
И никто, никто родимый
Не отвяжетъ номерокъ!
Въ жизнь вошли вы сиротами,
Вамъ одинъ защитникъ дакъ, —
Осѣнившій васъ крылами,
Старый, бѣлый Пеликанъ...

М. К.

А ПОСЛѢДНИЕ годы все чаще и чаще стали появляться въ печати упреки воспитательнымъ домамъ за ихъ отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ по вскормленію и призрѣнію брошенныхъ матерями младенцевъ. Читая и слушая все, что рассказываютъ о чудовищной якобы смертности питомцевъ воспитательныхъ домовъ, общество волнуется, раздаются вопли: «Это ужасно! это безобразіе! пора бы отобрать дѣло отъ казны... тамъ умышленно морять дѣтей, чтобы сократить комплектъ... дѣти мрутъ отъ голода, потому что у каждой мамки по трое младенцевъ... зачастую цѣлый день до прихода врача мертвый ребенокъ лежитъ въ одной люлькѣ съ живымъ... воздухъ отвратительный... пища невозможная... грязь... нечистота... масса злоупотребленій, а администрація на все глядитъ сквозь пальцы»... Поговорять, погорячаться и, изливъ наболѣвшее за участь покинутыхъ младенцевъ сердце, всѣ понемногу снова успокаиваются, каждый идетъ и ѣдетъ по своимъ дѣламъ, а воспитательный домъ стоитъ себѣ все также въ центрѣ

столицы; широко подъ его древней кровлей раскинулъ крылья бѣлый пеликанъ, эта «баба-птица», кормящая, согласно народному повѣрью, собственной кровью и плотью своихъ птенцовъ, и въ ворота его все входятъ и выходятъ какія-то женщины съ закутанными въ одѣяльца младенцами.

Мысль проникнуть за высокую ограду въ это загадочное заведение явилась какъ-то у небольшого кружка дамъ. «Помилуйте, васъ никогда туда не впустятъ,—говорили намъ.—Развѣ вѣдомство потерпитъ подобный контроль?» Особенно пугали насъ почетнымъ опекуномъ. «Старый, суровый генераль... да вы только нарветесь на неприятный отказъ... Лучше и не пытайтесь»... Но мы попытались, постучались, и старый генераль, со старой и, увы, нынѣ уже исчезающей въ новомъ поколѣннн рыцарской предупредительностью, открылъ намъ тяжелыя двери стараго екатерининскаго зданія ¹⁾. Что же нашли мы... Чистоту, безукоризненную, педантическую, какую далеко не всегда встрѣтишь въ дѣтскихъ частныхъ лицъ, Нигдѣ ни пылинки. Какъ зеркало блестящяе, постоянно вытираемые полы и свѣжій воздухъ. Всѣ три этажа главнаго зданія раздѣлены поперекъ, съ сѣвера на югъ, на 10 палатъ каждый; въ каждой палатѣ отъ 35 до 45 мамокъ, а дѣтей ..столько же. Въ день нашего посѣщенія, при наличности 1135 дѣтей, только у 40 кормилицъ было по два пшотца, которые прикармливались стерилизованнымъ молокомъ. У каждаго младенца своя кровать подъ бѣлымъ, обтянутымъ марлевой тканью кузовкомъ, который при малѣйшемъ заболѣваннн пропитывается лѣсною водой, для облегченія дыханія. Въ корпусѣ кровати сдѣланъ выдвигной ящикъ, гдѣ хранится дневной запасъ чистаго бѣлья, а на полу подъ нею стоитъ цинковое герметическое ведрышко, куда на время складываются грязныя пеленки, чтобы показать ихъ палатному врачу. Въ сутки на младенца ихъ полагается, смотря по надобности, отъ 15 до 30 штукъ. Мокрую пеленку не сушатъ, какъ дѣлается во многихъ частныхъ семьяхъ, ее отправляютъ въ прачечную. Какъ упомянуто, въ день посѣщенія въ домъ было 1135 дѣтей; помножьте это число на 15 (я нарочно беру минимальную цифру), итого—17,025 пеленокъ, а сколько распашенокъ, кофточекъ, наволоковъ, предметовъ бѣлья и одежды кормилицъ,—ихъ бѣлыхъ косынокъ, передниковъ и рубахъ, ихъ цвѣтныхъ юбокъ и сарафановъ, да сколько же прачекъ требуется для этой чудовищной стирки? Много и все же меньше, чѣмъ можно ожидать, но зато прачечная оборудована такъ, что мы диву дались, когда вымоченное съ утра грязное бѣлье при насъ стиралось, полоскалось, выжималось и гладилося огром

¹⁾ Управляющимъ императорскимъ с.-петербургскимъ воспитательнымъ домомъ состоитъ почетный опекунъ генераль-отъ-пифантернн Николай Петровичъ Брокъ, портретъ котораго приложенъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

ными машинами. Ни пару, ни суеты, ни излишне пролитой на полъ воды. Этимъ отсутствіемъ грязнаго бѣлья и объясняется чистота воздуха въ палатахъ. Дѣти больныя, незаразныя,—а для заразныхъ есть строго изолированное, прекрасно оборудованное помѣщеніе,—остаются въ палатахъ. Только къ бѣлому кузовку ихъ кровати прикалывается красный бантикъ, какъ маленькій тревожный сигналъ. На нихъ сосредоточено особенное вниманіе и надзирательницы, и палатной няни-фельдшерницы, которая кушаетъ дѣтей, даетъ имъ лекарство, вызываетъ въ экстренныхъ случаяхъ

Пріемъ дѣтей въ экспедиціи.

дежурнаго врача и педантически исполняетъ всѣ ежедневныя предписанія своего палатнаго ординатора.

Мамкамъ кроватей не полагается. Это больной пунктъ администраціи—мѣста мало. Въдѣ воспитательный домъ въ Петербургѣ былъ рассчитанъ на 500 дѣтей, а ихъ въ иные дни бываетъ почти втрое больше. Мамки спятъ на соломенныхъ стеганыхъ матрацахъ на полу. Каждой полагается подушка, одѣяло, двѣ простыни и наволочка. На день все это аккуратно складывается по угламъ палаты и закрывается чистыми чехлами, а въ случаѣ заболѣванія тщательно дезинфицируется. Пока провѣтривается южная сторона палаты,—дѣтей переносятъ за плотныя, высокія ширмы на сѣвер-

ную, форточки и фрамуги открываются, и вѣтеръ свободно омываетъ стѣны. Потомъ такимъ же образомъ освѣжается воздухъ и на другой половинѣ. Въ верхнемъ этажѣ топятся цѣлый день камни.

Пища для кормилицъ готовится въ огромныхъ котлахъ. Пища грубая, но здоровая и для нихъ привычная. Щи, горохъ, перловый супъ, каша, картофель и т. п., но хлѣба и варева сколько хочется. «Лишь бы сыты были!» говорилъ генералъ. Мы пробовали пищу прямо изъ общаго котла. Были кислые щи и каша. Хорошо, провизія свѣжая. Въ особомъ деревянномъ чайѣ было заготовлено лимонное питье; боченки, налитые имъ, стоятъ въ каждой палатѣ для утоленія жажды мамокъ. Намъ водили въ кладовую въ подвалъ, гдѣ хранятся припасы; изъ кадокъ, по нашему указанію, пробовали мы масло, капусту; въ мѣшкахъ смотрѣли крупы. Въ пекарнѣ при насъ пекаря на длинныхъ лопатахъ вытаскивали горячіе хлѣбы изъ печей; мы и ихъ попробовали и запили квасомъ,—все безукоризненно. Потомъ мы осматривали церковь, оспопрививальню, гдѣ готовится детритъ и всѣмъ желающимъ бесплатно прививается оспа, лазаретъ, хирургическое отдѣленіе, помѣщенія служащихъ и наконецъ «школу нянь». Этимъ учрежденіемъ, гдѣ довоспитываются самыя здоровыя и способныя изъ питомицъ, отдаваемыхъ въ деревни, мы были совершенно очарованы. Въ школѣ 4 класса; 15-и 16-лѣтнія неотесанныя деревенскія дѣвочки младшаго—въ выпускномъ превращаются въ строго выдержанныхъ нянь. Ихъ обучаютъ не только грамотѣ и рукодѣлю, но уходу на практикѣ за дѣтьми,—отдѣленіе законныхъ дѣтей всецѣло на ихъ рукахъ,—первоначальнымъ медицинскимъ свѣдѣніямъ и врачебному дѣлу. За эти 4 года ученья каждая обязана отслужить 6 лѣтъ казнѣ въ качествѣ няни въ домѣ (имѣя на рукахъ палату изъ 40—50 дѣтей), или на частныхъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволяютъ расширить это симпатичнѣйшее учрежденіе (комплектъ 100 восп.).

Бюджетъ петербургскаго воспитательнаго дома болѣе 1¹/₂ милліона рублей, включая и расходы по содержанію питомцевъ платнаго возраста въ деревняхъ, а также сельскихъ лазаретовъ, приютовъ и школ¹⁾. Кто читалъ въ «Новомъ Времени» (№ 11647—«Воспитательные дома въ Россіи и въ Америкѣ») про роскошь нью-іоркскаго Foundling Hospital, тотъ напрасно сталъ бы искать здѣсь ковровъ и качалокъ,—напротивъ, ступени внутренней лѣстницы, по которой мамки спускаются изъ всѣхъ этажей въ столовую сильно истерты и выбиты, но мы всѣ пятеро остановились и съ благоговѣніемъ смотрѣли на эту нѣмую и краснорѣчивую камен-

1) Въ теченіе 1909 г. находилось всего на призрѣніи 33,527 питомцевъ, и общіе расходы заведенія выразились въ суммѣ 1.778,190 руб. 57 коп.

Палата для недоношенныхъ дѣтей.

ную лѣстницу. Сколько миллионѣвъ шаговъ вытерли эти плиты? Сколько женщинъ, можетъ быть, съ величайшей скорбью и отчаяніемъ въ душѣ прошло по нимъ? Сколько матерей спустилось за насущнымъ кускомъ хлѣба, думая съ ужасомъ: «а что будетъ со мной, когда я выйду изъ-подъ этого пріютившаго меня крова?...»

Цѣль нашего маленькаго кружка была предложить свои безкорыстныя услуги воспитательному дому. Мы, идя туда, говорили: «Тамъ все «нерадивые» (!) наемщики и наемщицы, но мы кликнемъ кличъ, отзовется не одинъ десятокъ женщинъ, готовыхъ прійти на подкрѣпленіе, и мы попросимся дежурить по очереди, будемъ помогать ходить за дѣтьми, обмывать и пеленать ихъ... своимъ добровольнымъ трудомъ и рвеніемъ мы вдохнемъ жизнь въ мертвую казенницу»... а, уходя оттуда, мы готовы были земно поклониться этимъ наемщикамъ и наемщицамъ за ихъ самозабвеніе, за самоотверженное служеніе тѣмъ, кого общество безпечно отдало имъ на воспитаніе. Все это мы высказали «суровому» генералу, который бываетъ тамъ ежедневно, появляясь въ никогда не указанное заранѣе время и днемъ и ночью то въ палатахъ, то въ лазаретѣ, то въ прачечной, то въ кладовой. Онъ самъ цѣлые 4 часа водилъ насъ по всему огромному зданію отъ чердаковъ до подваловъ, открывая каждую замкнутую дверь, каждый запертый шкапъ. Но мы, какъ Оома, невѣрующія, попросили для вящаго убѣжденія разрѣшить намъ продежурить въ домѣ цѣлыя сутки, чтобы воочию ознакомиться съ мѣстными порядками. И это разрѣшеніе было дано съ тою же готовностью.

На дневное дежурство (нарочно въ постный день, выбранный нами, чтобы испытать, «какъ тамъ пахнетъ въ постъ и чѣмъ кормятъ») трое изъ нашихъ дамъ отправились снова за высокую ограду въ гости къ Пеликану. За цѣлый день съ 9-ти час. утра до 9-ти час. вечера онѣ, каждая въ разныхъ этажахъ, присутствовали при уборкѣ и провѣтриваніи палатъ, при обходѣ врачей, при медицинскомъ осмотрѣ каждаго младенца, при кормленіи, куданіи, смѣнѣ и выдачѣ бѣлья, при приѣмѣ вновь приносимыхъ младенцевъ и наконецъ при отходѣ кормилицъ и дѣтей ко сну. Онѣ не могли нарадоваться на этотъ громадный механизмъ, вѣчно движущійся, вѣчно работающій надъ поддержаніемъ еле теплящейся иногда жизни... «Смертность колоссальная»... Въ самомъ домѣ не только не выше, а много ниже, чѣмъ среди бѣднаго класса—средній процентъ за послѣднія 30 лѣтъ—15—17. А какихъ заморышей туда приносятъ! Вѣдь многія матери принимаютъ иногда чудовищныя мѣры для того, чтобы избавиться отъ этихъ маленькихъ жизней, грозящихъ имъ позоромъ и ницетію... Въ отдѣленіи недоносковъ мы видѣли въ числѣ прочихъ двѣнадцати двухъ, особенно насъ поразившихъ, они почти не дышали. Одного мы всѣ приняли за трупикъ. Когда же черезъ 15 дней наши дамы пришли на дежур-

Вторая палата III отделения.

ство, оба порозовѣли, прибавились въ вѣсѣ и сладко дремали въ своихъ никелевыхъ кувезахъ, согрѣваемые искусственнымъ тепломъ. «Строгость къ мамкамъ сверхчеловѣческая». Да, дисциплина строгая, но не безчеловѣчная, а только разумная. Но развѣ можно безъ дисциплины управиться съ 1100, а подчасъ и съ 1500 невоспитанными женщинами? Живя на всегъ готовомъ, за кормленіе какъ своего, такъ и чужого ребенка онѣ получаютъ въ домѣ по 9 рублей въ мѣсяць, а за кормленіе двухъ младенцевъ сразу—15 рублей. За оставленіе своего ребенка на вѣчное попеченіе казны кормилица обязана прокормить чужого не менѣе 2 мѣсяцевъ. Если мать захочетъ выписаться со своимъ ребенкомъ домой, «взять его на грудь», она въ первый годъ получаетъ 9 рублей, а во второй 6 рублей ежемѣсячно. А потомъ? Вотъ это-то «потомъ» и должно взять на себя общество. Если трудно мамку заставить въ стѣнахъ заведенія соблюдать чистоту и надзирательницы выбиваются изъ силъ, чтобы образумить этихъ своевольныхъ перяхъ, которыя при такомъ обиліи бѣлья требуютъ неусыпнаго надзора, предпочитая сунуть грязную пеленку въ люльку подъ матрасикъ, а не въ ведро тутъ же на полу (чему свидѣтельницы наши же дамы), то можно себѣ представить, въ какой грязи держать онѣ своихъ дѣтей дома. Пока къ русской женщицѣ не привьются требованія чистоплотности и порядка,—горю не помочь.

Наше ночное дежурство пришлось отложить по болѣзни автора настоящей статьи. Та же причина помѣшала мнѣ выступить съ своимъ отчетомъ своевременно: мнѣ хотѣлось привлечь къ дежурству кого-нибудь изъ нашихъ писательницъ, имѣющихъ авторитетный голосъ въ публицистикѣ, но время уходитъ и, не осуществивъ этого плана, приходится самой взяться до срока за перо. Невольно хочется спросить общество: «Зачѣмъ же никто изъ васъ, господа, не толкнется въ петербургскій воспитательный домъ? Пойдите, убѣдитесь, что и въ казенномъ заведеніи у людей есть совѣсть, сознаніе долга, способность уйти въ дѣло, не только не слыша спасибо отъ тѣхъ, съ которыхъ этимъ снимаютъ тяжелую отвѣтственность за грѣхи самого общества, но читая и выслушивая про себя несправедливыя нареканія».

Только разъ, 35 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ «Дневникѣ писателя» О. М. Достоевскій (май 1876 г.) въ статьѣ «Нѣчто объ одномъ зданіи» подѣлился съ читателями своими впечатлѣніями отъ посѣщенія воспитательнаго дома въ Петербургѣ, и вотъ что пишетъ нашъ великій заступникъ всѣхъ бросаемыхъ, унижаемыхъ и оскорбляемыхъ:

«Я попалъ въ воспитательный домъ, въ которомъ никогда не былъ и куда давно порывался, посмотрѣть. Благодаря знакомому врачу, осмотрѣли все. Впрочемъ, о подробныхъ впечатлѣніяхъ моихъ потомъ; я даже ничего не записалъ и не отмѣтилъ ни годовъ,

Львний баракъ № 1.

ни цифръ; съ перваго шага стало ясно, что съ одного раза нельзя осмотрѣть и что сюда слишкомъ стоитъ еще и еще воротиться... Слѣдовательно, описаніе мое все въ будущемъ, а теперь мелькають лишь воспоминанія: памятникъ Бецкому, рядъ великолѣпныхъ залъ, въ которыхъ размѣщены младенцы, удивительная чистота (которая ничему не мѣшаетъ) кухни, питомникъ, гдѣ изготовляются телята для оспопрививанія, столовая, группы маленькихъ дѣтокъ за столомъ, группы пяти и шестилѣтнихъ дѣвочекъ, играющихъ въ лошадки, группа дѣвочекъ подростковъ по 16 и 17, можетъ быть, лѣтъ, бывшихъ воспитанницъ дома, притовляющихся въ нянюшки и старающихся восполнить свое образованіе: онѣ уже кое-что знаютъ, читали Тургенева, имѣють ясный взглядъ и очень мило говорятъ съ вами. Но г-жи надзирательницы мнѣ больше понравились; онѣ имѣють такой ласковый видъ (вѣдь не притворились же онѣ для нашего посѣщенія), такія спокойныя, добрыя и разумныя лица. Иныя, видимо, имѣють образованіе». (Стр. 183—184 10 т. полного собранія сочиненій Достоевскаго). И потомъ (стр. 191): «Вотъ я вижу, эта баба, эта грубая кормилица, это «нанятое молоко» вдругъ поцѣловала ребенка,—этого-то ребенка, «вышвырка-то»! Я и не зналъ, что здѣсь кормилицы цѣлуютъ ребятъ; да вѣдь за этимъ только, чтобы увидѣть, стоило бы сюда съѣздить... А она поцѣловала и не замѣтила, что я смотрѣлъ».

Да, дѣтей въ этихъ стѣнахъ и цѣлуютъ, и ласкають, и нѣжатъ и холятъ, а не «морятъ» вопреки всѣмъ увѣреніямъ, и отдають имъ годы жизни, изъ которыхъ каждый день, каждый часъ полонъ самоотверженія и тяжелаго, на неопытный глазъ почти непосильнаго, труда, и за такіе подвиги христіанской любви никогда ни отъ кого изъ родившихъ этихъ вышвырнутыхъ безжалостно дѣтей ни слова благодарности. Гдѣ же справедливость и кто правъ: обвинители или обвиняемые?.. Довольно упрековъ. Мы, русскіе, по свойственной намъ привычкѣ, готовы только бранить свое хорошее, а бѣлый Пеликанъ заслуживаетъ другого...

Итакъ, все, значить, обстоитъ благополучно, и участіе общества въ дѣлѣ призрѣнія брошенныхъ дѣтей совершенно излишне? Напротивъ. Намъ, русскимъ интеллигентныхъ женщинъ, уже второй вѣкъ ждетъ великое, чисто женское дѣло. Если въ стѣнахъ воспитательнаго дома приложены всѣ усилія, все человѣческое знаніе, чтобы поддержать зародившуюся жизнь и отправить въ деревню возможно здороваго и упитаннаго младенца, если тамъ и почетный опекунъ, и директоръ, и его подчиненные, и врачи, и старшія и младшія несущія свой тяжелый трудъ надзирательницы, наконецъ и весь персоналъ нянь, служительницъ и служителей, прачекъ и пекарей соединились въ одну тѣсную и дружную семью,—соединимся же и мы и предложимъ наши услуги для продолженія ихъ дѣла тамъ, гдѣ не хватаетъ уже ни рукъ, ни средствъ—для

Крестильная зала.

ухода за младенцемъ съ той минуты, когда его, закутаннаго въ одѣяльце, вынесутъ изъ гнѣзда бѣлаго Пеликана, чтобы освободить мѣсто новому птенцу.

Какъ поставлено это дѣло въ настоящее время, видно изъ слѣдующей справки:

«Всѣ принесенныя въ воспитательный домъ дѣти остаются въ его стѣнахъ сравнительно непродолжительное время, а затѣмъ или отдаются роднымъ матерямъ для вскормленія и дальнѣйшаго воспитанія на дому въ С.-Петербургѣ, или же отсылаются для той же цѣли въ деревни, расположенныя въ 32 сельскихъ округахъ С.-Петербургской, Новгородской и Псковской губерній. Для того, чтобы быть отправленнымъ въ деревню, ребенокъ долженъ быть абсолютно здоровъ, не моложе мѣсяца отъ рожденія, вѣсить 3.500 граммъ и имѣть привитую оспу».

Въ виду того, что за послѣднїе годы спросъ на дѣтей въ деревняхъ меньше, дѣти отправляются болѣе взрослыми—2-хъ—3-хъ мѣсяцевъ, а иногда и старше, а потому и крѣпче. Отправленные въ деревни дѣти воспитываются у крестьянъ до 21 года за уменьшающуюся съ возрастомъ плату, которая окончательно прекращается съ 16-лѣтняго возраста¹⁾, такъ какъ въ крестьянскомъ быту ребенокъ съ раннихъ лѣтъ является помощникомъ въ семьѣ.

Каждымъ изъ 32-хъ сельскихъ округовъ завѣдуетъ или окружный врачъ, или надзиратель, обязанный хоть разъ въ мѣсяцъ объѣхать свой округъ и осмотрѣть каждого младенца. Кромѣ того, существуетъ еще 33-й столичный округъ, куда входятъ питомцы, вскармливаемые родными матерями на дому, а также отданные въ обученіе ремесленникамъ, или временно отпущенные въ столицу. При сельскихъ округахъ существуютъ частныя попечительства, взявшія на себя заботу объ улучшеніи быта питомцевъ, снабжая бѣднѣйшихъ одеждой и обувью и обучая безмѣстныхъ, т. е. утратившихъ своихъ воспитателей, грамотѣ, мастерствамъ и рукодѣлію. Въ этихъ 32-хъ округахъ имѣются 9 лазаретовъ для общихъ больныхъ и 4 заведенія для специальныхъ цѣлей, тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, надзиратели снабжены нужнѣйшими медикаментами для амбулаторнаго леченія питомцевъ, а серьезно заболѣвшіе направляются въ ближайшій лазаретъ. Сельскихъ школъ нетербург-

¹⁾ Плата за питомцевъ обоаго пола до двулѣтняго возраста—2 р. 50 к. въ мѣсяцъ; отъ 2—5 л.—2 р.; отъ 5—8 л.—1 р. 50 к.; отъ 8—15 л.—1 р. Въ случаѣ увѣчїи питомцевъ, дѣлающихъ ихъ неспособными къ труду и требующими особаго ухода,—взамѣнъ платы за содержаніе дѣтей по возрасту, выдается особая плата по соглашенію отъ 2 до 7 и даже до 10 р. въ мѣсяцъ.—Награда воспитателямъ за сохраненіе жизни питомцевъ до годового возраста одновременно 5 р.—За отобраніе питомцевъ отъ деревенскихъ воспитателей по независящимъ отъ нихъ причинамъ выдается вознагражденіе, въ зависимости отъ времени года, отъ 1 до 8 р. одновременно. Плату эту, установленную 50 лѣтъ назадъ, предполагается увеличить, вѣдомство само считаетъ ее ненормальной и отжившей.

скаго воспитательнаго дома къ 1-му января 1910 г. было 110, приютовъ—7; школъ благотворительныхъ обществъ—1 и приютовъ—1. Лѣтомъ съ 20 іюня по 20 августа, по примѣру прежнихъ лѣтъ, были открыты въ 8 пунктахъ ясли. Для подготовленія учителей сельскихъ школъ въ вѣдѣніи воспитательнаго дома состоитъ учительская семинарія. Несмотря на это, число безграмотныхъ питомцевъ, не посылаемыхъ своими воспитателями въ школы, достигаетъ 34,21%. Изъ питомцевъ и питомицъ воспитательнаго дома пополняются кадры служителей и служительницъ заведеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. По достиженіи 21 года питомцы и питомицы увольняются изъ вѣдомства воспитательнаго дома, получая на первоначальное обзаведеніе первые по 35 руб., а вторые по 30 рублей. Пособіе это увеличивается пропорціонально дальнѣйшей службѣ въ вѣдомствѣ; по изученіи ремесла или при вступленіи въ бракъ выдается тоже пособіе въ размѣрѣ отъ 30 до 60 руб., а окончившимъ высшія учебныя заведенія назначается въ награду 100 рублей.

Всѣ эти цифры почерпнуты изъ отчетовъ петербургскаго воспитательнаго дома за 1907—1909 г., любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе. Къ сожалѣнію, размѣры данной статьи не позволяютъ подробнѣе ознакомить читателя съ выдержками изъ этихъ глубоко поучительныхъ книжекъ, но что сама администрація нисколько не удовлетворена существующимъ положеніемъ дѣла, свидѣтельствуютъ слѣдующія строки школьнаго отчета за 1907 г.: «Въ настоящее время положеніе окружныхъ врачей и надзирателей поистинѣ безпомощно и жалко. На настояніе ихъ передъ воспитателями отпустить питомцевъ въ школы воспитатели, обычно отчаянная голь перекатная, отвѣчаютъ имъ или дерзостью, или смѣхомъ: «бери-де свое сокровище себѣ, сколько угодно, не очень-то оно намъ нужно»...

Воспитатели—голь перекатная... Можно ли отъ этой голи, даже при проектируемомъ увеличеніи платы за питомцевъ, ждать разумнаго отношенія къ дѣтямъ, взятымъ на воспитаніе, когда и собственныя растутъ у нея въ той же грязи и нищетѣ? О жестокомъ или преднамѣренно небрежномъ отношеніи къ питомцамъ со стороны воспитателей слухи всегда преувеличены. Крестьяне, взявшіе чужого ребенка, никакой разницы ни въ нищѣ, ни въ содержаніи со своими родными дѣтьми для него не дѣлаютъ. Если семья зажиточная—само собою и ребенку живется лучше, а голодаетъ и содержится неряшливо чужой только потому, что и своимъ ни ѣсть, ни надѣть нечего. Нѣтъ! не въ руки къ деревенской перекатной голи должны попадать эти брошенные дѣти, а къ тѣмъ женщинамъ и дѣвушкамъ изъ нашей интеллигенціи, которыя не знаютъ, куда имъ примѣнить свои силы, чѣмъ утолить великую потребность подвига и самопожертвованія, вложенную самой природой въ ихъ

чуткую душу. Должна возникнуть «община матерей» съ обѣтомъ безкорыстнаго служенія, любви, твердости и терпѣнія, безъ всякихъ виѣшнихъ значковъ и отличій, безъ лишнихъ засѣданій и протоколовъ, и на ея призывъ откликнутся истинно русскія женщины, для которыхъ «любить» значитъ «жалѣть», и просто добрые люди, которые помогутъ тамъ, гдѣ воспитательному дому больше не хватаетъ средствъ...

И тогда грязная деревенская баба, дѣлающая изъ воспитанія промыселъ, ѣсная соска изъ хлѣба, гнилое тряпье зыбки отойдутъ въ область чудовищныхъ предацій. А для этого нужны убѣжища, куда бы поступали дѣти, за недостаткомъ кормилицъ, на искусственное вскармливаніе, требующее особой аккуратности и неустаннаго надзора опытныхъ матерей семейства. Нужна далѣе цѣлая сѣть приютовъ наподобіе «школы нянь», но въ меньшихъ размѣрахъ, гдѣ бы оставались эти выкормленныя дѣтншки до достиженія ими школьнаго возраста; сюда же возвращались бы и 13—14-лѣтнія питомицы на шести или семи-лѣтній курсъ, подъ руководствомъ взрослыхъ нянча малышей, вырастая вмѣстѣ съ ними, учась сами и исполняя поочередно всѣ домашнія работы, т. е. собственными средствами обслуживая свой очагъ.

Предположимъ такую постановку подобной школы. Каждой поступающей туда дѣвчкѣ 14-ти лѣтъ поручаются два младенца годового возраста. Курсъ продолжается 7 лѣтъ, и до окончанія его комплектъ школы не пополняется, состоя изъ тѣхъ же 25 взрослыхъ воспитанницъ и 50 малышей.

Когда старшимъ минетъ 15 лѣтъ—маленькимъ будетъ 2 года; 16 л.—3 г.; 17 л.—4 г. и т. д. 20-лѣтнія дѣвушки будутъ имѣть на рукахъ семи-лѣтнихъ дѣтей, которыхъ онѣ могутъ уже начать обучать и азбукѣ. Такимъ образомъ, эти дѣвушки на практикѣ пройдутъ весь курсъ физическаго и духовнаго ухода за ребенкомъ.

Кромѣ того, дѣлясь на 5 смѣнъ, онѣ поочередно тоже на практикѣ должны пройти и всѣ домашнія работы, т. е. одну недѣлю исполнять обязанности кухарокъ, вторую—прачекъ, третью—горничныхъ, четвертую—швей и пятую, отдаваясь исключительно надзору за дѣтьми.

Конечно, во главѣ требуются опытные надзирательницы.

Какая тѣсная связь должна образоваться между обоими поколѣніями! Вѣдь это были бы настоящія семьи, у каждаго малыша была бы, можетъ быть, и на всю остальную жизнь своя старшая сестричка...

Послѣ такихъ школъ нянь нужна еще болѣе частая сѣть мелкихъ «очаговъ», не выше 10—15 дѣтей школьнаго возраста, посѣщающихъ въ качествѣ приходящихъ городскія и начальныя школы, возвращаясь откуда, они находили бы «дома» и ласку, и ободреніе,

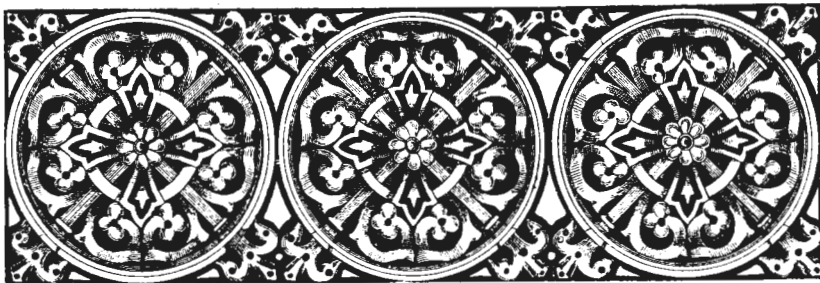
и помощь для приготовленія уроковъ, и свой уголокъ—съ игрушкой, кустикомъ цвѣтовъ, домашнимъ животнымъ. Окончивъ начальную школу, они шли бы туда, куда влечетъ ихъ призваніе,—въ сельско-хозяйственныя, ремесленныя, горныя училища, въ гимназін и дальше, если есть охота и способности...

Много, много дѣла! настоящаго женскаго дѣла, требующаго женской ласки и уюта...

Какъ лучше осуществить и провести его въ жизнь—пусть укажутъ тѣ, кто посвятилъ себя призрѣнію покинутыхъ матерями малютокъ, а мы послѣдуемъ ихъ указаніямъ и совѣтамъ, не боясь быть неумѣлыми и смѣшными. Въ самомъ воспитательномъ домѣ наши услуги дѣтямъ не нужны,—это наше общее единогласное мнѣніе побывавшихъ и подежурившихъ тамъ. Но женщинамъ, готовящимся стать матерями, и дѣвушкамъ, любящимъ дѣтей, не мѣшаетъ заглянуть въ эти древнія стѣны, освѣяемыя широкими крыльями бѣлаго Пеликана: о, какъ многому научились бы онѣ тамъ! Вотъ въ сущности—наши настоящіе высшіе женскіе курсы...

М. Веселкова-Кильштетъ.

СЕРГІЕВСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ учебникахъ по географіи между другими городами Самарской губерніи отмѣчается еще пригородъ Сергіевскъ, какъ замѣчательный своей лечебницей и сѣрными водами. А наука по медицинѣ свидѣтельствуесть, что Сергіевскія воды принадлежать къ числу самыхъ сильныхъ сѣрныхъ водъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. И однако про нихъ у насъ знаютъ весьма немногіе. Пріѣздъ больныхъ на этотъ курортъ пока еще весьма незначительный. Любопытно, что даже врачи или расходятся въ своихъ представленіяхъ объ этихъ водахъ, собственно объ устройствѣ лечебницы и способахъ леченія, или на вопросъ о Сергіевскихъ водахъ отвѣчаютъ совершеннымъ незнаниемъ съ ними. Весьма интересно еще и то, что даже въ печатныхъ книгахъ о водныхъ курортахъ относительно Сергіевскаго помѣщаются неточныя и невѣрныя свѣдѣнія. Печатныя газетныя извѣстія, изрѣдка появляющіяся на страницахъ преимущественно поволжскихъ газетъ, кромѣ нѣкоторыхъ сторонъ, такъ сказать, интимной жизни на этихъ водахъ, также ничего не сообщаютъ о нихъ. А между тѣмъ Сергіевскія минеральныя воды—не юный курортъ. Все это дало намъ поводъ предложить вниманію читателей добытыя нами свѣдѣнія объ этомъ интересномъ, старинномъ и полезнѣйшемъ мѣстѣ нашего отечества.

I.

Вся мѣстность, окружающая Сергіевскія минеральныя воды, или Сѣрноводскъ (какъ ихъ теперь называютъ), была въ началѣ восемнадцатаго вѣка настоящей пустынной степью, далеко небезопасной для посѣщавшаго ее путника. Широко раскинувшись вдоль лѣваго берега Волги и сливаясь на востокъ съ среднеазиатскими степями, она была рѣдко населена кочевниками, бродившими здѣсь съ табунами лошадей или промышлявшими разбоями да грабежами пограничныхъ русскихъ селеній, кое-гдѣ разбросанныхъ по берегамъ рѣки въ видѣ укрѣпленныхъ займищъ. Мирное русское населеніе избѣгало вовсе селиться по лѣвому берегу Волги южнѣе такъ называемой Закамской черты, доходившей только до рѣки Черемшана, притока Волги, и основанная въ 1586 году Іоанномъ Грознымъ крѣпость Самара представляла собою не болѣе, какъ сторожевой пунктъ для наблюденія за степью.

Минеральныя источники Сѣрноводска были причиною, побудившею Петра Великаго обратить свои взоры на эту мѣстность и обезпечить себѣ безопасное добываніе сѣры. Мысль построить здѣсь заводъ разбивалась о препятствія, представляемыя собою незамирнымъ краемъ, и вотъ Петръ кладетъ первый камень будущей, южной Закамской черты въ видѣ крѣпостцы Сергіевска, на мѣстѣ слиянія двухъ рѣчекъ—Сургута и Сока—и обезпечиваетъ этимъ начало культуры въ краѣ. Въ 1703 году Петръ повелѣлъ казанскому воеводѣ стольнику Никитѣ Кудрявцеву устроить близъ сѣрныхъ источниковъ заводъ для добыванія сѣры, а для защиты отъ кочевниковъ укрѣпить его. Кудрявцевъ въ томъ же году построилъ на урочищѣ, называвшемся Казачій холмъ, городъ Сергіевскъ, срубленный изъ дубоваго лѣса и покрытый тесомъ. Кромѣ города, невдалекѣ отъ него «сдѣланъ былъ острогъ съ четырнадцатью башнями и пяти проѣзжими воротами». На слѣдующій годъ Петръ велѣлъ разобрать «деревянный городъ» и перевезти его водою въ Терскъ, а на мѣсто его велѣлъ устроить «земляной валъ вышиной въ три сажени, съ уступами, а наверху поставить тынъ и насыпать хрящевой земли».

Начатыя Петромъ Великимъ работы, несомнѣнно, сразу повліяли на окружающую минеральныя источники мѣстность, рѣзко измѣнивъ ея фізіономію. Доселѣ пустынный край оживился и заселился, хотя, быть можетъ, на первое время своеобразнымъ, довольно однороднымъ людомъ. Такъ, для производства работъ наряжено было изъ разныхъ мѣстъ Казанской губерніи четыре тысячи рабочихъ, какъ лѣшихъ, такъ и конныхъ. Для ихъ обереганія противъ нападенія башкиръ, киргизовъ, татаръ и другихъ кочевниковъ Петръ образовалъ гарнизонъ крѣпостцы въ двѣсти пятнадцать человекъ,

перевелъ сто человѣкъ стапичниковъ изъ дворцовыхъ сель самарскихъ и переселилъ сюда одну тысячу двѣсти восемьдесятъ человѣкъ рейтаровъ и драгунъ, что уже составляло достаточно внушительную силу противъ неорганизованныхъ мелкихъ бродячаго люда. Кроме того, специально для заводскихъ работъ были присланы изъ Симбирска одинъ мастеръ и пятнадцать подмастерьевъ, а для черныхъ работъ въ заводъ было переведено изъ разныхъ мѣстъ цѣлыхъ пятьсотъ восемь семействъ ясачныхъ крестьянъ. Всему этому новому населенію были раздаваемы участки земли по теченію рѣкъ Сога и Сургутъ, и такимъ путемъ сразу образованъ цѣлый оазисъ осѣлаго населенія среди окружающей пустынной степи. Заводскія работы были начаты съ большой энергіей и съ расчетомъ на широкую и крупную производительность, такъ какъ, по существующему преданію, тогда же былъ вырытъ внизу горы, у самыхъ источниковъ обширный прудъ, нынѣшнее Сѣрное озеро, дно котораго выложено было дубовыми досками, назначеніе которыхъ, очевидно, заключалось въ гарантированіи заводу значительнаго запаса воды, богатой сѣрнистыми соединеніями. За крайне недостаточнымъ количествомъ имѣющихся нынѣ архивныхъ данныхъ, трудно сказать, какъ плодотворна была работа завода. Но другая сторона жизни обращаетъ на себя вниманіе Петра Великаго. Рабочіе завода, при низкомъ уровнѣ культуры того времени, при отсутствіи какихъ-либо представленій о значеніи гигиеническихъ условій жизни, безъ сомнѣнія, жили здѣсь грязно и потому сильно страдали всякаго рода накожными формами заболѣваній. Сохранились указанія, что въ то время уже цѣлительная сила минеральной воды была извѣстна заводскому населенію и что купанья въ согрѣтой минеральной водѣ быстро помогали при всевозможныхъ сыпяхъ, главныхъ образомъ хроническихъ. Несомнѣнно, факты поразительнаго исцѣленія больныхъ доходили до слуха Петра, почему въ 1717 г., т. е. когда заводъ функционировалъ уже цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, великомъ царемъ былъ командированъ сюда собственный его лейбъ-медикъ докторъ Готлибъ Шоберъ съ приказаніемъ изслѣдовать и описать Сергіевскіе минеральные источники. Къ сожалѣнію, не сохранилось свѣдѣній о результатахъ работы доктора Шобера. Заводъ Петра просуществовалъ недолго. Уже въ 1720 году признано было за лучшее перевести его въ горы Самарской луки, въ нынѣшній Сызранскій уѣздъ Симбирской губерніи, въ деревню Ширяевъ Буеракъ. Послѣ этого Сергіевскъ потерялъ свое значеніе, превратившись въ одинъ изъ сторожевыхъ пунктовъ противъ набѣговъ кочевниковъ, а отчасти и шалившихъ въ этой мѣстности шаекъ казацкой вольницы и «всякаго рода бродячихъ и воровскихъ людей». Невдалекѣ отъ Сергіевска еще теперь существуетъ урочище, называемое Воровскимъ лѣсомъ, что ясно указываетъ на часто устраивавшіяся здѣсь засады разбойниковъ въ тѣ отдаленныя времена.

Сергієвскія мінеральнія води.

Весь этотъ край изъ населеннаго рабочимъ и служилымъ людемъ вновь превратился въ пустыню. За исключеніемъ крѣпостцы Сергіевска на Казачьемъ холмѣ, здѣсь, какъ говорится, камня на камнѣ не осталось. Причиной такого быстрого опустѣнія края, безъ сомнѣнія, была полная необезпеченность жизни и всего состоянія поселенцевъ съ момента перенесенія завода за Волгу и перевода туда же всего рабочаго люда. Занятое постоянными войнами и борьбою внутри государства съ казацкою вольницей и шайками «голубенныхъ людей», правительство не успѣвало одновременно обезпечить мирное заселеніе всего Заволжья. Между тѣмъ враждебный всякой культурѣ кочевой элементъ заволжскихъ степей постоянно свободно пополнялся новыми и новыми пришельцами съ востока, изъ средне-азиатскихъ степей и окончательно пренятствовалъ развитію края. Только въ десятилѣтіе съ 1734 по 1744 годъ Кирилловъ, Татищевъ и Неплюевъ привели въ исполненіе смѣлый планъ отрѣзать кочующихъ башкиръ отъ азиатскаго востока постройкой цѣлаго ряда укрѣпленій по рѣкамъ Уралу и Самарѣ, получившихъ названіе Оренбургской линіи.

Теперь заселеніе края стало возможнымъ, но къ этому времени въ Сергіевскомъ районѣ исчезла даже память о цѣлебныхъ источникахъ у населенія, что весьма понятно при данныхъ условіяхъ и полномъ отсутствіи здѣсь осѣдлаго мирнаго элемента. Заключение это прямо вытекаетъ изъ списка одного архивнаго документа, гдѣ между прочимъ рассказывается, что нѣкто Богдановъ, сызранскій комиссаръ, человекъ по тому времени вполне интеллигентный и аттестуемый документомъ, какъ «мужъ къ чтенію книгъ любопытный», въ половинѣ восемнадцатаго вѣка проѣзжалъ черезъ Сергіевскъ какъ разъ по пути минеральныхъ источниковъ на рѣку Шунгутъ и оттуда далѣе къ Оренбургу. Этотъ Богдановъ оставилъ описаніе всего путешествія, въ которомъ упоминаетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ рѣчекъ и озеръ, встрѣтившихся ему на пути. Онъ между прочимъ обратилъ вниманіе на поразившую его Молочную рѣку, названную такъ благодаря цвѣту воды, вытекавшую изъ маленькаго озера, распространявшаго вокругъ себя непріятный запахъ нефти. Это—то самое Сѣрное озеро и тѣ источники, надъ которыми въ будущемъ раскинулось поселеніе Сѣрноводскъ.

Только въ правленіе императрицы Екатерины II рядъ естествоиспытателей и ученыхъ—Палласъ, Лепехинъ, Гюльденштедтъ—обратили вниманіе на минеральныя воды, хотя главнымъ образомъ интересовавшій Палласа вопросъ относился къ геологіи и ботаникѣ даннаго мѣста.

Трудно сказать, употреблялась ли вода минеральныхъ источниковъ съ лечебною цѣлью мѣстнымъ населеніемъ въ это время, но, безъ сомнѣнія, это происходило уже въ 1781 году, когда Сергіевскъ сталъ уѣзднымъ городомъ Уфимскаго намѣстничества Оренбургской

области. Въ это время уже миновали страшныя набѣги разбойниковъ, но крайней мѣрѣ въ ближайшей окрестности городовъ, и населеніе могло спокойно заниматься своимъ мирнымъ дѣломъ. Во всякомъ случаѣ, существуетъ указаніе, что какой-то татаринъ-пастухъ, долгое время пасшій стада у Сергіевска, будучи калѣкой, вылечился отъ купанья въ сѣрной водѣ въ концѣ восемнадцатаго вѣка, а можетъ быть въ самомъ началѣ девятнадцатаго вѣка.

II.

Молва о цѣлебности и чудодѣйственной силѣ водъ стала мало по-малу распространяться въ народѣ и въ 1808 году достигла до слуха уфимскаго помѣщика Глазова, давно уже страдавшаго хронической кожной болѣзью и перепробовавшаго всевозможныя тогда средства. Глазовъ рѣшилъ испробовать на себѣ дѣйствіе воды и явился сюда цѣлымъ таборомъ съ кухней, конюшней и цѣлой ватагой слугъ и челядинцевъ. Невдалекѣ отъ источниковъ онъ разбилъ свой лагерь; самъ поселился въ походной палаткѣ, тутъ же помѣстили кухню и шалаши для прислуги. Минеральную воду грѣлъ Глазовъ въ котлахъ, разбавлялъ ее холодной источниковой водой и усердно купался въ привезенной съ собою ваннѣ. Какъ долго лечился здѣсь Глазовъ, неизвѣстно. Несомнѣннымъ остается только фактъ помощи, полученной имъ отъ импровизированнаго бальнеологическаго приѣма: домой вернулся онъ здоровымъ и сталъ самымъ ярлымъ пропагандистомъ сѣрныхъ водъ у Сергіевска.

Бывшій тогда оренбургскимъ генераль-губернаторомъ князь Волконскій, какъ человѣкъ дальновидный, понялъ все серьезное медицинское и культурное значеніе для управляемаго имъ края здѣшнихъ минеральныхъ водъ и рѣшилъ обратить на нихъ должное вниманіе правительства. Прежде всего онъ постарался научно оправдать необходимость культивировать эти воды и пригласилъ казанскаго профессора Фукса изслѣдовать лечебное значеніе водъ. Велѣдъ за Фукомъ въ самомъ непродолжительномъ времени произведены были химическіе анализы водъ двумя авторитетами—московскимъ профессоромъ Янишемъ и дерптскимъ Эрдманомъ. Приблизительно около четырнадцатаго года девятнадцатаго столѣтія правительство, не желая затрачивать деньги на постройки, но признавая серьезное значеніе водъ и допуская возможность образованія здѣсь въ будущемъ настоящаго лечебнаго мѣста, отрѣзало у источниковъ участокъ земли, именовавшійся Сѣрной лукой, и велѣло «кличъ кликнуть» желающимъ возводить здѣсь жилия постройки для помѣщенія пріѣзжихъ на лѣто лечиться водами. Мѣсто было выбрано какъ разъ такое, на которомъ не было никакой возможности селиться—поемный лугъ, заливаемый весной и осенью рѣкою, а все лѣто изобилующій болотной, стоячей водой. Конечно,

такое, несообразное съ цѣлью заселенія, мѣсто и до сихъ поръ осталось пустымъ, но «кличъ» не остался безрезультатнымъ. Когда въ двадцатыхъ годахъ на «Сѣрныя воды» прибылъ чиновникъ особыхъ порученій оренбургскаго губернатора для личнаго осмотра занятаго поселеніемъ мѣста, то онъ засталъ здѣсь дѣйствительно поселокъ, но не на Сѣрной лукѣ, а на горѣ, возвышающейся какъ разъ надъ вышеупомянутой лукой. Теперь это — такъ называемая Верхняя или Военная слободка. Воспользовавшіеся приглашеніемъ правительства совершенно правильно выбрали самовольно такое мѣсто, гдѣ жить было возможно. По докладу командированнаго чиновника, губернскаго начальство нашло возможнымъ не препятствовать дальнѣйшему существованію образовавшагося поселенія, такъ какъ иначе пріѣзжимъ на лѣто опять негдѣ было бы жить во время леченія. Кромѣ того, вниманіе мѣстной администраціи теперь было отвлечено въ другую сторону. Съ 1820 года сюда стали посылать на излеченіе нижнихъ чиновъ изъ разныхъ сосѣднихъ губерній, и вотъ необходимо было озаботиться организаціей большого дѣла. Вскорѣ здѣсь было открыто отдѣленіе казанскаго военнаго госпиталя, отъ котораго въ настоящее время не осталось и слѣда; была построена временная военная церковь, на мѣстѣ которой теперь гостиница доктора Савицкаго.

По разсказамъ проживавшей на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ вдовы штабсъ-капитана Александры Алексѣевны Краузе, Сѣрныя воды начали заселяться постоянными жителями съ 1830 года, и первыми поселенцами были сергіевскіе мѣщане—Даніилъ Яковлевъ, Петръ Дмитріевъ, Поповъ и вольноотпущенный дворовый человекъ Тургенева Родіонъ Генераловъ. Къ этому же времени были выстроены дома помѣщиковъ: Алексѣя Тимоѣевича Есипова, Бугуславскаго, Мельгунова, Бекетова, Молостова, Петра Ивановича Шелашникова, Дмитрія Азарьевича Путилова, Елизаветы Ивановны Тахтаровой. Съ 1823 года поселились: вдова купчиха Агаоья Матвѣевна Генева съ дѣтьми Петромъ, Серафимой, Надеждой, Александрой (впослѣдствіи—Краузе) и Маріей; дворянка Екатерина Тимоѣевна Есипова, мѣщанка пригорода Сергіевска Евонмія Филипповна Просвиркина, Стенанида Ивановна и дочь ея Вѣра Ивановна Кузнецовы. Въ это время надлежащаго устройства ванниковъ для пользованія больныхъ ваннами изъ сѣрной воды не было, а былъ только одинъ баракъ, устроенный изъ хвороста въ два плетня и обмазанный бѣлой глиной; онъ принадлежалъ военному вѣдомству. Военные чины, пріѣзжавшіе лечиться, жили въ походныхъ парусинныхъ палаткахъ. Видя такое неудобство, помѣщикъ П. И. Шелашниковъ пожертвовалъ военному вѣдомству каменный домъ и два флигеля, крытые желѣзомъ, за что получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Этимъ же самымъ Шелашниковымъ въ четырехъ верстахъ отъ Сѣрноводска основана была деревня

Ниновка (она и теперь существует), названная имъ такъ въ честь своей дочери Нины. Въ этой деревнѣ онъ вздумалъ устроить особой архитектуры домъ, въ которомъ предполагалъ образовать кумысное заведенiе, залъ для танцевальныхъ вечеровъ, залъ для картежныхъ игроковъ и читальню для лицъ, не принимавшихъ участiе ни въ танцахъ, ни въ игрѣ въ карты. Освобожденiе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣшало ему довести постройку до конца. Зданiе это такъ и осталось до настоящаго времени въ томъ видѣ,

Спускъ въ ванное зданiе.

въ какомъ его захватила государственная реформа, и извѣстно теперь подъ именемъ «Развалинъ». Народъ придаетъ недоконченности этой постройки легендарный характеръ; онъ говоритъ, что то, что было сработано людьми за день, въ ночь раскидывалось нечистой силой. Въ этой же деревнѣ есть и другой домъ, въ которомъ жилъ самъ П. И. Шелашниковъ. По разсказамъ, въ этомъ домѣ и теперь есть «свадебныя кресла», такiя, въ которыя если садился холостой мужчина, П. И. сейчасъ же начиналъ хлопотать о прiисканiи ему невѣсты, и наоборотъ—если садилась дѣвица, онъ начиналъ искать ей жениха; если и тотъ и другой были бѣдны, онъ награждалъ

«истор. вѣстн.», июль 1911 г., т. сxxv.

ихъ изъ своихъ средствъ всѣмъ необходимымъ и свадьбу широваль на свой счетъ.

Въ 1834 году генераль-инженеръ Бекъ-Булатовъ приступилъ къ постройкѣ другихъ каменныхъ зданій; устроилъ огромный кирпичный заводъ и для производства работъ вызвалъ 500 человекъ башкиръ и мещеряковъ. По его призыву заселять Сѣрныя воды переселились изъ деревни Старой Обошины крестьяне Сергѣй Митрофановъ и Митрофанъ Ивановъ Кузенковы, мѣщане пригорода Сергѣевска Петръ Емельяновъ Столяровъ и Логинъ Андреевъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ на Сѣрныя воды переселились крестьяне изъ деревни Комарова Умета Романъ Петровъ, Григорій Михайловъ и Михаилъ Михайловъ Солодовниковъ, изъ деревни Старой Обошины — Григорій, Иванъ, Парѣзній и Иванъ Трифонови Потаповы, Антонъ, Алексѣй, Димитрій и Кузьма Терентьевы Красновы. Последніе заняли то мѣсто, гдѣ теперь нумера Краснова. Изъ пригорода Сергѣевска тогда же переселились мѣщане Петръ Ивановъ, Дмитрій Ивановъ и Филиппъ Трофимовъ Красновы; сынъ послѣдняго Федоръ Филипповъ Красновъ, теперь уже дѣдушка, съ дѣтьми своими Василюмъ (извѣстный начетчикъ въ Сѣрноводскѣ, къ глубокой радости—православный начетчикъ) и Петромъ и теперь еще живъ и имѣетъ свой домъ на средней, боковой улицѣ и извѣстенъ, какъ хорошій знатокъ старины и замѣчательныхъ мѣстъ при Сѣрноводскѣ. Окончивъ постройку каменныхъ зданій, генераль-инженеръ Бекъ-Булатовъ насадилъ разныхъ древесныхъ породъ—дуба, березы, липы, акации—садъ (теперь—Верхній паркъ); а въ рошѣ, внизу, за Сѣрнымъ озеромъ, подѣлалъ для гуляющихъ аллен (теперь—Нижній паркъ, или «Березовая роша»); на главной изъ нихъ приѣзжавшими помѣщиками нерѣдко устраивались конскіе бѣга.

III.

Съ этого времени начинается быстро растущее значеніе Сѣрноводска для всей окружающей мѣстности. Богатые помѣщики Оренбургской и сосѣднихъ губерній начинаютъ мало-по-малу превращать Сѣрныя воды въ лѣтнюю резиденцію, приобрѣтаютъ на зависимыхъ отъ казны условіяхъ лучшіе участки у самаго парка, строятъ здѣсь лѣтнія усадьбы и приѣзжаютъ на два, на три лучшихъ лѣтнихъ мѣсяца съ семьями и многочисленной прислугой. Въ 1844 году число приѣзжихъ доходитъ уже до 400 человекъ. Есть прекрасное описаніе Сѣрныхъ водъ этого именно времени у И. С. Аксакова. Точная хронологическая дата относится къ 1848 году. На Сѣрныхъ водахъ онъ пробылъ съ 10 іюня по 9 іюля. Оттуда онъ писалъ родителямъ письма, въ которыхъ и даетъ подробныя и интересныя свѣдѣнія о самыхъ водахъ. «Пребываю емъ своимъ на Сѣрныхъ водахъ я доволенъ до чрезвычайности. Этотъ запахъ мнѣ

очень пріятень, и весело глядѣть на чистые, холодные ключи, бьющіе изъ горы съ такою силою по бѣдому дну. Вы знаете ихъ устройство, милый Отеснѣйка, я вамъ слегка его напомнимъ. Самая деревня лежитъ на холмахъ и между горъ. Кругомъ горы. Вверху садъ и разныя каменныя зданія, казармы, квартира докторовъ и т. п. Тутъ же на горѣ, надъ самымъ сѣрнымъ прудомъ—каменный домъ, или лучше—одна зала, назначенная для собранія, которое еще не начиналось. Направо въ саду еще какое-то зданіе съ книжною лав-

Сѣрный источникъ.

кой, гостиницею (безъ номеровъ), бильярдомъ и т. п. Видъ оттуда превосходный. Внизу лѣстница, сходящая уступами къ ключамъ (теперь ея нѣтъ, но она еще была въ 1901 году, когда ванники были внизу), терраса,—ниже ихъ прудъ, образуемый сѣрными ключами, прудъ, изъ котораго вытекаетъ такъ называемая Молочная рѣка. По обѣимъ сторонамъ пруда казенныя строенія для ваннъ; за прудомъ—паркъ, довольно большой и тѣнистый, въ немъ протекаетъ эта Молочная рѣка и соединяется съ Сургутомъ. За паркомъ—луговина, горы и вдали извивается многоводный Сургутъ. Мѣстоположеніе очень хорошо... Самыя Сѣрныя воды—мѣсто преоригинальное.

Это не деревня: крестьянъ почти нѣтъ, они не пахутъ, не сѣютъ; не городъ: ибо здѣсь нѣтъ ни присутственныхъ мѣстъ, нѣтъ торговли и купечества постоянного; не мѣстечко—а имѣеть, однакоже, полицмейстера съ двадцатью человѣками команды; 157 домовъ, кромѣ флигелей, людей разнаго сословія,—и ни одного инструмента пожарнаго, ни старосты, ни гражданскаго чиновника. Теперь сѣхалось до 50 семействъ; тутъ считается и всякій, тутъ и я иду за семью. Но изъ нихъ ни одного замѣчательнаго или порядочнаго... Прошлаго года было здѣсь до 300 семействъ, сѣхавшихся изъ Казани, Уфы, Оренбурга, Симбирска, Пензы, Челябинска, Мензелинска и другихъ знаменитыхъ мѣсть. Музыку (разумѣется, крѣпостную) доставляетъ Дмитрій Путиловъ, еще не пріѣхавшій. Разгаръ весь начинается съ іюля... Я пользуюсь совершеннымъ уединеніемъ, ибо ничего не имѣю общаго съ этими людьми; когда же захочу разсѣяться, то сотни людей фиглярятъ и фигурируютъ предо мною, раскрывая всѣ свои стороны... Мнѣ нравится этотъ республиканскій видъ этого сборища, въ которомъ можно быть совершенно независиму и самостоятельную и уединенну, и въ то же время не одному... Я пока все устранивалъ, знакомился съ мѣстностью, ходилъ на горы, змѣй не видалъ. Нынче принялся я пить сѣрныя воды, ванны беру завтра. Вода показалась мнѣ такъ вкусна, что я готовъ бы пить ее изъ одного удовольствія. Съ ваннами скучно то, что надобно болѣе или менѣе беречься... Грозы здѣсь всегда сильны... Каждый день пріѣзжаютъ новыя лица, помѣщики съ отчаянными фигурами изъ мѣсть, звучащихъ свирѣпо-татарскими названіями... Время здѣсь проходитъ такъ однообразно, такъ тихо и мирно, что мало особенностей оставляетъ въ памяти. На этой недѣлѣ сѣхалось довольно много: полиція считаетъ 105 семействъ, но семействъ дворянскихъ не болѣе тридцати. Тутъ Чемодуровы, Чагодаевы, Курофдовы, Кропотовы, Щербаковы, Пальчиковы и пр. и пр., все это большею частію изъ Елабуги, Стерлитамака, Малмыжа и т. п. мѣсть. Много молодыхъ людей изъ Казани, одѣтыхъ по послѣдней модѣ; почти не слышишь другого языка, кромѣ французскаго. Дамы наряжаются взапуски, мѣняя платья поутру и ввечеру. Но... все это общество какъ-то врозь, туго знакомится и, какъ вездѣ почти у насъ, выглядитъ медвѣдемъ... Пустота и тщеславіе пустого, малоцѣннаго разбора выражается почти на всѣхъ лицахъ, особенно у дамъ. Самое лучшее доказательство, что здѣсь 4 модныхъ магазина! Но скверно ѣдятъ, нельзя пайти ни зелени, ни порядочной телятины, ни кпигъ, ни журналовъ... Сюда пріѣхалъ Д. А. Пу—въ. У него здѣсь нѣсколько домовъ, все обзаведеніе и даже оркестръ (впрочемъ, очень плохой) изъ собственныхъ людей. Онъ богатѣйшій помѣщикъ и тузъ Самарскаго уѣзда... Раза два или три угощаль онъ въ саду музыкой. Онъ и Ал—въ два хозяина и распорядителя Сѣрныхъ водъ. Нынѣшній годъ не совсѣмъ удаченъ для нихъ, но

прошлаго или третьяго года, когда весь Симбирскъ перенесся сюда на лѣто, сезонъ былъ, говорятъ, блестятельный. Это зимой—скука смертная, все запесено снѣгомъ, тишина гробовая. Здѣсь до 300 домовъ, и хозяева, немилосердно грабящіе, наживаются лѣтомъ и всѣ очень богаты, а между тѣмъ деревянная церковь въ такомъ плачевномъ состояніи, что вы и представить себѣ не можете. Стыдъ жителямъ, стыдъ сосѣднимъ помѣщикамъ!.. Въ воскресенье я заходилъ къ обѣднѣ; пѣзъ прїѣзжихъ никого! Скоты! Надо признаться,

Развалины близъ сѣрнаго источника

что какъ ни хороша окрестная природа, но чувствуешь, что это не русская сторона; по крайней мѣрѣ такъ здѣсь, на Сѣрныхъ водахъ. Мужикъ прилежнѣе и честнѣе, да глупъ и размазня; не услышишь ни русской бодрой рѣчи, ни русской пѣсни, не видишь бодрого русскаго лица... Хотѣлось бы видѣть башкиръ, киргизовъ и даже калмыковъ, но ихъ никого уже здѣсь нѣтъ... Нѣсколько дней стоитъ чудная погода. Внизу прудъ, какъ зеркало, отражаетъ деревья, и зданія, и небо, и шумъ паденія сѣрной воды, проведенной черезъ жолоба, непрерывенъ. Мѣсто это чудесное, я хотѣлъ бы срисовать его. Теперь бы музыку, пѣніе, а изъ здѣшнихъ никто о

томъ и не думаетъ, никто и не навѣститъ сѣрныхъ ключей поздно вечеромъ, въ тишину. При теплотѣ запахъ очень силенъ всюду, циферблатъ моихъ часовъ почернѣлъ, но золото, благородный металлъ, не чернѣетъ! Я себя очень хорошо чувствую и ожидаю отъ воды непремѣнной пользы».

IV.

Въ 1850 году Самара стала губернскимъ городомъ. Это отразилось и на Сѣрноводскѣ. Здѣсь все поселеніе принимаетъ уже характеръ довольно наряднаго дачнаго мѣста. «Воды» гордо именуются «дворянскими», праздники смѣняются праздниками, въ разныхъ мѣстахъ обширнаго шумнаго парка гремятъ хоры духовыхъ и струнныхъ оркестровъ. Помѣщики начинаютъ привыкать конкурировать другъ съ другомъ въ роскоши и приводятъ съ собою изъ своихъ помѣстій цѣлыя конюшни, привозятъ свои кухни, своихъ музыкантовъ. Строится деревянный театръ, приглашаются изъ Москвы актеры, устраиваются бѣга, пикники, свадьбы и пр. и пр. По словамъ одного архивнаго списка, 1859 года долженъ быть признанъ самымъ шумнымъ и богатымъ прїѣздомъ лѣтнихъ гостей. Прибывшихъ семей въ этомъ году было 900, что составляетъ, по самымъ скромнымъ расчетамъ, 4500 человекъ, а съ прислугой, балетами, артистами, прожизвальщиками и пр. и цѣлыхъ 8—10 тысячъ... Въ наступившій двадцатипятилѣтній періодъ съ 1860 по 1885 годъ воды постепенно падали и все болѣе и болѣе теряли свое значеніе. Онѣ не могли съ 1861 года продолжать фигурировать, какъ мѣсто дачнаго времяпровожденія, такъ какъ утратили весь свой веселый характеръ. Исчезъ элементъ шумящаго икут ящаго дворянства—исчезли и хоры музыки, и театральныя представленія, и блестящія фейерверки, пикники и пр., исчезли притягательные сѣзды невѣсть, сговоры и блестящія свадьбы; лечебное же значеніе водъ было и въ пору апогея ихъ блеска не особенно велико. Культурный купецъ, считающійся съ требованіями моды и выѣзжающій лѣтомъ на курорты, еще не народился тогда, а прочій чиновный и иной людъ и раньше не имѣлъ здѣсь своихъ представителей. При этихъ условіяхъ понятнымъ становится, что министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе котораго перешли воды, мало интересовалось ихъ судьбой и, видя ежегодные недочеты и убытки, старалось парализовать это явленіе упрощеніемъ администраціи водъ, уменьшеніемъ ея штата и экономіей въ области оборудованія всего учрежденія. Бывшій городничій, а потомъ полицеймейстеръ были упразднены. Такъ какъ сѣрноводскій комитетъ состоялъ изъ лицъ, занимающихъ одновременно другія должности въ губернской администраціи, то они могли удовлетвориться меньшимъ содержаніемъ, на самыхъ же водахъ все хозяйство и представительство было воз-

ложено на надзирателя. Ремонтъ и пополненіе имущества все сокращались до возможнаго минимума, а новыя сооружанія почти прекратились послѣ постройки деревяннаго ваннаго заведенія на берегу озера. Въ послѣдующее время воды обречены были служить только мѣстному бѣдному люду. Сюда теперь стекалась уже другая публика—сѣренькая, берегущая каждую копейку, сокращающая до минимума число принимаемыхъ ею ваннъ и привлеченная сюда серьезными, часто невыносимыми страданіями. И вотъ

Сѣрное озеро.

потекла здѣсь однообразная, скучная жизнь больше больничнаго, чѣмъ курортнаго характера. Отдаленное положеніе отъ какой-либо желѣзной дороги или рѣчной пристани дѣлало самый пріѣздъ на Сѣрныя воды крайне тягостнымъ и затруднительнымъ. Такъ мало-по-малу исчезли всѣ сколько-нибудь основательные виды на развитіе водъ, на расширеніе ихъ дѣятельности, и министерство, желая избавиться отъ лишнихъ хлопотъ, рѣшило сдать эти воды въ частное арендное содержаніе, что и произошло въ 1885 году. Но въ арендный періодъ дѣла водъ пошли и того хуже, такъ что черезъ четырнадцать лѣтъ, въ 1899 году, все учрежденіе, по сви-

дѣтельству очевидца, имѣло такой видъ, будто здѣсь лишь накупѣ произошелъ набѣгъ дикихъ кочевниковъ. Ясно было, что оставлять казенное дѣло въ такомъ видѣ и на будущее время невозможно. Надо было отобрать воды отъ арендатора и вновь взять ихъ въ казенное управленіе, что и было сдѣлано въ 1900 году. Съ этого времени въ теченіе цѣлаго десятилѣтія Сѣрныя воды находятся опять въ казенномъ управленіи. Опытная рука новаго директора водъ г. Кулябко-Корецкаго произвела здѣсь такіе перевороты, что въ настоящее время Сергіевскія минеральныя воды являются вполне благоустроеннымъ лечебнымъ курортомъ.

V.

Самый курортъ находится при поселкѣ Сѣрноводскѣ Самарской губерніи. Будущему изъ внутренней Россіи необходимо въ настоящее время добраться до Самары или по Волгѣ, или по желѣзной дорогѣ, а оттуда уже сначала по линіи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги до станціи Кротовки, гдѣ бываетъ пересадка на узкоколейную Сергіевскую вѣтвь и по ней ѣхать до полустанка Сѣрныя Воды. Этотъ послѣдній находится отъ самаго поселка верстахъ въ трехъ. Поѣздъ изъ Самары приходитъ одинъ разъ въ день, въ сезонное время—два раза, извозчиковъ бываетъ масса, прежде высылались даже казенный экипажъ отъ казенныхъ квартиръ, содержатели номеровъ высылаютъ собственные экипажи. Теперь устраивается болѣе близкое, въ 800 саженьяхъ сообщеніе шоссе, что дастъ болѣе удобствъ для передвиженія больныхъ. Самый поселокъ носитъ названіе Сѣрноводска. Онъ расположенъ на большое пространство длинными улицами, выведенными не въ правильномъ порядкѣ. Поселокъ образовался большими слободами; множество отдѣльных холмовъ особенно способствовали этому, почти каждая слобода отдѣляется отъ другой или большою площадью, или оврагомъ. Почва здѣсь песчанистая, съ примѣсью глины, преимущественно бѣлой. Послѣднюю утилизируютъ на обмазку соломенныхъ крышъ: облитая такою глиною соломенная крыша домовъ дѣлается малодоступными для огня и непромокаемыми отъ дождя. Въ настоящее время въ Сѣрноводскѣ уже много домиковъ съ желѣзными, преимущественно красными, крышами. Село принимаетъ видъ и устройство города, о чемъ особенно много хлопотеть завѣдующій водами. Въ центрѣ всего селенія устроена церковь. Она деревянная, крыта желѣзомъ, небольшихъ размѣровъ. Сѣраго цвѣта, съ своимъ бѣлымъ, жестянымъ крестомъ, окружена оградой, она красиво выстается среди домовъ поселянъ. Въ лѣтнее время она бываетъ по праздникамъ полна народа, по преимуществу пріѣзжихъ (не такъ, какъ въ годы И. С. Аксакова); въ будни

въ ней много бываетъ поселятъ. Внутри церковь очень красива. Особенно она поражаетъ вниманіе своею стѣпношью; на стѣнахъ и на колоннахъ изображены святыя, все больше по одиночкѣ; здѣсь вы встрѣтите такихъ святыхъ, какихъ вы не видали во многихъ другихъ церквахъ; это — оттого, что, когда поправляли и расписывали церковь, много жертвователей было изъ больныхъ; они-то и пожелали, чтобы въ церкви были изображены лики ихъ святыхъ. Иконостасъ церкви двухъярусный, церковь однопрестоль-

Ванное зданіе.

ная. Прежде она была на мѣстѣ, гдѣ теперь находится гостиница умершаго доктора Савицкаго; теперь на мѣстѣ престола тамъ построена часовня; на старыхъ картахъ Самарской губерніи и до настоящаго времени показывается въ селѣ «Минеральныя Сергіевскія Воды» двѣ церкви. Выстроенная теперь каменная часовня замѣнила прежнюю деревянную, которую перенесли къ теперешней церкви и поставили въ 5—6 саженьяхъ отъ нея на югъ. Первоначальный видъ храма представлялъ собою военную палатку, только въ большихъ размѣрахъ. Покрытый парусной, онъ внутри не имѣлъ ничего, кромѣ иконостаса, престола и жертвенника.

Иконостасъ былъ прикрѣпленъ къ двумъ столбикамъ, врытымъ въ землю, желѣзными крючьями. Ограда храма была «сплетена изъ хвороста». Въ 1831 году многіе изъ посѣтителей, получивъ исцѣленіе отъ сѣрныхъ водъ и предвидя ихъ блистательное значеніе, рѣшили просить оренбургскаго епископа Аркадія о дозволеніи построить на сѣрныхъ водахъ храмъ. Дѣятельное участіе въ постройкѣ его принималъ титулярный совѣтникъ Мосоловъ, пожертвовавшій иконостасъ, церковную утварь, облаченіе на престолъ и жертвенникъ. Самый же храмъ устроенъ на пожертвованія посѣтителей. Онъ былъ построенъ на площади, какъ на мѣстѣ болѣе удобномъ и приличномъ, освященъ въ 1859 году. Въ память избавленія государя императора Александра II отъ смерти въ 1866 г. на сѣрныхъ источникахъ была выстроена часовня, куда потомъ до самой смерти этого государя ежегодно 4-го апрѣля совершался крестный ходъ изъ церкви, а послѣ смерти и до сего времени въ этотъ день здѣсь служатся панихиды. Есть еще часовня на кладбищѣ. На немъ же обращаетъ на себя вниманіе одинъ памятникъ изъ пепельно-коричневаго мрамора, съ крестомъ изъ бѣлаго мрамора. На памятникѣ есть надписи: на восточной сторонѣ: «Господи, приими духъ мой съ миромъ»; «во царствіи Твоемъ помани мя, Господи, егда приидеши во царствіе Твое», на западной: «Въ покоищѣ Твоемъ, Господи, идѣже вси святіи Твои упокоиваются, упокой и душу рабы Твоея Вѣры, яко единъ еси человѣколюбецъ. Дорогой и незабвенной женѣ отъ благодарнаго мужа»; на южной: «оставленная (при разстройствѣ мужа родными) въ Самарѣ, умерщвленная отдаленностью мужа, холодностью родной матери, совѣтомъ докторовъ, ты здѣсь положила кости свои; похоронена полиціею, при участіи дѣтей своихъ 6¹/₂, 5¹/₂ и 3¹/₂ лѣтъ, бросающихся въ могилу, безъ родныхъ и знакомыхъ. Прости намъ, молись о насъ»; на сѣверной: «Здѣсь мирно покоятся бранные останки ташкентской купеческой жены Вѣры Петровны Дьячковой, урожденной Ивановой, родившейся 20-го августа 1856 года, скончавшейся 11-го іюня 1880 года, житія ея было 23 года, 9 мѣсяцевъ и 22 дня». Всѣ жители Сѣрноводска считаются мѣщанами; они вносятъ подати въ сергіевскую мѣщанскую управу. Какъ мѣщане, они не имѣютъ земли не только пахотной и сѣнокосной, но и усадебной. Поселившись на казенной землѣ, отведенной комитетомъ Сергіевскихъ минеральныхъ водъ, они платятъ за квадратную сажень по три копейки серебромъ. Къ Сѣрноводску принадлежатъ деревни—вышеупомянутая Ниновка, Суходоль и Васильевка. Суходоль такъ называется отъ оврага, при которомъ находится; въ этомъ оврагѣ вода держится только весной, лѣтомъ испаряется. Жители—переселенцы изъ Тульской губерніи; въ началѣ XVIII столѣтія, въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе скученности на родинѣ, это мѣсто облюбовалъ для заселенія Миронъ Даниловъ, за что получилъ фамилію Садчиковъ. Въ 1877 г.

Церкви на Сергієвських мінеральних водахъ.

къ нимъ пришли переселенцы изъ Ардатовскаго уѣзда Симбирской губерніи. Въ настоящее время въ Суходолѣ строится церковь щедрымъ даромъ нынѣ здравствующаго Государя Императора Николая Александровича. Деревня Васильевка получила названіе отъ окружнаго начальника Василя Павловича Глушкова. Первые поселенцы также изъ Тульской губерніи. Васильевка расположена на рѣкѣ Шунгутѣ, у подошвы высокої горы, съ которой версть на 20—30 кругомъ видны села, поля, нивы, лѣса, степи, рѣки. «Какъ хороши эти мягкія, зеленыя степи, этотъ ковыль, этотъ черноземъ тучный и жирный, эти многоводныя рѣки!» (И. С. Аксаковъ). По дорогѣ къ Васильевкѣ, верстахъ въ восьми отъ Сѣрноводска, дѣдушка Красновъ покажетъ вамъ пещеру. Она вся алебастровая. До дна ея или конца никто не доходилъ. Вообразите: подлѣ нея жаръ страшный, отъ солнца; полшага впередъ, подѣ пещеру: тамъ нѣсколько градусовъ холоду, сосульки ледяныя и даже снѣгъ. Спуститься туда, однако, опасно, доктора не позволяютъ, простудиться можно. Подобная пещера есть и еще ближе, на сѣверо-востокѣ, отъ Сѣрноводска въ полуверстѣ, но она меньше и не такъ холодна. За Васильевкой есть нефтяныя ключи, гдѣ можно видѣть, какъ черная нефть плаваетъ по водѣ. А дальше еще находится Голубое озеро съ его сѣрной, голубой, прозрачной водой. Глубина его не измѣрена. «Голубое озеро!—писаль И. С. Аксаковъ.—Что за красота! Я ничего подобнаго и представить себѣ не могъ! Оно голубо отъ преломленія лучей въ этой свѣтлой, сѣрной водѣ. Озеро или озерцо—глубоко, говорятъ, до 20-ти саженей и идетъ внизъ воронкой. Мы бросали камни, и по крайней мѣрѣ вы цѣлую минуту можете прослѣдить паденіе камня, постепенно голубѣющаго, до тѣхъ поръ, пока его не станетъ видно. Но еще краше сама степь, и горы, и ковыль! Что за роскошь! Дикое вишенье, дикіе персики, сухія и сѣдыя болота, камышь по Тунгуту, журавли, утки, разная дичь, пространство, видное на 40 версть кругомъ, мѣстами дубнякъ, ковыль въ цвѣту...»

VI.

Нѣсколько словъ объ умственной и нравственной сторонѣ жизни поселянъ Сѣрноводска, заимствованныхъ изъ «церковной лѣтописи». «Прихожане къ храму Божію усердны; долгъ исповѣди и св. причастія исполняютъ почти всѣ, а нѣкоторые по два раза въ годъ: кромѣ св. четырехдесятницы, еще и въ Успенскій постъ. Обѣ усопшихъ родственникахъ заказываются литургіи, но не многими, по причинѣ бѣдности, а сорокоустовъ заказывается и еще меньше. Молебны на домахъ во время Св. Пасхи и въ престольный праздникъ служатся всѣми прихожанами безъ исключенія, хотя причтъ и не въ каждомъ домѣ получаетъ вознагражденіе. Очень усердны къ общественнымъ молебствіямъ; весною, при засѣвѣ хлѣба, или

во время засухи хлѣба, молятся мужчины отъ себя, женщины—отъ себя, хотя при самыхъ молебствіяхъ участвуютъ и тѣ и другіе. Степень умственнаго развитія посредственная. Хотя многіе и сознають, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма, однако грамотныхъ, сравнительно съ численностью населенія, очень мало. Нѣкоторые и вовсе отрицають пользу грамотности, говоря: «Что пользы въ ней? Грамотный сынъ не поилецъ и не кормилецъ отцу и матери; грамотнаго при себѣ не удержишь; онъ сейчасъ же уйдетъ въ городъ, а безъ родительскаго глаза какую онъ будетъ жизнь вести?» Теперь есть церковно-приходская школа и двѣ школы грамоты. Масса суевѣрій и предрасудковъ. При встрѣчѣ съ священникомъ женщины кидаютъ булавки. Не рѣдкость слышать отъ женщины просьбу помянуть живого мужа на проскомидіи за упокой. Спросишь: «Гдѣ и когда онъ померъ? вѣдь я, недавно видѣлъ его» (слова батюшки). «Да онъ живъ,—отвѣчаетъ:—да меня бросилъ, не живетъ со мной; вотъ я и слышала: коли я буду поминать его за упокой, сердце его истоскуется по мнѣ». Въ поминаніяхъ очень часто въ началѣ поминаній за упокой встрѣчаешь имена Адама и Евы. Если спросишь, были ли у тебя такіе родственники, отвѣчаютъ: «Какъ же, а наши прародители, первые люди Адамъ и Ева». Пасхальное время для всѣхъ вообще прихожанъ—время разгула. Записные игроки въ «орлянку» въ Свѣтлое Христово Воскресеніе на возгласъ священника: «Христось воскресе», отвѣчаютъ: «Орель здѣсь». Говорящій такъ вполнѣ вѣритъ, что онъ за весь праздникъ будетъ выигрывать у другихъ деньги; а нѣкоторые такіе игроки даже кладутъ съ себя крестъ подъ пята въ сапогъ. Вѣра въ домовыхъ, дворовыхъ, водяныхъ, межевыхъ и лѣсныхъ злыхъ духовъ сильна; не теряетъ своей силы и вѣра въ знахарей. При бракахъ у прихожанъ-переселенцевъ Тульской губерніи—есть свои особенности. Такъ, напримѣръ, наканунѣ брака собирается вечеринка, на которую является женихъ. Дѣвушки не пускають его за столъ, говоря: «У стола четыре угла, они стоятъ четыре рубля, а серединочка—рублевичка». Это значитъ, что женихъ за то, чтобы сѣсть за столъ, долженъ заплатить дѣвушкамъ деньги, сколько можетъ, и деньги эти кладетъ на четыре угла и на середину. Когда поѣздъ совсѣмъ уже готовъ, чтобы везти жениха и невѣсту въ церковь для бракосочетанія, братъ невѣсты или ближайшій ея родственникъ не отдаетъ невѣсты, говоря: «У моей сестрички—сто рублей косички, каждый волосокъ—гривенка». Дружка какъ будто сердится, замахивается на него кнутомъ, а неуступчивый братъ невѣсты или родственникъ, съ своей стороны, грозитъ ему скалкой. Послѣ долгихъ споровъ дружка выдаетъ ему деньги. Поѣздъ отправляется въ церковь, а невѣстина родня въ домъ жениха, и въ то время, пока женихъ и невѣста въ церкви, они хозяйничаютъ въ домѣ жениха: ѣдятъ и пьютъ, сколько кому угодно. Какъ только новобрачные на дворъ, тѣ тотчасъ уходятъ изъ-за стола

и не входятъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не пригласить отецъ жениха. У кого не живутъ дѣти, родители усердно просятъ священника дать имя младенцу, если онъ мужского пола, то—отца, если женскаго, то—матери. Во время эпизоотіи на рогатый скотъ въ сосѣднихъ деревняхъ, чтобы избавиться отъ нея и въ этой деревнѣ, дѣвушки ночной порой, безъ вѣдома родителей, въ бѣлыхъ сорочкахъ, впрягаются въ плугъ и опахиваютъ землю вокругъ деревни.

VII.

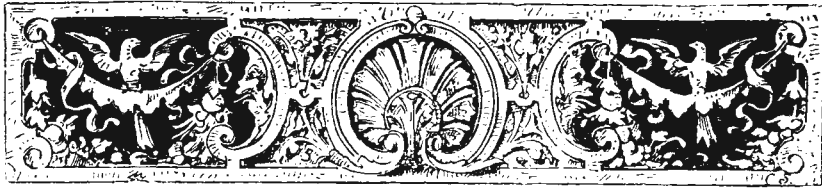
Такова историческая справка о Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ съ самаго начала ихъ функционированія. Что сдѣлано собственно въ послѣднее десятилѣтіе, когда воды перешли въ казенное управленіе? Десять лѣтъ—немного времени, но сдѣлано весьма много. Построены два новыхъ зданія ваннъ, одно на 30 кабинъ для сѣрныхъ и 5 двойныхъ кабинъ для грязевыхъ ваннъ, другое—для бѣднаго люда, не могущаго уплачивать дорогую цѣну за ванны; построена роскошная раковина для хора въ 35 человѣкъ музыкантовъ, а съ обѣихъ сторонъ послѣдней легкая красивая галерея въ мавританскомъ стилѣ; устроена горка съ красивымъ павильономъ для продажи кумыса, а подъ нею ледяной погребъ для храненія его; проведены осушительныя канавы въ нижней роцѣ, избытующей болотистыми и топкими мѣстами и въ то же время представляющей прекрасное мѣсто для прогулокъ больныхъ и сопровождающихъ ихъ здоровыхъ членовъ семьи; заведенъ питомникъ дикихъ и фруктовыхъ деревьевъ и сдѣлано больше 6000 посадокъ; заведены библіотека и читальная комната, выписывающая до 40 періодическихъ изданій; устроенъ каптажъ источниковъ, имѣющій цѣлью избавить курортъ отъ сильнаго сѣрководороднаго запаха и сосредоточеніе всей минеральной воды въ одномъ общемъ источникѣ; устроена площадка для дѣтскихъ игръ, увеличено число казенныхъ жилыхъ квартиръ для пріѣзжающихъ и мн. др. Слѣдующая таблица указываетъ прогрессирующее значеніе Сергіевскихъ минеральныхъ водъ. Въ 1900 г. больныхъ было 500, ваннъ выдано 15348; 1901 г.—болън. 634, ваннъ—19023; въ 1902 г. болън. 687, ваннъ 20630; 1903 г.—болън. 772, ваннъ 23171; 1904 г.—болън. 661, ваннъ 19832; 1905 г.—болън. 774, ваннъ 23,228; 1906 г.—болън. 1049, ваннъ 31487; 1907 г.—болън. 1118, ваннъ 33389; 1908 г.—больныхъ 991, ваннъ 29731, и т. д. Видно, что функционированіе водъ идетъ правильно, нарастая изъ года въ годъ. 1904 и 1908 годы составляютъ исключеніе по своей непостоянной и холодной погодѣ. Что касается пользы сѣрныхъ водъ, то онѣ, опять скажемъ словами И. С. Аксакова, «во многихъ случаяхъ дѣлаютъ просто чудеса, особенно въ отношеніи ревматизмовъ». «Я самъ видѣлъ,—пишетъ онъ,—безно-

гихъ, которые начали ходить, разбитыхъ параличомъ, которые теперь танцуютъ, покрытыхъ золотушною корью и шалкою на головѣ, которые облупились, какъ яичко, и стали почти красавцами». Кромѣ ваннъ разнаго рода, въ большомъ употребленіи кумысъ. Последній—хорошаго качества. Лечение кумысомъ и теперь имѣетъ значеніе на Сергіевскихъ водахъ. Но роль кумыса значительно увеличится въ ближайшемъ будущемъ. Климатическія особенности Сѣрноводска уже давно наводили нѣкоторыхъ врачей на мысль о возможности использовать этотъ курортъ съ прекрасными результатами для цѣлаго ряда больныхъ, большею частію избѣгающихъ пріѣзда сюда и цѣлыми сотнями ютящихся, при самыхъ возмутительныхъ гигиеническихъ условіяхъ, по разнымъ мелкимъ лечебнымъ пунктамъ вдоль линіи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, часто даже безъ необходимаго врачебнаго контроля и наставленія. Сюда принадлежатъ малокровныя слабыя организаціи съ туберкулезною наслѣдственностью, истощенные и переутомленные субъекты, между 15 и 21 годами, золотушныя дѣти слабогрудыхъ родителей и др. Всѣмъ имъ до сихъ поръ пріѣздъ на Сергіевскія минеральныя воды заказанъ, а тѣхъ, которые иногда заѣзжаютъ сюда, врачи спѣшатъ поскорѣе выслать куда-нибудь подальше отъ источниковъ, хотя бы въ сосѣднія деревни. Въ настоящее время управленіемъ пріобрѣтены въ двухъ верстахъ отъ околицы Сѣрноводска лѣсной участокъ. На обширномъ плато, возвышаясь надъ всей обширной окрестностью, расположена прекрасная дубовая роща пространствомъ въ 500 съ лишнимъ десятинъ. Здѣсь, въ прекрасныхъ условіяхъ воздушнаго леченія, въ мѣстѣ, вполне изъятomъ отъ вліянія испареній сѣрныхъ источниковъ, управленіе водъ, по мысли энергичнаго директора Кулябко-Корецкого, проектируетъ устроить, подъ постояннымъ наблюденіемъ врачей, новый поселокъ для всѣхъ тѣхъ больныхъ и слабыхъ пациентовъ, которымъ не мѣсто жить у сѣрныхъ источниковъ, но необходимъ врачебный надзоръ и культурный врачебный курортъ. При рощѣ имѣется болѣе 300 десятинъ нетронутой ковыльной степи, гдѣ предполагается завести кумысолечение въ широкихъ размѣрахъ. Между лѣсными дачами и Сѣрноводскомъ дирекція водъ предполагаетъ завести правильное автомобильное сообщеніе, чтобы пользующіея ваннами легко могли жить въ лѣсу, не нарушая правильности въ ежедневномъ пользованіи ваннами.

Въ добрый часъ на будущее десятилѣтіе!

Александръ Яхонтовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Описаніе архива Александрo-Невской лавры за время царствованія императора Петра Великаго. Томъ II. 1717—1719 годы. Спб. 1911 г.

ТОТЪ громадный томъ въ 1928 страницъ, какъ и первый, также напечатанъ подъ редакціей доктора церковной исторіи С. Г. Рункевича¹⁾ и представляетъ большой интересъ. Въ описаніи, какъ поясняетъ талантливый редакторъ, содержится самый разнообразный историческій матеріалъ. Обнимаемые этимъ томомъ 1717—1719 годы представляютъ собою время расцвѣта въ лаврской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, періодъ наибольшаго значенія лавры.

Энергично воздвигались каменные постройки, настойчиво вызывались монашествующіе, увеличивались имущества, и лавра, какъ говоритъ далѣе въ предисловіи С. Г. Рункевичъ, стала давать тонъ и матеріалъ для духовной администраціи всей Россіи. И только съ учрежденіемъ синода это привилегированное положеніе лавры значительно умалилось.

Кромѣ того, лаврскій архивъ особенно богатъ разнаго рода бытовыми чертами. Здѣсь и выборы прихожанами священника, попамаря и даже просвирины, выборы игумена братіей, опредѣленіе священниковъ безъ выборовъ по назначенію.

Насколько же богатъ матеріалъ, заключающійся въ этомъ томѣ, можно судить уже по указателю, занявшему цѣлую треть книги.

Самую видную роль въ это время игралъ архимандритъ лавры, Феодосій Яновскій. Въ описаніи помѣщено немало документовъ, касающихся этого

¹⁾ I-й т., 1713—1716 г.г., изданъ въ 1903 году и заключаетъ въ себѣ, кромѣ указателя въ 114 стр., 1150 стр.

шляхтича-настоятеля, за разныя художества и клеветы сидѣвшаго ранѣ въ цѣпяхъ въ Троицкомъ монастырѣ на смиреніи. Въ перечнѣ этихъ документовъ находятся челобитныя къ нему, указы, жалобы, его распоряженія, резолюціи, его приказы, письма и т. д.

Въ числѣ писемъ есть два и къ полудержавному властелину — А. Д. Меншикову, любопытныя по обращенію: «Преизящный и превосходительный господинъ...» «Господинъ и высокоблагородный свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ...»

Вотъ для образца нѣсколько документовъ, которыми наполнено это описаніе.

Въ числѣ просьбъ къ Θεодосію находится прошеніе сирой вдовы «каланика Василя Мокраго» о томъ, чтобы повелѣлъ отецъ архимандритъ дякону церкви Самсона Страннопримца, Θεоктисту Гаврилову, возвратить ей оставшееся имущество мужа, жившаго у этого дякона въ избѣ. Дьяконъ же, надѣясь на свою мочь и богатство, ничего ей не отдаетъ.

Дьяконъ этотъ былъ бѣдовый. О его неистовствахъ упоминается и въ дальнѣйшихъ лаврскихъ документахъ, а также и въ синодскихъ дѣлахъ. Такъ, по одному изъ дѣлъ¹⁾ бывшій дячкомъ при Казанской Сущевской церкви Θεоктистъ Гавриловъ, по опредѣленію московскаго духовнаго приказа, въ числѣ 50 человекъ, былъ въ 1712 г. отправленъ въ плотники по адмиралтейству. Гавриловъ какими-то происками сумѣлъ уклониться отъ этого назначенія и прибылъ въ 1713 г. свободно въ Петербургъ къ своему тестю, самсоніевскому попу Димитрію Андрееву. По хлопотамъ тестя и по прошенію прихожанъ, ему дали дяконское мѣсто при Самсоніевской церкви. Вскорѣ Гавриловъ приобрѣлъ незавидную извѣстность своимъ «непотребствомъ», и въ 1721 г. съ него была взята въ тѣнцонской конторѣ подписка, чтобы впредь ему, дякону Гаврилову, «не крамольничать и жить благочинно, и ни съ кѣмъ не ссориться, и ничего не проискивать», ибо прихожане свидѣтельствовали о Гавриловѣ, что онъ «немалый крамольникъ», живетъ несмирно и ни съ которымъ священникомъ не имѣетъ согласія и послушанія, и съ ними, священниками, въ церкви Божіей чинить брань».

Изъ дѣлъ лаврскаго архива о церковныхъ кражахъ можно отмѣтить дѣло о похищеніи изъ церкви приписаннаго къ лаврѣ Боровичскаго Духова монастыря. 8 мая 1719 г. ночью невѣдомыя вору черезъ окно проникли въ Покровскую церковь, и оттуда черезъ деревянную дверь, которую огнемъ пожгли, вошли въ церковь Св. Духа, изъ коей похитили съ образовъ оклады и всякую серебряную казну и жемчугъ; въ алтарѣ — серебряные сосуды и деньги, а сколько чистомъ — неизвѣстно.

Монастырскій причтъ, въ составѣ попа, дячка и понамаря, доносилъ, что за два мѣсяца до покражи, по указу иверскаго намѣстника Варлаама, въ Духовской монастырь въ строители былъ присланъ іеромонахъ Митрофанъ и, «пріѣхавъ въ тотъ монастырь, сталъ жить непорядочно и пить безобразно; церковные ключи у нихъ отнялъ, невѣдомо для какого случая, а при прежнихъ строителяхъ ключи были у причта. Послѣ церковной покражи строитель паче

¹⁾ «Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода», т. I, стр. 627, «истор. вѣстн.», июль 1911 г., т., с. ххv.

прежняго сталъ пить и нынѣ пьеть безъ умолку, въ церковь Божию не ходитъ, монастырскую казну съ монахомъ Филимономъ пропиваютъ безъ остатка и оттого церкви великое оскудѣніе».

Митрофанъ былъ отъ строительства отстраненъ, причемъ противъ доношенія причта велѣно его, по церковному положенію, на соборѣ разспросить и изслѣдовать подлинно всякими сыски накрѣпко и буде въ той церковной кражѣ приличенъ, оковавъ его, за крѣпкимъ карауломъ прислать съ дѣломъ въ Невскую канцелярію.

Строитель Митрофанъ показаль, что Духовомъ монастырѣ «онъ жилъ благочестиво и порядочно, безобразно не пилъ. Въ церковь Божию ходилъ, кромѣ случаевъ каменной и кожной болѣзни, когда ходить въ церковь не могъ. Ключи церковные держаль у себя потому, что вся утварь была переписана на него. Доносители оболгали его во всемъ, хотя его изъ монастыря выжить за то, что онъ церковникамъ ничего монастырскаго безъ указу не давалъ, какъ давалъ имъ ихъ родственникъ, прежній строитель Лукіанъ, котораго и нынѣ ему въ перемѣну ему просять».

Увѣровало ли начальство въ благочестивую жизнь отца Митрофана—неизвѣстно, да и воры, очевидно, разысканы не были.

Архимандритъ Александро-Свирскаго монастыря доносилъ Θεодосію, что «бывшій архимандритъ Кирилль, отставленный ради пьянства и зазорнаго житія, и за пьянство и крамолы посылаемый подъ начало въ разные монастыри и паки возвращенный въ Свирскій монастырь съ разрѣшеніемъ священнослуженія только въ посты, «когда онъ станетъ поститься», служилъ самовольно. Службу отправлялъ небрежно и притомъ «трясся». Поэтому ему архимандритъ богослуженіе и запретилъ. Въ августѣ 1718 года Кирилль изъ монастыря бѣжалъ въ Новгородъ. Тамъ ходилъ по дворамъ и бражничаль и жаловался преосвященному Аарону на него, архимандрита Александра, что онъ его «смирять». Затѣмъ ушелъ въ Петербургъ и тамъ тоже бражничаль. Въ декабрѣ вернулся въ монастырь. Въ Новгородѣ отъ бражничанья потерялъ одинъ глазъ: по рассказамъ его сына, глазъ у отца былъ тускль и онъ натираль его солью, отчего онъ и «треснулъ». Затѣмъ Кирилль сказалъ за собой «слово и дѣло», и архимандритомъ Θεодосіемъ Кирилль 16-го мая 1719 года былъ посланъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, съ письмомъ къ «свѣтловельможному и преизящному Петру Андреевичу Толстому». Кирилля, должно быть, въ канцеляріи допросили основательно, ибо Θεодосій менѣ чѣмъ черезъ мѣсяць, 7-го іюня, получилъ изъ канцеляріи увѣдомленіе, что бывшій архимандритъ Кирилль «сегодня, въ шестомъ часу пополудни, преставился, и лейбъ-гвардіи капитанъ П. А. Толстой изволилъ приказать, дабы оное тѣло погребсти въ Александро-Невскомъ монастырѣ вашему преподобію съ подобающею честію, по долгу христіанскому».

Вообще все это дѣло, довольно подробно изложенное, представляетъ собою интересный бытовой матеріалъ монашеской жизни первой половины XVIII вѣка.

Столяръ Салковъ жаловался на свою жену, что она живетъ блудно и нечестиво и изъ дому убѣгаетъ, что и нынѣ живетъ въ бѣгахъ, и просилъ развода. Бѣглянка была сыскана и доставлена въ канцелярію Невскаго монастыря.

Она объявила, что мужъ обвиняетъ ее напрасно, жить съ ней не хочетъ и при свидѣтеляхъ «сослалъ» ее изъ своего дома.

Послѣ разбирательства дѣло рѣшено такъ: жену за побѣгъ «бить плетьюми нещадно», а Салкову, въ виду того, что онъ подлинно въ тѣхъ, будто блудныхъ, дѣлахъ «ничѣмъ ее не уличилъ», въ разводѣ отказать.

Въ тотъ же день 2-го августа жена была плетьюми выпорота нещадно и отдана мужу подъ расписку.

Интересны документы «о банкетѣ» на праздникъ святого Александра Невского, въ 1719 году.

Гостей, вмѣстѣ съ царемъ и свѣтлѣйшимъ княземъ, всѣхъ высокихъ и главныхъ персонъ, и генераловъ, и штабъ- и оберъ-офицеровъ, и ближнихъ стольниковъ было сорокъ одинъ человекъ. При нихъ адъютантовъ, или знакомцевъ—восемнадцать, людей—девяносто восемь. Всего, кромѣ пѣвчихъ, сто пятьдесятъ восемь. А съ пѣвчими и съ дворовыми государевыми, всякихъ чиновъ и мѣстъ—сто восемьдесятъ восемь человекъ.

Питья были: водка красная, съ сдобой анисомъ и корицею, шампанія, бургонія, венгерское, ремитажъ и мунгалная водка.

На зажженіе по окнамъ салныхъ свѣчъ въ монастырь—восемьсотъ, на дворе—двѣсти, всего на четыре рубля.

Поваровъ и скатерниковъ было государевыхъ десять человекъ—за работу дано три рубля, адмирала Апраксина—четыре человека, — дано за работу два рубля.

Изъ этихъ небольшихъ выдержекъ уже видно, сколько интереса представляетъ это описаніе. И правъ былъ редакторъ, С. Г. Рункевичъ, что въ этомъ томѣ сосредоточено немало цѣннаго историческаго матеріала.

Ан. Титовъ.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей членовъ комиссіи: И. Фр. Павловскаго, А. Ф. Мальцева, Л. В. Падалки и В. А. Пархоменка. Выпускъ седьмой. Полтава: 1910. Стр. 2 нен. + 194. Цѣна 75 к.

Большую часть содержанія седьмого выпуска вышеназванныхъ «Трудовъ» полтавской архивной комиссіи составляютъ статьи И. Фр. Павловскаго, основанныя, по большей части, на однихъ архивныхъ данныхъ. Статьи эти слѣдующія: 1) «Малороссійскіе казачьи полки въ борьбѣ съ поляками въ 1831 году»; 2) «О мѣрахъ къ пресѣченію дворянамъ уклоняться отъ выборной службы» (рѣчь идетъ о полтавскомъ дворянствѣ въ 1830—40-хъ годахъ); 3) «Магистратскіе крестьяне города Полтавы» (здѣсь говорится о пожалованныхъ въ 1718 г. Петромъ Великимъ Полтавѣ крестьянахъ изъ четырехъ деревень и отобранныхъ въ 1785 г., по приказу кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго, «на укомплектованіе полтавскаго полка въ воинскіе поселяне», безъ всякаго вознагражденія городу, хотя послѣднее и было обѣщано. По ходатайству малороссійскаго генералъ-губернатора, князя А. В. Куракина, въ 1805 г. городъ получилъ за отобранныхъ крестьянъ за предыдущія 20 лѣтъ и сталъ получать и впослѣдствіи ежегодно

около 700 рублей; 4) «Планъ военного воспитанія при Александрѣ I и пожертвованіе полтавскаго дворянства»; 5) «Изъ записки генераль-майора Липранди о нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губерніи въ 1840 году» (Липранди сообщалъ о нѣкоторыхъ помѣщикахъ, разорявшихъ и даже морившихъ съ голоду своихъ крестьянъ); 6) «Родословная рода Поповыхъ» (изъ котораго происходилъ извѣстный сподвижникъ князя Г. А. Потемкина и статсъ-секретарь императрицы Екатерины II, Василій Степановичъ Поповъ) и 7) «Малороссійское казачье ополченіе въ Крымскую войну».

Но наибольшее вниманіе читателей должны обратить напечатанныя въ разсматриваемомъ выпускѣ слѣдующія двѣ работы. Одна, озаглавленная: «Главные темы религіознаго пѣсеннаго творчества украинскаго народа въ христіанскій періодъ», принадлежитъ г. Влад. Щепотьеву, а другая—«Историческая обстановка формировація бытового уклада народной жизни въ Полтавщинѣ»—Л. В. Падалкѣ. Въ довольно пространной статьѣ г. Вл. Щепотьевъ задался цѣлью «разсмотрѣть тѣ религіозныя пѣсни украинскаго народа, которыя отразили на себѣ уже христіанскіе взгляды, и въ приведенныхъ имъ отрывкахъ использовалъ, повидимому, все до сихъ поръ напечатанное. Л. В. Падалка пять лѣтъ тому назадъ использовалъ полученныя имъ отъ добровольныхъ корреспондентовъ (192) свѣдѣнія о бытовомъ укладѣ мѣстной народной жизни въ особой статьѣ: «Что сказало населеніе Полтавской губерніи о своемъ старомъ бытѣ» (см. «Труды полтавской архивной комиссіи», вып. II, 1908 г.). Въ настоящемъ «сообщеніи» онъ даетъ заключительную главу къ вышеуказанной статьѣ, гдѣ немало весьма любопытныхъ выводовъ и положеній, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и небезспорныхъ. Не имѣя возможности слѣдить за авторомъ даже въ болѣе или менѣе крупныхъ подробностяхъ, приведемъ его заключительныя слова: «Попытка наша освѣтить разнообразныя частности стараго народнаго быта на территоріи Полтавщины приводитъ насъ къ установленію положенія, что осѣдлый земледѣльческій бытъ, ставшій въ наше время старымъ, на занимающей насъ территоріи началъ формироваться всего лишь около трехъ столѣтій назадъ, въ XVI и началѣ XVII вѣковъ нашей эры. До этого Полтавскій край въ теченіе 5—6 столѣтій, со времени упроченія тюрковъ въ южно-русскихъ степяхъ, былъ занимаемъ кочевыми и полуосѣдлыми племенами, для которыхъ спокойныя формы земледѣльческаго быта были чужды». «На ряду съ этимъ положеніемъ съ значительною мѣрою опредѣленности можетъ быть устанавливаемо и другое положеніе, а именно, что послѣдними прочными и наиболѣе яркими звеньями въ длинной цѣпи разнообразныхъ племенъ, созидавшихъ современный бытовой укладъ народной жизни на территоріи Полтавщины, являются племенные элементы—старо-русскій, тюркскій и черкасскій» (стр. 107).

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки укажемъ еще на одну работу—«Процессы Андрея Марковича» г. М. Ястряба (начало ея находится въ VI выпускѣ «Трудовъ») и посѣтуемъ на редакторовъ, допустившихъ при печатаніи настоящаго выпуска слишкомъ мелкій шрифтъ, открывающій лишь поле для большого числа опечатокъ. Неужели экономіи ради понадобилось затруднять читателю пользование столь цѣнными матеріалами, какіе мы только что обозрѣли.

В. Р.—въ.

Jelin. In Russland 1892. Aus dem Tagebuch des württembergischen Offiziers. Verlag Otto Gmelin. München. Pp. 99.

Thirion de Metz. Воспоминание офицера французского кирасирского № 2 полка о кампаніи 1812 г. Перев. Б. М. Колюбакина. Спб. Стр. 56.

Исторія войны 1812 г. ждетъ своего компетентнаго изслѣдователя. Работа г. Попова, послѣдняя по времени опубликованія, посвящена дипломатической исторіи, предшествовавшей войнѣ, и неизвѣстно, кто ее будетъ продолжать. Между тѣмъ къ настоящему времени накопилось очень много цѣннаго матеріала первостепенной важности. Канунъ столѣтней годовщины можетъ быть отмѣченъ серьезными и интересными публикаціями. Въ 1909 г. императорское русское историческое общество издало «Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г.», подъ редакціей К. Военскаго, т. I, стр. 579. Первый вышедшій томъ даетъ документы объ учрежденіи литовскаго правительства и акты варшавской конфедераціи, имѣвшей своей цѣлью возстановленіе королевства Польскаго. Въ изданіи генеральнаго штаба, т. XII, много важнаго матеріала касательно подготовки войны 1812 г. и т. д. Официальные историческіе документы знакомятъ изслѣдователя со всѣми обстоятельствами, причинами и ходомъ войны 1812 г. Официальные документы, дипломатическая переписка, это безстрастные свидѣтели прошлаго. Война 1812 г. — міровое событіе; оно взволновало всю Европу, которая съ замираніемъ сердца взирала на исходъ столкновенія двухъ гигантовъ. О впечатлѣніяхъ, ожиданіяхъ, какія вызвала война 1812 г., мы имѣемъ много свидѣтельствъ современниковъ разныхъ ранговъ и состояній. Эти свидѣтельства пріобрѣтаютъ въ глазахъ изслѣдователя особенную цѣнность и интересъ. Въ мемуарахъ и запискахъ чувствуется біеніе общественнаго пульса. Но исключительный уже интересъ пріобрѣтаютъ воспоминанія непосредственныхъ участниковъ кампаніи, наблюдательныхъ офицеровъ, которые на себѣ выносили всѣ невзгоды кампаніи, лицомъ къ лицу становились съ врагомъ, встрѣчались съ настроеніемъ его; показанія такихъ свидѣтелей цѣнны въ томъ отношеніи, что они знакомятъ съ такими явленіями походной жизни, которыя мало доступны для посторонняго наблюдателя, не всплываютъ наружу, они выступаютъ въ качествѣ свидѣтелей о настроеніи арміи, а потому позволяютъ хотя бы приблизительно вникнуть въ психологію воина, въ его отношеніе и участіе въ міровомъ событіи. Наблюденія такихъ свидѣтелей часто мелочны, но эти мелочи дороги и интересны для изслѣдователя, ибо онѣ часто оживляютъ и одухотворяютъ слишкомъ строгія и сухія данныя и вносятъ въ изучаемыя явленія большую опредѣлительность и яркость. Такую цѣнность пріобрѣтаютъ записки и наблюденія нѣмецкаго офицера Jelin и французскаго кирасира Th. de Metz. Личныя наблюденія и впечатлѣнія второго болѣе спеціальнаго характера, касаются вопроса о продовольствіи французскаго войска, но частныя наблюденія пересыпаны съ впечатлѣніями общаго характера. Дневникъ Jelin цѣннѣе по содержанію, онъ рассказываетъ о невзгодахъ, претерпѣнныхъ арміей, настроеніи арміи, ея потеряхъ, объ отступленіи арміи. Книжка Jelin очень недурно иллюстрирована. Исто-

рикъ войны 1812 г., по преимуществу ея бытовой стороны, найдеть у обоихъ авторовъ, особенно у Jelin, много не лишннихъ штриховъ и картинокъ. Все, что относится къ исторической кампаніи 1812 г., заслуживаетъ полнаго и глубокаго вниманія съ нашей стороны.

С. Аваліани.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1910. годъ. Книга четвертая. Двѣсти тридцать пятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1910. Стр. 122 + 80 + IV + 73 + 167 + 40 + 20 + 22. Цѣна 3 рубля.

Настоящая книга «Чтеній» открывается работою покойнаго археолога В. И. Холмогорова, провѣренною и изданною С. А. Бѣлокуровымъ. В. И. Холмогоровъ еще въ 1880 г. началъ издавать собранные имъ «Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вв.» и при своей жизни (до 1902 г) успѣлъ напечатать десять выпусковъ названныхъ весьма цѣнныхъ «матеріаловъ», по слѣдующимъ десятинамъ: 1) Рузской, 2) Звенигородской, 3) Загородской, 4) Селецкой, 5) Радонежской, 6) Волхонской, 7) Перемышльской и Хотунской, 8) Пехрянской, 9) Волоколамской и Серпуховской и 10) Можайской. При разборѣ бумагъ его послѣ смерти нашлись уже въ приготовленномъ для печати видѣ «матеріалы» двухъ десятиныхъ: Верейской и Дмитровской, и черновые матеріалы десятины Троицкихъ вотчинъ. Провѣривъ первые и приведя въ порядокъ черновыя выписки, С. А. Бѣлокуровъ издалъ пока часть «Верейской десятины», отложивъ до слѣдующихъ книжекъ продолженіе этихъ «матеріаловъ», которые составятъ одиннадцатый выпускъ, дополненный имъ новыми матеріалами и снабженный своднымъ указателемъ именъ личныхъ и географическихъ по всѣмъ 11 выпускамъ. Вся эта болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя работа В. И. Холмогорова по документамъ московскаго архива министерства юстиціи, представляющая собою описаніе почти всѣхъ церквей нынѣшней московской епархіи, несомнѣнно, должна быть признана капитальнѣйшимъ вкладомъ въ нашу церковно-археологическую литературу.

Въ своей работѣ «Экспурсы по исторіи помѣстнаго приказа» С. А. Шумаковъ сообщаетъ свыше сорока грамотъ названнаго приказа, уцѣлѣвшихъ отъ пожара 1626 года и относящихся къ 1616—1625 гг., приложивъ къ тексту ихъ списки судей, дьяковъ и подьячихъ помѣстнаго приказа за время съ 1598 по 1718 годъ.

Въ отдѣлѣ «историко-литературныхъ матеріаловъ» находимъ «посмертный трудъ» М. И. Соколова: «Славянская книга Еноха праведнаго. Тексты, латинскій переводъ и изслѣдованіе», приготовленный къ печати М. Н. Сперанскимъ, и въ отдѣлѣ «изслѣдованій» — «Къ вопросу о календарѣ Лаврентьевской лѣтописи», Н. В. Степанова. Авторъ названнаго изслѣдованія годъ тому назадъ, тоже въ «Чтеніяхъ», помѣстилъ свои изысканія надъ «единицами счета времени до XIII вѣка по Лаврентьевской и первой Новгородской лѣтописямъ», но въ нихъ, какъ онъ сейчасъ пишетъ въ своемъ вступленіи, «ограничился лишь пе-

речисленіемъ главнѣйшихъ фактовъ, усмотрѣнныхъ при изученіи Лаврентьевской лѣтописи съ календарно-хронологической стороны». Въ настоящей же статьѣ авторъ представляетъ «детальный разборъ всѣхъ имѣющихся въ Лаврентьевской лѣтописи датъ, которыя могутъ быть подвергнуты анализу методами технической хронологіи», имѣя своею главною задачею «выясненіе» слѣдующихъ двухъ вопросовъ: «какъ числялись лѣтописные года», и «когда начинался русскій годъ: 1-го или не 1-го марта». Заключая свое изслѣдованіе, авторъ говоритъ: «мнѣ кажется, что этотъ (собранный имъ) матеріалъ даетъ нѣкоторое основаніе утверждать: 1) Въ Лаврентьевской лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на то, что русскій лѣтописный годъ въ періодъ, охватываемый лѣтописью, начинался 1-го марта. 2) Одно и то же число юліанскаго мѣсяца марта бываетъ то въ началѣ года, то въ концѣ года, поэтому: русскій лѣтописный годъ имѣлъ непостоянное начало. 3) Въ лѣтописи нѣтъ фактовъ, противорѣчащихъ гипотезѣ о численіи начала лѣтъ по фазамъ луны. 4) Одно изъ извѣстій лѣтописныхъ даетъ полное основаніе утверждать, что, если начало русскаго года опредѣлялось по одной изъ двухъ главнѣйшихъ фазъ луны, то фазой этой было полнолуніе, а не новолуніе» (стр. 40).

Наконецъ, въ отдѣлѣ «Смѣси» наиболѣе интересны документы («изъ бумагъ Щербинина»), касающіеся пожара Зимняго дворца 1837 года.

В. Р.—въ.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1911 г. Составлена подъ редакціей Д. Г. Тюменева. Воронежъ. 1911. Цѣна 1 р. 60 к.

Воронежъ—одинъ изъ немногихъ нашихъ не-университетскихъ городовъ, издавна обнаруживающій весьма оживленную издательскую дѣятельность научнаго характера. Здѣсь колыбель перваго русскаго филологическаго журнала, «Филологическихъ Записокъ» Хованскаго, недавно отпраздновавшихъ свой полувѣковой юбилей. Въ этомъ журналѣ, кстати замѣтить, напечатана была лучшая работа знаменитаго русскаго филолога Потебни. Еще прежде воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ» праздновала свой пятидесятилѣтній юбилей «Памятная Книжка» мѣстнаго статистическаго комитета, вышедшая впервые въ 1856 году. Молодой воронежскій церковно-археологическій комитетъ сразу же такъ лестно зарекомендовалъ себя своимъ извѣстнымъ органомъ «Воронежская Старина». Мы не говоримъ уже о старыхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», равно какъ и о новѣйшихъ «трудахъ» архивной комиссіи: это—обычныя изданія нашихъ губернскихъ центровъ.

Очередная «Памятная Книжка» воронежскаго комитета, по обыкновенію, представляетъ большой интересъ для историковъ. Юбилеемъ 19-го февраля вызвана статья редактора книжки Д. Г. Тюменева «Раскрѣпощеніе крестьянъ». В. В. Литвиновъ въ своей обстоятельной статьѣ «Воронежская учительская семинарія» далъ весьма подробный историческій очеркъ этого учебнаго заведенія, по случаю исполнявшагося въ 1910 году двадцатипятилѣтія его существованія. Будущему историку просвѣщенія и педагогическаго дѣла въ Россіи статья эта

дасть весьма богатый матеріалъ. Юбилею же вызвана статья Н. И. Поликарпова «Прославленіе святителя Тихона Задонскаго и открытіе его святыхъ мощей. Къ пятидесятилѣтію сего событія 13-го августа 1911 года».

Знаменитому поэту-воронежцу И. С. Никитину посвящены двѣ статьи: А. Путинцева «Взглядъ И. С. Никитина на поэта и поэзію» и Θ. Поликарпова «Народная жизнь въ изображеніи И. С. Никитина. Этнографическій очеркъ».

Статистическій отдѣлъ книжки заключаетъ въ себѣ всестороннюю картину жизни губерніи за истекшій годъ. Онъ содержитъ въ себѣ не одиѣ таблицы цифръ, но также описаніе мѣстныхъ учреждений, свѣдѣнія о развитіи штунды и другихъ сектъ (особенно растетъ «Новый Израиль», въ которомъ мѣстный авторъ видитъ реформированіе хлыстовства), и т. д. Но какъ краснорѣчивы и многія «сухія» цифры, хотя бы число пожаровъ: въ одинъ годъ двѣ съ половиной тысячи пожаровъ, т. е. два съ половиной милліона рублей убытковъ!

Дм. Зеленинъ.

Военная энциклопедія. Т. III. Изданіе т-ва Сытина. Москва. 1911.

Третій томъ «Военной энциклопедіи», вышедшій въ надлежащій срокъ; по размѣрамъ и характеру статей совершенно сходенъ съ двумя первыми томами, о выходѣ которыхъ мы сообщили въ предыдущихъ нумерахъ «Историческаго Вѣстника». Разница лишь въ томъ, что послѣдняя книжка содержитъ въ себѣ нѣсколько менѣе иллюстрированныхъ приложений, что, впрочемъ, зависитъ отъ характера статей, требующихъ, большею частью, однихъ только чертежей. Изъ статей надо отмѣтить подробное описаніе войнъ, веденныхъ англичанами въ колоніяхъ: войны англо-американская, англо-афганская, англо-китайская и англо-бурская. Кромѣ того, наиболѣе интереснымъ представляется очеркъ, носящій заглавіе «Американская экспедиція русскаго флота въ 1863—1864 гг.». Надо замѣтить, что до сихъ поръ не было подробнаго описанія этой забытой, но замѣчательной экспедиціи, представляющей собою активное выступленіе нашего флота въ тяжелую годину польскаго возстанія и угрозы вмѣшательства въ наши дѣла трехъ европейскихъ государствъ, такъ что настоящая статья, авторъ которой по принятому въ этомъ изданіи порядку, остается неизвѣстнымъ, представляетъ первый специальный трудъ по этому вопросу, причѣмъ самый терминъ «Американская экспедиція» появляется здѣсь впервые. Стоитъ припомнить, что политическая обстановка въ 1863 году слагалась для Россіи самымъ неблагоприятнымъ образомъ. Вспыхнувшее въ этомъ году польское возстаніе встрѣтило во Франціи, Англии, Австріи и Пруссіи горячее сочувствіе общества, подготовленное продолжительной польскою пропагандой, имѣвшей цѣлью путемъ давленія общественнаго мнѣнія вынудить западныя государства къ вмѣшательству въ русскія дѣла, и, въ лучшемъ случаѣ, къ возстановленію Польши, подобно тому, какъ вмѣшательство въ турецкія дѣла повело къ возстановленію Греціи. Дипломатическое вмѣшательство, по инициативѣ Наполеона, дѣйствительно состоялось (въ немъ не участвовала только Пруссія, по настоянію Бисмарка) и хотя получило должный отпоръ со стороны императора Александра II, однако угроза вооруженнаго вмѣшательства тяго-

тѣла надъ Россіей. Въ это время государь остановился на мысли, внушеннойъ ему адмираломъ Краббе: разрѣшить польскій вопросъ въ его дипломатическомъ значеніи активнымъ выступленіемъ русскаго флота у береговъ Америки, съ цѣлью угрозы англійской торговлѣ, находившейся тогда и безъ того въ затруднительномъ положеніи. Съ этою цѣлью рѣшено было тайно направить двѣ наши эскадры, одну изъ Балтійскаго моря, подъ командой адмирала Лесовскаго, къ Нью-Йорку, и другую изъ Тихаго океана, подъ командой контръ-адмирала Попова, къ С.-Франциско. Диверсія эта, прекрасно выполненная, блистательно удалась: какъ только получены были извѣстія о восторженномъ пріемѣ въ Америкѣ нашихъ эскадръ, коалиція противъ Россіи почти мгновенно распалась: первую отошла отъ нея Англія, дрожавшая за свою торговлю, причемъ рѣзкая нота, приготовленная для русскаго правительства, была задержана въ Берлинѣ, затѣмъ Австрія, не желавшая бороться противъ Россіи и Пруссіи, и, наконецъ, Франція, руководитель которой пытался для спасенія своего положенія созвать международный конгрессъ, мысль о которомъ была также отвергнута его бывшими союзниками. Десять мѣсяцевъ эскадры наши пробыли у береговъ Америки, посѣщая ея порты и всюду встрѣчаемая съ энтузіазмомъ, а по возвращеніи въ Россію были привѣтствуемы особымъ посольствомъ американскаго правительства, эскадрою изъ монитора «Міантономо» и парохода «Августа», прибывшею въ Кронштадтъ подъ флагомъ товарища морскаго министра капитана Фокса. Вообще, наша американская экспедиція, по мнѣнію автора статьи, является классическимъ, единственнымъ даже для всемірной исторіи, примѣромъ использованія морскихъ силъ, въ которомъ особенно рельефно оказалось одно изъ свойствъ, присущихъ почти исключительно природѣ морской силы, именно воздѣйствіе морскихъ демонстрацій на «международную впечатлительность». Въ данномъ случаѣ послѣдствія этой впечатлительности были громадны: полное распаденіе коалиціи, быстрое подавленіе польскаго возстанія, поднятіе поколебленнаго престижа Россіи, потеря Наполеономъ его преобладающаго вліянія на европейскія дѣла и, наконецъ, возможность для Россіи принять косвенное участіе въ великомъ дѣлѣ уничтоженія невольничества.

Мы привели эти нѣсколько строкъ въ виду того интереса, который представляетъ въ настоящее время обсужденіе будущей роли и значенія нашего возрождающагося флота.

Л. Н.

Кастанье, І. А. Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края. (Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXII). Оренбургъ. 1910. Стр. XVII—332. Цѣна 5 руб.

Трудъ І. А. Кастанье, вице-президента оренбургской ученой архивной комиссіи, представляетъ собою книгу въ 332 стр. формата немного болѣе писчаго листа; онъ «охватываетъ бывшія области оренбургскихъ, сибирскихъ и семипалатинскихъ киргизовъ, изъ которыхъ впослѣдствіи, по указу 1868 года, образовались области Тургайская, Уральская, Акмолинская и Семипалатинская». Сюда же авторъ включилъ древности территоріи киргизовъ Букеевской

орды Астраханской губернии, значительную часть Сырь-Дарьинской области (часть Ташкентскаго уѣзда, Чишкентскій, Аулиеатинскій, Перовскій и Казалинскій уѣзды), Семирѣченскую область и Оренбургскую губернію.

Въ предисловіи г. Кастанье заявляетъ, что хотя матеріалъ и распредѣленъ по областямъ, строго придерживаясь предметной системы, однако «многія древности приходилось распредѣлять по волостямъ и уѣздамъ почти наугадъ» въ виду того, что многія извѣстія о древностяхъ напечатаны 80—100 и болѣе лѣтъ тому назадъ, когда современнаго административнаго дѣленія Киргизскихъ степей не было.

Какой обширный матеріалъ даетъ книга г. Кастанье, можно судить по слѣдующему мѣсту предисловія: «Мой трудъ,—говоритъ авторъ,—содержитъ свѣдѣнія о курганахъ, городищахъ, каменныхъ бабахъ, развалинахъ крѣпостей, старинныхъ могилахъ, городахъ и прочихъ сооруженіяхъ кочевниковъ, а также обзоръ раскопокъ, свѣдѣнія о христіанско-несторіанскихъ памятникахъ, о надписяхъ и изображеніяхъ на камняхъ, о мусульманскихъ святыняхъ и прочихъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ, доисторическихъ рудникахъ». Кроме того, сюда же авторъ «помѣстилъ народныя сказанія, приуроченныя къ разнымъ древностямъ, имѣя въ виду ихъ тѣсную и неразрывную связь съ послѣдними и съ степнымъ бытомъ».

При описаніи памятниковъ древности Киргизской степи г. Кастанье «старался помѣстить какъ можно болѣе подробностей, приводя то цѣликомъ статьи разныхъ изслѣдователей, то лишь выдержки, то рецензіи о нихъ, не дѣлая при этомъ никакой личной окраски». Описанію древностей предшествуетъ «Краткій историческій очеркъ Киргизскаго края», дающій въ общихъ чертахъ политическую исторію кочевыхъ народовъ киргизскихъ степей съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, и «Объяснительная карта». Въ концѣ труда находится: «Историко-сравнительный этюдъ о каменныхъ бабахъ Киргизскихъ степей и Россіи вообще въ связи съ каменными изваяніями Франціи, Германіи и прочихъ странъ (разные виды воспроизведенія чертъ лица умершихъ въ связи съ поклоненіемъ предкамъ)», принадлежащій г. Кастанье, и 21 таблица рисунковъ

Я. Вирюковъ.

Линниченко, Н. А., проф.—Н. И. Костомаровъ (къ 25-лѣтію со дня его кончины). Одесса. 1910. — Графиня П. С. Уварова (къ 25-лѣтнему юбилею). Одесса. 1910. — Младшій изъ старшихъ славянофиловъ. Памяти Н. С. Аксакова. Одесса. 1911.

Всѣ историческія и литературныя работы проф. И. А. Линниченка совмѣщаютъ въ себѣ научность изложенія съ необыкновенной художественностью внѣшней отдѣлки. Самыя серьезныя и скучныя для большой публики темы разрабатываются проф. И. Линниченко съ такой легкостью и художественнымъ изяществомъ, что плѣняютъ читателя. Брошюры, названія которыхъ выписаны выше, написаны для большой публики, по специальнымъ поводамъ. Въ нихъ мы находимъ замѣчательно яркую и выпуклую характеристику личности

Н. И. Костомарова, съ которымъ авторъ былъ лично знакомъ, опѣнку заслугъ П. С. Уваровой въ развитіи археологическихъ изысканій въ Россіи, наконецъ, читатель знакомится съ славянофильской исторіософіей, личностью и идеями К. Аксакова; не можемъ не обратить вниманія на заключительныя строки брошюры объ К. Аксаковѣ: «Говорятъ: старые славянофилы звали насъ назадъ, въ темное прошлое, въ Московскую Русь; нѣтъ, они звали насъ впередъ, въ Русь небывалую, невиданную, звали впередъ такъ далеко, какъ мы, быть можетъ, никогда не уйдемъ. Всѣ свои чаянія, всѣ убѣжденія, вѣру въ силу, красоту духовнаго склада русскаго человѣка они вложили въ свое ученіе, и намъ ли ихъ казнить за это кличкой ретроградовъ? Нѣтъ, научимся въ лицѣ старыхъ славянофильовъ уважать лучшихъ русскихъ людей, какъ ихъ уважали и цѣнили благородные и честные противники—Герценъ и Грановскій». Читатель искренно будетъ благодарить проф. И. А. Линниченка за прекрасные портреты, полныя экспрессіи и художественнаго совершенства. Многимъ историкамъ можно бы было поучиться, какъ пишутся историческія работы, если только этому можно научиться!

О. Аваліани.

**Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von T. Schie-
mann, O. Hötzsch, L. Goetz, H. Uebersberger, Berlin, 1810 г. Вып. I.
162 стр.**

До послѣдняго десятилѣтія обычнымъ было то, что западно-европейскіе ученые, за рѣдкимъ исключеніемъ, не знали, а нѣкоторые и не хотѣли знать русской науки. Но значительные успѣхи, которые сдѣлали русскіе ученые за послѣднія 30—40 лѣтъ, блестящее развитіе русской литературы, въ частности углубленная разработка отечественной исторіи цѣлымъ рядомъ талантливыхъ изслѣдователей, обратили вниманіе ученаго мра Запада и заставили его знакомиться и изучать труды русскихъ ученыхъ.

Это обстоятельство сказалось не только въ томъ, что нѣкоторые западные ученые уже начинаютъ знать русскій языкъ, работаютъ по русскимъ монографіямъ, лѣтописямъ и актамъ, но сказался такой поворотъ въ попыткѣ объединить западно-европейскихъ ученыхъ съ русскими въ одинъ научномъ предпріятіи, посвященномъ разработкѣ вопросовъ, общихъ по интересу.

Такой цѣли служить вновь основанный журналъ «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte», задачу котораго составляетъ, какъ показываетъ само названіе, изученіе восточно-европейской исторіи, значить преимущественно исторіи Россіи и Польши и ихъ отношеній къ Германіи и Австріи. Этотъ журналъ долженъ объединить русскихъ, польскихъ и европейскихъ ученыхъ; въ число его сотрудниковъ входятъ, съ одной стороны, профессора Шиманъ, Гець, Хёчь (Hötzsch), Уберсбергеръ (Uebersberger), о. Пирлингъ, съ другой академики Лаппко-Данилевскій и Дьяконовъ, докторъ Лихачевъ, проф. Любовичъ и др.

По плану «Zeitschrift» долженъ выходить въ количествѣ 4-хъ книжекъ въ году, каждая должна включать статьи, замѣтки, рецензіи, обзоръ журна-

ловъ, біографіи и научную хронику. Въ выпущенной первой книжкѣ помѣщены: 1) Посылка фельдмаршала Дибича въ Берлинъ въ 1830 г. (стр. 1—22), проф. Шимана; 2) Титуль «великій князь» въ древнѣйшихъ русскихъ лѣтписяхъ (23—66), Леопольда Гёца; 3) Положеніе исторіи государственнаго устройства Польши, проф. О. Хёча (Hötzsch). Нѣсколько отзывовъ о книгахъ: 1) Гавриловича, «Милошь Обреновичъ» (Uebersberger); 2) Неймана, «Наполеонъ и великія державы въ 1806 г.» (Baillen); 3) Чечулина, «Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II» (рецензія Лаппо-Данилевскаго); 4) А. Фейерейзена, «Лифляндская историческая литература 1906 г.» (барона Остенъ-Сакена).

Затѣмъ слѣдуетъ довольно обширный обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ (104—148), въ которомъ кратко отмѣчены статьи, посвященныя исторіи Восточной Европы. Въ отдѣлѣ научной хроники предполагается давать свѣдѣнія о видныхъ русскихъ историкахъ и ихъ работахъ. Въ первой книгѣ охарактеризованъ, какъ историкъ, великій князь Николай Михайловичъ (Шиманомъ). Въ концѣ рядъ мелкихъ извѣстій.

Вообще говоря, изданіе интересно по замыслу и по содержанию. слѣдуетъ привѣтствовать его появленіе и пожелать ему полнаго расцвѣта въ дальнѣйшемъ.

М. Б.—въ.

Козьминъ, Н. Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910. Стр. 266. Цѣна 1 руб.

Хотя книга г. Кузьмина и носитъ названіе «Очерки прошлаго и настоящаго Сибири», но изъ семи статей ея только двѣ имѣютъ общій характеръ—а) «Хлѣбъ за ясакъ», въ которой авторъ говоритъ о неудачной попыткѣ московскаго правительства посадить инородцевъ (нѣкоторыхъ) на пашню, замѣнивъ такимъ образомъ ясакъ на хлѣбъ, и б) «Администрація государевой пашни въ Сибири XVII вѣка». Что касается остальныхъ пяти статей, то онѣ затрагиваютъ только Восточную Сибирь: а) «Изъ прошлаго Сибири (бывшій генераль-губернаторъ Восточной Сибири С. В. Броневскій и его мемуары)», б) «Существуетъ ли кустарная промышленность въ Иркутской губерніи?», в) «М. В. Загоскинъ и его значеніе въ исторіи развитія сибирской общественности», г) «Къ постановкѣ аграрнаго вопроса въ Иркутской губерніи» и е) «А. П. Шаповъ», рѣчь, прочитанная на общемъ собраніи восточно-сибирскаго отдѣленія географическаго общества 4-го марта 1901 года по поводу 25-лѣтія со дня смерти этого знаменитаго сибиряка.

Изъ небольшого предисловія узнаемъ, что «помѣщенные въ настоящей книгѣ очерки были написаны, а отчасти и напечатаны до 1905 года», почему «читатель въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ можетъ усмотрѣть небольшой отпечатокъ анахронизмовъ настроенія».

Д. Бирюковъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга шестнадцатая. М. 1910. Стр. 518+164. Цѣна 3 р. 50 к.

Въ настоящей омы «Описанія» вошло продолженіе описей столбцовъ «приказнаго стола разряда, съ № 601 по 1600». Описаніе этихъ столбцовъ велось по прежней программѣ, какою руководились при описаніи столбцовъ московскаго и владимирскаго столовъ разряда, напечатанномъ въ одиннадцатой книгѣ «Описанія архива» (1899 г.), гдѣ въ предисловіи помѣщена и самая программа. Всѣ почти документы, дѣла и бумаги «приказнаго стола разряда» относятся ко второй половинѣ XVII вѣка. Подавляющее большинство изъ описанныхъ бумагъ составляютъ документы касающіеся управленія и состоянія городовъ; затѣмъ идутъ документы о служилыхъ людяхъ и о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ; далѣе довольно часто встрѣчаются судныя дѣла по челобитьямъ и сыскныя дѣла по извѣтамъ, челобитью и проч.; имѣется нѣсколько «сказокъ» дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей о семейномъ составѣ, помѣстныхъ окладахъ и службѣ, которыя наиболѣе всего интересны и цѣнны для генеалоговъ, равно какъ и списки стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и др., также нерѣдко встрѣчающіеся. Попадаются, наконецъ, документы, касающіеся полоняниковъ, военныхъ и полковыхъ дѣлъ, и т. п.

Въ описаніи столбцовъ принимали участіе, подъ главнымъ наблюденіемъ редактора г. Шереметевскаго, гг. Чулковъ, Марковъ, Зенбицкій, Алексѣевъ, Лукьяновъ, Щербакъ, Катаевъ и Порфирьевъ. Въ концѣ книги приложены указатели: предметный, географическій (оба составлены г. Шереметевскимъ) и личный.

В. Р—въ.

Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричнскій. Харьковъ. 1911.

Диль одинъ изъ лучшихъ знатоковъ византійской исторіи и авторъ многихъ специальныхъ сочиненій. Но «Византійскіе портреты» написаны совершенно популярно и могутъ быть прочтены съ удовольствіемъ всѣми интересующимися своеобразной византійской цивилизаціей. Французскій профессоръ знакомитъ насъ съ біографіями цѣлаго ряда выдающихся личностей обоого пола и характеризуетъ такимъ путемъ византійское общество XII вѣка, современное крестовымъ походомъ, склонное къ интригамъ, революціямъ и разнымъ приключеніямъ. Передъ нами проходятъ придворные, писатели, государственные дѣятели, представители мѣщанской среды. Много мѣста отведено женщинамъ, трагической судьбѣ западныхъ принцессъ, выданныхъ замужъ за византійскихъ императоровъ, красавицамъ, соблазненнымъ греческимъ донъ-Жуаномъ Андроникомъ Комниномъ, и царевнѣ Аннѣ, дочери перваго царя изъ фамиліи Комниновъ. Это была замѣчательная женщина, оставившая потомству двухтомное описаніе царствованія своего отца, императора Алексѣя Комнина. Анна Комнина изучила все, что только можно было изучить въ ея время, риторику и философію, исторію и литературу, географію и міеологию. Она читала великихъ писателей древности, Гомера, трагиковъ, Аристофана, Ѳукидида и Полибія,

Аристотеля и Платона. Она была не только образованною, но даже ученой женщиной. Современник хвалить ее за изящность слога, силу ума при разрѣшеніи трудныхъ проблемъ, за любовь къ книгамъ и ученымъ разговорамъ, за обширность познаній. Очень интересенъ портретъ писателя Федора Продрома. Чтобы нравиться, чтобы имѣть успѣхъ и средства къ жизни, онъ выполнялъ всевозможныя литературныя работы. Ему принадлежатъ романы въ стихахъ, шуточные стихотворенія, сатиры, поэмы, духовныя пѣсни, философскія разсужденія, посланія, надгробныя рѣчи, огромное множество стихотвореній, написанныхъ по случаю какого-нибудь достопримѣчательнаго событія во дворцѣ или городѣ. Онъ пишетъ по заказу, его перо и вдохновеніе находятся въ услуженіи того, кто ему платитъ. Федоръ Продромъ любитъ называть себя Птохопродромомъ, т. е. нищимъ Продромомъ. И дѣйствительно, рѣдко встрѣчался писатель, столь нуждающійся, такъ голодавшій и такъ попрошайничавшій. Всю свою жизнь онъ только искалъ могущественныхъ покровителей, надождавъ императору, вельможамъ и сановникамъ, жаловался на свою бѣдность, свои несчастья, болѣзни, старость, чтобы выпросить у нихъ денегъ, доходное мѣстечко или, по крайней мѣрѣ, даровое помѣщеніе въ больницѣ. Попрошайка и хвастунъ, очень гордившійся своимъ происхожденіемъ, дарованіями и способный на всякую пошлость, представляетъ любопытный типъ византійскаго литератора въ вѣкъ Комниновъ, когда ученые и писатели пользовались особеннымъ благоволеніемъ двора.

Переводъ сдѣланъ мѣстами тяжеловѣсно, и переводчикъ мало знакомъ съ византійской исторіей. Поэтому онъ рабски придерживается французской транскрипціи, латинскихъ и греческихъ именъ и названій, и пишетъ Анна Комнень вмѣсто Анна Комнина, Анна Делассена, вмѣсто Далассина, 12 номисматовъ вмѣсто номизмъ, Боэмондъ, вмѣсто Боэмундъ, Бодуэнъ, вмѣсто Балдуинъ, Влеммидесъ вмѣсто Влеммидъ, Кантакузенъ вмѣсто Кантакузинъ, и даже островъ Галки вмѣсто Халки. П. В.

Проф. Сумцовъ. Маллюки з життя українського народного слова. (З XIX т. Сборника Харьковского историко-филологического общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). X. 1910. Стр. 144.

Въ данной работѣ профессоръ Н. Ф. Сумцовъ, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей русскаго, въ частности украинскаго, фольклора, останавливается на различныхъ сторонахъ изученія украинской народной поэзіи и вообще украинской литературы. Согласно съ этимъ книга состоитъ изъ семи независимыхъ другъ отъ друга главъ. Въ первой профессоръ Сумцовъ указываетъ на общій интересъ изученія народной украинской поэзіи и на задачи современности въ отношеніи украинской науки и литературы. Во второй главѣ авторъ пересматриваетъ вопросъ объ историческомъ развитіи украинскаго народа, присоединяясь къ тому мнѣнію относительно этого, представителями котораго являются профессоръ М. Грушевскій и профессоръ А. Крымскій. Въ третьей главѣ профессоръ Сумцовъ слѣдитъ главнѣйшія степени развитія украинскаго литературнаго языка, принимая во вниманіе цензурныя условія

его жизни въ XIX вѣкѣ. Въ четвертой главѣ разсматривается происхожденіе народныхъ украинскихъ музыкантовъ и ихъ инструментовъ, причемъ авторъ проводитъ мысль о преемственности пѣсенной традиціи украинскихъ кобзарей отъ юго-славянскихъ пѣвцовъ, намѣчая параллель между бандуристами и болгарскими пандурами, украинскою думою о смерти казака-бандуриста и такого же содержанія сербскою пѣсню. Нѣкоторые, надо замѣтить, считали названную украинскую думу поддѣльною, и не безъ основанія: Куминь, обнародовавшій ее, былъ большой мистификаторъ! Пятая глава посвящена обзору наиболѣе выдающихся чертъ старинной украинской поэзіи, начиная съ XI вѣка. Такимъ образомъ, профессоръ Сумцовъ относитъ къ произведеніямъ украинской литературы такіе памятники, какъ «Слово о полку Игоревѣ», «Письмо Владимира Мономаха къ Олегу Рязанскому», «Галицко-Волынскую лѣтопись» и пр.— точка зрѣнія, имѣющая горячихъ приверженцевъ и ярыхъ враговъ, въ лицѣ немногихъ великорусскихъ ученыхъ праваго толка. Вопросъ объ этническомъ и лингвистическомъ единствѣ Киевской Руси съ Украинскою врядъ ли когда-нибудь будетъ разрѣшенъ *sine ira et studio*, такъ какъ вѣчно будетъ осложняться политико-національными симпатіями и антипатіями. Позволимъ себѣ только сказать, что, если языковые признаки говорятъ за единство древне-киевского говора съ позднѣйшимъ украинскимъ, то сила литературной традиціи Киевской Руси на сторонѣ сѣверно-русской литературы, а не украинской.

Въ слѣдующей главѣ профессоръ Сумцовъ останавливается на художественномъ значеніи украинской народной поэзіи, указываетъ вліяніе ея на великорусскую и бѣлорусскую пѣсню, а также на отдѣльныхъ писателей русскихъ и украинскихъ. Въ послѣдней главѣ даются краткія свѣдѣнія о семидесяти семи украинскихъ фольклористахъ, этнографахъ и русскихъ ученыхъ, изучавшихъ украинскую поэзію.

Книга профессора Сумцова представляетъ богатый сводъ свѣдѣній объ украинской поэзіи и написана живымъ художественнымъ языкомъ. Укажемъ, напри- мѣръ, высоко художественное сравненіе запрестольной иконы Киево-Софійскаго собора «Нерушимой Стѣны» съ нерушимой стѣною украинской рѣчи, живущей, несмотря на всѣ усилія погубить ее, какъ не разрушили «Нерушимую Стѣну» ни татары, ни яхи

В. Даниловъ.

Русскій Библиофилъ. Le Bibliophile Russe. №№ I и II. Спб. 1911. Стр. 71+XII и 90+IV.

Подъ вышеописаннымъ заглавіемъ съ января сего года сталъ выходить въ свѣтъ «новый иллюстрированный журналъ», «вѣстникъ для собирателей книгъ и гравюръ». По основному заголовку — «Русскій Библиофилъ» — мы были бы въ правѣ ожидать отъ новаго журнала преслѣдованія цѣлей по преимуществу библиографическихъ въ области русскихъ научныхъ дисциплинъ; но на самомъ дѣлѣ издатель имѣетъ въ виду одно: «послужить дѣлу коллекціонерства въ Россіи». Задача эта, чрезвычайно широкая, къ сожалѣнію, остается необъясненной издателемъ-редакторомъ относительно способовъ ея осуществленія, хотя онъ

и говорить, что, «кроме большого количества статей, имѣющихся въ настоящее время въ портфель редакціи, по вопросамъ библиографіи и собиранія книгъ и гравюръ, мы предполагаемъ открыть на страницахъ нашего журнала спеціаль- ный отдѣлъ, посвященный опубликованію подлинныхъ автографовъ, неиздан- ныхъ документовъ и неизвѣстныхъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, хранящихся въ Императорской Публичной библио- текѣ». «Опубликованіе» автографовъ, документовъ и рукописей въ высокой сте- пени полезно и даже необходимо, хотя и грозитъ на страницахъ небольшого журнала, 8 №№ въ годъ и каждый номеръ по 8 печатныхъ листовъ, по крайней мѣрѣ затянуться на «многія лѣта»; но въ то же время, по моему мнѣнію, врядъ ли будетъ широко способствовать «коллекционерству въ Россіи»; къ тому же неизданные документы и неизвѣстныя литературныя произведенія будутъ, пови- димому, поставлены почему-то на второстепенное мѣсто, позади «автографовъ»; насколько можно судить по приведенному перечню на стр. 6.

Но отрѣшимся отъ мысли издателя «послужить дѣлу коллекционерства въ Россіи» путемъ хотя бы «иллюстрированнаго вѣстника для собиранія книгъ и гравюръ» и обратимся къ содержанію лежащихъ предъ нами первыхъ двухъ нуме- ровъ «Русскаго Библиофила». Въ январской книжкѣ находимъ слѣдующія не- большія статейки и замѣтки: «Журналъ карикатуръ на 1808 годъ», В. Вереща- гина; «Памяти Дашкова», К. Военскаго; «Семейство Плюшаръ—типографы», Вл. Андерсона; «Замѣтки о русскихъ иллюстрированныхъ книгахъ», Н. А. Оболь- янинова, и (первое описаніе) двухъ французскихъ рукописей, которое ведетъ аббатъ Бонне, подъ заглавіемъ: «Recherches sur les manuscrits français de la Bibliothèque Imperiale de St.-Petersbourg». Въ текстѣ къ этимъ статьямъ помѣ- щено 17 разныхъ рисунковъ. Безъ сомнѣнія, все сообщаемое о предпринятомъ А. Г. Венеціановымъ «Журналѣ карикатуръ», о типографѣхъ Плюшаръ и рус- скихъ иллюстрированныхъ книгахъ 1740—1860 гг. имѣетъ въ настоящее время даже характеръ нѣкоторой новизны, но болѣе или менѣе значительнаго библио- графическаго интереса не представляетъ, за исключеніемъ развѣ статьи г. Оболь- янинова (продолженіе ея см. въ февральской книжкѣ). Г. Вл. Андерсонъ въ статьѣ о Плюшарѣ хотя и утверждаетъ (на стр. 33), что онъ достаточно характеризуетъ дѣятельность» издателя Плюшара, но съ этимъ врядъ ли можно вполне согла- саться; самъ онъ говоритъ, что пользовался только нѣкоторыми изданіями Плюшара и вообще даетъ «краткій очеркъ»; посвящая двѣ странички исторіи «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара, онъ, видимо, не пользовался статьёй А. В. Старчевскаго о нашихъ энциклопедическихъ словаряхъ (въ «Истори- ческомъ Вѣстникѣ», 1886 и 1888 г.), иначе привелъ бы оттуда нѣкоторыя небезын- тересныя данныя. Авторъ, ознакомившійся съ нѣкоторыми изданіями Плю- шара, хотѣлъ, видимо, придать своей статьѣ значеніе первоисточника и только дважды ссылается на А. В. Никитенка и Б. Л. Модзалевскаго. Зато большимъ подспорьемъ для статьи являются приложенныя къ ней и хорошо исполненные рисунки: фронтиспись къ «Galerie Mignard», изд. А. Плюшара; домъ Косиков- скаго, гдѣ помѣщался литературный салонъ Плюшара; рисунокъ Орловскаго изъ книги Друвиля (казакъ, преслѣдуемый татарами); видъ Дубровиць, нѣ- сколько видовъ Петербурга изъ альбома Плюшара и др.

Содержаніе февральскаго нумера таково: во главѣ статья издателя-редактора Н. В. Соловьева—«Французскіе граверы XVIII вѣка»; затѣмъ идутъ—«Книжная торговля въ С.-Петербургѣ въ Николаевскую эпоху», П. Н. Столпянскаго; «Замѣтка о русскихъ иллюстрированныхъ книгахъ» (рѣчь идетъ объ азбукахъ 1760—1860 гг.), Н. А. Оболянинова; «Отечественная война въ русской журналистикѣ», К. А. Военскаго; «Рѣдкія изданія по исторіи освобожденія крестьянъ», А. Попельницкаго и продолженіе описанія аббата Бонне. Здѣсь также много рисунковъ, тщательно исполненныхъ, числомъ до 18; изъ нихъ наиболѣе любопытны гравюры и рисунки Ле-Пренса, изъ собранія П. Вейнера и князя В. Н. Аргутинскаго; гравюры Жанинэ, изъ собранія князя В. Н. Аргутинскаго; гравюра Дебюкура изъ «Военнаго альбома» и нѣкоторые рисунки русскихъ азбукъ. Съ несомнѣннымъ интересомъ прочтутся многими любителями книгъ и гравюры статьи Н. В. Соловьева и П. Н. Столпянскаго; весьма кстати и своевременно напечатана кропотливая работа К. А. Военскаго, представившаго краткое обзорѣніе и даже оцѣнку «статей» и матеріаловъ «по 1812 году», заключающихся въ «Русскомъ Архивѣ». Работа эта является продолженіемъ изданной тѣмъ же авторомъ «Отечественной войны въ русской журналистикѣ» и, въ свою очередь, будетъ продолжаться на страницахъ «Русскаго Библиофила». Вышеназванныя статьи февральскаго нумера значительно усиливаютъ интересъ «Русскаго Библиофила», пока еще не имѣющаго опредѣленной программы и вмѣщающаго въ себя и обычную библиографію, и художественную часть. Немалый интересъ имѣютъ и ежемѣсячныя «мелкія замѣтки» о новостяхъ книжнаго дѣла и состояніи книжнаго рынка, но хотя бы краткихъ обзоровъ новыхъ книгъ по части библиографіи пока еще не представлено, а безъ нихъ, по моему мнѣнію, трудно обойтись даже любителямъ «коллекціонерства».

Таковы мои первыя впечатлѣнія отъ рассмотрѣнныхъ книжекъ «Русскаго Библиофила», который представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ случайнаго любительскаго изданія. Привыкнувъ высоко цѣнить каждую попытку внести что-либо въ нашу все еще скудную библиографію и испытывая вмѣстѣ съ многими другими настоятельную необходимость въ библиографическомъ журналѣ, особенно въ настоящее богатое всевозможными изданіями время, я хотѣлъ бы видѣть такой періодическій органъ, который давалъ бы болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о библиографическихъ новостяхъ, сообщалъ обзоры наиболѣе интересныхъ и мало еще затронутыхъ страницъ прошлаго нашего книжнаго рынка и печатнаго дѣла, совмѣстно съ художественной стороною книги и ея украшеніями, и даже опубликовывалъ бы если не вполнѣ, то въ извлеченіяхъ и описаніяхъ данныя о неизвѣстныхъ рукописяхъ и неизданныхъ документахъ. Такого рода изданіе потребовало бы и немало силъ научныхъ и, главное, денежныхъ средствъ, такъ какъ само по себѣ оно окупиться не можетъ. Зная сильную любовь къ книгѣ Н. В. Соловьева, его глубокое пониманіе значенія послѣдней вообще, а также его желаніе оказать свою помощь подъему нашей общественной культуры, не жалѣя денежныхъ средствъ (объ этомъ говоритъ уже одна внѣшность разсматриваемыхъ книжекъ),—я не боюсь впасть въ ошибку, если скажу, что только Н. В. Соловьевъ можетъ быть исполнителемъ всѣми давно желаемаго научно поставленнаго библиографическаго журнала. **В. Рудаковъ.**

Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ кн. Безбородна въ Нѣжинѣ. Томъ VII. Нѣжинъ. 1911. Стр. (разной нумераціи) 297. Цѣна не обозначена.

Содержаніе этого сборника разнообразно и интересно. Послѣ официальной части, состоящей изъ изложенія протоколовъ и отчетовъ общества, на первомъ мѣстѣ идетъ рядъ статей, посвященныхъ тому русскому писателю, котораго особенно почитаютъ въ Нѣжинѣ и въ честь котораго тамъ устроенъ музей, именно Н. В. Гоголю. Здѣсь напечатано прежде всего самое раннее нѣжинское письмо Гоголя къ родителямъ (10-го іюня 1821 г.). Текстъ этого письма слѣдовало бы привести въ ороографіи подлинника, а не давать написаніе Гоголя въ 25 подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Изъ послѣдующихъ статей о Гоголѣ (П. А. Заболотскаго—«Гоголевскія юбилейныя (1809—1909) празднества въ Нѣжинѣ», А. П. Кадлубовскаго—«Гоголь въ его отношеніяхъ къ старинной малорусской литературѣ», В. В. Баршевскаго—«Мысли Гоголя о сценическомъ служеніи»,—наиболѣе интересна вторая, указывающая на нѣкоторую связь писателя съ вставными эпизодами южно-русскихъ духовныхъ драмъ школьнаго характера, такъ называемыми интерлюдіями. Работа г. Кадлубовскаго является интереснымъ дополненіемъ къ рѣчи проф. В. Н. Перетца «Гоголь и малорусская литературная традиція» (Спб. 1902). По поводу кончины Л. Н. Толстого въ сборникѣ напечатаны двѣ статьи: П. В. Тихомирова и П. А. Заболотскаго. Первый охарактеризовалъ писателя съ точки зрѣнія его заслугъ предъ русскимъ обществомъ и человѣчествомъ, второй — какъ типичнаго выразителя русскаго народнаго духа и въ своей жизни, и въ своемъ творествѣ. Въ славяно-русскомъ отдѣлѣ книги приведена любопытная статья покойнаго пынѣ проф. К. Θ. Радченка, содержащая весьма остроумную и ядовитую критику реформы русской ороографіи, предложенной московскимъ педагогическимъ обществомъ и академіей наукъ. Авторъ убѣдительно доказывалъ, что эта реформа, облегчивъ усвоеніе грамоты для москвичей, затруднила бы ея усвоеніе для другихъ русскихъ, въ особенности же для малороссовъ. Въ этомъ же отдѣлѣ проф. Г. А. Ильинскій защищаетъ исконное славянское происхожденіе слова «броня». Въ историческомъ отдѣлѣ сборника помѣщены двѣ статьи проф. М. Н. Бережкова. Въ первой авторъ разбираетъ преданіе о томъ, какъ нѣжинскія казачки, надѣвъ казачьи мужскія шапки и мужское платье, защищали вмѣстѣ съ казаками свой городъ отъ нападенія шведовъ въ 1709 г.; къ опредѣленному выводу о достовѣрности или недостовѣрности этого преданія г. Бережковъ не приходитъ. Вторая работа представляетъ тщательно составленную монографію объ А. Ф. Шафонскомъ и составленномъ имъ въ 1787 г. трудѣ «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе», весьма важномъ, между прочимъ, и для исторіи Нѣжика. Наконецъ, въ отдѣлѣ классической филологіи проф. В. И. Петръ пытается, но едва ли не напрасно, дать точное опредѣленіе мѣстности, гдѣ происходила трагедія Еврипида «Ифигенія въ Тавридѣ». Во всякомъ случаѣ Еврипидъ не былъ лично въ Тавридѣ, и историко-литературное значеніе его драмы нисколько не зависитъ отъ большей или меньшей точности въ описаніи мѣста ея дѣйствія. А. М.—вѣ.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 годы (I томъ). Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911 г. XXXII + 512. Цѣна 3 рубля.

Николай Ивановичъ Тургеневъ, скончавшійся въ 1871 году, является однимъ изъ славныхъ борцовъ въ исторіи уничтоженія крѣпостного права. Вся его долгая жизнь въ теченіе царствованій императоровъ Александра I, Николая I и Александра II была проникнута одной идеей о необходимости уничтоженія позорнаго рабства. Началь онъ проводить эту идею въ жизнь еще при Александрѣ I, когда занималъ должность помощника статсъ-секретаря въ департаментѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта, во всѣхъ дѣлахъ помѣщиковъ съ крестьянами онъ старался помочь послѣднимъ. Вынужденный послѣ 14-го декабря 1825 года вслѣдствіе своей близости къ декабристамъ удалиться за границу и прожить тамъ тридцать три года, онъ написалъ рядъ сочиненій, направленныхъ противъ крѣпостного права, главнымъ изъ нихъ является «La Russie et les Russes», вышедшее въ 1847 году въ Парижѣ и Брюсселѣ и сдѣлавшее его имя выдающимся среди защитниковъ эмансипаціи въ Россіи и за границей. Въ своихъ трудахъ Н. И. всегда настаивалъ на необходимости освобожденія крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею.

Послѣ Н. И. Тургенева остался громадный семейный архивъ, въ который вошли бумаги не только его самого, но и брата его, Александра Ивановича, а также документы болѣе ранней эпохи. Въ 1904 году съ сыномъ Н. П., Петромъ Николаевичемъ, познакомился А. А. Өоминъ, которому П. Н. разрѣшилъ просмотръ архива и пользованіе имъ. Обзоръ архива обнаружилъ богатство его: онъ состоитъ «главнымъ образомъ изъ писемъ, дневниковъ, замѣтокъ, выписокъ, различныхъ сочиненій и стихотвореній, переводовъ и нѣкоторыхъ документовъ официального характера». Корреспондентами Тургеневыхъ являлись многіе выдающіеся люди конца XVIII вѣка и первыхъ семидесяти лѣтъ XIX вѣка, какъ, на примѣръ, Н. И. Новиковъ, Н. М. Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, А. Ө. Мерзляковъ, А. Ө. Воейковъ, Д. Н. Блудовъ, князь П. А. Вяземскій и другіе.

Послѣ переговоровъ съ А. А. Өоминымъ П. Н. Тургеневъ передалъ свой архивъ въ рукописный отдѣлъ библіотеки отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Отдѣленіе рѣшило ускорить составлявшееся описаніе этого архива и приступить къ частичному изданію архива, давъ ему общее названіе «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ».

Въ настоящій выпускъ, составленный подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова, вошли первые дневники Н. И. Тургенева (1806—1811 г.) и письма его къ брату А. И. Тургеневу и матери Е. С. Тургеневой. Въ 1806 году, окончивая благородный университетскій пансіонъ, Н. И. началъ вести дневникъ, которому онъ далъ названіе «Моя скука» (называетъ съ также его и «Желтой книгой»). Лейтъ-мотивомъ этого періода являются сѣтованія даровитаго юноши на тяготившую его скуку и пустоту жизни. Такъ, 16-го октября 1806 года онъ пишетъ: «говорю и буду говорить, что мнѣ скучно только, все скучно, очень скучно»; 5-го ноября 1806 года: «Что дѣлать отъ скуки? Философ-

ствовать?—наскучило.—Надѣяться?—не на что. Стрѣляться?—слишкомъ много, но самое вѣрное лекарство отъ скуки. Желать же нечего да и пельзя (Скучно)». Въ 1808 году Тургеневъ поступилъ въ геттингенскій университетъ; дневники его за это время полны остроумныхъ наблюденій подъ нѣмецкою жизнью и нѣмцами; онъ даетъ характеристики профессоровъ, излагаетъ иногда содержаніе слышаннаго на ихъ лекціяхъ. Видно, что Н. И. интересовали въ это время исторія, философія и юриспруденція. Но жизнь въ Германіи не удовлетворяетъ Н. И., скука попрежнему томитъ его, и мысль настойчиво несетъ къ покинутой родинѣ. Подъ 19—24 февраля 1809 года онъ пишетъ: «Бьетъ десять часовъ ночи. Все тихо, но сердце мое сильно бьется и напоминаетъ мнѣ, что я въ Геттингенѣ. Проклятый городъ! Когда я буду всѣ стѣны твоихъ? Когда буду свободно дышать воздухомъ русскимъ, роднымъ. Дышать свободно можно, кажется, только въ Россіи. Самая природа здѣсь для меня мачеха, и солнце не такъ тепло, не такъ красно, и люди не тѣ». Дневники юноши Тургенева, интересовавшагося вопросами государственными, политическими, общественными и литературными и живо откликавшагося на всѣ явленія жизни, могутъ читаться съ интересомъ и въ наше время.

Къ настоящему выпуску приложены портретъ Тургенева въ молодости, планы Геттингена и его окрестностей того времени, а также обширный указатель собственныхъ именъ.

В. Троицкій.

В. Ө. Боцяновскій. Богоискатели. Слб. Стр. 268. Цѣна 1 р. 25 к.

Придерживаясь общаго толкованія словъ «богоискатели» и «богостроители», г. Боцяновскій очень широко примѣняетъ его ко всѣмъ людямъ, ищущимъ религіознаго разрѣшенія задачъ жизни. Съ этой точки зрѣнія, «двуперстники» и «щепотники», церковники и безпоповцы, Ковалевы съ Марушками-Босоножками и Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Л. Н. Толстой—одинаково ищутъ Бога, одинаково они религіозные толкователи смысла жизни. Между тѣмъ «свободные мыслители», какъ Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, Вырубовъ, Лесевичъ, Михайловскій рѣшали задачи жизни совершенно независимо отъ личнаго своего отношенія къ Богу. Они не «богоискатели», но научно-устроители общаго блага на землѣ. Такое раздѣленіе умовъ принято издавна. Но несомнѣнно, что одни изъ нихъ считали «богоискательствомъ» исключительно просвѣтленіе ума и сердца, облагораживаніе жизни, прекращеніе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ во имя Христа; другіе изъ нихъ, напротивъ, закрѣпощали человѣка человѣку мистическими текстами Св. Писанія и собственнымъ сочинительствомъ всевозможныхъ «боговъ». Поэтому, едва ли возможно всѣхъ религіозныхъ мыслителей и изувѣровъ связывать общей идеей «въ красную нить богоискательства», какъ это дѣлаетъ г. Боцяновскій. Самъ Боцяновскій нерѣдко указываетъ на то, какъ многіе сектанты въ поискахъ Бога служили темнымъ началамъ и, вмѣсто богоискательства, разрушали идеалы. Ихъ справедливо было бы назвать «мракоискателями».

Трудъ г. Боцяновскаго начинается очеркомъ новгородскихъ «стригольниковъ» XIV и XV вѣка, отвергавшихъ божественность Христа, иконы, таинства,

духовную ієрархію, пос тановленія вселенскихъ соборовъ и т. д. Затѣмъ черезъ древнерусскую полемику съ богоискателями («Истины показаніе» и «Много-словное посланіе»), черезъ книжниковъ XVII вѣка (книги «Литовской печати») и еретика XVIII вѣка Тверитинова, авторъ прямо переходитъ за богоискательствомъ къ Гоголю и современнымъ намъ писателямъ. Что касается Гоголя, то г. Боцяновскій и послѣдніе годы его жизни мотивируетъ поисками чистой жизни... «Богоискательство, — говоритъ онъ, — не было для Гоголя тѣмъ перцемъ, которымъ сдабриваютъ прѣсную современность въ наше время. Онъ страдалъ всю свою жизнь, онъ бился головой объ стѣну, сражаясь съ навѣями чарами, съ мертвыми душами — чужими и своей собственной. Онъ мучительно искалъ Бога и съ мукой вѣрилъ, что Его нашель. «Будьте не мертвые, а живыя души», говорилъ онъ всѣмъ и самоотверженно боролся съ ползшей отовсюду мертвечиной». Едва ли, однако, скажемъ мы, авторъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», придя въ концѣ концовъ къ исповѣданію «византизма», самъ не убивалъ одухотворенныя имъ «души». Увяданіе въ немъ политической зрѣлости и альтруизма за счетъ мракобѣсія не слѣдуетъ смѣшивать съ его идеализмомъ.

Между тѣмъ г. Боцяновскій даже въ позднѣйшихъ «кошмарахъ испуганнаго интеллигента» (А. Бѣлый, А. Блокъ) привѣтствуетъ исканіе Бога.

Испуганными богоискателями г. Боцяновскій считаетъ также Мережковскаго, З. Гиппіусъ, В. Брюсова, Сологуба, Вересаева, Гогидзе и т. п. писателей, вызвавшихъ неоднократно къ отчаянію и смерти. Онъ доходитъ до того, что находитъ богоискательство даже въ какомъ-то «Орденѣ всемірнаго гениальнаго ребячества». Этотъ «слетъ гениевъ» прои сходилъ въ наши дни въ Петербургѣ, и авторъ описываетъ его слѣдующими чертами: «нѣсколько человѣкъ сразу приковывали вниманіе своими фантастически-монашескими костюмами. Это были черныя хламиды, въ родѣ подрясниковъ, съ той только разницей, что на груди, какъ у китайцевъ, были помѣщены рисунки. Вглядѣвшись въ одинъ изъ рисунковъ, я разсмотрѣлъ красиво, стильно сдѣланный корабль, плывущій по волнамъ бушующаго моря. Готовились къ «мессѣ». Принесли столъ, который покрыли голубымъ атласомъ. Надъ столомъ водрузили большую символическую картину, изображавшую свѣтлое небо и пса, который охранялъ туда входъ. Богъ, — поясняютъ они, — это то, что живетъ въ насъ, это мы сами, это то, что творитъ черезъ насъ въ стихійномъ порывѣ, въ гениальномъ творчествѣ, и то, что сотворитъ когда-нибудь изъ насъ — сверхживотное, сверхчеловѣка и богочеловѣка». Ряженые богоискатели совершили въ присутствіи г. Боцяновскаго «литургію красотъ», и онъ говоритъ о нихъ, что «всю жизнь они хотятъ превратить въ живую красоту, въ творимую легенду. Мечту о солнцѣ уловилъ я въ стремленіяхъ нашихъ гениевъ Золотого Корабля». Конечно, если считать всѣхъ новѣйшихъ «Корейшъ» богоискателями, то тогда удивительно, почему г. Боцяновскій дѣлаетъ исключеніе для «религіозно-философскаго общества» въ Петербургѣ. Онъ говоритъ иронически о томъ, что «у насъ существуетъ не только вольный университетъ, но еще и вольный синодъ съ обер-прокуроромъ Мережковскимъ во главѣ. Роднитъ оба синода та же схоластичность, та же книжность, та же далекость отъ духовныхъ порывовъ». Хочется думать, что тѣмъ же страдаютъ и прочіе «богоискатели» г. Боцяновскаго, какъ

«испуганные» (А. Бѣлый, А. Блокъ, Д. Мережковскій и пр. «мелкіе бѣсы»), такъ и «радостные» (Чулковъ, Городецкій, Вяч. Ивановъ...). Гораздо въ меньшей степени далеки отъ «духовныхъ порывовъ» тѣ типы людей, которыхъ г. Боцяновскій называетъ почему-то «богоборцами», а не богоискателями. Въ нихъ болѣе свѣтлаго исканія, чѣмъ темнаго, несмотря на то, что они фантазеры, ничего не имѣющіе общаго съ культурной жизнью русскаго народа. Между тѣмъ г. Боцяновскій отыскалъ ихъ въ произведеніяхъ Л. Андреева.

Онъ характеризуетъ этого писателя словами: «борьба съ міровой гармоніей, съ укладомъ жизни, неизвѣстно кѣмъ и когда установленнымъ, превратившимъ человѣческую личность, по существу своему свободную, въ раба, убившимъ все, что было въ этой личности творческаго, вотъ та Ганнибалова клятва, которую далъ себѣ Андреевъ, выступая на арену литературной борьбы. Какъ «Анатэма» въ его произведеніи, онъ то и дѣло подходитъ къ желѣзнымъ вратамъ, подкрадывается къ Ограждающему входы и хранящему тайны этой міровой гармоніи. Андрееву не дешево обошлась его работа. Мы знаемъ въ его биографіи рядъ покушеній на самоубійство, покушеній, явившихся прямымъ результатомъ тяжелой внутренней борьбы, искренней внутренней боли по поводу того, что онъ видѣлъ вокругъ себя въ жизни, и еще болѣе того, что творилось въ немъ самомъ». Эти интимныя черты изъ жизни Л. Андреева не мѣшаютъ, по нашему мнѣнію, ординарности и его «Анатэмы, и тупости его Саввы. Припомните разговоръ послѣдняго съ сестрой Липой.

— Есть ли у тебя—спрашиваетъ Липа,—такой врагъ, одинъ, что ли, котораго бы ты особенно не любилъ? ненавиждѣлъ?

— Такой, пожалуй, есть: Богъ.

— Что?—ужасается Липа.

— Іогь, я говорю. Ну, тотъ, кого вы называете вашимъ Спасителемъ.

Такъ ясно Савва опредѣляетъ свою конечную цѣль и столько же опредѣленно намѣчаетъ и ближайшую программу дѣйствій.

— Послѣ Бога,—говоритъ онъ,—мы примемся за другихъ. Такъ ихъ много: Тиціаны, Шекспиры, Пушкины, Толстые. Изъ всего мы сдѣлаемъ хорошенькій костерчикъ и польемъ его керосиномъ. Потомъ мы сождемъ ихъ города.

Видѣть въ этихъ якобы титаническихъ фантазіяхъ историческія явленія въ жизни народовъ и многочисленныя упражненія съ «проклятыми вопросами» гг. Анатэмы, Саввы, героя «Тѣмы», «Океана» выравнивать въ одинъ рядъ съ произведеніями Достоевскаго, Толстого и Ибсена—можетъ только г. Боцяновскій. Андреевскіе богоискатели или «богоборцы» ничего общаго не имѣютъ съ исторіей русскаго общества. Отъ собственнаго имени они могутъ болтать съ борьбой съ богами міра и стыдиться быть хорошими людьми, пока есть плохіе и пока земля не «оголилась отъ старой цивилизаціи». Но эта болтовня нашихъ «титановъ» ничего не вноситъ въ сознаніе русскаго общества. Въ этомъ несчастіе и Л. Андреева. Послѣ реальныхъ и бытовыхъ произведеній—онъ возмнилъ себя «богоборцемъ» во имя новаго идеала жизни. Но всѣ его попытки разрушить старую «гармонію міра» и показать свой идеаль жизни—остаются до сихъ поръ и у него и у гг. Мережковскихъ совершенно тщетными и именно потому, что ихъ фразерство о старыхъ и новыхъ богахъ лишено историче-

ских основъ. Въ томъ же отсебятинскомъ направленіи созданъ за послѣднее время и новый богъ М. Горькаго—тоже цитируемый г. Боцяновскимъ за историческій источникъ о богоискательствѣ на Руси. Также рекомендуется имъ за историческое явленіе «Исповѣдь» М. Горькаго, между прочимъ, о томъ, что наступитъ время, когда божественность толпы будетъ гипнотизировать и облагораживать каждую личность стихійно; когда «богъ-коллективъ» поглотитъ пороки отдѣльной личности и она сольется съ нимъ противъ собственной воли... Въмѣсто того, чтобы пожалѣть писателей-бытовиковъ, взявшихся за плохую иллюстрацію метафизическихъ вопросовъ, г. Боцяновскій благословляетъ это направленіе и не видитъ ихъ оторванности отъ живыхъ типовъ нашего времени.

Громкимъ титуломъ богоискателя не спасешь банальность и фразерство среднихъ умовъ, берущихся за религиозное и философское рѣшеніе вопросовъ жизни. Тѣмъ болѣе нельзя упрочить за ними выдающейся роли въ развитіи русскаго общества, если за это дѣло берется истолкователь съ тусклымъ и манернымъ изложеніемъ ихъ «бредовыхъ идей объ «извѣчныхъ цѣляхъ», «осознанности» и т. п. перлахъ въ философскомъ краснорѣчїи г. Боцяновскаго.

А. Фаресовъ.

Открытыя письма и другія художественныя изданія общины святой Евгеніи Краснаго Креста (Справочный указатель). Изданіе пятое. Спб. 1911. 259 страницъ.

Въ нашей печати все еще время отъ времени не перестаютъ появляться шаблонныя жалобныя замѣтки о томъ, что какъ далеко отстаемъ мы во всемъ отъ границы, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ даже настоящихъ художественныхъ открытыхъ писемъ. Можетъ быть, есть здѣсь доля правды, но по отношенію къ открытымъ письмамъ эти упреки не имѣютъ достаточныхъ основаній. Только что вышедшій справочный указатель художественныхъ изданій общины святой Евгеніи краснорѣчиво подтверждаетъ это. Начиная съ 1896 года и до послѣдняго 1911 года общиной выпущено около четырехъ тысячъ номеровъ открытыхъ писемъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ видѣ автотипій, фотографій, фототипій, геліо-гравюръ, хромофотографій, автофотографій, автоксилографій, цинкографій. Главнымъ образомъ обращено вниманіе на картины и скульптуру Эрмитажа, академіи художествъ, музея императора Александра III, Румянцовскаго музея, Тредьяковской галереи и пр.; воспроизведены драгоценности, картины и убранства Оружейной палаты и императорскихъ дворцовъ. Выпущено много портретовъ императорской фамиліи, писателей, художниковъ, артистовъ, военныхъ и государственныхъ дѣятелей. Очень подробно и полно представлены почти всѣ «города и веси» нашей обширной родины, начиная съ Москвы и кончая какими-нибудь Ряжскомъ, Балаклавою или Парголовымъ. Много открытокъ посвящено послѣдней русско-японской войнѣ. Двухсотлѣтній юбилей основанія Петербурга и выставка историческихъ портретовъ въ Таврическомъ дворцѣ, устроенная въ 1905 году С. И. Дягилевымъ, дала тоже колоссальный историческій матеріалъ для открытокъ.

Въ настоящее время эти изданія общины святой Евгеніи справедливо стоятъ на первомъ мѣстѣ въ Россіи, гдѣ пользуются громаднымъ успѣхомъ и давно отмѣчены за границей. Съ декабря 1903 года была образована особая комиссія для веденія издательскихъ дѣлъ, въ которой, между прочими, принимаютъ участіе Александръ Н. Бенуа, Ѳ. Г. Беренштамъ, В. И. Зарубинъ, Н. К. Рерихъ, С. П. Яремичъ и др.

Издательство имѣло полное право сказать въ предисловіи къ своему указателю: «Въ настоящее время открытыя письма общины святой Евгеніи являются не только карточкой, а главнымъ образомъ подвижной справочной книгой для лицъ, интересующихся исторіей живописи. М—о.

Замѣчательныя сооруженія: храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Б. Б. Глинскаго. Спб. 1911. Стр. 72. Съ пятью таблицами рисунковъ. Цѣна 75 коп.

Нельзя не согласиться съ г. редакторомъ, что только «изъ всесторонняго познанія своего прошлаго выковывается прочное и правильное національное самосознаніе, тотъ здоровый патріотизмъ, который позволяетъ народу любить и цѣнить свою родину въ ея настоящемъ, гордиться ея прошлымъ и твердо вѣрить въ ея будущее». Но въ то же время необходимо прибавить, что «всестороннее» ознакомленіе особенно учащихся съ прошлымъ своей родины слѣдуетъ вести по строго установленной программѣ, не прибѣгая, однако, ни къ какимъ натяжкамъ и руководясь наиболѣе точными и научно-обоснованными историческимъ пособіями. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи ни въ научно-популярной, ни въ педагогической литературѣ не имѣется почти нечего или, во всякомъ случаѣ, очень немного. Заполнить этотъ пробѣлъ рѣшился Ѳ. А. Тарапыгинъ, еще въ прошломъ году издавшій двѣ части своей хрестоматіи «Матушка Русь», въ которой были намѣчены и особые отдѣлы: замѣчательныя историческія памятники и зданія и извѣстные русскіе дѣятели. Въ настоящее время Ѳ. А. Тарапыгинъ предпринимаетъ изданіе этихъ отдѣловъ въ видѣ особыхъ выпусковъ. Первый изъ такихъ выпусковъ о замѣчательныхъ сооруженіяхъ нашихъ столицъ, Москвы и Петербурга, лежитъ предъ нами. Съ внѣшней стороны этотъ выпускъ изданъ, можно сказать, изящно, на весьма хорошей бумагѣ и съ удачно выполненными таблицами рисунковъ. Обращаясь къ его тексту, находимъ въ немъ небольшіе, правда, историческіе очерки, но охватывающіе почти всѣ главнѣйшіе моменты, о сооруженіи, внутреннемъ содержаніи и значеніи наиболѣе извѣстныхъ церквей, памятниковъ, музеевъ и другихъ историческихъ сооруженій. На первомъ планѣ поставлена Москва съ ея памятниками Минину и Пожарскому, кремлевскими соборами, храмомъ Христа Спасителя и проч. Вторую, меньшую половину выпуска занимаетъ описаніе достопримѣчательныхъ зданій Петербурга, на первомъ планѣ которыхъ поставлены: Сенатъ и Синодъ, храмъ Воскресенія Христова, Эрмитажъ и др. Несмотря на излишнюю краткость описанія ихъ зданій, напримѣръ, Сената и Синода (наиболѣе точное и подробное описаніе перваго помѣщено въ вышедшей въ мартѣ сего года

«Исторіи правительствующаго сената», т. V), хотя бы по сравненію съ тѣмъ описаніемъ, какое сообщается Спасскимъ воротамъ въ Москвѣ, — нужно признать, что всѣ сообщенія о замѣчательныхъ сооруженіяхъ нашихъ столицъ, въ число которыхъ вошли и столичные монастыри, сдѣланы точно по лучшимъ источникамъ и послужатъ хорошимъ пособіемъ какъ для учащихся, такъ и для всякаго рода туристовъ, особенно въ настоящее время, богатое ученическими и образовательными экскурсіями.

Въ видахъ наибольшаго распространенія этого изданія я позволилъ бы посоветовать издателю слѣдующее: во-первыхъ, значительно уменьшить размѣръ выпусковъ, ни въ какомъ случаѣ не болѣе обыкновенной восьмушки листа; затѣмъ рисунки давать не въ таблицахъ, гдѣ они какъ бы скрадываются и тускнѣютъ, а отдѣльными видами, во всякомъ случаѣ не болѣе двухъ зданій, напр., рядомъ стоящихъ соборовъ, на одномъ рисункѣ, что можно сдѣлать, въ случаѣ увеличенія цѣнности изданія, на счетъ болѣе удешевленной бумаги; далѣе расширить содержаніе хотя бы нѣкоторыхъ описаній и, наконецъ, прилагать къ каждому выпуску если не алфавитный указатель зданій, то подробное оглавленіе содержащагося въ немъ матеріала.

В. Р.—въ.

Ф. Купчинскій. Новая Японія. Спб. 1911. Стр. 263. Ц. 1 р. 25 к.

Приступая къ изданію своей книги, авторъ, какъ видно изъ предисловія, исходилъ изъ вполне правильной мысли, что мы, русскіе, должны быть по возможности лучше освѣдомлены относительно нашей дальневосточной сосѣдки. Этого требуетъ не простая любознательность, а простое чувство самосохраненія.

Г. Купчинскій своей книгой имѣлъ въ виду способствовать этому ознакомленію съ Японіей. Онъ въ этомъ случаѣ находится въ особенно выгодныхъ условіяхъ для достиженія поставленной цѣли. Какъ извѣстно, г. Купчинскій участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ во время русско-японской войны въ качествѣ военнаго корреспондента, пытался бѣжать изъ осажденнаго Портъ-Артура, но былъ настигнутъ японскими миноносками и взятъ въ плѣнъ. Въ Японіи авторъ прожилъ около полугода и за это время могъ видѣть много любопытнаго, о чемъ онъ и рассказываетъ въ своей книгѣ. Такимъ образомъ, изложеніе его представляетъ какъ бы рядъ моментальныхъ фотографическихъ снимковъ съ натуры, сдѣланныхъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ: на борту миноносца, на улицѣ, въ японскомъ театрѣ и т. д. Между этими картинками съ натуры размѣщены главы, гдѣ авторъ старается дать понятіе о японской исторіи, о религіи японцевъ и ихъ литературѣ, о промышленности и рабочемъ вопросѣ въ Японіи, о языкѣ японцевъ и т. д.

Занимательный и точный въ описаніяхъ, авторъ становится поверхностнымъ, какъ только зайдетъ рѣчь о томъ, чего онъ не могъ видѣть и о чемъ онъ знаетъ съ чужихъ словъ. Возьмите хоть главу о литературѣ. По г. Купчинскому выходитъ, что въ Японіи только и дѣлаютъ, что пишутъ такъ называемыя танки, т. е. короткія, чрезвычайно искусственныя стихотворенія. Но

тѣмъ, кому случилось заглянуть въ книгу англичанина Астона о японской литературѣ, переведенную владивостокскимъ институтомъ восточныхъ языковъ, тотъ, конечно, знаетъ, что въ Японіи процвѣтають и другіе виды произведеній и притомъ чрезвычайно оригинальныхъ. Иногда г. Купчинскій даетъ вѣрное изложеніе фактовъ, но дѣлаетъ изъ нихъ совершенно невѣрный выводъ. Такъ, говоря о японскомъ языкѣ, онъ называетъ его «простымъ и своеобразнымъ». А между тѣмъ приводимые имъ примѣры свидѣтельствуютъ, что это языкъ агглютинативный, т. е. образующій формы спряженій и склоненій путемъ спайки нѣсколькихъ словъ. Всякій филологъ скажетъ, что агглютинативные языки вовсе не «просты», а принадлежать къ числу очень трудныхъ для изученія. Чего стоятъ одни слова, которые приведены въ книгѣ г. Купчинскаго!

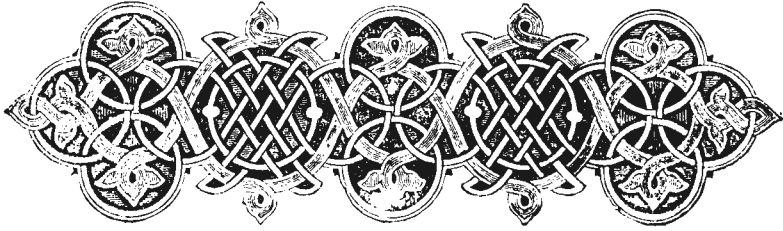
Кромѣ этого общаго замѣчанія, мы встрѣтили нѣсколько мѣстъ, которыя, на нашъ взглядъ, свидѣтельствуютъ о поспѣшности въ работѣ, невыгодно отразившейся на ясности изложенія. Что, напримѣръ, значить такая тирада въ началѣ главы о литературѣ: «Произведенія художественныя, не знающія (?) одного какого-нибудь языка-ключа для своего пониманія, были понятны всѣмъ, привозимыя въ Россію и вообще въ Европу издавна въ большомъ количествѣ» и т. д.

Кончая нашу замѣтку, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что, нѣкоторые промахи и неточности, которые не составятъ труда исправить при второмъ изданіи, не мѣшаютъ книгѣ г. Купчинскаго быть очень интереснымъ и легкимъ чтеніемъ.

А. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РУДЫ по исторіи и археологіи.— За послѣдніе годы въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, одинаково среди клерикаловъ-консерваторовъ и передовыхъ атеистовъ, семитовъ и антисемитовъ съ интеллектуальнымъ и духовнымъ развитіемъ необыкновенно возрастаетъ интересъ къ археологіи. Хотя тѣ и другіе подходятъ къ ней съ противоположныхъ полюсовъ міровоззрѣнія, но цѣль изученія ея у нихъ одинакова: стремленіе наконецъ разрѣшить тревожный вопросъ нашего бытія, который по мѣрѣ умственнаго развитія все упорнѣе требуетъ своего окончательнаго разрѣшенія. Первые изъ сторонниковъ археологіи возлагаютъ на нее надежды, что она докажетъ незыблемость старинныхъ традиціонныхъ мнѣній; вторые— что она явится косою, которая скоситъ всѣ уже обветшавшія традиціи и для человѣчества наконецъ откроются новые горизонты, которые опрокинутъ эту отжившую ветошь, управлявшую столько вѣковъ человѣческимъ умомъ. Однимъ словомъ, археологія является особымъ міркомъ, гдѣ происходитъ своего рода борьба за первенство религій, націй и т. д.

Прежнее представленіе объ археологѣ, какъ о древнемъ старичкѣ въ темныхъ очкахъ, говорящемъ на языкѣ непонятномъ, скучномъ для широкой публики, въ Европѣ и Америкѣ понемногу отходить въ вѣчность. Молодые ученые, среди которыхъ много прелестныхъ женщинъ, особенно въ Америкѣ и Англии, отважно отдаются этой наукѣ. Ихъ статьи уже не пугаютъ публику: прежнее тяжелое, слишкомъ специальное изложеніе, замѣнилось сжатымъ, легкимъ, изящнымъ, даже граціознымъ, какъ, напримѣръ, изложеніе Масперо. Но: стремясь разрѣшить такой важный вопросъ, археологи пока урдекаются

каждый своимъ излюбленнымъ предметомъ. Западные католическіе клерикалы, среди которыхъ, къ ихъ чести, всегда была развита страсть къ наукѣ, конечно, стремятся найти въ археологіи подтвержденіе своихъ религіозныхъ рѣшеній. Съ этой цѣлью они изучаютъ надписи, папирусы и т. д., чтобы сравнить новыя выраженія, открытыя въ этихъ документахъ, съ языкомъ Новаго Завѣта, чтобы освѣтить его исторію. Однимъ изъ такихъ трудовъ является книга Адольфа Дейсманны «Свѣтъ древняго Востока», и въ ней одна глава посвящена проблемѣ происхожденія христіанской литературы и изученію первыхъ христіанскихъ посланій; другая — сравненію христіанства съ современными культами.

Вообще среди археологовъ есть много доискивающихъ истины исключительно въ религіозной сферѣ. Одинъ изъ подобныхъ искателей истины, Францъ Кюмонъ, увлекающійся исключительно язычествомъ, работаетъ надъ разрѣшеніемъ вопроса: какія были идеи римскихъ язычниковъ о будущей жизни? Онъ доказываетъ, чрезъ какую эволюцію, подъ вліяніемъ Востока, прошло общество при имперіи, изъ почти полнаго невѣрія сначала въ очень низкую форму, а затѣмъ все болѣе возвышенную: въ вѣрованія о безсмертіи души. Другой археологъ, Рене Пишонъ, интересуется брачною жизнью римлянъ и изучаетъ подробно ихъ бракъ съ религіозной стороны. Оставивъ въ сторонѣ юридическія и ритуальныя формальности, онъ доказываетъ, какъ высоко ставили въ Римѣ идею брака и такое отношеніе всегда сохранялось, по крайней мѣрѣ, среди избраннаго общества, вопреки перемѣнамъ правовъ, учрежденій и культовъ. Войдя въ почетъ, благодаря императорскому законодательству и философіи стоицистовъ, говорить авторъ, бракъ получилъ отъ христіанства новое достоинство.

Профессоръ Collège de France Рене Канья увлекается богиней Діаной и подробно изучаетъ все до нея касающееся. Въ своей лекціи, прочитанной также въ музеѣ Гимэ, онъ описалъ ея храмъ въ Альбанскихъ горахъ и мѣсто, гдѣ во время сѣдой старины съ такой же вѣрой справлялся странный культъ этой богини и совершались не менѣ странныя процессіи женщинъ ежегодно 13 августа изъ Рима въ Немію. При этомъ онъ вспомнилъ о легендахъ, распространявшихся по этому поводу.

Особенно рѣзкимъ доказательствомъ, насколько археологія начинаетъ занимать видное мѣсто, служить недавно скончавшійся извѣстный итальянскій фізіологъ Анджелло Моссо, прославившійся среди ученаго міра Европы и Америки своими оригинальными теоріями и лабораторными трудами. Присутствуя при работахъ американскаго археолога Артура Эванса, самаго плодовитаго по археологическимъ изысканіямъ со времени нѣмца Шлиманна, Моссо совершенно увлекся археологіей и въ немъ вспыхнула любовь къ доисторической эпохѣ. Любимымъ его конькомъ было желаніе доказать, что не германская раса играла роль въ распространеніи цивилизаціи, и онъ принялся за раскопки въ Сициліи и Греціи. Всѣ были поражены свѣдѣніями и отвѣтами, доставляемыми имъ въ академіи Lincei, настолько почтенный фізіологъ быстро постигъ новую для него науку и съ такимъ прорицаніемъ разрѣшалъ самыя смѣлыя и деликатныя задачи. Онъ мечталъ начертать цѣлую карту своихъ

археологических трудовъ, но смерть помѣшала ему окончить эту задачу. Его планъ былъ разбить ее на три части: 1-ю, гдѣ онъ рассказываетъ о путешествіи своемъ по Средиземью и объ англійскихъ, американскихъ и итальянскихъ раскопкахъ, 2-ю—о происхожденіи средиземныхъ цивилизацій; 3-ю, гдѣ онъ разбираетъ исторію итальянскаго народа съ эпохи каменнаго вѣка и до первыхъ эллиническихъ колоній. Двѣ части этого труда уже напечатаны; первая¹⁾ въ 1907 г., а вторая²⁾ въ 1910; третьей же не суждено было появиться. Главный предметъ его археологическаго труда является Средиземье, какъ составлявшее единый міръ, извѣстный древнимъ.

Въ заключеніе Моссо говоритъ: «Археологія и антропологія согласны признать основную тождественность всѣхъ первобытныхъ народовъ, поселившихся на берегахъ Средиземнаго моря. Повсюду прогрессъ родился отъ обмѣна товарами и чрезъ морскія сношенія. Первыми моряками, по его мнѣнію, были не финикіяне, а критяне, которые посвятили средиземцевъ въ мореплаваніе и торговлю. Индо-германцы, по убѣжденію Моссо, ничуть не участвовали при зарожденіи этой цивилизаціи, которая самостоятельно, безъ какой-либо посторонней помощи, сама передвинулась съ востока на западъ. Но здѣсь Моссо сѣлъ на излюбленнаго конька, и его выводъ, можетъ быть, опровергнется какимъ-нибудь новымъ открытіемъ, напримѣръ, какъ доказываетъ нѣмецъ Дорнфельдъ, миносцами были ахейцы, т. е. индо-европейцы. Въ общемъ все, что ни говоритъ Моссо, все ново, не избито и основывается на документахъ.

Другой ученый, австрійскій египтологъ Дедекинъ, хранитель египтологическаго музея въ Египтѣ, увлекается другимъ предметомъ: пурпуромъ древнихъ. Всѣмъ извѣстно, какую важную роль игралъ онъ въ исторіи греческой и римской цивилизаціи. Существуетъ много текстовъ классическихъ писателей, намекающихъ на изготовленіе и торговлю этимъ матеріаломъ, находившимся въ большомъ почетѣ въ началѣ средневѣковья. Вообще въ настоящее время масса работъ современныхъ ученыхъ посвящена пурпуру, но они все еще никакъ не могутъ проникнуть въ тайну его фабрикаціи. Дедекинъ душою и тѣломъ отдался этому вопросу и задался цѣлью собрать въ одно цѣлое всѣ работы, касающіяся его. Уже съ 1898 г. онъ началъ печатать свой обширный трудъ, и теперь вышелъ уже четвертый томъ. Однако, по отзывамъ критиковъ, его трудъ, страдаетъ разбросанностью и повтореніями.

Итальянскій историкъ Коррадо Барбагалло рѣшилъ пополнить замѣтный пробѣлъ въ работахъ итальянскихъ историковъ, которые мало писали о народномъ образованіи въ Римской имперіи, тогда какъ нѣмцы, французы, англичане и венгры столько писали объ этомъ. Поэтому онъ напечаталъ въ «*Biblioteca di filologia classica*» объ этомъ вопросѣ статью. Согласно его заключенію, императоры много дѣлали для распространенія образованія подъ различными формами. Они основывали государственныя и муниципальныя школы, библио-

¹⁾ *Escursioni nel Mediterraneo e gli scavi Greta. Milano. 1907.*

²⁾ *Le origini della civiltà mediterranea. Milano. 1910.*

теки, музеи и нельзя отрицать постоянства их усилий въ этомъ направленіи. Но, несмотря на это, они не могли помѣшать приближенію интеллектуальнаго упадка. Въ то время какъ въ Римѣ официальное орудіе преподаванія совершенствовалось, цѣнность литературныхъ и артистическихъ произведеній уменьшалась. Авторъ, очевидно, раздѣляющій консервативный образъ мышленія, утверждаетъ, что напрасно современная демократія думаетъ, какъ и средневѣковая, что «школа способна создать общество и жизнь; напротивъ, они на школу вліяютъ; она не способна вылечить зло, затормозить фатальное движеніе вспять, ориентировать новое поколѣніе на пути прогресса. Литература и искусство не допустить себя дисциплинировать; имъ нужна свобода, даже вольность; не школа формируетъ генія, какъ говоритъ Матернусъ въ «Диалогѣ ораторовъ», самое сильное растеніе—дочь земли, которая никогда не знала плуга».

— Рахиль Фаргагенъ. — Въ XIX столѣтіи всеобщее вниманіе берлинскаго избраннаго общества привлекала чрезвычайно интересная женщина, Рахиль Левинъ, другъ многихъ своихъ знаменитыхъ современниковъ. Ея личность настолько интересна, что М. Степлэ посвятилъ ей цѣлый томъ своего труда, который недавно вышелъ въ Парижѣ.

Рахиль-Антонія-Фредерика Левинъ родилась въ 1771 г. въ бѣдномъ домѣ, ютившемся въ старомъ Берлинѣ. Она была еврейка. Ея отецъ, Маркусъ Левинъ, владѣвшій лавочкой старинныхъ художественныхъ предметовъ, былъ человѣкъ неуживчивый, а мать вульгарная женщина. И въ такой-то семьѣ, среди пыли выросло необыкновенное существо: умное, чуткое до всего прекраснаго, которому суждено было поражать самые гениальные умы. Правда, она не проявила себя ни въ какой интеллектуальной дѣятельности, она не была ни писательницей, ни художникомъ, ни артисткой, но, по признанію всѣхъ знавшихъ ее, въ Рахили было столько генія, что она могла его «одолжить двадцати писателямъ, которымъ его не хватало».

Дѣтство Рахили было далеко невеселое, а молодость еще непригляднѣе, судя по ея письму, помѣченному 1793 г., когда ей было 22 года. «Моя мать должна была бы задавить меня въ пыли при первомъ моемъ крикѣ, если бы она была достаточно сурова или достаточно великодушна для этого и если бы у нея было малѣйшее предвидѣніе, что изъ меня выйдетъ созданіе, предающееся безсилью, очень довольное, что сидитъ въ четырехъ стѣнахъ и противъ котораго ополчились бы само небо и земля, люди и животныя, если бы оно захотѣло выйти изъ своего угла. Какъ у всѣхъ человѣческихъ существъ, у него есть идеи, но оно при малѣйшемъ движеніи выйти изъ своего угла пичкаетъ себя увѣщеваніями и образумливаетъ себя».

Черезъ два года Рахиль писала, что больна и этого она болѣе не скрываетъ; вылечиться же можетъ, только благодаря уходу. «Никого нѣтъ на свѣтѣ, кто согласился бы обо мнѣ заботиться, говоритъ она, поэтому я принуждена сама ухаживать за собою во что бы то ни стало. Представляете вы себя это? Я больна отъ стѣсненій, непріятностей и принужденій со дня моего существованія. Я живу вопреки себѣ и всѣмъ; я притворяюсь, я уступаю; я знаю, что должна быть разсудительна, но я слишкомъ мала, чтобы все это пере-

нести». Наконецъ Маркусъ Левинъ поселилъ ее въ мансардѣ отеля, на Jagerstrasse. Здѣсь Рахиль дышала свободнѣе. «Здѣсь я любила, переживала, страдала и освободилась. Здѣсь я научилась читать Гете, я выростала съ нимъ, я безконечно его обожала. Здѣсь я провела ночи, ночи безъ сна, среди страданій, я смотрѣла на небо, звѣзды, міръ, почти съ надеждой, по крайней мѣрѣ съ пламеннымъ желаніемъ. Я была невинна не болѣе, чѣмъ теперь, по я вѣрила, что люди нравственны и добры, по крайней мѣрѣ могли такими быть. Я была молода...»

Въ это время Рахиль перечитала Гете, Лессинга, Жана Поля, Вольтера, Руссо. Но всеѣмъ имъ она предпочитала Гете. Въ своей мансардѣ она принимала друзей: Бринкмана, находившагося при шведскомъ посольствѣ, и Вильгельма Бургдорфа. Но вскорѣ въ ея мансардѣ стали собираться также вельможи, писатели, и актеры. Рахиль не была очень учена, но все-таки читала Фихте «Теорію государства» и Гегеля «Энциклопедію философскихъ наукъ»; писала же она одни лишь письма. Но зато въ искусствѣ вести разговоръ ей не было равной. Маркизь Кюстинъ писалъ о ней, что это былъ геній на службѣ у общества, который воодушевлялъ весь кружокъ и что наединѣ она совершенно очаровала одного своего собесѣдника.

Ея находчивый умъ не задумывался надъ отвѣтами. Въ ея присутствіи кто то выразилъ досаду и сожалѣніе, что «Фаустъ» лишь только отрывокъ. «Досадно?—горячо возразила Рахиль:—но это его самое главное достоинство. Черезъ это онъ является говорящимъ изображеніемъ человѣчества, которое со своими вершинами, дномъ и загадочностью, заключающеюся въ немъ, вѣчно будетъ для насъ отрывкомъ. Говорятъ, что Гете хочетъ написать продолженіе своей поэмы; сколько бы онъ ни продолжалъ ее, но онъ ее не окончитъ: Богъ, или, если вы лучше хотите, Мефистофель, привелъ ее въ порядокъ».

Рахиль предпочитала книгамъ живое общество людей; она обожала «искусство перелистывать ихъ»—эти живыя книги. Съ друзьями строгая, она была любезна и кротка съ безразличными для нея людьми. Среди близкихъ къ ней лицъ считался Генцъ, впоследствии влюбленный въ Фанни Эльслеръ, и принцъ Людвигъ Фердинандъ Прусскій—два человѣка, имѣвшіе очень мало сходства между собою.

Публицистъ Генцъ, извѣстный жуиръ, сдѣлался наименѣе добросовѣстнымъ изъ памфлетистовъ. Онъ торговалъ своимъ перомъ и защищалъ Священный Союзъ послѣ того, какъ расхваливалъ революцію. Рахиль знала все его недостатки и слабости, одинаково какъ и несвоевременную любовь къ Фанни Эльслеръ, но все-таки была къ нему добра: «Вы называете меня дитятей,—писалъ онъ Рахили:—это самое нѣжное, самое дорогое слово, какое вы можете произнести обо мнѣ. Но вы одна сдѣлали изъ меня дитятю. Развѣ вы не помните, какъ возлѣ васъ, въ вашей весенней атмосферѣ все, что меня старило, растаяло во мнѣ, и это заставило меня помолодѣть? Дѣйствительно, Генцъ даже слишкомъ помолодѣлъ и шестидесяти слишкомъ лѣтъ влюбился въ Фанни Эльслеръ; по неумолимое время не щадило и его. «Я убѣгу къ вамъ,—писалъ онъ Рахили,—и я знаю, что вы не откажете мнѣ въ помощи. Вы такой врачъ, какихъ мало. Говорите со мной, браните меня, приласкайте меня, примѣните

ко мнѣ средство, какое вамъ покажется лучшимъ, въ моемъ положеніи. Я хочу видѣть вашъ почеркъ; я хочу слышать отъ васъ, что вы еще питаете ко мнѣ дружбу, что моя болѣзнь вамъ не безразлична, что вы не считаете меня пропавшимъ».

Но Рахиль не такъ утѣшила его, какъ бы онъ желалъ: онъ страшно боялся смерти, а она стала говорить ему о жизни безконечной въ то время, когда онъ всѣми силами души былъ привязанъ къ жизни земной.

Принцу Людвигу Фердинанду Прусскому было двадцать восемь лѣтъ, когда онъ познакомился съ Рахилью. «Я нахожу его безусловно любезнымъ,—писала она Бринкману.—Она спрашиваетъ, можетъ ли онъ меня видѣть часто, и я ему это обѣщала. Онъ замѣтилъ, что познакомился съ другого рода личностью; онъ услышитъ правду—правду мансарды». И Рахиль сдѣлалась отчасти руководителемъ его совѣсти. Чтобы лучше имъ управлять, она готова была познакомиться съ его любовницей—красавицей, легкомысленной Паулиной Визель. 11 сентября 1806 г. Рахиль получила слѣдующее письмо отъ принца: «Мы торжественно и твердо поклялись, генералы фонъ-Рюхель и Блюхеръ и я, поставить на карту нашу жизнь въ борьбѣ, которая должна намъ дать славу и честь, а если мы будемъ побѣждены—не пережить гибели идеи свободы и независимости. Да будетъ такъ! Что такое это несчастное существованіе! Ничто! Чисто ничто, если все великое и прекрасное въ немъ уничтожено».

Мѣсяцъ спустя онъ былъ убитъ въ Заальфельдѣ.

Рахиль не очень любила женское общество, и дамъ собиралась у нея немного; среди нихъ была красавица Паулина Визель. Быть можетъ, и это было причиной отсутствія женщинъ, хотя слѣдующія строки рисуютъ эту легкомысленную красавицу не очень дурной женщиной. «Какъ это вѣрно,—писала она Рахили:—что вы мнѣ сказали. Мнѣ бы слѣдовало быть хорошей матерью семейства и хорошей хозяйкой; я была создана для этого. Мужчины меня испортили, каждый дѣлалъ изъ меня женщину, какую хотѣлъ».

Г-жа Сталь была заинтригована и не совсѣмъ довольна, когда по прибытіи въ Берлинъ въ 1804 г. принцъ Людвигъ-Фердинандъ заговорилъ съ нею о Рахили. Когда она встрѣтила нѣсколько дней спустя шведскаго посланника Бринкмана, то спросила его: «Вы съ нею знакомы? Дѣйствительно она такъ умна?»—«Умна!—воскликнулъ Бринкманъ:—если бы только это, о ней не говорили бы такъ много. Не скажутъ же о г-жѣ Сталь, что у нея много ума».

Это замѣчаніе очень не понравилось г-жѣ Сталь: ее сравниваютъ съ какой-то Рахилью! Что такое удивительнаго она написала? и она захотѣла ее посмотрѣть. Встрѣчу обѣихъ женщинъ устроилъ Бринкманъ. «Я пригласилъ,—разсказываетъ онъ:—всѣхъ, кто могъ внушить какой-нибудь интересъ автору «Delphine»—принцевъ королевской крови, ученыхъ всѣхъ оттѣнковъ, придворныхъ дамъ, философа Фихте, знаменитую актрису г-жу Инцельманнъ, директора Большого театра Иффланда и др. Едва Рахиль представили г-жѣ Сталь, какъ послѣдняя увлекла ее въ уголокъ дивана и приговорила съ нею около двухъ часовъ, не обращая вниманія на остальное общество. Затѣмъ она съ серьезнымъ выраженіемъ лица подошла ко мнѣ и сказала: «Каюсь передъ вами. Вы ничего не преувеличили. Она удивительна! Я ничего не могу сказать иного,

как то, что я тысячу разъ повторяла во время моего путешествія, что въ Германіи залежи геніевъ, богатство и глубина которыхъ неизвѣстны. Вы счастливы, что обладаете здѣсь такимъ другомъ».

Г-жѣ Сталь очень хотѣлось знать, какого мнѣнія о ней Рахиль. Поэтому Рахиль, прочитавъ «Страсти», замѣтила: «Вотъ женщина, которая знала бы все, если бы была нѣмка!» Услышавъ это замѣчаніе, г-жа Сталь воскликнула: «Ахъ, какъ это вѣрно! Мадемуазель, у васъ здѣсь есть другъ, который умѣетъ васъ цѣнить, какъ вы этого заслуживаете. Если бы я осталась здѣсь, я думаю, ваше превосходство сдѣлало бы меня ревнивой». — «Васъ, сударыня?—спросила Рахиль:—о нѣтъ: я васъ такъ любила бы и меня это сдѣлало бы настолько счастливой, что вы могли бы быть ревнивой только къ моему счастью».

Послѣ двухъ привязанностей—къ молодому дипломату изъ очень старинной семьи, Карлу Финкенштейну и къ дону Рафаэлю Ургихо, красивому молодому человѣку, но очень ревнивому, она вышла замужъ за Фарнгагена. Онъ не былъ интереснѣйшій человѣкъ и наканунѣ свадьбы она ему написала, что когда-то она вышла бы замужъ по любви за Ургихо или Финкенштейна, но «нѣтъ человѣка, которому бы я отдала мою руку съ такимъ довѣріемъ и съ такой свободной отъ всякихъ тревогъ душою», закончила она письмо.

Въ 1821 г. общество Рахили увеличилось: она познакомилась съ Гейне, въ то время студентомъ, хотя уже напечатаннымъ нѣсколько поэмъ въ журналахъ. Она приняла его очень хорошо, но упрекнула за пессимизмъ и рѣшила сдѣлать его лучше. «Надо, чтобы Гейне сдѣлался серьезнѣе, чтобы онъ сдѣлался чѣмъ-нибудь, хотя бы изъ-подъ палки».

Гейне сдѣлался послушнымъ и былъ ей благодаренъ. «Совершенно естественно, что большую часть дня я провожу, думая о васъ и вашей женѣ и представляю себѣ безпрестанно всю вашу доброту ко мнѣ, бѣдному человѣку, болному и нелюдиму, котораго вы поддерживали, подкрѣпили и всячески исправили и подскоблили и напоили всѣми дарами ума. Я такъ мало встрѣчалъ въ жизни истинной доброты и уже былъ мистифицированъ нѣсколько разъ. И только отъ васъ и вашей благородной жены я видѣлъ совершенно человѣческое обращеніе».

Но когда Гейне напечаталъ свои стихи, посвященные Рахили безъ ея разрѣшенія, она была недовольна и написала Генцу: «Сыгралъ онъ со мною шутку. Меня заставляетъ терпѣливо перенести зло то, что, насколько я знаю, произведеніе ума эфемерно и исчезаетъ предъ другими подобными произведеніями безъ того, чтобы публика замѣтила». И это ему простила Рахиль. Но она никогда не могла ему простить, зачѣмъ онъ говорилъ: «Гете и я»...

— М у с у л ь м а н с к а я п р о р о ч и ц а.—Инициатива сбросить съ себя оковы зависимости отъ болѣе сильнаго пола, какъ принято называть на официальномъ языкѣ мужчину, естественно ожидается отъ женщинъ наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Точно также по освобожденіи можно предполагать, что стремиться къ усовершенствованію социальнаго положенія также будутъ первыя. Но это мнѣніе, быть можетъ, совершенно ошибочно, и женщины цивилизованныхъ странъ окажутся въ хвостъ этого движенія, а самостоятельно передовыми явятся самыя подневольныя женщины гаремовъ полудикихъ вос-

точных народовъ. Это возможное явленіе объясняется слѣдующими причинами. Живя постоянно подъ страхомъ выдать свои мечты, желанія или чувства, такая женщина никогда не довѣрится вполнѣ чуждому вліянію, потому и ея работа явится такъ же оригинальна, какъ ея мысль. Она позаимствуетъ у мужчины какую-нибудь доктрину, но проводить ее будетъ сама, безъ посторонней помощи, и даже въ страшный моментъ расплаты среди мученій не будетъ нуждаться ни въ чьей поддержкѣ. Такъ твердо дѣйствовать пріучилъ ее исламъ, который держалъ женщину все время въ интеллектуальномъ одиночествѣ и самъ ее подготавливалъ къ упорной борьбѣ противъ надѣтыхъ на нее оковъ.

Разматривая этотъ вопросъ въ «Revue Bleue», Ж. Дюранъ приводитъ примѣры, съ какимъ упорствомъ мусульманскія женщины ведутъ пропаганду. Онѣ отдаются своей идеѣ всѣмъ существомъ, до самой послѣдней минуты оставаясь непоколебимыми и твердыми духомъ.

Послѣ завоеваній арабовъ, душа персовъ никогда не подчинялась никакому догмату. Отбросивъ сунну, они официально признали теизмъ, не переставая просить у мечтателей аскетовъ софи духовнаго упоенія, безъ котораго они не могли обойтись. То же самое имъ давалъ шакиризмъ и такиратъ. Послѣднимъ созданиемъ ихъ религіознаго ума, не перестававшаго вырабатывать религіозныя доктрины, былъ бабизмъ, зародившійся около пятидесяти лѣтъ тому назадъ въ Ширазѣ, провинціи Фаристана, гдѣ современная наука нашла типъ самой чистой арійской расы.

Въ этой области религіозныхъ исканій выдѣлилась одна изъ мусульманскихъ женщинъ, выказавшая необыкновенную силу воли въ достиженіи намѣченной цѣли. Это происходило въ Иранѣ, гдѣ особенно много было мистическихъ сектъ.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ въ Казвинѣ, прежней столицѣ и по сію пору самомъ священномъ городѣ, у почтеннаго и всѣми уважаемаго Хаджи-Муллы-Салеха—нѣчто вродѣ консула, родилась дочь Церринъ Таджъ, т.-е. Золотая Корона. Она была такая красавица, что ее прозвали Курреть-уль-Аинъ, что означаетъ «Свѣжестъ глазъ» или также въ переводѣ «Утѣшеніе». Едва она достигла дѣвическихъ лѣтъ, какъ уже принимала участіе въ ученыхъ богословскихъ спорахъ, что было принято въ ея семьѣ. Выйдя замужъ за одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, человѣка съ либеральнымъ умомъ, красавица Курреть-уль-Аинъ отдавала весь свой гаремный досугъ ученію. Она въ совершенствѣ знала арабскій языкъ и пожелала не только углубиться въ самое сердце Корана и познать его духъ, но узнать всѣ комментаріи, которые прибавлялись къ нему вѣками. Ея любопытство не пугали историческія изысканія и никакія философскія проблемы не смущали ея ума.

Въ одинъ прекрасный день дядя красавицы, старый докторъ, который любилъ съ нею бесѣдовать, сообщилъ ей объ одномъ человѣкѣ, извѣстномъ своей набожностью, которому было откровеніе и онъ пожелалъ оставить традиціонный исламъ. Новый пророкъ, взявшій себѣ титулъ Баба, будучи, по его словамъ, якоремъ спасенія, проповѣдывалъ своимъ ученикамъ любовь и гуманность, доброжелательство ко всѣмъ существамъ, милосердіе къ страждущимъ, нѣжность къ дѣтямъ и особенно должное почтеніе къ женщинамъ, позорное раб-

ство которой, по его понятію, было оскорбленіемъ Бога. Прельщенная такими великодушными заповѣдями, красавица Курретъ-уль-Аинъ пожелала постигнуть новое ученіе во всемъ его существѣ и написала новому пророку, прося у него многочисленныхъ разъясненій.

Баба изъ вѣжливости дѣлала добродѣтель; въ его глазахъ самая ничтожная просьба ни подъ какимъ предлогомъ не должна оставаться безъ отвѣта. Поэтому онъ отвѣтилъ ей на всѣ вопросы—и между ними завязалась переписка. Когда онъ болѣе не сомнѣвался ни въ умѣ, ни въ сердцѣ новой ученицы, онъ довѣрилъ ей высшія истины: принципъ о вѣчномъ, единственномъ, безпредѣльномъ, къ которому присоединится весь міръ, когда наступитъ время, о творческой дѣятельности божественныхъ символовъ, могуществѣ буквъ и чиселъ и значеніи формъ и круговъ. Къ этой ученой метафизикѣ юная послѣдовательница безъ труда прибавила простую кроткую мораль, которую пророкъ написалъ въ своей книгѣ.

Курретъ-уль-Аинъ вскорѣ забыла предписанія прежнихъ религіозныхъ правилъ. Она стала появляться безъ покрывала въ обществѣ мужчинъ различного возраста и свободно ходила по улицамъ города. Родные упрекали ее за скандалъ, который она возбудила, а свекоръ даже ударилъ ее палкой. Молодая женщина должна была удалиться изъ семьи навсегда, и съ этихъ поръ она не признавала другой обязанности, какъ служеніе истинѣ.

Вскорѣ ей пришлось вести счеты не только съ насиліемъ шитскихъ священниковъ и вѣрныхъ традиціямъ мусульманъ, но еще съ застѣнчивостью новообращенныхъ. Ей часто приходилось прибѣгать къ хитростямъ, которыя, безъ сомнѣнія, примутъ за слишкомъ восточныя и слишкомъ женскія. Однажды въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности, когда собралось послушать ее нѣсколько сотъ мужчинъ, Курретъ, чтобы воздѣйствовать на умъ слушателей, прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ: она появилась безъ покрывала, но скрытая шелковой занавѣсью и, объявивъ о новомъ культѣ, не суровомъ и соответствующемъ вѣчной мудрости, она сказала, какія молитвы пріятнѣе для Бога въ будущемъ, пересчитала обязанности для стариковъ и молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Когда она кончила послѣднюю фразу, занавѣсъ какъ будто случайно упалъ, и ея лицо предстало при полномъ освѣщеніи. Сначала Курретъ-уль-Аинъ выказала нѣкоторое удивленіе, а затѣмъ воскликнула, что это счастливая случайность и тотъ, кто ее слышалъ, можетъ также ее видѣть. «Впрочемъ,—прибавила она,—обязательное ношеніе вуаля было всегда смѣшнымъ правиломъ». При этихъ словахъ часть новообращенныхъ принялась рукоплескать, но многіе изъ нихъ удалились. На ея счастье, у нея былъ запасъ энтузіазма и простыхъ, часто безцеремонныхъ словъ, но трогательныхъ и свыше внушенныхъ. Единственной цѣлью ея жизни была побѣда надъ человѣческой душой, и съ этой цѣлью она настолько усовершенствовала свою нравственность, что враги даже не думали на нее клеветать. Что же касается бабистовъ, ихъ уваженіе къ ней нельзя было выразить. Они прозвали ее «Наичистѣйшимъ высочествомъ» и она казалась имъ стоящею ближе къ Богу, чѣмъ все человѣчество..

Успѣхъ секты возрасталъ, а съ нимъ и опасность гибели пророчицы. Между тѣмъ, какъ она пророчествовала съ такимъ успѣхомъ на западѣ, другіе миссіо-

неры разносили вѣсть на сѣверѣ и на востокѣ столицы. Великій визирь, большой скептикъ и не желавшій принимать участіе въ религиозныхъ распряхъ, но осаждаемый муллами, долженъ былъ предоставить свою власть къ услугамъ правовѣрныхъ. Баба сначала былъ высланъ изъ Шираза въ Испагань, затѣмъ былъ заключенъ въ тюрьму и казненъ. Его послѣдователи, со всѣхъ сторонъ поднявшіеся при извѣстїи о смерти Магомета Шаха, на время одержали побѣду, но затѣмъ послѣдовало полное пораженіе. Особенно съ ними сурово обошлись, когда три бабиста попытались убить Назира-удъ-динъ-шаха въ дверяхъ его дворца. Тогда арестовали и Курретъ-уль-Аинъ и отправили въ Тегеранъ. Тамъ стеречь ее поручили фавориту великаго визиря, календеру Мохаметъ-хану, который отвелъ ей помѣщеніе въ своемъ гаремѣ.

Наичистѣйшее высочество ожидало безъ волненія и сожалѣнія своей участи. Слѣдующій эпизодъ свидѣтельствуесть, съ какимъ душевнымъ спокойствіемъ она провела послѣдніе дни своей земной жизни. Одинъ изъ сыновей календера женился. Всѣ друзья собрались въ гаремѣ для традиціоннаго праздника. Ничего не было забыто для развлечения гостей, а между тѣмъ ничто ихъ не занимало. Тогда женщины признались, что онѣ хотѣли бы видѣть красавицу-узницу. Календеръ на это согласился, и Курретъ-уль-Аинъ появилась спокойная, улыбающаяся какъ всегда, когда видѣла, что миссія ея приходитъ къ концу. Она долго оставалась среди женщинъ, которыхъ она называла предъ Богомъ сестрами, и удаляясь, пожелала имъ въ этотъ праздничный день столько же истинной радости, сколько было въ ея собственномъ сердцѣ.

Нѣсколько недѣль спустя Мохаметъ-ханъ объявилъ ей, что онъ достаточно въ силѣ добиться ея помилованія, если она согласится прикинуться, что отрекается отъ своей религіи. На это она отвѣтила, что за всѣ земныя радости она не заплатитъ малѣйшей ложью, къ тому же бесполезно хлопотать объ ея участи у судей, такъ какъ ея приговоръ—неизбѣжный, роковой. И дѣйствительно, Назиръ-динъ-шахъ съ своими совѣтниками рѣшили съ нею покончить. Календеръ получилъ приказъ вручить заключенную сирдару, которому было поручено привести въ исполненіе приговоръ.

Въ день казни красавица Курретъ-уль-Аинъ проеуналась ранѣе обыкновеннаго, и прислужница слышала, какъ она пѣла молитвы и возобновляла много разъ свое омовеніе. Когда къ ней вошелъ календеръ, она уже была готова отправиться въ путь. Его удивило ея спокойствіе, но она разъяснила ему причину: уже давно, по ея словамъ, Богъ не оставлялъ ее въ невѣдѣніи, какая участь ее ожидаетъ. Она предсказала ему, что его также ожидаетъ казнь за преступленіе, котораго онъ не совершалъ, и все это въ послѣдствїи исполнилось. Она поблагодарила всѣхъ, кто о ней заботился во время ея заключенія, и спокойно отправилась на казнь.

Долго рассказывали, что ее должны были живую сжечь на кострѣ, но палачей охватила жалость, и они ее задушили прежде, чѣмъ подложить на костеръ огонь. Но теперь подробности ея кончины извѣстны достоверно и передаются слѣдующимъ образомъ. Когда сирдару вручили приговоренную, онъ, не теряя времени, далъ своему молодому помощнику шнурокъ для удуненія. Но полуробенюкъ-палачъ со слезами убѣждалъ, когда Курретъ-уль-Аинъ съ печальнымъ взо-

ромъ сказала ему, что онъ слишкомъ недавно родился, чтобы замарать себя преступленіемъ, котораго ждуть отъ него. Раздраженный сирдаръ подозвалъ одного изъ солдатъ, сопровождавшихъ его, и поручилъ ему исполнить казнь. Тотъ повиновался, но, также взволнованный красотой приговоренной, не могъ ее совершенно задушить. Курреть-уль-Аинъ только лишилась чувствъ и въ такомъ состояніи была брошена въ колодезь, который тотчасъ же наполнили водой. Ея трупъ никогда не могли отыскать.

Немного времени спустя увидѣли, насколько распространилось чрезъ нее ученіе Баба. Шитскіе священники принялись арестовывать ея послѣдователей, и всѣ тюрьмы Тегерана были переполнены. Они не оставили ни одной провинціи, ни одного уголка въ странѣ, забирая бабистовъ, и во всей этой массѣ не оказалось ни одного ренегата. Мужчины, женщины мужественно принимали свой приговоръ; даже дѣти хотѣли умирать съ родителями. Всѣ они безъ одной жалобы переносили пытки, и видѣвшіе ихъ послѣднія минуты удостовѣряютъ, что ими руководила сверхъестественная сила. «Это,—говорили они,—душа Наичистѣйшаго высочества вошла въ нихъ и вселила въ ихъ сердца сверхчеловѣческую твердость.

Эта роль, личная, свободная, дѣлаетъ изъ Курреть-уль-Аинъ, быть можетъ, единственную въ своемъ родѣ фигуру въ исторіи крупныхъ религіозныхъ предприятий. Дѣйствительно мы привыкли видѣть, что самыя великія женщины съ трудомъ отдѣляются отъ пророка, который ихъ увлекъ. Онъ всегда подъ чертами вдохновеннаго мужчины постигаютъ божественное слово. Поэтому къ ихъ мистическому полету иногда примѣшивается изнѣженность, нѣсколько ребяческая. Этой слабости не знала Курреть-уль-Аинъ. Она также заимствовала у Баба его доктрину, которой она отдала всю свою жизнь, но духовную энергію, которая ей требовалась каждый день, она находила въ себѣ. Во время своего проповѣдничества она не просила никакой поддержки; въ часъ пытки она не просила никакой помощи. И это твердое поведеніе можно объяснить лишь интеллектуальнымъ одиночествомъ, на какое обрекаетъ исламъ мусульманскую женщину.

Впрочемъ, одинъ изъ восточныхъ дипломатовъ, бывшій посланникъ Силихъ-Мюпиръ-паша, увѣряетъ, что восточная женщина не подумаетъ производить попытки къ переворотамъ вродѣ тѣхъ, какія пытаются устроить парижскія и лондонскія суфражистки. По его словамъ, причина этому простая: прошло болѣе трехсотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ поставилъ мужчину и женщину на равную ногу: «она вашъ спутникъ въ жизни,—сказалъ онъ людямъ:—Богъ вамъ ее послалъ и вы ей обязаны помогать и покровительствовать». Спутникъ въ жизни! говорить дипломатъ, умоляю вслушаться въ важное значеніе этого слова и различить оттѣнокъ между этимъ эпитетомъ и словомъ «раба». Эту заповѣдь Магомета юристы пожелали комментировать, а законовѣды кодифицировать. Маленькая мусульманка теперь растетъ возлѣ братьевъ, во всемъ равноправна съ ними и получаетъ одинаковое воспитаніе. Въ четырнадцать лѣтъ она можетъ быть объявлена совершеннолѣтней; по правамъ она совершеннолѣтняя въ семнадцать лѣтъ. Искъ на отца допустимъ въ мусульманскихъ странахъ въ то, время какъ вездѣ о немъ ведутся безконечныя

споры. Совершеннолѣтнюю дѣвушку не выдаютъ замужъ: она сама избираетъ себѣ мужа. Мусульманскій бракъ является обоюднымъ договоромъ. Женщина свободно располагаетъ собою, не болѣе и не менѣе, какъ мужчина, на ней женятся безъ приданого. «Клянусь вамъ, сударыня, безъ приданого,—увѣряетъ дипломатъ,—она приносить съ собою только бѣлье, и разъ она вышла замужъ, она располагаетъ имъ какъ хочетъ, безъ предварительной подписи мужа».

«Мужъ можетъ отослать жену прочь,—продолжаетъ дипломатъ,—я знаю это. Я знаю, что въ бракѣ обоюдный контрактъ становится одностороннимъ, когда дѣло идетъ о разрывѣ. Мужъ можетъ сколько ему угодно разрывать брачныя узы, но онъ долженъ дать себѣ отчетъ о желаніи пророка, что «будетъ проклятъ человекъ, изгнавшій свою жену, только изъ-за единственнаго мотива—удовольствія, и потому общественное мнѣніе считаетъ его запятаннымъ. И дѣйствительно, отверженныхъ женъ у мусульманъ гораздо менѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Впрочемъ, положеніе такой жены не уступаетъ ничѣмъ положенію разведенныхъ европейкокъ. Женщина можетъ снова выйти замужъ и если остается свободна, то ей одной предоставляется воспитаніе дѣтей обоого пола, когда она выразитъ желаніе. Мусульманинъ мужъ, въ случаѣ ея удаленія, долженъ выдать ей вознагражденіе въ размѣрѣ суммы, указанной въ брачномъ контрактѣ».

Что же касается многоженства, то оно только терпимо, Магометъ, считаясь съ закоренѣлыми обычаями, вліяніемъ климата и проч., установилъ, что человекъ самое большее можетъ имѣть четырехъ женъ. Мусульмане не злоупотребляютъ этой терпимостью. Едва ли найдется на тысячу мусульманъ одинъ многоженецъ. «Умоляю западныхъ дамъ,—говоритъ Силихъ-Мюниръ-паша,—хорошенько подумать объ этой пропорціи. Извѣстно ли, что полигамія добилась себѣ извиненія лишь цѣною самихъ геройскихъ усилій. Извѣстно ли вамъ, что четыре жены по закону держатся на строго равной ногѣ. Извѣстно ли, что если мужъ купилъ драгоценную бездѣлушку женѣ № 1, то онъ обязанъ подарить одинаковую №№ 2, 3 и 4. Что я говорю! Онъ обязанъ дѣлить свои улыбки и ласки. Не правда ли, все это васъ разочаровываетъ въ многоженствѣ?» По словамъ Мюниръ-паши, путешественники, разсказывающіе, что они видѣли бѣдныхъ мусульманокъ, запертыхъ, печальныхъ узницъ своего тираническаго господина, далеки отъ истины. Мусульманки, по крайней мѣрѣ въ Турціи, свободны, какъ ихъ мужья и братья. «Ахъ, безъ сомнѣнія, онѣ ходятъ подъ вуалями. Не думаете ли вы, что отъ этого страдаетъ мораль? Прежде всего гримировка въ такой модѣ на Востокѣ, что не является ли она другого сорта вуалемъ, который также скрываетъ дѣйствительность. Восточная женщина не раба, не страдалица; у себя дома она сотрудница мужа и мать, уважаемая дѣтьми. У трона она иногда играетъ первую роль необыкновенно ловко. Въ исторіи остались имена навсегда знаменитыя, какъ у кормила правленія, такъ и въ современной литературѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ: «двѣнадцать вѣковъ ранѣе, чѣмъ на Западѣ, восточнымъ женщинамъ разрѣшили адвокатскую мантию, мусульманскіе юрисконсульты предложили такой вопросъ: можно ли призвать женщину къ исполненію судейскихъ обязанностей?—и великій юристъ Имамъ-Азамъ заключилъ: «всѣ совершеннолѣтнія женщины; здравомыслящія, извѣстныя за честныхъ, могутъ производить равносильный судъ».

«По какой причинѣ мусульманская женщина будетъ завидовать судьбѣ европейнокъ?—спрашиваетъ дипломатъ.—Самое большое онѣ возбуждать свою жалость въ пользу своихъ западныхъ сестеръ, требующихъ въ двадцатомъ вѣкѣ правъ, которыхъ у насъ добились болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ». Этимъ оканчивается Силихъ-Мюниръ-паша свою статью въ «Figaro»; какъ дипломатъ, онѣ привелъ официальную сторону вопроса: такъ говорилъ Магометъ, что жена—товарищъ; но на дѣлѣ восточная женщина—рабыня.

— Представители русской культуры за границей.— Уже нѣсколько лѣтъ иностранцы стали особенно интересоваться русской культурой въ области науки, литературы, музыки, живописи и скульптуры. Особенно въ Англии широкіе круги съ интересомъ слѣдили за интеллектуальнымъ движеніемъ въ Россіи, и въ этомъ отношеніи немалую услугу оказало имъ англо-русское литературное общество, существующее уже семнадцать лѣтъ и знакомившее англичанъ съ исторіей Россіи и ея культуры. Это общество основано Эдуардомъ Андреевичемъ Казалетомъ, хорошо знакомымъ съ Россіей и состоящимъ его президентомъ. Цѣль его—дружественныя отношенія съ Англійей, ознакомленіе съ русскимъ языкомъ и литературой, со всѣми книгами и статьями, появляющимися въ Россіи и особенно интересными съ точки зрѣнія англо-русскихъ отношеній, — однимъ словомъ всѣмъ, что касается этого вопроса. Протоколы засѣданій этого общества выходятъ книжками за три мѣсяца, гдѣ сообщаются всѣ подробности о засѣданіяхъ.

За послѣдній триместръ—февраль, мартъ и апрѣль—президентъ общества Казалетъ открылъ засѣданіе лекціей профессора Форбста, преемника профессора Морфиля въ Оксфордѣ, о польской литературѣ и польскомъ языкѣ. Затѣмъ послѣдовало «Шотландцы въ Россіи» Фрэнсиса Стюарта, почетнаго секретаря шотландскаго историческаго общества; «Очеркъ богемской литературы» Фрэнсиса Маршана, «Положеніе славянскаго языка въ настоящее время». Затѣмъ производился обзоръ новыхъ англійскихъ книгъ, касающихся Россіи и переводныхъ съ польскаго, русскаго и всего, что хотя косвенно касается англо-русскаго сближенія—напримѣръ, нѣсколько словъ о петербургскомъ гимнастическомъ обществѣ «Маякъ», русскихъ международныхъ отношеній и т. д.

Сообщая, что общество получило изъ Москвы двѣ новыя книги профессора Климента Аркадьевича Тимирязева: «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ (томъ, гдѣ гдѣ находится трудъ профессора Тимирязева) и его «Памяти Дарвина», въ которомъ принимали также участіе профессора: М. М. Ковалевскій, М. А. Мензбирь, И. И. Мечниковъ, И. П. Павловъ, Н. А. Умновъ, президентъ говоритъ: «Русскій профессоръ съ восторгомъ, воодушевленіемъ и благодарностью говорить о Кембриджскомъ университетѣ и о празднествѣ въ честь великаго чело- вѣка 22—24 июня 1910 года». При этомъ приводится красивая и изящная рѣчь профессора Тимирязева, начинающаяся словами: «Кембридж! На всей землѣ, не исключая и Флоренци, не найдется, конечно, второго уголка, который сыгралъ бы такую роль въ исторіи современной мысли. Кромвель и Мильтонъ, Бэконъ и Байронъ, Ньютонъ и Дарвинъ, однихъ этихъ именъ было бы достаточно, чтобы наполнить славой цѣлый міръ, а не одинъ только университетъ»...

Этот восторгъ профессора Тимирязева не остается безъ отзѣта со стороны англичанъ, съ уваженіемъ относящихся къ нашимъ ученымъ. Англичане не только знакомы съ русскими учеными и ихъ трудами, но даже сами пользовались плодами ихъ познаній. Имена профессора Виноградова и Воейкова не будутъ забыты среди университетской молодежи, а профессоръ Тимирязевъ пользуется въ Англіи глубокимъ уваженіемъ, какъ ученый. Но если русскій научный міръ не чуждъ англичанамъ, то русская сцена, артисты, какъ драматическіе, такъ балетные и оперные, стали знакомы очень недавно. Послѣдніе два года можно смѣло назвать вторженіемъ русскаго искусства и русскихъ артистовъ въ заграничный художественный міръ. Русское искусство понемногу, незамѣтно завоевываетъ себѣ міровое положеніе. Въ музыкальной области интересъ къ русскому творчеству и музыкальнымъ талантамъ уже давно возбуждалъ покойный Рубинштейнъ и другіе еще здравствующие русскіе музыканты. Но съ легкой руки г-жи Долиной французы, такъ сказать, ввели русскую музыку въ свой музыкальный обиходъ. Г-жа Литвинъ уже давно оцѣнена и даже похищена французской публикой, г-жа Кузнецова очаровала французовъ и американцевъ, которые находятъ ее «чудесной». Шаляпинъ укрѣпилъ за русскими репутацію талантовъ, богато одаренныхъ природою. Русскій балетъ, въ свою очередь, по инициативѣ балеринъ, сначала Преображенской, а затѣмъ Кшесинской, Павловой, и первыхъ танцовщиковъ Нижинскаго и Мордкина, по стопамъ которыхъ потянулись и другіе артисты, сразу завоевалъ себѣ первое мѣсто и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, и только ссора г-жи Павловой и Мордкина немного дискредитировала репутацію русскихъ въ глазахъ корректныхъ англичанъ.

Не такъ легко удается отвоевать міровой уголокъ русской драмѣ и ея представителямъ. Не считая блестящихъ гастролей Маріи Гавриловны Савиной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ, которую поэтому можно считать инициаторшей ознакомленія нѣмцевъ съ русской драмой Московскаго художественнаго театра и т. д., русскіе драматическіе артисты или не рѣшались рисковать на поѣздки за границу, или кончались въ матеріальномъ отношеніи неудачей. Это явленіе происходитъ не благодаря отсутствію талантливыхъ исполнителей, но отъ недостатка инициативы и неумѣнія организовать. Быть можетъ, неуспѣхъ зависитъ отчасти вслѣдствіе незнанія иностранцами русскаго языка и главное—русской драматической литературы.

Послѣдній пробѣлъ начинаетъ понемногу заполняться, и эту попытку сдѣлали, какъ мы уже передавали, сначала во Франціи и Германіи (Толстого и Достоевскаго, «Ревизоръ», а теперь въ февралѣ на сценѣ лондонскаго Kingsway Théâtre былъ поставленъ Чехова «Медвѣдь»).

Но у каждаго народа свой національный юморъ, и англичане не поняли русскаго. Они нашли, что онъ не подходитъ къ ихъ вкусу, и въ театральномъ отдѣлѣ «Academy» за май мѣсяцъ обозрѣватель говоритъ: «Актеры дѣлали все, чтобы справиться съ трудной задачей, но должны были убѣдиться, что понятіе русскихъ о комичномъ, должно быть, очень разнится отъ нашихъ понятій».

Затѣмъ въ концѣ мая «Incorporated Stage Society» дало «Вишневы садъ» того же Чехова въ переводѣ на англійскій языкъ Эдуарда Гарнетта. Вина ли

переводчика, или, вѣрнѣе, міровоззрѣніе и складъ ума русскихъ совсѣмъ иной, чѣмъ у англичанъ, но и здѣсь Чехова не оцѣнила «собравшаяся многочисленная, но не восторженная публика», какъ передается въ театральномъ обзорѣ перваго іюньскаго нумера «Academy». Не порицая зрителей за недостатокъ энтузіазма, хотя актеры отнеслись превосходно къ своимъ ролямъ и великолѣпно ихъ исполнили, критикъ находитъ, что характеры, выведенные Чеховымъ, не произвели на англійскій умъ впечатлѣнія. Господствующая идея должна бы заинтересовать, но безцѣльная ходьба по сценѣ мало имѣетъ отношеній къ пьесѣ, и шуточки, которыя едва возбуждаютъ улыбку, все вмѣстѣ взятое не достигаетъ оправданія въ существованіи этой пьесы. Картины русскихъ нравовъ и русскаго общества англичане тоже не высоко оцѣнили. Нельзя требовать, говоритъ критикъ, чтобы пьеса, въ которой нѣтъ ни драматическаго движенія, ни чего-нибудь другого, захватила бы вниманіе англійскихъ слушателей.

Критикъ отмѣчаетъ трехъ актеровъ; миссъ Катарину Поль, мистера Франклина Дайль и Гаркури Вильямса, которые дѣлали все, что могли, изъ мало обѣщающаго матеріала, которымъ они располагали.

Но если чеховскихъ пьесамъ не повезло въ Лондонѣ, то нельзя сказать того же о русской драматической актрисѣ, г-жѣ Яворской. Отважно рѣшившись отвоевать міровой уголокъ, если не для русской драмы, то для ея жрецовъ, она съ рискомъ умалить свой талантъ исполнила роли на англійскомъ языкѣ. Спортсмены во всемъ, англичане изумились, когда узнали, что въ какой-нибудь годъ г-жа Яворская ознакомилась съ англійскимъ языкомъ—и уже заранѣе ея успѣхъ былъ обезпеченъ. «Поразительный подвигъ совершила княгиня Барятинская въ прошедшій вторникъ въ «Royalty Theatre»,—говоритъ театральнй обозрѣватель въ «Atheneum».—Въ одинъ годъ она овладѣла настолько достаточно нашимъ языкомъ, что могла исполнить длинную роль Норы Гельмеръ по-англійски». Критика къ ней отнеслась благопріятно, оцѣнивъ ея труды и усилія, вложенные въ изученіе англійскаго языка, и столько же стараній, приложенныхъ къ игрѣ.

Послѣ выступленія въ Норѣ она появилась въ King's Theatre въ главной роли одноактной драмы «Rosamonde» Джона Поллока, и «Academy» такъ же, какъ и «Atheneum», помѣстила о ней лестные отзывы. Въ пьесѣ «Rosamonde» попадаетъ одна фраза, которая является удивительнымъ соответствіемъ: «Я чужеземка въ этой странѣ,—говоритъ королева:—мой говоръ выдаетъ меня!» На это критикъ замѣчаетъ: «И подлинно, г-жа Яворская чужеземка въ нашей странѣ, а потому скажемъ ей многократное: «Добро пожаловать!» «Ея говоръ выдаетъ ее, но это увеличиваетъ безконечную прелесть ея произношенія». Критикъ считаетъ «Rosamonde» ея торжествомъ. Вообще, по его словамъ, г-жа Яворская удивительно талантливая актриса, какъ въ драмѣ, такъ и въ комедіи. «Въ королевѣ Ломбардіи она была воплощеніемъ страшныхъ чаръ, которыя ведутъ къ смерти, къ уничтоженію. Сцену съ черепомъ она провела страстно, а въ «Норѣ» сцена вспышки съ Гельмеромъ показала, насколько замѣчательна она умѣетъ войти въ самое сердце идеи.

Лучшій моментъ въ Норѣ, это когда она постепенно узнаетъ настоящую цѣну любви мужа къ ней и пытается освободиться отъ его возбужденныхъ

виномъ ласкъ или выслушиваетъ молча его гнѣвные жалобы. Здѣсь жесты и взгляды г-жи Яворской были очень выразительны «Academy» единодушно съ «Atheneum» отзывается лестно объ ея игрѣ и отмѣчаетъ, что ея успѣхъ въ короткій срокъ пребыванія все возрастаетъ въ «Кукольномъ домѣ».

Русскій балетъ очаровалъ англичанъ. Уже не говоря о первоклассныхъ балеринахъ и танцовщикахъ, по отзыву критика «Academy», московская эстетическая труппа во главѣ съ г-жой Еленой Книпперъ Рабенекъ заслуживаетъ похвалъ. «Она танцуетъ на сценѣ Hippodrome и состоитъ большей частью изъ очень молодыхъ и красивыхъ женщинъ, которыя даютъ подь музыку Грета, Шумана, Шуберга, Гретри, Рами цѣлую серію танцевъ. Среди великолѣпной остановки танцовщицы держатся свободно. Всѣ ихъ движенія и позы классическія и изящно граціозны, а ихъ «turn» оригинальны, восхитительны и дѣйствуютъ освѣжающе. Въ общемъ русскіе самые лучшіе танцоры, какихъ только видѣлъ Лондонъ. При этомъ корректный англичанинъ, не примиряясь съ публичными раздорами г-жи Павловой и г. Мордкина, замѣчаетъ, что эстетическая труппа любезнѣ Мордкина съ его ссорами.

— Отъ всюду. — «Hebdo Débats» на страницахъ второй майской книжки передаетъ любопытную исторію одного перстня, который будетъ на дняхъ продаваться въ Лондонѣ. Онъ принадлежалъ королевѣ Елизаветѣ, подарившей его графу Эссексу въ эпоху своего страстнаго увлеченія. Какъ извѣстно, онъ вѣроломно ее предалъ, поднялъ противъ нея оружіе и пытался свергнуть ее съ престола послѣ того, какъ добился отъ нея всѣхъ милостей и почестей. «Какое преступленіе нисовершили бы вы, — сказала Елизавета, давая ему кольцо: — я вамъ все прощу, если вы мнѣ его покажете». Когда графа арестовали, подвергли суду, признали виновнымъ и приговорили къ смертной казни, онъ попросилъ свою родственницу, графиню Ноттингамъ, показать королевѣ этотъ перстень и напомнить ей объ ея обѣщаніи. Но графъ Ноттингамъ былъ самый злѣйшій врагъ Эссекса и запретилъ женѣ исполнить это порученіе; поэтому Елизавета утвердила приговоръ, немедленно приведенный въ исполненіе.

Два года спустя графиня Ноттингамъ находилась на одрѣ смерти и рассказала королевѣ о просьбѣ Эссекса. Она показала ей кольцо и просила ее простить Эссексу и забыть о причиненномъ ей злѣ. Сначала Елизавета разгнѣвалась и воскликнула: «Пусть Богъ его проститъ, я же не могу ему простить». Затѣмъ она впала въ ужасное отчаяніе и, покинувъ комнату графини, заперлась въ своихъ апартаментяхъ, откуда болѣе не выходила. Черезъ двѣ недѣли она скончалась. Это кольцо по наслѣдству перешло къ дочери графа Эссекса, лэди Фрэнсисъ Девере и затѣмъ къ лорду Тину, семья котораго назначила кольцо въ продажу. Перстень украшенъ камнемъ съ портретомъ королевы, выгравированнымъ лучшимъ итальянскимъ граверомъ того времени.

Въ «Revue de deux Mondes» г. Сельеръ взялъ на себя задачу защитить память Фредерики Бріонъ, когда-то любимой Гете. Личность, послужившая ему моделью для героини его «Фауста», не была вполне выяснена. Въ 1770 году Гете, въ то время еще страсбургскій студентъ, влюбился въ эту молодую дѣвушку; но во время вакацій онъ размыслилъ и рѣшилъ, что ему, франкфуртскому гражданину, не пара сельская дѣвушка, и въ письмѣ объявилъ ей о разрывѣ. Созда-

тель «Фауста» очень холодно сообщил об этомъ въ своихъ мемуарахъ, и легенда овладѣла этимъ анекдотомъ, признавъ въ Маргаритѣ—Фредерику Бріонъ, соблазненную, покинутую, дѣтубійцу, близкую къ эшафоту и обезщеченную. Но г. Сельберъ въ своей статьѣ говорить, что нельзя представить никакого доказательства, никакого вѣроятія въ подтвержденіе этого. Первую тѣнь на репутацію Фредерики Бріонъ набросилъ въ 1822 г. одинъ филологъ изъ Бонна, по имени Нэкъ. Проѣзжая черезъ Зезенгеймъ, онъ допросилъ о ней тамошняго протестантскаго пастора Швепергаузера, который не скрылъ отъ него, что дочь его предшественника пользовалась дурной репутаціей и у нея былъ сынъ, впоследствии сдѣлавшійся ученикомъ у пирожника. Но кто былъ отецъ? вопросъ оставался неразрѣшеннымъ. По мнѣнію однихъ, это былъ Гете, по словамъ другихъ, одинъ католическій сельскій патеръ Рембольдъ, вызвавшій своимъ ухаживаніемъ за Фредерикой ревность Гете и его отдаленіе отъ Фредерики. Нэкъ, желая добиться истины, обратился къ самому Гете съ вопросомъ, что взято у Фредерики для созданія типа Маргариты, но Гете отвѣтилъ на это очень красивой страницей о сложности литературнаго творчества—и вопросъ нисколько не выяснился. Въ 1892 г. профессоръ Фуратцгеймъ, авторъ книги, очень рѣзко написанной противъ Гете, добылъ новый доводъ: въ сиротскомъ пріютѣ, соеднемъ съ Зезенгеймомъ, онъ нашель среди разныхъ документовъ метрическое свидѣтельство одного умершаго мальчика-пирожника и рѣшилъ, что это некто иной, какъ сынъ Фредерики. Положимъ, говорить г. Сельберъ, Фредерика была далеко не безупречной репутаціи и въ 1780 г. ея вызывающія манеры привели въ ужасъ пастора Гамбса, сначала желавшаго на ней жениться. Но онъ испугался и женился на другой. Послѣ его смерти вдова напечатала мемуары мужа, но изъ нихъ можно было вывести лишь одно,—что Гамбсъ былъ наивенъ и въ ужасъ приходилъ отъ пустяковъ. Вотъ всѣ обвиненія противъ бѣдной Фредерики. Въ ея пользу говорить только самъ Гете, и это всего важнѣе. Въ 1773 г., девять лѣтъ спустя послѣ идилліи, онъ разказалъ въ письмѣ къ г-жѣ фонъ-Штейнъ о своемъ визитѣ къ прежней подругѣ; свиданіе произошло спокойно, и трогательно, ни тотъ, ни другая не упрекали другъ друга въ измѣнахъ.

Въ «Rivista di Roma» Альберто Ломброзо касается вліянія французскихъ писателей на Кардуччи. Итальянскій поэтъ заимствовалъ у Прудона идею, что Богъ источникъ всякаго зла. Онъ восторгался ямбами Барбье и признавался, что заимствовалъ у него нѣкоторыя черты демократической восторженности. Но болѣе всего онъ вдохновлялся Викторомъ Гюго, какъ и его современникъ Свинбертъ, и до нѣкоторой степени онъ ученикъ Гюго. Вообще на него имѣли вліяніе французскіе поэты и историки крайне лѣвые. Въ то время онъ былъ ярый республиканецъ, но впоследствии сдѣлался болѣе чѣмъ умѣреннымъ, и эту слабость онъ раздѣлялъ съ Мюссэ, Эдгаромъ По и Свинберномъ.

«Rivista di Roma» помѣстила въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ письмо Вилламовича-Меллендорфа, опровергающее посредничество Моммсена между Бисмаркомъ и Викторомъ-Эммануиломъ, которое ему приписала въ своихъ воспоминаніяхъ актриса Банъ, близкая личность къ королю (*il re galantuomo*). Объ этомъ эпизодѣ мы уже недавно говорили. Вотъ текстъ письма Вилламовича:

«Милостивый государь, какъ вы меня просили, я спрашивалъ у m-elle Моммсенъ, дочери историка, нѣтъ ли въ письмахъ (они всѣ сохраняются), которыми онъ обмѣнивался съ женою, слѣдствъ его пребыванія во Флоренціи въ 1867—1870 г.г. Могу вамъ сказать, что его нога тамъ не была; въ теченіе всего этого времени онъ посѣщалъ только города Верхней Италиі—Бергамъ, Бресцію и Венецію. Къ тому же его поведеніе относительно политики дѣлаетъ невѣроятнымъ, чтобы наше правительство поручило ему столь деликатную миссію. Я положительно знаю, что у него никогда не было разговора съ Висмаркомъ. Можете располагать, какъ вамъ угодно, этимъ сообщеніемъ».

«Volksoper» въ Вѣнѣ поставила на своей сценѣ любопытную для русскихъ оперетку, выкроенную изъ «Ревизора». За послѣднее время русскія литературныя произведенія неудачно пропагандируются за границей; въ отдѣлѣ «Новостей и мелочей» мы уже передавали объ искаженіи «Братьевъ Карамазовыхъ», поставленныхъ на сценѣ парижскаго «Théâtre des Arts»; теперь упоминаемъ объ искаженіи Гоголя, еще ранѣе Достоевскаго искалѣченнаго нѣмцами. Они ухитрились выкроить изъ «Ревизора» не то оперетку въ стилѣ «модернъ», не то «музыкальную комедію», какъ назвалъ ее скрывшій свое имя авторъ, и, приправивъ веселой музыкой чешскаго композитора Карла Вейса, поставили на сценѣ. И само содержаніе да и музыка совершенно лишены русскаго характера; всѣ дѣйствующія лица Гоголевскаго «Ревизора» упоминаются по именамъ—и только; гоголевская же соль сатиры на тогдашніе нравы совершенно отсутствуетъ, уже потому, что многія характерныя выраженія непереводаемы на нѣмецкій языкъ. Эта оперетка давалась сначала въ Богеміи и наконецъ въ Вѣнѣ. Сами вѣнцы очень ею довольны. Когда разыгрывалась сцена со взяткой, то они громко выражали свое удовольствіе, примѣняя гоголевскій эпизодъ къ современнымъ скандаламъ по интендантству и проч. Финалъ пьесы нѣсколько измѣненъ и отступаетъ отъ Гоголя. Въ общемъ актеры живо разыграли пьесу... но Гоголю отъ этого не легче.

«Logos», университетское общество въ Парижѣ, устроило чрезвычайно интересную лекцію берлинскаго доктора философіи Вильгельма Мюллера о классификаціи умственныхъ способностей. Мюллеръ, приводя произведеніе Осипа Лурье «Счастье и умъ», ставитъ въ первый рядъ организаторовъ народовъ, особенно побѣдителей, тогда какъ Лурье выдвигаетъ на первый планъ мыслителей и философовъ, затѣмъ гениевъ-возбудителей душевныхъ движеній—поэтовъ, артистовъ. Присутствовавшій на собраніи профессоръ Виноградовъ поставилъ : первый планъ ученыхъ, а затѣмъ артистовъ.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ КАССѢ взаимопомощи литераторовъ. Годовое общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ состоялось 15-го мая. Отчетнымъ годомъ закончилось двадцатилѣтіе существованія кассы. За этотъ періодъ времени положенныя въ основу кассы задачи по обезпеченію семействъ литераторовъ и ученыхъ и самихъ ихъ, на случай потери трудоспособности, успѣли въ полной мѣрѣ проявить свою жизненность. Къ сожалѣнію, нормальный ростъ кассы сталъ тормозиться за послѣдніе годы крупною и все возрастающею задолженностью членовъ, часто вслѣдствіе плохой обезпеченности и неустойчивости литературнаго заработка. Подавляющая сумма недоимокъ приходится на членовъ, числящихся за центральнымъ правленіемъ, а именно по основной группѣ на 1-го января 1911 года — 16,638 руб. 82 коп., по параллельной — 8,154 р. 87 коп. Въ теченіе 20 лѣтъ касса выплатила поразрядныхъ суммъ 259,924 руб. 8 коп. и пенсій 39,407 руб., капиталы же ея возросли до 257,387 руб. 13 коп. Что же касается отчетнаго 1910 года, то по 23-го марта 1911 года въ кассѣ на приходѣ значилось наличными деньгами 11,372 руб. 96 коп., въ расходѣ 8,370 р. 11 коп. Кромѣ того, состояли на приходѣ и въ остаткѣ процентными бумагами по номинальной стоимости 209,750 рублей. Число членовъ кассы въ отчетномъ году было 732. Изъ этого числа 19 членовъ пользовались пенсіею въ размѣрѣ отъ 25 и 50 рублей въ мѣсяцъ, въ общемъ всего пенсій въ 1910 году было выдано 7,635 рублей. Пользовались освобожденіемъ отъ обязательныхъ платежей 47 членовъ, всего на сумму 1,896 рублей. Выслушавъ отчетъ и заключеніе ревизіонной комиссіи, общее собраніе постановило: отчетъ правленія за 1910 годъ утвердить, выразить благодарность всему составу правленія, въ особенности же секретарю его Ф. С. Груздеву. Большая часть засѣданія была посвящена

обсужденію вопроса объ отказѣ правленіемъ въ пенсіи члену кассы 73 лѣтъ и о другомъ членѣ, по поводу его ходатайства объ увеличеніи его десятирублевой пенсіи до законной нормы. Объясненія правленія сводятся къ тому, что одно лицо, которому отказано въ пенсіи, не можетъ считаться литераторомъ, такъ какъ весь литературный его цензъ ограничивается двумя когда-то имъ написанными статьями, а другое лицо уже получаетъ пенсію изъ другого вѣдомства. Въ члены правленія вмѣсто выбывающихъ по очереди избраны: Ф. С. Груздевъ, Л. Э. Слонимскій и В. К. Кузнецовъ, а кандидатами — гг. С. Ф. Либровичъ и К. В. Лукашевичъ.

Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи. 27-го мая въ Москвѣ состоялось первое общее собраніе членовъ вновь утвержденнаго общества ознакомленія съ историческими событіями Россіи. Учредителями общества считаются слѣдующія лица: А. А. Адрианова, А. А. Адриановъ, московскій градоначальникъ, А. В. Базилевская, П. А. Базилевскій, камергеръ двора Его Величества, московскій уѣздный предводитель дворянства, Н. К. фонъ-Бооль, статскій совѣтникъ, В. М. Васнецовъ, профессоръ живописи, Н. И. Генитпа, генераль-майоръ, В. Г. Глазовъ, генераль, членъ военнаго совѣта, графиня А. А. Голенничева-Кутузова, Н. И. Гучковъ, московскій городской голова, Е. Ф. Джунковская, фрейлина Ихъ Императорскихъ Величествъ, В. О. Джунковскій, свиты Его Величества генераль-майоръ, московскій губернаторъ, Д. П. Зуевъ, генераль-отъ-инфантеріи, командиръ 25-го корпуса, Д. И. Иловайскій, историкъ, тайный совѣтникъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, директоръ консерваторіи, А. М. Казачковъ, помощникъ инспектора классовъ Александровскаго военнаго училища, И. А. Колесниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ комитета по устройству музея 1812 года, Ф. В. Нееловъ, генераль-лейтенантъ, В. А. Плеве, П. А. Плеве, командующій войсками московскаго округа, Н. К. Ребиндеръ, А. Д. Самаринъ, егермейстеръ высочайшаго двора, московскій губернскій предводитель дворянства, А. А. Сидоровъ, предсѣдатель московскаго комитета по дѣламъ печати, Т. Д. Смердова, В. Н. Смердовъ, полковникъ 11 гренадерскаго Фанагорійскаго полка, А. А. Тихомировъ, попечитель московскаго учебнаго округа, Л. А. Тихомировъ, статскій совѣтникъ, М. Н. Трескинъ, старшій адъютантъ штаба гренадерскаго корпуса, графиня П. С. Уварова, предсѣдательница императорскаго археологическаго общества, Д. В. Цвѣтаевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ, П. Г. Шелапутинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, А. В. Экъ, Э. В. Экъ, командиръ гренадерскаго корпуса, В. Н. Яковлева, П. П. Яковлевъ, командиръ 17-го корпуса, и бывший попечитель московскаго учебнаго округа А. М. Ждановъ. Присутствующимъ членамъ общества было доложено объ изъявленномъ его императорскомъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ милостивомъ согласіи принять званіе почетнаго предсѣдателя общества. Затѣмъ состоялись выборы. Предсѣдателемъ общества избранъ В. А. Плеве, товарищемъ предсѣдателя П. П. Яковлевъ, членами совѣта общества: Н. К. фонъ-Бооль, В. Н. Смердовъ, А. А. Сидоровъ, Д. В. Цвѣтаевъ, А. М. Казачковъ, казначеемъ В. М. Гайтеновъ и секретаремъ П. Н. Трескинъ. Далѣе слѣдовало обсужденіе текущихъ дѣлъ; рѣшено: 1) поставить въ лагерномъ

общемъ собраніи любительскій спектакль, избравъ историческую пьесу; 2) устроить для нижнихъ чиновъ лагернаго сбора историческіе спектакли, намѣчено просить одинъ спектакль поставить отъ 2 грендерскаго Фанагорійскаго полка, гдѣ офицеромъ полка Н. П. Сергѣевымъ уже ставилась его пьеса «Суворовскій солдатъ», и второй—отъ 1-го лейбъ-грендерскаго Екатеринославскаго полка—«Подвигъ рядового Василя Рябова». Вторымъ спектаклемъ намѣчены историческія пьесы изъ эпохи 1812 года офицера 12-го грендерскаго Астраханскаго полка капитана Селиванова, рѣшено просить автора взять на себя постановку въ лагерномъ собраніи. Затѣмъ намѣчено время (начало осенняго сезона) для постановки въ Охотничьемъ клубѣ исторической пьесы «Пожаръ Москвы»; устройство спектакля любезно взять на себя старшина клуба С. А. Поповъ, устройство же историческаго концерта, послѣ котораго будетъ балъ въ залѣ російскаго благороднаго собранія, предложено Н. А. Манькину-Неструеву. Устройство народнаго гулянья взялъ на себя генераль В. А. Скрябинъ. Послѣ этого общество съ удовольствіемъ выслушало желаніе М. С. Пустовойтенко открыть отдѣлы общества въ городѣ Рыбинскѣ и Ф. П. Полухина—въ городѣ Владимирѣ. Рѣшено просить ихъ отъ имени общества это выполнить, взявъ на себя починъ. Далѣе состоялись выборы новыхъ членовъ, заявившихъ свое желаніе во время печатанія устава. Такихъ лицъ оказалось около 50 человекъ и, сверхъ того, всѣ офицеры 11 грендерскаго Фанагорійскаго полка. Н. К. Ребиндеръ и статскимъ совѣтникомъ Н. А. Протопоповымъ внесено по 100 рублей, принятыя обществомъ съ глубокой признательностью. Кинематографъ «Континенталь» изъявилъ свое согласіе войти въ соглашеніе съ обществомъ для постановки у себя историческихъ картинъ, согласно указаній общества. Специальнымъ фотографомъ общества избранъ фотографъ Дорэ, любезно предложившій свои услуги бесплатно.

Съѣздъ по библиотечному дѣлу. Первый всероссійскій съѣздъ по библиотечному дѣлу открылся 1-го іюня. Къ 2 часамъ дня въ актовомъ залѣ технологическаго института собрался совѣтъ общества библиотековѣдѣнія, по инициативѣ котораго созданъ настоящій съѣздъ, а также свыше 260 членовъ съѣзда, собравшихся со всѣхъ концовъ Россіи, и многія приглашенныя лица. Предсѣдатель общества библиотековѣдѣнія графъ И. И. Толстой обратился къ многочленному собранію съ рѣчью и объявилъ съѣздъ открывшимся. Секретарь общества А. Е. Плотниковъ сдѣлалъ сообщеніе объ исторіи возникновенія съѣзда. Московское, костромское, симбирское и нѣкоторыя другія земства, а также отдѣльныя лица и учрежденія оказали поддержку съѣзду. Записались на съѣздъ 260 лицъ вмѣсто предполагавшихся 150. Изъ этого числа 154 лица, т. е. 60 процентовъ всѣхъ участвующихъ, прибыли изъ провинцій. Съѣздъ раздѣлился на двѣ секціи; академическую и на секцію общественныхъ и народныхъ библиотекъ. Въ виду же того, что на съѣздѣ присутствовали многіе делегаты частныхъ библиотекъ организована была третья секція, а именно секція частныхъ библиотекъ. Послѣ сообщенія А. Е. Плотникова слѣдовали привѣтствія: отъ библиографическаго общества, московскаго университета, отъ вольно-экономическаго общества, отъ земскихъ дѣятелей въ области вышкельнаго образованія, отъ постоянной комиссіи по техническому образованію, по-

стояннѣй комисіи по устройству курсовъ народныхъ учителей, московскаго общества грамотности, общества дошкольнаго воспитанія, бібліотеки духовной академіи, петербургскаго уѣзднаго земства, московскаго соціального музея при университетѣ, бібліографическаго кружка при петербургскомъ университетѣ, отъ украинскихъ просвѣтительныхъ обществъ и журналовъ. Кромѣ того получены телеграммы: отъ директора публичной бібліотеки Кюбеко, отъ московскаго сельско-хозяйственнаго музея, одесскаго бібліографическаго общества и много другихъ. Въ этомъ же собраніи были произведены выборы. Предсѣдателемъ совѣта избранъ графъ И. И. Толстой, товарищами его Г. А. Фальборкъ и С. А. Пташицкій и секретаремъ А. Е. Плотниковъ. Въ двухъ комнатахъ второго этажа института организована была выставка по бібліотечному дѣлу, которая съ 4-го іюня была предоставлена для посѣщеній публики. На выставкѣ было 70 экспонатовъ; въ ней приняли участіе 15 академическихъ бібліотекъ, 4 американскихъ, 4 городскихъ и 15 частныхъ. Выставочный матеріалъ предполагено употребить на устройство постояннаго бібліотечнаго музея при обществѣ бібліотековѣдѣнія. Съѣздъ продолжался недѣлю, съ 1-го по 6 іюня. Всего на съѣздѣ принимали участіе 342 лица: 177—отъ Петербурга, 148—отъ Москвы, 115—изъ другихъ городовъ и 2—изъ-за границы. Представителей академическихъ бібліотекъ было 97 (28 проц.), народныхъ и общественныхъ—150 (болѣе 50 проц.), земскихъ—24, частныхъ—15, желѣзнодорожныхъ—8, среднихъ учебныхъ заведеній—5, студенческихъ—3. Библиографовъ на съѣздѣ было 28, книгопродавцевъ—6 и представителей редакцій—6. Съѣзду представлены были 62 доклада. Изъ докладовъ особенно интересны слѣдующіе: К. И. Рубинскаго «О положеніи бібліотечнаго дѣла въ Россіи по сравненію съ состояніемъ его въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ», С. О. Сѣрополко «Принципъ общественности въ народно-бібліотечномъ дѣлѣ», Е. А. Звягинцева «О лѣтнихъ курсахъ по бібліотечному дѣлу», докладъ комисіи по организаціи секціи общественныхъ и народныхъ бібліотекъ «Объ основахъ и принципахъ организаціи бібліотечнаго дѣла городскими и земскими органами самоуправленія», В. Южакова «Бібліотеки и народная образованность», Е. Н. Добржинскаго «О положеніи русскихъ академическихъ бібліотекъ по даннымъ анкетъ», Е. Ф. Проскуряковой «Нормальный каталогъ публичныхъ и народныхъ бібліотекъ», Н. А. Парманина «Система рекомендательныхъ списковъ по отдѣлу беллетристики», Е. Ф. Проскуряковой «Къ вопросу объ изытаніи изъ состава бібліотекъ конфискованныхъ изданій», В. С. Воднарскаго «О десятичной системѣ», А. П. Бѣлянова и А. Н. Махнова «Общая характеристика состоянія и дѣятельности общедоступныхъ бібліотекъ въ Москвѣ», докладъ «Принципы комплектованія публичныхъ и народныхъ бібліотекъ», Н. А. Ульянова «Бібліотеки и книжная торговля въ ихъ взаимоотношеніи», П. М. Богданова «Нормальный планъ постановки бібліотечной техники въ небольшихъ бібліотекахъ»; особый интерес на съѣздѣ представляютъ занятія выдѣленной изъ народной секціи подсекціи по дѣтскому чтенію. Послѣднее засѣданіе съѣзда было 6-го іюня. Послѣ доклада Е. М. Чарнолууской «Взаимотношеніе школы и бібліотеки въ Америкѣ» В. И. Яковенко сообщилъ данныя

о народныхъ бібліотекахъ имени Л. Ф. Павленкова. Въ настоящее время ихъ 2,018 и разбросаны онѣ по всеѣмъ губерніямъ обширной Россіи и даже имѣются въ Сибири. Бібліотеки открыты при содѣйствіи земствъ и другихъ просвѣдительныхъ обществъ и на нихъ потрачено около двухсотъ тысячъ рублей Павленковскаго капитала и 98,000 ассигновано мѣстными учрежденіями. Послѣ краткой заключительной рѣчи председателя графа И. И. Толстого съѣздъ былъ объявленъ закрывшимся. Второй съѣздъ по бібліотечному дѣлу намѣченъ въ Москвѣ въ 1912 году.

Юбилей морского медицинскаго журнала. Въ маѣ исполнилось 50 лѣтъ со дня выхода «Медицинскихъ прибавленій къ Морскому Сборнику», выходящихъ теперь въ видѣ ежемѣсячнаго журнала подъ редакцію доктора Зиновьева. Въ юбилейный день составъ редакціи и морскіе врачи по преимуществу собрались въ часъ дня въ залѣ морской бібліотеки. Митрофорный протоіерей Ставропскій совершилъ благодарственное молебствіе съ обычными многолѣтіями. Затѣмъ состоялся актъ. За столомъ заняли мѣста: товарищ морского министра контръ-адмиралъ Бубновъ, главный медицинскій инспекторъ флота почетный лейбъ-медикъ тайный совѣтникъ Зуевъ, начальникъ главнаго гидрографическаго управленія генералъ-лейтенантъ Вилькицкій, доктора Фадѣевъ и Зиновьевъ. Въ числѣ присутствовавшихъ были врачи: Гильтебрандтъ, Бергенсонъ, генералъ-майоръ Бубновъ и другіе морскіе чины. Лейбъ-медикъ Зуевъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ, что во время назначенія генералъ-адмираломъ великаго князя Константина Николаевича, когда началось возрожденіе флота, учредилось общество морскихъ врачей, и генералъ штабъ-докторъ флота Розенбергъ подалъ мысль объ учрежденіи при извѣстномъ тогда всеѣмъ «Морскомъ Сборникѣ» отдѣльнаго журнала медицинскихъ приложеній, въ которыхъ могли бы помѣщаться и труды общества морскихъ врачей. Мысль осуществилась, и эти «Приложенія» стали выходить, но неопредѣленными выпусками. Надо сказать, что въ Россіи это единственный морской медицинскій журналъ, да и въ другихъ странахъ только Франція и Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты имѣютъ свои спеціальныя журналы по морской медицинѣ. Съ 1882 года, когда медицинскимъ инспекторомъ флота сталъ лейбъ-медикъ Кудринъ, журналъ сталъ выпускаться періодически. За все время своего существованія журналъ отзывался на все важныя вопросы по морской и общей гигиенѣ и медицинѣ (особенно маляріи, бугорчатки, тифа), въ немъ были помѣщены и отзвуки войны 1877—78 гг. Морскіе врачи охотно несли свой трудъ на пользу общества. Редакторъ журнала докторъ Зиновьевъ изложилъ ходъ изданія журнала и указалъ, что многія усовершенствованія, предложенныя въ статьяхъ журнала, уже введены въ практическую жизнь. Были затѣмъ выслушаны адреса и привѣтствія отъ обществъ морскихъ врачей Петербурга, Кронштадта, водолазной школы, редакціи «Кронштадтскаго Вѣстника» и др., прочитаны телеграммы изъ военныхъ портовъ, отъ обществъ морскихъ врачей, отъ редакціи «Русскаго Врача», харьковскаго медицинскаго журнала «Новой Медицины», отъ общества офицеровъ флота, лейбъ-медика Исаева и др. Контръ-адмиралъ Бубновъ высказалъ

въ своей рѣчи пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія журналу, а докторъ Зиновьевъ благодарилъ всѣхъ, почтившихъ юбилей.

О выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время». 9 июня въ помѣщеніи академіи художествъ, подъ предсѣдательствомъ академика С. Θ. Ольденбурга, состоялось послѣднее въ текущемъ сезонѣ засѣданіе комиссіи по устройству выставки «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Въ виду того, что открытіе выставки отсрочено до весны будущаго года, постановлено устроить 8 ноября сего года, въ день 200-лѣтія со смерти М. В. Ломоносова, небольшую выставку, посвященную его памяти. На этой выставкѣ предполагается выставить портреты Ломоносова, принадлежавшія ему рукописи, изданія его сочиненій, портреты его современниковъ и т. д. Въ день 200-лѣтія со смерти М. В. Ломоносова состоится торжественное собраніе академіи наукъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій академіи будутъ намѣчены докладчики, которые выступятъ на этомъ собраніи. Какъ выставку, такъ и собраніе предполагается устроить въ конференцъ-залѣ академіи. Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время» займетъ верхніе залы академіи художествъ и такъ называемыя «Тоновскія комнаты», въ которыхъ недавно была историческая архитектурная выставка. На площадкѣ передъ циркульнымъ заломъ будутъ расположены военный и морской отдѣлы. Архивная комиссія согласилась выставить хранящіяся у нея жалованныя грамоты, относящіяся къ Елизаветинскому времени.

Открытіе памятника «Стерегущему». Петербургъ украсился новымъ памятникомъ, увѣковѣчивающимъ геройскую гибель команды миноносца «Стерегущій». Въ ночь на 26 февраля 1904 года изъ Портъ-Артура вышли на развѣдки два миноносца, «Стерегущій» и «Рѣшительный». Ночью миноносцы разошлись, «Стерегущій» на разсвѣтѣ оказался окруженнымъ двумя японскими миноносцами, на виду у всей японской эскадры. Однимъ изъ первыхъ неприятельскихъ снарядовъ былъ убитъ командиръ миноносца лейтенантъ А. С. Сергѣевъ. Вскорѣ были также убиты и тяжело ранены остальные офицеры—лейтенантъ Н. С. Головизинъ, мичманъ К. В. Кудревичъ, инженеръ-механикъ В. С. Анастасовъ и перебита вся палубная и часть машинной команды. Миноносецъ, однако, до послѣдняго момента продолжалъ отстрѣливаться, стоя на одномъ мѣстѣ (машина была выведена изъ строя еще въ началѣ боя). «Стерегущій» успѣлъ нанести крупный уронъ неприятельскимъ миноносцамъ, но въ концѣ концовъ былъ взятъ на буксиръ японскимъ миноносцемъ «Сазанами». Когда на палубѣ «Стерегущаго» среди убитыхъ и раненыхъ уже расхаживалъ японскій офицеръ, двое нижнихъ чиновъ, фамиліи которыхъ остались неизвѣстными, заперлись въ трюмѣ и открыли кингстоуны и иллюминаторъ. Миноносецъ со всѣми убитыми и ранеными пошелъ ко дну, несмотря на всѣ старанія японцевъ спасти его. Тотъ моментъ, когда вода вливается черезъ иллюминаторъ, крышку котораго открытой держитъ одной рукой безвѣстный герой, поддерживая въ то же время другой рукой своего раненаго товарища, и увѣковѣченъ бронзовымъ памятникомъ, работы скульптора Изенберга. Открытіе памятника состоялось 10-го мая. Пасмурная погода къ одиннадцати часамъ нѣсколько прояснилась, и Александровскій паркъ, гдѣ воздвигнутъ памятникъ, представлялъ очень

живописную картину. По Каменноостровскому проспекту расположились толпы народа. Противъ памятника построились морскія и сухопутныя команды, назначенныя для парада, подъ общей командой главнаго командира кронштадтскаго порта вице-адмирала Вирена. У поставленной у подножья памятника царской палатки къ одиннадцати часамъ собрались министры, во главѣ съ П. А. Столыпинымъ, высшіе военные и гражданскіе чины, члены дипломатическаго корпуса, предѣдатель государственной думы Родзянко, представители петербургскаго дворянства и городского самоуправления, дамы съ букетами живыхъ цвѣтовъ. Въ десять часовъ пятьдесятъ пять минутъ прибылъ августѣйшій главнокомандующій войсками петербургскаго округа великій князь Николай Николаевичъ, а затѣмъ прибыли великія княжны Татьяна Николаевна и Ольга Николаевна. Городской голова преподнесъ великимъ князьямъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Ровно въ одиннадцать часовъ прибылъ въ автомобилѣ Государь Императоръ въ сопровожденіи флагъ-капитана вице-адмирала Нилова, министра двора и другихъ чиновъ свиты, встрѣченный громкими криками «ура» и звуками оркестровъ. Государь Императоръ, въ сопровожденіи морского министра вице-адмирала Григоровича и чиновъ штаба и свиты, изволилъ обходить войска и здороваться съ ними. Затѣмъ началось благодарственное молебствіе. По провозглашеніи вѣчной памяти офицерамъ и нижнимъ чинамъ «Стерегущаго» была сдернута завѣса въ памятника. Въ этотъ моментъ раздался установленный салютъ въ семь выстрѣловъ съ крѣпости и съ девяти минныхъ судовъ и канонерской лодки «Сивучъ», выстроившихся въ два ряда по Невѣ между Дворцовымъ и Троицкимъ мостами. Войска прошли церемониальнымъ маршемъ мимо памятника. Первыми проходили рота отъ морского корпуса и морскихъ инженеровъ училища императора Николая I, рота гвардейскаго экипажа, рота второго балтійскаго флотскаго экипажа и сводная рота со второго дивизиона миноносцевъ, причеиъ первый взводъ этой роты былъ составленъ изъ команды новаго миноносца «Стерегущій». По окропленіи памятника святой водой, Государь Императоръ изволилъ обозрѣвать его. Морской министръ представилъ Государю Императору кочегара Осинина, который, тяжело раненый, былъ подобранъ японцами вмѣстѣ съ тремя другими матросами, оставшимися изъ всей команды миноносца въ живыхъ. Государь Императоръ милостиво разспрашивалъ Осинина и собственноручно прицѣпилъ Осинину къ груди серебряный георгіевскій крестъ третьей степени. Затѣмъ вице-адмиралъ Григоровичъ представилъ Государю Императору скульптора Изенберга, который имѣлъ счастье давать объясненія Его Величеству.

Закладка памятника М. Д. Скобелеву. 5-го іюня въ Москвѣ, на Тверской площади, передъ генераль-губернаторскимъ домомъ состоялась торжественная закладка памятника генераль-адъютанту М. Д. Скобелеву. Вокругъ убранаго флагами мѣста закладки построились покоемъ части войскъ московскаго гарнизона и военно-учебныя заведенія въ составѣ двухъ ротъ Александровскаго и Алексѣевскаго военныхъ училищъ и эскадрона тверскаго кавалерійскаго училища, полуроты отъ всѣхъ находящихся въ московскомъ лагерѣ полковъ гренадерскаго корпуса, полускадронъ Сумскаго драгунскаго полка и полусотня

донского казачьяго полка. Всѣ части были построены при знаменахъ и хорахъ музыки. Парадомъ командовалъ командиръ 2-й бригады 2-й гренадерской дивизіи генералъ-майоръ Малинка. У шатровъ, построенныхъ близъ мѣста закладки для пріема почетныхъ гостей, сгруппировались всѣ высшія начальствующія лица, генералитетъ, корпусные командиры гренадерскаго и 17-го армейскаго корпусовъ генералы-отъ-инфантеріи фонъ-Эккъ и Яковлевъ, начальникъ штаба округа генералъ Протопоповъ, исполняющій обязанности коменданта полковникъ Горковенко, чины окружнаго штаба, спеціально пріѣхавшій на торжество членъ государственнаго совѣта генералъ Продековъ, бывший приамурскимъ генералъ-губернаторомъ и находившійся въ свое время въ числѣ сподвижниковъ Скобелева въ ахаль-текинской экспедиціи, командиръ 4-го армейскаго корпуса генералъ Новосильцевъ, пріѣхавшій на торжество отъ лица корпуса, которымъ командовалъ Скобелевъ, бывшіе скобелевскіе сподвижники отставные генералы-майоры Мейеръ и Шумиловъ, почетные опекуны генералы Олсуфьевъ и Баумгартенъ, завѣдующій дворцовой частью въ Москвѣ генералъ-адъютантъ князь Одоевскій-Масловъ, управляющій Московской губерніей вице-губернаторъ Устиновъ, московскій губернскій предводитель дворянства егермейстеръ Самаринъ, московскій городской голова и нѣкоторые гласные думы. Въ 12 часовъ прибылъ командующій войсками генералъ Плеве и обошелъ ряды войскъ, здороваясь съ ними. Всѣхъ гостей встрѣчала коммисія, по сооружеію памятника, во главѣ съ ея председателемъ генералъ-лейтенантомъ Щербачевымъ. Тѣмъ временемъ въ находившійся противъ закладки памятника приходскій храмъ святыхъ Космы и Даміана прибылъ митрополитъ Владимиръ и, облачившись въ храмѣ, во главѣ крестнаго хода, вмѣстѣ съ многочисленнымъ военнымъ духовенствомъ прибылъ къ мѣсту закладки памятника. Знамена были отнесены къ аналою, и началось молебствіе, которое митрополитъ совершалъ соборнѣ. Передъ окончаніемъ молебствія митрополитъ и всѣ начальствующія лица спустились къ мѣсту закладки, гдѣ діакономъ была прочитана закладная бронзовая доска, на которой начертаны время и мѣсто закладки памятника, сооружаемаго на народныя пожертвованія. Митрополитъ положилъ первый гранитный кирпичъ, а вслѣдъ за нимъ были положены кирпичи командующимъ войсками, губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, городскимъ головой, почетными гостями и членами коммисіи. Митрополитъ въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ возвратился къ аналою. Возглашено было установленное многолѣтіе, и митрополитъ окропилъ знамена войсковыхъ частей, а прочее духовенство—ряды войскъ. Когда духовенство отбыло съ мѣста закладки, генералъ Плеве обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой указалъ на значеніе сегодняшняго торжества для всей-Россіи вообще и въ частности для доблестной русской арміи и сдѣлалъ характеристику героическаго образа «Вѣлаго генерала». Свою рѣчь командующій войсками закончилъ здравицей за Самодержца Всероссийскаго, съ пожеланіемъ ему многихъ лѣтъ царствованія на славу и благо дорогого отечества. Восторженное «ура» войскъ слилось со звуками народнаго гимна, исполняемаго военными оркестрами. Восторженно были приняты предложенныя команду-

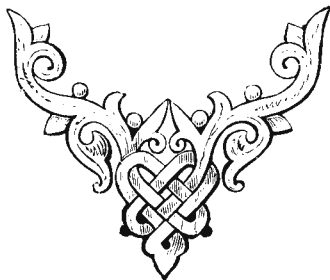
ющимъ войсками здравицы за Государынь Императрицъ и Наслѣдника Цесаревича. Предсѣдатель комиссіи по сооруженію памятника генераль-лейтенантъ Щербачевъ возгласилъ здравицу командирующему войсками. Изъ массы полученныхъ телеграммъ съ привѣтствіями по случаю закладки памятника Скобелеву генераль-лейтенантъ Щербачевъ огласилъ передъ фронтомъ телеграмму военнаго губернатора Ферганской области Гиппіуса, который сообщаетъ, что «Русское населеніе Ферганской области и жители города, носящаго имя генераль-адъютанта Скобелева, пользуясь въ мирномъ трудѣ плодами его громкихъ побѣдъ, просятъ принять выраженія чувства благоговѣнія передъ памятью великаго сына родины и нравственнаго удовлетворенія отъ закладки въ сердцѣ Россіи памятника Вѣлому генералу и первому военному губернатору Ферганской области». Генераль Плева возгласилъ здравицу за предсѣдателя комиссіи по сооруженію памятника генерала Щербачева. Въ заключеніе торжества войска перестроились къ церемоніальному маршу. Генераль Плева и всѣ присутствовавшіе стали у генераль-губернаторскаго дома лицомъ къ мѣсту будущаго памятника и мимо нихъ войска продефилировали церемоніальнымъ маршемъ. Всѣмъ присутствовавшимъ раздавались памятки, изданныя по случаю сооруженія памятника Скобелеву, съ изображеніемъ проекта памятника и стихотвореніемъ члена московскаго монархическаго собранія Щербачева. Памятникъ отливается на заводѣ Морана въ Петербургѣ.

Архивъ М. М. Стасюлевича. М. К. Лемке закончилъ разборъ всего архива, оставшагося послѣ смерти М. М. Стасюлевича. Самая большая и интересная его часть — письма разныхъ лицъ, полученныя покойнымъ за послѣднія 60 лѣтъ его жизни. Въ общемъ оказалось болѣе 10,000 писемъ, полученныхъ болѣе чѣмъ отъ 1,300 лицъ и учреждений. Наиболѣе выдающіеся корреспонденты: П. В. Анненковъ—168 писемъ, К. К. Арсеньевъ—263, Ауэрбахъ—18, П. Д. Боборыкинъ—211, Брандесъ—3, П. А. Валуевъ—8, П. И. Вейнбергъ—23, А. Н. Веселовскій—8, А—й Н. Веселовскій—33, П. Г. Виноградовъ—18, Полина Віардо—6, Г. Вырубовъ—2, В. И. Герье—119, Г. О. Гинцбургъ—66, А. В. Головинъ—60, И. А. Гончаровъ—175, сербскій министръ Груичъ—37, Г. П. Данилевскій—28, М. П. Драгомановъ—25, М. И. Драгомировъ—2, А. М. Жемчужниковъ—124, В. М. Жемчужниковъ—29, И. Е. Забѣлинъ—22, Н. Д. Хвоцинская-Заіончковская—82, Э. Золя—44, Г. В. Юлосъ—95, К. Д. Кавелинъ—28, М. М. Ковалевскій—16, А. Θ. Кони—350, баронъ Н. А. Корфъ—44, В. Θ. Коршъ—76, Н. И. Костомаровъ—13, И. Н. Крамскій—2, В. А. Крыловъ—24, П. Л. Лавровъ—3, А. И. Левитовъ—11, М. Т. Лорисъ-Меликовъ—3, С. М. Лукьяновъ—18, Н. С. Лѣсковъ—4, великая княгиня Марія Максимиліановна, принцесса баденская,—39, Е. Л. Марковъ—13, Θ. Θ. Мартенсъ—17, Ил. И. Мечниковъ—12, графъ Д. А. Милютинъ—8, Гюи-де-Мопассанъ—7, С. А. Муромцевъ—6, Ф. Д. Нефедовъ—33, Н. А. Некрасовъ—3, В. К. Плева—2, П. А. Плетневъ—33, Вас. И. Немировичъ-Данченко—15, Э. Ожешкова—4, А. Н. Островскій—5, А. Н. Плещеевъ—14, К. П. Побѣдоносцевъ—5, М. П. Погодинъ—5, Я. П. Полонскій—16, И. Н. Потапенко—5, А. А. Потѣхинъ—19, П. А. Потѣхинъ—5, А. Н. Пыпинъ—312, бар. Е. Раденъ—5, графиня Елизавета

Салиась де-Турнемиръ (Евгенія Туръ)—49, графъ Евгеній Салиась де-Турнемиръ—25, М. Е. Салтыковъ—128, Л. З. Слонимскій—160, В. М. Соболевскій—13, Вл. С. Соловьевъ—95, С. М. Соловьевъ—33, Д. М. Сольскій—12, В. Д. Спасовичъ—68, К. М. Станюковичъ—6, В. В. Стасовъ—29, Н. И. Стороженко—8, болгарскій Стояновъ—2, Н. Н. Страховъ—6, графъ А. К. Толстой—77, графъ Л. Н. Толстой—7, И. С. Тургеневъ—339, Н. И. Тургеневъ—2, графъ С. Г. Строгановъ—3, И. М. Съченновъ—14, Н. С. Таганцевъ—8, Меккензи-Уоллесъ—5, Г. И. Успенскій—6, Н. В. Успенскій—5, Б. И. Утинъ—165, П. И. Утинъ—96, А. П. Философова—11, М. К. Цебрикова—19, А. И. Эртель—7, И. И. Янжулъ—25, А. Шеншинъ (Феть)—2. Около 6,000 писемъ будутъ опубликованы съ приложеніемъ интересныхъ документовъ и портретовъ въ нѣсколькихъ томахъ изданія «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ», подъ редакціей М. К. Лемке. Туда же войдутъ и письма самого М. М. Стасюлевича къ разнымъ лицамъ. Тома будутъ составлены такъ, чтобы помимо интереса какъ части капитальнаго изданія они производили по возможности законченное впечатлѣніе. Вотъ основное содержаніе томовъ: I. М. М. Стасюлевичъ, его профессорство, преподаваніе наслѣднику Николаю Александровичу (умершему въ 1865 г.), открытіе «Вѣстника Европы». II. Тургеневъ и окружавшіе его писатели. III. Гончаровъ и А. Θ. Кони и окружавшіе ихъ писатели и общественные дѣятели. IV. Салтыковъ, Некрасовъ и др. V. Редакція «Вѣстника Европы»: А. Н. Пыпинъ, К. К. Арсеньевъ, Л. А. Полонскій и Л. З. Слонимскій (вѣроятно, два тома). VI. Остальные сотрудники «Вѣстника Европы» и «Порядка». VII. Общественная дѣятельность М. М. С. VIII. Ученая дѣятельность М. М. С. (съ перепечаткой массы его мелкихъ работъ) и библиографія его сочиненій. IX. Переписка съ женой. X. Послѣдніе годы жизни. Первый томъ выйдетъ въ сентябрѣ этого года, второй—къ годовщинѣ смерти М. М. Стасюлевича, а затѣмъ очередные тома будутъ выходить черезъ каждые 4 мѣсяца. Чистый доходъ съ изданія будетъ обращенъ на созданіе степеній въ Ларинской гимназіи и петербургскомъ университетѣ.

Статистика Петербурга. Статистическое отдѣленіе управы, подъ руководствомъ В. В. Степанова, выпустило интересный «Краткій сводъ статистическихъ данныхъ по Петербургу за 1910 годъ». Численность населенія согласно переписи 15-го декабря, опредѣлялась въ 1.907,708 человекъ. Наибольшій приростъ населенія наблюдается въ пригородныхъ участкахъ: Лѣсномъ, Новодеревенскомъ и Полюстровскомъ. По числу браковъ истекшій годъ былъ менѣе благоприятнымъ: на каждую тысячу жителей приходило 5,9 браковъ, между тѣмъ какъ въ 1906 году ихъ было 7,1, а въ 1907 году—6,9. По смертности 6-летний годъ долженъ быть признанъ сравнительно благополучнымъ: на тысячу человекъ населенія умерло 24,6, т. е. меньше, чѣмъ въ предшествовавшіе два года (28,7 и 24,7), и смертность въ 1910 году была даже нѣсколько ниже средней за 10 лѣтъ. Смертность отъ бугорчатки въ Петербургѣ очень велика. Отъ нея умерло 5,588 человекъ изъ общаго числа въ 46,969 человекъ. На Большой и Малой Охтахъ умерло 1,302 человекъ, или 32,4 на тысячу. Такой большой коэффициентъ неизвѣстенъ городу уже около 30 лѣтъ, и онъ настоль-

чиво указываетъ на плохое санитарное состояніе этой окраины. Въ 1910 году зарегистрировано 24,250 остро-заразныхъ болѣзней. Рѣзко уменьшился сыпной и возвратный тифъ, немного увеличился брюшной, значительно—оспа, корь и скарлатина. Число самоубійствъ и покушеній на нихъ увеличилось и достигло 1,573, причемъ въ 63,6 процентахъ имѣло мѣсто отравленіе. Главная причина самоубійствъ—пьянство, а безработица уже стоитъ на второмъ мѣстѣ. За годъ три водопроводныя станціи подали 8,516 милліоновъ водеръ воды. Число трамвайныхъ и коночныхъ пассажировъ все растетъ, и хотя постройка новыхъ линій трамвая временно прекращена, со 193 милліоновъ въ 1909 году оно возросло въ 1910 году до 230 милліоновъ. Любопытно, что хотя число коночныхъ вагоновъ и лошадей сокращено, все-таки и они дали увеличенное число пассажировъ.

НЕКРОЛОГИ.

Великая княгиня Александра Иосифовна.

23 июня въ Вѣзѣ почила великая княгиня Александра Иосифовна. Ея высочество была второю дочерью герцога Саксенъ-Альтенбургскаго Иосифа (1789—1868 г.) отъ его брака съ Амеліей, герцогиней Вюртембергской (1799—1848 г.). Ея императорское высочество, до замужества принцесса Александра-Фредерика-Генриета-Полиша-Маріанна-Елизавета родилась 26 июня 1830 года и 30 августа 1848 года вышла замужъ за его императорское высочество великаго князя Константина Николаевича († 1892 г.). Семейство почившей состоитъ изъ трехъ сыновей: ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая Константиновича (род. въ 1850 г.), Константина Константиновича (род. въ 1858 г.) и Дмитрія Константиновича (род. въ 1860 г.) и двухъ дочерей: ея королевскаго величества королевы эллиновъ Ольги Константиновны (род. въ 1851 г.) и ея императорскаго высочества Вѣры Константиновны (род. въ 1854 г.), великой герцогини Вюртембергской. Великая княгиня Александра Иосифовна состояла почетнымъ членомъ Императорской Академіи Художествъ и была шефомъ 6-го драгунскаго Глуховскаго полка, который носилъ имя ея высочества. Болѣзнь великой княгини была продолжительна и ея высочество давно вела замкнутый образъ жизни. Скончалась она въ глубокой старости: почившей великой княгинѣ шель 81 годъ.

† **Бартеневъ, В. М.** 16-го мая послѣ продолжительной болѣзни скончался сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Владимиръ Ивановичъ Бартеневъ. Покойный принадлежалъ къ старѣйшимъ судебнымъ дѣятелямъ. Онъ родился въ 1834 году и по окончаніи курса въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія началъ свою службу въ 1854 году въ первомъ департаментѣ сената, гдѣ былъ помощникомъ секретаря и секретаремъ. Въ 1859 году принялъ участіе въ ревизіи сенатора С. В. Сафонова учрежденій Пензенской губерніи и по возвращеніи назначенъ оберъ-секретаремъ третьяго департамента сената, а черезъ шесть лѣтъ переведенъ оберъ-секретаремъ гражданскаго кассационнаго департамента сената. Въ это время В. И. былъ приглашенъ читать въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія лекціи по судебнымъ уставамъ и сравнительному законодательству, одновременно читалъ курсъ судопроизводства въ военно-юридической академіи. Въ 1867 году покойный, назначенный членомъ харьковской судебной палаты, разстался съ Петербургомъ. Въ Харьковѣ В. И. пробылъ четыре года. Помимо участія въ дѣятельности сперва уголовного, потомъ гражданскаго департаментовъ палаты, онъ ревизовалъ старыя судебныя мѣста харьковскаго судебного округа. Въ 1871 году покойный былъ назначенъ предсѣдателемъ вновь открытаго тамбовскаго окружнаго суда; но вскорѣ, черезъ три года, перемѣщенъ въ Петербургъ на должность предсѣдателя департамента петербургской судебной палаты. Въ 1878 году В. И. исполнялъ должность старшаго предсѣдателя петербургской судебной палаты и въ томъ же году былъ назначенъ сенаторомъ. Въ сенатѣ онъ присутствовалъ въ теченіе 33 лѣтъ, участвуя сперва въ занятіяхъ гражданскаго кассационнаго департамента, потомъ соединеннаго присутствіи кассационныхъ и перваго департаментовъ и въ послѣдніе годы во второмъ общемъ собраніи сената. Одновременно онъ засѣдалъ въ 1886 году въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступникахъ, въ 90-хъ годахъ въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи. Покойный не былъ также чуждъ журналистикѣ. Онъ сотрудничалъ преимущественно въ «Голосѣ», печатая оригинальныя и переводныя статьи юридическаго характера. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12636).

† **Исаевъ, В. И.** 12 іюня скончался почетный лейбъ-медикъ, главный врачъ Николаевскаго морскаго госпиталя въ Кронштадтѣ и медицинскій инспекторъ Кронштадтскаго порта, Василій Исаевичъ Исаевъ. Покойный родился въ 1853 году и по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ со званіемъ лекаря началъ свою врачебную дѣятельность младшимъ судовымъ врачомъ Сибирскаго флотскаго экипажа. Въ 1882 году онъ перешелъ въ Балтійскій флотъ, съ 1888 по 1891 г. находился въ заграничномъ плаваніи на крейсерѣ «Адмиралъ Нахимовъ». Въ 1894 г. В. И. былъ назначенъ помощникомъ главнаго врача Николаевскаго морскаго госпиталя, и съ этого времени его врачеваніе было тѣсно связано съ морскимъ госпиталемъ, во главѣ котораго онъ находился въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ. Въ 1901 г. В. И. былъ командированъ въ Астраханскую губернію для борьбы съ чумой, вскорѣ по возвращеніи былъ пожалованъ званіемъ почетнаго лейбъ-медика. Всегда внимательный къ больнымъ, знающій практическій врачъ, онъ пользовался въ Кронштадтѣ заслуженной извѣстностью. Одновременно онъ принималъ видное участіе въ мѣст-

ных общественных организаціяхъ, состоялъ вице-президентомъ кронштадтскаго мѣстнаго управления Краснаго Креста, санитарно-исполнительной коммисіи въ Кронштадтѣ, общества садоводства и другихъ учреждений. По его инициативѣ открытъ въ Кронштадтѣ мѣстный отдѣлъ лиги борьбы съ туберкулезомъ и основана морская община сестеръ милосердія имени Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12.663).

† **Кюнерь, В. В.** 6-го іюня въ Ригѣ скоропостижно скончался Василій Васильевичъ (Вильгельмъ Вильгельмовичъ) Кюнерь, извѣстный музыкальный дѣятель, педагогъ и композиторъ. Покойный недомогалъ прошлую зиму, страдалъ припадками грудной жабы; весною, почувствовавъ облегченіе, отправился въ санаторію въ Ригу, гдѣ и скончался. Онъ родился въ 1829 году въ Штутгартѣ, гдѣ кончилъ курсъ консерваторіи, и съ 1859 года находился въ Россіи, которой посвятилъ всю свою дѣятельность. Сперва онъ жилъ на Кавказѣ, гдѣ способствовалъ устройству тифлисской музыкальной школы и мѣстнаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества, былъ также преподавателемъ фортепіано въ семействѣ великаго князя Михаила Николаевича. Затѣмъ переселился въ Петербургъ, занявшись сперва концертною, потомъ педагогическою дѣятельностью. Это былъ музыкантъ, прошедшій серьезную школу, отличный контрапунктистъ (ученикъ знаменитаго Фаста), доказательство чего представляетъ его опера «Тарасъ Бульба», поставленная на Маріинской сценѣ въ декабрѣ 1880 года. Опера эта не имѣла успѣха, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатковъ либретто, сдѣланнаго неуклюжей рукою. Манера музыкальнаго письма «Тараса» отличается тяжеловѣсностью, именно вслѣдствіе богатства контрапунктической ткани; но эта опера могла бы держаться въ репертуарѣ, если бы были сдѣланы необходимыя перемѣны въ ея либретто. Что касается художественной стороны музыки «Тараса», то въ ней мало контрастовъ и рельефа. По стилю она представляла смѣсь Вагнера послѣдняго періода съ Мейерберомъ. Послѣ неудачи съ «Тарасомъ», Кюнерь, бывшій вообще очень скромнымъ человѣкомъ, пересталъ думать о театрѣ и занялся исключительно камерными и фортепіанными произведеніями. До послѣднихъ лѣтъ жизни онъ продолжалъ заниматься въ разныхъ институтахъ; въ Маріинскомъ институтѣ въ прошломъ году праздновался его юбилей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12658).

† **Кучеровъ, М. Г.** 13 іюня скончался отъ разрыва сердца профессоръ Михаилъ Григорьевичъ Кучеровъ. Покойный получилъ воспитаніе въ полтавской военной гимназій, откуда перешелъ въ артиллерійскую академію, но, увлекшись своимъ любимымъ предметомъ, химіей, вышелъ въ отставку и поступилъ въ земледѣльческій институтъ. Окончивъ въ немъ курсъ наукъ въ 1872 г., онъ остался при институтѣ въ качествѣ лаборанта, а по смерти профессора П. А. Лачинова занялъ его кафедру въ лѣсномъ институтѣ и оставилъ его только въ прошломъ 1910 году, послѣ чего всецѣло посвятилъ себя основанной и устроенной имъ центральной химической лабораторіи при министерствѣ финансовъ. Здѣсь онъ неустанно трудился и принесъ огромную пользу въ борьбѣ съ фальсификаціей вина и вообще пищевыхъ продуктовъ. Можно даже безъ преувеличенія сказать, что покойный Михаилъ Григорьевичъ палъ жертвою служебнаго

долга: послѣднее время онъ усиленно работалъ надъ удаленіемъ изъ спирта сивушныхъ маслъ и альдегидовъ, причемъ, чтобы убѣдиться въ большей или меньшей степени ихъ присутствія, прибѣгалъ къ обонянію, зная хорошо, что это крайне вредно для сердца, особенно если оно, какъ было у него, не въ порядкѣ. Результатъ не замедлил сказаться, и 26 мая покойный былъ захваченъ сильнѣйшимъ припадкомъ астмы, послѣ котораго уже не покидалъ постели. Хотя послѣдніе дни появилась надежда на выздоровленіе, но сердце не выдержало, и 13 іюня, въ три часа, его не стало. Надъ незакрывшейся могилой не мѣсто перечислять эти работы, но нельзя, однако, обойти молчаніемъ разработаннаго имъ способа опредѣленія въ спиртахъ сивушнаго масла, премированнаго министерствомъ финансовъ, и открытія и изслѣдованія реакцій между соединеніями ртути и углеводородами ацетиленоваго ряда, за что присуждена была покойному премія имени Н. Н. Соколова. М. Г., несмотря на свои шесть-десять одинъ годъ, сохранилъ совершенно юношескую энергію, впечатлительность и работоспособность. Смерть похитила его въ полномъ расцвѣтѣ силъ и нанесла этимъ тяжелый ударъ не только его близкимъ, но и русскимъ людямъ вообще, хотя не знакомымъ съ его непоказной дѣятельностью, но широко пользовавшимся результатами его неустанныхъ трудовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12,662).

† **Мансуровъ, Н. П.** 29-го мая скончался членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Павловичъ Мансуровъ. Покойный принадлежалъ къ числу старѣйшихъ членовъ государственнаго совѣта, принимавшихъ въ немъ участіе въ теченіе послѣднихъ двадцати восьми лѣтъ. Н. П. родился 24-го апрѣля 1830 года. По окончаніи курса въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія съ серебряною медалью онъ началъ службу въ первомъ департаментѣ сената, вскорѣ перешелъ въ министерство юстиціи столоначальникомъ департамента, исполнялъ должность помощника юрисконсульта министерства и былъ товарищемъ герольдмейстера. Съ 1857 года онъ былъ начальникомъ отдѣленія департамента внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ и занялся составленіемъ сборника законовъ и предписаній, относящихся къ министерству. Черезъ три года былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевѣ. Въ первое время на него была возложена цензура газетныхъ и журнальныхъ статей, которыя касались вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ онъ былъ командированъ въ Казанскую, Симбирскую и Саратовскую губерніи для ревизіи тюремныхъ замковъ и арестантскихъ помѣщеній и для обзора противопожарныхъ приспособленій вообще и организацій мѣстныхъ пожарныхъ командъ. Въ 1863 году Н. П. былъ назначенъ самарскимъ губернаторомъ. Въ качествѣ губернатора онъ дѣятельно содѣйствовалъ введенію земскихъ учреждений въ губерніи и лично открылъ занятія перваго земскаго собранія въ Самарѣ. Кромѣ того, для борьбы съ повторяющимися недородами онъ обратилъ особенное вниманіе на мѣры къ обезпеченію продовольствія путемъ организаціи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Черезъ два года Н. П., назначенный членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, предсѣдательствовалъ въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. Съ 1866 года по 1880 годъ былъ директоромъ департамента

общих дѣлъ и ближайшимъ сотрудникомъ министровъ внутреннихъ дѣлъ сперва П. А. Валуева, потомъ А. Е. Тимашева и Л. С. Макова въ ихъ административной дѣятельности и инспектированіи губернскихъ учреждений. Всѣ дѣла, возникавшія въ министерствѣ по улучшенію административнаго управленія губерній, предварительно разрабатывались имъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ комитетѣ по устройству Туркестанской области и въ петербургскомъ попечительномъ о тюрьмахъ комитетѣ, въ которомъ былъ вице-президентомъ. Участвовалъ въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, былъ членомъ организационной комиссіи по устройству международного статистическаго конгресса въ Петербургѣ. Въ 1880 году Н. П. занялъ постъ управляющаго дѣлами комитета министровъ и несъ сложныя обязанности управляющаго до 1883 года, когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. До реформы этого высшаго законодательнаго учрежденія въ 1906 году покойный принималъ видное участіе въ департаментѣ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Одновременно до конца своей жизни былъ членомъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12649).

† **Минцлова, М. А.** Педагогическій міръ понесъ тяжелую утрату: 17-го мая, въ часъ дня скончалась отъ рака груди Марія Алексѣевна Минцлова, основательница Рождественскаго коммерческаго училища, одна изъ учредителей педагогической академіи и дѣятельная работница и участница педагогическихъ курсовъ. Злая болѣзнь унесла М. А. въ самый разгаръ ея дѣятельности, когда выросшее послѣ упорнаго и долгаго труда изъ маленькой школы любимое дѣтище ея, коммерческое училище, превратилось въ образцовое учебное заведеніе, заслужившее такую широкую извѣстность въ Петербургѣ. Яркій передовой человѣкъ и сторонница совмѣстнаго обученія дѣтей, М. А. первая примѣнила его въ своемъ училищѣ, и опытъ, произведенный умѣлой рукой, далъ превосходные результаты. Кромѣ педагогическихъ дѣлъ, такъ заполнявшихъ всю жизнь ея, М. А. занималась и литературой. Большой извѣстностью пользуется книга ея «Въ гору», вышедшая въ свѣтъ подъ дѣвической фамиліей ея— Пеньковой. Книга эта—общедоступное руководство, какъ учить и какъ воспитывать дѣтей, рано потерявшихъ слухъ или не имѣвшихъ его отъ рожденія. Лекціи по этому глубоко интересовавшему ее вопросу она слушала въ Вѣнѣ у знаменитаго профессора Урбанчика. Другія статьи М. А. помѣщались въ разныхъ специально-педагогическихъ журналахъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 134).

† **Свѣдомскій, А. А.** Пейзажистъ Александръ Александровичъ Свѣдомскій, скопчавшійся 2-го іюня въ Римѣ, родился въ 1848 году въ Петербургѣ. Художественное образованіе онъ получилъ за границей, поступивъ ненадолго въ 1870 году въ дюссельдорфскую академію художествъ. Основательную школу А. А. прошелъ вмѣстѣ съ братомъ, историческимъ живописцемъ П. А. Свѣдомскимъ, подъ руководствомъ знаменитаго венгерскаго художника Мункачи въ Мюнхенѣ. Большой мастеръ и суровый человѣкъ, Мункачи строго и требовательно относился къ своимъ ученикамъ. Талантливые братья быстро усвоили основы искусства и поселились въ 1875 году вмѣстѣ въ Римѣ. Проведя въ Ита-

ліи почти всю жизнь, изрѣдка посѣщая Россію, А. А. занимался, главнымъ образомъ, пейзажной живописью, не ограничиваясь, однако, ею. Его картина «Помпейская улица» обратила вниманіе на себя своимъ драматизмомъ и правдивостью. На ней изображены невольники, тянущіе, надрываясь, бечеву съ тяжестью. Картина эта появилась на академической выставкѣ въ 1886 году, побывала съ «передвижной» въ Одессѣ, Харьковѣ и Екатеринбургѣ, и приобрѣтена была Третьяковымъ въ галерею. Одновременно А. А. былъ выставленъ «Пейзажъ на Тибрѣ». Вліяніе мрачнаго реализма Мункачи сказывается въ произведеніяхъ А. А., хотя и не въ такой степени, какъ въ работахъ его брата. Живопись темна, но не переходитъ въ непріятную черноту. Послѣдніе годы произведенія А. А. у насъ на выставкахъ не появлялись. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12653).

† **Фирсовъ, М. М.** На дачѣ при станціи Сходни Николаевской желѣзной дороги скончался предѣдатель московской уѣздной земской управы Матвѣй Максимовичъ Фирсовъ. Въ послѣдніе годы М. М. страдалъ болѣзнями сердца и прошлымъ лѣтомъ лечился въ Кисловодскѣ; куда собирався и теперь отправиться по окончаніи чрезвычайнаго уѣзднаго земскаго собранія, созываемаго на 8-е іюня. Въ теченіе послѣднихъ пяти дней онъ чувствовалъ себя плохо, и профессоръ Голубининъ, живущій на дачѣ въ той же мѣстности, воспретилъ ему подниматься съ постели. Покойный по окончаніи медицинскаго факультета почти всю свою дѣятельность посвятилъ земству, состоя сначала земскимъ врачомъ, потомъ помощникомъ члена московской губернской земской управы по дорожному отдѣлу. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ трехлѣтій онъ былъ гласнымъ московскаго уѣзднаго земскаго собранія, въ которомъ принадлежалъ къ прогрессивной группѣ. Съ 1906 года, по оставленіи должности предѣдателя уѣздной управы Н. О. Рихтеромъ, М. М. былъ избранъ на эту должность и непрерывно занималъ ее до смерти. Отъ Московскаго уѣзда онъ постоянно избирался въ губернскіе гласные и какъ предѣдатель уѣздной управы входилъ въ составъ московской городской думы. Дѣятельность его какъ въ уѣздномъ и губернскомъ земствѣ, такъ и въ городской думѣ всегда направлялась стремленіемъ къ улучшенію положенія широкихъ массъ населенія въ смыслѣ развитія народнаго образованія, врачебно-санитарной помощи, распространенія агрономическихъ мѣропріятій и пр. Въ послѣдніе годы, когда М. М. былъ предѣдателемъ уѣздной управы, въ Московскомъ уѣздѣ введена участковая агрономія, создана московская касса взаимнаго кредита и образовалась цѣлая сеть различныхъ кооперативныхъ учреждений. вмѣстѣ съ тѣмъ получило дальнѣйшее развитіе народное образованіе въ видѣ устройства новой сѣти начальныхъ школъ и публичныхъ библіотекъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомості», 1911 г., № 127).

† **Чепелевская, В. И.** 19-го мая въ Ниццѣ скончалась Варвара Ильинична Чепелевская, бывшая долгое время начальницей женской учительской семинаріи въ Москвѣ. Покойной вмѣстѣ съ ея тоже покойной сестрой Прасковьей Ильиничной Чепелевской принадлежитъ починъ въ дѣлѣ подготовки учительницъ для начальной школы, и этотъ починъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: окончившія курсъ въ основанной ими учительской семинаріи встрѣчаются по

всей Россіи и считаются одними изъ лучшихъ учительницъ для народа; особенно много ихъ въ Московской губерніи, земство которой учредило въ семинаріи нѣсколько стипендій. По примѣру московской стали возникать женскія учительскія семинаріи въ другихъ городахъ (въ Твери, Костромѣ, Курскѣ и т. д.), и участіе женскаго труда въ воспитаніи и обученіи народа съ легкой руки П. И. и В. И. расширяется съ каждымъ днемъ. Женская учительская семинарія была открыта сперва на имя П. И., но главной дѣятельницей въ семинаріи была всегда В. И., въ полное распоряженіе которой семинарія перешла послѣ смерти П. И. Такимъ образомъ, и созданіе семинаріи, и веденіе ея въ теченіе 40-лѣтняго существованія всецѣло принадлежитъ В. И., которая и посвятила этому учебному заведенію всю свою жизнь. Только серьезное недомоганіе и настоячивые совѣты врачей заставили ее въ 1907 году передать семинарію въ руки А. В. и Е. А. Липеровскихъ и уѣхать сначала въ Крымъ, а затѣмъ на Ривьеру. Для своихъ семинаристокъ В. И. была непрекосымъ авторитетомъ; этотъ авторитетъ сохранялся за ней и послѣ того, когда семинаристки оканчивали курсъ и выходили изъ-подъ ея непосредственнаго вліянія. В. И. очень хорошо знала, къ какой трудной и соединенной съ большими лишеніями дѣятельности она готовила своихъ семинаристокъ, и все свое вниманіе направляла на то, чтобы одѣлчить имъ ихъ первые самостоятельные шаги въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. И потому между начальницей и семинаристками сами собою устанавливались отношенія, полныя взаимнаго уваженія и довѣрія. Это особенно ярко сказалось въ день 25-лѣтняго юбилея В. И. и въ день ея проводовъ изъ Москвы. Собрались въ эти дни воспитанницы всѣхъ выпусковъ, начиная съ перваго. (Цекрологъ ея: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 116).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ «Неудачный портретъ».

Въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за пышнѣйшій годъ напечатана статья г. Мерцалова подъ заглавіемъ «Неудачный портретъ», въ которой встрѣчаются значительныя неточности, требующія исправленія.

Въ статьѣ сказано, что «осенью 1860 г. изъ Петербурга было получено сообщеніе, что чрезъ Кяхту пробѣдетъ въ Китай нашъ посланникъ графъ Н. П. Игнатьевъ». Пекинскій договоръ, какъ извѣстно, былъ заключенъ 2 ноября 1860 г.—уже изъ этого видно, что Н. П. Игнатьевъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пробѣзжать черезъ Кяхту осенью этого года. Онъ пробѣжалъ, если память мнѣ не измѣнила, въ 1858 г. или никакъ не позже 1859 г. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что Н. П. Игнатьевъ не былъ тогда ни графомъ, ни даже посланникомъ. Онъ былъ командированъ въ Пекинъ въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго (ad hoc) для заключенія дополнительныхъ статей по Тянь-цзинскому трактату,

заключенному графомъ Путятинымъ 1 июня 1858 г.,—и очень тѣснѣлись, не имѣя опредѣленнаго дипломатическаго званія. Упомянувъ затѣмъ въ томъ же пунктѣ о трактатѣ 1727 г. гр. Саввы Владиславовича Рагузинскаго, г. Мерцаловъ, повидимому, совершенно упустилъ изъ виду, что трактатъ этотъ въ эпоху заключенія Пекинскаго договора сохранялъ—и съ сихъ поръ сохраняетъ—полную свою силу только въ отношеніи опредѣленія границы Сибири съ Китаемъ въ районѣ Забайкальской области и Иркутской и Енисейской губерній. Незадолго до Пекинскаго договора былъ заключенъ съ Китаемъ упомянутый уже Тянь-цзинскій трактатъ 1 июня 1858 г. Третьимъ пунктомъ этого трактата русскимъ впервые было предоставлено право морской торговли съ Китаемъ. «Русскія купеческія суда могутъ приходить для торговли въ слѣдующіе порты: Шанхай, Пинг-бо, Фу-чжоу-фу, Си-мынь, Гуань-дунъ (Кантонъ), Тайвань-фу, Цюнь-чжоу на о. Хайнанъ и въ другія открытыя мѣста для иностранной торговли». Разрѣшеніе свободной торговли на 100 ли (50 в.) въ обѣ стороны отъ границы впервые введено въ правила для сухопутной торговли, заключенныя въ Пекинѣ Баллюэкомъ 20 февраля 1862 г. Въ Пекинскомъ договорѣ такого ограниченія нѣтъ. Въ немъ сказано: «на протяженіи всей граничной линіи (а не со стороны только Забайкалья, какъ можно было бы думать на основаніи словъ г. Мерцалова), опредѣленной первой статьей сего договора, дозволяется свободная и безошплинная мѣшная торговля между подданными обоихъ государствъ».

Конечно, Пекинскій договоръ, носящій скромное названіе «дополнительнаго» къ Тянь-цзинскому трактату, имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе для Россіи, чѣмъ Тянь-цзинскій, но все-таки забывать этотъ послѣдній и представленныя имъ русскимъ права не слѣдуетъ.

Далѣе г. Мерцаловъ сообщаетъ, что по требованію Деспотъ-Зеновича, предъявленному ургинскому амбану, были удалены безъ всякаго замедленія китайцы, захватившіе часть нашей пограничной территоріи по рѣкѣ Катанцѣ. Дѣло это, такъ называемое «катанцское», разрѣшилось, однако, уже послѣ оставленія Деспотомъ-Зеновичемъ должности кяхтинскаго градоначальника, не такъ просто, какъ можно было бы думать на основаніи словъ г. Мерцалова. Заключалось оно въ слѣдующемъ. Границею между 10 и 11 пограничными знаками (въ этомъ районѣ и протекаетъ р. Катанца) служатъ горный хребетъ, а самую граничную линію—тропа, проложенная при первоначальномъ разграниченіи Россіи съ Китаемъ въ 1727 г. по самому гребню этого хребта, причемъ на близстоявшихъ деревьяхъ сдѣланы были иногда затеси.

По особому соглашенію между нашими и китайскими властями граничная линія въ Забайкальской области, а стало быть и въ указанномъ районѣ, должна была въ извѣстное время провѣряться. Провѣрка эта состояла въ томъ, что смѣшанныя комиссіи изъ русскихъ и монгольскихъ пограничныхъ чиновниковъ пробѣжали верхомъ по самой граничной линіи, причемъ, что касается прикатанцинскаго участка, то пограничная тропка, сама собою, такъ сказать, подновлялась подъ копытами лошадей, слѣдовавшихъ гуськомъ; подновлялись комиссіей и затеси, если прежнія становились отъ времени мало замѣтными, или же дѣлались новыя затеси. Въ 1819 г. пограничный комиссаръ Че-

чулинь, найдя неудобнымъ дѣлать объѣздъ по самой граничной линіи, предложилъ монгольскимъ чиновникамъ объѣзжать границу по нашей сторонѣ, по болѣе удобной дорогѣ отъ 10 на 11 знакъ. Предложеніе было принято, и съ этого времени смѣшанныя комиссіи стали производить провѣрку границы по новой тропѣ, получившей названіе «объѣздной». Такъ дѣло шло до конца 50 годовъ или начала 60 годовъ, когда въ прикатынцинскомъ участкѣ найдены были пріиски золота и русскіе золотопромышленники сдѣлали заявки. Тогда китайскія власти стали настойчиво утверждать, что этотъ участокъ принадлежитъ Китаю издавна. Возникъ споръ, причемъ оказалось, что мы умѣли основательно забыть, гдѣ пролегаетъ дѣйствительная граница. Для отысканія ея генералъ-губернаторъ Корсаковъ командировалъ офицера генеральнаго штаба Гельперина, но онъ ничего не нашелъ и предложилъ считать границею между 10 и 11 знаками прямую линію. Предложеніе было отвергнуто и дѣло было поручено майору Орлову. Этотъ послѣдній началъ съ того, что разспросилъ у мѣстныхъ старожиловъ, не слыхали ли они отъ отцовъ или дѣдовъ, по какой дорогѣ проѣзжали они въ былое время, сопровождая чиновниковъ, провѣрявшихъ границу. Заручившись отъ старожиловъ цѣнными свѣдѣніями, майоръ Орловъ вмѣстѣ съ монгольскими чиновниками благополучно проѣхалъ отъ 10 до 11 знака по старой пограничной тропѣ, причемъ оказалось, что она еще не совсѣмъ изгладилась и на деревьяхъ замѣтны были даже слѣды старыхъ затесей. Впрочемъ, монгольскіе чиновники, видя, что дѣло плохо, съ половины пути свернули въ сторону и уѣхали домой. Дѣло, такимъ образомъ, окончательно выяснилось въ нашу пользу.

Написана была обстоятельная бумага тогдашнему посланнику нашему въ Пекинѣ А. Г. Влангали, но отъ него долгое время не получалось никакого отвѣта. Наконецъ онъ увѣдомилъ генералъ-губернатора, что китайскіе министры ничего ему не отвѣтили на его сообщеніе. Это значитъ, писалъ посланникъ, что они признаютъ нашу правоту, но письменно сознаться въ этомъ не хотятъ, таковъ ужъ у нихъ обычай. По доведеніи объ всемъ ходѣ дѣла до свѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ получено было наконецъ разрѣшеніе управлявшаго тогда министерствомъ Н. К. Гирса производить поиски золота въ прикатынцинскомъ участкѣ. Этимъ дѣло и кончилось. Справедливость требуетъ сказать, что дѣятельное участіе въ разрѣшеніи спора въ нашу пользу принималъ ургинскій консулъ Е. П. Шишмаревъ.

В. Перетолчинъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Сумракъ.

— Благодарю васъ, святой отецъ. Вы мнѣ больше не нужны! Когда я захочу выйти отсюда, я опять постучу въ эти ворота.

Такъ говорилъ Лоренцо Медичи монаху-привратнику на Кампо-Санто, который, почтительно поклонившись, быстро удалился. Владыка Флоренціи остался одинъ.

Великолѣпный перѣдко наѣзжалъ въ Пизу, чтобы ознакомиться съ настроеніемъ умовъ своихъ гражданъ. Пизанцевъ не безъ основанія считали довольно равнодушными къ интересамъ Флоренціи. Они только съ виду помирились съ потерей свободы, а не могли забыть, что ихъ городу первому досталась когда-то власть надъ Тосканой. Несмотря на свое полурабство, они не убавили своей спеси, кичась своимъ прошлымъ, которымъ были освящены эти печальные и величавые берега Арно.

Съ тѣхъ поръ, какъ миръ установился прочно, Великолѣпный все путешествовалъ. Посѣтивъ морскія купанья въ Филеттѣ, онъ проѣхалъ въ Лукку, а затѣмъ, охваченный желаніемъ одиночества, уѣхалъ въ Валлобрезе, гдѣ спасался и кончилъ земные дни св. Вальбертъ. Тутъ его глаза, утомленные великолѣпіемъ, отдыхали на зелени каштановъ. Но самымъ любимымъ его мѣстомъ былъ Paradisino, на вершинѣ горы, откуда взгляды по желанію направлялись или къ голубому бездонному небу, или по зеленой необъятной равнинѣ...

Въ данную минуту Лоренцо привело въ Пизу не только его собственное желаніе, но и политика. Онъ посѣтилъ университетъ, гдѣ бесѣдовалъ съ учеными, побывалъ въ соборѣ, гдѣ простоялъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ среди статуй работы Пизано. Но его всегда тянуло на Кампо-Санто.

Гробницы съ ранней юности имѣли какую-то притягательную силу для Великолѣпнаго. Онъ любилъ стоять около нихъ, какъ будто прислушиваясь къ шопоту вѣковъ.

Въ этой обстановкѣ онъ чувствовалъ теперь, что его дѣло здѣсь на землѣ кончено. Его здоровье разрушается, и въ сорокъ два года его высокая фигура горбится, его руки покрываются подагрическими шишками.

Но не за себя тревожится Лоренцо: его беспокоитъ опасность, которая грозитъ его дѣлу.

Послѣ его смерти два человѣка могутъ погубить его дѣло.

«истор. вѣстн.», июль, 1911 г., т. сxxv.

7

Прежде всего его сынъ Пьеро Медичи. Недалекій и безхарактерный, покорный только своимъ животнымъ чувствамъ, онъ плохо примется за дѣло своего отца, триумфъ котораго ослѣпилъ его, но не приучилъ къ мысли, что этотъ триумфъ подготавлился медленно и терпѣливо.

Затѣмъ есть еще врагъ, смѣшной и страшный въ одно и то же время. Это пѣкій монахъ—Иеронимо Савонарола.

Семь лѣтъ тому назадъ прибылъ во Флоренцію молодой доминиканецъ, внукъ пользовавшагося пѣкоторой извѣстностью врача Михаила Савонаролы.

Ему предшествовала цѣлая легенда.

Въ одинъ прекрасный день онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Феррару, оставивъ въ своей комнатѣ написанную имъ книгу о презрѣннн къ міру. Онъ вступилъ въ орденъ доминиканцевъ, но затѣмъ, испуганный страшной испорченностью церкви, укрылся въ монастырѣ. И тотчасъ вокругъ него стали происходить въ изобиліи чудеса. Такъ, однажды онъ ѣхалъ на кораблѣ въ Мантую. Матросы играли въ кости и вели между собою нечестивые разговоры. Савонарола сталъ проповѣдывать имъ, и черезъ полчаса одиннадцать изъ нихъ пали къ его ногамъ, каясь въ своихъ грѣхахъ. Въ монастырѣ св. Марка Савонарола былъ принятъ восторженно. Ему поручили проповѣдывать въ дворцовой церкви Медичи.

Но тутъ его постигла неудача.

Глаза проповѣдника горѣли, его лицо было очень некрасиво, говорилъ онъ хриплымъ голосомъ, дѣлая неловкіе жесты, и его языкъ, въ которомъ часто встрѣчались феррарскіе обороты, казался несноснымъ флорентинцамъ. На третій день у него осталось только двадцать пять слушателей. Тогда онъ отказался на нѣкоторое время отъ каѳедры и по приказу своего духовнаго начальства отправился путешествовать. Потомъ онъ опять сталъ проповѣдывать и на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. Братъ Анджеоло изъ Брешии заявилъ, что въ канунъ Рождества онъ видѣлъ свѣтъ вокругъ головы проповѣдника. Его призвали во Флоренцію. Изъ христіанскаго смиренія онъ хотѣлъ совершить путешествіе пѣшкомъ, но силы ему измѣнили. Тутъ Провидѣніе послало ему на помощь таинственнаго человѣка, который привелъ его въ гостиницу, а потомъ сопровождалъ его до городскихъ воротъ Флоренціи и здѣсь вдругъ исчезъ.

Въ монастырѣ св. Марка Савонарола сталъ проповѣдывать о простотѣ христіанской жизни. Зала скоро оказалась недостаточною, и проповѣдникъ долженъ былъ спуститься въ монастырскій садъ. Тамъ онъ обыкновенно становился подъ розовое дерево.

Уныніе стало распространяться по Флоренціи. Лоренцо просилъ монаха умѣрить свой голосъ, но Савонарола сказалъ его посланнымъ:

— Скажите Лоренцо Медичи, чтобы онъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, ибо Богъ хочетъ наказать его и его семью.

Не имѣя возможности ни запугать, ни подкупить суроваго проповѣдника, Лоренцо хотѣлъ подорвать его возраставшее вліяніе и выставилъ противъ него августинца Маріано Гинаццано. Они сразились съ каеэдры, и Гинаццано былъ со срамомъ побѣжденъ.

Успѣхъ воодушевилъ Савонаролу. Когда онъ проповѣдывалъ постомъ въ базиликѣ Санъ-Лоренцо, его краснорѣчіе производило страшное впечатлѣніе. Даже ученѣйшій изъ людей Пико де-Мирандола выходилъ изъ церкви, охваченный энтузіазмомъ. Народъ же проето безумствовалъ.

Изъ могучихъ легкихъ этого монаха вылетало пламя, воспалявшее всѣ сердца. Не рискуеть ли Флоренція сгорѣть съ своимъ правительствомъ, искусствомъ и богатствомъ, когда ея владыка окажется не въ состояніи защищать ея дѣло?

Такъ думалъ Лоренцо, стоя на кладбищѣ Кампо-Санто. Ему казалось, что на небѣ онъ видитъ апокалиптическое облако, которое завлакивало весь горизонтъ. Освѣщеніе становилось колеблющимся, природа тосковала, какъ бы въ ожиданіи отвѣта.

Отвѣтъ былъ данъ скорый и страшный для Лоренцо. Занятый своими мыслями, онъ машинально обогнулъ монастырь и очутился лицомъ къ лицу съ фресками, изображавшими триумфъ смерти.

«Неужели же я боюсь монаха?» спросилъ онъ самъ себя и, направившись къ воротамъ, постучалъ привратнику.

Черезъ двѣ недѣли Великолѣпный лежалъ при смерти на своей виллѣ Кареджи. Лихорадка сжигала его, боль внутри была невыносима. Его обычный докторъ не зналъ, на что рѣшиться, и выписанъ былъ другой ученый Лаццари. Онъ прописалъ ему лекарство изъ жемчуга и драгоценныхъ камней, но оно не произвело никакого дѣйствія. Смерть была уже здѣсь. Лоренцо, вспоминая о своей набожной матери, хотѣлъ умереть добрымъ христіаниномъ, исповѣдывался и причастился.

— Больше всего я сожалѣю о томъ, что не успѣлъ устроить Лавренціанскую бібліотеку,—говорилъ онъ призваннымъ къ нему друзьямъ, Анджеоло Полиціано и Пико делла Мирандола.

Потомъ вошелъ въ комнату его сынъ Пьеро. Никто не присутствовалъ при ихъ бесѣдѣ, но всѣмъ стало извѣстно, что Лоренцо завѣщалъ своему преемнику править всегда въ интересахъ большинства, а не въ пользу отдѣльныхъ лицъ.

Когда Пьеро вышелъ, всѣ замѣтили, что глаза его были сухи: онъ былъ радъ, что скоро начнется его правленіе, и онъ не могъ плакать.

Между тѣмъ Лоренцо ждалъ еще кого-то или чего-то и нетерпѣливо повертывался на постели, несмотря на возрастающую слабость.

— Неужели онъ не придетъ ко мнѣ, пока я еще не умеръ?—спросилъ онъ Полиціано, который снова былъ у его постели.

— Онъ идетъ, я вижу его,—отвѣчалъ тотъ.

— Наконецъ-то!—вздыхнулъ Лоренцо.

Въ садъ входилъ Иеронимо Савонарола. Онъ шелъ быстро, ни на что не глядя. Вотъ послышался стукъ его сандалій о мраморный полъ. Еще секунда, и онъ былъ въ комнатѣ Лоренцо.

Савонарола явился снова по просьбѣ Медичи. Прежде, чѣмъ умереть, Великолѣпный хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію съ реформаторомъ и такимъ образомъ спасти свое дѣло и свою семью.

— Отецъ мой,—сказалъ онъ доминиканцу, который приблизился къ его постели,—я хотѣлъ бы умереть въ мирѣ съ Богомъ и съ вами. Вотъ почему я призвалъ васъ прійти снова.

Савонарола смотрѣлъ на него безстрастно. Если онъ внутренне торжествовалъ, видя, какъ унижается передъ нимъ владыка Флоренціи, то на лицѣ его нельзя было прочесть ничего.

— Вѣруете ли вы?—спросилъ онъ умирающаго.

— Да, вѣрую.

— Можете ли вы мужественно встрѣтить смерть, если то угодно Богу?

— Да.

— Если ему угодно будетъ продлить вашу жизнь, общаетесь ли вы жить по-христіански?

— Да.

— Вы совершили тяжкіе грѣхи передъ Нимъ. Когда-то вы взяли и разграбили Волатерры и совершили мщеніе надъ невинными. Вы присвоили себѣ имущество другихъ. Общаете ли вы заглаживать эти поступки и вознаграждать потерпѣвшихъ?

— Да, общаю.

— Общаете ли оставить вашимъ дѣтямъ лишь такое состояніе, которое прилично простымъ гражданамъ.

Въ душѣ умирающаго на мгновеніе вспыхнула борьба. Тяжела для него была жертва!

Но и на этотъ разъ онъ сдѣлалъ головой утвердительное движеніе.

Водворилась тишина. Иеронимо придвинулся еще ближе къ кровати.

— Общаете ли возвратить свободу Флоренціи?—спросилъ онъ. Отреченіе! Это уже слишкомъ!

Великолѣпный отвернулся къ стѣнѣ и не отвѣчалъ.

Савонарола вышелъ изъ комнаты.

Такъ умеръ Лоренцо ди-Медичи, флорентійскій купецъ, некоронованный владыка Флоренціи, многолѣтній судья Италіи.

Много знаменій предвѣщали его кончину.

Въ церкви святой Маріи Новой во время проповѣди одна женщина стала бѣгать, крича: «Видите этого страшнаго быка, который опрокинулъ церковь своими огненными рогами?»

На безоблачномъ небѣ вдругъ появились сильныя тучи. Молнія ударила въ колокольню собора и уничтожила украшавшій ее золотой гербъ Медичи.

Наконецъ въ теченіе трехъ ночей на холмахъ Фьезоле видны были блуждающіе огни. Огни двигались по направленію базилики Санъ-Лоренцо и здѣсь исчезали.

Народъ бросилъ въ колодезь врача, который не сумѣлъ спасти ихъ владыку.

Другъ Лоренцо Полиціано умеръ съ горя, слагая элегію на его смерть.

Объятые внезапной яростью, львы Флоренціи растерзали другъ друга въ своихъ клѣткахъ, къ великому огорченію флорентинцевъ.

Смерть Лоренцо, хотя всѣ ожидали и предсказывали ее, погрузила во мракъ весь городъ. Пока новый правитель оцупью искалъ своихъ путей въ лабиринтѣ политики, въ умахъ водворялся мракъ. Естественные свѣточи—философія и искусство—гасли подь бурнымъ вѣтромъ реформы, которую громко съ кафедръ проповѣдывалъ Савонарола.

Флоренція заразилась религіозной болѣзью, какъ недавно заразилась она чумой.

Одной изъ первыхъ жертвъ этой болѣзни была Фьямма Альдобранди. Она стала обнаруживать признаки слабости, свойственной благороднымъ и нѣжнымъ душамъ. Даже въ пылу страсти къ Марко она испытывала угрызения совѣсти за свое не совсѣмъ христіанское счастье. Слова Неры, сказанныя ей въ монастырскомъ саду, прозвучали для ея совѣсти словно ударъ грома.

Ужась, который сѣялъ своими проповѣдями Савонарола, нашелъ въ женѣ Альдобранди благодарную почву. Въ томъ всеобщемъ разрушеніи, которое онъ предсказывалъ и которое онъ могъ, казалось, вызвать по мановенію своей прозрачной руки, она видѣла и свой личный трауръ. Съ утра до вечера думала она о словахъ проповѣдника, полныхъ смерти. Когда Марко цѣловалъ ее, думая развлечь ее, она съ ужасомъ упрекала себя за то, что забывала въ эти минуты о готовящемся небесномъ мщеніи.

Наступилъ наконецъ моментъ, когда она была уже не въ силахъ оставаться сама съ собою. Она повѣдала обо всемъ мужу, рассказала ему даже о встрѣчѣ съ Нерой. Марко нахмурился и, опустивъ голову, нѣсколько минутъ сидѣлъ въ задумчивости.

— Итакъ,—промовилъ онъ наконецъ:—она все еще не сложила оружіе! И за что она ненавидитъ меня? Вѣдь я не былъ первымъ ея капризомъ. Мое преступленіе состояло только въ томъ,

что я не сталъ дожидаться, чтобы она меня бросила. А теперь она мститъ любимой мною женщиной. Да, если когда-то мы и совершили грѣхъ, то развѣ мы за него не выстрадали, особенно жена?

Фьямма повѣдала ему и о томъ ужасѣ, который нагнала на нее проповѣдь Савонаролы. Слушая ее, Марко только улыбался.

— Этотъ отецъ—ловкій человекъ, которому справедливо удивляются,—сказалъ онъ.—Онъ знаетъ, какъ говорить съ народомъ, чтобы его слушали. Онъ мститъ теперь правительству Флоренціи за то, что оно когда-то не хотѣло его признать. Но вѣдь онъ не распоряжается молніями. Будь же разумна и не бойся ничего.

Фьямма успокоилась, но это спокойствіе длилось всего около недѣли.

Однажды вечеромъ, наклонившись надъ кроваткой сына, она замѣтила, что, вопреки обыкновенію, онъ еще не спалъ. Инстинктивно; машинальнымъ жестомъ, свойственнымъ всѣмъ матерямъ, она пощупала ему лобъ. Мальчикъ былъ въ жару.

Дѣло было въ началѣ осени. Надъ Флоренціей нависла удушьящая жара. Дождя не было давно, и рѣка Арно почти совсѣмъ высохла. Воздухъ былъ насыщенъ миазмами, и въ городѣ было много больныхъ, особенно среди дѣтей. «Лихорадка съ Арно» не представляла большой опасности, однако дочь сосѣдки Фьяммы умерла отъ нея.

Напуганная мать не сомкнула болѣе глазъ. Мальчикъ началъ бредить. Она разбудила мужа.

— Ахъ, Марко, я говорила тебѣ, что Богъ возьметъ его у насъ.

— Биче, не бѣги,—бредилъ мальчикъ.—Почему ты не хочешь меня подождать?

— Тихе, Фьямма,—пытался успокоить жену Марко.—Не говори такихъ вещей. Не накликай смерть. Онъ выздоровѣетъ, увѣрю тебя.

— Умоляю тебя, иди за докторомъ.

Марко вышелъ изъ комнаты. Фьямма осталась одна, жутко прислушиваясь къ бреду ребенка.

Явился докторъ. Внимательно осмотрѣвъ ребенка, онъ объявилъ, что болѣзнь произошла вслѣдствіе роковой констелляціи звѣздъ. Онъ назначилъ ванны изъ молока, ибо молоко имѣетъ сродство съ человѣческой натурой. Кромѣ того, онъ прописалъ еще сокъ нѣкоторыхъ растений, который слѣдовало принимать во время полнолунія.

Но лихорадка у Джани не уменьшалась. Она сразу достигла высокой степени и не спадала.

Однажды вечеромъ Фьямма, не знавшая сна со времени болѣзни сына, тихо стояла у его кровати. Ея заплаканные глаза были окружены тѣми синими пятнами, которыя Данте называлъ короной мучениковъ.

Въ комнату тихо вошелъ Марко. Безконечная жалость сдавила его сердце. На одну минуту онъ забылъ даже о больномъ ребенкѣ и пѣжно обнялъ жену за талию.

Но она рѣзко оттолкнула его.

— Оставьте меня,—сказала она хрипло.—Оставьте меня.

Онъ едва узнавалъ ее: такъ перемѣнилась она. Ея губы были сжаты, глаза ввалились, она была похожа на сумасшедшую.

— Не дотрагивайся до меня! Я чувствую, что возненавижу тебя!

Лицо Марко выражало попеременно то глубокое изумленіе, то скорбь.

— Ты думаешь, что я сошла съ ума?—спросила она.—Нѣтъ, я не сошла съ ума.

— Что съ тобой Фьямма? Ты пугаешь меня.

— Что со мной? Я чувствую, что если бы я не полюбила тебя, если бы мы не совершили грѣха...

— Ну?

— Тогда Джани не умеръ бы. Я боюсь, что возненавижу тебя. Это ты увлекъ меня тогда на путь грѣха, за который мы теперь расплачиваемся.

— Итакъ, ты сожалѣешь, что полюбила меня?

— Можетъ быть,—тихо отвѣчала она.

Страданія матери убили въ ней истинныя жены.

— Но вѣдь если бы ты не любила меня, —съ отчаяніемъ говорилъ Марко,—то Джани и на свѣтѣ бы не было.

— Не все ли равно!—отвѣчала она возбужденно.—Не все ли равно! Вѣдь онъ умираетъ.

Прошелъ часъ. Ребенокъ былъ еще живъ. Мало-по-малу его дыханіе становилось спокойнымъ и правильнымъ.

Удастся ли спасти Джанни?

Мальчикъ остался живъ.

Мѣсяць спустя человекъ въ траурномъ одѣяніи шелъ черезъ Соборную площадь. Онъ шелъ быстро, натываясь на прохожихъ, которыхъ не замѣчалъ. Видно было, что онъ шелъ безъ определенной цѣли.

Очутившись передъ церковью Santa Reparata, онъ вдругъ остановился. Съ минуту онъ оставался неподвижнымъ, потомъ вдругъ ринулся впередъ и вошелъ въ церковь.

То былъ Марко Альдобранди.

Три дня тому назадъ умерла его жена, Фьямма Альдобранди. Она также заразилась лихорадкой и, ослабленная горемъ и усталостью, не могла перенести болѣзнь.

Флорентинка умерла, какъ умираютъ тѣ лідіи, которыя служатъ символомъ Флоренціи: она тихо заснула, пока Марко покрывалъ поцѣлүями ея руки и края ея одежды. Вздохъ—и душа

ея смѣшалась съ серебристыми тучками, что плыли въ голубомъ небѣ Флоренціи.

Марко остался одинъ.

Вотъ уже два дня, какъ тѣло ея покоится въ церкви, которой семья Альдобранди оказывала особое покровительство. Тамъ въ сумракѣ плакали и молились, стоя на колѣняхъ на каменныхъ плитахъ, его отецъ и мать. Марко не могъ молиться, его отчаяніе было слишкомъ свирѣпо, и, словно волкъ, онъ бродилъ по городу, возбуждая одновременно страхъ и сожалѣніе.

И вотъ, остановившись теперь передъ церковью Santa Reparata, онъ вдругъ вспомнилъ, что въ ней произносилъ свои проповѣди Савонарола.

Марко ненавидѣлъ его. Онъ обвинялъ его въ томъ, что въ своей дикой нетерпимости онъ смутилъ сердце Фьяммы и ускорилъ ея конецъ, внѣдривъ въ него ужасы и предчувствія.

Теперь онъ рѣшилъ войти въ церковь. И въ тотъ моментъ, когда проповѣдникъ будетъ, какъ всегда, проклинать фривольный городъ и предвѣщать близкую гибель Флоренціи и Италіи, онъ остановитъ его рѣчь, онъ уличитъ его въ духѣ насилія, который и заставляетъ его говорить. И это будетъ его мечь. Можетъ быть, вѣрные приверженцы Савонаролы бросятся на него и убьютъ его на мѣстѣ. Тѣмъ лучше!

Съ такими мыслями проникъ онъ въ церковь. Савонарола былъ на каедрѣ. Онъ не грозилъ болѣе, страшныя слова на этотъ разъ исчезли, слушателей охватывало чувство милосердія, а не мести. Въ это утро Иеронимо говорилъ о Божественной любви.

Гнѣвъ Альдобранди упалъ. Онъ испытывалъ какое-то сладкое и спасительное умягченіе, неудержимое желаніе плакать.

И вспоминалось ему, какъ на зарѣ ихъ любви онъ вмѣстѣ съ Фьяммой посѣтили монастырь. Прислонившись къ стѣнѣ, словно бѣлыя мраморныя изваянія, монахи предавались созерцанію, другіе носили воду изъ колодца, и ихъ бѣлыя одежды рѣзко выдѣлялись на яркомъ фонѣ неба.

Онъ вспомнилъ, какъ ему вдругъ показалось, что и онъ—одинъ изъ этихъ монаховъ.

Не настала ли теперь часъ, когда этотъ сонъ долженъ стать дѣйствительностью?

Между тѣмъ проповѣдникъ едва держался на ногахъ отъ усталости.

— Дайте мнѣ перевести духъ,—говорилъ онъ своимъ слушателямъ.

Онъ спустился съ каедры. Растроганные слушатели заливались слезами, восклицая:

— Боже! скалься надъ нами.

Марко подошелъ къ Савонаролѣ.

— Отецъ мой, —сказалъ онъ.—Меня зовутъ Марко Альдо-бранди. Я хотѣлъ бы прійти сегодня въ вашу келью.

— Съ какою же цѣлью, сынъ мой?

— Я хочу принять монашество..

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Ночь.

Армія Карла VIII двигалась вглубь Италіи. Король французскій хотѣлъ поддержать права Анжуйскаго дома на неаполитанскую корону. Его призвалъ сюда миланскій владѣтель Людовикъ, который стремился къ сверженію правившаго Неаполемъ Альфонса Арагонскаго, своего смертельнаго врага.

Геній Лоренцо, быть можетъ, предотвратилъ бы эту гибельную для всѣхъ войну, но уже некому было спорить съ судьбой. Народъ съ позоромъ изгналъ его сына. Войска французскаго короля, двигаясь къ югу, готовились вступить во Флоренцію.

Народъ, облекшись въ праздничныя одѣянія, толпился около воротъ Санъ-Фредіано, обѣ половины которыхъ были сняты съ петель. Улицы были усыпаны благоуханной травой, всѣ балконы были украшены коврами. На домахъ развѣвались флаги и орифламы съ изображеніемъ лилій и висѣли щиты, на которыхъ по голубому полю золотомъ сдѣланы были привѣтствовавшія короля надписи. На дверяхъ церквей видѣлись надписи: «Rex, pax et restauratio libertatis». Повсюду были устроены эстрады, съ которыхъ жонглеры проносили декламации. Къ несчастью, ноябрьскій день былъ ненадеженъ, и духовенство дрожало за свои ризы, въ которыя обыкновенно оно облачалось только въ день св. Іоанна, покровителя города.

Зазвонили колокола, возвѣщая приближеніе короля. Надъ городомъ пронесся переливчатый мѣдный стонъ. Вотъ остановилась стража короля: то былъ моментъ, въ который надлежало привѣтствовать короля.

Стали падать капли дождя. Священники, спасая свои ризы, бросились подъ ворота, но дождь пересталъ, и шествіе двинулось дальше.

Во главѣ его ѣхали верхомъ триста молодыхъ людей, пышно одѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ. Ими начальствовалъ одинъ изъ Медичи, недавно изгнанный, Пьеро, отрешійся отъ своего опаснаго имени

и называвшій теперь себя Пополано. За ними двигались духовныя и свѣтскія братства и корпораціи, швейцарцы, германскіе ландскнехты и гасконцы съ аллебардами. Ихъ было всѣхъ тысячь десять. Оглушительно звучали трубы и барабаны, какъ будто бы Флоренцію должна была постигнуть участь Иерихона.

Артиллерія внушала флорентинцамъ ужасъ. Привыкнувъ видѣть тяжелыя мортиры, которыя съ трудомъ надо было возить на телѣгахъ, запряженныхъ быками, и которыя могли дать не больше пятидесяти выстрѣловъ въ сутки, народъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на многочисленныя орудія, которыя легко двигались впередъ на подвижныхъ лафетахъ.

За артиллеріей появилась наконецъ французская знать, первая въ мірѣ. Восемьсотъ бароновъ, одѣтыхъ не хуже самого Карла, отличались гордой осанкой и огромнымъ ростомъ. На нихъ красовались ослѣнительно блестящія воинскія доспѣхи, а ихъ огромныя лошади казались еще страшнѣе оттого, что имъ нарочно обрѣзали гривы и уши. За баронами ѣхала легкая кавалерія, шотландскіе стрѣлки съ грубыми лицами, по четыре въ рядъ. Послѣдними шли пятьсотъ тѣлохранителей короля.

Подъ золоченымъ балдахиномъ, который несли четыре почетныя мужа Флоренціи, еще издали видна была огромная бѣлая шляпа и мантия, голубыми складками падавшая на крушъ великолѣпной черной лошади. Рука, блестящая золотыми украшениями, держала длинное копье, конецъ котораго упирался въ колѣно—какъ обыкновенно держали его въ тѣхъ случаяхъ, когда входили въ городъ побѣдителями. Только вблизи можно было разглядѣть человека очень небольшого роста, съ огромнымъ крочковатымъ носомъ, съ рыжеватыми, словно выцвѣтшими волосами. То былъ французскій король.

Вокругъ него ѣхали вельможи: великій конюшій, державшій мечъ правосудія, великій прево, на обязанности котораго лежало разгонять толпу, епископы и кардиналы. Въ сравненіи съ ними онъ казался еще меньше. Но всѣ взгляды неслись къ нему, къ этому королю-карлику, котораго почтительно сопровождали эти грубые сильные колоссы, влачившіе за собой страшныя пушки.

Всѣ старались угадать, что значила не сходящая съ его губъ улыбка. Около узкихъ стѣнъ флорентинскихъ дворцовъ, похожихъ на тюрьмы, съ любопытствомъ и безпокойствомъ толпились многочисленные зрители.

Изъ дома Торриджіани, который стоялъ рядомъ съ воротами Санъ-Фредіано, на пышный кортежъ смотрѣли двое дѣтей: то были Джани и Виче.

Джани носилъ еще трауръ по матери. Послѣ болѣзни онъ поблѣднѣлъ и вытянулся. На его лицѣ виднѣлась какая-то серьезность, несвойственная его четырнадцати годамъ. Ему было стыдно при

видѣ этого короля, котораго называли другомъ и который, однако, въѣзжалъ во Флоренцію съ копьемъ въ рукѣ, какъ побѣдитель.

Стоя возлѣ него, Биче смотрѣла на закованныхъ въ латы бароновъ. Сзади дѣтей помѣстился старый Аверардо Альдобранди. Онъ еще держался бодро и прямо, словно былъ одѣтъ въ боевые доспѣхи, но его лицо было уже покрыто морщинами, а глаза потеряли былой блескъ. Онъ жестоко страдалъ отъ двухъ несчастій, которыя не могъ простить Провидѣнію. Прежде всего безуміе его сына, который погибъ для родины, а затѣмъ онъ считалъ, что Флоренція подверглась позору.

Для него эти чуждые солдаты были представителями партіи гвельфовъ. Это были соотечественники Готье, герцога Авинскаго, который держалъ въ тискахъ Флоренцію, и Карла Анжуйскаго, который черезъ всѣ вѣка понесетъ на себѣ проклятіе Данте. Ему было жаль, что молодость Джани начинается въ такія времена. Онъ какъ-то особенно любилъ внука, который являлся для него конечнымъ звеномъ всего рода.

Между тѣмъ шестіе подвигалось впередъ. Триста всадниковъ Пополани поднимались уже на Старый мостъ. Достигнувъ площади Сеньоріи, они остановились и, поднявъ трубы, затрубили. Имъ въ отвѣтъ загудѣли колокола.

Въ кварталѣ возлѣ воротъ Санъ-Фредіано все стихло. Наступалъ уже вечеръ, и гости Торриджіани отошли отъ оконъ.

Свѣжая ноябрьская ночь окутывала Флоренцію. Передъ соборомъ остановилась триумфальная колесница, на которой красовалась гигантская лилія, окруженная оливковыми и пальмовыми вѣтвями. Карлъ VIII сошелъ съ этой громоздкой колесницы и на землѣ сталъ еще меньше. Онъ вошелъ въ соборъ. Церковь была такъ полна молящихся со свѣчами, что онъ съ трудомъ могъ проложить себѣ путь среди этихъ свѣтильниковъ. Даже въ алтарѣ слышенъ былъ крикъ: «Да здравствуетъ Франція!»

Въ часъ, когда умиралъ въ окнахъ свѣтъ и замолкалъ гулъ печальнаго торжества, а на улицахъ становилось темно, къ кварталу Онниссанти тихо пробирался какой-то человекъ, съ трудомъ волоча за собою ногу. То былъ маэстро Сандро Боттичелли. Ему не было пятидесяти лѣтъ, но онъ уже чувствовалъ свою старость, расплативъ свое здоровье и растративъ энергію. Свѣтъ факела, горѣвшаго около какого-то дома, освѣтилъ его фигуру, и тогда можно было различить блѣдное, покрытое морщинами лицо и почти посѣдѣвшіе волосы. По этому лицу безпрестанно пробѣгали болѣзненные судороги, то и дѣло набѣгали морщины и снова расходились. Безпокойство, присущее Сандро, съ годами не только не исчезло, но усилилось еще болѣе.

Настроеніе его становилось мрачнымъ и измѣнчивымъ, такъ что нѣкоторые стали сомнѣваться въ его разсудкѣ. Талантъ его теперь нельзя было узнать.

— Почему ты пишешь такіе печальные виды?—спрашивалъ его Леонардо де-Винчи, который любилъ его.

Изображавшіяся имъ лица отличались какой-то вымученной позой, движенія ихъ потеряли свободу и естественность краски, на картинахъ выпцвѣли, и, что еще важнѣе, его ангелы и святыя дѣвы утратили свою прежнюю нѣжную душу.

Вотъ наконецъ добрался онъ до своего дома. Онъ вошелъ, зажегъ лампу. По мастерской разлился робкій свѣтъ. На стѣнахъ висѣло множество неоконченныхъ набросковъ, рѣзко выступавшихъ въ полутьмѣ. Два полотна были почти кончены. Одно изображало конованіе Св. Дѣвы, другое—положеніе во гробъ.

Послѣднее отличалось мрачнымъ характеромъ. Христосъ былъ изображенъ безбородымъ, но съ длинными волосами. Его мать, постарѣвшая отъ острой боли, откинулась отъ Него въ ужасѣ, поддерживаемая Іоанномъ. У всѣхъ были безумные глаза и перекошенные отъ страданій лица.

Картина была плоха, но отъ нея вѣяло какой-то дикой силой.

Маэстро Сандро бросилъ вокругъ себя усталый взглядъ, въ которомъ выражались неувѣренность, уныніе, нежеланіе работать и напрасное стремленіе принудить себя къ труду. Онъ сѣлъ на трехногое кресло и вытянулъ болѣвшія ноги. Затѣмъ, облокотившись на ручку кресла и подперевъ голову рукой, онъ закрылъ глаза.

— Сандро!

Кто-то рядомъ съ нимъ произнесъ его имя дрожащимъ и разбитымъ голосомъ. Артистъ вздрогнулъ, открылъ глаза и узналъ своего отца.

Маріано было теперь уже подъ семьдесятъ лѣтъ, но онъ еще сохранялъ въ себѣ живость своихъ лучшихъ лѣтъ. Онъ измѣнился гораздо меньше, чѣмъ его сынъ.

— Сандро,—началь онъ снова:—у меня есть хорошая новость для тебя.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. У меня есть хорошая новость. Правда, за послѣднее время такія новости заходятъ къ намъ рѣдко. Но кто виноватъ? Ты не работаешь больше и тратишь свое время на то, чтобы ходить слушать этого монаха, который вскружилъ тебѣ голову. Будь онъ проклятъ!

— Отецъ!

— Я знаю, что ты не любишь, когда съ тобой объ этомъ говорятъ. На этотъ разъ дѣло не въ немъ. Вотъ что я хочу тебѣ сказать. Сегодня утромъ, когда ты ушелъ, къ намъ приходилъ какой-то синьоръ. Онъ пріѣхалъ сюда издалека, чтобы видѣть праздника въ честь французскаго короля. Онъ слышалъ о тебѣ и знаетъ твои работы... Словомъ, дѣло идетъ о заказѣ. Онъ проситъ тебя написать для него одну изъ тѣхъ обнаженныхъ женщинъ, которыя создали тебѣ славу. По его манерѣ держаться я видѣлъ, что онъ можетъ

хорошо заплатить. Ахъ, этотъ годъ былъ тяжелъ для насъ. Я уже не могу работать, какъ прежде, а ты съ тѣхъ поръ, какъ погрузился въ благочестіе, ничего не сдѣлалъ путнаго. Ну, теперь я надѣюсь, что ты заработаешь тутъ хорошо. А если ты угодишь заказчику, то, можетъ быть, онъ закажетъ тебѣ еще что-нибудь.

— Отецъ, я боюсь тебя огорчить, но я долженъ отказаться отъ этого заказа.

— Что ты говоришь?

— Я не хочу больше писать такихъ картинъ. Братъ Иеронимо открылъ мнѣ глаза. Теперь я понимаю, что цѣлый рядъ лѣтъ я совершалъ грѣхъ и употреблялъ мой талантъ на то, чтобы удовлетворить своему вредному тщеславію. Но я не повторю уже стараго грѣха.

— Не во спи ли я? Мнѣ такъ и кажется, что я слышу проповѣдь.

— Не смѣйся надъ проповѣдями, отецъ. Они обратили къ Богу и не такихъ, какъ мы съ тобой.

— Слышалъ я его, твоего Савонаролу. Это какой-то сумасшедшій.

— Это святой.

— Ну, пусть будетъ святой. Дѣло теперь не въ немъ. Дѣло идетъ объ этомъ заказѣ. Неужели ты серьезно хочешь отъ него отказаться?

— Да, отецъ. Я уничтожилъ всѣ свои картины нечистаго содержанія, конечно, не для того, чтобы начинать новыя. Да если бы я и хотѣлъ, то не могу, отецъ. Я это пробовалъ и когда дьяволъ началъ искушать меня, я старался сдѣлаться прежнимъ Сандро, но это уже не удавалось мнѣ.

— Ты съ ума сошелъ. Художникъ, знающій свое дѣло, какъ ты, можетъ быть, чѣмъ хочешь. Позволь мнѣ сказать тебѣ, Сандро: ты дурной сынъ. Господь Богъ сжалился надъ нашей бѣдностью и посылаетъ намъ случай заработать деньги, а ты его отвергаешь. Да, ты плохой сынъ и плохой христіанинъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, махая руками. Сандро остался одинъ и съ грустью сталъ думать о себѣ.

Его фантазія походила теперь на планету, сошедшую съ своей орбиты. Онъ, видимо, потерялъ путь къ красотѣ. И вотъ вмѣсто того, чтобы истощаться въ усиліяхъ постичь убѣгающій отъ него персональ, онъ прильнулъ къ величайшему изъ художниковъ Данте-Алигьери. Онъ не писалъ больше картинъ, онъ довольствовался тѣмъ, что дѣлалъ иллюстраціи къ «Божественной» Комедіи, терпѣливо стараясь воплотить при помощи своего искусства величавые образы этой поэмы.

Прошло два года.

Майскій вѣтерокъ тихо колеблетъ красивые кедры въ саду Торриджіани. Изъ земли бьетъ небольшой ручеекъ. Его вода стремится

сначала по блестящимъ камешкамъ, покрытымъ мохомъ. Затѣмъ наклонъ внезапно обрывался, и длинными свѣтлыми нитями она падала въ обсаженный цвѣтами водоемъ. Трава кругомъ была такъ пѣжна, словно на райскихъ лужайкахъ Анжелико, на которыхъ кружатся въ танцахъ блаженные и ангелы, держа другъ друга за руки.

Возлѣ этого маленькаго водопада стоятъ двѣ юныя фигуры— Беатриче Торриджіани и Джани Альдобранди. Уже минуту стоятъ они вмѣстѣ, но не сказали еще ни слова. Кажется, они боятся говорить. Это странно. Вѣдь это друзья дѣтства, мысли которыхъ, едва распустившись, становятся общими.

— Беатриче!—говоритъ наконецъ Джани.

Онъ уже не смѣетъ называть ее, какъ прежде, уменьшительнымъ именемъ Биче.

— Беатриче, я пришелъ проститься съ вами.

— Вы скоро ѣдете?—спрашиваетъ она, и голосъ ея, противъ ея воли, дрожить.

— Да, завтра. Мессеръ Аверардо находитъ, что мнѣ давно пора начать занятія въ университетѣ въ Пизѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось остаться здѣсь... возлѣ васъ. Я очень просилъ его объ этомъ. Но онъ утверждаетъ, что у насъ наука упала и что здѣсь я ничему не научусь. Нужно ѣхать. И надолго.

— На нѣсколько лѣтъ?—спрашиваетъ она съ волненіемъ.

— Да. Время отъ времени я буду прѣзжать. Разстояніе не велико. Да если бъ и было велико... Я не могу жить, цѣлые мѣсяцы не видя васъ, Беатриче!

Онъ смолкаетъ, сдавленный тѣми рыданіями безъ слезъ, въ которыхъ выражается горе мужчины. Да, Джани уже мужчина.

Она беретъ его за руку, но не долго держать ее въ своей и выпускаетъ.

— Беатриче, если бъ вы знали, какъ я люблю васъ!

Сколько разъ, будучи дѣтьми, говорили они такъ другъ другу! Но теперь они избѣгали этого слова и оттого оно кажется имъ новымъ, полнымъ сладкой опасности, которой они не въ силахъ противостоять.

— Джани!—отвѣчаетъ она кратко, отвертываясь.

Онъ чувствуетъ ея слабость, и это его ободряетъ. Онъ беретъ ее за руку.

— Взгляните на меня, Беатриса! Я люблю васъ съ того времени, когда начинаешь любить, самъ того не замѣчая. Помните... когда мы были дѣтьми—наши игры... цвѣтокъ, который я спрашивалъ, любите ли вы меня, и который далъ мнѣ такой жестокой отвѣтъ.

Несмотря на свое смущеніе, Беатриса улыбается при воспоминаніи объ этомъ коварствѣ, въ которомъ уже сказывалась женщина.

— Беатриса, у меня никого нѣтъ, кромѣ васъ. Я одинъ, и буду еще болѣе одинокимъ. Моя мать умерла, а отецъ схоронилъ себя живо. Я уѣзжаю. Черезъ два дня я уже буду далеко отъ васъ и долго-долго не увижу васъ. Позвольте мнѣ уѣхать съ увѣренностью въ одномъ, въ томъ, что для меня дороже жизни...

На минуту онъ останавливается. Беатриса, у которой сильно бьется сердце, не сдерживаетъ его. Ей не трудно понять, о чемъ онъ говорить.

— Любите ли вы меня?—спрашиваетъ наконецъ Джани.

Она отвѣчаетъ не вдругъ. «Да», которое она не смѣетъ произнести, наполняетъ его такую радостью, что сердце его, кажется, готово лопнуть. Между чувствомъ и словомъ стало препятствіе: стыдливость женщины-дѣвочки.

— Почему вы сомнѣваетесь во мнѣ, Джани? Это дурно. Мы выросли вмѣстѣ. Мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ, когда насъ предназначили другъ другу. Съ тѣхъ поръ ничто не перемѣнилось, какъ извѣстно. Я знаю, что я должна быть вашей женой.

Ея щеки пылали. Но Джани былъ недоволенъ.

— Что намъ за дѣло до замысловъ нашихъ родителей!—вскричалъ онъ.—Развѣ это доказываетъ, что вы меня любите, Беатриса? Поймите, что я долженъ быть увѣренъ въ этомъ! Когда я буду тамъ, далеко, то могу ли сказать себѣ: она думаетъ обо мнѣ? Когда я возвращусь, могу ли я вернуться безъ боязни? Беатриса, —продолжалъ онъ умоляющимъ тономъ:—я буду очень несчастенъ вдали отъ васъ? Скажите, что вы меня любите, если вы можете это сказать, не совершая великаго грѣха лжи.

— Хорошо. Я люблю васъ, Джани.

Онъ наклонился къ ней и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Имъ казалось, что существа ихъ растворятся въ весеннемъ воздухѣ и исчезнуть, какъ паръ.

Городъ, изъ котораго уѣзжалъ Джани, постепенно исчезалъ въ дали равнины. Это не была уже веселая Флоренція, въ которой онъ выросъ. На ея мраморномъ челѣ лежалъ уже не легкій сумракъ, сгустившійся около потухавшаго величія Медичи: теперь тяжелыми волнами опускалась на него глухая ночь.

Послѣ безмысленной тираніи Пьеро Медичи не было ничего устойчиваго. Однажды Савонарола крикнулъ народу съ высоты своей проповѣднической кафедрѣ:

— Хотите ли вы имѣть королемъ Христа?

— Да, да,—загремѣли голоса.—Пусть Господь Иисусъ Христосъ будетъ королемъ Флоренціи.

Надпись на фасадѣ Стараго дворца увѣковѣчила этотъ вотумъ.

Но Савонарола оказался безсильнымъ дать Флоренціи свое государственное устройство, и Сенъорія, вѣря въ его сверхчеловѣческую мудрость, напрасно обращалась къ нему. Мистицизмъ былъ

его единственной потѣхой, его тираніей, столь же жестокой, какъ и тиранія Медичи.

Казалось, вся Флоренція облачилась въ монашеское одѣяніе. Все, что напоминало о тщеславіи, «противномъ простотѣ христіанской жизни», гнбло въ огнѣ: поэмы, статуи, картины, философскія творенія—все дѣлалось добычей пламени. Игроковъ ждала пытка, богохульниковъ—раскаленное желѣзо, которымъ пронзали языкъ. Гостиницы запирались въ шесть часовъ вечера, женщины легкаго поведенія сгонялись при звукахъ трубъ къ Сеньоріи и затѣмъ изгонялись изъ Флоренціи. Женщины, носившія нескромные туалеты, подвергались ударамъ веревкой, а если этого оказывалось недостаточно, онѣ осуждались въ тюрьму. Танцы были запрещены даже въ деревняхъ, которыя не знали другого развлеченія. Въ праздники даже самыхъ малоизвѣстныхъ святыхъ кунцы должны были заперать свои лавки. Въ воскресенье только два-три аптекаря могли продавать самыя необходимыя лекарства. Постоянно соблюдался самый строгій постъ, и цѣны на мясо пали. Приданое за патриціанками было ограничено пятьюстами дукатами. Въ городѣ, гдѣ большинство ремесленниковъ было артистами, почти не было работы.

Проходя по улицамъ Флоренціи, можно было подумать, что ходишь въ монастырѣ. Безпрестанно встрѣчались женщины, читавшія на ходу молитвенники, какъ дѣлаютъ монахини. Лишившись работы, грамотные ремесленники принялись за Библию или за проповѣди Савонаролы, которыя немедленно отпечатывались. Сидя вблизи кафедры проповѣдника, нотаріусъ Виволи,—лицо, не послѣднее въ городѣ, на лету схватывалъ вызывающую рѣчь и записывалъ ее. Благочестивые разговоры чередовались съ духовно-правственнымъ чтеніемъ. Въ деревняхъ, какъ и въ городѣ, друзья собирались лишь для того, чтобы распѣвать молитвенные гимны, или же начинали сами проповѣдывать, увлеченные примѣромъ учителя. Во Флоренціи и по всей Тосканѣ народъ слушалъ его съ замраніемъ сердца. Чтобы послушать его, народъ ночью стекался изъ самыхъ отдаленныхъ деревень. Люди богатые добровольно давали у себя пріютъ этимъ пилигримамъ, жаждавшимъ ученія Савонаролы. Они сами ходили среди богомольцевъ, несмотря на ночной мракъ. Ихъ сопровождали слуги съ факелами. Такія процессіи видѣлись по всему городу, словно извивающіяся змѣи.

Когда Савонарола проповѣдывалъ, храмъ оглашался криками и рыданіями. Самъ маэстро Виволи, затуманенный слезами, долженъ былъ останавливаться и переставалъ записывать. Любимыми слушателями Савонаролы были дѣти. Онѣ стекались къ нему въ такомъ количествѣ, что для нихъ понадобилось устроить особую эстраду. Въ одинъ прекрасный день она обрушилась, но въ силу Божественнаго Промысла никто изъ нихъ не пострадалъ, и Савонарола, остановившись на минуту, затѣмъ спокойно сталъ продолжать свою проповѣдь съ того мѣста, на которомъ остановился.

Пришлось расширить монастырь св. Марка. Въ него хлынула масса людей знаменитаго рода или прославившихся своимъ талантомъ, которые вступили въ число братіи. Такъ поступили Аччіоюли, считавшіе въ числѣ своихъ предковъ аоннскихъ королей, и шесть братьевъ Строцци, недавнихъ владѣльцевъ одного изъ красивѣйшихъ дворцовъ во Флоренціи. Представители гуманизма, который Савонарола такъ жестоко осудилъ во имя оскорбленной христіанской вѣры и чистоты, сбѣгались толпой для торжественнаго покаянія, выршивая у него постригъ, какъ милость.

Слушая Савонаролу, ученый и ремесленникъ чувствовали въ себѣ одинаковую душу. Богатымъ становились противны ихъ богатство и ихъ наслажденія, художникамъ ихъ чувственныя мечты. Флоренція, ставшая уже нѣсколько лѣтъ языческой, очулась отъ оргіи, пробужденная голосомъ своего пророка. Плоть уступала мѣсто духу.

Вѣтеръ мистицизма превратился въ бурю, сметавшую на своемъ пути цѣлое поколѣніе.

Какъ красивъ былъ монастырь св. Марка съ его садами и фресками. Какъ онъ притягивалъ къ себѣ всякаго, кто шелъ по дорогѣ.

Въ монастырѣ св. Марка Савонарола сдѣлался другимъ человекомъ. Возлѣ своихъ юныхъ учениковъ онъ самъ сталъ воплощеніемъ кротости и простоты. Онъ уводилъ ихъ въ садъ и здѣсь собиралъ вокругъ себя подъ фиговымъ деревомъ.

Въ Вербное воскресенье, когда Іисусъ Христосъ былъ объявленъ царемъ Флоренціи, Савонарола собралъ въ монастырѣ св. Марка дѣтей—дѣвочекъ и мальчиковъ—въ числѣ болѣе восьми тысячъ. Всѣ они были одѣты въ бѣлое. Каждому ребенку онъ далъ красное растеніе. Дѣти двинулись въ путь съ оливковой вѣтвью въ рукѣ и съ оливковымъ вѣнкомъ на головѣ. Процессія должна была служить напомниманіемъ входа Господня въ Іерусалимъ. Нѣкоторые несли особую сѣнь, гдѣ находилось изображеніе Іисуса Христа, сидящаго на ослѣ. Передъ этой сѣнью танцовали, какъ Давидъ передъ скиніей Завѣта, старцы, одѣтые въ бѣлое платье.

Вотъ что представлялъ собою городъ, въ который впервые послѣ своего отъѣзда возвращался Джани Альдобранди. Стояла какъ разъ пора карнавала, и Савонарола своими благочестивыми выдумками старался отбить память о прежнихъ нечестивыхъ маскарадахъ. Не успѣлъ молодой человекъ подъѣхать къ воротамъ Флоренціи, какъ его слухъ былъ пораженъ шумомъ толпы, похожимъ на гулъ отдаленнаго моря.

Джани бхалъ, волнуясь противоположными чувствами. Онъ мысленно уже видѣлъ себя мужемъ Беатрисы, которая внесетъ веселье въ старый дворецъ Альдобранди, ставшій такимъ мрачнымъ со времени отъѣзда его отца Марко и смерти бабки. Но, съ другой

стороны, какое-то тяжелое чувство сжимало ему грудь. Ему вдругъ пришло въ голову, что Беатриса больна или же забыла его.

Въ тотъ моментъ, когда Джани въѣзжалъ въ городъ, навстрѣчу ему попался какой-то всадникъ. Это былъ Николо Ридольфи, старинный другъ его отца.

— А, вотъ и ты!—вскричалъ онъ.—Очень радъ, что мнѣ пришлось первому поздравить тебя съ прїѣздомъ.

— Спасибо, мессеръ Николо,—отвѣчалъ Джани, пожимая ему руку.—Какъ ваше здоровье?

— Отлично чувствую себя, во всякомъ случаѣ здоровѣе, чѣмъ Флоренція. Ты увидишь, что нашъ городъ превратился въ монастырь.

— Какъ? Вотъ такъ новость!—вскричалъ молодой человѣкъ съ тревогой.

Ридольфи пожалъ плечами.

— Новость? Ну, нѣтъ. Просто—усиленіе того зла, которое уже существовало. Тиранія этого монаха стала нестерпима. И еще смѣютъ говорить о тиранинѣ Лоренцо или Пьеро! Изгнать принца и его сыновей только для того, чтобы переносить неистовства этого безумца въ ясы! Но если бъ только меня кто-нибудь подслушалъ!.. Его поклонники были бы способны повѣсить насъ обоихъ! Я поѣду съ тобой до Соборной площади, и дорогой мы потолкуемъ.

Они двинулись въ дорогу. Джани было не по себѣ.

— Вообрази себѣ, Джани,—продолжалъ Ридольфи: что этотъ Иеронимо, который запрещаетъ заниматься политикой, на самомъ дѣлѣ управляетъ всѣми дѣлами Флоренціи. Если бъ ты зналъ, какъ смѣются надъ нами въ Римѣ! Сдѣлана даже была попытка избавить насъ отъ него, и святой отецъ запретилъ этому сумасшедшему человѣку всходить на кафедру и даже подвергъ его отлученію. Но ничто не помогаетъ. Этотъ отлученный самъ подвергаетъ другихъ отлученію. Его вѣдь поддерживаютъ, и Сеньорія прежде, чѣмъ онъ всходить на кафедру, всегда условливается съ нимъ, о чемъ онъ будетъ говорить.

Въ этотъ моментъ проходившій мимо *riagnole* остановился и посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Инстинктивнымъ жестомъ его рука скользнула подъ одежду. Ученики пророка, который сравнивалъ святого съ покорной ослицею, осыпаемой ударами палки, сами предпочитали проявлять свою вѣру ударами ножа.. Когда святоша былъ далеко, Ридольфи возобновилъ разговоръ.

— А знаешь, что всего хуже? Этотъ монахъ сдѣлалъ своими шпионами цѣлую массу ребятъ, которые осыпаютъ насъ ругательствами и даже грабятъ. Теперь нѣтъ правленія Савонаролы, а есть только правленіе ребятъ.

Онъ разгорячился и сталъ говорить громче.

— Однажды моя жена переходила черезъ площадь св. Креста. На ней было красивое ожерелье, такъ какъ она шла въ гости къ одной подружѣ. И вотъ одинъ изъ этихъ негодяевъ подошелъ къ ней и сказалъ кротко, какъ обыкновенно говорятъ эти лицемѣры: «Мадонна, отъ имени святой Дѣвы, нашей покровительницы, позвольте мнѣ васъ предупредить, что если вы будете носить эту тщету, то васъ постигнетъ болѣзнь». Женщины изъ простонаровья, стоявшія недалеко, такъ и покатились со смѣху. Этой дряни всегда доставляетъ удовольствіе зубоскалить насчетъ знатной дамы.

— Неужели такія вещи творятся?

— Они выкидываютъ штуки и получше. Они проникаютъ къ намъ въ домъ подъ именемъ инквизиторовъ, подслушиваютъ за дверьми, не слышно ли гдѣ-нибудь богохульства. Они устраиваютъ обыски и требуютъ, чтобы имъ выдавали вещи, на которыя тотъ монахъ кладетъ анагему: карты, кости, лютни, арфы, книги. Они—наши судьи, наши цензора, наши наставники. А имъ всего лѣтъ по пятнадцати!

— Неужели у тѣхъ, у кого они производятъ обыски, не найдется хорошаго кнута?

— Тронуть дѣтей! Да это значить рисковать своей жизнью. Тотъ, на кого они принесли бы жалобу, былъ бы казненъ. Впрочемъ, для ихъ защиты монахъ далъ имъ конныхъ стражниковъ. Да, мой бѣдный Джани, ты видишь, что Флоренція сильно измѣнилась! Наши семьи съ тѣхъ поръ, какъ городъ управляется небожь, стали адомъ. Рабы, которые доносятъ на своихъ господъ, обвиняя ихъ въ игрѣ или богохульствѣ, отпускаются на свободу, а если это будутъ слуги, то они получаютъ награду. А хуже всего то, что въ семьяхъ происходитъ расколъ. Отецъ-язычникъ,—такъ теперь называютъ разумныхъ христіанъ,—видитъ, какъ противъ него возстаетъ сынъ-ханжа. Жены убѣгаютъ изъ дома мужей, чтобы не быть рабынями плоти, невѣсты отказываются отъ даннаго слова, чтобы сохранить свою дѣвственность!

Джани вздрогнулъ при этихъ словахъ. Мессеръ Николо далъ только опредѣленное выраженіе тѣмъ страхамъ и предчувствіямъ, которые его волновали.

— Я полагаю, однако, что такъ будетъ продолжаться не долго,—продолжалъ мессеръ Николо.—У насъ тутъ не мало твердыхъ и рѣшительныхъ юношей, которыхъ святоши называютъ «дурной компаніей». Они не упускаютъ случая раздѣлаться со святошами... Но, кажется, я ужъ черезчуръ разболтался. До свиданія, мой милый, ты почти уже на мѣстѣ.

Въ самомъ дѣлѣ они подъѣхали уже къ Бадіи, и дворецъ Альдо-бранди находился въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Не забудь поклониться отъ меня мессеру Аверардо,—сказалъ Ридольфи, пожимая руку молодому человѣку.—Надѣюсь, онъ здоровъ. Я не видалъ его уже съ мѣсяць.

Эти слова нѣсколько успокоили Джани: его спутникъ, очевидно, ничего не знаетъ о Беатриче.

— Прощайте, мессеръ Николо,—отвѣчалъ онъ.

Минуту спустя онъ уже увидѣлъ свой дворецъ, сохранявшій все тотъ же прежній строгій видъ. Онъ быстро вѣхалъ въ ворота и, очутившись на внутреннемъ дворѣ, бросилъ поводъ лошади подбѣжавшему слугѣ. На верху лѣстницы показался мессеръ Аверардо, видимо, ожидавшій внука. Онъ хотѣлъ бы броситься ему на шею, но строго соблюдаемый обычай не позволилъ ему умалить свое достоинство.

Джани быстро поднялся по ступенькамъ и бросился въ объятія дѣда.

— Вотъ и я батюшка!—вскочилъ онъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Марко покинулъ его, онъ сталъ называть старика батюшкой.

Мессеръ Аверардо крѣпко держалъ внука въ объятіяхъ, какъ бы желая охранить его отъ какой-то опасности. Джани стало страшно.

— Дитя мое,—заговорилъ наконецъ старикъ.—Богу не угодно было, чтобы я встрѣтилъ тебя въ радости. Едва ты переступилъ порогъ родного дома, какъ я долженъ причинить тебѣ большое горе.

— Беатриса?—невольно вырвалось у Джани.

— Теперь это уже не твоя невѣста. Она скоро будетъ невѣстой Христа. Ея родители еще сопротивляются, но нѣтъ надежды измѣнить ея рѣшеніе. Монахъ разрушилъ всѣ наши планы.

— А, я уже дегадывался объ этомъ!

Однимъ порывомъ онъ освободился отъ дѣда и стоялъ неподвижно, какъ изваяніе, закрывъ лицо руками.

— Итакъ,—сказалъ онъ, отрывая наконецъ лицо:—надежды нѣтъ.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ говорятъ раненыя въ лихорадочномъ бреду.

Старый Аверардо покачалъ головой.

— Увы! Надежды нѣтъ. Беатриса послѣдовала совѣту, который Савонарола давалъ своимъ ученикамъ. Она стала безумной отъ любви къ Богу.

— Но какъ же это могло случиться?

— Какъ это случается, когда люди заражаются чумой отъ прикосновенія. Савонарола отнял у меня сына, у тебя невѣсту. Моя старость и твоя юность—теперь одиноки.

— Мой отецъ былъ въ отчаяніи, но она?..

— Что прикажешь дѣлать. Это, видишь ли, особая благодать Божья. Впрочемъ, братъ Савонарола можетъ тебѣ объяснить это лучше. У Беатрисы есть родственница, которая въ прошломъ году также отказалась отъ замужества. Сначала онѣ было потеряли

другъ друга изъ виду, но теперь, къ сожалѣнію, случай свелъ ихъ вмѣстѣ. И вотъ молодая дѣвица напѣла Беатрисѣ въ уши тотъ же вздоръ, которымъ была наполнена ея собственная голова. Теперь Беатриса относится къ браку съ ужасомъ, какъ всѣ, которыя наслушались проповѣдей этого монаха. Въ настоящее время природа предается проклятію.

Джани пошккъ головою.

— Но я все-таки думаю, что она тебя любитъ,—прибавилъ старикъ.

— Я долженъ повидаться съ ней,—промолвилъ онъ вслухъ.

— Какъ хочешь. Но прежде всего отдохни. У тебя еще будетъ время для того, чтобы страдать. Оставайся пока со мной. Мы вѣдь такъ одиноки съ тобой, Джани.

И, взявъ подъ руку внука, старикъ повелъ его съ собой. Онъ былъ выше его на дѣлую голову и принужденъ былъ нагибаться, когда говорилъ съ нимъ. Они прошли длинную галерею и вступили въ огромный дворецъ, гдѣ оба были такъ одиноки.

Когда Джани явился во дворецъ Санъ-Фредіано, онъ засталъ тамъ только мать Беатрисы. Отца не было дома. По всей вѣроятности, онъ былъ въ одномъ изъ тѣхъ собраний, гдѣ втихомолку подготавливалось возстановленіе Медчисовъ.

Мадонна Торриджіани встрѣтила Джани съ распростертыми объятіями. Не будь ея лицо такъ блѣдно отъ бессонныхъ ночей, а глаза такъ красны отъ постоянныхъ слезъ, ее все еще можно было бы назвать прекрасной.

Она замѣтила встревоженное лицо молодого человѣка, который, очевидно, не рѣшался сейчасъ же начать свои разспросы.

— Блѣдный Джани,—сказала она:—вамъ уже все извѣстно?

— Да, я знаю, что Беатриса отказывается отъ брака.

— Не обвиняйте ее, это было бы жестоко. Беатриса всегда была набожна, и это меня не беспокоило. Но теперь... я просто не знаю, что и подумать. Она какъ-то отправилась на проповѣдь этого монаха и вернулась оттуда неузнаваемой. Она припала ко мнѣ, стала просить прощенія за то горе, которое она мнѣ причиняетъ, и заявила, что она нашла свой путь къ вѣчному блаженству, что она отрекается отъ насъ, отъ всего мірскаго и поступаетъ въ монастырь и что рѣшеніе ея безповоротно.

Джани испустилъ крикъ, похожій на жалобный вопль какого-нибудь звѣрька.

Не успѣлъ еще стихнуть этотъ крикъ, какъ дверь отворилась и на порогѣ показалась Беатриса.

— Извините меня, матушка,—произнесла она:—но я полагаю, что въ такую минуту я сама должна говорить съ Джани. Позвольте мнѣ остаться съ нимъ одной!

Мадонна Торриджіани сначала было заколебалась, но затѣмъ поднялась и направилась къ двери.

Молодой человѣкъ впился глазами въ ту, которую уже не могъ назвать своей невѣстой. Въ ней замѣтно было что-то аскетическое, что-то прозрачное, какъ будто жаръ души прожегъ внѣшнюю оболочку и выступилъ наружу.

— Беатриса, — началъ Джани: — мнѣ сообщили, что вы любили меня.

Ея взглядъ съ нѣжностью остановился на немъ.

— Вы ошибаетесь, Джани. Я васъ попрежнему люблю. Христіанская любовь вѣчна и неизсякаема.

— Христіанская любовь! Вы смѣтаете надо мною, Беатриса. Забудьте на минуту проповѣди. Говорите просто и искренно. Между нами вѣдь все кончено?

Этими сильными словами онъ надѣялся смутить ея спокойствіе, которое такъ раздражало его.

Но она отвѣчала попрежнему спокойно:

— Вы сердитесь на меня за то, что я люблю васъ, какъ брата?

— Я вѣдь былъ вашимъ женихомъ, Беатриса.

— У меня теперь только одинъ женихъ—женихъ Небесный. Я храню къ вамъ глубокую нѣжность—чувство, опасное для моего спасенія. Богъ запрещаетъ всякія чувственныя привязанности.

— Оставьте эти фразы! Вы это говорите или тотъ фанатизмъ, который отравилъ вашу душу?

Мягкимъ жестомъ она остановила его.

— Не кощунствуйте, другъ мой. Это было бы ненужнымъ грѣхомъ. Вамъ не оторвать меня гнѣвными и оскорбительными словами отъ этого апостола.

Гнѣвъ Джани вдругъ пропалъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Хотите, я отдамъ этому апостолу не только мою жизнь, но и еще болѣе рѣдкую вещь—вѣру?

— Что же нужно для этого сдѣлать?

— Вамъ стоитъ только сказать: я ваша навѣкъ. И вы увидите, что я стану ярымъ приверженцемъ этого человѣка и его ученія. Подумайте: для реформатора наступаютъ плохія времена. Его ненавидятъ и лично и за дѣла его. Та слѣпая преданность, которую я предлагаю, можетъ весьма пригодиться для него.

Беатриса долго молчала. Она не предвидѣла такого приступа.

— Итакъ, — съ тоскою спросилъ Джани, — что же скажете вы мнѣ, Беатриса?

Впервые она взглянула на него со скорбью и тихо промолвила:

— Прощайте.

Джани былъ ошеломленъ и стоялъ, какъ будто не понимая этого слова.

— Прощайте, Джани. Будьте воинъ Христовымъ, воинъ правды, не для того, чтобы правиться мнѣ, а ради любви къ истинѣ и вѣчнаго спасенія. Будьте счастливы съ другой. Желаю вамъ этого отъ всей души.

Джани бросился къ ней.

— Клянусь Богомъ, я отомщу за себя и за всѣхъ тѣхъ, счастье которыхъ разбила этотъ сумасшедшій обманщикъ. Я отомщу ему и всѣмъ этимъ негодьямъ, которые его окружаютъ. Прощайте, Беатриса.

И онъ выскочилъ изъ комнаты.

Оставшись одна, Беатриса опустилась на колѣни по срединѣ комнаты, хотя тамъ и не было иконы: вѣрующая душа видитъ Бога всюду.

Между тѣмъ Джани, быстро шагая, скоро достигъ площади Сеньоріи. Площадь была полна народу, и конная стража охраняла всѣ выходы съ нея. Посрединѣ возвышалась огромная пирамида съ пятнадцатью ступенями. На этихъ ступеняхъ были навалены всевозможныя вещи, ярко блестящія на солнцѣ: матеріи, книги, рукописи, музыкальные инструменты.

Джани, знавшій объ этихъ сожженіяхъ только по наслышкѣ, понялъ, что дѣло идетъ объ *abbuscimento*. Предстояло жечь всю эту «суету», конфискованную клеветами Савонаролы въ частныхъ домахъ. Въ прошломъ году такимъ образомъ сожгли сокровища, за которыя торговецъ-еврей предлагалъ двадцать тысячъ дукатовъ и которыя стоили втрое дороже. Савонарола отвергъ предложеніе и велѣлъ сжечь изображение этого еврея.

Прижатый въ уголь, Джани видѣлъ, какъ прибыла цѣлая армія дѣтей, одѣтыхъ въ бѣлое. Въ правой рукѣ они держали красное распятіе, въ лѣвой — оливковую вѣтвь. Савонарола расположился въ ложѣ Орканьи, гдѣ обыкновенно Сеньорія присутствовала на празднествахъ. Съ ненавистью глядѣлъ Джани на это лицо, напоминавшее въ профиль голову козла. Едва отросшая за недѣлю борода придавала ему неряшливый видъ.

Палачъ приблизился къ пирамидѣ и подложилъ подъ нее огонь. Загремѣли фанфары, зазвенѣли колокола. Дѣти запѣли псалмы. Струйками поднимался дымъ кадильный.

Вдругъ толпой овладѣлъ какой-то приступъ безумія. Доминиканцы, присутствовавшіе на площади, разомъ схватили мальчиковъ за руки и закружились съ ними въ вихрѣ танца. Духовенство и старцы пустились имъ подражать. Образовались три концентрическіе круга танцующихъ, которые въ то же время пѣли священные гимны..

А пламя поднималось все выше и выше.

Оно пожирало иллюстрированныя рукописи Боккачьо, творенія Петрарки, украшенныя миниатюрами, статуи и картины. Савонарола

думалъ, что, сжигая «суету», онъ уничтожалъ и самое язычество. Но онъ лишь заставлялъ его возродиться изъ непла.

Джани ушелъ съ площади. Ему казалось, что съ нимъ кошмаръ. Его отчаяніе заглушалось криками несмѣтной толпы..

Между тѣмъ нищета уже спускалась надъ городомъ, гдѣ люди перестали трудиться. Случился неурожай, за нимъ шелъ голодъ. По улицамъ двигались исхудавшія фигуры, опираясь на стѣны домовъ; и тысячами падали передъ дверьми лавокъ эти жертвы голода. Другіе задыхались въ баракахъ, гдѣ Сеньборія продавала на вѣсъ золота куски дурно печеннаго хлѣба. Крестьяне, пріѣзжавшіе во Флоренцію за хлѣбомъ, возвращаясь домой, находили своихъ дѣтей мертвыми.

Звѣзда монаха стала закатываться. Флорентинцы, страдавшіе отъ голода, начали сомнѣваться въ своемъ пророкѣ. Ихъ уже не удовлетворяли однѣ проповѣди. Чтобы сохранить за собою довѣріе, нужно было совершить чудо.

Отецъ Францискъ, пріоръ французскаго монастыря во Флоренціи, объявилъ, что онъ готовъ взойти на костеръ для того, чтобы подтвердить, что отлученіе Савонаролы папою Александромъ VI законно и дѣйствительно. Но Савонарола не пожелалъ подчиниться Божьему суду и на мѣсто папы назначилъ своего замѣстителя Буонвичини.

Снова на площади высятся костеръ. Онъ сложенъ изъ двухъ стѣнъ бревенъ, политыхъ масломъ. Между ними оставлена только узкая тропинка, усыпанная пескомъ.

Ложка Орканьи раздѣляется перегородками на двѣ части—по одной для каждаго ордена.

Толпа стоитъ въ ожиданіи.

По площади проходитъ длинный рядъ коричневыхъ фигуръ: это идутъ францисканцы. *Riagnoni* поднимаютъ ропотъ. Слышны крики:
— Долой безбожниковъ, лгуновъ, папскихъ ставленниковъ!
— Смерть врагамъ Савонаролы!
— Да здравствуетъ Савонарола!

Раздается топотъ скачущихъ лошадей. Пятьсотъ коней, закованныхъ въ желѣзо, заставляютъ землю гудѣть.

Впереди нихъ Доффо Спини съ своими соратниками. Съ другой стороны противъ него съ вызывающимъ видомъ останавливается Маркуччо Валори, предводитель *riagnoni*; за нимъ стоитъ триста всадниковъ.

Вотъ идутъ длинной процессіей около двухсотъ доминиканцевъ. Савонарола держитъ св. дары, Буонвичини—распятіе. Ихъ сопровождаетъ множество свѣтскихъ лицъ съ факелами и распятіями. Они входятъ въ ложу. Передъ алтаремъ, нарочно воздвигнутымъ на этотъ день, Савонарола совершаетъ мессу. Поютъ псалмы и церковныя пѣснопѣнія. Вдругъ пѣніе смолкаетъ. Савонарола и Буонвичини остаются колѣнопреклоненными передъ алтаремъ.

Отца Франческо не видно. Вмѣстѣ съ своимъ намѣстникомъ Рондинелли онъ теперь тамъ наверху, во дворцѣ и совѣщается съ пріорами, которые создаютъ ему одно препятствіе за другимъ.

— Отцы братья,—говорилъ онъ:—Буонвичини, очевидно, хочетъ броситься въ огонь въ своемъ священномъ одѣяніи. Пусть онъ сниметъ это одѣяніе. Нужно, чтобы испытаніе было одинаково для обѣихъ сторонъ.

Толпа выражаетъ нетерпѣніе. Слышится ропотъ.

— Когда же они тамъ кончатъ!

— Никто изъ нихъ не посмѣетъ подвергнуться испытанію. Всѣ они трусятъ.

— Тутъ виноваты францисканцы. Они ужъ очень щепетильны.

— Нѣтъ, виновать вашъ Савонарола. Видите, какъ онъ трясетъ головой. Это онъ говоритъ комиссарамъ: «нѣтъ».

— Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы Буонвичини взойшелъ на костеръ съ крестомъ.

— Молчи. Савонарола—святой.

— Шарлатанъ!

Наконецъ Савонарола соглашается, и Буонвичини взойдетъ на костеръ безъ креста, но съ освященной облаткой.

Новость быстро распространяется въ толпѣ.

— Слышали? Онъ хочетъ, чтобы сгорѣло тѣло Божье!

— И вы еще говорите, что это не обманщикъ!

Со стороны горы Морелло поднимается огромная темная туча, которая мало-по-малу заволакиваетъ все небо. Если хлынетъ дождь, то костеръ угаснетъ въ потокахъ дождевой воды, и испытаніе не состоится.

Дождь, призываемый обѣими сторонами, въ самомъ дѣлѣ полилъ, какъ изъ ведра. Никогда Флоренціи не приходилось видѣть такого потопа, даже въ то время, когда городъ подвергся наводненію вскорѣ послѣ убійства Пацци. Струи дождя лились на крыши, словно водопады, съ шумомъ и трескомъ, похожимъ на шелканье бича. Площадь превратилась въ озеро. Публика бросилась искать убѣжища, прыгая черезъ лужи, отчего во всѣ стороны летѣли брызги.

Вскорѣ дождь прекратился, но костеръ уже не горѣлъ.

Приверженцы францисканцевъ хотятъ броситься на доминиканцевъ. Марауччо Сальвиати шпагой очерчиваетъ вокругъ нихъ черту: смерть тому, кто ее переступитъ. Онъ и начальникъ полиціи охраняютъ Савонаролу, а конная стража—остальныхъ доминиканцевъ, которые возвращаются въ монастырь. Иеронимо идетъ послѣднимъ, съ высоко поднятой головой, устремивъ глаза на св. Дары, которые онъ несетъ передъ собой.

Монахи поютъ:

«Salvum fac populum tuum, Domine» ¹⁾.

Въ толпѣ слышится перебранка:

— Отлученные!

— А вы лицемѣры!

— Злодѣй!—кричить кто-то Савонаролѣ:—не касайся святыхъ даровъ.

— На, получи за это,—отвѣчаетъ стоящій рядомъ приверженецъ пророка и даетъ пощечину кричавшему.

— Что же мы-то?—кричатъ самрагнасси.—Насыплемъ имъ хо-рошенько!

А Сеньорія все еще совѣщается.

Доминиканцы, не выдержавшіе испытанія, признаются побѣжденными. Согласно условіямъ вызова, они должны закрыть свой монастырь, а Савонарола черезъ двѣнадцать часовъ покинетъ Флоренцію.

Вдругъ вспыхиваетъ мятежь. Одинъ изъ самрагнасси былъ убитъ въ толпѣ. Его товарищи поднимаютъ крики:

— Къ оружію! Сожжемъ! Къ монастырю св. Марка!

Черезъ всю Флоренцію течетъ людскою потокомъ. Въ первомъ ряду возбужденной толпы идетъ молодой человѣкъ съ безумными глазами и съ развѣвающимися по вѣтру волосами. То Джани Альдо-бранди. Онъ нашелъ выходъ изъ своего горя и отчаянія.

Толпа хочетъ сжечь монастырь и перебить доминиканцевъ. По дорогѣ ей встрѣчается какой-то набожный человѣкъ, который громко поетъ псаломъ.

— Смерть лицемѣру!

И бѣдняка пронзаютъ пикой.

Другой несчастный, занимавшійся полпривоккой оптическихъ стеколъ, вышелъ изъ своей мастерской и, плохо отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что творится, вздумалъ проповѣдывать о мирѣ. Шпага кого-то изъ самрагнасси размозжила ему голову.

Тѣ самыя дѣти, изъ которыхъ Савонарола дѣлалъ защитниковъ своего дѣла, теперь сбѣгаются цѣлыми толпами съ камнями и рѣзкими голосами кричатъ:

— Жечь! Къ монастырю!

Монастырь уже приготовился къ осадѣ: въ немъ есть оружіе и даже артиллерія. Валори организуетъ защиту. Шестнадцать монаховъ въ шлемахъ и латахъ, надѣтыхъ поверхъ подрясника, бѣгутъ по монастырскимъ коридорамъ съ бердышами и кричатъ:

— Къ оружію! Къ оружію!

Отецъ Бенедетто, мирный поэтъ и художникъ-миніатюристъ, вдругъ исполнился воинственнаго духа и, взобравшись на крышу, бросаетъ оттуда камнями въ осаждающихъ.

¹⁾ Спаси, Господи, люди твоя.

Сеньорія рѣшается положить конецъ всему этому. Она осуждаетъ на смерть всѣхъ тѣхъ, кто будетъ захваченъ въ стѣнахъ монастыря. Послѣ этого удаляется даже Валори. Толпа бросается къ его дому. Его жена, показавшаяся въ окнѣ и молившая о пощадѣ, убита стрѣлой. Его ребенокъ задушенъ въ колыбели. Самъ онъ извлеченъ изъ потайной комнаты и отведенъ въ Сеньорію. По дорогѣ Ридольфи и какой-то Торнабуони бросаются на него и убиваютъ его, мстя за своихъ родственниковъ, убитыхъ приверженцами Савонаролы.

Между тѣмъ ревушая толпа тѣснится около монастыря святого Марка.

— Смерть лицемѣрамъ! Жечь! Выкуримъ этихъ лисецъ изъ норъ!

Пламя начинаетъ уже разгораться. Люди лѣзутъ на стѣну, вотъ они уже въ самомъ монастырѣ. Они врываются въ трапезную, гдѣ накрытъ столъ. Они съѣдаютъ пищу, выпиваютъ вино и острятъ.

— Пища постная, но вино—пальчики оближешь!

— Еще бы, на немъ вѣдь служить мессу!

Послѣ этого они разбиваютъ двери въ ризницу и проникаютъ туда, а оттуда бросаются на хоры, гдѣ собрались на молитву монахи. Завязывается борьба. У нападающихъ ножи, шпаги, пики желѣзныя и свинцовыя орудія,—доминиканцы защищаются желѣзными распятіями и толстыми свѣчами. Въ схваткѣ они поджигаютъ завѣсы. Дымъ идетъ клубами. Можно подумать, что тутъ самый адъ, въ которомъ доминиканцы витають, словно бѣлые и черные призраки.

— На помощь! Помогите!

— Бей! Бей ихъ!

Дымъ усиливается. Удары сыплются наугадъ. Люди то и дѣло падаютъ на каменный полъ. На нихъ наступаютъ каблуками, за-таптываютъ раненыхъ и умирающихъ. Невозможно дольше дышать. Франческо-дель-Пульезе реветъ, какъ быкъ. Какой-то послушникъ, къ счастью, разбиваетъ окно. Дымъ начинаетъ понемногу выходить. Битва продолжается среди проклятій и пѣснопѣній. Время отъ времени звукъ выстрѣла покрываетъ шумъ битвы: это стрѣляетъ изъ аркебуза доминиканецъ изъ нѣмцевъ, братъ Генрихъ, стоя на каедрѣ и голоса: «Спаси, Господи, люди твоя».

Но вотъ является съ артиллеріей начальникъ полиціи Джоакинь-делля-Веккіа. Савонаролу должны выдать, иначе монастырь подвергнется бомбардировкѣ. Братія колеблется, но не долго. Братъ Сакраморо, который готовъ былъ взойти на костеръ вмѣсто Буонвичини, первый сталъ говорить:

— Пастыръ долженъ сложить голову за овцы своя!

Прежде, чѣмъ сдаться, Савонарола удалился на минуту въ греческую библіотеку.

Тамъ онъ причастился и произнесъ проповѣдь на латинскомъ языкѣ: теперь онъ долженъ былъ говорить не переставая. Затѣмъ онъ сошелъ внизъ въ сопровожденіи преданнаго Буонвичини.

Вотъ онъ среди шумной, кричащей толпы. Стража образуетъ надъ его головой родъ балдахина изъ шнагъ и щитовъ. Но народная ярость все-таки достигаетъ его: ему крутятъ пальцы, тычатъ въ лицо горящими факелами, даютъ ему пинки сзади, приговаривая:

— Скажи, пророкъ, кто ударилъ тебя?

Во дворѣ монастыря св. Марка, загроможденномъ трупами, среди тлѣющаго еще пожара стоитъ одинокій монахъ. Онъ высокаго роста, сверхъ монашескаго одѣянія на немъ кольчуга. Опершись на бердышъ, онъ, согнувшись, смотритъ на одинъ изъ распростертыхъ передъ нимъ труповъ, смотритъ съ ужасомъ и тоской. Онъ хотѣлъ бы бѣжать отсюда, но какая-то высшая сила приковываетъ его къ этому мѣсту.

Передъ нимъ трупъ юноши съ кроткимъ, тонкимъ лицомъ, такимъ изяшнымъ въ профиль.

Это Марко Альдобранди не можетъ оторваться отъ своего убитаго сына.

Вдругъ страшная мысль прорѣзываетъ его мозгъ.

Въ недавней схваткѣ, гдѣ въ клубахъ дыма удары напосились направо и налево, не разбирая кому, онъ самъ ранилъ кого-то своимъ бердышемъ, который еще дымитъ кровью. И вотъ передъ нимъ мелькаетъ бѣлокурая голова... Знакомое лицо... Да, да, онъ вспоминаетъ... Неужели онъ убилъ собственнаго сына?

Страшное ругательство оглашаетъ монастырскій дворъ. Сжатые кулаки поднимаются къ небу, но вдругъ съ силою падаютъ на кольчугу, которая отвѣчаетъ звономъ. Безумнымъ взглядомъ обводитъ онъ потемнѣвшій дворъ.

Онъ убилъ своего сына изъ любви къ Богу, который послалъ смерть Фьяммѣ. Гдѣ же умротовореніе, которое было обѣщано ему устами пророка?

Такъ бредилъ братъ Паоло.

Въ наступающемъ сумракѣ монастырская церковь стала величавой и спокойной. Казалось, сами стѣны ея вопіяли: «Азъ есмь воскресеніе и животъ вѣчный». И вдругъ Марко Альдобранди сталъ думать о вѣчной жизни своего сына, котораго онъ, можетъ быть, самъ убилъ и который погибъ въ грѣховномъ возстаніи противъ Господа. Онъ упалъ ницъ на церковныя плиты и среди труповъ друзей и враговъ, среди обломковъ и крови, сталъ жарко молиться объ отпущеніи сыновнихъ грѣховъ.

ЭПИЛОГЪ.

Въ среду 23-го мая, наканунѣ Вознесенія, въ девятомъ часу утра площадь Сеньоріи была залита народомъ, сбѣжавшимся посмотрѣть, какъ будутъ сжигать Иеронима Савонаролу и двухъ его клеветовъ Маруффи и Буонвичини. Его святѣйшество, папа Александръ VI, слышавшій покончить съ этимъ дѣломъ, получилъ полное удовольствіе и добился казни дерзкаго монаха, который смѣло доказывалъ, что избраніе этого папы недѣйствительно, такъ какъ оно явилось результатомъ симоніи.

Слѣдствіе продолжалось двадцать дней. Съ разрѣшенія папы были пущены въ ходъ и пытки, хотя очень осторожно. Вздернутый на дыбу—наказаніе, которое онъ считалъ не очень болѣзненнымъ для женщины, уличенныхъ въ кокетствѣ,—Савонарола не могъ вынести этой пытки и сдѣлалъ признанія, показанныя ему заранее. Присланный изъ Рима прелатъ привезъ съ собой и готовый приговоръ. 22-го мая Савонарола съ двумя своими приверженцами былъ осужденъ на смерть за то, что распространялъ ересь,—что было совершенно невѣрно—производилъ безпорядки во Флоренціи, ввозилъ въ монастырь оружіе, послѣдствіемъ чего была гибель многихъ добрыхъ гражданъ, и наконецъ поддерживалъ переписку съ враждебными потептатами.

Савонарола выслушалъ свой приговоръ съ покорностью и только попросилъ трехъ милостей: чтобы его не сжигали живымъ, не отдавали папѣ и не отдавали на растерзаніе подросткамъ.

Всѣ эти просьбы были исполнены. Насталъ день казни. На площади Стараго дворца воздвигнуты были три трибуны: одна для духовнаго судьи, который сниметъ съ Савонаролы духовный санъ, другая для папскихъ пословъ, которые прочтутъ смертный приговоръ, третья для гонфалоньера и для членовъ Совѣта Восьми, которые должны утвердить этотъ приговоръ именемъ государственнаго суда.

Толпа стоитъ молча. Трое осужденныхъ спускаются изъ дворца.

Настоятель церкви св. Маріи Новой, о. Буонтемпи, совлекаетъ съ нихъ одѣяніе. Затѣмъ осужденныхъ ведутъ къ первой трибунѣ, устроенной въ формѣ алтаря. Согласно церемоніи, ихъ сначала облачаютъ въ священническія облаченія, а затѣмъ совлекаютъ съ нихъ эти одѣянія.

— Отлучаю тебя отъ церкви воинствующей и торжествующей,—произноситъ судья.

— Отъ торжествующей не въ твоей власти меня отлучить,—смѣло отвѣчаетъ Савонарола, снова нашедшій мужество въ своей искренней вѣрѣ.

Доминиканцевъ ведутъ къ апостолическимъ комиссарамъ, которые оглашаютъ смертный приговоръ. Отсюда они направляются къ свѣтскимъ судьямъ, чтобы узнать, «что они будутъ висѣть, а потомъ горѣть, пока ихъ душа не отдѣлится отъ тѣла».

Эшафотъ въ ростъ человѣка занимаетъ не меньше четверти всей площади. На немъ цѣлая куча горячаго матеріала. На концѣ висѣлица, которой придана форма креста. Толибъ это не нравится.

— Словно распинать хотять!

Эшафотъ сколоченъ такъ плохо, что подъ него забираются нѣсколько мальчишекъ. Въ тотъ моментъ, когда осужденные направляются къ висѣлицѣ, мальчишки вонзаютъ имъ въ подошву остроконечныя палки и заставляютъ ихъ спотыкнуться. Это тѣ самые подростки, которые въ ангельскихъ костюмахъ кружились въ танцахъ въ тотъ день, когда Савонарола сжигалъ «суету».

Но вотъ, наконецъ, и висѣлица. Палачи быстро дѣлаютъ свое дѣло, и Маруффи и Буонвичини уже качаются по бокамъ перекладины. Савонарола долженъ умереть послѣднимъ. Онъ тихо молится, едва шевеля губами. Его руки свободны, глаза не завязаны. Онъ поднимается на пытку. Петля опускается ему на шею, и палачъ быстро поднимаетъ его на воздухъ. Пальцы казеннаго начинаютъ судорожно шевелиться.

— Смотрите, смотрите, онъ все еще хочетъ благословлять насъ! — кричать въ толпѣ.

— Онъ, словно Христось, между двумя разбойниками.

Три тѣла висятъ неподвижно. Палачъ подноситъ факель къ костру, пламя вспыхиваетъ, разбѣгается и развертывается, словно огромный, красный трепещущій вѣтеръ. Савонарола долженъ былъ сгорѣть на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ жегъ Петрарку, Боккачио, Овидія. Теперь знаменитые мертвецы мстили ему за себя.

Внезапный порывъ вѣтра разрываетъ стѣну огня на двѣ части, и въ этомъ разрывѣ выступаетъ висѣлица съ висящими на ней трупами.

— Какъ они почернѣли! Словно крысы!

— Они, должно быть, поджарились. Не кольнуть ли монаха пикой?

— Не достанешь. Подожди, я принесу лѣстницу.

Дѣти, столь любимыя Саванаролой, теперь бросаютъ камнями въ его полубуглившійся трупъ.

Куски мяса, красныя внутренности несчастнаго падаютъ на поность. Толпа, не имѣя силъ сдерживать себя, бросается къ эшафоту и подбираетъ ихъ. На этотъ разъ дѣйствуютъ riagnoni—вѣрные рабы суевѣрій.

Флорентійскія дамы, переодѣвшись въ костюмъ простолюдинокъ, проявляютъ при этомъ наибольшее усердіе.

Наконецъ висѣлицу подпаливаютъ, и она падаетъ въ огонь. Ея пепель вмѣстѣ съ неплотъ казенныхъ бросаютъ въ Арно.

Въ первыхъ рядахъ толпы стоитъ человекъ съ скорбнымъ выраженіемъ лица, съ невѣрной, колеблющейся походкой. Онъ протискался сюда, чтобы не просмотрѣть малѣйшей подробности этихъ ужасовъ.

— Настали времена Апокалипсиса, — бормочетъ онъ про себя. — Сатана сорвался съ цѣпи.

Маэстро Сандро Воттичелли убѣжденъ, что кончина міра близка. Онъ и не подозрѣваетъ, что дѣло пророка исчезнетъ вмѣстѣ съ послѣдними изъ его приверженцевъ, что перемѣнится лицо земли и останется одна только божественная улыбка Примаверы.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и въ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮНЬ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

АКАОИСТЪ Св. благовѣрной великой княгини преподобной Анны Кашинской. Сиб. 1911. Ц. 40 к.

ПИСЬМА высокопреосвященнаго Фила-

рета Московскаго къ Е. В. Новосильцевой. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЦЕХАНОВСКІЙ, В. М. Вѣра, ея нуть и причины современнаго невѣрія. Популярное изложеніе. Спб. 1911. Ц. 35 к.

Философія, психологія, логика.

АЖАМЪ, М. Искусство говорить публично. (La parole en public). Психо-физиологич. теорія краснорѣчія. Перев. съ французскаго. Изд. 2-е. Спб. Ц. 50 к.

КРАЙНСКІЙ, Н. В., д-ръ мед. Душа и вселенная. Вильна. 1911. Ц. 25 к.

— Психологія падшихъ людей. Вильна. 1910. Ц. 40 к.

— Теорія познанія съ точки зрѣнія энергетической психологіи. Вильна. 1910. Ц. 35 к.

ЛАПШИНА, И. И. Вселенское чувство. Изд. 1-е. М. О. Вольфъ. Спб. Ц. 60 к.

ЛЕВОНЪ, ГУСТАВЪ. Эволюція силъ. Ч. II. Опытъ надъ дематериализаціею матеріи. Перев. съ франц. Б. С. Бычковскаго. Изд. 2-е т-ва «Общественная Польза». Сиб. 1911. Ц. 2 р.

ЛОГОСЪ. Международный ежегодникъ по философіи культуры. Русское изданіе. 1911. г Книга 1-я. Москва. Ц. 2 р.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе. Выц. 10—11. Ц. 1 р.

ПАПОСЪ. Генезисъ и развитіе масонскихъ символовъ. Перев. съ франц. Спб. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

ПРОДАНЪ, И. С. «Новая логика». Критическое изслѣдованіе и разъясненіе новыхъ и старыхъ заблужденій и ошибокъ. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.

ПРОКОШЕВЪ, П. А., профес. Религіозный кризисъ на западѣ Европы. (Модернизмъ). Томскъ. 1911. Ц. 40 к.

РОЗАНОВЪ, В. В. Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Сиб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

РОЗЕНФЕЛЬДЪ, д-ръ. Трагическій реализмъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

СБОРНИКЪ 1-й изд. «Путь». О Владимирѣ Соловьевѣ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.

ФАТЪЕВЪ, А. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики. М. 1911. Ц. 1 р.

ЭРНЪ, В. Борьба за голосъ. Опытъ философскіе и критическіе. Изд. «Путь». Москва. 1911. Ц. 2 р.

«Истор. вѣстн.», июль, 1911 г., т. сxxv.

1/23

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БАРДОВСКИЙ, А. Ф. В. Г. Бѣлинскій. Другъ истины, добра и красоты. (Его живая и литературная дѣятельность). Сиб. 1911. Ц. 10 к.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ и психологии творчества. Томъ 3-й. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи К. О. Трандлера. Изд.-ред. В. А. Лезингъ. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ДЬЯЧЕНКО, М. Н. Эволюція литературныхъ и общественныхъ взглядовъ Бѣлинскаго. Сиб. 1911. Ц. 40 к.

КОМАРНИЦКІЙ, В. Краткое критико-библиографическое обозрѣніе нѣкоторыхъ трудовъ по исторіи русской литературы. Варшава. 1911. Ц. 75 к.

РУБАКИНЪ, Н. Среди книгъ. Т. I. М. 1911. Ц. 3 р.

ПУШКИНЪ и его современники. Материалы и изслѣдованія. Вып. XIV. Современное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при отд. русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Сиб. 1911. Ц. 75 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

д.АННУНЦІО, Г. Собр. сочин. Т. VIII. Изд. «Шиповникъ». Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

БЕРНШТЕЙНЪ, А. Когда меня не стаетъ. («Аргсѣ мой»). Пьеса въ 3 актахъ. Перев. съ франц. Москва. 1911. Ц. 50 к.

БЛОКЪ, А. Собраніе стихотвореній. Книга I. Стихи о прекрасной дамѣ (1898—1904). Книгоизд. «Мусагетъ». Москва. 1911. Ц. 2 р.

БУЛЬВЕРЪ-ЛИТТОНЪ. Неспойный домъ. Перев. Киртабюсъ. Сиб. 1911. Ц. 30 к.

БЬЕРНСТЪЕРНЕ-БЬЕРНСОНЪ. Полн. собр. сочин. Т. IV. Перев. А. и П. Ганзенъ. Книгоизд. «Современ. Проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ВАСИЛЕВСКІЙ, И. Нервные люди. Разсказы. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ГЕЙЗЕ, Н. Собр. сочин. Т. II. Дѣти вѣка. Изд. Н. Н. Ключкова. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

ГИПШУСЪ, З. Чортова кукла. Живое описаніе въ 33-хъ главахъ. «Московское книгоиздательство». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 коп.

ДОСТОЕВСКАЯ, Л. Больная дѣвушка. Современные типы. Изд. 2-е. Сиб. 1911. Ц. 1 р.

ИБАНЬЕСЪ, БЛАСКО. Полн. собр. сочин. Т. XI. Книгоизд. «Современ. Проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р.

КОРЧЕМНЫЙ, В. Собр. сочин. Томъ I. Мушная соната. Повѣсть. 2-е изд. книгоизд. «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 1 р.

КРАЧКОВСКІЙ, Д. Разсказы. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕМОНЬЕ, К. Адамъ и Ева. Романъ. Ц. 1 р.

ЛЕНСКІЙ, В. Трагедія брака. Романъ. Ц. 1 р.

ЛИНЕВЪ, Д. А. По этапу. (Бронзовое дѣло). Разсказъ изъ тюремнаго быта. 2-е изданіе. Сиб. 1911. Ц. 80 к.

ЛИТЕРАТУРНО-художественные альманахи изд. «Шиповникъ». Книга 15. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЛИХАЧЕВА, Е. Воспоминанія одной русской взаимности. Сиб. 1911. Ц. 1 р. «МАЛЕНЬКІЕ АЛЬМАНАХИ». Книга 3-я. 1911. Ц. 25 к.

МАМОНТОВЪ, И. С. Одноактная пьеса. Т. 1. Сиб. 1910. Ц. 1 р.

МЕНДѢСЪ, К. Люсиноль. Романъ. Ц. 1 руб.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. Полн. собр. сочин. Т. III. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. II. Воскресшіе боги. Леонардо да-Винчи. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Сиб. 1911. Ц. по подл. 18 р.

МИЛЬТОНЪ, Д. Потерянный рай. Переводъ Н. А. Холодковского. 2 части. Изданіе А. С. Суворина. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.

МИХАЭЛИСЪ, К. Эльза Линднеръ. Продолженіе романа «Опасный возрастъ». М. 1911. Ц. 70 к.

де-МОПАСАНЪ, ГЮИ. Полн. собр. сочин. Т. XVIII. Съ лѣвой руки. Разсказы. Перев. П. Сидовичъ. Изд. «Шиповникъ». Сиб. Ц. 1 р.

МОРОДОВЦЕВЪ, Д. Последніе дни Герусалима. Ц. 75 к.

МУИЖЕЛЬ, В. Собраніе сочиненій. Томъ 2-й. Ц. 1 р.

Н. И. В. Собраніе сочиненій. Томъ 1-й. Хроника маленькихъ человѣчковъ. Разсказы. 1911. Ц. 1 р.

НОВОСЕЛЬСКІЙ, А. Памяти Вѣры Комиссаржевской. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

ОСИПОВИЧЪ, П. Собраніе сочиненій. Томъ I. Ц. 1 р. 25 к.

ПУШКИНЪ. Сочиненія. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Пересима подъ ред. и съ примѣч. В. И. Саягова. Томъ III (1833—1837). Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

РЕЙМОНТЪ, В. Полн. собр. сочин. Т. V. Земля обѣтованная. Романъ. Часть I. Перев. съ польск. Книгоизд. «Современныя проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Вампиръ. Романъ. Перев. Е. Загорскаго. «Московское книгоиздательство». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

РУССАТЪ, Е. Стихотворенія. Сиб. 1911. Ц. 80 к.

СВИРСКІЙ, А. Разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.

СВѢТЛОВЪ, В. Я. Сочиненія. Т. III. Звенья дѣни. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Сиб. Ц. 1 р.

— Тоже. Т. IV. Даръ слезъ. Сиб. Ц. 1 р. 25 коп.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Въ пустынь и въ души. Повѣсть. Перев. съ польск. Кн. II. Москва. 1911. Ц. 85 к.

СПАДЪ, Бабникъ. Веселый романъ. Ц. 1 руб.

ТАЛЪМА, А. Князь Свитополкъ. Лѣтописная быль въ 5 д. въ стихахъ. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ТЯЖЕЛАЯ НОЧЬ. Миниатюры. Юмористика. Сборникъ 4-й. Изд. «Вѣсти. иллюстр. литературы». Сиб. 1911. Ц. 90 к.

ХМЕЛЬ. Альманахъ молодыхъ писателей. Кн. I. Москва. 1911. Ц. 75 к.

ШЕВЛЯКОВЪ, М. В. Нервъ веселья. Сцены для сцены. (Шутки и шаржи). Изд. 2-е, дополн. Сиб. Ц. 60 к.

ШПИЛЬГАГЕНЪ, ФР. Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ. Перев. съ нѣм. М. Лихтенштадтъ. Изд. 2-е. П. В. Луковникова. Сиб. 1911. Ц. 1 р.

ШТИЛЬГЕБАУЭРЪ, Э. Столпы школы. Романъ. Ц. 90 к.

ФЕДОРОВЪ, А. М. Природа. Романъ въ 3-хъ частяхъ. «Московское книгоиздательство». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АВАЛІАНИ, С. Л. Бумаги проф. А. Е. Навтмова, Съ предисловіемъ проф. П. А. Линниченка. Одесса. 1911. Ц. 50 к.
 АРХИВЪ бр. Тургеневыхъ. Вып. 1-й. Дневники и письма Н. П. Тургенева за 1806—1811 годы. Томъ I. Подъ ред. и съ примѣч. Е. П. Тарасова. Изд. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Имп. Академіи. Наукъ Спб. 1911. Ц. 3 р.
 ГЕККЕЛЬ, А. Трофеи войнъ 1812, 1813, 1814 гг., хранящіеся въ Казанскомъ соборѣ. Спб. Ц. 6 р.
 ДРИЛЬ, Дмитрий Андреевичъ, какъ ученый и общественный дѣятель. М. М. Ковалевскій, С. К. Гогель, М. П. Беклешовъ и др. Спб. 1911. Ц. 50 к.
 ГРЕВСУ, И. М. ученики. 1884—1909. Сборникъ статей. Спб. 1911. Ц. 3 р.
 ЕЛЬЧАНИНОВЪ, П. Н. Матеріалы для генеалогіи прославскаго дворянства. Ярославль. 1910. Ц. 2 р.
 КЛЮЧКОВЪ, М. Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Т. I. Переписи дворовъ и населенія (1678—1721). Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

МЯТЛЕВА, Т. Древняя карта всей мѣстности намъ современной Россіи и прилежащихъ къ ней странъ послѣ нашествія Гунновъ приблизительно до IX и X столѣтій. Ц. 20 к.
 ОБЩАЯ ИСТОРИЯ Европейской культуры. Томъ 6-й. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 5 руб.
 ПОЖАРЪ МОСКВЫ. По воспоминаніямъ и перепискѣ современниковъ. Изд. т-ва «Образваніе». Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
 РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Исторія израильскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. и съ примѣч. С. Г. Ловинскаго и П. З. Берлина. Томъ II, вып. II. (Иудейское царство. Вавилонское плѣненіе). Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.
 ТОЛЬ, С., граф. Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.
 ШЕВЧЕНКО, С. Кирилловскія рукописи Древнейшей королевской публичной бібліотеки. Кіевъ. 1911. Ц. 20 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

Б. Вопросъ объ отбѣнѣ смертной казни въ нашихъ законодательныхъ палатахъ. Спб. 1911. Ц. 15 к.
 ВАСИЛЬЕВЪ, Ф. Ф. Подсудность уголовныхъ дѣлъ по дѣйствующимъ узаконеніямъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.
 ВАХТИНА, М. Роль женщины въ исторической эволюціи и другія жалобы. Спб. 1911. Ц. 35 к.
 ВЕМТЪ, инж. Нашествіе военнаго министерства на министерство путей сообщенія. Спб. 1911. Ц. 75 к.
 ВОБЛЫЙ, К., проф. Третья профессионально-промысловая перепись въ Германіи. (Опытъ аналитико-методологическаго изслѣдованія). Томъ I. Кіевъ. 1911. Ц. 3 руб.
 ГАМБАРОВЪ, Ю. С. Курсъ гражданскаго права. Томъ I. Часть общая. Спб. 1911. Ц. 4 р.
 ГИРНФЕЛЬДЪ, О. Г. Постановка вопроса по дѣламъ уголовнымъ и политическимъ. Практическій комментарий. Москва. Ц. 2 р. 25 к.
 ГОРДОНЪ, В. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ повѣдѣніями узаконеніями и разъясненіями. Изд. 5-е. Спб. 1911. Ц. 4 р. 50 к.
 ГРОМОВЪ, Н. А. Укрѣпленіе и переходъ въ личную собственность надѣльной земли по закону 14 июня 1910 г. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 ЕВРЕИНОВЪ, Г. Идеологія ближневосточнаго вопроса. Спб. 1911. Д. 40 к.
 ЗАКОНЪ о порядкѣ сношеній суда съ тяжущимися черезъ почту. Одобрен. Г. Советомъ и Г. Думою. Спб. 1910. Ц. 30 к.
 ЗАМЫСЛОВСКІЙ, Г. Г. Развалъ высшей школы. Рѣчь въ засѣданіи Государственной Думы. Спб. 1911. Ц. 10 к.
 ИВАНОВЪ, Г. А. Новая теорія права и нравственности, ея критика и монистическое пониманіе этики. Спб. 1910. Ц. 50 к.
 КАЗАНСКІЙ, П. Совѣщаніе профессоровъ въ декабрѣ 1910 г. Одесса. 1911. Ц. 50 коп.
 КАРГИНЪ, Д. Желѣзныя дороги вѣсного шара въ графикахъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.
 КИСЕЛЕВЪ, Н. Русскій Сѣверъ и не-

обходимые для него пути. Спб. 1911. Ц. 30 коп.
 КОЦЕБУ, П. А. Политическое, экономическое и военное значеніе присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи. Екатеринбургъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
 МОРСКОЙ, А. Разочарованія въ честномъ маклерствѣ. Т. Развельтъ и портсмутскія совѣщанія. Москва. 1911. Ц. 50 к.
 ПАСХАЛОВЪ, К. Земскій вопросъ. М. 1911. Ц. 20 к.
 ПЕТРАЖИЦКІЙ, Л. I., проф. Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Томъ I. Объ акціонерномъ дѣлѣ и типическихъ ошибкахъ при отбѣнѣ шансовъ неавѣстной прибыли. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
 ПИЛЕНКО, А. П., проф. Очерки по систематикѣ частнаго международнаго права. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
 РЕЙСНЕРЪ, М. А., прив.-доц. Государство. Пособіе къ лекціямъ по общему ученію о государствѣ. Часть I. Культурно-историческія основы. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 РЕНАНУСЪ. Социалистическій рай въ мечтахъ и дѣйствительности. 1911. Ц. 30 коп.
 СБОРНИКЪ узаконеній и циркуляровъ по таможенному дѣлу за 1910 годъ. Изд. т-ва «Книговѣдъ». Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
 СЕРГѢЕВСКІЙ, Н. Д., проф. Русское уголовное право. Часть общая. Изд. 9-е. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
 СТОЛЫПИНЪ, П. А. и КРИВОШЕИНЪ, А. В. Поѣздки въ Сибирь и Поволжье. Записка. Спб. 1911. Ц. 60 к.
 ТАРАНОВСКІЙ, Ф. В. Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ. Юрьевъ. 1911. Ц. 4 р.
 ТИЛЛО, А. Вопли пьяницы (столѣтняго старика). Этюдъ. Саратовъ. 1911. Ц. 15 коп.
 ФИЛИППОВЪ, Ю. Д. Законы межевые. (Св. вак. т. X, ч. 2 изд. 1893 г.). 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 1911. Ц. 3 р.
 ФИННЪ-БНОТАЕВСКІЙ, А. Современное хозяйство Россіи. (1890—1910 г.г.).

Изд. М. П. Семенова. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

ЧАПЦЪ, С. Правила объ устройствѣ судебной части, о производствѣ судебныхъ

дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, и о волостномъ судѣ. Изд. 7-е. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Искусство.

ГВРЕННОВЪ, Н. Работа на сценѣ. Сборникъ статей. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ЛУКОМСКІЙ, В. К. О геральдическомъ искусствѣ въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 коп.

МУЗЕИ. Собраніе картинъ великихъ мастеровъ. Редакция и текстъ А. Бенуа.

Изд. I. Кнебель. 20 вып. Москва. Ц. 50 руб.

ТУГЕНДХОЛЬДЪ, Я. Французское искусство и его представители. (Сборникъ статей). Ст. 26 рис. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

ХСЕНСКИЙ, А. Древне-русскій бузавный орнаментъ. М. 1911. Ц. 50 к.

Естествознаніе и математика.

БОЛЬЦАНО, Б. Парадоксы безконечнаго. Перев. подъ ред. проф. П. В. Стешицаго. Изд. «Mathesis». Одесса. 1911. Ц. 80 коп.

ВАЛЬТЕРЪ, I. Исторія земли и жизни. Вып. 3. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

БОГДАНОВЪ, Д. П., горн. инж. Матеріалы для геологич. Алтая. Москва. 1911. Ц. 4 р.

ГРАВЕ, Д. А., проф. Основы аналитической геометріи. Ч. I. Геометрія на плоскости. Кіевъ. 1911. Ц. 3 р.

КАПГОРДОВЪ, Д. Наши весенніе цвѣты. Серія 1-я. Растенія, зацвѣтающія раннею весною. Популярныя очерки, съ 16 красочн. таблицами. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. 1 р.

НОВЫЯ ДѢЛА въ физикѣ. Подъ ред. проф. П. П. Борзмана. Сборникъ № 2. Эфиръ и матерія. Изд. «Образованіе». Спб. 1911. Ц. 80 к.

ТШЕДЕНЪ, В. Химическіе элементы. Разсужденіе о природѣ и происхожденіи ихъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ЕДЕМСКІЙ, М. Свадьба въ Ковшенигѣ, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ. Ст. рис. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ПАТКАНОВЪ, С. О природѣ инородческаго населенія Сибири. Статистическіе матеріалы для освѣщенія вопроса о вы-

мираніи первобытныхъ племенъ. Изд. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

РЫНИЦЪ, Н. Въ впадинномъ океанѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЧЕГОДАЕВЪ-САКОНСКІЙ, А., кн. На «Алмазъ» отъ Либавы черезъ Цусуму-во Владивостокъ. Москва. 1910. Ц. 75 к.

Языковѣдніе.

ROUDANOVSKY, B. Quelques particularités du Dialecte Arabe de Malte. 2-me edit. Beyroutъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

СОБОЛЕВСКІЙ, А. И., акад. Опытъ русской диалектологіи. Нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ВИНОГРАДОВЪ, М. Обь улучшенія крестьянскаго хозяйства. Спб. 1911. Ц. 25 к.

ГЕНРИХСОНЪ, А. К. Культура болѣе употребительныхъ лекарственныхъ растений, хорошо растущихъ въ Россіи, и ихъ примѣненіе въ медицинѣ. Юрьевъ. 1910. Ц. 3 р. 75 к.

ЗАРИНЪ, Э. Я. Медь, ея фальсификація и простѣйшіе способы распознаванія. Изд. Русскаго общества пчеловодства. Спб. 1910. Ц. 10 к.

— Простѣйшіе способы вѣдѣванія пчелинаго воска для открытія ея фальсификацій. Спб. 1910. Ц. 10 к.

КАЛАНТАРЪ, А. Общедоступное руководство по молочному хозяйству. Спб. 1911. Ц. 60 к.

КИРСАНОВЪ, Д. И. Обь улучшенія въ мелкомъ хозяйствѣ. Центральная черноземная полоса Россіи. Картофель. Москва. 1911. Ц. 10 к.

— Обработка и посѣвъ яровыхъ. Москва. 1911. Ц. 15 к.

ЛЮБАНСКІЙ, Ф. Л. Описание Головинскаго имѣнія В. В. Скибневскаго. Винница. 1911. Ц. 1 р.

ЛЯЛИНЪ, Л. М., проф. Основы винодѣлія. Курсъ общедоступныхъ лекцій. Ст. Съ 46 рис. Изд. А. Ф. Девриена. Спб. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

МОЛОХОВЕЦЪ, Е. Простая общедоступная кухня. Изд. 6-е. Спб. 1911. Ц. 50 коп.

ПИКЕЛЬ, В. О. Принадлежности доходнаго пчеловодства. Ст. 165 рис. Изд. Русскаго общ. пчеловодства. Спб. 1910. Ц. 70 коп.

РАЕВСКІЙ, Ф. В. Канарейка. Разведеніе, обученіе пѣнію, уходъ, болѣзни и леченіе. Изд. 3-е. Спб. Ц. 20 к.

СЕРБИНОВЪ, И. Л., прив.-доц. Гнилецъ пчелъ и борьба съ нимъ. (Сущность гнильца, причины его и мѣры борьбы съ нимъ). Ст. 3 табл. и 35 рис. Спб. 1910. Ц. 60 коп.

СЯЛЬСКАЯ, А. Я. Что въ ротъ, то спасибо. Сборникъ булочн., кондитерск. и кулинарн. рецептовъ. Полтава. 1911. Ц. 3 руб.

ШАВРОВЪ, Н. Чарджуйскія дыни и ихъ разведеніе. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ДЕНИСОВЪ, В. И. Льянное дѣло, торговля льномъ и льянными надѣльями. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— Лѣса Россіи, ихъ эксплуатація и лѣсная торговля. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Экономическое завоеваніе Германіей финляндскаго рынка. Постепенное уменьшеніе сбыта изъ Россіи сельско-хозяй-

ственныхъ продуктовъ въ Финляндію. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЕГОРОВЪ, М. Историческое обелѣдованіе «волоколскаго» древнѣйшаго транзитнаго пути, чрезъ который проектируется устройство Воложинско-Кобожскаго соединительнаго канала, съ выходомъ волжской водной магистрали къ Балтійскому морю. Спб. 1911. Ц. 10 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АКИМОВЪ, В. Технологія дерева съ столярн., токарн., плотн., модельн. и литейн. производствомъ. Съ 520 чертеж. Изд. т-ва И. Д. Ситина. Москва. 1911. Ц. 80 коп.

АЛЬБРЕХТЪ, П., инж. Табличка элементовъ кривыхъ, кратныхъ 25 саж. Спб. 1911. Ц. 12 к.

Бѣлявскій, М. Ю., инж.-техн. Канализація городовъ. Симферополь. 1909. Ц. 2 руб.

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ. Его прошлое и настоящее. Вып. 8—10. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

НИТТЕ. Справочная книга по металлургіи желѣза. Перев. съ нѣм. подъ ред. горн. инж. Г. I. Кваша. Съ 610 рис. Спб. 1911. Ц. 7 р.

ЗАЙКИНЪ, В. Велопланъ или планеръ-велосипедъ. Съ рис. и чертеж. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ЗЕФКОВЪ, ОТТО. Таблицы для измѣренія дерева въ брускахъ и доскахъ, переведенныя на квадратные футы и дюймы, одного дюйма толщины. 2-е изд., дополн., книжн. магаз. А. Ф. Цинверлинга. Спб. 1911. Ц. 10 р.

КИПРИАНОВИЧЪ, В. Сухіе и плавучіе доки. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ПОДЪЯКОНОВЪ, С. А., горн. инж. Производство массовыхъ земляныхъ работъ посредствомъ экскаваторовъ. Спб. 1911. Ц. 4 руб.

ПОЛЬГАУЗЕНЪ, А. Паровыя машины.

Учебникъ и справочная книга для учащихся, техникумовъ и инженеровъ. Т. I. Термодинамика и поршневыя паровыя машины. Ч. IV. Перев. съ нѣм. инж.-техн. Л. А. Боровича. Изд. 2-е. Г. В. Гольстена. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

РЫНИНЪ, Н. А., инж. 1) Опыты Эйфеля по испытанію поддерживающихъ поверхностейъ аэроплановъ. Перев. съ франц. 2) Аэромеханическія лабораторіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

— Аэропланъ Фармана и двигатель «Гномъ». Спб. 1911. Ц. 3 р. 30 к.

САВОСТИНЪ, А. А. Деревянные дачи въ новомъ стилѣ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ сборникъ статей и замѣтокъ изъ области практической съфотопіи. Спб. 1911. Ц. 35 к.

ФРЕЙБЕРГЪ, В. О., инж. Стереотеодолиты и стереокомпараторы. Точность стереофотограмметрической съемки. Ц. 1 р. 50 коп.

ХАРЬКЕВИЧЪ, А. Н., инж.-техн. Гребной винтъ въ теоріи и дѣйствительности. Опытъ сравнительнаго анализа динамики гребного винта. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

КУРДЮМОВЪ, В. Матеріалы для курса строительныхъ работъ. Вып. I. Дерево. Съ 79 чертеж. Изд. 4-е. I. В. Гольстена. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Вып. III. Свайныя работы. Съ 196 черт. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ВАЙНШТЕЙНЪ, Е. М., д-ръ мед. Чума. Практич. руководство для врачей и студентовъ. Одесса. 1911. Ц. 1 р.

ВИНОГРАДОВЪ, Н., проф. Опухоли. Спб. Ц. 80 к.

— Курсъ патологической анатоміи. Спб. Ц. 2 р. 80 к.

— Разстройства кровообращенія и питанія. Спб. Ц. 1 р. 60 к.,

— Ученіе о воспаленіи. Спб. Ц. 80 к.

ГЕСНЕРЪ, Э. Кефиръ, его химическій составъ, домашній способъ приготовленія и дѣлельныя свойства. Перев. съ польск. 4-е изд. Спб. Ц. 10 к.

NAEGELI, OTTO, dr. Техника клиническаго анализа крови. Съ 18 рис. Перев. съ нѣм. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

НИКИТЕНКО, В. П., д-ръ мед. Чума у

людей (черная смерть) и борьба съ нею. 2-е исправл. изданіе. Иркутскъ. 1911. Ц. 10 коп.

ФИНКЕЛЬШТЕЙНЪ, Ю. А., д-ръ Серодиагностика сифилиса по Вассерману. Техника метода и его клиническое значеніе. 2-е дополн. изд. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

SCHMIDT, M., проф. Бользни верхнихъ дыхательныхъ путей. Перев. и редакція д-ра мед. П. К. Галлера. Съ 101 рис. Саратовъ. 1911. Ц. 5 р.

SIMOND, P. Чума человѣка. Причины, пути распространенія, профилактическаго и санитарнаго мѣры противъ нея. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.

FINKELSTEIN, N., prof. MEYER, F., d-r. О «бѣлковомъ молокѣ». Къ вопросу объ искусственномъ вскармливаніи. Съ 30 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1911. Ц. 60 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АРЕНСЪ, В. Математическія игры и развлеченія. Перев. съ нѣм. Книгоизд. «Физ.ка». Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- БРАЙНОСЪ, А. Сокращен. курсъ химіи (неорганич. и органич.). Кіевъ. 1911. Ц. 60 коп.
- ДАДЫКИНЪ, И. М. Русскіе писатели. Входящія въ курсъ старшихъ классовъ произведенія: Крылова, Жуковского, Пушкина, Тютчева, Кольцова, Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Полонскаго, Майкова, Некрасова, Л. Толстого, въ обработкѣ для младшихъ классовъ, съ биографіями и комментаріями. Ч. I. Вильна. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.
- ДОБІАШЪ, А. А. Учебникъ электричества для средней школы. Изд. «Образованіе». Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ДОБРЫНИНЪ, К. Краткій курсъ русской исторіи, съ доп. изв. всеобщей. М. 1911. Ц. 60 к.
- ЕФИМЕНКО, А. Элементарный учебникъ русской исторіи, курсъ эпизодическій. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ЕЛАГИНЪ, А. Сборникъ избранныхъ легендъ Франціи для класснаго чтенія. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- ЗАБОРСКІЙ, А. Разборы литературныхъ произведеній. М. 1911. Ц. 50 к.
- ЗАДАЧИ и устройство средней школы Три доклада: Ганса Корнелиуса, Эрнста Рейзингера. Спб. 1911. Ц. 20 к.
- КАРТИНЫ по священной исторіи Ветхаго Завѣта. 3 вып. Ц. кажд. вып. 1 р. 50 коп.
- КОВАЛЕВИЧЪ, М. М. Пропедевтический курсъ литературы. Пособіе для учащихся IV кл. реальн. учил. V кл. жен. гимназ. Ливва. 1910. Ц. 60 к.
- КРАЙЧИКЪ, М. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ алгебраическихъ задачъ Н. А. Шапошниковой и Н. Вальцова. Ч. I. В. 2. 1911. Ц. 80 к.
- КОНОНОВИЧЪ-ГОРБАЦКАЯ, Е. Русская хрестоматія для среднихъ классовъ средне-учебн. заведеній. Севастополь. 1910. Ц. 75 к.
- ЛАВРОВЪ, М. Рѣшенія ариметическихъ задачъ сборника И. Верещагина. 1911. Ц. 1 р.
- ЛЕБЕДИНЦЕВЪ, К. О. Краткій алгебраическій задачникъ. Для учебн. завед. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- МАЗОРЪ, И. Постатейный словарь къ учебнику французскаго языка А. Roussy. Ч. 1-я. Кіевъ. 1911. Ц. 30 к.
- МАККАВЪЕВЪ, А. Ф. Геометрическое черченіе въ связи съ геометрией. Ч. II. Съ прилож. сборника 285 задачъ и 363 чертежей на XVII табл. 2-й переработан. изд. Спб. 1911. Ц. 1 р. 80 к.
- МОНРО, П. Исторія педагогикіи. Ч. II. Новое время. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- НЕЧАЕВЪ, А. Учебникъ психологіи для средн. учебн. завед. и самообразованія. Спб. 1911. Ц. 80 коп.
- НИФОНТОВЪ, В. Сборникъ статей для учителя и писемнаго изложенія. Юрьевъ. 1911. Ц. 60 к.
- ПЛАТОНОВЪ, Н. Практическія занятія по начальной астрономіи (космографіи). Для учащихся въ средней школѣ. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 60 к.
- ПОКРОВСКІЙ, Н. Русское правописаніе, съ приложеніемъ орфографическаго словаря. М. 1911. Ц. 40 к.
- ПОПОВЪ, Г. Бесѣды по общей дидактикѣ. Кіевъ. 1911. Ц. 80 к.
- ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ, Н. Корифей русскаго слова. Выпускъ 4-й. Жуковский, жизнь и творчество. Ц. 95 к. Вып. 5-й. Грибоѣдовъ. Ц. 70 к.
- ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ, Н. Г. Корифей русск. слова. Сборн. критич. и биографич. статей для средн. школы и самообразованія. Вып. XV. Ал. Толстой. Жизнь и творчество. Спб. Ц. 45 к.
- РОМАНОВСКІЙ, В. Е. Государственныя учрежденія древней и новой Россіи. Для старшихъ классовъ средн. учебн. завед. Изд. 3-е, исправл. и дополн., I. Кнебель. Москва. 1911. Ц. 2 р.
- РАЙКОВЪ, Б. Геологическія экскурсіи въ окрестностяхъ Петербурга. Пособіе для учащихся и учащихся. Спб. 1911. Ц. 35 коп.
- РЮМИНЪ, В. Опыты по электричеству на самодѣльныхъ приборахъ и въ физическомъ кабинетѣ средней школы. Ч. 2-я. Спб. 1911. Ц. 65 коп.
- SERMOUD, F. Cours rationnel de langue française. Première partie. Kieff. 1911. Pr. 8 cop.
- СИНЮХАЕВЪ, Г. Постѣ Гоголя. Пособіе и хрестоматія для старш. кл. средн. школы и для самообразованія. Ч. II. вып. I. Левъ Толстой. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- То же. Ч. II. вып. 2. Достоевскій, Некрасовъ, А. Толстой, Майковъ, Полонскій, Фетъ, Тютчевъ. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- СОРОКИНЪ, В. С. Математическія дѣйствія и количества. Томскъ. 1911. Ц. 35 к.
- СОЧИНЕНІЯ по русскому языку. Пособіе для старш. кл. средн. учебн. завед. Самара. 1909. Ц. 1 р.
- ТРОСТНИКОВЪ, М. Почему въ школахъ пишутъ орфографически неправильно? Какъ устранить этотъ недостатокъ? Юрьевъ. 1911. Ц. 20 к.
- TRUAN, POUL Cours de grammaire française a l'usage des écoles secondaires russes. 1-e partie. Lexicographie. 2-me édition. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ТУМИМЪ, Г. Моя книжка. Книжка для класснаго и домашняго чтенія съ постѣдующими бесѣдами. Съ рисунками. Спб. 1911. Ц. 65 к.
- ТУМАСОВЪ, В. Сборникъ задачъ и вопросовъ по физикѣ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ. 1911. Ц. 90 к.
- ФЕДОРОВЪ, В. П. Родители и дѣти ихъ—самоубійцы. Саратовъ. 1911. Ц. 30 к.
- ФИЛОСОФОВЪ, П. С. Учебникъ химіи для средн. школъ. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ЧАРНОЛУССКІЙ, В. Настольная книга по народному образованію. Т. 4-й, дополнительный. Спб. 1911. Ц. 5 р.
- ШАХЪ-ПАРОНИАНЦЪ, Л. М. Учебные наброски на темы изъ курса исторіи русской словесности. (Историко-литературныя характеристикіи). I-я ч. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
- ШНЕЙДЕРЪ, В. Распространеніе низшаго сельско-хозяйственнаго образованія посредствомъ учебныхъ заведеній и вѣтшкольнымъ путемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Бельгіи и въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 90 к.
- ЭКСЕ, В. Виленское потѣшное войско или государево дѣло, изложенное воинскимъ языкомъ законовъ и дающее совѣты на всѣ вопросы устройства и обученія и войска по англійской системѣ, но въ духѣ русскаго. Вильна. 1911. Ц. 50 к.

САМСОНОВЪ, В. А. Методическое руководство класснаго чтенія и литературныхъ бесѣдъ въ городск. четырехклассн. учил., въ младш. класс. средн. учебн. заведен. и во 2-мъ классѣ двухкласс. народн. школы. Изд. Н. П. Карбасникова. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

ШАНСЕЛЬ, П. Классныя и домашнїя письменныя упражненїя по французскому языку, примен. къ учебнику П. Глезера. Сиб. 1911. Ц. 35 к.

ШТЕЙДИНГЪ, Г. Памятники античнаго искусства для средне-учебныхъ заведенїй и самообразования. Изд. А. С. Суворина. Сиб. 1911. Ц. въ пап. 1 р. 50 к.

ШТЕКЛИНЪ, Г. Методика ариметики, Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.

ЦАВИНСКІЙ, Т. Полный курсъ международнаго языка Эсперанто. М. 1911. Ц. 60 коп.

ЯВЛОНСКІЙ, В. Руководство къ изученію Закона Божїя. Курсъ 7 и 8 кл. свѣтскихъ ср.-уч. завед. Ч. I. Православно-христианское вѣроученіе. Сиб. 1911. Ц. 75 коп.

ЯГОДОВСКІЙ, К. П. Лѣтнія работы по естествознанію. Руков. для наблюденїй надъ жизнью въ природѣ и для сознательнаго составленїя зоологич. и ботанич. коллекцій. Изд. Тенишевскаго училища. Сиб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АВЕНАРИУСЪ, В. П. Сборникъ разсказовъ и сказокъ современныхъ русскихъ писателей. Съ рис. Изд. А. Д. Ступина. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

АЛТАЕВЪ, Ал. За свободу родины. Историч. романъ для юношества. изъ времєнъ паденїя Чехїи. Съ рис. Сиб. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

БАРАНЦЕВИЧЪ, Г. Дѣтскїй театрикъ. Сиб. 1911. Ц. 30 к.

ВЕБЕРЪ, Звѣздочкамъ земли. Разсказы для дѣтей. Сиб. 1911. Ц. 50 к.

ВЕРНЪ, Ж. Манкъ на краю свѣта. Сиб. 1911. Ц. въ пер. 1 р.

Д. ГИ МАЛЕНЬКИХЪ. Второй сборникъ разсказовъ и стиховъ для дѣтей. М. 1910. Ц. въ перепл. 75 к.

ГНЯЗЬКОВЪ, С. Царь Иванъ Грозный и его время. Историч. очеркъ. Изд. 3-е. I. Кнебель. Москва. 1911. Ц. 30 к.

КОРНИФСКІЙ, А. Въ родномъ краю. Новый сборникъ стихотворенїй для дѣтей. Сиб. 1911. Ц. 45 к.

КРИВОШЫКЪ, М. Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ замѣчательныхъ людей, съ портретами и краткими биографїями. Ц. 60 к.

— Великіе полководцы міра въ биографїяхъ и анекдотахъ, съ портретами. Ц. 60 к.

КРОНИДОВЪ, Н. Принцесса Лера.

Сказка. Рисунки Н. Калмакова. Сиб. 1911. Ц. въ пер. 3 р.

ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Л. Школьный праздникъ древопосаженїя. Москва. 1911. Ц. 57 коп.

ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ, Г. А. Потѣшная рота. Новель. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 75 к.

МИХНЕВИЧЪ, А. П. Полѣвка назадъ 19-го февраля 1861 г. Освобожденїе крестьянъ. Съ 8 рис. Чтенїе для школы, войска и народа. Сиб. 1911. Ц. 75 к.

ПАНИЮРИНЪ, Г. Для дѣтей. Разсказы и сказки. X. 1911. Ц. 30 к.

ПЛАМЕНЕВСКАЯ, М. Чертополохъ. Сказки тети Мани. Для дѣтей средняго возраста. Ц. 35 к.

СЕРГЮРЪ-РАСТОПЧИНА, граф. Маленькій горбунокъ. Разсказъ для дѣтей. Перев. Е. М. Чистяковой-Воръ. Съ 100 рис. Изд. В. И. Губинскаго. Сиб. Ц. 1 р. 20 коп.

ТОМПСОНЪ, Э. Жизнь гонимыхъ. Ц. 30 коп.

ФЕДОРОВЪ-ДАВЫДОВЪ, А. А. Собака-герой на войнѣ. Очерки. Съ иллюстр. 5-е изд. А. Д. Ступина. Москва. 1911. Ц. 30 к.

ШВЕДЕРЪ, Е. 20 дѣтскихъ сказокъ и разсказовъ. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 40 к.

ШУМАКОВЪ, Д. Театръ ученика. № 1. На аэропланѣ смекалики. Фапагачи. пьеса въ 4 картинахъ. Сиб. 1911. Ц. 35 к.

Спортъ, охота и игры.

АНОХИНЪ, А. К. (Б. РОССЪ). Сила и здоровье для всѣхъ. Критич. очеркъ всѣхъ системъ физическаго развитїя. Съ рис. Кїевъ. 1911. Ц. 75 к.

БЕЕРВАЛЬДЪ, К. и БРАУЕРЪ, Г. Школьная и домашняя гимнастика съ булавами. Ц. 30 к.

ГАККЕНШМИДТЪ, Д. Путь къ силѣ и здоровью. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ПВАШЕНЦОВЪ, А. Бой и служба дробного ружья. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

ПРИКЪ, А. Е. Руковод. къ изученію

шахматной игры. Вып. 2-й. Сиб. 1911. Ц. 60 к.

РЫНИНЪ, Н. А. Всероссийскїй праздникъ воздухоплаванїя 8 сент.—1 окт. 1910 г. Ц. 1 р.

ТОЛМАЧЕВЪ, Ю. Искусство быстрой ходьбы. Сиб. 1911. Ц. 40 к.

ЮРИЧЪ, Н. Охотничье обозрѣніе за 1910 годъ. Кїевъ. 1911. Ц. 1 р.

ФЕДОРОВИЧЪ, А. Воспитанїе и дрессировка комнатныхъ и охотничьихъ собакъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Справочныя книги.

АРЕФА, Н. Права и обязанности полицейскихъ урядниковъ, стражниковъ, приставовъ и проч. чиновъ городской и уѣздной полицїи. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

БРЮНЕЛЛИ, П. «Частный повѣренный» Справочная книга для лицъ, коимъ закономъ предоставлено право веденїя судебныхъ дѣлъ. Сиб. 1911. Ц. 1 р.

БЪЛОУСТОВЪ, В. Полный нѣмецко-русскїй карманный словарь. Кїевъ. 1911. Ц. въ перепл. 80 коп.

«ВЕСЬ ОМСКЪ». Справочникъ-указатель на 1911 годъ. Ц. 2 р.

ГЕНЗЕЛЬ, А. Заводы, фабрики и склады сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудїй. Сиб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

- КАРМАННЫЙ** спутникъ по Персіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- КЛАРКЪ, И.** Адресъ-календарь и торгово-промышленный указатель Дальняго Востока и спутникъ по Сибири, Манчжуріи, Амуру и Уссурийскому краю. 1911. Ц. 3 р.
- ЛУЧИНСКИЙ, А. А.,** д-ръ, и **НИКИТИНЪ, Н. В.,** инж. Сиверская дачная мѣстность по Варшавской жел. дор. Съ прил. плановъ и иллюстр. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- МАРТЫНОВЪ, Н.** Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- МОРДВИНОВЪ, В. Н.** Справочная книга для урядниковъ и сельской полиціи. Изд. 5-е, исправл. и дополн. Спб. 1911. Ц. 1 руб.
- МОСКВИЧЪ, Г.** Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ. Маршрутъ № 1. Петербургъ, Москва, Крымъ. Ц. 20 к.
- То же. № 2. Петербургъ, Москва, Кавказъ. Ц. 20 к.
- Путеводитель по Черноморскому побережью. 1911. Ц. въ перепл. 75 коп.
- Путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. 1911. Ц. въ перепл. 50 коп.
- МОСКВИЧЪ, Г.** Иллюстрированный практической путеводитель по Крыму на 1911 годъ. Ц. 1 р. 50 к.
- НОВИКОВЪ, П.** Руководство для волостныхъ писарей. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ОБРАЗЦЫ** дѣлопроизводства судебныхъ слѣдователей. Приложение къ 6-му изд. Практ. руковод. для судебн. слѣдователей. П. В. Макалинскаго. Изд. 2-е, исправл., книги, магазин. Н. К. Мартынова. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ОВЧАРОВЪ, П.** Тарифная книжка для портовыхъ, пограничныхъ и внутреннихъ сообщений, съ указаніемъ болѣе важныхъ станцій Ряз.-Ур. ж. д., до С.-Петербурга, Ревеля, Риги, Вильявы и Либавы. Саратовъ. 1911. Ц. 75 к.
- ПИККЕРЪ-ВИДБЕРГЪ, Д.** Дополненіе къ карманному таможенному тарифу по европейской торговлѣ за періодъ времени съ 20 іюля 1909 до 1 января 1911 г. и тарифы по финляндской и азіатской торговлѣ. Ц. 1 р.
- ПРАВИЛА** о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ, на Высочайшее Имя приносимыхъ, съ образцами прошеній и жалобъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- РУКОВОДСТВО РЕКЛАМИРОВАТЬ.** Одесса. 1911. Ц. 30 к.
- РУКОВОДСТВО** по опредѣленію провозныхъ платъ. Ц. 50 к.
- РУКОВОДСТВО** для вояжеровъ и агентовъ. Ц. 50 к.
- РУЦКИЙ, П.** Рига и ея окрестности. Путеводитель съ планами. 4-е изд. Рига. Цѣна 1 руб.
- СБОРНИКЪ** таблицъ процентовъ для ссудо-сберег. и кредитн. товариществъ. Изд. А. Набогильцъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- СИМАНСКИЙ, В.** Спутникъ петербуржца. Желѣзнодорожныя и пароходныя расписанія. Лѣто 1911 г. Спб. Ц. 30 к.
- СТРОГАЛЬЩИКОВЪ, И.** Указатель ускоренныхъ, кратчайшихъ желѣзнодорожныхъ маршрутовъ русскихъ и заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ, стоящихъ въ прямомъ сообщеніи, со включеніемъ безпересадочныхъ по Россіи сообщеній, а также и рейсовъ пароходныхъ обществъ Русск. Пароход. и Торговли. Ц. 40 к.
- ХАВВИНА, Л.** Библиотеки, ихъ организація и техника. Руководство по библиотечковѣдѣнію. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- ХОНОЛЬДЪ, Е.** Какъ устроить самому волшебный фонарь и картины для фонаря. М. 1911. Ц. 25 коп.
- ЧЕРЕЗЪ ШВЕЦІЮ** въ Норвегію. Спутникъ туриста. Спб. Ц. 60 к.

Разныя книги.

- ПРОШУ СЛОВА!** Застольные рѣчи и списки. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ПУШКИНЪ, А.** Почтовое голубоводство. Разведеніе различныхъ породъ голубей. Съ 10 рис. Спб. 1911. Ц. 30 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
АВГУСТЪ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Колычевская вотчина. Часть третья. I—V. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Гильштетъ.	353
II. Ветрѣчи и знакомства. (Продолженіе). А. И. Соколовой.	395
III. Казусный случай. (Разсказъ старика). Г. Н. Ольшанскаго.	404
IV. Отрывочныя воспоминанія. I—VI. А. М. Витмера.	419
V. Давніе эпизоды. VIII. Воспитатель Пушкина. А. Н. Энгельгардта.	449
VI. Изъ жизни русскаго дворянства прошлаго времени. I—VI. Д. А. Горсакова.	469
VII. Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. (Предсѣдатель спб. цензурнаго комитета В. А. Цез). В. Е. Рудакова.	502
VIII. Гетманша Скоропадская, урожденная Анастасія Марковна Марковичъ (1667—1729). М. М. Мариной.	534
IX. Мимо дворянскихъ гнѣздъ. А. С. Толстова.	551
X. Женатый монахъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля). М. Ф. Чулицкаго.	563
XI. Царская собака и именной крендель. (Быль). Г. Борисова.	569
XII. Счастливый день. (Разсказъ военнаго судьи). А. Писанецкаго.	574
XIII. Нѣсколько словъ о Пушкинскихъ мѣстахъ. В. Г. Вейденбаума.	585
XIV. Еще страничка о поэтѣ Божіей милостію. И. Г.	592
XV. Лечение ударами нагайки у киргизовъ. К. И. Скрябина.	598
Иллюстраціи: 1) Перешагиваніе сокуча черезъ пациентку-киргизку.— 2) Удары нагайкой по спинѣ двухъ рядомъ лежащихъ киргизовъ.	
XVI. Реабилитация русскаго народнаго гимна. (Отъ редакціи).	602
XVII. Эпоха мира и упокоенія. (Историческіе очерки). IV. «Священная дружина» въ переговорахъ съ «Народной Волей». (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	609
XVIII. Въ Соловецкой обители. (Изъ лѣтнихъ впечатлѣній). Д. А. Жарина.	652
Иллюстраціи: 1) Гавань Благовѣщенія и Спасо-Преображенская гостиница.—2) Видъ на монастырь съ гавани.—3) Монастырь съ западной стороны.—4) Каменный мостъ на Муксальму.—5) Савватіевская пустынь.—6) Голгова, скитъ на Апзерскомъ островѣ.—7) Филипповская пустынь.—	
XIX. Таранчи и дунгане. (Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью) Г. К. Гинса.	672
Иллюстраціи: 1) Видъ города Вѣрнаго. — 2) Окрестности города Вѣрнаго.—3) Домъ сарта-торговца въ кишлакѣ Хумсавъ. — 4) Переправа на паромѣ черезъ рѣку Или.—5) Видъ горной щели въ Заилійскомъ Алатау.—6) Мечеть въ Джаркентѣ. — 7) Видъ туземнаго кишлака. — 8) Постройка дома.—9) Туземная мельница. — 10) Озеро Иссыкъ-Куль. — 11) Муллы на молитвѣ.—12) Семья дунганъ—13) Приготовленіе пицци.—14) Въ туземной чайной.—15) Вали-Ахунъ Юлдашевъ.	

(См. слѣд. стран.)

XX. Критика и библиографія. 709

- 1) Изъ записокъ просвященнаго Никодима, епископа енисейскаго и красноярскаго, съ предисловіемъ Ан. Титова. Тула. 1911. А. н — ова. — 2) Е. Клетнова. Отзвуки Отечественной войны въ преданьяхъ и сказаньяхъ Вяземскаго уѣзда. Вып. I. Смоленскъ. 1911. М.—о. — 3) Минская старина. Труды мяскаго церковно-историко-археологическаго комитета. Вып. III. А. В. Лиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Биографія каноника Сенчиковскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями). Часть I. На родинѣ Вѣлорусси. Вильна. 1911. Часть II. Въ изгнаніи. Вильна. 1911. В. Р.—ва. — 4) Извѣстія императорской археологической комисіи. Вып. 36. (Вопросы реставраціи, в. 6), съ 17 таблицами и 84 рис. Вып. 37. Съ 4 таблицами и 85 рисунками Спб. 1910. А. Миронова. — 5) I. Двѣнадцатый годъ II. Пожаръ Москвы. Москва. 1911. л. н.—6) П. Н. Баженовъ (генер.-отъ инфант.) Санделу—Мукденъ. Воспоминанія очевидца участника войны. 1911. м. с.— 7) Некрополь Крымскаго полуострова. Составилъ В. И. Чернопатовъ. Оттискъ изъ XI т. Записокъ московскаго археологическаго института. Москва. 1910. В. Р.—ва. — 8) Сергію Теодоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову. Спб. 1911. в. Троцкаго. — 9) М. Г. Попруженко. Одесская городская публичная бібліотека. 1830—1910. Одесса. 1911. б. в.— 10) Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Пѣсни, памфлеты, сказки, анекдоты, заговоры, поговорки, драмы-комедіи. Составилъ Н. А. Вродскій. Москва. 1911. т. А. М.— 11) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, въ двухъ томахъ. Подъ ред. М. Гершензона. Москва. 1911. н. Лернера. — 12) Елизавета Лихачева. «Воспоминанія одной русской знаменитости». Спб. 1911. Она же. «Нравы нашего милого общества». Спб. 1911. б. г.— 13) Prince Lazarovich-Hrebelianovich. The Serbian people, their past glory and their destiny. Lond. and N. York. 1911. А. б.—ва.— 14) Тарле, Е. В. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Спб. 1911. п. б.— 15) Crtica iz kricanske arhelogie. О. У. Taliја. Drugo izdanje. Dubrovnik. 1910. А. Я.— 16) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Riga. 1911. А. Э. Мальмгрена.— 17) Болгарія. Сочиненіе профессора географіи Софійскаго университета А. Иширкова. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1911. в. г.— 18) С. Я. Гусевъ. Свѣжія раны. Воспоминанія корпуснаго контролера о русско-японской войнѣ. Спб. 1911. м.—о. 19)—Х. Ф. Б. Линчъ. Армения. Путевые очерки и этюды. Переводъ съ англійскаго Е. Джунковской. 2 тома. Тифлисъ. А. Б.

I. Заграничныя историческія новости и мелочи. 737

- 1) Англійскіе медницы, остряки и красавицы въ Англіи во времена Георговъ.— 2) Воспоминанія французскаго дипломата объ одной дипломатической миссіи.— 3) Новые труды о русско-японской войнѣ.— 4) Русское искусство въ Парижѣ.— 5) Коронація Георга V.

II. Смѣсь. 756

- 1) Закладка памятника императору Александру III.— 2) Нѣмецкій памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ.— 3) Открытіе памятника ген.-ад. Скобелеву.— 4) Юбилей «Кронштадскаго Вѣстника». — 5) Закрытіе литературнаго общества.

III. Некрологи. 761

- 1) Вехтѣвъ, С. С.— 2) Вишняковъ, Н. П.— 3) Голубцовъ, А. П.— 4) Левинсонъ, О. Я.— 5) Ольдерогге, В. В.— 6) Пантюховъ, И. И.— 7) Руссовъ, А. А.— 8) Соловьевъ, П. В.— 9) Соколовъ, А. Н.— 10) Суворовъ, Ф. М. 11) Шараповъ, С. Ф.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ гегманши Скоропадской, урожденной Анастасіи ѡвны Марковичъ (1667—1729).— 2) Смерть консулу. (Pour tuer Vopарarte). Историческій романъ Жоржа Ону. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА.

ЧАСТЬ III.

I.

Подъ покровомъ бѣлоснѣжнымъ
Спитъ безмолвно барскій дворъ.
Мѣсяцъ на небѣ безбрежномъ
Совершаетъ свой дозоръ.
И не вѣрится, что гдѣ-то
Жизнь кипитъ и бьетъ ключомъ,
И что люди въ шумѣ свѣта
Безпокоятся... о чемъ?

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

В ОТЬ такъ морозецъ! Словно французъ изъ пушки пальнулъ.

И Кирилловна снова натянула съѣхавшую было съ плеча коричневую шубейку, хотя въ комнатѣ такъ и палило отъ жарко натопленной печи.

Барыня у круглаго стола, гдѣ подъ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ ярко горѣла лампа, продолжала молча свое вязанье, но прислонившаяся къ притолокѣ босоногая Танька весело фыркнула на замѣчаніе бабушки. Ея локоть уже начинало сводить отъ усилій удержать подъ мышкой огромный клубокъ, привычные пальцы все медленнѣе спускали и поднимали петли грубаго чулка, и она рада была хоть на минуту перевести духъ. Но черные глаза старухи строго черезъ очки поднялись на нее, и дѣвочка, переступивъ босыми ногами, снова зашевелила спицами. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царило мертвое молчаніе, и слышалось

«Истор. вѣсти.», августъ 1911 г., т. сxxv.

только легкое позвякиванье иглокъ трехъ вязальщиць, неумимо, словно три Парки, поглощенныхъ работою.

За печкой что-то зашуршало. Осторожно, поводя усиками, показалась голова чернаго таракана. Убѣдившись, что все благополучно и ниоткуда опасности не грозитъ, онъ поползъ по плинтусу и только что собирался перебраться отъ притоки черезъ пустое пространство двери, какъ его открыли быстрые глаза Таньки.

— Ахъ! чернѣй тараканъ, барыня!

Александра Николаевна, питавшая къ нимъ неодолимое отвращеніе, съ испугомъ вскочила.

— Дави его, дави!

Кирилловна во время удержала Таньку.

— Что вы, что вы, матушка! это не паукъ! Того задавишь—сорокъ грѣховъ отпустится, а таракана нельзя,—онъ къ прибыли, къ благополучію.

Винovníкъ переполоха, словно почувавъ опасность, свернулъ въ темную гостиную, гдѣ и не замедлилъ скрыться.

— Что за вздоръ, Кирилловна! Какое благополучіе? Грязь, гадость. И откуда онъ взялся? Вѣрно, ты, Танька, изъ людской зашила?

— Нѣтъ, барыня, у насъ ихъ не видать.

— Никогда и не было, а по-вашему пусть вздоръ,—по-моему—къ благополучію. Старики никогда черныхъ таракановъ выводить не позволяли. Рыжіе другое дѣло, а черныхъ—нельзя.

— Неряхи твои старики были, вотъ и все. Разыщи его, Танька, и брось въ ведро.

Танька, довольная случаемъ оторваться отъ работы, усердно заползала на четверенькахъ подъ столами и стульями, но непріятель исчезъ безслѣдно.

Въ это время стѣна стараго дома снова треснула.

— Ишь ты, морозъ какой!—повторила снова Кирилловна.—Танька, чего ты долго возишься? Поди сюда... Такъ тебя тараканъ и будетъ ждать! Вильнуль усами и убѣгъ. Подыми-ка мнѣ петлю. Что это, Господи, какъ Арефія долго нѣтъ! Еще мнѣ Митьку заморозить. Говорила, не бери мальчонка! нѣтъ, потащилъ!

Барыня въ отвѣтъ только вздохнула.

— Слышь ты,—шопотомъ уже продолжала Кирилловна:—выбѣги на крылечко, да послушай, не слыхать ли колокольчика!

— Валенки надѣнь!—громко прибавила барыня, и Танька въ восторгѣ отъ неожиданной свободы, буркнувъ: «хорошо!» бросилась изъ комнаты.

Напяливъ въ сѣняхъ стоявшія всегда наготовѣ валенки, она накинула на плечи тулупчикъ и, хлопнувъ дверь на блокъ, шмыгнула на дворъ.

— Безрукая!—проворчала Кирилловна, взглянув на вздохнувшую Александру Николаевну.

Танька узкой, протоптанной по глубокому снѣгу тропинкой побѣжала къ воротамъ. Мѣсяцъ выплылъ на самую середину неба и серебромъ игралъ на бѣлыхъ крышахъ служебъ и дома. Старыя липы простирали изъ-за стѣнъ свои длинныя, словно окутанныя ватою, сучья. Изгородь изъ высокихъ кустовъ боярышника сплошнымъ снѣжнымъ валомъ окружала дворъ. Напротивъ чернѣла березовая съ просѣкою роща и бросала длинныя рѣзкія тѣни черезъ дорогу.

Все было тихо, безлюдно, мертво.

Танька запрокинула голову и уставилась на мѣсяцъ, окруженный радужнымъ сіяньемъ. Вдругъ откуда-то издали послышался вой.

Собаки на селѣ отозвались громкимъ лаемъ. Кара въ сопровожденіи двухъ своихъ лохматыхъ щенковъ появилась изъ-за угла конюшни и, понюхавъ воздухъ, подняла морду къ небу и тоже завывала.

— Цыцъ, Кара! молчи, дура.

Танькѣ стало жутко, и она припустилась бѣжать къ дому.

Щенки, не обращая вниманія на воющую мать, устремились за бѣгущей дѣвочкой и, пока она съ трудомъ отворяла тяжелую дверь, проскользнули между ея ваденокъ и кубаремъ вкатились въ спальню Александры Николаевны. Кирилловна не успѣла опомниться, какъ одинъ изъ нихъ, вспрыгнувъ съ разлета къ ней на колѣни, лизнулъ ея сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо, а другой очутился за спиной у барыни.

— Ахъ вы негодяи! Это Танька ихъ привела. Зелѣе дѣвчонка! сколько разъ говорила ей не пускать этой дряни въ комнаты.

— Оставь, Кирилловна, имъ вѣдь тоже холодно! Небойсь, рады погрѣться.

— Вотъ вы таракановъ боитесь, а щенятами грязными не брезгаете, все равно, что Танька, рады возиться съ ними.

— Ничего не слышать, баунька!—проговорила вошедшая дѣвочка, едва переводя духъ и внося въ духоту комнаты струю морознаго воздуха.

— Чего Кара воесть?—спросила барыня.

— Волка почуяла, изъ-за Кожина слышать.

— То-то ты такъ скоро и вернулась!—замѣтила насмѣшливо Кирилловна.—Испугалась, что тебя съѣстъ?

— Только бы нашихъ не тронули!—пробормотала внучка.

— Глупая, да когда же волкъ лошадь съ колокольчикомъ тронетъ!

Танька со вздохомъ пристроила свой клубокъ, щенята, согрѣвшисъ въ комнатѣ, положили головы на спины другъ другу и мирно

улеглись на коверъ у ногъ Александры Николаевны, и снова три Парки принялись за работу, каждая въ лады спицамъ думая свою думу.

Танька мечтала о башмакахъ со скрипомъ, которые ей по заказу барыни долженъ былъ привезти отецъ, Кирилловна беспокоилась о своемъ любимчикѣ, ея девятилѣтнемъ братѣ Митькѣ, а Александра Николаевна вся ушла въ столь недавнее прошлое.

Восемь лѣтъ тому назадъ блестящая карьера Семена Михайловича Сотова вдругъ прервалась. Пятой по счету, столь ожидаемой имъ звѣзды онъ такъ и не получилъ. На открывавшіяся высшія должности его не назначали, и онъ уже нѣсколько лѣтъ исполнялъ чужія обязанности, не получая никакихъ отличій по службѣ. Почему его стали обходить и выдвигать людей болѣе молодыхъ и, конечно, менѣе достойныхъ—было прямо необъяснимо. Тогда Семенъ Михайловичъ рѣшился на послѣднее, отчаянное средство: онъ самъ заговорилъ, что чувствуетъ себя утомленнымъ и что ему пора на покой. Ему не возражали и не удерживали. Возмущенный, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которому данъ былъ немедленный ходъ. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья ему назначили усиленную пенсію и произвели въ высшій чинъ. И онъ дѣйствительно заболѣлъ съ досады. Доктора посовѣтовали уѣхать поскорѣе на свѣжій воздухъ въ деревню. Сотовъ съ радостью ухватился за эту мысль и рѣшилъ весь остатокъ своихъ болѣе не цѣнимыхъ правительствомъ силъ и способностей посвятить на служеніе земскому дѣлу и привести въ образцовый порядокъ только что купленную съ торговъ 800 десятинъ Колычева, чтобы доказать «имъ», то-есть его министру и товарищамъ, что, несмотря на возрастъ, онъ попрежнему бодръ умственно и физически.

Отъ виллы въ то время оставались однѣ почернѣвшія, обугленные развалины. Сотовымъ волей-неволею пришлось помѣститься въ сѣромъ домикѣ пана Романа. Съ теченіемъ времени они его немного перестроили, подновили, перекрыли крышу, оклеили комнаты новыми обоями, перевезли кое-какую мебель изъ Петербурга, и Семенъ Михайловичъ принялся хозяйничать. Много денегъ стоило это хозяйство. Доходу имѣніе не давало никакого, а поглощало средствъ безъ конца, потому что отставной сановникъ, упрекая своихъ предшественниковъ, попа Романа и зятя, а равно и всѣхъ сосѣдей въ рутинѣ, повелъ хозяйство по «настоящей англійской» системѣ. Онъ сталъ сразу хвататься за всевозможныя новшества и ничего, понятнo, кромѣ убытка, отъ нихъ не получалъ. За шесть лѣтъ на эти затѣи былъ ухлопанъ весь запасной капиталъ, и если бы не пенсія, имѣніе снова пошло бы съ молотка.

Овдовѣвъ два года назадъ, Александра Николаевна не тронулась съ мѣста. Она рѣшила дожить свой вѣкъ въ старомъ родовомъ гнѣздѣ, въ томъ домикѣ, гдѣ протекли послѣдніе годы ея безоблач-

наго супружества и гдѣ каждый гвоздь, каждая картина были прибиты руками ея незабвеннаго Simon.

Въ хозяйство она пока не входила,—все, что можно было сдать въ аренду, она сдала мужикамъ, и хотя доходы были ничтожны, но убытковъ по крайней мѣрѣ не было, а получаемой ею послѣ мужа пенсіи хватало на жизнь и ежедневныя потребности.

Послѣ смерти барина Кирилловна выписала изъ Горокъ своего племянника Арефія, который и утвердился приказчикомъ на барскомъ дворѣ. Городскую прислугу разсчитали. Обязанности горничной исполняла дочка Арефія Танька. Она состояла въ полномъ распоряженіи Кирилловны, а та попрежнему поспѣвала всюду, и Александра Николаевна жила, не замѣчая отсутствія прежней многочисленной челяди. Къ внуку своему Митѣ, родившемуся за годъ до водворенія въ Колычевѣ, Кирилловна питала особую нѣжность, зато двѣнадцатилѣтней Танькѣ приходилось туго. Довольно было взглянуть на ея оттопыренный локоть, державшій клубокъ, и поймать испуганно жалобный взглядъ, какой бросала дѣвочка на бабушку, когда клубокъ укатывался въ уголъ, чтобы понять степень рабской покорности внучки. Зато Танька знала неизмѣримо больше своихъ деревенскихъ сверстницъ. Александра Николаевна, развлеченія ради, стала учить ея грамотѣ. За послѣдній гладко выученный урокъ она велѣла Арефію привезти дочери новые башмаки, и Танька съ замираніемъ сердца ждала его возвращенія изъ города...

Если бы кто-нибудь сказалъ Сашенькѣ, что она переживетъ мужа, что послѣ его смерти она будетъ въ состояніи двигаться, ѣсть, спать и если не съ интересомъ, то хоть равнодушно выслушивать другихъ людей,—она бы никогда этому не повѣрила.

Между тѣмъ время начинало брать свое. Она просыпалась уже безъ того остраго толчка въ сердцѣ, когда вдругъ при первомъ мгновеніи пробужденія съ безошадной ясностью рисуется снова невозвратимая потеря. Она уже не приходила въ отчаяніе при мысли, что минувшая ночь не унесла и крупицы ея горя, и что онъ не встанетъ, не войдетъ, не приласкаетъ ея. Медленно, страшно медленно тянулись часы, дни, недѣли, мѣсяцы,—но горе становилось тише, боль тупѣе, словно она уходила куда-то глубже, хотя и была нестелуно при ней.

...Прошло добрыхъ полчаса. На дворѣ давно уже замолкшая Кара вдругъ разсыпалась мелкимъ радостнымъ лаемъ. Щенята отозвались. Кирилловна сама вышла на крыльцо и черезъ минуту вернулась съ радостнымъ лицомъ.

— Ъдутъ! пойду, самоваръ раздую.

Лай смолкъ. Издали слышался колокольчикъ, то замирая, то заливаясь еще громче послѣ минутнаго перерыва. Тройка была еще очень далеко, и только благодаря мертвой тишинѣ ночи, звуки

доносились на такомъ разстояніи. Когда, наконецъ, заиндивѣлые кони въѣхали во дворъ, у Кирилловны уже давно кипѣлъ самоваръ и горѣли краснымъ пламенемъ дрова подь плитою.

Съ ворчливо-добродушнымъ лицомъ встрѣтила она племянника и внука.

— Что, замерзъ, небойсь? садись къ печкѣ-то!—говорила она, раскутывая толстощекаго Митьку.—Поѣхали и пропали!..

— Ну, баунька, не урчи... я тебѣ гостинца не забылъ,—говорилъ мальчикъ, дунувъ въ красные, иззябшіе пальцы.—Мы волка видѣли, такъ глаза и горять, ровно уголья! Страшный такой!..

Отецъ его, съ помощью жены своей Матрены и Таньки, разбирался въ саняхъ. Кромѣ обычныхъ закупокъ по хозяйству—крупы, гвоздей, керосину и пр., была не забыта и почта: пачка газетъ за двѣ недѣли, книжка «Русскаго Вѣстника», выписываемаго по старой памяти и послѣ смерти Семена Михайловича, и нѣсколько писемъ. Одно изъ нихъ было съ заграничной маркой и штемпелемъ Парижа.

Когда почта очутилась на столѣ передь барыней, она машинально взялась прежде всего за него. Рука была четкая, но незнакомая. Александра Николаевна повертѣла его передь глазами; не признавъ почерка, свободной спицей она вскрыла конвертъ, взглянула на подпись и—обомлѣла. Письмо было подписано: Зося...

Подпись была русская, но все письмо было написано по-французски, совершенно другимъ почеркомъ, чѣмъ на конвертѣ. Неровныя, словно ребенкомъ выведенныя буквы проскальзывали вдругъ между четкихъ строкъ, точно писавшая ихъ рука тряслась и не разъ отрывалась отъ работы.

«Милостивая Государыня! (Въ письмѣ стояло—Madame! но мы его лучше переведемъ по-русски). Прочтя мою подпись, вы, можетъ быть, не захотите дочитать письмо до конца,—но именемъ вашего покойнаго брата заклинаю васъ, не бросайте начатаго чтенія. Не правда ли, вамъ кажется наглостью упоминаніе мною имени мужа, но ради его дочери, вашей крестницы (это слова были подчеркнуты), умоляю васъ, выслушайте меня. Тамъ, куда онъ ушелъ по своему желанію, куда и я уйду вскорѣ, онъ убѣдился, что моя дочь была и его дочерью. Если я выдала Лизу за дочь графа Запольскаго, то только потому, что это было единственнымъ условіемъ, при которомъ онъ долженъ былъ отказаться отъ нея, отъ своихъ правъ на дѣвочку, а самой мнѣ разстаться съ нею—было выше моихъ силъ. Если бы я могла предвидѣть, что мои слова убьютъ—о, какъ страшно и сейчасъ это слово—да! убьютъ человѣка, я, клянусь вамъ, не произнесла бы ихъ. Но мнѣ тогда было всего двадцать два года. Я не взвѣшивала ни словъ, ни поступковъ своихъ, я была глупымъ, наивнымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, но не убійцей. Я глубоко уважала,—видите, я не лгу, я не говорю: любила,—

вашего брата, я была несказанно благодарна ему, что онъ вырвалъ меня изъ того ничтожества, въ которое поставило меня мое происхождение, но ему было уже далеко за сорокъ, а Стася Запольскаго, вспомните, вы сами въ Веве находили неотразимымъ. За свое легкомысліе я была жестоко наказана. Брошенная моимъ возлюбленнымъ ради пожилой, но богатой невѣсты, я близко узнала горе тогда и нищету теперь...

«И вотъ, послѣ десяти слишкомъ лѣтъ молчанія, я обращаюсь снова къ вамъ. У меня чахотка, и доктора предупредили меня, что жить мнѣ остается недолго. Если вы, милостивая государыня, согласны приютить дочь вашего брата, послѣднюю представительницу рода Колычевыхъ, отвѣтите мнѣ немедленно. Дѣвочка моя находится въ монастырѣ въ городѣ В. За нее заплачено за два мѣсяца впередъ. Если же и васъ беретъ сомнѣніе въ законности носимаго ею имени, я должна буду обратиться къ представителямъ нашей единой истинной церкви съ просьбой принять въ ея лоно отвергнутаго всѣми ребенка, и когда моей дочери исполнится двадцать одинъ годъ, она произнесетъ монашескій обѣтъ. Обращаясь къ вамъ, я дѣлаю послѣднюю попытку вернуть моей дѣвочкѣ ея законныя права. Можетъ быть, она будетъ счастливѣе своей матери.

«Если въ вашемъ сердцѣ есть хоть капля состраданія къ чужому горю, то вы, сударыня, взявъ мою дочь, пожалѣйте и меня. Какъ я жила, разставшись съ Запольскимъ, я знаю—не тайна для васъ, но я сама отдала свою трехлѣтнюю дѣвочку къ добрымъ сестрамъ въ В., чувствуя, что ей не мѣсто въ моемъ домѣ. Тяжкой болѣзнью и нуждой искупаю я свою бурную юность, я не хочу оправдываться, но умоляю: сжальтесь! Во имя тѣхъ невозвратныхъ дней, которые мы вмѣстѣ провели когда-то и которые я всегда считала нелicenseмъ лучшими въ жизни, умоляю васъ,—пусть дочь моя молится за свою грѣшную мать, не какъ за падшую женщину! Скройте отъ нея подробности и причины нашего разрыва и его послѣдствія... О смерти отца я ей сообщила, но не о самоубійствѣ его.

«Если вы дадите утвердительный отвѣтъ, дѣвочка будетъ вамъ доставлена въ Варшаву добрыми людьми, принимающими во мнѣ участіе. Взглянувъ на нее, вы сразу убѣдитесь, что она дочь вашего брата,—сходство прямо поразительное. Я очень сожалѣю, что, благодаря отсутствію фотографіи въ В., мнѣ не удалось снять ее и я не могу поэтому, для вашего убѣжденія, выслать ея портретъ, но я еще разъ клянусь, послѣдней предсмертною клятвой,—она носитъ свое имя законно.

«Дай Богъ мнѣ силы дожить до вашего отвѣта.

«Зосл».

Въ столовой давно отшумѣлъ самоваръ и стылъ заваренный Кирилловною чай, а Александра Николаевна все не выходила изъ спальни. Откинувшись къ спинкѣ дивана, съ раскрытымъ дважды прочитаннымъ письмомъ на колѣняхъ, она сидѣла не двигаясь, глядя въ одну точку. Кирилловна уложила наконецъ Митьку и послала Таньку принять самоваръ. Когда сіяющая дѣвочка въ новыхъ козловыхъ башмакахъ со скрипомъ вошла въ столовую, чай стоялъ нетронутымъ. Постоявъ немножко, она опростетью бросилась къ бабушкѣ.

— Баунька, а барыня чаю не пили! поди, опять плачутъ...

Кирилловна своей легкой походкой вошла къ барынѣ и застала ее въ той же позѣ, но безъ слезъ.

— Что это вы, матушка, такъ призадумались? Чай совсѣмъ застылъ.

Александра Николаевна очнулась, сложила письмо и покорно вошла въ столовую. Машинально налила она чашку чая и, выпивъ ее, приказала убирать. Она даже забыла выложить на подносъ ежедневные два куска сахара для старухи и Таньки.

Кирилловна, весьма чувствительная къ подобной непривычной невнимательности, съ изумленіемъ воззрившись на барыню и поняла, что дѣло нешуточное и неладное.

— Али что случилось? Не померъ ли кто изъ прежнихъ пи-терскихъ?

Она знала наперечетъ всѣхъ друзей Сотовыхъ и со свойственной ей живостью весьма интересовалась каждой мелочью ихъ жизни.

— А письмо отъ кого было?—прибавила она, замѣтивъ вскрытый конвертъ.

Александра Николаевна, несмотря на всю откровенность со старухой, рѣшилась пока промолчать и уклончиво отвѣтила:

— Изъ-за границы. Ты ихъ все равно не знаешь.

Кирилловна окончателью обидѣлась и молча стала собирать со стола. Но барыня была такъ поглощена мыслями, что никакого вниманія на это не обратила. Вернувшись въ спальню, она снова перечла письмо.

Кирилловна, спавшая въ комнатѣ за кухней, давно кончила свои поклоны и улеглась въ высоко взбитыя перины, гдѣ ея маленькое, сморщенное тѣльце совершенно утонуло, Танька давно храпѣла за шкапомъ въ передней, а Александра Николаевна все еще ходила изъ спальни черезъ гостиную въ столовую и обратно, какъ часовой. Мысли ея понемногу разъяснились, и отвѣтъ на вопросъ, принесенный заграничнымъ письмомъ изъ водоворота Парижа въ глушь мирно и вяло дремавшей деревенской усадьбы, былъ готовъ: Лиза Колычева должна вернуться въ родовое гнѣздо. Послѣдній отпрыскъ стараго дворянскаго рода долженъ быть обратно пересаженъ на родную почву.

II.

Отъ суетнаго свѣта мы оградились
 Высокой каменной стѣной.
 Мы цѣлыми ночами въ слезахъ молились,
 Чтобъ міръ позабыть намъ земной.
 На мраморъ холодный, на голыя плиты
 Мы ницъ повергались крестомъ.
 Въ насъ помыслы плотскіе навѣки убиты,
 Мы страсти смирили постомъ.

(Изъ «Бѣлыхъ Инокѣвъ». М. К.).

Длинная, свѣтлая лента шоссе, безъ колеи и выбоинъ. Высоко поднялись пирамидальные тополя. Двумя непрерывными цѣпями окаймляютъ они дорогу и тихо шелестятъ свой привѣтъ проѣзжающему omnibusу. Кое-гдѣ небольшія, аккуратныя рощицы буковъ и дубковъ прерываютъ зеленѣющія поля и хмелевыя посадки, отъ палокъ которыхъ цѣлый частоколъ голубыхъ тѣней ложится на бѣлую пыль шоссе. Вдалекѣ изъ-за холма вынырнула остроконечная темная крыша колокольни.

— *Voilà les bonnes soeurs de V.*,—говорить полной дамѣ поджарый сосѣдь-старичокъ въ широкополой шляпѣ.—*On soupe les végres.*

Почтовая карета приостанавливается. Кучеръ набожно снимаетъ свой клеенчатый цилиндръ. Фермерша съ огромной корзиной на колѣняхъ низко опускаетъ голову въ накрахмаленномъ чепцѣ. Въ тишинѣ звонитъ колоколь тонкими двойными ударами, и словно въ ладъ ему трясуть головами низкорослыя, съ подстриженными щеткою гривами лошадки и позвякиваютъ бубенчики на ихъ красныхъ хомутахъ. Благовѣсть кончился.

— *Allons!*

Бичъ шелкнулъ. Колеса вновь застучали по полотну дороги, и снова замелькали тополя, жерди и полосы раздѣланныхъ тщательно полей. Но вотъ почтальонъ подноситъ къ губамъ трубу...

— *Tra-ta-ta-ta-tam!*

У дороги поднялась сѣрая каменная сплошная ограда. Низко перевѣсились черезъ нее вѣтви деревьевъ, только что одѣвшіяся молодою зеленью. За ними видны какія-то зданія, съ длинными рядами оконъ. Стѣна прерывается домикомъ съ крыльцомъ по срединѣ и съ вывѣской «*Hôtel des deux poiriers*».

По обѣ стороны крыльца два толстыхъ грушевыхъ дерева расправили шпалерами по стѣнамъ свои извилистые сучья и сѣткой заплелись на бѣлой штукатуркѣ. Блѣдые цвѣты съ розоватыми лепестками и кроваво-красными тычинками гроздьями сидятъ на черныхъ вѣткахъ, и только кое-гдѣ, какъ пушокъ, пробиваются то здѣсь, то тамъ мелкіе, клейкіе листочки. Это единственная въ мѣстечкѣ гостиница.

Щелкнувъ бичомъ, кучеръ остановилъ лошадей.

— Hola!

На крыльцо выскочилъ малый въ зеленомъ фартукѣ, помогъ сойти Александрѣ Николаевнѣ и стащилъ съ крыши омнибуса ея чемоданъ. Подъ всеобщее и единодушное: «Bonsoir, madame!» она разсталась со своими спутниками и по узкой клеенчатой дорожкѣ вошла въ коридоръ гостиницы.

Здѣсь въ бѣломъ чепцѣ и синемъ клѣтчатомъ передникѣ встрѣтила ее хозяйка отеля. Ея толстое, румяное, какъ опортовское яблоко, лицо засіяло отъ радости. По дорожному костюму, по кожаному чемодану опытный глазъ старухи сразу опредѣлилъ иностранку и барыню de bonne maison, и она, гремя ключами, быстро прошла въ верхній этажъ и отперла свою лучшую комнату.

— Vous serez ici comme chez le bon Dieu!

Бѣлый, чисто-начисто вымытый полъ. Подъ бѣлымъ же тюлевымъ пологомъ бѣлая кровать съ периной въ пестрой шелковой наволокѣ. Мягкое кресло у окна. Зеркало надъ каминомъ съ часами и парой бронзовыхъ канделябровъ. Письменный столъ съ такою же чернильницей и со спичечницей, сплошь набитой разноцвѣтными спичками. Старуха открыла боковую дверь.

— Voilà le cabinet de toilette de madame!

Это была трехугольная каморка съ умывальникомъ и вѣшалками по стѣнамъ, куда мигомъ водворился на складной тубаретъ чемоданъ Сотовой.

— On dîne à 6 heures. Madame descend pour la table d'hôte ou dois-je lui faire monter le dîner?

И все это ласково, съ сіяющей улыбкой на румянномъ лицѣ...

Александра Николаевна наскоро пообѣдала и справилась, когда и какъ можно проникнуть въ монастырь, гдѣ у нея воспитывалась племянница. Оказалось, что придется подождать утра. По старому строгому уставу послѣ всенощной посѣтителю не допускались. Сотова вернулась къ себѣ и, сѣвъ въ кресло у окна, погрузилась въ думу.

Итакъ, завтра она увидитъ наконецъ свою племянницу. Полно! племянницу ли?.. А что, если Зося схитрила до конца, если въ этой Лизѣ Кольчевой не было не только ничего кольчевскаго, но и русскаго? Вѣдь не отрицала же Зося своей связи съ Запольскимъ?.. Какъ справиться съ этой трудной, взятой на себя задачей? Дѣвочкѣ уже почти 12 лѣтъ. Врядъ ли она знаетъ хоть одно русское слово..

А характеръ? Въ кого она пошла, если даже допустить, что она дочь брата? Хорошо, если, унаслѣдовавъ по свидѣтельству матери, черты лица отца, она вышла и нравственнымъ обликомъ въ него, а если нѣтъ? Если и она такъ же склонна къ фальши и пустотѣ, какъ ея мать?..

А вѣра? Какой она вѣры? По метрику, конечно, православной, а по воспитанію? Католики, а монахини тѣмъ искусе, умѣють опутывать юныя души...

И страшно становилось Александрѣ Николаевнѣ за свою отвѣтственность. Какъ уживется это молодое существо въ новой, непривычной для нея обстановкѣ, гдѣ все, все будетъ чуждымъ— и люди, и религія, и языкъ, и сама природа.

Что общаго между этимъ гладкимъ шоссе и проселкомъ, ведущимъ черезъ старыя, насыпанные еще французами редуты, черезъ кожинское болото, гдѣ водятся въ изобиліи ужи, и черезъ Боровиковъ лѣсъ съ толстыми корчагами, между которыми зимою горятъ огоньки жадныхъ волчьихъ глазъ? А гостиница? убогая гостиница уѣзднаго города, гдѣ имъ неминуемо придется переночевать? Боже, какой контрастъ съ этимъ чистымъ комфортабельнымъ номеромъ! Александра Николаевна невольно улыбнулась, вообразивъ себѣ длинную комнату съ подслѣповатымъ зеркаломъ и засиженными мухами картинками на тему пѣсни: «По всей деревнѣ Катенька красавицей слыла...», надъ жесткимъ, словно камнями набитымъ, оборваннымъ клеенчатымъ диваномъ.

И вся наша русская провинціальная жизнь съ ея безалаберностью, сонливостью и грязью ярко представилась ей.

«Что могу я предоставить этой дѣвчкѣ, выросшей при совершенно необыденныхъ условіяхъ? Запереть въ Колычевѣ? Сломать снова привычную жизнь послѣднихъ лѣтъ и переѣхать въ Петербургъ?» Александрѣ Николаевнѣ даже жутко стало при этой мысли.—Бросить изъ-за Зосиной дочери могилу мужа, все, что ей осталось единственно дорогого на свѣтѣ?.. Нѣтъ! никогда. Лучше оставить эту дѣвочку здѣсь въ монастырѣ и навѣщать ее иногда.. А потомъ? Потомъ поручить добрымъ сестрамъ подыскать ей подходящаго мужа... француза?...

И въ тысячный разъ она упрекнула себя за легкомысліе. Поспѣшивъ тогда отвѣтить Зосѣ, она долго ждала отъ нея письма. Наконецъ въ мартѣ пришелъ на ея имя заказной пакетъ съ метрикой «законной дочери» потомственнаго дворянина Ивана Николаевича Колычева и жены его Софіи Романовны, въ дѣвичествѣ Юшкевичъ, выданной изъ колычевской церкви по прошенію нѣкоего Завидича.. Въ этомъ же пакетѣ находилась и копія съ нотаріальнаго завѣщанія Зоси, передававшей ей всѣ права на дочь свою, и извѣщеніе о ея смерти и погребеніи, засвидѣтельствованное конторой больницы,—*madame Sophie de Kolitcheff, décédée ce 28 mars.*

Александра Николаевна тотчасъ же выслала денегъ, написала Лизѣ и уплатила еще за мѣсяць впередъ, увѣдомивъ начальницу, что сама пріѣдетъ черезъ двѣ недѣли, чтобы познакомиться съ племянницей.

Отвѣтъ былъ, конечно, по-французски. Официально заученнымъ слогомъ и крупнымъ почеркомъ писала дѣвочка, выражая свое горе о сиротствѣ и лѣтя себя единственнымъ утѣшеніемъ повидаться съ теткой, «dont je me souviens toujours et que jamais je n'avais cessé d'aimer et de respecter». Фраза эта показалась Александрѣ Николаевнѣ прямо фарисейской, потому что Лиза никакъ ее помнить не могла. Ей было меньше года, когда Зося и Иванъ Николаевичъ гостили въ Петербургѣ. Къ чему же эти неискреннія и явно льстивыя слова? Неужели это польская угодливость?...

И съ ужасомъ представила себѣ Александра Николаевна снова ихъ будущую совмѣстную жизнь...

На другое утро, налившись вкуснаго café au lait изъ большой синей чашки съ бѣлыми шестиконечными крестами, Александра Николаевна вышла со вздохомъ изъ уютной столовой отеля, сплошь заставленной столиками подъ пестрыми скатертями, и отправилась по указанной хозяйкою дорогѣ въ монастырь.

Встрѣчные кидали ей свое: «Bonjour, madame!»

Ребятишки въ синихъ и черныхъ фартукахъ съ длинными рукавами и кожаными поясами играли на площади около обсаженнаго липами фонтана. Щелкая бичомъ, шель каменщикъ въ засыпанной известкою блузѣ и усерднымъ «holà!» подгонялъ запряженныхъ цугомъ першероновъ съ мохнатыми ногами, тащившихъ куда-то громадный сѣрый цоколь. У пороговъ низкихъ домиковъ съ завѣшенными пестрыми занавѣсками окошками видѣлись торговцы, громко спорившіе и зубоскалившіе съ хозяйками въ бѣлыхъ чепцахъ,—но въ общемъ жизнь не кипѣла, не била ключомъ. Это была тоже провинція, тоже маленькіе домики и маленькіе интересы. Не было только грязи да свиней въ лужахъ.

Улица свернула въ гору, гдѣ и уперлась въ готическую арку старой, поросшей мхомъ ограды. Направо на цѣпочкѣ висѣлъ черный молотокъ. Ударомъ въ металлическую доску Александра Николаевна вызвала привратницу въ огромномъ бѣломъ капорѣ, затѣнявшемъ на половину ея лицо, и проникла во дворъ. Другая монахиня, оглянувъ ее пытливо съ ногъ до головы и скромно опустивъ глаза, провела въ parloir и вызвала третью.

— Вы желаете видѣть вашу племянницу? Я доложу начальницѣ!

Она неслышно выскользнула и безшумно притворила за собою дверь. Приемная, полугостиная, полусѣни, съ каменнымъ мозаичнымъ поломъ и сводчатымъ потолкомъ, была обращена глубокими окнами въ садъ. Тамъ бѣгали маленькія дѣти, чинно двигались монахини въ сѣромъ и подъ ручки вдвоемъ и втроемъ расхаживали дѣвочки постарше, всѣ въ одинаковыхъ синихъ платьяхъ. Которая же изъ нихъ Лиза?

Но напрасно вглядывалась Александра Николаевна,—ни одной похожей ни на брата, ни на Зосю не было.

— Madame!

Она обернулась. Передь ней снова стояла монахиня, но уже не въ сѣромъ, а въ черномъ платьѣ.

— Вы та дама, которая должна была пріѣхать къ воспитанницѣ Елизаветѣ де-Колычевой?

— Да, сударыня!

— Ваши полномочія?

Александра Николаевна вынула изъ саквояжа завѣщаніе Зоси и свой паспортъ. Монахиня просмотрѣла документы.

— C'est cela! Я сейчасъ велю вызвать вашу племянницу. *Faites venir Lisa!*—приказала она въ дверь.

Лиза... Не Зузей, а Лизой звали здѣсь Зосину дочь!.. Съ замираніемъ сердца услышала это имя Александра Николаевна и вдругъ обомлѣла: въ раскрывшуюся дверь вбѣжала стройная, высокая дѣвочка-подростокъ:

— Ma tante!

Одного взгляда на взволнованное личико, одного звука голоса было довольно. Да, это была Лиза, Лиза Колычева, несомнѣнная дочь брата Вани: его сросшіяся дугами надъ сѣрыми глазами брови, его тембръ голоса. Та же улыбка... Съ горькими рыданіями прижалась она къ Александрѣ Николаевнѣ. Ничего искусственнаго. Нѣтъ, это плакало наболѣвшее горе оторванной отъ всего родного одинокой дѣтской души.

И безсознательно по-русски твердила Александра Николаевна, глядя прижавшуюся къ ней темноволосую головку:

— Дѣточка родная, успокойся! Вѣдь я пріѣхала за тобою. Мы никогда, никогда больше не разстанемся...

III.

Что намъ солнце, что бури предъ вѣчностью?
 Мы при жизни слились съ безконечностью—
 Нѣтъ у насъ родины, нѣтъ и семьи...
 Мы томилась когда-то сомнѣньями,
 Но мы въ небо ушли съ пѣснопѣньями,
 Имена позабыли свои.
 Намъ свѣтять нныя надежды.
 Осѣнили насъ бѣлыя крылія.
 Мы чистыя лиліи,—
 Отъ земли оторвали мы вѣжды.

(Изъ «Бѣлыхъ Инокій». М. К.).

Черезъ два дня diligжансъ увозилъ Александру Николаевну и Лизу Колычеву къ станціи желѣзной дороги.

Затуманенными отъ слезъ глазами смотрѣла Лиза вдаль, гдѣ, словно вращаясь въ землю, все уменьшалась колокольня монастыря. Въ его старыя стѣны она вошла трехлѣтнимъ кудрявымъ ребенкомъ,

и въ теченіе девяти лѣтъ онѣ замѣняли ей родной домъ. Много при ней переѣзжало и ученицъ, и сестеръ-монахинь. Она была самой коренной воспитанницей монастырскаго пансіона, совершенно своей, потому что ея отлучки были весьма кратковременны и рѣдки.

Зося не лгала въ своемъ покаянномъ письмѣ. Какъ ни низко стояла она сама на ступеняхъ нравственности,—дочь для нея была святыней, и она тщательно скрывала передъ ея начальствомъ и свой образъ жизни, и причины, побудившія ее отдать ребенка подъ чужой кровъ. Она наѣзжала раза два въ годъ, всегда скромно одѣтая, и оставалась недолго. Остановившись въ той же гостиницѣ «Les deux roigiers», она брала дѣвочку къ себѣ на одинъ-два дня и гуляла съ ней и бесѣдовала и не могла надышаться на нее.

Лизочка, прижимаясь къ своей petite mère, умоляла каждый разъ:

— Возьми меня съ собою! Мнѣ такъ скучно безъ тебя... Я хочу къ Жюли.

Но Зося отвѣчала:

— Ко мнѣ нельзя. Подожди, когда ты вырастешь, мы будемъ жить вмѣстѣ...

— Отчего нельзя?

— Тамъ, гдѣ я живу, воздухъ нездоровый. Я живу въ большомъ душномъ городѣ, а тебѣ докторъ велѣлъ жить въ деревнѣ.

— Зачѣмъ же ты живешь въ городѣ, въ нездоровомъ городѣ? Ты сама заболѣешь. Переѣзжай въ деревню и возьми меня къ себѣ.

— Подожди, вотъ когда я разбогатѣю, я возьму тебя къ себѣ, и мы уѣдемъ далеко, далеко.

— Куда? Въ Россію?..

— Да, въ Россію!—улыбалась Зося и цѣловала примолкавшую дѣвочку.

— Это очень далеко? Да?

— Да!

— Туда надо долго ѣхать и, вѣрно, дорого стоитъ?

— Да! вотъ я и коплю деньги.

— Значитъ, и ты русская?—спрашивала Лиза.

— Нѣтъ, я полька.

— Отчего же меня здѣсь всѣ называютъ русской?

— Отецъ твой былъ русскій.

— Расскажи мнѣ про рара!..—И дѣвочка еще тѣснѣе прижималась къ матери и сѣрыми большими глазами вопрошающе смотрѣла на розовый, улыбавшійся ей сверху ротикъ.

Но улыбка исчезла съ него. Лицо матери становилось серьезнымъ, губы блѣднѣли и тихо шептали:

— Про рара? Что же рассказать тебѣ?

— Какой онъ былъ? Долго ли жилъ съ нами? Отчего онъ умеръ?

Зося крѣпко обнимала свою дѣвочку и каждый разъ отвѣчала:

— Не спрашивай теперь... мнѣ больно говорить про это... Когда ты вырастешь большая, я все расскажу тебѣ.

— Когда я пойду къ первому причастію? Да?

Зося кивала головкой, и разговоръ обрывался.

Какъ страусъ, прячущій въ виду опасности голову въ крыло, такъ отсрочивала и она свои объясненія, но Лиза каждое свиданіе ждала ихъ. Чуткая дѣвочка понимала, что о смерти отца лучше не говорить, и она выспрашивала мать о немъ, о живомъ. Она жадно требовала рассказовъ о своемъ младенчествѣ, о томъ, гдѣ она родилась и какъ они жили въ Колычевѣ.

Зося понемногу оттаивала и говорила о старой усадьбѣ, о зеркальномъ прудѣ съ лебедями, о бѣлой виллѣ, о панѣ Романѣ и пани Юзынѣ, о старомъ Евграфѣ и о странномъ дѣдушкѣ, похороненномъ подъ вѣковымъ вязомъ.

— Онъ одинъ похороненъ тамъ?—спрашивала Лиза, думая и о могилѣ отца.

— Нѣтъ, рядомъ лежитъ и твой братецъ Арсикъ.

— Мой братецъ? У меня былъ братъ! О мама, расскажи мнѣ, какой онъ былъ.

И мать снова крѣпко обнимала свою дѣвочку и грустно шептала:

— Я не знаю... я не видала его...

Передъ этими сѣрыми глазами она не умѣла лгать.

Тамъ, въ кошмарной жизни столицы и модныхъ курортовъ, въ кругу прожигателей и прожигательницъ состояній, здоровья, душевныхъ и физическихъ силъ, она была la blonde Zozo. На недостатокъ средствъ она сперва жаловаться не имѣла причины. Если Стась не сумѣлъ опѣнить ея любви и жертвъ, если онъ, считая себя передъ ними въ долгу, послушался матери и сестры и женился на безумно въ него влюбившейся сорокалѣтней владѣтельницѣ огромныхъ помѣстій въ Галиціи, милліонершѣ Лившецкой,—покинутая имъ коханка съ голоду не умерла. Она чуть не отравилась тогда съ горя, и не будь на свѣтѣ Лизочки,—почему-то со смерти мужа она уже не звала ее Зузей,—дневникъ происшествій моднаго курорта, куда она перекочевала съ Запольскими изъ N, обогатился бы новымъ скандаломъ, но забота о ребенкѣ, благодаря ея эгоизму, отторгнутомъ отъ родины и людей близкихъ, взяла верхъ.

Зося подсчитала свои средства, заложила брильянты и переѣхала въ Ниццу. Тамъ, оправившись отъ первой тревоги, она сдѣлала быструю карьеру. Нашелся богатый покровитель. Но напрасно опутывала она его своими чарами. Лордъ былъ хотя и вдовъ, однако вторично жениться не рѣшился. Онъ осыпалъ ее новыми брильянтами, выкупилъ старые, окружилъ свою метрессу комфортомъ и роскошью, даже положилъ на ея имя небольшой капиталъ,—но дальше не пошелъ.

А Лизочка подрастала. Ей шель уже четвертый годъ. Прасковья давно жила съ мужемъ въ Москвѣ, гдѣ на заработанныя ею у Колычевыхъ деньги была открыта мелочная торговля, и нянчила уже вторую сестренку своего Митяйки. При ея прежней питомицѣ оставалась Жюли. Это была типичная французенка, полюбившая дѣвочку до самозабвенія. Она возилась съ нею, какъ съ куклой, шила на нее, одѣвала и раздѣвала, кормила котлеткой и лакомствами и рассказывала цѣлыя исторіи про «рара», про «château» въ Россіи, котораго никогда не видала, но о которомъ много слыхала отъ Зоси и Александры Николаевны, про эту тетю, «жену министра»,—хотя Семень Михайловичъ никогда имъ не былъ,—про ихъ казенныя хоромы и т. п., все преувеличивая, перекрашивая и перевирая, благодаря пылкости своей южной фантазіи. Она же рассказывала Лизочкѣ и о добромъ Боженкѣ, и о Святой Дѣвѣ и водила ее смотрѣть священныя процессіи въ праздникъ Тѣла Господня и на представленія полишинеля и фокусниковъ и guignol во дни ярмарокъ.

Тѣмъ временемъ Зося веселилась со своимъ лордомъ въ той космополитической компаніи, гдѣ самыя строгія матроны сидятъ зачастую рядомъ съ блестящими представительницами полусвѣта, подъ крылышкомъ растакуэровъ и модныхъ львовъ. Но дѣвочка была удивительно смѣтливая. Лорда она ни разу не назвала рара. Онъ былъ для нея *opcle Lo*, а тотъ звалъ ее *babu* и приносилъ ей игрушки и фрукты. Онъ часто сажалъ ее на колѣни и заставлялъ пѣть пѣсенки. Чистымъ и мелодичнымъ голоскомъ пѣла Лизочка свой репертуаръ французскихъ и польскихъ пѣсенокъ, и солнце ласково смотрѣлъ на разодѣтаго кудряваго ребенка, и вѣтерокъ, шелестя фестонами маркизы, стихалъ, словно прислушиваясь къ панвнымъ мелодіямъ и словамъ.

И вотъ однажды *opcle Lo* исчезъ. Въмѣсто его сухопарой фигуры съ бакенбардами и чисто-начисто выбритыми усами, въ салонѣ, гдѣ раньше благоухали плато изъ фіалокъ и букеты любимыхъ имъ чайныхъ розъ въ широкихъ вазахъ, и гдѣ въ уголкѣ Лизочка любила устраиваться съ своими куклами, появился новый толстый и черномазый дядя, съ широкой цѣпочкой на пестромъ жилетѣ, а въ вазахъ заалѣли тюльпаны и гвоздики. Онъ являлся во всякое время дня и ночи и называлъ Лизину маму — «Zozo». При немъ на столѣ постоянно красовалось шампанское, и *bébé*—а не *babu* больше— часто пила изъ маминаго бокала. Мама смѣялась, а дядя шумно хлопалъ въ ладоши и подливалъ еще брызжущаго мелкими, словно колючими капельками вина и закармливалъ *bébé* пирожнымъ и конфетами. Но появлялась Жюли, и дѣвочку, несмотря на протесты, уводили спать...

За этимъ чернымъ дядей стали появляться и другіе, веселые, громкіе, которые тормошили, цѣловали и высоко подбрасывали

кверху дочку Zozo... Одинъ изъ нихъ особенно любилъ щекотать ее. Сперва дѣвочка весело встрѣчала его, но однажды, когда онъ засталъ ее одну въ салонѣ, его щекотка довела ее до истерики. Дѣтскій смѣхъ перешелъ сперва въ слезы, а потомъ въ громкіе всхлипы, а молодой, красивый дядя съ бѣлыми зубами и румяными губами смотрѣлъ на нее все страшнѣе. Его гибкіе пальцы не только щекотали ее, но разстегивали пуговики и обрывали завязки... Лизочка заби-лась въ судорогахъ и неистово завизжала.

На этотъ крикъ вбѣжала Жюли. Силой вырвала она ребенка изъ рукъ гостя.

— C'est infâme! c'est pire qu'un assassinat! Mâtin, va! je te ferai flanquer à la porte! Forçat!... Galérien!—слышались ея возмущенныя рѣчи подъ неистовый плачь Лизы.

Вечеромъ между нею и Зосей произошел бурный разговоръ и въ результатѣ въ одно прекрасное утро Лизочка была отвезена матерью въ тихій городокъ и очутилась въ кругу монахинь въ сѣрыхъ платьяхъ и дѣвочекъ въ одинаковыхъ синихъ. Зося сама отвезла ее.

Дѣвочку окружили ласками, любовались ея игрушками и ея длинными темными локонами. А когда она заплѣла, ее чуть не задушили поцѣлуями.

— Veux-tu bien rester chez nous?—спросила ее высокая монахиня въ черномъ одѣяніи, съ добрымъ, но блѣднымъ, блѣднымъ лицомъ.— Ta maman doit aller en voyage, elle ne peut pas te garder auprès d'elle. Reste, nous allons jouer à la poupée, tu apprendras à chanter beaucoup, beaucoup de nouvelles jolies chansons? Hein?... veux-tu?..

Зося уѣхала, уѣхала тайкомъ, а Лизочка осталась. Сперва на двѣ недѣли, потомъ еще на мѣсяць, потомъ на полгода, а потомъ изъ нихъ выросли цѣлыя восемь лѣтъ, тихихъ, однообразныхъ, какъ журчаніе фонтана на старомъ монастырскомъ дворѣ.

У ея подругъ бывали отпуски, но она и каникулы проводила въ пансіонѣ, изрѣдка гуляя съ сестрою Кларою, на которой лежала забота о ея духовномъ развитіи, по душистымъ полямъ и буковымъ и дубовымъ рошицамъ. У нея у одной висѣлъ на шейкѣ крестъ съ восемью концами, весь расписанный пестрой эмалью со странными, непонятными буквами. У другихъ дѣвочекъ были или гладкіе золотые четырехконечные крестики, или у тѣхъ, кого привозили изъ сосѣдней Лотарингіи, бѣлые эмалевые съ двумя перекладинками, а иногда и желѣзные, усѣянные золотыми блестками. Но она все-таки ходила со всѣми въ ту же церковь и сидѣла съ остальными малютками во время проповѣди священника на ступенькахъ алтаря.

Сестра Клара играла на органѣ. Ежедневно во время утренней и вечерней службы Лизочка слушала эти новыя священныя пѣсни. Ея сердце замирало отъ страннаго чувства кагда густыя

волны переливались вонъ въ тѣхъ блестящихъ серебряныхъ, толстыхъ, какъ стволы молодыхъ дубковъ, трубахъ и замирали подъ стрѣльчатыми сводами, словно ударяясь въ розетку пестраго окна подъ самымъ потолкомъ. Они хотѣли вырваться на свободу, пролиться по старымъ аллеямъ изъ вѣковыхъ каштановъ, перелетѣть черезъ высокую каменную ограду и растаять на просторѣ полей подъ синимъ небосводомъ вмѣстѣ съ пѣснями жаворонка, но сѣрыя стѣны часовни ревниво охраняли ихъ и не пускали на волю...

Въ часовню лучи падали сквозь красные, желтые и зеленые рисунки оконъ. Они бросали разноцвѣтныя красивыя пятна на лица статуй святыхъ и на раку, гдѣ за стекломъ въ богатыхъ, усѣянныхъ драгоценностями шелковыхъ и парчевыхъ одеждахъ возлежало восковое изображеніе святого Б., патрона монастыря.

Лизочка не могла безъ ужаса смотрѣть на его черепообразную голову, на худыя, костлявыя руки въ золоченой сѣткѣ митенокъ, на длинныя босыя ноги въ браслетахъ. Она не понимала, какъ можно ему молиться и прославлять его... Но зато съ восторгомъ въ недѣлю Пресвятой Дѣвы она убирала вмѣстѣ съ другими часовню Мадонны и украшала ее вѣнками едва распускающейся бѣлой акаціи, сирени и жимолости и бѣлыми левкоями, лиліями и нарциссами въ узкихъ, длинныхъ бокалахъ. Эти свѣжыя душистые цвѣты среди зелени, эти кроткія лампы и свѣчи около статуи, облаченной въ голубое и бѣлое, казались ей такими прекрасными, что, зажмуривъ и потомъ сразу открывъ глаза, она всякій разъ надѣялась увидать ангеловъ въ нишѣ около священнаго изображенія...

Каждый годъ дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ бѣлыми вуалями и вѣночками бѣлыхъ розъ на головѣ, съ высокими, увитыми бѣлыми лентами свѣчами въ рукахъ подходили къ алтарю, и аббатъ въ кружевномъ стихарѣ говорилъ хорошія, теплыя рѣчи и благословлялъ ихъ и давалъ причастіе, а сестра Клара играла совершенно особыя мелодіи, и старый органъ пѣлъ могучими трубами о чистыхъ сердцахъ и непорочныхъ душахъ, о сошедшей на землю небесной любви.

Le ciel a visité la terre!
 Mon bienaimé repose en moi.
 Du saint amour c'est le mystère—
 Oh, mon âme, adore et tais-toi!
 Vous savez bien que je Vous aime,
 Moi qui par Vous fus tant aimée.
 Que tout autre amour que Vous même
 Par Votre amour soit consumé...

И Лизѣ казалось, что дѣвочки, отходя послѣ причастія отъ алтаря, уносятъ въ сердцѣ дѣйствительно частичку Божества и становятся похожими на ангеловъ, которые въ облакахъ окружаютъ Мадонну, опирающуюся обнаженной ступнею на золотой рогъ молодого мѣсяца.

Изъ года въ годъ ждала Лизочка своей очереди. Дѣвочки подрастали, выходили изъ монастыря. Нѣкоторыя прямо замужъ, другія возвращались въ семьи. Каникулы—августъ и сентябрь—многія проводили тоже дома. Возвращаясь, онѣ привозили Лизочкѣ бездѣлушки и сувениры и рассказывали о родителяхъ, о братьяхъ и сестрахъ, о своихъ помѣстьяхъ и дачахъ.

— Отчего твоя мама не беретъ тебя хоть ненадолго домой? Она, вѣрно, очень бѣдная?...

Самолюбіе бывало больно задѣто, и Лиза, вспоминая рассказы Жюли, въ свою очередь, рассказывала о своемъ «замкѣ» и о богатой, знатной теткѣ, женѣ министра далекой Россіи.

Французскія дѣти имѣли менѣе чѣмъ самое смутное представленіе о Россіи, хотя и умѣли показывать ее на географической картѣ. Но рядомъ съ пестрѣвшими надписями Австріей и Германіей, она со своими рѣдкими кружками городовъ казалась бѣлой пустыней, огромной, безбрежной и покрытой снѣжными пеленами отъ самаго Бѣлаго до Чернаго моря. И оба эти моря казались дѣвочкамъ въ дѣйствительности такими именно. Чѣмъ-то таинственнымъ вѣяло отъ ихъ именъ, и они служили еще большимъ подтвержденіемъ о холодѣ и унылости нашей родины, гдѣ на бѣлой почвѣ растутъ черныя лѣса елокъ и клюквы и бѣгаютъ волки и медвѣди, въ шкуры которыхъ одѣты весь русскій народъ. И когда пріѣзжала Зося, Лиза все настоятельнѣе требовала подробностей о себѣ, о прошломъ, о всемъ русскомъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній она пристала къ матери, чтобы та показала ей русскую азбуку.

Зося очень удивилась.

— Онѣ говорятъ, что всѣ русскіе варвары, что у нихъ нѣтъ книгъ... а ты сама рассказывала, что въ Кольчевѣ были цѣлыя шкапы ихъ въ кабинетѣ рара, и дядя Simon читалъ тебѣ и тетѣ такія веселыя книжки, что вы обѣ смѣялись до слезъ. Онѣ не вѣрятъ... Привези мнѣ въ слѣдующій разъ русскую книжку...

Зося написала ей буквы, и Лиза всѣ запомнила и, складывая въ слога, спрашивала:

— *Est ce ainsi? b—a—ba? oui?.. Oh, comme celle là est difficile!.. Voyons, dis la encore! parle bien lentement, que je puisse la saisir...* И, старательно сжимая зубы, она силилась произнести *ш* и выговорить твердое *л* и *ы*. Она и за уроками была очень пытлива и, чисто по-русски смѣтливая, своими классными отвѣтами часто поражала наставницъ.

Изъ Ниццы Зося послала ей «Елку» Дараганъ, которую ей удалось выписать черезъ книжный магазинъ. И эта большая азбука съ рисунками изъ русской жизни, со странными буквами, съ грушной царской семьи на крышкѣ переилета, сдѣлалась лучшимъ другомъ семилѣтняго ребенка. Она даже ночью клала ее подъ подушку и съ

торжествомъ давала разсматривать насмѣшницамъ многочисленныя картинки ея. Поля съ колосистою рожью, красивые города и особенно церкви явно опровергали всѣ клеветы о русскомъ варварствѣ, о безлюдьѣ и нищетѣ далекой родины...

— Et ça, — c'est notre Tzar, — прибавляла она съ гордостью, показывая группу на обложкѣ, — notre Tzarine et leurs enfants.

Между тѣмъ началась война съ Пруссіей. Монастырь былъ обращенъ въ госпиталь. Родители успѣшили разобрать воспитанницъ по домамъ, и только Лизочка оставалась подъ крыломъ добрыхъ сестеръ. Сестра Клара иногда и ее брала въ палаты, гдѣ на койкахъ, служившихъ прежде ея товаркамъ, лежали теперь перевязанные раненые, съ забинтованными руками и головами, или какъ тѣни бродили въ проходахъ на костыляхъ. Они всѣ любили эту дѣвочку съ вдумчивыми глазами и улыбающимся ртомъ... Они заставляли ее пѣть и ласкали, и смѣялись ея рассказамъ о невиданныхъ русскихъ чудесахъ, въ которыя Лиза вѣрила, какъ въ непреложную истину.

Зося въ это время находилась въ Римѣ, куда попала съ послѣднимъ своимъ покровителемъ, богатымъ евреемъ-антикваромъ, съ которымъ скоро и разошлась. Но тутъ произошла у нея такая неожиданная встрѣча, что вся ея жизнь едва не пошла по новой колѣѣ.

Данила Даниловичъ Софроновъ послѣ второго трехлѣтія былъ снова забаллотированъ на дворянскихъ выборахъ и поѣхалъ утѣшаться за границу. На Корсо онъ столкнулся съ Зосей. Они оба весьма обрадовались другъ другу. Зося прежде всего обратилась къ нему по дѣламъ, такъ какъ все еще не теряла надежды хоть что-нибудь получить послѣ мужа. Ея соотчичи, служившіе въ уѣздномъ городѣ по сосѣдству съ Колычевымъ, давно сообщили ей настоящее положеніе дѣлъ. Она была очень довольна, что вотчина попала въ руки Соговыхъ, и надѣялась, — Александра Николаевна не забудетъ со временемъ крестницы, она такая добрая. Но когда Софроновъ написалъ, по ея просьбѣ, о своей римской встрѣчѣ Семену Михайловичу, тотъ попросилъ передать «этой нашей бывшей родственницѣ, что причина, настоящая (слово было трижды подчеркнуто) смерти моего несчастнаго шурина Ивана Николаевича Колычева доподлинно извѣстна женѣ моей, а его сестрѣ, ибо онъ изложилъ все въ собственноручномъ письмѣ къ послѣдней, помѣченнымъ 1-мъ октября 1863 г. девятью часами вечера, и самое имя бывшей супруги этого достойнаго, но, къ сожалѣнію, безхарактернаго человѣка и дорогого намъ покойника, ничего, кромѣ ужаса и отвращенія, въ сердцѣ моемъ и одинаково жены моей вызвать не можетъ, равно и къ дочери сей особы было бы странно ожидать проявленія какихъ-нибудь чувствъ и родственныхъ заботъ съ нашей стороны».

Зося, прочтя эти строки, поблѣднѣла.

— Это недоразумѣніе... Это можно выяснитъ!..

Но мысль, что есть на свѣтѣ люди, которымъ извѣстна истина, была кошмаромъ для нея. Тогда сразу ей удалось объяснить внезапное самоубійство мужа пожаромъ виллы и разстройствомъ дѣлъ. Такъ объяснили его и Запольскіе, и Игнатій Львовичъ, и всѣ сосѣди.

Фраза отставного сановника разрушала иллюзію.

Настоящая причина была даже не связь ея со Стасемъ, а тѣ слова, та ложь, съ помощью которой она рѣшила сохранить за собою Лизочку. И значить, всѣ ея тайныя мечты и надежды, что въ случаѣ ея смерти дѣвочка вернется въ родное гнѣздо на попеченіе Александры Николаевны, своей единственной тетки и крестной матери, разсѣялись въ прахъ...

Первыя свиданія съ Данилой Даниловичемъ были такого характера, отъ котораго Зося давно отвыкла. Это не былъ охотникъ за женскимъ мясомъ. Съ ней говорилъ знакомый прежнихъ лѣтъ, равный съ равною, или, вѣрнѣе, почтительный почитатель, но и эта иллюзія быстро прошла. Привычки ли послѣдняго времени взяли верхъ, ея ли манеры и пошибъ камеліи,—у Софронова вдругъ открылись глаза. Увы! послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ старый жуиръ раскусилъ ту, чей образъ казался ему когда-то воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ достоинствъ женщины, чья золотокудрая головка сіяла въ его мечтахъ, окруженная ореоломъ чистоты и недоступности. Данила Даниловичъ круто измѣнилъ свое обращеніе и занялъ временно пустовавшее мѣсто покровителя *la blonde Zozo*...

А та не теряла надежды, что это положеніе содержанки богатого бывшаго сосѣда лишь ступень къ ея возрожденію и восстановленію ея репутаціи въ Россіи. Мало ли что было тамъ за границей! Кто это знаетъ!.. Ставши женою Софронова, она сумѣетъ отвоевать снова уваженіе общества.... Надо только его привлечь къ себѣ, непременно самой посвятить въ свою тайну, околдовать довѣріемъ, чтобы, узнавъ отъ другихъ причину разрыва съ семьей мужа, онъ былъ уже тронутъ ея раскаяніемъ.... Она впередъ умилилась, какая выйдетъ трогательная сцена, когда, ломая свои дивныя руки, распустивъ волосы (впрочемъ, достаточно ли они густы еще?), она на колѣняхъ будетъ говорить о прошломъ, о своей любви къ дочери и о безумномъ увлеченіи молодости?.. Ей казалось, что онъ долженъ понять ее... что онъ вспомнитъ и ихъ первую встрѣчу въ аллеѣ, у коляски Лизочки, и то время, когда, послѣ паденія Колычева съ лошади, онъ ухаживалъ за ребенкомъ въ Новомъ... Если она грѣшна, какъ женщина,—какъ мать, она безупречна, и грѣшила-то она только для того, чтобы содержать прилично дочь, воспитаніе которой въ въ монастырѣ стоило дорого...

Все это было одной внѣшностью, эти ея наряды и кутежи съ послѣдствіями. Сердцемъ она оставалась прежней, она всѣ эти

годы ждала избавителя, надѣялась на чью-то сильную преданную руку, которая вырветъ ее изъ ненавистнаго омута...

И Зося разыграла свою сцену, какъ по нотамъ, только волосъ не распустила, а взбила ихъ еще пышнѣе, такъ что ихъ завитки окружили ея головку настоящимъ сіяніемъ...

— Заклинаю васъ! поѣдьте! вы увидите, вы сами убѣдитесь, взглянувъ на Лизу, чья она дочь...

Но она не вызвала ни жалости къ себѣ, ни состраданія къ дѣвочкѣ.

Софроновъ грубо оттолкнулъ ее и бросилъ ей въ лицо страшное русское ругательство. Послѣднее обаяніе ея исчезло, и его метресса стала ему сразу физически противна.

Заплативъ ей хорошо, по-барски, онъ ушелъ изъ только что нанятой для нея роскошной квартиры и больше не возвращался. Онъ не вѣрилъ ни ея раскаянію, ни ея укорамъ совѣсти. Онъ не вѣрилъ ни одному ея слову и старался забыть о самомъ ея существованіи. Въ одномъ онъ былъ убѣжденъ: ни одна русская женщина не была бы способна на такую іудину выходку, на такое преступленіе противъ своего ребенка...

Прошло снова четыре года. Зося была еще молода, но жизнь брала свое,—красота сдала. Онъ уже не пользовалась репутацией перворазрядной звѣзды полусвѣта. Уже продавались и закладывались вещи, оставаясь все чаще не выкупленными. Жюли давно ее покинула и жила у какой-то актрисы въ Америкѣ. Пришлось отказать отъ отдѣльной квартиры и экипажа и довольствоваться меблированной комнатою. Одно время она даже рѣшила бросить свое ремесло и отдала публикацію въ газеты о присканіи мѣста учительницы музыки или аккомпаніаторши. Выступать въ концертахъ она уже не могла. Что-то внутри ея оборвалось и погасло. Ея бѣглая игра была бездушна, деревянна и не производила прежняго чарующаго впечатлѣнія... Получивъ два-три грошовыхъ урока, она вскорѣ ихъ бросила,—она чувствовала, что трудовая, голодная жизнь не по ней, и снова пустилась въ рестораны и на бульвары, замѣнивъ Шопена и Мендельсона шансонетками.

Въ корень подорванное здоровье выбросило ее на панель. Она попала въ руки полиціи, но общество помощи польскимъ эмигрантамъ, къ которому она обратилась въ полномъ отчаяніи посланіи, взяло ее подъ свое покровительство и помѣстило прежде всего на излеченіе въ госпиталь для бѣдныхъ, откуда она и написала свое покаянное письмо въ Колычево.

Лизочкѣ было уже двѣнадцатъ лѣтъ. Приближался тотъ возрастъ, когда дѣвочекъ во Франціи готовятъ къ первому причастію.

Лиза съ трепетомъ ждала этого блага торжества. Она слушала уроки Закона Божьяго вмѣстѣ съ прочими. Она училась литаніямъ и коллектировала картинки духовнаго содержанія, которыя раз-

даются во французскихъ школахъ за хорошія отмѣтки. И всѣ эти святыя сердца и чаши съ сіяніемъ, изображенія Богородицы-садовницы и Исуса-Пастыря съ агнцемъ черезъ плечо, святого Франциска въ лѣсу и святой Маргариты со страшнымъ чудовищемъ у ногъ—умиляли ее.

Но самой ея любимой картинкой была святая Цецилія за клавишами. Она выучилась у сестры Клары играть на органѣ. Талантъ матери перешелъ къ ней, но ея красотой она не отличалась. Да и характеромъ тоже. Она шалила и была подчасъ невыносима, но никогда не лгала и не оправдывалась. Отдавая по вечерамъ сестрѣ Кларѣ отчетъ въ своемъ дневномъ поведеніи, она искренно раскаивалась и обѣщала исправиться и работать надъ собою, но была часто вспыльчива и излишне самолюбива.

На ея запросъ, когда же ей разрѣшать готовиться къ причастію, сестра Клара объяснила ей наконецъ, что она не католичка... Дѣвочка широко раскрыла сѣрые глаза.

Значить, всѣ обѣтованія католическихъ святыхъ ея не касаются? Значить, и она пойдетъ въ адъ, а въ лучшемъ случаѣ въ чистилище?

— Я не хочу! я не хочу! мнѣ не надо другой вѣры!.. Какой же вѣры моя мать?

Отвѣтъ былъ: католической.

— Такъ окрестите же меня скорѣе! Я хочу быть той же вѣры.

— Когда тебѣ минеть двадцать одинъ годъ!—отвѣчала сестра Клара.—Раньше ты собою распорядиться не смѣешь.

Лиза разрыдалась. Двадцать одинъ годъ! да вѣдь это цѣлая вѣчность! столько времени ждать, пока она что-нибудь узнаетъ объ отцѣ... Нѣтъ, она при первомъ же свиданіи переговорить съ матерью.

На всякій случай запросили Зосю. Хотя начальница и стояла далеко отъ свѣта и грязи столичной жизни, но о Лизиной матери она уже кое-что провѣдала. У нея былъ однажды очень непріятный разговоръ съ одной изъ патронессъ монастырскаго пансіона, которая, встрѣтивъ Зосю въ пріемной, признала въ ней извѣстную всему Парижу камелію. Но дѣвочку такъ любили, что выбрасывать ее, изъ-за репутаціи матери, добрымъ сестрамъ казалось противорѣчіемъ христіанству, и втайнѣ начальница рѣшила оставить Лизу во что бы то ни стало, какъ можно дольше, и не возвращать ее Зосѣ, если даже та потребуеть ее къ себѣ. Не значило ли это спасти юную душу?

Отвѣтъ Зося написала, какъ и Александрѣ Николаевнѣ, такимъ же неровнымъ дѣтскимъ почеркомъ съ больничной койки. Она заклинала сестеръ не торопиться съ окончательнымъ рѣшеніемъ и подождать пріѣзда той знатной русской тетки, которая по недоразумѣнію давно прошедшихъ лѣтъ не признаетъ дѣвочку своей наслѣдницей. Въ силу именно этихъ недоразумѣній она и помѣстила

дочку въ монастырь и не брала ея къ себѣ, чтобы «меня не обвинили въ данномъ мною ей плохомъ воспитаніи».

И когда явилась эта тетка, и начальница увидала Лизу, рыдающую въ объятіяхъ хотя и старомодной, но настоящей дамы, на душѣ у монахини стало тепло и свѣтло. Она сдавала дѣвочку въ хорошія руки. Если святая церковь и теряла готовую прійти на ея голосъ овцу, то посѣянная тихой обителью добрыя сѣмена не пропадутъ безслѣдно и грѣхи матери не падутъ на сердце невинной отроковицы. Кто знаетъ, не зачтется ли все это на вѣсахъ у престола праведнаго Судіи во славу католическаго правовѣрія?

Лизочка въ своемъ чемоданчикѣ увозила цѣлую коллекцію новыхъ картинокъ и сувенировъ, потому что всё съ мала до велика любили ее и за ея умные сѣрые глаза, и за быстрые отвѣты, и за веселый, хотя и вспылчивый нравъ, а главное за правдивость и дивное музыкальное дарованіе.

На самомъ днѣ чемоданчика лежала азбука Анны Дараганъ, о чемъ и не подозрѣвала русская тетя Саша, сама до слезъ растроганная сердечнымъ прощаньемъ съ добрыми сестрами. Никогда бы не повѣрила она раньше, что подъ ихъ туго накрахмаленными пелеринами и капорами ютились такія великодушныя сердца и свѣтлыя, ясныя мысли.

IV.

И некому тамъ, слезы проливая,
Могилу сиротливую беречь...
И точить мраморъ капля дождевая,
Звучить, молясь,—чужая рѣчь.

(Изъ «Гѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Колеса поѣзда стучали все быстрѣе. Уже была близка граница. Сердце дѣвочки, одѣтой въ траурное платье, билось въ ладъ имъ все нетерпѣливѣе. Почти всю дорогу простояла она у окна, жадно слѣдя за мелькающими предметами и ландшафтами. На дворѣ стояла весна, и осыпанные цвѣтами плодовые деревья казались издали то огромными букетами, то отдыхающими розовыми и бѣлыми облачками на зелени полей.

Остановки на два-три дня въ большихъ городахъ доставляли Лизѣ громадное удовольствіе. Ниццу она помнила, какъ во свѣ, и высокіе дома и нарядные магазины ошеломляли ее. Тетя Саша закупала ей цѣлое приданое, потому что запасы надо было дѣлать и на будущее время. Насколько ея личные наряды мало интересовали ее всегда, настолько теперь ей доставляло прямо наслажденіе рыться въ лавкахъ, выбирая бѣлье и платья и шляпки для Лизы. Въ ней проснулось и съ каждой минутой разгоралось все сильнѣе чисто материнское чувство къ этой оторванной отъ всего родного дочери своего покойнаго брата, и никогда неизвѣданная, теплая

волна поднималась откуда-то изнутри и разливалась въ сердцѣ и хотѣлось цѣловать, ласкать, холить и нѣжить это юное существо...

Жизнь сразу получила интересъ, цѣну и смыслъ, и Сашенька, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, стала вдругъ моложавой и бодрой, точно послѣдніе тяжелые годы вновь стерлись изъ памяти.

Лиза, приученная въ монастырѣ къ большой простотѣ, была, конечно, въ восторгѣ отъ подарковъ и обновъ. Они подтверждали не только рассказы Жюли объ этой знатной и богатой родственницѣ, но прежде всего доказывали ея доброту, о которой иногда взволнованнымъ голосомъ говорила и мать. Дѣвочка съ каждой минутой все больше любила свою тетю Сашу. Было такъ хорошо, прижавшись къ ней, ходить подъ руку по улицамъ и смотрѣть на всѣ эти никогда невиданныя чудеса и было такъ весело обѣдать и завтракать за табльдотами, гдѣ сидѣли такіе милые и любезные кавалеры и дамы.

Но вотъ и граница. Тетя Саша сама подошла къ окошку и облокотилась на плечо Лизочки. Поѣздъ, замедливъ ходъ, шель по мосту, черезъ узкую рѣчку, на поверхности которой разливались янтарные отблески зари. Рѣзко на свѣтломъ вечернемъ небѣ вырисовывался полосатый столбъ съ надписью, «Граница», а рядомъ часовой въ сѣрой шинели и кэпи.

Лизочка прочла слово по складамъ.

— Что это значить?

Тетя Саша удивленно раскрыла голубые глаза.

— Ты умѣешь читать по-русски? Она была убѣждена, что дѣвочка позабыла, или, вѣрнѣе, никогда не умѣла говорить на родномъ языкѣ.

Лиза весело засмѣялась. Она нарочно до поры, до времени держала свои познанія втайнѣ, зная, что тѣмъ пріятнѣе удивить тетку.

— Я знаю всѣ буквы и умѣю читать, но словъ не понимаю... Это очень трудно выучиться говорить по-русски?

— Не знаю, иностранцы выучиваются трудно.

— Но я вѣдь не иностранка, я русская!—отвѣчала дѣвочка.— Ахъ, какіе смѣшные! кто это?—прибавила она.

Это были деревенскія бабы и дѣти въ лаптяхъ и тулупахъ, повязанные платками, вышедшія съ корзинами и лотками навстрѣчу поѣзду.

Уже всѣ суетились и спѣшили вонъ изъ вагоновъ. Таможенный досмотръ, благодаря паспорту Александры Николаевны, сошелъ благополучно, а документы, которыми она запаслась въ русскомъ консульствѣ въ Парижѣ, тоже не представили затрудненій для пропуска Лизы, и онѣ вскорѣ очутились въ просторномъ бархатномъ купе.

Дѣвочку все занимало. И этотъ нарядный видъ вагоновъ съ пгопочки, и русскія полукафтаныя кондукторовъ съ малиновыми

жгутами, и ихъ мерлушковые круглыя шапки, а главное особенно ласково-почтительная предупредительность по отношенію къ Александрѣ Николаевнѣ, которая той казалась совершенно привычной и естественной. Даже поѣздъ катился какъ-то мягче, неслышнѣ, и вагоны скользили по рельсамъ, не спѣша и не кидались вправо и влѣво, какъ тамъ за узенькой, оставшейся уже давно далеко позади рѣчкой съ янтарными отсвѣтами первой родной зари.

— Я въ Россіи... Знаешь, тетя, я этому еще не вѣрю!—весело говорила Лиза.—Мама такъ хотѣла вернуться сюда и взять меня съ собою, но на это у нея, бѣдняжки, денегъ не было...

Тетка потупилась. Каждый разъ, когда дѣвочка говорила о матери, сердце ея возмущалось. Она дала невѣсткѣ слово исполнить ея послѣднюю волю и просьбу, и если дѣвочка дѣйствительно окажется ея племянницей не только по имени, но и по крови, никогда не сводить матери съ пьедестала. Но чѣмъ больше находила она сходства между Лизой и ея несчастнымъ отцомъ, тѣмъ громче поднимался въ ея душѣ ропотъ противъ этой жестоко-легкомысленной женщины, ложью убившей человѣка...

— Тетя, а ты... очень богата?

Александра Николаевна невольно улыбнулась

— Нѣтъ, далеко не очень.

— Но ты вѣдь очень знатная,—ты жена министра.

— Нѣтъ, милочка. Твой покойный дядя Simon никогда министромъ не былъ.

— Онъ умеръ?

— Да!

— Какъ папа...

Дѣвочка въ первый еще разъ говорила объ отцѣ. Тетка закусила губу и вздохнула. Лиза подѣла къ ней совсѣмъ близко.

— Тетя, скажи мнѣ, вотъ мы теперь ѣдемъ по Россіи,—папа здѣсь похороненъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ за границей, и его могила въ Германіи.

Она назвала тотъ курортъ, гдѣ произошла трагедія.

— Отчего же мы не заѣхали туда? Мы вѣдь ѣхали по Германіи?

— Милая моя дѣточка, я одна заѣзжала туда... а тебя везти я не хотѣла, тебѣ это было бы слишкомъ тяжело.

Лиза прижалась къ ея плечу и проговорила сквозь слезы:

— Ахъ, я такъ бы хотѣла хоть разъ помолиться на этой могилѣ!.. Мнѣ такъ жаль, что маму не похоронили съ нимъ рядомъ... Зачѣмъ они лежатъ врозь и такъ далеко, далеко другъ отъ друга?..

Александра Николаевна разрыдалась.

— Тетя, я сдѣлала тебѣ больно? Милая тетя, прости! Я никогда больше не буду спрашивать тебя. Я и маму никогда не спрашивала. Ей тоже это бывало больно...

Поздно вечеромъ на третьи сутки, послѣ нѣсколькихъ часовъ остановки въ Варшавѣ, которая уже потому понравилась Лизѣ, что о ней не однажды рассказывала мать, поѣздъ подходилъ наконецъ къ уѣздному городу, гдѣ надлежало ночевать. Александра Николаевна начала собирать вещи. Лиза помогала ей. Сильными, гибкими пальцами затягивала она ремни. Сердце ея снова стучало все громче и нетерпѣливѣе, словно опережая колеса. Но вотъ мелькнули огни семафоровъ. Цѣпи залязгали громче. Завизжали тормоза, и поѣздъ, встряхнувшись всѣми вагонами, остановился у освѣщенной платформы съ краснымъ станціоннымъ зданіемъ.

— Станція Горскъ. Поѣздъ стоитъ 10 минутъ...

Открылась дверь. Показалась маленькая, сморщенная старушка и высокій артельщикъ. Руки протянулись за багажомъ. Самъ начальникъ станціи подошелъ высадить ея высокопревосходительство и кетати окинуть любопытнымъ взоромъ заграничную монастырку.

А она уже стояла противъ Кирилловны. Едва взглянула на нее та, объятія раскрылись сами собою.

— Матушка, Лизанька! Какъ есть отецъ-покойничекъ! Роденькая ты наша!

Дѣвочка очень хорошо знала ее по рассказамъ Жюли и матери еще съ ранняго дѣтства. Чѣмъ-то особеннымъ пахнуло на ея напряженно-чуткую душу отъ всей фигуры старушки, и она обвила ея шею руками и сказала по-русски:

— Здравствуй, Кириуовна...

Этому она нарочно сюрпризомъ выучилась дорогой у Александры Николаевны... Кирилловна даже всхлинула...

— Матушка!...

Дружба между обѣими была возобновлена и закрѣплена навѣки...

Оказалось, что въ гостиницѣ Пастухова, гдѣ рассчитывала остановиться по обыкновенію Сотова, ни одного свободнаго угла не оставалось. Засѣдала очередная сессія окружнаго суда, и всѣ помѣщенія были заняты съѣхавшимися членами, присяжными заседателями и свидѣтелями.

— Какъ же быть?

— А вотъ какъ!—къ прѣзжимъ подошелъ пожилой господинъ въ сипихъ очкахъ и съ сѣдьющей бородой.—Ко мнѣ пожалуйте! Вашему высокопревосходительству хоть и тѣсны мои хоромы покажутся, ну да въ тѣсотѣ, лишь бы не въ обидѣ.

И докторъ приложился къ ручкѣ генеральши.

— А это барышня? Ну, бонжуръ мадамозель!

— Bonsoir, monsieur!—отвѣтила Лиза.

— Пожалуй, и бонсуаръ, правильно! Острая дѣвица... Да вы не раздумывайте, сударыня, у насъ уже все приспособлено. Комната моихъ мальцовъ въ нашемъ распоряженіи, а боярышню Нарышкину

мы тоже какъ-нибудь пристроимъ за то, что, спасибо ей, она ко мнѣ на совѣтъ додумалась прійти. Забирай вещи,—обратился онъ къ артельщику,—и ходу!..

Александра Николаевна не колебалась. Она знала, что при весеннемъ состояннн дорогъ путешествіе въ Колычево ночью, несмотря всего на 15 верстъ разстоянн, грозитъ непрнятностями и крушеннми, а потому съ радостью согласилась на предложенн Игнатн Львовнча Яшнева. Голубая старая коляска, которую когда-то умудрлся опрокинуть Михей Осторожный въ столь знаменательный для Ивана Николаевича вечеръ, доставила благополучно путешественницъ, несмотря на тряскую булыжную мостовую, къ докторскому домику на одной изъ главныхъ улицъ небольшого, едва послѣ проведенн желѣзной дороги просыпавшагося къ жизни уѣзднаго города.

«Боярышня Нарышкина», то есть попросту — Кирилловна, носившая дѣйствительно всѣми словно забытое имя Наталн, помогла раздѣться обѣимъ. Въ зальцѣ, которая служила доктору и прнѣмной, шумѣлъ самоваръ, и на раскрытомъ ломберномъ столѣ былъ приготовленъ чай и корзинки съ бубликами и хлѣбомъ. Но отъ всей обстановки вѣяло неууютностью. Не было въ домѣ хозяйки, и это сказывалось. Прислуживалъ единственный слуга Игнатн Львовнча—Иванъ, который былъ и фельдшеромъ. Въ отсутствн барина онъ весьма авторитетно прннмалъ больныхъ мужиковъ и бабъ и, надо отдать ему справедливость, лечилъ подчасъ крайне удачно, чѣмъ неистово бахвалился въ часы винныхъ возліянн и сердечныхъ изліянн.

Лиза осматривала стѣны. Среди нѣсколькихъ группъ и фотографн подъ довольно-таки пыльными стеклами,—видно было, что Ивану его фельдшерскн обязанности были много милѣе лакейскихъ,—ея вниманн привлекла особенно одна. Двое юношей сидѣли обнявшись. Они были такъ похожи другъ на друга, что казалось, будто это всего одинъ человекъ, снявшійся, прислонясь къ зеркалу. Только свѣтлыя пуговицы на сюртукѣ лѣваго отсутствовали на черной курткѣ другого.

— Кто это?—спросила дѣвочка.

— Мои мальцы!—отвѣтилъ докторъ по-русски.—Вы ихъ въ дѣтствѣ знали, ихъ я тогда кутьками звалъ, или забыли?..

Александра Николаевна перевела.

— А трудно будетъ вамъ съ барышней безъ языка-то!—замѣтилъ Игнатн Львовнчъ.

— Ничего, выучится понемногу. Она, оказывается, уже русскую азбуку знаетъ.

Игнатн Львовнчъ устремилъ на Лизу свой обычный испытующнй взглядъ поверхъ очковъ.

— Экая игра природы опять! Хоть бы что отъ матери взяла...

— Талантъ,—отвѣтила Сотова.

— О! это было лучшее въ покойницѣ. Ну, что жъ! по русской примѣтѣ,—счастлива дочь, коли въ отца лицомъ уродилась.

— Дай Богъ!

— А все-таки трудно вамъ съ нею придется. Какъ вы ее тутъ въ деревнѣ при нынѣшнихъ требованіяхъ воспитаете? Гувернантку выпишете? А то не лучше ли въ институтъ?

— Это изъ одной казны въ другую-то? Ни за что! Ей прежде всего силъ набраться надо. Посмотрите, какая она длинненькая да худенькая. Я попрошу васъ непременно освидѣтельствовать ее завтра же. Вѣдь какъ никакъ, а мать умерла въ чахоткѣ.

Докторъ вздохнулъ.

— Ну, наслѣдственности тутъ быть не можетъ,—болѣзнь благопріобрѣтенная... А ужъ чую я, и избалуєте же вы эту богоданную вамъ доченьку!...

Александра Николаевна засмѣялась.

— Это еще посмотримъ. А только объ институтѣ и не заикайтесь. Ни за что не отдамъ. Самому-то вамъ, небойсь, легко, скажете, безъ сыновей теперь?

— Что подѣлаешь. Обязанность прежде всего. Въ нашъ вѣкъ безъ диплома не пробьешься. И чѣмъ выше онъ,—тѣмъ легче выбиться въ люди. Мои вонъ оба на дорогѣ, слава Богу. Одинъ—Вася—медикъ, на второй ужъ курсъ перешель, а Лешка университетъ на горный промѣнялъ и пока въ восторгѣ, только бы удержался. А забота большая, что и говорить. Ничего, пока что—славные ребята!—И, пыхнувъ папирисой, онъ украдкой бросилъ любовный взглядъ на фотографію.

Весеннее солнце ласковыми лучами свѣтило на поля, еще пока покрытыя сѣдою прошлогодней травой, и на особенно казавшіяся между ними яркими зеленыя озими. Весна здѣсь на сѣверѣ сильно запоздала, и черныя щетки неодѣтыхъ роцъ и лѣсовъ вставали то здѣсь, то тамъ. Но жаворонки уже давно поднимались подъ легкія облака, и, словно незримый звонъ, звенѣли оттуда ихъ пѣсни первымъ привѣтомъ родного неба пріѣхавшей изъ-за дальнихъ горъ и рѣкъ землячкѣ. Дѣвочка напряженно смотрѣла по сторонамъ. Она держала тетку за руку и спрашивала названіе каждой рѣчки, каждаго деревяннаго моста и поселка, мимо которыхъ проѣзжала коляска.

Неказиста была родина. Какъ бѣдны и убоги были избы, какъ грязны и плохи дороги. Въ бѣлыхъ оголенныхъ еще березахъ большака шумѣли на черныхъ гнѣздахъ черные грачи, и ихъ вереницы бродили и по изрытымъ бороздамъ полей. То тамъ, то сямъ виднѣлась убогая лошаденка въ истрепанномъ хомутѣ; выбиваясь изъ силъ, тащила она подъ грозные окрики первобытную соху и шель за нею, направляя и помогая, мужикъ въ изодранномъ тулупѣ.

Въ Алексѣевкѣ, гдѣ была когда-то становаѣ квартира, пришлось сдѣлать передышку и покормить лошадей. Здѣсь кончалась столбовая, уже запущенная съ проведеніемъ рельсоваго пути, бывшая почтовая дорога и начинался проселокъ. Лизѣ очень понравился этотъ неожиданный приваль, или «этанъ», какъ она выразилась. Дѣвочка съ любопытствомъ вошла въ избу Кирсанихи, гдѣ всегда останавливалась Александра Николаевна, и оглядѣлась кругомъ. Большими, удивленными глазами смотрѣла она на черныя, закоптѣлыя стѣны, на божницу съ лампадкой въ правомъ углу, на пестрыя лубочныя картинки, наколоченныя рядомъ, на огромную, вылѣзшую на середину горницы русскую печь и на полати, откуда съ не меньшимъ любопытствомъ глядѣли, свѣсившись, бѣлокурыя, спутанныя дѣтскія головенки.

Пока Кирсаниха раздувала самоваръ, Кирилловна раскладывала дорожный погребецъ. Головенки спрятались. На полатахъ послышался шопотъ и шушуканье; черезъ двѣ минуты свѣсились чьи-то босыя, грязныя ноженки, и, нащупавъ пальцами привычныя выбоинки въ стѣнкѣ, съ полатей слѣзла семилѣтняя дѣвочка, а за нею еще трое ребятшекъ. Они окружили столъ съ погребцомъ.

— Что, сахару, небойсь? — добродушно-ворчливо спросила Кирилловна и сунула каждому по куску.

Лиза развязала узелокъ съ баранками и тоже одѣлила ребятъ.

— Такъ, матушка, такъ! — хвалила ее старушка и погладила по рукѣ. — Она у насъ французинька, ни слова по-русски не понимаетъ, — объяснила она ребяткамъ.

Дѣти принесли котятъ и, несмотря на невозможность разговаривать другъ съ другомъ, всѣ разыгрались.

Александра Николаевна весело усмѣхнулась.

— Къ чему гувернантки пока! Предоставлю ей полную свободу это лѣто, она живо съ дѣтми языку научится. А осенью посмотрю, что Богъ дастъ, — подумала она, глядя на дѣтскую группу.

Когда старая коляска свернула на проселокъ и лошади поѣхали тише, тетя Саша со вздохомъ сказала Лизѣ:

— Когда-то вотъ вся эта земля была нашей!

— А теперь?

— Теперь она продана богатому купцу, и только четверть прежняго Колычева принадлежит намъ.

— Кто же продалъ ее?

— Твой дѣдушка, отецъ твоей матери.

Александра Николаевна рѣшила посвятить понемногу Лизу въ прошлое, осторожно обходя всякіе обоюдоострые вопросы. Она предвидѣла, что какъ только дѣвочка начнетъ понимать по-русски, найдутся услужливыя языки и сообщать ей многое, именно не въ томъ видѣ, какъ бы она хотѣла.

Изъ-за роци выглянула колокольня Колычевской церкви. Тетка перекрестилась на сверкавшій на солнцѣ крестъ. Лиза послѣдовала ея примѣру, но та ее остановила.

— Ты крестишься по-католически, мы крестимся по другому. Дѣвочка покраснѣла.

— Развѣ не все равно?

— Нѣтъ, ты православная, и нашъ крестъ проще. Смотри,— вотъ такъ!

Лиза послушно повторила крестное знаменіе. Кирилловна умилилась.

— Молись, матушка, молись, милая! Тутъ батюшка твой сколько разъ маливался.

А Лиза, раскрывъ сѣрые отцовскіе глаза, пристально всматривалась въ массу вѣкового парка, показавшуюся вдалеѣ. Окутанный легкой дымкой, онъ выплывалъ ей навстрѣчу, словно сказочный островъ на пеленѣ полей и луговъ. Вышедшая изъ береговъ Оболонь серебристой широкой лентой окаймляла его и скрывалась за косогоромъ села. Дѣвочка искала взглядомъ башенъ «замка», который, по ея понятіямъ, долженъ былъ нынѣ замѣнять сторгъвшую виллу. И когда коляска вѣхала на старыи дворъ и остановилась у крыльца бывшаго Романовскаго дома, она удивленно спросила тетку:

— А гдѣ же замокъ? Развѣ ты не живешь въ немъ?

Тетя Саша кротко улыбнулась и отвѣтила:

— Нѣтъ, милочка! замка давно не существуетъ. Но въ этомъ домѣ родилась и жила до замужества твоя мать, и мы съ дядей Simon новаго не построили. Ты должна будешь довольствоваться этимъ старымъ гнѣздомъ.

Лиза вошла нѣсколько разочарованная. Внутри, однако, было такъ уютно, такъ тепло, такъ весело смотрѣло сквозь кружево гардинъ весеннее солнце, такъ ласково ложилось свѣтлыми пятнами на букеты медальоновъ вышитаго ковра гостиной, такъ таинственно теплилась зеленая лампада передъ стариннымъ образомъ въ золоченомъ окладѣ, что дѣвочка вдругъ почувствовала себя дома.

Она быстро обѣжала всѣ семь комнатъ нижняго этажа и въ спальнѣ сразу остановилась. Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ бородатаго челоуѣка съ удивительно ей знакомыми глазами, со сросшимися, какъ у нея самой, дугами бровей и съ доброй улыбкой нѣсколько крупнаго рта.

— Тетя, кто это?—спросила она со странно вдругъ замеревшимъ сердцемъ.

Тетя Саша взяла съ туалета ручное зеркало и подала ей.

— Посмотри!

— Рара!..—вырвалось у Лизы...—Рара... рара...—повторяла она, не въ силахъ оторваться отъ этого лица, тщетно вызывая его въ своей памяти...

— Развѣ ты никогда не видѣла его карточки?—спросила рас-
троганная Александра Николаевна.

Лиза покачала головой.

— Мамѣ было всегда такъ больно говорить про рара, что я не
рѣшалась просить ее привезти мнѣ его портретъ...

Она вздохнула и прибавила:

— А маминаго портрета у тебя нѣтъ? Его здѣсь не видно?..

Александра Николаевна взяла себя въ руки и отвѣтила:

— Отдѣльнаго нѣтъ, но есть группа съ тобою и съ твоимъ от-
цомъ, снятая въ Петербургѣ передъ вашимъ отъѣздомъ за границу.
Я ее достану и подарю тебѣ. Хочешь?

Лиза захлопала въ ладоши.

— О, какое счастье! Я повѣшу ее надъ моей кроватью и буду
всегда смотрѣть, засыпая, на нихъ обоихъ, милыхъ вмѣстѣ...

V.

Душно. Зноенъ воздухъ пыльный,
Пыльны листья. Пыльны травы.
Полны томности безильной,
Дремлютъ нвы вдоль канавы.
А съ рѣки изъ-за оврага
Стоишь несется, хохотъ, визги,
И плыветъ ребячь ватага,
И горятъ снопами брызги.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Августовскій полдень. Малина давно отошла, и поспѣли орѣхи. Таинственно и заманчиво выглядываютъ они изъ свѣтло-зеленыхъ курчавыхъ гнѣздъ на концахъ гибкихъ вѣтокъ, опушенныхъ сочными, слегка шершавыми листьями, съ правильными, словно вытисненными рѣзцомъ жилками. Мохнатый хвостъ вѣшки мелькнулъ на сосѣдней березѣ, и ловко рассчитаннымъ скачкомъ граціозный звѣрекъ, перелетѣвъ сажени двѣ въ воздухъ, бросается на высокій кустъ, чтобы зацѣпиться на зиму любимымъ лакомствомъ. Нѣсколько минутъ слышно шелканье скорлупы, и остренькая мордочка съ внимательно зоркими глазами усердно грызетъ спѣлый орѣхъ. Но чу!.. гдѣ-то шумъ. Орѣхъ падаетъ изъ переднихъ лапокъ, и пушистый рыжіи хвостъ, только что торчавшій парусомъ кверху, вытягивается въ струнку, и вѣшка снова перелетаетъ на высокое и болѣе безопасное мѣсто.

А шумъ приближается. Трещать сучья. Слышны голоса и шаги.
«Я хочу вамъ рассказать...—запѣваетъ высокій дискантъ.

«Рассказать, рассказать, какъ дѣвицы шли гулять...» — подхватываютъ два другихъ дѣтскихъ голоса, изъ которыхъ одинъ, низкій и вѣрный альтъ, выводитъ красивую вторю.

Изъ чаши показываются трое дѣтей, мальчикъ и двѣ дѣвочки, съ кузовками черезъ плечо. Это внукъ и любимецъ Кирилловны Митька съ Танькой и ея неразлучной подругой Лизой Колычевой.

Если бъ сестра Клара могла перенестись сюда, въ это тридешатое царство, имя которому русское приволье, она ни за что не признала бы въ вытянувшейся, загорѣлой и возмужалой дѣвочкѣ своей бывшей «*prille*». Тетя Саша осуществила свою педагогическую идею и предоставила Лизу самой себѣ, ни въ чемъ не стѣсняя ея, и результаты ея системы получились блестящіе. Дѣвочка не только окрѣпла физически, но черезъ четыре мѣсяца пребыванія на родинѣ начала бѣгло говорить по-русски. Въ этой компаніи двухъ неспорченныхъ русскихъ ребятъ она проводила цѣлые дни, наслаждаясь полной свободой и душой и тѣломъ отдыхая отъ строгаго заточенія и дисциплины. Уже съ утра, снявъ башмаки и чулки, она бѣжала купаться на рѣку, съ восторгомъ шлепая босыми ноженками то по холодной росѣ, то по теплымъ болотцамъ. Запасшись большимъ ломтемъ хлѣба, она исчезала на цѣлые часы или на старую мельницу, гдѣ они усердно удили гольцовъ и щукъ, или въ рощу за малиной, или въ ближайшій лѣсъ за грибами. Но любимымъ занятіемъ Лизы, которымъ она сумѣла заинтересовать и товарищей и которое такъ любила когда-то и ея мать, было блужданіе по старому, заброшенному саду.

Вообразивъ себя Робинзонами, дѣти отправлялись на розыски былого величія, и старыя деревья шумѣли вѣтвями и ласково нашептывали имъ чудныя сказки о недавнихъ сравнительно, но казавшихся дѣтскимъ сердцамъ стародавними, годахъ. Только незначительная часть парка, пересѣкаемая обѣими главными липовыми аллеями, поддерживалась и расчищалась,—остальное все было запущено, и даже во французскомъ, столь тщательно когда-то оберегаемомъ саду кусты, трельяжи и шпалеры съ нишами, гдѣ раньше ютились нимфы и амуры, представляли непроходимый лабиринтъ колючаго боярышника и жимолости. На мѣстѣ виллы высился поросшій густымъ бурьяномъ бугоръ. Никто никогда не подходилъ къ нему.

По приказанію Семена Михайловича были срублены обуглившіеся мертвые клены и пожарище разрыто. Когда скрученные отъ жара листы желѣза и обгорѣлыя стропила и балки, оставшіеся отъ прежнихъ оштукатуренныхъ подъ мраморъ стѣнъ, были растащены баграми и сброшены въ прудъ, а кирпичи и мусоръ выравнены, то оказалось, что нижній подвальный этажъ, выведенный подъ прочными каменными сводами, уцѣлѣлъ. Сотовъ велѣлъ заколотить наглухо окна и двери, и съ того дня ни одна человѣческая нога не ступала больше на расколотыя мраморныя ступени террасы. Сорныя травы и новые побѣги затамили зелеными сѣтками огромную насыпь, и образовался настоящій курганъ-могильникъ.

Прудъ мелѣлъ съ каждыиъ годомъ. Кувшинки и бѣлокрыльшники разрастались дружными, серебристыми семьями, затягивая все больше и больше водное зеркало, гдѣ одиноко плавать бѣлый лебедь. Его товарищъ погибъ черезъ годъ послѣ пожара. Стройные камыши съ черными бархатными шишками и сѣро-розовые метелки высокаго тростника шептались все громче и все ближе подвигались къ бѣлымъ ступенямъ, гдѣ изъ щелей между мхами росли пучки остролистой осоки.

На кулигѣ подъ вязомъ кресты стояли прямо попрежнему. Ихъ было теперь четыре. Сперва рядомъ со внукомъ успокоилась наконецъ пани Юзыня, а потомъ легъ въ ногахъ своего батюшки барина и вѣрный Личарда Евграфъ.

За могилами, согласно строго, подъ угрозой вѣчной муки адской, выраженной въ духовной волѣ, ходила его внучка Агаша, съ опаской ступая по заплатаиному березовому мостику, готовому сжемиутно рухнуть въ Оболонь.

Агашиному сыну Михалкѣ было уже 19 лѣтъ. Онъ былъ невысокимъ, коренастымъ парнемъ, съ узкимъ лбомъ и близко сидящими, острыми и холодными глазками. Съ колычевскими мужиками онъ дружбы не водилъ, а барышничалъ, скупая, гдѣ могъ, чесанный ленъ и пеньку, масло и творогъ, яйца и картофель и перепродавая ихъ другимъ, болѣе крупнымъ скупщикамъ. Въ долгъ онъ не вѣрилъ никому ни копейки и самъ расплачивался всегда наличными деньгами.

До смерти Семена Михайловича онъ держалъ себя съ колычевскими господами крайне почтительно и каждый праздникъ являлся съ поздравленіемъ, получая отъ барина зелененькую, а отъ барыни ситцу на рубаху или платокъ на шею. Но Кирилловна давно уже не влюбила его. Какъ-то однажды, еще при жизни Сотова, въ ожиданіи выхода Александры Николаевны, онъ вздумалъ расположиться въ кухнѣ со своей цыгаркой; старуха обозвала его «табашникомъ» и попросила выйти курить свое зелье на крыльцо.

— А какъ же вы, Наталья Кирилловна, у господъ выдерживаете? Вѣдь баринъ, поди, курять тоже!—дерзко спросилъ онъ.

Кирилловна даже остолбенѣла.

— Да ты что?.. да ты никакъ рехнулся! съ бариномъ себя равняешь! Да баринъ... да на немъ звѣздъ однѣхъ сколько... да онъ тебя за продерзость твою въ Сибирь сослать можетъ...

Но Михалка, нарочно пыхнувъ ей махоркой въ самый носъ, нахально отвѣтилъ:

— А што толку въ звѣздахъ-то своихъ, развѣ што наелку повѣсить, потому все равно надѣвать сму ихъ некуда. Государь-то его въ отставку разжаловалъ да изъ Питера выслалъ. Поди, моль, посиди въ деревнѣ, милій! ты мнѣ тутъ не ко двору больше. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ!..—и онъ вышелъ въ сѣни, стуча фран-

товскими, подковаанными сапогами, сплюнулъ въ ведро и громко окликнулъ проходившую по двору горничную:

— Доложите, Авдотья Степановна, барынѣ, што, моль, впускъ Евграфа Тимоѳеевича очинно принять ихъ просять.

Передать объ этомъ разговорѣ Александрѣ Николаевнѣ Кирилловна не рѣшилась. Она сознавала, что въ словахъ Михалки была доля правды. Совѣты докторовъ пришлись какъ нельзя болѣе кстати, чтобы объяснить въ глазахъ людей причину сорвавшейся карьеры сановника. Слухи объ этомъ какъ-нибудь дошли черезъ привезенныхъ изъ Петербурга слугъ до Агаши, и Кирилловна горько вздыхала объ упрямствѣ генерала, которъй ни за что не хотѣлъ отказать своему лакею и двумъ горничнымъ, все болѣе зазнававшимся въ деревнѣ съ каждымъ днемъ.

Со смерти Сотова Евграфовъ правнукъ и наслѣдникъ понемногу эмансипировался. Съ поздравленіями онъ являлся попрежнему, но дѣлалъ постоянно неожиданныя неприятели. То загонить отбившуюся телку изъ немногочисленнаго барскаго стада и явится съ жалобой на потраву, то не пустить матери на поденщину въ усадьбу, заставивъ ее ѣхать куда-нибудь съ собою по неотложному якому дѣлу, то перебить цѣну и т. д. По деревенскимъ обычаямъ его давно было пора оженить, но онъ наотрѣзъ объявилъ, что никому въ это дѣло мѣшаться не позволить.

— Потому, какъ по нашему дѣлу я къ купечеству вхожестъ получилъ, то и жену подѣ статью изъ хорошаго купецкаго семейства взять желаю и самъ подобрать сумѣю, а ужъ вы, мамаша, отъ вашего совательства меня ослобоните, потому хотя бы вы силкомъ меня въ церкву поволокли, а я попу прямо скажу, что это вамъ, а не мнѣ охота жениться.

Агаша только рукой махнула.

— Мало била тебя да за патлы въ дѣтствѣ трепала, оттого неслухомъ и вышелъ. А все дѣдушка причиною, очень ужъ набаловалъ, не будь тѣмъ помянуть, царство ему небесное.

И Михалка зазнавался еще пуще. Какъ-то недавно онъ явился къ Александрѣ Николаевнѣ и очень вкрадчиво и настойчиво сталъ просить починить березовый мостикъ на кулигу. Не успѣла еще барыня ротъ открыть, какъ онъ уже прибавилъ:

— А если это вашему высокопревосходительству, такъ сказать, «непредвѣданный» расходъ, то позвольте за всѣ милости покойнаго дялюшки вашего къ нашему семейству мнѣ по собственному усердію новый построить, а я ужъ такой прочный сооружу, чтобы не то, что ходьбу,—и ѣзду выдержать могъ бы.

Не предвидя себѣ ничего отъ этого неприятнаго, Александра Николаевна согласилась, и черезъ нѣсколько дней граціозная березовая арка надъ каналомъ исчезла навѣки. Ее замѣнилъ тяжелый настилъ изъ бревенъ и досокъ, а тамъ черезъ ровъ у вала былъ уложенъ вто-

рой такой же, срублены кусты боярышника и вмѣсто узкой тропочки, протоптанной къ могиламъ Евграфомъ, пролегла широкая проѣзжая колея черезъ паркъ въ село. Мужики по ней пока не ѣздили, но Михалка проѣзжалъ безъ опаски, избѣгая огромнаго крюка мимо всей усадьбы.

Арефій напустился на него за самоуправство и пригрозилъ пожаловаться исправнику, но Михалка клялся и божился, что предупредилъ барыню, и она сама на проѣзжій мостъ согласіе дала. Александра Николаевна, боясь всякаго сутяжничества, махнула рукой и только запретила ѣздить другимъ и велѣла соорудить околицу.

Михалка, проѣзжая близко мимо пруда, каждый разъ смотрѣлъ на высокій бугоръ. Тайственный подвалъ манилъ его не меньше, чѣмъ въ дѣтствѣ. Онъ былъ увѣренъ, что въ немъ хранились никому неизвѣстныя, всѣми теперь позабытыя вещи изъ прежнихъ временъ, остатки того древняго величія, которое безъ устали разыскивали три пары дѣтскихъ рукъ и глазъ.

Куда-куда не заглянули за минувшіе мѣсяцы эти любопытные глаза! Не было ни одного уголка ни въ сараяхъ, ни въ амбарахъ, ни одного сундука и ящика въ мезонинѣ и на чердакѣ, гдѣ бы не порылись эти смуглыя ручки. Тетя Саша сама давалась диву, когда Лиза съ торжествомъ приносила то старый альбомъ съ рукописными монологами и акварельными рисунками ея же подругъ, то какую-нибудь чашку или вазу, забытую когда-то кѣмъ-то на чердакѣ, то сѣдло или вожжи, извлеченныя изъ нѣдръ тарантаса, не употреблявшагося со временъ блаженной памяти Михея Осторожнаго.

Кирилловна, напротивъ, ворчала и бурлила, глядя на прорѣхи и вырванные углами куски изъ юбочекъ и передниковъ и посылая чуть не каждую недѣлю въ починку Лизину обувь.

— Ну и барышня! все на ней горить, не напасешься! Ты бы хоть тетеньку-то пожалѣла!

Но Лиза обнимала ее смуглой рукой за шею и говорила:

— Не урчи!..

Этому она научилась чуть не на второй же день отъ Митьки и убѣгала на новые поиски, веселая и оживленная, напѣвая перенятыя отъ Таньки пѣсни.

На сердцѣ у нея было такъ свѣтло и радостно, точно весь солнечный блескъ, вся нѣжившаяся на лѣтнемъ зноѣ листва переливалась и шумѣла въ ея груди, шепча умиленныя рѣчи о быдомъ и блаженныя о настоящемъ и будущемъ, безъ единаго облачка, безъ единой заботы и думки. О «замкѣ» она давно перестала жалѣть. И безъ него было хорошо.

Зато Александра Николаевна думала много, и думы ея не всегда были веселыми. Взявъ Лизу на свое попеченіе, она впервые пожалѣла объ ухлопанномъ ея супругомъ капиталѣ на спекуляціи и англійскую систему хозяйства. Пока она жива, ея трехтысячной

пенсіи хватить на нихъ обѣихъ, но умри она сегодня, дѣвочка останется, если не безъ двора и кола, то, навѣрно, безъ гроша. Чтобы сохранить ей эти послѣднія 800 десятинъ родовой земли, надо не только пайти возможность сводить концы съ концами, но и откладывать для фонда. И Александра Николаевна стала все больше сама входить въ дѣло. Вспоминая пани Юзыню, она рѣшила послѣдовать ея примѣру и завести образцовое молочное и птичье хозяйство. Желѣзная дорога сократила впятеро разстояніе до Москвы и облегчала сбытъ битой птицы и масла...

Относительно воспитанія Лизы она съ приближеніемъ осени тоже начала не на шутку призадумываться. Былъ одинъ пунктъ, глубоко смущавшій ее: дѣвочка рѣшительно не влюбилась православнаго богослуженія.

На другой же день по ихъ возвращеніи изъ-за границы, приходившійся на воскресенье, Александра Николаевна взяла Лизу къ обѣднѣ. Дѣвочка пошла весьма охотно. Незнакомая обстановка, образа и золоченый иконостасъ были интересны. Но въ церкви было душно и пахло овчиной. Когда началась служба и мужики и бабы стали креститься широкими крестами, поминутно кладя земные поклоны, Лизѣ сдѣлалось не по себѣ. Возгласы священника и дьякона были непонятны, непонятны и отвѣты дьячка, пѣвшаго «Господи помилуй», хотя она и уловила мотивъ своимъ музыкальнымъ ухомъ и мысленно подобрала ему втору; она искренно хотѣла молиться въ этой церкви, гдѣ вѣнчались ея родители, о чемъ она слышала еще отъ Жюли, повторяла съ точностью все, что дѣлала стоявшая рядомъ тетка. Нѣкоторое время дѣло шло благополучно. Но вотъ раскрылись царскія двери, и дьячокъ козлинымъ теноркомъ затянулъ на клиросѣ «Херувимскую». Запрокинувъ на спину свою примасленную голову съ тонкой, торчащей кверху косичкой, онъ старательно сталъ выводить такія фіоритуры и трели, что дѣвочка не выдержала и громко фыркнула.

Всѣ оглянулись. Лиза, красная, какъ кумачъ, тряслась отъ смѣха, тщетно сдерживая себя. Александра Николаевна укоризненно посматривала на нее и тихо сказала:

— Ты не умѣешь вести себя? Тебѣ смѣшно, а посмотри, какъ молятся другіе.

Лиза готова была провалиться сквозь землю, но смѣхъ не переставалъ душить ее, и тетка сразу послѣ «Херувимской» увела племянницу, чтобы прекратить соблазнъ. Въ душѣ она не осуждала дѣвочку. Она сама возмущалась этимъ дьячкомъ и имѣла даже разговоръ съ замѣнчившимъ умершаго отца Никиту отцомъ Никаноромъ, но дьячокъ былъ родственникомъ благочиннаго и смѣнить его не было возможности.

Вернувшись домой, она прочла Лизѣ цѣлую нотацию и рѣшила не брать ее больше въ церковь, пока она не выучится по-русски.

И вотъ шель уже пятый мѣсяць ея пребыванія въ Колычевѣ, уже дѣвочка бѣгло болтала на родномъ языкѣ и все-таки ни разу такъ и не выразила желанія сопровождать тетку въ церковь, хотя та не пропускала ни одной службы.

Съ отцомъ Никаноромъ, заходившимъ изрѣдка къ Сотовой, Лиза разговоры избѣгала. Онъ ей сильно не нравился. Она прямо не влюбилась его съ того раза, какъ однажды, проѣзжая мимо дома причта, кучеръ ихъ не закрылъ за собой околицы, а священникъ въ своемъ домашнемъ, довольно неопрятномъ подрясникѣ выбѣжалъ на крыльцо и, погрозивъ ему вслѣдъ кулакомъ, грубо закричалъ:

— Погоди, скоро крестить позовешь, такъ тебѣ околица эта въ копейку вскочить! Научу тебя, рохля!..

Лиза ничего не поняла, Танька объяснила ей, что теперь вмѣсто двухъ рублей отецъ Никаноръ возьметъ съ Селивана пять. Лиза тутъ же порѣшила упросить тетю Сашу взять этотъ расходъ на себя.

Но и помимо этого случая самыя манеры, смѣхъ, грязные ногти, грубоватый голосъ и длинныя волосы и борода колычевскаго пастыря не нравились дѣвочкѣ, и она не однажды со вздохомъ вспоминала своего аббата, съ гладкимъ, выбритымъ подбородкомъ, съ кроткимъ взглядомъ черныхъ глазъ и тихой вкрадчивой рѣчью. Она продолжала, прочтя по-русски вслухъ по желанію Александры Николаевны выученныя «Богородицу» и «Отче нашъ», молиться про себя и утромъ, и вечеромъ по-католически.

Это сильно озабочивало тетю Сашу, которая не знала, какъ быть, какъ заставить дѣвочку стать православною. При свиданіи съ Игнатіемъ Львовичемъ она сообщила ему свою тревогу.

— Трудно вамъ будетъ. Не справитесь. Не обойтись вамъ безъ института. И почему вы противъ? Сами вспоминаете свои учебныя годы не безъ удовольствія, до сихъ поръ съ подругами переписываетесь. Видите, какія тамъ прочныя связи образуются, а сюда какую еще гувернантку получите!

Но Александра Николаевна не сдавалась. Она рѣшила обратиться за хорошею воспитательницею къ одной изъ старыхъ пріятельницъ своихъ, начальницѣ строгаго института, и чистосердечно покаялась, что въ самой себѣ не находитъ способности противоборствовать Лизѣ рѣшительно ни въ чемъ.

«Чувствую,—писала она:—что не сумѣю никогда примѣнить къ ней не только наказанія,—даже и писать это слово непріятно,—но никакой строгой мѣры. Въ душѣ сознаю, что распускаю ее, а сердце всегда находитъ извиненіе всякому ея поступку. Одна надежда—напасть на чуткую и твердую руководительницу и, сдавъ ей на руки дѣвочку, лишь иногда смягчать слишкомъ строгіе приговоры».

Отвѣтъ начальницы подтвердилъ мнѣніе мрачнаго доктора.

«Именно въ данномъ случаѣ я бы не колебалась,—писала она.—То, что для васъ, милая Сашетъ, составляетъ вопросъ, здѣсь

было бы рѣшено само собою и безповоротно. Насколько наше сельское духовенство, увы, не всегда способствуетъ укрѣпленію вѣры своей паствы, настолько здѣшніе священнослужители на высотѣ своего призванія, и благолѣпіе институтскихъ церковныхъ службъ не можетъ не подѣйствовать благотѣтельно на душу вашей племянницы, повидимому, весьма чуткой ко всему прекрасному. Поручите ее мнѣ, и я отвѣчаю и за ея православіе, и за воспитаніе въ чисто русскомъ направленіи. Интернатъ теперь во много разъ легче, чѣмъ въ наше съ вами время, и всѣ каникулы дѣвочка будетъ проводить подъ вашимъ крыломъ. Не сомнѣвайтесь, а рѣшайтесь, и вѣрьте, чѣмъ это случится скорѣе, тѣмъ легче будетъ для обѣихъ васъ»...

Александра Николаевна, прочтя письмо, глубоко, глубоко вздохнула и спрятала его въ столъ, но на другой же день случился одинъ незначительный фактъ, который поколебаль-таки ея рѣшимость.

Лиза очень любила являться въ кухню къ Кирилловнѣ передъ самымъ обѣдомъ батраковъ. Ржаныя лепешки на сметанѣ и жирныя лѣнвивыя щи казались ей настоящимъ лакомствомъ. Она уже ранѣе предвкушала ихъ, какъ вдругъ крикъ на дворѣ привлекъ ея вниманіе. Годовалый мальчуганъ, тщетно цѣпляясь за траву, пытался подняться на ноги. Лиза, равнодушная ко всему маленькому, бросилась на помощь. Вышитымъ передникомъ утерла она испачканную въ землѣ дѣтскую рожицу и потащила, несмотря на барахтанье, ребенка къ Кирилловнѣ.

Та только руками всплеснула.

— Охота тебѣ съ такою дрянью возиться! Стыдно, сударышня.

— Отчего стыдно? онъ маленькій! Кто онъ?

Кирилловна вырвала его изъ рукъ Лизы и посадила на лавку.

— Ое-о-фашка Лукерьянъ,—буркнула она, отойдя къ плитѣ.

Лукерья была только что поступившая новая скотница.

— Ое-о-фаш-ка!—задумчиво повторила Лиза.—Это имя?

— Да, имя... Ну, уходи, уходи! Не слѣдь тебѣ, барышнѣ, на кухню вертѣться, не барское дѣло.

Лиза, недоумѣвая, вышла на крыльцо. Въ это время въ кухню начали входить работники и разсѣлись обѣдать. Когда вошла Лукерья, старушка сунула ей на руки мальчика и сурово прибавила:

— Ты бы хоть господамъ глаза грѣхомъ-то не мозолила!

Блѣдная Лукерья такъ и вспыхнула, молча приняла ребенка и сѣла за столъ. Ребенокъ, почувствовавъ себя у матери, развеселился и, что-то лепеча на своемъ никому не понятномъ языкѣ, сталъ тянуться къ общей мискѣ.

— Сиди ты смирно, отродье! Шутъ тебя возьми!..—и Лукерья дала ему энергичнаго шлепка.

— Славно!—отозвался Селиванъ.—Ты бы его хорошенько заодно, зачѣмъ родился.

— Свинымъ бы его скормить надо!—отозвалась толстая Аниска, Лукерьяна дочь, поступившая вмѣстѣ съ нею на маслобойню, въ качествѣ молочной дѣвки:—а то людямъ въ глаза глядѣтъ совѣстно.

Лукерья, стиснувъ зубы, съ досадою сунула за пазуху пару лепешокъ и встала изъ-за стола. Ребенокъ снова разревѣлся, а она, тряся его за плечики, вышла на крыльцо, при дружномъ хохотѣ батраковъ. Но тутъ она наткнулась на блѣдную, дрожащую Лизу. Какъ кошка, вцѣпилась дѣвочка въ руку работницы.

— Не смѣй! не смѣй! — кричала она въ изступленьи: — я не позволю.

Ей показалось, что Лукерья намѣревается исполнить совѣтъ Аниски.

— Полноте, барышня, успокойтесь. Я его снесу въ людскую, покормлю и укачаю, а то онъ тутъ только мѣшаетъ.

Лиза, не довѣряя ей, побѣжала слѣдомъ. Ее никогда не пускали въ людскую. Кирилловна строго наказала Танѣ не водить туда барышню.

— Мало ли чего наслушается! Слышь ты? И сама держи языкъ за зубами, а не то всѣхъ васъ сгоню со двора.

Дѣло касалось лишнихъ разговоровъ о прошломъ, и старуха чутьемъ понимала, что чѣмъ меньше о немъ пока узнаетъ Лиза, тѣмъ лучше и безопаснѣе для ея душевнаго мира.

Но тутъ барышня забыла обо всѣхъ увѣщаніяхъ, что ей не слѣдъ съ прислугой якшаться и т. д., и вбѣжала въ запретную избу.

Прежде всего ее поразилъ острый кислый запахъ никогда не провѣтриваемой комнаты. Рои мухъ бились подъ потолкомъ и на пыльных окнахъ. Груды тряпья валялись на нарахъ. Изъ-подъ лавокъ сидѣвшія на яйцахъ индѣйки боязливо вытянули длинные сморщенные шеи. Сверху изъ-за огромной облѣзлой печи спускался длинный шестъ, къ концу котораго былъ привѣшенъ ящикъ изъ-подъ свѣчей. Лукерья отдернула линючій пологъ; на грязныя, игравшія роль перины лохмотья опустила она сына и сунула ему отвратительную соску изъ разжеванной ею ржаной лепешки. Лизѣ приходилось не разъ бывать въ крестьянскихъ избахъ, но нигдѣ никогда она не испытывала столь тягостнаго чувства. Пока, дергая за привязанную къ шесту веревочку, работница раскачивала зыбку, Лиза неотступно не сводила съ нея глазъ. Лукерья сидѣла прямо, словно на вытяжкѣ, устремивъ взглядъ въ полъ. Лицо ея было утрюмо, точно тяжелая забота и тайный стыдъ мѣшали ей обернуться и перемѣнить позу.

«Чего она такая? Что съ ней?» Дѣвочка набиралась духу, чтобы спросить эту мать, почему она стыдится такого маленькаго и въ сущности, будь онъ почище, хорошенькаго ребенка, но Теофашка уснулъ, и Лукерья встала и оправила сбившійся платокъ. Все также не поднимая глазъ, покормила она индѣекъ и, плотно сжавъ губы,

вышла въ дверь съ сурово-покорнымъ выраженіемъ еще не стараго, красиваго лица.

Лиза хотѣла послѣдовать за нею, но Теофашка проснулся и запищаль. Дѣвочка стала дергать веревочку, и подѣ раскачиванье зыбки ребенокъ уснулъ, а Лиза сидѣла и думала думу. Сложная работа шла въ ея темноволосой, юной головкѣ.

«За что люди не любятъ людей? Ну, взрослыхъ, понятно, потому что они бываютъ дурны. Сестра Клара и сестра Тереза, иногда замѣнявшая ее, говорили, что любить люди умѣютъ только хорошихъ; Богъ любить и дурныхъ, но на то онъ и Богъ. Онъ все можетъ, а люди не могутъ и часто и не хотятъ, а тѣ, которые хотятъ,— это святые, со святой душой, и чѣмъ больше они любятъ дурныхъ, особенно враговъ своихъ, тѣмъ ближе становятся къ Богу и искупаютъ грѣхи другихъ. Но развѣ Теофашка, такой маленькій, можетъ быть чѣмъ-нибудь врагомъ? Развѣ онъ можетъ быть грѣшникомъ? А Кирилловна назвала его Лукерьинымъ грѣхомъ, это она отлично слышала... Положимъ, Кирилловна не родня ему, а за что же и Аниска, сестра его, хотѣла скормить его свиньямъ? И почему Лукерья сидѣла, все потупя глаза, точно, дѣйствительно, не смѣя смотрѣть людямъ въ лицо? Здѣсь есть что-то непонятное, какая-то тайна...

Теофашка продолжалъ сладко посапывать, и Лиза осторожно вышла. На дворѣ ей попался Прохоръ. Восьмидесятилѣтній старикъ дворецкій, жившій въ селѣ на покоѣ у внучки, приходилъ иногда по старой памяти пообѣдать на барскую кухню. Онъ очень любилъ Лизу и часто, по ея просьбѣ, рассказывалъ ей длинныя исторіи о старомъ житьѣ-бытьѣ, хотя она съ трудомъ понимала его шамканье.

— Прохоръ,—обратилась она къ нему,—скажи, ты знаешь сына Лукерьи, Теофашку? Отчего никто не любитъ его?

— А я и не зналъ, что у Лукерьи есть Теофашка... Теофашку и любить нельзя.

— За что же? Кирилловна назвала его грѣхомъ. Какой же онъ грѣхъ... онъ младенецъ... Развѣ онъ можетъ грѣшить?

— Не онъ согрѣшилъ, мать его согрѣшила, не даромъ попъ его Теофаномъ окрестилъ.

Лиза ровно ничего не поняла. Деревенскіе пастыри зачастую въ наказаніе матерямъ даютъ извѣстныя имена дѣтямъ, заклеимляя, такимъ образомъ, на всю жизнь, въ назиданіе прочимъ, ихъ незаконное рожденіе. Ни о чемъ подобномъ дѣвочка, конечно, и не подозрѣвала и обратилась вторично къ Кирилловнѣ, но та сухо отвѣтила:

— Не твоего ума дѣло. Много будешь знать—скоро состаришься.

Лиза не унялась. Едва вернулась изъ города Александра Николаевна, она пристала къ ней. Съ ужасомъ повѣдала она теткѣ о грязи и запущенности людской, объ отвратительномъ воздухѣ и зыбкѣ ребенка, о ненависти къ бѣдному ребеночку всѣхъ близкихъ.

— Тетя, милая! Нельзя ли вычистить людскую? Тамъ такъ гадко. А ему можно мнѣ перешить что-нибудь изъ моихъ платьевъ? У него такая противная, линючая рубашка.

Александра Николаевна общала ей дать коленкору и ситцу и завтра же засадить Таню ей въ помощь, чтобы одѣть ребенка.

Лиза горячо обняла ее. За чаемъ она долго молчала и вдругъ, поднявъ голову, тихо заявила:

— А я теперь догадалась: Теофашку Богъ даетъ дурной матери, которая чѣмъ-нибудь согрѣшила... Онъ тоже будетъ дурнымъ, а она все-таки, хоть и не хочетъ, а должна любить его и воспитывать. Ну, а если меня Богъ такъ накажетъ и пошлетъ такого ребенка, я его такъ любить буду, такъ любить...—Она не досказала. На глазахъ у нея были слезы.

Ложась въ постель, она особенно усердно помолилась и по-русски, и по-латински, и уснула съ влажными рѣсницами. А рядомъ въ образной тетя Саша долго стояла на колѣняхъ. Смутно было у нея на душѣ отъ Лизиныхъ словъ. Ужъ не пророчество ли? Все-таки она дочь своей матери... Удастся ли уберечь ее? Не слишкомъ ли непосильную задачу взяла она на себя? Не лучше ли отдать и впрямь дѣвочку въ институтъ, гдѣ до извѣстныхъ лѣтъ дѣвушки какъ-никакъ устранены отъ соблазновъ?.. И она вспомнила себя, свою юность и наивность и свой потому, какъ ей казалось, безоблачный бракъ.

Черезъ недѣлю изъ Колычева къ институтской начальницѣ лѣтѣла просьба похлопотать о приѣмѣ Лизы въ институтъ, а пока прислать для подготовки гувернантку. Лиза приняла это извѣстiе съ отчаянiемъ въ душѣ, но тетя Саша объяснила ей, что будетъ счастлива только тогда, когда она хорошо окончитъ курсъ, потому что безъ диплома жить теперь нельзя. Она общала приѣзжать каждое Рождество въ Петербургъ и брать ее на положенные три дня отпуска къ себѣ, а на лѣтнiя каникулы присылать за ней Кирилловну. Лиза смирилась, но на душѣ у нея былъ камень.

И, сидя съ Марьей Петровной, присланной для ея обученiя, за русской грамматикой или съ отцомъ Никаноромъ надъ катехизисомъ, дѣвочка грустными глазами смотрѣла въ окно. Бѣлая пелена одѣла все кругомъ, и поля, и дворъ. Оголенные кусты и деревья казались траурно-черными на этомъ фонѣ... Это была та самая безотрадная Россiя, которую рисовало когда-то далеко, далеко во Францiи дѣтское воображенiе, широкая, безбрежная, вся бѣлая, съ черными рисунками мертвыхъ лѣсовъ на непроницаемомъ для солнечныхъ лучей спѣжномъ, холодномъ покровѣ...

М. Г. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженiе въ слѣдующей книжкѣ).

НАСТАСЬЯ МАРКОВНА СКОРОПАДСКАЯ.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Литературная богема: Вороновъ, Левитовъ.—Редакторъ Савичъ.—Старый фельетонистъ Паповскій.—Эпизодъ съ владѣльцемъ московскаго «Эрмитажа» Оливье.

НЗРѢДКА встрѣчая въ нѣкоторыхъ историческихъ изданіяхъ имена лицъ, мнѣ хорошо и близко извѣстныхъ, характеристика которыхъ не вполне согласуется съ тѣмъ, что говорю о нихъ я, спѣшу оправдаться и оговориться. Никакихъ предвзятыхъ мнѣній и опредѣленій я не дѣлаю, никакихъ заранее опредѣленныхъ взглядовъ не провожу, а просто и прямо передаю то, что лично видѣла и испытала, предоставляя читателямъ дѣлать выводъ изъ всего сказаннаго. Я стою только за то, что все переданное мною ни на одну іоту не отступаетъ отъ истины и ни однимъ словомъ не уклоняется ни въ сторону порицанія, ни въ сторону восхваленія лица, о которомъ идетъ рѣчь. Оцѣнка личностей дѣло не мое... Мое дѣло только строго-правдивая передача фактовъ.

Возвращаясь къ перечню тѣхъ литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ, которыхъ я такъ много могу насчитать на своемъ долгомъ вѣку, я на минуту остановлюсь на той литературной богемѣ, о которой я имѣла уже случай упомянуть выше, и которая, при всей горькой распушенности своей, таила въ себѣ такъ много свѣтлаго и симпатичнаго.

Ближайшимъ сотоварищемъ и сотрудникомъ Воронова былъ Левитовъ, одновременно съ нимъ изданный и одновременно же съ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣсти», т. СХХV, стр. 50.

нимъ заключившій условіе съ Благосвѣтловымъ, въ силу котораго этотъ послѣдній уплачивалъ имъ обоимъ немедленно за все, что бы они ни написали, независимо отъ того, гдѣ и къ кому это напечатано.

Левитовъ былъ натура, несомнѣнно, даровитая, работалъ онъ много и легко, но несчастная страсть къ вину, погубившая на Руси столько крупныхъ и выдающихся талантовъ, въ конецъ сгубила и его, и, поддаваясь этой пагубной страсти, онъ падалъ иногда до степени полного отупѣнія и по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и по цѣлымъ мѣсяцамъ оставался въ полномъ бездѣйствіи, проводя время въ такой компаніи и въ такихъ вертепахъ, о которыхъ ему въ сущности и подумать было бы стыдно. Вслѣдствіе такого образа жизни Левитовъ мало-по-малу совершенно отсталъ отъ общества и даже въ редакціи заходилъ неохотно, предпочитая всякой серьезной бесѣдѣ сидѣнье въ грачевскихъ и иныхъ вертепахъ.

Къ произведеніямъ своимъ Левитовъ относился съ непростительнымъ равнодушіемъ, писалъ, какъ говорится, съ плеча, а иногда даже забывалъ, на чемъ остановился, что служило поводомъ къ особаго рода комическимъ путаницамъ и недоразумѣніямъ.

Былъ въ это время въ Москвѣ очень оригинальный редакторъ-издатель Николай Францовичъ Савичъ, еженедѣльно выпускавшій небольшую тетрадку какого-то неопредѣленнаго журнала, который онъ наименовалъ «Ремесленной Газетой».

«Ремесленная Газета» эта ничего общаго ни съ какими ремеслами не имѣла, ни о какихъ ремеслахъ не трактовала и была однимъ изъ самыхъ скучныхъ изданій всего подлуннаго царства, но два раза въ годъ, а именно передъ 1-мъ января и 1-мъ іюля, тамъ появлялись интересные романы и рассказы, но обязательно только начала ихъ, безъ продолженія, единственно «чтобы подписчикъ клюнулъ», какъ выражался Савичъ, въ остальное же время самъ Савичъ засыпалъ надъ чтеніемъ своего журнала и громко сознавалъ всѣ его многочисленные дефекты.

Толку въ литературѣ Савичъ не зналъ ровно никакого и покупалъ литературныя произведенія на вѣру подписавшихъ ихъ литературныхъ именъ. Левитова онъ зналъ, какъ знали его болѣе или менѣе всѣ, и тѣмъ охотнѣе покупалъ его произведенія, что тотъ не дорожилъ и подчасъ чуть не даромъ продавалъ написанное, лишь бы только моментально заполучить гонораръ и весь его цѣликомъ оставить въ первомъ попавшемся вертепѣ. Въ другія, болѣе серьезныя изданія Левитовъ прямо изъ кабака или трактира посылать статьи стыдился, да и одѣтъ онъ подчасъ былъ такъ, что не всюду въ такомъ костюмѣ и войти было можно, а съ Савичемъ и его изданіемъ Левитовъ не считался, входилъ къ нему во всякомъ костюмѣ не стѣсняясь, и присылалъ къ нему статьи отовсюду, куда его заносила судьба.

Мы всё читали съ удовольствіемъ все написанное Левитовымъ, Скворцовъ искренно жалѣлъ объ его непростительныхъ увлеченіяхъ и неоднократно пробовалъ отрезвить его и поставить на иной, болѣе почетный и логичный путь, но онъ былъ неисправимъ, и даже не на шутку сердился за всякую попытку вернуть его на путь истинный. Слушалъ и любилъ онъ одного только Воронова, но тотъ и самъ былъ человѣкъ увлекающійся, и приходилось съ горемъ мириться съ мыслью, что этотъ крупный талантъ такъ и погибнетъ, не давъ родной литературѣ всего, чего отъ него въ правѣ были требовать и ожидать.

Помню, какъ-то въ началѣ года у Савича въ его «Ремесленной Газетѣ» начата была прелестная повѣсть Левитова изъ духовнаго быта, и такъ какъ печаталась она, за неимѣніемъ мѣста, довольно скупо, то всё мы нетерпѣливо ждали воскресенья, чтобы прочитать ея продолженіе. Читалъ ее вмѣстѣ съ нами и Скворцовъ и тоже восхищался ея наивной, подкупающею правдой, когда однажды, придя въ редакцію съ только что вышедшимъ номеромъ «Ремесленной Газеты» въ рукахъ, онъ почти съ ужасомъ обратился къ намъ съ вопросомъ, кто изъ насъ читалъ продолженіе повѣсти Левитова.

Оказалось, что въ то утро никто не успѣлъ ее прочитать.

— Что онъ, съ ума, что ли, сошелъ?...—продолжалъ Скворцовъ, волнуясь.—Помните, вѣдь въ послѣднемъ номерѣ онъ остановился на первомъ свиданіи этого симпатичнаго молодого семинариста? Еще такъ хорошо у него вышло описаніе лѣтняго вечера въ степи?

Мы дѣйствительно помнили все это и отвѣчали ему утвердительно.

— Ну, а теперь вдругъ ни съ того, ни съ сего дѣйствіе переносится въ какой-то подвалъ, какая-то тамъ пьяная Матрена кричитъ и дерется... какіе-то ребята заброшенные воютъ и кричать!.. Что за ерунда?!

И онъ протянулъ намъ только что прочитанный номеръ.

Мы наскоро «пробѣжали» продолженіе левитовской повѣсти и тоже диву дались! Всѣ дѣйствующія лица были новыя, ни съ чѣмъ предыдущимъ описываемая сцена не вязалась... Даже ни одного прежняго имени не было во всей вновь напечатанной главѣ.

— Это Савичъ дуракъ что-нибудь напуталъ!...—недовѣрчиво откликнулся Лукинъ,

— Въ типографіи что-нибудь перепутали!—замѣтилъ Городецкій.

Я промолчала, но тотчасъ же по окончаніи занятій въ редакціи отправилась къ Савичу, и прямо попала на сцену, которой никогда не забуду.

Савичъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ въ своей неизмѣнной тужуркѣ и, весь уйдя въ свое глубокое вольтеровское кресло, съ растеряннымъ видомъ держалъ предъ собой только что вышедшій

номеръ «Ремесленной Газеты». Передъ нимъ безцеремонно развалился на стуль и, какъ паровозная труба, дымилъ Левитовъ, одѣтый съ той неподражаемой безцеремонностью, на которую былъ способенъ только онъ одинъ, и которая близко граничила съ самымъ разнузданнымъ неприличіемъ.

— Да ты пойми...—закраясь отъ волненія, кричалъ Савичъ въ ту минуту, когда я входила въ комнату, и, увидавъ меня, остановился и, видимо, обрадовался.

— Да вотъ А. И.!—воскликнулъ онъ, протягивая мнѣ руку.— Ты хотя ее спроси, что она объ этомъ скажетъ?

— Очень мнѣ нужно знать, что она скажетъ!—спокойно пыхнулъ Левитовъ своей невозможной папироской прямо въ лицо взволнованнаго Савича. — Мнѣ, братъ, никто не законъ... Я самъ себѣ и законъ, и порядокъ.

— Хорошъ порядокъ! Перепутать статьи и сдѣлать изъ меня дурака передъ всѣми.

— Ну, это ты напрасно, дурака изъ тебя сдѣлалъ не я, а судьба злодѣйка!.. Я тутъ ни при чемъ!

Савичъ передернулъ плечами.

— Да вѣдь пойми ты, что всѣ читатели втупикъ сегодня стали, получивъ номеръ издаваемаго мною журнала!

— И издаешь ты вовсе не журналъ, а белиберду какую-то, и втупикъ твоимъ читателямъ не впервые становиться! Твою дурацкую газету какъ развернешь, такъ сейчасъ и втупикъ станешь.

— Однако ты съ этой «дурацкой газеты» деньги получать не брезгуешь.

— Я вообще не брезгливъ!..—спокойно пожалъ плечами Левитовъ.—Я съ такой шушерой подчасъ вожусь, что подумать страшно! Ну, однако, тебя не переслушаешь! Присылай за статьей и печатай себѣ на здоровье. А все это сегодняшнее прегрѣшеніе ты вырѣжь и мнѣ пришли, я отошлю его куда слѣдуетъ! Эхма!.. Путаники вы всѣ!..—произнесъ онъ, вставая и безцеремонно потягиваясь.

— Какъ? мы же и путаники?!—продолжалъ горячиться Савичъ и, видя, что Левитовъ направляется къ двери, крикнулъ:

— Нѣтъ, ты погоди... Намъ съ тобой столкнуться надо. Такъ этого оставить нельзя!..

И, обращаясь ко мнѣ, онъ, захлебываясь отъ гнѣва и нетерпѣнія, повѣдалъ мнѣ, что Левитовъ вмѣсто продолженія начатой у него повѣсти прислалъ ему для послѣдняго номера двѣ главы изъ совершенно другаго разсказа, печатаемаго гдѣ-то въ Москвѣ и не имѣющаго ни по замыслу, ни по сюжету ровно ничего общаго съ повѣстью, проданной имъ Савичу.

— Понимаете вы, какой сумбуръ получился...—размахивал руками, горячился онъ.—Публика про Оому читала, а ей вдругъ про Ерему рѣчь повели!..

Я съ улыбкой передала ему, что только что выслушала выраженіе недоумѣнія по этому поводу отъ редактора «Русскихъ Вѣдомостей» Скворцова.

— Вотъ видишь!.. Вотъ видишь!..—засуетился Савичъ.— Николай Семеновичъ Скворцовъ подумаль, что я съ ума сошелъ!..

— Нѣтъ, этого онъ навѣрное не подумаль!..—пресерьозно отпарироваль Левитовъ.—Онъ знаетъ тебя хорошо и знаетъ, что тебѣ сходить не съ чего. Ну, да мнѣ съ тобой толковать некогда. Присылай за статьей, а эту вырѣжь и мнѣ пришли, а то у меня черновика-то, кажется, не осталось!

— А съ читателями что я стану дѣлать?

— Да ничего особеннаго. Прямо объясни, въ чемъ дѣло.

— То есть что же именно объяснить?

— Да напиши, что по глупости и безграмотности своей ты все перепуталь!

— Какъ!.. Я же и виновать?!

— А то кто же?.. Вѣдь ты долженъ былъ хоть мелькомъ взглянуть на то, что печатасшь? А у тебя лотерея какая-то!.. Еще ты Бога благодари, что у тебя вмѣсто одной повѣсти другая такая же повѣсть попала... И не въ такую кашу ты могъ бы влопаться. Вотъ я тебѣ въ слѣдующій номеръ прокламацію вклею, тогда ты и будешь у меня знать!..

Я, слушая эти оригинальныя пренія, хохотала отъ души, а Левитовъ, уходя и протягивая мнѣ руку на прощанье, прибавиль:

— Вонъ и твой суперъ-арбитръ надъ тобой же, дуракомъ, смѣется, а ты ее въ судьи призываль! Эхъ, ты, голова ежовая!..—прибавиль онъ, направляясь къ двери, но на порогѣ остановился и внезапно заявилъ:

— А все-таки ты мнѣ, братъ, нѣсколько франковъ на расходы отпусти... Не даромъ же я къ тебѣ приходиль? Съ тобой даромъ-то бесѣдовать никто не согласится!

И, несмотря на то, что я хорошо была знакома съ невозможными нравами этой литературной богемы, я не могла сдержать своего удивленія, когда увидала, что Савичъ, видимо, соглашаясь съ послѣдними доводами Левитова, выдвинулъ столъ и досталь оттуда какую-то ассигнацію.

И все это дѣлалось кротко, миролюбиво, не вызывая ни злобы, ни раздраженія... Всѣ какъ-то знали свое мѣсто и мирились съ нимъ, и какъ глубоко ни падалъ истинный, Божьей милостью писатель, за нимъ сохранялся его литературный авторитетъ.

Попасть въ литературную среду въ то время было очень трудно, и разъ занятое мѣсто оставалось за человѣкомъ до могилы. Его могли забыть, ежели онъ уходиль съ литературнаго поля, но разъ завоеванное значеніе оставалось за нимъ, и, по шутливому выраженію стараго фельетониста Пановскаго, онъ всегда имѣлъ возмож-

пость «начать съ того самаго мѣста, на которомъ онъ остано- вился».

Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей факта, краснорѣчиво оправ- даваго это мнѣніе въ сферѣ обиденной жизни.

Я уже выше сказала, что съ «Московскими Вѣдомостями» позна- комилъ и сблизилъ меня Пановскій, и что по его окончательномъ выходѣ изъ газеты мнѣ былъ переданъ М. Н. Катковымъ, помимо уже находившагося въ моемъ вѣдѣніи театральнаго фельетона, еще и фельетонъ московской жизни, созданный Пановскимъ и бывший въ то время единственнымъ фельетономъ на всю Москву. Самъ Панов- скій тѣмъ временемъ уѣхалъ на отдыхъ, и всемъ извѣстно было, что къ литературному дѣлу онъ больше не вернется. И старъ онъ былъ ужъ очень, и усталъ, да и съ П. М. Леонтьевымъ онъ въ послѣд- нее время не особенно ладилъ, и Леонтьевъ не прочь былъ замѣнить его новыми силами.

Нечего и говорить, конечно, о томъ, что лично я осталась съ Па- новскимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и искренно рада была вновь встрѣтиться съ нимъ, послѣ его возвращенія въ Москву, въ 1872 году.

Возвращеніе это совпало съ политехнической выставкой; съѣздъ въ Москвѣ былъ громадный, и жизнь, какъ говорится, была клю- чомъ. Пановскаго знала и вся Москва, и за нѣсколько мѣсяцевъ его отсутствія, конечно, забыть его еще никто не успѣлъ, но... онъ пересталъ быть и нуженъ и страшенъ, и потому многіе его едва узнавали при встрѣчѣ. Старика это волновало и огорчало, и тѣсный кружокъ его прежнихъ знакомыхъ и друзей, къ числу которыхъ принадлежала и я, всячески старался исправить то тяжелое впе- чатлѣніе, какое производила на старика замѣчаемая имъ пере- мѣна.

Однажды мы встрѣтились съ нимъ на выставкѣ и порѣшили отобѣдать въ модномъ въ то время и волшебнороскошномъ «Эрми- тажѣ», за годъ передъ тѣмъ возникшемъ, подъ руководствомъ и по инициативѣ его владѣльца, француза Оливье. Возникалъ «Эрмитажъ» еще во время нахождения Пановскаго во главѣ московскаго фелье- тона, и открытіе роскошнаго ресторана вослѣто было Пановскимъ на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ такою помпой и такимъ краснорѣчіемъ, что благодарный Оливье тутъ же попросилъ автора широковѣщательной рекламы всегда знать и помнить, что приборъ его за столомъ «Эрмитажа» поставленъ одинъ разъ навсегда.

До отъѣзда своего изъ Москвы Пановскій довольно часто поль- зовался этимъ широкимъ гостепріимствомъ корректнаго француза и всегда былъ въ «Эрмитажѣ» желаннымъ и дорогимъ гостемъ. Съ уходомъ его изъ «Московскихъ Вѣдомостей», Оливье къ нему не измѣнился, и передъ самымъ стѣздомъ чествовалъ его роскошнымъ завтракомъ повторивъ одинъ разъ навсегда уже состоявшееся пригла-

шеніе. Поэтому Пановскій охотно принялъ мое предложеніе отобѣдать у Оливье, при чемъ я настоятельно заявила ему, что угощаю я. Къ намъ присоединились графъ Соллогубъ и князь Юрій Голицынъ. Мы трое между собой рѣшили на славу угостить старика, который и толкъ зналъ въ яствахъ, и привыкъ и любилъ хорошо покушать.

Дѣло было ранней весной, не только фрукты, но и ягоды были еще большой рѣдкостью, и только у одного Оливье можно было найти за буфетомъ и крупную клубнику, и сливы, и персики, и даже дыни.

Пановскій, тронутый нашимъ дружескимъ приглашеніемъ и видя, что мы не скушимся на роскошное меню, пожелалъ, въ свою очередь, оплатить намъ любезностью за любезность и попросилъ у насъ позволенія угостить насъ фруктами, на что мы согласились, единственно только въ предвидѣніи, что съ него за нѣсколько съѣденныхъ ягодъ и фруктовъ Оливье навѣрное ничего не возьметъ.

За буфетомъ въ эту минуту стоялъ главный уполномоченный Оливье, надзиравшій за строгимъ порядкомъ и за тѣмъ, чтобы были соблюдены сложныя условія этой крупной и подчасъ своеобразной торговли.

Пановскій, подойдя къ нему, сказалъ ему что-то, онъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, и Пановскій вернулся къ намъ сіяющій. Но обѣдъ былъ оконченъ, выпито было шампанское, поданы были и ликеры, а обѣданныхъ намъ фруктовъ все не было.

Пановскій начиналъ слегка конфузиться и повторилъ лакею свое требованіе. Тотъ почтительно передалъ, что сейчасъ будетъ подано все, что заказано, но фруктовъ попрежнему не было. Пановскій, въ конецъ растерянный, еще разъ самъ подошелъ къ буфету... Еще разъ послѣдовалъ почтительный поклонъ, а результата никакого! Мы, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Пановскаго, порѣшили тихонько спросить фрукты за нашъ счетъ, когда въ залъ у буфета появился самъ Оливье. Онъ издали почтительно раскланялся съ Пановскимъ, общимъ поклономъ привѣтствовалъ насъ всѣхъ и, замѣтивъ какую-то неловкость, нагнулся и что-то сказалъ своему управляющему. Тотъ въ отвѣтъ передалъ ему что-то, отъ чего Оливье весь вспыхнулъ, сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ и, послѣшно подозвавъ старшаго буфетчика, сталъ отбирать самые крупные и дорогіе фрукты.

Мы молча наблюдали за всѣмъ этимъ, не зная, какъ бы ловчѣе устроить такъ, чтобы не обидѣть старика. Между тѣмъ Оливье, наложивъ полную вазу фруктовъ и буквально опустошивъ для этого свой роскошный буфетъ, быстро выхватилъ изъ рукъ перваго попавшагося ему навстрѣчу официанта чистую салфетку и, перекинувъ ее себѣ черезъ плече, направился съ своей роскошной вазой къ нашему столу. Онъ поставилъ вазу передъ Пановскимъ и съ

почтительнымъ поклономъ «должилъ» ему, что управляющій дожидался его прихода для того, чтобы не отнять у него, какъ хозяина ресторана, чести и удовольствія лично подать ему примеры, какихъ онъ нигдѣ, кромѣ «Эрмитажа», не встрѣтитъ въ данную минуту.

— Онъ зналъ, что я буду неутѣшенъ, ежели не самъ буду на этотъ разъ вашимъ официантомъ!—сказалъ Оливье съ той изысканной граціей, съ какою умѣютъ говорить только французы,—и я искренно благодаренъ ему, что онъ не отнял у меня этой большой чести и этого большого удовольствія. Во имя этого простите намъ обоимъ то промедленіе, которое произошло въ исполненіи вашего, всегда для насъ лестнаго требованія.

Пановскій выслушалъ его со слезами на глазахъ и могъ только крѣпкожать его руку... Мы всё чуть не заплодировали деликатному французу и переглянулись въ нѣмомъ сознаніи, что «нашъ братъ русскій» на такую деликатную выходку врядъ ли способенъ.

Оливье до конца остался вѣренъ чувству благодарности за ту поддержку, какую онъ встрѣтилъ въ Пановскомъ на первыхъ порахъ своего новаго дѣла, и блистательно это доказалъ. На слѣдующій годъ Пановскій умеръ скоропостижно въ небогатыхъ нумерахъ и не на что было бы даже похоронить старика, ежели бы всё издержки по погребенію не принялъ на себя хорошій знакомый покойнаго, инженеръ Андреевъ, да П. М. Леонтьевъ, къ которому обратились, не выдалъ,—довольно, впрочемъ, неохотно,—скромной суммы въ сто рублей.

М. Н. Каткова въ тотъ моментъ въ Москвѣ не было, иначе, конечно, редакция, въ которой долгіе годы работала Пановскій, не ограничилась бы такимъ скуднымъ, почти нищенскимъ вспоможеніемъ. Ни о какихъ поминкахъ при такомъ положеніи дѣла, конечно, нечего было и думать, и иѣкто Капканчиковъ, взявшій на себя всё хлопоты по погребенію, удовольствовался тѣмъ только, что напечаталъ въ газетахъ о кончинѣ стараго литератора и о часахъ панихиды и выноса тѣла для отпѣванія въ церковь Іоанна Богослова на Большой Бронной.

Въ самый день выхода первой публикаціи на вечернюю панихиду пріѣхалъ Оливье и, узнавъ, что погребеніемъ распоряжается Капканчиковъ, обратился къ нему съ вопросомъ, на сколько человѣкъ слѣдуетъ разсчитывать для поминокъ, прибавивъ къ этому, что онъ считаетъ себя въ правѣ надѣяться, что никому, кромѣ его ресторана, не будетъ порученъ поминальный столъ. Капканчиковъ отвѣтилъ ему, что средства покойнаго были такъ ограничены и расходы на его погребеніе такъ скромны, что не только на поминальный столъ въ гостиницѣ «Эрмитажъ», а и на самыя скромныя поминки разсчитывать было нечего.

— За что же вы меня такъ обижаете?—съ горечью замѣтилъ Оливье.—Ежели вы были близки къ покойному, то вы должны были

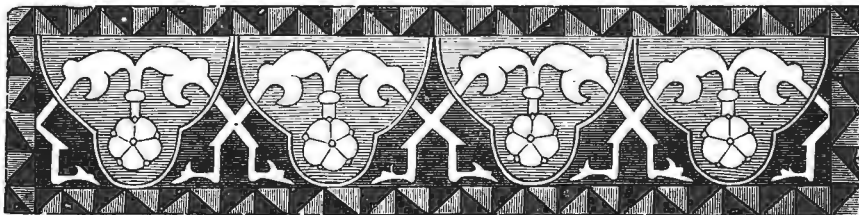
знать, что я его давнишній неоплатный должникъ, и что, провожая его въ могилу, я не премину воспользоваться горькимъ случаемъ хоть немножко сквитаться съ нимъ.

Что случилось съ поминками, я не знаю, такъ какъ лично я на нихъ не поѣхала, но Оливье я видѣла и на послѣдней панихидѣ у гроба Пановскаго, и къ выносу онъ пріѣхалъ первымъ, и въ церковь и изъ церкви несъ гробъ на своихъ рукахъ, и, пѣшкомъ пройдя за печальной колесницей черезъ всю необъятную Москву, отъ Тверского бульвара до Дорогомиловскаго кладбища, — онъ самъ опустилъ гробъ въ могилу и отошелъ отъ могильной насыпи только тогда, когда надъ ней водруженъ былъ деревянный крестъ съ именемъ покойнаго. Какъ ни грустно такое сознаніе, а по неволѣ приходится сознаться, что въ средѣ русскихъ торговцевъ не встрѣтишь такого сердечнаго отношенія, каковы бы ни были заслуги покойнаго передъ живыми.

Культь прошлаго все дальше и дальше отходитъ въ современномъ намъ обществѣ, и рядомъ съ мирно засыпающими покойниками все смѣлѣе и смѣлѣе «жизнью пользуются живущіе».

А. Соколова.

КАЗУСНЫЙ СЛУЧАЙ.

Разсказъ старика.

ВАЗУМБЕТСЯ, государи мои, само собой разумѣется, что правда на свѣтѣ одна; но... говорятъ, бываютъ разныя точки зрѣнія. Положимъ, что съ разныхъ мѣстъ дѣйствительно разное видно; вотъ, хоть бы взять къ примѣру любой нашъ столичный домъ: посмотрѣть съ улицы—зеркала, позолота, великолѣпіе да и только! Ну, а если заглянуть со двора—такъ ужъ другая картина выходитъ: стѣны сложены въ полтора кирпича и насквозь промокли отъ сырости, во дворахъ тѣснота и зловоніе, а въ каморкахъ ни стать, ни сѣсть... Такъ неужто же такому дому настоящей цѣны сложить невозможно? Дѣло очень простое: обошелъ его кругомъ нѣсколько разъ, записалъ всѣ плюсы и минусы да по ариметикѣ Евтушевскаго и сложилъ... Такъ что же вы думаете? Сколько ни посылай архитекторовъ на оцѣнку, непременно итоги у нихъ разные выйдутъ. Пошлетъ хозяинъ,—счетчикъ только и видитъ, что позолоту да зеркала; пошлютъ жильцы,—только сырость да выгребныя ямы... Что жъ это они? Въ заботахъ объ устройствѣ наилучшаго правленія въ Россіи четыремъ правиламъ выучиться не успѣли? Нѣтъ, покамѣстъ не то; а ужъ, видно, такъ глаза у нашего брата устроены, что онъ видитъ только съ одной стороны, а съ другой—никакъ ухитриться не можетъ.

Это грустно, государи мои, тѣмъ болѣе грустно, что въ жизни часто встрѣчаются такіе случаи, когда необходимо сдѣлать правильную оцѣнку во что бы ни стало, иначе за дѣло возьмутся враги, и тогда ужъ, конечно, въ явный убытокъ....

Какъ-то одинъ отставной майоръ мнѣ объяснялъ, что разногласіе отъ лукавства всегда происходитъ. «Небось, — говорить, — кабы захотѣли настоящую правду узнать, — такъ безъ хлопотъ бы узнали». Я тогда, признаюсь, весьма на него опалился за это. — «Помилуй, говорю, господинъ майоръ! Всю жизнь занимался ты шагистикой да ружистикой, а теперь вдругъ берешься такіе вопросы рѣшать». А онъ, знаете, что мнѣ въ отвѣтъ? «Почему жъ? — говорить: — если можно рѣшать всѣ вопросы до обученія, — такъ, значить, можно и совсѣмъ не учившись». Я только ротъ раскрылъ на него, а онъ еще продолжаетъ: «У меня, — говорить, — по крайности то преимущество есть, что вокругъ пальца обернуть меня трудно, да и лгать я совсѣмъ не привыкъ; а это, по нынѣшнему времени, очень много значить!..» Такъ вотъ у насъ какіе майоры бываютъ! А теперь, какъ подумаю, такъ много правды въ этихъ словахъ: какъ можно что-либо рѣшить посредствомъ лукавства! Я все это къ тому, что хотѣлъ вамъ рассказать удивительный случай одинъ, для котораго, повидимому, никакая точка зрѣнія не годилась. Былъ въ ту пору я малолѣткомъ еще и проживалъ въ деревнѣ у своей бабушки.

Бабушка моя была личность замѣчательная въ своемъ родѣ. Выданная замужъ тринадцати лѣтъ за солиднаго, израненнаго капитана, она сначала играла съ нимъ въ куклы, а затѣмъ народила ему цѣлую кучу дѣтей, малъ мала меньше. Исполнивъ эту патриотическую обязанность, капитанъ неожиданно умеръ, оставивъ семьѣ честное имя и долговъ ровно на столько, сколько стоило его небольшое имѣніе. Положеніе было безвыходное; но бабушка не потерялась и однимъ только неусыпнымъ, честнымъ трудомъ успѣла не только выкупить все имѣніе и пристроить своихъ потомковъ какъ нельзя лучше, но и поставила свое имя честно и грозно въ цѣломъ округѣ. Правда, что времена тогда были другія, и люди не бросались, какъ звѣри, чтобы отнять кусокъ другъ у друга; но, согласитесь, такая задача не всякой женщинѣ по плечу, тѣмъ болѣе, что никакихъ курсовъ она не проходила, а едва только умѣла грамотѣ.

Жили мы въ «благословенной Малороссіи», которую и теперь еще такъ называютъ, хотя она никогда ничѣмъ отъ прочей російской равнины не отличалась: хлѣба много было — только всего; но благословеніе Божіе, несомнѣнно, когда-то почивало надъ этимъ краемъ. Теперь благословенія, повидимому, уже нѣтъ, да и хлѣба, кажется, въ умаленіи; зато имѣются московскія мануфактуры, политическія партіи, и парни угощаютъ дѣвушекъ конфетами отъ Конради и Сіу, снабжая ихъ одновременно и современнымъ «люэсомъ», снова переимѣнившимъ свое названіе, точно еврей въ Россіи.

Хорошо мнѣ жилось въ моемъ дѣтствѣ! Ни о какихъ ухищреніяхъ воспитанія тогда и не думали, а люди воспитывались, и ребенокъ чувствовалъ себя счастливо и привольно. Какой чудный воздухъ въ нашей родной сторонѣ! Какіе прекрасные цвѣты расцвѣтали въ па-

шемъ старомъ саду и какія привлекательныя лакомства тамъ созрѣвали! Выбѣжишь, бывало, на волю, а ласковое родное солнце, словно нѣжная мать, такъ и охватитъ тебя всего животворными своими лучами. Въ воздухѣ вѣчно звенятъ веселыя трели,—то поютъ не только разныя пернатыя твари, никогда не забывавшія славить Творца своего, но поютъ также и люди, по мѣстному обычаю наполнявшіе воздухъ пѣснями отъ зари до зари. Какъ весело и ясно кругомъ! Какъ вкусны незатѣйливыя деревенскія кушанья послѣ долгой прогулки и какіе райскіе сны грезятся подъ мирною крышею родного деревенскаго дома! Да, это было настоящее счастье, то самое счастье, котораго люди такъ страстно ищутъ теперь путемъ всякихъ теорій, насилія и обмана и, разумѣется, не могутъ найти; а тогда оно само приходило....

А наши деревенскіе праздники, сопровождаемые тысячами дорогихъ сердцу обычаевъ и повѣрій? Убоги они были съ точки зрѣнія современной роскоши и, пожалуй, смѣшны передъ разбѣдающимъ анализомъ современнаго скептицизма; но они доставляли такую живую и чистую радость, какой теперь радоваться уже не умѣютъ. Да, государи мои! Малороссія была дѣйствительно благословенной страной; только благословеніе это создавали не галушки и сало, а цѣлый сонмъ обычаевъ и вѣрованій, зародившихся въ ней еще со временемъ Владимира Святого и столь прочно установившихъ ея поэтическую репутацію. Теперь поэзіи уже нѣтъ, а потому и благословенія не видно... Видите ли, міръ, какъ извѣстно это каждому гимназисту, представляетъ собой безотрадную пустыню, по которой безцѣльно бродятъ какіе-то атомы. Но человѣкъ не хотѣлъ примириться съ этой картиной и, подобно пауку на водѣ, сплелъ себѣ прочную ткань изъ идеаловъ и повѣрій разнаго рода, защищавшую его отъ неприглядной дѣйствительности. Теперь, когда усиленными стараніями многихъ умныхъ людей, ткань эта оказалась разрушенной,—вкусившій отъ плода познанія человѣкъ остался такъ же безпомощнымъ, какъ и въ первые дни сотворнія.—Адаме, гдѣ ты? снова спросилъ Господь.—Я здѣсь, Господи, но я слишкомъ безобразенъ и нагъ для того, чтобы явиться предъ лицомъ Твоимъ! Ну, такъ пусть же болѣзнь и печаль стануть удѣломъ тебѣ! скажетъ Господь.—Что, господа, развѣ не похоже на правду?

Была у насъ на селѣ своя церковь, а при ней, какъ полагается и батюшка съ причтомъ. Церковь была маленькая, деревянная, но съ высокими ярко-зелеными главами, виднѣвшимися далеко по степи; на Троицу она украшалась молодыми березками и зеленымъ аиромъ, а на Пасху заливалась цѣлыми потоками свѣта отъ самодѣльныхъ желтыхъ свѣчей, приносимыхъ съ кристально-чистою вѣрою, и уставлялась грудами благословенныхъ яствъ, доставляя немалое утѣшеніе своимъ прихожанамъ. Батюшка былъ—

какъ батюшка: высокій, благообразный брюнетъ; служилъ истово и вель себя очень степенно. Говорили, что онъ черезчуръ богатъ и ловокъ для своего званія и что пользуется особеннымъ покровительствомъ консисторіи, но прихожанамъ не было до этого дѣла. Но вдругъ по селу разнеслась страшная вѣсть. Разсказывали, что нашъ батюшка, имѣвшій вообще весьма суровый и властный характеръ, заспорилъ въ церкви съ мѣстнымъ церковнымъ старостой майоромъ Вербицкимъ по поводу какихъ-то суммъ и при этомъ настолько увлекся, что даже толкнулъ его въ алтарь... Къ несчастію, слухъ этотъ оказался вполнѣ справедливымъ и привелъ за собой катастрофу; какъ ни ловокъ казался отецъ Иванъ, какъ ни сильно старались за него его консисторскіе благопріятели,—но все же поступокъ былъ изъ ряда выходящій, а потомъ дѣло закончилось тѣмъ, что горячій батюшка принужденъ былъ уѣхать отъ насъ. Уѣхалъ онъ, правда, на лучшее мѣсто, однакоже—поповолѣ и покинувъ свои многочисленныя улучшенія и постройки на церковной землѣ въ пользу новаго замѣстителя, которому, по всей вѣроятности, и заплатитъ за нихъ было нечѣмъ. Такъ и ушелъ отъ насъ о. Иванъ, а мы остались пока безъ священника.

Дѣтскій разумъ, государи мои, надолго усваиваетъ мельчайшія впечатлѣнія; но они проходятъ по немъ совершенно безслѣдно, какъ вѣтерокъ по поверхности спокойной воды. Такъ и я, вашъ покорный слуга, въ ту пору еще девятилѣтній ребенокъ, продолжалъ наслаждаться всѣми радостями своего безмятежнаго существованія, нисколько не заботясь о происшедшемъ у насъ междуцарствіи. Однажды, въ жаркій іюльскій день, когда весь домъ еще отдыхалъ послѣ сытнаго деревенскаго обѣда, я пробрался въ цвѣточный палисадникъ, по обычаю разбитый среди двора, и рѣзвился тамъ въ одиночку, чутко прислушиваясь къ затихавшимъ къ этому времени звукамъ окрестной природы. Вотъ пробѣжалъ неожиданно вѣтерокъ по верхушкамъ деревъ нашего сада, какъ будто стараясь пробудить ихъ отъ всеобщаго сладкаго сна; гдѣ-то далеко на селѣ прозвучала никогда не умолкавшая у насъ пѣня и тотчасъ погасла, словно растаяла въ жаркомъ воздухѣ... Вотъ съ рѣзкимъ крикомъ пролетѣла спугнутая кѣмъ-то ворона... Вотъ съ высокаго дерева сорвалась ранняя, спѣлая груша и грузно разбилась на утоптанной садовой дорожкѣ. А затѣмъ долго ничего не слышно кругомъ, кромѣ томнаго клокотанья бродившаго по двору стада индюшекъ, совершенно разомлѣвшихъ на лѣтней жарѣ.

Долженъ вамъ признаться, государи мои, что въ заунывныхъ звукахъ этой прозаической птицы мнѣ до сихъ поръ чудится какая-то особенная мелодія, заставляющая сладко сжиматься мое уже охладѣвшее сердце. Не смѣйтесь, ради Бога, не смѣйтесь,—я сейчасъ вамъ все объясню это! Видите ли, названная птица очень капризна и разводить ее нелегко. Поэтому тамъ, гдѣ нѣтъ рѣчи

о коммерческихъ выгодахъ, разводится она только у вполне добродѣтельной и преданной своему долгу хозяйки. А у такой хозяйки—и тепло, и уютъ, и привѣтъ, и ласка для гостя... Только у нея вамъ поставятъ за обѣдомъ приборъ, безъ всякаго намѣренія обогреть васъ за это прямо или косвенно... только лишь у нея счастливый мужъ, здоровыя дѣти и порядокъ и чистота во всемъ домѣ; только у нея лишь одной совершенно чужія деревья ласково киваютъ вамъ сквозь окно, какъ родному, навѣвая самыя сладкія грезы... Да, господа, въ особенности теперь, не мало вспомнишь при этомъ!... Такъ чему жъ вы смѣялись? чему? Не смѣюсь же я на васъ, видя, какъ вы посѣщаете современную оперетку или за большія деньги ходите слушать госпожу Вальцеву въ «Фаустъ»... То-то!

Такъ вотъ, я прогуливаюсь и вдругъ замѣчаю, что къ заднимъ воротамъ нашего дома кто-то подѣхалъ. Собаки, спрятавшіяся было въ тѣни, съ отчаяннымъ лаемъ выскочили навстрѣчу; а вмѣстѣ съ ними кинулся и вашъ покорный слуга, страшно любившій гостей, вносившихъ нѣкоторое разнообразіе въ нашу монотонную жизнь. Но, подбѣжавши поближе, я остановился въ недоумѣніи: это были не родственники и не знакомые, обыкновенно посѣщавшіе насъ, а какіе-то чужіе и при томъ довольно странные люди. На высокой крестьянской телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, помѣщались мужчина и дама. Мужчина былъ шгатскій, совсѣмъ еще молодой человекъ, съ грубыми, но добродушными чертами лица и не представлялъ бы собой ничего особеннаго, если бы не странный, надѣтый на немъ костюмъ, весьма похожій на поповскую рясу. Дамочка была тоже молоденькая, очень хорошенькая и разряжена, что называется, въ пухъ и прахъ,—даже съ большимъ вырѣзомъ на груди, чего я въ нашей патриархальной семьѣ еще ни разу не видѣлъ. Все это совершенно не гармонировало ни съ возомъ, ни съ обстановкою нашего задняго двора и поражало меня удивленіемъ. Подѣхавъ къ воротамъ, мужчина прыгнулъ съ телѣги и, подобравъ полы своей хламиды, принялся самъ открывать ихъ, пока не подбѣжала оторопѣвшая спросонья прислуга. Узнавъ, что барыня еще почиваетъ, пріѣзжіи хотѣли было заворотить лошадь обратно; но тутъ подоспѣлъ кто-то изъ членовъ семьи, и гостей торжественно повели черезъ весь дворъ къ бабушкѣ. Оказалось, что странный посѣтитель былъ не кто иной, какъ нашъ новый священникъ, отецъ Рафаилъ Благочестивскій со своею молодою супругой. «Господь его знаетъ, що воно такэ», говорила, по отбѣздѣ ихъ, бабушка, въ разговорахъ съ домашними обыкновенно употреблявшая малороссійскій языкъ. «Можетъ, они и добрыя люди, а только на духовныхъ особъ совсѣмъ не похожи. У батюшки ни бороды, ни волосъ,—какъ же къ такому и «на духъ» итти? А матушка... развѣ такія бывають матушки? Осъ побачишь, доноу, якъ

вона скоро «въ горохъ не поскаче»... укоризненно добавляла старуха.

Однако, несмотря на отсутствіе необходимыхъ духовному лицу атрибутовъ, новая чета начала устраиваться въ церковномъ домѣ и проявляла себя весьма добропорядочно. Батюшка съ первыхъ же шаговъ оказался пастыремъ добросовѣстнымъ и разумнымъ, а матушка въ «горохъ скакать» и не думала, всецѣло занятая новымъ хозяйствомъ. По мѣрѣ того, какъ такія качества обнаруживались, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрастали волосы и борода у новаго батюшки,—расположеніе къ нему моей бабушки все увеличивалось; она значительно измѣнила тонъ своей рѣчи, и возы съ мукою, масломъ и прочей деревенской провизіей все чаще стали заворачивать на церковный дворъ.

Но, увы, всего этого было мало! Дочь губернскаго протоіерея, неизвѣстно ужъ какъ выданная за бѣднаго семинариста, матушка была страшная щеголиха и безъ яркихъ и модныхъ нарядовъ положительно жить не могла. На заведеніе подобныхъ вещей потребны были наличныя деньги, а ихъ-то въ поповскомъ обиходѣ и не оказывалось. Это, повидимому, ничтожное обстоятельство создавало, однако, настоящую драму въ самомъ началѣ карьеры сельскаго пастыря, безъ памяти влюбленнаго въ свою молодую жену. «Лидюшечка, Лидюшечка»—безпрестанно повторялъ онъ, даже при постороннихъ, къ великому неудовольствію моей бабушки, не допуская подобныя чувства въ духовномъ лицѣ. Но Лидюшечка постоянно требовала денегъ, а достать ихъ было рѣшительно неоткуда. Итакъ, возникалъ роковой житейскій вопросъ.

Была когда-то у насъ мода толковать объ улучшеніи быта сельскаго духовенства. Теперь эта мода прошла, и литература, какъ бы по заказу, принялась изображать богатыхъ священниковъ-коммерсантовъ, какихъ едва ли найдется одинъ процентъ въ центральной Россіи, и толковать о поповскомъ сребролюбіи. По-моему, это совершенно несправедливо; скажите: какъ быть человѣку, обремененному и тяжелыми обязанностями, и большою семьею, принужденному существовать только на счетъ добротныхъ даяній, которыя мы и давать-то не умѣемъ иначе, какъ со скудостью и обидой? По справедливости, слѣдуетъ удивляться не тому, что иногда священникъ нарушаетъ свой долгъ, а тому, что онъ такъ мало его нарушаетъ, по сравненію съ другими сословіями. Но справедливость не въ обиходѣ у насъ. Не знаю, какой тамъ будетъ прогрессъ, а справедливости, видно, еще долго намъ не дожидаться!

Однако надо было какъ-нибудь жить, и нашъ о. Рафаилъ, по природѣ склонный къ мыслямъ совершенно другого характера, сталъ жить одною мыслью—достать какъ-нибудь денегъ. Онъ и косилъ, и пахалъ, и самъ лично на базаръ ѣздилъ, и даже пробовалъ торговаться за требы.... и такое удручающее настроеніе оказало

вляніе даже на внѣшность молодого священника, Вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти свойственную пастырю солидность, о. Рафаиль сдѣлался нервень, пугливъ, безпрестанно потиралъ и ломалъ свои большія потныя руки и имѣлъ видъ человѣка всегда вповсѣгата. Тутъ же онъ усвоилъ привычку, немало соблазнявшую доброжелательныхъ прихожанъ, къ каждой своей рѣчи, кстати или некстати, непременно прибавлять фразу: «когда-нибудь сколько-нибудь»,—что часто выходило очень смѣшно.—О. Рафаиль, будете служить завтра? спрашивали, напримѣръ, прихожане.—Какъ же, какъ же, когда-нибудь сколько-нибудь непременно отслужимъ,—отвѣчалъ о. Рафаиль.—Какъ вы думаете, батюшка, будетъ дождикъ на завтра?—Богъ милостивъ, сударыня, когда-нибудь сколько-нибудь дождикъ непременно пойдетъ... и т. д. Надъ этой фразой очень много смѣялись, хотя въ ней слышалось глубокое горе сердечнаго человѣка, вынужденнаго обстоятельствами выхватывать свой кусокъ изъ чужихъ рукъ. Бабушка и многіе прихожане сильно жалѣли его и помогали, чѣмъ только могли, но.... «добровольный даръ всегда скуденъ бываетъ», какъ сказано въ «Книгѣ премудрости Иисуса, сына Сирахова».

Въ такомъ положеніи дѣль прошло около года, и о. Рафаиль какъ будто нѣсколько успокоился; но надъ горизонтомъ его безмятежной пастырской жизни уже собиралась грозная туча, которую, впрочемъ, давно предвидѣли любопытныя сельскія дамы. Къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ и родственникамъ пріѣхалъ на побывку сынъ офицеръ и отъ нечего дѣлать принялся усердно ухаживать за хорошенькой попадѣей. Юная матушка съ большимъ удовольствіемъ танцевала и хохотала съ красивымъ артиллеристомъ, а о. Рафаиль относился къ этому вполне благодушно, пока не нашелся «злодѣй», какіе обыкновенно завязывали узлы во всѣхъ старинныхъ романахъ.

Былъ храмовый праздникъ, и у бабушки, по обыкновенію, собралось много гостей. Присутствовали, разумѣется, и батюшка съ матушкой, а въ числѣ пріѣзжихъ находился нѣкій Заморскій, ходатай по дѣламъ изъ дворянъ,—человѣкъ желчный и злой, случайно сюда затесавшійся. Напробовавшись разнаго рода наливкокъ, онъ неожиданно подсѣлъ къ о. Рафаилу.

— Хороша у тебя жена, отецъ!—говорить онъ ему.

О. Рафаиль широко улыбается.

— А что? Завидно тебѣ?

— Если бы ты не былъ попъ—такъ, пожалуй, позавидоваль, бы,—отвѣчаетъ Заморскій:—а теперь я только жалѣю тебя....

— Что жъ это ты?—удивляется о. Рафаиль.—Это и лестно! Знаешь самъ: послѣдняя жена у попа!

— Такъ-то такъ,—продолжаетъ развивать свою мысль собесѣдникъ:—да ты войди въ свое положеніе! Положимъ, что мой

жена захочет слукавить,—такъ она знаетъ, что, въ случаѣ чего, я всякое дѣло брошу и накрою ее. А ты свою обѣдню какъ бросишь? Нѣтъ, братъ, погоди: за это время она у тебя и умыться и причестаться успѣтъ!...

Видя, какъ внезапно поблѣднѣлъ о. Рафаиль, отецъ мой и прочіе гости бросились къ нахалу съ угрозами и заставили просить извиненія; но это, должно быть, не помогло бѣдному священнику, уязвленному въ самое сердце. Съ тяжкимъ усиліемъ досидѣлъ онъ до вечера и, возвратившись домой, совсѣмъ захирѣлъ. Онъ пересталъ спать и ѣсть, отправлялъ свои обязанности автоматически и говорилъ только по принужденію. Тщетно уговаривали его доброжелательные прихожане, тщетно рыдала передъ нимъ перепуганная на смерть супруга, умоляя высказать причины своего оторченія,— о. Рафаиль никому не отвѣчалъ ничего и ходилъ, какъ потерянный. Бѣдный священникъ весьма хорошо понималъ, что, по сложившимся издавна обычаямъ, для него не было ни исхода, ни утѣшенія, такъ какъ даже повѣдать свою печаль никому онъ не смѣлъ...

Однако все проходитъ на свѣтѣ,—такъ съ теченіемъ времени прошла и печаль о. Рафаила. Офицеръ давно ужъ уѣхалъ—и памяти о немъ не осталось, а наученная горькимъ опытомъ матушка стала осторожнѣе и значительно умѣрила свои требованія. Жизнь о. Рафаила, повидимому, опредѣлялась вполнѣ: церковныя требы, домашнее хозяйство и заботы о подрастающемъ потомствѣ, которымъ онъ, какъ и подобаетъ настоящему левиту, обзаводился чуть ли не ежегодно. И кто бы могъ ожидать, что этотъ смиренный и забитый лишеніями пастырь вдругъ рѣшится на подвигъ, непосильный гораздо болѣе обезпеченнымъ и вліятельнымъ людямъ!

Въ числѣ прочей домашней прислуги у бабушки имѣлась нѣкая Ганна, когда-то прославившаяся своими романическими похождениями съ какимъ-то бариномъ, но въ то время представлявшая собою простую, грязную бабу, вѣчно, по мѣстному обычаю, набивавшую себѣ ротъ табакомъ и варившую обѣды на черной кухнѣ. Какъ и всякая вдова, прошедшая въ молодости строгій искусь, бабушка была весьма требовательна насчетъ нравственности; но преслѣдованіямъ ея подвергался порокъ, такъ сказать, въ настоящемъ,—давнишнія же грѣшницы весьма часто находили въ ея домѣ укромный пріютъ; а потому рѣшительно никто не дивился, что эта Ганна появлялась вездѣ не иначе, какъ съ державшейся за ея подолъ маленькой дѣвочкой. Дѣвочку звали Миндоркою, то есть по церковному Минодорою, названной такъ отцомъ грѣха дать кокетливое имя Сони или Оли. Бѣгала эта Миндорка, бѣгала и вдругъ выравнилась въ настоящую красавицу, которой сельзя было не замѣтить, несмотря на толстый слой цокрывавшей

ее со всѣхъ сторонъ грязи. Увидѣвъ это, мать страшно перепугалась,— она по опыту знала, какая это бѣда,—и кинулась къ помѣщику съ просьбою взять Мидорку на свое попеченіе. Бабушка внимательно осмотрѣла дѣвочку и, приложивъ руку къ щекѣ, покачала жалостно головой.

— Не будетъ изъ нея добра, голубка моя, не будетъ,—сказала она плачущей матери:—а выйдетъ изъ нея такая же дрянъ, какъ и ты. Конечно, если бы кто изъ дѣтей жилъ при мнѣ,—ни за что бы я ее не взяла; а теперь оставь, пожалуй, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ...

И Мидорка осталась у бабушки. Оказалась она весьма расторопной и услужливой, но, къ несчастью, слишкомъ рано сознала свою красоту и, не взирая на всю строгость надзора, привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ встрѣчныхъ мужчинъ во дворѣ. По условію съ матерью, никакихъ нарядовъ Мидоркѣ не полагалось, но она вывернулась весьма остроумно: инстинктивно догадавшись о томъ, что лучший нарядъ красивой женщины заключается въ возможномъ его отсутствіи, она стала бѣгать въ одной рубашкѣ, что, между прочимъ, допускалось и мѣстнымъ обычаемъ. Но бабушка не даромъ славилась твердостью характера: въ сосѣднее мѣстечко наскоро былъ командированъ гонецъ съ приказаніемъ купить полдюжины пестрыхъ платковъ, которыми должна была покрываться новая горничная. Но и это средство не помогло. Мидорка ухитрялась носить свое закрытіе такимъ образомъ, что оно скорѣе подчеркивало, чѣмъ скрывало ея красоту, такъ что вся бабушкина политика оказалась напрасной, и на Мидорку еще больше стали «пялить глаза». Побилась бабушка съ Мидоркою еще нѣсколько времени, вѣроятно, употребляя и болѣе сильныя средства; но, не добившись желаннаго результата, наконецъ махнула рукой. Мидорка скрылась отъ насъ такъ же внезапно, какъ и пришла, и мы совершенно позабыли о ней, хотя и встрѣчали ее изрѣдка на селѣ, разряженную и веселую.

Но въ одно воскресенье возвратившаяся изъ церкви прислуга появилась блѣдная и испуганная и принесла о Мидоркѣ невѣроятную вѣсть. По ихъ словамъ, въ этотъ день батюшка всенародно проклялъ въ церкви Мидорку, которая тотчасъ же повалилась бездыханной. Разумѣется, никто этому извѣстію не повѣрилъ, хотя и поторопились собрать болѣе точныя справки; оказалось, что никакого проклятія дѣйствительно не было, тѣмъ не менѣе о. Рафаилъ нашель почему-то нужнымъ отказать Мидоркѣ въ причастіи, что вообще весьма рѣдко практикуется въ православной церкви.

Это событіе произвело на всѣхъ весьма тягостное впечатлѣніе, но всѣхъ больше волновался мой покойный отецъ. «Что жъ это думаетъ хваленый вашъ Рафаэль!—говорилъ онъ въ крайнемъ

пегодованіи.— Онъ полагаетъ, что если есть въ рукахъ палка,—такъ и надо бить ею по головѣ перваго встрѣчнаго? Не ожидалъ я отъ него этого никогда!» Бабушка, къ удивленію всѣхъ, горько расплакалась, чуть ли не въ первый разъ со смерти своего мужа, и, объявивъ, что она великая грѣшница, заперлась въ своей комнатѣ, откуда не показывалась въ теченіе цѣлаго дня. Это еще болѣе обезпокоило семью.

Въ слѣдующее воскресенье изъ церкви пришли новыя вѣсти: Мидорка не умерла, но прибѣгла къ обычной формѣ протеста всѣхъ задавленныхъ горемъ русскихъ крестьянокъ и стала выкликать во время пѣнія «Херувимской». Лежа довольно комфортабельно въ толпѣ сгоравшихъ отъ любопытства и страха бабъ, она начала съ того, что обличала въ грѣхахъ весь приходъ; многимъ, вѣроятно, не поздоровилось отъ такого способа безцензурной гласности, но, по мѣстнымъ обычаямъ, препятствовать этому не полагалось. Пользуясь полной привилегіей свободнаго слова, Мидорка указала на о. Рафаила, что онъ недостойнъ стоять у престола, такъ какъ вѣчно цѣлуетъ со своей попадѣй, не исключая и кануна великихъ праздниковъ..... а затѣмъ въ числѣ прочихъ досталось и бабушкѣ, которую Мидорка въ томъ укоряла, что она «думаетъ только лишь о себѣ, а о людяхъ и знать не хочетъ». Но удивительнѣ всего, что бабушка и не подумала протестовать противъ подобнаго приговора, а тотчасъ же согласилась смиренно, какъ только ей передали это извѣстіе. Затѣмъ Мидорка стала рассказывать и о себѣ, объявивъ, что въ ней сидитъ семь лютыхъ бѣсовъ, такъ какъ она слюбилась съ монахомъ, и что за это не будетъ ей никакого прощенія ни въ семь вѣкъ, ни въ будущемъ. Далѣе она пояснила, что монахъ этотъ уже ее больше не любитъ, а любитъ другую дѣвушку, на которую и указала въ толпѣ окружавшихъ. Названная не противорѣчила, а немедленно грянулась на полъ рядомъ съ Мидоркой и, въ свою очередь, начала выкликать. Положеніе дѣлъ становилось до крайности романическимъ, хотя и весьма неудобнымъ.

Въ то же время съ церковнаго двора пронеслись тоже тревожные слухи. Говорили, что о. Рафаиль долго писалъ какую-то бумагу, которую попадья на колѣняхъ умоляла не посылать никуда. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки послалъ эту бумагу, и при томъ, минуя благочиннаго, непосредственно къ самому архіерею.

Что же это вышло такое, а главное, откуда взялся монахъ на селѣ?

Дѣло въ томъ, что въ давнишнія времена какой-то благочестивый обыватель отказалъ ближайшему монастырю по смерти свое имуществу, заключавшееся въ хорошей березовой рошѣ, весьма рѣдкой въ этихъ краяхъ, и въ водяной мельницѣ, работавшей на всю окрестность. За этимъ имуществомъ необходимъ былъ

присмотръ, и монастырь посылалъ на село по одному и по два монаха, которые и проживали здѣсь почти круглый годъ. Разумѣется, ни молитвенники, ни аскеты не годились на это дѣло; а тѣ, которые назначались, были настоящими коммерсантами, и, находясь безъ всякаго надзора даже со стороны власти гражданской, пользовались весьма дурной репутаціей. Предшественникъ отца Рафаила сильно дружилъ съ ними; но послѣдній, по причинамъ, извѣстнымъ ему одному, отнесся къ нимъ совершенно иначе и въ концѣ концовъ объявилъ имъ войну, послѣднимъ ударомъ которой явилось таинственное донесеніе. Разумѣется, содержаніе этого донесенія было никому не извѣстно; но всѣ поняли сразу, что въ немъ заключалось нѣчто такое, о чемъ не только писать, но и разговаривать не полагалось.

— Гм! гм!—бормotalъ про себя мой отецъ, дошедшій въ своемъ волненіи до того, что даже началъ разговаривать самъ съ собою. Такъ вотъ оно дѣло въ чемъ! Что жъ, онъ человѣкъ вѣрующей, а это называется защитой чистоты принципа, которому служишь, и означаетъ доблесть, пожалуй... но кто же ему такую роскошь позволить? Конечно, та точка зрѣнія, что, разбивши или замаравши драгоценный предметъ, слѣдуетъ гасить свѣчи, чтобы не видѣть урона,—совершенно никуда не годится; но, съ другой стороны, чѣмъ же виновата эта несчастная дѣвушка, еле вышедшая изъ дѣтскихъ лѣтъ и брошенная на улицу? Да и они тоже... невѣжественные, слабые и праздные... Но какъ же тутъ разобраться? Какъ установить настоящую точку зрѣнія?

И смущенный отецъ, по привычкѣ, хватался у себя за карманы, словно желая въ нихъ разыскать недостававшую ему точку. Бабушка снова вслакнула и торжественно объявила, что если съ о. Рафаиломъ случится бѣда,—а въ этомъ она почему-то не сомнѣвалась,—то она «бросится въ ноги» къ своимъ вліятельнымъ сыновьямъ и не встанетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ увѣренности, что семья священника будетъ пристроена. На этомъ пока и закончилось дѣло.

Черезъ мѣсяць пріѣхалъ духовный слѣдователь и, остановившись на частной квартирѣ, что уже само по себѣ было недобрымъ предвѣстіемъ, потребовалъ къ себѣ отца Рафаила. Замѣчательно, что бесѣда ихъ происходила келейно, но это нисколько не помѣшало содержанію ея сдѣлаться тотчасъ извѣстнымъ всему околотку. Слѣдователь убѣждалъ, что для блага и достоинства церкви слѣдуетъ какъ можно скорѣй прекратить это дѣло, причастить Мидорку и вообще успокоить народъ; но отецъ Рафаилъ упорно стоялъ на своемъ, что благо и достоинство церкви именно требуютъ совершенно обратнаго, указывая на каноны церковные, по которымъ грязь на священныхъ предметахъ слѣдуетъ «попалать», а не размазывать ее дальше.

Не успѣвши въ своихъ урѣщаніяхъ, слѣдователь наконецъ разсердился и сталъ угрожать гнѣвомъ сильныхъ міра сего; но о. Рафаилъ и тутъ не смирился, и отвѣтилъ на это, что на все воля Божія, и что «когда-нибудь сколько-нибудь» надо же и послужить Ему. Такъ и остался онъ при своемъ мнѣніи. Слѣдователь опросилъ еще многихъ и подъ конецъ завернулъ къ бабушкѣ,

Бабушка приняла его, какъ и всякаго гостя, но, чуть только онъ заикнулся о дѣлѣ, она гордо выпрямилась, точно царица.

— Не ожидала я, батюшка,—съ негодованіемъ сказала она:— чтобы, честно проживъ столько лѣтъ, я до сихъ поръ доброй славы себѣ не нажила! Вѣдь я знаю, что о томъ, о чемъ у меня день и ночь сердце болитъ, вы ни слова о томъ не запишете. Такъ зачѣмъ же вы пожаловали ко мнѣ? Неужели вы думали, что на старости лѣтъ стану я лгать, да еще на погибель добродѣтельному человѣку? Такъ не будетъ же этого! Прикажите вы лучше подавать свою таратайку, а отъ меня ни одного слова вы не услышите.

Слѣдователь удалился, не солоно похлебавши, и даже не подумалъ пожаловаться, такъ какъ онъ зналъ, что здѣсь, не въ примѣръ о. Рафаилу, найдется очень большая защита....

Дѣло поступило въ консисторію, и вотъ тутъ-то, государи мои, и понадобилась та настоящая точка зрѣнія, которую мой покойный родитель тщетно искалъ у себя въ карманахъ. Въ самомъ дѣлѣ: на чемъ было остановиться? Признать фактъ систематическаго разврата со стороны удалившихся отъ всѣхъ страстей иноковъ? Такъ, во-первыхъ, это по слѣдствію не доказано; а, во-вторыхъ, это значило посѣять страшный соблазнъ въ народѣ, что во всякомъ случаѣ допустить весьма неудобно.... Ну, а затѣмъ что? Оставить содѣянное втуне, или же поднять вопіющее дѣло, которое можетъ дойти и до свѣдѣнія самого государя?... Такъ неужто же и ему доложить обо всемъ?! Съ другой стороны, если соблазна не существуетъ,—то, значить, существуетъ оскорбительный и ложный доносъ со стороны священника Благомысленскаго, за что послѣдній долженъ подвергнуться тяжкому наказанію; а кто можетъ сказать навѣрно, что онъ виноватъ? Консисторія стала втупикъ, тѣмъ больше, что въ числѣ ея старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ находился тестъ о. Рафаила.

Не зная, что дѣлать и чтобы снять съ себя, по крайней мѣрѣ, отвѣтственность, секретарь отправился съ докладомъ къ преосвященному.

— Удивляюсь!—встрѣтилъ его владыка.—Къ чему же служить всѣми признанныя ваши способности, если вы столь простого дѣла рѣшить не умѣете? Ну, вызвать его, внушить, разъяснить ему, что отъ неумѣтнаго упорства церковь страдаетъ...

— Помілдуйте, ваше преосвященство!—раздраженно возразилъ секретарь.—И вызывали, и разъясняли,—а онъ все стоитъ на

своемъ: «Церковь-де страдает не отъ меня, а отъ поведенія сихъ иноковъ». И указываетъ на каноны церковные...

— Каноны? Да, таковыя дѣйствительно существуютъ,— говоритъ владыка въ задумчивости.—Но... это совершенно особая точка зрѣнія....

— Можетъ быть, онъ и уступилъ бы,—продолжалъ свои объясненія секретарь:—но его поддерживаетъ мѣстная помѣщица, очень вліятельная... Она говоритъ, что, чѣмъ бы ни кончилось дѣло,—безъ хлѣба его семья не останется.

— Должно быть, хорошая женщина!—замѣчаетъ владыка, окончателно впадая въ задумчивость:—теперь рѣдко встрѣчаются люди, способные жертвовать чѣмъ-нибудь ради идеи... Что же вы стоите?—выходите онъ наконецъ изъ задумчивости.—Ступайте и устройте все къ наилучшему!

Секретарь ушелъ, а дѣло не подвинулось ни на шагъ.

Между тѣмъ на селѣ происходили прямо невѣроятныя вещи. Я уже сказалъ, что, когда Мидорка указала на другую дѣвушку, то та упала на полъ и тоже начала выкликать; но въ слѣдующее воскресенье число выкликающихъ удвоилось, а черезъ недѣлю еще ихъ набралось больше десятка. Всѣ онѣ страшно кривлялись и произносили безобразныя рѣчи, нарушая чинность богослуженія и соблазняя молящихся; но, не взирая на всѣ настоянія священника, никто не рѣшался унять ихъ. Народъ глухо заволновался. Здоровенные казачьи парни, которые тогда были далеко не то, что теперь, начали собираться кучами и перешептываться между собою, злобно поглядывая на мельницу, за крѣпкими стѣнами которой сидѣли, запершись, скомпрометированные монахи. Наконецъ въ дѣлѣ приняло участіе и начальство гражданское: извѣщенный о народномъ волненіи становой донесъ исправнику, а тотъ—губернатору.

Какъ извѣстно вамъ, государи мои, въ нашемъ отечествѣ постоянно чередуются эпохи: то либеральныя, то консервативныя, а сообразно съ симъ назначаются и начальники. Въ то время эпоха была либеральная, и на губернаторскомъ мѣстѣ сидѣлъ либералъ чистѣйшей воды; а супруга у него была, какъ говорили, изъ отставныхъ анархистокъ. Получивъ извѣстіе о происходящихъ событіяхъ, оба супруга пришли въ крайнее негодованіе по поводу несовершенства нашихъ духовныхъ порядковъ и порѣшили немедленно дѣйствовать. Въ силу такого рѣшенія губернаторша отправилась въ дамскій кружокъ и тамъ произнесла такую огненную рѣчь, что многія дамы чуть не попадали въ обморокъ; супругъ же, за неимѣніемъ соотвѣтственнаго мужского учрежденія, поѣхалъ въ свою канцелярію; но, по совѣщаніи съ правителемъ канцеляріи, пылъ его значительно охладился.

— Смотрите, ваше превосходительство, — внушительно замѣтилъ послѣдній:—вѣдь этакъ недолго и съ мѣста слетѣтъ.... Псѣзжайте-ка вы лучше къ архіерею, да войдите съ нимъ въ единеніе; а между тѣмъ время пройдетъ...

Губернаторъ, по обыкновенію, послушался и поѣхалъ по указанію. Оба правителя, духовный и свѣтскій, встрѣтились весьма дружелюбно.

— Я не намѣренъ, ваше преосвященство, вмѣшиваться въ ваши дѣла, — любезно говорилъ губернаторъ:—будучи въ полной увѣренности, что вы сами найдете средство искоренить это ужасное безобразіе.

— Отчего же, ваше превосходительство?—въ тонъ ему отвѣтилъ преосвященный.—Я безобразій покрывать не согласенъ и препятствовать вамъ не буду ни въ чемъ. Только донесу о случившемся...

— Такъ я буду въ надеждѣ, ваше преосвященство, — растерянно говорилъ губернаторъ.

— Будьте покойны, ваше превосходительство!—отвѣтилъ любезно архіерей.

Такъ ничѣмъ и не кончили. А за это время съ крайняго огорченія и непосильныхъ трудовъ о. Рафаиль совсѣмъ расхворался, и богослуженіе въ церкви временно пришлось прекратить. Да и была пора, такъ какъ, подъ вліяніемъ общей паники, въ кликуши перешло чуть ли не все женское населеніе. Бабушка молилась и горько плакала, тайкомъ посылая Мидоркѣ на пропитаніе, а отецъ началъ уже поговаривать о поѣздкѣ своей въ Петербургъ, хотя желѣзныхъ дорогъ еще тогда не было.

Неизвѣстно, чѣмъ бы закончилась вся это исторія, если бы въ одинъ прекрасный день въ губернское правленіе не поступила слѣдующаго рода бумага:

«Доношу, что въ селеніи такомъ-то, на берегу рѣки усмотрѣны два мертвые тѣла, оказавшіяся принадлежащими инокамъ монастыря. Тѣла пробиты насквозь острыми деревянными кольями, отчего, по заключенію врача, и послѣдовала смерть. О происшедшемъ производится дознаніе, а по дальнѣйшему прошенію распоряженія оваго правленія».

Правленіе распорядилось командировкою «временнаго отдѣленія» на село, а копию съ донесенія переслало въ духовную консисторію.

— Это великая милость Божія!—хоромъ воскликнули всѣ члены консисторіи, прочитавъ полученную бумагу.—Что бы мы стали дѣлать иначе?!

И тотчасъ же постановили рѣшеніе:

«За смертью обвиняемыхъ дѣло предать суду и волѣ Божіей; а священнику Благомысленскому строжайше внушить, дабы онъ ревностнѣе относился къ исполненію своихъ обязанностей».

Все проходить на свѣтъ! Черезъ недѣлю наша мельница снова шумно молотила, подымая столбы водяной пыли и окруженная, какъ сѣнной, множествомъ телѣгъ со всевозможными зерновыми продуктами.

Въ дверяхъ ея сидѣлъ здоровенный мужчина въ нагольномъ тулупѣ и монастырской скуфьѣ и обязательно сообщалъ каждому, что онъ съ дѣтства имѣетъ призваніе къ ангельскому житію, но настоящаго посвященія еще не удостоился. Мужики слушали и почесывали затылки, а рассказчикъ тѣмъ временемъ собиралъ за помоль, не упуская случая плотоядно поглядывать на голыя икры бабъ, которыя, занятыя тасканіемъ мѣшковъ, не особенно заботились о своемъ туалетѣ... Словомъ, жизнь вошла въ обычную колею.

Ну, что вы скажете, государи мои? Вѣдь, дѣйствительно, весьма замѣчательный случай! Вы, конечно, отвѣтите, что все-таки правда имѣетъ лишь одну сторону?.. Великій Боже! да кто же рѣшится оспаривать это?! Я только хотѣлъ пояснить, что существуетъ множество разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ поручиться навѣрное ни за одну изъ нихъ невозможно.

Григорій Ольшанскій.

ОТРЫВОЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Первое марта.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 1-го марта 1881 года ѣду я по Невскому отъ Аничкова моста къ Казанскому собору къ архитектору Н. О. Б.

Быль двѣнадцатый часъ въ исходѣ. На углу Малой Садовой (теперь Екатерининской) вижу порядочную толпу народа.

— Что это?—спрашиваю извозчика.

— А государя публика поджидаетъ. Въ манежъ на разводъ долженъ проѣхать по Малой Садовой.

Я никогда не обладалъ даромъ предчувствія, хотя часто, очень часто наблюдалъ силу предчувствія на другихъ. Такъ, Александръ Павловичъ Граббе, убитый или смертельно раненый на моихъ глазахъ въ битвѣ при Сендзювицѣ, поразилъ меня въ то утро, предшествовавшее встрѣчѣ съ повстанцами, какимъ-то особеннымъ подавленнымъ настроеніемъ.

Я же нахожусь иногда въ самомъ тягостномъ, въ самомъ подавленномъ настроеніи въ предчувствіи чего-то недобраго, и никогда это предчувствіе не осуществляется, а всегда всякая бѣда— а ихъ у меня было слишкомъ достаточно—сваливается, какъ снѣгъ на голову.

Но тутъ, видя толпу, поджидавшую государя, не скажу, чтобы кольнуло меня предчувствіе, а просто мелькнула мысль: «какая плотная толпа, не случилось бы чего-нибудь, не произвелъ бы кто-нибудь выстрѣла», и мысль эта была совершенно естественна въ виду

ряда покушеній на жизнь благодушнаго монарха, давшаго свободу крестьянамъ, новыя судебныя и земскія учрежденія, освободившаго Болгарію и, какъ предполагали, готоваго дать Россіи конституцію.

Но мысль эта только мелькнула, не оставивъ послѣ себя ничего вродѣ тягостнаго, подавляющаго предчувствія.

Завтракъ у Н. О. Б. прошелъ очень оживленно; выхожу отсюда, изъ дома по Казанской улицѣ противъ самаго Казанскаго собора и вижу людей, бѣгущихъ—все въ одну сторону по направленію къ Невскому. Швейцара нѣтъ на лѣстницѣ—стоитъ на крыльцѣ.

Спрашиваю его:

— Что это значитъ? Куда бѣжитъ народъ?

— Да не знаю, говорятъ, будто въ государя стрѣляли опять.

Я спѣшно пошелъ за бѣгущими. У Казанскаго моста была уже большая толпа, и полицейскіе, помнится, близъ Инженерной улицы составили цѣпь, не пропускавшюю никого дальше по Екатерининскому каналу.

Благодаря своему генеральскому мундиру, я былъ, конечно, пропущенъ и узналъ тутъ о покушеніи на государя, проѣзжавшаго по Екатерининскому каналу послѣ развода, отъ великой княгини Елены Павловны. Узналъ также, что въ государя не стрѣляли, а что брошены были двѣ бомбы. Пошелъ осмотрѣть самое мѣсто. Видны были —клочки сукна, кровь и въ двухъ мѣстахъ небольшіе круги мостовой, обнаженной отъ снѣга. Въ этихъ двухъ мѣстахъ, очевидно, и были брошены бомбы. Но никто ничего достовернаго сказать не могъ, никто даже не зналъ, были ли это бомбы, или что другое, потому что никакихъ осколковъ на мѣстѣ не было, и никто не могъ сказать, чтобы видѣлъ эти осколки.

Случай былъ какой-то совсѣмъ новый. До этого покушенія стрѣляли изъ пистолетовъ, револьверовъ, были за границей случаи бросанія бомбъ, но бомбъ орсиніевскихъ, наподобіе тѣхъ, которыя Орсини бросилъ подъ экипажъ Наполеона III у зданія Большой Оперы. Но тѣ бомбы убивали своими осколками, и эти осколки должны были остаться на мѣстѣ. Тутъ же положительно ни одного осколка не было

— Какія же это бомбы?!—спрашиваю полицейскаго офицера.— Да государь-то какъ? невредимъ остался?

— Да, кажется,—ствѣчаетъ онъ мнѣ.

— И не раненъ?

— Кажется, нѣтъ, быть можетъ, легко,—неопредѣленно отвѣчаетъ, отходя въ сторону и соблюдая тайну, полицейскій чинъ.

— Что вы его слушаете,—говоритъ мнѣ подошедшій со стороны Милліонной улицы полковникъ генеральнаго штаба (кажется, это былъ Б.).— Я сейчасъ встрѣтилъ государя въ саняхъ.

Онъ убитъ. По крайней мѣрѣ, его лицо было ужасно: въ крови, взглядъ безжизненный, онъ едва сидѣлъ, поддерживаемый другимъ.

«Лицо въ крови еще не смерть,—подумалъ я:—вѣрно, полковникъ преувеличиваетъ», и надежда на благоприятный исходъ покушенія меня еще не покинула.

Мы съ полковникомъ еще разъ посмотрѣли на мѣсто катастрофы, и, узнавъ, что было много раненыхъ, я спросилъ: гдѣ же они?

Мнѣ отвѣтили, что ихъ перенесли въ сосѣдній госпиталь придворнаго конюшеннаго вѣдомства по ту сторону Екатерининскаго канала. Я спустился немедленно по обледенѣлой лѣсенкѣ на ледъ и черезъ 2—3 минуты былъ уже у входа въ госпиталь. Тамъ не только не было никакой толпы, но ни у входа, ни на лѣстницѣ никто меня не встрѣтилъ. Зато въ самой палатѣ было много народа, преимущественно докторовъ.

Здѣсь мнѣ сказали, что раненыхъ было всего 12 (помнится) человекъ, большею частію линейные казаки изъ конвоя государя. Я обошелъ ихъ. Легко раненые имѣли очень оживленный видъ и охотно рассказывали все то, что съ ними случилось.

— Бѣжимъ это мы,—говорилъ линеецъ,—за каретой императора, а ѣтъ съ канавки, съ панели, какъ бросить подъ карету, такъ сказать, комъ снѣга, что-то бѣлое, комъ снѣга, говорю; маленько онъ пришелся позади кареты, а тутъ какъ раздался выпалъ, тутъ ужъ послѣ я ничего не помню.

— Да что же онъ бросилъ? Бѣлое, ты говоришь?

— Да, ровно, какъ комъ снѣгу.

— Скажите, ваше превосходительство, — обратился ко мнѣ одинъ изъ врачей:—какъ вы думаете, отчего могли произойти эти раны? Вы, какъ человекъ военный, быть можетъ, разрѣшите наше недоумѣніе.

И онъ мнѣ показалъ ногу одного изъ раненыхъ. Она была открыта совершенно круглыми, глубокими ранами различнаго діаметра, съ правильными, не разодранными краями.

— Очевидно,—продолжалъ докторъ:—что бомбы были начинены пулями разныхъ діаметровъ и дробью.

Я внимательно осмотрѣлъ раны и говорю, что эти раны не отъ пули и не отъ дробы, потому что пули и дробь не оставляютъ по себѣ такихъ пораненій—глубокихъ, даже по виду, въ формѣ правильныхъ круговъ, съ рѣзкими, не рваными краями.

— Конечно,—соглашается другой.—Да и пули ни въ одной ранѣ мы зондомъ не могли найти. Не могли же всѣ пули выпасть изъ ранъ?

— Ну, а ранъ рваныхъ отъ осколковъ гранатъ ни одной не наблюдали?—спрашиваю я.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ,—ни одной, и ни у кого нигдѣ никакого осколка металла не найдено.

— Не знаю,—говорю недоумѣвающимъ врачамъ:—отчего произошли эти раны, но утверждаю, что не отъ пуль: пулевыхъ ранъ и ранъ дробью я видѣлъ множество, и онѣ не представляютъ собою ничего похожаго на то, что вы мнѣ показываете.

Тогда еще никто не имѣлъ понятія о новомъ сортѣ взрывчатыхъ снарядовъ, если не изобрѣтенныхъ, то впервые примѣненныхъ къ ужасному дѣлу даровитымъ Кибальчичемъ, ставшимъ причиною столькихъ несчастій и заплатившимъ за свое изобрѣтеніе жизнью.

Обошелъ всѣхъ раненыхъ. Имена всѣхъ были извѣстны, и если тяжело раненые не могли сами назвать себя, то ихъ опознали и сказали ихъ имена другіе.

— Только вотъ этотъ остается неизвѣстнымъ. Никто его не знаетъ, и онъ намъ кажется подозрительнымъ,—говорили мнѣ врачи.

Я увидѣлъ передъ собою человѣка высокаго роста, вытянувшегося на кровати во всю длину ея. Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ вродѣ охотничьихъ, на немъ была бумажная, дешеваго сорта крахмальная рубаха, изъ-подъ которой на разстегнутой груди виднѣлась пестрая ситцевая

— Вотъ этотъ самый костюмъ,—говорили мнѣ,—внушаетъ подозрѣнія: крахмальная рубаха поверхъ ситцевой, и рубаха дешевая, какъ будто для приданія себѣ болѣе приличнаго вида, потомъ высокіе личные охотничьи сапоги. И никто не знаетъ его имени.

— Какъ васъ зовутъ?—кричитъ въ самое ухо раненому одинъ изъ врачей.

— Да что вы его спрашиваете, посмотрите,—и онъ открылъ ему вѣки:—у него даже зрачекъ не реагируетъ на свѣтъ.

Дѣйствительно, раненый былъ въ ужасномъ состояніи. Лицо его было совсѣмъ багровое, темнорусые волосы налипли по потному лбу, глаза были закрыты, онъ тяжело и шумно дышалъ. Ноги всѣ были въ круглыхъ отверстіяхъ и, повидимому, съ перебитыми костями. Но какимъ образомъ произошли всѣ эти разрушенія, тогда, сгоряча, никто не могъ дать себѣ отчета.

Это былъ, какъ оказалось впоследствии, фанатикъ, бросившій снарядъ, начиненный сильно взрывчатымъ веществомъ, между собою и государемъ и пожертвовавшій собственною жизнью ради осуществленія своего ужаснаго, жестокаго, бесплоднаго и неумнаго дѣла. Въ организаціи онъ носилъ имя Котика, настоящая же фамилія его, какъ оказалось впоследствии, была Гриневицкій.

Первый снарядъ былъ брошенъ подъ карету Рысаковымъ. Снарядъ этотъ для того, чтобы не представлять собою ничего подозрительнаго, былъ обернутъ въ бѣлую бумагу. Оттого-то онъ и показался линейцамъ чѣмъ-то въ родѣ кома снѣга, чѣмъ-то бѣлымъ, совершенно бѣлымъ, что настойчиво всѣ они удостовѣряли.

Хотя дно кареты было разбито, кучеръ упрашивалъ государя не выходить, говоря, что онъ довезетъ его въ каретѣ, но императоръ подѣ влияніемъ, вѣроятно, того возбужденія, которое обыкновенно охватываетъ человѣка, только что избѣжавшаго огромной опасности, пожелалъ взглянуть на раненыхъ и узнать подробности происшедшаго.

Тутъ былъ израненный, случайно проходившій мальчикъ, лежали раненые линейцы. Вокругъ государя образовалась небольшая толпа. Вдругъ человѣкъ высокаго роста, какъ удостовѣрили очевидцы, поднялъ сварядъ между собой и государемъ и бросилъ его на землю.

Государь упалъ, смертельно раненый, такъ же, какъ и его убійца.

Государя посадили въ сани полицеймейстера Дворжецкаго и поспѣшили въ Зимній дворецъ.

Всѣмъ этимъ ужаснымъ дѣломъ распоряжалась Перовская, послѣ ареста Желябова ставшая во главѣ заговора.

Одновременно съ нѣсколькими бомбистами, поставленными ею навстрѣчу государю по Екатерининскому каналу, встрѣча другого рода ожидала его на Малой Садовой, гдѣ, проѣзжая около полудня, я видѣлъ толпу, и гдѣ Кобозевымъ была устроена минная галерея для взрыва, если бы государь изъ манежа направился по Малой Садовой.

Кобозевъ съ женой сняли въ полуподвальномъ этажѣ дома графа Менгдена по Малой Садовой помѣщеніе для молочно-сливочной торговли.

Торговали, разумѣется, только для виду и вмѣсто торговли усердно вели подконтъ, съ помощью навѣщавшихъ товарищей. Землю складывали въ большія бочки, въ которыхъ, якобы, получался товаръ.

Дворнику торговля показалась подозрительной, и онъ донесъ объ этомъ полиціи.

Полиція не рѣшилась безъ явнаго повода прійти осмотрѣть помѣщеніе и выдумала предлогъ осмотра техникомъ яко бы сырого подвала.

Городскимъ инженеромъ состоялъ тогда генераль-майоръ Мравинскій, отецъ стяжатиной себѣ впоследствии большую славу пѣвцы Мравиной.

Предупрежденный, что сырость помѣщенія только предлогъ и что онъ приглашенъ лишь въ оправданіе внезапнаго осмотра, Мравинскій спустился въ полуподвалъ, осматривалъ для вида стѣны, но не принималъ на себя никакихъ полицейскихъ обязанностей, а слѣдовавшіе за нимъ полицейскіе чины не любопытствовали узнать содержимое въ бочкахъ, верхъ которыхъ былъ покрытъ соломой, между тѣмъ какъ въ нихъ была, какъ сказано, земля, выбираемая изъ подкона.

Осмотръ, такимъ образомъ, не далъ никакихъ результатовъ, и если кого-нибудь слѣдовало винить въ этомъ, то ужъ, конечно.

не Мравинскаго, а тѣхъ, которые пригласили его для нужнаго имъ осмотра, и осмотра этого не сдѣлали, т. е. ту же полицію.

Но обвиненъ былъ, когда узнали о подкормѣ, несчастный Мравинскій: его лишили чиновъ и сослали.

Только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда дочь его Мравина, извѣстная красавица и колоратурная пѣвица, которою восхищались не только Петербургъ, но вся Россія и даже Англія, вошла въ извѣстность и славу, ей удалось выхлопотать помилованіе, хотя только частичное, для ея несчастнаго отца.

Интересно, что Кобозевъ, когда злое дѣло уже совершилось, узнавъ объ этомъ, не оставилъ немедленно занимаемаго имъ помѣщенія, не бѣжалъ, не скрылся, а бросился на постель, не запирая даже квартиры, и проспалъ цѣлыя сутки. Такъ велико было нравственное напряженіе его нервовъ во время трудной и опасной во всѣхъ отношеніяхъ подземной работы. Онъ скрылся лишь на другой день, и только тогда, когда начали осматривать незапертую квартиру, нашли и землю въ бочкахъ, и входъ въ минную галерею, прикрытый ящиками.

Каково было настроеніе Петербурга въ день убійства?

На Дворцовой площади я не былъ. Тамъ, говорятъ, было много народу. Но я прошелся по улицамъ Петербурга, взялъ извозчика, чтобы проѣхать подальше, возвращался на другомъ извозчикѣ. Разговаривалъ съ обоими. Часа два бродилъ по улицамъ и по свѣсти могу засвидѣтельствовать удивившее меня равнодушіе не только интеллигенціи, въ смыслѣ приличнаго костюма, но и простого народа—извозчика, чуйки, чернорабочаго. Вездѣ улица имѣла обыкновенный, праздничный видъ, праздничный въ томъ смыслѣ, что народъ тѣнился около кабаковъ (винныхъ лавокъ тогда еще не было); внутри этихъ «заведеній» также было шумно, на улицѣ также много, благодаря воскресенью, попадалось пьяныхъ. Никакой горести, никакого массоваго проявленія сожалѣнія я, къ удивленію, не замѣтилъ. Люди шли равнодушные, говорили о своихъ дѣлахъ, о мелкихъ интересахъ, пьяные цѣловались или ругались площадными словами, а государь, столько сдѣлавшій или по крайней мѣрѣ такъ горячо желавшій сдѣлать, возможно болѣе благъ своему народу, еще утромъ бодрый и здоровый, лежалъ въ это время уже бездыханнымъ.

«Что это?—съ грустью думалось мнѣ.—Классическое ли «Le roi est mort, vive le roi», или просто тупое равнодушіе воспитаннаго въ рабствѣ народа, безнадежно и безразлично относящагося къ недостигаемой для него власти, кто бы ни былъ ея представителемъ?

II.

Послѣдніе годъ Николая Ивановича Пирогова.

(Изъ того, «что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ»).

«О мертвыхъ правду, одну только правду».

Это было въ 1874 году.

Въ концѣ 1873 года я заболѣлъ серьезнымъ воспаленіемъ легкихъ и, когда сталъ поправляться, дѣлая комматную гимнастику, растянулъ сухожиліе въ правомъ колѣнѣ. Я не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія; такъ же, какъ прежде, быстро бѣгалъ по лѣстницамъ, но сталъ замѣчать, что нога побаливаетъ все болѣе и болѣе, а между тѣмъ лѣтомъ предстояли полевыя тактическія занятія съ офицерами академіи генеральнаго штаба, занятія, которыми я придавалъ очень большое значеніе и заставлялъ молодежь дѣлать верхомъ въ день по сорока и пятидесяти и даже шестидесяти верстъ.

Вижу, что для такихъ экскурсій нога моя не годится, и рѣшаю обратиться къ хирургу—къ профессору медико-хирургической академіи Богдановскому.

Тотъ нашелъ хроническое воспаление синовиальной сумки, объявилъ, что надо наложить съемно-неподвижную повязку, и обнадежилъ, что черезъ три недѣли я буду совершенно здоровъ. Для обезпеченія же быстраго выздоровленія посовѣтовалъ лечь въ клинику, что я и выполнилъ.

Въ клиникѣ повязку сдѣлалъ не самъ Богдановскій, а поручилъ своему ассистенту, и сдѣлали мнѣ повязку такъ скверно, что я сразу почувствовалъ вмѣсто улучшенія—ухудшеніе.

Повязку разрѣзали, забинтовали. Богдановскій позволилъ мнѣ ѣхать домой, въ Павловскъ на дачу и сталъ посѣщать ежедневно, все обѣщаясь вотъ-вотъ снять повязку, но не снимая ее, однако. Такъ протянулись шесть недѣль и когда повязка была снята, то мускуль, естественно, оказался атрофированнымъ, нога потеряла гибкость въ колѣнѣ, начались отеки, которые, понятно, концентрировались въ больномъ мѣстѣ, въ колѣнѣ.

И такимъ образомъ я сразу превратился въ калѣку, могущаго ходить только на костыляхъ.

Если бы премудрый профессоръ Богдановскій сказалъ мнѣ заранее, что продержитъ больную ногу шесть недѣль въ неподвижной повязкѣ, я, конечно, не рѣшился бы на предложенную имъ мѣру, потому что нужно было немного мозговъ, чтобы понять результаты неподвижности сустава въ теченіе шести недѣль; но Богда-

новскій съ самоувѣренностью обнадежилъ, что черезъ три недѣли буду совершенно здоровъ, тянулъ снятіе повязки день за день и довелъ меня такимъ образомъ до состоянія полного калѣчества. Считаю себя поэтому въ правѣ сдѣлать упрекъ одному изъ самыхъ крупныхъ представителей тогдашней хирургіи, которая, давая хорошихъ рѣзакъ, не имѣла понятія о леченіи травматическихъ случаевъ. Ни электричество, ни массажъ не были въ фаворѣ; надъ послѣднимъ даже смѣялся, говоря, что это средство старухъ въ баняхъ.

Какъ бы то ни было, но въ 34 года оказаться калѣкой для человѣка энергичнаго, подвижнаго, страстнаго охотника и кавалериста—представляло мало привлекательнаго.

Я рѣшилъ поѣхать къ Пирогову.

Имя это окружено было для меня несокрушимымъ ореоломъ.

Много слыхалъ я и читалъ объ его удивительныхъ операціяхъ, объ его заслугахъ въ оперативной хирургіи съ чисто научной точки зрѣнія, о самоотверженной его дѣятельности въ севастопольскую войну, гдѣ раненые просто молились на него, и наконецъ объ его педагогической дѣятельности въ качествѣ попечителя учебнаго округа.

Переводя сочиненіе Виго Руссильона «Военныя силы Соединенныхъ Штатовъ», которое вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ по каедрѣ А. Е. Стакквичемъ мы издали съ нашими дополненіями вскорѣ послѣ американской междуусобной войны, я видѣлъ, какое благотворное дѣйствіе на излеченіе больныхъ и раненыхъ дала система раздѣнія больныхъ по небольшимъ домикамъ-баракамъ, а вѣдь эта идея возникла въ головѣ все того же и была проведена на практикѣ все тѣмъ же—нашимъ знаменитымъ Пироговымъ, энергично возставшимъ противъ громадныхъ госпиталей, такихъ внушительныхъ на видъ и представляющихъ собою, однако, очаги самыхъ разнообразныхъ заразныхъ заболѣваній.

Что касается педагогической дѣятельности Пирогова, то хотя къ тому времени престижъ его и былъ подорванъ горячей и талантливой статьей Добролюбова «Всероссійскія иллюзіи, уничтоженныя розгами», но я лично, хотя и былъ всегда либеральнаго направленія, не раздѣлялъ и не раздѣляю до сихъ поръ непримиримаго отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ ребятишекъ и даже взрослыхъ хулигановъ.

Чѣмъ, всегда казалось мнѣ, какъ не физической болью заставить неразвитаго, лѣниваго ребенка учиться, а хулигана не слѣдовать своимъ порочнымъ наклонностямъ и подчиняться требованіямъ, обуславливающимъ общественное благо?

Воспитаніе получилъ я въ крайне суровой школѣ. Помню, чрезъ мѣсяць послѣ поступленія въ корпусъ десятилѣтнимъ мальчуганомъ я услышалъ рассказъ о томъ, что мальчика 14 лѣтъ (за-

помнилъ даже его фамилію—Келлеръ) высѣкли такъ, что изъ-подъ розогъ снесли прямо въ лазаретъ. Разсказывали, что ему дано было двѣсти розогъ. Цифра эта, вѣроятно, была преувеличена, но тѣмъ не менѣе фактъ такой жестокости подѣйствовалъ на меня такъ сильно, что я закупорился въ себя и, самолюбивый по натурѣ, избѣгалъ даже игру съ товарищами-кадетами, большинство которыхъ отличалось грубостью и неуваженіемъ къ чужой личности. Но, ратуя противъ жестокости наказаній, я долженъ сказать, что былъ свидѣтелемъ того, какъ многіе лѣнтяи начинали учиться, благодаря тѣмъ же ненавистнымъ розгамъ, за которыхъ такъ пострадалъ въ общественномъ мнѣніи Николай Ивановичъ Пироговъ.

И никакого униженія личности, чести и человѣческаго достоинства тѣлесныя наказанія въ результатѣ не давали. Даже, напротивъ того, способствовали, пожалуй, даже геройскому проявленію характера, когда наказуемый, подобно гоголевскому Остапу, стоически преодолевалъ физическую боль, не издавая ни звука.

И грубые, частію по натурѣ, частію по воспитанію, мы, кадеты, высоко несли знамя чести и благородства: малѣйшій поступокъ, шедшій въ разрѣзъ съ общепринятыми въ корпусѣ понятіями и правилами чести, наказывался товарищескимъ судомъ не только строго, но и неумолимо, подчасъ жестоко.

Понятія чести вѣдь въ высшей степени условны. Было время, когда Петръ Великій безъ всякой церемоніи награждалъ дубинкой первыхъ сановниковъ государства, и ничего марающего честь въ этомъ не находили, да и теперь не только хулиганы, но и крестьяне, солдаты, мѣщане и купцы ветхозавѣтнаго типа не видятъ ничего оскорбительнаго въ нанесеніи другъ другу пощечинъ, а дворянинъ, или вообще интеллигентъ, считаетъ безчестнымъ не заплатить за такое оскорбленіе кровью не только противника, но своею собственной, иногда даже—самоубійствомъ.

И на Западѣ народы, несравненно болѣе культурные, чѣмъ мы, не отказываются отъ тѣлесныхъ наказаній въ школѣ и въ примѣненіи къ негодьямъ, извѣстнымъ подъ именемъ хулигановъ.

Помню, лѣтъ пять тому назадъ меня поразило газетное извѣстіе о слѣдующемъ: два парня напали въ лѣсу на дѣвушку. Она сопротивлялась; дѣло было зимой, но вода въ ближайшемъ ручьѣ еще не замерзла: дѣвушку стали бить и обливать водой изъ этого ручья. Къ счастью, крикъ ея услышали, и дѣвушка была спасена. Волостной судъ присудилъ негодяевъ къ наказанію розгами по 15 ударовъ каждому, но истязатели и насильники апеллировали къ начальству, прося замѣнить розги арестомъ въ виду того, что наказаніе розгами они считаютъ для себя унижительнымъ, и начальство въ своей маниловщинѣ снизошло на просьбу негодяевъ.

Да и какъ было не снизойти: насиловать дѣвушку, истязать ее и мучить—какое же въ этомъ проявленіе униженія человѣческаго

достоинства! Другое дѣло—причиненіе физической боли негодлю, не имѣющему никакихъ самыхъ примитивныхъ нравственныхъ устоевъ. Это, конечно, можетъ имѣть единственный результатъ—униженіе человѣческаго достоинства!

Какъ бы то ни было, но я не раздѣлялъ мнѣнія тогдашнихъ либераловъ, хотя и принадлежалъ къ числу ихъ, о томъ разочарованіи, которое далъ Пироговъ тѣмъ, что не отрицалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользы примѣненія физическихъ наказаній.

Онъ, Николай Ивановичъ Пироговъ, былъ, однимъ словомъ, для меня лицомъ, стоящимъ во всѣхъ отношеніяхъ на огромной высотѣ, и я рѣшилъ довѣрить судьбу свою, какъ калѣки, избѣгая заграничныхъ знаменитостей, именно ему, никому другому, какъ ему.

Передъ отъѣздомъ, однако, я рѣшилъ посоветоваться съ Николаемъ Ѳедоровичемъ Здекауеромъ, который мнѣ много помогъ въ только что перенесенномъ зимою воспаленіи легкихъ, тѣмъ болѣе, что и грудь моя далеко еще не пришла въ порядокъ.

Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ—вотъ имя, всѣми забытое.

А между тѣмъ это былъ безкорыстѣйшій, честнѣйшій, высоко добросовѣтный и самоотверженный другъ человѣчества, обладавшій по тому времени самыми выдающимися познаніями и талантомъ первокласснаго діагноста.

И сколько народа обязано было Николаю Ѳедоровичу своимъ здоровьемъ и запозданіемъ въ достиженіи того предѣла, за которымъ какъ друзья, такъ и враги человѣчества становятся ко всему безразличными.

Когда Здекауеръ послѣ осмотра меня услышалъ, что я хочу поѣхать къ Николаю Ивановичу Пирогову, то лицо его, постоянно суровое, съ характерной шишкой на головѣ, внезапно прояснилось.

— Да, да,—говорилъ онъ,—поѣзжайте непременно. Вамъ и для легкихъ вашихъ очень полезно будетъ провести осень на югѣ, а главное—Николай Ивановичъ—это вѣдь человѣкъ исключительнаго ума и таланта, и я считаю для себя за огромную честь быть его другомъ.

И онъ началъ говорить о Пироговѣ съ такой теплотой, искренностью и любовью, на которыя я даже не считалъ способнымъ этого на видъ всегда спокойнаго человѣка, съ лицомъ, никогда не освѣщеннымъ улыбкой.

— Пожалуйста, кланяйтесь, много кланяйтесь ему отъ меня,—говорилъ Н. Ѳ.—и передайте ему вотъ это письмо, въ которомъ я напишу и о васъ.

Полный надеждъ, съ письмомъ Здекауера я выѣхалъ въ началѣ августа въ Винницу къ Пирогову, имѣніе котораго Вишня находится всего верстахъ въ четырехъ отъ этого городка.

Пріѣхалъ въ Винницу поздно вечеромъ и за отсутствіемъ въ то время какой-нибудь мало-мальски сносной гостиницы вынужденъ

былъ остановиться въ какомъ-то постояломъ дворѣ, содержимомъ жирнымъ евреемъ.

До этого я былъ знакомъ съ евреями въ Варшавѣ, т. е. собственно говоря, съ еврейскою бѣднотой—факторами и ремесленниками, и весь былъ на сторонѣ ихъ. Я удивлялся всегда ихъ трудолюбію, работоспособности, трезвости и даже, вопреки общему мнѣнію, честности, но это была еврейская бѣднота; съ евреемъ же жирнымъ, взявшимъ засиліе и при томъ грубымъ и необразованнымъ, столкнулся въ первый разъ въ Винницѣ и былъ пораженъ безцеремонною наглостію тучнаго, хотя еще не стараго, сорокалѣтняго держателя постоялаго двора.

Нося чинъ полковника съ двадцативосьмилѣтняго возраста, я, признаться, привыкъ къ уважительному отношенію, если не къ себѣ лично, то, по крайней мѣрѣ, къ тому чину, представителемъ котораго состоялъ. И вдругъ полное отсутствіе уважительности, скорѣе пренебреженіе со стороны грубаго, грязнаго, нахальнаго животнаго! Пришлось просто дѣлать надъ собою усиліе, чтобы не завести какого-нибудь скандала, что для безногаго больного было, конечно, неумѣстно.

Теперь Винница, вѣроятно, представляетъ собой совсѣмъ не то, что было въ 1874 году. Тамъ, говорятъ, сейчасъ есть не только хорошія гостиницы, но вообще городъ имѣетъ видъ вполне культурный.

Тогда же по улицамъ, не мощеннымъ, конечно, невозбранно разгуливали гуси, коровы и свиньи, и рѣдко-рѣдко обдавали васъ пылью проѣзжающій незатѣйливый мѣстный экипажъ.

Но зато вся Винница тонула, буквально тонула, въ садахъ.

Разумѣется, я началъ спрашивать о Пироговѣ. Мнѣ указали домикъ, гдѣ онъ поселился сначала, домикъ, конечно, весь окруженный садомъ.

Разсказывали, какъ къ нему лѣзъ всякій—и старый, и малый, богатый и бѣдный. Всякій получалъ отъ него помощь. Одинъ платилъ, два ничего не платили, ко всѣмъ великій человекъ и другъ человечества относился съ одинаковымъ суровымъ вниманіемъ.

Теперь, говорили, Пироговъ сталъ уже не тотъ. Онъ женился (кажется, вторично), купилъ себѣ имѣніе Вишню и живетъ тамъ,

Теперь менѣе, какъ за три рубля, къ Пирогову не допускаютъ. Передъ тѣмъ, какъ итти къ нему, надо взять билетъ, за который платятъ до одиннадцати часовъ по три рубля, съ одиннадцати до трехъ по пяти рублей и потомъ съ трехъ часовъ опять три рубля. И лечитъ теперь Пироговъ всевозможныя болѣзни, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ органовъ: и желудочныя, и чахотку, и чесотку, все, однимъ словомъ, все. Вспомнилъ я растроганное до слезъ лицо старика Здекауера, вспомнилъ прежнюю славу Пи-

рогова, вспомнилъ тотъ свѣтлый образъ его, который я самъ носилъ въ душѣ своей,—и мнѣ стало грустно.

Раздобыли какой-то экипажъ для того, чтобы ѣхать въ Вишню. Я, естественно, чтобы заслужить большее вниманіе, выбралъ часы пятирублевые.

Пріѣхалъ, заплатилъ пять рублей и послалъ Пирогову письмо Николая Ѳеодоровича Здекауера.

Другихъ пациентовъ не было, и я былъ принятъ очень скоро. Я началъ съ того, что передалъ горячій привѣтъ стараго друга, на который, къ удивленію, получилъ крайне сухой отвѣтъ.

— Ну, что онъ тамъ подѣлываетъ? — И больше ни слова о преданномъ другѣ.—Что у васъ съ ногой? Ну-ка, покажите.

Нога была осмотрѣна. Пироговъ неодобрительно покачалъ головой.

— А видъ у васъ отчего нездоровый?

— Да вотъ воспаленіе легкихъ перенесъ. Благодаря Николаю Ѳеодоровичу поправился.

— Что же онъ у васъ нашель?

Я рассказалъ довольно подробно.

— А ну-ка раздѣньтесь, давайте, я васъ выслушаю.

Я повиновался. Во время оскультаціи онъ продолжалъ разспрашивать, что находилъ въ моихъ легкихъ Здекауеръ, и, очевидно, провѣрялъ себя авторитетомъ прославленнаго діагноста грудныхъ болѣзней.

Въ этомъ сказывался, конечно, ученый, готовый учиться до послѣдняго дня жизни, но вмѣстѣ и практическій человѣкъ, вступившій на совершенно новое для себя поприще леченія внутреннихъ болѣзней, безъ всякой предварительной къ тому подготовки, исключительно для достиженія цѣлей практическихъ, меркантильныхъ.

Понимая, что Пироговъ выслушивалъ мои легкія не для меня, а для себя лично, чтобы провѣрить на пациентѣ оскультацію такого врача, какъ Здекауеръ, я просилъ его главнымъ образомъ обратить вниманіе на цѣль моего пріѣзда,—на ногу.

Утѣшительнаго услышалъ мало. Онъ прямо сказалъ, что я не могу рассчитывать на полное выздоровленіе и что леченіе можетъ помочь только до нѣкоторой степени, что водянку въ колѣнѣ онъ считаетъ необходимымъ лечить мушками и для успѣха леченія по-совѣтовалъ лечь здѣсь же, въ Вишнѣ, во флителѣ, арендуемомъ его фельдшерами.

Конечно, я очень обрадовался тому, что могу быть подъ непосредственнымъ наблюденіемъ знаменитаго хирурга и не пріѣзжать къ нему для этого изъ Винницы въ экипажѣ, представляющемъ удобства лишь крайне сомнительныя. Да и въ Винницѣ приходилось бы жить не въ сносной гостиницѣ, а просто на постояломъ дворѣ, не отличающемся безукоризненною чистотой.

Но то, что я встрѣтилъ въ своемъ помѣщеніи въ Вишнѣ, превзошло всѣ мои ожиданія.

Пироговъ, или, вѣрнѣе, его супруга, судя по имени, кажется, нѣмецкаго происхожденія, выказала себя большимъ практикомъ.

Для хирурга нужны были, конечно, помощники, но интеллигентные помощники представляли для цѣлей чисто практическихъ значительныя неудобства. Поэтому приглашены были два фельдшера-еврея, которые работали бесплатно и, мало того, платили Пироговой тысячу или двѣ тысячи рублей, — хорошенько не помню, не менѣе, однако, первой цифры, — за флигель, состоявшій изъ четырехъ комнатъ и за небольшой амбаръ, служившій аптекой.

Понятно, что арендаторы не хотѣли же даромъ работать и выбирали арендную плату и плату за свой трудъ съ несчастныхъ пациентовъ.

Результатомъ явилась чудовищная эксплуатація.

За комнату брали съ меня недорого, всего два рубля въ сутки, но что это была за комната! Мебель ея состояла буквально изъ одной деревянной кровати, сплошь начиненной клопами, простого, изъ досокъ сколоченнаго стола и двухъ стульевъ; на кровати былъ такой матрасъ, что я просилъ замѣнить его сѣномъ или соломой.

Полы не крашенные, необычайно грязныя. И блохъ такое количество, какого я себѣ и представить до Вишни не могъ. Достаточно сказать, что до Вишни я никогда не могъ поймать ни одной блохи и только удивлялся таланту нѣкоторыхъ на этого рода охотѣ. Въ Вишнѣ же — каюсь въ душегубствѣ — губилъ десятки блошинныхъ душъ. Медикаменты изъ аптеки стоили чуть не въ десять разъ дороже, чѣмъ въ аптекахъ, а, какъ извѣстно, и аптеки въ этомъ смыслѣ охулки на руку не кладутъ. Порція рициноваго масла стоила пятьдесятъ копеекъ, небольшой пакетъ ваты — рубль, самый маленькій бинтъ — полтинникъ, и все въ этомъ родѣ.

Прислуга — кака-то грязная баба, которая готовила и кушанье. Тутъ же получался и столъ, который, чтобы не быть отравленнымъ, за всѣ четыре дня пребыванія въ Вишнѣ, я ограничивалъ только супомъ изъ курицы.

Интеллигентныхъ больныхъ одновременно со мною не было никого, но, не чуждаясь людей, какого бы званія и общественнаго положенія они ни были, я познакомился со всѣми, и, Боже, чего я слышался! Всѣ, положительно всѣ возмущались эксплуатаціей и жестокосердіемъ, которыя приписывались, конечно, самому Пирогову, хотя всѣ признавали огромное вліяніе въ этомъ случаѣ его жены. Изъ многихъ разговоровъ и рассказовъ приведу только два.

— Недѣлю тому назадъ, — говорилъ мнѣ очень добродушный и милый еврей-купецъ, — пріѣзжалъ сюда мой знакомый съ больной женой, и съ него за реперацию потребовали 300 рублей и, что же вы

увъ себѣ думаете, — онъ предлагалъ полтора ста, даже двѣсти карбованцевъ, но меньше трехсотъ не соглашались, а трехсотъ у него не было. Ну, и онъ поѣхалъ увъ Кіевъ и пишетъ мнѣ теперь, что въ Кіевѣ ту же самую реперацію Караваевъ сробилъ ему за 50 карбованцевъ.

Затѣмъ я лично въ первый день пріѣзда видѣлъ хохла, привезшаго къ Пирогову двѣнадцатилѣтняго мальчика, у котораго всѣ пальцы обѣихъ рукъ отъ рожденія были сросшимися, т. е. кости были правильныя, но пальцы соединены между собой были чѣмъ-то вродѣ перепонки. Мнѣ показывали этого мальчика, у котораго большіе пальцы обѣихъ рукъ, благодаря операціи, уже были разъединены и дѣйствовали самостоятельно. Когда же черезъ день, желая посмотрѣть на искусство Пирогова, я спросилъ, скоро ли будутъ дѣлать разрѣзы между другими пальцами, то мнѣ сказали, что хохоль съ сыномъ сегодня уѣхали.

— Отчего же, — спрашиваю, — чудакъ онъ, не дождался полной операціи, чтобы всѣ пальцы были свободны?

На это получилъ резонный отвѣтъ, что съ хохла, по особой милости, потребовали плату по 5 рублей за каждый разрѣзъ, т. е. 40 руб., да надо было еще заплатить фельдшерамъ да за перевязочный матеріалъ, а у хохла было всего 15 руб. Говорили, что хохоль молилъ Пирогову сдѣлать полную операцію за тѣ 15 карбованцевъ, которые имѣлъ въ кошелькѣ, но она осталась непреклонной: за два разрѣза взяла съ него 10 руб., и хохоль, хотя съ грустью, но уѣхалъ, довольный тѣмъ уже, что большіе пальцы были отдѣлены и что руки могли, такимъ образомъ, работать.

Вообще Вишня не только не напоминала собою храма великаго хирурга, но представляла какой-то грязный базаръ, въ которомъ, если не онъ самъ, то съ его, несомнѣнно, вѣдѣнія велась безцеремоннѣйшая, чисто базарная торговля.

Я смотрѣлъ на него и удивлялся, какъ этотъ великій умъ и талантъ дошелъ до такой степени паденія въ смыслѣ характера, что позволялъ съ грязью мѣшать свое историческое имя, которое должно было быть гордостью не только его современниковъ и единоплеменниковъ, но, пожалуй, всего міра и перейти въ потомство.

И между тѣмъ этотъ человѣкъ сохранилъ въ полной мѣрѣ свои физическія силы, свою бодрость и энергію. Онъ перешагнулъ тогда уже за 60 лѣтъ и видъ имѣлъ не моложе своего возраста, но, помимо очень интенсивной работы съ больными, каждый день можно было видѣть его на конѣ, и ѣздилъ онъ не шагомъ, а крупной рысью и вскачь.

Мнѣ удалось также видѣть одну изъ его серьезныхъ операцій.

Служа въ Москвѣ, непосредственно послѣ школьной корпусной скамьи, я отъ нечего дѣлать посѣщалъ университетскія лекціи и между прочимъ, познакомившись со студентами-медиками, ходилъ

въ анатомической театрѣ, пробоваль работать надъ трупами, присутствовалъ при операціяхъ и увлекся до того, что едва не бросилъ службы и не сдѣлался врачомъ-хирургомъ.

Кровь на меня не производила ни малѣйшаго впечатлѣнія, точно такъ же, какъ и рѣзалъ я трупы безъ всякаго содроганія. Рѣшилъ, однако, прежде выполнить одну, намѣченную мною цѣль— пройти черезъ академію генеральнаго штаба, а потомъ, если быть хирургомъ дѣйствительно лежало въ моей натурѣ, тогда уже, по окончаніи указаннаго военного университета, приняться за медицину и хирургию.

Призваніе быть хирургомъ оказалось, однако, сомнительнымъ, военной службы я не бросилъ, но до старости сохранилъ интересъ къ хирургіи и къ операціямъ, на которыя постоянно смотрю безъ всякаго содроганія и не лишаю себя случая видѣть искусство того или другого хирурга.

И вотъ я увидѣлъ операцію, производимую самимъ Пироговымъ. Что это была за быстрота, точность, увѣренность, основанная, конечно, на безошибочномъ, глубокомъ знаніи строенія человѣческаго тѣла—не только каждой кости и cadaго мускула, но cadaго нерва, cadaго сосуда! Это дѣйствительно было что-то совсѣмъ необычайное. Сѣдой старикъ съ суровымъ лицомъ и нависшими бровями являлся въ моихъ глазахъ, увлекающагося человѣка, какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, чуть не полубогомъ.

Но вотъ операція кончилась. Пироговъ ушелъ. И свойственная мнѣ жилка анализа начала работать.

Да и не мудрено.

Операція производилась въ проходной грязной комнатѣ, узкой и тѣсной, представлявшей собою скорѣе не комнату, а сѣни, что-то въ родѣ коридора, въ который вели единственные выходы изъ четырехъ комнатъ флигеля. Столъ былъ грязный. Фельдшера грязны еще болѣе, съ невымытыми руками. Одного, высокаго блондина съ нахальнымъ лицомъ и еще болѣе нахальной повадкой, вижу до сихъ поръ передъ собою, какъ живого. Инструменты тоже грязные. Никакихъ мѣръ для дезинфекціи ихъ и принимать не думали. Отношеніе этихъ наглыхъ людей къ ихъ геніальному патрону было не только не подобострастное, не положительно неуважительное, нахальное. Было ясно видно, что они платятъ ему и деньгами и трудомъ своимъ и считаютъ его себѣ ровней.

Грустно, нѣтъ, не грустно, а невыносимо тяжело было видѣть, какъ этотъ великій человѣкъ кончалъ свое славное нѣкогда поприще безъ учениковъ, безъ интеллигентныхъ помощниковъ. Онъ, къ которому должны были бы сѣзжаться молодые хирурги всего міра, чтобы слушать его рѣчь, пользоваться указаніями, удивляться его необычайнымъ знаніямъ и таланту—удивляться, учиться на пользу человѣчества и прославлять!

И между тѣмъ какая печальная слава сопровождала имя Пирогова въ эту пору послѣднихъ годовъ его жизни, Пирогова — съ его ограниченными потребностями философа, которому лично, конечно, менѣе всего нужны были деньги.

Справедливость обязываетъ меня, однако, сказать, что, благодаря, безъ сомнѣнія, письму Здекауера, со мной лично не было никакой торговли. Покидая Вишню послѣ четырехдневнаго пребыванія, я просто вручилъ Пирогову гонораръ и поѣхалъ въ Ялту, куда онъ настойчиво посылалъ меня на зиму, чтобы поправить общее состояніе здоровья и уже тамъ, на Южномъ берегу, продолжать рекомендованное имъ леченіе, крайне болѣзненное и не принесшее мнѣ никакой пользы, какъ, впрочемъ, и другія рекомендованныя хирургами мѣры, пока не прибѣгнулъ къ массажу.

Нимало не претендуя на Пирогова за то, что методъ его леченія причинилъ мнѣ большія страданія, благодаря тому, что мушку онъ приказалъ класть непосредственно одну за другой, я долго не могъ спокойно вспомнить той обстановки, въ которую поставилъ себя, или, вѣрнѣе, былъ поставленъ этотъ великій человѣкъ. Я нисколько не обвинялъ его и не обвиняю теперь за то, что онъ оказался слабымъ въ леченіи хирургическихъ случаевъ, такъ какъ тогда всѣ хирурги, подчасъ превосходные рѣзачи, были крайне слабы въ этомъ отношеніи, и только послѣднее время, благодаря электричеству и особенно массажу, хирургія сдѣлала въ этомъ смыслѣ огромный шагъ впередъ.

Но, видя ту грязь, среди которой Пироговъ совершалъ свои операціи, тѣ запачканные инструменты, которыми онъ пользовался, то полное отсутствіе антисептики, на которую обращено въ настоящее время хирургами такое тщательное вниманіе, я понялъ и особенно понимаю теперь справедливость мнѣнія современниковъ о Пироговѣ, какъ хирургѣ, что хирургомъ онъ былъ поразительнымъ, но несчастливымъ, — что операцію онъ сдѣлаетъ удивительную, а результатъ выходитъ плачевный. Происходило это, безъ сомнѣнія, оттого, что хирургія въ его время не понимала еще того значенія, какое имѣетъ дезинфекція и антисептика, доведенная до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Да, вѣроятно, и по натурѣ своей этотъ ученый и мыслитель считалъ соблюденіе чистоты вообще не только въ хирургіи, но и въ жизни — мелочью, аксессуаромъ, не заслуживающимъ никакого вниманія. Прихожу къ этому заключенію на томъ основаніи, что человѣкъ даже безъ всякихъ указаній науки, а просто чистоплотный, не могъ жить и оперировать среди той грязи, которая окружала великаго хирурга и его больныхъ во флигелѣ-клоповникѣ Вишни.

Изъ всего того, что «видѣлъ и слышалъ» въ моей долгой жизни, воспоминаніе о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ является для меня самымъ грустнымъ, самымъ печальнымъ, даже тяжелымъ. И какъ

рѣшится говорить объ отрицательной дѣятельности человѣка, во имя котораго собираются съѣзды, которому воздвигаются памятники, имя котораго произносится всѣми не только съ уваженіемъ, а чуть ли не съ благоговѣніемъ, какъ нѣчто недосыгаемо-добродѣтельное, святое! Но, вопреки римской поговоркѣ, молчать о мертвыхъ отнюдь не слѣдуетъ. Иначе какое значеніе имѣла бы исторія? Слѣдуетъ, напротивъ того, воздавать мертвымъ должное, не замалчивая тѣневыхъ сторонъ ихъ дѣятельности, чтобы жизнь ихъ могла служить поученіемъ потомству. При томъ картина безъ тѣней всегда является мертвою. Тѣни существуютъ вездѣ, во всемъ и во всякомъ человѣкѣ, какъ бы безупреченъ и чистъ онъ ни былъ, и скрывать эти тѣни нѣтъ никакого ни разумнаго, ни этического основанія. Нужно только не уклоняться отъ истины и говорить о мертвыхъ правду, одну только правду.

И если послѣдніе годы Пирогова представляются такими печальными въ смыслѣ его дѣятельности на склонѣ лѣтъ, то это отнюдь не должно омрачать обаянія того свѣтлаго образа, какимъ являлъ себя Пироговъ до тѣхъ поръ, пока не подпалъ подъ вліяніе женщины, не оцѣнившей его, какъ міровую величину.

Но изъ этихъ послѣднихъ лѣтъ его жизни можно вывести рельефное и убѣдительное доказательство справедливости положенія— насколько женщина можетъ направить силы и дѣятельность даже великаго человѣка въ ту или другую сторону, особенно, когда этотъ человѣкъ перешагнулъ уже за границу зрѣлаго возраста,— когда его нравственная упругость уже подорвана жизненной борьбой.

III.

Александръ Михайловичъ Бутлеровъ ¹⁾.

Въ 1876 году я, при формированіи корпусовъ, получилъ назначеніе начальникомъ штаба второго корпуса, корпуса крупнаго, состоявшаго изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской; по командиромъ корпуса былъ, вмѣстѣ со мною, назначенъ Самсоновъ, человѣкъ ни въ какомъ отношеніи не подходившій къ этой роли.

Я разошелся съ нимъ очень скоро и, чтобы окончательно поправить больную ногу, заставившую меня два года проходить на ко-

¹⁾ Считаю необходимымъ предпослать и настоящему очерку уже высказанное мною въ воспоминаніяхъ о Скобелевѣ, Казимирѣ Васильевичѣ Левницкомъ и Александрѣ Романовичѣ Дренгеліи, именно:

Авторъ проситъ не забывать, что онъ пишетъ не біографіи интересныхъ и извѣстныхъ личностей, а лишь свои воспоминанія, приуроченныя къ тому или другому лицу, поэтому и личному «я» отводится по необходимости довольно значительное мѣсто. Надо смотрѣть на эти очерки не какъ на біографіи, систематически написанныя, а какъ на матеріалъ для біографа, матеріалъ, не лишенный довольно солидной цѣнности.

стыляхъ, поѣхалъ въ Кисловодскъ въ самомъ началѣ іюня, когда онъ былъ еще совсѣмъ пустъ, когда «курсовые» едва начали наполнять Пятигорскъ, Желѣзноводскъ и Ессентуки. Кисловодскъ же является, какъ извѣстно, послѣдней ступенью леченія или развлеченія курсовыхъ—мѣстомъ, гдѣ, по выраженію Лермонтова, заканчивались всѣ романы, начатыя въ Пятигорскѣ или Желѣзноводскѣ.

Знакомыхъ въ Кисловодскѣ не было, я купилъ себѣ прямо изъ табуна небольшую, но прелестную горскую лошадку и каждый день, понемногу, насколько позволяла выздоравливавшая нога, сталъ предаваться своему любимому занятію—верховой ѣздѣ.

Дѣло подвигалось очень хорошо, и въ концѣ мѣсяца я могъ уже безъ большого напряженія сдѣлать версть двадцать.

Выѣдешь, бывало, за тополевую аллею, которая упиралась тогда въ послѣднее зданіе Кисловодства, стоявшее особнякомъ, въ жалкую почтовую контору, и ѣдешь, куда глаза глядятъ, въ горы, и въ нагорную степь, все дальше и дальше.

Чудесныя эти горныя плато, называемыя казаками—степью. Ѣдешь, а кругомъ тебя точно коверъ персидскій раскинулся далеко-далеко. Только тутъ понимаешь происхожденіе узоровъ персидскаго ковра. Это прямо-таки съ натуры взятыя пестрота и разнообразіе горныхъ цвѣтовъ. И вотъ ужъ, дѣйствительно, дышишь, точно «грудой чай пьешь», по выраженію Тургенева.

На эти горныя плато казаки весною вывозятъ улы изъ своихъ стариць. А пчеловодствомъ, тогда по крайней мѣрѣ, они занимались въ такихъ размѣрахъ, что встрѣтить въ «степи» пасѣку въ 500—700 ульевъ было далеко не рѣдкостью.

Увидишь такую пасѣку по ведущей къ ней или мимо нея дорожкѣ и опасно объѣзжаешь стороной, вспоминая, какъ прусскій батальонъ, потерявъ чуть не половину своихъ людей, неустрашимо занялъ въ бою подъ Кенигрецомъ какое-то (забылъ названіе) селеніе и вынужденъ былъ позорно обратиться въ бѣгство, преслѣдуемый пчелами, улы которыхъ пострадали при ожесточенной перестрѣлкѣ.

Интересно, очень интересно ѣхать по тропинкѣ, самъ не зная, куда она тебя приведетъ.

Подъѣзжаешь къ перекрестку. Куда ѣхать? «Направо—коня потеряешь, налево—самъ пропадешь»,—поѣду налево; тамъ опять перекрестокъ, и тропинокъ въ горной степи, которыя ведутъ къ сѣнокосамъ, пашнямъ, пасѣкамъ, а то и просто въ горы дальше и дальше,—хоть отбавляй.

Поэтому запутаться въ нихъ, особенно ночью, очень легко. Запутаться и не попасть домой. Единственное средство—бросить поводья, и въ темнотѣ умная лошадка непременно возвратитъ васъ къ дому.

Вотъ їду я такъ однажды безъ цїли дальше и дальше. Проїхалъ версты десять-двѣнадцать, вижу, степь склонилась влѣво къ какимъ-то утесамъ. Повернулъ туда и слышу какой-то неопредѣленный шумъ. Поїхалъ на звукъ и что же? Предо мною прелестный, совсѣмъ-таки прелестный водопадъ. Вижу, съ крутого, утесистаго противоположнаго берега красиво, нарядно падаетъ вода въ рѣчку—Аликановку, какъ я узналъ потомъ. Совсѣмъ какъ швейцарскій Писвашъ, который, впрочемъ, видѣлъ только въ фотографіяхъ. Красота увеличивалась еще тѣмъ, что вода падала совсѣмъ не по скалѣ, какъ на ялтинскомъ Учань-Су, а между нею и скалою даже пройти было можно.

Полюбовались мы—говорю «мы», потому что въ этотъ разъ я былъ съ амазонкой—съ четверть часа и поспѣшили обратно, потому что солнце уже близко было къ закату.

На другой день, конечно, рассказалъ о случайномъ открытіи прелестнаго водопада.

Кисловодскъ къ этому времени сталъ уже наполняться. «Курсовые» все подѣзжали и подѣзжали. Завязались интересныя знакомства. Я сошелся, между прочимъ, съ харьковскимъ профессоромъ-терапевтомъ, превосходнымъ человѣкомъ уже громкой извѣстности, несмотря на свою сравнительную молодость, Лашкевичемъ. И, помнится, именно онъ познакомилъ меня съ человѣкомъ средняго роста, крѣпко сложеннымъ блондиномъ, съ лысиной во всю голову, съ сильной просѣдою въ бородѣ и необыкновенно жизнерадостнымъ свѣтлымъ выраженіемъ лица и глазъ.

Это былъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ.

Человѣкъ этотъ давно меня интересовалъ.

Натуралистъ, европейски-извѣстный ученый, свѣтило химіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—спиритъ, настолько преданный этому ученію, что помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обширную статью свою о Круксѣ и четвертомъ измѣреніи.

Сочетаніе такихъ противоположностей въ одномъ лицѣ, казалось мнѣ—человѣку низменныхъ, земныхъ реальностей, совсѣмъ *terre à terre*—въ высшей степени оригинальнымъ и занимательнымъ; но разговоры при встрѣчахъ въ паркѣ были всегда мало интересны: говорили о самыхъ обыденныхъ вещахъ и обыкновенно не съ глазу на глазъ. Я видѣлъ только большое оживленіе и успѣлъ подмѣтить чуткость, что, вмѣстѣ съ необычайной простотою, отсутствіемъ ходульности, напускной серьезности и ученаго вида, производило крайне подкупающее впечатлѣніе.

И вотъ какъ-то послѣ обѣда сижу и пишу.

Слышу стукъ въ дверь.

— Войдите.

Входитъ Бутлеровъ.

— Простите, полковникъ, что вторгаюсь къ вамъ. Дѣло вотъ въ чемъ: вы, говорятъ, сдѣлали здѣсь открытіе—прекрасный водопадъ. Научите, пожалуйста, какъ туда проѣхать, въ какую сторону ѣхать надо и какъ далеко это отсюда?

— Далекое не далеко—версть десять-двѣнадцать, но вы его не найдете.

— Отчего.

— Видите ли, туда нѣтъ одной тропинки, а отъ дорожки поминутно отходятъ развѣтвленія—вправо и влево, на пашни, луга, пасѣки. Непремѣнно запутаетесь.

— А вы бы мнѣ начертили, вѣдь вы офицеръ генеральнаго штаба.

— Начертилъ бы съ удовольствіемъ, но всѣ эти развѣтвленія дорожекъ не остались у меня въ памяти, только запутаю васъ.

— Да нѣтъ, ничего, я разберусь, найду,—говорилъ Бутлеровъ съ свойственнымъ ему оживленіемъ.

— Не разберетесь, запутаетесь. А вотъ что позвольте вамъ предложить: черезъ полчаса я окончу безотлагательное письмо, и тогда поѣдемте вмѣстѣ.

— Да мнѣ совѣстно васъ беспокоить.

Разумѣется, я успокоилъ его деликатность и внутренно ужасно обрадовался случаю сдѣлать эту поѣздку, довольно продолжительную, вдвоемъ съ человѣкомъ, сильно меня интересовавшимъ.

Черезъ полчаса мы выѣхали.

Едва оставили Кисловодскъ за собою, какъ онъ говорить:

— А что? не проскакать ли?

И мы пустились вскачь, причемъ онъ началъ и мою лошадь потчевать нагайкой. Я отвѣчалъ тѣмъ же, и то средостѣнье, которое стояло между мною, скромнымъ военнымъ, и заслуженнымъ профессоромъ, академикомъ, ученымъ, пользовавшимся европейской извѣстностью, сразу пало.

Со мной ѣхалъ рядомъ простой, совсѣмъ простой, безхитростный, оживленный человѣкъ, здоровый, сильный и совсѣмъ, совсѣмъ молодой, даже и не для своего 53-лѣтняго возраста.

Сразу какъ-то стали мы на пріятельскую ногу.

— Никакъ не ожидалъ я,—говорю ему:—что вы такой лихой ѣздокъ. Какъ-то это для ученаго и профессора не подходитъ.

— Да вы вѣдь тоже профессоръ.

— Я—другое дѣло. Я военный, да еще бывший гусаръ, такъ мнѣ это и подобаетъ.

— А я казанскій помѣщикъ, съ дѣтства безъ сѣдла на табунныхъ лошадяхъ скакалъ,—отвѣчаетъ онъ.—А вотъ и пасѣка интересная. Ого—какая! Ульевъ шестьсотъ будетъ, пожалуй.

— Да,—отвѣчаю:—объедемъ ее стороной.

— Зачѣмъ?

— Да лошади потныя, съѣдятъ вѣдь пчелы.

— Ничуть не бывало. Вотъ, батюшка, какъ мы ничего своего не знаемъ. Я, какъ вы знаете, конечно, — пчеловодъ¹⁾, и вотъ мы выписывали итальянскихъ пчелъ, какъ пчелъ кроткихъ, не кусающихся, не такихъ, какъ наши, необразованные озорницы, и платили большія деньги: матка съ нѣсколькими ассистентами обходилась около 50 рублей. И что же оказывается? У насъ на Кавказѣ пчелы еще болѣе кроткія, чѣмъ пчела итальянская, и можно даже сказать, что насколько пчела итальянская болѣе кротка, чѣмъ наша обыкновенная російская, настолько же кавказская смириѣе, такъ сказать, итальянской.

Въ это время мы подъѣзжали къ самому улью. Я попробовалъ было протестовать, говоря, что боюсь пчелъ смертельно, но онъ съ увѣренностью вѣхалъ въ пчельникъ.

— Вы правы, — говорилъ онъ: — если бъ это были русскія пчелы, онѣ бы насъ съѣли, а эти, милыя, и не подумаютъ, несмотря на то, что лошади потныя, чего пчелы очень не любятъ. Сойдемте съ коней я вамъ покажу ихъ матку. Видѣли вы ее когда-нибудь?

— Да нѣтъ же, боюсь я пчелъ до смерти.

— Ну, вотъ сейчасъ покажу вамъ, придержите, пожалуйста, мою лошадь.

Онъ взялъ сапетку (соломенный кавказскій улей), перевернулъ ее и преспокойно началъ дуть на пчелъ; тѣ подъ вліяніемъ вѣтра разступались.

— Вотъ видите, — пояснялъ онъ: — если бы мы это стали дѣлать съ русской пчелой, она насъ дѣйствительно съѣла бы, а эти милочки вонъ какія добрыя. И итальянская, пожалуй, не похвалила бы.

— Александръ Михайловичъ, — говорю я въ отвѣтъ. — Смерть моя пришла, помру сейчасъ.

— Что такъ?

— Да у меня на щекѣ пчела сидитъ.

— Такъ вы смахните ее.

— Какъ смахните?

— Да такъ, какъ муху.

Я смахнулъ, хотя опасно, и милая пчела дѣйствительно крайне кротко удалась.

Онъ показалъ мнѣ матку.

— Вотъ видите, эта большая-то, — и прочелъ мнѣ тутъ же цѣлую краткую лекцію изъ жизни пчелъ.

— Удивительно это милая кавказская пчела. И хоть бы кто слово сказалъ о ней. И я, — то потолкнулся вѣдь случайно. Повезу

---

¹⁾ А. М. Бутлеровъ, какъ извѣстно, былъ страстнымъ пчеловодомъ и написалъ свою книжечку, краткую, краткую, толковую и практичную до того, что ею, въ свое время, считалъ обязанностью обзавестись каждый, даже едва грамотный пчеловодъ. Книжка эта принесла огромную пользу отечественному пчеловодству.

въ Петербургъ десятокъ матокъ, а можетъ быть и цѣлыхъ ульевъ. Они вѣдь здѣсь и всего-то по 5 рублей, а итальянская матка одна стоитъ пятьдесятъ. И между тѣмъ эти лучше, положительно лучше, и трудолюбивыя какія.

Пользуясь случаемъ, я передалъ деньги съ просьбой купить и для меня 4 улья, которые послалъ въ подарокъ Кондратьеву (режиссеру русской оперы), также страстному пчеловоду и знакомому Александра Михайловича.

— А знаете,—продолжалъ А. М.:—разъ меня пчела за языкъ укусила. А нука скажите, какъ могло это случиться? Догадайтесь.

— Право, не знаю. Вѣдь не за то же она васъ укусила, что вы языкъ ей показали, дразнили ее языкомъ.

— Конечно, не за то,—отвѣчалъ онъ смѣясь.—А я работалъ въ пасѣкѣ, медъ вырѣзалъ. Былъ очень занятъ этимъ дѣломъ и чувствую, что одна сѣла мнѣ на усы. Работая, смотришь на пчелъ какъ на мухъ, совсѣмъ забываешь, что она укусить можетъ. Я совершенно машинально и смахнулъ пчелу языкомъ, какъ сдѣлалъ бы съ мухой, а она разбойница цапъ меня за языкъ. Языкъ такъ распухъ, что едва во рту помѣщался.

Такъ весело болтая о пчелахъ, о разныхъ пустякахъ и пуская подчасъ лошадей вскачь, незамѣтно доѣхали мы до водопада.

Полюбовались имъ вволю, а ночь также незамѣтно начала надвигаться.

Пора домой. Сѣли на коней и тронулись обратно.

А темная, синяя туча съ правой стороны надвигалась на насъ и превращала почти въ ночь наступившія сумерки.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Торопиться рысью, какъ мы попробовали сначала, было уже невозможно. Дорога исчезла, осталась одна тьма ночная, какъ вверху, такъ и на землѣ, и только съ правой стороны яркія молніи безъ грома озаряли темную, темную тучу.

Бросили поводья и предоставили судьбу свою инстинкту и зрѣнію умныхъ табунныхъ животныхъ. Ъхали, конечно, шагомъ. Оживленіе уступило мѣсто мечтательному настроенію, подъ вліяніемъ немного грозной красоты, красоты темной дали, поминутно прорѣзаемой беззвучными молніями.

Ъхали молча.

Меня сильно подмывало заговорить о спиритизмѣ, но какъ-то не рѣшался. Не встрѣчая до тѣхъ поръ ни одного спирита, который былъ бы въ то же время умнымъ, серьезнымъ человѣкомъ, я думалъ:

«Ну, какъ я заговорю объ этомъ. Вѣдь это почти равняется вопросу: занимаетесь ли вы глупостями? Какъ осмѣлиться сдѣлать подобный вопросъ такому исключительно умному человѣку?»

Наконецъ я рѣшился.

— Такая темнота и красота,—началь я при непрерывномъ почти блескѣ безшумныхъ молній:—что невольно наводитъ на предметы отвлеченные. Мнѣ очень интересно было бы, А. М., услышать отъ васъ лично ваше мнѣніе о спиритизмѣ. Меня это интересуетъ какъ человѣка совсѣмъ *terre à terre*, совсѣмъ матеріальнаго, признающаго только законы, выходящіе изъ свойствъ матеріи, не признающаго ничего сверхъестественнаго.

— Позвольте, а что вы называете сверхъестественнымъ?

— Ну, то, что не вытекаетъ изъ свойствъ окружающей насъ обстановки, чисто матеріальной.

— А вы эту обстановку знаете.

— Конечно, нѣтъ. До извѣстной степени, конечно,

— Вотъ именно до извѣстной степени. До объясненія себѣ законовъ электричества развѣ его можно было принимать за нѣчто, вытекающее изъ нашей матеріальной обстановки. Ну, электричество теперъ мы знаемъ, т. е. знаемъ, опять-таки, до нѣкоторой степени, и знаемъ не самую эту силу, а только нѣкоторыя изъ ея проявленій. И вотъ я довольно долго живу на свѣтѣ и не встрѣчалъ человѣка, пожившаго и наблюдательнаго, который не зналъ бы случая съ самимъ собою или съ близкими, случая, не поддающагося объясненію съ точки зрѣнія окружающей насъ домашней обстановки. Вотъ вы, напримѣръ, подумайте, припомните.

— Мнѣ и припоминать нечего. Помимо мелкихъ случаевъ, одинъ, довольно рельефный, я никакъ не могу себѣ объяснить ничѣмъ, кромѣ развѣ такъ называемаго животнаго магнетизма, въ который, признаюсь, вѣрю.

— Отчего вѣрите,—вѣрно, убѣдились?

— Да.

И я разсказаль, что молодымъ упражнялся въ этомъ направленіи. Въ театрѣ, напримѣръ, начиналь пристально смотрѣть изъ партера на какую-нибудь даму, сидящую въ ложѣ, съ твердымъ желаніемъ, чтобы она на васъ посмотрѣла. И хотъ бы она оживленно разговаривала, обратясь въ другую сторону, черезъ двѣтри минуты ею начинало овладѣвать нѣкоторое безпокойство, кончавшееся непременно тѣмъ, что она прямо взглядывала на меня.

Точно такъ же со спящими же пріятелями, и особенно съ единственнымъ моимъ братомъ, спавшимъ очень крѣпко, я не разъ пробоваль упорно смотрѣть на закрытыя вѣки, и не проходило трехъ минутъ, какъ спящій начиналь безпокоиться, и вѣки, послѣ нѣкоторыхъ усилій, раскрывались. Я считаю, поэтому, легенду о Рогнѣдѣ и Владимирѣ весьма и весьма правдоподобной. Вѣрно, Рогнѣда слишкомъ пристально смотрѣла на спящаго Владимира и этимъ разбудила его.

— Ну, а случай, про который вы говорили, разскажите-ка его.

— Александръ Михайловичъ, я хочу слышать васъ, ваше объясненіе, а вы заставляете говорить меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, расскажите, времени у насъ довольно. Успѣю и я поговорить.

— Если настанваετε, извольте. Въ 1862 году я, гусарскій офицеръ, посланъ былъ въ Петербургъ въ вольтижерную команду гвардейскаго корпуса. Тамъ доканчивалъ свою диссертацию на адъюнкта академіи генеральнаго штаба и вольтижировалъ. Одно не мѣшало другому нисколько. Напротивъ того, вольтижировка придавала оживленіе, веселость, и работать послѣ нея становилось легче и работа шла спорѣе, чѣмъ если бы сидѣть, корпѣть въ кабинетѣ цѣлые дни. Въ октябрѣ сдалъ диссертацию; остались вольтижированіе, верховая ѣзда и пользованіе кипучей молодостью. Послѣдняя причина помѣшала поѣздкѣ на Рождество къ матушкѣ, въ родной городъ Новгородской губерніи Тихвинъ. Я остался въ Петербургѣ и въ послѣдній день вольтижерныхъ занятій, въ канунъ сочельника, 23 декабря, вольтижируя, сдѣлалъ какую-то сумасшедшую штуку, упалъ и сильно расшибся. Меня отвезли на квартиру, послали за докторомъ, онъ пріѣхалъ и велѣлъ поставить тридцать штукъ пѣявокъ. Весь вечеръ ставили эти пѣявки, и я былъ, разумѣется, весь въ крови.

Въ тѣ блаженныя времена въ Тихвинѣ не только не было телеграфа, но и почта-то ходила два раза въ недѣлю. И вдругъ на третій день праздника получаю отъ матушки крайне тревожное письмо. «На Рождество я не поѣхала въ городъ,—писала она:—а осталась въ усадьбѣ, и вотъ наканунѣ сочельника Анета (дочь нашихъ сосѣдей въ верстѣ разстоянія) вздумала, между прочими гаданьями, смотрѣть въ зеркало. Для этого надо остаться въ комнатѣ одной. Не прошло, однако, и десяти минутъ, какъ она съ крикомъ выбѣгаетъ изъ комнаты и говоритъ, что видѣла тебя въ зеркалѣ лежащимъ на кровати, всего въ крови, и надъ тобой стоитъ какая-то дама, вся въ черномъ, стоитъ наклонясь къ тебѣ. Анета испугалась, вскочила и лица женщины не рассмотрѣла. И, представьте, о моемъ ушибѣ дали знать одной моей знакомой, которая провела весь вечеръ, ухаживая за мною, и была дѣйствительно вся въ черномъ¹⁾».

— Вотъ видите,—говорилъ Александръ Михайловичъ:—случай-то вѣдь очень интересный. Ну, чѣмъ вы можете объяснить его?

— Да тѣмъ, чего самъ не знаю,—такъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ, дѣйствующимъ на разстояніяхъ. Если онъ проявляетъ себя на разстояніи зрительной залы, почему бы не дѣйствовать ему и на сотню-другую верстъ? Ну, вотъ я сказалъ все, что могъ сказать такой низменный, матеріальный человѣкъ, какъ я.

¹⁾ Этотъ случай, съ моихъ словъ, приведенъ былъ Бореемъ въ одномъ изъ его рождественскихъ рассказовъ.

Очередь за вами. Вѣдь я началъ разговоръ не съ тѣмъ, чтобы говорить, а именно чтобы слушать васъ.

— Видите ли, — началъ Александръ Михайловичъ: — я смотрю на спиритизмъ какъ на нѣчто въ высшей степени интересное и совсѣмъ еще не изслѣдованное. Я смотрю на это дѣло именно какъ изслѣдователь. Не могу я закрывать глаза на явленія самыя интересныя, которыя нельзя объяснить ни физическими, ни химическими, ни вообще какими-либо извѣстными намъ матеріальными законами, а явленій такихъ, такъ называемыхъ сверхъестественнымъ, я видѣлъ много. Бредифъ, напримѣръ. Вы имѣете о немъ понятіе?

— Какъ же. Я участвовалъ при двухъ его сеансахъ. Оба раза неудачныхъ, благодаря, по его словамъ, мнѣ. Онъ находилъ, «*que je suis contraire aux ésprits*». Столъ, впрочемъ, у него шаркалъ по полу и приподнимался съ одного края, но когда, послѣ хорошаго ужина, онъ ушелъ, я при общемъ хотѣ посадилъ за столъ всю публику, какъ это дѣлалъ Бредифъ, и повторилъ всѣ его стуки, шарканья (*froteurs*) и подъемы одного края стола, при чемъ точно такъ же, какъ онъ, разговаривалъ съ духами, требуя отъ нихъ, подражая ему, исполненія моихъ желаній. И публика, увѣровавшая было въ Бредифа, все время безумно хохотала. Разумѣется, я производилъ всѣ фокусы подъ столомъ ногами, что не требуетъ ни малѣйшаго искусства, кромѣ развѣ постукиванья, на что пужна извѣстная сноровка, именно — надо производить ихъ треніемъ подошвы о подошву или по каблuku. Вообще сеансы Бредифа произвели на меня впечатлѣніе самаго незамысловатаго фокусничества. Да и помимо Бредифа — сколько же было разоблаченій фокусничества разныхъ медіумовъ.

— Разоблаченія, конечно, были, и я совсѣмъ не отрицаю возможности фокусничества, особенно со стороны профессионаловъ, какъ Бредифъ. Онъ получалъ по 30 рублей въ вечеръ, и всѣ дни у него были разобраны, а между тѣмъ медіумизмъ требуетъ извѣстнаго настроенія или нервнаго возбужденія, пожалуй. Ну, вотъ, приходитъ онъ на сеансъ. Тридцать рублей онъ получилъ, а чувствуетъ себя не въ духѣ. Чтобы выйти изъ такого положенія, онъ и прибѣгаетъ къ фокусничеству, къ обману. Вообще, если бы мнѣ пришлось съ каеэды говорить о разныхъ спиритическихъ явленіяхъ, объ объясненіи ихъ, то я прежде всего изложилъ бы теорію обмана, затѣмъ — животнаго магнетизма. Но я лично былъ свидѣтелемъ такихъ явленій, которыя рѣшительно не могутъ быть объяснены ни обманомъ, ни такъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ, и это обязывало бы меня привести третью теорію — участіе въ нашей жизни какихъ-то невидимыхъ для насъ, безплотныхъ существъ, духовъ, однимъ словомъ. Матеріализація явленій, напримѣръ, — какъ вы можете объяснить ее? Тотъ же Бредифъ, напримѣръ; безъ сомнѣнія, онъ прибѣгалъ къ фокусничеству, когда сеансы ему

не удавались; притомъ, вѣдь это былъ совсѣмъ необразованный и глухой человѣкъ; но что онъ былъ сильный медиумъ, это для меня несомнѣнно. Мы дѣлали опыты съ нимъ не одинъ разъ, и вотъ что онъ продѣлалъ однажды. Мы купили совершенно новую, скатанную въ кружокъ тесемку, завязали этой тесьмой его руки, ноги и самого привязали къ креслу, при чемъ наблюдали, чтобы тесемка ложилась совершенно гладко, и на всѣхъ перекрещиваньяхъ дѣлали черточки чернилами. Онъ сидѣлъ за ширмой. Была полутьма. Онъ впалъ въ трансъ, и изъ-за ширмы я лично трогалъ и пожималъ маленькую, нѣжную, узкую ж. нскую ручку, а вы, конечно, замѣтили, какая рука была у Бредифа—широкая, съ короткими пальцами, грубая, чисто мужицкая. Когда зажгли свѣтъ, увидѣли его сидящимъ въ трансѣ; новая тесемка нигдѣ не была помята, не перекручена и всѣ отмѣтки чернилами на скрещеніяхъ были на мѣстѣ. Однимъ словомъ, было очевидно, что этотъ человѣкъ не могъ развязаться и потомъ связать себя: новая тесемка въ такомъ случаѣ непременно была бы помята, перекручена, ибо требовалась быстрота, и отмѣтки чернилами на скрещеніяхъ не могли остаться на своихъ мѣстахъ. Что я былъ лично свидѣтелемъ этого явленія, за это я отвѣчаю, а лгуномъ я никогда не былъ. Чѣмъ жъ объяснить? Поневолѣ приходится допустить теорію участія въ нашей жизни невидимыхъ существъ—духовъ.

— Но отчего же, Александръ Михайловичъ, эти духи требуютъ непременно темноты, т. е. условія наиболѣе благоприятнаго для обмана.

— Во-первыхъ—не всегда темноты, чаще всего—полутемноты, а нѣкоторыя явленія даже происходятъ при свѣтѣ; во-вторыхъ—мало ли какія явленія требуютъ отсутствія свѣта, даже часто химическія реакціи, какъ, напримѣръ, проявленіе фотографическихъ пластинокъ. Вообще мы не знаемъ, отчего духи для вторженія въ нашу жизнь требуютъ именно той, а не другой обстановки. Мы знаемъ только, что извѣстная обстановка нужна, а почему—пока этого мы не знаемъ.

— Но позвольте, Александръ Михайловичъ,—предъявилъ я ему свой послѣдній аргументъ, которымъ всегда ставилъ втупикъ спиритовъ.—Если духи дѣйствительно могутъ участвовать въ нашей жизни, то зачѣмъ они проявляютъ себя въ совершенныхъ пустякахъ, въ постукиваніяхъ, шарканьи столовъ, въ разныхъ глупостяхъ, однимъ словомъ, къ числу которыхъ нельзя же не отнести даже прославленную матеріализацію явленій. Если это духи, т. е. существа высшія, отчего они не проявляютъ себя въ чемъ-нибудь серьезномъ, въ чемъ-нибудь такомъ, что служило бы ко благу человѣчества, а не было бы только праздной забавой для людей тоже праздныхъ за рѣдкими исключеніями, какимъ являетесь вы, напримѣръ? Они, какъ духи, какъ высшія существа, должны

были бы проявить себя въ чемъ-нибудь серьезномъ, грандіозномъ, величественномъ.

Я сказалъ и торжествовалъ внутренно, что представилъ аргументъ неопровержимый, и совершенно неожиданно вдругъ слышу:

— Да почему вы думаете, что это непременно высшія существа? Если существуютъ дѣйствительно духи, то между ними, безъ сомнѣнія, есть и существа высшія, но тѣмъ, вѣроятно, нѣтъ никакого дѣла до такой мелкоты, какъ мы, а съ нами приходитъ иногда въ общеніе разная духовная сволочь, тоже мелкота, которая, вѣроятно, существуетъ и въ духовномъ мірѣ. Вотъ она-то, вѣроятно, и забавляется съ нами.

Въ настоящее время такое объясненіе спиритическихъ явленій, кажется, принято всѣми спиритами, но въ виду того, что до разговора съ Александромъ Михайловичемъ хотя я часто принималъ участіе въ болтовнѣ о спиритизмѣ, я ни разу не слышалъ подобнаго простого и оригинальнаго объясненія, полагаю, что авторомъ его былъ именно А. М. Бутлеровъ, быть можетъ, въ первый разъ приведенный указанный аргументъ. И опроверженіе это привело меня просто въ восторгъ своею оригинальностью, простотою и искренною веселостью шуточного тона.

Вообще эта поѣздка, скачка въ степи вперегонку съ извѣстнымъ ученымъ, сцена въ пчельникѣ, красота водопада, а главное обратная поѣздка въ непроглядно-темную ночь, непрерывно озаряемую дальними молніями, оставила во мнѣ впечатлѣніе на всю жизнь и поселила въ душѣ просто влюбленность въ Александра Михайловича. А такъ какъ искренность, несомнѣнно, заразительна, то и Александръ Михайловичъ до конца своей жизни проявлялъ во мнѣ самое симпатичное, смѣю сказать, дружеское расположеніе.

Такъ, проѣздомъ на Кавказъ, на пчельникъ, устроенный имъ вмѣстѣ съ Кондратьевымъ на отведенной для этого казною землѣ по восточному берегу Чернаго моря, онъ остановился въ Ялтѣ, провель со мною нѣсколько дней и совершенно очаровалъ моихъ домашнихъ.

Не могу забыть до сихъ поръ его разговоры съ моею четырнадцатилѣтней дочерью, его объясненій по поводу каждаго цвѣтка, растенія, травки, объясненій, дышавшихъ такой простотою и поэзіей, которыя ярко обрисовывали наблюдателя, влюбленнаго въ природу.

Во время поѣздокъ въ Петербургъ я старался быть возможно частымъ его гостемъ и сдерживалъ себя, чтобы не отнимать времени у занятаго человѣка и не надобѣсть ему своими посѣщеніями.

У него же познакомился, знакомствомъ, впрочемъ, чисто виѣшнимъ, съ молодымъ человѣкомъ высокаго роста, худощавымъ, длинные волосы котораго обрамляли необычайно красивое лицо,

нѣсколько папоминавшее ликъ Спасителя, какимъ рисуютъ его на образахъ. Это былъ Владимиръ Соловьевъ, довольно часто посѣщавшій Александра Михайловича въ числѣ молодыхъ ученыхъ.

Александръ Михайловичъ былъ настолько любезенъ, что, не видя во мнѣ не только спирита, но считая безнадежнымъ скептикомъ, посвящалъ въ свои опыты спиритизма, которые производились совмѣстно съ профессоромъ зоологiи Николаемъ Петровичемъ Вагнеромъ, Александромъ Николаевичемъ Аксаковымъ, полковникомъ Вишняковымъ (моимъ товарищемъ по корпусу) и издателемъ спиритическаго журнала, врачомъ Добронравовымъ, если не ошибаюсь.

Помню сеансы его съ извѣстнымъ медиумомъ Слэдомъ.

Я просилъ позволить мнѣ принять участiе въ одномъ изъ сеансовъ. Александръ Михайловичъ сказалъ, однако, что для проявленiя интересныхъ медиумическихъ явленiй необходимо, чтобы сеансы происходили при одной и той же обстановкѣ. Всякое новое лицо, говорилъ онъ, задерживаетъ успѣхъ проявленiя медиумической силы. Помню, что Слэдъ вызывалъ извѣстные туманные образы, которые тутъ же фотографировалъ полковникъ Вишняковъ. Во время одного изъ сеансовъ, происходившаго днемъ, Александръ Михайловичъ пригласилъ меня сидѣть въ сосѣдней комнатѣ и по окончанiи сеанса тотчасъ же вышелъ ко мнѣ и рассказалъ слѣдующее.

— Мы купили совершенно новыя двѣ аспидныя доски, положили между ними кусочекъ грифеля и свинтили доски между собою; замѣтите—свинтили, такъ что ихъ быстро разъединить было невозможно. Слэдъ просилъ задумать какое-нибудь слово въ англiйской книжкѣ. У доктора Добронравова (кажется, не ошибаюсь въ его фамилии) была памятная книжка на англiйскомъ языкѣ въ карманѣ. Предложили Слэду написать пятое, кажется, слово, находящееся на такой-то страницѣ, въ такой-то строкѣ. Въ комнатѣ шторы и занавѣсы были опущены и было почти совершенно темно. Слэдъ, участвуя въ цѣпи, взялъ аспидныя доски, положилъ ихъ мнѣ на плечо, и я ясно слышалъ, какъ грифельъ, помѣщенный между досками, началъ писать. Когда освѣтили комнату и развинтили доски, то на одной изъ нихъ было написано по-англiйски: «это слово двойное—зеркальное стекло», раскрыли книжку, на той же страницѣ и въ той же строкѣ оказалось дѣйствительно пятымъ словомъ «зеркальное стекло»¹⁾.

— Ну, чѣмъ вы объясните это?—говорилъ Александръ Михайловичъ со свойственнымъ ему оживленiемъ.

¹⁾ Быть можетъ, память измѣнила мнѣ и слово оказалось не «зеркальнымъ стекломъ», но «стекломъ»—это помню точно. Конечно, и слово въ строкѣ, быть можетъ, было не пятое, а третье, четвертое или какое-либо другое.

Опъ передавалъ мнѣ также другія проявленія медиумической силы Слѣда и другихъ медиумовъ, но тѣ какъ-то сгладились изъ моей памяти, а рассказанныя выше передаю почти съ дословностью. Спиритомъ, тѣмъ не менѣе, я не сдѣлася—очень ужъ у меня изменная натура, склонная вѣрить лишь въ то, что могу себѣ объяснить.

Прихожу разъ къ Александру Михайловичу и вижу его хромающимъ.

— Что это съ вами?

— Да вотъ разставлялъ у себя книги на верхней полкѣ и какъ-то соскочилъ неловко. Разболѣлась нога и распухла въ колѣнѣ.

— Покажите, пожалуйста. Вѣдь я изъ-за такой же гадости проходилъ на костыляхъ два года, и даже самъ Пироговъ, какъ и Лангенбекъ, приговорили меня къ вѣчному хожденію на костыляхъ.

У Александра Михайловича оказалось такъ же, какъ и у меня, хроническое воспаленіе синовиальной сумки.

Во время болѣзни своей я заказалъ за границей воздушную гуттаперчевую подушечку по составленному мною чертежу, которую забинтовывалъ на больномъ колѣнѣ, и она приносила мнѣ большое облегченіе и пользу. Я привезъ Александру Михайловичу эту подушечку и порекомендовалъ прибѣгнуть къ массажу, который поставилъ на ноги меня самого.

Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ надо было покинуть Петербургъ.

Спрашивалъ изъ Ялты Александра Михайловича объ его здоровьи, получилъ отвѣтъ, что дѣло идетъ хорошо. И вдругъ совершенно неожиданно читаю лѣтомъ телеграмму, что Александръ Михайловичъ Бутлеровъ внезапно скончался. Узналъ впоследствии, что онъ совѣмъ было поправился, но поѣхалъ въ свое казанское имѣніе и по живости своей натуры сталъ неумѣренно пользоваться своей, еще не вполне здоровой ногой. Возвратился разъ домой послѣ довольно продолжительной прогулки, сѣлъ и умеръ: сгустокъ крови отдѣлился отъ больного колѣна и попалъ въ сердце.

Это было въ 1886 году. Почти одновременно, нѣсколько позднѣе, умеръ, также внезапно, мой единственный братъ, и я не скажу, чтобы смерть его огорчила меня болѣе, чѣмъ извѣстіе о кончинѣ Александра Михайловича. Правда, братъ, сжигавшій себя со всѣхъ четырехъ концовъ, представлялъ ко дню своей смерти уже развалину, какъ въ физическомъ, такъ частью и въ нравственномъ смыслѣ. Александръ же Михайловичъ до послѣдняго дня оставался полнымъ жизни, энергій, физическихъ силъ и огромной силы умственной. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человекомъ совѣмъ молодымъ, хотя переступилъ за вторую половину пятаго десятка, и наука, какъ и Россія, имѣли право ждать отъ него еще многого, очень многого. Но и того, что имъ сдѣлано,

было для науки и по службѣ родному краю вполне достаточно, чтобы составить гордость всякой націи. И между тѣмъ онъ совершенно забытъ, и самое имя его извѣстно едва ли не только среди пчеловодовъ, и никто даже рѣчи не возбуждаетъ о постановкѣ хотя бы самага скромнаго памятника этому превосходному, безупречному и выдающемуся человѣку, хотя бы въ той же родной ему и любимой имъ Казани. У насъ вѣдь такихъ людей много—хоть прудъ пруди ими!

А. Витмеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДАВНІЕ ЭПИЗОДЫ.

VIII. Воспитатель Пушкина

I.

АДЫ лица» всегда будут пробуждать самыя сладкія и высокія чувства, такъ какъ въ нихъ нѣкогда «безмятежно процвѣталь» величайшій русскій поэтъ и писатель.

Лицейскія стихотворенія Пушкина! Есть особая грація и прелесть въ этихъ небрежныхъ строфахъ пробуждающагося гения. Эти стихотворенія, по замѣчанію Шевырева, замѣняютъ намъ записки о юности Пушкина. Здѣсь, въ его пѣсняхъ и сердечныхъ дружескихъ изліяніяхъ можно видѣть, какъ буйно, шумно и весело она развивалась. Какой свободный разгулъ во всѣхъ ея успѣхахъ и шалостяхъ! Но вѣдь эти шалости совершались въ Царскомъ Селѣ, въ паркахъ, подъ окнами дворца, такъ сказать, въ постоянномъ «высочайшемъ присутствіи». Правда, тутъ недалеко былъ и Баболовскій уединенный домъ, мѣсто «шалостей» самого Александра Павловича, но тѣмъ опаснѣе были увлеченія юноши-поэта, въ жилахъ котораго бродила и бурлила знойная африканская кровь. Къ хмелю страстей присоединился и хмель свободы, и мы знаемъ, къ какимъ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ это повело. Но, перелистывая поэтическіе анналы лицейской жизни Пушкина, встрѣчая отзвуки его «шалостей», замѣчаемъ мы, что постоянно надъ нимъ бдитъ и всѣми силами его охраняетъ нѣкто.

Это—директоръ лица сь 1815-го года Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

Вотъ мы читаемъ граціозное воспоминаніе поэта о пирушкѣ, учиненной дерзновенно въ самомъ зданіи лица, то есть вѣдь въ императорскомъ дворцѣ, при чемъ все нужное, спиртное и сладкое, для «гогель-могеля» доставлено было служителемъ *Θомой*, котораго за то и прогнали.

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
 Какъ въ отрадной тишинѣ
 Мы топили горе наше
 Въ чистомъ, пѣннстомъ винѣ?
 Какъ, укрывшись молчаливо
 Въ нашемъ темномъ уголѣ,
 Сь Ваххомъ нѣжились лѣнливо
 Школьной стражи вдалькѣ?...
 Вдругъ педанта гласъ ужасной
 Намъ послышался вдали—
 И бутылки въ мигъ разбиты,
 И бокалы всѣ въ окно,
 Всюду по полу разлиты
 Пуншъ и свѣтлое вино.
 Убѣгаемъ торопливо...

Послѣдствія этой пирушки были весьма серьезны. Начальство доложило о ней министру. Министръ самолично сдѣлалъ строжайшій выговоръ Пушкину, Пущину и прочимъ. Конференція лица постановила: двѣ недѣли за утренней и вечерней молитвою держать виновныхъ на колѣняхъ, смѣстить на послѣднія мѣста за столомъ и занести фамиліи въ черную книгу. Вотъ послѣднее-то и было ужасно и могло оставить слѣдъ на всю жизнь. Директоръ Энгельгардтъ защитилъ юныхъ повѣсь, и записи въ грозную «черную книгу» не состоялось.

Перелистываемъ далѣе лицейскія пѣсни Пушкина и встрѣчаемъ граціозные куплеты къ Наташѣ, горничной княжны Волконской:

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
 Улетаютъ ясны дни,
 Стелется туманъ ненастной...
 Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
 Что никто тебя не зреть?

И тутъ же французская эпиграмма на госпожу Наташи, старую княжну Варвару Михайловну Волконскую, которую Пушкинъ поцѣловалъ въ темномъ коридорѣ вмѣсто ея горничной Наташи:

On peut très bien, mademoiselle,
 Vous prendre pour une maquerelle,
 Ou pour une vieille guenon:
 Mais pour une Grâce—oh, mon Dieu, non.

Княжна—за поцѣлуй или за эпиграмму? вотъ вопросъ!—пожаловалась своему брату, министру двора. Министръ доложилъ государю. Государь объявилъ свое неудовольствіе директору лицея Энгельгардту.

Что же Энгельгардтъ?

Онъ отвѣчалъ, что Пушкинъ самъ искалъ случая принести повинную государю и просить разрѣшенія письменно извиниться передъ княжной.

Государь успокоился и, улыбаясь, замѣтилъ: «La vielle est peut-être enantée de la méprise du jeune homme, entre nous soit dit».

Но вотъ шалости поэта начинаютъ задѣвать самого директора и наконецъ... самого государя. Энгельгардтъ, по вступленіи въ директорство лицея, кромѣ приема лицеистовъ у себя въ домѣ, разрѣшилъ имъ посѣщать въ Царскомъ Селѣ нѣкоторые семейные дома. Между таковыми были между собой родственные—Вельо, Сѣвериной и барона Тенпера-де-Фергюсона, котораго Энгельгардтъ по старинной дружбѣ опредѣлилъ учителемъ музыки и пѣнія въ лицей.

Государь часто посѣщалъ домъ госпожи Вельо, жены банкира барона Вельо, имѣвшей прелестную дочь Sophie. Лицеисты пѣвали хоромъ на балконѣ директора и, хотя балконъ задернуть парусиной, всегда узнавали черезъ своихъ соглядатаевъ близость государя и тотчасъ начинали пѣть: «Боже, Царя храни!» съ строфами сочиненія Пушкина.

Очень хорошо. Но вотъ въ семействѣ директора Энгельгардта появляется миловидная, остроумная молоденькая вдовушка, только что лишившаяся мужа, Марія Смитъ. Пушкинъ, конечно, начинаетъ за ней волочиться и, величая Лилой, пишетъ самые дерзкіе стихи «къ молодой вдовѣ»:

Лиля, другъ мой неизмѣнный!
Почему, сквозь легкій сонъ,
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда стораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
О, безцѣнная подруга!
Все ли слезы проливать?
Все ли мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?

Пушкинъ вручаетъ эти стихи г-жѣ Смитъ. Та обидѣлась и показала ихъ Энгельгардту. Директоръ крайне огорчился, что юноша, за котораго онъ столь часто заступался, платитъ ему такой дерзостью, и охладѣлъ къ Пушкину. А тутъ еще Пушкинъ, встрѣтивъ

дѣвицу баронессу Софію Вельо съ гувернанткой, направляющуюся къ Баболовскому дворцу, разрѣшается четверостишіемъ:

Прекрасная! пускай восторгомъ насладится
 Въ твоихъ объятіяхъ Россійскій полубогъ.
 Что съ участіемъ твоей сравнится?
 Весь міръ у ногъ его—здѣсь у твоихъ онъ ногъ...

Дальше—хуже и хуже... наконецъ эпитаграмма на Аракчеева и ода «Вольность», уже по выходѣ изъ лица, ставятъ Пушкина на край гибели. И опять старый директоръ отводитъ грозу отъ курчавой головы поэта, забывъ нанесенное имъ въ его домѣ оскорбленіе стихами прелестной Лилѣ...

Пора рассказать, кто былъ директоръ Энгельгардтъ.

II.

Георгъ-Рейнгольдъ-Густавъ, по-русски Егоръ Антоновичъ, Энгельгардтъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ ордена Іоанна Іерусалимскаго, директоръ царскосельскаго лицея и педагогическаго института, родился 12-го августа 1775 г., умеръ 15-го января 1862 г., въ Петербургѣ, слѣдовательно, 87 лѣтъ отъ роду. Женатъ былъ съ 11 ноября 1800 г. на Августѣ-Маріи, рожденной Витекеръ, вдовѣ ст. сов. Гана, которая родилась 8 февраля 1778 г., а умерла 13 февраля 1858 г., то-есть восьмидесяти лѣтъ отъ роду; такимъ образомъ, семейное счастье этой удивительной четы, счастье совершенно безоблачное, длилось ровно 58 лѣтъ, и мужъ пережилъ жену лишь четырьмя годами, которые прошли въ неутѣшномъ плачѣ о почившей прелестной...

Братъ Егора Антоновича русскаго прозванія не получилъ, а оставался всю жизнь Христофоромъ-Фридрихомъ. Онъ былъ подполковникъ и генеральсъ-адъютантъ князя Потемкина, а при отставкѣ въ 1795 г.—бригадиръ. Ему принадлежало вотчинное имѣніе Энгельгардтсгофъ въ Лифляндіи съ развалинами древняго замка, построеннаго Гансомъ Энгельгардтомъ въ 1496 году и сожженнаго воеводою Курбскимъ въ первую Ливонскую войну въ 1558 году. Онъ родился 19 марта 1762 г., а умеръ въ Петербургѣ 29 іюня 1831 г.; женатъ былъ съ 1796 г. на Елизаветѣ-Каролинѣ де-Ришаръ (род. 1769; ум. 30 августа 1819 г.). У братьевъ была и сестра—Каролина-Амалия Энгельгардтъ (род. 1764 г., умерла 1824 г.), съ 20 октября 1785 г. состоявшая въ законномъ бракѣ съ майоромъ Николаемъ Максимовичемъ Походяшинымъ. Такимъ образомъ, два брата и сестра еще при императрицѣ Екатеринѣ принадлежали къ двору свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина и его знаменитыхъ красавицъ-племянницъ, рожденныхъ Энгельгардтъ, по смоленской вѣтви.

Отець Егора Антоновича Энгельгардта былъ Антошъ-Іоаннъ или по-русски Антонъ Владимировичъ Энгельгардтъ; съ воцареніемъ императрицы Екатерины пріѣхалъ онъ въ Петербургъ въ 1767 году и ему ввѣрена была должность директора генеральной экономіи Лифляндіи, такъ что онъ былъ—*der Lievländische General-Oeconomie Director*. Съ 1758 г. былъ онъ женатъ на Христинѣ-Беатѣ-ди-Приауда (род. 1736 г., умерла 1801 г.)—фамилія, происходившая отъ *nobile di Venezia*. Въ жилахъ Егора Антоновича Энгельгардта текла нѣмецко-венеціанская кровь, что создало ему въ высшей степени гармоничный характеръ. Скончался отецъ Егора Антоновича Энгельгардта въ 1808 году, 79 лѣтъ отъ роду.

Замѣтимъ, что дѣдъ Егора Антоновича былъ Вольдемаръ-Рейнгольдъ Энгельгардтъ, одинъ изъ семи братьевъ, служившихъ въ шведской службѣ и сражавшихся на Полтавскомъ полѣ подъ знаменами Карла XII. Всѣ они были взяты въ плѣнъ, и Петръ Великій, не въ примѣръ прочимъ плѣнникамъ, имъ обласканнымъ, сослалъ этихъ семерыхъ братьевъ въ Сибирь, гдѣ они пребыли до 1722 года.

Основаніе воспитанія Егора Антоновича Энгельгардта положила его умная, высоко-образованная мать Христина-Беата. Лѣтъ восьми онъ отданъ былъ въ славившійся въ то время въ Петербургѣ дѣвичій пансіонъ сестеръ Бардевиговъ.

Въ этомъ пансіонѣ были преподавателями просвѣщеннѣйшіе люди—Крафтъ, академики Шторхъ, Буссе и многіе другіе.

Мальчикъ дѣлалъ быстрые успѣхи, въ особенности въ познаніи языковъ.

По истеченіи восьми лѣтъ онъ возвратился въ родительскій домъ, гдѣ подъ руководствомъ учителей занимался математикою и латинскимъ языкомъ.

Школьная привычка находится постоянно въ изящномъ образованномъ женскомъ обществѣ, а въ родительскомъ домѣ ежедневное общеніе съ высокообразованными и учеными людьми—были причиною, что молодой человекъ постоянно уклонялся отъ общества холостой молодежи и всегда предпочиталъ проводить свободное отъ занятій время или съ учеными людьми, или въ лучшемъ женскомъ обществѣ. Потому-то обладалъ онъ въ высшей степени тѣмъ, что французы называютъ: *fine fleur de politesse*.

Егоръ Антоновичъ, по обычаю той эпохи, пятилѣтнимъ еще ребенкомъ въ 1780 г. былъ зачисленъ сержантомъ въ гвардію, а шестнадцати лѣтъ поступилъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Въ продолженіе одного года онъ находился при князѣ Потемкинѣ ординарцемъ и участвовалъ въ распоряженіяхъ извѣстнаго праздника, устроеннаго свѣтлѣйшимъ въ Таврическомъ его домѣ.

Въ 1798 году онъ былъ посланъ курьеромъ съ дипломатическими депешами въ Вѣну. Въ 1795 г. произведенъ въ Смоленскій драгу-

скій полкъ капитаномъ и прикомандированъ къ канцеляріи князя Зубова.

Находясь при Потемкинѣ, а потомъ при Зубовѣ, онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія великой Екатерины.

По восшествіи на престолъ императора Павла Перваго, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ перешелъ въ гражданскую службу.

III.

Сначала онъ поступилъ въ канцелярію вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина.

По удаленіи Куракина отъ дѣлъ находился при графѣ Литта, супругѣ племянницы Потемкина Екатерины Васильевны, рожденной Энгельгардтъ.

Графъ Юлій Помпеевичъ Литта—главное лицо по доставленію Мальтійскому ордену покровительства императора Павла Перваго.

По второму раздѣлу Польши Волынь досталась Россіи, а съ нею имѣнія князя Януша Острожскаго, которыя, по его завѣщанію, по пресѣченіи этой фамиліи должны были перейти въ собственность мальтійскихъ кавалеровъ. Фамилія и пресѣклась, по началась тяжба.

Тогда магистръ ордена Роганъ началъ хлопотать предъ императрицей Екатериной о передачѣ имѣній ордену. Для сихъ сношеній полномочнымъ министромъ ордена при русскомъ дворѣ былъ избранъ балъи графъ Литта, находившійся уже въ русской службѣ контръ-адмираломъ. Но лишь при Павлѣ Петровичѣ, съ дѣтства увлекавшемся Мальтійскимъ орденомъ, въ 1797 г. была заключена конвенція между княземъ Безбородкомъ и княземъ Куракинымъ и балъи графомъ Литтою.

Державный орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, основанный еще въ одиннадцатомъ столѣтіи, раздѣлялся на восемь языковъ, или націй.

Кавалеры большого креста, командоры и простые кавалеры одного государства составляли отдѣльный языкъ ордена. Собраніе одного языка образовало великое пріорство того же государства и получало отъ него содержаніе; представители ихъ, по одному отъ каждаго, составляли капитуль, который вмѣстѣ съ великимъ магистромъ участвовалъ въ управленіи орденомъ.

Каждое великое пріорство распадалось на нѣсколько пріорствъ, или пріоратовъ, пріорства на бальяжства, а эти послѣднія на командорства; имъ принадлежали три разряда недвижимыхъ, частью обширныхъ и богатыхъ владѣній, которыя находились въ разныхъ странахъ и которыми завѣдывали пріоры, балъи и командоры. Во время французской революціи этотъ орденъ, вмѣщавшій въ себѣ древнѣйшіе дворянскіе роды почти всей Европы, оставался оплотомъ аристократизма. По русской конвенціи 1797 г., вмѣсто польскаго

великаго пріорства и 6 командорствъ возникло великое пріорство русское (россійско-католическое) съ 10 командорствами, а ежегодный доходъ въ 120,000 злотыхъ, ассигнованный ордену съ польскихъ имѣній, былъ возвышенъ до 300,000 злотыхъ.

Графъ Литта, теперь уже въ званіи чрезвычайнаго посла ордена, имѣлъ 27 ноября 1797 г. торжественный въѣздъ въ столицу, а 29-го публичную аудіенцію, на которой поднесъ Павлу Петровичу титулъ протектора и знаки Мальтійскаго ордена для него и всѣхъ особъ царскаго семейства, для Безбородка и Куракина. Въ Тронной залѣ императоръ Павелъ посвятилъ въ мальтійскіе рыцари великихъ князей тремя ударами меча по плечамъ. Скоро, кромѣ россійско-католическаго пріорства, было еще учреждено великое греко-россійское пріорство, его великимъ пріоромъ назначенъ былъ цесаревичъ Александръ Павловичъ. Въ 1798 г. императоръ Павелъ принялъ званіе магистра ордена.

Составленъ былъ верховный священный совѣтъ, въ которомъ засѣдали великій князь Александръ Павловичъ, графъ Салтыковъ, князь Лопухинъ, графъ Растопчинъ и др. Образованъ былъ дворъ по штату прежняго двора великаго магистра съ великимъ сенескаломъ (Нарышкинъ), призрителемъ бѣдныхъ (архіепископъ Амвросій) и др. Мальтійскій гербъ, включенный въ государственный, появился надъ всѣми казенными зданіями. Въ зданіи, которое служило замкомъ мальтійскихъ рыцарей—нынѣшній пажескій корпусъ—была устроена католическая церковь во имя св. Іоанна Крестителя. Она состояла въ завѣдываніи графа Литты до самой смерти его.

Торжественно было принятіе Павломъ званія магистра ордена въ Тронной Зимняго Дворца. Всѣ наличные мальтійскіе кавалеры, предводимые графомъ Юліемъ Помпеевичемъ, были въ мантияхъ съ бѣлыми крестами и въ шляхахъ. Императоръ въ черной бархатной мантии, подбитой горностаемъ, сидѣлъ на тронѣ. По ступенямъ члены синода и сената. Кругомъ толпы придворныхъ. На хорахъ—дамы въ древнихъ нарядахъ прабабокъ съ фижбейнами. По улицамъ ряды войскъ. Державинъ все это изобразилъ въ великолѣпной одѣ, а самое приближеніе къ трону графа Юлія Помпеевича Литты описать такъ:

Кто сей, предъ важнымъ симъ соборомъ,
 Въ благоговѣйной тишинѣ,
 Предсталъ съ унылымъ, кроткимъ взоромъ?..
 И такъ вѣщаль:
 «Безвѣрья гидра проявилась:
 Родилъ ее, взлелѣялъ Галль!
 Въ груди его, въ душѣ веселилась,
 И весь чудовищемъ онъ сталъ!
 Нѣтъ добродѣтели священной,
 Нѣтъ твердыхъ ей броней, щитовъ,
 Не стало рыцарствъ во вселенной!..

IV.

Графъ Литта получилъ командорство, а братъ его, кардиналъ Литта, должность папскаго нунція при дворѣ Павла Перваго. Графъ Юлій Помпеевичъ испросилъ у папы и разрѣшеніе жениться на вдовѣ Скавронской, Екатеринѣ Васильевнѣ, рожденной Энгельгардтъ, племянницѣ Потемкина, вопреки орденскому обѣту безбрачія. Но въ концѣ царствованія Павла Петровича онъ утратилъ свое значеніе по проискамъ графа Ростопчина, великаго канцлера Мальтійскаго ордена. Однако служившій при графѣ Литта Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ остался завѣдывать церемоніальными дѣлами ордепа. Въ апрѣлѣ 1799 г., онъ былъ опредѣленъ секретаремъ великаго магистра Мальтійскаго ордена, то есть самого императора Павла. По этому случаю государь лично исполнилъ надъ нимъ обрядъ сопричисленія къ ордену и собственноручно возложилъ на него командорскіе знаки св. Іоанна Іерусалимскаго.

Вскорѣ, однако, и Егору Антоновичу довелось испытать на себѣ характеръ Павла Петровича.

Однажды императоръ, потребовавъ къ себѣ Энгельгардта, приказалъ ему заказать у ювелира мальтійскій крестъ, по модели, собственноручно имъ вырѣзанной изъ пергамента, и присовокупилъ: «Когда крестъ будетъ сдѣланъ, отнеси его графу Салтыкову и скажи ему, чтобы онъ его возложилъ на себя и явился ко мнѣ».

Энгельгардтъ немедленно принялся за исполненіе приказанія государя; но, видя, что размѣръ модели до безобразія великъ, приказалъ ювелиру сдѣлать крестъ немного поменьше.

Когда крестъ былъ готовъ, Энгельгардтъ отнесъ его къ князю Салтыкову, передавъ ему повелѣніе государя.

Вскорѣ послѣ свиданія съ Салтыковымъ онъ получилъ отъ него записку слѣдующаго содержанія:

«Sa Majesté l'Empereur, en voyant la nouvelle croix, soudain a été pris d'une colère indéscribable!.. Il me l'a arrachée et l'a jetée à terre!.. J'ai cru remarquer que Sa Majesté soupçonne que la croix a été faite trop grande, dans l'intention de la ridiculiser. Je vous plains de tout mon coeur!»

То-есть: «Его величество государь императоръ, увидавъ новый крестъ, пришелъ въ неописуемый гнѣвъ! Онъ сорвалъ его съ меня и швырнулъ на землю... Я имѣю основаніе предполагать, что его величество подозрѣваетъ, что крестъ сдѣланъ столь большнхъ размѣровъ съ тою пѣлью, чтобы надъ нимъ насмѣяться; жалѣю васъ отъ всего моего сердца!»

Получить подобную записку въ царствованіе императора Павла Петровича значило то же самое, что получить смертнй приговоръ. Ужасъ объялъ несчастнаго секретаря магистра Мальтійскаго ор-

дена. Онъ понималъ, что не понравившійся крестъ является крестомъ на всей его служебной карьерѣ, что онъ впалъ въ немилость, что будетъ немедленно отставленъ отъ должности; но онъ страшился еще худшаго. Послѣ подобной записки ежеминутно долженъ былъ онъ ожидать фельдъегеря, который его отвезетъ въ крѣпость или куда подальше.

Торопливо сообщилъ онъ женѣ своей, на которой только что женился, о постигшемъ его несчастіи, сказалъ, что плакать и тужить не время, отдалъ необходимѣйшія распоряженія на случай, ежели не вернется, предалъ себя въ руки Провидѣнія и сталъ ожидать фельдъегеря.

Дѣйствительно, вскорѣ фельдъегерь явился и, взявъ его, отвезъ прямо къ государю въ «загородный», Михайловскій замокъ.

Энгельгардтъ, какъ ни былъ перепуганъ, однако не забылъ взять съ собою модель креста изъ пергамента, данную ему Павломъ Петровичемъ.

Въ состояніи холоднаго ужаса, видя предъ собою неминуемую гибель, съ страннымъ чувствомъ бреда наяву въѣхалъ Энгельгардтъ на длинную аллею столѣтнихъ липъ, ведущихъ ко дворцу, и въ просвѣтѣ деревьевъ увидѣлъ и павильоны по бокамъ, и «коннетабль»—площадь предъ замкомъ, съ тяжелой массой коня и бронзоваго всадника на немъ, черно-желто-бѣлыя рогатки, будки, вознесенный на цѣпяхъ подъемный мостъ; мѣдныя, зіяющія жерлами пушки и мрачную, красную громаду дворца, сверкавшего безчисленными окнами.

Яркій закатъ поздней осени разгорался на небѣ. Сгая воронъ, собираясь на ночлегъ, съ громкимъ карканьемъ носилась надъ замкомъ. Тонко тинькалъ колоколь въ замковой церкви во имя архангела Михаила, въ кордегардіи били барабаны и слышался протяжный крикъ команды. Вотъ загрохотали цѣпи, и подъемный мостъ опустился. Повозка съ безмолвнымъ фельдъегеремъ и помертвѣлымъ Энгельгардтомъ прогремѣла по мосту, и гулкая пасть воротъ замка поглотила ее...

Прости, свобода, честь, счастье жизни, молодая жена!

Энгельгардту показалось, что вмѣсто золотой надписи на фронтонѣ замка:

«Дому Твоему подобаеть святыня Господня въ долготу дней!»—тамъ сверкаетъ надпись Дантова ада: «Оставь надежду навсегда всякъ, сюда входящій».

V.

Въ пріемной императора находились графъ Кутайсовъ, Обольяниновъ и графъ Палень. Этотъ послѣдній, будучи въ родствѣ съ тещей Энгельгардта, сказалъ ему:

— Что ты, братецъ, напроказилъ? Государь въ такомъ гнѣвѣ, что мнѣ съ докладомъ къ нему итти нельзя! Жаль мнѣ тебя. Плохо тебѣ будетъ! Ступай. Государь тебя ждетъ.

Зловѣщее предисловіе! Но, не зная за собою никакой вины, Энгельгардтъ набрался силы духа и довольно бодро вошелъ въ царскій кабинетъ.

Первое, что ему бросилось въ глаза, былъ разбитый крестъ, лежавшій на письменномъ столѣ.

Самого Павла Петровича не было въ кабинетѣ; по слышны были его быстрые шаги въ сосѣдней комнатѣ, а также стукъ трости и громкое дыханіе.

Но вотъ приближаются шаги, и явился государь Павелъ Петровичъ со шляпою на головѣ, въ большихъ перчаткахъ и съ тростью въ рукѣ. Сердце замерло у Энгельгардта; онъ съ трепетомъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

Государь въ продолженіе десяти минутъ, въ пылу страшнаго гнѣва, высказалъ ему самый ужасающій спичъ, котораго послѣднія слова были:

— Размозжу! Размозжу!

Энгельгардтъ стоялъ, какъ вкопанный, съ попякшей головой, не смѣя на государя взглянуть, потому что Павелъ Петровичъ считалъ дерзкимъ того, кто ему прямо глядѣлъ въ глаза.

— Что же вы молчите?! Отвѣчайте! отвѣчайте!—сказалъ государь.

— Если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ милостиво выслушать меня, то всеподданнѣйше осмѣлюсь донести, что я, по крайнему моему усердію и разумнѣію, въ точности исполнилъ повелѣніе вашего императорскаго величества!

— А! Вотъ какъ! Это значить, что я не правъ, что я виноватъ?—возразилъ государь, и за симъ воспослѣдовалъ второй спичъ, но въ болѣе умѣренномъ тонѣ, который онъ кончилъ словами:

— Докажите! Докажите! Вы головой мнѣ отвѣтите!

Взвукъ шведской службы капитана, съ Полтавскаго поля отправленнаго прадѣдомъ императора, Петромъ Великимъ, въ Сибирь, подавая правнуку Преобразователя пергаментную модель, сказалъ ему:

— Вотъ модель, данная мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ; не благоугодно ли будетъ сложить ее съ крестомъ?

Государь, взявъ модель, сталъ своеручно сличать, и, убѣдясь, что крестъ не только не болѣе, но даже нѣсколько менѣе модели, бросилъ модель, снялъ шляпу и перчатки, отложилъ трость и, сильно отдуваясь, подошелъ къ окну и сталъ по стеклу пальцами постукивать любимый маршъ...

Спустя нѣсколько минутъ, онъ обратился къ Энгельгардту съ яснымъ взоромъ и милостивымъ выраженіемъ лица.

— Я виновать!—сказаль опѣ. *Venez embrassez-moi en frère d'armes!*

Энгельгардтъ, вслѣдствіе этого всемилостивѣйшаго призыва, хотѣль поцѣловать царскую руку, но когда государь повторилъ:

— *Embrassez-moi, vous dis-je!* — опѣ, съ подобающимъ смиреніемъ, поцѣловаль его въ плечо.

— Садись!—сказаль, садясь на диванъ, государь:—я вижу, что ты наше дѣло хорошо знаешь! Садись!—повторилъ государь, видя, что Энгельгардтъ не рѣшается сѣсть:—потолкуемъ о нашихъ орденскихъ дѣлахъ. Энгельгардтъ сѣлъ, и около получасу государь такъ милостиво и ласково съ нимъ разговариваль, что впослѣдствіи, рассказывая объ этомъ событіи, Егоръ Антоновичъ заключаль его такъ:

— Я за Павла Петровича въ огонь и воду радъ былъ итти!

VI.

Однако жить было жутко.

Государь, узнавъ, что курфюрстъ баварскій завладѣль землями, принадлежащими Мальтійскому ордену, пришелъ въ ужасающее негодованіе. Дано было знатъ посланнику баварскаго курфюрста, что государь немедленно требуетъ его къ себѣ. Посланникъ поспѣшно поѣхаль во дворець и тотчасъ былъ допущенъ въ кабинетъ государя.

Павель Петровичъ обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью:

«*Monsieur le ministre! Votre maître est un insolant! Il s'est avisé de s'emparée des terres et des propriétés de l'ordre de S-t Jean de Jérusalem, dont je suis le Grand-Maître! Partez aujourd'hui même pour la Bavière et dites de ma part à votre maître, que si dans un mois, à partir d'aujourd'hui, je n'ai pas sur cette affaire une satisfaction complete, le général Korsakoff, qui est dans son voisinage avec 50 m. hommes, recevra l'ordre de mettre la Bavière à feu et à sang! Allez, monsieur! Et pressez vous!*»

То-есть: «Господинъ министр! вашъ повелитель—наглець! Онъ осмѣлился завладѣть землями и собственностью ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, котораго я гросмейстеръ! Отправляйтесь сегодня же въ Баварію и скажите отъ моего лица вашему господину, что ежели черезъ мѣсяць, считая отъ сего дня, я по сему дѣлу не получу полнаго удовлетворенія, генераль Корсаковъ, находящійся въ его сосѣдствѣ съ 50-ю тысячами войска, получить приказаніе залить Баварію кровью и огнемъ! Ступайте, сударь! И торопитесь!»

Напуганный до полусмерти посланникъ былъ тѣмъ болѣе въ отчаяніи, что вовсе не былъ готовъ къ подобной внезапной и дальней поѣздкѣ. Онъ поспѣшно отправился домой. Выходя изъ кареты, онъ встрѣтился съ Энгельгардтомъ, который, видя его блѣднымъ и разстроенымъ, спросилъ его, не боленъ ли онъ.

— Прошу васъ пожаловать ко мнѣ, я имѣю крайнюю надобность съ вами побесѣдовать по самому важному дѣлу,—возразилъ посланникъ, и, войдя въ квартиру, разсказалъ въ подробности все, съ чѣмъ случившееся, и что, не имѣя ни денегъ, ни дорожной кареты, не знаетъ, что ему дѣлать.

Энгельгардтъ ему замѣтилъ, что ежели государь въ вечернемъ рапортѣ не увидитъ его имени между выѣхавшими изъ Петербурга, то пошлетъ его съ фельдъегеремъ, пожалуй, даже въ противоположную сторону, какъ ослушника его воли.

— Впрочемъ, не унывайте,—присовокупилъ Энгельгардтъ:—прикажете приготовить все необходимое для вашего отъѣзда, а я надѣюсь достать вамъ и денегъ, и карету.

Энгельгардтъ обратился къ англійскимъ банкирамъ, которые были въ дѣловыхъ связяхъ съ тестемъ его, англичаниномъ Витекеромъ.

Вскорѣ были доставлены деньги, карета и почтовые лошади.

Такимъ образомъ, оторопѣлый дипломатъ благополучно выѣхалъ изъ Петербурга до вечерней зари.

Въ назначенный срокъ посланникъ возвратился въ Петербургъ съ собственноручнымъ письмомъ Максимилиана-Иосифа къ Павлу Первому. Курфюрстъ смиренно просилъ императора принять земли и имущество Мальтійскаго ордена подъ его высокое покровительство.

Посланникъ также привезъ богатую золотую табакерку съ брилльянтовымъ вензелемъ Максимилиана-Иосифа для подарка Энгельгардту отъ курфюрста. Въ память этого событія Энгельгардтъ второму своему сыну далъ имя Максимилиана.

VII.

Цесаревичъ Александръ Павловичъ обязанъ былъ присутствовать въ капитулѣ Мальтійскаго ордена при всѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ предсѣдательствовалъ его отецъ.

Наслѣдникъ, однако, не имѣлъ точнаго понятія о дѣлахъ ордена. Поэтому, когда Павелъ Петровичъ требовалъ его мнѣнія о какихъ-либо формальностяхъ мальтійскихъ операцій, Александръ Павловичъ всегда былъ въ большомъ затрудненіи и не зналъ, какъ отвѣтить родителю.

Павелъ Петровичъ, конечно, былъ этимъ недоволенъ.

Докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ ордена въ званіи секретаря великаго магистра былъ Егоръ Антоновичъ.

Онъ зналъ орденскіе статуты въ совершенствѣ и, желая выручить цесаревича изъ неловкаго положенія и избавить отъ неприятныхъ замѣчаній и неудовольствія вспылчиваго родителя, онъ испросилъ у Александра позволеніе представлять ему, наканунѣ каждаго засѣданія краткую записку о предстоящихъ къ разрѣшенію дѣлахъ.

Въ этой запискѣ по каждому дѣлу изложено было мнѣніе, основанное на подходящихъ къ дѣлу статьяxъ и параграфaxъ орденскаго статута.

Это предложеніе Энгельгардта наслѣдникъ принялъ съ благодарностью.

Въ первое же засѣданіе капитула ордена государь, выслушавъ докладъ секретаря, вновь обратился къ наслѣднику съ вопросомъ:

— Какое ваше мнѣніе по этому важному дѣлу?—И, получивъ весьма удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— На чемъ основываете ваше мнѣніе?

— На такомъ-то параграфѣ такой-то статьи, ваше величество!

— А что въ этомъ параграфѣ сказано?—возразилъ Павелъ Петровичъ, все больше и больше удивляясь премудрости, оказавшейся въ юномъ великомъ князѣ.

Наслѣдникъ прочелъ весь параграфъ орденскаго статута назусть.

Это тронуло Павла Петровича, влюбленнаго въ свой рыцарскій орденъ, до умиленія. Онъ всталъ, обнялъ съ нѣжностью смущеннаго и краснѣющаго юношу и сказалъ ему:

— Je reconnais en vous mon sang! Vous êtes mon digne fils! (Я въ васъ узнаю мою кровь. Вы мой достойный сынъ).

Трудно, конечно, понять, почему знаніе Александромъ параграфа орденскаго статута доказало Павлу Петровичу супружескую вѣрность Маріи Ѳедоровны, въ которой, кажется, никто никогда и не сомнѣвался, но Александръ былъ въ полномъ восхищеніи. Послѣ засѣданія онъ сказалъ Энгельгардту:

— Спасибо тебѣ за оказанную мнѣ услугу. Никогда не забуду, что тебѣ я обязанъ первымъ нѣжнымъ объятіемъ моего отца и государя!

И потомъ, въ продолженіе всего своего царствованія императоръ Александръ Павловичъ постоянно былъ милостивъ и благосклоненъ къ Энгельгардту.

Въ 1800 году Егоръ Антоновичъ вступилъ въ бракъ со вдовою скатерининскаго почтъ-директора Гана, урожденною Витекеръ.

Отецъ ея былъ англичанинъ и банкиръ, а мать—баронесса фонъ-деръ-Палень.

«Этотъ бракъ, — говоритъ біографъ и младшій сынъ, Владимиръ Егоровичъ Энгельгардтъ, — продолжавшійся 58 лѣтъ, былъ конечно, одинъ изъ счастливѣйшихъ въ нашемъ шаткомъ мірѣ».

Отъ этого брака родились: сынъ Александръ (род. 1801 г., ум. 1843 г. въ чинѣ полковника); Максимиліанъ (род. 1803 г., ум. 1858 г. въ чинѣ д. ст. сов.); Наталія-Луиза, бывшая замужемъ за барономъ А. Ѳ. Остенъ-Сакеномъ (род. 1806 г., умерла 1845 г.); Елизавета Его-

ровна (р. 1805 г., ум. въ Неаполѣ 1873 г.), замужемъ за барономъ Остенъ-Сакеномъ; Владимиръ Егоровичъ, род. въ 1808 г. Вторая жена его Ольга Владимировна Новосильцева, писавшая романы подъ псевдонимомъ «Ольга Н.» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова.

VIII.

Императоръ Александръ вступилъ на престолъ... Интересъ его къ мальтійскимъ дѣламъ охладѣлъ мгновенно. Орденъ былъ сданъ въ архивъ со всѣмъ прочимъ хламомъ отошедшаго царствованія, за исключеніемъ вахтпарадовъ и экзерцирмейстерства «по-гатицки». Это осталось.

За неимѣніемъ великаго магистра и секретарю его стало нечего дѣлать.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ былъ опредѣленъ помощникомъ статсъ-секретаря первой экспедиціи государственнаго совѣта.

Эту мирную и безмятежную должность онъ занималъ до іюня мѣсяца 1812 года.

Любимымъ мѣстопробываніемъ Александра Павловича было Царское Село. У Энгельгардта была тамъ своя дача, которая находилась противъ Александровскаго сада, на улицѣ, ведущей въ село Кузьмино.

Въ лѣтнее время Александръ Павловичъ негѣдко удостоивалъ Энгельгардта милостивыми посѣщеніями, и при этихъ случаяхъ любилъ бесѣдовать, по его выраженію, «нараспашку».

Зная характеръ Благословеннаго, можно сказать, что эта «распашка» была весьма условная...

Однажды, сидя у Энгельгардта на балконѣ, государь спросилъ его:

— Какая, по твоему мнѣнію, самая полезная дѣятельность человѣка по отношенію общества, къ которому онъ принадлежитъ?

— Полагаю, что дѣятельность добросовѣтнаго педагога самая полезная.

— Почему такъ?

— Потому,—отвѣтилъ Энгельгардтъ:—что всякая другая дѣятельность, какъ бы ни была она усердна, остается дѣятельностью единичною, между тѣмъ какъ педагогъ, воспитавъ и образовавъ хотя только десять юношей, этимъ удесятерилъ свою дѣятельность на пользу общества. Я полагаю, что нѣтъ полезнѣе и выше призванія педагога, посвятившаго себя всецѣло на образованіе отличныхъ гражданъ для своего отечества.

— Ты правъ,—сказалъ государь:—*l'éducation de la jeunesse est la vocation la plus belle, mais, je pense, aussi la plus difficile!* (Воспитаніе юношества есть призваніе прекраснѣйшее, но, полагаю, и труднѣйшее).

Очевидно, въ связи съ этой бесѣдой «нараспашку» на балконѣ дачи Егора Антоновича Энгельгардта было назначеніе его въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 года директоромъ педагогическаго института.

Егоръ Антоновичъ всегда чувствовалъ влеченіе къ педагогической дѣятельности, читалъ много по этой отрасли и желалъ стоять во главѣ воспитательнаго учрежденія. А между студентами педагогическаго института того времени были замѣчательныя личности: В. И. Арсеньевъ, И. П. Шульгинъ, В. М. Архангельскій, П. Е. Георгіевскій, А. Ѳ. Оболенскій, П. А. Плетневъ. Во время управленія институтомъ Энгельгардта выпущено около ста студентовъ, изъ которыхъ большая часть заявили себя впослѣдствіи отличными преподавателями словесности.

Итакъ, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ былъ воспитателемъ не только Пушкина, но и Петра Александровича Плетнева, котораго великій поэтъ, посвящая ему «Евгенія Онѣгина», характеризуетъ такъ:

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,—
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты...

Что такое душа, исполненная святой мечты? Тургеневъ въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» говоритъ: «значеніе этого стиха неясно; онъ можетъ показаться болѣе или менѣе романтической вставкой,—тѣмъ, что французы называютъ *une cheville*; но въ самой своей неясности онъ вѣрно характеризуетъ то нѣчто, неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ».

Тургеневъ такъ затѣмъ рисуеъ свѣтлую личность редактора пушкинскаго «Современника», профессора русской словесности и ректора петербургскаго университета Петра Александровича Плетнева:

«Онъ принадлежалъ къ эпохѣ, нынѣ безвозвратно прошедшей: это былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый, но по-своему—мудрый. Кроткая тишина его обращенія, его рѣчей, его движеній не мѣшала ему быть пронизательнымъ и даже тонкимъ... Древніе греки недаромъ говорили, что послѣдній и высшій даръ боговъ человѣку—чувство мѣры. Эта сторона античнаго духа въ немъ отразилась... Главное свойство его ума—трезвая ясность... Оживленное созерцаніе, участіе искренное, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе поэтическому—вотъ весь Плетневъ».

Эта характеристика, быть можетъ, является ключомъ вообще къ тому свѣтлomu типу учителя русской словесности, какими были воспитанники педагогическаго института въ эпоху директорства Е. А. Энгельгардта, а вмѣстѣ съ тѣмъ ключомъ и къ личности самого воспитателя.

IX.

Въ 1816 году, 11-го января, Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ получилъ отъ графа Аракчеева записку слѣдующаго содержанія:

«Графъ Аракчеевъ проситъ покорно господина директора педагогическаго института Энгельгардта пожаловать къ нему завтрашній день послѣ обѣда въ 6 часовъ».

Между оставшимися послѣ Энгельгардта бумагами съ подлинной запиской Аракчеева найдена слѣдующая собственноручная записка Егора Антоновича:

«Записка, по приказанію графа Аракчеева составленная и данная ему 12-го января 1816 года».

«Имѣя первымъ правиломъ повиноваться всегда волѣ государя моего, я бы и въ настоящемъ случаѣ не дозволилъ себѣ другой мысли, если бѣ воля Его Императорскаго Величества относительно назначенія меня директоромъ лица была произнесена безусловно... Мѣсто, мнѣ всемилостивѣйше предлагаемое, по предмету занятій въ ономъ, болѣе всякаго другого въ государствѣ соответствуетъ моимъ способностямъ и любимымъ наклонностямъ. Съ радостью посвятилъ бы я всѣ свои силы, всю жизнь свою на совершенствованіе заведенія... но... если начальникъ учебнаго заведенія честный человѣкъ, если признанъ въ полной мѣрѣ достойнымъ возлагаемой на него довѣренности, то долженъ онъ пользоваться довѣренностью полною; онъ долженъ быть освобожденъ отъ всякой мелочной и раздробительной зависимости, полагающей безпрестанно преграды свободному его дѣйствию. Онъ долженъ быть въ заведеніи, какъ отецъ семейства, и подобно ему управлять... Итакъ, если его императорскому величеству угодно, чтобы я управлялъ должностію директора лица, не какъ простой, одной наружности держащійся наемникъ, но какъ человѣкъ, полагающій всю свою душу и сердце въ исправленіи священной и любезной ему обязанности, то осмѣливаюсь представить слѣдующія предварительныя начала:

«Управление лица сдѣлать совершенно не зависящимъ отъ всякаго посторонняго и раздробительнаго вліянія такъ, чтобы директоръ, не выходя изъ общихъ предѣловъ законныхъ, имѣлъ право распорядиться во всемъ, по усмотрѣнію и совѣсти своей, отдавая въ концѣ каждаго года отчетъ въ управленіи своемъ и подвергая себя строжайшей, передъ Богомъ и царемъ, отвѣтственности за всякое злоупотребленіе своей власти».

Послѣ подписи «Егоръ Энгельгардтъ» тѣмъ же почеркомъ, карандашомъ приписано: «Писано по требованію графа Аракчеева, въ его кабинетѣ, на его письменномъ столѣ».

Высочайшимъ указомъ отъ 27-го января 1816 года Энгельгардту повелѣно быть директоромъ царскосельскаго лицея и состоящаго при немъ педагогическаго пансіона. Тѣмъ же числомъ января Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Такимъ образомъ, блестящая плеяда лицеистовъ перваго курса, вышедшая изъ лицея въ іюнѣ 1817 года, находилась въ вѣдѣніи Энгельгардта менѣе полутора года. Изъ нея особенно теплыя отношенія къ директору сохранилъ Пушкинъ, судя по его письмамъ.

Х.

Свои педагогическія идеи Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ изложилъ въ рукописи, имѣвшей такое заглавіе: «Отрывки изъ тетради стараго практическаго воспитателя» (*Bruchstücke aus der Mappe eines alten practischen Erzeihers*). Съ такимъ эпитафомъ: «*Quod munus reipublicae afferre majus meliusve possimus quam si docemus atque erudimus juventutem?*» Cicer. De Divin. II, 4. («Какой даръ можемъ мы принести обществу лучшей и большій, какъ не образованіе и воспитаніе юношества?» Цицеронъ).

Вотъ что говорить въ своей рукописи воспитатель Пушкина и Плетнева:

«Основую всякаго воспитанія должна быть любовь. Должно любить дѣтей, которыхъ мы хотимъ воспитывать, сердечно любить ихъ. (*Die Grundlage jeder Erziehung muss Liebe sein. Man muss die Kinder die man ziehen will lieben, herzlich lieben*). Безъ этого невозможно пріобрѣсть отъ нихъ добровольное повиновеніе, радушіе и довѣріе, на которыхъ утверждается всякое разумное воспитаніе. Не говори никогда воспитаннику: я люблю тебя; покажи это ему на дѣлѣ. Только тотъ пріобрѣтаетъ довѣріе дѣтей, и въ особенности юношей, кто сильно и ревностно отстаиваетъ то, что считаетъ для нихъ полезнымъ».

«Голова не любитъ, не можетъ любить: это можетъ только сердце человѣка, этотъ храмъ любви. А сердце должно говорить не словами, но чувствами, олицетворенными въ дѣяніяхъ. (*Der Copf liebt nicht, kann nicht lieben; daskann nur das Herz des Menschen, das der Tempel der Liebe ist. Und zum Herzen sprechen nicht. Worte, sondern Gefühle in thaten ausgebrückt*). Только на тѣхъ намѣреніяхъ, которыя происходятъ отъ сердца, покоится благословеніе».

«Воспитаніе безъ всякаго наказанія есть химера. Наказанія необходимы, но... воспитатель долженъ имѣть въ запасѣ... необыкновенное средство наказанія. Поэтому крайне необходимо, чтобы

воспитатель былъ очень бережливъ въ своихъ наказаніяхъ и не расточалъ ихъ легкомысленно при незначительныхъ поступкахъ. Публичныя наказанія опасны для многихъ, для большинства воспитанниковъ; они однимъ ударомъ умерщвляютъ въ нихъ стыдъ, страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Истязаніе, физическое и нравственное, можетъ произвести изъ сноснаго школьника двуногое рабочее животное, но никогда не образуетъ человѣка, никогда не образуетъ мужа.

«Если воспитатель любимъ своимъ воспитанникомъ, то, не прибѣгая къ наказанію, имѣетъ сотни средствъ для его вразумленія: суровый взглядъ, сухая противъ обыкновенія рѣчь, устраненіе отъ обыкновенной дружеской бесѣды и т. п.—произведутъ на воспитанника глубокое, дѣйствительное впечатлѣніе: если только воспитатель любимъ своимъ воспитанникомъ».

Нельзя не признать, что такія педагогическія начала для времени, когда жилъ Егоръ Антоновичъ и когда вся педагогія исчерпывалась драньемъ розгами и муштрой, весьма замѣчательны. Принципъ «сердечности» провозглашается тутъ еще въ 1816 году. А между тѣмъ и теперь находятся педагоги, которые глумятся надъ «эрою сердечности». Столь простыя, но великія начала Егоръ Антоновичъ, конечно, прививалъ воспитанникамъ педагогическаго института, откуда и вышли тѣ гуманные учителя русской словесности, которые оставили такой свѣтлый слѣдъ въ русской жизни.

Въ лицейѣ Е. А. Энгельгардтъ поставилъ себя замѣчательно. Директоръ говорилъ всѣмъ воспитанникамъ «ты», и лишь въ видѣ особаго, въ исключительныхъ случаяхъ, наказанія: «вы» и «господинъ» имя рекъ...

Императоръ Александръ Павловичъ, пожаловавъ однажды къ Энгельгардту и найдя его окруженнымъ семействомъ и воспитанниками, сказалъ:

— Вижу и радуюсь, что директоръ и его воспитанники составляютъ одну нераздѣльную семью.

Это продолжалось въ теченіе 46 лѣтъ, и послѣ оставленія Егоромъ Антоновичемъ лицея то есть до самой его кончины (1816—1862 г.).

Зимой Егоръ Антоновичъ устраивалъ въ лицейѣ спектакли, въ которыхъ актерами были воспитанники, а зрителями профессора и ихъ семейства, родственники и лучшее царскосельское общество.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ представлялъ замѣчательный типъ добродѣтельнаго универсальнаго нѣмца: и педагогъ, и преподаватель, и писатель, и архитекторъ, и садоводъ, и агрономъ, и переплетчикъ. Онъ свободно говорилъ и писалъ на шести языкахъ. Лѣтомъ занимался съ воспитанниками садоводствомъ и предпринималъ пѣшеходныя прогулки по окрестностямъ Царскаго Села. Однако всей этой идилліи, столь мало совмѣстной съ казарменнымъ духомъ той

эпохи, долженъ былъ прійти конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1822 года лицей и состоявшій при немъ благородный пансіонъ поступили подъ главное начальство цесаревича Константина Павловича. Бывшій въ то время начальникомъ пажескаго и кадетскаго корпусовъ генераль-адъютантъ графъ Коновницынъ вступилъ въ завѣдываніе лицеемъ и пансіономъ.

Такимъ образомъ, «невмѣшательство», на которомъ настаивалъ Егоръ Антоновичъ при своемъ назначеніи, кончилось.

Главный военный начальникъ, войдя однажды въ лицейскій садъ, гдѣ воспитанники гуляли, бѣгали, играли, и увидя одного воспитанника не застегнутымъ на всѣ пуговицы и крючки, спросилъ директора:

— Почему этотъ воспитанникъ не застегнуть, какъ должно?

— Потому, — отвѣчалъ Егоръ Антоновичъ: — что ему послѣ игры, вѣроятно, жарко.

— А почему же вотъ этотъ застегнуть?

— Потому, что онъ не бѣгалъ, такъ ему и не жарко, — возразилъ Энгельгардтъ.

Вслѣдствіе этого разговора онъ получилъ немедленно предписаніе о строгомъ соблюденіи военной дисциплины и о введеніи въ лицей «единообразія».

Егоръ Антоновичъ не пожелалъ вводить сего «единообразія» и 23-го октября 1823 года былъ отъ службы всемилостивѣйше уволенъ съ пенсією въ 3,000 рублей.

Во время управленія Энгельгардта лицеемъ выпущено 79 молодыхъ людей, и почти столько же изъ пансіона.

Всего на своемъ вѣку онъ образовалъ около трехсотъ юношей.

XI.

Оставивъ службу, Егоръ Антоновичъ жилъ въ Петербургѣ, въ уединеніи, въ кругу семейства, старыхъ своихъ друзей и пріятелей. Бывшіе воспитанники лицея навѣщали своего стараго директора.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1824 года, ровно черезъ годъ послѣ отставки, Егоръ Антоновичъ получилъ приглашеніе присутствовать на сходкѣ бывшихъ лицейстовъ 19-го октября.

На празднество собрались всѣ его бывшіе воспитанники, находившіеся въ то время въ Петербургѣ. Между ними былъ поэтъ Дельвигъ, написавшій тутъ же куплеты, пропѣтые хоромъ. Съ тѣхъ поръ Егоръ Антоновичъ присутствовалъ на всѣхъ лицейскихъ годовщинахъ и пережилъ чуть ли не всѣхъ своихъ воспитанниковъ, постепенно не досчитывавшихся «на братской переключкѣ».

Между прочимъ, Егоръ Антоновичъ совершилъ тогда нѣсколько поѣздокъ по Россіи и свои путевыя впечатлѣнія издалъ въ четырехъ

частяхъ, подъ заглавіемъ: «Russische Miscellen, zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner».

Въ 1825 году онъ былъ избранъ въ старшины евангелической реформатской церкви и состоялъ затѣмъ въ этой должности 30 лѣтъ, съ другомъ своимъ, пасторомъ Мурольтомъ.

Въ 1834 году, по представленію графа Канкрина, онъ былъ назначенъ директоромъ по изданію «Земледѣльческой Газеты» и издавалъ ее цѣлыхъ 19 лѣтъ. Наконецъ, въ 1858 году, въ ночь съ 12-го на 13-е февраля его жена Марія Яковлевна скончалась на 81-мъ году отъ рожденія.

ХІІ.

«Ужасно было одиночество Егора Антоновича,—говорить его сынъ-біографъ,—послѣ кончины жены. Потому дочь его, баронесса Елизавета Егоровна Остенъ-Сакенъ, упростила его переѣхать на жительство къ ней. Поселившись у дочери, онъ, однакожь, воображалъ, что гостить у нея временно. Память о минувшемъ, давно прошедшемъ, одна въ немъ была жива; современныя же событія скользили по немъ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда въ его памяти. Онъ былъ подобенъ архиву, переполненному старыми дѣлами, въ которомъ нѣтъ мѣста для дѣлъ современныхъ». Свидѣтель царствованія Екатерины и Павла Петровича, современникъ Потемкина и Зубова, старый мальтіецъ, проживъ все царствованіе императоровъ Александра и Николая, онъ вступилъ въ преддверіе эпохи реформъ, даже пережилъ день 19-го февраля 1861 года, но уже безчувственно, не понимая дѣйствительности, не сознавая, что совершилось великое преображеніе Россіи...

Проживши у дочери около двухъ лѣтъ, онъ иногда говорилъ ей:

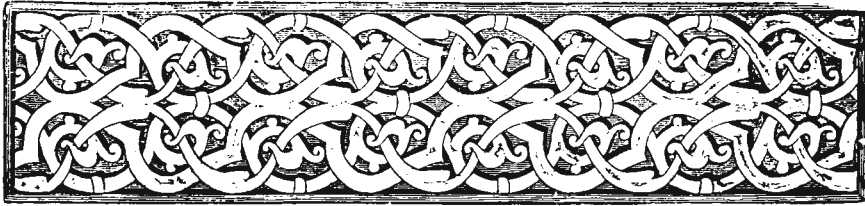
— Eh bien, ma chère, au revoir! Il est temps que je retourne à la maison. Maman m'attend, elle est seule, il faut que j'aïlle lui tenir compagnie!

Эта мысль не покидала его до самой кончины, послѣдовавшей 15-го января 1862 года на 87 году его долгой жизни.

Реформатская церковь была убрана въ глубочайшій трауръ. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій былъ въ церкви съ воспитанниками лицея. Гробъ вынесли восемь лицейстовъ—государственныхъ сановниковъ. Погребенъ Егоръ Антоновичъ на Смоленскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Ник. Энгельгардтъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРИЯ быта и нравовъ русскаго дворянства, въ особенности провинціального, XVIII и XIX вѣковъ еще не написана. Она заключается въ наши дни лишь въ собираніи матеріала; но и этого матеріала обнаружено немного, а потому всѣ, даже неполныя и мимо-летныя, «воспоминанія» и «замѣтки» лицъ, которыя или сами помнятъ прошлое изъ жизни русскаго дворянства, или слышали объ этомъ прошломъ рассказы достовѣрныхъ очевидцевъ—представляютъ несомнѣнный историческій интересъ. Кто изъ образованныхъ русскихъ людей не читалъ «Записки» Болотова и Данилова, «Семейную хронику» С. Т. Аксакова и «Рассказы бабушки» Д. Д. Благово? Но и болѣе отрывочныя воспоминанія о быломъ провинціального русскаго дворянства, печатающіяся главнымъ образомъ на страницахъ нашихъ историческихъ журналовъ «Русскаго Архива», «Русской Старины» и «Историческаго Вѣстника», сохранили не мало любопытныхъ чертъ изъ бытовой исторіи Россіи XVIII и XIX вѣковъ.

Просматривая воспоминанія этой послѣдней категоріи, я сталъ припоминать сосѣдей по имѣнію моего отца, Александра Львовича Корсакова (родился 1794 г., ум. 1873 г.) въ Казанской губерніи, и въ минуты досуга и отдыха отъ научныхъ занятій набрасывалъ на бумагу все, что сохранила мнѣ о нихъ память, а затѣмъ дополнилъ эти записи данными изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ, а также изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ. Думается мнѣ, что и собранный мною матеріалъ, хотя неполный и отрывочный, не лишенъ нѣкотораго значенія въ общей суммѣ матеріаловъ по исторіи русскаго провинціального дворянства.

Личности, выступающія въ моихъ воспоминаніяхъ, все личности рядовыя, не возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ той среды, которая ихъ породила, возрастила и воспитала; но въ этомъ-то именно, по моему мнѣнію, и заключается весь интересъ знакомства съ ними. Эти личности являются типичными выразителями слоевъ казанскаго дворянства первой половины XIX вѣка, поры полнаго господства крѣпостнаго права и помѣщичьяго вольготнаго житья-бытья.

I.

Село Тагашево и владѣлецъ его въ исходѣ XVIII в. Макаровъ.—Вешняковы и Всеволожскіе.—Владимиръ Федоровичъ Желтухннъ.

Близъ рѣки Мѣши, на самой границѣ Казанскаго уѣзда съ Лаишевскимъ, расположено село Покровское-Тагашево. Первое названіе село получило по церкви въ честь Покрова Божіей Матери, а второе, по мѣстному преданію, происходитъ отъ имени мурзы Тагаша, жившаго въ этой мѣстности еще въ эпоху независимости Казанскаго татарскаго царства, но населеніе Тагашева было исконное русское, состоявшее изъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Много перебивало въ немъ помѣщиковъ, а въ 70-хъ годахъ XVIII в. владѣль Тагашевымъ Макаровъ, бывший въ тѣ года казанскимъ предводителемъ дворянства. Въ его предводительство разразилась надъ Казанью пугачевщина, Казань была сожжена и опустошена самимъ Пугачевымъ, а въ ея окрестностяхъ бродили шайки «пугачей». Въ Тагашевѣ было преданіе, что Макаровъ спасся отъ этихъ «пугачей» въ какомъ-то тайникѣ его большого барскаго дома. Домъ этотъ, существующій доселѣ, но совершенно перестроенный въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, я помню хорошо до его перестройки. То былъ типичный помѣщичій домъ второй половины XVIII вѣка. Большое каменное двухэтажное зданіе, о девяти окнахъ по главному фасаду, при чемъ крайнія окна были такъ называемыя венеціанскія, заключало въ себѣ анфилады обширныхъ парадныхъ комнатъ, съ неизбежными антресолями и бельведеромъ съ угольной башенкой; на стѣнахъ комнатъ бельэтажа и бельведера находились вмѣсто обоевъ акварельные пейзажи и идиллическія сцены съ Хлоями и Дафнами и «невинными» пастушками и пастушками. Въ одной изъ большихъ комнатъ, въ два свѣта, въ которую выходили хоры изъ антресолей, помѣщалась постоянная театральная сцена для любительскихъ спектаклей. Деревянные, некрашеные полы во всѣхъ комнатахъ бельэтажа были обтянуты кошкой, а поверхъ нея холстомъ, выкрашеннымъ коричневой масляной краской, съ раздѣлкой на квадраты, въ шахматномъ порядкѣ, и на параллелограммы; мебель во всѣхъ комнатахъ была деревянная и различалась

цвѣтомъ дерева и обивки по комнатамъ: въ одной—стулья, кресла и диваны были выкрашены въ бѣлый цвѣтъ съ золотыми украшеніями, а подушки для сидѣнья и спинки обиты краснымъ сафьяномъ. Въ другихъ комнатахъ мебель была краснаго дерева, съ штофной обивкой или изъ корельской березы, а въ театральномъ залѣ и въ столовой массивная дубовая, безъ всякой обивки. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ помѣщались разные комоды, шифоньерки и горки съ фарфоровыми куколками подъ стиль мебели: бѣлые съ золотомъ, краснаго дерева и корельской березы. Большія зеркала въ простѣнкахъ и надъ диванами съ соответствующими стильными рамами; большія фарфоровыя вазы и столовыя бронзовыя часы на подзеркальныхъ столахъ, а на стѣнахъ портреты высочайшихъ особъ и разныхъ лицъ изъ прежнихъ владѣтелей Тагашева—дополняли украшеніе комнатъ. За домомъ видѣлся небольшой, но хорошо содержанный сосновый паркъ, а впереди дома, черезъ проѣзжую дорогу изъ Казани, которая проходила подъ самыми окнами и балкономъ, находился садъ съ фруктовыми и цвѣточными оранжереями.

У Макарова купилъ Тагашево артиллеріи майоръ Петръ Ивановичъ Вешняковъ, предки котораго, какъ можно заключить изъ родословной Вешняковыхъ и разныхъ относящихся до нихъ актовъ, принадлежали къ московскимъ служилымъ людямъ по городу Пскову еще во времена великаго князя Василія Ивановича. При царѣ Иоаннѣ Грозномъ нѣкоторые изъ Вешняковыхъ были испомѣщены въ новгородскихъ волостяхъ, а другіе были переведены на службу въ Казань, по покореніи этого царства. Это послѣднее обстоятельство доказывается, между прочимъ, свидѣтельствомъ старѣйшей казанской писцовой книги XVI вѣка, по которой значится въ Казани «Вешняковская слобода», съ церквою Николо-Вешняковскою, существующей доселѣ.

Петръ Ивановичъ Вешняковъ былъ женатъ на Аннѣ Андреевнѣ Всеволожской, и родствомъ по ней съ Всеволожскими Вешняковы очень гордились, считая ихъ происхожденіе весьма знатнымъ, такъ какъ Всеволожскіе, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, причисляли свой родъ къ роду князей Смоленскихъ, полагая своимъ родоначальникомъ Всеволода, отца Владимира Мономаха. У Петра Ивановича и Анны Андреевны Вешняковыхъ было тринадцать человѣкъ дѣтей: четыре сына и девять дочерей. Тагашево, по смерти Петра Ивановича, досталось двумъ его сыновьямъ—Андрею Петровичу и Василю Петровичу Вешняковымъ. Андрей Петровичъ Вешняковъ въ 1821 году окончилъ курсъ поручикомъ въ незадолго передъ тѣмъ основанномъ императоромъ Александромъ I учебномъ заведеніи—корпусѣ инженеровъ путей сообщенія. Будучи хорошимъ математикомъ, Андрей Петровичъ не отличался практическимъ складомъ ума; выйдя въ отставку съ чиномъ инженеръ-майора и женившись на Аннѣ Петровнѣ Перцовой, онъ поселился въ Тагашевѣ, въ боль-

шомъ домѣ, построенномъ Макаровымъ, и преданъ изобрѣтенію разныхъ машинъ и снарядовъ, главнымъ образомъ, примѣнительно къ земледѣлію и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Всѣ эти «проекты» Андрея Петровича Вешнякова привели къ окончательному разстройству его состоянію: онъ умеръ въ началѣ 40-хъ годовъ XIX вѣка, опутанный долгами, а его Тагашевское имѣніе десять лѣтъ спустя было, на покрытіе этихъ долговъ, продано съ публичнаго торга.

Меньшій его братъ, Василій Петровичъ, также ухитрился прожить свою часть въ Тагашевѣ, которая была куплена его сестрой Татьяной Петровной, бывшей замужемъ за Владимиромъ Ѳедоровичемъ Желтухинымъ ¹⁾.

Владимиръ Ѳедоровичъ Желтухинъ (родился 1783 года, умеръ 1848 г.) воспитывался въ пажемскомъ корпусѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Павла. Въ 1803 году былъ камеръ-пажомъ, а въ 1805 году выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію Измайловскій полкъ, въ рядахъ котораго участвовалъ въ русско-австрійской войнѣ противъ Наполеона I и находился на полѣ сраженія при Аустерлицѣ; въ слѣдующемъ 1806 году онъ, по прошенію, былъ уже уволенъ изъ военной службы съ чиномъ подпоручика и опредѣленъ въ гражданскую службу въ чинѣ губернскаго секретаря. Въ какомъ собственно вѣдомствѣ началъ свою гражданскую службу Владимиръ Петровичъ—неизвѣстно, и о продолженіи этой службы до 1821 года свѣдѣній въ его формулярѣ не имѣется; тамъ отмѣчено только, что 29-го августа 1821 года онъ опредѣленъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князѣ А. Н. Голицынѣ, и пожалованъ камеръ-юнкеромъ. На другой день, въ именины императора Александра I, онъ получилъ чинъ коллежскаго секретаря. Въ 1822 году мы видимъ его также чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Голицынѣ, но уже по департаменту народнаго просвѣщенія, а въ 1827 году Желтухинъ имѣетъ чинъ титулярнаго совѣтника и назначается, такъ сказать, съ пониженіемъ своего служебнаго поприща, чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ казанскаго университета и учебнаго округа, М. Н. Мусинѣ-Пушкинѣ, занимавшемъ эту должность послѣ Магницкаго. Такимъ образомъ, въ Казани Владимиръ Ѳедоровичъ Желтухинъ появляется вслѣдъ за тѣмъ, какъ его старшій братъ низвергъ предшественника Мусина-Пушкина. Въ 1826 году Владимиру Ѳедоровичу

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» за 1907 г., июль, стр. 188—196, помѣщена статья неизвѣстнаго автора, имѣющая «мемуарный» характеръ, подъ заглавіемъ: «Губернаторъ добраго стараго времени». Въ этой статьѣ говорится между прочимъ и о Вл. Ѳед. Желтухинѣ и его женѣ, Татьянѣ Петровнѣ; но свѣдѣнія, передаваемыя о нихъ, совершенно невѣрны: очевидно, авторъ статьи не зналъ ихъ лично и писалъ по наслышкѣ.
Д. К.

Желтухину было 44 года отъ роду и имѣть въ такой возрастъ чинъ титулярнаго совѣтника и перейти изъ чиновниковъ особыхъ порученій при министрѣ на ту же должность при попечителѣ учебнаго округа являлось очевиднымъ доказательствомъ неуспѣшности служебной карьеры Владимира Ѳедоровича. Повидимому, онъ думалъ заняться хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ въ Поволжьѣ, но онъ не былъ склоненъ къ веденію хозяйства и удержалъ въ своихъ рукахъ къ концу жизни лишь незначительную часть этихъ имѣній. Въ уѣздахъ Спасскомъ, Лаишевскомъ и Царевококшайскомъ у Владимира Ѳедоровича Желтухина въ это время было 1489 ревизскихъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ (въ томъ числѣ при Воскресенской стеклянной фабрикѣ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ состояло 140 крѣпостныхъ рабочихъ); въ трехъ уѣздахъ Саратовской губерніи: Сердобскомъ, Петровскомъ и Аткарскомъ Владимиръ Ѳедоровичъ владѣлъ 939 крѣпостными крестьянами. Слѣдовательно, всего въ двухъ губерніяхъ Поволжья, Казанской и Саратовской, у него было 2428 крѣпостныхъ. Въ 1840-хъ годахъ Владимиръ Ѳедоровичъ имѣлъ чинъ статскаго совѣтника, званіе камергера и занималъ должность казанскаго губернскаго предводителя дворянства. Онъ умеръ въ 1848 году.

Изъ имѣній Владимира Ѳедоровича Желтухина въ Казанской губерніи мнѣ хорошо извѣстны были два: первое, село Елань, въ Лаишевскомъ уѣздѣ, унаслѣдованное имъ отъ братьевъ, и второе, часть села Покровскаго-Тагашева. Усадьба Желтухиныхъ въ селѣ Тагашевѣ называлась въ честь Татьяны Петровны «Танино». Въ обоихъ казанскихъ имѣніяхъ было съ небольшимъ четыреста ревизскихъ душъ крестьянъ. Въ Казани Владимиру Ѳедоровичу Желтухину принадлежали два дома: одинъ, упомянутый выше, на Воскресенской улицѣ, въ которомъ по зимамъ жилъ самъ Желтухинъ, а другой близъ Чернаго озера, гдѣ нынѣ нумера Архипова, недалеко отъ Николаевской площади. Этотъ домъ былъ построенъ съ большими претензіями и съ расчетомъ на помѣщеніе въ нижнемъ его этажѣ лавокъ и торговыхъ помѣщеній, такъ какъ въ базарные дни съѣзжались на Николаевскую площадь подгородные крестьяне, мелкіе торговцы и барышники. Но такой «экономической затѣѣ» Желтухина суждено было осуществиться не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ задумалъ. Нижній этажъ дома не отдавался подъ лавки, но зато позднѣе, уже послѣ смерти Владимира Ѳедоровича Желтухина, во второмъ и третьемъ этажахъ дома были устроены нумера для пріѣзжающихъ.

Владимиръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, любя внѣшнее mise en scène, держалъ огромный штатъ мужской и женской прислуги. Раздѣленіе должностей этой прислуги напоминало отчасти придворные чины, отчасти дворовую помѣщичью іерархію, сложившуюся у большихъ русскихъ баръ въ теченіе XVIII вѣка, въ подражаніе

нѣмецкимъ и французскимъ аристократамъ, съ остатками московско-вотчинно-крѣпостного распорядка. Я очень хорошо помню эту дворовую іерархію Желтухиныхъ, еще сохранившуюся по смерти Владимира Ѳедоровича у его вдовы Татьяны Петровны. Во главѣ стоялъ дворецкій; за нимъ шли, въ постепенно понижающихся чинахъ: камердинеръ барина, метръ д'отель, буфетчикъ, выѣздные ливрейные лакеи барина и барыни, официанты, казачки. Дальше слѣдовала обширная группа поваровъ, кондитеровъ, поваренковъ, кухонныхъ мужиковъ, кучеровъ, форейторовъ, конюховъ и цѣлый рядъ лицъ, завѣдывавшихъ садами, огородами, теплицами, оранжереями, грунтовыми сараями и пр., и разныхъ мастеровыхъ для исполненія домашнихъ работъ на барина. Всѣ эти дворовые чины имѣли соответствующую своимъ должностямъ форму: первыя пять должностей ливрейные сѣрые фраки и красные съ золотыми позументами жилеты, бѣлые чулки и черныя башмаки съ пряжками, казачки одѣвались вродѣ теперешнихъ французскихъ «chasseurs», а остальные не имѣли формъ. Выѣздные лакеи, стоя на запяткахъ кареты или возка, надѣвали ливреи цвѣта, соответствовавшего цвѣту полей герба, а на металлическихъ пуговицахъ ливреи красовался гербъ Желтухиныхъ.

Приблизительно такую же іерархію представляла собой женская прислуга. Во главѣ ея стояла старшая горничная, до нѣкоторой степени соответствовавшая дворецкому. Эта особа, по обычаю помѣщичьяго обихода, была ближайшей confidentкой барыни, переносила ей сплетни на всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ и слѣдила за нравственностью горничныхъ, входя съ ними, впрочемъ, по этой части въ сдѣлки. За ней слѣдовала главная горничная барыни, имѣвшая подъ своимъ завѣдываньемъ ея гардеробъ и начальствовавшая надъ цѣлымъ штатомъ горничныхъ разныхъ степеней. Потомъ шли: экономка, кастеляница, вѣдавшая бѣлье, и кофешенка.

Ни въ сельское хозяйство, ни въ администрацію имѣнія Владимиръ Ѳедоровичъ не входилъ. Этими отраслями всецѣло завѣдывали управляющіе, приказчики и бурмистры. Владимиръ Ѳедоровичъ вель праздную жизнь, заводилъ амуры съ горничными, нѣрѣдко выпивалъ лишнее и любилъ парадировать въ своемъ придворномъ мундирѣ. Иногда онъ проводилъ весну въ Елани или въ Тагашевѣ и тогда въ большіе праздники, и въ особенности въ Свѣтлую заутреню, онъ облакался въ камергерскій мундиръ и отправлялся на богослуженіе въ сельскую церковь. Послѣ Свѣтлой заутрени онъ христосовался съ нѣкоторыми, заранѣе къ тому приготовленными бурмистромъ крестьянами, милостиво подставляя имъ свою гладко выбритую щеку.

II.

Фамилія Желтухиныхъ.—Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ; пропавденная имъ ревизія казанскаго университета и изложене попечителя М. Л. Магницкаго.

Владимиръ Ѳедоровичъ Желтухинъ и въ особенности его жена Татьяна Петровна, рожденная Вешнякова, были близкими знакомыми моихъ родителей, и одно изъ ихъ имѣній, при селѣ Тагашевѣ, межой къ межѣ примыкало къ имѣнію моего отца, сельцу Арышхаздѣ Казанскаго уѣзда, а потому житье-бытье Желтухиныхъ мнѣ хорошо извѣстно.

Желтухины съ исхода XVIII вѣка принадлежали къ высшему слою казанскаго дворянства. Такое положеніе создавало имъ ихъ богатство, служебное положеніе многихъ членовъ ихъ рода и родственныя связи. Родъ Желтухиныхъ ведетъ свое начало отъ московскихъ дворянъ XVI Якова и Григорія Желтухиныхъ, потомки которыхъ въ XVII вѣкѣ — служили, по обычаю тогдашнихъ дворянъ, въ военной службѣ, въ армейскихъ и гвардейскихъ полкахъ, капралами, сержантами и офицерами, но далѣе майора и подполковника не возвышались по военной табели о рангахъ, за исключеніемъ лишь одного изъ своихъ родичей. Изъ извѣстныхъ по родословной семнадцати Желтухиныхъ XVIII вѣка — четверо достигли штабъ-офицерскаго ранга, и только одинъ является особой чиновной, — это Ѳедоръ Ѳедоровичъ Желтухинъ (р. 1740 г., ум. 1817 г.), который въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка былъ бригадиромъ, а затѣмъ генераль-майоромъ и правителемъ намѣстничества сначала Казанскаго и Вятскаго, а затѣмъ Тобольскаго. Въ концѣ царствованія Екатерины II онъ былъ отданъ подъ судъ за служебныя злоупотребленія по управленію этихъ намѣстничествъ, а при императорѣ Павлѣ не только помилованъ, но награжденъ чиномъ тайнаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, женатый на дочери богатаго и знатнаго казанскаго помѣщика Мельгунова, дѣлается основателемъ казанской линіи Желтухиныхъ. Онъ владѣлъ девятью тысячами крѣпостныхъ душъ въ губерніяхъ Казанской, Вятской, Пензенской, Саратовской и др., и хотя это громадное состояніе и раздѣлилось между четырьмя его сыновьями и тремя дочерьми — тѣмъ не менѣе въ теченіе многихъ десятилѣтій богатство Желтухиныхъ не могло поколебаться. Старшій сынъ Ѳедора Ѳедоровича, Сергѣй Ѳедоровичъ, умеръ въ 1833 г. холостымъ, и отцовскія имѣнія, имъ унаслѣдованныя, перешли къ его братьямъ, Владимиру и Дмитрію Ѳедоровичамъ, и къ сыновьямъ Петра Ѳедоровича, умершаго раньше его. Двое изъ сыновей Ѳедора Ѳедоровича, Петръ Ѳедоровичъ и Владимиръ Ѳедоровичъ, увеличили свои части женитьбой — первый на княжнѣ Тешшевой, а второй — на Вешняковой. Сестры ихъ вышли замужъ

за богатыхъ помѣщиковъ Поволжья и другихъ губерній, Доливо-Добровольскаго, Каховскаго и Колтовскаго.

Два старшіе брата Владимира Ѳедоровича Желтухина были военными генералами. Самый старшій изъ нихъ, Сергѣй Ѳедоровичъ (род. въ 1770-хъ годахъ, ум. 1833 г.), въ 30-хъ годахъ XIX вѣка имѣлъ чинъ генераль-лейтенанта, занималъ должность генераль-инспектора всей пѣхоты, а второй, Петръ Ѳедоровичъ, связалъ свое имя съ однимъ крупнымъ эпизодомъ изъ исторіи Поволжья, вмѣстѣ съ тѣмъ представляющимъ весьма интересную страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще.

Генераль-лейтенантъ Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ (род. 1778 г., ум. 1829 г. въ Бухарестѣ), отличавшійся очень крутымъ нравомъ, былъ нѣкогда начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, во время командованія этимъ корпусомъ Ѳедора Петровича Уварова (въ послѣдніе годы царствованія Александра I), а затѣмъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ и предсѣдателемъ «дивана», т. е. правителемъ дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи при занятіи ихъ русскими войсками въ 1828 г. Князь Н. С. Голицынъ такъ характеризуетъ П. Ѳ. Желтухина: «Въ войнѣ 1813 г. въ Германіи, въ славномъ для насъ бою при Кульмѣ, командиромъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка былъ генераль-майоръ Желтухинъ, очень храбрый, но и очень злостный и жестокій. Въ бою, подъ непріятельскими ядрами, онъ оборачивался спиной къ непріятелю, а лицомъ къ полку, стоявшему на мѣстѣ, и солдатъ, кланявшихся ядрамъ, вызывалъ изъ фронта и наказывалъ въ два шомпола—тогда деревянные, позже желѣзные—съ двухъ сторонъ. Любопытная школа не кланяться ядрамъ!»¹⁾

На кладбищѣ Кизическаго монастыря близъ Казани доселѣ сохранился надгробный памятникъ Петра Ѳедоровича Желтухина съ слѣдующей характерной надписью: «Здѣсь положено тѣло полномочнаго предсѣдателя дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, кіевскаго военнаго губернатора, свиты Его Императорскаго Величества генераль-лейтенанта и кавалера Петра Ѳедоровича Желтухина, родившагося 1778 г. октября 3, скончавшагося въ Бухарестѣ 1829 г. октября 11, въ 4 часа утра и погребеннаго внутри церкви тамошней митрополіи того жъ октября 13 дня. Братъ и искренній другъ покойнаго, командиръ всей резервной пѣхоты арміи генераль-лейтенантъ и кавалеръ Сергѣй Ѳедоровичъ Желтухинъ, всеподданнѣйше испросивъ Высочайшую волю, перевезъ тѣло въ Казань, которое и погребено марта 17 дня 1830 г. въ Кизическомъ монастырѣ съ должною почестію и уваженіемъ, сдѣлавъ все сіе своимъ иждивеніемъ въ знакъ дружбы, которую никто и ничто поколебать между ними не могло».

¹⁾ «Рус. Стар.» 1890 г., XVI, стр. 80.

Находясь въ послѣдніе года царствованія императора Александра I въ немилости, Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ проживалъ въ своемъ имѣніи Ланшевскаго уѣзда Казанской губерніи, селѣ Елани. Въ началѣ 1826 г. въ этомъ сельскомъ уединеніи онъ получилъ высочайшее повелѣніе императора Николая I о производствѣ ревизіи по всемъ частямъ въ казанскомъ университетѣ вообще и надъ дѣйствіями попечителя университета и учебнаго округа М. Л. Магницкаго въ частности.

Ревизія Желтухина сокрушила этого извѣстнаго изувѣра и мрачной памяти гасителя просвѣщенія и вскрыла всю «мерзость заустѣнія», которую произвелъ Магницкій въ «обновленномъ» имъ казанскомъ университетѣ, выставляя себя искоренителемъ въ пемъ зловреднаго духа «вольномыслія» и «якобинства» ¹⁾.

Чтобы оцѣнить должнымъ образомъ весь переполохъ, произведенный Желтухинымъ въ казанскомъ обществѣ и во всемъ Поволжьѣ ревизіей казанскаго университета, и уяснить себѣ то значеніе, которое приобрѣлъ въ нашемъ обширномъ краю опальный генералъ, жившій въ своемъ казанскомъ имѣніи, слѣдуетъ принять во вниманіе цѣлый рядъ общественныхъ условій того времени. Однимъ изъ этихъ условій является значеніе Магницкаго въ нашемъ Поволжьѣ.

Михаилъ Леоптьевичъ Магницкій, попечитель казанскаго университета и учебнаго округа, былъ въ то же время статсъ-секретаремъ императора Александра I и въ Казани и по всему Поволжью пользовался вслѣдствіе такого служебнаго положенія большимъ значеніемъ. Послѣ разгрома казанскаго университета, произведеннаго имъ въ 1819 г., все чиновное и помѣщичье населеніе Поволжья возымѣло передъ нимъ страхъ и трепеть. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія нашъ городъ не соединялся съ столицами, какъ нынѣ, удобными путями сообщенія—пароходами и желѣзными дорогами; телеграфовъ также не было; почта изъ Казани въ Москву и Петербургъ отправлялась всего три раза въ недѣлю, и писать въ частныхъ письмахъ о серьезныхъ общественныхъ и политическихъ событіяхъ было небезопасно, потому что перлюстрація писемъ была въ полномъ ходу. А потому все, что происходило въ Москвѣ и Петербургѣ, отражалось въ Казани смутно и въ увеличенномъ масштабѣ. Въ 1826 г. вся тогдашняя русская интеллигенція, состоявшая почти сплошь изъ дворянства, была напугана недавними

---

¹⁾ Подробности о ревизіи казанскаго ун-та гешер.-майоромъ Желтухинымъ см. въ «Исторіи императорскаго казанскаго университета за первые сто лѣтъ существованія», проф. Н. П. Загоскина, т. IV, стр. 538—609. Проф. Загоскинъ излагаетъ этотъ эпизодъ на основаніи прежде извѣстныхъ печатныхъ матеріаловъ, съ прибавленіемъ впервые имъ обнаруженныхъ архивныхъ данныхъ; изложеніе проф. Загоскина является самымъ полнымъ и самымъ лучшимъ повѣствованіемъ о ревизіи казанскаго университета Желтухинымъ.

происшествиями въ Петербургѣ, на Сенатской площади, и послѣдовавшими за ними процессами, казнью и ссылкой декабристовъ. Въ числѣ помѣщиковъ Казанской и сосѣдней съ нею Симбирской губерніи находилось немало декабристовъ, и нѣкоторые изъ нихъ провозились въ Сибирь черезъ Казань. Понятно, что при такихъ условіяхъ ревизія казанскаго университета генераломъ Желтухинымъ и опала Магницкаго произвели удручающее впечатлѣніе.

Въ напуганномъ воображеніи казанскихъ помѣщиковъ создавалась какая-то для нихъ неясная и непонятная связь между заговоромъ декабристовъ, арестомъ попечителя и «неблагополучіемъ» казанскаго университета вообще. Стали припоминаясь близкія отношенія, бывшія нѣкогда между опальнымъ попечителемъ и Сперанскимъ, личность котораго въ то время еще не вышла изъ-подъ покрова чего-то таинственнаго и политически-неблагонадежнаго. Казанское общество и въ болѣе позднее время, во вторую половину XIX вѣка, при всякой «исторіи» въ мѣстномъ университетѣ проявляло свою скрытую злобу противъ высшаго образованія, такъ было и при ревизіи генерала Желтухина. Несмотря на «очистку» казанскаго университета Магницкимъ, при его опалѣ мѣстное общество не замедлило обрушиться со своими подозрѣніями и на университетъ: на профессоровъ и студентовъ. Передъ нимъ возсталъ красный призракъ «якобинства», и учащіе и учащіяся стали обвиняться въ преступномъ «вольномысліи», заподозрѣваться въ солидарности съ декабристами. Слухи о дѣйствіяхъ ревизора, за отсутствіемъ положительныхъ о нихъ данныхъ, тщательно скрывааемыхъ Желтухинымъ, превращались въ недостовѣрные рассказы, которые, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, принимали легендарный характеръ. Эти легенды случалось слышать мнѣ отъ казанскихъ старожиловъ. Далекія отъ исторической истины, онѣ, какъ всякія легенды, интересны въ смыслѣ впечатлѣнія, произведеннаго событіями на современниковъ.

Въ официальномъ рапортѣ Желтухина о ревизіи казанскаго университета нѣтъ ни слова о томъ, какъ онъ явился въ первый разъ къ Магницкому; но изъ официальныхъ документовъ о Магницкомъ извѣстно, что казанскій попечитель еще до окончанія ревизіи самовольно оставилъ Казань и уѣхалъ въ Петербургъ для самозащиты и, по высочайшему повелѣнію, былъ посланъ обратно въ Казань, съ приказомъ дожидаться тамъ результатовъ ревизіи. Легенды же передаютъ слѣдующія подробности.

Петръ Федоровичъ Желтухинъ, получивъ высочайшее повелѣніе относительно казанскаго университета и его попечителя, послѣшилъ изъ Елани въ Казань. Онъ остановился въ принадлежавшемъ ему съ братьями домѣ на Воскресенской улицѣ, почти противъ университета (въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ купцу Матвѣевскому). Рано утромъ въ первыхъ числахъ февраля

1826 г. онъ прошелъ пѣшкомъ черезъ Воскресенскую улицу, въ зимней военной шинели, прямо въ отдѣльный университетскій домъ, въ которомъ находилась квартира попечителя (нынѣ это квартира ректора), и спросилъ швейцара: можетъ ли онъ видѣть г. попечителя? Швейцаръ, привыкшій къ величію своего барина, передъ которымъ все преклонялось въ Казани, окинулъ презрительнымъ взоромъ какого-то незнакомаго ему офицера.

— Вамъ что нужно?—свысока спросилъ онъ.—Они изволятъ почивать.

— Разбуди немедленно,—сказалъ Желтухинъ.

Швейцаръ вытаращилъ глаза въ недоумѣніи.

Тогда Желтухинъ сбросилъ шинель, и швейцаръ былъ пораженъ, какъ громомъ. Онъ увидаль передъ собой военнаго генерала съ нѣсколькими звѣздами на груди.

— Доложи г. попечителю,—сказалъ тотъ:—что генералъ Желтухинъ имѣеть надобность видѣть его превосходительство по высочайшему повелѣнію.

Оторопѣлый швейцаръ бросился стремглавъ будить Магницкаго. Желтухинъ направился вслѣдъ за швейцаромъ прямо въ спальню попечителя и засталъ Магницкаго на кровати въ одномъ бѣлѣ.

Испуганный и встревоженный сановникъ бросился передъ генераломъ на колѣни и жалобно возопилъ: «Не погубите!».

Другая легендарная подробность еще болѣе эффектна.

По этой легендѣ сановникъ, сильный «на верху», М. Л. Магницкій былъ вывезенъ изъ Казани среди бѣлаго дня въ почтовой таратайкѣ, съ фельдъегеремъ. Провезенъ онъ былъ по главной и одной изъ самыхъ людныхъ улицъ города—Воскресенской, изъ своей попечительской квартиры по направленію къ крѣпости, а затѣмъ далѣе къ московскому почтовому тракту. Въ этой легендѣ возможное въ дѣйствительности послѣдующее происшествіе поставлено предыдущимъ. Очень можетъ быть, что Магницкій, возвращенный по высочайшему повелѣнію изъ Петербурга въ Казань, былъ отправленъ съ фельдъегеремъ и провезенъ имъ по Воскресенской улицѣ въ попечительскую квартиру.

III.

Татьяна Петровна Желтухина.—Елена Александровна Либертъ и ея подруги.

Татьяна Петровна Желтухина, рожденная Вешнякова, была типичной представительницей провинціальной зажиточной помѣщицы первой половины XIX вѣка, мнящей себя аристократкой.

Какъ теперь помню ея внѣшность.

Татьяна Петровна представлялась мнѣ старушкой; умерла она въ 1856 г. на 60 году отъ роду; а стала я ее знать съ 1849 года, когда

ей было 52 года (мнѣ, впрочемъ, было тогда всего 6 лѣтъ). Небольшого росту, худенькая, со сморщеннымъ лицомъ и сѣрыми, довольно безжизненными и совершенно безсердечными глазами, въ чепчикѣ и въ шатовомъ парикѣ, изъ-подъ котораго нерѣдко выбивались на вискахъ пряди сѣдыхъ волосъ, одѣвалась она всегда просто, но со вкусомъ и сообразно своимъ годамъ. По вдовьему чину въ одеждѣ ея преобладали цвѣта темные, лиловый и сѣрый. Лорнетъ, палка-костыль, на которую она постоянно опиралась, и черепаховая табакерка — были постоянными аксессуарами ея туалета. Быстрая въ движеніяхъ, она очень скоро ходила маленькими шажками (ноги у нея были замѣчательно миниатюрны), постоянно жалуясь на боль въ правой ногѣ, нѣсколько переваливаясь съ боку на бокъ и постукивая своей палочкой. Частію вслѣдствіе боли въ ногѣ, а частію, вѣроятно, и просто для «пущей важности», изъ-за «привередничанья», какъ выражаются крестьяне, Татьяна Петровна не могла безъ посторонней помощи садиться въ экипажъ и выходить изъ него, хотя экипажъ былъ у нея особаго устройства, извѣстный подъ именемъ «шарабана», съ очень низкой подножкой. Ея выѣздной лакей Петръ бралъ обыкновенно свою барыню на руки, какъ малаго ребенка, при чемъ Татьяна Петровна обнимала правой рукой Петра вокругъ шеи, — и усаживалъ въ «шарабанъ»; вынималъ онъ ее изъ экипажа тѣмъ же способомъ и вносилъ на рукахъ по лѣстницѣ. Татьяна Петровна аккуратно посѣщала обѣдни по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и въ сельскую церковь ее точно также вносили. Въ Тагашевской церкви у нея было отдѣльное мѣсто, отгороженное отъ крестьянской толпы рѣшеткой; здѣсь стояло особое кресло, сидя на которомъ она и слушала всю обѣдню, вставая только при самыхъ важныхъ ея частяхъ: маломъ выходѣ, чтеніи Евангелія, пѣніи «Херувимской» и «Достойно» и всѣхъ трехъ выходахъ съ Святыми Дарами. Подъ ноги Татьянѣ Петровнѣ подкладывалась постоянно большая круглая, мягкая подушка и въ экипажѣ, и когда она бывала въ гостяхъ, и въ церкви.

Татьяна Петровна была умна, хорошо воспитана на французскій ладъ и весьма корректна въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, которыхъ считала равными себѣ по происхожденію и положенію, къ такъ называемому въ то время «обществу», т. е. къ высшимъ и среднимъ слоямъ дворянскаго круга. Къ людямъ же не изъ «общества» относилась или покровительственно-нисходительно, или величаво и пренебрежительно, смотря по тому «слою», къ которому принадлежали эти «люди не изъ общества»—*ces gens-là!* Покровительственно-нисходительно, но всегда любезно, какъ и подобаетъ воспитанной дамѣ хорошаго тона, она относилась къ высшему духовенству и мѣстнымъ сельскимъ священникамъ въ своихъ имѣніяхъ, Елани и Тагашевѣ, къ гувернанткамъ и домашнимъ учителямъ, хорошо

принятымъ въ знакомыхъ ей помѣщичьихъ домахъ, военнымъ офицерамъ. Вторая категорія лицъ, къ которымъ Татьяна Петровна Желтухина относилась покровительственно-снисходительно, состояла изъ «разночинцевъ» не дворянскаго происхожденія. Сюда относились: губернскіе чиновники извѣстнаго ранга (въ родѣ, напримѣръ, штабъ- и оберъ-офицеровъ мѣстнаго гарнизона и офицеровъ корпуса жандармовъ, совѣтниковъ, секретарей и засѣдателей разныхъ губернскихъ палатъ и канцелярій). Губернскіе дворяне мелкопомѣстные или «малодушные», какъ ихъ называли (т. е. владѣющіе малымъ количествомъ крѣпостныхъ душъ), и притомъ не имѣвшіе знатныхъ предковъ или родственниковъ, причислялись къ этой же категоріи «разночинцевъ».

Величаваго отношенія удостоивались иностранцы низшихъ слоевъ—разныя бонны, ремесленники, торговцы; къ этой же категоріи лицъ относились русскіе купцы и медкіе чиновники, въ родѣ землемѣровъ, лѣсничихъ, уѣздныхъ судей и лекарей, ихъ женъ, семей приходскаго духовенства и низшихъ церковныхъ чиновъ: дьяконовъ, дьячковъ, просвирень. Въ гостиную такихъ лицъ Татьяна Петровна къ себѣ не допускала. Дальше пріемной или бильярдной они не имѣли входа къ «барынѣ», и при томъ по дѣлу. Купцамъ иногда «соблаговоляли» предложить чашку чая, а всѣхъ остальныхъ поили чаемъ и угощали обѣдомъ съ «барскаго» стола или у управляющаго и приказчика, или въ заднихъ комнатахъ барскаго дома, съ такъ называемаго «дѣвичьяго» крыльца (спеціальное крыльцо вело въ «дѣвичью», наполненную толпой горничныхъ; это же крыльцо называлось «чернымъ», или «заднимъ», потому что черезъ него выносились изъ барскихъ покоевъ всѣ нечистоты и весь соръ послѣ уборки комнатъ утромъ и послѣ ѣды—завтрака, обѣда и ужина). Въ заднихъ комнатахъ угощеніемъ гостей завѣдывала «кофишенка» Прасковья Ивановна, которую, несмотря на ея 60-лѣтній слишкомъ возрастъ, «господа» называли «Парашей». Презрительно относилась Татьяна Петровна еще къ низшей категоріи разныхъ «чинушей», какъ, напримѣръ, становыхъ приставовъ, разныхъ городскихъ полицейскихъ чиновъ, начиная съ частныхъ приставовъ, къ прислугѣ, какъ къ своей собственной, такъ и своихъ знакомыхъ, и ко всѣмъ вообще крестьянамъ. Помню, разъ у насъ въ деревнѣ былъ обѣдъ. Гостями были Татьяна Петровна со всѣми своими «домочадцами» (о нихъ скажу подробнѣе ниже) и мѣстный становой приставъ Фокинъ. Отецъ мой и становыхъ приставовъ сожалѣлъ за одинъ столъ съ собой. Увидавъ незнакомое лицо въ вицмундирѣ (тогда у уѣздныхъ чиновъ полиціи не было, какъ теперь, особой формы), Татьяна Петровна, черезъ весь столъ, стала упорно къ нему присматриваться въ свой лорнетъ и съ недоумѣніемъ спросила по-французски мою матушку, около которой сидѣла:

— Кто этотъ господинъ, что сидитъ на противоположномъ концѣ?

— Это Алексѣй Фёдоровичъ Фокинъ, нашъ становой приставъ, — отвѣчала матушка.

— Не понимаю, Софья Дмитриевна (такъ звали мою матушку), какъ вы и Александръ Львовичъ (мой отецъ) позволяете становому приставу обѣдать вмѣстѣ съ собой. У меня «эти люди» дальше передней не пускаются!

Значитъ, въ представленіи Татьяны Петровны Желтухиной становые пристава и вообще чины полиціи стояли даже ниже попадей, дьяконовъ и женъ ихъ, дьячковъ и просвиренъ, которыхъ «по дѣлу» допускали въ пріемную.

Всѣхъ слугъ вообще, всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ Татьяна Петровна, какъ преобладающая часть помѣщиковъ того времени, считала за парьевъ, за людей иной породы, за «Хамово отродье». Она была въ полномъ смыслѣ слова «крѣпостницей», почитая крѣпостное право за священную привилегію дворянства.

Носились слухи, что горничныхъ она нерѣдко собственноручно награждала «всемиловѣйшими оплеухами», но лакеевъ и всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ обоого пола, и по ея приказу, и по собственному почину, сѣкли розгами «щадно» и «нещадно», смотря по вдохновенію, управляющіе, приказчики и бурмистры, а въ Казани «учили» провинившихся дворовыхъ въ полиціи, по запискамъ Татьяны Петровны къ полицеймейстеру. Передъ написаніемъ такой записки и передъ отдачей приказанія чинамъ своей сельской администраціи о наказаніи провинившихся, Татьяна Петровна бывала съ ними особенно обходительна. Вручая виновному записку къ управляющему или полицеймейстеру, она ласково говорила ему:

— Вотъ, мой милый, ступай, передай эту записку отъ меня такому-то.

Провинившійся шель, съ нимъ поступали «по запискѣ», и онъ возвращался обратно.

Понятно, что такое обхожденіе Татьяны Петровны съ своими «подданными» не возбуждало въ нихъ къ ней симпатіи. Были ли какіе-нибудь бунты и беспорядки въ ея имѣніяхъ, — мнѣ неизвѣстно (вѣроятно, были); но вотъ что передавалъ мнѣ уже послѣ смерти Татьяны Петровны ея выѣздной лакей Алексѣй, смѣнившій Петра.

— Да, сударь, — говорилъ Алексѣй: — много мы натерпѣлись горя отъ покойницы. Мнѣ невтерпѣжъ ужъ стало, вотъ я разъ несъ ее въ экипажъ-то на рукахъ, да нарочно и уронилъ. Больно расшиблась!

— Ну, и что же, неужели это тебѣ такъ сошло? — спросилъ я.

— Да Господь миловаль! — отвѣчалъ Алексѣй. — Сталъ на колѣни, плачу, въ землю кланяюсь. Простите, говорю, сударыня,

ваше превосходительство, — о камень споткнулся... Можетъ быть, догадалась Татьяна Петровна, въ чемъ тутъ дѣло, и никакому наказанію меня не подвергла.

Владимиръ Ѳедоровичъ и Татьяна Петровна Желтухины были бездѣтны, и Татьяна Петровна взяла на воспитаніе и удочерила Елену Александровну Либертъ, родную свою племянницу (дочь сестры, Екатерины Петровны, бывшей замужемъ за отставнымъ полковникомъ Александромъ Ивановичемъ Либертъ). Къ барышнѣ была опредѣлена гувернантка, француженка m-me Рулье, женщина большого ума и сильнаго характера, а чтобы ученье Лѣли шло успѣшнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ для «добраго дѣла», съ m-elle Либертъ воспитывались и учились вмѣстѣ ея сверстницы—дочь m-m. Рулье Лиза (Елизавета Васильевна) и Alexandrine (Александра Васильевна) баронесса Крюднеръ, родственница Татьяны Петровны.

Воспоминанье объ этихъ трехъ барышняхъ составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моего дѣтства. Всѣ онѣ были лѣтъ на пять, на шесть старше меня; всѣ были очень красивы и очень милы, — и я восхищался ими, какъ можетъ восхищаться 10—12-лѣтній мальчикъ 16—17-лѣтними дѣвками.

По зимамъ Татьяна Петровна проживала въ Елани, а въ Тагашево переѣзжала на лѣто. Переѣзды эти совершались весьма торжественно, съ особымъ церемоніаломъ. За два, за три дня до господъ пріѣзжалъ изъ Елани въ Тагашево главный поваръ съ извѣстнымъ количествомъ поваренковъ и другихъ кухонныхъ «чиновъ» и съ длиннымъ цугомъ подводъ, на которыхъ перевозилась барская кухня (въ Елани оставался «подручный поваръ»). Вмѣстѣ съ поваромъ переѣзжала значительная часть двора и перевозился обширный «господскій» багажъ и большое количество книгъ для чтенія.

Къ пріѣзду Татьяны Петровны съ барышнями въ тагашевскомъ домѣ все приводилось въ должный порядокъ, все разставлялось по мѣстамъ, кромѣ книгъ, приготавлились яства и питія. Книги, почти исключительно французскія и главнымъ образомъ иллюстрированныя, должна была приводить въ порядокъ и разставлять Елена Александровна Либертъ на другой же день по пріѣздѣ. Это входило въ программу ея воспитанія, ради пріученія ея къ порядку вообще и къ порядку въ книгахъ въ частности. Елена Александровна очень утомлялась и тяготилась такой натуральной повинностью, за которую сильно роптала на свою «мама», какъ она всегда величала Татьяну Петровну.

Но вотъ на улицѣ нашей деревни Арыпхазды (путь изъ Елани въ Тагашево лежалъ черезъ эту деревню) показывается кортежъ «самой» Татьяны Петровны. Въ большинствѣ случаевъ «шествіе» происходило въ слѣдующемъ порядкѣ. Во главѣ кортежа—главный дормезъ, запряженный въ восемь лошадей съ двумя фореи-

торами; въ немъ помѣщаются Татьяна Петровна съ Еленой Александровной Либертъ; за дормезомъ—карета шестеркой, съ однимъ форейторомъ, въ которой ѣдутъ m-me Рулье съ двумя барышнями; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько экипажей: коляски, брички, тарантасы—съ ближайшей «лейбъ»-прислугой, мужской и женской. Иногда же размѣщеніе сѣдокъ нѣсколько варьировалось, что зависѣло отъ измѣненія дамскаго персонала, пребывавшаго въ данное время у Татьяны Петровны въ Елани, а персоналъ этотъ часто увеличивался, что мы увидимъ впослѣдствіи; въ такомъ случаѣ или прибавлялась еще одна карета, или же въ главный дормезъ помѣщались m-me Рулье и еще кто-нибудь изъ дѣвицъ.

IV.

Родственники Т. П. Желтухиной.—А. Д. Желтхинъ.—M-me Рулье и ея дочери.—Священники: Вас. Григ. Покровскій и Ѳед. Вас. Тихомировъ.—Импровизованное деревенское училище и при немъ пансіонъ для дѣвицъ.

Около Татьяны Петровны, и въ Елани, и въ Тагашевѣ, «привитало» большое количество лицъ, мужчинъ, дамъ и дѣвицъ; но вся эта публика лишь съ большой натяжкой можетъ быть подведена подъ опредѣленіе «разнаго пролетаріата», какъ это дѣлаетъ неизвѣстный авторъ статьи: «Губернаторъ добраго стараго времени»¹⁾. Правда, все это были люди большею частью небогатые и даже бѣдные, но они далеко не состояли изъ тѣхъ приживальщиковъ, или нахлѣбниковъ, которыми нерѣдко кишѣли дома богатыхъ русскихъ баръ XVII, XVIII и XIX вѣковъ и которые являлись, такъ сказать, пролетаріями *pur sang*. Такіе пролетаріи въ донетровской Россіи были извѣстны подъ именемъ «знакомцевъ» и «барскихъ баръ». Разнообразная публика, частью постоянно жившая въ домахъ Татьяны Петровны, частью только временно у нея пребывавшая, «гостившая», по выраженію того времени, состояла изъ родныхъ ея и лицъ постороннихъ. Къ первой группѣ, кромѣ упомянутой выше баронессы Александры Васильевны Крюднеръ, слѣдуетъ отнести младшую ея сестру Женю. За ними слѣдовали: семейство Гаюсъ, состоявшее изъ мужа, жены и нѣсколькихъ человекъ дѣтей—сыновей и дочерей, и Мих. Ник. Колюбакина, небогатаго симбирскаго помѣщика, отставнаго гусарскаго офицера, которому Татьяна Петровна одно время поручила наблюдать за ея имѣньями. Настоящимъ пролетаріемъ, жившимъ у Желтухиной «на хлѣбахъ изъ милости», былъ ея родной братъ Василій Петровичъ Вешняковъ; но о немъ, какъ объ очень характерномъ выразителѣ цѣлой группы помѣщиковъ первой половины XIX вѣка, мнѣ придется еще говорить ниже. Изъ родныхъ, по временамъ гостившихъ у Татьяны Петровны, памятли мнѣ: ея племянники—Петръ Александровичъ

¹⁾ «Рус. Старина». 1907 г., июль.

Ильинъ, адъютантъ казанскаго военнаго губернатора Боратынскаго, и Николай Ивановичъ Вешняковъ, также адъютантъ, но жандармскаго генерала Львова; мать Ильина, сестра Татьяны Петровны, вдова Марья Петровна, ея старшій сынъ Владимиръ Александровичъ Ильинъ съ женой и племянникъ мужа Татьяны Петровны, Алексѣй Дмитриевичъ Желтухинъ. Этому послѣднему суждено было впослѣдствіи сыграть, хотя кратковременную и небольшую, но довольно замѣтную роль въ исторіи русской общественности XIX вѣка.

А. Д. Желтухинъ (родился 1821 г., умеръ 5 мая 1865 г.), красивый, даровитый и хорошо воспитанный, въ молодости писалъ недурные стихи и былъ большимъ любителемъ театра: онъ устраивалъ домашніе спектакли, въ которыхъ самъ участвовалъ съ успѣхомъ. Впослѣдствіи, женившись, занялся хозяйствомъ въ своемъ пензенскомъ имѣніи, а въ пятидесятыхъ годахъ поступилъ на службу въ канцелярію комитета министровъ. Здѣсь Желтухинъ зарекомендовалъ себя дѣятельнымъ и образованнымъ чиновникомъ, и на него обратилъ вниманіе предсѣдатель комитета министровъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ. Онъ привлекъ А. Д. Желтухина къ занятіямъ въ главномъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ и въ извѣстныхъ «редакціонныхъ комиссіяхъ». Желтухинъ явился защитникомъ и пропагандистомъ идеи своего патрона, какъ въ комиссіяхъ, такъ и въ издававшемся имъ, какъ кажется, не безъ субсидіи князя Гагарина, «Журналѣ для землевладѣльцевъ». Журналъ этотъ, направленный противъ возрѣній Н. А. Милютина и графа Я. И. Ростовцева, былъ органомъ помѣщичьей партіи компромисса, въ душѣ стоявшей за освобожденіе крестьянъ безъ земли, а официально прикрывавшейся надѣленіемъ ихъ землею, но при самыхъ невыгодныхъ для крестьянъ условіяхъ.

Такимъ компромиссомъ являлась, такъ называемая, «гагаринская» десятина и сиротскій надѣлъ. Первая система состояла въ выкупѣ крестьянами за очень, по тогдашнему, дорогую цѣну четверти нормальнаго надѣла, вмѣстѣ съ усадьбой, а вторая—въ предоставленіи помѣщикомъ крестьянамъ въ надѣлъ одной даровой десятины на душу. А. Д. Желтухинъ умеръ въ 1865 году, занимая должность помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, предсѣдателемъ котораго былъ въ то время князь П. П. Гагаринъ.

Въ 1849 году пріѣхала и поселилась въ домѣ Татьяны Петровны старшая дочь m-me Рулье, шестнадцатилѣтняя Эмма, прекрасно образованная, получившая воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ женскихъ пансіоновъ въ Лозаннѣ. Она и три названныя выше барышни, Елена Александровна Либертъ, баронесса Крюднеръ и младшая Рулье, являлись естественнымъ магнитомъ для молодежи, съ большимъ, впрочемъ, выборомъ допускавшейся въ домъ Татьяны Петровны. По мѣрѣ того, какъ ученицы m-me Рулье подрастали и

приближался ихъ шестнадцатилѣтній возрастъ, наплывъ молодежи все болѣе и болѣе усиливался, и въ Елани и въ Тагашевѣ стали появляться казанскіе молодые «львы» изъ мѣстнаго «общества». Шестнадцать лѣтъ считалось въ то время въ свѣтскихъ кругахъ совершеннолѣтіемъ для дѣвицъ. Ихъ воспитаніе и обученіе заканчивалось, ихъ облакали въ длинное платье и «вывозили» въ свѣтъ, то есть мать, или замѣнявшая ея мѣсто родственница, дѣлала съ совершеннолѣтней барышней визиты въ семейные дома, затѣмъ принимала молодежь у себя по вечерамъ и возила шестнадцатилѣтнюю дебютантку въ спектакли, концерты и на танцевальныя вечера въ частныя семейныя дома и въ «благородное собраніе». Барышня вступала въ званіе «невѣсты», то есть въ кандидатки на супружескую жизнь. Иногда, въ болѣе состоятельныхъ и высокопоставленныхъ дворянскихъ семьяхъ, такому вывозу въ свѣтъ «невѣсты» предшествовала поѣздка съ ней въ столицы или даже за границу. Татьяна Петровна Желтухина, по своему положенію, послѣдовала этому послѣднему способу «вывоза» въ свѣтъ своей Лѣли.

Въ 1852 году она предприняла съ ней и съ m-me Рулье поѣздку въ Петербургъ и за границу.

M-me Рулье осталась въ Петербургѣ, а вмѣсто нея пріѣхала съ Татьяной Петровной уже не гувернантка для Лѣли, а скорѣе ея «*dame de compagnie*». То была дама съ какимъ-то весьма подозрительнымъ прошлымъ и очень неопредѣленной національности и общественнаго положенія, по фамиліи m-me Душицкая. Нельзя сказать, чтобы въ данномъ случаѣ выборъ Татьяны Петровны былъ удаченъ. Съ зимы 1853—1854 г.г. Татьяна Петровна, вмѣсто Елани, стала жить по зимамъ въ Казани, въ своемъ домѣ близъ Чернаго озера, чтобы «вывозить» въ свѣтъ Елену Александровну Либертъ. Но этого казанскаго житья-бытья Желтухиной я не знаю, потому что родители мои переселились на житье въ Казань только осенью 1856 г., уже послѣ смерти Татьяны Петровны. Вскорѣ послѣ этого, въ январѣ 1857 г. послѣдовала преждевременная и неожиданная кончина и Елены Александровны Либертъ.

Чтобы докончить извѣстный мнѣ «*entourage*» Татьяны Петровны въ ея жизни въ Елани и въ Тагашевѣ, я долженъ коснуться той общественной среды, которая у большинства помѣщиковъ XIX вѣка стояла совершенно особнякомъ отъ нихъ, но въ обиходѣ Татьяны Петровны Желтухиной составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Я разумѣю мѣстныхъ сельскихъ и приходскихъ священниковъ.

Священникъ с. Елани Василій Григорьевичъ Покровскій и сынъ его, священникъ с. Тагашева Ѳедоръ Васильевичъ Тихомировъ—были не только близко, но дружески приняты въ домѣ Татьяны Петровны Желтухиной. Также желанными у нея гостями были слѣдующіе казанскіе священники: протоіерей Петропавловскаго собора

Викторъ Петровичъ Вишневскій, его зять, священникъ Покровской церкви Стефанъ Ивановичъ Адоратскій и священникъ Николо-Вешняковской церкви Андрей Гурьевичъ Ласточкинъ. Жена послѣдняго, Екатерина Ивановна, была особенно приближенной въ домъ Татьяны Петровны, но причина этого приближенія мнѣ неизвѣстна. Екатерина Ивановна Ласточкина подолгу гащивала въ Елани и въ Тагашевѣ съ своею дочерью Анютою и сыномъ, которыхъ я хорошо помню, и имѣла всѣ свойства «приживалки» большого барскаго дома.

На двухъ личностяхъ изъ названныхъ священниковъ, по ихъ особому для сельскаго духовенства того времени положенію, я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Василія Григорьевича Покровскаго я помню сѣдовласымъ старцемъ съ прекрасной, почтенной наружностью. Умъ, сердечная доброта и необыкновенное добродушіе въ обращеніи одухотворяли всю его фигуру.

Изъ казанской духовной семинаріи вышелъ онъ не въ числѣ первыхъ учениковъ; но, не будучи «ученымъ» богословомъ, онъ обладалъ качествами, несравненно болѣе почтенными и необходимыми для сельскаго священника. Онъ умѣлъ вліять на своихъ прихожанъ, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ; онъ былъ ихъ житейскимъ наставникомъ и миротворцемъ, и ему удавалось, путемъ своего нравственнаго воздѣйствія на Татьяну Петровну и ея мужа, Владимира Ѳедоровича Желтухина, не разъ ослаблять жгучесть крѣпостнической ихъ расправы съ крестьянами и дворовыми. Василій Григорьевичъ Покровскій, кромѣ того, отличался безкорыстіемъ, столь, къ сожалѣнію, рѣдкимъ среди нашего приходскаго духовенства.

Моя матушка, будучи хорошо знакома съ тогдашнимъ казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ Постниковымъ, неоднократно просила его наградить Василія Григорьевича скуфьей, но архіерей всегда отказывалъ, ссылаясь на то, что тотъ кончилъ курсъ въ семинаріи «по второму разряду».

Сынъ Василья Григорьевича, Ѳедоръ Васильевичъ Тихомировъ, унаслѣдовалъ всѣ нравственныя качества отца, хотя по уму былъ несравненно ниже его.

Еще будучи ученикомъ духовнаго училища, а затѣмъ казанской духовной семинаріи, онъ постоянно вращался въ Елани въ домъ Желтухиныхъ, а потому усвоилъ приличныя манеры. Въ обществѣ помѣщиковъ держалъ онъ себя просто, съ достоинствомъ, чуждый и приниженности, и пренебрежительный развязности въ обращеніи, этихъ двухъ крайностей, одинаково свойственныхъ многимъ лицамъ изъ духовнаго званія посреди людей, которыхъ они считаютъ выше себя по общественному положенію. Въ Тагашевѣ Ѳедоръ Васильевичъ Тихомировъ священствовалъ тридцать слиш-

комъ лѣтъ (1847—1878 г.г.), заслуживъ любовь и уваженіе всего прихода. Въ этотъ долгій періодъ службы сельскимъ приходскимъ священникомъ, онъ занималъ отвѣтственныя должности по духовному вѣдомству: въ теченіе двадцати лѣтъ онъ былъ духовникомъ священнослужителей одного изъ благочинническихъ округовъ Казанскаго уѣзда, а затѣмъ, передъ самымъ переходомъ въ Казань, въ теченіе четырехъ лѣтъ состоялъ благочиннымъ 2-го округа Казанскаго уѣзда. Особенно выдающимся достоинствомъ Ѳедора Васильевича было его теплое и безкорыстное отношеніе къ дѣлу начального народнаго образованія. Въ 1861 г., велѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, онъ открылъ въ селѣ Тагашевѣ приходскую школу на свой счетъ и занимался въ ней безмездно. Затраты на учебныя принадлежности были, однако, настолько значительны, что черезъ четыре года Ѳедоръ Васильевичъ оказался вынужденнымъ закрыть школу. При введеніи въ Казанской губерніи земскихъ учреждений въ 1865 г., о. Тихомировъ былъ выбранъ въ гласные отъ Казанскаго уѣзда и сталъ принимать живое участіе въ земскихъ дѣлахъ, а въ 1868 г. вторично открылъ въ селѣ Тагашевѣ школу на свой счетъ, стѣняясь просить у земства пособія для этой школы, но желая по мѣрѣ возможности послужить народному образованію. Въ первые годы существованія казанскаго уѣзднаго земства школъ было немного, да и тѣ, будучи переданы въ завѣдыванье казанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта удѣльнымъ вѣдомствомъ, содержались не на счетъ земства, а на счетъ удѣловъ. Лишь въ 1868 г., когда членами училищнаго совѣта отъ земства были избраны: профессоръ казанскаго университетета А. И. Якобій и я,—казанское уѣздное земство начало производить весьма скромныя ассигновки изъ земскихъ суммъ въ видѣ пособій земскимъ училищамъ, а затѣмъ эти ассигновки году отъ году стали увеличиваться. Въ 1871 г. въ тагашевскую школу былъ назначенъ учитель, съ вознагражденіемъ отъ земства, а Ѳедоръ Васильевичъ остался въ ней въ качествѣ законоучителя. Въ томъ же году, по представленію казанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, уважаемому уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, священникъ Тихомировъ былъ награжденъ епархіальнымъ начальствомъ камилавкой за «ревностное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія». Въ 1872 г. онъ перестроилъ на собственные средства амбаръ, пожертвованный, по его просьбѣ, мѣстной землевладѣлицей Ек. Степ. Могилатовой, для помѣщенія училища.

Изъ Тагашева Ѳедоръ Васильевичъ перешелъ на службу въ Казань: былъ тамъ сначала священникомъ въ кафедральномъ соборѣ, а затѣмъ настоятелемъ церкви духовной семинаріи.

Онъ умеръ 6 мая 1887 г., и его похороны отличались необыкновенной торжественностью. Отпѣвалъ его викарный епископъ Кириллъ, въ сослуженіи громаднаго числа священниковъ. Священники—родственники и сослуживцы почившаго—съѣхались для участія

въ его погребеніи не только изъ подгородныхъ, ближайшихъ къ Казани селеній, но и изъ отдаленныхъ отъ Казани приходоу, даже изъ сосѣднихъ съ казанскою епархіей. Это служило яснымъ доказательствомъ того уваженія и симпатій, которыми пользовался Ѳедоръ Васильевичъ Тихомировъ и среди мѣстнаго духовенства.

Я упомянулъ выше, что гувернантка Ел. Ал. Либертъ, м-ше Рулье, была женщиной большого ума и сильнаго характера. Но эти качества не мѣшали ей вдаваться въ созиданіе и осуществленіе весьма фантастическихъ плановъ. Одной изъ такихъ затѣй м-ше Рулье было основаніе женскаго учебнаго заведенія, пансіона для дѣвиць въ деревнѣ.

Въ 1850 году ея старшая дочь Эмма вышла замужъ за родственника Т. П. Желтухиной, Мих. Никол. Колюбакина, и вотъ м-ше Рулье приходитъ въ голову слѣдующая комбинація. Мих. Никол. Колюбакинъ, если не ошибаюсь, при денежномъ содѣйствіи Т. П. Желтухиной, покупаетъ небольшое имѣніе въ деревнѣ Горкахъ, по сосѣдству съ Еланью, и м-ше Рулье задумываетъ основать въ этомъ имѣніи, въ домѣ своего зятя пансіонъ для дѣвиць. Сказано—сдѣлано. Главной начальницей пансіона является она сама, а ея помощницей, такъ сказать, старшей классной дамой и преподавательницей французскаго языка и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ (какихъ—не упомяну) ея дочь м-ше Колюбакина. Для преподаванія нѣмецкаго языка и музыки выписывается изъ Риги сестра моей гувернантки, Ольга Ивановна Дубровина, вмѣстѣ со своей младшей сестрой Антониной, въ то время подросткомъ. Антонина Дубровина назначается въ число учениць «пансіона». Другими ученицами были: три сестры Денике, Амалія, Эмилиа и Софія. Катя Заурихъ и дочь казанскаго купца Маша Носова. Дѣло не пошло, несмотря на всѣ старанія м-ше Рулье привлечь въ это учебное заведеніе дочерей мѣстныхъ и даже иногородныхъ помѣщиковъ. Паденію «предпріятія» всего болѣе способствовалъ отъѣздъ м-ше Рулье отъ Желтухиныхъ.

V.

Василій Петровичъ Вешняковъ.

Василій Петровичъ Вешняковъ, братъ Татьяны Петровны Желтухиной, является очень курьезнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнымъ типомъ въ помѣщичьей средѣ первой половины XIX вѣка.

Гдѣ и какое получилъ онъ образованіе, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что онъ очень хорошо говорилъ по-французски и имѣлъ эстетическій вкусъ и артистическія наклонности. Онъ очень недурно писалъ картины масляными красками. Въ Покровской церкви с. Тагашева до сихъ поръ сохраняется живописный запрестольный образъ Покрова Божіей Матери его работы; стѣны комнатъ его

были украшены нѣсколькими миниатюрными масляными картинами тоже его кисти; изъ нихъ мнѣ особенно памятна одна, на тему извѣстнаго стихотворенія Пушкина: «Гляжу, какъ безумный, на черную шаль». Василий Петровичъ былъ также большимъ любителемъ театра и самъ принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ. Какъ актеръ, онъ былъ поклонникомъ старой псевдо-классической школы и держался французскихъ декламаторскихъ неестественныхъ приемовъ; такое пониманіе сценическаго искусства выразилъ онъ, играя роль Эдипа въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Афинахъ». Я видѣлъ его въ этой роли въ Елани въ именины Татьяны Петровны, 12-го января 1853 года. Въ 1852 году былъ построенъ въ Казани новый каменный театръ (съ разными послѣдующими перестройками послѣ двухъ пожаровъ существующій доселѣ); для управленія театромъ образована была дирекція изъ трехъ казанскихъ помѣщиковъ: Ушакова, Мирцева и В. П. Вешнякова.

В. П. Вешняковъ былъ женатъ на Маріи Александровнѣ, рожденной Савиной, писательницѣ, помѣщавшей свои повѣсти и рассказы въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ». Эти повѣсти и рассказы и при жизни ея были мало извѣстны, а въ настоящее время совершенно забыты. Съ женой Василий Петровичъ разошелся давно, дѣтей у нихъ не было.

В. П. Вешняковъ въ 1813 году вступилъ въ симбирское ополченіе, а затѣмъ перешелъ въ гвардію и, дослужившись тамъ до чина поручика, въ 1830-хъ годахъ перешелъ въ гражданскую службу по почтовому вѣдомству. Въ то время это вѣдомство считалось очень высоко стоящимъ, наравнѣ съ министерствами иностранныхъ дѣлъ и двора; имъ управлялъ министръ двора и любимецъ императора Николая I, графъ В. Ѳ. Адлербергъ. Въ 1845 году В. П. Вешняковъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и занималъ должность почтъ-инспектора IV-го округа. Такой «карьерѣ» его, по всей вѣроятности, способствовалъ его старшій братъ, Иванъ Петровичъ Вешняковъ (ум. 1841 г.), весьма образованный генералъ генеральнаго штаба (свиты Его Величества по квартирмейстерской части, какъ тогда назывались штабные офицеры), человекъ, близкій къ великому князю Михаилу Павловичу, его личный адъютантъ, а подъ конецъ жизни управлявшій дворомъ великаго князя. Послѣ 1845 года въ служебной карьерѣ Василя Петровича Вешнякова произошла какая-то катастрофа, какая именно—не знаю, но знаю только, что въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда онъ переселился «на хлѣба» своей сестры Татьяны Петровны, носились слухи о томъ, что Василий Петровичъ находится подъ слѣдствіемъ или судомъ, что даже «чинъ» съ него сняли, что онъ статскій совѣтникъ и только будто именуется «превосходительствомъ» по послѣднему мѣсту своего служенія. Но вскорѣ Василий Петровичъ былъ «реабилитированъ», и въ исходѣ пятидесятихъ годовъ на его визитныхъ карточ-

кахъ, подъ его именемъ, отчествомъ и фамиліей, украшенными дворянской короной, красовалась строка болѣе мелкаго шрифта: «дѣйствительный статскій совѣтникъ».

Имѣніе въ Тагашевѣ, перешедшее въ послѣдствіи къ Татьянѣ Петровнѣ, принадлежало сначала Василию Петровичу и, по имени его жены, называлось «Марьино». Экономическія условія его жизни все болѣе и болѣе разстраивались, и «Марьино» было продано за долги съ публичнаго торга. Имѣніе это купилъ Владимиръ Федоровичъ Желтухинъ, на имя своей жены, переименовавъ его въ «Тайино». Когда случился съ Василиемъ Федоровичемъ служебный крахъ, и онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, Татьяна Петровна пригласила его жить у себя, отвѣдя ему скромное помѣщеніе въ четыре комнаты во флигелѣ своего тагашевского дома, въ которомъ еще не такъ давно обиталъ самъ Василій Петровичъ. Живо представляется мнѣ эта уютная, артистически обставленная, скромная квартира во флигелѣ. Полы были устланы прекрасными коврами, стѣны въ гостиной и въ кабинетѣ украшались картинами и большимъ портретомъ его жены, написанными масляными красками, а въ кабинетѣ, кромѣ того, надъ изящнымъ мягкимъ турецкимъ диваномъ, обитымъ дорогой шерстяной матеріей съ восточными узорами, красовался большой персидскій коверъ, на которомъ живописно было развѣшано разное огнестрѣльное и холодное оружіе. Василій Петровичъ былъ страстный ружейный охотникъ и любилъ бродить по лѣсамъ и лугамъ своего бывшаго имѣнія, стрѣляя дупелей и бекасовъ. Нерѣдко приводилось ему жить въ Тагашевѣ въ совершенномъ одиночествѣ, что бывало, когда Татьяна Петровна переселялась на зиму въ Казань, или еще не переѣзжала изъ своей зимней резиденціи Елани въ лѣтнюю. Эти дни въ жизни Василя Петровича дали поводъ мѣстнымъ остроумникамъ-сосѣдямъ говорить, что Василій Петровичъ постоянно «несетъ дичь», и уподоблять его существованіе существованію Робинзона на необитаемомъ островѣ, а его вѣчный спутникъ въ охотѣ, его оруженосецъ, камердинеръ и «конфидентъ» Василій, изъ бывшихъ его дворовыхъ, былъ прозванъ «Пятницей».

Василій Петровичъ Вешняковъ; какъ я его помню, былъ старикъ средняго роста, очень, если можно такъ выразиться, аппетитной наружности. Необыкновенно розовый цвѣтъ лица, гладко выбритыя щеки, безъ усовъ и бороды, прекрасно гармонировали съ бѣлоснѣжными волосами на головѣ, коротко и изящно обстриженными подъ гребенку. Въ послѣдніе годы жизни Василій Петровичъ отпустилъ бороду, столь же бѣлоснѣжную и изящную, и она еще болѣе украсила его наружность. Голубые глаза скрывались подъ очками въ черепаховой оправѣ. Вся внѣшность его отличалась утонченностью и великосвѣтскостью.

Одѣвался онъ всегда по послѣдней модѣ, сообразно сезону; бѣлье, лучшаго голландскаго полотна, блистало бѣлизной и свѣжестью; необыкновенно маленькія руки, которыя слегка тряслись, отличались отдѣлкой ногтей и постоянно, внѣ дома, облекались въ самыя новомодныя перчатки. Столь же маленькія ноги были обуты, по зимамъ, въ лакированныя, черныя, англійскія ботинки, а лѣтомъ онѣ замѣнялись свѣтло-сѣрыми замшевыми, съ прибавленіемъ такихъ же гетръ. Онъ особенно любилъ щеголять своимъ охотничьимъ костюмомъ, сшитымъ по послѣднимъ англійскимъ моднымъ картинкамъ.

Василій Петровичъ Вешняковъ не былъ разговорчивъ: въ большомъ обществѣ онъ былъ молчаливъ и задумчивъ, произносилъ отдѣльныя фразы и лишь иногда рассказывалъ анекдоты изъ прошлой жизни, своей собственной или помѣщичьихъ круговъ, положи лѣвую ногу на правую, при чемъ имѣлъ обыкновеніе трясти въ тактъ лѣвой ногой. Такое обыкновеніе дѣйствовало на присутствующихъ очень заразительно: по примѣру Василя Петровича начинали раскачивать ногою его сестры, Татьяна Петровна и Марья Петровна. Въ обхожденіи своемъ Василій Петровичъ былъ не только очень вѣжливъ, но предупредителенъ и даже ласковъ. Онъ любилъ молодежь и очень усердно, платонически ухаживалъ за молодыми дѣвицами, наполнявшими домъ Татьяны Петровны Желтухиной. Онѣ всѣ его очень любили и называли и въ глаза и за глаза «дядей Васей», что ему очень нравилось. Эстетическія наклонности Василя Петровича, кромѣ живописи, театра, обстановки своего жилища и одежды, выражались въ его пищѣ. Онъ былъ знатокъ кулинарнаго искусства, любилъ и умѣлъ хорошо, гастрономически устроить обѣдъ съ прекрасными винами; не прочь былъ иногда и выпить лишнее, но, по своей благовоспитанности, скрывалъ эту наклонность подъ видомъ пробы винъ разныхъ марокъ; при этомъ онъ сравнивалъ «букеты» этихъ винъ. Такой пріемъ Василя Петровича также подавалъ поводъ къ остроумничанью надъ нимъ, и одинъ изъ мѣстныхъ пійтъ, его сосѣдей по имѣнію, сочинилъ слѣдующіе вирши:

Дядя Вася славный
Ищетъ все букетъ—
Только вотъ забавно:
Букета все нѣтъ!

Въ 1852 году, во время поѣздки Татьяны Петровны Желтухиной съ своей племянницей Либертъ въ Петербургъ и за границу, мой отецъ, какъ сосѣдъ ея по тагашевскому имѣнію и притомъ прекрасный, знающій сельскій хозяинъ, наблюдать, по просьбѣ Татьяны Петровны, за ея хозяйствомъ въ Тагашевѣ и въ Елани. Къ нему являлись, съ докладами и за приказаніями, тагашевскій приказчикъ изъ ея дворовыхъ, Петръ Степановичъ, носившій громкую фамилію

«пѣвца Фелицы» Державина, и еланскій бурмистръ изъ мѣстныхъ крестьянъ (его фамиліи я не помню).

Разъ, рано весной, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Державинъ приходитъ къ моему отцу и держитъ такую рѣчь:

— Ваше превосходительство, запретите Василию Петровичу занимать рабочія руки отъ полевыхъ работъ, заставляя крестьянъ заниматься пустяками. Сами изволите знать—въ полеводствѣ время теперь жаркое: нужно пахать подъ яровые и засѣвать овесъ; я и наряжаю на эти работы, а Василий Петровичъ требуетъ крестьянъ для уборки сада и устройства въ немъ какихъ-то бесѣдокъ и мостиковъ.

Положеніе моего отца было очень затруднительно. Не помню, какъ онъ поступилъ съ Василиемъ Петровичемъ, но знаю, что его добрыя съ нимъ отношенія не прервались послѣ вышеприведеннаго доклада Державина. Знаю также, что въ этотъ годъ Василій Петровичъ возвелъ въ саду «Танина» нѣсколько боскетокъ, какой-то особый валь передъ террасой дома, съ лѣстницами по обѣимъ его сторонамъ, спускавшимися къ ручейку, черезъ который былъ перекинутъ изящный пѣшеходный мостикъ; черезъ этотъ мостикъ было очень удобно и ближе, чѣмъ прежде, проходить на прекрасный лугъ, разстилавшійся передъ террасой, и далѣе, лугомъ, на водяную мельницу. Оранжереи, дорожки и клумбы въ саду были приведены въ болѣе изящный, чѣмъ прежде, видъ.

И въ другіе годы, въ отсутствіе Татьяны Петровны изъ «Танина», Василій Петровичъ производилъ разныя улучшенія и въ ея усадьбѣ, и въ Покровской сельской церкви. То появлялась новая терраса въ домѣ; то расширялась прежняя; то вдругъ вырастала въ паркѣ, близъ сада, какая-нибудь «потѣшная» избушка въ швейцарскомъ вкусѣ; то возникала по дорогѣ, ведущей въ «Танино», часовня въ готическомъ стилѣ; то въ церкви появлялись новыя рѣшетки вокругъ солеи, и т. п. Всѣ такія улучшенія дѣлались въ видѣ «сюрприза» для Татьяны Петровны, хотя эти «сюрпризы» и отзывались нерѣдко весьма ощутительно въ отрицательномъ смыслѣ на доходахъ ея имѣнія.

По смерти Татьяны Петровны Желтухиной, Василій Петровичъ Вешняковъ унаслѣдовалъ, какъ братъ покойной, свое бывшее имѣніе «Танино», но не во всей его цѣлости, а пополамъ съ двумя племянниками, сыновьями вышеупомянутаго его брата, Ивана Петровича, Николаемъ и Всеволодомъ Ивановичами Вешняковыми. Тогда Василій Петровичъ почелъ за благо помириться съ своей женой. Прежде всего «Танино» было снова переименовано въ «Марьино». Онъ переселился изъ своего флигеля въ большой домъ, заново имъ отдѣланный, причемъ особенно тщательно былъ обставленъ будуаръ Марьи Александровны; одна изъ стѣнъ этого будуара украсилась ея большимъ, живописнымъ портретомъ, о которомъ рѣчь шла выше.

Жена Василя Петровича уже была на пути въ Казань, но увя!.. Если не ошибаюсь, въ Москвѣ она занемогла и скончалась. По вѣсеннему бездорожью Василій Петровичъ не могъ выѣхать изъ Казани на погребеніе Марьи Александровны, съ которой жилъ врозь чуть ли не двадцать лѣтъ, и свою скорбь выразилъ только глубокимъ трауромъ и печальнымъ выраженіемъ лица. Помню, какъ онъ пріѣхалъ къ моимъ родителямъ съ чернымъ крепомъ на лѣвомъ рукавѣ сюртука и на тульѣ шляпы-цилиндра. Онъ велъ съ матушкой продолжительную бесѣду о достоинствахъ его умершей жены, прерываемую глубокими вздохами и прикладываніемъ раздушеннаго носового платка къ влажнымъ глазамъ.

— Вы не знали покойной,—говорилъ матушкѣ Василій Петровичъ по-французски:—но я убѣжденъ, что вы сошлись бы съ нею и полюбили бы ее... А моя жизнь на своемъ склонѣ была бы совершенно иной... Но—Господь судить иначе!

И Василій Петровичъ, взволнованный, съ чувствомъ поцѣловалъ руку моей матери.

Но недолго печалился престарѣлый вдовецъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ въ одной деревнѣ, недалеко отъ с. Тагашева, появился новый помѣщикъ. Фамиліи его я не назову, не назову также и деревни, замѣчу только, что помѣщикъ этотъ, изъ трехъстепенныхъ дворянъ, не причислялся къ «обществу»; къ тому же былъ изъ «малодушныхъ», т. е. владѣлъ малымъ количествомъ крѣпостныхъ крестьянскихъ душъ. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Василюмъ Петровичемъ, былъ очень некрасивъ и представлялъ совершенную ему противоположность во всемъ—и въ физическомъ, и въ духовномъ своемъ обликѣ. Помѣщикъ этотъ, сѣдой, лысый, съ обрюзгшимъ лицомъ, тучный тѣломъ, отличался вульгарностью манеръ и понималъ одни только матеріальные интересы жизни. Женѣ его, кокетливой блондинкѣ, шелъ всего 19-й или 20-й годъ. Эта молодая дама отличалась разбитными манерами и была недурна собой. Василій Петровичъ, на старости лѣтъ, сталъ ухаживать за ней, а она принялась не на шутку кокетничать съ нимъ. Онъ началъ задавать въ своемъ тагашевскомъ домѣ пиры, на которыхъ «царицей» бывала эта молодая барыня, и часто посѣщалъ ее въ имѣніи мужа. Для того, чтобы «Лизанькѣ» (назовемъ ее хоть этимъ именемъ) было удобнѣе пріѣзжать въ Тагашево по ближайшей луговой дорогѣ, онъ устроилъ по этой дорогѣ нѣсколько гатей и мостиковъ. Желая слѣдить за благополучнымъ прибытіемъ къ себѣ или отъѣздомъ отъ него «Лизаньки», Василій Петровичъ устроилъ на пригоркѣ сада особую бесѣдку, изъ которой прекрасно видна была дорога въ деревню Z—имѣніе «Лизанькина» мужа. Въ бесѣдкѣ была поставлена прекрасная зрительная труба, и изъ этой трубы Василій Петровичъ наблюдалъ путь своей «звѣздочки». Для пироговъ и посѣщеній «Лизаньки» требовались немалые расходы, которые, при неумѣлости въ хозяйственныхъ расходахъ

и при отсутствіи бережливости, Василій Петровичъ разрѣшалъ своеобразно и легкомысленно. Мужъ «Лизаньки» охотно ссуживалъ его деньгами на очень выгодныхъ себя условіяхъ: онъ бралъ со стараго ловеласа сохранныя расписки, вдвое и втрое превышавшія ссужаемую сумму. Былъ у Василя Петровича еще одинъ способъ денежныхъ оборотовъ все для той же цѣли. Этотъ источникъ былъ основанъ на, такъ сказать, принципѣ десятичнаго исчисленія. Принадлежалъ Василю Петровичу лѣсъ, какъ разъ на границѣ тагашевскаго имѣнія съ нашимъ имѣніемъ; этотъ-то лѣсъ онъ и подвергъ «хозяйственной эксплуатаціи», основанной на вышеуказанномъ исчисленіи. Лѣсъ былъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ, по десяти десятинъ въ каждомъ, а участки сдавались подъ расчетку сосѣднимъ крестьянамъ на десять лѣтъ по десяти рублей за десятину, съ условіемъ уплаты денегъ впередъ; получивъ сто рублей, Василій Петровичъ немедленно задавалъ банкетъ. Понятно, какъ при такихъ «экономическихъ» условіяхъ быстро и безнадежно уничтожалось состояніе Василя Петровича Вешнякова.

Еще одно обстоятельство весьма неблагоприятно дѣйствовало на весь его обиходъ и на расположеніе его духа. Выше было замѣчено, что бывшее его имѣніе въ Тагашевѣ перешло къ нему по наслѣдству послѣ смерти его сестры лишь въ половинной части; другою половиною владѣли племянники Василя Петровича—Николай и Всеволодъ Ивановичи Вешняковы. Эти племянники, тоже весьма плохіе хозяева, взяли въ управляющіе своего имѣнія нѣкоего Кузьмина, отставнаго офицера морского вѣдомства. Этотъ Кузьминъ, ставя очень высоко свое званіе и презрительно относясь къ «штатскому генералу», дядюшкѣ своихъ довѣрителей, затѣялъ съ Василю Петровичемъ цѣлый рядъ кляузъ, доставлявшихъ старику массу непріятностей. Кузьминъ сносился съ Василю Петровичемъ не иначе, какъ письменно, въ большинствѣ случаевъ не получая отъ него на свои писанія таковыхъ же отвѣтовъ, а затѣмъ входилъ съ разными прошеніями, заявленіями и докладными записками въ надлежащія дворянскія и крестьянскія учрежденія. Чтобы болѣе досадить Василю Петровичу, Кузьминъ такъ адресовалъ къ нему на конвертахъ свои кляузныя письма: «Отставному помѣщику д. с. с. (т. е. дѣйствительному статскому совѣтнику) В. П. Вешнякову отъ оставившаго службу Государя моего штабсъ-капитана корабельныхъ лѣсовъ Кузьмина».

При такихъ обстоятельствахъ прошли послѣдніе годы жизни В. П. Вешнякова. Въ 1867 году онъ умеръ, оставивъ свое имѣніе въ Тагашевѣ въ неоплатныхъ долгахъ. Имѣніе было вскорѣ продано съ публичнаго торга, и львиную часть изъ вырученной суммы получилъ «Лизанькинъ» мужъ по сохраннымъ распискамъ, которыя, какъ извѣстно, по закону, удовлетворяются даже раньше казенныхъ долговъ. Часть тагашевскаго имѣнія, принадлежавшая пле-

мянникамъ Василя Петровича, также не долго продержалась, и въ 1868 году обѣ части Тагашева были куплены Николаемъ Васильевичемъ Тиле.

VI.

Село Кулаево и Люткины.—Нѣсколько словъ о колонизаціи Казанскаго края русскими.—Неѣловы и Стрѣлковы.—Княгиня Варвара Николаевна Долгорукая и ея мужъ князь Алексѣй Александровичъ Долгорукій.

На востокъ отъ имѣнія моего отца, прилегая къ нему также междоуемъ къ междоуемъ, находится село Спасское-Кулаево, носящее въ своемъ коренномъ названіи, какъ и Тагашево, слѣды Казанскаго татарскаго царства. По мѣстному преданію, оно названо такъ по имени тоже татарскаго мурзы Кулая, владѣвшаго этою мѣстностью въ пору независимости Казанскаго царства. Названіе «Спасское» дано Кулаеву по церкви, во имя Преображенія Господня, или, какъ выражаются въ просторѣчій русскіе крестьяне—«Второго Спаса».

Населеніе Кулаева, какъ и Тагашева, исконное русское, и село это еще съ исхода XVI вѣка составляло помѣстье нѣкогда весьма большой и сильной въ казанскомъ Поволжьѣ семьи московскихъ служилыхъ людей Люткиныхъ. Послѣднимъ въ родѣ Люткиныхъ, бригадиромъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Люткинымъ, и была построена Спасская церковь въ селѣ Кулаевѣ въ 1761 году. Этотъ Люткинъ былъ казанскимъ предводителемъ дворянства до упомянутого выше Макарова, во время учрежденія Екатериной II комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, т. е. въ 1767 году. Нѣкогда Люткины владѣли обширными помѣстьями и вотчинами въ предѣлахъ теперешней Казанской губерніи, главнымъ образомъ въ уѣздахъ Казанскомъ и Лаишевскомъ. Изъ существующихъ въ настоящее время деревень, съ исхода XVI вѣка и до конца XVIII вѣка, Люткинымъ принадлежали слѣдующія силы и деревни въ этихъ уѣздахъ: село Спасское-Кулаево, деревня Дюртюли, деревня Уланово, село Неялово, село Покровское-Тагашево, деревня Куюки, сельцо Арышхазда, деревня Шигаево, Ковали тожъ, деревня Люткино и деревня Комаровка, Люткинскій выселокъ тожъ.

Происхожденіе Люткиныхъ, ихъ появленіе въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, а равно и вышеприведенныя названія принадлежавшихъ имъ населенныхъ мѣстъ имѣютъ большой интересъ въ исторіи колонизаціи Казанскаго края, а потому позволю себѣ остановиться на этихъ вопросахъ нѣсколько подробнѣе.

По семейнымъ преданіямъ, родъ Люткиныхъ принадлежалъ къ «выѣзжимъ» родамъ московскихъ служилыхъ людей изъ Польши; по одному изъ этихъ преданій, родоначальникъ ихъ Лютъ выѣхалъ къ великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому на «Мамаево побоище», т. е. въ 1380 году, а по другому—начало рода Люткиныхъ восходитъ къ 6189 году отъ сотворенія міра, т. е. къ 681 году по Р. Х

Оба эти преданія основаны на стремленіи многихъ московскихъ служилыхъ людей XVI—XVII вѣковъ возводить своихъ родоначальниковъ къ временамъ весьма отдаленнымъ, нерѣдко даже съ мифической окраской; а такое стремленіе опредѣляется, съ одной стороны, неосновательной кичливостью древностью своего рода, а съ другой—совершеннымъ незнакомствомъ съ дѣйствительнымъ историческимъ прошлымъ русскаго дворянства. Нерѣдко такія генеалогическія претензіи вели къ сознательной фальсификаціи дворянскихъ родословныхъ.

По несомнѣннымъ же документальнымъ свидѣтельствамъ, первоначальнымъ мѣстожителемъ Люткиныхъ была территорія Новгорода Великаго: они были тамъ или земскими боярами, или своеземцами, и по лишеніи Новгорода его политической самостоятельности въ 1478 году великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ III были переведены имъ изъ Новгорода на службу въ Суздальскую землю и помѣщены въ уѣздахъ Ярославскомъ и Костромскомъ. Какъ кажется, нѣкоторые изъ Люткиныхъ участвовали въ походахъ царя Іоанна IV подъ Казань и по взятіи ея были пожалованы землями, отобранными у татарскихъ мурзъ и чувашскихъ племенныхъ старшинъ. Казанскій «жилецъ» Захарій Петровъ Люткинъ, существовавшій въ 1577—1595 гг., является первымъ владѣльцемъ Кулаева.

Невольно поражаешься въ перечисленныхъ выше деревняхъ и селеніяхъ татарскими названіями, въ которыхъ, какъ увѣряютъ старожилы, было постоянно русское населеніе, каковы, напримѣръ, Кулаево, Тагашево, Дюртюли, Куюки, Арышхазда. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Мнѣ кажется, что отвѣтами на этотъ вопросъ могутъ быть слѣдующія предположенія.

По покореніи Казанскаго царства царь Іоаннъ IV и его преемники жаловали своихъ служилыхъ людей въ этомъ царствѣ землями, отбираемыми отъ казанскихъ мурзъ, а самихъ мурзъ съ насельниками этихъ земель, татарами, переселяли во внутреннія области Московскаго государства и въ земли Великаго Новгорода. Но, кромѣ такихъ земель, въ Казанскомъ царствѣ было немало земель «порозжихъ», т. е. совсѣмъ не заселенныхъ и покрытыхъ въ большинствѣ случаевъ лѣсами. И эти «порозжія» земли жаловались московскимъ служилымъ людямъ. Московскіе помѣщики и вотчинники заселяли свои пожалованныя земли той и другой категоріи во второй половинѣ XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII вѣка разными «сходцами» и «повольниками» также изъ областей Московскаго государства, а позднѣе, во второй половинѣ XVII вѣка, нерѣдко переводили на нихъ крестьянъ изъ своихъ московскихъ вотчинъ. Опустѣвшія татарскія поселенія, принадлежавшія нѣкогда татарскимъ мурзамъ, сохранили имена прежнихъ ихъ владѣтелей, какъ, напримѣръ, Кулаево, отъ мурзы Кулая, и Тагашево, отъ мурзы Тагаша. Русскія

же поселенія на «порозжихъ» земляхъ, впервые занятыхъ русскими колонистами, аборигены края, татары, могли назвать на своемъ языкѣ по характернымъ особенностямъ этихъ поселеній, и эти названія укоренились въ русскомъ населеніи. Русскіе, селясь въ лѣсахъ, безжалостно истребляли ихъ, вырубая для постройки своихъ жилищъ и для отопленія и раздѣлывая землю подъ пашню. Урожай хлѣбовъ на такихъ «чищобахъ» всегда бываютъ очень хорошіе. И вотъ возникшее въ лѣсу русское поселеніе съ обильнымъ урожаемъ ржи (по-татарски рожъ—арышъ) назвалось татарами Арышхазда—обиліе ржи. Поселенія русскихъ, возникшія среди лѣсовъ, не могли быть обширны: ставилось первоначально немного избъ, три-четыре двора: такъ произошли названія—Дюртиоль, Дюртиоли—четыре двора, Куюкъ, Куюки—домики.

По наслѣдству въ женской линіи село Спасское-Кулаево перешло отъ Люткиныхъ къ казанскимъ помѣщикамъ Неѣловымъ, а затѣмъ въ XVIII вѣкѣ къ Стрѣлковымъ. Послѣдніе были происхожденія недавняго и незначительнаго.

Предкомъ Стрѣлковыхъ, по ихъ родословной, хранящейся въ казанскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, является Алексѣй Матвѣевичъ Стрѣлковъ, служившій въ 1707 году «у расправныхъ дѣлъ» при стольникѣ и казанскомъ воеводѣ Никитѣ Алферовичѣ Кудрявцевѣ; сыновья, внуки и правнуки его служили подьячими и мелкими гражданскими чиновниками и лишь нѣкоторые изъ нихъ, какъ бы случайно, попадали въ военную службу, не двигаясь, впрочемъ, въ ней выше оберъ-офицерскихъ чиновъ. Самымъ «чиновнымъ» изъ Стрѣлковыхъ былъ Николай Яковлевичъ Стрѣлковъ, служившій сначала въ военной, а потомъ въ статской службѣ, подъ конецъ жизни онъ управлялъ казеннымъ мелекесскимъ винокуреннымъ заводомъ, въ тогдашней Оренбургской губерніи, и имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. Женясь на Аннѣ Ивановнѣ Неѣловой, онъ получилъ за ней въ приданое село Кулаево. Два его сына были, что называется, неудачниками: старшій, Александръ, отставной подпоручикъ, мотъ и пьяница, былъ женатъ, но потомства не оставилъ; второй, Михайлъ, учился въ петербургской школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и, будучи юнкеромъ, убить лошадю во время военныхъ упражненій.

Сестра его Варвара Николаевна Стрѣлкова по смерти братьевъ стала владѣлицей имѣнія своей матери, села Кулаева и нѣкоторыхъ другихъ имѣній своего отца въ Казанской губерніи. Она вышла замужъ за князя Алексѣя Александровича Долгорукаго, и въ приданое за нею пошло, между прочимъ, село Кулаево.

Повидимому, только богатство Стрѣлковой плѣнило князя Долгорукаго, состояніе котораго покачнулось во время его широкой холостой жизни на службѣ въ гвардіи. Ни знатностью происхожденія, ни тѣмъ паче красотой Варвара Николаевна Стрѣлкова не

блистала. Я хорошо помню княгиню Долгорукую. Она была не только чрезвычайно дурна собой, но отличалась прямо физическимъ уродствомъ: небольшого роста, худа, кривобока и горбата. Ея маленькая головка, покрытая черными, какъ смоль, волосами, помѣщалась на тонкой и короткой шеѣ и, такъ сказать, тонула въ сутуловатыхъ плечахъ и въ горбатой спинѣ; носъ и ротъ сильно выдавались впередъ, придавая профилю лица непріятную, удлиненную форму. Говорила Варвара Николаевна не совсѣмъ ясно и какъ-то своеобразно шепелявя. Ея душевныя качества были несравненно выше ея физическихъ недостатковъ. Она была добра, проста въ обращеніи и совершенно чужда какого бы то ни было чванства: титулъ «сіятельства» не занималъ ее совершенно. Привычки ея отличались большими странностями: она была страстная картежница и столь же страстная курильщица. Играть въ карты (главнымъ образомъ въ вистъ и ералашъ) Варвара Николаевна могла когда угодно; у нея была своя картежная «партія» изъ казанскихъ помѣщицъ, и эти игрицы, кромѣ очередныхъ картежныхъ вечеровъ у каждой изъ нихъ, устраивали утреннія игры въ карты, которыя такъ и назывались «утренники», или нѣжнѣе «утреннички»; на нихъ нерѣдко проигрывался одной или двумя изъ партнершъ весь вчерашній вечерній выигрышъ. Курила княгиня Долгорукая папиросы весьма рѣдко; она предпочитала имъ крѣпкія сигары и иногда любила покурить даже трубку моднаго въ то время «Жукова» табаку.

Князя Алексѣя Александровича Долгорукаго я мало помню. Съ половины 50-хъ годовъ онъ уже не жилъ въ Казани, и его жена Варвара Николаевна жила одна, по зимамъ, въ ихъ роскошномъ казанскомъ домѣ на Красной улицѣ (гдѣ нынѣ помѣщается школа Шумковой), а лѣто проводила въ Кулаевѣ. Въ Кулаевѣ, собственно говоря, не было барскаго дома. Давно предполагалось его выстроить, еще, кажется, Неѣловыми, на живописномъ берегу Мѣши; стѣны каменнаго двухъэтажнаго дома были возведены, настланы полы и домъ покрытъ желѣзной крышей, но жить въ немъ «господамъ» не привелось. Впослѣдствіи рассказывали, что этому помѣшалъ мельникъ, работавшій на большой водяной мельницѣ, вблизи отъ недостроеннаго барскаго дома. Мельнику, который очень выгодно для себя хозяйничалъ на мельницѣ, весьма не нравилось такое близкое сосѣдство «барина», и вотъ онъ сталъ распространять слухи, что въ строящемся домѣ завелась «нечистая сила», и для доказательства сталъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ: онъ самъ и его присные по ночамъ производили въ домѣ шумъ, выли на разные голоса и бросали камни. Недалеко отъ Спасской церкви, вблизи прекрасной рощи, былъ другой, старый домъ, но еще въ началѣ 40-хъ годовъ онъ вслѣдствіе ветхости былъ разломанъ: остались отъ него два небольшихъ каменныхъ одноэтажныхъ флигеля, въ одномъ изъ которыхъ и проживала княгиня В. Н. Долгорукая. Усадьба ея была

очень не благоустроена: дворъ заросъ сорной травой, а садъ и роца были очень запущены. Отъ брака съ княземъ Долгорукимъ у нея было двое дѣтей, дочь и сынъ, но оба они умерли въ дѣтствѣ, и княгиня Долгорукая, лишенная семейной жизни, проводила время очень скучно, развлекая себя лишь карточной игрой.

Князь А. А. Долгорукій былъ человѣкъ очень ограниченный, пустой и взбалмошный. Обладая хорошей памятью и получивъ воспитаніе подъ руководствомъ французскихъ гувернеровъ, онъ прекрасно говорилъ по-французски, при чемъ могъ очень хорошо декламировать длинные монологи изъ Расина и Корнеля. О сельскомъ хозяйствѣ онъ не имѣлъ никакого понятія и совершенно не заботился о своихъ и жениныхъ имѣніяхъ, въ хозяйствѣ которыхъ постоянно царилъ страшный хаосъ; впрочемъ, крѣпостникомъ князь Долгорукій не былъ, какъ не былъ онъ и жестокимъ человѣкомъ. Онъ просто былъ, что называется, прожитателемъ жизни; ему нужны были деньги, а какимъ путемъ ихъ добывать—для него вопроса не существовало; онъ легкомысленно бралъ займы деньги и подъ векселя, и подъ закладныя на имѣнія, а потому состояніе его все болѣе и болѣе разстраивалось и затѣмъ рухнуло окончательно.

Какъ князь Долгорукій относился къ своимъ «дѣламъ», лучше всего видно изъ слѣдующаго случая. Въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ князь Алексѣй Александровичъ рѣшилъ «нанять» въ Германіи или Швейцаріи гувернантку для своихъ дѣтей. Жена съ нетерпѣніемъ ждала «мамзели», но каково же было ея удивленіе, когда вмѣсто нея супругъ привезъ прекрасную сенбернарскую собаку.

— А гувернантка?—спрашиваетъ жена.

— Ахъ, ma chère,—со смѣхомъ отвѣтилъ князь.—Престранная произошла исторія. Одну очень образованную и милую особу я совсѣмъ уже нанялъ, заключилъ съ нею условіе и даже часть задатка отдалъ, да попался случайно прекрасный экземпляръ сенъ-бернара. Я его, разумѣется, не замедлилъ купить. Денегъ оставалось уже немного, только въ обрѣзъ, чтобы вернуться домой, и я вынужденъ былъ написать гувернанткѣ, что остальную сумму въ задатокъ дать ей не могу, потому что измѣнилъ свои намѣренія, и условіе съ ней считаю не состоявшимся.

На моей памяти имѣнія князя Долгорукаго въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи--Долгоруково, Важи и Дятловка, и Лаишевскаго уѣзда Люткино и Травкино были проданы съ публичнаго торга. Смерть князя А. А. Долгорукаго была весьма печальна. Въ 1857 или 1858 году въ одномъ изъ «притоновъ» Петербурга, среди какой-то оргіи, произошла свалка, въ которой князю Долгорукому перерѣзали горло. Его со слабыми признаками жизни нашла полиція у забора, и онъ едва могъ произнести:

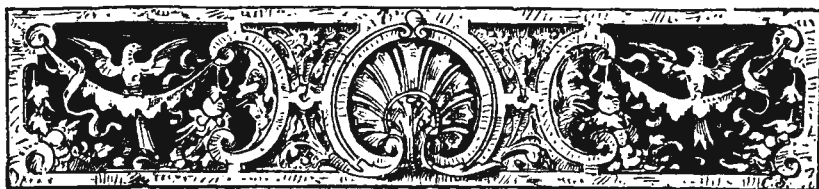
— Отвезите меня къ генераль-адъютанту, князю Василю Андреевичу Долгорукому; я князь Долгорукій, его родственникъ!

Для поправленія своихъ имущественныхъ дѣлъ княгиня В. Н. Долгорукая въ началѣ 60-хъ годовъ вышла вторично замужъ за отставнаго кирасирскаго полковника Всеволода Николаевича Пыхачева, но ему не удалось поправить ея дѣлъ. Въ февралѣ 1866 года Варвара Николаевна Пыхачева скончалась, а надъ Кулаевымъ было учреждено опекунское управленіе. Въ началѣ 70-хъ годовъ имѣніе въ Кулаевѣ купилъ богатый казанскій купецъ татаринъ Апаковъ, но не особенно долго владѣлъ онъ имъ: въ 80-хъ годахъ имѣніе въ Кулаевѣ было приобрѣтено русскимъ казанскимъ купцомъ П. Я. Молотковымъ.

Д. А. Корсаковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНИЕ ДНИ ЦЕНЗУРЫ ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

(Предсѣдатель спб. цензурнаго комитета В. А. Цез).

ИСТОРИЯ нашей цензуры, несмотря на свое значеніе въ исторіи русской жизни и особенно литературы, еще очень мало изслѣдована. Кромѣ отдѣльныхъ воспоминаній, относящихся къ опредѣленнымъ годамъ литературной дѣятельности того или другого писателя и всегда имѣющихъ личную окраску, трудовъ общаго характера изъ этой области почти нѣтъ и не было. Послѣ очерковъ по исторіи цензуры А. М. Скабичевскаго, печатавшихся въ 1880-хъ г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» (и отд. въ 1892 г.), можно назвать лишь два труда г. Мих. Лемке: «Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ» (Спб. 1904 г.) и «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія» (Спб. 1904 г.) и соединенную работу В. Розенберга и П. Якушкина: «Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ» (М. 1906 г.). Несмотря на то, что въ названныхъ трудахъ довольно много фактическаго матеріала, сужденія ихъ авторовъ, на почвѣ этого матеріала, особенно г. Мих. Лемке, не могутъ считаться окончательными и вполне объективными. Да и дѣйствительно, сама цензура представляла по большей части горючій матеріалъ, раздражала до безконечности литераторовъ и журналистовъ своими придирами и крайнею неустойчивостью своихъ воззрѣній и узаконеній, изъ которыхъ многія оставались извѣстными только цензорамъ.

Все это, конечно, должно было накладывать свою печать на мемуаристовъ. Но и историкъ цензуры до послѣднихъ дней былъ

въ незавидномъ положеніи. Главнаго архивнаго матеріала въ его распоряженіи не было; приходилось довольствоваться частичными, случайными документами. Наконецъ, онъ нуждался и нуждается до сихъ поръ въ трудахъ, освѣщающихъ въ болѣе или менѣе удовлетворительной формѣ умственное и социальное положеніе русскаго общества, а безъ нихъ историку цензуры приходится или черезчуръ расширять рамки своего изслѣдованія, или сплошь и рядомъ ограничиваться не вполне основанными обобщеніями. Особенно затруднительное положеніе является для изслѣдователя исторіи цензуры десятилѣтіе съ 1855 по 1865 г., и въ частности послѣдній годъ нахождения цензуры въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, когда послѣ почти шестидесятилѣтняго завѣдыванія дѣлами печати это министерство должно было совершенно отказаться отъ нихъ и согласиться на передачу ихъ министерству внутреннихъ дѣлъ или, другими словами, въ вѣдѣніе полиціи. Болѣе сложной и чреватой событіями эпохи, особенно во внутренней своей жизни, какъ въ указанное десятилѣтіе, Россія не переживала съ самаго начала XVII столѣтія.

Если при такихъ условіяхъ трудно установить съ точностью тотъ или другой историческій фактъ изъ внутренней жизни нашего общества, то еще труднѣе достигнуть возможности вполне охарактеризовать главныхъ дѣятелей того времени, въ особенности тѣхъ, которые подвизались въ самой трудной, обширной и неустойчивой области наблюденія за печатью.

По нашему крайнему убѣжденію, о главныхъ дѣятеляхъ этой области нѣтъ ни одного болѣе или менѣе опредѣленнаго и вѣрнаго сужденія во всей разнообразной литературѣ о русской журналистикѣ и цензурѣ того времени. Особенно неудачливъ въ этомъ отношеніи былъ послѣдній предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, В. А. Цез, о которомъ большею частью лишь упоминается или дается краткій отзывъ на основаніи двухъ-трехъ случайно выдернутыхъ строкъ изъ его замѣчаній и отчетовъ. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ лучшихъ руководителей въ области цензурованія газетъ и журналовъ того времени, въ высокой степени тактичный и вполне подготовленный по своей эрудиціи къ столь сложному и тяжелому дѣлу.

Въ послѣдніе годы намъ удалось ознакомиться съ его бумагами и перепиской, относящейся по преимуществу къ дѣламъ цензурнаго комитета, и на основаніи, главнымъ образомъ, этого-то матеріала мы и постараемся, хотя бы въ сжатой формѣ, изложить его дѣятельность, въ качествѣ предсѣдателя с.-петербургскаго цензурнаго комитета, въ связи, конечно, съ общимъ состояніемъ тогдашней журналистики и цензуры; при этомъ сообщимъ и другія біографическія данныя этого рѣдкой честности, скромности и трудолюбія неоцѣннаго дѣятеля, который широко слѣдилъ за успѣхами лите-

ратуры и науки и дорожилъ просвѣщеніемъ русскаго народа. Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ послѣдняго является уже одинъ тотъ фактъ, что В. А. Цеэ едва ли не половину своего состоянія, а именно 35000 рублей, пожертвовалъ академіи наукъ на преміи за лучшія и полезныя книги для народа по русской исторіи, русской литературѣ, агрономіи, гигиенѣ и т. п.

I.

Биографическія данныя о В. А. Цеэ до 1862 года.

Скончавшійся 24 февраля 1906 года маститый сенаторъ и андреевскій кавалеръ Василій Андреевичъ Цеэ былъ внукомъ везенбургскаго бургомистра Богдана-Адама Готфрида Цеэ и сыномъ извѣстнаго въ свое время доктора медицины и писателя Андрея (Иоганна-Генриха) Богдановича, отъ брака послѣдняго съ дочерью рязанскаго помѣщика, Александрой Васильевной Милоновой, родной сестрой небезызвѣстнаго поэта, студента московскаго университета, Михаила Васильевича Милонова, ум. въ 1821 году. Андрей Богдановичъ, родившійся 24 мая 1781 г., окончилъ курсъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи и съ 1805 по 1808 г. служилъ лекаремъ въ Кавалергардскомъ полку, съ которымъ раздѣлялъ всѣ его военные походы. Въ 1808 г., получивъ степень доктора медицины и хирургіи, А. Б. Цеэ опредѣлился завѣдывающимъ Алсуфьевскими минеральными водами въ Тверской губерніи; затѣмъ вновь участвовалъ въ военныхъ походахъ 1812—1814 г.г., въ званіи дивизионнаго доктора при батальонѣ великой княгини Екатерины Павловны, и съ 1815 г. по 1821 г. завѣдывалъ Кавказскими минеральными водами. Ко времени завѣдыванія минеральными водами и относятся главныя сочиненія А. Б. Цеэ: «Описаніе Высоцкаго минеральнаго источника», за которое получилъ въ 1808 г. высочайшую благодарность, и «Описаніе Кавказскихъ цѣлительныхъ водъ», изданное въ 1817 г., въ количествѣ 1000 экземпляровъ, по постановленію совѣта медико-хирургической академіи, на казенный счетъ.

Василій Андреевичъ Цеэ родился въ г. Астрахани, во время непродолжительнаго пребыванія тамъ своего отца, по дѣламъ службы, 31 января 1821 года¹⁾. Воспитывался въ Царскосельскомъ лицейѣ, поступивъ туда изъ 4-го класса с.-петербургской первой

¹⁾ Эта дата сообщается въ подлинномъ метрическомъ свидѣтельствѣ В. А. Цеэ. Въ недавно изданномъ «Спискѣ сенаторовъ» (въ приложеніи къ V тому «Исторіи правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ») приводится, вѣроятно, на основаніи формулярныхъ списковъ о службѣ покойнаго сенатора, ошибочная дата его рожденія—17 іюня 1820 года.

гимназіи. Въ то время лицей, хотя и состоялъ въ отдѣлѣ военно-учебныхъ заведеній, обладалъ, однако, весьма широкой общеобразовательной программой. Послѣ реформъ 1834 г. и слѣдующихъ годовъ преобладающее значеніе въ учебной программѣ имѣли: исторія, статистика, юридическія науки и новые языки. Преподавали ихъ довольно извѣстныя въ то время научныя силы, по преимуществу профессора и доценты с.-петербургскаго университета: И. А. Ивановскій, Я. И. Баршевъ, И. К. Кайдановъ, И. П. Шульгинъ, П. Е. Георгіевскій, А. Ф. Оболенскій, де-Олива и др. Чисто отеческое отношеніе къ воспитанникамъ лицея его масштитаго директора Ѳед. Григор. Гельтгофа и въ то же время серьезное отношеніе преподавателей къ своему дѣлу имѣли результатомъ то, что десятый, послѣдній выпускъ Царскосельскаго лицея, переведеннаго въ слѣдующемъ году въ Петербургъ и переименованнаго въ Александровскій, далъ наибольшее число весьма видныхъ будущихъ государственныхъ дѣятелей. Одновременно съ В. А. Цеэ окончили курсъ, съ чиномъ IX класса, А. В. Головиннъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія и членъ государственнаго совѣта; М. Х. Рейтернъ, впослѣдствіи извѣстный министръ финансовъ; баронъ А. П. Николаи, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія; П. И. Саломонъ, членъ государственнаго совѣта; князь Н. М. Голицынъ, сенаторъ; М. К. Клингенбергъ, сенаторъ; Мих. Ег. Чилиевъ и др.

Въ январѣ 1840 г. В. А. Цеэ былъ опредѣленъ въ канцелярію министерства императорскаго двора помощникомъ столоначальника, гдѣ потомъ и исполнялъ обязанности секретаря при директорѣ и переводчика. Лѣтомъ 1847 г. онъ получилъ командировку на международный тюремный конгрессъ въ гор. Брюсселѣ. Это былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ по своимъ результатамъ тюремныхъ съѣздовъ; на немъ, между прочимъ, былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о томъ, что малолѣтніе не подлежатъ одиночному заключенію, и выработана новая система исправительныхъ заведеній. Командированній В. А. Цеэ, какъ уже «знакомаго съ тюремнымъ дѣломъ», «комитетъ объ устройствѣ исправительныхъ тюремъ въ Россіи» во многомъ воспользовался его обширнымъ отчетомъ о съѣздѣ и даже избралъ его своимъ членомъ-редакторомъ. Въ семь послѣднемъ званіи онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, немало поработалъ при составленіи устава исправительныхъ тюремъ въ Россіи, а по вѣкоторымъ вопросамъ, какъ-то: объ устройствѣ тюремныхъ церквей, обученіи арестантовъ грамотѣ и ремесламъ и объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, написалъ цѣлые трактаты, основанные какъ на практическомъ изученіи предмета, такъ и на знакомствѣ съ западно-европейской литературой по тюремовѣдѣнію. Особенно интересна его большая работа: «О тюрьмахъ и ихъ преобразованіи», сохранившаяся въ рукописи. Къ сожалѣнію, тема и

размѣры нашей статьи не позволяютъ коснуться хотя бы отчасти взглядовъ молодого тогда еще тюрмовѣда, а между тѣмъ они были бы небезполезны для нынѣшнихъ руководителей тюремнаго патроната.

Съ 1848 г. по 18 мая 1858 г. В. А. Цеэ состоялъ членомъ общаго присутствія духовно-учебнаго управленія при святѣйшемъ синодѣ, участвовалъ въ цѣломъ рядѣ комиссій и съ успѣхомъ выполнялъ разныя сложныя порученія, возлагаемыя на него оберъ-прокуроромъ синода; особенно онъ много помогъ своими ревизіями отдѣльныхъ канцелярій приведенію въ порядокъ и упрощенію тогдашняго довольно-таки хаотическаго письменоводства.

Въ 1858 г. В. А., состоявшій уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ призванъ впервые на отвѣтственный постъ—директора канцеляріи государственнаго контроля, который и занималъ около четырехъ лѣтъ. Какъ понималъ задачи своего новаго положенія, какихъ держался воззрѣній на государственный контроль вообще и какъ выполнялъ свои обязанности молодой еще (35 лѣтъ) директоръ, съ особою яркостью рисуетъ намъ его рѣчь, сказанная въ 1862 г., по случаю новаго назначенія тогдашняго государственнаго контролера Н. Н. Анненкова. «Ник. Ник. А.,—говорилъ онъ,—вступивъ на совершенно новое для него поприще, въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія, которое внесло въ государственный строй новыя идеи, болѣе согласныя съ потребностями времени, съ необыкновеннымъ тактомъ не только сталъ на высотѣ своего новаго поста, не только постигнулъ вполнѣ всѣ требованія этихъ современныхъ идей, но тотчасъ же предугадалъ то вліяніе, которое эти современныя идеи и вызванныя ими преобразованія должны были имѣть на вѣренное ему вѣдомство, подлежащее радикальному измѣненію... При мягкости и снисходительности къ своимъ подчиненнымъ, онъ умѣлъ соединить необыкновенную настойчивость и твердость въ сношеніяхъ своихъ по дѣламъ службы съ лицами, ему равными и сильными. Этимъ онъ успѣлъ придать государственному контролю то достоинство и значеніе, которыя ему принадлежали по праву въ строѣ государственной администраціи... Твердымъ голосомъ онъ высказывалъ свои искреннія убѣжденія и нелицемѣрную правду могущественнѣйшему изъ вѣнценосцевъ, имѣя въ виду не личныя выгоды, а общественную пользу... Онъ первый положилъ основу преобразованію всей системы ревизіи отчетности и введенію въ имперіи единства кассы, а затѣмъ, устроивъ заграничную командировку для изученія дѣйствующихъ контрольныхъ учрежденій генераль-контролеру В. А. Татарининову, своему ближайшему замѣстителю, успѣлъ ввести рядъ существенныхъ преобразованій и тѣмъ какъ бы вполнѣ подготовилъ важную реформу государственной отчетности».

II.

Назначеніе В. А. Цеэ предсѣдателемъ спб. цензурнаго комитета.—А. В. Головинъ.—В. А. Цеэ—путешественникъ.—Его рукописныя и печатныя работы по крестьянскому вопросу.—Литературныя занятія.

10 марта 1862 г. послѣдоваль высочайшій указъ правительствующему сенату о преобразованіи цензурнаго управленія и назначеніи предсѣдателемъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета В. А. Цеэ. Хотя это назначеніе состоялось по представленію новаго управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, товарища В. А. Цеэ по Царскосельскому лицей и его личнаго друга, но справедливость требуетъ сказать, что выборъ новаго министра былъ сдѣланъ исключительно въ интересахъ общаго дѣла, которое ему желательно было поставить на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствовавшихъ и его личнымъ вкусамъ и требованіямъ того времени.

А. В. Головинъ, какъ извѣстно, задолго до своего назначенія управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія (25 декабря 1861 г.) состоялъ сначала секретаремъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, по порученію котораго составилъ нѣсколько трудовъ (особенною извѣстностью пользовался его «Очеркъ исторіи и современнаго положенія городовъ Финляндіи», а затѣмъ, состоя въ морскомъ вѣдомствѣ много лѣтъ, находился при генераль-адмиралѣ, великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, пользуясь его полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ, А. В. Головинъ сталъ свидѣтелемъ и дѣятельнымъ участникомъ преобразовательнаго движенія, которое находило себѣ высокое одушевляющее покровительство со стороны его высочества; онъ являлся посредникомъ въ личныхъ сношеніяхъ великаго князя со многими государственными дѣятелями, литераторами и учеными и велъ обширную переписку по важнѣйшимъ вопросамъ, въ которыхъ великій князь принималъ горячее участіе. Благодаря его содѣйствію и за счетъ морского министерства совершили, съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія народнаго быта Россіи, свои извѣстныя путешествія И. А. Гончаровъ, С. В. Максимовъ, А. Н. Островскій, Г. П. Данилевскій, А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій, А. Ѳ. Писемскій и др., описанія которыхъ впервые были напечатаны на страницахъ «Морскаго Сборника»; благодаря его же участію попадали на страницы «Морскаго Сборника» нигдѣ не принимаемыя статьи по самымъ жгучимъ вопросамъ современности, въ томъ числѣ и по народному образованію. Изъ нихъ особенно замѣчательная и надѣлавшая много шуму—статья знаменитаго впоследствии Н. И. Пирогова «Вопросы жизни». Интересуясь болѣе всего дѣломъ народнаго просвѣщенія, А. В.

Головиниъ предпочелъ многимъ высокимъ предложеніямъ мѣсто члена главнаго правленія училищъ, съ какового поста, черезъ три года, и получилъ назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія.

Весьма многимъ интересовавшійся и во многомъ раздѣлявшій взгляды и убѣжденія своего товарища и друга, В. А. Цеэ, по словамъ одного близко знавшаго его лица, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ чиновниковъ, которые «дѣлили свое время между служебною дѣятельностью, хозяйничаньемъ въ деревнѣ, путешествіями съ образовательною цѣлью за границу и многостороннимъ чтеніемъ». И дѣйствительно, на основаніи только тѣхъ немногихъ записныхъ тетрадей, которыя уцѣлѣли до сего времени отъ 1840—1850 г.г., можно положительно утверждать, что В. А. Цеэ далеко не былъ зауряднымъ заграничнымъ вояжеромъ. Онъ старался вносить въ свои тетради не только личные впечатлѣнія по поводу видѣннаго имъ, но и разнообразныя свѣдѣнія изъ литературы; въ его тетрадяхъ встрѣчаются на ряду съ географическими, этнографическими и историческими записями сообщенія о памятникахъ искусства, новыхъ произведеніяхъ науки и литературы, о современныхъ писателяхъ и другихъ славныхъ дѣятеляхъ и т. п. Многое изъ того, что болѣе заинтересовывало нашего туриста, служило потомъ предметомъ подробнаго ознакомленія и изученія. Мы выше упоминали о командировкѣ В. А. Цеэ за границу, съ цѣлью ознакомленія съ тамошними мѣстами заключенія; сохранившаяся до насъ только часть тѣхъ матеріаловъ, которые были собраны имъ и изучены, свидѣтельствуетъ объ его громадномъ усердіи, любознательности и начитанности.

Съ воцареніемъ императора Александра Николаевича, охваченный общимъ теченіемъ преобразовательной эпохи, онъ болѣе всего заинтересовался крестьянскимъ вопросомъ, какъ по глубокому историческому значенію сего послѣдняго, такъ и потому, что самъ былъ помѣщикомъ, долго жилъ среди крестьянъ и умѣлъ полюбить ихъ, по его собственному признанію.

Результатомъ этихъ его занятій были, во-первыхъ, «Нѣсколько словъ по поводу статьи Д. Ф. Самарина: «Уставная грамота», гдѣ онъ, между прочимъ, особенно настаиваетъ на томъ, чтобы помѣщики постарались пріобрѣсть довѣріе крестьянъ и при взаимной болѣе тѣсной связи способствовали образованію «двухъ свободныхъ и дружныхъ между собою сословій—земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ»; и обращается къ дворянамъ съ воззваніемъ пожертвовать своими матеріальными выгодами и прійти на помощь правительству, имѣя въ виду общую пользу государства, и пожелаіемъ, чтобы въ средѣ мировыхъ посредниковъ были «люди истинно благородные и беспристрастные».

Затѣмъ слѣдуетъ назвать его обширный трактатъ, подобно предыдущему, также оставшійся въ рукописи,—«О вліяніи помѣщиковъ

па государственное управление Россіи»; трактатъ о банкахъ, который онъ составилъ въ 1861 г., по поводу открытія выкупной операціи, и въ которомъ рекомендуетъ организовать общій земскій банкъ съ подотдѣлами, и хорошо извѣстныя въ свое время «Письма объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи», печатавшіяся во французской газетѣ «Le Nord» въ теченіе февраля и марта 1858 г., и переизданныя съ нѣкоторыми поправками отдѣльною брошюрою въ 1888 г., тоже на французскомъ языкѣ. Въ этихъ письмахъ (числомъ пять), обѣщая быть «вполнѣ откровеннымъ», авторъ говоритъ: 1) «о вліяніи дворянъ-землевладѣльцевъ на разрѣшеніе въ Россіи вопроса объ эмансипаціи»; 2) «о впечатлѣніи, произведенномъ на крѣпостныхъ русскихъ крестьянъ опубликованіемъ касающихся означеннаго мѣропріятія матеріаловъ»; 3) о нынѣшнемъ состояніи земельной собственности въ Россіи; 4) «о мѣрахъ, которыя могло бы предпринять правительство, чтобы побудить дворянъ жить въ своихъ помѣстьяхъ»; 5) «о различіи между русскими крестьянами и крестьянами прибалтійскихъ губерній», и 6) «о нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ къ благопріятному урегулированію отношеній между земельными собственниками и освобожденными русскими крестьянами, о внутренней цѣнности земельной собственности въ Россіи и блестящемъ будущемъ этой собственности».

Не останавливаясь на подробностяхъ изложенія мыслей автора, мы укажемъ лишь на болѣе характерныя мѣста, такъ или иначе обрисовывающія его взгляды. Въ первомъ же письмѣ онъ настойчиво совѣтуетъ дворянству «честно отозваться на призывъ своего повелителя», поддержать старинную связь общности интересовъ и симпатій къ крестьянству, отнестись къ послѣднему «покровительно», «благожелательно», «для общей и взаимной пользы» и отнюдь «не покидать своихъ помѣстій».

Въ слѣдующемъ письмѣ, признавая, между прочимъ, большую услугу за «русской литературой, которая «охотно изображаетъ въ темныхъ, но правдивыхъ краскахъ язвы общества и особенно злоупотребленія, дѣйствительно выдающіяся, совершаемыя повседневно бюрократіей, въ особенности внутри имперіи», авторъ пытается указать причины этихъ недостатковъ, а также и болѣе вѣрные средства исправить ихъ.—Издавна замѣчаемыя стремленія болѣе богатыхъ, болѣе образованныхъ и лучшихъ помѣщиковъ покинуть свои помѣстья для большихъ городовъ, для столицъ, для двора,—скоро, говоритъ онъ, свело къ мертвой буквѣ и въ огромныя привилегіи и драгоцѣнныя права, дарованныя дворянству Екатерининской грамотой 1785 г.; за отсутствіемъ достойныхъ кандидатовъ и даже самихъ избирателей, «правосудіе и мѣстное управленіе очутились въ рукахъ случайныхъ и малоспособныхъ людей, содѣйствовавшихъ лишь общему застою». Поэтому, заключаетъ онъ свое второе письмо, «предоставляя крестьянамъ права и

разъясняя имъ ихъ новое политическое положеніе, правительство въ то же время должно дать имъ дѣйствительную гарантію въ томъ, что они будутъ въ состояніи осуществлять эти права, а это возможно лишь при существованіи справедливой и хорошо организованной мѣстной администраціи».

Далѣе, для улучшенія административнаго и судебного управленія, онъ совѣтуетъ, въ виду отсутствія у насъ образованнаго третьяго сословія, призвать разными мѣрами дворянъ къ своимъ полямъ, учредить особые мѣстные выборные суды, которые бы служили посредниками между народомъ и исполнительною властью, взаимѣнъ прежнихъ станowychъ, и въ то же время прибѣгать къ помощи «безпристрастной», независимой печати, такъ какъ «безъ свободной печати и безпристрастнаго суда положеніе крестьянъ не можетъ улучшиться и при дарованіи свободы личности» (стр. 55). Въ заключеніе совѣтуетъ всѣмъ «изучать вопросъ и дѣйствовать остерожно», обращаясь къ примѣру остзейцевъ.

Впослѣдствіи эти воззрѣнія В. А. Цеэ нашли себѣ довольно строгаго критика въ лицѣ А. В. Головнина, упрекавшаго своего друга, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ смотрѣлъ на помѣщиковъ, въ большинствѣ случаевъ «неспособныхъ и дурныхъ администраторовъ», сквозь розовыя очки. Упрекъ, несомнѣнно, преувеличенный; какъ видно изъ только что приведенныхъ выдержекъ, В. А. Цеэ вполне сознавалъ всѣ крупныя недостатки мѣстныхъ дѣятелей—помѣщиковъ, но онъ не отказывался и отъ пріятной и доброжелательной надежды найти, по крайней мѣрѣ, въ лучшей и болѣе образованной ихъ части, убѣгавшей изъ помѣстій, честныхъ и способныхъ работниковъ на общую пользу, чего, видно, не допускалъ А. В. Головнинъ.

Указанныя работы А. В. Цеэ по крестьянскому вопросу, конечно, не единственныя; за рѣшеніемъ его онъ неустанно слѣдилъ все время, отзывался на него устно и письменно и, несомнѣнно, оказывалъ нѣкоторое свое вліяніе, хотя бы въ виду близкаго знакомства и частаго обмѣна мыслей съ главнымъ секретаремъ и совѣтчикомъ великаго князя Константина Николаевича, такъ много сдѣлавшаго для отмѣны крѣпостнаго права,—А. В. Головинимъ.

Помимо этого, такъ сказать, кардинальнаго вопроса, В. А. Цеэ интересовался и слѣдилъ за развитіемъ судебной реформы, свидѣтельствомъ чего служить рядъ его записокъ и замѣтокъ. Затѣмъ онъ внимательно слѣдилъ за политическими и общественными явленіями не только у себя на родинѣ, но и во всей Западной Европѣ, вплоть до шведской конституціи 1851 г. и промышленности въ Греціи, о которыхъ составилъ даже цѣлыя трактаты; широко знакомился съ новой научной литературой и по болѣе заинтересовавшимъ его предметамъ составлялъ подробныя записки, правильно характеризующія новые труды; такова, на примѣръ, его записка по по-

воду книги барона Корфа «Жизнь графа Сперанскаго». Наконецъ В. А. Цеэ былъ нечуждъ и поэзіи. Къ сожалѣнію въ нашемъ распоряженіи лишь отрывки отдѣльныхъ лирическихъ стихотвореній на русскомъ и французскомъ языкахъ, оригинальныхъ и переводныхъ, такъ какъ покойный сенаторъ еще незадолго до своей смерти почему-то уничтожилъ плоды своего увлеченія поэзіей въ 1840—50 годахъ. Въ хорошо обработанномъ и переписанномъ видѣ сохранилось лишь одно произведеніе: «Рудольфъ. Драматическая фантазія», изъ швейцарскаго быта, въ 6 явленіяхъ. Обширная библіотека и прекрасная картинная галерея, оставшаяся послѣ покойнаго, также должны свидѣтельствовать объ его литературныхъ и художественныхъ вкусахъ и понятіяхъ. Наконецъ упомянутая выше его премія ярко свидѣтельствуетъ объ его постоянномъ стремленіи къ просвѣщенію русскаго народа.

III.

Краткія историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ первую половину XIX вѣка.

Итакъ, новый предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, В. А. Цеэ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, былъ въ курсѣ тогдашнихъ общественныхъ и политическихъ событій, зорко слѣдилъ за всѣмъ выдающимся и самъ лично, при своей обширной начитанности, былъ не чуждъ науки и литературы.

Но прежде, чѣмъ приступить къ обзорѣнію его дѣятельности, какъ руководителя цензурою, мы считаемъ нелишнимъ въ бѣглыхъ чертахъ представить предъ читателями исторію нашей цензуры за первую половину XIX столѣтія, ея положеніе и условія въ первые годы царствованія императора Александра II до того момента, когда вступилъ въ управленіе цензурнымъ комитетомъ В. А. Цеэ, чтобы яснѣе было видно, что за сложное, трудное и мало опредѣленное дѣло выпало на его долю, да еще при тогдашнихъ политическихъ неурядицахъ, накануне польскаго возстанія.

Первый цензурный въ Россіи уставъ былъ созданъ въ 1804 году главнымъ правленіемъ училищъ, по почину извѣстнаго государственнаго дѣятеля Н. Н. Новосильцева и при ближайшемъ участіи академикомъ Озерецковскаго и Фуса. Въ XVIII вѣкѣ наблюденіе за произведеніями печати не успѣло выдѣлиться въ особую самостоятельную функцію высшей администраціи. Первые цензурныя постановленія касались духовной литературы, и цензурныя обязанности возлагались на духовныя учрежденія: сначала на славяно-греко-латинскую академію, потомъ духовную коллегію и наконецъ св. синодъ.

Отдѣленіе свѣтской цензуры отъ духовной совершилось по указу 4 октября 1727 года, когда наблюденіе за произведеніями свѣтской

литературы поручено было академіи наукъ, которая въ теченіе всего XVIII вѣка играла роль центрального цензурнаго вѣдомства, обращаясь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ къ компетенціи сената. Заведенныя было въ короткое царствованіе Павла Петровича мѣстныя цензуры, разныя строгія стѣсненія и запрещенія должны были исчезнуть съ воцареніемъ Александра Павловича, когда новое правительство поставило себѣ задачею «доставить обществу всевозможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ» и съ этою цѣлью сдѣлало министерство народнаго просвѣщенія центральныхъ цензурнымъ вѣдомствомъ ¹⁾.

Въ утвержденномъ 9 іюля 1804 г. первомъ цензурномъ уставѣ все его статьи исходили отъ одной основной идеи, которую графъ Завадовскій, первый министр народнаго просвѣщенія, указалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ объ утвержденіи устава и объ учрежденіи въ Петербургѣ особаго цензурнаго комитета, а именно—«уставомъ нисколько не стѣсняется свобода мыслить и писать; по токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». Въ наиболѣе характерныхъ и основныхъ статьяхъ этого самаго либеральнаго, по сравненію со всеми послѣдующими цензурными уставами, читаемъ: «Цензурный комитетъ и каждый цензоръ въ особенности при разсматриваніи книгъ и сочиненій наблюдаетъ, чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго Закону Божию, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина. Цензоръ, одобрившій книгу или сочиненіе, противное сему предписанію, какъ нарушитель закона, подвергается отвѣтственности по мѣрѣ важности вины». (§ 15). «Впрочемъ, цензура въ запрещеніе печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣсть въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать». (§ 21). «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Но недолго пришлось руководствоваться этими наставленіями высшему исполнительному органу по дѣламъ печати, главному правленію училищъ; вскорѣ же, подъ давленіемъ виѣшнихъ неблаго-

¹⁾ См. «Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія 1800—1902. Составилъ С. В. Рождественскій» (Спб. 1902). Стр. 100 и слѣд.

пріятныхъ обстоятельствъ, послѣдовали разнаго рода ограниченія, не согласовавшіяся съ либеральнымъ духомъ устава, а въ 1811 году, съ учрежденіемъ министерства полиціи, можно сказать, въ корнѣ подрывалось его значеніе. Особенной канцеляріи новаго министерства были поручены: «надзоръ за книгопродавцами и типографіями; наблюденіе, чтобы не обращались книги, журналы, мелкія сочиненія и листки безъ установленнаго отъ правительства дозволенія; свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и переводовъ; о вновь пропущенныхъ изъ-за границы книгахъ; дозволеніе представленія новыхъ театральныхъ сочиненій; надзоръ надъ изданіемъ и обращеніемъ разныхъ публичныхъ извѣстій и прочіе предметы сего рода». Эти полномочія надъ цензурой могли еще болѣе расширяться, въ ущербъ министерству народнаго просвѣщенія и уставу 1804 года, отъ личныхъ взглядовъ министра полиціи, который облакался чрезвычайнымъ правомъ контроля надъ общей цензурой, что и было при А. Д. Балашевѣ. Съ уничтоженіемъ министерства полиціи, всѣ эти права надъ цензурой перешли въ министерство внутреннихъ дѣлъ; но, къ счастью, фактически министры внутреннихъ дѣлъ, которые могли даже съ одобренія цензуры изданныя книги и статьи останавливать и запрещать, испросивъ на то высочайшее повелѣніе, очень мало пользовались своими правами.

Въ 1817 г. цензурному уставу и министерству народнаго просвѣщенія наносился новый ударъ: особымъ приказомъ предписывалось цензурнымъ комитетамъ «не пропускать ничего, относящагося до правительства, не испросивъ прежде на то согласія отъ того министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ разсуждается».

Этимъ было положено начало множественности цензуръ, весьма неблагоприятно отражавшейся на всей литературѣ.

Хотя вырабатываемый въ теченіе трехъ лѣтъ (1820—1823 г.) особымъ комитетомъ, душою котораго былъ извѣстный фанатикъ-обскурантъ Магницкій, новый цензурный уставъ не былъ утвержденъ, но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ свое вліяніе на уставъ, составленный А. С. Шишковымъ и утвержденный въ 1826 году, настолько, что послѣдній былъ прозванъ «чугуннымъ».

На смѣну этого «чугуннаго устава» съ 1828 года сталъ дѣйствовать новый цензурный уставъ, который просуществовалъ все время царствованія императора Николая Павловича и который характернѣе всего опредѣляется слѣдующими словами изъ «мнѣнія государственнаго совѣта»: «цензура представляется какъ бы таможеню, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, но лишь тѣ, конхъ привозъ и упо-

требленіе дозволены тарифомъ»¹⁾. Несмотря на такое своеобразное опредѣленіе задачъ цензуры, новый уставъ, однако, значительно сглаживалъ крайности своего предшественника; онъ почти уничтожалъ прежній произволъ цензоровъ и вносилъ большую упрощенность въ организацію цензурныхъ учреждений.

Къ сожалѣнію, и онъ въ своемъ первоначальномъ видѣ дѣйствовалъ недолго; съ слѣдующаго уже года послѣдовали дополнительные постановленія; съ 1831 года усилилась наблюдательная власть надъ цензурой пресловутаго Третьяго Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; а февральскія событія 1848 г. породили для литераторовъ еще болѣе тяжкія и грозныя преграды, въ лицѣ особаго верховнаго комитета 2 апрѣля, который своими повелѣніями и распоряженіями, исходящими формально отъ высочайшей власти, окончательно поставилъ цензуру въ ненормальное положеніе, подобнаго которому не помнитъ никакая исторія. Для иллюстраціи укажемъ хотя на нѣкоторые «воспретительныя мѣры», которыя и были главными проявленіями дѣятельности тогдашнихъ тупоровъ цензуры. Такъ, воспрещено было пропускать къ печатанію «всякія, хотя бы и косвенныя, порицанія дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали»; беллетристическія произведенія, «могущія дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности или могущія возбуждать непріязнь и завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ»; «статьи, которыя своею таинственностью могутъ наводить лишь на одни ложныя или произвольныя предположенія»; «похвалы изобрѣтеніямъ прежде, нежели оныя будутъ изслѣдованы по правиламъ науки и признаны вполне основательными»; статьи и изслѣдованія по исторіи смуть и народныхъ возстаній; «разборъ и порицаніе существующаго законодательства»; статьи за университеты и противъ нихъ; критики, какъ бы благонамѣренны онѣ ни были, на иностранныя книги и сочиненія, запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными»; «разсужденія, могущія поколебать вѣрованіе читателей въ непроложность церковныхъ преданій»²⁾ и т. п.

Столь полное господство цензурной опеки за время съ 1848 до 1855 г. и официальный историкъ нашей цензуры, съ благословенія А. В. Головинна, называетъ «эпохою цензурнаго террора»³⁾.

¹⁾ См. стр. 217 цитированнаго выше сочиненія С. В. Рождественскаго.

²⁾ См. стр. 337—338 того же сочиненія.

³⁾ См. изданная министерствомъ народнаго просвѣщенія «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ», стр. 77 (Спб. 1862 г.).

IV.

Состояніе печати и цензуры въ первые годы царствованія имп. Александра II.—Отношеніе къ цензурѣ А. В. Головнина.—Преобразование цензурнаго управленія.—«Временныя правила о печати».

Но занялась заря новаго царствованія, возстало отъ своего продолжительнаго летаргическаго сна и русское общество, разбуженное громами севастопольской кампаніи; старые жизненные устои и казарменные порядки предыдущаго царствованія стали ему не вмоготу; отовсюду послышались голоса, взывавшіе сначала робко, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе, къ преобразованіямъ. Необходимость послѣднихъ сознавало и само правительство, но приступило къ осуществленію ихъ не сразу и послѣ ряда колебаній. Эти-то колебанія правительства особенно были замѣтны въ исканіи новыхъ началъ, на которыхъ оно хотѣло создать реформу цензуры. Многіе государственные дѣятели, а литераторы и журналисты въ особенности, главнымъ условіемъ жизненности преобразовательныхъ начинаній правительства считали свободу печати. Стремленію общества и представителей печати знать и судить о происходящемъ вокругъ нихъ не могла больше противодѣйствовать и прежняя цензура. Въ средѣ ея руководителей явились лица, потребовавшія отмѣны дополнительныхъ узаконеній къ уставу 1828 года и особенно возстававшія противъ множественности специальныхъ цензуръ. Были, конечно, сторонники, желавшіе сохранить прежніе цензурные порядки; отсюда—неизбѣжная сумятица, непослѣдовательность и даже глухая борьба цензуры съ литераторами. Колеблемая многоразличными воззрѣніями на дѣла прессы, цензура не находила твердой опоры для своихъ постановленій; точныхъ законовъ не было, и дѣло рѣшалось тактомъ и личнымъ взглядомъ цензоровъ или же постороннимъ вліяніемъ. Такое положеніе цензуры, конечно, прежде всего должно было обратить на себя вниманіе высшаго правительства, которое, однако, первые годы ограничивалось частичными освободительными мѣрами по отношенію къ печати. Въ 1855 г. возникли новые журналы «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда», причѣмъ первый получилъ право вести политической отдѣлъ, который до того былъ привилегіей лишь четырехъ газетъ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Московскихъ Вѣдомостей», «Сѣверной Пчелы» и «Русскаго Инвалида». Въ томъ же году получилъ право печатать самостоятельную корреспонденцію съ театра войны и журналъ «Современникъ», подарившій обществу «Севастопольскіе рассказы» Л. Н. Толстого. По примѣру послѣдняго добились расширенія своихъ программъ нѣкоторые другіе газеты и журналы, громко заговорившіе о Бѣлинскомъ и Гоголѣ, что было раньше запретнымъ плодомъ. По ходатайству министра народнаго просвѣщенія

А. С. Норова, высочайшимъ повелѣніемъ 28 января 1858 г. было ослаблено дѣйствіе специальныхъ цензуръ. Но на ряду съ этимъ имѣли мѣсто и постановленія обратнаго характера, воспрещавшія, напримѣръ, порицать правительственныя мѣры прошлаго царствованія, касаться язвъ крѣпостнаго права, и др.

Въ 1859 г., наконецъ, правительство, въ цѣляхъ коренной цензурной реформы, образовало, подъ предсѣдательствомъ графа А. В. Адлерберга, особый негласный комитетъ по дѣламъ книгопечатанія, который за годъ своей работы успѣлъ только выяснитъ зло несамостоятельности цензуры, подчиненной разнообразнымъ взглядамъ множества правительственныхъ, ученыхъ и другихъ учреждений, и необходимость образованія вполнѣ самостоятельнаго цензурнаго вѣдомства, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, этого мнѣнія комитета, а также проекта новаго цензурнаго устава Е. П. Ковалевскаго и мнѣній другихъ, 24 января 1860 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о преобразованіи главнаго управленія цензуры. Послѣднее, въ силу новыхъ преобразовательныхъ началъ, сдѣлалось самостоятельнымъ вѣдомствомъ, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, обязаннымъ слѣдить систематически за ходомъ литературы, направлять ее, сколько возможно, къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы. Въ петербургскій и московскій цензурные комитеты назначены особые предсѣдатели, съ увольненіемъ отъ этой обязанности понечителей учебныхъ округовъ. Въ главномъ управленіи, которому подчинены были мѣстные цензурные комитеты и отдѣльные цензоры, сосредоточиваются для окончательнаго разрѣшенія всѣ дѣла и вопросы по внутренней и иностранной цензурѣ, возникающіе не только въ кругу самаго управленія, но и въ другихъ вѣдомствахъ. Разногласія между ними и главнымъ управленіемъ разрѣшаются высочайшей властью по докладу предсѣдателя.

Но ни это постановленіе, ни другія, затронувшія, напримѣръ, вопросы: о правѣ печати обсуждать правительственныя мѣропріятія и объ охранѣ личнаго достоинства отъ печатныхъ оскорбленій, не могли улучшить отношеній между цензурнымъ вѣдомствомъ и литературой; безъ коренной реформы цензуры между ними происходила «нескончаемая игра въ уступки, загадки и мистификаціи». Въ концѣ 1861 г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Путятинъ, изобразивъ тяжелое положеніе цензуры, предложилъ государю рѣшительную мѣру: передать цензуру въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего и образована была комиссія изъ представителей двухъ министерствъ—народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, скоро, однако, расколовшаяся на двѣ крайнія партіи по коренному вопросу—о карательной и предупредительной цензурѣ; одни настаивали на усиленіи предупредительныхъ мѣръ,

а другіе допускали начало судебного преслѣдованія за нарушение законоположеній о печати.

Въ такомъ положеніи засталъ вопросъ о цензурѣ новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, пожелавшій разрѣшить его въ связи съ общими преобразованіями по министерству народнаго просвѣщенія, на началахъ широкой гласности и всесторонняго обсужденія преобразованій со стороны общества и печати. А. В. Головнинъ хотѣлъ сохранить въ своемъ вѣдѣніи общую цензуру и стремился доставить литературѣ возможныя облегченія. Онъ исходатайствовалъ: «отмѣну спеціальныхъ цензуръ, особенно тягостныхъ для петербургскихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе весьма многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ», и т. п. ¹⁾,— и вообще всячески старался устраненіемъ разныхъ формальностей и своевременнымъ ознакомленіемъ редакторовъ съ цензурными постановленіями дать болшій просторъ печатному слову и устранить прежній произволъ изъ цензуры.

Главнымъ въ этомъ отношеніи его помощникомъ, а иногда и инициаторомъ былъ избранный имъ новый предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, В. А. Цеэ. Смѣемъ полагать, что при болѣе благоприятныхъ условіяхъ эти два дѣятеля смогли бы вывести цензуру на болѣе правильный путь и придать ей устойчивость и законность, желательныя для громаднаго большинства русскихъ журналистовъ и литераторовъ. Но тогдашняя польская іезуитская пропаганда наканунѣ польскаго возстанія, постоянное вмѣшательство министерства внутреннихъ дѣлъ и многія другія обстоятельства связывали ихъ, если можно такъ выразиться, по рукамъ и по ногамъ, что мы и увидимъ изъ ниже приводимыхъ документальныхъ данныхъ.

Не находя возможнымъ сейчасъ же приступить къ коренной реформѣ цензуры, главнымъ образомъ за неосуществленіемъ судебной реформы, А. В. Головнинъ долженъ былъ согласиться на временныя мѣропріятія. Такъ какъ послѣднія удержались во все время предсѣдательства въ цензурномъ комитетѣ В. А. Цеэ и даже позже до 6 апрѣля 1865 г., то мы, по необходимости, нѣсколько подробнѣе остановимся на нихъ.

Мѣропріятія эти заключались, во-первыхъ, въ преобразованіи цензурнаго управленія, по высочайшему указу 10 марта 1862 года, и, во-вторыхъ, въ изданіи временныхъ правилъ по цензурѣ, высочайше одобренныхъ 12 мая 1862 года. Первымъ указомъ предписывалось: 1) главное управленіе цензуры упразднить; 2) наблюденіе за нарушеніемъ цензурныхъ правилъ возложить на министерство

---

¹⁾ См. стр. 410 вышеназваннаго сочиненія С. В. Рождественскаго.

внутреннихъ дѣлъ, которое объ изданіяхъ, подлежащихъ общей цензурѣ, сносится съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, объ изданіяхъ же, изъятыхъ изъ общей цензуры, съ тѣми управленіями, коимъ тѣ изданія подвѣдомственны; 3) министерству внутреннихъ дѣлъ передать суммы, назначенныя по штату 14 января 1860 г. на главное управленіе цензуры; 4) прочія обязанности этого управленія возложить на министерство народнаго просвѣщенія, подчинивъ ему цензурные комитеты и отдѣльныхъ цензоровъ и выдѣливъ только касающееся духовной цензуры и министерства двора.

Этими главнѣйшими пунктами указа было произведено раздвоеніе цензуры между двумя вѣдомствами одинаковой компетенціи и, повидимому, даже съ болѣе или менѣе опредѣленными отдѣлами для каждаго; оба министра имѣли право входить съ особыми докладами къ государю, каждый по своей части, и казалось бы, что критикѣ или надзору одного изъ нихъ надъ другимъ здѣсь нѣтъ мѣста; въ случаѣ столкновенія общихъ интересовъ возможно лишь ихъ взаимное соглашеніе, но далеко не такъ оказалось, какъ увидимъ, все это на дѣлѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валувевъ очень скоро присвоилъ всѣ функціи власти начальника штаба корпуса жандармовъ, воспользовавшись нежеланіемъ послѣдняго (графа П. А. Шувалова) заниматься дѣлами печати, и всѣ права закона 23 іюня 1811 года.

Временныя правила по цензурѣ, состоявшія изъ 13 статей и предназначенныя для руководства цензорамъ, въ общемъ повторяли старыя положенія; новостъ вносили лишь слѣдующія статьи: въ ст. III читаемъ: «При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій дозволить къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя топомъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ уже обнаружились на опытѣ». Статья IV, разрѣшая касаться недостатковъ и злоупотребленій администраціи, запрещала печатать лишь имена лицъ и собственныя имена мѣстъ и учрежденій. Статья V все разрѣшенное предыдущими статьями дозволяла печатать лишь въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей въ годъ. Вслѣдъ за этими статьями, сообщающими до извѣстной степени свободу печати, слѣдовала карательная статья VI, по которой министры внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, «въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія», могли не дозволить печатать разсужденія, указанные въ статьяхъ III и IV и даже прекращать такое изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ. Во «временныя правила» входила и статья (XIII), отмѣняющая частныя постановленія и распоряженія по цензурѣ съ 1828 до 1862 г.; но, къ сожалѣнію, она во многомъ парализовалась, по

крайней мѣрѣ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, особливо изданнымъ приложеніемъ, сохранившимъ до 22 старыхъ постановленій.

V.

Взгляды В. А. Цеэ на значеніе и задачи цензуры.—Его отношенія къ редакторамъ и литераторамъ.—Ближайшіе его помощники-цензоры: Бекетовъ, Лебедевъ, Веселаго, Волковъ, Штюмеръ.— Письмо И. С. Аксакова съ жалобой на цензора Рахманинова.

Вскорѣ послѣ своего назначенія предсѣдателемъ цензурнаго комитета, В. А. Цеэ представлялся государю и при этомъ случаѣ изложилъ ему подробно свою программу, суть которой заключалась въ слѣдующемъ: «великая сила, заключающаяся въ прессѣ, будучи хорошо направлена, можетъ оказать большія услуги государству и обществу. Но, беря на себя руководство печатью, цензура должна отказаться отъ прежняго, исключительно репрессивнаго образа дѣйствій; она должна вступить на другой путь, болѣе соотвѣтствующій духу новаго времени». Императоръ Александръ Николаевичъ былъ совершенно согласенъ съ В. А. Цеэ.

— Но,—заключилъ государь,—я все-таки желаю, чтобы цензура сохранилась, и не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, которые хотятъ ее уничтожить. Лучше предупредить пожаръ, чѣмъ потомъ гасить его¹⁾.

Приступая къ отправленію своей многотрудной должности, В. А. Цеэ прежде всего поспѣшилъ сдѣлать визиты наиболѣе виднымъ изъ тогдашнихъ писателей и редакторовъ. Такая вѣжливость со стороны обыкновенно замкнутаго и недоступнаго предсѣдателя комитета произвела сильное впечатлѣніе въ кругу послѣднихъ. Впечатлѣніе это еще болѣе усилилось въ благоприятномъ для предсѣдателя смыслѣ послѣ того, какъ онъ вступилъ въ близкія и даже дружественныя отношенія съ большинствомъ редакторовъ и открылъ къ себѣ широкій доступъ всѣмъ литераторамъ. Къ этому его побуждало, съ одной стороны, желаніе «черезъ знакомство съ литераторами глубже вникнуть въ цѣль того направленія, которое они даютъ литературѣ»; а съ другой стороны, онъ хотѣлъ избавить какъ издателей, такъ и авторовъ отъ тяготѣвшаго надъ ними невѣдѣнія: «о чемъ они могутъ и о чемъ не могутъ говорить печатно», или, другими словами, предостеречь ихъ отъ излишнихъ нравственныхъ огорченій и матеріальныхъ потерь. Благодаря тому, что В. А. Цеэ былъ всегда доступенъ и откровененъ, его «почти ежедневно посѣщали редакторы за совѣтами: могутъ ли они писать по тому

¹⁾ Этотъ разговоръ В. А. Цеэ съ императоромъ приведенъ въ «Воспоминаніяхъ» Фридриха Мейера, бывшаго редактора «St. Petersburger Zeitung», стараго друга В. А. Цеэ, и вполне подтверждается документами. (Воспоминанія Мейера, подъ заглавіемъ: «О русской эпохѣ великихъ реформъ», напечатаны въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы» за 1895 г., № 2).

или иному вопросу», «приносили ему на предварительное рассмотрение статьи прежде представления цензору», а письменно осаждали его и редакторы, и литераторы, нередко съ жалобами на цензоровъ, и очень часто находили себѣ удовлетвореніе. Редакторамъ, по преимуществу, онъ старался внушить, что пресса и цензура должны идти рука объ руку и тѣмъ обезпечить правительству болѣе вѣрный путь къ проведенію намѣченныхъ реформъ. Прося ихъ содѣйствія и обѣщая, съ своей стороны, быть «чрезвычайно снисходительнымъ» къ такимъ статьямъ, гдѣ серьезно, основательно и съ желаніемъ истинной пользы указывается на существующія злоупотребленія должностныхъ и частныхъ лицъ или на способы ихъ пресѣченія, В. А. Цезъ въ то же время ставилъ имъ нѣкоторыя требованія: прежде всего не впадать въ крайности и рѣзкости, а говорить съ достоинствомъ и знаніемъ дѣла, не вышучивать и не унижать дворянскаго сословія, «оказывавшаго государству важныя услуги и недавно понесшаго большія матеріальныя потери», прекратить всякія выходки противъ нерусскихъ національностей, входящихъ въ составъ Россіи, и др. ¹⁾.

Такого рода тактичность и снисходительность предѣдателя цензурнаго комитета не могли, конечно, не содѣйствовать тому, что вскорѣ же между прессой и цензурой водворилось нѣкоторое «доброе согласіе», что довольно вѣрно и было передано въ одной карикатурѣ, гдѣ изображался оркестръ петербургскихъ публицистовъ съ В. А. Цезъ, въ качествѣ капельмейстера.

Еще до назначенія Василія Андреевича со стороны цензурнаго комитета было предложено выработать краткія правила цензорамъ въ руководство. Послѣдній онъ отклонилъ совершенно, говоря, что «достаточно нынѣ дѣйствующаго устава цензурнаго и изданныхъ всѣхъ позднѣйшихъ узаконеній и распоряженій по цензурному вѣдомству, которыя не вошли въ сводъ законовъ, а вообще нужно лишь сообразоваться цензорамъ съ законами, требованіями литературы и общества». Когда же необходимо было послать циркуляры старшимъ цензорамъ, замѣнившимъ прежнихъ попечителей учебныхъ округовъ—предѣдателей цензурныхъ комитетовъ, то В. А. Цезъ предлагалъ имъ: во-1-хъ, точно исполнять временныя правила, высочайше утвержденныя, во-2-хъ, пригласить гг. цензоровъ при исполненіи ихъ обязанностей облегчать по мѣрѣ возможности требованія временныхъ правилъ, въ-3-хъ, обращать болѣе вниманія на общее направленіе статей, а не на отдѣльные факты и фразы, и, въ-4-хъ, соразмѣрить свою строгость именно съ этимъ общимъ направленіемъ»...

---

¹⁾ Все цитованное нами взято изъ всеподданнѣйшей рукописной записки В. А. Цезъ, отъ 27 мая 1862 года.

Таковы были взгляды новаго предсѣдателя цензурнаго комитета В. А. Цеэ на значеніе и задачи цензуры, взгляды, которымъ онъ неуклонно слѣдовалъ во все время своего предсѣдательства и за которые ему суждено было вскорѣ же пострадать.

Кто же, спрашивается, были его ближайшими помощниками и исполнителями его предначертаній. Конечно, гг. цензоры, число которыхъ въ общемъ было довольно значительно, но изъ этого числа фигурируютъ въ имѣющихся у насъ письмахъ и документахъ очень немногіе, и именно тѣ, которые цензировали наиболѣе распространенные и либеральные органы печати. Всѣ почти они начали служебную цензорскую карьеру съ 1859 или 1860 гг., и одинъ лишь Владиміръ Николаевичъ Бекетовъ съ 1853 г., когда особенно тяготѣлъ извѣстный «цензурный терроръ».

Между тѣмъ В. Н. Бекетовъ былъ однимъ изъ лучшихъ цензоровъ, болѣе другихъ понимающимъ и любящимъ родную литературу. Благодаря ему, можно сказать, появилось въ свѣтъ впервые въ болѣе исправномъ видѣ собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова, запрещенное въ 1859 году. Онъ жалѣлъ вычеркивать и замѣнять другими даже «самыя рѣзкія слова, за ихъ замѣчательную красоту, форму и теплоту» (его письмо отъ 13 апрѣля 1863 года). Благодаря ему, появилась въ «Вѣкѣ» статья: «С.-Петербургскіе городскіе выборы». Онъ же разрѣшилъ къ печати статью С. С. Громеки «О кievскихъ волненіяхъ въ 1855 году»; его разрѣшеніе подтвердилъ и В. А. Цеэ, но тогдашній владыка цензуры, министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валугевъ, запретилъ. За эту-то любовь къ литературѣ и снисходительность и пострадалъ В. Н. Бекетовъ. Вслѣдъ за уходомъ В. А. Цеэ изъ цензурнаго комитета П. А. Валугевъ уволилъ и Бекетова, «не вслѣдствіе, — пишетъ въ своемъ письмѣ къ предсѣдателю комитета А. В. Головинъ, — какого-либо отдѣльнаго промаха, но вслѣдствіе общаго направленія». А. В. Головинъ, къ которому обратился Бекетовъ, и хлопоталъ, главнымъ образомъ, о назначеніи ему усиленной пенсіи предъ министромъ фипансовъ М. Х. Рейтерномъ.

Послѣ Бекетова наиболѣе снисходительнымъ и попямающимъ свое дѣло былъ С. И. Лебедевъ, который не беспокоилъ предсѣдателя комитета мелкими запросами и котораго редакціи (напримѣръ, «Библіотеки для чтенія») просили назначить цензоромъ предпочтительно предъ другими. Лебедеву принадлежит нѣсколько лобопытныхъ характеристикъ цензируемыхъ имъ журналовъ и газетъ. Такъ, по поводу «Современнаго Слова», въ письмѣ отъ 20 іюля 1862 года, онъ говоритъ: «Статьи главныхъ дѣятелей газеты Н. Г. Писаревскаго и В. Н. Леонтьева и подъ ихъ руководствомъ составленныя всѣ пріикнуты духомъ рѣзкаго прогресса и желаніемъ высказаться правдиво, по ихъ мнѣнію, не смотря ни на лица, ни на учрежденія, ни на порядки, противъ которыхъ имъ приходится

говорить по какому-либо поводу. Впрочемъ, основаніемъ ихъ направленія служить стремленіе къ конституціоннымъ началамъ и обрядамъ, уясненіе которыхъ на всѣхъ путяхъ жизни общественной составляетъ задачу газеты».

«Въ журналѣ «Основа»,—продолжаетъ въ томъ же письмѣ Лебедевъ,—редакторъ В. М. Бѣлозерскій имѣетъ главною цѣлью уяснить состояніе южнаго края Россіи на основаніи прошлыхъ судебъ его и пастоящихъ потребностей народа въ духѣ законнаго развитія жизни народной въ связи съ Великороссіею. Поэтому важную задачу этого журнала составляетъ оборона народа отъ притязаній польско-католическихъ и еврейскихъ и умиротвореніе отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Главные сотрудники редактора Н. И. Костомаровъ, помѣстившій въ этомъ журналѣ свои изслѣдованія старины малорусской въ духѣ строгаго безпристрастія ко всѣмъ сторонамъ, соприкасавшимся въ какомъ-либо вопросѣ, и П. А. Кулишъ, разъясняющій поэтическую сторону малорусскаго народа въ связи съ общественною его дѣятельностью прошлаго времени».

Цензоры Ф. Ф. Веселаго и Е. Е. Волковъ отличались нерѣшительностью, а иногда и излишней придирчивостью. Первый, напр., не рѣшился пропустить извѣстіе о «болѣзни султана турецкаго, сильно дѣйствующей на его умственные способности». Въ статьѣ «О преобразованіи цензурнаго управленія», предназначавшейся для «Библиотеки для чтенія», г. Веселаго желалъ выкинуть мѣста, гдѣ обсуждаются прежнія распоряженія о цензурѣ и одобряются послѣднія распоряженія министра. Противъ этихъ мѣстъ В. А. Цезъ написалъ: «благодарить автора за его статью». Покойный редакторъ «Русской Старины» М. И. Семевскій обратился въ 1862 г. съ длиннымъ жалобнымъ письмомъ къ В. А. Цезъ на этого же осторожнаго цензора, который въ его статьѣ «Семейство Монсовъ» вычеркнулъ рядъ мѣстъ, представляющихъ выписки изъ документовъ или изъ ранѣ напечатанныхъ статей. Однажды Веселаго запросилъ мнѣніе предсѣдателя комитета даже по поводу «Объявленія о постоянной всемірной выставкѣ» (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»), хотя самъ же пишетъ, что оно не содержитъ ничего противоцензурнаго» (см. письмо его отъ 11 ноября 1862 г.).

Цензоръ Волковъ безусловно запретилъ статью для «Сѣверной Пчелы», въ которой авторъ высказалъ мысль, что «для счастья народнаго необходимы свобода совѣсти и слова и вообще финансовая, политическая, религіозная и нравственно-умственная свобода гражданъ».

Въ другой разъ г. Волковъ запросилъ предсѣдателя комитета по поводу слѣдующихъ двухъ статей: 1) Письмо г-жи В. Брюньде-С.-Гистолатъ, въ которомъ она рассказываетъ о томъ, какъ противозаконно ветлужскій земскій судъ (Костромской губ.) продалъ съ публичныхъ торговъ ея имѣніе, и 2) «Въ чужомъ пиру похмелье»,

гдѣ излагается дѣло, «за достовѣрность котораго авторъ ручается, о неисполненіи магистратомъ указа правительствующаго сената», — и въ концѣ прибавилъ: «хотя въ этихъ двухъ статьяхъ нѣтъ ничего противоцензурнаго, и онѣ согласно временныхъ правилъ могутъ быть дозволены къ печати, но, имѣя въ виду отношеніе г. министра юстиціи, которое было читано во вчерашнемъ засѣданіи комитета, я пріостановился одобреніемъ»... (письмо отъ 25 апрѣля 1863 г.).

Но самымъ придирчивымъ и нетерпимымъ изъ тогдашнихъ цензоровъ былъ отставной генераль-майоръ Владимиръ Вильгельмовичъ Штюмеръ. По поводѣ его, въ письмѣ отъ 19 февраля 1862 г., А. В. Головинъ пишетъ В. А. Цеэ: «Есть великій специалистъ по части военной цензуры, отставной генераль-майоръ Штюмеръ. Для огражденія петербургскаго цензурнаго комитета отъ промаховъ по цензурѣ военной части Милютинъ предлагаетъ посадить Штюмера въ комитетъ съ тѣмъ, что онъ будетъ получать содержаніе изъ военнаго министерства. Мнѣ кажется, надобно этимъ воспользоваться, иначе сей самый Штюмеръ сдѣлается критикомъ и наблюдателемъ и будетъ придираться». Отношеніе этого «великаго специалиста по части военной цензуры» къ литераторамъ весьма характерно обрисовывается изъ слѣдующихъ словъ А. В. Головнина въ письмѣ къ В. А. Цеэ (№ 61): «Штюмеръ говорилъ Милютину, что засѣданія цензурнаго комитета просто неприличны, ибо приглашаются литераторы, которые требуютъ весьма нагло отчета отъ цензоровъ. Онъ не желалъ бы оставаться тамъ».

Въ письмѣ отъ 16 марта 1863 года А. А. Краевскій пишетъ В. А. Цеэ: «Позвольте прибѣгнуть къ вашему покровительству, безъ котораго я скоро не буду знать, что и дѣлать съ газетой («Голосъ»). Третьяго дня у меня переведены были изъ «Бреславльской Газеты» «Объявленіе національнаго правительства» и «Протестъ Мірославскаго». Г. Штюмеръ зачеркнулъ оба эти документа. Вчера оба они напечатаны, слово въ слово, въ «Journal de St. Pétersbourg». Я отправилъ этотъ нумеръ французскаго журнала къ г. Штюмеру вмѣстѣ съ зачеркнутымъ имъ корректурнымъ листомъ; онъ опять возвратилъ листокъ съ надписью, чтобы я показалъ его вамъ, или чтобы ждалъ появленія этихъ документовъ въ «Сѣверной Почтѣ». А между тѣмъ оба эти документа сегодня напечатаны уже по-русски въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ концѣ письма Краевскій проситъ В. А. Цеэ избавить его отъ цензуры Штюмера, «который только задерживаетъ статьи и запрещаетъ даже то, что появляется въ официальномъ органѣ министерства иностранныхъ дѣлъ» «Journal de St. Pétersbourg». Это, кажется, и было исполнено.

Редакторъ-издатель «Русскаго Инвалида» и «Современнаго Слова» Н. Писаревскій въ письмѣ къ В. А. Цеэ, отъ 23 ноября 1862 года, пишетъ: «Тиранія Штюмера и неразумный произволъ начинаютъ

выводить изъ терпѣнія, чему лучшимъ подтвержденіемъ могутъ служить прилагаемая при семъ корректуры. Нѣкоторыя мѣста просто заслуживаютъ смѣха, какъ тупое непониманіе своей обязанности.—Смѣхъ—смѣхомъ, а горе—горемъ. И это горе приходится испивать мнѣ по ночамъ полной чашею. Нѣтъ ли тутъ чего-нибудь умышленного со стороны г. Штюмера?.. Десять такихъ цензоровъ, какъ Штюмеръ, могутъ разрушить всякую связь честныхъ людей съ правительствомъ... Вчера ночью наборщики ругали цензора и издѣвались надъ бесполезными его поправками...»

Въ заключеніе объ этомъ «тиранѣ» и «тупомъ до смѣшного цензорѣ» приведемъ въ своемъ родѣ «монументъ»—его «конфиденціальное» письмо къ В. А. Цез, отъ 3 декабря 1862 г. Въ немъ «генераль-майоръ» Штюмеръ пишетъ: «Статья объ артеляхъ по прямому ея смыслу имѣетъ вполне благонамѣренное направленіе, она не заключаетъ въ себѣ ничего противоцензурнаго и несомнѣнно полезна. Но при извѣстной привычкѣ нашей публики искать вездѣ и во всемъ аллюзій (намековъ) и уподобленій, достаточно въ обчеркнутой части статьи поставить вмѣсто слова «артель» слова «русскій народъ», чтобы весь конецъ статьи обратился въ настоящее воззваніе къ государственному перевороту—къ установленію у насъ конституціоннаго правленія. Только это уваженіе заставляетъ меня представить эту статью на благоусмотрѣніе вашего превосходительства. Прошу извиненія за неразборчивость почерка—теперь (въ 11^{1/2} часовъ ночи) кончилъ работу—предъ глазами бѣгають темныя пятна—я просто слѣпну».

Чтобы покончить съ цензорами, приведемъ еще интереснѣйшее собственноручное письмо И. С. Аксакова, которое къ тому же нигдѣ и не появлялось въ печати. «Я жалуюсь,—пишетъ онъ изъ Москвы 1-го марта 1863 года,—на пристрастныя дѣйствія г. цензора Рахманинова, въ доказательство чего имѣю честь приложить корректуру 3-й и послѣдней статьи г. Юрына «О новомъ судѣ». Я прошу ваше превосходительство лично просмотрѣть эту корректуру, не поручая просмотра кому-нибудь изъ чиновниковъ. Можетъ быть, вы найдете, что зачеркнутыя цензоромъ фразы и слова не стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ хлопотать. Но если онѣ такъ не важны, то не стоило ихъ и зачеркивать. Если цензоръ обязанъ разрѣшать печатаніе статьи съ осмотрительностью,—съ не меньшею, если не съ большею, осмотрительностью долженъ онъ себѣ позволять посягательство на чужое слово, измѣненіе или исключеніе словъ и реченій въ пропускѣ статей, цензоръ долженъ быть и воздержанъ въ употребленіи красныхъ чернилъ. Мнѣ кажется, говорю откровенно, что въ этомъ отношеніи, при цензурованіи «Дня», московская цензура дошла до полной невоздержности. На всѣ личные протесты мнѣ отвѣчаютъ, что я имѣю право жаловаться. Но Боже

мой! Развѣ есть возможность для человѣка занятого, для редактора, поднимать исторіи изъ-за каждаго слова? Не желая отсрочивать выхода нумера газеты, поневолѣ, скрѣпя сердце, печатаешь бессмыслицу. Напримѣръ, недавно въ статьѣ одного важнаго славянина то мѣсто, гдѣ онъ, описавъ насилія турокъ надъ женщинами, восклицаетъ: «у турка нѣтъ ничего человѣческаго, кромѣ лица», — г. цензоръ поправилъ такъ: «у многихъ турокъ нѣтъ ничего», не понимая, что тогда негодованіе славянина теряетъ всякій смыслъ! Я могъ бы цѣлыя сотни примѣровъ подобнаго непрошеннаго сотрудничества представить вашему превосходительству, если бы вы того пожелали.

«Въ настоящей, посылаемой мною статьѣ авторъ, горячій защитникъ новой судебной реформы, старается опровергнуть мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что русскій народъ чуждъ понятіямъ юридическимъ, что въ немъ нѣтъ чувства законности, что, наконецъ, начало совѣсти исключаетъ понятіе о положительномъ правѣ, и т. д. Мѣста, очерченныя голубымъ карандашомъ, были предназначены къ исключенію, и только послѣ цѣлаго часа дебатовъ были дозволены. По этому способу цензирования нѣтъ никакой возможности излагать, напримѣръ, теорію уголовного права. На какомъ основаніи г. цензоръ позволяетъ себѣ вычеркивать выраженіе, что европеецъ, не почитающій общежитія основнымъ началомъ правосудія, — китаецъ? Если онъ воображаетъ здѣсь намекъ на Россію, то этотъ намекъ былъ бы безсмысленъ въ виду новой судебной реформы. Впрочемъ, никто въ мірѣ не имѣетъ такого дурнаго мнѣнія о Россіи, какъ цензоры: они видятъ вездѣ намекъ и примѣненіе. На какомъ основаніи г. цензоръ не дозволяетъ сказать, что крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ было узаконено и исключало возможность истиннаго правосудія?.. Другими словами, что судебная реформа возможна была только послѣ манифеста 19-го февраля»...

Въ отвѣтъ на это письмо В. А. Цезъ написалъ: «Спѣшу возвратить вамъ корректуру 3-й статьи г. Юрьина «О новомъ судѣ», и при этомъ имѣю честь васъ увѣдомить, что, по моему мнѣнію, она могла бы быть пропущена цѣликомъ, за исключеніемъ мѣстъ, отмѣченныхъ зеленымъ карандашомъ» ¹⁾).

VI.

Возникновеніе печатной полемики между Катковымъ и Герценомъ.—Совмѣстное цензорованіе предсѣдателя комитета и министра народнаго просвѣщенія. — Письмо Н. А. Некрасова.—Всеподданнѣйшая записка В. А. Цезъ.—Поѣздка В. А. Цезъ въ Москву.—Выдержки изъ краткаго обзора дѣйствій русской журналистики въ 1862 году.

При такого рода сотрудникахъ-цензорахъ, конечно, на долю предсѣдателя цензурнаго комитета выпадало не мало совершенно лишней и кропотливой работы, изъ-за которой еще труднѣе было

¹⁾ Но почему-то эта третья статья г. Юрьина въ газетѣ «День» не появлялась; первая же была напечатана въ № 7, а вторая въ № 8.

слѣдить за общимъ ходомъ цензурированія. Но В. А. Цезъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе другихъ предсѣдателей. Его товарищескія отношенія съ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головиннымъ и откровенный обмѣнъ мыслей съ послѣднимъ въ значительной мѣрѣ облегчили и самую работу и избавили въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ лишней отвѣтственности. Въ нашемъ распоряженіи имѣется немалое количество писемъ и разныхъ записокъ В. А. Цезъ и А. В. Головина, которыми они обмѣнивались по всевозможнымъ вопросамъ цензурированія тогдашней прессы за время съ мая по декабрь 1862 года. На основаніи этой-то переписки, главнымъ образомъ, мы и постараемся отмѣтить главнѣйшіе факты изъ дѣятельности цензурнаго комитета, или, вѣрнѣе, его предсѣдателя.

При первомъ же докладѣ В. А. Цезъ министру народнаго просвѣщенія былъ рѣшенъ одинъ довольно важный вопросъ, а именно о разрѣшеніи упоминать въ печати имя А. И. Герцена и допускать критическія статьи по поводу печатаемаго въ его «Колоколѣ». Къ этому времени, надо замѣтить, слава и популярность Герцена достигли среди русской интеллигенціи и особенно учащейся молодежи высшаго апогея. Нумера «Колокола» ввозились въ Россію въ неимоверномъ количествѣ, несмотря на все мѣры противодѣйствія, какія предпринимали и шефъ жандармовъ, и министръ финансовъ. Когда А. В. Головинъ спросилъ того и другого, что они намѣрены сдѣлать еще, борясь съ этимъ зломъ, оба отвѣтили, что ими использованы все средства, и что болѣе придумать они ничего не въ состояніи.

«При этомъ Головинъ спросилъ,—писать въ своей замѣткѣ В. А. Цезъ¹⁾—мое мнѣніе, какъ поступать въ этомъ случаѣ?—Я ему отвѣчалъ, что, по моему искреннему убѣжденію, съ силою не физической, а нравственною можно бороться только такою же силою, а потому я полагалъ бы весьма полезнымъ разрѣшить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этомъ выразить надежду, что наша печать сумѣетъ разоблачить тѣ крайнія увлеченія, которыми, несмотря на замѣчательный умъ и способности Герцена, изобиловала его газета, имѣвшая за собою преимущество запрещеннаго плода».

«Выслушавъ меня, Головинъ отвѣтилъ, что онъ «вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе».

«Спустя нѣсколько дней,—продолжаетъ В. А. Цезъ:—явился ко мнѣ редакторъ «Сѣверной Пчелы» П. С. Усовъ и принесъ мнѣ ну-

¹⁾ «А. В. Головинъ и его отношенія къ А. И. Герцену», «Русская Старина», 1897 г. № 11). Написана въ опроверженіе того письма князя П. П. Мещерскаго (напеч. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1897 г., № 8), въ которомъ онъ приписываетъ А. В. Головинну воспрещеніе писать о Герценѣ.

мерь «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1862 годъ, въ которомъ находилась рѣчь, произнесенная Герценомъ въ Вяткѣ 6-го декабря 1837 года. Въ этой рѣчи онъ утверждалъ, что въ Россіи прогрессъ всегда исходитъ отъ правительства. П. С. Усовъ приходилъ ко мнѣ съ жалобою на цензора, не соглашавшагося на перепечатаніе этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ», что я, къ великому удовольствію Усова, немедля ему разрѣшилъ.

«Въ самый день появленія этой статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» получилъ я записку отъ шефа жандармовъ князя В. А. Долгорукова, въ которой онъ меня убѣдительно просилъ захватить къ нему въ тотъ же день, что я и исполнилъ. Князь встрѣтилъ меня крайне встревоженный, съ вопросомъ, кто тотъ злополучный цензоръ, который разрѣшилъ перепечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» статью изъ «Вятскихъ Вѣдомостей», повторяя нѣсколько разъ, что нельзя допускать, чтобы имя государственнаго преступника упоминалось въ печати.

«Я ему отвѣчалъ, что здѣсь дѣло идетъ не о государственномъ преступникѣ, а о журналистѣ, котораго имя упоминается ежедневно въ обществѣ, и котораго статьи читаются нарасхватъ, хотя и тайно; что статья пропущена не цензоромъ, а лично мною, подъ личной моею отвѣтственностью, и что я его убѣдительно прошу повременить своимъ сужденіемъ объ этой статьѣ не болѣе одной недѣли, т. е. до полученія перваго слѣдующаго нумера «Колокола» изъ Лондона. Князь В. А. Долгоруковъ былъ человекъ въ высшей степени благородный и согласился на мое предложеніе. Прочитавъ въ слѣдующемъ номерѣ «Колокола» желчныя нападки Герцена на «Сѣверную Пчелу» за напечатаніе старинной статьи, столь нелестной для его самолюбія и идущей въ разрѣзъ съ его нападками на наше высшее правительство, онъ, при свиданіи, сказалъ мнѣ:

«Извиняюсь предъ вами, вы были правы, вамъ и книги въ руки!»

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета М. П. Щербининъ прислалъ запрещенную имъ весьма рѣзкую статью М. Н. Каткова противъ Герцена, котораго московскій публицистъ окрестилъ «генераломъ-отъ-революціи». А. В. Головинъ и В. А. Цеэ немедленно разрѣшили эту статью и тѣмъ самымъ положили начало извѣстной въ свое время полемикѣ «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника» и «Нашего Времени» Павлова съ «Колоколомъ».

Въ своемъ полемическомъ задорѣ М. Н. Катковъ, конечно, доходилъ до крайностей и рѣзкостей, за которыя упрекали его и нѣкоторые русскіе журналисты. Одинъ изъ послѣднихъ, членъ редакціи «Библіотеки для чтенія», Д. Щегловъ, представилъ въ концѣ 1862 года большую статью: «По поводу полемики между г. Катковымъ и г. Герценомъ», которую, однако, цензоръ Касторскій не рѣшился пропустить. Тогда Д. Щегловъ обратился съ просьбой

къ В. А. Цеэ назначить цензорами гг. Веселаго и Лебедева, прибавивъ при этомъ, что онъ въ своей статьѣ «по возможности безпристрастно, не вдаваясь, подобно Каткову, въ полемику личностей, будетъ содѣйствовать опроверженію вредныхъ ученій въ самомъ ихъ корнѣ». Первый цензоръ, Веселаго, какъ и слѣдовало ожидать, высказался за запрещеніе; второй же, въ подробномъ отвѣтномъ письмѣ, находилъ возможнымъ допустить ее, но съ урѣзками, прибавляя при этомъ, что «запретить ее даже вредно: въ публикѣ ходятъ толки, и въ литературѣ проскальзываютъ намеки на то, что Катковъ и Павловъ подкуплены правительствомъ, а потому и порицаютъ дѣйствія Герцена. Лучшимъ опроверженіемъ этихъ толковъ будетъ появленіе статьи, доказывающей, что о Герценѣ можно отзываться съ похвалой даже и тогда, когда онъ этого не заслуживаетъ». По мнѣнію Лебедева, всѣ симпатіи автора статьи, Д. Щеглова, «несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ расходится съ Герценомъ, остаются на сторонѣ послѣдняго». Статья Д. Щеглова, однако, въ печати не появилась.

Однимъ изъ первыхъ редакторовъ, вызвавшихъ В. А. Цеэ на объясненіе съ А. В. Головиннымъ, былъ Н. Г. Писаревскій, арендовавшій у военнаго министерства «Русскій Инвалидъ» и издававшій при немъ «Современное Слово». Онъ просилъ разрѣшенія у В. А. Цеэ перепечатать въ «Русскомъ Инвалидѣ» адреса финляндцевъ: 1) объ измѣненіи монетной системы, 2) уничтоженіи цензуры и 3) о дарованіи финляндцамъ особаго флага,—адресы, которые были приняты государемъ весьма неблагосклонно. Головиннъ на запросъ В. А. Цеэ отвѣтилъ: «невозможно», и просилъ объяснить ему и «подобнымъ господамъ, что во время пересмотра цензурныхъ правилъ каждая ошибка отзовется на новомъ уставѣ». Н. Г. Писаревскаго и много разъ послѣ Головиннъ, соглашаясь принципиально пропустить ту или другую статью, предупреждалъ о могущихъ быть непріятностяхъ и однажды даже, если бы не своевременное вмѣшательство В. А. Цеэ, согласился бы на приостановленіе «Современнаго Слова».

Около 20-го апрѣля 1862 года поступили въ цензуру статьи Щедрина—«Глуповское распутство» и «Каплуны». Цензоръ перемаралъ въ нихъ очень многое; тогда явился къ предсѣдателю комитета редакторъ Н. Г. Чернышевскій; согласились выкинуть въ первой статьѣ лишь мѣста, касающіяся Зубатова, самое печатаніе статей отложить до слѣдующей книжки журнала. Разрѣшеніе подтвердилъ и Головиннъ. Вслѣдствіе какого-то предупрежденія послѣдній послалъ ихъ на просмотръ графу Строганову и, получивъ отъ него отвѣтъ, воспретилъ окончательнo объ статьяхъ, а предсѣдателю комитета выразилъ благодарность за задержаніе ихъ (письма 24-го и 27-го апрѣля).

Въ свою очередь, и предсѣдатель комитета благодарилъ министра за то, что онъ пропустилъ къ напечатанію въ «Свѣточѣ» статью

по поводу страннаго циркуляра попечителя виленскаго учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шихматова, статью, которая, по словамъ его, «написана дѣльно, умно и безъ всякаго увлеченія, а потому могла бы быть дозволена не въ одномъ «Свѣточѣ», а во всѣхъ ученыхъ и еженедѣльныхъ журналахъ, но не въ газетахъ» (письмо 25-го апрѣля 1862 года).

Разрѣшая статью для «Современника» о безпорядкахъ, происшедшихъ на лекціяхъ въ думской залѣ Павлова и Костомарова, Головинъ пишетъ: «Полагаю, что въ возвращаемой статьѣ слѣдуетъ исключить все, что говорится о Костомаровѣ, ибо я испросилъ у государя разрѣшеніе не арестовывать виновниковъ безпорядковъ и не производить слѣдствія. Нельзя же допустить журналамъ производить свое слѣдствіе о забытомъ событіи». (Письмо отъ 9-го мая 1862 года).

Въ своихъ разрѣшеніяхъ «печатать» А. В. Головинъ иногда даже шель дальше желаній В. А. Цеэ, особенно если вопросъ касался учебнаго дѣла, прося иногда «перечеркнуть лишь грубыя выраженія». Въ письмѣ отъ 15-го іюля онъ пишетъ: «доставь программу «Голоса» поскорѣе и не исключай изъ нея безъ крайней надобности». Запрещая статью «Объ Іерусалимѣ», онъ пишетъ, что «дѣлаетъ это потому, что синодъ и министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не согласятся пропустить ее». Въ другихъ случаяхъ, при крупныхъ выкидкахъ и запрещеніяхъ, Головинъ предупреждалъ, что напечатанное можетъ навлечь лишь однѣ непріятности, или обращался къ Цеэ съ просьбой объяснить редакторамъ и авторамъ-что, въ виду пересмотра цензурнаго устава, необходимо какъ можно меньше давать поводовъ къ его нарушенію, чтобы не повредить общему дѣлу. Едва ли не единственные два случая, когда Головинъ, вопреки ожиданіямъ Цеэ, запретилъ статьи Пьероглифова, про котораго еще въ апрѣлѣ 1862 года онъ писалъ, что «Пьероглифовъ начинаетъ измѣнять свое прежнее направленіе, начинаетъ писать серьезно и съ достоинствомъ, сталъ демократомъ, консерваторомъ и ратуетъ за демократическую монархію».

Въ свою очередь, какая-то статья, запрещенная московскимъ предсѣдателемъ Щербининымъ, съ которымъ вполне согласился и В. А. Цеэ, была разрѣшена А. В. Головиннымъ, написавшимъ слѣдующее: «Щербининъ рѣшительно не понялъ мысли статьи, и потому я положительно не раздѣляю его мнѣнія». Нѣчто подобное повторилось и со статьей Якушкина: «Великъ Богъ земли русской», изъ которой очень многое выкинулъ В. А. Цеэ, въ силу основной ея мысли, что «одно Провидѣніе спасло Россію во время объявленія манифеста 19-го февраля, такъ какъ правительствомъ не было принято никакихъ мѣръ для охраненія порядка, а, напротивъ, министерство внутреннихъ дѣлъ въ большомъ безпорядкѣ разсылало экземпляры положенія». А. В. Головинъ писалъ въ отвѣтъ, что она

можетъ быть дозволена, и отправилъ ее въ Варшаву къ великому князю Константину Николаевичу. Статья была напечатана въ 94 томѣ «Современника».

Вообще очень сдержанный въ выраженіяхъ, А. В. Головиннѣ, запрещая печатать статью «О киргизской ордѣ», написалъ: «это просто доносъ и пасквиль»; и во второй разъ, на запросѣ В. А. Цезъ, возможно ли перепечатать изъ «Губернскихъ Вѣдомостей» съ пропусками какую-то статью въ «Сѣверной Пчелѣ», подписалъ: «статью эту вовсе нельзя печатать въ «Сѣверной Пчелѣ», потому что газета эта читается во всѣхъ трактирахъ и лакейскихъ».

Самыми крупными явленіями за весь 1862 годъ по цензурному вѣдомству, взволновавшими общество и журналистику, были: 1) приостановка двухъ журналовъ: «Современникъ» и «Русское Слово» и 2) запрещеніе печатанія русскаго перевода романа Виктора Гюго—«Les Misérables» («Отверженные»). По поводу первой въ особомъ циркулярѣ отъ 15-го іюня министръ народнаго просвѣщенія сообщалъ: «на основаніи § 6 временныхъ правилъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ и я, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово».

Запрещеніе романа В. Гюго также исходило изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и состоялось по настоянію государя. Объ этомъ см. ниже, гл. VII.

Естественно, что, при такого рода совѣщательной и предупредительной системѣ, число запрещенныхъ статей и даже съ «исключенными» и «перечеркнутыми» мѣстами въ 1862 году было значительно меньше, нежели въ предыдущихъ годахъ. Мало того, благодаря вызванному довѣрію къ главнѣйшему представителю цензурнаго комитета, нѣкоторые литераторы и редакторы стали печатать въ своихъ органахъ статьи, рекомендуемыя министромъ и председателемъ комитета. Самымъ услужливымъ въ этомъ отношеніи былъ «Сынъ Отечества» А. В. Старчевскаго, а затѣмъ «Сѣверная Пчела» П. С. Усова и «Русскій Ивалидъ». Сохранилось одно письмо Н. А. Некрасова, отъ апрѣля 1862 года, къ В. А. Цезъ, въ которомъ онъ отказывается напечатать въ «Современникѣ» о книгѣ Сидра, по предложенію, очевидно, председателя комитета.

Вотъ что читаемъ въ этомъ письмѣ:

«Я познакомился, насколько могъ, съ книгой Сидра (кромя русскаго, я почти не читалъ ни на какомъ языкѣ) и долженъ сказать, что напечатать намъ ее неудобно: не то, что мы расходимся съ авторомъ въ томъ, что онъ говорить о главномъ предметѣ своей книги, но этотъ главный предметъ соприкасается съ другими, о которыхъ «Современникъ» часто высказывался иначе. Итакъ, печатать ее для насъ значило бы рисковать тѣмъ кредитомъ, который приобрѣлъ «Современникъ» въ общественномъ мнѣніи. Будучи увѣренъ, что

вы сами не желаете подвергнуть насъ подобному риску, и надѣясь при томъ, что журналъ нашъ найдетъ возможность съ теченіемъ времени другимъ образомъ отклонить отъ себя несправедливое подозрѣніе въ коммунистическихъ тенденціяхъ, я покорнѣйше прошу васъ простить мнѣ прямоту этого объясненія, на которую вызвала меня ваша собственная прямота и доброта...»

Императоръ Александръ II, внимательно слѣдившій за журналистикой и за дѣйствіями обновленнаго цензурнаго комитета, пожелалъ имѣть по прошествіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ отчетъ о дѣятельности поваго предсѣдателя, каковой и былъ представленъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая. Начиналъ этотъ отчетъ или «записку» В. А. Цеа слѣдующими словами:

«Еще до назначенія моего въ настоящую должность я внимательно слѣдилъ за ходомъ нашей современной литературы и нерѣдко удивлялся ожесточенію журналистики и систематической оппозиціи большей части нашихъ повременныхъ изданій почти противъ всѣхъ распоряженій правительства»...

Далѣе онъ говоритъ о своемъ знакомствѣ съ литераторами, о своемъ искреннемъ убѣжденіи, что нынѣ, когда правительство своими просвѣщенными дѣйствіями вызвало значительную умственную тѣятельность и въ самомъ корнѣ измѣнило основу прежней народной жизни, — предсѣдатель цензурнаго комитета, если онъ радѣеть объ общественной пользѣ и о пользѣ правительства, не можетъ и не долженъ уже дѣйствовать на прежнихъ началахъ. Ограничиться однимъ запрещеніемъ статей рѣшительно недостаточно... Гораздо полезнѣе направлять нашу литературу, дабы всѣ ея силы, могущія имѣть въ настоящее время огромное значеніе, употребить на пользу общую и на услуги правительства. Достигнуть этого нравственнаго вліянія я не могъ иначе, какъ дѣйствуя съ литераторами откровенно и заслуживъ, сколько могъ, ихъ довѣріе»...

Высказавъ затѣмъ тѣ требованія, какія онъ съ самаго начала предъявилъ редакторамъ и литераторамъ, общая быть «чрезвычайно снисходительнымъ» къ статьямъ серьезнымъ и благожелательнымъ и въ то же время «до крайности строгимъ» къ тѣмъ статьямъ, «которыхъ явная цѣль не польза, а голословное нареканіе, возбужденіе противъ существующаго порядка», — онъ восклицаетъ: «Съ удовольствіемъ долженъ я сознаться, что значительное большинство литераторовъ отозвалось съ готовностью на мой вызовъ: они мнѣ объявили, что непременно заслужатъ сдѣланное имъ довѣріе, и что они не вдругъ (слишкомъ быстрый переходъ лишили бы ихъ довѣрія публики), а постепенно оставляютъ прежній образъ дѣйствій, и при большомъ просторѣ, который я дамъ статьямъ дѣльнымъ, съ большею самостоятельностью будутъ высказываться въ пользу правительства и порядка»...

Дѣйствуя такимъ образомъ, читаемъ далѣе въ «Запискѣ», цензура добилась того, что появились въ печати статьи, направленные противъ увлеченія студентовъ, противъ анархическихъ ученій и даже противъ самого апостола анархизма Герцена, статьи, которыхъ въ прежнее время никто не рѣшался бы печатать... Указавъ въ концѣ на то, что допущенныя имъ разоблаченія разнаго рода злоупотребленій вызвали цѣлый рядъ замѣчаній со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, изъ которыхъ только четыре заслуживаютъ вниманія, и тѣ были имъ же предупреждены, онъ такъ заключаетъ: «Я искренно убѣжденъ, что не отдѣльныя фразы даютъ значеніе литературѣ и сильно дѣйствуютъ на общество, а общее ея направленіе и духъ, которымъ проникнуты ея лучшіе дѣятели».

Государю благоугодно было на этой запискѣ начертать: «Весьма дѣльно; дай Богъ дѣйствительнаго успѣха».

Въ первыхъ числахъ октября В. А. Цеэ, во исполненіе высочайшей воли, совершилъ поѣздку въ Москву. Цѣлью послѣдней было соглашеніе общаго направленія дѣйствій цензурныхъ комитетовъ, петербургскаго и московскаго, какъ сказано въ отчетѣ В. А. Цеэ министру народнаго просвѣщенія. Ближайшею же причиною къ этой поѣздкѣ, несомнѣнно, послужили циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ съ упреками на московскую цензуру и недовольство государя статьями газеты «День» И. С. Аксакова. Такъ какъ государь, послѣ майскаго отчета предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, продолжалъ еще оставаться довольнымъ дѣйствіями послѣдняго, то, конечно, А. В. Головнину было не трудно исхлопотать командировку для В. А. Цеэ, имѣвшую собственно цѣлью ознакомленіе сенатора Щербинина, предсѣдателя московскаго комитета, и всѣхъ членовъ послѣдняго, а равно и нѣкоторыхъ московскихъ редакторовъ и литераторовъ со взглядами В. А. Цеэ и даже какъ бы преподаніе послѣднихъ для руководства. Указавъ на то, что въ настоящее время особенное вниманіе публики и прессы обращено на вопросы: 1) о преобразованіи судопроизводства, 2) о крестьянскомъ дѣлѣ и 3) о финансовомъ положеніи Россіи, В. А. Цеэ подробно развилъ свои воззрѣнія на нихъ и попутно коснулся нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, всюду устанавливая рамки ихъ обсужденія. Въ заключеніе своего отчета В. А. Цеэ заявляетъ, что «при ближайшемъ знакомствѣ съ московскими литераторами онъ вполне убѣдился въ «преобладаніи среди нихъ направленія консервативно-либеральнаго» и въ ихъ «искреннемъ сочувствіи реформамъ нашего правительства».

Въ заключеніе настоящей главы остановимся нѣсколько на томъ «Краткомъ обзорѣ дѣйствій русской журналистики въ 1862 г.», который былъ составленъ цензурнымъ комитетомъ, по желанію

государя, и который свидѣтельствуеъ о наблюдательности членовъ комитета.

Съ самаго начала 1862 года главное вниманіе общества и журналистики было обращено на «дѣятельность правительства и на вопросы, возникающіе изъ условій общественной жизни»; чисто литературныя же явленія особаго интереса не возбуждали и стояли далеко на второмъ планѣ. Обсуждая мѣропріятія правительства и современныя условія жизни, печать много занималась раскрытіемъ и обличеніемъ разныхъ несовершенствъ и злоупотребленій; въ то же время ей было предоставлено болѣе широкое право касаться вопросовъ иностранной политики, вмѣсто прежнихъ матеріалистическихъ, коммунистическихъ и унижающихъ дворянство статей. Послѣ указанія на то, что громадное большинство газетъ и журналовъ писали въ благопріятномъ для правительства и полезномъ для общества духѣ, приведены въ «Обзорѣ» и краткія характеристики нѣкоторыхъ петербургскихъ изданій, составленныя цензорами. Кое-что изъ этихъ характеристикъ нами приведено выше.

Наконецъ нельзя не указать еще на то, что, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, въ 1862 году были напечатаны: 1) «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, съ 1720 по 1862 годъ»; 2) «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи»; 3) «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и отзывовъ ихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ въ 1862 году»; 4) «Сборникъ статей, не дозволенныхъ цензурой въ 1862 году»; 5) «Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры» и нѣкоторые другіе матеріалы.

Вышеуказанныя изданія, въ которыхъ принимали немалое участіе А. В. Головинъ и В. А. Цез, явились въ то время новымъ и цѣннѣйшимъ источникомъ для сужденія о цензурномъ законодательствѣ и цензурной практикѣ прошлыхъ временъ.

В. Е. Рудаковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕТМАНША СКОРОПАДСКАЯ,

урожденная Анастасія Марковна Марковичъ (1667—1729).

I.

Къ Богу благочестіемъ она пылала
Бѣднымъ отраду надежду подавала
Воздохнуть красы сей—помогала
И вѣрно о себѣ памятовать приказала.

(Надпись подъ портретомъ Скоропадской).

АТУШКА игуменья просить васъ пожаловать къ нимъ на чашку чай,—сказала, почтительно остановившись предо мной, съ низкимъ поклономъ маленькая художавая монахиня, придерживая правой рукой полу своей длинной маптіи.

Я поблагодарила за приглашеніе.

Обѣдня кончилась... Последніе звуки многолѣтня вѣмъ православнымъ христіанамъ смолкли подъ высокими сводами величественнаго храма ¹⁾.

Красивый, старинный, многоярусный иконостасъ, поражающій своей оригинальной, не лишеной гармоніи, пестротой красокъ былъ весь залитъ яркими лучами майскаго солнца.

Рѣзныя колонки, работы искусныхъ мастеровъ виноградныя лозы съ пышными гроздями, казались какъ бы вылитыми изъ червоннаго золота. Изъ массивныхъ золоченыхъ ажурныхъ рамъ рельефно выступали темныя, строгіе лица святыхъ въ тяжелыхъ

¹⁾ Церковь во имя Рождества Богородицы въ Гамалѣвскомъ (Глуховскаго уѣзда Черниговской губ.) женскомъ монастырѣ.

серебряныхъ ризахъ, а надъ ними пестрѣли изображенія апостоловъ, мучениковъ, преподобныхъ, древняго писъма.

Какимъ-то оригинальнымъ, стильнымъ, своеобразнымъ, непохожимъ на всё ранѣе видѣнные представлялся мнѣ этотъ храмъ, съ гербами Скоропадскихъ па темно-синемъ полѣ—въ нижнемъ ярусѣ иконостаса, съ надписями, евангельскими изреченіями золочеными буквами на пурпуровомъ фонѣ—надъ образами.

Медленно, по одной сходили со ступенекъ клироса молоденькія послушницы, въ короткихъ рясахъ, въ бархатныхъ остроконечныхъ наночкахъ (связочкахъ) съ атласнымъ спускающимся на затылокъ волапомъ и степенныя рясофорныя монахини, съ длинными крепowymi вуалями и мелкими чётками въ рукахъ.

Собравшись по среднѣ церкви, лицомъ къ алтарю, онѣ клали земные поклоны и, перекрестившись, направлялись къ выходу.

Пришлыя богомолки, въ порыжѣлыхъ черныхъ кафтанахъ и темныхъ бумажныхъ платкахъ, усталые странники, загорѣлые, съ котомками за плечами, мѣстные изъ Гамалѣвскаго посѣлка дядьки-обыватели въ коричневыхъ, изъ грубаго домашняго сукна свиткахъ и молодницы-хохлушки въ пестрыхъ юбкахъ и красныхъ очипкахъ ¹⁾—обходили храмъ послѣ богослуженія, прикладывались къ образамъ и клали земные поклоны въ то время, какъ монахини собирали обгорѣвшія свѣчи и гасили лампы передъ глубоко чтимыми иконами.

Передавшая мнѣ приглашеніе матушки игуменьи монахиня оживдала меня на паперти.

По длиннымъ деревяннымъ мосткамъ она впереди меня направилась къ зимней трапезной церкви, къ которой прилегалн архіерейскіе покои, занимаемые настоятельницей обители. По обширному монастырскому двору, поросшему мелкой, мягкой сочной травой, разбѣгались узенькія тропочки къ одноэтажнымъ, чисто выбѣленнымъ зданіямъ келій. Всюду одинаковыя маленькія крышечки на столбахъ; передъ окнами усыпанныя пышнымъ цвѣтомъ яблони, сливы, вишни. Въ узенькихъ палисадникахъ цвѣтуще нарциссы и царская корона (*fritslaria*) съ красивымъ букетомъ ярко-оранжевыхъ цвѣтовъ на прямомъ высокомъ стеблѣ.

Поднявшись впереди меня по устланной бѣлоснѣжнымъ холстомъ деревянной лѣстницѣ во второй этажъ и проводивъ меня черезъ пріемную, украшенную портретами преосвященныхъ всѣхъ времянь, въ гостиную, монахиня скрылась.

Я осталась одна въ комнатѣ съ симметрично разставленной старинной мебелью, тяжелыми креслами съ жесткимъ сидѣньемъ, съ большимъ диваномъ съ высокой прямой спинкой и массивнымъ овальнымъ карельской березы столомъ.

---

¹⁾ Головной уборъ женщинъ въ Малороссіи.

При входѣ, направо красовался на стѣнѣ огромный портретъ стяжавшей себѣ извѣстность умомъ и энергіей «фундаторки», создательницы, строительницы и благотворительницы обители, гетманши Анастасіи Марковны Скоропадской.

Изъ темной узкой рамы рельефно выступаетъ изображенная въ натуральную величину фигура женщины среднихъ лѣтъ, круглолицой, съ большими красивыми, подъ рѣзко очерченными черными бровями глазами. Что-то рѣшительное, властное выражено складомъ рта и всѣми чертами строгаго лица.

Темный кунтушь спущенъ съ праваго плеча, изъ-подъ него виднѣются спереди складки собранной у ворота бѣлой сорочки съ золотой обшивкой. Тонкими, гибкими пальцами одной руки она придерживаетъ на груди что-то розовое, напоминающее по формѣ плавокъ, другою она опирается на толстую крючковатую трость. Изъ-подъ сдвинутой на правую бровь шапки съ краснымъ верхомъ, который угломъ спускается на широкую брововую опушку со-всѣмъ не видно волосъ ¹⁾.

Въ углахъ портрета изображены фантастическіе пестрые цвѣты, а внизу помѣщается четверостишіе:

«Къ Богу благочестіемъ она пылала» и т. д., приведенное нами въ эпиграфѣ, принадлежащее, несомнѣнно, перу какого-либо облагодѣтельствованнаго ею пѣта.

На противоположной стѣнѣ въ pendant портретъ самого «добраго» Ивана Ильича Скоропадскаго, гетмана войскъ запорожскихъ, человѣка лѣтъ сорока съ лишнимъ, такъ какъ въ его небольшихъ опущенныхъ внизъ усахъ виднѣется просѣдь. Волосы, черные, стриженные, нависаютъ наподобіе шапки на виски и скрываютъ лобъ. Глаза усталые, добрые. Все лицо носитъ отпечатокъ мягкости и добродушія.

Гетманъ изображенъ на портретѣ со всѣми атрибутами своего достоинства: съ красною мантией за плечами, какою-то цѣпью на бедрахъ, съ булавою и чѣмъ-то напоминающимъ панагію—на груди, возлѣ какого-то стертаго временемъ ордена. Въ углахъ портрета также цвѣты, а внизу вирши:

- I Цѣломудренно, праведно, благочестно прожилъ.
- II Монарху своему вѣрно и храбро служилъ.
- III Храмъ въ честь Бога и Отца соорудилъ.
- IV Послѣдній духъ свой Іисусу предложилъ.
- V На землѣ память—на небѣ славу вѣчную заслужилъ.

Объ Иванѣ Ильичѣ Скоропадскомъ я знала только по исторіи, что, современникъ царей Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣе-

¹⁾ Въ такомъ костюмѣ, но верхомъ на конѣ изображена императрица Екатерина II на одномъ изъ портретовъ въ Эрмитажѣ.

вича, онъ былъ избранъ гетманомъ въ 1708 г. и что при немъ Малороссія теряла постепенно свои вольности, подвергаясь разнымъ преобразованіямъ, предпринятымъ императоромъ Петромъ Великимъ для подчиненія ея общему государственному строю и для подавленія ея самобытности. По преданію, правила Малороссіей умная, властолюбивая гетманша, совершенно подчинившая своей волѣ добродушнаго, слабаго, уступчиваго мужа. Сдѣлавъ по универсалу 1713 года крупное пожертвованіе землей Харлампіевой пустынькѣ, онъ постройку обители предоставилъ женѣ и никогда не вмѣшивался въ ея распоряженія.

Сосредоточивъ все свое вниманье на портретахъ глубокой старины, я не замѣтила тихо вошедшей въ гостиную матушки игуменьи Ксенофонты.

— Прошу извиненія, что немного задержала васъ,—сказала она, протягивая руку и подводя къ дивану.

Вслѣдъ за ней вошли матушка казначея (какъ я послѣ узнала) и очередной священникъ.

Въ открытыя окна яблоня, усыпанная бѣло-розоватымъ цвѣтомъ, протягивала свои гибкія вѣтви, виднѣлся край яснаго, голубого неба; къ несмѣлой трели неискускаго еще въ пѣньи соловья присоединяла иволга свою однообразно короткую мелодичную ноту, и горячіе лучи майскаго солнца бросали яркіе блики на темный портретъ властолюбивой гетманши.

Мнѣ хотѣлось узнать ея біографію, но болѣзненная, престарѣлая настоятельница не могла, какъ мнѣ казалось, удовлетворить мое любопытство.

— Обитель наша,—говорила она,—весьма древняя, и фундакторомъ ея былъ ¹⁾ не гетманъ Скоропадскій, а царство ему небесное Антонъ Андреевичъ Гамалѣя, тотъ самый, что, кажись, въ 1702 году былъ генеральнымъ малороссійскимъ есауломъ. Его-то имя и осталось навѣки за нашей обителью. Въ трапезномъ Харлампіевомъ храмѣ, какъ полъ поднимали, дощечку съ подписомъ нашли, что сооруженъ онъ «коштомъ славно уроженнаго пана Гамалѣя року 1702—апрѣля» не помню какого. Какъ уже тамъ дальше написано было и при какомъ владыкѣ, не упомяну,—кажись, при Варлаамѣ; а слабка Гамалѣевская, которую вы проѣзжать изволили, населилась много позднѣе.

— Матушка Феодора, поставьте-ка лучше сразу подносъ съ чашками на столъ. Сами ужъ мы разберемся, а вы доставьте-ка скоренько все, что до чая полагается.

Немолодая, блѣдная, худощавая монахиня поспѣшила исполнить приказаніе матушки.

---

¹⁾ Тогда еще Харлампіевой пустыньки.

Она вернулась тотчасъ съ другимъ подносомъ, на которомъ поставлена была высокая вазочка съ малиновымъ вареньемъ, большой молочникъ топленыхъ сливокъ, подернутыхъ темной пленкой, и глубокая сухарница съ крупными бубликами и крутымъ, какъ пряникъ, пшеничнымъ монастырскимъ хлѣбомъ.

Передавъ всѣмъ намъ по очереди пестрыя фаянсовыя чашки чая, игуменя, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, принялась крошить надъ тарелкой поданную ей большую мягкую просфору.

— Кто же собственно построилъ большой храмъ, келіи и обнесъ обитель оградой?—спросила я.

— Блаженной памяти Антонъ Андреевичъ Гамалѣя построилъ только зимнюю, трапезную церковь, ту, что вы еще и не видѣли, а главный храмъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы съ пятью придѣлами сооруженъ иждивеніемъ добраго пана гетмана Скоропадскаго, а больше всего заботами и радѣніемъ его супруги Анастасіи Марковны,—и она жестомъ указала на портретъ.

— Гетманъ былъ человѣкъ богобоязненный, набожный и для спасенія души монастырю много угодій отказаль—пашни, сѣнокосы и прочее, только потому ужъ, какъ по посмертной волѣ гетманши изъ дѣвичьяго въ мужской монастырь преобразовался, то вельможы паны многія изъ тѣхъ земель вновь отобрали.

— Это ужъ гетманша выстроила и келіи и соорудила обѣ браны¹⁾, которыя понинѣ существуютъ. Многое я изъ старины не упомяну и не могу сказать, въ которомъ году послѣ смерти храмоздательницы и благотворительницы вышелъ приказъ (посмертной воли ея) выселить отсюда всѣхъ инокинь и старицъ и водворить на мѣсто ихъ монаховъ... Память у меня плохая, и, что слышала про это горестное событіе,—позабыла.

— Помнится мнѣ, я гдѣ-то читаль,—вступился батюшка, до сего времени не принимавшій никакого участія въ разговорѣ:—что случилось это не то въ 1730, не то 1731 году. Инокини, поклонившись праху благотворителей, со слезами и скорбью покинули обитель свою и, согласно волѣ гетманши, ушли на жительство въ Мутины, а монахамъ плохимъ показалось житье. Средства были небольшія—игумены часто мѣнялись, наступило оскудѣніе, монахи не пожелали оставаться и по одному разошлись... Обитель опустѣла, только много лѣтъ спустя, чуть ли не черезъ сотню лѣтъ, вышло распоряженіе опять поселить инокинь. Прежнія всѣ умерли на чужбинѣ. И такъ волею Господа Всемогущаго обитель снова стала женскою, наперекоръ волѣ создательницы ея.

— Прошло вѣдь много лѣтъ съ того времени. И опять теперь, благодареніе милосердному Господу, потомками Скоропадскихъ, другими благотворителями, а главное трудами и послушаніемъ ино-

¹⁾ Ворота.

книжь поддерживается благолѣпіе нашихъ храмовъ, и доставляется все для пропитанія потребное.

— А много ли у васъ земли и разныхъ угодій?—спросила я.

— Совсѣмъ немного—пашни всего 30 десятинъ, садовъ съ огородами 21 десятина, есть водяная мельница да проценты съ небольшого капитала—немного, какъ видите.

— А сколько у васъ инокинъ?

— Всего съ послушницами рясофорныхъ, мантіиныхъ больше 200 душъ...

Батюшка посмотрѣлъ на часы. Я тоже собралась уходить; но игуменья Ксенофонта, удержавъ насъ, приказала наскоро подать закуску.

На столѣ быстро появились селедка съ приправой, сардинки, кусками жареная рыба, соленые огурцы и бутылка портвейна.

— Не обезсудьте... Отвѣдайте нашей трапезы, — жестомъ руки, съ поклономъ просила игуменья.

Послѣ завтрака сошли внизъ, въ трапезную церковь. Безъ фундамента, подѣленная арками на двѣ равныя части, съ невысокими темными сводами, она казалась какъ бы вросшею въ землю. Въ ней одинъ придѣлъ во имя святого мученика Харлампія, другой—Іоанна Кущника, въ память гетмана. Здѣсь же находится усыпальница его самого и его семьи. Маленькія узкія окна скупо пропускаютъ такъ мало свѣта, что даже въ этотъ ясный майскій день невозможно разобрать надписи на старыхъ чугунныхъ плитахъ, вдѣланныхъ въ стѣну.

Какой-то таинственной, величаво-мрачной стариной вѣетъ отъ этихъ толстыхъ стѣнъ, низкихъ сводовъ, узкихъ оконъ въ глубокихъ нишахъ. Такими именно представляются мнѣ тѣ небольшіе древніе храмы, въ которыхъ молились нѣкогда удѣльные князья благочестивой древней Руси. Что-то первобытное, близкое, родное молитвенно настраиваетъ душу, пробуждая въ ней какое-то особенное, отрадное умиленіе. Мнѣ какъ-то легко представить себѣ въ этой обстановкѣ только что видѣнныхъ на портретахъ добродушнаго гетмана, суровую гетманшу и даже тѣхъ ясновельможныхъ пановъ, ихъ современниковъ, посѣщавшихъ обитель въ торжественные дни престольныхъ празднествъ.

Ярко свѣтило весеннее солнце, когда мы изъ мрачнаго храма вышли на обширный монастырскій дворъ. Въ прилегающемъ къ покоямъ игуменьи садикѣ пышно цвѣли душистые бѣлоснѣжные нарциссы, пестрѣли на упругихъ высокихъ стебляхъ красныя разноцвѣтныя тюльпаны, и къ ногамъ нашимъ, какъ снѣжныя хлопья, падали осыпающіеся нѣжныя лепестки цвѣтущихъ вишенъ и сливъ. Изъ прилегающей къ монастырской стѣнѣ березовой рощи доносилась трель соловья, которой ушью вторила кукушка.

Когда я собралась из монастыря, гостеприимная, услужливая матушка Степанида, завѣдующая гостиницей, принесла мнѣ въ подарокъ отъ матушки игуменьи на память о посѣщеніи обители книжку въ зеленой обложкѣ: «Описаніе Гамалѣвскаго монастыря», изъ которой, очевидно, могла я узнать все то, что она рассказать не сумѣла.

Описаніе Гамалѣвскаго монастыря представляетъ интересную біографію супруговъ Скоропадскихъ, извлеченную частью изъ журнала генеральнаго хорунжаго Николая Даниловича Ханенка, а главнымъ образомъ изъ записокъ (дневника) подскарбія генеральнаго Якова Марковича.

Избранный гетманомъ въ 1707 году, Иванъ Ильичъ Скоропадскій скончался на 76-мъ году жизни въ 1722 году. 2-го іюня онъ подписалъ свое завѣщаніе. 3-го іюня, какъ человекъ глубоко вѣрующій, пожелалъ не только исповѣдываться, причаститься св. тайнъ, но и ссориться. Къ вечеру того же дня онъ потерялъ сознание и въ ночь на 4-е скончался. Погребеніе гетмана, по свидѣтельству очевидца хорунжаго Ханенка, было обставлено большою пышностью и торжественностью.

Гетманъ былъ погребенъ въ трапезной церкви по правой сторонѣ за клиросомъ, куда былъ вложенъ камень съ надписью: «Здѣ опочиваетъ тѣломъ рабъ Божій Іоанъ Скоропадскій, войскъ запорожскихъ гетманъ, сей обители фундаторъ, преставился въ Глуховѣ року 1722 г., мѣсяца іюня третьяго дня».

Послѣ смерти мужа своего гетманша часто посѣщала обитель, въ которой заканчивались задуманныя ею постройки. На всѣ престольные праздники и день своего ангела (29 октября) она всегда приглашала, кромѣ родственниковъ, именитыхъ друзей и знакомыхъ, преемника гетмана съ супругой, войскового генеральнаго старшину и пр.

Анастасія Марковна всего на 7 лѣтъ пережила своего супруга. Въ запискахъ племянника ея Якова Андреевича Марковича, подскарбія генеральнаго, отъ декабря 1729 сообщается слѣдующее:

«1729 года декабря 19 дня. Тетка моя Анастасія Скоропадская гетманова сего утра години съ полночи 7 минутъ 40 временное сіе окончила житіе при христіанской рефлексіи, ибо передъ кончиной Господа Бога отъ сердца призывала и наконецъ сказала: «о тяжкая временная жизнь, о вѣчная будущей радости».

Въ запискахъ Марковича помѣщено подробное описаніе погребенія ясновельможной тетки, тѣло которой положено было въ «труну¹⁾», чернымъ аксамитомъ съ золотымъ позументомъ обшитую подъ балдахиномъ съ чернаго сукна сдѣланнымъ дугомъ лошадей въ запахъ черныхъ... Старшцы со свѣчами вышли противъ тѣла съ

¹⁾ Гробъ.

плачемъ и воплемъ безмѣрнымъ», тѣ самыя старицы, которыхъ она письмомъ къ архіепископу кіевскому, помѣченнымъ днемъ кончины, предписывала перевести въ «мутинскую пустыньку, а на мѣсто ихъ вселить иноковъ, игумена устроить»¹⁾, и пр. Та же воля покойной выражена письмомъ отъ 15 января того же года брату Андрею Марковичу²⁾, пану подскарбію генеральному малороссійскому, заканчивающимся словами: «по совершеніи сего, его архипастырской милости архіерею, по давнему моему намѣренію имѣете вручить митру, саккосъ и омофоръ. Далѣе слѣдуетъ подпись: «Вамъ единомутробному моему братови до конца благожелательная сестра Анастасія Марковна, вдовствующая гетманова Скоропадская».

Гетманша была погребена съ большою пышностью. Съѣхалось много родственниковъ, именитыхъ лицъ того времени, въ томъ числѣ гетманъ Апостоль съ женой, княгиня Шаховская, Марковичи, Миклашевскіе, и пр.

Затѣмъ слѣдуетъ въ описаніи обширная дѣловая переписка духовныхъ и свѣтскихъ лицъ о переводѣ инокинъ въ Мутинъ, назначеніи настоятельницы и игумена и въ заключеніе—сообщеніе о водвореніи въ 1827 году кербутовскихъ монахинь.

Наступилъ знаменательный въ исторіи Россіи 1905 годъ, Цѣлымъ рядомъ реформъ, преобразованій измѣнился весь жизненный строй государства, словно новая, живая струя порывисто, властно влилась въ мирное теченіе дотолѣ дремавшихъ водъ.

Одновременно съ сообщеніями о захватывающемъ интересѣ пароднаго представительства, первыхъ выборахъ въ желанную новую думу, созывѣ избирателей, союзахъ и собраніяхъ, имѣвшихъ цѣлью объединить разрозненные слои общества, на столбцахъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ стали появляться ежедневно сообщенія о повсемѣстныхъ разбойничьихъ нападеніяхъ съ цѣлью грабежа на банки, казначейства, почтовые конторы, винныя лавки и т. д. Слово набатомъ, охвачено было населеніе паникой, грознымъ, дотолѣ не слышаннымъ окрикомъ: «руки вверхъ—ни съ мѣста».

Въ одномъ изъ номеровъ «Русскаго Слова» за май 1907 года появилось, какъ одновременно и въ другихъ газетахъ, телеграфное сообщеніе о нападеніи съ цѣлью грабежа шайка Савицкаго на Гамалѣвскій (Глуховскаго уѣзда) монастырь. Краткое сообщеніе это вызвало въ моемъ воображеніи ясное представленіе о той паникѣ, томъ ужасѣ,

---

¹⁾ При семь прилагается.

²⁾ Отцу Якова Андреевича, женатому по желанію тѣтки на дочерн полковника черниговскаго Павла Полуботка, впоследствии гетмана, преемника Скоропадскаго.

³⁾ Около двухъ лѣтъ терроризировавшаго населеніе Черниговской губерніи.

который овладѣлъ безпомощными обитательницами монастыря при вторженіи въ храм дерзкихъ грабителей.

Въ маѣ 1909 года мнѣ удалось вновь посѣтить Гамалѣевскую обитель.

Опять, какъ прежде, привѣтливая матушка Стефанида, издали слышавъ звонъ бубенчиковъ, выбѣжала на крыльцо гостиницы, возлѣ которой стояло двое рослыхъ ингушей въ темно-коричневыхъ бешметахъ, перехваченныхъ узкимъ ремнемъ, съ кинжалами въ блестящей оправѣ.

— Послѣ разбойничьяго нападенія это казна намъ отъ себя охрану назначила,—сказала она послѣ краткаго привѣтствія

Поручивъ келейницѣ вносить вещи въ тотъ свѣтлый, просторный номеръ, который я и раньше занимала, матушка Стефанида, выразивъ радость при этой новой встрѣчѣ, подъ впечатлѣніемъ пережитаго ужаса заговорила сразу о нападеніи Савицкаго.

— Въ газетахъ вы ужъ, вѣрно, читали, какую скорбью посѣтилъ Господь нашу обитель. Случилось это 10 мая 1907 года. Какъ разъ въ такую самую пору. Цвѣли у насъ сады, и стояла, какъ сейчасъ, хорошая погода. Давно ужъ ходили слухи, что тутъ по близости въ лѣсочкѣ основались разбойники. Только, думаемъ, зачѣмъ имъ тревожить насъ? Обитель наша, всѣ знаютъ, бѣдная, капиталовъ не имѣетъ—взять съ насъ нечего. А если убивать насъ—такъ не за что... зла мы никому не желаемъ... трудимся да хвалимъ Бога... отошла это, значить, всенощная. Уже ушелъ домой очередной батюшка. Остались въ храмѣ однѣ наши монахини правило дочитывать. Какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. Монахини только кинулись къ дверямъ храма—прикрыть ихъ хотѣли, какъ вдругъ человѣкъ десять, кто въ маскахъ, кто съ перемазанными сажей лицами, ворвались въ храмъ. Двое загородили дорогу—стали у самыхъ дверей. Другіе кинулись къ алтарю. Одинъ, видно, за старшаго, можетъ, самъ Савицкій, крикнулъ: «Руки вверхъ—ни съ мѣста». Требуешь матушку игуменью. Вышла это она. «Подай ключи отъ кассы». Отдала это матушка,—не та, что раньше знавали, старая матушка Ксенофонта, царство ей небесное, а новая, молодая... Отдаетъ она, послушаться не смѣетъ, а онъ не беретъ. Велитъ ей самой итти черезъ алтарь въ ризницу... И отдала это она ему сама въ руки все, что у насъ было —рублей 200 съ небольшимъ. «Чего такъ мало?—грозно крикнулъ онъ:—что еще есть?»—и кинулся къ желѣзной шкатулкѣ, а отъ нея-то давно уже ключъ затерянь, а вещи въ ней все не цѣнныя—всякій ломъ серебряный, старинный—кресты, вѣнчики отъ иконъ и пр... Кинули они ее обѣ полъ, что объ разбилась... Всѣ это наши инокини стояли ни живы, ни мертвы кругомъ... Видать грабители, что такъ имъ шкатулку никакъ не разбить. Тотъ, что у дверей стоялъ, выскочилъ на паперть—свистнулъ, и въ ту пору жъ, должно, изъ трапезной церкви, подбѣ-

жало еще двое—на подмогу, значить...Разбили такимъ ломомъ шкатулку и не глядя разбросали, что въ ней было, по карманамъ... Отъ страха не знаемъ, сколько ужъ и времени прошло... Только ужъ совсѣмъ темно стало, какъ они съ проклятиемъ, что денегъ мало забрали, ушли черезъ глухія ворота, что у насъ всегда забиты, прямо въ лѣсъ... Перекрестились мы, что Господь насъ отъ лютой смерти отвелъ... Жутко стало намъ... Боязно, какъ бы грѣхомъ не остался кто изъ тѣхъ въ трапезной церкви... Вошли это мы осторожно со свѣчами... Видимъ, святотатство совершено, святой престолъ опрокинутъ, видно, подъ поломъ денегъ искали, иконостасъ попорченъ... Пришлось придѣлать вновь освящать, иконостасъ новый сооружать...

Монастырскій колоколь давно, когда я еще только подѣвжала къ гостиницѣ, призывалъ ко всенощной. Уже давно отрезвонили... Я прервала рассказъ матушки Стефаниды.

— Сейчасъ пойду ко всенощной... а вы, когда я вернусь, доскажете мнѣ,—сказала я, уходя изъ номера.

Я застала только конецъ всенощной...

Старая мантийная монахиня, обходя храмъ, гасила одну за другой топкія, восковыя свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, и только, какъ маленькія мигающія звѣздочки, мерцали лампы у мѣстныхъ иконъ.

Вечерѣло... И въ этомъ таинственномъ полумракѣ мнѣ какъ-то особенно живо представлялись фигуры дерзкихъ грабителей и какъ бы слышался ихъ ужасомъ леденящій душу окрикъ.

Молящихся было совсѣмъ мало... Храмъ быстро опустѣлъ... Монахини и въ длинныхъ мантияхъ, и въ короткихъ рясахъ медленно, по одной выходили на паперть, и только среди церкви передъ складнымъ аналоемъ, при свѣтѣ тоненькой свѣчки, молодая послушница прочитывала нараспѣвъ имена усоншихъ, записанныхъ въ траурную книжку, а окружавшая ее маленькая группа инокинь, казалось, вслушивалась внимательно въ это монотонно-унылое чтеніе.

На монастырскомъ дворѣ по тропинкамъ къ кельямъ направлялись черныя фигуры, кое-гдѣ въ окнахъ свѣтились огоньки.

Яркія звѣзды загорались на темномъ небосклонѣ, изъ окружающихъ каменную стѣну маленькихъ палисадниковъ легкій вѣтеръ доносилъ нѣжный аромат цвѣтушихъ фруктовыхъ деревьевъ, и откуда-то издалека слышалась пѣснь соловья.

На другой день я стояла за обѣдней у праваго придѣла, передъ иконой святой великомученицы Анастасіи (патронессы гетманши) и съ живымъ интересомъ разсматривала гербъ Скоропадскихъ, изображенный подъ всѣми образами перваго яруса высокаго рѣзного иконостаса, щедро залитаго яркими лучами майскаго солнца.

Вокруг герба съ изображеніемъ трехъ скрещенныхъ копій расположены полукругомъ славянскія буквы, значенія которыхъ я понять не могла.

Послѣ обѣдни та же мантийная монахиня съ тѣмъ же установленнымъ монастырскимъ этикетомъ, почтительнымъ поклономъ передала приглашеніе матушки игуменьи пожаловать къ ней на чай.

Мнѣ хотѣлось на этотъ разъ детально осмотрѣть достопримѣчательности храма, въ связи съ прочитаннымъ мной описаніемъ и біографіей его строителей.

Я пожелала пройти на хоры. Узкая лѣстница въ стѣнѣ, съ прямыми высокими ступенями, представляла такія же неудобства для восхожденія, какъ подъемъ на Хеопсову пирамиду, куда я, несмотря на уговоры туристовъ и ловкость проводниковъ-арабовъ, не рѣшилась забираться. Мнѣ вспомнилась такая же древняя узкая лѣстница съ выбитыми ступенями въ скитѣ патріарха Никона (въ Новомъ Іерусалимѣ, подмосковномъ). Съ трудомъ поднялась я на площадку, съ которой открывался видъ на храмъ сверху, и видны были всѣ детали художественной золоченой рѣзьбы главнаго придѣла. Стѣны бѣлыя, безъ фресокъ и лѣпныхъ украшеній, огромные размѣры оконъ, высота купола и обиліе свѣта напомнили мнѣ верхній этажъ Айя Софіи въ Константинополѣ, куда поднималась я по той узкой, винтовой лѣстницѣ-спирали безъ ступеней, по которой нѣкогда верхомъ на конѣ въѣхалъ въ христіанскій храмъ гордый мусульманскій властелинъ.

На хорахъ два придѣла. Маленькіе, невысокіе иконостасы съ потускнѣвшею отъ времени позолотой и потемнѣвшими изображеніями святыхъ. Въ нихъ рѣдко совершается богослуженіе и легко представить себѣ, съ какимъ трудомъ взбираются по крутой, узкой лѣстничкѣ молящіеся въ дни престольныхъ празднествъ.

Спустившись внизъ, я по деревянному тротуару мимо палисадника съ пышно цвѣтущими бѣлоснѣжными нарциссами и гордо поднимавшими вверхъ свои красивыя, пестрыя головки тюльпанами прошла въ покои настоятельницы.

Какъ семь лѣтъ тому назадъ, были настежь открыты окна въ гостиной съ портретами «добраго гетмана» и «властной гетманши», въ такомъ же порядкѣ была симметрично разставлена старинная мебель, только надъ диваномъ висѣлъ новый большой портретъ масляными красками молодой женщины въ современномъ придворномъ костюмѣ. Издали я приняла его за изображеніе великой княгини Елизаветы Ѳедоровны. Внизу подъ портретомъ надпись: «Елизавета Петровна Скоропадская. Родилась въ 1877 г., скончалась въ 1898 году».

— Матушка игуменья сейчасъ будутъ, — доложила келейница съ низко надвинутымъ на лобъ чернымъ платкомъ.

Я спросила у нея, какъ зовутъ новую настоятельницу.

— Матушка Діонисія. Уже шестой годокъ пошелъ, какъ скончалась, царство ей небесное, матушка Ксенофонта. Новая матушка въ ту пору же заступила ея мѣсто.

Средняго роста, худощавая, съ красивыми, сѣрыми грустными глазами, симпатичной улыбкой—новая игуменья показала мнѣ всеѣмъ молодой.

— Мнѣ минуло ровно 15 лѣтъ, когда я сюда поступила. Я здѣсь уже 30 лѣтъ. Меня въ дѣтствѣ еще тянуло въ монастырь. Я хотѣла уйти изъ дому въ 12 лѣтъ, но тогда родители не пускали. Я уроженка Курской губеніи, и мнѣ предлагали поступить въ монастырь въ Суджѣ, но мнѣ не хотѣлось. Городъ поблизу... Отъ тетки родной слышала о Гамалѣвскомъ монастырѣ и рѣшила сюда поступить.

Заговорили о нападеніи Савицкаго.

— Денегъ у насъ никогда не бываетъ, а тутъ какъ разъ наканунѣ были получены проценты изъ глуховскаго казначейства для расплаты съ рабочими. Вотъ на нихъ-то и польстились грабители. Приди они двумя днями позже, ничего бы не нашли. Въ храмѣ Рождества Пресвятой Богородицы забрали всю кассу да польстились на желѣзную шкатулку. Отыскивая кладъ въ усыпальницѣ Скоропадскихъ, они въ алтарѣ опрокинули престоль, разорили иконостасъ. Пришлось на пожертвованія добрыхъ людей благотворителей соорудить новый въ придѣлѣ святого Іоанна Кущника. Пройдемъ посмотрѣть, если пожелаете.

Я завела рѣчь о гербѣ Скоропадскихъ, объ интересующихъ меня буквахъ, расположенныхъ полукругомъ, а именно съ лѣвой стороны: і, г, е, п, о, д,—съ правой—с, в, ц, В, с, з, которыя, по словамъ игуменьи, означаютъ: «Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ войска Его Пресвѣтлаго Величества обѣихъ сторонъ Днѣпра и Запорожья».

Съ герба Скоропадскихъ разговоръ перешелъ къ гетманшѣ Анастасіи Марковнѣ.

— Женщина была рѣшительная, властолюбивая, царство ей небесное. Не Ивану Ильичу, а ей бы править Малороссіей. При жизни много она потрудила для обители. Зданія все, храмъ и ограда построены ею. Подолгу гостила она здѣсь. Къ инокинямъ благоволила—всеѣхъ знала, пеклась о нихъ, а въ посмертной волѣ своей, въ завѣщаніи, въ письмѣ къ архіепископу и брату своему, полковнику лубенскому Андрею Марковичу, приказала облагодѣтельствованныхъ ею ранѣ инокинъ выселить навсегда изъ построенныхъ для нихъ келій и преобразовать женскую обитель въ мужской монастырь. Но, видно, не угодна была Господу послѣдняя воля покойной ктиторки и фундаторки (какъ именуется она во всеѣхъ документахъ). Изъ-за вмѣшательства въ дѣло ея дочери І. Ив. Толстой возникли недоразумѣнія. Переводъ инокинъ затянулся до 1733 года. Игуменъ, Германъ Конашевичъ, которому предписано было

духовнымъ начальствомъ переписать и принять все имущество монастыря, не угодилъ на наслѣдниковъ гетманши. Въ обители начались распри. Игумены часто смѣнялись. Братія роптала. А тутъ еще по недосмотру случился пожаръ. Загорѣлось подъ башней. Сгорѣли амбары и другія постройки; невредимы остались храмы, ризницы и другія зданія. Монастырь оскудѣлъ. Многія земли монастырскія были отобраны гетманомъ Апостоломъ и другими лицами. Случился еще незначительный пожаръ. Братія по одному покинула монастырь, и много десятковъ лѣтъ обитель оставалась необитаемой, запустѣлой. Безъ малаго черезъ сто лѣтъ послѣ смерти гетманши, уже въ 1827 году, снова обитель, вопреки ея волѣ, стала женской. Въ нее переселили кербутовскихъ инокинь съ игуменьей, не помню, — кажется, Дометіаной. Съ того времени, заботами настоятельницъ, трудами инокинь, жертвованіями частныхъ лицъ, были исправлены зданія въ томъ видѣ, въ какомъ вы ихъ теперь видите.

На покрытомъ бѣлоснѣжною скатертью овальномъ столѣ былъ поданъ чай со сливками, лимономъ и вкуснымъ пшеничнымъ монастырскимъ, въ видѣ ковриги, хлѣбомъ.

Яркіе лучи весенняго солнца бросали блестящіе блики на темные портреты, насчитывающіе около двухъ столѣтій. Рѣзкій контрастъ ихъ тусклымъ краскамъ представляетъ по яркости и свѣжести колорита и художественности отдѣлки портретъ молодой, скончавшейся во цвѣтъ лѣтъ фрейлины Ихъ Величествъ Е. П. Скоропадской.

— Я еще ребенкомъ знавала покойную Елизавету Петровну, царство ей небесное. Маленькой привозили ее сюда родители вмѣстѣ съ двумя ея братьями. Хорошая, привѣтливая, славная такая была она. Не далъ ей Господь вѣка, — рано призвалъ ее къ себѣ. На все Его святая воля. Привезли ее сюда изъ имѣнія и похоронили возлѣ отца въ усыпальницѣ предковъ. Года черезъ два, кажется, скончалась и мать ея. Очень ужъ, говорятъ, тосковала она по дочкѣ — одна вѣдь всего была она.

Разговоръ опять коснулся старины.

— А знаете, матушка... мнѣ все-таки жаль стараго иконостаса. Онъ такъ подходилъ къ древнему храму. И такъ уже мало интересныхъ памятниковъ старины сохранилось до нашихъ дней.

— Я сама ихъ люблю; дорожу ими. Иконы стараго иконостаса я установила почти такъ, какъ онѣ были, въ трапезной. Вы ихъ можете тамъ увидѣть.

Послѣ чая была подана закуска, предложенная радушной настоятельницей, которая, при ближайшемъ знакомствѣ, показала мнѣ еще болѣе обаятельной. Что-то неуловимо привлекательное, мягкое, женственное было въ ея фигурѣ, походкѣ, движеніи. Я залюбовалась ея маленькими бѣлыми руками съ тонкими, какъ бы точеными, изящными пальцами. Но что особенно располагало

къ ней, это тембръ ея голоса, удивительно тонкій, грудной, мелодичный.

Я собралась уходить.

— Вы утомились, матушка, вамъ отдохнуть пора,—сказала я.

— Пройдемте, если пожелаете, въ усыпальницу Скоропадскихъ взглянуть на новый иконостасъ. Я не устала. Я никогда не отдыхаю, хоть встаю всегда въ пять часовъ, а раньше полуночи никогда не ложусь. Работы, благодарить Бога, достаточно—скучать некогда. Всю канцелярію, всю отчетность веду я сама. Лѣтомъ постройка, ремонтъ, зимой подсчетъ, смѣты. Каждый вечеръ распоряженія на другой день. Хозяйство хоть маленькое, но очень сложное. Есть у насъ пашня, огородъ, садъ, пасѣка, водяная мельница, лѣсъ, сѣнокосъ, молочная ферма, лавочка, чайная, гостиница, школа, пріютъ для престарѣлыхъ инокінь. Надо всѣмъ, сообразно ихъ способностямъ, назначить послушаніе, а для этого надо знать, кого къ какому дѣлу приставить.

Мы сошли внизъ, въ трапезную церковь. У лѣвой, глухой, безъ оконъ стѣны погребены гетманша и ея дочь І. И. Толстая, а немного поодаль, ближе къ выходу, подъ одинаковыми новыми, чугунными, съ гербами плитами Елизавета Петровна Скоропадская и ея родители. Подъ храмомъ нѣтъ ни фундамента, ни склепа; чтобы приготовить новую могилу, приходилось срывать доски пола и выбирать землю.

Новый иконостасъ въ придѣлѣ Іоанна Кущника размѣромъ, очертаніемъ и окраской напоминаетъ прежній, только иконы современнаго письма, всѣ подъ стеклами, не имѣютъ никакого сходства съ тѣми тусклыми, грубыми, неясными изображеніями святыхъ, которыя поставлены въ простѣнкахъ просторной, свѣтлой, поражающей чистотой стѣнъ, пола и потолокъ трапезной, съ длинными, узкими, покрытыми бѣлой клеенкой столами и складнымъ аналоемъ передъ темной иконой «Святія со креста».

Звонили ко всеошной, когда я покидала гостепрїимную мирную обитель. Уже на поворотѣ на проселочную дорогу за поселкомъ Гамалѣвкой скрылись изъ виду бѣлыя стѣны монастыря и многочисленныя главы ея стараго храма, и только слабо доносились до моего слуха звуки колокола, призывавшаго обитательницъ къ вечернему богослуженію, и мнѣ, внимавшей имъ, живо представлялся симпатичный образъ настоятельницы, которая по призванію удалилась отъ міра и соблазновъ его и посвятила свою жизнь служенію Богу и заботамъ о благоденствіи ввѣренной ея попеченію обители.

Письмо-завѣщаніе гетманши Скоропадской на имя архіепископа кіевскаго и галицкаго.

Ясне въ Богу преосвященный архипастыру кіевскій и галицкій и малія Россіи мнѣ в Дусѣ св. милостивѣйшій отче и добродѣю!

Благословеніемъ и благопоспѣшествомъ Бога вся премудро устрояющаго, покойной мужъ мой гетманъ Скоропадскій и я его сожительница во время жизни нашея усмотрѣли за благо въ честь и въ вящее прославленіе Имени Его Божественнаго основати и устроить обитель общежительную именуемую Харлампіевѣа пустыня. И такое наше намѣреніе еще за живота покойнаго мужа моего по большой части, Его Божіимъ Всемогущимъ Промысломъ, произошло въ дѣло, за благословеніемъ архипастырскимъ блаженной памяти ясне в Богу преосвященного архіепископа митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго, вашей архипастырской святыни антецессора, оная обитель основана и устроена и многими маестностями, тако и купленными грунтами (которыя первой универсаломъ покойнаго мужа моего надани были, а потомъ и высокомонаршаго блаженія и вѣчнодостоинія памяти его императорскаго величества грамотами к той же обители стали конфѣрмовати) снабдѣна бысть; и въ такой силѣ состоящую даже до нынѣ, я яко ктиторка фундаторка, по смерти мужа моего содержала с такимъ намѣреніемъ, дабы мнѣ совершивши окончевающееся оной строеніе, за благополучнымъ вашей архипастырской милости такъ и моихъ свойственнихъ совѣтовъ, пременить дѣвическую оную обитель на общежителство иноческое, чтобъ въ оной обители примѣромъ другихъ, въ малой Россіи имѣющихся совершенныхъ монастырей, монастырскій начальникъ игумень и другое благочиніе было устроено для предбудущей впредь твердости, и вѣчной въ послѣдніе роки памяти; ибо инокинямъ весма судихъ за неприличіе и неудобство, такое мѣсто въ подобѣвающимъ себѣ удержати зѣло совершенствѣ, достовѣрныхъ винъ ради. Но понеже нынѣ Господь Богъ, положивый въ своихъ рукахъ предѣлы жизни челоуѣческой, за пресѣченіемъ, якоже по безсилію моему догадуюся, жизни моей временной слѣдующимъ, сего реченнаго намѣренія моего, и такое, якоже мнѣ угодно казалось время, исполнити не соизволилъ. Сего ради то, житія сокращеніе предъ очима моима видя, пинѣ тому моему намѣренію послѣдной и первой, постоянной и непремѣнной, волѣ моей сей предѣлъ поставляю. Оную обитель Харлампіевопустыньскую яко мужа моего и моимъ коштомъ собственнымъ основанную созданную вашей архипастырской святинѣ и по васъ сукцессорамъ вашимъ, въ архипастырскую протекцію и соблюденіе вручаю, и с крайнимъ моимъ упокореніемъ прошу

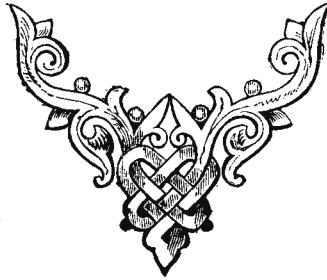
соблаговоли ваша архипастирская милость той обители въ лишеніи моемъ бити милостивѣйшимъ отцемъ, протекторомъ и блюстителемъ: и во исполненіе непремѣннаго вышеупомянутаго намѣренія моего, тамо живущихъ инокинѣ пересели въ другіе дѣвическіе обители, якоже вашей архипасторской святинѣ и гдѣ угодно явится старѣйшихъ же честнѣйшихъ законницъ, которіе во обители Харлампіевопустынской въ иноческій чинъ пострижены стали за нѣкоторымъ своимъ внесеннемъ, перевести въ мутинскую пустинку, гдѣ по нинѣ законники обрѣтаются, а ту мутинскую пустинку обители Харлампіевской подчинити въ такой силѣ, дабы оная пустинка о той обители приходовъ въ нищѣ, въ питіи, одѣянїяхъ и въ протчихъ потребахъ получала ординарно во всякое лѣто свое снабдѣніе безнужно, а на мѣсто ихъ в обитель Харлампіевопустынскую вселить иноковъ, игумена устроить и прочее, якоже в совершенныхъ монастыряхъ, въ Мало-Россіи водится. Все учредить благочиніе, дабы во вѣчныя роки хвала Божая тамъ не уставала, а игумень и прочіе онаго монастыра имущіе быти братія должны будутъ, такъ о жалованнихъ маестностяхъ, яко о собственныхъ, многихъ числомъ купленныхъ грунтовъ и другихъ разныхъ угодїяхъ обстаивать и оніе въ надлежащемъ содержаніи радѣти, тако дабы з-оной обители Харлампіевопустынской, такъ со всякихъ приходовъ монастырскихъ, яко тежъ и з различныхъ всякихъ церковныхъ украшеній нѣчего ни куда не было взимаемо, но все тое въ радѣнїи и владѣнїи того жъ монастыра всегда была неотемлемо. А что ваше преосвященство, сіе мое по Бозѣ, яко же мню, намѣреніе по званію своемъ архіерейскомъ постараетея совершити, не сумнѣваюся: понеже дѣло мнѣ памятно есть оное вашей архипастирской милости увѣреніе въ прошломъ 1728 листовне ко мнѣ восписанное, в которомъ не только моленіе, но и сильно запрещеніе архипастирское, дабы мнѣ оной обители Харлампіевопустынской ни къ которой посторонней обители другой не подчинять и не повергать кромѣ вашей архипастирской святинѣ кїевской епархіи, к сему одолжило мене всячески повиновенію. А по кончинѣ моей послѣднею моею волю, во мѣсто себе показую за патроновъ и ктиторей. Оной обители Харлампіевопустынной брата моего родного его милость пана Андрея Марковича, генералнаго малороссійскаго подскарбія и племянниковъ моихъ же пановъ Михаила Скоропадскаго и Іакова Марковича, которые имѣють крѣпости на маестности и прочіе всякіе грунта до оной обители надлежащїе, вручить тоя обители имущему быти игумену и всей братіи. Когда уже и совершено оное мое произойдетъ намѣреніе и о семь ему брату моему особливо оставляю мое завѣщеніе съ приложеніемъ копии сего моего къ вашей архипастирской милости составленнаго писанія. При чемъ послѣднее вашей архипастирской милости яко отцу пастиреви и присному моему молитвеннику отдавши цѣлованіе, во

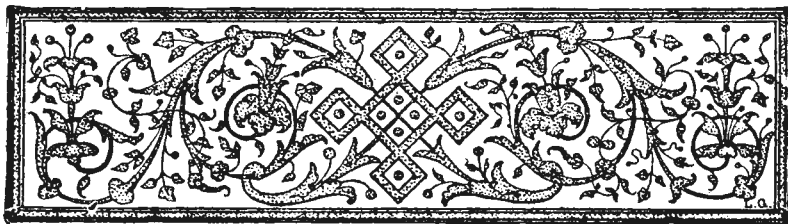
знаменіе благодаренія сего високаго ищю благотельства вашего, дабы о душахъ мужа моего и моеи неуставаючіе молитвы к Господу Богу приносими были.

Вашего преосвященства моего милостивого в Дусѣ святомъ отца приснаго молитвенника и добродѣя обоихъ благъ всежелательная дщерь и всенижайшая служебница Анастасія Марковна, вдовствующая гетмановая Скоропадская.

М. М. Марина.

Року 1729 декабря 19.
Изъ Глухова.

МИМО ДВОРЯНСКИХЪ ГНѢЗДЪ.

I.

Посвящаю памяти дорогихъ родителей Семена Прокопьевича и Ольги Степановны Толстыхъ, бывшихъ крѣпостныхъ.

РАДѢДЫ наши, при выборѣ мѣста для жительства, непрерывно отбивали десятины двѣ хорошей земли подъ фруктовый садъ съ липовыми аллеями. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, много семьдесятъ, эти усадьбы, «дворянскія гнѣзда», понемногу исчезали съ лица земли, дома сгнивали или продавались на свозъ, каменные службы превращались въ груды развалинъ, яблони вымирали и шли на дрова, заборы, плетни истреблялись. Однѣ липы попрежнему росли себѣ на славу, и теперь, окруженные распаханными полями, гласятъ нашему вѣтреному племени о «прежде почившихъ отцахъ и братьяхъ». Прекрасное дерево—такая старая липа... Ее щадить даже безжалостный топоръ русскаго мужика.—Такъ писалъ болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ въ своихъ «Запискахъ охотника» И. С. Тургеневъ, а два года тому назадъ я былъ участникомъ такого разговора.

— У насъ теперь дворянскія имѣнія отлично приводятъ въ порядокъ молokane... Я очень радъ...—говорилъ мнѣ съ принужденной развязностью одинъ помѣщикъ.

— Какимъ это образомъ?—недоумѣвалъ я.

— Очень просто: они покупаютъ имѣнія на отрубa, и тотчасъ все утилизируютъ... Постройки выгодно жгутъ, оставшіяся липовыя аллеи вырубаютъ...

— Да? Станный способъ приведенія въ порядокъ имѣній...

— Пусть странный, но мнѣ очень выгодно... Я скупаю у нихъ липы на дрова... Мнѣ такъ нужны дрова для завода.

Мой собесѣдникъ отличался мелкимъ тщеславіемъ. Самъ онъ человекъ очень состоятельный, сохранилъ свои родовыя гнѣзда неприкосновенными, хотя и запущенными,—его больше интересуютъ коммерческія дѣла. Словомъ, это купецъ въ традиціонной дворянской фуражкѣ. Его самолюбію льстило оставаться счастливымъ наблюдателемъ, какъ уплывали отъ своихъ владѣтелей старинныя помѣстья и гibli; ему пріятно слышать постоянное восклицаніе въ толпѣ мужиковъ и чукъ: «По нашей мѣстности изъ помѣщиковъ почестъ одинъ Петровъ и остался... А то всё разорились»...

Разговоръ идетъ о южной части Рязанской губерніи и о прилегающихъ уѣздахъ Тамбовской. Въ 1906 году и въ послѣдующіе годы, дѣйствительно, помѣщичьи имѣнія переходятъ въ руки крестьянъ, большею частью изъ секты молоканъ, какъ людей болѣе состоятельныхъ...

Усадьбы безжалостно сметаются. Гибнутъ красивыя липы, гибнутъ свидѣтели широкаго барскаго разгула и горькихъ слезъ крѣпостныхъ. Меньше и меньше остается и лицъ, которыя помнятъ сознательно крѣпостное право, несли его на своихъ плечахъ. Послушаемъ, о чемъ говорятъ шопотъ уцѣлѣвшихъ липъ и говоръ стариковъ.

Минувшими святками я бродилъ по роднымъ мѣстамъ и возобновилъ въ памяти то, что слышалъ въ годы дѣтства.

II.

— Э-э, батюшка, что было, что было—страшно вспомнить... Теперь во снѣ иногда приснится,—жутко станетъ,—говорилъ мнѣ старикъ изъ села Голожохова, бывший крѣпостной Стариковыхъ.

Стариковыхъ семья была большая. Главное имѣніе—въ селѣ Чемодановѣ. Здѣсь правилъ самъ старикъ, крупный помѣщикъ, занимавшій видныя мѣста по выборамъ. Въ Голожоховѣ царилъ одинъ изъ сыновей, отличавшійся особенной жестокостью. Однимъ изъ часто примѣняемыхъ наказаній у него было—сажаніе на горячую плиту. Изъ разныхъ источниковъ пришлось мнѣ слышать такой рассказъ.

Рано утромъ выѣхалъ на дрожкахъ Стариковъ въ поле. Видитъ, одна беременная баба идетъ на вязку сноповъ съ опозданіемъ. Онъ догналъ ее. Велѣлъ привязать ее къ запрягу и погналъ лошадь. Баба не могла поспѣть, баринъ стегалъ ее плетью. Вскорѣ несчастная упала и умерла.

Но особенно плохо жилось кучерамъ и конюхамъ. Помѣщикъ любилъ лошадей. Ежедневно утромъ онъ отправлялся по конюш-

нямъ. Прежде всего наклонялся надъ чаномъ нюхать воду, достаточно ли она свѣжа, и посмотрѣть поближе, нѣтъ ли сору. Малѣйшая соринка въ водѣ влекла жестокаго наказанія. Умирали подъ ударами плетей. Мѣра терпѣнія переполнилась. Рѣшили покончить.

Разъ утромъ, по обычаю, Стариковъ пошелъ въ обходъ по имѣнію. Зашелъ въ конюшню. Въ одномъ чану нашелъ непорядокъ. Ругаясь и грозя наказаніемъ, онъ нагнулся нюхать воду въ другомъ чану. Моментъ—взвилась тяжелая запорка стойла, и Стариковъ, получивъ ударъ въ затылокъ, мертвый свалился въ чанъ. Всѣ облегченно вздохнули и перекрестились. «Сами пострадаемъ, зато братій своихъ избавили отъ изверга», говорили конюха.

Сначала они хотѣли все-таки скрыть концы преступленія и бросили трупъ Старикова въ пустой колодезь.

Между тѣмъ барыня поджидала мужа пить кофе. Посылаетъ искать его. Нигдѣ нѣтъ. Верховые помчались въ поле—нѣтъ. Тогда виновные рѣшили открыться.

— Скажите барынѣ, чтобы она не трудилась больше искать,—баринъ вонъ въ колодезѣ лежитъ.

Барыня, несмотря на увѣренія, что ее никто не тронетъ, послѣдила уѣхать изъ имѣнія. Никто изъ родныхъ на похороны не пріѣхалъ. Хоронили его верстахъ въ 30-ти отъ Голожохова, въ родовомъ имѣніи Гагинѣ. Пришлось ѣхать съ гробомъ черезъ Чемоданово, гдѣ убитый тоже давалъ себя знать своею жестокостью. Несмотря на забитость народа, крѣпостные встрѣтили прахъ своего тирана мяуканьемъ по-кошачьи, лаемъ по-собачьи, подвываніемъ по-волчьему, а одинъ немудрый мужиченка, съ гармоніей въ рукахъ, забѣжалъ впередъ и началъ выплясывать въ присядку.

III.

Село Митягино—дворянское гнѣздо господъ Морозовыхъ—еще сохранилось. Позади бѣжитъ большая дорога. Рѣдкія, грустные ветлы по обѣимъ сторонамъ. Печалень ихъ разсказъ изъ былого.

— Вы бунтовали передъ волей?—спрашиваю у стариковъ.

— Какое, батюшка, бунтовали. Никакого бунта не было. Мы не хотѣли брать землю, какую намъ давала барыня при размежеваніи... Она отвела самую что ни на есть плохую. А приказчикъ да становой Кирюшка—такъ его всѣ звали, такой песь былъ—обратили все въ бунтъ. Дали знать губернатору.

Вотъ Петровками и валить къ намъ все начальство... Громъ, звонъ... Впереди скачутъ на тройкахъ губернаторъ, исправникъ, много начальства, а позади въ телѣгахъ треплются инвалидные солдаты. Собрали сходъ. Вышелъ губернаторъ.

— Вы почему не даете сохи для размежеванія?

При размежеваніи крестьяне должны были дать отъ себя соху, чтобы проводить новыя межи по указанію землемѣра. Они не давали сохи и тѣмъ выражали свой протестъ противъ несправедливости помѣщика въ этомъ дѣлѣ.

На вопросъ губернатора послѣдовало молчаніе. Рѣшили приступить къ опросу cadaго домохозяина въ отдѣльности. Вызвали первымъ симпатичнаго и кроткаго мужика Алексѣя Антипова.

— Дашь соху?—кричить губернаторъ.

— Нѣтъ...

— Розги!

Положили Алексѣя, и началась порка. Послѣ 50 ударовъ опять вопросъ:

— Дашь соху?

— Нѣтъ...—тихо отвѣчаетъ мужикъ.

Продолжаютъ истязаніе дальше. Сто ударовъ...

— Дашь соху?

— Нѣтъ...—еле слышится голосъ.

Сердешный такъ и померъ подъ розгами... Царство ему небесное... Швырнули его, какъ собаку, въ канаву, и принялись за другихъ. Человѣкъ 12 еще перепороли, изъ нихъ трое померли... Вдругъ слышимъ—барское гумно горить... Бросились всѣ туда, хотѣли тушить, а губернаторъ какъ закричить:

— Не смѣть тушить—мужики за все заплатятъ!

Порѣшили всю вину на насъ свалить—будто мы гумно подожгли...

Ну, думаемъ, пропадать теперь намъ... Губернаторъ уѣхалъ сердитый. Глядь, денька черезъ два по большой дорогѣ идутъ къ намъ солдаты, цѣлая рота. Мы ихъ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью. Размѣстились у насъ по квартирамъ, да два года мы ихъ и кормили. Спасибо, офицеръ хорошій попался—не приказывалъ безобразничать солдатамъ, даже заступался за насъ. Черезъ него и становаго Кирюшку смѣстили съ должности.

— Ну, а землю-то все же какъ у васъ размежевали?

— Одно дѣло—отмежевали, какъ хотѣлось барынѣ. Вдобавокъ еще насъ переселили. Раньше мы жили вдоль большой дороги. Какія помѣстья-то у насъ тамъ были—любо глядѣть. У многихъ сады были. А насъ перегнали вотъ сюда и посадили на топъ да на болото... Э-эхъ, Богъ имъ судья.

— А гумно такъ и неизвѣстно кто поджегъ?

— Какъ неизвѣстно! Тогда же все объяснилось: приказчикъ со своимъ дружкой бурмистромъ подстроили... Хлѣба-то у нихъ было много, скирды давно стояли, ихъ мыши переточили, такъ что тамъ почестъ одинъ навозъ остался... Они рассчитывали свалить вину за пожаръ на насъ и получить деньги съ нашего же брата... Да не удалось... По милости офицера дѣло объяснилось въ нашу пользу.

IV.

Маленькіе «Ѳедутинскіе хутора», или, по мѣстному наименованію, «Погибельный Капказь», названные такъ за гористую мѣстность. Здѣсь былъ мелкопомѣстный дворянинъ Ѳедутинъ. Было у него крѣпостныхъ десятка полтора, но всѣ претензіи барскія соблюдались—была тоже дворня. До сего времени живъ его лакей «Ванька», здоровый, нескладный мужикъ, тогда мальчишка.

— Собрались мы съ бариномъ ѳхать въ Рязань...—разсказывалъ Иванъ Матвѣевъ, прежній лакей Ванька.—Не кое-какъ, меня рѣшили одѣть по-нѣмецки. Покойница мамушка сшила мнѣ пинжакъ, брюки изъ рѣднины, очернили его... Скотникъ сплелъ мнѣ большую шляпу изъ соломы. Отправились. Какъ пріѣхали въ губернію, тутъ только баринъ замѣтилъ, что я въ своемъ нѣмецкомъ платьѣ похожъ больше на огородную пугалу, чѣмъ на человѣка. Стѣдно ему со мной ходить, и говорить мнѣ: «Ванька, ты за мной не ходи: я пойду по одной сторонѣ улицы, а ты иди по другой, только глазъ съ меня не спускай». Нужно какую покупку мнѣ передать—подойдетъ, сунетъ въ руку, а самъ опять отъ меня въ сторону. Умора, вспомнишь.

«А то поѣхали мы разъ съ бариномъ въ Пиково къ престольному празднику, къ пошу въ гости. Ѵдемъ. Вотъ мнѣ баринъ и говоритъ: «Ванька, если тебя тамъ будутъ сажать за столъ, то не садись—говори, что дома больно сытно наѣлся». Пріѣхали. Вхожу въ кухню. Тамъ акуратъ работники сидятъ, обѣдаютъ, щи ѣдятъ жирныя. Кухарка мнѣ и говоритъ: «Мальчикъ, садись съ нами обѣдать». А я хорошо помню хозяйскій заказь—говорю: дома больно сытно накормили. Самъ, кажись, съ ногами бы въ чашку влѣзь, такъ ѣсть хочется... А баринъ все сидитъ, прохлаждается и домой ѳхать не собирается. Разъ пять чаю попили, позавтракали, пообѣдали; еле-еле баринъ добрелъ до риги, легъ тамъ на сѣнѣ на отдыхъ, а меня посадилъ мухъ отгонять. Какъ только онъ захрапѣлъ, я скорѣе, скорѣе въ кухню. «Тетушка, дай мнѣ кусочекъ чернаго хлѣбца—больно ѣсть хочу», говорю я кухаркѣ. «Ахъ ты, глупый, глупый, что же ты обѣдать-то не сядилъ»... Тутъ я покаялся, что, молъ, баринъ не велѣлъ садиться за столъ. Ну, ужъ отвелъ я душеньку—двѣ чашки щей съѣлъ, сколько ветчины, курятины, ситный съ медомъ.

— Ну, что, Ванька, сдержалъ мой приказъ—не ѣлъ ничего у о. Ивана?—спрашивалъ на обратномъ пути меня баринъ заплетающимся языкомъ.

— Ни маковой росинки во рту не было...—говорилъ я, а самого замучила отрыжка щами да ветчиной.

Теперь въ гнѣздѣ Ѳедутина укоренился кулакъ.

V.

Сельцо Епинетово... Дворянское гнѣздо разрушено. Отъ великолѣпнаго парка остались однѣ рѣдкія липы... и тѣхъ участь скоро навѣрное будетъ рѣшена... Усадьба поступила въ руки молоканъ. Здѣсь нѣкогда былъ помѣщикъ Бунинъ. Ни особой жестокостью, ни особой милостью онъ не отличался, но приобрѣлъ печальную славу. Къ нему явился второй Чичиковъ. Только этотъ господинъ скупалъ не мертвыя души, а слѣпыхъ, хромыхъ, калѣкъ, дураковъ, стариковъ и старухъ, которыхъ давно ждуть на томъ свѣтѣ, какъ говорятъ въ народѣ. «Шаръ 20 колесъ извѣздили, искавши». Вотъ Бунинъ и рѣшилъ сбыть весь этотъ ненужный живой балластъ. Въ цѣнѣ скоро сошлись.

Въ одно скверное утро собрали несчастныхъ на барскій дворъ и объявили имъ неизмѣнную волю. Плачь, крикъ и вой поднялся невообразимый. Посадили ихъ на телѣги и повезли.

— По всей деревнѣ стонъ пошелъ, а они-то, бѣдняжки, рѣкой заливаются,—говорила мнѣ моя собесѣдница со слезами. Болѣе чѣмъ шестидесятилѣтній интервалъ не изгладилъ слѣды этого горя.

— Куда же ихъ повезли?

— Говорили, въ Костромскую губернію... Только доподлинно неизвѣстно. Послѣ о нихъ ни слуху, ни духу не было.

VI.

Деревня Петровское.... Дворянское гнѣздо господъ Муравьевыхъ въ купеческихъ рукахъ... Муравьевы людей тиранили за малѣйшую провинность. Оригинальное наказаніе получили они разъ за свою жестокость.

— Жили мы со своими господами,—говорилъ мнѣ ихъ бывшій дворовый,—въ Москвѣ, въ Штатномъ переулкѣ, въ домѣ Иванова. При домѣ былъ большой садъ. Какая трава тамъ росла! Пригнали изъ деревни штукъ 20 барановъ, тамъ они и паслись. Завѣдывалъ ими дворникъ Иванъ Ѳедоровъ—славный такой мужчина, видный, старостой былъ... Вотъ всѣхъ барановъ порѣзали, остался одинъ—здоровый. Вдругъ, и надо тому грѣху случиться, баранъ околѣлъ—неизвѣстно отчего. Иванъ Ѳедоровъ страшно запечалился: господа были псы—мало того, что стоимость барана взяли бы, еще велѣли бы въ полиціи высѣчь. Услыхали объ его горѣ повара. Велѣли ободрать дохлаго барана. Старшій поваръ, когда пошелъ къ барынѣ «на приказаніе», то сказалъ: «Сударыня, что бы баранчика-то послѣдняго зарѣзать... А то онъ остался одинъ—скучаетъ». Отданъ приказъ барана зарѣзать... На другой день дохлый баранъ былъ скушанъ самими господами.—А то съ тѣмъ же Иваномъ Ѳедоровымъ былъ та-

кой еще случай, — продолжалъ рассказчикъ. — Кормились у насъ въ Москвѣ же на господскомъ дворѣ индѣйки. Сами господа, бывало, какъ пожрутъ, такъ и выходятъ на дворъ кормить индѣекъ хлѣбомъ... Въ одинъ несчастный день наши индѣйки перелетѣли на сосѣдній дворъ, далѣе и болѣе — пропали. Что тутъ дѣлать? Съ ногъ всѣ сбились, искавши ихъ, — не нашли. Пошелъ Иванъ Ѳедоровъ въ Охотный рядъ покупать индѣекъ. Но вотъ бѣда — всѣ индѣйки черныя, а наши были бѣлыя, какъ холстина. Принесли пару бѣлыхъ — на грѣхъ тотчасъ же ихъ забралъ одинъ купецъ. Иванъ Ѳедоровъ упалъ передъ нимъ на колѣна — просить уступить ему. Купецъ удивился, зачѣмъ Ивану Ѳедорову понадобились такъ бѣлыя индѣйки. Иванъ Ѳедоровъ сказалъ, что если онъ не добудетъ бѣлыхъ индѣекъ, то ему грозитъ порка. Купецъ уступилъ. Веселый такой принесъ Иванъ Ѳедоровъ индѣекъ и пустилъ на дворъ. Но вотъ бѣда — онъ не выкли къ извѣстной кормежкѣ хлѣбомъ. Вышелъ баринъ кормить, а онъ къ нему не бѣгутъ навстрѣчу, какъ дѣлали свои. «Что же сегодня индѣйки хлѣба не клюютъ?» спрашиваетъ онъ. «Онѣ, сударь, сыты — только что хорошо поклевали». Сошло дѣло и съ индѣйками благополучно.

Такъ приходилось изворачиваться подневольнымъ людямъ, прибѣгая ко лжи и прочимъ уловкамъ, чтобы избѣжать порки. Рѣдко кому удавалось увертываться до конца дней своихъ, большинство же не избѣгало общей участи.

VII.

Большое село Карповка. Тянется оно вдоль большой дороги верстъ на пять. Кругомъ горы и овраги. Среди плохихъ избенокъ возвышается красивый храмъ. Дворянскія гнѣзда всѣ разорены. А ихъ здѣсь было много.

1906 годъ смель послѣднiя изъ нихъ. Осталась лишь одна свидѣтельница — старинная контора, которой старожилы насчитываютъ болѣе ста лѣтъ. Самыми крупными владѣтелями здѣсь были князь Долгоруковъ и князь Несвицкiй (одна слобода до сего времени именуется Несвитчиной). Не дружно жили между собою князья. Яблокомъ раздора для нихъ являлся великолѣпный дубовый лѣсъ, что росъ за селомъ, гдѣ теперь голое поле. Оба князя считали лѣсъ своей собственностью. Страсти разгорались. Отъ господъ перешло и къ крѣпостнымъ: тѣ ненавидѣли другъ друга (нужно замѣтить, что рознь между обществами сохранилась до сего времени). Рассказываютъ, что незадолго до происшествiя главной катастрофы по Карповкѣ ходилъ съ большою чугуною палкою (вѣсомъ до пуда), въ веригахъ старецъ Иларiонъ, который похороненъ теперь въ монастырѣ близъ Лебедяни, и кричалъ: «Лѣсъ рубятъ, топоры блестятъ, кровь льется — много слезъ будетъ!» Народъ съ трепетомъ

прислушивался къ рѣчамъ человѣка, котораго всѣ почитали, и признавалъ ихъ пророческими. Старецъ Иларіонъ былъ близокъ къ дому князя Несвицкаго и потому, быть можетъ, зналъ раньше о замыслахъ князя. А князь, дѣйствительно, готовился къ активному выступленію.

Въ одинъ теплый весенній день съ толпою крѣпостныхъ, съ топорами и пилами, рано утромъ, тихо, безъ шума, отправился въ спорный лѣсъ. Дружно закипѣла работа. Валились подъ рядъ вѣковые дубы, со стономъ никли къ землѣ кудрявыя березки.

Князь Долгоруковъ былъ разбуженъ тревожною вѣстью. Онъ быстро одѣлся, приказалъ собираться на барскій дворъ съ топорами, вилами, ломами и вообще вооруженными, чѣмъ попало. Скоро огромная толпа выросла передъ домомъ князя. Подбодренная сивухой, она возбужденно галдѣла. Показался на крыльцѣ самъ князь, тоже вооруженный. Народъ обнажилъ головы.

— Ребята, — прокричалъ князь: — мой сосѣдъ князишка со своею мужицкой псарней вздумалъ мой лѣсъ рубить... Идемъ и докажемъ имъ, какъ залѣзать въ чужую собственность. Рубите, бейте, чѣмъ ни попадя, — я за все отвѣчаю.

Толпа загалдѣла:

— Идемъ, идемъ!.. Мы покажемъ... Голову отрубить...

Имѣя во главѣ князя и приближенныхъ его, толпа двинулась къ лѣсу. Несвицкій скоро, конечно, замѣтилъ приближеніе врага и приготовился къ встрѣчѣ.

Едва долгоруковскіе вошли въ лѣсъ, какъ на нихъ бросились съ разныхъ сторонъ несвицкіе, и началась рѣзня. Долгоруковцы сначала было дрогнули отъ неожиданности нападенія, но потомъ оправились — куда и хмель прошелъ! — и дали сильный отпоръ, къ тому же ихъ было гораздо больше. Несвицкій послалъ въ село за подкрѣпленіемъ съ крикомъ: «Въ лѣсъ! въ лѣсъ скорѣе — нашихъ бьютъ долгоруковскіе!» Но итти на помощь было уже некому — всѣ, кто могъ, ушли утромъ съ княземъ. По слободѣ начался вой и плачь. Только нѣкоторыя бабы, вооружившись, что подъ руку попало, побѣжали въ лѣсъ. Но уже поздно: навстрѣчу имъ бѣжали въ паникѣ окровавленные мужики. Побѣда осталась на сторонѣ князя Долгорукова. На мѣстѣ осталось много убитыхъ, изувѣченныхъ... Князю Несвицкому нанесли смертельную рану въ голову, такъ въ лѣсу онъ и умеръ.

На площади около храма пьянствовала дикая толпа побѣдителей... По селу въ избахъ шелъ плачь... А въ мрачномъ лѣсу бродилъ старецъ Иларіонъ и горько, горько оплакивалъ убитыхъ, помогалъ раненымъ. И въ вышинѣ могучіе дубы сурово шептали, сѣтуя на людскую зависть и неправду.

VIII.

Вскорѣ послѣ «сраженія» въ лѣсу Несвицкіе продали свой участокъ г. Балку, а участокъ Долгорукихъ перешелъ къ Новикову. Балкъ, кромѣ жестокости, отличался распущенной нравственностью. Ежедневно къ нему на ночь ходили по двѣ бабы. Повинность эта соблюдалась по очереди. Недовольство было страшное. Если ропотъ доходилъ до барина, то онъ подвергалъ за это тяжкимъ наказаніямъ.

Въ одну ночь пришлось итти двумъ сильнымъ, молодымъ бабамъ. Онѣ рѣшили покончить со сластолюбцемъ. Была устроена дикая, извращенная оргія. Какъ ни былъ здоровъ баринъ, эти женщины его утомили—онъ въ изнеможеніи свалился на кровать. Тогда онѣ накинули ему на шею полотенце и удавили его.

Въ испугѣ бросились бѣжать домой. Открылись во всемъ мужьямъ, тѣ сосѣдямъ, далѣе и далѣе—слобода ночью заволновалась. Думали, гадали, какъ вину бабъ скрыть. И такъ и сякъ прикидывали—ничего не выходить.

— Что, братцы, видно, ничего не придумаете,—началъ старикъ пастухъ Степанъ Юмашевъ.—Скажу—я убилъ барина. Авось мнѣ и такъ немного осталось жить.

— Что, дѣдъ, какъ это можно?

— Да такъ, можно. Одно слово, я убилъ, и болѣе ничего,—ступайте по домамъ.

Народъ разошелся съ тяжелой думой, какъ быть.

На утро поднялась тревога. Нагрянулъ судъ. Старикъ явился и сказалъ суду, что барина удавилъ онъ. Видя передъ собой дряхлаго, немудраго старичишку, судьи даже размѣялись.

— Что ты, дѣдъ, говоришь какой вздоръ, гдѣ тебѣ задушить—баринъ вонъ какой великанъ былъ, ему стоило только дунуть, и отъ тебя ничего не осталось бы.

— А вотъ все-таки я его удавилъ, одново дыхнуть, я; прямо, какъ кобеля, удавилъ...

— Молчать, старый чортъ,—вышелъ изъ себя судья.—Говори, какъ это ты сдѣлалъ...

Старикъ тоже разсердился.

— Да очень просто, ваше благородіе, вотъ такъ взялъ ихъ полотенце,—говорилъ онъ, вынимая изъ кармана обрывокъ,—да какъ вотъ этакимъ манеромъ накину ему на шею...—При этихъ словахъ старикъ моментально набросилъ на шею близъ стоявшаго становаго веревку и началъ его душить...

Произошелъ переполохъ... Старика схватили и связали. Этотъ случай убѣдилъ судей въ виновности старика...

Говорять, онъ умеръ подъ кнutomъ на эшафотѣ.

Барина закопали на сельскомъ кладбищѣ. На всѣхъ поминкахъ женщины, возвращаясь отъ родимыхъ могилъ, непременно заходили на могилу къ удушенному барину, чтобы вычитать здѣсь гору проклятій; брали кирпичи и камни, бросали въ то мѣсто, гдѣ, по ихъ предположенію, долженъ лежать убитый, топтали холмъ ногами и пр. На бездушнѣйшей могилѣ онѣ хотѣли отомстить горечь обидъ, униженія и поруганной чести.

Другой новый владѣлецъ Карповки, Новиковъ, крѣпостныхъ не тиранилъ. Онъ прославился лишь тѣмъ, что, живя вдвоемъ съ женой, въ короткій срокъ прожилъ 20,000 десятинъ земли и скончалъ свои дни въ Москвѣ, на Хитровомъ рынкѣ.

IX.

Цѣлый рядъ дворянскихъ гнѣздъ принадлежитъ до сего времени роду Петровыхъ. Свой разговоръ съ однимъ изъ представителей его я привелъ въ началѣ очерка. Хозяйственная часть всѣхъ имѣній въ большомъ порядкѣ, но парки, сады, оранжереи и старинные дома въ запустѣніи. Они не интересуютъ новаго владѣтеля. Въ народѣ сохранилась печальная память объ его отцѣ, Николаѣ Ивановичѣ Петровѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія имѣніями владѣлъ недалекій генералъ Петровъ. У него много было дочерей и ни одного сына. Роду Петровыхъ, только начавшемуся (со времени Екатерины II), надлежало пресѣчься. Тогда супруги даютъ обѣтъ, довольно принятый тогда на Руси: что если у нихъ родится сынъ, то они пригласятъ въ кумовья перваго человѣка, котораго отецъ встрѣтитъ на дорогѣ по выходѣ изъ дома тотчасъ по рожденіи ребенка. Скажите, какая великая жертва дворянской спеси! Родился у Петрова мальчикъ въ морозную зимнюю ночь... Вышелъ на дорогу генералъ и ждетъ... Вдругъ ѣдетъ мужикъ въ извозѣ. Онъ его остановилъ и просилъ крестить. Тотъ, конечно, почелъ за счастье, и сталъ крестнымъ мальчика Николая. Мальчикъ ни по наукѣ, ни по службѣ не пошелъ. Съ годами у него опредѣлился вздорный характеръ, къ тому же онъ сильно пилъ. Какъ напьется, такъ сѣчь мужиковъ. Причины всегда находились. Попался ему разъ навстрѣчу юродивый изъ его крѣпостныхъ, отличавшійся тихимъ нравомъ. Идя въ глубокой задумчивости, онъ не снялъ передъ бариномъ шапку. Сейчасъ его на конюшню. Бѣдняга умеръ подъ ударами розогъ. Народъ до сего времени сохранилъ о юродивомъ свѣтлую память. На старинномъ, уже заброшенномъ сельскомъ кладбищѣ, что пріютилось около дубоваго лѣса, показываютъ небольшой холмикъ—его могилу; говорятъ, что по ночамъ на ней свѣтится огонекъ.

На душѣ Петрова была не одна смерть... Въ полуночь въ полночь онъ съ сестрой и зятемъ (супруги Б.) изъ Рязани. Добрались до рѣки

Рановы. Самъ Петровъ рано утромъ проскочилъ какъ-то и уѣхалъ впередъ. Когда же тронулись Б. и были уже на серединѣ рѣки, пошелъ ледъ. Самъ Б. скоро утонулъ. Г-жу Б. съ малюткой взяли къ себѣ на плечи лакей, данный ей въ приданое. Онъ долго боролся со стихіей, наконецъ выбился изъ силъ, уже на отмели, на лугахъ упалъ и уронилъ барыню. Ее унесло волной, а его спасли подоспѣвшіе люди. Долгое время не могли привести его въ чувство. И для чего было спасать? Когда Николай Ивановичъ узналъ о всемъ случившемся, онъ собственноручно до смерти засѣкъ несчастнаго и тѣмъ справилъ тризну по своей сестрицѣ.

Этому извергу досталась въ жены идеальная женщина, большая рѣдкость въ то время, когда и барыни изощрялись въ битвѣ дворовыхъ дѣвокъ и пр. Въ памяти крѣпостныхъ долго жилъ свѣтлый образъ барыни, и они именовали ее «ангеломъ-хранителемъ». Сколько людей спасла она отъ смерти, сколько сама побоевъ видѣла за это!

Однажды предстояла большая порка на конюшнѣ. Злой, полупьяный вышелъ изъ дому Петровъ. За нимъ выбѣжала жена, на колѣняхъ ползла она за нимъ до конюшни и со слезами на глазахъ просила за людей:

— Ради Бога... Николай, ты этого не сдѣлаешь... Я молю тебя...

— Ну, чортъ съ ними... Тогда ѣдемъ съ тобою кататься.

— Ёдемъ, ёдемъ.

Петрову только что привели изъ степей малоѣзженныхъ тройку лошадей. Онъ велѣлъ ихъ закладывать. Цѣлая толпа конюховъ едва могла запрячь дикихъ коней. Глаза ихъ налились кровью, и они каждую минуту готовы были ринуться впередъ. Г-жа Петрова робко замѣтила мужу, что ѣхать на нихъ небезопасно, что лучше бы хотя въ корень запрячь лошадь поспокойнѣе.

— Садись!—закричалъ на нее мужъ, добавивъ площадную брань.

Сѣли... Самъ взялъ вожжи.

— Пускай!!.

Конюхи отскочили въ стороны. Лошади ринулись впередъ и понесли. Долго бѣшено скакали, не разбирая пути... Но вотъ оврагъ... Тройка, коляска туда... Дикая забава кончилась. Жена лежала безъ чувствъ, лошади искалѣчены. Лишь самъ хозяинъ остался невредимъ.

Послѣ описанной прогулки г-жа Петрова съ постели не встала. Послѣдовали неудачные роды. Стала, бѣдняжка, чахнуть. Тутъ только хватился Петровъ. Принялся лечить, повезъ на югъ Франціи. Тамъ она умерла. Похоронили ее въ родовомъ имѣніи. Мужъ поставилъ великолѣпный мавзолей, внутри котораго горятъ неугасаемыя лампы. На одной изъ стѣнъ есть надпись отъ «любящаго мужа» такого содержанія: «Благодарю тебя, милая Вѣрочка, за

твой привѣтъ и ласку; спасибо тебѣ за то, что ты согрѣла мою жизнь и примирила меня съ Богомъ и людьми».

За это примиреніе несчастная заплатила своею жизнью.

По смерти жены Петровъ, дѣйствительно, сталъ богомоленъ, ежедневно ходилъ на памятникъ къ женѣ молиться объ упокоеніи ея души. Прикончились и истязанія людей...

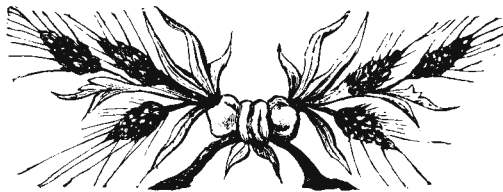
Измученная крѣпостная душа шлетъ благословеніе имени доброй барыни, раздѣлившей съ нею горькую участь.

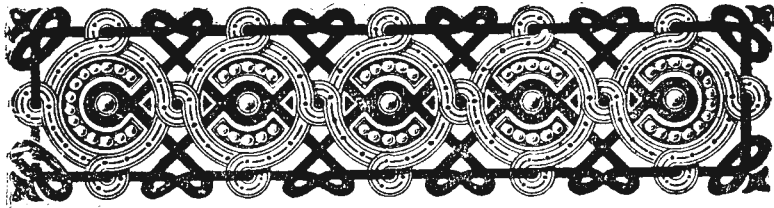
Х.

Печалень шелестъ старыхъ липъ...

«Когда я брожу среди нихъ,—говорилъ одинъ изъ выбившихся къ свѣту крѣпостныхъ:—въ шумѣ листвы я слышу, какъ кнутъ со свистомъ разсѣкаетъ воздухъ, я слышу стоны и крики людей. Ненавистны онѣ мнѣ... Я благословляю топоръ моего собрата-мужика, новаго владѣтеля липъ... Руби, руби безпощадно, пусть на мѣстѣ этой рухляди растутъ молодья деревья, предвѣстники новой жизни... Старья липы навѣвають на меня тяжелый, кошмарный сонъ»...

Александръ Толстовъ.

ЖЕНАТЫЙ МОНАХЪ.

(Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля).

ЛУЧАЙ, о которомъ я рассказываю, произошелъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Главныя дѣйствующія лица, упоминаемая въ моемъ разсказѣ, давно уже умерли.

Получаю я однажды отъ одной знакомой, пожилой женщины, письменное приглашеніе къ завтраку на слѣдующій день. Постскриптумъ говорилъ, что я долженъ отложить въ сторону всѣ свои дѣла и быть у нея непременно, такъ какъ ей необходимо по очень важному дѣлу посоветоваться со мною, и какъ юристомъ, и какъ лицомъ, имѣющимъ значеніе въ судебномъ мірѣ. Тогда я былъ товарищемъ прокурора окружнаго суда.

Знакомая эта была одна изъ представительницъ аристократическаго круга и пользовалась широкой извѣстностью, какъ патронесса и предсѣдательница разныхъ благотворительныхъ обществъ. Мужъ ея служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Завтракъ у нихъ подавался всегда ровно въ часъ дня. Былъ ли у нихъ кто-нибудь посторонній, или хозяева сажались завтракать вдвоемъ, всегда во времени соблюдалась пунктуальная точность. Обыкновенно за десять минутъ до часа хозяева появлялись въ кабинетъ и посматривали на часы. Въ часъ безъ одной минуты въ дверяхъ появлялся лакей съ докладомъ, что завтракъ готовъ. Изъ кабинета шли черезъ гостиную и залъ въ столовую и вмѣстѣ съ тягучимъ ударомъ старинныхъ столовыхъ часовъ сажались за столъ.

Когда я на слѣдующій день вошелъ къ нимъ къ кабинетъ, тамъ я засталъ изящнаго молодого человѣка въ виць-мундирѣ мини-

стерства иностранныхъ дѣлъ. Оказался онъ только что получившимъ назначеніе на должность вице-консула въ одинъ изъ южныхъ городовъ Западной Европы.

Во время завтрака говорили о событіяхъ дня, о новыхъ назначеніяхъ и о томъ прекрасномъ южномъ городѣ, куда ѣхалъ новый вице-консулъ.

Обыкновенно послѣ завтрака хозяйка приглашала меня въ кабинетъ и тамъ, показывая письма и прошенія отъ разныхъ лицъ, спрашивала моего совѣта. На этотъ разъ, направляясь въ кабинетъ, она заявила мнѣ, что дѣло, о которомъ она мнѣ писала, имѣетъ для нея такое важное значеніе, что я прежде всего долженъ дать обѣщаніе исполнить ея просьбу. Я отвѣтилъ, что всегда готовъ исполнить всякую ея просьбу съ удовольствіемъ, если только ее возможно исполнить. Добавилъ послѣднія слова потому, что иногда просьбы ея бывали такія, которыхъ при всемъ желаніи нельзя было исполнить. Просила, на примѣръ, въ послѣдній разъ освободить отбывающаго наказаніе въ тюрьмѣ на томъ только основаніи, что жена его очень плачетъ. Хозяйка поняла мой намекъ, рассмѣялась и сказала, что на этотъ разъ рѣчь идетъ не объ уголовномъ, а о гражданскомъ дѣлѣ, которое должно быть заслушано въ окружномъ судѣ непременно на этой недѣлѣ. Я хорошо зналъ отвращеніе моихъ знакомыхъ къ веденію какихъ бы то ни было процессовъ, во избѣжаніе которыхъ они часто поступались своими интересами. Когда они проводили лѣто въ деревнѣ, крестьяне безбоязненно совершали порубки лѣса и потравы, зная по опыту, что все имъ будетъ прощено. Брала иногда близкіе люди у нихъ и деньги взаймы и почему-то забывали возвратить ихъ. Добрые и въ высшей степени деликатные, они считали неприличнымъ напоминать даже о долгѣ, а не то, что судиться. Поэтому, когда я услышалъ о дѣлѣ гражданскомъ, лицо мое невольно приняло удивленное выраженіе.

— Не удивляйтесь, пожалуйста, ехидный человѣкъ. Хотя дѣло это и не мое лично, а вашего новаго знакомаго, вотъ этого молодого человѣка, но знайте, что вы должны думать, что это дѣло мое. Подробности вамъ объяснить самъ вице-консулъ. Я васъ оставляю здѣсь въ кабинетѣ вдвоемъ,—сказала хозяйка и ушла.

— Мое дѣло такъ необыкновенно и такъ сложно, что я прежде всего прошу извиненія въ томъ, что для объясненія его я долженъ буду отнять у васъ много времени,—началъ вице-консулъ.—Хотя дѣло мое очень секретное и настолько важное, что отъ исхода его зависитъ и моя карьера, и вся моя дальнѣйшая жизнь, но наша уважаемая хозяйка сказала мнѣ, что я могу рассказать вамъ откровенно рѣшительно все.

На это я отвѣтилъ, что мнѣ необходимо знать всѣ детали его дѣла.

Вице-консулъ помолчалъ немного и затѣмъ разсказалъ мнѣ интересную страницу изъ своей жизни.

Родители его были бѣдные дворяне. По окончаніи гимназическаго курса онъ поступилъ въ университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ. Невесела была его студенческая жизнь. Оставшись круглымъ сиротой, онъ жилъ одиноко, добывая себѣ средства уроками. Оканчивая университетскій курсъ, онъ сталъ раздумывать о своей дальнѣйшей судьбѣ. Знакомствъ и протекціи у него не было, и поэтому онъ не могъ надѣяться получить хорошее назначеніе по министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ то же время онъ увлекался религиозными вопросами. Результатомъ этихъ размышленій было, то, что по окончаніи университетскаго курса онъ поступилъ въ духовную академію, окончилъ въ ней курсъ наукъ, принялъ постриженіе въ монашескій санъ и уѣхалъ миссіонеромъ въ Китай.

Тамъ онъ жилъ сначала въ одномъ селеніи, въ глуши, чисто монашескою, отшельническою жизнью, весь отдавшись своему дѣлу. Молодость, однако, стала давать себя чувствовать. Онъ сталъ скучать и поэтому все чаще и чаще сталъ наѣзжать въ Пекинъ, пока и совсѣмъ въ него не переселился. Нашъ посланникъ, у котораго онъ часто бывалъ, принялъ въ немъ живѣйшее участіе и далъ ему письменныя занятія при посольствѣ. Его недюжинныя дипломатическія способности скоро обратили на себя вниманіе. Ему стали давать разныя порученія. На этотъ разъ счастье ему, повидимому, улыбнулось и ему удалось оказать нашему правительству нѣсколько немаловажныхъ услугъ. Онъ углубился въ изученіе дипломатическихъ дѣлъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше забывалъ о своемъ миссіонерствѣ.

Въ душѣ онъ давно уже осудилъ себя за крайне необдуманнѣйшій поступокъ, за то, что въ такихъ молодыхъ годахъ рѣшился сдѣлаться монахомъ. Считаясь какъ бы членомъ посольства, онъ жилъ свѣтскою жизнью, перезнакомился со всею европейскою колоніей, веселился и совершенно забылъ о своемъ духовномъ званіи. Вспомнилъ онъ съ болью въ сердцѣ о немъ, когда неожиданно влюбился въ одну молоденькую гувернантку. Хотя онъ скоро замѣтилъ, что и онъ, повидимому, нравится ей, но объясниться въ любви онъ не рѣшился. Тайное страданіе отъ любви продолжалось года полтора. Вдругъ, однажды онъ узнаетъ, что семья, въ которой жила гувернантка, переѣзжаетъ въ Америку. Онъ не въ силахъ былъ сдержать своихъ чувствъ, полетѣлъ къ обожаемой имъ особѣ и объяснился ей въ любви. Та отвѣтила ему полной взаимностью. Было рѣшено, что она въ Америку не поѣдетъ и возвратится въ Россію, куда отправится и онъ хлопотать объ исключеніи его изъ монашескаго званія.

Мѣсяца черезъ три они ѣхали уже вмѣстѣ въ Европу на пароходѣ. Совмѣстная жизнь на пароходѣ окончательно ихъ сблизила.

Въ Марселѣ, гдѣ они остановились и прожили нѣсколько мѣсяцевъ, они выдавали себя уже за супруговъ. Изъ Марселя переѣхали въ Парижъ, гдѣ у нихъ родился сынъ. Время между тѣмъ шло. Вымышленная болѣзнь, подъ предлогомъ которой онъ проживалъ за границей, не могла же безконечно продолжаться. Денежныя сбереженія также сильно истощались. Приходилось ѣхать на родину.

Съ жуткимъ чувствомъ страха передъ будущимъ пріѣхалъ монахъ въ Петербургъ. Здѣсь, однако, онъ скоро убѣдился въ магическомъ вліяніи писемъ и рекомендацій его покровителя, посланника. Дѣятельность его на дипломатическомъ поприщѣ также хорошо была извѣстна въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ ему было дано обѣщаніе въ полученіи имъ назначенія на должность вице-консула, какъ только онъ исходатайствуетъ разрѣшеніе у духовнаго начальства выйти изъ монашескаго званія.

Несмотря на то, что Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, при посредствѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ особъ, былъ уже поставленъ въ извѣстность о дѣятельности монаха, какъ дипломата, и о его желаніи перейти на гражданскую службу, онъ долго не рѣшался ити къ этому всесильному оберъ-прокурору святѣйшаго синода. Онъ зналъ, что, если къ нему отнесутся съ чисто формальной точки зрѣнія, онъ ничего не добьется. Исключеніе изъ монашескаго званія влекло за собою, по закону, лишеніе права поступленія на государственную службу. Оставаться же монахомъ и разстаться съ горячо любимой имъ женщиной онъ не могъ.

Побѣдоносцевъ прінялъ его сначала сурово, потомъ смягчился, долго спрашивалъ его и велѣлъ наконецъ явиться къ нему черезъ нѣсколько дней. Черезъ недѣлю Побѣдоносцевъ объявилъ ему, что, въ виду желанія министра иностранныхъ дѣлъ назначить его на должность вице-консула, ему разрѣшается поступить на службу по дипломатической части, но только съ тѣмъ условіемъ, что онъ никогда не будетъ одѣвать монашеской рясы и не совершитъ болѣе ни одной требы. Въ этомъ онъ долженъ дать подписку.

Монахъ былъ на верху блаженства. Онъ хотя и надѣялся, но все-таки не ожидалъ такого быстрого и благополучнаго исхода. У него не хватало словъ для выраженія благодарности, слезы невольно полились изъ глазъ, и онъ не помнитъ, какъ благодарилъ и какъ ушелъ отъ Побѣдоносцева.

Обѣщаніе не считать себя монахомъ было оформлено подпиской. Министерство иностранныхъ дѣлъ, получивъ конфиденціальное сообщеніе, что со стороны духовнаго вѣдомства никакихъ возраженій не будетъ, окончившаго факультетъ восточныхъ языковъ причислило къ министерству. Черезъ нѣсколько дней у него на рукахъ было уже объ этомъ удостовѣреніе, выданное министерствомъ.

Устроивъ служебное положеніе, монахъ пожелалъ устроить и семейное. Послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ гдѣ-то священника, который удовлетворился упомянутымъ удостовѣреніемъ и выпискою изъ метрическихъ книгъ о рожденіи и повѣнчалъ его.

Когда состоялось назначеніе его на должность вице-консула, онъ подумалъ, что необходимо узаконить его сына. Присяжный повѣренный, къ которому онъ обратился, объяснилъ ему, что это возможно устроить только при представленіи въ окружный судъ извѣстныхъ документовъ. Между прочимъ его метрическое свидѣтельство и свидѣтельство о бракѣ непременно должны быть засвидѣтельствованы въ духовной консисторіи. Безъ засвидѣтельствованія консисторіи о правильности и вѣрности этихъ документовъ окружный судъ документовъ не приметъ и въ узаконеніи ребенка откажетъ.

— Вотъ въ какомъ я опять нахожусь затруднительномъ положеніи,—говорилъ вице-консулъ.—Въ дѣлахъ консисторіи имѣются свѣдѣнія, что я монахъ-миссіонеръ. Больше ей ничего неизвѣстно. Если въ консисторію попадетъ мое свидѣтельство о бракѣ, тамъ сейчасъ же наведутъ справки, и все откроется. И обвѣнчавшаго меня священника предадутъ суду, и бракъ мой расторгнуть и лишатъ меня сана. Можетъ быть, я долженъ буду исчезнуть среди какихъ-нибудь монастырскихъ стѣнъ. Однимъ словомъ, все то, чего я послѣ такихъ неимоверныхъ хлопотъ добился, все пойдетъ на смарку. Погибну не только я, но и жена и ребенокъ. Мнѣ страшно и подумать, что тогда будетъ. Конечно, благоразуміе говоритъ, что я немедленно долженъ уѣхать къ мѣсту службы и всякія дальнѣйшія хлопоты прекратить, но мнѣ не хочется оставить моего ребенка незаконнымъ. Дѣти у меня, вѣроятно, еще будутъ. Не могу же я допустить различія между ними въ правахъ, не могу подумать, чтобы когда-нибудь младшіе могли упрекнуть старшаго, что онъ незаконнорожденный. Просьба моя заключается въ томъ, чтобы окружный судъ удовлетворился документами, полученными мною отъ священника безъ приложенія на нихъ клейма духовной консисторіи, удостовѣряющаго правильность ихъ.

Выслушавъ откровенный разговоръ, я посоветовалъ вице-консулу подать прошеніе съ имѣющимися у него документами.

Послѣ подачи прошенія я, представляя вице-консула товарищу предсѣдателя гражданскаго отдѣленія, съ своей стороны, поддерживалъ просьбу его о заслушаніи дѣла его не въ очередь, въ виду того, что начальство вице-консула требуетъ его немедленнаго отъѣзда къ мѣсту служенія. Товарищъ предсѣдателя назначилъ къ заслушанію дѣла ближайшій присутственный день. Тогда я по секрету откровенно рассказалъ и товарищу предсѣдателя и членамъ суда объ исключительномъ положеніи этого дѣла.

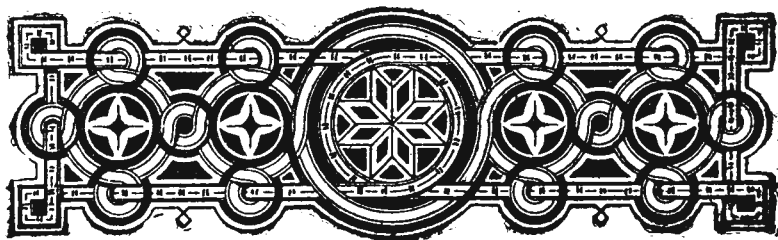
Представители судебной власти были отзывчивы на совершѣніе добраго дѣла. Черезъ нѣсколько дней была вынесена резолюція, въ которой объявлялось, что окружный судъ, принимая во вниманіе, что проситель долженъ немедленно выѣхать за границу къ мѣсту служенія и что поэтому онъ не имѣетъ времени для представленія дополнительныхъ справокъ изъ консисторіи, постановилъ: признать представленные документы достаточными и ребенка считать узаконеннымъ.

Прошла еще недѣля, и вице-консуль уѣхалъ. Больше я съ нимъ никогда не встрѣчался. Сначала до меня доходили слухи объ его выдающейся дѣятельности и повышеніи по службѣ, а потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ передали и объ его смерти.

М. Ф. Чулицкій.

ЦАРСКАЯ СОБАКА И ИМЕНИННЫЙ КРЕНДЕЛЬ,

(Быль).

В АПРѢЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1911 года былъ напечатанъ разсказъ «Собака царя-Освободителя», гдѣ эта собака сыграла нѣкоторую роль въ случаѣ съ авторомъ-провинціаломъ во время его пребыванія въ Петербургѣ. О той же собакѣ мнѣ пришлось слышать повѣствованіе въ одномъ знакомомъ семействѣ, не лишенное нѣкотораго бытового интереса, которое здѣсь и предлагается вниманію читателей, какъ дѣйствительная быль, при чемъ я обозначилъ только фамилію главнаго героя разсказа и его родныхъ первоначальною буквою М.

Гимназистъ М. въ одинъ прекрасный апрѣльскій день чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. На него сразу посыпались удачи. Во-первыхъ, по особому ходатайству родителей, онъ въ будничннй день, по случаю дня ангела высокопоставленной бабушки, былъ въ 12 часовъ дня освобожденъ отъ занятій, отпушенъ въ отпускъ и тѣмъ самымъ освобожденъ отъ самыхъ непріятныхъ для него двухъ послѣ рекреационныхъ уроковъ — изъ нѣмецкаго и греческаго языковъ, по которымъ онъ въ особенности былъ слабъ, по которымъ онъ непремѣнно долженъ былъ быть въ этотъ день спрошенъ и по которымъ онъ также обязательно долженъ былъ получить дурныя отмѣтки, что, въ свою очередь, грозило ему, въ виду того, что онъ былъ пансіонеромъ гимназіи, оставленіемъ «безъ отпуска на субботу». Уже одно такое самочувствіе для 13-лѣтняго гимназиста 3-го класса одной изъ самыхъ переклассическихъ гимназій было состояніемъ огромнаго блаженства, коему

остальной классъ долженъ былъ естественно завидовать. Но, кромѣ этого обстоятельства, тотъ день былъ для М. днемъ особливо важнымъ, однимъ изъ тѣхъ, которые остаются въ памяти на всю жизнь. Родители облагали его особенною миссіею, которую до того ежегодно отправляла его старшая замужняя сестра. Ему довѣрялось отнести бабушкѣ-имениницѣ домашній крендель, которому полагалось къ часу дня красоваться на столѣ, когда почтенная старушка вернется изъ церкви, сядетъ за свой любимый кофе и начнетъ принимать соотвѣтствующія поздравленія, начиная съ домашнихъ служащихъ, кончая приѣзжающими нарочито къ тому времени разными знакомыми и родственниками. При этихъ поздравленіяхъ крендель игралъ замѣтную роль, такъ какъ каждому поздравителю полагалось изъ рукъ старушки получать по куску его, причемъ всегда шла бесѣда объ особомъ секретѣ изготовленія тѣста для этого кренделя, секретѣ, который свято хранился въ нѣдрахъ семьи по преданію и переходилъ преемственно отъ одного поколѣнія къ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, походя, всегда упоминалось въ ласковыхъ выраженіяхъ, какъ и къмъ означенный крендель былъ доставляемъ, что опять-таки, въ свою очередь, обращало на нѣкоторое время доставившаго крендель въ центръ общаго вниманія. Такъ вотъ именно въ тотъ день, къ коему относится настоящее повѣствованіе, гимназисту М. предстояло стать центромъ этого вниманія, что, понятно, преисполнило его юную душу нѣкоторою гордостью и вселяло въ его голову разныя мысли и пробуждало разныя фантазіи. Какія?—трудно сказать, ибо, какъ извѣстно, постичь фантазію тринадцатилѣтнихъ гимназистовъ дѣло трудное и достаточно бесполезное.

Впрочемъ, это къ сути дѣла не относится; вѣрно лишь то, что когда въ 12 часовъ прозвонилъ звонокъ къ большой рекреациі, М., не медля ни одной минуты, бомбой вылетѣлъ вслѣдъ за учителемъ изъ класса, быстро перемѣнилъ въ дортуарѣ старенькій синій мундиръ на «выходной» новенькій, успѣлъ получить отъ нѣмца-воспитателя отпускной билетъ и въ половинѣ перваго предсталъ, запыхавшійся и красный, передъ мамашей за полученіемъ соотвѣтствующихъ распоряженій по доставленію знаменитаго кренделя.

— Смотри, носи крендель осторожно, не маши руками, не урони его, не останавливайся на улицѣ и, Боже избави, не опоздай къ бабушкѣ. Къ часу крендель долженъ быть на столѣ, а я сама буду черезъ четверть часа. Ну, иди съ Богомъ, скорѣе.

Таково было наставленіе матушки, съ нѣжностью взиравшей на своего сына. Отъ квартиры родителей до бабушки, идя черезъ Лѣтній садъ и по набережной на Троицкій, тогдашній деревянный, мостъ было ровно полчаса.

Съ дорогой ношей въ рукахъ, отъ которой его чуткій гимназическій носъ обонялъ прекрасный шафранный и миндальный запахъ даже черезъ обильную оберточную бумагу, отправился М. въ до-

рогу. Погода стояла великолѣпная, весеннее солнце ласково пригрѣвало, въ воздухѣ чувствовалась та возбуждающая бодрость, которая придавала походкѣ торжествующаго гимназиста особую скорость. Вотъ и знакомая рѣшетка Лѣтняго сада, ворота, стража сада, мостки, боковыя прогалины, по коимъ весело струилась вешняя вода... Знакомая для М. обстановка! Вѣдь онъ такъ часто ходилъ по дорожкамъ сада, направляясь къ бабушкѣ на Петербургскую сторону, а въ послѣднее время сюда же онъ съ особаго дозволенія начальства иногда путешествовалъ съ товарищами, съ спеціальной цѣлью встрѣтиться съ царемъ-Освободителемъ, чтобы молодецки стать передъ нимъ во фронтъ и отдать по военному честь. Государь какъ будто даже успѣлъ приглядѣться къ этой немногочисленной группѣ гимназистовъ и, проходя своимъ ровнымъ и твердымъ шагомъ мимо нихъ, ласково улыбался и привѣтливо кивалъ головою. Но на сей разъ М., поглощенный всецѣло семейною миссіею, совершенно забылъ о частыхъ встрѣчахъ съ царемъ и совершенно не замѣтилъ, что на одномъ изъ поворотовъ навстрѣчу ему обрисовалась знакомая мохнатая собака, всегда сопровождавшая государя на его обычныхъ прогулкахъ по Лѣтнему саду. Но если М. не замѣтилъ собаки, то шедшую сзади видную фигуру Александра II онъ не могъ не замѣтить, а потому быстро сошелъ съ досчатыхъ мостковъ аллеи, сталъ во фронтъ, отдалъ честь правою рукою, а лѣвую съ громаднымъ кренделемъ опустилъ внизъ. Государь замѣтилъ гимназистика, а также замѣтилъ въ опущенной рукѣ особой формы большой пакетъ.

— Что несешь и куда?—спросилъ Александръ II, задержавшись около М.

— Крендель къ бабушкѣ на именины,—уже испуганнымъ голосомъ отвѣтилъ М.

Государь слегка улыбнулся и, ничего не прибавивъ къ вопросу, направился далѣе. М., забывъ о кренделѣ, низко опущенномъ почти до земли, еще стоялъ, какъ бы подавленный и встрѣчей и разговоромъ съ самимъ царемъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сильно дернулъ его именно за лѣвую руку. Толчокъ былъ настолько силенъ, что онъ не въ состояніи былъ удержать въ рукахъ дорогой ноши, выпустилъ ее и, не понимая, что приключилось, растерянно сталъ озираться по сторонамъ. И каково же было его удивленіе, испугъ, и негодованіе, когда онъ увидѣлъ, что крендель, этотъ драгоценный именной крендель, около котораго роились еще такъ недавно его фантазіи, лежитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на землѣ, въ талой снѣжной лужѣ, а царская собака съ остервенѣніемъ рветъ облежавшую его бумагу и жадными зубами впилась въ пахучее шафранное и миндальное тѣсто.

Положеніе получилось, дѣйствительно, критическое и что въ данномъ случаѣ было предпринять М., врядъ ли бы кто и сейчасъ

могъ посовѣтовать, а посему и самъ герой повѣствованія, не зная, что начать, залился горячими слезами и забормоталъ сквозь всхлипыванія какія-то врядъ ли и самому понятныя слова, не то относя ихъ къ насыщавшемуся псу, не то къ безвыходности своего положенія... Но около него уже появились какіе-то невѣдомые статскіе, что-то быстро ему говорившіе, въ чемъ-то его уговаривавшіе, а вскорѣ послышался и знакомый голосъ государя. Статскіе исчезли, и снова М. очутился лицомъ къ лицу съ Александромъ II, замѣтившимъ исчезновеніе собаки, обернувшимся съ удивленіемъ назадъ, чтобы ее позвать, и увидавшимъ довольно неожиданную для него сцену, смыслъ которой, очевидно, понялъ сейчасъ же.

— Не плачь, не плачь, — ласково говорилъ императоръ. — Ты какой гимназіи?

М., всхлипывая, далъ должный отвѣтъ.

— Ну, ступай къ бабушкѣ, извинись передъ ней и скажи, что я во всемъ виноватъ: зачѣмъ вожу на прогулку не достаточно накормленную собаку. Расскажи ей все подробно.

И съ этими словами, отозвавъ своего пса, неохотно покинувшего вкусную пищу, ровнымъ и скорымъ шагомъ удалился отъ М.

Легко сказать: не плачь, я во всемъ виноватъ, а какъ быть съ кренделемъ и съ не исполненнымъ семейнымъ порученіемъ? Раздумывая такъ, бѣдный гимназистъ, всхлипывая, сталъ бережно собирать съ земли растерзанную посылку, приводить ее въ нѣкоторый порядокъ, но около него уже снова суетились статскіе въ соупутствіи уже военныхъ чиновъ, и на него сыпались вопросы: «О чемъ съ вами говорилъ государь императоръ? Отчего вы отвѣчали, не приложившись къ козырьку кепи? Куда вы шли?» и т. д. Въ конечномъ результатѣ всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ испуганнаго М. попросили, несмотря на всѣ его протесты, послѣдовать въ ближайшее полицейское управленіе. Что говорить объ испугѣ и ужасѣ юноши?.. Но какъ-никакъ, а пришлось слѣдовать и предстать передъ лицомъ высшаго полицейскаго чина, который послѣ цѣлаго ряда новыхъ вопросовъ мудро рѣшилъ, что воспитанника такой-то гимназіи «надлежитъ препроводить обратно въ гимназію для доклада директору обо всемъ происшедшемъ и о воспослѣдовавшемъ всемилостивѣйшемъ разговорѣ». Время шло и уже послѣ двухъ часовъ дня М., въ сопровожденіи дежурнаго полицейскаго чина средняго ранга, былъ все съ тѣмъ же истерзаннымъ царскою собакою кренделемъ препровожденъ въ гимназію, гдѣ, однако, на несчастіе его, директора дома не оказалось. Въ ожиданіи прибытія его превосходительства офицеръ, не отпуская отъ себя ни на минуту своего плѣнника съ кренделемъ, расположился въ пріемной. Вѣсть о возвращеніи М. подъ конвоемъ полицейскаго быстро облетѣла гимназію, и любопытствующіе стремились хоть однимъ глазомъ проникнуть за запертую дверь, гдѣ, согласно распаленному юному воображенію, должно

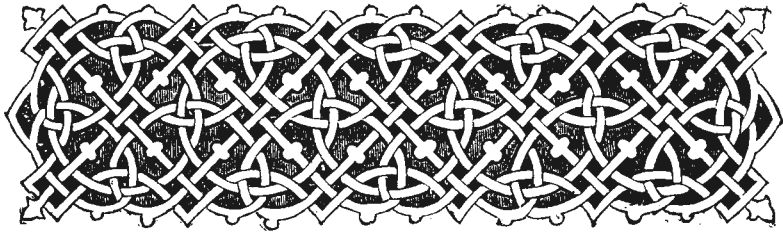
было совершаться нѣчто необычайное; таинственное, фантастическое...

Въ три часа вернулся съ обычной прогулки во ввѣренное ему учебное заведеніе его превосходительство, но къ тому же времени прибыла сюда и мать М., встревоженная отсутствіемъ сына и переконфуженная тѣмъ, что наслѣдникъ ея не оправдалъ передъ синклитомъ родныхъ возложенную на него миссію и испортилъ тѣмъ весь торжественный, издавна заведенный именной парадъ бабушки.

Директоръ М., подобострастно улыбающійся офицеръ съ докладомъ о «всемиловѣйшей бесѣдѣ», плачущій гимназистъ—такова была та оригинальная группа, которая заняла помѣщеніе пріемной мирной гимназіи. Какъ вдругъ быстро вошедшій швейцаръ взволнованнымъ голосомъ доложилъ директору, что изъ Зимняго дворца прибылъ офицеръ и спрашиваетъ о гимназистѣ М. Всѣ взоры устремились на входную дверь, въ которой появился необычный посланецъ съ громаднымъ пакетомъ въ рукахъ. Оказалось, что въ награду за испорченный собакою именной пирогъ М. былъ присланъ изъ кондитерской Кочкурова великолѣпный тортъ для передачи именинницѣ, лишившейся обычнаго кренделя, а самому М. въ награду за перенесенныя тревоженія нѣсколько фунтовъ лучшихъ конфетъ. Сѣрыя тучи разорвались, проглянуло солнце, и на лицахъ всѣхъ появилась улыбка. М. изъ плѣнника обратился въ героя дня и торжественно былъ отвезенъ расцвѣтшей отъ удовольствія матерью на Петербургскую сторону къ огорченной отсутствіемъ и внука и кренделя именинницѣ. Тортъ и конфеты были съ соотвѣствующимъ почтеніемъ скушаны въ тотъ же день, а когда М. вернулся на другой день въ гимназію, то одинъ изъ его товарищей-забиякъ пребольно его поколотилъ за то, что онъ «по жадности» никого изъ нихъ не угостилъ «царскимъ подаркомъ».

Г. Борисовъ.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ.

(Разсказъ военнаго судьи).

В ГОРОДѢ П., въ мѣстномъ гарнизонномъ собраніи, лѣтомъ 1907 г. засѣдала выѣздная сессія к—аго военно-окружнаго суда.

Во время перерыва одного изъ засѣданій предсѣдательствующему подана была телеграмма.

Генераль Ч—ій, сухой флегматичный старикъ, медленно приложилъ къ глазамъ пенснэ, раскрылъ депешу и, спокойно, безстрастно прочитавъ ее, подошелъ къ исправлявшему обязанности секретаря молодому судейскому чиновнику, отдалъ ему и проговорилъ:

— Телеграфируйте, пусть высылаютъ. Судь самъ посмотритъ и убѣдится съ помощью экспертизы...

Телеграмма была слѣдующаго содержанія: «Подсудимый казакъ Х. обнаружилъ признаки явнаго психическаго расстройства. Высылается актъ медицинскаго освидѣтельствованія его комиссіей врачей. Прошу указанія, отправлять ли Х. въ судъ. Военскій начальникъ полковникъ N».

Донской казакъ Х. былъ преданъ военно-окружному суду для сужденія по условіямъ военнаго времени за покушеніе на убійство изъ мести своего начальника, сотеннаго командира, и подлежалъ въ случаѣ признанія его виновнымъ смертной казни.

Дѣло было, слѣдовательно, серьезно, и потому понятно распоряженіе предсѣдателя, приказавшаго доставить подсудимаго, дабы судъ могъ лично самъ посмотрѣть и убѣдиться, дѣйствительно ли онъ боленъ.

Мы, временно назначенные въ сессію судьи, заранѣе справлялись у секретаря, какія дѣла предстоятъ къ разсмотрѣнію въ ближайшіе дни. Узнавъ, что черезъ три дня назначено къ слушанію дѣло казака Х., мы живо заинтересовались и, насколько можно было, постарались заблаговременно съ нимъ познакомиться.

По мотивамъ своимъ преступленіе представлялось дѣйствительно нѣсколько загадочнымъ и тѣмъ въ большей мѣрѣ задѣвало наше любопытство.

Въ назначенный для суда день мы собрались ранѣе обыкновеннаго, именно съ цѣлью лучше присмотрѣться къ подсудимому и основательнѣе познакомиться съ деталями и обстоятельствами дѣла.

Засѣданіе открылось. Предсѣдательствующій объявилъ, что слушанію подлежить дѣло о казакѣ нумера такого-то донского казачьяго полка Х., обвиняемомъ въ покушеніи на убійство начальника.

Конвоиры съ оголенными пашками ввели въ залъ подсудимаго.

Противъ судейскаго стола, возлѣ скамьи остановился средняго роста коренастый человѣкъ, съ темнорусыми, длинными, подрѣзанными въ скобку, какъ у всѣхъ казаковъ, волосами, съ большими сѣрыми, уныло и разсѣянно глядѣвшими по сторонамъ глазами. Въ нихъ не отражалось ни обычнаго любопытства къ обстановкѣ и находящимся въ залѣ людямъ, ни робости, ни боязни. Казалось, вошедшій былъ ко всему равнодушенъ, и на красивомъ, но безжизненномъ лицѣ его застыла тупая апатія.

— Назови свое имя и фамилію,—обратился къ нему предсѣдательствующій.

— Имя?.. пугливо векинувъ глазами, спросилъ Х.:—какое имя? У меня нѣтъ имени...

— Ты казакъ Архипъ Х?.. Какой станицы?

— Станицы?..

Онъ началъ какъ будто что-то припоминать.

— Да станицы, должно, Курской...

— Что ты глупости говоришь,—строго замѣтилъ генераль:—какой тамъ Курской! Ты казакъ станицы Каменской.

— Нѣтъ,—грустно покачавъ головой, отвѣтилъ тотъ:—Курской...

— А въ какомъ полку служишь?

Х. не отвѣтилъ, только медленно отрицательно покачалъ головой.

— Женатъ?

— Нѣтъ, нѣтъ...—заспѣшилъ подсудимый:—зачѣмъ же? Нѣтъ, не женатъ...

Х. заволновался и заерзалъ на мѣстѣ. Глаза его тревожно забѣгали по сторонамъ, и намъ показалось, что въ нихъ заблестѣли слезы.

— Получилъ ли копію обвинительнаго акта?—продолжалъ машинально допрашивать предсѣдательствующій.

Но Х. уже ничего не отвѣчалъ. Онъ повернулся въ противоположную сторону и разсѣянно сталъ разглядывать висѣвшіе по стѣнамъ картины и портреты.

Я внимательно присматривался къ подсудимому во все время предварительнаго допроса его, и впечатлѣніе получилъ самое неопредѣленное. То мнѣ казалось, что онъ дѣйствительно помѣшанный, то вдругъ приходила въ голову мысль, что это такъ ловко симулируется помѣшательство.

Во всякомъ случаѣ интересъ къ дѣлу возросъ, и мы съ нетерпѣніемъ начали слѣдить за ходомъ процесса.

Секретарь приступилъ къ чтенію обвинительнаго акта.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Сотенный командиръ Донского казачьяго полка, квартирующаго въ городѣ К—ѣ, есауль Е. однажды утромъ производилъ за городомъ, на полѣ, ученье своей сотнѣ въ конномъ строю. Возлѣ мѣста ученья находилась небольшая густая рощица, примыкавшая къ городской площади, на которой были казармы полка.

Въ то время, какъ сотня въ колонномъ строю дѣлала рысью заѣздъ, а командиръ ея, сидя на конѣ и указывая направленіе, поднялъ вверхъ обнаженную саблю, изъ опушки роци раздался выстрѣлъ. Пуля просвистѣла надъ строемъ сотни и, расщепивъ лезвіе сабли сотеннаго командира въ нижней ея части, ранила его въ большой палецъ правой руки, покоившійся на эфесѣ сабли.

Сотня невольно остановилась безъ всякой команды. Казаки растерялись. Никто ничего не предпринималъ. Но не растерялся самъ сотенный, есауль Е. Онъ тотчасъ же энергично двинулъ сотню «лавою» и приказалъ оцѣпить роцу. Распоряженіе возымѣло свое дѣйствіе. У выходной къ городской площади и казармамъ опушки роци былъ остановленъ казакъ Х. Онъ шелъ въ казармы медленно и какъ будто спокойно. Въ правой рукѣ его была винтовка, стволъ которой въ дульной части еще дымился отъ только что произведеннаго выстрѣла.

Послѣ короткаго отпирательства Х. тутъ же сознался, что это онъ стрѣлялъ. На вопросъ: зачѣмъ?—отвѣтилъ просто, что хотѣлъ убить сотеннаго.

Дальнѣйшихъ разъясненій не могли получить отъ Х., такъ какъ онъ упорно отмалчивался.

Преступленіе казака Х. всѣхъ въ сотнѣ очень изумило, въ виду отсутствія сколько-нибудь вѣскихъ къ тому поводовъ. Х. былъ старательный и добрый казакъ. Никакихъ особенныхъ провинностей за нимъ не числилось. Сотенный командиръ, есауль Е., къ нему относился хорошо, да и самъ казакъ Х. не разъ въ разговорѣ съ товарищами высказывалъ, что сотенный ихъ командиръ, «точно отецъ родной, никого не обижаетъ»...

Одинъ только маловажный фактъ имѣлъ мѣсто и могъ до нѣкоторой степени возбудить неудовольствіе Х. къ своему начальнику. Недѣли за двѣ до преступленія Х. опоздалъ на занятія, и есауль Е. наказалъ его постановкой подъ ружье. Однако подобныя дисциплинарныя взысканія считались до всякой сотнѣ дѣломъ зауряднымъ и ужь никакъ не могли вызвать какого-либо озлобленія со стороны виновныхъ.

При всей, однако, скромности и добрыхъ качествахъ казака Х. за нимъ замѣчались и странности. Онъ былъ слишкомъ мало общительнымъ съ товарищами. Случалось, по цѣлымъ днямъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Бывалъ безпричинно грустенъ и уединялся на цѣлые часы въ своемъ уголку. Повидимому, онъ жилъ тогда въ собственномъ міркѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ окружающей дѣйствительностью.

На допросѣ у военнаго слѣдователя казакъ Х. не объяснилъ ничего новаго; онъ все время почти молчалъ, но виновности своей не отрицалъ, говоря, что «стрѣлялъ для того, чтобы убить сотеннаго».

Во время чтенія обвинительнаго акта казакъ Х. былъ совершенно спокоенъ и велъ себя такъ, какъ будто все, что читалось, вовсе не относилось къ нему. По временамъ онъ окидывалъ какимъ-то грустнымъ и разсѣяннымъ взглядомъ залъ засѣданія и, какъ бы убѣдившись, что въ немъ нѣтъ ничего занимательнаго, поворачивался кругомъ и направлялся къ выходу. Но стражи его останавливали, вновь поворачивали лицомъ къ суду и призывали къ порядку.

Послѣ прочтенія акта председательствующій предложилъ подсудимому обычный вопросъ о виновности. Казакъ Х. не то промычалъ, не то промямлилъ что-то непонятное и опустилъ внизъ глаза.

Въ виду такой неопредѣленности въ отвѣтѣ подсудимаго судъ постановилъ допросить свидѣтелей.

Послѣ присяги, наставленій священника и председательствующаго и прочихъ формальностей, начался допросъ. Предъ нашими глазами прошло нѣсколько товарищей по сотнѣ казака Х., его взводный, урядникъ и вахмистръ. Всѣ они просто и безъ разногласій подтвердили изложенное въ обвинительномъ актѣ, не прибавивъ ничего новаго. Всѣ, какъ одинъ, не находили вѣскихъ поводовъ къ такому тяжкому со стороны Х. преступленію. Подтверждали, что казакъ онъ былъ усердный и исполнительный, и сотенный командиръ «никакого зла ему не дѣлалъ». Нѣкоторые изъ товарищей казаковъ, впрочемъ, намекали въ своихъ показаніяхъ, что Х. былъ «чудной». Онъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ дружить и сблизаться, «все въ своей конурѣ сидѣлъ» да работалъ (онъ зналъ сапожное мастерство).

Подсудимый на показанія свидѣтелей возраженій никакихъ не дѣлалъ и вообще продолжалъ вести себя такъ, какъ будто все это къ нему не относилось.

Когда закончился допросъ свидѣтелей, предѣдательствующій объявилъ перерывъ засѣданія для медицинскаго освидѣтельствования подсудимаго особо призванными экспертами. Это были опытные врачи-психіатры мѣстной земской лечебницы I—къ и Г—хъ.

Освидѣтельствованіе происходило въ совѣщательной комнатѣ, въ присутствіи суда въ полномъ его составѣ. Сначала шло словесное испытаніе посредствомъ вопросовъ врачей о прежней жизни подсудимаго. Тотъ отвѣчалъ по большей части безсвязно и бессмысленно, такъ что въ его словахъ нельзя было разобраться. Подчасъ получались настоящіе курьезы. Выходило, что онъ родился въ несуществующей станицѣ Курской, на службу поступилъ въ станицѣ Урюпинской, а теперь его судили въ станицѣ Каменской... Потомъ испытывали степень его чувствительности и способность къ реагированію на всевозможныя съ нимъ эволюціи. Ему вкладывали глубоко въ горловину ложку, и, къ нашему удивленію, у X. не обнаруживалось ни малѣйшаго позыва къ рвотѣ, напротивъ, онъ былъ спокоенъ, какъ будто съ нимъ ничего не предѣлали. Вонзали въ оголенную спину длинную иглу, и свидѣтельствуемый тоже не обнаруживалъ ни малѣйшей чувствительности.

При намѣреніи экспертовъ привлечь его вниманіе какими-либо звуками или зрѣлищемъ, слухъ его, какъ видно, не улавливалъ ничего, а взглядъ оставался попрежнему пустымъ и бессмысленнымъ.

По возобновленіи засѣданія судъ съ большимъ вниманіемъ выслушалъ заключеніе экспертовъ. Психіатры доложили, что по тѣмъ объективнымъ признакамъ, которые доступны были ихъ наблюденію при условіяхъ ограниченнаго времени, даннаго для экспертизы, они не могутъ точно и опредѣленно сказать, насколько серьезно и какой именно формой душевной болѣзни страдаетъ подсудимый казакъ X. Однако, при освидѣтельствovanіи подсудимаго они нашли ясные признаки того, что онъ можетъ быть одержимъ одной изъ двухъ наиболѣе распространенныхъ формъ психическаго расстройства—дегенеративной или эпилептической. Точно опредѣлить видъ и форму душевнаго заболѣванія возможно лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія больного въ какомъ-либо спеціальному лечебному заведеніи. Если послѣ такого испытанія у казака X. будетъ констатирована наличность одной изъ названныхъ выше формъ психическаго расстройства, то тогда можно положительно настаивать на томъ, что совершенное шесть недѣль назадъ преступленіе не должно быть вѣнено ему въ вину, въ виду безусловнаго вліянія на такомъ незначительномъ промежуткѣ времени остраго психическаго аффекта.

Такое, оставляющее послѣ себя извѣстную долю сомнѣнья заключеніе экспертовъ вызвало, какъ и можно было ожидать, цѣлый рядъ вопросовъ со стороны обвиненія и защиты. Прокуроръ интересовался, въ чемъ собственно ими усмотрѣны признаки дегенератив-

ной и эпилептической формъ заболѣванія, и требовалъ категорическаго отвѣта экспертовъ, дѣйствительно ли въ данное время подсудимый одержимъ психическимъ разстройствомъ и въ какой именно формѣ его, а также, увѣрены ли эксперты, что подсудимый не симулируетъ. На это получился слѣдующій отвѣтъ:

— Для насъ, врачей, почти нѣтъ сомнѣнъя, что казакъ боленъ психическимъ разстройствомъ. Но категорически удостовѣрить это предъ судомъ и опредѣлить форму заболѣванія, за ограниченностью времени испытанія больного, не можемъ. Было бы также нецѣлесообразно съ нашей стороны ручаться, что здѣсь совершенно отсутствуетъ симуляція. Мы судимъ по объективнымъ признакамъ, а въ глубь души человѣка заглянуть не можемъ...

Защита, съ своей стороны, тоже старалась извлечь изъ экспертизы болѣе или менѣе надежную для себя точку опоры. Защитникъ согласился съ экспертами, что категорически удостовѣрить предъ судомъ наличие и форму психическаго заболѣванія подсудимаго для нихъ дѣйствительно затруднительно. Въ такомъ случаѣ не пожелаютъ ли они высказать свое личное убѣжденіе, какъ врачи-спеціалисты?

— Мы уже имѣли честь заявить, — отвѣчалъ старшій экспертъ: — что для насъ, врачей, почти нѣтъ сомнѣнъя, что подсудимый психически разстроенъ...

— Почти нѣтъ сомнѣнъя, или нѣтъ сомнѣнъя?.. — продолжалъ допытываться защитникъ.

— Да, можно сказать, что нѣтъ никакого сомнѣнъя...

— Больше я ничего не имѣю, — коротко заявилъ защитникъ и углубился въ лежавшія передъ нимъ бумаги.

Въ своемъ заключеніи прокуроръ подчеркнул, что экспертиза, ссылаясь на ограниченность времени освидѣтельствованія, не дала рѣшительнаго и вполнѣ опредѣленнаго заключенія, былъ ли въ состояніи невмѣняемости подсудимый въ моментъ совершенія имъ преступленія.

«Эксперты лишь витали», по его мнѣнію, «въ области догадокъ и возможностей». А потому, принимая во вниманіе, что факта болѣзненнаго состоянія подсудимаго въ моментъ совершенія имъ преступленія показаніями ихъ не установлено, представитель обвиненія полагалъ «дѣло по сѣуществу дальнѣйшимъ слушаніемъ продолжать».

Защитникъ, молодой, недавно выпущенный изъ академіи капитанъ Б—ій, произнесъ горячую рѣчь о необходимости «дѣло дальнѣйшимъ слушаніемъ прекратить», сдѣлавъ постановленіе объ отдачи подсудимаго казака Х., какъ явно страдающаго психическимъ разстройствомъ, обусловливающимъ невмѣняемость совершеннаго имъ преступленія, на болѣе или менѣе продолжительное испытаніе въ психіатрическую лечебницу съ тѣмъ, что если онъ окажется

дѣйствовавшимъ во время преступленія въ полномъ умѣ и сознаниі, то тогда уже продолжать судить его по суровымъ законамъ военнаго времени. Защитникъ всей подкупающей силой своей логики и краснорѣчья старался убѣдить въ этомъ предсѣдателя и судей и рисовалъ предъ ними страшную картину казни человѣка, совершившаго преступленіе въ тяжеломъ припадкѣ душевной болѣзни...

Подъ такимъ тяжелымъ двойственнымъ впечатлѣніемъ мы, судьи, удалились въ совѣщательную комнату для рѣшенія серьезнѣйшаго вопроса о томъ, признать ли экспертизу врачей-психіатровъ достаточной для сужденія о болѣзненномъ состояніи подсудимаго казака Х., и въ этомъ случаѣ сдѣлать постановленіе о прекращеніи дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла и объ отдачѣ казака Х. на испытаніе въ психіатрическое лечебное заведеніе, или, напротивъ, результатъ экспертизы, какъ неопредѣленный и не дающій положительнаго отвѣта на вопросъ о невмѣняемости, отвергнуть, и дѣло по существу дальнѣйшимъ слушаніемъ продолжать.

Въ первомъ случаѣ подсудимый Х., поступивъ на испытаніе въ лечебное заведеніе, имѣлъ всѣ шансы на полное освобожденіе отъ суда и слѣдствія, а, слѣдовательно, и наказанія, а во второмъ—участь его предрѣшалась безповоротно, такъ какъ въ случаѣ продолженія разсмотрѣнія дѣла по существу приговоръ могъ быть только одинъ, то есть смертный, причемъ, въ виду особыхъ правилъ объ ограниченіи времени конфирмаціи приговоровъ по такимъ дѣламъ, казнѣ Х. должна была бы произойти не далѣе трехъ дней со дня объявленія приговора въ окончательной формѣ.

Престарѣлый генераль Ч—ій былъ человѣкомъ воплощенной доброты, и каждое тяжелое наказаніе, налагаемое судомъ, онъ искренно чувствовалъ и въ душѣ оплакивалъ пострадавшаго. Но продолжительное служеніе дѣлу правосудія наложило на всю его officialную дѣятельность суровую складку. «Законъ прежде всего», было девизомъ этого вѣрнаго стража закона. Онъ былъ человѣкомъ черстваго и неумолимаго долга, и этому послѣднему не могъ измѣнить ни ради личной симпатіи, ни ради милосердія, ни состраданія.

— Господа!—сказалъ онъ, когда мы вошли въ совѣщательную комнату:—вы судьи совѣсти и вліять на ваше убѣжденіе не въ моихъ правилахъ. Однако, какъ предсѣдательствующій суда и старый опытный юристъ, я¹ считаю необходимымъ напомнить, что вы стоите лицомъ къ лицу съ серьезнымъ положеніемъ, изъ котораго тѣмъ не менѣе долгъ велить вамъ выйти съ честью. Преступленіе казака Х. съ военной точки зрѣнія велико. Оно вопіетъ о наказаніи. Намъ вполне понятно, почему распоряженіемъ командующаго войсками онъ отданъ для сужденія по законамъ военнаго времени намъ... Если вы, не признавъ, подобно представителю обвиненія, экспертизы вѣской, выскажетесь за продолженіе слушанія дѣла,

подсудимый понесетъ законную кару, и правосудіе будетъ удовлетворено, такъ какъ тягчайшее изъ воинскихъ преступленій—преступленіе противъ дисциплины, самой природы и существа военной службы,—не останется безнаказаннымъ. Если же, напротивъ, виявъ словамъ экспертовъ въ положительномъ смыслѣ и принявъ близко къ сердцу рѣчь защитника, вы выскажетесь за пріостановленіе разбора дѣла и за отдачу подсудимаго казака Х. на испытаніе въ лечебное заведеніе, то надъ строгимъ, законнымъ наказаніемъ его будетъ поставленъ крестъ, и подсудимый навсегда уйдетъ отъ правосудія. Я говорю это убѣжденно, такъ какъ по опыту знаю, что въ гражданскихъ лечебныхъ заведеніяхъ преувеличенно относятся къ строгостямъ военной дисциплины и суда, и тамъ всегда свѣжа тенденція къ признанію сомнительнаго больного военнаго дѣйствительно больнымъ и дѣйствовавшимъ въ моментъ совершенія имъ преступленія въ состояніи аффекта и полной невмѣняемости. Не воздѣйствуя поэтому на вашу совѣсть, господа, я прошу, взвѣсьте все сказанное мною, оцѣните оба пути предстоящаго вамъ рѣшенія и не упускайте изъ виду, что вы прежде всего военные судьи и долгъ вашъ поднять и поддержать попорченную преступленіемъ воинскую дисциплину, а съ нею и престижъ нашей службы.

Предсѣдательствующій кончилъ и, давъ нѣкоторое время на раздумыванье, принялся отбирать голоса.

Мнѣ, какъ младшему, предстояло высказаться въ первомъ номерѣ.

Сознавая всю важность момента, я съ бьющимся сердцемъ, слегка дрожавшимъ голосомъ, но твердо и убѣжденно сказала:

— Я за прекращеніе дѣла и отдачу подсудимаго казака Х. на испытаніе въ лечебное заведеніе.

Я втайнѣ былъ увѣренъ, что мой голосъ, какъ первый и притомъ полный убѣжденія, увлечетъ за собой голоса прочихъ членовъ и присоединитъ ихъ мнѣнію къ моему.

Но какъ же я былъ изумленъ и встревоженъ, когда вслѣдъ за мной слѣдующій по очереди судья съ не меньшей, чѣмъ я, убѣжденностью, громко произнесъ:

— Я за продолженіе слушанія дѣла.

Слѣдующій то же самое. Еще слѣдующій тоже за продолженіе.

— Конечно, я присоединяюсь къ мнѣнію большинства,—закончилъ предсѣдательствующій,—и подаю голосъ за продолженіе слушанія дѣла.

При этомъ онъ взялъ бланкъ для написанія постановленія.

Во мнѣ какъ будто что-то оборвалось и заняло отъ боли. Все свершилось слишкомъ скоро и неожиданно. Къ такому концу я не былъ совсѣмъ подготовленъ. Я думалъ, что всѣ солидарны со мной. И я не допускалъ, чтобъ можно было быть другого мнѣнія. Но если не всѣ были согласны со мной, то несогласными я могъ

считать одного, наконецъ, двухъ, не больше. А тутъ весь составъ суда оказался иначе мыслящимъ!..

Невольно рождалось тягостное чувство по отношенію къ подсудимому. Итакъ, все кончено. Черезъ три дня должна свершиться казнь человѣка, который, хотя и сдѣлалъ злое дѣло, но сдѣлалъ его безсознательно, быть можетъ, по болѣзненному внушенію или въ горячечномъ умоизступленномъ припадкѣ. Повѣсять или разстрѣляютъ больного!.. Нѣтъ, съ такимъ положеніемъ не могъ примириться разсудокъ и совѣсть судьи, и въ глубинѣ души выросталъ протестъ.

Нѣтъ, такъ оставить этого нельзя было. Слѣдовало что-нибудь сдѣлать, на что-нибудь рѣшиться... Не можетъ быть, чтобъ всѣ эти умудренные опытомъ жизни, убѣленные сѣдинами и познавшіе много горя люди были такъ черствы и безучастны, что не видѣли за своимъ ослѣпленіемъ всего того ужаса, который скрывался за ихъ черствостью; который сами же они готовили! Имъ надо напомнить только, что они готовы сдѣлать роковую непоправимую ошибку, предостеречь отъ нея, сказать, что еще есть время направить дѣло по другому, и они, я надѣялся, тотчасъ согласятся со мной.

И я попытался это сдѣлать.

— Господа... какъ же такъ?.. А если онъ дѣйствительно тяжело боленъ и, какъ предполагаютъ врачи, въ состояніи аффекта совершилъ свое преступленіе, то, вѣдь, казнь его явится тогда дѣломъ безчеловѣчнымъ... И на комъ, спрашиваю васъ, будетъ кровь этого несчастнаго человѣка?

Я говорилъ съ волненіемъ и, съ трудомъ сдерживая себя, невольно вздрагивалъ при каждомъ словѣ. Моя нервная приподнятость сообщилась и другимъ, и на нѣкоторое время воцарилось общее страшное молчаніе.

— Пожалуй, до извѣстной степени вы правы...—смущенно прервалъ молчаніе одинъ изъ судей:—если онъ и вправду психически разстроенъ,—что же тогда?.. Мы судьи совѣсти... Лучше сдѣлать ошибку въ пользу подсудимаго, чѣмъ во вредъ ему... Нѣтъ, послѣ серьезнаго раздумыванья я беру свои слова обратно... Я за пріостановленіе дѣла!—рѣшительно закончилъ онъ.

Мнѣ вдругъ показалось, что нѣчто свѣтлое, хорошее начинаетъ освѣнять меня. Я тайно радовался своей побѣдѣ и тутъ же про себя рѣшилъ сказать еще что-нибудь и въ послѣдній разъ постучаться къ сердцамъ судей, авось, не все еще потеряно, и спасеніе человѣка возможно.

— Господа... Не день, не два, а всю жизнь насъ будетъ мучить совѣсть, въ случаѣ, если казнимъ человѣка больного, а, слѣдовательно, ни въ чемъ не повиннаго... Господа, зачѣмъ же такая поспѣшность?.. Если онъ, сверхъ ожиданія, окажется не больнымъ, а притворяющимся, то, все равно, не уйти ему отъ суда и не мино-

вать смертной казни. Но тогда каждый из нас или других послѣ насъ судей со спокойной совѣстью подпишетъ приговоръ. Теперь же, когда ничего, какъ слѣдуетъ, не выяснено, смертный приговоръ можетъ явиться преждевременнымъ, жестокимъ и ничѣмъ уже неизгладимымъ актомъ. Провѣримъ себя, господа, въ послѣдній разъ, дѣйствительно ли съ чистой совѣстью можно подписать этотъ приговоръ?

Все время продолжалось гробовое молчаніе. Я слышалъ каждое свое слово, хорошо понималъ, что съ моей стороны, какъ самаго младшаго, хотя и искренно, но, пожалуй, слишкомъ смѣло выступать съ порицаніемъ дѣйствій членовъ суда, и ожидалъ, что вотъ-вотъ предѣлательствующій сдѣлаетъ мнѣ по этому поводу предостереженіе и попросту «оборветъ», прекративъ мои ни для кого не нужныя сентенціи.

Но, къ удивленію, никто не возражалъ, всѣ слушали меня внимательно и серьезно.

Какъ только я окончилъ, всѣ сразу заговорили, обмѣниваясь своими мыслями порывисто, страстно. Поднимались подобно бурѣ короткіе жаркіе споры и тотчасъ же прекращались.

И вотъ, среди отрывистыхъ голосовъ и отдѣльныхъ возгласовъ, выдѣляются слова, наполняющія сердце мое новымъ восторгомъ.

Еще одинъ изъ судей отказывается отъ ранѣе высказаннаго мнѣнія и присоединяется къ намъ.

— Ну, Богъ съ нимъ,—говоритъ онъ:—можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ мы ошибаемся... Я тоже за отправленіе подсудимаго на испытаніе и за прекращеніе дѣла дальнѣйшимъ слушаніемъ!

Теперь положеніе дѣла рѣзко и счастливо измѣнилось. Намъ было трое, мы оказались въ большинствѣ.

— Такъ что же, господа,—раздался спокойный голосъ предсѣдательствующаго:—это послѣднія и рѣшительныя слова? Измѣненія не будетъ?..

— Да, рѣшительныя!—въ одинъ голосъ отвѣчали всѣ.

— Ну, что жъ, счастливъ его Богъ!—замѣтилъ генераль и, взявъ въ руки листъ бумаги, сталъ поспѣшно писать постановленіе.

Я хранилъ молчаніе и ничѣмъ не выдавалъ своего настроенія, но въ глубинѣ души ощущалъ великую радость.

Страшное дѣло казни, готовое вотъ-вотъ свершиться, было приостановлено, и я съ восторгомъ сознавалъ, что здѣсь моя помощь и я одинъ поспособствовалъ этому.

Черезъ короткое время объявлено было постановленіе о прекращеніи разбора дѣла и объ отдачи подсудимаго на испытаніе въ лечебное заведеніе. Казакъ Х. былъ спасенъ отъ смерти.

Дѣйствительно, какъ потомъ узнали, онъ былъ на испытаніи въ земской лечебницѣ и выступилъ оттуда со свидѣтельствомъ о паличности душевной болѣзни.

На этомъ основаніи навсегда былъ освобожденъ отъ суда и слѣдствія.

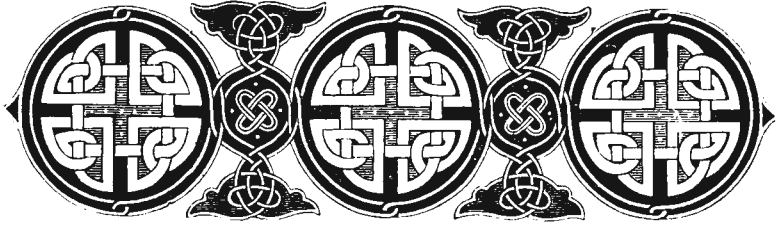
Я не знаю, можетъ быть, было бы и лучше, чтобы насильственная смерть въ видѣ казни заранѣе прекратила тяжелыя душевныя муки этого несчастнаго человѣка. Но все же я былъ глубоко удовлетворенъ и радовался чистою радостью, спасши жизнь его.

День объявленія приговора о приостановленіи дѣла X. я считалъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни.

А. Писанецкій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНСКИХЪ МѢСТАХЪ.

I.

НТЕРЕСЪ къ Пушкинскимъ мѣстамъ въ русскомъ обществѣ замѣтно усиливается. Посѣщая изрѣдка, какъ любитель природы, этотъ живописный уголокъ Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи, я убѣдился изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, что число пріѣзжающихъ сюда почитателей великаго поэта увеличивается съ каждымъ годомъ. Это обстоятельство учла братія Святогорскаго монастыря и теперь строить въ своей оградѣ гостиницу для посѣщающихъ могилу, дорогу каждому мало-мальски образованному россіянину.

Я не собираюсь описывать подробно послѣднюю поѣздку въ Святыя Горы, въ с. Михайловское и Тригорское, которую совершилъ въ маѣ этого года совмѣстно съ профессоромъ военно-медицинской академіи А. Н. Шкаринымъ. Обстоятельное и разностороннее описаніе Пушкинскаго уголка уже сдѣлано талантливыми и серьезными знатоками эпохи великаго поэта. Я хочу только передать свои личныя впечатлѣнія отъ поѣздки, а также отмѣтить тѣ перемѣны, которыя я нашель здѣсь со времени своего перваго посѣщенія «уголка».

Жаркое весеннее утро 14-го мая. Мы ѣдемъ со станціи черезъ городъ Островъ. Изъ садовъ несутся ароматы цвѣтущей сирени; яблони, вишни и сливы отъ обильнаго цвѣта кажутся запушенными снѣгомъ.

Городокъ этотъ не игралъ никакой роли въ жизни Пушкина, и поэтъ совсѣмъ не упоминаетъ его имени въ своихъ твореніяхъ, хотя

неоднократно проѣзжалъ здѣсь. Поэтому мы равнодушно ѣдемъ черезъ городъ и, остановившись лишь на нѣсколько минутъ взглянуть на полуразрушенныя стѣны и башенки псковской старины на островѣ, образуемомъ р. Великою, выѣзжаемъ на прямое, какъ стрѣлка, опочечное шоссе.

Нашъ возница родомъ изъ деревни въ 20—25 верстахъ отъ Св. Горъ и Михайловскаго.

— Былъ ты въ Михайловскомъ?—спрашиваю его.

— Нѣ, не приходилось.

— А знаешь ли ты, кто похороненъ въ Св. Горахъ.

— Господь его знаетъ; окромя монаховъ, значить, и изъ посада хоронять.

— А слыхалъ ты про Пушкина?

Я нарочно не сказалъ, кто былъ Пушкинъ.

— Нѣ, у насъ нѣту такого барина; здѣсь вотъ Корсаковы есть, Баландины, баронъ (Розенъ),—и онъ назвалъ еще двѣ-три фамиліи.

Нашъ возница не былъ извозчикомъ по профессіи, но и возившій меня за два года передъ этимъ въ Св. Горы островскій извозчикъ также не слыхалъ про Пушкина. Пушкина знаютъ въ Св. Горахъ, въ Михайловскомъ, быть можетъ, въ другихъ мѣстечкахъ Пушкинскаго угла. За предѣлами же послѣдняго имя Пушкина окрестному населенію совершенно незнакомо.

Мнѣ приходилось немало сталкиваться съ псковскими мужичками, и я думаю, что едва ли гдѣ-либо въ Россіи можно найти болѣе темное и певѣжественное населеніе, чѣмъ въ Псковской губерніи.

Прямое, какъ стрѣлка, бѣжитъ шоссе въ южномъ направленіи мимо зеленыхъ еще ржаныхъ полей, луговъ, деревень, пересѣкаетъ рощи и лѣсочки, переваливаетъ черезъ горки, перебѣгаетъ черезъ рѣчки... Пейзажи такъ и просятся подъ кисть талантливаго художника вродѣ покойнаго Крыжицкаго.

Вотъ рѣка Синая; Усть-Синскій погостъ, при впаденіи ея въ Великою, первое мѣсто по пути въ Пушкинскій уголокъ, связанное съ именемъ поэта. Онъ упоминаетъ однажды о своей ночевкѣ въ Усть-Синскѣ. Рѣка Синая красиво вьется среди холмистой мѣстности. Высокіе берега рѣки опрокидываютъ въ гладь ея раскидистые дубы и ивы, склонившіеся надъ рѣкой.

Около почтовой станціи Новгородка, гдѣ мы сворачиваемъ къ востоку на Новоржевское шоссе, мы ѣдемъ нѣсколько верстъ по рѣдкой дубовой рошѣ—остаткамъ росшихъ здѣсь нѣкогда могучихъ дубовыхъ лѣсовъ.

II.

Святые Горы—это островокъ песчаныхъ холмовъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, среди безконечной, слегка волнующейся равнины полей и луговъ. Съ холмовъ этихъ почти во всѣ стороны открывается

видѣ на равнины, какъ съ прибрежныхъ дюнъ на море. Я такъ и представляю себѣ, что въ силлурійскую или другую эпоху, когда сѣверно-русская низменность была покрыта моремъ, эти мѣста ранѣе другихъ окрестностей поднялись изъ воды и море наметало здѣсь песчанья дюны.

Вотъ среди этихъ-то холмовъ и пріютился Святогорскій монастырь съ примыкающимъ къ нему посадомъ Тоболенцомъ. Говорятъ, что Стефанъ Баторій, идя на Псковъ по этимъ мѣстамъ, не замѣтилъ—тогда еще совсѣмъ молодого—монастыря, хорошо укрытаго своими горками, и послѣдній, такимъ образомъ, спасся отъ серьезныхъ непріятностей.

По пріѣздѣ въ Св. Горы мы тотчасъ же идемъ въ монастырь и поднимаемся на Святую гору къ великой могилѣ.

Послѣ ремонта къ столѣтнему юбилею рожденія Александра Сергѣевича она содержится въ порядкѣ. Со времени моего перваго посѣщенія Св. Горъ въ 1908 г. приведены въ порядокъ также могилы Ганнибаловъ и настоятеля монастыря о. Геннадія, хоронившаго поэта. Вся Святая гора со стороны могилъ подкрѣплена внизу каменной стѣнкой, такъ какъ въ послѣднее время она стала оползать, грозя разрушеніемъ не только могиламъ, но и соборной Успенской церкви.

Что слѣдовало бы еще сдѣлать, такъ это уничтожить безчисленныя воронья гнѣзда на высокихъ липахъ вокругъ могилъ. Непрерывный и пронзительный птичій гвалтъ слишкомъ ужъ рѣзко нарушаетъ святость и тишину живописнаго мѣста вѣчнаго покоя.

— Отчего вы не уничтожите гнѣздъ?—спросилъ я сопровождавшаго насъ монаха:—вѣдь это такъ легко сдѣлать, чтобы покончить съ невыносимымъ шумомъ.

Монахъ такъ ничего и не могъ мнѣ отвѣтить. Очевидно, ему и въ голову не приходила подобная мысль.

Теплый весенній вечеръ смѣняетъ жаркій день. Мы поднимаемся на горку къ бельведеру, чтобы полюбоваться видомъ засыпающаго монастыря и посада; внизу подъ нами темнымъ зеркаломъ отсвѣчиваетъ озеро, единственное оставшееся изъ нѣсколькихъ бывшихъ среди здѣшнихъ горокъ и исчезнувшихъ окончательно уже на памяти мѣстныхъ старожиловъ.

III.

Рано утромъ мы выѣзжаемъ въ село Михайловское. Спустившись съ святогорскихъ холмовъ, вскорѣ же достигаемъ опушки Михайловскаго лѣса. Впечатлѣнія слѣдуютъ одно за другимъ. Сначала ѣдемъ по мачтовому сосновому лѣсу, который смѣняется затѣмъ аллеей вѣковыхъ елей; сплетаясь между собой, вѣтви елей образуютъ надъ головой непрерывный сводъ, дающій прохладу и

зеленый полумракъ въ самый жаркій и свѣтлый лѣтній день. Отсюда въѣзжаемъ сразу на веселый дворъ господскаго дома, обсаженный кустами жасмина и сирени въ полномъ цвѣтѣ и дикимъ виноградомъ, свѣшивающимся гирляндами между декоративными деревьями.

Но лучшее ждетъ насъ впереди. Мы огибаемъ господскій домъ и выходимъ на площадку передъ террасой. Въ рамкѣ вѣковыхъ деревьевъ внизу подъ нами искрится озеро съ извилистыми холмистыми берегами, поросшими кое-гдѣ рошицами. За озеромъ убѣгаютъ въ синія дали ярко-зеленыя поля, перелѣски, прерываемые темными пятнами деревень и хвойныхъ лѣсовъ. Здѣсь звучитъ наивысшій аккордъ красоты простой русской природы, и мы благодарны ей за благотворное вліяніе на ростъ и развитіе таланта великаго русскаго поэта.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, село Михайловское, съ его 800 десятинами земли, изъ которыхъ около 600 десятинъ лѣса, выкуплено казной отъ наслѣдниковъ А. С. Пушкина, кажется, за 140.000 руб. и передано въ вѣдѣніе дворянства Псковской губерціи. Здѣсь ведется лѣсное и полевое хозяйство и на доходы отъ нихъ будетъ содержаться Пушкинская колонія.

Управляющій-эстонецъ сопровождаетъ насъ въ нашемъ паломничествѣ по Пушкинской вотчинѣ.

Единственной реликвіей поэта въ Михайловскомъ, кромѣ липовой аллеи, является флигель, гдѣ онъ любилъ жить съ своей няней—Ариной Родіоновной.

— Нынче будутъ ставить на флигель деревянную покрывку, — говорить управляющій.

Прекрасная мысль—иначе черезъ 10—15 лѣтъ отъ флигелька остались бы однѣ гнилушки.

Управляющій показываетъ намъ два вновь выстроенныхъ флигеля и главный домъ, возстановленный на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1908 году.

— Здѣсь, въ этихъ двухъ флигеляхъ открывается нынче, 26 мая, въ день рожденія Пушкина, пріютъ для литераторовъ, учителей и учительницъ,—объясняетъ онъ:—а въ главномъ домѣ будутъ музей, библіотека и читальня имени Пушкина.

Я видѣлъ старый домъ, ничего, впрочемъ, не сохранившій отъ временъ поэта, такъ какъ былъ перестроенъ вплоть до фундамента. Новый домъ представляетъ точную копію стараго, но безъ обширныхъ людскихъ, которыя для музея и читальни, конечно, ненужны.

IV.

Изъ Михайловскаго въ Тригорское—имѣніе Осиповыхъ, гдѣ поэтъ былъ постояннымъ гостемъ П. А. Осиповой,—дорога идетъ сначала лѣсомъ, спускаясь къ берегу озера, а затѣмъ поднимается

на горки, на опушку лѣса. Сюда къ тремъ соснамъ ходилъ поэтъ мечтать и наслаждаться мирнымъ пейзажемъ уходящихъ въ даль полей, среди которыхъ на трехъ горкахъ бѣлѣютъ двѣ церкви села и погоста Вороницы и на фонѣ вѣкового парка выдѣляются постройки Тригорскаго.

Мнѣ не пришлось видѣть воспѣтыхъ поэтомъ сосенъ, сожженныхъ уже давно пастухами; я видѣлъ на ихъ мѣстѣ молодые побѣги на выравненной квадратной площадкѣ, обнесенной простой деревянной оградой.

Я ищу глазами знакомое мѣсто—слѣва, почти у дороги,—но, кромѣ сплошнаго ржаного поля, ничего различить не могу.

Выйдя изъ экипажа, я вхожу въ рожь. Крикъ негодованія невольно вырывается у меня.

— Боже мой, какое варварство.—И я зову своихъ спутниковъ.— Посмотрите, господа, уничтожены всѣ слѣды любимаго мѣста поэта. Побѣги отъ сосенъ Пушкина вырваны, ограда сломана и мѣсто запахано.

Отвѣтственность за такое пренебреженіе къ памяти поэта должна быть всецѣло возложена на лицъ, стоящихъ во главѣ завѣдыванія Михайловскимъ имѣніемъ. Сейчасъ еще можно возстановить мѣсто сосенъ по сохранившимся слѣдамъ канавки вокругъ площадки, но черезъ годъ-два всѣ слѣды этого мѣста исчезнутъ навсегда. Неужели это случится?

Мы снова садимся въ экипажъ, ѣдемъ по полямъ ржи версты двѣ и, поднявшись на горку, останавливаемся у крыльца господскаго дома въ Тригорскомъ.

М. И. Пальмовъ, арендующій имѣніе Тригорское уже въ теченіе 27 лѣтъ, неизмѣнно любезно показываетъ всѣмъ посѣтителемъ этотъ домъ, сохранившійся неприкосновеннымъ отъ временъ Пушкина. Образы Татьяны и Ольги витаютъ здѣсь незримо. Вотъ у этой террасы съ колоннами, выходящей въ садъ со стороны р. Сороти, Татьяна впервые увидѣла Онѣгина, въ этой угловой комнатѣ съ видомъ на село Вороницы и поля мечтала и вздыхала Татьяна, въ этой залѣ произошла роковая ссора двухъ друзей...

Мы ходимъ по комнатамъ, и М. И. показываетъ намъ мебель, сохранившуюся отъ временъ поэта.

— Вотъ за этимъ письменнымъ столомъ, — говоритъ онъ, — работалъ поэтъ, когда жилъ здѣсь лѣто въ банькѣ, что въ паркѣ у Сороти. Почитатели поэта понемногу срѣзываютъ клеенку, покрывающую столъ. Приходилось мнѣ посылать кусочки клеенки и по заказу.

Мы ѣдемъ въ старый паркъ Тригорскаго, привольно раскинувшійся по высокому и крутому берегу Сороти.

Виды—въ рамкѣ древесныхъ великановъ парка—на рѣку, вьющуюся по холмистой мѣстности среди полей и рощъ, чаруютъ

глазъ своей мирной красотой. Недаромъ поэты — пріятели Пушкина—Языковъ и Баратынскій, проводившіе лѣто въ этой банькѣ, отъ которой теперь остался одинъ фундаментъ, воспѣли красоты береговъ Сороти. Въ самомъ паркѣ съ именемъ поэта связаны вѣковые береза, дубъ и ель; послѣдняя, имѣющая въ обхватѣ на высотѣ человѣческаго роста до 5 аршинъ, является рѣдкимъ патриархомъ растительнаго царства.

V.

Еще дорогой мы справлялись, жива ли послѣдняя современница А. С. Пушкина Акулина Ларіоновна, дочь священника села Вороницы, Слухи были противорѣчивы: говорили, что уже она умерла, что еще жива, но уже впала въ слабоуміе.

Мы обратились съ тѣмъ же вопросомъ къ М. И. Пальмову.

— Старушка еще жива,—отвѣтилъ онъ,—и еще зимой была настолько бодрѣ, что поднималась сюда ко мнѣ. Но на этихъ дняхъ она заболѣла, кажется, серьезно, и едва ли вамъ придется поговорить съ ней.

Мы все-таки рѣшаемъ идти къ старушкѣ. Изъ Тригорскаго намъ приходится сначала спуститься на нижнюю дорогу, чтобы затѣмъ подняться на гору въ Вороницы, гдѣ болѣе 90 лѣтъ живетъ Акулина Ларіоновна.

Низенькая хатка въ одну комнату. Бѣдность, видимо, страшная. Нѣсколько бабъ и два парня сидятъ на лавкахъ. За пологомъ слышится старческій хриплый кашель.

Насъ встрѣчаетъ дочь Акулины Ларіоновны, тоже почти старушка.

— Мамаша все время была здорова,—говоритъ она.—Дней пять тому назадъ она, должно быть, простудилась и съ тѣхъ поръ лежитъ, хрипитъ, уже три дня ничего не ѣсть и проситъ только квасу.

Она отдернула пологъ кровати, и мы увидѣли худенькую старушку съ изможденнымъ лицомъ, лежащую подъ ворохомъ одѣяль и одежды. Больная стонала, тяжело ворочалась; по временамъ хриплый кашель потрясалъ все худенькое тѣло старушки.

А. Н. Шкаринъ выслушалъ больную.

— Воспаленіе легкихъ,—сказалъ онъ.—Удивительное сердце для такого возраста. Однако положеніе старушки очень опасно, и едва ли она выздоровѣетъ.

А. Н. прописалъ рецептъ, далъ наставленія для ухода за больной и по просьбѣ дочери снялъ со старушки фотографію, быть можетъ, послѣднюю въ ея жизни.

— Не пережить ей дня, по нашимъ, значить, примѣтамъ,—говоритъ стоящая рядомъ со мной баба, и сосѣдки ея киваютъ головой.

Дочь Акулины Ларионовны провожаетъ насъ, горько жалуясь на тяжелую жизнь.

— Выживаютъ насъ давно съ этого мѣста,—говоритъ она,— такъ какъ мѣсто церковное. Вотъ теперь мамаша помретъ, придется, видно, уходить.

Яркій, ликующій весенній день гонитъ мысль о смерти.

— Неужели 15 мая 1911 года — послѣдній день жизни послѣдней современницы, лично знавшей нашего великаго поэта?—думается мнѣ.— Неужели сегодня въ этой хаткѣ обрывается послѣдняя живая нить, связывающая насъ съ отцомъ русской поэзіи и литературы?

Мы садимся въ экипажъ и, выѣхавъ на Новоржевское шоссе, ѣдемъ обратно въ Островъ уже по знакомымъ мѣстамъ.

Почитатели великаго русскаго поэта и любители русской природы, поѣзжайте весной или лѣтомъ въ Пушкинскій уголокъ. Вы вынесете яркія впечатлѣнія отъ этой поѣздки, которую изъ Петербурга легко можно совершить въ два дня въ сравнительно сносныхъ условіяхъ.

В. Г. Вейденбаумъ.

ЕЩЕ СТРАНИЧКА О ПОЭТѢ БОЖІЕЙ МИЛОСТІЮ.

БѢДНЫЙ Фофанъ!—такъ выразился о себѣ Константинъ Михайловичъ Фофановъ въ предсмертномъ, полусерьезномъ, полупутливомъ стихотвореніи, какъ бы предчувствуя, что судьба, сурово относившаяся къ нему при жизни, не измѣнитъ своего отношенія къ нему и тогда, когда его не станетъ.

И дѣйствительно, весьма мало трогавъ русское общество своимъ жалкимъ въ продолженіе цѣлаго ряда долгихъ лѣтъ существованіемъ гдѣ-нибудь на окраинахъ Лигова или Сергіева, не очень глубоко поразили его бѣдный Фофановъ и своей не менѣе жалкой кончиной въ одинокой палатѣ василеостровской лечебницы. Печать хотя отмѣтила горестную потерю, понесенную родной поэзіей, обильнымъ потокомъ некрологовъ и статей, но всѣ почти некрологи и статейки, составленные, разумѣется, въ обычномъ для «надгробныхъ словъ» тонѣ, съ примѣсью извѣстнаго количества слезливыхъ нотокъ, особеннаго потрясенія, однако, не выражали и заканчивались чѣмъ-то въ родѣ упрека, что покойный поэтъ никогда не замѣчалъ того, что дѣлалось вокругъ него, и что онъ, какія бы невзгоды ни переживались родиной, ни о чемъ, кромѣ звѣздъ и ландышей, не пѣлъ. Какъ будто всѣ тѣ, которые брали перо въ руки, чтобы почтить память скончавшагося поэта, предварительно наводили справки въ энциклопедическомъ словарѣ, гдѣ утверждается, между прочимъ:.... «крайне ограниченный кругъ его (Фофанова) поэтическаго творчества свидѣтельствуетъ о томъ, что у него нѣтъ ни достаточно широкаго образованія, ни достаточно широкаго круга идей; онъ остается чуждымъ цѣлой

области общественных интересов и стремлений, лежащих за пределами того тесного мірка, въ которомъ замыкается его мысль».

Правда, авторъ помѣщенной въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статьи «Поэтъ Божіей милостию» старается поколебать общее мнѣніе печати о Фофановѣ заявленіемъ, что, «отказываясь отъ борьбы за общественность, за гражданственность, онъ, конечно, какъ сынъ своего времени, какъ физическій индивидуумъ, не могъ оставаться отъ современности совершенно въ сторонѣ, и у его ближайшихъ пріятелей имѣются тому его стихотворныя доказательства». Но стихотворныя доказательства, имѣющіяся только у ближайшихъ пріятелей поэта, могли быть неизвѣстными большей части писавшихъ о Фофановѣ и тѣмъ менѣе обыкновенной публикѣ.

Между тѣмъ стоитъ только перелистать нѣкоторыя изъ періодическихъ изданій, гдѣ Константинъ Михайловичъ печаталъ свои стихотворенія за послѣднія пять-шесть лѣтъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ вовсе не отличался способностью проходить мимо такихъ явленій общественной жизни, которыя всякаго другого удерживаютъ на то или иное время передъ собой. И для этого не требуется даже копаться въ какихъ-нибудь безвѣстныхъ журнальчикахъ, давно прекратившихъ свое безцѣльное существованіе, а слѣдуетъ только просмотрѣть «Новое Время» за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ 1905 года.

Наступили октябрьскіе дни, въ воздухѣ повѣяло свободой. Первою почувствовала ее вѣковая плѣнница—русская печать. Общество возликовало и, какъ членъ этого общества, возликовалъ и Фофановъ, откликнувшійся на великое событіе стихотвореніемъ «Перо»:

Перо, перо! орудье Бога,
Орудье сердца и ума,
Твоя просторнѣе дорога,
Твоя законнѣе тревога—
Блѣднѣй невѣжество и тьма.

Ты—мечъ, карающій насилье,
Ты—громъ надъ ложью вѣковой.
Твои свершились усилья—
И вижу правильную боль я
На свиткѣ, писанномъ тобой!

Не уставай, не охлаждайся,—
Буди, волнуясь, и учи,
Восторгамъ правды отдавайся,
Къ запретнымъ тайнамъ порывайся
И сѣй восторги и лучи.

Не мечъ вселенную устроить,
Не бой къ блаженству приведетъ—
Все, что любить и славить стоитъ,
Въ одну гармонию настройтъ
Перо,—летя изъ рода въ родъ.

Это «Перо» ¹⁾, несомнѣнно, нисколько не слабѣе, но много граціознѣй и мягче стихотворенія, написаннаго въ отвѣтъ на то же событіе О. Чюминой, но, не въ примѣръ Фофановскому, попавшаго во всѣ сборники декламационной поэзіи. Думаю, что читатели ничего не будутъ имѣть, если я приведу это стихотвореніе для сравненія съ нимъ «Пера».

Вотъ оно:

Свободное слово, безсмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во мракѣ былого;
Ты въ рабствѣ томилось въ теченье вѣковъ,
На пыткѣ, въ темницѣ, подъ гнетомъ оковъ.

Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча.

Свободное слово, великое слово,
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скалѣ пригвожденный титанъ Прометей—
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей.

Но цѣпь распадется—ты смѣло воспрянешь
И, сильное правдой, любовью, добромъ,—
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ.

Слѣдовательно, радость по поводу неожиданнаго воскресенія свободного слова одинаково настроила какъ лиру Чюминой, такъ и лиру Фофанова, оказавшагося не менѣе отзывчивымъ къ явленію общественно-гражданской жизни, чѣмъ его собрать по литературной дѣятельности, всегда отличавшійся такой отзывчивостью.

Но почти одновременно съ свободою слова произошли другія событія. Потухло электричество, стали желѣзныя дороги, пересталъ дѣйствовать водопроводъ, раздались выстрѣлы. И у Фофанова опять слагается стихотвореніе:

Въ городѣ все страшно, темно, какъ въ могилѣ,
Порваны всѣ нити, порваны пути;
Умираетъ разумъ, трудъ рабочій въ силѣ,
Но ему дороги къ правдѣ не найти.

Гордые соблазны, горькія измѣны,
Всѣ вдругъ поднялися, накипью полны,
Страшенъ шумъ и холодъ взбушевавшей пѣны,
И жестокъ безумный хохотъ изъ волны.

¹⁾ «Новое Время», 1905 г., № 10651.

Чась насталь возмездья! Страшный чась отмщенья!
Волею народа вспыхнула гроза.
Никого не тронетъ слово примиренья,
Никому не надо честная слеза.

Слава отошедшимъ, радость не рожденнымъ,
Горе тѣмъ, кто видитъ судороги мукъ!
Братья! не пора ли словомъ просвѣщеннымъ
Утишить безумства дикаго недугъ. ¹⁾

Въ этихъ строфахъ кой-какая несуразность: съ одной стороны— «волею народа вспыхнувшая гроза», а съ другой— «безумства дикаго недуга», но, очевидно, въ поэтѣ боролись два чувства— уваженіе къ «отошедшимъ» и отвращеніе къ «безумному хохоту изъ волны». Какъ бы то ни было, это стихотвореніе безусловно гражданскаго характера и свойства. Событія, перечисленные выше, заставили Фофанова задуматься не только надъ настоящимъ, но и надъ будущимъ:

Что-то будетъ у насъ впереди и куда намъ итти?
Мірѣ такъ много страдалъ, человѣчество плакало много
И съ безумьемъ во взорѣ, съ тоскою на трудномъ пути
Въ блѣдныхъ призракахъ сердца искало то правду, то Бога.

Низвергались царства и вновь созидались они,
Создавались кумиры и въ прахъ низвергались снова,
Сѣрый мракъ уносилъ лучезарно расцвѣтшіе дни,
Боевые мечи заглушали свободное слово.

Мірѣ изъ бездны вставалъ, колебался надъ бездною вновь
И отвѣта просилъ у судьбы—но судьба молчалива.
И распятая правда, сожженная злобой любовь
Вознеслись маяками—и блещутъ надъ бездною пугливо.

Наконецъ приведу небольшую пьесу «Отошедшимъ», написанную поэтомъ, судя по стройности мысли и чеканности стиха, въ чась истиннаго творческаго вдохновенія. Вотъ она:

Отходятъ старыя глашатаи свободы
Подъ своды вѣчныя, подъ гробовыя своды—
И лавры провожаютъ ихъ,
И смерти торжеству внимаютъ скорбь живыхъ!
Они родилися въ мятушіея годы,
Въ дни предрасудковъ роковыхъ,
Въ тѣ дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мракъ отчизны дорогой...
Отъ нихъ порвалися гнилого рабства звенья,
Отъ нихъ повѣялъ духъ благого просвѣщенья
Надъ пробужденною страной.

¹⁾ Тамъ же, № 10672.

Попятна ихъ борьба, разумна ихъ тревога,
 Благословенъ ихъ трудный путь;
 Страдая и любя, они творили много,
 Ихъ есть чѣмъ помянуть! ¹⁾

Кажется, и этихъ нѣсколькихъ стихотвореній вполне достаточно, чтобы разсѣять сложившееся мнѣніе о Фофановѣ, какъ о глухонѣмомъ въ отношеніи современныхъ стремленій и переживаній родины.

Собирая и воспроизведя ихъ, я вовсе не задавался цѣлью реабилитировать передъ кѣмъ-либо память Фофанова и тѣмъ менѣе имѣлъ въ виду приписать ему ту роль, которой онъ никогда не разыгрывалъ и которая въ общемъ была ему совершенно чужда. Мнѣ хотѣлось только нѣсколько полнѣе возстановить образъ покойнаго поэта, умѣвшаго, какъ оказывается, быть доступнымъ не только личнымъ тревогамъ и волненіямъ, но и тому, что тревожило и волновало Россію.

Въ заключеніе разскажу про свою случайную и единственную встрѣчу съ Фофановымъ, произошедшую въ концѣ 1905 г. или—теперь хорошенько не припомню—въ началѣ 1906 года. Дѣло было подъ вечеръ. Я занимался въ секретарской комнаткѣ редакціи выходившаго въ то время еженедѣльнаго журнала «Родная Нива», при которомъ тогда выпускались и другія періодическія изданія, нынѣ также уже не существующія. Вдругъ въ комнату, несмотря на протесты редакціоннаго сторожа, врывается неопредѣленныхъ лѣтъ субъектъ въ потертомъ и выцвѣтшемъ пальто (дѣло было зимой, стояли морозные дни), въ маленькой, съѣхавшей на затылокъ барашковой шапкѣ и суетъ мнѣ какую-то бумажку.

Я до тѣхъ поръ никогда не видалъ Фофанова, а знакомый всѣмъ портретъ его со значкомъ въ петлицѣ (помѣщенъ въ іюньской книжкѣ этого журнала) мало напоминалъ стоявшаго передо мною. Прежде, чѣмъ принять изъ рукъ столь необычнаго посѣтителя бумажку, я выразилъ свое удивленіе по поводу того, что онъ считаетъ излишнимъ снять шапку.

— Ну, шапка снята!—крикнулъ онъ глухимъ голосомъ, бросивъ шапку на столъ передъ самымъ моимъ носомъ. При этомъ я почувствовалъ, что незнакомецъ явился сюда прямо изъ трактира съ крѣпкими напитками. Румянецъ его лица, странно сверкающіе глаза, наконецъ, возбужденность голоса подтверждали прямое сообщеніе между трактиромъ и редакціей.

Я развернулъ бумагу, попытался было разобраться въ набросанныхъ на ней нѣсколькихъ десяткахъ строкъ, но тотчасъ же убѣдился, что прочесть мнѣ ничего не удастся: это не были слова,

¹⁾ Оба стихотворенія цитируются мною по сборнику Вл. Бончъ-Бруевича: «Избранныя произведенія русской поэзіи». Спб. 1908 г.

буквы, а какіе-то зигзаги, линіи, мало напоминавшіе русское письмо. Разобрать можно было только заглавіе—«Карты».

— Хорошо, я передамъ редактору,—сказалъ я, чтобы освободиться отъ посѣтителя.

— Какъ, а мнѣ сейчасъ деньги нужны?!—какъ-то дико закричалъ онъ, отдавая меня виннымъ паромъ.

Въ это время пришелъ издатель журнала и, увидѣвъ посѣтителя, почтительно протянулъ ему руку.

— Что, принесли кое-что, Константинъ Михайловичъ?

— Стихотвореніе, вотъ сейчасъ написалъ, да не принимаетъ, говорить, редактору передамъ, а мнѣ деньги нужны,—тѣмъ же возбужденнымъ голосомъ отвѣтилъ Фофановъ, указывая на меня. Издатель взялъ бумажку и, повторивъ мою неудачную попытку разобраться въ ней, обратился къ поэту:

— Какъ вамъ не совѣстно, Константинъ Михайловичъ, писать теперь о картахъ?

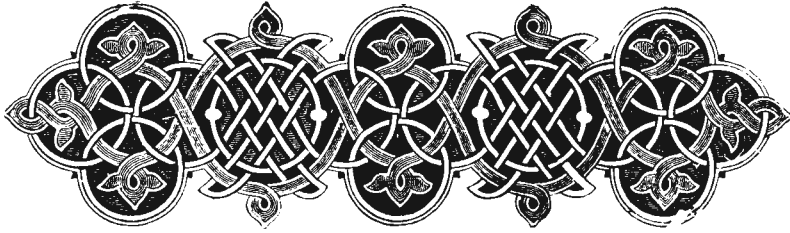
— Картахъ? что жъ, карты...

Фофановъ не докончилъ отвѣта, схватилъ со стола свою шапку и, намѣреваясь, очевидно, выйти изъ комнаты, неожиданно опустился на первый попавшійся стулъ. Онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову и глядя въ далекій уголь. Только что злой, возбужденный и безсмысленный, онъ казался теперь кроткимъ, жалкимъ и задумчивымъ.

Издатель досталъ изъ бумажника трехрублевку и протянулъ ее Константину Михайловичу. Фофановъ, какъ бы нехотя, принялъ ее и, не говоря ни слова, удалился.

И. Г.

ЛЕЧЕНИЕ УДАРАМИ НАГАЙКИ У КИРГИЗОВЪ.

РАЗЛИЧНЫХЪ народовъ, какъ извѣстно, существуетъ множество различныхъ пріемовъ, употребляемыхъ «знахарями» при леченіи всевозможныхъ болѣзней; однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ по крайней своей дикости и незатѣйливости является описываемый ниже способъ леченія ударами нагайки, наблюдавшійся мною у киргизовъ Сыръ-Дарьинской области, насколько мнѣ извѣстно, не описанный до сихъ поръ въ этнографической литературѣ.

Способъ этотъ практикуется только въ одномъ уголкѣ Туркестана—въ селеніи Сайрамѣ Чимкентскаго уѣзда, отстоящемъ отъ города Чимкента и большого ташкентъ-вѣрненскаго тракта на разстояніи двѣнадцати верстъ.

Сайрамъ представляетъ собою въ настоящее время большой сартовскій кишлакъ (поселокъ) съ оживленной торговлей хлѣбомъ и скотомъ, куда по субботамъ, въ базарный день, стекается масса народа со всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ и киргизскихъ ауловъ. Въ прежнія же времена Сайрамъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ городовъ Туркестана, въ которомъ будто бы насчитывалось до 300 тысячъ хлѣбопашцевъ.

Между цѣлымъ рядомъ развалинъ древнихъ сайрамскихъ мечетей, частью реставрированныхъ, частью же вполне разрушившихся, среди многочисленныхъ гробницъ сартовскихъ святыхъ (ауліэ) ничѣмъ по внѣшнему виду не отличается гробница святого «Кокташъ-ата», расположенная на высокомъ, правомъ берегу рѣки Сайрамъ-су: та же лѣпная глиняная односкатная постройка, безъ оконъ, съ одною дверью, въ которой находится могила, тотъ же ло-

скутъ бѣлой матеріи, подвѣшенный въ видѣ флага къ длинному шесту, тѣ же тряпки всевозможныхъ цвѣтовъ, въ изобиліи навѣшанныя на вѣтвяхъ деревьевъ, окружающихъ эту гробницу. Но здѣсь-то именно и производить свои своеобразныя терапевтическія манипуляціи мѣстная знаменитость — киргизъ Чимкентскаго уѣзда Досмагометъ Косяковъ—личность единственная въ своемъ родѣ, такъ какъ ему дана свыше способность излечивать цѣлый рядъ болѣзней... ударами нагайки!

Перешагиваніе сокуча черезъ пациентку киргизку.

Знахаря этого туземцы называютъ «сокучъ», что въ буквальномъ переводѣ означаетъ «бьющій», человекъ, профессія котораго—бить.

Сюда по субботамъ стекается множество больныхъ, причемъ преобладающимъ элементомъ являются киргизки, такъ какъ сокучъ считаетъ себя специалистомъ, главнымъ образомъ, по женскимъ болѣзнямъ.

Лечить сокучъ также и бѣшенство—вѣрнѣе не лечитъ, а предохраняетъ отъ заболѣванія послѣ укуса бѣшеными животными.

Лечебный сеансъ длится не болѣе минуты и заключается въ слѣдующемъ: пациентъ смиренно подходитъ къ сокучу, отвѣшиваетъ на почтительномъ отъ него разстояніи поясной поклонъ, сбрасываетъ съ ногъ свою верхнюю обувь и безмолвно, не произнося ни единого слова, ложится плашмя на землю; сокучъ подходитъ къ

лежащему боку, перешагиваетъ черезъ него разъ, затѣмъ круто поворачивается, перешагиваетъ снова и, наконецъ, въ третій разъ. Во время каждого перешагиванія сокучь слегка дотрагивается пяткой своей ноги спины пациента. Перешагнувъ три раза черезъ пациента, сокучь останавливается и трижды ударяетъ по спинѣ лежащаго нагайкой, неразлучно находящейся при немъ, послѣ чего сеансъ считается законченнымъ, пациентъ поднимается и платитъ гонораръ за «леченіе». Бѣдняки покупаютъ для его лошади нѣсколько сноповъ люцерны, богатые же одариваютъ сокуча болѣе

Удары нагайкой по спинѣ двухъ рядомъ лежащихъ киргизокъ.

щедро: кто приводитъ ему барашка, женщины нерѣдко снимаютъ съ себя серебряный браслетъ. Общее же правило—платить за сеансъ не менѣе 20 копеекъ.

Иной разъ у сокуча наблюдается такое скопленіе пациентовъ, что онъ для сбереженія времени упрощаетъ свой лечебный приемъ: онъ приказываетъ лечь плашмя на землю сразу нѣсколькимъ лицамъ и перешагиваетъ трижды черезъ весь рядъ больныхъ одновременно. Послѣ ударовъ нагайки весь этотъ рядъ поднимается на ноги, уплачиваетъ гонораръ и замѣняется новымъ рядомъ ожидающихъ очереди пациентовъ.

Закончивъ свой «приемъ», сокучь медленными, лѣнивыми шагами направляется подъ тѣнь вѣтвистаго дерева къ разостланной

кошмѣ, гдѣ, въ ожиданіи новыхъ паціентовъ, принимается за опустошеніе безконечнаго количества чашекъ чая, который ему учтиво преподноситъ прислуживающій въ ближайшей чай-ханѣ сартенокъ.

Ни до сеанса, ни во время его совершенія, ни, наконецъ, послѣ него сокучъ ни единымъ словомъ не обмолвливается съ паціентами—онъ даже хотя бы изъ простаго приличія не спрашиваетъ ихъ, съ какимъ недугомъ они къ нему обращаются; а больные туземцы съ безграничнымъ довѣріемъ идутъ къ нему, подставляя свои спины подъ удары его нагайки, невзирая на то, что въ полуверстѣ отъ амбулаторіи сокуча находится врачебный (прежде фельдшерскій пунктъ) съ крупною вывѣскою: «медицинская помощь безплатно».

Слава о сокучѣ гремитъ среди туземцевъ по всему Туркестану; какъ мнѣ передавали, къ нему въ Сайрамъ пріѣзжали иногда даже больные изъ Акмолинской области. Туземцы же Чимкента и окрестностей особенно расхваливаютъ сокуча, какъ специалиста по предупреденію заболѣванія бѣшенствомъ, отговаривая иногда своихъ знакомыхъ, укушенныхъ бѣшеными животными, отъ леченія прививками на пастеровской станціи въ Ташкентѣ.

Секретъ популярности сокуча, какъ специалиста по бѣшенству, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что къ его содѣйствію прибѣгаютъ укушенные вообще собаками, вовсе и не бѣшеными,—конечно, такіе паціенты и не заболѣваютъ водобоязною.

Что же касается другихъ болѣзней, то, напримѣръ, нѣкоторыя нервныя заболѣванія онъ, вѣроятно, въ состояніи излечивать, благодаря искренней, непоколебимой вѣрѣ паціентовъ въ его чудодѣйство. Что же касается остальныхъ болѣзней, съ которыми паціенты приходятъ къ сокучу, то здѣсь играетъ роль исключительно подражаніе, традиція...

У Досмагомета Косякова три сына, и всѣ они послѣ смерти отца получаютъ по наслѣдству отъ него даръ излечивать больныхъ, подобно тому, какъ и ихъ отецъ получилъ эту «способность» отъ дѣда. Такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ (Досмагомету подѣ 50 лѣтъ) въ Туркестанскомъ краѣ будутъ подвизаться три сокуча, которые будутъ продолжать «дѣло» своего отца по части грубаго и беззаастѣнливаго надувательства малокультурныхъ туземцевъ. Хорошо, если къ тому времени культура настолько коснется аборигеновъ Туркестана, что «практика» у подобныхъ шарлатановъ станетъ постепенно уменьшаться, пока окончательно не сойдетъ на нѣтъ. Одну изъ видныхъ ролей въ этомъ дѣлѣ должно сыграть развитіе амбулаторной врачебной сѣти, которой покроется Туркестанъ съ введеніемъ въ немъ земскихъ учреждений.

Н. И. Скрябинъ.

РЕАБИЛИТАЦІЯ РУССКАГО НАРОДНАГО ГИМНА.

(Отъ редакціи).

ВОПРОСЫ о происхожденіи того или иного изъ гимновъ европейскихъ народовъ возникали неоднократно въ печати, причемъ одни авторы, принадлежащіе по складу своего ума къ скептической школѣ, ставящей въ основаніе своихъ научныхъ изслѣдованій теорію заимствованій, дѣлали попытки подорвать оригинальность разбираемаго гимна, другіе же, оскорбленные въ своемъ патріотическомъ чувствѣ такого рода заключеніями, становились немедленно на защиту своего родного гимна и, къ величайшей для нихъ чести, каждый разъ выходили побѣдителями изъ этого музыкальнаго спора, неопровержимо доказавъ, что ихъ родной гимнъ есть проявленіе родного гения, проявленіе оригинальное и самобытное. Такого рода споры возникали въ литературѣ въ свое время по вопросу о происхожденіи марсельезы, гимновъ англійскаго, итальянскаго, австрійскаго, и каждый разъ въ конечномъ итогѣ «народные псалмы», воодушевлявшіе народы на проявленіе высокаго патріотизма, оказывались реабилитированными въ ихъ оригинальности и теорія ихъ заимствованія изъ чужестраннаго источника посрамленною.

Не избѣгъ спорной участи и нашъ величественный гимнъ, сочиненный по желанію императора Николая Павловича въ 1833 г. извѣстнымъ композиторомъ А. Львовымъ. Сѣровъ, Стасовъ, Кажинскій первыя сдѣлали попытку набросить на произведеніе Львова подозрѣніе въ его не оригинальности и въ несоотвѣт-

ствія съ музыкальними запросами русскаго народа. По ихъ стопамъ пошелъ недавно одинъ военный изъ финляндцевъ, который уже въ наши дни выступилъ съ категорическимъ утвержде- ніемъ, что русскій гимнъ цѣликомъ заимствованъ изъ германскаго источника и, такъ сказать, органически вытекъ изъ нѣмецкаго военнаго марша. Это обвиненіе Львова въ грубомъ плагиатѣ и обманѣ императора Николая I вызвало переполохъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, и нынѣшній преемникъ Львова по управленію нѣвческой капеллой, профессоръ Н. Ѳ. Соловьевъ, послѣдшилъ стать на защиту какъ чести автора русскаго гимна, такъ и его са- маго, этого гимна, въ которомъ русскій музыкальный геній нашель свое столь мощное и величественное проявленіе. По повелѣнію императора Вильгельма, его адъютантомъ Мольтке и берлинскимъ музыкологомъ Турутомъ были сдѣланы необходимыя научныя изы- сканія, въ результатѣ которыхъ непреложно выяснилось, что прус- скій военный капельмейстеръ Хаазъ не только не далъ музыкаль- наго матеріала для нашего отечественнаго гимна, а, напротивъ, самъ почерпнулъ его изъ произведенія Львова, уже послѣ того, какъ нашъ гимнъ былъ офиціально принятъ къ исполненію въ Россіи. Услуга, оказанная въ данномъ случаѣ профессоромъ Н. Ѳ. Соловьевымъ Россіи оказалась немалою и въ вознагражденіе за понесенныя труды ему высочайше былъ пожалованъ въ день пра- зднованія въ 1908 г. семидесятипятилѣтняго юбилея нашего гимна орденъ св. Владимира 3-й степени.

Казалось, что вопросъ, неприятный для нашего патріотическаго чувства, совершенно исчерпанъ, но вотъ сотруднику «Историческаго Вѣстника» Н. Н. Оглоблину пришлось въ прошедшемъ году побы- вать на Волгѣ, и здѣсь одинъ его знакомый обратилъ его вниманіе на то обстоятельство, что онъ, будучи въ Голландіи, имѣлъ случай убѣдиться въ тождественности нашего гимна съ стариннымъ гол- ландскимъ псалмомъ, который въ его присутствіи былъ исполненъ хоромъ дѣвушекъ и молодыхъ людей. Г. Оглоблинъ, регистрируя въ своей статьѣ все видѣнное и слышанное имъ во время его волж- ской поѣздки, въ соотвѣтствіи съ опредѣленными размышленіями по этой части, отмѣтилъ и это повѣствованіе о нашемъ гимнѣ, до- бавивъ отъ себя, что провѣрить такое тождество «нетрудно»¹⁾.

И дѣйствительно, въ виду того, что свѣдѣніе, сообщенное у насъ г. Оглоблинымъ, встрѣтило въ печати сомнѣніе въ его, основа- тельности, онъ снесся съ лицомъ, сдѣлавшимъ ему отмѣченное указаніе, слѣдствіемъ чего явилась его новая статья въ № 6 «Историче- скаго Вѣстника» с. г. подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о музыкѣ русскаго народнаго гимна», съ приложеніемъ къ ней нотъ стариннаго гол- ландскаго псалма, изъ рассмотрѣнія которыхъ должно было вы-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1911 г., № 2.

текать заключение о несомненномъ заимствованіи, сдѣланномъ изъ голландскаго источника А. Львовымъ.

Эта статья Н. Н. Оглоблина встрѣтила очень рѣзкую по тону отвѣдь Н. О. Соловьева на столбцахъ вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 12.353), гдѣ почтенный управляющій пѣвческой капеллой, указавъ на незнакомыя вообще г. Оглоблину музыкальныя произведенія Львова и тѣмъ самымъ напомнивъ соотечественникамъ о значеніи этого композитора въ исторіи русской музыки, говоритъ по поводу статьи автора о русскомъ гимнѣ и о достовѣрности показаній лица, сдѣлавшаго г. Оглоблину сенсационное сообщеніе о заимствованіи, слѣдующее:

«Насколько этому лицу можно вполне довѣрять, видно уже изъ того, что оно не имѣетъ понятія о томъ, на какой линейкѣ ставится ключъ соль. Ставятъ его на второй линейкѣ, а въ копіи, сдѣланной съ сборника, ключъ стоитъ на третьей. Что гимнъ А. О. Львова попалъ въ голландскій сборникъ, изданный въ 1902 году, нѣтъ ничего такого, что указывало бы на его голландское происхожденіе.

«Поютъ же въ Англій на голосъ нашего народнаго гимна въ тамошнихъ церквахъ и богослужебныхъ собраніяхъ духовныя пѣсни. Мнѣ пришлось въ Германіи часто слышать въ церквахъ «Коль славенъ» Бортнянскаго, но никакому шалому перу не приходилось утверждать, что на этомъ основаніи «Коль славенъ» принадлежитъ нѣмецкому автору, а не Бортнянскому.

«Г. Оглоблинъ называетъ народный гимнъ А. О. Львова «стариннымъ голландскимъ псалмомъ», который съ «незапамятныхъ временъ поется во всѣхъ голландскихъ церквахъ разъ въ году— на первый день Пасхи». Если это такъ, то не угодно ли г. Оглоблину представить изданіе, относящееся ко времени до 1833 г., т. е. времени созданія А. О. Львовымъ народнаго гимна. Тогда будетъ другой разговоръ, правъ ли г. Оглоблинъ, а если онъ такого документа не доставитъ, то имѣетъ ли онъ право порочить честное русское имя А. О. Львова.

«Еще одно замѣчаніе. Гимнъ Львова написанъ въ *f-dur*, т. е., въ томъ строфѣ, въ которомъ развитому хорошему дисканту удобно пѣть. Пресловутый же голландскій псалмъ написанъ на малую терцію ниже въ *d-dur*, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы народная масса съ неразвитымъ голосомъ могла бы пѣть эту мелодію, что указываетъ на переселеніе нашего народнаго гимна на голландскую церковную почву.

«Жду непремѣнно документальнаго и доказательнаго отвѣта г. Оглоблина, считая факсимиле лица, даже не знающаго правильнаго примѣненія ключа соль, но пользующагося полнымъ довѣріемъ г. Оглоблина, вздорнымъ и недоказательнымъ».

Какъ могутъ убѣдиться изъ приведенной выдержки читатели, нашъ композиторъ и музыкальный критикъ въ своемъ отвѣтѣ г. Оглоблину не привелъ неоспоримыхъ фактическихъ аргументовъ, реабилитирующихъ нашъ народный гимнъ, сдѣлавъ лишь нѣсколько, правда, цѣнныхъ, указаній изъ области теоріи музыки и потребовавъ отъ самого автора первоначальной статьи о гимнѣ исторической справки и историческихъ разысканій. Редакція «Историческаго Вѣстника» направила статью профессора Н. Ѳ. Соловьева къ своему сотруднику, ожидая отъ него надлежащихъ разъясненій. Н. Н. Оглоблинъ дѣйствительно прислалъ безъ замедленія письмо въ редакцію, гдѣ онъ послѣ короткаго вступленія говоритъ:

«Не принадлежа къ музыкальному цеху, я нисколько не краснѣю оттого, что не знаю великихъ твореній Львова, въ родѣ забытыхъ оперъ «Біанка», «Ундина» и др. или рѣдко исполняющихся теперь его церковныхъ произведеній. Охотно каюсь въ своемъ великомъ «музыкальномъ невѣжествѣ» и беру назадъ свои слова, будто, «кромя» гимна, за Львовымъ не числится никакихъ другихъ композицій...

«Что касается вопроса о музыкѣ «русскаго народного гимна», то съ моей стороны сдѣлано все, что возможно для неспеціалиста по музыкѣ, заинтересовавшагося вопросомъ съ его общественной стороны, а отнюдь не съ музыкальной. Я сообщилъ точную копию «стариннаго голландскаго псалма», тождественнаго по мелодіи съ нашимъ гимномъ. Взята она изъ сборника 1902 г., которая представляетъ перепечатку болѣе старинныхъ голландскихъ сборниковъ церковныхъ псалмопѣній.

«И если эти данныя не нравятся г. Соловьеву, то именно онъ, какъ специалистъ по музыкѣ, обязанъ доказать, что эта потная копія не была извѣстна голландцамъ до 1833 г., когда появился «русскій гимнъ».

«Повидимому, у самого г. Соловьева появилось теперь сомнѣніе въ авторствѣ Львова: онъ уже не рѣшается прямо утверждать, что голландцы скрали у Львова музыку гимна, а только очень осторожно намекаетъ на такую возможность...

«Не считаю обязаннымъ представлять для г. Соловьева новыя «документальныя» доказательства, но, съ другой стороны, весьма сомнѣваюсь, чтобы г. Соловьевъ, горой стоящій за Львова, сдѣлалъ надлежащія разысканія вполне добросовѣстно... Вынужденъ поэтому, въ интересахъ истины сдѣлать попытку найти въ Голландіи новыя данныя по этому вопросу. За успѣхъ не ручаюсь, но если что добуду, то, конечно, не скрою.

«И если даже окажется, что сообщенныя мною свѣдѣнія о гимнѣ ошибочны, поклонники Львова должны благодарить и редакцію «Историческаго Вѣстника», и меня за окончательное выясненіе вопроса о музыкѣ «русскаго народного гимна».

Настоящее «письмо въ редакцію» должно было появиться въ июльскомъ номерѣ нашего журнала и было направлено въ наборъ, но прежде, нежели это могло быть исполнено, вопросъ оказался вполне исчерпаннымъ и выясненнымъ извѣстнымъ композиторомъ, музыкальнымъ критикомъ и публицистомъ М. М. Ивановымъ на столбцахъ «Новаго Времени» (№ 12682), гдѣ онъ со свойственнымъ ему знаніемъ пріемовъ музыкальной критики и пріемовъ полемики въ серьезныхъ вопросахъ, затрагивающихъ наше національное искусство, ликвидируетъ поднятый г. Оглоблинымъ вопросъ и реабилитируетъ русскій народный гимнъ отъ возведенныхъ на него подозрѣній. Г. Ивановъ вмѣсто теоретическаго разсужденія á la профессоръ Соловьевъ предпочелъ свестись съ музыкальнымъ міромъ Голландіи и съ неопровержимыми фактами въ рукахъ выступилъ со своимъ вѣскимъ словомъ. Г. Ивановъ сдѣлалъ именно то, на что разсчитывала редакція «Историческаго Вѣстника»: при помощи компетентной полемики реабилитировать русскій народный гимнъ, это наше драгоценное неотъемлемое достояніе, и при томъ реабилитировать не шаткими и спорными разсужденіями теоретическаго порядка, а на основаніи достовѣрнаго историческаго свидѣтельства, послѣ чего никакимъ сомнѣніямъ, никакому скептицизму не оставалось бы мѣста. Съ радостью привѣтствуетъ поэтому редакція работу г. Иванова, которой въ нашей музыкальной литературѣ и исторіи нашей общественности должно быть отведено столько же почтенное мѣсто, каковое въ свое время было отведено стараніямъ г. Соловьева при его защитѣ русскаго гимна отъ выше отмѣченныхъ подозрѣній въ его нѣмецкомъ происхожденіи.

Въ своей статьѣ г. Ивановъ послѣ обстоятельной исторической справки о европейскихъ гимнахъ, нѣкоторыми данными изъ которой мы выше воспользовались, и послѣ изложенія вновь возникшаго спора о русскомъ гимнѣ, говорить:

«Не надо быть особенно большимъ знатокомъ музыки, чтобы видѣть сразу, что мелодія Львова, даже по своей структурѣ, не имѣетъ ничего общаго съ протестантскимъ, особенно стариннымъ хораломъ. Хоралы всегда несимметричны, и фразы ихъ не повторяются. Гимнъ Львова состоитъ изъ двухъ совершенно симметричныхъ колѣнъ, по восьми тактовъ въ каждомъ, къ тому же повторяющихся,—чего никогда не бываетъ въ хоралахъ. Затѣмъ есть еще особенность: гармоническій строй. Уже одного этогоображенія, не говоря о характерѣ мелодіи, столь непохожей на мелодіи XVI и XVII вѣковъ,—достаточно, чтобы усомниться въ точности завѣренія г. Оглоблина, какъ бы оно ни было категорично. Но, разумѣется, еще лучше провѣрить сообщеніе, не довѣряясь нотному приложенію, данному «Историческимъ Вѣстникомъ». Года четыре назадъ я былъ въ Голландіи. Меня и моихъ спутниковъ наши гол-

ландскіе пріятели не разъ встрѣчали пѣніемъ нашего гимна и— удивительно!—никто изъ нихъ и не заикнулся даже, что гимнъ этотъ ихъ собственный, взятъ изъ церковныхъ напѣвовъ, что онъ имъ давно извѣстенъ и не говорятъ намъ объ этомъ развѣ изъ жалости къ намъ.

«Пользуясь тѣмъ, что книжка псалмовъ, на которую ссылается г. Оглоблинъ, издана въ Гаарлемѣ, гдѣ какъ разъ живетъ мой хорошій знакомый, г. А. И. Йонкеръ (A. Jonker), директоръ извѣстнаго всему свѣту механическаго завода «Верфъ Конрадъ», я обратился къ нему съ просьбою выслать, во-первыхъ, поскорѣе книгу евангелическихъ псалмовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, а, во-вторыхъ, по возможности разъяснить казусъ, наведя справки у соотвѣтствующихъ духовныхъ лицъ: съ какого вѣка поется пасхальный псаломъ на спорную тему? Дѣйствительно ли эта тема голландская, высказавши при этомъ ему мои сомнѣнія и пр. Словомъ, написалъ все, на что считалъ необходимымъ обратить его вниманіе, не скрывая отъ него, что наше національное чувство, конечно, страдаетъ отъ такой печально свалившейся на насъ невзгоды.

«Г. Йонкеръ немедленно выслалъ мнѣ просимый сборникъ, прибавивши, что прекрасно понимаетъ щекотливость нашего положенія въ томъ случаѣ, если бы подтвердились обвиненія г. Оглоблина. «Но,—прибавлялъ онъ онъ,—мнѣ, кажется, что вы совершенно правы и ваши соображенія правильны». Онъ обѣщался тотчасъ же сдѣлать всѣ необходимыя справки.

«На дняхъ я получилъ отъ него письмо, изъ котораго читатели убѣдятся, какъ дѣло было просто и какъ напрасно г. Оглоблинъ началъ городить свой огородъ и смущать насъ. Вотъ письмо г. Йонкера:

«Гаарлемъ, 4 іюля 1911 г.

«Многоуважаемый М. М. Простите пожалуйста, что долженъ былъ отложить мой рѣшительный отвѣтъ на ваши вопросы до сегодня. Мнѣ не сразу удалось найти лицъ, необходимыхъ для выясненія этого дѣла.

«По совѣту и указанію знакомыхъ мнѣ пасторовъ, которые думаютъ, какъ и я, что русскій гимнъ есть оригинальная, а вовсе не голландская мелодія, я обратился къ г. Даніелю де-Ланге, извѣстному дирижеру и критику музыки, который, кстати, именно и переложилъ всѣ мелодіи для того сборника, о которомъ идетъ рѣчь, «Gods dienstige Liederen», и который былъ составленъ имъ въ 1860 г. Отвѣтъ этого лица, самаго лучшаго авторитета, и въ данномъ случаѣ совершенно компетентнаго, прилагаю вамъ въ подлинникѣ, а также и въ переводѣ. Изъ отвѣта г. Д. де-Ланге вы ясно увидите, что русскій гимнъ совсѣмъ не украденъ изъ названнаго сборника. Наоборотъ, онъ, г. де-Ланге, заимствовалъ и

примѣнилъ его мелодію къ пасхальному гимну № 158. Увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно провергнуть сообщеніе русскаго журналиста. Остаюсь и пр.

«А. Ионкеръ».

«А вотъ переводъ письма автора сборника, Даніеля де-Ланге,— переводъ, сдѣланный въ Голландіи.

«Амстердамъ, 29 іюня 1911 г.

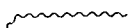
«Милостивый государь. Отвѣчая на ваше письмо отъ 27-го іюня сего года, могу вамъ сообщить, что мелодія русскаго національнаго гимна была взята мною и приложена къ тексту пѣнопѣнія. Мелодія эта мнѣ ни съ какой другой стороны не знакома, слѣдовательно, вашъ русскій товарищъ можетъ быть совершенно спокойнымъ. Настоящее сообщеніе считаю вполне достаточнымъ, чтобы разъ и навсегда порѣшить съ этимъ вопросомъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ вашъ и пр.

«Даніель де-Ланге.

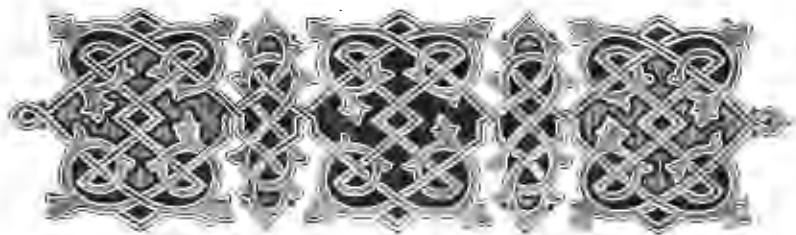
«Такъ какъ переводъ письма сдѣланъ въ Гаарлемѣ людьми, основательно знающими русскій языкъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться, когда былъ въ Гаарлемѣ, то уже не имѣлъ надобности обращаться къ кому-нибудь въ Петербургѣ для провѣрки перевода этого письма, подлинникъ котораго находится у меня въ рукахъ и по желанію можетъ быть предъявленъ г. Оглоблину или редактору «Историческаго Вѣстника». Надѣюсь, что послѣ сдѣланныхъ мной вполне доказательныхъ поисковъ въ Голландіи вопросъ о голландскомъ происхожденіи нашего гимна данъ разъ навсегда въ архивъ и похороненъ».

«Да, данъ въ архивъ и похороненъ», скажемъ и мы вмѣстѣ съ г. Ивановымъ и полагаемъ, что г. Оглоблину уже нечего болѣе наводить справки въ Голландіи. Не въ интересахъ клеветы или потрясенія національныхъ основъ былъ поднятъ имъ вопросъ о происхожденіи русскаго гимна и не въ тѣхъ же цѣляхъ дала мѣсто разъясненію этого вопроса на своихъ страницахъ и редація «Историческаго Вѣстника». Помѣщая здѣсь литературно-музыкальное разысканіе г. Иванова, мы тѣмъ самымъ охотно запечатлѣваемъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія его заслугу передъ родной землей.

Давъ полную возможность исчерпать въ всестороннемъ освѣщеніи вопросъ о русскомъ гимнѣ, редація «Историческаго Вѣстника», такимъ образомъ, только содѣйствовала опредѣленію его мѣста въ исторіи отечественной культуры подъ угломъ зрѣнія проявленія въ немъ творческихъ силъ русскаго народа.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНІЯ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

IV. «Священная дружина» въ переговорахъ съ «Народной Волей».

I.

ВООБРАЖЕНІЕ современниковъ было до нельзя потрясено кровавымъ событіемъ 1 марта 1881 года, при чемъ всѣмъ, останавливавшимся на формальной сторонѣ этого событія, естественно приходила мысль, что наша наружная и тайная полиція стоятъ не на высотѣ своего призванія, (благодаря чему только и могла имѣть мѣсто катастрофа на Екатерининскомъ каналѣ. Назначеніе по личному почину императора Александра III на постъ петербургскаго градоначальника Баранова обѣщало оживленіе въ дѣятельности столичной полиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя свойства его характера мало сулили дѣловой серьезности въ его начинаніяхъ и придавали симъ послѣднимъ слишкомъ показной, шумный характеръ, гдѣ хвастливость, позированіе и красное словцо играли не послѣднюю роль. Засѣданія особаго присутствія отъ городского населенія при новомъ градоначальникѣ—недурная иллюстрація къ его дѣятельности на первыхъ порахъ, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ ²⁾.

¹⁾ Продолженіе. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХV, стр. 175.

²⁾ «Истор. Вѣст.», 1911 г., № 4.

«Истор. вѣстн.», августъ 1911 г., т. сxxv.

Афишируя свою работу, создавая около себя шумъ, Барановъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался представить положеніе дѣлъ въ очень мрачномъ свѣтѣ и тѣмъ до извѣстной степени терроризовалъ придворные круги. Вотъ, на примѣръ, страничка изъ его послужного списка за тотъ періодъ, которая въ сочувственномъ ему тонѣ нашла себѣ изображеніе въ письмѣ К. П. Побѣдоносцева къ Е. О. Тютчевой ¹⁾: «Вчера я сидѣлъ по обыкновенію дома,—писалъ онъ ей 15-го марта того года.—Барановъ явился, едва держась на ногахъ. Со дня назначенія онъ еще не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью. Ночью происходитъ у него главная работа. Ну, завтра,—сказалъ онъ,—будетъ страшный день. Какъ Богъ вынесетъ! Готовится покушеніе на государя и на принца прусскаго въ четырехъ мѣстахъ по дорогѣ, въ одномъ мѣстѣ на Невскомъ соберутся люди, переодѣтые извозчиками, съ тѣмъ, чтобы открыть перекрестные выстрѣлы. У него въ рукахъ уже весь планъ предположенныхъ дѣйствій. Вчера кронпринцъ получилъ изъ Берлина шифрованную телеграмму объ этомъ и прислалъ ее къ Баранову. Но Барановъ имѣлъ уже свой планъ въ рукахъ. «Что отъ человѣка зависитъ,—сказалъ онъ:—все сдѣлано, но кто знаетъ, что еще есть? Вы не спали бы ночь, если бы я рассказалъ вамъ все, что обнаружено въ эти дни, что сдѣлано ими и приготовлено. Теперь изъ 48 человѣкъ, которые должны дѣйствовать, 19 у меня въ рукахъ. Сейчасъ ѣду дѣлать аресты. Въ эту ночь, что еще открою, неизвѣстно». Представьте положеніе бѣднаго государя, который непременно долженъ былъ ѣхать сегодня въ крѣпость, зная, что на каждомъ шагу его можетъ ждать смерть. «О себѣ я не беспокоюсь,—говорилъ онъ Баранову:—но тревожусь только за императрицу и дѣтей». Передъ Зимнимъ дворцомъ, противъ Салтыкова подъѣзда, роятъ, по распоряженію Баранова, канаву; при этомъ успѣли перерѣзать 17 проволокъ отъ мины».

Въ этихъ страшныхъ сообщеніяхъ Побѣдоносцева Тютчевой было очень мало правды и, по поговоркѣ: у «страха глаза велики», напуганное воображеніе обывателей создавало тѣ фантастическія злоумышленія, о которыхъ сама партія или, правильнѣе, остатки партіи и понятія не имѣли. Барановъ, повидимому, подливалъ масла въ огонь и хлопоталъ показать товаръ лицомъ, т. е. изъ фактически не провѣренныхъ донесеній плохо освѣдомленныхъ агентовъ тайной полиціи создавалъ себѣ суетливое дѣло, о которомъ и спѣшилъ докладывать приближеннымъ царя, въ упованіи, что объ его трудахъ и объ опасностяхъ, яко бы грозящихъ личности монарха и его семейству, будетъ въ должной формѣ донесено по адресу. Назначенный минуя графа Лориса-Меликова, по рекомендаціи Побѣдоносцева, новый градоуправитель и спѣшилъ къ нему со всевозможными

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1907 г.

розказаньями, зная, насколько тотъ въ тѣ дни былъ дѣйствительно озабоченъ безопасностью своего бывшего ученика, а нынѣ повелителя «всѣя Россіи». Эту свою озабоченность оберъ-прокуроръ синода обнаружилъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ письмахъ къ своему другу Тютчевой:

3-го марта онъ писалъ: «Я не могу освободиться отъ трепета и опасеній всякаго рода. Новому царю опасность грозитъ отовсюду. «Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи». Сохрани его, Господи. Сохрани, Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію».

6-го марта: «Изъ церкви я пришелъ къ Сергѣю и Павлу (великимъ князьямъ), которые только что пріѣхали (изъ Рима), разбитые, смущенные, исполненные тревоги. Они обрадовались мнѣ. Сергѣй горячо передавалъ мнѣ свой ужасъ отъ всего того, что дѣлалъ и куда велъ въ послѣднее время Лорисъ-Меликовъ, — 5 марта предполагалось уже издать указъ о представительствѣ, — и свое опасеніе, что будетъ и на что рѣшится государь. Потомъ пріѣхалъ старикъ графъ Строгановъ. Онъ въ волненіи. Но сегодня нетерпѣніе взяло меня, и я написалъ государю большое письмо. Мой планъ, между прочимъ, объявить Петербургъ на военномъ положеніи, перемѣнить людей и затѣмъ оставить Петербургъ, это проклятое мѣсто, покуда очистится, уѣхать въ Москву, если нельзя еще дальше. Совѣсть моя не терпитъ молчать. Кого онъ спрашивается, съ кѣмъ совѣтуется!»

Мы видимъ, что Побѣдоносцевъ съ этого времени изъ роли скромнаго ученаго-мыслителя и дѣятеля по церковнымъ вопросамъ переходитъ такимъ образомъ на ближайшее мѣсто къ царскому престолу и начинаетъ давать тѣ совѣты и указанія, которые и становятся отнынѣ программю практическихъ дѣйствій. Смѣна людей состоялась, какъ мы это уже видѣли, довольно быстро; его же походу обязаны крушеніемъ и проекты о народномъ представительствѣ, какъ при обсужденіи проекта «конституція» графа Лориса-Меликова, такъ и проекта «земскаго собора» графа Игнатьева. Онъ сметаетъ вершителей судебъ нашей внутренней политики, ставитъ у руля этой политики своихъ людей и создаетъ такимъ образомъ то настроеніе, которое, послѣ нѣкотораго промежуточнаго періода колебаній и неопредѣленности въ дѣлахъ управленія, утверждается со второй половины 1882 года.

И. Аксаковъ, отзываясь пламенной статьей на событіе 1-го марта, звалъ новаго государя «назадъ», «домой», «въ Москву», звалъ и въ смыслѣ дѣйствительной перемѣны мѣста царскаго пребыванія, и въ смыслѣ перемѣны курса внутренней политики. До извѣстной степени родственно ему мыслилъ въ первое время и Побѣдоносцевъ, мыслилъ и оказывалъ опредѣленное воздѣйствіе на Александра III, откуда и родилось его рѣшеніе покинуть Петербургъ, какъ ре-

зиденцію, и перебраться на постоянное жительство въ Гатчину. Переѣздъ сюда и совершился въ концѣ марта, при чемъ лишнее будетъ отмѣтить, что этому переѣзду вполне сочувствовали и графъ Лорисъ-Меликовъ, видя въ этомъ возможность до известной степени освободиться отъ непріязненныхъ ему теченій въ Петербургѣ, постоянно окружавшихъ государя императора. Переѣздъ въ Гатчину наносилъ нѣкоторый ударъ «лжебратіи», о чемъ упоминалъ въ своемъ письмѣ Побѣдоносцевъ. Что касается «бѣды отъ сродникъ», то и въ данномъ случаѣ онъ достигъ въ борьбѣ съ ними нѣкоторыхъ результатовъ. Въ томъ же письмѣ къ Тютчевой онъ писалъ: «Вчера одинъ изъ простыхъ людей прибѣжалъ ко мнѣ со словами: «Ради Бога, скажите государю, что прежде всего надо выслать отсюда Константина и княгиню Юрьевскую». Я писалъ ему сегодня, писалъ, что ему необходимо заявить какъ можно скорѣе свою личную твердую волю, что народъ кричитъ о Мраморномъ дворцѣ, писалъ, что надо думать о безопасности. Онъ пишетъ въ отвѣтъ простое слово, въ которомъ видна душа простая и добрая: «Отъ всей души благодарю васъ за ваше задушевное письмо. Молюсь и на одного Бога надѣюсь. Онъ не оставитъ насъ и нашу дорогую Россію». Но воли не видно. Константинъ на выходахъ смотритъ звѣремъ».

Не секретъ для современниковъ событій начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, что дѣйствительно народная молва и нѣкоторая часть общественнаго мнѣнія устанавливали между террористами и Мраморнымъ дворцомъ известную связь. Кто въ день 1-го марта былъ на площади Зимняго дворца, тотъ могъ слышать неоднократно упоминаемымъ имя великаго князя Константина Николаевича, на котораго взваливалась вся вина въ трагедіи на Екатерининскомъ каналѣ. Связь великаго князя съ оппозиціей существующему строю и ея представителями въ глазахъ консервативно настроенныхъ общественныхъ круговъ зарисована была уже давно, съ 1861 года, когда ему пришлось играть столь выдающуюся роль при освобожденіи крестьянъ, а засимъ занимать постъ намѣстника въ царствѣ Польскомъ. Уже Муравьевъ при разслѣдованіи дѣла о покушеніи Каракозова указывалъ на необходимость произвести обыскъ у Константина Николаевича и къ послѣднему со временемъ въ роли соглядатая былъ даже приставленъ недавно столь трагически убитый сибирскій генераль-губернаторъ Литвиновъ. Но, конечно, никакихъ реальныхъ данныхъ къ тяжкому обвиненію генераль-адмирала въ наличіи не было и оставалось только имѣть въ подозрѣніи его либерализмъ и подобіе конституціонализма, поборникомъ коего онъ и не скрывалъ себя. Нѣкоторое несчастное стеченіе обстоятельствъ (отсутствіе великаго князя въ день 1-го марта изъ Петербурга) давало пищу фанатически настроенной и распаленной государственною опасностью фантазіи. Отсюда недобрая молва, окружавшая

нмя второго сына императора Николая Павловича, которому усиленно навязывали желаніе узурпировать власть у своего брата. Когда враги либерализма и сторонники консервативныхъ тенденцій получили послѣ 1-го марта силу, то, имѣя въ виду, какъ это мы видѣли изъ цитированнаго письма Побѣдоносцева, расчистку вліяній около трона, они, намѣчая лицъ, подлежащихъ устраненію, направили всю силу своихъ обвиненій и противъ Константина Николаевича наравнѣ съ графомъ Лорисомъ-Меликовымъ. И дѣйствительно, уже 21-го апрѣля графъ Валуевъ заноситъ въ свой дневникъ: «Великій князь Константинъ Николаевичъ мнѣ прямо высказалъ, что ему «приказано уѣхать», но для избѣжанія скандала позволено пока дожидаться закрытія сессіи государственнаго совѣта, а 26-го марта въ его дневникѣ сказано: «Великій князь Константинъ Николаевичъ уволенъ отъ начальства надъ морскимъ вѣдомствомъ и предсѣдательства въ государственномъ совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ... Fait accompli»...

Наравнѣ съ великимъ княземъ должна была покинуть столицу и княгиня Юрьевская, сочувствовавшая либеральнымъ начинаніямъ графа Лориса-Меликова и, какъ извѣстно, ставшая послѣ смерти великой княгини Маріи Александровны мorganатической супругой императора Александра Николаевича. По словамъ В. Я. Богучарскаго¹⁾, основаннымъ на книгѣ «Alexandre II. Détails inédits sur sa vie et sa mort», par Victor Laferté²⁾, она въ сущности мечтала лишь объ одномъ: «Когда преобразование (графа Лориса-Меликова) стануть совершившимся фактомъ и такимъ образомъ «la Russie, parvenue au point culminant des reformes administratives, n'eût plus en rien à envier aux Etats les plus franchement constitutionnels», Александръ II отречется отъ престола, передавши его своему старшему сыну, и уѣдетъ съ нею изъ Россіи куда-нибудь въ Каиръ доживать дни свои частнымъ человѣкомъ».

Если удаленіе отъ дѣлъ великаго князя Константина Николаевича вызывалось соображеніями политическаго и общегосударственнаго порядка, то въ судьбѣ княгини Юрьевской справедливѣе усмотрѣть естественное слѣдствіе изъ того семейнаго положенія, въ которое она становилась съ водареніемъ Александра III. Такъ или иначе, но этотъ либеральный придворный элементъ, т. е. она, и великій князь Константинъ, были принесены въ жертву настроенію момента, и планъ Побѣдоносцева объ устраненіи «бѣды отъ сродникъ» оказался въ короткое время осуществленнымъ. Въ этомъ усматривалась безопасность для личности новаго самодержца и для блага государства и народа. Всѣ старанія и

¹⁾ «Русская Мысль» 1911 г., № 1, ст. «Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ».

²⁾ Таковъ былъ псевдонимъ кн. Юрьевской, подъ коимъ ею и были изданы эти мемуары.

дѣйствіа, направленныя къ достиженію этихъ задачъ, находили въ личности оберъ-прокурора синода свою пружину, и безъ его санкціи, если не почина, не обходилось ни одно начинаніе такого порядка. Его голосъ сыгралъ роль въ устраненіи отъ трона приближенныхъ, отъ кормила правленія руководителей, съ его же благословенія основалась въ Петербургѣ «добровольная охрана», припавшая на себя задачу обереженія личности поваго монарха.

II.

Самая идея охраны заключалась въ томъ, что всѣ обыватели столицы должны оказывать содѣйствіе полиціи въ выслѣживаніи революціонеровъ и террористовъ и всяческими способами слѣдить за тѣмъ, чтобы личность государя императора не подвергалась съ ихъ стороны новымъ покушеніямъ. Проявленіе своихъ трудовъ въ этомъ направленіи обывателямъ, вступившимъ въ охрану, допускалось не только по зову полицейской власти, но и по собственному почину, за свой страхъ и рискъ. Слѣдовательно, къ началу шпіонажа и сыска такимъ образомъ приобщилась широкая масса, въ первые ряды которой поставлены были домовые дворники, какъ такіе представители обывательской жизни, надзору которыхъ всего доступнѣе уличное движеніе, прохожденіе домовыхъ воротъ и жизнь квартирантовъ. Въ своей брошюрѣ «Конституціоналисты» Л. А. Тихомировъ представляетъ возникновеніе идеи о таковой охранѣ слѣдующимъ образомъ. Онъ говоритъ: «Полиція, еще до графа Лориса-Меликова заявившая себя крайне неудовлетворительно, была при немъ окончательно скомпрометирована въ общественномъ мнѣніи. Патріотическое чувство, глубоко пораженное злодѣйствомъ 1-го марта, возбудило мысль общественной охраны государя императора. Государь, въ виду общаго разочарованія въ полиціи, не счелъ нужнымъ пресѣкать это выраженіе заботливости преданныхъ ему вѣрноподданныхъ, хотя понятно, что въ принципѣ всякія частныя общества съ такими цѣлями формальное нарушеніе правльнаго теченія государственной жизни. Но въ мартѣ 1881 года нельзя было быть слишкомъ требовательнымъ въ отношеніи формальнаго порядка».

Въ этихъ словахъ правильно отмѣчено, что существованіе «частныхъ обществъ», преслѣдующихъ цѣли сыска и надзора, въ государственной жизни терпимо быть не можетъ и если таковыя и возникли въ эпоху 1881 г., то это должно быть отнесено на счетъ политической особенности этого года, когда царилъ общее смущеніе и когда люди испуганные думали, что Россія и ея государственный строй находятся наканунѣ гибели. Дѣло въ томъ, что власть имущіе, не имѣя правильныхъ свѣдѣній относительно силъ революціонной партіи, переоцѣнивали ея значеніе и придавали ей тотъ количественный и

качественный вѣсъ, коего она на самомъ дѣлѣ не имѣла. Мы знаемъ, кто былъ дѣйствующими силами партіи и знаемъ теперь, что таковыхъ и вообще-то было немного, послѣ же 1-го марта и дней послѣдующихъ партія и совѣмъ ослабѣла, сошла почти что на нѣтъ. Но тогда, когда таинственность и неизвѣстность окружали плотно ея существованіе, всѣмъ, не исключая и силъ полицейскихъ, силъ сыска и слѣдствія; казалось, что гдѣ-то въ пространствѣ имѣется чуть ли не цѣлая армія террористовъ, армія побѣдоносная и сильная, для борьбы съ которой надо поднять чуть не всю страну и всѣхъ столичныхъ обывателей. Нѣкоторая «гасконада» Баранова и намѣренная или ненамѣренная, кажущаяся или дѣйствительная напуганность Побѣдоносцева создавали настроеніе, откуда и вытекла яко бы необходимость рядомъ съ дѣйствующими кадрами полицейской власти создать силу общественную съ принятіемъ ею на себя тѣхъ же полицейскихъ функцій. О томъ, что эти силы рано или поздно станутъ въ положеніе антагонизма между собою, на первыхъ порахъ не рождалось мысли, это выяснилось впослѣдствіи и даже очень скоро, когда эти общественныя силы перешли отъ программы простаго надзора и охраны къ программѣ явнаго сыска и дѣланія политики общегосударственнаго порядка. Главные намѣченные пункты «Положенія о личной охранѣ» были слѣдующіе: 1) Во главѣ охраны поставленъ главнокомандующій главной квартирой, который назначается посредствомъ высочайшаго указа правительствующему сенату. 2) Всѣ вѣдомства и учрежденія должны слѣдовать указаніямъ начальника охраны, поскольку они касаются безопасности особы Его Величества. 3) Начальникъ охраны непосредственно подчиненъ государю императору и дѣлаетъ Его Величеству прямыя доклады. 4) Власти, получившія извѣстія о заговорѣ противъ государства или особы государя императора, обязаны немедленно сообщать оныя начальнику охраны. 5) Начальникъ охраны издаетъ подчиненнымъ ему властямъ инструкціи по своему благоусмотрѣнію. 6) Къ начальнику охраны прикомандировываются по его желанію чины военнаго, морского и гражданскаго вѣдомства. 7) Кромѣ этихъ чиновъ, начальнику охраны подвѣдомственны слѣдующія части: а) отдѣленіе почетнаго конвоя гвардейской пѣхоты, б) отдѣленіе дворцовой полиціи, в) секретная часть, г) желѣзнодорожная часть.

Въ первое время, даже, быть можетъ, въ первые дни, все дѣло сводилось къ охранѣ личности государя императора, общее руководство каковой охраной было возложено на графа Воронцова-Дашкова. Въ своемъ дневникѣ подъ 4-мъ апрѣля графъ Валугевъ писалъ: «Графъ Воронцовъ выступилъ въ новой роли охраннаго «*maire de palais*» въ Гатчинѣ. Ему подчинены по части охраны высочайшихъ особъ всѣ власти», т. е., иначе говоря, графъ Воронцовъ становился тѣмъ центромъ, куда должны были стекаться всѣ нити надзора за обывате-

лями столицы, надзора, практикуемаго и полиціей явной, и полиціей тайной, и полиціей общественной, принявшей на себя обязанности добровольной охраны. Въ эту охрану, помимо дворниковъ, охотно зачислялись и обыватели всѣхъ родовъ и званій, сановники, чиновники, обыватели, офицеры, учащіеся, люди свободныхъ профессій и т. д. Если становится понятнымъ, что могли дѣлать въ интересахъ охраненія дворники, то относительно прочихъ категорій населенія дѣло было сложнѣе и тутъ главная работа сводилась или къ филерству во время проѣзда высочайшихъ особъ по улицамъ, или къ разнаго рода и, замѣтимъ при этомъ, по большей части неосновательнымъ доносамъ. Уличное филерство съ дежурствомъ на площадяхъ, въ общественныхъ мѣстахъ и на перекресткахъ являлось наиболѣе практикуемымъ занятіемъ членовъ добровольной охраны, за какое занятіе назначалось довольно приличное вознагражденіе, какъ плата за потерянное время и трудъ. Добровольцы-филеры сплошь и рядомъ вербовались изъ числа золотой молодежи, ощущавшей недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и убивавшей исполненіемъ новой роли двухъ, такъ сказать, зайцевъ—деньги и приближеніе къ сильнымъ міра сего, изъ какого приближенія почерпалась возможность созданія себѣ карьеры и служебнаго положенія. Въ кругу такого сыскаго и филернаго обращенія рождалось немало курьезовъ и инцидентовъ, которые въ результатъ обнаруживали достаточную несостоятельность установившейся системы. Напримѣръ, двое лицъ, принадлежавшихъ къ охранѣ, но не освѣдомленныхъ объ однородности выполняемой задачи, сталкивались на одномъ пути, доносили другъ на друга, а подчасъ и одинъ другого даже арестовывали. То же случалось и въ отношеніяхъ добровольцевъ охраны къ профессионаламъ сыска и шпионажа. Сыщикъ встрѣчалъ на своемъ пути охранника, начиналъ его выслѣживать и тѣмъ самымъ отвлекался отъ своей задачи; случалось, что дружинникъ арестовывалъ сыщика, видя, что тотъ топчется гдѣ-нибудь на перекресткѣ, гдѣ ожидался проѣздъ высочайшихъ особъ. Отсюда неминуемо должно было родиться недружелюбное отношеніе полицейской власти къ членамъ добровольной охраны. Но если въ кругу этихъ дѣйствующихъ лицъ рождались курьезы, то болѣе серьезныя недоразумѣнія со здавались на тѣхъ верхахъ, изъ которыхъ одни руководили дѣломъ «добровольной охраны», а другіе—дѣломъ полицейской службы. Какъ мы уже отмѣтили, самая идея охраны охватила собою широкіе круги столичнаго населенія, въ каковомъ кругу оказались и высочайшія особы (братья государя), и сановники, и простые обыватели до чернорабочихъ слоевъ включительно. Но если одни являлись простыми исполнителями процесса охраненія, то другіе вошли въ составъ той организаціи, которая давала директивы дѣлу охраненія. Какъ уже было упомянуто, главная власть сосредоточилась въ рукахъ графа Воронцова-Даш-

кова, вокруг котораго собралось достаточное количество людей, которые и образовали собою сообщество, принявшее на себя наименование «священной дружины», въ составѣ каковой числились савонники, министры, представители аристократіи, плутократіи, короче всѣ тѣ, для кого идея охраненія личности новаго государя императора была близка уму и сердцу, кто готовъ былъ принести на это дѣло свой трудъ, время и средства. «Священная дружина» и явилась тою организаціею, которая, съ одной стороны, вѣдала дѣло охраненія въ ближайшемъ смыслѣ, а съ другой, принявъ на себя образъ правильно организованнаго сообщества, вмѣстѣ съ тѣмъ включила въ кругъ своихъ дѣйствій и борьбу всяческими средствами съ крамолою и терроромъ, проникновеніе въ революціонную среду для распознанія плановъ и намѣреній революціонеровъ и выслѣживанія ихъ дѣйствій какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Въ изданіи департамента полиціи «Хроника социалистическаго движенія» по сему предмету имѣются слѣдующія указанія: «Доведенная до отчаянія ужаснымъ преступленіемъ (1-го марта) группа мужественныхъ добровольцевъ рѣшила организовать съ оружіемъ въ рукахъ тайный крестовый походъ противъ враговъ порядка; цѣлью этого похода было вырѣзать анархистовъ—родъ тайныхъ судилищъ въ средніе вѣка. Другой кружокъ добровольцевъ, съ спеціальнымъ намѣреніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ и сыскной дѣятельности какъ въ Россіи, такъ и за границей, дѣйствительно, сорганизовался, въ его составъ вошли лица, занимающія самыя высокія положенія въ столицѣ: эта ассоціація носила имя «дружины» и функционировала до осени 1882 г.». Въ этомъ показаніи есть нѣкоторая неясность — въ сущности двухъ сообществъ не было, былъ лишь охранный активный матеріалъ, которымъ руководила и полиція и «Дружина», какъ организованное общество, имѣющее свой центръ, свой совѣтъ, своихъ агентовъ за границей и свои развѣтвленія по провинціи, въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ дружины, было особенно неблагополучно по части настроенія умовъ.

Существованіе такого организованнаго общества не было ни для кого секретомъ и на первыхъ порахъ пользовалось сочувствіемъ многихъ, такъ какъ самая цѣль борьбы рисовалась настоятельною. Такъ, по сему предмету парижскій популярный префектъ полиціи писалъ русскому правительству: «Государь долженъ издать манифестъ, въ которомъ будетъ объявлено, что онъ желаетъ народу гарантію благосостоянія и спокойствія не только строгимъ сохраненіемъ существующихъ законовъ, но также реформами и постоянно расширяемой свободой подобно тому, какъ это дѣлалъ его усопшій родитель. Но передъ убійствами и угрозами нигилистовъ всѣ его намѣренія останавливаются. Никакое правительство не должно уступать передъ насиліемъ. Онъ также

не уступить. Пока заговорщики не будутъ отсѣчены отъ ея тѣла, какъ члены, пораженные гангреной, всѣ законы отмѣняются и начинается преслѣдованіе безъ пощады. Есть раны, которыя требуютъ раскаленнаго желѣза, и нигилизмъ изъ числа такихъ ранъ. Для страшной болѣзни нужны страшныя лекарства. Террористовъ слѣдуетъ укрощать, какъ укрощаютъ дикихъ звѣрей. Иначе правительство падеть, потому что въ Россіи уже сильна социальная революція. Слѣдуетъ прибѣгнуть также и къ силѣ денегъ. Купленный продастъ и сообщниковъ. У насъ, во Франціи, сумма тайныхъ расходовъ очень велика».

Дружина должна была со всѣми ея тайными дѣйствіями быть тѣмъ раскаленнымъ желѣзомъ, которое слѣдовало пустить въ ходъ въ борьбѣ съ террористическою гангреною. Сочувствуя такой ампутаціи французская полиція и допустила, чтобы дружина распространила свое дѣйствіе на Францію, преимущественно Парижъ, гдѣ къ тому времени сосредоточилось немало эмигрантовъ, состоявшихъ съ партіей «народной воли» въ непосредственной связи, и являвшихся даже членами этой партіи, Представителемъ «священной дружины» въ Парижѣ былъ объявленъ нѣкто М. Bint, начавшій свою жизненную карьеру службою при Андриѣ. По сему предмету въ газетѣ «*Matin*» (№ 9268 за 1909 г.) была напечатана слѣдующая историческая справка¹⁾: «*M. Bint est le plus ancien fonctionnaire de cette fameuse police secrète. En 1881 г. après l'assassinat d'Alexandre II, les hauts personnages de l'empire, décidèrent, pour prevenir le renouvellement des semblables attentes, de se constituer en une «Sainte Ligue» (c'est le nom que prit cette association) et de reunir des fonds pour organiser la surveillance des terroristes refugiés dans les autres pays de l'Europe. Il fut decidé que la siége de cette police serait établit à Paris. Le procureur de Saint-Synode M. Pobedonostzeff fut nommé tresorier de cette organisation. C'est M. Bint qu'on chargea de constituer la nouvelle police secrète, se groupper autour de lui le personnel necessaire et d'en prendre la direction.*»

Такимъ образомъ, русскій революціонный Парижъ долженъ былъ въ задачахъ «священной дружины» быть обслуживаемъ секретной полиціей, подъ руководствомъ г-на Bint, на что ему изъ кассы дружины и отпускаемы были значительныя средства.

III.

Въ не особенно съ фактической стороны точной замѣткѣ по поводу организаціи «священной дружины» революціонный органъ «Народная Воля» (№№ 8—9 за 1882 г.) даетъ о ней, однако, слѣдующія

¹⁾ «Русская Мысль» 1911 г. № 1, ст. В. Я. Богучарскаго «Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ», откуда мы и заимствуемъ нѣкоторыя свѣдѣнія для настоящей части нашихъ очерковъ.

правильныя свѣдѣнія въ статьѣ «Лига добровольцевъ-шпіоновъ»: «Въ центрѣ новаго тайнаго общества стоятъ В. ¹⁾, А—й, ²⁾ Воронцовъ-Дашковъ, Игнатьевъ, Побѣдоносцевъ, Демидовъ-Санъ-Дonato, Шуваловъ, банкиръ Гинцбургъ, Бобринскій и бывший начальникъ департамента шпіоновъ Шульцъ. Въ Москвѣ Катковъ и Аксаковъ. Контингентъ агентовъ вербуется изъ гвардейскихъ офицеровъ, золотой молодежи, отличающихся приказчиковъ и пр. Приглашенія за подписью Воронцова-Дашкова рассылаются въ большомъ количествѣ и очень многихъ ставятъ въ безвыходное положеніе. Дѣятельность лиги пока ни въ чемъ не проявляется, кромѣ дворцовыхъ интригъ». Всѣ члены дружины имѣли свою конспиративную нумерацію, причѣмъ наиболѣе важнымъ членамъ присвоена была двойная нумерація. Такъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ, именованійся во всѣхъ сношеніяхъ «наибольшимъ» имѣлъ, для себя №№ 6 и 106, гр. Шуваловъ—8 и 108, кн. Щербатовъ—18 и 228 bis, Дурново—21 и 221, гр. Левашовъ—10 и 7, генер. Ширинкинъ 30 и 59 и т. д. Душою всего дѣла г. Богучарскій ³⁾, обстоятельно изслѣдовавшій въ предѣлахъ имѣющихся налицо документовъ исторію «священной дружины», считаетъ К. П. Побѣдоносцева и рисуетъ всю организацію этого учрежденія такъ: «Дружинники» рѣшили организовать,—первое собраніе происходило въ домѣ одного ультра-высокопоставленнаго лица, по образцу исполнительнаго комитета, а такъ какъ о дѣйствительной организаціи этого комитета, кромѣ сказокъ, дружинники абсолютно ничего не знали, то вспомнили про знаменитыя «Нечаевскія пятерки» и рѣшили остановиться на системѣ этихъ «пятерокъ». Члены «дружины» обязаны были называться «братьями», по каждый изъ «братьевъ» долженъ былъ знать только организатора «пятерки», которому присваивалось названіе «старшаго брата», и никого болѣе. Все должно было быть покрыто непроницаемой тайной, и въ донесеніяхъ членовъ «пятерокъ» своимъ «старшимъ братьямъ» каждый братъ долженъ былъ фигурировать подъ назначеннымъ ему псевдонимомъ или нумеромъ. Организація задалась цѣлью покрыть сѣтью всю Россію и «донесенія» должны были стекаться отовсюду къ единому абсолютно законспирированному центру. При пріемѣ членовъ принималась особая присяга. «Дружина» явилась великолѣпнымъ учрежденіемъ, въ которомъ ловкимъ людямъ представлялась полная возможность «make money», а еще болѣе устроить свое благополучіе на служебномъ поприщѣ. Многіе удивились бы, если бы узнали, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ получили первоначальный импульсъ по дорожкѣ къ власти «донесеніями»

---

¹⁾ Великій кн. Владимиръ Александровичъ.

²⁾ Великій кн. Алексѣй Александровичъ.

³⁾ «Русская Мысль» 1911 г.

своимъ «старшимъ братьямъ» объ «общественномъ настроеніи» тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они тогда жили совсѣмъ небольшими сошками, и т. п. «заслугами» передъ «дружиною», членами которой они состояли. Желаящихъ поработать въ этомъ направленіи оказалось вскорѣ такъ много и «сообщенія» представлялись такими различными путями, что центръ «дружины» издалъ слѣдующій (гектографированный) циркуляръ своимъ «братьямъ»: «Въ видахъ осмотрительности и увеличивающагося числа сообщеній, братья «священной дружины» извѣщаются, что въ С.-П.-С. будутъ передаваться только тѣ сообщенія и заявленія, которыя будутъ адресованы на имя Ф. К. Холма, Спб., Невскій просп., д. № 7, или на имя Алексѣя Егоровича Войны, Спб., Галерная, д. № 38.

Главная штабъ-квартира «дружины» сосредоточивалась въ Большой Морской, въ помѣщеніи аристократическаго яхта-клуба, при чемъ бесѣды тутъ велись настолько громко и откровенно, что прислуга имѣла полную возможность обо всемъ говореномъ здѣсь слышать и передавать за стѣны клуба интересующимся. Деньги, собранныя и пожертвованныя на цѣли «дружины», были громадныя, и нѣкоторые представители столичнаго «свѣта» не останавливались передъ нужными расходами и затратами на потребности агентовъ «дружины», которые и расходовали ихъ широкою рукою для личныхъ благъ жизни. По свидѣтельству современниковъ, главнымъ образомъ денежныя средства шли на широкій и веселый train жизни, пропивались, проигрывались въ карты и оставались въ разныхъ веселыхъ учрежденіяхъ.

Въ интересныхъ воспоминаніяхъ о «священной дружинѣ» нѣкто Вогуль напечаталъ въ «Рѣчи» (1911 г.) слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности ея членовъ:

«Политическій сыскъ привилегированныхъ агентовъ «священной дружины» сейчасъ же началъ дѣятельность въ эмигрантскихъ центрахъ за границей, гдѣ очень скоро распознали суть этой бу-тафорской полиціи, а, главное, объ ея средствахъ, и не замедлили ее эксплуатировать и одурачивать.

«Въ Лондонѣ нашелся нѣкто М., сумѣвшій убѣдить заправиль «священной дружины», что въ его рукахъ находится обширная переписка съ русскими эмигрантами и особенно съ находящимися за границей морскими офицерами, сильно компрометирующая одно очень высокопоставленное лицо¹⁾, о которомъ въ то время ходили всевозможные, большею частью вздорные и нелѣпные, рассказы. Весь этотъ матеріаль М. предлагалъ приобрѣсти отъ него за очень крупную сумму.

«Это предложеніе юркаго англичанина показалось заправиль «дружины» такимъ крупнымъ козыремъ, буде онъ окажется въ ихъ рукахъ, что тотчасъ же въ Лондонъ былъ снаряженъ нѣкто

¹⁾ Намекъ на вл. кн. Константина Николаевича.

П. для предварительныхъ переговоровъ съ М. и для сопровожденія его въ Петербургъ съ его драгоценнымъ багажомъ. П. былъ снабженъ крупной суммой на всякіе предвидѣнные и непредвидѣнные расходы и всевозможными открытыми листами съ предложеніемъ оказывать ему содѣйствіе какъ властямъ внутри имперіи, такъ и нашимъ дипломатическимъ представителямъ за границей. На ст. Вержболово былъ приготовленъ особый вагонъ, въ которомъ загадочный путешественникъ съ своимъ не менѣе загадочнымъ багажомъ долженъ былъ, подѣ усиленной охраной «дружинниковъ», прибыть въ Петербургъ, гдѣ для него, за счетъ той же организаціи, были приготовлены роскошные апартаменты. О благополучномъ слѣдованіи таинственнаго путешественника въ Петербургъ легли телеграммы чуть ли не со всѣхъ желѣзнодорожныхъ станцій. Наконецъ, М. въ покояхъ «Европейской гостиницы», подѣ бдительнымъ окомъ расположившихся въ сосѣднихъ нумерахъ П. и его «сотрудниковъ». Скажемъ кстати, что П., во время пребыванія въ Лондонѣ, поиздержавшись въ дорогѣ и пользуясь имѣвшимися у него «открытыми листами», перехватилъ въ нашемъ посольствѣ до десяти тысячъ рублей.

«М., отлично понимавшій, съ кѣмъ имѣеть дѣло, держалъ себя очень надменно и началъ переговоры съ изнывшими отъ нетерпѣнія главарями «священной дружины» только послѣ нѣкотораго отдыха и нѣсколькихъ дополнительныхъ требованій къ своимъ первоначальнымъ условіямъ о продажѣ документовъ, словомъ, продѣлалъ все, что полагается знающему себѣ цѣну человѣку.

«Переговоры имѣли очень длительный характеръ, и документы, какъ у трудной роженицы, появлялись на свѣтъ Божій съ затяжными потугами. Сначала были показаны письма, дѣйствительно, принадлежавшія «крамольникамъ», но уже изловленнымъ средствами государственной полиціи, а затѣмъ, какъ плодъ «кесареваго сѣченія», было предъявлено нѣсколько писемъ къ находившимся за границей морскимъ офицерамъ, за подписью инкриминируемой высокой особы. И что же оказалось? Письма были характера чистоотеческаго наставленія нашимъ молодымъ морякамъ, командированнымъ за границу или для «усовершенствованія въ наукахъ», или для наблюденія за сооруженіемъ нашихъ судовъ, строившихся на иностранныхъ верфяхъ.

«Аристократическая полиція» растерялась и обратилась къ государственной. По справкамъ, наведеннымъ у «Цѣпного моста», оказалось, что драгоценный матеріаль М. не что иное, какъ «политическая макулатура», уже давно сданная въ архивъ.

«М., вкусивъ во всемъ объемѣ руссійское гостепрѣимство и обильно снабженный и «задаточными», и «отступными» деньгами, околпачивъ высокопочтенныхъ добровольцевъ сыска, благополучно убрался восвояси, оставивъ на память о себѣ длинный и сложный счетъ «Европейской гостиницы», оплаченный затѣмъ кассой «дружины».

«Несмотря на неудачу съ аферой М., фортуна не отвернулась отъ П., и вскорѣ онъ получилъ очень высокій постъ въ этой загадочной организаціи. Говорили, что П. состоитъ главнымъ инспекторомъ Петербурга, съ подчиненіемъ ему политическаго сыска во всемъ сѣверномъ районѣ. На одной изъ фешенебельныхъ улицъ, прилегающихъ къ Невскому, онъ занималъ роскошную квартиру: въ обширной передней посѣтителей встрѣчали свирѣпые на видъ и съ ногъ до головы вооруженные кавказцы; въ дальнѣйшихъ апартаментахъ виднѣлись лакеи въ черныхъ и мундирныхъ фракахъ, они же служили у стола, чисто, по-барски сервированнаго, словомъ, вся обстановка квартиры и жизни П. ясно доказывала и умѣніе его жить, и его средства, не уступавшія нашимъ уральскимъ посессионерамъ. Роскошная дача на островахъ, собственный выѣздъ въ нѣсколько перемѣнъ кровныхъ рысаковъ, частная квартира швырявшей русскія деньги французенки, свирѣпые черкесы,—все оплачивалось, казалось тогда, неистощимой кассой ассоціаціи добровольныхъ политическихъ сыщиковъ.

«Прошло очень недолго: время, яркая звѣзда «священной дружины» начала меркнуть, и не замедлилъ наступить неизбѣжный развалъ этого мертворожденнаго предпріятія. Высокіе покровители и добротные радѣтели святотатственно присвоившей себѣ наименование организаціи убѣдились, наконецъ, во всей несостоятельности созданнаго и поддерживаемаго ими сообщества, и послѣднее было вынуждено ликвидировать свои дѣла.

«Погасла и звѣзда П. Уже въ концѣ 1883 года П. ютился въ двухъ крошечныхъ меблированныхъ комнатахъ, сдаваемыхъ «пожилой нѣмкой», въ домѣ одного изъ захудалыхъ переулковъ Владимирскаго проспекта. О свирѣпыхъ черкесахъ и ливрейныхъ лакеяхъ, конечно, не было и помина, и посѣщавшіе П. въ полуденное время угощались сосисками или иной снѣдью, взятой въ ближайшей «мясной и зеленой» и тутъ же приготовленными на «Примусѣ».

«Какъ воспоминаніе о привольномъ недавнемъ житѣ, на болѣе чѣмъ скромномъ письменномъ столѣ П. красовался довольно цѣнный кубокъ, съ надписью: «Дорогому начальнику (имя рекъ) отъ благодарныхъ агентовъ «священной дружины».

Описывая дѣятельность «священной дружины» въ провинціи, тотъ же Вогуль повѣствуетъ:

«Для уловленія крамольниковъ на югѣ Россіи «священной дружиной» была организована особая инспекція, резиденціей которой избранъ Кіевъ. Во главѣ инспекціи южнаго района былъ поставленъ нѣкто В. Кіевлянинъ по рожденію, сынъ крупнаго мѣстнаго домовладѣльца, В. окончилъ курсъ нѣжинскаго юридическаго лица и нѣкоторое время исправлялъ должность судебного слѣдователя въ одной изъ южно-русскихъ губерній. Скомпро-

метированный по одному дѣлу, В. выпужденъ былъ покинуть службу въ судебномъ вѣдомствѣ, въ то время свято хранившемъ завѣты царя-законодателя, и предложилъ свои услуги тогдашнему департаменту государственной полиціи. Учрежденіе у «Цѣпного моста» сразу оцѣнило предложеніе В., какъ свободно владѣвшаго иностранными языками и также свободно распоряжавшагося своею растяжимою совѣстью. В. былъ назначенъ агентомъ политическаго сыска за границей, гдѣ и оперировалъ, главнымъ образомъ, во Франціи и Швейцаріи. Оперировалъ В. очень успѣшно и, благодаря его корреспонденціямъ, въ аппаратахъ у «Цѣпного моста» перебывало немало россіянъ, какъ впоследствии оказывалось, благодушно развязывавшихъ свои языки въ гостепріимныхъ тавернахъ, излюбленныхъ отечественными эмигрантами. Излавливаемыхъ В. «болтуновъ» департаментъ государственной полиціи учитывалъ не по количеству, а по качеству, благодаря чему В. въ концѣ концовъ оказался не у дѣль.

«Съ возникновеніемъ «священной дружины» В. снова появляется на поприщѣ политическаго сыска. Его «прошлое», уснащенное чисто героическими вымыслами его, правду сказать, недюжинной фантазіи, сразу завоевало ему видное положеніе среди близорукихъ руководителей дружины, и В. оказался во главѣ добровольческой политической полиціи, охранявшей устои государственности на югѣ. Вибалмошный и задорный по натурѣ, В. первымъ дѣломъ обратилъ свое вниманіе на учащуюся въ Кіевѣ молодежь, и большую часть имѣвшихся въ его распоряженіи денежныхъ средствъ онъ употребилъ для операцій исключительно въ этой средѣ.

«По инициативѣ В., въ Кіевѣ былъ открытъ ресторанъ, куда всячески заманивалось студенчество и другіе кіевляне, коротавшіе свои вечера, а иной разъ и утренники въ процвѣтавшихъ тогда въ Кіевѣ рестораціяхъ и пивныхъ. Весь штатъ администраціи вновь открытаго ресторана состоялъ изъ агентовъ дружины, руководимой В. Главной приманкой для посѣтителей тенденціознаго кабачка былъ не только широкій, но прямо-таки навязываемый кредитъ.

«Какъ выше было сказано, государственная полиція была во враждебныхъ отношеніяхъ со «священной дружиной», и кіевская жандармерія, во главѣ которой стоялъ тогда умный генералъ Новицкій, сумѣла освѣдомить кого слѣдуетъ о сути гостепріимнаго питейнаго убѣжища. Студенчество и бездомная кіевская молодежь съ утра до ночи заполняли залы провокаторскаго ресторана. Завѣдомо освѣдомленная публика валомъ валила въ измышленное В. учрежденіе и мигомъ использовала открытый ей широкій кредитъ.

«Съ оскуднѣніемъ центральной кассы «священной дружины» пришлось ликвидировать и кіевское предпріятіе. В. снова оказался не у дѣль. Кончилъ онъ очень печально.

Таковы фактическіе моменты въ жизни и дѣятельности «священ-

ной дружины», поглощавшіе ея громадныя средства и сводившія ея дѣятельность къ нулю, къ какой-то буффонадѣ, компрометировавшей только серьезную работу въ томъ же направленіи официальныхъ органовъ власти, конемъ она въ концѣ концовъ становилась на дорогѣ и подчасъ разрушала ея огромныя начинанія въ области сыска, выслѣживанія и улавливанія революціонеровъ.

Отмѣтимъ еще, что далеко не всѣ члены тайнаго сообщества были достоюльнымъ образомъ конспиративны и охотно сообщали своимъ знакомымъ не только факты изъ жизни и начинаній «дружины», но и легкомысленно показывали имъ документы, какъ, напримѣръ, текстъ присяги, который, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще неизвѣстенъ нашей печати, какъ равно остался не описаннымъ тотъ знакъ-жетонъ, которымъ располагали члены «дружины». Кажется, этотъ жетонъ былъ золотой, на одной сторонѣ котораго на эмали были изображены благовѣрный Александръ Невскій, но только съ переломленными ногами, какъ напоминаніе о мученической кончинѣ Александра II, а на другой было обозначено имя владѣльца жетона.

IV.

Если мы изъ дѣяній членовъ «священной дружины» не усматриваемъ ничего фактически-продуктивнаго и реально-цѣлесообразнаго, за исключеніемъ охраненія личности государя по пути его слѣдованія въ Москву и во время пребыванія тамъ, то почти то же самое можно сказать и объ ея замыслахъ, гдѣ на первомъ планѣ, между прочимъ, стояла мысль объ уничтоженіи, «вырѣзываніи» всѣхъ крамольниковъ и анархистовъ. П. Кропоткинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ революціонера»¹⁾ говоритъ по сему предмету: «Священная лига» основалась въ то время, съ В. А. во главѣ, чтобы бороться съ революціонерами всякими средствами, между прочимъ убійствомъ тѣхъ эмигрантовъ, которыхъ считали вождами недавнихъ заговоровъ. Я былъ въ числѣ намѣченныхъ лицъ. В. рѣзко выговаривалъ офицерамъ, членамъ лиги, за трусость, и выражалъ сожалѣніе, что среди нихъ нѣтъ никого, который взялся бы убить такихъ эмигрантовъ. Тогда одинъ изъ офицеровъ, который былъ камеръ-пажомъ въ то время, какъ я находился въ корпусѣ, былъ выбранъ лигой, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе. Въ дѣйствительности же эмигранты вовсе не вмѣшивались въ дѣятельность исполнительнаго комитета въ Петербургѣ. Стремленіе руководить заговоромъ въ Швейцаріи, тогда какъ революціонеры въ Петербургѣ находились подъ непрерывной угрозой смерти, было бы безсмыслицей. И Степнякъ и я писали не разъ, что никто изъ насъ не взялся бы за сомнительный трудъ выработыванія плановъ дѣятельности, не находясь на мѣстѣ. Но, конечно, въ интересѣ петербургской

¹⁾ П. Кропоткинъ, «Воспоминанія революціонера».

полціи было утверждать, что она не въ силах охранять царя, такъ какъ всѣ заговоры составляются за границей. Шпіоны—я знаю это хорошо—снабжали ее въ изобиліи донесеніями въ желанномъ смыслѣ... Что касается смертнаго приговора, который мнѣ вынесла священная лига, то предупрежденіе о немъ я получилъ изъ Россіи отъ одного очень высокопоставленнаго лица. Мнѣ стало извѣстно даже имя той дамы, которую послали изъ Петербурга въ Женеву, гдѣ она должна была стать душой заговора. Поэтому я ограничился тѣмъ, что сообщилъ фактъ и имена женевскому корреспонденту «Times», съ просьбой огласить ихъ, если что-нибудь случится со мной. Въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я также замѣтку въ «Révolté». Потомъ я больше не думалъ о приговорѣ. Жена моя, однако, не такъ легко отнеслась къ дѣлу; точно такъ, какъ и добрая крестьянка madame Сансо, у которой мы нанмали въ Тононѣ квартиру со столомъ. Она узнала о заговорѣ другимъ путемъ (черезъ свою сестру, служившую бонной въ домѣ русскаго агента) и окружила меня трогательной заботливостью. Домикъ ея находился за городомъ, и каждый разъ, когда я отправлялся вечеромъ въ городъ, чтобы встрѣтить жену на станціи или за какимъ-нибудь дѣломъ, мадамъ Сансо всегда находила предлогъ послать со мной своего мужа съ фонаремъ».

Если князь Кропоткинъ, живя въ Швейцаріи, легко получилъ свѣдѣнія изъ Петербурга о вынесенномъ ему «дружиной» приговорѣ, то о таковыхъ же приговорахъ еще легче узнавали на мѣстѣ тѣ, кто интересовался дѣлами арестократическаго тайнаго общества и кто корреспондировалъ за границу о его планахъ и дѣятельности. Такъ, нашъ сатирикъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ писалъ по сему предмету въ «Общее Дѣло», редактировавшееся докторомъ Вѣлоголовымъ и А. Х. Христофоровымъ, благодаря чему Вѣлоголовый имѣлъ возможность передавать дополнителныя свѣдѣнія, не попавшія въ печать, по надлежащему адресу. Вотъ что онъ сообщилъ по тому же вопросу о вынесенномъ «дружиною» смертномъ приговорѣ въ частномъ письмѣ къ П. Л. Лаврову: «Дорогой Петръ Лавровичъ! Сейчасъ получилъ письмо изъ Висбадена и спѣшу передать вамъ его сущность. «Св. дружина» наняла какого-то искуснаго дуэлиста и бреттера, чтобы оскорбить Рошфора и затѣмъ убить его на дуэли. Такимъ же образомъ предполагается поступить и съ Кропоткинскимъ. Ежели сойдутъ эти два устраненія благополучно, то пойдутъ и дальше. Во всѣхъ предпріятіяхъ дружины принимаютъ живѣйшее участіе Д. (вызвался давать дружинѣ по пятнадцати тысячъ ежемѣсячно) и оба Ш. Вы видите, дѣло такъ серьезно, что слѣдуетъ немедленно предупредить и Рошфора и Кропоткина, но непременно слѣдовало бы сдѣлать такъ, чтобы Рошфоръ [не разболталъ въ газетѣ подробности о дружинѣ, потому что тогда легко

будеть донскаться, откуда идутъ эти свѣдѣнія, а погубить С. ¹⁾ было бы жестоко. Кромѣ того, желательно было бы такъ подвести махинацію, чтобы поймать убійцъ во-время и доказать солидарность ихъ съ... Мы оба (т. е. Бѣлоголовый и его жена) находимся еще до такой степени подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, что я ни о чемъ другомъ не распространяюсь».

Лавровъ отнесся скептически къ этому сообщенію, и вотъ Бѣлоголовый шлетъ ему второе письмо, гдѣ говоритъ: «Я къ «дружинѣ» потому отношусь серьезно, что таково отношеніе къ ней С., и онъ стоитъ у самаго источника подобныхъ свѣдѣній о ней. Онъ пишетъ намъ часто и въ каждомъ письмѣ говоритъ о «дружинѣ» и, видимо, желалъ бы, чтобы свѣдѣнія о ней были сообщены въ западныя газеты. Я думаю, что напечатать о ней въ общихъ чертахъ, безъ подробностей (о Д., Ш. и т. д.) было бы полезно и не навело бы на слѣдъ источника потому, что, во-первыхъ, темные намеки о существованіи «дружины» встрѣчаются въ одномъ номерѣ «Порядка» и, во-вторыхъ, мнѣ пишутъ изъ Женевы, что тамъ получено сообщеніе съ юга Россіи, извѣщающее объ организаціи «дружины». Стало быть, глухой слухъ о ней бродитъ уже въ обществѣ и сообщеніе въ западныхъ газетахъ вовсе не указало бы на источникъ, особенно, если сдѣлать, какъ я уже сказалъ, безъ оглашенія подробностей».

Сообщая колоніи мирныхъ эмигрантовъ о дѣйствіяхъ дружины, Салтыковъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ попытку высмѣять ее въ одномъ изъ своихъ «Писемъ къ тетенькѣ», но такое цезурою было вырѣзано изъ «Отечественныхъ Записокъ» и засимъ появилось на страницахъ все того же «Общаго Дѣла» подъ заглавіемъ: «Клубъ взволнованныхъ лоботрясовъ». Въ печати вообще о «дружинѣ» не позволено было говорить, и только во второй половинѣ 1882 года «Новое Время» рѣшилось рѣзко выступить противъ нея, чѣмъ и нанесло ей, какъ видно будетъ далѣе, смертельный ударъ.

Предупреждаемая изъ Россіи о намѣреніяхъ лигистовъ (такъ назывались члены «св. дружины» или «лиги»), лица, принадлежавшія къ революціонному сообществу и имѣвшія пребываніе за границей, конечно, имѣли въ своемъ распоряженіи всѣ средства, чтобы обезопасить себя, и потому мы видимъ, что въ дѣйствительности «дружина» была бессильна предпринять какія-либо дѣйствія агрессивнаго порядка противъ намѣченныхъ враговъ и вся ея дѣятельность потому сводилась къ однимъ лишь разговорамъ и толкамъ, о коихъ и населеніе легко оказывалось освѣдомленнымъ. Изъ разговоровъ объ убійствахъ и кровавомъ отмщеніи ничего не вышло, зато кое-что ею было сдѣлано въ области арестовъ, да и то, повидимому, здѣсь не все обошлось благополучно и политика дѣйствій охраннаго отдѣленія, во главѣ котораго состоялъ полковникъ

¹⁾ Т.-е. Салтыкова-Щедрина.

Судейкинъ, рѣзко расходились въ данномъ случаѣ съ политикою «дружины», что, конечно, до нельзя раздражало отдѣленіе и спутывало подчасъ карты его шпіонской игры. Такъ, въ воспоминаніяхъ пѣкочей О—й о Судейкинѣ, подъ заглавіемъ: «Нераскрытое дѣло»¹⁾, гдѣ она повѣствуетъ, какъ ей въ интересахъ русской революціи удалось втереться въ довѣріе къ Судейкину и на время стать его quasi-агентомъ, она между прочимъ приводитъ и отзывъ Судейкина о «священной дружинѣ». Бесѣдуя съ нею на своей частной конспиративной квартирѣ на Конюшенной улицѣ и уговариваясь съ нею о планѣ совмѣстныхъ дѣйствій въ цѣляхъ положенія предѣла развитію террора, онъ рассказалъ ей о своемъ представленіи во дворѣ послѣ назначенія на постъ завѣдывающаго охраннымъ отдѣленіемъ.

«— Я оробѣлъ,—говорилъ Судейкинъ.—Когда я явился во дворецъ, я и самъ не думалъ, что на меня все это произведетъ такое впечатлѣніе, но когда вышелъ императоръ, я оробѣлъ. Оробѣлъ, какъ школьникъ. Но императоръ былъ очень внимателенъ. Подалъ мнѣ руку, похвалилъ, одобрилъ. «Я, говорить, о тебѣ слышалъ, я на тебя надѣюсь!..»

«Судейкинъ,—говоритъ г-жа О—я,—съ видимымъ удовольствіемъ повторялъ эту фразу. Я спросила объ Александрѣ III, сказала, какое въ публикѣ ходитъ о немъ мнѣніе. Судейкинъ сначала замялся, а потомъ сказалъ:

«— На него можно имѣть вліяніе. И все будетъ зависѣть отъ того какое это будетъ вліяніе.

«Я старалась угадать, зачѣмъ онъ говоритъ мнѣ о томъ, что, очевидно, составляло завѣтную мечту его? Очевидно, онъ хотѣлъ показать, что онъ можетъ имѣть «вліяніе», подчеркнуть свое значеніе. Съ особенною злостью онъ говорилъ о своей соперницѣ въ сискѣ и, вѣроятно, во «вліяніи»—лигѣ добровольцевъ.

«— Это такое учрежденіе, съ которымъ нужно бороться не меньше, чѣмъ съ террористами,—говорилъ Судейкинъ.—Больше даже. И съ нимъ бороться труднѣе. Революціонеры это люди, люди идеи, а это скопище... Банда!.. Но эта банда подъ покровительствомъ. Мнѣ мѣшаютъ невозможно. Дѣлаютъ доносы, требуютъ арестовъ, когда мнѣ это не нужно. Средства расходуются масса. Жандармское управленіе тратитъ много, но мы тратимъ на дѣло и наши расходы ничто въ сравненіи съ ихъ расходами. Тамъ миллионы выбрасываются и все напрасно—нажива какимъ-то...»

Судейкинъ, какъ и вообще власти, имѣющія касательство къ арестамъ, дѣлали ихъ сообразно съ извѣстною потребностью момента, сплошь и рядомъ давая выслѣживаемому лицу довести свои начипанія до извѣстнаго предѣла, и тогда лишь арестовывали его

¹⁾ «Наша Страна» № 1 «Историческіи сборникъ».

съ поличнымъ, причемъ имъ въ такихъ случаяхъ удавалось втягивать въ арестъ и прочихъ дѣйствующихъ лицъ даннаго предпріятія. Съ выступленіемъ на сцену «священной дружины» эта система начала ощущать извѣстные пробѣлы, и въ нее ворвался элементъ случайности и преждевременности. Такъ это было съ извѣстнымъ террористомъ, членомъ исполнительнаго комитета Савелиемъ Златопольскимъ, замышлявшимъ черезъ посредство автора вышеприведенныхъ воспоминаній осуществить убіеніе Судейкина помощью динамитной бомбы. О—я потерпѣла неудачу вслѣдствіе преждевременнаго ареста Златопольскаго, произведеннаго по настоянію «дружины». Когда О—я поставила Судейкину въ упоръ вопросъ о задержаніи ея единомышленниковъ, Судейкинъ ей отвѣтилъ:

— Это не я, а лигисты, и поусердствовала московская полиція. Я бы еще не арестовала этого субъекта, онъ мнѣ былъ нуженъ на волѣ. Эти проклятые добровольцы всегда мнѣ мѣшаютъ...

Если неудовольстіе «охраннаго отдѣленія» начало рано проявляться и высказывался довольно открыто противъ дружинниковъ и всей ихъ организаціи, то несочувствіе имъ начинается съ теченіемъ времени овладѣвать и нѣкоторою частью правительственныхъ лицъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ большого двора и отъ кружка Побѣдоносцева. Такъ, по сему предмету въ дневникѣ Валуева имѣются записи:

Подъ 19-мъ сентября онъ иронизируетъ: «Revers de medaille» современныхъ фразъ о вѣрнопопданническихъ восторгахъ. Въ Москвѣ на пути высочайшихъ выѣздовъ или проѣздовъ ближайшій «народъ» былъ составленъ изъ избранныхъ «св. дружиною» шести тысячъ временныхъ охранителей»¹⁾.

Подъ 8-мъ ноября: «Былъ у великаго князя (Михаила Николаевича) по случаю его именинъ. Какъ всегда, любезенъ. Изъ разговора съ нимъ могъ замѣтить, что тѣю, по его выраженію, Игнатъева, Островскаго и Побѣдоносцева не пользуется его расположеніемъ, что онъ не поклонникъ «св. дружины».

Подъ 7-мъ декабря, когда антреприза «св. дружины» лопнула, онъ съ нѣкоторымъ безрелигиознымъ презрѣніемъ заноситъ въ дневникъ: «Былъ у Шувалова. По его словамъ, его брату графу Павлу поручено государемъ озаботиться полнымъ расформированіемъ «священной дружины». Передъ кризисомъ образовался уродливый тѣ-

¹⁾ Къ роли этихъ охранителей удалось привлечь старообрядцевъ обѣщаніемъ имъ разныхъ исповѣдныхъ льготъ. Обѣщанія были даны, но Побѣдоносцевъ не далъ ихъ исполнить, что въ свое время крайне озлобило людей старой вѣры, надѣявшихся искренними проявленіями своего добраго чувства къ императору добиться распечатанія алтарей, что случилось, наконецъ, только въ недавнее время. Въ-сто обѣщанныхъ льготъ старообрядцамъ были даны медали и денежное вознагражденіе, въ которыхъ они совсѣмъ не нуждались.

поме, котораго три главы были графъ Павелъ Шуваловъ на «охранѣ», графъ Воронцовъ—по «дружинѣ» и генераль Оржевскій—по полиціи. Этотъ триумвиратъ долженъ былъ при разномысліяхъ испрашивать высочайшія разрѣшенія. Этого достаточно для оцѣнки сообразительности вожаковъ «дружины», которые дали поводъ или мысль къ учрежденію триумвирата.

V.

«Священная дружина», дѣйствуя черезъ охрану, ставила себѣ задачею, какъ уже говорено, обереженіе личности монарха, и, если удаленіемъ въ Гатчину всей царской семьи, казалось, въ этомъ отношеніи достигнута была нѣкоторая гарантія безопасности, то таковая исчезала, когда наступали моменты необходимости покинуть это загородное жилище, гдѣ приняты были самыя тщательныя мѣропріятія по охраненію. Опасность покушеній обрисовывалась особенно грозно во время посѣщенія государемъ императоромъ первопрестольной, гдѣ, какъ уже было въ точности извѣстно полиціи, сосредоточивалось къ тому времени немало покинувшихъ Петербургъ народовольцевъ. Опасенъ былъ и желѣзнодорожный путь, по коему, какъ то свидѣтельствовали судебные процессы, легко могли быть организованы динамитныя засады. Поэтому администраціей были выработаны особыя правила передвиженія царскихъ поѣздовъ, а также организована спеціальная желѣзнодорожная охрана рельсоваго пути, въ помощь которой въ періоды царскихъ поѣздокъ командировались войсковыя части, несшія на себя обязанности на извѣстныхъ дистанціяхъ и интервалахъ охранной службы. Но всѣ эти мѣропріятія не гарантировали коренной и абсолютной сохранности особы самодержца и его семейства, ибо носили на себѣ, какъ-никакъ, частичный, характеръ, и терроръ, всегда могъ проявить себя въ томъ или иномъ случаѣ, въ той или иной формѣ, разъ онъ, согласно программѣ липецкаго и воронежскаго съѣздовъ, продолжалъ дѣйствовать и народовольцы продолжали исповѣдывать систему террора, какъ единственную, съ ихъ точки зрѣнія цѣлесообразную въ борьбѣ съ правительственной властью. Но каковы намѣренія народовольцевъ, къ чему они готовятся и каковы въ ближайшемъ ихъ выступленія—это все было большою загадкою, и около этихъ вопросовъ главнымъ образомъ сосредоточивались мысли тѣхъ, кто призванъ былъ такъ или иначе стоять въ непосредственномъ соприкосновеніи съ историческими судьбами Россіи. Чтобы получить отвѣты на эти вопросы, надо было во что бы то ни стало проникнуть въ вліятельные террористическіе круги, войти, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, съ ними въ сношенія и отъ нихъ самихъ узнать объ ихъ планахъ. Революціонная конспирація, однако, была настолько хорошо выработана, террористы

въ этомъ отношеніи настолько дисциплинированы и натасканы всюю долготѣтнею практикою, что узнать что-нибудь отъ арестуемыхъ не представлялось возможнымъ; наконецъ, являлось каждый разъ и сомнѣніе, насколько данное лицо располагаетъ дѣйствительно существенными свѣдѣніями и насколько отъ полученія этихъ свѣдѣній зависитъ дальнѣйшій ходъ вещей. Короче, выяснялась необходимость войти съ главарями революціоннаго движенія въ непосредственныя отношенія и вступить съ ними въ откровенные переговоры, что представлялось, особенно настоятельнымъ и насущнымъ въ виду предстоявшей въ недалекомъ будущемъ коронаціи въ Москвѣ, на каковую должны были прибыть изъ-за границы высочайшія иностранныя особы. Какой-нибудь удачный для террористовъ взрывъ въ Москвѣ могъ грозить Россіи неисчислимыми государственными и политическимъ бѣдами, а гарантировать, что такого взрыва не будетъ, не было никакой возможности, какъ казалось, безъ соотвѣтствующихъ переговоровъ съ вожаками революціи. Пребываніе таковыхъ полагали за границею, въ Швейцаріи и Франціи, и потому туда и направлялись помыслы тѣхъ, кто останавливался на мысли о необходимости положить предѣлъ проявленію террора. «Священная дружина» и рѣшила принять на себя задачу переговоровъ съ таинственной революціонной «заграницей», но для таковыхъ переговоровъ нужны были подходящіе люди и соотвѣтствующая форма обращенія. Дѣятели «дружины» понимали, что обращеніе ихъ къ революціонерамъ отъ имени просто «дружины», безъ обѣщанія какихъ-либо компенсацій не достигло бы никакихъ результатовъ, и потому дѣятели аристократическаго тайнаго общества рѣшили принять на себя въ цѣляхъ успѣшности задуманныхъ переговоровъ нѣкоторый фиктивный обликъ, который давалъ бы имъ своего рода свободный пропускъ въ ряды революціонеровъ. Таковымъ обликомъ намѣчено было родство и тождество съ фантастической «земскою лигой», на дѣлѣ не существовавшей въ качествѣ опредѣленной организаціи, но въ силу извѣстныхъ конституціонныхъ теченій въ земской средѣ очень правдоподобной и могшей ввести вожаковъ революціоннаго движенія въ довѣрчивое заблужденіе.

Дѣло въ томъ, что изъ либеральнаго движенія въ черниговскомъ земствѣ, гдѣ игралъ такую выдающуюся роль и понынѣ здравствующій И. И. Петрункевичъ, родился «земскій союзъ», о коемъ этотъ нашъ общественный дѣятель даетъ на страницѣхъ «Русской Мысли» слѣдующія показанія ¹⁾: «Въ земскихъ учрежденіяхъ того времени сосредоточились наиболѣе живые и дѣятельные элементы какъ среди гласныхъ, такъ и того общественнаго слоя, который впоследствии получилъ названіе «третьяго элемента», и земскія учрежденія были

¹⁾ «Русская Мысль», 1911 г., мартъ, ст. В. Я. Богучарскаго.

тогда единственной почвой, гдѣ можно было сдѣлать попытку организаціи общественныхъ силъ съ политическими цѣлями; поэтому и названіе «земскій союзъ» какъ бы естественно вытекало изъ существа положенія. Тѣмъ не менѣе «земскій союзъ» получилъ свое реальное бытіе, если не ошибаюсь, только въ Москвѣ въ 1881 году; подготовка же его началась въ октябрѣ 1878 года, когда нѣсколько черниговскихъ земцевъ и кievскихъ старо-украинофиловъ рѣшили воспользоваться празднованіемъ въ Харьковѣ юбилея малороссійскаго писателя Квитки съ цѣлью завязать сношенія съ земцами южныхъ губерній, а также съ разными общественными дѣятелями, которые съѣдутся на юбилей, и поставитъ вопросъ о борьбѣ за политическую свободу и конституцію. Эта задача была поставлена на юбилейномъ банкетѣ и встрѣтила горячее сочувствіе довольно разнообразнаго общества, состоявшаго изъ профессоровъ университета, земцевъ, учителей среднихъ учебныхъ заведеній, врачей и другихъ общественныхъ дѣятелей, но вопросъ объ организаціи союза тутъ не поднимался; было лишь условлено, что нѣкоторые земскія собранія выступать съ заявленіями и адресами, послѣдствіемъ чего и было появленіе извѣстныхъ «земскихъ адресовъ»: харьковскаго, черниговскаго, тверскаго, таврическаго и другихъ, впрочемъ, немногихъ».

В. Я. Богучарскій обратился къ И. И. Петрункевичу, какъ дѣятелю того времени, съ запросомъ о существованіи «земской лиги», ея отдѣленіи отъ «земскаго союза» и ея дѣйствительныхъ сношенійхъ въ исходѣ семидесятихъ годовъ къ террористами, о чемъ въ заграничномъ журналѣ «Общее Дѣло» имѣлись указанія, и получилъ отъ него слѣдующее показаніе: «Такъ называемая «лига» никогда не существовала, какъ организованное общество. Объ ея организаціи *были разговоры*, но она не была осуществлена вслѣдствіе ареста въ 1879 году многихъ лицъ изъ числа ея организаторовъ. Поэтому «союзъ» не могъ отдѣлиться отъ «лиги», ибо первый существовалъ въ то время, когда мысль о «Лигѣ» была оставлена. Не могъ «союзъ» отдѣлиться отъ «лиги» и въ виду ея связи съ террористами, ибо такой «лиги» *не было*, а было лишь *одно* совѣщаніе двухъ лицъ, принадлежавшихъ къ числу земцевъ, всегда пользовавшихся полнымъ довѣріемъ послѣднихъ». И далѣе онъ говоритъ: «Я хочу обратить ваше вниманіе на то, что, говоря о «лигѣ», я имѣю въ виду кievскую 1879 года. Термины того времени не отличались строгой точностью, и московскій союзъ восьмидесятихъ годовъ называли иногда «лиго»».

Этой-то неточностью терминовъ и воспользовался вліятельный членъ «священной дружины» графъ П. П. Шуваловъ, который игралъ въ тайной организаціи выдающуюся роль, но который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это теперь выясняется, несомнѣнно, игралъ и двойственную роль, состоя одновременно въ самыхъ тѣсныхъ отноше-

ніяхъ къ защитникамъ и поборникамъ чистаго неограниченнаго самодержавія и рядомъ съ этимъ преслѣдуя конституціонныя тенденціи, въ родѣ тѣхъ, которыя были въ свое время свойственны «верховникамъ» при Аннѣ Іоанновнѣ, присущи нѣкоторымъ представителямъ «Сѣвернаго союза» декабристовъ и нѣкоторымъ земцамъ шестидесятыхъ годовъ, мнившимъ въ ограниченіи самодержавія найти дворянству нѣкоторую компенсацію за освобожденіе крестьянъ и лишеніе ихъ привилегій по даровому крѣпостному труду.

Принимая самое дѣятельное участіе въ начинаніяхъ «дружины», Шуваловъ вмѣстѣ съ тѣмъ дружить и съ представителями ультралиберальнаго лагеря и состоитъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ такими представителями нашего радикальнаго либерализма, какъ И. И. Петрункевичъ, В. А. Гольцевъ, М. П. Драгомановъ, субсидируетъ «Вольное Слово» въ Швейцаріи и ведетъ конституціонныя переговоры съ названными дѣятелями. Очевидно, онъ во всѣхъ случаяхъ не совсѣмъ искрененъ и ждетъ момента, чтобы изъ суммы событій выиграть наиболѣе благопріятное для себя положеніе. Такъ, г. Богучарскій въ своихъ изслѣдованіяхъ, на основаніи разспросовъ живущихъ и понынѣ современниковъ, свидѣтельствуетъ: «На вопросъ о личности графа П. П. Шувалова, о томъ, не встрѣчался ли съ нимъ кто-либо изъ членовъ «земскаго союза» и въ какихъ отношеніяхъ былъ этотъ союзъ къ «Вольному Слову», И. И. Петрункевичъ сообщилъ, что лично онъ съ Шуваловымъ встрѣтился въ Петербургѣ въ 1882 году въ квартирѣ своей жены (съ нею Шуваловъ былъ знакомъ салоннымъ образомъ), когда ему разрѣшено было пріѣхать на короткое время въ Петербургъ навѣстить больного сына. Шуваловъ немедленно заговорилъ съ И. И. Петрункевичемъ о необходимости водворенія въ Россіи конституціи и вечеромъ того же дня прислалъ ему цѣлый конституціонный проектъ, съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа, съ двухпалатной системой представительства. Къ «Земскому союзу» Шуваловъ, конечно, не принадлежалъ, принадлежность же его къ «священной дружинѣ» не подлежитъ сомнѣнію. Будучи въ 1881—1882 годахъ въ ссылкѣ, И. И. Петрункевичъ не имѣлъ никакого отношенія къ «Вольному Слову», но отъ покойнаго Гольцева слышалъ, что этотъ органъ поддерживался матеріально черезъ послѣдняго. Другой земець, принимавшій участіе въ «земскомъ союзѣ», въ письмѣ къ намъ прямо сообщилъ, что для поддержки «Вольнаго Слова» В. А. Гольцевъ получалъ средства непосредственно отъ графа П. Шувалова, съ которымъ былъ лично знакомъ». Далѣе г. Богучарскому удалось выяснитъ, что графъ состоялъ въ знакомствѣ и съ М. П. Драгомановымъ, редактировавшимъ «Вольное Слово» послѣ А. П. Мальшинскаго, основавшаго въ 1881 году эту газету въ Женевѣ надъ незаконно и обманно выставленнымъ флагомъ «земскаго союза».

Мальшинскій, котораго во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія читающая публика знала какъ дѣятельнаго сотрудника «Русскаго Вѣстника» издательства Ѳ. Н. Берга, а потомъ какъ издателя ультра-консервативной газеты «Народъ», въ концѣ семидесятыхъ годовъ составилъ для шефа жандармовъ генерала Дрентельна «Обзоръ социальнаго-революціоннаго движенія». Будучи, такимъ образомъ, тѣсно связанъ съ дѣятелями полицейской власти, онъ совершенно неожиданно появился на эмигрантскомъ горизонтѣ Швейцаріи, снабженный большими денежными средствами, и, глухо выдавая себя за представителя «земскаго союза», основалъ въ 1881 году газету «Вольное Слово» съ цѣлью давать отпоръ террору, какъ опредѣленной политической системѣ дѣйствій, и дать возможность вмѣстѣ съ тѣмъ русскимъ оппозиціоннымъ силамъ высказывать свободно свои мнѣнія о дѣлахъ и нуждахъ Россіи. Обставленная хорошо въ матеріальномъ отношеніи, газета велась очень разнообразно, интересно, давая на своихъ столбцахъ очень освѣдомленныя корреспонденціи изъ Россіи, гдѣ дѣлались обстоятельныя сообщенія по земскимъ дѣламъ, по вопросамъ нашей внутренней жизни, дѣламъ придворнымъ, а также о дѣятельности «священной дружины», при чемъ, говоря о послѣдней, редакція далеко не всегда относилась къ ней сочувственно и выдѣляла изъ состава ея членовъ на болѣе серьезное мѣсто только Мейендорфа и Шувалова. Какъ нынѣ окончательно выяснено В. Я. Богучарскимъ, «Вольное Слово» не имѣло ничего общаго съ «земскимъ союзомъ», это была своего рода узурпація знамени, нужнаго редакціи для полученія популярности и довѣрія эмигрантской колоніи. За кулисами редакціи и спиною Мальшинскаго орудовалъ графъ П. П. Шуваловъ, чѣмъ и объясняются комплименты по его адресу, слышавшіеся со столбцовъ газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шуваловъ секретно обнаруживалъ здѣсь до извѣстной степени и свой земскій и конституціонный либерализмъ, стараясь привлечь на свою сторону свободомыслящіе элементы Россіи.

Спустя нѣкоторое время, противниками «Вольнаго Слова» выступили Христофоровъ и Бѣлоголовый, которые въ основанной ими газетѣ «Общее Дѣло» и поспѣшили разоблачить прошлое Мальшинскаго, вызвать къ нему недовѣріе читателей и представить его въ глазахъ эмиграціи, какъ человѣка темнаго въ своей репутации, опаснаго, сообщества съ которымъ надлежитъ избѣгать. Подъ давленіемъ нападокъ и разоблаченій со стороны «Общаго Дѣла» Мальшинскій вынужденъ былъ сложить съ себя званіе редактора газеты, уступивъ таковое Драгоманову, но оставаясь тѣмъ не менѣе вліятельнымъ лицомъ въ организаціи изданія. Въ исходѣ 1882 года онъ покинулъ Швейцарію, безнаказанно вернулся въ Россію и открыто перешелъ въ консервативный лагерь. Патронъ же его Шуваловъ остался въ наилучшихъ отношеніяхъ съ его замѣстителемъ и черезъ

Гольцева продолжалъ субсидировать изданіе въ матеріальномъ отношеніи и по части полученія изъ Россіи достовѣрныхъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ непосредственнаго придворнаго и правительственнаго источниковъ. Въ интересахъ «священной дружины», повидимому, «Вольное Слово» мало что могло сдѣлать, но зато теперь, на разстояніи извѣстнаго времени, мы можемъ видѣть, что, дѣйствуя въ интересахъ конституціонныхъ и либерализма, газета эта явилась доказательствомъ, что въ нѣдрахъ «дружины» не все обстояло благополучно и что если консервативные ея элементы открыто дѣйствовали въ пользу status quo, зато другіе элементы, среди коихъ Шуваловъ занималъ первое мѣсто, преслѣдовали задачи переворота въ пользу ограниченія самодержавія и дарованія Россіи народнаго представительства аристократическаго оттѣнка.

VI.

Въ борьбѣ съ терроромъ члены «священной дружины», какъ уже сказано, ясно сознали, что идти прежними путями, и ограничиваться одиѣми мѣрами охраны, сыска и арестовъ невозможно, и выдвинули въ своей программѣ дѣйствій необходимость переговоровъ съ террористами, каковыми по малой своей освѣдомленности въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи считали всѣхъ представителей революціонной партіи. Какъ при основаніи газеты «Свободное Слово» Шуваловъ воспользовался фикціей «земскаго союза», такъ и въ переговорахъ по поводу прекращенія террористическихъ выступленій онъ выставилъ знамя не осуществивавшейся «земской лиги». Представители революціонной Россіи за границею легко могли и не знать, существуетъ ли такая «лига» въ дѣйствительности, или нѣтъ, а потому онъ смѣло поставилъ карту на нее и черезъ «священную дружину» делегировалъ за границу подходящаго человѣка для намѣченныхъ переговоровъ, явившагося сюда въ качествѣ именно представителя этой «лиги». Человѣкомъ этимъ былъ докторъ Эдуардъ Ипполитовичъ Нивинскій, за дѣйствіями котораго, однако, пославшіе его поручили слѣдить и командированнымъ филерамъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о переговорахъ исполнительнаго комитета Народной Воли» и «добровольной охраны»¹⁾, извѣстный уже читателямъ «Историческаго Вѣстника» революціонеръ Вл. Дебогорій-Мокрѣвичъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія о миссіи доктора Э. И. Нивинскаго. Онъ повѣствуетъ:

«Лѣтомъ 1882 года, когда я уже совсѣмъ собрался уѣзжать изъ Парижа въ Марсель, откуда съ ожидавшимъ меня тамъ Н. Судзиловскимъ мы должны были отправляться дальше въ Константино-

¹⁾ «Былое» 1967 г., апрѣль.

поль, я вдругъ получилъ телеграмму отъ Михаила Петровича Драгоманова: онъ звалъ меня въ Женеву «по очень важному дѣлу». Въ телеграммѣ не было сказано, въ чемъ именно состояло дѣло; но такъ какъ Драгоманову извѣстно было мое плачевное матеріальное положеніе и то обстоятельство, что я приготовился уѣзжать изъ Франціи и, слѣдовательно, совсѣмъ не имѣлъ ни свободнаго времени, ни лишнихъ денегъ, и разъ, несмотря на все это, онъ все же звалъ, то для меня это служило доказательствомъ того, что на самомъ дѣлѣ было какое-то очень важное дѣло, а потому, не мѣшкая, съ ближайшимъ же поѣздомъ я отправился въ Женеву.

«Въ Женевѣ на квартирѣ Драгоманова я былъ представленъ какому-то господину, съ своей стороны, рекомендовавшемуся мнѣ подъ польской фамиліей, которую съ точностью не могу теперь припомнить ¹⁾. Такъ какъ, по его словамъ, у него въ Петербургѣ имѣлось гдѣ-то гидро-терапевтическое заведеніе, то я буду называть его просто «докторомъ», хотя былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ докторъ, или нѣтъ, я этого утверждать не могу. То былъ человекъ на видъ лѣтъ около сорока, полный, бѣлобрысый, въ золотыхъ очкахъ. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ, что состоитъ членомъ организціи «добровольной охраны», во главѣ которой стоитъ Шуваловъ (при этомъ, помню, онъ подчеркнул имя *Петра* Шувалова въ отличіе отъ какого-то другого Шувалова) и что пріѣхалъ онъ изъ Петербурга за границу съ тою цѣлью, чтобы отыскать пути къ «исполнительному комитету» для вступленія съ нимъ въ соглашеніе. На вопросъ, что за организація «добровольная охрана» и каквы ея цѣли, — докторъ разсказалъ, что въ правительственныхъ, придворныхъ кругахъ существуетъ два теченія—враждебныя, борющіяся между собою, — реакціонное и либеральное, и что либеральное теченіе, поставившее своей цѣлью проведеніе конституціонной реформы въ Россіи, именно и создало организацію «добровольной охраны»; а самое названіе «охраны» организація присвоила потому, что ближайшей задачей своей ставить охрану царя отъ убійства, которымъ угрожаютъ ему революціонеры. При этомъ докторъ напиралъ на то обстоятельство, что не должно смѣшивать «добровольной охраны» съ обыкновенной полицейской охраной, окружающей царя, такъ какъ если полиція свои усилія направляетъ на то, чтобы переловить такъ называемыхъ злоумышленниковъ, то «охранцы» никоимъ образомъ не ставятъ себѣ подобной задачи. «Въ опасные моменты, — говорилъ докторъ, — охранцы просто-напросто окружаютъ царя, не подпускаютъ къ нему никого посторонняго и защищаютъ его, такъ сказать, собою, своими собственными тѣлами. И если замѣтятъ злоумышленника, то не будутъ предавать его полицейскимъ властямъ, а возьмутъ за руку и отведутъ въ сторону».

¹⁾ Это былъ именно Нивинскій.

«Такъ какъ члены «исполнительнаго комитета» внутри Россіи держались конспиративно и не было никакой возможности вступить съ ними въ прямыя сношенія, то поэтому «охранцы» намѣтили трехъ лицъ за границей, какъ посредниковъ для предполагаемыхъ переговоровъ, и съ этими тремя лицами докторъ и долженъ былъ видѣться и начать переговоры. Эти три лица были: Михайль Петровичъ Драгомановъ, Петръ Лавровичъ Лавровъ и я.

«Но охранцы» ошибались относительно меня: прямыхъ сношеній съ «исполнительнымъ комитетомъ» у меня не было. Поэтому вмѣсто себя я предложилъ ввести въ переговоры Марину Никаноровну ¹⁾, а для этого нужно было мнѣ обратнo ѣхать въ Парижъ. Переговоривши обо всемъ съ Драгомановымъ, мы такъ и рѣшили сдѣлать; въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ докторъ и я отправились въ Парижъ.

«Въ Парижъ нашъ поѣздъ прибылъ раннимъ утромъ. Докторъ остановился въ отелѣ; я же, чтобы не застать Петра Лавровича еще въ кровати, сначала побродилъ немного по улицамъ и бульварамъ, а потомъ зашелъ къ нему. Сообщивши въ общихъ чертахъ о дѣлѣ, я предложилъ ему пойти вмѣстѣ къ Маринѣ Никаноровнѣ, чтобы условиться, гдѣ и въ которомъ часу должна была произойти встрѣча съ докторомъ. У Марины Никаноровны опять разсказала сущность дѣла и затѣмъ, договорившись собраться спустя часъ времени на квартирѣ Петра Лавровича, куда я долженъ былъ привести доктора, я отправился въ отель за докторомъ.

«Но вотъ мы и собрались уже у Петра Лавровича на его безсмѣнной квартирѣ въ улицѣ St.-Jacques, и Петръ Лавровичъ помѣстился въ креслѣ за своимъ длиннымъ рабочимъ столомъ; Марина Никанорова стояла сзади его; докторъ съ низко остриженной, бѣлобрысой головой сѣлъ на стулѣ и, поверотившись лицомъ къ Петру Лавровичу и блестя золотыми очками, принялся излагать все по порядку. Онъ началъ съ заявленія о томъ, что онъ членъ организаціи, называющейся «добровольная охрана», разъяснилъ, какого рода была эта организація, каковы были ея цѣли, составъ (не помню, чтобы упоминалъ и въ этотъ разъ кого-либо еще, кромѣ Шувалова) и пр. Однимъ словомъ, повторилъ то, что я уже передалъ выше. Но теперь изъ его словъ для меня яснѣе очертился характеръ борьбы, ведшейся партіями при дворѣ царя. Обѣ партіи, преслѣдуя различныя цѣли, одна—реакціонныя, другая—либеральныя, для достиженія этихъ своихъ цѣлей шли однимъ и тѣмъ же путемъ, держались одного и того же средства, именно стать къ царю ближе своихъ противниковъ. Такъ что все дѣло сводилось къ тому, кото-

¹⁾ Подъ именемъ Марины Никаноровны Полонской въ Парижѣ жила извѣстная дѣятельница партіи «Народной Воли» Марія Николаевна Оловенникова-Ошанина-Баранишкова, входившая въ составъ «исполнительнаго комитета».

рой изъ двухъ партій удастся заручиться большимъ довѣріемъ у царя Александра III. «Подъ страхомъ угрозы «исполнительнаго комитета»,—говорилъ далѣе докторъ,—царь легко можетъ склониться въ сторону реакціонеровъ. Чтобы уменьшить ихъ шансы на успѣхъ, «охранцы» рѣшили войти въ переговоры съ «исполнительнымъ комитетомъ», убѣдить «исполнительный комитетъ», такъ сказать, касировать свой смертный приговоръ надъ царемъ Александромъ III». «Охранцы» надѣялись, что когда Александръ III не будетъ ощущать занесенной надъ собою руки революціонеровъ, то имъ возможно будетъ удержать свое вліяніе при дворѣ и провести извѣстныя политическія реформы. При этомъ докторъ высказалъ увѣренность, что конституція желаютъ всѣ въ Россіи и, вѣроятно, точно также и социалисты. Но Петръ Лавровичъ на это сталъ возражать. «Безъ всякаго сомнѣнія, социалисты ставятъ въ свою программу завоеваніе свободы,—говорилъ онъ:—но свобода, къ которой стремятся социалисты-революціонеры, ничего общаго не имѣетъ съ конституціей, которая нужна буржуазіи, такъ какъ истинная свобода не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена экономическая эксплуатація». Потомъ Петръ Лавровичъ сталъ укорять русскихъ либераловъ за то, что они малодѣятельны, не энергичны, не предпринимаютъ рѣшительныхъ мѣръ для осуществленія своей программы.

«Такимъ образомъ, предложеніе «добровольной охраны», какъ это выяснилось для меня на этомъ собраніи, состояло въ томъ, чтобы «исполнительный комитетъ» снялъ съ царя свой приговоръ (объявленный въ одной изъ прокламацій, не помню, когда и по поводу чего выпущенной «исполнительнымъ комитетомъ»), о чемъ и долженъ былъ опубликовать; «охрана» же, съ своей стороны, надѣялась провести конституціонную реформу въ Россіи.

«Но, разговаривая съ нами отъ лица «добровольной охраны», докторъ не могъ, конечно, не понимать того обстоятельства, что для насъ, не посвященныхъ въ придворныя тайны, эта представляемая имъ «охрана» могла казаться просто таки-миѳомъ, вымысломъ; правда, чтобы сколько-нибудь легализировать, такъ сказать, ее въ нашихъ глазахъ, онъ упоминалъ о томъ, что въ ней принимаетъ участіе Шуваловъ, но сущность дѣла отъ упоминанія одного имени мало измѣнялась; не знаю, замѣтилъ ли докторъ у кого-либо изъ присутствовавшихъ сомнѣніе, или же все это раньше было имъ обдуманно, но вотъ какъ онъ пошелъ навстрѣчу этому щекотливому положенію вещей. «Мое положеніе, господа, выгодноѣ вашего,—замѣтилъ онъ:—я знаю, кто вы всѣ. Но я для васъ неизвѣстная величина и, слѣдовательно, ко всему тому, что я здѣсь говорю и предлагаю, вы имѣете основаніе относиться съ недоувѣріемъ. Чтобы вы могли увѣриться въ томъ, что наша организація представляетъ дѣйствительную силу, я предлагаю слѣдующее доказательство:

кого хотите изъ эмигрантовъ «добровольная охрана» возьмется легализовать и дастъ возможность воротиться въ Россiю». Исключенiю подлежали только двое: П. Кропоткинъ, легализацiя котораго невозможна была, насколько припоминаю, по словамъ доктора, по той причинѣ, что о немъ въ самыхъ высшихъ сферахъ составилось мнѣнiе, какъ о весьма опасномъ человѣкѣ, и еще кто-то, но я забылъ, кто именно».

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ Дебогорiй уже не участвовалъ, и мы узнаемъ о нихъ только изъ бумагъ, оставшихся послѣ П. Л. Лаврова и изъ неоднократно цитированной намъ статьи В. Я. Богучарскаго «Изъ исторiи политической борьбы въ восьмидесятихъ годахъ».

VII.

Переговариваясь съ Лавровымъ и Оловенниковой, Нивинскiй настаивалъ, чтобы «исполнительный комитетъ» гарантировалъ безопасность предстоящей коронацiи, о чемъ онъ долженъ былъ издать особую прокламацiю, и взамѣнъ «земская лига» должна была исключотать освобожденiе Н. Г. Чернышевскаго, подготовить широкую амнистiю политическихъ преступниковъ, болѣе или менѣе полную свободу печати и созывъ земскаго собора.

Регистрируя ходъ этихъ переговоровъ и намѣчая пункты соглашенiй и программу дальнѣйшихъ дѣйствiй, Лавровъ далъ всему этому слѣдующiе слѣды въ своихъ документахъ ¹⁾, сохранившiеся въ его архивѣ.

I.

«Немнотге члены «исполнительнаго комитета»,—говоритъ онъ,— и находящiеся за границей и съ которыми я успѣлъ снестись, передали мнѣ слѣдующее:

«Есть пункты, относительно которыхъ они могутъ говорить за всѣхъ своихъ товарищей, и другiе, по которымъ имъ необходимо снестись съ Россiею. Они довѣряютъ мнѣ начать переговоры на тѣхъ основанiяхъ, относительно которыхъ они безусловно увѣрены въ согласiи своихъ товарищей. Именно:

«1. Они требуютъ прежде всего какого-либо ручательства, что переговоры идутъ съ людьми дѣйствительно серьезными, а не выдающими себя за имѣющихъ право вести подобные переговоры.

«2. За основанiе переговоровъ должно быть принято письмо «исполнительнаго комитета» къ Александру III отъ 10-го марта 1881 года и въ предѣлахъ условiй этого письма они могутъ ручаться за согласiе ихъ товарищей еще и въ настоящее время.

¹⁾ «Былое» 1907 г., сентябрь, Ст. «Документы и материалы къ исторiи переговоровъ «исполнительнаго комитета» съ «священной дружиной».

«3. Если разъ лица, съ которыми начаты переговоры, могутъ считаться компетентными во всемъ, касающемся ихъ, то надо, чтобы нѣкоторыя предварительныя дѣйствія со стороны правительства ручались за искренность его въ этомъ случаѣ.

«4. Они могутъ поручиться, что:

«а) если по предыдущимъ тремъ пунктамъ произойдетъ удовлетворительное соглашеніе, то до коронаціоннаго манифеста Александръ III будетъ огражденъ отъ всѣхъ попытокъ, организованныхъ или организуемыхъ комитетомъ;

«б) если исполнительный комитетъ увидитъ изъ ряда дѣйствій правительства, что оно серьезно приступило къ исполненію условій соглашенія, то, насколько эта увѣренность будетъ длиться, «исполнительный комитетъ» не предприметъ ничего противъ Александра III.

«И если русскимъ социалистамъ будетъ обезпечено право мирно распространять свои идеи, то онъ рѣшительно откажется отъ всякой террористической дѣятельности.

«Въ виду развитія со времени 10-го марта взглядовъ, которые прежде не имѣлись въ виду, лица, съ которыми я (*неразборчиво*), сочли нужнымъ сказать въ поясненіе сказаннаго въ письмѣ къ Александру III отъ 10-го марта о выборахъ въ народное собраніе, что ихъ товарищи понимаютъ это собраніе, какъ созывъ представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ настоящаго рабочаго народнаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. д.), для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ преобразованій, которыя обезпечили бы благосостояніе рабочаго класса.

II.

Прелиминарныя условія.

«I. Земская лига обязуется прежде всего (доказать) выяснить ю *силу* и (полную благонадежность своихъ намѣреній) свои цѣли; этого:

«а) Земская лига выхлопочетъ амнистію Чернышевскаго, или

«б) облеченіе участи политическихъ каторжныхъ (въ Сибири),

«с) сверхъ того, земская лига оставляетъ въ залогъ крупную сумму, орая должна быть возвращена лигѣ, по исполненію обязательствъ, въ случаѣ же неисполненія—можетъ быть конфискована;

«д) сверхъ того, земская лига даетъ возможность *обстоятельнаго* ознакомленія со своими средствами и цѣлями (наиболѣе желательно посредствомъ принятія въ составъ своихъ членовъ) какому-нибудь лицу, которое бы пользовалось довѣріемъ земской лиги и исполнительнаго комитета. Лицо это выбирается по соглашенію

обѣихъ сторонъ. Если это лицо находится въ ссылкѣ, то должно быть предварительно амнистировано.

«Исполнительный комитетъ не требуетъ отъ этого лица сообщенія какихъ-либо секретовъ земской лиги и довольствуется *общимъ* его удостовѣреніемъ съ томъ, что силы и цѣли земской лиги позволяютъ исполнительному комитету вступать съ ней въ соглашеніе.

«II. Немедленно по полученіи означеннаго ручательства, исполнительный комитетъ обязуется опубликовать прокламацію, къ сему прилагаемую, и пунктуально соблюсти данныя въ ней обѣщанія.

«III. Земская лига должна сообщить теперь же, въ какіе приблизительно сроки она считаетъ возможнымъ (при пассивномъ содѣйствіи исполнительнаго комитета) подготовить:

а) болѣе или менѣе полную амнистію,

б) доставить русской прессѣ и русскому обществу возможность (свободно) подготовиться къ земскому собору, путемъ (болѣе или менѣе) достаточно свободнаго обсужденія русскихъ общественныхъ вопросовъ,

в) подготовить, наконецъ, созывъ самаго земскаго собора, который (какъ *conditio sine qua non*) долженъ быть непременно всенароднымъ, долженъ быть избранъ при вполне свободной агитаціи и долженъ имѣть права учредительнаго собранія.

«IV. Въ случаѣ, если бы земская лига въ означенные ею самой приблизительно сроки оказалась безсильной исполнить принятія на себя обязательства, исполнительный комитетъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ самой лигѣ.

III.

Проектъ прокламаціи.

«Къ исполнительному комитету обращались въ послѣднее время съ укорами, которые вызываютъ его на новое заявленіе. Его обвиняютъ сторонники либеральныхъ учреждений въ Россіи въ томъ, будто онъ своею террористическою дѣятельностью не позволяетъ правительству Александра III вступить на путь либеральныхъ реформъ, а, напротивъ, вызываетъ въ императорѣ т раздраженіе, которое заставляетъ будто бы Александра III окружать себя людьми все болѣе ненавистными русскому обществу, все болѣе враждебными всякой свободѣ. Эти взгляды нашли себѣ выраженіе даже въ нѣкоторыхъ кружкахъ, вполне сочувствующихъ цѣлямъ, къ которымъ стремится русская революціонная партія.

«Дѣятельность русскаго правительства и отсутствіе рѣшительной дѣятельности у русскихъ либераловъ не давали до сихъ поръ исполнительному комитету повода усомниться въ вѣрности избраннаго имъ пути; но въ виду частыхъ обвиненій, на него вводимыхъ за его будто бы упорство на этомъ пути, онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать еще одно заявленіе.

«10-го марта 1881 г. онъ обращался къ Александру III съ указаніями условій, «созданныхъ исторіею», на которыхъ «революціонное движеніе можетъ замѣниться «мирною работою». Александръ III не обратилъ вни-

манія на это обращеніе. То, что совершилось послѣ 10-го марта, давало бы право исполнительному комитету считать мирное обращеніе 10 марта уже достояніемъ исторіи и произнести надъ Александромъ III такой приговоръ, какой исполнительный комитетъ произнесъ и исполнилъ надъ Александромъ II. Но исполнительный комитетъ не изъ любви къ самому террору и не изъ мстительности выбралъ путь терроризма, а лишь прія къ убѣжденію, что лишь этотъ печальный для него самого путь можетъ привести къ ближайшимъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ соціально-революціонною партіею. Для него остаются существенными не путь, а цѣли, къ которымъ онъ ведетъ. Если бы онъ дѣйствительно осуществилъ инымъ путемъ, исполнительный комитетъ съ радостью отказался бы отъ прежнихъ пріемовъ. Онъ поэтому признаетъ, что и до сихъ поръ онъ не отрекается ни отъ одной строки изъ того, что сказано въ письмѣ къ Александру III отъ 10-го марта. Онъ и теперь согласенъ считать условія, тамъ высказанныя, условіями, на которыхъ «революціонное движеніе» можетъ «замѣниться мирною работою». Онъ заявляетъ, что приговоръ его надъ Александромъ III еще не произнесенъ и что, пока это не сдѣлано, личность Александра III еще на нѣкоторый срокъ обезпечена отъ попытокъ со стороны лицъ и кружковъ, входящихъ въ организацию русской соціально-революціонной партіи «Народной Воли». Онъ заявляетъ, что этотъ приговоръ не имѣлось въ виду произнести до тѣхъ поръ, пока коронаціонный манифестъ, опредѣляющій программу новаго царствованія, не покажетъ бы, что нечего уже ждать отъ правительства Александра III пониманія истинныхъ потребностей Россіи и приступа къ улучшенію ея положенія. Поэтому, какъ самъ Александръ III, такъ и его совѣтники, желающіе его безопасности, имѣютъ время одуматься. Люди, надѣющіеся помочь нынѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи путемъ мирныхъ реформъ или чисто политическаго переворота, могутъ еще попробовать устранить новыя, печальныя для всѣхъ катастрофы. Отъ самого Александра III, отъ его совѣтниковъ, отъ сторонниковъ политическихъ свободъ въ Россіи зависитъ, чтобы приговоръ надъ Александромъ III вовсе произнесенъ не былъ. Пусть Александръ III выразитъ въ опредѣленномъ заявленіи и осуществитъ въ рѣшительныхъ мѣрахъ свой переходъ къ либеральной внутренней политикѣ. Пусть друзья политической свободы и экономическаго улучшенія положенія русскаго народа приобрѣтутъ вліяніе на дѣла путемъ ли господства въ совѣтахъ императора, путемъ ли организации сильной партіи политической оппозиціи, и опасность для личности императора совѣмъ исчезнетъ.

«Мы ждемъ и слѣдимъ за дѣятельностью правительства и русскихъ либераловъ. Если мы увидимъ, что серьезныя мѣры принимаются для облегченія положенія нашихъ мучениковъ въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ, для возвращенія нашихъ эмигрантовъ, для свободнаго обсужденія въ печати созыва учредительнаго народнаго собранія, для замѣны особенно-ненавистнаго персонала въ управленіи болѣе человѣчнымъ, то безопасность, объявленная нами временно для Александра III, распространится и на орудія его управленія.

«Если въ опредѣленный срокъ собственная инициатива Александра III, или вліяніе на него либеральныхъ совѣтниковъ, или рѣшительныя мѣры политической оппозиціи приведутъ къ созыву въ Россіи представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ постоянного рабочаго народнаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. п.) для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ преобразованій, которыя обезпечили бы положеніе рабочаго класса, то исполнительный

комитетъ найдеть, можетъ быть, возможнымъ вовсе прекратить со своей стороны террористическія дѣйствія.

«Но это—выжиданіе, не болѣе. Не имѣя возможности особенно довѣрять ни успѣху русскихъ либеральныхъ партій, ни искренности русскаго правительства при самыхъ либеральныхъ его заявленіяхъ, русская соціально-революціонная партія не положитъ оружія и всегда будетъ готова заявить о томъ, что время выжиданія прошло, что исполнительный комитетъ возвращается къ революціоннымъ дѣйствіямъ, если онъ убѣдится въ лицемеріи правительства или въ окончательномъ безсиліи либеральныхъ партій.

«Дѣлая это заявленіе, исполнительный комитетъ сдѣлалъ все, что можетъ, чтобы доказать свою готовность достигъ ближайшихъ цѣлей своихъ и мирными средствами, которыя кажутся возможными другимъ группамъ русскаго общества. Оставаясь вѣрнымъ какъ общимъ стремленіямъ революціоннаго социализма, такъ и своимъ ближайшимъ цѣлямъ, онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку. Если она не удастся, онъ пойдетъ впередъ по ближайшему пути, съ котораго ничто не заставитъ его сойти».

VIII.

Одновременно съ Лавровымъ и Нивицкій составилъ свой проектъ договора, гдѣ, однако, почему-то замѣнилъ наименованіе «земская лига» словами «партія либеральныхъ земцевъ». Въ этомъ проектѣ онъ писалъ ¹⁾:

«Партія либеральныхъ земцевъ» обратилась черезъ своего уполномоченнаго Н. къ Л., желая черезъ послѣдняго вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ партіи «Народной Воли» на слѣдующихъ основаніяхъ:

«1) Партія либеральныхъ земцевъ признаетъ, что ея непосредственныя цѣли, вообще говоря, совпадаютъ съ ближайшими цѣлями партіи «Народной Воли», какъ онѣ высказаны въ условіяхъ, поставленныхъ исполнительнымъ комитетомъ Александрю III въ письмѣ отъ 10-го марта 1881 года, условіяхъ, при исполненіи которыхъ исполнительный комитетъ отказывается впредь отъ насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ.

2) Именно: партія либеральныхъ земцевъ имѣетъ цѣлью замѣну самодержавнаго произвола въ Россіи правовымъ государственнымъ порядкомъ; полагаетъ, что орудіемъ для этого долженъ былъ созвъ учредительнаго собранія изъ представителей всѣхъ группъ русскаго народа съ преобладаніемъ рабочаго элемента и съ непремѣннымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (прессы, университетовъ и т. п.); полагаетъ, наконецъ, что цѣлесообразный созвъ подобнаго собранія возможенъ лишь при подготовленіи его въ продолженіе нѣкотораго времени свободною агитаціей въ прессѣ и общественныхъ собраніяхъ.

¹⁾ «Русская Мысль», 1911 г., № 1.

«3) На этомъ основаніи партія либеральныхъ земцевъ предлагаетъ партіи «Народной Воли» слѣдующій договоръ для достиженія этихъ цѣлей, поставленныхъ, какъ ближайшія цѣли, самимъ исполнительнымъ комитетомъ въ письмѣ отъ 10-го марта 1881 года, причѣмъ договоръ нисколько не ограничиваетъ дѣятельности обѣихъ партій, не входящей въ область этого договора.

«4) Партія «Народной Воли», пріостановитъ въ *теченіе года* (подчеркнуто въ подлинникѣ) со дня заключенія договора всякія террористическія дѣйствія противъ Александра III и лицъ его управленія, что не распространяется на мѣры, которыя могли бы быть приняты для освобожденія членовъ партіи «Народной Воли», находящихся въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ, на каторгѣ и т. п.

«5) Въ этотъ промежутокъ времени партія либеральныхъ земцевъ попытается своими средствами достичь упомянутыхъ цѣлей, т. е. созванія учредительнаго собранія при обозначенныхъ условіяхъ.

«6) Въ этотъ промежутокъ времени партія либеральныхъ земцевъ обязуется оказывать свое содѣйствіе всѣмъ предпріятіямъ партіи «Народной Воли», не входящимъ въ сферу пункта четвертаго.

«7) Партія либеральныхъ земцевъ обязуется, если будетъ имѣть преобладаніе въ учредительномъ собраніи, имѣющемъ быть созваннымъ, провести въ немъ мѣры, обезпечивающія социалистамъ свободу мирной пропаганды ихъ идей.

«8) Партія либеральныхъ земцевъ, понимая, что пріостановка на годъ той дѣятельности партіи «Народной Воли, которая наиболѣе привлекаетъ къ ней приверженцевъ и сочувствующихъ, можетъ нанести ей матеріальный ущербъ, и желая выразить свою готовность содѣйствовать цѣлямъ партіи «Народной Воли», насколько онѣ не суть дѣйствія террористическія, предоставляетъ въ распоряженіе партіи «Народной Воли», въ продолженіе года, на который распространяется договоръ, сумму минимумъ въ сорокъ тысячъ, по десяти тысячъ въ мѣсяць.

«9) Для того, чтобы исполнительный комитетъ былъ увѣренъ, что имѣетъ дѣло съ серьезною группою, партія либеральныхъ земцевъ предложитъ ему списокъ десяти лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, уму и честности которыхъ исполнительный комитетъ имѣлъ бы основаніе довѣрять, даже не имѣя съ ними прежде сношеній. Партія либеральныхъ земцевъ познакомитъ это лицо съ своими силами и средствами дѣйствій. Договоръ будетъ заключенъ лишь въ томъ случаѣ, если это лицо поручится честнымъ словомъ исполнительному комитету, что партія либеральныхъ земцевъ дѣйствительно стремится къ цѣлямъ, обозначеннымъ въ параграфѣ второмъ, и дѣйствительно имѣетъ возможность достигнуть этихъ цѣлей своими средствами.

«10) Въ теченіе года, на который заключенъ договоръ, партія либеральныхъ земцевъ, по мѣрѣ своихъ силъ, обязуется провести:

«а) облегченіе участи политическихъ каторжанъ и ссыльныхъ;

«б) подготовленіе болѣе или менѣе полной амнистїи;

«в) облегченіе для легальной русской прессы обсужденія основаній дѣятельности будущаго учредительнаго собранія и для цѣлесообразнаго его созыва;

«г) удаленіе изъ управленія особенно вредныхъ личностей;

Н. В. Въ окончательномъ договорѣ будутъ установлены приблизительно сроки, въ которые партія либеральныхъ земцевъ надѣется доставить (списокъ) предварительныхъ мѣръ для цѣли, обозначенной въ пунктѣ второмъ.

«11) Если въ теченіе года партія либеральныхъ земцевъ не достигнетъ цѣлей, обозначенныхъ въ пунктѣ второмъ, то договоръ прекращаетъ свое дѣйствіе, причемъ исполнительный комитетъ обязуется не публиковать ничего изъ дѣятельности партїи либеральныхъ земцевъ, относительно которой онъ могъ узнать въ продолженіе своихъ сношеній съ ними.

«12) Въ случаѣ неисполненія условій по пунктамъ шестому и девятому, назначается совѣщаніе уполномоченныхъ обѣихъ партій, и разрывъ договора произойдетъ лишь при невозможности ихъ соглашенія.

«13) Расходы, необходимые для скорѣйшаго заключенія договора, партія либеральныхъ земцевъ принимаетъ на себя».

Нивинскій покинулъ Парижъ, пославъ предварительно Лаврову слѣдующее письмо и документъ, отзывающій его въ Россію:

«Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Завтра уѣзжаю въ Питеръ, и черезъ двѣ недѣли прїѣду опять. Во всякомъ случаѣ, *когда бы я ни понадобился* (подчеркнуто въ подлинникѣ), потрудитесь дать мнѣ на мой счетъ депешу слѣдующаго содержанія: *Votre commande prète*. Подпись—Charrière. Адресъ мой: Petersburg, 11 Znamenskaya, Docteur Nivinsky. Съ высокимъ уваженіемъ и преданностью

Э. Нивинскій».

А вотъ и отзывная грамота:

«Съ полученіемъ сего, просятъ васъ объяснить тѣмъ личностямъ, съ которыми вы находитесь въ переговорахъ, что главное управленіе земской лиги, которая вѣдаетъ и тою отраслью, къ которой вы принадлежите, потребовало васъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій и что вы вернетесь черезъ двѣ недѣли съ болѣе подробными инструкціями».

«Нивинскій уѣхалъ,—повѣствуетъ г. Богучарскій:—а Лавровъ обратился къ находившемуся тогда въ Парижѣ одному извѣстному русскому ученому,—говоримъ на основаніи разказа пи-

шущему эти строки самого и понынѣ здравствующаго этого ученаго, — принять на себя роль того довѣреннаго съ одной стороны исполнительнаго комитета, а съ другой—земскоѣ лиги, о которомъ велись разговоры съ Нивинскимъ. Ученый отнесся весьма недовѣрчиво къ самому существованію «земскоѣ лиги», такъ какъ по его связямъ въ земскомъ мірѣ подобное явленіе не могло бы быть ему неизвѣстнымъ, — и потому предложеніе Лаврова онъ отклонилъ. Тогда Лавровъ сказалъ: «Ну, если вы отказываетесь, мы обратимся къ Л. Н. Толстому».

Нивинскому подъ условнымъ псевдонимомъ «Charrière» Лавровъ отправилъ въ Петербургъ на французскомъ языкѣ записку, черновикъ которой сохранился въ его бумагахъ. Записка эта гласила:

«Monsieur le docteur!

«Votre commande éprouve malheureusement des retards inattendus. Les conditions d'exécution restent les mêmes et j'espère que Vous serez content de l'appareil. Mais il y a un arrêt de travail qui peut durer quelques jours, comme il peut durer plus d'un mois. Dès que le travail sera de nouveau en train, je me ferad un plaisir de vous le faire savoir.

«Agrééz, Monsieur le docteur, l'expression de matoute considération.
Charrière».

На этомъ временно оборвались переговоры Нивинскаго съ Лавровымъ, ведшіеся въ августѣ 1882 года, и лишь въ октябрѣ онъ въ Парижѣ же опять прислалъ Петру Лавровичу письмо съ просьбой о свиданіи, на которомъ онъ ему сообщилъ о тормозахъ, встрѣтившихся на пути переговоровъ вслѣдствіе укрѣпленія положенія министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого и его несочувствія дѣятельности «священной дружины». Вскорѣ засимъ онъ увѣдомилъ даже Лаврова, что переговоры и совѣмъ прекращены, на что послѣдній отвѣтилъ ему:

«Любезный Эдуардъ Инполитовичъ!

«Очень жалѣю, что наши переговоры, изъ-за которыхъ вы мнѣ доставили удовольствіе знакомства съ вами, не привели ни къ какому результату. Но вы могли замѣтить, что я и мои друзья съ самаго начала относились къ нимъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, а извѣстія, привезенныя вами изъ Петербурга, подтверждаютъ, что изъ нашихъ переговоровъ едва ли и могло что-либо выйти. Лица, съ которыми вы видѣлись въ Петербургѣ, можетъ быть, въ отдѣльности и прекрасные и весьма дѣльные люди, но можно ли ожидать отъ нихъ, какъ *группы*, чего-нибудь рѣшительнаго и послѣдовательнаго, если они пугаются всякаго вздора, написаннаго въ какой-то ничтожной газетѣ? Эта газета здѣсь не обратила на себя вовсе вниманія, хо-

дять слухи, что ея источникъ весьма подозрителенъ; ни я, ни мои друзья не придаемъ ей никакого значенія, и свѣдѣній отъ насъ она никогда не получала и получить не можетъ. Я долженъ сознаться, что мелькомъ видѣлъ кое-какіе нумера ея. Само собою разумѣется, что друзья мои не имѣютъ никакого основанія искать содѣйствія группы, въ переговоры съ которой они вошли вовсе не по своей инициативѣ и которая съ первыхъ же шаговъ выказала столь мало стойкости. Что касается до меня лично, то, конечно, я имѣю столь же мало поводовъ, какъ и мои друзья, ожидать тутъ чего-либо серьезнаго, но я поставилъ себѣ правиломъ выслушивать мнѣнія и предложенія, съ какой бы стороны они ни приходили, предоставляя себѣ затѣмъ поступать согласно обстоятельствамъ. А потому, если бы кто-либо изъ вашихъ петербургскихъ знакомыхъ, графъ Ш. или князь Щ. пожелали вступить въ личныя сношенія со мною, то я не только не отказался бы, но съ такимъ же удовольствіемъ повидался съ ними для простаго обмѣна мыслей или для болѣе дѣловаго разговора, съ какимъ познакомился съ вами по такому же поводу.

«Примите увѣреніе въ всегдашней готовности къ услугамъ

П. Л.

«Лавровъ продолжалъ, — свидѣтельствуешь г. Богучарскій, — повидимому, надѣяться на возобновеніе переговоровъ и набросалъ слѣдующій проектъ соглашенія все съ той же «земской лигой»:

«Уполномоченный исполнительнаго комитета русской социаль-революціонной партіи, выслушавъ предложенія, обращенныя со стороны уполномоченнаго земской лиги, предлагаетъ слѣдующія основанія для соглашенія:

«I. Для ручательства въ своемъ дѣйствительномъ вліяніи лига вызоветъ:

«Освобожденіе Чернышевскаго и возвращеніе его въ Петербургъ или въ крайнемъ случаѣ въ одинъ изъ университетскихъ городовъ Европейской Россіи.

«Амнистію безъ всякихъ условій и всякихъ съ ихъ стороны прошеній Кравчинскому, Вѣрѣ Засуличъ и Мокрѣвичу.

«Арестъ этихъ лицъ въ Россіи; или преслѣдованіе, или отдача кого-либо изъ этихъ лицъ подъ надзоръ полиціи ведетъ за собою немедленное прекращеніе всякихъ соглашеній.

«II. Извѣстіе объ этомъ освобожденіи и амнистіи должно быть напечатано въ русскихъ газетахъ вслѣдъ за объявленіемъ этихъ распоряженій соответствующимъ лицомъ.

«III. Исполнительный комитетъ издаетъ немедленно слѣдующую прокламацію.

«IV. Въ продолженіе первыхъ пяти мѣсяцевъ перемирія должно быть облегчено положеніе политическихъ заключенныхъ и ссыльныхъ, въ особенности же лицъ, находящихся на Карѣ, которыя

должны быть переведены въ Красноярскъ или другіе удобные города.

«Въ слѣдующіе пять мѣсяцевъ, если не ранѣе, должны быть удалены наиболѣе ненавистныя личности (Толстой, Судейкинъ и т. д.), а пресса должна быть поставлена въ возможность свободно обсуждать созывъ законодательнаго народнаго собранія.

«Ранѣе конца послѣднихъ пяти мѣсяцевъ созывъ этого собранія долженъ совершиться при условіяхъ, которыя сдѣлали бы этотъ созывъ серьезнымъ».

На этомъ кончилась дѣятельность Лаврова въ его отношеніяхъ къ Нивинскому и «священной дружинѣ», замаскированной въ тогу «земской лиги». Исторія всѣхъ этихъ переговоровъ нашла себѣ изображеніе и въ слѣдующемъ документѣ, обнародованномъ г. Богучарскимъ и чрезвычайно характерно рисующемъ дѣйствія заправилъ «дружины», ея скрытую политику и методы дѣйствій. Документъ этотъ—донесеніе центру «дружины» того «брата»¹⁾, который непосредственно посылалъ Нивинскаго и, хотя въ немъ немало фантастическаго элемента, касающагося партіи «народной воли», онъ важень какъ своего рода невольная исповѣдь въ замыслахъ «дружины» и ея умѣнїи составлять для своихъ дѣйствій опредѣленную лживую обстановку и атмосферу. Здѣсь мы читаемъ: «Докторъ Э. (т. е. Нивинскій) былъ мнѣ указанъ братомъ нумеръ восьмымъ²⁾, какъ личность, могущая по связямъ своимъ съ народовольческой партіей быть мнѣ полезна».

«Хотя докторъ Э. не согласился бы служить агентомъ, но готовъ помогать либеральной конституціонной партіи въ Россіи въ борьбѣ противъ террористовъ.

«Въ сущности, докторъ Э. подозрѣвался, какъ личность, подосланная исполнительнымъ комитетомъ народовольческой партіи для разузнанія силъ и дѣйствій священной дружины.

«При ближайшемъ ознакомленіи съ докторомъ Э. я усмотрѣлъ, что онъ склоненъ вѣрить въ существованіе земской либеральной лиги въ Россіи и полагалъ, что братья шесть³⁾, восемь и я принадлежимъ къ этому союзу, стремящемуся къ водворенію въ правленіи выборнаго начала, но именно въ этихъ видахъ борющемуся съ терроромъ. *Я укрѣпилъ доктора Э. въ этомъ мнѣнїи, придавши ему всякаго рода вымышленныя подробности.* Послѣ долгихъ разговоровъ съ докторомъ Э. я пришелъ къ убѣжденію, что онъ желалъ бы быть агентомъ для личныхъ своихъ выгодъ, но что, во-первыхъ, по старымъ своимъ связямъ съ революціонной партіей, а, во-вторыхъ, вслѣдствіе нѣкоторой оставшейся у него совѣстливости, онъ могъ согласиться быть агентомъ лишь партіи либеральной, и такимъ

¹⁾ Щербатовъ (?).

²⁾ Т.-е. Шуваловымъ.

³⁾ Т.-е. Воронцовъ-Дашковъ.

образомъ въ собственныхъ глазахъ своихъ извинить свою агентурную дѣятельность. Кромѣ того, такой пріемъ ставить его въ безукоризненное положеніе по отношенію къ народовольцамъ. Дѣло въ томъ, что докторъ Э. явится не агентомъ-измѣнникомъ своимъ старымъ единомышленникамъ, а посредникомъ *между двумя либеральными антиправительственными партіями.*

«Черезъ нѣсколько дней, въ срединѣ мая, докторъ Э. сообщилъ мнѣ, что исполнительный комитетъ отнесся къ польскому эмигранту Врублевскому (бывшій генераль парижской коммуны) съ просьбою доставить въ Петербургъ нѣсколько человекъ такъ называемыхъ жандармовъ-вѣшателей и кинжалщиковъ польской революціи 1863 года. По мнѣнію народовольцевъ, такого рода личности, пріѣхавши подъ фальшивыми паспортами въ Россію, могли бы быть полезны для террористическихъ дѣйствій, не навлекая подозрѣнія и притомъ обладая въ злодѣйствѣ немалымъ опытомъ. Доктору Э. предложили поѣхать за границу для переговоровъ по этому поводу въ Варшавѣ съ Нагурнымъ (служить въ банкѣ польскомъ), въ Краковѣ съ ксендзомъ Заіончикомъ и въ Женевѣ съ докторомъ Мильковскимъ. Такъ какъ всѣ названныя личности, принадлежа къ польской революціонной партіи, могутъ своимъ вліяніемъ или помочь эмигранту Врублевскому, или воспротивиться вмѣшательству польской партіи въ дѣла русскихъ террористовъ, то доктору Э. было предложено убѣдить ихъ въ сочувствіи народовольческой партіи и подвинуть ихъ къ дѣятельной помощи и содѣйствію. «Изложивъ все выше сказанное, докторъ Э. предложилъ мнѣ черезъ его посредство войти въ переговоры со старѣйшинами народовольческой партіи, указавъ на слѣдующее: социализмъ и социалистическія теоріи вовсе не составляютъ цѣль борьбы народовольцевъ, земскій соборъ и при этомъ свобода прессы удовлетворили бы ихъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ социалистическая пропаганда приняла бы характеръ мирнаго ученія и т. д. При такой обстановкѣ дѣла между земскою либеральной лигой и народовольцами существуетъ только различіе въ средствахъ и орудіяхъ, а не въ цѣляхъ. Земская либеральная лига дѣйствуетъ, вліяя на высшія придворныя и правительственныя сферы, народовольцы—терроромъ. Между тѣмъ орудіе народовольцевъ, т. е. терроръ, тяжело отзывается на главаряхъ народовольцевъ; проливать кровь, притомъ не достигая данной цѣли, вообще тягостно. И что ежели бы имъ представилось иное средство, то, конечно, они съ радостью воспользовались бы земскою либеральной лигой.

«Я совершенно согласился съ мнѣніемъ доктора Э., возразивъ, что практическіе пріемы по соглашенію состояли бы въ слѣдующемъ: 1) Исполнительный комитетъ высылаетъ намъ депутатовъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. 2) Исполнительный комитетъ печатаетъ въ «Народной Волѣ» манифестъ о прекращеніи террора. 3) Ти-

пографія и редакціонныя силы «Народной Воли» поступаютъ подъ нашу охрану и совмѣстное управленіе съ исполнительнымъ комитетомъ.

«Съ другой стороны, мы предлагаемъ исполнительному комитету какія угодно условія въ видѣ гарантій, причемъ предупреждаемъ, что земская лига могла бы исходатайствовать амнистію указаннымъ исполнительнымъ комитетомъ эмигрантамъ, кромѣ цареубійць и участниковъ оныхъ (Гартманъ, Кропоткинъ и другіе).

«*Наружная филировка за границей обнаружилась*, что докторъ Э. изъ Женевы пріѣхалъ въ Парижъ съ извѣстнымъ эмигрантомъ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ и что въ Парижѣ, въ квартирѣ Лаврова, онъ видѣлся съ разными лицами.

«На случай, если бы наружная филировка за границей была открыта докторомъ Э., то и это обстоятельство не могло бы имѣть дурного вліянія на дѣло, потому что, ведя переговоры съ Э. въ Петербургѣ, я будто бы въ порывѣ откровенности сообщилъ ему, *что помимо насъ существуетъ еще «священная дружина»*, цѣль которой заключается въ слѣдующемъ: 1) въ сыскѣ всѣхъ эмигрантовъ и 2) въ убійствѣ всѣхъ приверженцевъ террора и укрывателей цареубійствъ и что мы, «земская лига», удерживаемъ еще «священную дружину» отъ этого, но что если терроръ не остановится, то мы ни за что не отвѣчаемъ.

«Я просилъ доктора Э. предупредить объ этомъ исполнительный комитетъ и эмигрантовъ.

«Докторъ Э. возвратился. Онъ еще въ бытность свою въ Парижѣ переписывался со мной. Итогъ моихъ сношеній съ докторомъ Э. можно выразить въ слѣдующихъ пунктахъ:

«Письма, привезенныя докторомъ Э. отъ эмигранта Лаврова, свидѣтельствуютъ: 1) что совѣщанія происходили и что къ этимъ совѣщаніямъ вызывались различныя лица; 2) на этихъ совѣщаніяхъ составлены прелиминарныя условія; 3) что эти совѣщанія должны повториться въ первыхъ числахъ сентября.

«Представляя при семъ условіе, составленное на этомъ совѣщаніи, а равно и черновой манифестъ, долженствующій послѣ соглашенія появиться въ «Народной Волѣ», присовокупляю, что возразилъ доктору Э., что выборъ личности, указанной въ параграфѣ первомъ, т. е. посредника, довѣреннаго какъ нашего, такъ и исполнительнаго комитета, крайне труденъ и что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ указать его главарямъ народовольчества.

«Докторъ Э. мнѣ сказалъ, что на совѣщаніи у Лаврова прежде всего предлагалъ посредникомъ *лейбъ-медика Боткина*, но оказалось, что въ настоящее время онъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, утратилъ довѣріе народовольцевъ. Затѣмъ докторомъ Э. на совѣщаніи были предложены слѣдующія лица: *присланный повѣренный Стасовъ* (по словамъ доктора Э., одинъ изъ серьез-

ныхъ главарей всего движенія), *московскій докторъ Боковъ* (повидимому, наивлѣятельнѣйшая личность московскаго отдѣла исполнительнаго комитета), *Помпей Васильевичъ Пассекъ* (проживаетъ въ Петербургѣ) и *редакторъ «Дѣла» Шелгуновъ*; что члены совѣщанія, видимо, склонны на Стасова и Бокова, не считая остальныхъ достаточно посвященными въ дѣла народовольческой партіи. Когда же я спросилъ доктора Э., почему, во-первыхъ, они сами не указываютъ на такого посредника, а, во-вторыхъ, почему на совѣщаніяхъ онъ не назвалъ *профессора Манасеина*, то докторъ Э. отвѣтилъ мнѣ на первое, что исполнительный комитетъ уклоняется самъ назвать такого посредника, потому что этимъ слишкомъ явно былъ бы указанъ одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, хотя при этомъ ясно, что, соглашаясь на какое-нибудь лицо и входя съ нимъ въ сношенія, исполнительный комитетъ все-таки отчасти себя обнаруживаетъ. На второе, — докторъ Э. не указалъ на профессора Манасеина, такъ какъ профессоръ Манасеинъ занимаетъ весьма второстепенное положеніе въ народовольческой партіи. Затѣмъ относительно денежной гарантіи, указанной въ условіи, я замѣтилъ доктору Э., что земская лига не затруднилась бы, конечно, внести и подобную гарантію, но что практическое исполненіе меня затрудняетъ. Такъ, на примѣръ, кому внести — частному лицу или учрежденію банковому? И въ случаѣ неисполненія нами условій — кто и по какому чеку получить эти деньги?

«Относительно манифеста я замѣтилъ доктору Э., что земская либеральная лига преисполнена уваженія къ монархическому началу и къ личности государя императора, и потому редакція этого манифеста насъ не удовлетворяетъ, и лига не можетъ согласиться на напечатаніе его даже въ подпольномъ изданіи. Докторъ Э. возразилъ, что тамъ приготовлены редакціонныя измѣненія и только измѣненный нами манифестъ, по соглашенію съ исполнительнымъ комитетомъ, будетъ напечатанъ. Я замѣтилъ доктору Э., что въ приведенныхъ имъ условіяхъ ничего не сказано о передачѣ подъ нашу охрану и совмѣстное съ исполнительнымъ комитетомъ веденіе редакціей «Народной Воли». Докторъ Э. сказалъ, что въ принципѣ это рѣшено, а дальнѣйшія подробности могутъ быть установлены при окончательномъ соглашеніи.

«Вышеизложенный агентурный пріемъ представляется, конечно, весьма труднымъ, но полезные результаты его, мнѣ кажется, очевидны. Слѣдуетъ его вести съ большой осторожностью и, буде возможно, переговоры и сношенія затягивать; вѣроятно, что, если сношенія продолжатся, мы откроемъ что-либо существенное, но еще важнѣе это та нерѣшительность и раздвоеніе, которыя могутъ быть водворены въ самыхъ нѣдрахъ народовольческой партіи.

«Если же вообще этотъ пріемъ окажется неудобнымъ, то всегда можно отговориться тѣмъ, что я лично превысилъ данныя мнѣ полномочія.

«Прошу снабдить меня дальнѣйшими приказаніями».

Къ тексту этого документа г. Богучарскій прибавляетъ отъ себя:

«Послѣ этого документа уже не можетъ оставаться сомнѣній, что это была за «земская лига», которая вела переговоры съ Лавровымъ и Оловенниковой и какія именно цѣли она при этомъ преслѣдовала, но для полноты картины приведемъ еще слѣдующія, имѣющіяся у насъ по этому предмету данныя:

1) 7-го сентября 1882 года въ «священной дружинѣ» было рассмотрѣно и утверждено особое «*Положеніе о земской лигѣ*».

2) 11-го сентября отъ «петербургскаго попечительства» поступило въ правленіе дружины такое донесеніе:

«Докторъ Э., съ надлежащаго разрѣшенія, командированъ за границу попечительствомъ, *будто бы отъ земской либеральной лиги* для переговоровъ съ крамольниками исполнительнаго комитета».

3) «Смыслъ дѣла съ докторомъ Э., — писалъ тотъ самый «братъ», — заключается въ томъ, что черезъ эти переговоры можно выяснитъ мало-по-малу всѣ личности, которыя считаютъ себя въ правѣ вести отъ имени «Народной Воли» переговоры».

«Такъ напрягали свои силы многіе высшіе сановники въ государствѣ для борьбы съ въ то время *уже почти совершенно не существовавшей народовольческой партіей*, такъ изошрялись они, чтобы уличить въ принадлежности къ народовольчеству лейбъ-ледника Боткина, профессора Манасеина и другихъ столь ужасныхъ крамольниковъ, но, съ другой стороны, Лавровъ, и Оловенникова такъ и умерли, не узнавши истины о «земской либеральной лигѣ», съ которой они вели переговоры».

Таковы имѣющіяся въ литературѣ пока всѣ данныя, обрисовывающія ходъ и способы переговоровъ «священной дружины» съ партіей «Народной Воли» въ первой ихъ стадіи черезъ посредство д-ра Нивинскаго. Во второй на сцену выступаютъ уже новые люди и во главѣ ихъ небезызвѣстный и читателямъ «Историческаго Вѣстника» писатель К. А. Бороздинъ, какъ авторъ нѣсколькихъ очерковъ изъ кавказской жизни, съ которымъ и авторъ настоящей статьи былъ въ свое время хорошо знакомъ и сохранилъ о немъ нѣкоторыя любопытныя воспоминанія.

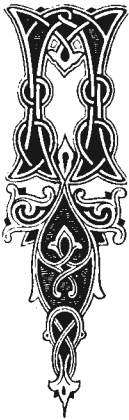
Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ.

(Изъ лѣтнихъ впечатлѣній).

ПРОХОДИ, ребята, проходи!.. Дѣдка, куда ты? Тетка, тетка, легче! Ахъ ты, желанная!..

Балагуръ-матросъ ловко направляетъ по узенькой парходной лѣстницѣ третьеклассную публнку, прѣхавшую въ Соловецкій монастырь. Лѣзутъ съ котомками, узлами, коробами, облегченно осматриваясь послѣ тѣсной каюты и темнаго трюма, переполненныхъ до послѣдней крайности. Въ третьемъ классѣ — сѣрая богомольческая масса съ разныхъ концовъ Россіи. Истово, не толпясь, выходятъ, истово крестятся на святую обитель. Привелъ Господь—доѣхали до мѣста. Рады послѣ духоты и тѣсноты подышать свѣжимъ воздухомъ. На морѣ ночью была качка. Иные богомольцы исходили тысячи верстъ, изъ Вятской губерніи побывали и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ, и въ Курской Коренной пустыни, а на морѣ еще не бывали; какъ начало качать—свѣту не взвидѣли: ни стать, ни сѣсть, вздохнешь только лежа, но лежать тѣсно. Первый и второй классы не столько для богомольцевъ, сколько для туристовъ. Стоя на верхней палубѣ, они терпѣливо ждутъ, когда сойдеть третьеклассная публика, съ любопытствомъ присматриваясь къ гавани Благополучія и къ окружающимъ ее монастырскимъ постройкамъ. У нѣкоторыхъ подъ рукой фотографическіе аппараты. Отъ Архангельска до Соловецкаго монастыря 16 часовъ, но ѣхали 18: задержали льды. Стоитъ июнь, но кое-гдѣ еще встрѣчаются ледяные заторы, остатки зимнихъ льдовъ. Часамъ къ пяти утра пассажиры

были обезпокоены какими-то сильными глухими ударами о борта парохода. «Что это такое? ужь не наскочили ли на камень?» Заглянули въ окна—пароходъ пробирается среди льдинъ, которыя то съ рокотомъ разступаются, то разбиваются пароходомъ. Высыпали на пажубу. «Ну, и ледоходъ!..» Дѣйствительно, ледоходъ, но льдины грандіознѣе, ими усеяно все море до самаго горизонта. Зрѣлище необычное и дикое. Такъ и кажется, что на какой-нибудь льдинѣ встрѣтишь тюленя, бѣлаго медвѣдя.

Съ парохода на берегъ перекинуть трапъ. Капитанъ съ верхней палубы смотритъ за порядкомъ. Пароходъ монастырскій: на носу икона, на мачтахъ кресты. Матросы вольнонаемные, въ рубашкахъ и фуфайкахъ, но пароходная прислуга въ монашескихъ рясахъ. Говорятъ, что не такъ давно былъ и одинъ капитанъ монахъ. Теперь капитанъ въ фуражкѣ и тужуркѣ. Пароходы за годъ привозятъ въ монастырь десятки тысячъ богомольцевъ. Рейсы совершаются черезъ три дня—срокъ, на который предоставляется пріѣзжимъ безвозмездное гостепрѣимство монастыря. Прямо передъ пристанью — трехэтажное зданіе, Спасо-Преображенская гостиница. Кромѣ нея, есть еще двѣ гостиницы—Архангельская и С.-Петербургская. У бѣлыхъ стѣнъ монастыря нѣсколько часовенъ; направо подъемный кранъ, избы для рыболововъ, налѣво—остатки биологической станціи, перелесенной теперь въ портъ Александровскъ. Въ воздухѣ слышатся крики чаекъ. Чайки на Соловецкомъ островѣ ручныя, такъ какъ и птицу, и звѣря здѣсь запрещено бить.

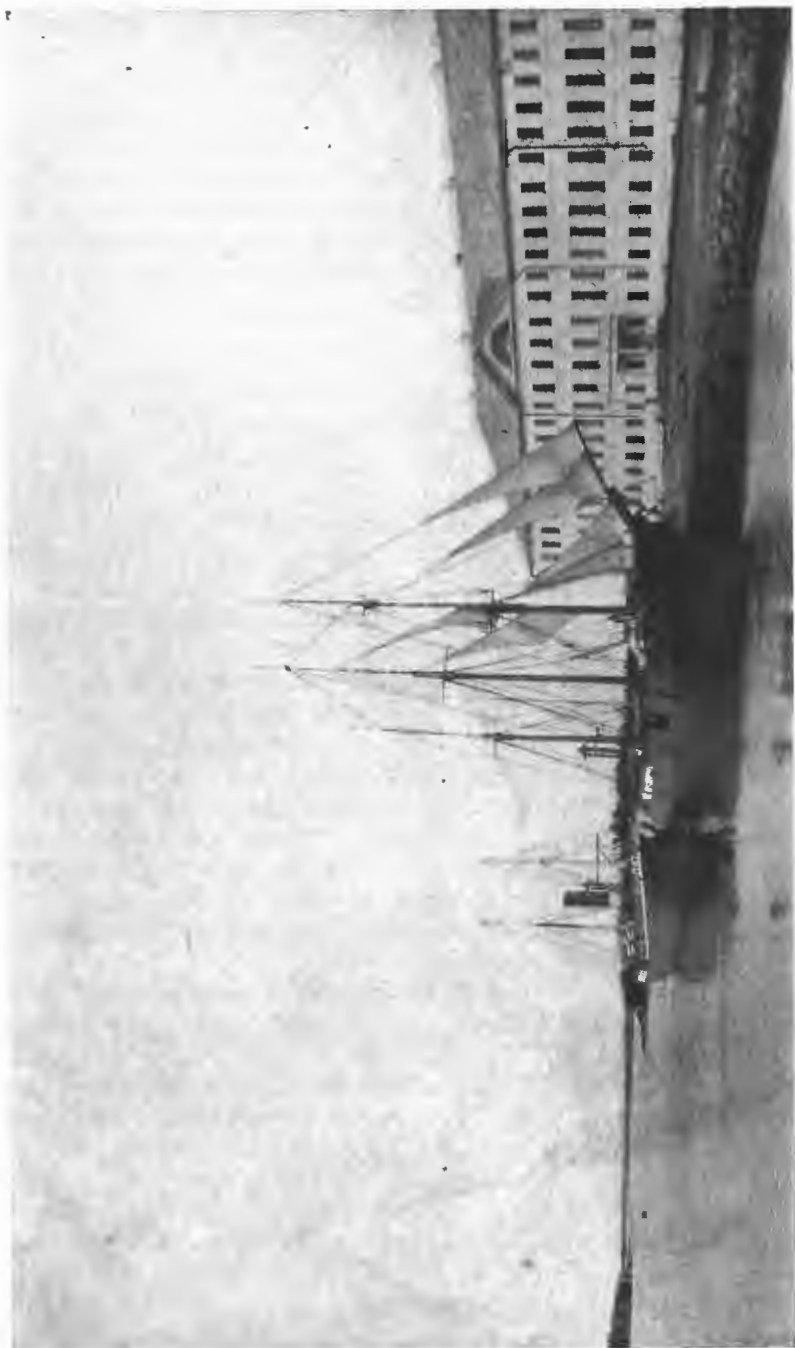
Гавань Благополучія оживаетъ. Всюду платки, рубашки, платья. Кое-гдѣ выдѣлится сарафанъ на пріѣхавшей въ монастырь поморкѣ. Сѣверный говоръ—быстрый, съ рѣзкимъ оканьемъ. Говорятъ негромко; толпа исполнена благоговѣнья.

Утро. Сѣверное солнце, собравшись съ силами, начинаетъ пригрѣвать. Весело зеленѣютъ прибрежныя рощицы, уходятъ вдаль монастырскіе луга, съ заботливо проведенными изгородами, разсѣянными тутъ и тамъ сараями, амбарами, житницами. Кто пріѣхалъ помолиться, а кто посмотрѣть новый, еще невиданный край. Всѣхъ принимаютъ подъ свой гостепрѣимный кровъ святыя угодники Божьи—преподобные Зосима и Савватій.

Дикое, суровое, безпріютное поморье. Бѣдно живутъ исконные жители—«корельскіе люди». Кое-гдѣ только, по морскому берегу, по рѣкамъ широкимъ, по озерамъ, попадаютъ «люди насельники»—деревушки боярскихъ холоповъ или вольныхъ прихожихъ крестьянъ. Край принадлежитъ Господину Великому Новгороду, который, главнымъ образомъ, и высылаетъ сюда «людей насельниковъ». Плохо поддерживается и туго распространяется христіанская вѣра на этомъ далекомъ, почти сплошь языческомъ поморьѣ; изрѣдка срублены часовенки, но еще храмовъ нѣтъ; христіане приходятъ сюда «ради тлѣннаго и суетнаго прибитка, про-

давая и покупая мертвенные животы», но нисколько не стараясь явить мѣстнымъ жителямъ «многоцѣнный бисеръ» христіанскаго благовѣстья. Наконецъ настала часъ—и воздвигъ Господь истинныхъ ревнителей вѣры. Слухъ объ уединенномъ Соловецкомъ островѣ, гдѣ, какъ говорили, не живало человѣка, «отпелѣже и солнце свѣтитъ», плѣняетъ воображеніе инока Валаамской обители—Савватія, который и переселяется на островъ вмѣстѣ съ инокомъ Германомъ, дотолѣ проживавшимъ у часовенки, на рѣкѣ Выгу. Иноки ставятъ крестъ, копаютъ землю мотыками и тѣмъ питаются. Не сразу поддался человѣку пустынный край: черезъ 6 лѣтъ Германъ вернулся на материкъ по недостатку пищи; передъ своей кончиной послѣдовалъ его примѣру и Савватій. Новое поселеніе возникаетъ на островѣ по смерти Савватія, когда опять туда вернулся Германъ въ сообществѣ уже съ другимъ сотрудникомъ—преподобнымъ Зосимой. Мало-по-малу зарождается обитель, хотя среди окрестныхъ жителей далеко не всѣ довольны этому: возникающій монастырь можетъ превратиться въ крупнаго землевладѣльца, который рано или поздно подчинитъ окрестное населеніе своей власти. Обнаруживаются явленія, характерныя для возникновенія русскихъ монастырей, когда, по словамъ житій, дьяволъ внушаетъ сосѣднимъ жителямъ всяческія козни противъ подвижниковъ. Сначала Германъ и Савватій встрѣтили только насмѣшки при ихъ смѣлой попыткѣ ужиться на островѣ «во всякой убожественной нищетѣ», потомъ начинаются столкновенія съ корелами и боярскими холопами; послѣдніе прямо заявляютъ, что островъ «по отечеству» ихъ бояръ. Германъ и Савватій поселились на островѣ у такъ называемой «Сѣкирной горы»: по преданію, названіе ея отъ того, что мѣстомъ этимъ, во время поселенія на немъ иноковъ, старалась завладѣть жена одного корела; къ женѣ тогда въ сонномъ видѣніи явились два ангела и высѣкли ее. Смущенные видѣньемъ, жена и мужъ удалились съ острова.

При третьемъ игуменѣ монастыря, Іонѣ, правительство Великаго Новгорода закрѣпило за монастыремъ весь Соловецкій архипелагъ. Съ половины XV вѣка слѣдуютъ щедрыя земельныя пожалованія какъ отъ новгородскихъ бояръ, такъ затѣмъ и отъ московскихъ государей. Къ пожалованіямъ скоро присоединяются и покупки, а также и пріобрѣтенія по просроченнымъ закладнымъ, такъ какъ и Соловецкій монастырь, какъ всѣ древнерусскіе монастыри, не отказывался давать займы подъ залогъ недвижимости. Въ первой половинѣ XVII в. въ рукахъ монастыря оказались всѣ русскіе поселки въ устьяхъ поморскихъ рѣкъ, а скоро къ этому присоединились владѣнія и внутри материка—въ Каргопольскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ. Поморскія владѣнія были выгоднѣе внутреннихъ, такъ какъ морскіе промыслы для сѣвера Россіи, несомнѣнно, доходнѣе земледѣлія. Изъ промысловъ въ теченіе XVI—XVII вв.

Гавань Благовѣшенія и Сласо-Преображенская гостиница.

главную роль играла для монастыря выварка соли: по Двинѣ ходили цѣлыя флотиліи монастырскихъ «допаниковъ» и «карбасовъ» съ продажною солью, которой ежегодно сбывалось до 180000 пудовъ. Выварка соли требовала и постояннаго расширенія монастырскихъ земельныхъ владѣній: извѣдуть лѣсъ на топливо въ одномъ мѣстѣ, надо испрашивать или приобрѣтать землю въ другомъ. Кромѣ сплошныхъ территорій, монастырь владѣлъ какъ долями имѣній, въ совладѣніи съ другими собственниками, такъ и отдѣльными дворами въ крестьянскихъ черныхъ деревняхъ. Въ концѣ XVIII в. при Екатеринѣ за монастыремъ числилось 5000 душъ крестьянъ и 1640 кв. верстъ земли.

Будучи центромъ экономическимъ, монастырь сталъ мало-помалу и важнымъ военно-административнымъ оплотомъ окраинной Руси. Это было передовое, болѣе или менѣе крупное поселеніе на дальнемъ сѣверѣ: отсюда было удобно слѣдить за разными «каляскими» и «мурманскими» нѣмцами, спускавшимися рѣками Кавдой и Кемью и разорявшими приморскія соляныя варницы. Въ 1584 г. обитель обстроилась каменной стѣной; это солидное сооруженіе, въ 5—6 сажень высоты, 3 ширины и 510 въ окружности, поражаетъ зрителя громадностью каменныхъ глыбъ, которыя пошли на постройку. По порученію правительства, монастырь соорудилъ остроги въ Кемской и Сумской волости, а въ 1596 г. снаряженное монастыремъ войско предприняло даже наступательное движеніе на городъ Каяну, въ отмщеніе за набѣгъ финляндцевъ. Военное значеніе монастыря обратилось противъ правительства въ соловецкое возмущеніе 1667 г., но затѣмъ монастырь неизмѣнно служить государямъ. При вторичномъ посѣщеніи монастыря, въ 1702 г., Петръ Великій думалъ было сдѣлать его главной базой обороны отъ шведовъ русскаго сѣвера; въ 1854 г. архимандритъ Александръ мужественно поддержалъ славу русскаго оружія при бомбардировкѣ обители англичанами. Военная команда содержалась въ монастырѣ до 1885 года.

Монастырь служилъ не только крѣпостью, но и мѣстомъ заключенія: начиная съ XVI вѣка, онъ перевидалъ въ своихъ стѣнахъ цѣлый рядъ узниковъ, преимущественно по дѣламъ церковнымъ и политическимъ. Въ Соловкахъ кончилъ свои дни сотрудникъ Иоанна Грознаго Сильвестръ, тутъ же посидѣлъ и поставленный Грознымъ русскій фиктивный царь—Симеонъ Бекбулатовичъ. Въ XVIII и XIX в. въ Соловки ссылались на смиреніе важныя расколуचितели и сектанты, самыхъ разнообразныхъ толковъ. Есть извѣстіе, что особенно строгій архимандритъ Досноей Нѣлоленовъ нарочно засаживалъ въ одну камеру по двое такихъ арестантовъ, которые были ненавистны другъ другу по религіозному разномыслию. Въ старину монастырскія тюрьмы были самаго ужаснаго устройства и улучшили ихъ только въ 1842 г. Теперь въ Соловки

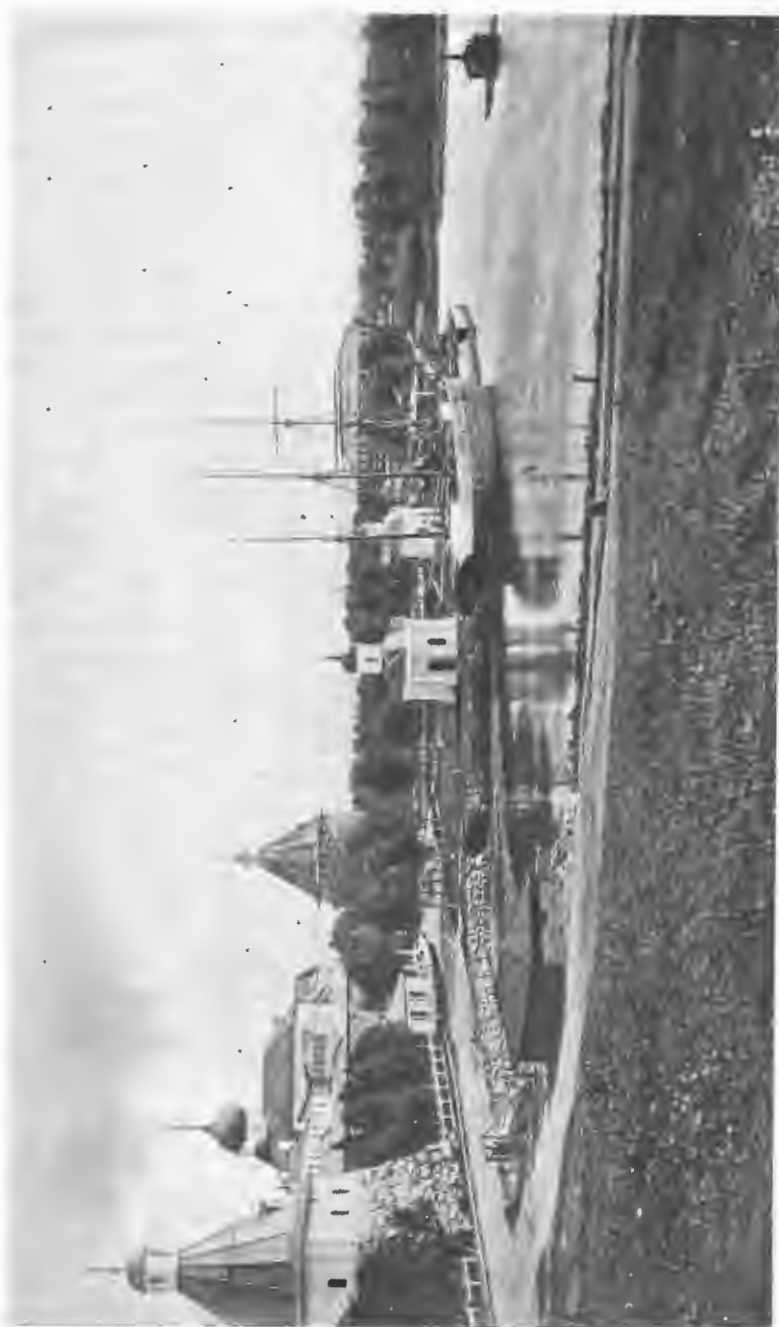

Видъ на монастыръ съ гавани.

преступниковъ не ссылають. Верхнее свѣтлое отдѣленіе тюрьмы обращено въ больницу. Остатки подвальныхъ камеръ публикѣ не показываютъ.

Соловецкій монастырь въ 1765 г. сдѣланъ ставропигіальнымъ, т. е. сталъ зависѣть непосредственно отъ св. синода. Братіи въ 1649 г. числилось 350 человѣкъ, въ 1875 г. — 287; приблизительно столько же и въ настоящее время. Сильно сократилось богатство монастыря послѣ секуляризаціи монастырскихъ имѣній 1764 г.; но все же въ 1875 г. земли за монастыремъ оказалось 66666 десятинъ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 147223 р., т. е. 512 р. на каждыяго инока. Кромѣ братіи и послушниковъ, принимающихъ участіе не только въ духовной, но и экономической жизни монастыря, при послѣднемъ имѣется цѣлая армія даровыхъ рабочихъ-трудниковъ. Трудники поступаютъ въ монастырь на годъ, на два по объѣтамъ или просто изъ усердія, кормятся и одѣваются на монастырскій счетъ, выполняютъ разныя монастырскія работы. Трудники преимущественно молодые люди; много и мальчиковъ, проживающихъ при монастырѣ по родительской волѣ. Для мальчиковъ монастырь какъ бы ремесленная школа, т. е. въ большинствѣ случаевъ ихъ усаживаютъ за работу въ какой-нибудь изъ мастерскихъ. Какъ ни жалуются въ послѣднее время на упадокъ монастырскаго хозяйства, все же оно идетъ и теперь на широкую ногу. При монастырѣ прекрасный огородъ въ 40 десятинъ, конный, скотный и птичій дворы; для содержанія скота съ монастырскихъ луговъ ежегодно получается до 50000 пудовъ сѣна. Въ прилегающихъ къ острову заливахъ и проливахъ богатыя рыбныя ловища: закинуть неводъ сажень въ 120, и иной разъ цѣлый баркасъ наполнится сразу треской, сельдью, семгой. Мастерскія при монастырѣ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ: сапожная, портновская, столярная, слесарно-механическая, серебряныхъ дѣлъ, переплетная, корзинная, иконописная и пр. Мельницы и круподерки приводятся въ движеніе турбиной. Водоснабженіе устроено въ монастырѣ еще митрополитомъ Филиппомъ, управлявшимъ обителью въ 1561 году. Монастырь снабжается водой изъ ближайшаго Святого озера, а послѣднее, въ свою очередь, соединено каналами съ 70 другими озерами, которыхъ вообще на островѣ до 300. Для прокормленія братіи, трудниковъ и богомольцевъ подъ Успенскимъ соборомъ помѣщается пекарня съ двумя печами, при которыхъ въ каждой испекается хлѣба до 60 пудовъ. Въ квасоварнѣ стоитъ огромный чанъ, сажени двѣ въ діаметрѣ. Квасъ варятъ десять разъ въ году, засыпая въ чанъ всякій разъ по 100 пудовъ солоду и по 18 пудовъ муки. Съ суслу сливають четыре раза, всякій разъ по 600 ведеръ. Квасъ перваго и втораго слива идетъ настоятелю и почетнымъ посѣтителемъ, третьяго и четвертаго—для иноковъ, трудниковъ и богомольцевъ.

Монастырь съ западной стороны.

Звонять въ малый колоколь—трапеза. Богомольцевъ до 1000 человѣкъ. Трапезовать идутъ и бѣдные, и богатые, и сытые, и голодные, одни чтобъ подкрѣпиться, другіе чтобъ посмотрѣть, какъ и въ чемъ проходить трапеза. Идутъ черезъ галерею, здоровые сами, а увѣчныхъ несутъ и ведутъ; иные движутся ползкомъ, сопровождаемые сочувственными взглядами. Публику пускаютъ не сразу: у двухъ дверей трапезной стоитъ по монаху, которые ждутъ, чтобъ всѣ собрались на галерею. Мужчины становятся направо, женщины налево. Ждать не скучно: къ услугамъ богомольцевъ богатая живопись по стѣнамъ. Вотъ изображенъ преподобный прозорливецъ Антипій, видящій, какъ дьяволы, съ рогами и въ передникахъ изъ козьей шерсти, оплетаютъ стѣями землю и уже готовы захватить не только людей, предающихся удовольствіямъ, но и недостаточно бдительныхъ богомольцевъ. Вотъ другой прозорливецъ, который, согласно разсказу Печерскаго патерика, видѣлъ дьявола во время всенощного бдѣнія: разбрасываетъ врагъ рода человѣческаго цвѣты; и къ какому монаху прильнетъ цвѣтъ, тотъ и засыпаетъ. Вотъ смертный одръ раскаявшагося грѣшника. Всѣ силы ада собралась къ его постели, страшно и грозно выраженіе поганыхъ дьявольскихъ мордъ; тутъ и змѣй, тутъ и эіюпы, тутъ и какой-то необыкновенный драконъ съ собачьимъ туловищемъ, рыбьимъ хвостомъ и получеловѣческой головой... Нечистые изрыгаютъ пламя, но безсильны передъ умирающимъ, такъ какъ у одра его два ангела. Слышенъ сдержанный шопотъ, прерываемый вздохами. Грамотные богомольцы стараются растолковать безграмотнымъ значеніе картинъ. Раздается, наконецъ, приглашеніе монаховъ, стоящихъ у дверей, пожаловать въ трапезную. Какъ и при выходѣ съ парохода, не толпясь, не толкаясь, въ замѣчательномъ порядкѣ, богомольцы проходятъ черезъ двери. Мужчины располагаются въ общей трапезной, женщинъ угощаютъ отдѣльно, въ особой залѣ, такъ называемой келарской. Подъ руководствомъ монаховъ публика разсаживается на скамьяхъ, за длинные столы. Стѣны трапезной, въ свою очередь, расписаны на разные благочестивые сюжеты. На среднемъ столпѣ имѣется и картина, изображающая сонное видѣніе жены-корелки, преслѣдовавшей Савватія и Германа; несмотря на зеленую траву и деревья, явно свидѣтельствующія на картинѣ о лѣтнемъ времени, наказуемая жена, вѣроятно, изъ соображеній скромности, изображена въ полупубкѣ. На четверо трапезующихъ полагается по общей чашкѣ съ квасомъ, но отдѣльная тарелка есть у каждого. Оловянная посуда, чашки, ковпачки—очень стильные, да, быть можетъ, и употреблялись еще въ XVII в. Нѣкоторое время сидятъ молча, въ ожиданіи предтрапезной молитвы. Собираются монахи. Раздается звонокъ. Слѣдуетъ краткая, но довольно торжественная служба. Всѣ опять усаживаются. Еще звонокъ — и цѣлая армія монастырскихъ «безбрадыхъ»

Каменный мостъ на Муксальму.

трудниковъ, мальчиковъ 12—13 лѣтъ, съ удивительной ловкостью и расторопностью разстаниваетъ блюда съ характернымъ, произносимымъ нараспѣвъ возгласомъ: «Господи, Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Начинается трапеза, а одновременно, за особымъ аналоемъ, очередной монахъ медленно и вразумительно читаетъ житіе святого этого дня... Разговаривать во время трапезы не полагается, да и некогда: минутъ черезъ пять уже перемѣняютъ блюда. Къ дневной трапезѣ подается четыре блюда, къ вечерней 3. Въ постные дни подаютъ треску съ квасомъ, солянку, уху, горохъ, кашу; въ скоромные дни кушанья приправляются молокомъ, сметаной, коровьимъ масломъ. Постный столъ полагается во всѣ посты, во всѣ среды и пятницы; въ остальное время дозволяется молочная пища. Трапеза, то и дѣло прерываемая звонкими и тонкими возгласами трудниковъ, мѣняющихъ кушанья, продолжается недолго. Убрано послѣднее блюдо, трапезующіе отираютъ губы и руки о длинное полотенце, проложенное вмѣсто салфетки вокругъ стола. Слѣдуетъ молитва послѣ трапезы. Народъ расходится.

«Привель Господь, и покушали!—обращается привѣтливая молодая богомолка въ платочкѣ къ интеллигентной особѣ среднихъ лѣтъ.—«Вы откуда будете?»

Разговоръ завязывается. Богомолка въ платочкѣ оказывается петербургской мѣщанкой, интеллигентная особа богатой москвичкой, любительницей путешествій. Дѣлятся впечатлѣніями. Обѣ довольны. Москвичка приглашаетъ мѣщанку зайти вечеромъ попить чайку и отвѣдать пирога съ семгой, заказаннаго наканунѣ въ монастырской пекарнѣ.

Богомольцы походили по монастырю. Побывали въ главныхъ соборахъ, Преображенскомъ и Троицкомъ, видѣли икону Знаменья Божьей Матери, такъ называемую «раненую», пробитую двумя бомбами при англійской бомбардировкѣ, а на южномъ столпѣ Преображенскаго собора другую икону Божьей Матери, «Сосновскую», явившуюся на соснѣ въ сѣверной части острова, въ 14 верстахъ отъ монастыря; у правой стѣны собора—рака съ частицей мощей святаго Филиппа. Мощамъ преподобныхъ Зосимы и Савватія поклонились у св. Троицы; тутъ же покоятся подъ спудомъ и мощи преподобнаго Германа. Подъ трапезной, въ церкви Рождества Богородицы замѣчательна икона Божьей Матери «Запечная», явившаяся святаго Филиппу во время прохожденія имъ послушанья въ монастырской пекарнѣ. Согласно недавнему синодскому указу, монастырской ризницы вообще не показываютъ, и нѣсколькимъ избраннымъ удается проникнуть туда или вмѣстѣ съ какимъ-либо высокопоставленнымъ лицомъ, пріѣхавшимъ посмотреть обитель, или по особой протекціи. Между тѣмъ ризница, несомнѣнно, интеле-

Савватіевская пустынь.

ресна—въ ней, въ коллекціи вещественныхъ памятниковъ, проходитъ передъ зрителемъ исторія монастыря. Вотъ за стекломъ грамота новгородскаго владыки и всего Великаго Новгорода за восемью оловянными вислыми печатями, отдающая во владѣнье монастыря Соловецкій архипелагъ; вотъ грамоты Іоанна III отъ 1479 о томъ же предметѣ; вотъ вкладныя записи новгородской посадницы Марѣи Борецкой на имя игуменовъ соловецкихъ Іоны и пр. Зосимы. Вспоминается чудо, явленное св. Зосимѣ во время его посѣщенія Марѣи Борецкой. Богатая вдова, сначала не узнавъ Зосиму, приказала его отогнать отъ дома и только потомъ, разобравъ ошибку, пригласила его къ себѣ на пирь. Молча сидѣлъ Зосима и увидѣлъ страшное видѣнье: знатные гости Борецкой сидятъ съ отрубленными головами... Іоаннъ III, взявъ Новгородъ, дѣйствительно казнилъ этихъ шестерыхъ бояръ. Вотъ каменный крестъ преподобнаго Савватія; вотъ риза преподобнаго Зосимы изъ бѣлаго полотна съ оплечьемъ изъ шелковой матеріи, деревянные потиръ и дарохранительница; вотъ вещи святителя Филиппа, риза камчатной двуличной матеріи, покрывало съ шубы темновышневаго цвѣта, потиръ, ковшъ, два кадила и два серебряныя блюда. Много драгоценныхъ вещей и облаченій, крестовъ, ковшей, чашъ, кубковъ, пожертвованныхъ Іоанномъ Грознымъ, Ѳедоромъ Іоанновичемъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Великимъ, Александромъ II. На память о смутномъ времени хранятся въ монастырѣ палашъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго и сабля Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Недалеко отъ ризницы—Оружейная палата. При входѣ посѣтитель заинтересовывается оригинальнымъ сооруженіемъ: это шесть съ воткнутыми въ него съ разныхъ сторонъ стрѣлами, что въ общемъ производитъ впечатлѣнье какого-то засохшаго дерева. Подъ деревомъ и по стѣнамъ образцы разныхъ старинныхъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, огнестрѣльнаго и холоднаго оружія.

Осмотрѣвъ оружейную палату, иные изъ богомольцевъ идутъ черезъ дворъ осматривать ближайшія мастерскія. По двору всюду чайки, надоѣдающія своимъ рѣзкимъ крикомъ. У чаекъ птенцы. Чайка-мать принесла въ зобу своимъ птенцамъ рыбы и кормитъ ихъ; при приближеніи любопытныхъ она прячетъ рыбу опять въ зобъ. Нѣкоторыя чайки сердятся на черезчуръ назойливыхъ зрителей, хватаютъ ихъ за платя. Посмотрѣвъ на чаекъ, публика проходитъ къ мастерскимъ. Вотъ монастырская швальня и рухлядная, т. е. кладовая монастырскаго платя. Въ особомъ магазинѣ при рухлядной предлагаются на продажу разныя издѣлія изъ нерпичьей, моржовой и тюленьей кожи. Въ сапожной работаютъ трудники, взрослые за мастеровъ, мальчики учатся. Завѣдующій и въ этой, и въ другихъ мастерскихъ жалуется, что приходится имѣть дѣло съ постоянно измѣняющимся составомъ рабочихъ: только пріучится

Голгоѳа, скитъ на Анзерскомъ островѣ.

къ работѣ малышъ—и глядишь, уже покидаетъ монастырь. Мальчишки-ученики, со свѣтлыми волосенками и часто задумчивымъ взглядомъ, относятся внимательно къ работѣ: это вѣдь не только ученье, а и религіозное дѣло, «послушанье». Есть трудники, даже завѣдующіе мастерскими. «Что васъ заставляеть жить въ монастырѣ вмѣсто заведенія собственнаго дѣла?» спрашиваютъ красавца-богатыря, завѣдующаго золотильной мастерской.—«Такъ,—отвѣчаетъ онъ нехотя:—ходилъ на Дальній Востокъ, вернулся, семья разстроилась. Поживу здѣсь въ тиши, у угодниковъ, поогляжусь, а тамъ что Богъ дастъ». На мельницѣ и въ механической мастерской для интеллигентныхъ посѣтителей даже въ нерабочее время пускаютъ машины.

Богомольцы выходятъ за ограду или черезъ ворота, ведущія къ Преображенской гостиницѣ, или черезъ главныя «Святые ворота». Здѣсь по обѣимъ сторонамъ висятъ модели судовъ, на которыхъ посѣтилъ Соловецкіе острова Петръ Великій. Стѣны вокругъ украшены, въ свою очередь, живописью.

Въ окрестностяхъ монастыря много часовень, 6 церквей, 3 скита. Всюду воспоминанія о чудесахъ или, по крайней мѣрѣ, о далекомъ, подернутомъ туманомъ прошломъ. Налѣво отъ Святыхъ воротъ часовня «Чудопросфорная». Любой монахъ объяснитъ, что когда-то въ старину проѣзжіе новгородскіе купцы получили отъ св. Зосимы просфору, но нечаянно обронили ее на мѣстѣ нынѣшней часовни; собака хотѣла схватить просфору, но изъ нея изошло пламя. Въ 400 саженьяхъ отъ монастыря Преображенская часовня, поставленная надъ могилой воиновъ царя Алексѣя Михайловича, павшихъ при знаменитомъ соловецкомъ сидѣніи. Мятежъ принялъ опасные размѣры. Къ монахамъ раскольникамъ присоединились грабители отъ Стеньки Разина, который, говорятъ, и самъ совершилъ разъ паломничество въ монастырь. На сходкѣ въ декабрѣ 1674 г. рѣшено было не молиться за царя... Перебѣжчикъ Теокистъ сообщилъ, наконецъ, царскому воеводѣ Мещеринову, что въ обитель можно проникнуть по потайному ходу изъ рва близъ Онуфріевой церкви. Монастырь былъ взятъ, начались казни, а оставшихся въ живыхъ мятежниковъ разослали по дальнимъ сѣвернымъ и внутреннимъ городамъ. Близъ монастырскаго дока для починки и зимовки судовъ стоитъ Петровская часовня, въ память посѣщенія монастыря Петромъ Великимъ.

— Отецъ, не благословите ли намъ какъ-нибудь лошадокъ?—спрашиваетъ группа интеллигентовъ у монаха, примѣняясь къ господствующему въ монастырѣ способу выраженія.

— Лошадокъ? А вы закажите въ гостиницѣ. На Сѣкирную гору думаете, или въ Анзерскій, или на Муксальму—хозяйство наше посмотрѣть?

Филиповская пустынь.

Ѣдутъ на Сѣкирную гору и къ Савватіевой пустыни—къ мѣсту перваго поселенія на островѣ Германа и Савватія. Дорога идетъ лѣсомъ, который по мѣрѣ приближенія къ центру острова становится все болѣе рослымъ и густымъ. Чувствуется еще весна, несмотря на іюнь. Деревья не вполне распустились, не вполне просохли весенніе ручьи, протекающіе въ ярко желтѣющей каймѣ куриной слѣпоты и одуванчиковъ. Сѣдой или зеленый мохъ густо прикрываетъ валуны—остатки ледниковаго періода. Дорога прекрасная, кое-гдѣ проложенная камнемъ. Ѣдутъ къ сѣверу, мимо ряда озеръ, которыя при синемъ весеннемъ небѣ кажутся ярко-голубыми. Озеръ на островѣ очень много и, надо сознаться, названія нѣкоторыхъ изъ нихъ звучатъ очень оригинально: такъ, есть озеро «Фефелово», «Малое» и «Большое Порточное», озеро «Цыганы», «Ломинога» и т. д. Въ сторонѣ отъ дороги — Филиппова пустынь, въ томъ мѣстѣ, откуда были приняты на судно мощи святителя Филиппа, при торжественномъ ихъ перенесеніи въ Москву Никономъ, тогда еще митрополитомъ новгородскимъ. Для Никона это была своего рода политическая демонстрація: въ глазахъ будущаго борца за превосходство духовной власти надъ свѣтской царь Алексѣй былъ отвѣтственъ за зло, причиненное святителю Іоанномъ Грознымъ; въ Соловки была прислана грамота, гдѣ царь смиренно молилъ святого отпустить грѣхъ Іоанна и снять пришествіемъ въ Москву поношеніе съ царской власти. Вотъ уже издали видна Сѣкирная гора—самый высокій пунктъ главнаго острова. Сходятъ съ линейки у южнаго склона и поднимаются по довольно крутой лѣстницѣ навверхъ, гдѣ на зеленомъ фонѣ живописно выдѣляется бѣлая церковь скита. Отъ подъема жарко. Встрѣтившіи гостей монахъ «благословилъ» кваску. Послѣ квасу поставили даже самоваръ и напились чаю. Осмотрѣли храмъ, слазили на колокольню. Оттуда великолѣпный видъ на островъ, на пролегающія по немъ дороги, на бѣлыя разбросанныя тутъ и тамъ церкви, на озера, на Бѣлое море. На колокольнѣ тѣсно. Того и гляди, нечаянно зазвонитъ въ колоколь. Жаль, что церковь, какъ и большинство соловецкихъ построекъ, каменная, а не деревянная: художественная самобытность русскаго древообильнаго сѣвера гораздо ярче выразилась въ деревянной архитектурѣ, чѣмъ въ каменной.

Отъ Спасо-Вознесенскаго скита спустились по сѣверному склону къ Савватіевой пустыни. Сѣверный склонъ круче южнаго: спустишься по лѣстницѣ съ горы, заглянешь вверхъ и становится немного жутко. Линейка объѣхала гору и ждетъ на дорогѣ. До Савватіевой пустыни версты двѣ. Пустынь у Большаго Савватіева озера. Въ церкви Смоленской Божіей Матери икона «Одигитрія», принесенная Савватіемъ, передъ которой ежедневно совершается акаѣнсть. Въ обширной братской трапезной богомольцевъ покормили постными щами и кашей, хотя общая трапеза уже отошла. Монахъ

принесъ на продажу цѣлый ассортиментъ деревянныхъ ложекъ— работы соловецкой братіи: «съ благословеніемъ», т. е. съ благословляющей рукой на ручкѣ 25 коп., безъ «благословенія»—десять.

Одна компанія ѣдетъ на Сѣкирную гору, другая на Муксальму— смотрѣть монастырскій скотный дворъ и молочную ферму, третья на Анзерскій островъ и на Голгоѳу; двумъ пріѣзжимъ изъ Москвы отецъ настоятель благословилъ дать карбасъ съѣздить на Заяцкій островъ

По дорогѣ къ Муксальмѣ—острову, лежащему къ востоку отъ монастыря и соединенному съ главнымъ островомъ плотно убитой дамбой, заѣзжаютъ къ церкви «Живоноснаго источника», построенной въ 1856 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ любилъ молиться святитель Филиппъ и гдѣ, по преданію, передъ отъѣздомъ на московскую митрополію явился ему Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, а изъ земли заструился чистый источникъ. Источникъ этотъ теперь находится по срединѣ церкви. Иконостасъ украшенъ деревяннымъ изваяніемъ сидящаго Иисуса Христа, отчего и вся церковь Живоноснаго источника именуется также «Иисусомъ сидящимъ». Выраженіе лика Христа—скупно-благодарное— мало внушаетъ благоговѣнія: изображенъ человекъ, а не Богъ. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ церквахъ встрѣчаются деревянные скульптурныя изображенія божья удачныя.

Анзерскій скитъ расположенъ на островѣ къ сѣверо-востоку отъ монастыря. 15 верстъ надо ѣхать по сушѣ и около 5 верстъ по морю. Скитъ основанъ въ XVII в. преподобнымъ Елеазаромъ, строгимъ отшельникомъ, которому въ особомъ урочномъ мѣстѣ клали на землю хлѣбъ въ обмѣнъ за выдѣланную и оставленную имъ на берегу деревянную посуду. Въ алтарѣ скитской церкви икона «Нерукотвореннаго Спаса», писанная подъ руководствомъ преподобнаго Елеазара московскимъ священникомъ Никитой, пришедшимъ въ Анзерскій скитъ въ 1634 г., принявшимъ здѣсь иночество и ставшимъ впослѣдствіи патріархомъ Никономъ. Во время соловецкаго возмущенія раскольники рассказывали, что по свидѣтельству самого преподобнаго Елеазара, когда разъ Никонъ читалъ евангеліе, пестрый змѣй обвился около его шеи и лежалъ по плечамъ его. Въ четырехъ верстахъ отъ Анзерскаго скита—Голгоѳо-Распятскій скитъ, на высокой горѣ въ 87 саж., основанный въ 1712 г. іеромонахомъ Іовомъ, въ мѣстѣ священникомъ Іоанномъ, духовникомъ Петра Великаго и всей царской семьи, постриженнымъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1701 году.

На Заяцкій островъ туристы-москвичи выѣхали часовъ въ 10 утра, при мягкой ясной погодѣ и слабомъ вѣтрѣ. Въ карбасѣ, кромѣ путешественниковъ, былъ одинъ монахъ, одинъ вольнонаемный рыбакъ, двое трудниковъ. Подняли парусъ, но скоро спустили: съ прекращеніемъ вѣтра онъ только тормозилъ движеніе. Старый

рабочій-рыбакъ, ѣхавшій за старшаго, словно сросся съ своей мѣховою шапкой и вязаной фуфайкой — характерными принадлежностями поморскаго туалета. Море красиво и плавно играло на солнцѣ синеватыми волнами. Одинъ изъ москвичей, естественникъ, закинулъ въ море «траль», надѣясь выловить кого-нибудь изъ представителей богатой бѣломорской фауны. При общемъ участіи и монаха, и рыбака, и трудниковъ забрасывали нѣсколько разъ, но выловили, среди цѣлой массы такъ называемой «морской капусты», только трехъ крабовъ и нѣсколько экземпляровъ морскихъ червей. «Попросите отца настоятеля, онъ васъ благословитъ съ рыбаками на тону съѣздить, вотъ тогда наловите! — утѣшаетъ естественникъ а рыбака: — какъ съѣть-то тянешь, такъ въ ней всякой твари копошится!»

Зяцкихъ острововъ два — Большой и Малый. Высадились на Большомъ, у котораго когда-то стоялъ Петръ Великій съ своимъ флотомъ и гдѣ, по его приказу, въ пять дней воздвигли церковь во имя Андрея Первозваннаго. Маленькая церковь, характерной сѣверной архитектуры, стоитъ и теперь. Въ церкви на стѣнѣ надпись, повѣствующая о бомбардировкѣ 1854 г. и между прочимъ нѣсколько неожиданно для читателя — о подвигѣ монастырскаго козла, захваченнаго англичанами, но умиливашаго ихъ своей яко бы притворной ласковостью и отпущеннаго къ монахамъ. Налѣво отъ церкви Андрея — домикъ, въ которомъ проживалъ на островѣ святитель Филиппъ. Внутри острова, поросшаго мелкимъ лѣскомъ и усѣяннаго валунами, показываютъ «Вавилонъ», устроенный Петромъ Великимъ для забавы солдатъ: по кругу, сажени четыре въ діаметрѣ, проложены дорожки, прихотливо извивающіяся отъ окружности къ центру; забава въ томъ, чтобы прійти къ центру, не переступивъ черезъ каменныя грядки, раздѣляющія дорожки. Едва ли Петръ видѣлъ въ этомъ нгрушечномъ сооруженіи что-нибудь долговѣчное или достойное вниманія: долговѣчнымъ сдѣлало его соловецкое безлюдье, а достойнымъ вниманья — бѣдность интересовъ мѣстныхъ жителей. Естественникъ съ трудниками принялись разыскивать морскихъ звѣздъ, собирать по прибрежнымъ камнямъ «раковъ-отшельниковъ». Другой пріѣзжій занялся бесѣдой съ проживающимъ на островѣ монахомъ. «Кто же изъ васъ, отецъ, въ іеромонахи посвящается?» спрашиваетъ пріѣзжій. — «А это которые грамотные!» — «Неужели всѣ грамотные?» — «Нѣтъ, не всѣ, — которые еще трезваго поведенія...» Отецъ живетъ у церкви и работаетъ ложки; «съ благословеніемъ» — одну въ день, безъ «благословенія» — ложки три. Нѣкоторыя принадлежности этого ремесла хранятся у него въ кельѣ, въ домикѣ святителя Филиппа.

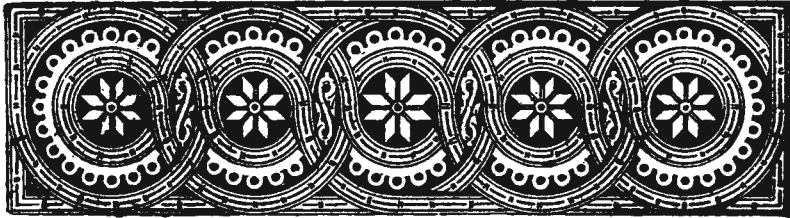
Одиннадцать часовъ по полудни. Время сна и отдыха, но сѣверное солнце только что сѣло. Путешественники и богомольцы изъ центральной Россіи, укладываясь спать, чувствуютъ себя неловко.

Это не петербургская бѣлая ночь, когда дневной свѣтъ принимаетъ какой-то дѣйствительно бѣлый, несвойственный дню оттѣнокъ, а именно затянувшійся день, при которомъ безъ всякаго напряженія можно читать, шить, видѣть самые отдаленные предметы. Только тишина да пониженіе температуры, да розовый запоздалый закатъ, ясно, но холодно окрашивающій на горизонтѣ сѣрую тучку, указываютъ на конецъ сутокъ. Смолкли крики чаекъ. Чуть плещется о камни набережной море. Въ рощахъ по берегамъ смирно спятъ березы. Суровѣе и строже обычнаго нахмурились бѣлыя стѣны монастыря: ходить по міру отецъ лжи—дьяволь, и зорко надо смотрѣть, чтобы уберечь отъ его козней святую братью. За оградой монастыря, у задняго крыльца гостиницы уже мелькають чьи-то подозрительныя тѣни...

Путешественники и богомольцы покоятся сномъ, переживая впечатлѣнія минувшаго дня. Впечатлѣній было много и самыхъ разнообразныхъ. Прогостившіе три дня завтра вечеромъ отбудутъ въ Архангельскъ съ монастырскимъ пароходомъ «Вѣрой» или «Соловецкимъ». Скроются вдали бѣлыя стѣны обители, потонетъ за горизонтомъ Соловецкій островъ, оставятъ они въ душѣ отъѣзжающихъ одно воспоминанье: но кто знаетъ? Можетъ быть, впослѣдствіи, надъ инымъ небомъ и среди иной природы, и богомалецъ и путешественникъ, каждый по-своему, не разъ помянутъ добромъ свою бѣломорскую поѣздку...

Д. Жариновъ.

ТАРАНЧИ И ДУНГАНЕ.

(Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью).

ВЪТОМЪ 1909 г. мнѣ пришлось въ качествѣ переселенческаго чиновника изъѣздить значительную часть Семирѣченской области, составляющей сѣверо-восточную часть Туркестана. Поѣздка имѣла цѣлью выяснитъ существующіе обычаи и правила пользованія водою при искусственномъ орошеніи пашень, что имѣло важное значеніе для подготовки матеріаловъ къ изданію воднаго закона. Въ этихъ странахъ законъ о пользованіи водою не менѣе важенъ, чѣмъ законъ о землѣ.

Обиліе впечатлѣній, которыми была полна поѣздка по интересной красивой области, увеличивалось отъ близкаго соприкосновенія съ туземными обитателями ея: киргизами, таранчами, дунганями. Если большинство обитателей нашей великой родины мало знаетъ о киргизахъ, то о таранчахъ и дунганахъ оно могло и не слышать. Вотъ отчего могутъ оказаться небезынтересными даже маленькіе очерки объ ихъ бытовой обстановкѣ.

I

Отъѣздъ изъ города Вѣрнаго. — Исторія появленія таранчей и дунганъ въ Россіи.

Отправнымъ пунктомъ поѣздки былъ Вѣрный. Живописный, весь въ зелени, съ деревянными въ виду землетрясеній домами, искусно поддѣланными, однако, подъ камень, съ чуднымъ видомъ

на горы, вѣчно сіяющія вершины которыхъ никогда не могутъ надоѣсть,—Вѣрный не можетъ не поправиться, но... скучень онъ особенно лѣтомъ, когда вся интеллигенція уѣзжаетъ на дачи въ предгорье, скучень убійственно. Вотъ почему, какъ только всѣ приготовленія къ поѣздкѣ были сдѣланы, я рѣшилъ выѣхать вмѣстѣ со своимъ спутникомъ и товарищемъ по поѣздкѣ, студентомъ Б., въ роли переводчика. Выѣхали мы на земскихъ, оставивъ тяжелыя вещи на джигита—такъ называются здѣсь конные разсылные—и на подводчика. Они нагнали насъ на другой день.

Б., уроженецъ Семирѣчья, пріѣхалъ на лѣто съ тѣмъ, чтобъ отправиться въ экспедицію на Балхашъ, но такъ какъ это ему не удалось, то онъ рѣшилъ поѣхать со мной. Мы были мало знакомы и, начиная длинное путешествіе, мы не могли не сообщить другъ другу нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Тихій вечеръ располагалъ къ бесѣдѣ. Дорога шла по холмамъ, среди богатыхъ пашенъ и луговъ казачьей станицы, и легкій зефиръ, всегда по вечерамъ струящійся съ горъ въ долину, окружалъ насъ ароматомъ свѣже-скопшеннаго сѣна и благоуханіями вечернихъ испареній.

Незамѣтно спустилась тьма, дорога потеряла начало и конецъ, мы стали дремать, когда шумъ горной рѣчки и стукъ копытъ и экипажа по мосту заставилъ насъ очнуться.

Мы вѣхали въ станицу Софійскую и остановились передъ земской квартирой. Было 11 часовъ ночи. Все кругомъ спало.

Дверь квартиры открыла огромная фигура казака-хозяина, мы машинально внесли свои вещи и не замѣтили, какъ заснули. Утромъ насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Окна квартиры смотрѣли прямо на горы, и, проснувшись утромъ, я открылъ ротъ отъ изумленія. Въ отверстія оконъ и открытыхъ дверей вмѣстилась, какъ въ рамки, величественная, неописуемая картина. Одна на другую громоздились бѣлыя вершины, покоясь на мощныхъ черныхъ громадахъ, которыя подступали къ самому окну, угрожая своей страшной близостью и маня къ себѣ своей чудовищной силой. Это былъ Талгаръ, превышающій горы Альпъ и Кавказа, это была высшая точка Заилійскаго Алатау, куда еще не всходилъ ни одинъ дерзкій смертный.

Издали о высотѣ горъ трудно составить правильное представленіе. Мало-мальски вѣрное является лишь тогда, когда общая перспектива замкнута въ какую-нибудь рамку. Такъ, напримѣръ, если стать посреди улицы, идущей среди ряда высокихъ тополей, и тогда посмотрѣть на горы, расположенныя на горизонтѣ противъ васъ, то вы сразу замѣтите необычайную высоту горъ, которыя, несмотря на отдѣляющее ихъ разстояніе въ нѣсколько десятковъ верстъ, все же поднимаются на горизонтѣ выше великановъ-тополей. Такъ приблизительно было и въ тотъ моментъ, когда я проснулся въ Софійской. Видъ на горы замкнулся въ рамку, образо-

вавшуюся изъ отверстія дверей, и перспектива предстала во всемъ своемъ великолѣпнн, лишенная на минуту своего вѣчнаго соперника, безконечнаго простора голубого неба. Было еще рано, и вершины горъ, которыя днемъ окутываются облаками, сіяли еще своей ослѣпительной бѣлизною.

Въ станицу Софійскую мы пріѣхали для того, чтобъ изученіе водопользованья начать съ русскаго населенія. Атаманъ станицы, выборный казакъ въ чинѣ вахмистра, далъ дѣйствительно много цѣнныхъ свѣдѣній и помогъ составить удобный маршрутъ. Въ тотъ же день мы рѣшили выѣхать въ таранчинское селеніе, но прежде, чѣмъ пріѣхала подвода съ вещами (намъ нуженъ былъ главнымъ образомъ джигитъ), мы успѣли, по предложенію атамана, посѣтить сходъ казаковъ.

Посреди разставленныхъ кругомъ скамеекъ сидѣли за столомъ атаманъ и писарь. Когда мы пришли, атаманъ читалъ бумагу уѣзднаго начальника со множествомъ иностранныхъ словъ, на которыхъ языкъ атамана невольно заплетался. Бумага эта была скопирована безъ всякихъ измѣненій и объясненій съ обращенія организаторовъ ташкентской сельско-хозяйственной выставки (1909 г.), приглашавшихъ присылать гербаріи, энтомологическія коллекціи, типичныя почвы съ указаніемъ химическаго и физическаго состава и т. п. Разумѣется, бумага была прочитана и прослушана съ одинаковымъ непониманіемъ. Сходъ и атаманъ безпомощно молчали.....

Совсѣмъ иной видъ имѣлъ этотъ самый сходъ, когда черезъ нѣсколько минутъ онъ сталъ обсуждать станичныя, близкія всѣмъ присутствовавшимъ дѣла. Среди казаковъ много хорошихъ сельскихъ хозяевъ, много интеллигентныхъ лицъ, бывшихъ атамановъ— всѣ они говорятъ дѣльно и вѣско, ихъ слушать очень интересно.

Казаки наиболѣе культурный элементъ русскаго земледѣльческаго населенія, но они избалованы привилегированнымъ положеніемъ и потому отличаются лѣнью и нерѣдко эксплуатируютъ туземцевъ. Вотъ почему пришлось послѣ наслушаться жалобъ на нихъ со стороны киргизовъ и таранчей.

Въ тотъ же день мы попали въ первое таранчинское селеніе. Пока мы были на сходѣ, пріѣхала изъ города подвода съ вещами, а съ нею остальные спутники нашей поѣздки, джигитъ и подводчикъ.

Атаманъ прислалъ лошадей, далъ проводника, котораго, впрочемъ, мы скоро отпустили, и экспедиція началась. Пока читатель не вошелъ еще вмѣстѣ съ нами въ таранчинскую обстановку, слѣдуетъ познакомить его съ исторіей этого небольшого племени.

Въ 1854 году противъ власти богдыхана, именемъ котораго взымались тяжелыя подати хлѣбомъ съ сартовскаго племени таранчей, проживавшаго въ Кульджинскомъ районѣ, произведено

Видъ города Вѣрнаго.

было возстаніе. Къ возставшимъ таранчамъ присоединились мусульмане-китайцы (племя дунгань), и Кульджа отложилаь отъ Небесной имперіи. Султаномъ выбранъ былъ таранчинецъ Кебирбекъ Абилъ-Оглы Ибрагимовъ. Однако официальнаго существованія новой миниатюрной державы никто не признавалъ, и по первому поводу, невыдачѣ четырехъ каторжниковъ, бѣжавшихъ въ Кульджу, степной генераль-губернаторъ Колпаковскій ввель въ Кульджу русскія войска, оккупировавъ ее почти безъ сопротивленія. Это было въ 1871 году.

Черезъ десять лѣтъ Кульджу возвратили Китаю, чтобы уступками на западѣ получить реваншъ на востокѣ. Говорятъ, — впрочемъ, это популярный въ Туркестанѣ анекдотъ, сложившійся, быть можетъ, на почвѣ непониманія причинъ возвращенія Кульджи, — что русскій посоль въ Китаѣ случайно сболтнулъ, будто императоръ Александръ II не прочь возвратить Китаю Кульджу. Когда на основаніи этихъ словъ посланника китайская миссія предъявила претензію въ Петербургѣ, императоръ будто бы сказалъ: «Посоль дуракъ, но разъ онъ обѣщалъ, то надо отдать». За возвращеніе Кульджи Россіи было уплачено 12 милліоновъ. Русскія войска были выведены, а съ ними ушли въ предѣлы Россіи таранчи и дунгане, которые, опасаясь мести китайцевъ, предпочли русское подданство.

Земледѣльцы по преимуществу (самое слово тарань означало хлѣбъ), новые русскіе подданные быстро обжились на своихъ десятидесятиныхъ надѣлахъ и превратили ихъ въ прекрасныя пашни и сады. Дунгане поселились въ тѣхъ мѣстностяхъ Пишпекскаго, Вѣрненскаго и Джаркентскаго уѣздовъ, гдѣ можно разводить рисъ, таранчи только въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ. Дунгане занимаются, кромѣ рисоводства, огородничествомъ, извозомъ, ихъ лошади соперничаютъ съ русскими ломовиками, и содержаніемъ харчевень («ашъ-хане»), гдѣ они искусно готовятъ мѣстныя блюда. Таранчи же помимо земледѣлія занимаются охотно торговлей.

Вмѣстѣ со всѣми таранчами перешель въ Россію и султанъ Кебирбекъ. Близъ Вѣрнаго ему отвели особый султанскій хуторъ изъ свободныхъ земель Больше-Алматинской¹⁾ казачьей станицы. Султанъ теперь умеръ. На курганѣ стоитъ скромный памятникъ, и передъ нимъ красуется весь черный хребетъ съ Алматинскимъ пикомъ, который иногда кажется головой орла, широко раскрывшаго свои крылья. На хуторѣ живетъ сынъ султана. Уже сѣдой, онъ забылъ про давніе годы, когда его отецъ былъ главой цѣлаго племени, онъ думаетъ теперь о нынѣшнемъ днѣ, такъ какъ большая семья его испытываетъ иногда нужду. Казаки отнимаютъ

¹⁾ Алмата—мѣстное названіе гор. Вѣрнаго—означаетъ яблоню, такъ какъ Вѣрный славится чуднымъ опорто.

Окрестности города Върнаго.

землю, которая теперь нужна имъ самимъ; султановъ сынъ жалуется, споръ еще не разрѣшенъ, и судьба земли заслоняетъ у обитателей султанскаго хутора всѣ другія заботы.

Такова исторія таранчей и дунганъ, описаніемъ бытовой обстановки которыхъ будутъ заняты наши очерки.

II.

Въ селеніяхъ таранчей.

Первое таранчинское селеніе, въ которое мы направились, было Жанишары (Алексѣевка). Оно лежитъ въ бассейнѣ рѣки Талгаръ, верстахъ въ 30-ти отъ города Вѣрнаго. Въѣзжая въ длинную улицу, мы не знали, гдѣ будетъ наша стоянка. Земской квартиры не было, а останавливаться у волостного казалось неудобнымъ. Джигитъ нашъ Менгли-бай чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ мы, и, нисколько не смущаясь, поскакалъ впередъ объявить волостному о приѣздѣ чиновника изъ Петербурга — послѣднее для усиленія ранга. Волостной съ писаремъ вышли навстрѣчу, и мы скоро очутились въ гостиницѣ таранчинскаго богача. Домъ его построенъ съ окнами, въ стилѣ обыкновенныхъ городскихъ домовъ (въ Алексѣевкѣ такихъ довольно много); но комнаты уже не наши. Кромѣ ковровъ на полу, частью мѣховыхъ, и круглаго стола на низенькихъ, въ четверть аршина, ножкахъ, ея убранство составляютъ висающія на стѣнахъ выписи изъ корана (нѣкоторыя подъ стекломъ, видъ ковчега, сумки, разливательная ложка, подносы, чалма и длинныя узкія полосы цвѣтной матеріи, спускающіяся по стѣнамъ до самаго полу и предназначенныя либо для закутыванія женщинъ, либо въ качествѣ утиральниковъ при многочисленныхъ обрядкахъ омовенія рукъ; что совершается по мусульманскому обычаю передъ и послѣ принятія пищи, а также во многихъ другихъ случаяхъ. По угламъ стоятъ наши высокіе столики, и на нихъ разложена посуда—чашки («кисе»), тарелки, блюда, ложечки и т. п., между прочимъ и изящный узкій кувшинъ съ тазикомъ—для омовеній.

Не успѣли мы оглянуться, какъ пришли мирабы ¹⁾ и почетный человекъ, бывшій волостной, братъ предводителя таранчинцевъ при выходѣ ихъ изъ Кульджи ²⁾—Джамаладинъ Джалилевъ. По случаю приѣзда начальства мирабы вырядились въ бѣлыя высокія чалмы, расходящіяся въ стороны посреди лба. Одинъ изъ

¹⁾ Мирабы—это выборныя должностныя лица, надзирающія за пользованіемъ водою въ селеніяхъ.

²⁾ Кульджа,—теперь уступленная Китаю, находится въ восточной части Приилійской долины и по своему положенію имѣетъ большое экономическое значеніе въ качествѣ торговаго центра.

мирабовъ, съ характернымъ лицомъ, окаймленнымъ длинной бородой, сбритой подъ нижней губой до середины подбородка, держалъ въ рукахъ махалку для мухъ, представляющую собой конскій хвостъ на раскрашенной палочкѣ.

Бесѣду нашу объ обычаяхъ пользованія водою сначала прервали киргизы, караванъ которыхъ двигался черезъ деревню, отправляясь въ горы на «джайляу» (лѣтнее пастбище). Женщины-киргизки въ сапогахъ съ уродливыми высокими повязками на головахъ пѣли печальный гимнъ въ честь умершаго «бая», который ѣздилъ съ ними прошлый годъ на пастбище.

Бай добрый, хорошій былъ человекъ,
И вотъ его нѣтъ ужъ навѣкъ.
Покинута юрта, остались однѣ
Печальныя жены на грѣшной землѣ.
Имъ радость—не радость,
А горе и зло. На сердцѣ лишь мысль,
Что не будетъ его ¹⁾.

Часовъ въ семь вечера наши мирабы замѣтно заволновались. Оказалось, что имъ надо на молитву. Одинъ изъ мирабовъ былъ муллой. Мы тотчасъ же опустили ихъ, тѣмъ охотнѣе, что устали сами.

Хозяинъ—волостной старшина—изъ уваженія къ гостямъ во время допроса стоялъ у дверей, и я съ трудомъ уговорилъ его сѣсть, но онъ взялъ стулъ все-таки къ дверямъ и сѣлъ позади другихъ. Послѣ ухода мирабовъ онъ остался пить съ нами чай; присутствіе гостя освобождаетъ отъ обязанности итти въ мечеть. Чай мы пили съ сартовскими лепешками изъ тѣста въ родѣ бубликовъ. Сидѣли на полу, подобравъ подъ себя ноги, причемъ хозяинъ не ѣлъ ничего, пока ему не предлагали мы.

Послѣ вечерняго чая по моей просьбѣ хозяинъ повелъ насъ по селенію, чтобы показать, какъ живутъ бѣдные и богатые. Двигалась цѣлая свита, къ которой присоединились по дорогѣ любопытные, и взрослые и, дѣти. Между прочимъ, по дорогѣ волостной разрѣшилъ интересный въ бытовомъ отношеніи споръ киргиза съ таранчинцемъ.

Еще когда мы пили чай, въ комнату вошелъ обтрепанный, несчастный на видъ киргизъ и жалобнымъ голосомъ, протягивая впередъ ладони, сталъ о чемъ-то просить. Несмотря на всю жалость, которую внушала фигура этого челевѣка, нельзя было удержаться отъ смѣха при видѣ того ужаса, который изобразила его фізіономія, когда онъ узналъ, что здѣсь русскіе чиновники,

¹⁾ Пѣніе въ честь умершихъ продолжается въ теченіе цѣлаго года по три раза въ день. Поюція женщины обыкновенно разнообразяютъ содержаніе пѣсни, но безконечнаго разнообразія, конечно, быть не можетъ и складывается типъ, который мы и пробовали передать вольными стихами.

что волостного нѣтъ и что ему приказываютъ садиться къ столу. Опасаясь какого-нибудь подвоха, онъ дрожалъ и не хотѣлъ идти, и я приказалъ джигиту взять его за руку и усадить къ столу. Выпучивъ глаза, онъ пилъ чай и обгрызалъ кусокъ сахара, все не понимая, куда онъ пошалъ. Тогда я приказалъ разузнать, что ему нужно. Оказалось, что какой-то таранчинецъ угналъ его барана во время перекочевки черезъ селеніе. Я позвалъ волостного и предложилъ ему немедленно распорядиться относительно возвращенія барана. Киргизъ уѣхалъ, и когда черезъ полчаса мы проходили по деревнѣ, волостной уже лично приказалъ самовольно захватившему барана таранчincu отдать его хозяину, и киргизъ, возстановленный въ своихъ правахъ, уѣхалъ догонять караванъ.

Мы зашли въ домъ бѣдняка. Это уже настоящая таранчинская постройка. Все сдѣлано изъ вязкой глины съ «чѣмъ», степнымъ злакомъ, растущимъ кустиками высокой травы. Глинобитный заборъ окружаетъ дворъ, гдѣ подъ однимъ навѣсомъ стоятъ лошади, подъ другимъ помѣщаются—скотъ и люди, для которыхъ, впрочемъ, устроены мазанки подъ тѣмъ же навѣсомъ, переходящимъ непосредственно въ крышу этихъ людскихъ жилищъ. Въ мазанкѣ зимняя печь; вещей почти никакихъ нѣтъ, свѣтъ даетъ фитиль, горящій въ маслѣ и распространяющій непріятный чадъ, на полу, завернувшись въ грязное одѣяло, спали на кошмѣ обитатели дома. Я спросилъ, гдѣ женщины. Мнѣ отвѣчали уклончиво, дали понять, что лучше это выяснить по дорогѣ.

Возвращаясь, я услышалъ цѣлую повѣсть, напоминающую давно прошедшія времена. Въ округѣ царить бѣглый каторжникъ, таранчинскій разбойникъ—Оноятъ. Напрасны были попытки его изловить; вооруженный, съ шайкой помощниковъ—онъ неуловимъ и вездѣ вселяетъ страхъ, дѣйствуя безъ промаха, безъ неудачъ. Онъ грабитъ имущество, крадетъ женъ, ночуетъ, гдѣ хочетъ, и сила его вліянія и власти гораздо выше, чѣмъ у любого административнаго лица. Въ домѣ, куда мы заходили, разыгралась тяжелая драма. Тамъ жилъ двоюродный братъ моего арабакешки (подводчика), который участвовалъ въ облавѣ на Оноята. Въ отместку разбойникъ зарѣзалъ его, отнял жену и оставилъ сиротъ-дѣтей. Они-то и спали на полу. А за хозяина и опекуна остался бѣднякъ, который смотритъ за домомъ.

Мы подошли къ помѣщенію, которое занималъ богатый казій (судья). Получая въ свою пользу 10 процентовъ съ cadaго дѣла, судья, кромѣ того, занимается торговлей и земледѣліемъ и живетъ широко, постоянно принимая гостей изъ города и окрестностей. Чтобы развлечь насъ, онъ пригласилъ музыкантовъ—дутара и сатара. (Такъ называются два струнныхъ инструмента, играющіе на которыхъ обыкновенно одновременно и поютъ, а спеціальныя танцоры подъ ихъ музыку и пѣніе танцуютъ).

Домъ сарга-торговца въ кишлакъ Хумсанъ.

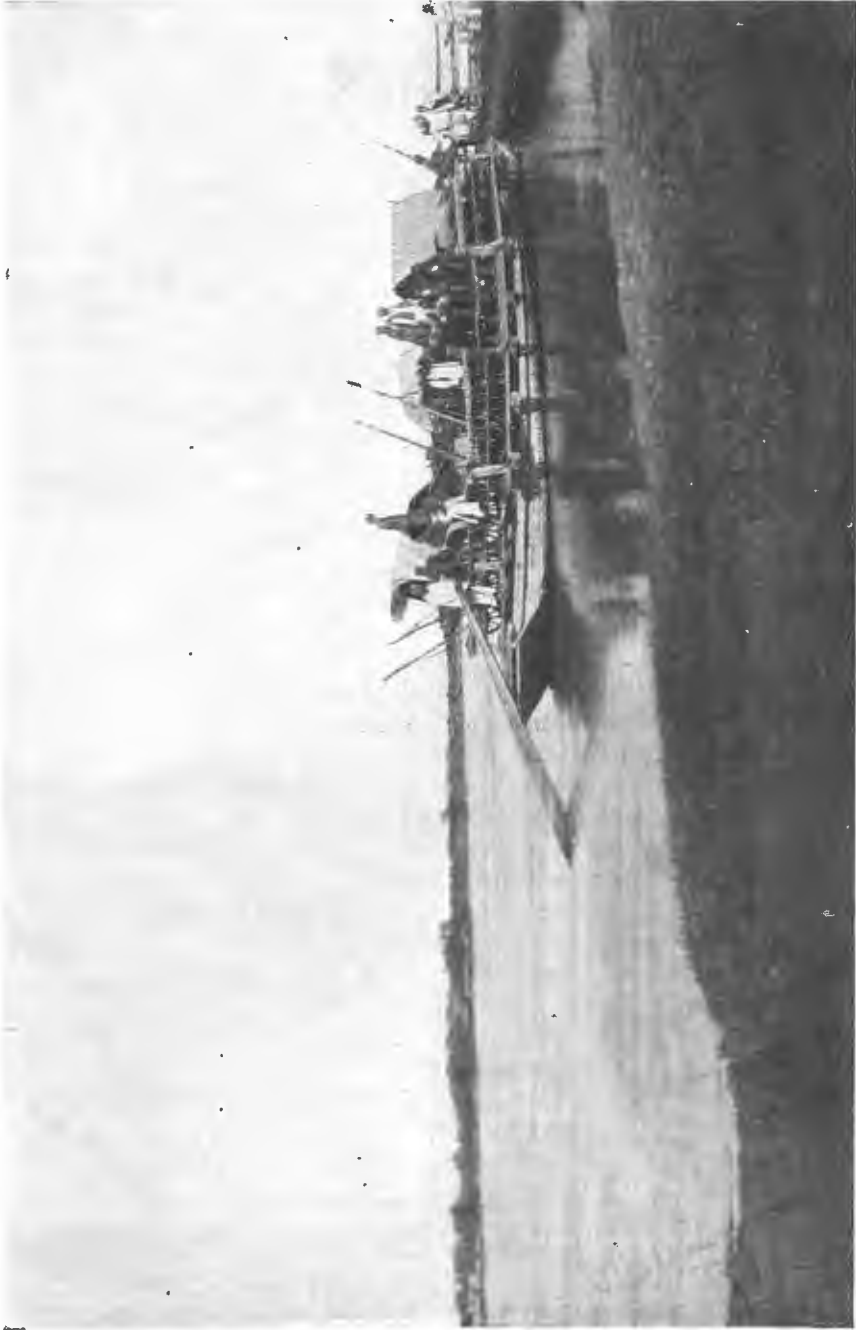
Дутарь, со струнами изъ воловьихъ жилъ, сатарь—съ проволочными. По формѣ они похожи на мандолины, но съ очень длинными ручками. Нельзя сказать, чтобы инструменты эти были музыкальными, но и пѣніе и игра имѣютъ много оригинальнаго. Было уже поздно, и мы поспѣшили выпить чай, непремѣнное угощеніе въ каждомъ домѣ, отъ котораго отказываться нельзя, чтобы не обидѣть хозяина. Къ чаю казіи подаль конфеты изъ города и особое сладкое, мучнистое печенье. Это покупное угощеніе характерно для торговаго человѣка, часто бывающаго въ городѣ.

Пока мы пили чай, въ открытое окно налетѣли жуки, мухи, которыхъ здѣсь видимо-невидимо, и даже летучая мышь. Такіе посѣтители еще болѣе ускорили нашъ уходъ.

На другой день, до и послѣ окончанія опроса, для котораго была составлена программа, я гулялъ по деревнѣ въ сопровожденіи своего джигита и подводчика. У каждаго дома лежитъ кизикъ (земляной кирпичъ), идущій на постройки, вездѣ вѣяли пшеницу, въ каждомъ дворѣ видны были подъ навѣсомъ кошмы, въ которыхъ принимаютъ гостей, спятъ, обѣдаютъ и т. д., проводя все нетрудовое время. Былъ я и въ саду у Джамаладина Джалилева, который давалъ мнѣ отвѣты наканунѣ. У него бесѣдки изъ винограда, откуда прелестный видъ на горы. Изъ спѣлыхъ фруктовъ были только бѣлая и розовая китайская вишня, отличающаяся отъ обыкновенной и видомъ и вкусомъ. Ходили и за деревню, гдѣ я осматривалъ устройство «жирменя»—мельницы, приводимой въ движеніе водой. Вода течетъ внизъ по желобу и, падая на спицы колеса, силой своего теченія сообщаетъ ему вращательное движеніе, а колесо крутитъ уже жерновъ въ деревянномъ сараѣ, устроенномъ надъ водой и колесомъ.

Уже въ Жанишарахъ у меня возникла симпатія къ таранчинскому населенію, отличающемуся домовитостью, хозяйственностью, большимъ трудолюбіемъ. Въ ихъ домахъ и снаружи и внутри много опрятности и вкуса, въ ихъ садахъ и пашняхъ много любви къ землѣ и труду. Слѣдующія посѣщенія таранчинскихъ селеній дали возможность увидѣть ихъ во время развлеченій и во время молитвы, за работой и во время отдыха, и первое хорошее впечатлѣніе только усиливалось.

Въ слѣдующемъ таранчинскомъ селеніи, Ташты-Карахъ, мы уже не стѣсняясь заѣхали къ казію (старшины не было). Онъ встрѣтилъ насъ у воротъ, безъ шапки, съ испуганной фивіономіей. Того достатка, который мы видѣли у должностныхъ лицъ Жанишаръ, здѣсь не было. Только что отстроенный новый домъ ничѣмъ не былъ украшенъ внутри. Земляныя стѣны остались не выбѣленными, потолокъ и полъ тоже. Это была гостиная. Лѣтнимъ помѣщеніемъ казія служилъ высокій глиняный полъ подъ навѣсомъ, непосредственно примыкавшимъ къ крышѣ. Въ этомъ полу устроенъ

Переправа на паромъ черезъ рѣку Или.

и котель для приготовленія пищи. Зимнее помѣщеніе, оно же женская половина, имѣеть отдѣльный ходъ, который выходитъ не на дворъ, а подъ навѣсъ для скота.

Передъ отъѣздомъ насъ угостили прекраснымъ «палау»¹⁾ и особымъ сортомъ пельменей, начиненныхъ молодымъ лукомъ и сильно сдобренныхъ краснымъ перцемъ. Потомъ хозяинъ повелъ насъ осмотрѣть его зимнее помѣщеніе. Здѣсь уже не было европейскаго духа, какъ въ домахъ Жанишаръ,—стиль создается своеобразными окнами и каминомъ. Въ стѣнахъ сдѣланы кубическіе вырѣзы, которые симметрично расположены и одни служатъ въ качествѣ оконъ и вмѣстѣ полокъ для припасовъ, другіе—замѣняютъ шкапы и комоды и набиты цвѣтными одѣялами и подушками, такъ аккуратно сложенными, что они украшаютъ стѣны, какъ обои. Въ другихъ домахъ въ этихъ вырѣзахъ помѣщаются и сундуки. Надъ вырѣзами (нишами и амбразурами) висятъ красиво обрѣзанныя, деревянныя дощечки, какія ставятъ на русскихъ избахъ. Стекла замѣнены трафаретными ставнями. Каминъ имѣеть форму сигары, прижатой къ стѣнѣ, и напоминаетъ декадентскія печки въ новыхъ петербургскихъ домахъ.

Показывали намъ и первый домъ, построенный по выходѣ изъ Кульджи. Это памятникъ той бѣдности, которую принесли съ собой таранчи изъ Китая.

Съ Кульджей у нихъ сохранилось много связей, но китайцевъ они не любятъ, какъ грязный народъ, что особенно противно мусульманамъ. «Китаецъ цѣлый годъ обтирается одной и той же грязной тряпкой, которую мочить въ водѣ», рассказываютъ съ брезгливостью чистые таранчи.

Домъ, построенный по выходѣ изъ Кульджи, чрезвычайно бѣденъ: низкій потолокъ, меньше сажени, маленькія отверстія для оконъ подъ самой крышей; къ стѣнѣ, обращенной къ западу, откуда большею частью проносится вѣтромъ дождь, навалена куча земли и навоза и украшеніемъ комнаты—онаодна и составляетъ весь домъ—служать тѣ же амбразуры съ коврами и деревянной рѣзьбой, вищащей въ видѣ бахромы надъ маленькими отверстіями оконъ.

Братъ казія—мулла, онъ же столяръ. Мы осмотрѣли и его домъ, того же типа, что и прежніе. У него хорошій садъ и огородъ съ каунами (дынями) и кабаками²⁾

У муллы мы застали въ домѣ жену и дочь, послѣдняя очень хорошенькая брюнетка. Мать запретила ей выйти вмѣстѣ съ нами въ садъ, и она выглядывала украдкой изъ окна. Мулла живетъ своимъ

¹⁾ Палау—любимое блюдо сартовъ, оно называется у насъ пилавъ. Это баранина съ рисомъ, въ которомъ для вкуса жарится морковь. Иногда кладутъ еще «урюкъ»—сушеные абрикосы.

²⁾ Названія родственныя малороссійскимъ.

Видъ горной щели въ Заилійскомъ Алатау.

ремесломъ плотника. Онъ самъ работаетъ и для мечети, созданной трудами и приношеніями прихожанъ. Жалованья онъ не получаетъ, а дѣлаетъ сборы приношеній по пятницамъ во время богослуженія въ мечети. Муллы деревенскіе далеко не свѣдущія лица. Мнѣ не могли они даже объяснить, почему у нихъ празднуется пятница.

Заслуживаетъ упоминанія та рѣдкая старательность, съ какой таранчи устранивають бесѣдки, разводятъ цвѣты, сады и огороды. Это земледѣльцы по призванію, любящіе землю, умѣющіе ею пользоваться. Бѣдняки, между прочимъ, сохраняютъ зерно въ простыхъ ямахъ, заваленныхъ соломой. Земля даетъ имъ хлѣбъ, служитъ матеріаломъ для построекъ, и она же хранитъ зерно.

Слѣдующая стоянка наша была въ сосѣдней деревнѣ—Ташкенбай-сазъ. Не успѣли мы попрощаться съ проводившими насъ за деревню хозяевами, какъ очутились въ новой деревнѣ. Здѣсь мы остановились у помощника старшины. Кстати сказать, чѣмъ дальше отъѣзжаешь отъ Вѣрнаго, тѣмъ населеніе становится болѣе дикимъ. Здѣсь за нами ходили прямо толпы и намъ пришлось перезнакомиться со всеми почетными людьми. Такъ какъ близко отъ Ташкенбай-саза находится селеніе Баубекъ, то мы съѣздили туда верхомъ. Тамъ у веселаго казія собралось человѣкъ 17, въ присутствіи которыхъ я и произвелъ опросъ. Мнѣ даже понравилось присутствіе многихъ лицъ, которыя провѣряли даваемые мнѣ отвѣты. Послѣ опроса былъ неизбежный чай, а затѣмъ хозяинъ устроилъ танцы. Танцевали сыновья казія и самъ казіи, который выдѣлывалъ ногами прямо камаринскія штуки и подъ конецъ даже сталъ на голову. Музыка, пѣніе, танцы вскружили всемъ голову—быстрая ѣзда верхомъ способствовала оживленію. Когда я заносилъ въ записную книжку впечатлѣнія и между прочимъ полученныя мною свѣдѣнія объ именитыхъ и образованныхъ таранчахъ, казіи попросилъ меня занести въ списокъ и его имя, такъ какъ онъ «тоже хорошій» человѣкъ. Его зовутъ Сапаръ Рагимбакиевъ. Это богатый независимый таранчинецъ, который не считается со стѣсняющими свободу обычаями. Когда мы уѣзжали, онъ взялся познакомиться насъ съ женами. У него ихъ двѣ, и для каждой построены отдѣльный домъ. Удивленная, скорѣе смущенная толпа таранчей осталась на улицѣ, а мы пошли въ женское помѣщеніе. Женъ казія не было. На диванѣ лежала молоденькая невѣстка его. Когда мы вошли, она проснулась, затрепетала отъ неожиданности, встала на ноги и, прижавшись къ стѣнѣ, потянулась, какъ граціозное животное, воплощающее въ себѣ нѣгу и страсть. Не желая злоупотреблять гостепримствомъ казія и ставить его въ неловкое положеніе, я сейчасъ же вышла, сохранивъ мимолетное впечатлѣніе отъ той дикой привлекательной красоты, которую воспѣвали Пушкинъ, Лермонтовъ и особенно Байронъ. Изящное сложеніе, маленькія ножки,

Мечеть въ Джаркентъ.

почти покрываемыя длинными красными панталонами, черные глаза, оттъенные сросшимися нитями бровей, узкое личико и бѣлый платокъ на темной головкѣ съ двумя косами (дѣвушки носятъ четыре)—все это мнѣ хорошо запомнилось.

Быть можетъ, эта искусственная стыдливость женщинъ, скрывающихся за деревьями, убѣгающихъ съ улицы въ домъ, дѣлаетъ ихъ болѣе соблазнительными для мужчинъ, фантазія которыхъ раскрашиваетъ дѣйствительность. Но у меня отъ мимолетныхъ впечатлѣній осталось много поэтическихъ образовъ отъ пестрыхъ бабочекъ, украшающихъ таранчинскіе дома.

Въ Ташкенбай-сазѣ ко мнѣ явился представиться интересный типъ—Садыръ Кадыровъ. Онъ служилъ у губернатора и получилъ отъ него похвальный листъ, потомъ у Пантусова¹⁾ и получилъ свидѣтельство о своихъ способностяхъ, потомъ поработалъ для Краснаго Креста, несомнѣнно, изъ-за медали, которую не преминулъ показать мнѣ. Онъ живетъ хорошо, видно, что бывалъ въ городахъ; у него много посуды, есть городскіе сухари, а на стѣнкахъ висятъ всѣ его «листы», только почетный халатъ остался въ городѣ.

Когда вечеромъ у хозяина была устроена томаша (пѣніе, музыка и танцы), Кадыровъ подъ шумокъ попросилъ меня принять его на службу, если не въ этомъ году, то въ будущемъ, и дать ему какое-нибудь свидѣтельство или халатъ слѣдующаго разряда. Чтобы больше понравиться, онъ подарилъ мнѣ книжку, составленную Пантусовымъ, «Пѣсни таранчей»; брошюра эта бѣдна содержаніемъ и составлена неинтересно.

Танцы были тѣ же, что и у казія. Большое оживленіе внесъ танецъ мужчины съ женщиной (тоже мужчина, переодѣтый). Этотъ танецъ изображалъ ухаживанье одного за другимъ. Женщина вытирала лицо мужчины, потомъ они цѣловались, и все время мужчина ловилъ женщину, какъ въ лезгинкѣ—встрѣчался и расходился, какъ во многихъ нашихъ танцахъ. Смотря на эти танцы, я видѣлъ, что въ нихъ подкупающей чертой является изображеніе жизни и характера народа, а также возможность фантазіи. Таковы и другіе національные танцы: лезгинка, венгерка, казачокъ, мазурка, которые нельзя сравнить съ монотонными и скучными нашими бальными танцами, гдѣ все дѣлается по заученному. И понятно увлеченіе кэкъ-уокомъ и матчишемъ, которые, являясь пародіей на половыя темы, уводятъ насъ въ другую крайность.

Попробую передать одну изъ таранчинскихъ пѣсень:

---

¹⁾ Н. Н. Пантусовъ долго служилъ въ областномъ правленіи Семирѣчья и славился, какъ знатокъ языка и быта таранчей. Онъ скончался въ прошломъ году на Кавказѣ. Пантусовъ издалъ нѣсколько брошюръ, съ переводомъ пѣсень таранчей, игръ ихъ и заклинаній анахарей. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя историческія данныя.

Видъ туземнаго кишлака.

У меня была пара гнѣдыхъ,
Пара добрыхъ, горячихъ коней.
Я любилъ лошаденокъ своихъ,
Мчался я по простору полей.—

Проѣзжая въ деревнѣ одной,
Любовался своей я арбой
Да конями своими гнѣдыми,
Быстроногими и дорогими.

Я не помню, какъ случай случился,
Что невесель домой воротился,
Что про коней своихъ я забылъ,
И въ деревню ту зачастилъ.

Я и ѣздилъ туда и ходилъ,
Вдоль ограды одной все бродилъ,
Все дѣвчонку красивую ждалъ¹⁾,
Что однажды въ селѣ увидалъ.

Нѣтъ ужъ больше моихъ лошадей,
И ничуть не тоскую по нимъ,—
Пару добрыхъ и быстрыхъ коней
За жену я отдалъ, какъ калымъ.

Не ношусь я уже по полямъ,
Вперегонку съ степными вѣтрами,
Я работаю цѣлыми днями,
Для жены я свободу продамъ.

Двое есть у меня сыновей,
Двое славныхъ, красивыхъ ребятъ,
Но не вижу ихъ нѣсколько дней,
Что-то дома они не сидятъ.

Вотъ еще одна пѣсня, уже не веселая, а заунывная, пѣсня
старыхъ, а не молодыхъ:

Вотъ опять знакомыя, все родныя лица,
Словно вновь родился, домой возвратившись,
Такъ легко, привольно, сердце веселится,
Что домой вернулся, Меккѣ поклонившись.

Далеко отъ милыхъ родныхъ и знакомыхъ,
Какъ былинка въ полѣ, одинокимъ былъ я,
Тосковалъ по дому въ мѣстахъ не привольныхъ,
Гдѣ пески и камень, нѣтъ жилья людского.

Смотрѣть на томашу собралась масса народа; такъ какъ въ домѣ
было тѣсно, то ее устроили на дворѣ, и почетные зрители располо-
жились на призьбѣ, подъ навѣсомъ, которая, какъ я говорилъ,
является лѣтнимъ жилищемъ.

¹⁾ Таранчи берутъ въ жены дѣвочекъ отъ 11 лѣтъ; до перехода въ Россію они, по
примѣру китайцевъ, брали въ жены только созрѣвшихъ дѣвушекъ, лѣтъ 17 и старше.

На другой день мы объѣхали бахчи (огороды), гдѣ очень аккуратно проведены канавки для воды и корни вьющихся растений находятся у краевъ канавокъ, а растенія направлены внутрь грядки. Потомъ побывали въ саду, гдѣ больше всего знаменитыхъ семирѣченскихъ яблокъ. Виноградъ здѣсь не растетъ. Въ сады допускаются всѣ желающіе и такъ какъ ихъ надѣляютъ фруктами, то ночныхъ кражъ и связанной съ ними порчи деревьевъ не бываетъ. Смотрѣлъ я и на поливъ пашень, совершаемый очень старательно.

Постройка дома.

Была пятница—майранъ—и къ 12-ти часамъ сопровождавшій насъ хозяинъ предложилъ отправиться въ мечеть. Самъ онъ поспѣшилъ домой за чистой чалмой, а мы отправились къ мечети. Немного позже 12-ти часовъ на крышу ея взошелъ азанщикъ и громко сталъ произносить молитву, созывающую правовѣрныхъ. Грамотные имѣютъ ту привилегію, что молятся и раньше 12-ти. Остальные по окончаніи призывной молитвы, замѣняющей для мусульманъ нашъ благословеніе, входятъ всѣ въ мечеть въ бѣлыхъ чалмахъ и выстраиваются въ стройные ряды. У порога мечети заперстрѣли снятые съ ногъ «кебисы» (опорки). Мы стали у окна. Въ мечети воцарилась гробовая тишина. Вотъ всѣ упали на колѣни и преклонили головы къ землѣ. Снова встали, и имамъ медленно взошелъ на возвышеніе и сталъ читать на арабскомъ языкѣ понятную лишь немногимъ молитву.

Онъ кончилъ. Снова тишина. Правовѣрные успѣваютъ только переходить съ заднихъ рядовъ въ передніе—почетнымъ лицамъ неудобно стоять позади. Тишину прерываютъ молитвы, читаемыя помощниками имама, младшими муллами. Одновременно эту же молитву повторяетъ какой-то, видно, грамотный старикъ, стоящій на противоположномъ концѣ. Официальная часть кончена. Имамъ произносить рѣчь. «Царь, —говоритъ онъ,—заботится о насъ, посылаетъ сюда чиновниковъ (рѣчь къ случаю), чтобы узнать, какъ мы живемъ. Онъ далъ намъ землю и устроилъ насъ, а мы ничего ему не дали, такъ будемъ же по крайней мѣрѣ за него молиться», и всѣ собравшіеся провозглашаютъ здравицу за царя. Раздается рыданіе. Я съ удивленіемъ вижу фізіономію, на которую и ранѣе я обратилъ вниманіе, какъ на жуликоватую и хитрую. Что это—истерика или симуляція? Вѣрнѣе, послѣднее. Азіаты любятъ такіа искусственныя драмы.

III

На озерѣ Иссыкъ.

Таранчинское селеніе Ташкенбай-сазъ, о пребываніи въ которомъ только что шла рѣчь, находится въ бассейнѣ рѣки Иссыкъ, получающей начало въ озерѣ того же имени. Быть въ Семирѣчьи и не поѣхать на это озеро, которое славится своей красотой, было бы большой ошибкой, тѣмъ болѣе, что тамъ можно было найти киргизовъ для опроса. Поэтому мы, нанявъ дунганскихъ лошадей, которыя, какъ сказано выше, извѣстны своей силой, отправились на это озеро.

Въ станицѣ Надеждинской, по мѣстному—Иссыкъ, мы закусили въ харчевнѣ, по мѣстному называемой «ашъ-хане». Насъ завезъ туда проводникъ-дунганинъ, чтобы показать, какъ готовятъ и ѣдятъ его единоплеменники. Дунгане—совсѣмъ китайцы на видѣ, но только безъ косъ. Ихъ фізіономіи, ко всему равнодушныя, удивительно спокойныя, крутились въ харчевнѣ за приготовленіемъ лапши. Харчевня снаружи напоминаетъ деревянный сарай. На деревянномъ прилавкѣ разставлены заманчивыя для туземцевъ блюда, внутри за примитивнымъ столомъ съ аппетитомъ уплетается палочками лапша и съ ней рубленое мясо. Палочки работаютъ не хуже вилокъ и ножей, и лапша, тутъ же ловко сворачиваемая, кушается не безъ удовольствія.

Къ озеру мы добрались не безъ препятствій. Это роскошное дитя горъ и ледниковъ нашло себѣ волшебную колыбель въ красивомъ ущельѣ, въ которое нелегко подняться.

Такія озера, какъ Иссыкъ, встрѣчаются во множествѣ въ южныхъ Альпахъ подъ названіемъ «итальянскихъ». Образуются они изъ воды, стекающей отъ таянія снѣга и ледниковъ. Особенность

ихъ и особенность чарующая состоитъ въ замѣчательномъ темно-зеленомъ цвѣтѣ воды, которая пріятно гармонируетъ съ зеленою крутыхъ береговъ, создавая неизгладимые изъ памяти прелестные виды.

Озеро Иссыкъ лежитъ въ котловинѣ, образованной высокими горами. По пути къ нему насъ сначала задержалъ переѣздъ черезъ горную рѣчку безъ моста, что по свойству береговъ и каменистаго дна было нелегко, послѣ этого переѣзда пришлось версты четыре проѣхать верхомъ по крутой тропинкѣ, усыпанной острой дрсвой

Туземная мельница.

(такъ называется здѣсь мелкій камень). Многія вещи пришлось сдать на храненіе пасѣчнику вмѣстѣ съ телѣгой и хомутомъ.

Когда мы, наконецъ, достигли озера, чудный цвѣтъ его воды сразу доставилъ намъ такое удовольствіе, что мы долго не могли оторваться отъ представившейся картины.

Однако надо было устроиться для отдыха, такъ какъ подъемъ къ озеру всѣхъ утомилъ. Мы отправились въ киргизскій аулъ, который расположился у самаго озера. Хозяиномъ аула, вѣрнѣе, старшимъ въ пяти юртахъ, стоявшихъ на берегу озера, оказался очень молодой киргизъ. Онъ младшій изъ братьевъ, женился только послѣ смерти родителей, а такъ какъ старшіе братья выдѣлились, то онъ получилъ весь оставшійся отъ отца скотъ съ обязанностью кормить

мать и сестру. Если эти обязанности не трудны сами по себѣ, то выгода, какую принесла нашему киргизу сестра, сдѣлала эту обязанность прямо пріятной. За свою красивую сестру онъ получилъ 700 рублей отъ засватавшаго ее жениха (калымъ). Такимъ образомъ, нашъ хозяинъ былъ довольно богатъ. Когда вечеромъ мы разговорились съ хозяиномъ, оказалось, что у него 460 овецъ, 100 лошадей и 20 быковъ. Если перевести это все на единицу оцѣнки, на барановъ, то получится около 1500 барановъ, что составляетъ на деньги 10—12 тысячъ рублей.

Сестра хозяина, какъ невѣста, сидитъ въ пестромъ платкѣ съ яркими цвѣтами и въ кацавейкѣ поверхъ бѣлаго платья. Этотъ богатый для киргизки нарядъ завершался сапогами, сверхъ которыхъ надѣты были вмѣсто кебисовъ глубокія галоши. Жена хозяина была тоже очень недурна собой, но одѣта скромнѣе. Такія милостивыя киргизки попадаются рѣдко. Характерно, что молодая жена хозяина не смѣетъ еще входить въ главную юрту, такъ какъ это право пріобрѣтается только черезъ годъ послѣ дня свадьбы. Въ общемъ мы проводили время въ компаніи довольно милой. Однако, словно нарочно, въ этомъ же аулѣ была сифилитичка, носъ у нея провалился, голось гнусавый, и своимъ безобразіемъ она отгѣняла милостивость первыхъ.

Несмотря на зажиточность, хозяева наши обнаружили много дикости. Такъ, на примѣръ, имъ до того понравилось мыло, что красавицы не пропускали насъ иначе, какъ со словами «сапонъ», «сапонъ» (мыло), а когда мы дали имъ помыть руки, то и мужчины и дѣти сдирали другъ у друга мыльную пѣну. Пришлось къ денежной платѣ за постои прибавить натуральную плату—мыломъ.

На второй день послѣ пріѣзда мы, къ большому неудовольствію джигита, которому пришлось сопровождать насъ, рѣшили обойти озеро пѣшкомъ. Задача эта оказалась нелегкой. Горы были такъ круты и высоки, что спустя часъ—полтора мы уже отдыхали на каждомъ поворотѣ тропинки. Берегомъ ити нельзя, такъ какъ онъ большей частью отвѣсенъ; поэтому, чтобъ обойти большое озеро, надо подниматься и опускаться, карабкаясь по высокимъ горамъ. Зато какая волшебная картина представилась съ одной изъ самыхъ высокихъ стоянокъ! Направо, внизу лежитъ, какъ дно зеленого кубка, цвѣтная влага озера—изумрудная вода, какую мнѣ не приходилось видѣть даже на морѣ. Только въ Севастопольской бухтѣ было нѣчто подобное, но здѣсь особенно красивый и яркій цвѣтъ и особенный темно-зеленый оттѣнокъ. Дальше, за озеромъ, послѣ небольшого сравнительно холма, опускается горная щель, по которой мы пріѣхали и, извиваясь въ ней, бѣжитъ водопадъ, переходящій въ рѣчку Иссыкъ, воды котораго идутъ, такимъ образомъ, изъ озера и изъ него несутъ ту самую драгоцѣнную

Озеро Иссык-Куль.

для полей влагу, пользование которой мнѣ приходилось изучать. Еще дальше сѣрѣветъ равнина, уходящая далеко, далеко, такъ что горизонтъ опускается Богъ знаетъ гдѣ. Взглянемъ налѣво—и тутъ глубокая долина, на днѣ которой шумитъ потокъ. Это течетъ вода изъ другого горнаго озера, заходящаго еще дальше и почти недоступнаго по трудности пути. А обѣ стороны щели покрыты роскошными елями, среди которыхъ сѣдѣютъ каменистыя лысины и устремляются внизъ застывшіе потоки камней. Надъ головой недосыгаемая громада, противъ васъ видны снѣга, и, несмотря на всю высоту положенія, съ котораго бродящіе внизу лошади кажутся мошками, еще очень далеко даже до тѣхъ вершинъ, которыя видимъ, а за ними скрываются еще болѣе высокія. Спустившись со своей высоты, мы до того устали, что, если бы не казаки, которые перевезли насъ на лодкѣ къ аулу, пришлось бы ночевать въ долинѣ. Совершить снова весь пройденный раньше путь мы не успѣли бы.

Лодку, на которой мы переѣзжали, велѣлъ спустить на озеро губернаторъ Ионовъ, очень любившій Иссыкъ. Когда мы хотѣли покататься на этой лодкѣ, оказалось, что ее унесло отъ берега вѣтромъ, и мы не могли ее найти. Казаки же отыскали и, съ большимъ трудомъ спустившись къ ней по обрывистому берегу, поѣхали на ней за оглоблями, которыя они сдѣлали въ лѣсу. Вмѣстѣ съ оглоблями переѣхали и мы.

Хорошо запомнивъ вершину, на которую мы взбирались, когда ходили пѣшкомъ, я отыскалъ ее глазами послѣ того, какъ, возвращаясь въ равнину, мы спустились внизъ съ горъ и отѣхали верстъ на 10. И что же? Моя вершина не была даже на половинѣ всей горной громады и скромно терялась въ извилинахъ горнаго массива. А между тѣмъ и съ нея открывался чудный видъ, и ауль, въ которомъ мы оставили вещи, казался муравейникомъ. Какъ же великолѣпно было бы зрѣлище, если бь достигнуть царства ледниковъ!

IV.

У дунгань.

Мой проводникъ дунганинъ, вообще очень молчаливый, очень оживился, когда я сталъ разспрашивать его, гдѣ и какъ онъ живетъ. Оказалось, что селеніе, гдѣ находится его домъ, «нелегальное». Какъ это можетъ быть? Селеніе нелегальное потому, что его существованіе официально не признается. Селеніе образовалось изъ ста дунганскихъ семействъ, перешедшихъ изъ Кульджи, а было названо Балтабай, по имени родовитаго киргиза, могила котораго находится въ селеніи. Такъ какъ дунгане не захотѣли остаться въ новомъ селеніи, земли котораго оказались неподходящими для

любимаго ихъ занятія—рисоводства, и большая часть ихъ ушла, то селеніе Балтабай такъ и не попало въ официальный списокъ и на официальную карту. Между тѣмъ къ оставшимся 20—25 семействамъ дунганъ приселились таранчи, и селеніе зажило, уютно и сытно устроившись на кульджинскомъ торговомъ пути.

Жители селенія развели прекрасные сады и огороды. Съ особой любовью они устроили сплошныя бесѣдки изъ поднятаго и пущеннаго вверхъ по переплету изъ прутьевъ винограда, и въ садахъ ихъ можно найти и персики, и яблони, и груши, и много другихъ плодовъ и ягодъ, а въ огородахъ—всѣ прелести богатаго юга:

Муллы на молитвѣ.

и синіе баклажаны, и перцы, и арбузы съ ихъ нѣжными подругами дынями, и яркія головки мака.

И вотъ въ этомъ счастливомъ селеніи вдругъ поднялась тревога. Киргизы и русскіе съ двухъ сторонъ стали тѣснить обитателей Балтабая, угрожая имъ лишеніемъ незаконно занятой земли. Объ этомъ и рассказывалъ мнѣ съ волненіемъ и негодованіемъ мой сухой и молчаливый въ другое время дунганинъ.

Разумѣется, какъ я узналъ послѣ, балтабайцы не были обижены, администрація признала ихъ существованіе, и селеніе было легализовано. Такъ не разъ приходится дѣлать въ обширныхъ степяхъ и долинахъ Азии. Былъ случай, когда одинъ губернаторъ, кажется, тотъ же Колпаковскій, который занялъ Кульджу, по-

ѣхаль осматривать Семирѣчье. Ему захотѣлось совершить экскурсію въ горы, уклонившись отъ намѣченнаго маршрута. Каково же было удивленіе губернатора и его свиты, когда въ одной горной долинѣ передъ глазами ихъ предстало цѣлое селеніе. «Это что?» спросилъ губернаторъ, и оказалось, что незадолго сравнительно до поѣздки губернатора эту долину облюбовали хохлы, по инстинкту шедшіе изъ Томской губерніи все на югъ и на югъ, пока не нашли для себя благодатнаго теплаго и богатаго края. Селеніе это, конечно, осталось существовать.

Возвращаюсь, однако, къ дунганамъ. Мнѣ пришлось попасть въ одно изъ чисто дунганскихъ селеній. Конечно, наиболѣе интереснымъ былъ осмотръ огородовъ, которые являются образцомъ китайскаго земледѣлія. Огороды расположены были непосредственно за домиками, каждая грядка тщательно расчищена и отдѣльно поливается маленькой канавкой. Одинъ квадратикъ занятъ лукомъ, другой перцемъ, третій синими баклажанами, четвертый картошкой, пятый и шестой унавожены и оставлены для отдыха, далѣе идутъ грядки съ маисомъ, а за ними тянутся большіе прямоугольники съ рисомъ, на половину растущимъ въ водѣ. Съ одного участка вода стекаетъ въ другой и потому не разводится гнили. Чтобы вода сливалась не сразу, участки огорожены съ четырехъ сторонъ маленькими насыщами, а для стока воды остается небольшое отверстіе въ самомъ нижнемъ углу насыпи. Эти дунганскіе огороды не хуже образцовыхъ показательныхъ полей, устраиваемыхъ агрономами для переселенцевъ.

Когда мы приѣхали въ дунганское селеніе, мужчинъ, кромѣ подростковъ, совсѣмъ не было: они уѣхали провожать своего муллу, отправившагося въ Мекку. Жена помощника старшины, которую, по ея костюму, я назвалъ «синими штанами», приняла насъ не особенно охотно. Сначала ея круглая фізіономія съ маленькимъ носомъ и хитрыми глазами вертѣлась въ окнѣ и съ недовольнымъ видомъ сыпала скороговоркой незнакомыя слова, потомъ она открыла намъ двери, гортанный голосъ умолкъ, такъ какъ обладательница его занялась приготовленіемъ чая. Передъ глазами нашими то и дѣло мелькалъ тщательно убранный чубъ дунганки, связанный и завороченный въ черную матерію съ бантомъ и имѣвшій въ общемъ видъ рога. Эти прически нелегко дѣлать, и потому китаянки и дунганки спятъ съ ними на особыхъ подставкахъ.

Дома у дунганъ нѣсколько выше, чѣмъ у таранчей. Занимающія половину комнаты полати, во всю длину комнаты, служатъ геніальнымъ приспособленіемъ, спасающимъ отъ сырости, въ которой неизбѣжно живутъ рисоводы, и отъ грязи, которая остается въ нижней части комнаты вмѣстѣ съ кебисами. На возвышеніи происходитъ вся комнатная жизнь: на немъ ѣдятъ, спятъ и работаютъ. На стѣнахъ висятъ бумажныя китайскія картинки лубочниковъ, изо-

Семья дуганъ.

бражающія танцующихъ и сражающихся китайцевъ или яркіе цвѣты.

Превосходство дунганъ надъ другими жителями Семирѣчья чувствуется во всемъ. Они аккуратнѣе, чище, работоспособнѣе. Вотъ отчего дунганская слобода въ гор. Вѣрномъ богаче другихъ, а огороды дунганъ вытѣснили русскіе.

Что касается обычаевъ и правовыхъ воззрѣній дунганъ, то они имѣютъ нѣкоторыя отличія отъ таранчинскихъ, но въ общемъ послѣдніе характерны для обонхъ племенъ.

V.

Правовой бытъ таранчей.

Лучшими знатоками закона являются не судьи, а муллы. Судьи, казии, знаютъ жизнь и разбираютъ они житейскія дѣла по чутью справедливости, а писанный законъ, отвлеченныя нормы права знаютъ всегда лучше начитанные муллы.

Въ восточной части Вѣрненскаго уѣзда есть большое селеніе Зайцевское, по туземному Чиликъ. Здѣсь и административный и торговый центръ. Когда-то здѣсь была китайская крѣпость, развалины ея еще не исчезли съ лица земли и свидѣтельствуютъ о происшедшей здѣсь борьбѣ расъ. Здѣсь въ селеніи Зайцевскомъ, въ длинныхъ, поражающихъ чистотой и аккуратностью улицахъ, въ скрытыхъ высокими тополями домикахъ, живетъ много именитыхъ таранчинцевъ и дунганъ. Изъ нихъ у меня уже давно былъ намѣченъ мулла Изиземъ. Улучивъ свободное время, мы отправились къ нему.

Потолкавшись на оживленномъ базарѣ, полною яблокомъ и дынь (дѣло было въ серединѣ іюля), мы скоро вышли въ одну изъ таранчинскихъ улицъ и насъ проводили къ Изизему.

Блѣдный, съ черной, довольно большой бородой, съ пронзательными, долго остаивающимися глазами, средняго роста, въ бѣлой чалмѣ, онъ, несмотря на свою сравнительную молодость, внушаетъ уваженіе.

Мое посѣщеніе, видимо, смутило его. Онъ какъ разъ училъ дѣтей въ медресе, растерялся, отвѣчалъ, подобно людямъ, которые ѣмственно устали отъ непрерывной работы и потому не могутъ сразу разговориться. Я сообщилъ ему о своемъ желаніи узнать, какія священныя книги шариата содержатъ правила для разрѣшенія различныхъ жизненныхъ вопросовъ, напр., купли-продажи, аренды земли, пользованія водою.

Меня пригласили въ другой домъ. Мы прошли въ садъ и по ровной аллеѣ, обсаженной махровыми пвѣтами, приблизились къ типичной крытой верандѣ съ глинянымъ поломъ, устланномъ кашгарскими коврами. Это лѣтнее помѣщеніе устроено не при домѣ, а въ противоположномъ концѣ сада.

Через нѣсколько времени принесли въ большихъ скатертяхъ груды суннитскихъ книгъ. Я попросилъ отобрать изъ нихъ главныя и предпочтительно касающія житейскихъ отношеній, а не религіи, т. е. фетву. Мулла назвалъ мнѣ Парансъ, Джамиръ Рамузъ, Аламъ Гери и четыре важнѣйшихъ книги—Коранъ, Гадисъ, Ифма-Иммать и Кюсь. Здѣсь, въ этихъ религіозныхъ книгахъ, завѣты нравственности переплетаются и даже скрываются за правовыми нормами, со строгой религіозной внушительностью насаждающими определенный правовой порядокъ. Здѣсь и правило—смерть за смерть,

Приготовленіе пищи.

и совѣтъ при арендѣ земли договариваться, какіе будутъ посѣвы, такъ какъ арендаторъ можетъ засѣять рисъ и заболотить землю; здѣсь правила о наслѣдствѣ, устанавливающія, что имущество переходитъ въ родъ, и правило, запрещающее продавать воду ключей, не добываемую самостоятельнымъ трудомъ изъ земли, и совѣтъ три дня думать прежде, чѣмъ продать вещь.

Погрузившійся въ свои арабскія книги, мулла ушелъ отъ жизни. У него видъ книжника—блѣдное лицо, подергивающіяся губы, какая-то нѣжность фигуры и главное—маленькія изящныя кисти рукъ съ розовыми ногтями—все это отличаетъ его отъ другихъ. Религіозные вопросы рѣшаются имъ легко, вопросы практическіе сбиваютъ его съ толку, онъ напряженно думаетъ, что и гдѣ сказано по этому поводу въ книгахъ, тогда какъ жизнерадостные его сверст-

ники, окружившіе столъ, очень быстро рѣшаютъ эти вопросы своимъ гибкимъ и привыкшимъ къ общественнымъ дѣламъ умомъ.

На другой день мулла пришелъ ко мнѣ и просилъ пересказать все, что я записалъ съ его словъ. Послѣ провѣрки и пересмотра у насъ составился маленькій перечень основъ правового быта тараичей (таково же и право сартовъ).

Въ основѣ семейнаго права лежатъ многоженство, главенство мужа и отца и покупка жены (калымъ). Если умираетъ невѣста, за которую уже заплачена часть калыма, то вмѣсто нея дается сестра. Если умираетъ женихъ, то его замѣщаетъ братъ, такъ какъ плата все равно шла изъ семьи. Жена, конечно, не имѣетъ своего имущества, дѣти, если они не выдѣлены, тоже. Поэтому имущественныя взысканія за проступки невыдѣленныхъ дѣтей ложатся на отца. Что касается усыновленныхъ, то они пользуются всѣми правами дѣтей, кромѣ наслѣдованья, а со своей родной семьей они лишаются правовой связи, но наслѣдуютъ въ ней.

Бываютъ случаи, когда зять не беретъ съ собой жену, а входитъ самъ въ домъ родителей жены. Въ такомъ случаѣ онъ не платитъ калыма и не получаетъ приданаго. Зятя этого можно удалить, и все прибрѣтенное имъ во время пребыванія въ семьѣ поступаетъ главѣ дома.

Совершеннолѣтіе наступаетъ съ 15 лѣтъ, при чемъ возрастъ опредѣляется показаніями ближайшихъ родственниковъ.

Для наслѣдованія характерны ограниченія свободы завѣщанія. Признаются обязательныя доли и родовое имущество. Свободному завѣщанію подлежитъ только треть имущества. По обычаю $\frac{1}{8}$ идетъ вдовамъ, $\frac{1}{12}$ отцу, $\frac{1}{12}$ женамъ отца, остальное дѣтямъ, при чемъ сынъ получаетъ вдвое больше дочери, а больше всего достается младшему сыну старшей жены.

Обязательственное право имѣетъ много особенностей, такъ, напр., договоръ личнаго найма дѣйствителенъ только годъ. Рабочему дается рядъ гарантій. Если его увольняютъ до окончанія срока найма безъ его вины, то онъ можетъ требовать половину условленной платы. Далѣе, время болѣзни засчитывается въ службу. Такъ какъ при натуральномъ хозяйствѣ работу найти трудно, то, чтобы обезпечить рабочаго, установилось правило, по которому для наслѣдника обязательны тѣ договоры найма, которые заключилъ его предшественникъ.

Оригинально правило, объявляющее куплю-продажу состоявшейся, когда стороны ударили по рукамъ.

Подарокъ, данный по случаю тамырства (сдруженія), долженъ быть возмѣщенъ въ теченіе года.

Наконецъ, что касается непоколебимости вещныхъ правъ, то тутъ предоставляется свобода самозащиты при попыткахъ нарушить владѣніе. Интересно еще залоговое право, по которому залогъ

Въ туземной чайной.

переходить въ собственность при неисполненіи обязательства, но если онъ будетъ проданъ до истечения срока, то должникъ имѣеть право получить отъ залогодержателя всю сумму, которую тотъ получилъ при продажѣ.

Таковы главныя черты гражданскаго быта таранчей. У нихъ есть, конечно, и мѣна, и проценты, и, векселя. Все это и многое другое опредѣляется обычными, мало оригинальными устоями.

Что же касается другихъ правоотношеній въ средѣ таранчей и дунганъ, соотвѣтствующихъ классовымъ и сословнымъ дѣленіямъ ихъ, то эта сторона лучше всего выражается на примѣрахъ изъ жизни, которые удобнѣе всего приурочить къ біографіи одного человѣка. Несомнѣнно, самымъ выдающимся и самымъ интереснымъ изъ всѣхъ таранчей, перешедшихъ въ Россію, является Вали-Ахунъ Юлдашевъ, къ которому таранчи относятся со страхомъ и почитаніемъ, какъ относятся обыкновенно къ главѣ племени.

Живетъ Юлдашевъ въ городѣ Джаркентѣ, на рѣкѣ Усекѣ, той самой рѣкѣ, отъ которой всѣ таранчи носятъ названіе усекскихъ, такъ какъ первымъ мѣстомъ, гдѣ они осѣли въ Россіи, были берега этой рѣчки

VI.

Городъ Джаркентъ и таранчинецъ Юлдашевъ.

Джаркентскій уѣздъ занимаетъ восточную часть приліійской долины, которая соотвѣтственно теченію рѣки Или расположена какъ разъ въ серединѣ Семирѣченской области. Такимъ образомъ, Джаркентскій уѣздъ граничитъ съ Китаемъ и городъ Джаркентъ находится въ разстояніи около 50 верстъ отъ границы, такъ что здѣсь по праву пятидесятиверстной полосы безпрепятственно продаются всевозможные китайскіе товары.

Закрытый съ сѣвера высокими горами Джунгарскаго Алатау, Джаркентъ отличается очень жаркимъ климатомъ. Изъ города Вѣрнаго къ нему идетъ почтовый трактъ, требующій для переѣзда отъ двухъ до пяти дней. Можно ѣхать и иначе, по кульджинской дорогѣ, но тогда приходится переѣзжать очень пустынную мѣстность въ западной части Джаркентскаго уѣзда, гдѣ нѣтъ другихъ стоянокъ, кромѣ постоянныхъ дворовъ «бекетовъ», гдѣ мало людей, негдѣ перемѣнить лошадей, а ночевать приходится на крышахъ, чтобы избѣжать духоты и вони.

Всѣ условія: и близость китайщины, и отдаленность отъ культурнаго міра, и положеніе въ сторонѣ отъ проѣзжихъ трактовъ сдѣлали Джаркентъ типично-восточнымъ городомъ, въ которомъ, какъ всегда обособленная, русская часть кажется маленькой и случайной. Въ этомъ городѣ и свиль себѣ гнѣздо Вали-Ахунъ Юлдашевъ.

Мы уже познакомились съ нѣсколькими представителями таранчей-аристократовъ. Былъ среди нихъ интеллигентный купецъ Джамаладинъ Джалилевъ, читающій русскія газеты и хорошо говорящій по-русски; веселый казій Сапаръ Рагимбакиевъ, у котораго по праздникамъ веселится все село; ученый мулла Изиземъ, имя котораго извѣстно далеко за предѣлами его села. Встрѣчались мы съ интриганами, которые, всякими путями наживъ деньги, добива-

Вали-Ахунъ Юлдашевъ.

ваются власти волостного или судьи, и съ путешествовавшими въ Мекку, которые отдыхаютъ отъ дѣлъ, считая, что послѣ побѣдки они въ правѣ издали смотрѣть на всѣ мелкія жизненные дѣла. Но всѣ эти люди не выходили изъ круга своихъ единоплеменниковъ, изъ среды, въ которой они выросли и въ которой оставались хотя и первыми, но все же органически связанными членами.

Не такъ таранчинецъ Вали-Ахунъ Юлдашевъ. Вотъ онъ сидитъ въ парчевой, отороченной мѣхомъ шапкѣ, въ орденахъ и звѣз-

дахъ, а по обѣ стороны стоятъ его родичи и друзья. Къ нему идетъ представляться мулла, пріѣхавшій изъ Мекки. Юлдашевъ молча сидитъ, выжидая, пока мулла подойдетъ вплотную, и тогда уже встаетъ, чтобы привѣтствовать гостя. Это картина достойная кисти художника. Вы видите типичнаго царька съ психологіей повелителя, спокойно принимающаго визиты губернаторовъ, спокойно говорящаго о томъ, что онъ уѣдетъ по дѣламъ ночью, такъ какъ иначе «народъ узнаетъ и будетъ провожать». И дѣйствительно, встрѣчаютъ и провожаютъ Юлдашева толпы народа, всѣ таранчи и дунгане изъ окрестныхъ сель и изъ города Джаркента.

Кто же онъ, этотъ таранчинскій повелитель, и чѣмъ объясняется его вліяніе? Объ этомъ говоритъ преданіе.

Когда выводились изъ Кульджи русскія войска, подрядъ на перевозку ихъ взялъ Джалилевъ, братъ того Джамаладина Джалилева, съ которымъ мы встрѣтились въ самомъ началѣ очерковъ при первомъ посѣщеніи таранчинскаго селенія. У Джалилева служилъ тогда ловкій, красивый и энергичный юнша Вали-Ахунъ.

Такъ какъ Джалилевъ не могъ выдержать подряда, то Вали-Ахунъ вошелъ въ переговоры съ интендантами и перевелъ подрядъ на себя. Въ Семирѣчьи и Туркестанѣ очень популярень разсказъ, какъ двадцать подводъ превращались въ нѣсколько сотенъ, когда интенданты, сидя на крыльцѣ, считали проѣзжавшія мимо телѣги, а тѣ, обогнувъ кварталъ, снова и снова проѣзжали мимо контролировавшихъ чиновъ. Вали-Ахунъ сообразилъ, что, пока будетъ извѣстенъ день выѣзда войскъ, можно будетъ получать по нѣсколько рублей за сотни несуществующихъ подводъ и дѣлиться съ интендантами. Продолжалось это легкое наживаніе крупныхъ денегъ около двухъ мѣсяцевъ и когда, наконецъ, былъ назначенъ окончательный день выѣзда, у Вали-Ахуна оказалось достаточное количество денегъ, не только для того, чтобы выполнить подрядъ, но и для того, чтобы сразу же начать крупныя дѣла въ Джаркентѣ.

Онъ построилъ нѣсколько десятковъ домовъ для правительственныхъ учреждений и квартиръ чиновниковъ, открылъ колониальный магазинъ, роздалъ лишеннымъ всякихъ средствъ таранчамъ и дунганамъ деньги для обзаведенія хозяйствомъ и сталъ быстро увеличивать свои капиталы. Неграмотный по-русски, онъ обладаетъ такой колоссальной памятью, что ему не нужно никакихъ записокъ; онъ выучилъ, однако, грамотѣ дѣтей и завелъ канцелярію. Постепенно вся экономическая жизнь сѣверной части уѣзда сосредоточилась въ его рукахъ. Таранчи обучились, многіе изъ нихъ разбогатѣли, но Юлдашевъ остался главенствовать надъ ними. Они всѣ его должники, рѣдко кто изъ нихъ сознаетъ, что земля принадлежитъ не Юлдашеву, а имъ. Повсюду построены магазины-амбары, куда каждый таранчинецъ долженъ свезти половину урожая. Въ разныхъ мѣстахъ крутятся жирмени (водяныя мельницы),

перемалывая для Юлдашева доставленное ему зерно, и затѣмъ мука идетъ на поставки джаркентскому гарнизону и въ Китай. Благодаря монополіи, Юлдашевъ повышаетъ цѣны на 20—25% и полученные доходы сейчасъ же пускаетъ въ оборотъ.

Для того, чтобы держать въ рукахъ свое сложное хозяйство, Юлдашевъ имѣетъ штатъ приближенныхъ, довѣренныхъ лицъ, которыхъ у него больше сотни, называются эти довѣренные «кокь-башами». Въ каждомъ селеніи шныряютъ эти кокь-баша, высматривая, кто и гдѣ нарушаетъ интересы могущественнаго ихъ хозяина. Когда собранный хлѣбъ сваливается въ кучи, кокь-баша ударяетъ по кучѣ особой деревянной доской съ выпуклыми инициалами Юлдашева. На кучѣ отпечатывается имя Юлдашева и кучу никто уже не можетъ тронуть, такъ какъ иначе кокь-баша, увидавъ стертую, вѣрнѣе рассыпавшуюся, печать заберетъ зерна по усмотрѣнію.

Кокь-баша исполняютъ еще и другую роль. Юлдашевъ, понимая значеніе воды, устроилъ такъ, что почти вся вода, служащая для искусственнаго орошенія земель, находится въ его рукахъ и кокь-баша распредѣляютъ воду вмѣсто выборныхъ мирабовъ. Такимъ образомъ, въ его рукахъ находится еще одно сильное средство покорять себѣ недовольныхъ и подавлять протесты.

Во время коронаціи Юлдашевъ былъ посланъ въ Петербургъ въ качествѣ представителя племени таранчей. Тамъ онъ получилъ халатъ и орденъ, а при проѣздѣ черезъ Бухару звѣзду отъ эмира. Экономическое благосостояніе Юлдашева за время его отсутствія пошатнулось и благодаря тратамъ въ Петербургѣ, гдѣ его представительность и красота создали ему успѣхъ при дворѣ, и благодаря хищеніямъ дома. Но зато упрочилось положеніе Юлдашева, какъ человѣка близкаго къ администраціи. У него стали бывать весь чиновный персоналъ Джаркента. Юлдашеву поднесли еще одинъ халатъ, на этотъ разъ китайскій губернаторъ, цзянь-цзюнь. Юлдашевъ сталъ пользоваться громадной популярностью не только въ Семирѣчьи, но и въ Кульджѣ.

Дѣла Юлдашева не всегда шли одинаково успѣшно. Онъ вздумалъ добывать золото въ Хоргоскихъ горахъ, но это предпріятіе оказалось неудачнымъ. Потомъ онъ пробовалъ установить пароходное сообщеніе по рѣкѣ Или, но и это оказалось невозможнымъ. Пошатнувшіяся было дѣла Юлдашевъ поправилъ крупными доходами по продажѣ риса и скота въ Семипалатинскѣ да еще поставками хлѣба въ Кульджу. Говорятъ, что Юлдашевъ нарочно распространяетъ и въ Семирѣчьи и въ Кульджѣ тревожные слухи о возможной войнѣ и, содѣйствуя увеличенію войскъ на обѣихъ сторонахъ, получаетъ возможность выгодно сбывать хлѣбъ. Въ Кульджѣ у Юлдашева много домовъ, большое зданіе подъ Восточно-Китайскимъ банкомъ и даже одна изъ его женъ, дочь одного изъ самыхъ ученыхъ муллъ, живетъ тамъ со своимъ отцомъ, обслуживающимъ духов-

ныя нужды кульджинскихъ таранчей. Такимъ образомъ, у Юлдашева крѣпкія экономическія связи на обѣихъ сторонахъ, и онъ легко можетъ перемѣстить центръ своей дѣятельности изъ одной страны въ другую.

Политичный, дальновидный, всегда корректный, Юлдашевъ очаровываетъ своимъ умѣніемъ держаться, но, оцѣнивая его дѣятельность, нельзя не признать, что отрицательное значеніе ея больше положительнаго. Его богатство создается за счетъ массы таранчей, которая настолько порабощена экономически, что не можетъ стать прочно на ноги. Таранчи Джаркентскаго уѣзда значительно отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ въ Вѣрненскомъ уѣздѣ. Они отвыкли работать на себя, потеряли энергію, стали лѣнны.

Когда кокъ-баши обижаютъ кого-нибудь, на нихъ нельзя найти управы. Юлдашевъ за кулисами не тотъ, что Юлдашевъ въ гостиныхъ. Онъ жестокъ и грубъ. По его приказанію, многіе были избиваемы и многіхъ онъ довелъ до нищеты. Торжественныя встрѣчи и проводы Юлдашева во многомъ зависятъ отъ присутствія въ средѣ «народа» бдительнаго ока кокъ-башей.

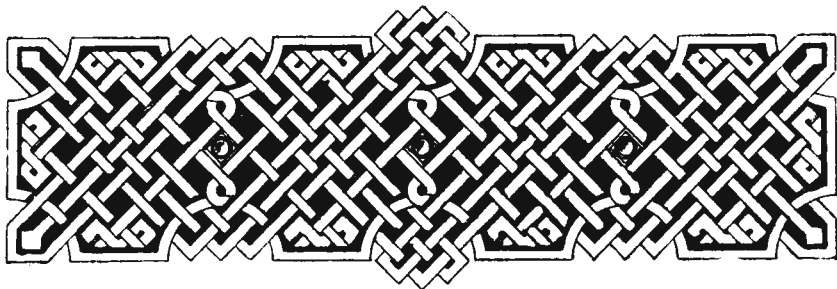
Сынъ Юлдашева волостной, и это тоже дѣлается съ расчетомъ, а уѣздные начальники обыкновенно друзья Юлдашева.

Все же дѣятельность Юлдашева не только отрицательная. Онъ многимъ помогаетъ, организуетъ крупныя хозяйства, проводитъ оросительные каналы, начинаетъ предпріятія, которыя могутъ имѣть важное экономическое значеніе, наконецъ, онъ построилъ мечеть, которая вмѣстѣ съ его дворцомъ въ 40 комнатъ составляетъ дѣйствительно достопримѣчательность Джаркента. Правда, злые языки говорятъ, что, построивъ мечеть, Юлдашевъ собралъ съ таранчей около 10.000 рублей и покрылъ свои расходы, но это никѣмъ не доказано.

Развивающееся въ Семирѣччѣ переселенческое дѣло скоро перевернетъ экономическую жизнь страны. Таранчи и дунгане многому научатъ русскаго переселенца, а Юлдашевъ въ лицѣ переселенцевъ получитъ новыхъ потребителей, которые дадутъ ему возможность развить торговлю и освободить отъ кабальной зависимости своихъ сородичей-земледѣльцевъ. Вмѣстѣ съ новыми экономическими условіями жизни измѣнится и внѣшняя обстановка таранчинскаго быта, измѣнятся и ихъ обычаи, скоро то, что здѣсь описывается, отойдетъ въ исторію, и о племени таранчей останутся только воспоминанія.

Г. Гинсь.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Изъ записокъ преосвященнаго Никодима, епископа енисейскаго и красноярскаго, съ предисловіемъ Ан. Титова. Тула. 1911.

ВТО—ВТОРАЯ часть обширнаго дневника преосвященнаго Никодима Казанскаго, записки котораго, по словамъ автора предисловія, состоятъ изъ семи томовъ въ 1763 листа.

Первая часть записокъ преосвященнаго Никодима, съ нѣкоторыми сокращеніями, была напечатана А. С. Богдановымъ въ январской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1910 г., безъ предисловія, но съ небольшимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ редакціи.

Преосвященный Никодимъ, сынъ дьячка Московской губерніи, родился въ 1803 году. По окончаніи курса въ московской академіи, гдѣ онъ и принялъ монашество, Никодимъ въ 1830 году былъ опредѣленъ профессоромъ богословія въ тульскую семинарію. Затѣмъ, постепенно, былъ: преподавателемъ въ вятской семинаріи, ректоромъ—въ Одессѣ, Курскѣ, Ярославлѣ и, наконецъ, въ 1854 г. посвященъ въ епископа чебоксарскаго, викарія казанской епархіи, а въ 1861 г. назначенъ епископомъ енисейскимъ. Въ 1870 г. преосвященный Никодимъ былъ уволенъ на покой съ дозволеніемъ помѣститься въ Перервинскомъ Николаевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1874 году.

Преосвященный Никодимъ, по словамъ одного изъ его биографовъ, рѣзко и съ нескрываемой досадою писалъ какъ о митрополитѣ Филаретѣ, такъ и о другихъ лицахъ, высоко тогда стоявшихъ въ церковной іерархіи. Но вѣдь и эти «другіе» сами причиняли ему немало зла и портили его карьеру. Да и самъ

преосвященный не сходилъся и не уживался съ этими людьми, вслѣдствіе неосторожности, неподатливости и неустойчивости характера.

Записки преосвященнаго Никодима написаны довольно остроумно и очень занимательны.

Дѣлая характеристику своихъ тульскихъ сослуживцевъ, онъ самымъ безпощаднымъ образомъ обрисовываетъ тульского архіепископа Дамаскина Россова, извѣстнаго взяточника, nepотиста и сребролюбца—до цинизма. Онъ оставилъ послѣ своей смерти сундуки, наполненные серебряными самоварами, подносами и деньгами. А на воротахъ архіерейскаго дома оказалась надпись: «Здѣсь продавались самыя лучшія мѣста»¹⁾.

Всѣ недостатки Дамаскина, пишетъ преосвященный Никодимъ, заключались въ его непомѣрномъ корыстолюбіи, которое иногда обращалось въ сущее грабительство. «Впрочемъ, еще, можетъ быть, по слабости душевной, онъ жестоко на судѣ. Много гибло отъ его рукъ людей, стоявшихъ чего-либо.

«Имъ управлялъ іеромонахъ, послѣ игумень, Никаноръ, экономъ архіерейскаго дома. Смышленный человѣкъ, изъ исключенныхъ семинаристовъ, но по невѣжеству и потачкѣ отъ архіерея гордъ и презрителенъ несносно. Архіерей нянчился съ нимъ, какъ съ дитею—вездѣ съ отцомъ экономомъ. (Онъ послѣ былъ архимандритомъ въ монастырѣ Новгородѣ-Сѣверскомъ и тамъ скончался давно).

«Въ 1831 году, по случаю набора съ духовныхъ въ солдаты, преосвященный показалъ такую ревность, которой содрогнулись даже прочія сословія. Не знаю, винить ли его за сіе? Можетъ быть, по слабости душевной и по недалекому уму, онъ боялся быть снисходительнымъ.

«Не знаю точно, сколько отдано въ это время изъ тульскихъ. Впрочемъ, полагаю, болѣе 300.

«Скажу поэтому нѣчто.

«1) По правиламъ слѣдовало сдавать въ солдаты неученыхъ церковниковъ-исключенныхъ изъ семинарій и училищъ и духовныхъ штрафованныхъ, иль подъ судомъ находящихся.

«У одного дьячка было два сына. Одинъ исключенъ изъ реторики, другой церковникъ по малоумію. Одного надобно было (по правиламъ) оставить на пропитаніе отца. Преосвященный самъ не сдѣлалъ выбора, кого оставить при отцѣ, отослалъ обоихъ братьевъ въ пріемъ, для выбора одного изъ нихъ въ солдаты. Разумѣется, выбрали семинариста, а неученаго церковника возвратили на то, чтобы, вмѣсто подпоры отцу (какъ требовали правила), сѣлъ ему же на шею!

«Но что далѣе? Злодѣй благочинный (ибо я не могу назвать его иначе) донесъ въ это время и на сего несчастнаго отца, что онъ когда-то былъ нетрезвъ! Преосвященный отправилъ отца въ тотъ же пріемъ. Взяли въ солдаты и отца. Что еще? Преосвященный сталъ разсуждать. Одного изъ двухъ сыновей я оставилъ отцу, чтобы ему былъ подпорою, теперь отецъ въ солдатахъ, зачѣмъ же оставаться и сему послѣднему сыну?—и отослалъ и его въ пріемъ. Тамъ приняли.

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 113, стр. 61.

И вышло: отецъ и два сына пошли вмѣстѣ въ солдаты, то есть вырвалъ съ корнемъ цѣлый домъ! Это безчеловѣчно.

«Послѣ сего дьячка (вдоваго) осталась еще 10-ти или 11-ти лѣтъ дочка. Бѣдная сирота! безъ крова, безъ куска хлѣба. Не знаю, кто ее взялъ.

«2) Въ это время отъ насъ изъ семинаріи требовалось четыре или пять чело-вѣкъ въ медицинскія академіи, имъ давали экзаменъ во врачебной управѣ. Меня правленіе семинаріи отправило депутатомъ.

«Скажу, что я видѣлъ въ это время.

«Изъ пріема присланы были во врачебную управу три дѣтнки духовныхъ: одинъ глухъ, другой дуракъ, третій сляченный. Въ пріемѣ они оказались негодными къ военной службѣ. Врачебная управа должна была или подтвердить ихъ неспособность, или доказать, что они способны. Потребовали всѣхъ трехъ въ присутствіе. Тутъ былъ и я по своимъ дѣламъ.

«Инспекторъ врачебной управы—нѣмецъ; акушеръ—русскій, нѣкто Успенскій, сынъ тульскаго протоіерея (который тогда былъ присутствующимъ въ консисторіи и людодомъ). Что же? Взятъ испытывать этихъ несчастныхъ акушеръ. Съ дуракомъ заговорилъ пакости, спросилъ: «хочешь ли жениться?» и прочее, съ глухимъ кричалъ во все горло; сляченного, послѣ требованія стать прямо и поднять голову и послѣ его ослушанія или натуральной неспособности, злодѣй схватилъ за волосы и началъ таскать по залѣ, толкая колѣнами ему въ грудь и подѣ бока. Несчастный промолчалъ, не сказавъ ни слова! Инспекторъ сталъ уговаривать (нѣмецъ—русскаго! лютеранинъ—православнаго! свѣтскій—духовнаго!) акушера и просилъ безъ поисковъ написать, что свидѣтельствованы и точно оказались неспособны къ службѣ, тѣмъ болѣе, что врачъ въ пріемной уже объявилъ о нихъ это. Нѣтъ, лютый звѣръ, Успенскій не послушалъ, написалъ—притворяются и, безъ сомнѣнія, могутъ быть приняты въ военную службу. Облилось мое сердце кровію! Такъ часто случается и въ дѣлѣ святой вѣры: «Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ!»

«Несчастный сляченный по выходѣ изъ Тулы на первомъ ночлегѣ скончался! И, конечно, понесъ съ собою на судъ Божій грозное осужденіе.

«Семинаристы, зная мое сокрушеніе о несчастныхъ, отданныхъ въ солдаты (въ числѣ ихъ находился и мой любезный служитель Александръ Синявинъ), просили меня, именемъ сихъ несчастныхъ, отслужить для нихъ молебенъ на площади предъ выходомъ изъ Тулы. Я согласился. Пріѣхалъ на площадь, что въ дворянскихъ улицахъ. Площадь огромная. Тутъ тысячи священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, съ женами, дочерями проливаютъ горькія слезы о потерѣ чадъ, братьевъ, родныхъ. На это зрѣлище собрались огромныя толпы тульскихъ жителей, рѣдкій не плакалъ. Пресвященнаго кляли, какъ мучителя и губителя. (Несчастные! они не знали, что пресвященный дѣлалъ это по повелѣнію). Я походилъ между рядами сихъ новобранцевъ.

«Приготовили столъ. Принесли иконы, крестъ, евангеліе, воду; я облачился. Солдаты наши поставлены были въ огромное карре. Мы посрединѣ. Я служилъ и плакалъ. Нѣкоторые съ горя были навеселѣ; но большая часть—блѣдныхъ, поникшихъ, пораженныхъ ужасомъ своего несчастья.

«Я ихъ благословилъ крестомъ, и они выступили въ то же время.

«Договорю о преосвященномъ. Пусть указъ строгъ, но, судя по выставленнымъ мною его поступкамъ, видно, что сердце у него жестоко. Много можно было смягчить. И точно. Столь страшные наборы, какъ въ Тулѣ, въ тотъ разъ сдѣлали худшіе архіереи, именно помню Евгенія тамбовскаго (который за это тотчасъ сдѣланъ архіепископомъ и получилъ орденъ святой Анны, но которому синодъ далъ почувствовать свое негодованіе, подъ предлогомъ повышеіи еще большихъ, сославъ его въ Грузію экзархомъ, гдѣ онъ находится и доннынѣ). Этотъ пастырь добрый отправилъ въ военную службу до 500 чело- вѣкъ.

«Богъ имъ судья! А, однако, надъ тульскимъ преосвященнымъ, по моему мнѣнію, тотчасъ открылся гнѣвъ Божій. Именно: любимая его сестра, бывшая въ Тулѣ за священникомъ, отъ перепою удавилась! А ея мужъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, будучи взятъ въ архіерейскій домъ, тоже по случаю запоя, неблагоразумнымъ обхожденіемъ съ нимъ—уморень. (Ему не дали рюмки вина, и онъ тотчасъ умеръ). Вскорѣ затѣмъ умеръ и одинъ изъ сыновей сихъ покойниковъ, жившій у архіерея, вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ. Они были еще дѣти.

«Вотъ что случилось, и, кажется, все въ тотъ годъ. Не очевиденъ ли перстъ Божій?

«Послѣ узналъ я, что, напримѣръ, митрополиты петербургскій и московскій отдали не больше, какъ по 70 чело вѣкъ. Вятскій, покойный Кириллъ, столько же, а кievскій митрополитъ Евгеній и еще кто-то отказали вовсе».

Въ концѣ этихъ тульскихъ воспоминаній преосвященный Никодимъ, черезъ 40 лѣтъ, въ 1872 году, будучи уже на покоѣ въ Перервѣ, сдѣлалъ запись:

«Прочиталъ сію книгу. И я не даромъ жилъ на землѣ, и на мнѣ толико милостей Божіихъ. Рѣчь поспѣшная, неумѣренная. Пусть снизойдутъ читающіе. Тогда мнѣ было меньше сорока лѣтъ. Да и всякій своеобразень. Не хвастаюсь, но и не умоляю о снисхожденіи. Разсуждай по своему всякій».

А. Е—ово.

Е. Клетнова. Отзвуки Отечественной войны въ преданьяхъ и сказаньяхъ Вяземскаго уѣзда. Выпускъ I. Смоленскъ. 1911. Стр. 85. Цѣна 30 коп.

Близящаяся столѣтняя годовщина славной Отечественной войны уже въ настоящее время создала новую обширную литературу по этому предмету. И частныя лица, и спеціальныя ученые комитеты и общества энергично работаютъ на этомъ поприщѣ и многимъ удалось открыть новыя замѣчательныя матеріалы, относящіяся къ этой незабвенной эпохѣ. Двѣнадцатый годъ, такъ ярко и полно отразившійся въ нашей художественной литературѣ въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Л. Толстого и многихъ другихъ, оставилъ также неизгладимое, глубокое впечатлѣніе и въ сознаніи простого народа, найдя себѣ выраженіе въ устномъ творчествѣ (легенды) и въ запискахъ немногихъ участниковъ и очевидцевъ. Нѣкоторыя народныя преданья и одну очень любопытную рукопись приводитъ госпожа Клетнова въ своей книгѣ «Отзвуки Отечественной войны въ преданьяхъ и сказаньяхъ Вяземскаго уѣзда».

Эта рукопись, случайно найденная у одной старушки, представляет собою простыя, порой нескладныя, безхитростныя и правдивыя записки очевидца и участника бѣдствій, нанесенныхъ нашествіемъ Наполеона городу Вязьмѣ и его обитателямъ. Авторъ этой «Повѣсти, когда мы выѣхали изъ города Вязьмы отъ нашествія непріятеля, 1812 года». — повидимому, молодой человекъ, Петръ Ефимовъ Букинъ, сынъ мѣстнаго мѣщанина, мѣдника по профессіи. Ни о какой политикѣ въ его запискахъ нѣтъ и помину. Здѣсь только описаніе всего того, что приходилось переживать народу въ тяжкую годину. И въ этомъ отношеніи записки представляютъ громаднѣйшій интересъ.

Семья Букиныхъ выѣхала изъ Вязьмы «наканунѣ праздника Успенья Божьей Матери 14-го числа августа» и скиталась до самаго октября, когда уже «слухъ прошелъ, что французовъ изъ Москвы выгнали». Съ самаго начала у Букиныхъ пошли разныя неудачи и несчастія: кормилецъ-отецъ разошелся съ ними и съ большимъ трудомъ нашелъ ихъ спустя уже довольно времени, приходилось терпѣть и холодъ, и голодъ, и грязь, да еще болѣзнь какая-то захватила. Приходилось завидовать «капустнымъ кочерыжкамъ», которыми питались болѣе состоятельныя земляки. «Пища у насъ была самая скудная, — рассказываетъ Букинъ. — Пришлось у слѣпыхъ старцевъ кусочки покупать... Здѣсь было чудо какъ они намъ въ такую сладость и пріятность обратились минутно бы ѣли и сами собой удивлялись». «Я не знаю, — описываетъ онъ далѣе свое житье-бытье: — чему уподобить это наше жилище: темница ль она была или загонъ для скота... Хозяева забоялись нашей болѣзни, отвели намъ избу вѣтхую и мрачную въ одно окошко»... «Господи! Когда ты избавишь насъ отъ сей гибельной и мрачной судьбы! — молится изстрадавшійся авторъ. — Такъ она намъ наскучила! Хотя бы сколько-нибудь отъѣхать, только бы избавиться отъ сего жилища. Отъ одной скуки сдѣлаешься нездоровъ». А мать все еще не могла оправиться отъ родовъ въ дорогѣ. Наконецъ Богъ смилостивился: болѣзнь стало легче, рѣшили ѣхать въ Вязьму, но при переѣздѣ черезъ рѣку Угру чуть было не утонули, потому что «сдѣлалась оттепель, такъ что по берегамъ вода, а середина къ верху поднялась съ большими трещинами». Перетерпѣвъ столько различныхъ несчастій, подобно ветхозавѣтному Юву, съ которымъ многострадальнѣйшій авторъ сравниваетъ свою судьбу, Букины добрались до родной Вязьмы. И первая встрѣча — «встронѣ дороги два человекъ: нагой воинъ лежитъ крестообразно, тѣломъ полный, чистый, росту большого, глаза птицами выдолблены, а другой курцемъ (скорчившись) лежитъ. Подъѣзжаемъ къ заставѣ — лежатъ два человекъ тѣломъ потемнѣлы, животы весьма упавши отъ долгаго лежанья». Вся большая дорога отъ Московской заставы до Смоленской выжжена; осталось всего три дома. Отъ дома Букиныхъ остались однѣ развалины, но кое-какъ все таки устроились. Городъ былъ разгромленъ, многія церкви и иконы осквернены. И авторъ съ искреннимъ негодованіемъ говоритъ: «Скажите, пожалуйста, можетъ кто сказать они христіане, тоже боятся Бога, но я на это скажу почему не боятся храмы Божьи жечь, образа Божьи колоть, да на огонь класть? Еще почему не боялись въ Москвѣ святыя мощи беспокоить?» Далѣе Букинъ подробно передаетъ исторію чудеснаго спасенія рѣзного образа Никиты мученика, рассказываетъ о хищничествахъ «малодеровъ» (такъ онъ

передѣлалъ слово мародеръ), которые «чужіе похоронки (спрятанное добро) отыскивали. Нѣкоторые хлѣбъ приставляли французамъ, весьма обогатились». Такимъ образомъ, здѣсь уже авторъ переходитъ къ дѣламъ общественнымъ. Рассказываетъ объ эпидеміи въ Вязьмѣ, объ очищеніи ея отъ мертвыхъ, о томъ, какъ мужики и «граждане» своими силами били отступавшихъ, безсильныхъ и голодныхъ французовъ. И тутъ же сострадательно замѣчаетъ: «Такъ нашъ народъ остервенился, что ни съ однимъ скотомъ такъ не поступали. Вотъ мученики то эти французскіе воины!»

Такова эта простодушная, правдивая повѣсть. Другія сказанія, слышанныя и записанныя самой госпожой Е. Клетновой, не представляютъ особеннаго интереса, ибо имѣютъ слишкомъ «мѣстный» характеръ.

Книжка снабжена многими рисунками и по внѣшности (для провинціальной типографіи) вполне удовлетворительна. М—о.

Минская старина. Труды минскаго церковно-историко-археологическаго комитета. Выпускъ III. А. В. Жирневичъ. Изъ-за русскаго языка. (Биографія каноника Сенчиковскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями). Часть I. На родинѣ Бѣлоруссіи. Вильна. 1911. Стр. XXXIII+669.—Часть 2-я. Въ изгнаніи. Вильна. 1911. Стр. 684+LIX. Цѣна за обѣ части 4 рубля.

Составленная А. В. Жирневичемъ биографія «мужицкаго ксендза» Сенчиковскаго въ двухъ обширныхъ томахъ на первый взглядъ представляется слишкомъ спеціальной и какъ бы узкой, несмотря даже на много говорящій заголовокъ: «Изъ-за русскаго языка»... очутившагося «въ изгнаніи» русскаго дѣятеля. Но при болѣе внимательномъ ознакомленіи нужно признать, что она имѣетъ большой и широкій интересъ, такъ какъ охватываетъ едва ли не полустолѣтній періодъ борьбы русскихъ дѣятелей и русскаго правительства съ все поглощающей польско-іезуитской пропагандой. Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ главнымъ борцомъ за русскій языкъ и за русскія идеи на своей родинѣ въ Бѣлоруссіи былъ римско-католическій ксендзъ Фердинандъ Сенчиковскій, сторонникъ политики графа М. Н. Муравьева и умершій въ изгнаніи, продолжавшемся двадцать лѣтъ, въ далекой Сибири. Авторъ собралъ множество документовъ и писемъ каноника какъ за періодъ его дѣятельности, такъ и за послѣдующій, и на основаніи ихъ, главнымъ образомъ, попытался «возможно правдивѣе, документальнѣй изобразить сложную трагедію мукъ души человѣческой, эпопею судьбы бѣлорусскаго патріота-народника нашихъ дней, преданнаго Россіи, тѣмъ не менѣе безслѣдно погибшаго на ея русской землѣ, среди бѣлаго дня, на глазахъ русскаго правительства, русскаго народа, подъ ударами польско-іезуитскаго произвола, при шаткости, перемѣнчивости нашей окраинной политики»... И надо отдать справедливость автору: онъ во многомъ успѣлъ: сдѣлалъ свой очеркъ полнымъ живого, правдиваго, хотя и производящаго тяжелое впечатлѣніе, содержанія, одухотворилъ его горячими словами покойнаго каноника и своимъ сочувствіемъ и даже скорбью

къ послѣднему и погубленному его дѣлу, и, несомнѣнно, вызоветъ не только вниманіе, но и симпатіи къ возбужденному имъ вопросу — пробужденію болѣе интенсивнаго русско-національнаго сознанія и родственной связи Бѣлой Руси съ Русью Великой, — за который, видимо, ратуетъ и педавно возникшій въ Минскѣ церковный историко-археологическій комитетъ.

Не задаваясь цѣлью «создавать около имени и судьбы Сенчиковскаго такой же колоссальный, интересный общественно-политическій трудъ, какой сдѣлалъ около имени М. П. П. Погодина покойный Барсуковъ», А. В. Жиркевичъ прежде всего добивался «возстановленія истины» по отношенію къ покойному канонику и сдѣлалъ лишь нѣсколько бѣглыхъ характеристикъ личностей, русскихъ и поляковъ, сыгравшихъ исключительную роль въ судьбѣ покойнаго, да привелъ оцѣнку тѣхъ документовъ, которые остались безъ надлежащаго критическаго освѣщенія усопшаго, или потому, что «о существованіи ихъ онъ самъ не подозрѣвалъ, или не успѣлъ ими заняться при жизни». Но, несмотря на эти завѣренія автора (стр. XXI), слѣдуетъ сказать, что и его очеркъ даетъ обстоятельную картину тогдашней общественно-политической жизни, въ области борьбы двухъ вліяній — русскаго и польско-іезуитскаго, борьбы, которая теперь, кажется, получаетъ особое значеніе, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ къ труду А. В. Жиркевича.

Въ первой его части «На родинѣ Бѣлоруссіи» описывается жизнь и дѣятельность каноника Сенчиковскаго въ Минской епархіи. Дѣятельность эта уроженца Бѣлоруссіи, рожденнаго отъ униатки матери (Конаховичъ) и воспитывавшагося въ минской римско-католической семинаріи, Фердинанда Сенчиковскаго началась какъ разъ въ разгаръ подготовительныхъ мѣропріятій поляковъ-патріотовъ къ вооруженному возстанію. «Съ наступленіемъ же мятежа, — читаемъ на стр. 35—36, — покойный открыто, убѣжденно, всенародно развертываетъ знамя своей политической вѣры, смѣло, въ мѣстностяхъ, безумно охваченныхъ возстаніемъ, среди тысячъ враговъ, начинаетъ на русскомъ языкѣ произносить проповѣди въ костелахъ противъ Польши, противъ пановъ-мятежниковъ, за тѣсное единеніе съ Россіей, во имя вѣрноподданческаго долга»... Пока сидѣлъ въ Вильнѣ графъ Муравьевъ, пока еще царилъ его духъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи при его преемникахъ Кауфманѣ и Барановѣ, — Сенчиковскій дѣйствовалъ болѣе или менѣе успѣшно и безнаказанно, но затѣмъ польско-іезуитская пропаганда, несмотря на заступничество многихъ русскихъ дѣятелей, несмотря на нѣкоторую поддержку сильнаго правительства, обывившаго, по его настоянію, высочайшее повелѣніе 25 декабря 1869 г. — «о русскомъ языкѣ въ дополнительномъ богослуженіи римско-католическихъ костеловъ», — добилаь-таки отставки патріота-бѣлорусса и заключенія въ гродненскомъ францисканскомъ монастырѣ, съ правительственной пенсіей въ 500 рублей.

Дальнѣйшая судьба каноника Сенчиковскаго въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ описывается во второй части очерка и едва ли не вызываетъ еще большаго интереса и вниманія, по обилію подробно и правдиво описанныхъ фактовъ встрѣчь и бесѣдъ Сенчиковскаго съ разными высокопоставленными лицами, по обилію его мѣткихъ характеристикъ разныхъ дѣятелей и событій, которыхъ

онъ былъ какъ бы сторонній наблюдатель, по разнообразной перепискѣ со многими русскими людьми, и т. д. Въ 1883—84 гг. онъ былъ ксендзомъ въ Ташкентѣ, куда его привезъ знаменитый М. Г. Черняевъ; затѣмъ онъ былъ въ Вѣрномѣ, въ мѣстной каплицѣ; съ 1886 г. поселился въ Омскѣ и, послѣ очень краткаго служенія, оставался здѣсь безъ всякаго живого дѣла 20 лѣтъ, получивъ однажды, за три года до смерти, возможность поѣхать для излеченія въ Пятигорскъ на лѣтніе мѣсяцы, благодаря лишь согласію министра В. К. Плеве, съ которымъ онъ бесѣдовалъ въ Омскѣ въ 1903 году. Всюду гнали его и преслѣдовали все сильныя отцы-іезуиты, прибѣгая ко всевозможнымъ, имъ только свойственнымъ, мѣрамъ.

Съ внѣшней стороны книга А. В. Жиркевича издана весьма удовлетворительно и снабжена для удобства пользованія тремя указателями: 1) именъ личныхъ, 2) именъ географическихъ и 3) периодическихъ изданій.

В. Р—въ.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 36. (Вопросы реставраціи, вып. 6), съ 17 таблицами и 84 рисунками. Стр. 126. Выпускъ 37. Съ 4 таблицами и 85 рисунками. Стр. 114. Спб. 1910 г.

Безукоризненно и изящно изданные, какъ всегда, выпуски изданій комиссіи ярко рисуютъ ея плодотворную дѣятельность на пользу русской археологіи за послѣдніе годы. Выпускъ 36-ой посвященъ исключительно вопросамъ реставраціи памятниковъ древне-русской церковной архитектуры. Цѣлый рядъ рисунковъ, снабженныхъ подробными и строго мотивированными журналами реставраціонныхъ засѣданій комиссіи дарить читателя, интересующагося родною стариною и ея охраною, богатымъ описательнымъ матеріаломъ, относящимся до нашихъ древнихъ архитектурныхъ памятниковъ. Комиссія твердо стоитъ на стражѣ этихъ памятниковъ, заботливо оберегая ихъ отъ искаженія черезчуръ усердными жертвователями, стремящимися къ передѣлкѣ древнихъ храмовъ въ современномъ стилѣ, или реставраторами, не считающимися съ требованіями строго научныхъ основаній археологіи. Среди зданій, судьба которыхъ отдана была въ 1910 г. на попеченіе императорской археологической комиссіи, отмѣтимъ: Черскій замокъ (въ Варшавской губерніи) XIV столѣтія съ его живописными башнями, отремонтированный въ 1908—1909 г.г. варшавскимъ обществомъ охраненія древностей; Нижегородскій Михаило-Архангельскій каѳедральный соборъ, построенный въ XIV в. и передѣланный въ XVII столѣтіи; псковскія Поганкины палаты; генуэзскую стѣну въ Феодосіи и древнюю крѣпостную стѣну въ Смоленскѣ; дворецъ въ Бахчисараѣ; храмы московскіе, рязанскіе, владимирскіе, ярославскіе, архангельскіе; Спасо-Нередицкую церковь въ Новгородѣ; смоленскій успенскій каѳедральный соборъ. Обширныя статьи посвящены архитекторомъ К. К. Романовымъ Георгіевскому собору въ Юрьевѣ Польскомъ и «Звонницѣ тихвинскаго Богородице-Успенскаго монастыря Новгородской губерніи». Тщательное изслѣдованіе прекраснаго въ художественномъ отношеніи памятника древне-русскаго зодчества, какимъ является Георгіевскій соборъ, привело къ заключенію, что осно-

ваніе храма относится къ XIII столѣтію, въ послѣдствіи онъ былъ разрушенъ; постройки второго періода въ жизни собора относятся къ XV столѣтію. Значеніе Георгіевскаго собора изслѣдователь видитъ въ ясно вырисовывающейся при его изученіи струѣ новыхъ вѣяній, вливавшейся постепенно въ архитектуру Владимиро-Суздальской области. Но конструкція и орнаментация собора даютъ указанія и на дальнѣйшее развитіе въ нихъ пріемовъ владими́ро-суздальской архитектуры XII столѣтія. Сметенные татарскимъ разгромомъ, они исчезли для древне-русской художественной археологіи, и Георгіевскій храмъ при изученіи эволюціи древнихъ художественныхъ пріемовъ даетъ, по мнѣнію изслѣдователя, возможность хотя уловить черты тѣхъ красотъ, къ которымъ стремилась владими́ро-суздальская архитектура. Интересъ звонницы Тихвинскаго монастыря зиждется на двухъ вліяніяхъ, которыя замѣтны въ ея архитектурныхъ формахъ. Общіе пріемы даютъ типъ построекъ Новгородско-Псковской области XV столѣтія—подробности указываютъ на вліяніе областей Московской и Ростовской XVII столѣтія. Звонница ярко свидѣтельствуетъ о той живучести старыхъ типовъ, которая такъ замѣтна въ древне-русской архитектурѣ. Детали давно уже широко заимствованы изъ новыхъ, пріобрѣвшихъ широкое распространеніе современныхъ художественныхъ образцовъ, а основной типъ продолжаетъ неизмѣнно повторяться въ теченіе ряда столѣтій. Это драгоценное для археолога и историка искусства качество старинныхъ архитектурныхъ памятниковъ и даетъ иногда возможность на позднѣйшихъ памятникахъ воссоздавать болѣе древніе, исчезнувшіе уже основные архитектурные типы строеній.

37-ой выпускъ «Извѣстій» на своихъ 114 страницахъ содержитъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ, касающійся восточной и греческой эпиграфики. М. В. Никольскій сообщаетъ содержаніе открытой въ Эриванской губ. клинообразной надписи ванскаго происхожденія, 26-ой изъ найденныхъ въ Россіи, В. В. Латышевъ—въ четырехъ статьяхъ знакомитъ съ новостями въ области эпиграфики, В. В. Шкорпилъ—съ найденными въ 1909 г. воспорскими надписями и рельефными украшеніями на памятникѣ I в. по Р. X. съ надписью «Евпатерія». Выпускъ заканчивается двумя полемическими статьями проф. Н. И. Веселовскаго и московскаго археолога В. А. Городцова по вопросу о бахмутской миниатюрной каменной бабѣ. «Извѣстія императорской археологической комиссіи» вообще представляютъ, настолько свѣжій и разнообразный археологическій матеріалъ, что должны бы, по нашему мнѣнію, быть настольною книгою для каждаго, интересующагося успѣхами русской археологіи.

А. Мироновъ.

I. Двѣнадцатый годъ. II. Пожаръ Москвы. Москва. 1911 г.

Приближеніе столѣтняго юбилея Отечественной войны 1812 года вызвало цѣлую литературу, рассчитанную на интересъ минуты; разнаго рода историческія описанія, мемуары и монографіи считаются десятками, причемъ пальма первенства въ количественномъ отношеніи принадлежитъ Москвѣ, которая, по поговоркѣ,—было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь выйдеть, печеть «ходовыя»

книжки, какъ блины. Передъ нами два изданія такого рода, принадлежащія московскому товариществу «Образованіе»: «Пожаръ Москвы» и «Двѣнадцатый годъ». Первое представляетъ собою сборникъ воспоминаній и переписки очевидцевъ памятнаго года и по мысли можетъ быть одобрено, такъ какъ подобные матеріалы даютъ возможность воспроизвести вѣрную картину прошлаго. Надо, однакоже, замѣтить, что для такого воспроизведенія необходимо выбрать изъ громадной литературы по данному предмету такіе мемуары, которые, вмѣстѣ взятые, представляли бы собою органическое цѣлое, а не случайный сборъ матеріаловъ, сшитыхъ на живую нитку; нужна рука художника, которая одухотворила бы этотъ сырой матеріалъ и дала бы читателю возможность почувствовать «правду» событія, какъ это сдѣлано Толстымъ въ его безсмертномъ «Войнѣ и Мирѣ». Въ сборникѣ же «Пожаръ Москвы» помѣщены случайно попавшіеся подъ руку мемуары и письма, давно извѣстные и напечатанные и нерѣдко не отвѣчающіе патриотическому настроенію минуты и отмѣчающіе неприглядные для русскаго народа факты грабежа и мародерства и также случаи повальнаго уклоненія населенія отъ военной службы. Въ сборникѣ именно помѣщены: записки Маслова о пребываніи въ Москвѣ, занятой французами; письма Волковой о жизни и настроеніи провинціи въ бѣдственную годину 1812 года; извѣстная переписка императора Александра съ Ростопчинымъ и др. Что касается вишшняго вида, рисунковъ, то они производятъ странное впечатлѣніе, представляя собою образецъ «московскаго издѣлія», начиная съ того, что обертка изображаетъ неизвѣстные предметы декадентскаго пошиба, снабженные атрибутами. Франціи, а не Россіи—наполеоновскимъ орломъ и лиліями. Рисунки въ техническомъ отношеніи исполнены недурно по способу фото-тинто-гравюры, способу, по увѣренію издателей, исключительно принадлежащему товариществу «Образованіе» и впервые введенному въ Россію. Что касается до изданія подъ заглавіемъ «Двѣнадцатый годъ», то это есть не-что иное, какъ часть мемуаровъ графа де-Сегюра, касающаяся событій 1812 года, начиная съ Бородинскаго сраженія и кончая бѣгствомъ Наполеона изъ Россіи. Записки эти, не давая полнаго фактическаго описанія войны, представляютъ значительный интересъ въ томъ отношеніи, что даютъ картину моральнаго настроенія Наполеона—упадокъ энергіи и отсутствіе присущей ему рѣшимости, въ виду необычайныхъ, непривычныхъ для него обстоятельствъ, встрѣченныхъ имъ въ Россіи. Переводъ, сдѣланный не специалистомъ, носитъ на себѣ слѣды незнакомства съ военной техникой и номенклатурой. Рисунки и художественныя приложенія такіе же, какъ и въ изданіи «Пожаръ Москвы». Л. Н.

П. Н. Баженовъ (генер.-отъ инфант.) Сандепу—Мукденъ. Воспоминанія очевидца-участника войны. 1911. Стр. 361 + 4 карты. Цѣна 3 руб.

Довольно объемистая, почти въ 400 страницъ, книга генерала Баженова, участника послѣдней войны, вноситъ новыя данныя въ тяжелую трагедію, пережитую Россіей и ся арміей подъ Сандепу и Мукденомъ. Какъ книга, касающаяся военныхъ операцій, она, конечно, не лишена многихъ специальныхъ

подробностей, мало любопытных и даже мало понятных обыкновенным читателямъ. Но такихъ подробностей въ книгѣ мало. Вообще же она вполне доступна и понятна широкимъ читательскимъ кругамъ, и это обстоятельство дѣлаетъ необходимымъ отмѣтить появленіе труда г. Важенова на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Знакомое чувство щемлящей горечи возбуждаетъ чтеніе многихъ страницъ этой книги. Разгромъ,—слышится скорбный основной тонъ книги. И никнетъ голова, и стыдно за Россію, и горько за армію, видѣвшую столько славы на своемъ тысячелѣтнемъ вѣку и столько разъ вѣнчавшую побѣдными лаврами свои знамена. Особенно горько то, что армія наша была на голову разбита не непріателемъ, а безтолковыми распоряженіями собственнаго начальства. Авторъ не щадитъ красокъ для обрисовки всего, что онъ видитъ отрицательнаго. Жутко читать его разговоръ съ главнымъ интендантомъ всѣхъ армій генераломъ Губертомъ. На вопросъ автора: неужели всѣ громадныя интендантскіе запасы придется сжечь?—Губертъ отвѣтилъ трагическимъ монологомъ: «Какъ сжечь? Да если это все сожгутъ, то я и самъ тутъ же сгорю, потому что всѣ свои силы, всѣ способности, можно сказать, всю душу я истратилъ на то, чтобы собрать эти запасы. Вы знаете, что здѣсь однихъ интендантскихъ запасовъ лежитъ милліоновъ на 30—35, инженерныхъ—милліоновъ на 5—6, да еще разныхъ другихъ; вообще всего здѣсь собрано различныхъ запасовъ милліоновъ на 50». И вѣрно замѣчаетъ авторъ, что эти милліоны, не принеся ни малѣйшей пользы арміи, легли на плечи русскаго народа и были сожжены, а между тѣмъ они могли бы принести громадную пользу, будучи употребленными хотя бы на возстановленіе флота.

Для характеристики генерала Куропаткина, любившаго вмѣшиваться въ частныя распоряженія командующихъ арміями и мѣшавшаго этимъ обыкновеніемъ проявленію у нихъ самостоятельности, авторъ приводитъ анекдотическій рассказъ, слышанный имъ по дорогѣ на Дальній Востокъ; рассказъ передавалъ, что генералъ Сухотинъ, встрѣтивъ генерала Каульбарса, получившаго назначеніе командующимъ 3-ю армію, будто бы поздравилъ его съ назначеніемъ ротнымъ командиромъ и, поясняя свое поздравленіе, сказалъ: «Да чему же ты удивляешься? Развѣ ты не знаешь, что у васъ тамъ будетъ только три ротныхъ командира: ты, Линевицъ и Гриппенбергъ, а всѣми батальонами командуетъ уже самъ Куропаткинъ». *Si non e vero, e ben trovato!*

Авторъ не могъ обойти молчаніемъ отъѣздъ изъ арміи генерала Гриппенберга, къ которому онъ относится въ общемъ доброжелательно. Отъѣздъ этотъ былъ совершенъ съ высочайшаго разрѣшенія, а потому и не составляетъ нарушенія дисциплины. Но даже авторъ говоритъ: «что касается нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ на армію, то этотъ вопросъ настолько важный, что о немъ генералу Гриппенбергу слѣдовало бы много поразмыслить прежде, нежели рѣшиться на свой поступокъ». Желая доложить государю чистую правду о всемъ, что дѣлается въ арміи и отчего зависѣли ея неудачи, онъ, какъ генераль-адъютантъ, могъ бы осуществить это желаніе, отославъ съ нарочнымъ письмо въ собственныя руки государя. Самъ генералъ Гриппенбергъ смотрѣлъ на свой отъѣздъ, какъ на временный, и, прощаясь съ генералами, говорилъ, что вернется черезъ мѣсяцъ.

Но долой эти мрачныя, скорбныя страницы. Дайте на чемъ-нибудь отдохнуть, дайте героевъ. И герои были. Ихъ было много, но ими не сумѣли воспользоваться. Вотъ, для примѣра, геройское спасеніе знамени Ахалцыхскаго полка. Роты этого полка были разбиты японцами и, понеся огромныя потери, разстрѣлявъ всѣ патроны, сдались послѣ отчаянной схватки. Знамя полка пропало. Но спустя болѣе мѣсяца командиръ полка получилъ телеграмму изъ Японіи, что роты находятся въ плѣну и унтеръ-офицеръ Старичковъ живъ. Вся армія знаетъ имя этого героя Старичкова, спасающаго въ плѣну въ Наполеоновскія войны свое знамя, и такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакого Старичкова въ полку не числилось, то телеграмма и была понята въ томъ смыслѣ, что знамя спасено. Такъ и оказалось: предъ сдачею въ плѣнъ знамени было сорвано съ древка и спрятано на себѣ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ.

Книга генерала Баженова читается съ большимъ интересомъ и составляетъ несомнѣнный вкладъ въ мемуаристику по русско-японской войнѣ.

М. С.

Некрополь Крымскаго полуострова. Составилъ В. И. Чернопятовъ. Оттискъ изъ XI т. «Записокъ московскаго археологическаго института». М. 1910. Стр. 313 + VII. Цѣна не обозначена.

Книжка, заглавіе которой мы выше выписали, принадлежитъ къ числу весьма цѣнныхъ справочниковъ, тѣмъ еще болѣе, что таковыхъ въ нашей литературѣ всего лишь два-три. Авторъ ея, В. И. Чернопятовъ, три года назадъ, находясь на излеченіи за границей, издалъ въ свѣтъ два выпуска: «Русскій Некрополь за границей», въ своемъ родѣ единственный справочникъ. Настоящая же книжка, представляющая довольно объемистый томъ, заключаетъ надгробныя надписи (около 6000 погребенныхъ) съ кладбищъ въ Керчи, Судакѣ, Феодосіи, Алуштѣ, Гурзуфѣ, Ялтѣ, Бахчисараѣ, Симферополѣ, Евпаторіи и Севастополѣ. Выписывая надписи, В. И. Чернопятовъ печаталъ ихъ такъ, какъ онѣ были начертаны, безъ всякаго измѣненія, даже, напр., въ порядкѣ чередованія именъ и фамилій. Много надписей со стихами и даже генеалогическими и биографическими данными. Тутъ, конечно, приведены надписи фамилій всѣхъ героевъ Севастопольской обороны, павшихъ въ бою, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на основаніи печатныхъ источниковъ. Громадное большинство надписей сдѣлано во второй половинѣ XIX ст.; изъ очень раннихъ едва ли не единственными являются: начальствовавшій Георгіевскимъ монастыремъ митрополитъ Хрисанъ (1732—1824) и д. с. с. Андрей Ильичъ Шостакъ (1758—1816), надгробная надпись о которомъ снабжена обширнымъ стихотвореніемъ, рисующимъ рѣдкую доброту покойнаго. Свѣдѣнія, заключающіяся въ этихъ надписяхъ, безспорно, заслуживаютъ полного довѣрія и могутъ послужить къ исправленію нѣкоторыхъ установившихся уже неточныхъ датъ. Беру первый попавшійся примѣръ. Извѣстнаго поэта Григ. Александровича Мачета всѣ почти изслѣдователи считаютъ родившимся въ 1852 г. (см. даже «Очерки исторіи русской литературы» С. А. Венгерова, стр.

98); а на надгробной надписи читаемъ: «Григорій Александровичъ Мачетъ; родился въ ноябрѣ 1850 г., скончался 14 августа 1901 г., похороненъ въ Ялтѣ, на Алушкинскомъ кладбищѣ».

Книжка издана тщательно и свободно отъ опечатокъ; въ одномъ только погрѣшилъ составитель: отнесъ фамилии, начинающіяся съ Э послѣ фамилій на Ө, вмѣсто того, чтобы помѣстить ихъ послѣ фамилій на Щ.

В. Р—въ.

Сергѣю Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ө. Платонову. Спб. 1911 г. Стр. XVII — 568. Цѣна 2 рубля.

Мысль объ изданіи настоящаго сборника возникла въ кружкѣ друзей и почитателей С. Ө. Платонова при чествованіи двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности. Въ составленіи книги приняли участіе 38 ученыхъ и писателей, статьи которыхъ посвящены преимущественно различнымъ вопросамъ русской исторіи и литературы; есть нѣсколько статей, касающихся исторіи Запада. Между собою труды эти никакой связи не имѣютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., «Миньятъ» (татарское слово, означающее обязательство за одолженіе) Н. И. Веселовскаго или «Скиѳія въ іероглифической надписи» Тураева могутъ представить интересъ лишь для историка-специалиста, другіе, касаясь общихъ вопросовъ, могутъ привлечь вниманіе и большой публики.

Открывается сборникъ сонетомъ августѣйшаго поэта К. Р., посвященнымъ С. Ө. Платонову и рисующимъ образъ великаго Царя-Плотника. Перу того же поэта принадлежитъ переводъ драмы Гете «Ифигенія въ Тавридѣ». Очень интересна статья Э. Радлова: «О поэзіи Хомякова», дающая характеристику его творчества.

Хомяковъ представляется автору добрымъ человѣкомъ, не поддающимся отчаянію и сомнѣнію, а вѣрующимъ въ то, что и на его долю выпала важная задача, которую онъ долженъ выполнить, несмотря на никакія препятствія. Борьбу и войну онъ не считаетъ зломъ, въ войнѣ вѣдь могутъ проявляться лучшія свойства человѣческой души, напр., милосердіе ко врагу. Вся жизнь есть подвигъ, который можно совершить лишь при неустанной работѣ.

«Нѣтъ тебѣ покоя,

Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!»

Смерть нужно встрѣчать бодро,—она—переходъ въ лучшій міръ небесъ, о существованіи котораго свидѣтельствуетъ человѣку переживаемое нѣкоторыми людьми состояніе вдохновенія. Хомяковъ глубоко вѣрилъ въ то, что Россія скажетъ міру новое слово, но это не мѣшало ему горячо клеймить грѣхи своей родины.

Н. К. Кульманъ въ предисловіи къ 5 напечатаннымъ имъ письмамъ Е. А. Энгельгардта къ одному изъ бывшихъ лицействовъ М. Д. Деларю, современнику Пушкина, даетъ характеристику перваго директора лицея, горячо любившаго своихъ питомцевъ и отдававшего имъ всю душу, но принужденнаго оставить

истор. вѣстн., августъ 1911 г., т. сxxv.

24

свой постъ, благодаря интригамъ реакціонеровъ конца царствованія Александра I.

Статьи С. А. Рождественскаго: «М. М. Сперанскій и комитетъ 1857 г. о степени обученія крѣпостныхъ людей» и С. М. Середонина: «Къ плану всеобщаго государственнаго образованія 1809 г.» сообщаютъ нѣкоторыя новыя данныя о дѣятельности Сперанскаго.

Къ сборнику приложенъ портретъ профессора Платонова и списокъ его ученыхъ трудовъ.

В. Троицкій.

**М. Г. Попруженно. Одесская городская публичная библіотека. 1830—1910
Одесса. 1911. 84 стр. in 4.**

Одесса имѣетъ полное право гордиться передъ всѣми остальными городами нашей провинціи тѣмъ, что она является первымъ послѣ Петербурга городомъ, гдѣ возникла публичная библіотека, причѣмъ честь ея созданія принадлежитъ исключительно мѣстнымъ литературнымъ дѣятелямъ. Съ 5-го января 1827 года въ Одессѣ стала издаваться газета «Одесскій Вѣстникъ» кружкомъ ученыхъ и писателей, группировавшихся вокругъ новороссійскаго генераль-губернатора графа М. С. Воронцова. Отъ своихъ трудовъ денежной выгоды они имѣтъ не желали, между тѣмъ изданіе шло очень успѣшно, и вотъ у одного изъ редакторовъ Алексѣя Иракліевича Левшина явилась мысль обращать всѣ доходы отъ изданія газеты на созданіе и поддержку въ Одессѣ публичной библіотеки. Эта мысль встрѣтила дѣятельную поддержку со стороны М. С. Воронцова, и 15-го апрѣля 1830 года въ Одессѣ открылась первая для русской провинціи публичная библіотека. Такимъ образомъ, честь этого весьма существеннаго для успѣха русскаго просвѣщенія дѣла всецѣло принадлежитъ А. И. Левшину, а не графу Н. С. Мордвинову, какъ это думали раньше. Первымъ библіотекаремъ былъ назначенъ ливорнскій еврей Спада, но большой пользы отъ него библіотека не видала, такъ какъ деньги, ассигнуемыя на библіотеку, онъ тратилъ на услажденіе плѣнявшихъ его артистокъ итальянской оперы. Но, къ счастью для Одессы, послѣ Спады библіотека доставалась въ болѣе достойныя руки, и среди его преемниковъ мы видимъ такихъ выдающихся дѣятелей, какъ Н. Н. Мурзакевичъ, Ашикъ, профессоръ В. А. Яковлевъ. Ихъ трудами одесская публичная библіотека поднята до образцовой высоты и находится теперь въ столь цвѣтущемъ и благоустроенномъ видѣ, что такая библіотека смѣло могла бы служить украшеніемъ любого западнаго центра. Постепенный ходъ жизни этого учрежденія и изложенъ въ брошюрѣ профессора Попруженка на основаніи по большей части неизданныхъ архивныхъ данныхъ, что придаетъ его труду большое значеніе и высокую цѣнность, такъ что будущему историку русскаго просвѣщенія непременно придется пользоваться поучительнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ этомъ изданіи. Его цѣнность увеличивается еще тѣмъ, что ученый историкъ одесской библіотеки попутно сообщаетъ много въ высшей степени трудно находимыхъ въ старинныхъ изданіяхъ данныхъ о дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе принимали участіе въ жизни библіотеки. Сюда относится, на примѣръ, впервые опубликованное, но весьма интересное письмо

знаменитаго славянскаго дѣятеля Галки. Прекрасно напечатанная брошюра украшена снимками съ тѣхъ зданій, въ которыхъ находилась библіотека за время своего существованія, портретами А. И. Левшина и графа И. И. Толстого, ея нынѣшняго попечителя и неустаннаго жертвователя. Ему и посвящена вся работа профессора Попруженка, что является вполне заслуженнымъ въ виду исключительныхъ заслугъ графа передъ библіотекой. Жаль, что не нашлось мѣста для портрета его предшественника, профессора А. И. Кирпичникова, славная дѣятельность котораго также оставила по себѣ видный слѣдъ въ одесской публичной библіотекѣ.

В. В.

Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Пѣсни, памфлеты, сказки, анекдоты, заговоры, пословицы, драмы-комедіи. Составилъ Н. А. Бродскій. Москва. 1911.

Въ книжкѣ собрана «народная словесность» о крѣпостномъ правѣ, напечатанная въ разныхъ этнографическихъ сборникахъ и изданіяхъ. Собственно «крѣпостная эпоха» состоитъ въ ней изъ пяти отдѣловъ: памфлеты и пѣсни, сказки и анекдоты, заговоры и молитвы, пословицы и поговорки, драмы-комедіи. Первый—начинается извѣстнымъ «Плачемъ холоповъ»—стихотвореніемъ XVIII вѣка, напоминающимъ своимъ пословичнымъ языкомъ Данила Заточника; за «Плачемъ» идетъ политическій памфлетъ тарасовицкаго Данилы, болѣе позднѣйшаго происхожденія и отъ котораго вѣтъ уже книжностью. Плачь и памфлетъ эти замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что здѣсь, помимо чисто сословныхъ, слышатся еще жалобы націоналистическаго характера, обида на то, что русскій народъ отданъ въ рабство иноземнымъ побродамъ, пришелькамъ, католикамъ; какъ извѣстно, крѣпостными владѣли не только иноземцы и католики-ляхи, но даже и «жиды», которые брали «крѣпостныхъ» въ аренду у пановъ-католиковъ. Самый обширный отдѣлъ въ книжкѣ—сказки и анекдоты, гдѣ не мало есть также вещей на малорусскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ; изъ произведеній на великорусскомъ языкѣ здѣсь, между прочимъ, даны многочисленные варианты извѣстной комедіи объ Аюнькѣ новомъ и баринѣ голомъ; сюда же вошли записанныя Якушкинымъ сказанія о Тришкѣ Сибирикѣ, этомъ миниатюрномъ Разинѣ, защитникѣ крестьянъ и народномъ героѣ. Нѣтъ, однако, сказанія о Сидоркѣ (народный псевдонимъ Стеньки Разина). Среди напечатанныхъ въ книжкѣ сказокъ и анекдотовъ встрѣчаются и очень остроумные и типичные, особенно на великорусскомъ языкѣ; таковы, напримѣръ, варианты сказанія о баринѣ голомъ, а также рассказъ «Тароватый мужикъ» и др. Пословицы и поговорки даны въ книжкѣ великорусскія, малорусскія и бѣлорусскія; ихъ, впрочемъ, здѣсь немного, всего около 60, причѣмъ среди нихъ нѣтъ нѣкоторыхъ, напечатанныхъ даже у Даля. Курьезно, кстати, объясняется происхожденіе одной изъ этихъ пословицъ: «барская курица безсмертна»; по преданію, когда началось крѣпостное право, помѣщики подарили каждому своему крестьянину по яйцу, велѣли положить это яйцо подъ курицу—и съ тѣхъ поръ стали требовать отъ крестьянъ извѣстное число яицъ; отъ этого, будто бы, и пошло сказаніе о безсмертной курицѣ, появившейся на свѣтъ изъ барскаго по-

24*

дарка. Одно изъ присловій рекомендуетъ отдавать честь не только живому «папу», но даже и «повѣщенному»: папа повѣснецъ, три дня предъ нимъ шапку знимай, часомъ оторвецца. Въ отдѣлѣ «драмы-комедіи» даны только двѣ: извѣстная разбойничья «Лодка» (дѣйствующія лица здѣсь: атаманъ, есаулъ, разбойники, неизвѣстный, богатый помѣщикъ) да «Баринъ и приказчикъ»—вариантъ упоминавшагося выше Аеоньки новаго и барина голаго. Нѣтъ, однако, фарса временъ разиницы, въ которомъ изображаются выходки черни противъ купцовъ богатыхъ и бояръ тароватыхъ и, между прочимъ, есть «живая картина», показывающая паглядно, какъ «холопы изъ господъ жиръ выколачиваютъ»; нѣтъ также комедіи «Барина водить». Въ общемъ книжка несвободна и отъ другихъ пропусковъ; нѣтъ, напримѣръ, въ ней ни одного изъ народныхъ, порою остроумныхъ разсказовъ «о господахъ», печатавшихся еще въ XVIII вѣкѣ въ сборникѣ «Старичокъ весельчакъ»; ничего также не упоминается о любопытной народной картинкѣ «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ», полной противокрѣпостническихъ выходокъ и запрещенной за это въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Ни одного нумера нѣтъ въ книжкѣ и о «жидахъ», которые въ Бѣлоруссіи, Малороссіи и на Волыни играли, несомнѣнно, видную роль въ дѣлѣ угнетенія крѣпостного люда, подвластнаго панамъ. Есть, конечно, и другіе пропуски. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что книжка является полезнымъ юбилейнымъ изданіемъ, особенно для людей, интересующихся въ широкомъ смыслѣ народисю о крѣпостномъ правѣ словесностью, такъ какъ послѣдняя собрана здѣсь, по возможности, «во едину храмину» изъ многочисленныхъ, перѣдко малодоступныхъ, специальныхъ изданій.

Т. А. М.

Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевского, въ двухъ томахъ. Подъ редакціей М. Гершензона. М. 1911.

Волна идеалистическаго движенія, проходящая теперь по нашей общественной мысли, въ связи съ «историзмомъ» нынѣшняго литературнаго направленія, подняла со дна Леты цѣлый рядъ замѣчательныхъ русскихъ людей. Подъ общею рубрикой «Русскіе мыслители» въ Москвѣ скоро начнутъ выходить монографіи о Сквородѣ, А. А. Козловѣ, Серапіонѣ-Машкинѣ, Бухаревѣ (архимандритѣ Теодорѣ), Н. Федоровѣ, Констант. Леонтьевѣ, В. Чичеринѣ. Всѣ эти люди, въ различной степени каждый, шли не подъ тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ выступала цѣлый вѣкъ масса прогрессивнаго русскаго общества, но всѣ они стремились къ истинѣ и всѣ имѣютъ право на вниманіе. Самой крупной фигурой среди нихъ былъ Иванъ Кирѣевскій, интересъ къ которому недавно возродилъ М. О. Гершензонъ замѣчательной статьёй («Вѣстника Европы» 1908 г. и «Историческія Записки»), гдѣ показалъ историческую ошибку Кирѣевскаго и метафизическую правду его ученія—о внутренней цѣльности человѣческой личности. Съ однимъ только можно не согласиться. Напрасно думаетъ г. Гершензонъ, что выведенныя Кирѣевскимъ изъ вѣрной основной метафизической предпосылки невѣрныя мнѣнія «сыграли пагубную роль тѣмъ, что изъ нихъ выросла вся реакціонная политическая идеологія, на которую русская власть и извѣстная часть общества донынѣ опираются въ своей борбѣ

противъ свободы и просвѣщенія народнаго»... Этимъ г. Гершензонъ дѣлаетъ незаслуженную честь кругамъ, о которыхъ говоритъ: тѣмъ-то они и ужасны, что нѣтъ у нихъ никакой идеологіи, и что вся ихъ метафизика можетъ быть сведена къ непроглядной умственной тѣмѣ и разнузданности зоологическихъ инстинктовъ, даже безъ малѣйшаго намека хотя бы на самый первобытный, наивный историческій романтизмъ. Въ Кирѣвскихъ эти круги не нуждаются, и до нихъ никакими, даже самыми далекими, посредствующими путями не могли просочиться струи его ученія, которое было просто забыто. Именно Кирѣвскій изъ всѣхъ славянофильскихъ писателей былъ наименѣе вліятельный и читаемый, хотя, быть можетъ, и наименѣе туманный, и изданіе г. Гершензона и статья его о Кирѣвскомъ положительно открыли нашей эпохѣ этого замѣчательнаго человѣка. Знакомство съ сочиненіями Кирѣвскаго тѣмъ нужнѣе, что славянофилы вообще очень мало писали; западники побивали ихъ прежде всего количественно—многообразіемъ и настойчивостью неустанной пропаганды. Знать Кирѣвскаго—это получить ключъ къ философіи славянофильства, овладѣть возможностью понять глубокое умственное движеніе.

Поэтому, въ интересахъ широты и полноты нашей общественной мысли, нельзя не порадоваться появленію новаго собранія произведеній Кирѣвскаго. Прежнее, выпущенное пятьдесятъ лѣтъ назадъ А. И. Кошелевымъ, давно стало библиографическою рѣдкостью. Г. Гершензонъ перепечаталъ его, съ восстановленіемъ немногочисленныхъ цензурныхъ пропусковъ, съ добавленіемъ не вошедшихъ въ него статьи и Воротынскомъ, стихотвореній и писемъ, (нѣсколько писемъ печатаются впервые), но, къ сожалѣнію, не удержался отъ нѣкотораго, ничѣмъ не оправдываемаго, редакторскаго произвола. Послѣдній нѣсколько подрываетъ право собранія называться полнымъ. Г. Гершензонъ самъ указываетъ на сдѣланныя купюры. Такъ, редакторъ «не счелъ нужнымъ перепечатать обширныя выдержки изъ автобіографіи Стеффенса, переведенныя по указанію И. В. Кирѣвскаго его матерью, А. П. Елагиной, и сохранилъ только написанное имъ предисловіе къ этимъ выдержкамъ». Между тѣмъ это предисловіе имѣетъ *raison d'être* только при выдержкахъ, и выборъ ихъ, сдѣланный самимъ Кирѣвскимъ, значительно освѣщаетъ и самую статейку о Стеффенсѣ, и отношеніе Кирѣвскаго къ шеллингянству; читателю важно знать, въ чемъ именно Кирѣвскій видѣлъ въ запискахъ Стеффенса «значительность философскаго воззрѣнія», «самыя глубокія мысли». Далѣе г. Гершензонъ указываетъ, что отбросилъ «немногія малосодержательныя» письма Кирѣвскаго,—и это новое проявленіе редакторскаго произвола. Дѣло редактора—дать все, что только есть (тѣмъ болѣе, что литературное наслѣдіе Кирѣвскаго сполна исчерпывается двумя томами), а читатель по-своему будетъ судить о важности того или иного. Г. Гершензону не можетъ не быть извѣстно по личному опыту, какъ часто при разновременныхъ обращеніяхъ къ выдающемуся писателю намъ начинаетъ казаться содержательнымъ и значительнымъ то, что раньше казалось неважнымъ и непузынымъ. Не говоря подробно объ уже осужденныхъ въ печати пропускахъ нѣсколькихъ писемъ Кирѣвскаго, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить еще болѣе существенные пропуски въ самыхъ сочиненіяхъ Кирѣвскаго, въ отдѣлѣ его философскихъ произведеній, то есть въ наиболѣе интересной

и цѣнной части его творчества. Перепечатывая изъ «Русской Бесѣды», 1857 г. «Отрывки, найденные въ бумагахъ И. В. Кирѣвскаго», г. Гершензонъ отбросилъ значительную часть ихъ, страницъ пять. Правда, этихъ страницъ нѣтъ въ изданіи 1861 г., но принадлежность ихъ Кирѣвскому вполне удостовѣряется авторитетомъ редакціи близкаго Кирѣвскому журнала, а также Хомякова, снабдившаго «Отрывки» замѣчательнымъ послѣсловіемъ. Пропускъ въ первомъ изданіи—грубая, элементарная ошибка, которой г. Гершензону не слѣдовало повторять. «Нравственность есть сознаніе Божества въ самосознаніи нашемъ». «Нравственность государства есть разумность его законности, его права и устройства». «Въ мірѣ все ничтожно, и самъ міръ не существенность, существенно только милосердіе Божіе». Эти и подобныя религіозно-философскія опредѣленія, рядъ мыслей Кирѣвскаго о православіи не должны пропадать для читателей Кирѣвскаго. Поскупился г. Гершензонъ на примѣчанія, которыхъ далъ очень мало; между тѣмъ нѣсколько десятковъ размѣщенныхъ подъ текстомъ объясненій очень приблизили бы Кирѣвскаго къ современному читателю. Въ отдѣлѣ библиографическихъ примѣчаній мы не нашли указанія, гдѣ была впервые напечатана «Рѣчь Шеллинга». За вычетомъ этихъ промаховъ, которые объясняются вовсе не тѣмъ или инымъ субъективнымъ отношеніемъ редактора къ писателю, а просто случайною небрежностью, г. Гершензонъ далъ намъ всего Кирѣвскаго, котораго такъ давно ждалъ читатель.

Н. Дернеръ.

Елизавета Лихачева. «Воспоминанія одной русской знаменитости». Спб. 1911. Стр. 160. Ц. 1 р. 25 к. Она же. «Нравы нашего милаго общества». Спб. 1911. Стр. 208. Ц. 1 руб.

Передъ нами двѣ книжки одного и того же автора, написанныя одна по-нѣмецки и лишь переведенная на русскій языкъ, и другая—оригинальное произведение нашей словесности, двѣ книжки одинаковаго формата, довольно скверно, лубочно изданныя, но объединенныя единствомъ внутренняго содержанія, согрѣтыя общностью чувства и освѣщенныя единствомъ мысли. Онѣ, эти книжки, заслуживаютъ вниманія читателей и критики не столько фабулой, манерой повѣствованія, интересомъ и разнообразіемъ содержанія, сколько тѣмъ оригинальнымъ и, пожалуй, сильнымъ крикомъ души, который несетъ со многихъ страницъ и который поневолѣ заставляетъ остановиться и прислушаться, о чемъ такъ страстно и болѣзненно кричитъ авторъ. Г-жа Лихачева новичокъ въ русской литературѣ и, насколько намъ вѣдомо изъ библиографіи нѣмецкой литературы, болѣе извѣстна въ Германіи, чѣмъ у себя на родинѣ. Какъ случилось, что русская по происхожденію попала на нѣмецкій словесный Олимпъ, намъ неизвѣстно, но любопытно, что тѣ выводы и наблюденія, которые ей удалось сдѣлать изъ изученія социальныхъ условій жизни на родинѣ Гете и Шеллера, тѣ же, что она нынѣ дѣлаетъ, стоя лицомъ къ лицу съ русской дѣйствительностью. Тѣ же мысли, тѣ же чувства, та же общественная проповѣдь, что тамъ, то и здѣсь. Очевидно, въ авторѣ что-то наболѣло, наболѣло сильно, что онъ не въ состояніи удержать про себя и что вызываетъ его громкіе крики, крики одотонные,

однозвучные, которые съ перваго момента какъ будто пугаютъ, но затѣмъ становятся нѣсколько пудны, скучны, а потому и слабо достигающими цѣли: все въ одномъ и томъ же регистрѣ, безъ модуляцій и паузъ. Крикъ г-жи Елизаветы Лихачевой—это крикъ о пынѣшней и, пожалуй, вѣковѣчной долѣ женщины, поработенной мужчиной, имъ приниженной и низведенной на вторую ступень жизненной лѣстницы и несущей на себѣ какъ бы службную роль, соотвѣтственно потребностямъ, капризу, прихоти, эгоизму и вождельнiямъ сильной половины рода человѣческаго. Проповѣдь обо всемъ этомъ мы, особенно за послѣднее время, съ ростомъ у насъ движенія, именуемаго «феминизмомъ», слышали уже много и много разъ, но въ проповѣди г-жи Лихачевой по отношенію съ аналогичными проповѣдями есть существенное отличіе. Она, какъ и ея товарки, одинаково несочувственно относительно первенства мужчинъ мыслящая, проповѣдуетъ равенство мужчины и женщины не только въ социальныхъ, экономическихъ, юридическихъ и иныхъ ситуаціяхъ, но и въ вопросѣ полового общенія, въ томъ сексуальномъ вопросѣ, который получилъ нынѣ такое широкое право гражданства въ нашей литературѣ и къ ненормальной постановкѣ котораго, по мнѣнію г-жи Лихачевой, должны быть отнесены въ значительной мѣрѣ всѣ бѣды и горести женщины.

Въ своихъ обѣихъ книжкахъ, повидимому, въ сильной степени автобіографическихъ, а потому очень субъективныхъ, писательница рисуетъ въ видѣ дневниковыхъ записей свои наблюденія надъ міромъ нѣмецко-русской жизни, гдѣ отношенія мужчины къ женщинѣ и, наоборотъ, женщины къ мужчинѣ поставлены подъ главный уголъ наблюденій. Мужчины, какъ и слѣдуетъ ожидать по смыслу проповѣди г-жи Лихачевой, конечно, всѣ очень скверны съ правдивенной стороны, а женщины или несчастны, или глупо-наивны въ своемъ счастьи. Въ сильно написанномъ очеркѣ «Мысли падшей» въ первой изъ названныхъ книгъ (замѣтимъ—отвратительно переведенномъ, а потому, вѣроятно, въ значительной степени теряющемъ въ своей колоритности), она говоритъ:

«Женщина не должна мучиться неудовлетворенными желаніями, она должна имѣть право чувствовать и мыслить такъ же свободно, какъ и мужчина, ей должно быть разрѣшено брать отъ жизни все то, чего ей хочется. Теперь выбираютъ мужчину, женщину же выбираютъ. Уже одно это—унизительно для нея...

«Женщина поработена, постыдно поработена мужчиной; жена ему пужна только какъ хозяйка, какъ мать дѣтямъ; она ни въ чемъ ему не должна мѣшать, чтобы онъ могъ свободно предаваться удовольствіямъ. Многие, пожалуй, даже всѣ изъ такъ называемыхъ порядочныхъ мужей любятъ ухаживать за чужими женами; къ этому факту относятся какъ къ безобиднымъ шалостямъ, но горе той женщинѣ, которая увлечется чужимъ мужемъ.

«Я васъ хорошо знаю, милостивые государи, слишкомъ хорошо знаю; я не синій чулокъ и не принадлежу къ тѣмъ ученымъ женщинамъ, которыя ненавидятъ и преслѣдуютъ мужчинъ. О, нѣтъ, я отнюдь не отношусь къ вамъ съ ненавистью, напротивъ, я люблю васъ, и, если и преслѣдую васъ, то лишь взглядами, чтобы опредѣлить вашу наружную цѣвность.

«Я вамъ признаюсь, отчего я васъ такъ хорошо знаю; я—одна изъ тѣхъ, которыя заплатили обильную дань страсти. Я стояла къ вамъ очень близко и

узнала васъ очень хорошо, быть можетъ, слишкомъ хорошо. Какъ презирала я васъ за вашу мелочность, когда для удовлетворенія своихъ низменныхъ инстинктовъ вы унижались, теряли свое достоинство....

«Женщины баснословно глупы и отсталы, но вамъ не слѣдовало бы кричать объ этомъ, ибо въ глупости ихъ—ваше счастье. Что можете вы дать красивой и умной женщиной? Задумывались ли вы надъ этимъ? Послѣ того, какъ вы извѣдали всю грязь жизни, васъ влечетъ къ чистой женщиной, и эта женщина—настолько глупа, что считаетъ для себя честью стать вашей женой; но эта глупость есть не что иное, какъ незнаніе жизни, которое впитывается женщиной съ молокомъ матери вмѣстѣ со словечками «не полагается, безнравственно, неприлично, неженственно». Освободите ея жизнь отъ этихъ словечекъ, какъ освобождена отъ нихъ жизнь мужчины, и я увѣрена, что женщина пойдетъ быстро впередъ. Ибо эти словечки—главный тормазъ въ жизни женщины, они образуютъ ту стѣну, которую женщина должна сломить, чтобы открыть себѣ доступъ къ работѣ и наукѣ, чтобы научиться самостоятельно зарабатывать и перестать быть рабою мужчины.

И далѣе, въ другомъ мѣстѣ:

«Я отнюдь не намѣрена проповѣдывать безнравственность, и тотъ понялъ меня неправильно, кто приписываетъ мнѣ подобное желаніе. Я только стою за свободное проявленіе чувствъ, за равенство между женщиной и женщиной въ ихъ половыхъ отношеніяхъ.

«Женщина должна знать мужчину прежде, чѣмъ связывать себя съ нимъ на всю жизнь, она должна знать его такъ же хорошо, какъ онъ знаетъ ее, мужчина не долженъ быть для нея загадкой, она должна имѣть возможность искать и выбирать.

«Клеймящее выраженіе «падшая дѣвушка» должно исчезнуть.

«Дѣвушку слѣдуетъ воспитывать подобно мальчику для работы, она должна учиться мыслить, какъ и онъ, но и быть такой же свободной, какъ онъ.

«Я слышу ваше возраженіе: тогда исчезнетъ бракъ; что жъ, пускай исчезнетъ бракъ, счастье человечества—не въ бракѣ, и если двое чувствуютъ, что они созданы другъ для друга, то они не разстанутся и безъ формального брака.

«Полная свобода въ проявленіи своихъ чувствъ развиваетъ въ женщины честолюбіе: падшія женщины нашего интеллигентнаго круга гораздо честолюбивѣе ограниченныхъ хозяекъ, не знающихъ ничего, кромѣ кухни, дѣтей и платьевъ...

«Присмотритесь, милыя женщины, поближе къ жизни тѣхъ, кто посвятилъ себя искусству (артисткамъ, пѣвицамъ, художницамъ); ихъ жизнь гораздо богаче вашей, ибо свобода сама по себѣ—даетъ счастье.

«Я сама свободная женщина, хотя и сумѣла завоевать себѣ прочное положеніе въ интеллигентномъ обществѣ, несмотря на свои мысли падшей; и никто изъ васъ не знаетъ моихъ мыслей, никто не подозреваетъ, какимъ образомъ я провожу свои дни и ночи. А я живу, какъ мужчина въ платьѣ женщины,—надѣюсь, вы понимаете, что я этимъ хочу сказать.

Я не войду въ разсмотрѣніе поставленныхъ г-жей Лихачовой вопросовъ и въ критику ея смѣлаго символа вѣры. То, что она влагаетъ въ уста падшей

женщины, проходить въ видѣ ея *studo* черезъ всѣ остальные ея произведенія, и такимъ образомъ въ ея лицѣ передъ нами обрисовывается проповѣдница новыхъ началъ жизни, которая она, повидимому, надѣется видѣть осуществленными въ современномъ социальномъ строѣ. Врядъ ли приходится много распространяться, что такая общественная эволюція совершенно немислима, а потому и ея *desiderata* должны быть отнесены къ категоріи тѣхъ утопій, которыя въ качествѣ таковыхъ и останутся на бумагѣ. Разпузывать страсти и уничтожить предѣлы всякихъ ограниченій—на это само человѣчество въ интересѣ самосохраненія никогда не согласится и указанія такихъ обличителей правовъ, каковою является наша писательница, имѣютъ только цѣнность въ качествѣ правдивыхъ фотографій, снятыхъ съ подлинной дѣйствительности. Ея недостатки зарегистрированы и спасибо на томъ, но исправлять эти недостатки—подъ силу не утопистамъ и фантазерамъ, всегда отличающимся односторонностью, которая имѣетъ источникомъ сумму сложившихся субъективныхъ и въ большинствѣ аномальныхъ началъ. Видимо, эти начала сыграли и въ жизни нашей писательницы рѣшающую роль, и вотъ изъ нея готова реформаторша въ новѣйшемъ стилѣ и духѣ. Первые ея шаги на этомъ скользкомъ пути я отмѣтилъ и подожду произносить окончательный надъ нею судъ до новыхъ ея произведеній, которыя посоветую ей только съ точки зрѣнія техники писанія нѣсколько разнообразить содержаніемъ и влить въ новую литературную форму. Сегодня дневникъ, завтра дневникъ, сегодня я, завтра я,—немного нудно и однообразно. Для всякаго проповѣдника и мнящаго себя реформаторомъ скука есть вѣрное средство свести на нѣтъ свои старанія. Пусть на это г-жа Лихачева обратитъ прежде всего вниманіе.

В. Г.

Princez Lasarovich-Hrebelianovich. The Servian people, their past glory and their destiny. Lond. and N.-York. 1911. Цѣна 12 шил.

Новый трудъ, посвященный сербскому народу, занялъ два объемистыхъ тома, заключающихъ не менѣе 800 стр., не считая нѣсколькихъ десятковъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ. Написанъ онъ княземъ Лазаровичъ-Хребеліановичемъ въ сотрудничествѣ съ его женой, судя по имени—Элеопора Кальчунъ—американкой. Какъ заявляетъ въ предисловіи самъ авторъ, его работа нѣсколько компилятивная и опирается на этнографическіе труды Карича и Мелечевича, въ историческомъ отношеніи является пересказомъ сочиненія Поваковича, а въ области фольклора слѣдуетъ за Вукомъ Караджичемъ. Такимъ образомъ, самостоятельнаго научнаго значенія объемистое сочиненіе князя Лазаровичъ-Хребеліановича имѣть не можетъ. Да оно, впрочемъ, на это и не претендуетъ, такъ какъ написано оно, очевидно, для политическаго, а не для ученаго міра. Князь—горячій сербскій патриотъ, не жалѣющій красокъ чтобы выставить въ достойномъ свѣтѣ свой народъ передъ англо-американскимъ міромъ. Говоря о Сербіи, онъ разумѣетъ какъ собственно Сербію, такъ и Черногорію, Македонію и даже часть Кроаціи. Вопреки заглавію, содержаніе его труда относится не столько къ исторіи Сербіи, сколько къ опи-

санію ся современной жизни, приче́мъ это описаніе не лишено нѣкоторой доли идеализаціи. Точно также не обходится дѣло безъ нѣкоторыхъ преувеличеній во славу сербскаго народа и тогда, когда авторъ пускается въ историческіе экскурсы. Такъ, напри́мѣръ, восхваляя беззава́тную храбрость своихъ соотечественниковъ, князь увѣряетъ, что предки теперешнихъ сербовъ во времена Гомера водили свои отряды на защиту Трои—увѣреніе болѣе чѣмъ сомнительное. Въ другой главѣ, желая доказать всю поэтическую прелесть сербскихъ былинъ, авторъ утверждаетъ, что самъ Гете бралъ изъ нихъ сюжеты и переводилъ ихъ на нѣмецкій языкъ. На самомъ же дѣлѣ Гете пользовался сербскимъ эпосомъ очень мало да и то черезъ посредство нѣмецкаго перевода сборника пѣсенъ Вука Караджича.

Будущее сербскаго народа представляется автору въ довольно розовомъ свѣтѣ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы, отбившись отъ натиска Австріи, которую онъ считаетъ главнымъ врагомъ славянства, устроить съ помощью американскихъ инженеровъ и долларовъ каналъ вдоль Старой Сербіи, долженствующій соединить Дунай съ Эгейскимъ моремъ и такимъ образомъ сдѣлать Сербію проѣзжей дорогой для всей Европы. При помощи тѣхъ же американскихъ инженеровъ князь Лазаровичъ-Хребеліановичъ подсчиталъ, что проведеніе этого канала обойдется въ 65 милліоновъ долларовъ.

Намъ кажется, что устройство этого канала и есть центральная мысль, ради которой написана вся книга. Если это такъ, то авторъ достигъ своей цѣли и его книга, насколько извѣстно, дѣйствительно заставила говорить о себѣ библиографическіе журналы Англійи и Америки и даже вызвала легкую полемику между княземъ и критикомъ извѣстнаго англійскаго журнала «The Athenaeum».

А. В.—въ.

Тарле, Е. В. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Спб. 1911.

Профессоръ Тарле написалъ новую и очень интересную страницу исторіи французской революціи, новую потому, что всѣ свои свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ французскихъ архивовъ, интересную потому, что онъ освѣщаетъ рабочее движеніе вообще и стремленія пролетаріата, болѣе или менѣе одинаковыя во всѣхъ странахъ. Вслѣдъ за революціей пала французская промышленность, и рабочіе оказались въ худшемъ положеніи, чѣмъ они были раньше при старомъ режимѣ. Предметы первой необходимости значительно поднялись въ цѣнѣ и хлѣба не хватало. Правительство принимало драконовскія, но бесполезныя мѣры. Въ 1792 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ провелъ декретъ, согласно которому смертная казнь грозила всякому лицу, виновному въ вывозѣ хлѣба въ зернѣ или мукѣ, а также овощей за границу. Голодающіе рабочіе требовали установленія максимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ и важнѣйшіе предметы первой необходимости. Въ 1793 г. представители муниципальнаго самоуправления парижскаго департамента въ адресѣ, поданномъ ими въ конвентъ, просили объ установленіи повсемѣстно максимума на хлѣбъ, и вице-президентъ департамента произнесъ по этому поводу большую принципиальную рѣчь. Онъ

пастаивалъ на обязанности общества заботиться о существованіи всѣхъ гражданъ и указывалъ, что положеніе вещей таково, что цѣлой массѣ лицъ угрожаетъ голодная смерть. Хлѣбъ во многихъ департаментахъ стоитъ 7¹/₂ су фунтъ, а рабочій получаетъ тамъ въ день 30 су, семейному рабочему существовать совсѣмъ немислимо. За два мѣсяца хлѣбъ повысился въ цѣнѣ двѣо и нельзя предвидѣть, на чемъ этотъ процессъ остановится. Рабочіе грозили вооруженнымъ возстаніемъ, и конвентъ издалъ декретъ, вводящій таксу на хлѣбъ во всей республикѣ. Вслѣдъ затѣмъ установлена была такса на уголь, мясо, масло и т. п. Товаръ, однако, отъ этого не подешевѣлъ. Торговцы умѣли обходить законъ, который оказался для нихъ разорительнымъ. Торговцы хлѣбомъ и особенно мясомъ усвоили такого рода пріемъ: они продавали всѣ сорта по таксѣ, определенной для самаго высшаго сорта въ таблицѣ максимальныхъ цѣнъ. Тщетно мѣстныя власти разъясняли, что цѣль законодателя была не та; продавецъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ стоялъ на своемъ, и такъ какъ споръ шелъ о качествѣ продаваемаго продукта, то уличить его въ злостномъ обманѣ было нелегко. Не говоря о провинціи, въ самомъ Парижѣ городская бѣднота жаловалась, что продавцы съѣстныхъ припасовъ и предметовъ первой необходимости запрашиваютъ съ покупателей чрезмѣрныя цѣны. Законъ о максимальныхъ цѣнахъ, говоритъ профессоръ Тарле, потерпѣлъ полную неудачу, несмотря на то, что правительственная власть, искреннимъ и живѣйшимъ образомъ желавшая его исполненія, была вооружена самымъ грознымъ средствомъ репрессіи и ежедневно прибѣгала къ смертной казни за малѣйшій намекъ на сопротивленіе или даже за простую словесную оппозицію, за неосторожное слово, вырвавшееся въ кругу семьи и подслушанное доносчикомъ. Черезъ годъ съ небольшимъ законъ о максимумѣ былъ отмѣненъ, но онъ успѣлъ оказать зловредное дѣйствіе. Такса гибельно отразилась на общихъ условіяхъ производства, вызвала крутое сокращеніе его и этимъ способствовала усиленію безработицы. По словамъ автора, изнуреннымъ безработицей и голодомъ, отчаявшимся въ средствѣ, которое еще пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ онъ считалъ панацеей отъ всѣхъ золъ, вступалъ рабочій классъ въ начинавшійся новый періодъ (по окончаніи террора). 1795—1799 годы оказались для рабочихъ продолженіемъ бѣдствій. Максимумъ ухудшилъ положеніе рабочихъ, и они безъ тѣни протеста смотрѣли на казнь Робеспьера, отмѣна максимума не спасла ихъ отъ голода, и они стали ждать чловѣка, который бы ихъ избавилъ отъ новыхъ владыкъ, низвергшихъ Робеспьера и сѣвшихъ на его мѣсто. Неудивительно, что къ диктатурѣ Наполеона пролетаріи отнеслись совершенно спокойно и даже съ надеждою.

Изъ книги профессора Тарле ясно видно, что рабочіе очень часто страдаютъ близорукостью и требуютъ такихъ законовъ, которые имъ самимъ вредны, что классовая борьба даже съ точки зрѣнія узкихъ классовыхъ интересовъ нерѣдко приводитъ къ противоположнымъ результатамъ.

П. В.

Crtice iz kricanske arhelogie. Sabrao O. U. Talija. Drugo izdanje. Dubrovnik. 1910. Стр. 94.

Просвѣщенный францисканскій монахъ въ далматинскомъ Дубровникѣ, о. Урбанъ Талія издалъ на хорватскомъ языкѣ популярный очеркъ римской, главнымъ образомъ христіанскою эпитафикою.

Лекторъ богословія мѣстнаго богословскаго училища и библіотекаръ богатаго собранія рукописей и книгъ печатныхъ монастыря францисканцевъ въ Дубровникѣ, о. Талія извѣстенъ нѣсколькими учеными работами на хорватскомъ языкѣ. Изъ нихъ назовемъ цѣнное изслѣдованіе «Нѣсколько замѣтокъ о вульгарной эрѣ», «О «Похищенной Прозерпинѣ» Гундулича», историческіе очерки о прошломъ Дубровника, о спорахъ объ евхаристіи въ II и III вѣкахъ и др.

Имѣя въ виду начинающихъ, мало знакомыхъ съ римскими надписями, авторъ приводитъ нѣсколько наиболѣе типичныхъ надписей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились, затѣмъ раскрываетъ сокращенія, даетъ полныя чтенія и снабжаетъ ихъ краткими поясненіями. Такой приемъ слѣдуетъ признать вполне педагогическимъ, и было бы желательнo, чтобы по образцу труда о. Урбана Таліи кто-нибудь написалъ подобный очеркъ русской эпитафикою.

Особый отдѣлъ посвященъ интерпретаціи надписей, какъ извѣстно, у римлянъ довольно сложной. Очень цѣнны тѣ особенности, по которымъ легко опредѣлить хронологію надписей. Девятый отдѣлъ—о наиболѣе типичныхъ сокращеніяхъ въ латинской эпитафикою, чаще всего одиѣ буквы (распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ, стр. 38—51). Въ слѣдующемъ отдѣлѣ приводится хронологическій списокъ консуловъ, начиная съ 754 года отъ основанія Рима, или 1-го года христіанской эры, и кончая 544 годомъ той же эры.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ толково составленный цѣнный «Vademecum», подобный тому, который недавно составленъ варшавскимъ проф. Р. Вержбовскимъ для занимающихся польскою исторіей и письменностью.

Для историка искусства будетъ очень интересенъ послѣдній отдѣлъ «Очерковъ изъ христіанской археологіи» ученаго францисканца. Здѣсь идетъ рѣчь о главныхъ символическихъ изображеніяхъ, которыя находятся на древнихъ надписяхъ: дельфинъ, пѣтухъ, кипарисъ, Одисей, Орфей, пальмѣ, львъ и т. д. Въ концѣ приводится литература предмета (стр. 93—94). **А. Я.**

Baltischer historisch-geographischer, Kalender. 1911. Изданіе Э. Платеса. Рига.

Вступившій въ 4-й годъ своего существованія историко-географическій стѣнной отрывной календарь (52 листа) составленъ по прежней программѣ и представляетъ собою собраніе какъ портретовъ лицъ, игравшихъ какую-либо роль въ исторіи края, такъ и видовъ, заслуживающихъ вниманія или по живописности, или по своему историческому прошлому. Текстъ составленъ К. Левисъ-офъ-Менаромъ, д-ромъ Ф. Бинсманомъ и Э. Шмидтомъ. Въ календарѣ

помѣщены портреты слѣдующихъ лицъ: 1) лифляндскаго ландрата Отто фонъ-Менгдена (род. 1600, ум. 1681), 2) извѣстнаго проповѣдника и богослова, лифляндскаго суперъ-интендента Германа фонъ-Гиммельштерна (род. 1579, ум. 1643), 3) лифляндскаго ландрата Карла-Фридриха фонъ-Шульцъ-Ашераденъ (род. 1720, ум. 1782), 4) шведскаго генерала, участника Сѣверной войны графа Адама-Людвига Левенгаупта (род. 1659, ум. 1719), 5) лифляндскаго генераль-губернатора графа Эрика Дальберга (род. 1625, ум. 1703), 6) великаго гетмана, выдающагося польскаго государственнаго дѣятеля Яна Замойскаго (род. 1541, ум. 1605), 6) польскаго комиссара въ Курляндіи Кристофа Радзивилла (род. 1585, ум. 1640), 8) курляндскихъ дворянъ братьевъ Готтгарда и Магнуса фонъ-Нольде (убитыхъ въ Митавѣ въ 1615 году), 9) курляндскаго герцога Фридриха-Казимира (1682—1698), 10) курляндскаго герцога графа Морица Саксонскаго (1726—1727), 11) курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма (1698—1711), 12) курляндскаго герцога Фердинанда (1711—1737) и 13) извѣстнаго генерала, участника шведскихъ войнъ съ русскими Попгуса Делгарди (род. 1520, ум. 1583).

Ко второй (географической) серіи рисунковъ относятся виды слѣдующихъ мѣстностей: 1) г. Рига, 2) рѣка Западная Двина у замка Ашераденъ, 3) Иксюля (памятникъ), 4) имѣнія Клауенштейнъ, 5) развалины замка Гельмстѣ, 6) Адзельской церкви, 7) м. Залисбургъ (2 вида), 8) замка Ней-Швалесбургъ, 9) развалины Адзельскаго замка, 10) замка Мариенбургъ, 11) церкви въ имѣніи Роопъ, 12) развалины Лемзальскаго замка, 13) развалины Рингенскаго замка, 14) развалины Гробинскаго замка, 15) развалины іезуитскаго монастыря въ Иллукстѣ, 16) м. Добленъ, 17) замка Амботенъ, 18) языческаго укрѣпленія близъ Кандавы, 19) замка Замитенъ, 20) м. Цабельнъ, 21) м. Грива-Семгалленъ, 22) Митава (нынѣ не существующій домъ фамиліи Нольде), 23) замка Руэнталь, 24) Виндава, 25) м. Крейцбургъ, 26) острова Эзель (3 вида церквей), 27) Ревель (2 вида), 28) развалины Гапсальскаго замка, 29) памятника графа Э. Тотлебена въ Севастополѣ и еще нѣсколько снимковъ съ живописныхъ мѣстностей края.

А. Э. Мальмгрень.

Болгарія. Сочиненіе профессора географіи софійскаго университета А. Иширкова. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1911. Стр. 235. Ц. 1 р. 20 к.

Маленькая Болгарія за короткій срокъ свободнаго существованія быстро подвинулась впередъ, какъ въ смыслѣ общекультурномъ, такъ и въ политическомъ. Благодаря этому, она смогла собственными силами сбросить путы вассальной зависимости отъ Турціи и стать крупнымъ центромъ славянской жизни на Балканскомъ полуостровѣ. За послѣднее время нарушившаяся было тѣсная близость Болгаріи и Россіи начинаетъ возобновляться. Послѣдній съѣздъ въ Софіи наглядно показалъ, какъ высоко цѣнятъ болгары своихъ освободителей, культурное вліяніе которыхъ непрерывно растетъ въ странѣ. Между тѣмъ въ Россіи большинство знакомо съ Болгаріей крайне поверхностнымъ образомъ—черезъ посредство общихъ географическихъ учебниковъ или

статей энциклопедического словаря. Поэтому произведенный г. Мисирковымъ переводъ книги профессора Иширкова является болѣе чѣмъ своевременнымъ. Авторъ выпустилъ свой трудъ передъ послѣднимъ славянскимъ съѣздомъ въ Софіи, въ извѣстной степени имѣя въ виду послѣдній.

Это обстоятельство придадо книгѣ помимо научныхъ достоинствъ легкость и доступность изложенія, прекрасно переданныя г. Мисирковымъ. Книга содержитъ подробныя свѣдѣнія о положеніи Болгаріи, ея поверхности, водныхъ средствахъ, климатѣ, растительномъ и животномъ мірѣ, земледѣліи, промышленности, населеніи и прочее. Многочисленныя иллюстраціи изображаютъ природу страны, виды Софіи и другихъ поселеній, историческіе памятники. Имѣется много статистическихъ свѣдѣній, приложена карта болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ и литературный указатель.

В. Г.

С. Я. Гусевъ. Свѣжія раны. Воспоминанія корпуснаго контролера о русско-японской войнѣ. Слб. 1911. Стр. 230.

Послѣ того, какъ освободительное движеніе мало-по-малу улеглось и жизнь понемногу стала приходить въ нормальное состояніе, въ обществѣ снова пробудился интересъ къ прежней невзгодѣ, снова заговорили о несчастной войнѣ, стали доискиваться дѣйствительныхъ причинъ пораженія и съ интересомъ прислушиваться къ каждому слову участниковъ войны. Въ обществѣ и правительственныхъ кругахъ обнаружилось желаніе воспользоваться данными горькаго опыта и познакомиться съ той значительной литературой, которую породила минувшая война..

Среди многихъ книгъ по данному вопросу съ удовольствіемъ приходится отмѣтить только что вышедшую въ свѣтъ книгу г. Гусева. Это серьезное, простое и правдивое слово участника войны, желающаго подѣлиться своими впечатлѣніями, рассказать о пережитомъ, отмѣтить всѣ положительныя и отрицательныя стороны того дѣла, въ которомъ онъ работалъ, и по мѣрѣ силъ дать разумныя указанія и совѣты, выведенные изъ живой дѣйствительности и опыта, а не путемъ канцелярскихъ догадокъ и умозаключеній.

Авторъ преимущественно касается хозяйственно-продовольственной стороны, и картина, которую онъ рисуетъ, получается до нельзя мрачной и тяжелой. Никогда и нигдѣ, кажется, всевозможныя хищенія и злоупотребленія не достигали такихъ поражающихъ размѣровъ, какъ въ минувшую войну: злоупотребляли и обманывали всѣ, кто только могъ и какъ только могъ: и офицеры, занимавшіе хозяйственныя должности, и интенданты, и желѣзныя дороги, и подрядчики. Автору, по характеру своей службы, приходилось наталкиваться на такіе случаи, что трудно вѣрить.

Затѣмъ бросается въ глаза наша растерянность, халатность и совершенная неподготовленность къ войнѣ.

Въ общемъ книга г. Гусева, по простотѣ и правдивости напоминающая книги покойнаго Вл. Семенова, сообщаетъ много очень интереснаго и новаго о минувшей войнѣ. Языкъ простъ и легокъ и въ нѣкоторыхъ страницахъ достигаетъ

прямо художественности. Видно, что авторъ писалъ ихъ дѣйствительно «кровью сердца», видно тяжелое страданіе и настоящая любовь къ сѣрому солдату, незамѣтному, безличному герою-мужику, безропотно умиравшему въ далекой, чужой Манчжуріи. М—о.

Х. Ф. Б. Линчъ. Армения. Путевые очерки и этюды. Переводъ съ англійскаго Е. Джунковской. 2 тома. Тифлисъ. 1911. Цѣна 15 руб.

Авторъ настоящаго сочиненія давнишній членъ англійскаго парламента, стяжавшій себѣ большую извѣстность своими многократными путешествіями по Востоку. Линчъ извѣздилъ вдоль и поперекъ Египеть, пробираясь гдѣ верхомъ, гдѣ на верблюдѣ, спустился на плоту по рѣкѣ Тигру, прошелъ по нашему Закавказью отъ границъ Персіи до Ватума, а въ 1893 совершилъ первое путешествіе въ мѣстности, населенныя армянами. Черезъ пять лѣтъ онъ вторично посѣтилъ Армению, и плодомъ этого путешествія явилось его двухтомное описаніе Арменіи, вышедшее въ Лондонѣ ровно десять лѣтъ тому назадъ.

Линчъ—путешественникъ не изъ числа обыкновенныхъ богатыхъ и предприимчивыхъ англичанъ, для которыхъ посѣщеніе плохо изученныхъ странъ является своего рода спортомъ. Линчъ настоящий ученый. Надѣленный умѣньемъ отличать существенное въ своихъ наблюденіяхъ отъ случайнаго, анекдотическаго, онъ располагаетъ огромной и при томъ разносторонней начитанностью о тѣхъ странахъ, гдѣ ему приходилось бывать. Работая надъ книгой объ Арменіи, онъ щедро черпалъ изъ сокровищницъ Британскаго музея и привлекъ къ своему труду такихъ первоклассныхъ ученыхъ, какъ ассиріологъ Сейсъ, редактировавшій главу о древнихъ надписяхъ на скалахъ озера Ванъ, Д. Россъ, разобравшій для автора снятыя имъ мусульманскія надписи нашего ученаго Радде, директора тифлискаго музея, и другихъ. Практическія свѣдѣнія вездѣ сообщали автору англійскіе консулы, умѣющіе быстро осваиваться съ мѣстными условіями.

Во время этого путешествія спутникомъ автора, однимъ изъ служащихъ лондонскаго политехническаго музея, были сдѣланы превосходные фотографическіе снимки, которыхъ набралось нѣсколько шкаповъ. Часть этихъ коллекцій воспроизведена въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

Благодаря такому широкому масштабу и богатству имѣвшихся въ распоряженіи автора свѣдѣній, книга объ Арменіи явилась не только дѣльнымъ описаніемъ совершеннаго путешествія, но разрослась до размѣровъ настоящей энциклопедіи по части населенія этой страны, его этнографическомъ составѣ и экономическихъ условіяхъ, о физическомъ строеніи мѣстности, объ исторіи и археологіи русскихъ и турецкихъ провинцій Арменіи и т. д. Словомъ, это капитальнѣйшій трудъ объ армянахъ и ихъ странѣ.

Такой не часто появляющійся въ литературѣ трудъ въ высшей степени заслуживалъ русскаго перевода, который и былъ предпринятъ г-жою Джунковской по порученію издателя—торговаго дома «И. Е. Питосвъ и К^о». Эта армянская фирма, видимо, не пожалѣла средствъ, чтобы въ достойномъ видѣ выпу-

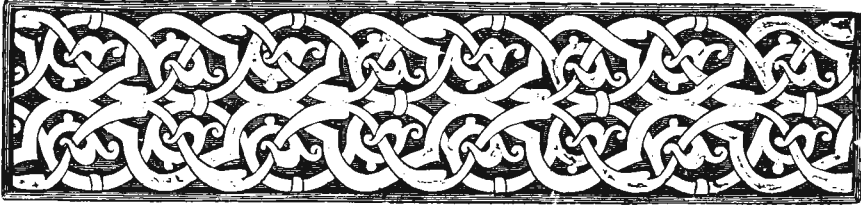
ститъ сочиненіе Линча. Былъ сдѣланъ полнѣйшій переводъ съ подлинника, къ которому авторъ написалъ отдѣльное предисловіе. Клише иллюстрацій въ текстѣ получены были русскими издателями непосредственно отъ автора, подъ наблюденіемъ котораго печатались въ Лейпцигѣ многочисленныя карты и планы, приложенныя къ сочиненію. Большая карта Арменіи, прилагаемая къ книгѣ въ особомъ конвертѣ, приклеенномъ къ переплету, печаталась въ Лондонѣ у Станфордъ. Словомъ, торговый домъ сдѣлалъ все, кромѣ одного и, пожалуй, самаго главнаго: не догадался пригласить свѣдущаго относительно Арменіи и владѣющаго русскимъ языкомъ редактора, который приспособилъ бы книгу Линча для русскаго читателя и изгналъ бы изъ нея невѣрности и шероховатости. Читая эти два монументальныя тома въ 600 стр. каждый, мы не ставили себѣ цѣлью выуживать изъ нихъ ошибки перевода и стилистическія погрѣшности, но нѣкоторыя намъ бросились въ глаза. На стр. 76 I тома, гдѣ описывается русскій лагерь, около Ахалцыха, читаемъ: «пѣли гимнъ и стройныя звуки музыки» и. т. д. Выходитъ, что войска пѣли гимнъ, чего никогда не бываетъ. Въ подлинникѣ стоитъ: «A hymn was being sung», т. е. (войска) пѣли молитву. На стр. 51 II тома въ примѣчаніи читаемъ: «что могло быть опечаткомъ (sic!) слова Канаута». На стр. 69: «отвѣсныя бока ея (скалы) представляютъ настоящую библиотечку надписей, вырѣзанныхъ на ихъ поверхности, изглаженной рукою человѣка», вмѣсто: «отшлифованной рукою человѣка» (polished). На стр. 586 находимъ: «каедра св. Якова», вмѣсто: «св. Якова». Все это промахи, конечно, не важныя, но тѣмъ не менѣе досадныя въ такомъ монументальномъ изданіи.

Но особенно даетъ себя знать отсутствіе редактора въ библиографическомъ указателѣ, приложенномъ ко второму тому. Переводчикъ сдѣлалъ свое дѣло и ограничился лишь указаніемъ на тѣ сочиненія объ Арменіи, которыя перечислены Линчемъ въ его книги. Но Линчъ, по незнацію русскаго языка, совершенно не указываетъ сочиненій русскихъ. Къ тому же со времени выхода въ свѣтъ его книги прошло десять лѣтъ и за это время и на иностранныхъ языкахъ вышло нѣсколько сочиненій, посвященныхъ Арменіи, которыя такъ и не попали въ русское изданіе труда Линча.

Веремъ самое начало библиографическаго указателя. Здѣсь встрѣчаемъ ссылку на Рубруквиста, Марко Поло и др. средневѣковыхъ путешественниковъ, говорившихъ объ Арменіи. Русскій читатель будетъ знать, какіе переводы Рубруквиста и Марка Поло имѣются въ западныхъ литературахъ, но такъ и не узнастъ, что путешествіе Марка Поло напечатано у насъ въ «Чтеніяхъ императорскаго о-ва исторіи и древностей русскіихъ» за 1861, а Рубруквистъ изданъ въ собраніи путешествій Языкова. Это уже портитъ столь цѣнное изданіе.

А. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АНГЛІЙСКІЕ модницы, остряки и красавицы въ Англии во времена Георгіевъ¹⁾. Легкое и веселое чтеніе представляетъ недавно вышедшая въ Лондонѣ книга Джона Файви. Одно ея заглавіе и эпоха Георгіевъ обезпечиваетъ бездну пикантныхъ анекдотовъ и личностей, среди которыхъ находится хорошо знакомая русскимъ той эпохи эксцентричная герцогиня Кингстонъ, оставившая много любопытныхъ воспоминаній о своемъ пребываніи въ Петербургѣ. Но прежде вкратцѣ припомнимъ обстоятельства, при которыхъ воцарилась Ганноверская династія.

Послѣ смерти королевы Анны партія виговъ, оказавшаяся болѣе сильной и ловкой, повела переговоры съ курфюрстомъ Ганновера объ его отплытіи въ Англию. Его пріѣздъ былъ обставленъ всевозможными предосторожностями, чтобы помѣшать торіямъ, союзникамъ якобитовъ, въ ихъ попыткахъ возстановить Стюартовъ. Такимъ образомъ, новый король являлся главою политической партіи. Георгъ I былъ нѣмецъ во всѣхъ отношеніяхъ и даже не говорилъ по-английски. Его сыну, будущему королю Георгу II, было уже 32 года, когда онъ пріѣхалъ въ Англию. Оба Георга на англійскомъ престолѣ не чувствовали подъ собою твердой почвы: оппозиція была сильна, и за деньги всѣ измѣняли имъ. Юный претендентъ совершилъ высадку въ Шотландіи почти успѣшно. Онъ двинулся во главѣ побѣдоносной арміи и уже находился въ четырехъ дняхъ отъ Лондона, но принужденъ былъ отступить и битва подъ Куллоденомъ—послѣдняя на англійской почвѣ—уничтожила всѣ его надежды. Аахенскій миръ былъ подписанъ въ 1748 г., а черезъ десять лѣтъ произошла Квебекская битва.

¹⁾ Wits, Beaux and Beauties of the Georgianera. By Fyvie. London. 1911.
«истор. вѣстн.», августъ, 1911 г., т. сxxv.

Такимъ образомъ, ганноверская династія, не имѣвшая за собою никакого личнаго авторитета, цѣликомъ зависящая отъ главной партіи, призвавшей ее, и непопулярная, въ 1759 г. достигаетъ, благодаря счастливой политикѣ, мало-по-малу слиянія съ націей. Первымъ постояннымъ королемъ англійской націи является родившійся въ Англии Георгъ III, внукъ Георга II, скончавшагося въ 1760 г. Съ этого момента въ Англии наступила новая эра, въ началѣ же вѣдворенія этой династіи въ Англии царили интриги и продажность и держались въ политикѣ до 1712 года, такъ какъ Вальполь не зналъ другого способа правленія. Этой эпохѣ посвящена книга Файви.

Георгъ I былъ женатъ, но въ Англию пріѣхалъ безъ жены, оставивъ ее узницей въ замкѣ Альденъ, близъ Ганновера. Въместо нея онъ привезъ съ собою настоящій сераль старыхъ нѣмецкихъ баронессъ. Жена его сына, Каролина Анспахская, была красавица и обладала блестящими интеллектуальными и моральными достоинствами. Главный же ея недостатокъ состоялъ въ томъ, что она слишкомъ вмѣшивалась въ придворныя интриги. Совсѣмъ не ревнуя короля, она доводила свою любезность до того, что даже любила своихъ соперницъ. Всего лучше виденъ ея взглядъ на супружескую вѣрность изъ слѣдующаго факта. Когда она умирала, то умоляла короля жениться вторично, но король отвѣчалъ: «Нѣтъ, у меня будутъ фаворитки».—«Ахъ, Богъ мой,—отвѣтила умирающая королева:—это не мѣшаетъ». Красивыя женщины поэтому не прятали своей красоты, и при дворѣ былъ цѣлый цвѣтникъ красавицъ. Если Георгъ I довольствовался своими нѣмецкими баронессами, то Георгъ II имѣлъ слабость не исключительно къ нѣмкамъ.

Вскорѣ по прибытіи будущій Георгъ II, въ то время принцъ Уэльскій, взялъ себѣ метрессу Генріэтту Говардъ. Съ 1717 г. король и его сынъ поссорились, и Лейчестеръ-Хаузъ, гдѣ жилъ принцъ съ «этой дьяволицей г-жой принцессой», какъ выражался король, сдѣлался мѣстомъ свиданія недовольныхъ виговъ и даже многихъ главарей оппозиціи. Графиня, повидимому, играла довольно второстепенную политическую роль; она сдѣлалась другомъ Попа, своего сосѣда по имѣнію, и Свифта, съ которымъ переписывалась.

Когда умеръ Георгъ I, около нея собрались льстецы, но, въ сущности, вліяніе королевы было могущественно. Свифтъ писалъ: «Она (мистриссъ Говардъ) пробовала, но безрезультатно, оказывать услуги и даже не могла доставить мѣсто въ пять тысячъ франковъ Гею, честному человѣку и хорошему поэту».

Въ 1734 г. королю она надоѣла: онъ сталъ ею пренебрегать, и въ ноябрѣ она совсѣмъ удалилась. Это событіе разсматривали, какъ придворную революцію. И дѣйствительно, въ этомъ была кое-какая правда, такъ какъ только черезъ нее слова оппозиціи могли достигъ ушей короля, также какъ и свободное сужденіе относительно поведенія его министровъ. Ей было въ это время 46 лѣтъ и, по словамъ Файви, она сохранила въ полномъ блескѣ свою красоту. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она вышла замужъ за Джорджа Берклея, самаго младшаго сына лорда Берклея; онъ не былъ ни красивъ, ни молодъ, ни богатъ, и король, который былъ въ Ганноверѣ, отвѣтилъ королевѣ, спрашивавшей относительно этого брака: «Я не хотѣлъ бы сдѣлать такого подарка дру-

зьямъ, а когда мои враги меня обкрадываютъ, дай Богъ, чтобы это всегда было такимъ образомъ».

При дворѣ Георговъ любили также остряковъ, остроуміе и литературу. Впрочемъ, послѣдняя еще ранѣе находилась въ почетѣ. При королевѣ Аннѣ писателямъ, особенно если они посвящали свои произведенія королевѣ и ея дѣяніямъ, или по крайней мѣрѣ не пугали ея, доставлялся важный постъ, и ихъ щедро оплачивали. Сами царедворцы добивались чести попасть въ ряды остроумныхъ людей. Самюэль Футъ, англійскій Аристофанъ, вынесъ на сцену всѣ предрасудки, пелѣности и пороки англійскаго общества, среди котораго онъ жилъ, поэтому онъ являлся реформаторомъ, хотя лучшія свои пьесы написалъ только послѣ 1760 г., эпоха, въ которую на манеры имѣлъ вліяніе методизмъ, и не только на манеры, но даже и на нравы. До тѣхъ поръ манеры англичанъ были «невозобразимо наглы». Самюэль Футъ пользовался исключительной популярностью не только какъ писатель, но и какъ свѣтскій и остроумный человѣкъ. Даже строгій докторъ Джонсонъ отзывался о немъ съ похвалой. «Я встрѣтилъ въ первый разъ Фута у Фингерберта,—говоритъ онъ.—Не раздѣляя хорошаго о немъ мнѣнія, я рѣшился не выказывать ему никакого вниманія, а трудно понравиться кому-нибудь, если этотъ кто-нибудь не приложитъ своего желанія. Поэтому я обѣдалъ въ угрюмомъ настроеніи, какъ будто не зналъ о его присутствіи, но эта скотина выказала себя до такой степени комичной, что въ концѣ я долженъ былъ положить мой ножикъ и вилку, откинуться на спинку стула и во все горло хохотать. Да, сударь, онъ былъ непреодолимъ. Можно было составить цѣлый томъ изъ его словечекъ и остротъ». Въ 1771 г. онъ напечаталъ «The Maid of Both», гдѣ онъ вывелъ исторію миссъ Элонзы Онъ Линлей, черезъ годъ вышедшей замужъ за Шеридана, послѣ ея похищенія. Въ 1772 г. появился его «Nabab»—сочиненіе, направленное противъ поваго класса аристократовъ. Двое изъ индійскихъ Крезовъ были такъ раздражены этой сатирой, что хотѣли его избить. Захвативъ двѣ здоровыя дубинки, они отравились къ нему съ цѣлью проучить автора за его дерзость, но... результатъ получился совсѣмъ неожиданный. Ловкій Футъ принялъ ихъ такъ вѣжливо и съ такой учтивостью говорилъ съ ними, что они совершенно подпали подъ его обаяніе послѣ нѣсколькихъ часовъ разговора. Мало того, они приняли его приглашеніе отобѣдать съ нимъ, остались до слѣдующаго утра и даже поздравляли себя, что избѣжали ссоры съ человѣкомъ такого добраго характера. Черезъ годъ появился его «Van-krupt», направленный противъ мошенниковъ, богатѣющихъ посредствомъ несостоятельности.

Фута принимали въ аристократическомъ обществѣ и обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ. Послѣдняя его пьеса «Atrip to Calais» (Экспедиція въ Калэ) доставила ему много неприятностей и отчасти была причиной его смерти, но, какъ всегда, и въ этой исторіи надо искать женщину. Этой женщиной послужила герцогиня Кингстонъ, въ дѣвичество миссъ Елизавета Чудлей—аристократка-двумужница. Дочь полковника Чудлея, осталась сиротою въ шестилѣтнемъ возрастѣ. Въ 1743 г. при посредничествѣ одного покровителя двадцатитрехлѣтняя дѣвушка сдѣлалась фрейлиной принцессы Уэльской. Красивая, живая, она вскорѣ обратила на себя вниманіе придворныхъ. Среди ея поклон-

никовъ былъ молодой герцогъ Гамильтонъ. Страстно влюбленный въ Елизавету, онъ задумалъ на ней жениться, но для этого былъ слишкомъ молодъ... и удалился. Во время его отсутствія она согласилась тайно повѣнчаться со внукомъ графа Бристолья, Августомъ Джономъ Гервеемъ, человѣкомъ безъ состоянія и безъ всякихъ надеждъ на лучшее будущее. Этотъ бракъ они хранили въ тайнѣ, чтобы Елизавета могла оставаться фрейдиной и получать свои пять тысячъ франковъ жалованья. По словамъ ея современниковъ, не видно было, чтобы она любила мужа, и на свой бракъ согласилась съ досады. Поэтому ихъ отношенія были кратковременны и результатъ ихъ—родившійся сынъ—вскорѣ умеръ. Съ этого момента они оставались совершенно чужды другъ другу. Какъ вела себя молоденькая фрейлина, видно изъ словъ Горация Вальполя относительно костюмированного бала въ Лондонѣ. По его словамъ, она явилась въ костюмъ Ифигеніи («in puris naturabilis, такъ что ее можно было принять за Андромеду». «Костюмъ, или, вѣрнѣе, дезабилье миссъ Чудлей было замѣчательно,—писала о ней мистриссъ Монтэгу сестрѣ:—она представляла Ифигенію, готовую на жертву, но настолько обнаженную, что великій жрецъ могъ въ совершенствѣ изслѣдовать ея внутренности. Фрейлины, молодыя дѣвушки, которыя, однако, были не очень суровой нравственности, были такъ шокированы, что не хотѣли съ ней разговаривать».

Но не всѣ были возмущены ея туалетомъ; старый король осматривалъ ее внимательно, но и только. Откровенный костюмъ не устроилъ ея судьбы. Только въ 1760 г. въ нее влюбился герцогъ Кингстонъ, въ то время находившійся въ интимныхъ отношеніяхъ съ маркизой де-Лятушь, которую онъ похитилъ. Но любовь къ Елизаветѣ убила его страсть къ маркизѣ, и онъ отослалъ ее во Францію, гдѣ она написала или велѣла написать «Любовныя похождения Елизаветы Чудлей».

Несмотря на откровенное дезабилье, двусмысленные слухи и вообще на ея сомнительное положеніе, всѣ, даже члены королевской семьи, посѣщали ее. Такого рода анекдотъ передается о ней. Въ одно изъ посѣщеній графа Честерфельда она жаловалась ему: «Ахъ, какъ свѣтъ золъ. Говорятъ, что у меня была двойня».—«Неужели! Видите ли я создалъ себѣ правило вѣрить только въ половину тому, что говоритъ свѣтъ», отвѣтилъ графъ, намекая на ея умершаго сына.

Съ 1765 г. она могла рассчитывать сдѣлаться герцогиней Кингстонъ, но не рѣшалась въ виду перваго брака. На ея счастье, черезъ три года ея первый мужъ, имѣя виды на женитьбу, согласился на ея бракъ. О разводѣ они не хлопотали, такъ какъ ея бракъ былъ секретный, и поэтому духовенство считало ее незамужней и обвиняло безпрепятственно съ герцогомъ. Мало того, она была представлена ко двору и при жизни герцога никто не оспаривалъ ея правъ. Онъ умеръ въ 1773 г., оставивъ ей все движимое и недвижимое имущество. Послѣ смерти мужа герцогиня отправилась въ Римъ насладиться свободой, но вскорѣ была вызвана въ Англію. Племянникъ ея мужа, Эвелинъ Медозъ, лишившись наслѣдства послѣ дяди, сошелся съ единственнымъ свидѣтелемъ ея перваго брака Августинномъ Гервеемъ и подалъ на нее жалобу за двумужество. Тѣмъ временемъ графъ Гервей Бристоль изъ личныхъ побужденій объ-

явилъ свой бракъ дѣйствительнымъ. Елизавета, если не была герцогиней, то во всякомъ случаѣ графиней, и судить ее должны были пѣры. Этимъ процессомъ общество интересовалось болѣе, чѣмъ начавшейся американской войной Футъ, въ свою очередь, воспользовался сюжетомъ и написалъ свою «Atrip to Calais», гдѣ вывелъ герцогиню въ лицѣ лэди Китти Крокодилъ. Между герцогиней и авторомъ завязалась жестокая ссора и, несмотря на умъ герцогини Кингстонъ, ей не подъ силу было вести съ нимъ споръ.

Дѣло объ ея двойномъ бракѣ закончилось въ 1776 г., послѣ пятидневнаго разбирательства. Герцогиня защищалась сама и произнесла удачную рѣчь, но была приговорена. Впрочемъ, приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе въ виду ея общественнаго положенія. Однако она сочла лучшимъ покинуть Англію. Посѣтивъ Парижъ, гдѣ она купила на Монмартрѣ домъ, герцогиня отправилась въ Петербургъ. Ея жизнь въ Петербургѣ уже описывалась подробно, также какъ и ея расточительность. Если бы не предусмотрительный мужъ, отказавшій ей все свое состояніе подъ условіемъ вдовства, то ее совершенно обобралъ бы авантюристъ Ворта, называвшій себя княземъ Альбани, съ которымъ она едва не обвѣнчалась. Впрочемъ, все кончилось любопытнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ герцогиня отказывала крупныя суммы своимъ врагамъ маркизѣ де-Лятушь и Эвелину Медозу, обвинившему ее въ двумужествѣ. По словамъ Вальполя, вскорѣ послѣ этого она усыновила Медоза, заплатила всѣ его долги, выплачивала ему въ годъ 15000 франковъ и сдѣлала его своимъ наслѣдникомъ. Немного времени спустя она внезапно умерла. Насколько вѣрна ся характеристика—сказать трудно: большая часть свѣдѣній о ней доставлялась ея врагами. Но вообще ее признавали женщиной энергичной и настолько ловкой, что, лишившись красоты, она еще обаятельно дѣйствовала на окружающихъ.

Начертавъ нравственный портретъ съ біографіей одной изъ красавицъ этой эпохи, Файви представилъ читателю и красавца того времени, остряка Джорджа Сельвина, имѣвшаго также нѣкоторое вліяніе въ политикѣ. Но главное онъ былъ остроумный человѣкъ и его остроути не сходили съ языка современниковъ. Весельчакъ и законодатель модъ—область, которую онъ раздѣлялъ съ лордомъ Честерфильдомъ,—онъ въ молодости былъ популяренъ болѣе въ Парижѣ, находясь въ лучшихъ отношеніяхъ съ маркизой Дюдефанъ; даже сама королева удѣляла ему столько вниманія, что это вызывало сплетни. Въ клубахъ и кафе, игравшихъ въ ту эпоху большую литературную роль, у него заискивали. Въ теченіе пятидесятилѣтней своей плодотворной литературной дѣятельности Горасъ Вальполь ни разу не написалъ письма, не привелъ послѣдняго остроумнаго словечка этого остряка. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на созданіе легенды объ эксцентричномъ богатомъ англичанинѣ, который слѣдовалъ повсюду за укротителемъ звѣрей въ ожиданіи, когда они его сожрутъ. Сельвинъ былъ болѣзненно любопытенъ до такого сорта зрѣлищъ. Когда дамы упрекали его, что онъ присутствовалъ при казни отсѣченія головы лорду Ловату, онъ отвѣтилъ имъ: «Ну, такъ что же, если это преступленіе—я ~~искупилъ~~ его. Я вернулся посмотреть, какъ ее пришивали». Эту страсть зналъ его старый другъ лордъ Гогеландъ, и когда онъ узналъ, что Сельвинъ приходилъ его навѣстить, то сказалъ: «Если

онъ завтра придетъ, то впустите его. Если я не умру, мнѣ будетъ любопытно на него взглянуть; если же умру, онъ будетъ доволенъ меня видѣть». Еще одна черта его характера бросалась всѣмъ въ глаза—необыкновенная любовь къ дѣтямъ. Особенно онъ любилъ дѣтей своихъ друзей и любилъ ихъ чисто родительскою любовью. Среди послѣднихъ была дочь маркизы Фаньяни, и по слухамъ родительскія права на нее у него оспаривалъ герцогъ Квинсбургъ. Оба они считали тебя отцомъ этого ребенка, и Сельвинъ, умирая, оставилъ ей пять милліоновъ на приданое. Впослѣдствіи она вышла замужъ за маркиза Гетфорда, послужившаго Теккереею моделью для маркиза фонъ-Штейна въ «Ярмаркѣ тщеславія». Вліяніе мужа на молодую женщину оказалось гибельно, но къ Сельвину она всегда выказывала чисто дочернюю преданность. Въ 1818 г. сорока семи лѣтъ она родила сына, въ рожденіи котораго ея мужъ былъ неповиненъ. Воспитанный во Франціи, Ричардъ Джексонъ, впослѣдствіи Ричардъ Уэллесъ, былъ воспитанъ маркизой, а когда въ 1856 г. она умерла 85 лѣтъ, онъ сдѣлался другомъ своего полубрата маркиза.

— Воспоминанія французскаго дипломата объ одной дипломатической миссиі¹⁾. — Краткую, но выразительную характеристику дипломатической международной миссиі 1879 г. въ южной Болгаріи и маленькую, но живую галерею членовъ этой миссиі даетъ въ «Revue Bleue» Густавъ Кутули. Авторъ, бывшій дипломатъ и членъ этой такъ называемой комиссиі Восточной Румеліи, имѣлъ возможность близко познакомиться со всѣми обстоятельствами и присмотрѣться къ членамъ семи делегацій, игравшихъ въ ней видныя роли. Существованіе этой комиссиі Кутули объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Для избѣжанія большой войны Берлинскій конгрессъ прибѣгалъ къ средствамъ, которыя далеко не всѣ были удачными. Неизбѣжные инциденты не замедлили показать, что нѣкоторыя изъ его самыхъ гениальныхъ соображеній оказались мертворожденными. Однимъ изъ наименѣе живучихъ было созданіе на югѣ Балканъ несчастной Восточной Румеліи. «Армія царя-Освободителя, — говоритъ Кутули, — только что освободила ее изъ-подъ оттоманскаго ига, какъ и остальную Болгарію, но подъ вліяніемъ въ то время всемогущаго Бисмарка Европа приговорила ее снова сдѣлаться турецкой, оставаясь въ нѣкоторой степени автономной. Для организаціи фатальнаго кратковременнаго существованія этой провинціи, вопреки ея жителямъ, жестоко обманутымъ, державы составили эту международную комиссію и поручили ей выработать Statut organique. Отъ него потребовалось, чтобы онъ могъ бы при надобности послужить образцомъ для другихъ конституцій, въ случаѣ, если бы христіанскія державы въ одинъ прекрасный день, притворяясь, что уважаютъ цѣлость Оттоманской имперіи, заблагодарасудили помочь другимъ провинціямъ отдѣлаться отъ нея.

Впрочемъ, не одно составленіе Statut organique поручалось этой комиссиі: ей ввѣрялось еще управленіе финансами южной Болгаріи. «Безсилные вполне исполнить это двойное порученіе, — говоритъ Кутули, — мы все-таки кон-

¹⁾ Souvenirs d'une mission diplomatique dans la Bulgarie de Sud. Par Gustave de Coutouly. «Revue Bleue». 24 juin 1911.

чили тѣмъ, что худо или хорошо, но установили одно изъ тѣхъ шаткихъ равновѣсій, которыми довольствовалась высшая дипломатія въ концѣ XIX столѣтія. Въ общемъ наше кратковременное царствованіе было тѣмъ не менѣ самымъ страннымъ эпизодомъ изъ эпопеи современной Болгаріи». Очертивъ такимъ образомъ причину существованія комиссіи, Кутули представляетъ галерею ея членовъ, любопытную тѣмъ, что въ ней невидныя мѣста занимали лица, въ настоящее время находящіяся на видныхъ государственныхъ постахъ, но въ то время ничѣмъ не намекнувшія на свои выдающіяся способности.

Какъ уже было упомянуто, миссія состояла изъ семи делегацій. Германія прислала только одного делегата Брауншвейга, человѣка пріятнаго въ обращеніи. Его черною бородою всѣ любовались, а въ глазахъ мусульманъ онъ даже пользовался, благодаря ей, большимъ почетомъ въ сравненіи съ другими делегатами. Этотъ почтенный человѣкъ былъ избранъ его шефомъ, стремившимся особенно доказать свой нейтралитетъ. Казалось, онъ былъ лишень всѣхъ полезныхъ качествъ, требующихся нѣмецкимъ консуламъ для служенія экономическимъ завоеванія своей страны.

Англія, гораздо менѣ заинтересованная, чѣмъ Германія, имѣла двухъ делегатовъ: комиссара и его помощника. Первый былъ извѣстный дипломатъ и членъ парламента сэръ Генри Друммондъ Вольфъ, второй—молодой ирландскій дворянинъ графъ Дономоръ. Друммондъ Вольфъ, ранѣ занимавшій постъ въ Египтѣ, Бухарестѣ и Мадридѣ, обладалъ дѣятельнымъ изобрѣтательнымъ умомъ. Привѣтливый и дружелюбный, онъ любилъ подтрунить, но не злобно, и его юморъ приводилъ собесѣдниковъ въ хорошее настроеніе. «Быть можетъ, говоритъ Кутули,—онъ былъ слишкомъ откровенный руссофобъ и своихъ коллегъ, болѣе дипломатичныхъ скептиковъ, иногда заставлялъ улыбаться. Но можно ли его порицать, что онъ чувствовалъ то, что политика его страны обязывала его выражать».

Графъ Дономоръ, перъ королевства и веселый клумбэнтъ, неутомимый путешественникъ и добрый малый, любилъ француженокъ и не брезгалъ кафе-концертами Перы, гдѣ звѣздами были уроженки Марселя, Тулузы и Монмартра. Но эти посѣщенія и поѣздки оказывали дѣйствительныя услуги его начальнику, которому онъ доставлялъ поучительныя свѣдѣнія о людяхъ и правахъ страны. Вообще Кутули считаетъ его полезнымъ и драгоценнымъ сотрудникомъ, дававшимъ благоразумные совѣты въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ находилъ нужнымъ выступать въ дебатахъ засѣданій.

Австро-венгерскій комиссаръ, покойный графъ Каллай, членъ венгерскаго сейма и камергеръ императора Франца-Иосифа, часто игралъ большую роль при разработываніи статута Восточной Румелии, «эфемернаго, но интереснаго труда». Человѣкъ вкрадчивый и убѣдительный, съ твердой волей и съ увѣренными сужденіями, онъ ловко обнаруживалъ практическую сторону представленныхъ проектовъ и особенно удачно отстранялъ неумѣстныя предложенія, не оскорбляя ихъ авторовъ. «Это онъ вполнѣ такъ солидно организовалъ Боснію и Герцеговину,—говоритъ Кутули,—выказавъ терпѣніе, энергію и проницательность. Онъ такъ отдѣлалъ эти провинціи, что ретушь барона Эрентала, повидимому, не могла улучшить тамъ администрацію».

Франція также прислала комиссара и его помощника. Первый был настоящий дипломатъ, извѣстный посланникъ эльзасецъ баронъ де-Рэнъ. «Ученый, какъ никто изъ его коллегъ, ни одной изъ странъ, настоящий энциклопедистъ, съ оригинальнымъ умомъ, порою нѣсколько капризнымъ, неутомимый работникъ, баронъ де-Рэнъ отличался способностью редактировать доклады и депеши. Къ тому же онъ былъ очаровательный товарищъ, всегда въ одинаковомъ настроеніи, надежный другъ и прекрасный пианистъ, поклонникъ классической музыки».

Итальянскій комиссаръ Вернони, первый драгоманъ при посольствѣ въ Константинополь, былъ вполне свѣтскій человекъ и очень пріятный сотрудникъ. Данныя ему инструкции не позволяли Вернони играть дѣятельной роли, но, какъ внимательный и проницательный наблюдатель, онъ лучше всѣхъ зналъ политическій и финансовый міръ Константинополя и въ споры между дипломатами часто вносилъ полезные совѣты. Главнымъ образомъ Вернони заботился о сохраненіи нейтралитета.

«Напротивъ,—по словамъ Кутули,—ихъ русскіе коллеги—и это никого не удивить—страстно со рвеніемъ старались наверстать часть потерянныхъ выгодъ, которыя Санъ-Стефанская конвенція предоставила болгарамъ, а другую часть Берлинскій трактатъ уменьшилъ. Усердные агенты московской дипломатіи того времени, которая порою казалась нѣсколько сложной, они принуждали себя хранить корректное поведеніе среди бѣла дня и объявляли столь же положительно, какъ и мы, что внушать народонаселенію уваженіе къ рѣшенію конгресса. Но наши англійскіе и турецкіе коллеги подозрѣвали ихъ въ организаціи ночныхъ тайныхъ собраній и мятежей противъ государственной комиссіи, частью которой они являлись сами».

«Въ поступкахъ перваго русскаго делегата, полковника главнаго штаба Шепелева, не было ничего, что бы могло испугать даже подозрительнаго сэра Генри, говорить Кутули. Но второй, молодой кавказецъ, красивый человекъ, ученикъ и почти соревнователь генерала Игнатъева, князь Церетелевъ (?), генеральный консулъ въ Филиппополь, тревожилъ англійскаго делегата своими нѣсколько кошачьими манерами».

Кутули даетъ такой портретъ нашего втораго комиссара: «Надѣленный блестящими качествами ума, собесѣдникъ, полный вдохновенія, находчивый ораторъ, быстрый на возраженія, даже краснорѣчивый, избѣгавшій споровъ, уклоняясь отъ нихъ, необыкновенно работоспособный, очевидно, очень честолюбивый и находившій удовольствіе въ интригахъ, знойно-сладолюбивый и великій игрокъ—этотъ молодой солдатъ-дипломатъ, храбростью котораго восторгались во время болгарской кампаніи, безумно тратилъ свои физическія и интеллектуальныя силы. Немного лѣтъ спустя послѣ своего отъѣзда изъ Филиппополя, находясь въ Римѣ въ качествѣ перваго секретаря при посольствѣ, онъ былъ сраженъ внезапнымъ разстройствомъ мозговой дѣятельности и плачевно угасъ въ одной лечебницѣ. Его чудесный организмъ былъ истощенъ всепожирающимъ огнемъ слишкомъ интенсивной жизни».

Большою противоположностью блестящимъ русскимъ делегатамъ являлись оттоманскіе, спокойные и разсудительные. Это были два совершеннѣйшіе типа

лучшихъ чиновниковъ турецкой администраціи. Первый изъ нихъ Ассимъ-Паша-Муширь, имперскій сенаторъ, второй, его помощникъ, Абро Эффенди, армянинъ, осторожный, трудолюбивый и сдержанный человѣкъ. Его фізіономія и манеры заставляли думать о стоячей водѣ, но порою быстрая молнія пробѣгала въ его черныхъ глазахъ, обыкновенно невыразительныхъ, потому что онъ этого хотѣлъ,—и тогда угадывали, что имѣли дѣло съ тонкимъ наблюдателемъ, ловко скрывавшимъ свои впечатлѣнія. Видно было, что это былъ человѣкъ съ живымъ умомъ, который по извѣстнымъ ему причинамъ охотно прикидывался сонливымъ, но безъ наивности судилъ о людяхъ и дѣлахъ.

Ассиръ-Паша-Муширь былъ самый симпатичный и праводушный турокъ, какихъ только производила старая Турція. Онъ былъ искренно-набожный, на манеръ добрыхъ турокъ, и его фатализмъ выражался иногда довольно лукаво. Однажды Кутули хотѣлъ позабавиться и принялся его подзадоривать, говоря, что народъ турецкій, несмотря на столько почтенныхъ качествъ, на югѣ Балканъ производитъ дѣйствіе посторонняго тѣла, отъ котораго европейскій организмъ, въ силу естественнаго закона, не могъ не стремиться искать избавленія.

— Да,—отвѣчалъ онъ:—это возможно. Быть можетъ, въ одинъ прекрасный день мы будемъ принуждены довольствоваться Анатоліей, если Богу будетъ угодно. Но мудрые люди, даже западные, думаютъ, что намъ удастся преобразоваться и остаться еще долго въ Румелии, и хотя будетъ неумѣстно выражать мнѣніе о будущемъ, которое одинъ Богъ можетъ знать, осмѣлось сказать, что предположеніе этихъ людей кажется мнѣ резоннымъ. Однажды вечеромъ на дворѣ одного хана я увидѣлъ на землѣ кость, которая не знаю откуда и какъ туда свалилась. Это была толстая кость, не очень покрытая мясомъ, но, безъ сомнѣнія, полная мозга. Вокругъ нея сидѣли на заднихъ лапахъ собаки и съ жадностью смотрѣли на нее. Ихъ было шесть—ровно столько, сколько было христіанскихъ державъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Всѣ одинаково были голодны. Но каждый разъ, какъ одна изъ нихъ бросалась на кость, другія ее кусали. Когда зашло солнце, кость еще оставалась тамъ. Тогда, восхваляя Бога, я возблагодарилъ его за то, что онъ сподобилъ меня увидѣть зрѣлище, которое я истолковалъ, какъ символъ и предназначеніе. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—къ чему мы даемъ себѣ трудъ спорить по поводу отдаленнаго будущаго? Для каждаго человѣка съ здоровыми умомъ и сердцемъ существеннымъ является исполненіе задачи настоящаго дня и подготовленіе задачи для завтрашняго дня. Если вы честно вознаграждены или Богъ васъ снабдилъ кое-какимъ имуществомъ, если у васъ есть друзья, домъ, не слишкомъ маленькій, не слишкомъ большой, недалеко отъ свѣжаго источника и сада, гдѣ растутъ цвѣты вокругъ тѣнистаго трельяжа, можно считать себя счастливымъ, какъ самый могущественный человѣкъ. Вашъ братъ, западный человѣкъ, меня очень изумляетъ; вы никогда не перестаете осложнять ваше существованіе; вамъ требуются всякаго рода изобрѣтенія и ученія исключительной роскоши; вы пишете тысячи бесполезныхъ книгъ; вы изнемогаете, производя художественныя работы, которыя никакимъ образомъ не улучшаютъ образа вашей жизни, наконецъ вы умудряетесь сами себя терзать и задыхаясь бѣжите впередъ, какъ будто человѣкъ не достаточно скоро достигаетъ конечнаго успокоенія. Но это, однако, не должно порицать.

Богъ создалъ восточныхъ людей по одному образцу, а западныхъ—по другому. Онъ знаетъ почему, а намъ неизвѣстны его причины. Да будетъ благословенно его имя!»

Самымъ гвоздемъ въ статью Кутули, который онъ приберегъ для апофеоза своего труда, является бывший министр иностранныхъ дѣлъ, а въ настоящее время русскій посланникъ въ Парижѣ—Извольскій. «Однако наши делегаціи не состояли единственно изъ комисаровъ,—говоритъ онъ.—Правительства дополнили ихъ интереснымъ персоналомъ секретарей и атташе. Трое изъ нихъ играли и еще играютъ важную роль: одинъ въ палатѣ французскихъ депутатовъ, другой въ Foreign Office, а третій у русскаго правительства. Первый Альберъ Розе, второй Вильямъ Чанси Картрайтъ и третій!—ахъ, третій!—восклицаетъ Кутули.—третій—Извольскій! Онъ достигъ такой удивительной карьеры, что другіе оставшіеся въ живыхъ члены комисіи Восточной Румелии померкли передъ нимъ. Кто изъ насъ въ 1879 г. могъ бы мечтать, что юный Извольскій, секретарь генеральнаго русскаго консула, сдѣлается знаменитымъ министромъ и еще молодымъ будетъ играть крупную первую роль въ драмахъ и комедіяхъ международной политики. Мы его назначили вторымъ секретаремъ комисіи. Онъ казался едва вышедшимъ изъ юношескаго возраста. Очень хорошо воспитанный, онъ былъ хилъ, скромнень и мило застѣнчивъ. Рядомъ съ выразительной физиономіей полковника Шепелева и особенно князя Церетелева совѣтъ не была замѣтна физиономія этого скромнаго секретаря, но лица высшей іерархіи, однако, уже могли, повидимому, учитывать шансы его быстрого повышенія; для другихъ же делегатовъ онъ былъ только любезнымъ дебютантомъ». Вообще Кутули удивляется, что Извольскій такъ быстро достигъ высокаго поста. У него имѣется фотографическій снимокъ всей группы членовъ комисіи и среди нихъ находится Извольскій. «Безъ всякаго проблеска во взглядѣ, устремленномъ разсѣяннo,—говоритъ въ заключеніе Кутули,—Извольскій, судьба котораго должна была затмить нашу, тогда казался совершенно на своемъ мѣстѣ, находясь на второмъ планѣ. И передъ этимъ маловыразительнымъ изображеніемъ нашего молодого сотрудника я спрашиваю себя, что въ эту эпоху въ Филиппополѣ, когда братья Абдулахъ въ Константинополѣ снимали группой нашу честную европейскую комисію, умѣлъ ли будущій министр иностранныхъ дѣлъ и русскій посолъ въ Парижѣ, какъ старый дипломатъ, дѣлать изъ своего лица маску, или онъ еще не предчувствовалъ въ своемъ умѣ пробужденія силъ, движенія которыхъ нѣсколько мѣсяцевъ тревожили Константинополь, Сербію, Бѣлградъ, Римъ, Парижъ, Лондонъ, Вѣну Берлинъ?»

— Новые труды о русско-японской войнѣ.—Недавно вышла въ Парижѣ во французскомъ переводѣ уже вторая часть перваго тома доклада¹⁾, составленнаго русскимъ главнымъ штабомъ о русско-японской войнѣ. Ея появленіе вызвало статью²⁾ Шарля Мало въ «Hebdo-Débat», въ которой онъ разсматриваетъ вопросъ объ ошибкахъ генерала Куропаткина. Признавая

¹⁾ Guerre russo-japonaise 1904—1905. Historique rédigé à l'Etat—major del'Armée russe traduction publiée sous la direction de l'Etat major de l'armée. Tome 1. 2 partie Paris. 1911.

²⁾ «Hebdo-Débats» 2 juin 1911.

этот доклад ученым трудомъ, который нельзя не принять съ благодарностью и вниманіемъ, какъ точный источникъ, авторъ за недостаткомъ мѣста для такого обширнаго сочиненія, конечно, не даетъ детального разбора. Онъ ограничивается лишь нѣкоторыми замѣчаніями и указываетъ на ошибки русскихъ, руководясь вышедшими французскими и нѣмецкими сочиненіями по этому вопросу. Отрицая, что русскіе были не подготовлены и захвачены врасплохъ, какъ это все предполагаютъ, онъ говоритъ, что, напротивъ, русскіе приложили все усилія для подготовленія къ этой громадной войнѣ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, т. е. если бы военныя дѣйствія произошли на русскихъ западныхъ границахъ, по его словамъ, эти усилія увѣщались бы успѣхомъ. Несчастье было въ томъ, что обстоятельства дѣйствительно сложились необычайно и было вѣрнымъ проигрышемъ поддерживать войну на такомъ разстояніи отъ матери родины при такихъ неудовлетворительныхъ путяхъ сообщенія. Потребовалось бы еще нѣсколько лѣтъ дѣятельнаго подготовленія, чтобы счастливо напасть на противника, который, навѣрно, былъ не лучше приспособленъ, по его преимущество состояло въ томъ, что онъ дрался у себя.

Главная причина, по его мнѣнію, кроется здѣсь, но это не значитъ, что не было другихъ причинъ. Русскіе еще осложняли свое затруднительное и тяжелое положеніе цѣлой серіей военныхъ ошибокъ, и только часть изъ нихъ кажется извинительной. Въ своемъ недавно появившемся трудѣ ¹⁾ о русско-японской войнѣ полковникъ Вессеръ указываетъ на стратегическія ошибки и промахи въ тактикѣ русскихъ. Не защищая генерала Куропаткина, онъ спрашиваетъ: были ли руки Куропаткина съ момента, какъ онъ сталъ во главѣ войска, совершенно свободны? Находясь подъ Лаояномъ во главѣ семидесяти тысячъ солдатъ, изъ которыхъ двадцать тысячъ уже были двинуты впередъ къ Ялу, къ услугамъ генерала Засулича, что долженъ былъ предпринять Куропаткинъ, когда былъ извѣщенъ о движеніи японцевъ черезъ Корею? Изъ двухъ одно: или ему надо было упорно выдерживать выжидательное положеніе и тогда отдать приказъ Засуличу приступить къ отступленію, не давъ врагу себя «задѣть» и скомпрометировать, или самому пойти на помощь Засуличу со всеми силами, которыми Куропаткинъ располагалъ. Последнее Вессеръ считаетъ лучше всего. Засуличъ же не былъ ни поддержанъ Куропаткинымъ, ни отозванъ. А между тѣмъ, если бы японцы были вытѣснены къ Ялу одинаковыми съ ними силами, они, конечно, только съ большими затрудненіями могли овладѣть этой превосходной чертой обороны и могли понести пораженіе, которое отразилось бы на дальнѣйшей кампаніи, представивъ въ обратномъ смыслѣ первую побѣду.

Немного времени прошло послѣ атаки Наншанскихъ линій, и русскіе вторично упустили не менѣе благоприятный случай одержать и, быть можетъ, удержатъ верхъ надъ японцами. Если генераль Оку овладѣлъ имъ въ этотъ день, то онъ обязалъ этимъ скорѣе своему упорству, чѣмъ искусному плану. «Особенно онъ обязанъ этимъ»,—говоритъ авторъ,—бездѣйствию генерала Фока и еще болѣе невѣжеству его высшаго начальства, которымъ былъ здѣсь генераль Стессель,

---

¹⁾ Guerre russo-japonaise. Historique et enseignements par lieutenant colonel Vaissière. Paris. 1911.

а не Куропаткинъ. Отважный полкъ сибирскихъ стрѣлковъ, такъ мужественно защищавшій линіи, закрывающія входъ почти острова, также не были поддержаны: дивизія въ пяти верстахъ позади дала его уничтожить. «Конечно,—говоритъ авторъ,—было бы преувеличеніемъ сказать, что это была судьба измѣнившейся войны; въ этотъ день и совершилось паденіе Портъ-Артура, запоздавшее на нѣсколько недѣль. Именно въ этотъ день Стессель, приговоренный въ послѣдствіи за преждевременную сдачу крѣпости, дѣйствительно совершилъ тяжелую ошибку».

Менѣе чѣмъ три недѣли спустя завязалось новое сраженіе у Вафангоу въ виду освобожденія Портъ-Артура, которому угрожала новая армія, сформированная подъ начальствомъ Ноги. На этотъ разъ Куропаткина привлекли къ дѣлу не безъ причины, при посредничествѣ Алексѣева, которому было приказано, во что бы то ни стало, принять самыя рѣшительныя мѣры, чтобы отразить съ Лаотунга нападеніе японской арміи, предупредивъ его, что на немъ будетъ тягость отвѣтственности. Очевидно, Куропаткину не хотѣлось произвести наступательное дѣйствіе, для котораго онъ не считалъ себя еще готовымъ, однако предъ такимъ формальнымъ приказаніемъ приходилось преклониться. Но въ такомъ случаѣ надо было броситься со всѣми своими силами противъ одной изъ двухъ японскихъ массъ, предпочтительно противъ самой ближайшей арміи Куроки, прикрываясь отъ второй земляной насыпью. Онъ удовольствовался тѣмъ, что пустилъ противъ этой послѣдней (армія Оку) одинъ только корпусъ Штапельберга и долженъ былъ считать себя счастливымъ, что послѣдній, легко побѣжденный, могъ совершить отступленіе въ порядкѣ.

Затѣмъ, переходя къ битвѣ при Лаоянѣ, Вессьеръ касается также битвы при Ташичао, гдѣ Зарубаевъ послѣ побѣдоноснаго отраженія атаки арміи Оку отступилъ, даже не отражая контръ-атаки, «сообразуясь съ указаніями главнокомандующаго». Битва при Лаоянѣ произошла, по его словамъ, при равныхъ силахъ въ количественномъ отношеніи и армія Куропаткина занимала вокругъ города позиціи, подготовленныя имъ заблаговременно. Ояма тѣмъ не менѣе задумалъ смѣлый планъ окружить оба крыла непріятели, равнаго по силѣ. Правда, его атака была отражена съ громадными для него потерями, несмотря на храбрость и ожесточеніе японскихъ войскъ, и Куропаткинъ могъ возымѣть идею контръ-наступленія, энергично выполненнаго всей массой его войскъ, будучи почти увѣренъ въ успѣхѣ. Къ несчастью, онъ, повидимому, не зналъ цѣну времени, предпочитая хитрую комбинацію и, готовя ея, потерялъ цѣлый день, которымъ непріятель сумѣлъ воспользоваться. Въсто того, чтобы нанести сразу ударъ, онъ ограничился напрасными усиліями и потерялъ побѣду, которая, можно сказать, была у него подъ рукою. При первомъ встрѣтившемся затрудненіи онъ принялъ мало героическое рѣшеніе—отдать приказъ къ отступленію на Мукденъ.

Русскій генералиссимусъ долженъ былъ, однако, рѣшиться позже на это наступленіе, къ которому онъ питалъ такъ мало расположенія. Онъ велъ сраженіе при Шахэ, длившееся шесть дней безъ рѣшительнаго результата. Медленное движеніе русской арміи дало японцамъ время подготовиться, чтобы отразить ударъ, такъ что объявленная съ такимъ трескомъ атака была въ концѣ кон-

цовъ остановлена противникомъ гораздо слабѣе по численности, и по крайней мѣрѣ нравственная неудача была на сторонѣ русскихъ. Не менѣе дурно было обдуманно и исполнено второе наступленіе, которое вскорѣ повело къ битвѣ при Сандепу въ январскую стужу. И здѣсь русская армія дѣйствовала нерѣшительно, робко, частично, и генераль Гриппенбергъ, который одинъ несъ всю тяжесть этого дня, потребовалъ, чтобы его отозвали, громко крича, что Куропаткинъ «не хотѣлъ допустить его къ побѣдѣ». Однако авторъ лишь на половину считаетъ Гриппенберга правымъ: по его мнѣнію, не чувство низкой ревности Куропаткина виновато въ этомъ, а его характеръ, всегда колеблющійся и мало вѣрующій въ успѣхъ; онъ подрывалъ рвеніе солдатъ прежде, чѣмъ разгоралась битва.

Въ Мукденѣ было иначе. Какъ и при Лаоянѣ, здѣсь Куропаткинъ хорошо обдумалъ планъ движенія, исполнилъ же его нерѣшительно и неэнергично. Но въ его оправданіе авторъ указываетъ на то, что его дурно поддерживалъ командиръ второй арміи, генераль Каульбарсъ, и другіе его генералы. Но истинная причина его неудачи въ томъ, что онъ несоразмѣрно раскинулъ свой фронтъ и сохранилъ, чтобы уберечься отъ различныхъ случайностей, лишь слишкомъ слабыя массовыя дѣйствія (три дивизіи противъ двадцати четырехъ), не воспользовался кавалеріей вдвое большей численности, чѣмъ у Оямы.

Кромѣ того, онъ не умѣлъ отразить движенія Ноги, успѣхъ котораго обеспечивалъ японцамъ побѣду, гораздо ранѣе рѣшенную атакой Куроки и его проникновеніемъ въ центръ вражеской линіи.

Такъ критикуетъ дѣйствія русскаго главнокомандующаго, генерала Куропаткина, французскій полковникъ Вессьеръ. Ни для кого не тайна, что это мнѣніе раздѣляетъ большинство его соотечественниковъ. Однако снисходительнѣе относится къ нему нѣмецъ Ульрихъ, находившійся въ рядахъ русской арміи во время русско-японской войны. На его глаза, вина въ неудачахъ русской арміи падаетъ на недостаточность всего корпуса офицеровъ, которые въ большей части виновны въ неудачахъ 1904—1905 годахъ. Онъ даже прямо написалъ, что будь Куропаткинъ Фридрихомъ или Наполеономъ, ему было бы невозможно при такихъ условіяхъ одержать побѣду.

— Русское искусство въ Парижѣ. — Русское искусство и его жрецы продолжаютъ свое побѣдоносное шествіе по Европѣ и Америкѣ. «Великолѣпный богъ, пришедшій съ сѣвера», какъ величаетъ Шалапина въ «Figaго» Робертъ Брюссель, спѣлъ парижанамъ, по собственнымъ словамъ артиста, роли трехъ доновъ: трагическаго донъ-Карлоса, лирическаго донъ-Кихота и комическаго донъ-Базиліо въ «Севильскомъ Цырюльникѣ». Наружность Шалапина, его глаза съ дѣтскимъ выраженіемъ не выдають его артистическаго таланта и художественнаго темперамента. «Но одинъ жестъ,—говоритъ Ж. Брюссель,—открылъ мнѣ въ немъ артиста, единственнаго въ своемъ родѣ, Шалапина. Я перелистывалъ мелодію, попавшуюся мнѣ подъ руку; въ одинъ моментъ взглядъ трагика-пѣвца воспламенился. «Приди, посмотри, какъ это хорошо!» раздался его голосъ. Это была патетическая мелодія Римскаго-Корсакова, гдѣ говорилось о мукахъ любовной ревности. Шалапинъ заигралъ, запѣлъ и сталъ декламировать. Въ одинъ моментъ все его существо преобразилось,—говоритъ

Брюссель,—а вмѣстѣ съ нимъ и вся окружающая атмосфера. Банальный салонъ исчезъ и сталъ уединеннымъ краемъ; граница на горизонтѣ пропала и глазъ потерялся въ раскинувшемся тяжеломъ, безграничномъ небѣ, полномъ страстей».

По отзыву музыкальнаго журнала «Musica», наша соотечественница г-жа Кузнецова обладаетъ однимъ изъ чудесныхъ сопрано, какія существуютъ. Тембръ ея голоса несравненной чистоты, при совершенной техникѣ. Лирическая актриса стоитъ въ ней пѣвицы и «Таисъ» въ ея исполненіи привела парижанъ въ восторгъ.

Г-жу Литвинъ парижане такъ хвалили, что даже устали расхваливать, и объ ея исполненіи въ Монте-Карло роли Дежаниры лаконически говорится: «что о ней можно еще сказать, чего не говорилось бы уже сто разъ объ ея восхитительномъ голосѣ и драматическомъ выразительномъ темпераментѣ».

«Жаръ-Птица» Стравинскаго впервые данная въ «Национальной Академіи», произвела на парижанъ сильное впечатлѣніе. Смѣлая концепція, увѣренность въ музыкальномъ и сценическомъ исполненіи показали парижанамъ исключительными и произвели такой эффектъ, что публика потребовала вторично занести на программу Association des Concerts Hasselmans.

«Садко» Римскаго-Корсакова и живописный балетъ былъ триумфомъ композитора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и артистовъ.

Во второй серіи давались его Шехеразада, «Нарцисъ» Черепнина «Петрушка», Стравинскаго. Исполнители г-жи Карсавина, Федорова, Шолларъ, Гашевская, Фокина, Лопухина, Нижинская, Больмъ, Энрико Чеккети, г-жи Орлова, Леонтьева и Кремнева восхищали парижанъ.

Наша соотечественница Ида Рубинштейнъ, показавшая свои замѣчательныя мимическія способности парижанамъ, теперь проявила себя вполне драматической актрисой въ «Martyre de Saint Sebastien» Габріэля д'Аннунціо и композитора Дюбюсси.

Но еще болѣе поднимаетъ репутацію русскихъ жрецовъ искусства появленіе на театральныхъ подмосткахъ жены русскаго посланника въ Римѣ баронессы Ольги Корфъ. Она исполнила съ извѣстнымъ баритономъ «Комической оперы» Альберомъ и другими итальянскими артистами два акта изъ «Tosca», и ея голосъ признали чистымъ и страстнымъ. Успѣхъ былъ полный и представленіе повторится въ Неаполѣ въ театрѣ «Санте-Карло». Это представленіе, собственно говоря, было дано съ благотворительной цѣлью въ присутствіи королевской семьи, но шагъ, сдѣланный русской посланницей измѣнить взглядъ извѣстной части общества, еще не распростившагося съ отжившими традиціями, на жрецовъ искусства.

Къ сожалѣнію, не всегда появляются за границей такіе артисты, какъ г-жа Кузнецова, г-жа Павлова и Шаляпинъ. По ихъ стопамъ двинулись за границу полчища второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ артистовъ и приходится переворачивать медаль на обратную сторону. Этой обратной стороны касается въ другомъ номерѣ «Musica» Эмиль Вильермозъ въ своей статьѣ «Двойная Россія». Начавъ съ того, что русскіе артисты ежегодно весною совершаютъ въ Парижъ «la tournée des grands ducs» и парижане такъ къ этому привыкли, что не понимаютъ болѣе, какъ можетъ быть музыкальная зима безъ финальнаго

апофеоза изъ славянскаго пѣнія и танцевъ, онъ говоритъ «Въ этомъ году мы хотѣли сдѣлать лучше и приготовили вмѣсто одного два спеціальныя поѣзда, которые доставили нашихъ гостей на площадь Шатлэ, гдѣ были приготовлены два помѣщенія, чтобы принять ихъ съ достоинствомъ. Вторая группа или, какъ онъ выражается, «Кукъ второго поѣзда», хотѣлъ предложить парижанамъ болѣе широкую программу, упрекая своихъ предшественниковъ въ однообразіи программы и обѣщавъ ближе ознакомить парижанъ съ русской музыкой. Публика рассчитывала внимательно слѣдить за спектаклями въ театрѣ Сарры Бернаръ, но съ перваго же вечера то, что парижане видѣли и слышали, погрузило ихъ въ горестное изумленіе. Эти знаменитыя русскія произведенія обнаружили самую банальную эстетику, которая дала Италіи и Франціи столько стереотипныхъ оперъ, столько драматическихъ арлекиновъ, условныхъ и смѣшныхъ, столько лирическихъ клише. Это были только романсы, каватины, аріозы, вокализы и совсѣмъ не было органа и бравурной коды. Однимъ словомъ, парижане горько разочаровались, и многіе меломаны необдуманно обвиняли своихъ новыхъ чичероне въ области русской музыки за легкомысленный выборъ репертуара. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого—говоритъ Вильермоза.—Русскій сезонъ въ театрѣ Сарры Бернаръ производство вполне подлиннаго товара, очень вѣрное воспроизведеніе искусства нашихъ соотечественниковъ. Наоборотъ, насъ до сихъ поръ обманывали въ домѣ напротивъ (театръ, гдѣ играли наши знаменитости, относительно московскаго товара, давая намъ исключительные шедевры, парадоксальныя чудеса и исполненіе согласно даннымъ обстоятельствамъ».

Артисты русскаго императорскаго театра такъ прекрасно исполняли русскія произведенія, что породили у иностранцевъ мнѣніе, будто Россія неистощимый источникъ чудесъ, и когда пріѣхала частная труппа, то парижане опѣшили. Русскіе театры, говоритъ авторъ, не владѣютъ репертуаромъ, набитымъ все блестящими произведеніями. Не существуетъ же цѣлая серія «Борисовъ Годуновыхъ и «Псковитянокъ». Не всѣ ихъ декораторы Баксты и Бенуа, не всѣ ихъ пѣвцы Шаляпины, а танцовщики Нижинскіе. Сезонъ балетовъ и оперъ, организованный до сихъ поръ въ Шатлэ, извратилъ наше сужденіе своимъ неестественнымъ совершенствомъ. Авторъ находитъ, что Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ и Стравинскій совсѣмъ не русское достояніе и петербуржцу ихъ не понять. Настоящее языческое впечатлѣніе, происхожденіе національнаго вкуса, коллективная впечатлительность русскаго народа не имѣютъ связи съ тѣми истинными перлами искусства, которые были только что поднесены парижанамъ. Для русскаго народа, по его мнѣнію, это слишкомъ утонченное зрѣлище: у него есть свои зрѣлища туземныя, вульгарныя, которыя были предложены французамъ въ театрѣ Сарры Бернаръ. Такимъ образомъ—въ Парижѣ было два русскіихъ сезона: одинъ вѣрное воспроизведеніе искусства, другой исторія русскаго искусства. У одного авторъ предлагаетъ поучиться чему-нибудь, а у другого вкусить удовольствіе. Французъ не можетъ любить въ русскомъ искусствѣ то, чѣмъ русскіе восхищаются, и будетъ по-прежнему наслаждаться тѣмъ, что русскаго не интересуетъ въ русскомъ искусствѣ. «Русское искусство,—говоритъ онъ,—слишкомъ пропитано духомъ его

богатых былинъ и въ то же время подсвѣчено чѣмъ-то восточнымъ, особенно смачнымъ. Въ немъ смѣшивается въ прелестной пропорціи элементъ національный и элементъ иностранный, терпкая славянская меланхолія и дряблая азіатская томность. Этимъ милымъ свойствомъ русскіе композиторы совсѣмъ не гордятся,—говоритъ Вильермозъ.—Ихъ тайное честолюбіе, ихъ скрытое желаніе—фабриковать схоластическія симфоніи по западному образцу и изучать контратпункты въ консерваторіяхъ Германіи. И они достигаютъ этого безъ всякаго затрудненія. Мы видѣли послѣдніе пережитки «Пяти», мало-по-малу сворачивавшихъ съ прекрасной дороги, которую они себѣ пробили, чтобы попасть на буксиръ самыхъ ничтожныхъ изъ нашихъ учителей. Мусоргскій не былъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ. У насъ услышали его голосъ, который пробудилъ эхо; французскіе импрессионисты въ немъ не ошиблись. Они знаютъ, что именно съ сѣвера дѣйствительно придетъ музыкальный свѣтъ, и любопытная вещь: страна солнца никогда не приносила намъ красокъ. Итальянское искусство можетъ выразить лишь движеніе и страсть; но рѣдкіе тона, характеристическіе оттѣнки придутъ къ намъ отъ скандинавовъ или русскихъ. Итакъ, мы заслужили прекрасныя русскія зрѣлища, восхитительно-обманчивыя, балетъ грезъ и феерическую музыку, но одинъ лишь Парижъ способенъ вполнѣ оцѣнить весь его смакъ. И, конечно, счастлива нѣжная Шехеразада и ея сестра Донизада, что султанъ Шаріазъ не былъ соотечественникомъ Римскаго-Корсакова, иначе онъ былъ бы не способенъ интересоваться ея сказками въ теченіе «тысячи и одной ночи», оканчиваетъ свою статью Вильермозъ.

— Коронація Георга V.—22-го іюня въ Англіи состоялось торжество коронованія новаго короля Георга V и королевы Мэри, вступившихъ на англійскій престолъ послѣ смерти своего отца 7 мая 1910 года. Уже нѣсколько мѣсяцевъ Англія готовилась къ этому торжеству, и хладнокровные дѣловитые бритты сдѣлались неузнаваемы,—такое важное значеніе они придаютъ этой церемоніи. Они забыли обо всемъ, и даже такіе важные вопросы, какъ перипетія большого парламентскаго кризиса, на время отошли на второй планъ.

Церемонія коронованія состоялась въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, своего рода англійскомъ кремлѣ. Она произошла по вѣками установившемуся традиціонному шаблону въ средневѣковомъ стилѣ. Въ этотъ торжественный день практичный британецъ даетъ раздолье своему воображенію, весь превращается въ ходячую традицію; носитъ свой коронаціонный костюмъ такъ же непринужденно, какъ и ежедневный, относясь къ этой національной церемоніи съ какимъ-то религіознымъ уваженіемъ.

Пушечными выстрѣлами жители были извѣщены о началѣ церемоніи. Въ 11 часовъ королевская чета пріѣхала въ Вестминстерское аббатство. У дверей уже дежурили традиціонные beef eater, алебардщики Лондонской башни въ своихъ мундирахъ елизаветинской эпохи. Парессы въ своихъ алыхъ туалетахъ, залитыя огнями драгоцѣнныхъ камней, гордо проходили черезъ весь залъ къ предназначенному стулу, съ гордымъ достоинствомъ волоча свой длиннѣйшій придворный шлейфъ. Это было своего рода священнодѣйствіе. Пэры въ алыхъ мантияхъ съ горностаевыми пелеринами, то съ четырьмя рядами черныхъ хвостиковъ для герцоговъ, то съ трехъ съ половиною для графовъ и т. д., выдѣлялись среди синихъ бархатныхъ съ золотомъ кружевными жабо и манжетами,

сѣрыхъ, красныхъ, черныхъ кафтановъ и зеленыхъ, вышитыхъ бѣлыхъ сута-шемъ гусарскихъ мундировъ. И надъ всей этой гаммой цвѣтовъ заключитель-нымъ аккордомъ являлись индійскіе раджи въ красиво подобранныхъ цвѣт-ныхъ шелковыхъ одеждахъ, разукрашенные драгоценными камнями. Въ общемъ на церемоніи коронаванія присутствовало 7000 человекъ, изъ нихъ 40 человекъ членовъ королевской семьи, 200 принцевъ и иностранныхъ уполномоченныхъ и дипломатовъ, 2000 паровъ и парессъ съ ихъ семьями, 400 духовныхъ лицъ съ ихъ женами, 900 членовъ парламента съ женами и 200 муниципалитета, уже не говоря о второстепенныхъ лицахъ. Зрѣлище коронаванія, по своей обстановкѣ, блестящее было но совершенно одинаково съ прежними корону-ваніями.

Тотъ же традиціонный характеръ носить самъ ритуальъ коронаванія, длив-шійся три часа. Предметы, служащіе для исполненія ритуала, помнятъ дале-кое, далекое прошлое. Тронъ, на которомъ возсѣдалъ Георгъ V, служилъ всѣмъ королямъ Соединеннаго Королевства, исключая Маріи I, Вильгельма II и Маріи II. Это священное кресло шотландцы въ 1898 г. должны были уступить формальнымъ трактатомъ англійскимъ королямъ. Оно представляетъ своего рода реликвию: въ немъ хранится продолговатый, синій съ красными жилками камень, который по преданію служилъ вмѣсто подушки Іакову въ тотъ вечеръ, когда ему приснился историческій сонъ. Дѣти Іакова передали его основателю Аѳинъ. Въ началѣ христіанской эры Фергусъ скрылъ отъ ирландцевъ этотъ камень, въ свою очередь, полученный имъ отъ Симеона Брешскаго, который за семь вѣковъ до христіанской эры привезъ его изъ Испаніи.

Коронаваніе прошло благополучно сравнительно съ нѣкоторыми изъ преж-нихъ коронацій. По преданію, коронаваніе Вильгельма Завоевателя не обо-шлось безъ приключенія. Когда архіепископъ іоркскій надѣвалъ на голову его корону, то раздались крики: «Горимъ, горимъ». Коронація Ричарда II, родившагося въ Бордо 6 января 1367 г. и котораго мать прозвала «The fair maid of Kent» (хорошенькая кентская дѣвочка), также не обошлось безъ при-ключеній. Королю было только десять лѣтъ въ то время, какъ умеръ король Эдуардъ III. Церемонія настолько затянулась и температура въ аббатствѣ такъ поднялась, что король-ребенокъ, почти ничего не ѣвшій съ вечера упалъ въ об-морокъ подъ тяжестью параднаго платья и его отнесли на носилкахъ во дво-рецъ. Карлъ I изъ вниманія къ своей женѣ Маріи Французской избралъ днемъ коронаванія праздникъ Срѣтенія Господня. Но въ самый послѣдній моментъ королева отказалась короноваться и даже не послѣдовала за нимъ въ абба-ство. Кромѣ того, съ нимъ приключилась еще неудача. Вмѣсто того, чтобы про-ѣхать по городскимъ улицамъ въ Вестминстеръ, онъ отправился туда по Темзѣ. Судно, на которомъ находился король и свита, проплыло не, останавливаясь, мимо приготовленной пристани и королю съ придворными пришлось остановиться ниже по Темзѣ, въ самомъ илистомъ мѣстѣ; выходя на берегъ, они всѣ завязли и загрязнили себѣ сапоги. Кромѣ того, Карлъ I надѣлъ вмѣсто традиціонной алой мантии бѣлую куртку, и народъ, увидя его въ бѣломъ, принялъ это за дур-ное предзнаменованіе, и съ этого момента его прозвали «white king» (бѣлый король).

Въ противоположность Маріи Французской, не желавшей короноваться, несмотря на всѣ самыя настойчивыя требованія, королева Каролина, жена Георга IV, намѣревалась силой пробраться въ аббатство, когда короновался ея развратный супругъ. Она подходила по три раза къ различнымъ дверямъ съ криками и плачемъ, но все было тщетно. Эта неудача такъ на нее подѣйствовала, что она скончалась черезъ двѣ недѣли.

Но всѣхъ трогательнѣе было коронованіе королевы Викторіи. Ей было въ то время девятнадцать лѣтъ. Противоположно Маріи и Елизаветѣ, возбуждавшимъ самую ярую ненависть—первая у протестантовъ, вторая у католиковъ, у Викторіи не было враговъ. Королева Анна вступила на престолъ уже тридцати семи лѣтъ, произведя на свѣтъ семнадцать человѣкъ дѣтей, страдая астмой и съ наружностью хорошо покутившей женщины. Напротивъ, Викторія была во всемъ блескъ молодости. Ея коронованіе, по словамъ очевидцевъ было и трогательно и великолѣпно. Оно произвело такое сильное впечатлѣніе на турецкаго посланника Саримъ-Эффенди, что онъ остановился неподвижно, какъ зачарованный грандіознымъ зрѣлищемъ, и не имѣлъ силъ двинуться къ предназначенному для него мѣсту. Наконецъ, въ самомъ разгарѣ восторга, онъ нѣсколько разъ пробормоталъ: «И все это для одной женщины».

Несмотря на весь блескъ этого коронованія, не обошлось безъ маленькаго недоразумѣнія. Во-первыхъ, одинъ престарѣлый пэръ упалъ на ступеняхъ трона, а, во-вторыхъ, архіепископъ по ошибкѣ надѣлъ королевѣ кольцо не на тотъ палецъ. Королева не могла ни снять его, ни пропустить на палецъ, и оно оставалось на среднемъ суставѣ. При коронованіи Эдуарда II архіепископъ Темплъ, отъ старости ослабѣвшій, едва могъ надѣть королю на голову тяжелую корону св. Эдуарда и то задомъ напередъ. Былъ моментъ, когда зрители думали, что король упадетъ на полъ, а суетѣрные лица предсказывали, что его царство будетъ эфемерно.

Не обошлось безъ несчастія и это коронованіе, но оно произошло не въ Вестминстерѣ: обвалилась одна изъ триумфальныхъ арокъ и придавила обломками нѣсколько человѣкъ: двое особенно сильно пострадали. Масса народа собиралась на улицахъ, и преобладающимъ элементомъ были женщины—толстыя, рѣдко красивыя и совсѣмъ неграціозныя, въ выцвѣтшихъ соломенныхъ шляпахъ. Онѣ молча разсматривали каждое декоративное украшеніе.

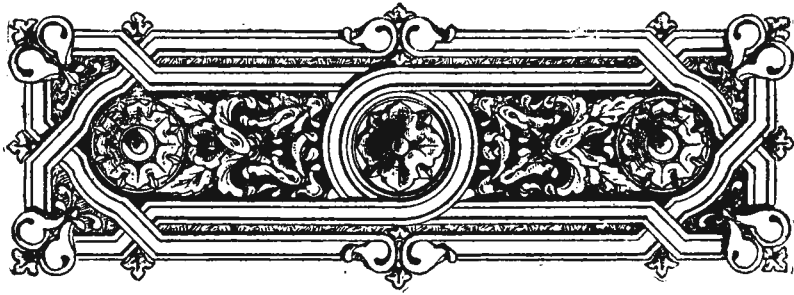
Также флегматично, почти молча предлагаютъ торговцы медали и различныя знаки въ память коронаціи, и также молча покупаютъ ихъ англійская публика, украшенная всѣмъ, какъ одинъ, кокардами изъ національныхъ цвѣтовъ. Никакого оживленія, не то, что въ итальянскихъ торжествахъ,—все чинно, спокойно, но мертво. Вотъ какое впечатлѣніе вынесли иностранные корреспонденты.

Конечно, такое событіе, какъ коронованіе, вызвало во всѣхъ журналахъ статьи о королѣ и его семьѣ съ мельчайшими подробностями. Новый король—король случая, а не предназначенный съ колыбели; играть эту роль предстояло его старшему брату, герцогу Кларентскому, но онъ скончался 14 января 1903 г. Съ этого момента будущій король сдѣлался наслѣдникомъ престола. По этой

причинѣ и воспитаніе его менѣ блестяще, чѣмъ старшаго брата. Онъ готовился быть морякомъ и во всѣхъ отношеніяхъ менѣ европеецъ, чѣмъ Эдуардъ VII, но хорошій семьянинъ и вообще во всемъ отличается отъ своего покойнаго отца. Законодатель модъ не только въ Англіи, но далеко за ея границами, покойный король обладалъ такимъ количествомъ костюмовъ, что любая модница могла ему позавидовать. По словамъ «Chamber's Journal», кромѣ военныхъ мундировъ, у него было двѣсти полныхъ костюмовъ. И американцы, не отличающиеся изящнымъ вкусомъ, могли восхищаться лишь тѣмъ, что у него ихъ больше, чѣмъ у какого-нибудь другого монарха на землѣ. Кромѣ того, онъ самъ создавалъ моду. Напротивъ, новый король не законодатель моды, онъ повинуется совѣту портныхъ и не слѣдуетъ примѣру отца. Страстный любитель ходить пѣшкомъ и охотиться, онъ заботится болѣе о практичныхъ костюмахъ. Его гардеробъ для деревни и спорта почти такой же полный, какъ и отца, и у него безконечное количество всякаго рода обуви. На обувь обращено главное вниманіе: она отдѣляется какъ произведеніе искусства, и мастеръ, завѣдывающій придѣлываніемъ подошвы, получаетъ семнадцать франковъ за каждую пару. Зато Георгъ V богатъ адмиральскими мундирами, которыхъ у него такъ много, что онъ можетъ соперничать съ германскимъ императоромъ.

Любовь Эдуарда VII къ костюмамъ развилась въ немъ благодаря долговѣчности королевы Викторіи, не уступавшей бразды правленія сыну, которому ничего не оставалось дѣлать, какъ сдѣлаться королемъ хотя въ имперіи моды. Въ концѣ своего царствованія онъ уже выпустилъ изъ рукъ диктатуру моды и отдавался всецѣло дипломатическимъ переговорамъ. Георгъ и благоразумень и не ищетъ этого рода славы, притомъ онъ патріотъ и для него пріятнѣе охота по полямъ и лѣсамъ, и его костюмы сдѣланы изъ англійской матеріи, выработанной непремѣнно изъ шерсти англійскихъ овецъ. Да притомъ и вступленіе его на престолъ связано съ такими тревожными государственными дѣлами, что его мысли далеки отъ вопросовъ второстепенной важности, какъ мода.

С М Ъ С Ъ.

АКЛАДКА памятника императору Александру III. 23-го іюня съ большою торжественностью совершено было молебствіе на мѣстѣ сооруженія въ Москвѣ памятника въ Бозѣ почившему императору Александру III по случаю начала работъ по постановкѣ бронзоваго изваянія памятника. Въ началѣ 11-го часа утра на мѣсто закладки собрались члены высочайше учрежденнаго комитета по сооруженію памятника, военно-начальствующія лица и много приглашенныхъ. Высокопреосвященный Владимиръ совершилъ молебствіе, въ концѣ котораго была возглаголана вѣчная память въ Бозѣ почившему императору Александру III. Послѣ молебствія духовенство, ихъ императорскія высочества великій князь Михаилъ Александровичъ и великая княгиня Елизавета Федоровна, члены комитета, строители памятника и начальствующія лица поднялись по лѣстницѣ на сооруженный для бронзовой фигуры пьедесталь, вышиною въ 11 аршинъ. Постаментъ былъ задрапированъ бѣлою матеріей. По сторонамъ его развѣвались національные флаги. Пьедесталь и лѣстница были красиво убраны тропическими растеніями. По прочтеніи протодіакономъ храма Христа Спасителя А. И. Здиховскимъ акта о закладкѣ памятника въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ высокопреосвященный митрополитъ Владимиръ положилъ мѣдную доску на постаментъ подъ чугунную плиту, на которой будетъ помѣщаться бронзовая фигура императора Александра III, и положилъ первый камень. Затѣмъ великій князь Михаилъ Александровичъ и великая княгиня Елизавета Федоровна положили именныя камни. Слѣдующіе камни были положены гофмейстеромъ А. Г. Булыгинымъ и строителями памятника—академикомъ скульптуры А. М. Опекушинымъ и

профессоромъ архитектуры А. Н. Померанцевымъ. Крестный ходъ обратно прослѣдовалъ въ храмъ Христа Спасителя; хоры военной музыки играли «Коль славенъ». Сооруженіе памятника началось еще въ 1900 году. Всѣ архитектурныя работы выполняются профессоромъ А. И. Померанцевымъ, строителемъ Верхнихъ торговыхъ рядовъ; фигура императора Александра III отливается въ Петербургѣ, на заводѣ Морана по проекту скульптора А. М. Опекушина, автора московскихъ памятниковъ императору Александру II и поэту А. С. Пушкину. Постаментъ памятника уже готовъ. Онъ вышиною въ 11 аршинъ, сооруженъ изъ полированного краснаго гранита. По сторонамъ постамента находятся четыре двухглавыя орла и гербы царствъ и княжествъ по титулу Его Императорскаго Величества (царь польскій, великій князь финляндскій и пр.) Къ памятнику ведутъ четыре входа. Главный изъ нихъ со стороны Москвырѣки съ лѣстницею въ три марша, остальные входы—со стороны Всѣхсвятскаго проѣзда, Волхонки и храма Христа Спасителя. Входы сдѣланы изъ краснаго гранита. Баллюстрада—изъ сѣраго гранита. Всего гранита пошло до 200 тысячъ пудовъ, причѣмъ самый большой камень вѣситъ 470 пудовъ. Бронзовое изваяніе изображаетъ императора Александра III сидящимъ въ тронѣ Михаила Ѳедоровича, въ коронаціонномъ одѣяніи—въ порфирѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ. Вѣсъ фигуры—1.000 пудовъ. Фигура въ 9 аршинъ вышиною, приблизительно увеличенная въ 5 разъ противъ натурального роста императора. Фигура почти вся отлита. Осталась не отлитой одна голова. Въ скоромъ времени фигуру по частямъ будутъ перевозить въ Москву для установки ея. На памятникѣ будетъ написано: «Благочестивѣйшему, самодержавнѣйшему, великому государю нашему императору Александру Александровичу всея Россіи. 1881—1894».

Нѣмецкій памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ. 3-го іюля въ округѣ Диршау, въ мѣстечкѣ Большомъ Гольмкау, рядомъ съ селеніемъ Соббовичъ, происходило торжественное открытіе и освященіе памятника, воздвигнутаго мѣстнымъ военно-солдатскимъ фереиномъ (Des Krieger und Militärverein von Sobbowitz und Umgegend) на могилахъ павшихъ здѣсь въ бояхъ съ французами въ 1813—1814 гг. русскихъ солдатъ на средства предсѣдателя ферейна, г. Линка, одного изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ края и бывшаго гусара. Памятникъ, имѣющій форму пирамиды въ 9 метровъ вышины, сдѣланъ изъ твердаго, цементованнаго гранита и поставленъ на широкомъ цоколѣ. Къ тому холму, на которомъ высится этотъ памятникъ, ведетъ широкая, красивая лѣстница, въ два подъема, по 10 ступенекъ въ каждомъ. На лицевой сторонѣ памятника высѣчена сначала нѣмецкая надпись: «Покоящимся здѣсь русскимъ воинамъ, достойно заслужившимъ почетную память. Памятникъ прусско-русскаго братства по оружію въ 1813—1814 г. Воздвигнутъ соббовичскимъ военнымъ фереиномъ въ 1911 г.» А внизу лаконическая, но весьма выразительная русская надпись: «Въ память русско-прусскаго ратнаго союза 1813—1814 года». Мѣсто для памятника выбрано очень удачно, такъ какъ отъ его подножія открывается живописный и широкій видъ на далекую окрестность, надъ которой онъ господствуетъ. Самое торжество открытія памятника происходило 3-го іюля, въ присутствіи всѣхъ членовъ соббовичскаго ферейна, представителей отъ другихъ

подобныхъ же ферейновъ и многихъ почетныхъ гостей. Въ средѣ ихъ были русскій генеральный консулъ изъ Данцига, д. с. с. Д. Н. Островскій, настоятель берлинской посольской церкви протоіерей А. П. Мальцевъ и друг. Изъ нѣмецкой знати, кромѣ массы сосѣднихъ помѣщиковъ, были тутъ: командиръ округа О. Спонъ, ген.-м. Беккедорфъ, какъ представитель командующаго войсками, мѣстный ландратъ г. Крисъ и многие другіе. Въ половинѣ четвертаго двинулись къ мѣсту самаго торжества. Тамъ была огромная масса народа, достигавшая нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, во главѣ съ членами ферейна, въ ихъ характерныхъ костюмахъ и съ величественными знаменами и военной музыкой. Торжество открылъ одушевленной рѣчью товарищъ предсѣдателя ферейна, лейтенантъ Херингъ, говорившій о значеніи воспоминаемаго событія и закончившій hochъ въ честь русскаго и германскаго воинствъ. Тотчасъ же послѣ этого съ памятника была снята покрывавшая его завѣса, и полковая музыка проиграла сначала русскій, а затѣмъ и нѣмецкій гимны. Послѣ этого о. протоіерей А. П. Мальцевъ сказалъ на нѣмецкомъ языкѣ красивую и содержательную рѣчь, въ которой онъ благодарилъ нѣмцевъ за ихъ теплое отношеніе къ памяти павшихъ здѣсь, на чужбинѣ, русскихъ воиновъ. Затѣмъ по желанію самихъ нѣмцевъ о. протоіерей совершилъ сначала панихиду по умершимъ воинамъ, а затѣмъ водосвятный молебенъ и окропилъ памятникъ святою водой. Послѣ этого былъ еще рядъ рѣчей, и на могилу русскихъ воиновъ были возложены вѣнки отъ представителей различныхъ военныхъ и общественныхъ корпорацій. Закончилъ все это торжество словомъ самой теплой, искренней благодарности нашъ консулъ Д. Н. Островскій, возложившій на памятникъ огромный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, какъ привѣтъ отъ лица родины ея достойнымъ сынамъ. Въ заключеніе войска съ музыкой и барабаннымъ боемъ и всѣ члены ферейна съ ихъ знаменами прошли мимо памятника церемониальнымъ маршемъ.

Открытие памятника ген.-ад. Скобелеву. 12-го іюня въ Варшавѣ въ л.-гв. Гродненскомъ гусарскомъ полку состоялось открытіе памятника великому однополчанину гродненскихъ гусаръ Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Къ 10^{1/2} час. утра Гродненскій гусарскій полкъ построился въ лѣтней парадной формѣ покоемъ, въ полуэскадронныхъ колоннахъ на полковомъ плацу передъ памятникомъ, имѣя на правомъ флангѣ трубачей, а на лѣвомъ нестроевую команду. Весь плацъ и скверъ у памятника былъ украшенъ разноцвѣтными флагами, и среди нихъ возвышался окутанный пеленой памятникъ. Красивую картину среди зелени и флаговъ представляли стройные ряды гусаръ въ малиновыхъ чакчирахъ и въ бѣлой, какъ снѣгъ, амуниціи. Къ 11 часамъ утра стали съѣзжаться высшіе начальники и гости, въ числѣ которыхъ находились командиры корпусовъ варшавскаго военнаго округа и французскій военный агентъ въ Петербургѣ полковникъ Мотонъ. Въ 11 часовъ утра прибылъ къ мѣсту парада командующій войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Г. А. Скалонъ. По окончаніи обхода раздалась команда: «Трубачи на молитву», и изъ полковой церкви при стройномъ пѣніи пѣвчихъ показался крестный ходъ, который направился къ мѣсту, предназначенному для богослуженія. Духовенствомъ былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ и съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому и вѣчной памяти воину болярина

Михаилу. При пѣніи «вѣчной памяти» пелена съ памятника спала, и взорамъ присутствующихъ предсталъ памятникъ М. Д. Скобелева. Полкъ по командѣ командующаго полкомъ отдалъ честь памятнику. Памятникъ высотой въ шесть аршинъ. Основаніе его представляетъ четырехугольную колонну, сдѣланную изъ финляндскаго гранита. На колоннѣ находится бронзовый бюстъ Бѣлаго генерала въ сюртукѣ и съ тремя георгіевскими крестами; подъ бюстомъ имѣется широкая полоса мозаики изъ полковыхъ цвѣтовъ. Подъ правой стороною бюста два орла: одинъ туркестанскій, другой балканскій, съ лѣвой стороны памятника у бюста находится эмблема гродненскихъ гусаръ—ташка, украшенная лаврами. Всѣ эти украшенія у бюста имѣютъ каждое свое значеніе. Широкая полоса мозаики изъ полковыхъ цвѣтовъ означаетъ, что Скобелевъ вышелъ изъ среды гродненскихъ гусаръ и первое боевое крещеніе получилъ въ формѣ полка. Побѣды Бѣлаго генерала надъ врагами Россіи въ Туркестанѣ и въ Турціи изображены въ видѣ двухъ орловъ—одного туркестанскаго и другого болгарскаго, и, наконецъ, его дальнѣйшая слава, составляющая гордость гродненскихъ гусаръ, умѣвшихъ воспитать для Россіи такого народнаго героя, какъ Скобелевъ, изображена въ видѣ лавровъ, вѣнчающихъ эмблему гусаръ—ташку. Надпись на памятникѣ очень краткая: «Скобелеву—однополчане 1864—1872», а внизу годъ рожденія и смерти (1843—1882). Въ сооруженіи памятника участвовали какъ бывшіе, такъ и настоящіе гродненскіе гусары. По окропленіи памятника и полка святой водой состоялось возложеніе вѣнковъ отъ полка и 2-го эскадрона, въ которомъ служилъ Скобелевъ; затѣмъ полкъ взялъ на караулъ, и командующій полкомъ произнесъ рѣчь. Послѣ этого командующій войсками провелъ полкъ церемональнымъ маршемъ передъ памятникомъ, красиво возвышающимся на холмѣ, обсаженномъ кругомъ деревьями. У подножія памятника стояли почетные часовые—унтеръ-офицеры отъ 2-го эскадрона въ полной парадной формѣ, въ доломанахъ и ментикахъ наотпашъ.

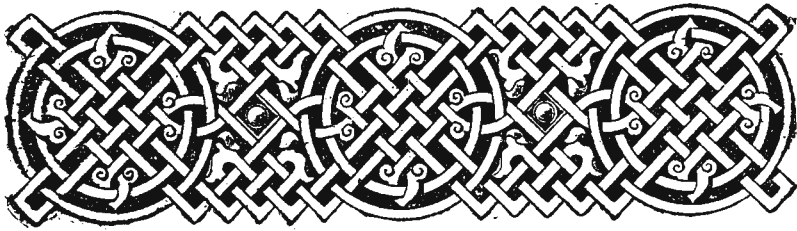
Юбилей «Кронштадтскаго Вѣстника». 2-го іюля въ Кронштадтѣ состоялось торжественное празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея газеты «Кронштадтскій Вѣстникъ». Къ часу дня въ залъ городской думы собрались всѣ сотрудники газеты во главѣ съ издателемъ И. Я. Лебедевымъ и редакторомъ И. Л. Деморейхомъ, а затѣмъ начали прибывать приглашенные гости. Среди нихъ были: главный командиръ и военный губернаторъ Кронштадта вице-адмир. Р. Н. Виренъ съ чинами штаба, представители типографіи, главнаго морскаго штаба строитель перваго русскаго дредноута, полк. Кутейниковъ, депутація отъ городского управленія съ головой инж. В. Г. Гуляевымъ, представители мѣстныхъ учебныхъ заведеній, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ газеты М. О. Меньшиковъ и мн. др. Всего собралось до двухсотъ человѣкъ. Послѣ торжественнаго молебствія было принято десять депутацій съ адресами отъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и отъ нѣкоторыхъ столичныхъ газетъ. Привѣтствіе въ стихотворной формѣ прочелъ подъ дружные аплодисменты полк. Нѣмцовъ. Затѣмъ оглашены привѣтственные телеграммы: отъ его императорскаго высочества великаго князя Константана Константиновича, отъ морскаго ми-

нистра вице-адм. И. К. Григоровича, его товарища контръ-адм. М. В. Бубнова, отъ начальника дѣйствующаго флота Балтійскаго флота вице-адм. Н. О. фонъ-Эссена, отъ всѣхъ отдѣльныхъ учреждений морского вѣдомства, отъ многихъ старыхъ подписчиковъ газеты и мн. др. Общее число телеграммъ превысило сто. Редакторъ г. Деморейхъ въ краткой рѣчи благодарилъ собраніе за выраженныя теплыя чувства по случаю 50-лѣтія газеты. Торжество окончено параднымъ завтракомъ. Главный командиръ вице-адмиралъ Р. Н. Виренъ поднялъ бокаль за здравіе Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи. Тостъ адмирала покрытъ троекратнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Второй тостъ провозгласилъ также Р. Н. Виренъ за морского министра и его товарища при единодушномъ ура. Редакторъ «Кронштадтскаго Вѣстника» поднялъ отвѣтныи бокаль въ честь Р. Н. Вирена. Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ тостовъ— за процвѣтаніе газеты, за тружениковъ пера и т. д., и т. д.

Закрытіе литературнаго общества. Въ засѣданіе с.-петербургскаго столичнаго объ обществахъ и союзахъ присутствія 1-го іюля былъ вызванъ казначей спб. литературнаго общества прис. пов. С. П. Елисеѣвъ по дѣлу о закрытіи этого общества. Повѣстка на засѣданіе явилась для г. Елисеѣва полной неожиданностью, и хотя по лѣтнему времени собрать экстренное засѣданіе совѣта общества не представлялось возможнымъ, С. П. Елисеѣвъ все-таки счелъ себя вынужденнымъ явиться въ присутствіе. Ему былъ предложенъ рядъ вопросовъ о дѣятельности общества за послѣднее время (1910—1911 академическій годъ). Оказалось, что присутствіе усмотрѣло въ дѣйствіяхъ общества уклоненіе отъ устава: вопреки уставу была устроена анакета о положеніи печати, и общее собраніе вынесло резолюцію, осуждавшую дѣйствія профессоровъ петербургскаго университета во время студенческой забастовки. С. П. Елисеѣвъ объяснилъ, что устройство анкетъ уставу не противорѣчитъ, входя непосредственно въ задачи литературнаго общества, что же касается данной анкеты, то литературное общество сочло себя обязаннымъ устроить ее, чтобы исполнить рѣшеніе послѣдняго литературнаго съѣзда. Революція же о дѣйствіяхъ университетскихъ профессоровъ была принята обществомъ на закрытомъ засѣданіи, при чемъ никто изъ членовъ общества не предлагалъ предавать эту резолюцію огласкѣ. Такимъ образомъ, должны отпасть всякія нареканія на общество въ какихъ-либо противозаконныхъ стремленіяхъ. Выслушавъ С. П. Елисеѣва, присутствіе все-таки постановило закрыть с.-петербургское литературное общество на основаніи ст. 35 приложения къ ст. 118 уст. о предупред. и пресѣч. преступленій. Собрать совѣтъ общества, который долженъ ликвидировать дѣла общества, въ настоящее время очень трудно. По всей вѣроятности, рѣшеніе присутствія будетъ обжаловано въ сенатъ.

НЕКРОЛОГИ.

БЕХТЪЕВЪ, С. С. Гос. совѣтъ понесъ тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 8-го іюля С. С. Бехтѣва, виднаго представителя объединеннаго дворянства. С. С. родился въ 1844 г. и окончилъ морской кадетскій корпусъ. Совершивъ нѣсколько плаваний, онъ вышелъ въ отставку и занялся сельско-хозяйственной дѣятельностью въ своемъ родовомъ помѣстьѣ въ Орловской губ. Параллельно съ этимъ протекала громадная общественная дѣятельность С. С. въ качествѣ земскаго гласнаго, мирового судьи и уѣзднаго предводителя дворянства. С. С. явился заботливымъ попечителемъ крестьянъ и ихъ нуждъ, выступая неоднократно предъ правительствомъ съ докладными записками, которыя часто получали одобреніе правительства. По инициативѣ С. С., былъ построенъ первый въ Россіи элеваторъ въ Ельцѣ съ выдачей варрантовъ и учреждены сельско-хозяйственное общество, а также елецкое отдѣленіе государственнаго банка для умѣренія требовательности частныхъ банковъ. С. С. на свой счетъ было предпринято изслѣдованіе рѣки Дона для судоходства въ верхней его части на пространствѣ болѣе 1,000 верстъ. С. С. почти каждую зиму вызывался въ Петербургъ для участія въ работахъ комиссій различныхъ вѣдомствъ: по созданію меліоративнаго кредита, по поставкѣ хлѣба въ войска отъ землевладѣльцевъ непосредственно, по организаціи биржъ, въ сельско-хозяйственной комиссіи и мн. др. Въ 1894 г. С. С. вновь поступаетъ на государственную службу членомъ отъ министерства земледѣлія въ совѣты по желѣзнодорожнымъ и тарифнымъ дѣламъ, а также членомъ совѣтовъ торговаго мореплаванія и сельско-хозяйственнаго. Одновременно С. С. участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ и сѣздахъ какъ своего вѣдомства, такъ и другихъ. Между прочимъ,

С. С. представленъ былъ проектъ преобразованія главнаго управленія земледѣлія и землеустройства. Перу С. С. принадлежать обратившія на себя вниманіе специалистовъ сочиненія: «Хозяйственные итоги истекшаго 45-лѣтія», а затѣмъ «Вопросъ земельный», составляющія два объемистыхъ тома. Когда въ 1906 г., во время засѣданій гос. думы созванъ былъ учредительный съѣздъ объединенныхъ дворянъ, на этомъ съѣздѣ рѣчи С. С. по аграрному вопросу, его прошлая дѣятельность привлекли къ нему общественныя симпатіи и довѣріе, и онъ былъ избранъ въ совѣтъ, въ которомъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ до самаго дня своей кончины. Въ 1908 г. С. С. назначенъ былъ членомъ высшей желѣзнодорожной комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла, а въ 1909 г. членомъ государственнаго совѣта. Въ государственномъ совѣтѣ С. С. принималъ участіе во многихъ комиссіяхъ и неоднократно обсуждалъ съ трибуны волновавшіе его вопросы текущаго законодательства. (Некрологъ см.: «С.-Пет. Вѣдом.» 1911 г., № 152).

† **Вишняковъ, Н. П.** 24 іюня въ Царицынѣ, по пути на Кавказъ, скончался одинъ изъ виднѣйшихъ петербургскихъ священнослужителей, настоятель Волковской кладбищенской церкви, извѣстный гебраистъ, протоіерей Николай Петровичъ Вишняковъ. Сынъ діакона тверской епархіи, покойный родился въ 1841 году. Блестяще окончивъ курсъ петербургской духовной академіи, онъ вступилъ въ число преподавателей петербургской духовной семинаріи, сначала по каѳедрѣ Священнаго Писанія, а затѣмъ еврейскаго языка, которую занималъ въ теченіе 25 лѣтъ. Въ 1862 г. покойный былъ опредѣленъ священникомъ къ Волковской кладбищенской церкви, гдѣ и оставался до самой смерти. Несмотря на крайнюю обременительность кладбищенской службы, о. Вишняковъ несъ еще и многочисленныя обязанности по епархіальному управленію въ качествѣ предсѣдателя Александро-Маріинскаго дома призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія, члена уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта, завѣдующаго Волковской богодѣльней, помощника благочиннаго и пр. При такой многочисленности и сложности пастырскихъ обязанностей, покойный сумѣлъ составить себѣ весьма крупное имя и въ качествѣ ученаго-гебраиста. Уже его магистерская диссертация «О происхожденіи Псалтири» была признана выдающейся ученой работой. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ, совмѣстно съ покойнымъ профессоромъ Д. А. Хвольсономъ и др., принималъ дѣятельное участіе въ составленіи «Толкованія псалмовъ», издававшагося при спб. духовной академіи и представлявшаго собой единственное въ этомъ родѣ изданіе. Кроме этого, покойный напечаталъ «Историко-статистическое описаніе Волковскаго православно-кладбища» и рядъ обстоятельныхъ статей, какъ по своей специальности, такъ и по разнымъ церковно-общественнымъ вопросамъ. (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12667).

† **Голубцовъ, А. П.** 4 іюля скоропостижно умеръ ординарный профессоръ московской духовной академіи Александръ Петровичъ Голубцовъ, полтора мѣсяца не дослужившій до двадцатипятилѣтія своей учено-педагогической дѣятельности. Покойный, сынъ священника костромской епархіи, родился въ 1862 г. и воспитывался въ мѣстной семинаріи, изъ которой для довершенія своего образованія съ 1882 г. поступилъ въ московскую духовную академію. По

окончаниі курса, какъ лучший студентъ, онъ былъ оставленъ при родной академіи для приготовленія къ профессорскому званію (съ 16 августа 1886 г.) и съ тѣхъ поръ служилъ при ней, занимая кафедру церковной археологіи и литургики до своей ранней кончины (1887—1911 гг.), а также завѣдуя церковно-археологическимъ музеемъ академіи. Кромѣ многихъ статей въ «Прибавленіяхъ» къ твореніямъ св. отцовъ, «Чтеніяхъ въ обществѣ любит. духов. проsv.» , «Богословскомъ Вѣстникѣ» и въ «Чтеніяхъ импер. общества исторіи», имъ напечатаны отдѣльными книгами: «Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича-Вальдемара и царевны Ирины Михайловны», магистер. диссерт. (М. 1891 г.), «Памятники преній о вѣрѣ» (М. 1892 г.), «Изъ исторіи древне-русской иконописи» (М. 1897 г.), «Изъ исторіи празднованія Новаго года» (М. 1897 г.), «Мѣста молитвенныхъ собраній христіанъ I—III в.» (Сергіевъ-Посадъ 1898 г.), «Соборные чиновники и особенности службы по нимъ», докторск. диссерт. (М. 1907 г.) (Некрологъ см.: «Московск. Вѣдом.», 1911 г., № 153).

† **Левинсонъ, О. Я.** Въ Ригѣ скончался видный еврейскій публицистъ и общественный дѣятель О. Я. Левинсонъ. Покойный обладалъ выдающимися знаніями въ области еврейской литературы и науки. Сотрудничая въ еврейскихъ органахъ, онъ въ то же время работалъ и въ общей провинціальной прессѣ, гдѣ его статьи по экономическимъ, финансовымъ и государственнымъ вопросамъ всегда вызывали большое вниманіе по своей обоснованности, рѣдкой эрудици и той благородной чистотѣ взглядовъ, которая отличала покойнаго. Послѣднія нѣсколько лѣтъ О. Я. жилъ въ Петербургѣ, гдѣ принималъ замѣтное участіе во всѣхъ культурно-общественныхъ учрежденіяхъ и начинаніяхъ еврейскихъ общественныхъ группъ. Память его будетъ чтиться всѣми, кто зналъ его работы и зналъ его лично. (Некрологъ см.: «Рѣчь», 1911 г., № 183).

† **Ольдерогге, В. В.** Въ Шмецкѣ скончался 3 іюля директоръ императорскаго училища правовѣднія ген.-лейт. Василій Васильевичъ Ольдерогге. Покойный родился 22 августа 1848 г., образованіе получилъ въ с.-петербургской второй военной гимназіи и въ Павловскомъ военномъ училищѣ. Службу началъ въ л.-гв. Егерскомъ полку. Во время русско-турецкой кампаніи 1877—78 гг. онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ бояхъ съ турками, подъ Горнымъ Дубнякомъ былъ раненъ. За боевыя заслуги былъ награжденъ орденами св. Владимира 4 ст., св. Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст.—всѣ съ мечами. Въ 1896 г. покойный былъ назначенъ инспекторомъ императорскаго училища правовѣднія и съ этого время всецѣло посвятилъ свои силы и энергію училищу, находясь съ 1902 г. во главѣ этого привилегированнаго высшаго учебнаго заведенія въ качествѣ его директора. Отличаясь сердечностью, всегда доброжелательный и заботливый, В. В. пользовался общими симпатіями. Онъ былъ близокъ воспитанникамъ-правовѣдамъ, бережно относился къ ихъ индивидуальнымъ особенностямъ и хорошо зналъ каждого изъ нихъ. Въ качествѣ предсѣдателя училищнаго совѣта онъ умѣло руководилъ дѣлами училища и заботился о лучшей постановкѣ преподаванія въ училищѣ. Всѣ, знавшіе покойнаго, цѣнили его рѣдкія душевныя качества, его удивительное самообладаніе и рѣдкую трудоспособность. (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12684).

† **Пантюховъ, И. И.** 15 июня въ Кіевѣ скончался отъ склероза артерій извѣстный антропологъ Иванъ Ивановичъ Пантюховъ. Покойный родился 19 іюля 1836 г. въ гор. Глуховѣ. По окончаніи курса черниговской, а послѣ новгородъ-сѣверской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владимира, И. И. нѣкоторое время служилъ земскимъ врачомъ, но съ 1862 г., когда на Кавказѣ возобновились военныя дѣйствія, поступилъ врачомъ въ дѣйствующую армію, съ которой въ теченіе 1863 и 1864 года почти непрерывно участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Былъ тяжело раненъ глыбою камня, брошеннаго непріятелемъ съ вершины горы. Эта рана принудила его болѣе года ходить лишь съ помощью костылей и оставить военную службу, заслуживъ рѣдкіе въ то время для врачей ордена съ мечами. Временно И. И. посвятилъ себя педагогической дѣятельности, основавъ на свой страхъ и рискъ школу въ гор. Валтѣ—прогимназію. Но въ 1877 г., когда началась турецкая война, онъ уже былъ въ рядахъ нашихъ войскъ, завѣдуя поочередно нѣсколькими госпиталями, и подъ стѣнами Константинополя заразился тяжелой формой брюшного тифа. Дальнѣйшая служба И. И., какъ военного врача, протекла сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Одессѣ, Петербургѣ и наконецъ долгое время въ Тифлисѣ, гдѣ своими учеными трудами по медицинѣ и антропологии много способствовалъ оздоровленію нѣкоторыхъ мѣстностей Закавказья и содѣйствовалъ организациі переселенческаго дѣла на Кавказѣ. Результатомъ его трудовъ явились многочисленныя, цѣнныя для науки сочиненія, какъ-то: «Статистическіе и санитарные очерки Кіева», «О леченіи простыми средствами», «О народной медицинѣ въ Юго-Западномъ краѣ», «Бесѣды о здоровьѣ», «Доктора и знахари», «Теплые минеральные источники Болгаріи», «Населеніе города Одессы», «Антропологическія наблюденія на Кавказѣ», «Шаорская котловина», «О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ», «Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа», «Зобъ въ Сванетіи», «Хевсуры и Пшавы», «Алкоголизмъ на Кавказѣ», «Населеніе Кутаисской губерніи», «Куреневка», «Малорусскій типъ», и многія другія. За свои научныя труды И. И. былъ избранъ членомъ многихъ русскихъ и заграничныхъ научныхъ обществъ, причѣмъ получилъ почетный дипломъ и медаль отъ императорскаго географическаго общества. Покойный участвовалъ въ составленіи отчета о турецкой войнѣ, изданнаго главнымъ военно-медицинскимъ департаментомъ по отдѣлу эвакуаціи, а также въ редактированіи «Врачебныхъ Вѣдомостей» (1880 г.) (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12669).

† **Руссовъ, А. А.** Въ Теріокахъ скончался 4 іюля отъ кровоизліянія въ мозгъ директоръ и главный докторъ дѣтской больницы принца П. Г. Ольденбургскаго Александръ Александровичъ Руссовъ. Покойный пользовался обширнѣйшей популярностью, какъ выдающійся дѣтскій врачъ-практикъ и знатокъ дѣтскихъ болѣзней. А. А. родился въ 1846 году. Окончивъ императорскую военно-медицинскую академію въ 1870 г., онъ поступилъ сверхштатнымъ врачомъ отдѣленія для приходящихъ дѣтской больницы принца Ольденбургскаго. Здѣсь на богатомъ амбулаторномъ матеріалѣ покойный сталъ изучать вопросъ объ искусственномъ и естественномъ вскармливаніи дѣтей грудного возраста. Производя тщательныя взвѣшиванія многихъ сотенъ грудныхъ дѣтей, слѣдя за ихъ общимъ развитіемъ и питаніемъ, онъ убѣдился въ несомнѣнномъ

преимуществом грудного вскармливания перед искусственным. Выступив с этими данными в первый раз в обществе охранения народного здоровья и затем блестяще защитив на эту же тему в 1879 году диссертацию на степень доктора медицины, А. А. сразу же обратил на себя внимание не только специалистов-врачей, но и широких слоев общества. Будучи в 1878 году назначен директором ремесленной школы императорского женского патриотического общества и состоя с 1882 года врачом училища ордена св. Екатерины, покойный продолжал с любовью отдаваться тяжелому и неблагодарному труду амбулаторного врача в отделении для приходящих больных и лишь в 1893 году он назначен был старшим врачом детской больницы принца Ольденбургского. С педантической добросовестностью и отеческой любовью опекая и исцеляя своих маленьких пациентов, он находил время для ряда ценных научно-клинических работ. В 1898 г. военно-медицинская академия во внимание к его трудам избрала его приват-доцентом по детским болезням. После смерти профессора Гундобина А. А. временно читал студентам курс детских болезней. В 1901 г. покойный был назначен врачом-консультантом по внутренним болезням при спб. учебно-воспитательных заведениях ведомства императрицы Марии, в 1904 г. императорский клинический институт великой княгини Елены Павловны избрал его консультантом по детским болезням и через год профессором. С этого времени покойный читал в институте лекции врачам, богато демонстрируя их фактами детских заболеваний из своей обширной практики. В том же 1904 г. А. А. был назначен директором и главным врачом Елизаветинской клинической больницы для малолетних детей. Получив в свое распоряжение главное руководство детской больницей, он выхлопотал суммы на ее капитальное переустройство и значительно расширил деятельность больницы. Одновременно А. А. был членом врачебного совещания ведомства учреждений императрицы Марии. В 1908 году покойный вернулся в детскую больницу принца П. Г. Ольденбургского, где начал свою блестящую врачебную карьеру и с которой были связаны лучшие годы его жизни. Он был назначен директором и главным доктором этой больницы. Руководя последние три года деятельностью больницы, профессор Руссов энергично принялся за осуществление своей заветной мечты отделить амбулаторный прием от больницы. С этой целью он выхлопотал средства для постройки новой амбулатории и на значительное расширение здания по инфекционным болезням. В настоящее время капитальные работы в больнице заканчиваются, но А. А. не дожился до окончательного осуществления своей мечты. Покойному принадлежит ряд научно-клинических работ, из которых особенно выдаются «О брюшном тифе» и «О цереброспинальной функции». Им сделано множество научных докладов в обществе детских врачей, председателем которого покойный состоял в последние годы. (Некролог см.: «Новое Время», 1911 г., № 12-685).

† **Соловьев, П. В.** 4 июля скончался главный врач гомеопатической больницы в память императора Александра II Павел Васильевич Соловьев. С его смертью гомеопаты понесли незамыслимую утрату. П. В. родился 1 июля

1843 года въ городъ Вяткѣ. Окончивъ курсъ вятской гимназіи и прослуживъ послѣ этого земскимъ учителемъ въ теченіе трехъ лѣтъ, онъ въ 1867 году поступилъ въ казанскій университетъ на медицинскій факультетъ, который окончилъ въ 1872 г., и занялъ мѣсто уѣзднаго врача въ Самарской губерніи. Вскорѣ былъ приглашенъ вятскимъ отдѣломъ Россійскаго общества Краснаго Креста для завѣдыванія подвижнымъ лазаретомъ. Еще до этого, наблюдая результаты примѣненія гомеопатическихъ лекарствъ нѣкоторыми мѣстными помѣщиками и священниками, П. В. сталъ и самъ испытывать на больныхъ эти лекарства. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ гомеопатическаго способа леченія и примѣнялъ его въ упомянутомъ лазаретѣ, съ которымъ онъ въ русско-турецкую войну былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій. Съ окончаніемъ войны П. В. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ остался уже до конца жизни. Здѣсь онъ всецѣло посвятилъ себя упроченію и распространенію гомеопатіи въ Россіи. По его инициативѣ возникли: въ 1878 г. «с.-петербургское благотворительное общество послѣдователей гомеопатіи», въ 1881 г.—лечебница для приходящихъ больныхъ во имя св. Архангела Михаила съ аптекой при ней. Затѣмъ въ 1898 г. первая и единственная въ Россіи гомеопатическая больница. Въ 1905 г. на Высочайше предоставленномъ участкѣ земли близъ Сестрорѣцка имъ устроена санаторія. На развитіе и процвѣтаніе всѣхъ этихъ учрежденій онъ отдавалъ всѣ свои силы. Имя П. В. пользовалось необычайной популярностью не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи, о чемъ свидѣтельствовали десятки тысячъ писемъ, ежегодно получавшихся имъ отъ провинціальныхъ больныхъ съ просьбой о совѣтѣ и помощи. П. В. былъ не только выдающимся врачомъ-практикомъ, но отличался своимъ безкорыстіемъ, отзывчивостью и самоотверженностью. Изъ печатныхъ трудовъ его большимъ распространеніемъ пользуется составленный имъ «Домашній лечебникъ». Кромѣ того, подъ его редакціей издано нѣсколько капитальныхъ иностранныхъ книгъ по гомеопатіи въ русскомъ переводѣ (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12-685).

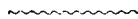
† **Соколовъ, А. Н.** 28 іюня въ Обуховской больницѣ скоропостижно скончался прозекторъ этой больницы, привать-доцентъ императорской военно-медицинской академіи, Алексѣй Николаевичъ Соколовъ. Окончивъ въ восьмидесятихъ годахъ дерптскій (юрьевскій) университетъ, А. Н. нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, а затѣмъ занимался въ военно-медицинской академіи. Имъ написано много ученыхъ трудовъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ по анатоміи. Конференціей академіи А. Н. былъ избранъ на должность привать-доцента и въ послѣднее время читалъ лекціи по патологической анатоміи. Въ 1903 г. его пригласили прозекторомъ въ Обуховскую больницу. Свои врачебныя обязанности А. Н. исполнялъ въ высшей степени добросовѣстно и среди товарищей пользовался общимъ расположеніемъ. На 57 году А. Н. заболѣлъ горломъ и въ послѣднее время жаловался на переутомленіе. Скончался онъ отъ паралича сердца. (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12680).

† **Суворовъ, В. М.** Въ Казани скончался заслуженный ординарный профессоръ императорскаго казанскаго университета по кафедрѣ чистой математики

Федоръ Матвѣевичъ Суворовъ. Ф. М., уроженецъ Пермской губерніи, сынъ протоіерея Кушвинскаго завода, родился 14 сентября 1845 года. Блестяще окончивъ пермскую гимназію и казанскій университетъ со степенью кандидата физико-математическихъ наукъ, Ф. М. былъ опредѣленъ хранителемъ музейевъ университета по кабинету практической механики. Въ 1871 г., по защитѣ диссертациі «О характеристикахъ системъ трехъ измѣреній», былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ и въ томъ же году, по защитѣ диссертациі, утвержденъ въ степени доктора чистой математики и избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1896 г. утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. Кромѣ профессорства, покойный исполнялъ и другія обязанности по университету: въ 1893, 1894, 1895 гг. состоялъ предсѣдателемъ испытательной комиссіи на математическомъ факультетѣ; въ 1899 г. былъ избранъ деканомъ физико-математическаго факультета; состоялъ отвѣтственнымъ редакторомъ для изданія и редактированія ученыхъ записокъ по физико-математическому факультету; много лѣтъ состоялъ членомъ попечительнаго совѣта при учебномъ округѣ по отдѣлу физико-математическихъ наукъ. (Некрологъ см.: «Новое Время», 1911 г., № 12667).

† **Шараповъ, С. Ф.** 26 іюня скончался послѣ непродолжительной болѣзни писатель-публицистъ и сельскій хозяинъ Сергѣй Федоровичъ Шараповъ. Покойный родился въ 1855 г. и готовился съ дѣтства къ военной карьерѣ. Изъ 2-й московской военной гимназіи онъ поступилъ въ Николаевское инженерное училище и вышелъ изъ него офицеромъ. Возстаніе въ 1875 г. Босніи и Герцеговины противъ Турціи потянуло покойнаго на театръ военныхъ дѣйствій, куда онъ отправился добровольцемъ. По окончаніи войны С. Ф. вернулся въ свое родовое имѣніе Смоленской губерніи и занялся сельско-хозяйственными идеями А. Н. Энгельгардта. На первыхъ же шагахъ онъ обратилъ вниманіе на первобытность обработки крестьянской земли сохами и на крестьянское малоземелье. Онъ рѣшилъ прийти на помощь крестьянскому хозяйству и основалъ въ 1878 г. въ своемъ имѣніи Сосновкѣ мастерскую для изготовленія дешевыхъ плуговъ. Съ этого времени до конца жизни его сельско-хозяйственная дѣятельность шла параллельно съ журнальной. Его плуги, появлявшіеся на разнообразныхъ конкурсахъ и выставкахъ, заслужили общее одобреніе. Въ 1895 г. министерство земледѣлія вошло въ соглашеніе съ его мастерской, по которому покойный за небольшую субсидію отъ казны взялся за распространеніе не только плуга между крестьянами, но и за организацію кустарнаго производства дешевыхъ плуговъ въ разныхъ губерніяхъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ рядъ поѣздокъ, читалъ лекціи въ провинціальныхъ городахъ и демонстрировалъ плуги въ различныхъ мѣстностяхъ въ присутствіи волостныхъ старшинъ, землевладельцевъ и крестьянъ. Для болѣе широкаго распространенія плуговъ имъ было основано акціонерное общество «Пахарь». Свою журнальную дѣятельность покойный началъ въ еженедѣльной «Руси» И. С. Аксакова статьями о крестьянскомъ хозяйствѣ и малоземельѣ подъ псевдонимомъ «Земледѣлецъ» и продолжалъ въ «Земщинѣ». Съ прекращеніемъ «Руси» онъ перешелъ въ «Новое Время» и отправился въ качествѣ корреспондента въ Сербію и Болгарію, печатая въ газетѣ свои путевыя впечатлѣнія и характеристики тогдашняго политическаго положе-

ніа славянскихъ государствъ. Съ возвращеніемъ въ Россію онъ основалъ въ 1886 г. свою политико-литературную и сельско-хозяйственную еженедѣльную газету «Русское Дѣло», всецѣло посвятивъ ей свои силы и энергію. Газета выходила въ Москвѣ съ большими перерывами и неоднократно приостанавливалась министерскими распоряженіями. Съ этого времени С. Ѳ. печаталъ свои публицистическія статьи почти исключительно въ собственныхъ изданіяхъ. Съ приостановленіемъ «Русскаго Дѣла» онъ предпринялъ въ Петербургѣ въ 1897 г. еженедѣльную политическую, экономическую и литературную газету «Русскій Трудъ», получилъ три предостереженія за рѣзкость выраженій и прекратилъ изданіе. Затѣмъ вновь съ 1905 г. издавалъ «Русское Дѣло», а съ 1906 г. ежемѣсячный журналъ небольшихъ размѣровъ «Свидѣтель». Во время перерыва своихъ периодическихъ изданій покойный печаталъ свои публицистическія статьи отдѣльными сборниками подъ разными заголовками: «Сугробы», «Оттепель», «Ледоходъ», «Борозды», «Посѣвы», «Сѣнокосъ», «Снѣга» и пр. Всего имъ издано до 30 выпусковъ, составившихъ десять томовъ его сочиненій. Какъ публицистъ, покойный высказывался по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, преимущественно по экономическимъ, финансовымъ и сельско-хозяйственнымъ. Въ 1899 г. онъ выступилъ сперва въ «Русскомъ Трудѣ», затѣмъ въ отдѣльной книгѣ «Какъ ликвидировать золотую валюту» (совмѣстно съ Павломъ Олемъ) яростнымъ противникомъ финансовой политики С. Ю. Витте, доказывая неудачность конверсій, основанныхъ якобы на еврейскихъ биржевыхъ теоріяхъ. Еще раньше, въ 1895 г., онъ высказывался въ своей книгѣ «Бумажный рубль, его теорія и практика» сторонникомъ бумажно-денежнаго обращенія. Помимо цѣлага ряда отдѣльныхъ выпусковъ своихъ сочиненій, имъ изданы слѣдующіе крупныя труды: «Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ», «По Черноморскому побережью», очерки поездки съ экспедиціей министра земледѣлія въ 1894 г., романъ въ трехъ частяхъ «Кружнымъ путемъ» (выдержалъ три изданія), «Письма о голодѣ» (1892 г.), «Будущность крестьянскихъ хозяйствъ»—критико-экономическая монографія въ 2 частяхъ, «А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки», «Чему можно поучиться среди русскихъ хозяевъ» и цѣлый рядъ мелкихъ брошюръ на различныя политическія и экономическія темы. Такъ называемое освободительное движеніе увлекло его въ полемику съ конституціоналистами, причемъ онъ отстаивалъ самобытность русскихъ началъ и совѣщательный характеръ государственной думы, выступая ораторомъ на предвыборныхъ собраніяхъ. Покойный былъ не только хорошимъ сельскимъ хозяиномъ и талантливымъ публицистомъ, но также виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, выступая докладчикомъ и горячимъ оппонентомъ въ различныхъ обществахъ: московскомъ сельскаго хозяйства, спб. славянскомъ, трезвости. (Некрологъ см. «Новое Время», 1911 г., № 12676).

ЖОРЖЪ ОНУ.

СМЕРТЬ КОНСУЛУ!

(Pour tuer Bonaparte)

Историческій романъ.

Переводъ съ французскаго

А. Б. Михайлова.

С-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

I.

ОРЕ сильно шумѣло, разбиваясь о камни, которые образуютъ полукруглую бухту около нормандской деревушки Вервилль. Почернѣвшее небо, по которому бѣжали тяжелыя облака; раскинулось надъ землей и надъ волнами, которыя все чаще и чаще освѣщались молніей: со стороны Англїи шла сильная гроза. Падаль крупный и холодный дождь вперемежку съ градомъ, хлеставшимъ, какъ несокъ.

Человѣкъ, котораго едва можно было различить, быстро шель по тропинкѣ на берегу моря. Вдругъ онъ остановился, ослѣпленный прорѣзавшимъ тьмоту зигзагомъ молніи. На мгновеніе кругомъ стало все видно. Вдали въ открытомъ морѣ показалось небольшое судно, ловко лавировавшее на парусахъ. Освѣтило и человѣка на берегу. Это былъ крѣпкій мужчина въ костюмѣ крестьянина, въ вязаной нахлобученной на уши шапкѣ. За плечами у него висѣлъ короткоствольный карабинъ.

Затѣмъ все опять потемнѣло. Незнакомецъ спустился къ камнямъ на берегу и началъ выбивать огниво. Черезъ минуту у него въ рукахъ затлѣлъ труть. Огнь наклонился къ землѣ. Послышался трескъ вспыхнувшей травы, мало-по-малу загорѣлся заранѣе припасенный хворостъ. Очевидно, то былъ сигналъ, такъ какъ въ ту же минуту и на суднѣ показался яркій свѣтъ, и до берега донесся звукъ выстрѣла. Тогда незнакомецъ, не заботясь болѣе объ огнѣ, вскинулъ на плечо карабинъ и по извивавшейся между камнями тропинкѣ сталъ спускаться къ морю.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ весьма опаснаго пути онъ очутился на грудѣ мелкихъ камней, которые лизала морская пѣна. Онъ подошелъ къ торчавшему изъ земли четырехугольному камню и сѣлъ. Положивъ свой карабинъ у ногъ и прислонившись спиной къ камню, онъ весь ушелъ въ ожиданіе.

Прошелъ, по крайней мѣрѣ, часъ. Вдругъ по вѣтру донесся глухой, едва слышный звукъ. Онъ становился все яснѣе и яснѣе. Наконецъ по ритму стало слышно, что идетъ на веслахъ лодка. Почти въ то же время изъ темноты выдѣлилась какая-то черная масса, и по стуку дерева о валуны можно было догадаться, что это причалила лодка. Не поднимаясь съ мѣста, незнакомецъ оцупалъ свой карабинъ. Послышался сухой звукъ взведеннаго курка. Въ ту же минуту раздался тихій свистъ съ особеннымъ переливомъ, обычнымъ среди моряковъ. Незнакомецъ вышелъ изъ своего ожидательнаго положенія и двинулся къ тому мѣсту, гдѣ причалила лодка. Въ темнотѣ раздался голосъ:

— Это вы, Паркэнъ?

— Да, это я. Пассажиры съ вами?

— Да.

— Они могутъ высаживаться. Путь свободенъ, но нельзя мѣшкать. Съ минуты на минуту сюда могутъ нагрянуть жандармы.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ и мы.

Одинъ изъ пассажировъ проворно спрыгнулъ на песокъ. Другой вытѣзъ изъ лодки съ нѣкоторыми предосторожностями. Третьяго снесли на берегъ матросы.

— Чортъ возьми! Будетъ ли этому конецъ?—сухо промолвилъ тотъ, который высадился первымъ.

— Ну, Жоржъ, торопиться незачѣмъ,—отвѣчалъ тотъ, котораго снесли на берегъ матросы.—Вѣдь, можетъ быть, мы идемъ на смерть.

— Нечего бояться, что вашъ парикъ потеряетъ пудру,—угрюмо возразилъ тотъ, когѣ назвали Жоржемъ.

— Ну, когда дойдетъ до дѣла, вы увидите, что я не отстану отъ другихъ. А теперь вся задача въ томъ, чтобы не промочить ногъ въ морѣ.

Хозяинъ судна снесъ на берегъ нѣсколько небольшихъ свертковъ, принадлежавшихъ пассажирамъ. Паркэнъ связалъ ихъ веревкой и взвалилъ на плечо. Тотъ, съ кѣмъ разговаривалъ Жоржъ, обернулся къ хозяину судна и сказалъ по-англійски:

— Благодарю васъ за то, что безъ всякихъ приключеній доставили насъ на берегъ. Вотъ вамъ и вашимъ людямъ.

И онъ передалъ ему кошелекъ. Затѣмъ, не дожидаясь благодарности, онъ догналъ своихъ спутниковъ, которые, пѣдъ предводительствомъ Паркэна, собирались уже по крутой тропинкѣ между

каменной. Черезъ четверть часа эти четыре человекъ почувствовали подъ ногами скудную траву. Паркэнъ остановился и сказалъ:

— Если бы почъ не была такъ темна, можно было бы отсюда видѣть ферму Биввилъ. Черезъ поле до нея будетъ не больше четверти лье.

— Въ такомъ случаѣ, тронемся въ путь,—сказалъ Жоржъ.— Здѣсь страшный холодъ. Къ тому же я умираю съ голоду. Вы собрались съ силами, Санъ-Режанъ?—спросилъ онъ четвертаго изъ пассажировъ, который все время шелъ молча.

— Я къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ тотъ тихо.

Скоро путники достигли обширной ограды, которую образовала насыпь, засаженная вѣковыми буковыми деревьями! Лай собакъ далъ знать о приближеніи маленькой компаніи. Кто-то открылъ дверь, черезъ которую хлынулъ на листья деревьевъ потокъ яркаго свѣта. Внутри дома хлопотали двое мужчинъ и женщина. Когда новоприбывшіе вошли въ кухню фермы, около каминна. сидя на скамейкѣ спиною къ нимъ, грѣлся какой-то человекъ. Когда дверь захлопнулась, онъ повернулся вмѣстѣ со скамейкой, предоставивъ камину грѣть его спишу. Лицо его было гладко выбрито. Длинные черные волосы свѣшивались ему на воротникъ камзола. На головѣ была широкая черная шляпа, а на ногахъ кожанья гетры, доходившія до грубыхъ башмаковъ.

— Пожалуйте сюда, господа, почъ холодна и пріятно будетъ взглянуть на огонь,—промолвилъ онъ вѣжливо.

Съ этими словами онъ поднялся и жестомъ, плохо шедшимъ къ его бѣдному одѣянію, предложилъ новоприбывшимъ свою скамейку.

— Чортъ возьми! Да это г. де-Фротте,—сказалъ Жоржъ, протягивая руку крестьянину. — Неужели вы сами явились къ намъ навстрѣчу? Съ насъ было бы довольно и вашего Паркэна.

— Я такъ и думалъ,—отвѣчалъ главарь шуановъ.—Но вы ѣдете изъ Лондона, гдѣ вы видѣлись съ принцами, и я хотѣлъ слышать прямо отъ васъ инструкціи, которыя они мнѣ посылаютъ. Но прежде всего познакомьте меня съ вашими спутниками.

— Г. Гидъ де-Невилль, секретарь его величества,—почтительно поклонившись, началъ Жоржъ,—кавалеръ де-Санъ-Режанъ. Оба имѣютъ важныя порученія для нашихъ парижскихъ друзей. Маркизь де-Фротте, главнокомандующій арміей въ Нормандіи,—продолжалъ Жоржъ, указывая на крестьянина.

Всѣ раскланялись между собой.

Фротте бросилъ взглядъ на хозяевъ фермы, и они сейчасъ же вышли. Когда четыре роялиста остались одни, главарь шуановъ спросилъ:

— Вы принесли намъ какія-нибудь приказанія?

— Его величество желаетъ, чтобы враждебныя дѣйствія были прекращены, пока мы не исполнимъ данныхъ намъ порученій,— отвѣчалъ Жоржъ.

— Напрасно. Слѣдовало бы навести страху на окрестности столицы, что мы ужъ и начали дѣлать. Сжечь четыре фермы—въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія все равно, что выиграть сраженіе. Кромѣ того, задержаніе курьера, который везъ казенныя деньги... Вотъ что поражаетъ воображеніе! Бонапартъ даже заболѣлъ отъ ярости.

— Король хочетъ сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію.

— И это порученіе дано вамъ, Кадудаль? Я считалъ, что вы гораздо больше годитесь для битвы, чѣмъ для переговоровъ.

— Надо повиноваться,— отвѣчалъ предводитель вандейцевъ.— И я подаю примѣръ, хотя это порученіе мнѣ совѣмъ не по душѣ.

— Когда же вы думаете отправиться въ Парижъ?—спросилъ Фротте.

— Завтра утромъ, до разсвѣта. Съ этими господами я имѣю возможность добраться до Парижа безъ особыхъ затрудненій.

— Отлично,—насмѣшливо сказалъ Фротте.—По эту сторону Луары, кажется, развелось не мало этихъ примирившихся. Но вашъ Морбиганъ еще упорствуетъ, Жоржъ. Генераль Гедувилль не скоро примирится съ вашими товарищами.

— Что дѣлать! Нельзя скрывать отъ себя, что консулы значительно ослабили наше сопротивленіе, успокоивъ умы. Населеніе нашей Бретани, такъ возстававшее противъ принудительнаго займа, очень чувствительно отнеслось къ уменьшенію налоговъ. Бонапартъ больше всего сдѣлалъ для умиротворенію тѣмъ, что внесъ порядокъ въ страну.

— Ахъ, если бы только графъ д'Артуа рѣшился появиться въ Бретани, мы были бы теперь хозяевами положенія!—вокликнулъ Фротте.

— Нечего говорить объ этомъ,—серьезно замѣтилъ Кадудаль.— Не исполняя просьбы роялистовъ, принцъ, очевидно, имѣлъ свои причины и, конечно, очень важныя. Впрочемъ, принцы скучаютъ за границей, и война была бы для нихъ развлеченіемъ.

— Но тогда пришлось бы разстаться съ m-me Поластронъ... Агнессы Сорель не любятъ отпущать Карловъ на войну, а Жанны д'Аркъ на этотъ разъ не имѣется.

— Жанны д'Аркъ теперь превратились въ чулочницъ и продаютъ свой товаръ только якобинцамъ!

Всѣ засмѣялись.

— Итакъ, завтра, чтобы не возбудить подозрѣній, каждый переодѣнется и пойдетъ своей дорогой. Жоржъ какъ будто поѣдетъ за мукой, а Санъ-Режанъ за модными товарами! Третій нашъ товарищъ превратится въ торговца водкой.

— Отлично,—сказалъ Фротте.—Спокойной ночи. Меня ждутъ въ Каэнѣ. Нужно отправиться. Я вѣдь днемъ не ѣзжу.

— До свиданья, маркизь, и въ лучшіе дни, будемъ надѣяться.

Они пожали другъ другу руки. Фротте открылъ дверь, чтобы впустить Паркэна и хозяевъ, и, набросивъ на плечи тяжелый плащъ, вышелъ.

— Господа, вѣроятно, не прочь будутъ отдохнуть,—обратился Паркэнъ къ оставшимся.—Хозяинъ, покажите комнаты...

— Онъ все въ нижнемъ этажѣ и стоитъ только открыть окно, какъ вы на дворѣ. Совѣтую господамъ не раздѣваться. Съ полиціей Фуше не знаешь, чего можно ожидать.

— Желаю вамъ приятныхъ свидѣній,—сказалъ Жоржъ.

— Да приснитесь намъ, что Бонапарту пришлось познакомиться съ ядромъ и что Франціей управляетъ Лебрэнъ или Камбасаресъ...

Смѣясь, они пожали другъ другу руки и подъ предводительствомъ фермера разошлись по своимъ комнатамъ.

Съ того времени, какъ революція рядомъ послѣдовательныхъ сотрясеній разрушила въ странѣ всякую власть, никогда еще французское общество не наслаждалось такъ спокойствіемъ, какъ теперь. Когда Бонапартъ сдѣлался консуломъ, мало-помалу стала возстанавливаться торговля, развивалась промышленность, появилась даже роскошь. Безопасность была возстановлена въ городахъ. Но на юго-западѣ шуаны еще свирѣпствовали. Дороги Бретани и Нормандіи кишѣли разбойниками, которые останавливали дилижансы подъ тѣмъ предлогомъ, что они хотятъ отобрать казенныя деньги, при чемъ захватывали и деньги пассажировъ. Шайки эти грабили даже окрестности Парижа и, не боясь полиціи, появлялись не далѣе десяти лье отъ столицы.

Бо Франсуа наводилъ ужасъ на долину Шевреза и на окрестности Шартра и Версаля, совершая преступленія, которыя оставались безнаказанными. Жандармы съ ногъ сбились, и первый консулъ напрасно пробиралъ своего министра полиціи за постоянныя грабежи, которые становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Бонапартъ и Фуше были различнаго мнѣнія относительно виновниковъ этихъ преступленій. Фуше подозрѣвалъ, что все эти безпорядки производятъ роялисты для того, чтобы создать правительству затрудненія и дискредитировать режимъ, которымъ, повидимому, страна была довольна. Бонапартъ же былъ убѣжденъ, что тутъ тайный заговоръ якобинцевъ, которые не могли ему простить 18-го брюмера.

Вотъ въ это-то время и встрѣтился на фермѣ коммиссары партіи примиренія и партіи насильственныхъ дѣйствій. Если Гидъ де-Невилль надѣялся опутать перваго консула благодаря сочувствію, которое онъ встрѣчалъ у Жозефины, то Кадудаль и Санъ-Режанъ рѣшили убить его, если онъ не исполнитъ ихъ требованій. Имъ приходилось ждать результатовъ переговоровъ. Поэтому оба они

направлялись теперь въ Парижъ съ рѣшимостью не уѣзжать отсюда, пока они не достигнутъ благопріятныхъ для ихъ дѣла результатовъ.

Жоржъ, закалившійся въ партизанской войнѣ противъ войскъ республики, боялся только одного—какъ бы не наступило зачистье. Сень-Режашъ также горѣлъ желаніемъ отличиться. Пронсходя изъ знатной семьи, онъ отличался особой утонченностью и элегантностью, и ему хотѣлось бы сражаться въ шелку и въ кружевахъ. Молодой человекъ обладалъ красивымъ лицомъ, изысканнымъ голосомъ, и привлекалъ къ себѣ взоры женщинъ. Кадудаль, одаренный атлетической силой, съ бычьей шеей, былъ земледѣльцемъ передъ тѣмъ, какъ стать предводителемъ шуановъ, и его друзья дали ему выразительную кличку «Круглая Голова».

Предводители роялистовъ, отправляя къ Бонапарту Невилля и Кадудалья, рассчитывали поразить его, показавъ ему наиболѣе типичныхъ представителей своихъ сторонниковъ. Невилль, въ качествѣ дипломата, долженъ былъ нагѣвать Бонапарту всякія соблазнительныя обѣщанія и льстивыя похвалы, которыя могли склонить его къ примиренію. Кадудалю предстояло демонстрировать передъ генераломъ мощь и упрямство шуановъ и такимъ образомъ дать ему понять, какъ опасно бороться съ ними.

Жозефина, постоянно выказывавшая особую симпатію къ роялистскимъ семьямъ и хлопотавшая для нихъ о разрѣшеніи вернуться во Францію, была всецѣло на сторонѣ проекта, который везли въ Парижъ Кадудаль и Невилль. Она бралась устроить имъ свиданіе съ коңсуломъ.

Фуше не получалъ отъ своихъ ловкихъ шпионовъ никакихъ извѣстій о прибытіи въ Нормандію роялистскихъ эмиссаровъ, которые такимъ образомъ могли спать спокойно до тѣхъ поръ, пока солнце не озаритъ верхушки буковыхъ деревьевъ, которыя окружали ферму.

Среди деревенской тишины раздавалось пѣніе пѣтуха. Паркэнъ сейчасъ же постучалъ въ дверь Санъ-Режана и Кадудалья. Бретонецъ уже всталъ. Онъ перемѣнилъ свою одежду на болѣе грубую. Рыжая борода, обрамлявшая его лицо, красное отъ постоянного пребыванія на воздухѣ, дѣлала его неузнаваемымъ. Въ рукахъ у него была толстая палка. Не говоря ни слова, онъ двинулся за Паркэнъ. Во дворѣ его ожидала крѣпкая лошадевка, привязанная къ желѣзному кольцу. Кадудаль осмотрѣлъ ее съ видомъ знатока, пожалъ руку Паркэну, вскочилъ въ сѣдло и тронулся мелкой рысью. Для сибаритовъ Невилля и Сень-Режана былъ приготовленъ кабріолетъ на огромныхъ колесахъ.

— Вамъ нужно будетъ остановиться въ Иветотѣ въ гостиницѣ «Черная Лошадь»,—сказалъ Паркэнъ.—Если вы пожелаете ѣхать дальше въ Руанъ, хозяинъ дастъ вамъ лучшихъ лошадей и укажетъ

гостиницу, гдѣ можно остановиться. Надѣюсь, что кто-нибудь изъ васъ умѣетъ править.

Невилль взялъ свертки, которые Паркэнъ перенесъ на берегъ, и бережно положилъ ихъ въ кабріолеть.

— Прощайте, товарищи, — сказали онъ, протягивая Паркэну руку.

Сень-Режакъ былъ уже въ экипажѣ. Паркэнъ отпустилъ поводы и сказалъ:

— Счастливаго пути! Первый поворотъ направо, а тамъ все прямо...

Кабріолеть, которымъ правилъ Невилль, выѣхалъ на лугъ, миновалъ границу фермы и покатилъ по указанной Паркэномъ дорогѣ.

II.

Гостиница «Черная Лошадь» была полна посѣтителями, когда Невилль и Сень-Режакъ вышли во дворъ изъ экипажа. День былъ базарный, и всѣ крупныя земледѣльцы ѣхали въ городъ. Обѣдъ только что начался. Когда путники вошли въ гостиницу, служанка накрыла для нихъ столикъ въ углу и принесла имъ оставшіяся еще кушанья. Сень-Режакъ принялся за ѣду, а Невилль рѣшилъ прежде всего осмотрѣться.

Первымъ привлекъ его вниманіе невысокій человѣкъ съ острыми глазами, одѣтый въ зеленый каррикъ ¹⁾ съ металлическими пуговицами. Онъ такъ и сыпалъ словами, обращаясь главнымъ образомъ къ добродушнаго вида человѣку въ коричневомъ плащѣ и въ суконныхъ гетрахъ. Остальные были фермеры—лошадиные барышники, приказчики изъ города. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ жандармскій унтеръ-офицеръ, которому служанки прислуживали съ особой почтительностью.

— Вы, можетъ быть, не повѣрите мнѣ, но я проѣхалъ всю Францію и нигдѣ не было такъ спокойно, какъ въ Нормандіи, — говорилъ человѣкъ въ зеленомъ плащѣ. — Тутъ можетъ ѣхать даже женщина, не опасаясь дурныхъ встрѣчъ...

— Женщина? Можетъ быть, — возразилъ одинъ изъ фермеров. — Эти господа съ лиліями ужъ черезчуръ любезны къ женщинамъ...

— Развѣ вы не слышали, что еще вчера четыре человѣка въ маскахъ остановили diligencъ около Малонэ — вмѣшался жандармъ. — Ограбили 50 тысячъ франковъ, которые везли изъ Діенна.

— И всѣ драгоценныя вещи, принадлежавшія пассажирамъ, — добавилъ фермеръ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ человѣкъ въ зеленомъ камзолѣ. — Неужели эти трусы не защищались?

¹⁾ Сюртукъ англійскаго фасона.

— Они стрѣляли изъ пистолетовъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которые были внутри дилижанса,—возразилъ незнакомецъ въ плащѣ.—Но ихъ пистолеты были, очевидно, разряжены кондукторомъ.

— Вотъ такъ исторія! Но что же сдѣлали грабители?

— Они раскрыли чемоданы. Опорожнивъ ихъ и карманы, они приказали кондуктору сѣсть на козлы и ѣхать дальше.

— Вы, гражданинъ, были, очевидно, изъ тѣхъ, которые защищались. Вы не испытывали никакихъ неприятностей оттого, что стрѣляли въ разбойниковъ?

— Никакихъ. Они вѣжливо поклонились мнѣ и посоветовали другой разъ не затруднять себя перевозкой огнестрѣльнаго оружія, которое на большихъ дорогахъ иной разъ бываетъ совершенно бесполезно. Затѣмъ они дали шпоры лошадямъ и исчезли. А самое-то драгоценное было у меня спрятано въ гетрахъ...

— Гражданинъ,—перебилъ его жандармъ.—Будетъ благоразуміе не рассказывать о такихъ вещахъ. Если бы между присутствующими нашелся товарищъ тѣхъ разбойниковъ, это могло бы обойтись вамъ дорого еще сегодня вечеромъ.

— Иѣтъ, они не рѣшятся остановить второй разъ дилижансъ на той же самой дорогѣ. Вѣроятно, они переехали теперь на другой конецъ Нормандіи.

— Опаснѣе всего между Руаномъ и Парижемъ,—возразилъ человекъ въ коричневомъ плащѣ.—Вы можете считать себя въ безопасности только тогда, когда доберетесь до Версаля.

— Вы пугаете меня,—сказалъ профъзкій въ коричневомъ плащѣ, блѣднѣя.—Я возьму для себя отдѣльную карету. Отдѣльный профъзкій рискуетъ меньше навлечь на себя вниманіе грабителей, чѣмъ omnibusъ.

— Стало бытъ, вы везете съ собой крупную сумму?—спросилъ, посмѣиваясь, человекъ въ каррикѣ.

— Иѣтъ, только... нѣкоторые товары...

И профъзкій вдругъ замолчалъ. Но человекъ въ каррикѣ, повидному, рѣшился принудить профъзкаго къ дальнѣйшимъ разъясненіямъ.

— Дѣло, должно быть, идетъ о драгоценныхъ камняхъ... Въ такомъ случаѣ послушайте меня—возьмите провожатыхъ, иначе вы сильно рискуете.

— Въ этомъ иѣтъ надобности,—вдругъ сказалъ Сень-Режанъ.—Я и мой спутникъ также ѣдемъ въ Руанъ въ экипажѣ, и я могу подвезти васъ, гражданинъ.

Профъзкій поднялъ глаза на Сень-Режана и, успокоенный его пріятной наружностью, отвѣчалъ съ жаромъ:

— Съ благодарностью принимаю ваше предложеніе. Но, можетъ быть, я стѣсню васъ?

— Мы немножко потѣсимся. И такъ какъ ваши сокровища занимаютъ немного мѣста...

— Вамъ я могу сказать...

— Ни слова! Позвольте мнѣ остаться въ невѣдѣніи. Можетъ быть, вы везете контрабанду, и это насъ поессорило бы съ правительствомъ.

— Правительству страшна не контрабанда, а заговоры шуановъ и якобинцевъ,—сказалъ жандармъ.—Они хотятъ свергнуть или убить генерала Бонапарта. Но это не удастся! Я видѣлъ его въ Арколѣ, гдѣ мы все могли оставить свои шкуры въ рукахъ австрійцевъ...

— А вы, значить, служили въ итальянской арміи?—спросилъ Невилль, нарушая свое молчаніе.

— Да, гражданинъ. И, стоя рядомъ съ генераломъ, я получилъ здоровый ударъ штыкомъ. Послѣ этого я попросился въ жандармерию.

Обѣдъ кончился, и все вышли изъ-за стола. Человѣкъ въ зеленомъ каррикѣ, оставшійся съ жандармомъ наединѣ, мигнулъ ему на Невилля и Санъ-Режана и прошепталъ:

— Потребуйте у нихъ ихъ бумаги...

— Надо еще доказать, что вы имѣете право давать мнѣ приказанія,—недовольно отвѣчалъ жандармъ.

Незнакомецъ вынулъ изъ-подъ полы бумажничекъ, досталъ оттуда билетъ и сунулъ его подъ носъ жандарму. На билетѣ стояло: «Министерство полиціи», и выданъ оцъ былъ за подписью Фүше на имя нѣкоего Браконно.

Жандармъ сдѣлалъ подъ козырекъ:

— Виповать... не призналъ... Слушаюсь.

Между тѣмъ Санъ-Режанъ во дворѣ распоряжался закладкой экипажа. Жандармъ хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Я полагаю, что проѣзжій, которому такъ не хочется сеориться съ правительствомъ, исполнилъ все формальности, какъ слѣдуетъ...

— Вы хотите взглянуть на мой паспортъ? Какъ же! Онъ къ вашимъ услугамъ...

Онъ порылся въ своемъ плащѣ, досталъ оттуда бумагу, сложенную вчетверо, и передалъ ее бригадиру. Тамъ стояло: «Викторъ Леклеръ, торговецъ шелковыми товарами, жительствующій въ Парижѣ, по улицѣ Пруверъ, № 7». Бригадиръ взглянулъ на подпись: все было какъ слѣдуетъ.

— Хотите также видѣть паспортъ моего спутника,—спросилъ Санъ-Режанъ.—Я сейчасъ его позову.

— Нѣтъ надобности. У васъ все въ порядкѣ.

— Пока мы добрались до Фекона, у насъ требовали паспорта по крайней мѣрѣ разъ десять...

— Это все изъ-за этого проклятаго Фротте. Къ счастью, дня два тому назадъ онъ удалился изъ этой мѣстности и теперь, говорятъ, онъ въ окрестностяхъ Аргентана.

Жандармъ пересѣкъ дворъ и подошелъ къ незнакомцу въ каррикѣ, который стоялъ, заложивъ руки въ карманы.

— Вы напрасно ихъ подозрѣваете, — сказалъ онъ: — это купецъ. Его имя Викторъ Леклеръ, и онъ возвращается въ Парижъ.

— Ну, платьте еще не дѣлаютъ мошаха.

И онъ громко свистнулъ. Изъ конюшни появился мальчикъ, ведя осѣдланную лошадь. Незнакомецъ ловко вскочилъ на нее, бросилъ мальчику монету и, жестомъ попрощавшись съ хозяиномъ, поѣхалъ сначала шагомъ, а затѣмъ рысью.

Санъ-Резанъ, разсчитавшись съ хозяиномъ, хотѣлъ было сѣсть въ кабриолетъ, какъ вдругъ тотъ, потянувъ его за полу, тихо шепнулъ ему на ухо:

— Замѣтили вы человѣка въ зеленомъ каррикѣ? Жандармъ мнѣ сказалъ, что это полицейскій и что онъ подозрѣваетъ васъ. Въ Руанѣ остановитесь въ гостиницѣ «Великій Олень». Хозяинъ признаетъ мою лошадь и не потребуетъ отъ васъ никакихъ объясненій. — Спасибо.

Санъ-Резанъ вскочилъ въ кабриолетъ, гдѣ уже сидѣли два его спутника, и экипажъ тронулся въ путь.

Въ Руанѣ хозяинъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями. Только тутъ Невиллъ узналъ, что взятый ими съ собой пассажиръ былъ торговецъ модными товарами изъ Парижа и назывался Франсуа Лербуръ.

Проведя спокойную ночь, спутники рано утромъ позавтракали и сѣли въ экипажъ, запряженный сильной черной лошадыю.

— Вы остановитесь въ Эвре, — шепнулъ имъ хозяинъ, — у почтмейстера. Онъ знаетъ мою лошадь. Поклонитесь ему отъ меня и передайте, что я жду его на дняхъ. Счастливаго пути.

Между Руаномъ и Эвре переездъ былъ безъ всякихъ приключеній. Деревни были спокойны, крестьяне работали въ поляхъ. Гражданинъ Лербуръ, освободившись отъ угнетавшаго его страха, пустился въ разговоры, и скоро путники узнали все подробности его жизни. Ему было 42 года, онъ былъ женатъ на молодой женщинѣ изъ хорошей семьи, разорившейся вълѣдствіе революціи. Оставшись одна на бѣломъ свѣтѣ безъ всякихъ средствъ, м-ше Эмилиа поступила къ Лербуру въ услуженіе, а потомъ и согласилась выйти за него замужъ. Благодаря женѣ, дѣла его пошли хорошо, и онъ открылъ модный магазинъ. Въ данное время онъ ѣздилъ за драгоценными кружевами изъ Англии, которыя въ темную ночь выбросили на берегъ контрабандисты. Къ сожалѣнію, шуаны были не такъ снисходительны, какъ агенты полиціи, и непортили все дѣло. Лербуру, однако, удалось спрятать самыя лучшія вещи, предоставивъ грабителямъ забрать болѣе ходкіе товары. Кружева эти предназначены для м-ше Бонапартъ, его лучшей покупательницы, которая сильно поддерживаетъ парижскую торговлю.

Услышавъ эти слова, Санъ-Режанъ и Невилль обмѣнялись значительнымъ взглядомъ. Такое знакомство было имъ какъ разъ кстати.

Добравшись до Рамбулье, они остановились у фермера, рекомендованнаго имъ почтмейстеромъ, и были приняты съ такой же сердечностью, какъ и въ Эвре. Ферма стояло совершенно уединенно, и имъ приходилось разспрашивать дорогу, чтобы до нея добраться.

Наступала ночь и надвигалась гроза, когда они сошли съ экипажа. Старикъ фермеръ самъ прислуживалъ имъ за ужинкомъ, такъ какъ слуги уже разошлись на ночь. Онъ говорилъ мало, казалось, былъ чѣмъ-то очень озабоченъ и съ такой тщательностью запералъ двери и ставни, что Невилль не могъ удержаться и спросилъ его:

— Вы, кажется, боитесь воровъ? Насъ сегодня здѣсь много.

Старикъ покачалъ головой и сказалъ:

— Непокойно у насъ. Бродягъ разбойники, — произнесъ онъ, понижая отъ страха голосъ. — Недѣлю тому назадъ они побывали на фермѣ у Бюссере, убили тамъ человѣка, унесли все цѣнное, подожгли ригу и разрушили домъ.

— Въ Парижѣ говорятъ, — замѣтилъ Лербуръ: — что это грабить шуаны.

— Не думаю, — отвѣчалъ фермеръ. — Образъ ихъ дѣйствій показываетъ, что это злодѣи, а не партизаны. Кромѣ того, если бы это были шуаны...

Онъ хотѣлъ сказать, очевидно, нѣчто неудобное, ибо Невилль вдругъ прижалъ палецъ къ губамъ. Старикъ очень удивился и круто перемѣнилъ разговоръ.

— Позвольте отвести васъ въ ваши комнаты... Вы, вѣроятно, очень устали...

Лербуръ первымъ поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ.

Санъ-Режанъ и Гидъ де-Невилль остались одни. Когда хозяинъ вернулся, Гидъ сказалъ ему:

— Я перебилъ васъ, потому что, сказать по правдѣ, мы не совсѣмъ увѣрены въ нашемъ спутникѣ. Онъ, очевидно, не нашего прихода и мнѣ не хотѣлось бы объяснять ему, кто мы такіе...

Скоро вся ферма погрузилась въ сонъ. Ночь была очень темная. Время отъ времени слышны были удары грома, и багровая молнія прорѣзывала темноту. Прошло около двухъ часовъ. Вдругъ страшный крикъ нарушилъ тишину, и со стороны стоилъ показались огни. Къ дому приближалась толпа человѣкъ въ двадцать въ солдатскихъ разношерстныхъ мундирахъ. Пастухъ, котораго волокли два человѣка, кричалъ не своимъ голосомъ, но сильный ударъ прикладомъ заставилъ его смолкнуть. Настала опять тишина, и слышенъ былъ лишь топотъ массы людей, столпившихся передъ воротами фермы.

Санъ-Режанъ, Невилль, Лербуръ и хозяинъ быстро собрался въ нижней комнатѣ. Невилль и Санъ-Режанъ хладнокровно осмотрѣли свои пистолеты, Лербуръ дрожащими руками вынулъ свои, фермеръ зарядилъ двухствольное ружье и положилъ на столъ топоръ и саблю. Работники вооружились серпами.

Послышался сильный ударъ въ дверь и крикъ:

— Отворяйте!

— Кто здѣсь?—спросилъ фермеръ.

— Отворите, тогда узнаете...

— Я не могу отворить ночью кому понало...

Дверь затрещала отъ сильного удара, отъ второго удара выскочилъ замокъ, отъ третьяго дверь упала, и нападавшіе съ крикомъ ринулись въ комнату.

Человѣкъ высокаго роста въ сѣромъ суконномъ платьѣ съ трехцвѣтнымъ колпакомъ вышелъ впередъ и сказалъ:

— Сопротивляться бесполезно! Я мельникъ изъ Лимура. Дайте ключи отъ денежнаго шкапа! Въ пользу короля!

При этихъ словахъ Санъ-Режанъ подошелъ къ человѣку, смѣрилъ его взглядомъ и властно сказалъ:

— Если ты собираешь на армию короля, то у тебя долженъ быть листъ. Покажи...

— Вотъ опъ!—крикнулъ мельникъ, выхватывая изъ-за пояса пистолетъ.—Дай-ка ему отвѣтъ.

Санъ-Режанъ быстро толкнулъ пистолетъ, который далъ промахъ и, схвативъ со стола саблю, нанесъ ею ударъ мельнику по лицу. Въ то же время выстрѣлили Невилль и фермеръ. Зангъ со стороны нападающихъ наполнилъ комнату дымомъ. Преслѣдуемые по пятамъ, они мало-по-малу очистили комнату; пять убитыхъ и четверо раненыхъ лежало на полу. Фермеръ былъ смертельно раненъ въ животъ. Мельникъ и одинъ изъ разбойниковъ корчился на полу и стонали. Шайка убралась во дворъ. Невилль со спутниками и другой работникъ остались невредимы и снова зарядили пистолеты и ружье.

— Ихъ осталось еще около дюжины,—сказалъ Санъ-Режанъ, заглядывая въ окно.

— Да, но ихъ предводитель теперь въ нашей власти. Забаррикадируемъ скорѣе дверь и обдумаемъ, что дѣлать дальше.

Дверь была загорожена большимъ шкапомъ. Санъ-Режанъ толкнулъ ногой стонавшаго мельника съ окровавленнымъ лицомъ.

— Теперь отвѣчай намъ и не заставляй насъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Вы убили хозяина этой фермы. Зато и твоя шайка поуменилась, да и самъ ты заплатился. Мы проѣзжіе и намъ все равно, что вы наводите ужасъ на всю округу. Если ты прикажешь своимъ людямъ удалиться, то мы сію минуту тоже отсюда уйдемъ, да и вы можете отправляться по своимъ дѣламъ. Идетъ, что ли?

- Что я долженъ дѣлать?
- Приказать шайкѣ удалиться отсюда.
- Поднесите меня къ окну.

Санъ-Режанъ сдѣлалъ знакъ работнику, чтобы тотъ поднялъ мельника. Шатаясь и оставляя на стѣнѣ слѣды окровавленныхъ рукъ, мельникъ крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Грѣль, гдѣ ты? Здѣсь нечего больше дѣлать. Фермеръ убитъ и не можетъ ужь сказать намъ, гдѣ его деньги. Идите къ четыремъ дорогамъ и ждите меня тамъ. Здѣсь со мной Штиколэнъ, который поможетъ мнѣ.итти. Понялъ?

— Да, горе тому, кто осмѣлился васъ поразить!

— Горе тебѣ, негодяй, если ты сію минуту не исполнишь приказа!—твердымъ голосомъ крикнулъ Санъ-Режанъ.

Послышался какой-то глухой шумъ, потомъ отчаянный крикъ и глухой звукъ, какъ будто мѣшокъ упалъ въ воду. Потомъ опять водворилась тишина. Приказъ мельника, очевидно, былъ исполненъ. Невилль выглянулъ на дворъ. Освѣщаемая заревомъ пожара, кучка людей быстро удалялась отъ фермы.

— А что они сдѣлали съ пастухомъ, котораго они схватили при нападеніи?—спросилъ Санъ-Режанъ.

Вдругъ имъ бросилась въ глаза темная масса, барахтавшаяся въ прудѣ, который находился посреди двора.

— Негодяи! Они его утопили! Живо, несите багры и вилы!

Работники быстро бросились въ воду и притянули къ берегу несчастнаго. Голова его была разсѣчена, и онъ тотчасъ же умеръ.

Видя, что огонь подходитъ все ближе и ближе, Санъ-Режанъ сказалъ работникамъ:

— Здѣсь намъ нечего дѣлать. Спасайте, что можно, и бѣгите за помощью въ Рамбулье. А мы сейчасъ уѣзжаемъ.

Они подняли фермера и положили его поодаль, въ сарай. Потомъ, заложивъ отдохнувшую лошадь, они двинулись дальше, къ Парижу.

III.

Магазинъ кружевъ и модныхъ товаровъ Лербура, подъ вывѣскою «Bonnet Bleu», находился въ улицѣ С.-Оноре, недалеко отъ церкви Св. Рока. Онъ занималъ обширное помѣщеніе — внизу для розничной продажи, а вверху для примѣрки готовыхъ вещей. Старинные поставщики двора, Лербуры составили себѣ хорошее состояніе, которое перешло по наслѣдству къ Франсуа Лербуру, крестнику графа д'Артуа. Во время революціи Лербуру пришлось пережить нѣсколько трудныхъ моментовъ. Ему пришлось доказывать искренность своего патріотизма путемъ подписокъ и принудительныхъ займовъ. Желая пріобрѣсти себѣ благосклонность, Лер-

бурь, посѣивши въ завести у себя кисейные галстуки для Колло д'Эрбуа и шикейные жилеты для Талльена. Покровительство этихъ двухъ якобинцевъ спасло его отъ гильотины, но не примирило его съ ихъ режимомъ. Появленіе директоріи и возвращеніе франтовства привело Лербура въ восторгъ. Барра быть для него желаннымъ человѣкомъ; но еще большія надежды онъ возлагалъ на Бонапарта. Военная слава и возстановленіе церкви дало парижской буржуазіи увѣренность въ безопасности, которой она давно уже не имѣла. Лохмотья санкюотовъ уступили мѣсто шелку и кружевамъ «невѣроятныхъ».

Окна магазина Лербура представляли весьма соблазнительное зрѣлище. Полки были завалены запрещенными когда-то товарами. М-ме Лербуръ наняла десять приказчицъ и десять приказчиковъ, и скоро магазинъ въ улицѣ С.-Оноре сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при старомъ режимѣ: мѣстомъ для встрѣчи всѣхъ модниковъ и франтихъ новаго общества. Лербуръ не совѣмъ одобрительно смотрѣлъ на переѣву этого общества, но надо было торговать: знать была за границей и приходилось довольствоваться буржуа и чиновниками.

М-ме Лербуръ пользовалась очень строгой репутаціей, хотя была моложе мужа на двадцать лѣтъ, и офицеры итальянской арміи напрасно бряцали передъ нею шпорами. Лербуръ исполнилъ вѣрилъ своей женѣ и по всему было видно, что она заслуживала этого довѣрія.

Добравшись до Парижа, торговецъ модными товарами безъ всякой задней мысли пригласилъ зайти къ нему Санъ-Режана, къ которому онъ почувствовалъ особенную дружбу. Холодная учтивость Невилля заставляла его держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Когда они прибыли въ улицу С.-Оноре и остановились около дверей его магазина, Лербуръ взялъ съ своего спутника слово, что онъ навѣститъ его не дальше, какъ на другой же день, Санъ-Режанъ, разумѣется, рѣшился не пропустить этого случая.

Остановившись вмѣстѣ съ Невиллемъ въ скромной гостиницѣ «Красный Левъ», хозяинъ которой былъ преданъ королю, они нашли тамъ Жоржа, который пріѣхалъ наканунѣ, безъ всякихъ приключеній. Главарь шуановъ, одѣтый въ elegantный костюмъ, былъ неузнаваемъ. Прическа на манеръ собачьихъ ушей скрадывала его огромную голову, а кисейный галстукъ скрывалъ толстую шею. Съ утра онъ уже обѣдалъ Парижъ и кое-кому успѣлъ дать знать о своемъ прибытіи. Онъ всячески побуждалъ Санъ-Режана не бросать завязавшагося съ купцомъ знакомства, совѣтуя ему пріударить за его женой.

— Мы будемъ снабжать товарами этого Лербура, какими только онъ пожелаетъ. Мы знаемъ, какъ ихъ провезти подъ носомъ у таможенной стражи. Было бы великолѣпно, если бы вы сдѣлались съ

этимъ малымъ и вошли въ его домъ. Тамъ вы будете въ безопасности и можете дѣйствовать въ пользу нашего дѣла, какъ найдете удобнымъ.

— Это будетъ зависеть отъ обстоятельствъ,—отвѣчалъ Санъ-Режанъ.—Я, конечно, буду пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ.

И, взявъ палку, онъ отправился въ улицу Сантъ-Оноре. Перейдя площадь, онъ прошелъ мимо церкви Св. Рока, которой онъ не видѣлъ съ того страшнаго дня, когда двѣ пушки генерала Бонапарта разстрѣливали его друзей изъ клуба Клиши на самой паперти церкви. Скоро онъ дошелъ до стариннаго дома, въ нижнемъ этажѣ котораго помещался магазинъ Лербура. Всего годъ тому назадъ его революціонная вывѣска «Красная Шляпа» была замазана и передѣлана въ «Синяя Шляпа»—робкая попытка возвратиться къ первоначальной «Бѣлой Шляпѣ».

Санъ-Режанъ отворилъ дверь. Раздался звонокъ,—настрѣчу показалась приказница и съ любезнымъ видомъ спросила:

— Что угодно гражданину?

— Я желаю видѣть г. Лербура.

— Потрудитесь подняться во второй этажъ.

Санъ-Режанъ поднялся по внутренней лѣстницѣ съ двѣнадцатью ступенями, покрытыми зеленымъ ковромъ, и очутился въ отдѣленіи готовыхъ вещей. Здѣсь хозяинъ объяснялъ что-то двумъ дамамъ, выбравшимъ ленты и кружева. При видѣ молодого человѣка, онъ вскрикнулъ отъ удовольствія и, извинившись, оторвался отъ своихъ покупательницъ.

— Садитесь, пожалуйста. Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ. Только славлю этихъ дамъ.

— Пожалуйста, не торопитесь. Я могу подождать.

Одна изъ дамъ, красная блондинка, уже направила свой лорнетъ на молодого человѣка. Санъ-Режанъ сѣлъ на табуретъ и принялся разсматривать магазинъ. Столы и прилавки чернаго дуба были покрыты разными дорогими товарами. Стулья для отдыха покупателей, крытые зеленымъ бархатомъ, были во вкусѣ Людовика XVI; подъ потолкомъ висѣла бронзовая люстра.

— Итакъ, г. Лербуръ,—сказала, вставая, та изъ дамъ, которая была помоложе:—я остановилась вотъ на этомъ. Пришлите все это мнѣ на выборъ. Генералъ выскажетъ свое мнѣніе и самъ будетъ выбирать.

— Генералъ такой же знатокъ изящныхъ нарядовъ, какъ и военнаго искусства,—съ улыбкой отвѣчалъ торговецъ, хлопотавшій около покупательницъ.

Онъ проводилъ ихъ до лѣстницы и, отвѣсивъ нѣсколько поклоповъ, вернулся къ Санъ-Режану.

— А, другъ мой, вотъ и я наконецъ. Извините меня! Я не оумг оставить этихъ дамъ. Та, которая помоложе, это мадамъ Мюратъ, сестра перваго консула. Другая мадамъ Жюно...

— Мадамъ Мюратъ очень красива,—замѣтилъ Санъ-Резанъ.

— Да. Зато мадамъ Жюно очень умна. Теперь мѣсто принцессъ заняли эти дамы. Ну, какъ вы поживаете съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались?

— Очень хорошо. Мой товарищъ уѣхалъ по дѣламъ въ провинцію, а я, какъ общалъ, пришелъ васъ навѣстить.

— Вы не откажетесь пообѣдать у меня? Моя жена будетъ очень рада познакомиться съ вами. Она вамъ очень благодарна за услуги, которыя вы мнѣ оказали. Представьте себѣ, когда она узнала о томъ, какъ мы доѣхали, она пришла къ убѣжденію, что мы находились подъ какимъ-то особымъ покровительствомъ... Она убѣждена, что вы и вашъ товарищъ не тѣ, за кого вы себя выдаете...

— Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ со смѣхомъ Санъ-Резанъ.—Это будетъ въ мою пользу.

— Правда? Въ такомъ случаѣ, скажите мнѣ откровенно: ваши дѣла идутъ плохо? Кошелекъ отоцалъ?

— Въ настоящее время я не испытываю никакого недостатка. Скажу вамъ одно, что если бы мнѣ удалось получить мѣстечко въ Парижѣ, я пересталъ бы ѣздить по дорогамъ, что, какъ вы знаете сами, не лишено опасности.

— Отлично. Будемъ для васъ хлопотать. Чѣмъ вы занимались прежде?

— Я поставлялъ шелковыя вещи и бархаты въ торговые дома Ліона. Но, какъ вы знаете, революція уронила эту отрасль, и теперь больше говорятъ о ткацкомъ способѣ, изобрѣтенномъ какимъ-то Жакаромъ. Рабочіе, говорятъ, хотѣли уничтожить станокъ, который ихъ разоряетъ. Велѣдствіе всего этого виды на будущее у меня довольно неопредѣленны...

— А вы умѣете продавать?

— Говорятъ, умѣю.

— Посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать для васъ. А вотъ и моя жена...

Мадамъ Лербуръ только что вошла, приподнявъ зеленую драпировку внутренней двери. Санъ-Резанъ замеръ на мѣстѣ и почти потерялъ способность владѣть собою при видѣ этого прекраснаго существа.

Эмилии было двадцать пять лѣтъ. Пропорціональность ея членовъ сообщала ей особенную прелесть. Она казалась выше своего роста. Ея нѣсколько блѣдное лицо съ тонкими и подвижными чертами озарялось голубыми глазами и обрамлялось короной густыхъ каштановыхъ волосъ. При каждой улыбкѣ видны были великолѣпныя бѣлыя зубы.

— Это г. Викторъ Леклеръ, торговецъ шелковыми тканями, о которомъ я уже рассказывалъ тебѣ. Именно отъ спасъ мнѣ жизнь, когда я ѣхалъ обратно.

— Вы преувеличиваете, г. Лербуръ,—возразилъ Санъ-Режана.— Во всякомъ случаѣ, я былъ очень радъ, что мнѣ пришлось сдѣлаться вашимъ спутникомъ.

— Я очень признательна вамъ за помощь, которую вы оказали моему мужу,—сказала молодая женщина.

— Г. Леклеръ будетъ обѣдать съ нами, дорогая моя, и мы будемъ хлопотать о томъ, чтобы найти ему мѣсто. Ему, какъ и многимъ другимъ молодымъ людямъ, живется трудно...

Мадамъ Лербуръ быстро оглядѣла Санъ-Режана и сказала:

— Странно, что г. Леклеръ не въ рядахъ арміи. Какимъ образомъ вамъ удалось избѣгнуть набора?

— Я былъ за границей,—отвѣчалъ Санъ-Режана, невольно краснѣя.—Если бы я былъ на службѣ, то, вѣроятно, дослужился бы до высокихъ чиновъ...

— А, можетъ быть, были бы убиты въ этихъ нѣмецкихъ или итальянскихъ гекагомбахъ!—прервалъ Лербуръ.—Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать два года.

— Самое время, чтобы обзавестись своимъ домкомъ. Надо будетъ похлопотать для васъ. Дѣла оживляются, общество успокаивается, стало быть, можно будетъ заработать деньги.

Пока Лербуръ изливался въ своемъ сочувствіи къ мншнему Леклеру, молодая женщина не проронила ни слова и даже не смотрѣла на Санъ-Режана. Можно было подумать, что она не одобряетъ плановъ своего мужа, который съ такой сердечной простотой строилъ планы насчетъ его службы.

— А что стадется съ вашимъ товарищемъ?—спросилъ Лербуръ.— Вотъ хладнокровный человекъ! Мнѣ кажется, что онъ не на своемъ мѣстѣ.

— Онъ уѣхалъ на югъ, въ Шаранту за винами. Его семья разорилась во время революціи, но онъ поправится. Я не боюсь за него...

— Тѣмъ лучше! А ваши родители живы?

— У меня нѣтъ никого, кромѣ дальнихъ родственниковъ. Они живутъ въ Бретани, и я даже не знакомъ съ ними.

— А гдѣ вы поселились въ Парижѣ?

— Въ одной изъ среднихъ гостиницъ, гдѣ все, однако, очень дорого.

— А денегъ-то у васъ не такъ много! А что, Эмилія, не предложить ли намъ гостю одну изъ комнатъ во второмъ этажѣ. Онѣ совершенно свободны. Не сдавать же намъ ихъ первому встрѣчному. Если бъ только г. Леклеръ могъ устроиться...

Онъ вдругъ остановился, увидѣвъ, что жена его нахмурилась, и удивленно махнулъ рукой. Но Санъ-Режанъ поспѣшилъ самъ на выручку и сказалъ:

— Мнѣ было бы очень непріятно затруднять васъ. Я предполагаю уѣхать изъ Парижа въ концѣ этой недѣли. Нѣкоторое время я буду въ отсутствіи и, стало быть, не стоитъ утруждаться. Очень вамъ благодаренъ за ваше любезное приглашеніе, но я не могу его принять...

Молодая женщина вздохнула, какъ будто въ знакъ облегченія. Ея лицо приняло болѣе привѣтливое выраженіе, а черезъ минуту стало даже веселымъ.

— Неужели мы не можемъ выразить нашу благодарность какъ-нибудь иначе? — лукаво спросила она.

— Ты сама изъ Бретани и потому тебѣ должно быть это особенно досадно.

— Какъ? вы моя землячка?

— Да, моя жена родомъ изъ Племера.

При этихъ словахъ Санъ-Режанъ не могъ скрыть своего изумленія.

— Не жили ли вы когда-нибудь въ замкѣ Кермадіо, недалеко отъ Орей?

— Тамъ я провела мое дѣтство. Тамъ скончались мой отецъ и мать. Республиканцы сожгли Кермадіо и увезли меня въ Ванъ. Я отчетливо помню всѣхъ, кто бывалъ у моего отца и принималъ участіе въ партіи роялистовъ...

Санъ-Режанъ вдругъ сталъ серьезенъ и не продолжалъ разговора. Онъ тряхнулъ головой, какъ будто отгоняя мрачныя мысли, и сталъ разсѣянно смотрѣть вокругъ. Лербуръ, безсознательно перебирая кучу золотыхъ монетъ, заговорилъ опять:

— Долженъ вамъ сказать по секрету, что моя жена когда-то водила знакомство съ отчаянными разбойниками. . .

Эмилиа снова нахмурилась и обмѣнялась съ Леклеромъ недовольнымъ взглядомъ. Между ними какъ-то невольно устанавливалось молчаливое согласіе. Не замѣчая ничего, Лербуръ, развертывая матеріи, продолжалъ свою болтовню.

— А теперь я ихъ всѣхъ принимаю, какъ лучшихъ покупателей, хотя съ нихъ и трудно что-нибудь получить. Вотъ, напримѣръ, за мадамъ Богарне прежде, когда она еще не была женой генерала Бонапарта, числился здѣсь большой долгъ, который она, впрочемъ, теперь еще увеличила. Но теперь ужъ это деньги вѣрныя, и я готовъ продать ей въ кредитъ весь мой магазинъ, если она пожелаетъ.

— Господинъ Лербуръ, пожалуйте сюда,—раздался голосъ внизу на лѣстницѣ.—Пришли за перчатками, которыя заказывалъ генералъ Ланнъ.

— Иду. Позвольте оставить васъ съ женой, гражданинъ. Я сейчасъ возвращусь.

Оставшись наединѣ съ молодой женщиной, Санъ-Режанъ приготовился вести обычный безсодержательный разговоръ. Но она вдругъ задала ему вопросъ:

— Г. Санъ-Режанъ, почему вы скрываетесь подь вымышленнымъ именемъ и зачѣмъ вы явились въ Парижъ?

Санъ-Режанъ не могъ скрыть изумленія. Тѣмъ не менѣе онъ отвѣчалъ спокойно:

— Прошу васъ вѣрить, что причины, заставившія меня переимѣнить имя, не имѣютъ ничего предосудительнаго. Я не преступникъ... Я скрываюсь потому, что моя жизнь была бы въ опасности, если бъ полиція открыла меня.

— Все заговоры, вѣчно шуаны?

— Пока король не вернется на свой тронъ, мы будемъ сражаться съ его врагами и будемъ считать за честь подвергаться за него опасностямъ. А m-ле де-Племеръ, выйдя замужъ за г. Лербура, стала якобинкой?

— Я никогда не измѣняла своимъ чувствамъ и осталась роялисткой, какъ и мой мужъ, который питаетъ отвращеніе къ революціонной партіи. Но я должна вамъ сказать, что онъ преданъ правительству консуловъ. Онъ ждетъ отъ нихъ возстановленія порядка.

— Я постараюсь запомнить лишь то, что вы мнѣ сказали относительно вашихъ личныхъ чувствъ. Съ меня этого довольно.

— Не думайте, что я могу одобрять насилія, если вы ихъ замысляете.

— Совсе нѣтъ. Наши планы самые мирные. Мы хотимъ дойти до перваго консула, чтобы столкнуться съ нимъ. Мы его совсѣмъ не знаемъ. Каковы его намѣренія и мечты? Честолюбивъ ли онъ? Желаетъ ли онъ счастья Франціи? Вотъ что намъ хотѣлось бы услышать изъ его устъ. Когда все это выяснится, тогда мы будемъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

— Но какимъ образомъ вы рассчитываете добратся до него?

— Мы и пріѣхали въ Парижъ только для того, чтобы завязать знакомство съ кѣмъ-нибудь изъ окружающихъ его. Намъ извѣстно, что генераль Бонапартъ настолько же интересуется нашими планами, насколько мы его намѣреніями. Его политика въ данное время колеблется между якобинцами и роялистами... Оппозицію правительству онъ приписываетъ якобинцамъ, а Фуше, наоборотъ, обвиняетъ въ этомъ роялистовъ. Свиданіе между нами и первымъ консуломъ поможетъ разсѣять недоразумѣнія и будетъ способствовать общему умиротворенію.

— Дай Богъ! Если нужно только довести о васъ до свѣдѣнія перваго консула, то я могу это устроить.

— О, вы оказали бы намъ огромную услугу.

— Но пужно быть увѣренной, что вы сказали только правду.

— Неужели вы считаете меня способнымъ злоупотреблять вашимъ довѣріемъ?

Эмилиа взглянула на молодого человѣка. Онъ имѣлъ достойный видъ. Тѣмъ не менѣе она рѣшилась держаться осторожно.

— Я имѣю сношенія съ мадамъ Бонапартъ и бываю въ Тюильри, когда хочу, благодаря ся камеристкамъ. Мнѣ ничего не стоитъ сообщить ей о вашихъ проектахъ. Она имѣетъ склонность и, вѣроятно, свои расчеты покровительствовать старинной знати и уже добилась отъ мужа разрѣшенія вернуть нѣкоторыхъ эмигрантовъ... Кажется, теперь она хлопочетъ о возстановленіи религіи во Франціи, хотя сама она и не очень набожна. Если хотите, я могу попросить ее оказать содѣйствіе вашему свиданію съ генераломъ Бонапартомъ.

— Позвольте мнѣ сначала посовѣтоваться. Нужно, чтобы никто изъ окружающихъ генерала не зналъ, кто мы. Достаточно, если Фуше только пронюхаетъ объ насъ, какъ мы будемъ арестованы прежде, чѣмъ увидимся съ генераломъ Бонапартомъ.

— Отлично. Посовѣтуйтесь съ вашими друзьями и когда вы рѣшитесь на что-нибудь, то положитесь на мое умѣнье. А пока ни слова объ этомъ. Вотъ идетъ мой мужъ...

— Генераль Ланнъ, — началъ простодушно появившійся Лербуръ, — запутался въ своихъ дѣлахъ. Онъ очень гордится своими солдатами. Не давъ себѣ труда спросить нужный кредитъ, онъ заказалъ для всей гвардіи новые мундиры, и взбѣшенный генераль Бонапартъ объявилъ, что онъ заставитъ его заплатить изъ своего жалованья, и теперь онъ проситъ отсрочить ему платежъ за галуны и вышивки, которые мы поставляли. Но, конечно, все это уладится... Собратьямъ по оружію незачѣмъ ссориться...

— Однако, говорятъ, Бонапартъ былъ неумолимъ къ генералу Массена.

— Да, но это потому, что тотъ слишкомъ ужъ широко... грѣлъ руки въ Италиі. Бонапартъ заставилъ его вернуть... И этотъ любимецъ побѣды даже плакалъ. Онъ любитъ денюжки! Удивительна судьба всѣхъ этихъ людей. Мюратъ былъ служителемъ въ гостиницѣ, Ожеро—учителемъ фехтованія, Массена — контрабандистомъ, Ней—бочаромъ. Самъ Бонапартъ...

— Тише, другъ мой, — съ улыбкой перебила его m-me Лербуръ. — Онъ гений, а это освящаетъ все!

— Женщины за него, г. Деклеръ. Берегитесь нападать на него въ ихъ присутствіи. А, вотъ насъ зовутъ уже къ обѣду.

На порогѣ той самой двери, черезъ которую вошла m-me Лербуръ, появилась служанка. Молодой человѣкъ, предложивъ руку Эмилии, направился въ комнаты торговца въ сопровожденіи мужа слѣдовавшаго за ними.

Въ тѣ времена, по французскому обычаю, обѣдали въ полдень. Въ столовой Лербуровъ была уже замѣтна роскошь, уничтоженная было революціей. Серебро было извлечено изъ тайниковъ, и столъ свидѣтельствовалъ о зажиточности хозяевъ, среди которой не боялась уже жить богатая буржуазія.

— Садитесь, дорогой мой,—сказалъ Лербуръ, указывая Санъ-Режану мѣсто между собою и женой. — У меня найдется такое вино, что заставитъ васъ забыть все гостиницы. Выпьемъ за нашъ союзъ... Жаль, что нѣтъ здѣсь вашего товарища, онъ славный человекъ. Если онъ привезетъ изъ Шаронты какой-нибудь старой водки, то пусть онъ подѣлится со мной.

— Я ему скажу.

— А пока мы сдѣлаемъ честь моему бургонскому. Вотъ шамбертенъ. Такой же, какой пьетъ первый консулъ. Все оказалось возможнымъ перевернуть во Франціи, только вино нельзя было испортить, а это уже много!

Сидя за столомъ торговца, Санъ-Режанъ съ интересомъ слушалъ признанія, въ которыхъ разсыпался Лербуръ. Онъ понималъ, что въ его словахъ отражались чувства парижанъ средняго состоянія, которыя ему важно было знать. Это являлось довольно точнымъ указаніемъ для Гартвелльскаго двора, мечтавшаго о реставраціи. Онъ понималъ, что съ желаніями и стремленіями массъ нужно считаться. Переживъ терроръ, пожелаетъ ли возрождающееся французское общество перемѣнить систему и вернуться къ монархіи? И теперь ему стало ясно, что Бонапартъ произвелъ на буржуазію впечатлѣніе силы и власти, безъ которыхъ не можетъ держаться порядокъ.

— Намъ, изволите ли видѣть, г. Деклеръ, важнѣе всего устойчивость учрежденій. Невозможно работать съ увѣренностью, если правительство будетъ мѣняться каждый годъ. А нѣтъ увѣренности, нѣтъ и дѣла. Десять лѣтъ нельзя было рассчитывать даже на завтрашній день. Каждый день какая-нибудь неожиданность, какая-нибудь катастрофа. То принудительный заемъ, то девальвація цѣнностей, то еще что-нибудь. Всячески старались разорить эту несчастную страну. А теперь мы начинаемъ дышать свободно. Возвращается спокойствіе, завязываются сношенія. Теперь ужъ нечего дрожать за свою жизнь. Теперь мы смѣемъ думать и говорить. Начинаются пріемы, а за ними идетъ и роскошь. А роскошь,—это, извольте видѣть, жизнь Паризжа. Какъ вы будете продавать ваши шелковые товары, если портнымъ не приходится шить платья для франтихъ? Теперь, слава Богу, наступила полная реакція, и, санкюлотизмъ отжилъ свой вѣкъ. Теперь пудрятся вмѣсто того, чтобы носить красный колпакъ. Эмигранты, г. Деклеръ, возвращаются каждый Божій день!

— М-me Бонапартъ, говорятъ, относится къ нимъ весьма благосклонно...

— Еще бы! Она не можетъ забыть, что она носила титулъ графини Богарне. Да, кромѣ того, она по природѣ очень кротка. Она добрый человѣкъ.

— А какъ онъ, первый консуль?

— А кто можетъ его знать? Это замѣчательная личность. Но чего онъ хочетъ, куда онъ идетъ и для кого онъ старается?

Тутъ Лербуръ понизилъ голосъ.

— Нѣкоторые говорятъ—для Бурбоновъ, которымъ онъ готовитъ возвращеніе. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ принцемъ, какъ Монкъ послѣ возведенія на престолъ сына Карла Стюарта. Но кто можетъ за него поручиться? Онъ очень молчаливъ и сосредоточенъ. У такого человѣка, несомнѣнно, должны быть свои планы, но какіе? Онъ теперь хозяинъ. Почему бы ему и не удержать власть за собой?

— Ему? Корсиканскому дворянчику? Случайному выскочкѣ?

— Побѣдителю при пирамидахъ, герою Маренго! Онъ самъ себя всѣмъ обязанъ, а не предкамъ...

— Неужели вы одобрите, если онъ возьметъ на себя диктатуру?

— Да онъ уже ее взялъ! Камбасаресъ и Лебронъ только статисты. Между нимъ и трономъ только его воля.

— Но онъ рискуетъ получить ударъ книжала, какъ Цезарь.

М-ше Лербуръ бросила на Санъ-Режана недовольный взглядъ. Видимо, ей было непріятно, что молодой человѣкъ заставляетъ ея мужа выбалтывать лишнее.

— Конечно,—продолжалъ Лербуръ:—мы, торговцы, могли бы скоро приспособиться къ возстановленію монархіи, но мы не считаемъ ее возможной въ настоящее время. Теперь Франція всецѣло во власти арміи и намъ есть за что благодарить людей, которые вотъ уже десять лѣтъ побѣдоносно бьются противъ всей Европы. Вы можете ввести опять лиліи, если это не будетъ стоить новой революціи. Но если Бонапартъ провозгласитъ себя императоромъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, то я и этому не буду противиться. Ибо для нашего брата нужно прежде всего спокойствіе, чтобы можно было работать. За ваше здоровье, гражданниъ.

Собесѣдники чокнулись стаканами, въ которыхъ искрился шамбертенъ, и принялись за десертъ.

IV.

Дверь въ кабинетъ Бонапарта пріоткрылась, и въ ней показалась голова Бурьенна. Первый консуль, ходившій вздъ и впередъ въ раздумьѣ, остановился и, недовольно взглянувъ на своего секретаря, спросилъ:

— Одинъ?

Бурьеннъ приблизился къ своему начальнику и доложилъ:

— М-ше Бонапартъ не пожелала сойти. Она сильно плакала. Она сойdetь только къ обѣду.

— Она дала, по крайней мѣрѣ, какіе-нибудь счета.

— Очень неясны. Приблизительныя цифры, по счетовъ иѣтъ. Кажется, поставщики злоупотребляютъ...

— Они грабятъ ее! Это очевидно. Жѣнщина имъ не платитъ, а между тѣмъ въ ихъ руки переходятъ огромныя деньги.

Онъ овладѣлъ собою, бросилъ на секретаря холодный взглядъ и перемѣнилъ разговоръ.

— Приѣхалъ Фуше?

— Онъ идетъ въ залъ флигель-адъютантовъ.

— Попросите его.

И Бонапартъ опять принялся ходить вдоль своего кабинета, пока не услышалъ, что дверь открылась. Онъ поднялъ голову и, увидѣвъ передъ собою блѣдное лицо бывшего уличнаго оратора, слегка кивнулъ ему головой, указалъ ему на кресло и самъ сѣлъ.

— Кто изъ насъ былъ правъ, гражданинъ Фуше,—сказалъ онъ:— когда вы ссѣлались на заговоръ роялистовъ тамъ, гдѣ я видѣлъ лишь происки якобинцевъ.

— Мы были правы оба, гражданинъ консулъ. Якобинцы волнуются, а роялисты куютъ заговоръ, и тѣ и другіе одинаково опасны. Впрочемъ, если бы я боялся покушенія, я принялъ бы мѣры предосторожности противъ роялистовъ. Они лучше организованы и смѣлѣе якобинцевъ.

— Съ 18-го фруктидора, — замѣтилъ Бонапартъ съ легкой усмѣшкой.

Фуше сдѣлалъ гримасу. Онъ не любилъ, чтобы ему напоминали объ его предательствѣ, отъ котораго пострадали даже нѣкоторые его друзья.

— 18-е фруктидора уничтожило партію якобинцевъ,—глухо промолвилъ онъ.

— Однако это не помѣшало ей подстрекнуть Арена и Шевалье, которые пытались меня убить.

— Нужно всего бояться и со стороны роялистовъ.

— Я хочу покончить и съ тѣми и съ другими. Недопустимо, чтобы у самыхъ воротъ столицы дороги были заняты шайками разбойниковъ, которые нападаютъ на фермы, останавливаютъ diligencans и требуютъ выкупа съ пассажировъ.

— Эти грабители—дѣтница маркиза де-Фротте, а ихъ главарь— Брюсларъ. Три дня тому назадъ онъ былъ здѣсь, въ Парижѣ. Отъ выѣхалъ отсюда въ кабриолетѣ и направился въ Версаль.

— Неужели мнѣ придется выслать цѣлую колонну подъ предводительствомъ какого-нибудь генерала, чтобы образумить этихъ злодѣевъ? Вы мнѣ доноситѣ о нихъ, а между тѣмъ они ускользаютъ отъ васъ.

Фуше молча улыбнулся.

— Дайте мнѣ приказъ арестовать ихъ и въ двадцать четыре часа и разгромлю ихъ всѣхъ.

Бонапартъ нахмурился.

— Только не теперь. Черезъ нѣсколько дней.

— Вы надѣетесь, что ваши переговоры увѣчатся успѣхомъ?

Первый консулъ сдѣлалъ жестъ изумленія.

— Какіе переговоры?

— Которые вы ведете съ претендентомъ черезъ посредство аббата Бернье. Вы думаете, я объ этомъ не знаю?

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ сухимъ тономъ:

— Это вамъ не удастся.

— А почему?

— А потому, что вы имѣете дѣло съ людьми, которые хотятъ только воспользоваться вами. Ваше требованіе отказаться отъ трона вызоветъ прежде всего встрѣчное требованіе, чтобы вы реставрировали законнаго короля! Если вы согласитесь, король осыплетъ васъ золотомъ. Если вы его отвергнете, постараются васъ убить. Это совершенно ясно. Люди, которымъ поручено повидаться съ вами и передать предложенія роялистовъ, находятся уже въ Парижѣ.

— Какимъ образомъ вы знаете объ этомъ?

— Я знаю все—это мое ремесло.

— Мнѣ еще ничего не извѣстно объ ихъ планахъ. Кого же мнѣ прислали?

— Секретаря претендента Гюда де-Невилля и генерала Каду-дали.

— Знаменитаго Жоржа?

— Да, Круглоголоваго.

— Какимъ образомъ вы узнали объ ихъ прїѣздѣ?

— Я сначала узналъ объ ихъ отъѣздѣ. Съ этого момента мои люди уже не теряли ихъ изъ виду. Мѣста для остановокъ были приготовлены для нихъ заранѣе. Это дѣло поставлено очень хорошо черезъ сею Нормандію вплоть до Лондона. Къ и счастью для роялистовъ, оно организовано мною, такъ что въ одинъ прекрасный день, когда я захочу, я могу захватить и ихъ самихъ, и ихъ корреспонденцію.

— И вы знаете, гдѣ остановились Невилль и Кадудалъ и можете привести ихъ ко мнѣ?

— Да, гражданинъ консулъ. Впрочемъ, они придутъ сами. Мнѣ вмѣшиваться здѣсь неудобно, ибо у нихъ есть пропускъ, подписанный вами.

— Кто же имъ его далъ?

— М-ше Бонапартъ.

Первый консулъ съ минутой подумалъ.

— Да,—началъ онъ медленно.—Жозефина всегда имѣла связи съ роялистами. Въ глубинѣ души она чувствуетъ благосклонность

къ придамъ. Якобицамъ это извѣстно, и вотъ откуда, между прочимъ, ихъ ненависть противъ меня. Но я сломлю и монтаньяровъ, и и шуановъ, но я не хочу и монархін!

— Бурбоновъ? — съ тонкой улыбкой спросилъ Фуше.

— Ничьей! Послѣ того, какъ утверждено право народа, во Франціи не должно быть божественнаго права. Но я долженъ выслушать предложенія претендента...

— Слѣдовательно, что бы ни случилось, я долженъ пока оставаться въ бездѣйствіи?

— До получения подробныхъ свѣдѣній.

Фуше понялъ, что разговоръ кончился, и всталъ. Въ эту минуту лакей внесъ круглый столикъ, на которомъ консулъ обыкновенно завтракалъ въ своемъ кабинетѣ. Черное лицо Рустапа мелькнуло въ сосѣдней комнатѣ, около двери засуетились лакеи. Приближалась м-ме Бонапартъ. Она тщательно выбрала свой туалетъ. Стройная и изящная, она шла съ полузакрытыми глазами и съ улыбающимся лицомъ. Физиономія перваго консула, ожидавшаго слезъ и бурныхъ сценъ, прояснилась.

Онъ снисхождительно и смотрѣлъ на жену и, показывая ей мѣсто, сказалъ:

— Садись, Жозефина.

Удовольрившись, что они одни, онъ далъ волю своему неудовольствію.

— У тебя опять долги? Опять мотовство? Опять твои дѣла въ безпорядкѣ? Я этого терпѣть не могу. Поощрять роскошь—это такъ. Это моя политика. Но плати за то, что ты покусаешь. У тебя вкусъ къ тряпкамъ. Покунай драгоценные камни, золотыя вещи. Но соломенные издѣлія или стекло! У тебя вкусъ цегровъ, твоихъ родичей! Отъ всего этого остается только пыль да счета. Я этого больше не хочу.

— Какъ ты сердитъ сегодня!

— Потому что ты даешь дурной примѣръ, которому слѣдуютъ окружающіе меня. Вотъ Ланнъ, не попросивъ ни разрѣшенія, ни кредита, сдѣлалъ новые мундиры для консульской гвардіи. Кто будетъ платить за это? Я приказалъ взискать съ него. Велѣдствіе своего сквернаго характера, онъ теперь дуется на меня и не разговариваетъ со мной. Могу я распорядиться или нѣтъ?

Жозефинъ поднесла платокъ къ глазамъ. Это было у нея обычнымъ средствомъ. Бонапартъ, быстро съѣдая каждое кушанье, которыя подавались на столъ разомъ, мало-по-малу сталъ смягчаться.

— Ну, не плачь! Я заплачу. Но не дѣлай этого другой разъ. Подражай въ скромности и послушаніи твоему сыну. Евгеній можетъ служить примѣромъ. Мнѣ ни разу не пришлось сдѣлать ему замѣчанія. Онъ порядочный малый и лучшій солдатъ моей арміи.

— Онъ знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ тебѣ.

— Другіе тоже это знаютъ: Жюно, Мюратъ, Ожеро, и однако...

Онъ всталъ и бросилъ салфетку на столъ. Завтракъ продолжался не болѣе четверти часа. Подали кофе. Подойдя къ женѣ, Бонапартъ посмотрѣлъ на нее съ иѣжностью.

— Не печалься, Жозефина. Только не будь расточительницей! Мнѣ говорили, что у тебя есть секретные фонды и что Фуше платитъ тебѣ оброкъ съ азартныхъ игръ. Берегись, если когда-нибудь я въ этомъ удостовѣрюсь!

Онъ поцѣловалъ ее и сталъ ласкать. Несмотря на всѣ разочарованія, которыя она ему доставляла, онъ положительно чувствовалъ къ ней иѣжность. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы дать его мыслямъ желательное направленіе, и заговорила о политикѣ.

— Я получила еще прошеніе о разрѣшеніи вернуться. Отъ одной провансальской благородной фамиліи, отъ Сентъ-Эстранжеловъ. Они принадлежатъ къ высшей знати своего круга. Ты знаешь, южане—ревностные приверженцы короля... Милость могла бы сослужить въ данномъ случаѣ хорошую службу...

— Передай ихъ прошеніе Камбасаресу.

— Кроме того, есть еще прошеніе отъ семьи Шаро. Мнѣ говорила о нихъ м-ше Вернадотъ. Просить тебя самого она не хочетъ.

Бонапартъ сжалъ губы. Онъ не любилъ, когда ему напоминали объ этой дамѣ, которую онъ когда-то любилъ, но потомъ бросилъ, чтобы жениться на Жозефинѣ, принесшей съ собою въ приданое главное начальство надъ итальянской арміей.

— Отлично,—продолжалъ онъ.—Отдай Камбасаресу. Послушать тебя, такъ скоро вся Франція будетъ наводнена одними эмигрантами, которыхъ опять придется разстрѣливать, какъ тогда у церкви св. Рока. Эти люди любятъ волноваться и, можетъ быть, просто глупо обращаться съ ними великодушно. Держаться строгости было бы, пожалуй, лучше для общественнаго порядка. Это избавляло бы отъ необходимости показывать строгій примѣръ, если интриги прищевъ будутъ продолжаться.

— Кто знаетъ, Бонапартъ, не лучше ли тебѣ вернуть ихъ?

— Ты съ ума сошла, Жозефина. Не для нихъ же я рисковалъ своею жизнью при Арколѣ и Маренго!

— Однако они рассчитываютъ на тебя. Объ этомъ они мнѣ сказали не далѣе, какъ два дня тому назадъ. Въ настоящее время въ Парижѣ находятся ихъ уполномоченные, которымъ поручено предупредить тебя.

— Откуда ты все это знаешь?

— Въ концѣ концовъ всѣ хлопоты роялистовъ о томъ, чтобы завязать съ тобой сношенія, направляются на меня.

— Кто же эти посланцы?

— Невилль и Кадудаль.

— Я знаю объ этомъ,— сказала Бонапартъ, наклонивъ голову.— Фуше меня объ этомъ предупредалъ. Но какимъ образомъ ты узнала о нихъ?

— Не спрашивай. Если ты будешь нескроменъ, я навлеку на себя подозрѣнiя и ужь больше ничего не узнаю.

— Но чѣмъ же гарантируютъ эти господа мою безопасность?

— Своей собственной персоной.

— Шансы не равны. Ко мнѣ могутъ подослать двухъ фанатиковъ, которые, рискуя собственной жизнью, убьютъ меня! А что значить ихъ жизнь въ сравненiи съ моею?..

— Ты можешь принять какiя угодно предосторожности. Поставь на стражѣ въ сосѣднихъ комнатахъ Мюрата и Раппа, Жюно и Рустана около кабинета. Можно, наконецъ, предварительно обыскать и удостовѣриться, что при нихъ нѣтъ оружiя.

Бонапартъ задумчиво ходилъ по кабинету. Его худая голова съ сухими волосами упала на грудь. Онъ остановился около каминна, сѣлъ и нѣсколько минутъ не произносилъ ни слова. Наконецъ, вскинувъ на Жозефину свои сѣрые глаза, онъ сказалъ:

— Хорошо! Я пѣвидаюсь съ ними завтра вечеромъ, послѣ обѣда. Скажи, чтобы они явились къ тебѣ. Только благодаря тебѣ они и будутъ допущены ко мнѣ.

Вечеромъ въ тотъ же день, только что Гидъ де-Невилль вернулся въ гостиницу и поднялся въ третiй этажъ къ себѣ въ комнату, которую онъ занималъ между Кадудалемъ и Санъ-Ре жапомъ, какъ этотъ послѣднiй вошелъ къ нему, не' постучавшись.

— Я слышалъ, какъ вы вернулись. Здѣсь стѣны такъ тонки, словно онѣ изъ бумаги. Невозможно разговаривать ни у меня, ни у Жоржа: сосѣди все слышатъ. Въ вашей комнатѣ, по крайней мѣрѣ, безопасно...

Онъ сѣлъ на соломенное кресло и, покачивая ногой, затянутой въ шелковый чулокъ, сказалъ:

— У меня есть новость для васъ. Я сейчасъ видѣлъ мою прелестную землячку. Дѣло насчетъ свиданiя улажено. Первый консуль приметъ васъ и Жоржа завтра вечеромъ.

— Какой быстрый успѣхъ!—сказалъ Невилль, смѣясь.—Это дѣло вашихъ рукъ. Нужно быть только красивымъ малымъ, и тогда всѣ двери отворятся сами собой.

— Оказывается, жена нашего милѣйшаго Лербура ярая роялистка и состоитъ поставщицей m-me Бонапартъ. Само собой разумѣется, что она и явилась посредницей между женой перваго консула и нами. И нужно сознаться, она быстро и ловко справилась со своей задачей. Такимъ образомъ, мы войдемъ въ Тюльери при нѣкоторомъ покровительствѣ, нагруженные всякими модными товарами, которые m-me Лербуръ посылаетъ своей покупатель-

ницѣ. А ужь разъ мы будемъ на мѣстѣ, м-ше Бонапартъ, несомнѣнно, устроитъ намъ свиданіе съ мужемъ.

— А мужъ въ курсѣ всего этого?

— Мужъ,—отвѣчалъ смѣясь Санъ-Резкашъ,—ни о чемъ не догадывается.

— Но куда дѣвался Жоржъ?

— Развѣ можно когда-нибудь это знать? Онъ постригся, побрился и, вырядившись щеголемъ, гуляетъ, рискуя быть признаннымъ, гдѣ-нибудь въ Пале-Рояль, если не играеть. Признаюсь, онъ мнѣ больше нравится въ британской деревнѣ, чѣмъ на парижской мостовой. Тѣмъ болѣе, что съ его тѣлосложеніемъ и огромной головой трудно остаться незамѣченнымъ.

Въ эту самую минуту на лѣстницѣ раздались отчетливые шаги и послышался веселый свистъ.

— А, это онъ возвращается.

Дверь открылась, и вошелъ Жоржъ. Въ рукѣ у него была витая палка толщиною въ его кулакъ. Его широкое лицо, ушедшее въ огромный класейный галетукъ, какъ будто было вставлено въ рамку, благодаря напудренному парикъ съ локонами. Кадудаль нельзя было узнать, хотя Гидъ де-Невилль и предупреждалъ объ этомъ. Онъ сбросилъ свое пальто и шляпу на диванъ и, обращаясь къ друзьямъ, сказалъ:

— Я принесъ новость...

— У насъ также есть новость...

— И видѣлся съ нашими друзьями.

— А завтра мы увидимся съ первымъ консуломъ.

— Они готовы выступить по первому знаку...

— Наши планы будутъ зависѣть отъ свиданія съ Бонапартомъ.

— Чортъ побери коренканца!.. Лучше было бы устранить его съ дороги, чѣмъ вступать съ нимъ въ разговоры. Вся эта болтовня только усыпляетъ совѣсть, ослабляетъ рѣшенія.

— Нужно повиноваться приказу принцевъ.

— Да, да, вашего принца д'Артуа. Вотъ ужь не герой-то! Если бъ онъ высадился въ Вандѣ и пошелъ во главѣ насъ, Парижъ давно былъ бы въ нашей власти, а король былъ бы въ своемъ дворцѣ. Но, помилуйте, что скажетъ м-ше де-Поластронъ, если ся повелитель рискнетъ хоть однимъ волоскомъ! Эхъ, чортъ возьми! Намъ бы нужно было Генриха IV, а у насъ только бездѣльничающіе принцы!

— Жоржъ!

— Вы знаете, я человѣкъ грубый...

— Послушайте, не слѣдуетъ повторять это такъ часто: кончитя тѣмъ, что всѣ станутъ этому вѣрять.

Кадудаль расхохотался.

— Гдѣ дѣло идетъ о спорѣ, тамъ вы меня всегда побѣете, милѣйшій Невилль. Но когда дѣло дойдетъ до драки...

— Теперь вы начинаете сомневаться въ моей храбрости! Но я васъ прощаю. Лучше скажите, гдѣ вы были сегодня!

— Ну, заключимте миръ и поговоримъ лучше о дѣлахъ. Я видѣлъ Ривьера, Пастора, Жипенвилля и Ларивьера. Мы условились встрѣтиться опять послѣзавтра на балу въ Павильонѣ Ганновера. Тамъ мы найдемъ всѣхъ нашихъ и такимъ образомъ войдемъ въ общество парижскихъ роялистовъ.

— Вы надѣетесь найти среди нихъ много союзниковъ?

— Долженъ признаться, нѣтъ. Этимъ эмигрантамъ не понравилось за границей, они вернулись назадъ и склонны теперь примириться съ новымъ порядкомъ вещей. Конечно, они это дѣлаютъ не съ легкимъ сердцемъ. Они фрондируютъ въ салонахъ, но отъ этого еще очень далеко до дѣйствій на улицѣ или въ открытомъ полѣ. Чтобы заставить ихъ двинуться съ мѣста, нуженъ какой-нибудь сильный ударъ. Вотъ этотъ-то ударъ я и попытаюсь нанести, если наши дипломатическіе переговоры, въ чемъ я увѣренъ, не приведутъ ни къ чему.

Санъ-Режанъ съ того самаго дня, какъ Лербуръ представилъ его своей женѣ и какъ онъ обмѣнялся съ нею неожиданными признаніями, установившими между ними тайную связь, побывалъ въ магазинѣ на улицѣ Сентъ-Опоре еще два раза. Первый разъ онъ принесъ Лербуру образчики шелковой матеріи, которые онъ раздобылъ съ величайшимъ трудомъ. Ему хотѣлось сохранить въ глазахъ торговца ту роль, которую онъ принялъ и которая помогала ему сохранять инкогнито.

Они условились, что эти образчики, дѣйствительно, великолѣпные, будутъ отобраны для м-ме Вонанартъ. М-ме Лербуръ, смѣло открывшаяся Жозефинѣ, условилась съ женою перваго консула, что матеріи вмѣстѣ съ нею принесутъ Невилль, Кадудаль и Сень-Режанъ, которымъ и будетъ доставлена возможность видѣть перваго консула.

Во второй разъ Невилль отправился въ магазинъ Лербура, чтобы условиться о томъ, когда имъ зайти за нею. Было условлено, что Санъ-Режанъ поѣдетъ въ каретѣ вмѣстѣ съ супругами Лербуръ, а Жоржъ и Невилль будутъ ждать ихъ на углу, около гостиницы «Нантъ». Лербуръ, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи относительно интриги, которую плела его жена, былъ въ полной увѣренности, что тутъ дѣло чисто торговое и что добрая часть тѣхъ новостей, которыя они везутъ съ собой, останется въ Тюильри.

При второмъ его визитѣ Лербура не было дома, и его приняла Эмилиа. Санъ-Режанъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы вспомнить прошлое, когда молодая дѣвушка, оставшись послѣ смерти родителей одна-одинешенька, испытывала тысячи превратностей судьбы среди возстаній шуановъ, преслѣдованій роялистовъ, среди убійствъ и пожаровъ. Къ счастью, она встрѣтилась

въ Нантѣ съ Лербуромъ, который прѣѣхалъ туда къ разгрузкѣ контрабанднаго судна, пропущеннаго благодаря взяткѣ, данной Каррьеру. Судно это прямо изъ Ливерпуля везло значительное количество мадаполаму и вязанныхъ вещей. Эмилиа, поступивъ къ Лербуру приказчицей, скоро обратила на себя вниманіе хозяина своей красотой и манерами. Подъ именемъ Эмилии Бурдэнъ она скоро прославилась, какъ отличная кружевница. Особенно она отличалась въ выдѣлкѣ аргентанскихъ кружевъ. Лербуру показалось, что она очень бы годилась для его магазина, но когда онъ заикнулся объ этомъ другимъ приказчицамъ, тѣ приняли столь сосредоточенный видъ, что Лербуръ сейчасъ же возымѣлъ сильныя сомнѣнія насчетъ добродѣтели м-ше Бурдэнъ. Не обманываясь насчетъ своихъ чувствъ, Лербуръ не безъ удовольствія узналъ, что Эмилиа благороднаго происхожденія и, вѣроятно, сочтетъ для себя невозможнымъ вступить съ нимъ въ бракъ. Лербуръ рѣшился, однако, объяснить прямо съ Эмилией. Не считаясь съ опасностью, которая могла грозить ей въ городѣ, терроризованномъ Каррьеромъ, молодая дѣвушка разказала торговцу о своемъ происхожденіи, открыла ему свое имя и дала этому человѣку полную возможность погубить ее, если бы въ его сердцѣ оказалась хоть капля низости или злобы. Когда Лербуръ заговорилъ, что въ Парижѣ ее, быть можетъ, ожидаетъ другая судьба, не имѣющая ничего общаго съ необезпеченнымъ положеніемъ приказчицы, чѣмъ въ Нантѣ, гдѣ ее могли узнать, то Эмилиа попросила времени подумать. По совѣту другихъ приказчицъ, подъ страхомъ революціонныхъ ужасовъ и въ полномъ убѣжденіи, что у нея уже нѣтъ будущаго, м-ше Бурдэнъ согласилась выйти за этого добряка, которому всю жизнь предстояло быть ея вѣрнымъ слугою, и покатила съ нимъ въ Парижъ.

Въ кругу посѣтителей магазина она сейчасъ же произвела сильное впечатлѣніе. Робеспьеръ, отличавшійся франтовствомъ, самъ покупалъ здѣсь для себя огромные кисейные галстуки, чтобы, какъ говорили, скрыть свою золотуху. Фабръ д'Эглантинъ сочинялъ стихи въ честь прекрасной хозяйки магазина, Бурра постоянно вертѣлся около нея. Но молодая женщина была недоступна ухаживанію людей, которыхъ она считала убійцами. Мало-по-малу она привила свои идеи мужу и сдѣлала его сторонникомъ партіи умѣренныхъ. Но привлечь его къ партіи роялистовъ ей не удалось. Консульство удовлетворяло его, а когда стала оживляться торговля, то большаго онъ и не требовалъ.

Онъ принялъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ Санъ-Режана, когда тотъ подѣхалъ къ магазину вечеромъ того дня, когда было назначено свиданіе. При помощи мнимаго Леклера онъ уложилъ въ карету образчики матеріи и, когда настало время ѣхать, позвалъ жену. Та вышла въ прелестномъ шелковомъ платьѣ, перехваченномъ выше талии, съ открытой шеей. Когда она садилась

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
МАГАЗИНОВЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“
А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и въ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

—

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

—

ВЪ ЮНѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

—

Богословіе.

ИОНА, АРХИМАНДРИТЬ. Святая гора Афонъ. Быть монаховъ на Афонѣ и междуцерковное значеніе Святой горы. Спб. 1911. Ц. 55 к.

ЛЮТОСТАНСКІЙ, И. Жиды и ритуальныя убійства христіанскихъ младенцевъ. Ученое богословско-юридическое изслѣдованіе. Спб. 1911. Ц. 15 к.

Философія, психологія, логика.

АВЕНАРИУСЪ, Р. О вредѣ психологіи. Перев. съ нѣм. Шв. Маркова. Москва 1911. Ц. 60 к.

ВОИНОВЪ, С. Христіанство и культура. М. 1911. Ц. 80 к.

ВУЛЬФІУСЪ, А. Г. Очерки по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII в. Вольтеръ, Монтескье, Руссо. Критическое изслѣдованіе. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ГАУШЪ, Р., проф. Психологія ребенка. Съ 18 рис. Перев. подъ ред. прив.-доц. А. Н. Бернштейна. Москва. 1911. Ц. 75 к.

ГОМБЕРГЪ, В. Опытъ изложенія основныхъ началъ этиологіи преступленія. Ч. I. — Чезаре Ломброзо и уголовная антропология. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р.

Пирсонъ, Карлъ. Грамматика науки. Перев. съ англ. В. Базарова и П. Юшкевича. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 4 р.

ПСИХО - НЕВРОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ. Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологии и гипнотизма. Вып. 1-й. Спб. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

ФАТЪЕВЪ, АР. Любовь и правда у Л. Н. Толстого. (Рѣчь). Харьковъ. 1911. Ц. 15 к.

ЧЭМБЕРЛЭНЪ, А. Ф., проф. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. Ч. II. Перев. съ англ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЭНРИКВЕСЪ, Ф. Проблемы науки. Часть I. Переводъ съ итальянс., подъ ред. А. И. Бачинскаго и Г. Г. Шпетта. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

ЕФРЕМОВЪ, С. Исторія украинскаго письменства. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ЗА И ПРОТИВЪ книги Каринъ Михайлис «Женщина въ опасномъ возрастѣ». Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1911. Ц. 70 к.

КОГАНЪ, П. Міросовершенство Бѣлин-

скаго. Хрестоматія изъ сочиненій Бѣлинскаго съ вступит. замѣтками и съ статей. Москва. 1911. Ц. 1 р. 35 к.

РУСОВА, С. Т. Г. Шевченко. Украинскій народный поэтъ. (Его жизнь и прозвенія). Спб. 1911. Ц. 15 к.

«Истор. вѣстн.», августъ 1911 г., т. сxxv,

1/27

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- АВЕРЧЕНКО, АРКАДІЙ. Разсказы (юмористическіе). Книга 3-я. 2-е изд. «Шиповникъ». Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- АНТОЛОГИЯ. Сборникъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- АРТЕМЬЕВЪ, В. Архаровцы и др. разсказы. Кн. II. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р.
- БАЙКОВЪ, М. П. Солдатская доля. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Съ рис. Спб. 1911. Ц. 15 к.
- БАРАНЦЕВИЧЪ, К. Сочиненія, т. 8. Раба. Повѣсти и разсказы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- БУАССЬЕРЪ, А. Невинный убійца. Романъ Перев. съ франц. Н. Ладженской. К-во «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ВЕРБИЦКАЯ, А. Моему читателю. Мои воспоминанія. Юность. Грезы. Книга 2-я. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ВИЛЬМЪ, А. Коралловыя четки. Москва 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ВИННИЧИНКО, В. Разсказы. Т. I. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ВОЛНА. Сборникъ Ю I. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ЕНОХИНЪ, С. Въ деревнѣ. Очерки и разсказы. Киевъ. 1911. Ц. 1 р.
- ИВАНЬЕВЪ, БЛАСКО. Полн. собр. сочиненій Т. XI. Бичъ народа. Романъ. Перев. съ испанск. А. Вольтера. К-во «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Тоже. Т. XII. Луна Бенаморъ. Романъ. Перев. съ испанск. А. Вольтера. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ИХОРОВЪ, З. Записки самоубійцы. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- КРЕДО, Н. А. Въ туманѣ жизни. Романъ Спб. 1911. Ц. 88 к.
- КУЗНЕЦОВА И МИЛЛЕРЪ. Въ агоніи любви. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ЛУИСЪ, ПЬЕРЪ. Женщина и панцъ. Пьеса въ 4 д. и 5 картинахъ. Перев. одъ Ю. Спасскаго. Москва. 1911. Ц. 75 к.
- МЕЙ, Л. Полное собраніе сочиненій. 1911. Ц. за 3 тома 5 р.
- МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. Полное собр. сочин. Томъ IV. Христосъ и антихристъ. Трилогія. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Книга 1—5. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911. Ц. По подл. 18 р.
- М. Н. В. «Вопросы жизни», повѣсть и др. разсказы. Кн. 1-я. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- де-МОПАСАНЪ, ГЮИ. Полн. собр. сочиненій Т. XX. Лунный свѣтъ и др. разсказы. Перев. А. Чеботаревской. Книгоизд. «Шиповникъ» Спб. Ц. 1 р.
- ОНЧУКОВЪ, Н. Е. Сѣверныя народныя драмы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ПЕРЪ, КАМИЛЬ. Дитя Парижа. Романъ. Перев. съ франц. Москва 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ТАРТАКОВЕРЪ, С. Нѣсколько стихотвореній. Ростовъ на Д. 1911. Ц. 50 к.
- ТЕТМАЙЕРЪ, К. Игра волнъ. Перев. съ польск. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ЭДЕЛЬ, Э. Опасный возрастъ. Мужчина въ 50 лѣтъ. Оtvѣтъ на книгу Каринъ Михайлисъ «Женщина въ опасномъ возрастѣ». Перев. съ нѣм. Киевъ. 1911. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- ГОДУНОВЪ, В. И. Краткій очеркъ исторіи Эстляндіи. Къ 200-лѣтнему завоеванію ея Россією. Ревель. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ 40-хъ годовъ. Дневникъ Елисаветы Ивановны Поповой. Подъ ред. кн. Н. В. Голицына. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
- ЛИСИЦЫНЪ, М., прот. Первоначальный славяно-русскій типиконъ. Историко-археологическое изслѣдованіе. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- Приложенія (45 фототипическихъ таблицъ съ литургическихъ рукописныхъ памятниконъ) къ историко-археологическому изслѣдованію: Первоначальный славяно-русскій типиконъ. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- НЕЧВОЛОДОВЪ, А. Сказанія о русской землѣ. Ч. II. Отъ раздѣленія власти на Руси при сыновьяхъ Ярослава Мудраго до конца великаго княженія Дмитрія Иоанновича Донского. Съ рис., картинами и планами. Изд. «Сельскаго Вѣстника». Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ПФЛУГЪ-ГАРТУНГЪ. Всемирная исторія. Отъ Вестфальскаго мира до паденія Наполеона I (1650—1815). Перев. съ доп. полн. подъ ред. проф. Н. И. Карѣва и С. Г. Ловинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написаль Н. П. Ясиленко. Т. III. и IV. Изд. Бронгаузъ-Ефронъ. Спб. 1911. Ц. Два каждаго тома въ переплетѣ 8 руб.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, Ю. В. Авторское право. Законъ 20 марта 1911 года. Историческій очеркъ, законодат. мотивы и разъясненія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- АНЦЫФЕРОВЪ, А. Н. Курсъ элементарной статистики. Пособіе къ лекціямъ. Ч. I. 2-е изданіе. Харьковъ. 1910. Ц. 2 р. 50 коп.
- АРДАШЕВЪ, П. Национализмъ на Западѣ. Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія. Киевъ. 1911. Ц. 25 к.
- БАШМАКОВЪ, А. Очерки права родового, наследственнаго и обычнаго. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- БИБЛИОТЕКА журнала «Судебныя драмы». Дѣло объ отравленіи В. Ц. Бугурляна. М. 1911. Ц. 80 к.
- БИЛИМОВИЧЪ, АЛ., проф. Къ вопросу объ оправданіи сервитутовъ. Киевъ. Ц. 75 к.
- ДАВЫЛОВЪ, Н. Пролетарій и сѣверный крестьянинъ. (Опытъ энергетической теоріи цѣнностей). Спб. 1910. Ц. 75 к.
- ДАНИЛОВЪ, В. А. Элементы многоплеменнаго русскаго національнаго сознанія. Спб. 1911. Ц. 10 к.
- Кузнецовъ, Я. Семейное и наследственное право въ народныхъ пословицахъ и поговоркахъ. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- МЕЛЕРСКІЙ, А. Не войте съ природой. Вопросъ о лѣсахъ Сѣвера Россіи. Лѣсоохранительный законъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

— Цѣны на землю и Крестьянский банк
Спб. 1911. Ц. 50 к.
МИТИНСКІЙ, А. Н. Поссессионное
право, Спб. 1911. Ц. 2 р.
НЕДОШИВИНЪ, А. Первое прибав-
леніе (неофициальное) къ полному своду
узаконеній, разъясненій и распорихеній
правительства по государственному про-
мысловому налогу. Спб. 1911. Ц. 1 р.

НИКОНОВЪ, С. П., проф. Основная
начала положеній 19 февраля 1861 года.
Одесса 1911. Ц. 50 к.

ТРЕТЬЯ Государственная Дума. Сесія
4-я. Фракція Народной Свободы въ періодъ
15 октября 1910 г.—13 мая 1911. г. Отчетъ
и рѣчи депутатовъ, Спб. 1911. Ц. 50 к.

Искусство.

БЕНУА, А. Путеводитель по картинной
галлерей Императорскаго Эрмитажа.
Спб. 1911. Ц. 2 р.

В. А. Международная художественная
выставка 1911 г. въ Римѣ. Очеркъ съ пла-
нами выставки и гор, Рима. М. 1911. Ц.
60 коп.

ГРАБАРЬ, И. Исторія русскаго искус-
ства, по подпискѣ вышелъ вып. 9-й.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ те-
атровъ. Вып. 3. 1911. Ц. 1 р.

ИНОСТРАННЫЕ ХУДОЖНИКИ. Ю-
вистъ-дѣ Шаваннъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. Серия
иллюстриров. монографій. Вып. 3. Левитанъ.
Очеркъ А. А. Ростиславова. Спб.
Ц. 1 р. 50 коп.

Естествознаніе и математика.

АРХИМЕДЪ, ГЮЙГЕНСЪ, ЛЕ-
ЖАНДРЪ, ЛАМБЕРТЪ. О квадратурѣ
круга. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

ГУРИНЪ, Г. И. Анатомія птицъ. Съ 81
рис. Москва. 1911. Ц. 75 к.

ДЕ-ШАГНЕРЪ, К. Приготовление біоло-
гическихъ коллекцій дешевымъ спосо-
бомъ. Съ рис. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ЛЮДЖЪ, О. Мировой эфиръ. Одесса.
1011. Ц. 80 к.

МИЛОБЕНДЗКІЙ, О. Школа качествен-
наго анализа. Спб., 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ТИХВИНСКІЙ, М. Собесѣдованіе по
химіи. Основы современной химіи, изло-
женной преимущественно на заводскихъ
примѣрахъ. Кіевъ, 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ХВОЛЬСОНЪ, О. Курсъ физики, т II.
1911. Ц. 5 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ВОЕЙКОВЪ, А. И., проф. Распредѣ-
леніе населенія земли въ зависимости отъ
природныхъ условій и дѣятельности че-
ловѣка. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ШИДЛОВСКІЙ, А. Ф. Библиографич.

указатель литературы, касающейся Боль-
шевемельской тундры и оленеводства, по
материаламъ, собран. Архангельск. Общ.
изученія русскаго сѣвера. Архангельскъ.
1911. Ц. 25 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

БОРОДИНЪ, Н. Рыболовство и рыбо-
водство въ Россіи. Очеркъ съ 12 диаграм-
мами. Спб. 1911. Ц. 25 к.

ГРИГОРОВЪ, Н. Какъ лучше разво-
дить кормовую вику. (Посѣвы вики на
кормъ и сѣмена). Москва. 1910. Ц. 2 коп.

ГУЖАВИНЪ, Т. Сушеніе плодовъ и ово-
щей. 1911. Ц. 30 к.

ЗУБРИЛИНЪ, А. А. Ленъ и обработка
его на волокно. Съ рис. Изд. 2-е. Москва.
1911. Ц. 4 коп.

КОВАЛЬКОВСКІЙ, А. О сыровареніи.
Производство голландскаго сыра. Изд.
т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912. Ц. 12 коп.

КРАЙНСКІЙ, С. Огородная культура
картофеля. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ЛЮБАНСКІЙ, Ф. Краткій обзоръ 12-
лѣтней дѣятельности Подольскаго Об-

щества Сельскаго Хозяйства и Сел.- Хов.
Промышленности, Винница. 1911. Ц. 25 к.

— Описание имѣній Подольской губер-
ніи. Вып. 2-й. Винница. 1910. Ц. 50 к.

МОДЕСТОВЪ, А. Какъ получать хо-
рошіе урожаи хлѣбныхъ. Общедоступн.
основ. правила для земледѣльца южной
Россіи. Изд. 2-е, исправ. и дополн. Съ рис.
Москва. 1911. Ц. 3 к.

НОВИЦКІЙ, Э. Полное возрожденіе
льна. Новая система обработки льна и
пеньки. Спб. 1911. Ц. 60 к.

НѢМКОВЪ, А. Уставъ земледѣлія.
Москва. 1911. Ц. 15 к.

ШАВРОВЪ, Н. Къ повзанію огородни-
чества и овощей въ Туркестанѣ и Закаспій-
ской области, 1911. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

БЕХТѢВЪ, С. С. Хозяйственные итоги
истекшаго 45-лѣтія. Томъ III. Хлѣбная
торговля и элеваторы. Спб. 1911. Ц. 3 р.
ИСТОРИЯ торговли и промышленности
въ Россіи. Томъ I. Вып. 3-й. Биржи, то-

варные склады и другія торговыя учре-
жденія. Спб. 1911. Ц. 70 коп.

МИТИНСКІЙ, А. Н., горн. инж. Сучан-
скій уголь него перевозка. Спб. 1911. Ц.
1 руб.

1/2 *

СОКОЛОВЪ, А. Ростово-Нахичеванскій и Азовскій порты. Главныя данныя и краткій очеркъ развитія. Ростовъ-на-Дону. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ШТАУДИНГЕРЪ, I. Зернохранилище въ Тростбергѣ. Его устройство, веденіе въ немъ операціи и счетоводства. Перев. съ нѣм. Спб. 1911. Ц. 25 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ВИНДА, В. Обзоръ положенія развѣдочныхъ буровыхъ работъ въ Майкопскомъ нефтяномъ районѣ по май 1911 года. Ц. 1 р. 25 к.

Историческій очеркъ начала изслѣдованій и развѣдочныхъ работъ въ Майкопскомъ нефтяномъ районѣ, по 1911 годъ. Екатеринбургъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ГОРНОСТАЕВЪ, О. Деревенскій кузнецъ. М. 1911. Ц. 6 к.

КАКЪ дѣлаютъ посуду глиняную и фарфоровую. Краткое описаніе гончарнаго производста. Съ 5 рис. Москва. 1911. Ц. 5 к.

ЛАЦИНСКИЙ, А. А. горн.-инж. Электрическіе прокатные станы. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ЛЮНДИНЪ, Г. Руководство къ обученію рудоуделью. Влыванье. Шитье и кройка. Починка. Мѣтка. М. 1911. Ц. 45 к.

ЛЮТЕРЪ, Р., инж. Къ расчету высоковольтныхъ линий передачи на далекии разстоянія. Подъ ред. проф. П. Д. Войнаровскаго. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

НАДЕЖДИНА, Э. И. Элемент. курсъ кройки. Ч. II. Платья. Спб. 1911. Ц. 60 к.

НОВГОРОДСКИЙ, М. Керамика. Спб. Ц. 45 к.

ОСТЪ, Г. Учебницъ химической технологии. М. 1911. Ц. 4 р. 80 к.

РУССКОЕ воздухоплаваніе, исторія и успѣхи, подъ ред. В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина. Вып. I. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

РЮМИНЫ. Технологія воды и топлива. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

СЛЮКАРЕВЪ, М. Сапожное ремесло. Ц. 30 к.

СЫРОМЯТНИКОВЪ, М. Справочная книга по техникѣ сахарнаго производста. Ц. 2 р.

ФЛЕКГЪ, К. Фотокерамика. Руководство къ перенесенію фотографическихъ снимковъ на фарфоръ, эмаль, стекло, металлъ. Кіевъ. 1911. Ц. 70 к.

ШАРПАНТЬЕ, С. Организація литейной мастерской. Спб. 1911. Ц. 1 р. 40 к.

ЯРКОВСКИЙ, В. Планеры. Теорія скользящаго полета. Техника полета на планерѣ. Постройка разныхъ системъ. 1911. Ц. 60 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БОБРОВЪ, А., д-ръ. Какъ купаться въ морѣ. Наставленіе для пользованія морскими купаньями и ваннами. Изд. 2-е. Одесса. 1911. Ц. 50 к.

БЪЛИЦКИЙ, Ы. Истерія, ея сущность и леченіе. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ГРЮНБЕРГЪ, Ю. К., д-ръ. Новое о «606», о его дѣйствіи и примѣненіи при сифилисѣ. Научно-популярный очеркъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.

КАЙЗЕРЪ, Р., д-ръ. Краткое руководство по болѣзнямъ гортани, носа и уха. Перев. съ нѣм. д-ра Л. А. Блохъ. Съ 131 рис. Книгоизд. «Сотрудникъ». Спб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

КАРНИЦКИЙ, А. Пища ребенка, какъ источникъ здоровья и силы человѣка. Дѣтство, отрочество, юность. Настольная книга для матерей. Вып. I. Изд. 2-е. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

КЛОПШТОКЪ, М. И **КОВАРСКИЙ, А.** Практическое руководство по клинической химіи, микроскопіи и бактериологіи. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КРОМАЙЕРЪ, Е., проф. Кожныя и венерическія болѣзни. Кратк. руководство для студентовъ и врачей. Перев. съ нѣм. д-ра И. С. Комаровскаго. Съ 37 рис. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

КРАМАРЕНКО, В., д-ръ, и **АНОХИНЪ, А.** Руководство по массажу и врачебной гимнастикѣ. Съ 122 рис. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАЩЕНКОВЪ, П. Гигиена со включеніемъ свѣдѣній по эпидемиологіи, эпизоотологіи и медицинской полиціи. Томскъ, 1911. Ц. 3 р.

МАРГОЛИНЪ, Д. М. Курсъ фармакогнозіи для студентовъ и фармацевтовъ. Съ 169 рис. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МИХАЙЛОВЪ, Н. А. Диагностика и терепія заболѣваній мочевыхъ и половыхъ органовъ. Съ 186 рис. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 4 р.

МИХАЭЛИСЪ, Л. Краткое руководство по эмбриологіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

НАВЯЖСКИЙ, Г., д-ръ. Краткій курсъ акушерства. 2-е исправленное изданіе. Кіевъ. 1911. Ц. 70 к. к.

РУКОВОДСТВО по физиологіи человѣка для драчей и студентовъ. Составили профессора: Дю-Буа-Реймондъ, Вейсъ, Югансонъ, Конгеймъ, Крейдль, Лангендорфъ и другіе. Т. II. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ФРЕНЕРЪ, Е. Краткій курсъ частной хирургіи для ветеринарныхъ врачей, студентовъ и фельдшеровъ. М. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АСТРЯБЪ, А. М. Наглядная геометрія. Съ 209 рис. Книгоизд. «Сотрудникъ». Спб. 1911. Ц. 80 к.

ГАММЪ, Д. Самоучитель нѣмецкаго языка по натуральному методу. М. 1911. Ц. 60 к.

ДАУТЕ, А. Искусство и творчество въ воспитаніи. Сборникъ статей. Москва. 1911. Ц. 75 к.

ДЕМКОВЪ, М. И. Педагогика западно-европейская и русская. Педагогическая хрестоматія. Для учителейск. педит. и се-

минарий, педагог. классовъ женск. гимназ. и инстит., педагогич. курсовъ при городск. учил. и для народн. учителей. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ДОЛГУШИНЪ, П. А. Четырехзначная таблицы логарифмовъ чиселъ и тригонометрич. функций. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ЗОЛОТАРЕВЪ, С. Теорія словесности, иллюстрированная снимками съ произведений архитектуры, скульптуры и живописи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

КОРИФЕИ английской литературы. Избран. прозвезд. англ. и америк. классич. писателей въ обработкѣ для школъ и само. образованія. № 1. Modern masters of styles (Tales by Ruskin, Wilde and Kipling). Современныя английскіе стилисты. Примѣнительно ко II и III годамъ обученію англ. языку въ коммерческихъ училищахъ. Подъ ред. Э. П. Радунскаго. Москва. Ц. 1 р. 20 к.

КРАКОВСКИИ, Н. Теоретич. и практич. руководство коммерческой корреспонденции. 3-е и 4-е изд., вновь переработан. и дополн. А. Г. Комаровскимъ. Спб. Ц. 1 р. 60 к.

КУКУЛЕСКО, И. Учебникъ органической химіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1911. Ц. 80 к.

ЛЕБЕДЕВА, В. Первые защитники просвѣщенія въ Германіи. М. 1911. Ц. 25 к.

ЛЕБЕДИНЦЕВЪ, К. О. Кратк. алгебраич. задачникъ. Для учебн. завед. съ практич. курсомъ алгебры. Спб. 1911. Ц. 40 коп.

— Основы алгебры, Для учебн. завед. съ практич. курсомъ алгебры. Спб. 1911. Ц. 65 к.

ЛИТВИНЕНКО К. А. Сборникъ систематич. диктантовъ, съ прилож. алфавитнаго списка 300 темъ для письмен. упражн. учащихся и образцовъ ученич. сочиненій. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Москва. 1911. Ц. 90 к.

МАЗОРЪ, И. Постатейный словарь къ учебнику французскаго языка А. Росси. Часть 2-я. Киевъ 1911. Ц. 30 к.

МИЖУЕВЪ, Н. Г. и О. М. Французская хрестоматія для средн. учебн. завед. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ преимущественно франц. писателей XIX в. Изд. 4-е. К. Л. Риккера, Спб. 1911. Ц. 1 р.

МИХАЙЛОВЪ, ДМ. Курсъ исторіи русской литературѣ съ XI до XVIII вв. и хрестоматія. Для средней школы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

ОБЗОРЪ современной постановки изученія восточныхъ языковъ за границею. Состав. подъ ред. Вл. Котвича. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ОРЛОВСКИИ, В. I. Механический отдѣлъ курса физики для средн. учебн. заведеній. Киевъ. 1911. Ц. 50 к.

ОРЛОВСКИИ, С. Высшая народная школа въ Швеции. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 45 к.

ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКИИ, Н. Корифеи русскаго слова, вып. 6-й. Пушкинъ, и творчество. Спб. 1911. Ц. 90 к.

ПРОТИЧЪ, В. М., инж. Конкурсные экзамены въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Ч. I. Образцы билетовъ и собраніе всѣхъ задачъ по математикѣ, предлагавшихся на конкурс. экзамен. Спб. 1911. Ц. 50 к.

РАЙСКИИ, Н. Д. Сборникъ ариметич. задачъ для средн. учебн. завед., городск. училищъ, учительск. институтовъ и семинарій, 2 части. Изд. 2-е, исправл. Одесса. 1911. Ц. 1-й ч. 25 к., 2-й — 50 к.

РКЛИЦКИИ, С. Востокъ по Библіи. Опытъ исторической хрестоматіи къ курсу исторіи Востока въ средней школѣ. Кременчугъ. 1911. Ц. 50 к.

РОЗЕНБЕРГЪ, К. Начальный курсъ физики. Съ 329 рис. Перев. съ нѣм., подъ ред. П. Матюшенка. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

СЛЕТОВЪ, Н. П. Прямолинейная тригонометрія, Учебникъ, составл. примѣнит. къ индуктивному методу преподаванія. Спб. 1911. Ц. 80 к.

СТОЛЫГЪ, С., д-ръ. Что необходимо знать мальчику. Перев. съ англ. Е. Накашидзе. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ТОЛСТОЙ, Л. О методахъ обученія грамотѣ. М. 1911. Ц. 4 к.

— Воспитаніе и образованіе. М. 1911. Ц. 6 к.

— О народномъ образованіи. М. 1911. Ц. 10 к.

— Прогрессъ и опредѣленіе образованія. М. 1911. Ц. 6 к.

— Ясно-Полянская школа. М. 1911. Ц. 16 к.

— Педагогическія статьи. М. 1911. Ц. 40 к.

— Краткая азбука. М. 1911. Ц. 10 к.

ТУРЫГИНА, Л. Величайшіе иностранные писатели. Для юношества и самообразованія, Вып. 1-й. Данте. Милтонъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.

ЦИНГЕРЪ, А. В. Начальная физика. Первая ступень. 2-е изд., съ исправл. и дополн. Москва. Ц. 2 р.

ШМУЛЕВИЧЪ, Г. Какъ готовиться къ конкурснымъ экзаменамъ въ высшія техническія учебныя заведенія, петербургскія и московскія. Спб. 1911. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

КОНОВАЛОВЪ, М. П., проф. О водѣ. Популярный очеркъ. Съ 34 рис. и портретомъ автора. Спб. 1910. Ц. 15 к.

МИНЦЛОВЪ, С. Р. Кладъ. Повесть. Съ иллюстр. 2-е изд. Спб. Ц. 60 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧАНКО, Вас. Рѣки былинныя—дали завѣтныя. Для старшаго возраста. Изд. 2-ва И. Д. Сытина. Москва 1911. Ц. въ пап. 1 р.

НЕЧАЕВЪ, А. Почва и ея исторія. Спб. 1911. Ц. 25 к.

РОБЕРТСЪ, Ч. Спасенный орломъ. Равзкзъ. М. 1911. Ц. 17 к.

СЕТОНЪ-ТОМПСОНЪ, Э. По слѣду оленя песочной горы. 1911. Ц. 18 к.

— Жизнь сѣраго медвѣдя. Ц. 35 к.

СМЪХЪ И СЛЕЗЫ. Книга 1-я. Курьезы въ стихахъ и прозѣ, съ рис. Буша и др. худ. Текстъ переводит. и оригинал. В. Сѣрова. Книгогид. «Ф. А. Югансонъ». Киевъ. Ц. въ переплетѣ 1 р.

ТОЛСТОЙ, Л. Ясная Поляна. Разкзъ, были, сказки. Москва. 1911. Ц. 30 к.

ЭШНЕРЪ. Вокругъ насъ. Разкзъ о томъ, какъ приготовляеть человекъ все нужное для своей жизни. Книга I. Наша пища и одежда. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 60 к.

Спортъ, охота и игры.

ЕЖЕГОДНИКЪ Всероссийскаго Союза Лауль-Теннисъ клубовъ за 1910—11 гг. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

ВСЕОБЩІЙ иллюстрированный путеводитель под редакціей Н. Н. Лендера (Путника). Волга. Крымъ. Черноморское побережье. Кавказъ и проч. 1911. Ц. 60 к.

ВЪ ПОМОЩЬ ДУШИМЪ за ГРАНИЦУ. Италия, ц. 50 к., Англія, Голландія, Бельгія, ц. 50 к., Франція, Испанія, Португалія, ц. 50 к., Швейцарія, Австро-Венгрія, ц. 50 к., Германія, ц. 50 к.

ДЕМЧИНСКІЙ, Н. Предполагаемая погода. ЛѢТО 1911 г. Ц. 25 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Программы и правила для испытанія лицъ, имущихъ званія: а) учителя и учительницы начальныхъ училищъ; б) учителя городского училища; в) учителя церковно-приходскихъ школъ. Кіевъ. 1911. Ц. 30 к. а 50 к.

МАТВѢЕВЪ, А. А. Новый указатель подсудности 60-ти судебн.-миров. участковъ и 7 пригородныхъ, со включеніемъ полицейскихъ участковъ г. С.-Петербурга. Спб. 1911. Ц. 25 к.

МОСКВИЧЪ, Г. Путеводитель по Волгѣ. 1911. Ц. 1 р.

— Путеводитель по Финляндіи. 1911. Ц. 1 р.

НЕНАШЕВЪ, А. Путеводитель по Западной Европѣ. Германія. Съ картой желѣзныхъ дорогъ Германіи и планами Берлина, Дрездена и Мюнхена. М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ПОРТУГАЛОВЪ, А. На помощь экстернамъ. Полевные совѣты и указанія лицамъ, готовящимся или желающимъ готовиться къ окончательному испытанію при гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Изд. 4-е. Кіевъ. 1911. Ц. 35 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Финляндіи. Подъ редакціей Карелина. Съ прилож. карты, плановъ, иллюстрацій и словаря. Спб. 1911. Ц. 60 к., въ перепл. 75 к.

РУКОВОДСТВО для расцѣнки типографскихъ работъ съ образцами и таблицами. Спб. Ц. 1 р.

СПУТНИКЪ по гор. Кіеву и его окрестностямъ. Ц. 75 к.

СТУДЕНЧЕСКІЙ альманахъ. Справочная книга для студентовъ и лицъ обою пола, окончившихъ среднія учебныя заведенія. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ШНЕЕРСОНЪ, И. БЕРЛИНЪ. Сборникъ-путеводитель. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Разныя книги.

БОРИСОВЪ, Я. Руководство по библиотечной техникѣ. Основы практическаго библиотекостроенія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ИСОЛАНИ, Е. Дама въ штанахъ. Очеркъ по исторіи эволюціи женскаго платья. Перев. съ нѣм. съ предислов. В. Мюрида.

Подъ ред. В. Сѣрова. Кіевъ. 1912 г. Ц. 80 к.

КОЗЛОВСКІЙ, М. Человѣкъ и назначеніе его во вселенной. Москва. 1911. Ц. 10 к.

ЧЕГО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ О ВАШЕМЪ ЛИЦѢ? М. 1911. Ц. 50 к.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

ЦѢНА 4 РУБЛЯ. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дептфордѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицімейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Пестемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцовъ поневоль. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ IV.

Открыта подписка на художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій,**

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

Жизнь Европы. — Придворный и парламентскій бытъ. — Дипломатическій міръ. — Европейскіе университеты. — Женское движеніе. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествіе, романы, повѣсти. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистокъ, рисунки, сцены. — Юмористика. — Театръ и моды. — Особый отдѣлъ: пѣзъ міра таинственнаго, необычайныя явленія загадья опыта. — Міръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ГАЛЛЕРЕЯ КАРТИНЪ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемесячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читателей.

ПРЕМІЯ годовымъ подписчикамъ въ 1911 году;

„РАЗСКАЗЫ и ПРИЗНАНИЯ ЖЕНЩИНЫ“.

В. В. ЧАРСКОЙ.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., а полгода 2 руб.

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА ВЪ 1911 ГОДУ БУДЕТЪ УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
СЕНТЯБРЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Кольчевская вотчина. Часть третья. VI—X. (Продолжение). М. Г. Веселовой-Гильтетъ	769
II. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой . (Окончаніе).	809
III. «Монплезиръ». (Разсказъ). Л. М. Добронравова	825
IV. Отрывочныя воспоминанія. IV—V. А. Н. Витмера	852
V. Дядька Назаръ. (Воспоминаніе старожила). Г. Н. Ольшанскаго	881
VI. Давніе эпизоды. IX. Смерть Павла Энгельгардта. Н. А. Энгельгардта	897
VII. Изъ жизни русскаго дворянства прошлаго времени. VII—XI. Д. А. Корсакова	928
VIII. Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣ- щенія. (Предсѣдатель спб. цензурнаго комитета В. А. Цѣе). В. Е. Рудакова	962
IX. Оршанскій погромъ Н. А. Александрова	988
X. Послѣ «смущенія». (Деревенскія впечатлѣнія). С. Гусева . (Слово-Глаголь).	1002
XI. Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля. М. Ф. Чу- лицкаго	1023
XII. Легендарный издатель. (Памяти Н. И. Пастухова). Князя Б. А. Щетинина	1038
XIII. Сынъ декабриста. Н. О. К.	1044
XIV. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). IV. «Свя- щенная дружина» въ переговорахъ съ «Народной Волей». Б. Б. Глинскаго	1048
XV. Памятникъ русскому генералу въ Китаѣ. Е. К.	1101
иллюстрація: Сотня 6-го пограничнаго Заамурскаго полка у памятника генералу Чичагову.	
XVI. Остафьево 18 іюля 1911 года. Б. Г—ва	1106
XVII. Пятнадцатый археологическій съѣздъ въ Новгородѣ. В. Е. Рудакова	1110
иллюстраціи: 1) Видъ Новгородскаго кремля.—2) Софійскій соборъ до реставраціи.—3) Софійскій соборъ послѣ реставраціи.—4) Памятникъ тысячелѣтію Россіи.—5) Церковь Спаса Нередицы.—6) Иконостасъ Спасо- Нередицкой церкви.	

(См. слѣд. стран.)

XVIII. Критика и библиографія. 1143

- 1) Масонство или Великое царственное искусство братьевъ вольныхъ каменщиковъ, какъ культуро-исповѣданіе. Историко-философскій очеркъ. Спб. 1911. Тирь Соколовской.—2) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 27-й. Саратовъ. 1911. В. Руданова.—3) Serta Boguslensis. Сборникъ въ честь заслуженнаго профессора императорскаго университета святого Владимира Юліана Андреевича Кулаковскаго. Кіевъ. 1911. А. М.—на.—4) Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г. по Р. X. Изъ собранія графа А. А. Вобринскаго. Описалъ Н. И. Веселовскій. Съ 9 рисунками и 10-ю таблицами. Спб. 1910. А. Миронова.—5) Н. Н. Глубоковскій, ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи. По вопросу о «правѣ» евреевъ именоваться христіанскими именами. Трактатъ и историческая справка. Спб. 1911. Профессора М. Краснопяна.—6) С. П. Никонъ, проф. новороссійскаго университета. Основныя начала положеній 19 февраля 1861 г. Одесса. 1911. С. Авалани.—7) Ан. Титовъ. О великомъ градѣ Римѣ и о востелахъ сущихъ и начальвѣйшихъ. Москва. 1911. А. «—ова.—8) Е. А. Пахомовъ. Монеты Грузіи. Ч. I (домонгольскій періодъ). (Изъ I т. вып. IV записокъ нумизматическаго отдѣленія императорскаго русско-археологическаго общества). Спб. 1910. А. Хаханова.—9) Н. П. Верховской. Желѣзнодорожная неразбериха. Тетра incognita. Спб. 1911. Вит. Тичуна.—10) Сказки и рассказы бѣлоруссовъ-польшукъ. А. К. Сержпутовскій. Спб. 1911 г. Грамматическій очеркъ бѣлорускаго нарѣчія. А. К. Сержпутовскій. Спб. 1911 г. А. Ф.—ова.—11) Е. А. Нагродская. Гявъвъ Диониса. Спб. 1911 г. Б. Г.—12) В. В. Сусловъ. Русское зодчество по преданьямъ народной старины. Спб. 1911 н. л.—13) Ал. Кондратьевъ. Улыбка Ашеры. Спб. 1911. В. Г.—14) П. Е. Щеголевъ. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. Спб. 1910. А. Г. Фомина. 15) Рони-старшій. Борьба за огонь. Доисторическій романъ. Спб. 1911. А. Б.—16) Павелъ Кавтарадзе. (П. К.). «Цотъшныя» и воспитаніе въ народной школѣ. Подъ редакціей С. А. Толузакова. Спб. 1911. м.—о.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1169

- 1) Дипломатическіе переговоры въ 1870 г.—2) Кое что о Ницше.—3) Отосюду.

XX. Смѣсь. 1184

- 1) Освященіе Храма-памятника морякамъ.—2) Храмъ-памятникъ 300-лѣтія Дома Романовыхъ.—3) Въ Толстовскомъ музей.—4) Конкурсъ московскаго общества грамотности на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе на темы по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—5) О подпискѣ на памятникъ А. П. Ермолову.

XXI. Некрологи. 1192

- 1) Варановъ, А. Г.—2) Брюсовъ, Е. И.—3) Гофманъ, В. В.—4) Зноско-Боровскій, С. А.—5) Крюковскій, А. Ѳ.—6) Кешевъ, П. Е.—7) Кулишъ, А. М.—8) Миллеръ, И. П.—9) Никитинъ, Ѳ. П.—10) Пѣвницкій, В. Ѳ.—11) Рядновъ, В. А.—12) Садовскій, И. М. профессоръ.—13) Самоквасовъ, Д. Я.—14) Шульгинъ, В. М.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Василія Андреевича Цез.—2) Смерть консулу. (Pour tuer Bonaparte). Историческій романъ Жоржа Ону. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТАГО ТОМА

(ПОЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1911 года).

	СТРАН.
Кольчевская вотчина. Романъ. Часть вторая. XII — XX. Часть третья. I—X. М. Г. Веселновой-Кильштетъ	5, 353, 769
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	50, 395, 809
Панка. (Быль). К. Н. Шульгина	64
Безъ театра. (Отголосокъ сибирскихъ правовъ). Е. В. Корша	77
Давніе эпизоды. VII. Екатерининскій полковникъ. VIII. Воспитатель Пушкина. IX. Смерть Павла Энгельгардта. Н. А. Энгельгардта	99, 449, 897.
Мое знакомство съ А. П. Острѣвскимъ. (Изъ воспоминаній). В. З. Головиной (Ворониной)	125
Къ воспоминаніямъ о П. С. Ванновскомъ. А. П. Александрова	131
Памяти Н. И. Костомарова. М. Н. Писарева	134
<i>иллюстрація: Н. И. Костомаровъ.</i>	
Изъ воспоминаній судебного слѣдователя. Л. П. Лебедзѣвскаго	153
Уральцы и уралки. (Очеркъ). П. П. Жакмона	163
Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). III. Крушеніе идеи о созывѣ земскаго собора. IV. «Священная дружина» въ переговорахъ съ «Народной Волей». Б. Б. Глинскаго	175, 609, 1048
<i>иллюстраціи: 1) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. — 2) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. — 3) Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.</i>	

1/2

	СТРАН.
Нащокинскій домикъ. Александры Шипиловой.	213
О новомъ портретѣ А. С. Пушкина работы И. Е. Рѣпина. Р.	216
Торжества въ Смоленскѣ. Е. Н. Клетновой.	219
Изъ воспоминаній о. В. О. Ключевскомъ. Князя Б. А. Щетинина.	223
Двѣ смерти. (Памяти И. Л. Щеглова-Леонтьева и М. Н. Альбова). Г. И. Л.	227
Иллюстраціи: 1) Иванъ Леонтьевичъ Щегловъ-Леонтьевъ.—2) Михаилъ Ниловичъ Альбовъ.	
Въ гостяхъ у Пеликана. М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	251
Иллюстраціи: 1) Приемъ дѣтей въ экспедици.—2) Палата для недоношенныхъ дѣтей.—3) Вторая палата III отдѣленія.—4) Баракъ № 1.—5) Крестильная зала.	
Сергіевскія минеральныя воды. А. К. Яхонтова.	266
Иллюстраціи: 1) Сергіевскія минеральныя воды.—2) Спускъ въ ванное зданіе.—3) Сѣрный источникъ.—4) Развалины близъ сѣрнаго источника.—5) Сѣрное озеро.—6) Ванное зданіе.—7) Церковь въ Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ.	
Казусный случай. (Разсказъ старика). Г. Н. Ольшанскаго.	404
Отрывочныя воспоминанія. I—VI. А. Н. Витмера.	419, 852
Изъ жизни русскаго дворянства прошлаго времени. I—VI. VII—XI. Д. А. Корсакова.	469, 928
Послѣдніе дни цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. (Предсѣдатель спб. цензурнаго комитета В. А. Цесъ). В. Е. Рудакова.	502, 962
Гетманша Скоропадская, урожденная Анастасія Марковна Марковичъ (1667—1729). М. М. Мариной.	534
Мимо дворянскихъ гнѣздъ. А. С. Толстова.	551
Женатый монахъ. (Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля). М. Ф. Чулицкаго.	563
Царская собака и именной крендель. (Быль). Г. Борисова.	569
Счастливый день. (Разсказъ военнаго судьы). А. Писанецкаго.	574
Нѣсколько словъ о Пушкинскихъ мѣстахъ. В. Г. Вейденбаума.	585
Еще страничка о поэтѣ Божіей милостію. И. Г.	592
Леченіе ударами нагайки у киргизовъ. К. И. Скрыбина.	598
Иллюстраціи: 1) Перешагиваніе сокуца черезъ паціентку-киргизку.—2) Удары нагайкой по спинѣ двухъ рядомъ лежащихъ киргизовъ.	

Реабилітація рускаго народнаго гимна. (Отъ редакціи).	602
Въ Соловецкой обители. (Изъ лѣтнихъ впечатлѣній). Д. А. Жаринова.	652
Иллюстраціи: 1) Гавань Благовѣщенія и Спасо-Преображенская гостиница.—2) Видъ на монастырь съ гавани.—3) Монастырь съ западной стороны.—4) Каменный мостъ на Муксальму.—5) Савватіевская пустынь.—6) Голгова, скитъ на Анзерскомъ островѣ.—7) Филипповская пустынь.—	
Таранчи и дунгане. (Очерки изъ поѣздки по Семирѣчьи). Г. К. Гинса.	672
Иллюстраціи: 1) Видъ города Вѣрнаго. — 2) Окрестности города Вѣрнаго.—3) Домъ сарта-торговца въ киплакѣ Хумсанѣ. — 4) Переправа на паромѣ черезъ рѣку Или.—5) Видъ горной щели въ Западнѣйшемъ Алатау.—6) Мечеть въ Джаркентѣ. — 7) Видъ туземнаго киплака. — 8) Постройка дома.—9) Туземная мельница. — 10) Озеро Иссыкъ-Куль. — 11) Муллы на молитвѣ.—12) Семья дунганъ—13) Приготовленіе нищи.—14) Въ туземной чайной.—15) Вали-Ахунъ Юлдашевъ.	
«Монплеэиръ». (Разсказъ). Л. М. Добронравова.	825
Дядька Назаръ. (Воспоминаніе старожила). Г. Н. Ольшанскаго.	881
Оршанскій погромъ Н. А. Александрова.	898
Послѣ «смущенія». (Деревенскія впечатлѣнія). С. Гусева (Слово-Глаголь).	1002
Изъ воспоминаній бывшаго судебнаго дѣятеля. М. Ф. Чулицкаго.	1023
Легендарный издатель. (Памяти Н. И. Пастухова). Князя Б. А. Щетинина.	1038
Сынъ декабриста. Н. О. К.	1044
Памятникъ русскому генералу въ Китаѣ. Е. К.	1101
Иллюстрація: Сотня 6-го пограничнаго Заамурскаго полка у памятника генералу Чичагову.	
Остафьево 18 іюля 1911 года. Б. Г—ва.	1106
Пятнадцатый археологическій съѣздъ въ Новгородѣ. В. Е. Рудакова.	1110
Иллюстраціи: 1) Видъ Новгородскаго времля.—2) Софійскій соборъ до реставраціи. — 3) Софійскій соборъ послѣ реставраціи. — 4) Памятникъ тысячелѣтнюю Россіи.—5) Церковь Спаса Нередицы.—6) Иконостасъ Спасо-Нередицкой церкви.	
Критика и библиографія.	288, 709, 1143

1) Описаніе архива Александро-Невской лавры за время царствованія императора Петра Великаго. Томъ II. 1717—1719 года. **Ан. Титова.**—2) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ седьмой. Полтава. 1910. в. Р—ва.—3) Jelin. In Russland 1892. Aus dem Tagebuch des württembergischen Offiziers. Verlag Otto Gmelin. München. — Thirlonde Metz. Воспоминаніе офицера французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812 г., перев. В. М. Коллюбакина. Спб. С. Авалани.—4) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1910 г. Книга четвертая. Двѣсти тридцать пятая. Москва. 1910. в. Р—ва. — 5) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1911 г. Составлена подъ редакціей Д. Г. Тюменева. Воронежъ. 1911. Дм. Зеленина.—

- 7) Военная энциклопедия. Т. III. Москва. 1911. л. н. — 8) Кастанье, I. A. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXII. Оренбургъ. 1910. Я. Бирюнова.— 9) Линниченко, Н. А., проф. — Н. И. Костомаровъ (къ 25-лѣтію со дня его кончины). Одесса. 1910.—Графиня П. С. Уварова (къ 25-лѣтнему юбилею). Одесса. 1910.—Младшій изъ старшихъ славянофиловъ. Памяти А. С. Аксакова. Одесса. 1911. с. Аваліани.— 10) Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von T. Schiemann, O. Hüttsch, L. Goetz, H. Uebersberger. Berlin. 1910. Вып. I. м. н.—ва.—11) Козьминъ, Н. Н. Очерки прошлаго и настоящаго Сибиря. Спб. 1910. Я. Бирюнова.—12) Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга шестнадцатая. Москва. 1910. в. Р.—ва.—13) Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричневскій. Харьковъ. 1911. п. б.—14) Проф. Сумцъ въ Малюки з життя українського народнаго слова. (XIX т. Сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества въ память проф. Е. К. Рѣдина). X. 1910. в. Данилова.—15) Русскій библиофилъ. Le Bibliophile Russe. Спб. 1911. в. Рудакова.—16) Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ вн. Безсородко въ Нѣжинѣ. Т. VII. Нѣжинъ. 1911. А. м.—на.—17) Архивъ братьевъ Тургеньевыхъ. Вып. I. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1866—1811 годы (I томъ). Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова. Спб. 1911. в. Троцкаго.—18) В. Ф. Воиновскій. Богослуженія. Спб. А. Фаресова.—19) Открытыя письма и другія художественныя изданія общины святой Евгеніи Краснаго Креста (Справочный указатель). Спб. 1911. м—о.—20) Замѣчательныя сооруженія: храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Составилъ Ф. А. Тарапыгинъ. Спб. 1911. Р. Р.—ва.—21) Ф. Купчинскій. Новая Японія. Спб. 1911. А. б.—22) Изъ записокъ просвященнаго Никодима, епископа енисейскаго и красноярскаго, съ предисловіемъ Ан. Титова. Тула. 1911. А. н—ова.—23) Е. Клетнова. Отзвуки Отецественной войны въ преданьяхъ и сказаньяхъ Вяземскаго уѣзда. Вып. I. Смоленскъ. 1911. м—о.—24) Минская старина. Труды минскаго церковно-историко-археологическаго комитета. Вып. III. А. В. Жиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Биографія каноника Сенчиовскаго, въ двухъ частяхъ, съ алфавитнымъ указателемъ и тремя фотографіями). Часть I. На родинѣ Вѣлоруссіи. Вильна. 1911. Часть II. Въ изгнаніи. Вильна. 1911. в. Р.—ва.—25) Извѣстія императорской археологической комисіи. Вып. 36. (Вопросы реставраціи, в. 6), съ 17 таблицами и 84 рис. Вып. 37. Съ 4 таблицами и 85 рисунками. Спб. 1910. А. Миронова.—26) I. Двѣнадцатый годъ. II. Пожаръ Москвы. Москва. 1911. л. н.—27) П. Н. Важеновъ (генер.-отъ инфант.) Сандепу—Мукденъ. Воспоминанія очевидца участника войны. 1911. м. с.—28) Некрополь Крымскаго полуострова. Составилъ В. И. Чернопятковъ. Оттискъ изъ XI т. Записокъ московскаго археологическаго института. Москва. 1910. в. Р.—ва.—29) Сергѣю Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ф. Платонову. Спб. 1911. в. Троцкаго.—30) М. Г. Попруженко. Одеская городская публичная бібліотека. 1830—1910. Одесса. 1911. б. в.—31) Къ волѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Пѣсни, памфлеты, сказки, анекдоты, заговоры, пословицы, драмы-комедіи. Составилъ Н. А. Бродскій. Москва. 1911. т. А. м.—32) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, въ двухъ томахъ. Подъ ред. М. Гершензона. Москва. 1911. н. Лернера.—33) Елизавета Лихачева. «Воспоминанія одной русской знаменитости». Спб. 1911. Она же. «Нравы нашего милаго общества». Спб. 1911. б. г.—34) Prince Lazarovich-Hreblianovich. The Servian people, their past glory and their destiny. Lond. and N. York. 1911. А. б.—ва.—35) Тарле, Е. В. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Спб. 1911. п. б.—36) Crtica iz kricanske arhelogie. O. U. Talijsa. Drugo izdanje. Dubrovnik. 1910. А. я.—37) Baltischer historisch-geographischer Kalender. Riga. 1911. А. Э. Мальгрена.—38) Волгарія. Сочиненіе профессора географіи Софійскаго университета А. Иширкова. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1911. в. г.—39) С. Я. Гусевъ. Свѣжія раны.

Воспоминания корпуснаго контролера о русско-японской войнѣ. Спб. 1911. М—о. 40)—Х. Ф. Б. Линчъ. Армения. Путевые очерки и этюды. Переводъ съ англійскаго Е. Джунковской. 2 тома. Тифлисъ. А. Б. — 41) Массонство или Великое царственное искусство братьевъ вольныхъ каменщиковъ, какъ культуро-исповѣданіе. Историко-философскій очеркъ. Спб. 1911. Тира Соколовской. — 42) Труды саратовской ученой архивной комисіи. Выпускъ 27-й. Саратовъ. 1911. В. Рудакова. — 43) Serta Borysthenica. Сборникъ въ честь заслуженнаго профессора императорскаго университета святаго Владимира Юліана Андреевича Кулаковскаго. Кіевъ. 1911. А. М—на.—44) Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г. Р. Х. Изъ собранія графа А. А. Бобринскаго. Описалъ Н. И. Веселовскій. Съ 9 рисунками и 10-ю таблицами. Спб. 1910. А. Миронова. — 45) П. П. Глубоковскій, ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи. По вопросу о «правѣ» евреевъ именоваться христіанскими именами. Трактатъ и историческая справка. Спб. 1911. Профессора М. Красножена. — 46) С. П. Никонковъ, проф. новороссійскаго университета. Основныя начала подоженій 19 февраля 1861 г. Одесса 1911. С. Аваліани. — 47) Ач. Титовъ. О великомъ градѣ Римѣ и о костелахъ сущихъ и начальнѣйшихъ. Москва. 1911. А. К—ова.—48) Е. А. Нахомовъ. Монеты Грузіи. Ч. I. (домонгольскій періодъ). (Изъ I т. вып. IV. записокъ нумизматическаго отдѣленія императорскаго русско-археологическаго общества). Спб. 1910. А. Хаханова. — 49) Н. П. Верховской. Желѣзнодорожная неразбериха. Terra incognita. Спб. 1911. Вит. Тичачуа.— 50) Сказки и рассказы бѣлоруссовъ-польшукъ. А. К. Сержпутовскій. Спб. 1911. А. Ф—ова.—51) Е. А. Нагодская. Гривъ Діониса. Спб. 1911. Б. Г.— 52) В. В. Суслевъ. Русское зодчество по преданьямъ народной старины. Спб. 1911. Н. Л.— 53) Ал. Кондратьевъ. Улибка Амеры. Спб. 1911. В. Г.— 54) П. Е. Щеголевъ. Изъ разысканій въ области биографіи и текста Пушкина. Спб. 1910. А. Г. Фомина. — 55) Рови-старшій. Борьба за огонь. Доисторическій романъ. Спб. 1911. А. Б.—56) Павелъ Кавтарадзе. (П. К.) «Потѣшные» и воспитаніе въ народной школѣ. Подъ редакціей С. А. Толузакова. Спб. 1911. М—о.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 315, 737, 1169

1) Труды по исторіи и археологіи. — 2) Рахиль Фарнгагенъ.—3) Мусульманская пророчица. — 4) Представители русской культуры за границей. — 5) Отговсюду. — 6) Англійскіе модницы, остряки и красавицы въ Англіи во времена Георговъ. — 7) Воспоминанія французскаго дипломата объ одной дипломатической мисіи. — 8) Новые труды о русско-японской войнѣ. — 9) Русское искусство въ Парижѣ. — 10) Коронація Георга V. 11) Дипломатическіе переговоры въ 1870 г. — 12) Кое что о Ницше.— 13) Отговсюду.

Смѣсь. 333, 756, 1184

1) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ.—2) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи.— 3) Съездъ по бібліотечному дѣлу.— 4) Юбилей морского медицинскаго журнала. — 5) О выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время». — 6) Открытіе памятника «Стережущему».— 7) Закладка памятника М. Д. Скобелеву.—8) Архивъ М. М. Стасюлевича.— 9) Статистика Петербурга. — 10) Закладка памятника императору Александру III. — 11) Нѣмецкій памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ. — 12) Открытіе памятника ген.-ад. Скобелеву.—13) Юбилей «Кронштадтскаго Вѣстника». — 14) Закрытіе литературнаго общества. — 15) Освященіе Храма-памятника морякамъ.—16) Храмъ-памятникъ 300-лѣтія Дома Романовыхъ.—17) (Въ Толстовскомъ музеѣ).—18) Конкурсъ московскаго общества грамотности на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе на темы по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—19) О подпискѣ на памятникъ А. П. Ермолову.

Некрологи. 344, 761, 1192

- 1) Великая княгиня Александра Иосифовна.—2) Бартеневъ, В. М.—3) Исаевъ, В. И.—4) Кюнертъ, В. В.—5) Кучеровъ, М. Г.—6) Мансуровъ, Н. П.—7) Минцова, М. А.—8) Свѣдомскій, А. А.—9) Фирсовъ, М. М.—10) Чепелевская, В. И.—11) Бехтѣевъ, С. С.—12) Вишняковъ, Н. П.—13) Голубцовъ, А. П.—14) Левинсонъ, О. Я.—15) Ольдерогге, В. В.—16) Пянтюховъ, И. И.—17) Руссовъ, А. А.—18) Соловьевъ, П. В.—19) Соколовъ, А. Н.—20) Суворовъ, Ѳ. М.—21) Шараповъ, С. Ѳ.—22) Барановъ, А. Г.—23) Брюсовъ, Е. И.—24) Гофманъ, В. В.—24) Зноско-Боровскій, С. А.—26) Крюковскій, А. Ѳ.—27) Кеппелъ, П. Е.—28) Кулишъ, А. М.—29) Миллеръ, П. И.—30) Никитинъ, Ѳ. П.—31) Пѣвницкій, В. Ѳ.—32) Рядновъ, В. А.—33) Садовскій, И. М. профессоръ.—34) Самовасовъ, Д. Я.—35) Шульгинъ, В. М.

Замѣтки и поправки. 350

- 1) къ статьѣ «Неудачный портретъ». В. Перетолчина.

Приложенія: Портреты 1) Николая Петровича Брока.—2) гетманши Скоропадской, урожденной Анастасіи Марковны Марковичъ (1667—1729).—3) Василия Андреевича Цезя.—4) Флорентинка. Историческій романъ Максима Формона. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.—5) Смерть консулу. (Pour tuer Bonaparte). Историческій романъ Жоржа Ону. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПРОДАЕТСЯ НОВОЕ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

С. С. ТАТИЩЕВЪ

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

ВЪ 2-ХЪ ТОМАХЪ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ СЪ 53 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Цѣна за два тома 12 руб.

МЯТЛЕВЪ

СЕНСАЦИИ И ЗАМѢЧАНІЯ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАНЪ Л'ЭТРАНЖЕ.

Роскошное изданіе съ рисунками В. Э. Тимма.

Изданіе второе, напечатанное въ ограниченномъ
числѣ экземпляровъ.

Изданіе А. С. Суворина

Цѣна за 2 тома 10 руб.

И. БОГДАНОВЪ.

**НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ
ДѢЛО**

КРАТКІЙ КУРСЪ

ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „въ качествѣ учебнаго пособия въ промышленности и профессиональныя учебныя заведенія въ курсъ конхъ входитъ изученіе печатнаго дѣла.“

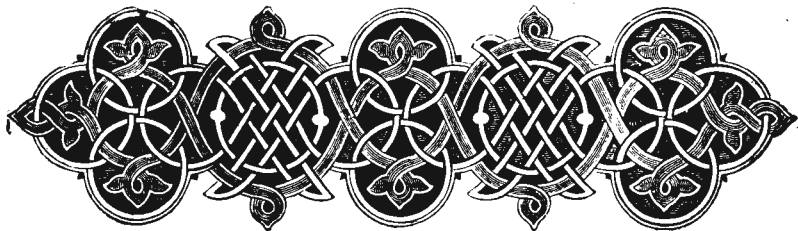

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЦЕФЪ.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА¹⁾.

ЧАСТЬ III.

VI.

Вот наконец сбылись желанья,
И наступил блаженный часъ:
Здѣсь въ институтѣ для прощанья
Мы собрались въ послѣдній разъ...

(Изъ прощальнаго институтскаго гимна А. Рожнова).

ГОДЫ ШЛИ. Пять разъ лѣто смѣнялось осенью; пять разъ погружался институтскій древній садъ съ вѣковыми, запланными желѣзомъ и стянутыми обручами лицами въ зимній сонъ; пять разъ по дорожкамъ настлали мостки, и безконечной процессіей бродили по нимъ парами дѣтскія и дѣвичьи фигурки въ безобразныхъ клѣкахъ и обшитыхъ рюшами капорахъ. Въ эти унылыя часы прогулокъ изъ-за высокой рѣшетки къ нимъ доносились дразнящіе звуки городской, вольной жизни—стукъ экипажей, говоръ уличной толпы, звонки конокъ и обрывки военной веселой музыки. Эта жизнь была такъ близко, всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень, и все-таки недоступно далеко для обособленнаго, замкнутаго въ себѣ институтскаго міра со строгими правилами и законами, ихъ же не преjdeши.

Повѣяла шестая весна. Снѣгъ сошелъ. Мостки исчезли, и ожилъ старый садъ. Клейкіе зеленые листочки одѣли липовыя вѣтви, одуванчики позолотили лужайки. Младшіе классы дѣлали

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХV, стр. 394.

«Истор. Вѣстн.», сентябрь, 1911 г., т. СХХV.

изъ стеблей цѣпи и пачкали ихъ сокомъ передники, за что и терпѣли возмездіе, а старшіе гадали по отцвѣтшимъ головкамъ какъ сойдутъ экзамены. Если за ночь сжатый бутонъ, поставленный въ воду, раскрывался въ бѣлый пушистый шарикъ,—результатъ обѣщаль быть блестящимъ; если бутонъ увядаль,—ждать хорошаго было нечего, и сердце падало, и душа робѣла передъ экзаменаціоннымъ столомъ съ кучкой бѣлыхъ билетовъ...

Но вотъ пережиты и эти страхи и тревоги. Іюньское солнце яркими лучами врывается въ широко распахнутыя окна и ложится длинными косыми полосами на красный бархатъ церковныхъ периль и оклады образовъ. Огромный вышитый коверъ, блестящія ризы духовенства, шелестъ шелковыхъ шлейфовъ классныхъ дамъ, шитые мундиры, звѣзды и ленты сановниковъ около высокой внушительной тапачъ въ синемъ бархатномъ платьѣ и бѣлой наколкѣ и тѣсные ряды бѣлыхъ передниковъ и пелеринокъ въ бѣломъ, дивномъ по своей архитектурѣ и живописи храмъ сливаются въ ласкающее глазъ, торжественно-стройное, неизгладимое впечатлѣніе. Это послѣдняя совмѣстная церковная служба для тридцати дѣвушекъ, это «бѣлый праздникъ» Лизы Колычевой, о которомъ она мечтала съ дѣтства.

Въ честь ея поются концертныя священные напѣвы, въ честь ея и ея подругъ выходитъ на амвонъ любимый, глубокопочитаемый духовникъ.

— Други мои!—обращается къ нимъ въ послѣдній разъ задушевный, проникающій въ душу голосъ, и слезы выступаютъ неволью на глаза,—какъ часто и громко роптали вы на стѣсненіе воли вашей въ этихъ стѣнахъ, и вотъ она вамъ возвращается навсегда. Но мы отдаемъ ее не неразумнымъ младенцамъ, какіе поступили когда-то сюда,—долгіе годы наставницы и наставники развивали вашъ умъ, обогащая его знаніями, воспитывали вашу душу, призывая къ послушанію законамъ совѣсти, блюли ваше сердце, оберегая его отъ недобрыхъ сѣмянъ. Берегите же сами теперь эти столь тщательно взлелѣянныя души и сердца. Въ дальнѣйшей, свободной отнынѣ жизни не будетъ съ вами наставниковъ и руководительницъ, на которыхъ такъ часто вы сѣтовали за строгость и совѣты, но въ тяжелые часы испытанія, въ скорбныя минуты искушеній вспоминайте все, чему учили васъ тутъ; многое, что здѣсь казалось вамъ лишнимъ, скучнымъ, ненужнымъ, можетъ быть, спасетъ васъ тамъ отъ непоправимыхъ, необдуманыхъ поступковъ. И если колеблется сердце, смутится душа,—осѣните себя крестнымъ знаменіемъ и, какъ отецъ евангельскаго отрока, обратившійся ко Христу за исцѣленіемъ сына, воскликните: «вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!..»

Еще нѣсколько задушевныхъ словъ пастыря, и начался торжественный благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ государю

и всему царствующему дому, а затѣмъ и «начальствующимъ здѣ, учащимъ и *учившимся*»... Длинной вереницей потянулись присутствовавшіе ко кресту, и медленно попарно стали выходить воспитанницы въ актовую залу.

А тамъ уже стоялъ во всю ея ширину вытянутый столъ, покрытый малиновымъ сукномъ, и весело играли лучи лѣтняго солнца на бѣлыхъ высокихъ стѣнахъ, на бронзовыхъ рамахъ царскихъ портретовъ и на мраморныхъ доскахъ, гдѣ золотыми буквами красовались даты всемилостивѣйшихъ посѣщеній русскихъ императоровъ. Вмѣстѣ съ лучами врывался и ароматный воздухъ изъ пригрѣтаго теплою сада и смѣшивался съ благоуханіями куреній и запахомъ мастики, употребляемыхъ въ исключительно торжественные дни институтской жизни.

Гости съ начальницей во главѣ расположились за столомъ въ креслахъ, а за ними размѣстились родственники выпускныхъ. Сгѣли «Боже, Царя храни!»

Лиза давно разглядѣла свою тетю Сашу. Сердце ея билось отъ восторга, и она разсѣяннo слушала рѣчь инспектора, хотя и очень любила его старческое высокое чело съ юношески блестящими подъ нимъ глазами...

«И всему, чему мы научили васъ въ этихъ стѣнахъ, идите и научите другихъ! Да будетъ ученье ваше проникнуто вѣрою въ пользу его, и тогда радостенъ и плодотворенъ окажется и трудъ и принесетъ свой урожай на родной русской нивѣ», закончилъ онъ свое напутствіе.

Началась раздача дипломовъ. Медали и шифры были получены уже наканунѣ, и за ними удостоившіяся ихъ ѣздили не во дворецъ по обычаю, а въ Смольный институтъ, гдѣ, по случаю кончины императрицы Маріи Александровны, состоялась раздача наградъ.

Словно золотой сонъ, вспомнился вдругъ Лизѣ этотъ яркій вчерашній день, появленіе въ церкви государя, въ сопровожденіи всей царской фамиліи, его колѣнопреклоненная при пѣніи вѣчной памяти въ Бозѣ почившей августѣйшей супругѣ фигура и слезы на кроткихъ синихъ глазахъ... Какъ сонъ, были тѣ мгновенія, когда чей-то незнакомый, слышанный на всю огромную бѣлую залу съ колоннами голосъ произнесъ: «Елизавета Колычева», и она, выйдя изъ ряда, прошла эти страшные на виду у всѣхъ нѣсколько шаговъ, низко, низко присѣла и получила изъ рукъ одѣтой въ глубокой трауръ цесаревны холодную, тяжелую медаль со странной надписью надъ озаряющимъ виноградникъ солнцемъ: «посѣти виноградъ сей»... Робко цѣлуя протянутую милостивую руку, она подняла глаза и встрѣтила ласковый, чарующій взглядъ прекрасныхъ, темныхъ очей и тутъ же почувствовала, что, сколько бы ни прожила на свѣтѣ, забыть его не будетъ силъ... А тамъ другая, крупная, бѣлая и давно знакомая царская рука подала ей портретъ, и

дѣвушка стоило громаднаго усилія, чтобы не разрыдаться отъ счастья...

Вотъ и сейчасъ снова раздалось: «Елизавета Колычева».

Лиза вышла на середину зала, съ низкимъ реверансомъ приняла она изъ рукъ почетнаго опекуна свой аттестатъ. Матап, ласково улыбаясь, протянула ей евангеліе въ синемъ переплетѣ и, промолвивъ: «je te félicite, chérie!» подставила пухлую, надушенную щеку для поцѣлуя...

Лиза вернулась на мѣсто, и вдругъ ея блаженно-радостное настроеніе смѣнилось грустью.

«Неужели я уже отрѣзанный ломоть? Неужели этотъ милый, величественный и столь расположенный ко мнѣ графъ, эта матап, инспекторъ, учителя, классныя дамы, эти мои почти сестры въ бѣлыхъ пелеринахъ, эта зала и старый, залитый солнцемъ садъ стали вотъ съ этой самой минуты навѣкъ чужими, какъ та начальница во Франціи, какъ монахини въ бѣлыхъ капорахъ, какъ часовня съ серебряными трубами стараго органа?.. Отчего мнѣ такъ жутко? Точно боюсь я чего-то? Чего же?..»

— Берегите кристальную чистоту сердца вашего!—прозвучали ей въ отвѣтъ послѣднія слова привѣтствія графа, которое она пропустила, занятая своими грустными мыслями, но вмѣстѣ съ другими она присѣла въ отвѣтъ ровнымъ, красивымъ придворнымъ поклономъ, а сановникъ въ залитомъ золотомъ мундирѣ склонилъ расчесанную на англійскій проборъ голову и отвѣтилъ величественнымъ жестомъ правой руки...

— Ну, слава Богу, кажется, конецъ!—шепнула стройная брюнетка.

— Что ты! еще гимна не пѣли...

Лиза дала камертонъ.

Прощай, камлотовое платье!
Прощай, нашъ милый институтъ!
Намъ открываетъ жизнь объятъя
И насъ зоветъ на вольный трудъ...

Матап встала и, обнявъ на ходу Лизину тетю Сашу, вышла въ сосѣднюю залу. За нею съ поклономъ удалились и почетные гости. Выпускныя бросились къ родственникамъ. Начались объятія, поцѣлуи... Радость свиданья и близкой свободы разсѣяли остатки грусти. Лиза представляла тетѣ Сашѣ своего друга Дашеву.

Кругомъ слышались возгласы: «Ахъ, мамочка! ты сама пріѣхала!» «Пріѣзжай за мной, папа, завтра въ девять часовъ, мы всю ночь все равно спать не будемъ»...

Позавтракавъ въ послѣдній разъ въ институтской столовой, дѣвушки по обычаю отправились отслужить молебенъ въ Казанскій соборъ. Чинно размѣстившись онѣ на клиросѣ, и стройные звуки

дѣвичьихъ голосовъ пронеслись и замерли подъ высокимъ куполомъ. Лизѣ снова вспомнились трубы органа. О католичествѣ она давно перестала сожалѣть. У нея оказалось необыкновенно красивое контральто, и, когда на клиросѣ изъ груди ея вырывались бархатныя ноты и сливались съ голосами другихъ въ полные звучные аккорды, ей казалось, что на могучихъ, плавныхъ взмахахъ крыль она уносится высоко, высоко, туда, гдѣ съ облаковъ смотритъ на землю самъ Господь-Савооѣ, окруженный сонмомъ небесныхъ силъ...

Пріятельница тети Саши сдержала слово: Лиза возвращалась въ Колычево именно той русской дѣвушкой, какою были и онѣ обѣ въ свое время...

Съ трехъ часовъ дортуары старшаго класса были полны шума и движенія, — воспитанницы одѣвались къ выпускному обѣду.

Въ послѣдній разъ снимали онѣ камлотовое казенное платье, съ которымъ прощались утромъ, и надѣвали «вольное», одинаковое для всѣхъ изъ легкой бѣлой шерстяной матеріи.

— Душка, причеши меня, — обратилась Мезенцева, та самая брюнетка, которая не могла дожидаться конца акта, къ серьезной Дашевой. — Полно, брось! есть о чемъ горевать! Удивительная печаль! Ну, да, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ съ тоски помирали, а теперь вѣдь — «передъ нами жизни даль лежитъ свѣтла, необозрима», а ты меланхоличаешь. Это отецъ Павелъ тебя растравилъ. Положимъ, и у меня во время его проповѣди глаза оказались на мокромъ мѣстѣ, но всему свой чередъ. Постой, — остановила она подругу, укладывавшую ей косы вѣнкомъ на головѣ: — mesdames, какъ вы полагаете насчетъ чолокъ? Не рискованно? а?

— Конечно, нѣтъ — отвѣчали нѣкоторыя, уже успѣвшія подрѣзать и завить волосы на лбу. — Слава Богу, мы теперь вольныя птицы...

— Или вѣрнѣе пони, — поправила Мезенцева и вдругъ высокимъ чистымъ сопрано запѣла:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Чернобурую лисицу...

— Это зачѣмъ тебѣ? — перебила Дашева.

— Да на шубу, — равнодушно отвѣтила она при дружномъ хотѣть всего дортуара.

— А что, mesdames, Гриневъ будетъ на обѣдѣ? — поинтересовался кто-то.

— Спроси у Лизы или у Дашевой, онѣ должны знать, — ехидно замѣтила Мезенцева. — Я вотъ слышала, какъ онѣ опять ломался и увѣрялъ, что не будетъ, чтобы его нарочно упрасивали! Такой актеръ...

— Ольга, ты несправедлива.

— Ну, конечно! А онъ очень справедливъ и главное честенъ? Очень, не правда ли, благородно женатому человѣку увлекать незамужнихъ дѣвицъ?

— Ольга, ты бредишь! Никого онъ не увлекалъ и никто за него замужь и не пошелъ бы...

— Нисколько не брежу, а говорю чистѣйшую правду, какъ кристальность вашихъ сердець,—возразила Мезенцева, до смѣшного вѣрно подражая голосу важнаго графа...

Въ пять часовъ въ большой нижней залѣ, гдѣ такъ еще недавно шли экзамены и столько переживалось трепета и страха, за длиннымъ столомъ сидѣли тридцать дѣвушекъ въ изящныхъ бѣлыхъ платьяхъ съ одинаковыми бутоньерками изъ розъ и ландышей у корсажей. Между бывшими ученицами размѣстились учителя и классныя дамы. Во главѣ сидѣла татап. Отъ ея полной величественной особы вѣяло счастливымъ сознаниемъ, что еще новый ввѣренный ея попеченіямъ выводокъ вылетаетъ изъ родного гнѣзда во всеоружіи знаній и непоколебимой морали.

Въ видѣ особаго отличія она усадила рядомъ съ собою лучшихъ ученицъ—Дашеву и Колычеву, но онѣ обѣ дорого бы дали за право отказаться отъ этой чести и очутиться на дальнемъ концѣ стола, гдѣ рядомъ съ Мезенцевой сидѣлъ ихъ кумирь—Гриневъ. Ольга немилосердно кокетничала съ нимъ, строя глазки, а онъ красивымъ жестомъ проводилъ по своимъ кудрявымъ волосамъ и что-то говорилъ ей съ насмѣшливой улыбкой.

Когда кончился обѣдъ съ традиціоннымъ застольнымъ гимномъ, съ безчисленными рѣчами въ стихахъ и прозѣ, съ громкими тостами и тушами расположившагося подъ окнами военного оркестра, всѣ высыпали въ садъ, и бѣлыя платья выпускныхъ смѣшались съ зелеными и коричневыми остальныхъ.

Солнце еще не сѣло, но, скрытое высокой крышей институтскаго зданія, играло на крестѣ церкви и высокихъ вершинахъ деревьевъ. Мягкія тѣни скользили по сочнымъ лужайкамъ, а въ главной аллеѣ изъ дуolistыхъ вѣковыхъ липъ было прохладно и сумрачно.

Обыкновенно въ день акта полагался балъ, но, въ виду траура, онъ былъ отмѣненъ. Молодыя дѣвушки ходили, обнявшись, по дорожкамъ. Къ Лизѣ и Дашевой приблизился Гриневъ.

— Pardon, mesdames! я, можетъ быть, нарушаю интимную бесѣду? Но мнѣ хочется разспросить васъ о вашихъ планахъ на будущее. Вы остаетесь обѣ здѣсь, конечно?

Дашева вспыхнула. Она впервые говорила со своимъ «кумиромъ» безъ надзора классной дамы, но Лиза спокойно отвѣтила:

— Вѣра остается, она поступаетъ на высшіе курсы, а я уѣзжаю въ деревню.

— На лѣто, конечно?

— Нѣтъ, навсегда. Мнѣ придется жить тамъ и зимою.

— Развѣ вы идете на мѣсто?

— Нѣтъ, я ѣду къ теткѣ, замѣняющей мнѣ родителей.

— Что же вы будете дѣлать тамъ? Вы такая способная, талантливая, вы умрете тамъ со скуки!

— Ничуть, я найду себѣ занятіе. Я, во-первыхъ, открою школу, а, во-вторыхъ, заведу церковный хоръ изъ крестьянъ... Если бы вы слышали, какой у насъ тамъ козель-дьячокъ!

Гринева сорвала вѣтку и, граціозно размахивая ею, покосился на Лизу.

— И для того, чтобы обучать деревенскихъ ребятъ грамотѣ и мужиковъ пѣнію, вы окончили институтъ съ медалью? Стоило того!..

— А что же, по-вашему, мнѣ слѣдовало бы дѣлать?

— Какъ что? Это спрашиваете вы? вы? моя гордость,—я смѣю это говорить теперь,—и не только гордость въ прошломъ, но, мнѣ казалось, и въ будущемъ... Для чего же открыты высшіе курсы? Кому же поступать туда, въ такомъ случаѣ?.. Господи! сколько женскихъ поколѣній тщетно добивались этого своего священнаго права—быть равными съ мужчинами по образованію, сколько русскихъ жизней было погублено въ этой борьбѣ—и теперь, когда открыта наконецъ широкая дорога въ царство свѣта и науки, лучшія представительницы нашего времени сворачиваютъ съ завоеваннаго пути и бѣгутъ зарываться въ тину провинціальныхъ дрязгъ и сплетень... Вѣдь это ужасно! это умышленное самоубійство...

Лиза широко раскрытыми глазами смотрѣла на разгорячившаго собесѣдника.

— Къ чему вы смущаете и искушаете меня? Неужели, если бы я зависѣла только отъ самой себя, я бы тоже не соблазнилась возможностью дальше развиваться и учиться? Но моя тетка ждетъ, не дождется меня. Она уже не молода... А я,—я еще почти не жила домашней жизнью. Едва выйдя изъ французскаго монастыря, я снова попала въ интернатъ. Неужели вы не понимаете, какъ меня тянетъ въ семью, какъ манитъ старая усадьба?

Гринева пожалъ плечами.

— Кому судьба даетъ, съ того и спрашиваетъ! Вѣрно, вы забыли евангельскую притчу о талантахъ? Или вы рѣшили зарыть ихъ въ землю этой усадьбы.

Онъ снова провелъ по курчавымъ волосамъ.

А сердце у Лизы билось... Ей льстило вниманіе молодого учителя, и она раскраснѣлась отъ удовольствія. Это была, въ сущности, ея первая побѣда, и эти мужскіе, устремленные на нее съ интересомъ глаза зажигали и ея взглядъ веселыми искорками. Здѣсь не было любви,—а только предчувствіе ея, впервые пробудившееся сознаніе ея близкой возможности и своего обаянія...

И Гринева невольно любовался ею...

— Да, жизнь дает вамъ много, но будьте въ ней осторожны!— задумчиво произнесъ онъ, словно въ униссонъ ея мыслямъ.—Знаете,— прибавилъ онъ черезъ минуту:—въ васъ ужасно мало институтства.

— Чего?—переспросила Лиза.

— Да какъ вамъ сказать!—удивительно вы непосредственны и естественны, безъ тѣни жеманства и излишней застѣнчивости.

— Merci за комплиментъ!—отозвалась проходившая мимо Мезенцева.—Слышите, mesdames?—monsieur Гринева находитъ всѣхъ институтокъ излишне застѣнчивыми и жеманными!

— Только не васъ,—поспѣшилъ онъ поправиться.

— А меня? а меня?—обступили его другія...

Вошелъ мѣсяць. Его блѣдный ликъ смотрѣлъ сквозь густую сѣнь сада на горѣвшій огнями древній дворецъ, гдѣ воспитывались сотни будущихъ русскихъ женъ и матерей, скромныхъ дѣлательницъ и труженицъ на народной нивѣ. Изъ-подъ развѣсистыхъ липъ неслись стройные звуки народнаго гимна. Въ послѣдній разъ пѣли его здѣсь тридцать молодыхъ русскихъ дѣвушекъ, которыя завтра выйдутъ отсюда навѣки.

И въ эту июньскую почъ въ тихомъ саду среди шумной столицы знакомыя слова звучали торжественной клятвой любви и готовности душу свою положить за счастье и покой того человѣка, для котораго уже вербовались новые убійцы...

— Ну, и поговорилъ тебѣ Гринева сегодня чепухи!—замѣтила Мезенцева, подымаясь подъ руку съ Лизой въ дортуаръ.—Я кое-что слышала, невольно, конечно,—подслушивать не мое амплуа. Что это значить: «не зарывайте вашего таланта»? Опять трескучая фраза, что твое сосновое полѣно!

— Ахъ, полно! ему просто казалось, что я непременно поступлю на высшіе курсы!

— Вотъ ерунда! Онъ бы мнѣ еще посовѣтовалъ! Я ни за какія коврижки больше книги не возьму въ руки. Довольно! Отзвонила—и съ колокольни долой! Честь и мѣсто новенькимъ... Ну, душки-медамочки,—обратилась она къ другимъ, уже на половину раздѣтымъ:—вспомнимъ сѣдой обычай старины: садитесь въ кружокъ и выкладывайте на прощанье всѣ свои секреты!

— Полно, Оля! Не дурачься. Секретовъ и тайнъ у насъ никогда не бывало, а если и бывали, ты же первая ихъ разбалтывала. А вотъ проститься другъ съ другомъ, забыть всѣ мельчайшія неприятели и ссоры—это слѣдуетъ непременно. Пусть воспоминаніе объ институтѣ будетъ навсегда священо для насъ! Со своей стороны, я смѣло говорю—это были мои лучшіе годы!.. и Богъ вѣсть, что ожидаетъ тамъ...

Дашева вся оживилась, произнося свою маленькую рѣчь, и если бы Гринева видѣлъ ее въ эту минуту, онъ бы и на нее залюбовался непременно.

— Странно... Мы, пока сидѣли въ этихъ классахъ и дортуарахъ, — тихо послѣ наступившаго было молчанія заговорила Оленина:— все мечтали о волѣ, а теперь почему-то жаль разставаться со всѣми этими надоѣвшими комнатами и людьми... Чувствуешь, что они стали родными... Миѣ ужасно жаль всѣхъ васъ, mesdames!..

Она вытерла глаза...

— Такъ что жъ тутъ страннаго? Мы дни и ночи жили вмѣстѣ. Мы привыкли другъ къ другу... знаемъ хорошо каждую изъ насъ, и нашихъ классныхъ дамъ, и учителей, а тамъ... Богъ знаетъ, какіе попадутся люди...—возразила Дашева.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Вы всю душу растравите!..—взмолилась Мезенцева.—Миѣ тоже страшно стало... Лучше пусть Лиза споетъ что-нибудь на прощанье. Лизочка, спой!..

— Что ты? нельзя. Мы другихъ перебудимъ...

— Не бѣда, намъ все можно, мы сегодня выпускныя...

— Спой, Лиза, твою французскую молитву. Она такая хорошая! Подъ нее такъ спокойно становится...

— Да, да! Спой... спой, Лиза... спой!—пристали остальные...

Le ciel a visité la terre...

раздалось въ казенномъ дортуарѣ, и черезъ раскрытыя окна сквозь защищавшіе ихъ прутья рѣшетки звуки кантыки вырвались на волю...

Бѣлая ночь смотрѣла на кружокъ бѣлыхъ дѣвушекъ. Сегодня онѣ справляли свой бѣлый праздникъ. Это сегодня было книгой съ бѣлыми, еще неисписанными страницами, но «завтра» уже занималось въ полуночной зарѣ, вставало въ легкой румяной дымкѣ лѣтняго дня, перваго дня новой, невѣдомой, страшной жизни...

... А въ это время вблизи института скользя лодка съ гребцами.

— Я тебѣ говорю, держи право!—сердито буркнулъ красивый брюнетъ-медикъ въ сюртукѣ нараспашку.—По-моему,—продолжалъ онъ,—ни подъ Краснымъ мостомъ, ни подъ Семеновскимъ не мѣсто. Лучше Каменнаго не выберешь, такъ и скажи Тарасу...

— Да подушки-то готовы?

— Четыре,—одна въ Троицкомъ, остальные на Гончарной. Всего семь пудовъ. Осторожнѣе опускайте... Лучше бы поближе къ плоту, который мы видѣли, легче провода соединить оттуда будетъ вамъ.

— А ты самъ не будешь?

— Некогда. Миѣ диссертацию защищать въ четвергъ... А тамъ ходу... Въ провинціи людей мало стало.

— Счастливецъ ты, Васька!

— Не завидуй... Тсс! слышишь, поютъ...

Vous savez bien que je vous aime...

лилось изъ окна. Гребецъ поднялъ весла, и лодка почти остановилась.

— Институтка, вѣрно... Словъ не поймешь, а славно! голосъ прекрасный. Отвѣтить ей, что ли?

— Ты съ ума спятилъ! сцапають за нарушение общественной тишины и порядка. Валяй дальше. Я у Лѣтняго сойду...

На пустынныхъ набережныхъ было безлюдно. Недвижные, какъ изваянія, городовые провожали глазами залитую нѣжнымъ отблескомъ зари лодку со студентами. Околоточный подошелъ къ периламъ Цѣпного моста и наблюдалъ, какъ она причалила, какъ впился багоръ въ дерево плота. «Арестовать ихъ?» но студенты весли себя крайне свободно. Одинъ выскочилъ, пожалъ руку товарищу и размашисто взбѣжалъ по ступенямъ. Околоточный зѣвнулъ и проводилъ его сонными глазами.

Лодка повернула въ Екатерининскій каналъ. Черная пастъ Казанской площади поглотила ее. Подъ низкими сводами было темно и жутко. Сверху просачивалась каплями сырость. «Тюрьма»... и вспомнились недавно покинутыя стѣны каменнаго мѣшка. Гребецъ оглянулся. Сзади уже выросталъ другой полукругъ; перламутровою рябью дрожали и переливали на водѣ отблески озареннаго восходящимъ солнцемъ облака. Онъ вздохнулъ могучей грудью. «Къ свѣту»... И когда сузилась и словно ушла въ воду полукруглая щель, черезъ которую онъ вѣхалъ съ противоположнаго конца, весла погрузились въ золото волнъ и понесли лодку къ уже осмотровому Каменному мосту. На него сворачивали по набережной, громяхая и несясь вскачь, пустые ломовые. Гребецъ улыбнулся. При этомъ адовомъ шумѣ и движеніи вниманіе полиціи поневолѣ сосредоточивалось на землѣ, а не на водѣ. Выборъ былъ крайне удаченъ, да и мостъ этотъ короче всѣхъ на Гороховой. И, насвистывая только что слышанный изъ окна мотивъ, онъ положилъ весла и закурилъ папирску.

Это была послѣдняя рекогносцировка для заложенія мины на пути слѣдованія государя изъ Царскаго Села въ Зимній дворецъ передъ его лѣтней поѣздкою въ Крымъ...

VII.

Все дремлетъ. Ни единый звукъ	Бросаютъ листья на песокъ
Не слышенъ въ тишинѣ поддневной,	Узорно-золотыя пятна.
И лишь порой летящій жукъ	И сводъ небесный такъ высокъ,
Гудитъ одинъ о чемъ-то глѣвно.	И ширь родная необъятна...

(«Въ зной». М. К.).

Снова стучать колеса почтоваго поѣзда. Снова сокращается съ каждымъ ихъ поворотомъ разстояніе до Горска. Лиза стоитъ у открытаго окна вагона, и передъ ней проносятся деревни и лѣса. Откуда-то издалека выбѣгаютъ изъѣзженныя дороги и, перебравшись по ветхимъ мостикамъ черезъ овраги и рѣчки, нѣкоторое время

вьются рядомъ съ рельсами, а потомъ вдругъ круто сворачиваютъ и словно ждутъ вмѣстѣ со сторожемъ у шлагбаума, когда пройдетъ поѣздъ, чтобы потеряться на другой сторонѣ желѣзнаго пути, среди рощъ и косогорь.

Между серебристыми полосами зацвѣтающей ржи зеленѣютъ изумрудно-яркія ленты яровыхъ и сѣрыми скрижалями ложатся вспаханныя подъ парь поля. Кое-гдѣ попадаетъ мужикъ съ бороною. Давъ на минуту передохнуть мохнатою лошадеику, онъ заслоняетъ ладонью глаза отъ солнца и смотритъ вслѣдъ чугунку, а Лиза машетъ ему отъ восторга платкомъ и кричитъ: «Богъ въ помощь!»

Сердце полно неизъяснимаго блаженства. Она радуется каждому мелькающему телеграфному столбу, привѣтствуетъ каждое дерево и кустъ, и они тоже киваютъ ей зелеными сочными вѣтвями: «Здрав стуй! здравстуй! въ добрый часъ»...

Бывало, приѣзжая на капикулы, она старалась дорогой намѣтить и запомнить особенно красивую березу или осину, чтобы посмотреть, какова она будетъ въ осеннемъ уборѣ, при ея возвращеніи въ Петеръбургъ. Она всегда загадывала: узнаю—годъ выйдетъ счастливый—не узнаю—хорошаго ждать нечего. А теперь этого ужъ не надо... медаль и дипломъ лежатъ на днѣ чемоданчика, гдѣ была уложена когда-то «Елка» Анны Дараганъ.

Наконецъ дверь купе пріотворилась.

— Станція Горскъ, поѣздъ стоитъ 10 минутъ!—возвѣщаетъ кондукторъ. Александра Николаевна сняла свой бѣлый фуляръ, чтобы замѣнить его шляпой, но мягкія дѣвичьи руки обвилися вокругъ ея шеи, и милый, счастливый голосъ шепчетъ:

— Теточка, вѣдь я же навсегда... навсегда! Больше никуда ѣхать не надо!

— Пусти, чуть не задушила!—улыбается тетка!—Дай ленты хоть завязать.

Но Лиза уже снова у окна. Вотъ артельщикъ Иванъ, а рядомъ съ нимъ, несмотря на зной, знакомая коричневая атласная шубейка.

— Теточка, Бога ради, поскорѣе!

— Ну, иди, иди! Да все ли тутъ?—Александра Николаевна пересчитываетъ вещи:—разъ, два, три... а мѣшокъ? Лиза! мѣшокъ сѣрый у тебя?

Лизѣ не до мѣшка. Она душитъ въ объятіяхъ Кирилловну, она готова чмокнуть отъ восторга рыжую усатую физиономію станціоннаго жандарма.

— Ты понимаешь, Кирилловна, я навсегда? Больше въ институтъ не вернусь!

— Ахъ ты, Лизушенька моя дорогая! И не чаяла я дожить до счастья такого! Ахъ ты, краля моя ненаглядная! И какъ выросла-то! Совсѣмъ барышня-невѣста!.. скоро замужъ пора!

— Ну, ужъ это — ахъ оставь! Дай мнѣ въ Колычевѣ наблаженствоваться сперва. Ты съ кѣмъ прѣѣхала?

— Да съ Митей, сударышня. Присталъ: «пусти, баунька, за мѣсто Селивана, я самъ хочу барышню привезти». Дѣлать нечего, пустила.

— А на какихъ лошадяхъ?

— Да на твоихъ,—въ корню Разбойникъ, Птапка и Касатка на пристяжкахъ.

— А колокольчикъ мой?

— Твой, сударышня, все твое,—и дуга, и вожжи...

— Пойдемъ же скорѣе!

— Погоди, вонъ тетенька ищутъ что-то.

Александра Николаевна, раскраснѣвшаяся отъ волненія, искала все еще сѣрый мѣшокъ, который сама первый же и подала въ окно артельщику. Наконецъ дѣло выяснилось, и, ворча на Ивана, она спустилась на платформу.

— И чего ты молчишь? Я ищу, а онъ ни слова...

А Лиза уже на перронѣ... Она здороваается съ лошадьми. Обѣихъ пристяжныхъ она помнитъ еще стригунками съ увѣшанными репейникомъ хвостами. На козлахъ такъ и сияетъ въ новой, нарочно къ этому дню сшитой голубой сатиновой рубахѣ пріятель ея дѣтства, шестнадцатилѣтній Митя. Его шляпа лихо заломлена на бекрень и, подбоченясь лѣвой рукой, онъ въ одной правой держитъ малиновыя шелковыя вожжи.

— Ну, садись, садись! ужко въ Колычевѣ съ лошадьми нацѣлуешься,—добродушно урчитъ Кирилловна.

— Что же? все сдѣлала, ничего не забыла?—спрашиваетъ Александра Николаевна, усаживаясь поудобнѣе въ старой фамиліиной коляскѣ.—Почемъ крупа-то?

— По рублю шести гривенъ! Даже гроша съ фунта не скинулъ въ уваженіе, разбойникъ. Ужъ я его стыдила-корила, а онъ, душегубъ, знай свое твердитъ: времена плохи... Ему-то плохи! Наживается со всякаго, и съ продавца и съ покупателя... Да! ужъ вырастилъ нещечко Евграфъ Тимоѣичъ, не тѣмъ будь помянуть, пригрѣлъ змѣеныша! Такого подлеца, какъ внучекъ его Михайла, я и не видывала. Чистый коршунъ!

Но Лизѣ Михалка вовсе не интересенъ. Она не слушаетъ дальнѣйшаго хозяйственнаго доклада. Не все ли равно, смазана ли дегтемъ новая толевая крыша, прибиты ли какія-то планки къ дверямъ,—она ласково отвѣчаетъ на поклоны встрѣчныхъ; ее заранѣе тѣшитъ толпа чумазыхъ ребятишекъ, которые на перекресткѣ караулятъ коляску, чтобы, прицѣпившись къ задней оси, прокатиться на даровщинку, она ждетъ знакомыхъ ухабовъ на Петербургской и купающихся въ лужѣ свиней на Московской улицѣ... Все это свое, родное, все говорить, что сейчасъ кончатся послѣдніе

домики незатѣйливаго русскаго уѣзнаго города; и тройка выѣдетъ на старый большакъ, и Митя, перебравъ и натянувъ струнами вожжи, заставитъ пристяжныхъ скрутить длинногривыя шеи, и Разбойникъ ляжетъ въ хомутъ, и звонко залетѣтся переливчатый колокольчикъ подъ золоченой дугою, и побѣгутъ навстрѣчу рощи, дуга и яровые со звенящими въ бездонной синевѣ незримиы жаворонками... А въ лицо повѣетъ вѣтеръ, и сердце замретъ и встрепенется, и душа растворится въ безбрежномъ родномъ просторѣ...

Хозяйственный докладъ снова возобновился. Кирилловна во всѣхъ подробностяхъ излагала, сколько въ отсутствіе генеральши вывелось новыхъ цыплятъ, когда отелилась купленная въ прошломъ году тиролька, и т. д. Лиза вдругъ обернулась.

— А сколько щенятъ у Кары?

— Девять было,—отозвался съ козель Митя:—да четырехъ утопили...

— Опять!—жалобно упрекнула Лиза.

— А ты бы всѣхъ оставила? Скоро у насъ и то чистая царня будетъ. И пятерыхъ дѣвать некуда.

— Всѣхъ разберутъ,—флегматично возразилъ Митя: вонъ—инспекторша Адрианова просила пару, въ Алексѣевку обѣщали, да и Евграфовы набиваются.

— Ну, эти и подождутъ, а инспекторшѣ дать можно,—отвѣтила Кирилловна.

— Какая инспекторша?—спросила Лиза.

— А въ прогимназіи, что въ прошломъ году открыли, начальника жена. Славная, говорятъ, барыня!

— Что жъ, если славная, я сама ихъ къ ней отвезу,—вызвалась Лиза, но Александра Николаевна прищурилась.

— Если Аннѣ Павловнѣ нужны щенки, она сама пришлетъ за ними, а тебѣ ѣздить незачѣмъ. Она тебѣ не компанія!—прибавила тетка по-французски.

Лиза вопросительно посмотрѣла на нее, но по лицу видно было, что прямого отвѣта сразу не дождешься, и она снова погрузилась въ молчаливое, радостное созерцаніе мелькающихъ знакомыхъ видовъ.

Наконецъ коляска свернула на деревенскую улицу. У крайней избы совершенно уже дряхлый и облысѣвшій Прохоръ стоялъ безъ шапки, опираясь на палку, и шамкалъ беззубымъ ртомъ тихое «добро пожаловать, ваше высокопревосходительство»...

А тамъ началась и березовая аллея съ пыльными заросшими крапивою канавами, и въ концѣ ея слѣва показались тесовыя на старыхъ каменныхъ столбахъ ворота, изъ которыхъ одна новая створка золотомъ горѣла рядомъ съ другой, успѣвшей обвѣтриться прошлогодней, а за ними выглянуть сѣрый домъ съ мезониномъ.

Митя лихо обогнулъ перенесенную его стараніями уцѣлѣвшую во французскомъ саду и обсаженную имъ собственноручно цвѣтами вазу и подкатилъ ко крыльцу по свѣже усыпанной пескомъ дорогѣ. Первые минуты это былъ невообразимый хаосъ звуковъ. Веселые возгласы Лизы, чмоканья и громкія привѣтствія сбѣжавшейся дворни, лай обезумѣвшихъ отъ радости собакъ, фырганье взмыленной тройки,—все слилось въ гулъ и стонъ и нарушило покой безмятежно дремавшей усадьбы. Лиза, не снимая ватерпруфа, бросилась было въ комнаты, но Кирилловна ее на этотъ разъ не пустила.

— Нешто такъ годится, сударышня? Дай впередъ тетенькѣ войти, хлѣбомъ-солью тебя встрѣтить!

Притихшая дѣвушка, съ помощью разодѣтой въ жаркую пунцовку Тани, сняла верхнее платье и вдругъ замѣтила, что обои въ передней новые. Степенно вошла она въ гостиную, соединенную еще Семеномъ Михайловичемъ аркой съ бывшей смежной романовской столовой и потому носившую имя залы, и остановилась. Обивка была новая и обои тоже нарядные. Александра Николаевна, еще одѣтая по дорожному, встрѣтила ее хлѣбомъ-солью и благословила образомъ Смоленской Божьей Матери.

— Ну, вотъ ты и дома! Дай же намъ Господь еще много лѣтъ вмѣстѣ прожить, а теперь пойдемъ къ тебѣ.

— Да развѣ, тетя, я не буду больше спать у тебя?

— Нѣтъ, Лизочекъ, стара я стала, по ночамъ часто не сплю, да и похрапываю иногда, тебѣ мѣшать буду. А свой уголокъ всегда пригодится... Тебя я устроила въ угольной.

Она открыла дверь въ бывшую когда-то спальню пани Юзыни. Лиза такъ и ахнула. Это было именно то, какъ она рисовала себѣ «свою» комнату, если бы ей случилось имѣть таковую. Вся голубая, съ низкой кретоновой мебелью, усѣянной букетами полевыхъ цвѣтовъ, съ голубымъ фонарикомъ и письменнымъ столомъ у окна, въ которое врывались грозди наливающихся цвѣтовъ сирени. Но не изящныя, вновь купленные вещи трогали ее. Сюда было снесено все, что сохранилось лучшаго и завѣтнаго отъ прошлаго,—огромное рсучеее черного дерева, со врѣзанными амурами слоновой кости, севрскій письменный приборъ и саксонскія вазы и куколки, головка Грѣза, случайно уцѣлѣвшая, и коверъ, занавѣски и покрывала, шитыя еще въ Горкахъ сѣнными дѣвушками: за всѣ эти вещи любители предлагали Сотовой огромныя деньги.

Въ слезахъ бросилась Лиза на шею теткѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ отдаешь ты мнѣ все это? Развѣ я стою?

— Стоишь, милая, стоишь!—отвѣчала та, сама растроганная.

— Что же я-то подарю тебѣ?—спохватилась Лиза, пересмотрѣвъ свои сокровища и заставивъ тетку посидѣть на каждомъ стулѣ. Впрочемъ, подожди!

Она раскрыла чемоданчикъ, достала оттуда футляръ и съ коммиски-торжественнымъ лицомъ вручила его Александрѣ Николаевичу.

— Это тебѣ принадлежитъ, твое по праву!..

Въ футлярѣ была ея золотая медаль.

И дни полетѣли. Быстро втянулась Лиза въ новую жизнь, для нея, однако, очень хорошо знакомую. Каждое лѣто два съ половиною мѣсяца она проводила въ Колычевѣ и съ каждымъ годомъ все крѣпче привязывалась къ нему. Родная почва притягивала ее къ себѣ сотнями незримыхъ корешковъ. Точно воздухъ, который она вдохнула въ минуту своего появленія на свѣтъ, напоилъ ея сердце любовью, окружавшей ложе ея матери.

О родителяхъ дѣвушка знала многое,— всю счастливую эпоху ихъ супружества,— и тѣнь Зоси могла быть спокойна: ея золовка постояннымъ усиленіемъ воли сумѣла скрыть отъ Лизы ужасныя послѣдствія ея преступнаго легкомыслія. Смерть Ивана Николаевича, по понятіямъ дочери, произошла отъ разрыва сердца при извѣстіи о пожарѣ виллы, подожженной не Романомъ, а Валекомъ, которому слѣпо довѣрился бѣдный дѣдушка, пострадавшій, благодаря измѣнѣ и клеветѣ пріятеля, и умершій до суда въ губернской тюрьмѣ. Въ такомъ свѣтѣ узнала Лиза причины трагическаго разоренія Колычевыхъ. И она вѣрила и горячо молилась за покойныхъ родителей и за пана Романа съ паней Юзыней, мирно покоившейся рядомъ съ внукомъ на прадѣдовской кулигѣ.

Эти семейныя подробности были сообщены ей тетей Сашей два года назадъ, когда она въ послѣдній разъ пріѣзжала на каникулы. При переходѣ въ выпускной классъ институтокъ на лѣто не выпускаютъ. Тѣмъ милѣе казалась теперь Лизѣ старая усадьба. Немного перемѣнъ нашла она въ строѣ ея жизни. Такъ же хлопочетъ тетка въ своемъ стариннаго покроя ситцевомъ платьѣ, съ головой, повязанной бѣлымъ фуляромъ, который она снимаетъ только за обѣдомъ, такая же у нея маленькая косичка, свернутая сѣдымъ узелочкомъ на затылкѣ. Но Лиза знаетъ— Александрѣ Николаевичу не до нарядовъ.

Ея высокопревосходительство сама поспѣваетъ всюду,— и на полевыя работы, и въ птичникъ, и въ маслобойню, съ которой снова имѣется все возрастающій доходъ. Дѣло ведется по старинѣ: «колычевская генеральша», какъ зоветъ Сотову весь уѣздъ, врагъ всякихъ новшествъ.

Машинъ, кромѣ вѣялки русскаго производства, она не признаетъ, да папуть у нея старыми, сохранившимися съ Романовскихъ временъ плугами.

— Все это хорошо у нѣмцевъ,— говоритъ она, перелистывая присылаемые ей изъ магазиновъ каталоги:— они дѣлаютъ машины, они ихъ и чинить умѣютъ. А мнѣ какая выгода отъ этихъ заморскихъ жней и косилокъ? Съ мѣста батраки испортятъ, а тамъ отправляй

ихъ, да жди, пока въ Москвѣ починятъ? Нѣтъ, ужь лучше я лишній разъ помочь созову.

И колычевцы шли охотно на эту помощь. Хотя за девятнадцать лѣтъ, протекших со дня ихъ раскрѣпощенія, многіе разбрелись, кто въ Москву, кто въ «губернію», кто въ Питеръ, гдѣ между прочимъ пристроился и Агаѳонъ, но оставшіеся поддерживали добрыя отношенія съ усадьбой, и бабы и мужики часто навѣдывались къ барынѣ то за лекарствомъ, то за рублишкомъ, который потомъ отработывали на поденщинѣ или уплачивали ягодами и грибами. Въ церкви они почтительно сторонились, давая ей дорогу и наклоняя съ безмолвнымъ привѣтомъ свои напомаженные головы. Они даже гордились «своей генеральшей» за то, что не только она сумѣла сберечь остатки вотчинной земли, но и осѣла на ней прочно, повидимому, до конца своихъ дней.

Лизѣ эта крестьянская помощь была что твой праздникъ. Она дѣятельно помогала Кирилловнѣ раскладывать по тарелкамъ орѣхи, маковники, рожки и пряники, разставляла по раскинутымъ на козлахъ, покрытымъ столешниками доскамъ пироги, жаркія и штофы, и сама была не прочь полакомиться лепешками и гостинцами. Страсть къ простымъ деревенскимъ угощеніямъ она сохраняла и въ институтѣ. Какъ часто въ дортуарѣ, когда кончался вечерній обходъ и классная дама исчезала къ себѣ, вполне убѣжденная, что вѣренныя ея надзору дѣвицы спать сномъ праведницъ, на кроватяхъ Лизы и ея сосѣдокъ Олениной и Дашевой шель горой колычевскій пиръ. Рожки, маковники, пряники, казавшіе съ голодухи милѣе конфетъ отъ Ballet и Bergin, запивались водой изъ умывальныхъ краповъ, разведенной патокой или присланнымъ изъ деревни вареньемъ. Съ какимъ упоеніемъ повѣствовала тутъ Лиза объ этой деревнѣ, о сложенной изъ кирпичей печуркѣ, на которой варилось въ мѣдномъ тазу это самое варенье въ вѣковой аллеѣ подъ дружный аккомпаниментъ пчелъ, гудѣвшихъ въ вершинахъ.

Эти ночныя пиршества, эти рассказы о далекой милой вотчинѣ нѣсколько унимали тоску по родинѣ, грозившую первое время даже здоровью нервной дѣвочки. Едва ея сиротѣвшая съ младенчества душа раскрылась навстрѣчу домашнему уюту,—онъ снова ускользалъ отъ нея, и милые обои тети Сашиной спальни съ лиловыми цвѣточками по сѣрому фону замѣнились выбѣленными суровыми стѣнами огромнаго дортуара. Не подходила къ ея кровати полная, мягкая фигура въ ночной кофточкѣ и обшитомъ ручной вышивкой чепчикѣ, чтобы перекрестить на ночь, укрыть и плотнѣе подоткнуть вязаное одѣяло, не вспрыгивалъ и не свертывался клубкомъ въ ногахъ сѣрый полосатый котъ Кротикъ, не мигалъ синій огонекъ лампадки и не навѣвала за ставнями листва стараго сада сладкихъ сновъ о видѣнномъ имъ счастьѣ. Снились уроки, экзамены, и сердце билось тревожно и щемило отъ горя, и умъ

напрягался, нечислмы недѣли, дни и часы до радостнаго дня отъѣзда на каникулы или до прибытія на Рождество тети Саши.

Она брала дѣвочку на три блаженныхъ дня изъ института въ гостиницу, откуда онѣ вдвоемъ объѣзжали старыхъ важныхъ дамъ, вдовъ и супругъ бывшихъ сослуживцевъ Семена Михайловича. Хотя особеннымъ весельемъ эти визиты не отличались, но Лизѣ доставляло удовольствіе быть впѣ казенной обстановки, ходить въ «вольномъ платьѣ» и выслушивать искреннія похвалы своей игрѣ на роялѣ и тѣмъ незатѣйливымъ романсамъ, которые она играла груднымъ мягкимъ контрапльто. Три дня рождественскаго отпуска проходили удивительно быстро. Тетя Саша, поцѣловавъ въ послѣдній разъ свою дѣтку и навезя ей цѣлыя корзины сластей, исчезала за стеклянной дверью швейцарской, и снова тянулась сѣрая жизнь подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ.

Но, несмотря на свою тоску, дѣвочка ни разу не обмолвилась о ней ни словомъ, ни строчкой въ письмахъ. Она знала, что и тетка скучаетъ не меньше. Она чувствовала, что была ея единственной отрадой и цѣлью жизни, хотя и не сознавала, сколько было въ этой привязанности безысходнаго горя о смерти безвременно и несправедливо стублешнаго любимаго брата!

Два послѣднихъ года прошли, однако, много веселѣе. Къ нимъ постушилъ Гриневъ, замѣнившій очень опытнаго, но вовсе неинтереснаго преподавателя словесности. Молодой, увлекательный и самъ увлекающійся, онъ внесъ въ казенно-затхлую атмосферу свѣжую, живительную струю. Его уроки были часто вдохновенными импровизаціями. Они будили дремавшую душу, они зажигали свѣтильникъ мысли. Образы родныхъ героев вставали, какъ живые, передъ глазами очарованныхъ краснорѣчіемъ лектора дѣвушекъ, онѣ входили подъ его эгидой въ закрытыя до того для нихъ сокровищницы поэзій и познавали міръ вѣчной, незапятнанной красоты. Онѣ, благодаря ему, научились находить ее даже въ монотонной, размѣренной жизни института, и ихъ древній историческій дворецъ и старый липовый садъ населился исчезнувшими, заманчивыми образами прошлаго, а самая суровость режима получила вдругъ смыслъ: она была искусомъ, подготовленіемъ къ жизни, къ труду, къ самостоятельной работѣ, безъ которыхъ воля не казалась уже заманчивой.

Когда Гриневъ, разбирая «Горе отъ ума», громилъ Софью и весь ея кругъ кисейныхъ барышень за пустоту и легкомысліе, у Лизы впервые зародился вопросъ: «Кѣмъ же стану я по выходѣ изъ института? Другія—сироты и дѣти бѣдныхъ родителей—будутъ давать уроки, пойдутъ въ гувернантки, кто побогаче и поразвитѣе — поступитъ на высшіе курсы, а я?... Послѣдовать примѣру послѣднихъ, бросить тетю одну въ Колычевѣ еще на лишніе два года?.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! довольноно...

Можно и въ деревнѣ найти дѣло и случай приносить пользу!

VIII.

Цвѣтетъ жасминъ. Вокругъ балкона
 На солнцѣ млѣетъ пышный хмель,
 И слышно, какъ въ кустѣ піона
 Жужжитъ пчела и бьется шмель.
 Хозяйка, вышивки капота
 Откинувъ съ бѣлыхъ, полныхъ рукъ,
 Лѣниво разбираетъ что-то,
 Аккордъ—и льется пѣсня вдругъ...

(«Старинный романсъ». М. К.).

Очутившись въ Колычевѣ, Лиза вдругъ забыла и Гринева, и свои планы о трудовой, строго разѣ навсегда налаженной жизни. Несмотря на выработанное сообще съ Дашевой распредѣленіе дня, заготовленное нарочно въ видѣ институтскаго стѣнного расписанія уроковъ, по которому слѣдовало вставать ровно въ 6¹/₂ часовъ утра, несмотря на категорически отдаваемое съ вечера приказаніе Танѣ будить съ восходомъ солнца, чтобы, вспомнивъ старину, сбѣгать босикомъ по росѣ на рѣчку для купанья, ее никакъ не могли добудиться. Просыпаясь въ своей залитой голубоватымъ отсвѣтомъ комнаткѣ, куда черезъ спущенныя шторы врывается аромать распутившейся давно сирени, Лиза, взглянувъ на подаренные ей къ выпуску эмалевые часики, каждый разъ убѣждалась, что солнце не только уже встало, но и успѣло выпить всю утреннюю росу.

Лѣниво потягивалась она на своей новой изящной кровати и любовалась уютомъ своего уголка, лѣниво одѣвалась и шла пить кофе на хмелевую террасу, гдѣ ожидали ее густыя желтыя сливки и нарочно по ея вкусу свѣже выпеченные крендельки. Водолазъ Сократъ и лягавая Кара ждали ея появленія и умильно заглядывали ей въ ротъ, слѣдя за каждымъ кускомъ. Лиза по-братски дѣлилась съ ними, а потомъ, зная, что до обѣда всѣ заняты своимъ дѣломъ, шла въ старый садъ по вѣковой аллеѣ, по никогда не раставшей тропинкѣ черезъ лужокъ въ старый пріютъ мечтаній. Собаки съ веселымъ лаемъ бѣжали съ нею...

Но если бы пани Юзыня стояла теперь на террасѣ, она бы не сказала вслѣдъ насмѣшливое: «графиня!» Лиза не умѣла граціозно раскачиваться на ходу, не умѣла подбирать платье, чтобы выставить на показъ ножку. Карауловъ не принялъ бы ее за саксонскую куколку изъ коллекціи Арсенія Михайловича. Отъ ея фигуры въ вышитомъ собственноручно малороссійскомъ костюмѣ вѣяло чисто отечественнымъ здоровьемъ. Она была высока ростомъ и очень стройна, но осиною таліей не щеголяла, и въ ея манерахъ и походкѣ была нѣкоторая «индолентность», которой отличалась когда-то и тетя Саша.

Лиза со времени возвращенія въ Колычево ни разу не раскрыла книги, не подошла ни къ роялю, ни къ флютгармоніи: ей не хотѣлось ни читать, ни пѣть, ни играть, ей нравилось это полное бездѣлье. Natura требовала отдыха послѣ зимняго напряженія. И она цѣлыми часами лежала на еще нескошенной травѣ и смотрѣла въ синее небо, по которому мѣрно плыли бѣлыя облака.

«Это кучевья—simula!—вспомнила она ихъ латинское названіе.—Боже, какъ хорошо! Никогда больше не буду сдавать экзамена по космографіи и метеорологіи. Какое блаженство!»

И дни, блаженные лѣтніе дни шли за днями. Начался покосъ, въ которомъ принимала участіе вся усадьба. Лиза помогала тоже грести сѣно. Натрудивъ ладони до мозолей, она бросалась на свѣже сметанную копну и съ закинутыми подъ голову руками наслаждалась запахомъ увядающихъ травъ... Она выскивала среди нихъ скошенные и вянущіе колокольчики и ромашки и связывала букеты, которые, оживая потомъ въ прохладной водѣ, украшали вазы сѣраго домика. Ее тѣшило смотрѣть, какъ черезъ два-три часа эти обреченные, было, на смерть цвѣты снова набирались жизни и подымали головки навстрѣчу солнечнымъ лучамъ, падавшимъ черезъ раскрытыя окна на столы и этажерки гостиной.

«Воскресли?.. милые, милые!» думала она, цѣлуя ихъ, словно дорогихъ, подвергавшихся несправедливому отношенію друзей... Никакихъ писемъ отъ подругъ, торжественно обѣщавшихъ въ день выпуска писать «часто», она не получала и отлично понимала, что и другія переживаютъ то же сладкое сознаніе возможности ничего не дѣлать. Тѣмъ больше удовольствія доставилъ ей конвертъ, написанный рукою Дашевой.

«Ты помнишь, какъ мы называли
Тюрьмой высокій нашъ дворецъ,
Какъ счастья и свободы ждали,
И вотъ дождались наконецъ!..»

Такъ начшалось письмо скромной ея подруги, имѣвшей слабость писать стихи. «Не знаю, какъ тебѣ, но мнѣ кажется, что воля была тамъ, а не здѣсь въ этой чужой семьѣ, куда я взяла на лѣто мѣсто, чтобы заработать на взносъ за лекціи на курсахъ. Конечно, ты въ раю своемъ, Колычевѣ, не можешь даже представить себѣ, какое мученье вѣчно слѣдить за собою, чтобы не сотворить чего-нибудь недостойнаго титула гувернантки двухъ доводящихъ до отчаянія въ душѣ сорванцовъ, маменькихъ сынковъ. Но вѣдь это и есть та педагогическая дѣятельность, тотъ вольный трудъ, къ которому мы готовились всѣ эти годы. Ахъ, скорѣе бы на курсы! Я чувствую, что это единственное мое призваніе. Хотя Гриневъ звалъ на нихъ тебя, но не меня...

«Вѣдь педагогика не моя сфера: я не люблю дѣтей и не могла бы возиться съ цѣлою школою босоногихъ ребятъ, о которой ты мечтала

съ такимъ упоеніемъ. Ты, вѣроятно, уже осуществила свои мечты, и я уже воображаю тебя капраломъ изъ Беранже на кольчевскомъ лугу, съ лозою въ рукѣ, твердящую: «буки-азъ, буки-азъ! счастье въ грамотѣ для васъ!»

Лиза вздохнула:

«Счастливица... Она идетъ на курсы»... и вдругъ ей сдѣлалось стыдно за свою лѣнь. Вѣдь прошелъ почти мѣсяцъ, а она еще и палець о палець не ударила, чтобы привести слово въ дѣло.

«Нѣтъ, довольно! сегодня же переговорю съ тетей о школѣ...»

— Барышня-а!.. Ау-у!—раздался голосъ Тани.

— А-у!—откликнулась Лиза и спрятала письмо въ карманъ.

— Къ намъ гости-и!..—продолжала Таня, приближаясь. Лиза поднялась съ кофны, оправила платье, выбрала изъ косы приставшія къ волосамъ травинки и пошла на голосъ. Заныхавшаяся Таня бѣжала къ ней изъ аллеи.

— Кто?—спросила барышня.

— Инспекторша Адрианова съ маменькой ихней!

Лиза вспомнила о высказанномъ теткою нежеланіи, чтобы она знакоилась съ этой дамой, но Таня тутъ же сообщила, что «тетенька сами за ней послали».

Съ хмелевой террасы доносились голоса. Лиза застала Александру Николаевну въ обществѣ двухъ очень эlegantныхъ барынь. Старшая курила папирску, манерно откинувшись на спинку плетенаго кресла, а младшая что-то убѣдительно доказывала тетѣ Сашѣ, не успѣвшей даже смѣнить своего ситцеваго рабочаго костюма, все-таки изъ всѣхъ трехъ настоящей барыней была она.

— Умоляю васъ, не отказывайте! И безъ того у насъ такъ мало жизни, такой застой всюду. Всѣ куда-то разбрелись. Дворяне исчезли, кругомъ ни одного помѣщика изъ прежнихъ. Одно купечество и арендаторы. Намъ надо сплотиться, образовать свой интеллигентный кружокъ, съ высшими запросами къ жизни, чѣмъ вѣчныя уѣздныя сплетни. Не бойтесь меня! Увѣряю васъ, я вовсе не такая легкомысленная, какъ кажусь.

— Помилуйте, откуда вы взяли?..—защищалась хозяйка.

— Да, да! я знаю. Обо мнѣ говорятъ очень дурно.

Въ эту минуту Лиза уже поднималась по ступенямъ.

— А вотъ и барышня, пусть она сама насъ разсудитъ...—и madame Адрианова протянула ей обѣ руки въ безукоризненныхъ шведскихъ перчаткахъ.—*Elle est adorable!*—бросила она черезъ плечо матери.

Лиза сконфузилась и присѣла передъ старухой.

— Марья Ивановна Родіонова,—отрекомендовалась та.—Вотъ, душенька, моя дочь, Анна Павловна Адрианова, да и я тоже пріѣхали просить васъ участвовать въ концертѣ въ пользу недостаточныхъ сельскихъ учителей нашего уѣзда.

— Ахъ, маман! и совсѣмъ не въ ихъ пользу! вы все путаете. Я слышала о вашемъ голосѣ и пріѣхала просить васъ пѣть у насъ, но совсѣмъ не въ пользу учителей, а школы, которую собирается открыть одинъ учитель изъ подчиненныхъ мужа у себя на родинѣ. Онъ вовсе не изъ нашего уѣзда и даже не изъ нашей губерніи, но это рѣшительно никакой роли не играетъ. Дѣло не въ томъ, гдѣ будетъ новая школа, лишь бы она была въ Россіи и была поставлена на рациональныхъ началахъ. А этотъ Коровкинъ очень дѣльный и передовой человекъ. Или вы боитесь этого слова? Но увѣряю васъ, онъ не нигилистъ! Нѣтъ, нѣтъ! Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно покойны. Я сама ненавижу ихъ, и для меня синія очки и пледы одинаковы противны и въ мужчинѣ, и въ женщинѣ...

Анна Павловна говорила очень быстро. Она именно щебетала. Вся ея наружность молодой, начинающей полнѣть брюнетки съ усиками, съ острымъ носикомъ, съ черными, какъ крупная смородина, глазами, мелькавшими изъ-подъ низко начесанной на лобъ чолки, сильно напоминала снѣгиря, когда онъ поетъ свою зауценную пѣсенку, прыгая съ жердочки на жердочку.

— Концертъ мы устроимъ въ началѣ сентября, когда всѣ съѣдутся и жизнь войдетъ въ колею, когда вернутся ученики и полкъ изъ лагеря, а пока будемъ къ нему усердно готовиться. У васъ какой голосъ?

— Контральто,—отвѣтила Лиза.

— Ахъ, какая прелесть! Я обожаю низкіе голоса. У меня сопрано, хорошее драматическое сопрано, я смѣло это говорю. Я врагъ всякаго лицемѣрія и ломанья. Есть у васъ дуэты? Я знаю почти всѣ. Пойдемте, попробуемте.

Черезъ минуту Анна Павловна, скинувъ свои перчатки, уже безцеремонно рылась въ Лизиныхъ папкахъ.

— Ахъ! «Не искушай меня безъ нужды!» Споемте, дуся!...

Какъ ни зарекалась Александра Николаевна не допускать Лизу до знакомства съ Адриановой, о которой ходили весьма неблагопріятные слухи,—ее называли чуть не Мессалиной и приписывали ей сразу трехъ возлюбленныхъ, двухъ поручиковъ мѣстнаго полка и сына городского головы Шемаева,—но послѣ посѣщенія старухи Родіоновой, вдовы виднаго чиновника, она сочла себя обязанной отдать ей визитъ и въ слѣдующее же воскресенье поѣхала съ Лизой въ Горскъ, благо лошади были свободны.

«Взгляну собственными глазами. Гдѣ въ домѣ нелады— сразу чувствуется. Можетъ быть, и павѣты одни. Мало ли съ чего иной разъ люди злые слухи распускають».

Танѣ былъ отданъ приказъ приготовить визитный туалетъ, шитый въ Петербургѣ еще до переселенія въ Колычево.

Лиза весело расхохоталась, увидавъ старомодный фасонъ, но на тетѣ Сашѣ онъ казался ничуть не страннымъ, напротивъ, что-нибудь

болѣе современное, съ перетянутыми колѣнямп, навѣрно менѣе гармонировало бы съ ея фигурой, и дѣвушка сама созналась, что «теточка—одна прелесть...» Александра Николаевна тоже осталась довольна Лизой. Ес тѣшило дѣлать визиты съ хорошенькой племянницей.

— Вотъ и привелъ Богъ тебя въ свѣтъ вывозить!—говорила генеральша, усаживаясь въ коляску.

— Съ Богомъ, матушки!—твердила на крыльцѣ Кирилловна.— Экія обѣ красавицы! одна другой лучше.

Таня побѣжала открыть ворота, и тройка лихо покатила въ городъ.

Инспекторъ Адріановъ занималъ отдѣльный флигель при зданіи прогимназіи. Вся обстановка дышала уютностью. Было много солнца, цвѣтовъ и растеній. У оконъ расцѣвали чижы и канарейки. На роялѣ лежали груды нотъ, на столахъ книжки толстыхъ журналовъ. Въ этой кретоновой гостиной бывало всегда людно. Аннетъ Родіонова сдѣлала нѣкоторый *mésaillance*, выйдя за учителя словесности того моднаго пансіона, гдѣ воспитывалась послѣдніе годы, и хотя ея чиновная родня и косилась сперва на этотъ бракъ, но зато теперь старалась исправить *faux-rais* племянницы, и Петръ Петровичъ Адріановъ дѣлалъ понемногу карьеру. Назначеніе въ Горскъ было лишь транзитное,—впереди было обѣщано мѣсто директора въ столичной гимназіи.

Супруги жили мирно, каждый по-своему. Супругъ проводилъ дни и ночи за картами, и въ его кожаномъ кабинетѣ ходили цѣлыя облака табачнаго дыма надъ столами винтеровъ, вырываясь при случайномъ сквознякѣ клубами на улицу. Винтъ былъ только что занесенъ изъ Москвы и вытѣснялъ ералашъ и преферансъ. Пока въ кабинетѣ раздавалось «два пики» и «два трефы», рядомъ въ салонѣ играли, пѣли и вели умные разговоры. Благодаря своимъ средствамъ, Анна Павловна вела открытый домъ, поставивъ себѣ задачей во что бы то ни стало соединить въ немъ все уѣздное общество.

Въ прежніе годы полковыя дамы мѣстнаго полка строго держались особнякомъ, но почти трехлѣтнее отсутствіе ихъ мужей на турецкой войнѣ съ медленнымъ обратнымъ передвиженіемъ во свояси стерло антагонизмъ либерально настроенныхъ гражданскихъ властей и строго консервативнаго полковаго міра. У Адріановыхъ появлялось охотно все офицерство съ командиромъ, страстнымъ винтеромъ, во главѣ.

Духъ войска былъ угнетенный. Берлинское вмѣпательство въ наши дѣла, запрещеніе, полученное неизвѣстно откуда вдругъ подъ самымъ Царьврядомъ, войти и прибить надъ воротами по примѣру Олега свой русскій щитъ еще не было изжито, еще ни у кого отъ Скобелева до послѣдняго рядового не прошло разочарованіе, не переболѣло сердце. Горечь обиды находила откликъ и въ частныхъ

домахъ, и въ крестьянскихъ избахъ. Ненависть къ именамъ Бисмарка и Андраши сказывалась иногда въ смѣшныхъ мелочахъ. Миронъ Шемаевъ называлъ ихъ именами своихъ собакъ, и хотя прислуга ушорно звала ихъ Бишкой и Кондрашкой, но онъ, гуляя по городу, пронзительно свистѣлъ:

— Бисмаркъ... фью!—и кричалъ грозно:—кушъ, Андраши!—вызывая громкое одобреніе мѣстныхъ патріотовъ и отводя свою удалую душу.

Самъ Адриановъ считалъ себя, конечно, либераломъ, но говорить ему за картами почти не приходилось. Зато его супруга бойко трещала о правахъ человѣка вообще и женщины въ особенности и постоянно повторяла:

— Какъ только насъ переведутъ въ Петербургъ, сейчасъ же записываюсь въ бестужевки. Въ нашъ вѣкъ женщина всегда должна идти впереди. Мужчины властвовали достаточно, они блестящи доказали свою полную несостоятельность. Теперь нашъ чередъ. Но пока мы должны учиться, учиться и учиться, чтобы «они» не имѣли основанія попрекать насъ и въ дальнѣйшемъ нашей неразвитостью. А потомъ мы имъ и докажемъ!...

Эти разсужденія ничуть не мѣшали ей, хотя и платонически, увлечься и стройной фигурой блондина поручика Флинта, и черными глазами и усами полкового адъютанта и Донъ-Жуана—Левкевича, и шатеномъ, только что поступившимъ преподавателемъ Коровкинымъ, и покровительствовать обоимъ братьямъ Шемаевымъ. Сердце Анны Павловны было, какъ стручокъ, раздѣлено на много перегородокъ. Мужъ предоставлялъ ей полную свободу, зная по опыту, что слово и дѣло идутъ всегда у его супруги врозь, и спокойно козырялъ, пока рядомъ съ цыганской страстью раздавалось:

Вѣкъ юный, прелестный, друзья, улетить,
И все въ поднебесной измѣной грозить...

Когда колычевская коляска подѣхала къ крыльцу, изъ окна выставилась кудлатая голова и чей-то басъ возвѣстилъ такъ громко, что подѣзжавшимъ было слышно на улицѣ:

— Анна Павловна-съ, гости!

Это и былъ Миронъ Даниловичъ Шемаевъ, младшій сынъ городского головы. Оба они съ братомъ Степаномъ были завсегдатаями у Адриановыхъ. Оба благоговѣнно внимали умнымъ рѣчамъ и спорамъ образованныхъ людей, и оба втайнѣ вздыхали, что прогимназія не была открыта въ тѣ времена, когда ихъ обучали грамотѣ. Теперь они, особенно старшій щеголь Степанъ, хватались за каждую книгу и безо всякой системы набивали голову провѣренными и непровѣренными истинами, упиваясь и Шпильгагеномъ и Дюма въ переводахъ, и Шопенгауеромъ и Спенсеромъ, и Вѣлинскимъ и

Писаревымъ, и Пушкинымъ и Некрасовымъ, соглашаясь съ каждымъ и не понимая, кто же правъ?

Аннѣ Павловнѣ нравилась роль просвѣтительницы этихъ спавшихъ до ея появленія провинціальныхъ богатырей, и она рекомендовала имъ то статью Каткова, то очеркъ Щедрина, о которыхъ и сама-то, и то вскользь, читала лишь краткія рецензіи, и неукоснительно потомъ вопрошала:

— Прочли? Не правда ли, какъ хорошо изложено и вѣрно схвачено?

И оба молодца, стыдяся признаться, сколько во всемъ этомъ багажѣ было для нихъ непонятнаго и неусвоеннаго, также неукоснительно отвѣтствовали:

— Удивительно вѣрно-съ и хорошо-съ!

Благодаря лагерямъ, полкъ изъ города отсутствовалъ, и послѣ обѣдни на воскресный пирогъ къ Адриановымъ прибыли только Шемаевы и Коровкинъ, тотъ самый учитель, который мечталъ о школѣ своего имени на мѣстѣ родины.

Петръ Петровичъ Адриановъ, живой и юркій блондинъ съ рыжеватыми бачками, выскочилъ въ прихожую, приложился къ ручкамъ обѣихъ дамъ, чѣмъ привелъ Лизу въ крайнее смущеніе, и проводилъ ихъ въ кретонову гостиную.

— Неточка! ея высокопревосходительство!

— Ахъ, а тамап вчера только уѣхала на Кавказъ! Какая жалость!—привѣтствовала гостей Анна Павловна.

Перезнакомивъ ихъ съ присутствующими, она, несмотря на протесты, велѣла снова накрыть завтракъ, и Александра Николаевна, сама себѣ удивляясь, очутилась передъ тарелкой съ кускомъ жирной кулебяки, а Лиза пила изъ гранитнаго бокальчика какую-то удивительную терновку приготовленія Петра Петровича, и кругомъ шла оживленная бесѣда, гдѣ Неточка и Петичка, оба наперебой ухаживали за гостями.

«Нѣтъ, рѣшительно, они оба очень милые и какіе радушные и гостепріимные. И все у нихъ такъ нарядно и семейственно, — думала про себя Сотова. — Все это злые языки напрасно болтають».

Въ результатѣ послѣ этого визита она со спокойной совѣстью стала отпускать Лизу къ инспекторшѣ, и вскорѣ обѣ подружились настолько, что не проходило недѣли, чтобы одна изъ нихъ не оставалась на ночевку у другой. Онѣ разучивали дуэты, играли въ четыре руки, мѣнялись книгами и вмѣстѣ выбирали покупки и фасоны. Лиза, бывая у Адриановыхъ, каждый разъ собиралась перетолковать съ Петромъ Петровичемъ о своей школѣ и каждый разъ забывала въ сутолокѣ объ этомъ казавшемся ей столь важномъ дѣлѣ своей жизни.

IX.

Мы вдвоем сидѣли въ залѣ.
 Вы у старыхъ фортепьянъ
 Пѣли пѣснь о «Черной шали»
 И романсъ про талисманъ.
 И я ясно видѣлъ,—въ рамѣ
 Вдругъ пращѣдовскій портретъ
 Повернулся къ бѣлой дамѣ,
 Скромно нюхавшей букетъ...

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Послѣ именинъ Анны Павловны 25-го юля, Лиза осталась на цѣлые три дня въ Горскѣ. 27-го въ день Смоленской Божьей Матери было традиціонное «уваловское» гулянье. Степанъ Шемаевъ, съ перваго же взгляда влюбившійся въ Лизу, предложилъ проѣхать въ подгородную рощу, чтобы посмотреть на народъ. Въ числѣ гостей на этотъ разъ были и оба «полковыхъ предмета» Анны Павловны, урвавшіеся подъ благовидными предлогами изъ лагеря, поручики Флинтъ и Левкевичъ.

Въ рощѣ, принадлежавшей въ дофранцузскія времена къ усадьбѣ помѣщика Увалова, по поросшимъ муравою аллеикамъ двигалась расфранченная нарядная толпа. На полянкахъ были раскинуты столы и скамейки и кипѣли самовары. Звеня посудой, бѣгали служащіе. Бойкія торговки нарасхватъ распродавали бублики, баранки и ватрушки и столь любимыя Лизой деревенскія сласти. Сборщики на построеніе храмовъ сновали съ образками, поясками и крестиками и взимали щедрую дань.

При появленіи Адриановой и Лизы въ сопровожденіи офицеровъ и братьевъ Шемаевыхъ, расторопный малый въ ситцевой розовой рубахѣ и бѣломъ передникѣ мигомъ очистилъ столъ, и вся компанія разсѣлась за самоваромъ. Степаша хозяйничалъ, распаковывая нарочно накануне привезенныя изъ Москвы конфеты и закуски.

— Какъ оригинально!—говорила Анна Павловна.—Я въ первый разъ въ жизни на такомъ демократическомъ гуляньѣ. Я чувствую себя народной...

— Учительницей,—подсказалъ Левкевичъ, намекая на ея симпатію къ Коровкину.

— Cessez!—произнесла Анна Павловна и ударила его по рукѣ.— Это Lise собирается стать ею.

— Какъ? вы хотите итти въ народъ, какъ наши нигилисты?

Лиза удивленно раскрыла глаза.

— Въ какой народъ? Я просто хочу открыть въ Колычевѣ школу.

— Ну, это далеко не просто,—возразилъ Флинтъ.—На это вамъ потребуется много хлопотъ, нужно специальное разрѣшеніе и удостоеніе благонадежности вашей личности.

— Къ чему?

— Какъ къ чему? Да чтобы вы прежде всего не вздумали заниматься пропагандою.

— Между дѣтьми? Да развѣ это возможно?

— А еще бы нѣтъ! Вещь самая обыкновенная.

— Ну, въ этомъ отношеніи безпокойства относительно моей особы совершенно лишнія. Я институтка и боготворю государя.

— Бросьте, Lise, неужели весело спорить о школахъ? Мнѣ онѣ и всѣ эти разговоры объ ученикахъ по сихъ поръ надоѣли,—и Анна Павловна кокетливо провела по своей слегка открытой полной шеѣ.— Давайте лучше чай пить. Смотрите! всѣ такъ пьютъ,—вѣрно, такъ вкусноѣ.

Анна Павловна налила чай на блюдечко и, громко откусивъ сахаръ, стала пить вприкуску.

— Не такъ блюдечко держите,—поправилъ Флинтъ:—смотрите, вотъ какъ надо!—Онѣ поставилъ его на всю пятерню.—Вотъ такъ!

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнула барынька и тотчасъ же, подражая, стала громко прихлебывать съ блюдечка.

Шемаевы сконфузились. Ихъ присные никогда чая иначе и не пивали и, попавъ въ салонъ къ Адриановой, они обжигали себѣ пальцы и губы съ непривычки пить его прямо изъ стакановъ.

— А мужики и не такъ пьютъ-съ,—доложилъ Степанъ, чтобы скрыть смущеніе.—Я самъ видѣлъ, какъ по тятенкинымъ дѣламъ во Ржевѣ намедни ѣздилъ, виситъ въ ямщицкой на ниточкѣ кусочекъ сахара съ потолка, каждый лизнетъ его, а потомъ чаю глотокъ. Это у нихъ называется вприлизку-съ...—И, испугавшись, что это слово слишкомъ близко къ имени Лизы, покраснѣлъ до ушей.

— Что вприлизку! многіе такъ и вприглядку пьютъ,—подтвердилъ его братецъ.

— А мы на войнѣ такъ зачастую впридумку пивали,—задумчиво промолвилъ Флинтъ.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Чай оставался, а сахаръ вышелъ. Марки-танты съ обозомъ въ тылу застряли, а мы впередъ ушли и почти мѣсяцъ старыми запасами пробавлялись. Наконецъ и чай изсякъ. Заваривали виноградный листъ и тѣмъ и согрѣвались, а о сахарѣ только думали. Ну, и выходитъ чай впридумку.

— Я думаю, ужасно тяжело на войнѣ? — сказала сочувственно Лиза.

— Да, нелегко... особенно въ госпиталяхъ.

— Ахъ, Флинтъ! бросьте... Охота вспоминать. Довольно этой ужасной войны. Слава Богу, цѣлыхъ три года ни о чемъ, кромѣ Краснаго Креста и плѣнныхъ турокъ, и разговоровъ не было. Надоѣло... Поговоримъ о чемъ-нибудь повеселѣе,—перебила, надувъ и

безъ того полныя губки, инспекторша.—Левкевичъ, да чего вы молчите? Куда это вы оборачиваетесь?

— Онъ хорошенькихъ высматриваетъ,—выдалъ Флинтъ.

— Гдѣ ихъ тутъ вымотришь! Прежде до войны больше попада-лось. Не знаю, куда онѣ дѣвались. Помнишь, Андрюша?

Оба многозначительно переглянулись.

— Это нарядъ виновать,—замѣтила Лиза. —Посмотрите, нѣ одного сарафана. А по-моему, лучше малороссійскаго костюма ничего для лѣта быть не можетъ.

— Я и то люблюсь,—отвѣтилъ галантно Левкевичъ.

Дѣйствительно, по аллеямъ, гдѣ мѣрно и чинно двигалась нарядная толпа, такъ еще недавно характерные, матерчатые сарафаны и жаркія пунцовки были окончательно вытѣснены басками и полущалками, казавшимися уродливыми на неграціозныхъ фигурахъ деревенскихъ франтихъ. Это была совершенно другая воскресная толпа, чѣмъ когда-то въ Колычевѣ...

Среди гуляющихъ бросался въ глаза Михалка съ рыжей бородкой и въ шелковомъ цилиндрѣ. Онъ шелъ подъ руку съ супругой, въ сопровожденіи обоихъ своихъ отпрысковъ, Данички и Танички, мальчика и дѣвочки, которая ковыляла, держась за зеленый, пышный тюникъ своей матери. Михалка очень гордился и супругой, которую взялъ изъ сосѣдняго уѣзднаго города съ 12-ю тысячами въ приданое, и ея нарядомъ. Это была тихая, кроткая женщина. Она вся ушла въ заботу о дѣтяхъ и словно стыдилась и своего дамассе платья, и шитаго стеклярусомъ фаеваго доломана, съ висѣвшими почти до земли рукавами, а главное нелѣпой шляпы съ огромнымъ розаномъ и малиновыми завязками. Эту шляпу привезъ ей мужъ изъ Москвы нарочно для сегодняшняго гулянья, и она рѣшилась обновить ее только послѣ долгихъ споровъ и слезъ.

Она чувствовала себя ужасно неловко.

«Залетѣла ворона въ высокія хоромы. Не къ добру! И чего Михайло Демьянычъ тиранить меня съ нарядами? Все равно, всякій знаетъ, кто мы такіе?»

Авдотья Тарасовна не ошибалась. Михалку зналъ весь свой уѣздъ, да и въ сосѣднемъ о немъ тоже были наслышаны. Его пріятели, мелкіе купчики съ женами въ платочкахъ, только ухмылялись.

— Глянь-ко, Евграфиха-то какъ выпялилась! Ровно пава! А у самого-то цѣль какая пущена.

— Грабить, живодеръ, чего жъ ей не паяться?

— Поди, шляпка-то съ Кузнецкаго. Самъ видѣлъ, какъ онъ намедни изъ Москвы въ картонкѣ везъ.

— Что шляпка! онъ у судейши, говорятъ, фортупьяны торгуетъ.

— А я ему уже такія фортупьяны отфортупьяню, что небу жарко станетъ! Аспидъ этакій... опять цѣны на цѣлковый съ пуда сбиль!

И конкуррентъ-скупщикъ Мижувевъ яростно сплюнулъ.

— Чаво плюеешься?—раздался голосъ подвыпившаго мѣщанина Климухина, мѣстнаго богослова и спорщика.—Сегодня Смоленская празднуеть, а ты плеваться...

Яркая шляпка Авдотьи Тарасовны, снова прошедшей по аллеѣ, бросилась ему въ глаза. Онъ уперъ руки въ боки, и такъ и впился въ нее глазами.

— Фу ты, ну ты!.. Ишь какую колокольню на себя нагромоздила! Нѣтъ, мать, не по твоему обличью! Да встань изъ гроба покойный родитель Тарасъ Дормидонычъ, да онъ бы сейчасъ, сею самой минутою сорвалъ бы эту башню съ головы однородной доченьки да такъ бы ее простоволосую сквозь честной народъ домой и прогналъ бы. И по дѣломъ... Потому коли на гулянье церковное наши бабы по-басурмански ряженныя повадились, такъ это всему православію посрамленіе, а нѣмцамъ угода... Это послѣ царьградскаго-то ихняго вмѣшательства завистнаго!.. Вотъ тутъ и я плевать самъ готовъ.

— Тихе ты, чуть въ господь не попалъ!—остановилъ его одинъ изъ собесѣдниковъ.

Климухинъ оглянулся. Малороссійскій костюмъ Лизы бросился ему въ глаза.

— Кто это?

— Аль не узналъ? Генеральши колычевской племянница.

— Матушка родная... Красавица моя писанная...

Онъ протиснулся къ самому столу Адриановой и бухнулся Лизѣ въ ноги, скинувъ шапку.

— Радуйся, невѣсто ненеѣстная!—раздался его іерихоноподобный басъ. Кругомъ собралась толпа. Лиза вспыхнула. Разговоры стихли. Климухинъ, какъ сталъ на колѣни, такъ и лежалъ, уткнувшись лбомъ въ траву.

Шемаевъ подскочилъ.

— Ты съ ума спятилъ? Встань сейчасъ?

— Оставь, не замай!—отвелъ его рукою мѣщанинъ. Онъ встряхнулъ волосами и продолжалъ, стоя на колѣняхъ.—Ты что? сынъ головы? ну, и сиди съ ней рядомъ, а ей поклониться хочю, слышишь? А за то поклониться, что она первая изъ дворянокъ русскихъ нѣмецкое платье обезьянье на родной нарядъ обмѣнила. Исполаете деспота. Мно-о-га-а-я-а лѣ-та! —докончилъ онъ, всталъ, обмахнулъ платкомъ колѣни и, еще разъ поклонившись Лизѣ въ поясъ, отошелъ въ сторонку...—Ишь взѣлся! Развѣ я въ обиду? Я въ уваженіе, потому нынѣ отпускаеша раба твоего, владыко, яко видѣста очи мой сами наше спасеніе отъ языцевъ...—бормоталъ онъ, теряясь въ безмолвно глазѣвшей толпѣ.

Адрианова весело расхоталась.

— Hein? Lise, vous voilà l'héroïne du peuple!

— Что жъ, а вѣдь онъ правъ!—подхватилъ Левкевичъ.—Елизавета Ивановна является, дѣйствительно, пионершей въ распространеніи родного костюма, по крайшей мѣрѣ я въ Горскѣ его еще никогда на публичномъ гуляньѣ не видалъ.

— Богъ съ вами! его который годъ во всѣхъ журналахъ модныхъ печатають, можетъ быть, у насъ случайно на него охотницъ не находилось. Я за себя благодарю,—продолжала Адрианова:—онъ ужасно полнитъ и портитъ фигуру.

— Не нахожу! — покрутилъ усъ Левкевичъ, покаясь на Лизу.

— Что это значить—невѣста неневѣстная? Что онъ хотѣлъ сказать этимъ?—раздумчиво произнесъ Степаша.—Климухинъ у насъ ничего на вѣтеръ не говоритъ, что напророчить,—то непременно сбудется...

— А то,—подхватила Анна Павловна:—что наша милая барышня скоро невѣстой станетъ.

— Ну, нѣтъ! какъ разъ наоборотъ!—вспыхнула Лиза.—Невѣста неневѣстная—это вѣчная дѣва, и я останусь въ браковкахъ.

— Не похоже!—улыбнулся Левкевичъ и стрѣльнулъ черными глазами.

— Charmeuse!—съ кокетливой досадой шепнула Адрианова.—Я, ей-ей, начинаю ревновать...

Толпа продолжала глазѣть. Лиза встала.

— Поѣдемте, Бога ради. Съ меня довольно.

Левкевичъ свернулъ калачикомъ руку, но Лиза гордо прошла къ пролеткѣ Адриановой. Оба поручика бочкомъ усѣлись на передней скамеечкѣ.

— А все-таки, знаете,—замѣтилъ Флинтъ:—меня эта сцена задѣла за живое. Вѣдь это голосъ народный. Трогаетъ, когда такъ непосредственно, хотя бы и въ такихъ пустячныхъ мелочахъ называется патріотизмъ. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, вовсе не умѣемъ выказывать его... — Онъ задумчиво прищурился.

Лиза сочувственно ему улыбнулась.

— Вы такой патріотъ? Я думала, вы нѣмецъ.

— Нѣтъ, я православный, у меня мать русская была.

— Къ сожалѣнію, вашъ голосъ народный былъ на этотъ разъ голосомъ пьянаго!—съявила инспекторша.

— Что жъ, in vino veritas!—застушился Левкевичъ.

Сзади Степаша, катя на своемъ иноходцѣ, жаль руку брату отъ избытка чувствъ.

— Вѣришь ли, такой я еще не встрѣчалъ! Какъ увидалъ,—недаромъ сразу сердце захолонуло. Чего ужъ! Даже Климухина за живое задѣла!

— Не про насъ, братецъ! не нашего прихода!—басиль въ отвѣтъ Мироша.

— Знаю, а все неволенъ я надъ собою! Скажи она слово мнѣ,— въ воду брошусь, въ огонь пойду.

— Дома сиди!—вотъ что тебѣ скажетъ. Что ей отъ твоей воды да огня? Ты ее лучше въ покоѣ оставь, потому и отъ тятеньки съ маменькой похвалы не дождешься. Неровня намъ, да и капиталовъ никакихъ.

И онъ ударилъ вожжей иноходца.

Степаша только вздохнулъ богатырской грудью.

Домой всѣ вернулись веселые и возбужденные и начали наперебой посвящать Петра Петровича въ подробности выходки Климухина.

Эхма! поди прочь!

Поди прочь, берегись!

Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку

Да пониже поклонись!

Пропѣлъ, кривляясь передъ Лизой, инспекторъ и сразу увлекъ въ кабинетъ Флинта.

— А мы будемъ цѣть!—рѣшила Анна Павловна.—Lise, спойте что-нибудь.

Лиза чувствовала себя какъ-то особенно приподнято. Она подошла къ роялю и откинула крышку.

— Что же спѣть мнѣ?

Это былъ обычный Зосинъ вопросъ: что же сыграть мнѣ? Съ той же интонаціей, тѣмъ же привычнымъ Зосѣ жестомъ вытерла и ея дочь въ послѣдній разъ свои пальцы платкомъ и положила его на пюпитръ около подсвѣчника.

«Ночи безумныя, ночи бессонныя...»

Грудные, низкіе звуки, словно пѣвучая віолончель, ударили по сердцу слушателей. Откуда у этой институтки, у этой кисейной барышни могла взяться скрытая страстность, такое томленіе по неизвѣданнымъ мукамъ наслажденія, такое раскаяніе и тоска по чаду жизни? Или сохранили мозговые извилины впечатлѣнія младенческаго возраста—одуряющій запахъ гвоздикъ, игру шампанскаго въ хрустальныхъ бокалахъ, поцѣлуи жадныхъ мужскихъ губъ? Или говорила наслѣдственность? Но щеки Лизы горѣли, глаза, полуприкрытые длинными рѣсницами, были затуманены, и ея голосъ странно волновалъ, маня и обѣщая.

Рядомъ въ кабинетѣ Флинтъ подъ впечатлѣніемъ ея пѣсни пошелъ не съ той масти и подвелъ своего партнера Петра Петровича въ большомъ шлемѣ, вызвавъ цѣлый потокъ самыхъ краснорѣчивыхъ упрековъ, а на улицѣ подъ окномъ останавливались, заслушиваясь, прохожіе.

У подъѣзда двое мужчинъ ждали конца ромansa.

— Чудный голосъ!—прошепталъ старшій.—Это она... Вотъ кстати и познакомишься.

— Ну, фатенька, кстати ли, потомъ увидимъ, а голосъ дѣйствительно есть.

— Музыкантша—по матери.

— А по отцу?

— Симпатична, какъ самъ покойный!

— Увидимъ... Я его хорошо помню. Ну, звони! Слышишь, какъ ладоши отхлопываютъ.

Они вошли. Это былъ посѣдѣвшій и облысѣвшій Игнатій Львовичъ и сынъ его, только что окончившій медико-хирургическую академію, Василій Яшневъ.

Ихъ появленіе было встрѣчено шумными привѣтствіями. Инспекторъ съ картами въ рукѣ выглянулъ изъ кабинета.

— Ба-ба!—знакомыя все лица! Къ намъ, ваше медицинство, пожалуйте! А то поручикъ Флинтъ разучился играть въ винтъ. Мы его дамамъ на поддержаніе сдадимъ.

Лиза смотрѣла исподлобья на вошедшихъ. Ей было досадно, что они оторвали ее отъ пѣнья и нарушили только что настроившееся желаніе пѣть, когда всѣ фибры напряжены, когда звуки сами собою рвутся изъ души и складываются все въ новыя и новыя сочетанія, полныя необычной, еще ни разу никѣмъ не переданной выразительности и мысли. Такъ поется только въ рѣдкія вдохновенныя минуты.

— Я нарушилъ ваше пѣніе?—обратился Яшневъ къ Лизѣ—извиняюсь и прошу, пожалуйста, не лишите меня удовольствія слышать васъ.

— *Lise, continuez de grâces!* Яшневъ, садитесь ко мнѣ и не мѣшайте!—капризно вымолвила Анна Павловна и сразу сама прибавила:—Вы надолго? или опять на побывку?

Яшневъ усмѣхнулся.

— Не будемъ мѣшать барышнѣ...

Лиза нетерпѣливо обернулась.

— Я не знаю, что пѣть...

— «Разстались гордо мы...»—подказалъ Левкевичъ.

Первыя фразы прозвучали довольно шаблонно. Нарушенное настроеніе сказывалось, но мелодія увлекла, и голосъ окрѣпъ и съ каждымъ тактомъ звучалъ увѣреннѣе и полнѣе. Лиза не смотрѣла ни на кого, но каждому изъ бывшихъ въ комнатѣ мужчинъ казалось, что слова романса относятся именно къ нему.

Яшневъ пристально наблюдалъ ее. Да, лицо ея было ему знакомо. Смутныя воспоминанія заройлись въ душѣ. Бѣлая зала... ласковый голосъ человѣка, высоко поднимавшаго его къ себѣ на плечо... какія-то забытыя игрушки... желтая рубашка... статуя безъ рукъ съ гордымъ профилемъ, и вихрастый мальчикъ, удерживающій его руку съ мячикомъ: «Не трожь! она дорогая... нельзя...»

— Бисъ! бисъ!—раздалось кругомъ. Степанъ Шемаевъ, краснѣ варенаго рака, надрывался изо всѣхъ силъ.

— Что же вы не апплодируете?—обратился къ Яшневу Флинтъ.

— А развѣ барышня ставить это непремѣннымъ условіемъ, чтобы продолжать?

— Не барышня, а таковъ обычай.

Яшневъ пожалъ плечами.

— Я врагъ всякихъ обычаевъ.

— Да, я забылъ, что вы...—Флинтъ осѣкся.

— Нигилистъ?—прищурился молодой врачъ.

— Я этого не говорю.

— Но думаете.

— Господи! они опять ужъ ссорятся!—всплеснула пухлыми ручками Анна Павловна.—Какъ сойдутся, такъ и сдѣнятся. Бросьте, Флинтъ! Лучше попросите Лизе спѣть арію Вани изъ «Жизни за Царя». Мужъ слыхалъ Лавровскую, но увѣряетъ, что передъ этимъ исполненіемъ и она спасуетъ. Шерочка, спойте! Дуся!..—и она чмокнула Лизу въ щеку.

Лиза замѣтила ироническую улыбку Яшнева и, хмурясь, опять подошла къ роялю. Никогда ей еще не пѣлось такъ, какъ сегодня... Какъ удары молота, упали четыре ноты: «Отоприте!..» И на мощный, властный призывъ открывалась душа слушателей.

Оба Шемаевы сидѣли истуканами. Флинтъ мечтательно прислонился къ косяку окна. Левкевичъ кусалъ губы. Анна Павловна сжимала ручки кресла своими похожими на виноградины пальчиками въ кольцахъ, и даже винтеры, отложивъ карты, подошли на цыпочкахъ къ двери. На улицѣ, съ догоравшей полосой лѣтней зари, стояла уже цѣлая толпа, съ затаеннымъ дыханіемъ слушая эту пѣсню готоваго отдать жизнь за своего царя русскаго сердца.

Яшневъ одинъ продолжалъ иронически улыбаться. Онъ давно былъ побѣжденъ красотою голоса, давно готовъ былъ подъ силой его обаянія повѣрить и словамъ, полнымъ страстной вѣры въ царское величіе, и только громаднымъ усиліемъ воли маскировалъ свое впечатлѣніе.

«Бабство! — думалъ онъ на зло надвигавшейся размягченности:— ишь нюни распустили!—онъ окинулъ всѣхъ злобнымъ взглядомъ черныхъ отцовскихъ глазъ.—Вотъ она, толпа... Надо знать секретъ овладѣть ею, и всѣ, какъ бараны, пойдутъ за тобой... Да, да! непремѣнно и музыку учитывать слѣдуетъ».

На рукоплесканія бывшихъ въ комнатѣ отозвались съ улицы. Лиза вскочила.

— Нѣтъ, это ужасно... Съ меня довольно публичности. Я больше пѣть не стану!—и она ушла въ столовую.

Флинтъ подошелъ къ окну.

— Расходитесь! чего стали? Дикари! — пробурчалъ онъ сквозь бѣлокурые усы.

— Мы ничего, мы только послушали! — отвѣчали голоса.

— Уходите! уходите! — высунулся Мироша. — Чего стоите, идолы!

— Ну, ты, чего фуфыришься! Туды же! въ хоромы пустили, бариномъ себя возмнилъ! — огрызнулась какая-то чуйка, но толпа понемногу стала расходиться.

На террасѣ, выходящей въ садъ, Лиза, разгоряченная и возбужденная, обмахивалась платкомъ на приступочкѣ. Степанъ Шемаевъ подавалъ ей на блюдцѣ стаканъ.

— Успокойтесь, барышня! Брать ихъ прогналъ. Чистые скоты, съ вашего позволенія. А только если вамъ пѣть охота-съ, мы съ братомъ рояль сюда приволокемъ! Сдѣлайте милость, прикажите...

Но Лизѣ были досадны ухаживанія влюбливаго купчика. Ей хотѣлось выслушать миѣніе того, кто одинъ не аплодировалъ ей, одинъ улыбался проницески во время ея арій. Что ей было за дѣло до другихъ?..

Подошелъ Левкевичъ.

— Можно присѣсть? — Онъ сѣлъ на ступеньку у ея ногъ. — Да, я долженъ сознаться, что не помню, когда испытывалъ подобное наслажденіе. Ваше мѣсто въ оперѣ. Вы сразу стали бы знаменитостью. Подумайте, какое блаженство чувствовать себя властительницей надъ людьми, сознавать, что однимъ звукомъ голоса можно заставить цѣлую толпу дѣйствовать сообразно минутному желанію, если хотите, даже капризу?

— Я не властолюбива...

— Ой ли? позвольте усомниться! — раздался насмѣшливый голосъ въ дверяхъ.

— Почему вы думаете? — обернулась Лиза и въ упоръ взглянула на Яшнева. Онъ былъ очень красивъ, гораздо лучше, чѣмъ на фотографіи, которую она помнила съ дѣтства. — Вы видите меня впервые.

— Ошибаетесь. Мы съ вами очень старые знакомые. Я помню васъ еще у кормилицы.

Лиза такъ и вспыхнула.

— Вы помните меня грудной? Значить, вы видали и моихъ родителей?

— Какъ же! Я цѣлую зиму прогостилъ съ братомъ въ Колычевѣ и даже пѣлъ вамъ какія-то польскія пѣсенки... Къ сожалѣнію, ни словъ, ни мотива я не помню...

— А виллу вы помните?

— Отлично. Но она вѣдь сгорѣла, кажется!

— Да, уцѣлѣлъ только подвалъ... Мы дѣтьми какъ-то пробрались туда за щенятами нашей собаки, но далеко забираться боялись. Туда всѣ боятся ходить, а меня такъ онъ интересуеть.

Можно по немъ возстановить весь планъ зданія? Вѣдь туда всѣ боятся ногою ступить, начиная съ тети. А меня этотъ старый домъ страшно интересуетъ. Говорять, это было какое-то чудо?..

— Кажется. Я малъ и глупъ былъ, поэтому судить не могу, да и теперь не придаю значенія обстановкѣ. Помню, что разбилъ мячомъ какую-то вазу и что за это старый камердинеръ грозилъ мнѣ розгами. Какъ его звали?

— Евграфъ!—подказала Лиза.

— Да, да...

Лиза зарумянилась.

— А у васъ развѣ нѣтъ охоты вспомнить старину? Тетя, навѣрно, будетъ вамъ очень рада.

— Съ удовольствіемъ. Меня самого бы заняло взглянуть на ваше пепелище. — Фатъка еще въ прошлый пріѣздъ звалъ меня нанести вашей тетушкѣ визитъ, да я съ важными дамами ненавижу якшаться.

— Ахъ, тетя вовсе не важная. Она воплощеніе простоты. Такъ, значить, вы пріѣдете?

— Счастливецъ!—вздыхнулъ комично Левкевичъ.—Я цѣлый день за Елизаветой Ивановной ухаживаю, а приглашенія не удостоился. А этотъ, что Цезарь...

— Не срамитесь, поручикъ! Цезарь, одерживая свои побѣды, видѣлъ галловъ впервые, а я барышню еще въ колыбелькѣ укачивалъ и пѣлъ ей что-то про Вислу.

— Какъ такъ?—Лиза разсмѣялась.—Нѣтъ, вы непремѣнно должны пріѣхать! А васъ, господа, я тоже всѣхъ приглашаю. Тетя будетъ вамъ очень, очень рада.

Приглашеніе вышло не совсѣмъ ловкое, но настолько желанное, что его сразу приняли и порѣшили въ слѣдующее же воскресенье отправиться цѣлымъ пикникомъ въ Колычево.

Когда гости разошлись и Лиза очутилась наверху въ отведенной ей комнатѣ, она распахнула настежь окно и усѣлась на подоконникѣ. Июльское ночное небо такъ и искрилось и переливало звѣздами. Изрѣдка вспыхивала зарница, за крышами сосѣднихъ домовъ, и на мгновеніе потухали звѣзды и блѣднѣлъ опрокинутый куполь. Откуда-то отрывками доносилась гармоника, и собаки вдругъ заливались затычнымъ лаемъ... Потомъ снова наступала тишина. Лиза думала о встрѣчѣ съ Яшневымъ, и она волновала ее. «Невѣста неневѣстная!» вспомнилось ей. «Или это предсказаніе?» Она вспыхнула. «Фу, какъ глупо! какая я легкомысленная! Поговорила съ мужчиной и уже мечтать о немъ готова?.. Нѣтъ, неправда!.. вовсе не о немъ: о дѣтствѣ, объ отцѣ разспросить, о мамочкѣ...» И она прослезилась.

А внизу на стеклянной террасѣ Анна Павловна дѣлала шопотомъ сцену Левкевичу:

— Гадкій! гадкій! Измѣнникъ! Увидѣлъ свѣженькую дѣвочку и растаялъ. Фланта я согласна уступить ей, а васъ—и думать не смѣйте! А она кокетка... да, да! пустая кокетка! И это наука мнѣ: нечего было вызывать васъ изъ лагеря. И въ Колычево вы не пойдете... Слышите? Я вамъ запрещаю... Дуся!.. Дуся!.. Дуся!..— прибавила она, уже тая отъ нѣжности.

Х.

Просыпается садъ.
Колокольчику въ ладъ
Зазвенѣли цвѣтками лиловыми:
«Выходи! выходи!..»
Чье-то сердце въ груди
Застучало надеждами новыми.
«Это онъ... Это онъ!..»
А малиновый звонъ
Ближе, ближе поетъ, заливается.
Позабыта печаль,
И узорная шаль
На ступеняхъ крыльца развѣвается...

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

— Ничего, что я ихъ всѣхъ пригласила?—спрашивала Лиза тетку по возвращеніи въ Колычево.

— Ничего, конечно! Только ты ужъ сама позаботься, чтобы гости не скучали. Мнѣ не до того.

Дѣйствительно, Александра Николаевна почти не бывала дома. Были послѣднія числа іюля, и въ полѣ шла дѣятельная уборка. Хотя запашка была и не особенно велика, но собственными силами было не управиться и приходилось по обыкновенію созывать «помочь», что и было условлено съ колычевскими бабами заранѣе.

Но въ одно прекрасное утро на барскій дворъ явился Михалка и потребовалъ свиданія съ генеральшей.

— А я къ милости вашей!—развязно заявилъ онъ.

— Что скажешь?—спросила Сотова, «тыкая» по старой памяти правнука бывшаго камердинера.

— А такъ что наслышаны мы, что помочь вамъ требуется. Вотъ я и зашелъ предложить себя.

— Какъ такъ? развѣ ты жать умѣешь?

— Наилучшимъ образомъ!—усмѣхнулся Михалка:—и не токмо жать, а и снопы вязать, да не жгутомъ соломеннымъ а проволокой.

— Ничего не понимаю. Какой проволокой?

— А такъ, по-аглички. Потому случай мнѣ вышелъ у помѣщика Рикина американскую машину, жнею-сноповязалку за должокъ евоный себѣ пріобрѣсти, ну, и хочу, значить, изъ нея профитъ извлечь. Въ одинъ день, значить, мы у васъ духомъ все соберемъ, съ

чѣмъ вы и въ недѣлю не управитесь. И недорого возьму, всего полторы красненькихъ въ день.

— Сколько же времени ты работать будешь? Вѣдь это мнѣ дорого встанетъ.

— Да не дороже помочи. Вы подсчитайте. Однѣми деньгами, что бабамъ отдать придется, да закуски, да сласти, да вино. А тутъ, ну, недѣлю проработаемъ... Зато чисто и безъ возни.

— Нѣтъ, я ужъ съ бабами стоворилась. Въ будущемъ году другое дѣло, а нынче не могу. Я слово держать привыкла.

— Какъ угодно-съ!—И Михалка тутъ же, еще не выйдя изъ комнаты, дерзко напялилъ картузь.—Счастливо оставаться!..

Сотова вспыхнула. Уже давно тонъ Михалки ей не нравился, но безъ скупщика было не обойтись. Онъ былъ ея посредникомъ въ сношеніяхъ съ масляными лавками въ Москвѣ и велъ дѣло выгодно и ловко. Кромѣ того, онъ имѣлъ много точекъ соприкосновенія съ усадьбой, и Александра Николаевна его немножко начинала побаиваться. Еще недавно онъ выпросилъ у нея въ аренду ту часть запущеннаго парка, которая была теперь отрѣзана вновь проложенной имъ колеєю, пообѣщавъ чуть не клятвенно не вырубать ни одного дерева.

— Не извольте беспокоиться, это я арендую не изъ корысти, а для своего блезиру, чтобы гулять дѣтямъ было гдѣ. И онъ дѣйствительно расчистилъ давно заросшія дорожки, но тутъ же сразу на мѣстѣ своей собственной усадьбы онъ началъ новую стройку.

Съ женою Михалки, Авдотьею Тарасовной, Сотова встрѣчалась каждый праздникъ въ церкви, ласково отвѣчала на ея почтительное «здоровканье» и гладила бѣловолосыя головенки дѣтишекъ. Кривыя ножки дѣвочки заставили ее однажды дать совѣтъ матери сажать ребенка въ горячій песокъ и дѣлать ванны изъ морской соли, и Евграфиха съ благодарностью приняла это къ свѣдѣнію.

Черезъ день послѣ визита Михалки Александра Николаевна послала на село за помощью, но оказалось, что всѣ бабы были подряжены на спѣшную работу Михайлой Демьянычемъ. Сотова разсердилась не на шутку.

— Этого еще не хватало! Онъ не мытьемъ, такъ катаньемъ хочетъ вынудить меня плясать по своей дудкѣ?

Она послала Арефія въ городъ подрядить работницъ на базарѣ, но ихъ оказалось мало, да и работали онѣ скверно.

Однако Сотова рѣшила все-таки не сдаваться.

Въ такомъ настроеніи приѣздъ названныхъ гостей былъ не особенно кстати, но мысль, что отказъ огорчитъ Лизу, разглаживала морщины на миловидномъ до сихъ поръ лицѣ тети Саши. А Лиза сама полола дорожки и цвѣтникъ. Ей хотѣлось показать свое Коломичево въ возможно блестящемъ видѣ, и Митя вставалъ нарочно

пораньше и тоже подстригалъ изгородь и расчищалъ доступъ къ подвалу.

Когда упала послѣдняя защищавшая входъ вѣтка и была отколочена старая полусгнившая дверь, они вдвоемъ спустились по шаткимъ ступенькамъ. На нихъ пахло грибной сыростью и летучая мышь, словно мѣшокъ, свалилась съ потолка. Митя отшвырнулъ ее ногою въ уголь.

— Ишь, гадина! Какъ она сюда попала?

— Вѣрно, черезъ щель.

— Неужто вы, барышня, туда дальше отважитесь? Вонъ Михайло Демьянычъ сказываютъ, что тутъ стараго барина не разъ видывали. Все онъ кругомъ ходитъ да домъ сгорѣвшій ищеть.

Лиза пожала плечами.

— Какіе пустяки! Вѣдь помнишь, вошли же мы съ тобой туда за щенятами.

— Мы съ вами дѣтьми были. У насъ еще ангельская душа тогда была... А теперь я ни въ жисть туда дальше не ступлю.—И Митя, торопливо перекрестившись, поднялся обратно.

Лизѣ тоже неволью стало жутко, и она прибавила шагу и снова дѣятельно взялась за скребокъ.

Одна Кирилловна хмурясь глядѣла на эти приготовленія.

— Тетеньку жалѣтъ надо! У нея и такъ заботъ полно въ ротъ, а ты гостей созываешь... Пирожки-то съ чѣмъ дѣлать?—прибавила она уже мягко:—со всѣмъ или односортные?..

Когда изъ-за косогора послышались первые звуки колокольчиковъ, тетя Саша только еще кончала одѣваться. Со вздохомъ облеклась она въ свой воскресный нарядъ. Обѣдню она сегодня пропустила, чтобы избѣжать встрѣчи съ Михалкой. Все равно молитва до Бога не дойдетъ, разъ сердце озлоблено,—и она заперлась въ образной. Прочтя положенное на день евангеліе, она раскрыла четью-минею въ старомъ кожаномъ переплетѣ. Знакомый шрифтъ, образный языкъ, шуршанье старыхъ орденскихъ закладокъ успокоительно подѣйствовали на нервы. Кротко теплилась восковая свѣчка у аналоя, и ровно горѣли огни въ разноцвѣтныхъ лампадахъ, отражаясь въ стеклахъ кіотовъ и въ алмазахъ, изумрудахъ и аметистахъ старинныхъ окладовъ. Это были броши и серьги ея бабушекъ и прабабушекъ. Она и сама передѣлывала въ свое время кое-что изъ своихъ драгоценностей на вѣнчики и оплечья ризъ, но это было раньше: теперь она бережно хранила остатки для Лизы въ приданое.

Подѣхала первая разубранная лентами и бляхами тройка; изъ экипажа вышли супруги Адриановы и братья Шемаевы.

— Офицеры отстали!—радостно сообщилъ Степаша.

— Еще бы имъ за нашимъ коренникомъ угнаться!—хвастиливо добавилъ Миронъ.

— А Яшневы?—спросила Лиза.

— О нихъ ничего не знаемъ,—мы съ той поры не видѣлись.

День ли вдругъ померкъ, холодкомъ ли потянуло,—только сразу скучно стало, и Лизѣ пришлось сдѣлать надъ собою усилие, чтобы не выдать своего разочарованія. Она, однако, старалась быть любезной хозяйкой, и гости остались очень довольны. Послѣ обѣда рѣшили осмотрѣть подваль; но едва дошли до половины дороги, полилъ дождь и пришлось спѣшно вернуться въ комнаты. Лиза шла рядомъ со Степашей, ногъ подъ собою не слышавшимъ отъ счастья, ощущая на своей рукѣ, какъ святыню, ея загорѣлую ручку.

— Видно, не судьба мнѣ,—говорила задумчиво дѣвушка,—попасть въ родное гнѣздо! Подумайте, я родилась тамъ, въ этомъ сторѣвшемъ домѣ, вижу каждый день тѣ ступеньки, по которымъ меня грудную сносили въ садъ, и не могу даже себѣ представить, какъ выглядѣла эта вилла. Василій Игнатьевичъ обѣщалъ указать мнѣ ея старый планъ и на мѣстѣ объяснить расположеніе комнатъ, и, конечно, забылъ о своемъ обѣщаніи.

— Хотите, я ему напомню и потороплю его пріѣхать?

— Да его въ городѣ нѣтъ,—вмѣшался Мироша.—Онъ въ «губерніи» о мѣстѣ хлопочетъ. Отецъ его нарочно въ отставку подалъ, чтобы сыну свою должность земскаго здѣшняго врача уступить.

У Лизы радостно упало сердце.

— Значить, и наша колычевская больница, которую, земство у тети купило, тоже въ его вѣдѣніи будетъ.

— А то какъ же? Это главный больничный пунктъ и будетъ, такъ и на послѣднемъ собраніи порѣшили.

— Вотъ и отлично,—замѣтила Александра Николаевна:—я его еще мальчикомъ, этого Васеньку, помню. Онъ премилый.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Флинтъ:—вы его съ братомъ спутали. Онъ далеко не милый.

— Еще бы! вы его не терпите! исторія извѣстная!—усмѣхнулась кокетливо Анна Павловна.

— За что же?—спросила Лиза, сразу почувствовавъ антипатію къ бѣлокурому поручику.

— А за то, что это волкъ въ овечьей шкурѣ.

— Чистая фантазія!—пожалъ плечами Петръ Петровичъ.—Врачъ онъ во всякомъ случаѣ прекрасный, я на себѣ испыталъ.

— Просто Флинту досадно, что еще новый соперникъ въ Горекѣ ему явится, и барышни не его одного умными рѣчами упиваться будутъ,—подлил яду Левкевичъ, особымъ умственнымъ багажомъ не славившійся...

Небо прояснилось, и подали экипажи. Когда стихъ послѣдній отзвукъ колокольчиковъ удалявшихся троекъ, Лиза всплеснула руками.

— Господи, а школа? Я опять забыла переговорить съ Адриановымъ!

— Не бѣда, еще успѣешь.

— Ахъ, мнѣ такъ стыдно жить безъ дѣла! Позволь мнѣ хоть по хозяйству помогать тебѣ, теточка?

— Полно! я еще не такая развалина. Веселись, пока можно. Мнѣ не трудно, если бы только не эти непріятности.

А непріятности продолжались. Погода испортилась окончательно, и уборка затягивалась. Арефій почесывалъ затылокъ.

— Эхъ,—говорилъ онъ по секрету женѣ своей,—и напрасно барыня Евграфову отказали: давно бы ужъ убравшись были, а теперь откуда я батрачекъ возьму? Колычевки его пуще огня боятся. Онъ у нихъ весь лень и всю кудель впередъ скупилъ и цѣны полоторныя посулилъ, а которая его слушается, у той ни волокна не возьметъ. И мужикамъ ведро поставилъ, чтобы, знамо, они бабъ къ намъ не пущали.

— А не сказать ли барынѣ, чтобы и она имъ другое поставила? Они, Евграфово-то слакавъ, давно, поди, и обѣщаніе свое позабыли, а тутъ на свѣжее-то, небось, такъ и накинутся.

— А ты поди, сунься-ка съ этимъ къ генеральшѣ! Она тебя такъ отпоетъ...и не подступишься.

— Такъ ты не къ самой, пусть Танька барышнѣ расскажетъ, а та ужъ домекнется, какъ тетеньку уломать...

И Таня, раздѣвая вечеромъ барышню, сообщила и разъяснила ей настоящее положеніе дѣла. Лиза тотчасъ же вихремъ влетѣла къ лежавшей въ постели теткѣ.

— Какая гадость! какая гадость!—Подумай, мужики изъ-за водки насъ разорить согласились! — выпалила она, забираясь на кровать Александры Николаевны и натягивая на голыя ножки свою короткую юбочку. Вѣдь—это неблагодарность! И какой мерзавецъ этотъ Михалка! Вѣдь онъ кругомъ grand oncle Арсенію обязанъ.

— Въ чемъ дѣло? что съ тобой?—удивилась тетка.

Лиза передала разговоръ съ Таней.

— И знаешь, тетя, онъ поклялся, что выживетъ насъ отсюда, и что Колычево все перейдетъ въ его руки.

— Пустяки! Какъ это онъ сдѣлать можетъ? Если онъ будетъ продолжать такъ бахвалиться, я напишу губернатору, его живо урезонять въ кутузкѣ,—отвѣчала Сотова, все еще блаженно вѣровавшая въ прежніе устои.

— Ахъ, теточка! я сама не знаю, почему я такъ боюсь его. Но ты все-таки поставь мужикамъ ведро водки.

— Полно, Лиза! развѣ это дворянское дѣло на такія вещи пускаться.

— Такъ возьми тогда его машину. Зачѣмъ ты отъ нея отказалась?

— Ну, нѣтъ! Я теперь хоть и въ затрудненіи, но отъ слова моего и впредь не откажусь. Разъ я обѣщала бабамъ,—я не могла входить въ сдѣлку съ Михайлой. Ну, а теперь довольно. Иди спать. Меня эти разговоры только волнуютъ. Мнѣ спать пора. Завтра погода разгуляется, такъ мнѣ на цѣлый день работы хватить...

На другой день погода дѣйствительно разгулялась. Александра Николаевна велѣла заложить одноколку и приготовить корзинку со съѣстными.

— Къ обѣду меня не жди!—крикнула она изъ воротъ Лизѣ:—я поздно возвращусь.

Лиза со вздохомъ вернулась въ комнаты. Подошла къ флють-гармоніи, взяла два-три аккорда,—нѣтъ, не игралось.

«Попѣть развѣ?—она стала перебирать ноты. — Что бы спѣть такое?»

Все надоѣло...

«Да, что это было такое хорошее, о чемъ мнѣ сегодня ночью вспомнилось? Письмо Дашевой?.. Ахъ, нѣтъ! Таня мнѣ между прочимъ вчера вечеромъ сообщила, что больницу отстраивать начали и что молодой Яшневъ назначенъ дѣйствительно на мѣсто отца. Значить, онъ скоро пріѣдетъ...»

М. Г. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Князь Кугушевъ.—Редакторъ «Русскаго Вѣстника», Н. А. Любимовъ.—Его положеніе у Каткова.—Случай съ польскимъ піанистомъ.—Поѣздка въ провинцію.—Помѣщичья жизнь того времени.—Семья Обуховыхъ.—Софья Андреевна Бахметьева (графиня Толстая).—Ея братья.—Первая встрѣча моя съ членами этой семьи.—Пребываніе въ Воеводскомъ.—Великосвѣтская хиромантка.—Исполнившееся предсказаніе.

ПАНОВСКАГО я встрѣчала тоже литератора, пользовавшагося въ то время относительнымъ успѣхомъ, а именно князя Кугушева, автора «Корнета Отлетаева», стяжавшаго себѣ такую прочную извѣстность благодаря передѣланной изъ повѣсти пьесѣ, въ которой былъ такъ художественно хорошъ В. П. Далматовъ.

Кугушевъ былъ очень образованный и очень милый человѣкъ, всегда готовый на службу каждому, и единственнымъ его недостаткомъ являлась его претензія на красоту, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ уродливо нескладенъ и совершенно почти горбатъ.

У Пановскаго же я познакомилась и съ семействомъ Любимовыхъ, глава котораго, профессоръ Николай Алексѣевичъ, былъ редакторомъ «Русскаго Вѣстника», въ лучшую пору этого интереснаго журнала. Любимовъ былъ человѣкъ заурядный, умный и образованный въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы не испортить никакого ввѣреннаго ему дѣла, но неспособный что-либо создать, усовершенствовать или преобразовать. Софья Петровна Каткова, имѣвшая даръ подчасъ такъ похвалить человѣка, что ея похвала была хуже любой злой критики, говорила о Любимовѣ:

«Николай Алексѣевичъ именно то, что нужно мужу! Онъ всегда пойметъ все, что скажешь и растолкуешь ему Михаилъ Никифоро-

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХV, стр. 395.

вечь, всегда все аккуратно исполнить, и никогда ничего отъ себя не выдумаетъ!»

Эта полная неспособность что-либо «отъ себя выдумать» красной чертой прошла черезъ всю жизнь въ сущности симпатичнаго и, главное, совершенно безобиднаго Любимова. Къ нему дружески относились всѣ сотрудники редактируемаго имъ журнала, но никто изъ нихъ не считался съ его мнѣніемъ; его очень уважалъ Катковъ, но серьезно требовалъ отъ него одного только подчиненія; его, какъ профессора, относительно любили студенты, но ни одинъ изъ нихъ не признавалъ ни въ чемъ его авторитета. Словомъ, это было чело-вѣкъ безъ всякой опредѣленной фізіономіи и безъ всякихъ опредѣленныхъ мнѣній, и никто такъ мѣтко не характеризовалъ его, какъ Соллогубъ, сказавшій, что «Николай Алексѣевичъ Любимовъ не живетъ, а только отсвѣчиваетъ».

Не жилъ, а тоже «только отсвѣчивалъ» Н. А. Любимовъ и у себя дома, гдѣ полной хозяйкой во всемъ была его жена, а онъ имѣлъ право только слушаться ее безъ возраженій. Жена Любимова была женщина пустая, легкомысленная и очень недалекая и, въ свою очередь, находилась въ безусловномъ подчиненіи у своей сестры, очень бойкой молодой особы, проповѣдывавшей самыя крайнія передовыя идеи и считавшей за «позоръ» службу своего зятя у Каткова, несмотря на то, что служба эта была единственнымъ средствомъ существованія всей семьи. Скромнаго профессорскаго жалованія не достало бы и на три мѣсяца того существованія, какое вели любимовскія барыни, и плохо пришлось бы имъ, ежели бы не тотъ «позоръ», подъ игомъ котораго такъ громко роптала бойкая молодая особа.

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ не особенно высоко цѣнилъ Любимова и признавалъ его «безобидной посредственностью», что на языкѣ этого серьезнаго и глубокаго чело-вѣка было равносильно полнѣйшему ничтожеству. Въ довольно частой оппозиціи былъ Леонтьевъ и съ женой Каткова, которая всегда стремилась играть роль въ дѣлахъ мужа, чего Леонтьевъ не допускалъ, строго ограничивая ея власть одними только хозяйственными распоряженіями. Въ числѣ сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника» была сестра Софьи Петровны, старая княжна Шаликова, писавшая повѣсти, ежели не ошибаюсь, подъ псевдонимомъ «Ольги Н.». Повѣсти эти, всегда очень грамотно написанныя, живого таланта не обнаруживали, и таксировалъ ихъ Катковъ не особенно дорого, что не на шутку обижало Софью Петровну, не хотѣвшую понять, какъ ея мужъ могъ новымъ, совершенно неизвѣстнымъ сотрудникамъ платить дороже, нежели онъ платилъ ея родной сестрѣ? На подобнаго рода претензіи Катковъ, со свойственной ему неподкупной справедливостью, возражалъ, что какъ сестрѣ ея онъ готовъ всегда выдать княжнѣ Шаликовой нѣсколько тысячъ въ помощь и поддержку, но только лично онъ,

а не редакція, для которой княжна является второстепеннымъ сотрудникомъ. Вообще справедливъ Катковъ былъ, ежели можно такъ выразиться, до педантичности, и въ теченіе всего долготѣтнаго нахожденія его во главѣ крупнаго литературнаго дѣла не было примѣра, чтобы онъ пристрастно отнесся къ сотруднику или помогъ узурпаціи чьихъ бы то ни было правъ. Его вѣчнымъ и непоколебимымъ девизомъ было: «правда прежде всего», и противъ этой аксіомы онъ никогда не погрѣшилъ.

Мнѣ лично памятенъ слѣдующій характерный случай, въ которомъ я явилась до нѣкоторой степени дѣйствующимъ лицомъ. Въ бытность свою фельетонистомъ «Московскихъ Вѣдомостей» Пановскій иногда нѣсколько легкомысленно относился къ дѣлу, и обѣщаль подчасъ свою поддержку тамъ, гдѣ оказать ее былъ не въ силахъ.

Между тѣмъ ему вѣрили, на данныхъ имъ обѣщаніяхъ люди основывали серьезныя надежды, и, что главное, иногда непосильно тратились, чтобы отплатить за поддержку, которой впоследствии не получали. Отсюда масса непріятныхъ осложненій и недоразумѣній, которыя всегда выводили изъ терпѣнія Леонтьева и сильно смущали Каткова. Въ числѣ лицъ, временно принятыхъ Пановскимъ подъ исключительное покровительство, оказался молодой піанистъ Іодко, полякъ по происхожденію, человѣкъ, дѣйствительно, очень талантливый, но который, въ силу своей національности, никоимъ образомъ не могъ рассчитывать на поддержку Каткова, фанатически ненавидѣвшаго все, что отзывалось Польшей. Всѣ это хорошо знали, и непостижимо, какъ могъ не знать этого самъ Іодко; но какъ бы то ни было, онъ повѣрилъ обѣщаніямъ Пановскаго и въ ожиданіи его статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отсрочивалъ свой концертъ, а тѣмъ временемъ осыпалъ Пановскаго подарками. Человѣкъ онъ былъ небогатый, реклама его, дѣйствительно, довольно крупному таланту сулила ему серьезную поддержку, и въ этомъ свѣтломъ ожиданіи онъ, такъ сказать, впередъ ликвидировалъ ожидаемые барыши. Это было передъ окончательнымъ отъѣздомъ Пановскаго, театральнй фельетонъ былъ уже переданъ мнѣ, и я ожидала передачи и московскаго фельетона, а Пановскій, подчасъ не по годамъ легкомысленный, не останавливался надъ тѣмъ, что оставляетъ за собой нравственные долги, оплатить которые его преемнику будетъ не подъ силу. Такъ онъ и уѣхалъ, оставивъ бѣднаго Іодко въ сладкомъ ожиданіи, а редакцію въ полномъ невѣдѣніи принятыхъ ею на себя обязательствъ.

Я раньше встрѣчала у Пановскаго молодого поляка, ясно видѣла, что между ними существуютъ какіе-то дѣла и расчеты, но какіе именно, не знала, и была немало удивлена и сконфужена, когда уже послѣ выхода двухъ или трехъ моихъ фельетоновъ ко мнѣ явился Іодко и чуть не со слезами сталъ настоятельно просить меня

вспомнить объ немъ и указать, когда именно появится объ немъ статья, послѣ которой онъ рѣшится выступить въ качествѣ концертанта.

Я пришла въ крайнее недоумѣніе. Съ талантомъ г. Іодко я была мало знакома, никакихъ рекламъ вообще не признавала и, кромѣ того, знала, что его, какъ поляка, Катковъ поддерживать навѣрное не станеть.

Я сначала отвѣтила ему довольно неопредѣленно, но, выслушавъ отъ молодого піаниста всю пережитую имъ одиссею, съ перечнемъ всѣхъ, почти непосильныхъ жертвъ, принесенныхъ имъ на алтарь этихъ легкомысленныхъ обѣщаній, пришла въ сильное смущеніе. Мнѣ было отъ души жаль молодого артиста, но помочь ему я была не въ силахъ, и рѣшилась за его полную откровенность, въ свою очередь, заплатить ему такую же откровенностью. Я прямо высказала ему свое убѣжденіе, что Катковъ никакой рекламы о немъ на столбцахъ своей газеты не допуститъ, и что Пановскій легкомысленно злоупотребилъ его довѣріемъ.

Горе молодого человѣка было такъ непритворно и такъ велико, и разрушавшіяся надежды на поддержку такъ много уносили изъ его и, такъ уже невеселой жизни, что мнѣ прямо и жаль и почти стыдно было его слушать, и я въ душѣ порѣшила постараться помочь ему, ничего, однако, ему не говоря объ этомъ впередъ. Надо было знать всю силу печатнаго слова въ тѣ времена, чтобы понять, какимъ образомъ несдержанное обѣщаніе поддержки и рекламы могло довести человѣка чуть не до отчаянія.

Я выбрала первую удобную минуту, когда могла застать Каткова одного въ редакціи, и прямо обратилась къ нему съ просьбой разрѣшить мнѣ поддержать начинающаго, но очень даровитаго піаниста.

Такая просьба удивила его. Онъ никогда не вмѣщивался ни въ похвалы, ни въ порицанія, высказываемыя его газетой, и въ этомъ отношеніи я была вполнѣ самостоятельна.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказалъ онъ мнѣ. — Ежели вы сами его слышали и находите, что онъ хорошій музыкантъ, то почему же его не поддержать?

Я откровенно отвѣтила, что Іодко не только полякъ, но полякъ заядлый, закоренѣлый, одинъ изъ тѣхъ, у которыхъ нашимъ правительствомъ отняты и конфискованы были всѣ имѣнія, и который, несмотря на все пережитое, продолжаетъ непреложно вѣрить въ то, что «еще Польша не стинела»!

Катковъ выслушалъ меня съ глубокимъ вниманіемъ и съ нескрываемымъ удивленіемъ. Ему, вѣроятно, въ первый еще разъ пришлось выслушивать просьбу о томъ, чтобы на столбцахъ его газеты нашла себѣ мѣсто хвала коренному поляку.

— Это измѣняетъ вопросъ!.. — отвѣтилъ онъ, когда я закончила свою просительную рѣчь. — Въ такомъ случаѣ вы правы были, что

посоветовались со мной, и въ поддержкѣ «этого» артиста я вынужденъ вамъ отказать.

Такъ рѣшительно Катковъ говорилъ съ нами рѣдко, и благоразуміе требовало молча покориться, но, разъ осмѣлившись, я уже не хотѣла отступать и смѣло и откровенно рассказала ему, какъ стоялъ вопросъ и въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ нему Пановскій.

По лицу Михаила Никифоровича пробѣжала легкая тѣнь.

— Да!.. Это измѣняетъ вопросъ!..—вдумчиво произнесъ онъ.— Въ такомъ случаѣ, это является уже какъ бы уплатой долга, неосторожно сдѣланнаго отъ имени редакціи?.. Что именно было обѣщано этому молодому музыканту?..—спросилъ онъ, поднимая голову.

Я сказала, что Пановскій обѣщаль поддержать и зарплате прокламировать его концертъ и дать лестный отзывъ о пройденной имъ школѣ, для того, чтобы дать ему возможность получить казенное мѣсто въ качествѣ учителя музыки. Это было единственной поддержкой для него въ той помощи, какую онъ оказывалъ старухѣ-матери, какъ и онъ, лишенной всякихъ средствъ.

— Хорошо!.. Поддержите его на этотъ разъ!.. Напишите все, что найдете нужнымъ... но затѣмъ уже больше къ этому вопросу не возвращайтесь!.. Второй уступки я не сдѣлаю!—серьезно сказалъ Катковъ.

Я воспользовалась даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ, и на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ появились слова похвалы и поощренія польскому выходцу. Катковъ былъ олицетворенная справедливость, и въ этомъ отношеніи значительно разнился отъ многихъ своихъ послѣдователей на пути періодической прессы, у которыхъ широковѣщательная реклама возможна и доступна только для людей имъ близкихъ и такъ или иначе дорогихъ.

Около того же времени я встрѣтилась въ Москвѣ съ графомъ Алексѣемъ Константиновичемъ Толстымъ, съ которымъ была знакома раньше, при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ мнѣ пришлось случайно быть въ Нижегородской губерніи, гдѣ у меня оставался клочокъ земли, случайно уцѣлѣвшій отъ громаднаго состоянія, прожитаго моею матерью, принесшей за собой въ приданое 4,000 душъ крестьянъ въ имѣніяхъ, при которыхъ были и фабрики и заводы. Замѣчу мимоходомъ, что такъ спускать свои состоянія и такъ до тла проживаться, какъ дѣлали это богатые бары тѣхъ временъ, въ настоящее время уже не умѣютъ... Кругозоръ уже... Размаха прежняго нѣтъ!..

Когда я съ теткой моею пріѣхала въ нижегородскую глушь, то все новое тамъ встрѣчалось и принималось съ особымъ интересомъ и особымъ усерднымъ почетомъ. Жили помѣщики въ имѣніяхъ своихъ подолгу, скучали безмѣрно, и всякое новое лицо представляло собой серьезный интересъ для скучающихъ обывателей.

Тѣмъ болѣе представило интереса появленіе въ заброшенномъ углу молодой институтки, только что окончившей курсъ Смольнаго монастыря, да къ тому же еще и хорошей музыкантши. Насъ встрѣтили исключительнымъ вниманіемъ, и самыя радушныя и дружескія приглашенія посыпались на насъ, какъ изъ рога изобилія.

Въ числѣ визитовъ, предупредительно сдѣланныхъ намъ, съ цѣлью заполучить насъ къ себѣ, съ особымъ удовольствіемъ встрѣтили мы визитъ жены саранскаго предводителя дворянства, Настасьи Сергѣевны Обуховой, урожденной Саловой, милѣйшей особы, красавицы собой, настоятельно упрашивавшей тетку мою пріѣхать вмѣстѣ со мной въ ихъ имѣніе Воеводское, гдѣ она проживала безвыѣздно вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, бывшимъ кавалергардомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже пораженнымъ тяжелой и неизлечимой болѣзнью, состарившей его прежде времени. Воеводское лежало на границѣ Нижегородской и Пензенской губерній и собирало подъ свою гостепрѣимную сѣнь все, что сосѣднія помѣстья могли вмѣстити и свѣтлаго, и образованнаго, и просвѣщеннаго. У Обуховыхъ, радушно встрѣчаемые хозяевами, собирались и заѣзжіе артисты, и пріѣзжавшіе изъ столицъ помѣщики, и случайно занесенные въ глушь посѣтители, къ числу которыхъ принадлежали мы съ теткой, а равно и постоянно чередовавшіеся члены многочисленной семьи Саловыхъ, состоявшей изъ нѣсколькихъ сестеръ, среди которыхъ старшей и самой красивой была Обухова. Вышедшая замужъ по страстной любви за красавца кавалергарда Николая Петровича Обухова, Настасья Сергѣевна съ горемъ видѣла, какъ на ея глазахъ разрушительная болѣзнь сразу безпощадно поразила ея красавца мужа, отнявъ у него послѣдовательно и молодость, и красоту, и силы, и энергію и къ 38 годамъ сдѣлавъ изъ него живую развалину, съ блѣднымъ, чуть не обезображеннымъ лицомъ, съ полнымъ, непоправимымъ упадкомъ силъ.

Когда я въ первый разъ увидѣла Обухова, медленно передвигавшагося при помощи трѣсти изъ комнаты въ комнату, блѣднаго, худаго, я, на предложенный мнѣ вопросъ о его возрастѣ, прямо и не обинюясь сказала, что ему 70 лѣтъ, а ему въ это время и 40 лѣтъ не было!

Но я отчасти забѣгаю впередъ. Я сказала, что Настасья Сергѣевна предупредительно пріѣхала къ намъ съ личнымъ приглашеніемъ посѣтить Воеводское, и мы были такъ очарованы ея любезностью, что охотно откликнулись на ея приглашеніе. Она, между прочимъ, сообщила намъ, что у нихъ гостятъ ея двѣ сестры, пріѣхавшія изъ Пензы, и, кромѣ того, нѣсколько человѣкъ сосѣдей.

— Вы не соскучитесь,—любезно сказала она, обращаясь ко мнѣ.—Я увѣрена, что вы не соскучитесь и не откажете провести у насъ нѣсколько дней. И мой мужъ очень желаетъ познакомиться съ вами, онъ боленъ, и самъ въ веселой суетѣ молодежи участія не при-

нимаетъ, но онъ страстно любить жизнь и движеніе, и тогда только счастливъ и покоенъ, когда кругомъ него идетъ шумъ и гамъ. Мы, здоровые, иной разъ не выдерживаемъ той возни, какую молодежь устраиваетъ въ его кабинетѣ и смежныхъ съ нимъ комнатахъ, а онъ въ восторгѣ и, издали любуясь на нихъ, самъ шумить и хохочетъ вмѣстѣ съ ними. Да и не онъ одинъ, а всѣ нетерпѣливо ждутъ васъ, и всѣ вамъ будутъ рады, но больше и усерднѣе всѣхъ ждетъ васъ нашъ ближайшій сосѣдъ и почти безвыѣздный гость нашъ, Николай Андреевичъ Бахметьевъ, душа и нервъ всего нашего общества. Безъ него мой мужъ почти существовать не можетъ, и мы всѣ привыкли къ нему, какъ къ родному. Суета онъ страшная, неугомонень, какъ бѣсъ, но зато вноситъ съ собою жизнь всюду, куда входитъ. Мужъ называетъ его «першетуумъ мобиле», и въ самомъ дѣлѣ, онъ, какъ будто, разрѣшилъ задачу вѣчнаго движенія. Онъ интересуется всѣмъ, занять всѣми общими дѣлами и общими интересами, и ваше появленіе среди нашихъ провинціальныхъ дебрей заняло и оживило его выше всякаго выраженія! Онъ собирался даже вмѣстѣ со мной ѣхать приглашать васъ, да мужъ его остановилъ, шутливо замѣтивъ, что это его скомпрометируетъ. И все-таки вы увидите, что онъ ухитрится встрѣтить васъ прежде всѣхъ, и съ первой минуты прикомандируется къ вамъ, какъ безсмѣнный ординарецъ. О, нашъ «Коляша»—мы всѣ его такъ называемъ—неподражаемый человѣкъ! Злиться на него подчасъ можно невыразимо, но не полюбить его нельзя!

Прощаясь съ нами, Настасья Сергѣевна просила назначить день нашего приѣзда въ Воеводское, обязательно предложивъ выслать на подставу лошадей, такъ какъ разстояніе было слишкомъ велико для того, чтобы проѣхать его разомъ.

Въ назначенный день мы отправились въ путь, и на половинѣ дороги, дѣйствительно, нашли ожидавшую насъ подставу, въ щегольскомъ экипажѣ, такъ что свой экипажъ намъ пришлось, вмѣстѣ съ лошадьми, отправлять назадъ въ имѣніе. Сопровождавшій кучера лакей сообщилъ намъ, что насъ будутъ ждать къ обѣду и что баринъ приказалъ отнюдь не подавать на столъ до нашего приѣзда. Приходилось ѣхать очень быстро, чего тетка моя до смерти боялась, но что лично мнѣ доставляло неописуемое удовольствіе.

Въ Воеводскомъ тѣмъ временемъ, какъ намъ потомъ со смѣхомъ подробно разсказывали, шли неимоверныя приготовленія къ нашему прибытію. Дѣлалось это потому, что до смерти скучавшему въ деревнѣ больному Обухову давнымъ-давно надоѣли не только всѣ постоянные жители этой мѣстности, но и всѣ приѣзжіе, періодически появлявшіеся изъ Москвы и почти никогда изъ Петербурга, который Обуховъ любилъ какую-то завѣтной, безнадежной любовью, съ горемъ сознавая, что связь его съ родной ему столицей утрачена для него навсегда.

Волновался Обуховъ, заодно съ нимъ волновался и Бахметьевъ, дѣйствительно, принимавшій живо къ сердцу все то, что касалось жизни въ Воеводскомъ, но помимо этого и прирожденное любопытство не давало покоя «Коляшѣ», жаждавшему взглянуть на «восьмое чудо», какъ, по ему одному извѣстнымъ причинамъ, сразу недружелюбно окрестилъ онъ меня. Какъ презусъ всѣхъ событій и главнокомандующій всѣхъ распоряженій, Бахметьевъ и въ буфетѣ побывалъ нѣсколько разъ, самолично инспектируя сервировку, и съ ключницей раза два поспорилъ относительно приготовленныхъ фруктовъ и десерта, и часы всѣ въ домѣ по нѣсколько разъ провѣрилъ и перевелъ, и въ концѣ концовъ, находя, что мы запоздали, и не зная границъ своему непостижимому нетерпѣнью, онъ отправился къ церкви и залѣзъ на колокольню для того, чтобы первому увидеть наше прибытіе. Надъ этимъ послѣднимъ распоряженіемъ Настасья Сергѣевна хохотала, какъ сумасшедшая, а Николай Петровичъ грозилъ, что расскажетъ намъ, какъ нетерпѣливо насъ ждалъ неутомный «Коляша».

Вотъ, наконецъ, вдали показался нашъ экипажъ, Бахметьевъ встрепенулся и торопливо ринулся внизъ по лѣстницѣ, спѣша возвѣстить въ домѣ о нашемъ приближеніи. Но при этомъ случился совершенно непредвидѣнный казусъ... Въ торопливомъ бѣгствѣ своемъ внизъ съ колокольни Бахметьевъ зацѣпился ногою за веревки, протянутыя къ колоколамъ, и могъ бы полетѣть и разбиться вдребезги, но, по счастью, успѣлъ высвободить ногу и только задѣлъ за канатъ большого колокола. Раздался громкій и торжественный звонъ. Испугавшись такого неожиданнаго благовѣста и наскоро желая вправить веревку на мѣсто, Бахметьевъ задѣлъ всѣ сосѣднія веревки... Раздался нестройный, но громкій благовѣсть во всѣ колокола, заслышавъ который, крестьяне бросились изъ своихъ избъ, принявъ это за набатъ и почему-то воображивъ себѣ, что горитъ церковь. Поднялась паника... Улица наполнилась народомъ, и среди этой шумной и невѣроятной путаницы, подъ звонъ колоколовъ и по пути разсѣкая толпу перепуганнаго набатомъ народа, мы торжественно въѣхали въ Воеводское.

Это триумфальное прибытіе помогло нашему быстрому сближенію со всѣмъ обществомъ. Мы встрѣтились, всѣ падая отъ хохота, и герой этого необычайнаго событія, бѣдовый «Коляша», такъ съ первой минуты и получилъ отъ меня прозвище «звонаря моего величества».

Съ «звонаремъ» своимъ я вскорѣ не только познакомилась, но прямо-таки подружилась, и онъ, знакомя меня со всѣми наличными членами собравшагося въ Воеводскомъ общества, тутъ же, попутно, передалъ мнѣ кратцѣ и личную свою біографію. Оказалось, что, кромѣ женатаго брата, на нѣсколько лѣтъ моложе его, у него была еще сестра, представлявшая собою, по его словамъ, верхъ человѣ-

ческаго совершенства и одаренная такимъ голосомъ, которому подобнаго въ мірѣ нѣтъ.

Сестра эта оказалась не кто иная, какъ Софья Андреевна Бахметьева, по мужу Миллеръ, впоследствии вышедшая замужъ за графа Алексѣя Константиновича Толстого.

Въ моментъ моего перваго знакомства съ «Коляшей» Софья Андреевна жила уже отдѣльно отъ мужа, и близость ея съ графомъ Толстымъ не была уже ни для кого тайной; но когда мнѣ, мѣсяць спустя, пришлось съ ней встрѣтиться, опять-таки у Обуховыхъ, то она находилась, такъ сказать, въ переходномъ состояніи между тѣмъ, чѣмъ она была до знакомства своего съ графомъ, и тѣмъ, чѣмъ стала послѣ брака своего съ нимъ. До брака своего съ Миллеромъ, а также и позднѣе, когда она пріѣзжала лѣтомъ въ деревню, она ѣздила на охоту верхомъ по-мужски, на казацкомъ сѣдлѣ, и охотилась, какъ самый заправскій и опытный доѣзжачій. Всѣ въ окрестности помнили ее съ нагайкой въ рукахъ, съ ружьемъ за плечами,носящейся во весь опоръ по полямъ, увлекаая за собой свою невѣстку, жену меньшаго брата, очень женственную и очень безцвѣтную особу, которая сама пугалась себя во всѣхъ этихъ охотничьихъ атурахъ.

Пѣла Софья Андреевна, дѣйствительно, какъ ангель, и я понимаю, что, прослушавъ ее нѣсколько вечеровъ сряду, можно было безъ ума влюбиться въ нее и не только графскую, а царскую корону надѣтъ на ея бойкую головку.

Впоследствии мнѣ ее неоднократно приходилось слышать, и каждый разъ это было для меня новымъ наслажденіемъ. Софья Андреевна была очень милая, очень развитая и очень начитанная женщина, отличавшаяся нѣкоторымъ самолюбіемъ, но самолюбіе это имѣло столько оправданій, что охотно прощалось ей.

Въ моментъ перваго знакомства моего съ этой интересной семьей они всѣ цѣликомъ собрались въ Воеводскомъ, что дало мнѣ возможность познакомиться почти со всѣми членами семьи разомъ. Кромѣ младшей, впоследствии вышедшей замужъ за Кривцова, въ то время не замужемъ была только одна изъ Саловыхъ, Авдотья Сергѣевна, которую всѣ въ семьѣ называли Душей. Изъ остальныхъ сестеръ, кромѣ старшей хозяйки дома, одна была замужемъ за Беклемишевымъ, другая за Протопоповымъ, третья была замужемъ за границей, и фамиліи ея я не помню. Изъ братьевъ налицо не было ни одного. Всѣ были на службѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ, ежели я не ошибаюсь, позднѣе занималъ очень видное мѣсто по инженерной части. Но рѣчь не о нихъ, а о Душѣ, встрѣча съ которой запечатлѣлась у меня въ умѣ очень замѣчательнымъ событіемъ.

Это была любимица отца и матери, страшно ее баловавшихъ, и хотя она была далеко не такъ хороша собой, какъ ея старшая сестра Обухова, но въ Пензѣ она слыла красавицей и, какъ богатая невѣста, имѣла массу жениховъ и поклонниковъ. Надъ поклонни-

ками она царила, на жениховъ была чрезвычайно разборчива, и въ общемъ имѣла репутацію большой кокетки и дѣвушки совершенно безсердечной. Не только никто не могъ указать на малѣйшее ея увлеченіе, но и претендовать на ея вниманіе почти никто не смѣлъ, такъ далека она была отъ всего, что могло назваться серьезнымъ романомъ. Она была очень умна, но эгоистка была выдающаяся, и всѣ въ семьѣ какъ-то молча и совершенно незаслуженно уступали ей, признавая ея преимущество надъ всѣми остальными членами семьи. Мать даже слегка побаивалась ея и старалась во всемъ ей угождать. Этому баловству немало способствовало то, что Душа была не особенно крѣпкаго здоровья, а въ силу окружавшаго ее баловства склонна была еще преувеличивать свою болѣзненность. Одѣвалась она богаче и прихотливѣе всѣхъ своихъ сестеръ, мѣняла въ день по нѣсколько туалетовъ и дѣлала все это даже не изъ любви къ нарядамъ, а по какому-то странному желанію своей роскошью и выставляемымъ на видъ богатствомъ возбуждать въ окружающихъ чувство зависти и досады. Въ общемъ это была личность блестящая, эффектная, но очень мало симпатичная.

Самъ Обуховъ даже, вокругъ котораго сосредоточивались и всеобщія заботы и всеобщее желаніе угодить ему, слегка, какъ будто, побаивался гордой и властной Души и шутя называлъ ее «королевой». Относительно меня она съ первой минуты стала въ какое-то оборонительное положеніе, какъ будто мое появленіе въ средѣ этого новаго для меня кружка чѣмъ-то угрожало завоеванному ею авторитету. Обуховъ, напротивъ, съ первой встрѣчи окружилъ меня лаской и вниманіемъ и заранѣе объявилъ женѣ, что день моего отъѣзда изъ Воеводскаго будетъ для него днемъ искренняго горя.

Эту симпатію ко мнѣ раздѣлялъ и «звонарь моего величества», неугомонный «Коляша», относившійся къ «королевѣ» съ какимъ-то явнымъ протестомъ. Онъ уступалъ ей меньше всѣхъ, безпрестанно вступалъ съ ней въ споръ и нерѣдко доводилъ ее чуть не до сердечнаго припадка, чего особенно заботливо боялась ея старушка-мать, неуклонно вѣрившая въ опасную сердечную болѣзнь своей избалованной любимицы. Сама «королева» относилась ко всему окружающему съ равнымъ, слегка презрительнымъ равнодушіемъ и всегда высказывала обидное удивленіе по адресу всякаго сердечнаго увлеченія, какъ бы не довѣряя тому, чтобы разумная и уважающая себя личность могла «унизиться» до того, чтобы поддаться глупой страсти. Обуховъ немало спорилъ съ ней по этому поводу и шутя пророчилъ ей, что «пробьетъ и ея часъ», но она съ холодной улыбкой встрѣчала такое предсказаніе и съ полной увѣренностью отвергала всякую возможность его исполненія.

Въ нашихъ шумныхъ полудѣтскихъ играхъ въ горѣлки, въ фанты, въ веревочку и пр. и пр., всегда придумываемыхъ самимъ

Обуховымъ, которому никакой шумъ и никакая возня вокругъ него не мѣшали, Душа принимала участіе рѣдко и всегда неохотно и предпочитала чтеніе, прогулки или болѣе или менѣе серьезныя бесѣды, которыя устранились у насъ въ тѣ часы, когда Обуховъ ложился отдыхать, и въ домѣ временно водворялась необычная намъ всеобщая тишина. Бесѣды эти, душою которыхъ всегда былъ очень начитанный «Коляша», въ изумительной степени обладавшій даромъ слова, бывали очень интересны и нерѣдко переносились и въ кабинетъ Николая Петровича, послѣ его пробужденія.

Одна изъ такихъ бесѣдъ послужила главнымъ поводомъ къ тому инциденту, о которомъ я хочу рассказать. Однажды, когда Обухову особенно понездоровилось и Настасья Сергѣевна, уложивъ его въ неурочный часъ, потребовала отъ насъ полной тишины и полного «угомоша», мы собрались въ угольной комнатѣ, выходившей въ садъ, и, задержанные внезапно хлынувшимъ дождемъ, завели долгую и на этотъ разъ особенно интересную бесѣду. Рѣчь зашла о только что входившемъ въ моду спиритизмѣ и съ него перешла на предчувствія, видѣнія и затѣмъ на гаданія и предсказанія.

Все поочередно сообщали о томъ, что имъ приходилось видѣть или слышать, и только Душа какъ-то сосредоточенно и упорно молчала. На нее этотъ разговоръ какъ бы непріятно подѣйствовалъ.

— Вотъ Душа сама гадать умѣетъ! — опрометчиво воскликнула меньшая изъ Саловыхъ, Наташа, въ то время еще почти ребенокъ.

Сказала и вся покраснѣла, встрѣтившись съ недовольнымъ взглядомъ «королевы», которую прямо-таки боялись, какъ огня.

Мы все пристально взглянули въ сторону Авдотьи Сергѣевны.

— Правда? — разомъ вырвалось изъ всѣхъ устъ.

— Правда, но не совсемъ! — неохотно отвѣтила она. — Наташа не такъ выразилась. Я никакого гаданья не знаю и никакому положительно гаданью не вѣрю. Но я глубоко изучила хиромантію — искусство читать по линіямъ рукъ передано мнѣ одной старой цыганкой, и для меня рука человѣка все равно, что открытая книга. Ни ошибиться, ни отговориться незнаніемъ я не могу... Я все знаю, все могу безошибочно опредѣлить, но никогда почти этого не дѣлаю, и не люблю даже, чтобы объ этомъ говорили...

Такое внезапное откровеніе сильно заинтересовало всѣхъ насъ. Мы все неотступно стали просить Душу взглянуть на наши руки, и она, послѣ долгихъ отказовъ, нехотя взглянула на нѣсколько протянутыхъ къ ней ладоней и сдѣлала нѣсколько общихъ предсказаній. Къ стыду своему должна сказать, что не только въ чужія предсказанія я не вслушалась внимательно, но даже и того, что было мнѣ лично сказано, не запомнила, и не только съ недовѣріемъ отнеслась къ самымъ предсказаніямъ, но, видя тотъ серьезный тонъ, съ какимъ говорила Душа, съ какимъ ее выслушивали кругомъ, прямо и въ упоръ спросила ее:

— Скажите, пожалуйста, Авдотья Сергѣевна! Вѣдь ежели вы по чужой рукѣ такъ безошибочно читаете, то, стало быть, и линіи вашихъ рукъ для васъ ясны и понятны?

Она пристально взглянула на меня и какъ будто смутилась.

— Да!—отвѣтила она:—конечно! Хиромантія наука, а въ наукѣ все положительно, и все подчинено однимъ общимъ законамъ.

— Такъ что вы и свою судьбу безошибочно знаете?...

Мнѣ показалось, что она слегка поблѣднѣла.

— Да... Знаю!..—отвѣтила она, не поднимая головы.

— Это отлично!—разсмѣялась я.—По крайней мѣрѣ для васъ уже нѣтъ впереди никакихъ неожиданностей?

Она съ минуту помолчала.

— Не дай вамъ Богъ такого предвѣдѣнія!...—серьезно и строго произнесла она.—Я многое отдала бы за то, чтобы не знать и не видѣть всего, что я знаю и вижу!

— Что же, вамъ развѣ что-нибудь особенно дурное предстоитъ впереди?

— Да, именно «особенно дурное»... и настолько дурное, что я прямо и опредѣленно выразить даже не могу того, что предрекають мнѣ линіи моихъ рукъ!

— Какъ не можете?.. Вѣдь вы же другимъ говорите все ясно и прямо?

— Да, потому что то, что я вижу на ихъ рукахъ, легко опредѣляется людскими словами, тогда какъ то, что мнѣ готовить судьба, никакому опредѣленію не поддается!

Слова ея глубоко заинтересовали только меня и Николая Андреевича Бахметьева. Всѣ остальные, выслушавъ предсказанія, занялись иными разговорами, а большинство изъ присутствовавшихъ, воспользовавшись разгулявшейся погодой, убѣжали въ садъ.

Я видѣла, насколько разговоръ этотъ взволновалъ и разстроилъ «королеву», и не рѣшалась продолжать его. Мнѣ помогъ Бахметьевъ, отнюдь не раздѣлявшій моего осторожнаго взгляда на вещи. Слова Души его серьезно заинтересовали, и онъ не хотѣлъ и не могъ отстать, пока не удовлетворитъ до конца своего любопытства.

— А измѣнить то, что вы предвидите и предугадываете, не въ вашихъ силахъ?—спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ, какъ не въ силахъ читателю измѣнить содержаніе прочитанной имъ книги!

— Но... что же именно вамъ предстоитъ?—настаивалъ Бахметьевъ съ тѣмъ назойливымъ упорствомъ, съ какимъ онъ одинъ только могъ приставать и настаивать.

Она подняла голову, и меня поразила ея непомѣрная блѣдность. Это было положительно лицо покойника.

— На это я отвѣчать вамъ не могу и не умѣю!..—сказала она.—Я сама разобратся не могу въ томъ ужасѣ, который предназначенъ

мнѣ судьбою. Я такого сплетенія линій никогда не видала и не встрѣчала ни на чьей въ мѣрѣ рукѣ!.. Это не подходит ни подъ одно изъ опредѣленныхъ понятій о бѣдствіи и несчастіи людскомъ! Это и не смерть, а что-то ужаснѣе смерти... И не разореніе, а что-то страшнѣе нищеты и разоренія!! И не горе это, и не отчаяніе... и не самоубійство даже!.. Это страшнѣе и безнадежнѣе самаго страшнаго самоубійства, потому что это что-то длительное, какая-то медленная гибель, которую никто и ничто въ мѣрѣ предотвратить не въ силахъ!.. Точнаго и вѣрнаго срока, когда это должно наступить, я опредѣлить не могу, но знаю, что это уже не такъ далеко отъ меня... и бываютъ минуты полнаго, безповоротнаго отчаянія, когда я положительно чувствую, какъ меня настигаетъ эта страшная, грозная туча!.. Я человѣкъ погибшій, осужденный, обреченный и, къ довершенію всего, глубоко сознающій свою гибель. Теперь вы слышали? — какъ бы съ укоризной обратилась она къ намъ.—Запомните же это, потому что оба вы, вѣроятно, воочію увидите мою гибель, или близко и подробно услышите о ней!

Договоривъ эти вѣщія слова, она встала съ мѣста и, не оборачиваясь, вышла изъ комнаты.

Я молча взглянула на Бахметьева. Онъ задумался, какъ и я. Только что произнесенныя слова, видимо, потрясли и его крѣпкіе нервы.

— Вздоръ все это... болѣзненное напряженіе нервной системы!— проговорилъ онъ, какъ бы въ успокоеніе самому себѣ, и затѣмъ прибавилъ:

— А нервно она больна не на шутку, наша грозная «королева»... Я думалъ, что это пустое попусценіе, а она на самомъ дѣлѣ больна!..

Разговоръ этотъ на тотъ разъ тѣмъ и кончился, и всѣ мы скоро забыли и о гаданіяхъ, и о всевозможныхъ предсказаніяхъ. Жизнь вошла въ свою обычную колею, и, уѣзжая изъ Воеводскаго и навсегда прощаясь съ Обуховыми, съ которыми мнѣ, дѣйствительно, въ жизни болѣе встрѣтиться не пришлось, я меньше всего помнила о Душѣ съ ея мрачными предчувствіями и пророчествами.

Прошли года. Мы временно основались въ Петербургѣ, и мое случайное пребываніе въ Пензенской и Нижегородской губерніяхъ совершенно ступсвалось въ моей памяти, когда однажды, вернувшись домой, мы съ теткой увидели визитныя карточки, несказанно насъ удивившія. Оказалось, что безъ насъ къ намъ пріѣзжалъ Николай Андреевичъ Бахметьевъ, который поручилъ передать намъ, что онъ сожалѣеть, что не засталъ насъ дома, и что онъ обязательно заѣдетъ опять на слѣдующій день, такъ какъ вечеромъ уѣзжаетъ изъ Петербурга.

Встрѣтились мы съ нимъ, какъ старые друзья, я была ему очень признательна за его память обо мнѣ, и мы долго и подробно бесѣдовали обо всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ въ то время пришлось случайно по-

знакомиться, когда, на вопросъ мой о сестрахъ Настасьи Сергѣевны Обуховой, Бахметьевъ, внезапно оживившись, воскликнулъ:

— Ахъ да, совѣмъ изъ памяти вошь!.. Вы не забыли того дня, когда въ Воеводскомъ паша покойная «королева» такимъ вѣщимъ словомъ предсказывала передъ нами ожидавшую ее судьбу?

— Какъ «покойная»?...—удивилась я.—Развѣ Авдотья Сергѣевна умерла?

— Не просто умерла, а сгорѣла, погибла... неслыханнымъ образомъ покончила... именно такъ, какъ, помните, она сама себѣ предсказывала! Я какъ теперь помню ее пророческое слово... какъ живой слышу ее вѣщій голосъ!.. Помните, она говорила: «Это не смерть, а хуже смерти... Это не разореніе, а страшнѣе всякой нищеты и всякаго разоренія!» Такъ и вышло!...

— Но что же съ ней случилось?—тревожно переспросила я, не на шутку заинтересованная всей этой таинственной исторіей.

— Случилось то, передъ чѣмъ воображеніе останавливается!—отвѣтилъ онъ.—И надо, чтобы я былъ увѣренъ въ томъ, что вы мнѣ повѣрите свято, для того, чтобы я рѣшился передать вамъ все то, что случилось съ нашей несчастной «королевой»! Вы помните, какая она, не тѣмъ будь помянута, была заядлая кокетка, какъ она не вѣрила и не могла повѣрить въ возможность какого бы то ни было увлеченія... Вы помните, какъ она была страшно разборчива, и какъ даже отъ самыхъ видныхъ и почетныхъ партій она отказывалась, находя ихъ ниже ея достоинства?.. И представьте себѣ, что послѣ всего этого, или, точнѣе сказать, вопреки всему этому, она безумно увлеклась такимъ ничтожествомъ, на которое ей и взглянуть не подобало!

Слова его меня страшно заинтересовали. Я, дѣйствительно, не могла себѣ представить, на комъ могъ остановиться выборъ притворливой и избалованной «королевы»?

— Но кто же ея избранникъ? Вы его знали, конечно?

— Я его и знать не могъ. Это человѣкъ не нашего общества. Это, странно сказать, какой-то мелкій чинушка, чуть не писарь изъ какого-то присутственнаго мѣста, зачѣмъ-то случайно попавшій въ домъ Саловыхъ! Какъ вздумалось покойной «королевѣ» не только обратить на него свое вниманіе и сдѣлать изъ него героя романа, но даже просто мелькомъ на него взглянуть, этого никто положительно себѣ до сихъ поръ объяснить не можетъ. Это что-то фатальное... Насланіе какое-то!

— И что же? Она съ нимъ сблизилась? —спросила я, съ трудомъ допуская мысль о подобномъ сближеніи.

— Да... Къ несчастію!.. И послѣдствія этого сближенія не замедлили поставить несчастную въ такое положеніе, которое скоро ужъ и скрывать стало невозможно! Вы помните ея гордость, ея самолюбіе? Помните, какой неприступной она всегда была и хотѣла

казаться?.. Отецъ и мать вѣрили въ нее, какъ въ Бога... Имъ и въ голову не приходила горькая истина. А время шло, и наступилъ моментъ, когда настоящее положеніе уже и скрывать было нельзя... И вотъ однажды между ней и стариками произошелъ бурный разговоръ... Что именно было говорено, никто не знаетъ. Слышны были только громкіе возгласы, споры, слезы, и вслѣдъ за этимъ Авдотья Сергѣевна, какъ безумная, выбѣжала изъ комнаты, гдѣ происходило совѣщаніе, забѣжала на минуту въ свою спальню и затѣмъ, ни съ кѣмъ не простившись, никому не сказавъ ни слова, торопливо вышла, почти выбѣжала изъ дома... Куда она прямо направилась, никто не знаетъ. Никакихъ приготовленій она не сдѣлала, ничего не уложила и съ собой не взяла, и вышла изъ дома, какъ сидѣла, въ томъ же платьѣ, съ тѣми же часами у пояса, съ тѣми же кольцами на рукахъ. Вы помните, вѣроятно, ея страсть ко всѣмъ этимъ побрякушкамъ? Были ли у нея съ собой въ карманѣ деньги, или нѣтъ, никто не знаетъ, и вообще все то, что я вамъ сейчасъ рассказываю, дознано было только впоследствии... путемъ справокъ, тщательно собранныхъ уже послѣ ея страшной кончины.

— Что же она?.. Съ собой покончила?.. Да?..

— Нѣтъ, вы помните, она говорила, что несчастье, которое ее ожидаетъ, никогда ни съ кѣмъ не случилось, а самоубійство явленіе обыденное! Она не покончила съ собой, а, выйдя, или, точнѣе, выбѣжавъ изъ дома, прямо побѣжала передъ собой, бѣжала безъ остановки до заставы, затѣмъ выбѣжала за заставу и продолжала свой безумный, лихорадочный бѣгъ все прямо... прямо... большой дорогой, до первой попавшейся ей на пути деревни. Здѣсь она, какъ оказалось впоследствии, усталая, обезсиленная, отдохнула немного, выпила ковшъ воды и, несмотря на надвигавшіяся сумерки, побѣжала дальше. Дома ея въ это время или не успѣли еще хватиться вовсе, или, ежели и хватились, то, вѣроятно, бросились искать ее къ роднымъ и знакомымъ, не допуская мысли, чтобы она была въ это время среди поля... Ночь настигла ее на пути, въ какой-то маленькой деревушкѣ, тамъ она остановилась, чтобы переночевать, заплатила не торгуясь за ночлегъ и, поднявшись съ зарею, побѣжала дальше. На второй или на третій день у нея уже не было денегъ, и она начала продавать, а мѣстами и прямо отдавать въ расплату за хлѣбъ и ночлегъ свои золотыя вещи... Затѣмъ послѣдовала одежда... Она стала смѣнивать свое платье и бѣлье на простое крестьянское бѣлье и платье, и все бѣжала, бѣжала... безъ ума, безъ памяти, безъ малѣйшаго сознанія!.. А силы, вѣроятно, все ослабѣвали, и переходы дѣлались все короче. Подвигаться впередъ было все труднѣе и труднѣе. Сколько времени продлился этотъ страшный, почти невѣроятный бѣгъ, никто положительно не знаетъ, дознано только, что, пробѣжавъ не больше, не меньше, какъ 400 верстъ, она, уже за предѣлами сосѣдней губерніи, почувствовала прибли-

женіе родовъ, и въ посконномъ сарафанѣ, въ лаптяхъ, въ углу грязной и закоптѣлой избы, на жесткой, деревянной скамьѣ, безъ малѣйшей помощи, даже не родила, а замучалась въ родахъ и отдала Богу свою изстрадавшуюся душу... Похоронили ея міромъ на деревенскомъ погостѣ, безъ священника, безъ отпѣванія, въ наскоро сколоченномъ изъ старыхъ досокъ гробу, вывезенномъ за околицу на телѣгѣ, выпрошенной Христа ради у сердобольнаго мужичка?!. Согласитесь, что болѣе страшнаго, болѣе ужаснаго конца придумать было невозможно, и ежели бы все это въ настоящую минуту не сдѣлалось уже достояніемъ народной и общественной молвы, то этому и вѣры бы дать невозможно было!

Я слушала этотъ страшный разсказъ, вся похолодѣвшая отъ ужаса. Наша несчастная «королева» встала въ моемъ воображеніи, въ лаптяхъ и посконномъ сарафанѣ, и я со слезами крестилась, призывая вѣчный покой на эту изстрадавшуюся душу!

Съ тѣхъ поръ я въ хиромантію слѣпо вѣрю, но вѣрю осторожно, издали... Сама я къ ней не прибѣгаю и въ тайну будущаго путемъ ея не заглядываю.

Свиданіе, при которомъ Бахметьевъ передалъ мнѣ эту горькую и почти фантастическую исторію, было чуть ли не послѣднимъ момѣнъ свиданіемъ съ нимъ. Софью Андреевну я позднѣ видала и встрѣчалась съ ней послѣ ея брака съ графомъ Толстымъ, но братьевъ ея не встрѣчала и какъ-то даже ничего не слыхала о нихъ въ близкихъ къ графу кружкахъ.

Причину этого кажущагося отчужденія я поняла позднѣ, прочитавъ въ обнародованной корреспонденціи графа цѣлестные отзывы его о родныхъ его жены. Зная Бахметьевыхъ по многимъ отзывамъ о нихъ, я понимаю вполнѣ чувство графа и вѣрю безъ труда, что его деликатная отзывчивость слишкомъ сильно и часто была испытана братьями графини Софьи Андреевны.

А. И. Соколова.

„МОНПЛЕЗИРЪ“.

(Разсказъ).

ВЛАГОЧИННЫЙ о. Федоръ Вѣтвицкій праздновалъ 25-го іюля, вечеромъ, именины своей жены Олимпіады Васильевны. Старый домъ благочиннаго блестялъ яркими огнями. Среди широкаго двора жалобно мигалъ зажженный ради торжественнаго дня фонарь и бросалъ на землю тускло-желтый дрожащій кругъ. Подъ навѣсами въ концѣ двора и въ сараяхъ стояли экипажи и брички гостей, фыркали лошади, хрустѣло сѣно. Старые, высокіе тополи поднимались къ небу черными силуэтами и съ тихимъ шумомъ задумчиво шелестѣли листьями. За приземистымъ домомъ далеко въ глубину протянулся затихшій, темный садъ. Онъ, казалось, затаилъ въ себѣ всѣ звуки и шорохи тихой торжественной ночи и, одинокій и молчаливый, всею чернотой своихъ деревьевъ смотрѣлъ на освѣщенный и шумный домъ, гдѣ на деревянной террасѣ съ прогнившими столбами неистово оглашала окрестность плясовыми звуками оркестръ Никифора. Никифоръ постоянно перебирался изъ конца въ конецъ уѣзда, потому что ни одно торжество, никакія свадьбы, именины и юбилеи не обходились безъ его участія. Онъ игралъ въ своемъ оркестрѣ первую скрипку, причемъ всегда сильно наклонялъ голову на бокъ и закатывалъ свой единственный правый глазъ. Лѣваго у него не было.

Въ залѣ танцевала молодежь. Порой, среди танцевъ, плясовой мотивъ внезапно обрывался, и, послѣ секундной паузы, трещалъ

тушь запоздавшему гостю. Но это никого не смущало, и танцы продолжались съ прежнимъ воодушевленіемъ. Въ двухъ комнатахъ играли въ карты.

Самъ хозяинъ, о. Ѳеодоръ, старикъ съ длинной бѣлой бородой, ходилъ изъ комнаты въ комнату, радушно разговаривалъ съ гостями, но когда на минуту оставался одинъ,—улыбка исчезала, глаза беспокойно смотрѣли во дворъ, какъ будто хотѣли увидать что-то очень важное, углы губъ сжимались въ глубокія складки.

О. Ѳеодоръ былъ неспокоенъ. Въ прошломъ году онъ обвинялъ двухъ молодыхъ людей, которымъ по закону до вступленія въ бракъ не хватало по полугоду, обвинялъ потому, что женихъ грозилъ въ противномъ случаѣ жить съ невѣстой внѣ брака. А сегодня изъ письма своего родственника о. Ѳеодоръ узналъ, что на него поданъ повому архіерею доносъ. И благочинный думалъ, какъ отнесется къ доносу недавно назначенный въ епархію новый архіерей? О. Ѳеодора беспокоило еще одно обстоятельство: на именины общалъ прѣхать его зять, городской священникъ и членъ консисторіи, который могъ все рассказать о томъ, какъ принять доносъ и что надо дѣлать. Но пробило девять часовъ, а зятя еще не было.

О. Ѳеодоръ прошелъ въ столовую. Тамъ молча ходилъ изъ угла въ уголь его сынъ Михайлъ, вдовый молодой священникъ. Его некрупное, худощавое тѣло, въ синемъ подрясникѣ, было слабо и болѣзненно. О. Михайлъ посмотрѣлъ на отца и продолжалъ ходить. Благочинный устало опустился на диванъ и печально сталъ слѣдить за сыномъ. «Миша, Миша,—думалъ о. Ѳеодоръ:—какъ тебя скрутило. Былъ веселъ, радостенъ, а чѣмъ сталъ? Жену потерялъ, болѣзнь привязалась... Бѣда».

И какой-то голосъ подсказывалъ благочинному, что не то важно, что онъ обвинялъ незаконно и можетъ за это пострадать, а то, что гибнетъ его сынъ, что пропадаетъ и разрушается молодая жизнь.

О. Михайлъ перехватилъ беспокойный взглядъ отца и спросилъ: — Что такое, папаша?

— Да такъ, безпокоюсь,—отвѣтилъ благочинный, осторожно подавляя вздохъ.—Не знаю, что это Василій Васильевичъ не ѣдетъ? Уже десятый часъ.. Много ли до города? Семь верстъ... Вчера говорилъ, что прѣдетъ къ вечеру.....

О. Михайлъ молча вынулъ часы, щелкнулъ крышкой и спокойно сказалъ:

— Не волнуйтесь, папаша. Вѣроятно, задержался... Суматоха у нихъ тамъ.. Какъ же, помилуйте, новый архіерей,—усмѣхнулся онъ.

Благочинный недовольно сдвинулъ брови.

— Не люблю, Михайлъ, когда ты говоришь о владыкахъ въ этакое... какъ бы тебѣ сказать... непозволительномъ, гирониче-

скомъ тонѣ. Объ архипастыряхъ надо выражаться почтительно, безъ суесловія.

— Я ничего худого не сказалъ, папаша. Говорю: новый архіерей, значить, новые порядки. Ну, Василій Васильичъ и подлаживается, какъ бы это угодить получше его преосвященству... Слава Богу, знаете зятя.

Благочинный загорячился.

— Растолкуй ты мнѣ, объясни пожалуйста! За что ты не любишь Василя Васильича? Что онъ тебѣ такого сдѣлалъ? Знаю, тебѣ не нравится, что онъ очень ужъ... какъ это... носъ по вѣтру держать, но онъ, вѣдь, мужъ твоей сестры, а потому ты то посуди: у него шесть человѣкъ дѣтей, трое учатся. Не угоди онъ въ чѣмъ-нибудь архіерею—сейчасъ изъ города, да въ деревню. Разговоръ короткій, самъ знаешь!

О. Михаилъ сѣлъ рядомъ съ отцомъ.

— Вотъ это-то самое и плохо, что шесть человѣкъ дѣтей да прищипка къ городу заставляють выворачиваться человѣка на изнанку. Если ты священникъ,—такъ и будь имъ, а не лиси и не подличай... Вы не знаете, какую штуку вашъ зять и другіе консисторскіе члены собираются выкинуть?

Благочинный отвѣтилъ, что не слыхалъ.

— Егоровскій монастырь,—продолжалъ о. Михаилъ,—продать свой лѣсъ. Купить его хотять крестьяне. А на этотъ самый лѣсъ точить зубы и кулакъ пѣкій, Ржавинъ. Хорошо-съ... Лѣсоводы оцѣнили лѣсъ въ двѣнадцать тысячъ рублей, а консисторія, назначая торги, оцѣниваетъ его не въ двѣнадцать тысячъ, а въ семь. Почему такъ? А потому, что Ржавинъ скупъ и двѣнадцать тысячъ для него дорого. Онъ и рѣшилъ такъ: за лѣсъ даетъ семь тысячъ, а три—добровольное жертвоприношеніе консисторіи. Иными словами,—смазалъ колеса, чтобы не скрипѣли,

— А ты откуда это знаешь?—спросилъ благочинный.

— Третьяго дня самъ Ржавинъ разсказывалъ объ этомъ у нашего номѣщика и похваливался, что консисторія у него въ карманѣ.

— Пусть хоть за тысячу продають,—сказалъ благочинный.—Тебѣ до этого какое касательство? Твой, что ли, лѣсъ? Твои деньги?

— Да посудите сами, папаша, это мерзость. И въ этой мерзости принималъ участіе и вашъ зять. Вѣдь Ржавинъ и ему сунулъ, какъ члену консисторіи.

Благочинный въ душѣ былъ согласенъ съ тѣмъ, что поступокъ консисторіи, дѣйствительно, мерзость, но, желая выгородить зятя, онъ неувѣренно сказалъ:

— Можеть, Ржавинъ-то этотъ просто такъ подарилъ Василю Васильичу?

О. Михаилъ удивленно поднялъ брови.

— Т. е. какъ это «просто такъ?»—переспросилъ онъ.

— Ну... отъ добраго желанія, что ли.

О. Михаилъ иронически улыбнулся.

— Конечно, пришелъ къ Василію Васильичу и говорить: «Ахъ, какъ я васъ, батюшка, уважаю, ахъ, у меня доброе сердце и куры денегъ не клюютъ, сдѣлайте такое одоженіе, примите сюрпризъ отъ моего добраго сердца!» Такъ?

Благочинный укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, Михаилъ, Михаилъ, какимъ ты сталъ. Горить въ тебѣ что-то, а отчего,—и ума не приложу... Ну, умерла у тебя жена. Воля Божья! Не у тебя одного умираетъ... Смирись! А ты что сталъ выдѣлывать? Мнѣ и сегодня рассказывали: проповѣди необычныя говоришь, церковную землю отдалъ крестьянамъ. Развѣ это порядокъ? Эхъ, Миша, не сдобровать тебѣ.

Благочинный укоризненно качнулъ головой.

II

О. Михаилъ всталъ съ дивана и нервно зашагалъ по комнатѣ.

— Что говорить, папаша? Ни я васъ не могу понять, ни вы меня.. Вотъ вы теперь... Взять васъ... Вы безпокоитесь оттого, что боитесь, какъ новый архіерей посмотритъ на доносъ? Я отлично это понимаю.. Но вы преступленія не совершили. А какъ посмотрятъ на то, что вы обвиняли несовершеннолѣтнихъ,—вамъ не все равно? Развѣ лучше, если бы они стали жить внѣ брака? Была бы совѣсть ваша чиста, а тамъ все равно... Я болѣю душой за васъ, папаша! Мнѣ горько смотрѣть, что вы, прослужившій сорокъ пять лѣтъ священникомъ, боитесь пустаго доноса.

— Потому и безпокоюсь, потому и непріятно, что сорокъ пять лѣтъ не былъ ни въ чемъ виноватъ, и вдругъ на старости лѣтъ... этакое обстоятельство... Обидно... и весьма обидно. Вотъ и безпокоюсь.

— Безпокойтесь нечего,—сказалъ о. Михаилъ.—Хуже того, что съ нами сдѣлали, не сдѣлаютъ.

— А что худое сдѣлали?—съ недоумѣніемъ спросилъ благочинный.

— Что? А то, папаша, что забили насъ,—заговорилъ лихорадочно о. Михаилъ, и лицо его пошло яркими, красными пятнами.— Забили давно, во многихъ поколѣніяхъ, обезличили, приучали трястись и дрожать безъ всякой вины предъ властью имущими, и только потому, что они—власть имущіе. Выбивали изъ насъ все смѣлое и открытое въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, приказывали низко кланяться и униженно благодарить за то, что мы получали по праву, а не изъ милости, и не мудрено, что мы вышли такими, каковы есть! Смѣлыхъ выгоняли, или они сами уходили изъ семинаріи и устраивали свою жизнь иначе. Оставались слабые.

И что мы, кто мы теперь? Священники? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въ насъ нѣтъ горячей вѣры, нѣтъ чувства. Но зато мы во всякое время готовы пресмыкаться предъ каждымъ... лишь бы оставили въ покоѣ насъ да нашихъ шестерыхъ дѣтей. Мы жертвуемъ правдой, чтобы намъ было спокойно....

О. Михаи́ль остано́вился, перевелъ дыха́нiе и продо́лжалъ:

— Поступали мы въ училища—намъ твердили: «почитайте и бойтесь наставниковъ вашихъ», кончали:—«почитайте и бойтесь начальниковъ вашихъ!» Главное: «бойтесь». И вотъ мы только умѣемъ, что бояться да почитать. И завѣтнымъ нашимъ стремленiемъ сталъ хорошiй приходъ да Анна третьей степени, когда намъ стукнетъ за пятьдесятъ.

— Откуда, откуда, Миша, это у тебя?—растерянно спросилъ благочинный и перекрестился.

— Отовсюду... Отъ жизни, отъ людей, отъ думъ моихъ.

Отвѣтъ сына ничего не объяснилъ старику, и онъ думалъ: откуда у сына взялись такiя рѣчи, повышенный тонъ, непримиримый блескъ въ глазахъ? Что долженъ былъ пережить этотъ скромный человѣкъ, всегда тихiй и молчаливый, чтобы заговорить такимъ языкомъ? Сталъ какимъ-то страннымъ. Все время думаетъ о чемъ-то и молчитъ, а если заговорить, то потомъ остается ощущенiе неловкости за сына.

На дворѣ забренчали бубенцы, и оркестръ заигралъ тушь: кто-то прiѣхалъ. Благочинный пошелъ встрѣчать запоздавшихъ гостей. Идя въ переднюю, онъ качалъ сѣдой головой и шепталъ:

— Спаси, Боже, спаси, Боже!

Прiѣхалъ Васили́й Васи́льевичъ, жирный и голосистый городской священникъ, вмѣстѣ съ женой. Онъ снисходительно улыбался, какъ человѣкъ, знающiй себѣ цѣну, и потиралъ красныя волосатыя руки.

— Съ именинницей привѣтствую! А гдѣ же маменька? По хозяйству? Да, да... те-экъ-съ. Ну, я пройду къ ней.

Жена Васи́лiя Васи́льевича, дочь о. Ѳедора, корчила изъ себя городскую даму, случайно попавшую въ деревню. Она поднимала кверху вздернутый носъ, носила сильно взбитую прическу, щурила глаза и на вопросы отвѣчала не сразу, а сначала измѣривала собесѣдника съ ногъ до головы и потомъ уже говорила, растягивая слова и жеманясь. Съ о. Михаиломъ она поздоровалась холодно: братъ и сестра недолюбливали другъ друга.

III.

Васи́лiй Васи́льичъ пилъ чай, сочно ѣлъ варенье и рассказывалъ о городскихъ новостяхъ. Вокругъ него сидѣли гости, слушавшiе со вниманiемъ всеильнаго въ консисторiи человѣка.

— Ну, а каковъ новый преосвященный?—спросилъ вскользь благочинный.

Василій Васильевичъ сдѣлалъ серьезное лицо и вѣско отвѣтилъ:

— Весьма и весьма достойный! Внѣшность истинно святительская. Любитъ, чтобы все это у него быстро, безъ промедленія. Третьяго дня пришелъ къ владыкѣ настоятель отъ Благовѣщенія, знаете, этакій старичокъ, лѣтъ подь девяносто. Идетъ медленно, отъ старости голова трясется. Владыка ему и говоритъ: ничего, ничего, подвигайся, старче, не на велосипедѣ ѣдешь, не упадешь!

Василій Васильевичъ засмѣялся. Кругомъ тоже засмѣялись.

— Неужели архіерей сказалъ это отцу Николаю?—спросилъ о. Михайлъ.

— Да-съ, его преосвященство изволилъ сказать это, самъ слышалъ, своими ушами.

Василій Васильевичъ подчеркнул свой отвѣтъ и насмѣшливо посмотрѣлъ на о. Михаила: «что? не нравится?»

О. Михайлъ замѣтилъ и выраженіе и взглядъ Василія Васильевича и вспыхнулъ.

— А извѣстно ли его преосвященству,—произнесъ онъ вызывающимъ, металлическимъ голосомъ:—что отецъ Николай самый почтенный священникъ во всей епархіи, и что онъ дважды былъ раненъ на войнѣ, когда подь пулями причащаль солдатъ?

— Какъ же, конечно, знаетъ. Еще пошутить: вамъ бы хотъ эскадромъ командовать! Вотъ бы на лошади васъ посмотрѣть!

— Безобразіе!

Наступило неловкое молчаніе. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на о. Михаила. Благочинный испуганно раскрылъ глаза.

Василій Васильевичъ побарабанилъ пальцами по столу и, усмѣхаясь, сказалъ:

— Я, конечно, не знаю, къ кому и къ чему относится... ваше слово «безобразіе», о. Михайлъ, но смѣю полагать, что оно вырвалось у васъ невольно, а посему оставляю его безъ вниманія... Ну-съ,—продолжалъ онъ,—новый владыка съ такимъ высокимъ саномъ сочеталъ, можно сказать, и образованіе изрядное. Напримѣръ, третьяго дня съ графиней одной довольно долго по-французски разговаривать изволилъ.

— По-французски?—удивленно протянулъ одинъ изъ сидѣвшихъ, цсаломщикъ о. Ѳедора, посившій странное имя: Фусикъ.

— Какъ же, какъ же!—оживленно подхватилъ Василій Васильевичъ, точно не архіерей, а онъ самъ говорилъ по-французски:—какъ же, да еще такъ бойко, какъ и по-русски!

— Гм... по-французски—не унимался удивленный окончательно Фусикъ.—Тю! Скажи на милость! А не грѣшно развѣ это? Владыкѣ, да по-французски говорить?

— Нисколько! Отчего же? Вспомните апостоловъ и дванадесять языковъ! Да, вотъ еще кстати: владыка хочеть, чтобы всѣ іереи говорили проповѣди и для назиданія и подражанія указываетъ на сборникъ своихъ проповѣдей.

— Вы уже начали подражать?—ехидно вставилъ одинъ изъ батюшекъ.

Василій Васильевичъ притворился, что не разслышалъ, и продолжалъ говорить дальше.

Благочинный давно хотѣлъ разспросить зятя о своемъ дѣлѣ, но мѣшали гости. Кромѣ того, онъ боялся за сына: мало ли что можетъ брякнуть при всѣхъ Василю Васильевичу; тотъ обидится, и выйдетъ нехорошо.

Когда сядились ужинать, о. Михаилъ не утерпѣлъ и спросилъ Василя Васильевича:

— Будете по-французски теперь учиться?

— Это зачѣмъ же?

— Владыка, вѣдь, говорить. Такъ для компаніи.

Василій Васильевичъ покраснѣлъ отъ злости: насмѣшка задѣла его. Онъ хотѣлъ отвѣтить дерзостью, но въ это время подошелъ благочинный, слѣдившій за тѣмъ, чтобы зять и сынъ не оставались вдвоемъ, и отвелъ его къ столу.

Гости разъѣхались утромъ, когда взошло солнце. Послѣдній экипажъ выѣхалъ за ворота,—и о. Ѳедоръ въ ожиданіи обратился къ зятю:

— Ну какъ? Что слышно по моему дѣлу?

— Дѣло слабо, папенька! Владыка возмущенъ свыше мѣры, онъ на этотъ счетъ строгій, но что предприметь,—трудно напередъ сказать. Можетъ—выговоръ только будетъ, а, можетъ, благочинія лишитъ. Темна вода во облацѣхъ.

— Кабы только это,—вздыхнулъ благочинный.—Боюсь, что на старости лѣтъ придется въ монастырѣ посидѣть, на послушаніи.

— Ничего! Авось, обойдется. Вотъ, скоро владыка будетъ объѣзжать вашъ уѣздъ, тогда и узнаете.

Василій Васильевичъ понизилъ голосъ и продолжалъ:

— Обратите, папенька, вниманіе на Мишу! Урезоньте хоть вы его! Дружески и по родственному совѣтую. Давеча при всѣхъ ляпнулъ про архіерея «безобразіе». Дойдетъ до владыки, и плохо будетъ. Владыка—строгий. Еще маленькая моя просьба къ вамъ: если будете говорить когда съ архіереемъ, не промолвитесь, что мы съ вами родня, знаете, чтобы на меня не ушало подозрѣнія, будто я за васъ, или что тамъ... понимаете?

— Понимаю,—грустно сказалъ о. Ѳедоръ.—Умываешь руки? Такъ, такъ...

— Ну, что вы, папенька, это я такъ, къ слову, а вы сейчасъ: умываешь руки и прочее! Вотъ послушайте-ка лучше, что я вамъ скажу. Будетъ бесполезно для васъ.

И Василій Васильевичъ сталъ разсказывать тестю о привычкахъ и взглядахъ архіерея и о новыхъ слухахъ, ходившихъ въ городскихъ духовныхъ кругахъ.

IV.

О. Михаилъ ѣхалъ съ именинъ матери къ себѣ домой. Солнце только что поднялось, и въ воздухѣ было еще прохладно, какъ бываетъ всегда, когда солнце не успѣетъ нагрѣть землю и раскалить воздухъ. По обѣимъ сторонамъ дороги желтѣли поля, и у самой колеи росли голубые и фіолетовые цвѣты. Вдали синѣла деревушка, и темныя очертанія тополей поднимали кверху свои заостренныя верхушки.

О. Михаилъ чувствовалъ себя скверно. Въ горлѣ было сухо, голова горѣла, и въ ней сумбурно проносились безсвязные обрывки мыслей и смѣнялись другими. То, что онъ слышалъ и видѣлъ на именинахъ, его возмущало до глубины души. «Почему,—думалъ онъ,—почему наши священники, получившіе образованіе, работающіе на такомъ благородномъ и высокомъ поприщѣ, какъ нива Христова, сознающіе величіе взятой на себя задачи и трудность подвига,—почему они такъ боятся каждаго новаго архіерея, какъ когда-то, въ дѣтствѣ, боялись надзирателей духовныхъ училищъ? Неужели этотъ рабскій страхъ, привитый съ малыхъ лѣтъ, такъ въѣлся въ плоть и кровь, что отъ него не избавиться?»

О. Михаилъ припомнилъ, какъ лебезили вчера предъ Василіемъ Васильевичемъ старые и молодые священники, и ему стало противно. Онъ отогналъ отъ себя эти мысли и сталъ думать о другомъ.

— Батюшка, къ о. Семену заѣдете?—спросилъ, оборачиваясь, кучеръ.

О. Михаилъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго вопроса.

— А что, развѣ уже доѣхали?

— Да вонъ!—указалъ кнутомъ кучеръ на деревню, лежавшую налѣво въ ложбинѣ.

— Заѣдемъ!

Ему не хотѣлось ѣхать въ свой одинокій и молчаливый домъ, и онъ обрадовался случаю побывать у о. Семена. О. Семень когда-то учился въ кіевскомъ университетѣ, по предъ выпускными экзаменами оставилъ его и поступилъ въ семинарію. Онъ никогда не говорилъ о томъ, что заставило его поступить такъ, и не любилъ, когда объ этомъ спрашивали. Окрестные священники считали о. Семена не совсѣмъ нормальнымъ, потому что онъ, занимая тридцать лѣтъ богатѣйшій въ епархіи приходъ, ничего не имѣлъ, все раздавалъ, жилъ почти бѣдно, постоянно былъ веселъ и ни на что не жаловался. Жены у него не было: она умерла давно. Былъ только одинъ сынъ, городской врачъ.

Домъ о. Семена, маленькій и обветшалый, стоялъ на пригоркѣ, выдѣляясь бѣлыми стѣнами на зеленомъ фонѣ вербъ и орѣшника. Когда о. Михайлъ вѣхалъ въ раскрытыя ворота, у окна сидѣлъ сынъ о. Семена и читалъ газету. Онъ поднялъ голову на стукъ колесъ и весело закивалъ головой.

— Вотъ это хорошо, что заѣхали!—сказалъ онъ, выходя навстрѣчу и цѣлуясь.—Спасибо. И папа будетъ радъ. Я сюда только на три дня приѣхалъ навѣстить старика.

— А гдѣ о. Семень?

— Въ саду. Пройдемте къ нему!

Докторъ взялъ о. Михаила подъ руку и тихо сказалъ:

— Со старикомъ неладно. Завтра ѣдетъ въ городъ отбывать наказаніе.

— Какое?

— Новый архіерей паложилъ.

— Да за что же?

Докторъ пожалъ плечами.

— Непостижимо! Въ прошломъ мѣсяцѣ вызываютъ отца въ консисторію... Слыхали?

— Да.

— Онъ не знаетъ зачѣмъ? Слава Богу, съ консисторіей никакихъ дѣлъ не имѣеть. Приѣзжаетъ, является къ секретарю. Что такое, почему вызвали? А новый секретарь, этакій, знаете, петербургскій франтикъ, сладко заявляетъ: «Вы, батюшка, пишете рапорты въ консисторію некорректно, у васъ нѣтъ канцелярскаго такта». Отецъ соглашается, что, можетъ быть, дѣйствительно, канцелярскаго такта нѣтъ, потому что въ канцеляріяхъ отродясь не служилъ и чиновникомъ не былъ, и спрашиваетъ: «что же вамъ, собственно, угодно все-таки?» А секретарь сдѣлалъ откровеніе: «Вы начинаете рапорты такъ: честь имѣю заявить и т. д., а надо писать такъ: честь имѣю почтительнѣйше и всепокорнѣйше заявить». Вотъ и все. Отецъ обозлился, да и вполне понятно: изъ-за такого пустяка вызываютъ въ городъ, отрываютъ отъ дѣла и все затѣмъ, чтобы прочесть нотацію, дурацкую и идиотскую, изъ-за какого-то тамъ «покорнѣйше»! Пришлось отцу послѣ этого опять писать рапортъ въ консисторію. Онъ захотѣлъ подшутить надъ секретаремъ и начинать, понимаете, громадными буквами: долгъ и честь имѣю всепокорнѣйше и всепочтительнѣйше донести и т. д.—Докторъ улыбнулся.—Какъ разъ приѣхалъ новый архіерей. Секретарь показалъ ему бумагу отца съ громадными буквами. Архіерей закинулъ: да какъ можно, да что это такое!—и въ наказаніе отца вызываютъ въ архіерейскій домъ для домашнихъ работъ.

— Не можетъ быть!

Докторъ свистнулъ.

— Все можетъ быть, дорогой мой!... А вотъ и папа!

«истор. вѣстн.», сентябрь 1911 г., т. сxxv.

Къ нимъ выходилъ изъ сада о. Семень, въ широкополой шляпѣ, съ большими садовыми ножницами въ рукахъ.

— А-а, Миша — протянулъ онъ старческимъ баскомъ. — Хорошо, что прѣхалъ! Завтра ѣду въ городъ. Онъ говорилъ тебѣ?— о. Семень кивнулъ головой въ сторону сына.

— Да, говорилъ.

— Ну, значить, мнѣ говорить не стоитъ! Пойдемъ лучше чай пить.

Чай пили въ саду, подь старымъ, вѣтвистымъ орѣшникомъ.

— Исторія! — усмѣхнулся о. Семень. — Что я буду дѣлать въ архіерейскомъ домѣ? По совѣсти, не хочется мнѣ туда ѣхать. Жалко оставлять своихъ, привыкъ я къ нимъ. Есть трудно больные, причастить надо. Да и такъ, куда они пойдутъ за совѣтомъ, къ кому? Нехорошо устроилось... Потомъ сада моего жакко, пчелокъ. Цвѣты свиньи съѣдаютъ... А усмотрѣть некому...

— Отчего, пана, вы не хотите, чтобы я пошелъ къ архіерею и поговорилъ съ нимъ? — спросилъ докторъ.

— Ну тебя! — шуточно отмахнулся о. Семень. — Какіе тамъ разговоры? Не надо. Плохо, когда за тебя просятъ. И самъ за себя никогда не проси. Ну, а у тебя, Миша, въ приходѣ какъ? Землю отдалъ погорѣльцамъ?

— Отдалъ.

— Доброе дѣло! А и ругаютъ же тебя за это. Говорятъ: мужики разохотятся и у священниковъ стануть просить церковную землю.

О. Михаилъ махнулъ рукой.

— Пусть ихъ говорятъ! На всякое чиханье не наздравствуешься.

— О какой церковной землѣ вы говорите? — поинтересовался докторъ.

— Михаилъ отдалъ свою церковную землю погорѣльцамъ, — отвѣтилъ о. Семень. — У него прихожане погорѣли весной, пожалуй, полдеревни выгорѣло... Вотъ онъ и отдалъ имъ даромъ, въ пользованіе, церковную землю, чтобы поправилсь немного.

Докторъ молча и сильно пожалъ руку о. Михаила.

— Посмотрю я на васъ, деревенскихъ поповъ, — сказалъ раздумчиво опъ послѣ паузы. — Бываетъ, и холодаете, и голодаете, и нужду подчасъ терпите... И выходитъ какъ-то такъ, что ваши страданія остаются въ тѣни, за флагомъ, а видно только то, что не важно и случайно. И это не важное и случайное ставятъ вамъ въ смертную вину.

— Богъ съ ними! — кротко сказалъ о. Семень. — Брашь на вороту не висеть.

— Не висеть-то не висеть, это правда, а все-таки обидно, что заступиться за васъ некому.

— Богъ заступится, — снова сказалъ о. Семень.

— Только на это и остается надежда,—вздыхнул докторъ.
Вечеромъ о. Михаилъ собрался уѣзжать. О. Семень на прощанье сказалъ ему:

— Чуетъ мое сердце, что я почишь дѣлаю! Поѣдешь и ты, Миша, въ архіерейскій домъ на послушаніе, и другіе поѣдутъ.

— Веселѣе будетъ,—усмѣхнулся о. Михаилъ.

Домой онъ пріѣхалъ позднимъ вечеромъ, прошелъ, самъ не зная зачѣмъ, по всѣмъ комнатамъ и вышелъ на крыльцо. Его охватило знакомое чувство тоски по женѣ. Еще такъ недавно онъ слышалъ ея голосъ, видѣлъ ея доверчивые, большіе глаза, на которыхъ всегда лежала легкая тѣнь недоумѣнія, словно она смотрѣла и удивлялась тому, что происходитъ кругомъ. И о. Михаилу захотѣлось нѣжнаго дружескаго сочувствія, захотѣлось излить предъ кѣмъ-нибудь то, чѣмъ болѣло его сердце, что не давало ему покоя ни днемъ, ни ночью... Но кругомъ никого не было.

Онъ пошелъ по тихой, спящей улицѣ къ кладбищу. Полный кругъ луны медленно плылъ по небу. Небо было прозрачно, точно кто-то невидимый освѣщалъ его изнутри. Деревня спала.

На кладбищѣ было тихо и покойно. Развѣснетыя ивы закрывали своими вѣтвями старые деревянные кресты и надгробныя плиты, словно оберегая покой усопшихъ, улегшихся въ вѣчномъ снѣ на темномъ, безмолвномъ кладбищѣ.

О. Михаилъ подошелъ къ новому, бѣлому кресту, на который падалъ матовый лунный свѣтъ. На деревянной доскѣ, прибитой къ кресту, можно было прочесть черныя буквы:

«Здѣсь поконится прахъ жены священника

Маріи Вѣтвицкой.

Житія ея было 22 года.

«Души ихъ во благихъ водворятся».

О. Михаилъ долго сидѣлъ на кладбищѣ у бѣлаго креста. Когда онъ возвращался домой,—въ деревнѣ уже кричали пѣтухи.

V.

Архіерейскій домъ стоялъ въ центрѣ города, на главной улицѣ. Передъ нимъ весной и лѣтомъ зеленѣли деревья и почти скрывали его отъ взглядовъ прохожихъ. Осенью же и зимой голые извилистые сучья и вѣтви давали возможность увидѣть весь фасадъ зданія, окрашеннаго въ сѣроватую, унылую краску. Домъ выстроенъ давно: никто изъ горожанъ не могъ сказать, когда именно. Всѣ, жившіе въ городѣ, постоянно, со дня своего рожденія, уже видали его

на этомъ мѣстѣ такимъ, какимъ онъ стоитъ: угрюмымъ и одинокимъ среди другихъ строеній. Маленькія, тусклыя, какъ подслѣповатыя глаза, окна глядѣли изъ глубокихъ нишъ. Въ этихъ окнахъ никогда ничего не видали, точно архіерейскій домъ былъ пустыненъ и необитаемъ. Балконъ во второмъ этажѣ усиливалъ это впечатлѣніе необитаемости: дверь была наглухо закрыта. На балконѣ, смотря по времени года, лежали или желтые осенніе листья, или пласты снѣга, котораго никогда не убирали. И весною онъ таялъ и мутными потоками струился внизъ съ балкона, проводя на стѣнѣ дома грязныя борозды.

Широкія парадныя двери съ матовыми стеклами вели въ архіерейскую переднюю, полутемную и мрачную. Изъ передней средняя дверь врѣзалась въ залъ, изъ оконъ котораго виднѣлся садъ, большой, тѣнистый и тщательно воздѣланный. Чего въ немъ не было! Клумбы цвѣтовъ, аллен, бесѣдки, гроты, фонтанъ, узорныя чугунныя и деревянныя скамейки и столы.

Августъ стоялъ жаркій, и новый архіерей, епископъ Зиновій, принималъ посѣтителей въ саду, въ большой бесѣдкѣ, обвитой плющемъ.

Въ этой бесѣдкѣ сидѣлъ теперь архіерей и его гость, губернаторъ, военный генералъ. Епископу Зиновію было около шестидесяти лѣтъ. Сѣдѣющая голова, расчесанная тщательнымъ проборомъ, наклонялась въ тактъ рѣчи. Длинная борода спускалась до пояса. Глаза, небольшіе и узкіе, смотрѣли невыразительно и безучастно. На носу, изрѣзанномъ красно-бурыми жилками, сидѣло золотое пенснэ. Архіерей былъ въ тяжелой шелковой рясѣ, панагії, съ тремя звѣздами на груди.

Губернаторъ, старикъ съ нафабранными усами и вздернутыми вверхъ плечами, старался держаться молодцовато и бодро.

— Здѣсь, конечно, хорошо,—говорилъ архіерей:—и вы справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство, что климатъ здѣсь благодатный, истинно благодатный, но... шумно какъ-то... И люблю созерцать природу, такъ сказать, глазъ на глазъ... м-м..

— Въ пустынѣ, ваше преосвященство!—подсказалъ генералъ.

— Н-нѣтъ, не то, что въ пустынѣ, а какъ бы это... ну, смотрѣть на картину природы и въ то же время чувствовать, что близко есть люди, но самъ не хочешь ихъ видѣть... Я вотъ и люблю уединеніе отъ... м-м..

— Отъ дѣлъ, ваше преосвященство!—снова подсказалъ догадливый генералъ.

— Нѣтъ, не отъ дѣлъ, ваше превосходительство, а вообще отъ людей... Это возвышаетъ чувства.

— Я тоже, ваше преосвященство,—подхватилъ генералъ:—люблю этакъ уединиться иногда! Здѣсь тебя всѣ знаютъ, чуть не

пальцами тычуть... Возьмешь и катнешь въ Петербургъ!... Это для меня лучшій отдыхъ...и, дѣйствительно... м-м...

Генераль поскользнулся въ своей рѣчи и сталъ сморкаться: онъ былъ мало краснорѣчивъ.

— Вотъ я и хочу, ваше превосходительство,—продолжалъ архіерей, боясь, что воспоминанія о Петербургѣ заведутъ генерала въ дебри, изъ которыхъ ему не выбраться:—вотъ я и хочу воздвигнуть у себя на дачѣ, за городомъ, нѣкое возвышеніе, вродѣ какъ бы холма, и на семь холмѣ соорудить какой-нибудь кіоскъ, вродѣ павильона... Хорошо будетъ и душѣ умирительно, ваше превосходительство, созерцать съ нѣкоей высоты окрестъ лежащія нивы, руками крестьянъ воздѣланныя!

— М-да!—согласился генераль, успѣвшій высморкаться.

— Но встрѣчаю затрудненіе, ваше превосходительство! Средства на сіе свободныхъ нѣтъ, а рабочіе дороги..... Ужъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать.

Генераль выразилъ на своемъ квадратномъ лицѣ глубокомысліе, пошевелилъ усами и спросилъ:

— У васъ, ваше преосвященство, штрафные есть?

— Т. е. какъ это штрафные?—не понялъ архіерей.

— Штрафные... ну, наказанные... провинившіеся...

— Есть, есть, какъ же!

— Что они теперъ дѣлають?—освѣдомился генераль.

— Тутъ вотъ работаютъ, садъ воздѣлываютъ, дрова колютъ, воду возять, навозъ изъ конюшенъ выгребають... Нѣкоторые въ монастыряхъ, на послушаніи.

— Вы, ваше преосвященство,—посоветоваль генераль:—прикажете имъ возводить холмъ!

Архіерей въ изумленіи широко раскрылъ глаза: какъ такая мысль самому ему не пришла въ голову?

— Да, да,—обрадовался онъ.—Это превосходно, ваше превосходительство, воистину это богатая мысль!... Къ тому же зимы здѣсь почти не бываетъ, смогутъ и зиму работать... Превосходно, очень хорошо, искренно и душевно благодарю васъ, ваше превосходительство!

Генераль откланялся и уѣхалъ, а архіерей приказалъ позвать эконома.

— Вотъ что,—обратился архіерей къ старику-эконому:—завтра пораньше отправь всѣхъ, которые отбываютъ здѣсь послушаніе, на загородную дачу. А я самъ приѣду тоже завтра туда и покажу, что надо дѣлать.

На другой день утромъ архіерей приѣхалъ на дачу и увидалъ тамъ всѣхъ штрафныхъ. Среди нихъ были священники, дьяконы и псаломщики разнаго возраста: и глубокіе старики, и совѣмъ еще молодые. Они понуро стояли у крыльца дачнаго дома, съ ран-

пяго утра ожидая прїѣзда архіера. Онъ быстро благословилъ ихъ и пошелъ выбирать мѣсто для холма. Внимательно осмотрѣвъ окрестность, епископъ взошелъ на маленькій пригорокъ.

Внизу узкой серебряной лентой блестя рѣчка и лежали темныя, осеннія поля. Солнце щедро заливало золотомъ своихъ лучей окрестность. Архіерей еще разъ осмотрѣлся кругомъ и сказалъ:

— Здѣсь! Все вы,—обратился онъ къ штрафнымъ, которые угрюмо смотрѣли на рѣчку, точно она была ихъ злѣйшій врагъ,—все вы отнынѣ будете воздвигать здѣсь холмъ. Землю носите съ того пригорочка,—архіерей указалъ его рукой,—жительство будете имѣть здѣсь же, на дачѣ.

Архіерей сѣлъ въ карету, дверца хлопнула, келейникъ вскочилъ на козла,—и карета скрылась за поворотомъ.

Штрафные переглядывались другъ съ другомъ и молчали. Архіерейскій замыселъ имъ былъ неизвѣстенъ, и возведеніе холма казалось безмысленной работой, бессмысленной и тяжелой и неизвѣстно для кого нужной.

Въ толпѣ штрафныхъ стоялъ о. Семень.

— Что жъ, по волѣ его преосвященства и землекопамъ сдѣлаемся,—обратился онъ къ своему сосѣду и хотѣлъ улыбнуться, но голосъ дрогнулъ, и вмѣсто улыбки вышла гримаса.

Съ полудня стали возводить холмъ.

VI.

Въ епархіи заговорили объ архіерейской дачѣ. Заходили слухи, одинъ удивительнѣе и разнообразнѣе другого, но никто не могъ быть увѣренъ, что угадалъ архіерейскій замыселъ. Духовенство избрѣтало всевозможныя догадки: зачѣмъ новому архіерею понадобился холмъ? Злополучный холмъ сталъ предметомъ общихъ разговоровъ. О немъ спрашивали, писали въ письмахъ и боялись, чтобы самимъ не пришлось работать на архіерейской дачѣ.

Старый псаломщикъ благочиннаго, Фусикъ, тотъ самый, который удивлялся, что архіерей говоритъ по-французски, въ подлиннѣ тайнственно заявлялъ:

— Будетъ холмъ, а на холмѣ преосвященнѣйшій повелитъ башню высокую выстроить, ну, примѣрно, версты съ три вверхъ!

И Фусикъ значительно подмигивалъ и поднималъ кверху указательный палецъ.

— Зачѣмъ же башню?—спрашивалъ о. Оедоръ.—Посуди самъ, голова твоя садовая, зачѣмъ владыкѣ башня?

Но Фусикъ не смущался и развязно отвѣчалъ:

— А на башню преосвященнѣйшій выльзуть,—сейчасъ, значить, въ подозрительную трубку посмотрять: какой, значить, духовный гдѣ, какими дѣлами занимается? Такъ, безъ башни, хоть во сто трубъ смотри—не увидишь, а съ башни въ одну—и какъ на ладоши, какъ изъ другой комнаты. Насквозь!

— Ну, ты это... тово,—сомнительно качалъ головой благочинный, жалѣвшій Фусика за его нескладную, неудачную жизнь и прощавшій ему пьянство. — Выпилъ лишнее, вотъ тебѣ и труба мерещится.

— Непремѣнно труба!—увѣренно настаивалъ на своемъ Фусикъ.

О. Оедоръ ждалъ прибытія въ свой приходъ архіерея, который уже объѣзжалъ уѣздъ. Архіерейская ревизія сопровождалась курьезами: въ одномъ селѣ священникъ такъ былъ напуганъ слухами о грозномъ архіереѣ и о холмѣ, что при вѣздѣ въ его приходъ архіерейской кареты забрался въ овесъ и тамъ просидѣлъ все время, пока архіерей былъ въ селѣ. Въ другомъ мѣстѣ перетрусившій священникъ растерялся, забылъ выученную наизусть привѣтственную рѣчь и началъ такъ: «Преподобный отче Зиновіе! Камо грядеши?»

Архіерей не заѣхалъ въ приходъ о. Оедора, потому что утомился путешествіемъ и проѣхалъ къ себѣ въ городъ, а черезъ нѣсколько дней о. Оедоръ былъ вызванъ въ архіерейскій домъ.

Въ городѣ онъ остановился у Василя Васильевича, цѣлую ночь не спалъ, ворочался съ боку на бокъ и чувствовалъ неопредѣленную тоску.

Утромъ, подходя къ архіерейскому дому, о. Оедоръ встрѣтился съ сыномъ.

— Ты куда, Миша?

— Къ архіерею, папаша, вызванъ. А вы?

— То же самое.

— Ну, пойдете!

VII.

Приемъ у архіерея былъ назначенъ съ десяти часовъ, но теперь у него сидѣли гости, какія-то дамы, и архіерей началъ принимать въ двѣнадцать. Приемная была полна просителей, собравшихся изъ разныхъ концовъ епархіи. Архіерей развалистой походкой вошелъ въ приемную, молча благословилъ собравшихся и сѣлъ въ большое, глубокое кресло. Онъ былъ не въ духѣ, хмурился и порывисто теребилъ конецъ бороды. За архіереемъ стоялъ его личный секретарь со спискомъ въ рукахъ и вызывалъ собравшихся по очереди.

— Благочинный Оедоръ Вѣтвицкій!—прочиталъ секретарь.

О. Оедоръ подошелъ къ архіерею и поклонился.

Архіерей молча, играя четками, внимательно взглянулъ на о. Оедора и потомъ медленно спросилъ:

— Это ты обвиняешь несовершеннолѣтнихъ?

— Я, ваше преосвященство.

— Ты знаешь, что это нарушение закона?—архіерей сурово сдвинулъ брови.

— Знаешь, ваше преосвященство, но женихъ тогда сказалъ, что если я не обвиняю, то будетъ жить съ невѣстой вѣтъ брака... Я думалъ, что...

— А-а... ты думалъ,—перебилъ архіерей.—Скажите, онъ думалъ! Ты долженъ исполнять законъ, а не думать!.. Ты думалъ,—сердито фыркнулъ архіерей.—Если ты, благочинный, первый и сознательно нарушаешь установленныя правила, то что должны дѣлать рядовые священники? Что? Ты... У тебя и сынъ такой... я слыхалъ...

— Ваше преосвященство,—попробовалъ сказать о. Оедоръ.

— Молчи! Въ наказаніе за твой поступокъ отстраняю тебя отъ благочинія. Будешь исполнять послушаніе на моей дачѣ. Иди!

— Священникъ Исидоръ Добровольскій!—вызвалъ секретарь.

Предъ архіереемъ предсталъ маленькій деревенскій попикъ, съ козлиной бородкой и испуганно мигающими глазами. Онъ смертельно боялся архіерея и, видимо, конфузился своей черной, убогой, потертой рясы, которая на спинѣ стала отъ времени темно-зеленой.

— Ты спрятался въ овесъ,—спросилъ архіерей:—когда я пріѣхалъ въ твой приходъ?

— Я-съ, ваше преосвященство,—скорѣе пролепеталъ, чѣмъ сказалъ испуганный попикъ.

— Зачѣмъ же ты такъ поступилъ?

— Отъ страху, ваше преосвященство, ей-ей, отъ страху... потому...

Попикъ задыхался, порывисто трогалъ руками лицо. И глаза его были тоскливы, какъ у пойманной птицы.

— Отъ страху,—сердито усмѣхнулся архіерей.—Видно, совѣсть у тебя не чиста, что боишься своего архипастыря... Отъ страху... скажи, пожалуйста! Всѣ прихожане собрались на встрѣчу, а священника нѣтъ. Гдѣ? Отъ страху въ овесѣ сидитъ!... Поработай-ка на моей дачѣ, можетъ, станешь похрабрѣе.

— Владыко святой!—съ отчаяніемъ крикнулъ попикъ и схватился за голову.—Дома у меня жена, дѣти, шесть человѣкъ... помрутъ съ голода... ахъ, Господи!—и попикъ съ надорваннымъ рыданіемъ повалился архіерею въ ноги.

— Встань и иди!—холодно сказалъ архіерей, отодвигаясь съ кресломъ немного назадъ отъ бившагося у его ногъ попика.—Ничего, Богъ дастъ, не помрутъ! Иди, поработай на дачѣ!

Попикъ всталъ, нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на архіерея остеклѣвшими глазами и вышелъ.

— Священникъ Михаилъ Вѣтвицкій!—прочелъ секретарь.

Архіерей съ любонитствомъ взглянулъ на о. Михаила.

— Ты сынъ благочиннаго Вѣтвицкаго?

— Да, ваше преосвященство.

— Да... яблочко отъ яблоньки недалеко упало,—протянулъ архіерей:—но ты превзошелъ своего отца...

— Въ чемъ?—спросилъ о. Михаилъ.

— Ты мнѣ вопросовъ не задавай!—разсердился архіерей.— Ты молчи и слушай, что я тебѣ скажу. Да! А отвѣчай, когда тебя спросятъ... Ты отдалъ свою землю прихожанамъ?

— Отдалъ.

— Какой же смыслъ въ этомъ? Какихъ идей ты понабрался, у какихъ писателей? А?

— Ни у какихъ писателей я не набирался ничего,—отвѣтилъ о. Михаилъ:— а отдалъ землю потому, что прихожане мои погорѣли, и я считалъ себя обязаннымъ помочь имъ хоть чѣмъ-нибудь.

— У кого ты спрашивалъ на это разрѣшеніе?

— Ни у кого.

— Почему?

— Церковная земля, пока я на своемъ приходѣ, принадлежитъ мнѣ, и спрашивать разрѣшеніе считалъ излишнимъ... Но какимъ образомъ вы, ваше преосвященство, узнали объ этомъ?

— Не твое дѣло!—вспыхнулъ архіерей.—Я думалъ, что ты только сумасбродъ, а оказывается, что ты вдобавокъ еще и дерзкій сумасбродъ... Какъ ты разговариваешь съ своимъ архиепископомъ? А?

— Попрошу не кричать на меня,—нервно заговорилъ о. Михаилъ, и нижняя челюсть его задрожала.—Я не для того пришелъ сюда, чтобы слушать ваши крики! Съ вами говоритъ человѣкъ, имѣющій священный санъ, не забывайте этого!

Архіерей изумленно мигнулъ глазами, быстро поднялся съ кресла и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Вонъ!—коротко и гнѣвно сказалъ онъ и указалъ о. Михаилу пальцемъ на дверь.—За твои дерзости и твои сумасшедшіе поступки—на послушаніе, на годъ... на два!... Запрещаю тебя въ священнослуженіи! Вонъ!

Кровь бросилась о. Михаилу въ лицо, онъ сдѣлалъ инстинктивное движеніе впередъ, но сдержалъ себя и пошелъ мимо изумленныхъ, перепуганныхъ архіерейскимъ крикомъ просителей къ дверямъ.

Архіерей въ волненіи прошелся нѣсколько разъ у своего кресла, отеръ лицо платкомъ и обратился къ посѣтителемъ:

— Вотъ вы видали сейчасъ примѣръ пагубнаго непослушанія и дерзости. Прискорбно, что у васъ есть такіе собратья, какъ только что вышедшій іерей... Смотрите, каждаго изъ васъ за провинности постигнетъ наказаніе, и прощенія у меня не просите, ибо справедливость требуетъ того, что каждая вина влечетъ за собою возмездіе.. и въ писаніи сказано: «достоинъ дѣлатель мзды своея»!

Архіерей благословилъ всѣхъ и сказалъ:

— Сейчасъ продолжать пріема не буду... Приходите завтра!

Тучная архіерейская фигура скрылась за дверью, и присутствовавшіе въ молчаніи стали расходиться.

VIII.

Отъ города до архіерейской дачи было не больше четырехъ верстъ. Путь туда шель двоякій: по шоссеиной широкой дорогѣ и проселочной, которая начиналась за предмѣстьемъ города, Малой Слободкой.

О. Михаилъ и псаломщикъ Фусикъ, пріѣхавшіе наканунѣ въ городъ, шагали по проселочной дорогѣ. Справа и слѣва дороги темнѣла канава, заросшая бурьяномъ и репейникомъ. Солнце еще не показалось, въ воздухѣ было какъ-то сѣро и сумрачно, и о. Михаилу казалось, что это не утро, а угрюмыя сумерки.

Фусикъ былъ въ какой-то кацавейкѣ страннаго покроя, съ котомкой за плечами. Онъ уже успѣлъ выйти въ городъ, на постояломъ дворѣ, и ко всему окружающему и своей судьбѣ относился равнодушно. Стараясь шагать въ ногу съ о. Михаиломъ, онъ шель и тихонько пѣлъ себѣ подъ носъ: «Что танцуешь, Катенька? Польку, польку, папенька». Или прерывалъ свое пѣніе и бормоталъ, обращаясь къ невидимому собесѣднику:

— Мнѣ, братъ, все единственно, хоть на дачу, хоть подъ дачу! Все равно! Меня не спугаль!... Кричи, сколько душѣ влѣзеть!.. Да!.. Я на войнѣ былъ. Пуля въ лобъ-покъ, штыкъ въ бокъ-токъ! Меня не пугаешь... Пуля-гуля! Вотъ оно что!

И Фусикъ воинственно размахивалъ правой рукой.

О. Михаилъ переживалъ досаду, гнѣвъ, отчаяніе. Его попытка помочь погорѣльцамъ кончилась ничѣмъ: два дня назадъ на церковной землѣ была уже полиція и прогнала крестьянъ. Старикъ отецъ на закатѣ дней несетъ унижительное наказаніе, о. Семенъ—тоже. Самъ о. Михаилъ запрещенъ въ священнослуженіи и лишенъ прихода. Сколько бѣдъ за короткій срокъ! И за что?

Солнце первыми, пѣжными лучами скользнуло по землѣ, освѣтило зеленъ и незамѣтно стало подниматься кверху. Небо было ясное и чистое и пѣсколько холодноватое, какимъ бываетъ ранними осенними утрами.

О. Михайлъ чувствовалъ сильную, ноющую боль въ груди и усталость въ ногахъ и сѣлъ отдохнуть на землю, у канавы. Фусикъ присѣлъ рядомъ.

— Ох-хо-хо!—вздыхнулъ онъ:—грѣхи наши тяжкіе! Устали, отче?

— Усталъ.

— Ну, посидите, отдохните, а я глону малость.

Фусикъ вынулъ изъ котомки бутылку, приложился и выпилъ. Лицо его собралось въ гримасу.

— Сила!—крикнулъ онъ, утираясь рукавомъ.—Слабость моя, отче, а бросить не могу... Докторъ одинъ въ запрошломъ годѣ говорилъ, что у меня отъ водки печенка лопнетъ и случится... какъ это? мудреное слово такое нѣмецкое... во, во!... вспомнилъ!... стиклерось артилеріи, но брешеть, потому стиклероса не видалъ и, иначе, дыхаю еще.

Фусикъ замолчалъ, полѣзъ въ котомку, досталъ обрывокъ газеты и махорку, свернулъ папиросу, съ наслажденіемъ затянулся и сплюнулъ.

Онъ покурилъ, потомъ вспомнилъ что-то смѣшное и прыснулъ.

— Грѣхи!—сказалъ онъ, давясь отъ смѣха:—на прошлой недѣлѣ преосвященнѣйшій какъ на меня разъярился. Это на другой день, какъ съ вами перепалка, отче, была,—пояснилъ онъ.—Преосвященнѣйшій меня спрашиваетъ: «Ты,—говорить,—псаломщикъ въ приходѣ благочиннаго Вѣтвицкаго?»—«Я, ваше преосвященство». Ну, значить, обругалъ, все честь честью, а потомъ принюхался и говоритъ: «Отъ тебя,—говорить,—алкоголемъ пахнетъ!» И такъ мнѣ это самое слово смѣшно показалось, что я фыркнулъ, а преосвященнѣйшій осерчалъ и давай шумѣть: «Ты ко мнѣ въ возбужденномъ состояніи пришелъ», и всякое другое прочее. А потомъ выгналъ. «Пошелъ, говорить, вонъ!» Да! Разговору мало было!

Мимо проѣхала крестьянская телѣга и оставила послѣ себя на дорогѣ большой клубъ пыли. О. Михайлъ судорожно, съ надрывомъ закашлялся, плюнулъ, и на землю легло красное, кровавое пятно и смѣшалось съ дорожной пылью. О. Михайлъ плюнулъ еще и еще, и на дорогу каждый разъ падали зловѣщія, красныя пятна.

Фусикъ видѣлъ, что о. Михайлъ закашлялъ кровью, и серьезно сказалъ:

— Кровь, отче!

Крови вытекло немного, но о. Михайлъ чувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ и не могъ приподняться безъ помощи Фусика.

Солнце стало припекать. О. Михайлъ шелъ медленно, опираясь на спутника, и видѣлъ въ глазахъ зеленые круги, которые то сплывали, то разъединялись и порой принимали странныя, причудливыя формы. Онъ не слышалъ отъ шума въ ушахъ, какъ Фусикъ ободрающе бормоталъ сбоку:

— Ничего, ничего, подвигайтесь, отче! Дастъ Богъ, полегчаетъ! У меня жена, когда молодая была, тоже все перхала, и все кровью, все кровью, и померла.... На все воля Божія!

Невдалекѣ зажеглись ворота архіерейской дачи. У воротъ о. Михаилу полегчало, и онъ пошелъ самъ, безъ помощи Фусика. Вошли въ ворота, потомъ прошли обсаженную тополями аллею и увидали широкій дворъ. Налѣво, въ глубинѣ, стояли лѣтніе архіерейскіе покои и небольшая церковь, а за нею—большой, почернѣвшій сарай. Справа бѣлѣлъ рядъ маленькихъ домиковъ. Прежде въ нихъ жили монахи, а теперь—штрафованные.

Путники явились къ эконому, и онъ провелъ ихъ на мѣсто работъ. Сразу за сараемъ зеленѣлъ густой, старый садъ. Пройдя его, экономъ указалъ о. Михаилу и Фусику на темныя точки людей, копошившихся внизу, и сказалъ:

— Вотъ, идите туда, спросите Иракса! Онъ укажетъ, что вамъ дѣлать.

Подходя къ работавшимъ, о. Михаилъ замѣтилъ среди нихъ и своего отца, и о. Семена, и еще много другихъ лицъ, съ которыми онъ былъ знакомъ.

Ираксъ, рыжій и толстый веснучатый монахъ, оглядѣлъ пришедшихъ и процѣдилъ:

— Ну, пользы отъ васъ немного!

Онъ широко зѣвнулъ, перекрестилъ жирными пальцами ротъ и небрежно бросилъ:

— Возьмите лопаты въ сарай, вонъ тамъ, и копайте!

Работавшіе дѣлились на три части: одна скапывала землю съ пригорка и набрасывала ее въ тачки, другая—отвозила эти тачки на мѣсто, указанное архіереемъ, третья—набрасывала землю на холмъ и утрамбовывала ее. За работой наблюдалъ Ираксъ и безцеремонно покрикивалъ.

Фусикъ сразу не взлюбилъ монаха и насмѣшливо замѣтилъ:

— Голосу въ тебѣ много! Ты бы полегче, а то оглушишь, сохрани Богъ!

— Ну, ты, проваливай!—огрызнулся монахъ.

Фусикъ разставилъ ноги, подбоченился и задорно протянулъ:

— О-о-о, скажи, какой командирь!

Монахъ разсердился.

— Проходи, пьяная образина, а то....

— Что то?—перебилъ Фусикъ.—Пьяная образина,—передразнилъ онъ.—Ты не очень! Я, братъ, на войнѣ былъ, ежели желаешь знать. У меня дядя архимандритъ былъ! Вотъ что! Хлопну тебя по рыжей балдѣ лопатой, такъ, небось, восчувствуешь! Эхъ, ты, опилошная твоя голова.

Фусикъ съ презрѣніемъ плюнулъ и отошелъ въ сторону.

О. Михаилъ копаль землю рядомъ съ отцомъ. Они сосредоточенно вонзали лопаты въ землю, взмахивали кверху рыхлыя глыбы ся и перебрасывали въ тачки. Работали молча и ничего не говорили другъ другу, будто все, что нужно, было сказано, и больше говорить было не о чемъ. Слова изсякли, но и безъ нихъ все казалось понятнымъ, и было тяжело на душѣ.

Землю копали до полудня, потомъ обѣдали и часъ отдыхали. Бросили лопаты, когда сѣло солнце и на небѣ протянулись красноватыя полосы заката.

IX.

Наказанные спали въ маленькихъ домикахъ. Каждый домикъ состоялъ изъ одной комнаты и передней. Въ комнатѣ, когда-то выбѣленной, но теперь ставшей сѣрой отъ пыли и грязи, дымила большая печь съ лежанкой, по стѣнамъ шли деревянные лавки. У маленькаго оконца, въ которомъ половина стеколъ была выбита и пустыя отверстія заклеены исписанной бумагой, стоялъ простой, некрашенный, деревянный столъ съ ящиками. Полъ въ комнатѣ былъ земляной.

Въ теплыя августовскія ночи наказанные спали на дворѣ, на завалинкахъ. Но потомъ погода измѣнилась, пошли дожди, сталъ дуть холодный, пронзительный вѣтеръ. И наказанные перебрались въ домики. Въ одной комнатѣ помѣщались: о. Семень, о. Михаилъ, Фусикъ, дьякопъ изъ пригорода, наказанный архіереемъ за драку со старостой, и тотъ самый о. Исидоръ, который во время архіерейской ревизіи сидѣлъ въ овсѣ.

Пятерымъ было душно и тѣсно въ маленькой комнатѣ. И, можетъ быть, оттого, что по ночамъ было холодно, съ земляного пола дуло, какъ изъ погреба, спина больно ныла отъ тяжелой непривычной работы,—о. Михаилъ не могъ спать и, обыкновенно, до утра ворочался на жесткой деревянной лавкѣ.

Онъ жестоко кашлялъ, и Фусикъ, спавшій чутко, просыпался и совѣтовалъ:

— Выпили бы воды, отче!

О. Михаилъ лежалъ и смотрѣлъ въ окно. Сначала ничего не было видно: ночи стояли темныя. Потомъ томительно-долго разсвѣтало, и въ окнѣ вырисовывались силуэты церкви и деревьевъ, которыя качались отъ вѣтра. А въ шесть часовъ всѣ вставали и шли работать.

Когда дождь не переставалъ итти два-три дня, землю копать не ходили и мокли цѣлый день въ комнатѣ. Дождь шуршалъ по крышѣ и черезъ щели въ потолокъ протекалъ въ комнату. Было холодно и скучно, и всѣмъ казалось, что дню не будетъ конца и что дождь никогда не перестанетъ, а будетъ итти и итти и сегодня, и завтра, всю жизнь.

Въ такіе дни Фусикъ исчезалъ неизвѣстно куда на нѣсколько часовъ и возвращался пьяный. Войдя въ комнату, онъ становился по срединѣ, билъ себя кулакомъ по груди и вопилъ:

— Отцы, и ты, дьяконъ! Плюньте мнѣ въ морду, ежели не сокрушу Иеракса!

И если Фусикъ въ это время замѣчалъ Иеракса, выходилъ изъ домика и кричалъ монаху:

— Эй, ты, Иераксъ, кракъсъ, рыжаксъ!..

Длинными осенними вечерами сидѣли и разговаривали.

— Жить вслѣдствіе можно,—говорилъ о. Семень,—и здѣсь, и вездѣ. Главное, чтобы человѣкъ въ себѣ самомъ носилъ источникъ спокойствія и благополучія. Апостолы какія невзгоды переносили, а никогда не жаловались и не роптали.

— Но то были апостолы,—возражалъ о. Михайлъ:—а затѣмъ они видѣли предъ собой благородную, великую цѣль, они распространяли на землѣ царство Христово. И изъ-за такой цѣли можно было все перенести, всего лишиться! А мы для чего здѣсь работаемъ? Для кого и чего? Исполняемъ архіерейскій капризь, больше ничего! Возводимъ какой-то глупый холмъ. Зачѣмъ? почему?

— Въ наказаніе!—пробасилъ изъ своего угла дьяконъ.

— Въ наказаніе? Но когда человѣка наказываютъ, то наказаніе должно быть, во-первыхъ, заслуженно, во-вторыхъ, разумно. А вотъ онъ,—о. Михайлъ кивнулъ въ сторону о. Исидора,—онъ за что наказанъ? За то, что отъ страха забрался въ овесъ? Это справедливо? Ну, сдѣлай выговоръ, ну, пошли въ монастырь,—а то заставлятъ копать въ землѣ—безъ конца дико и неумно!

— Жаловаться надо!—вставилъ дьяконъ.

— На архіерея?—усмѣхнулся о. Михайлъ.—Чего захотѣли! Жаловаться некому, а если и пожаловаться,—все равно толку не выйдетъ. Остается терпѣть до конца...

Изъ всѣхъ наказанныхъ только одному о. Михаилу было запрещено служеніе, и это его очень угнетало. По субботамъ служили всенощную въ дачной церкви. О. Михайлъ стоялъ, обыкновенно, въ притворѣ и слушалъ знакомыя и близкія съ дѣтства молитвы. Пѣли наказанные. Пѣли стройно, тихо и грустно. Отъ трогательныхъ молитвъ, огоньковъ свѣчей и лампадъ, отъ клубовъ кадильнаго дыма въ душѣ о. Михаила создавалось торжественное и мирное настроеніе, и, слушая пѣніе, онъ думалъ о томъ, что пройдетъ много лѣтъ, вѣковъ, измѣнятся люди и земля, станутъ жить иначе, а чистые и хрустально-прозрачные звуки молитвъ останутся неизмѣнными и такъ же съ колечками кадильнаго дыма будетъ подниматься къ небу молитва и тоска грѣшной, страдающей земли.

Послѣ всенощной о. Михайлъ уходилъ за старый садъ и садился на пригоркѣ. Даль отливала фіолетовымъ цвѣтомъ, закатъ былъ холоднымъ, каркали вороны, и въ воздухѣ чувствовалось при-

ближеніе зимы. Рѣчка извиистой стальной полосой блестяла среди грязно-бурыхъ полей и уже не оживляла пейзажа, а придавала ему угрюмую суровость. За рѣчкой проходила желѣзная дорога. Изрѣдка слышался шумъ поѣзда и мелькали освѣщенные окна вагоновъ. Дымъ отъ паровоза не таялъ въ воздухѣ, какъ прежде, а застывалъ бѣловато-сѣрыми клубами.

По субботамъ остальные наказанные были молчаливы и сосредоточены. Каждый переносился мыслями въ свою семью, въ теплый, свѣтлый домъ, въ которомъ, когда вернешься отъ всеобщей, кротко мерцають лампадки у иконъ и чувствуется приближеніе праздника.

Въ одну изъ субботъ на дачу пріѣхалъ архіерей. Онъ взглянулъ на холмъ, который темной и густой массой уже началъ возвышаться надъ землей, и выразилъ неудовольствіе по поводу того, что работа подвигается медленно.

Послѣ его отъѣзда экономя объявилъ, что о. Ѳеодоръ и о. Семень, во вниманіе къ ихъ престарѣлому возрасту, освобождаются отъ наказанія и могутъ отправляться домой.

Какъ потомъ узнали, сынъ о. Семена, докторъ, былъ у архіерея и заявилъ, что онъ не ручается за послѣдствія, при всемъ своемъ уваженіи къ епископскому сану, если старикъ не будетъ освобожденъ отъ наказанія.

Старики уѣхали домой, а на ихъ мѣста прибыли другіе провинившіеся. Копать стало труднѣе, потому что ударили морозы, и земля едва поддавалась лопатѣ, словно она была каменная.

По ночамъ о. Михаила лихорадило, на всемъ тѣлѣ выступалъ противный, липкій потъ, и уже начинался бредъ.

Какъ-то на дачу заѣхалъ монастырскій докторъ. Онъ осмотрѣлъ и выслушалъ о. Михаила и развелъ руками.

— Вы, батюшка, должны какъ можно скорѣе уѣхать отсюда въ Крымъ.

— Не могу.

— Почему?

— Наказанъ.

— Да поймите же, — загорячился докторъ: — при вашей болѣзни оставаться въ этой обстановкѣ — смерть! Попросите епископа, чтобы онъ освободилъ васъ отъ работъ.

— Не желаю.

— Послушайте, это безуміе! Можетъ кончиться для васъ очень плохо.

— Знаю.

— Поймите же, поймите, голубчикъ, что у васъ чахотка и вамъ здѣсь нельзя оставаться!

— Это я давно знаю. Лучше оставимте этотъ разговоръ!

Докторъ просилъ, требовалъ, чтобы о. Михайлъ попросилъ архіерея объ освобожденіи отъ работъ, но, ничего не добившись, уѣхалъ.

Въ домикахъ было холодно, печи дымили немилосердно, воздухъ отъ дыма былъ синій, и только одинъ Фусикъ говорилъ, что ему все равно, что на войнѣ онъ видалъ еще не то, и что не вѣкъ будутъ морозы.

Х.

Зима, бесплѣжная и тяжелая, проходила тоскливо. Наказанные скучали и не знали, чѣмъ заполнить долгіе зимніе вечера. Единственная книга, привезенная дьякономъ, «Тайны Мадридскаго двора», набила оскомину, и когда дьяконъ читалъ ее вслухъ, Фусикъ часто прерывалъ:

— Стой, дьяконъ! Дальше будетъ, какъ король говорилъ съ принцомъ?

— Да. А что?

— Ничего, это я такъ... знаю, что потомъ идетъ. Валяй дальше!

Послѣ новаго года архіерей освободилъ отъ наказанія Фусика, дьякона, который дрался со старостой, и о. Исидора. Изъ прежнихъ наказанныхъ остался только о. Михайлъ. Онъ сильно измѣнился за полгода. Худая фигура стала походить на скелетъ, обтянутый кожей. Щеки провалились. Глаза сдѣлались большіе-большіе, и когда о. Михайлъ закрывалъ ихъ,—былъ похожъ на покойника. И всѣмъ, кто смотрѣлъ на него, становилось жутко.

О. Ѳеодоръ писалъ сыну письма, писалъ, что дома все спокойно, что онъ оправляется послѣ изнурительной работы, но о. Михайлъ между строкъ читалъ, что, напротивъ, дома неспокойно, и что отецъ никогда не поправится.

30 января о. Ѳеодоръ умеръ. О. Михайлъ узналъ объ этомъ уже послѣ похоронъ, а черезъ недѣлю ему написала сестра. Она писала о томъ, чтобы онъ попросилъ у архіерея прощенія за свою дерзость, и архіерей тогда проститъ его. Но о. Михайлъ не чувствовалъ за собой никакой вины и прощенья не просилъ.

Пріѣзжалъ навѣстить его сынъ о. Семена. Онъ весело поздоровался съ о. Михайломъ, но, взглянувъ на него внимательно, стихъ и заговорилъ пониженнымъ тономъ, какъ въ присутствіи тяжело больного.

Докторъ началъ увѣрять о. Михаила, что онъ смотреть со-всѣмъ молодцомъ, что лѣтомъ они увидятся и поговорятъ по душамъ, но по глазамъ и голосу доктора о. Михайлъ замѣтилъ, что онъ не вѣритъ въ то, о чемъ говоритъ. Ему захотѣлось сказать доктору, что до лѣта, пожалуй, не дотянуть и говорить имъ больше не придется, но вмѣсто этого коротко сказалъ:

— Я смерти не боюсь.

Докторъ удивленно вскинулъ на него глаза и не сказалъ ни слова. Онъ скоро уѣхалъ и обѣщалъ еще разъ побывать на дачѣ.

Въ Великомъ посту, благодаря ходатайству Василия Васильевича, архіерей разрѣшилъ о. Михаилу служить. Онъ не могъ дожидаться воскресенья, ему все казалось, что онъ умретъ до литургій.

Когда въ воскресенье третьей недѣли поста о. Михаилъ одѣвалъ въ алтарѣ синюю бархатную ризу, сердце его билось такъ, точно хотѣло сорваться съ своего мѣста, и всего его трясъ ознобъ. Онъ чувствовалъ необъяснимую, никогда прежде не испытанную радость. До него доносились съ клироса слова псалма: «Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей»... и эта священная фраза пріятно ласкала слухъ о. Михаила и доходила до его сердца.

О. Михаилъ сталъ передъ престоломъ и, самъ не зная, отчего, заплакалъ. Онъ не замѣчалъ, какъ у него изъ глазъ струились тихія, обильныя слезы и скатывались въ бороду, и, улыбаясь широко, свѣтлой улыбкой, онъ шепталъ про себя:

— Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!..

Съ колокольной доносился праздничный трезвонъ, рядомъ отплевался дьяконъ, а о. Михаилъ все смотрѣлъ впередъ предъ собой воспаленнымъ, горящимъ взглядомъ и, почти не сознавая окружающаго, продолжалъ шептать:

— Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!..

И вдругъ онъ почувствовалъ, что полъ уходитъ изъ-подъ его ногъ, и что все кругомъ завертѣлось. Колокольный звонъ удалялся все дальше. о. Михаилъ упалъ и потерялъ сознание. Кровь широкой и густой струей хлынула у него изъ горла и потекла по бородѣ, но онъ уже этого не чувствовалъ.

Послѣ обморока въ церкви о. Михаилъ не ходилъ больше копать землю, а лежалъ цѣлыми днями въ комнатѣ, на лавкѣ, порой задыхаясь и не сознавая окружающаго.

Холмъ возвышался все больше, и экономъ уже говорилъ, что, пожалуй, владыка скоро прикажетъ, чтобы больше не копали.

На Страстной недѣлѣ о. Михаилу полегчало. Онъ сталъ немного ходить и думалъ, что сможетъ служить пасхальную заутреню.

Въ Страстной четвергъ, съ утра, онъ чувствовалъ себя бодро, былъ въ церкви, но въ концѣ литургій ему опять стало дурно, и его отнесли въ домъ...

Онъ проснулся вечеромъ. Кругомъ было тихо. Солнце прорывалось сквозь грязное окно въ комнату и бросало тусклый отблескъ на печку. Издалека доносилось стройное пѣніе.

О. Михаилъ съ трудомъ поднялся, одѣлся и вышелъ во дворъ. Отъ свѣжаго воздуха у него закружилась голова, и онъ схватился рукой за коробку двери, чтобы не упасть.

Въ церкви шла служба. О. Михаилъ видѣлъ много людей со свѣчами въ рукахъ, стоявшихъ съ обнаженными головами на паперти. Это были окрестные жители. Окна церкви были открыты и освѣщены. О. Михаилу захотѣлось послушать двѣнадцать евангелій, и онъ тихонько побрелъ къ церкви, подошелъ къ боковой стѣнѣ и приникъ къ раскрытому окну.

«Егда славніи ученицы»... пѣли въ церкви, и о. Михаилъ стоялъ, слушалъ и крестился.

Солнце уже ушло, въ саду потемнѣло, и огни свѣчей заблестѣли ярче. Отъ земли поднималась легкая, весенняя сырость, но о. Михаилъ не чувствовалъ ея, а все свое вниманіе устремилъ на то, что читали въ церкви. Раздались слова перваго евангелія: «Нынѣ прославися Сынь Человѣческой»...

О. Михаилъ напряженно слѣдилъ за словами евангелія и переносился мыслью въ то время, когда былъ вечеръ Великаго четверга. Онъ видѣлъ всѣхъ апостоловъ, видѣлъ Христа, и душа его наполнялась неизъяснимымъ восторгомъ. Предъ глазами о. Михаила промелькнула картина отреченія Петра, онъ видѣлъ темный, старый садъ, въ глубинѣ котораго клокотали глухія рыданія Иуды, онъ слышалъ крики черни и бряцаніе оружія...

О. Михаилъ оглянулся и замѣтилъ, что садъ отступаетъ куда-то далеко и заволакивается бѣлесоватымъ туманомъ. Около зазвучало пѣніе, какъ будто пѣли близко, надъ самымъ ухомъ...

Кто-то невидимый и властный поднялъ о. Михаила отъ земли, и онъ вдругъ увидѣлъ родительскій домъ, могилу своей жены и умершаго отца...

Послѣ всенощной народъ расходился изъ церкви. Мелькали огоньки свѣчей, колыхались вмѣстѣ съ толпой и исчезали въ темнотѣ. Въ воздухѣ пахло свѣже распустившимися почками и еще чѣмъ-то такимъ необъяснимо-прелестнымъ, чѣмъ пахнетъ всегда въ саду раннею весной.

Двое богомольцевъ замѣтили лежавшаго на землѣ у окна священника, сказали сторожу, и скоро мертваго о. Михаила подняли и перенесли въ домъ.

Хоронили о. Михаила въ Великую субботу, когда въ ясномъ небѣ щебетали ласточки и люди готовились встрѣчать Свѣтлый праздникъ.

ХІ.

О смерти о. Михаила прихожане его узнали черезъ мѣсяцъ и жалѣли, что похоронили его не въ селѣ, а гдѣ-то на архіерейской дачѣ.

Холмъ былъ законченъ къ лѣту, и наказанные отправились по домамъ.

По приказу архіерея на холмѣ выстроили бесѣдку. Когда онъ взошелъ на холмъ и глянулъ внизъ, на поля и рѣчку,—глаза его затуманились слезами умиленія, и онъ произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— О, сколь прекрасна природа!

Холмъ и бесѣдку архіерей, неизвѣстно почему, назвалъ «Монплезиромъ» и часто пріѣзжалъ сюда любоваться окрестностями.

Однажды онъ привезъ съ собой генерала, но тотъ не нашелъ въ «Монплезирѣ» ничего особеннаго и зѣвалъ, глядя на рѣчку и поля.

Духовенство радовалось тому, что холмъ законченъ, и въ то же время побаивалось, что архіерей вздумаетъ затѣять опять какое-нибудь сооруженіе.

Но архіерей заболѣлъ и пересталъ посѣщать «Монплезиръ», а потомъ архіерейская дача сгорѣла, и туда больше никто не ѣздилъ.

Прошли года. Многіе участники работъ поумирали, умеръ и о. Семень, и дьяконъ, дравшійся со старостой, но оставался живъ Фусикъ. И свои рассказы о прошломъ онъ неизмѣнно начиналъ фразой:

— Это было, еще какъ мы преосвященнѣйшему гору строили!.. Умеръ тамъ въ ту пору о. Михайль... Можетъ, слыхали про него?...

Но о. Михаила и его короткую молодую жизнь знала вся епархія...

Какъ-то ранней весной пронеслась гроза съ сильнымъ ливнемъ, который смылъ и «Монплезиръ», и холмъ надъ могилой о. Михаила. И тамъ, гдѣ стояла бесѣдка, опять росла трава, такъ же пѣли птицы и свѣтило солнце, будто на томъ мѣстѣ не было ни ужаснаго труда, не было смерти, ничего не было, кромѣ неба и поля.

Л. Добронравовъ.

ОТРЫВОЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

IV.

Адмиралъ Рожественскій.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ я услышала это имя въ 1878 году изъ устъ адмирала Бутакова, по поводу эпизода, разсказаннаго мнѣ самимъ адмираломъ, эпизода, которымъ я закончила мои воспоминанія о незабвенномъ для меня Григоріи Ивановичѣ Бутаковѣ.

Вотъ этотъ эпизодъ.

— Приходить ко мнѣ вчера—разсказываетъ Григорій Ивановичъ,—одинъ изъ служившихъ со мною офицеровъ, браваго моряка лейтенанта Рожественскій. Приходить страшно взволнованный и говоритъ, что пришелъ за совѣтомъ. Въ чемъ дѣло? спрашиваю.

— Вы знаете,—говоритъ:—что я былъ старшимъ офицеромъ на «Вестѣ» и мнѣ дали за, якобы, нашу побѣду надъ турецкимъ броненосцемъ георгіевскій крестъ ²⁾.

— Знаю. Но въ чемъ же дѣло?—спрашиваю я.

— Да какая же это была побѣда? Это было просто позорное бѣгство, и георгіевскій крестъ просто ожжетъ меня,—говоритъ Рожественскій, крайне возбужденный, со слезами на глазахъ и въ голосѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», августъ, т. СХХV, стр. 419.

²⁾ «Веста», подъ командою капитана 2 ранга Баранова, мало плававшего, не очень опытнаго, поэтому, моряка, но безспорно храбраго и очень ловкаго человѣка, встрѣтилась въ Черномъ морѣ съ турецкимъ броненосцемъ и, естественно, начала отъ него уходить, а тотъ—ее настигать и разстрѣливать. Отстрѣливалась и «Веста», но, разумѣется,

— Отчего же позорное,?—возражаю я.—Вѣдь вамъ ничего больше и не оставалось дѣлать. Силы вѣдь были не равны! Не могли же вы, простой пароходъ, да еще не Богъ знаетъ какихъ морскихъ качествъ, бороться съ броненосцемъ.

— Да, пожалуй,—отвѣчаетъ Рожественскій:—по если бы мы, несмотря на это, вступили съ броненосцемъ въ бой и погибли, то это дѣйствительно было бы подвигомъ, а вѣдь мы, какъ только сообразили, что непріятельское судно—броненосецъ, сейчасъ же обратились въ бѣгство, въ позорное бѣгство. Повторяю, меня жжетъ мой Георгій. Научите меня, посоветуйте, что мнѣ дѣлать.

Видя его крайнее возбужденіе и слезы на глазахъ, я говорю, что ему остается службой своею заслужить этотъ Георгій, данный ему преждевременно. Привожу въ примѣръ самого себя,—продолжаетъ Григорій Ивановичъ.—Вотъ видите, говорю, Георгій на моей груди? Я, по совѣсти, долженъ сознаться, что дѣло, за которое мнѣ дали его,—было не выдающееся, и Георгія я не заслужилъ, а зато потомъ три дѣла, за которыя награда георгіевскимъ крестомъ была бы вполне заслуженной, не дали мнѣ ни малѣйшей награды; поэтому я считаю, что георгіевскій крестъ могу носить, какъ вполне заслуженный, хотя не за то дѣло, за которое его получилъ. Такъ рекомендую и вамъ поступить въ дальнѣйшей вашей службѣ. Въ дѣлѣ же «Весты», повторяю, нѣтъ ничего позорнаго. Уходить отъ неуязвимаго для васъ броненосца являлось дѣломъ неизбѣжной необходимости.

— Едва его успѣлъ успокоить, да и то не знаю—успѣлъ ли. Ужасно первый человекъ, а бравый и очень хорошій морякъ,—закончилъ Григорій Ивановичъ.

Эпизодъ этотъ, и если не самый эпизодъ, то имя Рожественскаго вскорѣ совсѣмъ было изгладилось изъ длиннаго ряда моихъ воспоминаній—мало ли нервныхъ и благородныхъ людей даетъ земля русская!

Прошло четверть вѣка. Начали поговаривать и писать объ адмиралѣ Рожественскомъ. Я подумалъ: не тотъ ли это лейтенантъ Рожественскій, о которомъ рассказывалъ мнѣ Григорій Ивановичъ? Но никакого значенія этому имени не придавалъ, какъ вдругъ услышалъ и прочелъ о необыкновенномъ совершенствѣ, котораго достигнулъ адмиралъ Рожественскій при обученіи учебно-артиллерійскаго отряда Балтійскаго моря для выполненія боевыхъ задачъ. Слава этого отряда распространилась на всю Рос-

---

причинить вреда броненосцу не могла. Достигнуть, однако, Севастополя ей удалось, хотя съ огромными потерями и превращенною чуть не въ рѣшету. Ловкій Барановъ, въ послѣдствіи извѣстный петербургскій градоначальникъ и губернаторъ Нижняго-Новгорода, представилъ въ своемъ донесеніи дѣло «Весты», какъ блестящій подвигъ, чуть ли не побѣду надъ броненосцемъ. Побѣда была принята радостно, всѣ получили крупныя награды, а Барановъ и Рожественскій—георгіевскіе кресты.

сію послѣ того, какъ государь показывалъ его стрѣльбу и маневр-
рованіе германскому императору, который, говорили, пришелъ въ
совершенный восторгъ отъ видѣннаго, и адмиралъ Рожественскій
былъ зачисленъ въ свиту Его Величества.

Я справился, не тотъ ли это Рожественскій, который былъ
на «Вестѣ». Отвѣтили, что тотъ. Мнѣ захотѣлось познакомиться
поближе съ этимъ человѣкомъ, и случай вскорѣ представился.

Сажусь какъ-то на пароходъ, идущій изъ Ялты въ Севастополь,
и вижу адмирала, еще молодого, съ легкой просѣдью, высокаго
и стройнаго, со строгимъ, но симпатичнымъ лицомъ, и очень скром-
ными манерами, совсѣмъ не напыщеннаго. Спрашиваю сопро-
вождающаго его лейтенанта:

— Кто этотъ адмиралъ?

Отвѣчаетъ:

— Адмиралъ Рожественскій.

— Позвольте, вѣдь у адмирала Рожественскаго долженъ быть
георгіевскій крестъ, а я его не вижу.

— Да,—отвѣчаетъ морякъ,—адмиралъ—георгіевскій квалеръ,
но онъ не любитъ носить этотъ крестъ.

«Однако,—подумалъ я, вспоминая эпизодъ, рассказанный
Григоріемъ Ивановичемъ,—адмиралъ, видно, мужчина послѣдова-
тельный, на сдѣлку противъ своихъ убѣжденій не идущій», и
мнѣ еще болѣе захотѣлось познакомиться поближе съ этимъ че-
ловѣкомъ, внѣшность котораго производила, повторяю, очень
подкупающее впечатлѣніе.

Зная по опыту, что имя Григорія Ивановича Бутакова и со-
вмѣстная съ нимъ служба постоянно раскрывали мнѣ морскія
сердца, я подошелъ къ адмиралу и отрекомендовался какъ бывший
подчиненный и сотрудникъ славнаго и популярнаго адмирала
Г. И. Бутакова.

Я не ошибся: адмиралъ Рожественскій отнесся ко мнѣ въ выс-
шей степени любезно и внимательно. Объ эпизодѣ съ «Вестой»,
разумѣется, я не обмолвился ни словомъ, а началъ спрашивать
о маневрахъ балтійской эскадры и выразилъ опасеніе, что гер-
манскій императоръ введетъ у себя приемы обученія стрѣльбѣ,
выработанные у насъ имъ, Рожественскимъ, на что послѣдній
отвѣчалъ, что нѣмцамъ, какъ бы они этого ни желали, такой точно-
сти не выработать, что у нихъ другой матеріалъ— не русскій мат-
росъ. Разговоръ перешелъ къ Босфору.

Тогда еще многіе мечтали о Константинополѣ. Я лично, большой
врагъ бесполезныхъ войнъ, считалъ, что Константинополь намъ
совсѣмъ не нуженъ, что ничего мы не выиграемъ, заведя тамъ
«участки», околоточныхъ и урядниковъ, но что намъ необходима часть
Босфора, примѣрно до Біюкъ-Дере, чтобы сдѣлать Черное море
нашимъ внутреннимъ озеромъ и не хлопотать впредь объ оборонѣ

его береговъ. Для достиженія этой цѣли, по моему убѣжденію, рѣшиться на войну слѣдовало. Меня занимали, поэтому, вопросы: можно ли форсировать Босфоръ, если его заградить минами, которыя бы находились подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей, и возможно ли воспрепятствовать прорыву, не занимая самого Босфора, а забросавъ минами выходъ изъ него и охраняя эти мины броненосцами со стороны Чернаго моря? Миѣ казалось, что никакія загражденія не остановятъ предприимчиваго непріятеля и что адмираль, подобный Фаррагуту, можетъ рѣшиться на прорывъ и можетъ успѣть въ этомъ, конечно, съ большими пожертвованіями, съ гибелью передовыхъ судовъ.

Адмираль Рожественскій соглашался съ моимъ миѣніемъ, такъ же, какъ и съ тѣмъ, что, овладѣвъ хотя частью Босфора, мы пріобрѣли бы огромныя выгоды въ смыслѣ безопасности береговъ Чернаго моря, потому что прорывъ въ самомъ Босфорѣ во всякомъ случаѣ требовалъ огромныхъ жертвъ и не давалъ все-таки полной гарантіи въ успѣшности предпріятія.

Мы бесѣдовали съ адмираломъ часа три, и я вынесъ о немъ впечатлѣніе въ высокой степени благопріятное, какъ о дѣятелѣ, лишенномъ напыщенности, непріятной самоувѣренности, какъ о чловѣкѣ очень скромномъ, спокойномъ, воспитанномъ и деликатномъ.

Велико было, поэтому, мое удивленіе, когда я услышалъ впоследствии отъ моряковъ о несдержанности и крайней раздражительности адмирала Рожественскаго, доводящей его даже до грубостей въ отношеніи подчиненныхъ. Происходило это, безъ сомнѣнія, отъ крайней нервности натуры. Но, какъ бы то ни было, общее миѣніе моряковъ было, что лучшаго флотоводца для нашихъ морскихъ силъ и желать нельзя. Миѣніе это раздѣляла и публика.

Взоры всей Россіи обращены были на него, когда во главѣ эскадры онъ предпринялъ походъ къ Японскому морю по направленію къ мысу Доброй Надежды. Да и не только Россіи: съ величайшимъ напряженіемъ слѣдила за нимъ вся Европа, и наиболѣе опытные адмиралы Запада выражали полное сомнѣніе въ самой возможности довести эскадру до Японскаго моря. Немудрено, поэтому, что волновался и съ напряженіемъ слѣдилъ за эскадрой и пишущій эти строки.

Предпріятіе казалось дѣйствительно невыполнимымъ при отсутствіи угольныхъ станцій, недоброжелательствѣ большей части европейскихъ сосѣдей и боязливости даже союзниковъ, опасавшихся дать намъ приютъ изъ страха посориться съ нашими явными и тайными врагами.

Необычайная энергія и твердость Рожественскаго превозмогли, однако, всѣ препятствія: эскадра дошла до цѣли своего путешествія и получила въ награду... гибель лучшихъ судовъ и прежде-

временную смерть самыхъ доблестныхъ сыновъ Россіи, нашедшихъ вѣчное успокоеніе въ чуждыхъ волнахъ Цусимскаго пролива.

Рождественскій, опасно раненый, попалъ въ Японію, откуда возвратился по заключеніи мира, хотя побѣжденнымъ, по съ достоинствомъ, молча переносившимъ несчастье свое и своей эскадры.

Насколько всё восхваляли Рождественскаго до Цусимы, настолько же теперь, кто только могъ, являлся критикомъ его дѣйствій и распоряженій. Рождественскій не отвѣчалъ никому, сохранялъ молчаніе, полное достоинства, съ которымъ переносилъ несчастье, переносилъ съ тою же твердостью, съ которою велъ эскадру черезъ океаны для достиженія намѣченной цѣли.

Не только многотомныхъ сочиненій, обвиняющихъ всёхъ, кромѣ себя, какъ это дѣлалъ руководитель нашихъ сухопутныхъ силъ, — Рождественскій не написалъ въ оправданіе себя ни одной строки. Напротивъ того, онъ даже на судѣ заявилъ, что во всемъ виноватъ онъ, одинъ онъ, что отвѣтственность должна лежать на немъ, на немъ одномъ.

И даже враги его должны были преклониться передъ благородствомъ характера этого человѣка.

Но еще до суда надъ моряками, разъ какъ-то, я былъ приглашенъ на засѣданіе лиги обновленія нашего флота. Это было въ началѣ 1906 года. Говорили въ засѣданіи много, говорили хорошо и дурно, дѣльно и по пустякамъ... Въ самомъ разгарѣ преній неожиданно появляется адмиралъ Рождественскій. Его встрѣтили внимательно, и предсѣдатель предложилъ мѣсто подлѣ себя. Рѣчи продолжались и коснулись гибели флота при Цусимѣ. Говорили о томъ, что этой гибели способствовали японскія подводныя лодки, что у насъ этихъ лодокъ не было, что въ морскомъ вѣдомствѣ и между моряками царили злоупотребленія и воровство. Говорили часа два.

Рождественскій не выдержалъ и попросилъ слова.

Онъ всталъ взволнованный. Всё насторожились. Вниманіе сдѣлалось напряженнымъ. Не помню въ точности его рѣчи, но сущность ея заключалась въ томъ, что при Цусимѣ ни у кого подводныхъ лодокъ не было и что тѣ моряки, — закончилъ онъ, — которые нашли себѣ смерть въ водахъ Цусимскаго пролива, ворами не были. Онъ сказалъ эти послѣднія слова съ величайшимъ подъемомъ, убѣдительно, нервно и немедленно покинулъ собраніе.

Я, растроганный, почти побѣждалъ за нимъ и догналъ уже у вѣшалки, гдѣ швейцаръ готовъ былъ надѣть на него шинель. Не помню въ точности своихъ собственныхъ словъ, знаю только, что, напомнивъ ему о непродолжительномъ знакомствѣ, сказалъ, что его несчастье и твердость, съ которою онъ переноситъ его, еще выше подняли его во мнѣніи искренно русскихъ людей.

Изстрадавшійся Рождественскій, съ рыданіями бросился мнѣ на шею, обнялъ и началъ меня цѣловать.

Я былъ разстроенъ до послѣдней степени и на другой же день поѣхалъ къ адмиралу. Онъ жилъ тогда въ адмиралтействѣ.

Швейцаръ объявилъ, что адмирала нѣтъ дома, и я сѣлъ было, чтобы написать на карточкѣ нѣсколько словъ, какъ вдругъ дверь подъѣзда растворилась и вошелъ возвратившійся адмиралъ. Онъ взялъ меня за руку и по лѣстницѣ повелъ къ себѣ.

Въ кабинетѣ, послѣ взаимныхъ привѣтствій и воспоминаній о бесѣдѣ по пути изъ Ялты въ Севастополь, я спросилъ адмирала, могу ли задать нѣсколько интересующихъ меня вопросовъ, и прежде всего спросилъ:

— Правда ли, что послѣ паденія Портъ-Артура вы телеграфировали государю, что находите безцѣльнымъ дальнѣйшее движеніе эскадры?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Государь, напротивъ, самъ мнѣ телеграфировалъ, что если я не надѣюсь овладѣть японскими водами, то не лучше ли вернуться съ эскадрой назадъ. Но меня ввелъ въ заблужденіе нашъ консулъ изъ Сингапура, онъ увѣрилъ, что вся японская эскадра грузится углемъ у острова Борнео и что Японское море свободно. Только близъ Сайгона, въ Камранѣ ¹⁾ я узналъ, что японцы и не думали уходить изъ Японскаго моря. Тогда-то я и остался ждать Небогатова, какъ мнѣ это было предписано.

— Отчего, однако, вы не вернулись тогда?

— Видите ли, тутъ было нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, мы прошли Индійскій океанъ въ спокойное время. Назадъ пришлось бы возвращаться въ періодъ наступленія бурь. Можно съ увѣренностью сказать, что ни одинъ миноносецъ не возвратился бы благополучно. Транспорты также могли сильно пострадать. Наконецъ, столько было перенесено трудовъ и усилій, чтобы достигнуть цѣли, и какъ же было возвращаться, не испытавъ военного счастья? Для чего же было и «море зажигать»? Вѣдь участь боя, какъ сухопутнаго, такъ и морского, всегда гадательна. Оставалась надежда на благополучный исходъ, особенно потому, что мы не знали силы японскаго флота и его разрушительныхъ снарядовъ, съ которыми наши снаряды, какъ оказалось уже впоследствии, конкурировать не могли.

Я началъ спрашивать, въ чемъ заключалась разница между снарядами нашими и японскими. Рождественскій объяснилъ, что наши были болѣе прочны, съ болѣе толстыми стѣнками и рвались на небольшое количество кусковъ, тогда какъ японскіе, съ болѣе тонкими стѣнками, но зато съ большимъ разрывнымъ зарядомъ,

---

¹⁾ Если память мнѣ не измѣняетъ.

рвались на множество кусковъ, зажигали все, что можно было зажечь, и отравляли команду своими газами.

На разспросы о самомъ походѣ Рождественскій съ неизъяснимой горечью рассказывалъ, какъ нашу эскадру не пускали ни въ одинъ портъ.

— Черезъ 24 часа отовсюду гонять. Даже французы просятъ: «уходите вы, пожалуйста, вы насъ со всѣми посорите». А сколько было мученій съ углемъ! Поставку его взяла на себя нѣмецкая компанія за большія, конечно, деньги; къ обязательствамъ своимъ, однако, надо сознаться, она относилась добросовѣстно. Но въ Германіи поднялся шумъ; шумѣли социалисты, имъ помогали евреи, а, можетъ быть, послѣдніе сами подняли этотъ шумъ: «почему снабжаютъ Россію углемъ?» Компанія принуждена была отказаться отъ дальнѣйшей поставки, предупредила, что пришлетъ послѣднія 100.000 тоннъ и чтобы больше на нее не рассчитывали. Эти 100.000 мы приняли на Мадагаскарѣ¹⁾, и дальше идти было не съ чѣмъ. Полетѣли телеграммы, а эскадра безъ угля вынуждена была на тягостное бездѣйствіе. Наконецъ поставщики нашлись и за безбожныя цѣны начали снабжать насъ углемъ самаго сквернаго качества.

— Да, много было пережито, много перенесено,—закончилъ адмиралъ.

— Простите еще за одинъ вопросъ, Зиновій Петровичъ,—позволилъ я себѣ.—Отчего вы, зная уже, что встрѣтите весь флотъ въ Цусимскомъ проливѣ при условіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благопріятныхъ для японцевъ, зная также, что Портъ-Артуръ уже палъ, отчего вы не обогнули Японію съ востока, чтобы этимъ путемъ, черезъ Лаперузовъ проливъ, достигнуть Владивостока?

— Надо знать,—отвѣтилъ Зиновій Петровичъ,—условія плаванія въ этихъ водахъ. Близъ сѣверныхъ острововъ Японіи постоянные туманы; одно изъ нашихъ судовъ, вѣдь, пошло этимъ путемъ, и оно потерпѣло полную неудачу²⁾. Какъ же было вести туда всю эскадру? При томъ японцы, хорошо освѣдомленные, встрѣтили бы насъ и тамъ, встрѣтили бы въ то время, когда уголь былъ бы уже на исходѣ. Вѣдь черезъ Лаперузовъ проливъ нашъ путь удлинился бы вдвое. Нѣтъ, я совершенно убѣжденъ, что прорывъ къ Владивостоку въ обходъ Японіи со стороны Тихаго океана представлялъ еще менѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ операція черезъ Цусимскій проливъ, которая, при особенно, правда, благопріятныхъ обстоятельствахъ, все же могла удалиться.

¹⁾ Вѣроятно, были приняты не за разъ, а, быть можетъ, ошибаюсь и въ цифрѣ—100.000 тоннъ.

²⁾ Сколько помню—«Новикъ».

Мы пробесѣдовали часа два, при чемъ Зиновій Петровичъ въ высшей степени охотно давалъ свои разъясненія, которыя нельзя было не признать убѣдительными.

За полную точность каждаго изъ приведенныхъ словъ его, однако, не отвѣчаю, отвѣчаю только за сущность—вѣдь прошло уже болѣе пяти лѣтъ, да и память въ извѣстномъ возрастѣ, сохраняя съ полною рельефностью событія, бывшія десятки лѣтъ тому назадъ, также какъ и слышанныя рѣчи, далеко не обладаетъ свойствомъ запоминать каждое слово, сказанное въ ближайшіе годы.

Мы разстались совсѣмъ пріятелями.

На слѣдующій же день Зиновій Петровичъ заѣхалъ ко мнѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня дома и оставилъ свою карточку. Вскорѣ я долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга и уже больше не видалъ Рождественскаго.

Съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ, однако, все, что о немъ писали, между прочимъ и о томъ, съ какимъ достоинствомъ и благородствомъ держалъ онъ себя на судѣ, никого ни въ чемъ не обвиняя и принимая вину за несчастіе на одного себя.

И смерть этого человѣка, хотя въ сущности мало мнѣ знакомаго, произвела на меня глубоко-тяжелое впечатлѣніе.

Какъ печально и преждевременно кончиль, думалось мнѣ, этотъ крупный талантъ и характеръ, этотъ благороднѣйшій, безупречный человѣкъ. Не даромъ было замѣчено, что не везетъ землѣ русской на таланты, не везетъ и талантамъ на землѣ русской.

V.

Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій.

Вотъ человѣкъ, конечно, заслуживающій безпристрастнаго о немъ воспоминанія.

Не помню кто, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, познакомилъ меня съ биржевымъ маклеромъ А. И. О. Ему было подъ сорокъ, онъ былъ холостъ, велъ жизнь холостяка-жуира и платилъ обильную дань Бахусу. Знакомство было чисто внѣшнее. Услыхалъ какъ-то, что онъ женился на молодой дѣвушкѣ, не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и совершенно неожиданно, въ 1869 году, посланный за границу для знакомства съ прусскою и французскою арміями, сталкиваюсь съ О. въ Берлинѣ.

Многіе изъ моихъ соотечественниковъ за границей бѣгутъ отъ русскихъ, какъ отъ огня. То же рекомендовали и мнѣ. Но я, напротивъ, за границей не могу равнодушно встрѣтить своего брата россиянина. Обрадовался и О.

Рядомъ съ нимъ была молодая блондинка лѣтъ двадцати, съ очень умнымъ и милымъ лицомъ. Онъ знакомитъ меня съ нею—съ

своею женою. Человѣкъ онъ былъ общительный. Пошли вмѣстѣ обѣдать, и знакомство завязалось.

Не помню—по уговору или нѣтъ, встрѣтились черезъ мѣсяць въ Трувиллѣ и сошлись тамъ окончательно.

О. былъ человѣкъ очень добродушный, прямой, не лукавый, честный, самой лучшей репутаціи какъ биржевой маклеръ, но до крайности узкій, который не могъ удовлетворять душевнымъ запросамъ своей молодой жены, женщины выдающагося ума, образованія и во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени симпатичной. Какъ бы то ни было, она мирилась съ своимъ положеніемъ, и семейная ихъ жизнь тянулась безъ проявленія какихъ-либо серьезныхъ неладовъ.

Вотъ этотъ самый О., какъ специалистъ по фондовой биржѣ, познакомилъ меня съ основаціями и тайнами биржевой игры. На биржѣ я, собственно, не игралъ, но, пользуясь его указаніями и совѣтами, покупалъ бумаги и клалъ ихъ на онкольный счетъ, выжидая повышенія. Не скажу, чтобы совѣты были всегда удачны, особенно, пока я оперировалъ только подъ вліяніемъ совѣтовъ О., но впоследствии, когда познакомился съ финансистами болѣе дальновидными, дѣло пошло лучше; я началъ покупать бумаги болѣе сознательно, обращая вниманіе на существо предпріятія, представителемъ котораго являлась та или другая бумага, и такъ какъ при томъ избѣгалъ безумнаго риска, оставляя за собою возможность выжиданія, то въ общемъ убытковъ не понесъ, а скорѣе нажилъ нѣсколько десятковъ тысячъ, пока не бросилъ вовсе этого дѣла, за выѣздомъ изъ Петербурга.

Такъ вотъ, подъ вліяніемъ О., купилъ я немного желѣзнодорожныхъ акцій «Главнаго общества». О., человѣкъ дѣятельный и большой хлопотунъ, считался мастеромъ устраивать общія собранія, съ цѣлью провести въ нихъ то или другое лицо въ правленіе извѣстнаго предпріятія.

Пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и проситъ убѣдительно принять участіе въ общемъ собраніи акціонеровъ «Главнаго общества» и пріѣхать на предварительное совѣщаніе къ Демуту—нарядный ресторанный, пользовавшийся тогда большой извѣстностью.

Пріѣзжаю къ назначенному часу; ведутъ меня въ совершенно отдѣльную просторную комнату, гдѣ собралось уже человѣкъ двадцать акціонеровъ. Знакомятъ. Прислушиваюсь. Рѣшено проводить въ члены правленія (или совѣта—хорошо не помню) Суцова и Анциферова, а въ ревизіонную комиссію Вышнеградскаго.

Имя Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго уже пользовалось тогда извѣстностью, какъ принадлежащее выдающемуся профессору механики; но въ то время онъ не былъ еще введенъ въ моду биржевыми дѣятелями и вожаками и, сколько помню, это было первое собраніе, въ которое его пригласили. Я, естественно, по-

интересовался ближе познакомиться съ такимъ человѣкомъ, сѣлъ подлѣ него и нашель въ немъ очень скромнаго, совсѣмъ въ то время не словоохотливаго и разумнаго собесѣдника.

Всѣ ждали Суцова, но онъ не являлся. Рѣшили тогда сѣсть, и засѣданіе открылъ Николай Николаевичъ Анциферовъ. Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова, деликатной манерой вполне благовоспитаннаго, корректнаго человѣка и вообще производилъ впечатлѣніе въ высшей степени симпатичное. Началась дебата.

Вдругъ ввалился красный, рыжій человѣкъ, очевидно, послѣ многоблюднаго обѣда, орошеннаго немалымъ количествомъ животельной влаги, начиная съ водки, кончая шампанскимъ и ликерами. Весь покраснѣвшій и потный, онъ съ какимъ-то нахальнымъ достоинствомъ внесъ въ собраніе свое объемистое пузо, но всѣ какъ-то съ особенною почтительностью его встрѣтили, и онъ сразу занялъ предсѣдательское мѣсто подлѣ Анциферова. Всѣ—кромѣ меня, конечно, и Вышнеградскаго.

Это былъ Николай Николаевичъ Суцовъ, кумиръ тогдашняго биржевого и финансоваго міра, перу котораго, т. е. Суцова, принадлежали всѣ банковскіе уставы, начиная съ Международнаго и Учетнаго банковъ,—уставы, за которые имъ положена была такса въ 40.000 руб. за каждый, представлявшій собой лишь 16—20 страницекъ разгонистой печати. Вотъ гонораръ, какимъ не пользовались гениальнѣйшіе писатели не только въ Россіи, но, вѣроятно, и во всемъ мірѣ! Личность Суцова со всѣми его сильными и слабыми сторонами очень рельефно выведена Боборыкинымъ, подъ именемъ статскаго генерала Саламатова, въ романѣ «Дѣльцы».

На меня, признаюсь, эта выпившая нахальная рыжая, красная фигура съ необъятнымъ животомъ произвела впечатлѣніе просто противное, особенно въ виду того благоговѣнія, которое проявлялъ къ нему, къ каждому его самоувѣренно сказанному слову весь биржевой и полуфинансовый людъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что, какъ бывший правовѣдъ и человѣкъ, живущій очень широко, онъ имѣлъ огромныя связи во всѣхъ административныхъ и судебныхъ сферахъ Петербурга и былъ великимъ мастеромъ проводить всевозможныя дѣла. При этомъ онъ представлялъ собою не только умнаго человѣка, какъ Анциферовъ, но былъ смѣль, пахалень, обладалъ характеромъ, ясно ставилъ себѣ намѣченныя цѣли, зналъ, куда онъ идетъ, и потому цѣлей своихъ достигалъ и достигалъ тѣмъ вѣрнѣе, что совсѣмъ не стѣснялся средствами.

Благодаря этимъ качествамъ, а также умѣнью на акціонерныхъ собраніяхъ оборвать протестующаго и вести Панургово стадо акціонеровъ именно въ томъ направленіи, какое ему было желательно, Суцовъ, въ томъ или въ другомъ видѣ,—какъ членъ правленія или совѣта,—участвовалъ тогда во всѣхъ крупныхъ предпріятіяхъ

Петербурга и получалъ жалованья не менѣе 60.000 или даже 80.000 рублей въ годъ.

Замѣчу, между прочимъ, что случалось иногда и Суцзову наталкиваться на находчиваго противника, но фактическая побѣда тѣмъ не менѣе оставалась за нимъ. Такъ, однажды на собраніи Смоленской желѣзной дороги, тогда еще не имѣвшей продолженія на Брестъ, мой товарищъ по академіи А. Е. Станкевичъ, самъ смоленскій уроженецъ, довольно крупный акціонеръ Смоленской дороги и ярый противникъ продолженія ея на Брестъ, котораго желало правленіе, началъ протестовать противъ правленской затѣи. Въ отвѣтъ ему выпустили Суцзова, который громкимъ голосомъ, съ присущимъ ему апломбомъ, не стѣсняясь резонными доводами, началъ закидывать Станкевича шаблонными фразами и дѣлалъ это въ формѣ крайне грубой.

Станкевичъ встаетъ возмущенный и говорить:

— Изъ возраженія господина Суцзова можно прийти къ одному несомнѣнному выводу—это: что имѣть здоровое горло не значить еще имѣть здоровую логику,—и затѣмъ приводитъ новые доводы въ защиту своего мнѣнія.

Суцзовъ былъ такъ пораженъ неожиданнымъ, но заслуженнымъ отпоромъ, что не возразилъ ни слова, и тѣмъ не менѣе огромнымъ большинствомъ подобранныхъ заранѣе акціонеровъ и псевдоакціонеровъ предложеніе правленія было принято, и рѣчь Станкевича оказалась напрасною тратою словъ.

Итакъ, при первой встрѣчѣ Суцзовъ, биржевой кумиръ, произвелъ на меня впечатлѣніе просто противное, и, наоборотъ, совершенно противоположное оставила во мнѣ личность Вышнеградскаго.

На слѣдующій день состоялось собраніе въ большомъ залѣ думы. Борьба предстояла настолько серьезная съ представителями стараго правленія, не желавшаго допускать къ себѣ никого посторонняго, что Н. Н. Анциферовъ, человекъ, повидимому, мало рѣшительный и во всякомъ случаѣ деликатный, не отважился пустить себя на баллотировку и снялъ свою кандидатуру. Суцзовъ же шелъ напроломъ и, хотя очень незначительнымъ большинствомъ, прошелъ въ правленіе (или, кажется, въ совѣтъ) Главнаго общества. Вышнеградскій также былъ избранъ въ ревизіонную комиссію.

Я и здѣсь, во время собранія, тянувшагося часовъ пять, искалъ общества Вышнеградскаго, хотя видѣлъ, что волненіе передъ выборами мѣшало ему отдаваться бесѣдѣ всецѣло, и тѣмъ не менѣе онъ производилъ впечатлѣніе очень дѣльнаго и умнаго человека, при томъ совсѣмъ не многословнаго, какимъ сдѣлался впослѣдствіи. Что касается Суцзова, то его нахальство, огромное пузо и самодовольная самоувѣренность — положительно мнѣ были противны, Я и началъ говорить, какъ О., такъ и другимъ биржевымъ

и полуфинансовымъ дѣльцамъ, что совсѣмъ не понимаю ихъ благоговѣнія къ Суцову.

— Вотъ вамъ человѣкъ, — говорилъ я, — несравненно болѣе дѣльный и умный, чѣмъ Суцовъ. Отчего вы на него не обратите вниманія и довольствуетесь тѣмъ, что провели его, при томъ въ первый только разъ, въ ревизіонную комиссію? Это — Вышнеградскій, обратите на него вниманіе. Вѣдь Суцовъ вамъ полезенъ только при общихъ собраніяхъ, но Вышнеградскій говоритъ, конечно, не хуже его, зато это человѣкъ съ самыми солидными свѣдѣніями, который принесетъ пользу всякому дѣлу, пользу по существу, а не только въ отношеніи втиранія очковъ акціонерамъ.

И такъ какъ я говорилъ убѣжденно, то въ первомъ же собраніи акціонеровъ водопроводнаго общества Вышнеградскій былъ избранъ членомъ правленія, а я кандидатомъ.

Однимъ изъ членовъ правленія былъ, конечно, вездѣсущій Суцовъ, вскорѣ уѣхавшій за границу мѣсяцевъ на шесть, и я, какъ кандидатъ, вступилъ временно въ составъ правленія, что имѣло слѣдствіемъ близкое знакомство мое съ И. А. Вышнеградскимъ.

Я увидѣлъ въ немъ, какъ и разсчитывалъ, человѣка не только словъ, а и дѣла. Но никакъ не ожидалъ встрѣтить такую преданность дѣлу, такое осмысленное, почти фанатическое стремленіе поставить дѣло на прочную почву, такое неистощимое трудолюбіе, наклонность не избѣгать черной работы, а доходить до самаго существа при рѣшеніи всякаго вопроса.

Въ составъ правленія, кромѣ Вышнеградскаго, входили: одинъ изъ основателей общества водопроводовъ, кажется, Палибинъ, — совсѣмъ ветхій старикъ, О., кромѣ биржи неспособный заниматься ничѣмъ, и Суцовъ, не имѣвшій ни намѣренія, ни претензіи, ни возможности работать во всѣхъ обществахъ, избравшихъ его въ члены правленій или совѣтовъ. Естественно, поэтому, что даровитый, знающій и трудоспособный Вышнеградскій сразу же сдѣлался неограниченнымъ распорядителемъ и хозяиномъ водопроводнаго дѣла въ Петербургѣ. Такимъ я уже и засталъ его, когда пришлось замѣстить уѣхавшаго за границу Суцова и рѣшилъ, съ своей стороны, насколько позволяла служба, быть ему дѣятельнымъ помощникомъ безъ малѣйшей претензіи умалять его власть и значеніе, по заслугамъ имъ пріобрѣтенныя.

Кстати долженъ сказать, что Суцовъ, произведшій на меня такое противное впечатлѣніе при первой встрѣчѣ, впечатлѣніе нахальнаго, полупьянаго, нахальнаго обжоры, при ближайшемъ знакомствѣ оказался человѣкомъ, конечно, самоувѣреннымъ, но безусловно обладавшимъ недюжиннымъ мѣткимъ умомъ, огромнымъ знаніемъ жизни и людей, вполне вѣжливымъ, воспитаннымъ и если позволявшимъ себѣ высокомерное, полупрезрительное обращеніе съ молившимся на него биржевымъ людомъ, то только потому,

что этотъ людъ дѣйствительно ничего иного не заслуживалъ и потому еще, что—хорошій психологъ—онъ понималъ, что, именно глядя презрительно сверху внизъ, онъ особенно импонируетъ этому людю, людю, поражающему своей ничтожностью и слабымъ развитіемъ какъ нравственныхъ, такъ и умственныхъ силъ. Такимъ былъ Суцовъ, тогда по крайней мѣрѣ.

Возвращаюсь къ Вышнеградскому.

Не желая смотрѣть на временное замѣстительство Суцова, какъ на синекуру, и рѣшивъ помогать, сколько могу, Вышнеградскому, я, какъ уроженецъ лѣсной губерніи, знатокъ лѣса и хорошій лѣсной хозяинъ, обратилъ вниманіе на расходы по топливу, на цѣны дровъ, на ихъ сорта и качества.

Вышнеградскій тотчасъ же подхватилъ мою мысль, но пошелъ еще далѣе.

— Такъ, такъ, вы правы, А. Н.,—говорилъ онъ:—но позвольте, быть можетъ, намъ выгодише идти далѣе, именно: бросить дрова и перейти на уголь. Надо этотъ вопросъ обслѣдовать обстоятельно.

И онъ отнесся къ дѣлу, дѣйствительно, обстоятельно, не гнушаясь черной работой и не довѣряясь никому.

Мы начали ѣздить на водопроводную башню, производить опыты отопленія котловъ дровами того или другого сорта и каменнымъ углемъ, при чемъ я не могъ не надивиться терпѣнію, съ которымъ онъ простаивалъ по два-три часа и болѣе, наблюдая за топкой и, какъ механикъ, за работою машинъ. Я невольно проникся къ нему съ тѣхъ поръ полнымъ уваженіемъ, которое еще увеличилось, когда я увидѣлъ въ немъ человѣка замѣчательно экономнаго въ расходованіи суммъ, въ сбереженіи кармана акціонеровъ. Это была необыкновенная добросовѣтность и экономія въ каждой копѣйкѣ. Во всемъ онъ требовалъ самаго обстоятельнаго отчета; трата даже маленькой суммы не проходила мимо него не протѣренной самымъ тщательнымъ образомъ.

Для меня это было совершенной новостью, и я сказалъ ему какъ-то:

— Вотъ, Иванъ Алексѣевичъ, если бы въ казніѣ къ казенному интересу относился такъ же внимательно и добросовѣстно, какъ мы сторожимъ интересы акціонеровъ.

— Ну, батюшка,—отвѣчалъ онъ:—да вѣдь казна же на то и создана, чтобы воровать у ней. Кто же ее не обворовываетъ!

Отвѣтъ мнѣ показался, конечно, циничнымъ, особенно, когда я вспомнилъ дошедшіе до меня къ тому времени слухи о томъ, что, призванный артиллерійскимъ вѣдомствомъ, какъ экспертъ и знатокъ дѣла, онъ, говорятъ, не вышелъ оттуда совѣмъ чистымъ, а составилъ тамъ порядочный капиталецъ, который и послужилъ зерномъ къ дальнѣйшему его обогащенію.

Но это были только слухи, быть может, и невѣрные, и преклоненіе мое передъ работоспособностью и поразительной добросовѣстностью Вышнеградскаго, основанное не на слухахъ, а на томъ, что видѣлъ собственными глазами, нимало не поколебалось.

По возвращеніи Суцова я вышелъ изъ состава правленія, сталъ рѣже видаться съ Вышнеградскимъ, но тѣмъ не менѣе часто встрѣчался съ нимъ у О. и въ собраніяхъ акціонерныхъ обществъ, особенно общества водопроводовъ, которыя кончались всегда дорогимъ, шумнымъ и интереснымъ обѣдомъ у Демута. А веселые обѣды ужасно сближаютъ людей. Да и въ правленіе водопроводовъ, по старой памяти, заходила иногда.

Быть можетъ, съ моей легкой руки и искренней, горячей пропаганды въ пользу Вышнеградскаго, а вѣрнѣе вслѣдствіе его удивительной работоспособности, причемъ моя пропаганда, конечно, должна была также играть извѣстную роль, Вышнеградскій очень быстро занялъ самое прочное положеніе въ биржевомъ мірѣ. Если репутація Суцова не покачнулась, то Вышнеградскій, какъ звѣзда восходящая, быстро и прочно приобрѣлъ не только довѣріе, но и искательства биржевого міра, что легко объясняется полнымъ отсутствіемъ въ немъ людей, людей даровитыхъ, которые бы выдвигались изъ общаго сѣраго фона не только посредственности, но ничтожества.

Года черезъ два-три Вышнеградскій фигурировалъ уже въ администраціи почти всѣхъ значительныхъ дѣлъ Петербурга и сразу же сталъ получать гонорары приносившіе ему не менѣе 30.000 въ годъ, что не мѣшало ему оставаться профессоромъ механики технологическаго института.

Помню одинъ случай, характеризующій этого человѣка.

Это было время расцвѣта итальянской оперы въ Петербургѣ, когда въ ней пѣли Патти, Нильсонъ, Граціани, Богаджіоло, Кальполлари. У меня были два абонированныя кресла въ пятомъ ряду. У О.—ложка въ третьемъ ярусѣ, доставшаяся ему чуть не по наслѣдству: такъ трудно тогда было добиться абонеента, особенно ложъ.

Вышнеградскій частенько забѣгалъ въ ложу О., прослушать одно-два дѣйствія съ Патти или Нильсонъ. Такъ какъ ложка была набита, то разъ, войдя въ нее, я засталъ Вышнеградскаго даже сидящимъ на низкой скамеечкѣ, добытой у капельдинера: какъ умный человѣкъ, онъ все время держалъ себя необычайно просто и ни за что не хотѣлъ воспользоваться ничьимъ предлагаемымъ ему стуломъ.

Вотъ, разъ въ оперѣ, встрѣтивъ Вышнеградскаго въ ложѣ О. и желая воспользоваться его совѣтомъ по какому-то дѣлу, спрашиваю его:

— Когда, Иванъ Алексѣевичъ, можно васъ застать дома? Удѣлите мнѣ двадцать минутъ вашего времени.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1911 г., т. сxxv.

7

— Да хотите хотя завтра, въ семь часовъ.

— Вечера,—спрашиваю его:—сейчасъ же послѣ вашего обѣда?

— Ну нѣтъ, батюшка, вечеромъ, въ семь часовъ меня не застапете, а въ семь часовъ утра милости прошу.

— Въ семь утра. Рапавато немножко. Вы когда же встаете?

— Въ шесть, никогда не позже.

Нечего дѣлать, пришлось на другой день самому встать въ шесть, наскоро умыться, и въ семь часовъ, минута въ минуту, я былъ уже въ кабинетѣ Ивана Алексѣевича.

Онъ, какъ профессоръ механики и, если не ошибаюсь, инспекторъ, занималъ тогда прекрасную казенную квартиру въ технологическомъ институтѣ.

Застаю его за работой.

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Алексѣевичъ?

— Да вотъ къ лекціи приготавлиюсь, сегодня у меня лекція.

— Какъ къ лекціи приготавливаетесь? Да неужели вы, такой прославленный знатокъ механики, и готовитесь къ лекціи?

— Вы меня удивляете,—отвѣчаетъ Иванъ Алексѣевичъ—какъ вы, сами профессоръ, и удивляетесь, что я готовлюсь къ лекціи. Развѣ вы не готовитесь?

— Я другое дѣло. Въ словесныхъ наукахъ нельзя не готовиться. Какъ бы человѣкъ ни зналъ хорошо предмета, готовиться необходимо, чтобы лекція вышла въ извѣстномъ масштабѣ и отличалась послѣдовательностью выводовъ, а въ математическихъ наукахъ неужели и тамъ это необходимо? Вѣдь вы же по механикѣ отвѣтите на каждый вопросъ, хоть въ два часа ночи васъ разбудить.

— Нѣтъ, батюшка,—отвѣчаетъ онъ:—и въ математическихъ наукахъ то же, что и въ словесныхъ: если вы хотите, чтобы лекція была въ извѣстномъ масштабѣ, отличалась послѣдовательностью выводовъ и немногословіемъ—готовиться необходимо. Я, по крайней мѣрѣ, безъ предварительной подготовки не могу порядочно прочесть лекціи.

— Простите, Иванъ Алексѣевичъ, за нескромный вопросъ: отчего вы, получая тысячь сорокъ гонорара изъ разныхъ обществъ за работу сравнительно ничтожную, остаетесь на профессурѣ, получая за серьезный трудъ 3.000 р.? Отчего вы не бросите технологическаго института?

— Э, батюшка, тамъ я служу для денегъ, здѣсь—чтеніе лекцій доставляетъ мнѣ удовольствіе, нравственное удовлетвореніе. Поэтому, до возможности, занятія профессурой не брошу. Понимаете, это мое удовольствіе. Въ этомъ я нахожу самоудовлетвореніе, а тамъ, по акціонернымъ обществамъ, прямо сознаюсь, работа для денегъ, для того крупнаго гонорара, который мнѣ даютъ.

Я посмотрѣлъ на него почти съ восхищеніемъ. Передо мною сидѣлъ не ремесленникъ науки, а жрецъ ея, жрецъ искренній,

увлекавшійся ею, находившій въ ней, въ научной работѣ, наслажденіе.

Мнѣ стало понятнымъ, почему ученики его были въ восторгѣ отъ его лекцій и почему авторитетъ его такъ высоко стоялъ передъ ними. Да и не передъ ними одними. Мнѣ припоминается эпизодъ, когда я занималъ еще должность члена правленія въ обществѣ водопроводовъ.

Помнится на Кировной, лопнула магистраль. Дали знать во время, хотя не было еще телефоновъ: водоснабженіе по этой магистрали было прервано, и дѣло обошлось безъ большого потопа.

Поѣхали на мѣсто и начали осматривать, между прочимъ, лопнувшую трубу. Всѣ механики, всѣ техники завода были налицо и всѣ недоумѣвали: труба оказалась прекрасной, металл мелкозернистый, самаго лучшаго качества, ни малѣйшей трещины, ни самаго незначительнаго свища. Отчего же, однако, труба лопнула? Всѣ недоумѣвали. Одинъ Вышнеградскій, нѣсколько подумавъ, разрѣшилъ вопросъ. Замѣчу, что тогда водопроводное дѣло было для него дѣломъ новымъ, въ которомъ онъ еще не могъ ориентироваться, тогда какъ другіе техники служили въ водопроводахъ не менѣ двухъ-трехъ, даже десяти лѣтъ.

— Видите ли, — объяснилъ Вышнеградскій — сдѣлайте предложеніе чисто теоретическое, что всѣ краны въ данной мѣстности открыты и вода стремится по магистрали, чтобы удовлетворить требованіямъ этихъ открытыхъ крановъ. Теперь, представьте себѣ, что одновременно и моментально, всѣ открытые краны закроются. Что должно произойти? Несомнѣнно, такой напоръ, стремившейся по трубамъ воды на эти трубы, что онѣ выдержать этого внезапнаго напора не въ состояніи. Вотъ и здѣсь произошло нѣчто въ томъ же родѣ: случайно нѣсколько и, быть можетъ, довольно много крановъ было одновременно закрыто, отчего произошелъ такой напоръ воды на трубы, на который онѣ не были, да и не могли быть рассчитаны. Такая случайность, несомнѣнно, возможна, какъ несомнѣнно и то, что такое явленіе, явленіе незаурядное, исключительное, понятно, можетъ имѣть мѣсто не каждый мѣсяць, не каждый годъ, быть можетъ, не каждый десятокъ лѣтъ.

Съ этимъ мнѣніемъ не могли не согласиться всѣ и, какъ кажется, съ легкой руки объясненія Вышнеградскаго оно сдѣлалось теперь общимъ мѣстомъ при объясненіи разрыва водопроводныхъ трубъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ оказывались вполнѣ хорошаго качества.

Какъ бы то ни было, я — человекъ въ высшей степени увлекавшійся въ молодости, да отчасти и до старости сохранившій это свойство своей природы, доставившей мнѣ много жизненныхъ разочарованій, былъ немного влюбленъ въ Вышнеградскаго — въ его умъ, энергію, работоспособность, простоту, отсутствіе тѣни ходульности и былъ совершенно пораженъ слѣдующимъ эпизодомъ.

Въ компаніи водопроводовъ общія собранія велель совѣмъ по домашнему: акціонеры, или громадное большинство ихъ, были свои люди, частью владѣльцы акцій, частью акціонеры фиктивные, не исключая служащихъ по водопроводу, которымъ раздавали акціи для общихъ собраній. Если, въ случаяхъ крайне рѣдкихъ, какой-нибудь неговорчивый акціонеръ начиналъ дѣлать свои замѣчанія, то Суцовъ своимъ громкимъ голосомъ и необычнымъ апломбомъ немедленно обрывалъ его, и все предложенія правленія одобрялись чуть ли не единогласно.

Было, между прочимъ, въ обычаѣ, чтобы избранные члены правленія, послѣ общаго собранія, приглашали акціонеровъ обѣдать, и обѣды эти происходили обыкновенно, какъ сказано выше, въ залѣ Демута, который тогда уже назывался Огюстомъ.

Вотъ собрались, такимъ образомъ, человѣкъ 30—40. Обѣдъ былъ тонкій, шампанское лилось рѣкой, говорились рѣчи—и шаблонныя и изрѣдка остроумныя; было весело, и не помню уже, по какому случаю въ собраніи царствовало воинственное настроеніе. Хотѣлось воевать, освобождать сербовъ и болгаръ, но все, были такого мнѣнія, что для войны нужны деньги, а по мнѣнію Монтекукули—«еще деньги и еще деньги». Въ Россіи же тогда чувствовалось оскудѣніе, бюджетъ сводился съ ежегоднымъ дефицитомъ, курсъ стоялъ низко, денегъ свободныхъ у казны, однимъ словомъ, не было. Вдругъ встаетъ Вышнеградскій.

— Будь я министромъ финансовъ,—говорить онъ,—я бы нашелъ деньги и дефицитъ уничтожилъ бы, и средство—очень простое.

— Какое же?—спрашиваютъ у него.

— Очень простое: не платить ни гроша по всемъ внѣшнимъ займамъ. По внутреннимъ, нашимъ русскимъ, конечно, платить, а по внѣшнимъ—ни копейки.

Я такъ и вытаращилъ глаза. Положимъ, обѣдъ уже окончился, и сидѣли только за шампанскимъ да ликерами, но Вышнеградскій вообще пилъ очень мало и вдругъ удралъ такую штуку. Ему начали возражать, конечно, что есть много русскихъ владѣльцевъ внѣшнихъ займовъ, что помимо вопроса этики подрывать государственный кредитъ нельзя безнаказанно и т. д. и т. д. Вышнеградскій отвѣчалъ на возраженія, разумѣется, малоубѣдительно, а я въ первый разъ подумалъ: «умный ты, очень умный человѣкъ, человѣкъ огромныхъ свѣдѣній, чрезвычайныхъ способностей, такой же работоспособности, но человѣкъ ты не государственный, а такъ только пригодный для своихъ спеціальностей да для мелкаго, низменнаго, не финансоваго, а биржевого обихода».

Разъ сомнѣніе въ томъ, что Вышнеградскій представляетъ собой крупную фигуру, закралось въ мою душу, я сталъ приглядываться къ нему нѣсколько съ аналитической точки зрѣнія и все болѣе

и болѣе убѣждался, что для роли крупнаго государственнаго дѣятеля этотъ необычайно способный человѣкъ не годится.

А между тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ начали поговоривать, и поговаривать настойчиво, что вотъ человѣкъ, котораго бы слѣдовало поставить во главѣ руководства русскими финансами.

Въ это время Вышнеградскій уже пользовался состояніемъ, которое биржевики оцѣнивали въ 2—3 милліона. Квартира въ технологическомъ институтѣ, хотя просторная и помѣстительная, была имъ оставлена, и онъ поселился въ собственномъ особнякѣ по Англійской набережной (вблизи дома Штиглица), гдѣ давалъ два роскошныхъ бала ежегодно.

Послѣ продолжительнаго отсутствія изъ Петербурга, узнавъ о томъ, что, благодаря биржевымъ удачнымъ операціямъ, а частью и огромному гопорару, получаемому имъ изъ разныхъ обществъ, Вышнеградскій перемѣнилъ свой скромный образъ жизни на тотъ, который вынуждены вести биржевики и руководители широкихъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій, я поѣхалъ къ Вышнеградскому въ его недавно купленный имъ особнякъ.

Обстановку встрѣтилъ роскошную, былъ принятъ очень радушно и за чаемъ въ кабинетѣ онъ приказалъ откупорить бутылку прекраснаго бордо. Но какъ-то у него это выходило не барственно, какъ что-то привитое ему, непривычное, и нашъ общій пріятель, человѣкъ довольно злого языка, увѣрялъ меня, что угощая только, что поданнымъ виномъ, Иванъ Алексѣевичъ, открывая пробку, вытиралъ горлышко бутылки своей ладонью. Это была, конечно, бляга, но имѣвшая свое основаніе въ томъ, что угощеніе радушнаго хозяина было для него дѣломъ непривычнымъ, не носило въ себѣ такого барственно-граціознаго отбѣнка, какой умѣли придавать себѣ въ подобныхъ случаяхъ настоящіе бары, даже проѣдая послѣднюю копейку и потонувшіе въ долгахъ.

Когда зашелъ къ Вышнеградскому недѣли черезъ три, также вечеромъ, я засталъ у него человѣка среднихъ лѣтъ, блондина съ просѣдью, нѣсколько напыщеннаго вида, за которымъ Вышнеградскій, очевидно, ухаживалъ. Дѣло было въ кабинетѣ, и на подносѣ стояло прекрасное французское вино, стаканъ котораго, разумеется, былъ предложенъ и мнѣ. Насъ познакомили. Это былъ знаменитый, нынѣ здравствующій, издатель «Гражданина», князь Мещерскій.

Я не зналъ тогда о цѣли посѣщенія княземъ Мещерскимъ Вышнеградскаго. Мнѣ показалось, однако, что мое присутствіе помѣшаетъ ихъ бесѣдѣ, и черезъ полчаса я удалился. Впослѣдствіи узналъ, что тутъ велись переговоры именно о министерскомъ портфельѣ, что въ рекомендаціи Вышнеградскаго на постъ министра принимали самое живое и вліятельное участіе какъ Катковъ, такъ и

князь Мещерскій, и вскорѣ дѣйствительно назначеніе Вышнеградскаго министромъ финансовъ состоялось.

Замѣчу, что еще во время предыдущаго посѣщенія моего, когда я заговорилъ о ходившихъ въ городѣ слухахъ, Вышнеградскій горячо запротестовалъ, увѣряя, что въ Россіи, будь человекъ семи пядей во лбу, все же онъ не можетъ быть порядочнымъ министромъ финансовъ уже по одному тому, что онъ будетъ слишкомъ перегруженнымъ работой. «Необходимо, говорилъ Вышнеградскій, совершенно отдѣлать отъ министерства финансовъ отдѣлъ торговый и выдѣлать послѣдній въ особое министерство». Онъ развивалъ это и доказывалъ очень убѣдительно, и между тѣмъ, сдѣлавшись министромъ, не только не выдѣлилъ отъ себя министерство торговли, но даже оберемнилъ министерство финансовъ причисленіемъ къ нему желѣзнодорожной части. Вотъ какъ власть дѣлаетъ людей ненасытными.

Получивъ министерскій портфель, Иванъ Алексѣевичъ припаялся за дѣло со свойственными ему энергіей, трудолюбіемъ и работоспособностью, при чемъ взглядъ его на казенный интересъ, сразу же измѣнился. Онъ не сталъ уже смотрѣть на казну такъ, какъ выражался нѣсколько цинично, когда не стоялъ во главѣ блюстителей ея интересовъ. Едва десятокъ лѣтъ передъ тѣмъ онъ говорилъ, что казна и существуетъ для того, чтобы всякій изъ нея воровалъ. Теперь, сдѣлавшись хозяиномъ дѣла, онъ съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ соблюдалъ каждую казенную копейку.

Здѣсь не мѣсто указывать на дѣятельность его, какъ министра финансовъ, она у всѣхъ была на виду и, полагаю, не изгладилась еще изъ памяти современниковъ, но считаю не лишнимъ засвидѣтельствовать мое глубокое убѣжденіе, что, несмотря на конверсіи и широкія финансовыя операціи, Вышнеградскій руководился только интересами государственными, интересами того дѣла, которыми онъ руководилъ.

Будучи частнымъ человекомъ, онъ смотрѣлъ на казну, какъ на средство получить возможно болѣе для развитія тѣхъ предпріятій, въ которыхъ участвовалъ. Быть можетъ, даже справедливы были слухи, что зерномъ, послужившимъ къ образованію его богатства, были тѣ суммы, которыя онъ получилъ сомнительнымъ путемъ въ качествѣ эксперта при артиллерійскомъ вѣдомствѣ. Но, разъ поставленный во главѣ государственныхъ финансовъ, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ добрый, радѣтельный хозяинъ, ревниво оберегалъ ихъ отъ всякихъ посягательствъ, которыя естественно являлись на каждомъ шагѣ, и лично для себя, несмотря на конверсіи, не воспользовался ни одной копейкой. Въ этомъ я убѣжденъ.

Да оно и понятно. Получая министерскій портфель, Вышнеградскій имѣлъ уже состояніе, какъ говорили тогда близко знавшіе его дѣла биржевики, не менѣе двухъ милліоновъ. Вкусы его были

самые скромные, потребности—ограниченныя, и если онъ дѣлалъ помпезные балы и подчасъ широкія траты, то только потому, что вынужденъ былъ ихъ дѣлать, вращаясь въ кругу людей, сорившихъ деньгами, а совсѣмъ не потому, что эти траты отвѣчали его вкусамъ и наклонностямъ. Это былъ труженикъ, труженикъ прежде всего, искавшій въ работѣ даже наслажденія.

Съ другой стороны, извѣстность, не только въ Петербургѣ, но во всей Россіи, неизбѣжно должна была дать въ его сердцѣ мѣсто чертенку, сначала небольшому, но вырастающему обыкновенно въ огромнаго бѣса—бѣса честолюбія.

На что ему были деньги? Ихъ у него было и такъ достаточно, а приобрести себѣ имя, передать его потомству—вотъ цѣль, для которой стоило потрудиться.

Итакъ, еще разъ повторяю, что бы ни говорили дурного современники, злобствующіе, или просто легкомысленные, о честности Вышнеградскаго, какъ министра, у меня на этотъ счетъ никогда не возникало ни малѣйшихъ сомнѣній. Я слишкомъ близко его зналъ и хорошо понималъ его натуру, чтобы подобныя сомнѣнія могли зародиться въ моемъ мозгу и дать клеветѣ, несмотря на все ея могущество, поколебать меня въ этомъ смыслѣ.

И тѣмъ не менѣе, не желая никого и ничего представлять въ радужномъ или неправильномъ освѣщеніи, я долженъ сказать, что въ моментъ наибольшей славы Вышнеградскаго, какъ финансоваго дѣятеля, не считалъ его человѣкомъ ума государственнаго.

Начиная съ того, что почти каждый профессоръ, посвящающій себя своей специальности, уже по одному этому дѣлается нѣсколько узкимъ специалистомъ, специалистомъ иногда выдающимся, но все же специалистомъ. Конечно, бываютъ исключенія, какъ, на примѣръ, Менделѣевъ и Бутлеровъ, но Вышнеградскій исключенія собою не представлялъ. Затѣмъ, сдѣлавшись биржевымъ дѣятелемъ и главою разныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, Вышнеградскій опять-таки сталъ слишкомъ углубляться въ эту новую для него специальность, властно его захватившую, какъ доставлявшую огромный гонораръ, о которомъ не смѣлъ и мечтать трудолюбивый, хотя талантливый профессоръ.

Кругозоръ его, такимъ образомъ, естественно, былъ ограниченъ довольно тѣсными рамками. Карьера труженика, пробивавшаго себѣ дорогу среди лишеній и заботъ о насущномъ хлѣбѣ, понятно, не способствовала ширинѣ кругозора.

Даже неутомимое его трудолюбіе представляло минусъ и минусъ очень крупный въ непривычной для него роли государственнаго человѣка. Еще служа вмѣстѣ съ нимъ по водопроводамъ, я замѣтилъ, какъ тщательно вникаетъ онъ во всякую мелочь, какъ старается все непремѣнно провѣрить самъ, какъ простаиваетъ часами, слѣдя за топкой паровыхъ котловъ, и это приводило меня въ умиленіе.

Но это же трудолюбіе, вполне умѣстное въ примѣненіи къ крохотному водопроводному муравейнику, являлось въ высшей степени вреднымъ, когда объектомъ для примѣненія трудолюбія явилось огромное государственное хозяйство.

Вышнеградскій-министръ старался взвалить на себя работу даже начальниковъ отдѣленій. Каждую мелочь, какъ говорили, провѣрялъ самъ, работалъ поэтому по 16 часовъ въ сутки и болѣе и... и въ концѣ концовъ крахнулъ—падорвался.

Вообще государственный дѣятель долженъ поставить себѣ задачей работать самому возможно меньше. Онъ долженъ прежде всего найти себѣ даровитыхъ помощниковъ, заставляя работать ихъ и самому направлять только ихъ работу къ желанной цѣли, давать имъ только директивы, предоставляя имъ самимъ разрабатывать эти директивы,—указывать только цѣль, не затрудняя себя разработкою средствъ для выполненія этой цѣли. И даже при этомъ условіи работы у министра останется еще много, слишкомъ много. Расходуя же себя и на мелочи, естественно, будешь упускать главное, не говоря уже о томъ, что отсутствіе досуга не должно способствовать самостоятельной творческой работѣ мысли и инициативѣ въ проведеніи широкихъ плановъ, благотворныхъ начинаній.

Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей царствованія Александра II, заслуживающій во всѣхъ отношеніяхъ не только уваженія, но даже преклоненія предъ его свѣтлой личностью, нынѣ почти столѣтній старецъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ страдалъ также указанными недостатками. Онъ работалъ просто сверхъестественно много, и мнѣ лично случалось видѣть принесенныя отъ него кипы докладовъ съ написанными на поляхъ каждой бумаги его четкимъ и красивымъ почеркомъ резолюціями, и между тѣмъ въ его правленіе проходили въ военномъ министерствѣ дѣла, подобныя возмутительному договору съ Фейгенемъ и его мельницей. Да и вообще благотворность преобразованій во время министерства этого безукоризненнаго дѣятеля должна быть подвергнута большому и очень большому сомнѣнію.

Что касается Вышнеградскаго-министра, то въ немъ былъ еще недостатокъ очень крупный—это желаніе говорить больше, чѣмъ слушать. Сначала въ этомъ направленіи работала профессура, а затѣмъ, когда онъ сталъ биржевымъ оракуломъ, привычка говорить, малое умѣнье слушать и выслушивать укоренились въ немъ окончательно. Въ этомъ я могъ лично убѣдиться по слѣдующему поводу.

Послѣ полученія Ивановъ Алексѣевичемъ министерскаго портфеля я прекратилъ мои посѣщенія къ нему вовсе. Для чего, думаю, надоѣдать ему своими визитами—занять онъ теперь превыше мѣры, да и высоко поднялся, какой интересъ могу ему представить я?

Года черезъ три, однако, рѣшилъ поѣхать къ нему, но поѣхать по дѣлу, въ пріемные часы, а дѣло это заключалось въ слѣдующемъ.

Я сильно увлекался тогда табаководствомъ, и мнѣ удалось между прочимъ доказать, что высокіе сорта турецкаго табака совсѣмъ не такъ быстро перерождаются у насъ въ Крыму, особенно на южномъ берегу, какъ въ этомъ убѣждены были всѣ табаководы.

Всѣ увѣряли, что на слѣдующій же годъ сѣмена высокыхъ сортовъ табака, дюбека, даютъ уже табакъ гораздо низшаго сорта, а если собрать и посѣять сѣмена на третій годъ, то табакъ получается едва напоминающій своего прадѣда.

Обсуждая причины такого явленія, я пришелъ къ убѣжденію, что иначе и быть не можетъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ табаководы сажали сѣмена высокыхъ сортовъ табака—дюбековъ.

Дѣло въ томъ, что при посадкахъ дюбековъ ограничивались небольшими пробными, такъ сказать, опытными площадями и сажали его большею частью рядомъ или въ небольшомъ разстояніи отъ табака обыкновеннаго, такъ называемаго американа. Естественно, что при опыленіи цвѣточная пыль съ американа перелетала на дюбекъ, и въ первый же годъ получились сѣмена, такъ сказать, полукровныя.

На второй годъ растеніе, полученное отъ этихъ полукровныхъ сѣмянъ, опыленное сосѣднимъ «американомъ», давало уже сѣмена съ одной четвертью крови (выражаясь языкомъ коневодовъ) дюбековъ, а на слѣдующій годъ уже только одной восьмой крови дюбековъ, т. е. табакъ отъ этихъ сѣмянъ не имѣлъ съ дюбеками даже отдаленнаго сходства.

Взявъ въ расчетъ вышеизложенное, я выбралъ обширную площадъ въ 9—10 десятинъ на южномъ берегу близъ селенія Кекенеизъ, уединенную отъ какихъ бы то ни было табачныхъ плантацій (изъ которыхъ ближайшая была въ двухъ верстахъ разстоянія) и засадилъ ее сѣменами турецкаго дюбека.

Сѣмена съ этой уединенной отъ другихъ плантаціи оказались на другой годъ сѣменами превосходными, не отличающимися отъ сѣмянъ заграничныхъ, потому что опыленіе происходило отъ растеній, выросшихъ изъ тѣхъ же дюбековъ.

Подъ вліяніемъ другой почвы и другого климата, несомнѣнно, и эти сѣмена должны были переродиться въ сторону плюса или минуса, но во всякомъ случаѣ это перерожденіе требуетъ довольно значительнаго промежутка времени, а не такого, въ теченіе котораго перерождались сѣмена дюбека, посаженнаго съ американомъ.

Результатомъ усилій и опытовъ въ этомъ направленіи было то, что на выставкѣ мнѣ, съ компаніономъ моимъ, была присуждена золотая медаль за табаководство, и образцы моего табака появились въ сельско-хозяйственномъ музеѣ въ Солянномъ Городкѣ.

И тѣмъ не менѣе матеріальный результатъ хлопотъ и работы былъ въ высшей степени печальный. Происходило это оттого, что табаководы, введеннымъ тогда акцизнымъ уставомъ были при-

песены въ жертву торговцамъ табака и фабрикантамъ. Уставъ этотъ имѣлъ слѣдствіемъ то, что на рынкѣ, вмѣсто правильного предложенія и спроса, явился какія-то табачныя высокія особи, раздѣлившія Россію (или Крымъ по крайней мѣрѣ) на районы и дававшія цѣну, какую имъ заблагоразсудится. Въ извѣстномъ районѣ являлась одна высокопоставленная табачная особа, даже пріема которой ожидала толпа несчастныхъ табаководовъ, униженно просившихъ особу пріѣхать на плантацію, взглянуть предлагаемый товаръ. Особа, послѣ долгихъ ломаній, соблаговоляла пріѣхать, пріѣзжала, назначала цѣну, какую вздумаетъ, а когда табакъ перевозили въ складъ, скидывала и съ этой цѣны, и табаководы, нуждаясь въ деньгахъ и не видя другихъ покупателей, должны были соглашаться на все.

Зная, что Западная Европа куритъ пресекверный табакъ, я рѣшилъ сдѣлать попытку сбыта русскаго табака за нашу западную границу.

Переговорилъ съ другими табаководами. Всѣ соглашались дать мнѣ табака сколько и какого сорта я потребую, безъ всякихъ авансовъ, и мнѣ казалось возможнымъ осуществить крупное дѣло—увеличеніе нашего экспорта въ видѣ произведеній нашихъ табачныхъ плантацій.

Я составилъ себѣ слѣдующій планъ: взять съ собою образцы табака, но не въ видѣ мелкихъ «папушъ», а въ большихъ пачкахъ, въ какихъ табакъ идетъ обыкновенно въ торговлю, т. е. пуда въ 2—3 вѣсомъ каждая. Взять такого табака пудовъ 100 и ѣхать съ нимъ въ Европу для того, чтобы показать пачку и, сойдясь въ цѣнѣ, по телеграммѣ выписать требуемую партію, которая отвѣчала бы вполнѣ своими качествами предъявленному образцу.

Но для этого, естественно, нельзя было ѣхать одному, а надо было взять съ собою специалиста-плантатора, грека, который возился бы съ этими пачками, распаковывалъ ихъ для предъявленія табака покупателю, опять ихъ упаковывалъ бы, вообще несъ бы хотя черную, но очень отвѣтственную работу, требующую специальныхъ знаній и сноровокъ, да, кромѣ того, могъ бы припоровиться къ различнымъ специальнымъ требованіямъ заграничнаго рынка. Такого грека, чтобы онъ не умеръ съ тоски и не повѣсился, пришлось бы помѣстить рядомъ съ собой, если не во время переѣздовъ, то въ гостиницахъ. Товаръ также приходилось бы возить, если не на курьерскихъ, то на пассажирскихъ поѣздахъ. Однимъ словомъ, на провозъ товара, проѣздъ и содержаніе двухъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ себя, требовалась порядочная сумма, по моимъ расчетамъ, въ зависимости отъ времени поѣздки, тысячь не мѣнѣе, пяти до десяти и, быть можетъ, даже нѣсколько болѣе.

Считая задуманное мною дѣло не только личнымъ, но и важнымъ для государственной экономіи и не имѣя свободныхъ денегъ, по-

тому что табаководство уже съѣло у меня, уже принесло убытка болѣе сорока тысячъ, я рѣшилъ поѣхать къ Вышнеградскому съ предложеніемъ дать ему даромъ мой трудъ и знанія, но попросить у него субсидію въ размѣрѣ около пяти и не болѣе десяти тысячъ, въ расходѣ которыхъ дамъ ему подробный отчетъ.

Былъ принятъ немедленно и принятъ крайне радушно. Но едва началъ объяснять, въ чемъ дѣло, какъ Иванъ Алексѣевичъ прерываетъ словами:

— Такъ, такъ, голубчикъ Александръ Николаевичъ, я васъ понимаю, вы хотите, значить...—И подробно развиваетъ яко бы мое предположеніе, не имѣющее ничего общаго съ моимъ собственнымъ.

— Не совсѣмъ такъ, Иванъ Алексѣевичъ,—и я начинаю продолжать то, что хотѣлъ высказать.

— Ну, да, да,—прерываетъ онъ снова и снова навязываетъ мнѣ то, что мнѣ и въ голову не приходило.

Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ многорѣчивыхъ перерывовъ, мнѣ удалось развить ему мою мысль и предложеніе, которое считалъ необходимымъ закончить слѣдующими словами:

— Прошу, однако, запомнить, Иванъ Алексѣевичъ, что я вовсе не ручаюсь за успѣхъ. Я хочу сдѣлать только попытку, имѣющую по моему убѣжденію, большіе шансы на успѣхъ и прошу у васъ денегъ только на попытку, которая можетъ имѣть большое значеніе для увеличенія нашего экспорта и процвѣтанія возникающей у насъ новой отрасли производства—высокихъ сортовъ табака.

Вышнеградскій вполне согласился съ моимъ мнѣніемъ, но объявилъ, что безъ Островскаго, министра государственныхъ имуществъ, который вѣдалъ тогда и сельскимъ хозяйствомъ имперіи, онъ рѣшить дѣло не можетъ:

— Мы съ Островскимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и я не хочу обѣгать его.

Такъ на этомъ и покончили.

Вскорѣ Вышнеградскій меня увѣдомилъ, что онъ предоставилъ въ распоряженіе Островскаго не 5, не 10, а даже до 18 тысячъ денегъ, «и пусть онъ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ, пусть воспользуется вашимъ планомъ, или вами самими—это его дѣло».

Чиновники Островскаго, разумѣется, не пожелали выпустить этого дѣла, связаннаго съ казенной командировкой и жирными суточными изъ своихъ рукъ, и рѣшили осуществить мой планъ сами.

Какъ пошло осуществленіе моего предложенія—въ подробностяхъ не знаю. Знаю только, что чиновники обращались ко многимъ табаководамъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, съ просьбою предоставить имъ, въ ихъ распоряженіе табакъ на указанныхъ мною основаніяхъ, и знаю также, что ни я, ни одинъ изъ табаководовъ не были такъ наивны, чтобы представить въ распоряженіе совершенно не-

свѣдущихъ чиновниковъ свой товаръ. Такъ изъ этого дѣла ничего и не вышло.

Упоминаю я о немъ довольно подробно потому, что оно, по моему мнѣнію, можетъ нѣсколько служить для характеристики Вышнеградскаго, какъ крупнаго дѣятеля, а главнымъ образомъ потому, что меня поразилъ профессоръ, привыкшій говорить и говорить, сидящій въ обликѣ министра финансовъ.

Да, говорить и, правда, работать, работать неустанно, безъ малѣйшей экономіи силъ, работать работу начальниковъ отдѣленій, не говоря уже о той работѣ, которая въ сущности не должна выходить за рамки дѣятельности директоровъ департаментовъ, работать, тратя свои силы по мелочамъ, а не направлять работу подчиненныхъ, давая имъ только директивы для этой работы, и говорить, говорить...

Вслѣдъ за Вышнеградскимъ я, заодно, поѣхалъ къ Вячеславу Константиновичу Плеве, по одному личному, очень серьезному для меня дѣлу. Свиданіе это заслуживаетъ того, чтобы быть переданнымъ во всѣхъ подробностяхъ, но чтобы не дѣлать длинныхъ отступленій, скажу только, что Плеве крайне пріятно поразилъ меня тѣмъ, что въ теченіи двадцати минутъ не проронилъ ни слова: только слушалъ меня.

Подъ вліяніемъ бесѣды съ говорливымъ Иваномъ Алексѣевичемъ я, ѣдучи къ Плеве, временно занимавшему тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ, по дорогѣ обдумалъ свой докладъ въ самой сжатой формѣ изъ боязни, что министръ, человекъ мнѣ совсѣмъ незнакомый, не дастъ мнѣ говорить, тѣмъ болѣе, что обстоятельства дѣла касались произвола одного изъ подчиненныхъ ему генералъ-губернаторовъ, вздумавшаго осуществить свой произволъ въ отношеніи меня на основаніи закона объ охранѣ, т. е. предстояло бесѣдовать о дѣлѣ довольно щекотливомъ.

Я былъ принятъ въ кабинетѣ и послѣ пожатія руки приглашенъ садиться. Изложилъ свое дѣло въ самой краткой формѣ.

Плеве молчитъ.

Поощренный молчаніемъ, я начинаю иллюстрировать свой докладъ.

Плеве молчитъ.

Тогда я приступаю къ подробному разбору закона объ охранѣ, указывая на цѣль этого закона, на ясно выраженную волю самого государя, совершенно опредѣленно указываваго на то, что законъ этотъ не долженъ быть примѣняемъ ни въ какомъ случаѣ къ лицамъ, не проявлявшимъ своей преступной дѣятельности.

Плеве молчитъ.

Высказавъ, накопецъ, все то, что хотѣлъ и имѣлъ сказать, я кончаю слѣдующими словами:

— Ваше высокопревосходительство. Я отнюдь не намѣренъ умалять достоинствъ генерала X. Онъ, безъ сомнѣнiя, человѣкъ очень способный. Прекрасно говорить, хорошо писать, по это не человѣкъ государственный. Въ государственномъ смыслѣ—это человѣкъ вредный. Онъ слишкомъ легкомысленъ для государственнаго человѣка и педаромъ Николай Николаевичъ Обручевъ, его товарищъ, отозвался о немъ: «Ужъ этотъ X! Какъ былъ прапорщикомъ, такъ прапорщикомъ и остался!»

Плеве ни звука. Я также молчу, высказавъ все, что хотѣлъ сказать.

Видя это, Плеве говоритъ наконецъ:

— У васъ въ рукахъ, безъ сомнѣнiя, докладная записка. Получивъ утвердительный отвѣтъ, принявъ эту записку, на прощанье пожалъ руку, и я вышелъ отъ него просто очарованный, благодаря тому контрасту, который онъ являлъ собою въ сравненiи съ многорѣчивымъ, хотя и многоработнымъ, скорѣе излишнеработнымъ Вышнеградскимъ.

Вообще я почти безошибочно опредѣляю пригодность человѣка для крупной государственной роли по двумъ признакамъ

Первый признакъ. Если человѣкъ при вступленiи въ должность сказалъ красивую, интересную, длинную рѣчь и особенно, когда затѣмъ частенько доставляетъ читателю удовольствiе слѣдить по газетамъ за его красивыми рѣчами—дѣло плохо. Такимъ являлся покойный министръ юстиции Муравьевъ. Какiя онъ длинныя и красивыя рѣчи произносилъ при объѣздахъ Россiи въ качествѣ министра. Съ большимъ удовольствiемъ читалъ я эти рѣчи и по прочтенiи каждой думалъ: слова, красивыя слова, но только слова. А дѣло, вѣрно, пойдетъ неважно. И это понятно.

Сказать хорошую, блестящую, красивую рѣчь нельзя безъ подготовки, безъ того, чтобы не затратить на эту подготовку порядочной порции времени и, слѣдовательно, отнять это время отъ дѣла. Мало того, тщеславное желанiе произвести эффектъ красивой рѣчью невольно должно отвлекать человѣка отъ дѣла, увлекать въ сторону краснорѣчiя, и дѣло, естественно, отходить на второй планъ. Истинно-дѣловой человѣкъ никогда много говоритъ о дѣлѣ, особенно при вступленiи въ него, не станетъ. Какъ противоположность красивыхъ и пространныхъ рѣчей Муравьева мнѣ припоминается рѣчь Александра Романовича Дрентельна, при вступленiи его въ должность командующаго войсками кievскаго военнаго округа. Рѣчь эта, впрочемъ, приведена мною въ очеркъ «А. Р. Дрентельнъ», поэтому, оставляя сейчасъ въ сторонѣ этотъ образецъ лаконизма и дѣловитости, приведу другой примѣръ такого же рода, не лишенный притомъ большой оригинальности.

Когда славный по Кавказу генералъ Баклановъ назначенъ былъ начальникомъ военнаго отдѣла во время возстанiя 1863 г.

въ Августовскую губернію, къ нему явились вмѣстѣ со служащими и представители польской шляхты.

Грозное имя Бакланова, наводившее ужасъ даже на кавказскихъ горцевъ, привело въ трепетъ польскихъ пановъ, изъ которыхъ каждый считалъ за собою нѣсколько грѣшковъ.

Выходить къ панамъ фигура колоссальнаго роста, вся обросшая волосами, и на привѣтствіе говоритъ слѣдующее:

— Здравствуйте. Я знаю, вамъ говорили про меня, что я дѣтей малыхъ ѣмъ. Такъ, если вы бунтовать не будете, я дѣтей вашихъ ѣсть не буду, а если будете, то и васъ самихъ съѣмъ. Ну, прощайте.

И результатъ вышелъ тотъ, что грозный Баклановъ былъ очень любимъ населеніемъ, потому что всѣ увидѣли въ немъ человѣка справедливаго и, несмотря на свирѣдую внѣшность, въ сущности добраго, даже отзывчиваго, не разъ принимавшаго на себя трудную роль ходатая за поляковъ передъ неумолимымъ Михаиломъ Николаевичемъ Муравьевымъ.¹⁾

Если же человѣкъ, пренебрегая лаконизмомъ, говоритъ страннѣйшія рѣчи, стараясь придать имъ красивую, изящную форму—онъ обыкновенно плохо слушаетъ, или слушаетъ хорошо только самого себя, а если не умѣетъ слушать другихъ и слушать хорошо, слушать аналитически, то никогда не узнаешь людей. Между тѣмъ крупную работу совершать одному нѣтъ никакой возможности. Въ ней должны участвовать другіе—помощники, и вотъ въ выборѣ этихъ помощниковъ проявляются способности крупнаго государственнаго дѣятеля.

Если же человѣкъ не ставитъ себѣ первостепенной задачей выборъ даровитыхъ и работоспособныхъ помощниковъ, а самъ наваливаетъ ихъ работу на себя; если онъ не направляетъ дѣятельности подчиненныхъ, не даетъ имъ лишь директивъ, не указываетъ имъ только цѣли, предоставляя средства для достиженія этихъ цѣлей ихъ собственной инициативѣ; если онъ самъ стремится выполнять ихъ работу, то вотъ второй признакъ, указывающій на то, что такой человѣкъ для крупной государственной роли не годится.

¹⁾ По независимымъ отъ меня обстоятельствамъ воспоминанія объ А. Р. Дрентельнѣ еще не скоро выйдутъ въ свѣтъ, поэтому считаю умѣстнымъ передать здѣсь же разсказъ очень почтеннаго человѣка о томъ, какъ А. Р. Дрентельнъ вступалъ въ командованіе войсками кievскаго военнаго округа.

«Пріѣхавъ въ Кіевъ,—говоритъ разсказчикъ,—Дрентельнъ остановился на отведенной ему частной квартирѣ и всѣ мы, начальники частей, получили приказаніе не встрѣчать новаго «командующаго» на вокзалѣ, а явиться на квартиру. Вышелъ, поздоровался, спросилъ каждаго фамилію и какую кто занимаетъ должность, никому не подавая руки. А затѣмъ, обойдя представлявшихся, обратился ко всѣмъ съ слѣдующими словами: «А подробнѣе, господа, познакомимся на службѣ».

Вотъ и все. И, конечно, такая правдивая и лаконическая фраза имѣла для пользы службы несравненно болѣе значенія, чѣмъ красивыя «пожеланія» и щедро обѣщаемыя, но крайне рѣдко выполняемыя «благія начинанія».

Когда военнымъ министромъ былъ назначенъ генераль Куропаткинъ, сказавшій прекрасную, красивую рѣчь при знакомствѣ съ своими подчиненными, когда всѣ въ Государственномъ Совѣтѣ признавали за нимъ счастливый даръ слова, я подъ вліяніемъ того обаянія, которое производилъ онъ какъ герой, поражавшій своей неустрашимостью, утѣшалъ себя тѣмъ, что вездѣ же могутъ быть исключенія и что вотъ такимъ именно исключеніемъ является многою и красиво говорящій Куропаткинъ.

Когда же по отъѣздѣ его на войну развязались языки его подчиненныхъ, я услышалъ о томъ, что этотъ человѣкъ—спокойной внѣшности, спокойной рѣчи—въ дѣятельности своей представляетъ полную противоположность этому спокойствію, что онъ суетитъ своихъ подчиненныхъ и вмѣшивается въ работу приличную лишь столоначальникамъ,—я испугался за наши дѣла въ Манчжуріи, но все еще надѣялся, что, какъ опытный воинъ, прекрасно знакомый съ теоріей военнаго дѣла, онъ не повторитъ ошибокъ администратора, такъ какъ къ административной дѣятельности онъ мало былъ подготовленъ; надѣялся, что въ этомъ воинѣ твердо укоренились основные принципы военнаго дѣла—предоставлять инициативу дѣйствій частымъ начальникамъ, указывать имъ только цѣли и отнюдь не мѣшаться въ выборъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей.

Я надѣялся, но надежды мои не оправдались. Никакія знанія, никакіе примѣры исторіи и ея указанія не могутъ, видно, измѣнить натуры человѣка, и если въ этой натурѣ лежитъ мелочность, она будетъ проявляться вопреки даже разсудку. И она, къ ужасу всѣхъ патріотовъ, проявилась въ Куропаткинѣ и подтвердила еще разъ правильность моего глубокаго убѣжденія въ томъ, что если человѣкъ много говоритъ, мало слушаетъ, не умѣетъ выбирать людей, не ищетъ даровитыхъ помощниковъ, а все хочетъ пополнить собою; если, обрабатывая мелочи, гоняясь за ними, онъ не даетъ себѣ достаточно досуга, необходимаго для обдумыванія крупной, широкой работы, новыхъ путей, которые вели бы къ эволюціи,—такой человѣкъ для широкой государственной дѣятельности не годится.

И вотъ Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій, несмотря на его огромныя способности, на финансовый опытъ, являлъ, по моему мнѣнію, собою человѣка не государственнаго, а лишь необычайно даровитаго труженика, и едва ли не единственнымъ крупнымъ дѣломъ его финансовой дѣятельности были конверсіи нашихъ займовъ, отнесенные которыхъ многіе финансисты того мнѣнія, что онѣ принесли государству не Богъ знаетъ какую пользу.

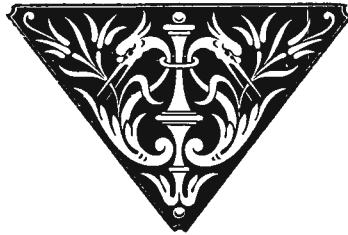
Основательное знакомство съ этимъ выдающимся человѣкомъ обязываетъ меня, однако, еще разъ высказать самое глубокое, самое незыблемое убѣжденіе въ томъ, что никакой личной выгоды при этихъ конверсіяхъ, какъ въ немъ это подозрѣвали, Вышнеградскій не имѣлъ въ виду и не получилъ.

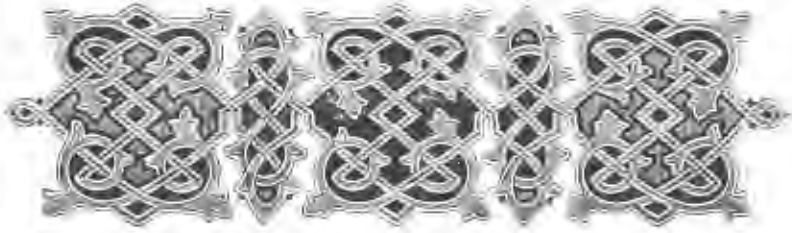
И самъ, правда, приводилъ слова его, свидѣтельствовавшія о циничномъ взглядѣ его на казну; но это было, когда онъ стоялъ отъ казеннаго сундука совсѣмъ въ сторонѣ, далеко, далеко. Когда же онъ сталъ на стражѣ этого сундука, онъ, несомнѣнно, началъ считать его интересы своими интересами и служилъ этимъ интересамъ со всей громадной энергійей, на которую былъ способенъ. Энергія эта, къ сожалѣнью, была слишкомъ обращена на мелочи, на работу, министру не подобающую, и онъ палъ подъ бременемъ этой пенужной и изнурительной работы.

Заслуживаетъ ли онъ за это упрека?

Конечно нѣтъ. Скорѣе сожалѣнія и даже благодарности за то, что всего себя отдалъ работѣ во имя интересовъ родины, за благо которой, какъ онъ его понималъ, подорвалъ свои огромныя силы и честно положилъ самую жизнь.

А. Витмеръ.

ДЯДЬКА НАЗАРЪ.

(Воспоминаніе старожила).

I.

ХОРОШО помню его, хотя съ того времени протекли очень многіе годы... Это былъ весьма бодрый еще николаевскій унтеръ, съ деревяшкой вмѣсто ноги, двумя георгіями на ветхомъ мундирчикѣ, еле державшемся на его могучихъ плечахъ и громадными, до нельзя нафабранными уснищами на добродушномъ лицѣ кирпично-краснаго цвѣта, которому онъ изо всѣхъ силъ старался придать свирѣпое выраженіе. Неизвѣстно, гдѣ онъ родился, но сразу сдѣлался неотъемлемой принадлежностью нашей семьи и даже цѣлой деревни, когда мой умирающій отъ ранъ дядя привезъ его къ намъ прямо изъ-подъ Севастополя.

И были причины тому. Въ первомъ сраженіи при Альмѣ, когда наши густыя колонны двинулись дружно впередъ съ цѣлью разметать тонкій строй невиданнаго еще непріятеля, но остановились и потому были разстрѣляны,—рядовой Назаръ Денисовъ съ небольшою кучкой товарищей остался на полѣ и, схвативши на плечи своего раненаго начальника, т. е. моего дядю, донесъ его до нашихъ послѣднихъ отступавшихъ частей, не обращая никакого вниманія на сыпавшіяся градомъ усовершенствованныя французскія пули. Послѣ этого онъ еще отличился нѣсколько разъ, замѣнилъ себѣ правую ногу казенною деревянною, а затѣмъ, по окончаніи войны, пріѣхалъ къ намъ вмѣстѣ со своимъ командиромъ. Дядя, еще при жизни, отвелъ ему кусочекъ земли,

построилъ на ней избу со всѣмъ необходимымъ въ хозяйствѣ, п Назаръ, подобно Цинцинату, сдѣлался мирнымъ хозяиномъ. Разумѣется, какъ воинъ въ душѣ, да еще и безногій вдобавокъ, онъ уже не могъ быть настоящимъ крестьяниномъ-хлѣбопашцемъ, но праздность была ему вовсе несвойственна и потому изъ него вышелъ превосходный столяръ, а, кромѣ того, еще и пасѣчникъ; такъ что, подготовленный, повидимому, судьбою къ нищенству, онъ успѣлъ доставить себѣ и пропитаніе и уваженіе.

Наше знакомство съ Назаромъ началось съ того времени, когда онъ, по завѣту покойнаго дяди, сталъ приходить къ намъ во дворъ для того, чтобы обучать меня, восьмилѣтняго мальчика, воинскому артикулу, что считалось тогда необходимымъ для каждого дворянина. Какъ теперь помню его точно вылитую изъ мѣди фигуру, преисполненную такой непоколебимой энергіи, какой больше нигдѣ мнѣ не приходилось встрѣчать. Бойко постукивая своей деревяшкой, онъ къ намъ проходилъ черезъ садъ и, приказавъ вызвать къ нему «барчука» тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій, останавливался на площадкѣ, окруженной высокими липами, гдѣ, обыкновенно, происходило наше ученіе. Узнавъ о приходѣ учителя, я бросалъ умыванье или недопитый чай и кидался опретью въ дѣтскую, гдѣ на деревянной пирамидѣ, сдѣланной руками того же Назара, висѣла моя воинская аммуниція и стояло подаренное дядей ружье, тщательно одѣвался и, застегнувъ на себѣ многочисленныя крючки и пряжки, выходилъ на ученіе.

— Здорово, барчукъ!—встрѣчалъ меня громовымъ басомъ учитель, свирѣпо вращая глазами.

— Здравія желаю, господинъ дядька!—отвѣчалъ я, какъ будто шутя, но на самомъ дѣлѣ съ великимъ почтеніемъ.

— Тэ-э-късъ,—говорилъ учитель, пронизывая меня взглядомъ насквозь.—Смирно! Направо кру-у-гомь!

Я старательно выполнялъ команду.

— Ну вотъ, опять аммуниція пригнана не по правиламъ,— строго замѣчалъ дядька.—Между краемъ ранца и поясомъ должна быть ладонь; а гдѣ жъ тутъ ладонь?—ворчалъ онъ, поправляя меня своими корявыми пальцами такъ, что я колебался подобно тростинкѣ отъ вѣтра.—Стыдно, барчукъ! Какой изъ васъ офицеръ будетъ!

Я покорно молчалъ, зная, что въ строю объясняться не полагается, хотя понимая весьма хорошо свою невиновность въ томъ, что мой дѣтскій станъ еще не доросъ до устава.

— Ладно!—заканчивалъ дядька осмотръ, видя, что тутъ ничего не подѣлаешь.—По приемамъ: на пле-чо! разъ-два!

Эти приемы продолжались болѣе получаса, послѣ чего слѣдовали повороты, vzdвaиваніе рядовъ и прочая воинская премудрость; при чемъ роль моихъ товарищей по фронту справа и слѣва играли

двѣ толстыя палки, хранившіяся тутъ же въ саду. Назаръ увлекался ученьемъ, какъ настоящій артистъ; густыя, черныя брови его грозно сдвигались на лбу, усы шевелились точно живые, а лицо принимало багровый оттѣнокъ; и онъ бы, навѣрно, довелъ меня до обморока, такъ какъ ослушаться команды было и помыслить нельзя, если бы на выручку не приходила моя няня Марина, очень красивая дѣвушка двадцати лѣтъ, съ косою чуть не до пятъ и «бездонными», по выраженію моего папаша, глазами. Увидѣвши дѣвушку, яростный воинъ сразу терялъ свою идеальную выправку и откидывался всѣмъ корпусомъ такъ, точно его кто ударялъ палкою по ногамъ.

— Бога вы не боитесь, Назаръ Денисовичъ!—начинала боевымъ тономъ Марина.—Ну развѣ можно такъ мучить ребенка? Да и на что ему ваше ученье? Онъ не рекрутъ какой, а дворянинъ настоящій!

Назаръ, обыкновенно, молчалъ, но послѣднія слова задѣвали его за живое.

— Не понимаете вы этого, Марина Елисѣевна, не можете этого вы понять,—возражалъ онъ съ небывалою кротостью, но съ явно скрытымъ негодованіемъ.—Вотъ въ томъ-то и дѣло, что онъ дворянинъ; а дворянинъ обязанъ отечество свое защищать до послѣдняго издыханія, до послѣдней капельки крови, иначе онъ уже не дворянинъ, а дезертиръ будетъ. А какъ же ему защищать, своего дѣла не зная? Наше дѣло очень тяжелое и ему съ дѣтства надо учиться. Такъ-то!

Но Марина уже не слушала, а, схвативъ меня за руку, убѣгала вмѣстѣ со мной, послѣ чего еще долго можно было видѣть эпическую фигуру Назара, стоявшаго на дорожкѣ въ глубокомъ раздумьѣ.

— Послушай, Коля,—разъ завела разговоръ моя мамаша съ отцомъ:—миѣ ужасно жалко Назара. Онъ такой порядочный, такой благородный и заслуживаетъ гораздо лучшаго положенія... Такъ бы хотѣлось ему помочь!

— Что ты, матушка,—удивлялся отецъ:—чѣмъ же его положеніе худо? Другіе на его мѣстѣ подъ окошками ходятъ, а онъ—полный хозяинъ и большія деньги на мебели зарабатываетъ. Опять же и пасѣка... Я вотъ сколько надъ пчелами бьюсь, и ничего у меня не выходитъ, а у Назара это дѣло прекрасно идетъ, такъ что въ прошедшемъ году онъ одного воску на сто рублей продалъ. Зачѣмъ ему помогать, когда ему самъ Богъ помогаетъ!

— Да вѣдь онъ совершенно одинъ. Какъ же можно такъ жить?

— Одинъ управляется,—ухмылялся отецъ.—Онъ говоритъ, что солдатъ долженъ дѣлать все самъ и прислужниковъ солдату не полагается. Прежде даже бѣлье самъ себѣ мылъ; ну, а теперь, кажется, бобылка какая-то моетъ и она же убираетъ иногда у него... Нѣтъ, ничего, онъ живетъ превосходно.

— А одиночество полное ты ни во что ставишь?

— Чѣмъ же я виновата? Пусть женится—я посаженнымъ отцомъ буду. А на комъ бы ты его хотѣла женить?

— Разумѣется, на Маринѣ. Она вполне достойна его, и развѣ не видишь, какъ онъ за ней убивается?

— Помилуй, матушка, какъ это могло тебѣ прійти въ голову, — вскакивалъ съ мѣста отецъ. — Да развѣ возможно! Назаръ человѣкъ строгихъ правилъ и за каждое изъ нихъ готовъ жизнью пожертвовать, а Марина...

— Какъ не стыдно тебѣ такъ говорить!—сразу обижалась мамаша. — Она такъ намъ предана, такъ любитъ нашего сына, а ты... Клеветать на такую дѣвушку: это ни на что не похоже!

— Да я ничего, — смущался отецъ: — а только кого она любитъ — я ручаться тебѣ не совѣтую... Ты только посмотри на нее: глаза у нея совершенно бездонные.

— Охота же тебѣ засматриваться на глаза у прислуги! — ядовито замѣчала мамаша.

— Я не засматривался, а смотрѣлъ; и дѣйствительно нахожу въ этихъ глазахъ что-то особенное. Это прямо бездна какая-то, въ которой можно ожидать все, что угодно, но въ которой не видно рѣшительно ничего. Правду ли она говоритъ, или лжетъ, любить, или ненавидитъ — въ глазахъ этихъ ничего ровно замѣтить нельзя; а при томъ и манера у ней: всегда она выглядитъ такъ, какъ будто что-то украла...

— Ну, ужъ, пожалуйста, только не это!

— Я и не говорю, что она что-либо украла, а только эта манера не предвѣщаетъ ничего добраго. Знаешь, такіе люди бываютъ постоянно готовы на все ради своего удовольствія, и потому совѣсть у нихъ всегда нечиста, хотя бы ихъ и не обвиняли ни въ чемъ. А Назаръ... Помилуй, это огонь и вода, или, лучше сказать, фитиль, брошенный въ порохъ!

— А Назаръ не имѣетъ такой богатой фантазіи и потому будетъ счастливъ съ Мариною, безапелляціонно заключила мамаша. — Чѣмъ выдумывать Богъ знаетъ что о чужой совѣсти, намъ лучше бы свою успокоить: мы ей такъ многимъ обязаны, а не сдѣлали ничего до сихъ поръ!

Больше я не слышалъ такихъ разговоровъ, но однажды съ удивленіемъ узналъ, что моя милая няня меня оставляетъ и вообще оставляетъ нашъ домъ для того, чтобы сдѣлаться женою Назара. Скоро совершилась и свадьба съ возможною въ деревнѣ пышностью. Отецъ угрюмо молчалъ, Назаръ сіялъ, какъ вычищенная кирпичомъ мѣдная пуговица, а Марина улыбалась, спокойно поглядывая на всѣхъ удивительными своими глазами; но больше всѣхъ сіяла и радовалась мамаша, безпрестанно осыпая свою любимицу поцѣлуями

и ужъ заранѣе торжествуя побѣду надъ всѣми предубѣжденіями своего мужа.

Однако эти подозрѣнія являлись не даромъ; и дѣйствительно, хотя я по малолѣтству не замѣчалъ этого, моя нянюшка была, такъ сказать, создана героиней романа и, не взирая на молодость, уже имѣла свою исторію. Родилась она крѣпостною крестьянкою моей бабушки въ числѣ трехъ дочерей двороваго человѣка, причѣмъ каждая изъ сестеръ, по обычаю того времени, была назначена «въ приданое» одной изъ дочерей властной помѣщицы. Неизвѣстно, кому назначалась Марина, такъ какъ всѣ три сестры жили пока-мѣстъ у бабушки и прислуживали всѣмъ одинаково; но въ то время, какъ на другихъ не обращалось никакого вниманія, Марина сразу выдалась изъ всѣхъ и заняла въ домѣ исключительное положеніе. Рѣдкая ли красота дѣвушки была причиной тому, или особенное поведеніе, но только всѣ три барышни положительно влюбились въ нее, и даже сама старуха-помѣщица, обыкновенно столь строгая къ своимъ подданнымъ, относилась къ Маринѣ иначе и сквозь пальцы смотрѣла на всевозможныя баловства своихъ дочерей по отношенію къ послѣдней. И чего не выдѣлывали только молодья барышни-идеалистки съ понравившеюся имъ прислужницей: онѣ ссорились изъ-за нея, ревновали, отдавали ей свои лучшіе наряды и платья, подъ предлогомъ, что они имъ не впору, а Марина принимала все это, какъ должное, и всѣмъ одинаково улыбалась. Когда Марина начала подрастать, мать моя вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ, а Марина осталась на попеченіи тетушекъ, продолжая пользоваться ихъ поклоненіемъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и я уже не только успѣлъ появиться на свѣтъ, но и сдѣлался рѣзвымъ ребенкомъ, настоящимъ идоломъ своей бабушки, какъ съ Мариною случился романическій эпизодъ, навѣки оставшійся въ моей памяти.

Однажды мы всею семьею собрались у бабушки праздновать святки, во время которыхъ кстати приходился день рожденія бабушки. Былъ, разумѣется, балъ, на которомъ всего болѣе отличались господа офицеры квартировавшаго въ уѣздѣ полка, пользовавшіеся тогда совершенно другимъ значеніемъ, чѣмъ нынѣшніе. Балъ прошелъ весьма оживленно и весело; но, когда стали осматриваться на другой день, то оказалось, что Маринѣ пропала изъ дома, словно въ воду канула.

— Опозорила она честный мой домъ!—воскликала съ отчаяніемъ бабушка, вдовствовавшая очень давно и страшно чувствительная къ добродѣтели. Разумѣется, она сейчасъ догадалась, что это штуки гг. офицеровъ и приказала никогда не принимать изъ нихъ никого, а о Маринѣ запретила даже напоминать при себѣ; но каково же было удивленіе цѣлаго дома, когда недѣли черезъ двѣ Марина снова явилась и какъ ни въ чемъ не бывало приступила къ исполненію своихъ прежнихъ обязанностей. Всѣ въ страхѣ за-

молкли, ожидая бѣды, такъ какъ знали, что властная барыня такой дерзости вынести не могла. И, дѣйствительно, она не вынесла.

— Такъ ты такъ, голубка моя,—говорила она на своемъ малороссійскомъ жаргонѣ,—такъ ты такъ заплатила мнѣ за ласку мою?! Мало того, что мой честный домъ опозорила, да еще пришла надъ старостью моей посмѣяться? Я тебя не искала, я тебя не ловила, но не думала я, что ты осмѣлишься явиться ко мнѣ на глаза послѣ этого. А когда ты за расчетомъ пришла, такъ расчетъ тебѣ будетъ! Марта! Ходора!—крикнула она двумъ дюжимъ прислужницамъ.—Возьмите эту шельму проклятую и выпорите ее сейчасъ же передъ крыльцомъ!

Хотя крѣпостное право еще продолжалось, но расправы подобного рода были уже не въ модѣ, особенно въ нашей семьѣ. Но бабушка, видно, сильно была раздражена, такъ какъ никакіе угрозы и никакія просьбы семьи на нее не подѣйствовали. Вотъ уже двѣ дюжія бабы потащили поблѣднѣвшую отъ страха красавицу и начали ее раздѣвать, какъ вдругъ изъ сада прибѣжалъ любимый бабушкинъ внукъ и, съ истерическимъ плачемъ обнимая ноги своей баловницы, удачно закончилъ тѣмъ, что упалъ передъ нею въ конвульсіяхъ.

Надо было видѣть, что сдѣлалось съ грозной и властной старухой. Перепуганная на смерть, она сама чуть не упала въ обморокъ и, отдавъ приказаніе оставить Марину, съ горькимъ рыданіемъ наклонилась надъ безчувственнымъ внукомъ.

— Гриценьку, ты Гриценьку!—заливаясь слезами, повторяла она.

— Не будешь бить, бабушка? — спрашивалъ очнувшійся внукъ.

— Не буду, мое сердце, не буду,—дворянской честью тебѣ клянусь! Пусть она, проклятая, дѣлаетъ, что захочетъ, только ты—не умирай, мой голубчикъ.

Такъ и кончился весь эпизодъ. Неизвѣстно, какъ оправдалась Марина, но только она уѣхала съ матерью въ нашу деревню и сдѣлалась моею нянюшкою, вызывая сомнительныя улыбки отца и проклятія на всѣхъ офицеровъ со стороны матери, что, впрочемъ, не представляло особой бѣды, такъ какъ мой отецъ офицеромъ никогда не былъ. Конечно, я привязался къ тактичной и ласковой дѣвушкѣ, хотя уже выросъ настолько, что въ нянюшкѣ совсѣмъ не нуждался; но видно, что и мамаша души въ ней не чаяла, такъ какъ не хотѣла вѣрить ничему дурному о ней и страшно обижалась на шутки отца, который говорилъ, что боится ходить по садовымъ аллеямъ, но не изъ опасенія волковъ, которые иногда къ намъ забѣгали, а потому, чтобы не застать мою няню въ рискованномъ положеніи. Теперь Марина изъ дома ушла, но продолжала насъ навѣщать всегда самоувѣренная и разряженная, хотя и часто шепталась съ матерью, какъ будто жалуясь ей на кого-то. Но мнѣ уже некогда

было разбирать эти дѣла, такъ какъ я самъ скоро долженъ былъ покинуть родительскій домъ, для того, чтобы ѣхать въ губернскій городъ въ гимназію.

II.

Пріѣзжая домой на каникулы, я, конечно, не забывалъ своихъ старыхъ друзей и весьма часто навѣщалъ Назара съ Мариной. Марина осыпала меня поцѣлуями и угощала конфетами, которыя никогда не переводились у нея; но, не взирая на всѣ эти ласки, я, чѣмъ дѣлался старше, тѣмъ больше тяготѣлъ къ постарѣвшему сильно Назару и тѣмъ болѣе отстранялся отъ прежней ласковой няни, въ поцѣлуяхъ которой чувствовалъ нѣчто для себя непріятное. Впрочемъ, весьма часто ея не было дома, такъ что я проводилъ время болѣе съ Назаромъ и ничуть не огорчался за это.

Для того, чтобы попасть изъ нашего дома къ Назару, надо было сбѣжать съ уставленнаго цвѣтами балкона, обойти громаднѣйшій круглый цвѣтникъ и сквозь густую аллею старинныхъ липъ съ жужжавшими среди нихъ ичелами пробѣжать къ мостику черезъ канаву, окружавшую садъ. За канавой начиналась высокая рожь, испещренная синими васильками, въ которой я скрывался совсѣмъ съ головой, совершенно не видя окружающей мѣстности, и, только пробравшись сквозь эту рожь по узенькой, утопанной до твердости камня тропинкѣ, я могъ увидѣть сочный лужокъ, усѣянный словно коверъ полевыми цвѣтами, чистую, какъ серебро, небольшую рѣченку и за рѣкой амфитеатромъ подымавшійся лѣсъ, отливашій всѣми цвѣтами радуги. Но это еще не все: добравшись до нашей рѣченки, я долженъ былъ долго пробираться по ея крутымъ берегамъ, заросшимъ простыми и плакучими ивами, пока не добирался до мельницы, черезъ которую наведенъ былъ мостъ. Перейдя по мосту и вдоволь назѣвавшись на мельничныя колеса, съ страшнымъ шумомъ разбрызгивавшія свѣтлую воду миллионами радужныхъ искръ, я уже издали замѣчалъ пасѣку дядьки Назара, почему-то уставленную срубленными сосенками, которыя и служили мнѣ маякомъ. Тутъ начиналось болото; но я пускался бѣгомъ черезъ кочки и пни, пока не добѣгалъ до привѣтной избушки съ соломенной крышею, чисто выбѣленной внутри и снаружи и обсаженной кругомъ разными цвѣтами, среди коихъ макъ и подсолнечники играли главную роль.

Если Марины не было дома, то во дворѣ встрѣчалъ меня только Волчокъ, громаднѣйшій сѣрый песъ съ шерстью, торчавшею точно проволока, и, положивъ свои мохнатяя лапы мнѣ на плечи, старался меня лизнуть прямо въ лицо, отъ чего я всячески отбивался; самого же хозяина я всегда заставлялъ за работою, либо въ пасѣкѣ, либо за столярнымъ станкомъ, либо въ огородѣ копавшаго землю. Замѣтивъ меня, онъ приставлялъ свои инструменты къ углу, сте-

пенно снималъ фартукъ, одѣтый поверхъ мужицкой рубахи, и крѣпко обнималъ меня своими точно изъ желѣза скованными руками; затѣмъ онъ шелъ въ особый чуланъ, выносилъ оттуда большой кусокъ идеальнаго «крытаго» меда и краюху ситнаго хлѣба и молча ставилъ это угощенье передо мною на столъ.

— Ахъ, Боже мой,—отвѣчалъ я капризно на эту ласку:—вѣдь ты же знаешь, что я меду не ѣмъ!

— Нельзя, барчукъ, этого, никакъ невозможно,—возражалъ на это непоколебимо Назаръ.—Во-первыхъ, и безъ угощенья нельзя, а, во-вторыхъ, какъ же меду не кушать? Вѣдь это самый лучший даръ Божій.

— А чѣмъ же я виноватъ, когда мнѣ не хочется; да развѣ я за угощеньемъ къ тебѣ пришелъ?—отворачивался я отъ чрезмѣрно сладкаго блюда.—Вотъ, я лучше такъ съ тобой посижу, а ты мнѣ расскажи что-нибудь,—убѣждалъ я хозяина, чувствуя себя особенно хорошо въ присутствіи этого дружелюбнаго и сильнаго чело-вѣка.

— Да о чемъ же говорить-то, барчукъ? Говорить-то мнѣ совсѣмъ не о чемъ!

— Мало ли о чемъ! Гдѣ Марина?

— А спроси вѣтра въ полѣ!—махалъ рукою Назаръ, при чемъ добродушное лицо его принимало суровое выраженіе.

— Зачѣмъ я вѣтра спрашивать стану, я тебя спрашиваю,—заступался я за свою нянюшку.—Погулять пошла? Такъ погулять всякому хочется. Это только ты не гуляешь,—такъ зато и рассказывай, а не то и я тоже гулять уйду.

Послѣ этого начинались у стараго съ малымъ безконечные разговоры, точно и впрямь у равноправныхъ друзей. Много я выслушалъ, хотя, быть можетъ, и не вполне правильныхъ, но хорошихъ и честныхъ рѣчей отъ Назара, какихъ теперь трудно уже гдѣ-либо услышать. Конечно, это уже все позабыто, но нѣкоторыя его мнѣнія объ общественныхъ отношеніяхъ, словно вырублены топоромъ, были до такой степени оригинальны и до того не сходились съ теперешними вѣрованіями, что остались въ моей памяти до сихъ поръ, хотя съ того времени прошло уже чуть ли не полстолѣтія.

— Не понимаю, о чемъ ты печалишься, дядька Назаръ,—угриваривалъ я своего собесѣдника.—Развѣ теперь время печалиться? Помилуй: царь крѣпостному народу вольную далъ, а еще увидишь, что дальше будетъ!—сразу высыпалъ я готовые убѣжденія и надежды.

Назаръ строго сдвигалъ свои черныя брови, коломъ топорщилъ усы и глядѣлъ на меня съ отеческимъ сожалѣніемъ.

— Нечему радоваться, барчукъ!—сурово выговаривалъ онъ.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, я вскакивалъ съ крайнимъ негодова-ніемъ.

— Какъ не стыдно тебѣ такъ говорить!—возмущался я съ вы-
соты своего гимназическаго «развитія».—Вѣдь крестьяне были рабы,
а теперь вольные стали. Такъ неужели это тебѣ не нравится?

— А какая имъ отъ этого радость?—поворачивалъ служивый
ко мнѣ свою точно вылитую изъ бронзы фигуру.

— Какъ, радость какая?—удивлялся я до послѣдней возмож-
ности.—Вѣдь помѣщики обижали народъ? Скажи: обижали? Ну,
и работать на себя заставляли. А теперь они этого уже не могутъ.

Назаръ сомнительно качалъ головой.

— Маль ты, голубчикъ, еще и не понять тебѣ этого,—говорилъ
онъ съ непоколебимой увѣренностью.—Извѣстно, что тебѣ скажутъ,
то и ты говоришь, а ежели по совѣсти разсудить—такъ оно иначе
выходить. Обижали! Разумѣется обижали; да вѣдь человѣкъ со-
зданъ такъ, чтобъ непремѣнно другого обидѣть. А ты думаешь,
безъ помѣщиковъ обидчиковъ не найдется? Найдутся, родной, да
еще въ десять разъ худшіе! Ну, а ужъ защитить некому будетъ,
это дѣйствительно, потому что теперь не мужикамъ, а дворянамъ
воля пришла, и они этой волей воспользуются...

— Богъ знаетъ, что ты говоришь, дядька Назаръ,—продолжалъ
я все болѣе удивляться.—Какая же воля дворянамъ? Дворяне
всегда были вольные.

— Ты такъ думаешь? Ошибаешься, милый. Нѣтъ, не были они
вольными до сихъ поръ, а только теперь вольными стали. У кре-
стьянина лошадь падеть,—развѣ былъ воленъ помѣщикъ ему ло-
шади не купить? Изба погорить,—развѣ онъ былъ воленъ ему но-
вую не построить? Развѣ воленъ онъ былъ допустить, чтобы кре-
стьянинъ у него съ голоду померъ? Сохрани Боже! На дворянскомъ
собраніи опорочать, а имѣніе въ опеку возмуть; а то крестьяне
сами взбунтуются и зарѣжутъ... А теперь полная воля: у крестья-
нина все равно все возмуть, но зато ужъ никто ему не поможетъ!

Я глядѣлъ на него, разинувши ротъ.

— Такъ, милый барчукъ, истинно такъ,—невозмутимо продол-
жалъ мой удивительный собесѣдникъ.—Вотъ увидишь, какъ всѣ по-
мѣщики поразбѣгутся и пропадутъ; но безъ господъ мы все жъ не
останемся, потому что каждому хочется чужой крови попить.
Такъ это, по-твоему, лучше? Пожалуй, и папенка твоя наостритъ
лыжи отъ насъ и со своими писаніями въ столицу поѣдетъ... Что
ему! Человѣкъ штатскій и, вѣрно, уже позабылъ, какъ его предки
за отечество кровь проливали.

Надо сказать что Назаръ ни за что не хотѣлъ простить отцу
моему того, что онъ не былъ военнымъ.

— Полно, Назаръ,—останавливалъ я:—отецъ ничего худого не
сдѣлаеть, а ты лучше мнѣ Расскажи что-нибудь про войну, какъ
подъ Севастополемъ вы орудовали и какъ ты дядю покойнаго отъ
смерти спасъ.

Назаръ выпрямлялся на своемъ мѣстѣ и глаза его загорались; но черезъ минуту онъ снова горбился и уныло махалъ рукою.

— Нечего про это рассказывать!—говорилъ онъ.—Дядю вашего спасъ Господь, а не я; а подь Севастополемъ все та же исторія вышла, что народъ вольности себѣ пожелалъ и о животѣ своемъ сталъ заботиться... Ну, и дали непріятелю волю.

— То есть, какъ же это, Назаръ?

— А такъ, что многіе перетрусили, стали о выгодахъ своихъ думать, а не о воннскомъ долгѣ, и вмѣсто того, чтобы слушаться, стали начальство свое обличать... Ну, а непріятель не ждалъ, пока мы межъ собой разберемся, и оттого вышла бѣда.

— Вовсе не отъ того,—возражалъ я съ готовой увѣренностью.— Бѣда отъ того вышла, что мы ружей себѣ хорошихъ не завели, а у непріятеля они были. Вольно же было безоружный народъ на бой выводить!

Отъ такихъ возраженій Назаръ недовольно подымалъ усы кверху и упрямо крутилъ головой.

— Ахъ, малецъ, малецъ,—говорилъ онъ съ истиннымъ огорченіемъ:—гдѣ же тебѣ настоящую субординацію понимать, когда обучить тебя некому! Развѣ обученіе твое настоящее? Такъ, учать брехать—и ничего больше. Знаю я, что многіе брешутъ теперь и оправдываются, какъ арестанты; а что ужъ оправдываться, когда виновать! Нѣтъ, если бы у тебя настоящіе учителя были, такъ бы понялъ тогда, что все дѣло въ человѣкѣ, а не въ оружіи, и что человѣкъ, если онъ стоитъ чего, можетъ побѣждать съ какимъ угодно оружіемъ, а оружіе безъ человѣка никуда не годится. Вѣрно, знаешь, какъ Давидъ побѣдилъ Голиафа? Ну, и всегда будетъ такъ, только трусить не надо. Вотъ хоть бы и съ англичаниномъ этимъ! Правда, что пули хватили у него дальше, да вѣдь пуля—одно баловство только, а рѣшаетъ дѣло не пуля, а грудь. Эхъ, кабы не струсили! Мы бы имъ показали, что ихняя пуля значить!

— Да ты расскажи, какъ дѣло-то было.

— А такъ же и было, какъ началось, съ начала и до конца. Высадились они спервоначалу въ Балаклавской-то бухточкѣ. Ну, этому мы не могли помѣшать, такъ какъ флота у него была сила несмѣтная; однако войско собрали. Меньше насъ было, но все же могли за себя постоять. Встрѣтились—видимъ, что «онъ» весь по полю разсыпался, словно въ стрѣлковую цѣпь. Вотъ, думаемъ, дурачье: да мы васъ однимъ батальономъ раскассируемъ! Двинулись мы это въ атаку, какъ честь солдату велить,—и вдругъ—раньше времени начали пули свистѣть и люди отъ нихъ стали валиться... Оно дѣйствительно: прежде пуля дальше трехъ сотенъ шаговъ не шла, а они чуть ли не за полверсты начали. Ну, такъ что жъ? Трудное ли дѣло солдату полверсты пробѣжать? Но, видно, Господь насъ хотѣлъ за грѣхи наказать и настоящее разумѣніе отнять;

остановились наши и стали глазами моргать, а «онъ», разумѣется, жарить. Выскочилъ вашъ дядюшка напередъ: «бѣгомъ, ребята, бѣгомъ что есть духу», — кричить, и мы за нимъ побѣжали. Да только побѣжали не всѣ! — ударилъ онъ кулакомъ по столу съ побагровѣвшимъ лицомъ. — Побѣжало человѣкъ съ пятьдесятъ, а остальные, стервецы, назадъ повернули. Ну, тутъ дѣло видимое, что добраго было ждать нечего. А потомъ и во всѣхъ сраженіяхъ такъ пошло; потому что подлецы начали оправдываться и увѣрять: «у нихъ огонь-де такой, что человѣку не выдержать». Извѣстно, трусу не выдержать! — заключилъ Назарь, склоняя на столъ свою побѣдную голову.

— А если бы и пошли, — пробоваль я возражать: — что бы изъ этого вышло? Все равно перебили бы всѣхъ по дорогѣ...

— Что ты, голубчикъ, — выпрямлялся снова Назарь: — да развѣ возможно всѣхъ перебить? Нѣтъ! Если бы, не то половина, — если бѣ десятая часть только дошла, то и штыка бы не было нужно; потому, что человѣкъ человѣка чуетъ всегда и передъ доблестью всегда преклоняется.

Подобные разговоры обыкновенно прерывала Марина, возвращавшаяся домой, разодѣтая, загадочная и увѣренная.

— Гдѣ ты была? — грозно спрашиваль мужъ, сразу забывавшій о севастопольскихъ неудачахъ.

— Тамъ, гдѣ нужно было! — презрительно отвѣчала Марина. — Ахъ, голубчикъ ты мой, и ты здѣсь! — бросалась она ко мнѣ со своими горячими и влажными поцѣлуями.

Жилы на лбу у Назара наливались синею кровью; но, видимо, при мнѣ онъ ссоры начинать не хотѣлъ.

— Ну, и жара же сегодня, — замѣчала Марина, мимоходомъ взглядывая въ измѣнившееся лицо мужа: — просто чуть не растаяла, пока до дома дошла!

Съ этими словами она распускала свою чудную косу, которую, несмотря на замужество, продолжала носить по-дѣвичьи, а затѣмъ снимала «корсетку», оставаясь въ одной шитой рубахѣ, безсовѣстно обнаруживавшей ея роскошныя формы.

— Ну, что ты, старый, насушился, точно волкъ? — подходила она послѣ этого къ мужу: — видишь, у насъ гость дорогой; а будешь сердиться — онъ къ намъ и ходить перестанетъ. Ну, расправляй свои морщины скорѣй!

Назарь угрюмо молчалъ, но загорѣвшіеся глаза его ясно доказывали, что если въ борьбѣ человѣкъ значитъ все, то и оружіе тоже много значитъ...

Покончивши полной побѣдой, Марина продолжала трещать и осыпая меня ласками; но я почему-то чувствовалъ себя очень неловко и послѣдшне собирался домой, отговариваясь необходимою возвратиться къ обѣду или же ужину.

III.

Прошло еще два-три года и, когда однажды я приѣхалъ домой на каникулы, то моею дорогой матери, разливавшей вокругъ себя уютъ, довольство и радость, я уже не засталъ, а отецъ угрюмо и одиноко бродилъ по запустѣвшему дому. Разумѣется, радости было мало; молча сѣлись вдвоемъ мы за столъ и молча отъ него уходили, находя тягостнымъ разговаривать о чемъ бы то ни было, а сосѣди къ намъ приѣзжать и не думали. Такъ продолжалось нѣсколько времени, какъ вдругъ разъ отецъ вмѣсто того, чтобы послѣ обѣда уйти къ себѣ на покой, остановилъ меня за руку.

— Послушай, сынокъ,—сказалъ онъ серьезно:—я хотѣлъ бы поговорить съ тобой.

— Говори, отецъ,—отвѣчалъ я, обрадованный.

— Тебѣ извѣстно,—началъ онъ, растягивая слова, какъ бы нехотя,—что теперь у насъ новые порядки пошли, такъ какъ давножданное освобожденіе крестьянъ наконецъ совершилось.

Я молча утвердительно кивнулъ головой.

— И представь себѣ, кромѣ петербургскихъ писакъ, это никого равно не радуешь.

— Помилуй, отецъ, да вѣдь это счастье великое!—отвѣтилъ я по трафарету.

— Да, я и самъ думалъ, что счастье, но, однако, никакого счастья не видно. Крестьяне пока употребили свою свободу на лѣность, на пьянство, а что хуже всего,—на самую унижительную борьбу какъ съ помѣщиками, такъ и между собою, думая найти себѣ этимъ дешевую выгоду; но отъ того имъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Можетъ быть, въ будущемъ все это измѣнится къ лучшему, но въ настоящемъ ничего добраго нѣтъ.

— Что жъ они дѣлають, батько?

— Они вѣчно ссорятся и спорять за каждый пустякъ, стараясь оттянуть другъ у друга хоть малость; а на ихъ поведеніе съ помѣщиками просто стыдно глядѣть: они постоянно толкаются у двора съ безконечными и нелѣпыми просьбами; но чуть что-либо зависитъ отъ нихъ, то тотчасъ же переходятъ во враждебное положеніе, проявляя эту вражду самымъ глупѣйшимъ образомъ. Можешь представить себѣ, что когда наступила у насъ косовица, то крестьяне вдругъ сговорились и потребовали съ меня тройную плату, въ убѣжденіи, что мнѣ некуда будетъ податься. И дѣйствительно, я уже хотѣлъ уступить, но, по счастью, случайно проходила чужая артель, которую я и нанялъ за настоящую цѣну. Такъ что бы ты думалъ? Они у меня валялись въ ногахъ, соглашаясь работать за половину; но, конечно, я уже договора нарушить не могъ. А кромѣ того, постоянныя порубки, потравы у насъ, точно какъ будто въ

землѣ непріятельской. Помѣщики, разумѣется, отвѣчаютъ на это, и многіе наняли уже годовыхъ ходатаевъ для того, чтобы постоянно судиться со своими крестьянами. У такихъ нарочно не травятъ, такъ они сами заманиваютъ скотъ на траву, а затѣмъ продаютъ его съ публичнаго торга. Что ты скажешь на это?

— Разумѣется, папочка, это срамъ; но зачѣмъ ты рассказываешь мнѣ объ этомъ?

— А затѣмъ, сынокъ, чтобы сказать, что у меня уже силъ больше нѣтъ съ этимъ срамомъ возиться. Пока была жива твоя мать, я еще могъ выносить какъ-нибудь; но теперь—что я стану дѣлать одинъ, не имѣя никакой возможности помочь ничему? А потому я нашелъ единственный вѣрный исходъ: продать всю землю крестьянамъ. Они на это пойдутъ, тѣмъ болѣе, что я отдаю почти за безцѣнокъ; и это единственное, что я могу сдѣлать для этихъ вольныхъ людей, освобождая и себя самого такимъ образомъ.

— Что жъ, тату, тебѣ лучше знать, какъ устроиться!

— Да; но имѣніе родовое, а не мое, политое потомъ и кровью нашихъ предковъ. Если бы ты былъ постарше—я бы сказалъ: иди и хозяйничай самъ, какъ знаешь; но ты еще очень юнъ и неопытенъ, а я терпѣть больше не въ состояніи. Если хочешь—можно имѣніе въ аренду отдать, но это будетъ еще хуже, пожалуй.

— Я отвѣчу тебѣ одно, отецъ,—сказалъ я, обнимая его:—что я тебя очень люблю и никогда тебя укорять не посмѣю. А посовѣтовать тебѣ ничего не могу. Почему же я знаю?

Послѣ этого разговора прошло двѣ или три недѣли попрежнему. Мы съ отцомъ тосковали, не зная, куда дѣваться со своей тоской, и прежде столь милыя сердцу и поэтическія родныя мѣста намъ окончательно опротивѣли; крестьяне каждый день къ намъ приходили во дворъ, стараясь всѣми силами выклянчить все новую и новую сбавку; но, когда отецъ окончательно прекратилъ разговоръ, то оказалось, что всѣ очень согласны, но только платить имъ за землю нечѣмъ. Конечно, были и такіе изъ нихъ, что могли въдесятеро заплатить, но зато у другихъ совсѣмъ ничего не было, а платить слѣдовало всѣмъ поровну. Ожидали открытія крестьянскаго банка, а пока переливали изъ пустого въ порожнее, такъ какъ у отца руки не подымались уже хлопотать за разваливающимся со всѣхъ сторонъ хозяйствомъ. Однажды, когда мы сидѣли въ такомъ положеніи, пришелъ мальчикъ сказать, что явился Назаръ, о которомъ мы было совсѣмъ позабыли, и просить доложить о себѣ.

— Что это ему вздумалось церемониться?—удивился отецъ.— Скажи, пусть идетъ такъ, безъ доклада!

Черезъ минуту вошелъ къ намъ Назаръ и вытянулся во фронтъ съ ему одному свойственной манерой. Онъ, повидимому, былъ въ страшномъ волненіи: его кирпичное лицо приняло оливковый цвѣтъ, а глаза выражали глубокую печаль и рѣшимость.

— Здравствуй, Назаръ Денисычъ,—сказаль отецъ.—Что это такое съ тобою случилось?

— Здравія желаю, васкобродіе!—отрапортоваль официально Назаръ.

— Да что такое съ тобой?!—все больше удивлялся отецъ.—Зачѣмъ эти всѣ церемоніи? Если нужно что,—такъ ты только скажи и я съ удовольствіемъ помогу, если въ силахъ.

— Покорно благодаримъ, васкобродіе,—продолжалъ тѣмъ же тономъ Назаръ,—ничего мнѣ совершенно не нужно.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Объясни скорѣй, ради Бога!

— Такъ что, васкобродіе, я только съ докладомъ пришелъ,—выговариваль съ усиліемъ Назаръ, точно слова не шли у него изъ горла:—потому что на деревнѣ осмѣливаются у насъ болтать, будто вы дезертировать со своего поста собираетесь.

Слово дезертиръ считалось въ ту пору самымъ обиднымъ названіемъ, а особенно въ устахъ такихъ людей, какъ Назаръ; а потому отецъ вспыхнулъ до корня волосъ, но, однакоже, удержался.

— Послушай, Назаръ,—сказаль отецъ:—другому бы я на это отвѣтилъ иначе; но съ тобой ссориться не желаю; а потому уходи лучше, если не умѣешь прилично вести себя.

— Боже милостивый!—воскликнулъ Назаръ, едва держась на ногахъ.—Такъ неужели же это правда?! Васкородіе! Дѣлайте со мной что хотите, но пожалѣйте себя, пожалѣйте свою дворянскую честь вѣковую!

Отецъ поглядѣлъ на него, пожалъ плечами и повидимому, успокоился.

— Видишь ли, Назаръ,—заговорилъ онъ спокойно:—для того, чтобы чего-нибудь требовать, надо понимать дѣло, не говорю уже имѣть право на это. Чего отъ меня ты хочешь? Чтобы я приковаль себя къ мѣсту, какъ каторжникъ? Но прежде всего, кому какая отъ этого польза? Народу нужна земля—и я отдаю ее чуть не задаромъ; а еще чего отъ меня ты хочешь?

— Помилуйте, васкобродіе,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Назаръ.—Помилуйте, какъ же вы это? А могилы вашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ? А народъ, порученный вамъ самимъ Богомъ?!

— О могилахъ я позабочусь; а что касается народа, то никакой Богъ его не поручаль мнѣ, а теперь ему царь вольную далъ,—такъ что же я стану съ нимъ дѣлать? Или ты и царя ослушаться мнѣ совѣтуешь?

— Государя ослушаться никакъ невозможно,—увѣряль упрямо Назаръ:—только убѣгать отъ земли онъ не приказываетъ. Да отъ чести и совѣсти и онъ освободить насъ не можетъ; а какая же это честь отдать свой кровный народъ на погибель? Они станутъ ѣсть оди́нъ другого и грабить кругомъ, пока не явятся какіе-либо прохвосты, которые ихъ въ еще горшую кабалу сведутъ. Извѣстно,

кабы у царя настоящіе совѣтники были, такъ они бы сказали ему, что невозможно тому волю давать, у кого еще совѣсти мало. Но и такъ еще ничего не пропало и вашей вѣковой обязанности васъ никто не можетъ лишитъ, если только вы сами себя не лишите. Подумайте: кто безъ васъ имъ поможетъ, кто ихъ научитъ добру и кто остановитъ на худой случай! Безъ васъ они пропадутъ, а вамъ честь этого не можетъ дозволить.

— Глупости говоришь ты, Назаръ!—сердито отвѣтилъ отецъ, атрашированный этой горячею рѣчью.—Глупыя мечтанія—и ничего больше. Какъ же я буду приказывать и учить, когда никто меня слушать не станетъ? Вѣдь придетъ же въ голову подобная выдумка!

— Не послушаютъ? въ первый разъ улыбнулся Назаръ:— полно-те, баринъ! А какъ же они нашего лавочника и жиды-арендатора словно главнокомандующаго все слушаются? Возьмите ихъ въ руки покрѣпче, прижмите такъ, чтобы они пикнуть не смѣли— и будьте увѣрены, что какую бы волю имъ ни дали, они изъ вашей воли не выйдутъ. Да что говорить, это и сами вы знаете!—безнадежно махнулъ онъ рукою.

— Такъ ты, значить, требуешь, —уже окончательно вышелъ отецъ изъ себя:—чтобы я здѣсь разбойническимъ маперомъ засѣлъ, на маперъ Стеньки Разина, что ли? А потомъ, натворивши такого добра, въ Сибирь на поселеніе пошелъ съ твоей великой честью? Нѣтъ, голубчикъ, лучше ты полегче, а съ такими требованіями ко мнѣ не жалуй! Я ни своей власти никому навязывать не хочу, ни твоей признавать надъ собой не согласенъ. Ступай, милый, ступай себѣ съ Богомъ!

— Вотъ человѣкъ!—сказалъ мнѣ, отдышавшись, отецъ послѣ ухода опечаленнаго до нельзя Назара.—Это послѣдній изъ могиканъ древняго русскаго строя, и такихъ уже нѣтъ и уже больше не будетъ. Любопытно знать: каковы-то выйдутъ новые входы!

Черезъ полгода я получилъ письмо отъ отца, слѣдующаго содержания:

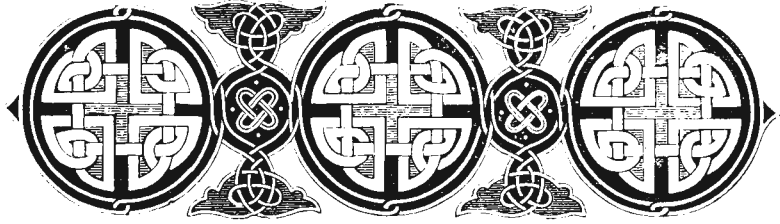
«Дорогой сынокъ,—писалъ онъ,—пишу къ тебѣ для того, что бы сообщить весьма печальную новость, которую я, однакоже, не намѣренъ утаивать отъ тебя, какъ и ничто другое на свѣтѣ. Несчастныя предположенія мои оправдались, и хорошо извѣстный тебѣ Назаръ, наконецъ достигнуть судьбой и увезенъ отъ насъ полиціей за убійство жены. Онъ засталъ ее въ ближайшемъ лѣсу съ объѣздчикомъ сосѣдняго графа и положилъ обоихъ наповалъ изъ дустволки, которая, къ несчастью, при немъ оказалась, хотя объѣздчикъ былъ тоже съ ружьемъ и втрое его сильнѣе. Признаюсь, я давно ожидалъ этого, но, разумѣется, сильно за него опечалился,

хотя и не въ силахъ быть чѣмъ либо помочь, кромѣ, какъ упростиъ полицейскихъ, чтобы его не связывали, какъ преступника; тѣмъ болѣе, что, по моему крайнему убѣжденію, онъ преступникомъ вовсе не былъ, а скорѣе жертвою. Но удивительнѣе всего то, какъ отнесся этотъ уже вышедшій изъ нашего обихода герой къ своему собственному поступку. «Помилуйте, баринъ,—все время убѣждалъ онъ меня:—зачѣмъ вамъ изъ-за меня беспокоиться?! Развѣ я убилъ ее изъ-за ненависти или изъ-за интереса? Я любилъ ее больше, чѣмъ душу; но, если дозволено въ защиту жизни или мощны убивать, то какъ же было не убить въ защиту поруганной чести! Конечно, меня берутъ для порядка, но никакой судъ меня не осудить; а если бы и осудили, то государь непременно помилуетъ. Какъ же ему не знать, что безъ хлѣба, безъ войска, даже безъ начальства земля можетъ стоять, но безъ чести она держаться не можетъ; а какая же будетъ честь, если за нее наказывать станутъ?» Что ты скажешь на это, сынокъ? Что бы раньше онъ тамъ ни болталъ, но въ этихъ послѣднихъ словахъ, особенно понимая ихъ шире, кроется глубокая истина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ землѣ безъ чести стоять? Не говорю уже безъ чести торговой, обуславливающей все жителескія отношенія, но даже безъ условной, рыцарской чести, которую уже многіе у насъ считаютъ абсурдомъ. Ты теперь изучаешь исторію—такъ взгляди же на свѣжую память, какую роль играла честь въ цивилизаціи всего человѣчества. Не только обычаи и законы—боги мѣнялись и уходили со сцены, но уваженіе къ чести, то есть собственно къ долгу, никогда не забывалось, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, кто заслуживалъ названіе паціи. Большаго несчастья я не знаю, какъ если какой-либо народъ позабудетъ о чести и станетъ искать свои выгоды помимо ея; тогда, сколько бы ни было богатства и силъ у такого народа, онъ погибнетъ съ дикими варварами, а культъ чести все же неизблемо будетъ сѣять, пока существуютъ цивилизованные народы. И потому, дорогой сынъ, мой единственный завѣтъ для тебя:—береги честь пуще зѣницы ока и не отдавай ее никому, ни за что, такъ какъ никакія блага на свѣтѣ не могутъ вознаградить за нее»...

Этому шесъму сорокъ лѣтъ.

Григорій Ольшанскій.

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ.

IX. Смерть Павла Энгельгардта.

I.

В ПОКАЗЫВАЛЪ красоты и достопримѣчательности древняго Смоленска пестербургскому пріятелю. Облѣданныя «тщательной реставраціей», когда-то величественныя, пятиверстныя Борисовы стѣны—«ожерелье» Смоленска—съ зубцами, напоминающими теперь гнилыя зубы столѣтней старухи, произвели бы грустное впечатлѣніе на моего пріятеля, если бы онъ вообще не былъ склоненъ на все рѣшительно въ жизни смотрѣть съ юмористической стороны. Впрочемъ, дивныя пейзажи, открывающіеся съ вершины стѣнъ, все тѣ же и не могли не восхитить. Я же говорилъ о томъ времени, когда еще стѣны не подвергались «реставраціи» и на нихъ росли цвѣты, пышная трава, кусты и деревья, ютились птицы и то были какіе-то Семирамидины висячіе сады волшебныя, окружавшіе городъ. Но этому минуло тридцать лѣтъ! Увы, можно найти весьма добросовѣстныхъ архитекторовъ и всякихъ исполнительныхъ чиновъ, но гдѣ люди со вкусомъ и поэтическимъ чутьемъ, которые поняли бы, что предъ ними чудо искусства, ибо рука времени, рука столѣтій и природы присоединилась къ грандіозному архитектурному созданію и надо только охранить этотъ дивный союзъ природы съ искусствомъ, отнюдь не лишая стѣны ихъ растительнаго роскошнаго покрова, ихъ флоры и фауны, но лишь привести въ порядокъ и благоустройство сіи Богомъ насажденные воздушныя сады.

— Теперь покажите мнѣ памятникъ въ честь вашего однофамильца, разстрѣляннаго Наполеономъ въ 1812 году! Этотъ памятникъ очень меня интересуесть,—сказалъ мой пріятель и досталъ записную книжку, гдѣ у него оказалась отмѣтка.

«Номѣщикъ сельца Дягилева Духовицкаго уѣзда Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ былъ разстрѣлянъ 15 октября 1812 г. за Молоховскими воротами, въ шанцахъ или покрытомъ нутѣ, образумомъ выѣшнимъ землянымъ валомъ города и рвомъ у подошвы стѣны, за второю башнею отъ воротъ».

Итти до Молоховскихъ воротъ было недолго. Невольно въ воображеніи возставала грандіозная картина, когда 150 тысячъ войскъ Наполеона обрушились 5 августа на Смоленскъ въ то время, какъ ядра и гранаты изъ 250 орудій и тысячи пуль осыпали городъ...

Въ пять часовъ вечера Наполеонъ приказалъ Даву штурмовать городъ. Французы едва не овладѣли Молоховскими воротами. Но въ это время принцъ Евгений Вюртембергскій, находясь при празднои арміи Барклая и слѣдя съ высоты изъ-за Дибѣра за отчаянною обороною тридцати тысячъ русскихъ города отъ въ пять разъ сильнѣйшаго непріятели, убѣдилъ главнокомандующаго, берешаго войска, въ увѣренности, что «война ихъ портить», послать на помощь Дмитрію Сергѣевичу Дохтурову четвертую дивизію и самъ вызвался итти при ней въ осажденный городъ.

Проѣхавъ мостъ, принцъ увидѣлъ тысячи раненыхъ, уходившихъ съ мѣста побойща съ разрубленными лицами, истерзанными членами, которыхъ шествіе было обозначено струями, лужами, потоками крови, а ядра и гранаты, поражая некавшихъ спасенія, устилали городъ трупами...

У Молоховскихъ воротъ принцъ нашелъ Дохтурова подъ жесточайшимъ градомъ снарядовъ, падавшихъ густою тучею. Здѣсь же находился и Коновинцинъ.

Принцъ поспѣшилъ къ своей дивизіи съ Коновинцинымъ; съ четвертымъ егерскимъ полкомъ онъ кинулся на Молоховскія ворота, въ адъ и пекло боя, штурма и бомбардированія, въ тучи пуль и ядеръ и опрокинулъ наступавшихъ непріятелей.

Жесточайшій огонь продолжался. Прислуга и лошади нашихъ четырехъ орудій, здѣсь стоявшихъ, были истребляемы и смѣняемы нѣсколько разъ; немногіе изъ находившихся при Коновинцинѣ остались невредимы; самъ онъ, раненый пулею въ руку, оставался на мѣстѣ до конца боя; принцъ Евгений со своими егерями устремился изъ Молоховскихъ воротъ въ прикрытый путь, занятый уже французами; первые ряды его колонны пали подъ пулями густой непріятельской цѣпи, но головной батальонъ бросился въ штыки и выбилъ непріятели изъ рва.

Эта картина рисовалась намъ, когда мы проходили подъ гулками сводами Молоховскихъ воротъ.

II.

Мы вышли за ворота. Передь нами раскинулась большая площадь, обставленная сѣрыми заборами и домишками, очень грязно сод р-жимая, покрытая навозомъ, кучами хлама. Посреди ея торчали шалаши и балаганчики дешеваго торга. Нѣсколько тряпичниковъ, въ лохмотьяхъ, съ мѣшками за плечами, съ крючками въ рукахъ бродили по площади и собирали тряпье и кости. Сѣдые бороды, косматыя, включенныя, дикія лица — придавали крайне зловѣщій видъ симъ «моргусамъ». На право торчала облѣзлая безобразная будка около водоразборнаго крана. Здѣсь извозчики и пріѣхавшіе на базаръ съ возами мужики поятъ лошадей, посему это мѣсто особенно густо удобрено и имѣетъ коричневый колоритъ съ специфическимъ смрадомъ.

Мы повернули за будку мимо стѣны. Тутъ долженъ былъ начинаться ровъ и знаменитый «покрытый путь», гдѣ именно егеря принца Евгенія выбили штыками непріятели.

Но гдѣ ровъ? Гдѣ покрытый путь? Гдѣ земляной валь? Ихъ нѣтъ и слѣда.

Все это давно срыто и засыпано городскимъ самоуправленіемъ.

Пройдя немного, увидѣли мы памятникъ, далеко отнесенный отъ стѣны, и за нимъ гнилой, безобразный заборъ, преграждавшій дальнѣйшій путь и предоставлявшій мѣсто между домами и стѣной въ частное пользованіе.

Это пользованіе состоитъ, однако, лишь въ томъ, что на полныхъ потокахъ крови мѣстахъ раскинулася замусоренный и заваленный разнымъ хламомъ пустырь. Казалось бы, засыпавъ ровъ, хозяева города должны бы все-таки это священное мѣсто обратить хотя бы въ красивый бульваръ, наименовавъ его хоть въ честь принца Евгенія или Коновницина. Тогда памятникъ героямъ, разстрѣляннымъ Наполеономъ, стоялъ бы въ началѣ бульвара, а не передъ заборомъ и пустыремъ.

Въ глубокомъ молчаніи, положивъ на уста персть изумленія, обошли мы съ пріятелемъ самый памятникъ трижды и наконецъ, остановившись, посмотрѣли другъ на друга.

— Монументъ—древность совершенная!—проговорилъ пріятель.

Сначала деревянная ограда изъ тумбъ и кривыхъ палочекъ, окрашенная голландской сажей, которую и въ лавочкахъ-то больше для озорства держать. Сажа во многихъ мѣстахъ смыта до благаго дерева и получалась весьма пріятная для глазъ пестрота. Самый памятникъ—изъ чугунныхъ плитъ усѣченная пирамида въ сажень высоты, на постаментѣ изъ такихъ же плитъ съ четырьмя чугунными тумбами по угламъ и жидкими цѣпями между ними, приземистый,

безвкуспный, но все же памятникъ. Конечно, ни цѣпи, ни барьеръ изъ палокъ не мѣшаютъ собакамъ, свиньямъ, гусямъ, и болѣе крупнымъ четвероногимъ бродить кругомъ и обильно оставлять слѣды своего благосклоннаго посѣщенія. Кругомъ трава забвенья и четыре дерева толщиною въ руку.

Мы перепрыгнули черезъ палочки и стали читать надпись на той сторонѣ пирамиды, которая обращена къ стѣнѣ. Прочли буквально слѣдующее:

— Коллежскому ассесору Шубину. Точка. Умершему въ 1812 году. Точка. За Вѣрность и Любовь. Точка...

— Странная пунктуация!.. И неужели нельзя было обозначить хотя имя и отчество сего «коллежскаго ассесора»—Семенъ Ивановичъ? Да и точнѣе обозначить, что разстрѣлянь былъ онъ 24 октября! Но что это дальше написано?

А дальше было изображено буквально слѣдующее:

«   ъ   арю   оте   ествъ.»

«Ерь арю оте ествъ? на какомъ это языкѣ? На ассирийскомъ?

Нѣтъ, это было не на ассирийскомъ. Загадка объяснилась при прочтеніи надписи съ другой стороны памятника:

— Подполковнику. Точка. Павлу Ивановичу Энгельгардту. Точка. Умершему въ 1812 году. Точка. За Вѣрность и Любовь. Точка». Очевидно, пунктуация эта систематическая и авторы надписи, кромѣ точки, никакихъ другихъ знаковъ препинанія не допускали! «За Вѣрность и Любовь. Къ Царю и Отечеству». А, такъ вотъ что значить загадочное: Ерь арю оте ествъ! Присмотрѣвшись, замѣтили мы, что четыре литеры были сняты совершенно безслѣдно...

Грустно пошли мы въ обратный путь и въ головѣ моей все стучало:

«Арю оте ествъ! Арю оте ествъ! Такъ въ Смоленскѣ благодарное потомство чтить героевъ прошлаго».

III.

Рядъ вопросовъ возникаетъ.

Гдѣ именно былъ разстрѣлянь Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ?

Гдѣ, по разстрѣляніи, закопали его тѣло? Поставленъ ли памятникъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ Энгельгардтъ былъ разстрѣлянь? Гдѣ же тѣло его? Поставленъ ли памятникъ на костяхъ Энгельгардта?

Когда въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія ровъ былъ засыпанъ, то остался ли памятникъ на томъ же мѣстѣ и лишь приподнять, или его отодвинули въ сторону дальше отъ стѣны?

Въ книгѣ И. И. Орловскаго «Смоленская стѣна. 1602—1902. Историческій очеркъ смоленской крѣпости въ связи съ исторіей Смоленска. Смоленскъ. 1903.», на стр. 142 читаемъ:

«Возмущенный постоянными нападениями партизановъ на французскіе отряды, Наполеонъ велѣлъ разстрѣливать всѣхъ обвиненныхъ или заподозрѣнныхъ въ этихъ нападенияхъ. Многіе при этомъ пострадали безвинно. Таковъ помѣщикъ сельца Дягилева Духовщинскаго уѣзда Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ. По ложному доносу на него озлобленныхъ его крупостныхъ онъ былъ посаженъ въ тюрьму, въ Спасскую церковь. Наполеонъ велѣлъ его разстрѣлять, что и было исполнено 15 октября 1812 г. за Молоховскими воротами, въ шанцахъ, или прикрытомъ пути, за 2-ю башнею отъ воротъ (по словамъ очевидца И. Н. Мурзакевича)».

Къ этому смоленскій исторіографъ въ примѣчаніи даетъ указанія:

«Подробное описаніе этой казни очевидцами ея отцомъ и сыномъ Мурзакевичами приведены въ біографіи перваго, изданная въ 1877 г., и въ рукописи о 1812 г. послѣдняго, выдержки изъ коей напечатаны въ сочиненіи Писарева: «Памятная книга гор. Смоленска».

Итакъ, показанія свидѣтелей-очевидцевъ казни, совершенно точно означая ея мѣсто въ шанцахъ, за второю башнею отъ Молоховскихъ воротъ, устанавливаютъ совершенно точно, что памятникъ въ 1832 г. былъ поставленъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ совершилась казнь.

Въ 1812 г. башня Молоховская четырехугольная, большая, съ пробѣздными воротами, была французами взорвана при оставленіи Смоленска, а на мѣстѣ ея въ 1832 г., когда въ Смоленскѣ былъ императоръ Николай Павловичъ, заложена въ формѣ башни церковь св. Николая съ пробѣздными воротами. Тогда же отпущена была и сумма денегъ на памятникъ П. И. Энгельгардту.

Идя направо изъ воротъ Молоховскихъ—противъ почти памятника видимъ проломъ въ стѣнѣ, здѣсь помѣщалась «башня четырехугольная малая первая отъ Молоховскихъ воротъ» (по росписи воеводы Шенна), тоже взорванная въ 1812 г. Далѣе, уже пройдя памятникъ, опять видимъ проломъ, загороженный заборомъ. Здѣсь помѣщалась, тоже взорванная французами, башня Кассандаловская, «круглая первая отъ Молоховскихъ воротъ». Итакъ, двѣ эти башни обѣ считались отъ воротъ первыми. Далѣе по росписи Шенна находилась—«башня четырехугольная, другая отъ Молоховскихъ воротъ». Впослѣдствіи она называлась «Донецъ». Она и теперь стоитъ на своемъ мѣстѣ. Далѣе идетъ «башня круглая другая отъ Молоховскихъ воротъ»—Громовая. Еще далѣе «башня четырехугольная, третья отъ Молоховскихъ воротъ, малая Бублейка»

Итакъ, если П. И. Энгельгардтъ былъ разстрѣлянъ за второю башнею въ шанцахъ, считая отъ Молоховскихъ воротъ, то это мѣсто приходится между Громовою башнею и Бублейскою, а вовсе не тамъ, гдѣ поставленъ памятникъ.

Въ своемъ «Дневникѣ» о. Мурзакевичъ подь 12 октября 1812 г. пишетъ: «Позванъ французами въ Спасскую церковь, гдѣ содержались подь стражею разные плѣнные русскіе, въ числѣ ихъ отставной полковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ. На него показали, что онъ убивалъ французскихъ мародеровъ. Приговореннаго къ разстрѣлянію я исповѣдалъ, приобщилъ святыхъ тайнъ и проводилъ на мѣсто. За Молоховскими воротами направо, во рву его разстрѣляли (15 октября) и зарыли, дозволивъ отслужить по немъ панихиду».

Итакъ, мѣсто разстрѣлянія П. И. Энгельгардта есть и мѣсто его погребенія. Кости его тамъ же покоятся, гдѣ онъ погибъ. Женою его, именно на мѣстѣ его кончины, былъ поставленъ небольшой каменный памятникъ. Къ 1832 г. отъ него ничего не осталось. Не было въ живыхъ и супруги героя.

Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ въ 1832 г. Смоленскъ, велѣлъ отпустить деньги на сооруженіе памятника Павлу Ивановичу Энгельгардту, очевидно, только потому, что ему лишь могли указать неопредѣленно пустое мѣсто «отъ воротъ въ рву направо», гдѣ герой умеръ. Кто и какъ ставилъ затѣмъ памятникъ? Надписи его свидѣтельствуютъ, что то были люди безграмотные, не умѣвшіе даже поставить знаки препинанія въ короткой надписи, незнавшіе имени и отчества «коллежскаго ассесора» Шубина и котораго именно числа совершилась мученическая кончина героявъ. Но вѣдь проектъ памятника съ надписями былъ же поднесенъ на высочайшее благовоззрѣніе? Гдѣ онъ? Гдѣ все дѣло? Но если памятникъ былъ поставленъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ совершена казнь, то подь нимъ должны находиться кости Энгельгардта. Между тѣмъ Шубинъ былъ разстрѣлянъ позднѣе и совѣмъ въ другомъ мѣстѣ, за Свирской церковью. Почему же памятникъ Энгельгардту, стоящій на костяхъ его, посвященъ и Шубину?

Въ 1885 г. валъ, прикрывавшій ровъ за Молоховскими воротами, былъ срытъ, вся мѣстность епланирована, памятникъ «былъ приподнятъ надь могилою, и теперь стоитъ не во рву, а на площадкѣ». Такъ пишетъ П. И. Орловскій.

Дума постановила разбить здѣсь скверъ, но это такъ и осталось благимъ намѣреніемъ.

Но правда ли, что памятникъ только приподнятъ надь старымъ мѣстомъ, то есть надь могилой героя?

Правда ли это? Нѣтъ, онъ явно отнесенъ въ сторону отъ стараго мѣста, и если есть кости Павла Ивановича Энгельгардта въ землѣ, то онѣ остались далеко отъ памятника и покоятся глубоко на днѣ засыпаннаго оврага...

Къ величайшему сожалѣнію, я долженъ сказать, что все это было совершено въ бытность городскимъ головой города Смоленска покойнаго А. П. Энгельгардта. Очевидно, онъ полагалъ, что имѣеть

дѣло лишь съ памятникомъ, а не съ могилою героя. Въ концѣ концовъ онъ былъ правъ, кости Павла Энгельгардта покоятся гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, ибо самое мѣсто казни было не тамъ, гдѣ стоитъ памятникъ. Это несомнѣнно. И, кажется, смолянамъ и живущимъ еще родственникамъ героя должно было бы произвести въ этомъ отношеніи тщательнѣйшее разслѣдованіе.

Да и памятникъ пора бы привести сколько-нибудь въ приличный видъ.

Арю оте ествъ...

Вѣдь зазорно. Я самъ видѣлъ, какъ прибывшіе на торгъ мужички, все грамотные, молодые, въ сапогахъ, у которыхъ, у одного въ рукахъ была «Копѣйка», а у другого «Всемирная Панорама», подойдя къ памятнику, вслухъ читали много разъ: «Арю оте ествъ! Арю оте ествъ!»

А потомъ стали, посмѣиваясь, стронуть изъ сихъ загадочныхъ словъ каламбуры. Такъ патріотическаго чувства въ народѣ не возжечь.

IV.

Хотя подвигъ Павла Ивановича Энгельгардта очень популяренъ, не только у смолянъ, но и по всей имперіи, такъ что въ серіи историческихъ картинъ, показываемыхъ обыкновенно солдатамъ въ волшебномъ фонарѣ, есть и картина, изображающая разстрѣліаніе героя, но и біографія, и самая исторія суда и осужденія его совершенно не разработаны. Если кости героя гдѣ-то лежатъ на днѣ засыпаннаго рва въ забвеніи и поруганіи, то и память его уже не разъ пытались тронуть помазкомъ легкой клеветы. Долженъ сказать, что исторіографы Смоленска, и Орловскій, и Писаревъ, въ этомъ отношеніи нѣсколько погрѣшили. Видно, у нихъ желаніе сказать что-то противъ установившагося мнѣнія, основываясь на совершенно ложныхъ показаніяхъ и безъ всякой ихъ критической провѣрки. Особенно странно это видѣть у И. И. Орловскаго, въ его статьѣ о священникѣ Мурзакевичѣ.

Самъ же онъ изображаетъ, какъ этотъ достойнѣйшій пастырь, по уходѣ французовъ, былъ оклеветанъ и даже судимъ за «измѣну», потому что поднесъ Наполеону черствую просфору при его обратномъ, пѣшемъ слѣдованіи черезъ сожженный имъ Смоленскъ. Исторіографъ возмущается людскою несправедливостью. Но тутъ же повторяетъ рассказъ С. И. Писарева о П. И. Энгельгардтѣ, основанный послѣднимъ на явныхъ кляузахъ клеветниковъ героя.

Постараемся во всемъ этомъ разобраться.

Павель Ивановичъ, разстрѣлянный 15 октября 1812 года, родился въ 1774 году. Значитъ, умеръ онъ 38 лѣтъ. У него были братья—Платонъ, Алексѣй, Ивапъ—и сестры—Анастасія, Екате-

рина, Анна, Марса. Отець его, Иванъ Андреевичъ, полковникъ смоленской шляхты. Его дядя Василій Андреевичъ былъ женатъ на родной сестрѣ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Это правнуки пращюра всѣхъ смоленскихъ Энгельгардтовъ, Вернера-Иереміи Энгельгардта.

Подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ былъ, собственно, небогатый помѣщикъ Духовицкаго уѣзда, сельца Дягилева, лежащаго близъ большой дороги, ведущей въ Духовицку изъ Бѣлаго. Но онъ былъ очень образованный человекъ своего времени. Родившись въ имѣніи Мосолово, близъ села Богородицкаго, въ восьми верстахъ отъ Смоленска, онъ еще маленькимъ взятъ былъ на воспитаніе въ Петербургъ своею двоюродною сестрой княгиней Александрой Васильевной Браницкой; обучался въ первомъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, отлично говорилъ по-французски и прекрасно былъ воспитанъ; затѣмъ онъ состоялъ въ военной службѣ; а въ 1812 году значился уже подполковникомъ въ отставкѣ.

Михайловскій-Данилевскій въ «Описаніи Отечественной войны 1812 г.» (Изд. 3-е. ч. III. Сиб. 1843.) говоритъ:

«Война народная возгорѣлась съ самаго Порѣчья, когда Наполеонъ сдѣлалъ первый шагъ на старинную, коренную землю русскую, и продолжалась до ноября, когда былъ онъ изгнанъ изъ Смоленской губерніи. Какъ скоро въ юль мѣсяцъ наша армія отступила отъ Порѣчья къ Смоленску, отважнѣйшіе изъ жителей, оставшіе въ окрестностяхъ своей родины, съѣли на коней и начали истреблять непріятелей по мѣрѣ силъ своихъ.

«Они были первыми народными партизанами въ Отечественную войну.

«Ихъ примѣру послѣдовали прочіе уѣзды Смоленской губерніи.

«Всѣхъ смолянъ постигло одинаковое разореніе и одушевила одинаковая любовь къ отечеству: всѣ бѣжали отъ срама непріятельскаго нашествія, или бросились къ оружію на погибель враговъ.

«Изъ двѣнадцати уѣздовъ, составляющихъ Смоленскую губернію, восемь были совершенно заняты непріятелемъ, по четыре города уцѣлѣли отъ нашествія: Рославль, Юхновъ, Сычевка и Бѣлый. Въ нихъ дворянскіе предводители, градекіе головы, исправники, городничіе, волостные начальники устранивали вооруженную силу, явно и скрытно нападали на непріятелей, убивали мародеровъ и фуражировъ, отащивали города и селенія. Къ нимъ добровольнымъ ополченіямъ присоединились разбѣжавшіеся жители другихъ уѣздовъ, бывшихъ во власти непріятелей, и подвизались вмѣстѣ съ ними.

«Вооруженіе сдѣлалось общимъ, единодушнымъ.

«Смоленская губернія, покрытая цѣломъ городовъ и сель, три мѣсяца напоилась кровью непріятельскою и ежедневно оглашалась выстрѣлами.

«Въ Рославлѣ купцы и мѣщане вооружили и содержали на свой счетъ 400 человекъ пѣшихъ и конныхъ, избранныхъ изъ своей среды.

«Въ Вѣломѣ и Сычевкѣ составилось добровольное ополченіе.

«Въ Юхновѣ уѣздный предводитель Храповицкій, имѣвшій трехъ сыновей въ арміи, собралъ вокругъ себя до 2000 человекъ и изъ числа ихъ составилъ нѣсколько десятковъ конныхъ для разѣздовъ. Подъ его начальство поступило 22 отставныхъ дворянина, бывшихъ прежде въ военной службѣ.

«Храповицкій перешелъ черезъ Угру, сталъ на ея берегу и заглошилъ дорогу изъ Вязмы въ Калугу. Нѣсколько разъ показывались французы, въ намѣреніи захватить не разоренный еще край, но всегда были отбиваемы.

«Никто не думалъ повиноваться управленію, учрежденному французами въ Смоленскѣ; предписанія его оставались безъ исполненія... Народное возстаніе разлилось, какъ пламя, по всей губерніи и содѣлало невозможнымъ пополненіе магазиновъ, которые Наполеонъ велѣлъ закладывать въ Смоленскѣ. Провіантскіе комиссары, посылаемые для закупки хлѣба, и команды, отряжаемыя на фуражировки, или гибли подъ ударами православныхъ, или возвращались израненные, избитые, не исполнивъ данныхъ имъ порученій. Наконецъ непріятель вознамѣрился утратить жителей, употребя кровавыя мѣры. Съ сею цѣлью старались они захватить кого-либо изъ помѣщиковъ, начальствующихъ вооруженными поселянами и дворовыми людьми.

«Двое пали ихъ жертвою: отставной подполковникъ Энгельгардтъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ.

«Защищая отъ мародеровъ свое и сосѣднія имѣнія, они были схвачены, привезены въ Смоленскъ и осуждены на смерть.

«Французы медлили исполненіемъ казни, склоняя ихъ вступитъ въ свою службу, но безуспѣшно.

«Выведенный на мѣсто казни, Энгельгардтъ не дозволилъ завязать себѣ глаза. Французы сперва прострѣляли ему ногу и вновь старались поколебать его вѣрность (донесеніе сенатора Каверина графу Аракчееву, отъ 16 іюля 1813 г., № 1925), обѣщая залечить рану въ случаѣ согласія на ихъ предложеніе. Энгельгардтъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями.

«Одишаковой участи подвергся Шубинъ.

«По окончаніи войны государь Александръ I повелѣлъ производить пенсіи: брату Энгельгардта по 6000 рублей, племяннику его и племянницѣ, обонмъ по 3000, вдовѣ Шубина по 10.000; матери его по 6000 и двумъ сестрамъ дѣвушкамъ по 3000 (Конечно, ассигнаціями? Н. Энгельгардтъ).

«Императоръ Николай Павловичъ соорудилъ Энгельгардту памятникъ на самомъ мѣстѣ мученической его смерти». (Стр. 106—110).

Мы видимъ, что подвигъ П. И. Энгельгардта былъ оцѣненъ сейчасъ же, и Михайловскій-Данилевскій основывается на офиціальномъ документѣ донесенія отъ 16 июля 1813 г., за № 1925.

Выступаютъ при этомъ главныя черты дѣянія смоленскаго героя:

1) Энгельгардтъ палъ жертвою мести французовъ партизанамъ и возставшему населенію.

2) Энгельгардтъ защищалъ отъ мародеровъ свои и окрестныя имѣнія, то есть, несомнѣнно, для сего составилъ вооруженный отрядъ, во главѣ коего и стоялъ, то-есть онъ тоже партизанъ, защищавшій свою родину, когда большинство помѣщиковъ бѣжало.

3) Французы дважды старались поколебать вѣрность царю и отечеству Энгельгардта, передъ казною и затѣмъ, легко подстрѣливъ ему ногу. Но въ намѣреніи семъ нисколько не успѣли.

4) На мѣстѣ казни Энгельгардтъ выказалъ безпримѣрное мужество и неустранимость, не дозволить даже завязать себѣ глаза.

Вотъ основныя черты подвига Энгельгардта и его героической личности.

Такъ же изображаетъ его въ своихъ «Письмахъ офицера» знаменитый историческій романистъ, авторъ «Ледяного дома», «Ба-сурмана» и «Послѣдняго Новика», Лажечниковъ.

V.

Михайловскій-Данилевскій полагаетъ, что памятникъ Энгельгардту сооруженъ «на самомъ мѣстѣ мученической его смерти».

Выше мы привели основанія, по которымъ это подлежитъ большому сомнѣнію.

Въ брошюрѣ «Никифоръ Адриановичъ Мурзакевичъ, историкъ города Смоленска, 1769—1834. Спб. 1877. стр. 23», читаемъ:

«12 октября (1812) Никифоръ былъ потребованъ къ содержащемуся въ Спасской церкви, подъ строгимъ военнымъ карауломъ, оставшему подполковнику русской службы Павлу Ивановичу Энгельгардту.

«Собственные его крестьяне обвинили его въ убіеніи нѣсколькихъ французскихъ мародеровъ (?!). Никифоръ въ теченіе двухъ дней былъ собесѣдникомъ Энгельгардта; затѣмъ, по произнесеніи приговора къ разстрѣлянію, неовѣдавъ, приобщилъ святыхъ таинъ, проводилъ до мѣста незаслуженной казни и тамъ похоронилъ (мѣсто могилы вправо Молоховскихъ воротъ; въ 1832 году поставленъ мраморный памятникъ) во рву, за городскою стѣною».

Въ этомъ разсказѣ мы находимъ ту черту, которая послужила для смоленскихъ археологовъ-исторіографовъ, Писарева, а за нимъ Орловскаго, къ составленію такой редакціи осужденія и смерти

Павла Ивановича, которая ослабляет впечатлѣніе величія его личности и пачкаетъ его память легкимъ налетомъ оклеветанія.

На сцену выступаютъ крѣпостные крестьяне-лжесвидѣтели, удостовѣрившіе французскихъ судей-поляковъ въ Смоленскѣ, что Энгельгардтъ «убилъ нѣсколькихъ мародеровъ-французовъ». Мы увидимъ, что и Писаревъ, и Орловскій, видимо, становятся на сторону сихъ лжесвидѣтелей-крестьянъ и склонны изобразить просвѣщеннаго и гуманнаго ихъ помѣщика — жестокимъ и вызвавшимъ тѣмъ недовольство своихъ крѣпостныхъ.

Замѣтимъ, что въ вышеприведенной цитатѣ указано, что памятникъ, поставленный въ 1833 г. по приказанію императора Николая Павловича, былъ мраморный. Теперь стоитъ чугунный.

Куда же дѣлся мраморъ?

Странно тоже, что памятникъ, стоящій на могилѣ героя, безъ креста!.. Генераль Богдановичъ въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ» (Сиб. 1860 г. Томъ II. Стр. 400—402) такъ описываетъ подвигъ Энгельгардта, помѣчая: «Изъ свѣдѣній о Смоленской губерніи, хранящихся въ архивѣ военно-топографическаго бюро (нынѣ военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба), указъ правительствующему сенату отъ 30 августа 1813 года».

«Смоленская губернія въ тяжелое время непріятельскаго нашествія представляла величественное зрѣлище соревнованія всѣхъ сословій на пользу общую. Начальники дружинъ, не ограничиваясь нанесеніемъ всевозможнаго вреда непріятелю, поддерживали благоустройство между своими и сосѣдственными крестьянами.

«Въ числѣ смолянъ, возставшихъ на защиту отечества, были одними изъ первыхъ помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ.

«Подполковникъ Энгельгардтъ, во время нашествія французовъ оставшись въ своей порѣчковой деревнѣ, способствовалъ казакамъ истреблять непріятелей, появившихся въ сосѣдствѣ его, и старался содержать въ порядкѣ и повиновеніи своихъ крестьянъ, а коллежскій ассесоръ Шубинъ, проживавшій также въ своемъ имѣніи, узнавъ о прибытіи въ Духовицкую команду Казанскаго драгунскаго полка, направилъ съ драгунами на непріятельскихъ мародеровъ, грабившихъ сосѣдственную ему деревню, и захватилъ въ плѣнъ двадцать одного человѣка. Только двумъ солдатамъ изъ этой команды удалось уйти въ Смоленскъ и донести о поступкѣ Шубина. Тогда же сдѣланъ былъ доносъ на Энгельгардта въ убійствѣ многихъ французскихъ солдатъ. Будучи привезенъ въ Смоленскъ, посаженъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ, Энгельгардтъ былъ приговоренъ къ смертной казни и разстрѣлянъ 15-го октября.

«Когда его вывели за Молоховскія ворота, гдѣ назначено было исполнить приговоръ суда, непріятели стали уговаривать его,

чтобы онъ вступилъ во французскую службу, предлагая въ награду пзмѣны чинъ полковника. Русскій дворянинъ съ презрѣнiемъ отвергнулъ недостойное предложенiе. «Стрѣляйте въ меня!» сказалъ онъ, сорвавъ платокъ, которымъ хотѣли завязать ему глаза, и безстрашно смотря на приближающуюся въ него команду.

«Непрiятели, чтобы поколебать его мужество, сперва нанесли ему рану въ ногу, обѣщая пощадить его, если онъ согласится служить Наполеону. Ни боль, терпимая страдальцемъ, ни льстивыя обѣщанiя мучителей не могли поколебать твердость духа великодушнаго Энгельгардта.

«Тогда французы выстрѣлили по немъ залпомъ.

«Изъ восемнадцати пушенныхъ въ него пуль двѣ попали въ грудь и одна въ животъ; но какъ онъ еще продолжалъ дышать, то одинъ изъ солдатъ, зарядивъ наскоро ружье, выстрѣлилъ ему въ високъ и прекратилъ его страданiя.

«Коллежскому ассесору Шубину также было предложено служить во французскихъ войскахъ, но онъ остался вѣренъ своему долгу, отвѣчалъ непрiятелямъ рѣзко, изъявляя ненависть свою къ французамъ, и былъ разстрѣлянъ 24-го октября».

«Императоръ Александръ I, узнавъ о всѣхъ обстоятельствахъ геройской кончины Энгельгардта и Шубина, пожаловалъ пенсiю ближайшимъ роднымъ его».

Н. К. Шильдеръ въ исторiи Александра I въ т. III (98—99 стр. говоритъ кратко:

«Въ Смоленскѣ оставивъ полковникъ Энгельгардтъ и коллежскiй ассесоръ Шубинъ, защищавшiе свое имущество отъ грабителей, были осуждены французами на казнь. Непрiятель выразилъ готовность даровать имъ жизнь подъ условiемъ, что они пзмѣнятъ своей присягѣ. Это предложенiе было отвергнуто съ негодованiемъ, и ихъ разстрѣляли. Энгельгардтъ даже не позволилъ завязать себѣ глаза передъ казнью».

На стр. 127 Шильдеръ помѣщаетъ гравюру Чессекаго, по рисунку Иванова «Подвигъ Энгельгардта въ 1812 году».

Видимъ, что историкъ, Шильдеръ, Богдановичъ и Михайловскiй-Данилевскiй, согласно повѣствуютъ о причинахъ казни и о доблестныхъ послѣднихъ минутахъ смоленскаго героя. Причемъ въ основанiе разсказа положены официальные документы:

1) Свѣдѣнiя, хранящiяся въ военно-топографическомъ отдѣлѣ главнаго штаба; 2) указъ правительствующему сенату отъ 30 августа 1813 года; 3) донесенiе сенатора Каверина графу Аракчееву, отъ 16 iюля 1813, № 1925. Къ нимъ документамъ должно быть присоединено и дѣло о постановкѣ памятника героямъ партизанамъ, по высочайшему повелѣнiю въ 1832 году.

Таково официальное удостовѣренiе подвига, достойнаго героя въ древности.

VI.

Спрашивается, гдѣ покоятся смертныя останки Павла Ивановича Энгельгардта? Весьма сомнительно, какъ мы видѣли, на томъ ли даже мѣстѣ поставленъ ему памятникъ, гдѣ подлинно онъ былъ разстрѣлянъ. Но совершенно точно извѣстно, что тѣло его было зарыто на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было разстрѣляно. Но зарыто чрезвычайно небрежно исполнителями казни, которые передъ этимъ раздѣли тѣло донага и тутъ же подѣлили между собою окровавленныя одежды и обувь партизана-мученика. А потомъ «ничкомъ въ три четверти выкопанную яму бросили». Итакъ, тѣло не было предано землѣ обыкновеннымъ порядкомъ, а просто вброшено въ яму менѣе аршина глубины и, можетъ быть прикрыто нѣсколькими лопатами сѣшно кинутой земли. Работали французы-«снекуляторы», и думали лишь о томъ, чтобы поскорѣе освободиться.

Казнь совершена была 15 октября, а Смоленскъ былъ оставленъ непріятелемъ и занятъ русскими войсками лишь къ 7 часамъ утра 5 ноября, то есть тѣло оставалось въ ямкѣ, глубиною менѣе аршина и чуть прикрытое почти три недѣли, при чемъ весь «прикрытый путь» отъ Молоховскихъ воротъ до Королевскаго бастиона былъ заваленъ трупами, которые, если закапывали, то тутъ же. Русская армія вступила въ Смоленскъ 7-го ноября, а 10-го у Молоховскихъ воротъ торжественно встрѣчена была духовнествомъ икоа Божіей Матери Одигитріи, три мѣсяца сопутствовавшая нашимъ полкамъ и возвращенная въ Смоленскъ изъ города Краснаго командиромъ 1-й батареіи роты Вельяминовымъ. При многочисленномъ стеченіи народа и звонѣ колоколовъ ее несли черезъ весь городъ и поставили въ тепломъ соборѣ, гдѣ она и прежде стояла. Въ городѣ понемногу водворялся порядокъ. На улицахъ убирали мертвыя тѣла, которыя сначала таскали въ Дибирь, а потомъ стали складывать въ скирды за казанскимъ проломомъ и сжигать. Для предупрежденія заразы на улицахъ жгли костры навозу и мазали дегтемъ ворота обывательскихъ домовъ. Свидѣтель совершенія казни, священникъ Мурзакевичъ, точно и положительно говоритъ, что тѣло П. И. Энгельгардта было лишь «вброшено» въ неглубокую ямку, то-есть лежало собственно на виду и могло быть тоже сожжено и снесено въ Дибирь. вмѣстѣ съ отчеткой города, на основаніи ходившихъ по городу слуховъ, возвратившіяся власти начали производить разслѣдованія о лицахъ, служившихъ непріятелю. Сейчасъ же возбуждены подозрѣнія и противъ о. Мурзакевича.

Такимъ образомъ, все это первое время возвращенія русскихъ властей въ Смоленскъ о тѣлѣ героя позаботиться было рѣшительно некому. Жены его тоже въ Смоленскѣ не было, ибо мы видимъ, что лишь 11 декабря 1812 г. священникъ Мурзакевичъ пишетъ ей изъ

Смоленска, изображаетъ послѣднія минуты ея мужа и именно въ этомъ письмѣ сообщастъ съ протокольнымъ безстрастіемъ о томъ, какъ раздѣтое донага тѣло героя-партизана и подполковника было «вброшено» ничкомъ въ ямку въ три четверти аршина во рву за Молоховскими воротами, направо за второй башней отъ воротъ. При семъ даже и намека нѣтъ въ письмѣ, чтобы кто-либо въ городѣ, власти, или духовенство, или знакомые поинтересовались судьбою «вброшеннаго» тѣла, хотя бы глубже его зарыли и охранили, наконецъ, какъ-либо отмѣтили мѣсто, гдѣ почти открыто валялось тѣло казненаго... Почти два мѣсяца тѣло, несомнѣнно, оставалось не прикрытое, ничкомъ брошенное въ ямку, и, конечно, тучи воронья, изъ окрестныхъ лѣсовъ слетѣвшагося тогда въ Смоленскъ на тризну и станъ голодныхъ цесовъ изъ выжженныхъ деревень, бродившія тогда и питавшіяся мертвечиной, могли неклевать и оглодать нагое тѣло мученика, объ одеждѣ котораго французскіе «спекуляторы»—меташа истребій...

Что было дальше съ тѣломъ? Мы въ точности не знаемъ. Можно предполагать, что, получивъ помѣченное 11 декабря письмо отъ о. Мурзакевича, вдова героя поспѣшила пріѣхать въ Смоленскъ, хотя черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа.

Но нашла ли даже она то мѣсто, гдѣ мужъ ея былъ разстрѣлянъ и «вброшенъ» въ яму? Извѣстно, что женою покойнаго былъ поставленъ небольшой каменный памятникъ «на мѣстѣ его кончины», который по повелѣнію императора Николая I «замѣненъ массивнымъ чугунымъ». Но слишкомъ много основанийъ признать, что «массивный» стоитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ разстрѣлянъ Энгельгардтъ, ибо ставившіе даже не знали, что Шубинъ разстрѣлянъ былъ десятью днями позже и не за Молоховскими воротами, а за Свирской церковью, въ другомъ концѣ города. Но массивный чугунный памятникъ поставленъ на мѣстѣ «небольшаго каменнаго», сооруженнаго женою покойнаго. Отсюда должно заключить, что, прибывъ черезъ два мѣсяца послѣ казни мужа въ Смоленскъ, вдова его даже не нашла того мѣста, гдѣ онъ былъ разстрѣлянъ. Однако существуетъ преданіе, что она взяла тѣло изъ рва за Молоховскими воротами, отвезла въ Духовщину и гдѣ-то погребла на кладбищѣ села близъ имѣнія мужа. Но гдѣ?

Мы видимъ, что спустя столѣтіе вопросъ остается весьма темнымъ, а собрать точныя свѣдѣнія, поинтересоваться героємъ, принявшимъ мученическую кончину подъ стѣнами роднаго города, никого за сто лѣтъ не нашлось. Мы лѣнны и не любопытны.

Смоленскіе же исторіографы—Писаревъ и Орловскій—отнесли съ страннымъ легкомысліемъ къ памяти героя и, какъ мы уже говорили, постарались замутить его образъ легкимъ налетомъ инсинуаціи, воспользовавшись для того рассказомъ сына о. Никифора Мурзакевича, тоже бывшаго протоіереемъ, Іоанна Никифоровича

Мурзакевича, который был мальчиком, учеником семинарии, в 1812 г. и вместе с братом Константином сопровождать отца и присутствовать при казни.

VII.

Въ статьѣ своей «Священникъ П. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 года», напечатанной въ «Русской Старинѣ» за 1903 г. (апрѣль—май), Н. Н. Орловскій такъ описываетъ смерть П. И. Энгельгардта:

«12 октября явились къ Мурзакевичу французы и пригласили его, отъ лица коменданта, слѣдовать за нимъ въ Спасскую церковь, гдѣ содержались русскіе плѣнники. Въ числѣ послѣднихъ находился отставной подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, владѣлецъ сельца Дягилева Духовицкаго уѣзда. Онъ былъ арестованъ по обвиненію въ избіеніи французскихъ солдатъ. Дѣло было такъ»:

Здѣсь г. Орловскій дѣлаетъ примѣчаніе: «Разсказъ протоіерея Іоанна Никифоровича Мурзакевича».

Спрашивается, почему онъ придастъ значеніе историческаго документа «разсказу» протоіерея, который въ 1812 г. былъ несовершеннолѣтнимъ ученикомъ семинарии, мальчикомъ, и потомъ черезъ много лѣтъ, по памяти, по слухамъ, что-то такое разсказалъ, «какъ было дѣло»? Вѣдь имѣются точные документы, такъ какъ черезъ годъ всего послѣ смерти П. И. Энгельгардта дѣло его было въ 1813 году разслѣдовано; имѣется донесеніе сенатора Каверина отъ 16 іюля 1813 года, и указъ сенату отъ 30 августа того же 1813 года. Значитъ, дѣло было провѣрено по свѣжимъ слѣдамъ. Наши историки—Шильдеръ, Богдановичъ, Михайловскій-Данилевскій—изложили подвигъ партизана на основаніи официальныхъ разслѣдованій и въ ихъ разсказѣ нѣтъ и слѣда тѣхъ инсинуирующихъ чертъ, которыя находятся въ разсказѣ протоіерея Іоанна Мурзакевича.

Вотъ что сообщаетъ послѣдній:

«Крестьяне Энгельгардта, возбужденные слухами, распространившимися агентами Наполеона о волѣ, отказались работать на него (?), въ то время какъ всѣ сосѣдніе (?) крестьяне оставались спокойными (?). Энгельгардтъ пригласилъ стояшаго въ Порѣчскомъ уѣздѣ казачьяго сотника съ его казаками—образумить (?) крестьянъ. Тѣ исполнили свое дѣло (?) и удалились. Тогда озлобленные крестьяне донесли смоленскому губернатору(?), будто Энгельгардтъ заставляетъ ихъ убивать французовъ. Донось не подтвердился, и Энгельгардтъ былъ отпущенъ (?) съ миромъ. Чтобы отомстить (?) клеветникамъ, онъ повторилъ надъ ними экзекуцію (?) при помощи тѣхъ же казаковъ (?). На этотъ разъ крестьяне придумали болѣе вѣрное средство избавиться отъ своего помѣщика. Они

убили и закопали (?) въ его саду двухъ мародеровъ, а затѣмъ снова донесли въ Смоленскъ на своего помѣщика. Найденыя трупы послужили главною уликою противъ Энгельгардта; онъ былъ взятъ подъ стражу и посаженъ въ Спасскую церковь. Здѣсь просидѣлъ онъ около двухъ недѣль. Наполеонъ на донесеніи о его дѣлѣ положилъ краткую резолюцію: «разстрѣлять!»

Первое прикосновеніе историко-критическаго анализа изображаетъ выдуманый, сплетническій и вздорный источникъ этого разсказа. Въ немъ все несообразно и нескладно. Посреди нашествія непріятеля, пожара, бѣгства помѣщиковъ, удаленія крестьянъ въ лѣса, Энгельгардтъ продолжаетъ вести свое хозяйство и требуетъ крестьянъ на барщину. Мало того, какъ въ мирное время, онъ посылаетъ за казаками, и тѣ, будто бы, являются и совершаютъ экзекуцію крестьянъ. Тѣ доносятъ въ Смоленскъ губернатору, то-есть поставленному Наполеономъ начальникомъ Смоленской губерніи или интенданту генералу Виллебраншу. Энгельгардта везутъ въ Смоленскъ, допрашиваютъ и отпускаютъ. Онъ возвращается въ имѣніе, опять зоветъ казаковъ и, «чтобы отомстить», опять устраниваетъ порку крестьянъ. Тѣ опять его оклеветали. Опять Энгельгардта берутъ французы и ведутъ въ Смоленскъ и на этотъ разъ уже не отпускаютъ. Какъ все это правдоподобно! И по всему, что мы знаемъ о Павлѣ Ивановичѣ, какъ просвѣщеннѣйшемъ человѣкѣ своего времени, и по тому, какъ онъ держалъ себя во время казни, мы должны признать сплетническій характеръ этого разсказа о протоіерее. Мстить, пороть своихъ крестьянъ онъ никакъ не могъ и такихъ отношеній съ своими крестьянами у него не могло быть уже потому, что вообще никогда такихъ отношеній между крестьянами и всѣми Энгельгардтами, сколько ихъ ни было въ смоленскихъ предѣлахъ, не существовало и ни о какихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, ни о какихъ неудовольствіяхъ крестьянъ на эту фамилію никогда слышно не было.

Разсказъ въ статьѣ г. Орловскаго, однако, повторяетъ разсказъ г. Писарева изъ его «Памятной книги г. Смоленска» (Смоленскъ. 1898 г.) лишь въ сокращеніи.

Писаревъ говоритъ слѣдующее:

«Въ октябрѣ 1812 г. случилось замѣчательное событіе въ городѣ Смоленскѣ. Помѣщикъ Духовщинскаго уѣзда, подполковникъ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, оставшійся въ своемъ имѣніи... занимался сельскимъ (?) хозяйствомъ. (Какъ удобно заниматься сельскимъ хозяйствомъ въ краѣ, занятомъ непріятелемъ, среди горящихъ деревень, усадебъ и городовъ, шаекъ мародеровъ и начавшейся партизанской войны! Н. Энгельгардтъ). Французы... разгласили, что Наполеонъ даетъ свободу всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ... всѣ (?) стали твердить о вольности (Всѣ?! почему же это крестьяне выжгли свои деревни и ушли въ лѣса, откуда

нападали на своихъ «освободителейъ» и перебивали ихъ сотнями? Н. Энгельгардтъ.) Энгельгардтъ... просилъ казачьяго сотника, стоявшаго въ Порѣчскомъ уѣздѣ со своей сотнею, чтобы онъ образумилъ мужиковъ. Казаки исполнили свою обязанность... Это ожесточило мужиковъ. Двое изъ нихъ отправились въ Смоленскъ и объявили коменданту, что помѣщикъ заставляеть ихъ ловить французовъ и убивать (любопытно, на какомъ языкѣ эти «двое» объяснялись съ комендантомъ и какъ это они узнали о существованіи французскихъ властей въ губерніи и сейчасъ же ихъ признали? Н. Энгельгардтъ). Комендантъ послалъ взять Энгельгардта въ Смоленскъ. Въ комиссіи французы сдѣлали допросъ Энгельгардту, но увѣрили (?), что крестьяне его оболгали.. Они его отпустили (?) домой... Энгельгардтъ ожесточился (?) на крестьянъ. Чтобы отомстить (?) клеветникамъ, онъ вторично пригласилъ (?) казаковъ. Тѣ, сдѣлавши свое дѣло (?) удалились къ своему посту... вся деревня заодно (?) приговорила (?), чтобы опять двое шли въ Смоленскъ, и уже придумали лучшія мѣры погубить своего помѣщика: закопали въ господскомъ саду два... трупа... Посланная команда, видя эти трупы, какъ явную улику преступленія, взяла Павла Ивановича въ томъ видѣ, какъ онъ былъ дома (?), привела съ связанными руками въ городъ и посадила подъ арестъ въ Спасскую церковь. Тамъ Энгельгардтъ содержался до двухъ недѣль подъ строгимъ карауломъ, пока произведено было слѣдетвіе и донесено было объ этомъ Наполеону. Рѣшеніе послѣдовало: «Разстрѣлять!»

Весьма странно, что смоленскій «исторіографъ» С. И. Писаревъ предпочелъ эту редакцію протоіерея, бывшаго въ 1812 г. мальчикомъ-школьникомъ, и рассказывавшаго черезъ много лѣтъ по памяти и слухамъ, редакціи историковъ, основывавшихся на фактахъ официальнаго разслѣдованія сейчасъ же по горячимъ слѣдамъ въ 1813 году.

Если крестьяне Павла Ивановича погубили своего помѣщика «всей деревней заодно», то, конечно, это не прошло бы даромъ, и по восстановленіи порядка русскія власти не оставили бы такое предательство безъ разслѣдованія, суда и возмездія.

Но г. Писареву желалось создать новую «либеральную» редакцію исторіи смерти Энгельгардта, по которой онъ является мстительнымъ тираномъ-крѣпостникомъ, на котораго возстали собственные крестьяне, жаждавшіе свободы, которыхъ онъ, «занимаясь сельскимъ хозяйствомъ» въ краѣ, наводненномъ непріателемъ, принуждалъ къ барщинѣ при помощи экзекуцій, являвшихся будто бы спеціальностью платовскихъ казаковъ. Получилось нѣчто весьма пикантное. Энгельгардтъ въ сущности былъ разстрѣлянъ за крѣпостничество, палъ жертвой преданности своимъ помѣщикамъ правамъ!

Въ свою очередь г. Орловскій ввелъ особую черточку въ описаніе послѣднихъ минутъ смоленскаго героя, которая подвергаетъ сомнѣнію самую твердость и безстрашіе его передъ палачами. Именно онъ намекаетъ, что Павелъ Ивановичъ въ моментъ казни былъ... пьянь.

Вотъ что пишетъ «исторіографъ» и ученикъ г. Писарева въ вышеупомянутой статьѣ:

«Когда сообщили приговоръ Энгельгардту и велѣли готовиться къ смерти, онъ, зная Мурзакевича, какъ образованнаго человѣка и дѣльнаго священника, просилъ французское начальство призвать его къ нему, чтобы передать ему свою послѣднюю волю и получить отъ него религіозное утѣшеніе и напутствованіе св. дарамн.

«Въ теченіе двухъ дней передъ казнію о. Никифоръ ходилъ къ Энгельгардту въ его тюрьму и бесѣдовалъ съ нимъ по долгу пастыря.

«Наконецъ настало 15 октября, день казни.

«Утромъ о. Никифоръ въ послѣдній разъ былъ приглашенъ въ Спасскую церковь для сопровожденія несчастнаго Энгельгардта къ мѣсту казни. Взявъ съ собою необходимыя ризы и богослужебныя книги, о. Никифоръ съ двумя дѣтьми, Константиномъ и Ивановъ, учениками семинаріи (и раньше сопровождавшими его въ тюрьму), отправился около 11 часовъ дня въ Спасскую церковь.

«Въ алтарѣ увидѣли они Энгельгардта, который сначала замѣтно смутился при ихъ появленіи, но потомъ бодро поздоровался съ о. Никифоромъ и сказалъ, что онъ призвалъ его, чтобы вручить ему «нѣкоторыя записки». Тутъ же онъ просилъ о. Никифора проводить его на казнь, а послѣ нея отиѣтъ по немъ проводъ и передать его тѣло землѣ по-христіански.

«Присутствовавшій при этомъ польскій полковникъ Костенецкій, вынулъ изъ-за пазухи (?) полбутылки водки, предложилъ Энгельгардту выпить: когда же тотъ отказался, Костенецкій насильно влил (?) ему въ ротъ нѣсколько глотковъ (?). Не ѣвшій ничего около двухъ дней Энгельгардтъ отъ этого замѣтно охмелѣлъ. Костенецкій выразилъ сожалѣніе по поводу жестокаго и неправильнаго приговора, замѣтивъ, что если бы онъ въ то время былъ въ Смоленскѣ, то настоялъ бы на безпристрастномъ разслѣдованіи, и тогда бы участь Энгельгардта была не такова. Поблагодаривъ его за учтивость, Энгельгардтъ сказалъ, что ему смерть не страшна, и требовалъ лишь вести его скорѣе на мѣсто казни. Дорогою онъ все время молчалъ, идя впереди съ опущенною головою и заложеными назадъ руками.

Спрашивается, зачѣмъ провинціальному «исторіографу» понадобилась эта «полбутылки водки», появляющаяся именно «изъ-за пазухи»? Зачѣмъ нужна была странная и даже отвратительная картина вливанія идущему на казнь Энгельгардту «насильно въ ротъ», очевидно, прямо изъ горлышка этой «полбутылки»? Какъ

совершенно было это насиліе? Солдаты держали, что ли, Энгельгардта, а полковникъ Костенецкій вливалъ? И какъ вяжется съ этимъ послѣдующій разговоръ между Костенецкимъ и Энгельгардтомъ!

Очевидно, вся эта гаденькая инсинуація провинціального «исторіографа» пущена имъ для того, чтобы намекнуть, что Энгельгардтъ шелъ на казнь «замѣтно охмелѣвъ».

Откуда, однако, взяты эти отталкивающія, силетническія и клеветническія подробности? Если изъ разсказа Мурзакевича-сына, то какъ же имъ придавать вѣру, когда казнь Энгельгардта описана Мурзакевичемъ-отцомъ всего лишь черезъ два мѣсяца спустя 11 декабря 1812 г., въ письмѣ его къ вдовѣ героя Еленѣ Александровнѣ Энгельгардтъ, а въ этомъ описаніи ничего подобнаго нѣтъ? Мурзакевичъ-сынъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ героя, будучи еще мальчикомъ, и писалъ черезъ много лѣтъ спустя, по памяти, и между прочимъ въ біографіи своего отца.

Но И. И. Орловскій, въ другихъ своихъ историческихъ работахъ столь точный и добросовѣстный, въ отношеніи П. И. Энгельгардта поддается гипнозу «либеральной» редакціи С. И. Писарева и со своей стороны старается запачкать память героя, ибо онъ былъ-де «крѣпостникъ», а главное, дворянинъ. Между тѣмъ какъ старается онъ обфлить Мурзакевича, хотя тотъ подлинно былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Странно! Онъ негодуетъ на несправедливость къ Мурзакевичу, и самъ же легко клеймитъ память героя, стараясь его изобразить мучителемъ своихъ крѣпостныхъ и идущимъ на казнь «сильно захмелѣвъ» послѣ того, какъ ему, русскому полковнику, полякъ насильно влилъ въ ротъ «полбутылки водки!» Увы, это объясняется просто той сословной ненавистью, которою пылаютъ наши духовные къ дворянамъ, хотя сами весьма легко выслуживаютъ и получаютъ это самое ненавистное имъ дворянство. Какъ воспитанники духовной семинаріи и іерейскіе сыновья, и Писаревъ, и Орловскій, наши смоленскіе исторіографы, проходя мимо подвига, совершеннаго дворяниномъ, не могли удержатъ тайнаго недоброжелательства, и съ ихъ перьевъ слилось нѣсколько грязныхъ капель, которыя, однако, кладутъ пятно не на свѣтлую, непомеркаемую память героя, но на ихъ собственную литературную репутацію.

VIII.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ именно умеръ Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ, можно узнать со всѣми подробностями изъ разсказа очевидца казни, священника о. Никифора Мурзакевича, высокая личность котораго полна такого захватывающаго величія, что въ правдивости его невозможно усомниться.

О. Никифоръ Мурзакевичъ (1769—1834)—первый смоленскій историкъ. Еще будучи діакономъ, онъ въ 1803 г. издалъ «Исторію города Смоленска, собранную изъ разныхъ лѣтописей и россійскихъ дѣписателей», въ четырехъ книгахъ.

Мурзакевичъ былъ въ сношеніяхъ съ ректоромъ московскаго университета Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ, членомъ Новиковскаго «Дружескаго общества», который присылалъ ему книги.

Въ 1804 г. вышло второе изданіе «Исторіи Смоленска», гдѣ была прибавлена пятая книга, съ грамотами русскихъ, польскихъ, литовскихъ государей, данными Смоленску, подлинники которыхъ затѣмъ въ 1812 г. погибли, такъ что только въ исторіи Мурзакевича и сохранились. Генераль-губернаторъ Апраксинъ переслалъ книгу синодальному оберъ-прокурору Голицыну, а тотъ представилъ ее императору Александру Павловичу.

Изъ кабинета Его Величества выдано было тогда автору 500 рублей пособія. Кромѣ того, смоленское дворянство и граждане ссудили о. Никифора 1500 рублями.

Трудъ о. Никифора увѣнчался успѣхомъ, но этотъ успѣхъ вызвалъ зависть его собратій по сану, удивлявшихся, «какъ неученый попалъ въ писатели».

Сослуживцы о. Никифора называли его между собою не иначе, какъ «сочинителемъ», распускали про него всевозможныя сплетни, и писали по начальству жалобы.

Всѣ эти жалобы хранятся въ смоленскомъ консисторскомъ архивѣ и представляютъ любопытный образчикъ стариннаго крючкотворства и кляузничества.

Всѣ онѣ оканчивались оправданіемъ Мурзакевича и внушеніемъ кляузникамъ не беспокоить епархіальную власть неосновательными жалобами.

Однако покой о. Никифора былъ постоянно отравленъ, что и требовалось клеветникамъ. А въ самомъ дѣлѣ, какъ «неученый попалъ въ писатели»?

О. Никифоръ десяти лѣтъ поступилъ въ семинарію съ запасомъ свѣдѣній изъ русскаго и латинскаго языковъ, полученнымъ еще въ отцовскомъ домѣ. Пройдя три семинарскихъ класса—аналогію, инфиму и грамматику, Никифоръ долженъ былъ выйти изъ четвертаго — синтаксисы, такъ какъ въ это время неожиданно умеръ его отецъ, и семья осталась безъ всякихъ средствъ. Въ 1783 году, четырнадцати лѣтъ отъ роду, Никифоръ былъ опредѣленъ «псаломщикомъ», а въ 1799 г. женился на дочери вяземскаго соборнаго священника, посвященъ въ инодіаконы, а потомъ и въ діаконы къ кафедральному собору. Весь доходъ его составляли ничтожныя доходы отъ требъ да двадцать пять рублей въ годъ штатнаго жалованья. На нихъ онъ содержалъ семью, состоящую изъ старушки-матери, жены и шести человѣкъ дѣтей.

Но бѣдность не угасила въ немъ духа. Онъ читалъ книги и писалъ.

Кромѣ «Исторіи Смоленска», о. Никифоръ оставилъ еще не мало рукописныхъ трудовъ («Исторія Божественнаго Откровенія», переводъ на русскій языкъ Псалтыри, «Жизнь Іисуса», «Жизнь Апостоловъ Петра и Павла», и др.). Онъ находился въ перепискѣ съ графомъ Н. П. Румянцовымъ и разыскивалъ для него древніе акты.

Наступилъ 1812 годъ.

«Много горя принесъ—Смоленску, а въ Смоленскѣ едва ли не больше всѣхъ Мурзакевичу,—пишетъ И. И. Орловскій.—За одинъ годъ (и даже меньше того) онъ лишился шести членовъ своей семьи (матери, тетки, жены, двухъ дочерей и воспитаницы), лишился здоровья, почти всего имущества и, наконецъ, священнической должности (запрещенъ въ священнослуженіи) и чести. И замѣчательно, что самыя тяжелыя испытанія были причинены ему не врагами отечества, а своими же соотечественниками, согражданами и сослужителями!

«Но этотъ же годъ поставилъ личность о. Никифора на такой высотѣ нравственнаго долга и гражданской добродѣтели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уваженіемъ общества и вниманіемъ лучшихъ людей города».

Очень хорошо. Но если личность о. Никифора такова, то его описанію геройской кончины Павла Ивановича можно совершенно довѣрять.

IX.

Вотъ письмо о. Никифора Мурзакевича къ Е. А. Энгельгардтѣ. Смоленскъ. 1812 г., декабря 11.

«Милостивая государыня Елена Александровна! По случаю несчастнаго послѣдствія, когда отъ водворившихся въ Смоленскѣ непріятелей объявлена была сентенція: предать смерти мужа вашего, Павла Ивановича Энгельгардта; то онъ призвалъ меня въ Спасскую церковь, гдѣ содержались ихъ арестанты и наши соотечественники, просилъ меня исповѣдать и приобщить Животворящихъ Тайнъ, что я выполнилъ, и, по желанію его, для утѣшенія и утвержденія въ непоколебимомъ упованіи на милость Божию, я отъ него не отходилъ до самой полуночи. И на слѣдующій день, по просьбѣ жъ его, придя къ нему очень рано, выслушалъ объявляемыя имъ мнѣ душевныя мысли и расположенія относительно его дома и вѣрныхъ людей. Между прочимъ, съ сердечнымъ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ, что онъ погрѣшалъ передъ вами, и чрезъ то причинялъ въ вашей жизни великое разстройство, почему просилъ меня исходатайствовать у васъ отъ имени его христіанское прощеніе.

«Въ то же самое время написано имъ своеручно къ матери его особое письмо относительно духовной, сдѣланной имъ, и о доносителяхъ на него. И оное отдавши мнѣ, лично просилъ доставить, которое я ей и вручилъ.

«Удостоверяю васъ, что покойный супругъ вашъ въ такомъ былъ чистосердечномъ сознаниі, что Богъ его во всемъ простилъ: а я васъ прошу ему все отпустить. Онъ и въ письмѣ своемъ къ матери просилъ ее попросить у васъ и у вашей матери прощеніе.

«Итакъ, выполняя возложенное на меня покойнымъ Павломъ Ивановичемъ довѣріе, желаю вамъ душевнаго спокойствія.

«Священникъ Пикифоръ Мурзакевичъ.

«Р. S. Смерть Павлу Ивановичу объявлена 13-го октября. Онъ весь тотъ день былъ покоенъ и съ веселымъ духомъ говорилъ о кончинѣ, судьбою ему назначенной, и нынѣшній годъ какое-то было предчувствіе, что онъ долженъ умереть 15-го октября.

«Въ 11 часовъ утра пришелъ къ нему бывший здѣсь въ генеральномъ засѣданіи членомъ польскій полковникъ Костенецкій и принесъ полбутылки простого вина и просилъ его съ нимъ оное расшить, извиняясь при томъ, что онъ сожалѣеть, что во время суда изъ Смоленска былъ откомандированъ, иначе участь была бы такова черезъ обслѣдованіе. Онъ хотя отъ того ослабѣлъ нѣсколько, и по 14-е число ничего не пилъ и не ѣлъ, и всю ночь не спалъ, но показаль геройскій духъ: поблагодаря его за учтивость, отвѣчалъ, что смерть христіанину не страшна, а сожалѣю, что многіе дворяне подвергнуте я подобной участи; ибо не будутъ у васъ просить должностей или залога. Я съ радостью умираю, какъ невинный, и смерть моя сдѣлаеть осторожными другихъ противъ злодѣевъ, которымъ скоро неминуемое послѣдуетъ наказаніе. И требовалъ, чтобы скорѣе его вели на мѣсто, дабы не видѣть и не слышать тиранства. Когда пришли за нимъ, онъ просилъ меня итти съ нимъ, что онъ нѣкоторыя записки мнѣ вручить и чтобы отпѣть по немъ проводъ и предать землѣ тѣло.

«За Молоховскими воротами, въ шанцахъ, начали читать ему приговоръ, но онъ не далъ имъ дочитать, закричалъ по-французски: «Полно врать, пора перестать. Заряжайте поскорѣе и пали! чтобы не видѣть больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ». Начали ему завязывать глаза, но онъ не позволилъ, говоря: «Прочь! никто не видѣлъ своей смерти, а я ее буду видѣть». Потомъ, попрощался со мною и съ двумя дѣтьми, которыя его въ тюрьмѣ со мной навѣщали, и съ Рагулинымъ Оедоромъ Прокофьевичемъ, которому, вынудивши изъ-за пазухи, духовную отдалъ, чтобы по оной послѣднюю его волю выполнили, а мнѣ далъ двѣ записки, чтобы по онымъ въ селѣ Дягилевѣ сыскаль скрытыя вещи, которыми онъ благодарить за неоставленіе, о чемъ и въ духовной упомянулъ. Потомъ сказавши: «Господи! Помяни мя,

егда приидеши во царствїи Твоемъ; я въ руки Твои предаю духъ мой!» велѣлъ стрѣлять. И изъ 18 зарядовъ 2 пули прошли грудь, и одна животъ. Онъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничъ палъ, имѣя поднятыя руки и глаза къ небу, по примѣру первомученика Стефана, началъ кончатся. И какъ дыханіе еще въ немъ длилось, то 1 изъ 18 спекуляторовъ, заряда ружье, выстрѣлилъ въ високъ, и тогда скончался.

«Я началъ здѣсь отпѣвать погребеніе, а Рагулинъ досталъ людей выкопать могилу. Не успѣлъ я долгъ христіанскій кончить и спекуляторы раздѣли его донага и ничкомъ въ три четверти выкапанную яму вбросили, а окровавленную одежду и обувь раздѣлили себѣ.

«Октября 24-го такая же участь постигла Шубина; а пятеро дворянъ и до 15 рославльскихъ мѣщанъ, особливою Божіею милостію, избавились отъ казни; а именно: Петръ Михайловичъ Храповицкій, Титъ Ивановичъ Кусонскій, Яковъ и Александръ Петровичи, Николай Ивановичъ Адамовичъ. Первый изъ нихъ, бывъ отпущенъ для покупки хлѣба, увѣрилъ часового, что онъ не арестантъ и изъ усердія къ роднымъ содержался, для прислуги къ нимъ живетъ, часовой, повѣря ему, не смотрѣлъ за нимъ и онъ ушелъ, за что прочихъ строже содержали; и за сіе, предъ выходомъ изъ Смоленска непріятелей, ведены были на мѣсто казни, но бомба пала предъ конвоемъ и всѣхъ ранила; несчастные отведены были въ Молоховскую кордегардію, гдѣ они содержались два дня, и когда Молоховскую башню взорвало, часовые повели ихъ за собою за городъ, и какъ сами спѣшили бѣжать, то при темнотѣ одни отстали и, воротясь въ городъ, пришли въ домъ капитанши Лебедевой, а отъ нея, по вступленіи нашихъ въ Смоленскъ поутру, пошли по домамъ своимъ. Изъ опыхъ почти всѣхъ теперь больны, а Титъ Кусонскій представился.

«О себѣ же скажу вамъ, что неоднократно былъ въ рукахъ смерти, но Богъ, не только меня, но и церковь мою въ цѣлости соблюлъ, и чрезъ мое стараніе все въ ризницѣ архіерейской оставленное сбережено. Генералъ Жомини велѣлъ сдѣлать въ Успенскомъ соборѣ магазинъ, и того убѣдилъ отмѣнить. Итакъ, соборъ со всѣмъ его имуществомъ и имуществомъ здѣшнихъ гражданъ, въ ономъ сокрытомъ, сбережень».

Х.

Величественной простотой и глубочайшей правдивостью дышитъ каждая строка письма высокаго пастыря отца Никифора Мурзакевича. Письмо это важнѣйшій документъ для выясненія всѣхъ обстоятельствъ кончины Павла Ивановича Энгельгардта, такъ какъ написано менѣе чѣмъ черезъ два только мѣсяца послѣ казни и мѣ-

сяць спустя послѣ оставленія Смоленска французами, то-есть еще среди разоренія, въ обугленныхъ развалинахъ города, подъ яркимъ впечатлѣніемъ всего пережитого, всего видѣннаго и слышаннаго.

И. И. Орловскій справедливо возвеличиваетъ заслуги отца Никифора, какъ пастыря, патріота и человѣка, говоря о немъ такъ:

«Благодаря о. Никифору въ бѣдственные дни нашествія французовъ несчастные горожане получали христіанское утѣшеніе въ богослуженіи и молитвѣ, а раненые и умирающіе защитники Смоленска—напутствіе св. дарами въ вѣчную жизнь (прибавимъ,—подъ пулями и ядрами бомбардированія, въ шанцахъ «прикрытаго пути» именно за Молоховскими воротами!). Его заботами спасень былъ отъ разоренія соборъ, Троицкая и Одититріевская церкви, сохранена соборная ризница и церковныя святыни, имущество архіерейскаго дома и многихъ горожанъ, освобождены на волю русскіе плѣнники, въ томъ числѣ протоіерей Звѣревъ. О. Никифоръ своими бесѣдами облегчилъ послѣдніе дни жизни несчастнаго П. И. Энгельгардта, онъ же принялъ послѣдній его вздохъ и совершилъ надъ тѣломъ его христіанскій обрядъ погребенія. Его величественная фигура, горячая рѣчь, энергія и любовь къ родному пепелищу производили сильное впечатлѣніе на французскія власти, и, неволью пропикаясь уваженіемъ къ доброму пастырю, они охотно удовлетворяли его ходатайства и удерживали своихъ подчиненныхъ отъ излишней жестокости и обиды по отношенію къ горожанамъ. За свое мужество о. Никифоръ заплатилъ своимъ здоровьемъ, онъ перенесъ немало побоевъ отъ мародеровъ, а ударъ шпорой въ бокъ давалъ ему себя помнить до самой смерти».

Очень хорошо. Но въ такомъ случаѣ показаніямъ именно о. Никифора Мурзакевича должно дать полную вѣру и первенствующее значеніе.

Разсмотримъ же эти показанія.

Въ разказѣ о. Никифора чувствуется глубочайшее уваженіе къ Павлу Ивановичу.

О. Никифоръ провелъ съ осужденнымъ на смерть 13-е и 14-е октября и 15-е съ ранняго утра до момента разстрѣлянія. Онъ исповѣдывалъ осужденнаго. Значить, онъ видѣлъ всю картину душевнаго его состоянія. Какое же впечатлѣніе она произвела на высокаго пастыря?

Онъ говоритъ, что П. И. Энгельгардтъ «показалъ геройскій духъ», умеръ «по примѣру первомученика Стефана».

Павель Ивановичъ Энгельгардтъ умеръ, какъ христіанинъ. Когда ему былъ объявленъ смертный приговоръ 13-го октября, то призванный имъ о. Никифоръ «отъ него не отходилъ до самой полуночи». Павель Ивановичъ «весь тотъ день былъ покоенъ и съ веселымъ духомъ говорилъ о кончинѣ, судьбою ему назначенной». Въ тотъ день онъ ничего не пилъ и не ѣлъ, и затѣмъ всю ночь съ

13 на 14 октября не спавъ. Трудно было и спать въ церкви—въ мрачномъ, нижнемъ, сводчатомъ этажѣ, наполненномъ всякимъ народомъ, такъ какъ здѣсь не только находились русскіе плѣнники въ числѣ двадцати человѣкъ, но и непріятельскіе арестанты—осужденные солдаты французской арміи.

Павель Ивановичъ Энгельгардтъ исповѣдывался и приобщался животворящихъ тайнъ 13-го октября и, по свидѣтельству духовника, «въ такомъ былъ чистосердечномъ сознаніи, что Богъ его во всемъ простилъ».

На слѣдующій день 14-го октября о. Никифоръ пришелъ къ нему «очень рано» и, надо думать, тоже провелъ съ нимъ весь тотъ день до вечера. Можно предположить, что не оставилъ онъ утѣшеніемъ и прочихъ пяти дворянъ и пятнадцати мѣщанъ, сидѣвшихъ съ Энгельгардтомъ и тоже ожидавшихъ смерти.

14-го октября Павель Ивановичъ занялся своими домашними дѣлами. Онъ, видимо, озаботился о награжденіи «вѣрныхъ людей» изъ двора и написалъ письмо матери о доносителяхъ на него.

Отсюда видимъ, что польско-французскій судъ, разсматривавшій дѣло Энгельгардта, дѣйствительно, озаботился привлеченіемъ свидѣтелей, и, надо думать, такіе «доносители» были найдены тѣмъ же предателемъ Костенецкимъ, разыгрывавшимъ потомъ такую комедію съ осужденнымъ, изъ челяди Павла Ивановича; можетъ быть, и подкуплены польскимъ агентомъ.

А кто такой былъ сей Костенецкій, свидѣтельствуесть самъ о. Никифоръ.

30-го октября польскіе солдаты напали на Одигитріевскую церковь, разбили дверь и стали грабить спрятанныя здѣсь церковныя и обывательскія вещи. О. Никифоръ, услыхавъ шумъ, прибѣжалъ сюда и сталъ отнимать ихъ. Поляки избили его почти на смерть, порубили саблею по головѣ, а одинъ ударилъ шпорою въ бокъ. Полуживой онъ былъ отнесенъ въ свой домъ, но крѣпкая натура вынесла эти побои, хотя была надломлена ими. Оказалось, что на грабежъ навелъ поляковъ ихъ полковникъ Костенецкій, который такъ сочувствовалъ невинному Энгельгардту и который самъ же въ это самое утро посоветовалъ Мурзакевичу припрятать вещи въ другое мѣсто. Ему нужно было только разузнать, гдѣ будутъ спрятаны эти вещи.

Изъ этого разсказа о. Никифора личность Костенецкаго совершенно выясняется. Въ самое утро, когда онъ пришелъ въ Спасскую церковь къ осужденному на смерть П. И. Энгельгардту, когда онъ выразилъ сожалѣніе, что во время суда не находился въ Смоленскѣ, а въ противномъ случаѣ приговоръ состоялся бы иной, и желалъ будто бы поднять духъ осужденнаго глоткомъ вина, онъ на самомъ дѣлѣ только вкрадывался въ довѣріе о. Мурзакевича и, очевидно, зная, что имъ спрятаны не только свои вещи, но и церковныя

драгоценности, между прочимъ серебряныя ризы съ иконы Одигитріи, совѣтоваль все «перепрятать» въ другое мѣсто». Зачѣмъ онъ это совѣтоваль? «Ему нужно было,—объясняетъ о. Мурзакевичъ,—только разузнать, гдѣ будутъ спрятаны эти вещи». Черезъ двѣ недѣли тотъ же Костенецкій «навель на грабежъ» польскихъ солдатъ, которые и напали на Одигитріевскую церковь, все припрятанное тамъ пограбили, о. Никифора прибили, но, къ счастью, вещи, спрятанныя раньше подъ колокольню, въ томъ числѣ и серебряныя ризы съ иконы Одигитріи, и не перепрятанныя, какъ совѣтоваль коварный Костенецкій, остались цѣлы отъ грабежа.

Этотъ фактъ совершенно выясняетъ личность Костенецкаго, Можно думать, что именно его увѣренія, что, будь онъ въ Смоленскѣ. участь Павла Ивановича Энгельгардта была бы иная, и доказываютъ его тайное содѣйствіе гибели Павла Ивановича—человѣка «великой души». Въ высшей степени подозрительна его «учтивость» съ Энгельгардтомъ, осужденнымъ на смерть, среди другихъ узниковъ и плѣнниковъ, разъ въ то же время онъ хитро вывѣдываль у о. Никифора, гдѣ спрятаны имъ драгоценныя ризы, и потомъ самъ же «наводитъ поляковъ», чтобы тѣ грабили вещи...

Замѣтимъ, что, по показанію о. Никифора Мурзакевича, въ Смоленскѣ особенно отличались своими насиліями, чинимыми жителямъ, поляки и баварцы. Они грабили дома и поджигали ихъ намеренно. Имъ подражали нѣкоторые негодяи и изъ русскихъ, которымъ французы оказывали покровительство.

Спрашивается, когда именно явился Костенецкій къ П. И. Энгельгардту? 14-го октября или 15-го въ утро казни?

Изъ письма о. Никифора только видно, что онъ пришелъ въ 11 часовъ утра со своей «полбутылкой простого вина». Видно, что Энгельгардтъ изъ учтивости не отказаль поляку «распить» это «вино», отчего «ослабѣль нѣсколько», тѣмъ болѣе, что «по 14-е число ничего не пилъ и не ѣль», и всю ночь не спаль. Какую ночь? Явно съ 13-го на 14-е число. Итакъ, совершенно ясно, что Костенецкій со своимъ «виномъ» явился въ 11 часовъ утра 14-е октября, наканунѣ казни.

Такъ самъ собой опровергается вздорный рассказъ о томъ, будто Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ пошелъ на казнь «сильно захмелѣвъ». Костенецкій былъ у него утромъ наканунѣ казни, а не въ утро казни. Это совершенно ясно, разъ отъ «вина» Энгельгардтъ «нѣсколько ослабѣль», потому что не пилъ и не ѣль «по 14-е число». Замѣтимъ, что, и выпивъ вина утромъ наканунѣ казни, онъ, по свидѣтельству о. Никифора, лишь «нѣсколько ослабѣль», а вовсе не «сильно охмелѣль». Откуда же беретъ И. И. Орловскій послѣднее выраженіе? «Слабость» Павла Ивановича, очевидно, выразилась въ физической слабости, а не въ нервной и духовной. Что и умъ, и сердце его остались трезвы, а только ослабѣло тѣло,

ясно изъ того, что онъ «показаль геройскій духъ». Если 13-го числа онъ «весь день былъ покоемъ и съ веселымъ духомъ говорилъ о кончинѣ», то послѣ глотка польскаго «вина» 14-го октября, послѣ 11 часовъ утра онъ ясно и мужественно неповѣдываль:

— Смерть христіанину не страшна. Я съ радостью умираю, какъ невинный.

Спросимъ еще, откуда въ описаніи г. Орловскаго вкралась отвратительная сцена вливанія въ ротъ полякомъ насильно русскому подполковнику водки? Самое указаніе, что Костенецкій вынулъ водку «изъ-за пазухи», откуда?

Ничего этого въ письмѣ о. Никифора Мурзакевича нѣтъ и все это явно сочиненный вздоръ, совершенно не гармонирующій со всѣмъ топомъ бесѣды Костенецкаго съ Энгельгардтомъ, въ которой полякъ явно хотѣлъ подчеркнуть свое неучастіе въ осужденіи русскаго подполковника, и что онъ самъ настаиваль бы на иномъ приговорѣ. Нѣсколько это было искренно, мы знаемъ. Но вливать водку въ ротъ Павлу Ивановичу ему не могло прійти и въ голову. Если эта деталь явилась въ разсказѣ Мурзакевича-сына, бывшаго при этомъ еще мальчикомъ и разсказывавшаго по памяти много лѣтъ спустя, то она опровергается письмомъ Мурзакевича-отца, написаннымъ всего лишь черезъ два мѣсяца послѣ казни. Можетъ быть, Костенецкій, на отказъ Энгельгардта пить его «вино», сказалъ: «Подкрѣпите себя. Если не хочется, влейте себѣ въ ротъ нѣсколько капель насильно». Такія слова въ воспоминаціяхъ мальчика могли принять обратное воплощеніе. Такія абераціи памяти обычны и очень часты.

XI.

Хотя Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ требоваль у полковника Костенецкаго, чтобы казнь надъ нимъ совершена была немедленно, чтобъ «скорѣ вели его на мѣсто», однако казнь совершена была лишь на зарѣ 15-го октября 1812 года.

Такимъ образомъ, Энгельгардтъ провелъ еще мучительную, безсонную ночь съ 14-го на 15-е вмѣстѣ съ прочими заключенными въ нижнемъ, мрачномъ этажѣ съ тяжелыми сводами Спасской церкви.

Какъ и предыдущую ночь, и эту провелъ онъ въ алтарѣ храма, молясь. Святые двери давали здѣсь нѣкоторое уединеніе приговоренному къ казни.

Видимо, истинно пастыръ добрый, о. Никифоръ Мурзакевичъ ояты пришелъ чуть свѣтъ въ церковь, превращенную въ тюрьму.

Его сопровождали двое его сыновей, мальчики, ученики семинаріи. Съ какою цѣлью о. Никифоръ потомъ взялъ дѣтей и на мѣсто казни? Видимо, онъ хотѣлъ, чтобы они постигли обязанности хри-

стіанскаго пастыря, такъ какъ вмѣстѣ съ отцомъ они посѣщали заключенныхъ въ Спасской церкви.

Глухіе своды загремѣли, отражая тяжкіе шаги исполнителей казни. Отрядъ изъ 18 «спекуляторовъ» ожидалъ у дверей. Пришли за Энгельгардтомъ.

Кромѣ о. Никифора и двухъ его сыновей, осужденнаго на смерть отъ Спасской церкви до шанцевъ за Молоховскими воротами сопровождалъ еще Ѳеодоръ Прокофьевичъ Рагулинъ.

Кто былъ Рагулинъ и почему присутствовалъ на казни?

По занятіи непріятелемъ Смоленска, Наполеономъ назначенъ былъ начальникомъ Смоленской губерніи, или интендантомъ, генералъ Виллебраншъ. Должность военнаго губернатора исполнялъ сначала Коленкуръ, потомъ Жюмини, а обязанности комиссара по продовольственной части—Сіовъ.

15-го августа интендантомъ Виллебраншемъ былъ организованъ въ Смоленскѣ муниципалитетъ для завѣдыванія городскими дѣлами.

Помѣщался онъ въ зданіи городского магистрата возлѣ Дмитриевской церкви и состоялъ изъ 8 членовъ, «приневоленныхъ къ службѣ довольно откровенными угрозами».

Мэромъ Смоленска былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ярославцевъ, генеральнымъ секретаремъ—учитель гимназіи Ефремовъ, а членами—коллежскій ассесоръ Рутковскій, купцы Чапа, Брунъ и коллежскій ассесоръ Узелковъ; комиссарами по продовольствію города и надзору за порядкомъ—вышеупомянутый Рагулинъ, помощникъ консисторскаго секретаря, Николай Великановъ, Ключаревъ и Павловъ; семинаристъ Звѣревъ назначенъ былъ писцомъ, а дворяне—Рейнеке и Санхо-Ляшевичъ—переводчиками.

Какъ состоялось «назначеніе» всѣхъ сихъ лицъ? Можетъ быть, по указанію поляковъ а можетъ быть, просто назначили тѣхъ, что оказались подъ рукой.

Вотъ какъ повѣствуетъ «губернскій секретарь» Николай Великановъ о своемъ «назначеніи» въ официальной бумагѣ отъ 26 декабря 1812 года:

«Я употребляемъ былъ въ работу ежедневно возить и носить на себѣ воду, бить скотину на мясо, вытаскивать падлину; изъ лазарета выволакивалъ мертвыхъ французовъ и въ лазаретъ больныхъ, очищалъ мерзости французовъ и во всякія трудныя и гнусныя работы былъ употребляемъ со изнуреніемъ моего здоровья и неоднократно былъ бить, да и повсечасно ожидалъ себѣ, равно женѣ и сыну, смерти, которая по тогдашнимъ обстоятельствамъ казалась неизбѣжною. А 9-го числа октября мѣсяца прислано мнѣ отъ интенданта повелѣніе о бытіи мнѣ въ муниципалитетѣ на мѣстѣ уволеннаго члена Желтовскаго. А кто ему для сего рекомендовалъ меня, и почему, мнѣ неизвѣстно».

Надо думать, что и прочіе члены смоленскаго «муниципалитета» получили подобнымъ же образомъ «назначеніе».

Всѣ они по изгнаніи французовъ были преданы суду, но прощены (?) по манифесту 30-го августа 1814 года.

Итакъ, членъ смоленскаго муниципалитета, комиссаръ по довольствію города и по надзору за порядкомъ, Рагулинъ, повязанный по чресламъ трехцвѣтнымъ шарфомъ, по обязанности своей должности сопровождалъ на мѣсто казни Павла Ивановича Энгельгардта съ о. Никифоромъ и его двумя сыновьями. Восемнадцать «спекуляторовъ» съ ружьями подъ начальствомъ «профоса» окружали ведомаго на казнь.

XII.

Спасская церковь находится на восточной сторонѣ города, возлѣ Аврааміевскаго монастыря и зданія смоленской семинаріи. Это старинное, двухэтажное зданіе среди небольшой площади.

По узкому переулку должно выйти на такъ называемую Козловскую гору. Спускъ въ оврагъ и подъемъ. На днѣ оврага съ правой стороны и теперь растутъ гигантскіе ясени, клены и дубъ. Деревья эти, быть можетъ, помнятъ короля Яна-Казимира. Что уже въ 1812 г., сто лѣтъ тому назадъ, они были и уже мощными деревьями, нѣтъ сомнѣнія, въ особенности дубъ—мачтовое дерево, со dna оврага поднимающее крону на грандіозную высоту. Такъ же, такъ и теперь, таинственно прошумѣли они надъ прошедшимъ у корней ихъ мрачнымъ кортежемъ. Стѣны и башни идутъ съ лѣвой стороны. Тогда, 15-го октября 1812 г. кругомъ дымились однѣ развалины. Молоховская башня еще не была взорвана. Прошли гулкія ворота, мостъ и спустились въ шанцы.

Здѣсь еще лежали груды труповъ и во рву смердѣли озера крови.

Энгельгардта вели у подошвы стѣнъ, и онъ видѣлъ этотъ «покрытый путь», гдѣ кипѣла такая упорная битва, гдѣ Коновницинъ и принцъ Евгенийъ отражали съ егерями бѣшеные приступы французовъ.

Прошли еще двѣ башни и остановились. Энгельгардта поставили къ стѣнѣ и начали читать ему приговоръ.

Кто его читалъ? Надо думать, кто-либо изъ военныхъ судей, осудившихъ Энгельгардта, быть можетъ полковникъ Костенецкій.

Едва представитель военнаго суда началъ:

— *Liberté! Egalité! Fraternité!* Повелѣніемъ его величества императора и короля... Энгельгардтъ властно прервалъ чтеніе и не далъ дочитать, закричавъ:

— Довольно лжи!

И такова была нравственная сила невинно осужденнаго, что приказанія его послушались безпрекословно. Мало того, мы ви-

димъ, что далѣе онъ самъ распоряжается своей казнью и «спекуляторы», и «профосъ», и «комиссаръ по надзору за порядкомъ», и членъ военнаго-суднаго комитета полякъ-полковникъ, всѣ его безпрекословно слушаются.

— Asser des mensonges!

Да, эти именно слова должно было выразить на гробовомъ камнѣ героя-мученика, какъ завѣтъ его потомству.

Довольно лжи! Пора перестать. Довольно лжи парадовъ и военщины, лжи реляцій и сентенцій, лжи показной храбрости, лжи войнъ, будто бы предпринимаемыхъ во имя блага народовъ! Довольно лжи революціоннаго витійства, красивыхъ фразъ о братствѣ, кончающихся потоками крови, гильотиной и казнями! Довольно лжи Наполеоновой имперіи, столь упоительно-величественной по внѣшности, пустой и гнилой внутри! Довольно лжи конгрессовъ, дипломатическихъ нотъ, совѣщаній, «священныхъ» союзовъ! Довольно лжи официальнаго церковнаго витійства и той особой слащавой лжи Гатчины и Царскаго Села, гдѣ ругань кордегардіи смѣшивалась съ мистическими разглагольствіями и фразами о благѣ человѣчества!

— Полно врать. Пора перестать. Заряжай поскорѣи и пали. Чтобъ не видѣть больше разоренія моего отечества и угнетенія моихъ соотечественниковъ!

Эту предсмертную рѣчь Павла Ивановича Энгельгардта передалъ очевидецъ, въ правдивости котораго сомнѣваться невозможно, пастырь добрый о. Никифоръ Мурзакевичъ. Она была произнесена на французскомъ языкѣ.

Не видѣть разоренія и угнетенія хотѣлъ онъ и жаждалъ въ эту минуту смерти. Но когда приступили къ нему, чтобы завязать глаза платкомъ, онъ не позволилъ.

— Прочь! Никто не видѣлъ своей смерти, а я ее буду видѣть!

И опять ему повиновались, потрясенные величіемъ мужественнаго его духа. «Спекуляторы» отошли на потребное разстояніе и стали заряжать ружья.

Отецъ Никифоръ, его дѣти и Ѳедоръ Прокофьевичъ Рагулинъ подошли къ Павлу Ивановичу и стали съ нимъ прощаться.

Тутъ онъ вынулъ изъ-за пазухи домашняго шлафрока, въ которомъ былъ схваченъ и привезенъ въ Смоленскъ, духовную и двѣ записки и передалъ ихъ о. Никифору.

По запискамъ о. Никифоръ долженъ былъ сыскать зарытыя въ сельцѣ Дягилевѣ цѣнныя вещи, которыя Энгельгардтъ назначилъ ему за труды.

По духовному завѣщанію, переданному на мѣстѣ казни, пастырь душъ о. Мурзакевичъ получилъ въ 1820 году пять крѣпостныхъ «душъ», записанныхъ по 7-й ревизіи за роднымъ братомъ казненнаго, капитаномъ Иваномъ Ивановичемъ Энгельгардтомъ. Этими

пятью «душами» отцы Мурзакевичи и владѣли, съ другими вмѣстѣ, подаренными и благопріобрѣтенными до 19-го февраля 1861 года.

У насъ какъ-то забываютъ, что «душами» владѣли не одни дворяне.

Но уже все земное отходило и исчезало для Павла Ивановича.

Прощавшіеся съ нимъ отошли въ сторону. Не связанный, безъ повязки на глазахъ, прислонясь къ Борисовой стѣнѣ, онъ перекрестился, сказавши: «Господи! Помяни меня, егда приидеши во царствіи Твоемъ! Я въ руки Твои предаю духъ мой!»

И приказалъ стрѣлять.

Но тутъ случилось маленькое событіе, о которомъ не говорятъ исторіографы, но несомнѣнное.

XIII.

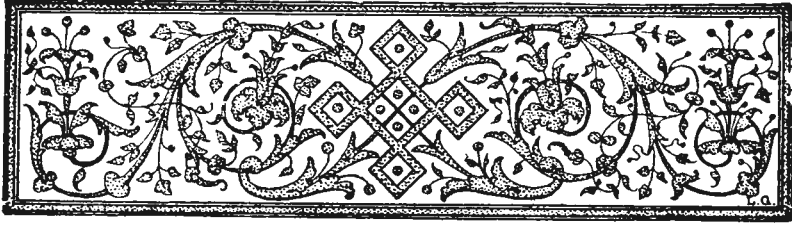
Въ смоленскомъ историческомъ музеѣ есть французская литографія, изображающая смерть Энгельгардта.

«Спекуляторы» подняли ружья, чтобы стрѣлять, а Энгельгардтъ одной рукою далеко отстраняетъ отъ себя собаку-пуделя, который приподнялся на заднія лапы, лижетъ его руку и плачущими глазами смотритъ на умирающаго господина.

Преданіе рассказываетъ, что у Павла Ивановича подлинно былъ вѣрный песъ пудель. Когда Энгельгардтъ былъ схваченъ французами и везенъ въ Смоленскъ, пудель бѣжалъ за нимъ. Но Энгельгардтъ запретилъ пускать собаку въ свою тюрьму, ибо то былъ Божій храмъ. Пудель сидѣлъ около окна алтаря снаружи, и Энгельгардтъ сквозь рѣшетку ласкалъ его и кормилъ. Идя на казнь, просилъ онъ пуделя куда-нибудь запереть. Его заперли въ какой-то сарай. Но онъ подкопалъ стѣну, выскочилъ и побѣжалъ по слѣду. И въ ту самую минуту, когда Энгельгардтъ приказалъ стрѣлять и «спекуляторы» подняли ружья, выскочилъ изъ шанцевъ пудель и съ визгомъ бросился на грудь своего господина. Энгельгардтъ возможно дальше отстранилъ рукою пуделя, желая, чтобы пули не попали въ него. Но залпъ изъ 18 ружей грянулъ. Три пули сразили господина, четвертая—вѣрнаго пса. Энгельгардтъ упалъ на правое колѣно, потомъ навзничъ и сталъ кончаться. Окровавленный пудель подползъ къ ногамъ его и издохъ. Еще Энгельгардтъ дышалъ. Первый номеръ изъ «спекуляторовъ», зарядя ружье, подошелъ и выстрѣлилъ Энгельгардту въ високъ. Тотъ умеръ. Прочіе «спекуляторы» кинулись, раздѣли тѣло его донага и раздѣлили между собою обувь и окровавленную одежду казненнаго, по древнему обычаю.

Николай Энгельгардтъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

VII.

Иванъ Кузьмичъ Горталовъ.

ВЪ СОСѢДСТВѢ съ имѣніемъ моего отца, въ деревнѣ Дюртиляхъ находилось имѣніе Ивана Кузьмича Горталова. Самъ онъ не жилъ въ имѣніи, лишь изрѣдка наѣзжая въ него, но по близкимъ и даже родственнымъ отношеніямъ къ Ивану Кузьмичу и его семейству моего отца и моимъ, я имѣю цѣлый рядъ воспоминаній о Горталовыхъ.

Горталовы принадлежатъ къ числу старинныхъ московскихъ служилыхъ людей по «Костромской чети» территория которой превышала пространствомъ теперешнюю Костромскую губернію) и восходятъ по своей родословной къ половинѣ XVI вѣка. Иванъ Кузьмичъ Горталовъ, оставивъ военную службу въ чинѣ подполковника, женился въ Казани на Прасковѣ Гавриловнѣ Дѣдовой и вслѣдствіе этого переехалъ въ Казань и сдѣлался казанскимъ помѣщикомъ. По женѣ онъ и приходится намъ въ родствѣ. Гаврила Ивановичъ Дѣдевъ, изъ бѣжецкихъ дворянъ Тверской губерніи (старинной Бѣжецкой пятины Новгородской области), служилъ ассессоромъ въ правленіи казанскаго университета и былъ роднымъ братомъ моей бабушки со стороны отца, Авдотьи Ивановны Дѣдовой, жены Льва Ивановича Корсакова.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХV, стр. 469.

Иванъ Кузьмичъ Горталовъ являлся въ XIX вѣкѣ архаическимъ остаткомъ провинціального служилаго дворянства XVIII вѣка. Родившись въ 1771 г. и обучившись въ домѣ родителей только «россійской грамотѣ», какъ значится въ формулярахъ, онъ двадцати лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ которомъ дослужился весьма скоро, въ восемь лѣтъ, до чина поручика. Въ 1806 г. Иванъ Кузьмичъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, находится на службѣ въ 11-мъ Егерскомъ полку, и съ этого года онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ войнахъ императора Александра I—турецкой и двухъ съ Наполеономъ: Отечественной 1812 г., и «освободительной» 1813—1815 г.г. Въ этихъ войнахъ Иванъ Кузьмичъ проявилъ большую храбрость въ цѣломъ рядѣ сраженій. Особенно отличился онъ въ турецкую войну при осадѣ Измаила и въ наполеоновскія войны, будучи уже въ чинѣ майора, при боѣ подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 г. и 19 мая 1813 г. въ сраженіи при деревнѣ Гроссъ-Розенѣ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ битвахъ онъ былъ раненъ, въ первой—пулею навывлетъ въ обѣ ноги, а во второй—картечью въ шею.

Въ предѣлахъ Франціи, при движеніи союзныхъ войскъ къ Парижу, въ одномъ изъ сраженій въ февралѣ 1814 г. Иванъ Кузьмичъ былъ взятъ французами въ плѣнъ, въ которомъ находился до половины апрѣля 1814 г., будучи лишенъ возможности принять участіе въ торжественномъ вступленіи союзныхъ войскъ, подъ предводительствомъ императора Александра I, въ Парижѣ. За свои боевыя заслуги Иванъ Кузьмичъ былъ награждаемъ орденами русскими: Анной 3 и 2 степени и Владимиромъ 4 степени съ бантомъ, и прусскимъ орденомъ «Pour le mérite», которымъ особенно гордился. Онъ часто рассказывалъ о своемъ курьезномъ разговорѣ съ Наполеономъ во время плѣна. Императоръ французскій, которому былъ представленъ плѣнный русскій майоръ, спросилъ его:

— Parlez-vous français, monsieur?

Горталовъ отвѣтилъ ему: «но, мусью».

— On le voit!—съ улыбкой сказалъ императоръ и обратился за помощью къ переводчику.

— Велика ли ваша армія?—спросилъ онъ майора.

— Боку, боку, мусью,—отвѣчала Горталовъ, желая, очевидно, продолжать разговоръ на французскомъ языкѣ.

Въ январѣ 1818 г. Иванъ Кузьмичъ вышелъ въ отставку подполковникомъ и въ томъ же году женился на Прасковѣ Гавриловнѣ Дѣдовой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Гавриила Ивановича (р. 1819 г.) и Петра Ивановича (р. 1821 г.) и дочь Пелагею Ивановну (р. 1825 г.). Жена его умерла вскорѣ послѣ рожденія дочери, и остальную свою жизнь онъ прожилъ вдовцомъ.

Въ 1823 г. Иванъ Кузьмичъ попробовалъ опять вступить въ службу—на этотъ разъ исправникомъ въ Орловскій уѣздъ Вятской

губерніи, но раны, полученныя имъ въ сраженіяхъ, давали себя знать, и онъ вынужденъ былъ черезъ годъ оставить свое исправничество, и съ тѣхъ поръ, находясь въ отставкѣ, проживалъ безвыѣздно въ предѣлахъ Казанской губерніи, въ которой владѣлъ нѣсколькими имѣніями: они частью были получены въ «приданое» за женой, частью куплены Ивановъ Кузьмичемъ лично. Изъ этихъ имѣній мнѣ особенно памяты: Дюртили и Казанбашъ.

Ивана Кузьмича я хорошо помню, начиная съ 1849 г., когда ему было 78 лѣтъ. При такихъ преклонныхъ годахъ онъ былъ очень бодрый, здоровый и веселый старикъ и большой шутникъ. Какъ-то разъ, прѣхавши къ намъ зимой и войдя въ залъ, гдѣ мы, дѣти, я съ сестрой, плясали подъ звуки гармоники, на которой играла наша нянюшка, Иванъ Кузьмичъ, несмотря на свои большыя ноги, пустился въ плясъ, чѣмъ привелъ меня въ немалое удивленіе и восхищеніе. Недаромъ любилъ онъ говорить про себя: «битая посуда два вѣка живетъ».

Живо помню я наружность Ивана Кузьмича. То былъ коренастый, плечистый старикъ средняго роста, нѣкогда, повидимому, сильный брюнетъ (въ 80 почти лѣтъ онъ не былъ еще совершенно сѣдымъ), съ прекрасно сохранившимися на головѣ густыми волосами, которыя онъ подстригалъ «ершикомъ», съ нависшими на каріе глаза густыми, черными съ просѣдью бровями и оттопыренной нижней губой. Разсказывая что-нибудь, онъ имѣлъ обыкновеніе подносить ко рту ладони обѣихъ рукъ и, почмокавъ губами, потиралъ одну ладонь о другую. Не только бороды, но и усы онъ не носилъ. Въ отставку онъ вышелъ еще при Александрѣ I, когда всѣ военные, кромѣ кавалеристовъ, обязательно брили бороду и усы. Брился Иванъ Кузьмичъ, впрочемъ, не часто, вслѣдствіе чего его щеки и губы, при поцѣлуяхъ, чѣмъ онъ любилъ выражать родственное расположеніе, нерѣдко кололи мое лицо. Говорилъ Иванъ Кузьмичъ рѣчью, близкой къ простонародному мѣстному говору, употребляя, напримѣръ, такія слова, какъ «таперича», «хоша», «опомнясь» и т. п.

Обыкновенно носилъ Иванъ Кузьмичъ старомодные долгополые сюртуки-пальто чернаго, синяго или гороховаго цвѣта, а парадный костюмъ его состоялъ изъ болѣе новомоднаго сюртука и орденовъ, которые онъ тщательно расправлялъ на груди подъ высокимъ, стоячимъ галстухомъ военнаго покроя. Указательный палецъ правой его руки украшался золотымъ перстнемъ; въ той же рукѣ онъ постоянно носилъ камышевую трость съ золотымъ набалдашникомъ. Во время разговоровъ, особенно выслушивая рѣчь своего собесѣдника, Иванъ Кузьмичъ нерѣдко опирался на трость подбородкомъ. Онъ любилъ разсказывать разные анекдоты и изъ своей военной службы, и изъ жизни мѣстнаго казанскаго общества. Изъ анекдотовъ первой категоріи приведенъ выше его разсказъ о бесѣдѣ съ нимъ Наполеона. Анекдоты второй категоріи заключались въ раз-

сказахъ о походеиіяхъ игуменьи казанскаго женскаго монастыря Назареты и о разныхъ «потѣхахъ» мѣстныхъ помѣщиковъ.

Разсказы о личности Назареты такого содержанія, что не подлежатъ передачѣ, но такъ какъ ея личность небезынтересна вообще, а въ тусклой казанской общественности начала XIX вѣка она представляла собой оригинальное явленіе, то позволяю себѣ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе на основаніи печатнаго матеріала.

Назарета находилась въ родственныхъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ силачомъ и петербургскимъ дебоширомъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, офицеромъ Шванвичемъ, который одинъ только могъ помѣриться въ кутежахъ и въ физической силѣ съ знаменитыми братьями Орловыми; Шванвичъ славился тѣмъ, что одному изъ нихъ, кажется, Алексѣю Григорьевичу, онъ сильно помялъ бока въ одной изъ петербургскихъ «австерій», когда тотъ подбиралъ среди петербургскихъ гвардейскихъ и гарнизонныхъ офицеровъ «сотрудниковъ» для предстоявшаго возведенія на престолъ Екатерины Алексѣевны, супруги злосчастнаго императора Петра III. Но какъ Назарета приходилась родственницей Шванвичу, съ точностью неизвѣстно.

Показанія о происхожденіи Назареты Васильевны, по фамиліи Шванвичъ, разнорѣчивы: по одному изъ этихъ показаній она была сестрой петербургскаго оберъ-полицеймейстера Ивана Васильевича Гладкаго и вышла замужъ за Шванвича ¹⁾; по другому—она дочь кронштадтскаго коменданта Шванвича ²⁾.

Въ 1796 г., когда Назарета Васильевна была монахиней петербургскаго Смольнаго Воскресенскаго монастыря,—по упраздненіи котораго въ его зданіяхъ былъ помѣщенъ институтъ для «благородныхъ дѣвиць», извѣстный доселѣ подъ именемъ «Смольнаго монастыря»,—съ ней очень подружилась поселившаяся тамъ фрейлина Марья Васильевна Шкурина, удаленная отъ двора вслѣдствіе личнаго неудовольствія противъ нея Екатерины II. Изъ Смольнаго монастыря Назарета Васильевна перешла въ Ростовскій Малоарославскій монастырь, а въ 1799 г. была возведена въ санъ игуменьи и назначена въ Рожественскій монастырь въ Твери. Императоръ Павелъ благоволилъ къ Назаретѣ, быть можетъ, по отношеніямъ Шванвича къ Орловымъ. Шкурина послѣдовала за Назаретой, но, несмотря на неоднократныя просьбы, не получала отъ императора Павла разрѣшенія постричься. Лишь послѣ его смерти, уже осенью 1801 г., она пострижена въ Тверскомъ монастырѣ съ именемъ «матери Павлы». Въ 1804 г. императоръ Александръ I, также благоволившій къ Назаретѣ Васильевнѣ, пожаловалъ ей золотыя часы

¹⁾ Рус. Стар. 1872 г., т. V, с. 474.

²⁾ Рус. Стар. 1871 г., т. IV, с. 387.

съ алмазами, а императрица Марія Теодоровна—гранатовыя четки съ брильянтовымъ крестомъ. Въ 1807 г. императрица Елизавета Алексѣевна подарила ей часы съ драгоценными камнями. Въ томъ же 1807 г. Назарета Васильевна переведена настоятельницей въ Казань въ Богородицкій женскій монастырь ¹⁾, куда вмѣстѣ съ ней перешла и монахиня Павла (Шкуринна) на должность казначей. Игуменья Назарета предприняла рядъ нововведеній въ Богородицкомъ монастырѣ, и между прочимъ, въ церквахъ, при богослуженіяхъ, назначила мѣста, гдѣ должны стоять лица разныхъ сословій. Новые порядки очень не понравились жителямъ Казани, и кто-то сочинилъ стихи для осмѣянія такого распоряженія игуменьи. Вотъ начало этой мѣстной сатиры, весьма, впрочемъ, не только не остроумной, но прямо грубой и по содержанію, и по формѣ.

Подъ чернымъ клобукомъ, подъ маскою святыни,
Съ лѣтъ юныхъ грѣшница, а днесъ полна гордыни,
Въ голландскомъ Гладкая затворница сыру,
Соблазнъ своимъ сестрамъ, посмѣшище въ міру,
И ты, достойная подъ стать ея фигура,
Старинной выдѣлки изношенная Шкура,
Доколь васъ не уйметъ владыка архирей,
Дотоль не буду знать въ вашъ монастырь дверей ²⁾.

Иванъ Кузьмичъ Горталовъ, передавая цѣлый рядъ анекдотовъ о не—монашеской жизни Назареты, между прочимъ сообщалъ, что къ ней въ Казани прикладывался извѣстный русскій старинный романсъ, начинающійся такъ:

На зарѣ ты (Назареты) ее не буди.
На зарѣ она сладко такъ спить...

При чемъ самъ напѣвалъ этотъ романсъ.

Пропускаю рассказы Ивана Кузьмича о помѣщичьихъ «потѣхахъ». Эти потѣхи, главнымъ образомъ, состояли въ издѣвательствѣ надъ приходскимъ духовенствомъ, что почиталось многими провинціальными помѣщиками конца XVIII и начала XIX вѣковъ за удалство.

Иванъ Кузьмичъ былъ большой хлѣбосоль: любилъ самъ покушать и еще больше любилъ угощать своихъ гостей. Его житейскій обиходъ въ Казани вообще сохранилъ очень много остатковъ изъ обихода русскихъ провинціальныхъ помѣщиковъ средней руки не только второй, но даже первой половины XVIII вѣка. Остатки эти, прежде всего, выражались во внѣшности и во внутреннемъ расположеніи его казанскаго жилища.

Жилище это составляло цѣлую помѣщичью «усадьбу» и находилось рядомъ съ Богородицкимъ женскимъ монастыремъ и противъ

¹⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи. М. 1813 г., V, с. 709—710.

²⁾ Рус. Стар. 1872 г., т. V, с. 474—475.

городской тюрьмы, официально именовавшейся «гражданскимъ тюремнымъ замкомъ». Усадьба состояла изъ двухъ отдѣльныхъ участковъ, примыкавшихъ другъ къ другу. За ними разстилался большой, но запущенный, садъ, расположенный непосредственно у стѣны Богородицкаго монастыря. Въ первомъ участкѣ находилось два каменныхъ дома и деревянный флигель—всѣ крытые тесомъ. Одинъ изъ этихъ домовъ выходилъ на улицу, а другой домъ и флигель помѣщались на обширномъ дворѣ, густо заросшемъ травой. Съ улицы оба участка были обнесены толстой каменной стѣной. Мнѣ болѣе памятенъ первый участокъ усадьбы, въ которомъ обиталъ самъ Иванъ Кузьмичъ. Второй участокъ былъ имъ отданъ младшему сыну послѣ женитьбы послѣдняго въ 1848 г. Домъ, выходившій на улицу, былъ двухэтажный и имѣлъ кромѣ того, мезонинъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались «кладовыя», съ окнами за желѣзными рѣшетками, и «людская», то есть жилище низшаго персонала «дворовыхъ» многочисленной крѣпостной прислуги Ивана Кузьмича. Въ тѣхъ комнатахъ верхняго этажа и мезонина, которыя выходили на дворъ, оконныя рамы были не створчатыя, а на старинный ладь поднимались вверху. Особой оригинальностью отличался главный домъ, находившійся на дворѣ: карнизъ съ причудливой кирпичной орнаментикой и галерея-балконъ со стѣнками изъ разноцвѣтныхъ стеколъ придавали ему восточный отпечатокъ. Комнатъ въ обоихъ домахъ было немного; всѣ онѣ были небольшого размѣра и не высоки; особенно этимъ отличались комнаты дома, находившагося на дворѣ, напоминая своимъ размѣромъ «покои» московскихъ теремовъ, сохранившихся въ Кремлѣ отъ XVII вѣка. Залъ, гостиная, небольшая столовая, спальная Ивана Кузьмича, кабинетъ и комната старшаго его сына и «образная» или молельная—вотъ главныя комнаты, имѣвшія спеціальныя назначенія; кромѣ нихъ, были «лакейская» и «дѣвичья», то есть комнаты для мужской и женской прислуги. Дѣвичья помѣщалась въ мезонинѣ. Иванъ Кузьмичъ по очереди жилъ то въ домѣ, выходившемъ на улицу, то въ домѣ, бывшемъ на дворѣ, а деревянный флигель предназначался для помѣщенія чиновниковъ канцелярїи старшаго сына Ивана Кузьмича.

Своимъ родствомъ съ моимъ отцомъ Иванъ Кузьмичъ очень дорожилъ, главнымъ образомъ потому, что отецъ имѣлъ генеральскій чинъ. Онъ иначе не называлъ отца заочно, какъ «мой генераль», а, обращаясь къ нему, говорилъ: «мой дорогой родной». При постройкѣ новаго дома въ нашей деревнѣ Иванъ Кузьмичъ, желая быть полезнымъ отцу, любезно вызвался покупать ему мебель въ Казани и давалъ разные совѣты, которымъ, впрочемъ, отецъ не слѣдовалъ. Такъ, напримѣръ, онъ не на шутку рекомендовалъ отцу построить домъ вблизи дороги, ведущей въ Казань, ввиду того соображенія, что жить въ такомъ домѣ будетъ очень весело, такъ какъ всѣ знакомые и даже незнакомые, проѣзжающіе мимо, стали бы къ нему заѣзжать.

Но мой отецъ, будучи серьезнымъ сельскимъ хозяиномъ и не любившій празднаго общества, всего менѣе былъ склоненъ къ такому времяпрепровожденію въ имѣніи, гдѣ задумывалъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ преобразованій. Иванъ Кузьмичъ, напротивъ, не вникалъ въ веденіе сельскаго хозяйства, предоставивъ управленіе своими имѣніями старостамъ и приказчикамъ. Изъ военной службы онъ вынесъ страсть къ лошадямъ; имѣлъ въ своихъ деревняхъ небольшіе конскіе заводы, самъ объѣзжалъ лошадей подъ верхъ, продавалъ и покупалъ ихъ, усердно для того посѣщая казанскіе конные базары, а въ особенности конную ярмарку въ Симбирскѣ, ежегодно тамъ бывающую въ такъ называемое «сборное» воскресенье, то есть въ первое воскресенье Великаго поста.

Вотъ характерный эпизодъ, касающійся превращенія моимъ отцомъ одного болотнаго участка въ лугъ. Вырубивъ тощую древесную поросль на «моховомъ болотѣ» и осушивъ его цѣлымъ рядомъ водосточныхъ каналовъ, отецъ сталъ всыпать въ него мелко размолотый гипсъ.

Былъ у Ивана Кузьмича въ его имѣніи Дюртиляхъ староста Иванъ Волковъ, съ которымъ баринъ обращался попросту и даже дружески.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Дюртили, Иванъ Кузьмичъ, по обыкновенію, сидѣлъ за самоваромъ, распивая чай вмѣстѣ со старостой.

— Ну что нашъ генераль?—спросилъ баринъ Ивана Волкова:— какъ онъ хозяйничаетъ?

— Да что, Иванъ Кузьмичъ, генераль съ ума спятилъ!

— Ну!—удивленно воскликнулъ тотъ.

— Да право. Въ болото муку сыплетъ.

Прошло года два-три. Въ Дюртиляхъ снова сидѣли баринъ и староста за самоварчикомъ.

— А вѣдь нашъ-то генераль умнѣ насъ съ тобой, Иванъ Кузьмичъ!—заявилъ Иванъ Волковъ.—На болотѣ, куда онъ муку сыпалъ, траву теперь косить.

Иванъ Кузьмичъ пришелъ въ полное недоумѣніе и, чтобы удостовѣриться въ справедливости словъ своего старосты, немедленно отправился въ имѣніе моего отца для провѣрки удивительнаго разказа.

Случались съ Иваномъ Кузьмичемъ пресмѣшныя эпизоды. Въ первой половинѣ XIX вѣка, кромѣ приказа общественнаго призрѣнія, въ губернскихъ городахъ не было никакихъ кредитныхъ учрежденій, и деньги взаймы, въ большинствѣ случаевъ, приходилось брать у частныхъ лицъ, разумѣется, подъ солидное обезпеченіе въ видѣ закладныхъ. У Ивана Кузьмича денежки водились, и онъ не прочь былъ ссужать ими нуждающихся, при означенномъ условіи. И вотъ одинъ остзейскій баронъ ухитрился получить у Ивана Кузьмича

довольно крупную сумму подъ закладную на имѣніе, давно уже имъ проданное, представивъ въ видѣ доказательства принадлежности имѣнія какой-то старый планъ, чуть-ли не генеральнаго межеванія.

Умеръ Иванъ Кузьмичъ въ своемъ казанскомъ домѣ, въ 1853 г., на 83-мъ году жизни.

VIII.

Гавріиль Ивановичъ Горталовъ.

Старшій сынъ Ивана Кузьмича Горталова, Гавріиль Ивановичъ Горталовъ, былъ человѣкъ необыкновенно благодушный и не только незлобивый, но бесконечно добрый и совершенно безвольный. Онъ въ большинствѣ случаевъ не любилъ о комъ-либо дурно отзываться и терпѣть не могъ сплетенъ; когда въ его присутствіи кто-нибудь позволялъ себѣ рѣзкія замѣчанія не только о людяхъ ему близкихъ, но даже о мало знакомыхъ и совсѣмъ незнакомыхъ, или передавалъ ходячіе провинціальныя слухи, Гавріиль Ивановичъ хмурился и сердился.

— Зачѣмъ осуждать напрасно, — говорилъ онъ: — NN прекрасный человѣкъ».

Вообще, по его мнѣнію, прекрасныхъ людей было несравненно болѣе на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ «непрекрасныхъ».

Услужить чѣмъ-нибудь каждому, кто къ нему обращался и кому онъ могъ оказать какую-либо помощь — было для него поистинѣ наслажденіемъ. Къ крестьянамъ, и при крѣпостномъ правѣ, и послѣ 19 февраля 1861 г., а также къ своей домашней прислугѣ, «дворовымъ», а затѣмъ вольнонаемнымъ, Гавріиль Ивановичъ относился съ тѣмъ же беззлобіемъ и благодушіемъ. Характернымъ тому примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай.

День Гавріила Ивановича былъ строго размѣренъ по часамъ, и Боже избави нарушить чѣмъ-либо установленное навсегда распределение дня. Послѣ обѣда, на примѣръ, онъ долженъ былъ обязательно дремать въ кабинетѣ въ креслѣ, съ газетой и трубкой. Когда же глаза его смыкались и сонъ находилъ на него — газета съ трубкой вываливались изъ рукъ, онъ надѣвалъ халатъ и ложился на диванъ для послѣобѣденнаго отдыха. Какъ-то разъ, когда онъ расположился «дремать» на креслѣ и не подозрѣвалъ, что въ сосѣдней комнатѣ кто либо находится, Гавріиль Ивановичъ началъ вслухъ проектировать то, что онъ долженъ сказать своему лакею Ефиму: «Я давно замѣчаю, Ефимъ, — бормоталъ онъ, — что ты очень небрежно относишься къ своимъ обязанностямъ, пропадаешь по цѣлымъ часамъ, являешься нетрезвый и т. д.». Вслѣдъ затѣмъ, прервавъ свои «мысли вслухъ», онъ громко крикнулъ: «Ефимъ, трубку!», и Ефимъ, подавъ трубку, ушелъ, не получивъ никакого выговора. Гавріиль Ивановичъ, по неисчерпаемому добродушію своему, не имѣлъ духа разбранить Ефима въ лицо.

Но, несмотря на такое благодушіе Гавріила Ивановича, у него были не только недоброжелатели, а прямо враги. Его служебно-общественная дѣятельность, гдѣ безволіе его проявлялось всецѣло, была почвой, на которой создавались и вырастали его противники и враги. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а здѣсь замѣчу только, что и въ отношеніяхъ къ своимъ врагамъ Гавріиль Ивановичъ поступалъ такъ же, какъ въ вышеприведенномъ эпизодѣ съ лакеемъ Ефимомъ. Не будучи въ силахъ бороться съ ними и считая себя неправильно обиженнымъ, онъ лишь въ бесѣдѣ съ близкими ему людьми высказывалъ накипѣвшую на его сердцѣ горечь и отзывался о своихъ недругахъ иногда въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ.

Гавріиль Ивановичъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, любилъ шутить и остроумничать; но шутки его не всегда были удачны, а анекдоты, которые онъ охотно рассказывалъ, въ большинствѣ случаевъ были «легкомысленнаго» содержанія.

Благодушіе, незлобіе и доброта Гавріила Ивановича выражались и въ его внѣшнемъ обликѣ. Средняго роста, довольно полный, съ добродушной улыбкой и ласковымъ выраженіемъ карихъ глазъ и любезными пріемами въ обращеніи, онъ носилъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ бездѣятельнаго внѣшняго существованія. Психика Гавріила Ивановича являлась естественнымъ продуктомъ его воспитанія, если можно назвать этимъ именемъ то «баловство», которое наполняло его дѣтскіе и отроческіе годы. Во время своего ученія въ казанской гимназіи, а затѣмъ въ казанскомъ университетѣ, въ которомъ онъ окончилъ курсъ по математическому факультету въ 1840 году, онъ всецѣло находился подъ надзоромъ своей бабушки со стороны матери, Пелагеи Петровны Дѣдовой. Характернымъ проявленіемъ «баловства» Пелагеей Петровной ея внука можетъ служить слѣдующій эпизодъ. Какъ-то во время нездоровья «Гани» ему пришла въ голову блажь: чтобы въ его комнату, гдѣ онъ лежалъ въ постели и которая находилась въ мезонинѣ, была бы непременно ввезена карета. Бабушка не заявила внуку, что это вздоръ, который не можетъ быть исполненъ, но, сознавая нелѣпость его просьбы, рѣшилась обмануть «Ганю», чтобы утѣшить больного мальчика. Она велѣла нѣсколькимъ дворовымъ стучать и топтать ногами по лѣстницѣ, ведущей въ мезонинъ, а внуку сказала, что стукотня и шумъ происходятъ оттого, «что карету поднимаютъ, но что очень затруднительно и сразу невозможно ввезти и поднять ее по лѣстницѣ въ его комнату». — «Ганя» былъ успокоенъ такимъ объясненіемъ и заснулъ.

«Ганю» въ его отроческіе и юношескіе годы не утруждали ученіемъ, и безпрекословно исполняли всѣ его капризы. Въ основу «педагогическихъ» возрѣній Пелагеи Петровны Дѣдовой были положены преданія благочестивой старины, по которымъ обрядъ и внѣшняя церковность составляли все содержаніе религіи, а обществен-

ная дѣятельность «барчука» выражалась въ «службѣ», то есть въ чиновничьей карьерѣ. Этимъ преданіямъ Гавріилъ Ивановичъ остался «вѣренъ до гроба». Онъ былъ страстный охотникъ до торжественныхъ служеній церковныхъ и разныхъ парадныхъ церемоній, а въ особенности почиталъ архіереевъ, архимандритовъ и монаховъ. Дома утромъ и вечеромъ онъ усердно молился по каноникамъ и молитвенникамъ кievской печати и въ праздничные дни прочитывалъ соотвѣтствующіе акаѳисты. Та же вѣшняя формалистика выражалась у Гавріила Ивановича и въ отношеніи служебномъ. Титуль, чинъ, орденъ—производили на него неотразимое впечатлѣніе. На почвѣ чиновлюбія Гавріилъ Ивановичъ проявлялъ иногда пресмѣшныя, но весьма характерныя черты.

Такъ, напримѣръ, онъ совершенно серьезно говорилъ о какомъ-нибудь субъектѣ въ малыхъ чинахъ:

— NN прекрасный человекъ, хотя только титулярный совѣтникъ.

Весьма любопытенъ одинъ эпизодъ, связанный съ человекомъ совершенно иного закала, чѣмъ Гавріилъ Ивановичъ Горталовъ. Человекъ этотъ—извѣстный ученый и общественный дѣятель XIX вѣка, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Въ частыя поѣздки въ свое самарское имѣніе въ 60-хъ и 70-хъ годахъ Кавелинъ постоянно заѣзжалъ къ намъ въ Казань и оттуда въ имѣніе моего отца, сельцо Арышхазду. Въ эти поѣздки онъ познакомился съ Г. И. Горталовымъ, бывшимъ въ то время казанскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и земскимъ гласнымъ отъ крестьянъ, а потому считавшимъ себя прогрессистомъ и «эмансипаторомъ», о чемъ рѣчь будетъ ниже. Гавріилъ Ивановичъ наивно былъ увѣренъ, что онъ одного образа мыслей съ Кавелинымъ, увѣжденнымъ провозвѣстникомъ освобожденія крестьянъ съ землею и важнаго политическаго значенія для Россіи въ будущемъ земскихъ учреждений.

Разъ какъ-то, сколько помнится, въ 1865 году, вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Казани Кавелина, я обѣдалъ у Гавріила Ивановича. Обѣдъ былъ совершенно запросто: насъ было всего трое—хозяинъ дома, его сестра Пелагея Ивановна и я. Едва сѣли мы за столъ, чтобы приступить къ ѣдѣ вкусныхъ суточныхъ щей съ прекрасными ватрушками, какъ рѣчь зашла о Кавелинѣ, въ видѣ продолженія разговора о немъ, начатаго еще до обѣда.

— А я думаю, Константинъ Дмитріевичъ скоро получить «тайнаго»?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ Гавріилъ Ивановичъ, аппетитно хлѣбая щи вмѣстѣ съ кусками жирной говядины и закусывая ватрушкой:—вѣдь онъ давно «дѣйствительный статскій»?

— Нѣтъ, Кавелинъ не имѣетъ превосходительнаго ранга,—отвѣчалъ я:—онъ просто «статскій», потому что отказался отъ «дѣйствительнаго», къ которому былъ представленъ послѣ оставленія имъ должности преподавателя наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу.

— То есть какъ отказался?—недоумѣнно и совершенно растерянно обратился ко мнѣ Гавріиль Ивановичъ. Ложка щей съ кускомъ говядины, уже направленная имъ въ ротъ, выпала изъ руки; говядина полетѣла въ тарелку, разбрызгавъ налитыя въ ней щи въ разныя стороны,—очевидно, возможность отказа отъ «превосходительнаго» титула никогда даже не возникла въ мозгу Гавріила Ивановича и поразила его, какъ страшная противоестественная неожиданность.

Пристрастіе Гавріила Ивановича къ орденамъ доходило нерѣдко до курьезовъ. Такъ, напримѣръ, имѣя небольшую металлическую именную печать со щитомъ, въ которомъ помѣщались инициалы его имени и фамиліи. «Г. Г.», и дворянской короной поверхъ щита, онъ тщательно вырѣзывалъ на этой печати, подъ щитомъ, по очереди всѣ получаемыя имъ ордена. Когда онъ получилъ сначала чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а затѣмъ станиславскую звѣзду съ лентой, онъ снялъ съ себя фотографическіе портреты въ разныхъ варіаціяхъ позировки и былъ очень озабоченъ вопросомъ, какъ вырѣзать станиславскую звѣзду на своей именной печати. Очъ долго соображалъ, какъ лучше это устроить, бралъ для образца печати тѣхъ счастливицевъ изъ своихъ знакомыхъ, которые имѣли звѣзду, и наконецъ заказалъ вырѣзать по особому рисунку все заново такъ, чтобы лучи звѣзды выходили изъ подъ щита, внизу котораго предполагалъ размѣстить ордена въ надлежащей послѣдовательности ихъ полученія.

При такомъ культѣ чиновъ и орденовъ Гавріиль Ивановичъ не занималъ никогда серьезнымъ служебныхъ должностей. По окончаніи курса въ университетѣ онъ «числился» въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ, кажется, въ канцеляріи губернатора, а затѣмъ перешелъ на службу въ казанскій комитетъ императорскаго челоувѣколюбиваго общества,—службу, которая не оплачивалась никакимъ жалованьемъ, но за то давала возможность въ обиліи получать чины и ордена. Кромѣ того, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ занялъ должность «посредника по полюбовному размежеванію» дворянскихъ имѣній Казанскаго, Лаишевскаго, Царевококшайскаго и Мамадышскаго уѣздовъ,—должность также бесплатную, но съ окладомъ, сколько помнится, въ 800 рублей на «содержаніе канцеляріи». Дѣлъ по полюбовному размежеванію было очень мало, а потому въ канцеляріи было немного работы, исполнявшейся однимъ чиновникомъ. Гавріиль Ивановичъ придавалъ большое значеніе своей должности «посредника», и я очень хорошо помню довольно большой шкафъ въ его кабинетѣ, въ которомъ помѣщалось много красиво переплетенныхъ картоновъ съ дѣлами по полюбовному размежеванію.

Любилъ Гавріиль Ивановичъ рассказывать, какъ производилъ ревизію дѣлъ полюбовнаго размежеванія въ Казанской губерніи

первоприсутствующій въ межевомъ департаментѣ сената Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и какъ онъ остался доволенъ «порядкомъ» въ «дѣлахъ» Гавріила Ивановича и его объясненіями. Этотъ Муравьевъ былъ знаменитый впослѣдствіи во время польскаго повстанья 1863 г. виленскій генераль-губернаторъ, а при ревизіи межевыхъ дѣлъ въ Казанской губерніи онъ занималъ три должности: первоприсутствующаго межевого департамента, министра государственныхъ имуществъ и главноуправляющаго департаментомъ удѣловъ. Онъ одновременно производилъ «ревизіи» по всѣмъ тремъ занимаемымъ имъ должностямъ, причемъ по каждой изъ нихъ получалъ отдѣльно «казенные прогоны», что составляло въ совокупности весьма крупную сумму. За это Герценъ остроумно далъ ему, въ отличіе отъ другихъ Муравьевыхъ, кличку трехпрогоннаго Муравьева.

Характерно для сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ XIX вѣка нижеслѣдующее обстоятельство. Оно ярко иллюстрируетъ «умоначертаніе» провинціальныхъ политическихъ согладаево этой эпохи, чиновъ корпуса жандармовъ. Это время было въ Казанскомъ Поволжьѣ самое тихое. Унверситетъ, охраняемый бдительнымъ надзоромъ попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, былъ вполне «благонамѣренъ»; крестьяне, и помѣщичьи, и казенные, и удѣльные, подневольно не проявляли никакой активной строптивости, а раскаты европейскихъ событій 48-го года не достигали Средняго Поволжья. Все «обстояло благополучно», но жандармамъ необходимо было проявлять свою «бдительность». И вотъ—казанскій жандармскій генераль Петръ Ѳедоровичъ Львовъ, въ числѣ самыхъ пустыхъ донесеній своему шефу, графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, не обошелъ даже такого богобоязненнаго и смирнаго человѣка, какъ Гавріилъ Ивановичъ Горталовъ. Онъ донесъ, что Гавріилъ Ивановичъ не посѣщаетъ торжественныхъ молебновъ въ казанскомъ кафедральномъ соборѣ въ царскіе дни. Разумѣется, то была совершеннѣйшая клевета, потому что Гавріилъ Ивановичъ считалъ своей «священной» обязанностью въ мундирѣ и орденахъ посѣщать именно царскіе молебны. Всего забавнѣе въ этомъ доносѣ то обстоятельство, что самъ генераль Львовъ рѣдко посѣщалъ соборъ въ царскіе дни.

Изъ житейскаго обихода Гавріила Ивановича нельзя не отмѣтить его страсти дѣлать праздничные визиты. Въ провинціи обычай дѣлать такъ называемые «визиты» вообще среди чиновничьихъ круговъ и сферъ претендующихъ играть роль провинціальнаго high-lif'a, до сихъ поръ еще сохраняется, хотя далеко не въ такой мѣрѣ, какъ во вторую половину XIX вѣка. Но Гавріилъ Ивановичъ исполнялъ этотъ обычай до *nes plus ultra*. Въ рождественскіе и пасхальныя визиты, чтобы не выходить изъ экипажа, когда не оказывалось дома лица, къ которому онъ пріѣзжалъ въ визитомъ,

онъ сажалъ рядо́мъ съ собою сторожа, снабженнаго массою визитныхъ карточекъ; у самого же Гавріила Ивановича находился въ рукахъ тщательно и систематически составленный имъ списокъ лицъ для визитовъ, которыхъ у него было всегда громадное количество—болѣе сотни. Всѣмъ членамъ семьи Гавріиль Ивановичъ оставлялъ визитныя карточки, такъ что въ иныхъ случаяхъ приходилось ему оставлять въ одной семьѣ карточекъ 5—6.

Въ 1857 г. Гавріиль Ивановичъ былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ и занималъ эту должность въ теченіе многихъ трехлѣтій. Въ исходѣ пятидесятихъ годовъ, какъ извѣстно, началось въ нашемъ обществѣ прогрессивное движеніе, и необходимость освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и улучшенія ихъ быта стала лозунгомъ передовыхъ общественныхъ круговъ. И Гавріила Ивановича захватила эта волна, но у него какъ-то своеобразно и чудно освободительная идея шла объ руку съ его чиновничьимъ. Слова «мансипація», какъ называли въ то время освобожденіе крестьянъ, и «плантаторъ»—терминъ, которымъ опредѣляли сторонниковъ крѣпостнаго права, не сходили съ его устъ. Наконецъ наступилъ и самый день 19 февраля 1861 года. Гавріиль Ивановичъ усердно вводилъ уставныя грамоты, разъясняя крестьянамъ «Положеніе» и являясь въ деревняхъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и орденомъ на шеѣ. Въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства онъ получилъ большую популярность среди крестьянъ, которые обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ, иногда очень мелкихъ, дѣлъ и постоянно получали отъ него должные совѣты, указанія и разъясненія. Здѣсь имѣла возможность проявиться природная душевная доброта Гавріила Ивановича. Онъ очень гордился полученіемъ, во время своего предводительства, двухъ высочайшихъ благоволеній за его старанія по сохраненію порядка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ при введеніи «Положеній 19 февраля 1861 г.», тогда какъ нѣкоторые другіе дворянскіе предводители Казанской губерніи получили высочайшія благоволенія за возстановленіе порядка.

При введеніи въ Казанской губерніи земскихъ учреждений и мирового суда въ 1865 г. Гавріиль Ивановичъ былъ выбранъ гласнымъ Казанскаго уѣзда отъ крестьянъ громаднымъ большинствомъ; а затѣмъ въ казанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи былъ избранъ предсѣдателемъ казанской уѣздной земской управы и почетнымъ мировымъ судьей; служба по комитету Человѣколюбиваго общества и посредничество по полюбовному размежеванію оставались все это время за нимъ. Какъ предсѣдатель уѣздной земской управы, Гавріиль Ивановичъ, конечно, не могъ проявить организаторской дѣятельности и ограничивалъ свою службу на этомъ посту несложной канцелярской работой. Являясь аккуратно, ежедневно въ опредѣленные часы, въ присутствіе управы, онъ спрашивалъ секретаря

управы Чембулатова: «Ну, что, бумаги всё готовы къ подпису?» И, получая отъ него удовлетворительный отвѣтъ, подписывалъ большую массу протоколовъ, входящихъ и исходящихъ, своимъ красивымъ почеркомъ «Г. Горталовъ». Количествомъ входящихъ и исходящихъ онъ опредѣлялъ дѣятельность управы.

При такомъ отношеніи къ служебному и общественному дѣлу Гавріиль Ивановичъ, весьма естественно, являлся жертвой разныхъ мошенническихъ продѣлокъ со стороны подчиненныхъ ему лицъ; нѣкоторые сослуживцы по земству, пользуясь его довѣрчивостью, ставили его въ весьма непріятное и неловкое положеніе. Всего болѣе за свою довѣрчивость заплатился Гавріиль Ивановичъ, какъ уѣздный предводитель дворянства, по дворянской опека. Секретарь этой опеки З. въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ систематическія хищенія въ дворянскихъ опекунскихъ суммахъ, а Гавріиль Ивановичъ, формально провѣряя опекунскую кассу и совсѣмъ не провѣряя кассовыхъ книгъ и отчетности, подписывалъ ихъ на основаніи словесныхъ удостовѣреній З., что все исправно. Когда обнаружилась растрата З., въ размѣрѣ тридцати слишкомъ тысячъ рублей серебромъ, Гавріиль Ивановичъ долженъ былъ уплатить всю эту сумму, что совершенно разстроило его денежныя дѣла. Онъ вынужденъ былъ войти въ долги, которые, нарастая съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе тяжкимъ бременемъ ложились на его имѣніе Казанбашъ и на доставшійся ему послѣ смерти отца домъ въ Казани. Но въ эпизодѣ съ З. въ полной мѣрѣ проявились незлобивость и добродушіе Гавріила Ивановича.

З. былъ отданъ подъ судъ, лишень всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ Сибирь. Сибирскій трактъ, по которому этапнымъ порядкомъ препровождался З. на поселеніе, проходилъ какъ разъ мимо Казанбашъ. Будучи въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ офицерами, начальниками этапныхъ командъ, Гавріиль Ивановичъ упросилъ одного изъ нихъ, который конвоировалъ съ своей командой З., дозволить бывшему секретарю дворянской опеки доѣхать отъ Казани до его имѣнія на лошадахъ нѣсколько раньше партіи арестантовъ, препровождаемыхъ нѣшкомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, Гавріиль Ивановичъ, доставилъ З. на своихъ лошадахъ въ ближайшій этапный пунктъ за его имѣніе,—Карадуанъ, лежащій почти на границѣ Казанской и Вятской губерній. Дѣло происходило глубокой осенью, и Гавріиль Ивановичъ жилъ еще въ то время въ Казанбашѣ. Онъ очень любезно встрѣтилъ въ своемъ деревенскомъ домѣ З., накормилъ его, угостилъ, по русскому обычаю, баней, снабдилъ деньгами, полушубкомъ, теплою шапкой и валенками.

Въ уѣздной земской управѣ Гавріиль Ивановичъ испыталъ цѣлый рядъ непріятныхъ для него «инцидентовъ». Когда земское дѣло стало все болѣе и болѣе расширяться и потребовалась серьезная работа, Гавріиль Ивановичъ, разумѣется, не могъ находиться на высотѣ

положенія въ должности предсѣдателя уѣздной земской управы. Въ члены управы былъ проведенъ противниками Горталова нѣкто NN, которому Гавріиль Ивановичъ съ радостью и съ полнымъ довѣріемъ вручилъ всю казначейскую часть. Этотъ господинъ не замедлилъ «утилизировать» по-своему земскія деньги при помощи своеобразной «бухгалтеріи», которую лишь для отвода назвалъ итальянскою. Гавріиль Ивановичъ приходилъ въ восторгъ отъ бухгалтеріи, въ которой онъ ничего не понималъ, и пѣлъ диоѳирамбы дѣловитости члена-казначей. Къ счастью для Гавріила Ивановича, земской ревизіонной комиссіи удалось вывести на свѣжую воду quasi-итальянскую бухгалтерію, и предсѣдатель управы на этотъ разъ не пострадалъ. Но противники Гавріила Ивановича не дремали; на Гавріила Ивановича, который въ то время уже не былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, посыпался цѣлый градъ мелкихъ придиорокъ. Его обвиняли и въ неправильности отчета, и въ противозаконномъ держаніи у себя на дому 125 рублей изъ числа небольшой суммы, опредѣленной на какіе-то мелкіе расходы по усмотрѣнію предсѣдателя управы, и въ какихъ-то предварительныхъ уговорахъ съ гласными отъ крестьянъ. «Неправильныя дѣйствія» Гавріила Ивановича были переданы на разсмотрѣніе казанскаго губернскаго земскаго собранія; говорили о возможности преданія Гавріила Ивановича суду, но этого не послѣдовало. Губернскіе гласные пощадили довѣрчиваго дворянина, и дѣло окончилось только тѣмъ, что Гавріиль Ивановичъ не баллотировался въ слѣдующіе выборы въ предсѣдатели управы. Мѣсто его заняло другое лицо, переставившее все дѣло казанскаго уѣзднаго земства совершенно на иные рельсы; но дѣятельность новаго предсѣдателя, отразившаяся весьма гибельно на интересахъ казанскаго уѣзднаго земства, выходитъ за предѣлы повѣствованія о Гавріилѣ Ивановичѣ Горталовѣ.

Уже выше было замѣчено о «распорядкѣ дня» Гавріила Ивановича. Но къ сказанному слѣдуетъ еще добавить слѣдующія подробности.

Гавріиль Ивановичъ не любилъ такъ называемыхъ «развлеченій». Онъ посѣщалъ лишь тѣсный кругъ своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, главнымъ образомъ по вечерамъ,—въ числѣ послѣднихъ преобладали лица духовныя, преимущественно монашествующія, начиная съ архіереевъ и архимандритовъ и кончая приходскими священниками, дьяконами и иподiakонами. Въ казанскихъ «велико-свѣтскихъ кругахъ» онъ тоже не появлялся. Театръ и музыка, а паче того разныя увеселенія вродѣ баловъ и маскарадовъ—также его не привлекали. Когда его уговаривали посѣтить концертъ, то онъ, поневолѣ отправляясь туда, засыпалъ во время какой-нибудь превосходной музыкальной мелодіи или захватывающаго за душу романса. Впрочемъ, какъ-то разъ одной изъ пожилыхъ родствен-

ницъ удалось убѣдить Гавріила Ивановича посѣтить публичный маскарадъ (маскарады въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ въ Казани были въ большой модѣ). Онъ покорился, надѣлъ домино, но, пробывъ въ маскарадѣ весьма недолго и очень тамъ проскучавъ, скоро возвратился домой. Въ карты онъ, живя въ Казани, не игралъ ни у себя дома, ни въ гостяхъ, а къ клубамъ чувствовалъ даже отвращеніе и никогда ихъ не посѣщалъ, хотя и былъ членомъ казанскаго дворянскаго клуба, до сихъ поръ носящаго громкое названіе «казанскаго благороднаго собранія». Членомъ этого клуба Гавріиль Ивановичъ состоялъ исключительно ради возможности получать оттуда на домъ разные журналы и газеты, которые онъ прочитывалъ весьма усердно и внимательно. Любимымъ его журналомъ была «Всемирная Иллюстрація», которую началъ издавать въ Петербургѣ Бауманъ въ 1858 г., а въ 1870 и 1880 годахъ изданіе продолжалъ Германъ Гоппе. Въ этомъ журналѣ всего болѣе привлекали къ себѣ вниманіе Гавріила Ивановича ксилографическіе рисунки и портреты замѣчательныхъ современниковъ. Онъ самъ выписывалъ два періодическихъ изданія: «Казанскія Губернскія Вѣдомости» и «Сынъ Отечества». Послѣднее изданіе онъ получалъ до самой своей кончины, въ теченіе безъ малаго тридцати лѣтъ.

Кромѣ чтенія газетъ и журналовъ, любимыми развлеченіями Гавріила Ивановича были приемы его родныхъ и близкихъ знакомыхъ у себя въ домѣ и угощеніе членовъ разныхъ «засѣданій», которыя онъ устраивалъ также у себя. Сперва то были скромныя засѣданія казанскаго отдѣла Человѣколюбиваго общества, а затѣмъ, по освобожденіи крестьянъ, когда Гавріиль Ивановичъ былъ, въ качествѣ казанскаго уѣзднаго предводителя дворянства, председателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ,—засѣданія эти расширились и качественно и количественно. Въ нихъ участвовало, вмѣстѣ съ хозяиномъ, человекъ 8—10 (предсѣдатель, 4 мировыхъ посредника, секретарь съѣзда, членъ отъ правительства и иногда нѣсколько помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ на съѣздъ по дѣламъ). И въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ устраивались знаменитые въ своемъ родѣ завтраки. Гавріиль Ивановичъ не любилъ вина и вообще спиртныхъ напитковъ, за исключеніемъ домашнихъ настоекъ и въ особенности «ерофеича», но на завтракахъ подавались и виноградныя вина. По обилію яствъ завтракъ равнялся хорошему обѣду и нѣкоторыя блюда на немъ составляли прямую гордость Гавріила Ивановича. То были: «форшмакъ» (изъ селедки съ бѣлымъ хлѣбомъ и сыромъ) и котлеты. Повара, на наемъ которыхъ послѣ 19 февраля 1861 г. Гавріиль Ивановичъ не жалѣлъ денегъ, доходили въ приготовленіи этихъ блюдъ до виртуозности.

Гавріиль Ивановичъ во всю свою жизнь почти не выѣзжалъ за предѣлы Казанской губерніи. Его даже не манило куда. Говорю «почти», потому что въ молодости онъ иногда сопутствовалъ отцу,

Ивану Кузьмичу, въ его поѣздкахъ въ Симбирскъ на большую конную ярмарку. Симбирскъ былъ самымъ крайнимъ пунктомъ на югъ въ экскурсіяхъ Гавріила Ивановича изъ Казани. На сѣверъ отъ Казани крайнимъ пунктомъ его выѣздовъ былъ Царевококшайскъ, куда онъ иногда ѣздилъ по «обязанностямъ службы», и въ качествѣ посредника по полюбовному размежеванію, и уѣзднаго предводителя дворянства. На западъ отъ Казани онъ нигдѣ не бывалъ дальше Свіязска, куда ѣзжалъ на богомолье вмѣстѣ съ своей сестрой, Пелагеей Ивановной, и съ благочестивыми дамами пожилыхъ лѣтъ. На востокъ предѣльными пунктами его поѣздовъ были: его имѣніе Казанбашъ и позднѣе Рыбная Слобода, Казанской губерніи, пристань на Камѣ. Туда онъ собрался, уже будучи пожилыхъ лѣтъ, навѣстить своихъ племянниковъ, дѣтей Петра Ивановича Горталова, имѣніе которыхъ Урахча было близъ Рыбной Слободы. Но сколько физическихъ и нравственныхъ страданій причинила эта поѣздка Гавріилу Ивановичу! Нужно было ѣхать на пароходѣ, въ первый разъ въ жизни, Волгой и затѣмъ Камой, а Гавріиль Ивановичъ боялся всякихъ случайностей при такомъ путешествіи—и пожара, и потопленія, и воровства. Онъ, несчастный, не сомкнулъ глазъ во всю ночь, расхаживая по палубѣ и будучи погруженъ въ грустныя думы. О желѣзной дорогѣ Гавріиль Ивановичъ не имѣлъ никакого представленія, такъ какъ ближайшая къ Казани желѣзнодорожная станція въ его время находилась только въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Гавріиль Ивановичъ женатъ не былъ.

— Ганя! Женись, пока въ цѣнѣ!—говаривалъ ему не разъ его отецъ, Иванъ Кузьмичъ, подыскивая ему невѣсть. Но «Ганя» пропустилъ срокъ. При жизни отца онъ не успѣлъ жениться, а затѣмъ отложилъ о брачной жизни всякое попеченіе.

IX.

Обиходъ жизни Гавріила Ивановича Горталова въ его имѣніи «Казанбашъ». — Его кончина и погребеніе.

Характеристика Гавріила Ивановича Горталова была бы не закончена, если бы я не припомнилъ его житія-бытія въ имѣніи Казанбашъ. Татарское названіе (голова Казани, т. е. рѣки Казанки), указывающее на истокъ этой рѣки, означало только урочище, а населеніе Казанбаша было сплошь русское. Мѣстоположеніе усадьбы Гавріила Ивановича было очень красиво. Она помѣщалась близъ большого сибирскаго тракта, на холмистой мѣстности, окруженная садомъ и паркомъ, среди которыхъ находился обширный въ нѣсколько десятинъ прудъ, изобилующій рыбой. Отдаленные горизонты окаймлялись также небольшими холмами, покрытыми лѣсами. Старый помѣщичій домъ въ Казанбашѣ, когда имѣніе

перешло во владѣніе Гавріила Ивановича, былъ сломанъ и вмѣсто него построены новый, значительно большихъ размѣровъ. На землѣ, принадлежавшей деревнѣ Казанбашъ, находился «этапный» арестантскій домъ. Этотъ этапъ продавался на сломъ, и Гавріиль Ивановичъ купилъ его за весьма дешевую цѣну и перенесъ въ свое имѣніе. Этотъ-то «этапъ» и былъ имъ приспособленъ къ помѣщичьему деревенскому житію-бытію, причемъ стѣны внутри остались не оштукатуренными, а были гладко выстроганы, что придавало комнатамъ большую оригинальность. Обширный высокій залъ съ двумя боковыми гостиными, кабинетомъ, спальней Гавріила Ивановича, его молельной, столовой и еще двумя-тремя комнатами, составляли нижній этажъ. Стѣны кабинета Гавріила Ивановича сплошь были увѣшаны литографированными и фотографическими портретами разныхъ русскихъ архіереевъ. Въ немъ же на столѣ лежали двѣ переплетенныя записныя книги въ листъ писчей бумаги: одна изъ нихъ была очень толста, другая значительно тоньше. Въ первую Гавріиль Ивановичъ ежедневно записывалъ собственноручно всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему гостей; во второй также ежедневно и собственноручно отмѣчалъ состояніе температуры и атмосферы, по термометру и барометру. Верхній этажъ состоялъ изъ бильярдной и цѣлаго ряда комнатъ для гостей.

Гости въ Казанбашѣ были самые разнообразныя. Еще въ годы ученія Гавріила Ивановича въ гимназіи и въ университетѣ побывали тамъ всемірно-извѣстный естествовѣдъ баронъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, ѣздившій въ Сибирь для барометрическихъ измѣреній, — и весьма извѣстный только въ Казанскомъ Поволжьѣ, также естествовѣдъ, профессоръ казанскаго университета Карлъ Фодоровичъ Фуксъ. Памятью о Фуксѣ осталась въ казанбашскомъ домѣ прекрасная энтомологическая коллекція, тщательно собранная ученымъ профессоромъ. Когда Гавріиль Ивановичъ сталъ самъ владѣльцемъ Казанбаша, къ нему наѣзжали туда казанскіе архіереи, съ которыми онъ былъ особенно друженъ: епархіальный архіепископъ Антоній, викарные епископы Никодимъ и Викторинъ и другія духовныя лица. Но всѣ перечисленные гости были рѣдкими гостями Казанбаша. Обыкновенно же у Гавріила Ивановича дня не проходило безъ гостей въ его сельскомъ «уединеніи». Эти постоянные гости, которыхъ я лично встрѣчалъ въ Казанбашѣ, были совершенно уже изъ другихъ общественныхъ слоевъ, — но о нихъ я поговорю подробнѣе ниже. Деревенское гостепрѣимство Гавріила Ивановича переходило не только въ спортъ, но временами приближалось даже къ какой-то маніи. Приведу два характерныхъ въ этомъ отношеніи эпизода.

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ прошлаго XIX вѣка въ Казанской губерніи свирѣпствовали и ужасали всѣхъ своими злодѣяніями знаменитые разбойники Быковъ и Чайкинъ, и даже они умудрились

попасть подъ гостепріимный кровъ Гавріила Ивановича. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Гавріиль Ивановичъ сидѣлъ у себя въ Казанбашѣ на балконѣ съ казанскимъ жандармскимъ полковникомъ Ларіоновымъ и замѣтилъ, что за прудомъ по пролѣску ѣдутъ на одной лошади два монаха. Конечно, ихъ сейчасъ же остановили и пригласили въ усадьбу. Они объяснили, что ѣдутъ по сбору отъ такого-то монастыря, и, по обыкновенію, вполне воспользовались нѣсколько даже обременительнымъ гостепріимствомъ довѣрчиваго хозяина, но болѣе опытному жандармскому глазу Ларіонова монахи почему-то показались подозрительными, и онъ потребовалъ у нихъ паспорта, на что Гавріиль Ивановичъ за своихъ гостей очень обидѣлся. Паспорта оказались, однако, въ порядкѣ, и монахи отбыли далѣе. Гораздо позже, уже на слѣдствіи объ арестованныхъ Быковѣ и Чайкинѣ, оказалось, что это они были у Гавріила Ивановича въ гостяхъ послѣ того, какъ убили и ограбили двухъ монаховъ, воспользовавшись и ихъ документами.

Въ другой разъ Гавріиль Ивановичъ пошелъ, по обыкновенію, гулять на большой сибирскій трактъ и тамъ встрѣтилъ жалкую повозку, нагруженную всякимъ скарбомъ. На возу сидѣли измученные мужчина и женщина, которыхъ Гавріиль Ивановичъ позвалъ къ себѣ, не спросивъ даже, кто они такіе. Нѣсколько дней спустя, отдохнувъ отъ дальняго пути, они объявили, что могутъ дать «представленіе». Тутъ только узнали, что «невѣдомые люди» были акробаты, ѣдущіе изъ Перми въ Казань. Представленіе состоялось, и за него Гавріиль Ивановичъ щедро заплатилъ акробатамъ, а они, сытые и пригрѣтые, да еще вдававокъ съ заработкомъ, весьма довольные поѣхали далѣе по дорогѣ въ Казань.

Распорядокъ дня въ Казанбашѣ былъ слѣдующій. Гавріиль Ивановичъ вставалъ рано, часовъ въ 7, и долго пребывалъ въ халатѣ. Возставъ отъ сна, онъ прежде всего умывался, затѣмъ продолжительно молился Богу по молитвеннику и каноннику, послѣ того выкуривалъ двѣ-три трубки Жукова табаку и уже въ заключеніе пилъ два большихъ стакана очень крѣпкаго и сладкаго чаю. Разъ въ недѣлю, послѣ утренняго чая онъ разбиралъ привезенныя ему изъ Казани корреспонденцію и газеты. Корреспонденція заключалась главнымъ образомъ въ «дѣловыхъ» бумагахъ по разнымъ мѣстамъ его служенія. Это дѣлалось и до предводительства Гавріила Ивановича, и во время его предводительства, и позднѣе, во время его службы въ казанской уѣздной земской управѣ. До введенія земства корреспонденція и газеты доставлялись ему съ «нарочнымъ», отправляющимся на такъ называемыхъ «форпостныхъ» подводахъ, которыя крестьяне передѣлали по-своему въ «форфосныя». До земскихъ учрежденій во всѣхъ губерніяхъ содержалось, за счетъ мѣстныхъ земскихъ повинностей, на опредѣленныхъ пунктахъ по большимъ трактамъ, главнымъ образомъ при полицейскихъ и во-

лостныхъ правленіяхъ и почтовыхъ станціяхъ, извѣстное число одноконныхъ и парныхъ подводъ, для поѣздокъ низшихъ должностныхъ лицъ уѣздной земской администраціи и полиціи и для доставленія официальныхъ бумагъ въ уѣздныя присутственныя мѣста и въ волостныя правленія казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, а также живущимъ въ уѣздныхъ городахъ и въ деревняхъ разнымъ уѣзднымъ должностнымъ лицамъ высшаго ранга: уѣзднымъ предводителямъ дворянства, исправникамъ, чиновникамъ государственныхъ имуществъ и удѣла. Эти-то подводы и назывались стариннымъ нѣмецкимъ, еще петровской эпохи терминомъ, — «форпостами». Форпосты продолжали существовать въ Казанской губерніи и по введеніи въ ней земскихъ учрежденій до того времени, какъ должностные разъѣзды по уѣздамъ стали оплачиваться выдачею всѣмъ чинамъ прогонныхъ поверстныхъ денегъ.

Часовъ въ 11 утра Гавріиль Ивановичъ облачался въ сюртукъ и любезно приглашалъ гостей «сыграть небольшую партію въ бильярдъ». Это было излюбленнымъ занятіемъ Гавріила Ивановича, не развлеченіемъ, а именно занятіемъ. Бильярдная игра была для него занятіемъ, потому что онъ относился къ ней чрезвычайно серьезно и съ увлеченіемъ. Не одна простая игра въ 5 шаровъ была у него въ ходу, нѣтъ, онъ практиковалъ цѣлый рядъ бильярдныхъ упражненій, изъ которыхъ самыми любимыми его были: *à la queue* и въ пирамидку. Игра на бильярдѣ была безденежная.

Когда Гавріиль Ивановичъ былъ «занятъ» бильярдомъ, его нельзя было ничѣмъ развлекать; онъ весь уходилъ въ свое «дѣло». Если ему не удавалось положить намѣченный имъ шаръ, по его личной ошибкѣ, или, тѣмъ паче, по винѣ партнеровъ, или посторонняго человѣка изъ присутствовавшихъ въ бильярдной, Гавріиль Ивановичъ приходилъ буквально въ ярость! Онъ вытаскивалъ всѣ шары изъ лузъ и съ бильярда и бросалъ ихъ въ садъ, въ окно; послѣ этого онъ долженъ былъ посидѣть и «отдышаться», потому что, будучи человѣкомъ полного тѣлосложенія, ощущалъ одышку...

Разъ я былъ свидѣтелемъ весьма оригинальной сцены за бильярдомъ въ Казанбашѣ. Это было лѣтомъ, въ концѣ іюля, или въ началѣ августа. Шли продолжительные дожди, препятствовавшіе уборкѣ съ полей сжатого ржаного хлѣба. Рабочихъ рукъ было недостаточно (дѣло происходило послѣ освобожденія крестьянъ), и управляющій Горталова, старикъ отставной капитанъ Лаврентій Емельяновичъ Раичъ-Щерба, находился въ большомъ затрудненіи. Пришелъ онъ въ бильярдную, чтобы сообщить объ этомъ Гавріилу Ивановичу, какъ разъ въ то время, когда тотъ нацѣлился на желтый шаръ, стремясь положить его въ среднюю лузу. Управляющій остановился. Гавріиль Ивановичъ, предчувствуя уже, что тотъ ему сообщить что-нибудь непріятное, отнялъ отъ своего бѣлаго шарика и, опершись на него, съ досадою спросилъ управляющаго:

— Ну, что, Лаврентій Емельяновичъ, опять пришли мнѣ мѣшать?

— Да не знаю, что дѣлать, Гавріиль Ивановичъ, съ возкой ржи! Дождь льетъ, какъ изъ ведра, а рабочихъ не сыщешь!

Тутъ Гавріиль Ивановичъ совсѣмъ разсердился:

— Послушайте, Лаврентій Емельяновичъ, сколько разъ просилъ я васъ не являться ко мнѣ съ пустяками, когда я занятъ дѣломъ,—запальчиво произнесъ онъ.

Уже изъ приведеннаго случая можно видѣть, что Гавріиль Ивановичъ не могъ быть хорошимъ сельскимъ хозяиномъ; но вотъ еще большее тому доказательство. Въ Казанбашѣ, близъ самой усадьбы Гавріила Ивановича, взялъ у него въ аренду небольшой участокъ земли Иванъ Александровичъ фонъ-Глень, отставной офицеръ мѣстнаго казанскаго гарнизона, или, какъ назывался тогда этотъ разрядъ войска,—внутренней стражи. Фонъ-Глень былъ человѣкъ смѣтливый и оборотливый. На арендованномъ у Гавріила Ивановича участкѣ земли за какую-то весьма незначительную цѣну онъ построилъ винокуренный заводъ, двигательная сила котораго состояла въ лошадяхъ. Отъ лошадей оставалась масса навозу, который могъ бы быть использованъ въ качествѣ полевого удобрения. Огромныя горы новоза, накопленныя въ теченіе многихъ лѣтъ, высились близъ Гленовскаго завода безъ всякаго употребленія, а поля Гавріила Ивановича, бывшія рядомъ, почти совсѣмъ не удобрялись. Куда дѣвалась барда, не знаю, такъ какъ на скотномъ дворѣ Гавріила Ивановича было весьма ограниченное количество головъ рогатаго скота.

Распредѣленіе дня въ Казанбашѣ было столь же педантически-пунктуально, какъ въ Казани; мѣриломъ пунктуальности являлось время принятія пищи. Завтракъ, обѣдъ и ужинъ должны были подаваться непременно въ строго опредѣленные часы, а именно: завтракъ въ 11 часовъ дня, обѣдъ въ 3 часа пополудни и ужинъ въ 11 часовъ вечера. Если запаздывалось хоть на двѣ-три минуты, то Гавріиль Ивановичъ чрезвычайно сердился.

Ровно въ 11 часовъ утра являлся лакей Иванъ, а впослѣдствіи Ефимъ, докладывать, что завтракъ готовъ, и вся компанія вмѣстѣ съ хозяиномъ спускалась въ нижній этажъ, въ столовую. Я уже упоминалъ выше, что Гавріиль Ивановичъ любилъ хорошо и плотно покушать. Завтракъ въ Казанбашѣ длился часа полтора, при веселой бесѣдѣ хозяина и гостей; множество анекдотовъ, большею частью «легкомысленнаго» свойства, рассказывалось въ этой бесѣдѣ, при дружномъ смѣхѣ присутствовавшихъ. Послѣ завтрака вся компанія, съ любезнымъ хозяиномъ во главѣ, совершала небольшую прогулку; иные катались на лодкѣ по чудесному и обширному пруду, находившемуся близъ самой усадьбы; другая группа гостей ловила рыбу въ томъ же пруду, а нѣкоторые шли гулять на

большой сибирскій трактъ и, дѣлая кругъ, возвращались снова въ усадьбу Гавріила Ивановича. Любезный хозяинъ примыкалъ то къ катавшимся на лодкѣ, причемъ непремѣнно самъ управлять рулемъ, то къ гулявшимъ (ловить рыбу онъ не любилъ), постоянно обращая вниманіе на тотъ или другой живописный уголокъ или открывавшійся красивый видъ. За прогулкой слѣдовалъ въ указанный выше часъ обѣдъ, еще болѣе сытный, чѣмъ завтракъ. Послѣ обѣда Гавріиль Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ спальную «немного соснуть»; примѣру его слѣдовали и гости, расхившіеся по комнатамъ. Отдохновеніе продолжалось часа полтора, а затѣмъ всѣ снова шли въ бильярдную, или составляли партію въ карты, по маленькой, въ вистъ, пикетъ или преферансъ, что составляло также лишь лѣтнее «развлеченіе» Гавріила Ивановича, который столь же запальчиво игралъ и въ карты, какъ на бильярдѣ.

Ужинъ по количеству блюдъ не уступалъ обѣду. И только послѣ ужина и хозяинъ, и гости, утомленные главнымъ образомъ непомѣрной ѣдой, отправлялись на ночевую. Гавріиль Ивановичъ долгое время послѣ того оставался еще въ своемъ кабинетѣ или въ одной изъ боковыхъ гостиныхъ, облекался, при помощи лакея, въ халатъ, выкуривалъ нѣсколько трубокъ и читалъ газеты. Раньше часа пополудни онъ не ложился спать.

Къ Гавріилу Ивановичу ежедневно съѣзжались гости самаго разнообразнаго состава: волостной старшина и волостной писарь, становой приставъ, нѣмцы и русскіе управляющіе сосѣдними имѣніями и служащіе на ближайшемъ винокуренномъ заводѣ, сосѣдніе приходскіе священники и дьяконы съ ихъ женами, татарскіе муллы и зажиточные татары-крестьяне, сельскіе учителя, знакомые изъ Казани «всякихъ чиновъ»—и помѣщики, и учащаяся молодежь, профессора и чиновники, вотъ какую этнографическую и общественную мозаику представляли гости Гавріила Ивановича. И вся эта разнокалиберная публика принималась одинаково радушно; всѣ чувствовали себя подъ гостепріимнымъ кровомъ хозяина хлѣбосола свободно и привольно. Понятно, почему Гавріиль Ивановичъ былъ такъ популяренъ среди населенія Казанскаго уѣзда.

Изрѣдка Гавріиль Ивановичъ и самъ выѣзжалъ изъ Казанбаша навѣстить своихъ сосѣдей. Помѣщиковъ по близости было мало: окрестности Казанбаша состояли, главнымъ образомъ, изъ казенныхъ, и притомъ почти исключительно татарскихъ, деревень. Гавріиль Ивановичъ охотно посѣщалъ своихъ пріятелей татарскихъ муллъ и рядовыхъ зажиточныхъ крестьянъ. Онъ принимали его съ большимъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ, стараясь другъ передъ другомъ отплатить «доброму барину» за его гостепріимство. Посѣщалъ Гавріиль Ивановичъ и сосѣднихъ православныхъ священниковъ, главнымъ образомъ въ двухъ ближайшихъ къ Казанбашу

селахъ: Хотнѣ и Александровкѣ. Общество духовныхъ лицъ, какъ уже замѣчено было выше, Гавріиль Ивановичъ любилъ особенно. Въ знакъ дружбы онъ дарилъ всѣмъ знакомымъ ему священникамъ свои фотографическіе портреты съ соответствующими надписями на оборотѣ.

Гавріиль Ивановичъ умеръ въ Казани старымъ холостякомъ, 66-лѣтъ, 20 іюля 1885 г. Въ то время въ Казани былъ съѣздъ архіереевъ для разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ церковной жизни, и Гавріиль Ивановичъ имѣлъ, съ его точки зрѣнія, утѣшеніе, умирая, быть окруженнымъ нѣсколькими архіереями, изъ которыхъ одинъ, Варсонофій, епископъ симбирскій, былъ давнишнимъ его другомъ. Похороны Гавріила Ивановича были торжественны, и отпѣвали его три архіерея: симбирскій Варсонофій, саратовскій Павелъ и казанскій викарій Кирилль.

Х.

Петръ Ивановичъ Горталовъ—Авдотья Львовна Кутепова.—Никандръ Савельевичъ Рычковъ (Рыжковъ).

Второй сынъ Ивана Кузьмича Горталова, Петръ Ивановичъ, былъ совершеннѣйшей противоположностью своего старшаго брата.

Петръ Ивановичъ былъ очень красивый брונетъ, жизнерадостный и веселый человѣкъ, увлекавшійся свѣтской жизнью и охотой. По окончаніи курса въ казанскомъ университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ, онъ, по обычаю провинціальныхъ дворянъ того времени, собирался поступить въ военную службу, въ одинъ изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ. Мой отецъ, только что женившійся въ 1842 г., проживалъ въ Москвѣ, и Петръ Ивановичъ прибылъ къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Ивана Кузьмича, который просилъ моего отца, какъ стараго военнаго, «обрядить» его «Петеньку» въ надлежащую гусарскую форму. Отецъ экипировалъ его вполнѣ, купивъ всю гусарскую обмундировку въ модномъ тогда въ Москвѣ магазинѣ офицерскихъ вещей Живаго. Гусарская форма должна была очень итти къ Петру Ивановичу, и онъ былъ весьма доволенъ въ нее облечься; но вдругъ, неожиданно-негаданно, отецъ мой получилъ новое письмо отъ Ивана Кузьмича. «Почтенный родной!—писалъ онъ отцу:—я раздумалъ опредѣлить своего Петю въ гусары, а потому будьте добры возвратить все купленное вами въ магазинъ Живаго». Это порученіе было не такъ легко исполнить, какъ предполагалъ Иванъ Кузьмичъ, потому что модные столичные магазины не любятъ брать обратно проданныя ими вещи. Живаго былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, который, находясь въ военной службѣ, былъ постояннымъ его покупателемъ, и только поэтому согласился взять обратно гусарскую обмундировку Петра Ивановича Горталова за полцѣны.

Долго послѣ того въ родственномъ и дружескомъ кругу его называли, шутя, «отставнымъ гусаромъ».

Въ 1848 г. онъ женился на красавицѣ Авдотѣ Петровнѣ Кутеповой (умерла 1879 г.) и былъ отцомъ многочисленнаго семейства. Сыновья Петра Ивановича въ настоящее время являются общественными дѣятелями въ Казанской губерніи, а старшая дочь замужемъ за предсѣдателемъ казанскаго окружнаго суда, Николаемъ Нилевичемъ Казинымъ. Второй сынъ Петра Ивановича, Иванъ Петровичъ, не только рассказавшій мнѣ, но письменно изложившій нѣсколько характерныхъ эпизодовъ, касающихся Гавріила Ивановича и горталовскаго крѣпостного Никандра Савельевича, преждевременно скончался 2-го мая 1910 г. Служилъ Петръ Ивановичъ сначала въ удѣльномъ вѣдомствѣ, послѣ того лаишевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и членомъ казанской уѣздной земской управы. Скончался въ Казани въ 1866 году 44 лѣтъ отъ роду.

Вспоминая Петра Ивановича Горталова, невольно останавливаешься на двухъ типичныхъ личностяхъ, на тещѣ его Авдотѣ Львовнѣ Кутеповой и его крѣпостномъ челоѣкѣ Никандрѣ Савельевичѣ Рычковѣ, или Рыжковѣ.

Мать Авдоты Петровны Горталовой, Авдотья Львовна Кутепова, была барыней своеобразной и очень характерной для времени полного господства крѣпостного права и помѣщичьяго произвола. Вотъ, на примѣръ, одинъ эпизодъ изъ ея жизни, ярко ее характеризующій.

Поѣхала Авдотья Львовна на поклоненіе мощамъ св. Митрофанія въ Воронежѣ (въ 30 годахъ прошлаго XIX вѣка). Путь отъ Казани до Воронежа въ то время былъ и длиненъ и небезопасенъ: разбойники свободно разгуливали какъ въ предѣлахъ Казанской губерніи, такъ и въ смежныхъ съ нею и лежавшихъ далѣе по пути въ Воронежъ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской, Воронежской. Ѣхала Авдотья Львовна изъ Казани въ нѣсколькихъ экипажахъ, съ цѣлымъ штатомъ прислуги, мужского и женскаго пола; въ числѣ мужской прислуги былъ и поварь, необходимый въ дальней дорогѣ и въ чужомъ городѣ. Ѣхали на такъ называемыхъ долгихъ, т. е. на своихъ лошадяхъ, съ остановками для отдыха и кормежки лошадей; на этихъ-то остановкахъ и требовалось искусство крѣпостного повара. На постоянныхъ дорогахъ и въ крестьянскихъ избахъ, куда во время долгаго пути заѣзжали «господа», не нашлось бы подходящихъ кушаній, а потому «фриштики», обѣды и ужины должны были изготовлять знавшій хорошо ихъ вкусъ собственный поварь и его подручный поваренокъ. Деньги, ввиду разбойниковъ, оставлены были на дорогу въ обрѣзъ, а большая сумма переслана въ Воронежъ почтой къ хорошимъ знакомымъ. Но вотъ приключилось непредвидѣнное обстоятельство. Одна изъ лошадей поѣзда Авдоты Львовны въ дорогѣ пала. Наличныхъ денегъ на покупку

лошади не хватало, а продолжать путь было необходимо. Вопроса о томъ, «какъ быть», даже не возникало, а рѣшено дѣло было очень просто. У какого-то обывателя въ томъ округѣ, гдѣ случилось это происшествіе, была взята лошадь безъ денегъ, но въ обезпеченіе уплаты оставленъ поварь, который совершенно благодушно покорился своей участи, считая такую экономическую операцію весьма естественной. Благополучно прибывъ въ Воронежъ, Авдотья Львовна немедленно послала съ кѣмъ-то изъ своей прислуги деньги за лошадь и получила обратно повара.

Никандръ Савельевичъ Рычковъ (или Рыжковъ) служилъ тремъ поколѣніямъ Горталовыхъ и умеръ въ ихъ семьѣ въ 1904 году, 86 лѣтъ отъ роду. Рычковъ родился крѣпостнымъ Ивана Кузьмича Горталова и получилъ первоначальное воспитаніе подъ его довольно-таки суровымъ руководствомъ, въ духѣ военно-педагогическихъ мѣръ, которыя практиковались по отношенію къ солдатамъ во время военной службы Ивана Кузьмича Горталова.

Приѣхавъ въ одну изъ своихъ деревень (кажется, Урахчу), Иванъ Кузьмичъ обратилъ вниманіе на сравнительную бойкость росшаго, въ пей дворовымъ мальчишкой «Никашки» и прежде всего началъ обучать его верховой ѣздѣ, которой онъ самъ былъ большимъ любителемъ. Приемы обученія являлись у него очень незамысловатыми: онъ приказывалъ запереть ворота обширнаго барскаго двора, садилъ своего ученика на бойкую неосѣдланную лошадь, и когда тотъ съ нея падалъ, то всякій разъ получалъ отъ барина «порку». Не знаю, какъ долго проходилъ Рычковъ такую школу вольтижерства, но воспоминанія о первыхъ урокахъ Ивана Кузьмича, конечно, остались въ немъ неизгладимы на всю жизнь; впрочемъ, благодаря, вѣроятно, жертвамъ, принесеннымъ этому дѣлу, онъ до старости лѣтъ не оставлялъ верховой ѣзды и любилъ иногда погарцовать на лошади, причемъ правую руку упиралъ «фертомъ» въ бокъ и, кажется, этимъ нѣсколько рисовался.

Еще болѣе горя, чѣмъ наѣздничество, доставляла Рычкову въ дѣтствѣ высокая честь состоять партнеромъ Ивана Кузьмича по карточной игрѣ, что случалось иногда въ тѣ злополучные дни, когда онъ, приѣзжая въ деревню одинъ, не могъ составить болѣе солидной партіи и призывалъ для этого дворовыхъ мальчишекъ. Былъ онъ уже старъ, легко всѣмъ раздражался и терпѣть не могъ проигрывать, когда же это случалось, сердился не шутя, и гнѣвъ его отражался на мальчишкахъ колотушками и подзатыльниками; если же они рѣшались плутовать, чтобы дать ему возможность выиграть, и были въ этомъ уличаемы, то за такую вину подвергались жестокой поркѣ.

Когда «Никашка» нѣсколько подросъ, Иванъ Кузьмичъ, очевидно, желалъ отыскать его истинное призваніе, потому что его обучали столярному и портняжному ремесламъ и поварскому и

парикмахерскому искусствамъ и даже, что по тѣмъ временамъ было рѣдкостью, въ заключеніе всего, дали ему возможность кончить казанское приходское училище.

Послѣ такой всесторонней подготовки Иванъ Кузьмичъ опредѣлилъ его камердинеромъ къ своему сыну Петру Ивановичу, которому онъ и служилъ до смерти послѣдняго, впослѣдствіи уже въ качествѣ управляющаго урачинскимъ имѣніемъ и ближайшаго довѣреннаго лица. То же положеніе онъ занималъ при вдовѣ Петра Ивановича, Авдотѣ Петровнѣ, и при дѣтяхъ ихъ, получивъ очень широкую популярность въ окрестностяхъ Урахи. Дисциплинарныя и исправительныя мѣры, примѣнявшіяся по отношенію къ Рычкову Иваномъ Кузьмичемъ, не только не оставили въ немъ каюго-либо озлобленія къ своему воспитателю, но даже и помѣшали благоговѣнно чтить его память и помѣстить въ числѣ «настоящихъ господъ», что служило у него высшей аттестаціей дворянина.

Крѣпостное воспитаніе навсегда раздѣлило въ міросозерцаніи его всю Россію на двѣ категоріи людей: «благородныхъ», т. е. дворянъ, и «прочихъ», не дворянскаго происхожденія,—чиновниковъ, купцовъ и, какъ онъ называлъ, «простой народъ», изъ которыхъ первыхъ считалъ онъ избраннымъ и заслуживающимъ особаго уваженія классомъ, ко всѣмъ же остальнымъ относился презрительно. Само собой разумѣется, что къ чести Горталовыхъ, «своихъ господъ», онъ относился особенно ревниво и яростно защищалъ ихъ отъ малѣйшихъ нападковъ. Исполнять какія-либо служебныя обязанности при господахъ доставляло ему видимое удовольствіе, и въ деревнѣ, въ случаѣ необходимости, онъ, будучи уже управляющимъ имѣніемъ, съ большимъ достоинствомъ прислуживалъ за барскимъ столомъ, стряпалъ на кухнѣ въ качествѣ повара и стригъ волосы гимназистамъ, сыновьямъ Петра Ивановича, руководствуясь въ послѣднемъ случаѣ болѣе смѣлостью и собственной фантазіей, чѣмъ какими-либо опредѣленными планами; но съ особой гордостью онъ шилъ барскимъ дѣтямъ платье, считая себя въ этой области специалистомъ, причѣмъ любилъ дать понять, что имъ усвоена настоящая солидная метода добраго стараго времени, а не приемы современныхъ портныхъ, которые, по его убѣжденію, всѣ шили «на фуфу». Когда сыновья Петра Ивановича облакались въ сшитые Рычковымъ костюмы, то во многихъ изъ нихъ закрадывалось недовѣріе къ его искусству, но все дѣло улаживалось, потому что платье такимъ порядкомъ изготовлялось только весной въ деревнѣ, въ расчетъ на то, что они его изнесутъ до отъѣзда въ Казань, въ гимназію; и подобныя предположенія всегда оправдывались, такъ какъ мальчики были большими шалунами и очеь скоро издирали платье въ клочки.

Будучи упорнымъ и фанатическимъ консерваторомъ и отличаясь, кромѣ того, необыкновеннымъ упрямствомъ, Рычковъ въ сельско-

хозяйственной области, которая была ему ближе всего, питалъ большое недовѣріе ко всякимъ новшествамъ и особенно долго боролся противъ введенія плуговъ, которые считалъ пустой забавой; когда же наконецъ не устоялъ передъ напоромъ новыхъ вѣяній и завелъ ихъ нѣсколько штукъ, то все-таки считалъ нужнымъ выражать опасенія за послѣдствія своей смѣлости. Характера онъ былъ веселаго отъ природы, но духъ старины сказывался между прочимъ иногда и въ самыхъ его шуткахъ и выходкахъ. У него сохранились воспоминанія еще о тѣхъ временахъ, когда дворяне держали при себѣ шутовъ, помнилъ онъ также приживальщиковъ, надъ которыми изощрялась нѣкогда барская изобрѣтательность, да и самъ онъ смолоду участвовалъ въ подобнаго рода забавахъ, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ иногда, увѣренный въ безнаказанности, не прочь былъ поиздѣваться надъ ближнимъ; и надо отдать ему справедливость, что при этомъ временами проявлялъ находчивость, близкую къ своего рода вдохновенію. Напримѣръ: молодая бабенка во время ржаной страды несетъ мимо барскаго двора горшокъ съ кашей или другой снѣдью въ поле, мужу на обѣдъ. Никаандръ Савельевичъ съ участіемъ освѣдомляется, куда и зачѣмъ она идетъ, а затѣмъ, повидимому, равнодушно, сообщаетъ, что мужа ея въ полѣ нѣтъ, а онъ на Подгорномъ озерѣ (8 верстъ въ другую сторону), куда онъ самъ только что ѣздилъ за рыбой для господъ.

— Рыбаки тянули неводъ и вытащили на берегъ русалку, — говоритъ Никаандръ Савельевичъ бабѣ: — теперь народу тамъ собралось страсть, а она лежитъ на берегу и плачетъ, говорить не можетъ; у нея хвостъ рыбій, а волосы зеленые, такъ слезами и исходить и знаками все просится въ воду... смотрѣть жалко... рыбаки хотятъ везти ее въ чану съ водой въ Петербургъ, въ подарокъ государынѣ!

Баба, убѣжденная серьезностью рѣчи Никаандра Савельевича, стремглавъ летитъ на Подгорное озеро, стораю отъ любопытства и опасенія застать русалку на мѣстѣ. Можно представить, какую тяжелую семейную сцену пришлось несчастной пережить дома, во возвращеніи!

Подобнаго рода шутки, очень часто практиковались Рычковымъ, всегда сходили ему съ рукъ, потому что вся деревня состояла изъ его кумовьевъ, крестниковъ, благословенныхъ дѣтей и т. д., которые величали его дянькой Никаандромъ Савельевичемъ».

Соблюдая при «господахъ» строгій этикетъ, Рычковъ за предѣлами усадьбы, на работахъ по имѣнію, не только цѣлый день неистово ругался, но въ пылу гнѣва не стѣснялся и колотушками, полувивъ которыя, крестьяне только ухмылялись. Замѣнившій его впоследствии по должности управляющаго бравый гвардейскій фельдфебель хотѣлъ подражать такимъ «отеческимъ» приемамъ, но крестьяне не давали ему спуска, и онъ вынужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ «новыми вѣяніями».

Зная хорошо русскую грамоту, Рычковъ читалъ книги и десятилѣтіями выписывалъ «Сынъ Отечества», но тѣмъ не менѣе слабо поддавался книжному вліянію. Отличаясь увѣренностью въ непогрѣшимости своей логики, онъ упорно держался мнѣній, разъ имъ почему-либо усвоенныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ совершенно не признавалъ, что въ водѣ тонуть тѣла, которыя тяжелѣе ея, а, наоборотъ, полагалъ, что на поверхности ея держатся тѣла, имѣющія большій вѣсъ, чѣмъ вода, причѣмъ ссылался на ледъ, который, по его мнѣнію, тяжелѣе воды, и убѣдить его въ противномъ не могли бы всѣ ученые міра. Свободное время онъ проводилъ преимущественно за игрой въ шашки, въ которой достигъ совершенства. Обыкновеннымъ партнеромъ его былъ старый кучеръ Софонъ, тоже большой мастеръ этого дѣла, человѣкъ мощнаго тѣлосложенія и невѣроятной лѣни. Софонъ отъ времени до времени запивалъ на нѣсколько дней и исчезалъ неизвѣстно куда и затѣмъ совершенно неожиданно являлся утромъ къ хозяевамъ со слѣдами бурно проведенныхъ дней на лицѣ, еще полупьяный, но уже со слезами раскаянія на глазахъ, и умоленно, на колѣняхъ, просилъ прощенія. Софона прощали неукоснительно въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, такъ что слезы и преклоненіе колѣнъ вошли какъ бы въ необходимый для него ритуаль раскаянія.

Никандръ Савельевичъ Рычковъ былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ мѣднокраснымъ лицомъ, налитыми кровью глазами и огненно-рыжими волосами, которые и дали начало его фамиліи «Рычковъ», передѣланной въ «Рычкова» въ паспортѣ приятелемъ его волостнымъ писаремъ. Была у Рычкова жена—вдова крѣпостнаго столяра Филарета, старше его лѣтъ на восемь, на которой его женилъ Иванъ Кузьмичъ Горталовъ по какимъ-то своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ. Это было маленькое забитое и тщедушное на видъ существо. Ходила она въ темныхъ платьяхъ и платкахъ, говорила очень архаическимъ языкомъ, въ которомъ встрѣчались такія, напримѣръ, слова, какъ «миссинное», «хлѣбенное» и т. п., и не только никогда ничѣмъ въ жизни не болѣла, но даже не понимала, что такое значить болѣзнь, и умерла незамѣтно для окружающихъ въ полудѣтскомъ состояніи 94 лѣтъ отъ роду; питалась она въ послѣдніе годы жизни главнымъ образомъ сахаромъ, который постоянно сосала. Никандръ Савельевичъ отличался также очень крѣпкимъ здоровьемъ и прослужилъ у Горталовыхъ управляющимъ до 82 лѣтъ, когда уже по дряхлости совѣмъ не выходилъ изъ дома, причѣмъ осторожно переданное ему извѣстіе, что ему нашли замѣстителя, призналъ совершенно невѣроятнымъ и, оставивъ управленіе имѣніемъ, до конца жизни подозрѣвалъ въ своемъ увольненіи чью-то недостойную интригу. Умеръ онъ четыре года спустя послѣ этого слѣпымъ и разбитымъ параличомъ все въ той же горталовской усадьбѣ. Мѣстные жители были увѣрены,

что онъ скопилъ большія деньги, но передъ смертью оказалось, что все его имущество состояло лишь изъ денегъ и вещей, подаренныхъ ему въ разное время Горталовыми, и имъ же онъ оставилъ все по духовному завѣщанію. За нѣсколько лѣтъ до его смерти въ усадьбѣ умерла старая скотница, тоже бывшая крѣпостная, которая весьма была озабочена, чтобы ея имущество послѣ смерти передали господамъ, а имущество это заключалось въ посконномъ сарафанѣ и клубкѣ нитокъ!

Я потому сравнительно такъ долго остановился на личности Рычкова, что подобные типы сдѣлались достояніемъ исторіи и хроника старыхъ дворянскихъ родовъ была бы недостаточно ярка безъ введенія въ нее характеристики крѣпостныхъ слугъ. Въ лицѣ старыхъ барскихъ слугъ сошли въ могилу послѣдніе представители крѣпостного быта и помѣщичьихъ преданій. Ихъ вскормило и вырастило суровое время, и они являются любопытными типами для историко-бытовыхъ изученій. При крѣпостномъ распорядкѣ взаимная экономическая зависимость помѣщиковъ и дворовыхъ и совмѣстная жизнь тѣхъ и другихъ создавали въ порабощенныхъ дворовыхъ единичныхъ выразителей рабской, беззавѣтной преданности къ своимъ господамъ. Однимъ изъ типичныхъ выразителей такой преданности былъ Никандръ Савельевичъ Рычковъ.

ХІ.

Пелагея Ивановна Горталова.

Пелагея Ивановна Горталова представляетъ собою также весьма своеобразный типъ провинціальной барышни.

Сильная брюнетка, небольшого роста, сперва весьма худощавая, затѣмъ располнѣвшая, она была некрасива, но ея каріе глаза выражали доброту и благодушіе. Въ ея душевномъ складѣ мирились такія діаметральныя противоположности, какъ любовь къ нарядамъ, дѣланію визитовъ, разнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, театрамъ, маскарадамъ (танцевъ она, кажется, не любила) съ внѣшнимъ богомоліемъ и посѣщеніемъ всенощныхъ и духовныхъ лицъ. Нерѣдко предпринимая, напримѣръ, поѣздки по разнымъ казанскимъ окрестнымъ монастырямъ, въ Свіязскъ и Седмозерную пустынь, и отстаивая тамъ длинныя обѣдни и вечерни и прикладываясь къ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ, Пелагея Ивановна торопилась въ Казань, чтобы посѣтъ въ театрѣ на какой-нибудь экстренный бенефисъ, или на маскарадъ въ тогдашнемъ «благородномъ» собраніи. Она очень любила цвѣты, въ особенности розы. Поэтому чаще другихъ платьевъ, при выѣздахъ на вечера и въ театры, надѣвала розовое тарлатановое платье, декольтэ и съ короткими рукавами. Пелагея Ивановна была большая «мастерица» въ разныхъ дамскихъ рукодѣльяхъ, составляющихъ важную роль въ домашнемъ

обученіи дворянскихъ провинціальныхъ барышень первой половины XIX вѣка. Она хорошо вышивала по канвѣ шерстью и шелками, «гладью» и бисеромъ, вязала изъ шерсти кошельки, пояса и т. д., а самымъ пріятнымъ для нея развлеченіемъ, особенно въ возрастѣ близкомъ къ старости, была переборка разныхъ ея нарядовъ: кружевъ, бѣлья и брильянтовъ, которые тщательно сохранялись въ сундукахъ и баулахъ.

Отецъ Пелагеи Ивановны, Иванъ Кузьмичъ (какъ упомянуто было выше), давно овдовѣлъ и первоначальное воспитаніе Пелагеи Ивановны очутилось въ рукахъ ея бабушки Пелагеи Петровны, которая воспитывала и Гавріила Ивановича. Плоды этого воспитанія, какъ видно, были тѣ же, что и у него. По смерти бабушки Иванъ Кузьмичъ отдалъ дочь въ модный въ то время частный пансіонъ въ Казани для «благородныхъ» дѣвицъ, нѣмки Юнгвальдъ; несложная программа этого пансіона заключалась въ обученіи бреччанію на фортепіано, разговору на французскомъ языкѣ, разнымъ дамскимъ рукодѣліямъ и въ поверхностномъ изученіи такъ называемыхъ въ то время «русскихъ предметовъ», подъ которыми разумѣлась вся нехитрая премудрость средней школы, отъ ариеметики до русской грамматики и рассказовъ изъ исторіи и мнѳологіи включительно. Лѣтъ шестнадцати Пелагея Ивановна закончила образованіе у Юнгвальдъ, и Иванъ Кузьмичъ, вдовецъ съ двумя сыновьями, рѣшилъ болѣе приличнымъ помѣстить дочь на жительство къ своимъ родственникамъ Апехтинымъ, въ семьѣ которыхъ было двѣ барышни, почти однолѣтки съ Пелагеей Ивановной. Семья Апехтиныхъ состояла изъ отца, Николая Андреевича, также вдовца, его сестры Екатерины Андреевны, жившей у него въ домѣ, двухъ упомянутыхъ выше дочерей и двухъ сыновей.

Послѣ помѣщенія Пелагеи Ивановны къ Апехтинымъ единственной заботой по отношенію къ дочери у Ивана Кузьмича было составить для нея приличную «партію», т. е. выдать замужъ за подходящаго, по возрѣніямъ Ивана Кузьмича, человѣка, конечно, изъ дворянскаго сословія. Она была богатою невѣстою, такъ какъ отецъ давалъ за нее въ приданое нѣсколько небольшихъ своихъ деревень въ Казанской и Владимирской губерніяхъ и большую коллекцію сундуковъ, наполненныхъ иконами въ дорогихъ окладахъ, бѣльемъ, кружевами, платьями, шубами, столовымъ и чайнымъ серебромъ, хрустальной и фаянсовой посудой. И вотъ Иванъ Кузьмичъ принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ выдачѣ «Поленьки», какъ онъ ее любовно называлъ, замужъ.

Мои родители, по настоятельнымъ просьбамъ Ивана Кузьмича, пріѣзжая изъ своей Арышхазды на временное пребываніе въ Казань, должны были останавливаться у него въ домѣ; онъ считалъ позоромъ, чтобы его «родной» генераль Корсаковъ останавливался въ какой-нибудь гостиницѣ, а не въ родственномъ домѣ. Къ моей матушкѣ,

которая наѣзжала въ Казань чаще, чѣмъ отецъ, въ домъ Ивана Кузьмича являлись ея знакомые, казанцы, а также много пріѣзжихъ профессоровъ и ученыхъ съ рекомендательными записками отъ ея брата, К. Д. Кавелина. Въ числѣ послѣднихъ находился, между прочимъ, только что назначенный директоромъ и астрономомъ наблюдателемъ казанской обсерваторіи, Михаилъ Васильевичъ Ляпуновъ (въ то время кромѣ, профессора астрономіи, былъ особый директоръ обсерваторіи). Ляпуновъ былъ очень красивый неженатый молодой человекъ, происходившій изъ древняго дворянскаго рода и владѣвшій значительными помѣстьями въ разныхъ губерніяхъ. Иванъ Кузьмичъ рѣшилъ, что Ляпуновъ одинъ изъ самыхъ подходящихъ жениховъ для Поленьки. Узнавъ заранѣе, когда именно будетъ Ляпуновъ у моей матушки, онъ немедленно ѣхалъ къ Поленькѣ и послѣ того, какъ бы ненарокомъ появлялся у себя дома и въ присутствіи Ляпунова считалъ необходимымъ произнести такой, наприѣръ, монологъ.

— А я сейчасъ былъ у своей Поленьки. Это моя единственная дочь,—обращался онъ къ Ляпунову.—Пріѣзжаю, Поленька сидитъ за рукодѣліемъ: она у меня рукодѣльница и большая хозяйка; горба не разгибаетъ, все шьетъ и вышиваетъ.—Что, спрашиваю я,—Поленька, дѣлаешь?—«Приданое себѣ шью, папенька»,—У нея очень хорошее приданое,—прибавлялъ Иванъ Кузьмичъ, смотря на Ляпунова.

Этимъ ограничился первый, такъ сказать, приступъ.

Нѣсколько времени спустя, когда моя матушка снова была въ Казани, Иванъ Кузьмичъ вздумалъ задать парадный обѣдъ, на который пригласилъ Ляпунова; присутствовала и Поленька. Обѣденный столъ украсился столовымъ бѣльемъ и хрусталемъ съ фаянсомъ, составлявшими ея приданое. Во время роскошнаго пира Иванъ Кузьмичъ сталъ пояснять Ляпунову, что это только часть приданаго его дочери.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Не знаю, бывалъ ли Ляпуновъ съ визитомъ у Поленьки въ домѣ Апехтиныхъ, но въ одинъ изъ пріѣздовъ матушки въ Казань былъ опять сдѣланъ обѣдъ съ Ляпуновымъ, но уже въ отсутствіи Поленьки. Послѣ обѣда Иванъ Кузьмичъ увелъ Ляпунова въ свой кабинетъ и, разложивъ передъ нимъ планы имѣній, предназначавшихся Поленькѣ, и разные реестры и описи, обратился къ Ляпунову со слѣдующей рѣчью:

— Ну, почтеннѣйшій Михаилъ Васильевичъ, мы можемъ, я думаю, и покончить?

Ляпуновъ, разумѣется, былъ крайне изумленъ. Какъ онъ распрощался съ Иваномъ Кузьмичемъ, не знаю. Но на другой день онъ прислалъ моей матушкѣ записку съ краткимъ изложеніемъ вышеприведеннаго инцидента; записка заканчивалась приблизительно такими строками: «Вы очень хорошо поймете, глубокоува-

жаемая Софья Дмитріевна, что послѣ вышензложеннаго я лишень возможности видѣться съ вами въ домѣ Ивана Кузьмича Горталова». Съ Ляпуновымъ сношенія нашей семьи не прекратились; сколько мнѣ помнится, и послѣ смерти Ивана Кузьмича онъ бывалъ у моихъ родителей, когда они уже не останавливались у Горталовыхъ. Ляпуновъ впослѣдствіи, еще будучи въ Казани, женился и познакомилъ моихъ родителей со своей женой.

Вторымъ объектомъ тактики и стратегіи Ивана Кузьмича явился служившій въ молодости подъ начальствомъ моего отца, а въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія отставной артиллерійскій генераль-майоръ Андрей Алексѣевичъ Персидскій, старый холостякъ.

Андрей Алексѣевичъ Персидскій былъ очень оригинальный человѣкъ. Сынъ статсъ-секретаря императора Александра I, онъ получилъ домашнее образованіе и въ царствованіе императора Николая I началъ военную службу съ юнкера гвардейской артиллеріи. Склонный, по своему психическому складу, къ насмѣшкамъ и остроумничанью, онъ, будучи уже офицеромъ, колко порицалъ разныя начальственныя распоряженія и своихъ высокопоставленныхъ начальниковъ, не исключая и генераль-фельдцейхмейстера, главнаго начальника всей артиллеріи, великаго князя Михаила Павловича. За это онъ сильно поплатился, подпавъ подъ продолжительный арестъ. Мой отецъ въ то время былъ начальникомъ артиллерійской дивизіи, расположенной въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, и, по своимъ давнишнимъ дружескимъ отношеніямъ къ семьѣ Персидскихъ, способствовалъ реабилитаціи Андрея Алексѣевича: перевелъ его къ себѣ въ дивизію, а дальнѣйшую его службу аттестовывалъ съ наилучшей стороны. Весьма естественно, что такое отношеніе моего отца привязало къ нему Персидскаго на всю жизнь. Впослѣдствіи Персидскій продолжалъ свою службу въ варшавскомъ артиллерійскомъ округѣ, также подъ начальствомъ моего отца, а затѣмъ подъ начальствомъ генерала Гильденштуббе. На пробѣ стрѣльбы изъ артиллерійскихъ орудій подъ Варшавой, Персидскій по неосторожности канонира былъ раненъ осколкомъ ядра въ спину, что сдѣлало его совершенно неспособнымъ къ дальнѣйшей службѣ и окончательно разстроило его здоровье. Въ 1848 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-майора и, поселившись въ своемъ имѣніи Новгородской губерніи, сельцѣ Кузнецовѣ, усердно принялся за продолженіе «самообразованія», какъ выражаются теперь. Къ чтенію и работѣ мысли онъ привыкъ еще съ молодости и постепенно составилъ себѣ своеобразное міросозерцаніе, заключавшееся въ какой-то причудливой смѣси натуръ-философіи съ теоретическимъ социализмомъ. Помню очень хорошо, какъ въ моемъ отроческомъ возрастѣ производили на меня сильное впечатлѣніе его разсужденія о «законахъ вѣчной правды», о правахъ «человѣка и граждаина», о «свободѣ, равенствѣ и братствѣ» и рѣзкая критика православной

церковной обрядности, порядковъ николаевскаго царствованія и дворянскихъ привилегій.

Страшно было видѣть его отношенія къ моему отцу. Персидскій былъ на много лѣтъ моложе его; но въ началѣ 50-хъ годовъ, когда я помню Персидскаго, и онъ, и мой отецъ оба уже были стариками, жившими больше воспоминаніями о прошломъ, такъ что различіе въ годахъ не бросалось уже такъ рѣзко въ глаза. Но прежнее отношеніе между «генераломъ» и подчиненнымъ ему оберъ-офицеромъ все-таки сохранялось. По старинному обычаю отецъ говорилъ Персидскому «ты», какъ человѣку, котораго онъ зналъ чуть не съ дѣтства, а Персидскій не только обращался къ отцу на «вы», но и перѣдко называлъ «отецъ и командиръ» и «ваше превосходительство». Когда, бывало, Персидскій заносился передъ моимъ отцомъ въ свои философскія дебри, отецъ нѣжно смотрѣлъ на него и останавливалъ его, говоря:

— Ну, братъ Андрей, ты опять за свое!

Тотъ ласково улыбался и цѣловалъ своего «отца и командира», въ плечо.

Когда-нибудь, если удосужусь, я представлю болѣе подробную характеристику во всякомъ случаѣ незаурядной и во многихъ отношеніяхъ интересной личности Андрея Алексѣевича Персидскаго, но въ настоящее время приведеннаго совершенно достаточно для того, чтобы опредѣлить точку зрѣнія Ивана Кузьмича Горталова при выборѣ жениховъ для его Поленьки. Для Ивана Кузьмича такая «партія», какъ Персидскій, являлась еще болѣе подходящей, чѣмъ Михаилъ Васильевичъ Ляпуновъ. Персидскій былъ генералъ, а это обстоятельство, конечно, неизмѣримо возвышало его въ глазахъ Ивана Кузьмича надъ астрономомъ, хотя и древняго дворянскаго рода.

Андрей Алексѣевичъ былъ приглашенъ и къ обѣдамъ, и по вечерамъ къ Горталову въ присутствіи, а иногда въ отсутствіи Поленьки, но всѣ эти любезности ни къ чему не привели.

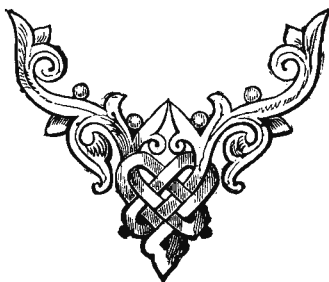
Потерявъ надежду на замужество, Пелагея Ивановна Горталова сознала, что ея пора, въ качествѣ невѣсты, миновала, и вдалась въ богомолье, которое уже перестало у ней въ это время чередоваться съ посѣщеніемъ театровъ и маскарадовъ. Послѣ смерти отца она проживала вмѣстѣ со своимъ холостымъ братомъ, Гавріиломъ Ивановичемъ. Ихъ домъ все болѣе и болѣе сталъ посѣщаться не только лицами духовнаго званія, главнымъ образомъ монашествующими, но и цѣлымъ рядомъ разныхъ блаженныхъ и юродивыхъ...

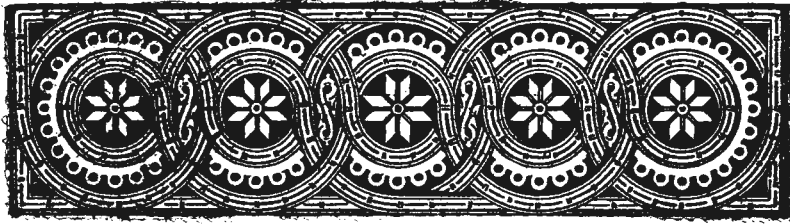
Пелагея Ивановна умерла въ Казани 10-го октября 1882 года, на 58-мъ году отъ роду.

Здѣсь я долженъ, наконецъ, поставить точку. Мои рассказы о ближайшихъ сосѣдяхъ казанскаго имѣнія моего отца безъ того

уже затянулись. Вспоминаю я еще цѣлый рядъ разныхъ, и очень близкихъ и не особенно близкихъ знакомыхъ моихъ родителей изъ числа казанскихъ помѣщиковъ 50-хъ и 60-хъ годовъ XIX вѣка. Среди нихъ также немало своеобразныхъ типовъ, но то были не сосѣди по имѣнiю, а лишь часто посѣщавшіе насъ и въ деревнѣ, и въ Казани. Нѣкоторые же изъ нихъ никогда лично не бывали въ своихъ казанскихъ деревняхъ. О всѣхъ этихъ «не сосѣдяхъ» поведу рѣчь какъ-нибудь въ другой разъ.

Д. А. Корсаковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЦЕНЗУРЫ ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(Предсѣдатель спб. цензурнаго комитета В. А. Цеэ¹).

VII.

Императоръ Александръ II—наблюдатель за печатью и цензурой.—Запрещеніе перевода романа В. Гюго «Les Misérables». — Замѣчанія государя по поводу статей въ газетѣ «День».

ИМПЕРАТОРЪ Александръ II, съ первыхъ же годовъ своего царствованія, какъ извѣстно, относился къ обездоленной цензурѣ съ особымъ вниманіемъ и былъ серьезно озабоченъ выработкою новаго, болѣе нормальнаго и свободнаго цензурнаго устава, соответствующаго требованіямъ современной общественной жизни и росту журнальной литературы. Поэтому неудивительно, что онъ слѣдилъ не только за болѣе крупными литературными произведеніями, но даже за мелкими безыменными статьями въ періодическихъ изданіяхъ, интересовался вопросомъ, кто авторъ послѣднихъ, дѣлалъ выговоры цензорамъ, писалъ замѣчанія на докладахъ министра и проч. На основаніи имѣющихся у насъ писемъ и документовъ, укажемъ на слѣдующіе примѣры его наблюденій за печатью и цензурой.

Еще задолго до появленія русскаго перевода романа Виктора Гюго «Les Misérables» государь предупреждалъ А. В. Головина

¹) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СХХV, стр. 502.

о необходимости построже цензуровать этотъ переводъ. Въ письмѣ отъ 10-го апрѣля Головинъ и сообщаетъ къ свѣдѣнію В. А. Цеэ: «Государю угодно, чтобы, въ случаѣ перевода романа Victor Hugo «Les Misérables», цензура строго разсматривала смыслъ разныхъ происшествій, описанныхъ авторомъ съ большимъ талантомъ и потому сильно дѣйствующихъ на читателя».

В. А. Цеэ, конечно, прочелъ это письмо въ комитетѣ; но надобно было случиться такъ, что первый же переводъ этого романа въ журналѣ «Русскій Миръ» досталось цензуровать Θ. П. Еленеву, не посѣщавшему комитета по болѣзни около двухъ недѣль и потому не обратившему особаго вниманія на переводъ. Между тѣмъ тамъ проскользнуло одно мѣсто, по поводу котораго, очевидно, къ-то предупрежденный В. А. Цеэ писалъ, отъ 29-го апрѣля, Головинну: «Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ цензоръ Еленевъ пропустилъ это мѣсто... Мое мнѣніе не давать этому дѣлу никакой огласки, даже пока не говорить редактору, а то малѣйшее замѣчаніе придастъ этой статьѣ огромную важность, и это самое можетъ довести это обстоятельство до высочайшаго свѣдѣнія; теперь всѣ въ Царскомъ, «Русскій Миръ» мало кто читаетъ, авось не замѣтятъ,—могу ручаться, что впредь цензоръ будетъ смотрѣть на этотъ предметъ съ двойною строгостью»...

На этомъ же письмѣ Головинъ приписалъ: «весьма желаю, чтобы удалось». Но, какъ видно изъ его же письма отъ 3 мая, это не удалось. Въ немъ онъ пишетъ: «Вчера я объявилъ цензору Еленеву выговоръ и донесъ объ этомъ государю. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но, выслушавъ Еленева, я нахожу, что онъ менѣе виноватъ, чѣмъ я думалъ, ибо ему не было сказано, что государь требуетъ особенно строгаго цензурованія романа V. Hugo и что вниманіе Его Величества было обращено именно на сцену епископа и члена конвента»...

Государь же, оказывается, несмотря на сдѣланный выговоръ Еленеву, вторично, 5-го мая, говорилъ объ упущеніи Еленева и сказалъ, что это «непростительно» (письмо Головина отъ 5-го мая).

Вслѣдъ за государемъ, хотя и заднимъ числомъ, 9-го мая, обратилось съ своими замѣчаніями къ министру народнаго просвѣщенія и министерство внутреннихъ дѣлъ, указывая на то, что «въ разговорѣ сенатора и епископа развиты основныя мысли матеріализма», и прибавляя при этомъ, что такое популяризированіе идей матеріализма уступаетъ только одному роману Евгенія Сю «Mystère du peuple», который признанъ вреднѣе всѣхъ атеистическихъ сочиненій Штраусса и другихъ, запрещенныхъ во Франціи и Германіи. Такой же демократизмъ господствуетъ и въ романѣ Гюго, какъ и въ романѣ Сю. Такое пренебреженіе господствующихъ началъ всякаго благоустроеннаго общества въ романѣ Гюго должно было обратитъ вниманіе цензора. Здѣсь ясно высказывается одностороннее стремленіе

автора-демократа подорвать религію и монархію, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ нашей цензуры»...

Но съ «злополучнымъ» романомъ дѣло на этомъ не окончилось. Вѣроятно, подъ вліяніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, А. В. Головнинъ долженъ былъ сообщить петербургскому цензурному комитету 29-го іюня, что «по случаю изданія отдѣльной книгою перевода романа Виктора Гюго «Les Misérables», высшему правительству угодно, чтобы цензура съ особеннымъ вниманіемъ и строгостью пересматривала этотъ переводъ». За этимъ сообщеніемъ послѣдовали еще горшія «увѣдомленія» того же министра цензурному комитету: іюля 6-го онъ пишетъ: «въслѣдствіе представленія отъ 3-го іюля имѣю честь увѣдомить, чтобы цензура не позволяла продолжать печатать переводъ романа Виктора Гюго «Les Misérables», такъ какъ послѣдніе томы этого сочиненія имѣютъ самое вредное направленіе»,—а чрезъ недѣлю увѣдомляетъ такъ: «въ послѣдствіе сообщеннаго запрещенія продолжать печатаніе въ повременныхъ изданіяхъ переводъ романа В. Гюго «Les Misérables», я не нахожу возможнымъ изданіе нынѣ отдѣльными книжками тѣхъ частей этого романа, которыя уже были помѣщены въ журналахъ и газетахъ».

Много хлопотъ, какъ извѣстно, доставляла цензурѣ и министру московская газета «День», издаваемая И. С. Аксаковымъ. Государь внимательно слѣдилъ за ней, и вотъ какія замѣчанія онъ сдѣлалъ на трехъ имѣющихся у насъ докладахъ министра народнаго просвѣщенія. Въ первомъ изъ нихъ (подъ № 95) говорится, что редакторъ газеты «День» (№ 32) напечаталъ свой собственный проектъ преобразования цензуры, и затѣмъ излагаются его основныя положенія; изъ нихъ мы приведемъ только тѣ, которыя вызвали замѣчанія государя. Таковы: «*Признавая за каждымъ безусловное право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ необходимымъ, чтобы каждый несъ и отвѣтственность за свое слово*»...

Противъ подчеркнутыхъ словъ императоръ Александръ II написалъ: «Не слѣдовало бы пропускать, ибо подобное право у насъ не признается и не можетъ быть признано».

Далѣе:—«Одновременно съ выпускомъ нумера журнала, газеты или періодическаго изданія и не позднѣе, какъ на другой день, типографія должна отсылать экземпляръ въ мѣстную полицію, которая *не должна бы останавливать обращенія онаго въ публичъ безъ приговора суда*».

И, наконецъ: «Преступленія печати относительно верховной власти и правительства должны быть преслѣдуемы, но *не приостанавливая обращенія обвиняемыхъ нумеровъ изданія*».

Въ томъ и другомъ случаѣ, противъ подчеркнутыхъ мѣстъ государь написалъ «тоже», то есть не слѣдовало бы пропускать... На самомъ же докладѣ надписалъ: «Долженъ сдѣлать опять замѣчаніе за слабость цензуры».

Такого рода замѣчанія государя побудили А. В. Головина представить ему оправдательную записку, въ которой (отъ 28-го мая) онъ пишетъ:

«Вслѣдствіе замѣчанія Вашего Императорскаго Величества о слабости московской цензуры, пропустившей проектъ цензурныхъ правилъ Аксакова, считаю долгомъ, въ оправданіе тайнаго совѣтника Щербинина, дозволившаго эту статью, всеподданнѣйше доложить, что напечатаніе этихъ правилъ уже вызвало въ газетѣ «Наше Время» опроверженіе оныхъ и насмѣшку надъ ними, и что подобными средствами можно сильнѣе дѣйствовать въ пользу правительства, чѣмъ простымъ запрещеніемъ, которое производитъ всегда впечатлѣніе, что запрещаютъ потому, что не умѣютъ опровергнуть. При этомъ обязываюсь доложить, что гораздо легче запрещать статьи, чѣмъ отыскивать способныхъ писателей и склонять ихъ писать въ пользу правительства, а редакторовъ убѣждать печатать благонамѣренныя статьи».

Это объясненіе, однако, государя не удовлетворило, и онъ начерталъ: «Я остаюсь при моемъ мнѣніи, что мѣста, мною отмѣченныя, не должно было бы пропускать, какъ явно противныя духу нашего правительства».

Въ третьей докладной запискѣ; тоже 28-го мая 1862 года, министръ народнаго просвѣщенія, представляя одновременно и статью, предназначенную для газеты «День» и порицающую дѣйствія прусскаго правительства въ отношеніи къ Познани и къ царству Польскому, такъ мотивировалъ свой запросъ предъ государемъ:

«Имѣя въ виду, что *прусскія газеты ежедневно печатаютъ гораздо болѣе рѣзкія статьи противъ Россіи, и что наше министерство иностранныхъ дѣлъ не отвѣчаетъ болѣе за цензуру, я полагаю бы дозволить эту статью, исключая мѣсть, отмѣченныхъ голубыми чернилами, но тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества для руководства на будущее время относительно мѣсть, означенныхъ красными чернилами».*

Императоръ Александръ II изволилъ написать: противъ первой подчеркнутой фразы: «Тамъ нѣтъ цензуры»; а противъ второй: «Да, но цензура, какъ правительственное учрежденіе, не должна допускать явно враждебныхъ статей противъ державъ, съ которыми находимся въ дружескихъ сношеніяхъ, и потому необходимо смягчить».

Наконецъ, назовемъ тѣ статьи, по поводу которыхъ государю угодно было знать, кѣмъ онѣ написаны: 1) «Обращеніе къ редактору «Военнаго Сборника», подписанное «Флереско»; 2) статья, написанная для «Сѣверной Пчелы»,—«О воскресныхъ школахъ»; 3) «Замѣтки о полковыхъ писаряхъ», напечатанныя въ № 143 «Сына Отечества» (1862 г.); 4) статья «О военно-учебныхъ заведеніяхъ»,

помѣщенная въ № 9 (1862 г.) «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и другія.

Сохранилось еще одно письмо А. В. Головнина, отъ 27-го іюля 1862 года, въ которомъ онъ извѣщаетъ В. А. Цеэ о слѣдующемъ: «Государь доволенъ, что ты запретилъ статью «О наполеоновскихъ женщинахъ», и оставилъ ее у себя».

Но не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ этого, какъ В. А. Цеэ пришлось выслушать отъ государя «выраженіе неудовольствія» за допущенную имъ въ «Гудкѣ» карикатуру на Наполеона и короля Виктора-Эмануила, и даже оправдываться. Смотри объ этомъ ниже, главу VIII.

VIII.

Контроль министерства внутреннихъ дѣлъ надъ цензурой.—Письмо В. А. Цеэ по поводу этого контроля.—Образцы «мѣткой стрѣльбы» министерства внутреннихъ дѣлъ.—Вмѣшательство въ дѣла цензуры постороннихъ вѣдомствъ и лицъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что новый цензурный комитетъ выработалъ для своей дѣятельности и новые пути, которые совершенно не были знакомы предыдущей эпохѣ съ ея «чугунными» цензурными уставами; что онъ старался, прежде всего, о распространеніи точныхъ свѣдѣній по поводу текущихъ событій, расширялъ, по возможности, предѣлы трактуемаго въ печати и открылъ полную возможность обличенія злоупотребленій, подѣ условіемъ, конечно, чтобы все это велось «серьезно», съ «знаніемъ дѣла» и безъ «крайностей». Но мы видѣли, что и при одинаковыхъ взглядахъ на сущность дѣла обоихъ руководителей цензуры, министра и предсѣдателя комитета, происходили между ними разногласія. Министру чаще всего приходилось считаться съ требованіями «высшаго правительства», съ мнѣніями затрагиваемыхъ въ печати учреждений, со взглядами шефа жандармовъ и даже его помощника.

«Чтобы знать, въ какомъ духѣ писать,—читаемъ въ письмѣ А. В. Головнина къ В. А. Цеэ, отъ 4 мая 1862 года,—надо разъ въ недѣлю видѣться съ Потаповымъ», который тогда состоялъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ и управляющимъ Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; главнымъ же начальникомъ Третьяго Отдѣленія и шефомъ жандармовъ былъ князь В. А. Долгоруковъ.

Нужно было, наконецъ, считаться и съ тѣми многочисленными осложненіями въ тогдашней внутренней и внѣшней жизни, которыя оказывали свое несомнѣнное вліяніе на общее настроеніе печати и властей.

Уже при однихъ этихъ условіяхъ станетъ очевидной необыкновенная трудность работы предсѣдателя цензурнаго комитета, который сплошь и рядомъ долженъ былъ поступаться своими искренними желаніями и взглядами.

Но вспомнимъ изъ вышеизложеннаго нами, что новый цензурный комитетъ, состоящій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, не былъ единственнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ всю цензуру. Наблюдательная часть надъ нею или, другими словами, главный контроль за точнымъ исполненіемъ цензурныхъ правилъ и распоряженій нашею журналистикою принадлежалъ министерству внутреннихъ дѣлъ, которое располагало для этой цѣли особымъ штатомъ разныхъ тайныхъ, дѣйствительныхъ, статскихъ и другихъ совѣтниковъ, числомъ до 13, съ своимъ министромъ, П. А. Валуевымъ, во главѣ. Эти-то чиновники, руководимые исключительно полицейскими цѣлями, которыми были преисполнены всѣ цензурныя распоряженія прежняго царствованія, съ первыхъ дней, можно сказать, засыпали своими замѣчаніями и отношеніями, за подписью самого министра, министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина. Но послѣдній, съ 13-го марта по 23-го апрѣля, не находилъ нужнымъ оповѣщать циркулярами цензурное вѣдомство объ упущеніяхъ, замѣчаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и только съ 23-го апрѣля былъ вынужденъ сообщать «циркулярно» — «для руководства цензорамъ и для прочтенія редакторамъ газетъ и журналовъ», и въ то же время лично докладывалъ, съ своей, конечно, точки зрѣнія, государю императору.

Послѣ первыхъ же такихъ циркулярныхъ сообщеній В. А. Цеэ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе и въ обширномъ «секретномъ» письмѣ, отъ 21-го мая, разразился потокомъ горькихъ упрековъ на близорукость и отсталость министерства внутреннихъ дѣлъ и даже на неустойчивость самого А. В. Головнина. Вотъ это любопытное письмо — откровеніе твердыхъ и благородныхъ убѣжденій и дѣйствій его автора.

«Получивъ сегодня новый циркуляръ о цензорскихъ упущеніяхъ, считаю долгомъ со всею откровенностью высказать по оному свое мнѣніе.

«Очень сожалѣю, что ты измѣнилъ первоначальное твое благое намѣреніе всѣ подобныя замѣчанія принимать только къ свѣдѣнію и печатать оныя лишь для редакціи; при такомъ только способѣ дѣйствій возможно цензурному комитету продолжать добросовѣстно и разумно свои занятія. Представляя же всѣ сіи замѣчанія государю (изъ нихъ едва ли 10-я часть выдержать строгую критику), ты, наконецъ, убѣдишь Его Величество, что цензура вовсе ничего не дѣлаетъ и дремлетъ (а это меня бы до крайности огорчило послѣ теплыхъ словъ, которыя Его Величество мнѣ сказалъ при послѣднемъ свиданіи, и того довѣрія, что я исполню добросовѣстно возложенное на меня порученіе), а что зоркое око министерства внутреннихъ дѣлъ (которое въ собственномъ вѣдомствѣ ничего не видитъ и ничего не можетъ предпринять противъ безпорядковъ и подбрасыванія памфлетовъ) усматриваетъ ежедневно громадныя промахи.

«О свойствѣ этихъ промаховъ предоставляю судить каждому. Вотъ замѣчанія въ сегодняшнемъ номерѣ циркуляра.

«Не отвергая справедливости замѣчанія подъ № 1 на статью «Современника» Ю. Жуковского, я полагаю только страннымъ писать 6-го мая о статьѣ, пропущенной въ генварской или февральской книжкѣ сего журнала, за два мѣсяца до моего назначенія въ настоящую должность.

«2. Статья «Искры» о циркулярѣ князя Шихматова была мною доложена тебѣ и пропущена по взаимному совѣщанію, такъ какъ въ ней не было ничего предосудительнаго; рѣзкія же выраженія были вычеркнуты; но тутъ является тотъ случай que l'on veut être plus royaliste que le roi, ибо кому же болѣе, какъ не министру народнаго просвѣщенія судить о томъ, что позволять печатать касательно его вѣдомства, и если ему угодно, чтобы въ его вѣдомствѣ не было тайнственности, то кто же можетъ этимъ обижаться?..

«3. ¹⁾ Любопытно бы знать, подъ какую статью цензурный комитетъ могъ бы подвести запрещеніе говорить о безпорядкахъ, задержкахъ и произволѣ, существующихъ въ почтовой цензурѣ, на которую жалуется весь городъ?!. Возмущеніе противъ правительства, нападеніе на самодержавную власть, на религію, общественную нравственность? Но если почтовое вѣдомство не внемлетъ справедливымъ жалобамъ публики, то какое же средство заявить свое желаніе указать цензура почтовая—почти бесполезная въ настоящее время...

«4. Замѣчаніе касательно перевода «Les Misérables» въ «Русскомъ Мирѣ» теряетъ характеръ современности послѣ высочайшаго выговора, сдѣланнаго цензору Еленеву, вслѣдствіе твоего же всеподданнѣйшаго доклада. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ недѣятельное министерство народнаго просвѣщенія значительно опередило ретивое и зоркое министерство внутреннихъ дѣлъ.

«Увы, что можно сказать про самую выписку? Какъ можно выписывать на выдержку слова, отдѣльныя фразы безъ всякой связи и безъ всякаго смысла. Съ такою системой я докажу, что Евангеліе самая опасная книга...

«5 и 6. Не говоря о 5, такъ какъ это сущіе пустяки ²⁾, я приѣхожу въ колоссальное удивленіе за замѣчаніе, сдѣланное с.-петер-

¹⁾ Въ газетѣ «St.-Petersburger Zeitung», № 88, въ статьѣ: «Censur und Universität» подвергнуты осужденію дѣйствія почтовой цензуры, которая дѣйствуетъ, будто бы, «съ невѣроятною грубостью», вырѣзывая цѣлыя страницы, гдѣ встрѣчаются «начало или конецъ другихъ невинныхъ статей». Министерство внутреннихъ дѣлъ признало столь рѣзкій отзывъ о почтовой цензурѣ совершенно неумѣстнымъ въ печати.

²⁾ Рѣчь идетъ о рассказѣ, напечатанномъ въ № 14 «Гудка» и повѣствующемъ о приѣздѣ въ г. Ветлугу какого-то ученаго, котораго, вслѣдствіе рекомендаціи губернскаго начальства, мѣстные уѣздные чины привѣтствовали въ мундирахъ. По поводу этого министерство внутреннихъ дѣлъ пишетъ: «полагая, съ своей стороны, что такого

бургскому комитету по поводу статьи, напечатанной въ «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», находящихся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и контролемъ самого Аргуса, то есть министерства внутреннихъ дѣлъ. Начиная съ того, что запрещеніе этой статьи не подходитъ ни подъ одинъ § цензурнаго устава, какъ онъ нынѣ понимается, и что она весьма умѣренная и полезная, — можно ли насъ винить въ томъ, что сдѣлали другіе? Государь, прочитавъ это замѣчаніе, естественно, припишетъ это нашей винѣ, но въ чемъ же мы виноваты, что подъ непосредственнымъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ печатаются въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статьи столь вредныя съ точки зрѣнія самого же министерства.

«7. Замѣчаніе о неумѣстности критики постановленія псковскаго губернскаго присутствія имѣеть основаніе, и за пропускъ этой статьи сдѣлано замѣчаніе цензору Волкову, въ присутствіи всего комитета, ровно полторы недѣли тому назадъ, то есть вслѣдъ за появленіемъ № «Сѣверной Пчелы», гдѣ она и была напечатана.

«Ты не сѣлуй на меня за то, что я такъ распространяюсь по этому предмету, но я не виноватъ, если я близко принимаю къ сердцу все то, чѣмъ занимаюсь. Я, можетъ быть, ошибаюсь, но никакъ не могу измѣнить моего искренняго убѣжденія, что нынѣ послѣ всѣхъ либеральныхъ реформъ правительства, при взволнованномъ состояніи умовъ, при всеобщемъ требованіи отмены цензуры и при желаніи самого правительства—дать печати больше свободы, — нельзя цензурѣ дѣйствовать на жандармскомъ правѣ и на грубомъ произволѣ. Надо, напротивъ, употреблять представителей умственной дѣятельности всего русскаго общества на защиту порядка, закона и самого правительства, а этой цѣли нельзя достигнуть безъ довѣрія литераторовъ, а довѣріе это пріобрѣтается не разомъ, а постепенно, медленно, съ трудомъ—открытымъ, добросовѣстнымъ, благороднымъ и либеральнымъ способомъ дѣйствій.

«Я бы оставался совершенно равнодушнымъ къ этимъ мѣткимъ застрѣльщикамъ, имѣя твое одобреніе, — а для меня это очень многое, — но я боюсь, что, при твоей системѣ доводить объ этихъ вздорныхъ замѣчаніяхъ до высочайшаго свѣдѣнія, ты бы не наложилъ, наконецъ, оковы на цензуру и сдѣлалъ бы ее невозможною для людей благородныхъ и искренно преданныхъ доброду государю и отчизнѣ. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, не иначе доводить ихъ до свѣдѣнія государя, какъ съ надлежащими объясненіями и при личномъ докладѣ? Я и этимъ остался бы очень доволенъ.

разказа вовсе не слѣдовало допускать къ печати, по тому уваженію, что онъ не имѣеть въ виду никакой другой цѣли, кромѣ публичной насмѣшки надъ лицами служащими съ указаніемъ даже мѣста служенія ихъ, отчего насмѣшка становится еще болѣе оскорбительною, министерство имѣеть честь довести до свѣдѣнія...

«Еще одно послѣднее слово,—прочитавъ всѣ эти замѣчанія при такомъ громадномъ количествѣ газетъ и журналовъ,—справедливый и либеральный судья бы воскликнулъ: «Какая огромная похвала цензурѣ, что болѣе ничего не могли замѣтить!..»

Изъ приведенныхъ примѣровъ очевидно, что министерство внутреннихъ дѣлъ вовсе не считалось съ новой программой, принятой председателемъ цензурнаго комитета, не раздѣляло методовъ вѣдомства между учрежденіями, одинаково вмѣшиваясь въ дѣла министерства народнаго просвѣщенія и обвиняя послѣднее въ своихъ промахахъ, и, наконецъ, не обращало вниманія на дѣйствія самого комитета и совершенно игнорировало хронологіей явленной, имъ же замѣчаемыхъ. Въ одномъ изъ замѣчаній явно звучитъ даже иронія надъ «частными бесѣдами съ редакторами журналовъ» председателя комитета ¹⁾. Естественно, что наша бѣдная цензура, опекаемая двумя смотрящими столь различно на ея сущность и задачи министерствами, должна была очутиться въ очень незавидномъ положеніи, а роль главнаго ея представителя, председателя комитета, дѣлалась прямо тягостной. Помимо многочисленныхъ и многотрудныхъ обязанностей, связанныхъ собственно съ цензурованіемъ, приходилось тратить массу времени и труда на отписку по поводу «вздорныхъ» въ большинствѣ случаевъ замѣчаній полицейско-жандармской цензуры, а подчасъ и испытывать довольно сильные нравственные уколы, тѣмъ болѣе, что министръ внутрен-

¹⁾ Въ 31 № «Дня» былъ перепечатанъ изъ «Русскаго Инвалида» текстъ официального извѣстія о наказаніяхъ, которымъ подвергнуты лица, произведшія 10 апрѣля безпорядки въ одной изъ варшавскихъ церквей. При этомъ редакція высказала предположеніе, что русскій переводъ этого извѣстія сдѣланъ неправильно, и осудила дѣйствія мѣстнаго главнаго начальника. Министерство внутреннихъ дѣлъ признавало неточность перевода, но въ указаніи на это «Дня» видѣло одну лишь—журнальную хитрость и желаніе редакціи «раздражить умы» и «высказать свое сочувствіе виновникамъ безпорядковъ». Министръ народнаго просвѣщенія, оставляя безъ вниманія столь дутое обвиненіе, въ своемъ отвѣтѣ министерству внутреннихъ дѣлъ выяснилъ лишь то, что провѣрять правильность переводовъ газетныхъ и журнальныхъ статей—не входить никоимъ образомъ въ задачи цензуровъ. Казалось бы, и все... Но нѣтъ: отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ поступаетъ новое пространное заявленіе по тому же предмету, въ которомъ, между прочимъ, авторъ силится убѣдить, что онъ руководился «не буквою цензурнаго устава, которою, не нося званія цензора, я вообще не признаю себя обязаннымъ безусловно руководствоваться, но тѣмъ высшимъ обобщеннымъ наблюденіемъ за дѣйствіями прессы и тѣмъ особымъ попеченіемъ о направленіи ея дѣятельности», о которыхъ подробно объяснено въ представленной государю запискѣ (имѣется въ виду записка В. А. Цез., отъ 27 мая). Въ послѣдней упоминается о «частныхъ бесѣдахъ съ редакторами журналовъ» председателя комитета. «Миѣ казалось, — заключаетъ невѣдомый авторъ заявленія, — что указанные мною пропуски въ переводѣ, помѣщенномъ въ «Инвалидѣ», могли безъ неудобства войти въ кругъ подобныхъ бесѣдъ, какъ съ г.г. редакторами, такъ и г.г. цензорами...

нихъ дѣль чаще другихъ имѣлъ возможность докладывать обо всемъ лично государю.

Можно ли было при такихъ условіяхъ предсѣдателю цензурнаго комитета добиться оздоровленія крайней печати, вызвать къ себѣ полное довѣріе литераторовъ и поспѣшествовать освобожденію печати отъ прежнихъ тяжелыхъ путъ,—предоставляемъ судить читателямъ, а съ своей стороны приведемъ лишь еще нѣсколько примѣровъ—образцовъ «мѣткой стрѣльбы» министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ № 168 «Сѣверной Пчелы» въ передовой статьѣ, между прочимъ, сказано: «Александръ II сдѣлалъ шагъ къ дарованію Россіи возможности дышать свободнѣе по праву. Такіе шаги: освобожденіе крѣпостныхъ людей, скорое введеніе гласнаго судопроизводства, желаніе расширить свободу печатнаго слова, терпимость религіознаго раскола и готовность даровать народу мѣстное самоуправленіе». Министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ отношеніи, смущенное въ особенности указаніемъ на «терпимость религіознаго раскола», пишетъ: «указаніе на предполагаемую въ настоящее царствованіе особую (прибавка!..) терпимость религіознаго раскола можетъ подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и даже къ проявленію небезопасныхъ стремленій со стороны раскольниковъ, вслѣдствіе чего «цензору вовсе не слѣдовало пропускать его въ печати».

Добившись рядомъ своихъ замѣчаній пріостановки «Современника» и «Русскаго Слова», министерство внутреннихъ дѣлъ совѣтовало принять ту же мѣру и по отношенію къ «Современному Слову», указывая на рядъ статей въ этой газетѣ, «обнаруживающихъ систематическое стараніе противождать видамъ правительства и возбуждать умы противъ настоящаго общественнаго порядка». Но министръ народнаго просвѣщенія не согласился на это и ограничился однимъ предупрежденіемъ редактора и цензора. Впослѣдствіи министерство внутреннихъ дѣлъ въ своихъ обвиненіяхъ дошло до того, что приписывало редакціи «Современнаго Слова»—«косвенное» намѣреніе рекомендовать на греческій престолъ своего корреспондента графа Каподистрію. Четвертаго іюля министерство внутреннихъ дѣлъ послало новое отношеніе, находя въ статьѣ журнала «Время» (№ 5) «Законы о печати во Франціи» рядъ «рѣзкихъ сравненій и сужденій, которыя имѣютъ цѣлью вооружить читающую публику противъ существующаго и у насъ порядка цензуры». Министръ народнаго просвѣщенія не призналъ столь злостнаго намѣренія въ указанныхъ сужденіяхъ и оставилъ «отношеніе» безъ отвѣта. Несмотря на все это, полицейская цензура не унималась и немедленно разразилась обширнымъ обвинительнымъ актомъ противъ «Сѣверной Пчелы». Здѣсь (№ 167) корреспондентъ съ юга Россіи сообщалъ, что въ этомъ году (1861 г.) въ Новороссіи и въ Крыму—«всѣ шелковичныя деревья, всѣ туковыя плантаціи вы-

мерзли до корня, всѣ персиковыя, абрикосовыя и другія нѣжныя плодовые растенія, а также травы и хлѣба погибли окончательно», что это «навело на жителей панической ужасъ и грозитъ застоємъ въ торговлѣ, безденежьемъ и т. п.».—«Хотя,—пишетъ министерство, въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ нѣтъ положительнаго указанія на то, что подобныя статьи подлежатъ запрещенію, но такъ какъ онѣ могутъ сопровождаться болѣе или менѣе вредными послѣдствіями» (?), — не слѣдовало бы допускать къ печати...»

Вскорѣ появилось новое отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, поразительное по своей наивности.

Въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (№ 4), подъ заглавіемъ: «Странныя вещи», помѣщенъ разсказъ о слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) о томъ, съ какимъ шумомъ, гамомъ и угрозами были выгнаны изъ мирового съѣзда четыре депутата отъ временно-обязанныхъ крестьянъ, жаловавшихся на неправильное составленіе уставной грамоты, и 2) какъ въ томъ же съѣздѣ была оставлена безъ всякаго вниманія жалоба буфетчика, избитаго пьяными помѣщиками, ворвавшимися въ съѣздъ. По поводу этого министерство внутреннихъ дѣлъ писало: «признавая, съ своей стороны, что оба эти разсказа, доказывающіе, что привилегированнымъ сословіямъ все позволительно и, напротивъ, низшіе слои общества нигдѣ не могутъ оградить свои права, нарушаютъ статью VII Высочайше утвержденныхъ 12 мая правилъ по цензурѣ, какъ возбуждающіе ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ», и т. д., 15-го іюля министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ на это такъ: «Я затрудняюсь подвергнуть какому-либо взысканію цензора, допустившаго къ печати эти статьи, такъ какъ, на основаніи ст. IV правилъ по цензурѣ, допускаются статьи о злоупотребленіяхъ администраціи. Что же касается до возбужденія ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ, то я полагаю, что не статьи «Кіевскаго Телеграфа», который крестьянами не читается, а самые поступки помѣщиковъ, описанные въ № 4 этого изданія, поведутъ неминуемо къ возбужденію этого чувства. Обнародованіе этихъ поступковъ принесетъ, напротивъ того, пользу помѣщикамъ, ибо воздержитъ ихъ отъ повторенія оныхъ въ другихъ мѣстностяхъ и тѣмъ самымъ уничтожитъ самую причину ненависти»¹⁾.

Рядомъ съ официальными сообщеніями, Валуевъ осаждалъ Головнина и частными «записочками». По поводу одной изъ нихъ Головнинъ писалъ Цеэ (12 декабря 1862 г.): «Вотъ еще записочка Валуева. Скажи, пожалуйста, что за статья, на которую онъ жалуется и кто пропустилъ, и покажи записочку Усову (редактору «Сѣверной Пчелы»), чтобы былъ осторожнѣе. Я отвѣчалъ, что цензоръ—Ку-

¹⁾ См. «Циркуляръ» изъ особенной канцеляріи министра народнаго просвѣщенія председателю цензурнаго комитета за 1862 годъ.

ровскій, которымъ онъ самъ наградила насъ, и что запретить газету я не согласенъ».

Черезъ 6 дней (18 декабря) Валуевъ обратился къ А. В. Головнину съ новой записочкой: «Еще докучаю вамъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, по дѣламъ цензуры. Великій князь Николай Николаевичъ обратилъ вниманіе на № 336 «Сѣверной Пчелы», который мнѣ былъ также представленъ и другимъ лицомъ сегодня, по поводу статьи о прусскихъ дѣлахъ. Кто цензоръ, пропустившій статью, и не изволите ли согласиться на 3 мѣсяца прекратить изданіе». Согласія, конечно, не послѣдовало, и «Сѣверная Пчела» продолжала выходить.

Не ограничиваясь отдѣльными замѣчаніями, министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ въ іюлѣ 1862 г. особую записку о «неблагонамѣренномъ направленіи значительнѣйшей части нашей литературы и неосновательности сужденій, произносимыхъ въ публикѣ насчетъ дѣйствій и распоряженій правительства», которая, по повелѣнію государя, была заслушана въ комитетѣ министровъ и вызвала рядъ новыхъ стѣсненій для литераторовъ, получившихъ почти полное запрещеніе говорить о мѣропріятіяхъ правительства.

Въ теченіе августа, сентября и послѣдующихъ мѣсяцевъ министръ внутреннихъ дѣлъ все съ той же тактикой и «основательностью» продолжалъ осаждать министра народнаго просвѣщенія своими замѣчаніями, стараясь создать ему и цензурному комитету самое невыносимое положеніе и дискредитировать ихъ въ глазахъ императора. Такого рода дѣйствія министра-«наблюдателя» сводились къ одному—сосредоточить въ своемъ вѣдѣніи всю цензуру и быть, такимъ образомъ, полнымъ ея властелиномъ, могущимъ въ любой моментъ разсѣять ненавистныхъ ему журналистовъ.

Очень характеренъ въ этомъ отношеніи самый отчетъ исполнительной полиціи о цензурѣ и журналистикѣ за 1862 г., можно сказать, прямо противоположный взглядамъ министерства народнаго просвѣщенія. Достаточно сказать, что въ этомъ отчетѣ не признается никакого общественнаго мнѣнія, и что по нему вся печать есть «какое-то случайное выраженіе частныхъ толковъ и сужденій» ¹⁾.

Но тормозящая лишь дѣло, бесплодная переписка съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не была единственною докучкою для министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателя цензурнаго комитета. Съ своими предостереженіями и поученіями обращались къ нимъ и вѣдомства, не имѣющія ничего общаго съ наблюденіемъ надъ печатью, и отдѣльныя лица. Тогдашній шефъ жандармовъ, князь В. А.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ отчетѣ и вообще о замѣчаніяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ см. ст. П. Усова: «Цензурныя реформы въ 1862 году. Историческій очеркъ»—въ «Вѣстникѣ Европы», за 1862 г., №№ 5 и 6.

Долгоруковъ, довольно часто выражалъ свое неудовольствіе на ту или другую статью, а иногда и предупреждалъ о появленіи непріятной для него вещи. Въ письмѣ отъ 26-го апрѣля А. В. Головининъ пишетъ В. А. Цеэ: «Валуевъ и кн. Долгоруковъ замѣтили неприличіе статьи о Герценѣ въ «Книжномъ Вѣстникѣ», а Долгоруковъ сверхъ того негодуеть на нѣсколько статей № 11 «Искры»: какіе-то стихи, мертвая рука и проч. Сообщаю для свѣдѣнія».

Черезъ два дня послѣ этого князь Долгоруковъ писалъ Головинину: «Говорятъ, любезный Александръ Васильевичъ, что въ № 15 «Искры» обращаетъ на себя вниманіе карикатура, представляющая Паткуля (подъ куль) и статья «Отцы и дѣти», затѣмъ въ прилагаемомъ № «Сѣверной Пчелы» статья Конисскаго разбираетъ ваше распоряженіе и въ прилагаемомъ № газеты «Вѣкъ» вступительныя статьи. Можетъ быть, сужденія о сихъ статьяхъ преувеличены, но я во всякомъ случаѣ счелъ обязанностью васъ о нихъ предупредить». Препровождая это письмо В. А. Цеэ, Головининъ надписалъ на немъ: «Присылаю для свѣдѣнія Василія Андреевича, присовокупляя, что я не нахожу ничего такого, что бы слѣдовало запретить»; а противъ словъ кн. Долгорукова: «разбираетъ ваше распоряженіе», написалъ: «я не обижаюсь».

Въ другой разъ князь Долгоруковъ предупреждалъ объ имѣющемъ быть появленіи въ газетѣ «Гудокъ» политической карикатуры и юмористической повѣсти Потѣхина «Магнаты новой колоды камелій, т. е. описанія фаворитокъ важныхъ особъ». (Ни того, ни другого въ печати не появилось).

Если въ подобныхъ случаяхъ его предупрежденія далеко не всегда имѣли успѣхъ, то, напротивъ, его просьба о томъ, чтобы не появлялась въ печати небольшая замѣтка «Нѣсколько словъ на статью «Рюриково городище» о церкви Долгоруковыхъ», была исполнена Головиннымъ съ большой готовностью.

«Почти каждую недѣлю», какъ видно изъ одного письма А. В. Головина, обращался къ министру народнаго просвѣщенія и Н. В. Чевкинъ, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями, съ замѣчаніями, что такія-то статьи «неприличны», а такія-то «не должны быть напечатаны» и т. п. Среди инкриминируемыхъ Чевкинымъ статей оказался и фельетонъ о предварительной цензурѣ, напечатанный въ № 108 «Сѣверной Почты», органа министерства внутреннихъ дѣлъ, не подлежащаго, какъ извѣстно, цензурѣ комитета»¹⁾.

Нѣкій адмиралъ Врангель, узнавъ, что печатается переводъ сочиненія Бокля—«Исторія цивилизаціи въ Англіи», обратился чрезъ А. Л. Потапова къ Головинину съ совѣтомъ напечатать въ противовѣсъ этому произведенію и въ «огражденіе русскихъ читателей»

¹⁾ См. «Дневникъ» А. В. Никитенка, т. II, стр. 77 (издан. 1905 г.).

какое-то мистическое произведение и въ «огражденіе русскихъ читателей» какую-то мистико-догматическую книгу Шмидта.

Министръ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленый—«сказалъ мнѣ, —пишетъ Головнинъ предсѣдателю цензурнаго комитета:— что редакціи «Современнаго Слова» прислана статья подъ заглавіемъ: «Правдивый разсказъ изъ Лисина». Эту статью Зеленый полагаетъ невозможнымъ напечатать, имѣя въ виду, что въ это самое Лисино государь ѣздитъ охотиться.

Однажды съ жалобой на цензуру обратился къ Головнину и одновременно къ самому государю князь А. М. Горчаковъ. Поводомъ къ этой жалобѣ послужили впервые появившіяся тогда «политическія карикатуры»; а именно карикатуры «Гудка» на Луи-Наполеона и Виктора-Эмануила, которыя, по мнѣнію князя Горчакова, неминусомо должны были повлечь за собою умаленіе правительственной власти въ Россіи. А. В. Головнинъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ старался успокоить взволнованнаго князя и въ очень остроумныхъ выраженіяхъ доказывалъ крайнюю преувеличенность его страха. Въ то же время онъ писалъ В. А. Цезю: «Прилагаю копію моего отвѣта; потрудись, пожалуйста, съѣздить на дняхъ въ 9 ч. утра къ блестящему вице-канцлеру и постарайся укомплектовать его твоимъ краснорѣчїемъ» (20 ноября 1862 г.). Но какъ бы то ни было, князь Горчаковъ добился выраженія неудовольствія со стороны государя по адресу В. А. Цезя. Последнему пришлось писать императору оправдательно-извинительное письмо, которое представилъ министръ народнаго просвѣщенія, 6 декабря, при слѣдующемъ докладѣ: «По просьбѣ тайнаго совѣтника Цезя, глубоко потрясеннаго выраженіемъ неудовольствія Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь представить при семъ письмо его и, зная его болѣе 25 лѣтъ, считаю долгомъ удостовѣрить, что онъ употребитъ всевозможныя усилія, чтобы дѣйствовать сообразно видамъ и намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества».

Государемъ на докладѣ А. В. Головнина были начертаны слѣдующія слова:

«Въ усердіи его я не сомнѣваюсь и увѣренъ, что онъ на дѣлѣ его докажетъ».

Въ декабрѣ 1862 г. виленскій генераль-губернаторъ Назимовъ требовалъ, чтобы въ «Сѣверной Пчелѣ» былъ уничтоженъ отдѣлъ «Польская хроника», въ томъ предположеніи, что «статьи, относящіяся до Западнаго края Россіи», совершенно неумѣстны въ общей газетѣ».

Эти немногіе факты вмѣшательства постороннихъ вѣдомствъ и лицъ въ дѣла цензуры, намъ кажется, еще болѣе убѣждаютъ, насколько было тяжело и невыносимо положеніе завѣдывавшихъ цензурою; взглядовъ ихъ никто не раздѣлялъ, а многіе даже и не знали, но поучать, предостерегать съ своихъ давно насиженныхъ мѣсть

охочь былъ всякій. Врядъ ли послѣ всего этого станеть удивительнымъ, что министръ народнаго просвѣщенія, главною заботою котораго было процвѣтаніе наукъ, литературы и вообще просвѣщенія въ странѣ, могъ дольше выносить тяжелѣйшее цензурное бремя; онъ, естественно, отвѣчая въ то же время и почти общему желанію власть имущихъ, долженъ былъ свалить его на другое «наблюдательное» министерство, что и случилось въ началѣ 1863 года.

IX.

Переходъ цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.—Переписка В. А. Цезь П. А. Валуевымъ.—«Замѣчанія» директора департамента исполнительной полиціи.—Сужденіе полицейскаго цензора О. А. Пржедавскаго о новыхъ книжкахъ «Современника» и о романѣ «Что дѣлать».—Закрытіе журнала «Время» и отставка В. А. Цезь.

Еще 10-го декабря 1862 г. министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ обширный докладъ государю, въ которомъ доказывалъ несовмѣстимость съ задачами министерства народнаго просвѣщенія нахожденія въ немъ нынѣшней строго-предупредительной цензуры, признавалъ излишними и даже чрезмѣрными административныя взысканія, выработанныя особой комиссіей, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго, по дѣламъ книгопечатанія, и находилъ болѣе удобнымъ, въ видахъ единообразія, передать всю цензуру въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Черезъ мѣсяць съ подобнымъ же докладомъ, по повелѣнію государя, А. В. Головинъ входилъ въ совѣтъ министровъ, гдѣ возникли довольно крупныя разногласія, но, несмотря на это, государь согласился съ докладомъ министра народнаго просвѣщенія, и 14 января 1863 г. состоялся высочайшій указъ, по которому возлагалось на министерство внутреннихъ дѣлъ самое управленіе цензурою и окончательное устройство цензурной части; «наблюденіе же за произведеніями печати» оставлялось на обязанности с.-петербургскаго цензурнаго комитета, предсѣдатель котораго являлся «какъ бы помощникомъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ цензуры во всей имперіи».

Въ виду этого ему предоставлялось (уже по особому докладу) министра, одобренному государемъ 25-го января): 1) право сообщать всему цензурному вѣдомству всѣ распріяженія и указанія министра, 2) право сноситься по дѣламъ цензуры съ тѣми мѣстами и лицами, съ которыми сношенія ему будутъ предоставлены по распоряженію министра, и 3) ближайшее завѣдываніе всѣми дѣлами, касающимися разрѣшенія новыхъ журналовъ, измѣненія программъ журналовъ уже существующихъ, разрѣшенія къ печати статей, представляемыхъ по ходатайству комитета или по жалобамъ издателей и сочинителей, и, наконецъ, опредѣленіе, увольненіе и перемѣщеніе чиновъ цензурнаго вѣдомства».

Повидимому, всѣми этими правами власть предсѣдателя с.-петербургскаго цензурнаго комитета, хотя временно, расширялась на всю имперію, получала болѣе опредѣленный кругъ дѣйствій и имѣла одинъ источникъ и контроль въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Но это только повидимому. Прежде всего, самъ министръ, П. А. Валуевъ, не державшійся вообще никакой болѣе или менѣе обоснованной системы въ завѣдываніи цензурой и долго не знавшій, что предпринять для упорядоченія послѣдней, впадалъ въ своихъ распоряженіяхъ и замѣчаніяхъ въ крайности и по большей части ограничивался репрессивными мѣрами. Особенно сбивали его съ толку тогдашнія «польскія дѣла» и различныя осложненія международнаго характера; поэтому, рекомендуя лишь одну «осторожность» цензорамъ и предсѣдателю комитета, онъ сильно связывалъ послѣдняго, заставляя его испрашивать разрѣшеніе и отдавать отчетъ рѣшительцо во всемъ. При этомъ не надо забывать, что многія замѣчанія министра имѣли своимъ источникомъ какое-либо постороннее вліяніе.

Въ сохранившейся перепискѣ между П. А. Валуевымъ и В. А. Цеэ первенствующее мѣсто занимаютъ щедро рассыпаемые первымъ «запрещенія» и «исключенія» той или иной статьи, зачастую совершенно невинной, о которыхъ В. А. Цеэ запрашивалъ изъ особой предосторожности или предлагая, согласно указаніямъ цензоровъ, лишь нѣкоторыя «исключенія» и «замѣны». Такъ, онъ запретилъ даже упоминать объ Унковскомъ, взявшемся, по его словамъ, за «ремесло агитаторства», и о М. А. Бакунинѣ; не допустилъ къ печати даже пропущенной осторожнымъ цензоромъ Веселаго статьи о польскомъ вопросѣ С. С. Громеки; въ письмѣ отъ 3 марта высказалъ, что «всѣ газеты въ польскомъ вопросѣ антипатріотичны, кромѣ однихъ «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова, и особенно вознегодовалъ на «Голосъ» Краевского, на который грозился «наложить свою руку», и «Сѣверную Пчелу», отъ которой хотѣлъ отнять право получать газеты и журналы безъ предварительной почтовой цензуры. «Осторожность» въ обсужденіи польскаго вопроса Валуевъ доводилъ до того, что даже «тирана-цензора», «тупого до смѣшнаго» генераль-майора Штюрмера, якобы поляка по происхожденію, заподозрѣлъ въ пристрастіи и отстранилъ отъ цензурованія нѣкоторыхъ газетъ по военной части (письмо отъ 21 мая).

Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ, обезпокоенный волненіями крестьянъ Витебской губерніи, предписалъ В. А. Цеэ предупредить московскихъ, кіевскихъ и виленскихъ цензоровъ, дабы послѣдніе не позволяли ни одной газетѣ печатать объ этихъ волненіяхъ болѣе того, что сообщалось въ официальномъ органѣ («Сѣверной Почтѣ»).

Запрещались затѣмъ всѣ «насмѣшливыя» статьи о полиціи, карикатуры на принца Луи-Наполеона и вообще карикатуры ad hominem, т. е. намекающія болѣе или менѣе прозрачно на кого-либо изъ

«высокопоставленныхъ лицъ», и даже статья Панченка «Небывалый педагогъ» (по поводу школьныхъ порядковъ въ одномъ изъ училищъ, находящемся подъ вѣдѣніемъ принца Ольденбургскаго).

Очень и очень тяжелое было при этихъ условіяхъ положеніе ближайшаго «помощника» министра, предсѣдателя цензурнаго комитета, который (въ письмѣ отъ 17-го февраля, по поводу одной запрещенной министромъ статьи) исповѣдывалъ слѣдующій свой взглядъ на литературу: «Литература въ настоящее время огромная сила; за недостаткомъ другихъ органовъ въ ней сосредоточивается вся наша общественная жизнь, всѣ наши потребности и желанія!.. Слѣдовательно, нельзя оставлять безъ вниманія ея говора, надо только препятствовать, чтобы она не мѣшала дѣйствіямъ правительства и не возбуждала уже безъ того сильно взволнованныя страсти».

В. А. Цезъ, предложившій еще въ январѣ 1863 г., при составленіи новой комиссіи по дѣламъ печати, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго, включить въ составъ ея и двухъ-трехъ литераторовъ, былъ единственнымъ голосомъ, потому, конечно, оставшимся безъ результата.

Но, несомнѣнно, горечь его душевнаго состоянія должна была еще увеличиваться при чтеніи замѣчаній, исходящихъ отъ директора департамента исполнительной полиціи и отъ цензоровъ-клеветовъ послѣдней. Вотъ, на примѣръ, какія замѣчанія дѣлалъ первый, тайный совѣтникъ графъ И. М. Толстой.

Въ № 38 «St. Petersburger Zeitung», — жалуется онъ, — обращаетъ на себя вниманіе «неодобрительная» статья, въ которой содержатся «укоризны нашему правительству и властямъ въ царствѣ Польскомъ въ безопасности, невѣдѣніи и непредупрежденіи приготовлявшагося долгое время революціоннаго движенія, вслѣдствіе чего приносятся въ жертву кровь и деньги».

Въ отношеніи отъ 11 марта 1863 г., за № 237, графъ Толстой негодуетъ на «неприличныя, кощунственныя выраженія, допущенныя о дѣлахъ благотворительности» въ № 48 газеты «Народное Богатство», гдѣ читаемъ:

«И въ кипучее лобзанье
Я всю страсть слила
И обдвигъ подаванье
Грѣшнымъ тѣломъ подала!»

Приведя эти стихи, авторъ «отношенія» восклицаетъ: «Хороша благотворительность! Умѣстно ли это и прилично въ серьезной политико-экономической газетѣ?»

Въ фельетонѣ № 65 «Сѣверной Пчелы» неизвѣстный авторъ, подписавшійся де-Бурдалу, выразилъ желаніе видѣть и въ Россіи учрежденіе, подобное французской академіи des quarante, и попасть самому въ число его членовъ. «Я не могу, — писалъ онъ, — безъ силь-

наго волненія подумать о томъ, въ какомъ почтенномъ обществѣ я буду находиться въ этой академіи. Кресло № 1 будетъ занимать бардъ временъ Екатерины, князь Вяземскій, которому это мѣсто принадлежитъ по праву даже и въ томъ случаѣ, если бы, кромѣ «замѣтки», не писалъ ничего, не исключая даже нѣкотораго творенья о метеляхъ и народныхъ ночлегахъ».

Возмущенный директоръ полиціи взялъ Екатерининскаго барда подъ свою защиту и по поводу этихъ словъ написалъ: «Мѣсто это заключаетъ ироническіе намеки противъ личности, заслуживающей общее уваженіе; оно тѣмъ не деликатнѣе, что всемъ извѣстно настоящее положеніе почтеннаго и даровитаго поэта. Но, кромѣ чувства высшихъ общественныхъ приличій, оскорбляемаго этой истинно-нигилистской выходкой, она подходитъ прямо подъ одно изъ запрещеній, изложенныхъ въ п. 1 высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ».

Въ этомъ же родѣ подвизались и подчиненные графу Толстому его 11 чиновниковъ, цензировавшихъ каждый по нѣскольку газетъ. Одинъ изъ нихъ, надворный совѣтникъ Вильде, «тщательно» просмотрѣвшій за недѣлю нумера «Развлеченія», «Воронежскаго Листка», «Journal d'Odessa», «Кронштадтскаго Вѣстника» и «Справочнаго Листка гор. Саратова», — къ своему огорченію, «не нашелъ ничего противнаго цензурнымъ постановленіямъ и законамъ» и рѣшился, въ угоду начальству, выразить свое крайнее неудовольствіе по поводу того, что авторъ «Литературныхъ замѣтокъ и слуховъ» въ № 16 «Развлеченія» называлъ бывшаго редактора «Очерковъ», г. Очкина, «старцемъ-недоноскомъ».

Но самымъ, повидимому, серьезнымъ и тонкимъ наблюдателемъ изъ цензоровъ исполнительной полиціи считался тайный совѣтникъ О. Пржецлавскій, который «наблюдалъ» за «Голосомъ», «Современникомъ» и газетою И. С. Аксакова «День». Мы не будемъ слѣдить за тѣми его замѣчаніями, которыя онъ дѣлалъ по поводу разныхъ «иллюзій» и «недобросовѣстныхъ» и даже «наглыхъ выходокъ» (последнія онъ усмотрѣлъ въ статьѣ Самарина: «Какъ относится къ намъ Римская церковь», № 19 «Дня») въ газетахъ «Голосъ» и «День», а остановимся на его, такъ сказать, «отчетахъ» о содержаніи обновленнаго послѣ 8-мѣсячнаго «поста» «Современника». Его сужденія, въ особенности о статьяхъ М. Е. Салтыкова и о романѣ Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать»¹⁾, довольно характерны для выясненія взглядовъ всей полицейской цензуры даже съ самимъ министромъ во главѣ.

¹⁾ Кое-что изъ отзыва Пржецлавскаго объ этомъ романѣ приводитъ г. Мих. Лемке въ своей книгѣ «Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ», пользуясь его «Воспоминаніями», но все остальное, сообщаемое нами, до сего времени было неизвѣстно

Приступая къ «оцѣнкѣ» первыхъ двухъ книжекъ «Современника», г. Пржецлавскій пишетъ: «Наблюдателю за этимъ журналомъ предстояло бы изслѣдовать, насколько принятая относительно его исправительная мѣра послужила къ улучшенію направленія, которое вызвало ее. Но какъ соображенія, по которымъ состоялось приостановленіе изданія, мнѣ неизвѣстны, и въ дѣлахъ совѣта по книгопечатанію нѣтъ объ этомъ никакихъ данныхъ, то при оцѣнкѣ вышедшихъ донинѣ книжекъ «Современника» я долженъ былъ руководствоваться лишь уваженіями, основанными на существующихъ правилахъ цензуры и на общихъ требованіяхъ, вытекающихъ изъ самаго смысла цензурнаго учрежденія».

А каковы были эти «общія требованія» г. Пржецлавскаго и какъ вообще понималъ онъ сущность цензурнаго установленія или «поліціи слова», по его же терминологіи, мы сейчасъ увидимъ.

«Въ разсказахъ г. Щедрина—«Деревенская тишь» и «Миша и Ваня»,—пишетъ онъ,—описываются возмутительныя черты жестокости и разврата, допущенныхъ въ ихъ отношеніяхъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ. Хотя подобныя картины, съ одной стороны, могутъ показаться сегодня анахронизмами, но, съ другой, ненадобно забывать, что новыя отношенія между помѣщиками и крестьянами не вполне еще установились и окрѣпли». Въ виду чего «очень неумѣстно и даже вредно разжигать страсти и въ освобожденномъ отъ гнета населеніи возбуждать чувства ненависти и мщенія за невозвратное прошедшее»...

Далѣе читаемъ: «Статья «Литературный кризисъ» главнѣйше имѣетъ цѣлью представить въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ дѣятельность тѣхъ писателей, которые приняли направленіе, согласное съ видами правительства, и защищаютъ здравыя начала порядка и рациональнаго прогресса. Писатели эти, названные по именамъ, подвергаются со стороны автора ожесточеннымъ нападкамъ и даже самымъ обиднымъ намекамъ»... «Такими же мыслями и духомъ проникнута и другая статья «Краткій обзоръ журналовъ».—«Не менѣ замѣчательною по тону и содержанію статьею толстаго двухмѣсячнаго тома должно считать очеркъ: «Наша общественная жизнь».

Послѣдній, какъ извѣстно, принадлежалъ перу М. Е. Салтыкова, который рѣшился «взять за жабры и выволочить на свѣтъ Божій» постоянно проповѣдуюмую П. А. Валувевымъ «здоровую благонамѣренность».

Прочитавъ лишь двѣ первыя страницы «Нашей общественной жизни», вѣрный клеветъ своего министра, насадителя и хранителя «благонамѣренности», восклицаетъ: «Съ этого какъ бы вступленія вся статья принимаетъ уже насмѣшливый тонъ и предметомъ насмѣшки и всякаго рода остротъ избирается, —кто бы могъ подумать, (курсивъ нашъ),—*благонамѣренность и хорошій образъ мыслей*. Люди, руководствующіея этими правилами или, по край-

ней мѣрѣ, стремящіяся къ нимъ, представлены тутъ въ самомъ пошломъ и презрительномъ видѣ». Выписавъ далѣе изъ статьи на стр. 361 и 362 слѣдующія слова и фразы: «Отличительный признакъ хорошаго образа мыслей есть невинность. Невинность же... есть отчасти отсутствіе всякаго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различать добро отъ зла. Любите отечество (?) и читайте Поль-де-Кока—вотъ краткій и незамысловатый кодексъ житейской мудрости, которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ», — г. Пржецлавскій умозаключаетъ: «Такая дефиниція благонамѣренности и высказываемыя насчетъ ея колкости, повидимому, направлены на упомянутыхъ выше писателей, принявшихъ такъ называемое реакціонное направленіе и заявившихъ себя противниками дурной литературы». («Крайне рѣзкія и неприличныя нападки» на этого рода писателей онъ находитъ и въ мартовской книжкѣ «Современника», въ статьѣ «Современное обозрѣніе»). Въ концѣ онъ пишетъ, что «Современникъ» и въ настоящей статьѣ отстаиваетъ нигилизмъ и апологируетъ «мальчишество».

Подобную же иронію надъ понятіями благонамѣренности и общественнаго порядка онъ усматривалъ и въ статьѣ «Петербургскіе театры». Но, какъ ни былъ возмущенъ полицейскій цензоръ этими нападками на благонамѣренность и хорошій образъ мыслей, все же онъ старался видѣть въ нихъ «иносказательность», т.-е. порицаніе «тартюфизма благонамѣренности», которую въ то же время не допускалъ и главнымъ образомъ по тому «уваженію», что понятія, выражаемыя установившимися словами, требуютъ, чтобы съ ними обращались съ великою осторожностью»... «Постоянная иронія» и «отрицаніе», — продолжаетъ онъ, — сдѣлали то, что, по милости «Современника», не одинъ изъ пишущихъ воздержится отъ употребленія осмѣянныхъ словъ... и что «Современникъ» самъ подтвердилъ дѣлаемый ему упрекъ въ нигилизмъ»...

Сильно вооружился г. Пржецлавскій и противъ мартовской статьи М. Е. Салтыкова «Наша общественная жизнь». — «Кромѣ небольшой выходки, — писалъ онъ, — противъ «Времени», вся статья есть одна язвительная нападка—на что именно?—на благородство чувствъ. Это pendant къ филиппикѣ 1-го тома на благонамѣренность. Все, что уже сказано объ этой послѣдней, относится, и въ высшей степени, къ этой статьѣ».

Въ той же мартовской книжкѣ онъ нашель мѣста, противныя духовной и общей цензурѣ, и именно во «Внутреннемъ обозрѣніи», гдѣ авторъ, говоря о введеніи св. Владимиромъ христіанства въ Россію, «разсуждаетъ», что Владимиръ только способствовалъ тогдашнему обществу, «оказывающему наклонность къ переходу отъ грубаго идолопоклонства къ антропоморфизму, совершить этотъ переходъ и замѣнить отжившую форму религіи другою—совершеннѣй-

шей». — «Эти слова, — писалъ онъ, ведутъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что христіанство есть только форма религіи, болѣе совершенная, чѣмъ язычество, и 2) что христіанство есть чистый антропоморфизмъ».

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній, тайный совѣтникъ О. Пржецлавскій пришелъ къ такимъ выводамъ: 1) «Современникъ», при неоспоримомъ талантѣ дѣятелей и вѣроятной благонамѣренности его, не удовлетворяетъ тому, чего власть и общество имѣли бы право отъ него ожидать, и даже производить дѣйствіе противоположное, «затрудняющее естественный ходъ дѣла»; 2) въ немъ «тотъ же духъ отрицанія, то же презрѣніе къ необходимымъ условіямъ и уваженіямъ, ниспроверженіе установленныхъ формъ, взглядовъ и даже убѣжденій, та же аффектація грубости тона, рѣзкости приговоровъ и дикой оригинальности»... и 3) трудно было бы признать журналъ полезнымъ или даже одобрительнымъ».

Разбору романа Н. Г. Чернышевскаго «Что дѣлать» г. Пржецлавскій посвятилъ цѣлыхъ двѣ статьи, представленныхъ председателю цензурнаго комитета при особомъ письмѣ. Разсмотрѣвъ первую часть романа, онъ находилъ, что «содержаніе его вообще не предосудительно», напротивъ, одно уже то, что нигилизмъ сознаетъ потребность очиститься отъ взводимой на него характеристики чистаго цинизма, можно признать симптомомъ утѣшительнымъ». Нѣсколько же далѣе, установивъ въ массѣ читателей «отсутствіе способности соображать частности», онъ признавалъ, что романъ, при своихъ рѣзкихъ манерѣхъ и тонѣ изложенія, «можетъ имѣть небезвредное вліяніе на молодое поколѣніе».

Вторую же статью свою о второй и третьей части романа «наблюдательный» цензоръ прямо начинаетъ словами: «это произведеніе дѣйствительно оказалось апологіей образа мыслей и дѣйствій той категоріи современнаго молодого поколѣнія, которую разумѣютъ подъ названіемъ «нигилистовъ и матеріалистовъ», и которые сами себя называютъ новыми людьми». Сообщивъ далѣе, что этотъ романъ имѣлъ «большое значеніе» и «съ нетерпѣніемъ ожидался русской публикой», и что нетерпѣніе это было раздѣляемо даже иностранной журналистикою», авторъ рѣшается представить подробный разборъ романа въ опѣнку его доктрины. Заключительный выводъ этого разбора и опѣнки таковы:

«Вообще я долженъ сказать, что въ новѣйшихъ литературахъ, даже французской, мнѣ не случалось читать ничего такъ наивно-имморальнаго, какъ разбираемый романъ. На другихъ языкахъ встрѣчаются развратныя картины нравовъ, но всегда только какъ частности, а не какъ выводы логической необходимости, а тѣмъ менѣе въ видѣ и значенія цѣлостной доктрины, исповѣданія вѣры честныхъ, пламенныхъ филантроповъ. По всему слѣдуетъ заключить, что романъ «Что дѣлать» есть пробный шаръ цѣлой серіи подобныхъ

произведеній, гдѣ въ легкой, популярной формѣ романическихъ разсказовъ будутъ развиваемы далѣе догматы ученія новыхъ людей. На первый случай, къ примѣненію ученія, взять брачный союзъ, и мы видимъ, какъ онъ по немъ принимается и трактуется. На него смотреть не иначе, какъ на простой временный договоръ, который по произволу договаривающихся можетъ быть уничтоженъ, расширенъ и всячески измѣненъ. На мѣсто христіанской идеи брака проповѣдуется чистый развратъ, коммунизмъ женщинъ и мужчинъ»... Едва ли послѣ этого нужно прибавлять, что такое извращеніе идеи супружества разрушаетъ и идею семьи, основы государственности, что то и другое прямо противно кореннымъ началамъ религіи, нравственности и порядка, и что сочиненіе, проповѣдующее такіе принципы и воззрѣнія, въ высшей степени вредно и опасно».

Нѣсколько лѣтъ спустя, тайный совѣтникъ О. А. Пржецлавскій такъ разсказывалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» «Русская Старина», 1875 г., т. IX, стр. 154) объ этомъ романѣ: «Онъ (романъ) былъ напечатанъ по странному недоразумѣнію. Первая часть, появившаяся въ одномъ изъ номеровъ «Современника», не заключала ничего предосудительнаго. Между тѣмъ сочинитель по какому-то политическому дѣлу былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ князь Голицынъ. Авторъ обратился къ нему съ просьбой дозволить ему докончить романъ, за который онъ получилъ отъ редакціи деньги впередъ. Князь согласился, и рукописи двухъ послѣднихъ частей поступили къ нему на разсмотрѣніе. Такъ какъ онъ, вѣроятно, цензурованы были только въ политическомъ отношеніи, то князь Голицынъ, не найдя въ нихъ ничего политическаго, пропустилъ ихъ. Цензоръ же, разсматривавшій «Современникъ» послѣ пропуска рукописи княземъ, не смѣлъ уже останавливать печатанія ея. Такимъ образомъ проскользнуло въ русскую литературу это произведеніе».

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ дальнѣйшія поучительныя измышленія просвѣщенныхъ дѣятелей «полиціи слова» и обратимся къ тому «роковому» обстоятельству, которое положило конецъ всѣмъ «тяжкимъ обязанностямъ» и душевнымъ терзаніямъ безъ вины пострадавшаго председателя цензурнаго комитета В. А. Цеэ¹⁾.

1) Останавливаясь подробнѣе на этомъ странномъ въ нашей журналистикѣ и цензурѣ эпизодѣ, заключающемся въ закрытіи журнала «Время» и связанной съ нимъ отставкѣ В. А. Цеэ потому, что о немъ въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; по крайней мѣрѣ о связи закрытія журнала съ отставкой председателя комитета было только одно «увѣреніе Мейера» (см. «О русской эпохѣ великихъ реформъ. Изъ воспоминаній нѣмца», напечат. въ «Вѣстникѣ Иностранной Литературы». 1895 г., февраль, стр. 115). Среди бумагъ В. А. Цеэ нашлась вся переписка по этому поводу и даже корректурные листы ненапечатаннаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отвѣта редактора «Времени» «Московскимъ Вѣдомостямъ». Этими-то матеріалами исключительно я и пользуюсь при настоящемъ изложеніи.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Время», издаваемого братьями О. М. и М. М. Достоевскими, была напечатана небольшая статья, подъ заглавіемъ «Роковой вопросъ», подписанная «Русскій» (авторомъ ея былъ Н. Н. Страховъ). Сущность этой статьи выяснена была впоследствии для цензурнаго комитета редакторомъ журнала (М. Достоевскимъ) въ такихъ словахъ: «Статья эта имѣеть цѣлью показать, что въ польскій вопросъ входитъ также вопросъ о нашей цивилизаціи. Въ первой половинѣ статьи говорится о томъ, какъ смотрять на насъ въ этомъ отношеніи поляки и вообще европейцы. Они считаютъ насъ болѣе или менѣе варварами. Вторая половина статьи должна привести читателя къ мысли, что «русскіе представляютъ «народъ полный силъ цивилизаціи», хотя еще не развитый, но здоровый и крѣпкій въ своихъ началахъ, и что «цивилизация поляковъ (какъ внѣшняя, заемная и не принесшая крѣпости и силы польскому народу) есть цивилизация, носящая смерть въ самомъ своемъ корнѣ» (стр. 158). «Мы не можемъ отказаться отъ вѣры въ свое будущее... Въ цивилизаціи заемной и внѣшней мы уступаемъ полякамъ, но мы желали бы вѣрить, что въ цивилизаціи народной, коренной, здоровой мы превосходимъ ихъ» (стр. 161). Но эти мысли высказаны не въ смыслѣ утѣшенія, а въ видѣ требованія ко всѣмъ русскимъ людямъ, чтобы они постарались оправдать ихъ и словомъ, и дѣломъ, чтобы не успокаивались на вѣрѣ и надеждѣ, а старались понять и осуществить то, во что они вѣрують и на что надѣются».

Казалось бы, что въ проводимыхъ «Русскимъ» идеяхъ нѣтъ ничего не только страшнаго, но даже запретнаго. Такъ на статью «Роковой вопросъ» взглянулъ и цензоръ В. В. Игнатовичъ (умершій въ 1869 г., членомъ ученаго комитета), который писалъ слѣдующее: «Статья эта не занимается рѣшеніемъ польскаго вопроса; она только разсматриваетъ, на чемъ основаны притязанія Польши, и признаетъ притязанія ея небездоказательными; они основываются на томъ, что Польша издавна превосходила и теперь еще превосходитъ Россію своею европейскою цивилизаціею, которую она старалась распространить на русскія земли, какъ бы считая себя назначенною свыше исполнительницею этого высокаго посланничества. Но, изъявляя сожалѣніе, что насажденная въ Россіи цивилизація указываетъ свою силу и цвѣтущее развитіе еще только въ надеждѣ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, авторъ съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ предѣлы высокоумію и гордымъ притязаніямъ Польши: она не должна простирать свои притязанія на тѣ русскія области, гдѣ ея цивилизація отвергнута или не пустила корней въ массѣ народа.

«Я полагаю, что статья «Роковой вопросъ» можетъ быть допущена къ напечатанію, какъ по своей неприкосновенности къ политикѣ, такъ и потому, чтобы показать полякамъ, что русскіе не

отказываютъ ихъ націи въ справедливости тамъ и въ такой степени, гдѣ и въ какой она того дѣйствительно заслуживаетъ».

За четыре дня передъ этимъ былъ представленъ въ комитетъ отзывъ о той же статьѣ извѣстнаго намъ своею строгостью генерала-майора Штюрмера, который упрекалъ ея автора лишь за то, что онъ, «нѣсколько ослабляя преимущество польской цивилизаціи въ пользу Россіи, говоритъ нерѣшительно и только о надеждахъ на будущее развитіе русскаго народа»,—и съ своей стороны полагалъ дозволить ее къ печати съ «особаго разрѣшенія г. министра». Въ виду такихъ отзывовъ двухъ цензоровъ, статья была пропущена комитетомъ и напечатана.

Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ выпуска въ свѣтъ четвертой книжки журнала «Время», со статьей «Роковой вопросъ», какъ по поводу послѣдней появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 109) небольшая замѣтка, за подписью Петерсонъ. Сей послѣдній незнакомецъ началъ такъ: «Такая статья, какъ «Роковой вопросъ», не должна была явиться безъ подписи автора. Только бандиты наносятъ удары съ маской на лицѣ. Вся статья основана на ложныхъ показаніяхъ, а слѣдовательно и выводы должны быть ложны».

Затѣмъ, послѣ ряда громкихъ, но бездоказательныхъ фразъ, г. Петерсонъ, усмотрѣвшій даже въ подписи «Русскій»—коварный умыселъ, такъ заключаетъ: «Редакція журнала «Время» имѣла полное право напечатать статью «Роковой вопросъ», но, печатая статью безыменнаго автора, она сдѣлала бы очень хорошо, если бы оговорила: согласна ли она, или нѣтъ съ мнѣніемъ автора, имя котораго, если бы оно было извѣстно, произносилось бы съ прерѣніемъ каждымъ истинно-русскимъ».

Несмотря на всю бездоказательность и даже нелѣпость, выходка московскаго публициста, которую самъ Катковъ недѣли три спустя печатно называлъ «недоразумѣніемъ», возымѣла, однако, въ Петербургѣ свое дѣйствіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ съ жалобами на В. А. Цезъ обратился къ А. В. Головнину; послѣдній просилъ предсѣдателя комитета сообщить его «мнѣніе о журналѣ Достоевскаго», чтобы копію послѣдняго послать «официально Валуеву».

В. А. Цезъ не замедлил своимъ отвѣтомъ и писалъ слѣдующее: «О направленіи журнала «Время», издаемаго г. Достоевскимъ, имѣю честь отвѣтствовать, что оно по преимуществу ученое, въ сравненіи съ нѣкоторыми другими журналами весьма умѣренное, и, сколько я могъ замѣтить, цѣль его статей—разработка серьезныхъ и полезныхъ предметовъ. Обращаясь засимъ къ поводу, возбужденному вопросу вашего превосходительства, я не могу не выразить глубокаго моего сожалѣнія, если бы статья, представленная въ цензуру и ею же одобренная, могла послужить предлогомъ къ какому-либо строгимъ мѣрамъ противъ сего журнала, ибо подобное распоряженіе, не вызванное какими-либо особыми обстоятельствами, можетъ подать поводъ къ неудовольствію въ лучшей и самой благо-

намѣренной части нашей публики, мнѣніемъ которой нельзя не дорожить».

Но этотъ откровенный и правдивый отвѣтъ далеко не понравился министру полиціи; онъ, очевидно, въ особой ультра-петерсоновской окраскѣ доложилъ все дѣло государю, и послѣдній 24-го мая высочайше повелѣлъ прекратить изданіе журнала «Время» и того же 24-го мая подписалъ указъ объ отставкѣ предсѣдателя цензурнаго комитета В. А. Цез, который не пожелалъ выдать «виновнаго» въ пропускѣ цензора, престарѣлаго и заслуженнаго чиновника В. В. Игнатовича, и принялъ всю вину на себя.

Поводомъ къ прекращенію журнала была выставлена въ официальномъ объявленіи 1-го іюня статья подъ заглавіемъ «Роковой вопросъ», направленная прямо наперекоръ всѣмъ патріотическимъ чувствамъ и заявленіямъ, вызваннымъ нынѣшними обстоятельствами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ дѣйствіямъ правительства, до нихъ относящимся («Сѣверная Почта»).

Страшная серьезность обвиненій валуевской редакціи, конечно, поразила все общество и особенно издателей и ихъ сторонниковъ. Главный дѣятель журнала, О. М. Достоевскій, тогда еще не былъ окончательно освобожденъ отъ полицейскаго присмотра, а авторъ статьи Н. Н. Страховъ подпалъ на долгіе годы самому строгому цензурно-полицейскому надзору.

Но какъ бы то ни было, нѣсколько недѣль спустя, и самъ Валуевъ долженъ былъ сознаться въ излишней своей строгости, несомнѣнно, подъ вліяніемъ болѣе или менѣе общаго негодованія, и даже разрѣшилъ М. Н. Каткову напечатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью, которую послѣдній, оправдывая совершенно и «Время» и Н. Н. Страхова, такъ начиналъ: «Сколько несчастныхъ случаевъ бываетъ вслѣдствіе недоразумѣній!»

Доказанная этой статьею безвредность журнала «Время» побудила Валуева чрезъ полгода разрѣшить Достоевскимъ изданіе съ тѣмъ же направленіемъ, но съ переименованіемъ въ «Эпоху».

Извѣстно, что Достоевскіе, вскорѣ послѣ появленія статьи Петерсона, обращались съ своими оправдательными отвѣтами и къ В. О. Коршу, М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился напечатать послѣднихъ. Въ нашихъ бумагахъ имѣется лишь корректурный листъ, въ три большихъ гранки, «Отвѣта редакціи «Времени» на нападеніе «Московскихъ Вѣдомостей», присланный въ комитетъ изъ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (В. О. Корша). Редакторъ «Времени» въ началѣ выписалъ «отъ слова до слова» замѣтку Петерсона, затѣмъ въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ доказалъ непониманіе послѣднимъ не только прямого смысла разбираемой статьи, но и затронутыхъ имъ же историческихъ фактовъ, а въ заключеніе писалъ: «Г. Петерсонъ говоритъ: имя автора, если бы оно было извѣстно, произносилось бы съ презрѣніемъ каждымъ истинно-русскимъ».

«Отвѣчаемъ:

«Вашему имени, г. Петерсонъ, мы не придаемъ никакого значенія, да и статья ваша, собственно въ литературномъ смыслѣ, чрезвычайно пустая статья. Мы бы на нее ни за что не стали вамъ отвѣчать. Въ томъ-то и дѣло, что въ другомъ, т. е. не въ литературномъ смыслѣ, ваша статья—нехорошая статья именно тѣмъ, что поневолѣ требуетъ отвѣта. Она даже и не статья. Она просто дурное дѣло, г. Петерсонъ. Очень дурное дѣло. Вотъ почему мы и посовѣтуемъ вамъ обратить вниманіе скорѣе на свое имя, г. Петерсонъ, и поберечь его. Право, не худо будетъ, г. Петерсонъ».

Заключеніе.

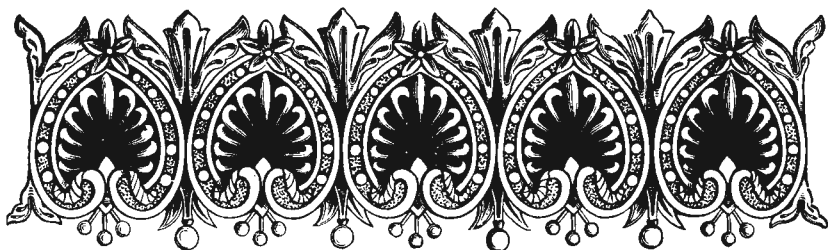
Вотъ и все, что я хотѣлъ сообщить о послѣднихъ дняхъ цензуры въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и о предсѣдательствованіи въ с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ В. А. Цеэ, основываясь, главнымъ образомъ, на перепискѣ и документахъ, сохранившихся въ архивѣ послѣдняго. Въ видѣ заключенія я скажу лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей послѣ 1863 г. служебной дѣятельности В. А. Цеэ.

Послѣ 14-мѣсячной непрерывной и тяжелой борьбы съ полицейско-жапдармскими цензорами и комиссарами «полиціи слова», борьбы, не уступающей, пожалуй, и пресловутой севастопольской кампаніи, но лишь по однимъ тяжкимъ трудамъ и нравственнымъ страданіямъ, В. А. Цеэ, почти одновременно съ отставкой получившій и высочайшее разрѣшеніе на заграничный отпускъ, немедленно покинулъ Россію и пробылъ въ разныхъ городахъ Западной Европы, подвергая себя леченію у европейскихъ медиковъ, около четырехъ мѣсяцевъ. По возвращеніи изъ отпуска онъ былъ назначенъ къ присутствованію во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента правительствующаго сената, откуда 1 января 1866 г. былъ переведенъ въ 1-е отдѣленіе того же департамента. Здѣсь В. А. Цеэ состоялъ и первоприсутствующимъ сенаторомъ въ теченіе почти десяти лѣтъ до января 1886 года, когда министру юстиціи, Манассеину не влюбившемуся прямодушнаго и честнаго сенатора, захотѣлось лишить его активной дѣятельности, и онъ сплавилъ его какъ бы на отдыхъ въ общее собраніе департаментовъ: 1-го, 2-го и герольдіи.

Самою высшею и послѣднею высочайшею наградою В. А. Цеэ было пожалованіе въ 1903 г., января 26-го ордена св. Андрея Первозваннаго.

Черезъ три года послѣ этого, а именно 24 февраля 1906 г., сошелъ съ земной сцены рано «прикопченный» даровитый и полезный дѣятель, до конца дней своихъ сохранившій энергію и трудоспособность.

В. Рудаковъ.

ОРШАНСКІЙ ПОГРОМЪ.

ВЕШТЫРНАДЦАТАГО октября 1905 года я спѣшилъ на почтовыхъ изъ города Сѣнно, Могилевской губ. въ Оршу, гдѣ жилъ въ то время. Ненастный октябрьскій день отвратительная балагула, влекомая парой клячь съ жидкомъ на козлахъ, мало способствовали жизнерадостности настроенія, помимо того, что на душѣ и безъ того было смутно и безпокойно изъ-за событій освободительнаго движенія. Я успѣлъ уже вкусить результаты работы борцовъ за свободу: пришлось вылѣзть изъ поѣзда въ Витебскѣ, оставивъ полученныя обратно изъ кассы деньги какому-то «типу», категорически заявившему, что онъ сборщикъ лепты на заключенныхъ; уплатить почтосодержателю ст. Коханово за перегонъ въ 20 версть 10 рублей, несмотря на наличность губернаторскаго открытаго листа. Впрочемъ, что значили тогда какіе бы то ни было листы, кромѣ таковыхъ отъ мѣстныхъ организацій.

Страшно хотѣлось скорѣе добраться домой тѣмъ болѣе, что по слухамъ, доставленнымъ изъ Орши пантофельной почтой, тамъ уже были безпорядки, и я сильно безпокоился за семью.

Накопецъ замелькали фонари и загрохотала душу выбивающая мостовая Орши, и ровно въ 7 часовъ вечера я добрался до родныхъ пенатовъ.

Дома, гдѣ встрѣтили меня, видимо, съ огромнымъ облегченіемъ, я засталъ не совсѣмъ обычную обстановку: окна были закрыты ставнями, тяжелыя вещи стояли у входныхъ дверей; мало-мальски порядочное имущество лихорадочно укладывалось въ дорожные

сундуки, а въ кухнѣ сидѣли два шоссеинныхъ сторожа съ огромными дубинами. На вопросъ, что сіе обозначаетъ, — мать и жена, перебывая другъ друга, лихорадочно торопясь, рассказали, что были уже попытки нападеній на почту, правда, отбитыя чиповниками нѣсколькими выстрѣлами, въ казначействѣ и сѣздѣ земскихъ начальниковъ побили стекла, и что «демократы» категорически заявили, что все царскія собаки и ихъ семьи будутъ безжалостно уничтожены, и что поэтому ждали только меня, чтобы куда-нибудь скрыться отъ опасности.

Съ трудомъ объяснивъ напуганнымъ, почти до потери сознанія женщинамъ, что ѣхать некуда, ибо вездѣ и повсюду есть свои «демократы», и что они вовсе не такъ страшны я остановилъ безпорядочные сборы.

Грозныя событія, развернувшіяся въ то время надъ Россіей, захватили своимъ краемъ и наше захоlustье; первые отголоски ихъ отдались у насъ трескомъ казначейскихъ оконъ, вставляя которыя, кажется, за свой счетъ пришлось симпатичнѣйшему изъ казначевъ и милѣйшему изъ людей Д. А. Шавранскому.

Утромъ я направился въ клубъ и присутственныя мѣста узнать новости—вездѣ встрѣтилъ полную растерянность и испугъ.

Въ клубѣ ни души, по заявленію буфетчицы, наканунѣ не состоялось даже «желѣзки» за отсутствіемъ партнеровъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ все было, повидимому, въ порядкѣ:—писцы сидѣли и скрипѣли перьями, начальство накладывало резолюціи, но все это дѣлалось безъ обычной торжественности, разносовъ, какъ-то на спѣхъ, словно люди готовились съѣхать на другую квартиру.

Городъ какъ бы замеръ, даже извозчиковъ-евреевъ не было видно—примкнули къ забастовкѣ; въ воздухѣ висѣло что-то тяжелое, страшное, чувствовался какой-то переломъ.

Все разговоры вертѣлись на забастовкахъ, ожидаемыхъ уступкахъ правительства—и явной побѣды крайнихъ лѣвыхъ.

Настроеніе города тѣмъ болѣе было тягостно, что предводителя дворянства и начальника полиціи не было: они выѣхали для набора новобранцевъ за 40—50 верстъ въ мѣстечко Любовичи, а безъ нихъ оставшіяся «предержанія власти» не знали, что начать и чѣмъ кончить. Даже на лицахъ офицеровъ единственной въ городѣ охранной роты, всегда веселыхъ и беззаботныхъ, было написано что-то такое, еще болѣе смущавшее духъ и наводившее на мысли о серьезности положенія. Такое состояніе продолжалось вплоть до 18-го октября, когда прибѣжавшій ко мнѣ вечеромъ писецъ изъ захудалыхъ польскихъ шляхтичей, злорадно улыбаясь, сообщилъ, что объявлена конституція, и что онъ, наконецъ, чувствуетъ себя «человѣкомъ».

Сказать, по правдѣ, я не повѣрилъ болтовнѣ глупаго малаго, тѣмъ болѣе, что зашедшій ко мнѣ пріятель, серьезный и обстоя-

тельный человекъ, категорически заявилъ мнѣ, что всѣ разговоры о какихъ-то свободахъ пустяки, ибо «какая же еще свобода, когда и безъ того всѣ распустились донельзя».

— Пойдемъ-ка лучше въ «бедламъ»,—такъ назывался у насъ въ просторѣчи клубъ,—да изобразимъ по маленькой въ винтикъ,—говорилъ Федоръ Ивановичъ.

Сказано—сдѣлано, и черезъ четверть часа мы были уже на мѣстѣ, причемъ дорогой я выражалъ сомнѣнія, чтобы мы кого-нибудь застали. Къ удивленію моему, въ клубѣ застали многихъ сочленовъ, которые, разбившись на кучки, оживленно бесѣдовали. Здѣсь-то, къ великому изумленію, мы узнали, что дѣйствительно конституція объявлена и что за манифестомъ о ней на станцію поѣхали судья В. и желѣзнодорожный инженеръ.

Публика между тѣмъ времени даромъ не теряла и занялась дѣломъ,—кто поѣхалъ по «желѣзной», а кто завинтилъ, какъ и въ доконституціонное время. Казначей, членъ суда и двое насъ тоже не дремали, и роверъ чередовался роверомъ.

Въ самый разгаръ винта когда дѣло дошло у меня до большого шлема, на улицѣ вдругъ послышался страшный шумъ, прерываемый отдѣльными пронзительными воплями. Всѣ бросились къ окнамъ: оказалось, что В. и Г. ѣдутъ шагомъ, какъ триумфаторы, съ отискомъ манифеста, сопровождаемые толпой молодыхъ евреевъ и евреекъ, вопившихъ что-то непонятное.

Толпа остановилась передъ клубомъ,—ораторы говорили рѣчи, разслышать и понять которыя было невозможно изъ-за вѣтра и жаргона. Клубная публика ринулась, лишь только посланники явились въ помѣщеніе, читать великія слова манифеста 17-го октября.

Манифестъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе на присутствовавшихъ, всѣ чувствовали, что наступаетъ заря новой жизни, всѣ привѣтствовали наступленіе ея, повидимому, съ энтузіазмомъ, хотя можно утверждать, что на душѣ скребло у многихъ. Прослушать манифестъ до конца не удалось, этому помѣшали усилившіяся гвалтъ и вопли на улицѣ и прибѣжавшій до смерти перепуганный клубный лакей, кричавшій, что жида ломаются въ собраніе. Тотчасъ же для переговоровъ съ толпой были командированы уже разъ съ успѣхомъ выполнившіе миссію пословъ В. и Г., а остальные, открывъ окна, смотрѣли, что дѣлалось на улицѣ. Услышать переговоры нашихъ уполномоченныхъ съ осаждающими не удалось, но зато на этотъ разъ уличныхъ ораторовъ изъ евреевъ довелось вдоволь послушать.

Боже, чего здѣсь не говорилось! Все помнитъ это по истинѣ противно, ибо раздѣлывали, что называется, все и вся на всѣ боки.

Въ концѣ концовъ толпа, вожаки которой не стоворились съ нашими послами, заорала: «Долой клубъ!.. Долой пьянство!.. Долой царскихъ собакъ!»

Въ окна полетѣли камни, и всѣ клубмены поспѣшили черезъ заднія двери покінуть гостепріимный кровъ собранія, чтобы подъ большимъ страхомъ добраться до домовъ. Освободительная вакханалія продолжалась до утра.

Утромъ 19-го принесли повѣстку отъ городского головы, приглашавшаго на всенародный молебенъ по случаю дарованія манифеста о свободахъ..

Посовѣтовавшися съ домашними, я рѣшилъ ѣхать съ женой на церемонію. Когда въ назначенный часъ мы подъѣхали къ собору, то, кромѣ груды досокъ, ничего иного не увидѣли. Завернули въ управу и увидѣли, что голова по телеграфу хлопочетъ у преосвященнаго о разрѣшеніи молебна, ибо городское духовенство безъ этого служить его не соглашалось. Тѣмъ временемъ подошли къ собору нѣсколько плотниковъ и спѣшно принялись за сооруженіе помоста, а мы поѣхали немного прокататься.

По улицамъ замѣчалось праздничное оживленіе, въ которомъ, однако, приняло участіе исключительно еврейское населеніе. Всѣ дома евреевъ были украшены флагами, по первому взгляду—національныхъ цвѣтовъ, но на которыхъ синій цвѣтъ былъ затѣненъ зеленымъ. Ученики-еврейчики, отпущенные праздновать свободу изъ хедеровъ, распѣвали пѣсни «гражданской радости» и привѣтствовали вовсе непривѣтственными кликами представителей администрацій да и вообще всѣ форменныя фуражки безъ исключенія.

Около 11 часовъ утра съ колокольни собора раздался наконецъ звонъ къ «всенародному молебну».

Грустное зрѣлище являлъ собою этотъ молебенъ: смущенное духовенство, 3—4 представителя власти, кромѣ самого головы, и не болѣе 10 молящихся изъ публики, оркестръ пожарнаго общества, состоящій исключительно изъ представителей колѣна Іудина, съ городскимъ судьей во главѣ.

Музыканты стояли въ шапкахъ—прохожіе и проѣзжіе евреи тоже ихъ не снимали.

Послѣ многолѣтія въ честь Государя Императора и царствующаго дома еврейскій оркестръ, къ изумленію и негодованію молящихся, грянулъ вмѣсто гимна марсельезу и въ предшествіи головы и судьи направился къ зданію городской управы, гдѣ былъ назначенъ митингъ. Возлѣ управы уже съ утра творилось что-то невообразимое. Пространство передъ управою, ограниченное оградой сквера и линіей домовъ, представляетъ довольно обширную площадь, которая въ описываемый моментъ была заполнена буквально до того предѣла, когда, какъ говорится, «яблоку упасть негдѣ», еврейской молодежью. Надъ головами этой толпы, главнымъ образомъ передъ параднымъ входомъ управы, рѣяло до сотни красныхъ и черныхъ знаменъ съ обычными въ такихъ случаяхъ над-

писями, повторять которыя не стоитъ: онѣ и возмутительны, и общезвѣстны.

Ораторы съ насоро устроенныхъ трибунъ объясняли толпѣ, что пролетаріатъ и, главнымъ образомъ, представители бунда вырвали у жестокихъ владыкъ свободу народа и что диктатура пролетаріата уже наступила.

Всѣ рѣчи безъ исключенія заканчивались требованіями освобожденія «борцовъ за свободу», содержимыхъ въ городской тюрьмѣ. Въ управѣ митингъ состоялся послѣ насоро учиненныхъ выпивки и закуски, сопровождаемыхъ тостами съ жупельными словами по адресу правительства и съ оміамомъ свободному народу. Изъ управы любители сильныхъ ощущеній двинулись въ общественное собраніе продолжать разговоры. Толпа же, руководимая агитаторами, въ то же время сдѣлала рѣшительную попытку добиться освобожденія политическихъ. Съ этой цѣлью вожаки двинули всю наэлектризованную массу людей къ помѣщенію уѣздной полиціи, гдѣ категорически потребовали отъ дежурныхъ чиновниковъ освобожденія «товарищей». Дежурный чинъ не замедлил въ угоду толпѣ освободить пять или шесть «борцовъ», захваченныхъ наканунѣ полиціей на улицѣ за буйство передъ клубомъ. Забывая, что въ заднихъ комнатахъ полицейскаго дома имѣется рота, правда, два дня не ѣвшихъ солдатъ, ослѣвленная своимъ успѣхомъ въ полиціи, толпа двинулась къ тюрьмѣ съ пѣніемъ революціонныхъ гимновъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ выпустить нѣсколькихъ «политиковъ», содержащихся тамъ, главнымъ образомъ, за пропаганду между стоявшими у насъ въ маѣ и іюнѣ артиллеристами.

Къ удивленію своему, толпа встрѣтила въ тюрьмѣ энергичный и мужественный отпоръ своимъ замысламъ со стороны вѣрнаго долгу смотрителя, сосредоточившаго, въ виду приступа, свои ничтожныя силы для надлежащей защиты. Конвой и надзиратели выстроились у воротъ острога и категорически заявили, что порогъ тюрьмы переступать только черезъ ихъ трупы. Видъ этого стойкаго десятка вѣрныхъ своему долгу людей поразилъ толпу, и она отступила.

Послышались угрозы и выстрѣлы изъ револьверовъ, но вѣрный служака оставался твердо на посту, и толпа, несолоно хлебавши, отхлынула отъ зданія тюрьмы. Вожаки ея были сконфужены; афронтъ, полученный у дверей тюрьмы, могъ подорвать ихъ авторитетъ и его необходимо было возстановить. Для этого тѣмъ или другимъ способомъ необходимо было освободить заключенныхъ.

Господа З., Г. и Ч. бросились къ товарищу прокурора Гусаревичу, котораго желѣзнодорожная забастовка заставила застопориться въ Оршѣ. Гусаревичъ, сидѣвшій въ это время съ компаніей въ клубъ, растерялся, но, не желая брать на себя ответственности въ

столь важномъ дѣлѣ, выразили согласіе освободить арестованныхъ лишь въ томъ случаѣ, если противъ этого ничего не будетъ имѣть жандармскій офицеръ. Послѣ такого заявленія Гусаревича вожаки движенія, къ которымъ присоединилась и приобретающая впослѣдствіи печальную извѣстность Татьяна Леонтьева и ея сожитель, направились къ квартирѣ штабъ ротмистра Б. гдѣ, заставъ его дома, предъявили ему требованіе выпустить острожныхъ узниковъ.

Штабъ-ротмистръ, захваченный врасплохъ, къ тому же лишенный надлежащихъ инструкцій, согласился присутствовать при выпускѣ арестованныхъ тѣмъ болѣе, что главная отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ падала на товарища прокурора. Надо было видѣть моментъ, когда потерявшая сознаніе, остервенѣлая толпа двинулась къ тюрьмѣ. Не было словъ, не было жестовъ, которыми бы разнузданная чернь не находила возможнымъ оскорблять честнаго русскаго офицера.

Въ то время, какъ на улицѣ разыгрывались описанныя событія, въ клубѣ митингъ, собранный исключительно изъ представителей интеллигенціи, т. е. чиновниковъ и богатыхъ евреевъ, принималъ резолюцію одну радикальнѣе другой.

На митингѣ этомъ тотчасъ же по освобожденіи изъ острога борцовъ за свободу явились, въ сопровожденіи ихъ, и вожаки оршанской революціи.

Освобожденныхъ мучениковъ главари съ торжествомъ повели въ клубъ, гдѣ состоялся въ честь ихъ банкетъ, закончившійся ужинкомъ.

Послѣ ужина съ весьма обильными возліянiями, въ честь Татьяны Леонтьевой, петинной выразительницы демократическаго направленія массъ, толпа устроила вечеромъ при участіи еврейской молодежи граціозный факелцугъ. Во главѣ процессіи, состоявшей, какъ выше уже было сказано, изъ сыновъ колѣна Іудина, къ стыду всего русскаго населенія Орши, важно шествовали съ факелами изъ пожарнаго депо, въ предверіи еврейскаго оркестра, все время исполнявшаго марсельезу, городскіе судьи, совокупно, съ городскимъ головой. Этой прогулкой закончился столь знаменательный въ лѣтописяхъ Орши день.

Свободные граждане потянулись къ пенатамъ, одни, какъ, на примѣръ, еврей, чтобы, закусивъ цимесомъ, предаться размышленіямъ о наступившей свободѣ и способахъ организаціи дальнѣйшихъ выступленій, другіе, русскіе шабасгои и ихъ присные, чтобы немедленно предаться отдохновенію, ибо огромное количество воспринятыхъ напитковъ и принятыхъ всякаго рода радикальныхъ резолюцій отягчало и головы и тѣлеса достойныхъ народниковъ.

Наступившее утро 20-го октября сразу показало, что твердая власть попрежнему отсутствовала въ городѣ и что товарищи еще

недостаточно проявили свою радость по поводу побѣды надъ ненавистнымъ режимомъ. Толпы евреевъ съ знаменами, рѣвлыми въ воздухѣ наканунѣ, опять метались по городу, произнося на каждомъ перекресткѣ, гдѣ съ деревьевъ, гдѣ съ крестьянскихъ воевъ и другихъ импровизированныхъ трибунъ, шаблонныя рѣчи о побѣдѣ пролетаріата и о прочемъ, что въ этихъ случаяхъ полагается.

Но товарищи евреи на этотъ разъ увлеклись. По своему обыкновенію, становясь часъ отъ часу наглѣе, они плохо учли настроеніе русскаго населенія, а учесть его была рѣшена: угроза уже чуялась въ воздухѣ, насыщенномъ политическими страстями.

Удивительнѣе всего было поведеніе уѣздной власти, представленной помощникомъ исправника. Будь онъ нѣсколько рѣшительнѣе, слушайся менѣе еврейскихъ глупыхъ розказней о какихъ-то боевыхъ дружинахъ, якобы снабженныхъ метательными снарядами, которыхъ, по слухамъ, были заготовлены полныя почевки¹⁾, онъ при помощи бывшей въ городѣ роты, настроеніе которой было прекрасное, далекое отъ какого-либо сочувствія сумасбродству революціонеровъ, въ полчаса возстановилъ бы повсюду полный порядокъ. Это имѣло бы громадное моральное значеніе и, безъ всякаго сомнѣнія, предупредило бы ту кровавую баню, которой суждено было разыгратъ въ ближайшемъ будущемъ.

Какъ уже было сказано, въ этотъ день, 20-го октября, банды «товарищей» бродили по городу, предаваясь словоизверженіямъ, въ которыхъ громилось въ самыхъ безпардонныхъ выраженіяхъ все, что дорого съ дѣтства каждому русскому, не утратившему еще чувства собственнаго достоинства: нашу вѣру, царя и національность.

Но этого мало; евреи учинили надъ отдѣльными личностями, понятно русскими, насилія, сбивая шапки у не желавшихъ снять ихъ передъ знаменами свободы, заставляя насильно спѣшившихъ по дѣламъ выслушивать цѣлыми часами болтовню ихъ малограмотныхъ ораторовъ.

Хуже всего, было то, что эти люди, такъ много говорившіе о наступившихъ якобы по ихъ настоянію, чудныхъ временахъ, свободѣ, братствѣ и равенствѣ, сразу показали, чего можно ждать отъ ихъ обѣщаній.

Надо сказать, что 20-го былъ день базарный, а въ эти дни, особенно осенью, когда полевая работа закончена, въ городѣ масса крестьянъ, изъ окрестныхъ деревень привозящихъ на продажу произведенія сельской культуры, какъ-то: овощи, яйца, масло и проч. Пользуясь случаемъ пропагандировать въ народѣ, собравшемся на базаръ, туда двинулись толпы ораторовъ въ надеждѣ организовать

---

¹⁾ Почевки—лотки, въ которыхъ продаютъ фрукты.

модный тогда крестьянскій союзъ, слѣдствіемъ чего явились бы, несомнѣнно, усиленныя иллюминаціи помѣщичьихъ экономій.

Ораторы эти, обращаясь къ сѣрому люду, за свободу и человѣческія права котораго они якобы готовы были положить свои головы, безцеремонно становились на крестьянскіе возы, причемъ топтали ногами содержимое ихъ, результатъ тяжелой работы нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Крестьяне, которымъ, прежде всего, очень не понравились въ рѣчахъ ораторовъ ругательства по адресу церкви, царя и священниковъ, совсѣмъ онѣмѣли, увидѣвъ, какъ ихъ радѣтели стали грязными сапогами топтать—яйца, овощи, а кое-гдѣ, прямо изъ озорства, выпускать изъ клѣтокъ куръ, утокъ и прочую живность, привезенную на продажу. Говорятъ, что русскаго человѣка трудно раскатать; это подтвердилось на базарномъ митингѣ буквально.

Несмотря на издѣвательство народолюбцевъ надъ крестьянами, тѣ ограничились лишь тѣмъ, что попросили «господъ жидовъ» вмѣстѣ съ главной руководительницей базарнаго митинга дѣвицей Чернякъ, убраться съ базара, съ чѣмъ тѣ, однако, не спѣшили, почему мужичкамъ пришлось попросить публику «честьку», т. е., говоря попросту, кое-кому изъ освободителей, особенно озорничавшихъ, дать легкихъ подзатыльниковъ, послѣ чего освободители поспѣшили покинуть базаръ, продолжая свое триумфальное шествіе по главной улицѣ города.

Къ вечеру этого дня настроеніе крестьянъ стало довольно быстро повышаться, ибо, расторговавшись, они нашли у жидковъ же въ тайныхъ вертепахъ за гроши скверную водку и пиво, подъ вліяніемъ которыхъ потолковали о событіяхъ, стараясь уяснить себѣ смыслъ ихъ.

Результатомъ такихъ частныхъ совѣщаній явилось курьезное, но близкое къ истинѣ толкованіе грядущаго: по мнѣнію крестьянъ, выходило, что, если дать евреямъ волю, то они не только будутъ обирать ихъ, но и сдѣлаются начальствомъ, т. е. офицерами, исправниками, земскими и проч. Такого положенія вещей сердце бѣлорусса-крестьянина, вѣками изнывавшаго и теперь страдающаго отъ еврейскаго гнета, вынести не могло. Никогда не забуду слегка выпившаго крестьянина, который, видимо, искренно разсуждалъ такъ, вслухъ самъ съ собою, передъ почтой: «Жинку маю, дѣтки есть, маю и корову съ конемъ—все поряшу, только бѣ не быть жиду справникомъ».

Къ вечеру крестьяне разѣхались по домамъ, унося съ собою чувства, совсѣмъ не отвѣчавшія настроеніямъ и желаніямъ нашихъ освободителей. Утро 21-го октября, столь чреватое своими печальными послѣдствіями, которыя надо разсматривать, какъ протестъ русскихъ массъ противъ выходовъ освободителей, наступило угрюмое, какъ сами событія, кои изъ рода вонъ выходящими эксцессами

воскресли былые ужасы лихолѣтя. 21-го октября, день восшествия благополучно царствующаго Государя, на рѣдкость выдалось ненастное. Небо, силосъ покрытое тяжелыми дымчатыми тучами, обильно орошало землю мелкимъ, пронизывающимъ дождемъ, и это ненастье, въ связи съ тѣми моментами, что переживали тѣ, кто не былъ въ станѣ славныхъ борцовъ за свободу, навѣвало на душу удручающее настроеніе. Казалось, будто что-то ужасное, непоправимое случилось, а впереди предстоятъ еще болѣе горькіе и черные дни.

Въ домѣ у насъ, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по необходимости (ибо въ дни революціи никто почти ничего не пилъ и не ѣлъ), продолжались обычные чай, обѣды и проч. Такъ было и въ этотъ день. Тотчасъ послѣ чая забѣжало очень оживленный и повеселѣвшій Ф. И. С. и принесъ вѣсть, которой, по правдѣ сказать, наша семья не сразу повѣрила. Онъ разсказалъ, что послѣ молебна о здравіи Государя въ соборѣ какъ-то сразу, по вдохновенію, организовалась патріотическая манифестація. Нѣсколько человѣкъ во главѣ съ Синицынымъ, молодымъ человѣкомъ, славившимся уже давно въ Оршѣ патріотомъ, взяли въ соборѣ хоругви и при пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя» пошли изъ церкви по улицѣ, въ сопровожденіи небольшой кучки людей всякаго чина, рода и званія. Здѣсь были: простые мѣщане-задвѣпровцы, крестьяне изъ соседнихъ деревень, учителя духовнаго училища, нѣсколько дамъ и дѣвицъ мѣстнаго общества. Въ кучкѣ этой въ моментъ выхода изъ собора было болѣе 50—70 человѣкъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора, на мѣстѣ пересѣченія Петербургской и Оршанской улицъ, кто-то заплѣлъ гимнъ; толпа, какъ одинъ человѣкъ, подхватила его, и въ воздухѣ, еще насыщенномъ возмутительными возгласами и пѣснями освободителей, впервые послѣ долгаго перерыва раздались стройные звуки родного гимна.

Русское національное самосознаніе, столь долго дремавшее, пробуждалось.

Толпа, несмотря на дождь и вѣтеръ, шла и пѣла съ открытыми головами и по мѣрѣ движенія своего росла, какъ снѣжный комъ, ибо со всѣхъ сторонъ, привлекаемый дорогими русскому сердцу звуками, сбѣгался народъ.

— Гдѣ нашъ батюшка? Почему нѣтъ портрета Государя?—волновались многіе въ толпѣ. Въ отвѣтъ на эти возгласы нѣсколько человѣкъ выдѣлились изъ толпы и бѣгомъ направилась къ зданію городской управы, откуда черезъ минуту возвратились, неся, торжественно царскій портретъ.

Раздалось восторженное, долго несмолкавшее ура, смѣнившееся безпрестаннымъ затѣмъ пѣніемъ гимна.

Немедленно по прибытіи царскаго портрета несли его помѣстили въ главѣ процессіи, около нихъ стали люди съ хоругвями

и національными флагами. Импровизированный хоръ и первая русская патриотическая со времени основанія Орши манифестація стройно двинулась по Витебской улицѣ, къ дому бывшего исправника. Съ честью прослужившій 40 лѣтъ царю и отечеству, убѣжденный монархистъ, Щербо былъ очень популяренъ среди патриотовъ, несмотря на свой впослѣдствіи отказъ отъ званія предсѣдателя мѣстнаго отдѣла «союза русскаго народа». Толпа, направляясь къ его дому, искала какъ бы поддержки и одобренія отъ человѣка, которому населеніе города привыкло вѣрить много лѣтъ. Чутье народа не ошибалось: старый служака вышелъ на крыльцо дома, высказалъ толпѣ свою радость по поводу появленія, наконецъ, патриотической процессіи и просилъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ держаться корректно по отношенію «товарищей», не унижая себя до столкновеній съ ними.

Привѣтственные крики и пѣніе гимна были отвѣтомъ на рѣчь Щербы, и процессія двинулась послѣ того къ квартирѣ г. Высоцкаго, замѣнившаго Щербу.

Новый исправникъ, только что вернувшійся съ предводителемъ дворянства съ производства набора новобранцевъ изъ уѣзда, также немедленно вышелъ къ толпѣ и со слезами на глазахъ опустился на колѣни предъ портретомъ Государя, прося прощенія у Царя за себя и народъ въ томъ, что допустили евреевъ и ихъ прихвостней нѣсколько дней подъ рядъ издѣваться какъ надъ властью царской, такъ и личностью самого Императора. Послѣ рѣчи исправника, который присоединился немедленно къ процессіи, она рѣшила итти на станцію М. Б. ж. д., для чего необходимо было пройти обратно по Витебской, мимо собора. При слѣдованіи процессіи можно было видѣть, какъ скоро и рѣзко измѣнилось настроеніе русскихъ людей, буквально ожившихъ при видѣ небольшой еще толпы патриотовъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ, расположенныхъ по пути процессіи, какъ-то: почтѣ и казначействѣ, были выставлены иконы и портреты Государя и Государыни, на многихъ домахъ частныхъ обывателей появились національные флаги.

Близъ собора къ процессіи, число участниковъ которой къ этому времени достигло 200 человѣкъ, присоединилась по собственному почину и желанію охранная рота со своими офицерами, милыми симпатичными людьми. У собора толпа остановилась и пожелала еще разъ отслужить молебень о здравіи царствующаго дома. Немедленно появились священники и дьяконъ, жившіе на соборномъ же дворѣ, и богослуженіе, повидимому, должно было начаться немедленно, но тѣмъ не менѣе оно чѣмъ-то задерживалось.

Оказывается, что участники процессіи пожелали, чтобы въ молитвѣ за Царя и его семью приняли бы участіе г.г. городской голова и городской судья, которые такъ недавно пировали съ евреями и участвовали въ ихъ процессіи. За ними тотчасъ же, какъ было

высказано названное пожеланіе, были отправлены посланные, которые вскорѣ доставили къ мѣсту служенія названныхъ чиновниковъ. Толпа встрѣтила появленіе ихъ полнымъ упрека молчаніемъ—молебенъ начался.

Во время его служенія былъ доставленъ и третій либераль: секретарь управы Морозовъ, противъ котораго толпа, какъ оказалось послѣ, была особенно враждебно настроена.

Видъ этихъ трехъ господъ былъ въ тотъ моментъ одновременно жалокъ и комиченъ. Не говоря уже о томъ, что они, надо сказать правду, не безъ основанія, опасались за себя, что ясно сказывалось въ ихъ приниженности и глубоко угнетенномъ состояніи духа, даже самые костюмы ихъ были далеко не въ порядкѣ; достаточно сказать, что подъ пальто у судьи было лишь бѣлье, ибо его пригласили на молебенъ прямо съ постели.

По окончаніи молебна процессія въ предшествіи священниковъ, служившихъ молебенъ и выразившихъ желаніе принять участіе въ патріотическомъ шествіи, отъ мѣста служенія молебна направилась къ главной улицѣ города, а оттуда на базаръ для слѣдованія на станцію М. Б. ж. д.

На базарной площади, послѣ пѣнія гимна и троекратнаго «ура» за здоровье Государя Императора, сопровождавшими процессію солдатами было произведено три залпа.

Проходя около римско-католической церкви, лежавшей по пути процессіи, послѣдняя была встрѣчена ксендзомъ, окруженнымъ огромной толпой поляковъ, который здѣсь же передъ костеломъ отслужилъ молебенъ и произнесъ здравицу за Царя и царскую семью, покрытую громкими криками «ура» и троекратнымъ залпомъ.

Здѣсь при совершеніи этого трогательнаго молебствія впервые послѣ почти сорокалѣтней распри состоялось примиреніе оршанскихъ горожанъ, русскихъ съ католиками.

Предшествуемое православнымъ и католическимъ священниками, мирно, съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ направилось шествіе по Вокзальной улицѣ, слѣдуя на стан. «Орша» М. Б. ж. д.

Въ полуверстѣ отъ нея процессія встрѣчена была толпой жителей Вокзальной слободки, предшествуемой вокзальнымъ оркестромъ, игравшимъ патріотическій гимнъ. Здѣсь двѣ волны патріотовъ соединились и послѣдовали къ вокзалу. На вокзальномъ дворѣ, при входѣ въ станціонное помѣщеніе для пассажировъ были отслужены молебны, сначала православнымъ священникомъ, затѣмъ ксендзомъ, покрываемые криками «ура», пѣніемъ «многая лѣта» и «Боже, Царя храни», а также залпами солдатъ. По окончаніи молебствія процессія, къ которой присоединились сочувствовавшіе патріотическому движенію служащіе желѣзной дороги и желѣзнодорожный оркестръ, направилась обратно въ городъ.

Нѣкоторые изъ городскихъ участниковъ процессіи послѣ молебствія на извозчикахъ ѣхали домой, чтобы встрѣтить ее при

входѣ въ городъ. Но сдѣлать этого уже не могли, такъ какъ оказалось, что процессія при вступленіи на Вокзальную улицу была встрѣчена изъ дома еврея Хейфеца выстрѣлами, ранившими нѣкоторыхъ изъ участниковъ манифестаціи: одного въ бровь, другому оторвавъ палець.

Домъ, изъ котораго стрѣляли, быстро былъ окруженъ солдатами, сопровождавшими процессію и затѣмъ обстрѣлянъ. Участники манифестаціи крестьяне ближайшихъ къ городу селеній и заднѣпровцы, обозленные уже тѣмъ обстоятельствомъ, что при слѣдованіи процессіи всѣ еврейскіе дома были забиты и заколочены, а произведенные изъ квартиры Хейфеца выстрѣлы помимо того, что произвели пораненія въ народъ, но еще пробили портретъ Государя, ворвались на дворъ злосчастнаго еврея и черезъ нѣсколько минутъ все было кончено... Пролилась первая кровь въ Оршѣ, первыя жертвы освободительнаго движенія въ лицѣ 10 человекъ бывшихъ въ домѣ евреевъ свидѣтельствовали о томъ, какъ было опасно играть съ огнемъ.

Толпа дѣйствовала рѣшительно и безпощадно—увѣщанія соборнаго настоятеля, отца Михаила Маслова, не повели ни къ чему.

Послѣ случившагося участниками процессіи овладѣла паника: они боялись идти въ городъ прежней дорогой, опасаясь подвергнуться разстрѣлу со стороны евреевъ. Поэтому толпы народа въ полномъ безпорядкѣ и смятеніи буквально бѣжали въ городъ либо черезъ усадьбу Галькевича, либо по Городненской улицѣ. Столь приподнятое утромъ настроеніе опять упало и смѣнилось тяжелымъ и мрачнымъ, какъ погода, настроеніемъ.

На утро патріотическое шествіе опять организовалось, хотя при меньшемъ числѣ участниковъ, при чемъ настроеніе толпы было боевое: она твердо рѣшила разнести домъ еврея Черняка, гдѣ предполагала найти боевые запасы самообороны и знаменитыя «ночевки», полныя бомбъ. Вмѣшательство упомянутого выше отца Михаила предотвратило готовившійся разгромъ—толпа ограничилась лишь тѣмъ, что пронеслась съ пѣніемъ гимна нѣсколько разъ по Петербургской улицѣ, причемъ, остановившись передъ домомъ городского головы и произнося по его адресу проклятія, выбила въ окнахъ нѣсколько стеколъ. Враждебные крики и угрожающіе жесты были обращены и къ проѣзжавшему случайно по шоссе директору отдѣленія Орловско-Коммерческаго банка Сиппайло.

Часа въ два дня все, повидимому, успокоилось и пришло въ норму, но въ три часа опять раздались крики, и передъ домомъ нашимъ промчалась толпа крестьянъ и мѣщанъ, направляясь къ выгону.

Здѣсь организовавшаяся еврейская самооборона вздумала стрѣлять по уѣзжавшимъ изъ города крестьянамъ, причемъ одинъ изъ нихъ былъ раненъ, другіе верхами помчались въ городъ,

откуда и вызвали подкрѣпленіе. Здѣсь, по словамъ очевидцевъ, разыгралась ужасная сцена: разъяренная толпа быстро настигла нѣсколькихъ участниковъ безобразной стрѣльбы и до прибытія охранной роты, слѣшно вызванной къ мѣсту побоища, покончила съ ними. Далѣе событія стали разыгрываться съ поразительной быстротой: зажиточные евреи, захвативъ что подѣли, слѣшно уѣзжали изъ города; оршанская самооборона, получивъ подкрѣпленія изъ Дубровны, Шклова и Копыся, проявила, безусловно, напрасную активность, нападая на отдѣльныхъ лицъ и группы таковыхъ, безъ всякихъ со стороны послѣднихъ поводовъ.

Такое положеніе вещей только обостряло чувство взаимной ненависти между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ, результатомъ чего являлись стычки между самообороной и толпами мѣщанъ. Таковыя имѣли мѣсто: на понтонномъ мосту черезъ Днѣпръ, при попыткѣ евреевъ развести его, чтобы прервать сообщеніе съ Заднѣпровьемъ, и у дома Гофмана. Къ счастью, схватки эти обходились безъ жертвъ.

25-го октября въ городъ пришли драгуны, которымъ пришлось на своихъ плечахъ вынести дальнѣйшее развитіе удали оршанской самообороны.

Повторяю, что невозможное поведеніе этого сброда взвинченныхъ до крайней степени возбужденія еврейчиковъ было источникомъ многихъ грустныхъ фактовъ. Дерзость самообороны дошла въ концѣ концовъ до того, что она стала ходить въ атаку не только на заднѣпровцевъ и крестьянъ, но и драгунъ.

При слѣдованіи конныхъ патрулей по улицамъ внезапно раздавались крики: «братья, товарищи, боевая организація, къ дѣлу», и тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ изъ воротъ домовъ выбѣгали вооруженные евреи и шли въ атаку на драгунъ.

Начальствовала этими отрядами извѣстная Татьяна Леонтьева, убившая впослѣдствіи въ Интерлакенѣ какого-то француза вмѣсто П. Н. Дурново. Она постоянно въ началѣ атаки шла впереди своего отряда; отрядъ, давъ залць по патрулю, немедленно пускался стремглавъ по домамъ, причемъ Леонтьева слѣдовала обыкновенно въ хвостъ атакующихъ.

Евреи долго поминали ее и восхваляли, какъ оршанскую Жанну д'Аркъ.—Однажды такой отрядъ напалъ даже на цѣлый взводъ драгунъ, возвращавшихся со станціи подъ командой офицера; въ послѣдняго одинъ изъ стана храбрыхъ стрѣлялъ въ упоръ, но, къ счастью, промахнулся и былъ схваченъ. Понятно, что онъ былъ по тогдашнимъ временамъ преданъ гражданскому суду: слѣдователемъ отданъ на поруки за 100 руб. и спокойно скрылся въ Америку.

Еще спокойнѣе и удобнѣе выѣхала съ большой помпой и проводами на вокзалъ и Татьяна Леонтьева съ своимъ сожителемъ, извѣстнымъ пропагандистомъ.

Стычки въ городѣ продолжались, примѣрно, до 27-го октября, въ этотъ же промежутокъ времени была произведена толпой крестьянъ, ежедневно стекавшихся въ тревожные дни въ городъ, единственная попытка громить лавки на базарѣ.

Разгромъ былъ прекращенъ военной силой въ самомъ началѣ. Пострадала слегка только одна небольшая лавочка, изъ которой вытаскали уже товаръ. Расхищенія не было: взятое уничтожалось на мѣстѣ, и всѣ розказы, которыя впоследствии распространились евреями о грабежѣ,—чистѣйшая ложь.

Послѣ 27-го жизнь въ городѣ, столь тревожная, стала входить въ свою колею. Начинали покидать городъ и отряды самообороны, какъ было ранѣе сказано, приходившіе на помощь оршанской дружинѣ изъ разныхъ мѣстъ губерніи.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ—дубровенскій постигла злая доля. Зная, что ему придется проходить Заднѣпровье, участники его обратились къ исправнику съ просьбой о томъ, чтобы имъ дали охрану, которая проводила бы ихъ до большой дубровенской дороги.

Желаніе отряда было исполнено. Онъ подъ охраной проходилъ улицами Заднѣпровья, когда на одной изъ нихъ на него наступила толпа потомковъ стрѣльцовъ. Охрана немедленно приняла мѣры противъ беспорядка, но что послѣ случилось, мнѣ выяснить не удалось. Говорятъ, что въ концѣ концовъ рѣчи «дѣтей стрѣleckихъ» такъ подѣйствовали на солдатъ, что тѣ бросили конвоируемыхъ на произволь судьбы, послѣ чего расправа была коротка. Злоба и раздраженіе еще не улеглись.

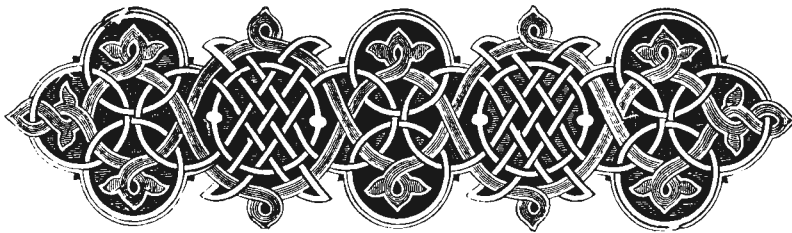
Такъ закончилась одна изъ мрачныхъ страницъ страшнаго 1905 года, вызванная нечѣмъ инымъ, какъ выходками борцовъ за свободу—этихъ истинныхъ враговъ личности, живой мысли и слова.

Результатами было совершенное отчужденіе русскаго общества отъ еврейства, полное враждебныхъ выходокъ и ненависти со стороны послѣдняго.

Результатами его было также громкое судебное разбирательство, гдѣ въ качествѣ подсудимыхъ фигурировали простые русскіе люди, въ простотѣ души своей вступившіея за свои поруганные идеалы тѣми способами, какіе внушали имъ примѣнять къ ненавистному правительству тѣ же «борцы за свободу».

Ихъ судили и, какъ это ни парадоксально осудили, послѣ долгаго терзанія допросами и тюрьмой... Государь помиловалъ своихъ несчастныхъ подданныхъ, но только онъ съ высоты своего величія заглянулъ въ ихъ душу. Ни администрація, ни судъ не утруждали своего вниманія противной стороной, то есть революціоннымъ еврействомъ: тамъ «дѣятели» или исчезали за предѣлы «досягаемости», либо съ видомъ исполненнаго долга и величія по сю пору гранятъ мостовыя Орши.

Н. А. Александровъ.

ПОСЛѢ „СМУЩЕНІЯ“.

(Деревенскія впечатлѣнія).

I.

ВЪ УБЪЗДНОМЪ городѣ я сошелъ съ поѣзда, идущаго по главной линіи желѣзной дороги, и долженъ былъ ждать отхода мѣстнаго поѣзда по коротенькой желѣзнодорожной вѣткѣ.

По мѣрѣ того, какъ я все дальше и дальше отъѣзжалъ отъ Петербурга, все вокругъ меня мѣнялось,—и природа, и люди, и обстановка, и порядки. Не Богъ знаетъ какое разстояніе, всего какія-нибудь полторы тысячи верстъ, а вмѣстѣ съ климатомъ все показываетъ себя по иному. Болота и елки смѣняются пашнями и березой, кондуктора становятся съ публикой развязнѣе и неряшливѣе, станціонныя зданія—грязнѣе, поѣзда—медленнѣе. Публика въ вагонахъ «сѣрѣетъ», толкается безъ извиненій и ведетъ между собою уже иные разговоры, чѣмъ на перегонѣ отъ Петербурга до Москвы. Фуражки съ кокардами, многочисленныя и въ столицѣ, начинаютъ положительно вытѣснять всѣ прочіе головные уборы. Зеленые, синіе, голубые, желтые канты, околоши суконныя и бархатныя, значки на туляхъ—самыхъ разнообразныхъ символическихъ видовъ—мечутся на станціонныхъ платформахъ, лѣзутъ въ вагоны, выходятъ изъ нихъ, жуютъ около буфетовъ, закусываютъ въ пути и вочію свидѣтель-

ствують, что въ провинціи идетъ необычайной интенсивности чиновничья работа. И вась и радость обуяетъ—еще бы: столько энергій!—и оторопь беретъ, ибо весь этотъ чиновничій сонмъ, конечно, получаетъ и прогонныя, и суточные, и разныя другія суммы, которымъ мы и названія не вѣдаемъ. Ъдутъ становые, исправники, земскіе начальники, урядники, землемѣры, банковскіе оцѣнщики, члены землеустроительныхъ комиссій, губернскіе чиновники, и всѣ, оказывается, почти исключительномъ образомъ заботятся о деревнѣ. И вы, направляясь въ нее, начинаете ея интересоваться все болѣе и болѣе.

А когда вы, наконецъ, попадете въ вонючій, грязный и клопастый вагонъ желѣзнодорожной вѣтки, деревня приступаетъ къ вамъ вплотную. Во-первыхъ, вы знакомитесь съ проводникомъ вагона и убѣждаетесь, что этотъ проводникъ пьянъ. Но, вѣдь, деревню и обвиняютъ въ томъ, что она пьянствуетъ. Во-вторыхъ, вы замѣчаете, какъ вы потеряли всякое значеніе для господина «обера», увидѣвшаго у васъ билетъ прямого сообщенія. Тутъ, на вѣткѣ, такой обычай, что пассажиры не покупаютъ билетовъ въ желѣзнодорожной кассѣ. Плату за проѣздъ берутъ господа кондукторы. И проще, и удобнѣе. Или же идутъ сдѣлки «по знакомству».

— У васъ, Иванъ Никифоровичъ, билетъ третьяго класса,— слышите вы голосъ кондуктора:—а ѣдете вы во второмъ...

Не разберешь, что отвѣчаетъ Иванъ Никифоровичъ, но бряцать деньги, и вы понимаете, что недоразумѣніе разъяснилось. Контроль проходитъ далѣе.

Первый и второй классы помѣщаются въ одномъ вагонѣ mixed. И то, и другое отдѣленіе полны. Чтобы попасть въ первый классъ, вы опять-таки должны войти въ сдѣлку съ господами кондукторами. Не бѣда, если у васъ билетъ даже третьяго класса. Зато если вы имѣете вполне законный билетъ и съ начальствомъ не поладили, то вы рискуете оказаться совсѣмъ безъ пристанища и все время переѣзда простоять на площадкѣ вагона. Впрочемъ, какъ на чей вкусъ: на площадкѣ вы можете простудиться, но зато васъ не съѣдятъ клопы.

Поѣздъ идетъ такъ, точно къ нему припрягли воловъ. Вы имѣете полную возможность любоваться видами; кстати, единственный поѣздъ выходитъ съ узловыя станціи въ 5 часовъ утра, когда солнце уже ярко свѣтитъ и даже ощутительно пригрѣваетъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже еле двигается, такъ что соскочившіе на землю кондукторы и нѣкоторые изъ пассажировъ легко обгоняютъ его. Тутъ высокая насыпь, навалено много строительнаго матеріала—песку, камней, шпаль.

— Путь ремонтируется!—объясняютъ вамъ.

Однако рабочихъ не видно.

На этомъ мѣстѣ уже было нѣсколько крушеній даже при медленномъ ходѣ. Но крушенія сравнительно благополучныя, благодаря, вѣроятно, тому, что въ поѣздѣ всего три пассажирскихъ вагона: mixed перваго и втораго класса, одинъ вагонъ третьяго класса и одинъ вагонъ четвертаго класса; остальные—товарные. Ломались все, къ счастью, товарные вагоны, и дѣло ограничивалось пролитіемъ керосина, высыпкой зерна и муки и разбитіемъ досокъ и бревенъ. Черезъ годъ вы снова проѣзжаете это мѣсто, и ремонтъ пути находите все въ томъ же положеніи.

Тридцать верстъ мы ѣдемъ два часа. Что сказалъ бы на это николаевскій фельдъегерь или петербургскій генералъ, торопящійся за границу? Даже на крестьянской клячѣ этотъ путь можно совершить часа въ три, то есть всего на одинъ часъ продолжительнѣе. По какимъ глубокимъ соображеніямъ желѣзнодорожное начальство тянетъ такъ мучительно этотъ свой поѣздъ—мы не знаемъ.

Но ясно: здѣсь еще не скоро заведутъ летательныя машины...

II.

Но все же много перемены произошло здѣсь за 25 лѣтъ, какъ унесла васъ отсюда судьба.

Прежде всего—не было этой желѣзнодорожной вѣтки. Ей отъ роду пятнадцать лѣтъ. Прошла она, по обыкновенію, нелѣпо—минуя населенные пункты. Такъ, та станція, на которой я вышелъ, ухитрилась пройти мимо двухъ селеній и ни къ одному изъ нихъ вблизи не подошла. И отъ того, и отъ другого ее отдѣляетъ по полторы версты охватительной проселочной дороги, непроходимой весной и осенью. Около станціи—два постоянныхъ двора, купеческіе амбары для сыпки хлѣба, домъ удѣльнаго вѣдомства, ранѣе предназначавшійся для квартиры приказчика, а теперь занимаемый станціоннымъ жандармомъ, лавочки, дома скупщиковъ хлѣба и т. п. Цѣлый поселокъ.

Въ ожиданіи лошадей я перехожу грязную площадь, отдѣляющую станцію отъ поселка, и пью чай на постояломъ дворѣ. Его хозяева—двое братьевъ, изъ нѣмецкихъ колонистовъ. Третій братъ переселился въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Это тоже новость, потому что раньше объ этихъ переселеніяхъ не было слышно. Къ чаю намъ даютъ яичницу съ свинымъ саломъ и предлагаютъ московское печеніе и даже петербургское калинкинское пиво. А его, на моей памяти, не было въ поминѣ и въ губернскомъ городѣ... Это ли не успѣхи и не движеніе впередъ? И цѣна, сравнительно, невысокая—15 копеекъ за бутылку.

Пара лошадей везетъ меня черезъ покрытыя хлѣбомъ поля—и опять новыя впечатлѣнія. Въ верстѣ отъ станціи, около дороги—крестъ.

— Это что такое?—спрашиваю.
 — Убили тутъ приказчика.
 — Какого приказчика?
 — Изъ имѣнія. Ребята убили въ прошломъ году (то есть въ 1905 г.).
 — За что?
 — А кто ихъ знаетъ. Было «такое». Онъ, значить, убѣзжать хотѣлъ, а его здѣсь и сустрѣли (встрѣтили). Народъ въ «смущеніи» находится.

Влѣво видны какія-то грандіозныя развалины.

— А это? Чей это домъ?

Ямщикъ называетъ извѣстную барскую фамилію, и я сейчасъ же вспоминаю ея блестящее прошлое: балы, охоты, собственный оркестръ музыки, всё затѣи широкаго житія, для котораго какъ будто нѣтъ завтрашняго дня. Одинъ изъ представителей этой аристократической фамиліи хорошо былъ извѣстенъ и Петербургу, какъ директоръ императорской пѣвческой капеллы. Баринъ, настоящій баринъ и любитель изящныхъ искусствъ. Нензбѣжно подошла крахъ, и, въ концѣ концовъ, послѣ всякихъ льготъ и поблажекъ, имѣніе осталось за банкомъ. Послѣдній оказался не лучшимъ хозяиномъ, чѣмъ старый баринъ. Имѣніе, что называется, золотое дно, въ рукахъ банка давало только убытки. Для стараго дворца, съ колоннами, оранжереями, домашнимъ театромъ и проч., шичего другого не придумали, кромѣ разрушенія. Его начали крестяне въ 1905 году, и продолжалъ послѣ нихъ банкъ. Окрестное населеніе съ нетерпѣніемъ ждало и теперь все ждетъ продажи кирпича отъ разрушающагося зданія, потому теперь, по общимъ отзывамъ, такого кирпича не дѣлаютъ,—крѣпкаго, какъ желѣзо. Мнѣ потомъ объ этомъ кирпичѣ не разъ говорили. Понадобился мнѣ кирпичъ для кое-какихъ работъ, въ деревнѣ говорятъ:

— Вы повремените: говорятъ, скоро барскій домъ будутъ рушить,—тамъ купите настоящій кирпичъ. Его ломъ не беретъ: екатерининскій.

Крестяне пояснили:

— Нѣту лучше кирпича. Сколько ему лѣтъ, а ему—хоть что; теперь такого не умѣютъ дѣлать.

Хозяйственные соображенія этого, конечно, не могутъ упустить изъ виду, главнымъ образомъ потому, что вырабатываемый здѣсь кирпичъ, хотя сравнительно и недорогъ (80 копеекъ—рубль за сотню), но качествомъ онъ плохъ, не закаленъ какъ слѣдуетъ и скоро рассыпается въ порошокъ.

Ѣдемъ дальше. На полдорогѣ къ цѣли моего путешествія—неожиданная картина: нарождающаяся деревня. Среди высокой ржи, на самой нивѣ, разбросаны соломенные шалаши, а рядомъ съ ними, въ двѣ линіи по обѣимъ сторонамъ дороги, возводятся два ряда крестьянскихъ домовъ. У однихъ только возведены стѣны,

у другихъ есть уже крыши (исключительно желѣзныя), третьи обмазываются глиной. Есть и выбѣленные начисто, совсѣмъ готовые для жилья, съ рамами въ окнахъ.

— Кто такіе?

— Хохлы изъ Херсонской губерніи. Купили землю у помѣщика К.

Тоже новость: еще очень недавно никакихъ переселенцевъ съ юга у насъ не существовало, какъ не было и эмигрантовъ. Во время моего дальнѣйшаго пребыванія въ деревнѣ я еще не разъ наталкивался на новыхъ переселенцевъ въ наши мѣста и убѣдился, что они здѣсь не только злободневное, но и не перемежающееся, постоянное явленіе. Одни уже осѣли, другіе только что приходятъ и садятся, третьи ищутъ для себя мѣстъ для поселенія. Преимущественно выходцы изъ Херсонской и Екатеринославской губерній. По ихъ словамъ, ходки ихъ всюду побывали: и на Кавказѣ, и въ Сибири, и въ Закаспійской области, но наша приволжская губернія для нихъ совсѣмъ подходящая во всѣхъ отношеніяхъ. Ея деревенскія условія жизни и природа всего больше соотвѣтствуютъ покидаемымъ ими насиженнымъ мѣстамъ въ южно-русскихъ губерніяхъ.

Нѣсколько дальше, ближе къ горизонту, на покатой возвышенности еще новое поселеніе, тоже на бывшей помѣщичьей землѣ. Оно носитъ характерное названіе «Сбродовка», разясняющее физиономію новыхъ поселенцевъ. Тутъ, дѣйствительно, сбродный народъ. Есть крестьяне, есть мѣщане, есть изъ разбогатѣвшихъ кулаковъ, и есть кое-какъ вытянувшіеся изъ крайней нужды мужики. Сообразно своимъ достаткамъ, они и владѣютъ купленной землей: у кого 5—6 десятинъ, у другихъ—по 30-ти.

Дорога постепенно сбѣгаетъ внизъ и вьется по откосу обширной луговины, внизу которой журчитъ, то пропадая среди камней, то снова появляясь, тощая «Сухая Рельня». Почти все теченіе ея окаймлено рядами ветель, которыя не вырубаются окончательно только потому, что очень живучи и, какъ ихъ ни руби, все даютъ новые отростки отъ старыхъ пней. Но все же очень порѣдѣли эти ветлы съ того времени, какъ я ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ. И въ соотвѣтствіи съ ихъ умаленіемъ изсякли тутъ обширныя озера, которыя когда-то служили пристанищемъ для дикихъ утокъ и разной водяной птицы. Теперь по этой части здѣсь пусто и глухо. Только грачи галдятъ въ ветлахъ, приблизивъ дикую природу къ болѣе культурному облику. Вѣдь для грачей нужны засѣянные поля, а не глухія, поросшія осокой воды.

Но вотъ купы ветель густѣютъ. Изъ-за нихъ виденъ хуторъ, который я помню. Онъ имѣетъ благопристойный видъ, гораздо болѣе благопристойный, чѣмъ въ прежнее время. Крыша въ исправности, имѣются всѣ необходимыя постройки, то есть, кромѣ дома для жилья, амбаръ, помѣщеніе для скота и птицы и даже баня.

Вотъ кто, оказывается, выпелъ благополучно изъ всѣхъ житейскихъ передрягъ—мелкопомѣстнѣйшій изъ мѣстныхъ дворянъ. У него всего 30 десятинъ земли, изъ которыхъ ни одной пахотной. По взгорью, по камешкамъ—кое-какія корма. По рѣчкѣ—нѣсколько десятинъ сѣноосу. Вотъ и все. Но—живъ человекъ, и банкъ не продастъ его имѣнія, потому что тутъ мы видимъ въ одномъ лицѣ и хозяина, и работника. И это безъ всякаго участія Льва Николаевича Толстого, о которомъ тутъ, повидному, даже и не слышали. Дѣло вышло просто. Человекъ не былъ не только въ университетѣ, но даже и въ какомъ-либо училищѣ. Во всемъ простая рабочая, крестьянская жизнь. Само собою очутилась и соха въ рукахъ, и коса, и крестьянская одежда на плечахъ, и вокругъ—весь мужичій трудовой обиходъ. Пришлось служить въ солдатахъ, но и казармы не выбили изъ души крѣпкой привязанности къ землѣ и сельскому хозяйству. Природная смекалка подсказала лишь, что одной обработкой земли не прожить при семьѣ, и явились всякія побочныя статьи. Гора сдается подъ выгонъ. Ветлы, вырастающія въ пять лѣтъ до годности на разныя хозяйственныя потребности (дуги, слези и т. п.), стали предметомъ продажи, точно въ обширномъ и правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ. Птицеводство обѣщало барыши, и на хуторѣ завелись стада индѣекъ въ нѣсколько сотъ штукъ, впору обширному имѣнію съ десятками птичницъ и экономокъ. И человекъ живетъ на своихъ тридцати десятинахъ, сытъ, доволенъ и никому изъ сосѣдей не стоитъ поперекъ горла.

Какъ увидимъ далѣе, это единственный живой помѣщикъ на всю обширную округу, въ которую мы попали.

Что это? Предтеча грядущаго, или, просто, диковина, которую нужно скорѣе посадить подъ стекло въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ?..

А вотъ и пріѣхали. Лошади подъ горку спускаются къ деревнѣ.

III.

На двухъ концахъ ея—двѣ помѣщичьи усадьбы. Онѣ рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Въ одной владѣлица никогда не жила. Усадьба явилась только тогда, когда главное имѣніе съ помѣщичьимъ домомъ было продано, и уцѣлѣла земля только здѣсь—все же солидный остатокъ въ 3000 десятинъ. Владѣлица навсегда уѣхала за границу, предоставивъ хозяйничать управляющему. Онъ и построилъ домъ, необходимыя службы и амбары. Фактическій хозяинъ устроился основательно. Фантазій помѣщичьихъ у него не было, садовъ онъ не разводилъ, парковъ не устраивалъ, а смотрѣлъ на дѣло практически. Все крѣпко и все, что въ деревнѣ необходимо, то имѣется налицо. Въ сараяхъ сельско-хозяйственныя машины и орудія, въ конюш-

няхъ—рабочія лошади, волы, въ овчарняхъ—тонкорунныя овцы. Однако все это понемножку сократилось. Посѣвы не давали столько, сколько требовалось для надобностей барыни, овцеводство тоже давало руно, но все же не золотое. Началась продажа земли клочками, продажа лѣсу. Теперь отъ 3000 десятинъ осталось лишь около тысячи, лѣсу не стало совсѣмъ, и исчезли свои плуга съ волами и овцы. Вопросъ въ нѣсколькихъ годахъ, когда исчезнетъ и остатокъ этого хозяйства. Но такъ какъ управляющій все проживаетъ здѣсь—постройки у него въ исправности. Конечно, это можно было сдѣлать на счетъ потерянныхъ двухъ тысячъ десятинъ.

Другая помѣщичья усадьба—печальныя развалины. Сюда владѣлица давно не заглядывала, а когда и заглядывала, являлась сюда, какъ на дачу, на лѣтніе мѣсяца, хозяйства никакого не вела, сдавала землю по десятинамъ крестьянамъ. Хозяйничалъ «приказчикъ» изъ мѣстныхъ же крестьянъ. Ничто не ремонтировалось и не поддерживалось. Существовавшій при крѣпостномъ правѣ великолѣпный фруктовый садъ на четырехъ десятинахъ обратился въ безпорядочную заросль. Отъ яблонь уцѣлѣли едва десятка два деревьевъ. Вишня разрослась въ непроходимую чащу съ деревьями на половину сухими. Загороды исчезли, какъ исчезъ и поливъ сада съ подъемомъ воды изъ рѣчки на его пагорную часть. Запесло иломъ родники и прудъ. Кусты малины, смородины и крыжовника отчасти посохли, отчасти вырыты и унесены крестьянами въ 1905 году. Самая усадьба—мерзость запустѣнія. Перекосило окна въ домѣ, протекаетъ крыша, покрытая заплатами, едва держатся на петляхъ дырявые ставни. Штѣтны попадали. Отъ каменнаго загона для коровъ едва уцѣлѣла половина одной стѣны, а другія куда-то испарились безслѣдно. Отъ четырехъ амбаровъ сохранился одинъ, а гдѣ были остальные три—пролегла проѣзжая дорога. Отъ мельницы—вѣтряной—видна яма, поросшая бурьяномъ.

Но если вы хотите не хозяйственности, а поэзіи, то тутъ ея въ изобиліи. Садъ мѣстами напоминаетъ запущенный паркъ. Сохранились старыя березы, ветлы и луговины между деревьями, покрытыя цвѣточнымъ ковромъ. Склонились ветлы надъ запущеннымъ родникомъ, точно насунулись, и глубокія котловины въ рѣчкѣ стоятъ спокойныя и таинственныя...

И эта поэзія полна жизни, въ расцвѣтѣ которой принялъ участіе памятный 1905 годъ. Послѣ него власти приступили къ разрушенію населенія, то есть вмѣстѣ въ нѣсколькими десятками револьверовъ отобрали у него и охотничьи ружья. Положимъ, здѣсь охота никогда не составляла промысла, а была только «баловствомъ», но все же вольная птица почувствовала, что ей тутъ стало жить легче. И садъ переполнился пернатыми гостями. Я давно не видѣлъ такого обилія разнообразныхъ типичныхъ породъ, какъ увидѣлъ здѣсь. Кустарникъ кишѣлъ пѣвчими птицами, начиная съ соловьевъ.

Въ берегахъ и ветлахъ горланили грачи и галки. Ворковали дикіе голуби и перекликались кукушки. Разноцвѣтные дятлы стучали клювами по корѣ старыхъ деревьевъ. Особенно эта роскошь птичьяго царства поражала поездъ Петербурга, гдѣ и воронъ, кажется, всѣхъ перебили. Тутъ я увидѣлъ и почти исчезнувшую въ Россіи сороку, которая вся пошла на дамскія шляпки. А въ вышинѣ—ястребы, кончики и коршуны. Ночью—крики совъ и мяуканіе маленькаго сына.

А въ травѣ и въ листвѣ деревьевъ—ужа, змѣи, сѣрые и зеленныя ящерицы. На лунномъ свѣтѣ прыгаютъ земляныя зайцы—тушканчики. Рои дневныхъ и ночныхъ бабочекъ, разнообразнымъ которыхъ я потерялъ счетъ. Идете вы по садовой тропинкѣ, спускаясь къ рѣчкѣ,—какъ фонарики горять у васъ подъ ногами свѣтлячки. Природа точно воспользовалась минутой свары между людьми и возликовала на свободѣ. Люди готовы перервать другъ другу горло—и стало легче остальной вольной твари... Домашняя кошка—и та переродилась въ это время. Кругомъ пылали пожары. Можетъ быть, это подсказало возможность бѣдствія и для ея домашняго очага. И вотъ эта тощая кошка, вопреки своей стародавней привычкѣ, родила своихъ котятъ не на чердакѣ и не въ укромномъ углу избы, а перебралась въ старую дулистую ветлу. Она выжила оттуда летучую мышъ и расположилась со своими новорожденными...

IV.

И деревня для меня неузнаваема. Въ ней я никогда не видывалъ желѣзныхъ крышъ,—теперь онѣ есть. Ихъ немного, но, на моей памяти, ихъ совѣмъ не было. Самоваръ почти въ каждой избѣ, исключая самыя бѣдныя. Да и въ самоварѣ эволюція.

— Который теперь себя показать хочетъ,—разсказываетъ мой знакомый крестьянинъ:—тотъ простого мѣднаго самовара не желаетъ...

— А какой же ему нуженъ?

— Бѣлый... какъ его называется...

— Никелированный?

— Вотъ этотъ самый. Чтобы въ родѣ серебра, какъ у городскихъ.

Во многихъ избахъ швейныя машины Зингера. Агентъ этой компаніи развѣзжаетъ по деревнямъ и продаетъ свой товаръ съ самой льготной разсрочкой. Почти исчезъ крестьянскій ткацкій станокъ, явились швейныя машины для гнилого московскаго ситца. Но не это важно. Существеннѣе то, что старозавѣтная соха стала уступать мѣсто плугу. Сохой пашутъ только самыя малоимущіе, и имъ неохотно сдаютъ землю, которую онѣ только портятъ, получаютъ плохіе урожаи и вслѣдствіе этого платятъ деньги за землю неаккуратно. Завелись косилки, сѣялки и даже молотилки, которыхъ,

какъ я помню, не было даже и у помѣщиковъ. И все это, главнымъ образомъ, за послѣдніе годы. Неоспоримо, что 1905 годъ былъ минусомъ для помѣщиковъ и плюсомъ для крестьянъ. Урожай въ этомъ году былъ, положимъ, плохой, но все же въ обычное время деньги за сѣмъ земли были бы заплачены; а въ 1905 г. никто этихъ денегъ не платилъ. Въ меньшей степени то же повторилось и въ 1906 году. Такимъ образомъ, въ рукахъ крестьянъ остались значительныя суммы, которыя, конечно, только отчасти были пропиты. Затѣмъ, въ экономіяхъ расхищался лѣсъ, хлѣбъ и все то, что было подъ рукой. Я уже говорилъ, что изъ помѣщичьяго сада были вырыты кусты смородины, малины и крыжовника. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ взято было изъ помѣщичьихъ амбаровъ па нѣсколько тысячъ зерна. Въ общемъ, являлось и больше сытости, и больше избытка. Въ эту пору «смущенія», какъ называютъ крестьяне пережитыя ими революціонныя настроенія, нажились и помѣщичьи управляющіе, приказчики и конторщики, благо все можно было сваливать на мужиковъ. Эти приказчики строили себѣ дома и амбары изъ помѣщичьяго лѣса, будто бы вырубленнаго бунтовщиками. У насъ ухитрился изъ этого же лѣсу построить себѣ домъ даже урядникъ, прекращавшій крестьянское волненіе. Тащилъ, можно сказать, тотъ, кому только было не лѣнь. И разыгрывались при этомъ удивительныя бытовыя сцены. Напримѣръ, у насъ на порубку помѣщичьяго лѣса прискакалъ становой съ казаками. Былъ онъ мертвецки пьянъ,—вѣроятно, для храбрости. Предварительно свалившій съ лошади, онъ отдалъ распоряженіе:

— Рубить дозволяется, но только—сухостой...

И отбылъ въ дальнѣйшія экскурсіи.

На какомъ основаніи разрѣшилъ онъ вырубку хотя бы одного сухостоя,—остается неизвѣстнымъ. Но крестьяне, конечно, не считались со словами этого пылкаго администратора и рубили сплошь, и рубили безобразно, точно изъ одного озорства, а не по необходимости или серьезному рѣшенію. Большинство деревьевъ рубилось на высотѣ нѣсколько ниже человѣческаго роста—какъ удобнѣе, не сгибаясь, опускать топоръ.

Вырубка прекратилась по крестьянской инициативѣ. Дѣло въ томъ, что въ лѣсъ пріѣхали первыми крестьяне сосѣдней деревни. Къ нимъ присоединились и мѣстные, бывшіе крѣпостные здѣшняго помѣщика. Потомъ между тѣми и другими произошла ссора. Въ виду ожидаемаго перехода владѣльческой земли къ крестьянамъ, мѣстные мужики нашли, что сосѣди рубятъ ихъ лѣсъ, на что у нихъ нѣтъ никакого права, и прогнали сосѣдей, какъ болѣе малочисленныхъ, а потому и безправныхъ. Найдя вырубленное количество пока достаточнымъ для первыхъ надобностей (всего было снесено 5 десятинъ строевого дубоваго лѣсу), порубщики разошлись по домамъ.

Можетъ быть, тутъ играло роль отчасти соображеніе, что нѣтъ резона до тла уничтожать тѣхъ, которыя, во всякомъ случаѣ, скоро сдѣлаются крестьянской собственностью, а отчасти—опасенія «экзекуціи». Уже носились слухи, что то тамъ, то сямъ казаки явились съ болѣе серьезными намѣреніями, чѣмъ сюда подъ предводительствомъ пьянаго, какъ стелька, становаго. Но, миѣ думается, что соображеніе перваго сорта преобладало. Тутъ кое-что значили еще и сложившіяся отношенія къ помѣщичьему владѣнію. Здѣсь не было обостреннаго житія. Въ имѣніи никто не жилъ, а отъ прошлаго сохранились воспоминанія мирныя. Вслѣдствіе этого и усадьба не была сожжена, что дѣлалось во многихъ мѣстахъ въ порывахъ внезапно проснувагося негодованія и помимо практическихъ соображеній о томъ, зачѣмъ этотъ разгромъ, разъ все должно отъ помѣщика перейти къ крестьянству.

V.

Измѣнилась ли фізіономія самого крестьянства, разъ замѣтна перемѣна въ его жизни?

Безъ сомнѣнія, есть перемѣны, но онѣ больше во внѣшности. Почти нѣтъ лаптей. Или босикомъ, или въ сапогахъ, хотя и дырявыхъ. Но что въ этихъ головахъ, то кудластыхъ, то лысыхъ?.. Немногимъ изъ насъ дано умѣть говорить съ мужикомъ, понимать его, внушить ему довѣріе и слышать его искреннія рѣчи. Это однаково приложимо и къ реакціонерамъ, и къ революціонерамъ, и къ простымъ, безхитростнымъ доброжелательнымъ людямъ. Я видѣлъ, какъ мужики становились на колѣни, прося простить имъ долгъ,—ну, точно при крѣпостномъ правѣ или на другой день послѣ его отмѣны. Очевидно, расчетъ на стародавнюю помѣщичью привычку проявлять свое доброе сердце только послѣ этого мужичьяго униженія. Само собой, какая же можетъ быть тутъ искренность съ мужичьей стороны? Но вотъ, не вытравилась эта подлость, воспитанная поколѣніями. Или—грандіозная потрава поля цѣлымъ крестьянскимъ стадомъ, и тѣ же униженные просьбы о списхожденіи, при взаимной увѣренности, что потравы еще не разъ повторятся. Ясно—та же политика, что и раньше, хотя, навѣрное, иное пониманіе современности и чаемаго будущаго. Послѣ «смущенія» какъ бы показанія окончательнаго усмиренія и полетъ крестьянской мысли въ желательномъ для «правыхъ» направленій. Но здѣсь никто не обманывается и не сомнѣвается, что это фальшь, минуты выжиданія, но никакъ не возвратъ къ первобытному состоянію, какъ многіе желали бы, такіе дальновидные, какъ гг. Марковы и Пуришкевичи, самые слѣпые изъ слѣпыхъ, если только они хотя на волосъ искренни. Мѣстные оптимисты думаютъ, что труба и хуторскія хозяйства обезпечатъ мирное будущее деревни, что соз-

даннойся кадръ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ изъ числа мірошниковъ и кулаковъ будетъ достаточно сильной стражей современнаго порядка. Но большинство этому не вѣритъ и на это не надѣется. Помимо тѣхъ сомнительныхъ качествъ, которыя заключаютъ въ себѣ хутора и отруба и которыя вносятъ достаточно смуты въ деревенскую жизнь, не закроешь глазъ и на тѣ условія, при которыхъ переходятъ теперь въ другія руки частновладѣльческія земли. У насъ въ округѣ эта земля уходитъ, какъ я уже упоминалъ, почти исключительно къ переселенцамъ изъ дальнихъ губерній: Херсонской и Екатеринославской. «Хохлы», какъ здѣсь называютъ этотъ пришлый народъ, почти заполонили насъ. Я говорилъ о переселенцахъ, которые попались мнѣ на дорогѣ отъ желѣзнодорожной станціи. Рядомъ со мной, межа къ межѣ, еще хохлацкій хуторъ, купленный двумя крестьянами Херсонской губерніи. Въ семи верстахъ въ противоположную сторону опять отстраивающееся хохлацкое поселеніе дворовъ въ двадцать. Имѣніе рядомъ приторговываютъ тоже малороссы. Благодаря имъ поднялись цѣны. Сначала за десятину платили 65 руб., потомъ 100 руб., потомъ 135 руб., и теперь моему сосѣду даютъ 190 руб., а онъ проситъ 200 руб. и рассчитываетъ, что возьметъ эти деньги.

Въ другое время и въ другихъ мѣстахъ этотъ переходъ земли отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ не возбуждалъ бы никакихъ сомнѣній относительно дальнѣйшаго взаимоотношенія земельныхъ собственниковъ. Но когда деревенское населеніе считаетъ эти продажи незаконными и для себя неприемлемыми, разговоръ выходитъ иной. Бывшіе крѣпостные твердо убѣждены, что ихъ нравственное право купить и владѣть землей, которую они преемственно обрабатывали на протяжении многихъ поколѣній. Они пахали эту землю сначала какъ рабы своего господина, а потомъ обрабатывали ее, снимая подесятинно. Они буквально сроднились съ ней, сроднились, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ срастаются люди съ обычной квартирной обстановкой. Вѣдь безъ этой земли нѣтъ другой жизни для земледѣльца. И вдругъ, когда еще наканунѣ это крестьянство видѣло себя какъ будто вступающимъ во владѣніе этими полями, сѣнокосами и лѣсами, — все это уходитъ отъ него... Чувство, пожалуй, обиднѣе того, какое испытали бы вы, если бы васъ, какъ ни аккуратно платили вы за квартиру, стали бы выселять изъ нея прямо на улицу.

А эта продажа земли пришлому крестьянству именно такое выселеніе. Новые хозяева покупаютъ землю только для того, чтобы обрабатывать ее самими. Сдавать землю они не будутъ, потому что не могутъ этого дѣлать. Отсюда—коренное населеніе оказывается безъ земли, а слѣдовательно и безъ хлѣба. У него только или «дарственный даръ», или надѣлъ, т. е. ничего даже для голоднаго существованія.

Но почему земли не покупаются мѣстными крестьянами, за которыми стоит нравственное право на владѣніе этими землями? Очень просто: нѣтъ денегъ въ большинствѣ случаевъ. Они готовы были бы пойти на какія угодно жертвы, чтобы оставить землю за собой, но не видѣ предѣловъ для нихъ возможнаго. Помѣщики продаютъ свои имѣнія за наличный расчетъ: столько-то задатку, ссуда изъ банка подъ залогъ земли, а чего недостаетъ—доплата рубль за рубль при совершеніи купчей. Мѣстные крестьяне, мы говоримъ о крестьянскомъ обществѣ, а не о крестьянскихъ товариществахъ изъ состоятельныхъ мужиковъ, предлагаютъ взамѣнъ этого разсрочку платежа, какъ здѣсь выражаются,—«верховъ». Владѣльцу земли, согласившемуся на такія условія, это грозитъ потерей земли и денегъ. Не уплатили крестьяне срочныхъ процентовъ, земля идетъ въ продажу или остается за банкомъ. И покупатели остаются ни при чемъ, и продавецъ при однѣхъ задаточныхъ деньгахъ.

Такова атмосфера этой земельной мобилизаціи. Сгущенная атмосфера. «Хохлы» встрѣчаются здѣсь враждебно. Были случаи убійствъ этихъ переселенцевъ. На нихъ смотрятъ здѣсь, какъ на временныхъ гостей, равно какъ и на хуторянь. Время придетъ—когда?—неизвѣстно,—послѣдуетъ иной, болѣе справедливый переѣлъ земли. То, что принадлежитъ мнѣ по праву справедливости, не можетъ быть отчуждено никакими купчими. Право распоряжаться земельной собственностью пусть существуетъ, но оно не касается «наслѣдственныхъ», такъ сказать, крестьянскихъ земель. Онѣ неприкосновенны...

Подите и спорьте съ этими понятіями обычнаго права, котораго не признаетъ писанный законъ!..

Мѣстные крестьяне, разъ у нихъ является малѣйшая возможность къ тому, готовы покупать землю, какъ это было и до «смущенія». Вотъ, рядомъ со мной такимъ образомъ приобрѣтено крестьянскимъ обществомъ 300 дес. помѣщичьей земли. До 1905 года куплена земля «сбродовцами», какъ они называли себя (сбродились въ одну деревню съ разныхъ сторонъ и образовали одно общество и хуторъ). Но тогда не было теперешнихъ цѣнъ на землю. «Сбродовцы», напр., платили за десятину всего 65 руб. Въ годъ «смущенія», конечно, никто земель не покупалъ. Въ 1905 году, напр., мѣстнымъ крестьянамъ помѣщичья земля прямо навязывалась владѣльцами по 75 рублей за десятину, но они только смѣялись надъ этимъ предложеніемъ: «эка, дескать, нашли дураковъ! платить деньги, когда земля задаромъ перейдетъ въ наши руки!» А въ настоящее время пришлый покупатель взвизгиваетъ цѣны и оттираетъ отъ земли мѣстнаго крестьянина. Это—конкуренція. Но, повторяю, въ этомъ и грядущія осложненія. До какой степени здѣсь нарастаетъ земельный голодъ, это вы можете наблюдать при сдачѣ помѣщичьей земли подъ посѣвъ. Въ экономіяхъ для всѣхъ не хватаетъ участ-

ковъ. Болѣе состоятельные крестьяне предлагаютъ, не ограничиваясь задаткомъ, всю арендную плату внести впередъ, только дайте имъ земли. Очень недавно задатки давались по рублю при цѣнѣ за десятину въ 10 руб. Теперь эти цѣны поднялись до 20—25 и даже до 30 рублей, и въ задатокъ обязательно вносятъ половину денегъ. Очевидно, чтобы только засѣять поле, крестьянинъ идетъ на рискъ, ибо, случись неурожай, владѣлецъ земли, какъ бы то ни было, получилъ уже за нее хотя половину арендной платы, а посѣвщикъ остается ни при чемъ, а иногда еще и при долгѣ, который онъ сдѣлалъ, чтобы внести задатокъ. Владѣлецъ земли получить хотя тотъ доходъ, которымъ онъ довольствовался до вздутія цѣнъ, а у земледѣльца—потерянный трудъ и необходимость въ новомъ займѣ для новаго посѣва. Съ переходомъ этихъ земель къ новымъ поселенцамъ, куда дѣваться теперешнимъ посѣвщикамъ? Тоже переселяться? Но, вѣдь, это выходитъ что-то въ высшей степени несообразное.

VI.

Уже 1909 годъ былъ годомъ спокойнымъ. О бывшемъ «смущеніи» свидѣтельствовали только полицейскіе объѣзды, да одинъ осетинъ въ сосѣдней экономіи, оставшійся отъ прежней охраны... На слѣдующій годъ исчезъ и онъ, какъ и осетины и ингуши въ другихъ уѣздахъ, вслѣдствіе чего породилось «смущеніе» уже иного сорта, такъ сказать, административное: эти оставшіеся не у дѣль чины охраны образовали разбойничьи шайки и занялись грабежами въ тѣхъ же экономіяхъ, которыя ими передъ тѣмъ охранялись и порядки которыхъ имъ были хорошо извѣстны...

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда въ имѣніе я увидѣлъ на дворѣ телѣжку, изъ которой вылѣзаль урядникъ.

— Васъ спрашиваетъ,—сказали мнѣ.

Въ комнату вошелъ мужчина, лѣтъ тридцати, съ фізіономіей, ясно свидѣтельствующей, что передъ вами серьезный пьяница. Онъ рекомендовался и объявилъ:

— По приказанію начальства, явился, чтобы узнать, не терпите ли какихъ-либо безпокойствъ отъ крестьянъ и не имѣете ли на нихъ жалобъ...

Я отвѣтилъ, что ни безпокойства не вижу, ни жалобъ не имѣю.

Вѣроятно, моя внѣшность и вся обстановка подсказали уряднику, что я добрый малый и люблю держать себя просто. Поэтому, несмотря на то, что я стоялъ, онъ положилъ свой портфель съ бумагами на столъ и усѣлся на диванъ, желая побесѣдовать со мною. Я сталъ его слушать. Началъ онъ съ ругани по адресу крестьянъ. По его словамъ, всѣ они преестественные мошенники и воры. Держать ихъ нужно въ ежовыхъ рукавицахъ, а то сейчасъ же опять начнутъ буйствовать. Положимъ, онъ, урядникъ, всю здѣшнюю

крамолу вывелъ съ корнемъ, но, чтобы не занесло сюда новыхъ ея сѣмянъ со стороны, нужно смотрѣть въ оба. Разсказалъ онъ и о бывшихъ на него покушеніяхъ: въ него кто-то стрѣлялъ черезъ окно, когда онъ сидѣлъ въ волостномъ правленіи, и еще хотѣли однажды убить изъ-за плетня, когда онъ проѣзжалъ деревней. Но я уже зналъ, что этотъ герой построилъ себѣ домъ изъ ворованнаго лѣса и что его рвеніе къ расправамъ дошло до предѣловъ, которые даже со стороны его начальства не получили одобренія. Онъ, пьяный, до полусмерти избилъ земскаго фельдшера и намѣревался то же продѣлать и съ докторшей; но та успѣла спастись бѣгствомъ. Между тѣмъ ни докторша, ни фельдшеръ ни въ какой «политикѣ» не участвовали, и, слѣдовательно, административнаго усердія урядника нельзя было оправдать его стремленіемъ спасти Россію отъ распада. Да и не жиды вовсе были докторша съ фельдшеромъ, а самые истинные русскіе. Потому сочувствія къ себѣ онъ во мнѣ не встрѣтилъ, а когда, въ заключеніе, онъ мнѣ предложилъ свои услуги въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній съ крестьянами, я отъ этой любезности оказался, объявивъ, что къ полиціи вообще никогда не обращаюсь и сумѣю обойтись безъ нея.

Урядникъ раскланялся, видимо, мною недовольный. Онъ ушелъ, но не уѣхалъ. Въ окно я видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ избу, въ которой живетъ приказчикъ. Потомъ я замѣтилъ парня, сына приказчика, куда-то убѣжавшаго и быстро вернувшагося, прикрывая что-то подъ полой пиджака. Нетрудно было догадаться, въ чемъ тутъ секретъ. И, дѣйствительно, спустя часъ, урядникъ сѣлся въ свою телѣжку, около которой изнывалъ мужикъ, его развожившій,—красный, какъ спѣлый арбузъ, который вы только что взрѣзали. Затѣмъ въ расходной книгѣ по имѣнію появилась статья: «Уряднику угощеніе, 1 бут. водки и 2 бут. пива—90 коп.».

Но раньше, чѣмъ я эту расходную статью увидѣлъ, явились еще гости—пять человѣкъ стражниковъ. Къ нимъ я вышелъ на крыльцо.

— Заѣхали узнать, ваше благородіе, все ли у васъ благополучно и не имѣете ли вы какихъ неудовольствій отъ крестьянъ,—дѣлая подъ козырекъ, сказалъ старшій.

— Спасибо, все благополучно, и крестьяне меня не трогаютъ.

Стражники, когда я ушелъ въ домъ, тоже поднялись на крыльцо приказчицей избы и скрылись въ ней. И опять парень убѣжалъ и прибѣжалъ, и опять мы угощали стражу водкой, купленной неподалеку у бабы-корчемницы, такъ какъ винной казенной лавки у насъ въ деревнѣ нѣтъ.

Спустя немного, опять пожаловалъ урядникъ, но уже новый (старый ушелъ, отданный подъ судъ за избіеніе).

— Все ли благополучно?..

Потомъ заѣзжалъ и становой.

Но такъ какъ, увидѣвъ первыя записи расходовъ на угощеніе, я категорически запретилъ угощать кого-либо изъ полиціи, то эти визиты обошлись уже безъ водки и пива. Мнѣ предсказывали, что такимъ своимъ поведеніемъ я навлеку на себя неудовольствіе администраціи, соприкасающей съ деревней, но Богъ меня миловалъ. Можетъ быть, впрочемъ, это зависѣло отъ того, что становой приставъ скоро смѣнился, смѣнился еще разъ и урядникъ, и они не успѣли ничѣмъ подкузьмить меня за недостатокъ гостепріимства. Но я не претерпѣлъ, и меня не тронули.

Такъ тихо и благополучно было у меня въ округѣ два года, и удивительно было въ то же время получать нѣкоторыя столичныя газеты и читать въ нихъ, что въ деревнѣ жить стало невозможно: мужикъ дерзить, поджигаетъ и чортъ знаетъ, что дѣлаетъ. Я, по крайней мѣрѣ, ничего такого и не испыталъ и ни отъ кого ни о чемъ подобномъ не слышалъ. Я видѣлъ только одно: неустанный страшный, поразительный крестьянскій трудъ.

VII.

Я уже упомянулъ, что не былъ въ деревнѣ 25 лѣтъ. Я прожилъ ихъ въ Петербургѣ, въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ, былъ за границей, и о деревнѣ имѣлъ представленіе только по стародавнимъ воспоминаніямъ да по печатнымъ источникамъ. Деревня потускнѣла въ моемъ представленіи. Но когда я очутился въ кругу ея интересовъ, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ ея жизнью, я даже растерялся отъ того, что стало передъ моими глазами. Вотъ гдѣ, дѣйствительно, работа, оправдывающая сама себя. Въ необходимости и непреложной нужности ея нѣтъ никакихъ сомнѣній. Воздѣлывается земля, свѣтается и добывается хлѣбъ, основа всего человѣческаго существованія. И люди питаются несомнѣнными плодами своихъ трудовъ. Они даютъ то, что потребно веѣмъ, а не какимъ-либо исключительнымъ группамъ. Если я, напримѣръ, не напишу вотъ этой статьи, отъ этого никому не будетъ ни тепло, ни холодно. Если даже веѣ писатели страны въ теченіе года не дадутъ ни одной строки—ущербъ отъ этого будетъ только частичный, для тѣхъ, кто привыкъ каждый день искать чего-то въ книгѣ. Но если крестьянство забастуетъ и хотя одинъ годъ не притронется къ землѣ, послѣдствія этого отразятся не только на его родинѣ, но и во всемъ мірѣ... Впрочемъ, все это трузмы, но я повторяю ихъ лишь для того, чтобы охарактеризовать впечатлѣніе, которое произвела на меня деревня.

Въ ней, что ни дѣлается, то и нужно. Вы видите, какъ тамъ копошатся въ полѣ, пахутъ, косятъ, возятъ снопы, выгоняютъ скотину на пастбище, доятъ коровъ, стригутъ овецъ, выдѣлываютъ

вилы, цѣпи, починають хомуты, стирають бѣлье и проч. и проч., — и вы знаете, что безъ всего того нельзя обойтись. То, что здѣсь излишне, безъ чего можно было бы обойтись, исчезаетъ въ массѣ важнаго и бесспорно требуемаго жизнью. Это какъ разъ наоборотъ тому, что наблюдается въ городахъ. Нѣтъ никакихъ условностей. Приспѣла работа—всѣ работаютъ, не покладая рукъ и не справляясь съ календаремъ, присутственный сегодня день или неприсутственный, сколько можно работать—8 часовъ, 12 часовъ—и какіе перемены вы дѣлаете для обѣда.

Въ первое лѣто, какъ я очутился въ деревнѣ, лѣто 1909 года, былъ необыкновенный урожай всѣхъ хлѣбовъ, урожай, подобнаго которому не помнили старики. Десятина дала отъ 100 до 250 пудовъ ржи и пшеницы. Отъ одной мѣры гороха выходило 20 мѣръ. Огородъ въ 60 кв. саж. давалъ 5 возовъ картофеля необыкновеннаго качества, при чемъ встрѣчались картофелины чуть не въ добрый арбузъ объемомъ, какъ будто это выращивалось въ парникахъ для выставки. Чтобы собрать этотъ урожай, крестьяне прилагали необыкновенныя усилія. Несмотря на то, что хлѣба посѣвали съ рѣдкой постепенностью (сначала рожь, потомъ пшеница, овесъ, просо и т. д.), богатства нивъ были столь обильны, что можно было разводить руками. И деревня, которую намъ такъ торопливо и несправедливо называютъ лѣннвой, превзошла такъ, сказать, самое себя. Я и теперь теряюсь сказать, когда въ эту страду спали крестьяне. Въ самую глухую ночь, когда была луна (свѣтло, можно работать!), я неизмѣнно слышалъ размѣренный стукъ цѣповъ на крестьянскихъ гумнахъ. А эти люди передъ тѣмъ цѣлый день косили, вязали снопы, возили ихъ съ поля или готовили паръ подъ посѣвъ будущаго года. Праздниковъ почти не существовало. Такъ называемые торжественные дни, когда столицы у насъ разукрашиваются грязными и рваными флагами, для деревни вообще не существуютъ. Она чтитъ исключительно церковные праздники, Божескіе и въ честь разныхъ святыхъ. Но въ этотъ годъ пришлось число и этихъ праздниковъ сократить. Я, на примѣръ, видѣлъ въ поляхъ крестьянъ, работавшихъ въ день одного изъ особенно чтимыхъ святыхъ—пророка Іліи. По субботамъ обыкновенно крестьяне моются въ баняхъ. Тутъ и на это не хватало времени. Всѣ ходили арапами отъ черноземной пыли и только по утрамъ размазывали ее по лицу, кое-какъ умываясь двумя-тремя пригоршнями воды. Такъ же, конечно, работали и женщины. Чувствовалась целовкость и даже больше—стыдъ, когда въ этихъ обстоятельствахъ васъ заставляли спать. Урвавъ минуту, крестьянинъ приходитъ къ вамъ часовъ въ 8—9 утра, уже вдосталь наработавшись, а вы еще въ постели, потому что вы такъ привыкли. И знаешь при этомъ, что половину ночи ты былъ самымъ непронзводительнымъ образомъ за какой-нибудь газетой, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ партійнаго вранья и

партиіной однобокости или еще того хуже—за какой-нибудь «Анатемой», въ которой куцая мысль ходитъ разряженной, съ пристегнутымъ мистическимъ хвостомъ.

Еще о праздникахъ.

— Сейчасъ урядникъ пріѣзжалъ,—сообщилъ мнѣ мой приказчикъ въ «экономіи».

— Зачѣмъ?

— Къ старостѣ. Чтобы объявилъ: по праздникамъ отнюдь не торговать. Чтобы не смѣли! Онъ и въ лавочки заходилъ, да тамъ никого нѣтъ, всѣ въ полѣ.

У насъ въ деревнѣ двѣ лавочки. Ни вывѣсокъ и никакихъ отличекъ вы на нихъ не найдете. Обыкновенныя крестьянскія избы. Сторонній человекъ, желающій что-нибудь купить, безъ подробныхъ разспросовъ ихъ ни за что не найдетъ. Товару въ нихъ немногимъ больше, чѣмъ на грошъ. Есть (и то не всегда) керосинъ («гасъ», по здѣшнему), сахаръ, чай, иголки, нитки, нѣсколько отрѣзовъ сквернѣйшаго ситца, спички, махорка, вѣбла и т. п. Лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, когда хозяева лавочекъ вмѣстѣ съ прочими крестьянами съ утра и до ночи на работѣ, запасы этихъ товаровъ зачастую изсякаютъ. То нѣтъ спичекъ, то нѣтъ керосину. Да на послѣдній, какъ и на прочіе товары, въ это время спросъ падаетъ до послѣдней степени. Заря съ зарей сходится, и крестьяне ложатся спать и поднимаются не вздувая огня. А ситець, платки и т. п. потребуются только осенью, когда поля окончательно опустѣютъ и деревня перейдетъ на зимнее положеніе.

Въ земледѣльческой Россіи существуютъ только эти два сезона — съ весны до октября—работы около хлѣба и затѣмъ до весны—отдыхъ, если хлѣбъ уродился. Въ той мѣстности Поволжья, о которой я говорю, никакихъ отхожихъ промысловъ нѣтъ и не занимаются работой на дому. Кажется, во всей нашей деревнѣ только одна баба-вдова уходитъ на зиму въ губернскій городъ, въ прачки. Есть крестьяне-ремесленники, но они зимами работаютъ у себя же дома: шорникъ дѣлаетъ и чинитъ хомуты, сапожникъ шьетъ сапоги, двое или трое плотниковъ поздней осенью и ранней весной тукаютъ топорами у своихъ одноподеревенцевъ. Въ городъ уходятъ только тѣ, кого земля перестала кормить, кто отъ нея ушелъ по той или другой причинѣ (лошадь пала, погорѣлъ, пропился до послѣдняго и проч.). Но это пока рѣдчайшія исключенія. Есть очень бѣдныя семьи, почти нищія, но онѣ продолжаютъ цѣпляться за крестьянскій трудъ. Даже въ молодыхъ сохраняется эта черта. Какихъ трудолюбивыхъ людей вижу я здѣсь изъ числа солдатъ, отслужившихъ свой срокъ. Это настоящіе земледѣльцы, и казарма ничуть не развратила ихъ.

Но это между прочимъ.

Я хочу сказать, что складъ этой деревенской жизни такой, что лѣтомъ нѣтъ почти никакой торговли въ крестьянскихъ лавочкахъ. Нѣтъ ея потому, что все покупатели работаютъ въ полѣ и тамъ же работаютъ продавцы. Въ большихъ селахъ, гдѣ торгуютъ профессиональные купцы, дѣло иное. Тамъ, подѣ вывѣской «мелочная торговля» торчитъ или самъ хозяинъ, или его подручный. Но въ деревнѣ, въ настоящей «крестьянской» лавочкѣ торговля находится въ полной зависимости отъ озимаго или ярового посѣва.

— Степанъ, — говорите вы, на примѣръ, приказчику въ экономіи, — слетай въ лавочку, возьми спичекъ. Все вышли.

— Да никого дома нѣту.

— Попробуй. Можетъ, старуха дома осталась.

Степанъ идетъ и черезъ десять минутъ возвращается съ пустыми руками: у обоихъ лавочниковъ избы на замкахъ. Одинъ, оказывается, свозитъ на гумно снопы, а другой подсолнечники («подсолнухи») молотить.

На счастье, у Степана сохранился одинъ «коробокъ» спичекъ.

Бѣда, если у васъ вышелъ весь запасъ керосина — въ июнѣ, въ июлѣ вы не найдете его у лавочниковъ въ деревнѣ.

— Куда теперь изъ-за «гасу» въ городѣ лошадь гонять, — говорятъ они. — И самимъ недосугъ, и лошадь измаялась: вчера снопы возила, сегодня весь день молотила (при помощи камня), а завтра парь думаемъ парить.

Словомъ, въ теченіе всей рабочей поры деревенскія лавочки не торгуютъ шесть дней въ недѣлю. Для нихъ остается одинъ-единственный день, т. е. воскресенье. И это приложимо и въ отношеніи сельской торговли, потому что все крестьянское населеніе въ будни занято работой виѣ дома и только въ праздникъ можетъ найти минуту, чтобы купить себѣ необходимое. Миѣ самому не одинъ разъ приходилось бывать въ сосѣднемъ селѣ, куда я ѣздилъ два раза въ недѣлю за почтой. Дни были будніе, и въ лавочкѣ я встрѣчалъ только «избранную» публику, какъ и я, пріѣхавшую за письмами и газетами. Крестьянъ — никого.

И вдругъ запрещеніе торговли по праздникамъ.

— Отъ кого же это идетъ? — спрашивалъ я потомъ старосту.

— Да урядникъ говоритъ, что отъ исправника приказъ.

Возможно, что исправникъ, сидя въ уѣздномъ городѣ, между двумя пульками придумалъ эту штуку. Но всего вѣрнѣе — мудрое распоряженіе идетъ изъ «губерніи». Для губернскаго города установили «обязательное» постановленіе и, кстати, распространяютъ его и по всей окрестности. Думаютъ, что это совершенно все равно, что повсюду запретить имѣть при себѣ оружіе. Это такъ же важно. Револьвера нельзя имѣть и недопустимо продать на копейку чаю и на копейку сахару, потому что воскресный день долженъ быть посвященъ молитвѣ и отдыху.

Само собою, распоряженіе было объявлено, вступило въ силу и не соблюдалось, такъ какъ соблюдать его было сплошной бессмыслицей. При соблюденіи его, бабы не могли бы починить мужикамъ рубахъ и портковъ, такъ какъ сидѣли бы безъ нитокъ. Какъ разъ въ праздникъ нельзя было бы попить чайку, ибо фунтовыхъ запасовъ у мужика нѣтъ, а на дневную праздничную порцію, по этому «закону», онъ не имѣлъ бы права. Глупое распоряженіе своимъ слѣдствіемъ имѣло лишь то, что деревенское начальство получило еще одинъ новый поводъ къ усиленному обложенію лавочниковъ. Они, при случаѣ, должны выставить для угощенія пару пива, дать пачку папирсовъ, четвертку чая или сколько-нибудь мелкой монеты. Вотъ и всѣ результаты этого праздничнаго отдыха, устанавливаемаго для торговли въ деревнѣ. Стоило ли ради этого проявлять административное усердіе?..

Въ государственной думѣ обсуждался вопросъ о часахъ торговли и праздничномъ отдыхѣ. Въ газетныхъ отчетахъ о преніяхъ по этому поводу я ни разу не встрѣчалъ упоминанія о деревнѣ. Можетъ быть, я какъ-нибудь пропустилъ эту подробность. Но если дѣйствительно «высокая палата» имѣла въ виду всю Россію, городскую и деревенскую, подвести подъ одинъ общій законъ,—она совершила большую ошибку. Это промахъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ уменьшеніе или увеличеніе часовъ торговли на часъ или на два. Сколько въ Россіи городовъ и сколько въ ней деревень? Деревенскихъ лавочекъ найдется, пожалуй, больше, чѣмъ городскихъ магазиновъ, которые исключительно имѣются въ виду и правой и лѣвой государственной думы.

VIII.

Здѣсь кстати упомянуть о томъ, какъ понимаютъ и знаютъ деревню въ Петербургѣ. Это, конечно, старая исторія, но у насъ охотно подновляютъ ее все новыми фактами.

Во-первыхъ, крестьянскій банкъ. Отъ него вышло такое распоряженіе: ни снопа съ поля крестьянамъ не давать, пока арендные деньги за землю цѣликомъ не будутъ внесены. Нужно имѣть очень умную голову, чтобы сочинить такое распоряженіе и съ спокойной душой уѣхать на дачу, отбывъ «присутственные часы». Получилась сплошная нелѣпность. Какъ всякому извѣстно, весной и лѣтомъ, до продажи хлѣба новаго урожая, въ деревнѣ денегъ нѣтъ. Платить, слѣдовательно, нечѣмъ. Совершить заемъ—для этого у насъ пока нѣтъ такого деревенскаго кредита. Занимать у кулаковъ?—но это значитъ остаться и безъ хлѣба, и безъ денегъ. Въ виду этого, всюду у насъ практикуется такое правило: крестьянинъ получаетъ извѣстную часть посѣва, продастъ ее и расплачивается. Иначе нельзя. Но крестьянскій банкъ со здравымъ смысломъ имѣть дѣла

не желаетъ. И на его земляхъ стояли не убранные снопы, и крестьяне не имѣли ни хлѣба, ни денегъ. Да еще хорошо было то, что погода все время стояла на диво ведрая и сухая, а поиди дожди—хлѣбъ сгнилъ бы не обмолоченнымъ. Кто тогда вознаградилъ бы убытки и посѣвщиковъ, и банка? Къ счастью, въ данномъ случаѣ помогла мѣстная и столичная печать, указавшая на то непониманіе дѣла, которое обнаружили радѣтели крестьянскаго благополучія, и въ результатѣ, хотя и съ неизбѣжнымъ запозданіемъ, пришло изъ Петербурга новое распоряженіе: выдать крестьянамъ половину жатвы, а остальное по уплатѣ денегъ.

Затѣмъ заявило о себѣ военное министерство: въ самый разгаръ полевыхъ работъ пришло приказаніе явиться запаснымъ на повѣрочные сборы, на августъ мѣсяць!.. Просто не вѣрилось самому себѣ, когда услышалъ объ этомъ. И запасные были собраны, и отправилась маршировать въ губернской городъ. Сколько тутъ было настоящаго горя и самыхъ неподдѣльныхъ слезъ! У насъ въ деревнѣ оказалось нѣсколько семей, въ которыхъ запасный—единственный работникъ. У него, кромѣ жены и малолѣтнихъ дѣтей, никого нѣтъ. При чемъ, спрашивается, осталась баба, когда мужъ ушелъ на военный сборъ? У нея на рукахъ дѣти и, примѣрно, двѣ-три десятины посѣва. Косить она не можетъ, но и жать серпомъ тоже не въ состояніи, потому что не на кого бросить дѣтей. Но, положимъ, она оставила дѣтей свиньямъ на сѣденіе—развѣ одна женщина въ силахъ убрать, т. е. скосить, сложить въ кресты, свозить на гумно, обмолотить, провѣять и свезти на продажу десятину ржи и десятину пшеницы? Взять работника? Но въ ту пору у насъ не найти рабочихъ. Въ помѣщичьихъ экономіяхъ хлѣбъ осыпался на корню, именно потому, что рабочихъ рукъ не достать было ни за какую цѣну. У мѣстныхъ крестьянъ своя работа, а пришлые, въ центральныхъ пунктахъ наемки, разбирались нарасхватъ, и ихъ не хватало. Урожай былъ по всей Россіи, и большинство находило работу, не уходя далеко отъ своихъ гнѣздъ.

Такъ въ самый рабочій мѣсяць запасные и сидѣли въ казармахъ, какъ будто нельзя было вызвать людей туда ни раньше на мѣсяць, на полтора, ни позднѣе. Иные, благодаря этому, потеряли весь свой посѣвъ, а болѣе счастливые кое-какъ убрали его въ то время, когда всѣ поля уже опустѣли и начались дожди. Они потеряли въ цѣнѣ хлѣба.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что сборы запасныхъ, если я не ошибаюсь, были произведены по всей Россіи въ одинъ срокъ, въ августъ. Если бы это происходило въ военное время, тутъ возражать было бы излишне. Но дѣло въ томъ, что войны не предвидѣлось, а имѣлись въ виду только учебные сборы. А ихъ, безъ сомнѣнія, возможно было произвести и съ нѣкоторымъ пониманіемъ земледѣльческой Россіи. Въ южныхъ губерніяхъ, пожалуй, удобенъ

для военныхъ упражненій и августъ, такъ какъ тамъ къ этому времени уборка хлѣбовъ на поляхъ, пожалуй, уже закончена. Но для средней Россіи и Поволжья это самая страда. Для губерній болѣе сѣверныхъ, опять-таки, существуютъ для полевыхъ работъ иные сроки. И не знать этого военному министерству, казалось бы, непростительно. Вѣдь не первый же годъ производятся эти учебные сборы запасныхъ солдатъ. Но, очевидно, именно 1909 годъ былъ учебнымъ и для министерства. Вѣроятно, вопли были слишкомъ громки: въ слѣдующемъ году запасныхъ опять призывали, но предварительно имъ дали убратъся съ хлѣбомъ. Возможно, что въ будущемъ этотъ урокъ опять будетъ позабытъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ два вѣдомства знаютъ деревенскую жизнь и какъ подходятъ къ ней безъ тѣни недоброжелательства, но въ дѣйствительности—точно злой врагъ. Что вы хотите?—каждый разъ вотъ такъ. Мнѣ передавали, что, напр., августъ мѣсяцъ для учебныхъ сборовъ былъ назначенъ даже, такъ сказать, съ благотворительной цѣлью, чтобы запаснымъ не было холодно, когда ихъ соберутъ. А на самомъ дѣлѣ лучше было бы, если бы ихъ созвали въ самые лютые рождественскіе морозы: тогда не болѣло бы сердце о брошенномъ на произволь судьбы хлѣбѣ...

Но и хлѣбъ оставляли въ полѣ для крестьянскаго банка, и шли повторять военную науку, если и не безропотно, то все же покорно. Ругались мужики крѣпко, но начальство обязываетъ; это, значить, поважнѣй, чѣмъ пужда заставляеть, или, по-нашему, *poblesse oblige*. Дѣваться некуда. А досадливое чувство вы, я думаю, тутъ извините, при паличности поразительной начальственной неосвѣдомленности, играющей судьбой многихъ тысячъ работающихъ и, пока что, смиренныхъ людей.

С. Гусевъ (Слово-Глаголь).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

Убійство.

АСЪ тому назадъ мѣщанинъ Г. пятью выстрѣлами изъ револьвера убилъ свою жену. Убійца задержанъ на мѣстѣ преступленія и сознался. Полиція передала уже дѣло судебному слѣдователю. Намъ поэтому не предстоитъ никакой работы, — докладывалъ начальнику сыскной полиціи агентъ.

— Какіе у него были мотивы для совершенія преступленія? — спросилъ начальникъ.

— Ревность. Жена недавно ушла отъ него. Сошлась съ другимъ. Онъ пришелъ къ ней на квартиру и застрѣлилъ. Поэтому я и докладываю, что намъ дѣлать нечего, — объяснялъ агентъ. — Дѣло чистое, — добавилъ онъ съ радостнымъ лицомъ.

Убійца былъ задержанъ на мѣстѣ преступленія и сознался. Разыскивать убійцу и стараться собирать для его обвиненія улики не нужно. Поэтому агентъ и радовался, что дѣло чистое. Какова была семейная жизнь супруговъ, что побудило жену уйти отъ мужа и почему мужъ убилъ жену, агента не интересовало. Если онъ и говорилъ, что убійство было изъ ревности, то, несомнѣнно, по догадкѣ. Съ своей точки зрѣнія, агентъ былъ правъ. У него были другія, неотложныя дѣла, ежеминутно могли возникнуть новыя, и поэтому онъ считалъ излишнимъ собирать дальнѣйшія свѣдѣнія по этому дѣлу.

Начальникъ сыскной полиціи отнесся къ дѣлу серьезно. Поручивъ чиновнику для порученій собрать подробныя свѣдѣнія о личности убійцы и убитой, онъ отправился взглянуть на преступника.

Черезъ нѣсколько дней картина преступленія уже ярко обрисовалась. Драма разыгралась между лицами преступнаго міра.

Красивый молодой человекъ Г. занимался темными дѣлами. Главнымъ источникомъ для добыванія денегъ ему служила карточная игра. Если ему представлялся удобный случай, онъ не отказывался и пошантажировать. Украсть же что-нибудь онъ былъ не въ состояніи. Это онъ считалъ безнравственнымъ. Вращаясь тѣмъ не менѣе среди преступнаго міра, онъ встрѣтился съ дѣвицей К., занимавшейся кражами изъ магазиновъ, и влюбился въ нее.

Дѣвица К. извѣдала уже много горя въ жизни. Чувствовала она себя не лучше затравленнаго звѣря. Сколько именно совершила она кражъ, припомнить она не могла, но попалась она два раза. Этого она никогда не забывала. Она знала, что надъ нею, какъ Дамокловъ мечъ, висѣли справки о судимости, въ которыхъ было сказано, что она два раза отбыла тюремное заключеніе за кражи. Ей было объяснено, что, если она попадется еще разъ, ее не пощадятъ, осудятъ и затѣмъ, послѣ выхода изъ тюрьмы, вышлютъ изъ Петербурга на четыре года. Между тѣмъ она привыкла къ этому легкому для нея способу добыванія денегъ и не старалась найти другихъ занятій. Да и какую работу она могла бы найти! Кто согласился бы взять на службу ее, завѣдомую воровку!..

Сойдясь съ Г., дѣвица К. употребила все мѣры, чтобы выйти за него замужъ. Не говоря уже о томъ, что Г. не нуждался и жилъ хорошо, былъ молодъ и красивъ, она при выходѣ замужъ навсегда разставалась со своимъ ненавистнымъ дѣвичьимъ именемъ. Мало ли что могло случиться. Вѣдь могла же она какъ-нибудь нечаянно, покупая одну вещь, по ошибкѣ захватить и другую. Если бы по недоразумѣнію ее и задержали, она предстала бы передъ судомъ подъ новою фамиліей, какъ никогда не судившаяся.

Долго Г. не поддавался уговорамъ К. и только черезъ два года, когда убѣдился, что она ему не измѣняетъ, женился на ней.

Молодая жена очень скоро почувствовала всю тяжесть супружескаго счастья. Все ея мечты сдѣлаться барыней разлетѣлись въ прахъ. Она очутилась въ роли простой кухарки. Долго она не могла примириться съ такимъ положеніемъ, но на все ея просьбы, жалобы и доказательства, что у нихъ достаточно средствъ для найма прислуги, ей приходилось выслушивать одну и ту же отвѣдь.

— Неужели ты думаешь,—говорилъ мужъ:—что я могу пойти по улицѣ рядомъ съ тобой или посадить тебя за одинъ столъ съ моими знакомыми. Я бываю въ клубахъ, извѣстенъ тамъ, какъ богатый саратовскій помѣщикъ, знакомъ съ порядочными людьми

и никогда ни въ чемъ дурномъ замѣченъ не былъ. Всѣ знакомыя дамы считаютъ меня холостымъ. И ты хочешь, чтобы я такъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, передъ всѣми объявилъ бы тебя своею женой. Тебя, магазинную воровку! Я не такъ глупъ, какъ ты думаешь. Ты должна помнить, что я тебя вытащилъ изъ грязи и твое преступное имя покрылъ своимъ, незапятнаннымъ! Молчи и не выводи меня изъ терпѣнія. Скажите, пожалуйста, она, преступница, осмѣливается думать о предъявленіи какихъ-то правъ!.. Кстати, надѣюсь, что ты бросила свою преступную дѣятельность и не положишь пятна на мое чистое имя.

Послѣднюю фразу Г. добавлялъ потому, что у него возникали сильныя подозрѣнія, что его супруга время отъ времени попрежнему совершаетъ кражи въ магазинахъ. Разсматривая сдѣланныя женою покупки, онъ не разъ невольно удивлялся неимоверной дешевизнѣ ихъ.

Прочитавъ наставленіе и побранивъ за плохо изготовленный обѣдъ, мужъ ложился спать и, выславшись, часовъ около восьми вечера уходилъ на всю ночь.

Невесело, такимъ образомъ, жилось женѣ его. Больше же всего страдало ея самолюбіе. Ей чаще и чаще приходила мысль уйти отъ мужа. Куда, однако, уйти? Чѣмъ жить? Честнымъ трудомъ жить она и не умѣла, и не хотѣла, и не могла. Добывать средства къ жизни опять исключительно однимъ воровствомъ—опасно. Такъ, иногда, между прочимъ, въ видѣ спорта, совершить кражу—это другое дѣло, каждый же день—нельзя. Сдѣлаться профессиональной проституткой она не хотѣла, увлечь же кого-нибудь она не надѣялась. За время супружеской жизни красота ея значительно поблекла. Послѣ долгаго размышленія она рѣшила понравиться какому-нибудь старичку.

«Всѣ мужчины глупы и самолюбивы,—разсуждала она.—Если я любому старику стану доказывать, что онъ еще красивъ, свѣжъ и бодръ, это ему понравится. Когда же я ему скажу, что я въ него, дурака, влюблена, онъ повѣритъ и возьметъ меня на содержаніе. Хоть и противно будетъ жить съ развалиной, а все-таки будетъ легче, чѣмъ съ этимъ самолюбивымъ красавцемъ, эгоистомъ».

Если женщина чего захочетъ, она добьется своего. Послѣ усиленныхъ поисковъ она нашла стараго, толстаго вдовца, прикащика изъ мелочной лавки, котораго быстро, что называется, околпачила. Черезъ мѣсяць она жила уже на отдѣльной квартирѣ.

Уходъ жены подѣйствовалъ на Г. прекрасно. Онъ былъ доволенъ. Давно она уже надоѣла ему и только стѣсняла его. Получивъ отъ нея записку, что она оставляетъ его навсегда, онъ немедленно нанялъ миловидную прислугу и не подумалъ о наведеніи справокъ, куда ушла жена и чѣмъ думаетъ жить. Черезъ нѣсколько времени его потребовали въ управленіе полицейскаго участка.

Это сильно его обезпокоило. Онъ думаль, что жена его опять попалась въ кражѣ. Узнавъ, къ своему удовольствію, что тревога его была напрасна и что его приглашаютъ вслѣдствіе просьбы его жены о выдачѣ ей отдѣльнаго вида на жительство, онъ тотчасъ же согласился на это, благо она не требовала отъ него денегъ на содержаніе.

Время шло. Г. былъ занятъ своими дѣлами и сталъ было забывать о существованіи жены, какъ вдругъ случайно увидѣлъ ее въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній подъ руку съ противнымъ старикомъ. Она была расфранчена, весела и усиленно ухаживала за своимъ кавалеромъ. Г. подумаль, что жена его стала проституткой, молча выругался, упрекнулъ себя въ женитьбѣ на ней и наконецъ успокоилъ себя тѣмъ, что этого всегда нужно было отъ нея ожидать. Не желая встрѣчаться съ падшей женщиной, онъ сейчасъ же оттуда ушелъ.

Встрѣча съ женой произвела, однако, на него гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Если бы онъ увидѣлъ ее бѣдно одѣтой, голодной, несчастной, онъ гордо прошелъ бы мимо и сказалъ бы, что неблагодарная никакой жалости не заслуживаетъ. Между тѣмъ она, повидимому, была довольна своимъ теперешнимъ положеніемъ. Какъ онъ ни старался больше не думать о ней, но мысль о женѣ его преслѣдовала. Онъ сталъ наводить о ней справки. Скоро онъ узналъ, что жена его у старика на содержаніи.

Это его страшно поразило. Какъ, его, молодого, красиваго, и промѣнять на стараго, противнаго старика! Ему не хотѣлось этому вѣрить. И мелочное самолюбіе, и фальшивая гордость были возмущены. Сейчасъ же онъ послалъ женѣ письмо, требуя немедленнаго ея возвращенія домой. Никакого отвѣта на письмо онъ не дождался. Тогда онъ самъ отправился къ ней.

— Какъ ты смѣешь трепать мое незапятнанное имя!—гремѣлъ онъ, наступая на жену.—Сейчасъ же ступай домой!

— Не пойду. Мнѣ здѣсь хорошо!

— Со старикомъ уродомъ?

— Онъ въ тысячу разъ лучше для меня, чѣмъ ты, молодой.

— Въ послѣдній разъ говорю: пойдѣмъ домой!

— Уйди ты отъ меня, постылый! Картежникъ! Если не уйдешь, — дворника позову.

— А... когда такъ... получай!

Съ этими словами взбѣшенный Г. выхватилъ изъ кармана револьверъ и выпустилъ въ жену пять пуль.

Присяжными засѣдателями Г. былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ жены въ состояніи запальчивости и раздраженія и былъ присужденъ окружнымъ судомъ на нѣсколько лѣтъ въ каторжныя работы.

II.

Покушеніе на самоубійство.

— По телефону съ Варшавскаго вокзала только что дали знать, — докладывалъ агентъ начальнику сыскной полиціи:—что онъ отравился, а она бросилась подъ поѣздъ. Ее хотя и успѣли спасти, но колесами отрѣзало ей ногу. Онъ тоже еще живъ. Оба отправлены въ больницу.

— Кто же это онъ и она?

— Фамиліи ихъ еще не извѣстны. Какая-то молодая интеллигентная парочка. Исторія любовная.

— Поѣзжайте сейчасъ же въ больницу и соберите подробныя справки,—приказалъ начальникъ.

Часа черезъ два агентъ возвратился вмѣстѣ съ героемъ романа.

Это былъ болѣзненный, худосочный молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ. Сутуловатый и некрасивый, онъ производилъ жалкое впечатлѣніе.

— Какъ видите, господинъ начальникъ—докладывалъ агентъ:— онъ совершенно здоровъ. Ея же жизнь находится въ опасности. Всѣ свѣдѣнія по дѣлу собраны.

Романическая исторія молодыхъ людей не была запутанной.

Онъ представлялъ собою обыкновенный типъ юноши, окончившаго въ провинціи городскую школу и явившагося въ Петербургъ искать счастья. На первомъ планѣ у него стояло желаніе поступить въ консерваторію.

Она была дочь чиновника, курсистка. Познакомилась она съ нимъ у одной подруги по курсамъ, у которой и стала встрѣчаться съ нимъ очень часто. Разказы его о своей прежней невеселой жизни въ провинціи, стремленіе его попасть въ консерваторію, куда онъ не выдержалъ экзамена, и вообще бѣдственное его положеніе возбудили къ нему въ ней большую жалость. Она стала принимать въ его судьбѣ горячее участіе. Какъ гимназисты старшихъ классовъ любятъ заниматься развитіемъ подростковъ-гимназистокъ, такъ и она увлеклась задачей воспитанія и образованія внимательно слушающей ее будущей музыкальной знаменитости. Изучая педагогику, она рѣшила примѣнить на практикѣ теорію. Конечно, для того, чтобы стать знаменитостью, необходимо прежде всего быть человѣкомъ образованнымъ. Поэтому, если, по тѣмъ или инымъ причинамъ, нельзя получить образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи, нужно заняться самообразованіемъ. Какъ руководительница, она указала на тѣ книги, которыя онъ долженъ былъ прочитать, и стала изготовлять для него рефераты по разнымъ отраслямъ науки. Развивая передъ нимъ философскія теоріи, по необходи-

мости она должна была коснуться и религiи. Хотя она по своимъ взглядамъ и была равнодушна къ религiознымъ обрядамъ, тѣмъ не менѣе она была истинной христіанкой. Такъ какъ онъ оказался iудеемъ, она стала проповѣдывать ему о преимуществахъ христіанской вѣры.

Однажды послушный ученикъ, вмѣсто отвѣта на заданную тему, неожиданно заявилъ, что онъ желаетъ жепиться на своемъ учителѣ. Вслѣдъ затѣмъ у нея промелькнула идея, что будетъ очень трогательно имѣть мужа, который былъ ею самою найденъ, ею воспитанъ и образованъ, ею же краснорѣчивой проповѣдью обращенъ въ христіанскую вѣру и который, въ концѣ концовъ, благодаря ея трудамъ и заботамъ о немъ, станетъ знаменитостью. Самолюбіе ея было вполне удовлетворено. Если она теперь, будучи еще курсисткой и имѣя всего лишь двадцать два года отъ роду, достигла своимъ преподаваніемъ такихъ успѣховъ, то, несомнѣнно, при наступающемъ равноправіи женщинъ она сдѣлается также знаменитостью. Понравилось ей также и то, что предложеніе вышло такое оригинальное, не шаблонное. Поэтому, не долго разсуждая, она отвѣтила, что она даетъ свое согласіе выйти за него замужъ, если онъ приметъ православіе. Конечно, онъ потому только и сдѣлалъ предложеніе, что рѣшилъ креститься.

Возвратившись домой, она восторженно стала говорить своей матери о значеніи женщины вообще и о предстоящей ей лично блестящей будущности въ частности. На замѣчаніе матери, что это однѣ только мечты, она отвѣтила: «А то, что я выхожу замужъ, это уже не мечты». Мать улыбнулась и сказала, что хотя въ ея годы и пора уже подумывать о замужествѣ, но что отъ слова влюбиться до слова жениться очень далеко.

— Я и не думала влюбляться, — объявила дочь. — Онъ тоже не влюбленъ. Теперь вѣкъ романтизма прошелъ. Пора жить однимъ разсудкомъ.

Когда о проектахъ дочери узналъ отецъ, онъ сталъ разузнавать о личности будущаго зятя. Достаточно было нѣсколькихъ справокъ, чтобъ убѣдиться въ полномъ ничтожествѣ этого мальчишки.

Долго родители уговаривали свою дочь опомниться и, наконецъ, рѣшительно ей заявили, что они никогда не дадутъ своего ей разрѣшенія выйти замужъ за подобнаго субъекта. Гордо заявивъ родителямъ, что у нея съ женихомъ сильныя руки и здоровыя головы, что они обойдутся безъ всякой помощи и сами сумѣютъ устроить свою будущую совмѣстную жизнь, дочь отправилась на свиданіе съ женихомъ.

Смѣло и бодро стала она развивать ему свой взглядъ на самостоятельную и трудовую жизнь. Какъ увлекательно она ни говорила, однако рѣчь ея произвела совсѣмъ не то впечатлѣніе, котораго она ожидала. При первыхъ же ея словахъ о томъ, что отъ ея родителей

помощи ожидать нельзя, у него появилось разочарованное выраженіе. Выслушавъ ее до конца, онъ сталъ говорить, что хотя родители его и не такъ бѣдны, какъ онъ говорилъ, но что они, какъ только узнаютъ о перемѣнѣ имъ религіи, несомнѣнно, откажутъ ему во всякой помощи. Что же касается личнаго труда, то до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ курса въ консерваторіи, едва ли онъ въ состояніи будетъ заработать кусокъ хлѣба. На всѣ дальнѣйшія философскія размышленія и подбадриванья онъ отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ. Наконецъ она спросила, на что же онъ рассчитывалъ, дѣлая ей предложеніе. На это онъ откровенно признался, что онъ предполагалъ, что ему, какъ будущему зятю, ея родители пре оставятъ пока, на первый разъ, бесплатную квартиру и столъ.

Пришибленная невѣста, грустно опустивъ голову, возвратилась домой. Здѣсь она застала нѣсколько молодыхъ подругъ, родственницъ. Сейчасъ же онѣ стали спрашивать ее, правда ли, что она очень влюблена и выходитъ замужъ. Перебивая одна другую, онѣ просили познакомить ихъ съ ея женихомъ, который, разумѣется, очень интересный. Она, вѣдь, всегда такъ много говорила о своей любви къ эстетикѣ, что онѣ не сомнѣваются, что избранный ею долженъ быть идеально красивымъ. Передъ нею мелькнула тщедушная фигура и некрасивое лицо. Нервы не выдержали. вмѣсто отвѣта она разревѣлась.

Рѣшивъ отбросить всякую мысль о замужествѣ и не желая встрѣчаться больше со своимъ бывшимъ женихомъ, она перестала ходить къ подругѣ. Дней черезъ десять она получила отъ него отчаянное письмо, въ которомъ онъ въ первый разъ, пылко объяснялся въ любви. Ей это очень польстило, и потянуло взглянуть на влюбленнаго.

Когда она пришла къ подругѣ, онъ былъ уже тамъ. Сейчасъ же онъ объявилъ ей о полученіи письма отъ родителей, которые принципиально даютъ свое согласіе на ихъ бракъ и на перемѣну имъ религіи и обѣщаютъ оказывать ему матеріальную поддержку. Ставятъ они только одно условіе, а именно желаніе познакомиться съ нею до свадьбы. Поэтому онъ умоляетъ ее съѣздить вмѣстѣ съ нимъ къ его родителямъ въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ.

Обрадованная, что въ концѣ концовъ ея мечта будетъ приведена въ исполненіе, она, возвратившись домой, попросила у родителей дать ей денегъ на дорогу. Ей отвѣтили, что денегъ не дадутъ и что считаютъ его простымъ обманщикомъ, желающимъ возвратиться домой на ея счетъ. Сколько ни говорила она въ его защиту, какъ ни горячилась, денегъ ей не дали. Тогда она рѣшилась ухватъ съ нимъ тайно. Подруга, у которой она попросила денегъ взаймы, хотя и дала ей извѣстную сумму, но посоветовала прежде, чѣмъ хватъ съ нимъ, убѣдиться въ правдивости его словъ, потому что

въ послѣднее время нѣкоторые его поступки заставляютъ относиться къ нему съ большимъ недоумѣніемъ. День отъѣзда между тѣмъ былъ уже назначенъ.

Явившись на вокзалъ, она подошла къ ожидавшему ее уже тамъ жениху и потребовала показать ей письмо его родителей и, кромѣ того, дать ей клятву, что онъ не лжеть. Отвѣтивъ, что среди публики разговаривать о такомъ интимномъ дѣлѣ неудобно, онъ предложилъ окончательно разрѣшить все вопросы въ вагонѣ. Эта уклончивость произвела на нее неблагоприятное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе ей не хотѣлось отступать отъ принятаго рѣшенія, и она пошла брать билеты. Когда они подошли къ вагону и она увидѣла слезы на глазахъ у нѣкоторыхъ изъ провожавшихъ своихъ родныхъ, она невольно вспомнила о своихъ родителяхъ. Ей стало грустно, и какая-то тяжесть придавила ей грудь.

Отозвавъ въ сторону жениха, она потребовала отъ него рѣшительнаго отвѣта, заявивъ, что до полученія его она не сядетъ въ вагонъ. Клянясь въ любви, мямля и сбываясь, онъ вынужденъ былъ отвѣтить, что никакого письма отъ своихъ родителей онъ не получалъ.

— Я убѣжденъ,—добавилъ онъ:—что родители, какъ только увидятъ васъ, сейчасъ же дадутъ свое согласіе на нашъ бракъ.

— А если они не согласятся? Если они возстанутъ противъ переменъ вами религіи?

— Тогда вы докажете свою любовь ко мнѣ. Тогда вы примете нашу вѣру.

Пораженная его словами, она инстинктивно отшатнулась отъ него. У нея потемнѣло въ глазахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она не съ состояніи была произнести ни слова. Наконецъ она опомнилась и рѣшительно заявила, что она отказывается ѣхать и разстается съ нимъ навсегда.

Между тѣмъ ударилъ второй звонокъ.

— Ёдете со мной или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Если не поѣдете,—я отравлюсь!

— Достаточно уже обмана! Я не такая дура, какъ вы думаете.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте!...

Проговоривъ это, онъ вытащилъ изъ кармана небольшую бутылочку, глотнулъ и безпомощно опустился на полъ.

Она никакъ этого не ожидала. Не сознавая, что она дѣлаетъ, съ безумнымъ крикомъ: «онъ отравился», она бросилась подъ начинавшій двигаться уже поѣздъ. Ее успѣли схватить за руки и оттащить въ сторону. Одна нога, однако, оказалась раздробленной.

Когда отнесли безчувственную дѣвушку въ пріемный покой, вспомнили объ отравившемся. Его нашли спокойно стоявшимъ среди равнодушныхъ зрителей. Заявленію его, что онъ здоровъ,

не повѣрили и отравили въ больницу. Удостоверившись, что онъ выпилъ не отраву, а простую воду, его задерживать не стали.

— Я очень былъ взволнованъ тѣмъ, что невѣста отказалась ѣхать со мной. У меня едѣлось сердцебиеніе, и поэтому я выпилъ воды изъ бутылочки. Сказалъ: «прощайте», потому, что намѣревался сѣсть въ вагонъ и уѣхать. Не понимаю, почему ей показалось, что я отравился. Я никогда не говорилъ, что отравлюсь,—оправдывался герой романа.

Какъ не совершившій ничего преступнаго, онъ былъ отпущенъ на свободу и въ тотъ же день уѣхалъ изъ Петербурга.

Дѣвицѣ отняли погу, и она стала выздоравливать. Родители ее пробовали было возбудить противъ него уголовное обвиненіе, но прокуроръ, не найдя состава преступленія, отказалъ имъ въ этомъ.

III.

Цыганка.

Однажды лѣтомъ Николай Сергѣевичъ Разгоновъ, мужчина пожилыхъ лѣтъ, въ платьѣ иностраннаго покроя, шелъ по Невскому проспекту и внимательно разглядывалъ его.

«Да, на много измѣнился Петербургъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ немъ былъ послѣдній разъ. Какіе дома, магазины! Есть не хуже заграничныхъ. Просто не узнаю. И немудрено,—двадцатипятилѣтній срокъ не короткій. Уѣзжая за границу, я предполагалъ, что назадъ никогда уже не возвращусь. Путешествуя все по новымъ и новымъ мѣстамъ, изучая нравы и обычаи незнакомыхъ народовъ, я совершенно забылъ о родинѣ. Теперь же всѣми фибрами души я чувствую, что я русскій. Все мнѣ близко, какъ родное, все мнѣ правится, все мнѣ пріятно».

Такія мысли проносились въ головѣ Разгонова. Съ лица его не сходила улыбка, и даже висѣвшая въ воздухѣ брань дворника съ извозчиками не коробила его ухо. Когда проходившій мимо полотерь толкнулъ его въ бокъ щеткой, онъ приподнял шляпу и извинился. Въ это время взглядъ его упалъ на шелшую ему навстрѣчу цыганку. Онъ замедлил шагъ и сталъ внимательно ее разглядывать.

Это была пожилая женщина въ широкой ситцевой грязной, пестраго цвѣта юбкѣ. На голову и плечи былъ наброшенъ яркочернаго цвѣта шелковый платокъ. Клоки черныхъ волосъ, вылъзая изъ-подъ платка, трепались въ беспорядкѣ по некрасивому лицу. На верхней губѣ пробивались усы. Хитрые глаза съ безпояростомъ бѣгали по сторонамъ.

Замѣтивъ устремленный на нее взглядъ, цыганка сейчасъ же подбѣжала къ Разгонову.

— Господинъ хорошій! Сейчасъ видно, что человекъ богатый и добрый. Очень, очень добрый. Бѣднымъ всегда помогаетъ,—быстро заговорила она:—дай руку, я тебѣ погадаю. Все расскажу, лишь на ладонь погляжу. Никто такой правды тебѣ не скажетъ, какъ цыганка Маша укажетъ.

Разгоновъ остановился и разсмѣялся.

— Какихъ только хиромантовъ и хиромантокъ я не встрѣчалъ,—добродушно сказалъ онъ.—Видалъ и маговъ и юговъ. Много фокусовъ видалъ я за границей.

— Я тебѣ, господинъ, фокусовъ показывать не буду. Расскажу только тебѣ сущую правду. Добрый господинъ, ты, вѣдь, все равно на бѣдность хотѣлъ мнѣ дать копеекъ тридцать. Дай же ихъ мнѣ поскорѣе и покажи мнѣ руку.

«А интересно, что она мнѣ скажетъ,—подумалъ онъ.—Конечно, ерунду. Да не все ли равно. Позабавимся. Начнемъ изучать отечественные нравы съ цыганокъ».

— Не могу же я показывать тебѣ руку на улицѣ. Уже и теперь только потому, что я съ тобой разговариваю, прохожіе смѣются,—замѣтилъ онъ.

— Пойдемъ сюда во дворъ,—заявила цыганка и пошла впередъ. Разгоновъ пошелъ вслѣдъ за нею.

Войдя во дворъ, цыганка безцеремонно схватила его за руку, мелькомъ взглянула на ладонь и заговорила, внимательно всматриваясь въ его лицо и стараясь замѣтить, какое впечатлѣніе производятъ ея слова.

— Ой, ой, ой! Какой ты счастливый, счастливый!—болтала она:—съ каждымъ годомъ у тебя счастья больше и больше.

Ироническая улыбка скользнула по лицу Разгонова.

— Самъ бывалъ виноватъ, если не пользовался счастьемъ,—уловивъ эту улыбку, замѣтила цыганка.—Не надо упускать счастья. И видѣлъ же ты много, много народовъ. И очень многое ты знаешь и еще больше знать хочешь. Только вотъ что я должна сказать тебѣ, господинъ хорошій. Линія есть у тебя на рукѣ одна странная. Надо бы на гущѣ кофейной погадать или другимъ способомъ. Вотъ что я придумала. Дай-ка мнѣ платокъ свой носовой.

Разгоновъ вынулъ платокъ.

— Положи теперь въ три угла по одному рублю и завяжи узелкомъ.

Разгоновъ досталъ кошелекъ и заглянулъ въ него.

— Рублей у меня нѣтъ.

— Тамъ у тебя все золото. Завяжи въ три угла по пятирублевику. Еще лучше будетъ.

Добродушно улыбаясь, Разгоновъ завязалъ 15 рублей.

— Теперь тебѣ я такъ скажу,—заявила цыганка, взявъ платокъ съ деньгами и быстро пряча его въ карманъ.—Приходи ты сюда послѣ-

завтра, ровно въ полдень. Я принесу тебѣ отвѣтъ. Очень доволенъ будешь.

— Ну, нѣтъ! оставь эти шутки. Давай платокъ.

— Ай, ай, ай! господинъ добрый, хорошій. Неужели ты думаешь, что цыганка обманетъ тебя. Приду и деньги въ цѣлости принесу. Всѣ возвращу. За гаданье дашь, сколько душа твоя захочетъ, хоть полтину только. Многое ты узнаешь, очень многое. Прощай!

— Постой. Давай-ка деньги. Не надо гаданья.

— И чего ты кричишь?! Такой умный, деликатный, образованный, добрый господинъ и хочешь обидѣть бѣдную цыганку. Ай, ай, ай! Послѣзавтра жди!

Съ этими словами цыганка скрылась. Стоявшій у воротъ младшій дворникъ улыбался. Чувствуя себя неловко, Разгоновъ поспѣшилъ уйти.

«Ну, и дурака же я сваялъ,—ругалъ онъ самъ себя.—Ничего не сказала, ничего новаго не узналъ и глупо отдалъ деньги. Не въ пятнадцати рублѣхъ дѣло, а въ томъ, что бессмысленно отдалъ ихъ первой встрѣчной цыганкѣ, которая, повидимому, и гадать не умѣетъ».

Добродушная улыбка исчезла съ его лица. Онъ взглянулъ на часы и, взявъ извозчика, отправился завтракать въ ресторанъ.

Въ 12 часовъ въ назначенный день Разгоновъ подходилъ къ мѣсту свиданья. Онъ былъ убѣжденъ, что цыганка надула его и не явилась. Къ величайшему его изумленію, она стояла уже у воротъ.

— Цыганка никогда не обманетъ добраго господина,—встрѣтила она его. — Вотъ твой платокъ,—продолжала она, вынимая его изъ кармана и вновь пряча.—Деньги тоже цѣлы. Здѣсь только неудобно говорить,—публика смотреть. Иди за мной!

Цыганка быстро зашагала по направленію къ Николаевскому вокзалу. Разгоновъ пошелъ вслѣдъ за ней. Свернувъ въ одинъ изъ переулковъ, она остановилась передъ второстепеннымъ трактиромъ.

— Накорми бѣдную цыганку,—предложила она, указывая на трактиръ.—Сегодня во рту еще капельки не было.

— Какъ же это я буду вмѣстѣ съ тобой?!.. и въ этомъ трактирѣ?!

— Комнату возьми отдѣльную. Не все ли равно тебѣ? Никто не узнаетъ, никто намъ и не помѣшаетъ. Много, много скажу тебѣ, господинъ хорошій.

«Дѣйствительно, не все ли мнѣ равно. Меня никто здѣсь не знаетъ. Приключеніе становится забавнымъ», рѣшилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Разгоновъ съ цыганкой сидѣли уже за столомъ въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Сначала поѣмъ и выпью,—заявила цыганка:—а потомъ уже серьезно за дѣло примусь. Неожиданность ждетъ тебя, большая неожиданность..

Разгоновъ сталъ разспрашивать ее о жизни и нравахъ цыганъ. Цыганка стала рассказывать, выставляя на первый планъ ихъ бѣдность.

Слушая ея оригинальную болтовню, Разгоновъ пришелъ въ самое лучшее настроеніе духа и потребовалъ бутылку шампанскаго.

Удовлетворивъ свой аппетитъ и похваливъ сладкое вино, цыганка вынула изъ кармана платокъ Разгонова и положила его на столъ.

— Гаданье мое было удачное,—сказала она.—Теперь я вижу, что ты гораздо добрѣе, чѣмъ я думала. Поэтому я хочу тебя отблагодарить, какъ слѣдуетъ, чтобы ты навѣкъ помнилъ меня. Вынь-ка еще четыре круглячка и положи сюда. Не бойся. Сейчасъ назадъ возьмешь съ прежними деньгами обратно. Видишь, я развязала узлы, и деньги твои цѣлы, лежатъ спокойно. Вынимай же скорѣе, пока я не опьянѣла и память не потеряла. Сейчасъ увидишь такое, что, повторяю, до конца жизни меня не забудешь.

Разгоновъ вынулъ четыре золотыхъ и положилъ на столъ. Цыганка взяла ихъ и опять стала завязывать ихъ въ узлы носового платка вмѣстѣ съ прежними.

— Деньги къ деньгамъ,—бормотала она.—Гдѣ одна была, тамъ двѣ. Одна кладется на другую и другая остается подъ одной. Всѣ вмѣстѣ будутъ въ одномъ мѣстѣ. Эта въ четвертомъ углу послѣдняя пусть будетъ первая. Бери теперь и держи въ кулакѣ три минуты. Такъ хорошо. Теперь давай опять мнѣ. Сейчасъ гадать буду.

Получивъ въ свои руки платокъ съ деньгами, цыганка неожиданно искривила лицо.

— Господинъ хорошій, ты меня напоилъ. Отъ непривычки нехорошо мнѣ стало. Погоди немножко. Сейчасъ приду.

Съ этими словами цыганка съ закатымъ въ рукѣ платкомъ шмыгнула въ дверь. Прождавъ ее съ четверть часа, Разгоновъ сталъ беспокоиться и позвонилъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ у вошедшаго лакея:—вы не видѣли, гдѣ цыганка?

— Она давно ушла-съ,—отвѣтилъ лакей.—Велѣла вамъ кланяться и благодарить.

Разгоновъ вскочилъ со стула.

— Какъ?! ушла!

— Такъ точно-съ.

Разгоновъ не сказалъ больше ни слова. Онъ былъ сильно сконфуженъ. Онъ поспѣшилъ уплатить по счету и уйти.

Ругая себя за глупую довѣрчивость, онъ вышелъ на Невскій проспектъ.

— Николай Сергѣевичъ, здравствуйте! О чемъ задумались?— остановилъ его чиновникъ, съ которымъ онъ успѣлъ познакомиться.— Неужели дымъ отечества, который вы вдыхали съ такимъ наслажденіемъ, уже пересталъ для васъ быть сладкимъ и пріятнымъ?

— Всегда бываетъ непріятно, когда почувствуешь себя дуракомъ.

— Въ чемъ дѣло?

Разгоновъ сначала не хотѣлъ посвящать своего знакомаго къ эту, какъ онъ выражался, глупую исторію, но потомъ все-таки рассказалъ. О томъ, что онъ завтракалъ вмѣстѣ съ цыганкой, онъ умолчалъ, объяснивъ, что видѣлся съ ней на улицѣ.

— Приставъ этого участка мой хорошій знакомый. Пойдемъ къ нему. Онъ немедленно разыщетъ эту цыганку,—предложилъ чиновникъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы предавать дѣло огласкѣ. Я игралъ такую смѣшную, глупую роль, что мнѣ стыдно признаваться, какъ меня легко было обмануть.

— Никто и знать не будетъ. Попросимъ пристава только разыскать ее и выслать. Вѣдь это дѣло общественное. Сколько народа она обманетъ еще.

— Съ этой точки зрѣнія—я согласенъ. Только, пожалуйста, чтобы не было огласки.

Черезъ четверть часа они были уже у пристава, который далъ обѣщаніе оказать всякое содѣйствіе. Записавъ заявленіе Разгонова, онъ далъ ему подписать протоколъ.

— Безъ этого нельзя. Формальность,— успокоилъ онъ Разгонова.

— Только, пожалуйста, если найдете цыганку, не посылайте мнѣ повѣстки въ гостиницу,—просилъ Разгоновъ.

— Я дамъ знать Михаилу Петровичу, который вамъ и сообщитъ,—опять успокоилъ его приставъ.

Черезъ нѣсколько дней Разгонова пригласили въ сыскную полицію и тамъ предъявили ему цыганку. Взглянувъ на задержанную, Разгоновъ сейчасъ же узналъ ее.

— Послушайте, отдайте мнѣ мой платокъ и деньги, и я прощу вамъ,—сказалъ онъ ей.

— Господинъ хорошій, я въ первый разъ васъ вижу и никакихъ денегъ у васъ не брала,—отвѣтила она.

Разгоновъ развелъ только руками.

— Вы удостовѣряете, что это та самая цыганка?—спросилъ агентъ.

— Удостовѣряю.

— Подпишите, пожалуйста, протоколъ.

Цыганку увели въ арестантскую. Разгоновъ сталъ просить о прекращеніи этого дѣла. Ему отвѣтили, что дознаніе у пристава, къ которому и отсылается цыганка. Онъ вспомнилъ объ обѣщаніи пристава и успокоился.

Прошло недѣли двѣ. Разгоновъ пересталъ уже восхищаться Петербургомъ. Ему не нравились дороговизна, отсутствіе заграничнаго комфорта, назойливое выпрашиваніе на чай и, главное, царящая вездѣ мертвящая скука.

Вдругъ онъ неожиданно получилъ отъ мирового судьи повѣстку, приглашающую его явиться въ засѣданіе въ качествѣ потерпѣвшаго по дѣлу объ обманѣ его цыганкой.

Онъ полетѣлъ къ своему знакомому, Михаилу Петровичу. — Просиль, вѣдь, я пристава не предавать дѣла гласности, — возмущался онъ. — Зачѣмъ же онъ передалъ дѣло мировому судѣ?

— Приставъ мнѣ говорилъ, что онъ не могъ оставить протокола безъ движенія. Теперь строгости пошлн. При ревизіи замѣтили бы, и онъ отвѣчалъ бы за это. Да вы не беспокойтесь. Вамъ можно не являться къ мировому судѣ. Можно адвоката нанять.

— Еще одному человѣку признаваться въ глупости? Нѣтъ, ужъ лучше я самъ пойду.

Въ назначенный день Разгоновъ и цыганка предстали передъ мировымъ судьею. Послѣ прочтенія полицейскаго протокола мировой судья спросилъ Разгонова, можетъ ли онъ добавить что-либо къ обвиненію и нѣтъ ли у него свидѣтелей.

— Больше ничего не могу добавить. Деньги и платокъ взяла у меня безъ свидѣтелей, — отвѣтилъ Разгоновъ.

— Признаете ли себя виноватой? — обратился мировой судья къ подсудимой.

— Нѣтъ, я ни въ чемъ не виновата. Господинъ хорошій говоритъ, да не договариваетъ. Не украла я у него деньги, а самъ онъ ихъ мнѣ отдалъ. Не за гаданіе мнѣ отдалъ, а за любовь. Не на улицѣ мнѣ деньги давалъ, а въ гостиницѣ. Потомъ, какъ опьянѣлъ господинъ хорошій, онъ разсердился на меня, да и заявилъ полиціи. Прешу допросить свидѣтеля. Онъ всю правду скажетъ.

Разгоновъ, возмущаясь наглостью цыганки, продолжалъ утверждать, что она обманула его. Взглянувъ на свидѣтеля, онъ заявилъ, что не знаетъ его и видитъ въ первый разъ.

Явившійся свидѣтель оказался лакеемъ изъ трактира. Онъ показалъ, что Разгоновъ былъ въ отдѣльномъ кабинетѣ съ цыганкой, угощаль ее завтракомъ и пилъ съ нею шампанское.

Съ краской стыда на лицѣ, сбиваясь, путаясь въ выраженія, Разгоновъ старался точно описать этотъ злополучный завтракъ.

— Свидѣтели при этомъ были? — еще разъ спросилъ мировой судья.

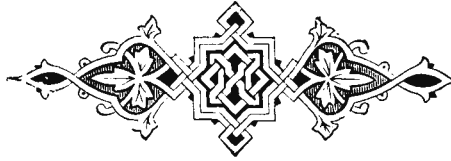
— Никого не было.

Мировой судья прочиталъ приговоръ, которымъ объявилъ цыганку по недостаточности уликъ оправданной.

Сопровождаемый насмѣшливыми взглядами и замѣчаніями публики, Разгоновъ выбѣжалъ изъ конторы мирового судьи, вскочилъ на извозчика и помчался на вокзалъ за заграничнымъ билетомъ.

«Такъ тебѣ и надо, старому дураку,—ворчалъ онъ.—Изучать нравы выдумалъ. Цыганскаго гаданья захотѣлъ. Хвастался, что много фокусовъ видалъ, но такого кунштюка не ожидалъ!... Предсказаніе цыганки, что я ее до конца жизни не забуду, вполне оправдилось!».

М. Ф. Чулицкій.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬ.

(Памяти Н. И. Пастухова).

УМЕРЪ Н. И. Пастуховъ,—этотъ удивительный, до мозга костей русскій человѣкъ и москвичъ, какихъ, можетъ быть, еще и не видывала Москва со временъ боярина Кучки. И странное дѣло: за послѣдніе два-три года много выдающихся русскихъ людей ушло въ царство тѣней, среди нихъ были и молодые, и старые, но ихъ смерть никого особенно не удивляла, никому не казалась неожиданностью. Умеръ—и все тутъ: значить, ужъ такой положенъ человѣку предѣлъ. Но вотъ не стало Пастухова, дожившаго до глубокой старости, и всѣ поражены: какъ это такъ вдругъ? Одна моя знакомая такъ прямо и воскликнула: «какъ странно! Вдругъ умеръ Пастуховъ!»

И въ самомъ дѣлѣ, глядя на этого низкорослаго, приземистаго, не ладно скроеннаго, но крѣпко считаго человѣка съ большимъ голымъ черепомъ и съ уродомъ-глазомъ отъ глубоко разсѣченной нижней вѣки, придававшей свирѣпый видъ, въ сущности, довольно добродушному, хотя и съ оттѣнкомъ нѣкотораго лукавства, открытому, чисто русскому лицу, наблюдая за его быстрой, сангвинической походкой, слушая его грубоватую, отрывистую и почти всегда мальчишески-задорную рѣчь, даже и въ голову не приходило, что грозная «старуха съ косою» уже совсѣмъ близко стоитъ за его плечами.

Пастуховъ умеръ... Это было когда-то популярнѣйшій издатель «Московского Листка»,—именно когда-то, въ до-освободительную эпоху, когда еще не прилетѣли новыя птицы и не запѣли своихъ новыхъ пѣсень. Впрочемъ Пастуховъ—не только издатель мелкой уличной газетки, Пастуховъ—это цѣлая легенда.

Любопытны кое-какія черты изъ біографіи этого «легендарнаго» издателя. Такъ, въ ранней молодости, онъ служить одно время въ московскомъ почтамтѣ и въ почтовой бричкѣ развозить по присутственнымъ мѣстамъ казенную корреспонденцію. Потомъ судьба бросаетъ его въ балаганы, гдѣ во время праздничныхъ народныхъ гуляній, кажется, за Прѣсенской заставой, онъ показываетъ различные фокусы, какъ то: ѣсть живыхъ голубей, глотаетъ зажженную паклю и т. п. При этомъ каждое выступленіе его на подмосткахъ производитъ фуроръ: онъ дѣлается любимцемъ публики. «Артистическая» карьера, однако, не удовлетворяетъ Пастухова и ему вдругъ начинается грезиться литературная слава. Онъ пробуетъ свои силы, набрасываетъ что-то на бумагѣ и несетъ свой первый литературный опытъ,—какую-то странную смѣсь рифмованныхъ виршей съ довольно безграмотной прозой,—въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», въ то время еще издававшихся Скворцовымъ. Послѣдній очень любезно принялъ молодого «писателя изъ народа», обласкалъ его и, замѣтивъ въ немъ литературную жилку, предложилъ ему въ газетѣ мѣсто репортера. Судьба Пастухова была рѣшена: онъ вступилъ въ храмъ литературы, около которой оставался неизмѣнно до конца жизни.

Скворцовъ же оказался въ данномъ случаѣ болѣе прозорливымъ, чѣмъ, вѣроятно, ожидалъ самъ, ибо въ лицѣ Пастухова, какъ гласитъ молва, онъ приобрѣлъ идеальнѣйшаго газетнаго репортера, который обладалъ поразительнымъ умѣньемъ быть всегда au courant всѣхъ уличныхъ происшествій. Особенно любилъ Пастуховъ пожары: тутъ онъ прямо былъ художникомъ своего дѣла. Чуть загорѣлся гдѣ-нибудь домъ,—ужъ Пастуховъ летитъ на мѣсто происшествія, часто опережая пожарную команду; одновременно загорѣлось въ другомъ мѣстѣ—оцъ и туда успѣетъ попасть и самымъ добросовѣстнымъ образомъ занесетъ въ записную книжку всѣ мельчайшія детали событія; при этомъ общую картину пожара непременно изобразить въ яркихъ поэтическихъ краскахъ съ очевиднымъ намѣреніемъ «прошибить читателя до слезъ». Про Пастухова говорили тогда, что онъ даже выработалъ какой-то особый пожарный стиль, «перлами» котораго впоследствии пользовалась цѣлая плеяда репортеровъ «пастуховской школы», не исключая и самого В. А. Гиляровскаго, далеко не безызвѣстнаго искусника по части газетнаго репортажа.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ и вотъ у Пастухова зарождается въ головѣ блестящая идея: начать издавать собственную газету. Онъ съ жаромъ принимается за дѣло, раздобываетъ откуда-то нужную сумму денегъ, ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ энергично хлопочетъ о разрѣшеніи ему изданія, и въ результатѣ—въ «одинъ прескверный, сѣренькій, дождливый день», какъ онъ самъ любилъ потомъ вспоминать, на улицахъ Москвы впервые появилась въ продажѣ новая газета «Московскій Листокъ».

То была первая ласточка, сдѣлавшая «весну» московской мелкой прессы, и съ этой точки зрѣнія нельзя не признать большой заслуги со стороны Пастухова. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это онъ, онъ одинъ создалъ огромную категорію читателей, которые раньше не имѣли, такъ сказать, никакого касательства къ печатному слову, которые абсолютно ничего не читали, кромѣ развѣ «Милорда глупаго», «Еруслана Лазаревича» и прочей дребедени, усердно поставлявшей «Никольскимъ» книжнымъ рынкомъ. Теперь же у нихъ въ рукахъ появилась своя газета, гдѣ имѣлась всякая всячина: и политика, и общественная жизнь, и хроника городскихъ происшествій,—это наверху, а заглянешь въ нижній этажъ—тамъ въ фельетонѣ описывались необычныя похождения недавняго героя тогдашней московской уголовной хроники, разбойника Чуркина, за таинственной подписью «Старый знакомый».

«Старый знакомый»—это самъ Пастуховъ. Дальновидный издатель отлично понималъ, какъ привлечь лучше всего и пріохотить къ чтенію сѣрую публику, и выбралъ для этого вѣрнѣйшее средство—бульварный уголовный романъ, который онъ съ большимъ рвеніемъ принялся стряпать собственноручно, съ каждымъ днемъ стараясь все болѣе и болѣе заинтересовать имъ своихъ безхитростныхъ читателей. Цѣль была достигнута: газета быстро пошла въ ходъ. «Чуркинъ» сдѣлался моднымъ героемъ, имъ зачитывались до одурѣнія, увлекаясь его безумной удалью; нѣкоторые изъ юныхъ «саврасовъ», преимущественно изъ Таганки и Рогожской, вздумали даже подражать его кровавымъ подвигамъ, обогащая, такимъ образомъ, хронику уголовныхъ происшествій. Въ общемъ, получился опасный соблазнъ, на который было наконецъ, обращено вниманіе со стороны высшей московской администраціи. И вотъ Пастуховымъ былъ, однажды, полученъ строгій конфиденціальный приказъ: «немедленно умертвить Чуркина и больше не писать о немъ ни слова». Бѣдный издатель чуть не заплакалъ отъ горя: все его матеріальное благополучіе зависѣло отъ разбойника «Чуркина», такъ какъ этотъ сенсаціонный романъ обезпечивалъ газетѣ рѣшительный успѣхъ. Прекрати онъ его печатать—и газета начнетъ влачить жалкое существованіе. Въ дѣйствительности такъ и случилось. Едва только умолявъ навѣки «разбойникъ Чуркинъ», какъ розничная продажа «Московского Листка» упала, по крайней мѣрѣ, на три четверти. Но Пастуховъ не унывалъ, не падалъ духомъ. О, онъ слишкомъ былъ предприимчивъ и изобрѣтателенъ, чтобъ не сумѣть выкрутиться изъ бѣды! И вотъ онъ пустился на слѣдующую «аферу»: онъ принялся терроризировать разныхъ замоскворѣцкихъ купчиковъ, угрожая имъ разглашеніемъ въ печати ихъ семейныхъ тайнъ въ случаѣ, если они не откупятся болѣе или менѣе приличной суммой денегъ. Само собою разумѣется, что «убоившіеся» немедленно откупались и ихъ «семейныя тайны» оставались не разглашен-

ными, а тѣ, которые упрямылись и не хотѣли считаться съ угрозами, получали неожиданное неудовольствіе прочитавъ о себѣ въ «Московскомъ Листкѣ» что-нибудь пикантное, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго:

«Мы слышали, что у купца Синебрюхова, проживающаго въ собственномъ домѣ по Проточному переулку жена родила ребенка, который, по странной игрѣ случая, оказался похожимъ, какъ двѣ капли воды, на репетитора ихъ младшаго сына Володи, студента-медика А.».

Или такого рода замѣтку:

«Вчера, около восьми часовъ вечера, бѣшено мчалась по Тверской мимо булочной Филиппова тройка съ бубенцами. Въ саняхъ сидѣли, нѣжно обнявшись, мужчина и дама, въ которыхъ мы узнали купеческаго сына Лоботрясова, женившася мѣсяца два тому назадъ на дочери фабриканта К., и Яровскую пѣвичку мамзель Лили. Что сей сонъ значитъ?»

Можно себѣ представить, какую сенсацию среди московскаго купечества производили всѣ эти «пикантныя разоблаченія»: газета покупалась буквально нарасхватъ и въ короткое время приобрѣла такую популярность, о какой Пастуховъ даже и не мечталъ. Все произошло точно въ сказкѣ: недавній скромный репортеръ вдругъ сдѣлался трибуномъ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи многотысячную аудиторію простолюдиновъ, которыхъ онъ могъ вести за собой куда угодно. Природное чутье помогло ему, сразу взять наиболѣе подходящій для даннаго момента курсъ и онъ его взялъ, ведя «Московскій Листокъ» неуклонно въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ на буксирѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Такимъ образомъ, его «сѣрые читатели»,—какая-нибудь средняя кухарка, молодецъ изъ овощной лавки, купеческій сынокъ, нигдѣ не учившійся, дворникъ, едва читающій по складамъ,—получали свое политическое воспитаніе въ школѣ Каткова и Грингмута, передовыя статьи которыхъ траспонировались Пастуховымъ и его сотрудниками въ стилѣ древнерусскихъ былинъ. Такъ, когда умеръ императоръ Александръ III, передовая статья въ «Московскомъ Листкѣ» начиналась словами: «Закатилось солнце красное»... и т. д.

Пастуховъ отлично умѣлъ «попадать» своей нетребовательной аудиторіи и, слегка поучивъ ее уму-разуму на счетъ «православія, самодержавія и народности» въ верхнихъ столбцахъ газеты, въ нижнихъ—принимался всячески ее забавлять, печатая то какую-нибудь балаганную сценку покойнаго Мясницкаго, то повѣсть или романъ съ «нарочито запутанной интригою» нынѣ здравствующаго Пазухина.

Аудиторія была довольна и долго платила «Московскому Листку» своими неизмѣнно-горячими симпатіями.

Обладая широкой русской натурой, Пастуховъ отличался въ общежитіи рѣдкой добротой и хлѣбосољствомъ. Около него всегда кто-нибудь «прикармливался», иногда по нѣскольку человѣкъ сразу. Такъ, онъ ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣлъ обыкновеніе завтракать въ ресторанѣ «большой московской гостиницы» въ обществѣ своего секретаря Ѡ. К. Иванова, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фактическимъ редакторомъ газеты, и кого-нибудь изъ ближайшихъ сотрудниковъ. И вотъ тутъ частенько можно было наблюдать такого рода сценки. Проходить мимо пастуховскаго стола (въ ресторанѣ у него былъ свой особый столъ) бѣдно одѣтый молодой человѣкъ и съ апшетитомъ посматривая на вкусныя яства, громко отчеканиваетъ:

— Здравствуйте Николай Иванычъ!

Пастуховъ вскидываетъ на него удивленные глаза и спрашиваетъ:

— Ты кто таковъ? (онъ почти всѣмъ говорилъ «ты»).

— Я-съ... Игрековъ! Мы съ вами, Николай Иванычъ, въ Нижнемъ на ярмаркѣ познакомились...

— Не помню я тебя! Ну, да все равно... Небось, ѣсть хочешь? Садись...

Молодой человѣкъ нерѣшительно переминается съ ноги на ногу.

— Садись, говорятъ тебѣ... Чего ужъ тамъ? Поставь ка братецъ, ему приборъ!—обращается Пастуховъ къ слугѣ, и совершенно незнакомый ему субъектъ преспокойно усаживается рядомъ съ нимъ за столъ.

Хорошо еще, если такой незнакомецъ удовольствуется однимъ угощеніемъ, а то вдобавокъ и денегъ попросить. Бывали и такіе случаи, и Пастуховъ, смотря по настроенію, удовлетворялъ просьбу или грубо отказывалъ.

Щедростью Пастухова часто злоупотребляли мелкіе газетные сотрудники.

— Николай Иванычъ! Мнѣ деньги нужны до зарѣзу! Ради Бога одолжите!—клянчить кто-нибудь изъ нихъ, поймавъ своего принципала иногда въ совершенно неудобномъ для разговоровъ мѣстѣ.

— Да вѣдь я ужъ выдалъ тебѣ напередъ четвертной билетъ!—вспомнить вдругъ Пастуховъ.—Чего жъ ты лѣзешь опять?

— Мнѣ еще нужно, Николай Иванычъ... Честное слово! Жена собирается родить...

— Врешь ты все: у тебя и жены то нѣтъ!

«Сотрудничекъ» начинаетъ клясться и божиться, что у него есть жена и что она дѣйствительно должна родить не сегодня-завтра, и въ концѣ концовъ такъ разжалобить мягко сердечнаго Пастухова, что тотъ достанетъ изъ бокового кармана свой огромный, засаленный, всегда биткомъ набитый «кредитками» бумажникъ и спросить:

— Сколько тебѣ?

— Да мнѣ бы рублей пятьдесятъ, Николай Ивановичъ!

— Ахъ, ты шельма эдакая! — воскликнетъ Пастуховъ. — Да когда жъ ты мнѣ эти деньги отработаешь? На томъ свѣтѣ, что-ли?

— Ужь будьте покойны, Николай Ивановичъ, непременно отработаю! — молить «сотрудничекъ», жадно протягивая обѣ руки къ «историческому» бумажнику.

Дѣло, разумѣется, кончается тѣмъ, что Пастуховъ выдаетъ просимую сумму, но при этомъ полу-шутя полу-серьезно бросаетъ просителю:

— На, подавись!

Какъ издатель, Пастуховъ отличался, между прочимъ, нѣкоторыми удивительными странностями. Такъ, на примѣръ, онъ рѣшительно не допускалъ, чтобы въ его газетѣ упоминалось слово «чортъ», и поэтому всякій разъ, когда у того или иного автора встрѣчалось выраженіе «чортъ возьми», корректоръ обязанъ былъ слово «чортъ» замѣнять совсѣмъ не равнозначущимъ словомъ «шутъ».

Нижеслѣдующій фактъ, похожій на анекдотъ, могъ также возникнуть лишь на почвѣ издательскихъ странностей Пастухова.

Въ одной замѣткѣ, гдѣ описывался придворный балъ, должна была быть напечатана фраза: «герцогиня (такая то) танцевала мазурку съ французскимъ посломъ (имя рекъ)». И вотъ въ словѣ «посломъ» случайно выпала изъ шрифта буква «п», вслѣдствіе чего вышло, вопреки всякимъ вѣроятіямъ, что герцогиня танцевала на придворномъ балу съ осломъ. Когда Пастуховъ прочиталъ въ своей газетѣ подобное извѣстіе, онъ пришелъ въ ужасъ. Какъ буря, влетѣлъ онъ въ типографію, выругалъ наборщиковъ, ментранпажа, корректора, потомъ прибѣжалъ въ редакцію къ Иванову и закричалъ «благимъ матомъ».

— Федоръ Константиновичъ! Ты меня осрамилъ на всю Европу!!!

Успокоившись немного, Пастуховъ отдалъ строжайшій приказъ никогда не печатать въ газетѣ слова «посолъ», а буде это слово, паче чаянія, все таки понадобится, то замѣнять его словомъ «посланникъ». И когда ему кто-то замѣтилъ, что посланники совсѣмъ другого рода дипломатическіе агенты, занимающіе болѣе низкую іерархическую ступень, Пастуховъ, только рукой махнулъ.

— А, ну ихъ къ шуту! — замѣтилъ онъ съ раздраженіемъ. — По крайней мѣрѣ, я спокоенъ буду, что изъ «посланника» никогда не выйдесть «осла»...

Съ тѣхъ поръ послы безслѣдно исчезли со столбцовъ «Московского Листка» и ихъ мѣсто побѣдоносно заняли посланники.

Князь Б. А. Щетининъ.

СЫНЪ ДЕКАБРИСТА.

В ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ годахъ я былъ юнкеромъ Павловскаго военнаго училища, директоромъ котораго былъ въ тѣ времена П. С. Ванновскій, а инспекторомъ классовъ—полковникъ гвардейской артиллеріи, нынѣ полный генераль Павелъ Андреевичъ Крыжановскій. Въ числѣ юнкеровъ находился нѣкто М., изъ кадетъ какого-то петербургскаго корпуса,—добрый малый, но рѣшительно неспособный ни къ какимъ наукамъ. При выпускѣ въ офицеры ему былъ выставленъ изъ артиллеріи средній балль 0,87. По правиламъ, М. не могъ быть произведенъ въ офицеры, и его надлежало выписать куда-нибудь въ полкъ юнкеромъ. И тѣмъ не менѣе его произвели въ офицеры, хотя и по второму разряду, и выпустили въ одинъ изъ полковъ «молодой» или «суконной» гвардіи. Такъ назывались тогда нѣкоторыя воинскія части, носившія полугвардейскую форму, но не имѣвшія никакихъ гвардейскихъ правъ. Этотъ странный случай оставался для меня неразрѣшимой загадкой до 1892 года, когда я сталъ преподавателемъ Константиновскаго военнаго училища. Нашимъ инспекторомъ классовъ былъ тогда умный и необыкновенно симпатичный Александръ Ѳедоровичъ Маккавѣевъ. Полагаю, что весь тогдашній составъ Константиновскаго училища сохранилъ объ этомъ человѣкѣ наилучшія воспоминанія; для меня же онъ былъ дорогъ еще и потому, что я зналъ его очень давно: въ мои юнкерскіе годы А. Ѳ., тогда молодой инженерный капитанъ, былъ моимъ преподавателемъ фортификаціи.

Однажды, вспоминая давно минувшее, я спросилъ Александра Осдоровича: помнить ли онъ необыкновенный случай съ юнкеромъ М., ради котораго былъ почему-то нарушенъ законъ о производствѣ юнкеровъ въ офицеры? Оказалось, что, несмотря на протекшія съ тѣхъ поръ двадцать пять лѣтъ, А. Осдорвичъ помнилъ это событіе отчетливо, и то, что онъ мнѣ разсказалъ по этому поводу, было настолько интересно, что я, придя домой, постарался записать его разсказъ почти дословно.

«Репетирую я какъ-то изъ фортификаціи партію юнкеровъ младшаго класса, въ которой былъ и М. Вышелъ М. къ доскѣ, взялъ въ руки мѣль, провелъ на доскѣ горизонтальную линію, а возлѣ нея начертилъ кружокъ... Положилъ мѣль и стоитъ. Я смотрю то на доску, то на него и ничего понять не могу. Наконецъ говорю: «Ну, отвѣчайте». Молчить. «Отвѣчайте, М.» Молчить. «Что это вы начертили?» Молчить. «Знаете вы что-нибудь?» Молчить.

«Ну, садитесь». И ставлю ему нуль. Но не успѣлъ онъ отойти отъ доски, какъ вдругъ отворяется дверь и входитъ... Ванновскій. Ну, думаю себѣ, вотъ и отлично! Кстати пожаловалъ... Пусть убѣдится, что я нули напрасно не ставлю, а то вѣдь онъ не всегда довѣрялъ нашимъ отмѣткамъ. Вотъ, думаю, сейчасъ онъ этого М. въ карцеръ отправить.

«— Что это вы, М—аго репетируете? Ну, какъ онъ у васъ?— спрашиваетъ Ванновскій.

«— Да вотъ, какъ видите, ваше превосходительство,—отвѣчаю ему и указываю на странный чертежъ.

«А М. у доски такъ и замеръ.

«— Ну, отвѣчайте, М.,—говоритъ Ванновскій.

«Молчаніе.

«— Отвѣчайте же что-нибудь! Неужели вы ровно ничего не знаете?

«Молчаніе.

«— Что вы начертили?

«Молчаніе.

«Ванновскій обращается ко мнѣ.

«— Что онъ вамъ отвѣчалъ?

«— Ничего, говорю, не отвѣчалъ.

«— А о чемъ вы ему задали?

«— О томъ-то.

«Посмотрѣлъ на него Ванновскій, подождаль, о чемъ-то задумался, потомъ говорить:

«— Ну, садитесь. Сколько вы ему ставите?—спрашиваетъ меня потихоньку.

«Я ему указываю въ журналѣ нуль.

«— Ставьте шесть.

«Я такъ и уперся въ него глазами. Что за диво? Ванновскій... Да я думалъ, что онъ этого М. въ порошокъ сотретъ! И вдругъ такое необъяснимое милосердіе! А тотъ настойчиво повторяетъ: «ставьте шесть».

«Нечего дѣлать, не спорить же съ Ванновскимъ! Взять и переправить нуль на шесть.

«Однако, думаю, надо же этотъ фокусъ разгадать. Кончилась репетиція. Къ Ванновскому, конечно, не пойдешь за объясненіями: какъ разъ на гауптвахту угодишь. Дай, думаю, спрошу у инспектора классовъ, П. А. Крыжановскаго. Иду къ нему. Такъ и такъ, молъ, что за загадка? А Крыжановскій улыбнулся и говорить:

«— Ну, такъ и есть. Да вы развѣ не знаете, кто такой М.? Кто его отецъ?»

«Я и ротъ разинулъ.

«— А кто жъ онъ такой?»

«— Да вѣдь его отецъ—декабристъ.

«— Ну, такъ что жъ изъ этого?»

«— Да развѣ вы ничего не знаете?»

«— Ровно ничего.

«И тутъ Крыжановскій объяснилъ мнѣ, что Николай Павловичъ передъ своей кончиной поручилъ своему наслѣднику Александру II заботиться о семействахъ декабристовъ и никому изъ дѣтей ихъ не дать погибнуть. Объ этомъ сообщено секретно во всѣ заведенія, гдѣ воспитываются дѣти декабристовъ, и начальство ихъ обязано ежемѣсячно доносить на высочайшее имя объ ихъ успѣхахъ и поведеніи.

«Такъ и тащили изъ класса въ классъ неспособнаго М., ставя ему баллы по особой, специальной оцѣнкѣ. Только съ однимъ упрямымъ артиллеристомъ Шкларевичемъ ничего нельзя было подѣлать. Это былъ человекъ съ дѣтски-наивною душою, фанатикъ своего дѣла и грубиянъ, какихъ не было, нѣтъ и не будетъ. Что ему Ванновскій, секретныя завѣщанія, декабристы и прочее! Предъ какою-нибудь формулою сопротивленія воздуха все остальное было не болѣе, какъ ерунда! Онъ пренебрежительно каталъ М-у нули и единицы и въ результатѣ вывелъ ему съ аптекарскою точностью 0,87.

«И вотъ собрался комитетъ для окончательной оцѣнки классныхъ успѣховъ выпускныхъ юнкеровъ. Ко всеобщему изумленію, Ванновскій настаивалъ на прибавкѣ балловъ М—у, да даже и не на второй, а на первый разрядъ, и прямо объявилъ, что хочетъ выпустить его въ гвардію! Мы всѣ просто остолбенѣли отъ такого дива. Да вѣдь что вы думаете! Уперся на своемъ и ни съ мѣста: въ гвардію, да и шабашъ! Ну, только и мы ужъ тутъ всѣ возопили. Спорили долго. Вопреки всякому закону, прибавили М—му баллы на второй разрядъ, но на первый разрядъ не согласились. А Ванновскій и тутъ устроилъ такъ, что если ужъ нельзя выпустить М. въ настоящую гвардію, то хоть въ суконную—и выпустилъ его въ

Н—скій полкъ. Впрочемъ, М. оказался человѣкомъ съ сердцемъ и совѣстью. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, зашелъ въ Павловское училище, всѣхъ насъ обошелъ и горячо благодарилъ за то, что были къ нему снисходительны и выпустили его въ офицеры.

«Ему, разумѣется, не объяснили, въ чемъ заключалась причина этой снисходительности и кто былъ тотъ таинственный добрый гений, который простеръ надъ нимъ свою благотворную руку...»

Н. О. Н.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

IV. «Священная дружина» въ переговорахъ съ «Народной Волей».

IX.

ПАРALLELЬНО переговорамъ съ заграничными революціонерами черезъ посредство доктора Нивинскаго приступила «священная дружина» къ переговорамъ съ партіей «Народной Воли» и въ предѣлахъ Россіи, въ надеждѣ найти здѣсь ключъ къ благополучному разрѣшенію вопросовъ, особенно ее тревожившихъ. На этотъ разъ попытку проникнуть въ нѣдра революціонныхъ сообществъ взялъ на себя, какъ уже выше отмѣчено, Корнилій Александровичъ Бороздинъ, личность очень интересная во многихъ отношеніяхъ, записки котораго по предмету его любопытныхъ переговоровъ гдѣ-то опубликованы журналомъ «Былое» ²⁾).

Бороздинъ по наружному виду являлъ собою типъ стараго барина тургеневской физической складки. Высокаго роста, осанистый, съ умными пронзительными глазами, пылливо смотрящими изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей, съ окладистой бородой онъ сразу производилъ импонирующее впе-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣсти.», т. СХХV, стр. 609.

²⁾ «Былое» 1907 г., кн. X.

чатлѣніе манерами, рѣчью, умѣньемъ держаться независимо и не безъ примѣси нѣкоторой гордости и старинной барской щепетильности. Это былъ человѣкъ недурно образованный, много видавшій на своемъ вѣку, много испытавшій и очень занимательный собесѣдникъ, впрочемъ, болѣе любившій самъ рассказывать, поучать и морализировать, нежели слушать. Въ этомъ сказывалась нѣкоторая присущая ему властность, часто переходившая въ раздражительность и иронію. Прошлое его было чревато разными событіями по части службы на Кавказѣ, гдѣ онъ занималъ въ свое время мѣсто чиновника особыхъ порученій и уѣзднаго начальника, котораго лишился, благодаря своей страсти къ картамъ, страсти, которая, по видимому, и являлась несчастіемъ всѣхъ его жизненныхъ проваловъ. Несомнѣнное литературное дарованіе давало ему возможность имѣть постоянный журнальный заработокъ, но, какъ факты его жизни показываютъ, онъ имъ сравнительно немного пользовался, вслѣдствіе чего въ исторіи нашей общественности его имя постоянно встрѣчается въ связи съ такими событіями, которыя клали на это имя густую и неблаговидную тѣнь. Настоящій и искренній монархистъ по убѣжденіямъ онъ по своимъ тенденціямъ всего ближе подходилъ къ катковской школѣ и въ свое время принималъ нѣкоторое участіе въ политическомъ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей», по сотрудничеству здѣсь, несмотря на то, что Катковъ охотно приближалъ къ себѣ единомышленныхъ ему даровитыхъ людей, у него не сладилось въ видѣ прочной, постоянной работы и начало семидесятыхъ годовъ застаётъ Бороздина, обремененнаго обширной семьей, въ Петербургѣ въ довольно таки стѣсненномъ положеніи. Въ 1873 г. онъ отсиживаетъ нѣкоторое время въ долговомъ отдѣленіи ¹⁾, а въ 1875 году является участникомъ уголовного разбирательства по дѣлу о подлогѣ духовнаго завѣщанія гвардіи капитана Сѣдкова, изъ коего выходитъ обвиненнымъ, содѣявшимъ преступленіе по подписаніи этого завѣдомо ему извѣстнаго фальшиваго завѣщанія «вызванный крайностью». Въ моментъ своего преступленія онъ считался какъ бы состоящимъ при нотаріальной конторѣ Лысенкова на амплуа «благороднаго свидѣтеля», получающаго поштучную заработную плату. Определеніемъ суда онъ приговоренъ былъ къ ссылкѣ, кажется, въ Архангельскую губернію, на нѣсколько лѣтъ, но этого наказанія не отбывалъ, а проживалъ, благодаря своимъ связямъ съ разными высокопоставленными особами, преспокойно въ Петербургѣ и работалъ въ изданіяхъ князя Демидова-Санъ Донато, составляя для этого сіятельнаго публициста многія брошюры, которыя тотъ выпускалъ подъ своимъ именемъ. Начало восьмидесятыхъ годовъ сближаетъ Бороздина съ дѣломъ полицейскаго сыска и втягиваетъ его въ кругъ дѣятельности и на-

¹⁾ «Судебныя рѣчи» А. О. Кони.

чинапій «священной дружины», а послѣ ся провала онъ пробавляется то литературной работой, то возится съ разнаго рода административными дѣлами, по коимъ выступаетъ ходатаемъ. Авторъ настоящихъ очерковъ, часто бывавшій въ его домѣ, въ тотъ періодъ, благодаря товарищескимъ отношеніямъ по университету съ его старшимъ сыномъ, помнитъ его безконечную и шумную возню съ извѣстнымъ авантюристомъ Ашиновымъ, на судьбѣ и предпріятіяхъ котораго, повидному, и Бороздинъ строилъ и основывалъ свое тогдашнее домашнее благополучіе. Въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ собственникомъ литографскихъ камней, которые позволили ему осуществить выпускъ извѣстной Романовской галереи, субсидированной министерствомъ народнаго просвѣщенія и явившейся въ послѣдніе годы жизни Корнилія Александровича той курочкой, которая легко и въ достаточномъ изобиліи несла ему золотыя яйца. По свойственной ему практической недѣловитости Бороздинъ, кажется, запуталъ и это прибыльное ему дѣло и наслѣдникамъ пришлось немало повозиться, чтобы какъ-нибудь ликвидировать предпріятіе. Какъ бы то ни было, послѣдніе годы жизни старику удалось прожить безъ лишений и съ удовлетвореніемъ своихъ барскихъ замашекъ и широкіаго размаха, которые онъ проявлялъ непрестанно даже въ постигавшіе его черныя дни. Любитель матеріальнаго комфорта, любитель поѣсть и попить, страдая при томъ болѣзненной слабостью къ карточной игрѣ, онъ совмѣщалъ въ своемъ характерѣ разныя противорѣчія, кидавшія его отъ добра къ злу и создававшія ему въ нашей общественности незавидную репутацію опаснаго человѣка. Онъ вѣчно былъ на ходу поисквъ денегъ, не останавливаясь притомъ ни передъ какими средствами для добыванія ихъ, а когда они къ нему попадали онъ безусловно склоненъ былъ и на добрыя дѣла, къ оказанію помощи ближнему и на откликъ къ хорошему и прекрасному.

Возникновеніе «священной дружины» совпало съ невеселымъ періодомъ его жизни и онъ со свойственной его природѣ горячностью тѣсно и энергично къ ней примкнулъ, надѣясь утилизировать ея дѣятельность, нужды и замыслы съ наибольшей для себя матеріальной пользой. Работа въ этомъ направленіи соответствовала и политическому его складу мыслей, а его нѣкоторая близость къ міру журналистовъ давала въ его лицѣ «дружинѣ» такого рода дѣятеля, который рано или поздно, въ той или иной формѣ дѣйствительно сумѣетъ оказаться ей полезнымъ и нужнымъ. И, какъ увидимъ далѣе, на пути достиженія опредѣленныхъ цѣлей въ данномъ случаѣ сошлись двѣ силы, ихъ коихъ одна располагала достоточными матеріальными средствами, а другая тѣми данными природы—ума и характера, которыя сумѣютъ реализовать свои начинанія опредѣленными фактическими результатами. Если Бороздинъ и вложилъ въ дѣло переговоровъ свои идейныя политическія тенденціи, то еще

въ большей степени онъ выдвигалъ въ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ денежный вопросъ, дурача всѣхъ окружающихъ, съ кѣмъ приходилъ въ соприкосновеніе, въ цѣляхъ выжиманія изъ нихъ возможно большей для себя матеріальной выгоды. Эта сторона его дѣятельности выяснилась лишь впоследствии, когда всѣмъ стали ясны главныя его стремленія и тѣ закулисныя махинаціи, которыя онъ въ первое время довольно искусно скрывалъ, и которыя помогали ему выуживать отъ своихъ кліентовъ разныя суммы съ помощью конхъ онъ, повидимому, подготавливалъ себѣ обезпеченное будущее. Но какъ бы то ни было, появленіе Бороздина на аренѣ политической жизни внесло въ дѣятельность «священной дружины» тотъ элементъ освѣдомленности, которою до того она не отличалась и дало ей нѣкоторое приближеніе къ верхамъ революціи, куда до него и безъ него она не могла проникнуть.

Бороздинъ не былъ членомъ «священной дружины», членомъ равноправнымъ съ самостоятельнымъ голосомъ, вліяніемъ и вѣсомъ. Онъ былъ привлеченъ лишь на службу «священной дружины», былъ ея агентомъ и посредникомъ между нею и тѣмъ подпольнымъ и либеральнымъ міромъ, куда сами члены «дружины» не имѣли доступа. Собственно на первыхъ порахъ своей службы и Бороздинъ стоялъ въ очень затруднительномъ положеніи, такъ какъ по всей своей предшествовавшей дѣятельности и репутаціи тоже не имѣлъ маломальски сносныхъ и прочныхъ связей съ этимъ міромъ, который не могъ признавать его своимъ и никогда не раскрылъ бы передъ нимъ двери. Но Бороздину, что называется, въ данномъ случаѣ повезло, случайность его спасла и дала ему ту позицію, которую онъ и сумѣлъ ловко и съ выгодною для себя использовать. Случай этотъ была встрѣча съ Н. Я. Николадзе, вліятельнымъ кавказскимъ общественнымъ дѣятелемъ и писателемъ, имѣвшимъ прикосновеніе и къ петербургской радикальной журналистикѣ и къ виднымъ ея представителямъ. Николадзе, озабоченный въ тѣ дни полученіемъ разрѣшенія на газету, и явился въ тотъ важный моментъ для Бороздина, тѣмъ, кто смогъ и сумѣлъ до извѣстной степени перекинуть мостикъ между двумя таинственными и другъ другу враждебными организаціями— «священной дружины» и Народной «воли». Н. Я. Николадзе, здравствующій и повнѣ, составилъ по сему предмету также и свои воспоминанія¹⁾, которыя совмѣстно съ докладной запиской Бороздина, къ концу онъ прибавилъ свои комментаріи, дають обширный матеріалъ для уясненія всѣхъ обстоятельствъ переговоровъ «дружины» съ народовольцами, а также выпукло обрисовываютъ пріемы дѣятельности дружины, самого Бороздина и фактическое состояніе въ тотъ періодъ революціонной наличности. Событія, нашедшія себѣ изображеніе въ сказанныхъ документахъ нашли свое нѣкоторое отра-

¹⁾ «Былое» 1906 г., кн. IX, ст. «Освобожденіе» Н. Г. Чернышевскаго.

женіе и въ страницѣхъ воспоминаній Н. К. Михайловскаго ¹⁾, тоже попавшаго, благодаря переговорамъ Николадзе и Бороздина, въ круговоротъ тогдашнихъ событій и сыгравшаго въ нихъ также свою роль, которая, при жизни покойнаго социолога-публициста была ему далеко не ясна, но которая лишь въ наши дни получаетъ свое должное освѣщеніе. Михайловскій и Кривенко, о причастности которыхъ къ революціонному движенію восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили, послѣ погрома «Народной Воли», послѣдовавшей вездѣ за катастрофой 1-го марта, выдвинулись въ цѣпи, протянувшейся отъ графа Воронцова-Дашкова, черезъ Бороздина и Николадзе, къ дѣйствительной тогдашней сердцевицѣ нашей революціи, и на одинъ короткій моментъ какъ бы сосредоточили въ себѣ дружную дѣйствій, могшихъ сыграть въ жизни Россіи не маловажную роль. Такимъ образомъ, настоящія главы, обнимающія собою факты изъ переговоровъ «священной дружины» съ «Народной Волею» имѣютъ для исторіи нашихъ общественныхъ и политическихъ движеній значеніе, большее, нежели то, гдѣ дѣйствующими лицами были Нивинскій, Деборторій и Лавровъ.

X.

Намъ извѣстенъ составъ лицъ, образовавшихъ «священную дружину», и отсюда намъ вполне ясно, что эти лица никоимъ образомъ не могли имѣть никакого прикосновенія къ тѣмъ активнымъ элементамъ, которые образовывали революціонную массу или которые такъ или иначе къ ней прикасались. Конечно, въ департаментѣ полиціи имѣлись болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, но такъ какъ оба учрежденія, департаментъ и «дружина», дѣйствовали отдѣльно другъ отъ друга и были другъ другу даже по существу своихъ организацій враждебны, то получать «дружинѣ» отсюда необходимыя ей свѣдѣнія врядъ ли всегда удавалось. Къ тому же царевубійство 1-го марта вселяло въ обывателей нѣкоторое и, пожалуй, вполне справедливое недовѣріе къ представителямъ нашего тайнаго сыска, почему «дружина» съ самого начала приступаетъ къ выясненію состоянія обывательскихъ настроеній самостоятельно, черезъ своихъ собственныхъ агентовъ, которые и доставляютъ ей необходимыя свѣдѣнія. Однимъ изъ таковыхъ и явился Бороздинъ, составлявшій свои донесенія, гдѣ вымыселъ и правда между собою переплетались, гдѣ догадка и предположенія возводились въ палачіе фактовъ и гдѣ, повидимому, имъ руководило желаніе показать себя въ глазахъ высокопоставленныхъ и богатыхъ членовъ

¹⁾ «Былое» 1907 г., кн. IX, ст. «Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго комитета съ Священной дружиной».

тайнаго аристократическаго общества дѣятелемъ въ высшей степени освѣдомленнымъ и тонкимъ политикомъ. Вотъ, наприимѣръ, одинъ образецъ его донесеній:

«Положеніе въ высшей степени натянутое,—писалъ онъ.—Въ обществѣ открыто говорятъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ начнется рядъ террористическихкихъ дѣйствій, направленныхъ къ разрушенію существующаго порядка. Цареубійство становится, конечно, на первомъ планѣ.

«Свѣдѣнія эти идутъ преимущественно изъ за границы и надняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ корреспондентъ американской газеты, «New-York Herald, Жанъ-де-Вестине, котораго прислалъ сюда редакторъ, извѣстный Бенетъ, съ тѣмъ, чтобы не пропустить ни одного момента готовящейся драмы. Если поэтому въ Америкѣ съ такою положительностью предугадываютъ событія, то, надо полагать, тамъ имѣются несомнѣнные свѣдѣнія о готовящемся проявленіи террора въ Россіи.

«И когда присмотришься ко всему совершающемуся у насъ, невольно приходишь къ тому убѣжденію, что что-то готовится неблагополучное. Въ Стрѣльнѣ и Сергіевской пустынѣ бродитъ шайка нигилистовъ, очень подозрительная: это большею частью хохлы изъ партіи Драгоманова. Наблюденіе за этой группой производится и ведетъ лишь къ заключенію, что эти личности затѣваютъ что-то. Они всѣ между собою видятся и ведутъ переговоры.

«Въ Мозанкѣ, на гатчинской линіи живетъ одинъ изъ верховниковъ социалистовъ, профессоръ Тархановъ, и около него идетъ дѣятельное подпольное движеніе. Наблюденіе надъ этимъ гнѣздомъ самое плохое, такъ какъ агенты тамъ живущіе давно узнаны, и имъ нельзя уже ничего добиться.

«Въ редакціи газеты «Улей», издающейся на деньги бывшего интенданта рущукскаго отряда Г. Мокшеева, собрался кружокъ темныхъ личностей, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный н...й Зарудный! За мошенничество лишенный правъ и сосланный въ Самарскую губернію, онъ былъ помилованъ вслѣдствіе энергичнаго ходатайства за него графа Лорисъ-Меликова и тотчасъ же по полученіи гражданства въ Петербургѣ занялся изданіемъ газеты подъ фирмою редактора Эвальда, самаго ничтожнаго нѣмчика, мелкаго гешефтъ-маклера, занимавшагося до того выборкою изъ нѣмецкихъ газетъ для редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Зарудный деньги нашель у здѣшнихъ мелкихъ евреевъ, представителемъ которыхъ явился полицейскій сыщикъ Бинъ.

«Говорятъ, даже зять Трепова, графъ Ниродъ помогъ матеріально Зарудному. Про газету эту составлено такое мнѣніе, что она сама по себѣ ничтожна, такъ какъ перепечатываетъ лишь статьи изъ другихъ газетъ, но если это съ перваго раза кажется вѣрнымъ, то съ другой стороны, когда вступишь въ газету, то яснымъ становится, что тутъ дѣло состоитъ не въ самостоятельныхъ оригинальныхъ статьяхъ, а лишь въ подборѣ ихъ изъ другихъ газетъ въ такомъ направленіи, которое болѣе всего правится либеральствующей части общества. Лозунгъ редакціи поэтому—конституція, и компанія Мокшеевъ, Зарудный, Ярмоничъ и т. д. открыто толкуютъ о неизбѣжности возвращенія графа Лорисъ-Меликова на постъ перваго министра съ его программю. Для достиженія же этихъ идеаловъ составъ редакціи не остановится ни передъ какими подпольными дѣйствіями. Число подписчиковъ въ теченіе семи или восьми мѣсяцевъ дошло до трехъ тысячъ.

«Но если такая мелкая газета, какъ «Улей» стремится мутить общественный смыслъ, то такія двѣ газеты, какъ «Порядокъ» и «Московскій

Телеграфъ», издающіеся — первая на деньги еврея Полякова, а вторая — на деньги барона Гинцбурга — идутъ съ опредѣленными цѣлями, какъ органы еврейско-польскіе. Въ особенности серьезно ведется въ этомъ направленіи «Порядокъ». Стасюлевичъ, Спасовичъ, Коринъ (ополченные), Пыпинъ, Кавелинъ, а въ связи съ ними стоящіе крупныя чины изъ польской партіи — Менскій, Деспотъ-Зеновичъ, Оленскій и другіе — составъ подобнаго органа дѣлаютъ его подозрительно-вреднымъ. «Порядокъ» иттируетъ за границей «Набатъ», а въ «Порядкѣ» съ изысканною вѣкливостью и осторожностью пропагандируется ученіе «Набата». Всѣ названныя заправители этой газеты крайне опытные, осторожные иезуиты, чтобы самимъ лично выступать непосредственными дѣятелями агитаціоннаго движенія; они всегда будутъ какъ бы въ сторонѣ, и подъ рукою ихъ стоятъ легіонъ еврейчиковъ и полячковъ, готовыхъ въ огонь и въ воду по ихъ указанію.

«Впунаеть сильное подозрѣніе складъ сыровъ Верещагина на Гороховой, въ домѣ 53. Тутъ торговля на второмъ планѣ, а потому нельзя не принимать въ соображеніе, что въ подобномъ мѣстѣ, какъ Гороховая, подкопъ — дѣло расчитанное. Впрочемъ, тутъ идетъ наблюденіе».

Врядъ ли прихотится много распространяться относительно шарлатанскаго характера подобнаго рода донесеній; они, очевидно, были расчитаны на наивное невѣжество тѣхъ, къ кому были адресованы и, отличаясь произвольностью обобщеній, вводили только читателей въ кругъ разнаго рода общественныхъ вопросовъ и явленій, относительно которыхъ до того они были профаны. Видимо Бороздинъ дѣлалъ тутъ карьеру, почерпалъ нужную ему матеріальную полезность и становился въ кругу дѣйствующихъ и верховящихъ лицъ дружины необходимымъ человѣкомъ, владѣющимъ якобы нужными свѣдѣніями по части оппозиціонной русской общественности. Повидимому, такая политика дѣйствій давала необходимые результаты, потому что вскорѣ мы встрѣтимся со слѣдующимъ его письмомъ къ вліятельному члену «священной дружины», гдѣ онъ пишетъ:

«Глубокоуважаемый Александръ Петровичъ! Два мѣсяца тому назадъ, обдумывая съ вами способы проникнуть во внутрь всѣхъ сокровенній народовольцевъ, мы остановились на личности X. (Н. Я. Николадзе), какъ на такомъ агентѣ, пріобрѣтеніе котораго много принесетъ пользы для дѣла. Мнѣ знакомъ X. съ давнихъ поръ, вся его карьера, какъ революціонера, мнѣ извѣстна, талантъ его ни для кого не тайна и въ довершеніе всего свѣдѣнія, уже собранныя вами о немъ, привели къ заключенію, что и въ Н. В. («Народной Волѣ») онъ занимаетъ серьезное положеніе. Вслѣдствіе всего этого вы поручили мнѣ стараться привлечь X. къ нашей работѣ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ занимался я этимъ почти исключительно, и, наконецъ, мнѣ удалось привлечь X. къ полному согласію съ нами, но не иначе, какъ при условіяхъ, извѣстныхъ вамъ».

Настоящая записка вводитъ насъ въ сокровенныя нѣдра дѣйствій «священной дружины» и показываетъ, что одною изъ самыхъ

серьезныхъ задачъ ея было проникнуть «во внутрь всѣхъ сокровеннѣй» партіи «Народной Воли», что по сему предмету происходили совѣщанія, что и на Бороздина, между прочимъ, возложена была задача такого рода проникновенія и что по его рекомендаціи это рѣшено было сдѣлать черезъ посредство Н. Я. Николадзе. Последний въ рукахъ Бороздина долженъ былъ сыграть какую-то роль и вопросъ заключался въ установленіи и принятіи извѣстныхъ *условій*. Очевидно, «священная дружина» замышляла какой-то новый маскарадъ, какъ въ эпизодѣ съ Пивинскимъ, гдѣ на сцену выдвигалась фикція «Земской лиги» и «Земскаго союза». Въ настоящемъ случаѣ, повидимому, повтореніе прежняго пути, правильность котораго легко могла быть провѣрена изъ окружающей дѣйствительности, не представлялось возможнымъ и приходилось искать новый путь, который изъ счастливаго стеченія обстоятельствъ при установленной Бороздинымъ комбинаціи скоро и вырисовался. Литераторство, журнализмъ въ данномъ случаѣ помогли дѣлу и поспѣхи возможности издавать газеты, о чемъ мечталъ и хлопоталъ въ тѣ дни Николадзе, и послужили тѣмъ цементамъ, который спаялъ его съ Бороздинымъ. Дѣло на первыхъ порахъ обстояло такъ.

Н. Я. Николадзе, имеретинъ по происхожденію, уже съ шестидесятихъ годовъ началъ появляться на страницахъ и столбцахъ русскихъ легальныхъ и нелегальныхъ изданій, а также иностранныхъ, гдѣ по большей части выступалъ по насущнымъ вопросамъ кавказской жизни. Въ «Колоколѣ» Герцена онъ писалъ подъ псевдонимомъ Ріонели, сотрудничалъ въ швейцарской радикальной газетѣ «Nation Suisse». Кромѣ того, въ болѣе ранней своей юности онъ состоялъ въ сношеніяхъ съ Чернышевскимъ, проживая на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, а также, подобно большинству тогдашней учащейся молодежи, прошелъ этапъ арестовъ, заключенія въ крѣпости, выключенія изъ университета и высылку на родину. Въ 1868 году онъ издавалъ радикальный журналъ «Современность» за границей. Въ началѣ семидесятихъ годовъ онъ на Кавказѣ принимаетъ участіе въ дѣлахъ промышленныхъ и грюндерскихъ, а въ 1875 году онъ сначала становится во главѣ грузинской газеты «Дрозби», а потомъ «Тифлискаго Листка». Во время русско-турецкой войны онъ состоялъ корреспондентомъ «Гаваса» и «Голоса», во время войны успѣлъ познакомиться съ Лорисомъ-Меликовымъ, и по окончаніи ея основалъ въ Тифлисѣ собственную газету «Обзоръ». Газета велась бойко, талантливо, задорно, такъ что вскорѣ завоевала себѣ прочное положеніе въ Закавказскомъ краѣ и обратила на себя вниманіе русскаго читающаго общества, особенно процессомъ между редакторомъ и тифлисскимъ цензурнымъ комитетомъ. Судь въ обѣихъ инстанціяхъ стала на сторону Николадзе, сумѣвшаго защититься блестяще и энергично. Вскорѣ его репутація какъ знатока и прак-

тика городскихъ дѣлъ настолько установилась, что онъ былъ избранъ туземнымъ населеніемъ въ гласные тифлисской городской думы. «При этомъ новомъ официальномъ положеніи редакторъ «Обзора» выступилъ ревностнымъ защитникомъ интересовъ города и повелъ атаку на дѣйствія тогдашняго губернатора князя Гагарина, — говорить, про этотъ періодъ дѣятельности Николадзе, въ своей докладной запискѣ Бороздинъ. Тутъ подвернулась извѣстная исторія съ хлѣбомъ, о которой такъ много было писано во всѣхъ газетахъ, и воспользовавшись ею, Николадзе довелъ свою полемику до такого рѣзкаго тона неприличія, что великій князь намѣстникъ долженъ былъ выслать его въ Ставропольскую губернію. Это было въ 1880 году, а въ 1881 году, въ февралѣ мѣсяцѣ съ него была снята опала и разрѣшено снова возвратиться въ городъ Тифлисъ. Туда пріѣхалъ онъ ненадолго и вскорѣ переселился въ Петербургъ, гдѣ при близкихъ связяхъ съ строителемъ Бакинской желѣзной дороги г. Палашковскимъ и при его содѣйствіи, получилъ мѣсто секретаря правленія Ливаво-Роменской желѣзной дороги». Но еще до своего отъѣзда въ Петербургъ, въ періодъ хлопотъ о возобновеніи «Обзора» въ Тифлисѣ въ жизнь Н. Я. Николадзе вплелась любопытная страничка, о которой онъ самъ повѣдалъ на страницахъ «Былого» въ статьѣ «Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго»¹⁾. Здѣсь онъ повѣствуетъ: «Въ это критическое время, какъ сиѣтъ на голову свалился мнѣ таинственный незнакомецъ. Онъ предъявилъ мнѣ записку со штемпелемъ гремѣвшаго тогда «исполнительнаго комитета», въ которой рекомендовалось оказать полное довѣріе предъявителю, уполномоченному комитетомъ. Незнакомецъ сообщилъ мнѣ что «исполнительный комитетъ» намѣренъ основать за границей постоянный органъ партіи и остановилъ выборъ на мнѣ для редактированія изданія. Оно будетъ обставлено какъ нельзя быть лучше: въ средствахъ недостатка нѣтъ и т. д. Какъ ни соблазнительно было предложеніе для журналиста, замученнаго цензурою, мнѣ нельзя было не отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ. Я объяснилъ своему посѣтителю, что по возрѣніямъ своимъ не могу быть полезнымъ партіи. Ей нуженъ лирикъ, вѣрующій въ творческую мощь полвига, въ чудотворность указовъ и террора. Я жъ не таковъ: прогрессъ, по моему зависить только отъ послѣдовательнаго роста силъ и сознанія народа. Какъ земець, я убѣжденъ, что русская соціально-революціонная партія напрасно транжирить лучшія силы Россіи на героическую борьбу, скорѣе отодвигающую, чѣмъ приближающую эру народнаго самоуправленія и благоденствія. Во всякомъ случаѣ ея политика въ высшей степени рискована, ибо ставить на карту роль интеллигенціи въ жизни государства, по крайней мѣрѣ, на многія десятилѣтія. Дѣло народнаго освобожденія необходимо

¹⁾ «Былое» 1906 г., кн. IX.

поставить въ условія безпронгрышной борьбы. Безкорыстную молодежь, основательно подготовленную, нужно направить въ земскіе, городскіе, желѣзнодорожныя и всякіе иные дѣятели, гдѣ такъ легко пріобрѣсти любовь и довѣріе народа, конечно, не пропагандою «хитрой механики» или «сказкою о четырехъ братьяхъ», не призывомъ къ бунту, а неустаннымъ трудомъ надъ порученнымъ дѣломъ, съ постоянною заботою—принести возможно большому числу окружающихъ наибольшую дозу реальной, ощутительной пользы. Эта роль создастъ интеллигенціи,—конечно, не въ годъ, не въ десятилѣтіе—непоколебимое вліяніе на народъ. Русское правительство, также какъ и монархія Бонапарта, модели которой выкроилъ и сорганизовалъ его Сперанскій, неуязвимо изнутри. Оно можетъ и должно пасть только подъ ударами внѣшняго врага, съ которымъ оно беспилно справится вслѣдствіе лежащаго въ его основѣ непримиримаго конфликта съ культурою и прогрессомъ. По моему—задача освобожденія страны заключается въ накопленіи интеллигенціею достаточныхъ силъ къ тому неизбѣжному времени, когда правительство, подъ ударами Европы, вновь очутится въ такомъ же беспомощномъ положеніи, въ какое впало послѣ Севастополя. Незнакомецъ, разумѣется, горячо и убѣжденно оспаривалъ меня. Онъ доказывалъ, что на своей собственной судьбѣ я долженъ былъ удостовѣриться, насколько мирная прогрессивная дѣятельность немислима въ странѣ самодержавія: вы, небось, не выходили изъ рамокъ легальности, тѣмъ не менѣе васъ сослали за статьи газеты, за рѣчи въ думѣ. Каждый изъ насъ остался при своемъ взглядѣ. Въ послѣдующіе дни незнакомецъ нѣсколько разъ заходилъ ко мнѣ и подолгу засиживался, въ бесѣдахъ то на ту же тему, то по поводу другихъ тогдашнихъ дѣлъ... Изъ разговоровъ съ незнакомцемъ я довольно скоро сообразилъ, что имѣю дѣло съ тѣмъ изъ террористовъ, который устраивалъ подкопъ подъ Малую Садовую улицу и пользовался въ то время широкою извѣстностью подъ вымышленнымъ именемъ Кобозева. Дѣйствительной своей фамиліи незнакомецъ мнѣ не называлъ. Окончивъ свои дѣла, Кобозевъ простился со мною и уѣхалъ изъ Тифлиса, разумѣется, не говоря, куда. Мѣсяца черезъ два послѣ него покинулъ Тифлисъ и я, убѣдившись въ полнѣйшей невозможности не только возобновленія «Обзора», но и какой бы то ни было дѣятельности въ краѣ, на литературной или общественной аренѣ.

«Въ концѣ лѣта я очутился въ Петербургѣ на частной желѣзнодорожной службѣ, къ которой не имѣлъ не только никакого призванія, но и ни малѣйшей симпатіи. То было министерство графа Н. П. Игнатьева: время призыва свѣдующихъ людей, постановка разныхъ экономическихъ и общественныхъ вопросовъ. По настояніямъ нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ я обратился въ главное управленіе по дѣламъ печати съ прошеніемъ о дозволеніи перенести изданіе

«Обзора» изъ Тифлиса въ Петербургъ. Главное управленіе очень скоро отвѣтило мнѣ рѣзкимъ отказомъ. Извѣстіе объ этомъ тогда же проникло въ печать». Это было въ декабрѣ 1881 года, а лѣтомъ 1882 г. къ нему уже объявился Бороздинъ, знавшій его еще съ дѣтства и имѣвшій точныя свѣдѣнія о всей его предшествовавшей жизни и дѣятельности, до свиданія и переговоровъ съ Кобозевымъ включительно, благодаря перехваченному полиціей по сему предмету письму, и намѣтившій его именно тѣмъ лицомъ, черезъ которое «дружина» должна была проникнуть въ сердцевину «Народной Воли». О свиданіи съ Бороздинымъ и о переговорахъ съ нимъ Николадзе передаетъ слѣдующее:

ХІ.

Бороздинъ, имѣвшій уже свѣдѣнія о хлопотахъ Николадзе по предмету переноса «Обзора» въ Петербургъ, сразу обнадежилъ его, обѣцая въ это устроить черезъ вліятельнаго А. И. Георгіевскаго, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстого.

«Къ этому предложенію нельзя было не отнестись скептически,—повѣтствуетъ Н. Я. Николадзе,— для изданія газеты требовалось не менѣе трехсотъ тысячъ рублей; компаньоновъ же на либеральное изданіе при министерствѣ графа Д. А. Толстого достать, конечно, невозможно. Всѣмъ извѣстно его безцеремонное отношеніе къ печати, и потому, наврядъ ли кто рискнетъ дать деньги подъ паи такого, болѣе чѣмъ шаткаго, предпріятія, какъ свободомыслящая газета. Б—нъ на это возражалъ, что при графѣ Д. А. Толстомъ сподручѣе издавать газету, такъ какъ онъ послѣдовательный «человѣкъ системы». Если сойтись съ нимъ при началѣ дѣла относительно границъ дозволеннаго или непозволительнаго, да самому вести изданіе съ неуклонною послѣдовательностью, то можно быть увѣреннымъ въ спокойной будущности. Даетъ же графъ Толстой существовать «Вѣстнику Европы», безъ всякаго измѣненія политики, несмотря на то, что журналъ М. М. Стасюлевича вель противъ него ожесточенную и непримиримую борьбу за все время нахожденія графа во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Установленіе такого же постояннаго *modus vivendi* особенно удобно при содѣйствіи А. И. Георгіевскаго, если вы ознакомите его черезъ меня съ тѣмъ направленіемъ, которое желаете дать вашему изданію.

«Послѣдній доводъ пошатнулъ меня. Началъ я наводить у нашихъ общихъ знакомыхъ—кавказцевъ справки про своего искусителя. Оказалось, что г. Б—нъ дѣйствительно располагаетъ цѣнными связями, пишетъ въ распространенныхъ газетахъ и историческихъ журналахъ, и живетъ, главнымъ образомъ, сочиненіемъ брошюръ

и докладных записокъ для малограмотныхъ претендентовъ на роль спасателей государства. При дальнѣйшихъ свиданіяхъ я принялся излагать г. В—ну, для доклада г. Георгіевскому, программу газеты, такъ сказать игнорирующей политику министерства внутреннихъ дѣлъ, и налегающей, главнымъ образомъ, на дѣловые вопросы, на науку, экономику, финансы, технику, литературу, и, въ особенности, на культурную жизнь европейскихъ народовъ... Съ полнѣйшею откровенностью выкладывалъ я г. В—ну свои взгляды и намѣренія, свою программу и направленіе. Все клонилось и сводилось къ одной завѣтной цѣли: содѣйствовать воспитанію и развитію мѣстнаго самоуправленія для обезпеченія неизбежной въ будущемъ смѣны самодержавія народоправіемъ. Исчерпавъ всевозможныя темы, мой собесѣдникъ скоро добрался до сути своихъ разспросовъ: отношенія газеты къ тогдашней злобѣ дня, — къ крамолѣ. Мое заявленіе, что не позволю себѣ ровно никакихъ отзывовъ на эту тему, кромѣ голой перепечатки правительственныхъ сообщений и официальныхъ документовъ, и поразило и раздосадовало г. В—на, который до тѣхъ поръ относился къ моимъ объясненіямъ съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. На его просьбы дать ему возможность объяснить г. Георгіевскому мотивы столь страннаго отношенія газеты къ капитальнѣйшей сторонѣ современности, я отвѣтилъ заявленіемъ, что единственный вѣрный путь къ упраздненію крамолы это критиковать обѣ противоположныя стороны. Нападать же на одну только, — притомъ безотвѣтную — сторону не только неблагоприятно, но и безцѣльно. Вѣдь всѣ газеты этимъ занимаются, и, какъ знаете, вовсе не въ ущербъ крамолѣ.

«Слово за слово мы вступили въ одушевленный и откровенный, — но крайней мѣрѣ, съ моей стороны — споръ. Я доказывалъ, что какъ насажденіе крамолы, такъ и ея искорененіе — дѣло правительства. Самодержавіе необходимая принадлежность лишь первоначальнаго роста государственнаго организма. По мѣрѣ же осложненія жизни оно уже не въ силахъ заправлять — изъ Петербурга — всѣми функціями страны, занявшей чуть ли не полъ свѣта. Оно само должно готовить себѣ достойнаго преемника, а такимъ можетъ быть лишь народное самоуправленіе. Такъ было вездѣ, и Россія не составитъ исключенія. Г. В—нъ, не осаривая этого взгляда по существу, утверждалъ, что террористическіе факты тѣмъ собственно и вредны, что не позволяютъ правительству стать твердою ногою на такой путь. Въ разгарѣ этого спора про яйцо и курицу, мой искуситель, многозначительно взглянулъ на меня, спросилъ: «вѣдь вы сами, небось не симпатизируете терроризму, и не скрываете этого чувства отъ террористовъ? Почему же не высказывать его читателямъ?» Я наострилъ уши и принялся думать — откуда это г. В—нъ можетъ знать про мои такія чувства? Споръ, по обыкновенію, кончился

тѣмъ, что обѣ стороны остались при своемъ и разошлись въ ожиданіи рѣшенія А. И. Георгіевскаго и графа Д. А. Толстого.

«Въ сентябрѣ 1882 года Б—нъ принесъ мнѣ извѣстіе, что г. Георгіевскій, находя мою программу осуществимою, хотѣлъ бы однакожь знать—буду ли я располагать достаточными матеріальными средствами для ея осуществленія, и въ какой мѣрѣ я буду обладать независимостью по отношенію къ лицамъ, дающимъ деньги на изданіе. Вѣдь вліяніе въ газетѣ, въ концѣ концовъ, переходитъ-де къ капиталу. На это я отвѣтилъ, что намѣренъ устроить акціонерное общество, или, вѣрнѣе, товарищество на вѣрѣ, по образцу тѣхъ, какія основаны были мною въ Тифлисѣ для изданія «Тифлискаго Вѣстника» и «Обзора».

«Черезъ нѣсколько дней г. Б—нъ сообщилъ мнѣ, что г. Георгіевскій находитъ мои расчеты неосновательными. Возня съ пайщиками сложная, неустойчивая вещь. Я могу рассчитывать получить разрѣшеніе въ томъ только случаѣ, если представлю порукою за себя одно какое-либо состоятельное лицо, денежное участіе котораго служило бы для правительства гарантіей благонадежности газеты. Я сказалъ, что такого богача у меня нѣтъ, что лицъ способныхъ вложить въ столь шаткое дѣло триста тысячъ рублей въ Россіи не сыщешь, что задаваться подобными цѣлями значить гоняться за химерой и что, слѣдовательно, дѣло наше надо бросить. Тогда г. Б—нъ началъ клясться, что я ошибаюсь, что у него имѣется на примѣтѣ одинъ такой знакомый, князь П. Демидовъ-Санъ-Дonato, съ которымъ онъ берется устроить мнѣ соглашеніе. Я рѣшительно отклонилъ это предложеніе, рѣзкимъ заявленіемъ, что становиться въ положеніе г. Спичакова и повторять опытъ газеты «Россія» (издававшейся передъ тѣмъ на средства князя Демидова) я не намѣренъ.

«Нельзя при этомъ не упомянуть, что г. Б—нъ, ссылаясь на продолжительность его переговоровъ со мною и съ г. Георгіевскимъ, отымавшихъ у него его рабочее время, и на затруднительность денежныхъ обстоятельствъ, началъ забирать у меня, заимообразно и на короткіе сроки, то сотню рублей, то двѣсти, то триста. Сначала онъ аккуратно возвращалъ мнѣ занятыя деньги. Но съ теченіемъ времени, вмѣсто взятыхъ сотенъ, сталъ уплачивать лишь десятки. Все болѣе и болѣе приходило въ голову, что разговоры про г. Георгіевскаго и князя Демидова не болѣе, какъ благовидный предлогъ для занимаія денегъ. Серьезное отношеніе къ дѣлу постепенно замѣнялось у меня юмористическимъ, на почвѣ грузинскаго благодушія и невольнаго состраданія къ старцу, обремененному большою и очень симпатичною семьею.

«Наконецъ, г. Б—нъ, зазвавъ меня къ себѣ, сообщилъ подъ великимъ секретомъ, что онъ счелъ себя въ правѣ выяснитъ пользу и значеніе моей газеты одному изъ своихъ старинныхъ пріятелей,

обладающему огромнымъ состояніемъ и занимающему значительный постъ въ правительствѣ. Эта особа готова предоставить въ мое распоряженіе триста тысячъ рублей, не палая на меня никакихъ иныхъ обязательствъ, кромѣ обѣщанія свято держаться намѣченной мною программы. Изъ деликатности, не желая обидѣть бѣднаго старика заявленіемъ, что я не вѣрю въ подобный вздоръ и вижу цѣль его сочиненія, принялся я доказывать, что въ глазахъ читающей публики денежное участіе въ газетѣ лица, занимающаго выдающійся постъ, неминуемо уронитъ довѣріе къ независимости и безпристрастію моего органа и придастъ ему подкладку предпріятія, преслѣдующаго вовсе не литературно-общественныя цѣли.

«Въ отвѣтъ на это у г. Б—на вырвалось возраженіе, что «этого никто никогда не узнаетъ: сумма будетъ передана вамъ съ глаза на глазъ, безъ расписокъ, на честное слово».

«Я всталъ и ушелъ, успѣвъ сказать г. Б—ну только, что не желаю болѣе ни разговаривать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, ни вообще продолжать своихъ съ нимъ сношеній.

«Гора свалилась съ плечъ; я былъ въ восторгѣ отъ разрыва. Но не успѣлъ я вернуться къ себѣ домой, какъ получилъ отъ г. Б—на письмо, въ которомъ онъ увѣрялъ меня, что я неправильно его понялъ, что онъ и въ помыслахъ не имѣлъ оскорблять меня, что онъ, вѣроятно, обмолвился, извиняется и т. д. Горничной, привезшей письмо, было сказано, что отвѣта не будетъ.

«На слѣдующее утро—новое письмо. Въ немъ г. Б—нъ умолялъ меня выслушать его, клянясь, что долженъ переговорить со мною дѣлѣ чрезвычайной важности. Онъ писалъ, что само это дѣло несравненно болѣе крупное чѣмъ то, о которомъ мы съ нимъ прежде совѣщались, вполне уяснить мнѣ его поведеніе и чистоту побужденій. Я не отвѣтилъ и на это посланіе. Въ тотъ же день г. Б—нъ буквально ворвался ко мнѣ въ квартиру и, несмотря на заявленія мои, что ни извиненій, ни сообщеній его я выслушивать не хочу, выложилъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

«Сначала я интересовался вами какъ журналистомъ, которому мнѣ выгодно помочь пріобрѣсти газету, чтобы тѣмъ и самому пристроиться. Но съ того момента, какъ вы коснулись вопроса о крамолѣ, ваша газета отодвинулась у меня на задній планъ. Мнѣ показалось, что возможно извлечь изъ вашихъ идей большую пользу для Россіи. Вы могли бы подвинуть обѣ стороны: правительство—на уступки и реформы, а молодежь на отреченіе отъ террористическаго образа дѣйствій, если васъ сдѣлать посредникомъ между правительствомъ и революціонною партією. Чтобы выяснитъ себѣ насколько правительство склонно встать на такой путь, мнѣ необходимо было переговорить съ кѣмъ нибудь изъ лицъ, стоящихъ у самаго «трона. Вы знаете, съ какими тузами мнѣ приходилось дружить на Кавказѣ. Изъ нихъ многіе теперь стоятъ на недоступ-

ной высотѣ. Во время моей службы при князѣ А. И. Барятинскомъ, я близко сошелся съ графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ, составившимъ тогда адъютантскомъ при князѣ—намѣстникѣ, а теперь занимающимъ постъ министра императорскаго двора. Несмотря на разницу нашихъ положеній, связь эта до сихъ поръ не порвалась. Выслушавъ васъ, я бросился къ графу, къ которому имѣю болѣе свободный путь, чѣмъ любой товарищъ министра. Я неоднократно слышалъ изъ его устъ, насколько скорбитъ душа государя при мысли о крамолѣ и о вынуждаемыхъ ею репрессивныхъ мѣрахъ. Нѣтъ такой жертвы, которую бы онъ не былъ готовъ принести, лишь бы достигнуть умиротворенія, и только затѣмъ, чтобы не быть принужденнымъ казнить и ссылать этой массы юношей, которыхъ ему жаль, какъ человѣку, какъ отцу. Къ несчастью, никто изъ его окружающихъ въ этомъ помочь ему не можетъ, потому что никто изъ нихъ не въ силахъ найти дорогу къ уму и сердцу молодежи, вліять на нее, заговорить съ нею понятнымъ для нея языкомъ. Возьмитесь за эту святую роль, отдайтесь всею душою этому благородному дѣлу, и тысячи, десятки тысячъ семействъ благословятъ вашу память за возвратъ имъ потерянныхъ дѣтей, за избавленіе ихъ отъ опасностей крамолы. Этимъ путемъ вы приблизите осуществленіе тѣхъ самыхъ преобразованій, для проведенія которыхъ въ общественное и правительственное сознаніе вы принимаетесь за изданіе газеты. Наконецъ, не трудно сообразить и то, насколько тѣмъ самымъ облегчена будетъ для васъ, какъ возможность полученія права издавать газету, такъ и самая дѣятельность ваша въ ней...»

«Много и долго говорилъ на эту тему г. Б—нъ, пока не заключилъ словами, теперь уже не отъ своего имени, а отъ имени графа И. И. Воронцова-Дашкова, я приглашаю васъ къ нему, для выясненія ему вашихъ мыслей. Если вы не довѣряете мнѣ, то, согласитесь, что слову графа вы можете повѣрить. Онъ представитъ васъ государю, если вы этого захотите изъ не довѣрчивости къ графу Воронцову-Дашкову. Тогда вы, надѣюсь, вполне убѣдитесь, какъ много правды кроется въ моихъ фантазіяхъ, осуществленіе которыхъ теперь въ вашей власти.

«Какъ ни внушительна была картина, нарисованная г. Б—мъ, какъ ни обильно орошалось его лицо слезами—въ особенности, когда рѣчь зашла объ отцовскихъ чувствахъ государя и о признательности десятковъ тысячъ семействъ, все жъ не могъ я забыть горькой истины, что все это—въ лучшемъ случаѣ—не болѣе, какъ мечты и фантазіи, осуществленіе которыхъ непосильно никакой отдѣльной личности.

«— Одно изъ двухъ,—отвѣтилъ я г. Б—ну:—или правительство дѣйствительно желаетъ перемѣнить свою политику, и, въ такомъ случаѣ, роль моя излишня, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ неминуемо

и само собою произойдет поворотъ и въ поведеніи молодежи, или же оно этого дѣлать не намѣрено, и тогда роль моя бесплодна; тогда никому на свѣтѣ не удастся ни на волосъ измѣнить настроеніе энтузіастовъ. Слѣдовательно, въ обонхъ случаяхъ одинаково незачѣмъ соваться въ дѣло. Вы говорите, что заручились согласіемъ одной стороны—правительственной. Но имѣется вѣдь и другая—революціонная. Какое я могу имѣть воздѣйствіе на нее?

«Снова тотъ же многозначительный взглядъ, отдававшій стекломъ, и намекъ: не беспокойтесь, вы у нихъ на прекрасномъ счету. Говорятъ, они васъ въ свои публицисты прочили и даже отказъ не уронилъ васъ въ ихъ мнѣніи.

— Откуда вы это взяли?

«Послѣ долгихъ отнѣкиваній, г. Б—нъ признался, что слыхалъ отъ одного изъ своихъ родственниковъ, состоящаго выдающимся членомъ «золотой дружины»¹⁾, про перехваченное письмо Кобозева, изъ Тифлиса, съ извѣстіями объ его миссіи, моемъ отказѣ и т. п.

«Г. Б—на я выпроводилъ, наконецъ, общаніемъ обдумать все-сторонне приглашеніе графа Воронцова-Дашкова и дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней.

«Бѣдный старецъ» показался мнѣ теперь въ новомъ свѣтѣ. Связь его съ тайною полиціей стала яснѣе дня: откуда иначе онъ могъ знать про письмо Кобозева? Преобладающимъ моимъ ощущеніемъ при мысли о Б—нѣ стало инстинктивное опасеніе, что онъ втянетъ меня въ невылазную грязь. Ни въ какое примиреніе я, конечно, не вѣрилъ. Имя же графа Воронцова-Дашкова наводило мысль на замысль—обезпечить, посредствомъ какихъ-нибудь переговоровъ, безопасность предстоящей коронаціи отъ взрывовъ и покушеній. Вмѣшательство въ такіе переговоры больше всего претило мнѣ потому, что могло выставить меня въ глазахъ обѣихъ сторонъ «честнымъ маклеромъ», ловящимъ рыбу въ мутной водѣ и ищущимъ личныхъ выгодъ. Въ Петербургѣ меня никто основательно не зналъ. Для всѣхъ я былъ тамъ одинокимъ новичкомъ, всѣмъ я былъ чуждъ. Не было тутъ у меня ни старыхъ друзей, ни прочныхъ связей, ни «революціоннаго прошлаго». Время же было тревожное. Другъ на друга всѣ смотрѣли, точно травленные волки, съ опаскою и подозрѣніемъ: не шпіонъ ли? Не бомбоносецъ ли? Не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями. Послѣ долгихъ думъ рѣшился я посовѣтоваться съ тремя лицами, мнѣніямъ которыхъ придавалъ наиболѣе вѣское значеніе: съ однимъ дѣльцомъ, съ которымъ съ молоду былъ знакомъ и друженъ, и съ двумя литераторами: М. А. Антоновичемъ и Н. К. Михайловскимъ. Перваго я высоко чтить еще по «Современнику», а второй незадолго передъ тѣмъ радушно открылъ мнѣ двери «Отечественныхъ Записокъ».

¹⁾ Т. е. «священной дружины».

XII.

Н. Я. Николадзе поспѣшилъ повидаться прежде всего съ Михайловскимъ и изложилъ ему предложеніе Бороздина. Вліятельный публицистъ «Отечественныхъ Записокъ» и членъ редакціи газеты «Народная Воля» сразу не одобрилъ его пессимистическаго отношенія къ дѣлу. На совѣщаніе призванъ былъ ближайшій сотрудникъ его, С. Н. Кривенко, оснесшійся къ дѣлу совершенно одинаково съ г. Михайловскимъ. Оба горячо доказывали Николадзе, что онъ всенепремѣнно долженъ войти въ сношенія съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. По ихъ словамъ, революціонная партія была въ ту пору до крайности ослаблена. Ей, все равно, долго ничего серьезнаго нельзя будетъ дѣлать собственными силами. Въ этомъ положеніи компромиссъ съ правительствомъ, какъ бы жалки для партіи ни были прямыя его выгоды, все же послужитъ ей золотымъ мостомъ, оправданіемъ ея продолжительнаго бездѣйствія, и безъ того вѣдь неизбѣжнаго, признаніемъ ея воюющею державою, а главное—передышкою въ трудную пору и спасеніемъ отъ окончательнаго разгрома послѣднихъ ея остатковъ. А можетъ быть удастся и реальныя какія нибудь блага выторговать, въ родѣ улучшенія положенія печати, частичной амнистіи и т. п. Н. К. Михайловскій, чтобы подбодрить его, обѣщаль, что самъ поѣдетъ на югъ, разыщетъ важнѣйшихъ членовъ исполнительнаго комитета и лично воздѣйствуетъ на нихъ, при чемъ ручался, что данное ими слово свято будетъ сдержано цѣлою партіею. С. Н. Кривенко поддакивалъ его словамъ умоляя Николадзе принять приглашеніе. Но когда Николадзе предложилъ Н. К. Михайловскому замѣнить его и прямо взять на себя посредничество, на которое у него несравненно больше правъ, въ глазахъ обѣихъ сторонъ, чѣмъ у него, Николадзе, совершенно неизвѣстнаго имъ человѣка, онъ рѣшительно отклонилъ эту мысль. Правительство въ такомъ случаѣ убѣдился, сказалъ онъ, что «я то и состою главаремъ революціи». Николадзе утѣшалъ его, что зато онъ гарантированъ противъ худшей бѣды: публика никогда не заподозритъ его въ шпіонствѣ; онъ же рискуетъ попасть въ это досадное положеніе.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и переговоровъ съ другими лицами, Н. Я. Николадзе, наконецъ, рѣшилъ пойти на встрѣчу Бородину и, заявилъ, что съ той минуты, какъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ лично возложитъ на него такое порученіе, онъ постарается вѣрою и правдою послужить дѣлу устраненія затрудненій, препятствующихъ мирному росту нашего государства.

«Мое свиданіе съ графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ состоялось, впрочемъ, не скоро,—повѣствуетъ онъ.—Часъ и день сви-

данія назначался не разъ и не два; но затѣмъ отмѣнялся подь тѣмъ либо другимъ предлогомъ. Между тѣмъ г. Б—нъ объяснял мнѣ, что графъ Воронцовъ-Дашковъ опасается—не ошибаюсь ли я, полагаясь исключительно на теоретическія свои соображенія, да на знакомство лишь съ литературою предмета? «Все это быть можетъ и вѣрно, высказалъ де графъ, но гораздо цѣннѣе было бы, если бъ увѣренность эта основывалась на мнѣніяхъ и сужденіи важнѣйшихъ главарей партіи». Поэтому г. Б—нъ находилъ, что если бы я успѣлъ заручиться какимъ-либо заявленіемъ революціонеровъ, или кого-нибудь изъ ихъ главарей, о готовности ихъ сложить оружіе въ случаѣ принятія правительствомъ извѣстныхъ мѣръ, то всѣ колебанія графа Воронцова-Дашкова сразу бы прекратились». Оспаривая какъ необходимость, такъ и достовѣрность подобнаго выясненія, я выставилъ г. Б—ну свою наибѣйшую непригодность для такой роли. Я тѣмъ рѣшительнѣе отказался отъ нея, что очень хорошо понималъ, что подь прикрытіемъ имени графа Воронцова-Дашкова—котораго я еще не видѣлъ и который для меня все еще не переставалъ быть мифомъ,—г. Б—нъ могъ имѣть надежду превратить меня въ полицейскую западню. Поэтому я сказалъ ему, что пока не увижусь съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, я объ этомъ дѣлѣ болѣе разговаривать не буду...

«Мои совѣщанія съ Н. К. Михайловскимъ, передь аудіенціею у графа Воронцова-Дашкова, не могли, конечно, имѣть характера дѣйствительной двусторонней выработки наилучшей платформы соглашенія: я поневолѣ долженъ былъ играть пассивную роль, стараясь лишь о томъ, какъ бы вѣрнѣе запомнить и выполнить даваемое мнѣ порученіе. Если Н. К. Михайловскій и совѣщался со мною, большею частью въ присутствіи С. Н. Кривенко, то только насчетъ того, пройдетъ или нѣтъ у правительства либо то либо другое требованіе, а вовсе не о томъ—какое требованіе предъявить или поддерживать. Когда я выразилъ своимъ собесѣдникамъ изумленіе по поводу того, что отъ имени революціонеровъ, дѣйствовавшихъ подь знаменемъ «Народной Воли», предъявляются требованія узко-соціалистическаго характера, безъ политической подкладки, впротивность знаменитому писемъ «исполнительнаго комитета» къ Александру III по поводу 1-го марта 1881 года, Н. К. Михайловскій замѣтилъ мнѣ, что теперь настроеніе партіи менѣе приподнятое и она увѣрилась, что политическія реформы поведутъ къ упроченію во власти не народовольцевъ, а только буржуазіи, что составитъ не прогрессъ, а регрессъ. Одно только требованіе успѣлъ я внушить Н. К. Михайловскому. Хотя условіе объ освобожденіи Н. Г. Чернышевскаго и было мною заранѣе предъявлено черезъ г. Б—на и, по его словамъ, принято, какъ единственная мнѣ награда за труды, но я опасался, какъ бы потомъ это обѣщаніе не осталось невыполненнымъ. Поэтому я попросилъ Н. К. Михайловскаго уговорить членовъ «исполнитель-

наго комитета» внести освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго въ число тѣхъ требованій, которыя они намѣривались предъявить правительству. Я былъ увѣренъ, что данное партіи обѣщаніе было бы выполнено правительствомъ вѣрнѣе, чѣмъ выговоренная мною себѣ награда.

«Такимъ образомъ, графу И. И. Воронцову-Дашкову я былъ вынужденъ представить не свою собственную программу дѣйствія, а только ту, которая была продиктована, отъ имени революціонной партіи, Н. К. Михайловскимъ и С. Н. Кривенко.

«Программа, которую я долженъ былъ проводить, заключалась въ приглашеніи правительства стать на путь социальныхъ, вѣрнѣе, экономическихъ улучшеній народнаго быта, съ значительнымъ въ этомъ смыслѣ расширеніемъ сферы воздѣйствія печати и земскаго или общественнаго самоуправленія.

XIII.

Наконецъ, графъ Воронцовъ назначилъ день и часъ свиданія Н. Я. Николадзе, но прежде чѣмъ его описывать со словъ послѣдняго, отмѣтимъ, что по поводу описанныхъ переговоровъ сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Н. К. Михайловскій¹⁾. Разсказавъ въ нѣсколькихъ словахъ о появленіи у него Николадзе съ разсказомъ о начатыхъ переговорахъ черезъ Бороздина съ графомъ Воронцовымъ, онъ говоритъ, что въ подтвержденіе Н. Я. Николадзе показалъ мнѣ одну-двѣ записки Воронцова-Дашкова незначительнаго содержанія—приглашеніе пожаловать къ нему тогда-то и тогда-то. «Н. т. е. Николадзе, сообщилъ мнѣ, что въ дѣлѣ этомъ принимаетъ участіе Шуваловъ, не помню который по имени, но знаю, что онъ былъ тогда личнымъ другомъ государя — говоритъ Михайловскій. Знаю также, что этотъ Шуваловъ занимался одно время химіей и затѣмъ былъ психически боленъ, о чемъ я слышалъ отъ его учителя химіи Г. (убитый въ 1905 г. М. Ю. Гольдштейнъ) и психіатра Т., (покойный докторъ Тимашевскій).

«Н., (Николадзе) у котораго было мало связей въ революціонной партіи, предложилъ мнѣ дѣйствовать вмѣстѣ. Я зналъ, что партія была въ это время въ упадкѣ, — кто арестованъ, кто казненъ, и только Вѣра Филиппова (Фигнеръ) была изъ крупныхъ дѣятелей на свободѣ, скрываясь въ Харьковѣ. Ожидать чего-нибудь на коронаціи и безъ того нельзя было, но правительство этого не знало, а у страха глаза велики. Поэтому согласиться на предложеніе было лестно. Но я все-таки рѣшилъ сначала посоветоваться съ К.,²⁾ съ которымъ былъ тогда очень близокъ, а Н. не особенно довѣрялъ. Съ К. происхо-

¹⁾ «Былое» 1907 г. № IX.

²⁾ С. Н. Кривенко.

дили въ это время тоже какія-то заигрыванія, и мы рѣшили, что принять предложеніе слѣдуетъ, но держать ухо востро. Я поѣхалъ въ Харьковъ къ Вѣрѣ, а Н.—за границу, въ Парижъ. Онъ вернулся съ очень страннымъ результатомъ, никого не нашелъ, а не вдолгѣ и совсѣмъ переселился изъ Петербурга на югъ, гдѣ и понынѣ (1903 годъ, июль) проживаетъ. Я его и въ Петербургѣ почти не видѣлъ, а послѣ переѣзда онъ у меня ни разу не былъ, хотя въ Петербургъ наѣзжалъ.

«Моя поѣздка въ Харьковъ (я ѣздилъ туда подъ предлогомъ устройства своихъ книгъ у харьковскихъ книгопродавцевъ) была добычливаѣе. Вѣру я разыскалъ... Этотъ удивительный человекъ очень усталъ отъ своей бурной жизни, и въ ту минуту и отъ тяжкаго положенія скрывающагося, вѣчно съ оглядкой, вѣчно подъ страхомъ быть къмъ нибудь узнанной. Мы рѣшили такъ: партія, которая, повторю, и безъ того была безсилна, обѣщаетъ воздержаться отъ дѣйствій во время коронаціи, но мы съ своей стороны боялись въ виду этого безсилія, предъявить какія-нибудь очень большія требованія, тѣмъ больше, что не были увѣрены, что насъ не надуютъ. Поэтому, не опредѣляя ближайшимъ образомъ тѣхъ реформъ, которыя должно произвести правительство послѣ коронаціи, мы потребовали въ видѣ задатка и въ удостовѣреніе добрыхъ намѣреній правительства исполненія къ 19-му февраля двухъ пунктовъ: освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ не задолго передъ тѣмъ на Карѣ. Это были болѣе, чѣмъ скромныя требованія, но вѣдь все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ...

«Справедливость требуетъ сказать, что оба требованія были исполнены, но не 19-го февраля, а гораздо позже: Чернышевскій былъ возвращенъ сначала въ Астрахань, а потомъ на родину въ Саратовъ, а для разслѣдованія карійскаго дѣла былъ командированъ флигель-адъютантъ, помнится, Нордъ. На счетъ же либеральныхъ реформъ мы были обмануты. Къмъ—не знаю, такъ какъ весьма возможно, что Н. передалъ Воронцову и Шувалову наши два пункта, какъ окончательные, исчерпывающіе всѣ наши желанія. По крайней мѣрѣ Шуваловъ говорилъ впоследствии Т. (Томашевскому): «что это, какія скромныя требованія поставили Н. и Михайловскій?»

Свиданіе Н. Я. Николадзе съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ состоялось въ первыхъ числахъ сентября 1882 года въ Петергофѣ и, по словамъ Николадзе, протекло при слѣдующихъ обстоятельствахъ и въ слѣдующемъ порядкѣ: «Графъ Воронцовъ-Дашковъ принялъ и выслушалъ меня внимательно,—говоритъ онъ,—но съ видомъ утомленнаго вельможи, которому все безконечно надоѣло и которому нечего желать, не къ чему стремиться. Г. Во-

роздѣль ввелъ меня въ кабинетъ, представилъ графу и тотчасъ же по его приказанію, покинулъ насъ. Въ дальнѣйшую комнату дверь была отперта, но завѣшена тяжелою гардиною, которая по временамъ колыхалась. Борозднѣ позже увѣрялъ меня, что тамъ сидѣло одно ультра-высокопоставленное лицо...» Вотъ нѣсколько сокращенныя нами выдержки изъ рѣчи Н. Я. Николадзе, обращенной къ графу Воронцову-Дашкову, занявшей два часа времени.

«Я началъ съ утвержденія, что смущавшее власть движеніе не искусственно вызвано, внушено не злымъ умысломъ. Оно—продуктъ времени, слѣдствіе накопленія недюжинныхъ силъ, не пахотящихъ себѣ правильного примѣненія, а встрѣчающихъ одно лишь тупое сопротивленіе. Эти юноши, беззавѣтно идущіе на всевозможныя жертвы, на вѣрную смерть, даже безъ надежды на славу или память въ потомствѣ (извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ умирали скрывъ свои имена),—вовсе не злодѣи по натурѣ. Изъ такихъ элементовъ благоразумный правитель могъ бы вербовать легіоны героевъ, способныхъ покрыть славою государство. Ихъ не мало было въ Россіи и въ прежнія времена. Между тѣмъ они нисколько не противодѣйствовали, а помогали правительству въ тѣ эпохи, когда оно бывало прогрессивно, когда оно становилось само во главѣ движенія своего времени. Наоборотъ, всякій разъ, когда у насъ правительство становилось ретрограднымъ, когда оно чуралось науки и современной мысли, эти элементы обращались противъ него, и такъ или иначе, раньше или позже, все таки сперва обезсиливали, а потомъ и побѣждали его. Это неизбѣжный и непреодолимый законъ историческаго прогресса. Въ ученіяхъ, увлекающихъ нашу современную молодежь, въ началѣ по крайней мѣрѣ, не было ничего противоправительственнаго. Въ нихъ, напротивъ, все главное, все принципиальное вполнѣ соответствовало истиннымъ выгодамъ честнаго и разумнаго правительства, какова бы ни была форма послѣдняго—самодержавная, конституціонная или вполнѣ республиканская. Не существуетъ никакихъ принципиальныхъ преградъ къ совершенно полному и искреннему примиренію или слитію этихъ социальныхъ ученій съ самодержавіемъ наиболѣе суровымъ и неуступчивымъ. Этихъ возрѣній теперь держатся многіе; ихъ раздѣляютъ люди ничего общаго съ революціонерами не имѣющіе, нисколько съ ними не солидарные.

«Страна наша изнемогаетъ въ когтяхъ всевозможныхъ хищниковъ и кулаковъ, обрадовавшихся тому, что правительству, обязанному сдерживать ихъ своекорыстные инстинкты, просто некогда заниматься преслѣдованіемъ разныхъ хищеній, когда страна объята крамолою. Въ земствѣ, въ банкахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, въ городскихъ управленіяхъ, въ сельскомъ быту, словомъ чуть ли не вездѣ и всюду, царитъ личный эгоизмъ, разоряющій народное

и общественное хозяйство и хищнически транжирящій богатѣйшія силы народа.

«Развѣ наши сельскія, общественныя и земскія дѣла, а, слѣдовательно, и жизнь всей Россіи, не пошли бы въ тысячу разъ лучше, если бы правительство прямо задалось цѣлью привлечь къ земской и общественной дѣятельности силы безкорыстной и образованной молодежи, нынѣ безъ дѣла гибнущія по всему лицу русской земли? А развѣ много усилій потребовалось бы для достиженія такой цѣли? Стоило бы только усилить немножко значеніе нашихъ общественныхъ учреждений, да относиться не съ завзятымъ подозрѣніемъ, а сочувственно, къ дѣятельности въ нихъ безкорыстныхъ слугъ общаго блага—а не личной наживы—и въ короткій промежутокъ времени нельзя бы было и узнать теперешнихъ нашихъ общественныхъ учреждений: такъ бы онѣ измѣнились къ лучшему.

«Вообще ужасно гибельное значеніе въ русской жизни имѣло то обстоятельство, что съ 1861—1862 годовъ правительство съ чрезмѣрно-суровою подозрительностью отнеслось къ волненіямъ молодежи. Силамъ же нашей молодежи не оставлено достаточнаго и почетнаго поля дѣйствій. И чѣмъ ограниченнѣе становилась ея сфера дѣятельности, тѣмъ сильнѣе и необузданнѣе въ ней самой дѣлались наиболѣе рѣзкіе и крайніе элементы ея, тѣмъ менѣе могли въ ней самой проявляться внушенія разума, принужденныя уступить мѣсто вліянію страсти ожесточенія.

«Самое торжество анархическихъ и террористическихъ ученій обусловлено полицейскою травлею, доводящею до бѣшенства и экзальтаціи натуры, вовсе не предрасположенныя къ крутымъ дѣйствіямъ. Если бы условія нашей политической жизни способствовали, какъ за границу, примѣненію живыхъ силъ молодого поколѣнія къ работѣ надъ подъемомъ умственнаго и экономическаго положенія страны, если бы силы молодежи могли проявляться въ печати, въ общественныхъ собраніяхъ, учрежденіяхъ и т. п., то соотношеніе, среди самой интеллигенціи, спокойныхъ и крайнихъ ея элементовъ и у насъ было бы столь же нормальное, какъ и вездѣ, въ остальномъ цивилизованномъ мірѣ.

«Было бы жестокою ошибкою думать, продолжалъ я, что современное настроеніе молодежи можетъ быть измѣнено либо дальнѣйшими репрессіями, съ ихъ усиленною градаціею, либо введеніемъ конституціонныхъ реформъ. Я убѣжденъ, что если бы нынѣшнія условія правительства, исключительно на то направленныя, чтобы «вырвать съ корнемъ крамолу», и увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ, если бы всѣ безъ исключенія террористы были переловлены, разысканы и повѣшены, то и тогда народились бы, въ другихъ сферахъ и слояхъ, новыя и новыя поколѣнія революціонеровъ, несколько не болѣе безобидныя, чѣмъ теперешнія. Пока существуютъ въ нашей политической жизни условія, вызвавшія развитіе кра-

молы, она неискоренима, и подобно гидрѣ будетъ давать новые отпрыски и отростки. Тутъ несравненно скорѣе оскудѣетъ рука, рубящая головы гидры, чѣмъ сила, ихъ плодящая и питающая. Безъ сомнѣнія, будутъ передышки, будутъ періоды затишья; но я не думаю, чтобы ихъ не имѣлось основаній считать предвѣстниками еще болѣе сокрушительныхъ невзгодъ.

«Съ другой стороны, наврядъ ли поможетъ и введеніе у насъ конституціонныхъ порядковъ, по крайней мѣрѣ, на первое время. Безспорно, если бы было возможно рассчитывать, что конституціонныя реформы поведутъ у насъ сразу же къ установленію и упроченію энергическаго правительства, сильнаго поддержкою сплоченнаго прогрессивнаго большинства, и если бы такое правительство твердо стало во главѣ движенія, конституція навѣрное устранила бы существующія затрудненія и ихъ причины. Но рассчитывать на это врядъ ли возможно. Скорѣе имѣются основанія думать, что конституціонный режимъ дастъ у насъ преобладаніе, на долгіе годы, узко-эгоистическимъ элементамъ русскаго общества: адвокатамъ, аферистамъ, кулачеству, вообще буржуазіи. Интеллигенція останется за флагомъ. Вслѣдствіе этого, существеннаго улучшенія положенія правительства и быта народа отъ конституціи ожидать теперь же невозможно. Что касается правительства, скорѣе слѣдуетъ ожидать положительнаго ухудшенія его обстановки. Теперь, безъ конституціи, у него, по крайней мѣрѣ, руки развязаны, и оно, если бы захотѣло, могло бы выбрать себѣ любой образъ дѣйствій, любую политику, не исключая и социалистической. Конституціонными мѣрами вы наврядъ ли заставите революціонеровъ отречься отъ террористическихъ мѣропріятій, если только конституція нарочно въ томъ духѣ не будетъ составлена, чтобы обезпечить за интеллигенціею право широкаго участія въ представительныхъ учрежденіяхъ. Но конституціонно организованная буржуазія вѣроятно ее туда не пуститъ.

«Выше конституціонныхъ реформъ, и даже выше обезпеченія свободы законной пропаганды, нынѣшняя наша молодежь поставила бы принятіе правительствомъ болѣе активнаго участія въ улучшеніи экономическаго быта народа. Народись у насъ сильное правительство, искренно задавшееся творческою работою надъ постепеннымъ осуществленіемъ возможныхъ улучшеній экономическаго строя Россіи, молодежь энтузіастически пошла бы за нимъ съ тою же беззаветною отвагою, съ которою теперь идетъ противъ нынѣшней вашей политики. Для достиженія такого результата нужны только перемѣны въ системѣ, въ политикѣ правительства, въ личномъ его составѣ.

«На всѣ эти разсужденія гр. Воронцовъ-Дашковъ не далъ мнѣ, въ сущности, никакого опредѣленнаго отвѣта. Онъ мнѣ не сказалъ ни «да», ни «нѣтъ». Не могу-же я считать доказательствомъ его со-

гласія на мои слова, весьма внимательнаго его отношенія къ моимъ рѣчамъ, да двухъ-трехъ сочувственныхъ фразъ, въ родѣ той, на-примѣръ, что «вотъ и Бисмаркъ выразился, что если бъ русское правительство сумѣло привлечь къ себѣ содѣйствіе социалистовъ, ставъ на социалистическій путь, оно превратилось бы въ непобѣдимѣйшее изъ всѣхъ правительствъ Европы». Въ сущности же гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ особенно интересовался узнать, на сколько дѣйствительно имѣется основаній предполагать, что подобными мѣрами можно обезоружить революціонеровъ. Онъ обѣщаль мнѣ обдумать мои слова, сообразиться съ общимъ положеніемъ и, при слѣдующемъ свиданіи, высказать мнѣ свое рѣшеніе»,

XIV.

Объ этомъ-же свиданіи Бороздинъ даетъ отъ себя въ своей запискѣ слѣдующія свѣдѣнія. «5-го сентября вечеромъ я былъ въ Петергофѣ у Набольшаго (т. е. Воронцова), доложилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ разрѣшенія представить Х. (Николадзе). Онъ мнѣ назначилъ привести его на другой день, т. е. 6-го вечеромъ въ половинѣ девятаго и присовокунилъ: «дайте ему понять, что я его выслушаю *«mais que je ne puis traiter avec lui»*. Когда, на другой день утромъ, я пришелъ къ Х. и сказалъ ему, что мы поѣдемъ въ Петергофъ, и назвалъ лицо, которому я его представляю, то я замѣтилъ, что это было для него совершенной неожиданностью. На лицѣ его отразилось сильное впечатлѣніе и онъ сказалъ мнѣ: «Дай Богъ! объ этомъ человѣкѣ я слышалъ только одно хорошее». Я ему передалъ и тѣ слова, которыя были мнѣ сказаны относительно формы предстоящей ему бесѣды. «Въ половинѣ девятаго, когда мы входили въ кабинетъ Набольшаго, по блѣдному лицу Х. я замѣтилъ, что онъ внутренно взволнованъ и сказалъ ему, чтобы онъ призывалъ на помощь всю силу своего духа, не робѣлъ и старался бы высказать все, какъ можно полнѣе. Представивъ его Набольшему, самъ вышелъ въ другую комнату для того, чтобы не мѣшать ихъ аудіенціи. Она продолжалась болѣе, чѣмъ 1½ часа и, когда изъ двери кабинета вышла Х., лицо его сіяло одушевленіемъ и онъ сказалъ мнѣ: «Ну, мнѣ никогда и во снѣ не могло присниться того, что со мною сейчасъ было и что я слышалъ».

«Я попросилъ его идти въ садъ и ожидать меня тамъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ. Набольшій объяснилъ мнѣ, что онъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Х., «онъ можетъ быть очень полезенъ, если дѣйствительно выполнитъ принимаемую на себя миссію. Я обѣщаль опять увидаться съ нимъ на-дняхъ, о времени Васъ извѣщу», сказалъ онъ, прощаясь со мною.

«Отыскавъ Х. въ саду, я вернулся съ нимъ въ Петербургъ; разговоръ шелъ въ вагонѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ Наболь-

шаго гораздо больше, чѣмъ могъ предполагать изъ моихъ словъ. Тотъ очаровалъ его, и онъ душой и тѣломъ готовъ посвятить себя этому дѣлу, не сомнѣваясь въ полномъ успѣхѣ. Въ какихъ-нибудь два, три мѣсяца все будетъ кончено. Онъ поѣдетъ за границу, тамъ будетъ необходимо и мое присутствіе, какъ лица, облеченнаго довѣріемъ Набольшаго. Черезъ меня будутъ идти сношенія съ нимъ, а при этомъ онъ ничего не скроетъ, для него не будетъ никакой тайны.

«На это я просилъ Х., чтобы онъ всякое свиданіе свое съ Набольшимъ и всякое свое дѣйствіе разрѣшилъ мнѣ формулировать и, такимъ образомъ, оставлять ихъ слѣды, я находилъ это важнымъ для упорядоченія хода столь важнаго дѣла. Онъ согласился на это и общалъ на другой же день составить мнѣ отчетъ о сегодняшнемъ своемъ докладѣ.

«На станціи желѣзной дороги мы разстались, а на другой день вечеромъ я получилъ отъ него мемуаръ, въ которомъ изложено было говоренное имъ вчера».

Мемуаръ этотъ слѣдующій.

«Современныя затрудненія не только не требуютъ отъ правительства слушаться передъ общественнымъ движеніемъ и передать свои права представителямъ общества,—т. е., средняго сословія, но напротивъ того, прямо налагаютъ на власть обязанность усилить и развить ея дѣятельную роль, взявшись мощной и энергической рукой за разрѣшеніе задачъ русскаго развитія.

«Всякій разъ, когда въ Россіи самодержавіе стояло во главѣ движенія, на сторонѣ прогресса народной жизни, оно пользовалось безграничной преданностью всѣхъ лучшихъ людей страны и всего молодого поколѣнія. Недоразумѣнія и сопротивленія возникли лишь въ тѣ эпохи, когда самодержавіе становилось ретрограднымъ либо неподвижнымъ. И теоретически и практически самодержавіе прогрессирующее, ведущее за собою народъ и общество, есть идеальнѣйшая форма правленія, ибо прогрессъ при этой формѣ осуществляется легче и быстрѣе, чѣмъ при всякой другой.

«Нашъ народъ представляетъ собою глубоко и искренно преданную массу, богато одаренную во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ и всѣ народы земного шара, онъ пассивенъ и не только не можетъ составить для власти активной, дѣятельной поддержки, но и самъ требуетъ, или вѣрнѣе, ждетъ отъ самодержавія помощи и содѣйствія въ улучшеніи своего экономическаго положенія, невообразимо затруднительнаго.

«Нигдѣ въ мірѣ не случалось еще, чтобы такую активную поддержку власть находила въ среднемъ сословіи: даже и цѣною полнаго слушанія передъ этимъ сословіемъ власть никогда не заручалась его содѣйствіемъ. Ни Луи Филиппъ, ни Наполеонъ III, ни англійскіе короли не могли извлечь никакой выгоды ни для

себя, ни для народа изъ уступокъ, сдѣланныхъ имъ среднему словію.

«Въ Россіи тѣмъ менѣе можно ждать такого чуда, что это слово только теперь нарождается и пока крайне безсильно даже и въ связи съ дворянствомъ, все болѣе и болѣе оскудѣвающимъ.

«Поэтому самодержавію возможно у насъ рассчитывать лишь на самого себя, на непосредственное воздѣйствіе на судьбы народа, при помощи не особо сплоченныхъ сословій, ихъ интересовъ, а лучшихъ людей, какіе производятся народомъ и всѣми остальными сословіями.

«Самодержавіе можетъ стать во главѣ движенія, взявъ все, что имѣется разумнаго и осуществимаго въ социальныхъ ученіяхъ, и поручивъ ихъ осуществленіе всѣмъ искренно и беззавѣтно преданнымъ народу мододымъ энтузіастамъ, которые нынѣ, за немѣнимъ практической возможности приносить пользу народу, гибнутъ въ брато-убійственной борьбѣ съ властью, народу же служащую. Осуществленіе многихъ частей этихъ ученій, близко подходящихъ къ исторически сложившемуся духу и характеру міросозерцанія народа, по сіе время сохранившаго артель и общину, несомнѣнно могло бы улучшить его матеріальное положеніе, избавить его отъ кулаковъ и эксплуататоровъ.

«Такая благая дѣятельность молодежи, руководимой властью, повела бы въ близкомъ будущемъ къ дисциплинированію богатыхъ и энергическихъ силъ молодого русскаго поколѣнія и тѣмъ создала бы для власти положеніе безпримѣрное въ Европѣ: власти, опирающейся на массу глубоко ей преданнаго народа, и имѣющей въ своемъ распоряженіи легіоны самоотверженныхъ, безкорыстныхъ, искренно любящихъ народъ, молодыхъ людей, способныхъ на всякій героизмъ. Систематическая работа надъ установленіемъ такой дисциплины, конечно, нелегка, она требуетъ большого такта и искусства, но она все-таки во сто кратъ легче, чѣмъ нынѣшняя борьба съ крамолой, которая только этимъ путемъ можетъ быть вырвана съ корнемъ.

«Смѣло можно поручиться, что разъ правительство твердо, рѣшительно и искренно станетъ на этотъ путь, не только уничтожится крамола, но не пройдетъ и пяти-шести лѣтъ, какъ наше финансовое, экономическое, а стало быть и политическое положеніе достигнетъ небывалаго въ Россіи цвѣтущаго состоянія, ибо только по прекращеніи внутренней борьбы можно будетъ съ одной стороны дѣйствительно сократить расходы, а съ другой—вызвать тотъ подъемъ экономическихъ и промышленныхъ силъ страны, который нынѣ перерождается въ хищенія и грабежъ казны и народа.

«Для выполненія всего этого: а) полной амнистии, б) простора для легальной дѣятельности молодежи, путемъ печати и устной пропаганды, в) расширенія сферы общественнаго самоуправленія, а глав-

ное, г) твердой рѣшимости правительства стать во главѣ современнаго движенія умовъ и воспользоваться всеми разумными сторонами этого движенія на пользу народа и во славу власти самодержавія».

Прочитавъ этотъ мемуаръ, Бороздинъ объяснилъ Николаеву, что послѣ свиданія его съ Воронцовымъ было бы необходимо и формулировать планъ, котораго онъ полагаетъ придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ при выполненіи принятой имъ на себя миссіи. Онъ вполне согласился и вотъ какъ мемуаръ былъ заново формулированъ:

«1) X. считаетъ первымъ условіемъ успѣха полученіе промесса амнистіи, свободы печатнаго слова и совѣщательнаго участія выборныхъ отъ народа и общества въ дѣлахъ правленія.

2) Имѣя этотъ промессъ, онъ обязуется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организаціи. Дѣло борьбы съ крамолой послѣ того значительно упростится и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльных личностей, не стоящихъ въ связи съ организаціей.

3) Для свиданія съ главарями народовольческой партіи, онъ предприметъ поѣздку за границу и внутри имперіи, при чемъ за границей онъ полагаетъ удобнымъ образовать одинъ или два съѣзда, на которые вышлются уполномоченные изъ Россіи, и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ для X.

4) Поѣздки эти онъ сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ невидимое сопровожденіе его г. Б., который будетъ всегда у него подъ рукою и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ X., имена всѣхъ лицъ будутъ ему также открыты и все это должно сообщаться имъ Набольшему, а отъ послѣдняго требуется содержаніе всего этого въ величайшей тайнѣ, непропускаемой ни для какого учрежденія политической полиціи.

5) X. признаетъ это необходимымъ для того, чтобы дѣйствія его всѣ были извѣстны Набольшему, а тотъ могъ бы судить объ ихъ правильности и въ случаѣ нужды руководить ими.

6) Если вся эта предварительная работа X. будетъ доведена до удовлетворительнаго результата, то для дальнѣйшаго успѣха дѣла, онъ полагаетъ полезнымъ разрѣшеніе ему изданія большой газеты безъ предварительной цензуры при условіяхъ имъ объясненныхъ (субсидія отъ 200 до 300.000 р.). Газета эта будетъ по мнѣнію его самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ отвлеченію молодыхъ силъ отъ народовольческаго направленія. Молодая среда ищетъ и не находитъ умственнаго удовлетворенія ни въ одномъ изъ органовъ печати, и если на это не будетъ обращено вниманія, въ ней неизбежно возникнетъ своя собственная, новая организація, съ которою труднѣе станетъ считаться, чѣмъ съ настоящей».

Въ своихъ комментаріяхъ къ этому мемуару Н. Я. Николадзе отрицаетъ нѣкоторые изъ фактовъ здѣсь указанныхъ. Такъ по его словамъ, онъ не признавалъ «необходимости» поѣздки съ нимъ Бороздина, но соглашался на нее лишь подъ давленіемъ и по настоящему требованію о семь послѣдняго, онъ не соглашался на «открытіе» именъ лицъ, съ кѣмъ будетъ вести переговоры и рѣшительно не затрагивалъ вопроса объ изданіи газеты съ столь широкими ея субсидированіями. Повидному, Бороздинъ влеталъ всѣ эти пожеланія яко-бы отъ имени Николадзе, но на дѣлѣ нужныя ему по соображеніямъ своей карьеры на службѣ у «дружины», а также по соображеніямъ финансоваго порядка. Онъ, какъ добрый коммисіонеръ, свелъ между собою двѣ стороны и его роль этимъ могла ограничиться, такъ какъ въ дальнѣйшемъ стороны могли стовариваться между собою минуя его. Свою поѣздку и передачу денегъ на нужды газеты онъ разсматривалъ, видимо, какъ ту куртайскую обязательную расписку, которая упрочивала его положеніе въ дѣлѣ, давала источникъ средствъ для настоящаго и открывала горизонтъ будущаго. Какъ бы то ни было, вѣрный шагъ былъ сдѣланъ: переговоры между заинтересованными сторонами были начаты, карты сданы и игра объявлена.

XV.

Вслѣдъ за свиданіемъ Николадзе съ Воронцовымъ и подачи ему мемуара произошли, по словамъ Бороздина слѣдующія событія: Воронцовъ-Дашковъ повидался съ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстымъ и говорилъ ему относительно продолженія изданія «Обзора» въ Петербургѣ, очевидно давъ понять министру, при какихъ обстоятельствахъ газета должна быть разрѣшена. Толстой обѣщаль свое согласіе, о каковомъ Бороздинъ и поспѣшилъ сообщить Николадзе. Тѣмъ временемъ въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Бороздинъ или, правильнѣе, у котораго онъ состоялъ на порученіяхъ, состоялось совѣщаніе по предмету переговоровъ съ Николадзе и революціонерами, при чемъ высказаны были слѣдующія мнѣнія и соображенія. Князь Щербатовъ находилъ, что въ мемуарѣ Николадзе самымъ главнымъ является § 4, а именно, что называя всѣхъ лицъ, съ которыми онъ войдетъ въ сношеніе, тѣмъ самымъ раскроетъ составъ подпольной организаціи, на которую правительство будетъ имѣть возможность положить въ свое время руку, не компрометируя Николадзе, вслѣдствіе чего кн. Щербатовъ считалъ необходимымъ не замедливать вторичнаго свиданія Николадзе съ Воронцовымъ и разрѣшить ему начать дѣйствовать. Другое мнѣніе принадлежало гр. Шувалову. Послѣдній находилъ, что ставить себя министру двора и начальнику «дружины» исключительно на мелкую полицейскую почву, значило-бы ронять свое достоинство. Отвѣчать Николадзе на пункты значило-бы вести съ нимъ переговоры, ставовиться въ

извѣстныя къ нему обязательства, уполномочивать его на какіе-то переговоры съ главарями народовольческой партіи,—все это, по его убѣжденію, немислимо, такъ какъ правительству стать въ договаривающееся положеніе съ какою-то партією, по меньшей мѣрѣ, неприлично, а потому дѣло это лучше всего прескратить, или поставить его на иную почву, а именно, если это возможно, категорически предложить Николадзе быть агентомъ кружка, конечно не скупясь на значительное вознагражденіе и исхлопотавъ ему разрѣшеніе желанной газеты.

Сенаторъ Шульцъ, бывшій управляющій III отдѣленіемъ, на основаніи своей практики и на основаніи своего знакомства съ Николадзе, какъ съ бывшимъ поднадзорнымъ, хотя и считаль его полезнымъ для цѣли кружка, но вмѣстѣ съ тѣмъ не склоненъ былъ разсматривать его, какъ дѣятеля, стоящаго близко къ народовольческой средѣ, а потому врядъ-ли располагающаго тѣми свѣдѣніями, на каковыя рассчитываетъ «св. дружина». Видя во всѣхъ объясненіяхъ и планахъ Николадзе, поскольку таковыя вытекали изъ донесеній Бороздина и изъ меморіи, его готовность на услуги «дружинѣ», онъ полагалъ дѣйствительно имъ воспользоваться, но при этомъ установить такое отношеніе между нимъ и гр. Воронцовымъ, чтобы послѣдній былъ совершенно свободенъ отъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію его. Для выполненія же въ точности всего, упоминаемаго въ параграфѣ четвертомъ меморіи, особенно важна будетъ его поѣздка за границу, гдѣ за дѣйствіями его долженъ быть установленъ особый надзоръ.

Изъ данныхъ, приведенныхъ нами по поводу переговоровъ Николадзе съ Михайловскимъ и совѣщаній кружка, обсуждавшаго «мемуаръ», и мнѣній по сему предмету высказанныхъ, явствуетъ, сколько взаимнаго недоувѣрія, хитросплетеній и лжи наплостовывалось на дѣлѣ обезопасенія новаго государя отъ могущихъ угрожать ему опасностей: фикція силы и могущества партіи «Народной Воли» играло тутъ рѣшающую роль. Михайловскій поддерживалъ эту фикцію, какъ фактъ, «св. дружина» вѣрила въ нее, стремясь лживо-веденными переговорами черезъ посредство Николадзе съ революціонерами проникнуть въ ихъ среду, познать ихъ силы и, усыпивъ довѣріе, ихъ сразу уничтожить; послѣдніе же, укрѣпляя фикцію своей силы, стремились выжать изъ правительства наибольшую сумму выгодъ въ пользу партіи и въ пользу обновленія государственнаго строя на основахъ своего социалистическаго ученія. И въ этомъ водоворотѣ взаимнаго надувательства-метущіеся изъ края въ край, отъ «священной дружины» къ «Народной волѣ» два случайныхъ дѣятеля, изъ коихъ одинъ, Николадзе, ведетъ отъ имени революціонной партіи опредѣленные переговоры на условіяхъ, не вполне согласныхъ съ его собственными политическими убѣжденіями и является до извѣстной степени, благодаря ловкой фальсифи-

каціи Бороздина, передъ лицомъ дружины на самомъ дѣлѣ не тѣмъ, за кого его выдавалъ Бороздинъ; другой-же, этотъ послѣдній, втираетъ очки и той и другой сторонѣ, выжимая изъ нихъ обѣихъ для себя опредѣленную выгоду и постоянно какъ-бы опасаясь потерять ловко занятую позицію. Такова концепсія лицъ, дѣйствій и плановъ, обнаруживающихъ всю шаткость опредѣленной политической плоскости, созданной такимъ незаконнымъ и сомозваннымъ тайнымъ обществомъ, каковымъ явилась на фонѣ отечественной дѣйствительности «священная дружина».

Въ серединѣ октября мѣсяца сенаторъ Шульцъ вызвалъ къ себѣ Бороздина и заявилъ, что переданный имъ отъ имени Николадзе мемуаръ непріемлемъ, вслѣдствіе сего Бороздинъ составилъ новую его редакцію, которую, однако, текстуально не показалъ Николадзе, т. к. тотъ нынѣ опровергаетъ свое участіе въ его составленіи, утверждая, что если бы онъ увидалъ новую редакцію, то поторопился бы прекратить всякіе переговоры. Вотъ эта редакція:

1) Вѣруя безгранично въ неизвѣстнѣйшія стремленія нашего государя къ дарованію своему народу всѣхъ возможныхъ благъ, не сомнѣвается въ томъ, что государь милостиво отнесется къ заблудшимъ сынамъ отечества и не преминетъ при первой же возможности даровать имъ разрѣшеніе возвратиться изъ ссылки, эмиграціи и т. п. къ своимъ семьямъ и

2) Вѣруя въ серьезность предпринимаемаго имъ дѣла, X. не считаетъ возможнымъ, ни просить, ни требовать никакихъ общацій, а предлагаетъ свои услуги въ порядкѣ, прежде имъ объясненномъ, т. е. онъ обязуется:

1) Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организаціи. Дѣло борьбы съ крамолою послѣ того значительнаго упростится, и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, не стоящихъ въ связи съ организаціей.

2) Для свиданія съ главарями народовольческой партіи, онъ предприметъ поѣздки за границу и внутри имперіи, при чемъ за границей онъ полагаетъ удобнымъ образовать одинъ или два съѣзда, на который вышлются уполномоченные изъ Россіи и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ X.

3) Поѣздки эти онъ сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ невидимое сопровожденіе его господиномъ У., (т. е. Бороздина) который будетъ всегда у него подъ рукою и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ X.; имена всѣхъ лицъ также будутъ ему открыты и все это должно сообщаться имъ Набольшему, а отъ послѣдняго требуется содержаніе всего этого въ величайшей тайнѣ, непроницаемой ни для какого учрежденія политической полиціи.

4) X. признаеть это необходимымъ для того, чтобы дѣйствія его всё были извѣстны Набольшему, а тотъ могъ бы судить объ ихъ правильности и въ случаѣ руководить ими.

5) Не касаясь въ настоящей запискѣ вовсе вопроса изданія газеты: вопросъ этотъ въ свое время представленъ будетъ на усмотрѣнiе правительственной власти.

15-го октября состоялось свиданiе Набольшаго съ X. уже въ Петербургѣ, — говоритъ въ своей запискѣ Бороздинъ. — При этомъ свиданiи и разговорѣ находился и я. X. повторилъ о своей готовности дѣйствовать согласно изложенному имъ плану и объ увѣренности въ успѣхѣ; Набольшiй освѣдомился, скоро ли онъ думаетъ выѣхать за границу? X. на это отвѣчалъ, что онъ пробудетъ здѣсь еще недѣли двѣ, такъ какъ ему необходимо повидаться съ нѣкоторыми личностями влiятельными въ народовольческой партiи и, заручившись отъ нихъ полезными данными, уѣдетъ за границу. Конечно всё сношенiя его здѣсь и переговоры будутъ сообщены ему черезъ мое посредничество. Прощаясь съ X. Набольшiй ему сказалъ: «вы не забывайте только одного, что всё наши свиданiя и переговоры должны оставаться тайной, я съ вами незнакомъ и вамъ ничего не обѣщаю; до свиданiя, желаю вамъ счастливаго пути и успѣха».

«И на этотъ разъ, выходя изъ кабинета, X. мнѣ сказалъ что онъ глубоко проникнутъ увѣренностью въ успѣхъ мисси».

Такимъ образомъ между первымъ и вторымъ свиданiемъ гр. Воронцова и Николадзе протекло болѣе мѣсяца; Николадзе, повидимому въ это время нервничалъ, а Бороздинъ оттягивалъ дѣло, боясь упустить столь удачно найденнаго имъ и выгоднаго ему посредника въ переговорахъ съ революціонерами.

«Прошло немало недѣль, раньше чѣмъ я былъ приглашенъ на новое свиданiе — повѣствуетъ объ этомъ интервалѣ Николадзе. Въ промежуткѣ г. Б—нъ чуть ли не ежедневно видѣлся со мною, для большей осторожности назначая мнѣ свиданiя въ отдѣльныхъ кабинетахъ пышныхъ ресторановъ. Онъ увѣрялъ меня, что часто видится «съ графомъ», что дѣло идетъ отлично, что отсрочка вызвана необходимостью переговорить съ государемъ, затруднительностью удостоиться отъ него окончательнаго рѣшенiя и т. д. «Есть масса вещей, говорилъ мнѣ г. Б—нъ, которыхъ гр. Воронцовъ-Дашковъ никогда не рѣшится прямо сказать вамъ: это неловко было бы сдѣлать. Объ этихъ вещахъ вы или сами должны догадываться, или можно справляться черезъ меня. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ, напримѣръ, зависимость отвѣта графа Воронцова-Дашкова отъ рѣшенiя государя. Графъ Воронцовъ-Дашковъ этого вамъ никогда не скажетъ, онъ даже станетъ увѣрять васъ, что всё эти разговоры онъ ведетъ безъ вѣдома и согласiя государя, дабы не скомпрометировать его. Но вы сами от-

лично должны понимать, что такихъ дѣлъ серьезные люди не затѣиваютъ безъ разрѣшенія своего государя».

«Далѣе г. Б—нъ (вовсе не присутствовавшій при бесѣдѣ моей съ гр. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ) увѣрялъ меня, что «графъ» самъ колеблется, что мои слова произвели на него отличное впечатлѣнiе, но все-таки не убѣдили его, что предлагаемая мною мѣры безусловно успокоятъ волнующихся. Въ числѣ этихъ мѣръ огромное мѣсто занимаетъ амнистія, могущая быть дарованною лишь при коронаціи, да и то въ томъ только случаѣ, если до самой коронаціи революціонеры не выкинутъ никакой террористической штуки. Въ случаѣ, если до коронаціи приключится какое-нибудь несчастіе, правительство, очевидно, не въ состояніи будетъ стать на путь милосердія. Последнее тогда припишется уступчивости, тогда какъ, если не будетъ покушеній, амнистія оправдается двухлѣтнимъ затѣшемъ, знаменующимъ искорененіе крамолы, послѣ чего милосердіе становится знакомъ не слабости, а величія правительства. Далѣе, по словамъ г. Б—на, заграничные русскіе дѣятели, сколько извѣстно гр. Воронцову-Дашкову, не имѣютъ достаточнаго вліянія на умы скрывающихся въ Россіи революціонеровъ. Умиротвореніе первыхъ можетъ еще и не обозначать обезоруженія послѣднихъ. Вслѣдствіе этого соглашеніе съ этими послѣдними представляло бы несравненно больше гарантій.

«Я объяснилъ г. Б—ну для передачи гр. Воронцову-Дашкову, что ни малѣйшей возможности ознакомиться здѣсь, въ Россіи, съ видами революціонеровъ я не имѣю и имѣть не могу. Здѣсь о результатахъ той, либо другой политики я могу разговаривать лишь съ литературными дѣятелями, съ общественными или промышленными воротилами, которые стоятъ внѣ всякихъ революціонныхъ кружковъ. Последніе же, будучи здѣсь насторожѣ, и относясь съ понятнымъ недоувѣріемъ ко всѣмъ постороннимъ, навѣрное и ко мнѣ будутъ питать чувства подозрѣнія, опасаясь западни, въ увѣренности, что если и не я, самъ по себѣ, служу полицейскою щейкою, то легко могу, даже и самъ того не подозрѣвая, сдѣлаться проводникомъ такихъ щесекъ. Навѣрное, этимъ кружкамъ въ Россіи вовсе не до превысшенныхъ разсужденій о высшей политикѣ. Ихъ всецѣло долженъ поглощать шкурный вопросъ. А съ людьми, опасющимися скрипа дверей или завыванія вѣтра на улицѣ, согласитесь, нельзя хладнокровно и толково обсуждать политическихъ вопросовъ. Словомъ, видѣться здѣсь съ революціонерами, убѣждать ихъ, справляться объ ихъ намѣреніяхъ я ни за что на свѣтѣ не соглашусь, не предвидя въ томъ никакого толку, а разсчитывая лишь на массу непріятностей для себя лично и опасностей—для дѣла. Въ этомъ отношеніи я берусь только свидѣться за границею съ кѣмъ либо изъ выдающихся главарей движенія, берусь попросить его выписать изъ Россіи вліятельныхъ руководителей партіи,

согласиться съ ними, безъ меня, объ ея минимальныхъ требованійхъ, а потомъ передать мнѣ ихъ сущность. Я не иначе пойду на это дѣло, въ интересахъ его же успѣха, какъ обезпечивъ вполне лицъ, съ которыми мнѣ придется говорить, что они могутъ сноситься со мною безъ всякой опасности выдать мнѣ или правительству свои тайны и секреты своей организаціи».

XVI.

Позиція, которую Н. Я. Николадзе старался для себя установить въ отношеніяхъ къ министру была для Бороздина опасною, такъ какъ слишкомъ обнаруживала, что передъ лицомъ «дружины», какъ то и полагалъ сенаторъ Шульцъ, далеко не стоялъ вліятельный въ рядахъ революціонеровъ дѣятель, какъ бы члены «дружины» то желали видѣть. И вотъ, повѣствуетъ Николадзе.

«Передъ вторымъ моимъ свиданіемъ съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ Г. Б.—нъ заявилъ мнѣ, что отъ слова до слова передалъ графу все мои заявленія, и что гр. Воронцовъ-Дашковъ самъ лично увѣритъ меня въ томъ, что онъ все это одобряетъ. Г. Б.—нъ увѣрялъ только меня, что я напрасно самъ умаляю свое значеніе въ глазахъ гр. Воронцова-Дашкова. На моемъ мѣстѣ онъ не постѣнился бы сразу покончить со всѣми колебаніями графа, заявивъ ему, будто я уже видѣлся съ революціонерами, условился съ ними и удостоуѣрилъ въ осуществимости своихъ предположеній. Успокоивъ графа этимъ способомъ, можно будетъ придать ему большую рѣшимость по отношенію къ государю, а себѣ—большій вѣсъ въ глазахъ графа Воронцова-Дашкова. На все это я отвѣтилъ, что путь обмана, вообще гнусный во всякомъ дѣлѣ, въ подобныхъ случаяхъ еще и глупъ, такъ какъ на немъ далеко не уѣдешь. Само собою разумѣется, что я прямо отказался вводить гр. Воронцова-Дашкова въ заблужденіе на этотъ или на какой бы то ни было другой счетъ».

Свидѣвшись съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, онъ услышалъ отъ него, что осуществленіе правительствомъ высказанныхъ Николадзе предположеній было бы возможно, если бъ существовала увѣренность, что этимъ путемъ положенъ будетъ конецъ террористическимъ явленіямъ и вообще нелегальной дѣятельности революціонной партіи. Гр. Воронцовъ-Дашковъ неоднократно прибавлялъ что по личному его мнѣнію, если дѣйствительно амнистія, свобода печати и расширеніе сферы земскаго самоуправленія могутъ побудить революціонеровъ отказаться отъ террористическихъ выходокъ, вполне возможно рассчитывать, что правительство охотно согласится принять эти мѣры, если только до коронаціи не произойдетъ никакихъ новыхъ преступленій. Специально относительно этого послѣдняго обстоятельства гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ своего

собесѣдника употребить всевозможныя средства убѣжденія, чтобы отговорить революціонеровъ отъ попытокъ подобнаго рода.

«Изъявляя готовность выполнить все эти порученія,—говоритъ Николадзе—я лично гр. Воронцову-Дашкову высказалъ условія, указанныя мною г. Б—ну: о томъ, во 1-хъ, что поѣздку я совершу на свой собственный счетъ, и во 2-хъ, что единственнымъ вознагражденіемъ своихъ хлопотъ по этому дѣлу, каковы-бы ни были его конечные результаты, я требую освобожденія Н. Г. Чернышевскаго. Гр. Воронцовъ-Дашковъ заявилъ мнѣ, что онъ на это согласенъ и что онъ считаетъ себя въ правѣ обѣщать мнѣ выполненіе этого условія».

Николадзе готовился уже уѣхать за границу, когда г. Б—нъ заявилъ ему, что гр. Воронцовъ-Дашковъ еще разъ желаетъ свидѣться съ нимъ. Въ поясненіе этого желанія г. Б—нъ рассказали, что графъ съ неимовѣрнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ результатовъ его поѣздки и потому желалъ-бы получать о ходѣ переговоровъ и о всякихъ фазисахъ дѣла немедленныя извѣстія, дабы сообразно съ тѣмъ дѣйствовать здѣсь, въ правительствѣ. Къ тому же ему самому понадобится получать отъ гр. Воронцова-Дашкова указанія и разъясненія, въ случаѣ если революціонеры коснутся такихъ сторонъ и вопросовъ, относительно которыхъ не было рѣши съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ. Между тѣмъ установить между нимъ и графомъ непосредственныя сношенія, по почтѣ или по телеграфу, было бы крайне неловко. Тайна переговоровъ могла бы всплыть для непосвященныхъ, для особъ, противодѣйствующихъ подобному дѣлу. «Имѣется, конечно, средство помочь горю, замѣтилъ онъ: если бъ за границею, у меня подъ рукою, имѣлся г. Б—нъ, располагающій возможностью корреспондировать съ графомъ. Тогда гр. Воронцовъ-Дашковъ получалъ-бы своевременно извѣстія объ успѣхахъ дѣла, а я постоянно бы зналъ, чѣмъ руководствоваться, что обѣщать и чего не обѣщать. Но графъ Воронцовъ-Дашковъ, изъ деликатности, не рѣшается меня просить взять съ собою г. Б—на, опасаясь, что я могу принять такую просьбу въ дурную сторону». Вслѣдствіе всего этого г. Б—нъ совѣтовалъ мнѣ вывести гр. Воронцова-Дашкова изъ затрудненія, предложивъ ему, по своей яко-бы инициативѣ, чтобы онъ, въ видахъ могущей встрѣтиться надобности разъяснять возникающія недоумѣнія, далъ ему въ придачу г. Б—на. Николадзе не встрѣтилъ затрудненій въ исполненіи этой просьбы. Единственнымъ неудобствомъ этого новаго осложненія онъ считалъ только то, что г. Б—нъ можетъ возбудить подозрѣніе революціонеровъ, а можетъ быть и самъ постарается слѣдить за ними изъ-за его спины. Но онъ зналъ, что не увидитъ никого, кромѣ окончательно скомпрометированныхъ лицъ, за которыми и безъ того слѣдятъ днемъ и ночью. Поэтому, поставивъ лично г. Б—ну условіемъ, что онъ поѣдетъ и вернется от-

дѣльно отъ него, что онъ не будетъ сопровождать его въ разѣздахъ, а все время будетъ сидѣть въ Парижѣ, въ отдѣльной гостиницѣ, Николадзе согласился сдѣлать гр. Воронцову-Дашкову предлагаемое заявленіе.

«Необходимость взять съ собою г. Б—на заставила меня отсрочить свой выѣздъ за границу. Денежные средства мои ограничены, а теперь, къ суммѣ, потребной на мою поѣздку, приходилось прибавлять и средства для путешествія г. Б—на. Не имѣя возможности достать денегъ какимъ либо инымъ путемъ, я рѣшился бросить мѣсто, которое занималъ въ правленіи общества либаво-роменской желѣзной дороги. Этимъ уходомъ я получалъ сразу 1.000 руб. выходныхъ денегъ. Изъ этихъ денегъ я болѣе половины выдалъ г. Б—ну, на расходы его путешествія».

Съ Н. К. Михайловскимъ Николадзе условились такъ, что С. Н. Кривенко дастъ ему рекомендательное письмо къ Л. А. Тихомирову, въ Женеву, и его адресъ. Письмо же съ дѣйствительными указаніями партіи какъ его принять и что ему отвѣчать—будетъ—де послано ему особо, конспиративными путями.

«Наконецъ я уѣхалъ, условившись съ г. Б—мъ, что встрѣчусь съ нимъ въ Парижѣ. Я поѣхалъ сперва въ Женеву, гдѣ, разыскавъ Л. А. Тихомирова, объяснилъ ему положеніе дѣла совершенно такимъ же образомъ, какъ и Н. К. Михайловскому, При этомъ я, уже отъ себя, началъ ему высказывать въ Женевѣ и потомъ въ Парижѣ, что если-бъ главари русской интеллигенціи стояли на высотѣ своего положенія и представляли собою людей съ истинно-государственнымъ умомъ, то они должны были бы, наконецъ, подумать о томъ, соотвѣтствуютъ ли жертвы, ею приносимыя, не только достигнутымъ, но и ожидаемымъ результатамъ».

По уговору съ Н. К. Михайловскимъ, г. Тихомировъ долженъ былъ сказать Николадзе, что спшется и свидится съ вліятельнѣйшими главарями своей партіи, созоветь ихъ съѣздъ (для пущей важности ему дали названіе «конгресса»), выяснитъ себѣ его настроеніе, заручится его полномочіемъ и затѣмъ сообщитъ ему минимумъ тѣхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ правительствомъ обязывало-бы революціонную партію отречься отъ системы террора. При этомъ Николадзе, разъяснилъ Л. А. Тихомирову, что возможности серьезнаго примиренія или измѣненія правительственной политики онъ не вѣритъ, но вполнѣ увѣренъ, что правительство, живущее только изо-дня въ день и всегда думающее только о ближайшихъ своихъ нуждахъ, готово будетъ сдѣлать кое-какія уступки, лишь-бы обезпечить неприкосновенность предстоящей коронаціи. На этомъ они разошлись съ г. Тихомировымъ.

«Черезъ три недѣли—около половины декабря 1882 г. Л. А. Тихомировъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Парижъ—свидѣтельствуетъ Н. Я. Николадзе. Какъ и было заявлено мнѣ въ Петербургѣ Н. К. Михай-

ловскимъ, г. Тихомировъ привезъ мнѣ, отъ имени конгресса русской социаль-революціонной партіи, заявленіе, что если правительство дозволить въ русскомъ обществѣ мирную пропаганду социальныхъ воззрѣній, хотя-бы въ той скромной мѣрѣ, и въ тѣхъ узкихъ границахъ, въ какихъ это дозволительно въ современной Германіи, и если, кромѣ того, оно даруетъ амнистію и нѣкоторое облегченіе общественной дѣятельности для интеллигенціи (въ печати, земствѣ и т. п.), то революціонная партія обяжется прекратить террористическую дѣятельность и упразднить себя какъ партію противоправительственную. Если же, сверхъ того, правительство пожелаетъ взять въ свои руки проведеніе и осуществленіе социальныхъ реформъ, улучшающихъ аграрный и экономическій бытъ народа, то названная партія отъ всей души искренно поидетъ за правительствомъ и всѣми своими средствами, всею энергіею членовъ своихъ постарается содѣйствовать наилучшему выполненію такого рода правительственныхъ задачъ.

«Такова была основная мысль предложенія. Что же касается до обязательства не производить никакого покушенія до и во время коронаціи, то оно обуславливалось двумя требованіями: 1) чтобы государь послалъ довѣренное лицо для разслѣдованія вопіющихъ несправедливостей, причиненныхъ въ Карѣ политическимъ ссыльнымъ; и 2) чтобы освобожденъ и возвращенъ былъ на родину писатель Н. Г. Чернышевскій.

«Собственноручную записку Л. А. Тихомирова, резюмировавшую эти предложенія и обязательства, я лично передалъ гр. Воронцову-Дашкову, по возвращеніи въ Петербургъ, въ послѣднихъ числахъ декабря 1882 года».

Между тѣмъ Бороздинъ почти безвыходно сидѣлъ въ Парижѣ, въ «Grand Hotel», призывая Николадзе къ себѣ едва-ли не только за тѣмъ, чтобы жаловаться на дороговизну гостиницы, имъ самимъ выбраной и просить у него денегъ на расходы, которыя Н. Я. Николадзе съ трудомъ и выдавалъ ему изъ собственныхъ средствъ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ же перевелъ Бороздину деньги для возвращенія на родину.

XVII.

Если, по словамъ Николадзе, его свиданія съ Бороздинымъ за границею носили на себѣ мало дѣловой характеръ, то послѣдній какъ никакъ а имѣлъ возможность все же почерпнуть довольно достовѣрныя свѣдѣнія о переговорахъ Николадзе съ Тихомировымъ и другими эмигрантами и результаты своихъ наблюденій надъ компаніономъ по поѣздкѣ изложить въ запискѣ. Изъ числа этихъ данныхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ текстъ «меморандума», выработаннаго «конгрессомъ» революціонеровъ и Николадзе. Вотъ онъ:

Меморандумъ о переговорахъ X. съ уполномоченнымъ на это Исполнительнымъ Комитетомъ Ив. Гр.

X. отъ имени группы своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ предлагаетъ исполнительному комитету испробовать путь мирнаго осуществленія необходимыхъ для Россіи социальныхъ реформъ, утверждая, что при дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства это совершенно возможно и задерживается только террористическою дѣятельностью революціонеровъ, вынуждающихъ правительство къ суровымъ мѣрамъ. Въ удостовѣреніе такой оцѣнки настроенія правительства X. заявляетъ, что его политическіе друзья и единомышленники, подъ условіемъ отсутствія террористическихъ фактовъ, имъ мѣшающихъ, надѣются достигнуть при предстоящей коронаціи государя слѣдующихъ мѣропріятій со стороны правительства.

1) Полной и всеобщей, безъ всякихъ исключеній, амнистіи всѣмъ государственнымъ преступникамъ прошлаго и настоящаго царствованія, 2) свободы печати, обществъ и собраний, 3) расширенія земскаго самоуправления.

Исходя изъ такой оцѣнки настроенія правительства X. полагаетъ, что для блага Россіи исполнительный комитетъ и вся народовольческая партія должны измѣнить свою программу въ томъ смыслѣ, чтобы отказаться отъ стремленія къ ограниченію самодержавія и, напротивъ, присоединить свои усилія къ усиліямъ самодержавной власти, взявшейся за проведеніе необходимыхъ для народа реформъ.

Въ отвѣтъ на такое предложеніе X., уполномоченный для переговоровъ отъ исполнительнаго комитета, на основаніи инструкціи этого послѣдняго, заявляетъ:

1. Не видя возможности судить о дѣйствительной политической силѣ друзей г. X., исполнительный комитетъ полагаетъ прежде всего необходимымъ, чтобы они доказали чѣмъ-нибудь эту силу. Для такой цѣли исполнительный комитетъ предлагаетъ г. X., въ видѣ отдѣльнаго опыта, добиться до февраля 1883 года помилованія Н. Г. Чернышевскаго и назначенія строгаго и безпристрастнаго разслѣдованія высшимъ правительствомъ причинъ карскихъ волненій съ отмѣною безчеловѣчныхъ притѣсненій, введенныхъ тамъ циркуляромъ графа Лорисъ-Меликова, не только не вытекающимъ изъ закона, но прямо противоположнымъ и ¹⁾ внести одинъ милліонъ рублей въ руки какого нибудь благонадежнаго лица за границей (по обоюдному выбору) съ тѣмъ, чтобы эти деньги были немедленно возвращены г. X.; по осуществленіи мѣропріятій, имъ указанныхъ (свобода печати, полная амнистія, свобода обществъ и собраний, расширеніе земскаго самоуправления); въ противномъ случаѣ деньги поступаютъ въ окончательное распоряженіе исполнительнаго комитета. Для того же, чтобы доставить возможность г. X. и его друзьямъ удачно выполнить этотъ опытъ, исполнительный комитетъ обязывается до 20-го февраля 1883 года не производить никакихъ насильственныхъ покушеній на особу государя ²⁾.

¹⁾ По предложенію г. X., уполномоченный исп. ком. согласился замѣнить здѣсь слово «и» словомъ «или», съ тѣмъ, однако, что такое измѣненіе должно подвергнуться обсужденію исп. ком., который о своемъ окончательномъ рѣшеніи увѣдомитъ г. X.

²⁾ Это обязательство исп. ком., по предложенію г. X. измѣняется въ томъ же смыслѣ, какъ оно измѣняется въ слѣдующемъ § 2, конечно если измѣненіе § 2 будетъ принято исп. ком.

2. Убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Х. и его друзей, исполнительный комитетъ обяжется не производить впредь до коронаціи и во время коронаціи никакихъ покушеній на особу государя; что же касается до разныхъ агентовъ власти, то исполнительный комитетъ не можетъ дать по отношенію къ нимъ никакого обязательства, такъ какъ не желаетъ отказаться отъ самозащиты ¹⁾).

3. Само собою разумѣется, что въ теченіе этого временнаго воздержанія исполнительный комитетъ отъ вооруженнаго нападенія на правительство, исполнительнаго комитета и партія «Народной Воли» не отказываются ни отъ своей пропагандистской, ни отъ организационной дѣятельности.

4. Что касается измѣненія программы «Народной Воли», о которомъ говоритъ г. Х., то оно немисливо въ настоящей моментъ, такъ какъ отношеніе партіи къ правительству обуславливается прежде всего отношеніемъ правительства къ Россіи. Въ этомъ отношеніи исполнительный комитетъ можетъ теперь высказать г. Х. и его друзьямъ свое *credo*, а именно: при искреннемъ соблюденіи правительствомъ свободы слова, печати, обществъ и собраній, т. е. при возможности свободнаго развитія народа, собственно террористическія дѣйствія противъ государственныхъ дѣятелей, тѣмъ болѣе противъ особы государя, теряютъ всякій смыслъ и дѣлаются въ глазахъ исполнительнаго комитета вполне абсурдными. Но исполнительный комитетъ и народовольческая партія считаютъ необходимымъ совершеніе социальныхъ реформъ, осуществленіе которыхъ требуетъ не только свободы слова и т. д., но и энергическаго содѣйствія власти. Поэтому исполнительный комитетъ и народовольческая партія не могутъ отказаться отъ стремленія совершить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ государственный переворотъ, если правительство станетъ подавлять развитіе народной жизни.

По мнѣнію партіи, Россія нуждается въ правительствѣ, активно содѣйствующемъ совершенію социальныхъ реформъ. Поэтому отреченіе партіи отъ борьбы съ самодержавіемъ возможно единственно въ томъ случаѣ, если самодержавіе оказывается способнымъ къ этой великой исторической роли. Признавая для осуществленія социальной реформы необходимость революціонной диктатуры, народовольческая партія логически не можетъ не подчиниться сдержавному царю, высказавшему рѣшимость и способность самодержавнымъ путемъ осуществить рядъ необходимыхъ социальныхъ реформъ».

Таковы были результаты поѣздки Николадзе и Бороздина за границу, результаты, не повлекшіе за собою на дѣлѣ никакихъ послѣдствій, такъ какъ, по возвращеніи на родину, они застали разгромъ «священной дружины», совершенной министромъ вну-

---

¹⁾ По соглашенію Х. съ уполномоч. исп. ком. этотъ § долженъ быть редактированъ такъ: «убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Х. и его друзей, исп. ком. обяжется не производить впредь до коронаціи и во время ея никакихъ вооруженныхъ *нападеній* на правительство, т. е. на особу государя и государственныхъ дѣятелей, какъ-то министровъ, ген.-губернаторовъ и т. д. Но исп. не отказывается отъ *самозащиты*, хотя бы и въ формѣ террористическихъ фактовъ ком. противъ агентовъ власти, подвергающихъ своею инвизиціонною дѣятельностью опасности ту или другую группу организациі (какъ-то было въ случаѣ съ ген. Стрѣльниковымъ). Это измѣненіе вступаетъ въ силу только по утвержденіи его исп. ком., о чемъ г. Х. получить увѣдомленіе.

тренихъ дѣль гр. Толстымъ, какъ равно и существенныя новыя бреши въ средѣ революціонеровъ, благодаря чему имъ собственно ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ считать свою миссію законченною.

Дѣло въ томъ, что осенью 1882 г. на одной студенческой вечеринкѣ Н. К. Михайловскій по просьбѣ молодежи произнесъ рѣчь на тему о борьбѣ и о необходимости не останавливаться передъ препятствіями. Сама по себѣ эта рѣчь не могла быть разсматриваема въ обычное время и въ устахъ какого-нибудь иного оратора какъ прямой вызовъ къ бунту, безпорядкамъ и борьбѣ съ существующимъ порядкомъ вещей, но въ глазахъ правительства она явилась тою зацѣпкой, ухватившись за которую можно было хоть на время освободиться отъ вліятельнаго публициста «Отечественныхъ Записокъ», близость котораго къ партіи «Народной Воли», повидимому, не была секретомъ для охраннаго отдѣленія. Удивительно осторожный въ дѣлахъ конспираціи Михайловскій, быть можетъ, въ другое время и не произнесъ-бы своей рѣчи, но онъ явился на студенческую вечеринку въ нѣсколько приподнятомъ послѣ товарищеской пирушки настроеніи, и вотъ неосторожныя слова сорвались. На вечеринку прибылъ и Н. Шелгуновъ, стоявшій по близости отъ оратора во время его обращенія къ молодежи. Это дало поводъ власти пристегнуть и сотрудника дѣла къ «преступленію» его товарища, результатомъ чего были высылки ихъ обоихъ изъ столицы, при чемъ мѣстомъ своего подневольнаго пребыванія они избрали Выборгъ. Такимъ образомъ ко времени возвращенія Николадзе изъ Париска въ Петербургскую нужной ему наличности оставили лишь С. Н. Кривенко, которому онъ и сообщилъ о результатахъ своей поѣздки для передачи обо всемъ Выборгскимъ изгнанникамъ. Въ началѣ-же 1883 г., благодаря умѣнью Судейкина овладѣть революціонеромъ Дегаевымъ и обратить его въ своего агента, удалось арестовать Вѣру Фигнеръ и цѣлый рядъ военной молодежи на югѣ Россіи, входившей въ составъ военнаго отдѣла партіи «Народной Воли». Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя показывали, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ уже вполне овладѣлъ твердой властью, объявилъ всѣмъ революціонерамъ и такъ или иначе къ нимъ причастнымъ неумолимую войну, въ которой не допускаетъ ни тѣни передышки или компромисса, къ коему склонялись въ интересахъ безопасности коронаціи вліятельные члены «священной дружины». Благодаря такой политикѣ гр. Толстого изъ всего плана переговоровъ съ революціонерами и ихъ центромъ выпала самая существенная часть: не съ кѣмъ было вести переговоры, не накого было воздѣйствовать, некого было уговаривать въ необходимости покончить совершенно или хотя-бы временно задержать примѣненіе системы террора. Съ этой стороны министерство внутреннихъ дѣлъ выбило почву изъ подъ ногъ «Народной Воли» или, правильнѣе, облом-

ковъ ея, и Бороздинъ съ Николадзе повисли, такъ сказать, въ воздухѣ. Эта неудобная позиція становилась тѣмъ еще неудобнѣе и, пожалуй, смѣшнѣе, что гр. Толстой покончилъ къ тому времени и съ другой точкой опоры, откуда изошла инициатива всѣхъ описываемыхъ переговоровъ, добившись высочайшаго повелѣнія о закрытіи самой дружины и ея раскассированія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень любопытнымъ эпизодомъ русской жизни, гдѣ газетѣ «Новое Время» и ея издателю А. С. Суворину пришлось сыграть выдающуюся роль.

Намъ уже извѣстно, что дѣятельность агентовъ «дружины» часто шла въ разрѣзъ съ дѣятельностью охраннаго отдѣленія и начальникъ послѣдняго учрежденія смотрѣлъ очень косо на шаги, предпринимаемые «лигистами» или «дружинниками». Съ теченіемъ времени это неудовольствіе разрасталось, особенно съ того момента, какъ «дружина» рѣшила вступить на путь переговоровъ съ «Народной Волей» и вводила въ общій ходъ государственныхъ дѣлъ начало компромисса и торга съ врагами существующаго порядка вещей. Властный, рѣшительный, гр. Толстой съ его государственнымъ умомъ не могъ, конечно, мириться съ такимъ *status in statu*, съ существованіемъ тайнаго государственнаго управленія въ правительственномъ политическомъ механизмѣ. Но посягнуть на существованіе и права «священной дружины», покрытой такимъ знаменемъ, какъ благо Россіи и благо и неприкосновенность царя было не такъ-то легко и тѣмъ болѣе, что въ составѣ дружинниковъ, какъ сказано было уже, числились близкіе къ государю лица, его братья, личные друзья, министры и вліятельные представители аристократіи и плутократіи. Для того, чтобы покончить съ нею, нуженъ былъ подходящий и выгодный случай, который бы развязывалъ въ этомъ отношеніи руки и, дѣйствительно, на счастье гр. Толстого таковой не минулъ вскорѣ подвернуться, въ видѣ статьи въ «Новомъ Времени» (№ 2422) отъ 24 ноября подъ заглавіемъ «Политическое плутовство или не мытьемъ, тамъ катаньемъ», написанной самими издателемъ газеты Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ при необычныхъ обстоятельствахъ его писанія. По словамъ Алексѣя Сергѣевича, сказаннымъ автору настоящихъ очерковъ, это была единственной его статьей въ жизни, которую онъ написалъ съ маху, безъ передѣлокъ и даже не продержавъ ея корректуру. Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ при ея написаніи, такъ какъ сознавалъ, что ставить на карту безопасность своего изданія, подвергая его гнѣву и немилости вліятельныхъ придворныхъ сферъ и таинственнаго аристократическаго политическаго учрежденія во образѣ «священной дружины». Конецъ статьи былъ имъ даже не написанъ, а прямо продиктованъ наборщику. Близкіе г. Суворину лица, напримѣръ его супруга, уговорили его не перечитывать статьи въ наборѣ, такъ какъ, зная его привычку свои статьи «гладить», передѣлывать и исправлять, боялись, чтобы онъ не испортилъ настроенія статьи,

не выкинулъ изъ нея того подъема, который въ ней сказывается и тѣмъ не ослабилъ-бы впечатлѣнія ею производимаго. И А. С. Суворинъ рѣшилъ послушаться голоса ближнихъ и пустить статью такъ, какъ она написана.

И дѣйствительно, выходъ въ свѣтъ № 2422 «Новаго Времени» произвелъ въ сферахъ дѣйствіе разрывного снаряда: противъ газеты ополчились всѣ, кто былъ причастенъ «дружинѣ» или входилъ въ ея составъ, и судьба газеты очутилась подъ грозной опасностью. Но... какъ ни вліятельны были «лигисты», какія пружины ни были пущены въ ходъ въ борьбѣ съ талантливымъ публицистомъ, его сторону приняли гр. Толстой, въ вѣдѣніи котораго состояла пресса: гроза миновала газету, а мѣткое перо ея руководителя убило на повалъ «дружину». Около недѣли длилась неопредѣленность положенія и только, спустя это время, состоялось высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣятельности этого учрежденія. Мы въ послѣдующей главѣ сообщимъ событія, предшествовавшія появленію нововременской статьи, а пока приведемъ ее полностью, какъ несомнѣнно важный историческій документъ.

Вотъ эта статья:

XVIII.

Политическое плутовство или не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Просимъ сначала читателя прочесть слѣдующій документъ, полученный нами и оттиснутый при помощи гектографа: «Террористическіе акты, начиная съ выстрѣла Каракозова и кончая такимъ, какъ катастрофа 1-го марта, совершенная наканунѣ призыва общества къ самоуправленію, и убійство Стрѣльникова, произведенное на другой день послѣ помилованія десяти важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ, систематически препятствовали правительству приводить въ исполненіе задуманныя или желательныя реформы и, вообще, привели Россію отъ періода реформы шестидесятыхъ годовъ къ настоящей внутренней политикѣ. Вслѣдствіе этого борьба съ терроромъ, какъ причиной такого ненормальнаго положенія, становится обязанностью всѣхъ, желающихъ блага своей родинѣ. На этомъ основаніи общество, образовавшееся для борьбы съ терроромъ и насчитывающее въ своей средѣ значительное число членовъ, предлагаетъ вамъ примкнуть къ дѣятельности этого общества, которое имѣетъ слѣдующія основанія: 1) борьба должна вестись легальнымъ путемъ, т. е. общество посредствомъ своихъ членовъ будетъ разрушать замыслы террористовъ, не прибѣгая къ насилію надъ личностью и, такимъ образомъ общество устраняетъ, съ одной стороны, напрасную гибель честной молодежи, съ другой—надѣется расчистить путь для возрожденія идейной борьбы за благо отечества, тормозомъ для которой является тотъ же терроръ. 2) Члены общества подраздѣляются на двѣ категоріи: дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Первые посвящаются во всѣ безъ исключенія дѣла общества, члены же сотрудники въ первый періодъ своей дѣятельности посвящаются только въ дѣла, въ которыхъ они должны принимать непосредственное участіе, и знаютъ

только одного дѣйствительнаго члена. Время перехода изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные члены не опредѣляется и находится въ зависимости отъ степени принесенной сотрудникомъ пользы и заслуженнаго довѣрія общества. Но и до перехода въ дѣйствительные члены сотрудникъ можетъ проводить черезъ дѣйствительнаго члена свои взгляды вообще, которые и будутъ приниматься обществомъ въ соображеніе. 3) Общество сохраняетъ имена членовъ и сотрудниковъ въ абсолютной тайнѣ, гарантируя такимъ образомъ ихъ полную безопасность. 4) Всѣ члены и сотрудники пользуются правомъ свободного выхода изъ общества, но обязываются сохраненіемъ въ тайнѣ всего извѣстнаго имъ о дѣйствіяхъ общества, которое въ свою очередь, при соблюденіи вышедшимъ членомъ этихъ условій, не имѣетъ права обнаруживать его имени. 5) Сношенія членовъ межъ собой и сотрудниковъ происходятъ въ различныхъ, каждый разъ условленныхъ мѣстахъ для того, чтобы сношенія эти не были обнаружены. 6) На обязанности общества лежитъ предоставленіе своимъ членамъ и сотрудникамъ легальныхъ занятій, обеспечивающихъ имъ средства къ жизни, или общество выдаетъ изъ общей кассы денежные субсидія, если членъ въ нихъ нуждается. 7) Общество гарантируетъ свободу каждому изъ лицъ, которое, принимая ранѣе участіе даже въ террористическихъ актахъ, обязается честнымъ словомъ не принимать дальнѣйшаго участія въ революціонной дѣятельности. Общество гарантируетъ свободу этого лица, смотря по его желанію, двумя способами: или полученіемъ полной амнистіи, которой общество надѣется достигать черезъ посредство своихъ связей, или безусловнымъ доставленіемъ какъ матеріальныхъ, такъ и другихъ средствъ для отъѣзда за границу. Размѣръ настоящаго обращенія не позволяетъ изложить подробно всѣ мотивы, послужившіе основаніемъ организаціи нашего общества, и всѣ способы борьбы, но въ случаѣ извѣщенія вашего согласія принять участіе въ этомъ вы будете болѣе посвящены уполномоченнымъ на это членомъ общества. Настоящее обращеніе общество проситъ сохранить въ тайнѣ. За отвѣтомъ обществомъ будетъ прислано, по прилагается письменный адресъ по которому вы можете отвѣчать. Пожертвованія въ пользу общества, адресованныя на имя «майора», принимаются въ редакціяхъ газетъ «Минута», «Свѣтъ» и «Новое Время». За симъ другою рукою и обыкновенными чернилами написано слѣдующее: адресъ: Главный почтамтъ, Н. И. Кіедусу. До востребованія. Общество приноситъ многоуважаемой редакціи искреннюю благодарность за выраженное ею согласіе принять пожертвованіе въ пользу общества. Рядомъ съ послѣдними строками вытѣснена голубыми чернилами печать съ гербомъ и голубемъ, держащимъ во рту миртовую вѣтку. По ободку печати буквы, вверху: П. Ц. Н., а внизу: О. Б. П. Т. Какъ вамъ это нравится?

Существуетъ якобы какое-то тайное общество, обладающее связями и капиталами и рѣшившееся дѣйствовать противъ террористовъ легальными способами, для чего и набираетъ членовъ при помощи циркуляровъ. Можно подумать, что всякій другой способъ противодѣйствія террористической пропагандѣ, независимый отъ статута этого общества, способъ законный, нелегаленъ, ибо только это общество рѣшилось дѣйствовать, съ одной стороны, легально, съ другой—тайно. Если-бъ такое—общество дѣйствительно существовало, то это, во-первыхъ, было бы государствомъ въ государствѣ и, какъ такое, могло бы мѣшать дѣйствовать органамъ полиціи явной и тайной; во-вторыхъ, такое общество признавало бы, что правительство такъ безсильно, что принуждено терпѣть какое-то тайное общество, дѣйствующее притомъ такъ глупо, что дѣлаетъ изъ своей задачи секретъ полишинеля и явно компрометируетъ правительство; оказалось бы, что русская администрація и русская полиція,

явная и тайная, если и существуетъ, то единственно для того, чтобы не отстать отъ Западной Европы, гдѣ также существуютъ эти учрежденія, а вовсе не для того, чтобы противодействовать всякому беззаконію и всякому тайному обществу, стремящемуся захватить въ свои руки или всю власть, или часть власти; оказалось бы, что русское общество въ такой мѣрѣ терроризовано, съ одной стороны, и въ такой мѣрѣ настроено противъ правительства съ другой стороны, что требуется подкупъ, требуются всевозможныя привиллегіи и льготы, субсидіи и амністіи, чтобы привлечь гражданъ на сторону закона и порядка. Это было бы такъ печально, что могло бы привести въ отчаяніе. Къ частую, приведенный выше документъ, направленный въ значительной степени противъ насъ, съ цѣлью заподозрить въ глазахъ общества, взять не мытьемъ, такъ катаньемъ, не открытой политикой, такъ тайными подкупами, клеветой, которая распространялась бы тайно и притомъ въ формѣ придуманной довольно не глупо; къ счастью, говоримъ, документъ этотъ, очевидно, есть не что иное, какъ политическое шутовство, затѣянное явными или тайными бездѣльниками. Намъ говорили, что по городу распространено значительное количество такихъ «прокламацій», что ихъ получили многіе студенты и курсистки и съ недоумѣніемъ передавали ихъ своему начальству, которое съ своей стороны посмотрѣло на эти документы съ недоумѣніемъ же. Форма этихъ «прокламацій», ихъ серьезный тонъ дѣйствительно могли вводить въ заблужденіе, въ особенности при бѣгломъ просмотрѣ и при воспоминаніи о томъ слухѣ, который больше года тому назадъ попалъ изъ иностранныхъ газетъ въ русскія и который передавалъ о томъ, что якобы въ Петербургѣ организуется тайное общество съ цѣлью дѣйствовать противъ террористовъ ихъ же способами.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ «прокламацій» не всегда во всемъ согласныхъ межъ собой,—такъ какъ говорили, что въ нѣкоторыхъ стоятъ газеты «Русь» и «Московскія Вѣдомости» рядомъ съ «Новымъ Временемъ»,—опѣ, разумѣется, ничѣмъ инымъ не могутъ показаться, какъ политическимъ шутовствомъ и легкой интригой, рассчитанной на то, что врядъ ли кто рѣшится разоблачить это шутовство въ обществѣ, столь склонномъ къ легковѣрью. Ужъ одинъ фактъ получения этого документа какимъ-нибудь лицомъ будетъ указывать на благонамѣренность этого лица—у насъ такъ боятся если не быть благонамѣреннымъ, то слытъ—или на склонность его получать субсидіи и льготы. Ужъ коли тайное общество да съ связями и капиталами, то у него есть и тайная полиція, а имѣя оную, оно не будетъ разсылать своихъ приглашеній зря, а сначала разузнаетъ, каково «политическое», такъ сказать, состояніе лица, насколько оно готово поддаться на приманки, какъ не всякій скажетъ, что онъ получилъ прокламацію центральнаго революціоннаго комитета, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи къ революціи, такъ не всякій скажетъ что онъ получилъ прокламацію комитета, такъ сказать, контрреволюціоннаго, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ благонамѣренности. Какъ это ни странно, такое явленіе существуетъ и, разумѣется, не безъ причинъ. Наше политическое воспитаніе идетъ такими скачками и отступленіями, что невозможно рассчитывать на исполнѣ твердые принципы и исполнѣ твердыя партіи. Естественно поэтому, что шутовство, политическій шантажъ, ловко придуманный, найдетъ себѣ всегда довѣрчивыхъ людей и можетъ рассчитывать на успѣхъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока этотъ шантажъ не будетъ изобличенъ. Вотъ побудительныя причины, которыя заставили насъ заняться этимъ произведеніемъ. Оно, во всякомъ случаѣ, нѣчто новое, совершенно отличное по формѣ отъ прежнихъ прокламацій, но имѣющее тѣ же въ сущности цѣли. Прежде въ прокламаціяхъ печатали списки лицъ, «приговоренныхъ къ смерти» централь-

пымъ комитетомъ, теперь печатають списки лицъ, якобы участвующихъ въ тайномъ обществѣ, дѣятельность котораго направлена къ тому, чтобы подкупомъ, субсидіями и разными другими соблазнами набирать благонамѣренныхъ людей, ибо-де иначе не соберешь ихъ, такъ общество расшатано революціей! Вѣдь не многіе обратились бы по адресу: «Главный почтамтъ, Н. П. Кіедусу. До востербованія», какъ значится въ прокламаціи и не дождавшись никакого отвѣта, подумали бы про себя, конечно, что это надувательство и ловушка. Кстати, этотъ адресъ выдаетъ шутниковъ съ чисто шутовской стороны. Что это за Н. П. Кіедусъ? Пѣмецъ что ли какой, шведъ или чухонецъ? Попробуйте прочесть съ конца эту фамилію, включая и буквы (Н. И.), указывающія, якобы, имя и отчество г. Кіедуса, и получится очень русская фамилія: Судейкинъ; г. Судейкинъ, какъ извѣстно, состоитъ начальникомъ смыскаго полиціи и, конечно, не такъ наивенъ, чтобы скрываться подъ такимъ школьническимъ псевдонимомъ. Если онъ майоръ,—мы не знаемъ его чина,—то и слово «майоръ», стоящее въ прокламаціи, тоже объясняется. Однако, довольно комменгаріевъ. Документъ разъ опубликованный, теряетъ рѣшительно всякое значеніе. Что касается лично насъ, то мы скажемъ одно этимъ бездѣльникамъ-шантажистамъ. Мы вѣримъ глубоко, что русское общество растетъ, что растетъ въ немъ и русская партія, и тотъ просвѣщенный и твердый патріотизмъ, который видитъ спасеніе не въ революціи и не въ пассивномъ самомиѣнии, а въ энергической общественной и государственной работѣ въ пользу народа.

Только этой русской партіи мы служили и служимъ, и никогда не опущали ни малѣйшаго поползновенія войти съ кѣмъ бы то ни было въ тайныя сношенія. Мы дѣйствуемъ открыто въ пользу того, что считаемъ полезнымъ для родины нашей, какъ открыто противодѣйствуемъ тому, что считаемъ вреднымъ для нея; мы можемъ ошибиться, можемъ говорить громче или тише, но всегда искренно, вездѣ то, что думаемъ сами; мы привыкли къ бечестному отношенію къ намъ противниковъ нашихъ, и не политическому шутовству или шантажу выбить насъ изъ нашей скромной политической и литературной колеи.

XIX.

В. Я. Богучарскій, обслѣдовавшій на основаніи показаній оставшихся еще въ живыхъ участниковъ разсылки циркуляра отъ имени «священной дружины», освѣщаетъ весь эпизодъ разсылки слѣдующимъ образомъ¹⁾. Онъ говоритъ: «Въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ подлинный циркуляръ «священной дружины» и мы свѣрили его съ напечатаннымъ въ «Новомъ Времени». Они тождественны слово въ слово, но безъ разбора циркуляры «дружины», разумѣется не разсылались и о пожертвованіяхъ на имя «майора» въ нихъ нѣтъ и помину. Это продѣлано. Кѣмъ?»

«Далѣе самъ авторъ нововременской статьи говоритъ, что по имѣющемуся въ «Новомъ Времени» гектографированномъ изданіи «циркулярѣ» послѣ адреса на имя «майора» для пожертвованій

¹⁾ «Русская Мысль» 1911 г., № 3, ст. «Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ».

(повторимъ поддѣльнаго)—другою рукою и обыкновенными чернилами написано слѣдующее: «Адресъ: главный почтамтъ, Н. И. Кіедусу ¹⁾. До востребованія.

«Итакъ, циркуляромъ «дружницы», дѣйствовавшей какъ и О. Б. П. Т. (Общество борьбы противъ террора), кто-то воспользовался для своихъ цѣлей. Кто? Не трудно догадаться, что ея конкуренты. Съ этимъ заключеніемъ съ перваго взгляда не вяжется помѣщенный въ 1883 году въ заграничномъ журналѣ «Вѣстникъ народной воли» разсказъ о томъ, что циркуляръ этотъ разослала изъ шалости одна группа молодыхъ людей и, такимъ образомъ, на основаніи этого разсказа можно подумать, что агенты Толстого здѣсь не причемъ, но это только съ перваго взгляда.

«Гектографированный циркуляръ дружницы былъ дѣйствительно тогда кружкомъ молодежи во главѣ съ нынѣ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ г. Ш. разослана, но, какъ разсказывалъ пишущему эти строки самъ Ш., а равно и принимавшій въ этомъ также непосредственное участіе нынѣ судебный дѣятель г. А., разсылка сопровождалась такими обстоятельствами. Кружку удалось добыть подлинный циркуляръ дружницы съ печатью О. Б. П. Т. Не зная, въ сущности, толкомъ, что это за циркуляръ и приписавши его Судейкину, кружокъ рѣшилъ воспроизвести текстъ циркуляра путемъ гектографа. Сказано—сдѣлано. Но какъ быть съ печатью? Г. А. взялся устранить и это затрудненіе, для чего и обратился къ умѣвшему рѣзать печати своему знакомому Владимиру Дегаеву, что тотъ и исполнилъ, безъ сомнѣнія, разсказавши объ этомъ своему брату Сергѣю, а тотъ столь же несомнѣнно поставилъ обо всемъ въ извѣстность своего патрона Судейкина, который, разумѣется, съ радостью схватился за такую шалость молодежи, какъ за превосходное средство скомпрометировать «лигистовъ». Расчетъ лигистовъ оказался совершенно вѣренъ. Хотя Судейкинъ зналъ черезъ Дегаева, безъ сомнѣнія, на перечетъ всѣхъ лицъ, умножившихъ на гектографѣ и разославшихъ циркуляръ дружницы, но никто изъ нихъ, разумѣется, ни въ малѣйшей степени обезпкоенъ не былъ. Хотя газета Суворина и изругала не только придворныхъ князей и графовъ, но и лицъ много выше ихъ стоящихъ «бездѣльниками», «шантажистами», «шутами» и проч., но никакой кары со стороны графа Толстого за это, разумѣется не послѣдовало. Кружокъ молодежи просто хотѣлъ пошалить, совершенно не предвидя того значенія, которое будетъ имѣть его шалость; г. Суворинъ дѣйствовалъ, разумѣется, съ опредѣленными намѣреніями».

Намѣренія эти были, достойныя государственнаго публициста—раскрыть обществу глаза на тѣ махинаціи, которыя произвольное

¹⁾ Если читать въ обратномъ направленіи, то получается фамилія Судейкина, носившаго въ то время чинъ майора.

общество создаетъ, не справляясь съ потребностями общегосударственнаго политическаго корабля, могущаго изъ-за этихъ махинаціи потерпѣть. Нынѣ только и, во всякомъ случаѣ, *post factum* мы узнаемъ, кто былъ инициаторъ разсылки самозваннаго циркуляра, но въ тѣ дни, какъ бы Судейкинъ и графъ Толстой къ этой разсылки ни отнеслись, публицистъ, получивъ таковой циркуляръ, по обязанности своего литературнаго долга, сумѣлъ на него отвѣтить, поставивъ даже на карту безопасность газеты.

На слѣдующій день послѣ появленія вышеприведенной статьи въ «Новомъ Времени» графъ Валуевъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ ¹⁾: 25-го ноября. «Не вѣроятное сбывается. Вчера напечатанъ въ «Новомъ Времени» пригласительный циркуляръ такъ называемой «священной дружины» съ присовокупленіемъ язвительныхъ комментариевъ газеты, называющей авторовъ циркуляра «шутниками, бездѣльщиками». Слухъ о томъ, будто «дружина» намѣрена сама себя опубликовать, давно ходилъ по городу, но о способѣ оглашенія существованія не высказывались. Тотъ сумбуръ признаній, разсужденій, намековъ, приманокъ и обѣщаній, который заключается въ напечатанномъ вчера циркулярѣ, конечно, не могъ быть предназначенъ для печати. Но фактъ разсылки циркуляра, по изложеннымъ въ немъ указаніямъ, несомнѣненъ. Какъ могли безмозглые авторы не предусмотрѣть, что этотъ документъ будетъ распубликованъ какою-нибудь газетою, какъ это теперь сдѣлало «Новое Время».

Подъ 29-го ноября онъ записываетъ послѣ разсужденій о присланной ему изъ за границы брошюры «Черный передѣлъ реформъ»: Въ городѣ стараются, съ извѣстной стороны, выдавать напечатанный въ «Новомъ Времени» документъ за мистификацію, и нѣкоторые тому вѣрятъ (напримѣръ, Грейгъ, Тимашевъ). Но подлинность очевидна. Дурново (товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) сообщилъ мнѣ, что документъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ, разогі «св. дружины» департаменту полиціи. Генераль Оржевскій и г. Плева разослали нѣчто въ этомъ родѣ, между прочимъ, студентамъ для привлеченія агентовъ. «Св. дружина» прибавила статью о пожертвованіяхъ, намеки на реформы и пр. Государь призывалъ въ пятницу по этому поводу графа Толстого. Произошелъ переполохъ въ «св. дружинѣ» и графъ Левашевъ говорилъ Дурново вчера, что ее хотятъ упразднить.

3-го декабря: «Всплываютъ разныя подробности относительно самодурства, заносчивости и во всѣхъ вообще отношеніяхъ неумѣлости главныхъ вожаковъ «св. дружины». Увѣряютъ, будто графъ Толстой сказалъ государю, что графу Воронцову, Шувалову и К^о мѣсто въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.

¹⁾ Историческій Сборникъ «О минувшемъ». Графъ В. А. Валуевъ, въ 1881—1884 г. (Дневникъ).

7-го декабря: Вчера былъ здѣшній вице-губернаторъ Волковъ. По его словамъ, «св. дружина» распущена или распускается. Онъ самъ отпущенъ и его «пятерка» упразднена... Графъ Воронцовъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ еще пребываетъ графиня, будто по болѣзни одного изъ дѣтей.

17-го декабря. Былъ у графа Шувалова. По его словамъ, его брату, графу Павлу, поручено государемъ озаботиться полнымъ расформированіемъ «св. дружины». Передъ кризисомъ образовался уродливый трибуне, котораго три главы были графъ Павелъ Шуваловъ, по «охранѣ», графъ Воронцовъ—по дружинѣ, и генералъ Оржевскій—по полиціи. Этотъ триумвиратъ долженъ былъ, при разномысліяхъ, испрашивать высочайшія разрѣшенія. Этого достаточно для оцѣнки сообразительности вожаковъ «дружины», которые дали поводъ или мысль къ учрежденію триумвирата».

Переполюхъ, произведенный статьей «Новаго Времени» въ «дружинѣ» былъ чрезвычайный; предпринято было цѣлое слѣдствіе надъ вопросомъ о происхожденіи таинственнаго опубликованнаго циркуляра, замышлялись козни противъ смѣлой газеты, но пока развороченный аристократическій муравейникъ волновался, вызванный въ Гатчину для доклада Толстой сумѣлъ освѣтить передъ государемъ значеніе происшедшаго скандала, указать, поскольку дѣятельность дружины компрометируетъ правительство, результатомъ каковаго доклада явилось слѣдующее письмо, адресованное графомъ Павломъ Шуваловымъ всѣмъ членамъ «священной дружины»:

«Свиты его величества генералъ-майоръ Брокъ прочелъ мнѣ письмо г. министра внутреннихъ дѣлъ на имя графа Воронцова-Дашкова, въ которомъ графъ Толстой, по приказанію государя императора, передаетъ монаршее благоволеніе всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя вошли въ составъ общества, имѣвшаго цѣлью охрану особы его величества и борьбу съ крамолою.

«При этомъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, дальнѣйшая дѣятельность означеннаго общества по высочайшему государя императора приказанію прекращается.

«Сообщается о семъ кому слѣдуетъ.

Флигель-адъютантъ графъ Павелъ Шуваловъ».

Этимъ письмомъ смертній приговоръ существованію «дружины» былъ объявленъ и однимъ росчеркомъ пера бытіе ея вычеркнуто изъ живыхъ лѣтописей русской жизни. Намъ неизвѣстно, каковы были детальныя обстоятельства ликвидаціи ея бытія, процедура ликвидаціи ея имущества, капиталовъ, дѣлопроизводствъ и принятыхъ на себя обязательствъ. Да это врядъ ли представляетъ особый интересъ; любопытнѣе досказать, поскольку вся эта исторія отразилась на завязанныхъ переговорахъ «священной дружины» съ партіей «Народной Воли». Бороздникъ по возвращеніи на родину

поспѣшили съ докладомъ къ графу Воронцову, отъ котораго и получилъ указаніе, что дѣятельность «священной дружины» закончена и такимъ образомъ въ его услугахъ болѣе не встрѣчается надобности. Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что за свои труды и потраченное время онъ получилъ вполнѣ приличное вознагражденіе, такъ какъ былъ въ состояніи расчитаться съ Н. Я. Николадзе по забраннымъ у него заимообразно деньгамъ. Бороздинъ, какъ дѣятель политическій, въ дальнѣйшемъ остался не у дѣлъ и репутація его, какъ сомнительнаго человѣка, не заслуживающаго довѣрія тѣхъ, съ кѣмъ онъ совмѣстно работаетъ, сохранилась за нимъ прочно. Такого убѣжденія о немъ остался и директоръ департамента полиціи и графъ Шуваловъ, о чемъ мы имѣемъ не лишенный интереса рассказъ Николадзе, который и можно разсматривать, какъ послѣдній стихъ всей эпопеи переговоровъ вліятельныхъ верховъ съ партией «Народной Воли» и ихъ сближенія съ представителями литературы.

XX.

Какъ только Н. Я. Николадзе по возвращеніи изъ за границы представился графу И. И. Воронцову-Дашкову, онъ встрѣтилъ его заявленіемъ, что надежды и расчеты его разрушились: положеніе дѣлъ въ Петербургѣ измѣнилось на столько, что ему наврядъ ли теперь удастся хоть что-нибудь сдѣлать въ смыслѣ прежнихъ предположеній. Онъ просилъ Николадзе немедленно же увѣдомить объ этомъ г. Тихомирова и сообщить ему, что онъ и его товарищи, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, вольны считать себя свободными отъ всякаго уговора и поступать по своему усмотрѣнію. Письмо съ этимъ категорическимъ «оставь надежду» Николадзе въ тотъ же день отправилъ по почтѣ къ Л. А. Тихомирову, по данному имъ конспиративному адресу. Для дальнѣйшихъ же переговоровъ, относительно исполненія данныхъ Николадзе обѣщаній, графъ Воронцовъ-Дашковъ просилъ Николадзе свидѣться съ флигель-адъютантомъ графомъ П. П. Шуваловымъ, которому поручены ходы по выполненію этихъ обѣщаній.

«При первомъ же свиданіи моемъ съ графомъ Шуваловымъ этотъ послѣдній объяснилъ мнѣ, что въ настоящее время шансы графа Воронцова-Дашкова значительно пали, — повѣствуетъ Н. Я. Николадзе.—Настроеніе при дворѣ со времени моего отъѣзда внезапно перемѣнилось. Вліяніе графа Д. А. Толстого упрочилось и «дружина», на которую опирался графъ Воронцовъ-Дашковъ, упразднена. Надѣяться, поэтому, на измѣненіе правительственной программы и на осуществленіе прежнихъ предположеній уже не слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе относительно данныхъ вамъ (т. е. мнѣ) обѣщаній графа Воронцова-Дашкова, будетъ сдѣлано все возможное

для ихъ осуществленія. Онъ обѣщаль вамъ освобожденіе Чернышевскаго: это придется, къ сожалѣнію, отложить до коронаціи, хотя попытаемся что-нибудь сдѣлать и раньше. Что же касается до обязательства дать вамъ возможность приобрести ежедневную газету...

«Я вскопчилъ съ мѣста. — Такого обязательства, перебилъ я графа Шувалова, графъ Воронцовъ-Дашковъ мнѣ никогда не давалъ: у насъ объ этомъ и рѣчи не было, да и не могло быть!

«Графъ Шуваловъ тогда пояснилъ мнѣ, что г. Б—нъ увѣрилъ графа Воронцова-Дашкова, будто я, за услуги свои, требую разрѣшенія мнѣ издавать газету и выдачи мнѣ (должно полагать, черезъ г. Б—на и безъ расписокъ) 300,000 рублей.

«Когда я выяснилъ графу Шувалову, что это—наглый обманъ со стороны г. Б—на, что я и не думалъ никогда ставить такихъ гнусныхъ условій, то графъ Шуваловъ очень серьезно спросилъ меня: изъ за чего же и ради какой личной выгоды дѣйствовалъ я? Пожавъ плечами, я отвѣтилъ, что знаю въ Россіи массу людей, которые не только безкорыстно посодѣйствовали бы такому дѣлу, если бъ надѣялись на возможность умиротворенія, но и готовы были бы отдать ему послѣднюю каплю своей крови.

«Графъ Шуваловъ не скрывалъ отъ меня своего разочарованія относительно революціонной партіи. Онъ находилъ, что она упустила рѣдчайшій случай водворить въ Россіи парламентарное правитель-ство. Для этого надо было, по его мнѣнію, не сходить съ точки зрѣнія письма исполнительнаго комитета къ Александру III по поводу 1-го марта. Общія мѣста и туманныя требованія этого письма надлежало предъявить въ болѣе конкретной, дѣловой формѣ параграфовъ конституціи. Переходя къ предъявленнымъ требованіямъ— «*ce sont des misères*»— онъ заявилъ мнѣ, что графъ Воронцовъ-Дашковъ уже добился повелѣнія государя отправить на Кару флигель-адъютанта барона Нольде. Для освобожденія же Чернышевскаго требуется подача всеподданнѣйшаго прошенія его дѣтьми и обожданіе коронаціоннаго манифеста.

«Было ясно: давался авансъ—разслѣдованіе карійскихъ неурядицъ; — освобожденіе же Н. Г. Чернышевскаго приберегалось въ награду за хорошее поведеніе партіи во время коронаціи.

«По поводу общаго замѣчанія графа Шувалова о томъ, что слѣдовало требовать только конституціи, я сказалъ ему, что вполне раздѣляю его мнѣніе; но дѣло то не въ нашихъ воззрѣніяхъ, а въ требованіяхъ партіи, которая иначе смотритъ на положеніе. Графъ Шуваловъ увѣрялъ, что узко-соціалистическая программа требовацій террористовъ глубоко огорчила не его одного, а графа Воронцова-Дашкова и всѣхъ разумныхъ людей ихъ круга.

«Вскорѣ послѣ этого графъ Шуваловъ, пригласилъ меня къ себѣ, рассказалъ мнѣ, что г. Б—нъ прислалъ графу Воронцову-Дашкову

изъ Парижа донесеніе, будто я, по возвращеніи своемъ изъ за границы, войду здѣсь, по соглашенію съ заграничными главарями революціонеровъ и по ихъ порученію, въ сношенія съ проживающими въ Россіи наибольшими руководителями террористовъ. Въ числѣ трехъ именъ такихъ «руководителей», обозначенныхъ въ донесеніи г. Б—на, стояла фамилія московскаго профессора В. А. Гольцева. Графъ Шуваловъ просилъ меня разъяснить ему—съ моихъ ли словъ сообщилъ эти свѣдѣнія г. Б—нъ?

«Я объяснилъ по этому поводу, что если бы мнѣ дѣйствительно и понадобилось свидѣться здѣсь, въ интересахъ порученнаго мнѣ дѣла, съ здѣшними главарями террористовъ, то, само собою разумѣется, ни г. Б—ну, ни графу Воронцову-Дашкову я не назвалъ бы ничьихъ именъ, а постарался бы повидаться съ нужными мнѣ личностями, соблюдая величайшія противоположескія мѣры предосторожности. Но ничего подобнаго въ виду не имѣлось, и никакихъ лицъ или именъ мнѣ никто не указывалъ. Слѣдовательно и я ничего подобнаго не могъ передавать г. Б—ну. Все это онъ выдумалъ, конечно съ цѣлью не остаться безъ дѣла въ будущемъ.

«Вслѣдствіе этого моего заявленія графъ Шуваловъ потребовалъ отъ г. Б—на письменнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, въ которое онъ былъ замѣшанъ. Черезъ недѣлю графъ Шуваловъ далъ мнѣ прочесть, у себя на квартирѣ, подробную записку г. Б—на. Я просто ахнулъ, такъ въ ней все было наврано и извращено.

«Я сказала графу Шувалову, что она до такой степени лжива, что я теряюсь въ догадкахъ—сочинена ли она полуномѣшаннымъ маниакомъ, убѣжденнымъ въ повальной преступности всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, или же проходивцемъ, нагло эксплуатирующимъ наивность своего начальства. Я тутъ же выставилъ внутреннія противорѣчія отдѣльныхъ частей записки и привелъ убѣдительные факты ея лживости. Я указала именно на такія обстоятельства, которыя могли быть провѣрены графомъ Шуваловымъ тутъ же въ Петербургѣ. Графъ Шуваловъ прервалъ мой анализъ, указывая мнѣ на его излишество:—я самъ вижу, и записка г. Б—на прямо подтверждаетъ, что этотъ господинъ вралъ и вамъ и намъ, онъ эксплуатировалъ и васъ и насъ. Поэтому графъ Шуваловъ убѣдительно просилъ меня, во-первыхъ, не показывать вида, г. Б—ну, что мнѣ ясна его роль и извѣстны его ухищренія, а во-вторыхъ, болѣе объ этомъ дѣлѣ съ Б—мъ ни слова уже не говорить. Въ противномъ случаѣ, если г. Б—нъ заподозритъ, что его роль разгадана, онъ можетъ нанести вредъ графу Воронцову-Дашкову, что особенно нежелательно въ настоящее время.

«О каждомъ посѣщеніи и сообщеніи графа Шувалова я своевременно давалъ отчетъ С. Н. Кривенко, который регулярно держалъ Н. К. Михайловскаго въ курсѣ всего, касавшагося партіи вообще и нашихъ переговоровъ въ частности. Имъ обоимъ, да и прочимъ дѣ-

ателямъ партіи, страстно желалось вѣрить въ успѣхъ переговоровъ, видимо, то была въ ту пору послѣдняя надежда.

«Чѣмъ больше я терялъ надежду, тѣмъ все болѣе и болѣе цѣплялся за меня, какъ за якорь спасенія, С. Н. Кривенко, отъ себя и по уполномочію Н. К. Михайловскаго. По его словамъ—а онъ не способенъ былъ говорить неправды—партіи необходимо увѣрить правительство въ томъ, что переходъ ея къ легальной дѣятельности и отреченіе отъ терроризма совершенно невозможны, если только правительство въ свою очередь измѣнитъ политику. Предстоявшій около того времени судъ надъ Юріемъ Богдановичемъ (Кобозевымъ) и судившимися вмѣстѣ съ нимъ народовольцами показался лучшимъ средствомъ произвести такое впечатлѣніе.

«На послѣдующихъ свиданіяхъ съ графомъ Шуваловымъ, я постоянно старался наводить разговоръ на судьбу Богдановича и его товарищей, причѣмъ всегда заключалъ рѣчь увѣренностью, что никто изъ нихъ казненъ не будетъ; иначе это значило бы вновь открыть серію покушеній и убійствъ. Тоже самое сказалъ я графу Шувалову, когда тотъ привезъ мнѣ новость, что графъ Д. А. Толстой отнынѣ ни съ кѣмъ считаться не хочетъ и никакихъ уступокъ никому не сдѣлаетъ, такъ какъ считаетъ свою партію окончательно выигранною, послѣ того, какъ изловилъ Вѣру Николаевну Фигнеръ и послѣднихъ могикианъ «Народной Воли».—«Много такихъ еще народить Русь святая, проговорилъ я, и Караеги все жъ будетъ разрушенъ». Когда смертный приговоръ уже былъ постановленъ, графъ Шуваловъ заѣхалъ ко мнѣ съ сообщеніемъ, что во дворцѣ не знаютъ, какъ быть съ осужденными: казнить, иль нѣтъ? Быть можетъ это говорилось съ цѣлью подороже продать черезъ меня революціонерамъ помилованіе осужденныхъ. Я принялъ очень серьезный видъ и горячо сталъ убѣждать графа Шувалова употребить всевозможныя усилія, чтобы помѣшкать этой ошибкѣ. Я увѣрялъ, что знаю изъ надежныхъ источниковъ, что не было бы 1-го марта, если бы въ ноябрѣ 1880 года графъ Лорисъ-Меликовъ не повѣсилъ Прѣснякова и Квятковскаго. Я чуть ли не головою ручался графу Шувалову, что казнь Богдановича или Вѣры Фигнеръ и кого-либо изъ ихъ сообщниковъ непременно обагрить кровью коронацію, и просилъ его непременно передать это мое предостереженіе графу Воронцову-Дашкову.

«Черезъ день графъ Шуваловъ заѣхалъ ко мнѣ веселый и сияющій, сыня остротами и сарказмами.—Наша взяла, всѣ, всѣ безъ исключенія помилованы, никто казненъ не будетъ. Я вдохнулъ полной грудью. Для этого, дѣйствительно, стоило пачкаться съ г. Б—мъ.

«Оставалось достигнуть главнаго—освобожденія Н. Г. Чернышевскаго.

«Я не отставалъ отъ графа Шувалова и многократно видѣлся съ нимъ, то у него на дому, то у себя въ квартирѣ. Рѣчь у насъ глав-

нымъ образомъ шла объ оформленіи дѣла на счетъ освобожденія г. Чернышевскаго. Послѣ долгихъ переговоровъ по сему предмету, наконецъ въ концѣ марта 1883 года графъ Шуваловъ доставилъ мнѣ проектъ той статьи коронаціоннаго манифеста, которая распространяла помилованіе на случаи, подходящіе къ положенію Чернышевскаго. Онъ просилъ меня внимательно взвѣсить выраженія этой статьи и сообщить ему—удовлетворяютъ ли они меня и пѣтъ ли тутъ какого-нибудь подвоха со стороны графа Д. А. Толстого? Я отвезъ проектъ А. Н. Пышину съ просьбою—посоветоваться съ компетентными знатоками. Не знаю, съ кѣмъ онъ совѣтовался, и совѣтовался ли съ кѣмъ. Онъ скоро вернулъ мнѣ проектъ, высказавъ, что дѣло не въ его выраженіяхъ, а въ томъ, какъ они будутъ примѣнены къ Н. Г. Чернышевскому. Это я и передалъ слово въ слово графу Шувалову, который удостовѣрилъ меня, что, если только коронація сойдетъ съ рукъ благополучно, Н. Г. Чернышевскій непременно будетъ возвращенъ на родину. Оставалось только ждать исполненія этого обѣщанія.

«Въ апрѣлѣ 1883 года графъ Шуваловъ еще разъ или два заѣзжалъ ко мнѣ, «такъ просто, поговорить, душу отвести». Онъ находилъ что графъ Д. А. Толстой ведетъ Россію къ совершенному застою и развалу, что общество пало духомъ, что революціонеры ослѣплены, что на нихъ уже никакой надежды питать нельзя, и что спасенія можно ждать только отъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ людей. Сначала мнѣ казалось, что рѣчь идетъ о «дѣйствіяхъ», въ родѣ 1762 или 1801 гг. Каково же было мое изумленіе, когда изъ дальнѣйшихъ словъ выяснилось, что вся надежда спасенія Россіи покоится на мнѣ. Графъ Шуваловъ находилъ, что міромъ правятъ только «шкурныя чувства», и что поэтому мнѣ слѣдуетъ твердо и властно увѣрить Александра III, что революціонеры его всенепремѣнно и очень скоро убьютъ, какъ убили его отца, если только онъ не дастъ Россіи конституціи, что они безповоротно рѣшили не покладать рукъ, пока не добьются этой завѣтной цѣли. Графъ Шуваловъ увѣрялъ, что легко можетъ выхлопотать мнѣ аудіенцію у государя, если я согласенъ держать ему подобныя рѣчи.

«Я вѣжливо отклонилъ отъ себя эту роль пугала, объяснивъ графу Шувалову, что на такой рискъ можно пойти, или имѣя за собою всѣ живыя силы страны, или будучи опьяненнымъ личнымъ честолюбіемъ.

«Графъ Шуваловъ еще немного «побесѣдовалъ» со мною, приличія ради, и скоро ушелъ съ явнымъ сожалѣніемъ о моемъ неумѣнн пользоваться обстоятельствами. Съ тѣхъ поръ я его уже не встрѣчалъ.

«Коронація, какъ извѣстно, благополучно окончилась въ маѣ 1883 года. Лѣтомъ того же года я былъ командированъ на Кавказъ управленіемъ общества Закавказской желѣзной дороги... Никакой

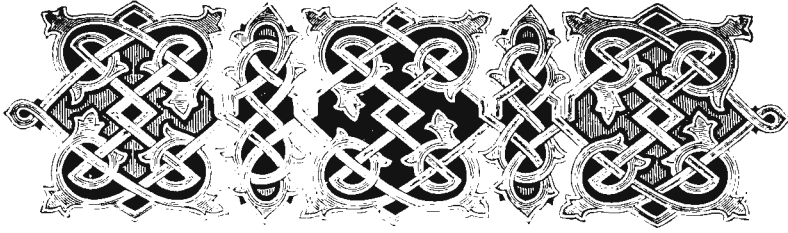
возможности наводить справки о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго у меня поэтому не было. Только по возвращеніи въ Петербургъ я прочелъ въ началѣ ноября въ газетахъ извѣстіе, что Чернышевскій переведенъ «на жительство», но не на родину, въ Саратовъ, какъ мнѣ было обѣщано, а въ Астрахань. И на томъ спасибо. Позже я узналъ, что ему не возвращены его «права состоянія». Тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ вполнѣ улеглись мои волненія по поводу участія въ этихъ странныхъ и бесплодныхъ переговорахъ».

Такимъ образомъ «священная дружина», сошла со сцены, но конституціоналисты, входившіе въ составъ упраздненнаго учрежденія, какъ мы видимъ, еще пытались оказать давленіе на государя императора при помощи угрозъ и черезъ посредство лицъ, соприкасавшихся съ революціонерами, въ пользу ограниченія самодержавія. Аристократія, какъ и въ былые дни Анны Иоанновны, пытается выставить свои «кондиціи», но ихъ домогательства успѣха не имѣютъ. Конституціоннымъ мечтаніямъ, скользящимъ черезъ проекты графа Лорисъ-Меликова и просвѣтившимся черезъ вѣрноподданнѣйшую дѣятельность «священной дружины» не суждено было реализоваться какимъ-нибудь законодательнымъ актомъ и эпоха твердой власти на много лѣтъ кладетъ съ того времени свой отпечатокъ на всѣ проявленія русской жизни. Партія «Народной Воли» была сломлена, а эпитомамъ этой партіи не суждено было сорганизоваться въ нѣчто сильное и властное. Судейкинъ сумѣлъ заложить сюда начало разложенія и созданный имъ типъ провокатора въ лицѣ Сергѣя Дегасва, пройдя разныя стадіи своего развитія и выродившись въ современнаго намъ Азефа, превратилъ революціонное теченіе, взявшее свое начало съ истоковъ шестидесятыхъ годовъ, въ тотъ мутный и широкій потокъ, гдѣ не познавая сплосъ и рядомъ другъ друга, легко плавали и совмѣстно уживались, какъ представители сыска и закона; такъ и глашатаи идеи борьбы за общественное благо и носители революціонной доктрины.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТНИКЪ РУССКОМУ ГЕНЕРАЛУ ВЪ КИТАѢ.

ТО НЕ зная изъ бывшихъ въ минувшую кампанію въ Манчжуріи и вообще на Дальнемъ Востокѣ доблестнаго генерала Н. М. Чичагова, начальника Заамурскаго округа,—нынѣ мирно покоящагося на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ... Это былъ крупный генералъ, недюжинная личность, и наряду съ другими генералами, которыхъ мы привыкли видѣть на Дальнемъ Востокѣ, сразу бросалась въ глаза его величина. Заамурскій округъ, которымъ онъ командовалъ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни, можно было назвать его дѣтищемъ: изъ тѣхъ нестроевыхъ командъ, въ которыя обратился этотъ округъ за время передачи его въ пограничную стражу, при генералѣ Чичаговѣ Заамурскій округъ сдѣлался строевой частью, достойной названія авангарда русской арміи въ Китаѣ. Самъ являясь тонкимъ знатокомъ военнаго дѣла, Н. М. умѣлъ быть и дѣйствительнымъ руководителемъ своихъ подчиненныхъ. Съ удивительно сохраненной въ его лѣта энергіей, при замѣчательномъ умѣнши охватывать каждый вопросъ всесторонне, генералъ Чичаговъ, занимая постъ, гдѣ знаніе военнаго искусства должно было сочетаться съ искусствомъ въ дипломатіи, сдѣлалъ очень много для русскаго дѣла въ Манчжуріи, несмотря на то, что многія его начинанія, которыя онъ такъ горячо хотѣлъ провести въ жизнь, либо разбивались о канцелярскую рутину, либо прямо-таки встрѣчали непріязненное къ себѣ отношеніе,—хотя послѣдствія и показывали каждый разъ, что со свойственной ему широтой ума генералъ Чичаговъ вполне вѣрно оцѣнивалъ

многіе изъ самыхъ серьезныхъ моментовъ нашей внѣшней политики на Дальнемъ Востокѣ.

Но немногимъ изъ знавшихъ покойнаго извѣстно, какимъ вліяніемъ и почетомъ пользовался генераль Чичаговъ среди мѣстнаго населенія. Обаяніе его имени было настолько велико что, если китайскія власти въ Манчжуріи во время минувшей кампаніи и соблюдали полный нейтралитетъ, то, главнымъ образомъ, благодаря вліянію генерала Чичагова. Мѣстное населеніе знало генерала Чичагова еще со времени боксерскаго возстанія, т. е. съ 1900 года, когда во главѣ самостоятельнаго отряда генераль Чичаговъ прибылъ въ городъ Нингуту Гиринской провинціи Манчжуріи. Здѣсь генералу Чичагову воздвигнуть населеніемъ памятникъ съ надписью на китайскомъ и русскомъ языкахъ, достойной быть запечатлѣнной въ исторіи. Памятникъ въ китайскомъ стилѣ, прекрасно содержимъ, окруженъ деревянной оградой съ навѣсомъ, поставленъ надъ обрывистомъ берегомъ рѣки Мудандзянь на южной сторонѣ города. Надпись гласитъ слѣдующее:

«Генераль-лейтенанту Чичагову.

«Именно теперь настало время прекратить кровопролитіе, происходившее между сражающимися войсками, которыя старались поражать другъ друга затѣмъ, чтобы потомъ, кто окажется могущественнѣе и сильнѣе торжествовать побѣду и склонить побѣжденнаго къ покорности. Только теперь представилась возможность вернуть обратно народъ къ своему хлѣбпашеству, попрежнему поселиться въ городѣ и его окрестностяхъ и каждому горожанину заняться своимъ дѣломъ. Просьба эта народа услышана въ Китаѣ немногими, а также и въ другихъ иностранныхъ государствахъ, но таковая сверхъ ожиданія пынѣ нашла откликъ въ лицѣ господина военного губернатора Великаго Россійскаго Государства генерала Чи. Генераль Чи извѣстный генераль, и на русской территоріи пользуется извѣстностью и управляетъ сосѣдней намъ Приморской областью.

«Лѣтомъ текущаго года появилась партія Большого Кулака, которая всячески старалась возмущать народъ противъ иностранной державы, непрерывно выступая противъ нея, желая этимъ ввести страну въ войну. Не было никакой возможности начать переговоры о мирѣ. Генераль Чи состоялъ начальникомъ войскъ, и онъ неожиданно вынужденъ былъ взяться за оружіе, собралъ доблестныя войска и быстро передвинулъ ихъ, такъ что въ первыхъ числахъ восьмой луны (въ августѣ) они наступали на Нингуту. Въ это время, нужно было видѣть,—горы, степь и городъ были объаты огнемъ и мечомъ, матери съ грудными дѣтьми спѣшили укрыться, всюду слышны были орудійные выстрѣлы, не было возможности отличить

Сотня 6-го пограничного Заамурского полка у памятника генералу Чичагову.

хорошихъ людей отъ дурныхъ,—и безъ разбора все уничтожалось. Описать то, что въ то время здѣсь происходило, нѣтъ возможности. Какъ манчжурцы, такъ и китайцы ждали прекращенія кровопролитія, и въ этомъ проявили искренность и чистосердечность генералъ Чи. Онъ въ самомъ началѣ выказалъ свою силу и храбрость—подобно грому,—а затѣмъ осыпалъ благодареніями—подобно дождю и росѣ, увлажняющихъ землю: уничтожалъ разбойниковъ, открывалъ для бѣдныхъ магазины съ хлѣбомъ и бесплатныя больницы, отправлялъ мальчиковъ для изученія грамоты, и многіе жители были имъ облагодѣтельствованы. А народъ—всѣ до единого—пожелалъ запечатлѣть всѣ его заслуги на памятникѣ, считая за высшее счастье пребываніе въ Нингутѣ столь великодушнаго генерала-старца, обладающаго рѣдкимъ челоуѣколюбіемъ.

«Памятникъ этотъ будетъ поставленъ на вершинѣ горы Нингутинскаго района и будетъ напоминать о томъ, что въ эти дни были прекращены военныя дѣйствія и народъ Поднебесной Имперіи очнулся и въ странѣ водружены спокойствіе и миръ... Питаемъ надежду, что послѣ этого дружественныя отношенія будутъ болѣе искренни и чистосердечны и сохранятся на долгое время, такъ что этимъ спокойствіемъ и счастьемъ будутъ наследовать наши потомки».

«Подписали: Нингутинскій фудутунъ Нэ-инъ; Начальникъ дипломатическаго бюро Чун—линъ; Лѣваго фланга арміи и. д. полковаго командира имѣющій павлиное перо ротный командиръ Си-шоу; ротные командиры Мин-линъ и Тучикэ; Наслѣдственный дворянинъ имѣющій павлиное перо Бы—лянъ и другіе офицеры, купцы и жители гор. Нингуты» ¹⁾.

«3-го Февраля 1901 года».

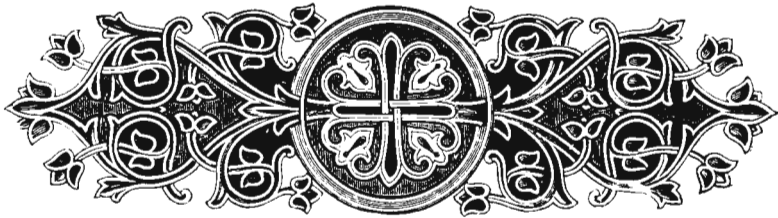
Какая это была трогательная картина и какъ это дѣйствительно способствовало сближенію двухъ народовъ, бокъ о бокъ живущихъ другъ съ другомъ, когда въ бытность Николая Михайловича начальникомъ Заамурскаго округа, пользуясь каждымъ случаемъ торжественныхъ дней, китайцы со всѣхъ концовъ—дзянь-дзюни, фудутуны, военныя власти—шлютъ ему свои поздравленія телеграммами и письмами и привѣтствуютъ лично въ самомъ сердечномъ тонѣ. Характеръ этихъ телеграммъ, которыя, навѣрно, сохранились въ штабѣ Заамурскаго округа, свидѣтельствуетъ неподдѣльную задуманность этихъ привѣтствій, и сквозъ личныя чувства сквозятъ теплыя отношенія двухъ сосѣднихъ странъ.

¹⁾ Читатель! Вдумайтесь въ эти слова, обратите вниманіе на самый фактъ. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ огромномъ влияніи, которое имѣлъ генералъ Чичаговъ на все мѣстное населеніе. Если бы всѣ наши начальники пользовались такимъ влияніемъ, то всякіе китайскіе вопросы отошли бы сами собой на задній планъ, смѣнившись вопросами совершенно обратнаго характера. *Авт.*

Но не среди однихъ только китайцевъ пользовался громкой извѣстностью покойный генералъ Н. М. Чичаговъ первый поднялъ вопросъ о Монголіи. Какъ человѣкъ, поистинѣ съ государственнымъ умомъ, онъ придавалъ должное значеніе развитію нашихъ сношеній съ Монголіей, и ему мы обязаны тѣмъ, что въ минувшую войну монголы были на нашей сторонѣ. Чутье простого человѣка разгадало отношеніе къ нимъ генерала Чичагова, и постоянныя депутаціи монголовъ по разнымъ случаямъ непрестанно посѣщали Харбинъ до самой смерти Н. М. И вотъ такого человѣка пытались—и не безуспѣшно—стереть съ лица земли его враги; и въ минувшую кампанію ему не было предоставлено должное по его способностямъ, знанію военнаго дѣла и тому обстоятельному знакомству съ театромъ военныхъ дѣйствій, которыми обладалъ покойный, восемь лѣтъ проведеній въ Манчжуріи и пятнадцать лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ.

Г. К.

ОСТАФЬЕВО 18 ИЮЛЯ 1911 ГОДА.

В СЕЛѢ Остафьевѣ, 18-го іюля 1911 года, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи открытъ памятникъ Н. М. Карамзину.

Сдѣлано то, что давно уже собирался сдѣлать прежній владѣлец Остафьева князь Павелъ Петровичъ Вяземскій: противъ оконъ, гдѣ писалъ свой трудъ Карамзинъ, сейчасъ стоитъ монументъ работы академика Н. З. Панова. Памятникъ представляетъ гранитный монолитъ въ стилѣ empire, соотвѣтствующемъ стилю Остафьевскаго дома. На лицевой сторонѣ фасада помѣщенъ бронзовый барельефъ портретъ Карамзина, окруженный лавровымъ вѣнкомъ въ томъ же стилѣ. Подъ нимъ подпись «Карамзину», надъ вѣнкомъ дата 1811—1911.

На обратной сторонѣ шрифтомъ соотвѣтствующей эпохи выбиты слова самого Карамзина, взятыя изъ его письма къ Кривцову:

«Остафьево достопамятно для моего сердца: мы тамъ наслаждались всею пріятностію жизни, не мало и грустили; тамъ текли среднія, едва ли не лучшія лѣта моего вѣка, посвященныя семейству, трудамъ и чувствамъ общаго доброжелательства, въ тишинѣ страстей мятежныхъ...»

На монолитѣ расположены 7 томовъ «Исторіи государства Россійскаго», отлитые изъ бронзы въ переплетахъ современнаго Карамзину типа. На нихъ брошенъ свитокъ, изображающій начатый здѣсь же въ Остафьевѣ 8-й томъ.

Такъ запечатлѣно двѣнадцатилѣтнее пребываніе Н. М. Карамзина въ Остафьевѣ.

«Достопамятное для сердца» историка, сохранившее свой прежній обликъ и (въ немъ никто не живетъ уже много лѣтъ) до настоящаго времени, Остафьево 18-го іюля снова увидѣло въ своихъ стѣнахъ торжество, какъ бывало прежде, когда на этомъ Олимпѣ сходились и здѣсь подолгу засиживались боги русскаго слова: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, Василій Львовичъ Пушкинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Карамзинъ, Жуковскій и др. (самого хозяина князя П. А. Вяземскаго считаю называть излишнимъ).

18-го іюля собрались сюда люди, объединенные одной дорогой памятью о великомъ русскомъ человѣкѣ. Торжество, инициатива котораго исходила отъ графа С. Д. Шереметева, должно было носить «семейный», неофициальный характеръ, поскольку, конечно, можно сдѣлать семейнымъ общерусскій по идеѣ праздникъ. Устраивалъ торжество не «членъ Государственнаго Совѣта», какъ старались подчеркнуть почти всѣ газеты, писавшія объ открытіи памятника, а просто графъ Сергѣй Дмитріевичъ Шереметевъ, горячо преданный Россіи, любящій ея прошлое, вѣрящій въ ея будущее, дѣятельный ревнитель родного просвѣщенія.

Гостей съѣхалось много—родственники Шереметевыхъ, Вяземскихъ, близкіе и знакомые, взрослые, дѣти.

Погода была теплая, мягкая... казалось, пойдетъ дождь...

Въ старомъ паркѣ служили молебень, мѣстный сельскій хоръ пропѣлъ вѣчную память «болярину Николаю», сорвали съ памятника покровъ, окропили новое сооруженіе святой водой...

Такъ съ Богомъ начали торжество. Послѣ освѣщенія памятника—засѣданіе, посвященное памяти русскаго историографа.

Въ комнатѣ, сохранившей слѣды старины, въ той самой, въ которой когда-то, во время Карамзина, устраивались домашніе спектакли и теперь обращенной въ бібліотеку, собрались гости. Засѣданіе открылъ графъ Сергѣй Дмитріевичъ стихотвореніемъ Ѳ. И. Тютчева, начинающееся словами:

«Великій день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На чтобъ отклинулась она?»

Затѣмъ профессоръ В. С. Иконниковъ прочелъ свой обширный докладъ о Карамзинѣ, какъ историкѣ, указавъ много незамѣченныхъ раньше сторонъ въ дѣятельности его, какъ историка. Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать появленія рѣчи профессора В. С. Иконникова въ печати.

Слѣдующее слово принадлежало профессору С. Ѳ. Платонову; легко и свободно, какъ всегда, произнесъ онъ свою краткую рѣчь о значеніи Карамзина для его современниковъ. По мнѣнію С. Ѳ. Платонова Карамзинъ явился въ ту эпоху, когда русское общество

находилось въ состояніи духовнаго разлада: съ одной стороны непониманіе Запада, отъ котораго русскій человѣкъ привыкъ ждать откровенія, съ другой—и незнаніе своего прошлаго, съ которыми связь была давно порвана.

Карамзинъ, явившись въ это безвременье, положилъ конецъ неустойчивому равновѣсію русскаго образованнаго человѣка. Карамзинъ уничтожилъ споръ о противоположности Запада и Россіи въ той формѣ, какую онъ принялъ въ началѣ XIX вѣка.

Громкими аплодисментами награждены были всѣ трое, активно выступившіе въ засѣданіи. Въ приподнятомъ настроеніи отправились къ столу, безъ котораго, по старому обычаю, не можетъ обойтись ни одинъ праздникъ. Большой столъ въ старинномъ двухсвѣтномъ залѣ, въ стеклянную дверь котораго глядитъ, удаляясь, роскошная аллея старыхъ липъ, свидѣтелей кипѣвшей когда-то здѣсь жизни.

Съ трудомъ вѣрится, что это не фантастическая картина, а дѣйствительность: такъ красива эта перспектива липъ, непосредственно примыкающихъ къ стекляннымъ дверямъ залы.

Въ залѣ сгущенная идейная атмосфера. Всѣ чувствуютъ значеніе дня, ждутъ, какъ прорвется настроеніе, въ какую форму выльются чувства, возбужденныя предшествующими событіями и необычной исторической обстановкой. Московскій губернскій предводитель дворянства А. Д. Самаринъ первый заговорилъ о томъ, что онъ смотритъ на этотъ праздникъ, какъ на общественный русскій, и привѣтствуетъ его устроителей отъ лица московскаго дворянства.

Владыка Анастасій со свойственнымъ ему спокойнымъ величіемъ указалъ на другую существенную сторону дѣла: памятникъ изящный своей простотой устраивается представителемъ старѣйшаго и знаменитѣйшаго изъ русскихъ родовъ, берегущихъ родныя традиціи. Самое цѣнное въ событіи это доказательство, что есть въ Россіи люди, которымъ дорогъ каждый поступательный шагъ ея, которые берутъ на себя задачу хранить великіе завѣты и напоминать о нихъ тѣмъ, кто менѣе чутко стоитъ на стражѣ роста и процвѣтанія нашего отечества ¹⁾).

Окончился обѣдъ. Тѣ, кто еще не успѣлъ осмотрѣть священныя мѣста Остафьева, отправились въ сопровожденіи хозяевъ, графа С. Д. Шереметева и графини Е. П., внучки князя П. А. Вяземскаго, въ комнаты, гдѣ все напоминаетъ о быломъ.

Вотъ святая-святыхъ Остафьевскаго дома—Карамзинская комната. Тутъ у окна, противъ котораго теперь красуется новый памятникъ, сидѣлъ за работой 12 лѣтъ Карамзинъ; здѣсь родились 7 томовъ «Исторіи». Сюда же снесены и другія реликвіи—столъ

¹⁾ Передаю только наиболѣе характерныя рѣчи, стараясь подчеркнуть только главную ихъ мысль, сильно отступая отъ подлинной формы.

Пушкина, его трость, жилетъ, въ которомъ онъ былъ на дуэли, кусокъ березовой коры, на который упалъ онъ смертельно раненный..

Тутъ же рѣдкій портретъ Жуковскаго, подаренный имъ Пушкину съ классической надписью: «побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя» въ тотъ высокаторжественный день, когда онъ окончилъ поэму «Русланъ и Людмила»; о надписи слышалъ каждый гимназистъ, дошедшій въ своемъ прохожденіи наукъ до Жуковскаго и Пушкина, но о мѣстѣ нахождения подлинника едва ли кто изъ нихъ знаетъ. Такъ благодаря незнанію, равнодушію и небрежности, погибла не одна русская реликвія...

Послѣ осмотра дома, кто сталъ готовиться къ отъѣзду, кто отправился въ паркъ пройтись по тѣмъ аллеямъ, гдѣ въ свое время гуляли поэты.

Народъ изъ сосѣднихъ деревень толпился около памятника, фотографъ снималъ группу за группой... Культурный праздникъ, несомнѣнно, чувствовался вездѣ. Наступилъ вечеръ, теплый, іюльскій; иллюминированный памятникъ казался еще эффектиѣе. Ночь и снова утро. День единъ. Смѣю думать, день, заслуживающій вниманія русскаго общества, въ который совершилось событіе, надо думать, далеко немаловажное: имя Карамзина долженъ знать и знаетъ каждый школьникъ, какъ имя Пушкина, Гоголя и др. великихъ русскихъ людей.

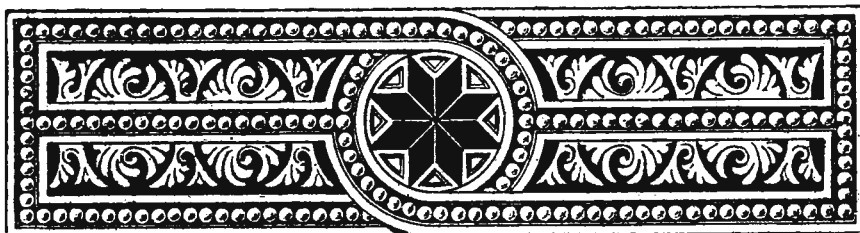
О Пушкинскомъ Михайловскомъ, о Гоголевской Васильевкѣ, о Державинской Званкѣ кой-кто слышалъ, а объ Остафьевѣ почти никто не зналъ ничего... А по праву Остафьево должно стать и непременно станетъ (это вопросъ времени и нашего культурнаго роста) не менѣе извѣстнымъ и популярнымъ, чѣмъ другія мѣста земли русской, освѣщенныя великими именами. Остафьево можетъ стать предметомъ воспитательнаго воздѣйствія на учащихся, которые съ большимъ удобствомъ будутъ совершать сюда свои научныя экскурсіи ¹⁾. Отраднo сознавать, что Остафьево въ надежныхъ рукахъ, что погибнуть ему не дадутъ никогда, что его не постигнетъ судьба многихъ уже исчезнувшихъ безслѣдно славныхъ уголковъ русской земли.

Ревнителямъ родной старины русскій народъ долженъ сказать «спасибо сердечно».

Б. Г—въ.

¹⁾ Для ознакомленія съ отношеніями Карамзина къ Остафьеву можно пользоваться вышедшей ко дню открытія памятника книжкой гр. П. С. Шереметева «Карамзинъ въ Остафьевѣ».

ПЯТНАДЦАТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ НОВГОРОДѢ.

ВЪ КОГДА «Господи́нь Великі́й Новгородъ», дѣдъ русской земли, колыбель сѣверно-русскаго народо-правства, былъ богатѣйшимъ и крупнѣйшимъ центромъ по торговлѣ съ Ганзейскимъ союзомъ и однимъ изъ населеннѣйшихъ городовъ въ древней Руси: въ XIV вѣкѣ число его жителей простиралось до четырехсотъ тысячъ человекъ. Избавленный, благодаря своимъ географическимъ условіямъ, отъ разгрома полчищами Батыя, Новгородъ продолжалъ богатѣть и развиваться, и въ то время какъ въ разоренныхъ татарами Кіевѣ и Владимиро-Суздальской землѣ стало падать мѣстное церковное зодчество; въ Новгородѣ въ XIII, XIV и даже XV вѣкахъ оно достигаетъ своего высшаго уровня и процвѣтанія. Вольный Новгородъ имѣлъ и свою собственную менету и свой монетный дворъ. Но наступили другія историческія условія, новгородское вѣче, по выраженію Н. И. Костомарова, стало «анахронизмомъ» и замѣнилось властью московскаго великаго князя. Съ лишеніемъ самостоятельности и вслѣдствіе частыхъ войнъ, веденныхъ московскими князьями въ XVI вѣкѣ, благосостояніе Новгорода стало быстро падать и скоро великій Новгородъ обратился въ обычнаго типа провинціальный городъ, богатый лишь церковными древностями.

«Тихо опочившій» Великій Новгородъ въ настоящее время представляетъ собою небольшой, «одноэтажный», городокъ, съ 26,000 жителей бооего пола, сохранившій отъ своего прошлаго величія

лишь однѣ кремлевскія стѣны, мѣстами разрушающіяся. Тамъ, гдѣ нѣкогда кишѣла жизнь Великаго Новгорода, гдѣ высились палаты княжескія, гдѣ жили посадники новгородскіе, гдѣ былъ воеводскій дворъ, воеводская «изба»,—теперь устроены огородъ съ капустой на всей большой площади за «присутственными мѣстами». Гдѣ была когда то резиденція князя Рюрика и послѣдующих новгородскихъ князей въ лѣтнее время, затѣмъ загородный домъ князя А. Д. Меншикова,—тамъ теперь небольшое бѣдное село, называемое «Рюриково городище» и промышленяющее огурцами. А на мѣстѣ Ярославова дворца, гдѣ прежде собиралось новгородское вѣче, гдѣ стоялъ княжескій дворецъ Ярослава Мудраго, гдѣ былъ городской дворъ, гдѣ совершались крупныя торговыя сдѣлки и гдѣ росла и крѣпла мощь «сѣверно-русскаго народовластія» и его богатства,—нынѣ «снуютъ» торговки молочными продуктами и разнымъ тряпьемъ». Главная святыня всей новгородской земли, храмъ во имя святой Софіи находится въ настоящее время, по словам новгородскаго архіепископа Арсенія, «въ самомъ плачевномъ состояніи» и это послѣ семилѣтняго ремонта, стоившаго до полумилліона рублей.

Современное населеніе Новгорода, въ большинствѣ случаевъ пришлое, чуждо народному духу древнихъ новгородцевъ и мало интересуется прошлымъ своего города. Подземный Новгородъ еще ждетъ своихъ копателей и изыскателей; старыя церкви приходятъ въ ветхость и рушатся, а обследовать ихъ, поправить нѣтъ въ Новгородѣ ни людей, ни денегъ. Возникла было тамъ ученая архивная коммисія, но очень скоро опочила отъ своихъ дѣлъ за неимѣніемъ научныхъ силъ и хотя бы небольшихъ денежныхъ средствъ. Въ настоящее время, уже около двухъ съ половиною лѣтъ работаетъ «Новгородское Общество любителей древности», но и оно не возбуждаетъ большихъ надеждъ въ будущемъ. Усиленно хлопотали члены этого общества о созывѣ въ Новгородѣ XV археологическаго съѣзда, многое обѣщали устроительницѣ всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, предсѣдательницѣ московскаго археологическаго общества, графинѣ П. С. Уваровой, но не многое совершили. Издали «Путеводитель по Новгороду» покойнаго В. П. Ласковскаго, безъ всякихъ добавленій и поправокъ, и пятый выпускъ своего «Сборника», главное содержаніе котораго составляютъ сообщенія В. С. Арсеньевымъ «шведскія бумаги», да работы профессоровъ И. А. Шляпкина, П. Л. Гусева и А. И. Маркевича, предсѣдателя таврической архивной коммисіи. Немного выше стояли приготовленія къ съѣзду гг. новгородцевъ и такъ называемаго, хозяйственнаго характера; не сумѣли дворяне поладить съ купцами, и въ результатѣ пріѣзжіе съ отдаленныхъ концовъ матушки—Россіи гости-археологи были обложены рублевою данью въ пользу дворянскаго собранія, за то только, что рѣшились питаться изъ буфета этого собранія, уплачивая за все болѣе чѣмъ столичныя цѣны. Все это

зналъ новый новгородскій губернаторъ, В. А. Лопухинъ и не преминулъ сказать въ своей привѣтственной рѣчи, во время открытія, между прочимъ, слѣдующее: «не посягайте на меня, господа, если я предскажу вамъ, что, по сравненію съ предстоящей громадной здѣсь работой,—результаты будутъ не велики. Я горячо надѣюсь, поэтому, что настоящій съѣздъ будетъ лишь предвѣріемъ къ будущему археологическому съѣзду, въ Новгородѣ, который и явится особенно богатымъ по своимъ послѣдствіямъ».

Вся тяжесть устройства и проведенія XV археологическаго съѣзда легла, по обычаю, на графиню П. С. Уварову, которая, съ свойственнымъ ей одной искусствомъ и энергіей, сдѣлала съѣздъ довольно результатнымъ, несмотря на многія видимыя и невидимыя терніи, и которой остается лишь пожелать, чтобы она еще много лѣтъ оставалась во главѣ императорскаго московскаго археологическаго общества и археологическихъ съѣздовъ.

I.

Новгородскія церковныя древности.

Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣню многочисленныхъ докладовъ, читанныхъ на XV всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ, состоявшемся съ 21-го іюля по 4-ое августа сего 1911 года въ Великомъ Новгородѣ, я позволю себѣ въ краткихъ словахъ ознакомить читателя съ главными церковными древностями и нѣкоторыми другими памятниками города Новгорода и его ближайшихъ окрестностей. По подсчету, сдѣланному В. П. Ласковскимъ, въ Новгородѣ, несмотря на его небольшую величину,—79 храмовъ съ 71 предѣломъ, 18 мощей святыхъ угодниковъ и 21 чудотворная икона; кромѣ того, въ Новгородѣ и близъ него имѣется 17 монастырей, а съ прежде бывшими—40. Самый древнѣйшій храмъ и «завѣтная» святыня Новгородцевъ—«Святая Софія», про которую еще князь Мстиславъ Удалой сказалъ: «къдѣ Святая Софія, ту Новгородъ». Съ мыслью о святой Софіи приступалъ древній Новгородецъ къ всякому болѣе или менѣе важному дѣлу, ею вдохновлялся и ободрялъ себя въ тяжкихъ жизненныхъ обстоятельствахъ, проливалъ за нее кровь и, идя на врага, говорилъ: «Постоимъ за святую Софію». Основанъ соборъ въ 1045 году княземъ новгородскимъ Владиміромъ Ярославичемъ, внукомъ святаго Владимира Равноапостольнаго. Сложенъ онъ изъ простаго и плитнаго обтесаннаго камня и кирпича и представляетъ собою, по образцу всѣхъ древнихъ новгородскихъ церквей, правильный, нѣсколько удлиненный въ вышину кубъ, съ тремя полукружіями на восточной сторонѣ, соотвѣтствующими трапезѣ, жертвеннику и диаконницѣ. По стѣнамъ—многочисленныя окна, расположенныя неправильно и неодинаковаго размѣра; крыша

Видъ Новгородскаго кремля.

увѣнчена шестью главами. Главный храмъ святой Софїи поражаетъ своею величественностью и стариною, которая послѣ подновленія стѣнной росписи нѣсколько измѣнила свой внѣшній обликъ. Въ куполѣ храма—образъ всемилостиваго Спаса съ полусукатою десницею, почитаемый чудотворнымъ.

Въ пятиярусномъ иконостасѣ рядомъ съ иконою Спасителя—находится икона *Софїи Премудрости Божїей*, древняго греческаго письма, значительно отличающаяся отъ иконы Софїи кїевской,—въ видѣ огнезрачнаго ангела, сидящаго на престолѣ въ царскомъ вѣнцѣ, со скипетромъ въ правой и свиткомъ въ лѣвой рукѣ. Слѣдующей наиболѣе древней и прекрасной сохранности является икона апостоловъ Петра и Павла. Апостолы изображены во весь ростъ, ключей у апостола Петра нѣтъ, правая рука благословляетъ, а въ лѣвой рукѣ жезлъ со свиткомъ; апостоль Павелъ держитъ иконы. Икона эта прислана при великомъ князѣ Владимирѣ изъ Корсуни и потому называется корсунскою.

Всѣ стѣны главнаго алтаря надъ горнемъ мѣстомъ въ высоту болѣе аршина покрыты древней узорчатой мозаикой изъ мелкихъ камешковъ—бѣлаго, желтаго, коричневаго и зеленаго цвѣтовъ. Современныя построенію собора—только двѣ мозаичныя плиты, остальные же были не разъ подновляемы. Въ главномъ храмѣ собора открыто почиваютъ мощи: храмоздателя, князя Владимира Ярославича, его матери, святой княгини Анны, архіепископа новгородскаго Іоанна, особенно почитаемаго новгородцами за чудесное избавленіе Новгорода отъ нашествія суздальцевъ въ 1169 году, и благовѣрнаго князя Ѳедора Ярославича, роднаго брата Александра Невскаго.

Ризница Софїйскаго собора—одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Въ двухъ ея палатахъ сосредоточены священные предметы и старинныя драгоценныя вещи, а въ двухъ другихъ, помимо разныхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоценныхъ папагій, митръ, серебряныхъ рашидъ и проч., наиболѣе замѣчательными и цѣнными, по объясненію профессора Н. В. Покровскаго, являются слѣдующіе предметы: 1) *реликварій*, представляющей собою мѣдно-красный вызолоченный ковчежець, съ рельефными изображеніями по бокамъ Оранты и апостоловъ, и привезенный изъ Корсуни, для храненія мощей; 2) *іерусалимы* или *сіоны* два, передающіе главныя формы ротонды Гроба Господня, греческой работы, съ замѣтнымъ вліяніемъ и западнаго искусства, и предназначенные для большой торжественности, «лѣпоты» при богослуженіи; 3) *кратеры* (2)—серебряные съ ручками по бокамъ сосуды, устроенные по образцу древнихъ такого же типа евхаристійныхъ чашъ и употреблявшіеся въ Новгородѣ для Богоявленской воды; по стилю, иконографіи и палеографическимъ признакамъ относятся къ XII вѣку; 4) *панагіаръ*, устроенный литовскимъ княземъ Юріемъ Лугвеньевичемъ,

съ хорошо сохранившимися украшеніями тонкой филигранью, повидному, русской работы; 5) облаченіе святителя Никиты (XII в.), состоящее изъ фелони травчатого и темнокоричневого штофа, омофора бѣлаго штофа, епитрахили изъ зеленого атласа, поручей зеленыхъ полуатласныхъ и шапочки изъ камки васильковаго цвѣта, опушенной горностаевымъ мѣхомъ; 6) пергаментное евангеліе XII в., съ изображеніемъ святого Пантелеимона и Екатерины, и др. Первое и подробное научное описаніе Софійской ризницы готовится къ печати профессоромъ Н. В. Покровскимъ.

Послѣдняя реставрація Софійскаго собора была произведена въ 1893—1900 годахъ, при архіепископѣ Θεогностѣ, академикомъ В. В. Сусловымъ, и стоила свыше пятисотъ тысячъ рублей. Были сняты прежнія покрытія и возстановлена прежняя крыша посводно, оштукатурены стѣны, внутри храма стѣны расписаны въ прежней трактовкѣ иконописцемъ Сафоновымъ и устроено водяное отопленіе. Уже въ 1902 году показались на внутреннихъ стѣнахъ пятна отъ сырости, затѣмъ появились подтеки и началось отпаденіе фресокъ, больше всего надъ корсунскими вратами. Снаружи собора и на крышѣ были обнаружены большіе недочеты, способствовавшіе проникновенію сырости и даже воды; принятыя для устраненія послѣдней нѣкоторыя ремонтныя работы имѣли мало успѣха. Читавшій докладъ «о современномъ состояніи святой Софіи въ Новгородѣ» архіепископъ Арсеній заключилъ его приблизительно такими словами: «на дополнительный ремонтъ изъ архіерейскаго дома затрачено нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, но не денегъ жаль, а жаль, что они бросаются въ бездонную бочку. Роспись Сафонова достойна всякой жалобы; вся работа В. В. Суслова—архитектурный мортирологъ, погубившій за десять лѣтъ болѣе, чѣмъ погибло въ храмѣ за всѣ предыдущіе десять вѣковъ... Это преступленіе предъ Богомъ и людьми...»

Съ большимъ воодушевленіемъ прочитанный архіепископомъ Арсеніемъ докладъ вызвалъ, естественно, и возраженія со стороны присутствовавшего на съѣздѣ В. В. Суслова, и замѣчанія графини П. С. Уваровой, М. В. Муравьева и др., изъ которыхъ выяснилось, что дѣйствительно были допущены большіе техническіе недочеты реставраторами и послѣднимъ архитекторомъ П. П. Покрышкинымъ, не желавшимъ ни о чемъ запрашивать В. В. Суслова; но не совсѣмъ правъ былъ и архіепископъ Θεогностъ, производившій иногда ремонтъ съ благословенія святѣйшаго синода, по «потихоньку» отъ академика В. В. Суслова.

Отъ XII вѣка сохранилось въ Новгородѣ и близъ его семь церквей; изъ нихъ остановимъ вниманіе читателя на слѣдующихъ:

Во-первыхъ, *Николо-Дворищенскій соборъ*, существующій, конечно, съ цѣлымъ рядомъ перестроекъ и поправокъ, съ 1113 г. Другая церковь XII вѣка *Спасо — Передвижная*, составляю-

щая благодаря своимъ фрескамъ гордость старины новгородской. Построена она въ 1198 году княземъ Ярославомъ Владимировичемъ въ мѣстности «Нередицы», прозванной такъ потому, что была не въ ряду города, а за чертою Словенскаго конца. Въ 1322 году въ лѣтописи упоминается и Спасо-Нередицкѣй монастырь, но, разграбленный въ 1611 году шведами, онъ окончательно былъ упраздненъ въ 1764 году, и отъ него осталась только одна первоизданная Спасская церковь, съ небольшою исправленною колокольней. Въ 1903—1904 году была произведена послѣдняя реставрація названной церкви, подъ наблюдениемъ члена археологической комиссiи, П. П. Покрышкина, который, везстановляя древнее покрытие, по его мнѣнiю, повсюдное, облицовывая заново кирпичемъ нѣкоторыя стѣны и арки церкви и открывая древнiя окна, числомъ 24, принималъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы не повредить драгоценныхъ фресокъ XII вѣка. Во главѣ, на сводѣ, изображенъ Спаситель, какъ и въ Софiйскомъ соборѣ; въ алтарѣ на верхнемъ сводѣ—Господь Вседержитель, на нижнемъ—Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ кругѣ; по стѣнамъ алтаря—святители, а надъ сѣдалищемъ въ нишѣ пророкъ Илiя и Петръ-Александрiйскiй съ католической тонзурой на головѣ. Среди другихъ стѣнныхъ изображенiй святыхъ и сценъ изъ апокалипсиса имѣются и надписи, близкiя по начертанiю буквъ къ уставу Остромирова евангелiя, и весьма интересное изображенiе князя Ярослава Владимировича, держащаго въ правой рукѣ каменную церковь, похожую на Спасскую; на головѣ у него мягкая княжеская шапка съ узорчатымъ верхомъ и соболіною опушкою, а на плечахъ узорная мантия, подъ которой свѣтлоголубая фѣрязь съ зеленымъ ошлепьемъ.

При изображенiи святыхъ имена написаны сверху внизъ по одной буквѣ; вмѣсто словъ «святой», и «святiй» греческое «агiосъ». Иконостасъ церкви въ пять ярусовъ; царскiя врата рѣзные, но не сквозь, а накладныя на доскахъ, очень древней работы. Всякому, даже мало посвященному въ подробности церковной археологiи, при личномъ обзорѣнiи этой церкви станетъ очевиднымъ ея глубокая древность, которую необходимо тщательно хранить. Года два тому назадъ ея фрески, иконостасъ и проч. были прекрасно воспроизведены въ статьѣ А. И. Успенскаго: «Фрески церкви Спасо-Нередицкой» (въ «Запискахъ московскаго археологическаго общества», т. VI. 1910 г.).

Отъ XIII вѣка въ спискахъ не значится ни одной церкви; за то отъ XIV вѣка пятнадцать церквей, изъ которыхъ назовемъ: 1) церковь святой Параскевы Пятницы, основанную въ 1345 году при архіепископѣ Василіѣ, на мѣстѣ, гдѣ находился ганзейскiй торговый дворъ; 2) церковь во имя святого Феодора Стратилата, построенная въ 1360 г. у «Плотицкаго ручья» новгородскимъ посадникомъ Семсономъ Андреевичемъ съ матерью его Натальей. Въ XIV вѣкѣ

своды и стѣны этого храма были расписаны замѣчательною живописью, которая въ 1890 году была закрашена бѣлой известковой краской и въ нынѣшнемъ году послѣдняя смывается и такимъ образомъ открываются новыя старинныя фрески. (О реставраціи этихъ фресокъ былъ особый докладъ молодого мѣстнаго изслѣдователя А. И. Анисимова); 3) Знаменскій соборъ, построенный въ 1355 году архіепископомъ Моисеемъ специально для новгородской чудотворной иконы «Знаменія Божіей Матери». Соборъ этотъ, перестроенный въ самомъ концѣ XVII вѣка значительно отличается отъ древнихъ новгородскихъ храмовъ характеромъ своей архитектуры, содержитъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ иконъ и во главѣ ихъ чудотвор-

Софійскій соборъ до реставраціи.

ную икону, святыню храма—Знаменія Божіей Матери, спасшей въ 1169 году Новгородъ отъ разгрома суздальцами и хорошо сохранившіяся фрески въ алтарѣ, и считается однимъ изъ болѣе крупныхъ и красивыхъ храмовъ въ Новгородѣ; 4) Христорожественская церковь, построенная въ 1382 году; въ ней непосредственно за алтаремъ были погребены казненные въ Новгородѣ 8-го ноября 1739 году князья Долгорукіе: Иванъ Алексѣевичъ, Василій Лукичъ и Иванъ и Сергій Григорьевичи. При церкви находится Рождественское кладбище, въ которомъ въ 1882 году погребенъ извѣстный публицистъ С. С. Шашковъ, умершій въ Новгородѣ, въ административной ссылкѣ.

Изъ одиннадцати церквей XV вѣка назовемъ церковь Рождества Іоанна Предтечи «на Опокахъ», основанную около 1130 года и существовавшую болѣе 320 лѣтъ, послѣ чего она была разобрана и на ея мѣстѣ воздвигнута новая, по распоряженію архіепископа новгородскаго Евфимія въ 1454 году, и окончательно отремонтированная въ 1825 году, по усиленной просьбѣ новгородцевъ, издавна чтившихъ ее за ея особыя привилегіи и доходы, въ числѣ которыхъ немалое значеніе имѣло «право взвѣшиванія серебра и меда».

Большинство церквей послѣдующихъ—XVI, XVII и XVIII вѣковъ также всѣ почти болѣе ранняго происхожденія, но относятся къ этому времени или вслѣдствіе перестройки ихъ въ каменные или вслѣдствіе окончательной и коренной передѣлки. Болѣе всего имѣется церквей отъ XIX столѣтія, около 32, также относимыхъ къ этому времени по случаю ихъ коренной перестройки. Такова, напримѣръ, церковь во имя святого Пантелеймона, извѣстная болѣе подъ именемъ церкви святого Николая Кочаннаго. Святой Николай происходилъ изъ новгородскаго боярскаго рода и жилъ въ XIV вѣкѣ, близъ Яковлевскаго собора, въ оградѣ котораго и былъ погребенъ. Въ 1554 году, архіепископомъ Пименомъ надъ его могилой была воздвигнута церковь во имя святого Пантелеймона, сгорѣвшая въ 1611 году и вновь возстановленная въ 1626 году. Проѣзжая въ 1832 году мимо этой тогда уже сильно обветшалой церкви, императоръ Николай Павловичъ получилъ извѣстіе отъ нагнавшаго его у церкви курьера о томъ, что государыня благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Узнавъ, что въ этотъ день праздновалась память святого Николая Кочаннаго, императоръ повелѣлъ назвать сына Николаемъ, поручая его этому святому, пожертвовалъ серебряную ризу на икону святого Николая и принялъ самый храмъ подъ свое покровительство, которое продолжалось до самой кончины императора. Граждане города Новгорода, считая великаго князя Николая Николаевича Старшаго какъ бы своимъ княземъ, при всякомъ удобномъ случаѣ посылали къ нему депутаціи и получали щедрые дары на храмъ. Николо-Кочановская церковь, по словамъ В. П. Ласковскаго, «изобилуетъ замѣчательными иконами и въ своей ризницѣ заключаетъ немало богатыхъ облаченій и священныхъ сосудовъ».

Древнѣйшій новгородскій монастырь, процвѣтающій и понынѣ, — *Юрьевъ первоклассный монастырь* основанъ въ 1030 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ (Юріемъ) Мудрымъ; менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе онъ уже былъ каменнымъ. Современная его богатая отдѣлка и реставрація церквей была предпринята извѣстнымъ архимандритомъ Фотіемъ, переведенномъ сюда изъ бѣднаго Деревяницкаго монастыря, на средства его духовной дщери графини Анны Алексѣевны Орловой, затратившей на обстройку собора свыше семисотъ тысячъ рублей и завѣщавшей на его содержаніе

свою мызу со всѣмъ имуществомъ и деньгами триста тысячъ рублей. Известно, что на одно золоченіе церковныхъ куполовъ было обращено червонцевъ на суммѣ свыше ста тысячъ рублей. Наибольше древнимъ монастырскимъ храмомъ является соборъ во имя святого Георгія Побѣдоносца, гдѣ множество драгоценностей и рѣдкихъ иконъ, пожертвованныхъ графиней Орловой; таковы, на примѣръ, образокъ Знаменія Божіей Матери, вырѣзанный на огромномъ изумрудѣ въ золотой оправѣ, съ тринадцатью брильянтами; храмовая икона святого Георгія Побѣдоносца, писанная въ Корсуни на холстѣ и изображающая святого великомученика пѣшимъ (что составляетъ большую рѣдкость), въ военныхъ доспѣхахъ и со знаменемъ въ рукѣ. На немъ драгоценная риза, на которой въ рукояткѣ меча вправлена жемчужина въ голубиное яйцо. Въ другомъ, Спасскомъ соборѣ на храмовомъ образѣ «Нерукотвореннаго Образа» вѣнецъ украшенъ брильянтомъ и бразильскимъ топазомъ громадной величины. Въ окладѣ этого образа вдѣлано обручальное кольцо съ брильянтомъ графини Орловой. Икона «Знаменія Божіей Матери» имѣетъ въ числѣ разныхъ драгоценностей, большую жемчужину три четверти вершка въ вышину и одинъ вершокъ въ ширину. Въ усыпальницѣ Спасскаго собора, въ подперковкѣ, стоятъ два мраморныхъ надгробія—архимандрита Фотія, почившаго 26-го февраля 1838 года и графини Орловой, скончавшейся 5-го октября 1848 года, шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Монастырская ризница полна драгоценностей и по богатству своему не уступаетъ лаврскимъ ризницамъ—Сергіевой и Печерской, при чемъ часть ея, съ наибольше драгоценными предметами помещается для большей сохранности въ соборномъ куполѣ. Въ числѣ прочихъ многочисленныхъ драгоценностей хранится въ ризницѣ и жалованная грамота великаго князя Всеволода Мстиславовича Юрьеву-монастырю 1130 года, древнѣйшая изъ всѣхъ актовъ XII в., съ вислою печатью, на одной сторонѣ которой — ликъ Спасителя, а на другой—изображеніе Θεодора Стратилата въ чудѣ его со змѣемъ.

Кромѣ Юрьева монастыря въ Новгородѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ сохранилось до настоящаго времени три монастыря отъ XII вѣка—Десятинный, Антоніевъ и Варлаама Хутынскаго; три отъ XIV вѣка—Сковородскій, Деревяницкій—Воскресенскій и Вяжищскій, отъ XV вѣка—Савва-Вишерскій, отъ XVI вѣка—Сырковъ и шесть неопредѣленнаго времени—Звѣринъ, Кирилловскій, Николо-Бѣльскій, Перекомскій, Первенскій и Свято-Духовскій.

Десятинный женскій двухклассный монастырь основанъ княгинею Θεодосіею Мстиславовною, въ иночествѣ Евфросиніею, въ воспоминаніе бывшаго чуда отъ иконы Знаменія Божіей Матери; главный храмъ его во имя Рождества Пресвятой Богородицы построенъ въ 1327 году. При монастырѣ—одно изъ лучшихъ клад-

бищъ въ городѣ, гдѣ покоится много именитыхъ новгородскихъ гражданъ, а въ подцерковьи есть скромная могила дѣвицы Парасковьи Лупаловой, воспѣтой Н. А. Полевымъ подъ именемъ «Параша Сибирячки». Извѣстно, что она пришла изъ Сибири въ Петербургъ пѣшкомъ, выпросила у императора Александра Павловича прощенье или вѣрнѣе избавленіе отъ наказанія невинно-осужденному своему отцу, а сама потомъ поселилась въ Десятинномъ монастырѣ, гдѣ и скончалась.

За свое 800-лѣтнее существованіе Антопьевъ мужской, второклассный монастырь принялъ подъ свой кровъ многихъ именитыхъ людей и потому составляетъ своего рода некрополь новгородскій. Въ немъ погребены: архіепископъ новгородскій Амвросій Юшкевичъ († 1745 г.), основатель новгородской духовной семинаріи; думный дворянинъ Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ, растерзанный народомъ въ 1609 г. по подозрѣнію въ измѣнѣ Шуйскому; князя Василій Ивановичъ Одоевскій († 1612 г.) и Иванъ Ивановичъ Одоевскій Большой († 1616 г.), сыновья боярина и Новгородскаго воеводы, князя Ивана Никитича Одоевскаго, вынужденнаго въ 1611 г. сдать Новгородъ Делагарди; убитый въ бою въ 1700 году стольникъ Иванъ Самойловичъ Салтыковъ, стольникъ Стрѣшневъ, Чоглоковы, Олсуфьевы, Толбугины, Митусовы, Княжнины и многіе другіе. Съ 1740 г. при монастырѣ состоитъ новгородская духовная семинарія, съ обширной библіотекой, основаніемъ которой послужили библіотеки: основателя семинаріи Амвросія Юшкевича, архіепископа Теофана Прокоповича и митрополита Дмитрія Сѣченова.

Въ одномъ изъ придѣловъ Преображенскаго собора Варлаама Хутынскаго монастыря погребены: извѣстный нашъ поэтъ Г. Р. Державинъ и выдающійся ученый, викарій Новгородскій, епископъ Кирилловскій, Арсеній († 1904 г.).

Единственными не церковными достопримѣчательностями Новгорода являются: всѣмъ уже извѣстный памятникъ 1000-лѣтія Россіи, воздвигнутый въ 1862 г., по проекту академика М. Микѣшина, и едва-ли не единственный въ Россіи памятникъ новгородскому ополченію 1812 г., въ видѣ «пирамидальной колонны», въ 5 сажень вышины, отлитой въ Петербургскомъ александровскомъ литейномъ заводѣ, по рисунку художника К. Брюлова, въ 1840 году. Сверху колонны—бронзовый двухглавый орелъ, а по сторонамъ—барельефы изъ военныхъ дослѣховъ и надписи съ именами главныхъ начальниковъ ополченія.

II.

Занятія сѣзда.—Наиболѣе выдающіеся рефераты по секціямъ.

Занятія XV археологическаго сѣзда начались съ организаціоннаго засѣданія делегатовъ сѣзда 21-го августа, на которомъ были избраны предсѣдатели и секретари секцій; самое-же открытіе

съезда состоялось на другой день, по обычаю, послѣ молебствія, въ присутствіи высшихъ властей города, представителя министерства народнаго просвѣщенія, объявляющаго съездъ «открытымъ», и многочисленныхъ членовъ и гостей. «Привѣтъ вамъ, мужи науки, любители отечественной старины!»—началь свою рѣчь архіепископъ Арсеній; — «Добро пожаловать, гости дорогіе!» — началъ и закончилъ свой привѣтъ новгородскій губернаторъ В. А. Лопухинъ, а вслѣдъ за нимъ и городской голова А. А. Соловьевъ прочелъ по плохо составленной шпаргалкѣ привѣтствіе отъ лица городского общественнаго управленія, которое заключилъ словами: «Привѣтствуя открытый сегодня съездъ, я имѣю честь покорнѣйше

Софійскій соборъ послѣ реставраціи.

просить именовъ города гг. членовъ съезда пожаловать на раутъ, на чашку чая». Упоминаю объ этомъ «раутъ», какъ нѣкоемъ курьезѣ. Въ полномъ молчаніи, послѣ бѣгства губернаторской четы, недождавшей пріѣзда графини Уваровой и президіума съезда, нѣкоторые члены, въ числѣ не болѣе 50 или 60 человекъ, отхлебнули заготовленнаго въ трехъ кувшинахъ крющона и чаю съ печеньемъ, а остальные 200 человекъ должны были уйти съ «раута» не солоно хлебавши.

Изъ числа всѣхъ собравшихся на съездѣ, делегатовъ и членовъ, въ количествѣ около 270 человекъ, записи и выборы были произведены только по семи секціямъ, вмѣсто установленныхъ програм-

мою прежнихъ сѣздовъ—девяти, а именно по секціямъ—: 1) Древности первобытныя (предсѣдатель прив.-доц. В. Е. Данилевичъ); 2) Древности историко-географическія и этнографическія (предсѣдатель профессоръ М. В. Довнаръ-Запольскій); 3) Памятники искусства и художествъ, нумизматики и сфрагистики (предсѣдатели—профессоръ Г. Г. Павлуцкій и хранитель Московской оружейной палаты В. К. Трутовскій); 4) Древности юридическія, бытъ общественный, домашній и военный (предсѣдатель академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій); 5) Древности церковныя (предсѣдатель профессоръ и директоръ императорскаго археологическаго института, Н. В. Покровскій); 6) памятники языка и письма (предсѣдатель профессоръ И. А. Шлякинъ), и 7) Археографія и архивовѣдѣніе (предсѣдатель Л. М. Савеловъ).

Какъ и слѣдовало ожидать, конечно, церковныя древности Великаго Новгорода должны были привлечь наибольшее вниманіе участниковъ сѣзда. Прочитанныя въ этой секціи доклады: архіепископа новгородскаго Арсенія; епископа Сухумскаго, а ранѣе архимандрита новгородскаго Антоніева монастыря, (Димитрія (Сперовскаго); профессора Н. В. Покровскаго, профессора А. А. Дмитриевскаго; П. Л. Гусева и нѣкоторыхъ другихъ,—основаны на продолжительномъ изученіи затронутыхъ ими предметовъ древностей и полны болѣе широкаго общественнаго интереса.

Преосвященный Арсеній прочелъ два обширныхъ доклада: 1) «Новгородъ и Псковъ въ ихъ сношеніяхъ съ южными славянами» и 2) «О современномъ состояніи святой Софіи въ Новгородѣ» (последняго, возбудившаго наибольшій интересъ и заслуживающаго стать достояніемъ общей печати, мы уже касались выше). Епископъ Димитрій подробно ознакомилъ, по найденной имъ и имъ же издаваемой описи 1696 года, съ «внутреннимъ устройствомъ и убранствомъ храмовъ новгородскаго Антоніева монастыря VХII вѣка, по сравненію съ современнымъ ихъ состояніемъ». Профессоръ Н. В. Покровскій, уже нѣсколько лѣтъ изучающій ризницу новгородскаго Софійскаго собора и намѣревающийся въ скоромъ времени представить научное ея описаніе въ обширномъ трудѣ, познакомилъ членовъ сѣзда съ результатами своихъ работъ объ «Іерусалимахъ или Сіонахъ, новгородской Софійской ризницы» и о реликваріи, находящемся тамъ-же.

Архитектуру изображаемыхъ Сіонами храмовъ, орнаментуку, характеръ, изображенія деисуса на куполѣ большого Сіона, украшающіе куполы Сіоновъ кресты, Н. В. Покровскій призналъ византійскими; но въ нѣкоторыхъ мелкихъ чертахъ иконографіи изображенныхъ на дверцахъ большого Сіона 12 апостоловъ нашель слѣды западнаго вліянія. Въ окончательномъ выводѣ о времени и мѣстѣ происхожденія новгородскихъ Сіоновъ, докладчикъ утверждаетъ, что они сдѣланы русскимъ мастеромъ, въ эпоху сношеній Нов-

города съ Ганзой, въ XII—XIII вѣкахъ, на что указываютъ и палеографическія особенности находящихся на Сіонахъ надписей. Въ довольно подробныхъ замѣчаніяхъ на этотъ докладъ профессоръ А. А. Павловскій, извѣстный знатокъ исторіи русскаго искусства, обоснованнѣе другихъ оппонентовъ подтвердилъ главную мысль докладчика, сказавъ, что «новгородскіе Сіоны-Иерусалимы произведенія русскаго искусства, на почвѣ византійско-сирійскаго».

По вопросу о назначеніи Сіоновъ, Н. В. Покровскій не признаетъ ихъ не реликваріями, ни дарохранительницами, ни тѣмъ менѣе, конечно, ладаницами, какъ того упорно желалъ А. А. Дмитриевскій. По его предположенію, назначеніе Сіоновъ было—служить эмблемой Иерусалимской церкви и напоминать о связи съ нею, какъ матерью всѣхъ церквей; съ теченіемъ времени это назначеніе сіоновъ была забыто, и они обратились въ украшеніе процессіи великаго входа, лишь «лѣноты ради», по выраженію профессора А. П. Голубцова.

Второй докладъ Н. В. Покровскаго «О реликваріи», который имъ признается за предметъ глубокой древности, священный для Новгорода, употреблявшійся въ Византіи около VIII—IX вѣковъ, занесенный въ Новгородъ изъ Корсуни Іоакимомъ корсуняниномъ, первымъ новгородскимъ епископомъ, и предназначавшійся для храненія мощей, — вызвалъ серьезныя возраженія со стороны профессора А. А. Дмитриевскаго, профессора Г. Г. Павлуцкаго и другихъ, и съ нашей точки зрѣнія нуждается въ новомъ, болѣе точномъ обследованіи.

Любопытный докладъ «О шапкахъ новгородской Софійской ризницы» прочелъ А. А. Дмитриевскій. Демонстрируя три образца шапокъ или скуфеекъ, которыя даже такой знатокъ церковной старины, какъ покойный профессоръ Е. Е. Голубинскій, призналъ за митры новгородскихъ епископовъ—Никиты, скончавшагося въ 1108 г., и Ефрема, скончавшагося въ 1053 году, референтъ доказалъ, что митры появились на Руси не ранѣе XV—XVI вв. что они и на Востокѣ до XV вѣка были привилегіей лишь Александрійскаго патріарха, и что демонстрируемыя шапочки, особенно шапка съ крестомъ, не разъ исправляемая, едва-ли могутъ относиться къ столь раннему времени, какъ XI и XII вѣка, хотя одна изъ нихъ и найдена была въ концѣ XVI вѣка, при открытіи мощей святого Никиты.

П. Л. Гусевъ въ своемъ докладѣ: «Иконографія святыхъ Флора и Лавра въ новгородскомъ искусствѣ» доказалъ, что въ Византіи не существовало взгляда на святыхъ Флора и Лавра, какъ на покровителей лошадей, и что такой взглядъ былъ заимствованъ новгородскими иконописцами отъ южныхъ славянъ, помѣщавшихъ на иконѣ св. Флора и Лавра другихъ святыхъ коневодцевъ Спевсиппа, Елевсиппа и Мелевсиппа. Въ другой своей работѣ вышеназванный

докладчикъ настойчиво рекомендовалъ привести въ порядокъ неразгаданный еще памятникъ глубокой древности—Юанновскій корпусъ владычнаго двора въ Новгородѣ. Наконецъ, можно еще упомянуть о рефератѣ приватъ-доцента петербургскаго университета, М. Д. Приселкова: «Нифонтъ, епископъ новгородскій». На основаніи разбора лѣтописныхъ извѣстій, докладчикъ пытался окончательно установить греческое происхожденіе названнаго епископа, но какъ оказалось, послѣ возраженій профессора кievскаго университета П. П. Соколова и профессора московскаго университета, И. С. Смирнова, болѣе укрѣпилъ своихъ слушателей въ томъ мнѣніи, что Нифонтъ былъ скорѣе всего русскій по происхожденію.

Слѣдующей секціей, представлявшей наибольшій интересъ и по числу докладовъ и по ихъ сравнительному значенію, была четвертая секція—«Древности юридическія, бытъ домашній, общественный и военный». Представитель ея, академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій, открывая первое засѣданіе, свое вступительное слово посвятилъ памяти историка В. О. Ключевскаго.

Изъ многочисленныхъ докладовъ, читанныхъ на этой секціи, остановимся на слѣдующихъ. Однимъ изъ первыхъ прочелъ свой докладъ профессоръ О. О. Зитель—«Поземельныя отношенія славянъ въ глубокой древности». Исходя изъ предположенія, что первобытные славяне имѣли представленіе только о фактическомъ обладаніи землею, перешедшей отъ дѣдовъ и отцовъ обладателей, совершенно не ставя вопроса о томъ, кому эта земля принадлежала, докладчикъ далѣе говоритъ: «съ момента образованія большихъ политическихъ союзовъ въ VIII—X вѣкахъ, князья жалуютъ земли, часто населенныя, своимъ дружинникамъ» на легкихъ сравнительно условіяхъ, обозначенныхъ въ грамотахъ. Изъ этого порядка вещей постепенно слагается новый типъ поземельной собственности, отличный своею отчуждаемостью, свободою отъ государственныхъ тягостей, болшею широтою наслѣдственнаго преемства и обезпеченностью отъ произвола правителей... «Къ началу документальной исторіи, къ XI—XII вѣкамъ поземельныя отношенія во всемъ славянствѣ какъ-бы раздваиваются: народныя массы остались при своемъ стародавнемъ взглядѣ на землю, какъ на предметъ, становящійся достояніемъ того, кто сдѣлалъ его пригоднымъ для пользованія, а высшіе слои славянскаго общества, наоборотъ, все болѣе и болѣе проникались въ поземельныхъ отношеніяхъ понятіями римско-византійскаго и даже феодальнаго права»¹⁾.

Интересный и обстоятельный докладъ прочелъ на нѣмецкомъ языкѣ делегатъ отъ эстонскаго ученаго общества профессоръ

¹⁾ См. «Извѣстія XV Археологическаго съѣзда въ Новгородѣ», № 6, стр. 47—48.

Памятникъ тысячелѣтію Россіи.

Р. Гаусманъ, подъ заглавіемъ: «Der deutsche Hof von St. Peter in Nowgorod» («Нѣмецкій дворъ при церкви св. Петра въ Новгородѣ»). Главное содержаніе этого доклада можно передать въ слѣдующихъ словахъ: «Нѣмецкій дворъ имѣлъ большое значеніе для Балтійскаго моря, служа посредникомъ между русской землей и Западомъ. Особенно возвысилось его значеніе со времени основанія Любека въ 1158 году и г. Висби на Готландѣ. По стопамъ готовъ, нѣмецкій

купецъ проникаетъ въ Новгородъ и мало по малу, овладѣваетъ рынкомъ въ Новгородѣ. Начиная съ XII столѣтія, нѣмецкій дворъ начинаетъ входить въ разнаго рода сношенія съ русскими князьями, заботясь о безопасности торговыхъ сношеній съ востокомъ и о свободѣ торговли нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, въ которомъ въ половинѣ 1184 года была выстроена церковь св. Петра. Нѣмцы, при помощи своего двора, ввозили большое количество произведеній своей промышленности, обмѣнивая ихъ на сырые продукты Русской земли, главнымъ образомъ, — дорогіе мѣха, медь, воскъ, ленъ и прочее. Благопріятное положеніе вблизи русской границы ливонскихъ городовъ было причиной перехода центра тяжести Новгородской торговли на ихъ сторону, и съ XV столѣтія они взяли перевѣсъ надъ городомъ Любекомъ. Несмотря, однако, на большія столкновенія, которыя велись, главнымъ образомъ, на почвѣ торговли, но ни въ коемъ случаѣ не на почвѣ политики, Новгородская торговля процвѣтала долгое время, и Новгородъ былъ богатъ и могуществененъ. Въ 1494 году нѣмецкій дворъ былъ неожиданно закрытъ: московскій царь, не допуская монополюющей торговли въ своемъ государствѣ, навсегда положилъ конецъ значенію Новгорода въ мировой торговлѣ.

Не столько опшонировать, сколько дополнить референта «изъ запаса своей памяти» выступилъ нашъ старый историкъ, всеобщій учитель, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій. Начавъ съ ворчливой фразы, по поводу сдѣланнаго ему обращенія—подняться на кафедру, — «пожалуйста отъ пьедестала-то меня отставьте! — онъ сообщилъ, что «ганзейскій союзъ заключалъ въ себѣ много славянскаго элемента, что-де видно изъ самого слова «ганза» — узы, союзъ и другого слова «Skra» соответствующаго славянскому «шкура» (съ чѣмъ филологи врядъ ли согласятся); затѣмъ остановился на выясненіи торговыхъ путей, ведшихъ въ Новгородъ, и категорій купцовъ (гостей зимнихъ, лѣтнихъ, сухопутныхъ и «водяныхъ», шедшихъ главнымъ образомъ черезъ Ладогу), на установленіи сходства характеровъ готовъ и славянъ и значенія культурнаго вліянія нѣмцевъ на Новгородцевъ, которое было-де очень не велико и въ нѣкоторомъ отношеніи даже вредно.

Профессоръ Д. И. Багалъй прочиталъ сообщеніе: «*О судьбѣ городского самоуправления въ малороссійскихъ городахъ XVII—XVIII вѣковъ*», составляющее экстрактъ одной главы изъ неизданнаго изслѣдованія автора «О магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи», которое, по словамъ докладчика, основано исключительно на неизданномъ матеріалѣ. «Во главѣ каждого города, — говорилъ, между прочимъ, Д. И. Багалъй, — Черниговской и Полтавской губерніи стояли двѣ совершенно противоположныя силы: полковникъ и войтъ, ведшіе между собою постоянную борьбу, которая сводила въ нѣкоторыхъ малонаселенныхъ мѣстечкахъ,

какъ, напр., въ Козельцѣ, гдѣ даже «не оказалось людей» для выборовъ, городское самоуправленіе къ пустому звуку. Центральнымъ пунктомъ магдебургскаго права докладчикъ признаетъ Стародубъ. Въ Черниговѣ мѣщане, вѣчно боровшіеся съ казацкимъ управленіемъ, обратились однажды съ такою оригинальною просьбой: предоставить имъ ношеніе саблей, не называть ихъ мужиками и посполитыми и дать имъ шляхетскія права въ судахъ. Въ Нѣжинѣ ослабленію городского самоуправления, кромѣ вышеуказанной борьбы, много способствовало греческое нѣжинское братство, возникшее въ 1680 г., на почвѣ религіозно-благотворительно-просвѣтительнаго учрежденія, устроившаго церковь, «шпитали» и школу. Братство это было снабжено значительными привилегіями по грамотамъ гетмановъ, особенно Мазепы, который освободилъ грековъ отъ очень многихъ повинностей, лежавшихъ на мѣщанахъ, за то только, чтобы они «оказывали учтивость мѣстному населенію», но послѣдняя, какъ добавилъ А. А. Дмитріевскій, хорошо ознакомленный съ дѣлами архива греческаго нѣжинскаго братства, обратилась въ самое тягчайшее зло для коренныхъ нѣжинцевъ. «Не смотря на крайне неудовлетворительное состояніе городского самоуправленія, — заключилъ свое сообщеніе проф. Д. И. Багалъй, — магдебургское право все-же сыграло въ Малороссіи свою посильную роль: оно утвердило въ умахъ, малорусскаго населенія мысль о пользѣ самоуправления, которымъ малороссы дорожили и котораго добивались, что видно особенно изъ наказовъ депутатамъ въ Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія».

В. Е. Данилевичъ сообщилъ о «*Времени существованія приказа Великой Россіи*» или «Великороссійскаго», который крайне рѣдко упоминается въ исторической литературѣ, въ виду того, что и архивъ его сохраняется въ весьма неполномъ видѣ и документы послѣдняго стали доступными для изученія лишь въ самое послѣднее время. По утвержденію референта, этотъ приказъ учрежденъ незадолго до 14 октября 1688 г. и въ послѣдній разъ упоминается въ памяти, адресованной изъ разряда въ приказъ Малой Россіи, о передачѣ дѣлъ о слободскихъ черкасскихъ полкахъ, которые до января 1700 г. вѣдалъ Великороссійскій приказъ, — 9 марта 1700 г.

Далѣе обращаютъ на себя вниманіе доклады молодыхъ кievскихъ ученыхъ, работающихъ, подъ руководствомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, надъ изученіемъ и разработкой, по большей части, новыхъ архивныхъ матеріаловъ, относящихся до экономическаго быта московской Руси. Доклады эти слѣдующіе: 1) «Дворцовая выть въ Новгородской землѣ», А. М. Гнѣвушева, представившаго къ съѣзду только что оконченный свой трудъ: «Новгородскій дворцовый приказъ въ XVII вѣкѣ. (Краткій очеркъ дѣятельности приказа и документы. М. 1911 г.)»; 2) «Иоганнъ де-Родесъ и его до-

несенія о московскомъ государствѣ 1650—1655 годовъ» и 3) «Хильбургеръ и его сочиненіе о русской торговлѣ во второй половинѣ XVII вѣка», Б. Г. Курца, использовавшего для своей цѣли данныя Стокгольмскаго архива и сообщавшаго новыя свѣдѣнія объ этихъ шведскихъ путешественникахъ, которые имѣли офиціальное порученіе изучить московскую торговлю; 4) «Чрезвычайные налоги 1634 г. и торгово-промышленные центры Московскаго государства», В. Д. Сташевскаго, представляющаго первую попытку опредѣлить экономическую мощь посадскаго населенія московскаго государства, на основаніи окладныхъ списковъ экстраординарнаго налога, такъ называемой пятой деньги, собраннаго московскимъ правительствомъ въ 1634 году, и 5) «Черты быта крѣпостныхъ крестьянъ по даннымъ вотчиннаго архива князей Куракиныхъ и дворянъ Чичериныхъ», Н. Д. Полонской, подвергшей изученію много неизвѣстныхъ до сего времени документовъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о выступленіи новгородскаго губернатора, В. А. Лопухина, въ качествѣ ученаго докладчика. Въ своемъ сообщеніи: «*О мѣстѣ заточенія боярина Михаила Никитича Романова*» онъ разсказалъ всѣмъ извѣстный фактъ заточенія родного дяди царя Михаила Ѳеодоровича, въ селѣ Ныробѣ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи, гдѣ ему пришлось побывать по дѣламъ своей службы; затѣмъ описалъ село Ныробѣ, его храмы, часовню надъ мѣстномъ заключенія и самую яму, въ которой содержался заключенный, до сихъ поръ пользующійся благоговѣнною помятью со стороны всѣхъ окрестныхъ жителей. Послѣ этого докладчикъ коснулся преданія о задушеніи Михаила Никитича караулившими его стражниками и, отвергнувъ его въ энергично произнесенныхъ словахъ,—что «извергъ Борисъ не дерзнулъ-бы посягнуть послѣ перваго убійства» (разумѣется царевича Дмитрія) на новое, а предпочелъ убить боярина путемъ мукъ и лишеній,»—сталъ документально уничтожать всякія сомнѣнія пермскаго историка Шишонко относительно подлинности цѣпей, хранящихся послѣ 1606 г. въ Ныробѣ, и доказывать подложность цѣпей, приготовленныхъ по заказу Коновалова и теперь находящихся въ Екатеринбургскомъ музеѣ. Съ этою цѣлью онъ прочелъ акты химическаго анализа тѣхъ и другихъ оковъ избранными имъ экспертами, открывшими, что ныробскіе оковы приготовлены изъ стариннаго кричнаго желѣза, а музейные—изъ пудлинговой стали, появившейся въ началѣ XIX ст. Въ заключеніе докладчикъ обратился къ XV археологическому съѣзду съ просьбой—ходатайствовать, ради увѣковѣчиванія памяти боярина-мученика, къ предстоящему 300-лѣтію дома Романовыхъ,—о постройкѣ храма, въ который-бы вошли упомянутыя часовня и могила.

Обратимся теперь къ *секціи первобытныхъ древностей*, гдѣ главными докладчиками выступили шведскіе ученые: Т. И. Арне,

Г. Гальштремъ, д-ръ Альмгренъ и А. М. Тальгренъ, читавшіе свои доклады на нѣмецкомъ языкѣ и приложившіе къ нимъ свои тезисы, которые переведены на русскій языкъ Г. К. Линдеманомъ. Первый, еще молодой ученый, въ своемъ докладѣ: «Die Verbudungen Russlands und Schwedens in der Wikingerzeit auf Grund der archäologischen Materiales» («Сношенія Россіи и Швеціи въ эпоху викинговъ на основаніи археологическихъ данныхъ») сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее: Множество шведскихъ предметовъ изъ эпохи викинговъ найдено въ западно-русскихъ могилахъ, а единичные экземпляры и далѣе къ востоку внизъ по Волгѣ, даже къ югу отъ

Церковь Спаса Нередицы.

Саратова. Извѣстенъ одинъ шведскій руническій камень съ острова Березани, что у устья Днѣпра.

Въ Швеціи, особенно на Готландѣ, въ долину озера Мелара и въ Сѣверной Швеціи найдено множество предметовъ византійскаго, персидско-арабскаго, финно-арабскаго, финно-пермскаго и русскаго происхожденія, восходящихъ къ IX—XI столѣтіямъ, а также и многочисленные предметы съ растительными мотивами, и среди нихъ предметы съ древомъ жизни и двумя павлинами по его сторонамъ. Эти вещи привезли въ Швецію шведскіе купцы по двумъ великимъ воднымъ путямъ—Волгѣ и Днѣпру. Внесенные мотивы были затѣмъ въ средніе вѣка усвоены шведами и нанесены на различные предметы. Всего важнѣе были Волжскій путь и торговля съ болгарами, хозарами и арабами.

Профессоръ Стокгольмскаго университета Г. А. Гальштремъ прочелъ докладъ: «Steinzeitlichen Untersuchungen am Weissen

Meere und am Onegasee» («Исслѣдованіе каменнаго вѣка у Бѣлаго моря и Онежскаго озера»), въ которомъ познакомили слушателей съ своими изслѣдованіями каменнаго вѣка, произведенными имъ лѣтомъ 1910 года. Онъ изслѣдовалъ стоянки каменнаго вѣка у Золотицы, Спасской тони, Неноксы и Красной Горы и нашелъ тамъ массу кремневыхъ осколковъ и орудій, а также обломки глиняныхъ сосудовъ. Всѣ эти предметы очень похожи на предметы изъ тѣхъ же самыхъ мѣстъ, находящіеся въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ докладчикъ изслѣдовалъ огромные рисунки, что на скалахъ по восточному берегу Онежскаго озера, и нашелъ очень интересный матеріалъ каменнаго вѣка. Въ особенности, вѣзанныя тамъ въ гранитъ фигуры животныхъ— лосей и т. п.—стоятъ въ непосредственной связи частью съ примитивною скульптурою Средней Россіи, Финляндіи и Швеціи, частью съ чудесными фигурами животныхъ на рисункахъ, въ натуральную величину, каковыя находятся на скалахъ въ сѣверной части Швеціи и Норвегіи до самой Лапландіи.

Докторъ Альмгренъ, изъ Упсалы, прочелъ докладъ «Die baltische Steinzeit» («Каменный вѣкъ у Балтійскаго моря»). Послѣ краткаго обзора развитія богатой культуры каменнаго вѣка въ юго-западной Скандинавіи, съ ея отличными кремневыми орудіями, прекрасною керамикой, большими металитическими гробницами, скотоводствомъ и земледѣліемъ,—онъ остановился преимущественно на примыкающей къ ней съ востока весьма отъ нея отличной культурѣ рыболовныхъ и охотничьихъ племенъ, стоянки которыхъ въ большомъ количествѣ найдены теперь какъ въ восточной Швеціи, такъ и въ восточно-балтійскихъ странахъ, отъ Данцига до сѣверной Финляндіи и затѣмъ далѣе во всей сѣверной и средней Россіи въ глубь самой Сибири. Раньше, вообще, принимали, что эта культура ведетъ свое происхожденіе съ востока, но докладчикъ старался показать, что самыя западныя изъ этихъ стоянокъ (слѣдовательно съ восточной Швеціи) были древнѣйшими, и что эта культура затѣмъ мало-по-малу распространялась къ востоку, между тѣмъ какъ съ запада на нее надвигалась культура земледѣлія». «Такое пониманіе дѣла,—продолжалъ докладчикъ,—вполнѣ согласуется со взглядомъ берлинскаго профессора Коссины, утверждающаго, что культура стоянокъ принадлежитъ особой расѣ, которая первоначально происходила изъ Средней Европы, но мало-по-малу была оттѣснена къ сѣверо-западу. Это были предки финско-угорской расы. Однакожь это положеніе можно доказать только путемъ обстоятельныхъ антропологическихъ изслѣдованій, а антропологическій матеріалъ изъ этой бласти еще не достаточенъ и, повидимому даетъ различные типы череповъ» ¹⁾).

¹⁾ См. «Извѣстія XV Археологическаго съѣзда», № 8.

Наконецъ, магистръ А. М. Тальгрень въ рефератѣ: «Der Fund von Galitch und die sogenannte Fatjanower Kultur in Zentral Russland»—разказалъ объ открытой имъ Фатьяновской культурѣ въ центральной Россіи и своей находкѣ въ Галичѣ, а докторъ Аппельгрень прочелъ докладъ: Скиѣско—пермская орнаментика».

Всѣ иностранные докладчики иллюстрировали свои сообщенія прекрасными снимками на экранѣ трактуемыхъ предметовъ, посредствомъ волшебнаго фонаря, кстати сказать, выписаннаго ими лично изъ Петербурга, такъ какъ новгородцы не смогли имъ доставить своевременно свой, вѣроятно, уже устарѣвшій фонарь.

Изъ русскихъ же изслѣдователей съ докладами въ этой области выступили лишь двое: Л. Я. Апостоловъ, сообщившій подъ громкимъ заголовкомъ: «Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи по археологiи»—о раскопкахъ и изслѣдованіи развалинъ г. Можаръ, совершенныхъ въ 1907 году предсѣдателемъ Ставропольской архивной комиссіи Г. Н. Прозрителевымъ, и И. Я. Стеллецкій съ весьма туманнымъ докладомъ «Подземная Россія».

Въ секціи *древностей историческихъ, географическихъ и этнографическихъ* было сдѣлано до десятка докладовъ, но изъ нихъ немногіе внесли что либо новое въ сокровищницу русскаго знанія. Упомянутый выше Т. И. Анре сообщилъ: «Новгородъ во времена Шведскаго владычества по Балтійскому поморью (1611—1617 г.г.)» по старымъ картамъ изъ Стокгольмскаго военнаго архива, которыя онъ и демонстрировалъ. Вслѣдъ за нимъ выступилъ съ докладомъ: «Историко-географическія карты Шелонской пятины въ началѣ XVI вѣка по писцовымъ книгамъ»—А. М. Андриашевъ, остановившійся долѣе всего на дѣленіи Новгородской земли на пятины, которое онъ признаетъ исходящимъ изъ Москвы и установившимся около 1471—1479 г.г., что вызвало серьезныя возраженія со стороны проф. Довнаръ-Запольскаго и Д. И. Иловайскаго. Въ томъ же засѣданіи Л. Я. Апостоловъ, благодаря найденной имъ переписки между разными учрежденіями и лицами въ Ставропольскомъ губернскомъ архивѣ, какъ бы документально подтвердилъ подлинность пресловутаго Тмутараканскаго камня.

Протоіерей А. П. Поповъ, настоятель Кронштадтскаго Андреевскаго собора, какъ уроженецъ Новгородской земли, отдалъ дань XV археологическому съезду сообщеніемъ своей довольно цѣнной работы: «*Младшій Григоровичъ. Новооткрытый паломникъ по святымъ мѣстамъ XVIII вѣка*». Авторомъ «Младшаго Григоровича», по его словамъ, былъ настоятель Посольской церкви въ Константинополѣ архимандритъ Леонтій (род. 1729 г., ум. въ 1807 г.).

«Младшій Григоровичъ» состоитъ изъ XIII томовъ. Онъ написанъ подъ вліяніемъ описанія путешествія Василія Григоровича Барскаго. Нельзя отрицать нѣкотораго вліянія французскихъ писателей XVIII вѣка (архимандритъ Леонтій зналъ французскій, итальян-

скій, греческій и турецкій языки), проявившагося въ легкомысленномъ отношеніи къ нѣкоторымъ предметамъ и обычаямъ Востока, къ которымъ до того времени Русскіе поклонники-писатели относились съ любовію и благоговѣніемъ.

Изъ 13 томовъ сохранилось до сего времени только первыхъ девять и тринадцатый. Всѣ они писаны рукою Леонтія. Въ первыхъ трехъ заключается описаніе путешествій по Св. мѣстамъ Востока, съ воспоминаніями (въ третьемъ томѣ) автора о жизни казаковъ Запорожской сѣчи въ послѣдніе дни ея существованія. Четвертый и пятый—содержать описаніе жизни въ Константинополѣ; шестой—описаніе путешествія Леонтія въ Россію во время первой турецкой войны при Екатеринѣ II; седьмой и восьмой—во время второй турецкой войны». Въ заключеніе докладчикъ упомянулъ о мелкихъ произведеніяхъ архимандрита Леонтія: «Украинской сказкѣ», «Почтѣ духовъ», «Нравоучительной исповѣди» и др.

Нельзя еще не упомянуть о двухъ докладчикахъ: объ одномъ мѣстномъ изслѣдователѣ Полтавщины, Л. В. Падалкѣ, выступившемъ съ обширнымъ докладомъ на чрезвычайно широкую тему: «О происхожденіи и значеніи имени Русь», который, по словамъ проф. Д. И. Багалѣя, «можно признать заслуживающимъ вниманія только въ первой его части, гдѣ авторъ даетъ анализъ лѣтописныхъ извѣстій о разнообразномъ значеніи имени Русь»,—и о другомъ докладчикѣ, г-жѣ О. Г. Базанкуръ. Послѣдняя въ докладѣ: «Древнерусская художница» перечислила произведенія рукодѣльныхъ издѣлій для церковнаго обихода русскихъ женщинъ, по преимуществу княгинь, начиная съ XIV вѣка, хотя первое лѣтописное извѣстіе о томъ, что княгиня Анна Всеволодовна «паче усердствовала монастырю Выдубицкому вмѣстѣ съ мужемъ», относится еще къ 1200 году. Наибольшее число работъ вышивальнаго искусства осталось отъ царскаго періода Руси: Анастасіи Романовны, Евдокіи Лукьяновны и многихъ другихъ. Выступившіе оппоненты признали важность и новизну вопроса о вліяніи женскаго творчества на внутреннее церковное убранство; но относительно попытки докладчицы видѣть это вліяніе и въ древнихъ архитектурныхъ сооруженіяхъ высказались, по справедливости, отрицательно.

Въ шестой секціи: «Памятники языка и письма» количество докладовъ было, почти то же, что и въ предыдущей, но качество ихъ едва-ли не ниже. Прежде всего слѣдуетъ назвать, какъ болѣе выдающіяся работы, доклады: проф. И. Е. Евсѣева.—«Новгородская Геннадіевская библія въ 1499 году», И. М. Тарабрина—«Библія Пискастора въ исторіи русской письменности и искусства», и Х. М. Лопарева:—«Сказанія о провалившихся городахъ». Геннадіевская Библия, по словамъ проф. И. Е. Евсѣева, имѣла важное значеніе,

Иконостас Спасо-Нередицкой церкви.

такъ какъ была національная, и сводъ ея для своего времени былъ идеальный. Въ концѣ XVII вѣка она была исправлена, но довольно плохо, и съ того времени до сихъ поръ остается какъ бы въ перво-бытномъ своемъ видѣ. Необходимо, по мнѣнію докладчика, ее пересмотрѣть и издать на современномъ русскомъ языкѣ. Мнѣніе это всецѣло было поддержано, представлено въ ученый комитетъ съѣзда, и послѣдній постановилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о принятіи имъ на себя научнаго изданія названной Библии, которое, по приблизительному расчету, обойдется не болѣе 32.000 рублей.

Остальные рефераты шестой секціи принадлежатъ начинающимъ ученымъ работникамъ обоого пола, а именно: г-жамъ В. В. Сидоровой («Новгородское сказаніе о чудѣ отъ иконы Знаменія Пресвятой Богородицы») и А. М. де-Виттъ («Повѣсть о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ»), и г.г. П. В. Булычеву («О говорѣ жителей рѣки Сити»), Н. Н. Соколову («Народные говоры Новгородской губерніи въ связи съ вопросомъ о составѣ и границахъ Сѣверно-великорусскаго нарѣчія») и Б. М. Соколову («Эпическія сказанія о женитьбѣ князя Владимира»).

Былъ еще одинъ докладъ, съ которымъ выступилъ недавній профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института, Г. А. Ильинскій, и который возбуждаетъ лишь грустное недоумѣніе: отчего такъ не опытни современные профессора въ выборѣ темъ для своихъ выступленій на всероссійскихъ съѣздахъ? Профессоръ Г. И. Ильинскій рѣшился собравшимся со всѣхъ концовъ обширной Россіи историкамъ и археологамъ повѣдать результаты своихъ долгихъ научныхъ изысканій о томъ: «Откуда происходитъ слово «обыденный». Его двадцатиминутная аргументація происхожденія этого слова отъ «выдень» (въ-инь-день) вызвала однако возраженія.

Остается намъ сказать еще о двухъ секціяхъ: 1) Памятники искусствъ и художествъ, нумизматики и сфрагистики и 2) Археографія и архивовѣдѣніе. По поводу первой секціи намъ невольно напрашивается сравненіе съ тѣмъ, что мы видѣли и слышали изъ этой же области на XIV Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Черниговѣ, гдѣ сообщали свои доклады и замѣчанія: покойный уже профессоръ Н. В. Султановъ, профессоръ Н. И. Петровъ, профессоръ Д. В. Айналовъ, Ѳ. Ѳ. Горностаевъ и Г. Г. Павлуцкій. Нынѣшнему съѣзду остался вѣренъ только послѣдній, сообщившій три небольшихъ доклада: «Византійскія черты въ декоративной обработкѣ фасадовъ новгородскихъ храмовъ XIV—XV вѣковъ», «Одно изъ вліяній западно-европейскаго искусства на сѣверно-русское деревянное церковное зодчество» и «О вліяніи южно-русскаго искусства на позднемосковскую архитектуру».

Объщали присутствовать на съездѣ и даже сообщили заголовки своихъ рефератовъ, назначенныхъ къ чтенію на 1 августа, петербургскіе художники-архитекторы, Н. К. Рерихъ и К. К. Романовъ, но чѣмъ то обиженные не исполнили своихъ намѣреній.

Выдающійся научный интересъ имѣлъ единственный въ этой области докладъ профессора І. Стржиговскаго, подъ заглавіемъ: *«Неизвѣстный крупный эллинистическій художественный центръ въ глубинахъ Азіи»*, прочитанный, за отсутствіемъ докладчика, г-жей Фанни Галле на нѣмецкомъ языкѣ. Передъ чтеніемъ этого доклада профессоръ Г. Г. Павлуцкій сказалъ приблизительно слѣдующее. «Имя профессора І. Стржиговскаго хорошо извѣстно всѣмъ занимающимся византійской археологіей. Послѣдняя—еще молодая наука. Долгое время западно-европейскіе ученые, занимаясь, главнымъ образомъ, древне-христіанскимъ искусствомъ и средне-вѣковымъ западнымъ, относились пренебрежительно къ искусству Византіи и народовъ, входящихъ въ сферу византійскаго культурнаго вліянія. Только въ новѣйшее время труды русскихъ ученыхъ и, главнымъ образомъ, академика Н. П. Кондакова способствовали пробужденію огромнаго интереса къ Византіи и ея древностямъ, и съ этой поры изученіе византійскаго искусства было поставлено на надлежащую высоту. Среди массы вопросовъ, которые при этомъ возникли, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ—это вопросъ о происхожденіи византійскаго искусства, объ его источникахъ и о времени его зарожденія (такъ называемый «византійскій вопросъ»). Тутъ ученые раздѣлились на двѣ группы. Одна группа (главнымъ образомъ западные ученые съ Краусомъ во главѣ,—такъ называемая католическая партія) производила византійское искусство отъ римскаго, считала его провинціальнымъ по отношенію къ Риму. Другая группа—русскіе ученые выставили положеніе, что византійское искусство происходитъ отъ искусства эллинистическаго востока. Сирія, Палестина, Египеть, Малая Азія сыграли здѣсь крупную роль. Тутъ выступаетъ профессоръ І. Стржиговскій съ своими работами, которыя привлекаютъ всеобщее вниманіе; онъ примыкаетъ къ направленію русскихъ ученыхъ, выдвигая на передній планъ Малую Азію. Вотъ въ краткихъ словахъ та область, среди которой вращаются научные интересы профессора Стржиговскаго».

Послѣ доклада, д-ръ Арне указалъ въ дополненіе на труды русскихъ ученыхъ экспедицій (Козлова и другихъ), много способствовавшихъ научному обслѣдованію областей центральной Азіи, на культурно-художественное значеніе которыхъ обращаетъ вниманіе профессоръ Стржиговскій.

Въ заключеніе В. К. Трутовскій заявилъ, отъ имени и по порученію профессора Стржиговскаго, объ организациі при Императорскомъ Вѣнскомъ университетѣ, по мысли и хлопотамъ профессора Стржиговскаго особаго *Kunsthistorisches Institut'a*, въ коемъ одно

изъ главнѣйшихъ мѣстъ отведено изученію исторіи русскаго искусства съ одной стороны и русской литературы по вопросамъ исторіи искусства вообще—съ другой. Въ виду такихъ задачъ института, профессоръ Стржиговскій обращается ко всѣмъ авторамъ русскихъ работъ по искусству, не отказать въ присылкѣ институту своихъ сочиненій. О всѣхъ такихъ сочиненіяхъ будутъ даваться отзывы въ специальныхъ центральныхъ изданіяхъ и, такимъ образомъ, западно-европейская наука по части работъ по исторіи искусствъ на русскомъ языкѣ будетъ держаться постоянно въ курсѣ дѣла. Кромѣ того двери института будутъ широко открыты для всѣхъ русскихъ ученыхъ, занимающихся за границей, и они могутъ всегда имѣть въ институтѣ всѣ новости русской литературы по исторіи искусства».

По предложенію В. К. Трутовскаго засѣданіе просило г-жу Фанни Галле передать профессору Стржиговскому полное сочувствіе съѣзда его начинанію и полную готовность русскихъ ученыхъ сообщать свои работы институту.

Кромѣ докладовъ по искусству пришлось здѣсь выслушать давненько уже не встрѣчавшіяся на нашихъ археологическихъ съѣздахъ два сообщенія изъ области русской нумизматики, которыя должны составить крупный вкладъ въ нашу нумизматическую литературу. Первое принадлежит В. К. Трутовскому, представившему обстоятельное печатное изслѣдованіе: «*Что такое ногата*», въ которомъ нумизматъ найдетъ отвѣты на очень многіе вопросы изъ исторіи обращенія цѣнностей въ древней Руси, и въ частности окончательное рѣшеніе вопроса о ногатѣ. Послѣдняя должна быть признана металлическою единицею арабскаго происхожденія, равнаго половинѣ диргема или 32 долямъ и продержавшагося на Руси до самаго конца XV столѣтія. Попутно изслѣдователь установилъ, что и наша рѣзана была лишь серебряной единицей, равной $\frac{1}{6}$ диргема или $10\frac{2}{3}$ долямъ серебра.

Второй докладчикъ П. Θ. Симсонъ сообщил на тему: «Мелочныя расцѣнки въ до-Петровской Руси». На основаніи матеріаловъ, частью впервые открытыхъ докладчикомъ, частью ни кѣмъ до него не разработанныхъ, г. Симсонъ пришелъ къ слѣдующему не безынтересному въ экономическомъ отношеніи выводу. Мелочныя расцѣнки, т. е. самыя мелкія монетныя единицы, доходили нѣкогда до $\frac{1}{6400}$ доли рубля, а серебряной старой деньги до $\frac{1}{64}$ доли. Если стать на точку зрѣнія докладчика, то мѣдная размѣнная монета, бывшая въ обращеніи съ конца XIV вѣка по XVI вѣкъ, и отчасти позднѣе, и слышная у насъ подъ татарскимъ названіемъ пулъъ, приобретаетъ свою осмысленность, т. е. величина и вѣсъ ея являются не случайными, а въ полномъ соотвѣтствіи съ ея покупною стоимостью. Такимъ образомъ, по предположенію докладчика,

самыя мелкіе и легкіе тверскіе и московскіе пулы, вѣсомъ отъ 2 до 3 долей, могутъ быть отнесены къ одиночнымъ пуламъ ($\frac{1}{64}$ деньги), затѣмъ будутъ идти двойныя ($\frac{1}{32}$ деньги) и четвертныя ($\frac{1}{16}$ деньги). Съ $\frac{1}{8}$ доли деньги, или полуполушки, шли уже мелкія серебряныя монеты, называемыя полушками, полуденьгами и деньгами.

Согласно съ этимъ, является понятною необыкновенная дешевизна въ до-Петровской Руси и всѣхъ продуктовъ, и отсюда личнаго труда, и можно только удивляться умѣнью нашихъ предковъ создать столь пригодную денежную систему, которая въ то же время отличалась удивительною стройностью—всѣ нисходящія цѣнности съ деньгою уменьшались все на полъ и полъ. Благодаря мелкимъ долямъ деньги, бѣдный человѣкъ ничего не переплачивалъ въ розничной покупкѣ, чему можно только завидовать въ наше время, когда мелочныя расцѣпки вышли изъ употребленія.

Обращаясь, наконецъ, къ докладамъ послѣдней секціи: археографія и архивовѣдѣніе, я долженъ сообщить на основаніи личнаго знакомства съ цѣлымъ рядомъ археологическихъ и историко-археологическихъ съездовъ, что въ нихъ всегда шла рѣчь лишь объ архивахъ и архивномъ вопросѣ, да и то въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Казалось бы, что нестроеніе нашего архивнаго дѣла вообще, крайне жалкое состояніе очень многихъ крупныхъ и даже центральныхъ архивовъ и скудость отпускаемыхъ на нихъ матеріальныхъ средствъ составляютъ уже общеизвѣстный и требующій безотлагательнаго разрѣшенія фактъ; но... идутъ годы, десятилѣтія и фактъ этотъ остается все тѣмъ же фактомъ, лишь болѣе плачевнымъ и даже позорнымъ. Любители и цѣнители архивовъ стали даже терять вѣру на помощь отъ археологическихъ съездовъ, такъ какъ обращаема къ нимъ пожеланія и ходатайства не имѣли еще ни разу болѣе или менѣе значительнаго практическаго результата. Вина, конечно, здѣсь не въ ученomъ комитетѣ съездовъ и предсѣдателѣ московскаго археологическаго общества. Они, съ своей стороны, дѣйствовали, сколько могли, но всѣ ихъ дѣйствія разбились отъ непониманія, небреженія и даже косности къ насущному архивному дѣлу со стороны нашей высшей бюрократической власти. Однако, терпѣть все это и сложа руки выжидать лучшихъ дней—нельзя и даже преступно предъ нашими потомками, которые будутъ лишены возможности знать прошлое своей родины, своихъ предковъ. Необходимо, поэтому, собрать побольше фактовъ архивнаго нестроенія, сконцентрировать возможно больше свѣдѣній объ архивахъ и на основаніи послѣднихъ нарисовать подробную и болѣе или менѣе общую картину новаго архивнаго устройства, и тогда только обращаться къ высшимъ властямъ за разрѣшеніемъ, вмѣсто практиковавшихся доселѣ частичныхъ обращеній. Задачу эту можетъ выполнить лишь тѣсно сплоченный съездъ ученыхъ и опытныхъ архивистовъ и всѣхъ широко интересующихся архив-

нымъ дѣломъ, и лишь отъ его настоятельнаго и строго обоснованнаго ходатайства передъ высшей властью можно ожидать какого-либо прока.

Отраднo и въ то же время грустно для національнаго чувства было слушать докладъ представителя общества исторіи и древностей Прибалтійскаго края въ Ригѣ и архиваріуса рижскаго городского архива, А. И. Фейерейзена—«О положеніи архивнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ вообще и о такъ называемомъ шведскомъ архивѣ лифляндскаго губернскаго правленія». Власти и общество прибалтійскихъ городовъ уже съ самаго начала XIX столѣтія сознавали и сознаютъ научное значеніе архивовъ и ставятъ во главѣ послѣднихъ ученыхъ архивистовъ, обставляя ихъ матеріально такъ, чтобы они «не обращались за постороннимъ заработкомъ». Архиваріусъ рижскаго городского архива получаетъ до 5000 рублей въ годъ содержанія и кромѣ того ежегодныя ассигновки на устройство архива до 1000 рублей и болѣе. Благодаря этому названный архивъ не только обслуживаетъ разныя канцелярскія требованія, но и является мѣстомъ для постоянныхъ занятій ученыхъ и другихъ заинтересованныхъ лицъ. Рассказывая о составѣ и положеніи архивовъ: рижскаго городского, ревельскаго городского, дворянскихъ губернскихъ архивовъ, докладчикъ подробнѣе коснулся архива лифляндскаго губернскаго правленія XVIII вѣка и архива губернаторовъ и генераль-губернаторовъ, заключающаго въ себѣ документы за время съ 1621 по 1710 г. Послѣдній архивъ помѣщался на чердакѣ рижскаго замка и былъ въ большемъ безпорядкѣ. Въ 1897 г. была Высочайше учреждена комиссія «для изслѣдованія содержанія и историческаго значенія» этого архива изъ трехъ русскихъ представителей министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и военнаго и трехъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ доктора Ф. Винемана, который въ концѣ концовъ оказался единственнымъ работникомъ по приведенію въ порядокъ архива и составилъ къ нему подробную опись, напечатанную въ 1911 г. подъ заглавіемъ: «Каталогъ «шведскаго архива» въ Ригѣ, «шведскаго» потому, что почти всѣ его документы на шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и относятся къ эпохѣ шведскаго владычества надъ Прибалтійскимъ краемъ. По приведеніи въ порядокъ архива, былъ возбужденъ вопросъ о перенесеніи его въ Петербургъ. А. И. Фейерейзенъ, обсуждая въ своемъ докладѣ этотъ вопросъ, представилъ всѣ данныя въ пользу того, чтобы архивъ шведскій былъ переданъ на храненіе въ рижское общество исторіи и древностей и въ заключеніе обратился къ съѣзду съ просьбой ходатайствовать объ этомъ предъ правительствомъ. Какъ секція, такъ и ученый комитетъ съѣзда, вполне сознавая, что въ Петербургѣ шведскій архивъ въ лучшемъ случаѣ останется втунѣ или совершенно забудется, единогласно рѣшили поддерживать это ходатайство.

Довольно обстоятельный и серьезный докладъ былъ представленъ Ф. А. Ниневе о «сооруженіи и оборудованіи архивовъ, библиотекъ и книгохранилищъ», затрогивающій существенные вопросы архивоведенія, но онъ былъ принятъ только какъ бы къ свѣдѣнію, такъ какъ для проведенія въ жизнь рекомендуемыхъ имъ упорядоченій архивовъ не имѣется пока никакихъ данныхъ.

Доколѣ еще будетъ раздаваться горькій плачь архивистовъ и когда наконецъ онъ будетъ услышанъ властью имущими!?

Въ послѣднемъ засѣданіи археологическаго съезда 4 августа былъ прочитанъ графиней П. С. Уваровой обзоръ дѣятельности съезда и принесена благодарность архіепископу Арсенію, по почину котораго большое число духовныхъ лицъ участвовало въ съездѣ, мѣстнымъ и губернскимъ властямъ, дворянству, общественнымъ учрежденіямъ и другимъ лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе устройству съезда и взявшимъ на себя трудъ подготовительныхъ работъ. Отмѣчено было присутствіе въ качествѣ референтовъ иностранныхъ и финляндскихъ ученыхъ, а также многихъ докладчиковъ и секретарей изъ числа начинающихъ молодыхъ силъ. Затѣмъ были оглашены окончательныя постановленія совѣта археологическаго съезда, которымъ, между прочимъ, постановлено:

- 1) Выразить передъ Святѣйшимъ Синодомъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ реставрація такихъ памятниковъ, какъ храмъ св. Софіи въ Новгородѣ, велась подъ строжайшимъ отвѣтственнымъ контролемъ какъ съ художественной, такъ и технической стороны;
- 2) ходатайствовать о принятіи св. Синодомъ на себя научнаго изданія Библии;
- 3) признать желательнымъ усиленіе преподаванія церковной археологіи въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, и введеніе начальнаго курса археологіи въ учительскихъ семинаріяхъ;
- 4) признать недопустимымъ застройку новгородскаго Дѣтинца новыми строеніями и присоединиться къ протесту новгородскаго губернатора противъ предполагаемаго возведенія въ Дѣтинцѣ зданія реального училища;
- 5) выразить пожеланіе, чтобы дворянскіе уѣздные архивы были для большей безопасности и сохранности передаваемы въ архивы дворянскихъ губернскихъ учреждений;
- 6) признать желательнымъ передачу шведскаго архива въ Ригѣ въ вѣдѣніе общества исторіи и древностей Прибалтійскаго края;
- 7) для сохраненія храма св. Софіи обратиться къ Св. Синоду съ просьбой объ установленіи періодическихъ осмотровъ собора специалистами;
- 8) ходатайствовать о возвращеніи въ храмъ св. Софіи Васильевскихъ воротъ изъ города Александрова;
- 9) ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ увеличеніи средствъ на поддержаніе новгородскаго Дѣтинца;
- 10) соглашаясь съ докладомъ Лопухина о желательности увѣковѣченія памяти боярина Михаила Ники-

тича Романова и о необходимости поддержанія находящихся въ Ныробѣ памятниковъ старины, передать этотъ вопросъ въ комиссію по празднованію 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Заключеніе.

Нашъ обзоръ дѣятельности XV археологическаго съѣзда былъ бы крайне не полонъ, если бы мы не коснулись еще двухъ предметовъ: 1) устроенной новгородцами археологической выставки и 2) появившихся въ печати къ настоящему съѣзду изданій.

Доминирующій отдѣлъ выставки—церковныя древности—составился изъ собранныхъ по уѣзднымъ церквамъ и ризницамъ иконъ, крестовъ, утвари, облаченій и рукописей (всего около 240 №№). Большинство иконъ и утвари, по признанію главнаго устроителя этого отдѣла, А. И. Анисимова, «подобрано» «изъ чулановъ, кладовыхъ, амбаровъ и съ колоколенъ» и потому представляютъ собою «не выставку сохранившихся до нашего времени выдающихся памятниковъ церковной старины, а выставку такъ называемыхъ вандализмовъ».

Счастливымъ дополненіемъ къ этому отдѣлу послужили церковные предметы изъ ризницы Софійскаго собора, выставленные по настоянію и выбору Н. В. Покровскаго, явившагося и главнымъ истолкователемъ ихъ передъ посѣтителемъ, о чемъ мы уже въ своемъ мѣстѣ упоминали.

Второй и послѣдній отдѣлъ выставки составляютъ «древности первобытныя, гражданскаго и военнаго быта», куда вошли по преимуществу рукописи и портреты и очень немного предметовъ старины, доставленные разными лицами. Отъ Н. А. Макшеевой поступилъ Линевскій архивъ, въ количествѣ 197 столбцовъ, XVII и начала XVIII вѣка, описаніе которыхъ занимаетъ почти половину всего каталога, менѣе чѣмъ въ 110 стр. и 16-ю долю листа. Другими болѣе крупными вкладчиками были: Л. Н. Целепи, М. В. Муравьевъ и Е. А. Ханькова. За исключеніемъ нѣсколькихъ портретовъ гг. Муравьевыхъ, Мордвиновыхъ, Тургеневыхъ, Ланскихъ и Пуятинныхъ, громадное большинство ихъ изъ общаго числа 120, писано неизвѣстными художниками и съ очень малоизвѣстныхъ лицъ.

Вотъ, кажется, и все, что можно сказать о выставкѣ, устроенной къ съѣзду двумя-тремя членами новгородскаго общества любителей древности. Какъ она случайна и незначительна по сравненію съ выставкой Черниговской, которою любовались и въ которой участвовали участники XIV археологическаго съѣзда ¹⁾.

¹⁾ См. о послѣдней стр. 19—23 нашей брошюры: «Четырнадцатый Археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова» (Спб. 1908 г.).

Среди печатныхъ изданій, относящихся къ исторіи и археологіи Новгородской земли и посвященныхъ новгородскому съезду, первое мѣсто занимаетъ XXI выпускъ «Вѣстника археологіи и исторіи», издаваемого императорскимъ археологическимъ институтомъ, куда вошли работы: Н. В. Покровскаго—«Іерусалимы или Сіоны Софійской ризницы въ Новгородѣ»; его же—«По поводу иконы св. Димитрія Солунскаго»; его же—«Опись отправленныхъ въ 1788 году въ московскую синодальную контору изъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря ризничнымъ вещамъ»; П. Л. Гусева—«Иконографія свв. Флора и Лавра въ новгородскомъ искусствѣ»; его же—«Символы власти въ Великомъ Новгородѣ»; А. Никольскаго—«Житіе преподобнаго Варлаама Хутынскаго Лихудіевской редакціи, и П. О. Кадыкина и И. А. Шляпкина—«Лѣтопись и акты Новоградскаго мужскаго Деревяницкаго монастыря (1335—1839)».

Затѣмъ слѣдуетъ пятый выпускъ «Сборника новгородскаго общества любителей древности», куда вошли: «Арсеньевскія шведскія бумаги», «Синодикъ XVI вѣка церкви Бориса и Глѣба», сообщенный профессоромъ И. А. Шляпкинымъ; «А. И. Никитскій» (въ оглавленіи содержанія выпуска напечатано «Никитинскій»), биографическій очеркъ П. Л. Гусева; «Фреска барабановъ Знаменскаго собора», Л. А. Мацулевича; «В. П. Ласковскій», биографическій очеркъ, составленный Арс. Ив. Маркевичемъ; «Отчетъ о поѣздкѣ въ Архангельскую губернію въ 1909 году», А. И. Ивановскаго, и «Замѣтки о прошломъ упраздненныхъ монастырей Новгородской епархіи», А. И. Никольскаго.

Императорская археографическая комиссія издала къ съезду приготовленную къ печати В. В. Майковымъ—«Книгу писцевую по Новгороду Великому конца XVI вѣка». Кіевскій ученый, А. М. Гяввушевъ составилъ: «Новгородскій дворцовый приказъ въ XVII в. (Краткій очеркъ дѣятельности приказа и документы). Москва. 1911». Членъ новгородской архивной комиссіи, И. Романцевъ напечаталъ: «О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губерніи». (Новгородъ. 1911). Псковское археологическое общество напечатало составленный Н. О. Окуличъ-Казаринымъ «Спутникъ по древнему Пскову». Извѣстный археографъ А. А. Титовъ издалъ «Повѣсть о Щилѣ. (Новгородское сказаніе)»; докторъ В. Шлютеръ—«Новгородская Скра по семи редакціямъ, отъ XIII до XVII вѣковъ». (Рига. 1911)—и докторъ А. Фриденталь—«Могильникъ въ Курналѣ, въ приходѣ Санктъ-Юргенсѣ, Эстляндской губерніи». (Ревель. 1911).

Такова въ главныхъ чертахъ дѣятельность XV всероссійскаго археологическаго съезда; не обобщая здѣсь и не предрѣшая его научныхъ результатовъ, я позволю себѣ повторить уже не разъ высказанную мною мысль, но съ большою настойчивостью, что на смѣну частыхъ всероссійскихъ археологическихъ съездовъ должны

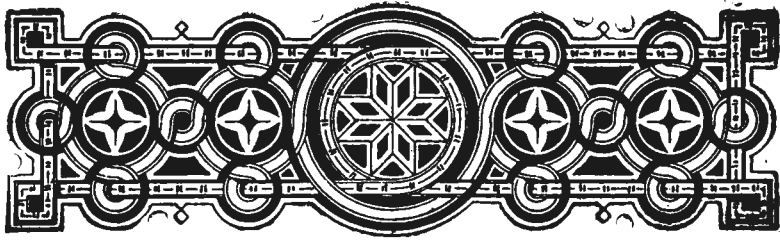
прийти областныя историко-археологическія съѣзды, которые успѣшнѣе смогутъ пробудить мѣстныя силы, чтобы спасти отъ гибели наши цѣнныя реликвіи родной старины.

Не могу, въ заключеніе, не извиниться передъ нѣкоторыми докладчиками въ томъ, что я, стѣсненный мѣстомъ въ общемъ историко-литературномъ журналѣ, поневолѣ долженъ былъ умолчать, быть можетъ, о весьма цѣнныхъ специальныхъ сообщеніяхъ.

В. Рудаковъ.

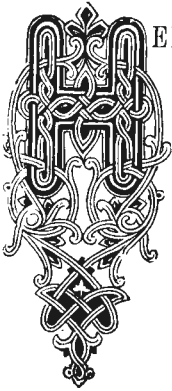

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Масонство или Великое царственное искусство братьевъ вольныхъ каменщиковъ, какъ культуру исповѣданіе. Историко-философскій очеркъ. Изданіе автора. Спб. 1911. 80 стр. Цѣна 1 р.

БОЛЬШАЯ объемомъ брошюра подь вышеуказаннымъ заглавіемъ распадается на двѣ части: текстъ и приложенія. Текста—всего 20 страницъ, но сколько вопросовъ затронуто на этихъ страницахъ! Всѣ вопросы, которые въ настоящее время волнуютъ общество въ спорахъ а масонствѣ, міровомъ вообще и русскомъ въ частности, поднимаются авторомъ. Онъ разбирается и въ происхожденіи масонскаго братства, и во внѣшнемъ его подобіи еврейству, и во внутреннемъ съ нимъ антагонизмѣ, и въ борьбѣ съ католицизмомъ, и въ отношеніи къ масонству правительственной власти, и въ цѣляхъ и сущности масонства; вкратцѣ, наконецъ, авторъ пытается очертить зарожденіе и развитіе масонства въ Россіи и разгадать его будущее...

Въ горячемъ спорѣ о значеніи масонства для человѣчества, для государства, для религіи, неизвѣстнаго автора брошюры (авторъ не поднялъ своего забрала, почему?) слѣдуетъ зачислить въ сторонники масонства, хотя и не вполнѣ убѣжденнаго, такъ какъ по выраженію самаго автора, «возможно, что выводы его скромныхъ наблюденій ошибочны съ начала до конца». Однако публикѣ, читающей страстныя и страшныя обвиненія масонства, не излишне, изъ простого чувства справедливости, прочесть и указанную брошюру, дабы выслушать обѣ спорящія стороны, тѣмъ болѣе, что чтеніе брошюры не утомительно и она, по словамъ автора, отнюдь не претендуетъ на научность.

Исходною точкою появленія масонства въ Россіи авторомъ взятъ 1722 г. По его словамъ, въ этомъ году на горизонтѣ Россіи появились масонскія ложи «послѣ закрѣпленія за Россіей отошедшихъ къ ней отъ Швеціи прибалтійскихъ провинцій, въ которыхъ масонство, какъ во всей Скандинавіи XVII—XVIII вѣковъ, было очень сильно распространено». Возможно ли такъ увѣренно вбивать столбъ съ надписью: начало масонства въ Россіи 1722 г.? Полагаю, что нѣтъ. Возможно ли приписывать Скандинавіи такую выдающуюся роль въ дѣлѣ возникновенія масонства въ Россіи? Полагаю, что тоже нельзя, и вотъ почему. Первая страница любопытной книги объ исторіи масонства въ Россіи еще не найдена. Никто, ни въ какомъ трехзамочномъ ларцѣ, не нашелъ устава первой ложи въ Россіи, не прочелъ именъ первыхъ русскихъ масоновъ, вычурною прописью выведенныхъ на прочномъ пергаментѣ! Документа—нѣтъ, но есть легенда. Мы не слишкомъ довѣряемъ легендѣ, но сами масоны почитали ее не сагой, а достовѣрною былью, пѣли ее въ пѣсняхъ, вплетали въ свои торжественныя рѣчи даже въ дни царствованія императора Александра I. Князь М. П. Баратаевъ, одинъ изъ ревностѣйшихъ масоновъ, говоря въ 1817 г. рѣчь въ многолюдной ложѣ, восклицалъ: «въ счастливомъ отечествѣ нашемъ великій Преобразователь онаго, Великій Петръ, образовалъ самъ первую ложу и вручилъ первый молотокъ достойному брату Лефорту, самъ занималъ мѣсто второго надзирателя». Легенда передавалась двояко. По одной версіи, Петръ Великій былъ принятъ въ орденъ основателемъ новаго англійскаго масонства Христофоромъ Вреномъ, и первая ложа была открыта въ Россіи въ концѣ XVII вѣка, причѣмъ мастеромъ былъ назначенъ Лефортъ, 1-мъ надзирателемъ—Гордонъ, 2-мъ надзирателемъ—Петръ I. Этой версіи наиболѣе довѣряли масоны. Другая версія отодвигала начало масонскихъ работъ въ Россіи ко времени возвращенія императора изъ второго путешествія, когда будто бы и была открыта ложа въ Кронштадтѣ по повеленію Петра, вывезшаго статуы изъ за границы. Добавлялось еще, что не только въ англійское масонство былъ посвященъ государь, но совмѣстно съ Лефортомъ былъ принятъ въ тамплиеры въ Голландіи. Масонская пѣснь восторженно воспѣваетъ Петра I: «Петръ, подобно Геркулесу, суетвѣрія завѣсу первый съ мужествомъ раздралъ и невѣжество попралъ». Преклоняясь передъ сильнымъ волею императоромъ, масоны сравнивали его съ орломъ, безбоязненно взирающимъ на солнце; можетъ быть они желали связать зарожденіе масонства въ Россіи съ именемъ Великаго Преобразователя, дабы окружить его лучезарнымъ сіяніемъ. Но, можетъ статься, въ рукахъ масонскихъ главарей еще въ александровское время сохранялись тѣ документы, которыхъ тщетно разыскиваемъ мы. Итакъ, легенда въ нѣсколькихъ версіяхъ приписываетъ введеніе масонства въ Россіи Англію черезъ посредство Петра Великаго, и авторъ обязанъ былъ объ этомъ оговориться.

Что касается большого распространенія, по увѣренію автора, масонства въ Скандинавіи, то это—недоразумѣніе. Правда, въ Швеціи, еще при королевѣ Маргаритѣ происходили каменщическія собранія въ Стокгольмѣ, но это не были каменщики въ смыслѣ масоновъ, а были члены каменотеснаго братства, каменщики—строители. Обновленное же, чисто духовное каменщичество не всегда пользовалось въ Швеціи благоволеніемъ властей, и, напримѣръ, въ 1738 г.

оно было запрещено королевскимъ указомъ подъ страхомъ смертной казни. Лишь съ 1746 г. оно пустило глубокіе корни и вполнѣ окрѣпло, ставъ съ 1762 г. пользоваться покровительствомъ короля. Однако сами шведскія ложи были въ подчиненіи англійской великой ложѣ еще въ 1765 г., какъ о томъ свидѣтельствуесть патентъ, выданный на званіе великаго провинціального мастера Швеціи отъ великаго англійскаго мастера лорда Бланея; патентъ предписывалъ: «наблюдать, исполнять и сохранять предписанія, повелѣнія и распоряженія, заключающіяся въ книгѣ уставовъ, всѣ и каждое». Слѣдательно, шведская ложа, какъ сама находившаяся въ зависимости еще въ 1765 г. отъ Англій, не имѣла права своею властью учреждать ложи.

«Моральная зависимость русскіихъ ложъ отъ шведскіихъ продолжалась до 1754 г., послѣ чего русское масонство было признано самостоятельнымъ, какъ достаточно укрѣпившееся», говоритъ авторъ. Но о какого рода моральной зависимости здѣсь говорится? Въ масонскомъ орденѣ не было нѣжной моральной зависимости, а были строго опредѣленные масонскими законами и уставами обязательства по отношенію къ ложамъ-учредительницамъ или ложамъ-матерямъ. Документы доказываютъ, что въ 1731 и 1740 г. г. русское масонство зависѣло не отъ шведскаго, а отъ англійскаго. Какъ извѣстно изъ всеобщей исторіи масонства, Англія дѣятельно распространяла масонство на европейскомъ континентѣ и даже перебрасывала его за океанъ. Длинный списокъ подвластныхъ ей ложъ имѣется, на примѣръ, въ книгѣ конституціи, изданной на нѣмецкомъ языкѣ въ 1762 г.; здѣсь Россія числится не въ числѣ ложъ independence, а въ числѣ ложъ зависимыхъ. Въ 1754 г. нѣкоторыя русскія ложи зависели отъ великой берлинской ложи. Вообще же около этого времени русское масонство сависѣло отъ великихъ востоковъ Англій, Германіи, даже Франціи. Самостоятельною масонскою границею Россія сдѣлалась не въ 1754 г., какъ пишетъ авторъ, а въ 1782 г., послѣ усиленныхъ хлопотъ. Это признаніе Россіи самостоятельною провинціею было постановлено на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ. Но обычай испрашивать у иноземцевъ разрѣшеніе на устройство масонскихъ ложъ такъ сильно вкоренился въ русскіихъ масонахъ, что они и послѣ 1782 г. не всегда признавали права русскіихъ масоновъ на самостоятельныя дѣйствія.

По увѣренію автора, императоръ Петръ III былъ масономъ съ 1762 г. Павелъ I—съ 1796., Александръ I—съ 1803 г. Почему авторъ беретъ такія даты? Почему изъ многихъ версій о посвященіи въ орденъ того или другого государя авторъ безапелляціонно отмѣчаетъ годы ихъ вступленія въ масонство, когда даже документовъ съ точными датами мы не имѣемъ ни для одного государя?

Показанія о посвященіи Павла Петровича чрезвычайно разнорѣчивы и относятся его къ разному времени, однако ни одно не указываетъ, какъ это дѣлаетъ авторъ, на 1796 г., а указываетъ на 1773—1782 г. г., т. е. иногда на слишкомъ 20 лѣтъ ранѣе автора, что очень важно.

Первая версія относитъ посвященіе Павла Петровича его воспитателемъ Н. И. Панинымъ около 1773 г.

Вторая версія говоритъ о посвященіи цесаревича Павла принцомъ Генрихомъ Прусскимъ, братомъ Фридриха Великаго, во время пребыванія Цесаревича

въ Берлинѣ по случаю сватовства принцессы Софіи Доротеи. Принцъ Генрихъ, посланный на встрѣчу Павлу, былъ ревностный масонъ и, сумѣвъ снискать полное довѣріе Павла, увлекъ его въ масонство. Посвященіе состоялось въ одинъ изъ свободныхъ часовъ, удѣленныхъ отдыху среди почти непрерывно чередовавшихся смотровъ и маневровъ. Извѣстно, какъ стремился подражать Фридриху Великому Павелъ Петровичъ даже въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Какъ же могъ онъ оставить безъ вниманія и то, что Фридрихъ былъ масонъ и что масонство было въ почетѣ и при дворѣ, и во всей странѣ? Самъ Фридрихъ былъ посвященъ въ орденъ въ 1838 г., еще будучи наслѣдникомъ, и открылъ тайную ложу въ замкѣ Рейнсбергѣ, изъ боязни гнѣва отца, скрывая свои занятія масонствомъ. Въ своей тайной ложѣ онъ посвятилъ въ масонство нѣсколько близкихъ ему людей, а въ 1740 г., вступивъ на престолъ, тотчасъ принялъ должность управляющаго ложею и лично руководилъ работами въ Шарлотенбургѣ 20 июня. Фридрихъ же посвятилъ въ масонство своего брата Генриха, маркграфа Карла Бранденбургскаго и герцога Фридриха Гольштейн-Бекскаго. Въ свитѣ Павла Петровича состоялъ, между прочимъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, посвященный въ масонство въ 1773 г. Этому человѣку близкому къ цесаревичу, легенда также приписываетъ участіе въ его посвященіи. Въ 1776 г. была напечатана *Le Bauld de Nans'omъ*, французская брошюра подъ заглавіемъ: «Prologue pour la reception de Son Altesse Imperiale M-g le Grand Duc de Russie a Friedrichsfelde le 1 août 1776. Berlin».

Третья версія называетъ масона Ивана Перфильевича Елагина, будто бы келейно посвятившаго цесаревича въ тайны масонства, въ присутствіи Панина, въ ложѣ Музь, собиравшейся на Елагиномъ островѣ, въ домѣ Ивана Перфильевича.

Четвертая версія указываетъ на шведскаго короля Густава III, какъ на вводителя Павла въ орденъ. Дѣйствительно, Густавъ III, во время своего пребыванія въ іюнѣ 1777 г. въ Петербургѣ, вмѣстѣ со своею свитою посѣтилъ масонскую ложу Аполлона, въ которой въ его честь было дано блестящее, почти публичное празднество. Густавъ III привезъ въ Россію акты шведской системы, въ высшія степени которой за годъ передъ тѣмъ былъ посвященъ братомъ короля, герцогомъ Зюдерманландскимъ кн. А. В. Куракинъ въ Стокгольмѣ, куда онъ ѣздили для сообщенія о вступленіи цесаревича во второй бракъ. Слѣдствіемъ посѣщенія короля русскихъ масоновъ было присоединеніе къ Швеціи 14 русскихъ ложъ и учрежденіе великой управляющей ложки въ зависимости отъ Швеціи.

Пятая версія сообщаетъ о посвященіи Павла во время второго путешествія за границу въ 1781—2 г. г., когда цесаревичъ путешествовалъ съ Марією Ѳедоровною подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. И эта легенда связываетъ съ посвященіемъ цесаревича имя А. В. Куракина и еще другого масона, состоявшаго при великомъ князѣ, кап.-лейт. С. И. Плещеева. Версія не указываетъ, гдѣ происходило посвященіе, но въ Пруссіи императрица Екатерина не позволила быть Павлу.

По шестой версіи, посвященіе состоялось съ согласія Екатерины II, даже по ея желанію и въ ея присутствіи. Рейнбекъ, сообщающій эти свѣдѣнія, счи

таеть нужнымъ объяснить присутствіе императрицы въ ложѣ, куда женщины вообще не допускались: «вещь, которая не покажется странною никому, кто знаетъ, что у правителей полъ никогда не принимается въ расчетъ».

Наконецъ, по седьмой версіи, въ срединѣ и концѣ 1780-ыхъ годовъ «уловлялъ» цесаревича въ масонствѣ Новиковскій кружокъ, при посредствѣ извѣстнаго архитектора Баженова. Это уловленіе было главнымъ пунктомъ, къ освѣщенію котораго прилагались всѣ усилія во время производства слѣдствія надъ Новиковскимъ кружкомъ. Изъ показаній масоновъ выяснилось, что они были не прочь имѣть Павла Петровича въ орденѣ, куда онъ, по ихъ предположенію, былъ уже принятъ за границей; существовали предположенія предоставить ему должность великаго управляющаго мастера.

Сохранились апокрифическіе портреты императора Павла I въ масонскомъ одѣяннѣ. Два подобныхъ портрета хранятся въ московскомъ музеѣ П. И. Щукина. По свидѣтельству академика Пекарскаго въ Стокгольмѣ есть портретная галлерей масоновъ, среди которыхъ находится портретъ Павла Петровича. Наконецъ, въ семьѣ Н. Ѳ. Романченко сохраняется, какъ цѣное наслѣдіе, масонскій передникъ, принадлежавшій по семейному преданію Павлу Петровичу и переданный въ семью Романченко Кутайсовыми.

Разнообразныя версіи о посвященіи въ масонство Павла Петровича, при всемъ ихъ кажущемся разнообразіи, можно связать однако въ одно цѣлое. Павелъ Петровичъ съ дѣтства находился подъ вліяніемъ масоновъ. Его воспитатель, Н. И. Панинъ, былъ масонъ и велъ воспитаніе цесаревича въ желаемомъ направленіи. Это его вліяніе даже воспѣто масонами въ ихъ пѣснѣ: «Не чудно возложить оковы на слабы смертныхъ тѣлеса». Панинъ вліялъ и на племянника своего, кн. А. Б. Куракина, товарища дѣтскихъ игръ цесаревича. 21 года онъ уже былъ имъ посвященъ въ масоны. Куракинъ, будучи въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Павломъ, не могъ также и со своей стороны не вліять на него. Самый актъ посвященія Цесаревича въ Россіи, вѣроятно, не состоялся, а произошелъ въ Германіи, въ первое его путешествіе. Посвященіе совершилъ принцъ Генрихъ, бывавшій и ранѣе въ Россіи и имѣвшій возможность обсудить съ Панинымъ планъ торжественнаго посвященія Павла въ Германіи. Вернувшись въ Россію уже масономъ, цесаревичъ, какъ масонъ, могъ посѣщать ложу Музъ, на которую ему могъ указать Панинъ, такъ какъ эта ложа славилась своими собраніями, которыми руководилъ Ив. Перф. Елагинъ. Панинъ находился въ сношеніяхъ съ Елагинымъ, къ которому обращался за разъясненіемъ неясныхъ, непонятныхъ ему мистическихъ книгъ. Довѣріемъ Елагина пользовался и Куракинъ. Когда Куракинъ былъ посланъ въ Швецію, Елагинъ рѣшилъ использовать эту поѣздку для цѣлей масонства. Къ концу 70 годовъ русскіе масоны, не удовлетворяясь масонскими ритуалами, введенными въ Россію съ запада и неисчерпывающими по ихъ мнѣнію всей сути масонства, постановили «искать свѣта» у Швеціи, для чего поѣздка Куракина являлась какъ нельзя болѣе кстати. Снабженный рекомендаціями Елагина, Куракинъ былъ посвященъ въ Стокгольмѣ въ высокія степени шведскаго масонства и ему были предоставлены нѣкоторыя полномочія; важнѣйшіе же акты долженъ былъ привести въ Россію король Густавъ III. Куракинъ вернулся

въ Петербургъ и, вѣрный присягѣ, данной въ Шведіи, вербовать новыхъ членовъ, обязанъ былъ вліять на Павла Петровича съ цѣлью привлечь его въ шведское масонство, тайны высшихъ рыцарскихъ степеней оставались неизвѣстными цесаревичу. Посвященіе въ эти высшія степени и было произведено въ Петербургѣ, шведскимъ королемъ. Свѣдѣніе о присутствіи Екатерины при посвященіи цесаревича тоже не лишено вѣроятія: императрицѣ не могло оставаться неизвѣстнымъ занятіе цесаревича масонствомъ, и ея желаніе ознакомиться съ ученіемъ воочию—естественно. Но только это не было посвященіе въ орденъ, а въ какую либо высшую степень шведскаго масонства. Что касается версіи о посвященіи цесаревича во время второго путешествія, то она можетъ быть принята лишь какъ посѣщеніе имъ масонскихъ ложъ или отдѣльныхъ масоновъ за границей, гдѣ тогда въ орденѣ происходили сильныя броженія и масоны дѣятельно подготовлялись къ Вильгельмсбадскому съѣзду. Въ воляжѣ сопровождалъ великокняжескую чету кн. Куракинъ, на сопутствіи котораго она въ особенности настаивала. Наконецъ, любознательному, склонному къ мистицизму Павлу Петровичу каждая новая отрасль масонства могла и должна была казаться загадочной и увлекательной. Новиковскій же кружокъ предлагая новую пищу пылкому уму, новинку для Россіи, только что вывезенную изъ за границы,—розенкрейцерства.

Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется картина масонства Павла Петровича во время ожиданія имъ престола. Вотъ тѣ вѣхи, которыя разставлены по пути его постепеннаго шествія: сначала—чистое англійское масонство, проповѣдывавшее нравственныя, этическія идеи и жизнь для другихъ; затѣмъ—масонство германское, умозрительное, съ идеєю о царствѣ священной власти разума, далѣе шведское масонство съ увлекательной мечтой о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ орденовъ и о соединеніи человѣчества подъ властью одной христіанской религіи, съ блестящей обрядностью и пышными церемоніями рыцарскихъ посвященій; наконецъ, розенкрейцерство со своимъ крайнимъ мистицизмомъ и таинственными занятіями оккультными науками. Тутъ далеко до того, чтобы съ размаха говорить о принятіи масонства Павломъ Петровичемъ въ 1796 г., какъ это между тѣмъ дѣлаетъ съ легкимъ сердцемъ авторъ.

Весьма интересно отношеніе Павла I къ масонству по вступленіи на престолъ. Масоны питали большую надежду на царственнаго масона. И первые дни его царствованія давали поводъ укрѣпиться этимъ надеждамъ. Такъ, были освобождены изъ крѣпости Новиковъ и Багрянскій, съ Лопухина былъ снятъ надзоръ, Тургеневъ и Трубецкой получили разрѣшеніе на выѣздъ изъ своихъ деревень. Масонъ Херасковъ произведенъ въ тайные совѣтники, масонъ Баженовъ, привозившій отъ Новиковскаго кружка книги великому князю, былъ произведенъ прямо изъ коллежскихъ ассесоровъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, награжденъ имѣніями и въ 1799 г. назначенъ вице-директоромъ академіи художествъ. Другой уловитель, кн. Куракинъ, также осыпанъ милостіями и на протяженіи шестнадцати дней получилъ чины тайнаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтниковъ, пожалованъ домомъ и назначенъ вице-канцлеромъ. На съѣздѣ вліятельныхъ масоновъ въ Москвѣ, Павелъ I обошелся съ ними весьма любезно, подалъ каждому руку и сказалъ: «въ случаѣ надоб-

ности пишите ко мнѣ просто, по братски и безъ всякихъ комплиментовъ». Однако по другимъ извѣстіямъ Павелъ I, по прибытіи въ Москву на коронацію, приказалъ проф. Маттеи, управляющему ложею трехъ мечей, созвать всѣхъ главныхъ масоновъ. Государь пріѣхалъ на собраніе и предложилъ высказаться, не признается ли за лучшее прекратить масонскія собранія въ виду распространившихся со времени французскихъ революцій понятій. Только одинъ Унгернъ-Штернбергъ согласился съ предложеніемъ государя, который сказалъ: «не собирайтесь болѣе до моего повелѣнія». Въ дальнѣйшемъ Павелъ I не оправдалъ масонскихъ надеждъ. Ложи не были возстановлены. Государь охладѣлъ къ масонству. Не сбылись слова масонской пѣсни, сложенной еще въ 1784 г.: «украшенный вѣнцомъ, ты будешь намъ отцомъ!»

Про Императора Александра I имѣется также цѣлый рядъ весьма интересныхъ, различныхъ свидѣтельствъ о времени и мѣстѣ его посвященія и объ его отношеніяхъ къ масонству. За недостаткомъ мѣста привести ихъ здѣсь невозможно. Но дата 1803 г., безапелляціонно принимаемая авторомъ, отнюдь не установлена.

Тира Соколовская.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 27-й. Саратовъ. 1911.
Стр. VIII+24+51+56+15+4+8+29+7+96. Цѣна 1 рубль.

Прежде, чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію содержанія названнаго выпуска «Трудовъ», мы считаемъ долгомъ поздравить саратовскую архивную комиссію съ весьма цѣннымъ даромъ и исполненіемъ въ нынѣшнемъ году двадцатипятилѣтія ея существованія. Настоящею же осенью комиссія, года два тому назадъ жаловавшаяся на крайнюю тѣсноту помѣщенія и отсутствіе денежныхъ средствъ на изданіе своихъ «Трудовъ», переходитъ въ собственный домъ. Последній подаренъ ей почетнымъ членомъ и первымъ предсѣдателемъ комиссіи, А. А. Тилло, со всей обстановкою, усадьбой и службами; кромѣ того, А. А. Тилло пожертвовалъ и капиталъ въ 20,000 рублей, на проценты съ котораго домъ долженъ содержаться и поддерживаться въ неприкосновенномъ видѣ. Столь цѣнный и рѣдкій даръ ставитъ саратовскую архивную комиссію въ исключительно благоприятное положеніе предъ другими архивными комиссіями, ютящимися по большей части въ тѣсныхъ и изъ милости даруемыхъ помѣщеніяхъ, но въ то же время вызываетъ и нѣкоторыя ожиданія и надежды на обновленіе и усиленіе дѣятельности комиссіи.

Согласно постановленію общаго собранія, комиссія посвятила 27-й выпускъ своихъ «Трудовъ» «памяти незабвеннаго архивиста и археолога Николая Васильевича Калачова», бывшаго саратовскаго помѣщика и главнаго виновника открытія въ Саратовѣ архивной комиссіи, со смерти котораго въ октябрѣ 1910 года минуло 25 лѣтъ. По этому случаю состоялось особое торжественное собраніе комиссіи, съ цѣлымъ рядомъ докладовъ и привѣтствій по адресу покойнаго архивиста, которые и напечатаны въ настоящемъ выпускѣ. Довольно значительную работу о жизни и научной дѣятельности Н. В. Калачова представилъ В. П. Соколовъ, между прочимъ, вводящій новую дату рожденія Калачова, вмѣсто 26-го мая—2-го мая, основанную на метрической выписи,

хранящейся въ дворянскомъ дѣлѣ Калачовыхъ, въ архивѣ саратовскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Г. Г. Дыбовъ въ статьѣ «Ессе homo» сообщаетъ свѣдѣнія объ усадьбѣ Калачовыхъ—Волхонщинѣ, гдѣ умеръ и погребенъ Н. В. Калачовъ, и о найденныхъ имъ тамъ бумагахъ и книгахъ покойнаго, которыя по волѣ вдовы Л. А. Калачовой поступили въ собственность саратовской архивной комиссіи. Наибольшій интересъ представляютъ рукописные документы, которые, по опредѣленію составителя описи ихъ, А. Гераклитова, можно раздѣлить на шесть группъ: 1) «документы XVII—XVIII вв.» (22 №№), интересные для изученія старинной «кабалы»; 2) крѣпостные и другіе документы, касающіеся правъ на земли и крестьянъ Саратовскаго края (117 №№); 3) документы хозяйственной отчетности (193 №№), весьма любопытные для исторіи помѣщичьяго хозяйства въ переходный періодъ отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному и для освѣщенія отношеній помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и самого Н. В. Калачова; 4) документы личнаго характера, по большей части интимнаго характера письма (21 №№); 5) статьи, замѣтки и т. п., уже во многихъ случаяхъ напечатанныя, и 6) смѣшанные документы, среди которыхъ оказались два плана гор. Инсара и Инсарской области. Всѣ эти документы, числомъ 378, должны составить «калачовскій фондъ» историческаго архива саратовской архивной комиссіи.

Послѣ статей, касающихся Н. В. Калачова, наибольшее вниманіе привлекаетъ работа П. Н. Чернцева—«Изъ прошлаго саратовской гимназіи», для которой авторъ на ряду съ печатными источниками использовалъ и изустныя повѣствованія современниковъ. Начавъ рѣчь о помѣщеніи гимназіи, первыхъ замѣчательныхъ годахъ ея существованія и учителяхъ-исторіографахъ гимназіи, П. Н. Чернецъ затѣмъ повѣствуетъ о директорахъ-бытописателяхъ прошлаго гимназическаго жизни и объ отраженіи послѣдней въ мемуарахъ и беллетристикѣ, о фактахъ изъ времени «директуръ Круглова, Мейера, Жолкевича, Соколова и Лакомте», о «типахъ достопримѣчательныхъ «учителей прежняго времени» и объ «ученической средѣ» (двѣ послѣднія главы наиболѣе подробныя и интересныя по содержанію). Далѣе любопытна работа А. Лебедева, представляющая наиболѣе полныя свѣдѣнія о рукописяхъ преосвященнаго Іакова (Вечоркова) и озаглавленная такъ: «Преосвященный Іаковъ (Вечорковъ), архіепископъ нижегородскій и арзамасскій, и его рукописное собраніе». Какъ извѣстно, Іаковъ (въ мѣрѣ Іосифъ) Вечорковъ, бывшій, по окончаніи петербургской духовной академіи, сначала ректоромъ и профессоромъ сѣвскихъ училищъ и екатеринославской семинаріи, а потомъ епископомъ въ Саратовѣ и Царицынѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, отличался большою любовью къ исторіи и весьма дѣятельно собиралъ, особенно во время пребыванія въ Саратовѣ, старыя книги, рукописи, снимки съ древнихъ вещей, монеты и проч. На основаніи его рукописнаго собранія составились довольно извѣстные труды изслѣдователей Саратовскаго края, Г. И. Чернышевскаго, Саблукова, Смирнова и др. Преосвященный Іаковъ положилъ основаніе музею древностей при саратовской духовной семинаріи. Больше всего собрано имъ рукописей, которыя сохранились въ различныхъ мѣстахъ его пребыванія и являются необходимымъ матеріаломъ для историковъ и особенно изслѣдователей сектантства поволжскаго района.

А. Лебедевъ привелъ въ извѣстность и подробнѣ описалъ тѣ рукописи изъ собранія пресвященнаго Такова, которыя хранятся въ саратовскомъ братствѣ Св. Креста и которыя имъ распредѣлены по отдѣламъ: 1) богословіе, 2) богослужебныя книги, 3) исторія: гражданская, церковная, расколъ и сектантство и исторія литературы, и 4) сборники. Опись еще не окончена и будетъ продолжаться въ слѣдующихъ выпускахъ «Трудовъ».

Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще на «Опись историческаго архива саратовской комиссіи», заключающую въ себѣ пока лишь часть архивнаго матеріала—«разные документы», числомъ 777, изъ которыхъ древнѣйшіе (два) относятся къ XVI вѣку, а позднѣйшіе къ 1900-мъ годамъ; наибольшее число документовъ отъ XVIII вѣка и первой четверти XIX. Хотя самая «Опись» ведена безъ предварительнаго подбора и систематизаціи актовъ, но, благодаря наличности указателей: именного, мѣстнаго (географическаго), предметнаго и хронологическаго, пользование ею значительно облегчается.

Уже изъ этого краткаго обзора можно убѣдиться въ содержательности 27-го выпуска «Трудовъ» саратовской архивной комиссіи и сравнительно успѣшной дѣятельности ея членовъ, особенно послѣ недавняго изданія ею цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи крестьянскаго вопроса въ Саратовской губерніи; но при этомъ нельзя не пожелать, чтобы и съ внѣшней стороны «Труды» комиссіи были безупречнѣ и не заключали въ себѣ опечатокъ, въ родѣ слѣдующихъ: Музаркевичамъ (стр. 4) вмѣсто Мурзакевичемъ; подъ предсѣдательствомъ графа Н. Я. Ростовцева (стр. 8) вмѣсто Я. Ив. Ростовцева (графское достоинство было пожаловано, послѣ смерти знаменитаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, его женѣ и дѣтямъ въ 1861 году); «Сыскаго приказа» (А. А. Голубева), на стр. 10 въ примѣчаніи, вмѣсто «Сыскаго приказа» А. А. Голомбѣвскаго и др.

В. Рудаковъ.

Serta Borysthenica. Сборникъ въ честь заслуженнаго профессора императорскаго университета святого Владимира Юліана Андреевича Кулаковскаго. Кіевъ. 1911. Стр. XIII+388+1 порт. Ц. 2 рубля.

Настоящій сборникъ составленъ по случаю исполнившагося еще въ 1906 году тридцатилѣтія профессорскаго служенія Ю. А. Кулаковскаго, о плодотворной ученой дѣятельности котораго говорилось въ настоящемъ журналѣ по поводу изданнаго имъ перваго тома «Исторіи Византіи». Сборникъ запоздалъ выходомъ по случаю смерти инициатора изданія, академика Н. П. Дашкевича. Въ осуществленіи *Serta* приняли участіе двадцать три лица, друзья, товарищи и ученики почтеннаго юбиляра, представившіе статьи по всѣмъ почти отраслямъ наукъ, читаемыхъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Такъ, тутъ есть работы по философіи (г. Бокадорова о Шопенгауэрѣ), по классической филологіи (гг. Варнеке, Зенгера, Зѣлинскаго, Корша, Леціуса, Лободы, Маляренка и С. И. Соболевскаго), по исторіи русской литературы (Н. П. Дашкевича и А. И. Соболевскаго), по исторіи западно-европейскихъ литературъ (гг. Лукьяненка и Шаровольскаго), по русской исторіи (г. Данилевича), по византиновѣдѣнію (гг. Дмитріевскаго, Пападимитріу и Шестакова), по западно-европейской исто-

рин (г. Ардашева), по исторіи славянъ (г. Флоринскаго), по исторіи искусствъ (г. Павлуцкаго) и по сравнительному фольклору (г. Клингера). Конечно, въ настоящей краткой замѣткѣ нѣтъ возможности обозрѣть содержаніе всѣхъ интересныхъ статей сборника, а потому остановлюсь только на нѣкоторыхъ. Такъ, А. И. Соболевскій убѣдительно доказываетъ, что «Повѣсть о взятіи Царьграда» переведена съ латинскаго труда Энея Сильвія Пикколомини, и притомъ переводчикомъ ея былъ извѣстный князь А. М. Курбскій. Покойный Н. П. Дашкевичъ пересмотрѣлъ вопросъ о загадочномъ Троянѣ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и удостовѣрилъ его тожество съ извѣстнымъ римскимъ императоромъ. П. Н. Ардашевъ остроумно возстановляетъ родословную французскаго чиновника bailli, начиная съ древняго Рима. Г. Г. Павлуцкій указываетъ, что Микель-Анджело при созданіи своихъ знаменитыхъ женскихъ статуй въ капеллѣ Медичи увлекался архаическими памятниками древней Эллады. В. П. Клингеръ сообщаетъ массу любопытныхъ фактовъ о роли яйца въ народныхъ суевѣріяхъ. Изъ многочисленныхъ статей по классической филологіи менѣе всего можетъ нравиться работа г. Маляренка («Слѣды Платонова «Федра» въ произведеніяхъ «Горація»), такъ какъ она содержитъ совершенно неумѣстное въ серьезномъ трудѣ предположеніе объ интимной связи Мецената и Горація. Непонятно также, почему г. Шаровольскій напечаталъ свою статью («Zur Thidrekssaga») по-нѣмецки. Уже за границей начинаютъ относиться къ русской наукѣ все съ большимъ и большимъ уваженіемъ, и такое пренебреженіе къ нашей публикѣ у русскаго ученаго представляется совершенно необъяснимымъ. Неужели авторъ думаетъ, что изъ всего состава сборника только его статья и можетъ претендовать на вниманіе западно-европейскаго читателя? Книгѣ предпосланы прекрасно исполненный портретъ почтеннаго ученаго и списокъ важнѣйшихъ его трудовъ, занимающій тринадцать страницъ большого in 8°.

А. М—въ.

Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г. по Р. Х. изъ собранія графа А. А. Бобринскаго. Описалъ Н. И. Веселовскій. Спб. 1910. Изданіе in folio. Съ 9 рисунками въ текстѣ и 10-ю таблицами рисунковъ въ краскахъ.

Роскошно изданное описаніе древняго котелка, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ датированныхъ и богато орнаментированныхъ металлическихъ сосудовъ древняго мусульманскаго Востока принадлежитъ нашему извѣстному востоковѣду, старшему члену императорской археологической комиссіи профессору Н. И. Веселовскому. Котелокъ пріобрѣтенъ въ 1885 г. въ Бухарѣ И. Н. Шавровымъ, у котораго и купленъ графомъ А. А. Бобринскимъ. Изображенія котелка изданы трехцвѣтною фотографіею, въ исполненіи С. М. Прокудина-Горскаго, съ рисунковъ Е. В. Барсуковой и фототипій съ оригинала. Огромный интересъ представляетъ на котелкѣ обиліе человѣческихъ изображеній и рядъ сюжетовъ изъ жизни далекаго прошлаго древней Персіи... Надписи указываютъ время изготовленія котелка: 559 г. Гиджи (1163 г. по Р. Х.). Служилъ котелокъ для переноски кушаній.

Бытовые сцены на немъ изображаютъ: охоту, состязанія, игры, угощеніе съ музыкой и пѣніемъ. Интересно, что лица многихъ видныхъ царственныхъ особъ и ихъ служителей подобно изображеніямъ христіанскихъ святыхъ окружены нимбомъ, который употреблялся, повидимому, какъ красивая декорация. Памятникъ имѣеть выдающееся значеніе и въ томъ отношеніи, что изображенія человѣческихъ фигуръ вообще весьма рѣдки у мусульманъ, такъ какъ встрѣчаются только у шиитовъ; суннитамъ воспроизводить изображенія живыхъ существъ строго запрещается религіею.

Изданіе скромнаго котелка—яркое свидѣтельство того огромнаго значенія, которое имѣеть археологія въ дѣлѣ возрожденія старины. Она не только говоритъ о прошломъ, она живо и наглядно рисуетъ его, вводитъ въ внутреннюю интимную жизнь нашихъ предковъ, отъ которыхъ неумолимое время отдѣлило насъ цѣлымъ рядомъ столѣтій. Такъ, сцены, изображенныя на котелкѣ, переносятъ насъ въ эпоху XII столѣтія, знакомя съ привычками, забавами, одеждою, обстановкою быта и иноземными вліяніями, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ древній обитатель Персіи этой эпохи.

А. Мировъ.

Н. Н. Глубоковскій, ординарный профессоръ петербургской духовной академіи. По вопросу о «правѣ» евреевъ именоваться христіанскими именами. Трактатъ и историческая справка. Стр. 121. Спб. 1911 г.

Настоящій вопросъ не является совершенно новымъ, какъ видно изъ приведенной въ книгѣ профессора Н. Н. Глубоковскаго исторической справки (стр 61—121) вопросъ этотъ возникалъ уже въ концѣ XVIII столѣтія. Между прочимъ, извѣстный нашъ поэтъ Г. Р. Державинъ настаивалъ, чтобы въ интересахъ правильнаго счисленія еврейскаго населенія и для облегченія производства судебныхъ дѣлъ, къ именамъ и отчествамъ евреевъ были присоединены, при ближайшей переписи, русскія прозванія (напримѣръ, Дикій, Промышленный, Замысловатый и т. п.). Принудительность надѣленія евреевъ фамильными именами была отвергнута, но соотвѣтствующій пунктъ былъ принятъ въ положеніе о евреяхъ 1804 года и повторенъ въ положеніи 1835 года; а съ подчиненіемъ евреевъ общему городскому положенію въ 1844 году и донинѣ (томъ IX о сост. изд. 1899 г. по продолж. 1906 г., стт. 667 и 771) сохраняетъ силу слѣдующее правило: «съ перемѣнившимъ сіе имя или прозваніе (евреемъ) поступается на основаніи общихъ о томъ законовъ. Думы и ратуши обязаны соблюдать совершенную правильность въ написаніи именъ и прозваній каждаго еврея». Въ 1850 году было запрещено измѣнять у евреевъ фамиліи даже по крещеніи ихъ, хотя потомъ это ограниченіе сняли. Тогда всему еврейству открылась возможность фамильно величаться по-русски—вплоть со встрѣчающейся въ немъ фамиліи «Троицкій». Не то съ личными еврейскими именами, которыя записывались въ метрики по простонародному произношенію и сразу выдавали еврейское происхожденіе. Отсюда усилія съ еврейской стороны устранить это неудобство (стр. 1—62).

Послѣднее время вопросъ о «правѣ» евреевъ именоваться христіанскими именами возникъ по слѣдующему случаю. 10-го сентября 1898 года въ городѣ

Якобштадтѣ родился у мѣщанина Файвиша (Филиппа) Давидова Іоэльсона, еврея по вѣрѣ, сынъ, котораго родители хотѣли назвать, при обрядѣ обрѣзанія, именемъ «Максимиліанъ», но раввинъ Дейцъ отказалъ въ этомъ и записалъ мальчика въ метрическія книги именемъ «Мордухъ-Элья», при чемъ объяснилъ что Максимиліанъ—имя христіанское, а онъ, раввинъ, съ точки зрѣнія еврейской религіи, можетъ давать при обрядѣ обрѣзанія и записывать по книгамъ только еврейскія имена. Губернское начальство, вслѣдствіе жалобы Іоэльсона (черезъ его повѣреннаго въ городѣ Ригѣ Рубинштейна), войдя въ разсмотрѣніе дѣла, не встрѣтило вообще препятствій къ записи имени «Максимиліана» въ метрическія книги. Однако, имѣя въ виду, что вопросъ этотъ касается также правилъ и обрядовъ еврейской вѣры, оно признавало желательнымъ, передать возникшее сомнѣніе на обсужденіе состоящей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ раввинской комиссіи. Комиссія пришла къ заключенію, что дѣйствія раввина Дейца, отказавшаго Іоэльсону въ нареченіи новорожденнаго сына его именемъ «Максимиліанъ», подъ тѣмъ предлогомъ, что это имя—христіанское, и записавшаго по этой причинѣ въ метрическія книги сына жалобщика именемъ «Мордуха-Элья», должны быть признаны неправильными. За министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ его, сенаторъ С. Е. Крыжановскій препроводилъ копию этого журнала раввинской комиссіи, а равно и справку изъ дѣлъ департамента духовныхъ дѣлъ по затронутому въ семь журналѣ вопросу, къ министру юстиціи, прося его заключенія по содержанію сего журнала какъ въ отношеніи постановленнаго комиссіею рѣшенія по частному дѣлу—по ходатайству еврея Іоэльсона о нареченіи его сына христіанскимъ именемъ «Максимиліанъ», такъ и по общему вопросу—о правѣ евреевъ именоваться христіанскими именами. За министра же юстиціи, товарищъ его А. Н. Веревкинъ, признавая весьма желательнымъ, при разрѣшеніи означеннаго вопроса, имѣть въ виду мнѣніе г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, въ отношеніи отъ 13-го сентября 1910 года за № 45381 просилъ его о сообщеніи по сему предмету заключенія, а г. оберъ-прокуроръ (Сергѣй Михайловичъ Лукьяновъ) предложилъ о семь святѣйшему синоду, который (опредѣленіемъ своимъ отъ 13—22-го января 1911 г. за № 267) образовалъ для предварительнаго обсужденія возбужденнаго вопроса особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ епископа (нынѣ архіепископа) тульскаго и бѣлевскаго Пароенія—изъ заслуженнаго профессора кievской духовной академіи А. А. Дмитріевскаго и ординарныхъ профессоровъ с.-петербургской духовной академіи И. Г. Троицкаго и автора настоящаго труда Н. Н. Глубоковскаго.

Профессоръ Глубоковскій, на основаніи тщательнаго и подробнаго изученія настоящаго вопроса съ разныхъ точекъ зрѣнія, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Еврейство, какъ таковое, не имѣетъ необходимости въ христіанскихъ именахъ, такъ какъ у евреевъ есть богатый запасъ собственно іудейскихъ именъ ¹⁾.

¹⁾ У іудеевъ—караимовъ, напримѣръ, запасъ личныхъ именъ скуднѣе, однако они не склонны усвоить христіанскія русскія имена, свои же всегда и вездѣ употребляютъ и объявляютъ неприкровоенно (стр. 10).

2) Христіанство не можетъ догматически и ничѣмъ не располагаетъ практически уступать послѣднія евреямъ. Религіозное еврейство искони противилось усвоенію христіанской ономаѳогіи, какъ былъ противъ нея и особый раввинскій съѣздъ 1910 года, гдѣ изъ тридцати девяти участниковъ (вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Д. Г. Гинцбургомъ) подписались христіански—русскими именами (Филиппъ и Владимиръ) только два—врачъ и инженеръ-технологъ. Ясно, что религіозная часть еврейства не можетъ искренно принять и носить христіанскія имена, которыя будутъ для нея тягостны и даже противны своими христіанскими ассоціаціями ¹⁾. Такъ какъ евреи желаютъ принимать наши имена помимо ихъ христіанскаго содержанія, какъ простыя обиходныя, «профанныя» названія, то, естественно, что они немало не расположены даже замѣчать у этихъ именъ ихъ христіанское значеніе и задумываться надъ нимъ (стр. 34, 43, 44).

3) Правительство не въ правѣ принудительнымъ путемъ передать христіанскія имена для употребленія евреямъ и не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній ожидать—если не добрыхъ, то хотя бы выгодныхъ политическихъ результатовъ отъ подобнаго акта.

4) Для устраненія затрудненій на будущее время, необходимо и неотложно составить для употребленія русскихъ евреевъ именованья, при чемъ для его официальнаго разрѣшенія обязательно дозволеніе со стороны святѣйшаго синода (стр. 59—60).

Это новое изслѣдованіе извѣстнаго нашего ученаго Н. Н. Глубоковскаго заслуживаетъ особаго вниманія, между прочимъ, и потому, что имѣетъ большой современный интересъ, въ виду важности затронутого въ немъ, но все еще не разрѣшеннаго вопроса.

Профессоръ М. Красножонъ.

С. П. Никонъ, проф. новороссійскаго университета. Основныя начала положеній 19 февраля 1861 г. Одесса. 1911 г. Стр. 1—73.

Книжечка профессора Никонова распадается на нѣскольکو частей: послѣ предварительныхъ замѣчаній, посвященныхъ исторіи реформы 19 февраля, выработкѣ положенія 19 февраля (стр. 1—17), проф. Никонъ переходитъ къ систематическому анализу содержанія положенія 19 февраля (стр. 17—65). Авторъ тщательно слѣдитъ за тѣмъ, какое новое административное устройство получило освобожденное крестьянство, какъ новое сословіе въ государствѣ, характеризуетъ юридическое и хозяйственное положеніе русскаго крестьянства по положенію 19 февраля. Наибольше цѣннымъ въ этой части работы профессора Никонова нужно признать то, что авторъ не ограничивается систематизаціей положеній 19 февраля, но отмѣчаетъ и тѣ дальнѣйшія, до нашихъ дней, законоположенія, которыя частью дополнили положеніе 19 февраля, частью исказили основы великой реформы. Наконецъ, не мало вниманія удѣлено крестьянскому землевладѣнію и его нынѣшнему неудовлетворительному состоянію. Останавливается профессоръ Никонъ на законодательствѣ «послѣреволюціоннаго

¹⁾ Напримѣръ, Христофоръ, т. е. Христоносецъ и др.

періода», характеризуя это законодательство, как «ставку на сильных». Подробно излагается высочайшее узаконеніе 5 октября 1906 г. объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей, указъ 15 ноября 1906 г., въ особенности законъ 14 іюня 1910 г. (указъ 9 ноября 1906 г.), объявившій войну общинному землевладѣнію.

Профессоръ Никоновъ въ своей небольшой книжкѣ даетъ правильное и отчетливое представленіе о реформѣ 19 февраля; но положеніе 19 февраля и новыя основы крестьянской жизни, созданныя имъ, рассматриваются въ связи съ послѣдовательнымъ законодательствомъ о крестьянахъ, въ результатъ чего читатель легко представляетъ смѣну законодательныхъ нормъ о русскомъ крестьянствѣ на протяжении пятидесяти лѣтъ. Книжка написана простымъ, доступнымъ языкомъ и должна быть рекомендована всѣмъ начинающимъ изучать исторію русскаго крестьянства.

О. Аваліани.

Ан. Титовъ. О великомъ градѣ Римѣ и о костелахъ сущихъ и начальнѣйшихъ. Москва. 1911.

Это описаніе Рима, составленное неизвѣстнымъ русскимъ путешественникомъ, напечатано съ рѣдкой рукописи XVII вѣка.

Записки паломника начинаются съ миѳической исторіи о волчицѣ, вскормившей Ромула и Рема; далѣе приводится топографія города, общій очеркъ папскаго двора, упоминаются училища, академіи и, наконецъ, еврейское гетто, существовавшее въ Римѣ въ томъ же видѣ до конца 1848 года.

Конечно, главное вниманіе русскаго паломника было обращено на храмы и предметы священныхъ вѣрованій. Интересно описаніе Латеранскаго собора, называемаго въ Римѣ «матерью и главою» всѣхъ церквей, гдѣ есть придѣлъ «святыхъ тайнъ», сохраняющій столъ, за которымъ Спаситель совершалъ тайную вечерю, а также лѣстницу изъ дома Пилатова, по которой Спаситель входилъ на судилище.

Нѣкоторые храмы, описанные нашимъ путешественникомъ въ XVII вѣкѣ, въ настоящее время, какъ видно изъ предисловія, не сохранились. Такъ, костелъ святого Павла въ Римѣ сгорѣлъ въ 1823 году, а потомъ былъ заново перестроенъ папой Піемъ IX во второй половинѣ XIX вѣка, безъ всякаго сохраненія старины.

Описывая реликвию храма Маріи Снѣжной (Maria Maggiore), путешественникъ говоритъ, что онъ видѣлъ и «ясли, въ которыхъ лежалъ Иисусъ Христосъ въ Вифлѣемѣ». Къ сожалѣнію, какъ видно изъ предисловія, теперь эти ясли въ первоначальномъ видѣ уже не существуютъ: пять досокъ, изъ которыхъ онѣ были составлены, разобраны и сложены вмѣстѣ. Эти доски, изъ тонкаго дерева, почернѣвшія отъ времени, разъ въ годъ—24 декабря—въ торжественной процессіи возлагаютъ на главный алтарь храма, гдѣ онѣ и остаются до слѣдующаго дня.

Эти ясли были перенесены въ Римъ въ 1642 г. изъ Вифлѣема, вмѣстѣ съ мощами Иеронима Стридожскаго.

Покончивъ съ описаніемъ римскихъ святынь, нашъ паломникъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что въ Римѣ «или во дни, или въ пощи, и наипаче во всю ночь, всякъ, какого ни будь чина, или пола, безопасно, свободно, безъ всякаго страха, ходить и никто никогда ничего не молвить». Очевидно, эта свобода передвиженія—въ XVII вѣкѣ—по итальянской столицѣ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, да при томъ ночью, такъ сильно поразила русскаго паломника, можетъ быть, даже москвича, что онъ отнесъ это къ числу достойныхъ удивленія римскихъ достопамятностей.

А. К—ово.

Е. А. Пахомовъ. Монеты Грузіи. Ч. I (домонгольскій періодъ). (Изъ I т. вып. IV записокъ нумизматическаго отдѣленія императорскаго русско-археологическаго общества). Спб. 1910.

Изученіе памятниковъ грузинской нумизматики находится еще въ періодѣ подготовительныхъ работъ. Оно началось въ XVIII вѣкѣ и первая грузинская монета была издана въ Римѣ въ 1782 г. г. Адлеромъ. Лишь со времени появленія въ 1835 году статьи М. Броссе «Dissertation sur les monnaies géorgiennes» стала развиваться грузинская нумизматика: въ 1844 году былъ изданъ нынѣ устарѣвшій объемистый трудъ кн. М. Баратаева, установившій основы классификаціи. Поправка и критика его, вмѣстѣ съ обзоромъ нумизматики, изданы въ 1846 году Броссе. Въ то же время выступилъ ревностный нумизматъ И. Бартоломей, статьи котораго частью собраны въ отдѣльную книгу «Lettres numismatiques et archeologiques relatives à la Transcaucasie». Въ 1852 г. В. Ланглуа повторилъ ошибки Баратаева въ обзорѣ монетъ Грузіи, а затѣмъ переработалъ свой трудъ подъ заглавіемъ «Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie» (1860), страдающій массой недочетовъ. Все это побудило новаго изслѣдователя переработать весь предметъ, чтобы дать систематическій очеркъ дошедшихъ нумизматическихъ памятниковъ Грузіи по XVIII вѣкѣ включительно. Какъ самъ авторъ заявляетъ, задача его исполнена не вполне, ибо остается еще не мало пробѣловъ, къ числу которыхъ относятся отсутствіе названій монетъ, ихъ цѣнности и т. п., безъ чего не можетъ быть полной картины измѣненія денежной системы государства въ различные моменты его жизни. Первые нумизматическіе памятники, находимые въ почвѣ Грузіи, относятся ко временамъ персидской монархіи Ахеменидовъ: въ 1850 г. былъ выкопанъ близъ мѣстности Сурамъ «серебряный дорикъ» вмѣстѣ съ такъ называемыми «колхидками». Одновременно съ распространеніемъ персидскаго владычества, Грузія подвергается вліянію греческихъ колоній (VI), монеты которыхъ обращаются по черноморскому побережью? Далѣе авторъ изслѣдуетъ появленіе (съ IV вѣка) «колхидокъ» съ изображеніемъ быка (ср. груз. хвастали), игравшаго роль въ мифологіи грузинъ (золоторогій туръ), драхмъ Александра Македонскаго, тетрадрахмы Митридата VI, римскихъ динаріевъ, монетъ грузинскихъ правителей, съ пехлевійской легендой, временъ арабскаго нашествія и періода расцвѣта грузинскаго могущества.

Эта прекрасная работа является огромнымъ научнымъ приобрѣтеніемъ.

А. Хазановъ.

Н. П. Верховской. Желѣзнодорожная неразбериха. Terra incognita. Спб. 1911 г. Стр. VIII+231. Цѣна 1 р. 25 к-

За послѣдніе два года на книжномъ рынкѣ появилось нѣсколько болѣе или менѣе цѣнныхъ книгъ, посвященныхъ разработкѣ желѣзнодорожныхъ вопросовъ. Одной изъ нихъ является книга г. Верховского «Желѣзнодорожная неразбериха», носящая нѣсколько странный названіе, какъ объясняетъ авторъ, потому, что «сами желѣзнодорожники не успѣли разобраться въ своемъ собственномъ гнѣздѣ...»

Нераціональность постановки дѣла на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, неуклонно ведущая къ желѣзнодорожному банкротству, побудила автора высказать свои мысли, навѣянные долготѣннымъ практическимъ служеніемъ желѣзнодорожному дѣлу въ высшихъ линейныхъ должностяхъ. Авторъ, по его заявленію, прослужилъ на дорогахъ шестьдесятъ лѣтъ, почему и считаетъ себя обязаннымъ указать на тѣ дефекты, которые губятъ такое обширное государственное хозяйство, какъ желѣзныя дороги. Попутно авторъ раскрываетъ закулисную сторону дѣятельности инженеровъ, къ корпораціи которой онъ самъ принадлежалъ, предупреждая, что общество должно отнестись снисходительно къ путейскимъ дефектамъ, такъ какъ теперь въ министерствѣ путей сообщеній кипитъ реорганизаціонная работа, обещающая сдѣлать многое для упорядоченія дѣла.

Книга г. Верховского, затрагивающая множество вопросовъ, связанныхъ съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, съ интересомъ прочтется широкой публикой, мало знакомой съ внутренней стороной дѣятельности огромной государственной машины—желѣзныхъ дорогъ. Зная всѣ детали дѣла, какъ близко соприкасавшійся съ нимъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, г. Верховской наглядно знакомитъ съ желѣзнодорожными порядками, указывая на тѣ мѣры, какія, по его мнѣнію, могутъ повысить доходность нашихъ дорогъ.

Говоря о желѣзныхъ дорогахъ, нельзя не говорить и о служащихъ на нихъ, о томъ многотысячномъ муравейникѣ, который работаетъ для доставленія государству и народу скорыхъ и безопасныхъ путей сообщенія. На этой точкѣ зрѣнія—и надо сказать весьма справедливой—стоитъ Н. П. Верховской. Въ указанныхъ имъ путяхъ къ улучшенію желѣзнодорожнаго дѣла доминируетъ вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго и правового положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ. Прогрессъ желѣзныхъ дорогъ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ того, въ какомъ положеніи находятся служащіе—къ этому выводу давно уже пришли въ Западной Европѣ. У насъ же большинство проектовъ къ увеличенію доходности дорогъ обычно сводилось къ уменьшенію заработка служащихъ. Но, въ свою очередь, и правовое положеніе служащихъ, какъ рисуетъ его г. Верховской, весьма печально. Отсутствіе устава, который такъ или иначе регламентировалъ бы положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ, ставить ихъ въ прямую зависимость отъ усмотрѣнія администраціи. Въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ восьмисотъ тысячная армія желѣзнодорожныхъ служащихъ не можетъ опереться ни на какія правила, такъ какъ третій томъ свода законовъ о службѣ гражданской на нихъ не распространяется. Поэтому, напримѣръ,

отпуска въ лѣтнее время, пособія на леченіе и т. п. являются для служащихъ какъ бы милостью начальства и не составляютъ права служащихъ. Въ своей книгѣ г. Верховской приводитъ цѣлый рядъ мѣръ къ улучшенію быта служащихъ на дорогахъ, рекомендуя устройство для служащихъ столовыхъ, церквей, школъ, разумныхъ увеселеній, библиотекъ и организацій страхованій, судовъ чести и т. п. а также указываетъ на необходимость повысить жалованье и разработать правила объ отпускахъ. Словомъ, г. Верховской даетъ совѣтъ администраціи дорогъ всячески проводить принципъ гуманности и человѣческаго отношенія къ желѣзнодорожнымъ служащимъ, — «бѣлымъ неграмъ», — какъ ихъ называетъ авторъ, хорошо знакомый съ ихъ трудомъ.

Въ заключеніе нельзя умолчать и о недостаткахъ книги, какъ, напримѣръ, ея бессистемность и разбросанность однородныхъ вопросовъ по разнымъ главамъ. Затѣмъ, совершенно лишней намъ кажется глава, гдѣ авторъ объявляетъ войну буквѣ з, рекомендуя ее выкинуть изъ телеграфной и письменной корреспонденціи дорогъ. По его подсчету оказалось, что въ 1907 году желѣзныя дороги приняли и передали по телеграфу 1.730.000.000 лишнихъ знаковъ только потому, что депеши писались съ твердымъ знакомъ въ концѣ словъ. Эта глава своей несерьезностью не соотвѣтствуетъ содержанію всей книги...

Вит. Ткачукъ.

Сказки и разказы бѣлоруссовъ-полѣшуконъ. А. Н. Сержпутовскій. Спб. 1911 . Стр. 185. Цѣна не обозначена. Грамматическій очеркъ бѣлорусскаго нарѣчія. А. Н. Сержпутовскій. Спб. 1911 г. Стр. 66. Цѣна не обозначена.

Бытовые рассказы и сказки г. Сержпутовскаго, собранные имъ по преимуществу въ Минской губерніи, не только даютъ матеріалы къ изученію творчества и говора бѣлоруссовъ, но по изданнымъ имъ образцамъ можно судить о духовной пищѣ, которой питаются бѣлоруссы-полѣшуконъ. Почти всюду устная литература замѣняетъ книжную въ жизни безграмотнаго народа. Поэтому совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ о томъ, что подъ вліяніемъ рассказовъ, сказокъ, пословицъ и другихъ продуктовъ устнаго народнаго творчества вырабатываются отчасти все міровоззрѣніе, вся житейская мудрость и всѣ этическія представленія темнаго деревенскаго люда. Образованные люди, кромѣ домашняго и школьнаго воспитанія и общенія съ себѣ подобными, въ свободное время, посредствомъ чтенія книгъ, имѣютъ возможность слушать рѣчи великихъ и гениальныхъ людей и поучаться у нихъ. Это непосредственное общеніе съ отсутствующими или уже давно умершими авторами книгъ, доступное грамотному человѣку, нерѣдко даетъ читателю отвѣты на тѣ или иные запросы духа и является величайшимъ благомъ, какое только дано разумному существу. Неграмотный человѣкъ лишенъ этого блага: онъ вынужденъ научаться лишь изъ устныхъ рассказовъ, такъ какъ слушать чтеніе книгъ не всегда возможно, да, кромѣ того, книжный языкъ вообще мало понятенъ простолюдину, а особенно бѣлоруссу-полѣшукону, который знаетъ одно свое мѣстное нарѣчіе. Присущая человѣку потребность отыскать отвѣты на житейскіе вопросы выработала у простолюдина любовь къ рассказамъ, сказкамъ и т. п. произведеніямъ народнаго

творчества. Гдѣ бы ни находился бѣлорусскій крестьянинъ разѣ ему позволяет досугъ или не чрезмѣрно тяжелый физическій трудъ, онъ приступаетъ къ сказкамъ, рассказамъ и т. п. Содержаніе бѣлорусскихъ сказокъ и рассказовъ нерѣдко весьма содержательно. Въ иныхъ изъ нихъ повѣствуется о томъ, какъ хитрый мужикъ умѣлъ разговаривать съ паномъ, которому «нихто не могъ угадиць», и котораго «усѣ баялися, бы чорта»; въ другихъ такой же полѣшукъ перехитрилъ самого чорта въ Богоявленіе, когда освященіе воды выгоняетъ отъ туда всѣхъ нечистыхъ вонь и «беда тагда у поли...» Тотъ же мужикъ отлично справляется съ ксендозомъ, жидомъ и т. д.

Преобладающій характеръ устныхъ сказаній бѣлоруссовъ весьма часто лишень героизма и добродѣтели, а скорѣе проникнуть ловкостью, изворотливостью находчивостью и множествомъ иныхъ «кривыхъ путей», по которымъ поневолѣ приходится народу итти противъ своихъ недруговъ. Часто въ этихъ сказаніяхъ полѣшукъ открыто предпочитаетъ «пекло» небу, порокъ—добродѣтели, особенно, когда онъ заблудился и попалъ на небо, гдѣ не было «цюцюну», «горѣлки», «пѣсень», но «усе светое, а чалавѣкъ грѣшны...». Къ лучшему пониманію бѣлорусскаго нарѣчія, авторомъ изданъ краткій грамматическій очеркъ этого нарѣчія.

А. Ф—овъ.

Е. А. Нагродская. Гнѣвъ Діониса. Спб. 1911 г. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее произведеніе нашей современной изящной словесности имѣло шумный успѣхъ и въ короткое время выдержало на книжномъ рынкѣ цѣлыхъ три изданія. Въ формѣ исповѣди жизни авторъ представляетъ читателямъ очень интересное положеніе женщины по профессіи извѣстной художницы, ставшей въ интимныя, половыя отношенія сразу къ двумъ мужчинамъ—законному мужу и возлюбленному, явившемуся на ея горизонтѣ тѣмъ физическимъ типомъ, съ котораго она срисовала для своей картины «Гнѣвъ Діониса» образъ героя полотна и отъ котораго ей суждено было стать матерью. Всѣ перепитіи романа съ обоими мужчинами изображены г-жею Нагродской интересно, съ глубокимъ анализомъ женской физики и психики, въ интересныхъ положеніяхъ и рассказаны красивымъ языкомъ. Героиня является передъ нами какъ бы вѣчно раздвоенною—какъ жена съ высоконравственными чувствами къ мужу и его семьѣ и какъ артистка, съ сильно повышеннымъ воображеніемъ и чувственностью, для которой красота, какъ таковая, стоитъ превыше всего. Это поклоненіе красотѣ приводитъ ее къ драмѣ, гдѣ передъ ней ставится вопросъ: который же изъ двухъ? Ея рѣшеніе склоняется въ пользу святости семейныхъ узъ и домашняго очага, но тутъ, вопреки логикѣ и рефлексіи, родившійся ребенокъ побуждаетъ ее принять двойственное рѣшеніе: и тотъ и другой! Удаленіе отъ одного изъ двухъ мужчинъ равносильно гибели любого изъ нихъ, влечетъ за собою потерю сына, невозможность съ нимъ сообщаться, что превыше ея материнскихъ силъ. Ради этихъ материнскихъ чувствъ, ради возможности имѣть приближеніе къ ребенку, который, съ согласія мужа, переходитъ на попеченіе физическаго отца, ей приходится пережить рядъ компромиссовъ, рядъ кошмарныхъ драмъ, въ заключеніе которыхъ она счастливо

выходитъ изъ своего труднаго жизненнаго положенія, получивъ возможность въ извѣстной мѣрѣ спасти счастье окружающихъ. Компромиссъ, построенный на принципѣ маленькой лжи, устраняетъ отъ всѣхъ печальную и кровавую развязку: все кончается къ общему благополучію и, если что, страдаетъ, то это ея творчество художника. Физическая страсть и жизненная борьба поглощаютъ ея производительныя творческія силы и женщина—мать торжествуетъ въ концѣ концовъ надъ женщиной художницей. Повѣствованіе г-жи Наградской обильно чрезвычайно интересными положеніями, которыя въ краткой рецензіи не подлежатъ изложенію и насъ при регистраціи настоящей литературной новинки интересуютъ не эти положенія, ни даже самая фабула романа, а та заключительная его часть, гдѣ мы находимъ опредѣленное беллетристическое толкованіе, которое освѣщаетъ и объясняетъ все движеніе пружинокъ, приводящихъ въ дѣйствіе выведенныхъ главныхъ лицъ. Это толкованіе почерпаетъ свой генезисъ изъ того научнаго вывода, который намъ знакомъ по литературѣ, гдѣ сдѣлана попытка размежевать мужское и женское существо, проникнуть въ таинство ихъ физики и психики и отсюда сдѣлать опредѣленные выводы, дающіе объясненіе тѣмъ или инымъ ихъ дѣйствіямъ, наклонностямъ и ощущеніямъ. Г-жа Наградская именно изъ особенностей этихъ началъ мужской и женской природы даетъ толкованіе влеченіямъ дѣйствующихъ лицъ и устами одного изъ второстепенныхъ лицъ повѣствованія говоритъ:

«Вы сейчасъ сказали: ни одна женщина не попадала въ такое положеніе, жизнь сложилась странно и неестественно. Но дѣло въ томъ, что вы «женщина». Поставьте на ваше мѣсто мужчину и... все распутается, все дѣлается обыкновеннымъ.

«Вѣдь десятки, что я говорю—десятки, сотни, тысячи мужчинъ живутъ такъ. Переживаютъ то, что пережили вы. Допустимъ на минуту, что вы мужчина, и расскажемъ вашу исторію. Вы женаты, живете мирно и тихо съ рѣдкой по уму и добротѣ женой, вы ее любите прочной, «сознательной», хорошей любовью. Вы всецѣло принадлежите своему искусству и жена ваша не мѣшаетъ вамъ. Она немного буржуазна, не всегда отвѣчаетъ на запросы вашей артистической натуры, но вы знаете, что она васъ любитъ вѣрно и преданно—живетъ вами, охраняетъ вашъ покой и уважаетъ ваше призваніе, ваши вкусы и привычки. И вдругъ—вы встрѣчаете женщину! красивую, увлекательную, умную, страстную! Эта женщина влюбляется въ васъ, не скрываетъ свои чувства, она говоритъ вамъ рѣчи, которыхъ никогда не говорила ваша кроткая, милая жена. Она сулитъ вамъ такую бездну наслажденій! Красота ея такъ ярка, страсть—заразительна! Какой мужчина устоитъ тутъ! И вы не устояли! Вы боролись, вы мучились, вы не переставали любить свою жену, но «другая» все—страсть, красота, поэзія!

«Въ то же время эта «другая»—красивый деспотъ—она хочетъ владѣть вами безраздѣльно. Ей мало вашего тѣла—она требуетъ души. Ей мало, что вы жертвуете женой и семьей—она требуетъ вашего искусства. Съ этимъ вы мириться не можете. Начинаются сцены, слезы—все, чего такъ не любятъ мужчины...

«Вы начинаете охладѣвать. Слезы и сцены удваиваются, утраиваются. Вы готовы порвать все, кончить, бѣжать... Но тутъ—является ребенокъ. Вы

его любите. Тутъ нужно оговориться, что ваша любовь сильнѣе и страстнѣе любви мужчины въ такомъ случаѣ. Вы родили ребенка «сами»... Да, вы любите ребенка, вамъ его жаль. Эта жалость къ нему и его матери беретъ верхъ надъ всѣми вашими чувствами и вы рѣшаете пожертвовать вашимъ искусствомъ и женой. Но когда вы видите вашу жену—прежняя привязанность охватываетъ васъ съ новой силой, вы видите еще, кромѣ того, что и искусство ваше остается при васъ. Прибавьте еще сюда, что въ силу постороннихъ обстоятельствъ жена ваша остается одинокой и у васъ не хватаетъ духа порвать съ ней и вы жертвуете другой... и жертвуете съ легкимъ сердцемъ. Вы успокаиваетесь, но... вамъ не даютъ ребенка. Привязанность къ нему все растетъ, а вы видите, что покой и счастье этого ребенка можно купить только однимъ: опять сойтись съ его матерью, которая по прежнему начинаетъ манить васъ своей красотой. Вернуться къ ней—значитъ убить вашу милую, преданную жену. Оттолкнуть ее—пожертвовать ребенкомъ... Вы страдаете, колеблетесь... и идете на компромиссъ.

«Получается самая банальная исторія! Обыкновенная исторія десятка тысячъ мужчинъ.

«— Но я-то женщина»—возражаетъ героиня.

«— Нѣтъ, Татьяна Александровна,—вы *мужчина*. Что же въ томъ, что вы имѣете тѣло женщины, женщины, къ тому же женственной, нѣжной и граціозной. Все же вы мужчина. Вашъ характеръ кажется очень оригинальнымъ и сложнымъ, если смотрѣть на васъ, какъ на женщину, а какъ мужчина, вы просты и обыкновенны. Добрый малый, большой поэтъ, увлекающійся, чувственный, но честный и любящій, хотя и грубоватый, какъ всѣ мужчины... Вспомните... сами вы, во время нашихъ долгихъ бесѣдъ, говорили о масѣ мужскихъ чертъ въ вашемъ характерѣ. Вспомните, какъ вы въ дѣтствѣ, когда мы любимъ безсознательно,—влюблялись только въ женщинъ. Вы понимаете и любуетесь женской красотой и пишете женщинъ съ увлеченіемъ. Во время нашихъ разговоровъ въ вашей мастерской я наблюдалъ за вашими словами. Вы судили о женщинахъ совершенно съ точки зрѣнія мужчинъ... Вы должны были бы быть лесбіанкой?..

«— Александръ Васильевичъ!

«— Полноте, другъ мой, вы сейчасъ испугались слова, а не понятія. Вы не сдѣлались ею только потому, что ваше воспитаніе, обстоятельства, ваша нравственная чистота и вашъ, до встрѣчи съ Старкомъ (герой романа), не проснувшійся темпераментъ не допустили васъ пойти по этому пути. Кромѣ того, вамъ это не пришло въ голову, вы не знали «секрета». Судьба столкнула васъ съ Старкомъ.... Здѣсь я вижу дѣйствительно странный случай, какую-то «шутку сатаны», потому что Старкъ былъ именно тѣмъ между мужчинами, чѣмъ вы между женщинами. Сильный, смѣлый, онъ имѣлъ женскую натуру—даже больше, чѣмъ вы. Въ вашей наружности нѣтъ ничего мужского, тогда какъ формы тѣла Старка, его манеры—нѣжнѣе и изящнѣе, чѣмъ у большинства мужчинъ. Для нормальныхъ людей женственность въ мужчинѣ непріятна, но посмотрите, какъ Старкъ сампатиченъ всѣмъ. Онъ нравится людямъ совершенно противоположнымъ по характеру. А его любовь къ ребенку? Развѣ это отцовская любовь? Нѣтъ, онъ мать—и мать самая страстная. Онъ до встрѣчи

съ вами, одолѣваемый своимъ страстнымъ темпераментомъ, бросался отъ одной женщины къ другой и отходилъ злой и неудовлетворенный нравственно. Странно, что судьба столкнула васъ, но что вы бросились одинъ къ другому черезъ всѣ препятствія—ничего нѣтъ удивительнаго. Было бы странно, еслибы этого не случилось. Ни онъ съ другой женщиной, ни вы съ другимъ мужчиной этой страсти не испытали бы никогда. Вы счастливая женщина, другъ мой!»

Такова, во-первыхъ, мораль автора о маленькой лжи, необходимой для счастья, въ подобныхъ жизненныхъ коллизіяхъ, каковыя мы встрѣчаемъ въ романахъ, и во вторыхъ, такова теорія о женщинахъ съ мужскими натурами и мужчинахъ съ женскою натурою. Но что же, эти мораль и теорія подлежатъ ли обобщенію или ихъ примѣненіе исключительный случай? Надѣмся на послѣднее, иначе и г-жу Нагородскую подобно г-жѣ Лихачевой, о книжкѣ которой мы дали отзывъ въ послѣднемъ № журнала, придется причислить къ категоріи проповѣдницъ, пытающихся внести въ окружающую жизнь новые социальныя начала, противъ которыхъ общественность, по необходимости, должна ополчиться. Начала абсолютной свободы, которыя проповѣдуетъ г-жа Лихачева и начала лжи, которыя въ качествѣ необходимаго цемента счастья выдвигаетъ на авансцену г-жа Нагородская, нѣчто ужасно неустойчивое, на чемъ общественный укладъ покоиться не можетъ. Но не о томъ сейчасъ будемъ мы говорить: мы нарочно отмѣтили въ нашихъ довольно обширныхъ рецензентскихъ замѣткахъ подрядъ двѣ категоріи произведений, гдѣ женское творчество избираетъ себѣ новые проповѣдническіе пути и, стоя на послѣднихъ, пытается внести въ литературу и жизнь новые элементы, идущіе въ разрѣзъ съ обычной моралью. Г-жа Санжирь, о которой въ прошломъ году мы говорили, г-жа Лихачева, г-жа Нагородская, г-жа Вербицкая, о которой мы еще будемъ говорить,—вотъ новая струя, просочившаяся въ нашу современную литературу, которая поневолѣ заставляетъ задуматься—здоровыя ли общественныя начала принесъ намъ феминизмъ въ лицѣ его наиболѣе крайнихъ представительницъ? Очевидно, мы присутствуемъ при любопытной переоцѣнкѣ женскихъ былыхъ цѣнностей, гдѣ мужчинамъ приходится вынести надъ собою строгій судъ и выслушать карательный приговоръ и при томъ безъ всякой надежды на снисхожденіе. Посмотримъ же, о чемъ «поетъ» и при томъ съ такимъ шумнымъ успѣхомъ, г-жа Вербицкая и тогда попытаемся сдѣлать одну общую сводку съ соответствующимъ выводомъ.

В. Г.

В. В. Сусловъ. Русское зодчество по преданьямъ народной старины. Изданіе товарищества Голике и Вильборгъ. Спб. 1911. In 4°. Стр. 2 нен. + 54. Цѣна 5 руб.

Въ этомъ великолѣпно и дешево изданномъ альбомѣ рисунковъ нѣтъ, по словамъ издателей, «ни готоваго матеріала къ возведенію построекъ, ни опредѣленной характеристики русской архитектуры,—цѣль изданія дать хотя бы только отдаленный матеріалъ къ подобнымъ вопросамъ и лишній разъ возбудить вниманіе общества къ нашему богатому художественному наслѣдію». Рисунки академика В. В. Суслова можно назвать исторической лирикой зодчаго-поэта, вдохновляющагося своеобразной красотой и величіемъ русскаго народнаго

архитектурнаго стиля, такъ безопадно преслѣдуемаго все уравнивающимъ временемъ и такъ неблагодарно пренебрегаемаго русскимъ обществомъ. Когда перелистываешь альбомъ Сулова, когда вглядываешься въ любящей рукою набросанныя варіаціи на старыя архитектурныя темы, не можешь не залюбоваться этими теремами, палатами и хоромами съ ихъ «окошечками косящатыми», «столбиками точеными», «сѣнниками кленовыми», этими хмурыми и гордыми поселищами «на орлиной горѣ, на высокой кручѣ»,—и начинаешь понимать, какимъ зодческимъ богатствомъ, самобытно разработаннымъ, владѣлъ народъ, и ближе познаешь ликъ народный. Творческая фантазія В. В. Сулова, много лѣтъ своей жизни посвятившаго родной архитектурной старинѣ, ни разу не выходитъ за предѣлы дѣйствительности, и въ самыхъ смѣлыхъ и сказочныхъ его опытахъ чувствуется обыденная бытовая и художественная правда, свидѣтельствующая, что старый стиль только замеръ, но не умеръ, и что въ немъ кроются залого дальнѣйшаго развитія оригинальныхъ формъ и красота.

Н. Л.

Ал. Кондратьевъ. Улыбка Ашеры. Спб. 1911. Стр. 125. Ц. 85 к.

Дарованіе г. Кондратьева стоитъ того, чтобы быть отмѣченнымъ въ историческомъ журналѣ. Виѣшность его произведеній беллетристическая: воображенію дается большой просторъ, но обстановка фона картины тщательно разрабатывается на историческо-бытовой основѣ. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣнность опытамъ молодого автора. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ примыкаетъ къ направленію Пьера Луиса, за переводъ «Пѣсенъ Билитисъ» котораго, кстати сказать, г. Кондратьевъ врядъ ли основательно привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Г. Кондратьева увлекаетъ по преимуществу древній міръ: по преимуществу бытовая религіозная сторона Финикіи, Вавилона, Палестины, Греціи. Востокъ въ особенности притягиваетъ и вдохновляетъ воображеніе автора: онъ даетъ ему самыя яркія страницы. Но г. Кондратьевъ не историкъ въ собственномъ смыслѣ слова; онъ пользуется бытомъ, обстановкой, вѣрованіями какъ матеріаломъ, изъ котораго воображеніе лѣпитъ самостоятельно причудливыя фигуры и пользуется для созданія своеобразныхъ положеній. Путемъ творчества, представителемъ котораго является г. Кондратьевъ, создана неподражаемая поддѣлка подъ шотландскій эпосъ «Пѣсни Оссіана». Отрывокъ «На невѣдомомъ островѣ» г. Кондратьева замѣчательно возстановляетъ духъ Одиссеи и «Улыбка Ашеры», рисующая страсть плѣннаго грека къ финикійнкѣ, создаетъ даже нѣчто совершенно оригинальное. Въ разсказѣ «Въ пещерѣ» причудливо переплетаются христіанскія воззрѣнія съ демонологіей и культомъ Астарты. Любители древняго міра ознакомятся съ книжкой г. Кондратьева не безъ удовольствія.

В. Г.

П. Е. Щеголевъ. Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. Изд. академіи наукъ. Спб. 1910. Стр. 141. Цѣна не обозначена.

Работа П. С. Щеголева напечатана въ XIV выпускѣ издаваемого академіей наукъ журнала «Пушкинъ и его современники» (Спб. 1911). Отдѣльный оттискъ появился ранѣе. Эта обширная работа, можно сказать, цѣлое изслѣдованіе, посвящена вопросу о томъ, кто была та женщина, къ которой питалъ такую сильную любовь Пушкинъ въ первую эпоху жизни на югѣ. Широкой публикѣ работа П. Е. Щеголева можетъ показаться крохоборствомъ, тяготѣніемъ къ не имѣющимъ особаго значенія частностямъ, въ то время, когда такъ мало разработаны и освѣщены многіе важные вопросы жизни и творчества поэта. Но такой взглядъ можетъ быть продуктомъ чисто диллетанской точки зрѣнія. Для научнаго изученія Пушкина работа представляетъ большой интересъ, такъ какъ затронутый вопросъ далеко не частный и мелкій: это чувство отразилось довольно сильно въ творествѣ Пушкина, играло видную роль въ его субъективныхъ переживаніяхъ.

Вопросъ кто была эта женщина, имя которой такъ тщательно скрывалъ поэтъ,—одинъ изъ самыхъ темныхъ и малоосвѣщенныхъ въ Пушкинской литературѣ. Въ 1908 году М. О. Гершензонъ въ статьѣ «Сѣверная любовь Пушкина», указывалъ, что это чувство, живое и сильное, зародилось въ поэтѣ еще въ Петербургѣ, онъ привезъ его на югъ съ сѣвера. По предположенію М. О. Гершензона, этой женщиной была кн. М. А. Голицына. Посвятивъ много вниманія разсмотрѣнію этого мнѣнія, П. Е. Щеголевъ рѣшительно, въ категорической формѣ отвергъ его и, приведя цѣлый рядъ соображеній, основанныхъ на изученіи жизни, творчества и рукописей поэта, выдвинулъ положеніе, что той женщиной, къ которой питалъ Пушкинъ на югѣ такое сильное чувство, была Марія Раевская, впоследствии жена декабриста князя Волконскаго. Разбирая мнѣніе М. О. Гершензона, П. Е. Щеголевъ подвергъ критикѣ взгляды на этотъ вопросъ и Н. О. Лернера, высказавъ цѣлый рядъ довольно ядовитыхъ замѣчаній, касающихся не только взглядовъ на этотъ вопросъ, но и метода работы вообще обоихъ изслѣдователей. Трудъ П. Е. Щеголева, обратившій вниманіе всѣхъ пушкинистовъ, вызвалъ цѣлую полемику между нимъ, М. О. Гершензономъ и Н. О. Лернеромъ. При оцѣнкѣ работы П. Е. Щеголева, конечно, прежде всего нужно выслушать мнѣніе о немъ этихъ изслѣдователей, работавшихъ надъ даннымъ вопросомъ и среди изучающихъ Пушкина пользующихся почетнымъ положеніемъ. М. О. Гершензонъ («Пушкинъ и его современники», вып. XIV) призналъ работу П. Е. Щеголева несостоятельной, недоказательной, Н. О. Лернеръ категорически заявилъ («Современникъ», 1911 г., кн. IV), что она «ни одного изъ возбужденныхъ вопросовъ не рѣшаетъ удовлетворительно». Въ свою очередь, П. Е. Щеголевъ, отвѣчая М. О. Гершензону, призналъ его возраженіе совершенно не убѣдительнымъ, что «его изслѣдованія въ области текста такъ же, какъ и его біографическія разысканія, являются плодомъ не столько ученой разсудительности, сколько воображенія, мечтательнаго воображенія».

Такимъ образомъ, мы видимъ полное несогласіе между тремя видными знаками Пушкина, высказанное въ формѣ категорическихъ сужденій. И, слѣдовательно, на долю рецензента выпадаетъ очень трудная и отвѣтственная задача—безпристрастно разобраться въ этомъ горячемъ спорѣ, не лишенномъ взаимной рѣзкости и уколовъ. Затронутый вопросъ—очень сложенъ, специаленъ по своему характеру, слагается изъ разрѣшенія цѣлаго ряда мелкихъ деталей. Поэтому нужно самому самымъ тщательнымъ образомъ изучить всѣ источники, вплоть до черновыхъ рукописей, чтобы дать вполне опредѣленную и объективную оцѣнку работы П. Е. Щеголева и вызванной ею полемики. Не беря на себя смѣлость давать подобную оцѣнку, мы позволимъ себѣ высказать личный взглядъ, не претендуя на его объективное значеніе. Прочитавъ самымъ внимательнымъ образомъ какъ работу П. Е. Щеголева, такъ и критику М. О. Гершензона и Н. О. Лернера, стремясь какъ можно безпристрастнѣе отнестись къ полемикѣ, у насъ сложился такой взглядъ. Прежде всего, намъ кажется, что П. Е. Щеголевъ довольно убѣдительно вскрылъ шаткость фактического фундамента, который подвелъ подъ свое положеніе М. О. Гершензонъ, указывая, что предметомъ любви поэта, о которой говорилось, была княгиня Голицына. Но П. Е. Щеголевъ этимъ не ограничивается, онъ считаетъ, что она «въ исторіи увлеченій поэта не занимаетъ никакого мѣста или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, которыя позволили хотя бы только предполагать увлеченіе поэта княгиней М. А. Голицыной». П. Е. Щеголевъ путемъ цѣлага ряда соображеній доказываетъ, что нельзя считать, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, относящимися къ княгини Голицыной стихотвореній: «Мой другъ, забыты мной» и «Умолкну скоро я». Если, по нашему мнѣнію, П. Е. Щеголевъ правъ въ томъ, что княгиня Голицына не была той женщиной, которую такъ сильно любилъ поэтъ на югѣ, что нѣтъ прочныхъ основаній говорить даже и о томъ, что поэтъ былъ ею увлеченъ и связывать съ нею указанная стихотворенія, то, въ то же время, нѣтъ документальныхъ данныхъ, позволяющихъ вычеркивать ее совсѣмъ изъ списка тѣхъ женщинъ, которыми увлекался Пушкинъ.

Исслѣдователь считаетъ, что послѣ его работы вопросъ окончательно разрѣшенъ; авторъ такимъ образомъ, является не только исслѣдователемъ но и судьей своихъ изысканій. Намъ кажется, что П. Е. Щеголевъ переоцѣнилъ доказательность своихъ выводовъ относительно М. Раевской-Волконской. Авторъ сильно подвинулъ разработку вопроса, многое отвѣтилъ, но поставленный вопросъ не можетъ быть признанъ окончательно разрѣшеннымъ, не оставляющимъ никакого сомнѣнія въ томъ, что та женщина, къ которой поэтъ питалъ такую сильную и глубокую любовь, была М. Раевской-Волконской. Но если нѣтъ пока окончательнаго разрѣшенія, полной очевидности, то нужно признать, что соображенія и доводы автора склоняютъ въ сторону его вывода, говорятъ въ его пользу. Однимъ изъ центральныхъ пунктовъ полемики явился приводимый П. Е. Щеголевымъ изъ черновой рукописи посвященія къ «Полтавѣ» стихъ: «Сибири хладная пустыня», какъ окончательно подтверждающій выводъ исслѣдователя. М. О. Гершензонъ и Н. О. Лернеръ обвинили П. Е. Щеголева въ извѣстномъ подтасовываніи и указывали, что этотъ стихъ, если взять его въ

связи съ предыдущими, чего не сдѣлалъ П. Е. Щеголевъ, получаетъ иное значеніе, является не точнымъ географическимъ указаніемъ, а поэтическимъ иносказаніемъ:

Одна, одна ты мнѣ святыня,
Что безъ тебя св. міръ
Сибири хладная пустыня.

Въ своемъ отвѣтѣ М. О. Гершензону П. Е. Щеголевъ далъ полную транскрипцію рукописи, изъ которой видно, что, если даже усматривать въ словахъ «Сибири хладная пустыня» поэтическое иносказаніе, что еще вопросъ, то, всетаки, эпитеты «печальная», «далекая», «суровая» пустыня говорятъ за выводъ П. Е. Щеголева.

Но, даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о справедливости выводовъ автора, нельзя, если мы хотимъ быть безпристрастны, отрицать достоинствъ этой работы; она обставлена вполне научно, привлеченъ богатый фактической матеріалъ, не только печатные источники, но и рукописи, изслѣдователь не прошелъ мимо ни одного самаго мелкаго факта, связаннаго съ затронутымъ вопросомъ, и тѣмъ самымъ поставилъ его съ плоскости психологическихъ соображеній на плоскость серьезнаго научнаго изученія. Затѣмъ, нельзя отрицать, что П. Е. Щеголевъ прекрасно освѣтилъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ.

При общемъ серьезномъ характерѣ работы странное впечатлѣніе производилъ презрительный и насмѣшливый тонъ, которымъ говоритъ П. Е. Щеголевъ о М. О. Гершензонѣ и который несомнѣстимъ съ уваженіемъ вообще заслугъ М. О. Гершензона, какъ виднаго изслѣдователя, какъ автора «Молодой Россіи» и «Чаадаева». Въ критикѣ М. О. Гершензономъ и Н. О. Лернеромъ работы П. Е. Щеголева сильно выступаетъ односторонность: несогласіе въ выводахъ повлекло игнорированіе заслугъ П. Е. Щеголева и всякихъ достоинствъ его работы.

А. Г. Фоминъ.

Рони-старшій. Борьба за огонь. Доисторическій романъ. Изданіе М. И. Семёнова. Спб. 1911. Стр. 216. Ц. 1 рубль.

Два брата Бексъ, пишущіе большею частью совмѣстно подъ хорошо извѣстнымъ псевдонимомъ Рони, принадлежать къ числу наиболее плодотворныхъ и талантливыхъ писателей современной Франціи. Сторонники натурализма, они избавлены отъ его сухости и узости; не чуждаясь новыхъ литературныхъ теченій, оба брата чужды, однако, всякихъ уродливыхъ крайностей. Наконецъ, обладая большою начитанностью и богатой фантазіей, они оригинальны въ выборѣ сюжетовъ.

Романъ «Борьба за огонь», написанный однимъ старшимъ братомъ, переноситъ читателя въ ту первобытную эпоху, когда по лицу дѣвственной земли бродили мамонты, а люди еще не умѣли добывать огонь. Казалось бы, какой интересъ, кромѣ естественно-историческаго, можетъ представлять эта эпоха. А между тѣмъ авторъ ведетъ свое повѣствованіе съ такой увлекательностью, что невольно съ замираніемъ сердца слѣдишь за похождениями героя романа Нао, отиравившагося добывать у сосѣднихъ племенъ огонь, потухшій у его

разбитыхъ врагами сородичей. Читая эту книгу, совершенно отрываешься отъ окружающей дѣйствительности и съ особымъ жуткимъ ощущеніемъ чувствуешь себя лицомъ къ лицу съ тогдашней грандіозной природой. Рекомендуемъ эту книгу какъ для любителей художественнаго чтенія, такъ и для юношества, ищущаго самообразованія.

Это изданіе является на русскомъ языкѣ единственнымъ полнымъ переводомъ, какъ усматривается изъ предисловія. Оно снабжено предисловіемъ Пуансо, который даетъ краткій, но содержательный критическій обзоръ литературной дѣятельности обоихъ братьевъ.

А. В.

Павель Кавтарадзе. (П. К.) «Потѣшные» и воспитаніе въ народной школѣ. Подъ редакціей С. А. Толузакова. Изданіе В. К. Шенка. Спб. 1911. стр. 47. Цѣна 30 коп.

Авторъ этой брошюры задался цѣлью «дать, на грубой канвѣ теоретическихъ данныхъ, манящій образъ русскаго гражданина-воина».

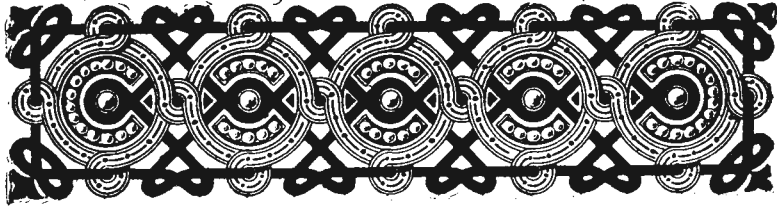
Развивая положеніе, что «воспитаніе народа должно зиждиться на развитіи въ немъ воинскаго духа», авторъ указываетъ на примѣры большинства другихъ странъ, гдѣ всѣми признана необходимость связи между военной организаціей и народнымъ воспитаніемъ. Послѣ побѣдоносной французской войны Германія, для большаго развитія національнаго чувства и военной мощи, вводитъ военный строй и гимнастику, какъ обязательный предметъ преподаванія въ школѣ. Въ Англіи по инициативѣ самого общества создаются кадры будущихъ защитниковъ государства въ видѣ «юныхъ развѣдчиковъ». Въ Японіи отъ учителя начальной школы, кромѣ общеобразовательнаго ценза, требуется еще и военная шестимѣсячная подготовка въ строю. Даже въ Китаѣ, по недавнему манифесту богдыхана, во всѣхъ среднихъ и низшихъ школахъ вводится обученіе военному искусству.

Переходя къ вопросу о «потѣшныхъ», авторъ останавливается на вліяніи общихъ условій жизни на воспитаніе, на средствахъ воспитанія, даетъ очень дѣльные и серьезные совѣты, какъ употреблять внѣклассное время, говорить объ условіяхъ, при которыхъ будетъ совершаться переходъ деревенскаго парня къ военной службѣ при устройствѣ потѣшныхъ войскъ въ народной школѣ.

Брошюрка г. Кавтарадзе не безъ интереса прочтется и народными учителями, и широкой публикой, интересующейся злободневнымъ вопросомъ о «потѣшныхъ». Къ недостаткамъ этой брошюры надо отнести ея какой-то странный, приподнятый слогъ, доходящій иногда прямо до ходульности.

М—о.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

И ПЛОМАТИЧЕСКІЕ переговоры въ 1870 г. —

Въ Парижѣ только что вышелъ пятнадцатый томъ «Исторіи либеральной имперіи», Эмиля Оливье, гдѣ не разъ упоминается о Россіи. Авторъ разсматриваетъ, какой политики держались европейскіе монархи въ 1870 г. относительно Франціи и указываетъ на изолированное положеніе Наполеона III-го. Первое разочарованіе было вызвано русскимъ царемъ, который понуждаемый прусскимъ императоромъ, удостовѣрилъ его въ своей привязанности. По мнѣнію Оливье, царь полный уваженія къ памяти отца, когда повиновался своему сердцу, на первое мѣсто ставилъ чувство, а потомъ политическія соображенія. И въ отношеніи къ Наполеону III онъ выказалъ себя такимъ же. Онъ не колеблясь далъ обѣщаніе дядѣ и король сообщилъ королевѣ радостную вѣсть, что Россія одна объявила не только нейтралитетъ доброжелательный, но предоставила предусматривать и большее. Это обязательство царя по отношенію къ своему дядѣ, говоритъ Оливье, по словамъ Бисмарка, не было результатомъ правильнаго трактата, но покоилось единственно на словѣ государя и отъ этого становилось еще болѣе обязательнымъ. Оно было тожественно съ обязательствомъ, заключеннымъ Францемъ Юсифомъ и Викторомъ Эмануиломъ относительно Наполеона III. Объявивъ себя такимъ образомъ, говоритъ Оливье, царь выказалъ себя хорошимъ родственникомъ болѣе, чѣмъ добрымъ русскимъ, ибо его народъ не одобрилъ этого шага.

Александръ II оставлялъ всѣхъ въ невѣдѣніи относительно своего рѣшенія и особенно заинтересованныя страны, Францію и Австрію. Въ своей прокламации о нейтралитетѣ 18-го іюля онъ сказалъ въ общихъ словахъ: «Самое горячее содѣйствіе императорскаго кабинета остается согласнымъ со всѣми

попытками, сдѣланными для ограниченія военныхъ операцій, сокращенія продолжительности войны и возвращенія благоденствія и мира».

Александръ II взялся сдѣлать спеціальныя комментаріи къ этой деклараціи для каждой заинтересованной страны. Онъ сказалъ Флери, что не поставитъ никакихъ возраженій противъ итальянскаго союза, находя естественнымъ, что итальянская армія взяла тотъ же путь черезъ Альпы, чтобы притти на помощь Франціи, какой взяла Франція, идя на помощь Италиі.

Уполномоченный Россіи Окуневъ сообщилъ Грамону о резолюціи царя. «Если Австрія, сказалъ онъ, сдѣлаетъ приготовленія, Россія начнетъ свои; въ Петербургѣ будутъ дѣлать то, что въ Вѣнѣ. Если австро-венгерская кавалерія будетъ на военной ногѣ, то же самое будетъ съ русской кавалеріей—если артиллерія готова къ военнымъ дѣйствіямъ—русская также. Однимъ словомъ если Австрія встанетъ на ногу вооруженнаго нейтралитета, Россія сдѣлаетъ то же, и наконецъ, если Австрія вступитъ въ компанію какъ союзница Франціи, то Россія вступитъ въ компанію, какъ союзница Пруссіи. Для французскаго правительства выгоды не только отказаться отъ всякаго участія Австріи, но еще использовать свое вліяніе въ Вѣнѣ, чтобы прекратить тамъ вооруженіе и военныя приготовленія. Взамѣнъ Россія обѣщала хранить строгій нейтралитетъ.

Предупредивъ такимъ образомъ Францію, Александръ II поспѣшилъ обратиться къ Австріи. Онъ потребовалъ къ себѣ австрійскаго посланника Хотека и сказалъ ему: «Я желаю оставаться совершенно вѣн начинающейся войны; я хочу соблюдать строгій нейтралитетъ, не вооруженный. Я останусь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока прямой интересъ Россіи не будетъ затронутъ. Я называю прямымъ интересомъ вопросъ о Польшѣ, относительно котораго я не могу мириться. Съ момента, когда вы примете вооруженную и угрожающую позицію, она подымется и хотя, противъ своего сердца, я долженъ буду превратить мое поведеніе изъ невооруженнаго въ вооруженный нейтралитетъ и направить мои военныя силы противъ валией границы... Это положеніе можетъ стать самой опасной наклонной плоскостью. Несмотря на увѣренія генерала Флери, что Франція не коснется польскаго вопроса, я получилъ свѣдѣнія, которыя доказываютъ, что въ этихъ провинціяхъ встрепетулись. Я думаю, что эти французскія заявленія еще неизвѣстны и хотя я принялъ ихъ съ благодарностью я не исполнѣ имъ довѣряю. Я просилъ васъ зайти ко мнѣ, чтобы вы могли слышать все это отъ меня самого и передать императору убѣдительную просьбу, съ которой я къ нему обращаюсь при вашемъ посредничествѣ, соблюдать правила поведенія аналогичныя съ моими. Еще разъ благодарю императора за добрыя увѣренія, доставленныя мнѣ, въ Варшаву, и которыя не изгладятся изъ моей памяти. Скажите вашему августѣйшему главѣ, что настоящіе моменты и обстоятельства еще живѣе заставляютъ меня чувствовать желаніе, чтобы мы были хорошими сосѣдями и откровенными друзьями, имѣющими одинаковые взгляды безкорыстнаго воздержанія, тоже желаніе быстраго возстановленія міра, мысль насколько возможно сузить продолжительность и напряженіе этой борьбы. Предостерегаю васъ противъ подстрекательствъ Франціи, которая хочетъ васъ вовлечь въ войну. У меня есть причины этому вѣ-

рять. Правда, что вы находитесь лицомъ къ лицу съ Пруссіей, которой вы хотите если не отмстить, то по крайней мѣрѣ къ которой вы питаете зло—чувство совершенно естественное. Однако, по моему мнѣнію, не было бы хорошей политикой для Австріи въ данный моментъ дать себя увлечь чувству мести».

На это Хотекъ замѣтилъ, что борьба приняла въ Германіи чисто національный характеръ и есть опасность, вслучаѣ пораженія французовъ, что Пруссія сдѣлается опасной притягательной силой для всѣхъ странъ, гдѣ нѣмецкое население тогда будетъ тяготѣть къ Берлину.

Повидимому, императоръ Александръ понялъ эту опасность, ему самому угрожающую въ балтійскихъ губерніяхъ, замѣчаетъ Оливье, и поэтому сказалъ Хотеку: «Вотъ одна сторона вопроса, о которой я очень радъ непосредственно съ вами поговорить. Скажите пожалуйста, вашему государю, что я моимъ словомъ честнаго человѣка, отъ имени короля прусскаго гарантирую безопасность границъ австрійской имперіи. Надѣюсь, что моему слову придадутъ цѣну, которую оно, кажется, заслуживаетъ. Лишь только я рѣшился съ вами поговорить, какъ вы только что слышали, я написалъ королю Пруссіи, что я вамъ объ этомъ объявлю отъ моего и его имени: я не ожидаю опроверженій. Что касается меня, мое слово дано вамъ на такой продолжительный срокъ, насколько вашъ нейтралитетъ останется не вооруженнымъ и вы не будете производить демонстрацій, ни сильнаго сосредоточенія войскъ. Надѣюсь, что ваши сомнѣнія относительно Пруссіи отстранятся моими увѣреніями, и гарантіями которыя вамъ даютъ онѣ. Постараемся сами сохранить миръ и вернуть его Европѣ нашимъ тѣсно связаннымъ содѣйствіемъ. Если вамъ понадобится для чего бы тамъ ни было видѣть меня, я приму васъ съ удовольствіемъ во всякое время, ибо эпоха, которую намъ предстоитъ пережить серьезная и каждый день можетъ имѣть свою задачу. Что касается меня, я не увеличу своего войска ни однимъ солдатомъ, ни одной лошадыю, увѣряю васъ. Обыкновенное сосредоточеніе войска въ Варшавѣ, кое какія небольшія мѣры внутренней безопасности—вотъ и все. Попросите императора отъ моего имени сдѣлать тоже».

Затѣмъ въ разговорѣ они коснулись южной Германіи и Александръ II высказалъ мысль, которую Хотекъ нашелъ парадоксальной, что еслибы эти страны находились со стороны сѣверной Германіи, то могли бы, даже вслучаѣ успѣха Пруссіи, добиться болѣе сноснаго существованія, чѣмъ до войны. «Еслибы императоръ Австріи и я, прибавилъ Александръ Николаевичъ, находились въ соглашеніи то громко высказали бы (я со своей стороны намѣренъ это сдѣлать), наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ и всегда нашли бы средства заставить насъ услышать даже побѣдоносную Пруссію. Что касается меня, я стоялъ бы за то, чтобы протекторатъ надъ южной Германіей дать Австріи и я стою за эту комбинацію, имѣя въ рукахъ добровольное согласіе императора Наполеона. Повторите въ Вѣнѣ все, что я вамъ сказалъ, у меня нѣтъ отъ васъ секретовъ. Сдѣлайте это скорѣе.»

Весь этотъ разговоръ былъ переданъ Хотekomъ въ рапортѣ Весту 23-го іюля. Независимо отъ официальныхъ извѣстій императоръ былъ извѣщенъ о чувствахъ Александра II еще инымъ путемъ. Въ Метцѣ за два дня до его пріѣзда

туда пріѣхала немолодая женщина и передала визитную карточку, на которой находилась надпись: «графиня Вороницъ де-Паэнца». Она желала переговорить съ маршаломъ Базэномъ, была принята его адъютантомъ и рассказала ему слѣдующее. Возвращаясь изъ Россіи, куда она ѣздила къ императору Александру просить о помилованіи зятя высланнаго въ Пермь, она проѣзжала чрезъ одну станцію гдѣ, въ моментъ, когда она полуотворила дверь, чтобы выйти изъ зала, она увидѣла русскаго императора и прусскаго короля, прогуливавшихся подъ руку по аллеѣ. Оба государя громко разговаривали и она услышала, какъ русскій императоръ сказалъ: «Особенно я хотѣлъ-бы, чтобы никто не вмѣшивался въ вашу ссору. Я велѣлъ сказать, чтобы Австрія держалась спокойно и, что если она мобилизуетъ хотя бы одного человѣка— моя польская армія выйдетъ въ Галицію. Впрочемъ, она не будетъ шевелиться: Венгрія не присоединится къ ней для ея отомщенія; никто не вмѣшается. Вы уладите ваши дѣла между собою. Я вѣрю въ вашъ успѣхъ; пора этому государю приключеній получить урокъ». Король разсыпался въ благодарностяхъ, «Я меньшаго и не ждалъ отъ твоего расположенія.... Я довѣряю моей арміи... и такъ далѣе».

Черезъ день Базэнъ былъ у императора и рассказалъ ему объ этомъ свиданіи, извиняясь за рѣзкость выраженій, которыя ему придется употребить. «Это не важно»,—отвѣчалъ императоръ. Онъ выслушалъ внимательно Базэна и поблагодарилъ его. «Это возможно»—прибавилъ онъ: но мало вѣроятно.. Интересы Австріи такъ очевидны. Надо другіе мотивы, чтобы войти въ Галицію и захватить территорію. Между ними нѣтъ союза.

Никакого не было сомнѣнія, говоритъ Оливье, относительно желанія царя. Когда русскія власти заступили у насъ мѣсто польскихъ и союзъ съ Россіей становился популярнымъ, мы хотѣли сгладить воспоминаніе объ этой невѣрности любви, которая не родилась. Когда Нигра въ своемъ дипломатическомъ этюдѣ, вспоминалъ, какъ Россія увѣдомила Вѣну и Парижъ о томъ, что если Австрія вынетъ шпагу въ пользу Франціи, Россія встанетъ на сторону Пруссіи, ему упрекали французы, что онъ хотѣлъ по злобѣ поставить препятствіе для франко-русскаго союза и не одно изъ извѣстныхъ ежемѣсячныхъ обозрѣній не соглашалось включить его трудъ. Но русское правительство его появленіемъ совсѣмъ не возмутилось. Эти дипломатическія страницы, писалъ мнѣ Нигра, сначала были представлены министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу, которому я объявилъ, что готовъ воздержаться отъ ихъ обнародованія, если онъ находитъ, что это не понравится русскому правительству. А этотъ государственный человѣкъ, послѣ того какъ представилъ ихъ на усмотрѣніе своего государя написалъ мнѣ, что не усматривается никакого препятствія говорить правду и что поведеніе русскаго правительства въ 1870 г. вполне оправдывалось обстоятельствами эпохи.

Флери чувствовалъ, что Александръ II настроенъ враждебно и опасался, что, если представится случай, эта враждебность можетъ дойти до вооруженнаго вмѣшательства противъ Франціи. Онъ настаивалъ, чтобы Грамонъ отказался отъ попытки вступить въ союзъ съ Австріей. Положеніе финансовъ, неоконченное вооруженіе, различныя внутреннія затрудненія все дѣлало невозможной войну для Австріи. Война была бы для нея роковою и раздробила бы ее на

части, а въ интересахъ Франціи она должна была существовать и нейтралитетъ ее спасаль.

Грамонъ не придавая значенія этому совѣту продолжалъ домогаться союза съ нею. Тогда произошло разногласіе между французскимъ посланникомъ въ Петербургъ и министромъ въ Парижъ. Русскій кабинетъ взволновался и Весманъ—замѣститель Горчакова въ конфиденціальной депешѣ еще разъ напоминалъ о неизмѣнномъ намѣреніи императора Александра вмѣшаться въ войну, если Австрія не будетъ соблюдать нейтралитетъ.

«Полный нейтралитетъ Австріи, говорилось тамъ между прочимъ, который является безусловнымъ условіемъ нашего, всегда останется въ нашихъ глазахъ единственнымъ средствомъ устранить случайности, которыя помѣшали бы выполненію предполагаемаго. Это единственное средство локализовать войну, помѣшать, чтобы распространяясь, она не привела на поле сраженія новыхъ сражающихся, чтобы избавила насъ отъ обязанности принимать въ ней участие и, особенно, чтобы намъ быть для нашей защиты въ оппозиціонныхъ рядахъ Франціи или ея союзниковъ».

29-го іюля Бестъ сообщилъ Грамону черезъ Меттерниха докладъ Хотека, который объявилъ вполнѣ волю царя. Но это не отвлекло Грамона отъ домоганія австрійскаго союза. «Содѣйствіе Россіи, говорилъ онъ, было слишкомъ слабо, нерѣшительно; ея требованіе на востокъ и ея обнаруженная ненависть стояла намъ помощи турецкой арміи и симпатій Англіи находившейся всегда на сторожѣ съ тѣхъ поръ какъ поставили на карту цѣлость оттоманской имперіи».

Преданность императора Александра своему дядѣ помѣшала также французамъ добиться союза въ Даніей. Франція уже послала своего чрезвычайнаго посла, герцога Кадора въ Данію подготовить для союза почву, но король Христіанъ, сдѣлавшійся королемъ, былъ чистый нѣмецъ. Когда онъ узналъ о планѣ Франціи, то сообщилъ свою тревогу русскому посланнику въ Копенгагенъ и просилъ его добиться у царя и Горчакова ихъ покровительства противъ французскихъ попытокъ. Тотчасъ же Моренгеймъ телеграфировалъ въ Петербургъ и царь ему отвѣтилъ: «Помѣшайте во что бы то ни стало этому союзу, потому что если Данія выйдетъ изъ нейтралитета это будетъ прецедентъ для другихъ европейскихъ странъ и надо, во чтобы то ни стало, чтобы эти страны оставались нейтральны. Онъ жаловался Флери на настоянія Франціи вовлечь Данію и далъ приказъ Горчакову телеграфировать въ Копенгагенъ, что Россія будетъ покровительствовать Даніи противъ французскаго гнета».

— К о е ч т о о Н и ц ш ѣ. — Роковая судьба Ницше настолько всѣмъ памятна, что всякій новый намекъ на его душевное переживаніе возбуждаетъ всеобщій интересъ. Въ этомъ отношеніи четвертый томъ его переписки, заключающій въ себѣ письма къ музыканту Козелитцу, болѣе извѣстному подъ именемъ Петера Гаста, проливаетъ новый свѣтъ на вторую половину жизни несчастнаго мыслителя. Вообще это полезное пособіе при изученіи интеллектуальной біографіи Ницше и служить дополненіемъ къ его перепискѣ съ Родэ.

Не разъ Ницше повторялъ въ концѣ своей жизни, что «Человѣческое, слишкомъ человѣческое» и особенно «Заря», написаны имъ, когда онъ менѣе всего могъ похвастаться здоровьемъ. Изъ нихъ видно на какой низкой

ступени находились его физическія и моральныя силы. Эти двѣ книги, хотя наиболѣе проницательныя изъ его сочиненій, онъ однако, ставилъ на второй планъ; такое убѣжденіе послужило для него толчкомъ къ мистическому вдохновенію его молодости. Этотъ мистицизмъ Ницше, выставляя, какъ выраженіе своей личности, вполнѣ здоровой и нисколько не ослабѣвшей отъ болѣзни. Между тѣмъ изъ писемъ къ Петеру Гасту видно, что хотя Ницше искренно былъ убѣжденъ въ послѣднемъ обстоятельстве, по это не согласовалось съ дѣйствительностью. Онъ не упоминаетъ въ нихъ, что его здоровье улучшилось послѣ редактированія «Зари», а говоритъ совершенно противоположное. Съ 1888 г. у него, напротивъ, появилась эфорія — то обманчивое и безпокойное чувство здоровья и блаженнаго настроенія, которое, по словамъ врачей иногда предшествуетъ острымъ кризисомъ психической болѣзни. И это чувство полного самоудовлетворенія и силъ онъ еще опредѣленнѣе испытывалъ наканунѣ финальной катастрофы, затемнившей его разумъ. Оно уже ясно обнаружилось во время редактированія «Радостной науки» и въ физиологическомъ состояніи больного не произошло никакого улучшения.

Подъ влияніемъ этой подозрительной болѣзни у него появилось нѣчто вродѣ откровенія: онъ писалъ Гасту, что надо было бы еще нѣсколько лѣтъ, чтобы выразить все, что онъ постигъ. Но онъ зналъ насколько такое существованіе опасно и что такая напряженность его душевной-жизни можетъ заставить его вмѣстѣ и плакать, и смѣяться, и дрожать. Много разъ ему приходилось не выходить изъ комнаты по той смѣшной причинѣ, что его глаза воспалены. «А знаете отчего?» спрашиваетъ онъ въ письмѣ къ Гасту. Потому что наканунѣ я слишкомъ много плакалъ во время прогулки, но это были не сентиментальныя слезы, а слезы отъ чрезмѣрной радости. Въ то же время я пѣлъ и произносилъ безсвязныя слова, полный новой жизни, которой я обладалъ по привилегіи ранѣе другихъ.

Эта экзальтація выражается въ нѣкоторыхъ чисто патологическихъ мѣстахъ «Радостной науки» и затѣмъ въ «Заратустрѣ», особенно въ четвертой книгѣ. Она вскорѣ была напечатана, но ее не выпустили въ продажу. Гасту поручили ее хранить и мало по малу нѣсколько экземпляровъ роздали со всѣми предосторожностями надежнымъ людямъ. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы своей сознательной жизни Ницше проявлялъ черезчуръ усиленную мозговую дѣятельность.

Сначала онъ худо или хорошо справлялся съ этимъ захватившимъ его сверхсознаніемъ, сглаживалъ эксцентричность выраженій, благодаря небольшому остатку сохранившейся осторожности и кончилъ тѣмъ, что не могъ болѣе написать простой, естественной фразы. «Въ моихъ произведеніяхъ, писалъ онъ Гасту въ эпоху «Радостной науки», есть что то оскорбляющее мою щепетильность; это отраженіе созданія страдающаго не цѣльнаго, едва обладающаго самыми необходимыми органами». Но когда эта щепетильность была готова остановить его обычныя эксцентричности, то по импульсу неизвѣстной силы, которая толкала его къ бумагѣ, онъ писалъ, не смотря ни на что, подъ диктовку этого таинственнаго вдохновителя.

Какъ и предыдущія два произведенія Ницше считалъ «Радостную науку» своимъ послѣднимъ произведеніемъ и послѣднимъ словомъ своего ученія. Однако десять разъ онъ считалъ, что, нельзя ее напечатать и десять разъ возвращался къ одной и той же мысли: «Не все ли равно, что подумаетъ читатель. Важно, что можетъ онъ (Ницше) подумать о самомъ себѣ хотя бы для того чтобы предупредить другихъ, чтобы сторонились его». И эта раздвоенность въ то время доходила въ немъ до крайнихъ предѣловъ. «Я ничего не понимаю, въ первой пѣснѣ «Заратустры» пишетъ онъ Гасту». Далѣе онъ говоритъ, что у него въ сердцѣ самая страшная ненависть къ своему Заратустрѣ. Эта борьба двухъ Ницше за господство своей души, чрезвычайно характеристичная, была для него мучительна. Вообще въ эту страшную, по словамъ Ницше, зиму, когда земная атмосфера производила невообразимыя электрическія явленія и сама зима пробуждалась изъ своего оцѣпенѣнія, потоки магнетическихъ флюидовъ превратились въ его душѣ въ чувства и въ увѣренность, которая страшно его давила—и Заратустра облегчала его душу отъ тяжести неизвѣстнаго вліянія.

Въ это время здоровье Ницше находилось въ ужасномъ состояніи и его жалобы разрывали сердце; онъ увѣрялъ, что второй такой зимы ему не пережить.

Его антихристіанство, котораго прежде онъ почти стыдился, теперь подъ вліяніемъ апатологической гордости проявившейся къ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ себя считать создателемъ новой религіи—ожесточилось. Онъ вернулся къ тому душевному настроенію, изъ котораго вышло «Рожденіе трагедіи» такъ какъ съ тѣхъ поръ онъ сталъ считать эту книгу и «Заратустра» высшимъ проявленіемъ своей умственной дѣятельности. Впрочемъ онъ считалъ это совпаденіемъ съ наивысшимъ магнетическимъ дѣйствіемъ солнца, тогда какъ передъ его чисто ученой работой съ одной стороны съ 1866—1870 періодъ, когда онъ написалъ «Человѣческое, слишкомъ человѣческое» съ другой 1877—1879 ему кажется неменѣе интеллектуальнымъ. Онъ заглядывалъ въ эту книгу, лишь въ минуту нерѣшительности и недовѣрія, когда его тревожило все увеличивающееся превосходство своего двойника.

Затѣмъ для Ницше наступаетъ періодъ относительно болѣе спокойный и болѣе рациональный и въ это время онъ написалъ: «По ту сторону добра» и «Генеалогію Морсели». Этотъ періодъ всетаки прерывался нѣкоторымъ вмѣшательствомъ «второго» Ницше съ его «Радостной наукой» и предисловіемъ, составленнымъ для его первыхъ сочиненій, которыя онъ издалъ за свой счетъ около этой эпохи.

Послѣдній годъ умственнаго проблеска Ницше 1888 г. отмѣченъ ускоренной интеллектуальной дѣятельностью. Въ этотъ годъ онъ былъ озабоченъ просмотромъ тяжбы съ Вагнеромъ, съ которымъ онъ однако, не признавая этого, былъ близокъ по вдохновенію. Финальный припадокъ былъ отмѣченъ воскресеніемъ его мистицизма молодости, наводнившего его воспоминаніями и характеристичнымъ возвращеніемъ радости жить. Туринъ въ его глазахъ освѣтился новымъ свѣтомъ, какъ семь лѣтъ предъ тѣмъ Эгандина и Силь-Марія. Тогда онъ началъ редактировать свою автобіографію: «Ессе homo» любопытную по-

пытку историко-романтическую, чтобы лишній разъ, во чтобы то ни стало, объяснить свою все усиливающуюся болѣзнь, особенно отличнымъ здоровьемъ.

Послѣдніе сиптомы болѣзни выразились полнымъ подчиненіемъ своему «второму» я. Теперь Ницше сталъ понимать его вдохновеніе. «Нѣсколько дней тому назадъ я началъ перелистывать мое сочиненіе, писалъ онъ Гасту, и впервые я постигъ его вполнѣ. Понимаете вы это? Уже я ли не старался, но никогда не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, что я въ дѣйствительности сдѣлалъ совершенно наоборотъ. И такимъ образомъ я до сихъ поръ не зналъ содержанія моихъ предисловій пятой книги «Радостной науки». Чортъ возьми! Чего тамъ только нѣтъ.

Печальная кончина Ницше положила конецъ его страданіямъ и осталася слишкомъ въ памяти всѣхъ, чтобы о ней напоминать.

О т о в с ю д у—«Vignette enblemutigne sous la Revolution».—Такъ озаглавлено собраніе виньетокъ, въ изобиліи, распространенныхъ во время французской революціи. Авторы этого труда, недавно появившагося въ Парижѣ—Огюсть Боннъ и Рауль Боннъ задались цѣлью собрать хотя часть ихъ, такъ какъ всѣхъ виньетокъ безконечное количество, и выбрали изъ нихъ двѣсти пятьдесятъ самыхъ характеристичныхъ. При старомъ режимѣ большинство официальныхъ бумагъ было безъ всякаго украшенія, но въ 1789 г. Національное собраніе первое украсило виньетками издаваемые имъ документы. Этотъ обычай съ быстротою молніи распространился не только среди интеллигенціи, но даже простого народа. Первые виньетки представляли довольно простыя незамысловатыя эмблемы съ надписями невиннаго содержанія, но затѣмъ онѣ становятся замысловатѣе и надписи принимаютъ угрожающій характеръ. Со времени Конвента онѣ разнообразнѣе и каждое учрежденіе имѣетъ свою собственную виньетку. Артисты XVIII вѣка, которые привили къ французскому искусству аллегорію,—изошрялись въ ихъ составленіи. Многіе изъ нихъ иллюстрировали сказки Вольтера и поэмы Дора. Они продолжали традиціи прежняго *art-galant* и рисовали играющихъ амурчиковъ, даже когда работали на Комитетъ общественной безопасности или главный штабъ артиллеріи. Тильаръ, который началъ съ того, что выгравировалъ стадо овецекъ, Бушэ и Фрагонаръ, представили на виньеткахъ для продовольственной комиссіи безчисленное количество сентиментальныхъ коровъ и нѣжныхъ ягнятъ, на виньеткахъ для документовъ продовольственной комиссіи. Буазо изображалъ пушку, изъ которой стрѣлялъ очаровательный, толстенькій ребенокъ, помѣщенный возлѣ орла, что походилъ на Ганимеда артиллериста.

Сюжетомъ для военныхъ виньетокъ сначала служили изображенія различныхъ эпизодовъ изъ лагерной жизни. Затѣмъ онѣ видоизмѣнились и служили для пропаганды революціоннаго принципа. Затѣмъ генералы воспользовались виньетками для своего личнаго прославленія и тогда начались злоупотребленія ими и всякій, начиная съ генерала, кончая солдатомъ, рисовалъ себѣ собственную виньетку и гербъ. Нѣкоторыя изъ виньетокъ представляли настоящіе шедевры.

— The Moslem World въ июльскомъ номерѣ обращаетъ вниманіе на три столицы магометанскаго міра—членовъ большого тѣла ислама: Мекку, Каиръ и Кон-

стантинополь. Авторъ представляетъ Мекку сердцемъ мусульманскаго міра, откуда до крайнихъ границъ мусульманской имперіи бьютъ ключемъ страсти религіозной жизни. Каиръ его голова и здѣсь находится центръ религіозной мысли, воспитательныхъ споровъ и мусульманской пропаганды посредствомъ печати. Константинополь — его рука—центръ магометанскаго политическаго могущества.

Каиръ съ его 654486 народа-населенія является не единственно египетской столицей и метрополіей цѣлой Африки, но и литературнымъ центромъ мусульманскаго міра, какъ Мекка—религіознымъ, а Константинополь—политическимъ. Нѣтъ другого города въ мусульманскомъ мірѣ, какъ Каиръ, гдѣ было бы столько студентовъ мусульманскаго богословія и законовѣденія и изливался бы такой потокъ мусульманской литературы. Милліоны страницъ Корана комментируются сотнями тысячъ книгъ, нападающихъ на христіанскую вѣру, защищающихъ Исламъ и пропояндрующихъ его ученіе; непрестанно изъ года въ годъ онъ является крупнымъ центромъ мусульманскаго ученія.

Авторъ представляетъ эти три столицы стратегическимъ центромъ для миссій.

— Въ Allgemeine Zeitung Гансъ Бетге слѣдующимъ образомъ характеризуетъ японскую лирическую поэзію. «Японія, говоритъ онъ, страна случайныхъ поэтовъ. Рядомъ съ поэмами императоровъ и императрицъ стоятъ поэтическія произведенія царедворцевъ, ученыхъ и куртизанокъ. Въ X вѣкѣ нашей эры поэтическое творчество было такъ распространено въ Японіи, что императоръ Дайго принужденъ былъ создать своего рода министерство поэтическихъ дѣлъ. Подобный департаментъ болѣе не существуетъ, но писать стихи для японца по прежнему составляетъ наслажденіе. Съ давнихъ поръ для лирическихъ поэмъ у японцевъ существуетъ единственная классическая форма, которою строго соблюдается «танка» или «юта». «Танка» состоитъ изъ пятистишія и тридцати одного слога; каждый стихъ имѣетъ поочередно 5—7—5—7—5 семь слоговъ, что составляетъ во общемъ 31. Въ «танкѣ» нѣтъ рифмы: японскій языкъ не созданъ для нея и всѣ слова оканчиваются однимъ изъ пяти: а, е, і, о, и. Для рифмы необходимо было бы прибѣгать къ той-же самой монотонной рифмѣ простыхъ гласныхъ, что въ концѣ концовъ было бы скорѣе смѣшно, чѣмъ красиво.

Правило «танки» было введено за 700 лѣтъ до нашей эры поэтомъ героической эпохи: Созаномъ-Оно-Микато. Оно установилось въ 905 году послѣ Рождества Христова поэтомъ Тсураюки, при императорѣ Дайго. Эти правила сохранились до сихъ поръ — 2600 лѣтъ спустя. Въ прежнія времена имѣли обыкновеніе соединять нѣсколько «ютъ» въ длинныя поэмы (Нага ута), но съ XVI вѣка довольствуются, особенно въ юмористической поэзіи, тремя первыми строками «ютъ», чтобы составить поэмю особенно эпиграмматической краткости; это единственные варианты старой формы.

Необычайная краткость «ютъ» и «танки» имѣетъ свою невыгодную сторону. Благодаря такой краткости поэта, его произведенія часто остаются непонятны и смутны.

Періодъ разсвѣта японской лирической поэзіи—очень далекій.—Первая классическая эпоха имѣетъ своего представителя въ лицѣ великаго антоло-

гиста Манъошу, скончавшагося въ 959 году и произведенія котораго собраны вмѣстѣ благодаря стараніямъ Янамаши. Рядомъ съ нимъ существовало большое количество поэтовъ и среди нихъ особенно выдаются элегическій поэтъ: Хито-Маро, пейзажистъ Анахито и реалистъ Окура. Впрочемъ Хито-Маро считается самымъ крупнымъ національнымъ поэтомъ.

Поэты второй классической эпохи, такъ называемой «золотой» цитированы въ одномъ сборникѣ, содержащемъ около тысячи стиховъ: «Кокшму»—собрание старыхъ и новыхъ поэтовъ. Въ немъ находятся произведенія поэта Тсураюки, который по приказанію императора Дайго, собралъ ихъ всѣ вмѣстѣ и окончилъ въ 905 году. Рядомъ съ нѣжнымъ поэтомъ Тсураюки находится мужественный Генъ и меланхолическій принцъ Нарихара.

Затѣмъ быстро послѣдовалъ упадокъ японской поэзіи, которая около ста лѣтъ держалась на почетной высотѣ. Потомъ стала царствовать пустой, педантичный формализмъ, въ которомъ она задыхалась, заковавшій на цѣлые вѣка свободное поэтическое вдохновеніе. На поэзію смотрѣли, какъ на искусство, которому можно научиться и которое надо примѣнять согласно извѣстной дисциплины, неизмѣнныхъ правилъ. Бетге сравниваетъ японскую лирическую поэзію съ рисунками, сдѣланными китайскими чернилами японскими художниками и находитъ, что ея характеръ импрессионистскій. Какъ и въ японскихъ рисункахъ въ ней видна склонность ко всему нѣжному: къ цвѣтамъ, веснѣ и деликатнымъ благоуханіямъ.

— Въ «Nouveles Hainbourgeoise» г-жа Анна Бремонтъ даетъ физическій и нравственный портретъ англійскаго романиста Оскара Вильде. По ея словамъ, Вильде носилъ длинные волосы, падавшіе на плечи локонами и всегда выбритый подбородокъ, что придавало его красотѣ женственность, но шея и широкія плечи дѣлали его фигуру мужественной. Онъ носилъ толстый шелковый шарфъ прямо на голой шеѣ, одѣвался въ шелкъ и украшалъ себя бутоньеркой съ букетомъ геліотропа. Г-жа Бремонтъ встрѣтилась съ Вильде въ Парижѣ незадолго до его смерти и между ними завязалась бесѣда, во время которой Вильде открылъ ей свою душу и высказалъ, что чувствовалъ: «Я прожилъ жизнь столько, сколько можно ее прожить,—сказалъ онъ. Жизнь держала передъ моими губами кубокъ, полный и благоуханный и я испилъ его до дна... до горечи. Я находилъ сладкой—горечь и горькимъ, что было сладко; да, я пожилъ».

На вопросъ г-жи Бремонтъ, отчего онъ больше не пишетъ, Вильде отвѣтилъ: «Потому что я уже написалъ все, что долженъ былъ написать. Я писалъ, когда я еще не зналъ жизни; теперь, когда я знаю смыслъ жизни—мнѣ болѣе нечего писать. Жизнь неможетъ быть описана; жизнь можетъ быть только прожита. Даже если бы захотѣлъ ее описать, у меня не было бы болѣе времени. Мое время размѣряно и задача моя окончена, а когда я перестану жить, мои произведенія начнутъ свою жизнь. Ахъ! мои произведенія будутъ жить такъ долго, что найдутся наконецъ, люди, которые ихъ прочтутъ. Мои произведенія будутъ моимъ большимъ памятникомъ. Хотите знать мой большой секретъ? Я скажу его только вамъ и этой рѣчкѣ. Я нашелъ свою душу: въ темницѣ я былъ счастливъ. А счастливъ я былъ потому, что нашелъ свою душу. То, что мною написано ранѣе, написано бездушно, а что я написалъ подъ диктовку души, свѣтъ

прочтеть в один прекрасный день, и это будет посланіе моей души къ душѣ чело­вѣчества. Не огорчайтесь обо мнѣ, но бодрствуйте и молитесь и это будет длиться много времени: бодрствуйте и молитесь!»

— *Frankfurter Zeitung* помѣстили на своихъ страницахъ протестъ одного изъ друзей Оскара Вильде противъ легенды, распространенной относительно модели, послужившей ему для типа его героя въ лучшемъ его романѣ «Портретъ Доріана Грея». Какъ извѣстно въ этомъ романѣ говорится о магиче­скомъ портретѣ, который обладаетъ странной могущественной силой отра­жать душу модели и передавать видимыми чертами всѣ страсти и ошибки, какія овладѣвали и совершались ею въ теченіе всей ея жизни. Передъ этимъ безпощаднымъ символомъ совѣсти въ Доріанѣ Греѣ проснулась совѣсть: онъ пришелъ отъ себя въ ужасъ и рѣшился на самоубійство. Нѣсколько дней спу­стя всѣ лондонскія газеты сообщали о смерти извѣстнаго лондонскаго кутилы, котораго объявили моделью героя Оскара Вильде и этотъ слухъ возмутилъ друга романиста Вильде, пишетъ онъ въ *Frankfurter Zeitung*, никогда не копировалъ ни одной посторонней фигуры; чтобы нарисовать мужчинѣ, онъ вдохновляется собственной фантазіей и также самъ отъ себя описываетъ въ своихъ романахъ большинство женскихъ характеровъ. Я отлично помню, когда ему пришла мысль о Доріанѣ Греѣ. Это было 1887 г. Одна дама изъ Канады рисовала его порт­ретъ въ домѣ моей матери, и этотъ портретъ ему не понравился: «Какъ онъ мнѣ противенъ!»—говорилъ онъ,—это я въ старости. Черезъ пять недѣль онъ прочелъ мнѣ первую главу романа и мой братъ, въ то время находившійся у насъ, помнить объ этомъ обстоятельстве. Когда книга появилась, то надѣлала боль­шой скандалъ: каждый находилъ въ ней сходство съ самимъ собою. Указывали на всѣхъ кутиль Лондона; нѣкоторые сердились, но большинство было въ во­сторгѣ и хвасталось, что послужило моделью писателю. У меня есть отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что уже встрѣтилъ восемнадцать оригиналовъ Доріана Грея. Что же касается до только скончавшагося, то я думаю онъ никогда его не зналъ и не произносилъ его имени. Это не такъ важно! Но если этотъ чело­вѣкъ, безусловно, хочетъ слыть за Доріана Грея, то понимаю, за что онъ убилъ себя.

— «George Bernard Shaw», his life and his works»—подъ такимъ заглавіемъ вышла въ Лондонѣ обширная біографія англійскаго мыслителя философа драма­турга и особенно ироническаго юмориста, Бернара Шоу. Авторъ этой біо­графіи, американскій профессоръ Арчибальдъ Гендерсонъ, доказывающій, крайнюю чуткость души, Шоу, даетъ его подробную характеристику, вызы­вающую со стороны его враговъ различныя замѣчанія, не лестныя для него. Они его обвиняютъ въ злоупотребленіи рекламой, въ грубости и т. п. Не отрицая, что его пьесы доставили ему успѣхъ они все-таки настаиваютъ на томъ, что глав­нымъ рычагомъ вверхъ, къ славѣ—была реклама. Его конференціи о революціон­ной пропагандѣ, которыя онъ устраивалъ вездѣ понемногу, кончая Гайдъ Паркомъ,—его походъ противъ Шекспира, ея вегетаріанская система питанія, все, по ихъ словамъ, стремленіе къ рекламѣ. Онъ пользовался всѣмъ этимъ для постройки зданія своей славы. Даже отказъ присутствовать на вечерѣ у знакомой американки, которая хотѣла показать его своимъ гостямъ, они счи-

таютъ рекламой. А дѣло было такъ: Шоу на ея приглашеніе отвѣтилъ: «Кто вамъ позволилъ подобное вторженіе въ частную жизнь. Конечно, я не пойду къ вамъ. Развѣ вы не знаете моихъ привычекъ?» На это въ свою очередь американка написала ему: «Я не знаю вашихъ привычекъ, надѣюсь онѣ лучше вашихъ манеръ». Это маленькое происшествіе возбудило на нѣкоторое время любопытство общества.

— Бернаръ Шоу впервые привлекъ на себя вниманіе, выступивъ въ *Saturday Review* съ критикой на Шекспира. «Взрывъ моего гнѣва противъ Шекспира достигалъ такой крайней степени,—писалъ Бернаръ Шоу,—что я успокоился бы лишь тогда, когда вырылъ его изъ могилы».

Шоу порицаютъ за то, что въ его пьесахъ отсутствуетъ главный двигатель жизни—любовь. Онѣ никогда не называютъ любовь или страсть ихъ настоящими именами, а замѣняютъ ихъ словомъ «романтизмъ» или «сексуализмъ». Если же онѣ и говорятъ о ней то для того, чтобы осмѣять. Вообще, по ихъ мнѣнію, онѣ выносятъ на сцену самыя печальныя общественныя язвы. Въ своихъ блестящихъ предисловіяхъ онѣ пишутъ: «Комедія должна предложить себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе старой установившейся морали и, особенно, сексуальной морали».

Питая смертельную ненависть къ браку и къ современнымъ женщинамъ, Шоу замѣчаетъ: «Смѣшванье брака съ нравственностью сдѣлало для уничтоженія совѣсти въ человѣческой расѣ болѣе, чѣмъ какая либо другая ошибка». Его ненависть къ браку истекаетъ изъ того факта, что бракъ состоитъ изъ союза мужчины и женщины, а Шоу презираетъ современную женщину. Съ отвращеніемъ онѣ смотритъ на единственный любимый женщинами спортъ, въ которомъ онѣ такъ превосходно упражняются—охоту на мужей. Изъ охотниковъ, какими когда-то были мужчины, онѣ превратились въ дичь. Теперь на него производится облава въ самомъ сокровенномъ его убѣжищѣ. Брачное учрежденіе, по мнѣнію Шоу, отравлено въ самомъ его источникѣ. Ужъ лучше полигамія, полиандрія, лучше развратъ... Онѣ признаетъ, что весело проведенная молодость, прекрасная прелюдія къ зрѣлому возрасту, благоразумному, уравновѣшенному.

Арчибальдъ Гендерсонъ передаетъ, что одна молодая женщина попросила совѣта у Шоу, какъ ей добиться истины и что для этого надо сдѣлать. На это Шоу отвѣтилъ: «Дѣйствуйте такъ, чтобы вамъ это доставляло удовольствіе, попробуйте насколько вы можете быть развратны и до какой степени доброты вы можете дойти. Предположивъ, даже худшее, вы лишь обнаружите какого вы сорта личность. Предположивъ лучшее, что ваши страсти, чтобы безпристрастно, дѣйствительно и честно быть ослаблены, васъ дисциплинируютъ съ суровостью неизвѣстной вашимъ друзьямъ—рабамъ условностей отдавшимися механической рутинѣ моды».

По мнѣнію Арчибальда Гендерсона, иронія Шоу прикрываетъ восхитительную чуткость и своего рода гордость. Какъ-то одинъ журналъ назначилъ премію въ тысячу долларовъ за лучшую повѣсть. Бернаръ Шоу въ конкурсѣ не участвовалъ, но журналъ сомовластно далъ премію за его «Воздушный футболъ». Другой бы на мѣстѣ Шоу былъ счастливъ, но онѣ возмутился и написалъ

редактору: «Что означает съ вашей стороны подобная безпримѣрная манера дѣйствовать? Вы мнѣ прислали чекъ на тысячу долларовъ? По какому праву вы думаете, что я хочу заставить васъ платить за мои копіи два раза? Возвращаю вамъ чекъ. Пожалуйста, употребите эти деньги себѣ на надгробный памятникъ; я буду счастливъ сотрудничать въ составленіи эпитафіи и сдѣлаю все возможное, чтобы отдать должное вашему чудовищному притязанію».

О бракѣ Шоу, Арчибальдъ Гендерсонъ, приводит забавный анекдотъ: «Въ то время я до крайности страдалъ,—говоритъ Шоу: наружностью я походилъ на инвалида съ костылями, одѣтаго въ старую куртку, превратившуюся въ лохмотья отъ костылей. Мои свидѣтели, напротивъ, разодѣлись въ лучшія свои одежды. Мэръ никакъ не могъ примириться съ мыслию, что я женихъ и принялъ меня за нищаго, неизбѣжно сопровождавшаго всѣ свадьбы. Настоящимъ героемъ праздника казался ему. Уэльсъ, одинъ изъ свидѣтелей, шести футовъ роста, и онъ уже прехладнокровно началъ вѣнчать его съ моею женою. Когда у Уэльса, который нашель, что для простаго свидѣтеля, присяга чрезмѣрна, заговорила совѣсть, онъ въ послѣдній моментъ передалъ мнѣ руку жены.»

— Въ «Opinion» передается, какое впечатлѣніе произвела на парижанъ казнь Людовика XVI, состоявшаяся 21 января. Обыкновенно объ этомъ шли различные слухи. Въ Лондонѣ Лэли Таллендъ описывалъ, что Парижъ былъ въ траурѣ: много было пролито слезъ, окна были закрыты и т. д.— Но все это ложь. Вотъ какъ описываетъ этотъ день нѣмецъ Шлабрендорфъ, бывшій въ Парижѣ въ качествѣ туриста. «Казнь несчастнаго и добраго короля Людовика XVI должна была состояться,—говоритъ онъ.—День былъ холодный, довольно ясный; только до двѣнадцати часовъ былъ туманъ, разстилавшійся надъ городомъ и его окрестностями. Въ Тюльери я отправился пораньше, но недостаточно рано и объ террасы сада были переполнены народомъ. Сообщение съ площадью Людовика XVI было закрыто, и объ половины моста со стороны сада закрыты.

«Когда голова покойнаго короля упала, мостъ открыли для сообщенія, солдаты ушли, и со всѣхъ сторонъ повалили массы народа. Я добрался до эшафота въ тотъ самый моментъ, когда помощникъ палача черпалъ горстью кровь короля изъ корзины, куда упала его голова. Онъ раздавалъ ее лицамъ, тѣснившимся вокругъ него. Эту кровь брали, кто на платокъ, кто на одежду, нѣкоторые военные на кисти своихъ шпагъ. Одни хотѣли ее сохранить какъ святыню, другіе—какъ трофей. Раздававшій ее получалъ за нее деньги, когда расхаживавшая по эшафоту стража отворачивалась.

«Одежда короля, желтовато-коричневая съ синими эмалевыми пуговицами была разорвана на кусочки и тутъ же на эшафотѣ роздана. Впослѣдствіи эти кусочки вкладывались подъ стекло въ перстни. Прислуживавшій предлагалъ волосы короля и его ленту. Я видѣлъ, какъ на самой площади съ торговъ продавали королевскую шляпу.

«Послѣ казни я посѣтилъ сосѣднее кафе, кабачки и т. д. Всѣ до одного были переполнены, но нигдѣ не говорили о событіи дня. Мужчины играли въ домино или занимались другимъ дѣломъ, какъ будто ничего не произошло. Вотъ что

я нашель повсюду въ городѣ. Я слышаль только, какъ одна старуха болѣе съ ироніей, чѣмъ съ негодованіемъ, упрекала молодого человѣка, который торжествовалъ, что короля казнили. Одинъ горецъ остановилъ меня и съ крайней вспылчивостью заговорилъ, но не о казни короля, а объ убійствѣ Лепелетъе, совершенномъ наканунѣ: «Счастье,—говорилъ, онъ,—что убійца извѣстный роялистъ: его сумѣютъ отыскать, иначе жирондисты принисали бы убійство членамъ Горы».

— «Figaго» занялось опредѣленіемъ слова: «шикъ». Слово «шикъ» существуетъ по опредѣленію однихъ, со времени художника Давида, по словамъ другихъ—съ 1855 г. Всѣ его произносили машинально и наконецъ спохватились узнать его родословную, но никакъ не могутъ окончателно ее опредѣлить. Его смыслъ какъ-то ускользаетъ и чувствуется скорѣе инстинктомъ, при какихъ обстоятельствахъ его надо сказать. Это какое то сверхчувственное слово. Въ отдѣлѣ «Заграничныхъ новостей и мелочей» мы уже касались этого вопроса. Теперь опредѣлить его пытается Викторъ де-Бледъ, котораго журнальныя статьи по исторіи неоднократно реферировались въ нашемъ отдѣлѣ. Однако онъ самъ сознаетъ, что сдѣлать это нелегко. По его словамъ, «шикъ»—провинція имперіи нравовъ, ограниченная модой, туалетомъ изяществомъ и красотой, и составленная изъ ихъ частицъ. Дѣйствительно онѣ входятъ въ ея составъ въ различныхъ доляхъ согласно народу и лицамъ, которымъ приписываютъ атрибуты «шика». Иногда къ этимъ приправамъ прибавляются умъ и талантъ, но это не является необходимостью. Однимъ словомъ, «шикъ»—нѣчто блестящее, пѣнящееся, граціозное, непредвидѣнное, что привлекаетъ толпу иногда даже избранныхъ людей, производя впечатлѣніе восторга, обаянія и удивленія. Еще маршала Вилльруа, хорошаго царедворца и плохого генерала, женщины называли «очаровательнымъ», т. е. шикарнымъ человѣкомъ того времени. Разницу между словомъ «шикъ» и «изящество» доктора нравственныхъ наукъ, говоритъ Бледъ, такъ различаютъ: изящество опредѣляетъ совокупность болѣе рѣдкихъ качествъ, болѣе тонкихъ; на примѣръ, настоящій изящный человѣкъ не обойдется безъ ума, оригинальности, изобрѣтательности.

Шикарный человѣкъ—демократическое выраженіе изящества, оно относится къ первому, какъ арго къ литературному языку.

Разнообразіе оттѣнковъ смысла этого слова многочисленно и прилагается какъ къ цѣлымъ народамъ, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ. Есть цѣлые народы шикарные, на примѣръ: англичане, французы, австрійцы, итальянцы, русскіе, исключая нѣмцевъ; это слово къ нимъ непримѣнимо. Къ американцамъ Соединенныхъ Штатовъ оно также не подходитъ, впрочемъ, американцы часто бываютъ шикарны по своей красотѣ, но иногда они ее портятъ фальшивымъ шикомъ, являющимся карикатурой или отрицаніемъ истины.

Есть люди, которые во всѣхъ обстоятельствахъ жизни ведутъ себя шикарно. Это они создаютъ законы шика и они ими управляютъ по своему усмотрѣнію. Короли и королевы французскаго шика владѣютъ вкусомъ, той божественной стратегіей искусства нравиться, которая является чѣмъ то вродѣ шестого чувства. Для мужчины слово «очень шикарный» (*très chic*) примѣнимо, когда онъ пѣняетъ женщинъ, общественное мнѣніе, модную толпу и заставляетъ замѣ-

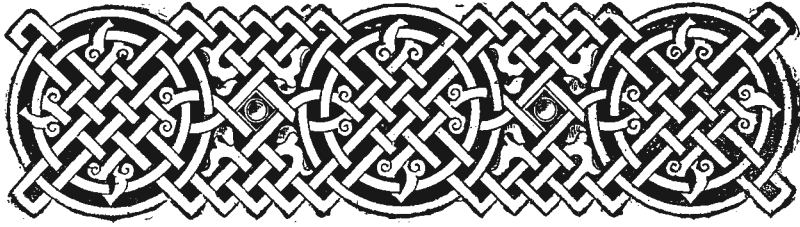

чать себя, то благодаря изученной простотѣ, то очень утонченной аффектаціей. Онъ старается нравиться, позировать и заставляетъ позировать другихъ, до основанія изучивъ философію ничтожества, дипломатію улыбки, поклона, могущество ироніи и костюма. Во время іюльской монархіи и даже позднѣе былъ въ модѣ скучающій видъ и это тоже было шикарно.

Въ политикѣ, краснорѣчій поэзіи и искусствѣ также имѣются свои шикарные люди. Герцогъ Ришелье, Мартиньякъ, Морни, Кавуръ были шикарные государственные люди. Эмиль Оливье, Гамбетта, Эдуардъ Боше, Аристидъ Брианъ шикарные ораторы. Стефенъ Лъегардтъ—шикарный поэтъ, Эрнестъ Лависсъ, Этьеннъ Лами, Фредерикъ Массонъ, маркизъ Сеноръ—шикарные историки. Поль Эрвье, Анри Лаведанъ, Морисъ Доннэ, Жюль Леметръ, Гастонъ—въ высшей степени шикарны по драматизму. Демократическое общество не благоприятно для развитія шика, напротивъ, аристократическій дворъ самая питательная среда для его развитія. Въ XVII и XVIII вѣкахъ сотнями водились шикарные лица; теперь же найдется ихъ едва-едва полдюжины. За демократіей другая заслуга: она можетъ обойтись и безъ нихъ.

Между французскимъ и англійскимъ шикомъ большая разница. По опредѣленію однихъ, англійскій шикъ состоитъ въ томъ, чтобы подражать французскому, а французскій чтобы подражать англійскому. Въ Англии мужчины шикарны, а во Франціи—женщины. Англійскія леди дѣлаютъ платья въ Парижѣ, но у нихъ нѣтъ манеръ, и часто въ ихъ туалетѣ маленькая деталь, кусочекъ кружевъ, перо—разрушаютъ общую гармонію въ глазахъ утонченныхъ изящныхъ наблюдателей. Англичане очень шикарны у себя; за границей ихъ туалетъ оставляетъ желать лучшаго. Въ общемъ англичане недостаточно чувствуютъ отгѣнки, потому что они эксцентричны или слишкомъ оригинальны.

С М Ъ С Ъ.

СВЯЩЕНИЕ Храма-памятника морякамъ. На Невѣ, между новымъ адмиралтействомъ, между величественными его элингами съ одной стороны и линіей большихъ домовъ Англійской набережной съ другой выросъ въ одинъ годъ храмъ съ золотымъ куполомъ—уголокъ древней Руси. Въѣтъ XVI вѣкомъ отъ его бѣлыхъ стѣнъ съ стройными колонами, съ узкими окнами, съ полукруглымъ куполомъ на высокомъ барабанѣ, украшенномъ золотымъ орнаментомъ и съ сіяющимъ на дискѣ четырехконечнымъ крестомъ. Это храмъ-памятникъ русскимъ морякамъ, погибшимъ въ войнѣ съ Японіей въ 1904—5 годахъ, посвященный моленію Христа Спасителя въ Геѳсиманіи (верхняя церковь) и святителю Николаю Чудотворцу, патрону моряковъ (нижняя церковь). Заложень храмъ 15-го мая 1910 г. и 28-го іюля освященъ нижній храмъ, мысль о которомъ возникла случайно (при началѣ постройки), а 31-го іюля и верхній—главный придѣлъ. Къ 10-ти часамъ этого дня приглашенные на торжество официальныя лица собрались у храма на площадкѣ въ ожиданіи прибытія государя. Отдать честь храму-памятнику моряковъ-героевъ были назначены морскія команды, всего 6 ротъ. Въ бѣлыхъ морскихъ рубахахъ выстроились они вдоль Англійской набережной, фронтомъ къ Невѣ. Съ хоромъ своей музыки и со знаменемъ стояла сводная рота морского корпуса и морского инженернаго училища императора Николая I (изъ Кронштадта), рота гвардейскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки кронштадтскаго порта, рота 2-го балтійскаго экипажа со знаменнымъ флагомъ и хоромъ музыки, роты отъ экипажей судовъ «Адмиралъ Макаровъ» и «Богатырь» и сводная рота отъ 1-й дивизіи миноносцевъ. На срединѣ Невы высились сѣрыя

массы «Адмирала Макарова», на которомъ поднять флагъ в.-а. Эссена, и крейсера «Богатырь», подъ флагомъ К. А. Русина. У пристани стояла яхта «Нева». Прибыли высочайшія особы и сгруппировались на углу набережной а безъ пяти минутъ десять изъ-за элинга показалась императорская яхта «Александри́я» подъ брейдь-вымпеломъ Его Величества. Команда на судахъ стояла во фронтъ, играла музыка на «Адмиралѣ Макаровѣ». Слышно было, какъ Государь здоровался съ яхты и какъ съ судовъ неслись отвѣты и звуки «Боже Царя храни» разливались по Невѣ. По обходѣ фронта Государь вошелъ въ церковь съ августѣйшими дочерьми. Въ церковь вошли ея величество королева Эллиновъ Ольга Константиновна, великія княгини Марія Павловна, Анастасія Николаевна, Елена Владимировна, княжна Татьяна Константиновна, Елена Георгіевна Романовская герцогиня Лейхтенбергская, великій князь Михаилъ Александровичъ, королевичъ Николай греческій, великіе князья Борисъ и Андрей Владимировичи, Константинъ Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, князья Іоаннъ, Гавріилъ и Константинъ Константиновичи. Въ цѣркви между тѣмъ облачились священники и вышли навстрѣчу Государю, во главѣ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства въ ризѣ андреевскихъ цвѣтовъ, бѣлой серебряной съ бархатными голубыми оплечьями и такимъ же бортомъ, настоятель адмиралтейскаго собора митрофорный протоіерей Ставровскій, священникъ Удимовъ, іеромонахъ съ «Адмирала Макарова» съ наперснымъ георгіевскимъ крестомъ о. Іона и настоятель освящаемаго храма, бывшій морякъ подполковникъ о. Прудниковъ. Государь приложился ко кресту и принялъ окропленіе св. водою, также и царская фамилія, послѣ чего протопресвитеръ началъ чинъ освященія храма. Столъ съ алтарной утварью былъ внесень священниками въ алтарь, и послѣ сооруженія, омовенія престола и миропомазанія и опропленія храма, протопресвитеръ возжегъ на горнемъ мѣстѣ передъ престоломъ первую свѣчу, и за нею церковь освѣтилась электричествомъ и свѣчами предъ иконами. Послѣдовалъ крестный ходъ кругомъ храма. Впереди за выносными крестомъ и фонаремъ шли пѣвчіе гвардейскаго экипажа. Прудниковъ высоко держалъ въ рукахъ икону Спасителя, діаконы кадили, священники окропляли путь св. водою, и протопресвитеръ, поддерживаемый подъ руки, несъ на головѣ серебряный сосудъ съ частицею святыхъ мощей, покрытый воздухомъ. Пѣвчіихъ сливается съ звуками гимна: «Коль славенъ», которые несутся изъ фронта войскъ. Колокола звонятъ. Государь Императоръ и вся царская фамилія слѣдовали за духовенствомъ. При входѣ въ храмъ, двери за пѣвчими были задернуты завѣсой. Протопресвитеръ положилъ потиръ съ мощами на столикъ, на паперти, прочиталъ положенную молитву и возгласилъ: «Возьмите врата, князи, ваша, и возымитеся врата вѣчная и внидетъ Царь славы!» Пѣвчіе концертномъ вопрошали изнутри храма: «Кто есть сей Царь славы?» Послѣ троекратнаго вопрошенія протопресвитеръ прочиталъ молитву и возгласилъ: «Господь силъ—Той есть Царь славы». Тогда разорвали входную завѣсу и съ пѣніемъ «Господь силъ—Той есть Царь славы»—процессія вступила въ освященную и освѣщенную церковь. Св. мощи положены были подъ престоломъ и протопресвитеръ благословилъ начало литургіи. Протодіаконъ Деми́нъ чи-

талъ Евангеліе, прекрасно пѣли нотную обѣдную пѣвчіе гвардейскаго экипажа. Закончилась литургія провозглашеніемъ царскаго многолѣтія, затѣмъ какъ бы уходящимъ вглубь голосомъ соборный діаконовъ Симо говорилъ вѣчную память воинамъ, за вѣру, царя и отечество животь свой на полѣ брани положившимъ. Государь, священники и вся церковь молились на колѣняхъ. Прошла эта минута, и бась діакона громко и торжественно, при звонѣ колоколовъ возглашаетъ «Многая лѣта христіолюбивому россійскому побѣдоносному воинству и флоту». Государь и царская фамилія прикладываются ко кресту. Служба окончилась. Государь и августѣйшія особы осматриваютъ храмъ и нижнюю его церковь. Затѣмъ Государь Императоръ прошелъ на мостикъ, откуда смотрѣлъ на церемоніальный маршъ моряковъ.

Большое впечатлѣніе оставляетъ храмъ-памятникъ. Какъ только входишь въ него, взоръ вперяется въ ликъ Спасителя, ходящаго по водамъ. Кажется, что Спаситель идетъ къ зрителю; рука Его благословляетъ и героевъ долга на днѣ океана, и стоящихъ въ храмѣ. Подъ ногами Спасителя золотится спереди море, какъ бы отражая блескъ загорающей зари новаго дня. По картонамъ художника Бруни Спаситель и весь алтарь выложены мозаикой въ Берлинѣ. Внизу, у ногъ Спасителя, по сторонамъ изображеніе Евхаристіи, а нижній поясъ алтаря наполненъ изображеніями апостоловъ и святыхъ. Святитель Николай Чудотворецъ приходится противъ царскихъ вратъ. Вся живопись верхней церкви и алтаря—Бруни. Церковь свѣтлая, куполь посрединѣ храма кажется, какъ бы наполненнымъ облакомъ; бѣлыя высокія стѣны испещрены образками, вдѣланными въ нихъ надъ темными бронзовыми досками съ названіемъ судна и именами всѣхъ погибшихъ на судахъ. Эти бѣлыя стѣны съ бронзовыми досками—лѣтопись ужаса; на каждой доскѣ находится копія съ судовой иконы, копіи исполнены живописцемъ Гурьяновымъ, но есть настоящія судовыя иконы, спасенныя съ судовъ (съ «Севастополя», «Варяга», «Ретвизана») Иконостасъ изъ бѣлаго камня. Замѣчательны чеканкою царскія врата, церковной завѣсой которымъ служитъ андреевскій флагъ. Хоругви голубыя бархатныя, типа старины; все дышитъ XVI вѣкомъ, только стѣны говорятъ о жестокой современности и отъ нихъ невольно переходитъ взоръ къ шестующему на васъ по водѣ Спасителю, доминирующему въ храмѣ. Темныя бронзовыя паникадила съ желтыми свѣчами горятъ электричествомъ.

Узкимъ переходомъ, какъ водится въ старинныхъ храмахъ, можно спуститься въ нижній храмъ. Здѣсь вѣтъ подземельемъ, стѣны его расписаны въ стилѣ кремлевскихъ московскихъ палатъ. Составленный Перетятковичемъ по стариннымъ образцамъ орнаментъ, блещетъ богатствомъ сочностью красокъ, все дышитъ стариной, полно печали и таинственности. На стѣнѣ справа изображено утишеніе Спасителемъ бури, на западной стѣнѣ—обрѣтеніе мощей Николая Чудотворца. Иконостасъ стиля XVI вѣка, въ немъ подлинныя, случайно найденныя и реставрированныя царскія врата времени Грознаго, даръ благочестиваго жертвователя. Въ алтарѣ замѣчательнъ запрестольный крестъ, онъ по типу надмогильныхъ крестовъ; въ иконостасѣ—справа Ликъ Спасителя, а слѣва замѣчательная по богатству и исполненію икона Божіей Матери, до обмана кажущаяся глубокой древностью, и одѣтая въ древній уборъ—вы-

держанъ стиль XIV вѣка повгородскаго письма; багряница на Богоматери изъ бурметскихъ зеренъ съ настоящими самоцвѣтами. Серьги-рясны выходятъ изъ болгарскихъ серегъ стараго золота со старыми самоцвѣтами; багряница у праваго уха чуть чуть отстаетъ и этимъ даетъ особую рельефность, какъ художники говорятъ, лѣпку прекрасному—лику Богоматери. Вѣнчикъ тонкой чеканки въ голубыхъ и зеленыхъ окисяхъ отливаеъ сіяніемъ вокругъ. Подъ образомъ соответствующая ему пелена изъ старой кованой парчи. Въ пеленѣ по серединѣ крестъ и херувимы. Весь икопостасъ чеканный, металлическій, старой бронзы, съ ажурнымъ орнаментомъ по кованной парчѣ. Все это, царскія врата верхняго храма и замѣчательныя вѣншія монументальныя входныя двери, копія суздальскихъ и корсунскихъ воротъ, работа новой, всего года два начавшей работать, въ Москвѣ студиі художественной индустріи О. С. Кошкиной, въ которой настоящіе художники взяли за церковное искусство въ его старыхъ лучшихъ образцахъ и гдѣ принимаютъ участіе Покровский, Рерихъ, Перегатовичъ, Щучевъ. Этимъ дѣломъ руководитъ женщина—тоже совершенная новость для насъ. Царскія врата верхняго храма, живопись въ нихъ массы мелкихъ иконъ, икона Богоматери въ нижнемъ храмѣ и пелена къ ней—дѣло молодого художника студиі Н. Н. Дивова. Въ памяткахъ, раздававшихся богомольцамъ, слѣданы снимки съ нихъ, а также вѣншія видъ храма. Подъ стать всему характеру нижняго храма пришлось и хоругви, шитыя шелками, изображающія свв. Александра Невскаго и великомученика Георгія — даръ и рукодѣліе вдовы адмирала Рожественскаго.

Храмъ-памятникъ 300-лѣтія Дома Романовыхъ. Необыкновенно красивый и стильный храмъ-памятникъ 300-лѣтія Царствования Дома Романовыхъ заложенъ на Полтавской улицѣ 5-го августа. Мѣсто для храма пожертвовано городомъ довольно глухое, хотя оно и недалеко отъ центра города; но вблизи какъ разъ нѣтъ церквей, и населеніе само хлопотало, чтобы новый храмъ былъ выстроенъ именно здѣсь, противъ товарной станиці Николаевской жел. дороги. Впрочемъ, кругомъ—много старинныхъ, маленькихъ деревянныхъ построекъ и новый храмъ, въ стилѣ старинныхъ церквей ростовскаго и ярославскаго типа, отчасти будетъ гармонировать съ окружающимъ фономъ. Строитель храма гражданскій инженеръ С. С. Кричинскій (онъ же строитель мечети на Петербургской сторонѣ), разрабатывая свой проектъ, за который онъ получилъ первую премію, именно имѣлъ въ виду, при разработкѣ его деталей, эпоху, когда, 300 лѣтъ тому назадъ, взошелъ на престолъ первый Государь изъ Дома Романовыхъ. И потому нижняя часть 2-хъ яруснаго храма носитъ характеръ монастырско-крѣпостнаго подворья: можно даже найти нѣкоторое отдаленное сходство съ Ипатьевскимъ монастыремъ, гдѣ жилъ до 1613 года Михаилъ Феодоровичъ. Надъ нижнимъ храмомъ вырастаетъ верхній. Входъ въ него—по открытой вѣншной лѣстницѣ, черезъ особую башенку, монастырскаго типа. Съ другой стороны храма, для симметріи, высятся небольшой куполь надъ часовней. Между часовней и башенкой ростовскаго характера съ сѣверной стороны—входъ въ нижній храмъ. А надъ всѣмъ этимъ гордо высятся три купола верхняго храма, украшенные со стороны сѣвернаго фасада, стилизованнымъ подъ фре-

сковую живопись, майоликовымъ родословнымъ древомъ Дома Романовыхъ— съ изображеніемъ святыхъ покровителей Дома Романовыхъ. Надъ исторической разработкой и изображеніемъ родословнаго древа сейчасъ трудится особая коммисія. Соответственно этому характеру храма будетъ подобрана и облицовка его бѣлымъ камнемъ. Съ общимъ его стилемъ будетъ согласована и внутренняя отдѣлка. Въ иконостасѣ будутъ храниться преимущественно иконы съ изображеніемъ святыхъ покровителей Дома Романовыхъ. Здѣсь же будетъ и знаменитая Теодоровская икона, которою Михаилъ Теодоровичъ вѣнчался на царство и оригиналъ которой хранится въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Кромѣ того, комитетъ по постройкѣ храма получилъ разрѣшеніе снять копии съ многихъ иконъ, находящихся во владѣніи потомковъ перваго Царя изъ Дома Романовыхъ. Верхній храмъ особой аркой, подъ которой будетъ устроенъ свободный проѣздъ, соединится со стильной звонницей, для которой городъ прирѣжетъ еще клочокъ земли. Средства на постройку этой звонницы даетъ особый комитетъ славянскихъ народностей, образовавшійся изъ чеховъ, болгаръ и сербовъ специально для сбора пожертвованій на это. Кругомъ будетъ въ томъ же стилѣ ограда съ башенками и садъ. А въ общемъ, получится необычайно красивый и стильный высокій храмъ, эпохи XIV—XVII вѣковъ. При храмѣ проектируется церковный музей, связанный съ именемъ Дома Романовыхъ. Весь храмъ—почти желѣзобетонный, и общій фонъ его уже вырисовывается изъ лѣсовъ. Вчернѣ онъ будетъ готовъ въ текущемъ году, въ будущемъ будетъ отдѣланъ вчернѣ, а къ 1913 г. успѣютъ освятить если не весь храмъ, то хоть одинъ его придѣлъ. Новый храмъ будетъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ въ столицѣ. Въ то время какъ, напр., Казанскій соборъ вмѣщаетъ до 5¹/₂ тысячъ человекъ, а храмъ Воскресенія Христова—4¹/₂ тысячъ человекъ, новый храмъ-памятникъ 300 лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ вмѣститъ въ своихъ стѣнахъ также 4¹/₂ тысячи человекъ. И рядомъ съ этимъ его стоимость, вмѣстѣ съ внутренней отдѣлкой, обойдется приблизительно всего лишь въ 600 тысячъ рублей. Вообще, храмъ строится на пожертвованныя деньги. Первое по времени пожертвованіе въ 100 руб. было сдѣлано на одрѣ болѣзни почившимъ протоіереемъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ. По настоящее время пожертвованій на это благое дѣло поступило уже 140,000 руб. Недостающую сумму надѣются пополнить дальнѣйшими пожертвованіями. Во время закладки храма положены двѣ старинныхъ монеты перваго Царя изъ дома Романовыхъ—Михаила Теодоровича. Онѣ пожертвованы комитету однимъ изъ мѣняль. Верхній храмъ посвящемъ св. Николаю Угоднику, Михаилу Малюину и Алексѣю Божію человекъ,—нижній св. Александру Невскому.

Въ Толстовскомъ музеѣ. Толстовскій музей получилъ новыя пожертвованія. Черезъ П. И. Бирюкова поступило изъ архива Л. Н. Толстого 10 тетрадей, пожертвованныхъ музею Татьяной Львовной. Архивъ этотъ содержитъ разнообразный литературный матеріалъ, проходившій черезъ руки Л. Н. Обращаетъ на себя вниманіе тетрадь подъ № 7, гдѣ имѣется статья «Гоненіе на христіанъ въ Россіи въ 1895 г.» съ предисловіемъ Л. Н., въ которомъ онъ рекомендуетъ эту статью редакціи газеты «Times», куда она и была отправлена для напечатанія. Въ предисловіи, между прочимъ, говорится: «Въ Россіи

статью эту не пропуститъ цензура, и потому обращаюсь къ Вамъ... Средство помочь, какъ гонимымъ (рѣчь идетъ и кавказскихъ духоборахъ), такъ въ особенности гонителямъ, не знающимъ, что творять, есть только одно: гласность, представленіе дѣла на судъ общественнаго мнѣнія, которое выразить свое неодобреніе гонителямъ и сочувствіе гонимымъ, удержитъ первыхъ отъ ихъ, часто только по темнотѣ и невѣжеству совершаемыхъ жестокостей, и поддержитъ бодрость во вторыхъ и дастъ имъ утѣшеніе въ ихъ сраданіяхъ... Далѣе интересна «записка по поводу гоненій на людей, не желающихъ участвовать въ насиліяхъ правительства», письмо Д. А. Хилкова къ тифлисскому губернатору кн. Шервашидзе, письма кавказскихъ духоборовъ и пр. Весьма цѣнны для музея нѣсколько корректурныхъ листовъ «Воскресенья», испещренныхъ многочисленными поправками и вставками, сдѣланными рукою Л. Н. По этимъ оттискамъ, въ которыхъ первоначальный текстъ совершенно теряется въ массѣ измѣненій, можно судить, какъ работалъ Л. Н. надъ своими произведеніями прежде, чѣмъ выпускать ихъ въ свѣтъ. Оттиски эти будутъ заключены въ рамки и выставлены въ музей. Изъ Парижа Татьяна Львовна привезла вѣнокъ изъ пшеничныхъ колосевъ, которымъ былъ увѣнчанъ бюстъ великаго писателя, когда тамъ чествовали его память въ мартѣ текущаго года. Въ одной витринѣ съ вѣнкомъ находится номеръ газеты «Les droits de l'homme», гдѣ напечатана замѣчательная рѣчь Поля Луазона, посвященная Л. Н. (Рѣчь эта переведена на русскій языкъ для музея Татьяной Львовной). Кромѣ того, отъ дочери Л. Н. поступили листки, распространявшіеся Л. Н. противъ пьянства и куренія табаку. Отъ М. А. Стаховича въ музей поступили два письма Л. Н., адресованныя Н. П. Вагнеру, нѣсколько мелкихъ рукописей, копія рукописей: «Плодовъ просвѣщенія» и «Исповѣди» и коллекція портретовъ Л. Н. и видовъ «Ясной Поляны».

Конкурсъ московскаго общества грамотности на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе на темы по случаю исполнившагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Объявляя настоящій конкурсъ, «московское общество грамотности» имѣетъ въ виду вызвать появленіе такого ряда очерковъ по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которыми бы въ популярно-историческомъ изложеніи, какъ, напр., въ извѣстной брошюрѣ г. Клязькова «Какъ сложилось и пало крѣпостное право въ Россіи», освѣщались важнѣйшія стороны освободительной реформы и ея послѣдствія.

Въ виду потребностей предполагаемаго читателя (широкихъ народныхъ массъ, включая и наименѣ подготовленныхъ лицъ) условіемъ конкурса ставится соединеніе серьезности и точности содержанія очерка съ ясностью, живостью и доступностью изложенія самому обширному кругу читателей. Изъ обильнаго матеріала, относящагося къ предлагаемымъ темамъ, должно быть взято наиболѣе существенное и расположено наиболѣе нагляднымъ для читателя образомъ такъ, чтобы подробности и частности отнюдь не заслоняли собою основныхъ линий соответствующихъ процессовъ. Представляемая на конкурсъ работы должны быть, слѣдовательно, написаны простымъ и яснымъ литературнымъ языкомъ, по возможности безъ иностранныхъ терминовъ и словъ,

затрудняющихъ пониманіе текста: однако какія-либо поддѣлки подъ такъ называемую «народную» рѣчь не должны имѣть мѣста. При составленіи своей работы авторъ долженъ исходить, какъ сказано выше, изъ предположенія, что ему приходится имѣть дѣло съ читателемъ, совершенно лишеннымъ необходимой образовательной подготовки, но такимъ, однако, которому трактуемые вопросы особенно близки въ ихъ современной практической постановкѣ. Поэтому желательно вмѣстѣ съ тѣмъ придать изложенію характеръ не отвлеченно-теоретическій, но освѣтить тему съ ея жизненной стороны, наиболѣе интересной для того читателя, для котораго и предназначается настоящее юбилейное изданіе, главнымъ образомъ, изъ сельскаго населенія. Авторамъ рекомендуется также сопровождать изложеніе предмета ссылками и указаніями на популярную литературу.

Т е м ы:

- 1) Какъ крестьяне относились къ крѣпостному праву и какъ они встрѣтили волю.
- 2) Главные дѣятели по освобожденію крестьянъ въ Россіи.
- 3) Русскіе писатели и освобожденіе крестьянъ.
- 4) Положеніе 19 февраля 1861 г., и что оно дало русскому крестьянину.
- 5) Помѣщичьи крестьяне и ихъ поземельное устройство до и послѣ освобожденія.
- 6) Что дала Россіи отмѣна крѣпостного права?

У словія конкурса:

- 1) Настоящимъ конкурсомъ будутъ премированы двѣ лучшія работы, написанныя на какую-либо изъ предложенныхъ темъ.
- 2) Представляемая работы не должны превышать 5 листовъ на каждую тему, считая листъ въ 40.000 буквъ.
- 3) Авторъ каждой премированной работы получаетъ золотую медаль и по 100 руб. за печатный листъ въ 40.000 буквъ.
- 4) Первое изданіе премированной работы издается «московскимъ обществомъ грамотности» въ количествѣ 10—15 тысячъ экземпляровъ.
- 5) Работы, признанныя жюри удовлетворяющими требованіямъ конкурса, но не получившія преміи, могутъ получить почетный отзывъ.
- 6) Работы представляются въ правленіе «московского общества грамотности» къ 5-му марта 1912 г. безъ подписи, но съ какимъ-либо девизомъ. Одновременно съ работой долженъ присылаться запечатанный пакетъ, на пакетъ надписывается девизъ, означенный и на самомъ сочиненіи. Въ пакетъ вкладывается записка съ точнымъ обозначеніемъ подробнаго адреса автора, его имени, отчества и фамиліи.
- 7) Жюри даетъ отзывъ къ 15-му апрѣля 1912 г.
- 8) Присланныя на конкурсъ рукописи, не одобренныя жюри, хранятся въ правленіи «московского общества грамотности» въ теченіе одного года и могутъ быть возвращаемы авторамъ по предъявленіи ими почтовыхъ расписокъ.

9) Пакеты съ адресами авторовъ работъ, не одобренныхъ жюри, уничтожаются нескрытыми.

10) Желательно, чтобы представляемые работы были исполнены по возможности на пишущихъ машинахъ.

Составъ жюри: В. И. Анисимовъ, П. Л. Барсковъ, М. М. Богословскій, А. В. Вормсъ, Н. А. Каблуковъ, А. А. Кизветтеръ, А. А. Мануиловъ, П. Н. Сакулинъ, Б. И. Сыромятниковъ и А. И. Яковлевъ.

Подробныя программы и условія конкурса можно выписывать изъ канцеляріи правленія «московскаго общества грамотности»: Москва, Смоленскій бульваръ, домъ московскаго об-ва сельскаго хозяйства.

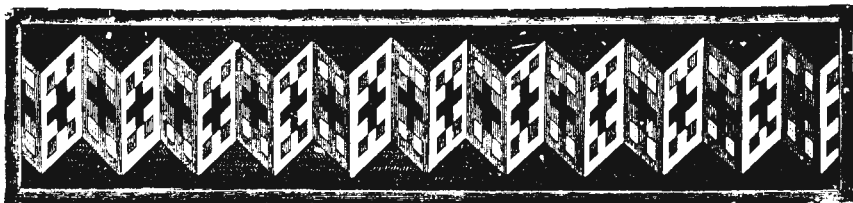
О подпискѣ на памятникъ А. П. Ермолову. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 24-го февраля сего 1911 года, всемилостивѣйше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства орловскаго губернскаго дворянскаго собранія, объ открытіи всероссійской подписки для сооруженія въ Орлѣ памятника знаменитому военачальнику, уроженцу и дворянину Орловской губерніи Алексѣю Петровичу Ермолову, въ виду наступающаго въ апрѣлѣ сего года пятидесятилѣтія со дня кончины его.

На основаніи сего въ Орлѣ 2-го апрѣля 1911 г. образованъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, комитетъ въ составѣ: епископа орловскаго и сѣвскаго, г.г. орловскаго губернатора, начальника гарнизона Орла, орловскаго городского головы, орловскаго уѣзднаго предводителя дворянства, одного изъ старшихъ и ближайшихъ родственниковъ А. П. Ермолова, дворянъ Орловской губерніи: генераль-майора П. А. Стаховича, д. с. сов. В. А. Офросимова, гр. Г. П. Беннигсена, полковника Н. С. Блохина и командировъ: 152-го пѣхотнаго Владикавказскаго и 1-го Кизляро-Гребенскаго Терскаго казачьяго войска генерала Ермолова полковъ и 2-й генерала Ермолова батареи 1-го конно-артиллерійскаго дивизиона.

Комитетъ обращается съ покорнѣйшей просьбою къ благородному россійскому дворянству, ко всѣмъ частямъ войскъ, а равно ко всѣмъ военнымъ, гражданскимъ и общественнымъ управленіямъ, учрежденіямъ и къ отдѣльнымъ русскимъ людямъ, чтущимъ память славнаго участника Отечественной войны, главнокомандующаго и покорителя Кавказа Ермолова, прійти на помощь сооруженія ему достойнаго памятника посильными жертвованіями, которыя направлять переводами на орловское отдѣленіе государственнаго банка, по адресу орловскому губернскому предводителю дворянства, предсѣдателю комитета по сбору пожертвованій и сооруженію въ гор. Орлѣ памятника А. П. Ермолову. Памятникъ предполагается воздвигнуть въ видѣ художественнаго изображенія А. П. Ермолова и открытіе его желательно приурочить къ юбилею Отечественной войны, въ которой А. П. Ермоловъ принималъ столь блестящее участіе.

А. П. Ермоловъ скончался въ Москвѣ 11 апрѣля 1861 года, а погребенъ 18-го того же мѣсяца въ Орлѣ на мѣстномъ городскомъ Троицкомъ кладбищѣ, гдѣ по Высочайшему повелѣнію нынѣ въ Возѣ почивающаго императора Александра II былъ расширенъ кладбищенскій храмъ для введенія могилъ А. П. Ермолова и его отца Петра Алексѣевича во внутренность зданія самаго храма.

НЕКРОЛОГИ.

БАРАНОВЪ, А. Г. 24-го июля въ своемъ имѣнїи скончался тайный совѣтникъ Алексѣй Григорьевичъ Барановъ. Его жизнь и дѣятельность ясно подтверждаютъ мысль поэта, какъ крѣпостной крестьянинъ «по своей и Божьей волѣ сталъ разуменъ и великъ». Покойный родился 9-го марта 1844 года въ селѣ Спасъ-Коркодины (Клинскаго уѣзда, Московской губ.), въ семьѣ крѣпостного двороваго челоувѣка, принадлежавшаго владѣльцу-помѣщику С. П. Фонвизину. По раздѣлу имѣнїя онъ лично достался Н. С. Ржевской и, взятый ею «для комнатныхъ услугъ», обнаружилъ сильное желаніе учиться. Поэтому его опредѣлили сначала въ тверское училище, а потомъ перевели въ тверскую гимназію, гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ 1864 году съ золотою медалью. Затѣмъ покойный поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета и, выпущенный оттуда первымъ кандидатомъ (1868 г.), занималъ мѣсто учителя и инспектора вяземской гимназіи (1869—1875 гг.), исполнялъ должность директора въ алферовской, новинской и торжковской учительскихъ семинаріяхъ (1875—1885 гг.), былъ окружнымъ инспекторомъ въ Москвѣ (съ 1885 г.) и, наконецъ, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія (съ 1900 г.). Имъ напечатаны: «Подробный планъ занятій въ начальной народной школѣ» (Тверь 1879—1888 гг., семь изданій), «Книга для чтенія» (Спб. 1882—1888 гг., шестнадцать изданій), «Наше родное», сборникъ статей (1885—1888 гг., семь изданій), «Русскій букварь» (1888 г.) и «Географія Россійской Имперіи», имѣвшія также много тисненій. Кромѣ того, онъ помѣстилъ рядъ педагогическихъ статей въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, изъ которыхъ особенно важна: «О реформѣ городскихъ училищъ» (1904 г., кн. 5, 8 и 9). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1911 г. № 172).

† **Брюсовъ, Е. И.** 13 юня скончался Евграфъ Ивановичъ Брюсовъ, состоявшій 35 лѣтъ лаборантомъ при физической лабораторіи московскаго университета. Родомъ изъ крестьянъ, онъ могъ получить, при содѣйствіи нѣкоторыхъ покровителей, среднее образованіе въ ярославской гимназіи и затѣмъ окончилъ курсъ на физико-математическомъ факультетѣ московскаго университета со степенью кандидата въ 1873 году. Черезъ три года онъ былъ избранъ лаборантомъ при физической лабораторіи и состоялъ въ этой должности при профессорѣ А. Г. Столѣтовѣ и затѣмъ при его преемникахъ. Ему поручалось веденіе физическаго семинарія со студентами и онъ завѣдывалъ хозяйствомъ одной изъ физическихъ лабораторій университета. Не проявляя себя самостоятельными научными работами, не стремясь къ ученымъ степенямъ, онъ добросовѣстно и старательно исполнялъ возложенныя на него обязанности и принеся, несомнѣнно, пользу многимъ поколѣніямъ студентовъ, помогая имъ въ усвоеніи курса физики и руководя ихъ занятіями по рѣшенію физическихъ задачъ и по начальной физической практикѣ. Необычайно скромный и всегда добродушный и внимательный къ студентамъ, Е. И. оставитъ по себѣ добрую память во всѣхъ его знавшихъ по университету и физическому институту. (Некрологъ см. «Русск. Вѣд.», 1911 г., № 137).

† **Гофманъ, В. В.** Въ Парижѣ покончилъ съ жизнью молодой поэтъ и беллетристъ Викторъ Викторовичъ Гофманъ. Смерть молодого—едва достигшаго 29 лѣтъ—талантливаго писателя разразилась совершенно неожиданно для всѣхъ его знавшихъ. Въ срединѣ юня онъ уѣхалъ мѣсяца на три путешествовать, черезъ Швецію и Норвегію пріѣхалъ въ Парижъ и жилъ здѣсь на одномъ изъ бульваровъ, собираясь на обратномъ пути посѣтить Лондонъ и Брюссель. Родившись въ 1882 г. и окончивъ московскій университетъ по юридическому факультету, безвременно скончавшійся писатель, не приступая къ практической дѣятельности, цѣликомъ отдался поэзіи. Началъ В. В. печататься еще будучи въ университетѣ, и теперь примкнулъ къ молодой московской школѣ поэтовъ. Въ 1905 году В. В. сталъ близко къ редакціи модерническаго московскаго ежемѣсячника «Искусство» (редакція Н. Тароватаго), который и издалъ первый томъ его поэзій—«Книгу вступленій». Книга была сочувственно встрѣчена критикой самыхъ различныхъ лагерей. Второй и послѣдній (маленькій) томикъ его стиховъ, подъ названіемъ «Искусъ», вышелъ всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, уже въ Петербургѣ, гдѣ В. В. жилъ въ послѣдніе годы, будучи членомъ редакціи «Новаго журнала для всѣхъ». Связей съ Москвой онъ впрочемъ, не порывалъ и въ тамошнихъ издательствахъ напечаталъ цѣлый рядъ переводовъ крупныхъ беллетристическихъ вещей европейскихъ писателей; хорошій знатокъ запасныхъ литературъ, онъ къ ряду изданій этого рода далъ вступительныя статьи и предисловія. Сюда же относятся и его библиографическія работы; о рядѣ западныхъ, преимущественно нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ В. В. писалъ, со свойственной ему вдумчивостью и знаніемъ предмета. Но и переводы, и библиографія были, конечно, между прочимъ. Прежде всего В. В. Гофманъ—поэтъ, можетъ быть и не очень широкій, но нѣжный и изысканный. Его «Книга вступленій»—второй томикъ «Искусъ» менѣе характеренъ—это книга умиленно-нѣжныхъ мгновеній, любовно подмѣченныхъ бѣг-

лых штриховъ. Въ разказахъ В. В. еще не успѣлъ вполне найти себя, но во всякомъ случаѣ отъ бывшей когда-то нѣкоторой искусственности—въ нихъ не осталось и слѣда. Какъ прозаикъ, В. В., видимо, старался прежде всего наблюдать и видѣть, заботился о строгой и ясной фабулѣ, но непосредственное чувство влекло его не столько къ видимому міру, сколько къ изгибамъ психологіи, особенно женской, къ которой онъ тяготѣлъ и которую тонко чувствовалъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1911 г. № 209).

† **Зноско-Боровскій, С. А.** 28 го іюля скончался въ Давосѣ 32 лѣтъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ шахматныхъ дѣятелей, Сергѣй Александровичъ Зноско-Боровскій. Зимой С. А. впервые почувствовалъ серьезное недомоганіе и въ іюнѣ, по совѣту врачей, отправился лѣчиться въ Киссингенъ. Въ лицѣ С. А. Зноско-Боровскаго, русское общество потеряло человѣка, посвятившаго свою ясную мысль, твердую волю и проникнутый рѣдкимъ чувствомъ долга трудъ культурной организаціи шахматнаго дѣла. С. А. смолоду пристрастился къ шахматамъ и, участвуя въ студентскихъ и клубныхъ состязаніяхъ конца 90-хъ и начала 900-хъ годовъ, достигъ значительной силы; но очень скоро онъ, въ силу врожденной скромности, пожертвовалъ своимъ интересомъ къ игрѣ заботамъ о развитіи другихъ, болѣе выдающихся въ его глазахъ, дарованій. Дѣятельность его началась въ небольшомъ частномъ кружкѣ, изъ котораго, благодаря его энергіи, выросло слѣб. шахматное собраніе. Въ послѣднемъ С. А. состоялъ безсѣннымъ членомъ правленія, въ качествѣ казначея (1904—1907 гг.), вице-предсѣдателя (1908 г.), предсѣдателя (1909—1910 гг.) и вновь казначея (1911 г.). При всемъ разнообразіи этихъ занятій и вмѣстѣ съ непрерывнымъ ростомъ задачъ собранія, работа С. А. оставалась всегда основанной на стремленіи обезпечить собранію репутацію безупречной, прочной и вліятельной организаціи. Скромный и здѣсь, онъ охотно уступалъ починъ другимъ, но приходило время осуществленія, и трезвый умъ С. А. придавалъ расплывчатой еще идѣ строгія и отчетливыя черты разумно поставленнаго дѣла, которое затѣмъ, безъ замѣтнаго для постороннихъ напряженія, обращалось въ такое торжество шахматнаго искусства, какъ IV всероссійскій турниръ 1905—6 гг., международный конгрессъ 1909 г., изданія сборниковъ этихъ состязаній и другихъ трудовъ, побѣды молодого поколѣнія русскихъ игроковъ за границей и т. д. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1911 г. № 206.)

† **Крюковскій, А. Ф.** 3 августа скончался писатель-драматургъ Аркадій Федоровичъ Крюковскій. Покойному принадлежитъ множество пьесъ, преимущественно переводныхъ и передѣланныхъ съ польскаго и нѣмецкаго: драма: «Въ чужой средѣ», комедіи: «Бездѣтныя», «Психопатка», «Двѣ бабочки», «Домъ вверхъ дномъ», «Зрячая напутала, слѣпой распуталъ», «Денежныя тузы», «Меблированныя комнаты Королева» и др. Изъ нихъ особеннымъ успѣхомъ пользуются «Денежныя тузы» (въ первый разъ были поставлены на сценѣ Александринскаго театра) и «Меблированныя комнаты». Вмѣстѣ съ покойнымъ М. П. Федоровымъ онъ передѣлалъ комедію-шутку «Наши адвокаты» и пьесу «Подъ ярмомъ», вмѣстѣ съ В. Александровымъ ком. «Мертвый сильнѣе живого», вмѣстѣ съ М. Ярономъ оперетку «Фаринелли». Большинство его произведеній шутки и фарсы. А. Ф. большую часть своей служебной дѣятельности провелъ въ глав-

номъ управленіи по дѣламъ печати, куда перешель изъ канцеляріи попечителя слб. учебнаго округа. Съ 1879 г. онъ былъ старшимъ помощникомъ цензора иностранной цензуры и съ 1898 г. исполнялъ обязанности драматическаго цензора. Въ 1901 г. покинулъ службу. Онъ былъ однимъ изъ организаторовъ и дѣятельныхъ членовъ общества драматическихъ писателей и его агентомъ въ Петербургѣ. Умеръ А. Ф. на 72-мъ году отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г. №12. 715).

† **Кеппенъ, П. Е.** Скончавшійся въ ночь на 5-е августа, управляющій дворомъ въ Бозѣ почившей великой княгини Александры Іосифовны, генераль-отъ-артиллеріи Павелъ Егоровичъ Кеппенъ былъ тѣсно связанъ съ жизнью учреждений, состоявшихъ когда-либо въ вѣдѣніи и подъ покровительствомъ великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Іосифовны. Назначенный въ 1879 г. адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича, онъ сталъ близкимъ семьѣ великаго князя, былъ воспитателемъ покойнаго великаго князя Вячеслава Константиновича и въ дальнѣйшей дѣятельности тщательно заботился о процвѣтаніи двора великаго князя, добросовѣстно и любовно вникая въ детали каждаго дѣла. Широкая благотворительная дѣятельность великой княгини Александры Іосифовны нашла въ немъ одного изъ лучшихъ и преданныхъ исполнителей; въ послѣдніе годы онъ неоднократно замѣщаль великую княгиню, какъ предсѣдательницу совѣта дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи, состоя членомъ этого совѣта. Дѣтскимъ пріютамъ, ихъ развитію и процвѣтанію онъ удѣлялъ свое время съ особеннымъ увлеченіемъ, будучи горячимъ поборникомъ нравственнаго и физическаго развитія дѣтей. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ жизни женскаго педагогическаго института, кронштадтской женской гимназіи и слб. гимназіи, состоявшей подъ покровительствомъ великой княгини; въ дѣлѣ обезпеченія вдовъ и сиротъ моряковъ, погибшихъ на «Русалкѣ», въ организациіи стрѣльнинской дворцовой школы садоводства, павловскаго четырехкласснаго училища, въ дѣятельности Благовѣщенскаго лазарета и др. учрежденій. При немъ впервые манежъ Мраморнаго дворца открылъ свои двери для дѣтвора, занимавшейся играми и гимнастикой. Затѣмъ онъ, сотрудничая въ молодые годы въ дѣтскихъ журналахъ, до конца своей жизни старался популяризовать знанія и недавно еще (года два-три назадъ) читалъ въ Мраморномъ дворцѣ лекціи по гигиенѣ. Покойный родился въ 1846 г., образованіе закончилъ въ плочкомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Началъ службу въ 23-й артиллерійской бригадѣ. Дворомъ великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Іосифовны управлялъ въ теченіе 23 лѣтъ. Отзывчивый, добрый и доступный, онъ оставилъ по службѣ чудную память среди всѣхъ, его знавшихъ. Онъ вникалъ въ нужды каждаго и оказывалъ всегда наиболѣе возможную помощь. Въ виду его отказа при жизни отъ вѣнковъ при погребеніи, его друзья-сослуживцы и подчиненные открыли подписку на составленіе капитала для учрежденія стипендіи его имени въ одномъ изъ пріютовъ совѣта дѣтскихъ пріютовъ, избравшаго его въ 1899 г. своимъ почетнымъ членомъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г. № 12.716.

† **Кулишъ, А. М.** Скончавшаяся 23-го іюля въ Борзнѣ украинская писательница Александра Михайловна Кулишъ (урожденная Бѣлозерская) была замужемъ за умершимъ въ 1897 году П. А. Кулишемъ, извѣстнымъ малорусскимъ поэтомъ, романистомъ, историкомъ и творцомъ украинской ореографіи. Перу скончавшейся писательницы принадлежитъ рядъ малорусскихъ повѣстей и разсказовъ, которые она подписывала псевдонимомъ «Галина Барвинокъ». Нѣсколько бытовыхъ разсказовъ и этнографическихъ очерковъ А. М. Кулишъ было напечатано въ «Кіевской Старинѣ» за 1888 г. (№ 6 и 12) и 1889 (№ 7). (Некрологъ ея: «Рѣчь» 1911 г. № 203).

† **Миллеръ, П. И.** На дачѣ въ Старомъ Петергофѣ скончался 23-го іюля товарищъ министра торговли и промышленности т. с. Павелъ Ивановичъ Миллеръ. Покойный принадлежалъ къ рѣдкимъ знатокамъ финансоваго и торговаго дѣла и пользовался обширной популярностью въ торгово-промышленной средѣ. Приглашенный бывшимъ министромъ торговли и промышленности В. И. Тимирязевымъ въ 1905 году на постъ товарища министра онъ, занимая этотъ постъ и при пріемникѣ Тимирязева С. И. Тимашевѣ, вкладывалъ въ дѣло развитія торговли и промышленности всю свою энергію и богатѣйшія знанія. Изъ его послѣднихъ работъ заслуживаетъ особеннаго вниманія проектъ улучшения нашихъ торговыхъ портовъ. Покойный окончилъ курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. Еще въ лицѣѣ онъ напечаталъ въ «Журналѣ Гражданскаго Права» научную работу «О фотографической собственности». Интересуясь экономическими вопросами, покойный по выходѣ изъ лица посвятилъ свои силы податной инспекціи съ цѣлью ознакомиться на мѣстахъ съ бытомъ русскаго народа. Онъ былъ послѣдовательно податнымъ инспекторомъ въ Тамбовской, Виленской, Ковенской и Петербургской губерніяхъ. Изучая податное дѣло П. И. сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на условіяхъ хлѣбной торговли, предпринявъ специально для этого поѣздки на нижегородскую ярмарку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Его печатные труды того времени «Хлѣбная торговля», «Транзитная торговля» и др. обратили на него вниманіе бывшего министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, который пригласилъ покойнаго въ составъ редакціи «Вѣстника Финансовъ» сперва завѣдующимъ отдѣломъ по вопросамъ торговли и промышленности, затѣмъ редакторомъ этого изданія. Вскорѣ П. И., все время печатавшій статьи и замѣтки по вопросамъ торговли, организовалъ Сѣверное торгово-телеграфное агенство и былъ командированъ въ Черногорію для урегулированія финансоваго дѣла въ княжествѣ. Затѣмъ былъ командированъ въ Гельсингфорсъ комиссаромъ на выставку и съ 1902 года былъ агентомъ министерства финансовъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, явившись преемникомъ по этой должности В. И. Тимирязева. Будучи товарищемъ министра, П. И. принималъ одновременно дѣятельное участіе въ совѣтѣ по дѣламъ торговаго мореплаванія и по горнопромышленному дѣлу, а также предсѣдательствовалъ въ комитетѣ по торговымъ дѣламъ. Покойный отличался замѣчательной трудоспособностью и о зывчивостью. (Некрологъ его: «Н вое Время» 1911 г. № 12.704).

† **Никитинъ, Ѳ. П.** Въ городѣ Вязьмѣ скончался скоропостижно 30 іюля бывшій товарищъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, тай-

ный совѣтникъ Ѳеодоръ Платоновичъ Никитинъ. Покойный былъ однимъ изъ ближайшихъ и дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ статсъ-секретаря А. С. Ермолова во время управленія имъ министерствомъ. Онъ вѣдалъ главнымъ образомъ лѣснымъ дѣломъ министерства и это дѣло при немъ замѣтно упорядочилось. Будучи товарищемъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ кн. В. А. Васильчикова, покойный руководилъ также переселенческимъ дѣломъ. При князѣ Васильчиковѣ онъ былъ вынужденъ покинуть постъ товарища главноуправляющаго. Его обвиняли въ умысленномъ представленіи на утвержденіе министра лѣсныхъ операций иностранной фирмы въ Вологодской губ., которыя оказались убыточными для казны. По этому обвиненію возникъ судебный процессъ, окончившійся оправданіемъ покойнаго. Ѳ. П. происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Херсонской губерніи, родился въ 1845 г., въ Николаевѣ. По окончаніи курса въ кievскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ первой кievской гимназіи, онъ поступилъ въ московскій университетъ, откуда вышелъ кандидатомъ математическихъ наукъ съ серебряной медалью. Въ первые годы самостоятельной дѣятельности онъ готовился къ ученой карьерѣ, но скорѣй увлекся земскимъ дѣломъ и въ 1871 г. былъ избранъ гласнымъ елисаветградскаго земства и участковымъ мировымъ судьей, въ 1874 г. — членомъ херсонской губернской земской управы. Онъ работалъ въ херсонскомъ земствѣ въ теченіе 23 лѣтъ, будучи послѣдніи десять лѣтъ председателемъ херсонской губернской земской управы. За время его председательства были организованы въ херсонскомъ земствѣ основная и текущая земская статистика, институтъ санитарныхъ врачей, улучшено земское ветеринарное дѣло и основанъ институтъ агрономическихъ смотрителей. Онъ принималъ также участіе въ комиссіи свѣдущихъ людей въ 1881—82 гг., въ продовольственной комиссіи по пересмотру системы взиманія податей и въ преобразованіи херсонскаго земледѣльческаго училища въ среднее учебное заведеніе. Въ 1894 г. покойный былъ назначенъ управляющимъ государственными имуществами въ харьковской губерніи, черезъ годъ по приглашенію А. С. Ермолова занялъ постъ директора лѣснаго департамента министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и въ 1898 г. сдѣлался товарищемъ министра. Какъ чловѣкъ, Ѳ. П. отличался замѣчательной трудоспособностью, энергіей и привѣтливостью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г. № 12.711).

† **Пѣвницкій, В. Ѳ.** 13-го іюля въ Кіевѣ скончался заслуженный профессоръ кievской духовной академіи Василій Ѳеодоровичъ Пѣвницкій. Покойный, сынъ священника Владимирской губерніи, родился въ 1832 году и воспитывался въ мѣстной семинаріи, откуда, какъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ отправленъ съ 1851 года для довершенія богословскаго образованія въ кievскую духовную академію. Тамъ онъ окончилъ полный курсъ вторымъ магистромъ богословія (1855 г.) и тамъ же, въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ, состоялъ профессоромъ сначала по всеобщей литературѣ (съ 6 ноября 1855 г.), а затѣмъ по кафедрѣ церковной словесности (съ 21-го мая 1862 г.) до своего увольненія (17-го іюля 1906 г.). Но и по выходѣ изъ академіи ему пришлось продолжать свою полезную дѣятельность въ качествѣ члена «предсоборнаго присутствія» (1906 — 1907 гг.), участника въ Богоявленскомъ и Кіево-Влади-

мирскомъ братствахъ. Продолжительная духовно-учебная служба В. Θ. Пѣвническаго неразрывно связывалась съ учено-литературною дѣятельностью преимущественно въ «трудахъ» кievской духовной академіи. Изъ отдѣльно изданныхъ имъ важныхъ работъ особенно извѣстны: «Св. Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила»— диссертация на степень доктора богословія (Кіевъ 1871 г.), «Св. Левъ Великій и его проповѣди» (1871 г.), «Воспоминаніе о митрополитѣ Арсеніи» (1877 г.), «Св. Ипполитъ, епископъ римскій и памятники его проповѣдничества» (1885 г.), «Приготовление къ священству и жизнь священника» (1886 г.), «Священство, основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи» (1892 и 1897 гг.—два изданія), «Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ» (1898 г.), «Сборникъ статей по вопросамъ христіанской вѣры и жизни» (Спб. 1901 г.), «Объ отношеніи къ церкви нашего образованнаго общества» (Кіевъ, 1902 г.), «О загробной жизни» (1903 г.), «Сбраникъ словъ на вечернихъ богослуженіяхъ—пассіяхъ» (1905 г.), «Церковное краснорѣчіе и его основные законы» (1906 г.), «О церковно-богослужебномъ языкѣ» (1908 г.) и др. Въ 1905 году, когда исполнилось пятидесятилѣтіе достойнаго служенія покойнаго на духовно-учебномъ поприщѣ, появилась книга: «Юбилей В. Θ. Пѣвническаго (Кіевъ, 1905 г. 175 стр.), гдѣ подробно изображено его важное значеніе для русской богословской науки и особенно для кievской духовной академіи. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1911 г. № 163)

† **Рядновъ, В. А.** 7-го іюля въ Перовѣ скончался генераль-майоръ въ отставкѣ Василій Алексѣевичъ Рядновъ. Покойный принадлежалъ къ числу заслуженныхъ лицъ русской арміи. Онъ воспитывался въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и, выпущенный въ офицеры, сначала служилъ въ рядахъ армейскаго полка, а затѣмъ воспитателемъ и ротнымъ командиромъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Москвѣ. Выйдя въ отставку, В. А. нерѣдко принималъ участіе въ московской періодической печати. Съ 1898 года стали появляться въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» его горячо написанныя статьи и «письма къ издателю» о воспитаніи военнаго юношества, о развитіи грамотности въ войскахъ, о духовно-нравственномъ просвѣщеніи солдатъ и т. п. Съ 1905 г. онъ состоялъ членомъ московскаго монархическаго собранія, нерѣдко одушевляя этотъ кружокъ своими прочувствованными рѣчами. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1911 г. № 155).

† **Садовскій, И. М. профессоръ.** 29-го іюля, въ 5 часовъ утра, скончался профессоръ Иванъ Михайловичъ Садовскій, завѣдывающій бактериологической лабораторіей ветеринарнаго управленія. Покойный, по окончаніи харьковскаго ветеринарнаго института, посвятилъ себя научной дѣятельности, работая въ родномъ для него институтѣ свыше 20-ти лѣтъ надъ различными дисциплинами ветеринарной медицины. Затѣмъ онъ перешелъ въ варшавскій ветеринарный институтъ въ качествѣ директора; административный постъ не отвлекъ его отъ научныхъ трудовъ, но исключительныя условія положенія высшихъ учебныхъ заведеній въ тѣ годы (1907—1908 г.) заставили его покинуть институтъ и перейти завѣдывающимъ ветеринарной лабораторіей. Перечисленіе многочисленныхъ трудовъ покойнаго, конечно, рациональнѣе будетъ

сдѣлать въ специальной прессѣ, но нельзя не отмѣтить участіе профессора Садовскаго, тогда еще молодого ученаго, въ известной комиссіи по вопросу о сибиреязвенныхъ вакцинахъ, комиссіи, организованной подъ руководствомъ проф. Ценковскаго. Вернувшись изъ Парижа отъ Пастера, проф. Садовскій принялъ дѣятельное участіе въ выработкѣ сибиреязвенныхъ вакцинъ, а затѣмъ и въ пропагандѣ этого научнаго метода борьбы съ сибирскою язвой. Последнее время профессоръ И. М. Садовскій былъ занятъ лабораторными экспериментами въ области серотерапіи различныхъ кровопаразитарныхъ зоболѣваній животныхъ и выработкой противолуэтической лечебной сыворотки при сифилисѣ людей. Но неожиданная смерть прервала начатыя работы. Въ лицѣ И. М. ветеринарная медицина потеряла крупную научную силу, а ветеринарная корпорація прекраснаго и незамѣнимаго товарища, всегда отзывчиваго на нужды ветеринарно-врачебнаго сословія. Проф. И. М. Садовскій умеръ 56 лѣтъ (Некрологъ его: «Рѣчь» 1911 г. № 206).

† **Самоковасовъ, Д. Я.** Въ Москвѣ скончался управляющій архивомъ министерства юстиціи, профессоръ московскаго университета и лицея цесаревича Николая, Дмитрій Яковлевичъ Самоковасовъ. Покойный былъ известенъ, какъ одинъ изъ знатоковъ русскаго права и археологъ, произведшій множество интересныхъ археологическихъ раскопокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и особенно много сдѣлавшій для выясненія численности городищъ и ихъ историческаго значенія. Имъ собрана богатѣйшая коллекція предметовъ древности, находящаяся съ 1891 г. въ московскомъ историческомъ музеѣ, составленъ къ ней подробный каталогъ съ приложеніемъ характеристики «Основаній хронологической классификаціи». Начальникомъ архива, министерства юстиціи покойный былъ послѣ смерти Н. А. Попова и за послѣднія почти двадцать лѣтъ привелъ архивъ въ образцовый порядокъ. Покойный родился въ 1843 г. По окончаніи курса по юридическому факультету въ петербургскомъ университетѣ онъ избралъ для себя карьеру ученаго и, по защитѣ диссертациі на степень магистра русскаго права, былъ приглашенъ читать лекціи въ варшавскомъ университетѣ, въ которомъ былъ сперва доцентомъ, потомъ профессоромъ по каѳедрѣ русскаго права. Одновременно онъ сталъ заниматься археологіей и раскопками. По переводѣ въ Москву онъ, будучи уже докторомъ исторіи русскаго права, читалъ этотъ предметъ въ московскомъ университетѣ сперва въ качествѣ экстраординарнаго, затѣмъ ординарнаго и заслуженнаго профессора. Въ послѣднее время читалъ исторію русскаго права въ лицей цесаревича Николая. Ему принадлежитъ рядъ печатныхъ работъ по его специальности: курсъ «Исторіи русскаго права», «Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія», «Древніе города Россіи», «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», «Исслѣдованія русскаго права» и др. Въ качествѣ авторитетнаго архивиста онъ издалъ интересное сочиненіе «Государственные архивы Западной Европы и реформа архивовъ въ Россіи» (1900 г.) въ которомъ отмѣчаетъ необходимость бережливаго отношенія къ архивнымъ цѣнностямъ Россіи. Своими цѣнными изслѣдованіями и раскопками покойный заслужилъ репутацію авторитета въ археологіи. Смерть его несомнѣнно крупная потеря для русской науки. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г. № 12, 716).

† **Шульгинъ, В. М.** 3 августа скончался начальникъ топографической съемки сѣверо-западнаго пограничнаго пространства, генераль-лейтенантъ Владимиръ Михайловичъ Шульгинъ. Покойный ѣхалъ изъ Риги на взморье, въ Маіоренгофъ, гдѣ обыкновенно проживалъ лѣтомъ у своей замужней дочери. Сѣвъ въ вагонъ, онъ передъ самымъ отходомъ поѣзда вдругъ почувствовалъ себя урно и, упавъ на диванъ, лишился чувствъ. В. М. родился въ 1838 г. и по окончаніи военнаго образованія въ 1855 г. поступилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Черезъ годъ перешелъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, которую окончилъ въ 1858 г. съ зачисленіемъ въ гвардейскую конную артиллерию. Въ 1859 г. назначенъ репетиторомъ въ Константиновское артиллерійское училище, гдѣ оставался до 1862 г., до поступленія въ геодезическій отдѣлъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Одновременно съ этимъ началъ усиленно заниматься астрономіей, посѣщая Пулковскую обсерваторію. По окончаніи высшаго образованія въ 1867 г. В. М. получилъ назначеніе въ экспедицію для градуснаго измѣренія дуги паралели 52° сѣверной широты. Черезъ годъ онъ уже назначается начальникомъ астрономическо-геодезическихъ работъ въ Казанской губ., продолжавшихся почти пять лѣтъ. Въ 1872 г. онъ назначенъ начальникомъ триангуляціи въ Курляндской губ. Отсюда въ 1881 г. получаетъ постъ начальника военно-топографическаго отдѣла восточно-сибирскаго военнаго округа и затѣмъ начальника того же отдѣла приамурскаго военнаго округа. Въ 1877 г. состоялось назначеніе его на должность начальника топографической съемки сѣверо-западнаго пограничнаго пространства, въ которой онъ и оставался до дня кончины, за исключеніемъ командировки въ 1906 г. на съемку въ Манчжурію. Въ лицѣ покойнаго ушелъ въ могилу одинъ изъ старѣйшихъ офицеровъ арміи и выдающихся знатоковъ военно-топографическаго дѣла. (Некрологъ его: «Новое Время» 1911 г. № 12.715).

въ карету, видна была ея чудная ножка въ котурнахъ, завязанныхъ на щиколкѣ.

Лербуръ усадилъ Леклера на переднюю скамейку, самъ помѣстился на заднюю, рядомъ съ своими свертками, и крикнулъ кучеру: «въ Тюильри!»

V.

Послѣ рѣзкой выходки перваго консула Фуше спокойно обдумывалъ въ своемъ кабинетѣ сдѣланныя имъ наблюденія и свои счета съ главою государства. Прежній агитаторъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которые горячатся понапрасну, и считалъ бесполезными слова, которыя не могутъ быть подкрѣплены дѣйствиємъ. Дѣйствіе—вотъ о чемъ стоитъ подумать. Если бѣ Бонапартъ приказалъ ему арестовать и выслать всѣхъ, кто еще оставался у якобинцевъ въ Парижѣ, это могло бы привести его въ движеніе. Но вѣдь Бонапартъ ограничился только жалобами. Фуше не беспокоило неудовольствіе перваго консула, однако нужно все-таки этому неудовольствію положить конецъ. Вотъ о чемъ думалъ онъ теперь, сидя въ своемъ обширномъ кабинетѣ министерства полиціи.

Бонапарта нужно натравить на роялистовъ, а не на якобинцевъ, прежнихъ союзниковъ самого Фуше. Ужъ сколько разъ онъ твердилъ генералу, что грабежи производились шуанами, эмиссарами нормандской арміи, поставщиками Фротте. Но всѣ отдѣльные факты какъ-то не складывались еще въ сильную, захватывающую картину, которая могла бы захватить генерала и принудить общественное мнѣніе сказать: вотъ виновники—это роялисты и ихъ-то и слѣдуетъ разгромить.

Фуше совсѣмъ погрузился въ свои мысли, какъ вдругъ послышалось легкое царапанье въ дверь. Министръ не успѣлъ даже сказать: войдите. То было, очевидно, близкое къ нему лицо. Пришедшій самъ отворилъ дверь и вошелъ.

То былъ невысокій человѣкъ съ прической въ видѣ голубиныхъ крыльевъ и напудренный, нисколько не похожій на того сыщика въ зеленомъ сюртукѣ, который требовалъ на дворѣ гостиницы «Черная Лошадь», чтобы жандармъ осмотрѣлъ паспорта проезжающихъ. А между тѣмъ это былъ онъ самый.

— Вы отъ Дюбуа?—спросилъ Фуше.—Что онъ говорить?

— Онъ утверждаетъ, гражданинъ-министръ, что филадельфы волнуются и что нужно сдѣлать попытку, чтобы вывести консуловъ изъ бездѣйствія.

— Онъ съ ума сошелъ!

— Отчасти онъ правъ въ своихъ намекахъ. Прежніе клубы преобразуются въ тайныя общества. Но опасность не въ этомъ. Жоржъ, какъ только пріѣхалъ въ Парижъ, сейчасъ же вошелъ въ

сношенія съ главарями роялистовъ, и правительство, къ сожалѣнію, допустило сдѣлать это безнаказанно.

— Этого желалъ первый консуль. Гдѣ живетъ Жоржъ?

— Онъ живетъ въ гостиницѣ «Сухое Дерево». Тамъ же остановились Невилль и Санъ-Режанъ.

— Вы лично удостовѣрились въ точности э-ихъ свѣдѣній?

— Да, гражданинъ-министръ. Я нанялъ въ той же гостиницѣ комнату подъ именемъ кавалера де-Лаверньера. Санъ-Режана и Невилля я уже встрѣтилъ нѣсколько дней тому назадъ по дорогѣ изъ Нормандіи. Санъ-Режанъ путешествуетъ подъ именемъ Виктора Леклера. По дорогѣ я потерялъ ихъ изъ виду, но теперъ я ихъ опять поймалъ.

— Что вамъ извѣстно относительно ихъ?

— Невилль почти не выходитъ изъ гостиницы. Санъ-Режанъ, напротивъ, дѣлаетъ много визитовъ и, между прочимъ, бываетъ у герцога де-Ривьера, маркиза Виріе и торговца модными товарами Лербура изъ улицы С.-Оноре.

— Какія у него дѣла съ этимъ Лербуромъ?

— Онъ привезъ его изъ Нормандіи на своемъ кабриолетѣ.

— Они были знакомы?

— Совсѣмъ нѣтъ. Они впервые встрѣтились за обѣденнымъ столомъ гостиницы, и Санъ-Режанъ предложилъ ему мѣсто въ кабриолетѣ, чтобы нѣсколько успокоить его: онъ смертельно боялся разбойниковъ. А затѣмъ, насколько я знаю, у него другія причины поддерживать это знакомство.

— Какія же?

— У гражданина Лербура молодая и красивая жена.

— Какого образа мыслей этотъ Лербуръ?

— О, самаго лучшаго. Онъ состоитъ поставщикомъ m-ше Бонапартъ и всего высшаго общества. Гражданки Тальенъ и Рекамье, генеральша Жюно—его постоянныя покупательницы. Онъ занимается политикой лишь для того, чтобы поддерживать правительство консуловъ.

— Знаетъ ли онъ, кто его дорожный товарищъ?

— Нѣтъ. Если бъ онъ зналъ, что тотъ явился къ нему подъ чужимъ именемъ, онъ бы его не принялъ.

— А жена его?

— Жена дѣло другое. Я повыспросилъ о ней у приказчицъ. Она благородной семьи изъ Бретани. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она вышла замужъ за Лербура, который безумно въ нее влюбился. Она слыветъ благоразумной, хотя...

— Женщина всегда благоразумна, пока ее не покинетъ благоразуміе. Санъ-Режанъ тоже изъ Бретани. Можетъ быть, они были знакомы раньше. Надо установить наблюденіе. Перейдемъ къ Жоржу. Онъ что подѣлываетъ?

— Онъ не покидаетъ Пале-Рояля. Онъ или на галереяхъ съ дѣвцами, или въ № 113 за игрой. Его такъ легко узнать, что десять моихъ агентовъ сразу указали мнѣ его. Не слѣдуетъ ли его арестовать?

— Остерегайтесь этого. Невилль, явившійся изъ Англіи, и Жоржъ, пожаловавшій изъ Бретани,—знаменательное совпаденіе. Готовится важное событіе. До сего времени его скрывали отъ меня, но теперь я знаю, въ чемъ дѣло.

— Итакъ, я буду заниматься Санъ-Режаномъ?

— Да, но не упускайте изъ виду и этихъ филадельфовъ. Первый консулъ убѣжденъ, что власти грозятъ якобинцы. Хотя я и не раздѣляю этихъ страховъ, но я не хочу, чтобы меня потомъ упрекали. Если съ этой стороны образуется заговоръ, я долженъ быть въ силахъ его распутать. Этотъ простофиля Дюбуа ничего не видитъ, ничего не знаетъ.

— Нужно добиться отъ перваго консула, чтобы онъ его смѣнилъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ можетъ попасть на способнаго человѣка, а съ глупыми управляться легче.

Фуше едва улыбнулся угломъ рта и сдѣлалъ жестъ, приглашавшій агента удалиться. Тотъ поклонился почтительно и исчезъ такъ же безшумно, какъ и пришелъ.

Гражданинъ Браконно, искусный сыщикъ, во время революціи былъ правой рукой Мальяра, принималъ участіе въ сентябрьскихъ убійствахъ, а во время террора выдвинулся среди самыхъ свирѣпыхъ гебертистовъ. Термидоръ заставилъ его помогать Жальену, а это привело его на службу къ Фуше. Тамъ онъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ: Это былъ сыщикъ до мозга костей, отдававшійся со страстью своему ремеслу. Онъ былъ строгъ и аккуратенъ въ своей профессіи.

Онъ самъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается у Лербуровъ, и, замѣчая нѣкоторое волненіе, охватившее прелестную Эмилию, понималъ, что прибытіе Санъ-Режана внесло въ этотъ домъ кое-что новое.

Сидя въ магазинѣ передъ прилавкомъ, заваленнымъ галстуками и перчатками, Браконно улыбался приказчицѣ и расточалъ передъ нею любезности во вкусѣ стараго режима.

— А, прелестная Германсія, если бъ вы только захотѣли обратить вниманіе, чего я не сдѣлалъ бы, чтобы привлечь его!

— Если васъ послушать,—отвѣчала продавщица:—глазъ не хватитъ, чтобы потомъ выплакать всѣ слезы. Мои товарки увѣряютъ, что вы обманщикъ. Да и хозяйка постоянно предостерегаетъ насъ отъ такихъ людей, какъ вы.

— А развѣ сама она принимаетъ мѣры предосторожности, которыя совѣтуетъ вамъ? Развѣ около нея не вертится пѣтушекъ съ черной головкой, который такъ ухаживаетъ за ея мужемъ...

— Ахъ, вы намекаете на Леклера? Онъ тутъ только по дѣламъ. Онъ приходитъ сюда только за порученіями. Сегодня вечеромъ онъ

долженъ ѣхать вмѣстѣ съ хозяиномъ везти шелковыя матеріи для жены перваго консула.

— Какимъ образомъ вы знаете объ этомъ, божество мое?

— Очень просто. Миѣ было поручено завернуть образчики, и при этомъ хозяинъ сказалъ: «Если гражданка Бонапартъ введетъ въ моду эти ліонскія ткани, это дастъ намъ цѣлое состояніе».

— О, я знаю, что гражданка Бонапартъ желала бы создать настоящей дворъ. Но не скоро создашь аристократію изъ бывшихъ торговокъ фруктами и прачекъ, которыя наполняютъ теперь залы Тюильри.

— Вы относитесь черезчуръ презрительно къ этимъ дамамъ. М-ше Ланнъ очень недурна собой, м-ше Мюратъ красавица, а что касается восхитительной сестры перваго консула...

— Ну, она не въ счетъ. Это настоящая красавица. Но, конечно, никому изъ нихъ не сравняться съ вами.

Онъ всталъ, и отъ этого движенія съ его парика посыпалась душистая пудра.

— Прикажете доставить къ вамъ ваши покупки, г. кавалеръ?

— Нѣтъ, прелесть моя, въ двухъ шагахъ отсюда, у церкви св. Рока меня ждетъ моя карета. Я возьму эти легкіе пакеты съ собой.

Онъ привѣтливо простился съ продавщицей и вышелъ изъ магазина.

«Ходу, Браконно, ходу—думалъ онъ.—Прежде всего перемѣнимъ прическу и костюмъ. Дѣло въ томъ, чтобы съ шести часовъ вечера не упускать изъ виду «Bonnet Bleu». Если Санъ-Режанъ отправляется въ Тюильри, то, конечно, не затѣмъ, чтобы показывать Жозефинѣ образчики шелковыхъ матерій. Но я буду на сторожѣ, что бы онъ ни замышлялъ».

Повернувъ въ улицу Сурдьеръ, сыщикъ пошелъ быстрѣе. Онъ свернулъ на Мельничную Горку и направился къ домику, имѣвшему весьма дряхлый видъ. Черезъ полчаса онъ вышелъ оттуда въ костюмѣ muscadin, въ узкихъ панталонахъ и въ камзолѣ съ длинными фалдами. Отъ прежняго старичка въ шелковой одеждѣ не осталось ничего.

Когда мальчикъ магазина Лербура окончилъ около семи часовъ укладку шелковыхъ матерій въ карету, на крыльцѣ показалась Эмилиа въ сопровожденіи мужа и Санъ-Режана.

— Ну, гражданинъ, садитесь съ моей женой,—сказалъ Лербуръ, дружески хлопывая его по плечу.

Санъ-Режанъ помѣстился на передней скамейкѣ.

— А, вы не хотите меня слушать,—сказалъ Лербуръ.—Хорошо. ѣхать недолго. Въ Тюильри.

Въ каретѣ Санъ-Режанъ осторожно взялъ руку Эмилии и тихонько ее пожалъ. Ручка молодой женщины попробовала было сопротивляться, но затѣмъ рѣшила покориться, и Санъ-Режанъ почувствовалъ, какъ жаръ этой нѣжной ручки охватываетъ его сердце.

Лербуръ принялся болтать, но они не слушали его, занятые самими собою и всецѣло поглощенные новыми сильными впечатлѣніями.

— Вотъ мы и пріѣхали,—вдругъ сказалъ торговецъ.

Обѣ руки разъединились. Молодые люди обмѣнялись взглядомъ. Они вышли изъ кареты передъ гренадеромъ консульской гвардіи, стоявшимъ на часахъ.

— Гражданинъ Леклеръ, передайте мнѣ эти матеріи. Эмилія, дитя мое, выходи. Захвати кружева. Кучеръ, дожидайтесь насъ здѣсь.

Они прошли во дворъ и вступили въ вестибюль. Внизу ихъ встрѣтилъ дежурный офицеръ. Лербуръ важно спросилъ его:

— Можно видѣть генеральшу Бонапартъ?

— Потрудитесь подняться въ первый этажъ. Тамъ вы скажете...

Когда они поднялись, имъ навстрѣчу поднялся лакей.

— Я гражданинъ Лербуръ. М-ме Бонапартъ, вѣроятно, уже ждетъ меня.

— Мнѣ приказано провести васъ,—отвѣчала съ поклономъ лакей.—Благоволите слѣдовать за мной.

Черезъ галерею Лербуръ и его спутники прошли въ частные апартаменты жены перваго консула и остановились въ небольшой гостиной, обитой зеленой матеріей и уставленной легкими канапэ и низкими креслами съ выгнутыми ножками во вкусъ XVIII вѣка. Издалека къ нимъ долетали звуки разговора, шумъ нѣсколькихъ женскихъ голосовъ, среди которыхъ выдавался иногда голосъ, похожій болѣе на мужской. Вдругъ дверь быстро отворилась, и вошла Жозефина, веселая и пріятливая. Ее сопровождали Гортензія Богарне и м-ме Мюратъ.

На Жозефинѣ было надѣто бѣлое кисейное платье съ чудными кружевами. Смѣлый вырѣзъ открывалъ почти всю ея красивую грудь; руки были обнажены по локоть. Юбка была такъ узка, что при каждомъ движеніи ясно обрисовывались формы гибкой креолки. Свѣтлые волосы были подобраны кверху и лишь на вискахъ падали локонами. Если бъ не зубы, она могла бы поспорить въ красотѣ съ сестрой консула и даже съ самой Гортензіей. Граціознымъ жестомъ она пригласила обѣихъ молодыхъ женщинъ садиться. Она указала на табуретъ и м-ме Лербуръ и, обращаясь къ торговцу, весело спросила:

— Ну, покажите намъ ваши новинки...

Въ то же время она съ любопытствомъ разглядывала Сапъ-Резана. Она сразу замѣтила смуглый цвѣтъ его лица, красивый профиль, обрамленный каштановыми волосами, и аристократическія особенности его фигуры. По его губамъ скользнула улыбка.

— Эхотъ господинъ,—спросила она,—пріѣхалъ изъ Ліона и привезъ матеріи, которыя вы хотите мнѣ показать?

— Да, сударыня,—сказалъ мнимый Леклеръ, отвѣшивая почтительный поклонъ.

— Отлично. Кладите ихъ сюда на столъ.

— У насъ есть также чудныя кружева изъ Англии и превосходныя индiйскія ткани,—замѣтилъ Лербуръ.

И на зеленомъ диванѣ онъ разложилъ великолѣпныя кружева ручной работы, которыя вызвали изумленiе Гортензiи и m-me Мюрать. Жозефина болѣе интересовалась матерiями, которыя ей показывалъ Санъ-Режанъ, и перебирала тонкой, бѣлой рукой шелковыя лионскія ткани.

— Эта отрасль промышленности, вѣроятно, нуждается въ покровительствѣ?—спросила она.

— Да, сударыня,—тихо отвѣчалъ Санъ-Режанъ.—Городъ еще не оправился послѣ репрессiй 93-го года. Кромѣ того, явился гениальный человѣкъ, по имени Жакаръ, который изобрѣлъ станокъ, исполняющiй съ удивительной точностью работу человѣка. Промышленность Лиона оживетъ, если ее поддержать. Достаточно первому консулу ввести въ моду шелковыя одежды, чтобы фабрики заработали попрежнему.

— Вы очень толково объясняете. Нужно, чтобы Бонапартъ могъ слышать васъ самъ. Я узнаю, можно ли это...

Она поднялась и вышла изъ гостиной. Эмилиа, занятая съ Гортензiей и женой Мюрата, едва могла слѣдить за бесѣдой мнимаго Леклера. Но Лербуръ отлично понялъ, куда клонилось дѣло. Онъ быстро мигнулъ своему другу.

— Послушайте. Если первому консулу понравится ваша мысль, не забывайте меня...

— Будьте покойны. Мы не затѣмъ сюда пришли, чтобы уходить съ пустыми руками.

— Я беру этотъ волапъ и эту шаль,—сказала m-me Мюрать.—Рисунокъ, дѣйствительно, великолѣпный.

— Оставьте это платье изъ англiйскихъ кружевъ для моей матери.

— Первый консулъ желаетъ васъ видѣть,—сказала возвратившаяся Жозефина.—Оставайтесь здѣсь, а г. Лербуръ съ супругой пусть унесутъ ткани. Меньше соблазна для моей свояченицы...

Молодая женщина и ея мужъ поклонились. Лербуръ забралъ въ одну связку все свои матерiи и кружева. Эмилиа съ удивленiемъ взглянула на Санъ-Режана. Онъ былъ такъ же спокоенъ, какъ въ магазинѣ «Bonnet Bleu» и, казалось, находилъ совершенно естественной такую внезапную благосклонность. Къ ея изумленiю примѣшивалась и доля страха. Ипстниктъ говорилъ ей, что она вступила на очень опасную почву.

Ея мужъ уже собрался ѣхать. Она сдѣлала реверансъ Жозефинѣ. Санъ-Режанъ успѣлъ бросить на нее полный вѣжливости взоръ, доказывавшiй, что у него нѣтъ отъ нея секретовъ. Онъ обернулся къ Лербуру и сказалъ ему, очевидно, чтобы сохранить за собой видъ дѣлового коммерсанта.

— Мы еще поговоримъ съ вами завтра утромъ въ магазинѣ.

И онъ остался одинъ съ Жозефиной. Гортензія и m-me Мюратъ, словно по приказу, исчезли въ одну минуту. Жена перваго консула сѣла на кресло и съ улыбкой спросила молодого человѣка:

— Вы г. Санъ-Режанъ?

— Да, сударыня,—отвѣчала съ поклономъ роялистскій посланецъ.

— Г. Лербуръ не догадывается о томъ, кто вы такой?

— Совершенно. Мнѣ казалось, что будетъ лучше оставить его въ полномъ невѣдѣніи относительно моихъ намѣреній?

— Вѣрно. Эта Лербуръ отлично справилась съ своимъ порученіемъ. Она очень ловка. Я ее очень люблю. Но вы должны были явиться сюда сегодня вечеромъ вмѣстѣ съ другими. Гдѣ же ваши спутники?

— Гидъ де-Невилль и Кадудаль ждутъ на углу, около «Нантской» гостиницы, пока къ нимъ не подойдетъ человѣкъ, который махнетъ бѣлымъ платкомъ и скажетъ только одно слово: «Людовикъ»!

— Я сейчасъ прикажу послать за ними и предупрежу генерала. Подождите здѣсь.

Прислонившись къ камину, Санъ-Режанъ прислушивался къ тишинѣ дворца, стараясь уловить въ ней какой-нибудь звукъ. Но слышенъ былъ только отдаленный стукъ экипажей и размѣренный шагъ часового, расхаживавшаго по внутреннему двору.

Прошло около четверти часа. Но Санъ-Режанъ былъ покоенъ какъ за себя, такъ и за своихъ спутниковъ. Всѣ сообщенія, которыя должны были рекомендовать его Жозефинѣ, были, очевидно, ей переданы точно. Сильное вліяніе въ пользу принцевъ, которое замѣчалось вокругъ перваго консула, дѣйствительно существовало, и Жозефина, безъ сомнѣнія, имъ покровительствовала. Окажется ли Бонапартъ склоннымъ къ возстановленію короля? Что будетъ вѣрнѣе — расчетъ ли Невилля, или сомнѣнія Кадудала? Затѣмъ подвижное воображеніе Санъ-Режана направилось въ другую сторону—къ образу Эмилиі. Ему казалось, что онъ еще чувствуетъ теплое пожатіе ея руки, которымъ они обмѣнялись въ каретѣ. Увлеченный своими мечтами влюбленнаго, Санъ-Режанъ забылъ, гдѣ онъ, зачѣмъ онъ сюда пришелъ и кого ему предстояло сейчасъ увидѣть. Вдругъ дверь отворилась и въ сопровожденіи офицера появились Жоржъ и Гидъ де-Невилль. Пожавъ съ улыбкой руку Санъ-Режана, они стали возлѣ него.

— Я обязанъ, граждане, удостовѣриться,—официальнымъ тономъ сказалъ офицеръ:—что при васъ нѣтъ никакого оружія.

Жоржъ весело распахнулъ свой камзолъ, разстегнулъ жилетъ и сказалъ:

— Ни пистолета, ни кинжала, какъ видите. Впрочемъ, я разрешаю вамъ обыскать меня, если это требуется.

Гидъ и Санъ-Режанъ сдѣлали то же самое. Офицеръ поклонился и вышелъ въ сосѣдную комнату. Черезъ минуту дверь отворилась, и вошелъ побѣдитель на Аркольскомъ мосту. Лицо его было озабочено. Кивкомъ головы онъ поздоровался съ посѣтителеми.

Его сопровождалъ адъютантъ въ гусарской формѣ, который скромно отошелъ въ сторону.

— Можете удалиться, полковникъ Раппъ,—сказалъ Бонапартъ.

Раппъ сдѣлалъ гримасу и, взявшись за саблю, съ недовольнымъ видомъ сказалъ, выходя изъ комнаты:

— Я останусь здѣсь за дверью. Стоитъ сказать слово, и я здѣсь.

— Удалитесь и закройте за собою дверь.

— Нѣтъ надобности въ этомъ, генераль. Будьте покойны, я не услышу ни слова.

Онъ вышелъ, оставивъ дверь полуоткрытой.

Бонапартъ свысока осмотрѣлъ троихъ эмиссаровъ и устремилъ пристальный взглядъ на крупную фигуру Жоржа. Улыбнувшись, онъ сѣлъ возлѣ камина и рукой пригласилъ посѣтителей сѣсть.

— Васъ хорошо охраняютъ, генераль,—сказалъ Гидъ де-Невилль, щелкнувъ по своему кружевному жабо.

— Къ этому меня принуждаютъ ваши принцы,—тихо возразилъ Бонапартъ.—Но что вы имѣете передать мнѣ отъ нихъ?

— Не находите ли вы, генераль,—началъ Гидъ де-Невилль:—что Франція достаточно настрадалась отъ революціи и что настало время возстановить порядокъ?

— Этимъ я и занятъ съ помощью всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ. Но вы, господа, создаете большія препятствія дѣлу, которое мы предприняли. Умирненіе Вандеи и недавно подписанное перемиріе дало странѣ возможность вздохнуть свободно. Но шайки въ Нормандіи еще не усмирены и партизаны господина Фротте еще рыщутъ по полямъ. Что нужно сдѣлать, чтобы обезпечить миръ? Вы знаете, что я не привыкъ просить помощи за границей.

— Вы великій полководецъ; и мы преклоняемся передъ вашей славой, генераль. Но наши принцы принадлежатъ къ знаменитому роду, который собралъ, увеличилъ и прославилъ Францію. Что же вы намѣрены сдѣлать для нихъ?

— Чего они желаютъ?

Кадудаль, молчавшій до сего времени и предоставлявшій говорить Невиллю, вдругъ выпрямился во весь свой могучій ростъ и, глядя прямо на перваго консула, просто сказалъ:

— Своего трона.

— А, генераль Кадудаль, вы дѣйствуете безъ подходцевъ и идете прямо къ цѣли,—сказалъ съ улыбкой Бонапартъ.—Я люблю эту манеру. Но вы чересчуръ требовательны. Ихъ трона? Во Франціи больше нѣтъ трона. Вамъ это, конечно, извѣстно.

— Можно его возстановить. Кромвель низвергъ тронъ Карла I, а Монкъ возстановилъ престолъ Карла II. Монкъ также былъ побѣдоноснымъ генераломъ.

— Онъ былъ рожденъ для того, чтобы быть подчиненнымъ, разъ онъ соглашался навязать себѣ хозяина.

Трое роялистовъ переглянулись.

— Должны ли мы,—серьезнымъ тономъ спросилъ Гидъ де-Невилль,—видѣть въ вашихъ словахъ выраженіе вашего тайнаго стремленія? Итакъ, вы сохраняете для себя тронъ, который мы требуемъ у васъ для Бурбоновъ?

Бонапартъ вздрогнулъ. Онъ посмотрѣлъ на Гида съ удивленіемъ, какъ будто онъ былъ пораженъ тѣмъ, что тотъ такъ хорошо его понималъ. Онъ тряхнулъ головой. На его гладкомъ и бѣломъ, какъ мраморъ, лбу лежало спокойствіе. Онъ закрылъ глаза, какъ бы желая скрыть свой взоръ отъ собесѣдниковъ, и твердо произнесъ:

— Для чего же тронъ? Развѣ я уже не господинъ и такъ? Развѣ все въ этой странѣ не подвластно мнѣ? Вы хорошо это знаете. Я, конечно, могу возстановить для Людовика XVIII тронъ, низвергнутый революціей. Но для чего? Развѣ не придется тогда на другой же день снова начинать борьбу со старымъ режимомъ? Развѣ король не явится опять со всѣми своими придворными и фаворитами, которыхъ Франція изгнала отъ себя и которыхъ она не желаетъ больше видѣть. Развѣ, приобрѣтя опять власть, онъ не возстановитъ всѣ привилегіи и злоупотребленія, которыя удалось искоренить только послѣ десятилѣтней борьбы, среди моря крови? Мы побѣдили Австрію и Россію, сражались съ Англіей, покорили Египетъ и пронесли наше побѣдоносное трехцвѣтное знамя черезъ сотни битвъ. Неужели вы думаете, что все это только для того, чтобы предложить всѣ эти завоеванія революціи, свободу народа и величіе его будущности выродившимся наслѣдникамъ Людовика XVI? Надѣюсь, что вы, господа, понимаете, что эта мечта неосуществима и не за этимъ же вы явились сюда.

— Наоборотъ, намъ кажется, что это единственно возможное разрѣшеніе кризиса, въ которомъ бьется теперь Франція,—твердо отвѣчалъ Гидъ де-Невилль.—Вы утверждаете, что вы теперь хозяинъ. Но добрая треть провинцій въ вашей власти. Вся мѣстность за Луарой не принадлежитъ вамъ. Большая часть юга сильно волнуется. Въ Нормандіи, вы сейчасъ сами это сказали, продолжается вооруженная борьба и дороги, не далѣе, какъ въ десяти лье отъ Парижа настолько небезопасны, что почту останавливаютъ чуть не каждый день. Шайки грабителей заходятъ даже въ крупныя поселенія, грабятъ фермы и замки, и ваши подвижныя колонны не въ состояніи справиться съ ними. Кромѣ того, вездѣ, гдѣ нѣтъ вашей арміи, царствуетъ безпорядокъ и неувѣренность. Правосудіе не обезпечено, религіи не существуетъ, сохраненіе собственности въ

будущемъ сомнительно, семья расштана благодаря вашимъ законамъ. Только традиціонный порядокъ, установленный монархіей, и могъ бы возстановить миръ въ этой несчастной странѣ, едва оправившейся отъ террора и еще трепещущей передъ ужасами революціи. И вотъ этотъ миръ мы и просимъ васъ возстановить. Виѣ принципа наследственной монархіи не можетъ быть ничего прочнаго, и вы это хорошо знаете. Если бѣ въ громѣ одной изъ вашихъ битвъ вы были уничтожены, то что сдѣлалось бы завтра съ правительствомъ, которое вы уредили? Образумленные вами якобинцы силою овладѣютъ властью, и сколько времени можетъ продолжаться ихъ господство? Роялисты, какъ вы знаете, тоже не положатъ оружія. Мы явились сюда, такъ какъ дѣло идетъ или о заключеніи мира, или о возобновленіи войны. Рѣшайте сами.

Бонапартъ улыбнулся и, устремивъ на Невилля взглядъ, блескъ котораго едва можно было выносить, ласково спросилъ:

— Какія же условія вы миѣ предлагаете?

— Вы явитесь въ Шербургъ съ корпусомъ, который вами будетъ выбранъ, и со всѣмъ вашимъ штабомъ навстрѣчу графу Прованскому, какъ законному королю, который будетъ носить имя Людовика XVIII. Въ награду его величество даруетъ вамъ Шамборъ, титулъ принца и шпагу коннетабля...

— Шпагу Бурбоновъ, которая продала Францію?

— Нѣтъ, шпагу Дюгесклэна, которая ее спасла.

Бонапартъ нахмурился и сказалъ:

— Съ меня достаточно шпаги Маренго.

— А! — воскликнулъ Сень-Режанъ: — если бѣ не подоспѣлъ Дезо...

— Дезо долженъ былъ подоспѣть. Такъ ему было приказано.

— Генераль, — продолжалъ молодой человѣкъ: — вы еще въ такомъ возрастѣ, когда счастье улыбается. Берегитесь, наступитъ день, когда генераль, котораго вы ждете, не подоспѣетъ!

Тѣнь легла на чело Бонапарта. Его взоръ потухъ, какъ будто въ далекомъ будущемъ онъ видѣлъ уже катастрофу. Но это настроеніе быстро разсѣялось, и онъ заговорилъ опять съ такимъ спокойствіемъ, которое поразило его собесѣдниковъ.

— Я увѣренъ въ правильности своего пути. Моя звѣзда, которую я не теряю изъ виду, ведетъ меня къ моей цѣли. Велика и славна эта цѣль. Все, что я до сихъ поръ сдѣлалъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я сдѣлаю. Я дамъ Франціи честную администрацію, непристрастное правосудіе, я верну ей религію. Я хочу, чтобы она была обширна, могущественна и велика. Могутъ ли сдѣлать это ваши принцы? Если да, то я дамъ имъ корону. Но если они хотятъ сѣсть на тронъ, чтобы повторять Людовика XVI, то это значило бы идти навстрѣчу новымъ катастрофамъ. Довольно того, что ради свободы свалилась съ плечъ одна королевская голова.

Трое роялистовъ поднялись. Они поняли, что это были рѣшающія слова. Бонапартъ серьезно поглядѣлъ на нихъ и покачалъ головой.

— Очень жаль, что такая энергія и такой талантъ, какъ у васъ, господа, употребляются на такія ничтожныя дѣла. Возвращайтесь къ принципамъ, дайте имъ отчетъ о томъ, какъ вы исполнили ихъ порученіе, и если въ васъ бьется французское сердце, проститесь съ ними. Возвращайтесь тогда ко мнѣ, и я дамъ вамъ возможность отличиться: вамъ, г. Кадудаль, въ арміи, вамъ, гг. Невилль и Сашъ-Режанъ, въ государственномъ совѣтѣ. Бросьте шуановъ, господа. Надо служить Франціи.

— Служить Франціи значитъ служить королю. Прощайте, генераль.

И они поклонились, готовясь уйти.

— Рапшъ!—крикнулъ Наполеонъ.

Полковникъ явился немедленно.

— Проводите этихъ господъ,—произнесъ первый консуль.

Онъ кивнулъ имъ головой и вышелъ изъ комнаты.

— Я къ вашимъ услугамъ, господа,—сказалъ Рапшъ.

— Мы упустили единственный случай,—прошепталъ Кадудаль, наклоняясь къ уху Санъ-Режана.—Этотъ человекъ—нашъ непримиримый врагъ. Мнѣ бы пужно было схватить его за горло и задушить.

VI.

На другой день m-me Лербуръ, спустившись въ магазинъ, услышала обрывки разговора, который вели между собою двѣ приказчицы. Германсія укладывала въ коробки кисейные галетуки, а Зоя подсчитывала билетки въ кассѣ. Обѣ болтали.

— Что касается меня,—говорила Германсія:—то мнѣ правится лейтенантъ де-Канувилль. Какъ онъ красивъ верхомъ...

— Ну, съ этими военными нельзя быть увѣренной ни въ чемъ. Затрубили трубы, и вотъ твой вопль уже гдѣ-нибудь въ Германіи или въ Италіи. Вернется ли онъ оттуда? А если вернется, то, можетъ быть, безъ руки или безъ ноги. Нѣтъ! Я предпочитаю коммерцію. Напримѣръ, красивый малый вродѣ Леклера...

— Ну, это не для тебя, моя милая...

Разговоръ прервался, такъ какъ обѣ замѣтили Эмилию.

— Г. Лербура еще нѣтъ?—спросила она.

— Онъ въ своемъ кабинетѣ съ г. Леклеромъ,—отвѣчала Германсія.

Хозяйка «Bonnet Blanc» прошла по магазину, отворила стеклянную дверь и очутилась въ уединенной комнатѣ, выходившей окнами на дворъ. Здѣсь Лербуръ хранилъ свои книги, модные журналы и

образцы матерій. Около конторки, заваленной лентами и кусками бархата, стоялъ Санъ-Режанъ.

Лербуръ съ озабоченнымъ видомъ толковалъ своему собесѣднику о цѣнахъ.

— Когда вы будете въ Лионъ, вы сдѣлаете дѣло съ этими сортами бархата. Покопчивъ съ этимъ, воспользуйтесь вашимъ пребываніемъ въ этой мѣстности и съѣздите въ Сантъ-Этьеннъ за лентами. Можно сдѣлать хорошее дѣло. На платья теперь начинаютъ ставить много лентъ. Зимой это будетъ модой. Нужно закупить большія партіи теперь же, пока торговля лентами еще въ упадкѣ. Забирайте все, что можно, да прицѣнитесь къ обшивкамъ. Генераль Бонапартъ хочетъ сдѣлать мундиры арміи болѣе красивыми. Онъ ничего вамъ не говорилъ объ этомъ во время аудіенціи?

Санъ-Режанъ поклонился вошедшей m-me Лербуръ и сказалъ, обращаясь къ торговцу.

— Нѣтъ, ничего. Онъ спрашивалъ о лионской шелковой промышленности, которая его очень интересуетъ. Онъ хочетъ приказать всѣмъ чиновникамъ имперіи носить шелки и бархаты, чтобы обезпечить сбытъ для второго по величинѣ города Франціи.

— Великій человѣкъ! Онъ спускается съ высоты политики, чтобы заняться дѣлами торговли! Удивительный умъ, г. Леклеръ, достойный царствовать во Франціи!

— Царствовать! Вотъ вы какъ къ этому относитесь, гражданинъ Лербуръ,—смѣясь сказалъ Санъ-Режанъ.—Неужели мы для того уничтожили королевскую власть, чтобы покоряться случайному повелителю?

— О, да!—воскликнулъ Лербуръ.—Его назначили пожизненнымъ консуломъ. И его-то намъ и нужно, чтобы быть счастливымъ!

— Ты отклонился отъ шелка и лентъ,—осторожно замѣтила Эмилиа.—Твоя политика едва ли можетъ правиться г. Леклеру.

— Ты права, ты права, какъ всегда. Но мы уже порѣшили со всѣмъ, что было снѣшнаго. И такъ какъ гражданинъ Леклеръ ѣдетъ завтра...

— Какъ! вы ѣдете!—воскликнула Эмилиа.

— Такъ нужно,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Неотложныя дѣла требуютъ моего присутствія въ Лионъ. Я остался только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе вашему мужу. А теперь нужно нагонять потерянное время. Я взялъ себѣ билетъ до Шалона, откуда я поѣду въ Лионъ уже водой.

— Но, пока что, онъ позавтракаетъ съ нами...

— Къ величайшему моему сожалѣнію, это невозможно, меня ждутъ.

— Какъ? Неужели мы больше не увидимся?

— Но почему бы гражданину Леклеру не отправиться сегодня въ навильонъ Ганновера на балъ, на который ты ѣдешь. Тамъ вы

увидите самых красивых наших дамъ. Долженъ сознаться, что мы ѣздимъ туда, чтобы слѣдить за модами. Ну, также для того, чтобы поддерживать связи. М-те Гамелинъ появляется тамъ довольно часто, да и гражданинъ Барра не гнушается бывать тамъ.

— Вы будете?—тихо спросила Санъ-Режана Эмилиа.

— Конечно. Не премину быть. Итакъ, до вечера.

Въ тотъ же самый часъ къ Фуше пріѣхалъ гражданинъ Браконно и, не докладывая о себѣ, вошелъ въ его частные апартаменты. Бывшій красобай въ халатѣ читалъ доклады въ то время, какъ его слуга надѣвалъ ему сапоги. Его лицо было блѣдно, глаза окаймлены красноватыми кругами. Онъ былъ безстрастенъ, какъ будто онъ уже умеръ. Онъ не поднималъ головы, узнавъ своего агента по походкѣ.

— Это вы, Браконно?

— Да, гражданинъ-министръ. Есть новости.

Фуше молча указалъ лакею на дверь, въ которую тотъ и исчезъ.

— Первый консулъ принималъ вчера вечеромъ въ частной аудіенціи Жоржа, Гида де-Невилля и кавалера де-Санъ-Режана.

— Ага! Кто же устроилъ это дѣло?

— Жозефина!

— Говорите всегда: м-те Бонапартъ, Браконно. Теперь вѣдь не термидоръ. Мы пережили уже брюмеръ.

— Вы ее еще очень щадите, несмотря на то, что она вамъ успѣла сдѣлать. Она измѣняетъ вамъ. Развѣ она не должна была сообщить вамъ объ этой интригѣ?

— Вѣрно, Браконно. Но я предпочитаю имѣть о ней свѣдѣнія отъ васъ, Браконно. Итакъ, вчера вечеромъ они были приняты въ Тюильри...

— Въ желтой гостиной, въ первомъ этажѣ.

— Кто ихъ туда провель?

— Санъ-Режанъ пріѣхалъ съ супругами Лербуръ.

— Я знаю ихъ. Это мои поставщики. Прекрасная Эмилиа тоже участвовала? Не замѣшалась ли въ это дѣло любовь?

— Объ этомъ я еще не имѣю свѣдѣній. Что касается Жоржа и Невилля, то они дожидались во дворцѣ. За ними былъ посланъ полковникъ Раппъ.

— Стало быть, первый консулъ былъ заранѣе предупрежденъ. Въ которомъ часу они вышли?

— Супруги Лербуръ уѣхали со своими образчиками въ девять часовъ. Трое эмиссаровъ отправились домой въ одиннадцать. Что произошло между ними и первымъ консуломъ...

— Это я знаю. Они явились, чтобы просить его возстановить Бурбоновъ и...

Фуше остановился и молча засмѣялся.

— Они очень наивны, если думаютъ, что онъ станетъ работать для другихъ, а не для себя.

— Въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ, Браконно, они еще разъ постараются убить его, какъ уже пытались нѣсколько разъ. Кто знаетъ? На этотъ разъ имъ можетъ удаться... это было бы весьма печально для меня и для всѣхъ, кто меня окружаетъ, ибо тогда властью овладѣла бы партія Люсьена Бонапарта или партія Жозефа. Въ такомъ случаѣ всего можно было бы ожидать...

— А вы сильно надѣетесь на перваго консула?

— Нѣтъ. Если онъ останется консуломъ, то... Ну, а если онъ сдѣлается императоромъ, то я ему буду очень и очень нуженъ. Въ этомъ случаѣ противъ него поднялись бы и якобинцы, и роялисты. И не съ дворцовой полиціей справиться съ ними...

— А на что вы можете рассчитывать со стороны роялистовъ?

— Относительно меня они будутъ руководствоваться собственными интересами.

— А со стороны якобинцевъ?

— Тутъ меня ждетъ эшафотъ. Эти никогда не простятъ мнѣ.

Начальникъ и его подчиненный на минуту замолчали.

— Продолжайте слѣдить за дѣйствіями этихъ трехъ лицъ,— началъ Фуше, устремляя на Браконно свой мертвенный взглядъ.— Займитесь тѣмъ, кто вамъ покажется наиболѣе дѣятельнымъ, а за другими прикажите наблюдать вашимъ людямъ и сообщайте мнѣ.

Выйдя изъ кабинета начальника, Браконно направился къ Новому мосту. Тамъ на набережной Золотыхъ дѣлъ мастеровъ онъ вошелъ въ небольшой домикъ, быстро поднялся во второй этажъ и стукнулъ въ дверь три раза съ особенными промежутками. Его впустила старуха, которую онъ отрывисто спросилъ:

— Есть письма? Былъ кто-нибудь?

— Да, заходилъ Лерибье, сегодня вечеромъ. Онъ сказалъ, что зайдетъ еще разъ. Тебѣ нужно что-нибудь передать ему?

— Тамъ посмотримъ. Викторія, давай живѣе теплой воды и помоги мнѣ одѣться.

Служанка отправилась въ кухню, взяла съ плиты котелокъ и вошла въ комнату, гдѣ на деревянныхъ болванкахъ надѣто было около дюжины париковъ разной формы и разныхъ цвѣтовъ. Въ шкапахъ висѣло множество всякаго родъ одѣяній. На туалетномъ столѣ стояли баночки съ румянами и бѣлилами, лежали щетки, щипчики и другія туалетныя принадлежности. Все это напоминало уборную какого-нибудь актера.

Браконно вошелъ въ эту комнату въ костюмѣ буржуа, съ красноватымъ лицомъ, жесткой бородой и рыжеватыми выщипанными волосами, а вышелъ изъ нея франтомъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ, выбритымъ и напудреннымъ. На головѣ у него красовалась складная шляпа, а въ рукахъ трость, не уступавшая цѣлой дубинѣ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе своей служанкѣ и, бросивъ на себя

испытующій взглядъ, вышелъ на набережную. Подпрыгивающей походкой, которая соотвѣтствовала его костюму, онъ направился въ улицу Сухого Древа, къ гостиницѣ «Красный Левъ».

Было уже около одиннадцати часовъ, и въ обѣденной залѣ многочисленные посѣтители кончали свой завтракъ. Браконно прошелъ мимо двери и направился къ маленькой конторкѣ, гдѣ хозяйка вела свои записи. Онъ дружески поклонился ей.

— А, г. кавалеръ,—фамиллярно отвѣчала та. — Вы не были у насъ цѣлую вѣчность.

— Мадамъ Бригаръ, я сдѣлалъ маленькое путешествіе. Но я только что вернулся и, какъ видите... Аббатъ де-Валори здѣсь?

— Тс! Какой тамъ аббатъ!..—тихо сказала хозяйки.

— Да! Правда! Капитанъ де-Валори! Капитанъ у васъ?

— Я сейчасъ пошлю ему сказать, что вы его спрашиваете...

— Какія, однако, предосторожности! Развѣ онъ держится на сторожѣ?

— Нужно, кажется, удвоить осторожность. Полиція такъ и рыщетъ...

— Чортъ бы ее побралъ, мадамъ Бригаръ. Неужели отъ нея нельзя имѣть покой?

— Ахъ, г. кавалеръ, этотъ Фуше—сущій дьяволъ!

— Провались онъ пропадомъ! А, вотъ и дорогой другъ...

Къ посѣтителю приближался молодой, красиво сложенный человекъ съ живыми глазами и улыбающимся лицомъ. На немъ была одежда военнаго покроя, изъ синяго драпа. Его ненапудренные волосы были прикрыты треуголкой военнаго фасона.

— А, дорогой Лаверньеръ!—вскричалъ онъ звучнымъ голосомъ. Какъ дѣла? Везетъ ли вамъ въ фараонъ? А какъ насчетъ прекрасныхъ богинь?..

— Такъ себѣ, каштанъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ Браконно.—Ну, мы тутъ только вдвоемъ и нечего намъ играть роль...

Валори осмотрѣлся кругомъ и сказалъ, отводя собесѣдника въ сторону:

— Выйдемъ лучше на улицу. Вы хотите поговорить со мной?

— Я хотѣлъ повидаться съ вами, чтобы узнать, нѣтъ ли чего-нибудь новаго.

И они направились по улицѣ Сухого Древа по набережной.

— Я собираюсь уѣхать изъ Парижа и возвратиться въ Нормандію,—сказалъ Валори.—Здѣсь мнѣ больше дѣлать нечего. Вернѣе далъ мнѣ порученіе насчетъ графства Канъ. Все занимаютъ умиротвореніемъ...

— А я ожидалъ большаго отъ нашихъ начальниковъ. Развѣ ихъ попытка у Бонапарта потерпѣла крушеніе и они впали въ отчаяніе?

— Кто вамъ сообщилъ объ этой попыткѣ?

— Вчера еще Фуше хвастался, что она не удастся. Вамъ вѣдь небезызвѣстно, что черезъ вдову Богарнэ можно разузнать все, что хочешь. А потомъ Бурьенъ продаетъ ему, — разумѣется, за хорошія деньги, — и остальные секреты политики перваго консула. Что касается меня, то я много могу слышать отъ самого министра полиціи...

— Это правда, Лаверньеръ. Вы оказали намъ большія услуги. Три раза я избѣгъ ареста только благодаря вамъ. Вы дали возможность освободить нашего друга Косте де-Санъ-Виктора, который попался такъ глупо. Тѣмъ не менѣе я не скрою отъ васъ, что у нѣкоторыхъ изъ нашихъ сотоварищей существуетъ противъ васъ предубѣжденіе, которое я едва могу разсѣять. Какимъ образомъ онъ располагаетъ такими свѣдѣніями, говорятъ они, если онъ не служить въ лагерѣ нашихъ враговъ? Нужно же ему гдѣ-нибудь добывать свѣдѣнія, возражаю я. Пусть добываетъ, гдѣ захочетъ, лишь бы только намъ отъ этого была польза! Но они продолжаютъ относиться къ вамъ недоувѣрчиво. Это настоящія обстрѣлянняя лисицы, привычныя къ выслѣживанію засадъ и западней. Они не хотятъ, чтобы я свелъ васъ съ ними.

— Неужели? — вскричалъ съ отчаяніемъ Браконно, онъ же Лаверньеръ. — И это послѣ того, какъ я далъ столько доказательствъ своей преданности! Что же теперь дѣлать?

Они дошли до самаго берега и остановились подъ высокими осинами, которыя росли почти въ самой водѣ. Они были одни. На сто шаговъ, по крайней мѣрѣ, не было видно ни одного прохожаго. Валори наклонился къ своему спутнику и съ печальнымъ выраженіемъ лица сказалъ:

— Что дѣлать? Отправляйтесь со мной въ Нормандію и такимъ образомъ дайте доказательство вашего усердія и искренности. Тамъ вамъ дадутъ дѣло. Когда вы остановите нѣсколько разъ почту, везущую пошлину съ соли, и произведете нѣсколько нападений на жандармскіе патрули, тогда васъ будутъ считать своимъ. Но если вы попрежнему будете вертѣться вокругъ нашихъ друзей въ Парижѣ, то съ вами случится нѣкоторое непріятное приключеніе... Сегодня мнѣ поручили привести васъ сюда къ рѣкѣ и всадить вамъ здѣсь пулю въ голову...

Съ этими словами капитанъ выхватилъ изъ кармана пистолеть и взглянулъ на Браконно съ такимъ грознымъ видомъ, что тотъ весь поблѣднѣлъ.

— Что за шутки, Валори! — вскричалъ онъ. — Вы, конечно, шутите!

Говоря это, агентъ Фуше не терялъ изъ вида дуло пистолета, блестящее въ двухъ шагахъ отъ его головы, и принялся рыться въ своемъ карманѣ, какъ бы, въ свою очередь, желая выхватить пистолеть.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТЪ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Философія, психологія, логика.

БОБРОВЪ, Е. Историческое введеніе въ курсъ психологіи. Варшава. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.
БУРЖУА, Ж. Магія. Спб. 1911. Ц. 1 р.
ДРЕВНЯЯ ВЫСШАЯ МАГІЯ. Теорія и практическія формулы. Ц. 1 р.
МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современ. культурной жизни. Перев. съ нѣм. съ дополн., подъ ред. проф. А. С. Догеля, Д. А. Клеменца и А. Н. Шабаловой. Вып. 14—15. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Спб. Ц. 1 р.
НОВГОРОДЦЕВЪ, П. И. проф. и ПОКРОВСКІЙ, І. А., проф. О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды. Изд. т-ва Вольфъ. Спб. Ц. 45 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БЫСТРОВЪ, М. Очерки русской литературы послѣ Пушкинскаго періода. Спб. 1911. Ц. 1 р.
СУМЦОВЪ, Н. Исторія въ Л. Н. Толстомъ и Л. Н. Толстой въ исторіи. Х. 1911. Ц. 20 к.
ЧЕВОТАРЕВСКАЯ, А. Критика о Оедорѣ Сологубѣ. Ц. 2 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

БАНГЪ, Г. Тина. М. 1911. Ц. 1 р.
БРЯНЧАНИНОВЪ, АНАТ. Старинныя и былины Печорскаго края. (Въ стихахъ). Харьковъ. 1911. Ц. 75 к.
ВЛАДИМИРОВЪ, С. Совѣсть. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
ВЛАДИМИРОВЪ, Э. и Ж. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Жермини Лассертъ. Романъ. Перев. съ франц. С. Венгеровой. Книгоизд. «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
— Тоже. Т. III. Братья Земганно. Романъ. Перев. съ франц. З. Журавской. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
ГЮИ-ДЕ-МОПАСАНЪ. Полное собраніе сочиненій. Вышелъ т. 6, 19, 21. Ц. по 1 р.
ДОСТОЕВСКІЙ, Ф. М. Собр. соч. Записки изъ подполья и др. Изд. 8-е, т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
ЖИЛЬКЭНЪ, ИВ. Ночь. Избранныя стихотворенія. Перев. С. Головачевского. Книгоизд. «Скорпионъ». Москва. 1911. Ц. 60 к.
ЗАПОЛЬСКАЯ, Г. Собр. соч. Т. VI. Молитва Господня. Перев. Бо д'Апль. Москва. 1911. Ц. 70 к.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1911 г., т. сxxv.

1/229

ЗАРИНЪ, О. Летающий пономарь. Коверъ самолета. Исторический романъ изъ время царствования Импер. Анны Иоанновны, съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

ИРИДА, художественно-литературн. сборникъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

КИСТЕМЪКЕРЪ, А. Незнакомка. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЛАЗАРЕВСКИЙ, В. А. С. браніе сочиненій. Т. II. Повѣсти и рассказы. Спб. Ц. 1 р.

ЛЕВИТОВЪ, А. И. Собрн. сочиненій. Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова. Т. II. Спб. Ц. 1 р.

МАЧТЕТЬ, Г. А. Полн. собр. сочин. Подъ ред. и съ критико-биографическимъ очеркомъ Д. П. Сильчевского. Томъ II. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МИХАЭЛИСЪ, К. Рахиль. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.

НАГРОДСКАЯ, Е. Гнѣвъ Діониса. Изд. 4-е, Ц. 1 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, ВАС. ИВ. Собрание сочиненій. Томъ IV и V. Впередъ! Историч. романъ. Изд. 5-е, т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Ц. за 2 тома 3 р.

РЕМИЗОВЪ, А. Сочиненія. Т. II. Ц. 1 р. 25 к.

САФИРЪ, М. Поцѣлуй съ препятствіями и др. рассказы. «Веселая библиотека». № 1. Спб. 1911. Ц. 10 к.

СТРИНДБЕРГЪ, А. На пути въ Дамаскъ. Драма. Спб. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

СЪВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ. Альманахъ пятый. М. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

ТВЕНЪ, М. («Веселая библиотека», № 2). Спб. 1911. Ц. 10 к.

— Избранные рассказы. Книга 1-я. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ТУРГЕНЕВЪ, И. Пунинъ и Бабуринъ. Рассказы. Ц. 30 к.

ЭГЕРІЯ. Художественно-литературный сборникъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЮР. Ф. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

ВАЛИШЕВСКИЙ, К. Первые Романовы. Перев. съ франц. Книгоизд. «Современныя Проблемы». Москва. 1911. Ц. 3 р.

ЕЛЬЧАНИНОВЪ, И. Матеріалы для генеалогіи Ярославскаго дворянства. Ярославль. 1910. Ц. 2 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

БРЮНЕЛЛИ, П. «Гражданскій истецъ». Справочная книга для лицъ, ведущихъ гражданскія и бракоразводныя дѣла во всѣхъ инстанціяхъ русскихъ судебныхъ установленій. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ГЕССЕНЪ, Я. Уставъ торговый. Дополненіе. 1911. Ц. 30 к.

БУБНОВЪ, М. Мысли и чувства. Али-Ахметъ. На Кавказѣ. Киевъ. 1911. Ц. 80 к.

ГУЛИШАМБАРОВЪ, С. Международный торговый обмѣнъ и участіе въ немъ Россіи въ царствованіе Императора Александра III, 1881—1894 гг. Ц. 2 р.

ЗАМЫСЛОВСКИЙ, Г. «Умученные отъ жидовъ». Саратовское дѣло. По актамъ подлиннаго производства. Харьковъ. 1911. Ц. 15 к.

КАНТОРОВИЧЪ, Я. Законы о состояніяхъ. Съ разъясненіями. Изд. 2. Спб. 1911. Ц. 5 р. 50 к.

НОЛЬКЕНЪ, А. Уставъ о векселяхъ. Изд. 5. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ПОПОВИЧЪ, В. Оправданіе давности

и давность владѣнія въ древне-римскомъ гражданскомъ правѣ. Варшава. 1911. Ц. 75 к.

РОЗЕНГЕРЪ, д-ръ. Право интерпелляцій въ парламентахъ. Сравнительно-юридическое и политическое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. П. Б. Кленце. Спб. 1911. Ц. 1 р.

РЪШЕНІЯ Гражданскаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената. 1909. Ц. 2 р.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ Россійской Имперіи. Изд. Госуд. Типографіи. Томъ VI. Правила объ отдѣльномъ корпусѣ пограничной стражи. Спб. 1910. Ц. 10 к.

— Тоже. Уставъ таможенный. Спб. 1910. Ц. 35 к.

СЛАВЧЕНКО, М. Опыты по исторіи права Малороссіи 17 и 18 вв. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

СОВРЕМЕННЫЯ НАСТРОЕНІЯ. Отечество или народъ. Анархизмъ. Соціализмъ и пр. Симбирскъ. 1911. Ц. 10 к.

Естествознаніе и математика.

БЕРЛОВЪ, М. Н. Механическая теорія тепла. Вып. 3. Свойства паровъ воды. Рига. 1911. Ц. 2 р.

ДЖИБСОНЪ, ЧАРЛЬЗЪ, Р. Современныя научныя теоріи. Общедоступн. описаніе природы матеріи, электричества, теплоты и т. д. Перев. съ англ. Н. И. Суворова. Спб. 1910. Ц. 75 к.

ИГНАТЬЕВЪ, Е. Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи и гео-

логіи, съ 332 рис. и 6 картинами въ краскахъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. 5 р.

КОЛЬБРАУШЪ, Ф. Введеніе въ дифференціальное и интегральное исчисленіе и въ дифференціальныя уравненія. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КРОТКОВЪ, П. Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ОСИПОВЪ, И. Лекціи неорганической химіи. Харьковъ. 1911. Ц. 2 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ЛЕПЕШИНСКАЯ, А. и ДОБРЫНИНЪ, В. Волга. Подъ ред. А. А. Крубера. Москва. 1911. Ц. 60 к.

ПАСЕКЪ. Схематическая карта Персіи на 2 лист. съ алф. указ. Ц. 5 р.

ПОЛОЧАНИНЪ, Н. ВРЕМЕНА ГОДА, ВЪ НАРОДНЫХЪ ПОСЛОВИЦАХЪ,

ПОГОВОРКАХЪ И ПРИМЪТАХЪ. ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА. СПБ. 1911. Ц. 25 к.

ФЛОРИНСКИЙ, Т. Этнографическая карта Западнаго славянства и Западной Руси, на двухъ листахъ. Киевъ. Ц. 2 р.

Языковѣдніе.

РУДАНОВСКИЙ, В. Двѣ замѣтки по вопросамъ русскаго языковѣднія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. Сельскій скотолечебникъ. Москва. 1911. Ц. 15 к.

БОРОЗДИНЪ, В. Альбомъ равныхъ русскихъ и иностранныхъ породъ лошадей въ силуэтахъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ДЕМЕНТЬЕВЪ, В. и ТРОИЦКИЙ, А. Рациональное разведеніе, естественные способы добыванія и сбытъ въ Россіи и ваграннѣй муравьиныхъ яицъ, мурашки и мучныхъ червей. Томскъ. 1911. Ц. 50 к.

КЕРСНОВСКИЙ, А. Искусственные удобрения. Ихъ рациональное примѣненіе согласно новѣйшимъ научнымъ даннымъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

КОЛЕСНИКОВЪ, Г. Травосѣяніе въ засушливыхъ мѣстностяхъ (на юго-востокѣ Россіи). Люцернъ. Костеръ и житнякъ. М. 1911. Ц. 10 к.

КОСТЫЧЕВЪ, П. Обработка земли для посѣва хлѣбовъ и другихъ растений. Москва. 1911. Ц. 4 к.

НЕЩЕРЕТОВЪ, П. Бесѣды съ садоводами объ уходѣ за плодовымъ садомъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ПОЛОСУХИНА, А. Птицы, какъ помощники человѣка въ его борьбѣ съ вредными для плодоводства насѣкомыми. Спб. 1911. Ц. 10 к.

РО, Л. Руководство къ оцѣнкѣ и учету доходности культуры плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ШАВРОВЪ, Н. Водное хозяйство Туркестана и Закаспійской области въ связи съ проектомъ воднаго закона. Спб. 1911. Ц. 75 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ГОРЯЧКОВСКИЙ, В. Элеваторы въ Констанцѣ. Румынія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БЛАГОУПРАВОВЪ, М. О. Руководство по сапожно-башмачному ремеслу. Для ремесленниковъ, кустарей и ремеслен. школь. Москва. 1911. Ц. 50 к.

ГОЛЬСТЕНЪ, Г. Авбука негативной ретуши для фотографовъ-любителей. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ДРУЖИНИНЪ, И. Сборникъ рецептовъ по изготовленію различныхъ сортовъ простыхъ, туалетныхъ и медицинскихъ мылъ съ краткимъ описаніемъ производства. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ЛЕВИНСКИЙ, И. В. Улучшенный ручной ткацкій станокъ. Для ремесленниковъ, кустарей и ремеслен. школь. Москва. 1911. Ц. 30 к.

ЛЕВИНЪ, К., инж. Орошеніе и обводненіе земляныхъ угодій. Самара. 1911. Ц. 55 к.

ЛИДОВЪ, А. Краткій курсъ гавагого производства. Х. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

ОЛЬХИНЪ, П. Фотографированіе цвѣтовъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.

САВВИНЪ, Н. Охлажденіе рѣвца. Экспериментальное изслѣдованіе смазочно-охлаждающихъ жидкостей. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, А. П. Объ основныхъ формулахъ элементарной теории летанія. Спб. 1911. Ц. 90 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

КОСОРОТОВЪ, Д. Учебникъ токсикологіи. Спб. 1911. Ц. 2 р.

МЮЛЛЕРЪ, Г. Моя система для дамъ. Естественный путь къ укрѣпленію вѣдоря, развитію и сохраненію красоты. Ц. 1 р.

ПОПОВЪ, Н. Современная эпидемія школьныхъ самоубійцъ въ Россіи. Клиническіе матеріалы. Казань. 1911. Ц. 80 к.

ПОРФИРЬЕВЪ, С. П. Сифилисъ въ Европейской Россіи. Диссертация на степень доктора мед. Спб. 1911. Ц. 2 р. 80 к.

ХЛОПИНЪ, Г. Матеріалы по овдорвленію Россіи. Санитарное описаніе горъ Астрахани, Самары, Саратова и Царицына, съ указ. мѣръ, необходимыхъ для ихъ овдорвленія. 1911. Ц. 3 р.

Военное и морское дѣло.

АВСТРІЙСКОЕ наставленіе для производства полевыхъ поѣвдокъ Генеральнаго Штаба 1903 года. Варшава. 1911. Ц. 30 к.

ГЕРМАНСКОЕ наставленіе для производства полевыхъ поѣвдокъ Генеральнаго Штаба 14 апрѣля 1908 г. Ц. 35 к.

КРИВЕНКО, В. Тактика японской арміи. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ТАРАСОВЪ, М. Что представляетъ изъ себя армія въ стрѣлковомъ отношеніи? Спб. 1911. Ц. 85 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АДАМОВИЧЪ, С. Самоучитель по алгебрѣ. Теорія и задачи. Вып. 1-й. Ц. 40 к.
- АНДЕРСЪ. Таблицы къ книгѣ «Недостатки рѣчи». Ц. 1 р.
- ГЕЙНРИХСЪ, Г. Систематическій задачникъ по физикѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1911. Ц. 2 р. 30 к.
- ИПАТОВЪ, В. Сборникъ алгебраическихъ задачъ, съ указаніемъ способовъ рѣшенія болѣе трудныхъ изъ нихъ. М. 1911. Ц. 60 к.
- КОВАЛЬСКАЯ, А. Звѣздочка. Уроки правописанія и упражненія въ вѣтже-ніи мыслей. Второй годъ обученія. Киевъ. 1911. Ц. 30 к.
- П. Л. Сочиненія на темы по русскому языку. Вып. 1. Изд. 5-е. пересмотр. и исправл. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- САТАРОВЪ, В. Н. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Вып. 1. Для начальныхъ народныхъ училищъ. Москва. 1911. Ц. 10 к.
- ТАРАПЫГИНЪ, О. Храбрымъ безсмертіе. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военного быта и исторіи—для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, нижними чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юныхъ развѣдчиковъ, а равно и для чтенія въ народныхъ школахъ. Часть 1-я. Издано по рѣд. ген.-м. Вл. Пруссака. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Замѣчательныя историческія сооруженія: храмы, дворцы, памятники въ Москвѣ и Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ТРОИЦКІЙ, П. Краткія свѣдѣнія по космографіи. Спб. 1911. Ц. 70 к.
- ТУЛУПОВЪ, Н. и ШЕСТАКОВЪ, П. Бѣлинскій о повѣстяхъ Гоголя. М. 1911. Ц. 8 к.
- Бѣлинскій о воспитаніи и о книгахъ для дѣтскаго чтенія. Ц. 10 к.
- ШУМИЛОВСКІЙ, Л. И. Курсъ правописанія. Практич. руководство къ усвоенію главныхъ правилъ правописанія. Вып. 1. Предварительныя упражненія и правописаніе извѣняемыхъ частей рѣчи. Спб. 1911. Ц. 70 к.
- ОМИНЪ, Д. Н. Сборникъ примѣровъ для предупредительныхъ диктовокъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- ВЪ ЦАРСТВѢ ЗВѢРЕЙ. Рассказы изъ жизни животныхъ. Охота на звѣрей Е. М. Чистяковой-Вѣрь. Ц. 1 р. 35 к.
- МАЛО, ГЕКТОРЪ. Приключенія Ромена Кольбри. Перев. съ франц. Е. Д. Хирьяковой. Съ 17 рис. 2-е изд. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Спортъ, охота и игры.

- АВИАЦИОННЫЙ альманахъ на 1911 г. Ц. 40 к.
- ДЮФРЕНЪ, Ж. Руководство къ изученію шахматной игры. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Справочныя книги.

- БЕЕРЪ, Л. Вѣна. Сборникъ-путеводитель. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- БЫСТРОВЪ, З. Новѣйшія программы и правила мужскихъ гимнастій и прогимнастій, съ объяснительными записками Мин. Нар. Просв. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ГОЛЬБЕРГЪ, И. Вспомогательная аптекарская такса и такса laborum. 1911. Ц. 40 к.
- ГРЭНХАГЕНЪ, К. Б. Спутникъ на Иматру, Пунка-Харью и въ Ньюслотъ, Выборгъ, Вильманстрандъ и Сайменскій каналъ. Изд. 5-е. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- Спутникъ по Финляндіи. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- ГУСЕВЪ, П. Великое Княжество Финляндія. Путеводитель. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ДЕМЧИНСКІЙ, Н. Предполагаемая погода. Лѣто 1911. Ц. 25 к.
- КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ объ Императорскомъ Лѣсномъ институтѣ. Правила приема и программы конкурсныхъ экзаменовъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ
(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей.** Въ переплетѣ **36 рублей.** Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА
ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНИЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Делфтортъ. — Петръ Великій въ Гаагъ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убийство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолю. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьянго, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба
за
Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Важенова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта: Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

